Российская Академия Наук

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ
И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

РОССИЙСКОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ
ОБЩЕСТВО

ИНСТИТУТ
РОССИЙСКОЙ
ИСТОРИИ РАН

ФОНД
ИСТОРИЯ
ОТЕЧЕСТВА

ТРАНСНЕФТЬ

НАУКА

— 1727 —

ИСТОРИЯ РОССИИ

В ДВАДЦАТИ ТОМАХ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Нарышкин С.Е., доктор экономических наук (председатель)
Макаров Н.А., академик РАН (зам. председателя)
Петров Ю.А., член-корреспондент РАН (зам. председателя)
Артизов А.Н., доктор исторических наук
Бородкин Л.И., член-корреспондент РАН
Васильева О.Ю., академик РАО
Деревянко А.П., академик РАН
Карпов С.П., академик РАН
Крадин Н.Н., академик РАН
Левыкин А.К., кандидат исторических наук
Липкин М.А., член-корреспондент РАН
Магомедов М.М., доктор экономических наук
Могилевский К.И., кандидат исторических наук
Никифоров К.В., доктор исторических наук
Пивовар Е.И., академик РАН
Побережников И.В., член-корреспондент РАН
Полонский В.В., член-корреспондент РАН
Рынков В.М., доктор исторических наук
Сиренов А.В., член-корреспондент РАН
Тишков В.А., академик РАН
Торкунов А.В., академик РАН
Христофоров В.С., член-корреспондент РАН
Чубарьян А.О., академик РАН

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Петров Ю.А., член-корреспондент РАН (отв. редактор)
Горский А.А., доктор исторических наук (зам. отв. редактора)
Журавлев С.В., доктор исторических наук (зам. отв. редактора)
Захаров В.Н., доктор исторических наук (зам. отв. редактора)
Плех О.А., кандидат исторических наук (отв. секретарь)
Булдаков В.П., доктор исторических наук
Вовина-Лебедева В.Г., доктор исторических наук
Гайдуков П.Г., член-корреспондент РАН
Голдин В.И., доктор исторических наук
Зверев В.В., доктор исторических наук
Зубкова Е.Ю., доктор исторических наук
Кондрашин В.В., доктор исторических наук
Конявская Е.Л., доктор филологических наук
Кудряшов С.В., кандидат исторических наук
Кучкин В.А., доктор исторических наук
Лисейцев Д.В., доктор исторических наук
Мироненко С.В., член-корреспондент РАН
Пихоя Р.Г., доктор исторических наук
Редин Д.А., доктор исторических наук
Рогожин Н.М., доктор исторических наук
Соловьев К.А., доктор исторических наук
Трепавлов В.В., член-корреспондент РАН
Флоря Б.Н., член-корреспондент РАН
Христофоров И.А., доктор исторических наук
Шелохаев В.В., доктор исторических наук
Шестаков В.А., доктор исторических наук
Юрасов А.В., кандидат исторических наук

МОСКВА · НАУКА · 2025

ИСТОРИЯ РОССИИ

ТОМ 3

ГОСУДАРСТВА И НАРОДЫ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИИ В XIII — НАЧАЛЕ XVI века

НА ПУТИ К ЕДИНОМУ РУССКОМУ ГОСУДАРСТВУ

Ответственные редакторы
доктор исторических наук В. А. КУЧКИН,
доктор филологических наук Е. Л. КОНЯВСКАЯ

МОСКВА · НАУКА · 2025

УДК 93/94
ББК 63.3(2)43

Редакционная коллегия тома:
Л. А. Беляев, *А. А. Горский*, *Е. Л. Конявская* (ответственный редактор),
В. А. Кучкин (ответственный редактор), *В. В. Трепавлов*, *Б. Н. Флоря*

Рецензенты:
кандидат исторических наук *Т. А. Матасова*,
доктор филологических наук *В. М. Кириллин*

Издание подготовлено при финансовой поддержке фонда «История Отечества»

Выражаем глубокую признательность за поддержку ПАО «Транснефть» и лично Николаю Петровичу Токареву

История России: В 20 т. / Ин-т российской истории РАН. — М.: Наука, 2025. – ISBN 978-5-02-040487-8.

Т. 3: Государства и народы на территории России в XIII — начале XVI в.: На пути к единому Русском государству. — 2025. — 982 с.

ISBN 978-5-02-041028-2

Третий том 20-томного издания «История России» охватывает период истории Руси и других государств и народо на территории будущей России во второй трети XIII — начале XVI в. Данный период характеризуется завоеванием мон голами в 1237 — 1240 гг. большинства древнерусских земель и княжеств. Это господство продолжалось более 230 ле Процесс объединения русских земель под властью Москвы и рост могущества московских великих князей завершило при правлении Ивана III формированием единого Русского государства. Издание обобщает современные научные знани об этом историческом периоде. Справочный аппарат тома содержит библиографический список основных работ, исто рические карты, именной и географический указатели.

Для широкого круга читателей.

ISBN 978-5-02-040487-8
ISBN 978-5-02-041028-2 (т. 3)

© Коллектив авторов, 2025
© Институт российской истории РАН, 2025
© ФГБУ «Издательство «Наука», редакционно издательское оформление, 2025

ВВЕДЕНИЕ

Общая характеристика периода

Третий том «Истории России» посвящен истории Руси и других государств и народов на территории будущей России во второй трети XIII — начале XVI в. Данный период характеризуется завоеванием монголами во главе с ханом Батыем в 1237 — конце 1240-х годов большинства древнерусских княжеств: Рязанского, Владимирского на Клязьме, Переяславль-Залесского, Юрьевского, Ростовского, Ярославского, Угличского, Муромского, Переяславль-Русского, Черниговского, Киевского, Владимиро-Волынского, Галичского. Не завоеванными остались Смоленское, Витебское, Полоцкое, Туровское, Пинское княжества и Новгород со Псковом. В 1242 г. над завоеванными русскими княжествами было установлено господство Монгольской империи. Это господство продолжалось 238 лет (до начала 1481 г.). Оно заключалось в политическом верховенстве Монгольской империи, а с распадом в 1260-х годах этой империи — выделившейся из ее состава Золотой Орды над русскими землями. Верховенство выражалось в насаждении в главных городах Руси монгольской администрации в лице наместников-даруг (баскаков) с вооруженными отрядами; обязательном утверждении в Орде права на владения русских князей путем выдачи им ханами специальных ярлыков; перекройки политических границ русских княжеств, передачи степных и части лесостепных земель, освоенных древнерусским населением в IX — первой трети XIII в., в распоряжение кочевников. Иноземная власть укреплялась экономически, взимая поборы с покоренного населения: выплата населением «выхода», или «татарской дани» (имперская перепись 1250-х и ордынская перепись 1270-х годов), составлявшего ежегодно примерно 10—15 тыс. руб., дорогие подарки от князей за предоставление им ярлыков на княжества, дополнительные экстраординарные поборы. В первые десятилетия после Батыева завоевания Русь должна была поставлять отряды в монгольские войска и участвовать в военных походах Чингизидов. За нарушение установленных порядков завоеватели карали военными вторжениями, происходившими в среднем каждые 6—7 лет, или же казнью нелояльных князей, вызывавшихся на суды в ханские ставки.

Разгром монголами большинства древнерусских княжеств, сопровождавшийся захватом и сожжением городов и сел, массовыми убийствами населения, уводом в плен трудоспособных мужчин и женщин, установление иноземного господства привели Русь к глубокому экономическому упадку, крупным демографическим потерям, заметным перемещениям населения, повлиявшим на последующее

хозяйственное, политическое и культурное развитие Руси. Хотя Рязань, Муром, северо-восточные русские княжества и южные владения Новгорода были опустошены Батыем, они подвергались нападениям относительно короткое время (декабрь 1237 — март 1238 г. — 4 месяца). Южнорусские княжества опустошались завоевателями в течение лета 1238 — конца 1240 г. (почти 3 года). Потери здесь оказались огромными. К 1237 г. в трех старейших южнорусских княжествах Киевском, Черниговском и Переяславском насчитывалось соответственно 81, 61 и 25 городов, всего 167 городов. В составленном в конце 1440-х годов списке «А се имена всѣм градом рускым далним и ближним» в разделе «А се киевьскыи гроди», где перечислялись явно южнорусские города, упоминаются 16 городов, которые в домонгольское время входили в состав Киевского княжества, 10 — в состав Черниговского и один — в состав Переяславского княжества, всего 27 городов. Следовательно, после нашествия Батыя к 1340-м годам сохранилось лишь 16,16% городов, возникших в этих княжествах в домонгольское время. В итоге на Юге перестали существовать Киевское и Переяславское княжества, а Черниговское и Владимиро-Волынское были разорены настолько, что через 30 лет после нашествия Батыя столицей Черниговского княжества стал окраинный Брянск, а в главный центр юго-западных русских земель вместо Владимира-Волынского превратился Галич. Население южных княжеств уходило от татарских преследований на запад (в Галич, Польшу, Венгрию), восток (в Рязань), север (в Псков, Новгород, Москву). В свою очередь, население северо-восточных княжеств переселялось из периодически разоряемых ордынцами районов Ростова, Суздаля, Владимира-на-Клязьме на северную, восточную и западную периферии древней Ростовской земли, где образовывались новые княжества, не существовавшие в домонгольское вре мя. Здесь возникают такие княжества, ка Дмитровско-Галичское (1247), Костром ское (1247), Тверское (1247), Белозерско (1251), Городецкое (1263), Московско (1263—1271), княжеские столы вновь по являются в Суздальском (1238) и Старо дубском княжествах (1238, 1257). Мень шее разорение северо-восточных кня жеств по сравнению с южными, перехо сюда спасавшейся от татар части южног древнерусского населения способствова ли переносу на северо-восток названи «Русь», в IX в. обозначавшего террито рию в среднем течении Днепра. Северо Восточная Русь стала преемницей Южно Руси, и русская государственность в но вых условиях успешнее стала развиваться в Волго-Окском междуречье, чем в Дне провском бассейне, природные возмож ности которого были много богаче, че в Верхневолжском бассейне, но услови жизни людей много беднее.

Нападение Батыя на древнерусски княжества активизировало восточну политику западных соседей Руси: коро левств Швеции, Дании, Польши, Венгри Тевтонского ордена и его филиала Ливон ского ордена в Прибалтике, прибалтий ских немецких епископств, растущего Ли товского государства. Уже с конца 1230- годов они начали нападать на земли Нов города, Пскова, Полоцкого, Смоленско го, Владимиро-Волынского и Галичског княжеств. На первых порах эти нападе ния успешно отражались (освобождени Смоленска от литовцев в 1239 г., Невска битва 1240 г., Ледовое побоище 1242 г.) но с течением времени все большее числ русских земель оказывалось под управле нием Литвы, Польши, отчасти Венгрии.

В Волго-Окском междуречье в пер вые 120 лет своего господства ханска власть не позволяла русским князья резко увеличивать свои владения и уси ливаться за счет соседей. Под влияние этой власти число княжеств на Северо

Востоке увеличивалось, но территория их уменьшалась. К 1270-м годам здесь насчитывалось 14 княжеств вместо шести, существовавших в конце 1230-х годов (Владимирское, Переяславское, Юрьевское, Ростовское, Ярославское, Угличское, новые Дмитровско-Галичское, Костромское, Тверское, Белозерское, Городецкое, Московское; реставрируются Суздальское и Стародубское княжества). Правители этих княжеств соперничали между собой за увеличение людских ресурсов и расширение своих земельных владений, причем не столько путем мелких приращений, сколько путем борьбы за установление контроля над самым крупным княжеством Северо-Восточной Руси — Владимирским. В начале XIV столетия выяснилось, что эту борьбу способны вести лишь два княжества: Тверское и Московское. До 1327 г. в этом соперничестве лидировала Тверь, но после подавления зимой 1327/28 г. ханом Узбеком антиордынского восстания в Твери правление во Владимирском великом княжестве на долгие годы переходит в руки московских князей. В начале 1363 г. московские князья, пользуясь временным распадом Золотой Орды на ряд ханств и эмиратов, присоединяют Владимирское великое княжество с включенными в него в разное время до 1363 г. княжествами Переяславским, Юрьевским и частью Ростовского княжества к своим владениям. Превращение ранее управляемой территории в собственность московского великого князя существенно усилило его позиции. Обладание столь обширными землями, как земли Владимирского великого княжества, позволяло наделять земельными владениями бояр и военных слуг, служивших князьям московского дома. Это расширяло социальную базу московских правителей. Прекращались и притязания других князей на владимирский стол. После выигранной Москвой в 1375 г. войны с Тверью уже никто из князей Северо-Восточной Руси не решался претендовать на Владимир. В первой четверти XV в. московский великий князь Василий I сумел присоединить к своим землям Великое княжество Нижегородское, княжества Муромское, Тарусское, а также Мещеру, что еще больше усилило его позиции.

Борьба за верховную власть началась внутри самих московских Рюриковичей. Первоначально она шла за укрепление этой власти. Великие князья подчиняли себе людей удельных князей, а потом стали захватывать и владения родственников, княживших в уделах, ограничивать последних в приобретении новых территорий. Приращение новых земель к Москве становилось великокняжеской прерогативой, и присоединенные территории делались великокняжеским достоянием. Так было уже в последней четверти XIV в., когда к Москве были присоединены княжества Дмитровское, Угличское, Галичское (Галича Мерского), Белозерское, Моложское, Нижегородское (вместе с Суздальским), Муромское, ржевские волости Смоленского княжества, части верховских княжеств, выделившихся из Черниговского, пограничные волости Рязанского княжества, некоторые земли, принадлежавшие Орде. Удельные московские князья отвечали на притеснения мятежами и прямой борьбой за стол великого княжения. Особенно острая борьба развернулась в 1425—1453 гг. между великим князем Василием II и его старшим дядей Юрием Дмитриевичем Звенигородским и Галичским с сыновьями. Противники Василия II несколько раз лишали его великого княжения и занимали его место в Москве и Владимире, но в конце концов потерпели поражение, не получив достаточной поддержки боярства, детей боярских и горожан, а также церкви.

После победы центральной власти последовали расправы с удельными князьями. К концу правления Василия II удельная оппозиция была подавлена. Это по-

зволило преемнику Василия II Ивану III сосредоточить усилия по присоединению к своим владениям княжеств, еще сохранявших свою независимость, и разрыву вассальных отношений с Ордой. В 1463 г. он за немалую сумму присоединяет Ярославское княжество, в 1474 г. выкупает Борисоглебскую половину Ростовского княжества, в 1477/78 г. вооруженной силой присоединяет Новгородскую республику, в 1485 г. завоевывает Тверское княжество. В завещании, составленном в 1503 г., Иван III передавал своему старшему сыну Василию Москву и основную территорию Русского государства, включавшую не менее 95 городов, в их числе — Псков. Последний, оказывается, стал московским не в 1510 г., как в свое время утверждал Н. М. Карамзин, а в 1460 г. Неравномерное распределение наследства Иваном III между своими сыновьями (старшему сыну Василию переходило более 78% всех городов Русского государства, младшим сыновьям Юрию, Дмитрию, Семену и Андрею всем вместе менее 22% городов) еще не избавляло Русское государство от удельной системы, но вносило коренные изменения в отношения великого князя с удельными родственниками, создавая территориальные, экономические и военные преимущества для развития нового политического института в крупной стране — самодержавной монархической власти. Процесс формирования монархической власти, вызванный необходимостью борьбы за избавление от ордынской зависимости, и суверенное развитие русских земель в данном томе характеризуются и оцениваются двусторонне: с одной стороны, это борьба за верховенство внутри каждого из княжеств, выделение главного (или великого, старшего, большого — разные определения в различных княжествах, но одинаковые по своей сути) князя-правителя, с другой — соперничество за лидерство княжеств между собой, победа в этом соперничестве одного княжества и превращение его обладателя в государя всея Руси.

В томе излагается история государственных образований и народов на территории, которая соответствует современным границам Российской Федерации, как это определено для всей 20-томной «Истории России»[1]. Однако с учетом реалий рассматриваемого периода нельзя не затрагивать характеристику исторического развития стран и регионов, которые сегодня находятся за пределами России. В состав одних из них вошли русские земли и русское население, другие были важны с точки зрения международных контактов

Источники

В работе над третьим томом «Истории России» его авторы использовали различные типы исторических источников, начиная с письменных, написанных на древнерусском, греческом, латинском, арабском, персидском, тюркских и уйгурском языках, и кончая разнообразными памятниками материальной культуры, а также данными ДНК. Ниже следует краткая характеристика этих источников, чтобы читатель самостоятельно мог судить о том, насколько точны и достоверны материалы, привлеченные авторами тома для оценки развития русских княжеств в последних двух третях XIII в. и до 1505 г.

Летописи и акты. Главными письменными источниками, содержащими сведения о состоянии или изменении положения

[1] См.: История России. Т. 2: Государства и народы на территории России в VI — середине XIII в.: Становление и развитие Руси / Отв. ред. А. А. Горский. М., 2024. С. 6—7.

русских княжеств в период между 1242 г. и началом XVI в., являются *летописи.* Четыре древнейших русских летописных свода, на основе которых воссоздается история домонгольской Руси, — Лаврентьевская, Ипатьевская и Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, являются важнейшими источниками и по русской истории первых десятилетий после Батыева завоевания русских земель в 1237—1240 гг.

В основе Лаврентьевской летописи лежит тверской великокняжеский свод, составленный в 1305 г. при дворе великого князя владимирского Михаила Ярославича Тверского. Последняя статья летописи помечена 6813 ультрамартовским годом от так называемого «сотворения мира» и сообщает о сильнейшей грозе 23 июня 1304 г. в Костроме, где в результате удара молнии сгорел городской собор Св. Федора[2]. Основным содержанием Лаврентьевской летописи является описание событий в княжествах Северо-Восточной Руси, отчасти в Новгороде, Пскове, Рязани и Муроме, а также Орде и Литве. О южнорусских княжествах сведений почти нет, но есть большой и уникальный по своему содержанию рассказ о происшествиях в Курском княжестве (до нашествия Батыя оно входило в состав Черниговского княжества) весной 1289 — осенью 1290 г., в Лаврентьевской летописи ошибочно датированный 1283—1284 гг.[3]

О положении в юго-западных русских княжествах после их покорения Батыем рассказывается в Ипатьевской летописи, в ее заключительной части, в которой отразились местные летописные своды галичского князя Даниила Романовича и его младшего брата владимиро-волынского князя Василька Романовича. Последней статьей этого раздела Ипатьевской летописи является статья 6800 (1292) г. о смерти степанского князя Ивана Глебовича[4]. Описывая события в Галичском, Владимиро-Волынском, Киевском, Болоховском, Белзском и других древнерусских княжествах, составитель Ипатьевской летописи очень редко датировал эти события, создавая скорее не летопись, а хронограф — сборник повествований о прошлом. Исследователям приходится проводить большую предварительную работу по датировке известий Ипатьевской летописи, чтобы восстановить правильную хронологию событий и их последовательность.

Новгородская первая летопись, сохранившаяся в двух изводах (редакциях), старшем и младшем, излагает историю преимущественно Новгородской республики, которая не была завоевана монголами, но после признания большинством русских князей в 1242 г. верховной власти монгольских ханов вынуждена была считаться с изменившимися обстоятельствами, принимать участие в выплате ордынского «выхода», признавать права монгольских правителей на регулирование торговых отношений Новгорода со своими западными соседями. Новгородская первая летопись старшего извода написана на пергамене. Она рассказывает о новгородском прошлом последовательно по годам, но поскольку начальные листы рукописи, содержащей летопись, утрачены, изложение начинается с окончания статьи 6524 (1016) г., погодное повествование продолжается до статьи 6841 (1333) г. включительно, где сообщается о захвате московским князем Иваном Калитой и его союзниками новгородского Торжка и работах по возведению оборонительных укреплений Новгорода в указанное время. Далее

---

[2] ПСРЛ. Л., 1926—1928. Т. 1, вып. 1—3. Стб. 487—488.

[3] Там же. Стб. 481—482. О дате курских событий см.: *Кучкин В. А.* Летописные рассказы о слободах баскака Ахмата // Средневековая Русь. М., 1996. Вып. 1. С. 38.

[4] ПСРЛ. СПб., 1908. Т. 2. Стб. 938.

следуют написанные разными почерками и разными чернилами три статьи, датированные 6845 (1337), 6853 (1345) и 6860 (1352) гг. В них говорится о деяниях новгородского архимандрита Есифа (Иосифа), его болезни и кончине, из чего следует, что Новгородская первая летопись старшего извода составлялась в новгородском Юрьеве монастыре в окружении главы новгородского монашества архимандрита Есифа.

Новгородская первая летопись младшего извода по объему значительно превышает Новгородскую первую летопись старшего извода. Поздняя редакция памятника доводит изложение событий русской истории до 30 января 1446 г. (освящение в Новгороде архиепископом Евфимием церкви Св. Евфимия). Содержание Новгородской первой летописи младшего извода много полнее и разнообразнее содержания Новгородской первой летописи старшего извода. В первой из них наряду со сведениями о новгородских событиях есть немало данных о событиях в Литовском государстве, немецких центрах в Восточной Прибалтике, в княжествах Северо-Восточной Руси и даже в сарайской Орде.

Помимо указанных летописных памятников, для характеристики положения сохранившихся после монгольского нашествия русских княжеств, а также для анализа процесса появления на Руси, особенно Северо-Восточной, новых княжеств, не существовавших в домонгольское время, в томе привлекаются и другие, более поздние, летописные своды. Речь, в частности, идет о ряде летописей, обнаруженных в XX в. и в том же столетии изданных. Первый из таких памятников — Рогожский летописец. Найденный Н. П. Лихачевым в 1906 г. и опубликованный им в 1922 г., этот летописный свод был написан на бумаге 1440-х годов и содержал текст, кончавшийся сообщением о смерти 13 апреля 1411 г. княгини Евдокии, жены тверского великого князя Ивана Михайловича. Выяснено, что в Рогожском летописце были использованы летописные памятники, создававшиеся в Тверском княжестве. Сведения Рогожского летописца о восстании в 1327 г. в Твери против ордынских насилий, казни в 1338 г. в Орде тверского великого князя Александра Михайловича и его старшего сына Федора о противостоянии микулинских князей во главе со Всеволодом, другим сыном князя Александра Михайловича, и тверского князя Константина Михайловича — дядей Всеволода (ст. 6865–6869 гг.), моровом поветрии 6873 (1365) г., в которое умерло много тверских князей и княгинь, об успешной борьбе преемника Всеволода его брата Михаила за тверской стол за небольшими исключениями носят уникальный характер.

В 1812 г. в московском пожаре погибла Троицкая летопись, которая, по свидетельству Н. М. Карамзина, была написана на пергамене и служила ему, наряду с Лаврентьевской летописью, основным источником при изложении событий русской истории XIII—XIV вв. В начале XX в. эти выписки Н. М. Карамзина из сгоревшей Троицкой летописи были собраны воедино и напечатаны[5]. Данная публикация позволяет судить о том, в какой среде и в какое время составлялась эта летопись, на описании какого события она заканчивалась. По свидетельству Н. М. Карамзина, Троицкая летопись обрывалась описанием нападения на Москву ордынского темника Едигея в 1408 г., но, как выяснилось позднее, создавалась Троицкая летопись через несколько лет после названной даты, не ранее 1422 г. Перечень исторических событий, о которых было рассказано в этой летописи, свидетельствует о том, что Троицкая лето-

[5] ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 18. С. 1—21, 279—283.

пись составлялась в Москве в церковных кругах. Так, под 1395 г. в этой летописи было отмечено построение Сретенского монастыря «близъ града Москвы на самой велицѣй дорозѣ Володимерьской»[6]. Под 1399 г. говорится о смерти Марии, сестры Василия I, и погребении ее в церкви Св. Лазаря, приделе церкви Рождества Богородицы в Московском Кремле. Сообщается, что серпуховский князь Иван Владимирович женился весной 1401 г. в Москве на Василисе, дочери рязанского князя Федора Ольговича. Под 1406 г. в Троицкой летописи было записано, что 25 мая 1406 г. Василий I начал войну с Литвой, отпустив своих воевод к Вязьме, Серпейску и Козельску, но посланные полки успеха не добились[7].

Утраченную Троицкую летопись в определенной степени заменяет Симеоновская летопись, в начале XX в. обнаруженная и введенная в научный оборот А. А. Шахматовым. Текст этой летописи начинается с 6685 ульрамартовского (1176/1177) года, когда Всеволод Большое Гнездо разбил своих врагов у Прусковой горы, став единственным правителем во Владимирском (Владимира-на-Клязьме) княжестве, и доходит до 1493 г. (последнее известие о пожаре в Рязани 17 сентября 1493 г.). Симеоновская летопись содержит целый ряд редких и даже уникальных летописных записей о событиях в Северо-Восточной Руси и окрестных землях за период с последней четверти XII в. по начало 1490-х годов. Среди них — данные статьи 6769 (1261/1262) г. о смерти ростовского князя Андрея Владимировича; 6820 (1312/1313) г. — о кончине княгини владимирской Ксении Юрьевны, вдовы владимирского князя Ярослава Ярославича Тверского; запись за 6916 (1408/1409) г. содержит список военачальников ордынских войск под общим командованием темника Едигея, осадивших Москву в конце 1408 г.; за 6979 (1470/1471) г. — оригинальный рассказ о внутренней борьбе в Новгородской республике и походе на Новгород великого князя Ивана III Васильевича в 1471 г.; за 6986 (1477/1478) г. — подробное описание похода Ивана III на Новгород в 1477 г., ведшихся там длительных переговорах и выработанных условиях вхождения Новгорода в состав Русского государства во главе с Москвой.

Большую ценность представляют Новгородская четвертая и Софийская первая летописи. Имея общий источник — не дошедший до нашего времени общерусский летописный свод 1430-х годов, который содержал целый ряд важных свидетельств по русской истории со второй трети XIII в. и примерно по вторую треть XV в., эти два летописных памятника в третьей четверти XV в. пошли разными путями. В Новгороде Великом свод 1430-х годов продолжился записями о новгородской жизни. Среди таких записей встречаются очень редкие и ценные. Так, Новгородская четвертая летопись сообщила о том, что в 6941 (1433) г. новгородский архиепископ Евфимий построил на своем дворе в Новгороде здание с 30 дверями, «а мастеры дѣлали Нѣмецкии изъ Замориа с Новгородцкими мастеры»[8]. И перед этим известием, и после него летопись часто пишет об этом крупном новгородском церковном деятеле, по приказу которого в Новгороде возводились новые каменные церкви, а он их освящал. Такое внимание к деятельности архиепископа Евфимия ясно указывает на место написания Новгородской четвертой летописи. Это новгородская владычная кафедра. Но составителя летописи интересовали не только новгородские дела и деяния архиепископа Евфимия. Иногда

[6] Там же. С. 280.
[7] Там же. С. 281.
[8] ПСРЛ. М., 2000. Т. 4, ч. 1. С. 433.

он обращал внимание и на поведение правителей северо-восточных русских княжеств. В таком случае появлялись редкие и нестандартные известия. В частности, под 6944 (1436) г. составитель Новгородской четвертой летописи отметил, что Новгород послал своих бояр на встречу с московскими боярами, чтобы установить границы владений Новгорода и Москвы в Бежецком Верхе, Волоке Ламском и Вологде, но Василий II своих представителей не прислал[9]. Важность данного свидетельства заключается в том, что многие московские документы 1430—1450-х годов, называя указанные центры, не определяют их частей, что создает иллюзию их единства и принадлежности только Москве. На самом деле бежецкие, волоколамские и вологодские земли во второй четверти XV в. принадлежали не только Москве, но и Новгороду Великому. Ценны и свидетельства Новгородской четвертой летописи о новгородско-тверской войне, начавшейся в 1445 г. За несколько лет военных действий тверичи сумели захватить у Новгорода 50 собственно новгородских волостей и 80 волостей в Бежецком Верхе и Заборовье[10].

Софийская первая летопись, прежде всего младшего извода, следит за перипетиями борьбы за великокняжеский стол в московском княжеском доме. Эта борьба началась сразу же после смерти Василия I в 1425 г. и велась между Василием II, сыном Василия I, и старшим дядей Василия Васильевича князем звенигородским и галичским Юрием Дмитриевичем, выступавшим вместе со своими сыновьями Василием, Дмитрием Шемякой и Дмитрием Красным. Борьба между ближайшими родственниками шла 28 лет с перерывами, закончившись лишь в 1453 г. Софийская первая летопись дает одно из самых полных и подробных описаний событий тех лет. В частности, она сообщает, что в 1432 г. великий князь Василий II вернулся из Орды на Русь не один, а с ордынским царевичем Мансырь-Уланом, который и посадил Василия II на великокняжеский стол во Владимире 5 октября 1432 г.[11] А после этого великий князь обручился с Марией, дочерью серпуховского князя Ярослава Владимировича, названного в Софийской первой летописи литовским потому что несколько лет жил в эмиграции в Литве. После обручения Василий II вернул себе Дмитров, отданный было ордынским ханом Улуг-Мухаммедом Юрию Звенигородскому. Впрочем, в статье 6943 (1435) г. той же летописи сообщается, что Василий II отдал Дмитров «в вотчину» князю Василию, старшему сыну умершего Юрия Звенигородского[12].

Подробное, с мелкими деталями, не встречающимися в других летописях, описание упорной борьбы за великокняжеский стол московских князей сопровождается в Софийской первой летописи аккуратными записями о рождении сыновей в многодетной семье Василия II. Эта особенность текста позволяет говорить о том, что источником летописи после свода 1430-х годов служило московское великокняжеское летописание времен Василия II.

В 1889 г. в т. 16 ПСРЛ была опубликована летопись Авраамки. Она была найдена задолго до публикации в Полоцке, попала в библиотеку г. Вильны (современный Вильнюс), а затем была перенесена в городской архив. Рукопись с этой летописью на последнем листе имела запись, согласно которой она была написана «в лѣто 7003», т. е. в 1495 г., в Смоленске «рукою

[9] ПСРЛ. М., 2000. Т. 4, ч. 1. С. 435.
[10] Там же. С. 439, 440, 442.
[11] ПСРЛ. СПб., 1851. Т. 6. С. 264.
[12] Там же. С. 264, 266.

многогрѣшнаго раба божиа Авраамка»[13]. По имени этого писца летопись и получила свое название. Однако в 1980-х годах выяснилось, что в рукописи, содержавшей летопись Авраамки, механически соединены два памятника: летописный свод на бумаге 1460-х годов, кончавшийся статьей 6977 (1469) г., и две тетради, содержавшие другой текст, написанные другим почерком и на бумаге с филиграними конца XV — начала XVI в. Запись писца Авраамки относилась не к летописному своду, а к более позднему тексту, написанному на тетрадях, механически соединенных со сводом. Сам же свод оказывается более ранним. Он был написан в конце 1460-х годов в окружении новгородского архиепископа Ионы и отразил политические настроения в новгородском обществе перед походом на Новгород московского великого князя Ивана III, сложившиеся тогда по вопросу перехода Новгорода Великого под власть московского великого князя или польского короля. Помимо сказанного, свод содержал редкие сведения о взаимодействии с Новгородской республикой соперника Василия II звенигородского и галичского князя Дмитрия Шемяки, а после его отравления — о взаимоотношениях Новгорода с его семьей, продолжавшей жить в этом городе.

Дополнительные сведения, в частности, о деятельности митрополита Фотия, политике московских и литовских князей содержит Супрасльская летопись, ведшаяся в литовском Супрасльском монастыре и доводившая свой рассказ до 6954 (1446) г., когда князь Дмитрий Шемяка ослепил Василия II[14].

К памятникам московского великокняжеского летописания, но более позднего времени, относится и Московский великокняжеский летописный свод 1479 г. Данный свод сохранился в копии, которая была изготовлена в XVIII в. Переписчик неуверенно читал древний текст, а потому допустил много ошибок, давая невразумительные чтения и делая частые пропуски текста. Поэтому до 1920-х годов для восстановления текста свода 1479 г. исследователи обращались к Воскресенской летописи — памятнику XVI в., главным источником которой был свод 1479 г. С открытием в 1928 г. М. Н. Тихомировым Московского свода конца XV в., опубликованного им же в 1949 г. в т. 25 ПСРЛ, где основным источником оказался все тот же свод 1479 г., текст этого памятника стали реконструировать не по Воскресенской летописи, а по своду конца XV в. Свод 1479 г. создавался вскоре после важного события в русской истории: перехода Новгорода под верховную власть Ивана III[15]. Точность и обстоятельность описания, его форма свидетельствуют о том, что при создании были использованы дипломатические документы московского великокняжеского архива. Заслуживают внимания и другие свидетельства свода 1479 г.: сообщение статьи 6970 г. о времени начала самолечения Василия II, приведшего его к смерти, сообщение статьи 6977 г. об участии московских сурожан и суконников в походе русских войск на Казань[16].

Ценные сведения по русской истории с конца первой четверти XV в. и по 1488 г. включительно сохранились в Ермолинской летописи. В начале XX в. этот источник был исследован А. А. Шахматовым, который обратил внимание на упоминание в нем в ряде статей 1460—1470-х годов известного русского архитектора и строителя Василия Дмитриева сына Ермолина. По имени деда последнего летопись и по-

[13] ПСРЛ. СПб., 1889. Т. 16. Стб. 319—320.
[14] ПСРЛ. СПб., 1907. Т. 17. Стб. 1—70.
[15] ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25. С. 316—322.
[16] Там же. С. 278, 281.

лучила свое название. В ее основе лежал летописный свод, начинавшийся с истории появления славянского языка и его носителей — славян, выделения из славян руси, содержавший историю политического развития Руси до 1488 г. включительно. Последнее известие свода — сообщение о смерти митрополита Геронтия весной 1488 г., которое можно рассматривать как приписку, поскольку памятник сохранился не в подлиннике, а в копии XVI в. Основываясь на том, что в Ермолинской летописи имеются уникальные известия о Ростове и Ростовском княжестве, А. А. Шахматов пришел к заключению, что Ермолинская летопись представляет собой памятник ростовского летописания, созданный при ростовской архиепископской кафедре, в XV в. находившейся не в Ростове, а в подмосковном селе Дорогомилове. К шахматовской оценке Ермолинской летописи присоединился А. Н. Насонов. Он же установил главный источник Ермолинской летописи с ее начала и примерно до 1425 г. — составленный в 1460-х годах свод митрополита Филиппа[17]. Этот свод лег в основу и московского великокняжеского свода 1479 г. При изложении событий русской истории с 1426 по 1488 г. в Ермолинской летописи использованы другие источники, скорее всего, ростовского происхождения. Отсюда, например, появление в Ермолинской летописи саркастического рассказа о покупке Иваном III в 1463 г. Ярославского княжества и о последствиях перехода ярославцев — жителей Ростовской епархии — под власть московского великого князя.

Из поздних летописных сводов в третьем томе «Истории России» использована Никоновская летопись, названная так по своему позднему владельцу — знаменитому патриарху Никону. Основная часть этого очень объемного летописного памятника была написана, как установлено в недавнее время, в 1520 г. Составители Никоновского свода использовали много различных летописей, но тексты своих источников в неприкосновенности сохраняли редко, переделывая и дополняя их от себя в процессе редакторской работы. Подробное изложение в Никоновской летописи событий русской истории с самого ее начала и по 1520 г. делало ее удобным источником для русских историков раннего времени. В. Н. Татищев и С. М. Соловьев основывались на ней при написании своих многотомных трудов по русской истории. И только Н. М. Карамзин указал на многочисленные погрешности Никоновской летописи, заметив в то же время, что свидетельства этой летописи о княжеских столкновениях в Тверском княжестве в XIV в. являются достоверными.

Большинство из рассмотренных памятников русского летописания, использованных при написании третьего тома «Истории России», относятся к общерусским летописным сводам, в которых описывались события, происходившие в различных княжествах средневековой Руси. Только Новгородская первая летопись старшего извода, заключительный текст Ипатьевской летописи, Рогожский летописец и Ермолинская летопись содержат тексты, отразившие летописание в местных центрах (Новгороде, Ростове, Галиче, Владимире Волынском и Твери), благодаря чему и можно восстанавливать историю этих княжеств. В XV и XVI вв. появляются летописные памятники местного происхождения, которые содержат сведения о раннем прошлом своих центров. Данные таких источников также учитывались авторами настоящего издания. К подобным памятникам сравнительно позднего русского летописания относится Ростовский летописный свод XV в., открытый и опублико-

[17] *Насонов А. Н.* История русского летописания XI — начала XVIII века: Очерки и исследования. М., 1969. С. 261.

ванный А. Н. Насоновым[18]. Свод начинался со статьи 6367 (859) г. и заканчивался статьей 6999 (1490) г. Тот же исследователь изучил памятники псковского летописания и установил, что существуют не два псковских летописных свода, как считалось еще в первой трети XX в., а три, и все их напечатал[19]. Псковская первая летопись начинается с Жития князя Довмонта (под 6805 г.) и заканчивается (во второй редакции) 1547 г., где последнее известие — о пожаре в Москве (список Оболенского доходит до 7121 (1613) г.). Псковская вторая летопись начинается статьей 6367 (859) г., в которой сообщалось о призвании варягов, заканчивается статьей 6994 (1486) г., обрываясь на полуслове после сообщения об отъезде из Пскова новгородского архиепископа Геннадия. Псковская третья летопись начинается с хронографического введения и затем — статьи 6360 (852) г., основной текст доходит до 7076 (1567) г., а в Архивском списке продолжается до 7158 (1650) г. Большой вклад внес А. Н. Насонов и в изучение тверского летописания, сравнив сведения о Тверском княжестве в так называемом Тверском сборнике, изданном в 1863 г. в т. 15 ПСРЛ по списку М. П. Погодина, с данными о Твери Рогожского летописца[20]. В настоящем томе тексты привлеченных А. Н. Насоновым источников проверяются и корректируются по их оригиналам и на основании еще одного списка Тверского сборника — ГИМ. Музейское собрание. № 288 б.

Наряду с нарративными летописными источниками в третьем томе «Истории России» использован и *документальный материал*. Прежде всего это завещания и договоры русских великих и удельных князей XIV—XVI вв. Тестаменты и договорные грамоты имели государственное значение, правители русских княжеств пользовались ими при решении спорных территориальных вопросов, при организации налогового обложения, сборе военных сил, ведении судебных процессов, установлении новых повинностей, расселении на осваиваемых землях и т. п. Такие документальные источники были обнаружены в 1760-е годы среди материалов московского архива Коллегии иностранных дел, когда директором архива был назначен Герхард Фридрих Миллер. Его сотрудник Н. Н. Бантыш-Каменский в 1766—1767 гг. провел описание 285 древнейших документов МАКИД, датировал их и кратко охарактеризовал содержание. Но даже из скупых характеристик стало понятным, насколько ценный исторический материал оказался в руках исследователей. В частности, некоторые летописи сохранили записи о содержании завещания Василия II. Так, Никоновская летопись сообщала, что этот князь передал великое княжение своему старшему сыну Ивану. Сыну Юрию он завещал Дмитров, Можайск и Серпухов и все волости и села этих городов. Третий сын Василия II Андрей Большой получил Углич, Бежецкий Верх, Звенигород «и многиа иныа власти и села». Четвертому сыну Борису достались Волок Ламский, Ржева на Волге и Руза со всеми волостями и селами боярыни Марии Голтяевой. Пятый сын Андрей Меньшой получил Вологду и Заозерье. Городок Романов, многочисленные села в великом княжении, которыми в прошлом владели разные великие княгини, наследовала жена Василия II Мария Ярославна[21]. Можно представить

[18] *Насонов А. Н.* Летописный свод XV в. (по двум спискам) // Материалы по истории СССР: Вып. 1–8. Вып. 2: Документы по истории XV—XVII вв. М., 1955. С. 277—321.

[19] ПЛ. М.; Л., 1941. Вып. 1; ПЛ. М., 1955. Вып. 2.

[20] *Насонов А. Н.* Летописные памятники Тверского княжества // Изв. АН СССР. Л., 1930. № 9. С. 709–738; № 10. С. 739–773.

[21] ПСРЛ. СПб., 1901. Т. 12. С. 115.

себе чувства историков-архивистов, когда они среди бумаг МАКИД нашли оригинал завещания Василия II. Во-первых, выяснилось, что было два завещания этого князя, написанных в последние дни его жизни. Первое из них, состоявшее из 74 статей, называлось «большой грамотой», второе насчитывало 16 статей и определялось как «приписное». Во-вторых, оказалось, что эти документы гораздо подробнее кратких летописных сообщений о содержании тестамента Василия II. В «большой грамоте» говорилось не только о том, что наследником Василия II должен быть его сын Иван, но и перечислялись города с волостями и селами, которые получил Иван от отца. Их было 16, в том числе такие значительные, как Владимир-на-Клязьме, Переяславль-Залесский, Кострома, Устюг, Суздаль, Новгород Нижний. Летопись же не называла ни одного. Пропущены в летописи указания на Медынь и Хотунь — центры удела Юрия, второго сына Василия II. Нет там и сообщений о целом ряде принадлежавших ему волостей и особых турабьевских сел в Юрьеве. Во владении Андрея Большого находилась Устюжна, но летопись забывает об этом сказать, как и о принадлежности этому князю известного подмосковного села Сущевского. В летописном перечне владений Андрея Меньшого отсутствует Кубена, названная в завещании Василия II. Нет в летописи и упоминания Ростова, который Василий II завещал своей жене Марии Ярославне. Делалось очевидным, что документы содержали гораздо более точный и обширный материал о прошлом, чем летописи. Теперь, изучая Средние века русской истории, нельзя было обойти вниманием документы различных типов. И по мере археографической обработки княжеских завещаний и договоров, хранившихся в МАКИД, они стали публиковаться в серийных изданиях XVIII в. С того столетия и по настоящее время было предпринято три капитальных издания княжеских завещаний и договоров: в 1775 г. (Древняя российская вивлиофика), в 1813 г. (Собрание государственных грамот и договоров) и в 1950 г. (Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.). Хотя публикация 1950 г. не свободна от серьезных недостатков, например, при печатании упомянутых выше завещаний Василия II в «приписной» грамоте было опущено пожелание писца грамоты дьяка Василия Беды, касавшееся великой княгини Марии Ярославны: «Г(оспод)и, бл(а)гослови г(осподи)ну н(ы)не», эта публикация является лучшей из всех остальных. Л. В. Черепнин, осуществивший издание 1950 г., напечатал в нем 105 княжеских завещаний и договоров, а если считать черновые, подготовительные и отвергнутые материалы, то 130. Основную часть напечатанного составляли документы из Московского архива Коллегии иностранных дел, а внутри этой части — материалы более ранних архивов московских великих князей XIV—XV вв. Кроме того, в издании 1950 г. были использованы документы двух копийных сборников XV в., обнаруженных в XIX в., а также материалы из Литовской метрики. Такие источники следует расценивать как документы государственных архивов. Публикация Л. В. Черепнина позволила судить о том, как от 1230-х годов и до начала XVI в. росла территория Московского княжества, за счет чего обеспечивался этот рост (войны, покупки сел, волостей и даже целых княжеств, приобретения выморочных владений родственников, обмен земельными владениями между великими князьями и митрополитами, князьями и монастырями, боярские дарения), как расширялись права великих князей, особенно в дипломатической, военной, финансовой и юридической сферах, как сужалась юрисдикция князей удельных, подрывалась удельная система в целом, чтобы в конце концов исчезнуть навсегда.

Когда после разорительных походов Батыя и усмирительных военных экспедиций ордынских ханов более позднего вре-

мени Русь начала возвращаться к мирной жизни, в княжествах вновь стали строиться монастыри, появляться новые церкви, перестраиваться церковная организация в целом. Показательны в этом отношении основанные в XIII в. в Твери Отроч монастырь, в Москве Данилов монастырь, в Ярославле выросло значение Спасского монастыря, а также распространение в том же столетии и следующем института архимандритства — начальников всех монастырей в определенном княжестве (Москва, Переяславль-Залесский). Такие изменения влекли за собой появление новых документальных источников. Землю для церковной постройки можно было занять даром, но тогда от прежнего владельца нужно было получить жалованную, дарственную или вкладную грамоту. Если земля приобреталась за деньги или путем обмена, то была необходима купчая или же меновная грамота. Появление и рост корпоративной документации приводил к появлению и расширению монастырских архивов, архивов митрополитов всея Руси, архивов глав различных русских епархий, архивов крупных городов, таких как Новгород и Псков. Существование столь важных юридических сборников, как Новгородская судная грамота, Псковская судная грамота, договоры новгородцев и псковичей с Ливонским орденом, Ригой, Литовским государством, свидетельствует о существовании особых архивов в этих городах. Далеко не все из указанных архивов сохранились, как и не все документы из архивов сохранившихся. Тем не менее весь изданный до настоящего времени документальный материал, освещающий историю Руси с 1242 по 1505 г., использован в третьем томе «Истории России».

Летом 1843 г. произошло необычное событие, последствие которого ощущается вплоть до настоящего времени. При рытье в Московском Кремле погреба для хранения продуктов, предназначавшихся для царской семьи, близ дороги, соединявшей Константиноеленинскую церковь с одноименными кремлевскими воротами, был найден небольшой медный кувшин, наполненный водой и грязью. На дне кувшина, прижатые двумя кусками железной руды, были обнаружены плотно сложенные документы. Два были написаны на бумаге, 19 — на пергамене. О находке немедленно сообщили в Петербург министру двора. Тот известил об этом Николая I. Последний поручил Академии наук изучить находку. Начатое в 1843 г. изучение затянулось на многие десятилетия. Кратко его итоги могут быть сведены к следующему. Из 21 документа полностью удалось прочитать лишь четыре. В одном документе было прочитано все, за исключением двух—трех букв, восемь документов прочитаны фрагментарно, похоже, что это судебные иски и судебные решения по ним. Содержание других восьми документов установить не удается, их текст без применения специальной техники не читается. Из полностью прочитанных документов обращают на себя внимание два. Один из них — указная жалованная грамота московского великого князя Дмитрия Ивановича (будущего Донского) новоторжцу Евсевке, служнему человеку и оброчнику князя Дмитрия, переходившему из Торжка в Кострому, вотчину московского князя. В грамоте указывалось, что «блюсти» Евсевку должен был московский тысяцкий Василий Васильевич Вельяминов, дядя, т. е. воспитатель князя Дмитрия Ивановича. Грамота датируется временем после начала 1363 г., когда Кострома в составе владимирского великого княжения была присоединена к Москве, и до 17 сентября 1374 г., когда умер воспитатель Дмитрия Донского Василий Вельяминов. Вторая грамота также была выдана князем Дмитрием Ивановичем новоторжцу, на сей раз Микуле Андрееву сыну Смолину. Ему, его детям и даже его «сиротам» давался торговый и судебный иммунитет. В конце грамоты было указано, что

грамоту «правилъ» Тимофей Васильевич. Это родной брат Василия Васильевича. Константиноеленинские ворота Кремля ранее назывались Тимофеевскими. Если близ Тимофеевских ворот найдена грамота с именем Тимофея Васильевича, то это означает, что последний жил недалеко от этих ворот. Скорее всего, ворота были названы его именем, потому что рядом с ними находился его двор. В сосуде, следовательно, были спрятаны бумаги и пергамены из архива Вельяминовых. Выясняется также, что спрятаны они были в начале 1375 г. старшим сыном В. В. Вельяминова Иваном, рассорившимся с московским князем Дмитрием и бежавшим от него в феврале 1375 г. к его врагу — тверскому князю Михаилу Александровичу. Ценность двух грамот из частного архива Вельяминовых заключается в том, что они фиксируют передачу верховной властью иммунитетных прав незнатным людям, великокняжескому оброчнику Евсевке и даже «сиротам» Микулы Смолина. Между тем в современной исторической науке до сих пор утверждается, что иммунитетные грамоты на Руси выдавались только богатым землевладельцам, имевшим зависимых крестьян. Уникальны и другие документы, хранившиеся в личном архиве Вельяминовых. В частности, странный список из 10 имен во главе с десятским Степанком представляет собой список людей, входивших в десяток — низшую административно-хозяйственную единицу существовавшей на Руси еще с X в. децимальной системы, состоявшей из десятков, сотен и тысяч. Важен и документ, перечислявший несколько десятков и фиксировавший, какой рядовой человек из этих десятков брал деньги (вероятно, у десятских или у сотских) на свои хозяйственные нужды, на какой срок выдавался кредит и за какие проценты. Использование в третьем томе «Истории России» документов из государственных, корпоративных и личных архивов позволяет много точнее и объемнее оценивать историческое развитие русских княжеств после монгольского завоевания и до начала XVI в.

Литературные памятники и эпиграфика как исторические источники. Литературные памятники во многих случаях являются важными историческими источниками. В первую очередь это касается агиографических сочинений.

В. О. Ключевский, завершив труд о древнерусских северо-восточных житиях, сделал шокировавший научную общественность вывод о том, что источниковедческая ценность текстов житий не соответствует ожиданиям историков, предвкушающих получить богатый материал из «самого обильного и свежего источника». Такие ожидания были и у самого автора знаменитого труда «Древнерусские жития святых как исторический источник», рассчитывавшего использовать агиографические памятники для изучения «участия монастырей в колонизации северо-восточной Руси»[22]. И тем не менее магистерская диссертация, ставшая книгой, показала, как важны эти источники для изучения нашего прошлого, дав при этом в руки последующих поколений историков и источниковедов методику исследования памятников агиографии.

В рассматриваемый период жития еще не достигли такой степени абстрагирования, как это будет в XVI в., когда исторические реалии и при написании новых житий, и в новых редакциях, созданных ранее, исключаются, дабы освободить образ святого от всего, что не доказывает его подобие признанным святым.

Житие Михаила Черниговского имеет сложную текстологию, в том числе и в ранний период его бытования. Начальный текст, наиболее вероятно, сложился

[22] *Ключевский В. О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1988. С. I.

в 1250-е годы. Житие содержит немного исторических подробностей. Однако они есть и в этом памятнике. Здесь упоминается монгольская перепись в Черниговской земле, показано, что Михаил Всеволодович способствовал этой акции, собирал разбежавшихся людей. Ценными представляются и сведения о монгольских обрядах.

Написанное в ближайшие после смерти Александра Ярославича Житие Александра Невского чрезвычайно важный источник для получения знаний о его биографии и самой эпохе. В частности, именно в Житии называется имя матери Александра (Феодосия), содержатся уникальные подробности его важнейших побед — на Неве и на Чудском озере. Указаны детали победы над Литвой в 1245 г., не содержащиеся в летописях.

В Житии Софьи Тверской, написанном в начале XIV в., сообщается о создании в Твери первого женского монастыря, приводятся отсутствующие в летописях данные: точная дата отъезда Михаила Ярославича Тверского в Орду в 1305 г. — 1 мая, уточняется время его возвращения уже как великого князя владимирского — после 20 октября (поскольку сообщается, что он не был на похоронах сестры)[23].

Житие Михаила Ярославича — памятник ранний (создан вскоре после его захоронения в тверском Спасском соборе), хотя и сохранившийся в поздних списках. В произведении рассказано о Бортеневской битве в 1317 г., поездке в Орду. Читаются ценнейшие сведения о процедуре ханского суда. Житие написано духовником Михаила, которому были известны мельчайшие подробности последних месяцев жизни и трагической гибели князя.

Только из Жития митрополита Петра (1327) мы узнаем о ходе церковного собора в Переяславле-Залесском, о том, что средства на строительство Успенского собора в Москве Петр перед смертью передал тысяцкому Протасию, и др.

Повествование о преставлении Михаила Александровича Тверского, дошедшее до нас в летописях, восходящих к Новгородско-Софийскому своду, содержит пересказ завещания князя, которое не сохранилось.

Не требует отдельных доказательств важность информации о событиях 1380 г. в произведениях Куликовского цикла и Слове о житии и о преставлении Дмитрия Ивановича (последнее вошло в состав Новгородско-Софийского свода 1430-х годов). Характерно, что важные исторические данные можно почерпнуть не только из раннего рассказа о Куликовской битве Рогожского летописца, Симеоновской летописи и ряда других летописных сводов, но и из позднего (начала XVI в.) Сказания о Мамаевом побоище, автор которого располагал достоверными материалами о прошлом.

Житие Стефана Пермского (конец XIV — начало XV в.) Епифания Премудрого содержит описание Пермской земли — ее географических характеристик, быта и верований местного населения. Еще более «исторично» Житие Сергия Радонежского (1418), материал для которого готовился Епифанием в течение 26 лет. В Житии названы имена родителей и других близких родственников преподобного; читается рассказ о переселении семьи Сергия-Варфоломея в Радонеж из Ростовского княжества после перехода ее в московские владения. Семья и родственники Сергия ушли в Московское княжество из-за притеснений московских воевод, творивших насилие на ростовских территориях. Характерно, что эти воеводы названы по именам.

Даже произведение панегирического характера, Слово похвальное Борису

[23] См.: *Кучкин В. А.* Когда было написано Житие Софьи Ярославны Тверской? // Мир житий. М., 2002. С. 114.

Александровичу инока Фомы (ок. 1453 г.), содержит повествовательные фрагменты с уникальными данными. Так, в описании похода тверского великого князя Бориса Александровича на Ржеву называются имена воевод, не упоминаемые в летописях: боярина Константина Константиновича (Левашова), воевод Даниила Григорьевича (Собакина) и Карпа Федоровича (сын Федора Коробьина). Сообщается, что при взятии города использовались пушки. В Слове говорится о докончании между Василием Васильевичем и Дмитрием Шемякой, которое не сохранилось. Рассказывается о церковном строительстве Бориса, создании новых укреплений и резиденций, установлении придворного церемониала.

Подробности новгородской жизни XV в. раскрываются благодаря материалу литературных памятников, созданных в кругу архиепископа Евфимия II: Житию Иоанна Новгородского, Житию Михаила Клопского, Сказанию о посаднике Щиле. Из последнего мы узнаем как о фактах ростовщичества, так и непримиримом осуждении этого церковью. Это сочинение свидетельствует об усилиях церкви пропагандировать практику поминовения умерших, распространение синодиков.

Хотя Хождение за три моря Афанасия Никитина (1472/1473) посвящено его путешествию по Индии, мы приобретаем знания и по русской истории: в частности, о жизни и деятельности русских купцов, торгующих за границей.

Важен и набор переводных памятников, показывающий актуальность той или иной тематики и идеологем.

Памятники некнижной письменности — эпиграфика и берестяные грамоты, несмотря на лаконичность и фрагментарность, могут содержать историческую информацию, подтверждающую или дополняющую традиционные письменные источники. Они демонстрируют активное практическое использование письменности XIII—XV вв. не только духовными лицами, но грамотными людьми разных социальных страт, а репертуар, в зависимости от материала и предмета, на который нанесена надпись, представлен широким диапазоном текстов: от молитвенных и поминальных формул, богослужебных цитат, событий в истории церкви до надписей на надгробиях, хозяйственно-бытовых записей, а также цитат фольклорного и литературного происхождения. Ценность этих источников состоит в их аутентичности и локализованности. Так, среди граффити на стенах храмов имеется запись XV в. иеродьякона Захарии в Софии Киевской, запись XIV в. о смерти 15 июня некоего игумена новгородского Николо-Липенского монастыря (церковь Николы на Липне), граффити XIV в. на стене Св. Софии Константинопольской сообщают о визитах в Константинополь высших иерархов русской церкви и после его захвата крестоносцами в 1204 г. (надписи Филиппа Микитинича, стольника митрополита Киприана (1375—1406), и Якова Григорьевича, писаря митрополита Герасима). На стенах церкви Св. Пантелеймона в Галиче Южном сохранился комплекс юридических документов первой половины — середины XIII в., среди которых судебный иск Даниила Романовича Галичского. Структура текста свидетельствует о начальном этапе складывания формуляра судебного акта. Для истории церковнославянской службы представляют интерес богослужебные граффити-цитаты XIV—XV вв. в Софии Киевской и в новгородской церкви Успения на Волотове, свидетельствующие о времени появления и распространении на Руси так называемых «правленых» редакций богослужебных текстов. Целый ряд граффити в Софии Новгородской и других храмах (в Смоленске, Полоцке) сообщают о повседневных заботах церковного быта — о выпечке просфор для поминовения в родительские субботы; о составе храмовой библиотеки: упоминаются книги Палея, Дамаскин, Стихирарь, Триодь, Пролог, Евангелие (София Нов-

городская, церкви Спасо-Преображения в Полоцке). Важнейшим источником для изучения хозяйственно-деловой экономической и торговой деятельности и быта средневекового Новгорода и новгородской земли в XIII—XV вв. являются многочисленные берестяные грамоты — деловые документы, реестры, росписи оброка, долговые записи купцов и иные списки различных чиновников, в некоторых из них упомянуты исторические лица, как, например, представители нескольких поколений боярского рода Мишиничей. Грамота № 689 второй половины XIV в. представляет собой отчет душеприказчика о расходах по завещанию на устройство поминок, предположительно, по архиепископу Василию Калике. Берестяные грамоты содержат также сведения о военных операциях, о взаимоотношениях с Литвой, о торговых связях Новгорода с Псковом, Смоленском, с Корелой, о денежном обращении, об экономической системе, сведения о топонимике и антропонимике Руси XIII—XV вв. Фонд памятников эпиграфики и берестяных грамот представляет собой открытую систему, поскольку он ежегодно пополняется новыми текстами.

Источники по истории Золотой Орды. При изучении истории Золотой Орды перед исследователями встают труднопреодолимые препятствия. Практически не сохранилось хроник, актов, документов делопроизводства, созданных непосредственно в Орде. Исключение составляют немногие жалованные грамоты-ярлыки. Почти все известные источники об этом государстве написаны за его пределами — нередко за тысячи километров от Золотой Орды и людьми, никогда в ней не бывавшими. Основная информация исходит из арабских и персидских сочинений, многие из которых не переведены на европейские языки. В них, как правило, рассказывается о том, что происходило в городах и кочевых ставках правителей: событиях при ханском дворе, настроениях среди аристократии, посольствах, торговле, войнах, стихийных бедствиях. Но обыденная жизнь рядовых кочевников — основного населения Золотой Орды — оказывалась за пределами их внимания.

Незаменимым источником служат русские летописи, которые отразили период почти в четверть тысячелетия пребывания Руси под властью Золотой Орды. Эти тексты помогают получить представление об организации ордынского правления в завоеванных княжествах, влиянии этого правления на внутриполитическую ситуацию в русских землях.

Существенные сведения о различных сферах жизни Золотой Орды обнаруживаются в текстах различного характера, созданных в свое время в Армении, Византии, европейских странах, Китае.

Недостаток письменных сведений в значительной степени восполняет археология. За полтора столетия раскопок изучены остатки десятков поселений XIII—XV вв. в Среднем и Нижнем Поволжье, Северном Причерноморье, Молдавии, Казахстане, Северном Кавказе и др. Достоянием науки стали материальные свидетельства той эпохи из ордынских «мегаполисов»: стольных Сараев, Болгара, Сарайчика, Маджара, Укека, Сыгнака и др. Результаты исследования погребений помогают реконструировать образ жизни и культуру ордынского простонародья, состоявшего по большей части из тюркских и тюркизированных монгольских племен.

Важное значение имеют нумизматические изыскания. С каждым десятилетием многократно умножается количество обнаруживаемых и анализируемых золотоордынских монет (серебряных дирхемов/дангов и медных пулов) из кладов и коллекционных собраний. Легенды на монетах позволяют прояснять подробности экономического развития Орды, ее внешние связи, хронологию правлений отдельных ханов, появление новых городов.

Источники по истории народов Сибири и Дальнего Востока. В отношении истории народов Сибири и Дальнего Востока источниковая база имеет свои особенности. Собственная письменная традиция,

например, енисейская руническая письменность, к XIII в. почти утрачивается. Письменность чжурчжэней, населявших Приморье и Приамурье, до сих пор малоизвестна и ждет своего исследователя. Зато богатый письменный материал дают памятники монгольского письма, которые вследствие политической и экономической нестабильности, наступившей во Внутренней Азии после крушения Юаньской империи, во многом были утеряны впоследствии, но зато были переведены на другие языки, например китайский, уйгурский, арабский и др., и потому дошли до наших дней. Это монгольский литературный памятник «Сокровенное сказание», хроника династии Юань «Юань ши» и другие сочинения, написанные на китайском языке. Много бесценной информации дает «Сборник летописей» Рашид-ад-Дина (1310/1311). Отрывочные сведения можно почерпнуть из западных источников — «Истории монголов» Плано Карпини и «Путешествия в восточные страны» Гильома де Рубрука (середина XIII в.). Достаточно много сведений имеется в китайских источниках династий Цзинь, Юань и Мин о народах Приморья и Приамурья.

Кроме того, при изучении истории народов Южной и Юго-Восточной Сибири, в равной степени и народов Приамурья и Приморья в распоряжении историков имеется богатейший археологический материал: погребения и могильники, городища чжурчжэньского (Южно-Уссурийское, Западно-Уссурийское, Николаевское, Краснояровское, Шайгинское и др.) и монгольского (Хирхиринское, Кондуйское) времени. Это также *усть-талькинская* культура кочевников Южного Приангарья и Верхней Лены XII—XIV вв.

Археологические, сфрагистические, нумизматические, палеоантропологические и палео-ДНК источники и методы их исследования. Археология городов. В первой трети XIII в. сеть древнерусских укрепленных поселений достигла своего количественного максимума[24] и включала — наряду с городами и пограничными крепостями — «городки» (площадка 0,8—1 га) и убежища (площадка 0,4 га). Поскольку свод укреплений второй трети XIII—XV в. пока отсутствует, укажем лишь на их характерные черты. В XIV в. большая часть городищ-убежищ обратилась в села — центры княжеских «волостей». Некоторые «городки», модернизировав укрепления с учетом камнеметных машин и арбалетного боя, стали центрами удельных княжеств. На немецком, шведском и литовском рубежах были возведены каменные крепости[25], а в Западной Руси — башни волынского типа. В 1366—1368 гг. в Москве был построен белокаменный кремль, а к началу XV в. в Луцке и Каменце-Подольском уже имелись каменные замки. На севере и востоке Новгородской земли, а также в бассейнах Онеги и Северной Двины крупные торгово-ремесленные поселения, такие как Каргополь, не имели укреплений.

Базовым источником, дающим представление о хронологии материальной культуры города второй половины XIII—XV в. являются раскопы с влажным культурным слоем и дендродатами в Новгороде Великом[26], Старой Руссе[27], Смоленске[28], Мстиславле[29],

---

[24] Сводка 1996 г. фиксирует 1327 городищ (*Куза А. В.* Древнерусские городища X—XIII вв. М., 1996).

[25] *Кирпичников А. Н.* Каменные крепости Новгородской земли. Л., 1984.

[26] The Archaeology of Medieval Novgorod in Context: A Study of Centre/Periphery Relations [Hardback] / M.A. Brisbane; N. Makarov; E. Nosov. Oxford, 2012.

[27] *Торопова Е.В., Воронков И.А.* Модель распространения культурного слоя Старой Руссы // Вестн. Новгородск. гос. ун-та. 2011. № 63.

[28] *Асташова Н.И.* Усадьбы древнего Смоленска // Смоленск и Гнездово. М., 1991. С. 21—49.

[29] *Алексеев Л.В.* Мстиславский детинец в XII—XIV веках // РА. 1995. № 3; *Он же.* Детинец Мстиславля в XIV—XVII вв. // РА. 2000. № 2.

Твери[30], Ростове[31], Москве[32], Пскове[33]. Сохраняемые в таких отложениях следы усадебной застройки, потенциально датируемые с точностью до года и начиненные беспрецедентным по богатству набором предметов, включая изделия из органических материалов, — источник, далеко выходящий по своим возможностям за рамки обычных городских культурных слоев Средневековья.

После обнаружения в Новгороде в 1951 г. первой берестяной грамоты стало ясно, что исследования усадеб будут сопровождаться находками памятников письменности, которые в ряде случаев позволят идентифицировать их владельцев и уяснить их место в социальной структуре города[34]. Начатая А. В. Арциховским и продолженная В. Л. Яниным работа над берестяными грамотами рода Мишиничей-Онцифоровичей, найденными на трех усадьбах на перекрестке Великой и Кузмодемьянской улиц, позволила реконструировать генеалогические, владельческие и ктиторские связи пяти поколений новгородского боярского рода XIV в., доказать, что в его владении находился целый район Неревского конца близ церкви Сорока мучеников[35]. Тексты берестяных писем позволили проникнуть в обстоятельства жизни людей, их семейные и клановые связи, их мотивы и намерения, в мир повседневности[36].

Памятники сфрагистики и их археологические контексты. Развивая идеи Н. П. Лихачева, В. Л. Янин предложил систему идентификаций печатей новгородских князей, владычных наместников, посадников, тысяцких и других должностных лиц Великого Новгорода[37]. Опыт работы над сфрагистическим материалом в период написания «Новгородских посадников» (1962) и над сюжетами, связанными с берестяными грамотами, привел В. Л. Янина к идеям о комплексном источниковедении и интеграции специальных исторических дисциплин[38]. В Пскове при археологических раскопках Довмонтова города в 1961 г. было найдено более 500 печатей[39].

Обнаружение на Верхнем городище Торжка владычной канцелярии, погибшей во время взятия Торжка князем Михаилом Александровичем в 1372 г. и содержавшей документы (сохранились лишь печати) начиная со времени великого княжения Дмитрия Александровича (1276—1294), позволяет соприкоснуться с документооборотом «сместного» правления княжеского тиуна и новгородского посадника[40].

---

[30] Тверской Кремль: Комплексное археологическое исследование / Под ред. В. А. Лапшина. СПб., 2001; *Лапшин В. А.* Тверь в XIII—XV вв. (по материалам раскопок 1993—1997 гг.). СПб., 2009.

[31] *Самойлович Н. Г., Асташова Н. И., Комаров К. И., Леонтьев А. Е.* Раскопки в Ростове Великом // АО 2001 года. М., 2002.

[32] *Чернов С. З., Бойцов И. А.* Раскопки в Историческом проезде и изучение Великого посада Москвы XIII—XIV вв. // СА. 1992. № 1. С. 211—230.

[33] *Лабутина И. К.* Историческая топография Пскова в XIV—XV вв. М., 1985.

[34] См.: *Янин В. А., Зализняк А. А., Гиппиус А. А.* Новгородские грамоты на бересте. М., 2015.

[35] *Янин В. Л.* Новгородская феодальная вотчина: (Историко-генеалогическое исследование). М., 1981. С. 7—37.

[36] *Янин В. Л.* Я послал тебе бересту. М., 1965. См. сайт о берестяных грамотах: http://gramoty.ru/birchbark.

[37] *Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси X—XV вв. М., 1970. Т. 2; *Янин В. Л., Гайдуков П. Г.* Актовые печати Древней Руси X—XV вв. М., 1998. Т. 3.

[38] *Янин В. Л.* К проблеме интеграции в изучении вещественных и письменных источников по истории русского средневековья // История СССР. 1973. № 3. Близкие идеи высказаны французским анналистом Бернаром Лепти (*Lepetit B.* Les formes de l'experiense. Une autre histoire sociale. P., 1995. P. 12).

[39] *Белецкий С. В.* Введение в русскую допетровскую сфрагистику. СПб., 2001.

[40] *Малыгин П. Д., Сарафанова Н. А.* Новые сфрагистические находки в Торжке // Вестн. РГНФ. 2008. С. 205–216.

В отличие от Новгорода с его традицией свинцовых печатей, в Москве[41] с середины XIV в., под влиянием дипломатической практики Сербии, получили распространение восковые печати, которые шли вслед за распространением бумаги[42]. Изображения на этих печатях весьма разнообразны, включая оттиски античных гемм в XV в. Первая московская берестяная грамота, найденная в 1987 г. и представляющая собой фрагмент судного списка (1410—1430-е годы), выпадает из традиции письма на бересте Новгорода и других городов Северо-Западной Руси. Она напоминает грамоты второй половины XIV в., написанные на пергаменных столбцах шириной 14—15 см. Для того чтобы придать грамоте подобную форму, исходный лист клали вертикально и писали поперек прожилок бересты. Традиция написания актов на бересте могла получить распространение в Москве после того, как свинцовые печати (они не совместимы с берестой) были сменены восковыми[43]. Следует отметить, что берестяная книжечка с текстом на уйгурском языке, которая была найдена в 1930 г. в могиле начала XIV в. близ ордынского города Укека, также написана поперек прожилок бересты[44].

На протяжении длительного времени древнерусские пломбы «дрогичинского типа» не находили убедительной интерпретации. Недавно в Замоскворечье, в горизонте, отложившемся до 1495 г., пломбы «дрогичинского типа» были найдены вместе с пломбами с надписью «печать» и «великей князь» и пломбами города Турне (Фландрия) второй половины XIV — первой трети XV в. Это свидетельствует о том, что древнерусские пломбы использовались для маркирования партий товаров[45].

Города Волжской Булгарии, Золотой Орды и Крыма. Особое направление средневековой городской археологии представляют собой исследования городов Золотой Орды в Среднем и Нижнем Поволжье[46], Волжской Булгарии XIV в.[47] и Казанского ханства XV в.[48] В Северном Причерноморье реконструкции исторической и этноконфессиональной топографии Азова[49] и Кафы[50] по письменным и археологическим источникам напоминают (если от-

[41] История Москвы с древнейших времен до наших дней: В 3 т. М., 1997. Т. 1: XII—XVIII века. Гл. III, IV.

[42] *Соболева Н.А.* Русские печати. М., 1991. С. 131—135.

[43] *Чернов С.З.* Московская берестяная грамота № 1 первый акт Московской Руси на бересте // РА. 1997. № 1.

[44] *Малов Н.М., Пилипенко С.А., Сергеева О.В.* Погребение золотоордынского писца с берестяной книжечкой около сел Подгорное—Терновка // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 2013. Вып. 10. С. 382—397.

[45] *Зайцев В.В.* Находки «великокняжеских» пломб XIV—XV веков в Москве // Археология Подмосковья. М., 2004. Вып. 1; *Волков И.В.* Монеты и свинцовые пломбы из раскопок 2016 года на Софийской набережной в Москве // Археология русского города: М-лы науч.-практ. семинара 2016 г. М., 2017. Т. 1. С. 115—117.

[46] *Недашковский Л.Ф.* Золотоордынский город Укек и его округа. М., 2000; *Ильина О.А.* Современный этап изучения золотоордынских городов Нижнего Поволжья // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 4; *Зиливинская Э.Д.* Архитектура Золотой Орды. Казань, 2014. Ч. 1; 2018. Ч. 2; *Полубояринова М.Д.* Русские люди в Золотой Орде. М., 1978.

[47] Русь и Восток в IX—XVI веках. М., 2010.

[48] *Ситдиков А.Г.* Казанский кремль: Историко-археологическое исследование. Казань, 2006.

[49] *Волков И.В.* Азовская крепость глазами Эвлии Челеби и русских военных топографов XVII—XVIII вв. // Историческая география Дона и Северного Кавказа. Ростов н/Д., 1992. С. 83—94; *Он же.* Закрытый комплекс турецкого времени из Азова // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2004 г. Азов, 2006. Вып. 21. С. 473—497.

[50] *Бочаров С.Г.* Фортификационные сооружения Каффы (конец XIII — первая половина XV в.) // Причерноморье в средние века / Под ред. С.П. Карпова. СПб., 1998. Вып. 3. С. 82—116; *Пономарев А.Л.* Население и территория Каффы по данным Массарии — бухгалтерской книги казначейства за 1381—1382 гг. // Причерноморье в средние века / Под ред. С.П. Карпова. СПб., 2000. Вып. 4. С. 317—443.

влечься от специфики средиземноморской градостроительной культуры) исследования по социальной топографии Новгорода. Привлечение итальянских порталанов сделало возможной идентификацию поселений Приазовья XIII—XIV вв., в том числе поселений потомков древнерусского населения[51]. Лаборатория истории Византии и Причерноморья МГУ опубликовала серию источников, в том числе акты нотариата 1411—1419 гг. итальянской Таны, существовавшей в ордынском Азаке с 1332 г.[52]

Нумизматические источники. Значительное приращение монетных находок и кладов, связанное с несанкционированным использованием металлодетекторов в 1990—2010-е годы, не изменило существовавшие представления о «безмонетном» периоде (XII — третья четверть XIV в.). В XII в. на смену монетам пришли слитки металла (гривны)[53] и вещественные эквиваленты денег. Причины этого явления до сих пор не прояснены. Установление ордынского господства также не способствовало развитию монетной чеканки, поскольку объем княжеских регалий сократился — на это указывает прекращение использования «знаков Рюриковичей».

Восстановление монетного обращения началось в середине XIV в. и шло по-разному в разных частях Руси[54]. Князь Олег Иванович Рязанский (1344—1402) начал контрмаркирование (буквами и тамгой) джучидской монеты, которая и ранее ходила в рязанских пределах. В западнорусских землях начинают обращаться пражские гроши. Для Червонной Руси, захваченной Польшей, Казамир III (1333—1370) выпускает специальные серебряные и медные монеты. В Московском княжестве вначале подгоняют ордынские дирхемы под местную весовую норму, а затем Дмитрий Донской начинает чеканить серебряные монеты с символическими изображениями и русской надписью на лицевой стороне и имитацией арабской надписи с именем хана — на обороте. В первой четверти XV в. дети Дмитрия Донского и Владимир Андреевич Серпуховской чеканят очень пестрые по весу и оформлению монеты Галича, Серпухова, Малоярославца, Углича, Можайска, Дмитрова, Коломны и других центров. Тверь начинает чеканить монету при князе Иване Михайловиче (1399—1425), а при Борисе Александровиче (1425—1461) и Михаиле Борисовиче (1461—1485) монетное обращение в Тверском княжестве расширяется.

Новый этап русского монетного дела начинается при Иване III. С конца правления Василия II он и его сын именуются «осподарями всея Руси»[55]. Чеканится золотой «угорский» по образцу дуката. Последняя четверть XV в. отмечена широким распространением медных денег, обеспечивавших мелкую торговлю[56]. Тверскими и московскими пулами буквально начинены культурные слои Твери, Старицы, Волока Ламского и других городов этого времени. Присутствие монет маркирует дворы куп-

---

[51] *Волков И. В.* Поливная керамика комплекса Кабарди (1240—1260) // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X—XVIII вв. Киев, 2005. С. 122—159; *Он же.* Поселения Приазовья в XII—XIII веках // Русь в XIII веке: Древности темного времени. М., 2003. С. 108—130; *Фоменко И. К.* Образ мира на старинных порталанах: Причерноморье. Конец XIII — XVII в. М., 2007.

[52] Причерноморье в Средние века / Под ред. С. П. Карпова. М., 1991—2005. Вып. 1—6.

[53] *Зайцев В. В.* Русские клейма на рублях и полтинах XIV—XV вв. М., 2018.

[54] *Он же.* Русские монеты XIV—XVII вв. М., 2016; Русь, Литва, Орда в памятниках нумизматики и сфрагистики. Минск; М., 2015. Вып. 1; М., 2016. Вып. 2.

[55] *Мец Н. Д.* Монеты великого княжества Московского 1425—1462 // Нумизматический сб. ГИМ. М., 1974. Ч. III. С. 98—100.

[56] *Гайдуков П. Г.* Медные русские монеты конца XIV — XVI в. М., 1993; *Он же.* Русские полуденьги, четверицы и полушки XIV—XVII вв. М., 2006.

цов и служилых людей и позволяет отличить их от усадеб ремесленных слобод и дворов волостных крестьян в сельской местности.

Археология сельских территорий. Если древнерусские сельские поселения, расположенные вдоль рек близ курганных могильников, археологи начали изучать с 1950-х годов[57], то к водораздельным пространствам они обратились лишь в конце 1970-х годов[58]. После свертывания программы свода памятников археологии в конце 1980-х годов эта работа велась лишь в отдельных микрорайонах. Тем не менее она дала впечатляющие результаты: в научный оборот был введен новый тип источников.

К середине 1970-х годов благодаря трудам Дж. Хёрста, М. Бересфорда, Ф. Баркера в Англии, А. Стенсберга в Дании, Э. Черны, З. Сметанки, В. Некуда, Я. Клапсте в Чехии и Словакии были заложены основы средневековой ландшафтной археологии. Объектом ее стали не только поселения и могильники, но вся сельская инфраструктура, следы которой дожили до наших дней: дороги и пруды, остатки пашен и древние луга, межи и источники. Прочесть эту инфраструктуру стало возможно на основе комплексного источниковедения.

Вначале необходимо было уяснить особенности иерархии сельских поселений. Локализация земельных владений XV в. в районе погоста Взвад на Ильмень-озере позволила реконструировать раздел территории погоста «начетверо» между Новгородом и владимирскими князьями еще в XIII в.[59] Подобная форма деления окрестностей городов («городских станов») была широко распространена на Руси. Остальная территория княжества делилась на «волости», которые, в свою очередь, состояли из собственно «волостных» княжеских земель и боярских вотчин.

Методы исследования исторических ландшафтов Московской Руси были разработаны в ходе изучения древнего Радонежа (1976—1987). Оказалось, что по мере количественного наращивания источников (описаний, карт, аэрофотосъемок свидетельств устной микротопонимической традиции) и фиксации на современной геоподоснове данных межевых книг XVI—XVII вв. и Генерального межевания (1760—1780-е годы) наступает момент когда эти данные позволяют локализовать упоминаемые в актах XV—XVI вв. границы, селения, дороги и угодья как целостную систему и идентифицировать ее с материальными остатками — памятниками археологии[60]. Данные письменных источников (актов, писцовых книг и др.) требовалось представить так, чтобы они могли быть сопоставлены с открывшимся морем археологической информации по древнему сельскому расселению. Нужно было не просто картографировать конкретные владения XV—XVI вв., но установить их размеры с точностью, сравнимой с земельными дачами Генерального межевания[61], определить их хозяйственную освоенность, поставить в связь со структурой землевладения волости или стана.

В ходе микрорегиональных исследований сотни «селищ» были выявлены

[57] *Седов В. В.* Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII—XV вв.). М., 1960.

[58] *Юшко А. А.* Феодальное землевладение Московской земли XIV века. М., 2002.

[59] *Янин В. Л.* К истории взаимоотношений Новгорода с князьями // Генезис и развитие феодализма в России. Л., 1986; *Чернов С. З.* Историческая география Взвадского погоста // Там же.

[60] *Чернов С. З.* Комплексное исследование и охрана русского средневекового ландшафта (по материалам древнего Радонежского княжества). М., 1987.

[61] Генеральное межевание (1765—1790-е годы) зафиксировало границы земельных владений, возникших в эпоху Русского государства, в том числе местоположение десятков тысяч «пустошей» — мест запустевших селений XIV—XVI вв.

в Новгородской земле: в округе Новгорода[62], в Обонежье[63], Жабенской волости на Валдае[64], в Полужье[65]. Карты сельских поселений имеются по погостам Великолужского и Пусторжевского уездов[66], Водской[67] и Деревской пятин[68]. Изучены Псковские погосты[69] и Ижорское плато[70]. В ходе работ на Белозере описаны особенности освоения Русского Севера[71].

На землях Великого Московского княжества изучены район Волока Ламского[72], Радонежское княжество[73], Московские городские станы[74], Коломенский[75], Звенигородский[76] и Серпуховской[77] уделы. Начатое в 1980-е годы изучение сельских поселений Киевского княжества в золотоордынское время[78] было продолжено в проектах по Любечскому ополью, Овручской возвышенности, Теребовльскому княжеству[79].

---

[62] *Анкудинов И. Ю.* Историко-географическое изучение Ильменского Поозерья XV—XVII веков // Вестник РГНФ. 2007. № 4 (49).

[63] *Спиридонов А. М., Герман К. Э., Мельников И. В.* Южное Заонежье в X—XVI вв. (Археология центра Кижского погоста). Петрозаводск, 2012; *Чернов С. З.* Два погоста — одно «племя»: Мировая грамота 1375 г. и механизмы колонизации Новгородской земли // Русь XIV—XV вв. М., 2021. С. 119—153.

[64] *Буров В. А.* О времени возникновения новгородского погоста Жабна // РА. 1995. № 2. С. 44—58.

[65] *Платонова Н. И.* Древнерусские погосты — новая старая проблема // ДГВЕ. 2010 г. М., 2012. С. 328—388.

[66] *Янин В. Л., Бассалыго Л. А.* Великолужская земля в XV веке: Территория и границы // Отечественная история. 1995. № 6. С. 45—58; *Янин В. Л., Бассалыго Л. А.* Пусторжевская земля в XV веке: Территория и границы // Отечественная история. 1993. № 5. С. 108—124; *Янин В. Л.* Новгород и Литва: Пограничные ситуации XIII—XV веков. М., 1998.

[67] *Селин А. А.* Историческая география Новгородской земли XVI—XVIII вв.: Новгородский и Ладожский уезды Водской пятины. СПб., 2003.

[68] *Фролов А. А., Пиотух Н. В.* Исторический атлас Деревской пятины Новгородской земли (по писцовым книгам 1495—1496 годов). М.; СПб., 2008. Т. 1—3.

[69] *Харлашов Б. Н.* Погосты и губы в Псковской земле XIV—XVI вв.: Автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1995.

[70] *Стасюк И. В.* Средневековое расселение на юге Ижорского плато // Новгород и Новгородская земля: История и археология: М-лы XXXII науч. конф., посвящ. памяти Н. Н. Гринева. Великий Новгород, 23—25 января 2018 г. Великий Новгород, 2019. Вып. 32. С. 167—176; *Он же.* Средневековое расселение на западе Ижорского плато: Ратчинский и Льешский погосты Водской пятины // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Новгород, 2020. Вып. 33. С. 148—154.

[71] *Макаров Н. А.* Колонизация северных окраин Древней Руси в XI—XIII веках. М., 1997; *Он же.* Приходская церковь Русского Севера на фоне археологической карты // Культура славян и Русь. М., 1998. С. 393—411; *Макаров Н. А., Захаров С. Д., Бужилова А. П.* Средневековое расселение на Белом озере. М., 2001.

[72] *Чернов С. З.* Волок Ламский в XIV — первой половине XVI в.: Структуры землевладения и формирование военно-служилой корпорации. М., 1998.

[73] *Chernov S., Erschova E.* Internal colonization in Russia during the 13th and 14th centuries: Three hamlets of the pre-manorial period // Ruralia IX. Hierarchies in rural settlements / Ed. J. Klápště. Turnhout, 2013. Vol. 9. P. 387—406.

[74] *Чернов С. З.* Домен московских князей в городских станах. 1271—1505 гг. // Культура средневековой Москвы: Исторические ландшафты: В 3 т. М., 2005. Т. 2.

[75] *Мазуров А. Б.* Средневековая Коломна в XIV — первой трети XVI вв. М., 2001.

[76] *Юшко А. А.* Звенигород московский и удел Звенигородских князей. М., 2005.

[77] *Мазуров А. Б., Никандров А. Ю.* Русский удел эпохи создания единого государства. М., 2008.

[78] *Беляева С. А.* Южнорусские земли во второй половине XIII — XIV вв. Киев, 1982.

[79] *Веремейчик О. М.* Археологічні дослідження середньовічних поселень Чернігівського Полісся // Сіверянський літопис. 2018. № 1—2. С. 3—19; *Томашевский А. П.* Изучение систем заселения Овручской волости в Овручском проекте // Сельская Русь в IX—XVI веках. М., 2008. С. 50—73; *Манігда О. В.* Моделювання населених пунктів XI—XIII ст. на прикладі археологічних пам'яток Теребовлянського князівства // Археологія і давня історія України. 2020. Вып. 2 (35). С. 33—57.

На южной окраине Руси, на верхнем Дону, изучался район Куликова поля[80], Ельца[81], пограничье с татарскими кочевьями близ Воронежа[82] и русский анклав под ордынской юрисдикцией Червленый Яр[83]. Недавно русско-мордовское поселение середины XIII в. — 1360-х годов было выявлено к северо-востоку от Тамбова[84].

Импульс для развития средневековой ландшафтной археологии дали палеоэкологические исследования, которые развернулись с 1980-х годов в лесостепных, лесных и таежных ландшафтах. Н. А. Кренке были созданы методы, которые помогли объединить усилия археологов и специалистов в области естественнонаучных дисциплин. Ключевым моментом стало выявление объектов таких совместных исследований: погребенных почв, включенных в археологические памятники (под насыпями курганов, оборонительных валов и плотин, под культурным слоем поселений), и стратифицированных природных и антропогенно-природных отложений (пойменный аллювий, делювий на склонах и днищах балок и оврагов)[85]. Благодаря этому в нашем распоряжении имеются данные об исторических ландшафтах Курского Посемья и Куликова поля, округи Москвы и Радонежа, Суздальского ополья и бассейна р. Ловати в Новгородской земле[86].

На новые вопросы, которые были поставлены ландшафтной археологией, можно было ответить, лишь усовершенствовав методы раскопок селищ и могильников. И такое совершенствование произошло. Раскопками на верхнем Дону изучены такие типы поселений, как стационарные крестьянские дворы, выставки-летники для распашки в степи, гончарные производства. Широкомасштабные исследования близ Чернигова продемонстрировали масштабы землепашества и скотоводства Южной Руси и выявили ремесленные производства[87]. В Подмосковье, где полностью раскопано уже несколько десятков поселений XIII—XV вв., стало возможным отличить крестьянский двор от по-

---

[80] *Гоняный М. И.* Археологические памятники района Куликова поля (конец XIII — третья четверть XIV в.) // Куликово поле и Донское побоище 1380 г. М., 2005. С. 95—162.

[81] *Тропин Н. А.* Елецкая земля в XII—XV вв. Елец, 1999.

[82] *Цыбин М. В.* Русские поселения на периферии Золотой Орды в среднем Подонье // Сельская Русь в IX—XVI веках. М., 2008. С. 101—107.

[83] *Шенников А. А.* Червленый Яр: Исследование по истории и географии Среднего Подонья в XIV—XVI вв. Л., 1987.

[84] *Андреев С. И.* Поселение Екатериновка-3: К вопросу о юго-восточной границе Рязанского княжества // Археология Подмосковья. М., 2018. Вып. 14. С. 209—235.

[85] *Александровский А. Л. и др.* Исследования погребенных почв в Троице-Сергиевой лавре в 2003 г. и опыты реконструкции коренной растительности // Сельская Русь в IX—XVI веках. М., 2008. С. 187—206. Руководством для совместной работы археологов, почвоведов и палинологов является изд.: *Dimbleby G. W.* The Palynology of Archaeological Sites. L., 1985.

[86] Культура средневековой Руси: Исторические ландшафты / Под ред. Н. А. Кренке, С. З. Чернова. М., 2004. Т. 1; *Гоняный М. И., Александровский А. Л., Гласко М. П.* Северная лесостепь бассейна верхнего Дона времени Куликовской битвы. М., 2007; *Алешинская А. С., Кочанова М. Д., Макаров Н. А. и др.* Ландшафты Суздальского Ополья и влияние на них человека в Средневековье // Сельская Русь в IX—XVI веках. С. 127—156; *Еремеев И. И., Дзюба О. Ф.* Очерки исторической географии лесной части пути из варяг в греки. СПб., 2010.

[87] Південноруське село IX—XIII ст. / Ред. О. П. Моці, В. П. Коваленка, В. О. Петрушенко, Київ, 1997; *Шекун О. В., Веремейчик Л. М.* Давньоруське поселення Ліскове. Чернігів, 1999; Село Київської Русі. Київ, 2003.

селения княжеского министериала или вотчинника[88].

Археологические источники свидетельствуют, что на большей части территории Руси во второй половине XIII в. началась перестройка системы расселения, которая протекала синхронно с формированием «служебной организации» (княжеской волости)[89]. Удалось проследить перемены в породном составе лесов в ходе похолодания XIV—XV вв.[90], смену бортничества земледелием, формирование с середины XIV в. боярских вотчин[91]. Суздальский проект показал, что на территории Ополья земледельческое освоение водоразделов началось еще в XI—XII вв., причем тогда же сложилась сеть крупных сел, которая сохранилась до XIII—XV вв.[92]

Археология не только передает колорит русской жизни и открывает культурно-хозяйственные типы[93]. Благодаря реконструкции поселенческой структуры подмосковных волостей первой половины XIV в. удалось выделить тип мирских монастырей, которые располагались на их безлюдных окраинах. Оказалось, что именно от этих монастырей берут свое начало монастыри-пустыни Сергиевского круга[94]. Один из таких монастырей — Успенский Дубенский Шавыкин — был исследован археологически[95]. Изучение бытования предметов личного благочестия и топографии храмов позволило по-новому взглянуть на процесс воцерковления сельского населения[96]. Отдельных рассказов заслуживает изучение гидротехнических сооруже-

---

[88] *Шполянский С. В.* Изучение малодворных сельских поселений на примере раскопок селища XIII века у села Ознобишина в Подмосковье // Русь в XIII веке: Древности темного времени. С. 253—264; Средневековое поселение Настасьино: Труды Подмосковной экспедиции Института археологии РАН. М., 2004. Т. 2; *Алексеев А. В., Смирнов А. Н., Двуреченский О. В.* Комплекс усадьбы вотчинника из раскопок селища Игнатьево 2 в окрестностях средневекового Звенигорода // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь, 2018. Вып. 11. С. 253—289.

[89] *Чернов С. З.* Сельское расселение в Московском княжестве второй половины XIII в. // Русь в XIII веке: Древности темного времени. С. 168—227.

[90] *Ершова Е. Г., Чернов С. З.* Природа и человек на водоразделах Радонежа в XIII—XVI вв.: Методика корреляции спорово-пыльцевых данных // РА. 2010. № 3. С. 89—106.

[91] *Чернов С. З.* «Душеное с деревнями и с бортью»: Феномен парных селищ по данным раскопок Верхних и Нижних Кукарок в 2009—2011 гг. // Археология Подмосковья. М., 2020. Вып. 16. С. 219—262.

[92] *Макаров Н. А., Леонтьев А. Е., Шполянский С. В.* Средневековое расселение в Суздальском ополье // РА. 2004. № 1. С. 19—34; *Макаров Н. А., Федорина А. Н., Шполянский С. В.* Большие поселения X—XI вв. и структуры расселения XII—XIII вв. Суздальского ополья: Проблемы преемственности // Археология Владимиро-Суздальской земли: М-лы науч. семинара. М., 2018. Вып. 8. С. 7—25; *Макаров Н. А., Федорина А. Н., Шполянский С. В.* Археологическое изучение исторических сел ближайшей округи Суздаля // Археология Владимиро-Суздальской земли: М-лы науч. семинара. М., 2020. Вып. 10. С. 7—41.

[93] *Чернов С. З.* Микрорегиональные исследования сельской Руси XIII—XVI веков как форма сопряженного изучения археологических и письменных источников: Возможности, проблемы, перспективы // Сельская Русь в IX—XVI веках. С. 16—28.

[94] *Чернов С. З.* Сельские монастыри XIV—XV вв. на северо-востоке Московского княжества по археологическим данным // РА. 1996. № 2. С. 111—130.

[95] *Чернов С. З.* Успенский Дубенский Шавыкин монастырь по археологическим данным // Культура средневековой Москвы XIV—XVII вв. М., 1995. С. 123—182.

[96] *Мусин А. Е.* Христианизация Новгородской земли в IX—XIV веках: Погребальный обряд и христианские древности. СПб., 2002; *Алексеев А. В.* Церковные древности Звенигородской земли. М.; Звенигород, 2008.

ний[97], технологий освоения Беломорья[98] и древних производств[99].

Произведения ремесла и прикладного искусства. Как показывают археологические исследования, «мир вещей», окружавший человека XIV в., изменился по сравнению с домонгольским временем[100]. Женский убор с его племенными украшениями и богатым узорочьем остался в прошлом. Зато высокого совершенства достигло церковное убранство. Изучение семантики градостроительства, архитектуры, живописи и прикладного искусства открыло общие структурные параллели, что позволило сформулировать представления о сакральном пространстве Средневековья[101].

Архитектурная археология. После выхода монографии Н. Н. Воронина[102] архитектурная археология, связанная с изучением зодчества XIII—XV вв., шагнула далеко вперед. В результате раскопок в Смоленске было найдено и изучено 10 ранее неизвестных памятников древнерусского зодчества. Эти исследования вызвали к жизни новаторские работы П. А. Раппопорта 1970-х годов. Ему удалось выявить объекты комплексных исследований: техники кладки, растворы, форматы кирпича и клейма на нем, следы технологических приемов, которые были скрыты в теле здания и поэтому делались независимо от задания заказчика. Изучение этих объектов позволило определить технологический почерк артели и более точно — порой до 10 лет — датировать постройки[103]. Выросло число вопросов, которые архитекторы задавали археологам. В итоге совершенствования стратиграфического и типологического методов сформировалась современная архитектурная археология. Ее целью стало изучение связей сооружения и формирующегося вокруг него и в нем культурного слоя, смены полов и дневных уровней, периодов строительства, стабильной эксплуатации здания, а затем его разрушения и запустения[104]. Успешные работы такого рода были осуществлены в Мирожском монастыре Пскова[105], Богоявленском, Даниловом, Высокопетровском, Алексеевском монастырях Москвы[106], Успенском монастыре Старицы[107] и ряде других.

---

[97] *Натытник А.А., Никишин Н.А.* Озерно-канальные водохозяйственные системы Соловецких островов // Изучение памятников истории и культуры в гидросфере. Вып. 1. М., 1990. С. 124—140; *Александровский А.Л., Кренке Н.А., Чернов С.З.* Средневековые пруды Радонежа как источник по изучению антропогеосистем // Там же. С. 94—109.

[98] *Боярский П.В.* Введение в памятниковедение. М., 1990.

[99] Следует выделить исследования солеварен (*Ворожейкина М.Е.* Мшага Воскресенская — памятник истории и археологии Новгородской земли // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Новгород, 1997. Вып. 11. С. 274—280) и железоделательных заводов (*Стоскова Н.Н.* Первые металлургические заводы России. М., 1962).

[100] *Беляев Л.А.* Северо-Восточная Русь в середине XIII — второй половине XIV в.: Археологические данные // РИ. 2020. № 4. С. 43, 44.

[101] Иеротопия: Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси / Ред. А.М. Лидов. М., 2006.

[102] *Воронин Н.Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV веков: В 2 т. Т. 2: XIII—XV столетия. М., 1962.

[103] *Раппопорт П.А.* Зодчество Древней Руси. Л., 1986.

[104] *Подъяпольский С.С., Бессонов Г.Б., Беляев Л.А., Постникова Т.М.* Реставрация памятников архитектуры. М., 1988. С. 104.

[105] *Булкин В.А., Овсянников О.В.* Архитектурно-археологические раскопки в Мирожском монастыре в 1974—1979 гг. // Археологическое изучение Пскова. М., 1983.

[106] *Беляев Л.А.* Древние монастыри Москвы (конца XIII — начала XV в.) по данным археологии. М., 1994; *Он же.* Северо-Восточная Русь в середине XIII — второй половине XIV в. С. 44—47.

[107] *Хворостова Е.Л.* Успенский собор Свято-Успенского монастыря в г. Старице // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь, 2019. Вып. 12. С. 242—260.

Эти проекты вызвали два следствия. Во-первых, потребовались дополнительные археологические разработки по таким сюжетам, как белокаменные надгробия[108], погребальный инвентарь, плитки пола. Во-вторых, возникла необходимость специфической критики свидетельств письменных источников. На первый план вышли такие вопросы, как переносы престолов храмов, упоминания о ремонтах, тонкости летописных формулировок, позволяющие отличить возведение храма вновь от его перестройки, и т. д.

В русле комплексного архитектурно-археологического подхода развивались работы Вл. В. Седова о псковской и новгородской архитектуре[109]. Характерная их черта — расширение диапазона исследований: изучение роли заказчика[110], рассмотрение вопроса о том, что представлял собой «проект» в древнерусском строительстве[111], внимание к теме организации строительства, изучение суммы свидетельств письменных источников о строительстве и топографии городского района[112]. Значительное приращение знаний о тверской архитектуре конца XIII—XV в. связано с публикацией монографии А. М. Салимова[113]. Примером работ на пограничье архитектурной и городской археологии стали раскопки в Ивангороде[114].

Археология некрополей. Средневековый православный некрополь все более воспринимается как чрезвычайно информативный источник. Его изучение требует сочетания методов архитектурной археологии, физической антропологии и естественных наук. Общие принципы исследования некрополей были сформулированы В. Л. Яниным в работе, посвященной Новгородскому Софийскому собору[115]. Некрополь Московской Руси рассмотрен Т. Д. Пановой — на фоне истории древнерусского погребального обряда[116] и С. Ю. Шокаревым — в контексте обрядовой системы, повседневной жизни и религиозных представлений[117]. Архитектурные формы древнерусских княжеских усыпальниц исследованы Вл. В. Седовым[118]. Активизировалось изучение семантики некрополей XIV—XVI вв. как элементов сакральной топографии[119].

Все эти работы, возникшие на фоне неослабевающего интереса к восприя-

---

[108] *Беляев Л. А.* Русское средневековое белокаменное надгробие. М., 1996.

[109] *Седов Вл. В.* Псковская архитектура XIV—XV веков. М., 1992; *Он же.* Церковь Спаса на Ильине улице в Новгороде: Архитектура боярского храма. М.; Вологда, 2015.

[110] Заказчик в истории русской архитектуры. М., 1994. Вып. 1, 2.

[111] О византийском понимании «проекта»: *Оустерхаут Р.* Византийские строители. Киев; М., 2005.

[112] *Петров Д. А.* Проблемы исторической топографии Новгорода. М., 1999. С. 51—94.

[113] *Салимов А. М.* Средневековое зодчество Твери и прилегающих земель. XII—XVI века. Тверь, 2015. Т. 1, 2.

[114] Крепость Ивангород: Новые открытия / Сост. М. И. Мильчик. СПб., 1997.

[115] *Янин В. Л.* Некрополь Новгородского Софийского собора. М., 1988.

[116] *Панова Т. Д.* Городской погребальный обряд средневековой Руси: XI—XVI вв.: Дис. … канд. ист. наук. М., 1990; *Она же.* Кремлевские усыпальницы: История, судьба, тайна. М., 2003; *Она же.* Некрополи Московского Кремля. 2-е изд. М., 2003.

[117] *Шокарев С. Ю.* Русский средневековый некрополь: Обряды, представления, повседневность (на материалах Москвы XIV—XVII вв.) // Культура памяти: Сб. науч. статей. М., 2003.

[118] *Седов Вл. В.* Погребения «святых князей» и архитектура княжеских усыпальниц Древней Руси // Восточнохристианские реликвии. М., 2003.

[119] *Панченко А. А.* Исследования в области народного православия: Деревенские святыни Северо-Запада России. СПб., 1998; *Чернов С. З.* Сакральная топография Московской Руси в устной крестьянской традиции: Освящение кладбища // Культура средневековой Москвы.: В 3 т. Т. 3: Ментальный ландшафт. Московские села и слободы. М., 2005. С. 29—41.

тию смерти в менталитете русских людей Средневековья, значительно расширили круг вопросов, который принято теперь задавать археологам, изучающим древние кладбища. Пример подобного информационного расширения — некрополь Иосифо-Волоколамского монастыря, отразивший новую систему поминания усопших, созданную Иосифом Волоцким в конце XV в.[120] Интерес к этому некрополю усилился после публикации Кормовой книги 1581/1582 гг., содержащей перечень погребенных и указания на расположение могил[121]. В ходе раскопок были обнаружены фундаменты собора 1484—1486 гг. и его компартиментов. Погребения знати были совершены в галереях. Это были ряды антропоидных колод, имитирующих древние княжеские гробницы[122]. Совершенно иной характер имеет «кладбище простецов» при храме великокняжеского Николо-Угрешского монастыря, датированное первой половиной правления Василия II (1425—1446)[123].

Проекты, связанные с идентификацией погребений русской знати XIV—XV вв., не только расширяют наши знания о деятелях русской истории (причины смерти, болезни, состояние здоровья перед кончиной), но и в перспективе могут послужить уникальным собранием ДНК-материала, незаменимого для определения родственных связей.

Палеоантропологические источники. Основы изучения физической палеоантропологии восточных славян были заложены в трудах Т. И. Алексеевой[124]. Антропологические материалы могильников Новгородской земли изучены Н. Н. Гончаровой и С. О. Санкиной[125]. Новые возможности для понимания механизмов биологической адаптации к среде обитания открыли могильники Белозерья. Эти трудно уловимые (даже в рамках современных этнографических и медицинских наблюдений) процессы удалось проследить на примере нескольких поколений славянских насельников Русского Севера[126]. Завершено антропологическое изучение санитарных захоронений жителей Ярославля, погибших во время взятия города монголами в 1238 г.[127] В Азове найдено захоронение, содержащее останки тюркского населения, погибшего во время «замятни» 1363—1364 гг.[128] Костные останки, отражающие состав популяции на момент ее гибели, потенциально могут служить источником по истории семьи и родства — классической темы исторической антрополо-

[120] *Steindorff L.* Memoria in Altrussland. Untersuchungen zu den Formen christlicher Totensorgem // Quellen und Studien zur Geschichte des ostlichen Europa. Stuttgart, 1994. Bd. 38.

[121] *Steindorff L.* Das Speisungsbuch von Volokolamsk (Кормовая книга Иосифо-Волоколамского монастыря). Köln; Weimar; Wien, 1998.

[122] *Чернов С. З.* Некрополь Иосифо-Волоколамского монастыря в свете археологических исследований 2001 г.: Старый и Новый приделы // Преподобный Иосиф и его обитель. М., 2008.

[123] *Чернов С. З., Гончарова Н. Н., Лебедева Е. Ю.* Некрополь Николо-Угрешского монастыря по данным археологических раскопок Никольского собора в 2004 г. // Московская Русь: Проблемы археологии и истории архитектуры. М., 2008.

[124] *Алексеева Т. И.* Этногенез восточных славян по данным антропологии. М., 1973.

[125] *Гончарова Н. Н.* Антропология словен Новгородских и их генетические связи: Автореф. дис. … канд. биол. наук. М., 1995; *Санкина С. Д.* О западнославянской версии происхождения словен новгородских, скандинавской проблеме и древнеевропейском субстрате: (Данные антропологии) // Ex Unque Leonem: Сб. статей к 90-летию Л. С. Клейна. СПб., 2017. С. 256—274.

[126] *Макаров Н. А., Захаров С. Д., Бужилова А. П.* Средневековое расселение на Белом озере. М., 2001.

[127] *Buzhilova A. P., Goncharova N. N.* A mass grave from Medieval Russian town: The anthropological evidence of a social catastrophe // Vers une anthropologie des catastrophes. Actes des 9e journées d'anthropologie de Valbonne / Ed. by L. Buchet, C. Rigeade, I. Séguy et M. Signoli. Antibes, 2008. P. 285—299.

[128] *Масловский А. Н., Фомичев Н. М.* О дате побоища в Азаке времени «великой замятни» в Орде // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2003 г. Азов, 2004. Вып. 20. С. 487—508.

гии[129]. Лишь благодаря антропологическому исследованию было установлено, что погребения Новохарьковского могильника XIV в. в степи, в 150 км к югу от Воронежа, принадлежат потомкам алан, проживавших здесь еще в эпоху Хазарского каганата[130].

Палео-ДНК источники. В 2007 г. в научный оборот были введены данные по генотипированию 1228 мужчин и женщин из 14 современных русских старожильческих популяций от Мезени до Кубани. Они показали значительную однородность населения, его общие генетические корни с белорусами, украинцами, западно- и южно-славянскими народами, а также отсутствие тюркских гаплогрупп. Значительный финский компонент фиксировался к северу от Волги[131].

В начале 2010-х годов в ходе революционного развития методов изучения палео-ДНК прошлое мужских и женских линий населения Европы до и после появления индоевропейцев было в общих чертах описано. После этого стало возможным сравнительное изучение ДНК популяций, принимавших участие в Великом переселении народов и, в частности, в расселении славянских племен[132]. В 2010-е годы на территории Germania Slavica, Польши, Словакии и Венгрии была проведена серия исследований по генотипированию групп погребений могильников с ингумациями I—IV вв. и IX—XIII вв., т. е. до и после эпохи кремаций.

В России в настоящее время (март 2023 г.) опубликованы данные генотипирования около 130 средневековых индивидов XI—XVI вв. Предложены методы археологического и антропологического сопровождения исследований по палео-ДНК, которые позволяют рассматривать генетическое прошлое групп древнерусского населения, происхождение которых можно проследить вплоть до X в. В качестве примера укажем на исследование группы кривичей (могильник Болшево-1 первой половины XII в.), пришедшей на берега р. Клязьмы в середине XI в. с Верхней Волги. Сопоставление черепов этого могильника с другими славянскими сериями показало ее близость сербской и западно-славянским сериям. Принадлежность двух мужчин к Y-ДНК гаплогруппам E1b1b и J2a1 позволило предполагать участие дунайского компонента в этногенезе этой группы[133]. Y-ДНК гаплогруппа E1b1b1a1b выявлена также у погребенных в древнерусском могильнике Теглицы-1 XII в. на Ижорском плато в Новгородской земле. Генотипирование погребенных водского могильника Великино к западу от Ижорского плато дало гаплогруппу N1a1, которую можно связывать с прибалтийскими финнами[134].

Исследование погребенных в санитарном захоронении Ярославля 1238 г. (сооружение 76) показало, что среди них до-

---

[129] Семья, дом и узы родства в истории / Под ред. Т. Зоколла, О. Кошелевой, Ю. Шлюмбома. СПб., 2004.

[130] Новохарьковский могильник эпохи Золотой Орды. Воронеж, 2002.

[131] *Балановская Е. В., Балановский О. П.* Русский генофонд на Русской равнине. М., 2007.

[132] *Brandt G. et al.* Ancient DNA reveals key stages in the formation of central European mitochondrial genetic diversity // Science. 2013. Vol. 342. P. 257—261; *Fu Q., Posth C. et al.* The genetic history of Ice Age Europe // Nature. 2016. Vol. 534. P. 200—205; *Soares P. et al.* The archaeogenetics of Europe // Current biology. 2010. Vol. 20. P. 174—183.

[133] *Чернов С. З., Гончарова Н. Н., Семенов А. С.* Результаты определения гаплогрупп Y-ДНК и мтДНК для средневекового славянского захоронения XII в. в окрестностях поселка Загорянский на Верхней Клязьме (Московская область). Ч. 2 // Русин. 2021. Т. 64. С. 9—37.

[134] *Мустафин Х. Х., Альборова И. Э., Стасюк И. В.* Средневековый генофонд Водской земли Великого Новгорода // Stratum plus. 2021. № 5. С. 397—410.

минирует Y-ДНК гаплогруппа R1a и присутствуют гаплогруппы N1a1 и E1b[135].

Генотипирование погребенных в могильниках Шекшово-9 и Шекшово-2 XI—XIII вв. близ Суздаля свидетельствует о том, что славянская компонента сочетается в их генофонде с восточно-финской. При этом славянская группа внесла значительную долю (70%) родословной в более позднее население[136].

Ожидаемый в ближайшие годы рост данных позволит получить совершенно новую информацию о генетическом прошлом населения русских земель XIII—XV вв.

Подводя итог, следует заметить, что материальные и письменные свидетельства позволяют по-разному увидеть Русь XIII—XV вв. Чтобы извлечь содержащуюся в них историческую информацию и получить объемную картину прошлого, необходимо усложнять известные методы изучения исторических источников и следовать новым приемам их интерпретации.

Историография

Период русской истории с 1237 г. по 1505 г., которому посвящен третий том «Истории России», изучался русскими учеными с момента становления в стране науки о прошлом. С того времени и по сей день в России и во всем мире появилось трудно исчислимое количество многотомников, монографий, статей, заметок, публикаций источников, важнейшие и новейшие из которых рассматриваются в главах данного тома. Здесь же предлагается краткий обзор главнейших трудов русских и зарубежных историков, работы которых были нацелены на выявление основных черт развития Руси под управлением монголов и посвящены всему рассматриваемому периоду.

В России начало изучения периода 1237—1505 гг. было положено В. Н. Татищевым, продолжено М. М. Щербатовым, но наиболее заметным был вклад Н. М. Карамзина. Его «История государства Российского», написанная на основе многочисленных русских летописей разного времени, в том числе открытых и введенных в научный оборот самим Н. М. Карамзиным, княжеских завещаний и княжеских договоров XIV—XVI вв. художественных повествований, житий целого ряда святых, иностранных свидетельств литературным русским языком оказала большое воздействие на развитие не только исторической науки, но и смежных с нею гуманитарных дисциплин. Поэтому историографию периода следует начать с главного труда Н. М. Карамзина.

Свое исследование историк начал в 1804 г.[137] Летом 1811 г. Н. М. Карамзин уже работал над подготовкой к печати первых восьми томов «Истории государства Российского». Изложению событий русского прошлого с 1237 по 1505 г. Н. М. Карамзин посвятил несколько томов своего труда. В последней, восьмой главе третьего тома «Истории государства Российского», озаглавленной «Великий князь Георгий Всеволодович», было рассказано о нападении монгольских туме-

[135] *Мустафин Х. Х., Энговатова А. В., Альборова И. Э., Тарасова А. А.* Палеогенетическая экспертиза останков из одного массового захоронения 1238 года в Ярославле // Археология Подмосковья: М-лы науч. семинара. М., 2022. Вып. 18. С. 107—118.

[136] *Peltola S., Majander K., Makarov N., Dobrovolskaya M., Nordqvist K., Salmela E., Onkamo P.* Genetic admixture and language shift in the medieval Volga-Oka Interfluve // Current biology. 2023. Vol. 33.

[137] *Афиани В. Ю., Козлов В. П.* От замысла к изданию «Истории государства Российского» // *Карамзин Н. М.* История государства Российского: В 12 т. М., 1989. Т. 1. С. 518, 521.

нов во главе с внуком Чингисхана Батыем на русские княжества и завоевании большинства из них. Последнее стало разделительной чертой в развитии русских земель, и это четко показал Н. М. Карамзин. Четвертый том его «Истории», состоявший из 12 глав, начинался с описания княжения во Владимире-на-Клязьме Ярослава Всеволодовича, отца Александра Невского, и кончался рассказом о правлении в том же Владимире нижегородского князя Дмитрия-Фомы Константиновича в 1359—1362 гг. Пятый том состоял из четырех глав, где повествовалось о правлении московских великих князей Дмитрия Донского, его сына Василия I и внука Василия II. Шестой том был посвящен Ивану III. Таким образом, период с 1237 г. по 1505 г. был описан Н. М. Карамзиным в четырех томах, из которых три последних тома полностью посвящены рассматриваемому периоду.

При их создании Н. М. Карамзин пользовался такими источниками, как написанные на пергаменте Лаврентьевская, Новгородская первая старшего извода и Троицкая летописи. Лаврентьевская летопись заканчивалась описанием событий 1304 г. Как было установлено уже в XX в., в основу Лаврентьевской летописи был положен тверской великокняжеский летописный свод 1305 г.[138] Н. М. Карамзин широко пользовался этой летописью при воссоздании событий 1237—1304 гг.

Новгородская первая летопись старшего извода сохранилась в дефектном состоянии. Она начиналась с середины статьи 6524 (1016) г., после чего шло последовательное погодное изложение исторических событий до статьи 6841 (1333) г. Далее шли статьи 6845 (1337), 6853 (1345) и 6860 (1352) гг. Они написаны разными почерками, отличными от почерка, которыми были написаны статья 6841 и предшествующие ей статьи. По этой летописи Н. М. Карамзин мог описывать события 1237—1333 гг.

Троицкая летопись доводила изложение до 1408 г. включительно. Из нее Н. М. Карамзин заимствовал немало уникальных сведений о событиях на Руси в XIV в. Но в 1812 г. Троицкая летопись сгорела в занятой французами Москве. Карамзинские выписки из Троицкой летописи уцелели. Все они были опубликованы в 1913 г.[139] Основываясь на этих выписках, исследователи русского летописания посчитали, что погибшая летопись представляла собой свод, составленный при митрополите Киприане (ум. в 1406 г.) и продолженный летописателями, работавшими при митрополичьей кафедре в Москве до 1408 г., когда Москву осадил ордынский темник Едигей. Однако более внимательное изучение карамзинской «Истории государства Российского» показало, что в Троицкой летописи были зафиксированы события, имевшие место позже 1408 г. Особенно примечательна запись Н. М. Карамзина, что «за известием о кончине преп. Сергия (Радонежского. — *В. К.*) следует в Троицк. Лет. похвала Св. Сергию, листах на двадцати»[140]. Речь может идти только о «Слове похвальном Сергию Радонежскому», написанном в 1422 г. Следовательно, Троицкая летопись была составлена не ранее 1422 г.

Помимо характеристик общего порядка, следует отметить и некоторые частные моменты, указывающие на то, как работал Н. М. Карамзин. Так, анализируя первое появление монголов в русских пределах в начале 1220-х годов, кончившееся их победой на р. Калке над соединенными си-

[138] *Приселков М. Д.* История рукописи Лаврентьевской летописи и ее изданий // Учен. зап. Ленинградск. гос. пед. ин-та. Л., 1939. Т. 19. С. 175—197.

[139] ПСРЛ. Т. 18.

[140] Там же. С. 279.

лами половецких ханов и русских князей в 1223 г., Н. М. Карамзин старался использовать каждый источник, бывший в его распоряжении. Свидетельство о ранении на Калке владимиро-волынского князя Даниила Романовича было заимствовано им из Ипатьевской летописи[141], перечень погибших на Калке русских князей был взят историком из Новгородской первой летописи старшего извода[142], сообщение об убитых в Калкской битве 10 тыс. киевлян — из Лаврентьевской летописи[143], а запись о легендарном воине Алеше Поповиче и 70 его соратниках — скорее всего, из Воскресенской летописи[144]. Приведенный пример использования историком различных источников, за редкими исключениями достоверных, для создания полной и объективной картины далекого прошлого позволял читателям гораздо легче судить о давних временах, чем, например, простое чтение неразделенных на слова летописных текстов. Историк нередко приводил такие факты, которые характеризовали действия противоборствовавших сторон и вместе в одном источнике никогда не встречались.

Впрочем, в ряде случаев Н. М. Карамзин отступал от своих строгих правил учитывать показания всех источников о событиях 1237—1505 гг. В частности, заканчивая текст последней восьмой главы третьего тома своей «Истории государства Российского», он описал вторжение Батыя в русские земли, их опустошение монголами и подчинение далеким каракорумским ханам. Начало описания дано по Новгородской первой летописи старшего извода, откуда заимствован рассказ о появлении Батыя на юге Рязанского княжества, монгольских послах к рязанским князьям и их союзникам, осаде и взятии Рязани, опустошении и разграблении Рязанского княжества. Рассказ был дополнен Н. М. Карамзиным двумя эпизодами: о самоубийстве жены рязанского князя Федора Юрьевича Евпраксии, бросившейся вместе с маленьким сыном с высокой церкви и насмерть разбившейся, и о рязанском боярине Евпатии Коловрате, с отрядом в 1700 человек смело воевавшем с Батыем. Эти эпизоды, по признанию самого Н. М. Карамзина, он почерпнул из «новейших летописцев»[145]. Как выяснилось позднее, оба они оказались недостоверными.

Кроме Новгородской первой летописи старшего извода Н. М. Карамзин использовал в разделе о нашествии Батыя на русские земли и пергаменную Лаврентьевскую летопись. По этой летописи Н. М. Карамзиным описана битва с монголами под Коломной, поход Батыя на Москву и ее взятие, осада Владимира-на-Клязьме, взятие Суздаля, захват Владимира, битва на р. Сити, пленение и казнь монголами владимирского князя Юрия Всеволодовича[146].

Начало четвертого тома «Истории государства Российского» продолжило описание покорения Батыем русских княжеств, на сей раз южных и юго-западных. Источником служила открытая Н. М. Карамзиным Ипатьевская летопись. Материал летописи был тщательно изучен и аккуратно изложен историком. Однако данные о северо-восточных русских городах, захваченных монголами, имевшиеся в Ипатьевской летописи, Н. М. Карамзиным использованы не были.

Стараясь быть точным даже в мелочах, Н. М. Карамзин тем не менее не давал четкого определения того, что надо понимать

[141] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 744.
[142] НПЛ. М.; Л., 1950. С. 63.
[143] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 7.
[144] ПСРЛ. СПб., 1856. Т. 7. С. 132.
[145] *Карамзин Н. М.* История государства Российского. М., 1991. Т. 2—3. С. 508, 509.
[146] Там же. С. 510—512.

под термином «государство». И говоря о противостоянии наследников Всеволода Большое Гнездо воинству Батыя, он называл их то князьями Северо-Восточной Руси, то поборниками за всю Россию (знатные люди «молили небо о спасении России»)[147].

В четвертом томе «Истории», описав правление в Москве и Владимире Ивана Калиты, Н. М. Карамзин рассказал о его смерти в 1340 г. и привел отрывки из его завещаний[148]. С этого момента историк регулярно стал отмечать наличие завещаний у московских великих князей, хотя содержание таких документов передавал с разной полнотой[149]. Так, получаемое по завещаниям отцов недвижимое княжеское имущество указывалось редко, особенно это касалось волостей и сел. Города перечислялись, но пояснений относительно того, имели ли они какие-либо волости, Н. М. Карамзин не делал. Влияния материальных факторов на политику князей историк не учитывал. Во внимание он принимал возникшую еще в Средневековье идею о происхождении верховной власти свыше. Эта идея стала для Н. М. Карамзина путеводной нитью в его научных изысканиях, и в итоге он приходил к выводу, что царское управление государством — это наилучший способ властвования. «История народа принадлежит царю», — заключал Н. М. Карамзин в своем обращении к Александру I, предварявшем первый том его труда[150].

Первое издание карамзинской «Истории государства Российского» было отпечатано в 1816—1817 гг. и в 1818 г. появилось в книжных магазинах и лавках.

Через треть столетия, в 1851 г., из печати вышел первый том будущего 29-томного издания «История России с древнейших времен». Это был труд молодого профессора историко-филологического факультета Московского университета, а позднее ректора университета С. М. Соловьева. Эпоха С. М. Соловьева была совсем иной, чем время Н. М. Карамзина. К середине XIX в. появились железные дороги и паровозы, по морям стали курсировать пароходы, а по воздуху перемещались на воздушных шарах, была изобретена фотография. Революционные события во многих странах Европы в 1848 г. показали, что государства вполне могут обходиться без герцогов и королей. На фоне этих больших сдвигов в экономике и в политическом устройстве карамзинские объяснения исторических фактов влиянием провидения теряли свой смысл. Прошлое надо было расценивать по реальным действиям людей, учитывать влияние природы на человека, а также воздействие человека на места своего проживания. Именно с такими материалистическими мерками подошел к изучению русской истории С. М. Соловьев.

Его труд разбит не на главы по правителям, как у Н. М. Карамзина, а на главы по событиям, определявшим последующий ход русской истории, или по территориям, где они происходили. С. М. Соловьев пишет не о правителях и народе, о чем постоянно говорил Н. М. Карамзин, а о русском обществе в целом, различая в нем князей, бояр, слуг военных, позднее детей боярских и дворян, купцов разных категорий, горожан и отчасти сельчан.

Такой подход к изучению русского средневекового общества требовал более тщательного анализа актового материала, а не нарративного. И при описании Руси монгольского времени С. М. Соловьев опи-

[147] Там же. С. 511.
[148] Там же. М., 1992. Т. 4. С. 144—146.
[149] Там же. С. 163, 173; М., 1993. Т. 5. С. 61, 122—123, 194; М., 1999. Т. 6. С. 200.
[150] Там же. Т. 1. С. 12.

рается не на древнейшие русские летописи, как Н. М. Карамзин, а на Никоновскую летопись XVI в., благо текст ее был опубликован Санкт-Петербургской Академией наук еще в 1767—1792 гг.[151] Конечно, древнейшие русские летописи, такие как Лаврентьевская летопись или Новгородская первая летопись старшего извода, были хорошо известны С. М. Соловьеву, но куда легче было работать с изданием, а не с рукописными подлинниками. При этом исследователь не догадывался, что поздняя Никоновская летопись содержала не первичный исторический материал, а материал поздний, обработанный московскими летописными редакторами, объяснявшими, почему во главе Русского государства стали московские, а не иные Рюриковичи. Зато актовый материал, относившийся к послемонгольской истории Руси, С. М. Соловьев использовал гораздо шире и продуктивнее, чем Н. М. Карамзин. Если последний по сути дела только указывал на существование завещаний князей московского дома, то С. М. Соловьев приводил перечни городов, волостей и сел, которыми владели сыновья Ивана Калиты и их потомки. При этом историк старался как можно точнее определить их географическое место, выявить случаи превращения сел в города, найти соотношение между городами разных княжеств и уделов.

Однако при том темпе написания своего фундаментального труда (один том в год) у С. М. Соловьева случались и серьезные промахи, и досадные противоречия. Так, описывая время правления государя всея Руси Василия III, историк отметил, что в 1510 г. к Москве был присоединен Псков. Первая глава второй части пятого тома соловьевской «Истории», посвященная Пскову, кончалась разделом «Падение Пскова». Однако это утверждение С. М. Соловьева оказывается неверным. Такого факта просто не было. Несколько ранее, в первой части пятого тома своей «Истории России с древнейших времен», анализируя завещание Ивана III, историк отметил, что старшему сыну Василию отец завещал наиболее крупные города Русского государства, такие как «Москва, Новгород, Псков»[152]. Далее, описывая большую красновосковую печать Ивана III с изображением двуглавого орла и всадника, поражающего копьем дракона, С. М. Соловьев обратил внимание на титул Ивана III на этой печати: «Иоанн... великий князь владимирский, и московский, и новгородский, и псковский...»[153]. Печать была привешена к документу, датированному 1497 г. Завещание Ивана III в годы работы С. М. Соловьева датировалось 1504 г. В нем есть специальная статья о Пскове:«Да с(ы)на же своег(о) | Васил(ь)л бл(а)гословлю своею w҃чиною, даю ему горwд Пъскwв и з городы, и с волостьми, и з селы, и всю землю Пъсковскую»[154]. Свое утверждение о падении Пскова в 1510 г. С. М. Соловьев никак не увязывал с тем, что было написано им самим о Пскове ранее. Уже после кончины С. М. Соловьева Археографическая комиссия в 1889 г. издала так называемую Летопись Авраамки. Со временем выяснилось, что Авраамка никакого отношения к основному тексту летописи не имел. Этот основной текст оказался летописным сводом новгородского архиепископа Ионы, умершего в 1470 г. В этом своде под 1460 г. сообщалось, что «той же зимы възбуяшася Пьсковици в нестройнѣ умѣ, наша братіа мнимая, по нашимъ грѣхомъ задашася за великого князя Василья Васильевича и за его сынове, утаився своего брата старѣй-

[151] Руская летопись по Никонову списку. СПб., 1767—1792. Ч. 1—8.
[152] *Соловьев С. М.* Соч.: В 18 кн. М., 1989. Кн. 3. С. 138.
[153] Там же. С. 142.
[154] ДДГ. М.; Л., 1950. № 89. С. 357.

шаго Великаго Новагорода»[155]. Таким образом, выясняется, что присоединение Пскова к Москве произошло не в 1510 г., как казалось С. М. Соловьеву, а на 50 лет раньше, причем присоединение по просьбе самих псковичей.

Не всегда внимательная работа с источниками и по согласованию фактов приводила С. М. Соловьева и к другим промахам. Относительно того же завещания Ивана III молодой профессор писал, что по этой душевной грамоте 66 городов Русского государства получил старший сын Ивана III Василий. На чем основывалась такая цифра, С. М. Соловьев не раскрыл. Проверка по первоисточнику показала, что будущему Василию III было дано не 66, а минимум 94 города.

Согласно расчетам С. М. Соловьева, младшие братья Василия Юрий, Дмитрий, Семен и Андрей получили от отца вместе «менее половины городов, именно только 30»[156]. Сопоставление с первоисточником установило, что младшим сыновьям Иван III выделил 26 городов и половину Ржевы Волжской. Это количество городов составляло не почти половину (около 50%) того, что дал Иван III своему старшему сыну, а всего 28% от того, что получил будущий Василий III.

Последовательно придерживаясь в своем исследовании по истории России принципов материализма, С. М. Соловьев вместе с тем при объяснении конкретных причин возникновения тех или иных исторических явлений опирался не на реальные факты, а на общие соображения и догадки, напоминая своих предшественников — историков, склонных объяснять факты прошлого разного рода провиденциями. В частности, задумываясь над тем, почему именно Москва, известная с XII в., а не какой-либо иной древнерусский город, стала столицей Русского государства, С. М. Соловьев объяснял это тем, что Москва с самого своего появления находилась в центре русских земель. Действительно, если обратиться к географическим картам, составленным во времена С. М. Соловьева, можно убедиться в том, что к югу от Москвы и до берегов Азовского и Черного морей жило русское население, а сама Москва находилась далеко от этих берегов, как и до берегов Балтики и северных морей. В данном случае оценка положения Москвы была правильной. Но это по показателям XIX в. Если же обратиться к картам более раннего времени, например, к составленным ныне картам Русского государства XVI в., то обнаружится, что правый берег р. Оки был заселен в то время слабо, а далее к югу русских поселений почти совсем не было. Поэтому даже в позднем 1571 г., когда давно существовали и полевая, и крепостная артиллерии, которые могли оборонять города, крымский хан Девлет-Гирей сумел организовать успешное нападение на Москву, взяв стольный город Русского государства и учинив в нем грандиозный пожар, приведший к гибели почти всех москвичей, живших вне кремлевских стен. Расстояние между владениями крымского хана и Москвой покрывалось в то время за три-четыре дня.

Москва с момента своего появления являлась не центральным, а пограничным городом, что признавал и сам С. М. Соловьев, говоря о ранней Москве[157]. И если Москве было предопределено быть столицей Русского государства, то почему московские князья первоначально уступали князьям тверским в соперничестве за Владимирское княжение? Приоритет в получении владимирского стола прихо-

[155] ПСРЛ. Т. 16. Стб. 202.

[156] *Соловьев С. М.* Соч. Кн. 3. С. 138.

[157] *Соловьев С. М.* Соч. М., 1993. Кн. 1.

дит сначала к тверским князьям, и лишь позднее — к московским.

Отмечая вклад С. М. Соловьева в изучение русской истории периода 1237—1505 гг., то, что он привнес нового в объяснения событий указанного времени, а где явно отошел от истины или не уследил за противоречиями своих высказываний, следует отметить и другие его новации, относящиеся уже не к отдельному периоду русской истории, а к этой истории в целом. Речь должна идти о формах высшей власти в Древнерусском государстве и образовавшихся позднее на месте последнего княжествах, а также о городах, в которых князья правили.

Согласно представлениям С. М. Соловьева, во главе Древнерусского государства и образовавшихся на его основе в 1050-х годах древнерусских княжеств стояли потомки легендарного Рюрика. На этом основании делался вывод о том, что вся Русь принадлежала Рюриковичам. Однако Ипатьевская летопись под 6655 (1147) г., рассказывая о том, как черниговские князья Владимир и Изяслав Давыдовичи вместе с киевским князем Изяславом Мстиславичем преследовали своего близкого родственника новгород-северского князя Святослава Ольговича и никак не могли его пленить, сообщает, что противники Святослава Ольговича черниговские Давыдовичи «съзваша Вѧтичѣ и рѣша имъ: "Сє єсть ворогъ нама и вамъ, а ловитє єго на полъ вама". И тако вѣвратистасѧ ис Дѣдославлѧ»[158]. Приведенное сообщение свидетельствует о том, что на Руси даже к середине XII в. не все земли были под административным контролем Рюриковичей. А о новгородских карелах, то отлагавшихся от Новгорода, то присоединявшихся к нему, и говорить подробно не приходится.

Особого внимания заслуживает соловьевская теория о характере высшей власти в Древнерусском государстве и возникших на его основе древнерусских княжествах. По мнению ученого, верховная власть и в домонгольской, и в послемонгольской Руси переходила от отца к старшему сыну, от него — к его старшему сыну и т. д., т. е. господствовал династический (вертикальный) принцип передачи верховной власти, а не система горизонтальной передачи власти (от старшего брата к младшему брату). Если в правившей княжеской семье было несколько сыновей, то младшие сыновья получали уделы в порядке их старшинства. Отсюда зарождалась исследовательская мысль о делении по старшинству не только князей, но и городов, получаемых по наследству этими князьями.

Что касается старшинства князей, то норма — старшему князю — старший город — исполнялась не всегда. Она не действовала, когда между отцом и старшим сыном происходила ссора, и правивший родитель назначал своим преемником другого сына. Так было в семьях Всеволода Большое Гнездо и его внука Александра Невского. Иногда младший князь отбирал высшую власть у более старшего родственника силой, как это было в 1247 г., когда один из младших сыновей князя Ярослава Всеволодовича Михаил Хоробрит отобрал у своего дяди Святослава Всеволодовича Владимир-на-Клязьме и сам стал владимирским князем. Были и другие примеры подобного рода: захват в 1363 г. Нижнего Новгорода городецким князем Борисом у своего более старшего брата Дмитрия-Фомы; длительная борьба за тверской великокняжеский стол князя Михаила Александровича со своим дядей Василием Михайловичем. Приходится признавать, что по крайней мере в XIII—XIV вв. в княжествах Северо-Восточной Руси шла упорная борьба между старшими и младшими князьями за верховную

[158] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 338.

власть в отцовских владениях, и младшие сыновья не считались с принципом старейшинства, которому С. М. Соловьев придавал столь большое значение.

Много лет спустя после кончины С. М. Соловьева с новой оценкой русской истории времен 1237—1505 гг. выступил профессор Петроградского университета А. Е. Пресняков. В 1909 г. он защитил магистерскую диссертацию на тему «Княжое право в древней Руси. Очерки по истории X—XII столетий», где рассмотрел вопрос о возникновении княжеской власти в древнерусском обществе, ее укреплении и развитии по мере того, как росли княжеские владения и как они превращались в княжеские отчины. А параллельно шел процесс заселения таких княжеств-отчин, что делало положение князей еще устойчивее. Эти наблюдения ломали схему русской истории, предложенную С. М. Соловьевым, но относились только к ранним X—XII вв.

Гораздо большее научное значение имела докторская диссертация А. Е. Преснякова «Образование Великорусского государства. Очерки по истории XIII—XV столетий», защищенная историком в Петроградском университете в 1918 г. При ее написании А. Е. Пресняков впервые использовал русские летописные своды, обнаруженные исследователями во второй половине XIX—первых двух десятилетиях XX в. Эти летописи не были известны ни Н. М. Карамзину, ни С. М. Соловьеву. Речь идет о таких памятниках русского летописания, как Рогожский летописец (его А. Е. Пресняков изучал по типографскому набору), Симеоновская летопись, западнорусские летописи, Ермолинская летопись, Типографская летопись и др. Использование таких памятников, относившихся преимущественно к XV в., позволяло А. Е. Преснякову при описании событий 1237—1505 гг. использовать более ранний летописный материал, чем С. М. Соловьеву, опиравшемуся на позднюю Никоновскую летопись XVI в.

Впрочем, когда описания того или иного события А. Е. Пресняков не находил в новых летописных памятниках, он оценивал их по поздним: Воскресенской и той же Никоновской летописям.

К моменту работы А. Е. Преснякова над своей докторской диссертацией из печати вышло исследование А. А. Покровского «Древнее псковско-новгородское письменное наследие»[159]. Труд А. А. Покровского был посвящен древним записям, сохранившимся в средневековых рукописях Пскова и Новгорода, позднее перевезенных в Москву. Для историков это был новый и ценный источник, содержавший разнообразные сведения, в том числе и по политической истории — правлению князей в том или ином княжестве. Однако такими данными А. Е. Пресняков не воспользовался.

Несколько ранее труда А. А. Покровского вышла работа А. В. Орешникова «Русские монеты до 1547 года», посвященная средневековой русской нумизматике[160]. Она суммировала то, что было известно к концу XIX в. о восстановившемся со второй половины XIV в. монетном чекане в русских княжествах XIV—XV вв. Для оценки периода с 1237 до 1505 г. можно было бы сравнить вес серебряных монет в каждом княжестве и говорить о финансовом развитии последних, но такой работы А. Е. Пресняков не сделал.

Зато в монографию была включена глава шестая «Рязанское великое княжество». Однако это княжество никакого отношения к Северо-Восточной Руси не имело. Рязанские князья вели свое происхождение от князя Святослава, сына Ярослава Мудрого, сама же Рязань (старая) перво-

[159] *Покровский А. А.* Древнее псковско-новгородское письменное наследие. М., 1916.

[160] *Орешников А. В.* Русские монеты до 1547 года. М., 1896.

начально входила в состав Черниговского княжества. Князья же северо-восточных русских княжеств вели свое происхождение от младшего брата Святослава Ярославича Всеволода. В борьбе за обладание владимирским или московским великокняжеским столом рязанские князья никогда не участвовали и никогда на них не претендовали.

Что касается княжеств Северо-Восточной Руси, то А. Е. Пресняков охарактеризовал развитие прежде всего крупных княжеств: Владимирского, Тверского, Московского и Нижегородского. Судьбы других значительных княжеств, таких как Ростовское, Ярославское, Угличское, Белозерское, Суздальское (до слияния с Нижегородским), а также более скромных Юрьевского, Стародубского, Дмитровского, Галичского, Моложского интересовали исследователя меньше, да и материала по их истории было немного. Отказался ученый и от подробного рассмотрения истории Новгорода и Пскова. Однако то, что было написано А. Е. Пресняковым о великих княжествах, содержало немало нового.

Так, в специальную главу своей книги историк выделил рассмотрение вопроса о соперничестве тверских и московских князей за владимирский великокняжеский стол. Само определение этого соперничества как борьбы (гл. II монографии называлась «Борьба Твери и Москвы за великое княжение “всея Руси”») отвергало утверждение С. М. Соловьева о предопределенности победы московских князей в этом длительном споре. Там же, где речь шла об интересовавших А. Е. Преснякова великих княжествах, исследователь проявлял большое внимание к первоисточникам и тонко оценивал их содержание. В частности, имевшееся в ряде летописей сообщение о том, что в 1306 г. жители Переяславского (Переяславля Залесского) княжества пригласили к себе княжить Ивана Калиту, одного из московских князей, вовсе не означало, по мнению А. Е. Преснякова, присоединения к Москве Переяславского княжества, как считали предшественники С. М. Соловьева и к чему склонялся сам С. М. Соловьев[161], а правление в нем московского по рождению князя.

Анализируя завещания Ивана Калиты, древнейшие из завещаний московских великих князей, А. Е. Пресняков очень внимательно вчитывался в их тексты и предлагал новое их понимание. В частности, оценивая статью 17 этих завещаний: «А что зол(о)то кнѧгини моѥе Оленино, а то есмь дал дчері своеі Фетіньі, 14 обруч(и) и ожерелье м(а)т(е)ри ѥѥ, моніство новоѥ, что есмь сковал, а чело и грив(ну), то ѥсмь дал при собѣ», А. Е. Пресняков отмечал, что речь в статье должна идти об умершей в 1332 г. первой жене Калиты Елене (Олене) и ее дочери Фетинье, к которой переходили драгоценности ее матери[162]. Тем самым определялось, что завещания Ивана Калиты были составлены в конце его жизни.

Оценивая ст. 7 московско-рязанского договора 1381 г.: «А что мѣсто кн(ѧ)зѧ великог(о) Дмитриѧ Ивановича на рѧзанскои сторонѣ Тула, как было при ц(а)р(и)цѣ при Таидулѣ и коли еѣ баскаци вѣдали, в то сѧ кн(ѧ)зю великому Ѡлгу не вступати и кн(ѧ)зю великому Дмитрию», А. Е. Пресняков дает ясные и четкие определения того, какая территория имелась в виду, которой ведали находившиеся в Туле ордынские баскаки[163].

---

[161] *Соловьев С. М.* Соч. М., 1993. Кн. 2. С. 210.

[162] *Пресняков А. Е.* Образование Великорусского государства: Очерки по истории XIII—XV столетий. Пг., 1918. С. 163, примеч. 2.

[163] Там же. С. 243, примеч. 2.

Следя за эволюцией на Руси различных светских организаций, А. Е. Пресняков не забывал и об организациях церковных. Более всего его интересовала митрополия всея Руси и стоявшие во главе ее митрополиты, которые уже по своему положению должны были контактировать с представителями светской власти и влиять на эту власть. На протяжении 1237—1505 гг. митрополия всея Руси испытывала трудности всякого рода. Она страдала от нападок местных правителей, стремившихся к расширению своих владений, от правителей чужеземных, зарившихся на церковные богатства и не желавших поддерживать православие, от византийских патриархов и соборов, от ловких высокопоставленных клириков, стремившихся возглавить новые епархии, что вело к церковным расколам. Многие историки русской церкви относили к последним митрополита Герасима, москвича по месту своего рождения, но действовавшего не в Москве, а в западнорусских епархиях. Однако А. Е. Пресняков сумел показать, что Герасим получил свой сан на законных основаниях и занял митрополичью кафедру всея Руси после смерти московского митрополита Фотия.

Впрочем, события XV в. А. Е. Пресняков анализировал не столь тщательно по сравнению с событиями предшествовавших столетий. В частности, характеризуя договоры, заключенные литовским великим князем Витовтом с рязанским и пронским князьями, А. Е. Пресняков не только не смог уточнить их датировку (1427 г. вместо ок. 1430 г.), но и оценить их главное содержание. А оно заключалось в том, что по этим договорам рязанский и пронский князья должны были поддерживать внука Витовта московского великого князя Василия II, если на него нападут его дяди. В их число попадал и князь звенигородский и галичский Юрий Дмитриевич, с которым во враждебных отношениях с 1425 г. находился Василий II. Дипломатические шаги Витовта привели к тому, что в 1428 г. князь Юрий признал права Василия II на великокняжеский стол, а себя — его вассалом. Но эти признания действовали лишь до конца 1430 г., когда Витовт умер.

Хотя событиям 1431—1453 гг. А. Е. Пресняков отвел большое место в «Образовании Великорусского государства», его описание хода и развития династической борьбы за верховную власть в разросшемся Великом княжестве Московском не получилось полным и точным. Ряд договорных грамот Василия II был датирован неверно, причины возникновения важных документов, например, завещания Юрия Звенигородского, точно не установлены (А. Е. Пресняков не знал о существовании у этого князя старшего сына Ивана), не придавалось должного значения юридическим актам, менявшим характер судопроизводства в Москве и приводившим к закреплению судебных доходов за великими князьями.

Завещание 1503 г. Ивана III основательно А. Е. Пресняковым не анализировалось. Если относительно завещанных Иваном III городов своим четырем младшим сыновьям все было достаточно ясно, то относительно городов, передаваемых старшему сыну Василию, преемнику отца на великокняжеском столе, такой ясности не было. Использовалась цифра 66, предложенная С. М. Соловьевым. Степень достоверности такой цифры не проверялась. Недостаточно в исследовании А. Е. Преснякова был проработан вопрос и о влиянии чужеземной монгольской власти на становление Русского государства. Делалось только ясным, что внутренние войны приводили к расколу и к ослаблению Орды. И этим пользовались русские князья, захватывая новые земли и переставая платить Орде ежегодный харадж («выход»).

Выступая с речью на защите своей докторской диссертации, А. Е. Пресняков много говорил о С. М. Соловьеве, не-

достатках его общей концепции русской истории, но при этом не приводя конкретных примеров ошибочности тех или иных утверждений своего предшественника. Похоже на то, что докторант просто лишний раз не листал нужные тома «Истории России с древнейших времен», где говорилось о передаче Святославом Ярославичем брату Всеволоду Черниговского княжества в 1073 г., о падении Пскова в 1510 г. и в то же время о владении Псковом и всей Псковской землей Иваном III по его завещанию 1504 г. Отсутствие перепроверки утверждений С. М. Соловьева в исследовании А. Е. Преснякова ничем не компенсировалось.

В конце февраля 1960 г. московское «Издательство социально-экономической литературы» выпустило в свет книгу с обязывающим названием: «Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках. Очерки социально-экономической и политической истории Руси». Автором работы был заведующий сектором феодализма Института истории Академии наук СССР доктор исторических наук Лев Владимирович Черепнин. Его исследование было работой объемной, книга насчитывала 899 страниц текста, что составляло 56,25 печатных листов, и была издана немалым тиражом — 10 тыс. экз. Объем книги и размер ее тиража свидетельствовали о том, что ей придавалось большое научное значение и, видимо, не только научное. Подобного сочинения не было ни в СССР, ни за рубежом, где интерес к русской истории медленно, но неуклонно шел вверх.

В подавляющем большинстве случаев в книге использовались материалы сборников документов, изданных в России в конце XVIII — начале XX в. и в СССР в 1920—1950-е годы. Это дало возможность Л. В. Черепнину впервые в историографии вопроса о возникновении единого централизованного (т. е. монархического) государства на русских землях указать на развитие хозяйства в этих местах, прежде всего крестьянского, но также сельскопромыслового и городского ремесленно-торгового. Охарактеризованы также существовавшие в XIV—XV вв. на Руси формы земельной собственности и соответственно этим формам положение боярства, военных слуг, позднее — детей боярских и дворян, которые составляли правящий класс русского общества того времени. Однако характеристике княжеских слуг-министериалов внимания в книге почти не уделялось, хотя с самого начала XV в. почти все города в русских землях имели «пути» и соответственно «путных» бояр, ответственных за организацию и доставку промысловых товаров (меда, рыбы, бобров и иных водоплавающих млекопитающих, охотничьих птиц, строительного леса, луба для крыш зданий и другой подобной продукции) в близлежащие города.

Что касается других исторических источников, в частности, летописного материала, то он также был привлечен Л. В. Черепниным для написания рассматриваемой книги. В ряде случаев, однако, описания событий давались в первую очередь по Воскресенской летописи 1540-х годов[164]. Более ранние источники, например, такие как Симеоновская летопись или Московский летописный свод конца XV в., были оставлены в стороне[165].

Два нападения тверичей на Москву в 1305 и 1307 гг. последнюю ослабили, что позволило князю Михаилу Тверскому вырвать Переяславль из рук московских князей. Юрию Даниловичу Московскому в 1317 г. пришлось силой подчинять себе Ростов и Переяславль (Юрий «пріиде

[164] *Черепнин Л. В.* Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках. М., 1960. С. 468, примеч. 3. Ср.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 529.

[165] *Черепнин Л. В.* Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках. С. 334, примеч. 8.

съ Костромы къ Ростову, отъ Ростова къ Переяславлю и много зла творя христіаномъ»)[166]. Злое отношение московского князя к жителям Ростова и Переяславля указывает на то, что ни Ростов, ни Переяславль не были в подчинении Москвы. Они ориентировались на Тверь, и получивший в Орде ярлык на великое княжение владимирское московский князь мстил им за это.

Рассматривая сделки главным образом XV в. по приобретению промысловых деревень, Л. В. Черепнин приходит к выводу, что в итоге такие деревни разрастались и превращались в крупные промысловые центры. Их жители постепенно оставляли занятия земледелием и занимались исключительно тем или иным промыслом. Такая эволюция, отмеченная исследователем, безусловно важна.

Главные события в русских княжествах XIV—XV столетий Л. В. Черепнин излагал по летописям. Описывая, например, Куликовскую битву, историк поделил источники, содержавшие сведения о сражении, на три группы. К первой он отнес рассказы, встречающиеся только в летописях. Ко второй — различные редакции Задонщины. К третьей — редакции Сказания о Мамаевом побоище[167]. Позднее были проведены текстологические и источниковедческие разыскания в отношении текстов в Рогожском летописце и Симеоновской летописи, в Новгородской первой летописи младшего извода, в Софийской первой летописи старшего извода и Новгородской четвертой летописи[168]. Это уточнило последовательность и взаимоотношения текстов и их редакций.

В рассматриваемой работе Л. В. Черепнина ничего не сказано о таком факторе, как политическое подчинение русских княжеств Орде, выражавшееся в уплате ежегодного «выхода» во многие тысячи рублей. Нет оценки действий русской церкви, глава которой митрополит всея Руси в разные периоды помогал московскому великому князю[169]. Не были прослежены исследователем и изменения, происходившие в XIV—XV вв. в имущественном положении и юридических правах правящих династий в разных русских княжествах по великокняжеским завещаниям.

Тем не менее работы Л. В. Черепнина стали важной вехой в развитии российской исторической науки. Его труд «Русские феодальные архивы XIV—XV веков» (М.; Л., 1948. Ч. I; М.; Л., 1951. Ч. II) (докторская диссертация) внес большой вклад в отечественное актовое источниковедение периода XIV—XV вв., изучение социально-экономической и политической истории Руси этого времени. Публикация этим ученым ценнейших русских средневековых источников (княжеских завещаний и межкняжеских договоров) — «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.» (М.; Л., 1950) выполнена на высоком уровне и используется учеными всего мира.

Особая тема отечественной историографии — судьба республиканского варианта развития русской государственности. Еще в XVIII в. ученые заметили, что политический строй средневековых Новгорода и Пскова имел принципиальные отличия от политического строя других русских земель, а потом от политического строя усиливавшегося Великого княжества Московского. Уже тогда было предложено рассматривать Новгород и Псков в контексте европейских республик и городских коммун эпохи Средневековья и раннего

---

[166] ПСРЛ. Пг., 1922. Т. 15, вып. 1. Стб. 37.

[167] *Черепнин Л. В.* Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках. С. 596.

[168] Памятники Куликовского цикла. СПб., 1998.

[169] РИБ: В 40 т. 2-е изд. СПб., 1908. Т. 6. Прилож. 24. Стб. 135—140.

Нового времени (Г. Ф. Миллер, М. В. Ломоносов). Тогда же впервые появилась идея о событиях 1136 г. в Новгороде как о решающем этапе в становлении республиканского строя. Значительную роль образ вольного Новгорода играл в риторике «освободительного движения» второй половины XVIII — первой четверти XIX в. (А. Н. Радищев, декабристы и др.), что оказало существенное воздействие на общественные представления и историческую память[170]. Определенную известность получили сочинения И. Д. Беляева и особенно Н. И. Костомарова о «севернорусских народоправствах», которые он противопоставлял монархической Северо-Восточной Руси (в частности, они оказали влияние на представления о Новгороде А. К. Толстого — автора многочисленных и популярных художественных произведений на исторические темы).

Однако подлинно научное изучение социально-политического строя Новгорода и Пскова и его конкретных аспектов началось позднее и связано оно с именем рано умершего, но успевшего сделать очень много историка А. И. Никитского (1842—1886). Важным достоинством его работ, благодаря которым они до сих пор не утратили своего научного значения, был по возможности полный охват известных на то время источников, включая ганзейские и орденские. В этом смысле А. И. Никитский опередил не только свое время. Концептуально он был близок к земско-вечевой теории (В. И. Сергеевич, М. Ф. Владимирский-Буданов и др.), но в конкретных исследованиях нередко отходил от ее установок. А. И. Никитский успел издать монографию, посвященную истории Пскова, основанную на его магистерской диссертации, ряд работ об отдельных аспектах истории Новгорода (устройство новгородской церкви, военная организация)[171]. Монография о социально-экономическом строе Новгорода осталась незаконченной и была опубликована после смерти ученого[172].

В советское время истории Новгорода и Пскова уделялось недостаточное внимания. И это объяснимо: республики северо-запада Руси плохо вписывались в господствовавшие тогда схемы. Ситуация начала меняться после выдающихся открытий Новгородской археологической экспедиции. Начаты были эти раскопки еще в 1930-е годы, а широкие масштабы приняли с 1951 г., сопровождаясь рядом блестящих открытий, самым известным из которых стала находка в том же году первой берестяной грамоты (датирующейся концом XIV в.). После этого стало ясно, что Новгород — уникальная сокровищница сведений по истории не только самого Новгорода, но и средневековой Руси в целом.

Научное осмысление открытий Новгородской археологической экспедиции с привлечением широкого круга письменных источников было начато уже ее первым руководителем А. В. Арциховским (1902—1978), а потом продолжено и развито его преемником — В. Л. Яниным (1929—2020). Важнейшим и очень существенным достоинством в подходе В. Л. Янина было совмещение исторического и археологического анализа, что исключительно значимо для столь уникального в археологическом отношении древнерусского города. Междисциплинарный историко-археологический и лингвистический характер носили его исследования берестяных грамот, которыми он последние десятилетия занимался вместе с вы-

[170] См. об этом: *Lübke Ch.* Novgorod in der russischen Literatur (bis zu den Dekabristen). B., 1984. (Giessener Abhandlungen zur Agrar- und Wirtschaftsforschung des europäischen Ostens; Bd. 130).

[171] *Никитский А.* Очерк внутренней истории Пскова. СПб., 1873.

[172] *Он же.* История экономического быта Великого Новгорода. М., 1893.

дающимся отечественным языковедом А. А. Зализняком (1935—2017). Благодаря В. Л. Янину и А. А. Зализняку история и культура Новгорода периода самостоятельности вышла за рамки чисто академических штудий и стала привлекать огромный общественный интерес. В настоящее время эти исследования продолжают археологи, историки и филологи — ученики и последователи выдающихся ученых.

Трудно назвать какую-либо сферу новгородоведения, которой бы В. Л. Янин не посвятил работу: это и политическая история, это и институциональная история (тут надо упомянуть, прежде всего, классическую монографию о новгородских посадниках), это и социально-экономическая история, это и внешние связи, это и источниковеднис, это и археология, и даже история культуры и искусства[173]. Следует отметить, что многие выводы, сделанные В. Л. Яниным в основном на новгородском материале, имеют значение и для истории русских земель этого периода в целом. В особенности это относится к его наблюдениям о времени и характере распространения вотчинной системы и к источниковедческим работам. Так, труды, посвященные новгородским актам, древнерусским печатям (в соавторстве с П. Г. Гайдуковым), берестяным грамотам, стали неоценимым подспорьем для ученых, занимающихся самыми разными сюжетами. Разумеется, не все в построениях В. Л. Янина бесспорно. Ряд его смелых гипотез и заключений (особенно касающихся социально-политического устройства Новгорода, в котором он акцентирует внимание на олигархических элементах) дискуссионны и вызвали критические замечания. Но в целом В. Л. Янина заслуженно можно считать создателем современной парадигмы исторического изучения Новгорода, от которой так или иначе отталкиваются все современные ученые.

Ряд ключевых вопросов истории Новгорода и Пскова периода самостоятельности рассмотрен в работах петербургского историка Ю. Г. Алексеева (1926–2017). Общий его взгляд довольно традиционен: обоснование исторической необходимости присоединения Новгорода к Москве, обреченности новгородского республиканского строя из-за внутренних противоречий, апологетическая, хотя и достаточно трезвая оценка новгородской политики Ивана III. При этом важными новациями в работах историка следует признать тщательный и непредвзятый анализ социальной структуры обществ северо-запада Руси того времени, эволюции их правовых систем и большое внимание к чисто военной стороне дела, в чем проявились специфические и очень важные в данном случае компетенции автора[174].

Иные подходы развивал еще один петербургский ученый – Я. С. Лурье (1921–1996). Он был, прежде всего, источниковедом и особенно специалистом по летописной текстологии. Многолетние занятия этой тематикой позволили ему продолжить наблюдения А. А. Шахматова, М. Д. Присёлкова и А. Н. Насонова и создать достаточно стройную, хотя и оспариваемую в отдельных пунктах схему летописания XIV–XV вв. Центральное значение в его построениях занимает гипотеза о новгородско-софийском своде – гипоте-

[173] *Янин В. Л.* Новгородская феодальная вотчина: (Историко-генеалогическое исследование). М., 1981; *Он же.* Новгородские акты XII—XV вв.: Хронологический комментарий. М., 1991; *Он же.* Новгород и Литва: Пограничные ситуации XIII—XV веков. М., 1998; *Он же.* Новгородские посадники. 2-е изд. М., 2003; *Он же.* Очерки истории средневекового Новгорода. М., 2008, и др.

[174] Важнейшие работы ученого по этой тематике: *Алексеев Ю. Г.* «Черные люди» Новгорода и Пскова (к вопросу о социальной эволюции древнерусской городской общины) // ИЗ. М., 1979. Т. 103. С. 242–274; *Он же.* Псковская судная грамота и её время: Развитие феодальных отношений на Руси XIV–XV вв. Л., 1980; *Он же.* «К Москве хотим»: Закат боярской республики в Новгороде. Л., 1991.

тическом общем источнике летописей новгородско-софийской группы, важнейших источников по истории Новгорода этого периода.[175] Попытку на этой основе осуществить более корректный анализ и политической истории Я. С. Лурье предпринял в монографии, вышедшей в 1994 г.[176] В ней он на основании пересмотра и уточнения летописной текстологии подверг во многом справедливой критике ряд устоявшихся представлений, основанных в конечном счете на идеологических конструкциях московских книжников XV–XVI вв. и закрепившихся в отечественной историографии. В большой степени это относится к истории Великого Новгорода и Пскова, в особенности к оценкам московско-новгородского противостояния в 1470–1471 гг. и присоединения Новгорода к Москве (признавая наличие острых противоречий в новгородском обществе, ставших одной из главных причин поражения республики в борьбе с Москвой, ученый скептически оценил достоверность антиновгородской риторики московских книжников, обвинявших новгородцев в уклонении в «латинство» и пр.). Большое значение для изучения псковского летописания (и, соответственно, истории Пскова) имеет его рецензия на книгу Х. Ю. Грабмюллера, которая выходит далеко за пределы поставленной задачи и представляет собой самостоятельное исследование сложной текстологической проблемы[177].

Новаторский для советской историографии характер носили исследования о новгородской торговле А. Л. Хорошкевич (1931—2017), которая в своей монографии продолжила исследования ряда немецких ученых-«ганзеатологов», прежде всего, Л. К. Гётца и П. Йохансена, широко используя немецкие и русские источники (в том числе обнаруженные в архивах ею самой)[178].

В значительно меньшей степени внимание исследователей советского времени привлекала история Пскова. Можно отметить книгу Б. Б. Кафенгауза (1894—1969), но она носит более «локальный» характер[179]. Имеется также ряд исследований, авторы которых пытались применить к социально-политической истории Пскова модель, разработанную В. Л. Яниным на новгородских материалах (таковы, например, работы И. О. Колосовой).

В настоящее время историки, занимающиеся Новгородом и Псковом, стремятся совмещать лучшие достижения отечественной и зарубежной историографии прошлого с тщательным источниковедческим анализом и привлечением более широкого круга источников, в частности, документов, связанных с богатой историей взаимоотношений Новгорода и Пскова с их западными соседями: Ганзой, а также Ливонией и Швецией. Выясняется, что осмысление социально-политического строя русских средневековых республик возможно только в сравнительно-историческом контексте, а богатый новгородский и псковский материал, в свою очередь, необходимо учитывать при изучении европейских средневековых городских республик и коммун[180].

---

[175] *Лурье Я. С.* Общерусские летописи XIV–XV вв. Л., 1976.

[176] *Он же.* Две истории Руси XV века. Ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства. СПб., 1994.

[177] *Он же.* [Рец. на: *Grabmüller H.-J.* Die Pskover Chroniken. Untersuchungen zur russischen Regionalchronistik im 13–15. Jahrhundert. Wiesbaden, 1975] // Russia mediaevalis. 1977. T. III. P. 83–92.

[178] *Хорошкевич А. Л.* Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV–XV веках. М., 1963.

[179] *Кафенгауз Б. Б.* Древний Псков: Очерки по истории феодальной республики. М., 1969.

[180] См. об этом: *Вовин А. А.* Городская коммуна средневекового Пскова. XIV – начало XVI в. СПб., 2019; *Лукин П. В.* Новгород и Венеция: Сравнительно-исторические очерки становления республиканского строя. СПб., 2022.

В последнее время предлагается рассматривать в рамках республиканской модели также историю Полоцкой земли в XIII—XIV вв. Действительно, ряд черт ее социально-политического строя и до, и после вхождения в состав Великого княжества Литовского сближают ее с Новгородом и Псковом[181]. Впрочем, здесь остается еще много неясного и недостаточно изученного.

В последние десятилетия изучение ряда важнейших аспектов истории рассматриваемого периода в отечественной историографии обогатилось новыми исследованиями. Среди их авторов — ныне здравствующие ученые, в том числе авторы данного тома «Истории России». Было бы неуместно здесь их оценивать, но в самой общей форме можно сказать, что для лучших современных работ, посвященных XIII—XV вв., характерно преодоление определенной автаркии, свойственной в значительной степени советской историографии; интерес к европейскому и евразийскому контексту, в которых развивались русские земли в этот период; отход от жесткой москвоцентричной модели и внимание не только к Москве, но и к другим русским землям, включая земли Великого княжества Литовского и Польского королевства; изучение республиканского варианта развития на северо-западе Руси не как некоего специфического и заранее обреченного на гибель «отклонения», а как полноценной социально-политической модели; обязательный тщательный источниковедческий анализ; опора не только на традиционные нарративные и актовые источники, но на всю их палитру, включая археологические, эпиграфические, иностранные; использование сравнительно-исторической методологии. Разумеется, все это никоим образом не означает разрыва с лучшими традициями отечественной историографии или отказа от изучения традиционной проблематики с учетом новых данных и подходов. Прежде всего, это касается ключевого процесса периода — объединения русских земель под властью Москвы и образования единого государства[182].

О «зарубежной историографии» в последние годы можно говорить только условно. Сказываются интернационализация и глобализация науки: исследователи переезжают в разные страны (и даже меняют гражданство), пишут на разных языках, используют разные подходы. Много работ переводится с иностранных языков на русский и наоборот, и они становятся достоянием разных историографических традиций. С распадом СССР изменились сами «рубежи», хотя школа, которую можно назвать русской или русскоязычной, сохраняется до сих пор поверх политических границ. Некоторые различия между этой школой и тем, что можно назвать западной историографией, были и есть. Конечно, определение «западная» тоже условно — оно может покрывать, например, работы исследователей из Японии, географически восточной от России[183]. Предлагаемый ниже краткий обзор нацелен на то, чтобы показать только общие тенденции именно в западной историографии, и акцент делается на работы нескольких последних десятилетий. Надо также оговориться, что ряд упоминаемых исследований, затрагивая период XIII—XV вв.,

---

[181] *Флоря Б. Н.* Историческая традиция об общественном строе средневекового Полоцка // Отечественная история. 1995. № 5. С. 110—116; *Он же.* Лекции по русской истории. М., 2021. С. 269—271.

[182] Более нюансированный подход к анализу центробежных и центростремительных тенденций в Северо-Восточной Руси XIV в. проявился уже в советской историографии 1970—1980-х годов (см.: *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. М., 1984. С. 104—314). О новых подходах к изучению ранних этапов становления единого государства см.: *Кром М. М.* Рождение государства: Московская Русь XV—XVI веков. М., 2018.

[183] Указать следует, прежде всего, на работы современного исследователя Ацуо Накадзавы. См., например, его недавнюю книгу: *Накадзава А.* Древняя Русь и ее окрестности. Белград, 2022.

нередко выходит за его рамки либо в домонгольскую эпоху, либо в XVI—XVII вв.

Если не считать влияния немецкой науки на русскую в XVIII в., систематические и серьезные исследования по русской средневековой истории вне России начались приблизительно с конца XIX—начала XX в. Исследования собственно русской или восточнославянской истории начали выделяться из славистики. Первая в Западной Европе профессорская должность (экстраординариат) по восточноевропейской истории была открыта в 1892 г. в Берлинском университете. Аналогичные кафедры были созданы примерно тогда же в Вене и несколько позднее (в 1925 г.) в Лондоне. Большое значение для развития славистики и изучения русской (восточнославянской) истории имела русская эмиграция. Многие историки из России «первой волны» эмиграции осели в Германии, во Франции, в Праге и в Белграде. Постепенно, особенно после Второй мировой войны, все больше исследователей, в том числе историков, приезжали в США.

Разумеется, в европейских историографических школах заметны свои особенности изучения русской средневековой истории. В некоторых странах сказывается авторитет одной личности. Например, для французской школы большое значение имели труды Пьера Паскаля, работавшего в середине XX в. Паскаль написал учебник по русской истории, переиздававшийся и использовавшийся как стандартное пособие во Франции на протяжении многих лет[184].

В британской историографии заметен некоторый крен в византинистику, во многом из-за того авторитета, который приобрел в Великобритании византинист Д. Д. Оболенский (из князей Оболенских, выдвинувшихся при московском дворе в XV в.), писавший и о русской средневековой истории[185]. Ему посвятили свою книгу по истории Древней Руси его ученики Дж. Шепард и С. Франклин[186].

Американская историография складывалась под сильным влиянием русских эмигрантов. Основополагающими стали работы Г. Вернадского, прежде всего, его серия книг по русской истории с Киевской Руси до конца XVII в.[187] Наиболее популярный в США учебник по русской истории написал также выходец из русской эмиграции Н. Рязановский[188].

Немецкая историография развивалась в XX в. по-своему, освобождаясь от идей и схем, унаследованных от пангерманизма XIX в. и Ostforschung середины XX в. Переломным для нее стало время после Второй мировой войны, когда старые идеи стали пересматриваться в работах Г. Людата (H. Ludat), М. Хеллманна (M. Hellmann), Г. Штёкля (G. Stökl) и других исследователей, заложивших основы изучения истории средневековой Руси в ФРГ (в марксистской историографии ГДР эта история практически не изучалась). Послевоенная немецкая академическая славистика отказалась от понимания Европы как сообщества романских и германских народов, восходящего к знаменитому труду Леопольда фон Ранке.

Долгое время для периода до начала XVI в., т. е. по принятой на Западе периодизации — для Средних веков, значительно преобладали, и количественно, и качественно, исследования русской истории на немецком языке. В 1985 г. один из са-

[184] *Pascal P.* Histoire de la Russie des origines à 1917. P., 1946.

[185] См. прежде всего: *Obolensky D.* Byzantium and the Slavs. N. Y., 1994.

[186] *Franklin S., Shepard J.* The Emergence of Rus: 750—1200. L.; N. Y., 1996. В рус. пер.: *Франклин С., Шепард Дж.* Начало Руси: 750—1200 / Пер. Д. М. Буланина и Н. Л. Лужецкой. СПб., 2009.

[187] *Vernadsky G.* Kievan Russia. New Haven, Conn., 1948, и др. (в конце XX в. все книги Г. Вернадского были изданы на рус. яз.).

[188] *Riasanovsky N.* A history of Russia. Oxford; N. Y., 1963.

мых известных историков-русистов Карстен Гёрке, работавший в ФРГ и Швейцарии, писал, что «в кругу тех ученых, которые на Западе занимаются историей России», «медиевисты составляют небольшое и явно становящееся еще меньше меньшинство. И это меньшинство имеет достаточно ясно локализуемый региональный центр: немецкоязычные страны»[189]. С тех пор ситуация несколько изменилась: медиевистов по-прежнему мало, но среди них немцев почти нет, а их труды издаются в основном на английском языке.

В целом для зарубежной историографии позднесредневековой Руси характерны две черты. Во-первых, для нее, как и для всей западной русистики, важнейшим является вопрос о месте Руси/России в Европе, о связи русской истории с европейской цивилизацией. Корни этого вопроса и самого интереса европейцев к восточным соседям уходят в раннее Новое время, когда в Московское государство приезжали дипломаты, путешественники, коммерсанты и приглашенные специалисты из Европы. Тогда зародились многие стереотипы взаимного восприятия, и преобладающим было отношение к России как стране чужой и непонятной[190]. Еще 50 лет назад историки писали об особом пути средневековой и раннемодерной Руси по сравнению с Западной Европой и сравнивали ее с Востоком и восточными деспотиями[191]. В последние годы, однако, Русь воспринимают скорее как часть средневековой Европы, интегрированную в общее культурное и политическое пространство[192].

Во-вторых, на подходы и интерпретации западных историков оказала большое влияние русская дореволюционная и эмигрантская историография. Во многом это влияние объяснялось противостоянием (имевшим политические и идеологические причины и аспекты) с советской марксистской наукой. На европейские языки были переведены работы таких классиков, как В. О. Ключевский, М. С. Грушевский, и многие другие. Большим авторитетом пользовались русские историки-эмигранты. Они издавали за рубежом свои работы и на русском языке[193], и — разумеется, чаще и больше — на европейских языках. Например, труды уже упомянутого Г. Вернадского или Г. Федотова[194], сегодня воспринимающиеся как «свои» в русскоязычной историографии, первоначально были написаны на ино-

[189] *Goehrke C.* Entwicklungslinien und Schwerpunkte der westlichen Russlandmediaevistik // Essays in Honor of A. A. Zimin. Columbus, Ohio, 1985. P. 167.

[190] Ср.: *Scheidegger G.* Perverses Abendland — barbarisches Russland. Begegnungen des 16. und 17. Jahrhunderts im Schatten kultureller Missverständnisse. Zürich, 1993.

[191] Ср. дискуссию, развернувшуюся на страницах журнала «Slavic Review», с названиями статей, говорящими сами за себя: *Wittfogel K. A.* Russia and the East: A Comparison and Contrast // Slavic Review. 1963. Dec. Vol. 22. No. 4. P. 627—643; *Roberts H. L.* Russia and the West: A Comparison and Contrast; *Raeff M.* Russia's Perception of Her Relationship with the West; *Szeftel M.* The Historical Limits of the Question of Russia and the West // Slavic Review. 1964. Mar. Vol. 23. No. 1. P. 1—30.

[192] Ср.: *Mikhailova Yu.* Reimagining Medieval History: Against the Last Bastion of the West-centric Master Narrative // Russian History. 2015. Vol. 42. No. 2. P. 188—203 (рец. на кн.: *Raffensperger Ch.* Reimagining Europe: Kievan Rus' in the Medieval World. Cambridge, Mass.; L., 2012).

[193] Например, по средневековому периоду: *Ельяшевич В. Б.* История права поземельной собственности в России. Т. 1: Юридический строй поземельных отношений в XIII—XVI вв. Париж, 1948; *Струве П. Б.* Социальная и экономическая история России. Париж, 1952 (работа охватывает период до XV в., не закончена автором).

[194] *Fedotov G. P.* The Russian religious mind. Vol. 1: Kievan Christianity: The 10th to the 13th centuries. Cambridge, Mass., 1946; *Fedotov G. P.* The Russian religious mind. Vol. 2: The Middle Ages: The 13th to the 15th centuries / Ed. by J. Meyendorff. Cambridge, Mass., 1966.

странных языках и только позднее были переведены на русский.

Некоторые из тем, которые активно дискутировались именно в контексте противостояния с советской наукой, ушли в прошлое и сегодня вряд ли актуальны. Например, зарубежные историки активно спорили с важным для советской «истматовской» концепции тезисом о феодальном характере древнерусского общества[195]. Сегодня эти споры выглядят скорее схоластическими. В конечном итоге называть нечто феодальным или нет, зависит от того, что понимать под феодализмом, а дает ли само это понятие что-то ценное для понимания средневековой истории (не только древнерусской), — в этом многие современные исследователи сомневаются. Другие темы, поднятые еще русскими дореволюционными и эмигрантскими историками и развитые в зарубежной историографии, сохраняют актуальность.

Прежде всего, следует назвать проблему власти и политической системы в русских землях XIII—XV вв. Во многом вслед дореволюционной историографии, особенно государственной школе, зарубежные историки фактически считали носителями политической власти лишь правящих князей из династии Рюриковичей, и межкняжеские династические отношения мыслились мотором политического процесса. Наиболее яркое выражение этот подход нашел в так называемой вотчинной (патримониальной) концепции, согласно которой князья рассматривали подвластные им земли как свою вотчину, а людей — как вотчинных, дворовых личных слуг. С помощью этой концепции объясняли не только укрепление власти московских великих князей и эволюцию ее в самодержавный автократический (и даже деспотический) строй, но и едва ли не происхождение российского империализма и советского тоталитаризма[196].

Такая перспектива задавала тематику конкретно-исторических исследований — престолонаследие и династические взаимоотношения в княжеской среде, становление административного аппарата, идея неограниченной власти монарха и т.п.[197] Она подразумевала также тезис (в сущности, восходящий к концепции «закрепощения сословий» государственной школы) о зависимости знати (боярства) от государства (в лице князя) и о слабости ее корпоративных интересов в автократической политической системе. Подчеркивалось отсутствие институтов и юридических механизмов в борьбе знати за свои права перед лицом усиливающей и подавляющей гражданское сознание государственной власти.

Однако с 1980-х годов начался пересмотр такого рода идей и, прежде всего, тезиса о «слабой и зависимой» знати. Отчасти повлияли исследования землевладения и боярских генеалогий, предпринятые С. Б. Веселовским и другими учеными, работавшими в СССР, отчасти — работы западноевропейских медиевистов, показавших принципиальную роль знати (элиты) в политической организации и жизни средневековых обществ. В американской историографии сказалось также влияние идей Э. Кинана, который отказался от понимания политического строя Московского государства XVI—XVII вв. как автократическо-

---

[195] См., например: *Vernadsky G.* Feudalism in Russia // Speculum. 1939. Vol. 14. No. 3. P. 300—323.

[196] Ср.: *Pipes R.* Russia Under the Old Regime. N. Y., 1974. Рус. пер.: *Пайпс Р.* Россия при старом режиме. М., 1993.

[197] См., например, работы на англ. яз. М. Димника по истории черниговской династии (по XIII в.: *Dimnik M.* Mikhail, prince of Chernigov and grand prince of Kiev 1224—1246. Toronto, 1981), на нем. яз. П. Ниче по истории московских Калитовичей (*Nitsche P.* Grossfürst und Thronfolger: die Nachfolgepolitik der Moskauer Herrscher bis zum Ende des Rjurikidenhauses. Köln, 1972).

го и увидел в боярской элите правящую корпорацию, сплоченную особым образом[198].

Применительно к эпохе XIII—XV вв. поворот исследовательского интереса в англоязычной историографии обозначили работы Г. Алефа — некоторые в просопографическом направлении[199], другие с попыткой представить отношения князя и знати на Руси в контексте «политической культуры»[200]. Новые идеи озвучила Н. Ш. Коллманн[201]. Она доказывала, что Государев двор в Московском княжестве середины XIV — середины XVI в. складывался как олигархическая корпорация боярских кланов, конкурировавших друг с другом, но придерживавшихся некоторых общих принципов и правил в родовых связях и распределении должностей и доходов (кормлений). Эти правила обеспечивали стабильность внутри элиты, влияние ее на важнейшие политические решения и способность сплотиться в кризисные моменты.

На немецком языке новые подходы продемонстрировали У. Хальбах и Х. Рюсс. В книге Хальбаха предпринимается попытка рассмотреть княжеский двор на Руси как целостную систему, где все элементы связаны, в трансформации с домонгольского времени до эпохи владычества Орды[202]. Скорее в традиционном духе упор сделан на организацию управления через структуры должностей и ответственных лиц. Новаторским является сравнительно-исторический аспект работы: в первой главе книги излагается устройство королевских/княжеских дворов некоторых западноевропейских государств — Польши, Чехии, Венгрии, Хорватии, Сербии и Болгарии, а также императорского двора Византии, и на этом фоне затем рассматривается древнерусский княжеский двор.

Подход Х. Рюсса во многом близок идеям Н. Ш. Коллманн, хотя он больше делает акцент не на генеалогию и политические институты, а на «менталитет» — ценностные установки и идеи, которыми руководствовалась знать Древней Руси. Он призывает отказаться от противопоставления правителя и знати как двух разных центров политической системы и подчеркивает, что они находились в общем «контексте господства» и их интересы во многом совпадали. Особенностями знати на Руси с древности вплоть до XVII в. были ориентированность ее на город и своеобразный «дружинный этос», который обеспечивал ее верность правителю[203].

С темой власти связана еще одна тема, к которой сохраняется устойчивый интерес западных историков, — влияние монголов или Орды на Русь. Классические работы заложили прочный фундамент исследований в этой области. В немецкой науке можно указать на труд Б. Шпулера[204], в англоязычной — на работу Г. Вернадского[205].

---

[198] *Keenan E. L.* Muscovite Political Folkways // The Russian Review. 1986. April. Vol. 45. No. 2. P. 115—181.

[199] *Alef G.* The Origins of Muscovite Autocracy. The Age of Ivan III // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. 1986. Vol. 39. P. 7—362.

[200] *Alef G.* Rulers and Nobles in Fifteenth-Century Muscovy. L., 1983.

[201] *Kollmann N. S.* Kinship and Politics: The Making of the Muscovite Political System. 1345—1547. Stanford, California, 1987.

[202] *Hallbach U.* Der russische Fürstenhof vor dem 16. Jahrhundert: Eine vergleichende Untersuchung zur politischen Lexikologie und Verfassungsgeschichte der alten Rus'. Stuttgart, 1985.

[203] *Rüß H.* Herren und Diener. Die soziale und politische Mentalität des russischen Adels. 9.—17. Jahrhundert. Köln; Weimar; Wien, 1994.

[204] *Spuler B.* Die Goldene Horde. Die Mongolen in Rußland 1223—1502. Leipzig, 1943. Рус. пер.: *Шпулер Б.* Золотая Орда. Монголы в России. 1223—1502 гг. / Пер. с нем. и коммент. М. С. Гатина. Казань, 2016.

[205] *Vernadsky G.* The Mongols and Russia. New Haven, Conn., 1953. Ср.: *Вернадский Г.* Монголы и Русь. М.; Тверь, 1997.

Оба автора утверждали глубокое и сильное влияние нашествия и власти монголов на Русь, выразившееся в разорении, перемещении населения и центров жизни, падении городской цивилизации и социальных сдвигах.

В англоязычной историографии в некоторых работах высказывалась критика взглядов Г. Вернадского. Например, Дж. Феннелл утверждал, что разорение Руси от нашествия монголов было далеко не катастрофическим, а в дальнейшем их влияние на Русь было ограниченным[206]. Усиливая идею «евразийцев» о русско-татарском «симбиозе», некоторые авторы высказывали точку зрения, что Московская Русь не столько пострадала от монголов, сколько многое получила от них, а позднее стала преемником Орды и в политическом смысле, и в смысле имперской идеологии. В наиболее последовательном, и даже утрированном, виде этот взгляд изложил Д. Островский, который попытался представить как заимствования из Орды и администрацию, и баскачество, и ямскую службу, и порядок делопроизводства, и поместную систему, и др. Якобы на заимствованных институтах была построена система московского самодержавия[207].

Такой взгляд не мог не вызвать критику. В частности, с возражениями разного рода выступил Ч. Гальперин. Он исходил из того, что отношения руси и татар нельзя понять без учета особенностей дискурса летописцев и других авторов, донесших до нас изложение событий той эпохи, восприятия ими чужих народов и вообще общественного самосознания на Руси[208]. Гальперин справедливо указывал на необходимость сравнительного анализа положения разных народов в Монгольской империи. Этот последний аспект разработан в очень важном и ставшем уже классическим труде Т. Оллсена[209]. Недавно издан труд международного авторского коллектива, представляющий и новый тип научного сотрудничества, и новые оценки взаимоотношений монголов и народов Восточной Европы, далекие от упрощенных схем евразийского толка[210].

Интересная книга С. Плохого была нацелена на исследование разных «восточнославянских идентичностей» и получила громкий резонанс в зарубежной историографии[211]. Однако целый ряд утверждений и заключений С. Плохого (специалиста по истории XVII в.) относительно эпохи XIV—XV вв. вызвали критику Ч. Гальперина, указавшего, в частности, на преувеличение в книге татаро-монгольского влияния на Русь[212].

Пока существовал СССР, в западной историографии много внимания уделяли темам по истории церкви и духовно-церковной литературе, так как они слабо разрабатыва-

---

[206] *Fennell J.* The Crisis of Medieval Russia. 1200—1304. L., 1983. Ср. рус. пер.: *Феннел Дж.* Кризис средневековой Руси. 1200—1304 / Пер. с англ. В.В. Голубчикова; вступ. ст., общ. ред. А.Л. Хорошкевич, А.И. Плигузова. М., 1989.

[207] *Ostrowski D.* Muscovy and the Mongols: Cross-Cultural Influences on the Steppe Frontier, 1304—1589. Cambridge, 1998.

[208] *Halperin Ch.* Russia and the Mongols: Slavs and Steppe in Medieval and Early Modern Russia. Bucureşti, 2007; *Halperin Ch.* The Tatar Yoke. The Image of the Mongols in Medieval Russia. Bloomington, Indiana, 2009. Ср. на рус. яз.: *Гальперин Ч.* Татарское иго: Образ монголов в средневековой России. Воронеж, 2012.

[209] *Allsen T.T.* Mongol Imperialism: The Policies of the Grand Qan Möngke in China, Russia, and the Islamic Lands. 1251—1259. Berkeley, 1987.

[210] The Routledge Handbook of the Mongols and Central-Eastern Europe: Political, Economic, and Cultural relations / Ed. by A.V. Maiorov and R. Hautala. Abingdon, N. Y., 2021.

[211] *Plokhy S.* The Origins of the Slavic Nations: Premodern Identities in Russia, Ukraine, and Belarus. Cambridge; N. Y. etc., 2006.

[212] *Halperin Ch.* National Identity in Premodern Rus' // Russian History. 2010. Vol. 37. No. 3. P. 275—294.

лись в советской науке. Во Франции на эти темы на материалах позднесредневековой Руси писал, в частности, В. Водофф[213], а его труды продолжили ученики, прежде всего, Пьер Гонно[214]. На английском языке особо надо отметить работы по православной теологии и церковной истории Иоанна Мейендорфа на пересечении византийской и русской истории[215]. На немецком языке издан целый ряд трудов авторов разных поколений на самые разные темы — от полемики иосифлян и нестяжателей до поминальных практик в позднесредневековой Руси[216]. В постсоветский период исследования по истории церкви и религиозной мысли продолжились[217].

Разумеется, разрабатывались и разрабатываются и другие направления: по экономической истории[218], истории повседневности[219], истории права[220], по истории отдельных областей или княжеств[221], отношениям руси с соседними народами[222] и др. В последние годы, во многом благодаря активной работе израильского ученого М. Таубе, выделилась тема, которую можно назвать средневековой иудеославикой (влияние иудейской литературы на древнерусскую)[223].

Особенным направлением в исследованиях позднесредневековой русской истории является изучение руси в составе Великого княжества Литовского и Польского королевства. Здесь большое значение имеют труды польских историков с начала XX в., в том числе таких разных, как, например, О. Халецкий (O. Halecki), Х. Ловмяньский (H. Łowmiański) и Ю. Бардах (J. Bardach). С изучения истории Великого княжества Литовского начинал Х. Пашкевич, ученик Ха-

---

[213] *Vodoff V.* Naissance de la chrétienté russe: La conversion du prince Vladimir de Kiev (988) et ses conséquences (XIe—XIIIe s.). P., 1988; *Idem.* Autour du mythe de la Sainte Russie: christianisme, pouvoir et société chez les Slaves orientaux (Xe—XVIIe siècles). P., 2003.

[214] См., например: *Gonneau P.* La Maison de la Sainte Trinité: un grand monastère russe du Moyen-Age tardif (1345—1533). P., 1993; *Idem.* A l'aube de la Russie moscovite: Serge de Radonège et André Roublev: Légendes et images (XIVe—XVIIe siècles). P., 2008.

[215] Ср. особенно: *Meyendorff J.* Byzantium and the Rise of Russia: A Study of Byzantino-Russian relations in the fourteenth century. Cambridge, 1981. Рус. пер.: *Мейендорф И.* Византия и Московская Русь: Очерк по истории церковных и культурных связей в XIV веке. P., 1990.

[216] *Lilienfeld F. von.* Nil Sorskij und seine Schriften: Die Krise der Tradition im Russland Ivans III. B., 1963; *Steindorff L.* Memoria in Altrußland. Untersuchungen zu den Formen christlicher Totensorge. Stuttgart, 1994.

[217] Ср., например: *Lenhoff G.* Early Russian Hagiography: The Lives of Prince Fedor the Black. Wiesbaden, 1997 (переработанное издание на русском языке с участием российских исследователей: *Ленхофф Г.* Князь Феодор Черный в русской истории и культуре: Исследование и тексты. М.; СПб., 2019); *Jouravel A.* Die Kniga Palomnik des Antonij von Novgorod: Edition, Übersetzung, Kommentar. Wiesbaden, 2019.

[218] См., например: *Martin J.* Treasure of the land of darkness: The fur trade and its significance for medieval Russia. Cambridge, 1986; *Smith R. E.* Peasant Farming in Muscovy. Cambridge, 2008. Ср. серию статей Л. Ланге-ра, в том числе: *Langer L. N.* Economic Stagnation or Depression: War and the Economy in the Reign of Vasilii II // Russian History. 2015. Vol. 42. No. 1. P. 32—48.

[219] *Goehrke C.* Russischer Alltag. Eine Geschichte in neun Zeitbildern. Bd. 1: Die Vormoderne. Zürich, 2003.

[220] *Kaiser D. H.* The growth of the law in medieval Russia. Princeton, 1980; *Feldbrugge F.* Law in Medieval Russia. Leiden; Boston 2009; *Baranowski G.* Russische Rechtsgeschichte. Texte und Erläuterungen. Teil 1: Von den Anfängen bis 1612/13. Frankfurt a/M., 2013.

[221] *Klug E.* Das Fürstentum Tver (1247—1485). Aufstieg, Selbstbehauptung und Niedergang. Wiesbaden, 1985. Рус. пер.: *Клюг Э.* Княжество Тверское (1247—1485 гг.). Тверь, 1994; *Mouchard F.* La maison de Smolensk: Une dynastie princière du Moyen Âge russe. 1125—1404. P., 2015.

[222] Например: *Selart A.* Livonia, Rus' and the Baltic Crusades in the Thirteenth Century. Leiden; Boston, 2015.

[223] Ср. одну из последних публикаций: *Ryan W. F., Taube M.* The Secret of Secrets: The East Slavic version. L., 2019.

лецкого — интересная фигура польской научной эмиграции. Его перу принадлежит «трилогия» истории средневековой Руси[224]. К Халецкому, отчасти Пашкевичу и некоторым другим представителям польской историографии восходит тезис, весьма распространенный в современной историографии, что надо различать «восточно-центральную» и «восточную» Европу. Первое понятие охватывает население современных Польши, прибалтийских стран и других территорий, не подверженное «великороссийскому империализму» и более близкое западным ценностям и традициям. Второе — восточнославянское население под властью Москвы, привыкшее к автократии и имперским амбициям. Современная польская историография Великого княжества Литовского весьма разнообразна, и в ней есть место и для исследований собственно руси[225]. По истории руси в Польше («Червонной Руси») выделяются работы современного историка и археолога А. Янечка[226]. В несколько ином ключе написан обширный труд немецкого ученого Шт. Родевальда о Полоцке, значительная часть которого посвящена его истории в составе Великого княжества Литовского. Внимательно анализируя источники, автор приходит к скептическим заключениям относительно распространенных в отечественной историографии еще с XIX в. представлений о сохранении в Полоцкой земле древнерусских по своему происхождению порядков (кто-то, впрочем, может назвать эти оценки гиперкритическими)[227].

В целом после распада СССР к началу XXI в. в западных, преимущественно англоязычных работах по истории позднесредневековой Руси обозначался интерес, прежде всего и главным образом, к истории общественной мысли и культуры в широком смысле этого слова[228]. Отчасти продолжая исследования политических идей в классических трудах таких авторов, как, например, В. Водоффа и М. Черняв-ского[229], современные историки задаются вопросом о том, что именно обеспечивало интеграцию населения, называвшего себя русью. В центр внимания попадают такие проблемы, как самосознание элиты и «простого» народа, историческая память и т. п. Если еще недавно Дж. Мартин, обобщая традиционные историографические тренды, писала о династии Рюриковичей и церкви как фактически единственных носителях интеграции и исторической преемственности в русских землях

---

[224] *Paszkiewicz H.* The Origin of Russia. L., 1954; *Idem.* The Making of the Russian Nation. L., 1963; *Idem.* The Rise of Moscow's Power. L., 1983 (работа не закончена, вышла после смерти автора). В конце XX в. все три книги вышли в переводе на польский язык.

[225] См.: *Закжевский А. Б.* Состояние и перспективы современных польских исследований по истории Великого княжества Литовского / Пер. О. Б. Неменского // Петербургские славянские и балканские исследования. 2008. № 1 (3). С. 101—114.

[226] См., например, одну из последних его статей: *Janeczek A.* Early Urban Communes under German Law in Halyč-Volhynian Rus' (the Thierteenth to the Mid-Fourteenth Century) // Acta Poloniae Historica. Vol. 119 (2019). P. 61—82. Ср. сборник статей с его участием: On the Frontier of Latin Europe. Integration and Segregation in Red Ruthenia, 1350—1600 / An der Grenze des lateinisches Europa. Integration und Segregation in Rotreußen, 1350—1600 / Ed. by Th. Wünsch, A. Janeczek. Warsaw, 2004.

[227] *Rohdewald S.* «Vom Polocker Venedig». Kollektives Handeln sozialer Gruppen einer Stadt zwischen Ost- und Mitteleuropa (Mittelalter, frühe Neuzeit, 19. Jh. bis 1914). Stuttgart, 2005.

[228] Ср.: *Kivelson V. A.* Culture and Politics, or the Curious Absence of Muscovite State Building in Current American Historical Writing // Cahiers du Monde Russe. 2005. Jan.-Jun. Vol. 46. No. 1/2: La Russie vers 1550: Monarchie nationale ou empire en formation? P. 23—24.

[229] *Cherniavsky M.* Tsar and people. Studies in Russian myths. New Heaven, Conn., 1961; *Vodoff W.* Princes et principautés russes, Xe—XVIIe siècles. Northampton, 1989.

позднего Средневековья[230], то в других работах делается акцент уже больше на идентичности (локальной, коллективной, этнической и т. д.) как важном или даже основном факторе социально-культурного единства[231].

Особое место в изучении истории русских земель XIII—XV вв. занимают исследования по истории Новгорода и Пскова. Надо признать, что зарубежным ученым удавалось находить проблемы, которым не уделялось достаточного внимания в отечественной историографии. Нужно отметить, прежде всего, труды немецкого историка Карстена Гёрке, работающего в Швейцарии. Еще до Ю. Г. Алексеева он дал весьма точную и убедительную характеристику социального строя Новгородской республики. Ему же принадлежат новаторские разработки демографической истории Новгорода[232]. Совсем недавно К. Гёрке выпустил объемный том, не имеющий аналогов в мировой историографии и представляющий собой подробный очерк истории Новгорода и развернутую характеристику проблематики, связанной с ее изучением. С большим вниманием и уважением автор относится к российской историографии Новгорода, стараясь оценивать ее непредвзято[233].

На французском языке некоторое время назад вышла также объемная коллективная монография, соредактором которой выступила ученица К. Гёрке О. В. Севастьянова. В этом труде приняли участие многие современные исследователи, в том числе и российские. Центральное место в нем занимают главы, написанные самой О. В. Севастьяновой, где развивается спорный тезис о том, что Новгород был не самостоятельной республикой, а «привилегированным великокняжеским городом»[234].

Обсуждение характера новгородской государственности XIII—XV вв. уже довольно давно стало предметом дискуссии, в которой участвуют как зарубежные, так и отечественные исследователи. В ходе ее высказывались разные точки зрения, но упрощенно их можно разделить на две группы. Одни ученые считают, что Новгород (и Псков) следует рассматривать в контексте европейских средневековых республик и коммунального строя, другие видят в политических образованиях северо-запада Руси нечто уникальное, не соответствующее критериям, присущим западноевропейским коммунам или идеальному типу «европейского города» по М. Веберу (ярким представителем такого подхода является современный видный немецкий славист Л. Штайндорф)[235].

Если говорить об истории Пскова, то, пожалуй, самым заметным достижением зарубежной историографии здесь стала мо-

---

[230] *Martin J.* Medieval Russia: 980—1584. Cambridge, Univercity Press., 2007. P. 445—446. (1st ed. 1995).

[231] Помимо указанной выше работы С. Плохого см. также коллективные труды: National Identity in Russian Culture: An Introduction / Ed. by S. Franklin, E. Widdis. Cambridge, 2004; Московская Русь (1359—1584): Культура и историческое самосознание = Culture and Identity in Muscovy. 1359—1584 / Ed. by A. M. Клеймола (A. M. Kleimola), Г. Д. Ленхофф (G. D. Lenhoff). M., 1997. (UCLA Slavic Studies. New Series / University of California, Los Angeles; Vol. 3).

[232] *Goehrke C.* Die Sozialstruktur des mittelalterlichen Novgorod // Untersuchungen zur gesellschaftlichen Struktur der mittelalterlichen Städte in Europa. Reichenau-Vorträge. 1963—1964. Sigmaringen, 1974. S. 357—378. (Vorträge und Forschungen; Bd. XI); *Idem.* Einwohnerzahl und Bevölkerungsdichte altrussischer Städte — methodische Möglichkeiten und vorläufige Ergebnisse // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. B., 1973. Bd. 18. S. 25—53.

[233] *Goehrke C.* Unter den Schirm der göttlichen Weisheit. Geschichte und Lebenswelten des Stadtstaates Groß-Nowgorod. Zürich, 2020.

[234] Novgorod ou la Russie oubliée / Dir. par Ph. Frison, O. Sevastyanova. Charenton-le-Pont, 2015.

[235] См.: Споры о новгородском вече: Междисциплинарный диалог: Материалы круглого стола. Европейский ун-т в Санкт-Петербурге 20 сентября 2010 г. / Отв. ред. М. М. Кром. СПб., 2012.

нография немецкого ученого Х. Ю. Грабмюллера, представляющая собой тщательное и полное новых гипотез исследование псковского летописания, которому в отечественной литературе не было до тех пор уделено достаточного внимания. Однако автор не ограничился в этой монографии чисто летописеведческими вопросами, затронув и ряд важных политических и идеологических аспектов истории Пскова[236]. В более традиционной манере написана книга Г. Пикхан, представляющая собой очерк истории Пскова как таковой. В основном она ориентируется на работы отечественных историков, хотя в ряде случаев высказывает и собственные соображения[237].

---

[236] *Grabmüller H.-J.* Die Pskover Chroniken. Untersuchungen zur russischen Regionalchronistik im 13.—15. Jahrhundert. Wiesbaden, 1975. (Schriften zur Geistesgeschichte des östlichen Europa; Bd. 10).

[237] *Pickhan G.* Gospodin Pskov. Entstehung und Entwicklung eines städtischen Herrschaftszentrums in Altrussland. B., 1992. (Forschungen zur osteuropäischen Geschichte; Bd. 47).

Часть I

РУСЬ В СЕРЕДИНЕ XIII — ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIV в.

Глава 1

ЗАВОЕВАНИЕ РУСИ БАТЫЕМ

Решение о походе на русские, польские и венгерские земли, а также в Центральную Азию, против Китая и против Кореи, не поддававшейся в течение многих лет монголам, было принято на курултае наследников Чингис-хана, состоявшемся в конце 1235 г. в Талан-дабэ. Поход возглавил один из сыновей Джучи, первенца Чингис-хана, Бату (Батый в русских источниках). Вместе с ним великий хан Угэдэй отправил на запад своего старшего сын Гуюка, другого сына Кадана, своего брата Кулькана, племянников Менгу-хана и Бучека, двух других племянников Бури и Байдара, братьев Бату Орду, Шибана и Тангута — всего 11 чингисидов[1]. В поход были посланы и некоторые крупные военачальники, самым известным из которых был Субэдэй-багатур. В феврале — марте 1236 г. под командованием Батыя монгольская конница двинулась на запад. Численность Батыевой армии по средневековым меркам была огромной.

Правда, в некоторых исторических и литературных сочинениях отечественных авторов конца XX в. высказывалась мысль, что монгольские ханы под водительством Батыя сумели завоевать русские княжества, имея всего лишь несколько тысяч воинов. Такое мнение обосновывалось подсчетами, согласно которым у Батыя было 4—6 тыс. войска. Подсчеты, в свою очередь, основывались на известии персидского историка Фазлаллаха ибн Абу-л-Хейра Рашид-ад-дина, согласно которому удел отца Батыя, Джучи-хана, населяли всего 4 тыс. семей. Поскольку у Джучи было 14 сыновей, а Батый был вторым из них, путем разного рода логических умозаключений и выводилась численность войск Батыя (и еще 10 чингисидов) в их походе на страны Восточной и Центральной Европы[2]. Однако Рашид-ад-Дин работал над своим трудом в начале XIV в. и мог не всегда точно передавать сведения 80—100-летней давности. Кроме того, из рассказа Рашид-ад-дина не вполне ясно, когда Джучи был выделен удел, с которого можно было собрать 4 тыс. воинов. Похоже, что речь идет о владениях Джучи, данных ему отцом еще до образования собственно Монгольского государства, т. е. до 1206 г.

Более достоверными и показательными являются другие свидетельства о численности монгольских войск. Так, посланное в 1220 г. на запад Чингис-ханом войско под командованием Субэдэй-багатура и Джебэ-нойона, опустошившее Северный Иран, государства и народы Кавказа, разгромившее половцев и нанесшее поражение соединенному русско-половецкому войску в 1223 г. на реке Калке, состояло из 30 тыс. всадников[3]. Монгольские царевичи во главе с Батыем, двинувшиеся на запад

---

[1] СМИЗО: В 2 т. М.; Л., 1941. Т. 2. С. 34.

[2] Там же. С. 33, 34, 41.

[3] *Петрушевский И. П.* Поход монгольских войск в Среднюю Азию в 1219—1224 гг. и его последствия // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1977. С. 117.

в 1236 г., несомненно, должны были иметь в своем распоряжении более многочисленные силы. На это прямо указывают цифры, приведенные тем же Рашид-ад-дином. Рассказывая о движении армии Батыя на запад, он сообщил, что ее авангард возглавил Шибан, под началом которого было 10 тыс. воинов, а в распоряжении Менгу-хана и его брата Бучека было более 20 тыс. воинов[4].

Интересно одно европейское известие XIII в. В письме венгерского монаха Юлиана, адресованном епископу Перуджи (Италия), сообщается, что «татары утверждают также, будто у них такое множество бойцов, что его можно разделить на 40 частей, причем не найдется мощи на земле, какая была бы в силах противостоять одной их части. Далее говорят, что в войске у них с собою 240 тысяч рабов не их закона и 135 тысяч отборнейших (воинов) их закона в строю. Далее говорят, что женщины их воинственны, как и они сами...»[5]. Юлиан обращался к епископу Перуджи после того, как побывал в Волжской Булгарии, покоренной монголами в 1236 г., и во Владимирском княжестве до нашествия Батыя, т. е. до начала 1238 г. Скорее всего, Юлиан посетил Булгарию и Владимир-на-Клязьме в 1237 г. Его послание епископу Перуджи сохранилось в трех вариантах, и лишь один из них содержит приводимую цитату о численности монгольского войска. Цитата исторически достоверна в тех своих частях, где говорится о составе войск. В военных походах монголов принимали участие не только мужчины, но и женщины[6], а в битвах участвовали воины покоренных монголами народов. Однако общая численность монгольского войска, которое завоевало Волжскую Булгарию и другие европейские государства, приведенная Юлианом, вызывает определенное недоверие. Общая цифра составляет 375 тыс. человек. Она представляется преувеличенной. Возможно, что преувеличение носило пропагандистский характер: монголы стремились заранее запугать будущих противников, как делали они это не раз в отношении своих азиатских соседей. Но если говорить о 135 тыс. собственно монгольского войска, то такая цифра оказывается близкой к реальной. Приведенные выше сообщения Рашид-ад-Дина о подчинении Шибану 10 тыс. воинов, а Менгу-хану и Бучеку — более 20 тыс., перекликаются с европейским свидетельством о 10 тыс. воинов под командованием Орды, действовавших в Польше[7]. По-видимому, каждый из чингисидов, отправившихся в 1236 г. в поход на запад, имел под своим командованием 10 тыс. всадников. Поскольку чингисидов было 11, общее число их войска должно было составить 110 тыс. человек. Но была еще и конница известных монгольских полководцев. А это приближало численность всей монгольской армии к цифре, названной Юлианом, — 135 тыс. человек. Ни одно русское княжество не в состоянии было выставить такого количества войска. Следует напомнить, что в 1223 г. киевский князь Мстислав Романович, самый могущественный из русских князей, отправился на Калку с войском в 10 тыс. человек. За монголами оставалось явное превосходство в живой военной силе.

Неверно думать, что князья многочисленных древнерусских княжеств (всего их было 19), часто занятые сведением счетов друг с другом, совершенно игнорировали надвигавшуюся с Востока угрозу и не предпринимали никаких превентивных дипломатических и военных мер.

---

[4] СМИЗО. Т. 2. С. 35—36.

[5] *Аннинский С. А.* Известия венгерских миссионеров XIII—XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. М.; Л., 1940. Т. 3. С. 72, 90, примеч. I.

[6] Описание действий на войне монгольских женщин оставил Фома Сплитский. См.: *Фома Сплитский.* История архиепископов Салоны и Сплита. М., 1997. С. 110.

[7] Христианский мир и «Великая Монгольская империя»: Материалы францисканской миссии 1245 года. М., 2002. С. 112.

Разгром на р. Калке в 1223 г. монголами объединенного русско-половецкого войска, насчитывавшего в своем составе дружины 15 русских князей из Южной Руси, не прошел для последних бесследно. Князьям стало понятно, что появился новый опасный противник и за его действиями нужно внимательно следить. Не случайно в летописании Владимирского княжества, ведшемся при дворе князя Юрия Всеволодовича, появляются записи от 1229 г. о победе монголов над саксинами и восточными половцами, жившими у р. Яика (современный Урал), от 1232 г. о зимовке монголов близ восточных границ Волжской Булгарии, о взятии в 1236 г. самого государства волжских булгар[8]. Внесение в летопись таких сведений свидетельствует о том, что в древнерусских княжествах специально следили за действиями монголов. Это подтверждает и упомянутый выше монах Юлиан. Он пишет в своем письме, что «князь суздальский (т. е. князь владимирский Юрий Всеволодович, при дворе которого и велась летопись со сведениями о приближавшихся монголах. — *В.К.*) передал словесно через меня королю венгерскому, что татары днем и ночью совещаются, как бы придти и захватить королевство венгров-христиан. Ибо у них, говорят, есть намерение идти на завоевание Рима и дальнейшего. Поэтому он (хан) отправил послов к королю венгерскому. Проезжая через землю Суздальскую, они были захвачены князем суздальским, а письмо, посланное королю венгерскому, он у них взял; самих послов даже я видел со спутниками, мне данными»[9]. Таким образом, русские правители заранее знали о приближении монголов, догадывались об их завоевательных планах и, конечно, должны были в той или иной мере готовиться к обороне.

Как именно проходило завоевание монголами русских княжеств, описано во многих источниках, как азиатских[10], так и европейских[11]. Наиболее подробные рассказы о нападении на русские земли войск Батыя и его полководцев сохранились в составе древнерусских летописей. Из многих десятков, если не сотен, таких летописей необходимо выделить три древнейших: Новгородскую первую летопись старшего и младшего изводов, Лаврентьевскую и Ипатьевскую летописи. В каждой из них читается довольно ранний и оригинальный рассказ о вторжении Батыя. Тем не менее любой из этих рассказов обнаруживаст признаки более поздних литературных обработок, сокращений, дополнений и редактирований, иногда приводящих к искажениям и ошибкам, без выявления и учета которых нельзя напрямую опираться на приводимые в этих рассказах сведения. Так, южная галичско-волынская летопись, входящая в состав Ипатьевской летописи, рассказывает о событиях монгольского завоевания Руси в статьях 6745, 6746 и 6748 гг. Датировка начала вторжения монгольских войск на русские земли (ст. 6745) в этой летописи правильна, хотя первоначально такой годовой даты в тексте памятника не было, о чем свидетельствует ее отсутствие в другом списке Ипатьевской летописи — Хлебниковском[12]. В статье 6748 г. при описании осады и взятия Батыем Киева летописец среди военачальников Батыя отметил Гую-

[8] ПСРЛ. Л., 1926—1928. Т. 1, вып. 1—3. Стб. 453, 459, 460.

[9] *Аннинский С.А.* Известия венгерских миссионеров XIII—XIV вв. о татарах и Восточной Европе. С. 88. Относительно монгольских послов следует иметь в виду, что их миссия была обычным приемом завоевателей, сначала проводивших дипломатическую разведку, а затем вероломно обрушивавшихся на противную сторону.

[10] СМИЗО. Т. 2. С. 15, 21—23, 33—37, 145.

[11] *Магистр Рогерий.* Горестная песнь о разорении Венгерского королевства татарами. СПб., 2012. С. 26, 29; *Фома Сплитский.* История архиепископов Салоны и Сплита. С. 96, 106.

[12] ПСРЛ. СПб., 1908. Т. 2. Стб. 778, вар. 53—53.

ка, который «вратися, оувѣдавъ смерть кановоу, и бысть каномъ»[13]. Гуюк был избран монгольским великим ханом в 1246 г.[14] Следовательно, летописец, знавший об этом факте, составлял свою летопись после 1246 г. Кроме того, в статье 6746 г. Ипатьевской летописи помещено сообщение о дипломатических сношениях между черниговским князем Михаилом Всеволодовичем и владимиро-волынским князем Даниилом Романовичем. Летописец записал, что «присла бо Михаилъ слы Данилоу и Василкоу, река: "...нынѣ же клятвою клену ти ся, яко николи же вражды с тобою не имамъ имѣти"»[15]. Летописный текст противоречив: сначала говорится о «слах» (послах) Михаила к двум князьям-братьям, а затем речь идет только об одном из них, которому приносит клятву в вечной дружбе Михаил Черниговский. Историки давно подметили такое противоречие и выяснили, чем оно было вызвано. Оказывается, после смерти Даниила Романовича летописец его родного брата стал систематически подключать в летописи к имени Даниила имя своего сюзерена, Василька Романовича, приписывая ему тем самым участие во всех деяниях и успехах первого русского короля. Даниил умер в 1264 г., Василько — в 1269 г.[16] Следовательно, обработка известий о времени нашествия Батыя велась в южнорусском летописании во второй половине 1260-х годов. В этой обработке нет ни одной более или менее точной даты, указаний на месяц, день недели или число события. Видимо, в основе описания монгольского завоевания в Ипатьевской летописи лежали поздние воспоминания разных людей, припоминавших отдельные эпизоды борьбы с Батыем, но плохо связывавших их друг с другом. Поэтому после рассказа о взятии Рязани, битве при городе Ике и захвате Владимира-на-Клязьме в Ипатьевской летописи в общей форме говорится о том, что Батыем были пленены «грады соуждальские», а после этого — об осаде и взятии черниговского Козельска и утоплении в крови маленького козельского княжича Василия, без упоминания о захвате монголами Торжка и их походе на Новгород Великий. Красочно описано взятие Батыем Киева, самоотверженное сопротивление врагу киевлян, но и здесь обнаруживаются следы логического несоответствия в общем повествовании: еще до этого эмоционального рассказа сообщается о том, что, узнав о падении Киева, черниговский князь Михаил вместе с сыном Ростиславом бежал из Руси в Польшу[17].

Несогласованность в описании событий первых месяцев иноземного нашествия наблюдается и в другой древней летописи — Новгородской первой. Эта летопись сообщает, что после гибели на р. Сити (правый приток р. Мологи, слева впадающей в р. Волгу) владимирского князя Юрия Всеволодовича монголы «взяша Москву, Переяславль, Юрьевъ, Дмитровъ, Волокъ, Тфѣрь»[18]. Порядок перечисления городов в этом отрывке явно непоследователен. Получается, что от р. Сити монголы повернули на юг, захватили Москву, затем пошли на северо-восток, где взяли Переяславль, далее свернули на юго-восток к Юрьеву, а потом отправились в противоположную сторону, на запад к Дмитрову и Волоку Ламскому, чтобы от последнего идти на север к Твери, которая была гораздо ближе к р. Сити, чем Москва. Видимо, список захваченных монголами городов был составлен уже в послемонгольское время и не отра-

[13] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 785.
[14] СМИЗО. Т. 2. С. 280.
[15] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 783.
[16] *Donskoï D.* Gevnevalogie des Rurikides. Rennes, 1991. P. 170, 171.
[17] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 783—784.
[18] НПЛ. М.; Л., 1950. С. 76.

жает истинного маршрута похода Батыя по землям княжеств Северо-Восточной Руси зимой–весной 1238 г. Согласно Новгородской первой летописи, битва русских с монголами близ Коломны произошла до взятия Батыем Рязани. По Ипатьевской и Лаврентьевской летописям раньше была взята Рязань. Защитником города Владимира-на-Клязьме по Новгородской первой летописи выступает только Всеволод, старший сын владимирского князя Юрия Всеволодовича. Однако как полководец или как воин он в новгородском повествовании о Батыевом нашествии себя никак не проявляет. Новгородский летописец утверждает, что Всеволод, уклоняясь от военных действий, пытался укрыться от захватчиков во владимирском Успенском соборе, но сгорел там в результате монгольского поджога вместе с женой, матерью, епископом Митрофаном и другими людьми, надеявшимися спастись в храме. В Новгородской первой летописи приведена довольно пространная дата взятия монголами принадлежавшего Новгороду Торжка: «... мѣсяца марта въ 5, на память святого мученика Никона, въ среду средохрестьную»[19]. Однако 5 марта не отмечается память мученика Никона, она празднуется 23 марта[20]. Среда средокрестной недели (четвертой недели великого поста) приходилась в 1238 г. на 10 марта[21]. 5 марта в 1238 г. было пятницей. Такая противоречивость хронологических указаний источника свидетельствует о нарушении его первоначального текста, возникшем, видимо, в результате поздней переработки. Эту переработку следует отнести к периоду после 1274 г.[22] В то же время фраза составителя статьи 6746 г. Новгородской первой летописи «много бо глаголють о немь инии», заключающая рассказ о гибели владимирского князя Юрия Всеволодовича, свидетельствует о том, что новгородский сводчик собирал сведения от разных лиц о событиях монгольского завоевания и относился к таким устным повествованиям осторожно, стараясь передать главное и наиболее достоверное.

Из трех древнейших русских летописей самое большое по объему повествование о Батыевом нашествии сохранила Лаврентьевская летопись. В ее основе лежал тверской великокняжеский свод 1305 г., который, в свою очередь, использовал материалы ростовского и владимирского летописания второй половины XIII в. Как выяснили исследователи, после взятия в начале 1238 г. Владимира работа по ведению летописи в этом городе прекратилась. Она возобновилась только в 1281 г.[23] Из опустошенного монголами Владимира летописание перекочевало в церковный центр Северо-Восточной Руси — Ростов. Произошло это не сразу после нашествия, а полтора десятка лет спустя, в начале 1250-х годов[24]. Следовательно, и в Лаврентьевской летописи рассказ о нашествии Батыя не принадлежит очевидцу события. Он не был написан по горячим следам, а составлялся и проходил обработку в епископском Ростове и княжеском Владимире спустя несколько десятилетий после 1238 г. Этими обстоятельствами и можно объяснить некоторые особенности данного повествования. Так, выясняется, что весьма значительная часть его текста представляет собой набор

[19] НПЛ. С. 76.

[20] Православный церковный календарь. М., 2011. С. 44.

[21] *Черепнин Л. В.* Русская хронология. М., 1944. С. 60 и табл. XVI.

[22] До 1274 г. новгородское летописание вел пономарь Тимофей, современник Батыева нашествия. Об этом см.: *Гиппиус А. А.* К истории сложения текста Новгородской первой летописи // НИС. М., 2006. Вып. 6 (16). С. 11—12.

[23] *Насонов А. Н.* История русского летописания XI — начала XVIII века: Очерки и исследования. М., 1969. С. 193.

[24] Там же. С. 195.

цитат из более ранних статей того летописного свода, куда было внесено описание монгольского нападения на Русь. В описание включались фрагменты текста из летописного рассказа о походе князя Игоря Рюриковича на Константинополь в 941 г., из статьи 1093 г. о нападении половцев на Киев, из статьи 1125 г. о смерти Владимира Мономаха, из статьи 1174 г. об убиении Андрея Боголюбского, из статьи 1185 г. о походе князя Игоря Святославича на половцев, из статей 1206 и 1218 гг., большие отрывки из статьи 1015 г. об убиении Бориса и Глеба, из летописной статьи 1203 г. о взятии Киева князем Рюриком Ростиславичем, черниговскими Ольговичами и половцами, обильные цитаты из книг Священного Писания[25]. В итоге повествование о вторжении монголов на Русь в Лаврентьевской летописи получилось эмоционально насыщенным, образным и ярким, но для историков превратилось в заминированное поле, где описание реалий 1238 г. смешалось с описанием фактов давно минувших времен. Так, даже крупнейшие исследователи истории города Москвы И. Е. Забелин и М. Н. Тихомиров, ссылаясь на Лаврентьевскую летопись, утверждали, что к 1238 г. в городе и вокруг него уже существовали монастыри[26]. Ведь летопись ясно указывала: взяв Москву, монголы «град и церкви святыя огневи предаша, и манастыри вси и села пожгоша»[27]. И только в 1969 г. было обнаружено, что приведенная фраза является цитатой из летописной статьи 941 г.[28]

В Лаврентьевской летописи приведены даты прихода монгольских войск к Владимиру, начало его осады, взятия, а также гибели владимирского князя Юрия Всеволодовича на р. Сити. В принципе даты эти верны или близки к истинным, но иногда противоречат друг другу. Например, называя время подступа монголов к Владимиру, летопись сообщает, что это произошло «мѣсяца февраля въ 3, на память святаго Семеона, во вторник преже мясопуста за недѣлю»[29]. Память Симеона Богоприимца отмечалась 3 февраля, здесь текст летописи точен. Однако далее говорится о дне недели — вторнике, тогда как 3 февраля в 1238 г. было средой мясопустной недели. Вторник в летописи также связывается с мясопустом, но уточняется, что он был прежде мясопуста «за недѣлю», т. е. на неделе, предшествовавшей мясопустной, что ведет к 26 января 1238 г., а не к 2 февраля 1238 г., как утверждается в многочисленных ученых и неученых трудах. Согласно Лаврентьевской летописи, город Владимир был взят в воскресный день 7 февраля 1238 г. Дата точна. 7 февраля в тот год действительно приходилось на воскресенье. Но добавлено, что 7 февраля отмечалась память Федора Стратилата. А это неверно. Память названного святого празднуется 8 февраля. Такие и подобные им погрешности текста Лаврентьевской летописи объясняются вмешательством в этот текст в разное время редакторов, которые жили позднее Батыева нашествия, не были его очевидцами и допускали всякого рода мелкие фактические ошибки при изложении его истории. Все это заставляет воспринимать повествование Лаврентьевской летописи с большой осторожностью и проверять каждый сообщаемый им факт. Впрочем, сказанное относится не к одной Лаврентьевской летописи, но и к двум другим древнейшим русским летописям, о которых говорилось выше.

---

[25] *Прохоров Г. М.* Повесть о Батыевом нашествии в Лаврентьевской летописи // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 78—83.

[26] *Забелин И. Е.* Опыты изучения русских древностей. М., 1873. Ч. 2. С. 146—147; *Тихомиров М. Н.* Древняя Москва. М., 1947. С. 19.

[27] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 461.

[28] *Насонов А. Н.* История русского летописания XI — начала XVIII века. С. 186, примеч. 28.

[29] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 461.

После сделанных замечаний о степени достоверности различных ранних русских летописных описаний начала монгольского вторжения на Русь следует перейти к анализу того, как реально протекало завоевание монголами русских земель. Монголы вышли к границам Руси в первой половине декабря 1237 г. Первым их нападению подверглось Рязанское княжество, лежавшее на востоке древнерусских земель. Поскольку в предшествовавшем 1236 г. Батый сумел покорить государство волжских булгар, занимавшее относительно скромную территорию по левому берегу р. Волги от р. Камы на севере и до р. Черемшана на юге, а также по правому берегу р. Волги по среднему течению р. Свияги[30], современные составители многих исторических карт, особенно учебных, соединяют одной линией Булгарию с Рязанью (Старой), обозначая маршрут военного похода монголов на Русь и полагая при этом, что именно таким путем двигались с востока на древнерусские земли Батый и его полководцы. Однако на самом деле к Рязани они подошли с юга[31]. Да и оказались на ее границах спустя примерно месяцев 14—16 после разгрома Булгарии (Батый напал на нее после 3 августа 1236 г.). Следовательно, подготовка для нападения на Русь заняла у монголов более года, и, разбив Булгарию, они двинулись на запад не сразу, а после значительной передышки в степях, скорее всего, Нижнего Поволжья.

Остановившись у границ Рязанского княжества, монголы послали посольство к ее князьям с требованием покорности и выплаты дани: «...просяче у нихъ десятины во всемь: и в людехъ, и въ князехъ, и въ конихъ»[32]. Когда князья рязанские, а вместе с ними пронский и муромский ответили дружным отказом, монголы перешли границу. Первым крупным объектом их нападения стала столица княжества Рязань, стоявшая недалеко от впадения р. Прони в р. Оку. 16 декабря 1237 г. монголы подошли к городу, окружили его деревянными стенами для осады или поджога, и 21 декабря Рязань пала. Рязанский князь Юрий Ингваревич был убит. После захвата столицы княжества монголы разделились на две колонны и направили свои удары против других рязанских городов, лежавших выше по рекам Прони и Оки. Был взят Пронск, а на Оке — Ростиславль. После этого, соединившись, монголы направились к Коломне[33].

Близ Коломны произошло большое сражение. К рязанскому князю Роману Ингваревичу и пронскому князю Александру Кир-Михайловичу присоединился старший сын владимирского князя Юрия Всеволодовича Всеволод с воеводой своего отца боярином Еремеем Глебовичем. Впервые монголам противостояли соединенные полки нескольких русских князей. Эти полки оказали упорное сопротивление завоевателям. В сражении, по свидетельству Рашид-ад-дина, погиб один из предводителей Батыева войска — дядя Батыя хан Кулькан[34]. Такое случалось крайне редко в тех битвах, в которых участвовали монголы. Но они все-таки взяли верх над русскими. Князь Роман Ингваревич и воевода Еремей Глебович были убиты, московско-рязанская рать потерпела поражение, князья Всеволод Юрьевич и Александр Кир-

[30] *Фахрутдинов Р. Г.* Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. Казань, 1975. Карта археологических памятников Волжско-Камской Булгарии.

[31] Так можно говорить на основании упоминания в Новгородской первой летописи местности или р. Воронаж (современного Воронежа), южного пограничного района Рязанского княжества. См.: НПЛ. С. 74.

[32] Там же.

[33] *Рашид-ад-дин*. Сборник летописей: В 3 т. М.; Л., 1960. Т. 2. С. 38. Упомянутый Рашид-ад-дином город Ике (Ока) — это скорее Ростиславль, а не Коломна, стоявшая на р. Москве.

[34] СМИЗО. Т. 2. С. 36.

Михайлович бежали с поля боя[35]. Победа монголов у северных границ Рязанского княжества не только завершала покорение ими этого княжества, она открывала им путь в княжества Северо-Восточной Руси. И Батый устремился к самому значительному городу этих княжеств — Владимиру. Впрочем, действовал он достаточно продуманно и осмотрительно. К западу от дороги с Коломны на Владимир лежала Москва. Она могла оказаться в тылу монголов при осаде ими Владимира и в нужное время прийти на помощь владимирцам. Поэтому, не доходя до Владимира, Батый решил уничтожить Москву. Монголы взяли город, убили московского воеводу Филиппа Нянка и пленили оказавшегося в Москве князя Владимира, младшего сына Юрия Всеволодовича Владимирского. Теперь дорога на Владимир стала для монголов безопасной, и они поспешили к главному городу Северо-Восточной Руси. Появление Батыя под стенами Владимира и взятие его Новгородская первая и Лаврентьевская летописи хронологически связывают с мясопустом 1238 г. Мясопустная неделя-семидневка приходилась в названном году на 1—7 февраля, а мясопустная неделя-воскресенье — на 7 февраля. Лаврентьевская летопись сообщает, что Батый подошел к Владимиру 2 или 3 февраля, 6 февраля в субботу (в 1238 г. 6 февраля действительно было субботой) монголы начали ставить на деревянных подпорках камнеметательные пороки против города, в ночь на 7 февраля соорудили по периметру оборонительных стен Владимира тын и в раннее утро воскресного дня 7 февраля начали штурм. К середине дня город был взят, разграблен и подожжен. Еще до подхода Батыя правивший во Владимире князь Юрий Всеволодович покинул город и отправился на Волгу, чтобы там собрать войска. Возглавившие защиту города старший сын Юрия Всеволод и средний сын Юрия Мстислав погибли при штурме, их тела позднее обнаружили за городскими стенами. Мать, жены и дети этих князей нашли свою смерть в подожженном монголами Успенском соборе г. Владимира. Там же сгорел и местный епископ Митрофан, и много другого народа[36], полагавшего, что церковь захватчики сжечь не посмеют. Но монголы не считались ни с чем.

Новгородская первая летопись свидетельствует, что все это произошло «в пяток преже мясопустныя недѣли»[37], т. е. 5 февраля 1238 г., если под летописной «недѣлью» понимать воскресенье. Такая дата будет противоречить указанию Лаврентьевской летописи на 7 февраля как на день падения Владимира. Если Новгородская первая летопись содержит ошибку, то возникает естественный вопрос, чем она была вызвана. Не обозначил ли новгородский летописец по недоразумению этой датой, бывшей в его источнике и относившейся к иному событию, самый важный факт в истории завоевания Батыем Северо-Восточной Руси — падение ее столицы? Ведь под «недѣлей» можно понимать и «неделю» в современном смысле слова и тогда дата будет иной. Она будет обозначать пятницу перед мясопустной неделей т. е. 29 января 1238 г. Следует заметить, что в Лаврентьевской летописи имеется и до сих пор ясно не истолкованное хронологическое указание: монголы обступили Владимир «преже мясопуста за недѣлю», т. е. учитывая двойное значение последнего слова, или 25 января, или 31 января 1238 г. В таком случае надо признать, что осада и взятие Владимира продолжались не два дня, как говорит та же Лаврентьевская летопись, а примерно одну или даже две не-

[35] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 460; Т. 2. Стб. 779; НПЛ. С. 75.
[36] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 463, 464.
[37] НПЛ. С. 75.

дели[38]. Если же принимать на веру все вроде бы достоверные хронологические свидетельства Лаврентьевской летописи, то получается, что приблизительно за шесть недель (с 22 декабря 1237 г. по 2(3) февраля 1238 г.) монголы сумели взять четыре русских города: Рязань, Пронск, Ростиславль и Москву, а за два дня — Владимир, хотя этот столичный город занимал площадь в 130—145 гектаров и имел четыре укрепленные части[39]. Похоже, осада Владимира войсками Батыя длилась дольше, чем повествует Лаврентьевская летопись, ведь разбив станы у Владимира, монголы до его взятия сумели захватить Суздаль, разграбили тамошние соборную церковь, монастыри и предали огню княжеский двор и древний Дмитриевский монастырь[40]. На все это необходимо было время.

Падение Владимира открыло монголам пути к другим городам Северо-Восточной Руси. Лаврентьевская летопись сообщает, что после взятия Владимира монголы «поидоша на великого князя Георгия оканнии ти кровопиици, и ови идоша к Ростову, а ини къ Ярославлю, и ини на Волгу на Городець, и ти плѣниша все по Волзѣ, доже и до Галича Мерьскаго. А ини идоша на Переяславль, и тъ взяша, и оттолѣ всю ту страну и грады многы все то плѣниша, доже и до Торжку. И нѣсть мѣста, ни вси, ни селъ тацѣхъ рѣдко, идеже не воеваша на Суждальскои земли»[41]. Из этого сообщения вытекает, что после 7 февраля 1238 г. часть монгольского войска направилась на север к Ростову и Ярославлю, часть — на восток к волжскому Городцу, еще одна часть — к Волге и заволжскому Галичу Мерскому, другая часть — на северо-запад к Переяславлю и далее на запад к Торжку. Особое войско преследовало владимирского князя Юрия. Русские свидетельства подтверждают, таким образом, данные Рашид-ад-Дина о действиях Батыя и его сподвижников «облавой»[42], т. е. нападениями в разных направлениях. При этом посылка, например, конницы к Городцу Волжскому означала ее возвращение к месту отправки лишь к концу февраля, поскольку из Владимира до Городца было не менее 9 дней пути[43]. Более длинной была дорога от Владимира до Галича Мерского. По прямой она была равна примерно 280 км и преодолевалась за 12 13 дней. Расстояние от Владимира до Торжка по прямой составляет около 330 км. Такое расстояние можно было пройти примерно за две недели[44]. Как свидетельствует Новгородская первая летопись, монголы «оступиша Торжекъ на Сборъ чистои недѣли»[45], т. е. незадолго до 21 февраля, что подтверждает правильность приведенных предварительных расчетов и свидетельствует о выступлении одной из группировок монгольских войск на запад сразу после взятия Владимира. Согласно дальнейшему рассказу Новгородской первой летописи, монголы Торжок «отыниша тыномь всь около, якоже инии гради имаху; и бишася ту оканнии порокы по двѣ недѣли», после чего новоторжцы,

[38] Рашид-ад-дин сообщает, что Владимир был взят монголами после 8 дней осады. См.: *Рашид-ад-дин.* Сборник летописей. Т. 2. С. 39.

[39] Древняя Русь: Город, замок, село. М., 1985. С. 56, 90, 125 (рис. 2).

[40] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 462.

[41] Там же.

[42] СМИЗО. Т. 2. С. 37; *Рашид-ад-дин.* Сборник летописей. Т. 2. С. 39.

[43] *Бегунов Ю. К.* Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». М.; Л., 1965. С. 178—179.

[44] В. Л. Янин считает, что между Владимиром и Торжком было 360—400 км, но монголы преодолевали такое расстояние за 2 недели. См.: *Янин В. Л.* К хронологии и топографии ордынского похода на Новгород в 1238 г. // *Янин В. Л.* Средневековый Новгород: Очерки археологии и истории. М., 2004. С. 206.

[45] НПЛ. С. 76.

не получив ни от кого помощи, вынуждены были сдаться. Монголы ограбили город, а жителей перебили. Это случилось 5 марта 1238 г.[46]

Далее новгородский источник сообщает, что после взятия Торжка монголы устремились на Новгород «Серегѣрьскымъ путемь», а не кратчайшим путем по р. Тверце до ее верховьев, а далее по р. Мсте до впадения ее в оз. Ильмень. Дорога к Новгороду через верхневолжские озера, главным из которых было оз. Селигер, являлась более протяженной, но и более удобной. Она проходила по возвышенным и заселенным местам, а не топким, болотистым и малонаселенным, как по Тверце и Мсте. К тому же «Серегерский путь» выводил в южные районы Новгородской земли, через которые обязательно должны были проследовать полки из расположенных южнее русских княжеств, если бы последние решились прийти на помощь Новгороду. Таким образом, рейд монгольской конницы на северо-запад от Торжка имел стратегической целью военную изоляцию Новгорода, создание препятствия возможному подходу к Новгороду войск его южных соседей: Полоцкого, Смоленского и более отдаленных Владимиро-Волынского и Киевского княжеств.

На том пути, который избрали монголы, они столкнулись с массой людей. Только никакой военной угрозы эти люди собой не представляли. То были беженцы, стремившиеся после падения Торжка укрыться от завоевателей в других местах обширной Новгородской земли. Имущество этих беглецов, взявших с собой самое необходимое и ценное из того, что у них имелось, представляло явный интерес для захватчиков, ведь главный смысл их военных походов заключался не столько во властвовании, расширении управляемой территории, сколько в обогащении[47]. Монголы гнали несчастных «оли до Игнача креста, а все люди сѣкуще акы траву, за 100 верстъ до Новагорода»[48]. Местоположение Игнача креста определил В. Л. Янин. Крест стоял у оз. Глухого, между деревнями Соменка и Полометь и между реками Полометью и Ерыньей[49], к юго-востоку от оз. Ильмень. 100 верст до Новгорода — это район южнее Русы (современной Старой Руссы), крепости, преграждавшей нападения на Новгород с юга[50]. Достигнуть из Торжка района Игнача креста монголы могли примерно за 10 дней (220 км по прямой), около 15 марта. До Новгорода оставалось четыре-пять дней пути.

Однако у Игнача креста монгольские полководцы повернули назад. Такое решение не было неожиданным, каковым его считают многие историки, полагая, что монголам пришлось столкнуться с нехваткой продовольствия и начавшейся распутицей. Но никакие источники не говорят о том, что монголы и их конница страдали от голода или даже от недоедания во время похода против государств Восточной и Центральной Европы в 1236—1242 гг. Европейские исследователи, называя голод причиной отказа монголов от наступления на Новгород, забывают о том, что монголы по сравнению с европейцами

[46] НПЛ. С. 76.

[47] Фома Сплитский отмечал, что монголы «завоевывают мир не из жажды власти, а из страсти к наживе». См.: *Фома Сплитский.* История архиепископов Салоны и Сплита. С. 105.

[48] НПЛ. С. 76. Красочно отразил сходную ситуацию и Фома Сплитский. Повествуя о бегстве венгров по разным дорогам после поражения от монголов на р. Шайо 11 апреля 1241 г., он писал: «Как осенние листья, они (венгры. — *В. А.*) падали направо и налево; по всему пути валялись тела несчастных, стремительным потоком лилась кровь; бедная родина, обагренная кровью своих сынов, алела от края и до края» (*Фома Сплитский.* История архиепископов Салоны и Сплита. С. 109).

[49] *Янин В. Л.* К хронологии и топографии ордынского похода на Новгород в 1238 г. С. 211.

[50] НПЛ. С. 32.

представляли в XIII в. совсем иную цивилизацию, по-другому поддерживавшую свое существование, иначе ведшую свое хозяйство, имевшую совсем другие представления о войне и мире. Один из современников Батыева нашествия так описывал быт завоевателей: «...люди почти не заботятся о запасах еды, кормясь исключительно грабежами. К хлебу они испытывают отвращение и употребляют в пищу без разбора мясо чистых и нечистых животных и пьют кислое молоко с конской кровью»[51]. А вот описание главного объекта их хозяйственной деятельности: «Лошади у них малорослые, но сильные, легко переносящие голод и трудности, ездят они на них верхом на крестьянский манер; по скалам и камням они передвигаются без железных подков, как дикие козы. А после трехдневной непрерывной работы они довольствуются скромным кормом из соломы»[52]. Если процитированные здесь наблюдения Фомы Сплитского дополнить указанием на то, что монгольские лошади в зимнее время кормили себя сами, разрыхляя копытами снег и питаясь замерзшей травой, станет очевидным, что ни в каком фураже конница Батыя не нуждалась и от голода погибнуть не могла. Поэтому мнение о влиянии голода на поведение монголов, в марте 1238 г. прервавших свой поход на Новгород, нельзя признать основательным.

Что касается весеннего паводка, то он наступал в новгородских землях в XX в. между 30 марта и 5 апреля (17—24 марта по старому стилю), но в более раннем XIX в. — в середине — конце апреля и продолжался до конца июня[53]. Если монголы оказались у Игнача креста около 15 марта, в их распоряжении оставался примерно месяц, чтобы дойти до Новгорода и попытаться взять его до распутицы. Но для успешной осады Новгорода монголам необходимо было обезопасить себя от нападений из городов, подчинявшихся Новгороду. Одним из таких городов была Руса, располагавшаяся близ того пути, по которому монголы дошли до Игнача креста. На осаду и взятие Русы надо было затратить 8—9 дней (средняя цифра, учитывающая время осад Рязани, Владимира и Торжка). Прибавляя к ним 5—6 дней на дорогу Игнач крест — Руса — Новгород, следует считать, что к осаде Новгорода монголы могли приступить уже в конце марта 1238 г. Можно допустить, что к 10 апреля Новгород был бы взят, а монголы начали бы отступление и через неделю оказались в районе верхневолжских озер. Но здесь началась бы распутица, и тогда монгольское войско, лишенное провианта, через 10 15 дней должно было бы неминуемо погибнуть. Взятие Новгорода ничего не давало монголам. Это было не внезапное решение, а трезвый и точный расчет предводителей монгольских войск, и, не дойдя до Новгорода 100 верст, чингисиды повернули свою конницу вспять. Эта группировка монголов могла покинуть пределы Новгородской земли и северо-восточных русских княжеств не ранее конца марта или начала апреля 1238 г.

Действовавшая параллельно с этой группировкой другая часть монгольского войска была послана Батыем для обнаружения, разгрома и поимки владимирского князя Юрия Всеволодовича. Рассказ о гибели этого князя есть во всех трех древнейших летописных повествованиях о начале завоевания Руси Батыем. Но если в Ипатьевской летописи говорится, что Юрий после победы монголов близ северных границ Рязанского княжества оставил Владимир «и совокупляющу ему около себе вои и не имѣющу сторожии, изъѣханъ бысть безаконьнымъ Бурондаемъ, всь городъ изогна

[51] *Фома Сплитский.* История архиепископов Салоны и Сплита. С. 114.
[52] Там же. С. 114.
[53] *Янин В. Л.* К хронологии и топографии ордынского похода на Новгород в 1238 г. С. 212.

и самого князя Юрья убиша», а монголы, осаждая Владимир, издевательски вопрошали осажденных ими горожан: «Гдѣ суть князи Рязаньстии, ваш градъ и князь вашь великии Юрьи? Не рука ли наша емша и смерти преда?», указывая тем самым на гибель Юрия еще до падения Владимира, то в Лаврентьевской летописи последние дни владимирского князя описаны совсем по-иному. Согласно этому источнику, не оборонявшиеся владимирцы узнали от монголов о смерти Юрия, а верные Юрию люди известили своего князя о взятии Батыем Владимира, добавив, что монголы «к тобѣ идут»[54]. После этого та же летопись сообщает, что «поидоша безбожнии Татарове на Сить противу великому князю Гюргю»[55]. Юрий, по изложению Лаврентьевской летописи, пережил падение своей столицы. Но пережить вторжение монголов ему не посчастливилось. Узнав, что его лагерь на р. Сити обнаружен монголами, он вместе с братом, стародубским князем Святославом, и с племянниками Константиновичами: Васильком Ростовским, Всеволодом Ярославским и Владимиром Угличским, «поидоша противу поганымъ». «И сступишася обои, — продолжает далее Лаврентьевская летопись, — и побѣгоша наши пред иноплеменникы, и ту оубьенъ бысть князь Юрьи, а Василка яша руками безбожнии и поведоша в станы своѣ». Погиб Юрий Всеволодович 4 марта 1238 г.[56] Что произошло с его братом Святославом, племянниками Всеволодом и Владимиром Константиновичами, Лаврентьевская летопись не сообщает. Не объясняет она и того, как и почему князь Юрий Всеволодович оказался на р. Сити. Ведь для этого Юрию пришлось переправляться на левый берег Волги и останавливаться на самом краю владений суздальских Рюриковичей с Новгородской республикой, почему-то предпочтя остановку на р. Сити отступлению в укрепленный Новгород.

Ситуация проясняется при обращении к Новгородской первой летописи. Следует напомнить, что создававший в XIII в. источник этой летописи пономарь Тимофей специально интересовался судьбой Юрия Всеволодовича и расспрашивал о нем многих людей, что неудивительно. После боя на р. Сити многие воины Юрия, скорее всего, бежали в лежавшие рядом новгородские земли и вскоре оказались в самом Новгороде. Именно от них местный летописец мог узнать разные подробности о князе Юрии (как реальные, так и вымышленные — «много бо глаголють о немь инии») и попытаться нарисовать действительную картину случившегося. Согласно рассказу, сохранившемуся в Новгородской первой летописи, Юрий из Владимира сразу «бѣжа на Ярославль»[57], а не сначала в Ростов, а затем в Ярославль, как говорит Лаврентьевская летопись. Монголы, взяв Владимир, немедленно направили часть своих сил на Ярославль за Юрием («погнашася по Юрьи князи на Ярославль»[58]). Узнав об этом, Юрий Всеволодович послал на разведку трехтысячный отряд во главе с Дорожем. «И прибѣжа Дорожь, — продолжает Новгородская первая летопись, — и рече: “А уже, княже, обошли нас около”. И нача князь полкъ ставити около себе, и се внезапу Татарове приспѣша; князь же не успѣвъ ничтоже, побѣже; и бы на рѣцѣ Сити, и постигоша и, и животъ свои сконча ту. Богъ же вѣсть, како скончася»[59]. Выясняется, что Юрий Владимирский был окружен монголами где-то в районе Ярославля, попробовал приготовиться к сопротивлению, но был внезапно атакован и бе-

[54] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 464.
[55] Там же. Стб. 465.
[56] Там же.
[57] НПЛ. С. 75.
[58] Там же. С. 76.
[59] Там же.

жал с места боя, судя по всему, к Новгороду. На р. Сити он был настигнут монголами и убит. Это новгородское описание более походит на историческую реальность, чем рассказ Лаврентьевской летописи. Князь Юрий Всеволодович показан здесь как правитель, который решает разные военные вопросы, но не сражается на поле брани. И здесь уместно вспомнить кое-что из его предыдущей жизни. До Липицкой битвы 1216 г. Юрий ходил в походы и участвовал в боях. Так было в 1207 г., когда отец Юрия Всеволод Большое Гнездо вместе с сыновьями воевал с рязанскими князьями; в 1208 г., когда Юрий разбил двух рязанских князей на московской территории; в 1213 г., когда Юрий спорил с братом Константином за верховенство во Владимирской земле. Но разгром на Липицком поле, когда Юрий бежал с места сражения в нижней сорочке и, издушив трех коней, на четвертом внесся в спасительный Владимир, видимо, произвел на князя тяжелейшее психологическое впечатление. После 1216 г. Юрий вел войны, готовил походы, даже участвовал в них, но никогда не принимал участия в боевых действиях, посылая на них своих братьев и племянников. Так было в 1220 г. в войне с Волжской Булгарией, в 1226, 1228, 1229, 1232/33 гг., когда Юрием были организованы походы против подчинявшихся булгарам мордовских племен[60]; в 1232 г. при нападении на черниговские Серенск и Мосальск и даже в 1237/38 г., когда не Юрий, а его старший сын Всеволод сражался с монголами на северной окраине Рязанского княжества. Лаврентьевская летопись подчеркивает, что Юрий погиб в битве с монголами на р. Сити, она говорит об этом дважды, стремясь показать воинскую доблесть владимирского правителя. Но она же сообщает об отсечении головы у князя, а это могло произойти, когда Юрий был пленен или сдался сам. Похоже, что его судьба была такой же, как участь князя Василька Ростовского, только казнь произошла раньше. Смерть Юрия означала, что главные цели монголов, вторгшихся в княжества Северо-Восточной Руси, были достигнуты, и Батый повернул свои войска на юг.

Двигаясь в южные степи, Батый воспользовался дорогой, которой суздальские князья в XII в. ездили в Чернигов, Переяславль Русский и Киев. На этой дороге стоял черниговский город Козельск, и Батый, чтобы сделать путь безопасным, осадил его. Жители города оказали упорнейшее сопротивление захватчикам[61]. Когда стало не хватать боевого оружия, они начали резаться с монголами на ножах, убили трех сыновей сотников, много рядовых воинов, но силы были неравны. Батый получил подкрепление, занял город и устроил кровавую расправу с оставшимися в живых козельчанами, не пожалев даже детей-пеленочников. Не избежал злой участи и малолетний княжич Василий, правивший в Козельске[62]. Но обо всем этом в древнерусских княжествах Волго-Окского междуречья уже не знали. Связь с владениями других Рюриковичей была потеряна, новая информация не поступала, и летописец, ничтоже сумняшеся, в рассказе о событиях 1238 г. отметил: «было мирно».

Явный недостаток информации позволяет современным исследователям лишь фрагментарно восстанавливать дальнейшие действия завоевателей. В 1239 г. первой акцией монголов стал захват Переяславля Русского. Строевский список Псковской третьей летописи сохранил известие, согласно которому на следующее лето после взятия монголами

---

[60] *Кучкин В. А.* Волго-Окское междуречье и Нижний Новгород в средние века. Н. Новгород, 2011. С. 56—60.

[61] Рашид-ад-дин сообщает, что Батый осаждал Козельск в течение более двух месяцев. См.: *Рашид-ад-дин.* Сборник летописей. Т. 2. С. 39.

[62] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 778—779.

Рязани и Владимира «Переславль Руский взятъ бысть в средокрестныя недели в четверг, месяца марта 3»[63]. В 1239 г. Пасха приходилась на 27 марта, а средокрестная неделя (семидневка) — на 28 февраля — 6 марта. Следовательно, 3 марта 1239 г. действительно было четвергом средокрестной недели. Несмотря на то что запись дошла в поздней летописи и касается совсем не псковских событий, ее надо признать достоверной и восходящей к южнорусскому источнику, поскольку в Псковской третьей летописи отмечено, что Переяславль был взят «на лѣто», т. е. накануне лета. В древнерусских «верхних» (северных) княжествах и землях 3 марта преддверием лета никогда не считалось. Преддверием лета начало марта могло быть только в южных областях.

Лаврентьевская летопись, не давая точной даты падения Переяславля, сообщает, что монголы «епископа оубиша и люди избиша, а град пожьгоша огнем и люди и полона много вземше, отидоша»[64]. Несколько конкретных штрихов добавляет к этой картине Ипатьевская летопись: штурмом взяв Переяславль, монголы его «изби всь, и церковь архангела Михаила скроуши, и сосоуды церьковьныя бещисленыя златыа и драгаго каменья взятъ, и епископа преподобнаго Семеона оубиша»[65]. Взятие Переяславля, окруженного городами-крепостями, означало, образно говоря, уничтожение замка на тех воротах, о которых примерно полувеком ранее писал автор «Слова о полку Игореве», призывая, умоляя и требуя обороны от половцев: «Загородите полю ворота!» Теперь эти ворота оказались распахнутыми настеж. Путь к другим южнорусским городам для кочевников был открыт.

Однако для завоевания второго крупного южнорусского города Батыю потребовалось более полугода. Этим вторым городом стал Чернигов. Точная дата его взятия сохранилась в том же Строевском списке Псковской третьей летописи: «Того же лѣта и Черниговъ взятъ бысть на осень, месяца октября 18, в вторникъ»[66]. Дата события точная. 18 октября в 1239 г. было вторником. Подробности взятия Чернигова кратко описаны в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях. Первая из них в статье 6747 г. сообщает, что «того же лѣта взяша Татарове Черниговъ, князи ихъ выѣхаша въ Оугры. А град пожегше и люди избиша, и манастырѣ пограбиша. А епископа Перфурья пустиша в Глуховѣ, а сами идоша в станы своѣ»[67]. Ипатьевская летопись добавляет к этому описанию некоторые подробности: после захвата Переяславля Батый «посла на Черниговъ, обьстоупиша град в силѣ тяжцѣ. Слышавъ же Мстиславъ Глѣбовичь нападение на град иноплеменьных, приде на ны со всими вои. Бившимъся имъ, побѣженъ бысть Мьстиславъ, и множество от вои его избьенымъ бысть. И градъ взяша и запалиша огньмь, епископа оставиша жива и ведоша и во Глоуховъ»[68]. Ипатьевская летопись не говорит о том, что черниговские князья — Михаил Всеволодович и его старший сын Ростислав — оставили свою столицу и бежали в Венгрию. Зато она сообщает о попытке защитить Чернигов рыльского князя Мстислава Глебовича, противника Михаила. Попытка не удалась. Многочисленное войско рыльского князя было разгромлено. Сам Мстислав Глебович, вероятно, попал в плен и позднее (в 1241 г.) был казнен монголами[69]. В конце же 1239 г. («на зиму») монголы взяли

[63] ПЛ. М., 1955. Вып. 2. С. 79.
[64] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 469.
[65] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 781—782.
[66] ПЛ. Вып. 2. С. 79.
[67] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 469.
[68] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 782.
[69] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 470; ПСРЛ. Пг., 1922. Т. 15, вып. 1. Стб. 30.

и сожгли Муром, вновь воевали по р. Клязьме и пожгли г. Гороховец[70].

Несколько месяцев ушло у чингизидов на подготовку осады Киева. Лаврентьевская летопись сообщает, что Киев был взят монголами 6 декабря 1240 г.[71] Эта дата принята подавляющим большинством исследователей, поскольку она приведена в очень авторитетном источнике. Но специально исследуя хронологию Лаврентьевской летописи, Н.Г. Бережков обратил внимание и на другое свидетельство о времени падения Киева. Оно заключалось в упоминавшемся ранее Строевском списке Псковской третьей летописи: «приидоша Татарове к Киеву [сентября 5] и стояше под Киевом 10 нед[ель] и 4 дня и едва в[зяша и], ноября в 19 в понедельник»[72]. Анализируя обе даты — 6 декабря и 19 ноября, Н.Г. Бережков приходил к заключению, что «нет достаточно убедительных данных для того, чтобы безоговорочно принять одну из этих двух дат и отвести другую», хотя признавал, что все хронологические элементы записи о падении Киева 19 ноября 1240 г. согласованы друг с другом[73]. Действительно, 19 ноября 1240 г. приходилось на понедельник; время стояния монголов под Киевом, не считая дня подхода к городу 5 сентября и заключительного дня сдачи 19 ноября, будет равно 10 неделям и четырем дням — всего 74 дням. Полагать, что кто-то после 1240 г. придумал все эти цифры, чтобы неизвестно для чего исказить историю, невозможно. Н.Г. Бережков аргументом в пользу даты 6 декабря считал мнение М.С. Грушевского, согласно которому рассказ Ипатьевской летописи о падении Киева не производит впечатления, будто осада города была длительной[74]. Тем не менее рассказ этот утверждает, что Батый «окружи градъ и остолпи… и бысть градъ во обьдержаньи велицѣ», а сооружение столбового ограждения вокруг Киева требовало немалого времени. Ипатьевская летопись сообщает также, что монголы из пороков, поставленных возле Лятских ворот, день и ночь били камнями по крепостным стенам города, сумели сделать пролом, но киевляне успели возвести новые оборонительные укрепления[75]. Все это не говорит о скоротечности осады Киева. Внимания заслуживает не впечатление М.С. Грушевского, а свидетельство побывавшего в 1246 г. в Киеве монаха-францисканца Иоанна де Плано Карпини о длительной осаде Батыем Киева[76]. Думается, окончательно вопрос решается сообщением современника событий 1240 г. магистра Рогерия о том, что «во время, близкое к Рождеству Господню, стало известно, что татары опустошают смежные с Русью границы Венгрии»[77]. В XIII в. Рождество у католиков, как и у православных, отмечалось 25 декабря. Если Киев был взят 6 декабря 1240 г., то монголы не успевали до 25 декабря дойти до венгерских границ. Расстояние от Киева до этих границ составляло по прямой около 525 км, причем пройти эти километры надо было с боями. Если Киев был взят 19 ноября 1240 г.,[78] то монголы успевали это сделать. В таком случае дата

[70] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 470.

[71] Там же.

[72] ПЛ. Вып. 2. С. 81.

[73] *Бережков Н.Г.* Хронология русского летописания. М., 1963. С. 111.

[74] Там же.

[75] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 784—785.

[76] *Иоанн де Плано Карпини.* История монголов: Текст, перевод, комментарии / Под ред. А.А. Горского, В.В. Трепавлова. М., 2022.

[77] *Магистр Рогерий.* Горестная песнь о разорении Венгерского королевства татарами. СПб., 2012. С. 26.

[78] Е. Л. Конявская показала, что дата 19 ноября читается и в так называемой летописи Авраамки, т. е. в новгородском владычном своде конца 1460-х годов. Очевидно, она была известна намного раньше составления Строевского списка Псковской третьей летописи. См.: *Конявская Е.Л.* «Южнорусские» статьи первой половины XIII в. в новгородских летописях // НИС. СПб., 2008. Вып. 11 (21). С. 108.

6 декабря, читающаяся в северо-восточном летописании, может расцениваться не как дата взятия Киева, а как дата получения на северо-востоке известия о его падении. Судя по содержанию записи в Лаврентьевской летописи, где сначала говорится о разграблении победителями в Киеве Софийского собора, монастырей и церквей, а затем о том, что они «люди от мала и до велика вся убиша мечем»[79], известие поступило на северо-восток по церковным каналам.

После описания взятия монголами Киева Ипатьевская летопись продолжает мартиролог древнерусских городов, попавших в руки завоевателей. Это Колодяжен, Каменец, Изяславль, Владимир Волынский и Галич[80]. Кременец и Данилов Батыю взять не удалось. Географической последовательности захвата и прохождения этих городов соответствует и последовательность временна́я. Если Галич был последним в этой цепочке (далее монголы вторглись в Венгрию, а это произошло до 25 декабря 1240 г.), то к самому концу 1240 г. завоевание Батыем Руси было закончено. Из всех древнерусских княжеств только Смоленское, Туровское, Пинское, Витебское, Полоцкое княжества и бóльшая часть территории Новгородской республики не испытали чужеземного нашествия. Все остальные древнерусские княжества были разгромлены и опустошены завоевателями.

Имеющиеся в русских летописях описания этих погромов и опустошений, хотя и сделаны спустя 15—40 лет после нашествия монголов, в 1250—1280-х годах, не могут быть заподозрены в искажениях и сгущении красок. Так, все русские летописи отметили, что, когда при штурме Владимира-на-Клязьме монголы не смогли сразу ворваться в Успенский собор, внутри которого укрылся владимирский епископ Митрофан с княгинями и детьми, составлявшими большую семью князя Юрия Всеволодовича, захватчики обложили церковь лесом и подожгли. От удушья и огня скончались все, надеявшиеся обрести спасение в церкви. Галичский летописец записал, как после взятия Козельска, жители которого, не получая ни от кого помощи, отчаянно сопротивлялись монголам, но были разгромлены, Батый казнил всех оставшихся в живых, «не пощадѣ от отрочатъ до сосоущих млеко»[81], т. е. умертвив даже малых детей. Сходно с приведенным и свидетельство новгородского летописца. После взятия Торжка, города, принадлежавшего Новгородской республике, монголы иссекли всех «от мужьска пола и до женьска, иереискыи чин всь и черноризьскыи, а все изъобнажено и поругано, горкою смертью предаша душа своя господеви»[82]. И это не выдумки темных русских монахов, за толстыми стенами келий дававших волю своим распаленным мыслям, как иногда утверждают современные поклонники Чингис-хана и чингисидов. Это была действительность, превосходившая в своих страшных реалиях всякое воображение.

Вот что писал современник походов Чингис-хана, один из видных мусульманских деятелей и ученых Конийского (Румского) султаната в Малой Азии Ибн-ал-Асир: «Кому же легко поведать (миру) о гибели ислама и мусульман, да кому приятно вспоминать об этом? Может быть, род людской не увидит (ничего) подобного этому событию до преставления света и исчезновения мира, за исключением разве Гога и Магога. Что касается антихриста, то он ведь сжалится над теми, которые последовали за ним, и погубит лишь тех, которые станут сопротивляться ему; эти же (татары) ни над кем не сжалились, а избивали

[79] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 470.
[80] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 786.
[81] Там же. Стб. 781.
[82] НПЛ. С. 76.

женщин, мужчин, младенцев, распарывали утробы беременных и умерщвляли зародыши»[83]. Следует заметить, что монголы во времена Чингис-хана и его ближайших преемников были язычниками, огнепоклонниками, а потому в своих завоевательных войнах не считались с моральными нормами ни буддизма, ни христианства, ни ислама, учиняя одинаково жестокие расправы над своими противниками. Характерно описание того же Ибн-ал-Асира взятия монголами весной 1220 г. Самарканда: победители «вошли в город, разграбили (все), что в нем было, сожгли соборную мечеть, оставив остальную часть города в покое, изнасиловали девушек, истязали людей разными мучениями, вымогая деньги, и убили тех, которые не годились для плена»[84].

Мусульманскому историку вторит армянский очевидец монгольского нашествия: «В году 685 армянского летосчисления (1236) нас постиг страшный божий гнев, появились с востока дикобразные, жестокие и кровожадные люди... Они были настолько жестоки, что если бы я обладал самым хорошим красноречием, то не смог бы рассказать те страдания и горести, которые они дали испить полной чашей в Араратской долине, особенно в городе Ани»[85].

Магистр Рогерий, родом из итальянской Апулии, ставший в 1250 г. архиепископом города Сплита, в 1241 г. попал в плен к монголам и сумел сохранить жизнь, только выдавая себя за «презренного и бедного раба». О своем пребывании в плену он вспоминал с глубокой и непреходящей горечью: «И пусть знают все, что не случайно я говорю, что всякому попавшему в руки татар было бы лучше, если бы не был он вовсе рожден — почувствовал бы он себя тогда не татарами, а в Тартаре прикованном. Об этом сужу как сам изведавший. Ибо был я время и половину времени среди них, где вознаграждение обнаруживалось в смерти и как кара была жизнь»[86].

Иоанн де Плано Карпини, проезжавший в 1246 г. через южные русские земли, записал: монголы «пошли против Руссии и произвели великое избиение в земле Руссии, разрушили города и крепости и убили людей, осадили Киев, который был столицей Руссии, и после долгой осады они взяли его и убили жителей города; отсюда, когда мы ехали через их землю, мы находили бесчисленные головы и кости мертвых людей, лежавшие в поле; ибо этот город был большой и очень многолюдный, а теперь он сведен почти ни на что: едва существует там двести домов, а людей тех держат они в самом тяжелом рабстве»[87].

С описанием Плано Карпини перекликается письмо брата царя Киликийской Армении Гетума I Смбата Спарапета, написанное им в Самарканде в 1247 г. и адресованное королю Кипра Генриху де Лузиньяну: «Я увидел там (на пути к Самарканду. — *В.К.*) несколько городов, разрушенных татарами, величие и богатство которых неоценимы. Я видел некоторые из них за три дня пути и несколько удивительных гор, состоящих из груды костей тех, кого умертвили татары»[88].

Фома Сплитский вспоминал, как хан Кадан, преследуя венгерского короля Белу IV, сделал короткую остановку, во время которой «жестокий истязатель приказал собрать всех пленных, которых он привел из Венгрии, — великое множество мужчин, женщин, мальчиков и девочек — и распорядился всех их согнать на одну равнину. И когда все они были согнаны, как стадо овец, он, послав палачей, повелел

[83] СМИЗО. СПб., 1884. Т. 1. С. 1, 2.
[84] Там же. С. 11.
[85] *Галстян А.Г.* Армянские источники о монголах. М., 1962. С. 44.
[86] *Магистр Рогерий.* Горестная песнь о разорении Венгерского королевства татарами. С. 17.
[87] *Иоанн де Плано Карпини.* История монголов. С. 25.
[88] *Галстян А.Г.* Армянские источники о монголах. С. 65.

всем им отрубить головы. Тогда раздались страшные крики и рыдания, и, казалось, вся земля содрогнулась от вопля умирающих. Все они остались лежать на этой равнине, как валяются обычно разбросанные по полю снопы»[89].

Галичский летописец писал вскоре после Батыева погрома: «Данилови же со братомъ пришедшоу ко Берестью, и не возмогоста ити в поле смрада ради и множьства избьеных, не бѣ бо на Володимѣрѣ (Волынском. — *В. К.*) не осталъ живыи, церкви святои Богородици исполнена троупья, иныа церкви наполнены быша троубья и телесъ мертвых»[90]. И у пограничного древнерусского Берестья, и в церквах Владимира Волынского, и на равнинах Венгрии лежали истлевавшие трупы, а в Средней Азии и в полях под Киевом даже спустя несколько лет после походов монголов продолжали белеть кости загубленных ими людей.

Приведенные свидетельства современников войн Чингис-хана и его ближайших преемников, очевидцев, принадлежавших к разным народам и к разным религиям, в полной мере подтверждают описания русских книжников XIII в., свидетельствующих о беспощадности завоевателей и опустошении ими древнерусских княжеств. Даже в героических сказаниях о Чингис-хане, где воспеваются его доблесть и многочисленные победоносные походы, не скрываются факты его бессмысленной жестокости. Об истреблении Чингис-ханом враждебного ему монгольского племени татар (казнены были все, кто ростом был выше оси тележного колеса монгольской кибитки) сообщает составленное в 1240 г. при дворе чингисидов «Сокровенное сказание».

Правдивость описания монгольского завоевания Руси ранними русскими нарративными источниками подтверждается не только параллельными свидетельствами иностранных очевидцев событий 1220—1230-х годов, хронистов и путешественников, но и данными археологии. Так, рассказывая об осаде монголами Киева в 1240 г., галичский летописец отметил, что во время штурма города часть спасавшихся горожан вместе со своим имуществом взобралась на Десятинную церковь и «от тягости повалишася с ними стены церковныя». При раскопках Десятинной церкви в Киеве в 1939 г. действительно была обнаружена рухнувшая стена этой церкви, похоронившая под собой взобравшихся на нее людей. Одним из них был ремесленник, взявший с собой самую ценную часть своего имущества — каменные формы для отливки женских украшений[91].

Какие же заключения можно сделать из приведенных данных? Прежде всего, можно говорить о громадных людских потерях, понесенных населением Руси в годы монгольского завоевания. Эти потери ощущались сразу же после того, как монголы прекращали свои боевые действия. В середине 1238 г., пользуясь военной передышкой, в Северо-Восточную Русь из Киева вернулся князь Ярослав Всеволодович, занявший владимирский стол. Уже в начале лета 1239 г. он сумел организовать дальний поход на Каменец, стоявший на восточных рубежах Владимиро-Волынского княжества. Ярослав взял город, «а княгыню Михаилову со множьством полона приведе в своя си». В плен попала Феофания Романовна — жена Михаила Черниговского, который занял Киев сразу после ухода оттуда Ярослава. Пленением Михайловой жены князь Ярослав намеревался, видимо, воздействовать на ее мужа и вернуть себе Киев. Замысел не удался. Но зато удалось другое. Из Каменца на северо-восток было

[89] *Фома Сплитский.* История архиепископов Салоны и Сплита. С. 118.
[90] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 788 и вар. 79.
[91] *Каргер М. К.* Древний Киев: В 2 т. М.; Л., 1958. Т. 1. С. 500—503.

переведено «множьство полона», что позволило в определенной степени восполнить людские потери в северо-восточных княжествах, понесенных зимой—весной 1238 г. Осенью 1239 г. Ярослав Всеволодович предпринял поход на Смоленск, захваченный литовцами. Смоленск был освобожден, а князь Ярослав «сам со множеством полона с великою честью отиде в своя си»[92]. И в этом случае важным результатом похода стал захват большого числа пленных. Очевидно, что такие действия Ярослава Всеволодовича объясняются стремлением пополнить убыль населения Волго-Окского междуречья, сильно пострадавшего от монголов.

Важным оценочным показателем результатов войн 1237—1240 гг. монголов на Руси является сохранность древнерусских городов в тех княжествах, которые подверглись нападению Батыя. Эти княжества можно условно разделить на две большие территориальные группы. К одной группе могут быть отнесены Рязанское, Муромское княжества и княжества Северо-Восточной Руси. К другой группе — южнорусские княжества.

Первая группа княжеств в основном была покорена за четыре месяца, с середины декабря 1237 г. по середину марта 1238 г. За это время монголы сумели пройти большой путь от Воронажа на юге до Игнача креста на севере длиной около 1 тыс. км (по прямой от среднего течения р. Воронеж до района Игнача креста 720 км), захватили самые значительные города Рязанского княжества (Рязань, Пронск, Коломну), новгородский Торжок. Однако наибольший урон был нанесен княжествам Северо-Восточной Руси. Древнейшие летописи свидетельствуют о захвате монголами Москвы, Суздаля, Владимира, Ростова, Ярославля, Городца на Волге, Галича Мерского, Переяславля-Залесского, Юрьева, Дмитрова, Волока Ламского, Твери — всего 12 городов. Лаврентьевская летопись увеличивает это число до 14, взятых монголами только в феврале 1238 г.[93], но при этом конкретных городов не называет. Сведения Лаврентьевской летописи, по-видимому, верны. К 12 поименованным городам надо прибавить Мстиславль и Петров, которые в послемонгольское время как города уже не упоминаются, но которые относились к территориям Юрьева и Суздаля, пострадавшим от нашествия в феврале 1238 г. Еще одно нападение на восточные и северо-восточные русские земли было совершено монголами накануне зимы 1239 г., видимо, обеспокоенными предпринятыми в том же году походами Ярослава Всеволодовича на Кременец и Смоленск. На сей раз монголами были пожжены Муром, главный город одноименного княжества, и Гороховец, город Владимирского княжества. Кроме того, монголы воевали по р. Клязьме, а это заставляет подозревать, что пострадал не только Гороховец, но и расположенные на Клязьме выше него Ярополч и Стародуб. В целом же в 1237—1239 гг. в первой группе княжеств из одного города Муромского княжества пострадал один (100%), из 12 городов Рязанского княжества пострадали три (25%), из 30 (31) городов северо-восточных княжеств — 15 (50% или 48%) или 17 (считая Ярополч и Стародуб) (57% или 54,8%).

Территории древних южнорусских княжеств подвергались военным нападениям войск Батыя с марта—апреля 1238 г. по конец 1240 г., т. е. в течение 33 месяцев. Первым из южнорусских городов пал Козельск, город Черниговского княжества. В 1239 г. весной монголы взяли Переяславль, столицу Переяславского княжества. О захвате ими других городов этого княжества источники ничего не говорят, но ясно, что захваты были. К Переяславлю просто невозможно было подойти

[92] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 469.
[93] Там же. Стб. 464.

ни с юга, минуя такие города-крепости, как Воинь и Малотин, ни с юго-востока, где путь кочевникам преграждала цепь укреплений по правому берегу р. Сулы. Чтобы выйти на Переяславль, предварительно надо было все эти города завоевать.

Те же источники говорят о захвате монголами в 1239 г. столицы Черниговского княжества Чернигова и, весьма вероятно, Глухова. В 1240 г. монголы взяли столичные Киев, Владимир Волынский и Галич. Кроме того, в Киевском княжестве они взяли город Колодяжен, во Владимиро-Волынском княжестве — Каменец и Изяславль. О захвате Батыем в Галичском княжестве городов, помимо Галича, источники молчат. В итоге получается, что за два года и девять месяцев монголы на юге Руси сумели взять в общей сложности 10 городов. Если припомнить, что к 1237 г. в южнорусских княжествах насчитывалось 256 городов, то потеря 10 городов, захваченных монголами, составит всего 3,9% от общего числа древнерусских городов на юге Руси. В процентном отношении это в 6—12 раз меньше, чем было взято и разрушено городов в Рязанском княжестве и княжествах Северо-Восточной Руси. Между тем та же Ипатьевская летопись, которая содержит основную информацию о том, какие именно южнорусские города были взяты монголами, после известия о падении Галича сообщает, что завоевателями были захвачены «иныи грады многы, имже нѣсть числа»[94]. Делается очевидным, что более чем скромное число городов в южнорусских княжествах, повоеванных монголами, отражает не реальную ситуацию, а плачевное состояние источников, сохранивших крупицы сведений о действиях монголов в Черниговском, Переяславском, Киевском, Владимиро-Волынском и Галичском княжествах на протяжении 1238—1240 гг.

Для того чтобы иметь действительное представление о масштабах разгрома южных княжеств Древней Руси монголами, необходимо привлечь данные более позднего времени, в которых отразилась численность городов на территориях, занятых в домонгольское время названными выше семью южнорусскими княжествами. Источники, в которых перечислялись бы города на достаточно больших географических пространствах, в послемонгольское время единичны. Они появляются только в XV в. Тем не менее их приходится использовать для воссоздания процессов упадка или даже полного уничтожения старых русских городов.

Один из таких источников в последнее время переиздал С. В. Полехов. Речь идет о памятнике под названием «Имена городов, замков и поветов, которыми владеет Свидригайло». Список был составлен между 3 сентября и 1 октября 1432 г. в Полоцке[95]. Это перечень городов, которые один из претендентов на литовский престол князь Свидригайло Ольгердович объявлял принадлежащими ему. Перечень был предназначен для великого магистра Тевтонского ордена Пауля фон Русдорфа, чтобы убедить его в серьезных возможностях Свидригайло и помочь претенденту стать великим князем литовским.

Перечень включает в себя 84 наименования городов Литовского государства. Характер и назначение документа таковы, что снимают подозрения в подборе подобных наименований не из существовавшей реальности, а из разного рода и разного времени письменных материалов. Впрочем, свидетельства документа нельзя принимать и за абсолютно достоверные. Не следует, в частности, доверять тому, что всеми перечисленными в перечне городами владел именно Свидригайло. Так, указанные

[94] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 786.

[95] *Полехов С. В.* «Список городов Свидригайло»: Датировка и публикация // ДРВМ. 2014. № 4 (58). С. 111—125.

в «Именах городов, замков и поветов» Ржева и другая Ржева в 1432 г. не только не принадлежали Свидригайло, но вообще не были подвластны Литве. Первая Ржева (на р. Льсте) была владением Новгорода, другая Ржева (на р. Волге) — владением Москвы[96]. Однако самым важным является то, что указанные города в Списке «Имена городов, замков и поветов», которыми владеет Свидригайло, существовали в 1432 г. реально.

Из 84 указанных в Списке пунктов 29 имели домонгольские корни. Это Киев, замок со многими дистриктами (поветами, волостями); Чернигов с немалым числом дистриктов; Смольнеск, Видебеск, Полтеск, Брянеск, Мценеск, Берестье, Рылеск, Стародуб, Трубческ, Гомей, Бырлад[97], Чичереск, Путивль, Новогородок Северский, Куреск со многими дистриктами, Донеск со многими дистриктами, Мстиславль, Рша, Друтеск, Лукомля, Борисов, Браслов, Звенигород, Торопец, Жижец, Великие Луки, другая Ржева. Указаны самые значимые к 1432 г. старинные города, менее значимые могли скрываться в безымянных дистриктах Списка.

К каким же древнерусским княжествам относились в свое время эти старинные города? В состав Киевского княжества входил Киев. Черниговскому княжеству принадлежали Чернигов, Брянеск, Гомий (Гомель), Куреск со многими дистриктами, Мценеск, Новогородок Северский, Путивль, Рылеск, Стародуб, Трубческ, Чичереск. К южному Переяславскому княжеству относился Донеск со многими дистриктами. Владимиро-Волынскому княжеству принадлежало Берестье. В состав Галичского княжества входили Бырлад и Звенигород. Видебеск (Витебск) был столицей Витебского княжества. Полтеск (Полоцк), Борисов, Браслов, Друтеск, Лукомль были городами Полоцкого княжества. К Смоленскому княжеству относились Смольнеск (Смоленск), Мстиславль, Рша (Орша), Торопец, Жижец, другая Ржева. Новгородской республике принадлежали Великие Луки.

Таким образом, из 81 города Киевского княжества, существовавших к 1237 г., составленный без малого через 200 лет после завоевания этого княжества монголами литовский источник называл всего один город — сам Киев (1,2%). Из 61 города домонгольского времени Черниговского княжества Список Свидригайло фиксирует только 11 городов (18%), причем семь из них в домонгольское время были стольными княжескими городами. Из остальных 50 черниговских городов, не имевших статуса княжеских резиденций, в Список 1432 г. попало только четыре города (Брянеск, Гомий, Мценеск, Чичереск — 8%). Из 56 городов домонгольского времени Владимиро-Волынского княжества в Список Свидригайло 1432 г. был включен единственный город — Берестье (1,8%). Тот же Список из 33 домонгольских галичских городов называет лишь два — Звенигород и Берладь (6%). Из 25 домонгольских городов южного Переяславского княжества в Список Свидригайло попадает только один — окраинный Донецк (4%). Всего из 256 городов перечисленных пяти южных древнерусских княжеств домонгольского времени «Имена городов, замков и поветов, которыми владеет Свидригайло» 1432 г. фиксируют лишь 16 городов. Это 6,25% от числа городов, существовавших в названных княжествах к 1237 г.

---

[96] *Янин В. Л.* Новгород и Литва: Пограничные ситуации XIII—XV веков. М., 1998. С. 87—88; *Кучкин В. А.* К изучению процесса централизации в Восточной Европе: (Ржева и ее волости в XIV—XV вв.) // История СССР. 1984. № 6. С. 157.

[97] Так следует переводить читающееся в Списке название Birlaa, где последняя буква *a* по написанию близка к букве *d*.

Список 1432 г. «Имена городов, замков и поветов, которыми владеет Свидригайло» называет города и в некоторых бывших домонгольских «верхних» княжествах. Это Витебск — единственный город в Витебском княжестве (100%), пять городов из 17 в Полоцком княжестве (29,4%) и шесть городов из 21 в Смоленском княжестве (28,6%). Всего из 39 древних городов этих трех княжеств в Список Свидригайло попало 12 городов, или 30,7% существовавших в домонгольское время в указанном регионе городов. Последняя цифра почти в пять раз превышает показатель, относящийся к городам южнорусских княжеств (6,25%). Очевидно, что в «верхних» княжествах древних домонгольских городов в процентном отношении сохранилось значительно больше, чем на территориях бывших южнорусских княжеств.

Приведенные сопоставления свидетельствуют о том, что за период с 1237 по 1432 г. в южнорусских землях исчезло намного больше городов, чем в регионе от верховьев рек Москвы и Протвы до верхнего течения рек Западной Двины и Днепра или в бассейне р. Полоты. Такое исчезновение нельзя не связывать с монгольским завоеванием древнерусских земель в конце 1237—1240 г.

Существует и другой источник, позволяющий произвести более масштабные сравнения данных о древнерусских городах первой трети XIII в. с показателями позднейшего времени. Такие сопоставления выявляют тенденции сохранения и развития древнерусских городов в большем числе областей домонгольской Руси, подпавших в 1242 г. под власть иноземцев. Упомянутые выше позднейшие сведения извлекаются из известного Списка «А се имена градом всѣм рускым далним и ближним». В настоящее время уточнена датировка этого Списка (вторая половина декабря 1448 г. — весна 1449 г.), место и цель создания (Киев; разделение церковных приходов между Киевом и Москвой)[98].

В Список включено как минимум 356 городов (названия шести городов повторены дважды).

При составлении Список был поделен на разделы. Разделы эти имеют следующие заголовки: «А се Болгарскыи и Волоскии гради», «А се польскии», т. е. подольские, «А се Киевскыи гроди», «А се Волыньскыи», «А се Литовьскыи», «А се Смоленскии», «А се Рязаньскии», «А се залѣскии». Эти указания на географию «городов русских дальних и ближних» облегчают их локализацию, а если в Списке одно название имеют два города или более, позволяют установить, о каком именно городе идет речь в источнике.

Для сравнения с городами домонгольской Руси из Списка «А се имена градом всѣм рускым далним и ближним» необходимо выделить те города, которые имели такие же названия, что и древнерусские города первой трети XIII в. Выделенные города Списка нужно распределить по тем древнерусским княжествам, которые существовали к 1237 г. В круглых скобках после каждого названия отмечается, к какому разделу городов в Списке «А се имена градом всѣм рускым далним и ближним» отнесено такое название.

Витебское княжество — Видбескъ (литов.). Здесь наблюдается полная, стопроцентная согласованность между показаниями источников домонгольского времени о наличии в Витебском княжестве единственного города — столицы Витебска, и указанием на Витебск в Списке в разделе «А се Литовьскыи».

Владимиро-Волынское княжество — Белзъ (волын.), Берестии (волын.), Божескъ (литов.), Володимерь (волын.), Волынь (волын.), Городно (литов.), Дорогобучь (во-

[98] *Кучкин В. А.* Датировка Списка «А се имена градом всѣм рускым далним и ближним» // ДРВМ. 2015. № 3 (61). С. 70—72.

лын.), Коречь (киев.), Кременець (волын.), Луческъ (волын.), Любно (волын.), Остро (волын.), Перемиль (волын.), Сутѣскъ (литов.), Холмъ (волын.), Черленъ (польск.), Черторыескъ (волын.), Шюмескъ (литов.), Шумьскыи (залесск.). Как следует из представленного перечня, к числу домонгольских владимиро-волынских городов в большинстве случаев относились те города Списка, что были перечислены в разделе «А се Волыньскыи» (13 из 18 городов). Среди названий таких городов три даны не совсем традиционно. Дорогобучь — это Дорогобуж, Остро — это Острог, а Черленъ — это Червен. Принимая во внимание, что некоторые города по южному рубежу домонгольского Владимиро-Волынского княжества названы литовскими (Сутѣскъ, Шюмескъ), литовский Божескъ может быть отождествлен с Бужеском на р. Западный Буг, а не с Божеском на р. Южный Буг. Город Коречь отождествляется с городом Кореческом (Корьчьском). Этот город располагался на самой границе Владимиро-Волынского княжества с Киевским[99]. В Списке «А се имена градом всѣм рускым далним и ближним» он мог быть отнесен к киевским потому, что в послемонгольское время был присоединен к Киеву. Шюмескъ и Шумьскыи — два названия одного города Шумеска. Таким образом, Список «А се имена градом всѣм рускым далним и ближним» позволяет отнести к древнему Владимиро-Волынскому княжеству 18 городов. Это 32% от того количества городов (56) в этом княжестве, которое фиксируется источниками XI — первой трети XIII в.

Владимирское (Владимира на Клязьме) княжество — Боголюбое (залесск.), Володимерь (залесск.), Галичь (залесск.), Городець (залесск.), Гороховець (залесск.), Кострома (залесск.), Москва (залесск.), Новгород Нижний (залесск.), Стародубъ на Клязьме (залесск.), Суждаль (залесск.), Унжа (залесск.), Юрьевеч (залесск.), Ярополчь (залесск.). Относительно городов этого княжества следует сделать два замечания. Во-первых, все города княжества отнесены к числу «залесских», что исторически и географически верно. Во-вторых, хотя Владимирское княжество пострадало не только от Батыя, но и от последующих походов на него ордынских ханов, по данным Списка «А се имена градом всѣм рускым далним и ближним» оно сохранило в своем составе почти все домонгольские города — всего 13. Считая в составе домонгольских городов княжества Юрьевец, получаем, что во Владимирском регионе к моменту составления Списка сохранилось более 81% древних городов.

Галичское княжество — Бакота (польск.), Галичь (волын.), Звенигород (польск.), Микулинъ (литов.), Перемышль (волын.), Теребовль (волын.). К Галичскому княжеству может быть отнесено всего шесть городов из числа названных в Списке. Обоснования требует включение в их состав Микулина. В домонгольской Руси было два Микулина. Один город с таким названием находился в Галичском княжестве, другой — в Киевском. Поскольку Микулин в Списке отнесен к числу литовских, а не киевских городов, надо полагать, что в виду имелся Микулин в Галиче. Сопоставляя шесть городов в Галиче по Списку с 33 городами в Галичском княжестве к 1237 г., выясняем, что в XV в. сохранилось всего 18% древних галичских городов.

Киевское княжество — Бѣльгород (киев.), Василевъ (киев.), Вручии (киев.), Дверенъ (киев.), Ивань (волын.), Каневъ (киев.), Киевъ (киев.), Клѣческъ (литов.), Корсунь (киев.), Мозырь (киев.), Олешескъ (литов.), Пересѣченъ (киев.), Рѣчиця (киев.), Рогачевъ (киев.), Родно (литов.), Ростовець (киев.), Случескъ (литов.), Треполь (киев.), Унеятинъ (киев.), Чернобыль (киев.), Юрьев (киев.). В составленном на основании Списка перечне городов Киевского княжества

[99] Етимологічний словник літописних географічних назв південної Русі. Київ, 1985. С. 72.

первой трети XIII в. подавляющее большинство — 16 городов — и в самом Списке отнесено к киевским. Из них один город внесен в перечень с явно испорченным названием — Унеятин вместо Неятин. Еще один киевский город отнесен в Списке к волынским. Это город Ивань. На Волыни такой город неизвестен. В домонгольской Руси с подобным названием — Иван — существовал только один город (в бассейне р. Стугны), и он относился к числу киевских. Поэтому Ивань Списка можно отождествить с древним Иваном. Два древних киевских города Клѣческъ и Случескъ отнесены в Списке к литовским. Для времени создания Списка такое определение, видимо, правильно, поскольку оба названных города граничили с Полоцким княжеством, ставшим литовским еще в конце XII — начале XIII в. Владея Полоцком, можно легко было подчинить себе и Клеческ со Случском. Еще два города из числа литовских Списка также должны быть отнесены к древнекиевским городам. Это Олешескъ, который по названию может быть сопоставим только с древнерусским Олешьем, и город Родно, сопоставимый с древнерусским городом Родней. Вполне допустимо, что ко времени составления Списка «А се имена градом всѣм рускым далним и ближним» оба последних города уже не существовали. Их названия могли быть заимствованы составителями Списка из письменных источников, скорее всего, из летописей. Тем не менее и Олешескъ, и Родно принимаем за действующие города и считаем их вместе с остальными киевскими городами. Таких городов по Списку оказывается 21. Если к концу 1230-х годов в Киевском княжестве насчитывался 81 город, то создатели Списка смогли назвать лишь 26% из них.

Муромское княжество — Муромъ (залесск.). Единственный город домонгольского Муромского княжества — его столица Муром — восстановился после сожжения его Батыем в 1239 г. Сохранность — 100%.

Новгородская республика — Бѣжицкыи Вѣрхъ (залесск.), Вологда (залесск.), Волокъ Ламьскыи (залесск.), Изборьско (залесск.), Изборескъ (литов.), Копорья (залесск.), Ладога (залесск.), Лукы (залесск.), Лукы (литов.), Морева (залесск.), Морева (литов.), Новгород (залесск.), Псковъ (залесск.), Торжокъ (залесск.). Все города Списка «А се имена градом всѣм рускым далним и ближним», которые можно отнести к Новгородской республике первой трети XIII в., в самом Списке отнесены к числу «залесских». Такой фиксации до появления Списка не было, новгородские города никогда не назывались «залесскими». Три порубежных новгородских города Изборск, Луки (Великие) и Морева упоминаются в разных разделах Списка, и среди «залесских», и среди «литовских» городов. В перечень включены все их упоминания в разных разделах, но в подсчетах учитываются только три города. Всего в Списке упоминается 11 древнейших городов Новгородской республики. Это составляет 73,3% всех ее городов, существовавших в канун Батыева нашествия.

Переяславское (Переяславля-Залесского) княжество — Дмитровъ (залесск.), Клѣщинъ (залесск.), Переяславль (залесск.). Сознательный пропуск в Списке перечня городов Тверского княжества, вобравшего в себя некоторые древние переяславские города, осложняет вопрос о том, сколько городов Переяславского княжества XIII в. сохранилось ко времени составления Списка «А се имена градом всѣм рускым далним и ближним». Поскольку о Зубцове, Кснятине и Нерехте говорит целый ряд источников XIII—XV вв., можно считать, что эти три города уцелели или восстановились после нашествия Батыя. В таком случае общее число сохранившихся древних переяславских городов будет равняться шести. Это около 66,7% от числа городов, существовавших в Переяславль-Залесском княжестве к началу XIII в.

Переяславское (Переяславля Южного) княжество — Острѣчьскыи на Деснѣ (киев.), Переяславль Русскыи (киев.), Роменъ (киев.). Список «А се имена градом всѣм рускым далним и ближним» содержит названия лишь трех городов, которые существовали в южном Переяславском княжестве в конце 1230-х годов. Это составляет всего 12% от общего числа городов (25), бывших к тому времени в этом княжестве.

Пинское княжество — Пинескъ (волын.). В Списке вместо двух городов 1237 г. указан только один город в Пинском княжестве — его столица Пинск. Упомянуто, следовательно, 50% домонгольских городов.

Полоцкое княжество — Борисовъ (литов.), Въсвято (литов.), Голотическъ (литов.), Дрютескъ (литов.), Логоско (литов.), Лукомль (литов.), Мѣнескъ (литов.), Несвѣжьскыи (залесск.), Полтескъ (литов.). Подавляющее большинство городов Списка «А се имена градом всѣм рускым далним и ближним», которые могут быть сопоставлены с домонгольскими городами Полоцкого княжества, отнесены в Списке к числу литовских. Названный в числе последних Логоско по созвучию может быть отождествлен только с древним Логожеском в Полоцком княжестве. В целом оказывается, что Список фиксирует девять древних полоцких городов, существовавших к 1237 г. Это 53% от общего числа полоцких городов указанного времени.

Ростовское княжество — Белоозеро (залесск.), Ростовъ (залесск.), Устьюгъ (залесск.). В Списке названы все три города Ростовского княжества, которые существовали в первой трети XIII в. Это 100% сохранности старых городов.

Рязанское княжество — Глѣбовъ (рязан.), Коломно на Оцѣ (залесск.), Переяславль на Трубежѣ (рязан.), Пронескъ (рязан.), Ростиславль (рязан.), Рязань Старая (рязан.). Из 12 зафиксированных источниками к концу 1230-х годов городов Рязанского княжества в Списке «А се имена градом всѣм рускым далним и ближним» названо шесть, причем название города Борисова-Глебова передано его второй частью — Глѣбовъ. Очевидно, что составители Списка знали только о 50% городов, существовавших в Рязанском княжестве до нашествия Батыя.

Смоленское княжество — Дорогобужь (смолен.), Елно (смолен.), Зижеч (литов.), Ижеславль (литов.), Кричевъ (литов.), Лучинъ (киев.), Мстиславъ на Вехрѣ (смолен.), Орша (литов.), Ржова (залесск.), Смолнескъ (смолен.), Торопець (литов.). Составить по Списку «А се имена градом всѣм рускым далним и ближним» перечень древних городов, существовавших в Смоленском княжестве до монгольского нашествия, оказывается делом непростым. Сами составители Списка из 21 домонгольского смоленского города привели названия только четырех древних городов, которые они считали смоленскими. Еще одна группа городов: Зижеч, отождествляемый с Жижичем, Кричев, Орша, Ржова и Торопец, идентифицируется с ранними смоленскими городами по своим названиям, хотя в Списке они указываются как литовские (Ржова — как залесская). Лучин как киевский город М. Н. Тихомиров помещал на Днепре в 7—8 верстах к югу от киевского же Рогачева, рядом с которым Лучин назван и в Списке[100]. Однако в домонгольской Руси был известен единственный Лучин, и этот Лучин считался смоленским городом. Место Лучина, которое определил М. Н. Тихомиров, было местом схождения границ Киевского, Черниговского и Смоленского княжеств. На этом основании киевский Лучин Списка «А се имена градом всѣм рускым далним и ближним» может быть отождествлен со смолен-

[100] *Тихомиров М. Н.* «Список русских городов дальних и ближних» // *Тихомиров М. Н.* Русское летописание. М., 1976. С. 107.

ским Лучином XII в. Еще сложнее отождествить с древнерусским городом названный в Списке Ижеславль. Такого названия среди древнерусских городов нет. Скорее всего, речь должна идти о Изяславле. Изяславлей же в домонгольской Руси было четыре: во Владимиро-Волынском, Полоцком, Рязанском и Смоленском княжествах. Поскольку в Списке до Ижеславля назван Мценск, а после Ижеславля Торопец, ясно, что в данном месте Списка речь не ведется о владимиро-волынских, полоцких и рязанских землях. Остается только Смоленское княжество, к которому, кстати говоря, относился и Торопец. Поэтому Ижеславль Списка идентифицируется с Изяславлем смоленским. Всего, таким образом, выявляется 11 древних смоленских городов, названных в Списке. Это 52% городов Смоленского княжества домонгольского времени.

Туровское княжество — Туров (киев.). Из двух городов Туровского княжества в Списке назван только один — столичный Туров. Список, таким образом, сохранил сведение о 50% домонгольских городов в этом княжестве.

Черниговское княжество — Брынескъ (волын.), Брянескъ (киев.), Воротынескъ (литов.), Гомии (киев.), Девягорескъ (литов.), Карачевъ (литов.), Козелескъ (литов.), Козелескъ (смолен.), Курескъ на Тускор, (киев.), Любечь (киев.), Масалескъ (литов.), Мченескъ (литов.), Неринескъ (рязан.), Новгород Сѣверьскыи (киев.), Путивль (киев.), Рылескъ (киев.), Серенескъ (волын.), Сновескъ (киев.), Тмуторокань (киев.), Трубческъ (киев.), Хороборь (волын.), Черниговъ (киев.), Чечерескъ (киев.). В Списке «А се имена градом всѣм руским далним и ближним» древние черниговские города оказываются разделенными между пятью разными частями памятника. Наибольшее число черниговских городов указано в разделе «А се Киевьскыи гроди» — 12, далее в разделе «А се Литовьскыи» — шесть, в разделе «А се Волыньскыи» — три, один попал в число смоленских городов и один в число рязанских. При этом литовский Козелескъ включен еще и в число смоленских. Всего же 23 названиями в Списке обозначено 22 древних черниговских города. При этом бросается в глаза то обстоятельство, что три черниговских города (Брынескъ, Серенескъ и Хороборь) отнесены в Списке к числу волынских, хотя в действительности от Волыни они находились очень далеко. Брынск стоял на р. Брынь, правом притоке Жиздры, Серенск — на р. Серене, притоке Оки, Хороборь — на р. Хороборе, правом притоке Десны, примерно в 75 км к востоку от Чернигова[101]. Противоречие между истинным местоположением названных городов и включением их составителями Списка в состав Волынской земли может объясняться лишь тем, что составители XV в. ничего конкретного о Брынске, Серенске и Хороборе не знали, эти города во времена создания Списка уже не существовали. Составители почерпнули три названия из каких-то старых источников, а сами города поместили там, где им казалось правильным, но в действительности было ошибочным. Поэтому из 22 городов составленного перечня скорее всего следует вычесть четыре, чтобы точнее определить число сохранившихся до времени составления Списка древних черниговских городов. Тогда городов останется 18, или 30% от числа черниговских городов, существовавших в первой трети XIII в.

Юрьевское княжество — Юрьевъ Польскыи (залесск.), Мстиславль (залесск.). Список сохранил упоминания всех городов Юрьевского княжества (100%).

Ярославское княжество — Молога (залесск.), Ярославль (залесск.). И в данном случае в Списке упомянуты все города кня-

[101] *Зайцев А. К.* Черниговское княжество X—XIII вв. М., 2009. С. 138, 166, 172—173, карта между с. 130 и 131.

жества домонгольского времени. Это 100% сохранности в более позднем источнике указаний на ранние города Ярославского княжества.

Из приведенных характеристик 17 княжеств[102] и одной республики домонгольской Руси делается очевидным, что их можно поделить на две группы. К одной группе должны быть отнесены семь княжеств, имевших в своем составе к 1237 г. от одного до трех городов. Это Туровское, Пинское, Витебское и Муромское княжества, по данным Списка «А се имена градом всѣм рускым далним и ближним», имевшие по одному городу (Углич — в 1237 г. единственный город Угличского княжества — в Списке не упомянут), Юрьевское — два города, Ростовское и Ярославское княжества, имевшие по три города. В сравнении с данными 1237 г. все перечисленные княжества, за исключением первых двух, ко времени составления Списка полностью сохранили свои города. Лишь Туровское и Пинское княжества потеряли по одному городу. Потери составили 50% городов, известных в этих княжествах в первой трети XIII в. Однако в данном случае цифры, характеризующие размеры потерь, не представляются существенными. Но примечательно то, что потери коснулись только княжеств, которые еще в начале второй половины XII в. являлись составной частью южного Киевского княжества.

Вторая группа княжеств является более многочисленной, и городов в этих княжествах по Списку «А се имена градом всѣм рускым далним и ближним» насчитывается во много раз больше, чем в княжествах первой группы. Здесь соотношение числа городов, существовавших в каждом из княжеств в домоногольское время, с числом городов, зафиксированных в Списке, оказывается значительно более сложным, но вместе с тем и более показательным. Из группы выделяются два княжества и одна республика, где процент сохранившихся в XV в. старинных городов следует признать высоким. Это княжество Владимирское (Владимира-на-Клязьме) — 81%, Новгородская республика — 73,3% и Переяславское (Переяславля-Залесского) княжество — 66,7%. Еще три княжества имеют показатель около 50%: Полоцкое княжество — 53%, Смоленское княжество — 52%, Рязанское княжество — 50%. Ниже показатели еще трех княжеств: Владимиро-Волынское княжество — 32%, Черниговское княжество — 30%, Киевское княжество — 29,6%. Самые низкие показатели имеют Галичское княжество — 18% и Переяславское (Переяславля Русского) — 12%. Выясняется, что, согласно Списку «А се имена градом всѣм рускым далним и ближним», менее всего в процентном отношении сохранилось домонгольских городов в пяти последних княжествах. Характерно, что все эти княжества — южные и все они подверглись нападению Батыя. Монголы нападали также на Рязанское, Владимирское (Владимира на Клязьме) и Переяславское (Переяславля Залесского) княжества, но, судя по всем полученным данным, разрушений там они произвели меньше, чем на древнерусском Юге. Последний пострадал от них особенно сильно.

Такое заключение в своей основе совпадает с выводом, сделанным при изучении Списка 1432 г. «Имена городов, замков и поветов, которыми владеет Свидригайло», о меньшей сохранности древнерусских городов во Владимиро-Волынском, Галичском, Киевском, Переяславском (Переяславля Южного) и Черниговском княжествах по сравнению с Витебским, Полоцким и Смоленским княжествами. Следовательно, фиксация такой диспропорции не может списываться на субъективную ошибку исследователей, порожденную недостаточной информативностью использованных ими источников, она указывает на объектив-

[102] В Списке не упомянут Углич, столица одноименного княжества, образованного в 1217 г.

ную реальность, возникшую в результате монгольского завоевания, последствия которого сказывались даже в XV в. Более богатый и подробный материал Списка «А се имена градом всѣм рускым далним и ближним» в сравнении со Списком 1432 г. князя Свидригайло позволяет сделать и некоторые заключения более частного характера. Так, самый низкий процент сохранившихся древних городов в южном Переяславском княжестве объясняет причину прекращения существования этого княжества после нашествия монголов. А картографирование домонгольских городов Черниговщины, упомянутых в Списке, показывает, что в этом памятнике чаще упоминаются города восточной части прежнего Черниговского княжества[103], и это согласуется с летописными свидетельствами о походе войск Батыя в конце 1239 г. после взятия Чернигова только до Глухова и известиями второй половины XIII в. более поздних летописей о существовании на днепровском левобережье русских княжеств (Курского, Рыльского и др.). Очевидно, что часть Черниговского княжества, прилегавшая к Днепру, где, по выражению летописца, была сосредоточена «вся жизнь» черниговцев[104], пострадала от нашествия больше, чем его восточная часть.

Таким образом, в общие представления о ходе монгольского завоевания Руси в 1237—1240 гг. и о его непосредственных последствиях должны быть внесены существенные коррективы. Основной ущерб монголы нанесли не Рязанскому и Муромскому княжествам, не владениям потомков Всеволода Большое Гнездо — княжествам Владимирскому, Переяславскому, Юрьевскому, Ростовскому, Ярославскому, Угличскому, и, конечно, не Новгороду, потерявшему Торжок, а княжествам Днепровского и Днестровского бассейнов: Киевскому, Черниговскому, Владимиро-Волынскому, Галичскому, Переяславскому, Туровскому и Пинскому. Это был тот регион, который еще С. М. Соловьев называл «главною сценою действия в начальной нашей истории: области древних княжеств Киевского, Волынского, Переяславского и собственно Черниговского...»[105]. К концу 1240 г. эта «главная сцена» лежала в руинах. Русская государственность была потрясена до основания, и история Руси потекла по иному руслу. Опустошение монголами южнорусских княжеств, которое они, как теперь выясняется, производили в течение почти трех лет (для сравнения: завоевание Батыем Венгерского королевства и его разграбление продолжалось 15 месяцев), привело к тому, что исчезли источники по истории этих княжеств. Поэтому для характеристики того, что принесло Руси монгольское завоевание, приходится опираться на данные, относящиеся к истории преимущественно Северо-Восточной Руси.

---

[103] Из 22 городов, существовавших к 1237 г. в Черниговском княжестве и названных в Списке «А се имена градом всем рускым далним и ближним», только шесть (Гомий, Любечь, Сновескъ, Хороборь, Черниговъ и Чечерескъ) могут быть отнесены к западным городам этого княжества. Остальные 16 — к восточным.

[104] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 361.

[105] *Соловьев С. М.* Соч.: В 18 кн. М., 1988. Кн. 1. С. 66.

Глава 2

РУССКИЕ КНЯЖЕСТВА И ЗЕМЛИ В СЕРЕДИНЕ XIII — ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIV в.

Русские княжества под иноземной властью

Походы Батыя против русских княжеств в 1237—1240 гг. не повлекли за собой немедленного установления в них чужеземной власти, как это часто утверждается в учебниках и даже в специальных исторических исследованиях. В покоренных русских землях Батый в указанные годы не оставлял своей администрации. Но когда летом 1242 г. тумены Батыя, воевавшие в 1241 — первой половине 1242 г. в Европе, повернули с берегов Адриатического моря на восток и остановились в низовьях Волги, основав в составе Монгольской империи новое политико-административное формирование — Золотую Орду, или просто Орду, в древнерусские княжества были отправлены специальные послы, потребовавшие от русских князей явки к Батыю с изъявлением покорности. В 1242 г. для большинства русских княжеств началось иноземное иго, которое кончилось почти через четверть тысячелетия. Это очень большой период времени, но все-таки не многие сотни лет, как иногда провозглашают некоторые любители сомнительных исторических сопоставлений и обобщений.

В чем же выражалось господство монгольских завоевателей над Русью? Прежде всего, в политической зависимости русских княжеств. В их города были посланы ханские наместники, которые, опираясь на приведенные вооруженные отряды, следили за тем, чтобы местное население сохраняло покорность чингисидам. По-монгольски такие наместники назывались даругачи, по-тюркски — баскаками. Указания на баскаков и даруг (или дорог), на Руси нередки в источниках XIII—XIV вв. Так, о баскаках в тех южных русских землях, через которые проезжал в 1246 г. посол папы римского Иннокентия IV, писал монгольскому хану францисканец Плано Карпини[1]. О баскаке в Галичском княжестве в 1255 г. сообщает Ипатьевская летопись. Сохранились сведения о действовавших в 1260-е годы баскаках в северном Устюге и южном Боровске. Под 1269 г. Новгородская первая летопись поместила известие о великом владимирском (Владимира-на-Клязьме) баскаке Амрагане, прибывшем в Новгород Великий во главе большого военного отряда. В конце XIII в. упоминается Ахмат, баскак хана Ногая в Курском княжестве. В 1305 г. ростовский летописец отметил смерть местного баскака Кутлубуги. В 1330-х годах баскаки еще существовали в приграничных южных районах русских княжеств. Села с характерными

[1] *Иоанн де Плано Карпини.* История монголов: Текст, перевод, комментарии / Под ред. А. А. Горского, В. В. Трепавлова. М., 2022. С. 163, 294—295.

названиями Баскаково, Баскаки, Баскач встречались еще в позапрошлом столетии в Смоленской, Калужской, Тверской, Новгородской, Рязанской, Костромской и Владимирской губерниях, свидетельствуя о достаточно широком распространении баскачества на русской территории[2]. Количество баскаков на Руси сократилось в начале 1260-х годов, когда из Монгольской империи в качестве самостоятельного государства выделилась Золотая Орда, и в последние два десятилетия XIII в., когда сама Золотая Орда раскололась на Орду Тохты и Орду Ногая. К началу XIV в. в основных центрах Северо-Восточной Руси, впоследствии ставшей территориальным ядром Русского государства, институт баскачества прекратил свое существование. Тем не менее несколько десятилетий он существовал. В этом отношении русские княжества ничем не отличались от других государств, завоеванных монголами, где наряду с местными правителями действовала административная система, созданная победителями.

Изменилось и положение русских князей. Хотя древнерусские юридические нормы владения княжествами и их наследования в своей основе оставались неизменными, в эти нормы властно вторгались ордынские правители. Князья должны были ездить в Орду, чтобы получать там ханские подтверждения своих прав. Каждому князю выдавался ярлык — особая ханская грамота — на его владения. Поездки русских князей в Орду часто сопровождались унижениями, которым князья подвергались при дворах монгольских правителей. Вот как галичский летописец описал пребывание у Батыя в начале 1246 г. галичского князя Даниила Романовича: «Данилови Романовичю князю бывшоу великоу, обладавшоу Роускою землею, Киевомъ и Володимеромъ и Галичемъ, со братомь си — инѣми странами, ньнѣ[3] сѣдить на колѣноу и холопомъ называеться, и дани хотять, живота не чаеть, и грозы приходять. О злая честь татарьская! Его же отець бѣ цесарь в Роускои земли, иже покори Половецькоую землю и воева на иные страны всѣ; сынъ того не прия чести, то иныи кто можеть прияти?!»[4]. А в ряде случаев поездки в Орду кончались для русских князей трагически. Так, в ставке Батыя в 1246 г. был казнен могущественный черниговский князь Михаил Всеволодович. В столице Монгольской империи, далеком Каракоруме, в том же году был отравлен отец Александра Невского князь владимирский Ярослав Всеволодович. В XIV в. на протяжении 20 лет в Орде казнили четырех тверских князей, до этого убили рязанского князя, там нашел смерть дмитровский князь (из подмосковного Дмитрова) и т. д.

Получение князем ханского ярлыка на собственное княжество сопровождалось приездом ордынского посла, под наблюдением которого происходило торжественное посажение обладателя ярлыка на княжеский стол. Князья владимирские, номинально считавшиеся главными князьями Северо-Восточной Руси, а со времен Дмитрия Донского превратившиеся и фактически в самых могущественных князей всей древней Суздальской земли, вплоть до Ивана III вынуждены были совершать торжественный обряд посажения на великокняжеский стол в Успенском соборе г. Владимира при обязательном присутствии ханских послов. Лишь Иван III избежал этой унижающей процедуры, символизировавшей политическое верховенство ханской власти. Такое верховенство проявлялось даже в мелочах. Так, около 1268 г. влади-

[2] *Насонов А. Н.* Монголы и Русь: История татарской политики на Руси. М.; Л., 1940. С. 19.

[3] Так в рукописи. В более поздних списках — «н(ы)нѣ». См.: ПСРЛ. СПб., 1908. Т. 2. Стб. 808.

[4] Там же. Стб. 807—808 (пунктуация автора). О дате см.: *Грушевьский М. С.* Хронологія подій Галицько-Волинської літописи // Зап. Наукового товариства імені Шевченка. Львів, 1901. Т. 41. С. 67.

мирский князь Ярослав Ярославич, воюя с захватившими эстонские земли немцами, запретил немецким купцам приезжать в свои владения. Те нашли способ пожаловаться на это запрещение ордынскому хану Менгу-Тимуру. Последовало ханское предписание: «Менгу Темерево слово клъ Ярославу князю: даи путь немецкому гости на свою волость». И Ярослав вынужден был повиноваться[5].

Раздавая русским князьям ярлыки на их княжения, ордынские правители стремились регулировать политические отношения между подвластными им русскими княжествами. Нет ничего более ошибочного, чем полагать, как в свое время делал В. О. Ключевский, будто чужеземное иго было некоей «внешней оболочкой», под которой русские князья продолжали жить и действовать так же, как это было до нашествия Батыя. Ордынские ханы не могли бы сохранять власть над Русью в течение почти четверти тысячелетия, не предпринимай они никаких действий по упрочению своей власти, отлаживанию и совершенствованию ее механизма. Соблюдая во многих случаях имевшиеся на Руси традиции престолонаследия, ордынские ханы, когда это было им нужно, бесцеремонно нарушали их. Так, в конце 1240-х годов монголы наиболее сильному и авторитетному из русских князей, Александру Невскому, дали было опустошенные Киев и южную Русскую землю, которыми он до тех пор не владел, а полагавшийся Александру по наследству не столь сильно разоренный Владимир-на-Клязьме — его младшему брату Андрею. После антиордынского восстания 1327 г. в Твери, правитель которой властвовал и в главном городе Северо-Восточной Руси Владимире, хан Узбек, чтобы ослабить нараставшее влияние великого князя владимирского, разделил великое княжество Владимирское на две части. Одну из них (Владимир и Поволжье) получил суздальский князь Александр Васильевич, другую (Кострому и право княжить в Новгороде Великом) — московский князь Иван Калита. Опасаясь усиления Москвы, Узбек в 1341 г. отнял у московских князей Нижегородское княжество и передал его суздальским князьям. В 1360 г. ярлык на великое княжение Владимирское был отобран Ордой у московских Рюриковичей и передан князьям суздальского дома. Одновременно была восстановлена самостоятельность Галичского (Галича Мерского) и Ростовского княжеств, ранее находившихся в зависимости от Москвы. В 1371 г. Мамай передал ярлык на Владимирское великое княжество, которым владел московский князь Дмитрий Иванович (будущий Донской), тверскому князю Михаилу Александровичу. В 1383 г. хан Тохтамыш вернул этому князю Кашинское княжество, которое по московско-новгородско-тверскому договору 1375 г. приобрело независимость от Твери. В 1445 г. ордынцы восстановили политическую самостоятельность Нижегородского княжества, еще в 1392 г. присоединенного к Москве. Московскому князю Василию II пришлось прилагать новые усилия, чтобы вернуть себе власть над этим княжеством. Таким образом, ордынские правители зачастую перекраивали политическую карту русских земель, препятствуя усилению того или иного князя, разжигая соперничество и распри между русскими князьями и извлекая из этого прямые выгоды и преимущества для себя.

Со временем даже выдача в Орде ярлыка на то или иное княжество стала сопровождаться беззастенчивыми требованиями со стороны правящей ордынской элиты денежных выплат и ценных подарков. Один тверской книжник начала XIV в. очень ярко описал поведение хана и ханского двора, свидетельствующее, по сути дела, о бесцеремонной торговле ярлыками на русские княжества, издавна принадлежавшие мест-

[5] ГВНП. М.; Л., 1949. № 30. С. 57.

ным князьям: «Егда коему князем нашим достовашеся княжение великое, хожаше князи русстии в Орду ко цареви, носящие множество имѣния своего… Обычаи бѣ поганых и до сего дни: вмещущи вражду между братиею князи русскыми (т. е. предлагая каждому из кандидатов больше заплатить за ярлык. — *В. К.*), себѣ множаишая дары възимаютъ»[6]. Такие «множайшие дары» как раз и были одной из тех материальных выгод, ради которых и отлаживалась Ордой вся ее система политического властвования над русскими землями.

Подарки ханам, ханшам, их окружению хотя и были дороги, но носили спорадический, нерегулярный характер. Много несноснее для всех слоев русского населения были ежегодные платежи Орде, называвшиеся на Руси «выходом» (дословный перевод на древнерусский язык арабского термина «харадж»), или «ордынской данью». Хотя об этой повинности, самой тяжелой для подпавшего под иноземное господство русского народа, писали многие отечественные и зарубежные историки, детально эта проблема до сих пор изучена недостаточно, и для того, чтобы понять ее значимость и оценить современную научную трактовку, необходимо кратко изложить историографию вопроса.

В русской исторической науке внимание к «выходу» в Орду начало проявляться примерно с середины XIX в., когда стало ясно, что без учета экономической основы существования государств, анализа налоговых поступлений, шедших на укрепление общественного строя и военной мощи различных стран, собиравших эти налоги, невозможно правильно судить об их социальной и политической истории. Первым из крупных русских историков, обратившим внимание на значение в отечественной истории выплат дани Орде, был С. М. Соловьев. Анализируя договоры и завещания русских князей XIV—XV вв. (на основе этих источников С. М. Соловьев написал свои магистерскую и докторскую диссертации), он заметил, что в целом ряде случаев в них рассматривался вопрос о сборе ордынской дани и указывались денежные суммы, которые должны были уплачиваться Орде. Так, в последнем завещании Дмитрия Донского, составленном в мае 1389 г., говорилось о том, что второй сын Донского Юрий должен давать в ордынский «выход» со своего Звенигорода 272 руб. в казну старшего брата, великого князя Василия, который затем отправлял полученные суммы в Орду[7]. В завещании же самого Юрия Дмитриевича, написанном в 1432 г., отмечалось, что с Звенигорода надо было вносить в общемосковский семитысячный рублевый «выход» 511 руб., на 88% больше, чем при Дмитрии Донском. Такое значительное изменение размеров ордынского налога нельзя объяснить одним ростом финансовых требований Орды: установление «выхода» в 7 тыс. руб. в 1432 г. вместо 5 тыс. руб. во времена Дмитрия Донского. В последнем случае получается, что к 1432 г. «выход» вырос на 40% по сравнению с «выходом» конца 1380-х годов. Но для жителей Звенигорода ордынский сбор увеличился не на 40%, а на 88%. Как оценить такую разницу цифровых показателей? Чтобы не ошибиться в догадках, ограничимся здесь лишь констатацией факта и его частичным объяснением: в XV в. ордынские ханы стремились поднять уровень выплат с подчинявшихся им русских земель.

Иного рода показатель извлекается из второго договора серпуховского князя Владимира Андреевича с великим князем Василием Дмитриевичем, заключенного в 1402—1404 гг., и из завещания Владимира Андреевича, составленного в конце 1408 г. В первом документе серпуховский князь обязуется в семитысячный рублевый

[6] *Кучкин В. А.* Повести о Михаиле Тверском. М., 1974. С. 253—254.
[7] ДДГ. М.; Л., 1950. № 12. С. 35.

ордынский «выход» с Углича вносить 105 руб.[8] Во втором документе тот же Владимир Андреевич завещал своим сыновьям выплачивать с Углича в пятитысячный рублевый ордынский «выход» те же 105 руб.[9] При поверхностной оценке приведенных данных получается, что общее изменение на 40% размера выплат Орде никак не сказывалось на сборах с отдельных объектов: последние платили заранее обговоренные суммы, не больше, но и не меньше того.

Такие показания первоисточников, не соединяемые легко и споро в обоснованные научные заключения, заставили С. М. Соловьева отказаться от подробного анализа эпизодически встречавшихся в договорных и завещательных княжеских грамотах XIV—XV вв. цифр ордынского «выхода». Тем не менее на некоторые общие выводы историк решился. Он писал, что со временем «количество выхода, разумеется, стало зависеть от соглашений великих князей с ханами»[10]. Однако такое заключение более, чем спорно. Во-первых, представление о зависимости размеров «выхода» от условий тех или иных договоренностей русских князей с Ордой не подтверждается источниками. С 1434 г., после смерти великого князя Юрия Дмитриевича, в договорных грамотах Василия II со своими родственниками появляется статья, согласно которой «выход» в Орду удельные князья могли платить «по старымъ девтеремъ», т. е. по старым налоговым документам[11]. Последний договор сына Василия II Ивана III с верейским князем Михаилом Андреевичем, содержавший такую статью, датируется 1483 г.[12] Это означает, что на протяжении почти полувека размер «выхода» колебался слабо. Во-вторых, никаких договоров русских князей с ордынскими ханами относительно размеров «выхода» не известно. Нет даже намеков на их существование. Ордынская дань была мерой принудительной, а не добровольно-договорной. Ее размер определялся ордынскими, а отнюдь не местными, правителями. Сам «выход» отражал вассально-зависимое положение русских князей от ордынских ханов, и его размер не мог быть определен согласительными нормами.

Существенные разъяснения относительно термина «тысяча» («тысяча рублей»), встречающегося в завещательных и договорных грамотах русских князей XIV—XVI вв., когда речь в них заходила о «выходе», были сделаны В. О. Ключевским. Анализируя завещания московских великих князей конца XIV — начала XVI в., В. О. Ключевский проследил, как от завещания к завещанию возрастала роль во владельческих доходах и расходах старшего из дома московских Рюриковичей — великого князя. О первом завещании исследуемого им целого ряда таких документов — второй душевной грамоте 1389 г. Дмитрия Донского — В. О. Ключевский писал: «Завещатель указывает, сколько должен вносить каждый из его наследников в состав каждой тысячи рублей ордынской дани. Очевидно, взнос каждого наследника соразмерялся с доходностью его удела. Старший сын, великий князь Василий, должен был вносить в состав тысячи не пятую часть (согласно числу сыновей, наследников Дмитрия Донского, которых было пятеро, и при условии равного деления между ними отцовского движимого имущества. — *В. К.*), а 342 руб-

[8] ДДГ. № 16. С. 44, ст. 19: «А дати ми, г(о)с(поди)не, тебѣ с Углеча Поля в сем(ь) тысяч руб(ловъ) сто руб(ловъ) и пят(ь) руб(ловъ)».

[9] ДДГ. № 17. С. 49, ст. 77: «А с(ы)нъ, кн(я)зь Ѡндреи и кн(я)зь Василеи, возмут дани с Углеча поля сто |руб(левъ) и пят(ь)руб(левъ)».

[10] *Соловьев С. М.* Соч.: В. 18 кн. М., 1988. Кн. 2. С. 479.

[11] ДДГ. № 34. С. 88.

[12] ДДГ. № 78. С. 295.

ля, т. е. больше трети всей суммы»[13]. Эта цитата из работы В. О. Ключевского свидетельствует о том, что под «тысячей рублей» источников конца XIV — начала XVI в. исследователь понимал не реальную сумму в одну тысячу рублей, а условную единицу обложения, по долям которой рассчитывались выплаты ордынским ханам каждого из владетельных потомков Даниила Московского. Сам размер условной единицы (не рубль, не сто, а тысяча рублей) указывает на то, что собиравшаяся с русских земель ордынская дань была большой, она исчислялась тысячами рублей.

Установление того факта, что «тысяча» ордынского «выхода» являлась условной единицей, а не реальной суммой выплаты, позволяет объяснить приведенные выше примеры уплаты серпуховским князем одинаковых 105 руб. с Углича как при сборе семитысяче-рублевого общего ордынского «выхода», так и пятитысяче-рублевого «выхода». И в том, и в другом случаях в каждую тысячу должны были быть внесены от Углича по 105 руб. Но в первом случае реальная выплата с этого города и его территории составляла 735 руб. (105 руб. × 7), а во втором — 525 руб. (105 руб. × 5).

В 1958 г. П. Н. Павлов выступил со статьей «К вопросу о русской дани в Золотую Орду», в которой прямо ставил вопрос о размерах требуемого ханами «выхода» и изменении этих размеров под влиянием тех или иных исторических обстоятельств. Такая исследовательская задача была вполне корректной. П. Н. Павлов, используя материал русских летописей, записок иностранцев, а для более позднего времени — договорных и завещательных грамот московских Рюриковичей, сумел нарисовать пеструю и в принципе изменчивую картину налогов, которые взимались с населения Руси монгольскими завоевателями с 1240-х годов до конца XV столетия. Общее заключение историка было таково: размер «выхода» был большим, но в XV в. он уменьшился. Уменьшение произошло после Куликовской битвы, исход которой существенным образом повлиял на финансовые отношения Руси и Орды[14]. Однако этот главный итог своей работы П. Н. Павлов не сумел подкрепить конкретным материалом. Русские княжества перестали платить выход Орде, фактически возглавляемой темником Мамаем, за несколько лет до Куликовской битвы. Статья 11 договора 1375 г. Москвы и Новгорода Великого с Тверью постановляла, что «а с Татары ѡже буде*т* на*м* миръ, по думѣ. А буде*т* на*м* дати выхо*д*, по думѣ же, а буде*т* не *д*ати, по думѣ же»[15]. О размерах же «выхода» с русских земель в первой половине 1370-х годов сведений нет. После победы над Мамаем в 1380 г. Русь как не платила ему дани, так и продолжала ее не платить. Но преемники Мамая дань взимали, причем получали ее после острых столкновений с русскими князьями, главным образом, московскими. Если поражение Мамая на Куликовом поле привело, по мысли П. Н. Павлова, к снижению нормы «выхода», то к каким же последствиям в этом отношении должно было привести взятие, разорение и сожжение Москвы ханом Тохтамышем в 1382 г.? На подобные вопросы работа П. Н. Павлова ответов не давала. Сам автор статьи их даже не ставил.

Долгое время проблема ордынских налогов с населения средневековой Руси не интересовала отечественных историков. Но в 2000 г. из печати вышла книга А. А. Горского «Москва и Орда». Она рассматривала вопрос об отношениях Орды с одним из многих русских средневековых княжеств,

[13] *Ключевский В. О.* Соч.: В 3 т. М., 1957. Т. 2. С. 40.

[14] *Павлов П. Н.* К вопросу о русской дани в Золотую Орду // Учен. зап. Красноярск. гос. пед. ин-та. Красноярск, 1958. Т. 13, вып. 2. С. 101.

[15] ДДГ. № 9. С. 26.

а не со всеми политическими формированиями на Руси, к тому же не с первых лет покорения Руси монголами, а с 1270-х годов, когда Москва стала столицей самостоятельного княжества. Но главные требования ордынских ханов распространялись не на одно, а на все русские средневековые княжества. И А. А. Горский вынужден был коснуться такой всеобщей ордынской нормы, как получение «выхода» с русских земель.

По мнению автора работы «Москва и Орда» размеры ордынского «выхода» с течением времени менялись в сторону уменьшения. Однако в работе не было показано, зависело ли изменение суммы «выхода» Орде от расширения территории Московского княжества или от того, получали ли московские князья военную помощь из Орды и за это уплачивали ей денег больше, чем требовалось для обычного «выхода». Нет и анализа сведений источников о цифрах «выхода», реальны ли такие цифры, как думал С. М. Соловьев, или же условны, как полагал В. О. Ключевский.

В последнем случае характерна оценка А. А. Горским последствий для Руси «стояния на Угре» в 1480 г. Ивана III против хана Ахмата. Правитель Большой Орды не сумел осуществить своих планов и в начале ноября 1480 г. увел свои войска восвояси. Этим, по мнению А. А. Горского, сразу же воспользовался Иван III. «В договорах Ивана III со своими братьями Андреем Углицким и Борисом Волоцким, заключенных 2 февраля 1481 г., появляется новое изменение формулировки пункта об отношениях с Ордой — указание размера выплат в 1000 рублей», — констатирует А. А. Горский[16]. Но в статьях названных грамот говорится, что «в выход ти мнѣ давати, в тысѧчу рублевъ, сто рублевъ и тритцат(ь) алтын и три денги, доколѣ ѡпишемсѧ, по д(у)ховнои грамоте ѡ(т)ца н(а)-ш(е)го» (грамота великого князя Ивана III удельному князю Андрею Угличскому)[17]. Оборот «в тысѧчу рублевъ» употреблялся в договорных грамотах только тогда, когда речь шла об условных единицах ордынского «выхода». Если же дело касалось реальных сумм, такой оборот не употреблялся[18]. Но А. А. Горский принял условную единицу «выхода» за действительный размер выплаты, как в свое время это сделал П. Н. Павлов, и вслед за ним объявил, что после благополучного «стояния на Угре» Иван III сразу же уменьшил размер ордынского «выхода».

Странным выглядит и то обстоятельство, что из нескольких свидетельств грамот от 2 февраля 1481 г. о различных выплатах татарам в книге «Москва и Орда» приведено лишь одно — из ст. 25. Свидетельства ст. 26 («А с Романова городка давати ти тотарщину къ Ярославлю по старинѣ. А коли, брате, аз в Орды не дамъ, и мнѣ и у тебѧ не взѧти») и ст. 27 («А ц(а)ревича намъ Даніара, или хто по нем на том мѣстѣ иныи ц(а)ревич будетъ, и тобѣ его держати с нами с одного») тех же документов[19] не только не анализируются, но даже не упоминаются, хотя прямо говорят о других сборах и выплатах в Орду и расходах на содержание царевича Даньяра. Как велики были эти выплаты и расходы, А. А. Горский не определил, зато очень уверенно написал о том, что «выход» после 1480 г. уменьшился в разы.

Суждения А. А. Горского не сразу обратили на себя внимание других исследователей. Но совсем недавно появилась статья, в которой ряд важных заключений автора книги «Москва и Орда» был под-

[16] ДДГ. № 9. С. 178.
[17] ДДГ. № 72. С. 254.
[18] См.: ДДГ. № 29, 38.
[19] ДДГ. № 72. С. 254; № 73. С. 270 (здесь, естественно, отсутствует указание на выплату с Романова городка).

вергнут критическому разбору. Речь идет о работе В. А. Аракчеева «Порядок сбора ордынского "выхода" в русских землях во второй половине XV в.». Начав свое исследование с указаний на сохранившиеся документы, в которых назывались разные суммы «выхода», историк остановился и на свидетельствах грамот от 2 февраля 1481 г.: «В договорах великого князя Ивана с угличским князем Андреем и волоцким князем Борисом 1481 и 1486 гг. общая сумма выхода определялась в 1000 рублей»[20]. Это утверждение В. А. Аракчеева — простое повторение мнений его предшественников. Об общей сумме реального «выхода» эти грамоты не говорили. Однако по мере изучения свидетельств источников о действительных размерах «выхода» и долях выплат в каждую тысячу такого «выхода» разных удельных князей В. А. Аракчеев вынужден был уточнять свою характеристику. Рассмотрев договоры 1481 и 1486 гг. Ивана III с братьями Андреем Угличским и Борисом Волоцким более внимательно, он нашел, что «небывалый прежде счет доли удельных князей на алтыны и деньги свидетельствует, скорее, в пользу условного характера выхода в 1000 руб., который мог в зависимости от обстоятельств как увеличиваться, так и уменьшаться»[21]. А далее, ознакомившись с завещанием 1481 г. другого брата Ивана III вологодского князя Андрея Меньшого, где говорилось о долге Андрея великому князю в 30 тыс. руб. за то, что тот платил за него «выходы» в различные орды и давал деньги взаймы ему самому, В. А. Аракчеев стал более решительным. «Значит, — писал он, — 1000-рублевый оклад дани невозможно интерпретировать как точную исчерпывающую сумму; как писал Ключевский, это был условный оклад...»[22].

Впрочем, другие разделы исследования В. А. Аракчеева не всегда были написаны на должном уровне. Это касается расчетов размеров и сроков выплат «черного бора», собиравшегося с территории Новгорода Великого и через московского великого князя выплачивавшегося Орде; и указаний на суммы, которые теоретически мог получать Андрей Вологодский на выплаты различным ордам. Главное же — не были устранены логические противоречия между утверждениями в разных местах его статьи о реальном и условном содержании фразы «в тысѧчу рублевъ» грамот 1481 и 1486 гг.

Из приведенного краткого историографического обзора видно, что исследователи еще не имеют в своем распоряжении капитального научного труда, где были бы собраны все упоминания об ордынском «выходе» с русских земель за период с начала 1240-х годов и до начала XVI в. и конкретно определено, в каких исторических источниках говорится о долях условной тысячи рублей, которые должны были уплачивать Орде московские князья, а в каких — о вполне реальных суммах ордынской дани.

Имея представление о том, как оценивают в настоящее время историки требовавшийся чингисидами «выход» с русских земель и в какую сторону менялся размер «выхода», перейдем к рассмотрению конкретных данных об этом важнейшем налоге с самого начала действий монгольской администрации на Руси.

Уже в 1246 г. Плано Карпини засвидетельствовал, как один из монгольских баскаков «в Руссии», пересчитав жителей Киева, обязал каждого из них ежегодно отдавать одну медвежью шкуру, одну шкуру бобра, одну шкуру соболя, одну шкуру хорька, одну шкуру черной лисицы. «Тот же, кто

[20] *Аракчеев В. А.* Порядок сбора ордынского «выхода» в русских землях во второй половине XV в. // Великое стояние на реке Угре и формирование Российского централизованного государства: Локальные и глобальные контексты. М-лы Всероссийской с междунар. участием науч. конф. (Калуга, 30 марта — 1 апреля 2017 г.). Калуга, 2017. С. 18.

[21] Там же. С. 29.

[22] Там же.

не внесет этого, — добавлял папский посол к каракорумскому хану, — должен быть уведен к татарам и обращен в их раба»[23].

Этот рассказ Плано Карпини следует сопоставить с данными одной русской грамоты, правда, не XIII, а XIV в. Между 1363 и 1374 гг. некий Евсевка решил переселиться из ставшего опасным в военном отношении Торжка в Кострому. Московский князь Дмитрий Иванович, которому тогда принадлежала Кострома, выдал ему грамоту, где было написано, что «не надобѣ ему никоторая дань, ни ямъ, ни подвода, ни тамга, ни осмн[ич]ее, ни вѣсчее, ни мытъ, ни костки, ни побережное, ни гостиное, ни которая пошлина. А даетъ мнѣ оброка на год 5 куницъ»[24]. Выясняется, что в 1360—1370-е годы оброчная повинность была определена в том же размере, что и в 1246 г.: в пять звериных шкур. Но в XIV столетии это были только куньи шкурки, а в XIII в. — шкуры пяти различных животных, причем добыть медвежью шкуру, организовав охоту на такого крупного хищника, как медведь, было много сложнее, чем шкурку куницы. Очевидно, что монгольская подать 1246 г. была тяжелее, чем в Московском княжестве XIV в., не говоря уже о том, что охотник-оброчник XIV в. Евсевка получал от московского князя различные налоговые льготы, чего не имели русские люди XIII в., находившиеся под властью монгольского баскака.

В результате переписей, проведенных монголами в конце 1250-х и в начале 1270-х годов в Новгороде и, весьма вероятно, в северо-восточных русских княжествах[25], взимание дани приобрело повсеместный и регулярный характер, хотя указания на размеры выплат очень редки. Так, летописи сообщают, что зимой 1321 г. князь московский и великий князь владимирский Юрий Данилович взял у тверских князей «сребро... выходное по докончанию»[26]. Само докончание (соглашение) между этими князьями было оформлено раньше, осенью 1321 г. Тверские князья согласились на выплату 2 тыс. руб.[27] и через несколько месяцев собрали и передали их великому князю. По-видимому, речь шла о выплате ордынского «выхода» с Тверского княжества.

Побывавший в 1334—1335 гг. в Золотой Орде марокканский путешественник Ибн Баттута писал, что у русских есть «серебряные рудники и из страны их привозятся *саумы*, т. е. серебряные слитки, на которые продается и покупается (товар) в этом крае», т. е. в Орде[28]. Относительно серебряных рудников на Руси Ибн Баттута явно ошибался. Месторождений серебра на Руси в его время не было. Они были открыты только в конце XV в. Но марокканец был безусловно прав, сообщая, что главным поставщиком серебра в Орду была Русь. Русь получала серебро из Европы, но за товары, которые покупались европейцами. Основными из них были меха. Можно представить себе, сколько в Восточной Европе надо было уничтожить пушного зверья, чтобы наполнить серебром Золотую Орду. Конечно, размеры ордынской дани несколько колебались, и не всегда она выплачивалась исправно. Москва, например, не платила ордынской дани в 1361—1371 и в 1374—1380 гг.

После взятия Москвы ханом Тохтамышем в 1382 г. размер уплачиваемой Орде дани повысился. Летописец записал, что в 1384 г. «бысть великая дань тяжкаа

---

[23] *Иоанн де Плано Карпини.* История монголов. С. 83, 160.

[24] АСЭИ: В 3 т. М., 1964. Т. 3. № 248. С. 259—260.

[25] О переписи 1250-х гѳдов см. ниже; о переписи 1270-х годов см.: ПСРЛ. М., 2000. Т. 4, ч. 1. С. 243 (под 6781 г.).

[26] ПСРЛ. Пг., 1922. Т. 15, вып. 1. Стб. 41.

[27] НПЛ. М., 1950. С. 96.

[28] СМИЗО: В 2 т. СПб., 1884. Т. 1. С. 303.

но всему княжению великому, всякому без отьдатка, со всякые деревни по плътинѣ. Тогда же и златом даваша въ Орду, а Новъгородъ Великыи дал чернои боръ»[29]. Полтина (половина рубля) была по тем временам значительной суммой. Достаточно сказать, что во Пскове, земли которого не отличались особым плодородием, в конце XV в. на полтину можно было купить примерно от 375 до 1950 кг хлебного зерна (23,5—121,5 пудов, смотря по урожайности года)[30]. В центральных районах Северо-Восточной Руси в XV в. за полтину продавали 10 овец. Полтина XV в. была дешевле полтины XIV в. Поэтому не будет большой натяжкой утверждать, что в 1384 г. каждая русская деревня должна была отдать Орде примерно по 2 т зерна или же по 10 баранов. Так как деревни того времени состояли обычно из одного-трех дворов, понятно, насколько подрывала благосостояние сельского населения Руси ордынская дань.

Со второй половины 1380-х годов сведений о «выходе» становится все больше, что позволяет определить общие тенденции в его колебаниях и обозначить периоды, в которые выплачивались разные суммы «выхода».

25 марта 1389 г., спустя примерно пять лет после «великой дани тяжкой», Дмитрий Донской заключил договор со своим двоюродным братом серпуховским князем Владимиром Андреевичем, в котором, среди прочего, рассматривался вопрос о выплатах ордынской дани. В ст. 18 и 19 этого соглашения указывалось, что «(18.) ординьскаа тягость, так(о) же и проторъ, дати ти мнѣ, брату своему старѣишему и о(т)цю, и с(ы)ну моему князю Василью съ своего оудѣла и со княгинина оудѣла Оульанина, съ [т]воее трети, в пять тысячь руб(левъ) триста рублевъ и дватцать руб(левъ). (19.) А прибудет ли оубудет ли, ино по розочту»[31]. Указанная здесь сумма в 5 тыс. руб. общего «выхода» судя по ее повторяемости в более поздних источниках, не являлась суммой «великой дани», а была стандартной суммой ежегодной выплаты Орде. По-видимому, хан Тохтамыш после 1384 г. несколько понизил «выход» с русских земель, резонно полагая, что платить каждый год «дань тяжкую» русские просто не смогут и вместо текущих из Руси солидных выплат можно получить разорительную войну. Удельный серпуховский князь должен был вносить в этот «выход» 320 руб. Если считать, что такая цифра была исчерпывающей для Владимира Серпуховского[32], то получится, что в конце XIV в. великий князь платил Орде 4680 руб. «выхода», а удельный князь всего 320 руб. — 6,8% от великокняжеского платежа. Такого соотношения не наблюдалось даже в начале XVI в., когда было написано завещание Ивана III, содержание которого, как показано выше, разобрал В.О. Ключевский и нашел, что будущий великий князь Василий III должен был давать в «выход» средств гораздо больше своих братьев, но все же в процентном отношении не столько, как предположено выше. Очевидно, что в договоре 1389 г. речь идет об условных 320 руб. Их князь Владимир должен был вносить в каждую тысячу пятитысяче-рублевого ордынского «выхода», т. е. реально заплатить Орде со своих владений 1600 руб.

Примерно через пять-шесть недель после заключения рассмотренного договора Дмитрий Донской составил свое предсмертное завещание, где ордынским выплатам было уделено внимания значительно больше. Этому вопросу посвящались ст. 33—39 великокняжеской душевной

[29] ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 149.

[30] *Павлов П. Н.* К вопросу о русской дани в Золотую Орду. С. 110—111.

[31] ДДГ. № 11. С. 31.

[32] На этом настаивал в 1958 г. П.Н. Павлов. См.: *Павлов П. Н.* К вопросу о русской дани в Золотую Орду. С. 101.

грамоты: «(33.) А коли дѣтем моим взяти дан(ь) на своеи о(т)ч(и)нѣ, чѣмъ есмъ их бл(а)г(о)с(ло)вилъ, и с(ы)нъ мои, княз(ь) Василеи, возмет съ своего оудѣла с Коломны и со всѣх коломеньских волостии триста руб(ловъ) и сорок и два руб(ля), и княгини моа дастъ ему в то серебро с Пѣсочны 50 руб(ловъ) без 3-хъ, а с Канева дватцят(ь) руб(ловъ) и два руб(ля). (34.) А княз(ь) Юрьи возмет съ Звенигород(а) и со всѣх съ звенигородских волостии двѣстѣ руб(ловъ) и семъдес(я)тъ руб(ловъ) и два руб(ля), и княгини моя дастъ ему в то серебро съ Юрьевы слободы пят(ь)дес(я)тъ руб(ловъ), а съ Суходола полпятадес(я)ть руб(ловъ), а съ Смоляных 9 руб(ловъ), а съ Скирменовъскиѣ слободки 9 руб(ловъ). (35.) А княз(ь) Оньдрѣи возмет с Можаиска и со всѣх волостии можаиских сто руб(ловъ) и семъдес(я)тъ руб(ловъ) бес трех, а с отьѣздных мѣстъ семъдес(я)тъ руб(ловъ) без дву, и княгини моя дастъ ему в то серебро дватцят(ь) руб(ловъ) и полтретьа руб(ля) с Вереи, а с Числова полосма руб(ля), а съ Заячкова дватцят(ь) руб(ловъ) и два, съ Холъхла дес(я)ть руб(ловъ), съ Желѣсковы 9 руб(ловъ), съ Исконьскиѣ слободки полсема руб(ля), съ Кропивны полсема руб(ля). (36.) А княз(ь) Петръ возмет съ своего оудѣла сто руб(ловъ) и одинатцят(ь), и княгини моа дастъ ему в то серебро съ Ижва тритцят(ь) руб(ловъ). (37.) А княз(ь) Иванъ дастъ князю Василью съ Сохны пят(ь) руб(ловъ), а съ Раменеиця дастъ князю Петру пят(ь) руб(ловъ). (38.) А то возмут в тысячю руб(ловъ), а будет боле или менши, ино по тому розочту. (39.) А перемѣнитъ б(ог)ъ Орду, дѣти мои не имутъ давати выхода в Орду, и которыи с(ы)нъ мои возмет дан(ь) на своем оудѣлѣ, то тому и есть»[33].

Обобщая приведенные данные о размерах взимаемой с каждого княжеского владения наследников Дмитрия Донского ордынской дани, можно прийти к следующим заключениям. Самый большой «выход» собирался с владений будущего великого князя Василия I — 342 руб., в который свою лепту вносила мать Василия великая княгиня Евдокия — 69 руб. с двух коломенских волостей. Второй сын Дмитрия Донского Юрий, получивший в наследство Звенигород и Галич Мерский, с Звенигорода и его волостей должен был платить 272 руб. Его мать со своих владений в уделе Юрия вносила в эту сумму 113 руб. Можайский князь Андрей платил в выход 235 руб., из которых 167 руб. собирались в Можайске и его волостях, а 68 руб. — с «отьѣздных мѣстъ», главными из которых были Верея, Калуга и Медынь. Мать передавала Андрею в эту сумму 84 руб. Петр, получивший в наследство Дмитров, выплачивал со своих владений 111 руб., из них 30 руб. ему давала мать — великая княгиня Евдокия. Самый хворый из Дмитриевичей князь Иван уплачивал со своего скромного удела 10 руб. «выхода», которые составной частью входили в «выходы» его братьев Василия и Петра. Таким образом, намеченная завещанием 1389 г. Дмитрия Донского выплата «выхода» Орде с земель его прямых наследников достигала 960 руб. на одну тысячу ордынского запроса. Это было ровно в три раза больше, чем платил двоюродный брат Дмитрия Владимир Серпуховский — 320 руб. К сожалению, общая сумма ордынского «выхода» во втором завещании Дмитрия Донского не указана, но едва ли она за месяц-полтора могла измениться, т. е. к лету 1389 г. по-прежнему составляла 5 тыс. руб., и приведенные выше цифры «выхода» с владений каждого наследника Дмитрия Донского надо увеличивать в пять раз.

Однако в начале XV в. общий размер ордынского «выхода» с московских земель повысился. Об этом свидетельствует второй договор великого князя Василия Дмитриевича с серпуховским князем Вла-

[33] ДДГ. № 12. С. 35—36.

димиром Андреевичем. Пять статей этого соглашения посвящены условиям выплат «выходов» в Орду: «(19.) А дати ми, г(о)с(поди)не, тебѣ с Углеча Поля в сем(ь) тысяч руб(ловъ) сто руб(ловъ) и пят(ь) руб(ловъ). (20.) А с Городця и с тѣх волостеи, которыѣ ми еси волости к Горо|дцю придал, дати ми тебѣ в полторы тысячи руб(ловъ) сто руб(ловъ) и шестьдесят руб(ловъ). (21.) А что к тому прибудет или оубудет, ино ми дати по розочту. (22.) А что ся остало на Новѣгородѣ на Нижнем долгу старого полчетверты тысячи руб(ловъ), а то ми, г(о)с(поди)не, тебѣ дати по выходу по розочту. (23.) А перемѣнит б(ог)ъ, г(о)с(поди)не, Орду, и мнѣ имати дань съ своеѣ вотчины и съ своего оудѣла собѣ, а тебѣ ми, г(о)с(поди)не, великому князю, не дати»[34]. Из процитированной статьи 19 второго договора Василия I и Владимира Серпуховского следует, что Орда повысила размер «выхода». Теперь с московских владений собиралось 7 тыс. руб. ордынской дани, 1500 руб. шли в Орду с Нижнего Новгорода и Городца. Была еще и старая задолженность Орде в 3,5 тыс. руб. На эту задолженность следует обратить особое внимание. Сам факт ее существования свидетельствует о том, что мера наказания налогоплательщика за неуплату «выхода» путем продажи его в рабство стала уходить в прошлое. Выгоднее оказывалось оставлять такого должника на свободе, чтобы он сам изыскивал возможности для выплаты «хараджа», но смириться с тем, что выплаты могут растянуться по времени. Это означало реформирование Ордой своей податной системы. Если же говорить об оценке других свидетельств процитированного источника, то из них можно заключить, что когда речь велась о «выходе», дело шло о многотысячных суммах. Есть также основание полагать, что повышение ставки «выхода» на 2 тыс. руб., или на 40% от прежней ставки в 5 тыс. руб., было вызвано особыми обстоятельствами. Второй договор великого князя Василия Дмитриевича с серпуховским князем Владимиром Андреевичем был заключен между 6 апреля 1402 г. и 20 июля 1404 г. Это было время, когда литовский великий князь Витовт энергично боролся за Смоленск, который и присоединил к своим владениям в конце июня 1404 г. Смоленский князь Юрий Святославич искал защиты у Василия I, но московский великий князь его не поддержал. Он и сам находился в затруднительном положении. Орда могла воспользоваться сложившейся ситуацией и потребовать бо́льшего «выхода» у московского князя. Но могла послать ему и военную помощь, а за нее надо было платить.

В более позднем завещании Владимира Андреевича Серпуховского, составленном, скорее всего, в декабре 1408 г., когда он защищал Москву от нападения всесильного в Орде Едигея, об ордынских выплатах говорится иначе: «(69.) А коли выдет дань великог(о) кн(я)зя к Ордѣ въ пят тысяч рублевъ, имется дани дѣтем моим и княгинѣ моеи и их оудѣлом триста рублев и дватцат руб(левъ), ωприснь Городца и Оуглеча поля. (70.) И княгини моа възмет дани с Лужи и со всего своего оудѣла и с лужовьских волостеи и слобод, и ωколицъ, и сел, и с Козлова броду, и з Бадѣевы слободки восмъдесят руб(левъ) и восмь рублев. (71.) А с(ы)нъ кн(я)зь Иванъ возмет дани съ Серьпохова и со всего своего оудѣла пят(ь)десят руб(левъ) без полутора руб(левъ). (72.) А с(ы)нъ кн(я)зь Семенъ возмет дани з Боровьска и со всег(о) своего оудѣла тритцат руб(левъ) и три руб(ля). (73.) А с(ы)нъ кн(я)зь Ярославъ возмет дани на Ярославли и со всег(о) своего оудѣла семьдесят руб(левъ) и шесть руб(левъ). (74.) А с(ы)нъ кн(я)зь ωндрѣи возмет дани на Радонеже и со всего своего оудѣла сорок руб(левъ) и два | руб(ля). (75.) А с(ы)нъ кн(я)зь Василеи возмет дани

[34] ДДГ. № 16. С. 44.

на Перемышлѣ и со всего своего оудѣла сорок рублевъ и руб(ль). (76.) А с(ы)нъ, кн(я)зь Семен, кн(я)зь Ярославъ возмут дань з Го|родьца и з городечских волостеи в новогородскои выход, въ полторы тысячи руб(левъ), возмут сто руб(левъ) и шестьдесят руб(левъ) по нашему доокончанию, ѡ|приснь Поръздны, а с Поръзны с(ы)нъ кн(я)зь Семенъ возмет дани в то же серебро по розочту. (77.) А с(ы)нъ, кн(я)зь ѡндрѣи и кн(я)зь Василеи, возмут дани с Углеча поля сто руб(левъ) и пят(ь) руб(левъ). (78.) А то возмут дѣти мои и княгини моа дань с оудѣлов своих и з Городца и з городетьских волостеи, и с Углеча поля въ шестьсот руб(левъ) безъ пятнатцати руб(левъ). А прибудет дани болѣ или меньши, ини возмут дань по тому ж(е) розочту. (79.) А переменит б(о)гъ ѡрду, и кн(я)зь велики не имет выхо[да давати во ѡр]ду, и дѣти мои а что возмут дани на московьских станѣх и на [го]родѣ на Москвѣ, и на численых людех, и дѣти мои возмут свою [тре(ь) дани московские и числ]еных людии, а подѣлятся дѣти мои с мате[р]ь[ю] вси равно, по часте. (80.) А которои с(ы)нъ мои возмет дань на своем [удѣле, и та дан(ь) тому и есть. (81.) А что во]змет дани княгини моя [на своем удѣле и на своих се]л[ѣ]х, что есмъ подавал своеи кн[ягинѣ изъ удѣлов детеи моих сел]а и московьские села, и с М[ет]кино, и Буболског(о), и из Б[ѣним]ског(о), а что возмет дани, и тѣ дани еи и есть, а дѣ[т]и мои в то не въст[у]паются»[35].

Из приведенного текста видно, что когда серпуховский князь Владимир составлял свою душевную грамоту, размер ордынского «выхода» изменился, он вновь вернулся к цифре в 5 тыс. руб. Наследники Владимира Андреевича должны были внести в каждую тысячу такого «выхода» по 320 руб. Здесь завещатель повторял условия своего давнего договора с великим князем Дмитрием Донским от 25 марта 1389 г. Но в отличие от этого договора, в завещании 1408 г. была дана роспись («урок») того, какие суммы каждый из шести наследников князя Владимира должен был собрать со своих серпуховских владений для выплаты ордынской дани. Подсчет (88 руб. + 48,5 руб. + 33 руб. + 76 руб. + + 42 руб. + 41 руб.) показывает, что с населения предполагалось взять 328,5 руб., хотя в статье 69 завещания 1408 г. говорилось о взносе в уплату ордынской дани традиционных 320 рублей. По-видимому, серпуховский князь собирал со своих владений ордынский «выход» в бóльшем размере, чем ему это было необходимо по договоренностям с великим князем, хотя страдал от увеличившегося сбора не сам Владимир, а население его княжества, для которого любое превышение сбора ордынских выплат означало их рост.

Взимание с московских владений князей — потомков Ивана Калиты, «выхода» в 5 тыс. руб. продолжалось относительно долгое время. Однако, как уже отмечалось ранее, в завещании 1432 г. звенигородского и галичского князя Юрия Дмитриевича названа иная сумма выплаты ордынской дани — 7 тыс. руб., которая, впрочем, также встречалась в документе еще начала XV в. Повышение к концу первой трети XV в. ордынских выплат Орде объясняется, видимо, тем обстоятельством, что на Руси началась борьба между московскими князьями за великокняжеский стол. В Орде были хорошо осведомлены об этой борьбе и понимали, что при таком междоусобном противостоянии соперники не смогут воспротивиться увеличению ордынского «выхода». Ведь в поддержке Орды нуждался каждый из претендовавших на верховенство князей.

Выплата повышенного «выхода» продолжалась по меньшей мере до начала 1440-х годов. На это косвенно указывает договор между Василием II и Дмитрием

[35] ДДГ. № 17. С. 49.

Шемякой, заключенный в 1442 г. Одна из статей этого договора гласила: «А что еси, г(о)спод(и)не, взѧл на моеи ѿтчинѣ дань на Рузѣ и на Вышѣгородѣ, и тобѣ тое дани дошло четырѣста рублев и дватцат(ь) рублев, и тобѣ то мнѣ завести в выход по росчету, а досталь ми тобѣ ѿтдати» (грамота Дмитрия Шемяки великому князю Василию II)[36]. Руза действительно была отчиной Шемяки, но позднее была отобрана у него Василием II и завещана своему сыну Борису. Она вошла в Волоцкий удел князя Бориса. С этого удела Борис, согласно его договорным грамотам 1481 и 1486 гг. с Иваном III, должен был уплачивать 61 руб. и 61 деньгу в каждую тысячу рублей ордынского «выхода». Для Рузы как части Волоцкого удела это означает, что более названной суммы в 1442 г. с нее взять не могли. Скорее всего, долевая часть Рузы и Вышгорода в условной тысяче рублей ордынского «выхода» составляла 60 руб. Тогда 420 руб., собранные Василием II с отчины Дмитрия Шемяки, были взяты в счет уплаты 7 тыс. руб. ордынской дани. Следует также отметить, что платеж доли «выхода» с земель Бориса Волоцкого в 1480-е годы был понижен, но из этого вовсе не следует, что были понижены общие выплаты Орде. Недостающее брал на себя великий князь.

Ценные данные о татарских выплатах сохранились в составленном в 1503 г. завещании Ивана III. Этот первый государь всея Руси относительно «выхода» татарским ханствам постановлял, что «дѣти мои, Юрьи з брат(ь)ею, дают с(ы)ну моему Васил(ь)ю съ своих удѣлов в выходы в ординские и въ Крым, и в Азтарахан(ь), и в Казан(ь), и во Царевичев городок и в ыные цари и во царевичи, которые будут у с(ы)на моег(о) у Васил(ь)ѧ въ землѣ, и в послы в татарские, которые придут къ Мѡсквѣ и ко Тѳѣри, и к Новугороду к Нижнему, и къ Ярославлю, и к Торусе, и к Рѧзани къ Старои, и къ Перевитску ко кнѧж Ѳе(о)дѡровскому жеребью рѧзанског(о), и вс все татарские проторы, въ тысѧчю рублев С(ы)нъ мои Юрьи дает съ своег(о) удѣлг со всег(о) и с Кашина восмьдесѧт рублев и два рубля без гривны. А с(ы)нъ мои Дмитреи дает съ своег(о) удѣла со всег(о) и з Зупцова, и с Опок пѧтьдесѧт рублеѥ и восмь рублев с полтиною и семь денег А с(ы)нъ мои Семен дает съ своег(о) удѣлг со всег(о) шестьдесѧтъ рублев и пѧть рублев без десяти денег. А с(ы)нъ мои Андрѣи дает съ своег(о) удѣла со всег(о) и з Старицы, и з Холмъских вотчины с Холму и с Новог(о) городка, и с Олешни, и съ Синие, и с ыных волостеи с тверских, что ему дано, сорок рублев с полтиною и полчетверты денги. А с(ы)нъ мои Василеи дает в ту ж тысѧчю рублев с Москвы и со всег(о) великог(о) кнѧжен(ь)а Московские земли, и со Тѳѣри, и со всеѣ Тѳѣрские земли что ему дано, и с Рѧзани съ Старые и с Перевитска семьсотъ рублев и полѡсманатцата рубля и пѡлтрет(ь)и денги. А Борисоѥ с(ы)нъ братен(ь) Ѳе(о)дѡръ дает с(ы)ну моему Васил(ь)ю и въ ту же тысѧчю рублев съ своеи ѿтчины и Колпи, и з Бужгорода тритцат(ь) рублев и пѡлѡсма рубля. А будет того болѣ или менши татарскои протор, и с(ы)нъ мои Василеи, и мои дѣти Юрьи з братьею, и братанич мои Ѳе(о)дѡръ дают по розочту»[37]. Этот текст не раз цитировался в работах, посвященных ордынскому «выходу». Однако при этом исследователи уклонялись от общего подсчета размеров «выхода» в татарские орды со всех шести перечисленных в завещании Ивана III владений: собственно великого княжества и пяти уделов. Размеры выплат представлены в завещании Ивана III в рублях, полтинах, гривнах и деньгах. Московский рубль в начале XVI в. состоял из 2 полтин, 10 гривен и 200 денег. Складывая 81 руб. 9 гривен + 58 руб. 1 полтина 7 де-

[36] ДДГ. № 38. С. 111.
[37] ДДГ. № 89. С. 362.

нег + 64 руб. 190 денег + 40 руб. 1 полтина 3,5 деньги + 717 руб. 1 полтина 2,5 деньги + 37 руб. 5 полтин, получаем цифру в 997 руб. 10 полтин 9 гривен 203 деньги, или 1003 руб. 9 гривен 3 деньги. Эта сумма условной выплаты на 1 тыс. руб. «выхода» на 43 руб. 9 гривен и 3 деньги превышала сумму в 960 руб., которая собиралась в ту же условную тысячу во времена Дмитрия Донского. Превышение составляет около 4,5%. За 114 лет (с 1389 по 1503 г.) подобное превышение можно считать незначительным, тем более, что Иван III включал в свое завещание «выходы» с таких земель, которые в 1389 г. Москве еще не принадлежали (Тверское княжество, часть рязанских земель).

Можно, таким образом, констатировать, что на протяжении конца XIV — начала XVI в. размер «выхода» колебался в пределах 2 тыс. руб., но никогда не опускался до 1 тыс. руб., т. е. в 5 или в 7 раз меньше по сравнению с фиксируемыми в источниках размерами «выхода» в 5 тыс. или 7 тыс. руб. При всех колебаниях сумма ордынской дани, налагавшейся на русские земли, всегда оставалась большой.

Такое наблюдение отчасти подтверждается и документом позднего времени — договором от 24 августа 1531 г., заключенным великим князем Василием III со своим родным братом, князем дмитровским Юрием Ивановичем. Это соглашение содержало раздел, в котором рассматривался вопрос об уплате Русью «выхода» татарам. Казалось бы, с уплатой дани главному татарскому государству — Большой Орде — было покончено давно, еще полвека назад в результате «стояния на Угре», и вспоминать о каких-то татарских «выходах» в грамоте 1531 г. было совсем необязательно. Однако договор 1531 г. был соглашением особого рода. В 1530 г. в семье до тех пор бездетного великого князя Василия III наконец-то родился сын, которого назвали Иваном. Это был будущий Иван Грозный. Появление на свет прямого наследника Василия III меняло вопрос о преемнике Василия III на московском великокняжеском столе. После смерти бездетного Василия III этот стол должен был бы занять старший из младших братьев Василия дмитровский князь Юрий Иванович. Но появление на свет маленького Ивана означало, что великим князем будет именно он. Договор от 24 августа 1531 г., в котором князь Юрий приносил клятву верности великому князю Василию III и его годовалому сыну Ивану, признавая права последнего на великое княжение, и решал вопрос об управлении в недалеком будущем Русским государством. Поэтому в соглашении 1531 г. были затронуты все крупные проблемы, которые влияли на положение и развитие Русского государства после кончины Василия III, в их числе — вопрос о «выходах».

Раздел о татарских ханствах и о получении ими выплат с Руси договора от 24 августа 1531 г. содержал следующий текст: «А ωрды вѣдати и знати мнѣ, великому кн(ѧ)зю, и моему с(ы)ну Ивану. А тобѣ ωрдъ не знати. А в выходы ти в ордын*с*кіе і в Крым, і в Азсторокан(ь), и в Казан(ь), и в Ц(а)р(е)в(и)чев городок, і в ыные ц(а)ри и в ц(а)р(е)в(и)чи, которые будут у менѧ в земле и у моег(о) с(ы)на Ивана, и во всѣ татарскіе проторы давати ти мнѣ и моему с(ы)ну Ивану со всеѣ своеи ωтч(и)ны по тому как ωтецъ нашъ, князь велики, въ своеи д(у)х(о)внои грамоте написал. А коли мы въ выходы в ордынскіе і в татарскіе проторы не дадим, и нам и у тебѧ не взѧти»[38]. Из текста соглашения 1531 г. следует, что все права сношений с татарскими ханствами сосредотачивал в своих руках великий князь Василий III. Эти права должен был унаследовать и сын Василия III Иван IV. Юрий Дмитровский не должен был «знать» татарские «орды». Но в выплатах этим ордам он должен был принимать обязательное участие.

[38] ДДГ. № 101. С. 417.

Перечень орд в договоре 1531 г. был заимствован из завещания 1503 г. Ивана III, на которое в договоре есть прямая отсылка. Это означает, что состав государств-наследников Золотой Орды к концу правления Василия III оставался таким же, каким он был к концу правления его отца Ивана III. Но в душевной грамоте Ивана III речь также шла о возмещении проторей, т. е. расходов, на содержание татарских послов, которые должны были приезжать в различные русские города: Москву, Тверь, Нижний Новгород, Ярославль, Тарусу, города Рязанского княжества. Подобного перечня в договоре 1531 г. нет. Текст завещания Ивана III заменен в нем обобщающей формулой «во всѣ татарскіе проторы». Такое обобщение вместо более ранних и конкретных указаний душевной грамоты 1503 г. свидетельствует о том, что посещения послами из разных орд возглавляемого Василием III Русского государства стали к началу 1530-х годов делом частым и обыденным, как и затраты русской стороны на содержание таких послов. По всей видимости, «выход» с населения Руси в 1530-е годы продолжал собираться в тех же размерах, что и раньше, но прекратил считаться обязательной выплатой и расходовался великим князем по своему усмотрению в зависимости от того, кто из измельчавших чингисидов был в дружественных отношениях с Русским государством, а кто не был.

Рассматривая вопрос о размерах главного налога, взимаемого установившими свою власть над русскими землями монголами, необходимо указать, насколько точно сохранившиеся источники позволяют очертить территории, с которых он собирался. Это можно сделать на основании показаний завещаний и договоров московских князей конца XIV — начала XVI в., часть из которых была рассмотрена выше.

Согласно данным договора от 25 марта 1389 г. Дмитрия Донского и серпуховского князя Владимира, а также последнего завещания Дмитрия Донского, написанного, скорее всего, в первой половине мая 1389 г., ордынский «выход» в 5 тыс. руб. взимался с Московского княжества (его столицы Москвы и удельных центров — Серпухова, Звенигорода, Можайска и Дмитрова), а вместе с ним — с бывшего Великого княжества Владимирского с городами Владимиром, Переяславлем-Залесским, Костромой и Юрьевом, с бывших княжеств Галичского, Белозерского, Угличского, а также с части Ростовского княжества. Это была весьма значительная территория, к тому же достаточно заселенная. Примерно в то же время с Нижегородского княжества (с его Нижегородской и Городецкой частей) взимался «выход» в 1,5 тыс. руб. Тверское княжество согласно значительно более ранним данным платило в «выход» 2 тыс. руб. Процитированные ранее источники содержат также сведения об ордынских выплатах не с обширных территорий, а с отдельных центров. С Галича, например, взималось 525 руб. в семитысяче-рублевый «выход». Это значит, что расчетная доля Галича составляла 75 руб. уплаты в 1 тыс. руб. сбора. Такая цифра сравнима с 105 руб. с Углича. В пятитысячный сбор с этих трех центров взималось 1205 руб. Всего в сумме с другими определяемыми размерами сборов с разных мест и территорий это дает цифру в 9705 руб. При «выходе» в 7 тыс. руб. общая цифра повышается до 13587 руб. К сожалению, в эти суммы не могут быть включены данные о размерах «выхода» с тех территорий, о которых точно известно, что такой налог с них взимался. Так, жители Новгорода Великого платили «черный бор», который шел в Орду, но суммы такой выплаты неизвестны. Ярославские и заозерские князья, а с ними, возможно, часть ростовских, самостоятельно собирали и отвозили в Орду «выход» со своих земель, но каков был его размер, источники не сообщают. Нет также сведений о «выходе» с владений стародубских князей, суздальской части Нижегородского княжества, с примыкавших

к Северо-Восточной Руси Муромского и Рязанского княжеств, с располагавшихся в бассейне верхней Оки так называемых «верховских княжеств» (Козельского, Одоевского, Оболенского, Тарусского и др.), иных образований, возникших на землях домонгольского Черниговского княжества. Молчат источники и об ордынских поборах с населения бывших Переяславского (Переяславля Русского) и Киевского княжеств, княжеств Галичского и Владимира Волынского, Туровского и Пинского. Историкам остается оперировать данными, относящимися к территориям Северо-Восточной Руси и Новгорода на Волхове. Если основываться на приведенных цифровых показателях сумм «выхода» с этих земель и прибавить к ним предполагаемые суммы, которые взимались с тех территорий, обойденных вниманием источников, то картина получается следующей. При самых скромных подсчетах, предполагая, что с Суздаля и Стародуба собирали в «выход» по 500 руб., как с далекого от них Галича, что ярославские и заозерские князья вносили вместе 1 тыс. руб., а «черный бор» с Новгорода Великого составлял 2 тыс. руб., то в худшем для Орды случае северо-восточные княжества и Новгород уплачивали «выход» в размере около 14 тыс. руб., а в лучшем — 19,6 тыс. руб. ежегодно. Чтобы представить себе покупательную способность таких сумм, можно указать на то, что в XV в. московские Рюриковичи приобретали за 500 руб. 4 крупных села[39], а то и целую волость[40]. Отток денежных и материальных средств из Руси в Орду был настолько велик, что даже спустя 30 лет после Батыева нашествия известный русский церковный деятель и проповедник Серапион Владимирский жаловался на то, что он и его современники «в сласть хлѣба своего изъѣсти не можемъ»[41].

Мы видели, как менялся «выход» на северо-восточных землях средневековой Руси. Но изменения касались не только размеров сумм этой главной повинности Батыева улуса. Менялся предмет сбора, менялся состав плательщиков ордынской дани, хотя сведения о таких изменениях в источниках крайне малочисленны и лапидарны. Во всяком случае, описанный Плано Карпини сбор дани монголам отличался от выплаты «выхода» в более позднее время. В 1240-е годы «выход» взимался натурой, тогда как позднее — монетным серебром. Первоначально «выход» должен был платить каждый мужчина, независимо от своего возраста. По прошествии времени субъекты и объекты обложения становились иными. За неуплату «выхода» человека обращали в раба. Эта монгольская юридическая норма надолго запомнилась русским людям, она сохранилась даже в фольклоре. В исторической песне о Щелкане Дудентьевиче, в которой отразились события 1327 г., связанные с антиордынским восстанием в Твери, о Щелкане говорилось, что во время своего пребывания в Литовской земле «брал он, млад Щелкан, дани-невыходы, царски невыплаты… У которого денег нет — у того дитя возьмет; у которого дитя нет — у того жену возьмет; у которого жены-то нет — того самого головой возьмет»[42]. Проведенная каракорумским ханом в 1259 г. перепись населения в Новгороде изменила систему обложения «выходом» подвластного монголам населения. Дань стала взиматься с двора, а не с человека. Новгородский летописец — очевидец этой переписи — описал события подробно и драматично. По его словам, зи-

[39] ДДГ. № 34. С. 88.

[40] В 500 руб. оценивалась, в частности, крупная волость Лужа, принадлежавшая серпуховскому князю Владимиру Андреевичу. См.: ДДГ. № 28. С. 73.

[41] БЛДР: В 20 т. СПб., 1997. Т. 5. С. 374.

[42] Исторические песни. М.; Л., 1956. С. 86.

мой 1259/60 г. в Новгороде было получено известие о том, что монголы хотят произвести в Новгороде перепись для обложения новгородцев данью, а кто этому будет противиться, то должен знать, что их «уже полки на Низовьскои земли»[43]. Вынужденно «новгородцы яшася по число». Но когда дело дошло до вещей прозаических, кто и сколько должен будет платить дани иноземцам, в Новгороде вновь поднялись сильные волнения. Городские низы отказывались от платы, бояре же не возражали и в конце концов настояли на своем. Тогда «почаша ѣздити оканьнии по улицамъ, пишюче домы христьяньскыя… и отъѣхаша оканьнии, вземше число», причем при определении размера выплат «творяху бо бояре собѣ легко, а меншимъ зло»[44]. Дело, видимо, заключалось в том, что большой боярский двор и скромный двор ремесленника были приняты за одинаковые единицы обложения, а одинаковый по размеру налог легче было заплатить боярину. Как бы там ни было, делается очевидным, что основа обложения уже в 1259 г. была монголами изменена: дань стали брать с дома (двора). Впрочем, это продолжалось недолго. После отделения в 1260 г. Золотой Орды от Монгольской империи каракорумская система налогового обложения на Руси была упразднена.

В свое время С.М. Соловьев обратил внимание на то, что в последнем договоре Дмитрия Донского с Владимиром Серпуховским 1389 г., в других близких по времени соглашениях и завещаниях князей московского дома встречаются нормы, свидетельствующие о том, что в выплате постоянной ордынской дани участвовали не все слои населении. «Это выражение: “брать дань по кормлению и путям” (речь идет о чрезвычайной дани с бояр. — *В. К.*), — писал С.М. Соловьев, — также — “брать дань на московских станах и на городе на Москве”, с противоположением дани, взятой на численных людях, выражение “положить дань на волости по людям по силе”, наконец, выражение — “потянуть данью по земле и по воде” — все эти выражения уже показывают, что дань бралась не поголовно»[45]. Правильность такого заключения С.М. Соловьева убедительнее всего подчеркивает текст ст. 44 московско-тверского договора, составленного между апрелем и 12 августа 1399 г.: «А на холопех дани не има*т*(и), а на которых ключники поцелуют»[46]. Речь идет о том, что неимущие холопы освобождаются от уплаты дани, но их неплатежеспособность должна быть подтверждена клятвенным заверением ключников, в чьем ведении находились холопы, в отсутствии у них средств для выплаты ордынской дани. Текст ст. 44 договора 1399 г. был сохранен и в последнем московско-тверском договоре 1484/1485 гг.[47] Последнее обстоятельство указывает на то, что даже после «стояния на Угре» 1480 г. русские князья (в данном случае московский и тверской) по-прежнему собирали ордынский «выход».

В исторических источниках XV в. продолжают появляться свидетельства о том, что система взимания «выхода» в Золотой Орде подверглась серьезному изменению. Так, в Послании золотоордынского эмира Едигея московскому великому князю Василию I перед русским правителем был поставлен вопрос: «А что еси ималъ в своеи державѣ съ всякого улуса с двою сохъ рубль, и то пак серебро где ся дѣвает?»[48].

---

[43] Этот факт подтверждается и северо-восточным источником. См.: ПСРЛ. Л., 1926—1928. Т. 1, вып. 1–3. Стб. 475.

[44] НПЛ. С. 82.

[45] *Соловьев С.М.* Соч. Кн. 2. С. 480.

[46] *Кучкин В.А.* Договорные грамоты московских князей XIV века: Внешнеполитические договоры. М., 2003. С. 347.

[47] ДДГ. № 79. С. 299.

[48] *Горский А.А.* Москва и Орда. М., 2000. С. 197.

Выясняется, что перед нападением Едигея на Москву в 1408 г. Василий I собрал значительный налог с русских земель, сопоставимый с великой данью тяжкой 1384 г., который до Орды не дошел (видимо, по той причине, что деньги пошли на войну с литовским великим князем Витовтом, вспыхнувшую в 1406 г.), причем взимался налог с сох, т. е. с имущества, которым владело то или иное лицо. Русские источники сообщают о некоторых деталях нового принципа обложения.

В составленном между второй половиной 1420 г. и началом 1421 г. втором завещании великого князя Василия I, в ст. 21 и 22 этого документа, указывалось, как должна была выплачиваться дань Орде и на каких принципах основывался ее сбор: «(21.) А тѣ волости и села, што есмь подавалъ своеи кнѧгинѣ, пославъ, с(ы)нъ мои да моя кнѧгини опишютъ да положатъ на *них дан*(ь) по людемъ по силѣ, и кнѧгини моя дастъ с тѣхъ волостеи и съ селъ дань по розочту и ямъ, што сѧ коли имъ иметъ. (22.) А перемѣнит богъ Орду, и кнѧгини моя емлетъ себѣ ту дань, а с(ы)ну моему, кнѧзю Василью, не вступатисѧ»[49]. Выясняется, что в начале 1420-х годов ордынская дань взималась с русских людей «по силе», т. е. по их имущественному состоянию. Это означает, что фиксация в документе XV в. «людей» как субъектов налоговых взносов имеет в виду не их гендерную характеристику, как это было в XIII в., а их материальное положение, позволявшее брать или не брать с них «выход», а если брать, то в дифференцированных размерах.

В договоре между великим князем Василием II и суздальским князем Иваном Васильевичем, заключенном между 15 декабря 1448 г. и 20 июля 1449 г., помещена статья, согласно которой «з Городца и с твоеѣ вотчины, чѣм тѧ есмь пожаловал, имати ми оу тобе во ц(а)ревь выход по ѡписи, по людем»[50]. Ханский «выход» собирался по описи, в которой налогооблагаемыми выступали люди, как и во втором завещании Василия I, а не дворы или дома.

В 1461 г. новгородское вече вынесло решение, согласно которому сборщикам Василия II разрешалось собрать «черный бор» в новоторжских и других новгородских волостях[51]. Специальная вечевая грамота гласила: «Се дахомъ черныи боръ на сеи годъ великому князю Василью Васильевичю всея Руси. А послалъ князь великі на черныи боръ Семена Яковличя в Торжокъ. А брати князя великого черноборцемъ на новоторжьскихъ волостехъ на всѣхъ, куды пошлю по старинѣ, с сохи по гривнѣ по новои, а писцу княжу мортка съ сохи. А в соху два коня, а третье припряжь; да тшанъ кожевничскои за соху; неводъ за соху; лавка за соху; плугъ за двѣ сохи; кузнець за соху; четыре пѣшци за соху; лодья за двѣ сохи. А хто сидитъ на исполовьи, на том взяти за полсохи. А гдѣ будетъ ноугородець заѣхалъ лодьею или лавкою торгуетъ, или староста, на томъ не взяти. А кто будет дерноватыи, емлетъ мѣсячину, на томъ не взяти. А кто, поверга свои дворъ, а вбѣжитъ в боярьскии дворъ, или кто иметъ соху таити, а изобличатъ, на том взяти вины въдвое за соху». Далее в документе говорилось, чем и в каком количестве надо было кормить великокняжеских черноборцев[52].

Приведенная выписка из решения новгородского веча ясно свидетельствует о том, что «черный бор» собирался с нов-

[49] ДДГ. № 21. С. 59. В первом завещании Василия I, составленном между 16 сентября 1406 г. и 7 июня 1407 г., в статьях, посвященных ордынским выплатам, указаны иные объекты выплат: «(7.) А перемѣни*т* богъ татаръ, и кнѧгини моа емлетъ с тѣхъ волостеи и съ селъ дань себѣ, а с(ы)ну моему, кнѧз(ю) Ивану, *так* же в ту дань не вступатис(ѧ). (8.) А коли приде*т* дань или ямъ, и кнѧгини моя дастъ с тѣхъ волостеи и съ селъ по розочту, [што сѧ име]*т*» (ДДГ. № 20. С. 56). Очевидно, что в начале XV в. дань взималась с волостей и сел.

[50] ДДГ. № 52. С. 157.

[51] *Янин В. Л.* Новгородские акты XII—XV вв.: Хронологический комментарий. М., 1991. С. 185.

[52] ГВНП. № 21. С. 38—39.

городских волостей в XV в. не поголовно. Во-первых, он явно не взимался с бояр, почему и возникало желание у рядовых людей укрыться от переписчиков в боярском дворе, и не собирался с низшего звена местной администрации — старост. Во-вторых, «черный бор» не взимался в полном объеме с исполовника, а с одинокого человека, трудившегося за месячное довольствие, не брался совсем. Хотя за основу налогообложения принималась соха — распаханный участок сельскохозяйственной земли, что было естественно для Руси, где подавляющее большинство населения составляли крестьяне, была разработана система, благодаря которой в такой вид налогообложения вписывались и люди иного социального статуса и иных профессий. Занятие кожевническим ремеслом, рыболовля, торговля в лавке, занятие кузнечным делом расценивались как обладание одной сохой. Наличие плуга или ладьи делало людей вдвое богаче, они должны были платить «выход» с двух сох. Налицо, таким образом, стремление правящих кругов Орды увеличить налоговые поступления с подвластных русских земель, исходя не из числа мужчин в русских княжествах, не из числа домов (дворов) в городах, станах и волостях этих княжеств, а исходя из имущественного положения каждого налогоплательщика. Можно думать, что такая система была впервые введена в Золотой Орде после оглушительной победы Тамерлана над Тохтамышем в 1395 г. и продолжавшегося целый год разграбления страны победителями. После ухода Тамерлана ордынским ханам надо было восстанавливать хозяйство страны, и в силу вступила новая налоговая система.

Спустя всего несколько месяцев после появления новгородской вечевой грамоты 1461 г. получатель-передатчик «черного бора» московский великий князь Василий II, ввиду резко обострившейся болезни, вынужден был написать свое первое завещание — так называемую «большую» душевную грамоту. В этой грамоте нашлось место и разделу о сборе «выхода»: «(55.) А как почнут дѣти мои жити по своим оудѣлом, и моя кн(ѧ)г(и)ни, и мои с(ы)нъ Иван, и мои с(ы)нъ Юрьи, и мои дѣти пошлют писцев, да оудѣлы свои писци их ѡпишут по кр(е)стному целованью, да по тому письму и ѡбложат по сохам и по людем, да по тому ѡкладу моя кн(ѧ)г(и)ни и мои дѣти и в выход оучнут давати с(ы)ну моему Ивану съ своих оудѣлов. (56.) А переменит б(о)гъ ѠрдУ, и моя кн(ѧ)г(и)ни, и мои дѣти возмут дань собѣ съ своих оудѣлов, а с(ы)нъ мои Иван в то не въступаетсѧ»[53]. Известный дьяк Василий Беда, писавший это завещание Василия II, прямо отождествлял обложение по сохам и обложение по людям, дававшим в итоге один и тот же оклад. Это означает, что начавшая употребляться в московских великокняжеских документах с начала 1420-х годов формула выплаты ордынского «выхода» «по людем» имела в виду именно посошное обложение населения русских княжеств.

Кроме «выхода», с населения русских княжеств взимались иногда экстраординарные ханские «запросы» — те же, только внеочередные, платежи. Об этом говорит ст. 38 договора от 25 марта 1389 г. между Дмитрием Донским и его двоюродным братом серпуховским князем Владимиром Андреевичем: «А коли ми взяти дан(ь) на своихъ боярѣхъ на больших и на путных, тогды ти взяти на своихъ так(о) же по кормленью и по путемъ да дати ти мнѣ, а то опроче того оурока, трехъ сотъ руб(левъ) и д[ват]цати»[54]. Дань, которая собиралась в московских уделах с обычных налогоплательщиков и шла в казну великого князя, являлась «выходом». Но процитированная статья говорит об особой дани, которой об-

[53] ДДГ. № 61. С. 197.
[54] ДДГ. № 11. С. 32.

лагались даже бояре. Очевидно, что к такому обложению русские князья вынуждены были прибегать тогда, когда из Орды поступал особый запрос и ханам требовалось отдать бóльшую сумму денег, чем обычно. Поэтому договор 1389 г. и оговаривал, что дань с бояр является особым сбором, она не входит в сумму 320 руб., которую князь Владимир должен был давать в каждую тысячу рублей ежегодного ордынского «выхода».

Такая практика выплаты крупных ханских запросов сложилась не в 1380-е годы, а много раньше. Уже в первый договор великого князя Дмитрия Ивановича с Владимиром Серпуховским, датируемый 1364—1365 гг., была включена ст. 24, согласно которой «коли ми буд(е)ть, брате молодшии, и д[а]нь взѧти на своихъ боярехъ в великом кнѧженьи, а кто буд(е)ть твоихъ бояръ и слугъ...»[55]. Хотя текст ст. 24 имеет механические утраты, которые восстановить трудно, его общий смысл понять можно. Речь идет о дани с бояр, как и в ст. 38 договора 1389 г. Дань эта — ордынская. Разница между разновременными ст. 24 и 38 двух московско-серпуховских договоров заключается в том, что в первой из них фиксируется сбор дани с великокняжеских бояр, живших «в великом кнѧженьи», т. е., скорее всего, на землях бывшего великого княжества Владимирского, и испомещенных там же бояр и слуг удельного князя (на что может указывать оборот «а кто буд(е)ть», отсутствующий в ст. 38 договора 1389 г.)[56], тогда как в ст. 38 соглашения 1389 г. речь идет о всех боярах Дмитрия Донского, где бы они ни жили, и о боярах серпуховского князя, живших в его уделе. Впрочем, в данном случае для нас важно не расхождение текстов договоров 1364—1365 гг. и 1389 г., а наоборот, их сходство, позволяющее говорить о существовании экстраординарных запросов правителей Орды.

Еще одно указание на такой запрос, причем более раннего времени, чем два, рассмотренные выше, давным-давно было сделано С. М. Соловьевым. В своей «Истории России с древнейших времен» историк описал эпизод, имевший место в 1380 г. перед Куликовской битвой[57]. Перескажем его, опираясь на более достоверные источники по сравнению с теми, что были в распоряжении С. М. Соловьева. Подойдя летом 1380 г. к южным пределам русских земель, Мамай послал к московскому князю Дмитрию посла, требуя выплаты дани. Дмитрий готов был согласиться на выплату, но Мамай хотел получать дань в том размере, какой был уплачен когда-то хану Джанибеку. Москва же настаивала на том, что «выход» Мамаю будет выплачиваться такой, какой получал он сам. Выплаты Джанибеку, скорее всего, были чрезвычайными. Мамаю нужны были средства. Он должен был оплатить военных наемников, завербованных в его армию в разных странах и землях. Он требовал свое. Москва отказала. Переговоры закончились. В Донском побоище алчущий Мамай был разбит. Поскольку Джанибек занимал ханский стол в Орде в 1342—1357 гг., то его запрос должен датироваться этими годами, когда в Москве правили Симеон Гордый и отец Дмитрия Донского князь Иван.

Помимо выплат русские люди должны были принимать, кормить и содержать многочисленных ордынских послов с их свитами, приезжавших на Русь с военными, дипломатическими и торговыми целями. В русских княжествах возникли даже специальные категории зависимых людей — «ордынцы» и «делюи», обязанно-

[55] ДДГ. № 5. С. 20.

[56] Ср. там же, ст. 29: «А кол[и ми] будеть [г]д отпущати своихъ воеводъ из великого кнѧженья, а кто буд(е)ть [там]о твоихъ бояръ и слуг».

[57] *Соловьев С. М.* Соч. Кн. 2. С. 479.

стью которых было обслуживание послов и доставка «выхода» ханам.

Военные опустошения, произведенные Батыем, тяжелый податной пресс, наложенный завоевателями на покоренное население русских княжеств, привели к затяжному экономическому упадку Руси. Достаточно сказать, что в первые 50 лет ордынского владычества в подавляющем большинстве русских княжеств не было построено ни одного города. Исключение составляет молодое Тверское княжество, где к 1288 г. был срублен запрятанный в глухих лесах Кашин, а в 1297 г. был основан Городеск (позднейшая Старица). В 1989 г. американский исследователь Д. Миллер опубликовал любопытную статью, где статистически обработал материал о каменном строительстве в русских городах с 1138 по 1462 г. Выяснилось, что масштабы каменного строительства после монгольского завоевания резко сократились. Они достигли домонгольского уровня только через 100 лет после Батыева нашествия[58].

От эксплуатации других народов богател прежде всего правящий класс Монгольского государства и Золотой Орды, причем получаемые этим классом средства часто обращались в сокровища, а потому никакого влияния на экономическое развитие государства не оказывали. Тем не менее в результате завоеваний XIII в. Монгольская империя и ее часть — Золотая Орда — по крайней мере до середины XIV в. успешно развивались. В Золотой Орде к указанному времени насчитывалось 110 городов — частью восстановленных, но в основном построенных впервые[59]. Многие из них позднее были разрушены в результате междоусобных войн ордынских ханов и нападения в 1395 г. на Золотую Орду Тамерлана (Тимура). Однако на протяжении 100 с лишним лет после смерти Чингис-хана образованное им государство и выделившиеся из него впоследствии ханства переживали явный экономический подъем, достигавшийся главным образом за счет эксплуатации покоренных народов.

Еще одной тяжелой повинностью, наложенной победителями на население русских княжеств, была обязанность поставлять воинов в монгольские войска, принимать участие в их военных походах. Во второй половине XIII в. русские полки участвовали в военных операциях монголов против Венгрии, Польши, народов Северного Кавказа, Византии. Правда, с конца XIII в. по крайней мере княжества Северо-Восточной Руси перестали участвовать в столь отдаленных военных экспедициях ордынских правителей.

Проявление политической самостоятельности, отказ уплачивать монголам дань вызывали со стороны Орды жестокие карательные меры. Против непослушных князей направлялись многочисленные формирования монгольской конницы. Нередко ханы посылали свои войска в помощь одному русскому князю против другого, если они видели в действиях этого другого угрозу своим интересам. В некоторых из таких нападений участвовали и полки русских князей — соперников тех, на кого совершались походы. Список военных нападений завоевателей на подчиненные им русские земли за все время их властвования весьма внушителен. Оставляя в стороне походы монголов на южные княжества (Киев, Галич, Владимир Волынский), приведем хронологический перечень их войн преимущественно против княжеств Северо-Восточной Руси и Рязани, указывая в скобках, какие города или какие прилегающие к ним территории подвергались военным опустошениям: 1252 г. (Владимир, Юрьев, Переяславль-Залесский); 1281 г. (Влади-

[58] *Miller D.* Monumental Building as an Indicator of Economic Trends in Northern Rus' in the Late Kievan and Mongol Periods. 1138—1462 // The American Historical Review. 1989. Vol. 94. No. 2. P. 368, 384.

[59] *Егоров В.Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв. М., 1985. С. 77—78, 139.

мир, Переяславль-Залесский, Ростов, Суздаль, Тверь, Юрьев); 1293 г. (Владимир, Волок Ламский, Москва, Переяславль-Залесский, Суздаль, Углич, Юрьев, Тверь); 1307 г. (Рязань? Москва?); 1315 г. (Ростов, Торжок); 1317 г. (Тверское княжество); 1318 г. (Кострома, Ростов); 1322 г. (Ярославль); 1327 г. (Тверь и тверские города, Рязань?); 1358 г. (Рязань); 1365 г. (Рязань), 1373 г. (Рязань); 1375 г. (юго-восток Нижегородского княжества, Новосиль); 1377 г. (Нижний Новгород); 1378 г. (Нижний Новгород); 1378 г. (Рязань); 1382 г. (Серпухов, Москва, Переяславль-Залесский, Коломна, окрестности Звенигорода, Волока Ламского, Можайска, Владимира, Юрьева, Дмитрова); 1388 г. (Рязань); 1391 г. (Вятка); 1399 г. (Нижний Новгород); 1408 г. (Серпухов, окрестности Москвы, Переяславль-Залесский, Ростов, Юрьев, Дмитров, Нижний Новгород, Городец, галичские и белозерские земли); 1410 г. (Владимир); 1415 г. (Елец); 1429 г. (окрестности Галича, Кострома, Лух, Плесо); 1438 г. (Белев); 1439 г. (окрестности Москвы, Коломна); 1443 г. (Рязань); 1445 г. (Нижний Новгород, Суздаль); 1449 г. (южные окраины Московского княжества); 1451 г. (окрестности Москвы); 1455 г. (южные окраины Московского княжества); 1459 г. (то же); 1468 г. (окрестности Галича); 1472 г. (Алексин); 1480 г. (стояние на р. Угре)[60].

Приведенный перечень показателен во многих отношениях. Если после своего завоевания Руси и до конца XIII в. монголы совершили три похода на Северо-Восточную Русь, то в XIV в. таких походов было уже 17, а в XV в. за восемь десятилетий этого столетия — 15, всего 35 походов за 238 лет властвования. В среднем нападения повторялись примерно через каждые семь лет. Такие действия никак нельзя называть охраной границ русских княжеств, как утверждал в свое время Л. Н. Гумилев и как продолжают думать сегодня его последователи. В то же время частота ордынских нападений на русские княжества, охватываемые этими нападениями территории не таковы, чтобы изменить этнический облик населения этих княжеств, что утверждалось в нашей литературе начала перестройки. А вот хозяйству русских княжеств, их экономическому развитию такие войны наносили невосполнимый ущерб. Москва, например, после взятия ее в 1382 г. Тохтамышем не могла восстановиться до середины 1390-х годов. Хирел Нижний Новгород, захватывавшийся татарами несколько раз в конце 1370-х годов и в первой половине XV в.

Красноречивы и отдельные свидетельства приведенного списка. В XIII в. монголы предпринимали хотя и редкие, но масштабные карательные экспедиции против княжеств Северо-Восточной Руси. Они опустошили около десятка городов, причем систематически разоряли такие города, как Владимир, Переяславль, Суздаль, Юрьев, а также Тверь. Первые четыре города принадлежали к числу самых ранних городов Суздальской земли XII в. Расположенные недалеко друг от друга, они составляли центр этой земли. И Орда систематически наносила удары по этому центру, надеясь найти здесь богатую военную добычу, стремясь захватить в плен жителей, угнать скот, забрать хлеб с плодородного владимиро-суздальского ополья. Тем самым подрывалась и мощь русских князей, правивших в этих центрах. Рядовое же население, спасая жизнь, укрывалось в лесах при появлении ордынской конницы, а потом уходило на постоянное жительство на западные, северные и восточные окраины Суздальщины, более безопасные в военном отношении.

Эта внутренняя миграция населения способствовала тому, что в районах расселения мигрантов стали возникать новые княжества с центрами, которые в домон-

[60] Перечень составлен на основании данных, опубликованных в ПСРЛ (Т. 1; Т. 15, вып. 1; Т. 25).

гольское время никогда княжескими резиденциями не были. Одним из таких княжеств стало Тверское. Расположенное по обоим берегам Волги в ее верхнем течении, это молодое княжество стало успешно развиваться, используя волжский речной путь, связывавший растущее на западе Литовское государство и западные русские княжества, главным из которых было Смоленское, с ордынскими землями на средней и нижней Волге. Усиление Твери, ее экономический рост обращали на нее внимание ордынских ханов, и когда отношения между Русью и Ордой становились враждебными, они посылали на Тверь свои войска, рассчитывая и там (как во Владимире, Суздале, Переяславле и Юрьеве) найти богатую военную добычу и попутно ослабить силы местного князя.

Новые условия существования, которые принесла с собой монгольская власть, во многом определяли сам процесс появления новых и развития старых княжеств на русском Северо-Востоке. Уже через пять лет после установления монгольского господства существенно поменялся состав северо-восточных русских княжеств. Если к 1237 г., году Батыева вторжения на Русь, таких княжеств было всего шесть: Владимирское, Переяславское (Переяславля-Залесского), Юрьевское, которые принадлежали младшему потомству князя Всеволода Большое Гнездо, и Ростовское, Ярославское и Угличское — владения старшей линии того же Всеволода Большое Гнездо, то уже в 1247 г., т. е. всего через пять лет после установления иноземной власти, число княжеств увеличилось вдвое — до 12. Еще в 1238 г. появились такие княжества, как Суздальское и Стародубское, уже существовавшие короткое время в 1210—1220-х годах. В 1247 г. возникли Тверское, Галичско-Дмитровское и Костромское княжества, несколькими годами позже — Белозерское. Центры последних четырех княжеств в домонгольское время никогда не были княжескими резиденциями, и превращение их в стольные города вызывалось изменениями, которые принесло с собой монгольское завоевание. Показательно, например, что ни одного нового княжества не образовалось по течению р. Оки или южнее этой реки. Почти все перечисленные княжества располагались или в бассейне р. Волги, или к северу от ее течения, в местах, наиболее безопасных от вторгавшихся с юга или юго-востока ордынцев. При этом выясняется, что новые княжества возникали не в самых благоприятных для хозяйственной деятельности областях, где не было или достаточного населения, или не доставало природных ресурсов. Именно нехваткой населения можно, в частности, объяснить тот факт, что одному из братьев Александра Невского достались Дмитров и Галич. Эти центры отстояли друг от друга на 368 км по прямой, но тем не менее были отданы одному князю. Причина, видимо, заключалась в том, что ни в Дмитрове, ни в Галиче в 1240-е годы по отдельности не набиралось достаточного количества людей для содержания князя и его двора. Борьба за правления в более населенных и более богатых природными ресурсами княжествах среди как старшего, так и младшего потомства Всеволода Большое Гнездо после 1247 г. достигла большой остроты. Племянники сражались с дядьями, силой изгоняя их с занимаемых столов, родные братья интриговали друг против друга, близкие по родству князья менялись княжествами, стремясь получить лучшее, они пытались ввязать в свои распри сарайских и даже каракорумских правителей.

Положение несколько стабилизировалось в последние годы правления во Владимире-на-Клязьме Александра Невского. Получив в 1252 г. контроль над Владимирским княжеством, Александр сумел укрепить свою власть, проведя ряд территориальных обменов со своими младшими братьями. Брата Андрея, бежавшего от монголов в Швецию, но вернувшегося на Русь около 1257 г., Александр сумел на-

делить Суздальским княжеством, а перед смертью в 1263 г. завещать уделы своим сыновьям. Дмитрию князь Александр из состава Владимирского княжества выделил Переяславль-Залесский, другому сыну Андрею он оставил Городец Волжский (Радилов), младший сын Даниил получил Москву. Два последних княжества были сформированы впервые. При выборе их столиц Александр Невский руководствовался теми же принципами, что и его отец: Городец Волжский и Москва были расположены на восточной и западной окраинах северо-восточных русских земель, далеко от кочевий монгольских завоевателей.

После кончины Александра Невского борьбу за владимирский стол повели младшие братья князя и его сыновья. Преемником Александра на этом столе стал тверской князь Ярослав Ярославич. Его сменил другой сын Ярослава Всеволодовича костромской князь Василий. После смерти Василия во Владимире утвердился старший к тому времени сын Невского Дмитрий Переяславский. С Дмитрием за обладание владимирским столом отчаянно спорил его брат Андрей Городецкий, который в конце концов и вышел победителем. Следует отметить, что из четырех преемников Александра Невского три князя опирались на города, превратившиеся в столицы княжеств только после монгольского завоевания. Это Тверь, Кострома и Городец. Их значение выросло благодаря притоку в них населения из центральных княжеств Северо-Восточной Руси, подвергавшихся систематическим нападениям и опустошениям со стороны монгольских завоевателей. Политика Каракорума и Орды изменила соотношение политических сил в княжествах Северо-Восточной Руси. Изменения пошли на пользу молодым княжествам. Ведущая политическая роль таких княжеств ярко проявилась в XIV столетии, когда на авансцену истории выступили тверские и московские князья, начавшие бороться не только между собой, но и с самими завоевателями.

Преемницей Золотой Орды с 1430-х годов стала Большая Орда, ханам которой по-прежнему вынуждены были подчиняться и платить дань русские князья. Эта зависимость от чужеземных правителей кончилась в правление Ивана III, воспрепятствовавшего стоявшей на р. Угре коннице хана Большой Орды Ахмата прорваться к Москве и восстановить в прежнем объеме вассальную подчиненность Руси. Гибель в начале января 1481 г. на своей стоянке близ р. Дона хана Ахмата привела к распаду его государства и к прекращению зависимости Руси от чингисидов.

Киевское и Переяславское княжества

Во второй половине XII — первой трети XIII в. значение Киева заметно снизилось в сравнении с эпохой существования единого государства Русь, но он сохранял значение номинально «старейшего», главного княжеского стола на Руси, претендовать на который могли князья разных ветвей, представлявшие сильнейшие русские земли — Черниговскую, Смоленскую, Волынскую и Суздальскую[61]. Киевская земля в домонгольское время была наиболее густонаселенной и хозяйственно освоенной на Руси. На первую половину XIII в. по данным письменных источников и археологии в ней фиксируется 115 укрепленных поселений (больше насчитывается только в гораздо более обширных Черниговской и Смоленской землях, т. е. по числу укреп-

[61] См.: *Горский А. А.* Русские земли в XIII—XIV веках: Пути политического развития. М., 1996. С. 28—29. При этом реальных властных полномочий над другими землями киевские князья не имели.

ленных поселений на единицу площади Киевская земля была на первом месте)[62]. Киевская земля занимала правобережье Среднего Днепра от устья Десны до правого днепровского притока р. Рось, на запад — до рек Горыни и Случи, граница с Волынской и Галицкой землями. Кроме Киева, важнейшими городами в ней были Вышгород (на Днепре выше Киева), Белгород, Василев (к юго-западу от Киева), Овруч (в бывшей земле древлян), Юрьев, Торческ (на р. Рось, к югу от Киева), Треполь (на Днепре к югу от Киева). В них временами существовали княжеские столы: такое владение частью Киевской земли называлось «часть в Русской земле» (в узком значении этого термина), причем нередко владели этими столами князья, принадлежавшие к иной ветви рода Рюриковичей, чем князь киевский[63].

Переяславская земля располагалась по соседству с Киевской на левом берегу Днепра. Несмотря на относительно небольшие размеры, в ней насчитывалось около 80 укрепленных поселений[64]. Собственная династия в Переяславле не утвердилась, накануне Батыева нашествия им владели князья Суздальской земли[65].

В середине 1230-х годов обострилась междукняжеская борьба за Киев. Черниговский князь Михаил Всеволодич стремился вытеснить правившего там с 1223 г. Владимира Рюриковича (из смоленской ветви), чьим союзником был волынский князь Даниил Романович. В 1236 г. киевский стол занимает (скорее всего, по соглашению с Даниилом и Владимиром) пришедший из Новгорода Ярослав Всеволодич, брат великого князя Суздальской земли Юрия Всеволодича[66]. Но в 1238 г., после гибели Юрия от рук монголов на р. Сить, Ярослав уходит в Северо-Восточную Русь и занимает великокняжеский стол во Владимире. Киевом завладевает Михаил Черниговский. После захвата монголами Чернигова в октябре 1239 г. к Киеву подступает отряд во главе с двоюродным братом Батыя Менгу. Последовало предложение сдать город, на что Михаил ответил отказом. Однако вскоре князь бежал из Киева и отправился в Венгрию. В Киеве вокняжился Ростислав Мстиславич (из смоленских князей), но вскоре он был свергнут Даниилом Романовичем. Последний оставил управлять столицей Руси своего боярина Дмитра[67].

Переяславль к этому времени уже был взят монголами — это произошло в марте 1239 г.[68] Большинство укрепленных поселений Переяславской земли было разрушено, причем только менее 10 из них оказались затем восстановлены[69]. Осенью 1240 г. Батый в начале своего похода в Центральную Европу обрушился на Киевскую землю. Киев был взят после упорного сопротивления[70]. Почти все города и крепости Киевской земли подверглись разорению, позднее жизнь восстановилась менее чем на четверти из них; такие крупные ранее центры, как Белгород, Вышгород и Торческ, прекратили существование в качестве городских поселений[71]. Сам Киев, возможно, первое время после Ба-

[62] Древняя Русь: Город, замок, село. М., 1985. С. 30—31, 116, 119, табл. 16, 19.
[63] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 418, 426—428; Т. 2. Стб. 521, 683, 766; НПЛ. С. 53.
[64] Древняя Русь: Город, замок, село. С. 30—31, 119, табл. 19.
[65] См.: *Кузнецов А. А.* Владимирский князь Георгий Всеволодич в истории Руси первой трети XIII века. Н. Новгород, 2006. С. 50—133.
[66] НПЛ. С. 74; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 777.
[67] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 782.
[68] Там же. Стб. 781—782; Т. 1. Стб. 469; ПЛ. М., 1955. Вып. 2. С. 79.
[69] Древняя Русь: Город, замок, село. С. 120—121, табл. 20, 21.
[70] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 784—785.
[71] Древняя Русь: Город, замок, село. С. 120—121, табл. 20—21.

тыева разгрома управлялся монгольским наместником[72]. В 1241 г. сюда возвращается укрывавшийся перед этим в Венгрии, а затем в Галицко-Волынской земле Михаил Всеволодич, но живет не в разоренном городе, а «подъ Кыевомъ во островѣ»[73]. В 1243 г. Ярослав Всеволодич, великий князь владимирский, отправился к Батыю и был признан им «старейшим» среди русских князей[74]. Выражением этого «старейшинства» стало обладание Киевом: когда в 1245 г. Даниил Романович отправляется к Батыю и едет через Киев, «обдержащу Кыевъ Ярославу бояриномъ своимъ Еиковичемь Дмитромъ»[75]. Таким образом, Киев продолжал считаться номинально главным центром Руси. Сам Ярослав, однако, в Киеве не сидел, предпочитая находиться в Северо-Восточной Руси.

В княжение Ярослава в Киевской земле произошли события, описанные послом папы римского к монгольскому великому хану Гуюку францисканцем Плано Карпини: «Так, когда мы были в Руси, был туда послан один наместник-сарацин от Гуюк-хана, как говорили, и от Батыя; и этот наместник (*prefectus*), как нам потом рассказывали, у каждого человека, имевшего троих сыновей, забирал одного, уводил с собой всех мужчин, у которых не было жен, и с женщинами, не имевшими законных мужей, он поступал точно также. Бедняков же, которые искали себе пропитание, они тоже забирали. Остальных же по своему обычаю они пересчитали, постановив, чтобы все от мала до велика, даже дети одного дня от роду, богатые или бедные, выплачивали такую подать: а именно, чтобы давали одну большую шкуру белого медведя, одного черного бобра, одного черного соболя и одну черную шкуру животного, живущего в прорытой в земле норе, имеющего пристанище в той земле, название которого мы передать по-латыни не можем (поляки же и русские называют этого зверя докерей), а также шкуру черной лисы. Тот же, кто не внесет этого, должен быть уведен к татарам и обращен в их раба»[76].

Плано Карпини и его спутники посетили Южную Русь, а именно Галицко-Волынскую и Киевскую земли, зимой 1245/46 г. по пути во владения монголов и летом 1247 г. по дороге обратно. Перепись населения, описанная в сочинении папского посла, явно не коснулась Галицко-Волынской земли: ее история этого времени подробно излагается в так называемой Галицко-Волынской летописи, и никаких намеков на подобное мероприятие там нет. Следовательно, перепись была проведена в Киевской земле[77]. Наиболее вероятно, что она состоялась в конце 1245 — начале 1246 г.[78]: «наместник» бесчинствовал в Киевской земле в то время, когда Плано Карпини и его спутники пребывали на Волыни, а по приезде в Киев они узнали о подробно-

---

[72] *Вернадский Г. В.* Монголы и Русь. Тверь, 2005. С. 163—165; *Горский А. А.* Утверждение власти Монгольской империи над Русью: Регион альные особенности // ИВ. М., 2014. Т. 10 (157). С. 60.

[73] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 780.

[74] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 470.

[75] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 806.

[76] *Иоанн де Плано Карпини.* История монголов. С. 83, 160. «Сарацин» в данном случае означает мусульманин (см.: Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Гильома де Рубрука. М., 1957. С. 195, примеч. 6).

[77] *Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.* Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1950. С. 218; *Павлов П. Н.* К вопросу о русской дани в Золотую Орду // Учен. зап. Красноярск. гос. пед. ин-та. Красноярск, 1958. Т. 13, вып. 2. С. 79.

[78] Позднейшие переписи — в Суздальской, Муромской и Рязанской землях в 1257 г. и в Новгороде в 1259 г. — также проходили зимой (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 474—475; НПЛ. С. 82). В других странах монголы проводили переписи тоже в зимнее время (см.: *Allsen T.* Mongol Imperialism: The policies of the Grand Qan Möngke in China, Russia, and Islamic lands. 1251—1259. Berkeley, 1987. P. 143).

стях происходившего[79]. Вероятно, о том же самом мероприятии упоминается в Житии князя Михаила Всеволодича Черниговского (убитого в ставке Батыя 20 сентября 1246 г.), после рассказа о нашествии Батыя: «А инии же крыяхуся в горахъ и в пещерахъ и в пропастехъ и в лѣсѣхъ, мало от тѣхъ остася. Тѣх же нѣ по колицѣхъ времянѣхъ осадиша въ градѣх, изочтоша я в число и начаша на них дань имати татарове»[80].

Известие Плано Карпини (как и Житие Михаила) прямо связывает перепись с установлением дани. Указание, что учитывались даже месячные младенцы, дает основания полагать, что переписывалось все мужское население независимо от возраста. Такой вариант переписи зафиксирован в Великой Армении в 1314 г. (причем в записях о ней также содержится указание на учет монголами — администрацией ильхана Улджаиту — даже месячных младенцев)[81]. Осуществлял перепись в Киевской земле наместник — *prefectus*. Ниже в гл. 7 словом *prefectos* Плано Карпини переводит приведенный им в латинской транскрипции тюркский термин «баскаки»[82]. По-видимому, и в гл. 7 речь идет о баскаке[83], и в сочинении Плано Карпини фиксируется, таким образом, возникновение киевского баскачества. Оно имело длительную последующую историю — киевский баскак упоминается еще в 1331 г.[84] В функции баскаков входил контроль за сбором дани и лояльностью местных правителей[85]. Сам сбор дани должны были осуществлять другие должностные лица. В сочинении Плано Карпини упоминается «киевский сотник» Хонгрот, пребывавший в ближайшем к Киеву степном улусе (военачальника Куремсы), и подчиненные ему десятники[86]. Очевидно, это были монгольские чиновники, которые, как и десятские, сотские, тысячники и темники, поставленные позже (в 1257 г.) в Северо-Восточной Руси, были обязаны приезжать в соседнюю русскую землю для сбора дани[87].

Хотя размеры дани с человека, приведенные Плано Карпини, скорее всего, преувеличены, тем не менее очевидно, что в Киевской земле был установлен более жесткий режим, чем в других крупных русских землях (в Северо-Восточной Руси перепись охватывала, скорее всего, только мужское население работоспособного возраста, в Галицко-Волынской земле переписи не было, а в Новгородской она касалась не всей земли[88]). Это было, по-видимому, связано со статусом Киева как номинальной, символической общерусской столицы. К тому же южная часть Киевской земли осталась под управлением монгольских наместников: Плано Карпини в повествовании о своем путешествии отмечает, что расположенный на Днепре ниже Киева (в 120 км) Канев был «непосредственно под властью татар»[89]. Монгольский наместник был встречен францисканской миссией

---

[79] *Горский А. А.* Утверждение власти Монгольской империи над Русью: Региональные особенности. С. 64.

[80] *Серебрянский Н. И.* Древнерусские княжеские жития. М., 1915. С. 55; ср.: Там же. С. 63—64.

[81] См.: *Бабаян Л. О.* Социально-экономическая и политическая история Армении в XIII—XIV веках. М., 1969. С. 241; *Dashdondog B.* The Mongols and the Armenians (1220—1335). Leiden; Boston, 2011. P. 110, 208.

[82] *Иоанн де Плано Карпини.* История монголов. С. 84, 161.

[83] *Martin J.* Medieval Russia. 980—1584. Cambridge, 2007. P. 166.

[84] НПЛ. С. 344.

[85] Об институте баскачества на Руси см.: *Маслова С. А.* Баскаческая организация на Руси: Время существования и функции // ДРВМ. 2013. № 1. С. 27–40.

[86] *Иоанн де Плано Карпини.* История монголов. С. 191, 333, примеч. 62.

[87] *Горский А. А.* Утверждение власти Монгольской империи над Русью: Региональные особенности. С. 66—69.

[88] Там же. С. 71—76.

[89] *Иоанн де Плано Карпини.* История монголов. С. 173.

и в следующем на пути к югу поселении (не названном по имени), куда Плано Карпини и его спутники прибыли спустя четыре дня. Таким образом, территория, непосредственно контролируемая завоевателями в 1240-е годы, заходила севернее р. Рось и шириной достигала 200 км[90].

Под непосредственной властью монголов оказалась и Переяславская земля[91], во всяком случае ее столица и прилегающие к степи районы. Волынский и галицкий князь Даниил Романович, едучи в 1245 г. к Батыю через Киев и Переяславль, встретил в последнем татар, князя здесь в то время не было[92].

После отравления Ярослава Всеволодича в 1246 г. в Монголии, куда он отправился ко двору великого хана[93], об изменении статуса киевского стола сведений нет. В 1249 г. в столице Монгольской империи — Каракоруме — старший сын Ярослава Александр (Невский) получил «Кыевъ и всю Русьскую землю», а его младший брат Андрей — владимирский стол[94]. Очевидно, что и в 1249 г. киевский стол продолжает формально считаться главным, поскольку он передан старшему из князей и вместе с номинальным главенством над всей Русью. Но Александр, как княжил до этого времени в Новгороде, так и оставался там после возвращения из поездки по степям; в Киеве он, по-видимому, подобно отцу, держал наместника. В 1252 г. Александр овладевает владимирским столом и соединяет под своей властью Новгород, Киев и Владимир[95].

Дальнейшая судьба киевского стола скудно освещена источниками. В Густынской летописи (XVII в.) киевским князем назван младший брат и преемник Александра Невского на владимирском столе (1264—1271) Ярослав Ярославич[96], но источник этот слишком поздний, чтобы можно было с доверием отнестись к его сообщению. Тем не менее вероятно, что до 1290-х годов Киев оставался под властью великих князей владимирских, во всяком случае при Дмитрии Александровиче (1277—1294), который ориентировался на Ногая, в 1280—1290-е годы фактически самостоятельного правителя западной (к западу от Днепра) части Орды[97]. Сложнее предполагать судьбу киевского стола после падения и гибели Ногая (1299—1300). В Северском синодике упоминается киевский князь Иоанн-Владимир Иоаннович[98]. Возможно, это представитель ветви Ольговичей, занимавший в начале XIV в. киевский стол[99]. Рассказ белорусско-литовских летописей о княжении в Киеве князя Станислава в начале 1320-х годов и о захвате города великим князем литовским Гедимином[100] не может быть признан достоверным ввиду его позд-

---

[90] *Егоров В. Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв. С. 37—38.

[91] *Ляскоронский В.* История Переяславской земли с древнейших времен до половины XIII столетия. Киев, 1897. С. 377; *Мавродин В. В.* Очерки истории Левобережной Украины (с древнейших времен до второй половины XIV века). Л., 1940. С. 299—302.

[92] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 806; см. также: *Егоров В. Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв. С. 38; *Коринный Н. Н.* Переяславская земля: X — первая половина XIII века. Киев, 1992. С. 67—68.

[93] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 471; Т. 2. Стб. 808; *Иоанн де Плано Карпини.* История монголов. С. 115—116, 185.

[94] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 472.

[95] Там же. Стб. 473.

[96] ПСРЛ. СПб., 1843. Т. 2. С. 344.

[97] См.: *Горский А. А.* Ногай и Русь // Тюркологический сб. 2001. М., 2002.

[98] Историко-статистическое описание Черниговской епархии. Чернигов, 1874. Кн. 5. С. 43.

[99] См.: *Зотов Р. В.* О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. СПб., 1892. С. 115—118; *Русина О. В.* Студії з історії Києва та Київської землі. Київ, 2005. С. 13—21.

[100] ПСРЛ. М., 1980. Т. 35. С. 95—96, 152—153, 180, 200—201, 221.

него происхождения и явных анахронизмов в перечне действующих лиц[101].

В конце XIII столетия Киев утратил роль резиденции главы русской церкви — митрополита: в 1299 г. «митрополитъ Максимъ, не терпя татарьского насилья, оставя митрополью и збѣжа из Киева и весь Киевъ разбѣжаться, а митрополить иде ко Бряньску и оттоле в Суждальскую землю»[102]. Номинально Киев продолжал и позднее (до середины XV в.) считаться центром общерусской митрополии, но фактически митрополиты с 1299 г. пребывали в основном во Владимире, а с 1330-х годов — в Москве[103].

Первое бесспорное известие о князе в Киеве после 1249 г. относится к 1331 г. К митрополиту Феогносту, находящемуся тогда на Волыни, приехал на поставление кандидат в новгородские архиепископы Василий. В то же время к митрополиту приехали послы из Литвы, от великого князя Гедимина, желавшие поставить епископом в Пскове (где тогда княжил противник великого князя владимирского и московского Ивана Калиты бывший тверской князь Александр Михайлович) Арсения. Василия митрополит поставил в архиепископы, а Арсению отказал, после чего тот отправился в Киев. Василий и его спутники поехали из Волыни под Чернигов, опасаясь литовского нападения. Под Черниговом на новгородцев напал «князь Федоръ киевъскыи со баскакомъ в пятидесят человек розбоемъ»; захватить архиепископа ему не удалось, и тот вернулся в Новгород[104]. Явная связь действий киевского князя с политикой Литвы (нападение киевского князя на Василия произошло после приезда литовского ставленника Арсения в Киев) говорит о его зависимости от Великого княжества Литовского; наличие при князе баскака указывает на зависимость Киева также от Орды. Поэтому вполне вероятно, что Киевская земля с конца 1320-х годов была разделена на литовскую и ордынскую сферы властвования[105], но объем власти Великого княжества Литовского над Киевом в этот период остается неясным. Неясна и личность князя Федора. В нем предполагали князя из ветви черниговских Ольговичей, литовского князя — брата Гедимина, отожествляли с князем Федором Святославичем, упоминаемым в новгородском летописании под 1326 г.[106]

Окончательно Киевская земля была подчинена Литвой при Ольгерде Гедиминовиче в начале 1360-х годов: великий князь литовский посадил в Киеве своего сына Владимира[107]. В 1360-е годы и территория бывшей Переяславской земли (вместе с большей частью Черниговской) вошла в состав Великого княжества Литовского[108].

О каких-либо иных, кроме киевского, княжениях в Киевской земле за период

---

[101] *Грушевский М. С.* Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV столетия. Киев, 1891. С. 472—492; *Ивакин Г. Ю.* Киев в XIII—XIV веках. Киев, 1982. С. 24—27.

[102] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 485 (под 6808 г., ультрамартовским); о дате см.: *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. М., 1963. С. 122.

[103] См.: *Голубинский Е. Е.* История Русской Церкви: В 2 т. М., 1900. Т. 2. С. 94—96, 133—143.

[104] НПЛ. С. 343—344; ПСРЛ. Т. 4, ч. 1. С. 263—265; СПб., 1851. Т. 5. С. 219.

[105] *Шабульдо Ф. М.* Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. Киев, 1987.

[106] См.: *Зотов Р. В.* О черниговских князьях... С. 115, 118—120, 207, 296; *Ивакин Г. Ю.* Киев в XIII—XIV веках. С. 24; *Шабульдо Ф. М.* Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. С. 29; *Русина О. В.* Студії з історії Києва та Київської землі. С. 22.

[107] *Ивакин Г. Ю.* Киев в XIII—XIV веках. С. 30—31; *Шабульдо Ф. М.* Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. С. 57—60. Согласно Густынской летописи, Ольгерд сместил с киевского стола того же князя Федора (ПСРЛ. Т. 2. С. 350).

[108] *Шабульдо Ф. М.* Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. С. 62. Возможно, в первой половине XIV в. в Переяславле-Южном какое-то время княжили представители ветви черниговских Ольговичей (см.: *Зотов Р. В.* О черниговских князьях... С. 113—114).

после Батыева нашествия сведений практически нет. В волынской летописи под 1289 г. упомянут князь Юрий Поросский, служивший владимиро-волынскому князю Владимиру Васильковичу[109]. Судя по определению, у него было прежде какое-то владение в Поросье, т. е. на юге Киевской земли, на территории, отошедшей под непосредственную власть Орды[110]. В синодиках Черниговской земли упоминается князь «Андрей Овручский», возможно княживший в Овруче на западе Киевской земли[111].

Таким образом, Киевская земля после нашествия Батыя теряет статус «столичной», за которую ведут борьбу сильнейшие князья. Ранее она сохраняла свое значение постольку, поскольку являлась объектом «коллективного сюзеренитета» сильнейших князей русского княжеского рода, владевших либо киевским столом, либо «частью» в Киевской земле, либо по меньшей мере правом на такую часть, и была одной из самых населенных и богатых на Руси. Ни одной из княжеских ветвей не удалось закрепить Киев за собой. После Батыева похода подвергнувшаяся сильнейшему разорению Киевская земля потеряла свою привлекательность как источник доходов для князей. К тому же черниговским, смоленским, волынским и суздальским князьям необходимо стало прежде всего позаботиться о своих родовых владениях, до Киева руки уже не доходили. Суздальские Всеволодичи, получив от монгольских ханов власть над Киевом, не старались закрепиться там, будучи более озабочены делами своей земли. Киев утратил статус номинальной столицы всей Руси и (в отличие от двух других столов, за которые шла борьба в первой трети XIII в. — Новгорода и Галича) не закрепился за сильной княжеской ветвью. Переяславская же земля и вовсе перестала существовать в качестве особого политического образования.

Черниговское княжество

Осада и взятие Чернигова в ноябре 1239 г. войсками Батыя пришлись на то время, когда ни в Чернигове, ни в Черниговском княжестве не было их правителя — князя Михаила Всеволодовича. Вместе со старшим сыном Ростиславом он оказался в Польше, как сообщает Ипатьевская летопись, у своего родственника и давнего союзника князя Конрада Мазовецкого[112]. Однако уже через несколько месяцев оба черниговских князя вернулись на Русь. Но в Чернигов они не поехали, а остановились в Киеве, сделав своей резиденцией один из днепровских островов. Здесь они повели переговоры с владимиро-волынским князем Даниилом Романовичем и его младшим братом Васильком, которые к тому времени сумели овладеть Киевом. И Даниил Романович, и Михаил Всеволодович, потерявший свой Чернигов, прекрасно понимали, что им необходимо притушить внутренние разногласия, не тратить силы на борьбу за киевский стол, а постараться уберечь еще не занятые Батыем Киев и западные древнерусские города от завоевания их монголами. Даниил решился на значительные уступки и дарения Михаилу. Он обещал ему передать Киев, а его сыну Ростиславу отдать в княжение Луцк. Кроме того, Михаилу и Ростиславу было позволено свободно перемещаться во владениях Даниила и Василька, им также было передано «пше-

[109] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 930.

[110] *Егоров В. Л.* Историческая география Золотой Орды XIII—XIV вв. С. 38.

[111] *Русина О. В.* Студії з історії Києва та Київської землі. С. 17.

[112] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 783. Здесь и далее в разделе хронология дается по датам Ипатьевской летописи.

ницѣ много и медоу, и говядъ, и овѣць доволѣ»[113]. Киев князь Михаил не занял, опасаясь очевидного нападения на город монголов, не поехал и в свой опустошенный Чернигов, но отправил туда, видимо, для ознакомления с обстановкой, сына Ростислава. Судя по поведению Михаила и Ростислава, Чернигов и Черниговское княжество еще не оправились от последствий монгольского погрома в 1239 г.

Под 6748 (1240) г. в Ипатьевской летописи описывается ряд событий, связанных с политикой черниговских князей и позволяющих судить о том, кто управлял Черниговским княжеством до и после захвата монголами Киева поздней осенью 1240 г. Сообщается, в частности, что еще до подхода Батыя к Киеву Михаил Всеволодович Черниговский и его сын Ростислав покинули пределы русских земель и укрылись в Польше. Свидетельства источников склоняют к тому, что князь Михаил оставил свое отчинное владение — Чернигов, куда он перебрался с днепровского острова зимой 1239/40 г. или весной 1240 г. А Ростислав, скорее всего, бежал из отданного ему Даниилом Романовичем Владимиро-Волынским Луцка, где Ростислав прокняжил столь короткое время, что даже не успел подготовить Луцк к обороне против монгольских захватчиков.

Когда в конце декабря 1240 г. Батый перенес военные действия из русских земель на территорию Венгерского королевства, черниговские князья Михаил и его сын Ростислав получили возможность вернуться в свои покинутые владения. Первым, по-видимому, это сделал Михаил. Ипатьевская летопись при описании событий 6749 (1241) г. рассказывает о том, как князь Ростислав Михайлович, опираясь на собственные силы и дружины болоховских князей (эти князья представляли собой младшую ветвь тех же черниговских князей, но владений в собственно Черниговском княжестве не имели, ограничиваясь обладанием Болоховского поля на границе Киевского и Галичского княжеств), предпринял нападение на Бакоту. Однако в этом галичском городе оказался печатник Кирилл, доверенное лицо князя Даниила Романовича, посланный им для охраны города от посягательств галичских бояр, захватывавших галичские княжеские города и превращавших их в свое достояние. При появлении еще одного претендента на Бакоту — черниговского княжича Ростислава Михайловича с его союзниками — ворота города закрылись, и его жители приготовились к осаде. Этого Ростислав не ожидал. У ворот крепости начались переговоры. Кирилл напомнил Ростиславу о совсем недавних событиях, великодушии Даниила и Василька Романовичей, предложивших отцу Ростислава Михаилу Киев, а самому Ростиславу давших Луцк, наделивших черниговских князей хлебом, медом и мясом, выручивших из суздальского плена мать Ростислава и отпустивших ее к мужу[114]. Справедливые моральные укоры и демонстрация военной силы (в распоряжении Кирилла было 3 тыс. пехотинцев и 300 всадников) отрезвляюще подействовали на черниговского княжича. Он «поиде прочь», а затем «изииде за Днѣпръ»[115]. Последнее скромное летописное уточнение на самом деле свидетельствует о крупном и принципиальном изменении ситуации в южнорусских землях, в Черниговском княжестве, в частности.

Переход Ростислава с правого на левый берег Днепра указывает на то, что военно-политическая опора этого князя находилась на днепровском левобережье. До начала монгольского завоевания Руси здесь были расположены два очень крупных

[113] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 783.
[114] Там же. Стб. 791.
[115] Там же.

древнерусских центра: Чернигов и Переяславль Южный. Последний был взят и основательно разрушен монголами весной 1239 г. В том же году, но осенью, был взят и Чернигов, однако он пострадал меньше. Самое позднее с весны 1241 г. в Чернигове постоянно находился князь Михаил Всеволодович, который дал клятву владимиро-волынским князьям Романовичам никогда не воевать с ними. И он свое слово держал. Но с владимиро-волынскими князьями, как мы могли убедиться выше, воевал его сын Ростислав, явно опиравшийся на Чернигов и использовавший военно-политический потенциал своего отца. Очевидной целью черниговских князей было расширение подвластных им земель за счет городов и волостей Галичского княжества, менее других пострадавшего от монголов, формально принадлежавшего князю Даниилу Романовичу, но фактически раздираемого на отдельные части его «верными» боярами, присваивавшими эти части себе. Если учесть, что в междоусобные споры древнерусских князей и борьбу этих князей с собственными боярами вмешивались монгольские завоеватели, то станет понятным, что выработка общеполитических долговременных княжеских договоренностей становилась делом крайне затруднительным и малоэффективным по своему существу. Нельзя было никому доверять, и если рассчитывать на какие-то силы, то только на свои собственные. Эти принципы и были положены черниговскими князьями в основу своих отношений с другими русскими князьями в 1240-е годы.

О состоянии чернигово-владимиро-волынских отношений в начале указанного периода лаконично, но в то же время емко и точно, свидетельствует текст Ипатьевской летописи, датируемый 6748 г. Там говорится, что владимиро-волынский князь Даниил Романович запретил своему наместнику в Галичском княжестве принимать на службу черниговских бояр: «Черниговьскихъ бояръ не вѣлех ти, Доброславе, приимати, нъ дати волости галичкимъ»[116]. Даниил, видимо, считал, что такие бояре являются скрытыми сторонниками черниговских князей и, получив в управление волости и приобретя села в Галичском княжестве, они будут поддерживать своих прежних правителей, помогая им завладеть Галичем. Опасения князя Даниила были, вероятно, небеспочвенны, но сомнительно, чтобы все черниговские просители галичских земель действовали как тайные агенты черниговских князей. Думается, что основная причина ухода черниговского боярства из своего княжества заключалась в том, что княжество покидало его основное население — сельчане и горожане, и местные бояре не находили себе людей, которые способны были платить налоги и нести различные повинности.

Неудача с захватом Бакоты не остановила стремления Ростислава Михайловича и стоявшего за спиной сына его отца Михаила Всеволодовича Черниговского расширить свои владения за счет галичских городов и волостей. Как сообщает Ипатьевская летопись, вскоре после отступления от Бакоты Ростислав «вои собравъ и Володислава невѣрного, поиде на Галичь»[117]. Галичский боярин Владислав был одним из богатейших и знатнейших людей в Галичском княжестве. Владимиро-волынский князь Даниил Романович даже назначил его на должность тысяцкого. Но Владислав изменил князю Даниилу, предпочтя честную службу беззаконному обогащению и сотрудничеству с врагами своего князя. Общий поход Ростислава Черниговского и галичского тысяцкого Владислава кончился очередной неудачей. Хотя им удалось занять Галич, но на очень короткое время. При приближе-

[116] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 789.
[117] Там же. Стб. 793.

нии войск Даниила Романовича Ростислав и Владислав поспешно оставили город[118].

Следующее известие о черниговском князе Ростиславе Михайловиче помещено в Ипатьевской летописи под 6751 г. Сообщается, что «Ростислава розгнаша Татарове во Боркоу, и бѣжа Оугры, и вдасть за нь пакы король Оугорьскыи дочѣрь свою»[119]. И место столкновения Ростислава с монголами, и хронология события нуждаются в уточнении. В свое время составители географического указателя к Ипатьевской летописи, изданной в 1871 г., посчитали, что Борок, где монголы «розгнаша» черниговского княжича, находился к востоку от Киева, в правобережье Днепра. Однако в таком случае делается непонятным, почему Ростислав бежал в Венгрию, а не в более близкую Польшу, где у него были родственники и союзники. Название Борок довольно часто встречается в различных районах древней Руси и даже за ее рубежами. Похоже, речь идет о каком-то месте не в Киевском, а в Галичском княжестве, откуда легко было уйти в Венгерское королевство.

Этот уход и брак Ростислава Михайловича с дочерью венгерского короля Белы IV принцессой Анной Ипатьевская летопись относит к тому же 6751 г. При этом она сообщает, что тогда же на Руси было получено сообщение, согласно которому «Батыи воротилъся есть изо Оугоръ»[120]. Венгерские источники указывают, что вывод монгольских войск из Венгрии начался летом 1242 г. Очевидно, данное обстоятельство и позволило черниговскому княжичу искать приюта у короля Венгрии, в скором времени став его зятем.

Узнав о женитьбе Ростислава, в Венгрию направился его отец князь Михаил Всеволодович Черниговский. Однако в венгерской столице его встретил холодный прием. Проклиная всех и вся, князь Михаил вынужден был возвратиться в Чернигов[121]. Здесь его встретил указ о явке в ставку Батыя — правителя Золотой Орды. Михаилу следовало давно посетить ее, поскольку ханского подтверждения прав на свое отчинное владение — Чернигов — он не имел. Вместе с преданным боярином Федором Михаил отправился в путь. Прием в Орде был суров и жесток. За отказ следовать монгольским обычаям и религиозным обрядам Михаил был подвергнут казни. Такая же участь постигла и его боярина Федора. Это произошло 20 сентября 1246 г. Ипатьевская летопись уточняет, что казнь была произведена «безаконьнымъ Доманомъ Путивльцемъ»[122]. Путивль издавна был городом Черниговского княжества, некоторое время — даже княжеской резиденцией. То обстоятельство, что один из его жителей оставил христианство (он назван «беззаконным») и перешел на службу к завоевателям, начав выполнять за них презираемую работу, свидетельствует о тяжелом положении даже средних слоев населения в опустошенном монголами Черниговском княжестве, стремлении покинуть родные места и переселиться под крыло новой иноземной власти.

После гибели Михаила Всеволодовича можно было бы думать, что черниговским князем станет его старший сын Ростислав. Однако рассмотрение описаний ряда событий, имевших место после 1246 г. и отразившихся в Ипатьевской летописи, приводит к иным заключениям. Так, в статье 6753 г. сразу за рассказом о расправе в Орде над Михаилом Черниговским и его боярином Федором в Ипатьевской летописи следует описание войны, которую начали Дани-

[118] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 793.
[119] Там же. Стб. 794.
[120] Там же.
[121] Там же. Стб. 795.
[122] Там же.

ил и Василько Романовичи против целого ряда польских князей. Узнав о ней, князь Ростислав испросил у своего тестя, венгерского короля Белы IV, разрешения вступить в войну с владимиро-волынскими князьями за галичские земли. Обоснование просьбы было прозрачным: поскольку владимиро-волынские князья ввязались в войну сразу с несколькими польскими князьями, возникла редкая ситуация, когда стало возможным напасть на них и отнять хотя бы Перемышль — западную часть Галичского княжества. Венгерский король одобрил замысел русского князя. Собрав «Оугоръ много», Ростислав вторгся на территорию Руси и увеличил свои силы, «собравше смерды многи пьшьцѣ»[123]. В результате упорного сражения Ростиславу удалось занять Перемышль.

Известие о потере Перемышля было своевременно получено князем Даниилом Романовичем. Посоветовавшись с братом Васильком и своим окружением, владимиро-волынский князь решил направить к Перемышлю войско во главе со своим старшим сыном Львом. Но поскольку старший сын был еще очень молод, вместе с ним в поход были отправлены племянник Даниила белзский князь Всеволод и видные воеводы самого Даниила Романовича. У стен Перемышля произошла упорная битва («секущемся лютѣ»), в которой Ростислав одержал победу. Тогда Даниил, «собравъ вои многи и пѣшьцѣ», сам пошел войной на него. Ростислав вынужден был вернуть Перемышль и уйти в Венгрию[124].

Далее в статье 6757 г. Ипатьевская летопись сообщает, что Ростислав уговорил своего тестя, венгерского короля Белу IV, дать ему войска для борьбы с Даниилом Романовичем. Король удовлетворил просьбу зятя. Получив такую поддержку, Ростислав вторгся в польские земли. Здесь он обратился к вдове мазовецкого князя Сомовита, требуя помощи и от нее. Наследники Сомовита также дали свои войска русскому князю. Собрав значительные силы, Ростислав осадил принадлежавший Галичскому княжеству город Ярославль, стоявший на р. Сан, правом притоке р. Вислы. Ярославль был серьезно укреплен. Поэтому часть Ростиславова войска, состоявшая из людей князя Даниила, но перешедшая на сторону Ростислава, отправилась осаждать Перемышль. Ростислав решил не возвращать ушедших. «Если одного города не завою, — самонадеянно рассуждал он, — то другой удержу». Близ Ярославля он начал большую подготовку к штурму крепости, готовя пороки, заливая сосуды смесями горючих веществ, чтобы перебрасывать их через городские стены для разжигания пожаров, стенобитные механизмы.

Известие об этом быстро достигло Даниила и Василька Романовичей. Они спешно стали собирать свои силы. К осажденным был послан дворский князя Даниила Андрей, чтобы помочь как можно прочнее укрепить город. В Литву к великому князю Миндовгу было отправлено посольство с просьбой о военной помощи. Миндовг помощь прислал. Усиленная литовскими силами, владимиро-волынская рать двинулась к Ярославлю. Перейдя р. Сан, она начала готовиться к битве. Приготовился к сражению и Ростислав. Подчиненные ему конные и пешие «Русь и Угры, и Ляхы» были построены в боевые порядки и двинулись на противника. Однако часть войска Ростислав вынужден был оставить у ворот ярославльской крепости, опасаясь, что при столкновении с ратью Даниила и Василька осажденные ярославцы могут выйти из крепости и ударить в тылы его полков.

Сражение между Даниилом и Ростиславом произошло близ стен Ярославля. Оно носило очень упорный характер. И все же Ростислав вновь не выдержал и первым поворотил от галичской крепости своего

[123] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 797.
[124] Там же.

коня. За ним последовали венгры. Грозные поляки, служившие Сомовитовичам, и призывавшие не щадить бородатых русских, скоро приумолкли и стали сдаваться в плен. В плен попали также многие галичские бояре — враги Даниила Романовича. Участь их была решена в тот же вечер и на следующий день. Все они были казнены[125].

Сам Ростислав, как сообщает Ипатьевская летопись, «бѣжа в Ляхы и поемь женоу свою, иде Оугры»[126]. Победа под Ярославлем Даниила и Василька с их союзниками над Ростиславом и приданными ему силами «на канун великую мученику Фрола и Лавра», т. е. 17 августа 1243 г., согласно более достоверным источникам, чем Ипатьевская летопись, была последней и неудачной попыткой старшего сына Михаила Всеволодовича Черниговского закрепиться в русских землях. Остаток жизни князь Ростислав провел в Венгрии, где и умер около 1262 г., владея полученным от Белы IV Мачевом на Дунае и рядом других венгерских земель.

Таким образом, описание действий Ростислава Черниговского в русских летописях, особенно в Ипатьевской летописи, за 1240-е годы показывает, что после 1246 г., когда в ставке Батыя погиб отец Ростислава черниговский князь Михаил Всеволодович, не обнаруживается связи Ростислава с Черниговом. Свои походы на Галич и города Галичского княжества этот князь начинал из Венгрии или Польши, а не из Чернигова. И возвращался в те же восточноевропейские государства, а не на днепровское левобережье. Поэтому приходится ставить вопрос о существовании Черниговского княжества позднее 1246 г. Возможно, что после своего последнего посещения Венгерского королевства (после женитьбы Ростислава на дочери короля Белы IV) черниговский князь передал управление Черниговом и Черниговским княжеством своим младшим сыновьям. Однако точных древних свидетельств об этом нет. Есть данные XVI—XVII вв., но достоверность подобных данных в ряде случаев вызывает сомнения. Тем не менее привести такие данные следует, поскольку правильность показаний некоторых из них подтверждается ранними источниками.

Итак, согласно известиям XVI—XVII вв. черниговский князь Михаил Всеволодович оставил после себя пятерых сыновей: Ростислава, Романа, Мстислава, Симеона и Юрия. О владениях Ростислава поздние русские источники ничего не говорят, венгерские и немецкие свидетельства им неизвестны. По тем же поздним известиям второй сын Михаила Роман правил в Брянске. Третий сын Мстислав владел Карачевым и Звенигородом (на р. Оке). Четвертый сын Симеон княжил в Глухове и Новосиле. Пятый сын Юрий был князем в Тарусе. Показательно, что ни один из сыновей князя Михаила Всеволодовича не владел Черниговом. Следует полагать, что Чернигов полностью перешел под ордынский контроль и вместо русского князя там правил ордынский баскак. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что князья Мстислав и Симеон Михайловичи владели частями древнего Черниговского княжества, не связанными между собой территориально. Такая система фиксируется и в Северо-Восточной Руси (передача Дмитрова и отдаленного от него Галича Мерского одному князю — Константину, сыну Ярослава Всеволодовича).

Ипатьевская летопись сохранила раннее упоминание о втором сыне князя Михаила Всеволодовича Романе. Под 6772 г. сообщается, что брянский князь Роман «нача отдавати милую свою дочерь именем Олгу» за Владимира, сына Василька, князя владимиро-волынского, и внука знаменитого князя Романа Галичского. В это

[125] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 800—804.

[126] Там же. Стб. 805.

время литовцы организовали нападение на брянского князя. Однако Роман не только сумел отбиться от нападавших, он подверг их полному разгрому и, хотя был ранен, благополучно доехал до Брянска. Летописец описал и всю семью этого князя, у которого кроме любимой дочери Ольги было еще три дочери, а помимо дочерей по меньшей мере еще и старший сын Михаил, который повез сестру к ее жениху. Это описание свидетельствует о том, что к началу 1260-х годов Роман, второй сын Михаила Всеволодовича Черниговского, был уже зрелым и многодетным человеком. Тем не менее десятилетием позже в Брянске правил тот же князь. Рассказывая о войне литовского князя Тройдена с владимиро-волынским князем Владимиром Васильковичем и галичским князем Львом Даниловичем, Ипатьевская летопись сообщает, что литовцам удалось захватить город Дорогичин. Тогда князь Лев обратился за помощью к ордынскому хану Менгу-Тимуру. Тот прислал ему войска против Литвы и обязал выступить в поход русских заднепровских князей, в числе которых были названы имена «Романа Дьбряньского и сыномь Олгомъ, и Глѣба, князя Смоленьского, иныихъ князии много: тогда бо бяхоу вси князи в воли в Тотарьскои»[127]. Война Орды и подчинявшихся ей русских князей против Литвы к успеху не привела. Союзники действовали разобщенно, не имели четкого плана действий и в конце концов после тщетных попыток взять Новогрудок разошлись по домам. Дорогичин остался за Литвой.

Участник похода брянский князь Роман известен и по другим источникам. Они сообщают его отчество — Михайлович. И этого князя надо отождествлять с Романом, вторым сыном черниговского князя Михаила Всеволодовича, поскольку Ипатьевская летопись уточняет, что сын Романа Олег приехал «въ Володимерь ко своеи сестрѣ», а муж этой сестры владимиро-волынский князь Владимир Василькович «зовяше тогда тестя своего» князя Романа погостить у себя «и дщери своеи здоровье» видеть[128]. Однако самым важным в данном рассказе Ипатьевской летописи является его указание на то, что при Менгу-Тимуре русские князья, имевшие владения на левом берегу Днепра, обязаны были помогать ордынским ханам в их военных операциях, в данном случае — против литовцев. В подобной ситуации этим подневольным помощникам Орды едва ли можно было рассчитывать на перераспределение княжеских владений в бывшем Черниговском княжестве. Тем более, что даже соседнее Смоленское княжество, не испытавшее Батыева нашествия, вынуждено было подчиниться Орде, приняв на себя обязательства содействовать ей при возникавшей военной необходимости. И Брянское княжество не прирастает новыми землями, имея в составе всего один город — Брянск, но не теряет и своих исконных земель, оставаясь до середины 1290-х годов под управлением князей — потомков Романа Михайловича. Приведенные же данные исчерпывают все летописные свидетельства о княжившем в Брянске Романе, втором сыне погибшего в 1246 г. черниговского князя Михаила.

Через непродолжительное время в истории Брянского княжества наступает новый поворот. Власть в нем захватывают смоленские Рюриковичи. Первым князем из их среды, вступившим на брянский стол, можно считать, хотя и не без колебаний, сына смоленского князя Глеба Ростиславича Александра[129]. Впрочем, в 1300 г. Александр Глебович занимал не брянский,

[127] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 872.
[128] Там же. Стб. 874.
[129] О последних см.: ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 23. С. 168.

а смоленский стол[130]. Исходя из данного факта, вероятно полагать, что князь Александр стал смоленским князем после того, как оставил брянский стол. В таком случае в Брянске его сменил другой князь, скорее всего, из рода черниговских князей, с которыми смоленские Рюриковичи повели борьбу за обладание Брянском после начала 1270-х годов, возможно, во второй половине 1290-х годов. Если же Александр Глебович стал княжить в Брянске после своего правления в Смоленске, то подчинение Брянска Смоленску нужно относить к началу XIV в. и связывать с событиями того времени. И в том, и в другом случае делается очевидным, что владение черниговских князей Брянск в конце XIII или в начале XIV в. начинаст оспариваться у них более могущественными правителями соседних русских княжеств, а возможно, и Литвой.

Позднее западнорусское летописание сохранило известие о том, что в 1305 г. литовский великий князь Гедимин сумел присоединить Брянск к своему государству — Великому княжеству Литовскому. Вместе с Брянском летопись называет также Киев, Овруч, Канев, Житомир, Черкасы, Путивль и Волынь, присоединенные Гедимином к Литве в том же 1305 г.[131] Однако похоже, что все эти сведения — позднего происхождения и точностью не отличаются.

Последующие редкие известия о Брянском княжестве и его князьях XIV в. встречаются в некоторых русских летописных сводах XV—XVI вв. Анализ этих известий показывает, что в XIV в. в Брянском княжестве продолжали происходить большие политические изменения. Считается, что в указанном столетии Брянск был захвачен литовским великим князем Ольгердом и в составе Литовского государства оставался почти полтора века, до конца правления Ивана III. В XIV в. четко обозначилось значение Брянска как центра, через который идут торговые и военные пути с юга на Торжок, а далее на Великий Новгород, и дороги с запада на восток, из польских и литовских земель в Тверь, Москву, Переяславль-Залесский, Владимир-на-Клязьме. Два события, случившиеся в Брянске в первой половине XIV в., ярко иллюстрируют ту ситуацию, которая стала складываться в этом центре уже с первого десятилетия XIV в.

В 1309 г. в пределах Руси появился митрополит Петр, назначенный Константинополем главой митрополии всея Руси вместо скончавшегося митрополита Максима. На следующий год новый иерарх предпринял, видимо, объезд городов своей новой епархии. Волей случая он оказался в Брянске. Там в то время правил князь Святослав. Неожиданно к Брянску подступил князь Василий в сопровождении крупного отряда ордынской конницы. Чтобы избежать кровопролития, митрополит Петр посоветовал Святославу поделиться с Василием княжением «или отступися ему, а сам поиде прочь и не биися». На это брянский князь отвечал, что «брянци мя не пустятъ, хотятъ за мя головы свои сложити»[132]. Советы поделиться княжением или того более — уступить княжение сопернику были уместны в том случае, если претенденты на власть являлись родственниками. Выясняется, что так оно и было. Василий был сыном правившего в Брянске князя Александра Глебовича, а Святослав — братом того же князя Александра. Друг с другом боролись племянник и дядя. Оборонявшийся Святослав, будучи уверен в своем превосходстве, вывел войска из крепости на равнину. Разыгралась битва. Первыми не выдержали брянцы. Они свернули знамена и бежали с поля боя. Святослав остался только со своим двором. Исход битвы

[130] ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 18. С. 84.
[131] ПСРЛ. СПб., 2003. Т. 40. С. 128.
[132] ПСРЛ. Т. 18. С. 87.

был предрешен. В результате Святослав был убит, а его двор разгромлен. Брянским князем стал Василий.

Прокняжил он недолго. Но среди его потомков и преемников развернулась борьба за верховную власть в Брянском княжестве. Своего апогея она достигла в 1340 г. Церковное летописание сохранило сообщение о том, что «тое же зимы злые коромолницы, сшедшеся вечѣмъ, Брянци оубиша князя Глѣба Святославича мѣсяца декабря въ 6 день, на память святаго отца Николы»[133]. Глеб Святославич, скорее всего, был сыном того Святослава Глебовича, что был убит в 1309 г. Глеб, видимо, добрался до брянского стола, но правил так, что вызвал резкое озлобление населения Брянского княжества. Собранное вече вынесло князю смертный приговор. Причина, скорее всего, заключалась в росте дани и увеличении повинностей, налагавшихся на жителей Брянщины. А скромные размеры территории княжества и недостаточная освоенность земли не позволяли нарастить производство, увеличить число производителей и уменьшить налоговые нагрузки на податное население. В изолированном глухими лесами Брянске обнаруживалась та же тенденция, что и в более развитой Рязани XIII в. еще домонгольского времени, когда, чтобы расширить свои владения, местные Рюриковичи шли на физическое устранение своих близких родственников.

После гибели Глеба Святославича брянским князем становится Дмитрий, отцом которого был смоленский князь Роман Глебович. Острейший конфликт в Брянске завершился, таким образом, сменой власти в княжестве. И такая смена вела к новым столкновениям на Брянщине, поскольку потерпевшая сторона жаждала реванша. Внутренняя борьба в Брянском княжестве обессиливала его, делала добычей соседей как русских, так и нерусских. В частности, за ситуацией в Брянском княжестве внимательно следили из литовской Вильны. В найденном и изданном в XX в. Рогожском летописце (тверской владычный свод 1411 г.) была обнаружена уникальная запись. В статье, описывавшей события 1356 г., указывалось, что «тое же осени воевалъ Олгѣрдъ Брянескъ и Смоленескъ, смоленского сына Оувара полонилъ»[134]. Следует полагать, что в 1356 г. произошло не только нападение Ольгерда на Брянск, но и присоединение Брянска к Литве. Во всяком случае, несколько более поздние исторические источники характеризуют Брянск как город, принадлежавший Литве, или прямо называют его литовским. Так, сообщая о приезде в Москву 26 июля 1408 г. литовского князя Свидригайло на службу к великому князю московскому и владимирскому Василию I, летопись подчеркнула, что Свидригайло выехал «изъ Дьбрянска»[135] вместе с брянским епископом и многочисленными литовскими князьями, т. е. Брянск во время правления там Свидригайла находился под полным контролем Литвы. Новгородская первая летопись младшего извода отметила, что зимой 1445 г. великий князь Василий II «насла Тотаръ два царевица на литовьскыи городы, на Вязму и на Брянескь, и на иныи городы безъвѣстно, и много потратиша, и въ полонъ сведоша, и пожьгоша мало и не до Смоленьска»[136]. Брянск и Брянское княжество оставались составной частью Великого княжества Литовского до конца XV в., и лишь после русско-литовской войны 1500—1503 гг. брянские территории

[133] ПСРЛ. Пг., 1922. Т. 15, вып. 1. Стб. 53.

[134] Там же. Стб. 65. Это свидетельство известно А. А. Горскому, но он не придает ему должного значения, описывая политическое развитие Брянска в XIV в. См.: *Горский А. А.* Брянское княжество в политической жизни Восточной Европы (конец XIII — начало XV в.) // Средневековая Русь. М., 1996. Вып. 1.С. 76—110.

[135] ПСРЛ. Т. 18. С. 154—155.

[136] НПЛ. С. 424.

вместе со своей столицей вошли в состав Русского государства.

Если история Брянского княжества, выделившегося в послемонгольское время из состава Черниговского княжества, может быть восстановлена с большим трудом и с большими лакунами, то характеристика других княжеств, появившихся на Черниговщине после 1239 г., может быть только еще более краткой и пунктирной. Причина — в отсутствии необходимых источников. В русских летописных сводах послемонгольского времени можно встретить уникальные княжеские имена с определением, где правил или жил тот или иной князь, как, например, смоленский князь Увар, упомянутый в рассмотренной выше статье 1356 г. Рогожского летописца. Но кто был отцом Увара, приходится только гадать. Нужно домысливать, где княжил этот Увар, были ли у него братья и сестры, имели ли они уделы или владели отдельными волостями и селами. Скорее не отрывочные, а обрывочные данные не позволяют воссоздать целостной картины прошлого. Тем не менее показательные в определенных отношениях отдельные редкие свидетельства следует привести, как ни сложна была бы их интерпретация.

Ранее уже говорилось о том, что третьему сыну Михаила Всеволодовича Черниговского Мстиславу были выделены во владение Карачев и Звенигород. Летописи XIV—XV столетий об этих городах ничего не сообщают. Отсюда можно заключить, что князья — правители названных городов, принимали слабое участие в политической жизни русских княжеств и их соседей в указанное время. При этом обращает на себя внимание то обстоятельство, что с XIV в. в источниках начинают встречаться указания на звенигородских князей и на звенигородского епископа. Речь не должна идти о подмосковном Звенигороде, который не был центром епархии. Таким центром был Звенигород на р. Оке. Последнее означает, что владения Мстислава Михайловича примерно за столетие разделились, Карачев и Звенигород стали центрами самостоятельных княжеств.

Почти то же самое можно сказать и о владениях другого сына Михаила Всеволодовича Черниговского Симеона. Последний наследовал Глухов и Новосиль. Сведений о Глухове за XIV—XV вв. не сохранилось[137]. Этот город, стоявший на границе с кочевнической степью, мог легко утратить статус княжеской резиденции из-за постоянной опасности, исходившей от пасших рядом свои стада монголов. Новосиль был в более безопасном положении. Новосильские князья нередко упоминаются в летописях и актах. Так, сохранилась летописная запись о том, что в 1326 г. в Орде был казнен князь Александр Новосильский[138]. А составленное в 1353 г. завещание великого князя всея Руси Симеона Гордого упоминает князя Семена Новосильского[139]. Но в 1375 г., после участия новосильского князя Романа Семеновича в походе московского князя на Тверь, возглавлявший Орду Мамай захватил Новосиль[140]. Новосильские князья вынуждены были перенести свою столицу севернее в более безопасный Одоев.

Тарусское княжество, доставшееся пятому, последнему, сыну черниговского князя Михаила Всеволодовича Юрию, просуществовало до конца XIV в., когда преемник Дмитрия Донского его старший сын великий князь Василий I присоединил Тарусу к своим владениям. В ходе свое-

[137] Краткое археологическое описание древнерусского Глуховского городища не отмечает наличия в нем слоев XIV—XV вв. См.: *Куза А. В.* Древнерусские городища X—XIII вв.: Свод археологических памятников. М., 1996. С. 189. № 1034.

[138] ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 42.

[139] ДДГ. № 4.

[140] ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 111, 113.

го развития Тарусское княжество должно было следовать политике ближайших соседей — постоянно наращивавших свою мощь князей Московского княжества. Но у жителей Тарусы оказались и внутренние ресурсы, позволившие создать еще один центр — Оболенск на р. Протве, левом притоке р. Оки. Появилась ветвь князей Оболенских, служившая московским князьям отдельно от князей тарусских. Но это не помогло Оболенску сохранить свою независимость. Великий князь всея Руси Василий Дмитриевич присоединил к Москве вместе с Тарусой и Оболенск.

Помимо княжеств, образовавшихся на территории Черниговского княжества после завоевания его Батыем, в нем по меньшей мере в первые годы и десятилетия после монгольского завоевания продолжали существовать уделы, возникшие до нашествия Батыя. Это княжества Рыльское, Козельское и, учитывая свидетельства XIII в., Курское. Рыльский князь Мстислав Глебович в 1239 г. пришел со своей дружиной защищать Чернигов, но пал при столкновении с монголами. Однако его княжество продолжило свое существование, соединившись с княжеством Рыльским. Козельское княжество потеряло своего князя при обороне Козельска от монголов весной 1238 г. Было ли оно восстановлено после ухода Батыя, неизвестно. Но в конце XIII в. Козельск был уже в руках рязанских князей.

Сложнее судьба Курского княжества. Целый ряд русских летописных сводов сохранил уникальный рассказ о событиях в Курском баскачестве, происшедших в конце предпоследнего десятилетия XIII в. Этот рассказ читается в Лаврентьевской и Симеоновской летописях, Московском своде 1479 г. и Московском своде конца XV в., Ермолинской летописи, Владимирском летописце, Типографской, Никоновской, Воскресенской и Львовской летописях, а также в Пискаревском летописце. Во всех, за одним исключением, летописях рассказ читается под 6791 и 6792 гг., в переводе на современное летосчисление — 1283—1284 гг. В Никоновской летописи даты изменены на 6792 и 6793 гг., т. е. 1284—1285 гг.

Из перечисленных летописей самой ранней летописью является Лаврентьевская. Она представляет собой свод, составленный при тверском великом князе Михаиле Ярославиче, доводивший изложение русской истории до 1304 г. включительно. Появление в таком своде описания событий, случившихся в Курском баскачестве примерно за 15 лет до составления свода, свидетельствует о том, что современники живо интересовались этими событиями и считали нужным сохранить рассказ о них для потомства. Однако излагать происшедшие в Курском баскачестве события только по одной Лаврентьевской летописи невозможно. В рукописи, содержащей текст этой летописи, утрачено несколько листов, в частности, с началом статьи 1283 г. Отсутствует текст до букв и слов «мници нѣкои гости»[141], но с этого места текст статьи 1283 г. продолжается, переходит в статью 1284 г. и сохраняется до конца повествования о курских событиях. Пропуск в Лаврентьевской летописи восстанавливается по тексту опубликованной в XX в. Симеоновской летописи[142]. Другие летописные своды, содержащие рассказ о курских событиях конца XIII в., для реставрации первоначального текста могут не привлекаться, поскольку все они поздние.

О чем же говорит реконструированный текст Лаврентьевской летописи?

Внешне сюжет рассказа хотя и занимателен, но в то же время и достаточно прост. Баскак Ахмат откупил в Орде право сбора дани с населения Курского княжества и собирал эту дань, творя «велику досаду»

[141] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 481.
[142] ПСРЛ. Т. 18. С. 79—80.

князьям и черным людям. Кроме того, во владениях князя Рыльского и Воргольского Олега он организовал две слободы. Их население опустошило окрестности Рыльска и Воргола. Князь Олег, договорившись со своим родственником князем Святославом Липовичским, отправился к хану Телебуге (кочевал в низовьях Волги) с жалобой на действия Ахмата. Телебуга дал своих приставов Олегу и велел вывести из Ахматовых слобод подвластных русским князьям людей, а сами слободы разогнать. Олег и помогавший ему Святослав так и поступили. Ахмат узнал о нападении на свои слободы в ставке другого ордынского хана — Ногая (кочевал в низовьях Дуная) и оклеветал русских князей перед Ногаем, заявив, что они ему враждебны. Он посоветовал хану послать в Рыльско-Воргольское княжество сокольников, которые должны были там заняться обычным делом — ловлей лебедей, но одновременно передать приглашение Олегу приехать к Ногаю. В случае отказа русского князя следовало, что он что-то замышляет против Ногая и является его врагом. Сокольники были посланы, они известили Олега о ханском желании видеть его, но тот к Ногаю не поехал. Сам рыльский князь за собой вины не чувствовал, однако его родственник и союзник князь Святослав действительно напал на одну из Ахматовых слобод ночью и разграбил ее. Опасаясь, что ему придется отвечать за Святослава, Олег остался дома. Неявка русского князя убедила Ногая, что тот непокорен ему. На Русь была отпущена татарская рать. 13 января эта рать подошла к Ворголу. Олег бежал от ногаевых татар к хану Телебуге, а Святослав укрылся в воронежских лесах. Половина татарской рати бросилась в погоню за князьями, а другая половина опустошила их воргольские, рыльские и липовичские владения. Эти акции продолжались 20 дней. Ахматовы слободы были вновь наполнены людьми, туда же было свезено награбленное добро, 13 старейших бояр Олега и Святослава попали в плен. Когда вернулась погоня, видимо, возглавлявшаяся самим Ахматом, ему были выданы эти бояре. Ахмат устроил им публичную казнь, свидетелями которой стали случайные гости-паломники, насильно, как и другие люди, приведенные на место казни. Бояр повесили на деревьях, отрубили им головы и правые руки. Татарские всадники привязали головы убитых к своим седлам, отрубленные руки положили в сани и двинулись от Воргола к селу Турову, намереваясь «послати по землемъ головы и рукы боярскыя»[143]. Но устрашающая акция не удалась, потому что все русское население разбежалось. Не сумев захватить ни одного князя, Ахмат с татарским войском ушел в Ногаеву Орду, а в слободах оставил двух своих братьев.

Через некоторое время оба брата вместе с несколькими десятками русских отправились из одной слободы в другую. Об этом узнал липовичский князь Святослав, подстерег на пути и разбойно напал на них. 25 русских и два татарина были убиты, но Ахматовы братья сумели спастись. После Пасхи, в Фомину неделю, братья побежали в Курск, а в понедельник разбежалось все население Ахматовых слобод. Вскоре от хана Телебуги вернулся князь Олег. Узнав о случившемся, он обвинил Святослава в нарушении их договора. Поскольку действия Святослава были разбойными, он предложил ему ехать или к Ногаю, или к Телебуге для оправдания. Святослав не захотел слушать Олега и ни к кому не поехал. Между русскими князьями произошел разрыв. Получив помощь от татар, Олег убил по ханскому повелению Святослава. В отместку брат Святослава Александр убил князя Олега и его двух сыновей. Таковы были трагические события, разыгравшиеся в бывшем Черниговском княжестве при ханах Телебуге и Ногае.

[143] ПСРЛ. Т. 18. С. 80.

Занимательность повествования, большая конкретность изложения, описание нестандартного поведения крупных ордынских администраторов и русских князей привлекали к летописному рассказу об Ахматовых слободах внимание всех видных русских историков. Об этом писали первые русские историки В.Н. Татищев и М.М. Щербатов, позднее Н.М. Карамзин и С.М. Соловьев, в начале XX в. П.В. Голубовский и М.С. Грушевский. Характерной (и досадной!) особенностью трудов всех названных авторов было отсутствие тщательного сличения между собой текстов летописных рассказов об Ахматовых слободах в Курском баскачестве. А без определения наиболее раннего повествования о событиях XIII в. в данном регионе все последующие ученые пересказы этих событий становились ошибочными.

В советское время рассказ о событиях в Рыльско-Воргольском, Липовичском княжениях и Курске тщательно проанализировал А.Н. Насонов. Его интересовали прежде всего функции татарских баскаков, их реальная деятельность, а также выяснение того факта, кто из соперничавших татарских правителей — Ногай или Телебуга, распоряжался в Курске и соседних с ним княжествах. Тонкий знаток русских летописей, А.Н. Насонов при воссоздании событий, связанных с деятельностью курского баскака Ахмата, опирался на известия летописей. Использовав восточные источники, А.Н. Насонов по-новому датировал сами события. Он отнес их к периоду между 1287/88 и 1293 гг. К настоящему времени эта дата уточнена — весна 1289 г. — осень 1290 г.[144]

В появившихся после Великой Отечественной войны коллективных многотомных трудах по истории СССР эпизод с курским баскаком Ахматом и двумя его слободами всегда находил освещение. Правда, описывался этот эпизод очень кратко, зато весьма своеобразно. Так, в «Очерках истории СССР» о событиях в Курске и соседних с ним княжествах было напечатано следующее: «Значение этих народных выступлений огромно. Они заставляли татарских правителей искать иных форм управления Русью — одного террора уже было недостаточно. Об этом свидетельствуют факты, относящиеся к Курскому княжеству, где в конце XIII в. татарский баскак Ахмат своей жестокой политикой вызвал всеобщее возмущение, приведшее к разгрому татарских слобод. Хотя Ахмат и утопил в крови местное антитатарское движение, но сам после этого “не сме жити в Руси… и поиде в Орду, держася рати татарскыа”. Именно волна народных восстаний пробила первую брешь в татарском иге, она смела существовавшую систему откупов, заставив в конце XIII в. золотоордынских ханов передать сбор “выхода” из рук “даныциков”-откупщиков самим русским князьям, а в начале XIV в. — отказаться и от системы баскачества». Единственная цитата из источника, если не подтверждающая, то хотя бы иллюстрирующая высказанные в этом пассаже мысли, взята из Симеоновской летописи, хотя правильнее было бы использовать более древнюю Лаврентьевскую летопись, где соответствующее место читается несколько иначе: «не смѣ оставити (остати) в Руси… и поиде в Татары, держася полку Татарского»[145]. Но дело не в этом, точнее, не только в этом. В «Очерках» утверждается, будто действия Ахмата вызвали народное восстание, и далее делается заключение, основанное на таком утверждении. Между тем в летописном рассказе об Ахмате нет никаких намеков на народное движение в Курске и соседних с ним княжествах. Наоборот, бегство населения от пришедших из ногаевой Орды карателей, уход населения Ахматовых слобод

[144] *Кучкин В.А.* Летописные рассказы о слободах баскака Ахмата // Средневековая Русь. Вып. 1. С. 38.
[145] Очерки истории СССР. Период феодализма. IX—XV вв.: В 2 ч. М., 1953. Ч. 1. С. 878.

из-за нападения Святослава Липовичского ясно свидетельствуют об отсутствии у этого рядового населения какого-либо собственного организующего начала, способного поднять народ на активную борьбу против иноземных притеснителей. Резкое столкновение имело место не между татарами и подвластным им русским населением, а между татарским баскаком и двумя русскими князьями, причем их соответственно поддерживали два могущественных враждовавших между собой ордынских лица: хан и могущественный темник. Конечно, такое противостояние вовлекало в конфликт и рядовых людей, что было делом обычным, но это не являлось проявлением классовой борьбы.

К сожалению, данная в «Очерках истории СССР» оценка случившегося в конце XIII в. в Курске и соседних с ним княжествах нашла отражение и в более позднем многотомном издании — «Истории СССР с древнейших времен до наших дней». «Несмотря на истощавшие княжеские усобицы, русский народ не прекращал освободительной борьбы. В конце XIII в. произошли волнения в Курском княжестве, где чинил произвол ханский баскак Ахмат. Куряне во главе с князем Святославом напали на слободу, устроенную татаро-монголами неподалеку от города Воргола. Ахмат пожаловался хану. Вскоре из Орды прибыл отряд, подвергший жителей Курского княжества жестоким карам»[146], — так сжато были охарактеризованы в этом издании события, связанные с деятельностью баскака Ахмата.

Первая фраза процитированного отрывка отдавала дань идеям, впервые высказанным в «Очерках». Правда, последующее изложение с этой фразой-заголовком связывалось плохо, поскольку нападение князя Святослава трудно было оценить как проявление освободительной борьбы русского народа. Другим серьезным минусом написанного в «Истории СССР» было полное игнорирование первоисточников, отсутствие сверки с ними и корректировки по ним. В результате появились утверждения явно фантастического характера. События разыгрывались не в Курском княжестве вопреки утверждению издания 1966 г. а в основном в Рыльско-Воргольском и Липовичском. Куряне не участвовали в нападении князя Святослава, он не был курским князем. Слобод было две, а не одна. Карательный отряд действительно прибыл из Орды, но не из Орды сарайской, волжской с которой обычно и отождествляется само понятие Орда, а из Орды Ногая. Этот отряд подверг разграблению и карам жителей не Курского княжества, а население Рыльско-Воргольского и Липовичского княжеств Собственно Курск, как видно из описания последующих событий, служил оплотом татарской власти, там нашли убежище два брата баскака Ахмата.

Серьезные отклонения от показаний источников, присущие даже многотомным обобщающим трудам по русской истории, выпущенным в СССР в 1950-е и 1960-е годы, заставляют еще раз вернуться к характеристике конкретных свидетельств, содержащихся в летописных рассказах о столкновениях в Курском баскачестве, случившихся, скорее всего, весной 1289 — осенью 1290 г.

Остановимся сначала на топонимических данных, извлекаемых из этих рассказов и позволяющих определить географию разыгравшихся событий.

Центральной фигурой рассказов является Ахмат, который «держаше баскачьство Курьскаго княжениа». Княжение названо по своему центру — Курску. Древний город Курск, как сравнительно недавно выяснено, находился на том же месте, что и Курск современный.

В том же Курском княжении татарский баскак основал две слободы, жители которых действовали «около Воргола и около

[146] История СССР с древнейших времен до наших дней: В 12 т. М., 1966. Т. 2. С. 61.

Рылска». Называется и обладатель этих городов князь Олег Рыльский и Воргольский. Местоположение древнего Рыльска, упоминаемого еще в домонгольское время, хорошо известно. Он стоял в верхнем течении р. Сейм, на его правом берегу. Город Воргол получил свое название от р. Воргол. Так называлось несколько рек в левобережье Днепра. Один из Ворголов-поселений в свое время был указан Н. М. Карамзиным. Он полагал, что в рассказе о курских событиях конца XIII в. речь должна идти о с. Воргол Орловской губернии Елецкой округи. Н. С. Арцыбашев видел в Ворголе реку, приток впадавшей в Дон р. Сосны. А. И. Бунин полагал, что Воргол находился между Рыльском и Курском, и предлагал искать его в Льговском или Дмитриевском уездах бывшей Курской губернии, т. е. к северо-западу от Курска. Однако после исследований других историков и археологов второй половины XIX — начала XX в. выяснилось, что речь должна идти об одном из городищ в бассейне р. Воргол, притоке р. Клевень, протекающей примерно в 40 км к западу от Рыльска и впадающей справа в р. Сейм. Здесь у с. Воргол и почти у устья р. Воргол сохранилось древнерусское городище, которое есть веские основания отождествлять с Ворголом XIII в. Думается, не случайно двигавшаяся с юго-запада карательная экспедиция Ахмата остановилась 13 января 1290 г. именно у Воргола, сделав стоянку близ этого города основной базой своего пребывания. Это был первый крупный русский город, встретившийся на ее пути, где предстояло навести «порядок». Даже эти соображения позволяют считать, что Воргол находился на запад или на юго-запад от Рыльска.

Действия жителей Ахматовых слобод затронули также интересы липовичского князя Святослава, поскольку Святослав «по думѣ и по слову» оказался заодно с князем Олегом, когда тот впервые отправился к хану Телебуге жаловаться на поведение Ахмата. Святослав также принял активное участие в опустошении Ахматовых слобод летом 1289 г. Карательная экспедиция Ахмата в течение 20 дней повоевала «все княжение Ольгово и Святославле» и наполнила баскаческие слободы «всего добра Ворголскаго и Рылскаго и Липовичскаго». Определение Святослава как князя Липовичского (такова форма, зафиксированная в древнейшей Лаврентьевской летописи: «Лнповичьскыи князь Святослав») заставляет полагать, что такое определение дано по главному городу княжества, в котором правил Святослав. Город должен был называться Липовичск, Липовическ, но, возможно, и Липовец, Липовица, Липовцы. О его местонахождении в историографии велись большие споры. Н. М. Карамзин, а следом за ним Н. С. Арцыбашев считали, что речь должна идти о городе Липецке на р. Воронеж, современном областном центре. А. И. Бунин помещал Липовичск на месте урочища Городок XIX в. близ р. Псел в 20 км к югу от г. Сумы. Французский исследователь М. Кавыршин считает, что центр Липовичского княжества находился близ современной деревни Липина в 35 км к западу от Курска, где обнаружено древнерусское городище. А. В. Кашкин предлагает при определении местонахождения средневекового Липовичска исходить из двух критериев: наличия древнерусского городища и существования рядом с ним топонимов или гидронимов с основой Лип-. По его мнению, этим критериям в современной Курской области отвечают только два пункта: уже упоминавшееся городище у деревни Липина и городище у с. Старый Город на р. Свапа, правом притоке р. Сейма. У этого села протекает ручей Липовый Колодезь и рядом расположен пос. Липки. Соображения А. В. Кашкина представляются рациональными. Следует только иметь в виду, что в Липовичске должны существовать слои второй половины XIII в., и если на древнерусском городище таких слоев не будет, отождествление последнего с центром Липовичского княжества станет

проблематичным. Что касается топонимов и гидронимов, то во внимание должны быть приняты не только современные, но и зафиксированные в письменных источниках более раннего времени. Уверенности, что до настоящего времени кардинально не изменились некоторые древние названия на Лип- (имело место явление так называемого топонимического разрыва), у нас нет.

Но как бы там ни было, думается, что идентификация Липовичска с городищем у деревни Липина несостоятельна. Во-первых, при таком отождествлении получается, что всего в одном дневном переходе от крупного административного центра — Курска — уже в послемонгольское время возник еще один значительный административный пункт — резиденция князя с определенными правами и статусом, если и подчинявшегося курскому баскаку, то явно не в полной мере. Столь близкое соседство подобных центров представляется сомнительным. Во-вторых, делается непонятным, как мог Святослав Липовичский, находясь в таком месте, своевременно узнавать о том, что делается в Ахматовых слободах, и нападать на них, тогда как в стоявшем рядом Курске, где нашли убежище два брата баскака Ахмата, ничего об этом не знали и никаких препон липовичскому князю его разбойным, по выражению летописи, помыслам не чинили? В-третьих, вызывает недоумение и беспрепятственное бегство братьев Ахмата в Курск. Липинское городище расположено как раз на большой дороге с запада к Курску, и если там княжил Святослав, то почему он, перед этим напавший на слободчиков и на сопровождавших их людей, дал им спокойно укрыться в Курске? В этой связи отождествление с Липовичском городища у с. Старый Город представляется более вероятным.

В пользу такой идентификации говорит и география воронежских лесов. К настоящему времени можно считать установленным, что они находились к северо-западу от Глухова в бассейне р. Осот, правого притока Рети, являющейся левым притоком Десны. Здесь известен топоним Воронеж. При локализации в указанном месте воронежских лесов выясняется, что они представляли собой часть знаменитых в Средневековье северских лесов. Эти леса славились и позднее. О них в косвенной форме говорит составленное в XVI столетии «Сказание о Мамаевом побоище», сообщая, что к брянскому князю Дмитрию Ольгердовичу пришли «медокормци ис Съверы». Мед, как правило, собирался в обширных и старых лесах. Эти леса и существовавшие в них «бортные ухожеи» фиксируются и много позднее переписной книгой 1594 г. Путивльского уезда о наделении земельным жалованьем самопальников, переписной книгой 1628—1629 гг. путивльских оброчных бортных ухожеев, писцовой книгой того же времени рыльских бортных ухожеев. Воронежские леса, где укрывался липовичский князь, расположены гораздо ближе к городищу у с. Старый Город, чем к Липинскому городищу, и это делает первое из них более вероятной резиденцией князя Святослава.

В рассказе Лаврентьевской летописи упоминается с. Туров, куда двинулся от Воргола карательный отряд татар. А. И. Бунин полагал, что это село надо искать в районе р. Туровки, правого притока р. Псела, и отождествлял его со стоявшей на Туровке одноименной деревней. Хотя такая локализация была поддержана А. К. Зайцевым, ее следует признать некорректной. Деревня Туровка расположена далеко на юго-восток от Рыльска и на юг от Курска. Если Ахмат и приведенная им рать уходили из русских земель назад в кочевья Ногая, как полагал А. И. Бунин, а следом за ним и А. К. Зайцев, то зачем же татары двинулись на юго-восток, а не на юго-запад, откуда пришли? Но дело не только в этом. В с. Турове Ахмат и его войско появились вовсе не при своем отходе из опустошенных ими княжеств. Летопись свидетель-

ствует, что, казнив бояр, татары «поидоша отъ Воргола и пришедше в село Туровъ, и хотѣша послати по землям головы и рукы болярьскыѣ, ино нѣкуда послати, зане вся волость изъимана». Очевидно, что с. Туров находилось на уже разграбленной татарами территории. Ахмат хотел еще больше запугать жителей русских княжеств демонстрацией отрезанных боярских голов и рук и двинулся от пограничного Воргола в центр владений своих врагов, но затея сорвалась, наводить ужас стало не на кого. Тогда от Турова татары «поидоша прочь», т. е., скорее всего, в свои кочевья. В связи с уточнением маршрута Ахмата обращает на себя внимание р. Турочка в верховьях р. Клевени. Гидроним Тур- соответствует топониму Тур-, а география р. Турочки, находящейся на пути из локализованного выше Воргола к предполагаемому Липовичску, отвечает описанному в летописи пути татар и может, таким образом, свидетельствовать о местоположении с. Турова.

В целом, проведенное определение местонахождения названных в рассказе о баскаке Ахмате географических объектов показывает, что все они располагались к западу от Курска. Очевидно, в этом же районе должны были находиться и основанные Ахматом на землях Рыльско-Воргольского княжества слободы. Отождествление с этими слободами Бесединского городища на р. Рать и археологического комплекса на правом берегу Сейма у с. Лебяжьего, расположенных восточнее Курска, нужно признать неправильным. Поскольку слободы основывались для поселения в них людей, нужных для обслуживания знати, в данном случае баскака и его окружения, можно думать, что Ахмат основал их близ городов Воргола и Рыльска, где можно было легче найти и перезвать к себе людей различных специальностей. Тем самым объясняется, почему слобожане «около Воргола и около Рылска пусто сътвориша». Жители окрестностей этих городов, кто с охотой, а кто и неволей, шли в имевшие льготы подгородные слободы. Возможно также, что слобода близ Воргола была местом стоянки карательной экспедиции Ахмата.

Подробности эмоционально описанных современником репрессий татарского баскака в Рыльско-Воргольском и Липовичском княжествах, трагических убийств русских князей зачастую заслоняют исследователям важные факты и явления более общего характера. Между тем летописное повествование содержит ценный, а в ряде случаев и уникальный материал, позволяющий судить об организации ордынской власти в покоренных русских землях и развитии этих земель в условиях чужеземного господства.

Описание похода 1287 г. Телебуги и Ногая на польские земли, ошибочно датированного в Ипатьевской летописи 1283 г., свидетельствует, что Телебуга, готовясь к нападению, «посла к Заднѣпрѣискымъ княземь и ко Волыньскимь... веля имъ поити с собою на воиноу»[147]. К числу заднепровских князей должны быть отнесены и князья «Курского княжения», т. е. Олег Рыльский и Воргольский и Святослав Липовичский. Очевидно, право набора войска в этих землях и отправки его на войну сохранял за собой сарайский хан. Но другое важное право — право сбора дани с местного населения, имело другое лицо — Ногай. Не следует думать, памятуя о враждебных отношениях Телебуги и Ногая, что такое право было присвоено Ногаем силой. Как свидетельствует ход разбирательства дела о слободах Ахмата, правомерность сбора баскаком дани сомнению Телебугой не подвергалась. Следовательно, повелитель Ахмата Ногай получил это право или от самого Телебуги, или от его предшественников на ханском столе. По-видимому, сбор дани был частью более общих прав Ногая на управление и суд

[147] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 481.

населения целого древнерусского региона, выделенного ему ханской властью. В этой связи нельзя не вспомнить о Курской тьме, упоминаемой в ярлыках крымских ханов XVI в. Полагают, что эта тьма — новообразование конца XIV—XV в., связанное с политикой Москвы и Литвы. Но возможно, что такая административно-территориальная единица существовала значительно раньше и в свое время была выделена темнику Ногаю. Свои права могущественный темник реализовывал следующим образом. В Курске, главном городе региона, был посажен наместник Ногая его баскак Ахмат. Сам Ногай сохранял за собой право на пользование определенными угодьями. В частности, в места охоты на лебедей на территории Рыльско-Воргольского княжества периодически посылались сокольники Ногая, но отнюдь не баскака или местного русского князя.

Баскак имел право на откуп дани. Очевидно, он заранее вносил «плановую» сумму в казну Ногая, а затем взимал налоги с русского населения в свою пользу и, скорее всего, в большем размере, чем предусматривалось разверсткой. Отсюда та «велика досада» князей и черных людей на действия Ахмата, о которой пишет летопись. Баскак имел право организовывать слободы на территории княжества, которым правил местный князь. Такие слободы заселялись людьми, получавшими, насколько можно судить по более поздним русским актам XV—XVI вв., различного рода материальную помощь или налоговые льготы. Но после определенного срока слобожане должны были или работать, или платить дань устроителю слобод. Тем самым не только территория, но и люди выводились из-под юрисдикции русского князя.

Весьма любопытны шаги, предпринятые князем рыльским и воргольским Олегом против действий баскака Ахмата. Во-первых, сама активность, проявленная Олегом, говорит о том, что баскак не имел права суда над ним. Споры между татарскими наместниками и русскими владетельными князьями могли разрешаться, как свидетельствует разбираемое повествование, или судом темника, которому ханской властью была пожалована в управление данная территория, или высшим судом хана. Очевидно, право верховного суда было еще одним правом, которое оставляла за собой центральная ордынская власть. Во-вторых, Олег заручился поддержкой своего родственника липовичского князя Святослава, хотя слободы Ахмата были расположены за пределами владений этого князя. Объяснение действий Олега видится в том, что он решил избежать суда своего непосредственного сюзерена — Ногая, и обратиться сразу к верховному судье — хану Телебуге. Как следует из рассказа об Ахмате, разбор дела при сарайском дворе закончился в пользу Олега. Ему были даны ханские приставы и наказ: «что будеть ваю (т. е. Олега и Святослава. — *В. К.*) людеи въ слободахъ тѣхъ, тѣхъ людеи въведнта въ свою волость, а слободы тѣ разгонита». Ханский наказ позволяет понять, почему Олегу удалось выиграть дело и зачем ему была нужна поддержка Святослава Липовичского. Оказывается, в своих слободах Ахмат поселял людей из Рыльско-Воргольского и Липовичского княжеств, т. е. из того общего Курского княжения (тьмы?), баскаком которого он был. Судя по более поздним аналогиям, в слободы можно было принимать разных людей, но только не того княжества, на территории которого слободы размещались.

По всей видимости, такое правило действовало и в конце XIII в. на подпавших под татарское господство русских землях. Ахмат его нарушил, причем не только в отношении населения Рыльско-Воргольского княжества, но и Липовичского. Это нарушение князь Олег сначала использовал для привлечения на свою сторону липовичского князя, а затем, выступая уже от лица двух потерпевших князей, как бесспорный аргумент в ханском суде, признавшем его

правоту. Подозрение в своей достоверности вызывают лишь заключительные слова переданного в летописи ханского наказа — о разгоне слобод. Если бы речь шла исключительно о насильственном разрешении конфликта, то тогда незачем было бы указывать на возвращение князьям Олегу и Святославу их людей, ушедших в слободы Ахмата. Подчеркивание же такого условия говорит о том, что Телебуга стремился решить дело по нормам тогдашнего писаного права или же обычая, а не силой. Похоже, что слова о разгоне слобод принадлежат русскому летописцу-публицисту, стремившемуся оправдать все действия Олега Рыльского и Воргольского. Во всяком случае далее в летописи говорится о реакции Ахмата на разграбление его слобод, но не на их уничтожение. По-видимому, слободы как таковые продолжали существовать, можно даже думать, что в одной из них позднее останавливалась присланная Ногаем рать, но слободы были сильно опустошены, население в них уменьшилось.

Действия Ахмата, покинувшего свое баскачество еще до прихода князя Олега с приставами Телебуги, при дворе Ногая изложены в летописи не вполне отчетливо. Ахмат возлагает вину за опустошение своих слобод на князей Олега и Святослава, называет их разбойниками, однако на суд Ногая предлагает вызвать только одного Олега. Так поступают и посланные Ногаем сокольники, приглашая для разбирательства дела к своему правителю лишь Олега. Очевидно, в глазах Ахмата и окружения Ногая вина липовичского князя была куда менее значимой, чем вина его инициативного рыльского родственника. Между тем летописец, описывая отказ Олега отправиться к Ногаю, объясняет это боязнью рыльского и воргольского князя возмездия не за свои действия, а за действия Святослава Липовичского, напавшего «ночи на свободу розбоемъ». Если принимать эти слова за достоверные, то тогда следует признать, что разбой Святослава имел место после ухода приставов Телебуги, потому что в их присутствии происходили вывод людей и вывоз имущества из слобод и нападать тайно на одну из них не имело никакого смысла, и до извещения сокольниками Ногая Олега о необходимости прибыть в ставку их хана для разбирательства спора с Ахматом. В таком случае делается непонятным, почему Олег из-за проступка Святослава страшился предстать перед Ногаем, а Ногаевы сокольники не придавали действиям Святослава никакого значения и даже не предлагали ему тоже явиться к Ногаю. Много позже, уже после ухода карательной экспедиции Ахмата, при втором приезде от хана Телебуги Олег Рыльский и Воргольский упрекал князя Святослава в том, что тот «взложилъ еси имя разбоиниче на мене и на себе, зиму сь еси ночи на свободу розбоем оударилъ, а нонѣ на пути есн розбилъ». Здесь вновь звучит обвинение в ночном разбойном нападении липовичского князя на одну из Ахматовых слобод, но точно говорится, когда это произошло: «зиму сь», т. е. только что прошедшей зимой, очевидно, в феврале 1290 г. после ухода войск Ногая, но не летом — осенью 1289 г., до дипломатических переговоров сокольников. Таким образом, при принятии за достоверные приведенных летописцем мотивов отказа Олега приехать к Ногаю возникает явно искусственная картина двукратного ночного нападения липовичского князя на слободу баскака Ахмата. Совершенно очевидно, что летописное объяснение этого отказа далеко от реального, оно построено на оценке позднейшей ситуации весны — лета 1290 г. В действительности же отказ князя Олега может быть объяснен его нежеланием пересматривать выгодное для себя ханское решение при разбирательстве дела на более низком юридическом уровне.

Посылая войска против двух русских князей, Ногай стремился восстановить на территории «Курской области» свои права как правителя этой области, казалось, нару-

шенные Олегом и Святославом. Но те действовали вполне легально, с одобрения хана Телебуги и в присутствии его приставов. Ногай, однако, судя по сохранившемуся тексту, прямо никак не реагировал на поступки хана и его чиновников, не воевал и не захватывал никаких ордынских земель, которые ему ранее не принадлежали бы. Он действовал только в своей «тьме» и против подчинявшихся ему в финансовом и судебном отношениях рыльско-воргольского и липовичского князей. Правда, итоги этих действий плачевны. Население двух русских княжеств было частью перебито, частью пленено, частью разогнано, слободы перестали существовать, Олег Рыльский и Воргольский и Святослав Липовичский так и не явились на суд Ногая. Но весьма показательно то, что, придя во второй раз из Сарайской орды в свое княжество, Олег предложил Святославу ехать оправдываться в своих действиях или к Телебуге, или к Ногаю, признавая тем самым право последнего на суд князей его «тьмы». При третьем возвращении от Телебуги Олег вновь привел с собой татар, с которыми по приказу сарайского хана убил своего родственника Святослава. Причина казни ясна: самовольное двукратное нападение липовичского князя на слобожан Ахмата. Казалось бы, при острой вражде Телебуги и Ногая каждое действие, направленное против Ногая, должно было поддерживаться и поощряться Телебугой. Однако это не так. Казнь по его решению князя Святослава Липовичского, врага Ногая, и баскака Ахмата, свидетельствует о том, что Телебуга защищал определенные права правителей Курской «области», и очевидно, что вражда между Телебугой и Ногаем, о которой много писали и пишут исследователи, носила скрытый характер, она не привела, например, к лишению Телебугой Ногая его курских владений или к открытой войне Ногая против сарайского хана. События в Рыльско-Воргольском и Липовичском княжествах 1289—1290 гг. свидетельствуют о достаточно напряженных отношениях между двумя ордынскими правителями, но каждый из них старался действовать в рамках существовавших правовых норм, и такие действия иногда приводили к защите интересов противной стороны. Более всего в этих событиях пострадали русские князья, общее приниженное положение которых позволяло ордынским правителям расправляться с ними и с их княжествами.

Во времена же баскака Ахмата положение, как показано было выше, стало иным. В Курске уже не было князя, там обосновался баскак, прерогативы которого распространялись и на Рыльское княжество. Очевидно, при передаче представителям ордынской знати покоренных русских земель имела место определенная административно-территориальная реформа, лишь отчасти считавшаяся с территориальным делением русских княжеств в домонгольское время.

Значение самого Рыльска, бывшего в течение нескольких десятилетий стольным городом, в системе Рыльского княжения упало. Вторым центром стал Воргол, что может свидетельствовать как об опережающем росте в татарскую пору городов, ранее даже не упоминавшихся в источниках, так и об общем истощении княжества, в котором прежний центр не мог играть доминирующей роли и возникали предпосылки нового экономического и политического дробления.

Ясным показателем последнего процесса служит образование в послемонгольское время Липовичского княжества. Оно, видимо, было настолько мало и редко заселено, что его князь был вынужден после организации баскаком Ахматом двух слобод в соседнем княжестве нападать на эти слободы, чтобы хоть как-то компенсировать убыль в людях и имущественные потери.

Очевидно, что в условиях иноземного властвования на русском юго-востоке во второй половине XIII в. шли такие же процессы, как в Волго-Окском междуречье: упадок старых центров, появление новых, но еще не могущих сколько-нибудь значи-

тельно влиять на общее развитие региона, усиление раздробленности, которую по традиции можно назвать феодальной.

Анализируя события и процессы, происходившие после Батыева нашествия на левобережье Днепра, где в домонгольское время располагалось Черниговское княжество, мы имели возможность убедиться в том, что за период с 1240-х годов и до конца XIV в., а в некоторых случаях даже до конца XV столетия, в этом регионе не возникло никаких новых крупных русских городов, а старые центры, такие как сам Чернигов или Новгород Северский, не были восстановлены. Зато появилось значительное количество мелких княжеств (преимущественно наследников черниговского князя Михаила Всеволодовича), с одним-двумя городами. Такие княжества при следующем поколении правящих князей дробились еще больше, заставляя их правителей искать службы у князей-калитовичей или у князей-гедиминовичей. Самостоятельность и независимость черниговских князей уходили в невозвратное прошлое.

Галичская и Волынская земли

Столетие с 1240 г. до 1340-х годов, очевидно, составляет отдельный период в истории Галичской и Волынской земель. Монгольское нашествие было во многих отношениях рубежным как для этих земель, так и для всей Руси. Вскоре после него Волынь и Галич объединил под своей властью князь Даниил, продолжая политику своего отца Романа Мстиславича, который еще на рубеже XII—XIII вв. владел обеими этими землями. Не позднее 1323 г. пала власть Рюриковичей над этой территорией, а после смерти князя Болеслава-Юрия в 1340 г. произошел распад единства Волынской и Галичской земель: через некоторое время первая попала под власть литовских князей, вторая — польских королей.

Монгольское нашествие и установившаяся после него система зависимости сначала от Монгольской империи, затем Орды значительно затормозили социально-экономическое развитие этого региона. Об этом свидетельствует тот факт, что если в период вплоть до нашествия количество городов в Волынской и Галичской землях непрерывно росло, то в столетие после него этот рост почти прекратился. На севере и западе Волыни, правда, летопись упоминает несколько городков в 1240—1260-х годах, которые не упоминались в домонгольский период, но время их основания непонятно[148]. В рассказе Галицко-Волынской летописи об обустройстве Даниилом города Холма говорится, что князь не мог достроить там башню, потому что «бе грады иныя [з]иж[д]аи противу безбожным татаром»[149]. Иногда эта фраза понимается как указание, что князь строил («бе зиждаи») именно новые города. Однако, именно в юго-восточных областях, больше подверженных нападениям монголов/татар, никаких новых городов не упоминается, и фраза, очевидно, имеет в виду лишь возобновление укреплений в уже существовавших ранее городах. В Галичской земле в послемонгольскую эпоху возник лишь один новый город — Львов. Впервые в летописи он упоминается в рассказе о событиях зимы 1255/56 г.[150] Основан он был, видимо, Даниилом (хотя поселение на этом месте было еще в домонгольское время).

[148] *Котляр Н. Ф.* Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волынской Руси IX—XIII вв. Киев, 1985. С. 158 и сл.

[149] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 845.

[150] Там же. Стб. 841.

Позднее город вырос в крупный социально-экономический и культурный центр.

Такие факты, как развитие Холма (город был построен около 1237 г. Даниилом, который устроил здесь свою резиденцию и перевел сюда епископию из Угровска[151]) и основание Львова объясняются тем, что демографические потери в результате монгольского нашествия компенсировались отчасти притоком населения, которое, с одной стороны, бежало от татарского «насильства» из других земель Руси, а с другой — целенаправленно приглашалось князьями, в том числе из западных стран (немцы и поляки). На службе Даниила упоминаются половцы[152], которые, очевидно, предпочли Русь татарам и переселились на территорию, подконтрольную Романовичам (вероятнее, где-то в Галичской земле). Но, разумеется, об интенсивном демографическом росте речь не могла идти в условиях зависимости от монголо-татар и борьбы с ними. Так, одно лишь присутствие в Галицкой земле войска хана Телебуги в 1286 г. привело к убыли населения в 12,5 тыс. человек (убитыми, ограбленными и замерзшими, уведенными в плен)[153].

Единство Галичской и Волынской земель, восстановленное в 1240-е годы Даниилом, было обеспечено не только его энергичной политикой и фактическим отсутствием конкурентов ему среди русских князей после 1246 г., но и тем, что население, оказавшееся под иноземным гнетом, стремилось под его защиту. Этим надо объяснить то, что единство сохранялось и после смерти Даниила: хотя его сыновья и племянник Владимир (сын его брата Василька) разделили «отчинные» земли (см. ниже), его внук Юрий снова объединил Галич и Волынь.

Галичскую землю потомки Даниила не делили, но Волынская рассматривалась ими как общая «отчина», и в конце XIII в. на некоторое время из нее выделялись в отдельные «волости» Луцк на востоке, Белз на юге и Холм с Дрогичиным на северо-западе. Луцк и Белз бывали «стольными» городами и в домонгольское время; новым явлением было выделение в отдельное княжество Холма. В правление Болеслава-Юрия II (1325—1340) проявляется уже ослабление государства: Луцк, а также Дрогичин и Берестье попадают под власть литовских князей. В Галичской земле к территориальным потерям привело установление власти монголов — русские князья потеряли контроль, видимо, полностью над территориями за Днестром (Берладью), частично над восточной частью Галичской земли (территорией, позднее известной как Подолье). Интересы князей переместились на запад: так, в конце XIII в. Льву Даниловичу удалось захватить на время у венгров некоторые территории в Закарпатье и у поляков Люблин.

История Галича и Волыни в 1240—1340-е годы обеспечена источниками очень неравномерно. Основной «поставщик» исторической информации — так называемая Галицко-волынская летопись (далее — ГВЛ), дошедшая до нас в Ипатьевской летописи. Она заканчивается известиями о событиях зимы 1289/90 г., а потом источников, происходящих из этой части Руси, практически нет, за исключением нескольких актов. История восстанавливается лишь в самых общих чертах, главным образом, по отрывочным и часто неточным данным иностранного происхождения.

ГВЛ довольно четко делится на две части: первую, удачно названную Л. В. Черепниным — Летописец Даниила Галицкого[154], и вторую — летописание владимиро-

[151] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 739—740.

[152] В частности, они помогали Даниилу в битве под Ярославом в 1245 г.

[153] Там же. Стб. 895.

[154] См.: *Черепнин Л. В.* Летописец Даниила Галицкого // ИЗ. М., 1941. Т. 12. С. 228—253.

волынских князей[155]. Летописец изначально представлял собой не летопись в собственном смысле слова, а рассказ, написанный в свободной форме и более или менее последовательно повествующий о жизни и деятельности князя Даниила Романовича. Первоначально в ГВЛ не было обычной для древнерусских летописей анналистической формы. Но из двух основных списков Ипатьевской летописи — Ипатьевского (конец 1420-х годов) и Хлебниковского (около 1560 г.) — первый, существенно более древний, был искажен позднейшей вставкой в ГВЛ годовой сетки, крайне неточной[156].

Летописец Даниила Галицкого не дошел до нас в цельном и законченном виде. Начало и конец его сбиты (повествование обрывается в середине рассказа об участии Романовичей в походе Бурундая на литовцев в 1258 г.). В нем видны те или иные текстологические «швы», перебои последовательного нарратива и анахронизмы, которые побуждали некоторых исследователей представить текст Летописца сводом, соединившим летописи, принадлежавшие перу разных авторов[157], или «собранием повестей», совершенно независимых друг от друга[158], или авторским текстом в нескольких редакциях[159].

«Волынская» часть ГВЛ, начинающаяся с известий о событиях 1259 г. (ст. 6769 (1261) г. Ипатьевского списка), наиболее пространно и ярко рассказывает о княжении во Владимире-Волынском Владимира Васильковича до его смерти в 1288 г. В литературе отмечались довольно подробные сведения, относящиеся к Литве, и антитатарская направленность «придворной» волынской летописи. Детальное описание последних дней жизни тяжело болевшего Владимира Васильковича переходит почти в биографию или в «нечто близкое житию», как писал В. Т. Пашуто. Это описание в каком-то смысле похоже на Летописец Даниила Галицкого, сконцентрированный на деяниях своего героя и всячески прославляющий его. Владимиро-Волынский автор и продолжал, и редактировал Летописец, так или иначе ориентируясь на него[160].

Накануне монгольского нашествия на Русь Даниил Романович, действовавший заодно с младшим братом Василько́м, вла-

---

[155] Граница явственно выявляется не только текстологически, но и лингвистически, ср. в последней работе: *Юрьева И. С.* Лингвистические параметры стилистических различий между Галицкой и Волынской летописями // Письменность Галицко-Волынского княжества: Историко-филологические исследования / Jitka Komendová a kol. Olomouc, 2016. С. 65—78.

[156] По этой причине помимо классического издания ГВЛ по Ипатьевскому списку в издании «Полное собрание русских летописей» (СПб., 1908. Т. 2) были предприняты и издания по Хлебниковскому списку. Последнее издание такого рода подготовили польские историки Д. Домбровский и А. Юсупович: Kronika halicko-wołyńska (Kronika Romanowiczów) / Wydali, wstępem i przypisami opatrzyli D. Dąbrowski, A. Jusupović przy współpracy I. Juriewej, A. Majorowa i T. Wiłkuł. [=Monumenta Poloniae Historica. Seria II — T. XVI]. Kraków, 2017. В этом издании представлены история и описание списков ГВЛ, обсуждаются проблемы ее текстологии и хронологии, ее текст снабжен историческими комментариями. Ср. также польский перевод ГВЛ этих же авторов: Kronika halicko-wołyńska. Kronika Romanowiczów. Tłumaczenie, wstęp i komentarze D. Dąbrowski, A. Jusupović. Kraków; Warszawa, 2017. Сохраняет значение и издание ГВЛ по Хлебниковскому списку с русским переводом и комментарием: Галицко-Волынская летопись: Текст. Комментарий. Исследование / Сост. Н. Ф. Котляр, В. Ю. Франчук, А. Г. Плахонин; под ред. Н. Ф. Котляра. СПб., 2005. Ср. новейшее текстологическое исследование: Галицько-Волынский, літопис: текстологія / За ред. О.П. Толочка. Київ, 2020.

[157] См., например: *Пашуто В. Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950. С. 17—133.

[158] *Котляр Н. Ф.* Галицко-Волынский свод: Летопись или собрание повестей? // Средневековая Русь. М., 2006. Вып. 6. С. 119—137.

[159] *Ужанков А. Н.* Проблемы историографии и текстологии древнерусских памятников XI—XIII веков. М., 2009. С. 287—371.

[160] *Пашуто В. Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. С. 101—109, 121.

дел Владимиро-Волынским княжеством и вел борьбу за Галич и Киев, главным образом, с Михаилом Всеволодовичем, князем из клана черниговских Рюриковичей. Михаил, если занимал Киев, отдавал Галич своему сыну Ростиславу. У владимиро-суздальских князей — Юрия Всеволодовича, а после его гибели на р. Сить в 1238 г. его брата Ярослава — были дружественные отношения с Романовичами. Стремительные события нашествия повлекли гибель и перемещение населения и перегруппировку политических сил. Эти события изложены в ГВЛ с явными перебоями в хронологии и последовательности, и в их реконструкции нет полной ясности[161].

Батыевы полчища обрушились на южную Русь в 1238—1240 гг. Видимо, зимой 1239/40 г. Михаил Всеволодович бежал из Киева «перед татары» сначала в Венгрию, затем в Силезию, а потом уже в 1241 г. оказался в Кракове. В начале 1240 г. Галич и Киев были заняты Даниилом, который посадил там своих наместников[162]. Однако в конце этого года, еще до взятия Киева 19 ноября 1240 г.,[163] он вместе с семьей тоже бежал из Руси сначала в Венгрию, а затем в Польшу[164]. Захватив Киев, монгольская армия стремительно двинулась через Галичскую землю и Волынь в Венгрию и Польшу разными отрядами по трем направлениям. Серьезного сопротивления она не встретила. Большинство галицких и волынских городов, включая столичные Галич и Владимир, были взяты, разграблены и опустошены в течение нескольких недель в конце 1240 г.

Согласно мнению, высказанному советским историком В. Т. Пашуто и разделяемым венгерскими исследователями, главной целью Батыя была Венгрия, которую он планировал сделать политическим ядром своего улуса[165]. Король Бела IV и его окружение до конца не оценили нависшую над Венгрией опасность, надеясь не пропустить войско Батыя через Карпатские перевалы. По свидетельству магистра Рогерия, автора «Горестной песни» о нашествии татар, побывавшего у них в плену, король направил военные отряды во главе с надором[166] Денешем для блокирования перевалов на русско-венгерской границе[167], отказавшись от совместных действий с русскими князьями против степняков.

Еще на рубеже 1239—1240 гг. к Беле IV прибыл представитель черниговской ветви Рюриковичей Ростислав Михайлович, стремившийся породниться с Арпадами и с венгерской помощью утвердиться в Галиче, но в то время был еще жив сын Белы IV Калман, официально носивший титул «короля Галиции». Осенью 1240 г. при венгерском дворе появляется отец Ростислава Михаил Всеволодович. Пребывание обоих князей при дворе Белы IV оказалось недолгим, по-

[161] Ход событий из галицко-волынской перспективы реконструировал наиболее подробно и с учетом современной литературы Д. Домбровский: *Dąbrowski D.* Daniel Romanowicz król Rusi (ok. 1201—1264): Biografia polityczna. Kraków, 2012. S. 207 i nast. Ср. также второй том труда Домбровского о Даниле: *Dąbrowski D.* Król Rusi Daniel Romanowicz: O ruskiej rodzinie książęcej, społeczeństwie i kulturze w XIII w. Kraków, 2016.

[162] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 782—784.

[163] О дате взятия монголами Киева см. ч. I, гл. 1.

[164] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 786—788.

[165] *Пашуто В. Т.* Монгольский поход в глубь Европы // Татаро-монголы в Азии и Европе: Сб. статей. 2-е изд. / Отв. ред. С. Л. Тихвинский. М., 1977. С. 210—227; *Font M.* Árpád-házi királyok és Rurikida fejedelmek. Szeged, 2005. 242. l.

[166] Надор (comes palatinus) в средневековой Венгрии был высшим должностным лицом королевства, командовавшим войсками в походах, не возглавляемых лично королем.

[167] Rogerii carmen miserabile / Ed. L. Juhász // SRH. 1863. Vol. II. P. 560. [Repr.]

скольку король приказал Ростиславу покинуть пределы Венгрии, и в том же 1240 г. черниговские князья перебрались в Польшу к брату матери Михаила Конраду — в то время серадзскому князю[168], но и там, по всей видимости, они оказались никому не нужны. Не сообщая никаких подробностей о пребывании черниговских князей у Конрада, ГВЛ сразу же после известия об этом приводит обращение Михаила к Даниилу и Василько Романовичам: «Многократы согрѣшихо вам и многократы пакости творях ти. Что ти обѣщахъ и того не створих. Аще коли хотяхъ любовь имѣти с тобою, невѣрнии галичанѣ не вдадяхоут ми. Нынѣ же клятвою клену ти с(я), яко николи же вражды с тобою не имамъ имѣти»[169]. Даниил простил своих соперников в борьбе за Галич и разрешил им вернуться в Юго-Западную Русь, дав Ростиславу Луцк, а Михаилу обещав помощь в борьбе за утверждение в Киеве, но в то время в захваченном Киеве Даниил Романович оставил воеводу Дмитра, а сам уехал в Венгрию. ГВЛ свидетельствует о том, что Даниил прибыл к венгерскому королю с такой же целью, что и черниговские князья, «хотя имѣти с ним любовь сватьства, и не было любови межи има»[170].

Западный поход Батыя продолжался весь 1241 г. Весной—летом 1242 г. он начал движение назад, разорив по пути Болгарию, но это движение «не было поспешным»[171], и только к концу этого года монгольские Орды сосредоточились в низовьях Дуная и двинулись затем в причерноморские степи. В это время бежавшие князья стали возвращаться на Русь, пытаясь восстановить власть и порядок в своих «отчинах». ГВЛ сообщает, что Романовичи вернулись во Владимир-Волынский уже в начале 1241 г. и возобновили контроль над Волынью, потеряв лишь Дрогичин, жители которого отказались им подчиняться (впрочем, позднее их власть над этой областью была восстановлена). Оказав помощь Михаилу Всеволодовичу, они признали его власть над Киевом. Однако предстояла борьба за Галич, на который претендовал сын Михаила Ростислав[172].

Важна была позиция галицких бояр. Они хотели вести самостоятельную политику, прежде всего, контролировать распределение кормлений: «бояре же галичьстии Данила князем собе называху, а саме всю землю держаху», — писал княжеский летописец. Если ему верить, один боярин Доброслав «вокняжился» в Галиче, распределяя «волости», и занял «все Понизье» (окраинные города по течению р. Днестра ниже Галича), а другой хотел «собѣ горную страну Перемышльскую одержати»[173]. Даниил прибег к репрессиям против виднейших бояр, но это привело к недовольству и сопротивлению. Галичские бояре, недовольные методами правления Даниила, могли предложить галицкий престол либо венгерскому королю, либо Михаилу Всеволодовичу. Но Венгрия в этот момент опустошалась войсками Батыя, а венгерский король бежал на острова в Адриатике. Михаила связывали договоренности с Даниилом, и его внимание должно было быть сконцентрировано на Киеве. Предводителем галичан выступил Ростислав Михайлович — как подчеркивает летописец Даниила, в нарушение недавних договоренностей его отца Михаила Всеволодовича с Романовичами.

Еще в 1241 г. или в начале 1242 г. Ростислав попытался выбить наместника Романовичей в Бакоте, одном из городов галицкого Понизья, причем вместе с ним

---

[168] Князь вошел в историю под именем Конрада I Мазовецкого (ум. в 1247 г.).
[169] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 783.
[170] Там же. Стб. 787.
[171] *Егоров В.Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв. С. 27.
[172] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 786—789.
[173] Там же. Стб. 789.

в поход пошли «князья болоховские»[174]. Болохов был небольшим городком в пограничной области на стыке Киевской земли, Владимиро-Волынской и Галичской. Топографически и археологически он до сих пор не идентифицирован, и неясно, почему он дал обозначение группе «князей», и кто, собственно, они были. В литературе предлагались разные объяснения этой проблемы, в целом, в двух направлениях — либо в этих «князьях» видели маргинальную ветвь Рюриковичей, либо неких «земских» (племенных, общинных и т. п.) предводителей. Известие ГВЛ об этом походе Ростислава и «болоховских князьях» заканчивается сообщением о победе над ними Романовичей и разорении Даниилом «земли болоховской», причем автор замечает, что болоховцев «оставили татарове, да им орют пшеницу и проса», и что они «от тотар болшую надежу имѣаху». В любом случае, очевидно, это было население, признавшее власть монголов на постоянной и прочной основе, причем уже в ходе нашествия Батыя или вскоре после него в конце 1240 — начале 1241 г.[175]

Кто бы ни были эти «болоховские князья», их выступление в Понизье кончилось неудачей. Потом Ростислава повели галицкие бояре в сам Галич, причем Ростиславу сочувствовали и галицкий, и перемышльский епископы. Конфликт Ростислава, поддержанного значительной (если не бóльшей) частью галицкого боярства, и Романовичей, опиравшихся на ресурсы Владимирской земли, прервали татары. Как передавал Даниилу один верный ему половец, Батый, двигаясь в степи из Венгрии, «отрядил есть на тя два богатыря возискати тебе Маньмана и Балаа». Эти два монгольских воеводы (темника?) дошли до Володавы, городка выше Холма по течению р. Западный Буг, хотя не взяли городов. Другие татарские отряды «розгнаше» Ростислава уже в Киевской земле, и тот бежал в Венгрию[176]. Эти события происходили, видимо, в 1242 г., скорее к концу этого года. Этот поход Манмана и Балая являлся целенаправленной акцией именно против Даниила. Хотя летописец ничего кроме факта самого набега не сообщает, весьма вероятными представляются догадки историков, что его результатом должны были быть какие-то переговоры монголов с Романовичами, подразумевавшие признание ими верховной власти Батыя[177].

Есть и один венгерский документ, из которого следует, что до апреля 1244 г. Даниил уже встречался с неким «татарским князем». Речь идет о жалованной грамоте короля Белы IV некоему Николаю сыну Обичка из Суд (*Nicolaus filius Obichk de Zyud*), выданной 22 апреля 1244 г., где говорится о заслугах этого Николая на дипломатической службе королю[178]. Последние исследования доказали аутентичность датировки и сведений грамоты (сохранившейся в подлиннике и ранних копиях)[179]. Среди этих сведений

[174] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 791—792.

[175] См. в последней работе: *Толочко О., Ричка В.* «Князи болоховьсции» // Ruthenica. Киев, 2016. Т. 13. С. 83—107.

[176] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 793—794.

[177] См.: *Dąbrowski D.* Daniel Romanowicz król Rusi. S. 241—242.

[178] Codex diplomaticus et epistolaris Slovaciae / Ed. R. Marsina. Bratislavae, 1987. T. 2. Nr. 150. P. 100—102.

[179] См. прежде всего: *Волощук М.* Проблема кількості візитів Данила Романовича in Tartaria: Джерелознавчий аналіз угорського диплому від 22 квітня 1244 р. // Дрогичинъ 1253: Матеріали Міжнар. наук. конф. з нагоди 755-ї річниці коронації Данила Романовича. Ивано-Франківськ, 2008. С. 18—36; *Майоров А. В.* Даниил Галицкий и «принц Тартар» накануне нашествия Батыя на южную Русь: Данные венгерских и русских источников о контактах Даниила с татарами // Русин. 2013. № 1 (31). С. 53—77. Правда, последний автор выдвигает предположение, что речь шла о встрече Даниила с монголами не в 1242—1244 гг., а еще во время монгольского нашествия на Русь в 1239 г. Это предположение, связанное с реконструкцией А. В. Майоровым некоей особой древнерусской «Повести о нашествии Батыя», не представляется убедительным (ср.: *Dąbrowski D.* Daniel Romanowicz król Rusi. S. 208—209).

есть сообщение, что Николай ездил с посольством на Русь и в Болгарию. В грамоте сказано, что Николай в специальном отчете сообщил своему королю о состоянии дел у татар со слов князя Даниила, который только что нанес визит какому-то их предводителю (*Tartarorum principe*). Где и когда именно встречался венгерский посол с Даниилом, не ясно, но сказано, что владимирский князь возвращался из татарских кочевий, познакомившись с их бытом. Возможно, как предполагал М. С. Грушевский[180], Даниил встречался с Могучеем (Моуци), который, по сообщению Плано Карпини, кочевал в Приднепровье[181] и о котором позднее сообщает ГВЛ (см. ниже). Вряд ли шла речь о Батые, который венграм был хорошо известен и который был бы прямо назван в грамоте. Если связывать встречу с упомянутым в ГВЛ набегом Манмана и Балая (что́ представляется наиболее логичным), она должна была произойти в период примерно с середины 1242 до начала 1244 г.

Походы Бату в Центральную Европу в 1241—1242 гг. нанесли огромный экономический ущерб Венгерскому королевству и раздробленной на независимые княжества Польше, что должно было «остудить пыл» венгерского короля Белы IV в его стремлении подчинить своей власти или влиянию Юго-Западную Русь. Этому же могла способствовать и смерть «галичского короля» Калмана, получившего смертельные раны во время сражения с войском Бату на Мухском поле 11 апреля 1241 г., в Загребе в июне того же года[182]. Таким образом, ко времени ухода орд Бату из Венгрии у Белы IV не осталось родственников, которых он мог бы посадить в Галиче. Однако, судя по всему, ни король, ни русские князья в то время до конца не осознавали, что Бату не ограничится одним разорительным походом, а сделает Рюриковичей своими данниками.

Без предположения о том, что Романовичи уже вскоре после возвращения Батыя из западного похода признали зависимость от монголов в той или иной форме, трудно объяснить, каким образом они дальше могли не только удерживать Волынь, но и продолжать борьбу за Галич, тем более что в нее включился венгерский король Бела IV. Прибывший в Венгрию в начале лета 1243 г. Ростислав Михайлович принес весть о том, что Бату собирается вернуться в те страны, которые ему не удалось удержать под своей властью во время нашествия на Центральную Европу. Дядя короля, патриарх аквилейский Бертольд, передал эту весть папе римскому Иннокентию IV (1243—1254), поспешившему объявить крестовый поход против «тартар»[183]. После того как тревога оказалась ложной, венгерский король решил продолжить борьбу за Галич, сделав, наконец, ставку на Ростислава Михайловича и женив его на своей дочери Анне[184]. По свидетельству летописца, Михаил Всеволодович, узнав о том, что стал сватом Белы IV, спешно прибыл в «Угорскую землю», но, встретив там холодный прием не только от короля,

---

[180] *Грушевський М. С.* Історія України-Руси: В 10 т. 2-е вид. Львів, 1905. Т. 3. С. 66, примеч. 3.

[181] *Иоанн де Плано Карпини.* История монголов; *Рубрук Гильом де.* Путешествие в восточные страны / Введ., пер. и примеч. А. И. Малеина. СПб., 1911. С. 48.

[182] *Almási T.* Kálmán. 2 // Korai magyar történeti lexikon (9—14. század) / Főszerk. Kristó Gy. Budapest, 1994. 316. l.

[183] *Szűcs J.* Az utolsó Árpádok. Budapest, 1993. 13. l.

[184] В источниках отсутствуют сведения о времени женитьбы Ростислава на Анне. Исследователи, в том числе венгерские, принимают датировку М. Грушевского, считающего, что этот брак был заключен в том же 1243 г. (*Грушевський М.* Хронольогія подій Галицько-Волинської літописи // Зап. Наукового товариства ім. Т. Шевченка. Львів, 1901. Т. 41. С. 31). Даты всех событий, описываемых Галицко-Волынской летописью, даны на основании результатов этой работы.

но и от родного сына, разгневанный вернулся в отчинный Чернигов[185].

Летописец повествует ниже о войне Даниила и Василька с краковским князем Болеславом V Стыдливым (1243—1279), в которой «возродилось стремление Романовичей завоевать Люблинскую землю»[186]. Исследователи датируют эти события тем же 1243 г. Напав «четырьмя дорогами» на владения Болеслава, сыновья Романа Мстиславича не ограничились одним походом, а, уведя на Русь первую партию пленных, вернулись и продолжили разорять юго-восточную Польшу уже в более широких масштабах, дойдя до Вислы и Сана. В ответ «ляхи» смогли лишь продвинуться до приграничного волынского города Андреева. Узнав об этом, Романовичи осадили Люблин и вынудили его жителей сдаться им на условиях отказа от поддержки своего князя. Тем не менее окрестности Люблина также были разорены Даниилом и Васильком[187].

Тяжелой ситуацией, сложившейся в середине 1240-х годов в Юго-Западной Руси, решили воспользоваться населявшие земли к северу от Польши племена литовцев и родственных им ятвягов. В начале 1244 г. под Пересопницей появились отряды литовцев во главе с Айшино Рушковичем[188]. По свидетельству летописца, главной целью их нападения был Пинск, куда устремились дружины Даниила и Василька Романовичей, чтобы опередить литовцев. В произошедшей под стенами города битве войско Айшино было разгромлено, а взятые ими русские пленные освобождены[189]. Еще один набег литовцы во главе с Лековнием совершили на Пинск несколькими месяцами позже — в конце 1244 или в начале 1245 г., что побудило Романовичей отправиться походом на Пинск, где они разгромили войско Лековния[190]. Следующий набег совершили ятвяги уже на окраины владений Романовичей — в район, где позднее Даниилом был возведен г. Холм, после чего попытались взять Дорогичин, но были настигнуты и атакованы дружиной Василька Романовича, подвергшей их страшному «избиению»[191].

В ГВЛ сообщается о двух попытках Ростислава и венгров вторгнуться в Галичскую землю. Первый поход состоялся, видимо, к концу 1243 г. или, скорее, в 1244 г. Ростислав пытался занять Перемышль, но, хотя сначала его военные действия имели успех, пришедший позднее Даниил, «собрав вои многи и пешьце», прогнал его обратно в Венгрию[192]. Второй поход 1245 г. был организован гораздо более серьезно. Ростислав привел на этот раз большой отряд венгров под командованием венгерского бана Фильния (в ГВЛ: «Филя»), а также к нему пришла помощь из Малой Польши — отряд, посланный Болеславом V Стыдливым, и группа малопольских бояр во главе с Флорианом (в ГВЛ: «Творьян») из рода Авданцев[193]. Как пишет летописец, Ростислав с самого начала поставил цель «взяти Галич и обладати им»[194]. Объединенные силы руси, венгров и поляков вторглись в Галичскую землю со стороны Малой Польши и, взяв Перемышль, осадили город Ярослав (на се-

[185] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 795.
[186] *Włodarski B.* Polska i Ruś. 1194—1340. Warszawa, 1966. S. 123.
[187] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 796—797.
[188] Так он назван в ГВЛ.
[189] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 797—798.
[190] Там же. Стб. 798.
[191] Там же. Стб. 799.
[192] Там же. Стб. 797.
[193] См.: *Dąbrowski D.* Daniel Romanowicz król Rusi. S. 253—260.
[194] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 805.

вер от Перемышля), в котором были сосредоточены «люди Даниловы и Васильковы и бояры многи». Сюда пришли Романовичи со своими боярами и половцами, и у Ярослава 17 августа 1245 г. состоялась битва, которую летописец Даниила описывает в подробностях и с большим воодушевлением[195]. Романовичи одержали полную победу и были настроены бескомпромиссно — во всяком случае, многие из плененных в ходе сражения, в том числе предводители венгров (Фильний) и галицких бояр (боярин Володислав), были по приказу братьев убиты на месте «за гнев».

Трудно судить на основании пафосного летописного рассказа о настоящем размахе битвы, но, судя по всему, эта победа Романовичей действительно имела большое политическое значение. Об этом говорит, прежде всего, тот факт, что на нее последовала незамедлительная реакция татар. Только братья вернулись на Волынь, к ним пришел посол от упомянутого выше Могучея (Моуци), предводителя одной из орд Батыя. Суть посольства была сформулирована предельно кратко: «даи Галич», — требовал у Даниила Могучей[196]. Очевидно, победа Романовичей у Ярослава была воспринята татарами как установление полной и неоспоримой власти Даниила над Галичем. Однако настоящими хозяевами были теперь именно татары, не хотевшие усиления Даниила. Требование Могучея подразумевало, видимо, что Даниил должен был отдать ему Галичскую землю под прямое его управление (какое было установлено татарами над некоторыми областями Руси — той же «болоховской землей» или Переяславлем). Единственным способом оспорить это требование была апелляция к тому, кто стоял выше Могучея, — хану Батыю. И Даниилу, который, как писал его летописец, не хотел отдавать никому «полу отчины своеи», пришлось пойти по этому пути.

Поездка Даниила в ставку Батыя на Волгу, тоже довольно подробно описанная в ГВЛ, является одним из самых известных мест этой летописи. Она началась, по точному указанию летописи, 26 октября 1245 г. и закончилась весной 1246 г.[197] Хотя в ее описании сказывается резко отрицательное отношение летописца к монголам и влияние религиозных и литературных установок, оно было сделано явно со слов очевидца, и ее подробностям (о языческих обрядах монголов, действиях Даниила и пр.) вполне можно доверять[198]. Главным политическим итогом этой поездки было «взаимное признание»: Батый не убил Даниила и признал его «отчинные» права, а тот фактически признал себя вассалом монгольского хана. И об этом ясно сказал летописец. Сначала, горестно восклицая о «злой чести татарской», которой удостоился русский князь, он указал на вступление Даниила в вассальную зависимость: «...ныне седить на колену и холопом называетьс(я), и дани хотять», а в конце рассказа подвел итог: «отпущенъ быс(ть), и поручена быс(ть) земля его ему, иже беаху с ним»[199]. Последние слова подразумевают, что Даниил получил разрешение владеть всеми территориями, которыми он (вместе с послушным ему братом Васильком) располагал на тот момент, т. е. и Волынью, и Галичем, и которые с этого момента можно обозначать Галичско-Волынской Русью.

Эта поездка положила конец неопределенности в отношениях Романовичей с татарами и упрочила положение князей.

---

[195] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 800—805.

[196] Там же. Стб. 805—806.

[197] О времени завершения поездки см.: *Dąbrowski D.* Daniel Romanowicz król Rusi. S. 268.

[198] Ср.: *Гальперин Ч.* Татарское иго: Образ монголов в средневековой России / Пер. М. Ю. Копыловой; под ред. Ю. В. Селезнева. Воронеж, 2012. С. 64.

[199] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 808.

Летописец прямо связывает с ней союз Даниила и венгерского короля Белы IV[200]. Хотя Ростислав Михайлович до конца своих дней носил титул «князя Галиции», видимо, после его поражения под Ярославом Бела IV разуверился в способности Ростислава утвердиться в Юго-Западной Руси. В том же 1246 г. венгерский король направил послов к Даниилу Романовичу с заявлением о прекращении поддержки планов Ростислава и предложением о династическом браке между венгерской принцессой и сыном Даниила. Король явно боялся Даниила, получившего поддержку от Батыя[201]. Тогда же Даниил, скорее всего, оказал военную помощь Беле IV, причем роль ее была настолько важной, что в некоторых средневековых источниках встречается миф о том, что австрийского герцога Фридриха II Бабенберга (1230—1246) якобы убил «русский король» (Даниил Галичский)[202]. В августе 1247 г. в венгерском городе Зойоме, куда прибыли Даниил Романович с сыном Львом и киевским митрополитом Кириллом II, был заключен мирный договор между Арпадами и Романовичами, скрепленный браком дочери Белы IV Констанции со Львом Даниловичем. Там же был совершен взаимный обмен пленными. Несмотря на то что зять не оправдал надежд Белы IV на постепенное подчинение Галича, король сохранил теплые родственные отношения с Ростиславом Михайловичем, которого он в том же 1247 г. сделал баном Славонии.

Одним из последствий утверждения Романовичей в Юго-Западной Руси стало установление ими связей с представителями католического мира Западной Европы: Василько общался с монахами-францисканцами в конце 1245 г., а Даниил — с папским послом Иоанном Плано Карпини в начале 1246 г. В ГВЛ после известия о браке Льва Даниловича с дочерью венгерского короля сообщается о том, что Романовичи послали своего ставленника Кирилла к константинопольскому патриарху для утверждения в «митрополье Рускои». Именно к концу 1246 г. Даниил мог единолично решать вопрос о занятии Киевской кафедры (пустовавшей после разгрома Киева монголами). В сентябре этого года погибли два других русских князя, претендовавших на Киев: Ярослав Всеволодович владимирский был отравлен в Каракоруме, а Михаил Всеволодович казнен в ставке Батыя. Романовичи остались в Южной Руси безоговорочно сильнейшими русскими князьями.

Смерть Конрада I Мазовецкого в 1247 г. и его сына и преемника Болеслава в следующем году способствовали тому, что правителем Мазовии стал сын Конрада — муж племянницы Даниила Романовича Семовит I (1248—1262), верный союзник галичского князя. На рубеже 1248—1249 гг. Романовичи организовали поход на ятвягов, в котором активное участие принял Семовит Конрадович. Эта военная кампания, тяжело давшаяся ее участникам-христианам, закончилась их победой над язычниками-литовцами. В 1249 г. Даниил вновь пытался сагитировать Семовита совершить поход на ятвягов, но на этот раз безуспешно[203].

Действия папы римского Иннокентия IV, пытавшегося своей волей решить судьбу Австрии после смерти ее герцога Фридриха II (1246), вызвали борьбу за австрийское наследство, в которой активное участие принял Бела IV. На рубеже 1248—1249 гг. Даниил Романович участвовал в устроенном венгерским королем в Пожони (совр. Братислава, Словакия) совещании

[200] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 809.

[201] Там же.

[202] См. об этом: *Майоров А. В.* Даниил Галицкий и Фридрих Воинственный: Русско-австрийские отношения в середине XIII в. // Вопросы истории. 2011. № 7. С. 32—52.

[203] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 815—816.

с немецкими послами относительно судьбы Австрийского герцогства. Одними переговорами дело не ограничилось, и вспомогательный русский отряд принял участие в жестоком разорении Австрии венгерским войском в 1249 г., в чем для Даниила не было никакой пользы[204]. После этого Романовичи переключаются на активные акции на «литовском направлении», вынуждая князя Миндовга (ок. 1236—1263) сначала искать помощи у Ливонского ордена (1250—1251), а потом союза с Даниилом (1252).

Между тем попытки будущего чешского короля Пржемысла (Оттокара) II утвердиться в Австрии (с 1250 г. он официально носил титул ее герцога) привели к новому витку борьбы за австрийское наследство, в котором Бела IV вновь вынужден был просить у Даниила Романовича военной помощи. На этот раз король решил женить сына галицкого князя Романа на сестре покойного австрийского герцога Гертруде (1252). Это дало Роману Даниловичу право оспаривать Австрию у наследника чешского престола. При этом Бела IV проводил двуличную политику по отношению к Даниилу, бросив Романа, осажденного чехами в Гимберге, на произвол судьбы и заставив под этим предлогом галичского князя воевать с чехами — в районе Опавы (1253). Летописец достаточно подробно рассказывает об этом походе, не принесшем Даниилу победы над врагом. Возмущенный же действиями венгерского короля Роман Данилович, оставив жену, вернулся тогда же на родину[205]. Вступивший на чешский престол Пржемысл (Оттокар) II (1253—1278) отстоял свое право на Австрийское герцогство, которое он потерял в 1276 г. Тем не менее Бела IV не хотел разрывать отношения с князьями Юго-Западной Руси. М. Фонт точно подметила, что в 1250—1254 гг. король активно использовал восточных союзников в своих западных интересах[206].

Во время пребывания Даниила и Романа в Чехии Европа была охвачена паническими настроениями в связи со слухами о приближении к линии Карпатских хребтов ордынского войска под командованием Куремсы. Иннокентий IV издал 14 мая 1253 г. буллу с призывом к христианам западно- и югославянских стран готовиться к крестовому походу против Орды. Еще в 1246 г. папский легат И. Плано Карпини, встретившийся с Даниилом Романовичем во время возвращения последнего из Орды, предложил ему заключить унию с Римом, чтобы получить в Европе военную поддержку против монголо-татар, и князь согласился. В 1253 г. Даниил принял от папы королевскую корону и был коронован осенью в Дрогичине. В сообщении ГВЛ об этом говорится о колебаниях князя, принимать ли королевский титул, и в частности, приводятся его слова, обращенные к папе: «...рать татарьская не престаеть, зле живущи с нам(и)»[207]. Очевидно, Даниил, пытаясь получить поддержку с Запада, не соблюдал или не вполне соблюдал свои вассальные обязательства перед татарами, и это вело к «рати» и «злу».

О конкретных столкновениях Даниила с татарами ГВЛ сообщает только применительно к 1253—1255 гг., когда в степях к югу от Галичской земли кочевали орды Куремсы. Два эпизода связаны упоминаниями о неверности русскому князю городов Бакоты (галичское Понизье) и Кременца (на волынско-киевском пограничье). В обоих случаях летописец обвиняет городских начальников — в Бакоте некоего Милея, в Кременце Андрея — в том, что они

[204] *Зубрицкий Д.* История древнего Галичско-Русского княжества: В 3 ч. Львов, 1855. Ч. 3. С. 162.
[205] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 821—825, 836—837.
[206] *Font M.* Árpád-házi királyok és a Rurikida fejedelmek. 251. l.
[207] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 826.

«на двое будущу»: то признавали власть Даниила, то предавались татарам. При этом в Бакоте вместе с Милеем упоминается баскак, а про Андрея говорится, что он пытался оправдаться перед Куремсой какой-то «Батыевой грамотой»[208]. Неясно, кто были эти Милей и Андрей и каков был их статус, но надо думать, что татары на них смотрели как на своих подданных, а значит, некоторые галицкие и даже волынские территории, лежавшие ближе к степи и Киевской земле, находились в тот момент под прямой властью татар — видимо, подобно «болоховской земле», о которой речь шла выше[209]. Даниилу было трудно контролировать эти территории, и не случайно, что тут же летописец рассказывает о попытке отобрать у него Галич со стороны некоего Изяслава (очевидно, Рюриковича, но точно не идентифицируемого), который рассчитывал на поддержку татар[210]. Такого рода атаки каких-то случайных лиц можно было отбить, но трудно было иметь дело с самими татарами, особенно если они предпринимали целенаправленные карательные акции. Неудачу Куремсы Романовичи использовали для организации вместе с поляками Семовита Конрадовича очередного успешного похода на ятвягов. Через год, зимой 1254/55 г., земля ятвягов испытала нашествие уже более внушительной коалиции русских и польских князей, успех которой был закреплен установлением уплаты ятвягами Романовичам меховой дани[211]. Летописец сообщает о карательной акции в 1255 г. со стороны Куремсы, когда тот только благодаря «чуду велику» не взял Луцк, хотя организовал полноценную его осаду[212].

Даниил Романович, понимая, что военной помощи от католических государей для борьбы с Ордой он не дождется, проводил независимую внешнюю политику, исходя из складывавшегося соотношения сил вокруг Юго-Западной Руси. Сменивший Иннокентия IV на папском престоле Александр IV (1254—1261), осознав, что Даниил не намерен ему подчиняться, стал активно поддерживать объединителя литовских земель Миндовга, принявшего в 1253 г. королевский титул и предоставившего католикам широкие возможности для миссионерской деятельности[213]. Ни о каком крестовом походе европейских рыцарей против монголов речь уже не шла. Это, однако, не испортило отношения между Романовичами и Миндовгом. Осенью 1255 г. литовский князь послал находившегося у него Романа Даниловича с литовским войском к Возвяглю, который был взят до их прихода, что побудило литовцев начать грабить окрестности Луцка, а русских князей — остановить эти грабежи вооруженной рукой[214].

Около 1256—1257 гг. в степях Куремсу сменил темник Бурундай, который, видимо, проводил целенаправленную политику усмирения непокорных подданных в рамках «общеимперских мероприятий» по контролю над населением[215]. В 1258 г. он пришел на Волынь «с силою великою» и заставил Романовичей участвовать в походе на литву и ятвягов, причем Даниил не рискнул лично появиться перед темником и прятался.

---

[208] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 828—829.

[209] Ср.: *Насонов А. Н.* Монголы и Русь: История татарской политики на Руси // *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства: Историко-географическое исследование; Монголы и Русь: История татарской политики на Руси. 2-е изд. СПб., 2006. С. 233—234.

[210] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 829—830.

[211] Там же. Стб. 831—835.

[212] Там же. Стб. 840—842.

[213] Галицко-Волынская летопись: Текст. Комментарий. Исследование. СПб., 2005. С. 295.

[214] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 839—840.

[215] См. подробнее об этой имперской политике: *Allsen T.* Mongol Imperialism: The Policies of the Grand Qan Möngke in China, Russia, and Islamic Lands. 1251—1259. Berkeley, 1987.

В 1259 г. Бурундай пришел снова и «велику опалу створшу» на Романовичей, которых представлял опять один Василько, — Даниил бежал к полякам, а потом к венграм. На этот раз Васильку пришлось не только участвовать в военной акции татар (теперь уже в Польшу), но и уничтожить укрепления в двух из трех главных городов Волыни — Владимире и Луцке (третий — Холм, резиденция Даниила — избавился от татар только хитростью)[216]. В этой акции и фактически, и символически выразилось полновластие татар над Галичско-Волынской Русью.

С этого момента в Ипатьевской летописи начинается «волынская часть». Точка зрения автора и ракурс его интереса несколько меняются. Летописец более внимателен к внутрикняжеским отношениям в размножившейся семье Романовичей, причем смотрит на них именно из владимирской перспективы. За два года до смерти Даниила Романовича, в 1262 г., литовский король Миндовг организовал поход на польские земли, «въспомяноу… оже Василко кн(я)зь с богатыремь (Бурундаем) воевалъ землю Литовьскоую»[217]. В начавшейся войне Миндовг личного участия не принимал, а Василько Романович участвовал лишь в преследовании литовского отряда, разорившего округу г. Мельника. В конечном счете победа осталась за Васильком. Даниил тогда ехал в Венгрию, но о результатах этой поездки летописец умалчивает[218]. Следующее нападение литовцев на русские земли было совершено в 1263 г. во время свадьбы Владимира Васильковича и дочери Романа Брянского[219].

По летописи, после смерти Даниила Романовича в 1264 г.[220] «отцом» его сыновей стал считаться Василько, который, как и при жизни брата, правил во Владимире-Волынском. Однако все сыновья Даниила, живые на момент его смерти, получили доли в Волынской земле: старший Лев получил Белз, средний Шварн — Холм и Дрогичин, младший Мстислав — Луцк[221]. Галич с Перемышлем получил старший сын Лев, которого отец еще с конца 1230-х годов брал с собой для участия во всех галицких делах.

Убийство Миндовга (1263) вызвало борьбу за власть в Литве, вмешаться в которую Даниил Романович не успел, но в ней активно участвовал его сын Шварн, поддерживавший Войшелка, что помогло последнему победить своих соперников в начале 1265 г. Шварн в течение трех лет был соправителем Войшелка в Литве, а потом княжил в ней до своей смерти (1269). Набег литовцев на Польшу в 1265 г. стал причиной войны между краковским князем Болеславом V Стыдливым и Шварном Даниловичем, поскольку люди Шварна (без его ведома) участвовали в разорении польских земель. В начале 1266 г. Болеслав пригласил Шварна на переговоры в Тарнаву, используя приезд противника в Польшу для того, чтобы отправить своих воинов на разорение приграничных со своими владениями русских земель в районе Белза и Червеня. Организованная Шварном погоня за обремененными добычей поляками закончилась неудачей, но Шварн и Болеслав вскоре после этого замирились[222]. Следу-

[216] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 846—855.

[217] Там же. Стб. 855.

[218] Там же. Стб. 855—857.

[219] Там же. Стб. 862.

[220] Там же.

[221] *Грушевський М. С.* Історія України-Руси. Т. 3. С. 92; *Крип'якевич І. П.* Галицько-Волинське князівство. 2-е вид. Львів, 1999. С. 135. Иногда указывают, что Галич достался Шварну (*Пашуто В. Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. С. 289), но это явно ошибочное понимание летописного текста.

[222] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 865—867.

ющее появление русских дружин в Польше относится к 1272—1273 гг., когда Лев и Мстислав Даниловичи помогли Болеславу V Стыдливому в войне с одним из силезских князей. В этом походе участвовал и отряд, посланный Владимиром Васильковичем, который в то время готовился к походу на ятвягов. По возвращении из Польши Даниловичи присоединились к двоюродному брату, что настолько напугало ятвягов, что, даже собрав воедино все свои военные силы, они запросили мира у русских князей[223].

Распределение «волостей» Галичско-Волынской Руси изменилось после смерти в 1268—1269 гг. Василька Романовича и Шварна Даниловича[224]. Единственный сын Василька Владимир получил в наследство Владимир Волынский. Владения бездетного Шварна перешли к его брату Льву, который передал их своему уже достигшему совершеннолетия сыну Юрию. Фактически Лев стал сильнейшим среди своей «братии», но формально его статус был равен статусу его родного брата Мстислава и двоюродного Владимира Васильковича. Владимирский летописец дает понять, что отношения братьев были далеко не идиллическими, обвиняя, прежде всего, Льва в разных «льстях» (обманах и коварствах). Очевидно, логика политической борьбы вела старшего брата к усилению его власти за счет слабейших родственников.

Трудно складывались отношения у князей Юго-Западной Руси с литовским князем Тройденом (1269/70—1282). В 1274 г. между ним и Владимиром Васильковичем шла «тихая война», когда посланные ими люди разоряли владения противника. В 1275 г. Тройден посылает свое войско на захват Дрогичина, совершившийся в день Пасхи (14 апреля). В ответ Лев Данилович просит войско у ордынского хана Менгу-Темира (1266—1280). Зимой 1275/76 г. русско-ордынское войско захватывает Новогрудок[225]. Следующей зимой Владимир Василькович посылает свою дружину к г. Слониму, где Тройден разрешил поселиться пришедшим к нему с этой целью пруссам. Зимой 1277/78 г. ордынский темник Ногай потребовал от князей Юго-Западной Руси присоединиться к нему, отправившемуся в поход на литву, но при этом монголы постарались опередить русских союзников и до их прихода разорили Новогрудок. Попытка наследников Романовичей захватить Городно (Гродно) оказалась неудачной: жители города взяли в плен русских бояр, ради освобождения которых пришлось отказаться от захвата этого города. В 1278 г. Тройден решил обойти русские земли стороной и разорил польский город Люблин[226].

В последний год жизни (1279) Болеслав V Стыдливый спровоцировал войну между Владимиром Васильковичем и черско-мазовецким князем Конрадом II (1264—1294), вызванную обвинениями последнего в грабеже его людьми хлеба, отправленного на речных судах литовцам, более других страдавшим от охватившего Восточную Европу голода[227]. Сама же смерть краковского князя побудила Льва Даниловича расширить свои владения за счет земель покойного Болеслава. При этом галичский князь впервые в истории Юго-Западной Руси сам попросил военной помощи у Ногая и отправился в 1280 г. с монголами в Польшу с сыном Юрием и участвовавшими в этой военной акции по принуждению двоюродными братьями Васильковичами. По свидетельству лето-

[223] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 870—871.
[224] Там же. Стб. 869—870.
[225] Там же. Стб. 871—874; ПСРЛ. СПб., 1859. Т. 8. С. 172.
[226] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 876—878.
[227] Там же. Стб. 879—880.

писца, в целом этот поход закончился бесславно для его организаторов, которые не смогли взять Сандомир и ограничились грабежом его округи. Лишь отставшему от основных сил отряду Владимира Васильковича удалось обнаружить в лесу укрепленное убежище «ляхов», где его воинов ожидала богатая добыча[228].

В ответ на русско-ордынский поход в марте 1280 г. краковский князь Лешек Черный (1279—1288) захватил принадлежавший Льву Даниловичу Перевореск, но вскоре после этого вспыхнула междоусобица Семовитовичей, о которой умалчивают польские хронисты, но есть сведения в ГВЛ[229]. Владимир Всеволодович вмешался в борьбу польских князей в 1282 г. на стороне Конрада II против Болеслава. Союзники захватили в 1283 г. «любимый город» Болеслава Гостинин, откуда увели множество пленных[230]. В 1285 г. представители правящей верхушки Золотой орды Телебуга (Тула-Буга) и Ногай предприняли большой поход в Венгрию, в котором было приказано участвовать князьям Юго-Западной Руси. Разграбив северо-восточные венгерские области и дойдя до Пешта, на обратном пути отряды Телебуги заблудились в отрогах Карпатских гор, и почти все его воины погибли. Армия же Ногая благополучно вернулась в ордынские степи. Отсутствием потомков Романа Мстиславича в своих владениях (кроме прикованного к постели Владимира Васильковича) попытался воспользоваться польский князь Болеслав Семовитович, захвативший приграничный русский город Щекарев. Это вызвало очередной виток конфликта Романовичей с этим польским князем с участием литовцев, от которого пострадали Вышегород, Люблин и Сохачев (конец 1285—1286 г.).

Противоречия между Львом Даниловичем, Мстиславом Даниловичем и Владимиром Васильковичем обострились тогда, когда тяжело болевший бездетный Владимир должен был решить, как ему распорядиться своим княжеством. Летописец передает и текст его завещания, и его переговоры с Мстиславом Даниловичем, которого владимирский князь выбрал своим наследником, а также со Львом и Юрием в конце 1287—1288 г. В частности, Владимир обосновывает перед Мстиславом свое решение оставить ему свои владения следующим образом: «...се же есмь учинилъ за гордость брата своего и с(ы)новца своего — далъ есмь тобе землю свою»[231]. Можно предположить, что дело было не только в честолюбивых устремлениях Льва и Юрия («гордости»), но и в интересах владимирского боярства, опасавшегося перспективы оказаться под властью галицкого князя, которого поддерживали свои бояре.

Естественно, таким решением Владимира не могли быть довольны Лев и Юрий, которые стали требовать своей доли наследства, — они претендовали на Берестье, соседнюю волость к принадлежавшей им области с Дрогичином и Мельником (области, которая позднее стала называться Подляшье). Владимир им отказал, но после его смерти (10 декабря 1288 г.) несогласие с завещанием проявил Юрий Львович, который весной 1289 г. договорился с жителями Берестья и соседних Каменца и Бельска, что они примут его князем. Мстиславу удалось отстоять свои волости, только пригрозив и Юрию, и его отцу войной в союзе с татарами. Услыхав про планы Мстислава «возводить татар», Лев «убояся того велми»[232]. Юрию пришлось оставить Берестье, а Мстислав наказал горожан за

[228] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 881—882.
[229] Там же. Стб. 882—883.
[230] Там же. Стб. 883—887.
[231] Там же. Стб. 900.
[232] Там же. Стб. 928—930.

«коромолу», заповедовав им с тех пор платить ежегодно дополнительный налог — ловчее[233].

До войны дело не дошло, таким образом, только из-за угрозы вмешательства татар. И такой исход конфликта представляется весьма характерным для политической системы, сложившейся в Галичско-Волынской Руси. В этой системе верховная власть и давление Орды стали важным и неизменным фактором. Из летописи это хорошо видно не только по описанию конфликта Юрия Львовича и Мстислава Даниловича. Так, владимирский летописец, рассказывая еще о первоначальном решении Владимира Васильковича назначить наследником Мстислава и огласить свое завещание, подчеркнул, что оглашение произошло во время похода на Польшу, организованного ордынскими ханами Телебугой и Алгуем (1286). Галичско-волынские князья обязаны были присоединиться к татарам, и именно в присутствии татарских властителей — «при ц(е)с(а)рих и при его рядьцах» — Владимир объявил о своем завещании, согласовывая его таким образом с ними[234]. Как следует из записи на Волынской кормчей, в 1286 г. Владимир ездил к Ногаю, соправителю Телебуги, возглавлявшему Орду, которая кочевала в западной части южнорусских степей («правое крыло» Золотой Орды)[235], — видимо, князь должен был согласовать передачу княжества и с Ногаем.

Очень важны и показательны, конечно, факты принуждения русских князей к участию в военных акциях татар. Помимо похода 1286 г. на Польшу те или иные князья Галичско-Волынской Руси участвовали против своей воли в описанных выше походах на литву в 1277 г., на венгров в 1285 г. Разумеется, эти походы и нарушали устоявшиеся отношения русских князей с их соседями, и приводили к грабежам и убийствам на собственно русской территории, по которой проходили татары. В сообщениях о такого рода совместных действиях с татарами рефреном звучат печальные слова летописца: «...тогда бяхуть князи русции в воли (*вар.*: неволе) татарьскои»[236].

Вне сомнения, эта «(не)воля татарская» выражалась не только в контроле над княжескими владениями и принуждении князей к походам, но и в сборе налогов — тех «даней», о которых заявили Даниилу в ставке Батыя в 1246 г. Собственно в летописном тексте больше ничего не говорится по этому поводу, но вот в завещании Владимира Васильковича, помещенном в ГВЛ (1288), в перечислении налогов и повинностей, которыми обязано население его земли, находим упоминание: «...аже будет князю город рубити, и [о]ни к городу, а побором и тотарьщиною ко князю»[237]. Очевидно, «татарщина» и была этой «данью», которую «хотели» татары. Разумеется, в каких-то случаях князья могли использовать или пытаться использовать сложившуюся систему зависимости от Орды в своих интересах. Так, на ханский авторитет опирались сначала Владимир Василькович, а затем наследовавший ему Мстислав Данилович, в противодействии захватническим планам Льва и Юрия. Да и сам Лев обращался к татарской помощи в некоторых случаях, когда воевал с со-

[233] Текст грамоты с установлением ловчего приводится в летописи: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 932.

[234] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 898. На одобрение завещания татарами Владимир указывал и позднее в переговорах с родственниками: См.: Там же. Стб. 929.

[235] См. текст записи: *Столярова Л. В.* Свод записей, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI—XIV вв. М., 2000. С. 144—145 (здесь несохранившаяся рукопись передатирована 1287 г., но едва ли обоснованно). О Волынской кормчей: *Щапов Я. Н.* Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI—XIII вв. М., 1978. С. 209—213.

[236] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 872, 881, 888, 892, 893, 897.

[237] Там же. Стб. 903—904.

седями (например, в 1275 г. против Литвы или в 1280 г. против поляков[238]). Насколько можно судить по отрывочным данным по истории Галичско-Волынской Руси после 1290 г. (когда заканчивается ГВЛ), эта система сохранялась, несмотря на то что конфигурация княжеских владений менялась. Изменения эти, впрочем, обозначаются только пунктирно.

Обострение междоусобной борьбы среди Пястов вынудило одного из них — черско-мазовецкого князя Конрада II — искать покровительства у Владимира Васильковича. Летописец свидетельствует о том, что перед смертью Владимира навещавший его Конрад просил умирающего князя о «наследовании» покровительства над ним преемником Владимира Мстиславом Даниловичем. Описание процесса смены сюзерена Конрадом II занимает в печатном издании ГВЛ более двух столбцов[239]. После смерти в Кракове Лешка II Черного (30 сентября 1288 г.) жители города пригласили на княжение Конрада II, который отправился на родину с войском Дуная — воеводы Владимира Васильковича. Однако трусость, проявленная Конрадом по пути в Краков у Люблина, когда он спрятался в башне одного из монастырей при приближении неожиданно появившегося войска Юрия Львовича, дискредитировала Конрада в глазах краковян, князем которых стал Индрих (Генрих) IV Пробус (1288—1290). Взять Люблин Юрию так и не удалось, поэтому он ограничился грабежом его окрестностей[240].

Вокняжение во Владимире-Волынском Мстислава Даниловича побудило литовских князей — братьев Букидида и Будивида — отдать ему Волковыйск ради сохранения мира. Перед официальным провозглашением Мстислава владимиро-волынским князем, состоявшимся 10 апреля 1289 г., к нему съехались не только его родственники, но и Конрад II, добившийся у нового князя военной помощи для утверждения в Сандомире[241]. Однако поладить с жителями этого города Конраду так и не удалось, и уже в конце 1289 г. он вынужден был оставить Сандомир. В том же году Лев Данилович, втянутый Болеславом в борьбу за Краков, разорил земли Индриха IV, приведя много пленников, после чего отправился на встречу с чешским королем Вацлавом II (1283—1305), состоявшуюся в августе (место ее неизвестно)[242]. Поскольку ГВЛ доводит свое изложение до 1290 г., до нас дошло значительно меньше информации об участии русских князей в последующих событиях внешнеполитической истории Юго-Западной Руси — в период, предшествовавший ее вхождению в состав Литовского государства.

Мстиславу Даниловичу, несмотря на его успешные действия в 1289 г., не суждено было сыграть в истории своей земли сколько-нибудь существенной роли: он умер где-то на рубеже XIII—XIV вв., у него был сын, но как владетельный князь он неизвестен. Возможно, уже его брат Лев снова объединил в своих руках Волынь и Галич. Но в любом случае, через несколько лет после смерти Льва (он умер в конце 1299 — начале 1300 г.) его сын Юрий выступает правителем всей Галичско-Волынской Руси[243]. Скорее всего, ему принадлежала печать, не сохранившаяся сегодня, но читавшаяся еще в начале XIX в. Она была сделана по западноевропейскому образцу, и его титул звучал так: «Dominus Georgius Rex Russiae / Princeps Ladimiriae» (соответственно, на ли-

---

[238] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 871—872, 881.

[239] Там же. Стб. 906—908.

[240] Там же. Стб. 909—911.

[241] Там же. Стб. 933.

[242] Галицко-Волынская летопись: Текст. Комментарий. Исследование. С. 364, 367.

[243] См. об этом периоде: *Исаевич Я. Д.* Галицко-Волынское княжество в конце XIII—XIV в. // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. 1987. М., 1989. С. 71—77.

цевой и обратной сторонах печати)[244]. Второй титул указывает на важность обретения Владимирской земли для князя, «отчиной» которого была Галичская земля и только часть Волыни.

Королевскому титулу *rex* Юрия Львовича едва ли стоит придавать особое значение (как это иногда делается в литературе), поскольку латиноязычные соседи Галичско-Волынской Руси традиционно именовали русских князей этим титулом. Гораздо важнее представляется его акт церковной политики — очевидно, по его инициативе в 1303 г. была образована особая Галичская митрополия, в которую вошли Галичская, Владимиро-Волынская, Луцкая, Холмская, Перемышльская и Туровская епархии. Вполне вероятно предположение[245], что установление новой митрополичьей кафедры стояло в связи с бегством митрополита Максима в 1299 г. из Киева во Владимир-на-Клязьме из-за «татарского насилья»[246]. Конечно, это событие свидетельствовало о политических амбициях князя[247]. Важно только еще, имея в виду историческую перспективу, видеть в образовании митрополии, которая стала называться «малой Русью» (впервые в делопроизводстве Константинопольского патриархата — Μικρὰ Ῥωσία), свидетельство и обозначившегося коренного расхождения путей развития юго-западных и северо-восточных земель Древней Руси. В начале этого расхождения стояло «татарское насилье», сохранявшее значение важнейшего политического фактора для Галичско-Волынской Руси и в начале XIV в.

Как явствует из приведенных выше фактов, отношения детей Даниила и Василька Романовичей с Венгрией отступили на второй план ввиду не прекращавшихся междоусобиц среди Пястов и нарастания угрозы со стороны литовских племен, часть из которых стала на путь создания сильного государства, расширявшего свои владения за счет русских и польских земель. Что же касается Венгрии, то после смерти Белы IV (1270) там отмечается заметное ослабление королевской власти, вызванное отсутствием на престоле сильных политиков, способных остановить процесс постепенного перехода реальной власти в государстве в руки магнатов. После кратковременного правления Иштвана V (1270—1272) венгерская корона досталась его малолетнему сыну Ласло (1272—1290), получившему из-за матери-половчанки прозвище «Кун» и стремившемуся укрепить королевскую власть путем превращения половцев в первое сословие государства. Эта затея закончилась убийством Ласло IV Куна, которого сменил на престоле последний представитель династии Арпадов Андраш III (1290—1301), прибывший в Венгрию из Венеции и сразу же давший повод другим иностранным родственникам Арпадов по женской линии предъявить свои претензии на корону св. Иштвана. Одним из них оказался галичский князь Лев Данилович, который, возможно, вскоре после смерти Ласло IV захватил Закарпатье или бóльшую его часть, поскольку его сын Юрий был внуком Белы IV. Известно, что ишпан комитата Берег Гергей считался в 1299 г. (по данным венгерских королевских дипломов) «должностным лицом князя русинов Льва»[248].

Борьба за Краков в последнее десятилетие XIII в. способствовала началу собирания польских земель в единое государство.

---

[244] *Купчинський О.* Акти та документи Галицько-Волинського князівства XIII — першої половини XIV століть: Дослідження. Тексти. Львів, 2004. С. 147—148.

[245] *Скочиляс І.* Галицька митрополія XIV — першої половини XV століть: Особливості еклезіального, правового та суспільного статусу // Княжа доба: Історія і культура. Львів, 2011. Вип. 4. С. 252 и сл.

[246] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 485. О дате см.: *Бережков Н.Г.* Хронология русского летописания. М., 1963. С. 122.

[247] *Исаевич Я.Д.* Галицко-Волынское княжество в конце XIII—XIV в. С. 76.

[248] *Fejér G.* Codex diplomaticus… Budae, 1830. T. 6. Vol. 2. P. 213—217, 239—240; *Крип'якевич І.П.* Галицько-Волинське князівство. С. 139.

Преемник Генриха Пробуса Пшемыслав (Пшемысл) II, овладев Малой Польшей и Поморьем, короновался в 1295 г. в Гнезно королевской короной, а сменивший его на краковском престоле Владислав I Локетек сумел сразу же по приходу к власти в 1296 г. расширить свои владения, подчинив и часть Великой Польши. Правда, в 1299 г. Владиславу I пришлось признать сюзеренитет чешского короля Вацлава II и вскоре покинуть Польшу, но после возвращения на родину в 1306 г. Локетек продолжил борьбу за объединение польских земель.

Лев Данилович почти не вмешивается в этот процесс, совершив лишь за год до своей смерти (ок. 1299 г.) разорительный поход на польские земли и закрепившись в Люблине. Главным союзником Льва в то время оставался Вацлав II, с которым галичский князь имел еще одну встречу в 1299 г. в Брно[249]. На фоне крепнущей центральной власти в Польше Венгрия после смерти бездетного Андраша III (1301) стала страной, где в течение первого десятилетия XIV в. шла борьба за утверждение на престоле новой династии, в которой участвовали Вацлав II, Германия и Неаполитанское королевство, где правила Анжуйская династия, представитель которой Карл Роберт (1310—1342) оказался победителем в этой борьбе и основателем новой — венгерской — ветви Анжуйского дома.

Временами перипетии этой борьбы касались и русских земель. Так, в 1308 г. глава одной из магнатских группировок — трансильванский воевода Ласло Кан, у которого хранились все королевские инсигнии, после выхода из заточения пробирался в западные области Венгрии через Русь, Польшу, Силезию и Нижнюю Баварию. Тогдашний галичский князь Юрий Львович, несмотря на принадлежность своей матери Констанции к роду Арпадов, не участвовал в борьбе за венгерский престол и вообще не проводил активной внешней политики, поскольку был увлечен идеей восстановления единства Галичско-Волынской Руси и повышения ее международного престижа. Уже в год получения власти над Галичем (1300) Юрий унаследовал от умершего дяди Мстислава Даниловича Владимир-Волынский. На следующий год после этого Юрий Львович в качестве союзника Владислава I Локетка участвовал в походе на Сандомирщину, приведя с собой отряд ордынцев. Эта военная акция, направленная против претендовавшего на польскую корону чешского короля Вацлава II, свидетельствовала об отказе Юрия от сохранявшегося его отцом союза с Чехией. Эта война закончилась для Юрия неудачей, и он вынужден был оставить в 1302 г. Люблин[250].

Несмотря на то что Карл Роберт в 1310 г. был окончательно (с третьей попытки[251]) коронован, уже без нарушения венгерских обычаев, его враги не сложили оружия. Одним из наиболее непримиримых мятежников стал (предположительно, русин по происхождению) магистр Петр (сын) Петене, который в 1316 г. открыто поддержал противника короля Боршу Копаса и агитировал венгерских магнатов за приглашение на престол галичского князя Андрея Юрьевича. Дважды разгромленные в 1317 г. Борша Копас и Петр (сын) Петене не смогли воплотить в жизнь свои планы, да и Андрей Юрьевич (также приходившийся правнуком Беле IV) не поддержал мятежников присылкой им войска[252]. Одной из причин отказа Андрея и Льва Юрьевичей от уча-

---

[249] Галицко-Волынская летопись. С. 367.

[250] *Крип'якевич І.* П. Галицько-Волинське князівство. С. 141.

[251] Две первые коронации были неполноценными из-за неполноты исполнения необходимого церемониала, чему способствовали действия части знати, поддерживавшей других кандидатов на венгерский престол.

[252] Наиболее подробную биографию Петра (сына) Петене см.: *Волощук М.* «Русь» в Угорському королівстві (XI — друга половина XIV ст.): Суспільно-політична роль, майнові стосунки, міграції / Відр. ред. Л. В. Войтович. Івано-Франківськ, 2014. С. 360—380.

стия в междоусобиях венгерских феодалов, скорее всего, стало нарастание угрозы их владениям со стороны Великого княжества Литовского, которое с вокняжением в нем Гедимина (1315—1341) начало процесс неуклонного расширения своих пределов за счет русских земель. Не желая ставить отражение литовской угрозы в зависимость от военной помощи Золотой орды, Андрей и Лев Юрьевичи в 1316 г. заключили союз с Тевтонским орденом, что ухудшило их отношения с Владиславом I Локетком. Этот не до конца продуманный шаг был на руку Гедимину, развернувшему через несколько лет масштабное наступление на Юго-Западную Русь.

Если верить позднейшему свидетельству Яна Длугоша, Юрий Львович умер в 1308 г.[253] Во всяком случае, в 1315 г. Галичско-Волынской Русью правили уже его сыновья Андрей (старший) и Лев. Видимо, они поделили Волынь и Галич (Андрею и Льву соответственно), но координировали политику[254]. Сохранилось несколько латинских грамот от их имени с печатями, и в этих грамотах они называют себя «Dei gratia duces totius terrae Russiae Galiciae et Lademiriae» («Божей милостью князья всей земли Руси, Галиции и Волыни»); последняя известная грамота — Андрея городам Кракову и Торуню от 27 августа 1320 г.[255] Благодаря этим грамотам кое-что проясняется в их внешней политике, но о внутренней неизвестно почти ничего. Неизвестны и обстоятельства их гибели, хотя этот момент стал роковым в истории Галичско-Волынской Руси, поскольку они оба не оставили наследников и с их смертью династия Романовичей (в мужской линии) пресеклась. Об этих обстоятельствах возможны только догадки, в основном опирающиеся на письмо польского короля Владислава Локетка папе Иоанну XXII 21 мая 1323 г., в котором Владислав сообщал о смерти князей и которое составляет *terminus ante quem* этого события[256]. В письме польский король писал о «земле руси», которой правили погибшие князья, как о государстве, зависимом от татар (платящем им ежегодную дань), но служившем для Польши «несокрушимым щитом» против них. Для поляков, да и для других западно-христианских стран Галичско-Волынская Русь, таким образом, выполняла роль буферного государства.

Начало 1220-х годов стало временем заметного ослабления Галичско-Волынской Руси, что выразилось, прежде всего, в ухудшении ее внешнеполитического положения. При этом Андрею и Льву Юрьевичам пришлось отражать удары соседних государей как с юго-запада, так и с северо-востока. В 1320 г. Петр (сын) Петене поднял новое восстание против Карла Роберта, после подавления которого в 1322 г., по всей видимости, под власть венгерского короля вернулись земли в Закарпатье, некогда захваченные Львом Даниловичем[257]. Примерно в это же время Гедимин начал активно продвигаться на юго-запад, расширяя пределы своего государства за счет владений потомков Романа Мстиславича. Гибель Юрьевичей означала прекращение династии, основанной Романом Мстиславичем. В ходе наступления Гедимина в 1321 г. была разорена Волынь, в 1322 г. захвачен Луцк, а также Берестейская и Дорогичинская земли. В условиях распада Галичско-Волынского княжества на его земли стал претендовать и бывший союзник Юрьевичей Владислав I Локетек, закрепивший за собой в 1320 г. титул поль-

---

[253] Доверяет Длугошу Д. Домбровский: *Dąbrowski D.* Rodowód Romanowiczów książąt halicko-wołyńskich. Poznań; Wrocław, 2002. S. 197—204.

[254] *Грушевський М. С.* Історія України-Руси. Т. 3. С. 114—115.

[255] *Купчинський О.* Акти та документи Галицько-Волинського князівства XIII — першої половини XIV століть. С. 150, 156—157, 160—161.

[256] Болеслав-Юрий II, князь всей Малой Руси: Сб. материалов и исследований. СПб., 1907. С. 152.

[257] *Исаевич Я. Д.* Карпатский регион в эпоху Киевской Руси и феодальной раздробленности // Украинские Карпаты: История / Отв. ред. Ю. Ю. Сливка. Киев, 1989. С. 50.

ского короля. Поскольку у объединителя польских земель было еще недостаточно сил, чтобы эффективно бороться за галичское наследство, он добился от папы Иоанна XXII (1316—1334) провозглашения в 1325 г. крестового похода против «схизматиков», который, однако, не состоялся. Помимо Владислава Локетка, свои претензии на земли Юго-Западной Руси предъявили также силезские князья Индрик (Генрих) и Ян.

Со смертью Юрьевичей история Галичско-Волынской Руси как отдельного политического образования не завершилась. Несколько лет безвластия кончились установлением власти правителя, который сохранил (хотя не в полной мере) единство Галича и Волыни как русского княжества. К концу 1325 г. здесь в качестве *dux terre Russie Galicie et Ladimerie / Regni Russiae* вокняжился представитель мазовецкого (польского) княжеского рода Болеслав Тройденович. Формально он имел права на эту землю как сын Марии Юрьевны, сестры погибших князей, выданной замуж за одного из удельных мазовецких князей Тройдена I (1310—1341)[258]. Видимо, условием его вокняжения было также принятие православия, и в дальнейшем он выступал под именем Юрия. Фактически же его кандидатура (одна из нескольких возможных) была принята, как надо предполагать, в результате договоренности нескольких заинтересованных сторон: с одной стороны, владимирской и галичской знати, а с другой стороны — соседних государств, посчитавших более выгодным для себя сохранение Галичско-Волынской Руси как буферного государства, — Польши, Литвы и, разумеется, Орды, которой в это время правил хан Узбек (1313—1341). В любом случае, без одобрения Орды его вокняжение не могло состояться, и в одном из западных известий прямо говорится о том, что этим князем «обеспечил (procuravit)» русь именно «император татар»[259].

Такое решение давало польским и литовским властям определенные преимущества и рычаги влияния. С одной стороны, естественно, польский князь так или иначе тяготел к Польше и вообще к латинскому миру[260]. С другой стороны, то ли в последние годы правления Юрьевичей, то ли в годы смуты после их смерти Гедимину удалось присоединить к Литве Берестье и Дрогичин, а также посадить на луцкий престол своего сына Любарта. Каким именно образом это произошло, остается непонятным. Если верить позднейшему «Летописцу великих князей литовских», Любарт женился на дочери одного из последних представителей династии Романовичей[261]. Реконструкция жалованных грамот Любарта Луцкому кафедральному собору по позднейшим копиям и упоминаниям позволяет думать, что его вокняжение произошло до декабря 1322 г.[262] Умер он около 1383 г. — больше чем через 60 лет, — поэтому надо думать, что луцким князем он стал в очень молодые годы.

В этой ситуации гибель Болеслава-Юрия в результате придворного заговора надо объяснять недовольством тех или иных автохтонных элементов, видимо, прежде всего элиты Галичско-Волынского княжества. В 1340 г. он был отравлен[263], а князем и во

---

[258] *Dąbrowski D.* Rodowód Romanowiczów książąt halicko-wołyńskich. S. 242—249.

[259] Сообщение швейцарского анналиста Иоанна из Винтертура; см.: Болеслав-Юрий II, князь всей Малой Руси. С. 192.

[260] Свидетельства этого находят и в его контактах с папой, и в истории его женитьбы, и в других фактах.

[261] ПСРЛ. Т. 35. С. 61, 115.

[262] См. о дате: *Турилов А. А.* Жалованная грамота Любарта Гедеминовича Луцкой кафедре и ситуация на Волыни после гибели галицко-волынских Рюриковичей // Восточная Европа в древности и средневековье: Проблемы источниковедения: XVII чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто. IV чтения памяти д-ра ист. наук А. А. Зимина. Москва, 19—22 апреля 2005 г.: Тезисы докладов. М., 2005. Ч. 2. С. 266—268.

[263] Об этом пишет упомянутый выше Иоанн из Винтертура. См.: Болеслав-Юрий II, князь всей Малой Руси. С. 192.

Владимире, и в Галиче был признан Любарт. Однако на этот раз перемена власти не могла устроить все стороны — прежде всего, Польшу, — и в 1340-е годы за Галичско-Волынскую Русь началась долгая борьба между Польшей и Литвой, закончившаяся исчезновением «королевства Русского» как государства.

В правление Болеслава-Юрия, в титулатуру которого уже вошло обозначение «Малая Русь»[264], еще больше стало ощущаться, как писал М.С. Грушевский, «обособление, отчуждение Галицко-волынской Руси от остальных земель бывшей Киевской державы, — отчуждение, созданное, главным образом, клином литовских аннексий и непосредственно зависимых от татар территорий»[265]. И это отчуждение, и вообще падение «королевства Русского» произошли, конечно, прежде всего из-за татар. С момента монгольского нашествия и первых договоренностей Даниила Романовича с татарами в 1242—1243 гг. вплоть до своего падения Галичско-Волынское государство находилось в тяжелой зависимости от Монгольской империи и затем Золотой Орды. Эта зависимость ослабляла борьбу Руси с западными соседями, но и заставляла видеть в них «меньшее зло» по сравнению с татарами.

В историографии с конца XIX в. до сегодняшнего дня сохраняются разногласия по поводу того, насколько сопоставимы условия взаимоотношений с Ордой Галичско-Волынской Руси и других земель Руси. Прославление независимости и величия «Галицко-Волынской державы» свойственно особенно современной украинской историографии, которая ищет в ней исторические корни украинской государственности, идеализируя Даниила Галичского вслед за ГВЛ[266]. Разумнее, кажется, предложение отказаться от противопоставления юго-западных и северо-восточных русских земель в пользу более пестрой картины «региональных особенностей» в зависимости Руси от Орды[267]. Естественно, практика зависела от конкретных обстоятельств и фактического соотношения сил. Возможно, в какие-то периоды и галичско-волынские князья могли добиваться облегчения «ига» — так, мог бороться с Куремсой Даниил, возможно, после падения Ногая в начале XIV в. зависимость ослабела[268]. Но в конечном счете важнее даже не уровень и форма зависимости, а тот факт, что она привела к «отчуждению» и разрыву в развитии разных частей одной политической системы Руси, сложившейся в домонгольское время. К середине — концу XIV в. это расхождение стало осознаваться современниками. При этом, как показано Б.Н. Флорей, «на протяжении второй половины XIII — раннего XIV в. самоидентификация населения с "Русью" и "русскими" прочно утвердилась во всех частях Древней Руси»[269].

---

[264] В разных грамотах он выступал с разными титулами, в одной из них (грамоте Юрия II Тевтонскому ордену 1335 г.) — титул «Dei gratia natus dux totius Russiae Mynoris»: *Купчинський О.* Акти та документи Галицько-Волинського князівства XIII — першої половини XIV століть. С. 180.

[265] *Грушевський М.С.* Історія України-Руси. Т. 3. С. 122—123.

[266] См., например: *Головко О.Б.* Корона Данила Галицького: Волинь і Галичина в державно-політичному розвитку Центрально-Східної Європи раннього та класичного середньовіччя. Київ, 2006; *Александрович В., Войтович Л.* Король Данило Романович. Біла Церква, 2013.

[267] *Горский А.А.* Утверждение власти Монгольской империи над Русью: Региональные особенности. С. 58—79.

[268] *Шабульдо Ф.М.* Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. Киев, 1987. С. 17—23.

[269] *Флоря Б.Н.* Исторические судьбы Руси и этническое самосознание восточных славян в XII—XV веках: К вопросу о зарождении восточнославянских народностей // Этническое самосознание славян в XV столетии. М., 1995. С. 20.

Рязанское княжество

Как было показано ранее, первым русским княжеством, завоеванным монголами, стало княжество Рязанское, захваченное Батыем в первой половине декабря 1237 — январе 1238 г. Установление чужеземной власти над этим княжеством повело к его экономическому упадку, прекращению существования многих городов, изменению его границ. Если в домонгольском Рязанском княжестве ко времени вторжения монгольских туменов насчитывалось в общей сложности 11 городов, то за период с 1238 г. до второй четверти XVI в. в княжестве и в позднейшем Рязанском уезде по источникам указанного времени насчитывалось всего три города, возникших в домонгольское время на территории между реками Окой и Проней: Коломна, Пронск и Ростиславль. Такие древние города Рязанского княжества, как Рязань (Старая), Белгород, Борисов-Глебов, Добрый Сот, Исады, Копонов, Ужеск (Ожеск) в ранних источниках послемонгольского времени не упоминаются. Данный факт свидетельствует о том, что или перечисленные рязанские города были уничтожены монголами (в отношении первоначальной Рязани это именно так), или же они были разрушены ранее Батыева завоевания в результате столкновений рязанских князей с правителями других русских княжеств, а из-за отсутствия средств не были восстановлены даже через многие десятилетия, во времена монгольского господства. Так или иначе, но делается очевидным, что при установлении иноземной власти Рязанское княжество было сильно опустошено.

Отдельно следует сказать об Ольгове. Этот город также не упоминается в исторических материалах 1230-х годов — первой четверти XVI в. как действующий. Однако более поздние источники его упоминают, но называют не Ольговом, а Льговом. Стоял он на р. Проне в 11 км от современной Рязани. Даже полагая, что данный город не пострадал от Батыева погрома и сохранился от последующих нападений ордынцев на Рязанское княжество, все равно количество сохранившихся и число утраченных городов в Рязанском княжестве будет выражено соотношением 4:7, т. е. 63,64% городов в домонгольском Рязанском княжестве после событий 1237/1238 г. перестало существовать.

Особого внимания заслуживает вопрос о времени возникновения современной Рязани, которая изменила свое название в 1778 г. после указа Екатерины II, согласно которому город Переяславль Рязанский по просьбе его жителей переименовывался в город Рязань в память уничтоженной Батыем древней столицы Рязанского княжества. В дошедших до нашего времени исторических источниках Переяславль (Рязанский) впервые упоминается в летописной статье 6808 г. Лаврентьевской летописи: «Того же лѣта Рязаньскыя князи Ярославичи оу Переяславля»[270]. Хотя в сохранившемся тексте пропущено сказуемое, ясно, что речь идет о каком-то важном событии близ города Переяславля, которое затрагивало интересы по меньшей мере нескольких рязанских князей. Как было показано Н. Г. Бережковым, 6808 год в Лаврентьевской летописи был ультрамартовским[271]. Следовательно, некое событие, связанное с рязанским Переяславлем, произошло между 1 марта 1299 г. и 29 февраля 1300 г. Отсюда можно заключить, что в конце XIII в. Переяславль уже существовал. В домонгольское время он не упоминается. Можно думать, что он еще не был построен. Во всяком случае, летописное описание военных действий владимирского князя Всеволода Большое Гнез-

[270] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 485.

[271] *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. С. 122.

до против рязанских князей в 1207 г. говорит о сосредоточении ратных сил у Ужеска, крепости в устье р. Вожи, и о боях у Ольгова[272], позднейшего Льгова. Расположенный в сравнительной близости от этих пунктов Переяславль не указывается, скорее всего, потому, что он еще не существовал.

Определяя время основания Переяславля Рязанского, не следует забывать о том, что стоит этот город на р. Трубеж, правом притоке Оки. В р. Трубеж впадает р. Лыбедь, повторяя название реки, протекающей около Киева. Есть и другой город Переяславль, часто называемый Переяславлем Русским, который тоже стоит на р. Трубеж, но только этот Трубеж является левым притоком Днепра. Переяславль Русский значительно древнее рязанского Переяславля. Появление в Рязанском княжестве в XIII в. города и реки, названных так же, как город и река приднепровские, повторение названия еще одной приднепровской реки говорят о том, что имело место переселение жителей Переяславля Русского и, возможно, Киева на северо-восток, принесших туда свои привычные топонимы и гидронимы. Такое могло произойти только после нашествия Батыя. Нужно напомнить, что Переяславль Русский был взят Батыем в начале марта 1239 г., а Киев — осенью 1240 г. Летописи свидетельствуют об ограблении монголами обоих городов, убийстве и пленении многих жителей, предании огню их церквей и домов. Естественно, уцелевшие люди должны были искать спасения в бегстве. И они бежали в места, где уже побывали завоеватели, надеясь, что вторично монголы в таких местах не появятся. Таким образом, Переяславль Рязанский возник не ранее 1240 г., причем на месте, уже освоенном рязанцами, но опустошенном напавшим на Русь Батыем.

Уже первое упоминание Переяславля Рязанского указывает на его значимость. Именно у Переяславля собрались в 1299/1300 г. рязанские князья, чтобы или договориться о мирном разрешении спорных вопросов, или решить их силой оружия. Более поздние исторические факты подтверждают значимость Переяславля в послемонгольской истории Рязанского княжества.

В этом отношении показательны свидетельства опубликованного в 1922 г. Рогожского летописца. Описывая события 1339 г., его составитель сообщил, что «тое же зимы выиде изъ Орды поселъ[273] а именем Товлубии, его же царь послалъ к городу Смоленьску ратию, а с ним князь Иванъ Коротополъ Рязаньскыи. И приидоша в Переяславль Рязаньскыи, а князь Александръ Михаилович Проньскыи пошел былъ в Орду с выходом къ царю, и срѣтивъ его Коротополъ, има его да пограбилъ, а самого привелъ въ Переяславль Рязаньскыи. И ту оубиенъ бысть князь Александръ Михаилович Проньскыи отъ своего брата»[274]. Далее, рассказывая о событиях 1342 г., тот же составитель отметил, что «того же лѣта вышел из Орды на Русь отпущенъ царемъ на Рязаньское княжение князь Ярославъ Проньскыи, а с нимъ посолъ Киндякъ. И приидоша к Переяславлю, и князь Иванъ Коротополъ затворися в городѣ и билъся весь день с города, а на ночь побѣглъ вонъ из города. И посолъ Киндякъ вшед в город много христианъ полони, а иных избилъ, а князь Ярославъ сѣлъ в Ростиславлѣ»[275]. Оба приведенных летописных рассказа о смене правителей в Рязанском княжестве связаны между собой и свидетельствуют о том, что получение Рязанского княжества местными князьями означало контроль над его столицей. И такой столицей в Рязанском

[272] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 432.

[273] Так в рукописи.

[274] ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 51. Текст издания сверен с рукописным оригиналом.

[275] Там же. Стб. 54.

княжестве послемонгольского времени становится Переяславль, который захватывается у князя-соперника и обороняется от иного князя-соперника. Эта историческая роль Переяславля четко проступает и в последующее время. Так, в одной из летописей под 1460 г. сообщается, что хан Большой Орды Ахмат напал «на Резань град с татары и стоялъ под городом шесть днии, града не взял, поиде прочь»[276]. В другой летописи говорится, что в 1533 г. Рязань, под которой разумелся Переяславль Рязанский, подверглась нападению крымских татар, которые «посады на Резани пожгоша и ко граду приступающе, но града не взяша»[277]. Из этих известий вытекает, что и в XV в., когда еще существовало Рязанское княжество, и в XVI в., когда возник Рязанский уезд, Переяславль Рязанский оставался центром этих политико-административных образований.

Исторические свидетельства XIV столетия указывают на то, что рязанские князья увеличивали количество подвластных им городов за счет приобретения (путем захвата или мирных сделок) городов в соседних с Рязанью княжествах. Так, Симеоновская летопись сообщает, что летом 1338 г. «убьенъ бысть князь Козелскыи Андрѣи Мъстиславичь отъ своего братаничя, отъ Пантелѣева сына отъ окааннаго Василиа, мѣсяца июля въ 23, на память святого мученика Трофима»[278]. Речь идет о вражде близких родственников, племянника с дядей, все они — рязанские князья. Но один из них, князь Андрей Мстиславич, княжил в Козельске, городе, который в домонгольское время относился к Черниговскому, а не к Рязанскому княжеству. Однако приведенное сообщение Симеоновской летописи не является ошибочным. В рассказе о событиях 1364 г. та же летопись сообщает, что на Рязанское княжество напал ордынский князь Тягай, который пожег Переяславль. Против него выступил рязанский великий князь Олег Иванович «съ своею братьею съ Володимеромъ Проньскымъ и Титомъ Козельскимъ»[279]. Здесь снова указывается козельский князь, родственник рязанского князя. Делается очевидным, что город Козельск, давний город Черниговского княжества, по меньшей мере в первой трети XIV в. был захвачен рязанскими князьями, которые правили там в течение нескольких десятилетий. А в целом данный факт говорит о том, что рязанские князья стремились расширить свои владения на запад, где им противостояли небольшие уделы ослабленного Батыем некогда могущественного Черниговского княжества.

С течением времени ситуация изменилась. Козельск оказался в руках московского великого князя Василия I. А заключая в 1402—1404 гг. договор со своим двоюродным дядей, серпуховским князем Владимиром Андреевичем, Василий I в ст. 6 этого договора объявлял о том, что он «пожаловал есмь брата своего молодшего, кнѧзѧ Володимера, и его дѣтеи в вудѣл и в вотчину, дал есмь имъ Козлескъ, как было за мною, за великим кнѧзем»[280].

В договор великого князя литовского Витовта с великим князем рязанским Иваном Федоровичем, заключенный в июле 1427 г., была внесена ст. 9, которая определяла владения сторон: «А великому кнѧз(ю) Витовту в вотчину мою не вступатисѧ, Ивана Федорович(а), в землю, ни в воду поколѣ рубежь Рѧзаньскые земли Переяславьскые, моее вотчин(ы), вынемши Тулоу, Берестеи, Ретан(ь), Спа-

[276] ПСРЛ. М., 2000. Т. 6, вып. 1. Стб. 146—147.
[277] ПСРЛ. СПб., 1853. Т. 6. С. 263.
[278] ПСРЛ. Т. 18. С. 92.
[279] Там же. С. 104.
[280] ДДГ. № 16. С. 43.

ши, Дорожен, Заколотен Гордѣевьскои»[281]. Если рязанскому князю принадлежало Переяславль-Рязанское княжество, то Витовту — Тула и близкие ей волости. Ранее эти город и земли относились к Рязани. Но вторжение сюда литовцев повело к перераспределению владений и к уменьшению территории Рязанского княжества.

Ряд важных свидетельств о послемонгольских городах Рязанского княжества извлекается из «Списка русских городов дальних и ближних». Таково научное определение памятника, в оригинале называющегося несколько иначе: «А се имена градом всем рускым далним и ближним». К настоящему времени выяснено, что этот памятник был составлен в Киеве между 15 декабря 1448 г. и весной 1449 г. Речь в нем ведется о разделении городских церковных приходов между православными епархиями, находившимися на территории Великого княжества Литовского, и епархиями, контролировавшимися митрополитом Московским и всея Руси, расположенными на землях Новгородской республики, княжеств Северо-Восточной Руси, Рязанского и Муромского княжеств. При этом в Список вносились города, как реально существовавшие к середине XV в., так и давно заброшенные к указанному времени, превратившиеся из городов в городища, но расположенные на территории определенных епархий. Иногда составители Списка не знали точно, где находились те или иные города, но тем не менее уверенно указывали их местонахождение, как это было с городом Тмутороканью, перешедшим от Руси к Византии еще в конце XI в. Порою сведения о городах дублировались, поскольку их названия в разных источниках, которыми пользовались составители Списка, писались неодинаково. В ряде же случаев за название города принималось редко встречавшееся название местности или реки[282].

Имея в виду перечисленные особенности «Списка русских городов дальних и ближних», обратимся к анализу одного из разделов этого памятника, который называется «А се Рязаньскии». В разделе к рязанским отнесены следующие города: «Рязань Старая на Оцѣ, а новыи городок Олговъ на усть Пронѣ; Пронескъ, Торческъ, Воино, Шиловъ, Старыи Львовъ, Глѣбовъ, Зарѣческъ, Переяславль на Трубѣжѣ, Михаиловъ, Перевитескъ, Шипино, Ростиславль, Веневъ, Тѣшиловъ, Крилатескъ, Неринескъ, Кулатескъ, Рослаль Польскыи, Свинескъ, Новгородок на Осетрѣ, Бобруескъ, Дубечинъ, на Плавѣ Микитинъ, Вердеревъ, Ломихвостъ, въ верхъ Дону Дубокъ, Корникѣ, Урюпескъ»[283]. Всего указано 30 рязанских городов, но все ли они действительно были городами Рязанского княжества, можно выяснить только после подробного анализа сохранившихся сведений о каждом из них.

Рязань Старая на Оке. Несомненно рязанский город, но город домонгольского прошлого. К середине XV в. он уже не существовал более 200 лет. Такое название было перенесено на территориально-административную единицу Рязанского княжества послемонгольского времени.

Новый городок Ольгов на устье р. Прони. Судя по местоположению, эта небольшая крепость должна была заменить собою разрушенную Старую Рязань, стоявшую в 4 км от устья Прони, и контролировать судоходное движение по Прони и вниз или вверх по Оке, т. е. выполнять прежние оборонительные функции Рязани

[281] ДДГ. № 25. С. 68. Тула — близ современной Тулы; Ретань — на р. Ретанке, правом притоке р. Соловы в нижнем течении последней, к югу от Тулы; Спаши — владение князей Спашских, обладавших землями в позднем Алексинском уезде; Заколотен — видимо, от р. Колоды, протекавшей к югу от Алексина. См.: *Шеков А. В.* Верховские княжества. Середина XIII — середина XVI в. М., 2012. С. 156 и карты.

[282] Подробнее см.: *Кучкин В. А.* Датировка Списка «А се имена градом всѣм рускым далним и ближним» // ДРВМ. 2015. № 3 (61). С. 70—72.

[283] НПЛ. С. 476.

Старой. Поскольку городок Ольгов назван новым, речь должна идти об укреплении, названном по имени рязанского великого князя Олега Ивановича, видимо, пытавшегося в свое время укрепить строительством такого городка восточные границы своих владений.

Пронеск (Пронск). Рязанский город в среднем течении р. Прони, на ее левом берегу. Был создан для борьбы с половцами, кочевавшими по правому берегу Прони (р. Проня разграничивала русские и половецкие земли), но нередко переходившими на левый берег реки и грабившими Рязанское княжество. В послемонгольское время Пронск, видимо, продолжал играть роль пограничной крепости, но теперь защищавшей Рязанское княжество уже не от половцев, а от монголов.

Торческ. Название города происходит от этноса торки (тюрки), которые появились в Восточной Европе в X в. После Батыева нашествия торки в этом регионе уже не упоминаются. В домонгольской Руси известен город Торческ в составе Киевского княжества и город Торчев в составе княжества Владимиро-Волынского. В послемонгольское время эти города не фиксируются. Составители «Списка русских городов дальних и ближних», видимо, не знали, где был расположен Торческ, и приписали его к рязанским городам.

Воино. В летописях упоминается единственный раз при описании разгрома в 1366 г. правившего в Наручади эмира Тягая рязанскими князьями во главе с великим князем рязанским Олегом Ивановичем «подъ Шишевскимъ лѣсомъ на Воинѣ»[284]. Составители «Списка русских городов дальних и ближних» посчитали, что названный в приведенном тексте Воин является городом. Однако в таком случае действия Тягая, пытавшегося уйти от преследовавших его русских ратей, приобретают бессмысленный характер. Получается, что Тягай, стремясь укрыться от преследователей, приводит свои войска к стенам рязанской крепости и, резко ухудшив свою боевую позицию, дает здесь бой гнавшимся за ним рязанским князьям. Поэтому утверждать, что Воин или Воино были названием города, нельзя. Речь может идти о названии местности или водного объекта.

Шилов. Отождествляется с современным селом Шиловым на правом берегу р. Оки, несколько выше устья р. Пары, центром Шиловского района Рязанской области.

Старый Львов. Скорее всего, искаженное название Старого Льгова (Ольгова), о котором говорилось выше и который в XV в. уже не существовал.

Глебов. Другое название г. Борисоглебска. Существовал в домонгольское время.

Зареческ. Возможно отождествление с современным селом Заречье в Рязанской области, расположенным на правом берегу р. Прони в ее верхнем течении.

Переяславль на Трубеже. Столица Рязанского княжества в послемонгольское время. Построен на правом берегу р. Трубеж.

Михайлов. Город Рязанского княжества в верхнем течении р. Прони, примерно в 70 км к юго-западу от современной Рязани. Построен в послемонгольское время для защиты юго-западной границы Рязанского княжества. Поскольку бассейн верхней Прони был владением не рязанских, а пронских князей, можно думать, что Михайлов назван по имени отца князя Александра Михайловича Пронского, убитого Иваном Коротополом в 1339 г. В таком случае временем основания города можно считать первую треть XIV в.

Перевитеск (Перевитск). Город на крутом правом берегу р. Оки между устьем р. Москвы и современной Рязанью. Пострадал от татар в позднее время. Перевитское городище находится близ современного поселка Белый Омут (Белоомут) Московской области.

[284] ПСРЛ. Т. 18. С. 104.

Шипино. Такое название среди современных рязанских городов и крупных сел не встречается.

Ростиславль. Рязанский город на правом берегу р. Оки, в 9 км ниже по Оке от г. Озеры Московской области. В настоящее время не существует.

Венев. Город в современной Тульской области, в 51 км (по прямой) от рязанского города Михайлова. Построен на крутом левом берегу р. Веневки.

Тешилов. Центр волости Тешилов, располагавшейся по правому берегу р. Оки. Городище Тешилов находилось в бывшем Каширском уезде Тульской губернии.

Крилатескъ. Такое название среди современных рязанских городов и крупных сел не встречается.

Неринеск. Впервые и единственный раз Нериньск упоминается в Ипатьевской летописи при описании событий 1147 г. Стоял он на левом берегу р. Оки. В различных указателях и справочниках сообщается, что он относился к территории Рязанского княжества. Однако в 1147 г. самостоятельного Рязанского княжества еще не существовало. Нериньск был владением новгород-северского князя Святослава Ольговича, его военной базой. Оставив Нериньск, Святослав Ольгович перешел Оку для встречи с союзными половцами. Следовательно, Нериньск находился на левом берегу Оки. Распространенное заключение о рязанской принадлежности Нериньска делается на основании его отнесения к рязанским городам в рассматриваемом «Списке русских городов дальних и ближних», отнесения, корректность которого должна быть обоснована. В последнее время распространилось утверждение, будто безымянное городище близ с. Подмоклово Серпуховского района Московской области и есть древний Нериньск. Однако Подмоклово расположено на правой стороне р. Оки на юго-запад от г. Серпухова. Следовательно, городище близ Подмоклово не может быть Нериньском, левобережным окским городом.

Кулатеск. Такое название среди современных рязанских городов и крупных сел не встречается.

Рославль Польский. В свое время М. Н. Тихомиров, опираясь на исследование И. П. Сахарова, считал, что этот город может быть отождествлен с с. Ростиславль на р. Вашане в 40 км к северу от Тулы[285]. Однако село Ростиславль не имеет определения «Польский» и в степи не стоит. Поэтому предложенное отождествление не может быть принято. Судя по названию, этот город находился в Поле, т. е. к югу от течения р. Прони. Появление такого города в составе Рязанского княжества может говорить о том, что еще до середины XV в. рязанские князья пытались закрепиться на землях к югу от р. Прони, но преуспели в своих стремлениях мало. Других указаний на рязанские города, строившиеся близко к кочевьям монголов, нет.

Свинеск. Этот город искали то близ Венева, то близ Серпухова на правобережье р. Оки[286]. Но возможно, что он находился на р. Свинке, впадавшей в р. Полосну[287]. Он может быть сопоставим и с с. Свинусы, стоявшим близ Старой Рязани. Множественность вариантов затрудняет локализацию Свинеска и не позволяет использовать сведение о нем при характеристике рязанских городов в послемонгольское время.

Новгородок на Осетре. Рязанский город при впадении р. Осетр, правого притока р. Оки, в эту реку.

Бобруеск. С таким названием известен единственный город, построенный между белорусскими городами Минск и Могилев.

---

[285] *Тихомиров М. Н.* «Список русских городов дальних и ближних» // *Тихомиров М. Н.* Русское летописание. М., 1976. С. 122.

[286] Там же. С. 121.

[287] *Анпилогов Г. Н.* Рязанская писцовая приправочная книга конца XVI века. М., 1982. С. 216, 227, 232.

Самое раннее известие о Бобруйске относится к 1387 г. По-видимому, к середине XV в. Бобруйск как город проявлял себя слабо и был малоизвестен, почему и оказался в числе рязанских, а не литовских городов в «Списке русских городов дальних и ближних».

Дубечин. На территории современной Рязанской области такой или подобный топоним отсутствует. Поэтому следует воздержаться от отнесения Дубечна к числу рязанских городов.

На Плаве Микитин. До настоящего времени не сохранился. По мнению М.Н. Тихомирова, стоял на месте позднейшей Кропивны[288].

Вердерев. Ныне село на северо-восток от Скопина, на р. Верде, на которой стоит и Скопин.

Ломихвост. Местоположение этого города до последнего времени не было установлено. Сравнительно недавно в Википедии было высказано любопытное соображение. Оказывается, ломихвост является другим названием птицы скопы. А поселение с последним названием в Рязанской области хорошо известно. Это город Скопин, в настоящее время центр одноименного района Рязанской области.

В верх Дону Дубок. Ныне с. Дубки Данковского района Липецкой области. Дубок был расположен на левом берегу р. Дон.

Корнике. Указание на то, что название Корнике совпадает с названием р. Карнички, впадающей в р. Шат, сделано М.Н. Тихомировым. Он же указал на поселение Карнички, стоящее в устье Карнички[289]. Некоторые уточнения в локализацию М.Н. Тихомирова внес Р.В. Клянин[290]. Корнике локализуется на окраине деревни Городищи в Веневском районе Тульской области при впадении в р. Шат речки Карнички.

Урюпеск. Сопоставление данного города с созвучным современным Урюпинском вызывает саркастические улыбки: и топонимы не строго идентичны, и Рязанское княжество отстояло на сотни километров от слияния Дона с Хопром, где был построен Урюпинск (от Рязани до Урюпинска по прямой 452 км). Но если исходить из того, что средневековые государства часто имели владения-анклавы, сопоставление не покажется чересчур странным. В XV в. Литва довольно продолжительное время владела рязанским Пронском, а расстояние между Вильнюсом и Пронском составляет по прямой примерно 900 км. И все же для бесспорного утверждения, что Урюпеск-Урюпинск действительно был рязанским городом или там был какой-то русский квартал, нужны подтверждающие археологические данные. Поэтому следует воздержаться от признания этого города рязанским.

Итак, из 30 «рязанских» городов, названных в разделе «А се Рязаньскии» «Списка русских городов дальних и ближних», к прежде бывшим, а также к существовавшим к середине XV в. рязанским городам можно отнести 20 городов: Рязань Старую, новый городок Ольгов на устье Прони, Пронск, Шилов, Старый Львов (Льгов), Глебов, Зареческ(?), Переяславль на Трубеже, Михайлов, Перевитеск, Ростиславль, Венев, Тешилов, Рославль Польский, Новгородок на Осетре, на Плаве Микитин, Вердерев, Ломихвост (Скопин), в верх Дону Дубок, Корнике. 10 городов точной локализации не поддаются. Однако таких на треть меньше, чем городов с достаточно точным рязанским местоположением. Это означает, что составители данных о рязанских городах в «Списке русских городов» довольно определенно знали, где находятся те или иные рязанские города, но не всегда твердо.

---

[288] *Тихомиров М. Н.* «Список русских городов дальних и ближних». С. 123.

[289] Там же.

[290] *Клянин Р.В.* Корнике — город Рязанского княжества // Труды VI Междунар. конгресса славянской археологии. Т. 2; Славянский средневековый город. М., 1997.

Из 20 рязанских городов, указанных в Списке, такие центры, как Рязань Старая, Старый Львов (Льгов), Глебов, уже не существовали. Зато сохранился древний Ростиславль, основанный в XII в., и относящийся к тому же столетию Пронск. Остальные 15 рязанских городов возникли уже в послемонгольское время. Это новый городок Ольгов на устье Прони, Шилов, Зареческ(?), Переяславль на Трубеже, Михайлов, Перевитеск, Венев, Тешилов, Рослаль Польский, Новгородок на Осетре, на Плаве Микитин, Вердерев, Ломихвост (Скопин), в верх Дону Дубок и Корнике. Наибольшее число из перечисленных городов было построено по р. Оке на ее правом берегу: новый городок Ольгов на устье Прони, Шилов, Переяславль на Трубеже, Перевитеск, Тешилов, Новгородок на Осетре. Это территория рязанских князей, правивших в Переяславле Рязанском. Очевидно, княжение в этом центре давало возможность распоряжаться бо́льшими средствами и людскими ресурсами, чем в других рязанских городах. С одной стороны, это позволяло строить новые города, крепить защиту своих владений, контролировать поборы с речных торговцев, а с другой — приводило к ожесточенной борьбе между рязанскими князьями за обладание переяславским столом.

Остальные девять рязанских городов были рассеяны на достаточно большом пространстве от верховьев р. Дон на юге до Крапивны и Тулы на севере. Но возникновение таких городов, как Михайлов, Скопин, Вердерев, возможно, Зареческ, Рослаль Польский, скорее всего, связано с проблемами защиты юго-западных рязанских земель от нападений со стороны Орды, и эти города были построены пронскими князьями.

Особый интерес вызывает отнесение к рязанским городам в «Списке русских городов дальних и ближних» Венева и Корнике. Оба города в домонгольское время не упоминаются. Следовательно, они возникают в послемонгольский период. Но защищают они Рязанское княжество не со стороны Орды, не со стороны усиливавшейся Москвы, а с запада. Показательно, что Козельск, бывший в XIV в. одним из рязанских городов, по «Списку русских городов дальних и ближних», составленному в конце 1440-х годов, считается уже городом литовским[291]. Это результат политических изменений в Восточной Европе в первой половине XV столетия.

Что касается позднейшей судьбы рязанских городов и территории Рязанского княжества, то здесь следует заметить, что вторая половина XV в. представлена значительно бо́льшим количеством источников по истории Рязанского княжества, чем период с начала 1240-х годов по середину XV в., однако сведений о рязанских городах и землях Рязанского княжества в них содержится меньше. Тем не менее они весьма показательны. Так, в заключенном 9 июня 1483 г. договоре великого князя всея Руси Ивана III и рязанского великого князя Ивана Васильевича припоминался давний эпизод из истории московско-рязанских отношений: «А что купля отца нашего, великого князя Василья Васильевича, за рѣкою за Окою Тешилов и Венев, и Растовець, и иная мѣста, и тѣ*м* наши*м* земля*м* със твоею землею рубе*ж* у Оки, с усть Смѣ*д*вы, въверхъ по Смѣдвѣ до о́сть Песоче*н*ки, а Песоче*н*кою до верховья Песоче*н*ско*г*(о), а ѡ*т* верхо*в*(ь)я Песоче*н*ки чере*з* лѣ*с* прѧмо к Осетру, к усть Кудеснѣ, а Куде*с*ною въве*р*хъ до ве*р*ховьа, а ѡ*т* ве*р*ховиа Куде*с*ны прѧмо к верхъ Таба*л*о*м*, а по Таба*л*о*м* на ни*з* в Дѡ*н*». А далее указывалось, что рязанский великий князь не должен «въступатися в нашу ѡ*т*чину вь Еле*ч* и во вся Елецская мѣста»[292], т. е. навек распро-

[291] *Тихомиров М. Н.* «Список русских городов дальних и ближних». С. 135.
[292] ДДГ. № 76. С. 285.

ститься со своими старыми владениями, перешедшими к Ивану III. Ивана Васильевича сменил на рязанском великокняжеском столе его младший брат Федор. Детей он не имел, и когда умирал в 1503 г.,[293] то составил завещание, согласно которому свой первый удел, каким он владел до посажения на рязанский великокняжеский стол, передал Ивану III. По своим размерам это была треть всего Рязанского княжества. Она примыкала к московским землям[294]. Таким образом, малолетний рязанский великий князь Иван Иванович и его окружение вынуждены были смириться с крупной территориальной утратой, потерей одной трети Рязанского великого княжества, в 1503 г. ставшей московской отчиной. Возникал вопрос о будущем двух остальных третей Рязанского княжества, принадлежавших рязанскому великому князю Ивану Ивановичу. Однако он был решен не сразу. Московскому правительству потребовалось еще 16 лет, чтобы отнять эти трети у рязанского князя и присоединить их к владениям нового великого князя всея Руси Василия III. Рязанское княжество было преобразовано в уезд и стало управляться наместниками и волостелями, назначаемыми московским правительством из числа местных землевладельцев или лиц из других центров Русского государства.

Как же жило и развивалось население этого самого юго-восточного русского княжества в послемонгольское время, как боролось оно за существование со своими соседями, какую политику проводили князья Рязани, менялась ли структура княжеской власти — такие и подобные вопросы встают перед каждым исследователем прошлого Рязанской земли. Следует, однако, иметь в виду, что источники по истории Рязанского княжества послемонгольского времени редки и скудны. В основном это летописные своды конца XV — первой половины XVI в. общерусского содержания, московские великокняжеские или митрополичьи. В них можно найти до нескольких десятков записей, касающихся истории Рязанского княжества с конца 1230-х годов по начало XVI в. Но записи эти кратки и однообразны. Они сообщают о вступлении того или иного князя на рязанский стол, его борьбе с соперником, если такой соперник появлялся, смерти правившего князя, его наследнике. Помимо внимания к главным светским правителям Рязанского княжества авторы записей проявляли внимание и к лицам, возглавлявшим Рязанскую (позднее — Рязанскую и Муромскую) епархию. Кто и когда выбирался или назначался на эту должность, когда умирал, кто становился его преемником. При этом описания боевых действий и подвигов князей давались очень редко, а о строительстве ими городов, возведении там церквей, принятии каких-то правовых норм не говорилось вообще. Совершенно не освещалась и не оценивалась деятельность церковных иерархов.

Самым ранним известием по истории Рязанского княжества послемонгольского времени является запись 1252 г. о восшествии на рязанский стол князя Олега Ингваровича. Симеоновская летопись сообщает, что он был отпущен татарами «на свою землю на великое княжение», и называет его братом рязанского великого князя Юрия Ингваровича[295]. Московский свод конца XV в. более краток. Он говорит только об отпуске Олега Ингваровича татарами в свою землю и называет его внуком Игоревым[296]. Текст Симеоновской летопи-

---

[293] *Экземплярский А. В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г.: В 2 т. СПб., 1891. Т. 2. С. 646, примеч. 2095.

[294] Теперь это Зарайский район Московской области.

[295] ПСРЛ. Т. 18. С. 70.

[296] ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25. С. 142.

си представляется более точным. Он свидетельствует об освобождении князя Олега Ингваровича от татарского плена, а свободу он получил потому, что главный стол в Рязанском княжестве оказался пустующим. Умер князь Юрий, старший брат Олега. Стоит обратить внимание на то, что оба брата титулуются великими князьями. Это может свидетельствовать о том, что внутри Рязанского княжества шла борьба между разными линиями рязанских князей, как это было в начале XIII в. до монгольского нашествия, и одна из этих линий, скорее всего, потомки князя Игоря, сумела возобладать над другими, провозгласив себя великими князьями. В целом же рязанские события 1252 г. свидетельствуют о том, что монголы тщательно следили за политическим состоянием самого близкого к их кочевьям древнерусского княжества, вторгались в его внутреннюю жизнь и на главный стол сажали нужных им кандидатов.

В правление Олега Ингворовича население Рязанского княжества было подвергнуто насильственному налогообложению со стороны монголов. По сообщению Лаврентьевской летописи, зимой в начале 1258 г. монгольские «численици исщетоша всю землю Сужальскую и Рязаньскую, и Мюромьскую» и поставили там свою администрацию: десятников, сотников, тысячников и темников[297]. А. Н. Насонов установил, что в данном случае налогообложение проводили не сарайские чиновники ордынского хана Берке, а каракорумские представители великого хана Менгу[298]. Несомненно, что наложенная на рязанцев монгольская дань ничего положительного им не принесла или не должна была принести. Но в 1262 г. Сарайская Орда отделилась от Каракорума, перестала исполнять его распоряжения и платить дань великим ханам. Поэтому возможно, что налоговые тяготы рязанцев ослабли, и они приписывали такие ослабления своим князьям. Во всяком случае, относительно подробное описание смерти и похорон князя Олега Ингворовича говорит скорее о положительном отношении к нему со стороны его окружения, чем о безразличии, тем более — о неприятии. Согласно летописи, князь Олег умер в среду страстной недели 1258 г. «въ чернцѣхъ и въ скимѣ». 20 марта его захоронили в церкви Св. Спаса. Указанные в летописи хронологические данные согласуются друг с другом. Страстная неделя в 1258 г. приходилась на 18—24 марта, среда этой недели была 20-го числа. Князь Олег Ингворович, видимо, умер и был похоронен в один день. Такое бывало, когда срочно надо было определить наследника умершего князя. Важно и летописное указание на место захоронения Олега Ингворовича. Спасский собор был главным храмом Переяславля Рязанского. В таком случае уточняется время основания этого города — между 1240 и 1258 гг.

Наследником князя Олега стал его сын Роман. Это следует из еще одной записи, включенной в летописную статью 6778 (1270) г., которая говорит об убиении 12 июля рязанского великого князя Романа Ольговича[299]. Казнили князя Романа монголы, причем казнили самым жесточайшим образом. Они резали тело его на куски, а когда он умер, отрезали голову, сняли с нее кожу и воткнули на копье, чтобы все видели, как монголы умеют расправляться с врагами. Но странное дело, летописец их за такие зверства не осудил. Зато он обратился с поучением к русским князьям: «О възлюбленнии князи Русскии! Не прелщаитеся пустошною и прелестною славою свѣта сего, еже хужьши паучины есть и яко стѣнь мимо идеть, не принесосте бо на свѣтъ сеи ничто же, ниже отнести може-

[297] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 473.

[298] *Насонов А. Н.* Монголы и Русь: История татарской политики на Руси. М.; Л., 1940. С. 12—16.

[299] ПСРЛ. Т. 18. С. 73.

те, не обидите меншихъ си сродникъ своихъ...» Подобное обращение указывает на то, что расправа над Романом Ольговичем была предпринята за его неправильное поведение по отношению к своим младшим родичам, рязанским князьям других линий. В этой связи помещенное под 6806 г. ультрамартовским (1297/98 г.) в Симеоновской летописи сообщение о смерти князя Ярослава Пронского разъясняет, с кем мог бороться великий князь Роман Ольгович. Это были пронские князья, но, возможно, не только они. Поэтому трудно определить родовую принадлежность князя Федора, занимавшего рязанский стол после Романа Ольговича и умершего зимой 1294 г.[300]

XIV столетие началось в истории Рязанского княжества с крупных неудач. Осенью 1301 г. на Рязанское княжество напал московский князь Даниил Александрович. В битве близ Переяславля Рязанского он разгромил переяславского князя Константина, взял его в плен и отвез в Москву. Успех московского соседа Рязани объясняется, скорее всего, разрозненностью рязанских князей, их обособленностью и отсутствием общих целей. После московского пленения Константина не было сделано ни одной попытки со стороны его родственников освободить своего главу военной силой или выкупить его, собрав необходимые средства. В плену Константин пробыл шесть лет. Симеоновская летопись отмечает, что в 1307 г. новый московский князь Юрий Данилович, старший сын умершего в 1303 г. московского князя Даниила Александровича, вернувшись из Рязани, зимой велел убить Константина[301]. Видимо, предшествовавшее посещение Рязанского княжества убедило Юрия в том, что на Рязани равнодушно относятся к судьбе пленника и не готовы делиться с ним ни землями, ни средствами. Для Москвы же столкновение с Рязанью привело к существенному приобретению. Была присоединена Коломна с ее многими и весьма плодородными волостями, открывавшая Москве, Переяславлю-Залесскому, Владимиру и другим, близким к ним, городам удобный путь на юг, к р. Оке.

Разделенные многими годами отдельные известия второй четверти XIV в. о Рязани продолжают содержать сведения о внутренней борьбе в рязанском княжеском доме. Под 6835 (1327) г. летопись сообщает о убиении рязанского князя Ивана Ярославича[302]. Судя по отчеству казненного, он принадлежал к роду рязанских Рюриковичей, сыновьям Ярослава Пронского, обладавшего и рязанским столом. Расправа с Иваном Ярославичем свидетельствует о том, что в Рязанском княжестве мало считались с великокняжеским статусом и без всякого снисхождения уничтожали своих противников.

В 1339 г. были убиты два рязанских князя. 23 июля князь Василий Пантелеевич, которого летописец называет «окаянным», убил своего родного дядю козельского князя Андрея Мстиславича. Здесь речь не шла о главном столе Рязанского княжества, дело касалось, скорее всего, центра удела, но власть над уделом достигалась убийством близкого родственника. Через несколько месяцев в Рязанском княжестве появился ордынский посол Товлубий с войском. Его главной целью был Смоленск, но попутно Товлубий должен был решить рязанские конфликты. Вместе с ним в княжество прибыл рязанский князь Иван Коротопол. В это время князь Александр Михайлович Пронский пошел было к сарайскому хану Узбеку с выходом, т. е. с собранной с населения Рязанщины ордынской данью. Поскольку выход собирался и доставлялся в Орду великими князьями, надо полагать,

[300] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 483.
[301] ПСРЛ. Т. 18. С. 86—87.
[302] Там же. С. 90.

что Александр Пронский был великим князем рязанским. Но к Узбеку Александр не попал. Иван Коротопол пленил князя Александра Пронского, отнял у него выход, привел в Переяславль Рязанский и там убил. Сам же занял главный рязанский стол. Летописец говорит, что убитый и убийца были братьями[303].

Через три года, уже после смерти хана Узбека, в Рязанском княжестве появился новый ордынский посол, на сей раз — Киндяк. Вместе с ним пришел князь Ярослав Александрович Пронский, который, по словам летописи, был «отпущенъ царемъ изъ Орды на Рязаньское княжение». Однако князь Иван Коротопол не уступил сыну убитого им князя своей столицы — Переяславля Рязанского. Целый день он ожесточенно отбивался от осадивших город ордынцев и русских, но ночью тайно бежал из Переяславля. Рязанским князем стал Ярослав Александрович. Иван Коротопол, видимо, делал попытки вернуть себе рязанский стол, но они не были удачными. В 1343 г. князь Иван Иванович Коротопол был убит[304]. Летопись пишет, что в 1350 г. преставился князь Василий Александрович Рязанский[305]. По-видимому, это тот же князь Ярослав Александрович, но названный по своему христианскому имени.

Вторая половина XIV в. — это эпоха рязанского великого князя Олега Ивановича, самого известного и, пожалуй, самого значительного правителя Рязанского княжества за все время его существования. Отец князя Олега Иван Иванович и дед Олега князь Иван Ярославич были великими князьями рязанскими, но неизвестно, в какие точно годы они правили. Сам князь Олег сел на стол в молодом возрасте. Летопись называет его «младым», когда говорит о событиях 1354 г.[306] Поскольку Олег умер 5 июля 1402 г.,[307] прожив достаточно долгую по средневековым меркам жизнь, можно думать, что родился он в 1330-е годы.

Первым крупным самостоятельным действием князя Олега Рязанского, зафиксированным летописью, было нападение на Московское княжество. 22 июня 1354 г. Олег и его рязанцы неожиданным ударом захватили волость Лопасню и взяли в плен московского наместника Михаила Александровича, одного из виднейших московских бояр. Наместник был уведен в Рязань, ему много пакостили и едва освободили за крупный выкуп[308]. Причины столь неожиданного нападения рязанцев на Московское княжество источниками не раскрываются, но можно указать на две вероятные. Или Олег мстил московскому князю Ивану Ивановичу, отцу Дмитрия Донского, за захват пограничных рязанских земель, или Олег действовал по наущению других русских князей и новгородцев (он был млад), которым предстояла поездка в Сарай для выбора великого князя владимирского, стараясь задержать на Руси главного претендента на владимирский великокняжеский стол — московского князя и провести на этот стол своего кандидата. Последнее представляется более вероятным.

По возвращении из Орды ставший великим князем владимирским московский великий князь Иван Красный примирился со своим воинственным соседом Олегом Рязанским. Лопасненский наместник Михаил Александрович был выкуплен и вернулся в Москву. В Москве же надолго запомнили тот факт, что в соседней Рязани появился новый, решительный и смелый правитель, у которого есть достаточно сил, чтобы нанести внезапные удары по Мо-

[303] ПСРЛ. Т. 18. С. 93.
[304] Там же. С. 94.
[305] Там же. С. 97.
[306] Там же. С. 98.
[307] Там же. С. 150.
[308] Там же. С. 98—99.

скве. Поэтому московские правящие круги с 1360-х годов стали проводить двойственную политику по отношению к Рязанскому княжеству. Они старались избегать конфликтов с рязанским великим князем Олегом Ивановичем, но в то же время поддерживали пронских князей, не давая Рязани поглотить Пронск. Это ослабляло позиции великого князя Олега, который был вынужден тратить дополнительные силы и средства для поддержания стабильности в собственном княжестве. К тому же в начале 1360-х годов резко усилилась северо-западная соседка Рязани Москва, присоединившая к себе Великое княжество Владимирское. Плохо предсказуемой становилась политика Орды, то распадавшейся на несколько ханств и эмиратов, то сплачивавшейся под властью отдельных временщиков или чингисидов (после 1380 г.). С запада Рязанскому княжеству начинала угрожать новая опасность — со стороны Великого княжества Литовского. Все это требовало от Олега Рязанского продуманности и взвешенности своих политических решений, дипломатических и военных шагов, искусства пользоваться благоприятными моментами и умения скрываться от военных опасностей.

В частности, одна из таких опасных военных ситуаций сложилась в Рязанском княжестве всего четыре года спустя после нападения князя Олега на Московское княжество. В 1358 г. в Рязанское княжество приехал «посолъ великъ изъ Орды, царевъ сынъ именемъ Маматхожа», главной целью которого было установление новых границ Рязанского княжества с Московским и Великим княжеством Владимирским. Пересмотр границ не удался, поскольку посол был отозван в Сарай новым ханом и там убит. Тем не менее он успел сделать в Рязанском княжестве «много… зла»[309].

Через несколько лет Рязанское княжество вновь подверглось испытанию со стороны татар. На сей раз беда пришла с другой стороны. Закрепившийся в Наручади (современной Мокше) ордынский князь Тягай в 1366 г. напал на Рязанское княжество и пожег его столицу Переяславль. Великий князь рязанский Олег «съ своею братьею съ Володимеромъ Проньскымъ и Титомъ Козельскимъ», собрав свои силы, бросился в погоню. Под Шишевским лесом они настигли Тягая. Произошел упорный бой, в котором ордынский князь потерпел поражение и едва смог ускользнуть от своих преследователей[310]. Описание победы рязанских князей над Тягаем свидетельствует, что Олег сумел организовать своих сородичей для отпора внешнему врагу, но единоличной власти в княжестве еще не добился, Рязанское княжество продолжало делиться на уделы.

Тем не менее коллективные действия рязанских князей стали входить в норму, делаясь постоянными. В 1370 г. литовский великий князь Ольгерд Гедиминович организовал поход на набиравшую военную и политическую мощь Москву. Это был уже второй поход этого князя на стольный город московских Даниловичей. Как и первый, он кончился неудачей для нападавших. Но характерно, что в отражении нападения Ольгерда принял участие пронский князь Владимир Дмитриевич, а князь Олег Рязанский придал к его дружине свой полк[311].

Успешное участие ратников князя Олега в защите Москвы, по-видимому, подвигло рязанского правителя к решительным действиям внутри Рязанского княжества. По ряду деталей последующих событий можно догадываться, что он решил уничтожить пронский удел князя Владимира Дмитриевича, рассчитывая на нейтрали-

[309] ПСРЛ. Т. 18. С. 100.
[310] Там же. С. 104.
[311] Там же. С. 110.

тет московского князя, которому он совсем недавно существенно помог в борьбе с великим князем литовским Ольгердом. Однако Дмитрий Московский нейтральным не остался. В конце 1371 г. он направил войско во главе со своим лучшим полководцем князем Дмитрием Михайловичем Боброком Волынским на Олега Рязанского. Рязанцы встретили москвичей у Скорнищева. Согласно более поздней договорной грамоте 1403 г. между московским великим князем Василием I и великим князем рязанским Федором Ольговичем, Скорнищево находилось «у города», т. е. рядом с Переяславлем. Очевидно, главным объектом нападения москвичей должна была стать столица Олега Рязанского. Здесь в ее окрестностях за несколько дней до Рождества произошло крупное сражение. Рязанцы, рассчитывавшие на слабость москвичей, были разбиты, а князь Олег «едва убѣжалъ». На рязанский великокняжеский стол взошел князь Владимир Пронский[312]. Пробыл он на нем недолго. Весной или в начале лета 1372 г. великий князь рязанский Олег Иванович, собрав воев, «прииде ратью на Рязань изгономъ» и согнал Владимира Пронского с великокняжеского стола. Верховная власть в княжестве вновь оказалась в руках Олега. Московское правительство, занятое борьбой с другими своими противниками Литвой и Тверью, было не в состоянии помочь пронскому князю. Оно пошло на мир с Олегом и со временем даже сблизилось с ним. Но произошло такое сближение не сразу.

Летом 1373 г. на Рязанское княжество «на Олга князя» напали татары «отъ Мамая». Они пожгли города, «а люди многое множество плѣниша и побиша, и сътворше много зла хр[и]стианомъ, и поидоша въсвояси». Московский князь Дмитрий Иванович, собрав все свои силы, встал на левом берегу Оки, пытаясь не пустить татар на свою территорию. Здесь к нему присоединился его двоюродный брат Владимир Серпуховский, вернувшийся из Новгорода Великого. Братья преградили путь татарам в свои владения, но рязанцам московские князья не помогли, из чего можно заключить, что их отношения с Олегом Рязанским если и были мирными, но не были близкими. Большие людские и материальные потери, понесенные Рязанским княжеством в 1373 г., видимо, заставили Олега искать поддержки своих северо-западных соседей. Через два года отношения между князьями изменились к лучшему.

В 1375 г., заключая мир с поверженной Тверью, московская сторона добилась включения в текст договора ст. 39 и 41, в которых шла речь о суде по спорным вопросам между тверскими и московскими князьями, а также общими (Москвы и Твери) судьями. В случаях несогласия сторон следовало обращаться к третейскому судье. Им был назван рязанский великий князь Олег: «А что сѧ оучини*т* межи на*с*, кнѧзеи, каково дѣло, ино съѣдутсѧ боѧрѣ наши на рубежь да межи на*с* поговорѧ*т*. А не оуговорѧтсѧ, ини ѣду*т* на третии, на кн(ѧ)зѧ на великого на Ольга» (ст. 39); «А о чем суд(ь)и наши вопчии сопру*т*сѧ, ини ѣду*т* на третии, на кн(ѧ)зѧ великого на Ольга» (ст. 41)[313]. Из дальнейших событий выясняется, что Москва и Рязань договаривались не только об общей политической позиции по отношению к своим соседям, но и о военной поддержке друг друга.

Летом 1378 г. фактический правитель Орды темник Мамай, недовольный политикой московского великого князя Дмитрия Ивановича и его союзников, послал на Русь значительное войско для устрашения и усмирения русских данников. Во главе войска был поставлен темник Бегич, а ему приданы войска еще пяти темников. Стало известно, что Мамаева конница пойдет на

[312] ПСРЛ. Т. 18. С. 112.
[313] ДДГ. № 9. С. 28.

русские земли через территорию Рязанского княжества. Московский князь Дмитрий Иванович решил встретить эту конницу за пределами собственных владений. Со своими полками он двинулся вниз по Оке и расположился близ впадения в нее р. Вожи, на ее левом берегу, в нескольких километрах от Переяславля Рязанского. То была территория Рязанского княжества, и это свидетельствовало о том, что известие о движении Бегича было передано Москве Олегом Рязанским. Бегич не ожидал встретить на Воже русские рати. Некоторое время он раздумывал, надо ли форсировать реку, но все же «не по мнозѣхъ же днехъ» решился. И сразу же оказался в ловушке. С одной стороны на него ударил московский воевода окольничий Тимофей Васильевич Волуй, с другой — пронский князь Даниил, а «въ лице» — великий князь Дмитрий Московский. Разгром ордынцев был полным. С остатками войска Бегич бежал к Мамаю, оставив победителям богатые трофеи.

Косвенное и прямое участие в этой победе рязанцев было очевидным. Разъяренный Мамай быстро собрал новые силы и уже осенью 1378 г. «вборзѣ безъ вѣсти изгономъ» напал на Рязанское княжество. Князь Олег Рязанский, не ждавший нападения, бросил свою столицу Переяславль и сумел укрыться где-то на левом берегу р. Оки. Некоторые летописи софийско-новгородской группы сообщают, что князь Олег ускользнул из татарских «рукъ убѣжа истрѣляпъ». Столица Олега Переяславль была захвачена ордынцами. Они сначала разграбили город, а затем подожгли его. Волости Рязанского княжества были опустошены. Накануне решительного противостояния Руси и Мамаевой Орды на Куликовом поле это княжество оказалось сильно ослаблено.

Не очень рассчитывая на помощь Москвы, которая ему ничем не помогла при набеге конницы Мамая на Рязанское княжество в конце 1378 г., Олег через несколько месяцев заключил договор о союзе с литовским великим князем Ягайло. Последний был союзником Мамая и противником Дмитрия Московского. Данное обстоятельство объясняет действия рязанского князя. Он рассчитывал уцелеть при столкновении Орды и Москвы, избежать нового разграбления Переяславля и опустошения своего княжества. И когда летом 1380 г. Мамай с союзниками двинулся на русские земли, Олег Рязанский уведомил об этом московского князя. «Мамаи идеть со всѣмъ своимъ царствомъ в мою землю Рязаньскою на менѣ и на тебя, — извещал Олег московского князя, — а то ти вѣдомо буди, и князь Литовьскыи Ягаило идет на тебе съ всею силою своею»[314]. В этом уведомлении рязанский князь ставил себя и московского соседа рядом, сплоченно противостоящим Орде Мамая. Однако Дмитрий Московский мог сомневаться в искренности слов князя Олега. Последний утаивал от него свою договоренность с Ягайло. Куликовская битва завершилась без участия рязанского князя. Летописные источники, начиная с самых ранних, сообщают, что по окончании сражения Дмитрию Донскому сообщили о посылке Олегом Рязанским Мамаю военной помощи и что на реках он рушил мосты, чтобы затруднить движение русских войск. Московский князь решил послать рать на Рязанское княжество. Но неожиданно к нему приехали рязанские бояре, которые сообщили, что князь Олег оставил свое княжество и бежал из него вместе с женой, детьми, ближайшими боярами и думцами. Бояре просили не воевать с ними, посадить в рязанских городах московских наместников, а их самих принять «в ряд», т. е. договориться с ними о службе. Дмитрий Донской так и поступил[315].

[314] Памятники Куликовского цикла. СПб., 1998. С. 31.
[315] Там же. С. 10, 40—41, 81.

Смоленское княжество

Смоленская земля к середине XIII в. занимала верхнее течение Днепра, течение р. Сож, а также включала в себя верховья Западной Двины, Волги и Десны. Помимо Смоленска (укрепленная площадь которого к началу XIII в. достигала 65 га[316]), в Смоленскую землю входили города: по Днепру и его притокам — Вязьма, Дорогобуж, Копыс, на притоках Западной Двины — Торопец, Вержавск, Лучин[317], Жижец, на Соже и его притоках — Мстиславль, Ростиславль (совр. Рославль), Кричев, Прупой, на Десне и ее притоках — Изяславль, Ельня и Пацинь, Можайск в верховьях р. Москвы и Ржева на Верхней Волге[318]. Более мелкими центрами выступали погосты, многие из которых являлись укрепленными поселениями. Всего к середине XIII в. укрепленных поселений в Смоленской земле зафиксировано по письменным источникам и данным археологии около полутора сотен; по этому показателю она из всех русских земель уступает только Черниговской[319]. На севере Смоленская земля граничила с Новгородской, на востоке — с Суздальской, на юге — с Черниговской, на западе — с Полоцкой и Турово-Пинской. Через Смоленскую землю проходило два важных торговых пути: так называемый «путь из варяг в греки» (из Балтийского моря в Черное по рекам Восточной Европы, в том числе Днепру), и путь из Балтийского моря по Западной Двине. «Путь из варяг в греки» особенно активно функционировал в X столетии. К началу XIII века устанавливаются прочные торговые связи Смоленска с Прибалтикой и Скандинавией по Западнодвинскому пути[320]. Свидетельством тому являются договоры смоленских князей с Ригой и Готским берегом (о. Готланд в Балтийском море). Это так называемый «договор неизвестного князя» (вероятнее всего, относящийся к первой половине XIII в.) и договор 1229 г., заключенный Мстиславом Давыдовичем. Договоры регулируют главным образом торговые взаимоотношения и способы разрешения правовых коллизий, возникающих в результате пребывания немецких и готландских купцов в Смоленске и смоленских купцов в Риге и на Готланде[321].

Верховная власть в Смоленской земле принадлежала потомкам смоленского и киевского князя Ростислава Мстиславича (ум. в 1167 г.). Во второй половине XIII в. смена князей на смоленском столе происходила согласно принципу родового старейшинства. В 1239 г. в Смоленске вокняжился Всеволод Мстиславич, младший брат прежнего князя Святослава[322]. Позже смоленским столом владеет младший троюродный брат Всеволода Ростислав

---

[316] Древняя Русь: Город, замок, село. М., 1985. С. 82.

[317] По другой версии, Лучин располагался на Днепре, на самом юге Смоленской земли (*Алексеев Л. В.* Смоленское княжество // Древняя Русь в средневековом мире: Энциклопедия. М., 2014. С. 767).

[318] См. о городах Смоленской земли: *Алексеев Л. В.* Смоленская земля в IX—XIII вв. М., 1980. С. 155—186.

[319] См.: Древняя Русь: Город, замок, село. С. 30—31, 116, 119, табл. 16, 19; *Горский А. А.* Русские земли в XIII—XIV веках: Пути политического развития. М., 1996. С. 66. Помимо городов и погостов к укрепленным поселениям относились и некоторые частновладельческие усадьбы (см.: *Седов В. В.* Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII—XV вв.) // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1960. Вып. 92. С. 51—126).

[320] См.: *Усачев Н. Н.* К оценке западных внешнеторговых связей Смоленска в XII—XIV вв. // Международные связи России до XVII в. М., 1961; *Mouchard F.* La Maison de Smolensk: Une dynastie princière du Moyen Âge russe. 1125—1404. P., 2015. P. 131—136, 146—148.

[321] Смоленские грамоты XIII—XIV веков. М., 1963. С. 9—62.

[322] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 469.

Мстиславич (сын Мстислава Давыдовича, смоленского князя 1220-х годов). После смерти Ростислава в Смоленске княжат последовательно его сыновья: Глеб (ранее 1269—1277 г.), Михаил (1277—1279) и Федор (1280—1297). В 1297 г. Александр Глебович, старший племянник Федора (княжившего одновременно в Ярославле, в одном из княжеств Северо-Восточной Руси), в нарушение «старейшинства» захватывает смоленский стол. Александру в 1313 г. наследует его сын Иван, а тому в 1358 г. — его сын Святослав[323]. Оба последних князя в момент смерти их отцов были старейшими среди Ростиславичей (не имели живых дядьев), поэтому нет оснований полагать, что наследование ими смоленского стола означало переход от родового принципа наследования (от старшего брата к младшему и от младшего из братьев к старшему племяннику) к отчинному (от отца к сыну).

Смоленская земля лишь отчасти была затронута нашествием Батыя, сам Смоленск разорению не подвергся. Но верховную власть Орды смоленские князья признавали (со времени не позднее 1270-х годов[324]).

Если в домонгольское время в составе Смоленской земли фиксируется только одно вассальное по отношению к смоленскому князю княжество — Торопецкое, то в последующее время появляется несколько других. Во второй половине XIII столетия образовалось Вяземское княжество. В летописании Северо-Восточной Руси описывается усобица 1299 г.: смоленский князь Александр Глебович осадил г. Дорогобуж, но на помощь дорогобужцам пришел князь Андрей Михайлович Вяземский (сын Михаила Ростиславича); в результате приступ был отбит[325]. Позже в Вязьме княжит Федор Святославич, двоюродный племянник Андрея (и родной — Александра Глебовича): известно, что в 1340-е годы он оставил это княжение, ушел на службу к московскому князю Семену Ивановичу (своему зятю) и получил от него в держание Волок[326]. В письме великого князя литовского Ольгерда константинопольскому патриарху 1371 г. упомянут князь Иван Вяземский, сложивший крестное целование Ольгерду и перешедший на сторону Дмитрия Ивановича Московского[327]. Это князь Иван Васильевич «Смоленский», участвовавший под началом Дмитрия в походе на Тверь 1375 г.[328] В родословных книгах записано, что Иван Васильевич (сын Василия Ивановича, родной племянник смоленского князя Святослава Ивановича), будучи изгнан Ольгердом, ушел к Дмитрию Московскому[329]. Прежнему вяземскому князю Федору Святославичу Иван Васильевич приходился двоюродным внучатым племянником. В договоре смоленского князя Юрия Святославича с польским королем Ягайло и его братом Скиргайло от 16 сентября 1386 г. упоминается князь Михаил Иванович Вяземский[330]. Очевидно, это сын Ивана Васильевича (т. е. двоюродный племянник Юрия Святославича). В 1403 г.,

---

[323] См.: *Голубовский П. В.* История Смоленской земли до начала XV века. Киев, 1891. С. 172, 176—177, 179—180, 189—192, 196, 202.

[324] См.: *Lenhoff G., Martin J.* Smolensk after the Mongol invasions: a reconsruction // Die Welt der Slaven. 2014. Jg. LIX. H. 1.

[325] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 485. О дате см.: *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. М., 1963. С. 122. Ранее, в 1284 г., Андрей Михайлович был наместником Федора Ростиславича в Смоленске (Смоленские грамоты XIII—XIV веков. С. 66; *Голубовский П. В.* История Смоленской земли до начала XV века. С. 172—173).

[326] РИИР: В 2 вып. М., 1977. Вып. 2. С. 165, 169.

[327] РИБ. 2-е изд.: В 39 т. СПб., 1908. Т. 6. Прилож. Стб. 137—140, 147—148.

[328] ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 110. «Смоленским» здесь Иван назван по принадлежности к смоленскому княжескому дому.

[329] РИИР. Вып. 2. С. 26—27.

[330] Смоленские грамоты XIII—XIV веков. С. 74.

когда Вязьму захватил великий князь литовский Витовт, там находились князья Иван Святославич (брат Юрия Святославича Смоленского) и Александр Михайлович (сын Михаила Ивановича)[331]. Таким образом, Вяземское княжество за более чем 100 лет своего существования не закрепилось за какой-либо определенной «субветвью» Ростиславичей: там княжили представители не менее чем трех династических линий.

В 1290-е годы (скорее всего, между 1294 и 1297 гг.) под власть князей смоленской ветви переходит крупнейшее из княжеств Черниговской земли — Брянское, по-видимому, по воле ордынского хана Тохты[332]. Здесь первым достоверно известным князем из Ростиславичей был Василий Александрович, второй сын Александра Глебовича. В 1309 г. брянский стол захватил его дядя Святослав Глебович, но в следующем 1310 г. Василий с помощью татар его вернул, причем брянцы во время боя бросили Святослава и тот погиб, сражаясь вместе со своим «двором». По смерти Василия Александровича (1314) в Брянске княжил Дмитрий Романович, сын младшего брата Александра Глебовича Романа. В 1339 г. с помощью Москвы там вокняжился сын Святослава Глебовича Глеб, однако в декабре 1340 г. он был убит восставшими брянцами, после чего в Брянск вернулся Дмитрий[333]. Последним брянским князем из смоленской ветви был (короткое время в 1357 г.) сын старшего сына Александра Глебовича смоленского князя Ивана Александровича — Василий Иванович[334] (чей сын и внук были вяземскими князьями).

Во второй половине XIII в. на восточной окраине Смоленской земли возникло Можайское княжество. Первым известным можайским князем был Федор Ростиславич, на тот момент младший из сыновей смоленского князя, затем ставший (ок. 1260 г.) князем ярославским, а с 1280 г. — одновременно и смоленским[335]. В конце XIII — начале XIV в. (окончательно в 1303 г.) территория Можайского княжества перешла под власть московских князей[336].

Под 1314—1315 гг. в летописях упоминается князь Федор Ржевский, бывший наместником Юрия Даниловича Московского в Новгороде[337]. По-видимому, это Федор Святославич, позже известный как князь вяземский: Ржевское княжество примыкало к Вяземскому с севера; очевидно, перейдя на княжение в Вязьму, Федор объединил

---

[331] ПСРЛ. Т. 18. С. 150; М., 2000. Т. 4, ч. 1. С. 394—395; *Голубовский П. В.* История Смоленской земли до начала XV века. С. 172, 181. Под 1404 и 1406 гг. упоминается князь Семен Мстиславич Вяземский (в первом случае — с братом Владимиром), ушедший из Смоленской земли вместе с князем Юрием Святославичем после взятия Смоленска Витовтом (ПСРЛ. Т. 4, ч. 1. С. 395, 404). Княжил ли он собственно в Вязьме и если княжил, то когда, — остается неясным, неизвестно и происхождение Семена и Владимира Мстиславичей. Возможно, на последнем этапе своего существования Вяземское княжество находилось в совместном владении нескольких князей.

[332] В это время развернулась борьба хана Тохты с правителем западной части Орды Ногаем, а брянские князья входили в число сторонников последнего, в отличие от Федора Ростиславича Смоленского и Ярославского, относившегося к верным вассалам сарайских ханов (см.: *Горский А. А.* «Бещисленыя рати и великия труды...»: Проблемы русской истории X—XV вв. СПб., 2018. С. 197—212, 220).

[333] См.: *Горский А. А.* Брянское княжество в политической жизни Восточной Европы (конец XIII — начало XV в.). С. 76—79.

[334] ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 65; *Голубовский П. В.* История Смоленской земли до начала XV века. С. 174.

[335] РИИР. Вып. 2. С. 27, 101; *Экземплярский А. В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г. Т. 2. С. 74—75.

[336] ПСРЛ. Т. 18. С. 86; *Горский А. А.* От земель к великим княжениям: «Примыслы» русских князей второй половины XIII—XV в. М., 2010. С. 37—40.

[337] НПЛ. С. 94—95; ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 36.

под своей властью Вяземское и Ржевское княжества и утратил Ржеву вместе с Вязьмой, уйдя в 1340-е годы на службу к московскому князю[338].

На крайнем северо-востоке Смоленской земли в XIV в. существовали также два крошечных княжества — Фоминское и Березуйское (с центрами в Фомине-городке и Березуе близ Ржевы, у границы Тверского княжества). Фоминские князья упоминаются в летописях под 1339 и 1387 гг., известны они и по родословным книгам[339]. Князь Василий Иванович Березуйский упоминается под 1370 г.[340] Свое происхождение как фоминские, так и березуйские князья вели, по-видимому, от Константина, брата Мстислава Давыдовича (смоленского князя 1220-х годов)[341].

В целом, хотя и можно говорить о политическом дроблении Смоленской земли во второй половине XIII—XIV в., для нее не стало характерным закрепление образовавшихся княжеств за определенными княжескими линиями (как это имело место в Черниговской и Суздальской землях). Центральная часть земли постоянно оставалась в руках смоленского князя. Ничего не известно об уделах старших сыновей смоленских князей Александра Глебовича (1297—1313) и Ивана Александровича (1313—1358) — соответственно Ивана и Святослава. По-видимому, для того чтобы не усугублять дробление территории, смоленские князья в XIV в. не выделяли старшим сыновьям уделов (во всяком случае, крупных).

В XIV в. смоленские князья начинают именоваться «великими»: так титулуются Иван Александрович (в договоре с Ригой около 1340 г.[342]), его преемники Святослав Иванович (в московско-литовском договоре 1372 г., в московско-тверском договоре 1375 г. и в летописи[343]) и Юрий Святославич (в договоре с Ягайло 1386 г.)[344]. По-видимому, великокняжеский титул был принят Иваном Александровичем (в промежуток 1313—1340 гг.) и признавался соседями Смоленского княжества.

Есть сведения, из которых можно заключить, что в период после Батыева нашествия и до начала XIV в. смоленские князья признавали политическое старейшинство великих князей владимирских. В 1239 г. великий князь Ярослав Всеволодич выбил из Смоленской земли литовцев и «смольняны урядивъ, князя Всеволода посади на столѣ»[345], т. е. возвел на княжение в Смоленске своего ставленника. В 1269 г. смоленский князь Глеб Ростиславич участвует в походе на Новгород вели-

---

[338] *Горский А. А.* От земель к великим княжениям. С. 89—90.

[339] ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 52; *Приселков М. Д.* Троицкая летопись: Реконструкция текста. М.; Л., 1950. С. 431; РИИР. Вып. 2. С. 40, 165.

[340] ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 94.

[341] РИИР. Вып. 2. С. 40, 165; *Голубовский П. В.* История Смоленской земли до начала XV века. С. 201—202 и родословная таблица; *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 363.

[342] Смоленские грамоты XIII—XIV веков. С. 69. Предшественник Ивана Александр Глебович «великим» не именуется ни в летописи, ни в его грамоте рижанам (Там же. С. 67). Федор Ростиславич несколько раз назван «великим» (в письме к нему рижского архиепископа и на печатях: Грамоты, касающиеся до сношений Северо-Западной России с Ригою и Готским берегом в XII, XIII и XIV веках. СПб., 1857. № 3; Русско-ливонские акты / Собр. К. Е. Напьерским. СПб., 1869. С. 18. № 34; Смоленские грамоты XIII—XIV веков. С. 53, 63, 66), но он не обозначается так ни в текстах двух своих грамот (Смоленские грамоты XIII—XIV веков. С. 62—63, 66), ни в летописных известиях.

[343] ДДГ. № 6, 9. С. 22, 26; ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 152.

[344] Смоленские грамоты XIII—XIV веков. С. 72.

[345] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 469.

кого князя владимирского Ярослава Ярославича[346]. В 1294 г. третьего в то время по старшинству из смоленских князей Романа Глебовича великий князь Андрей Александрович «посла» с новгородцами воевать шведскую крепость в Корельской земле[347]. Можно полагать, что Роман был наместником Андрея в Новгороде. В 1311 г. сын Романа Дмитрий возглавляет новгородские войска в походе на Емь (Юго-Восточная Финляндия)[348]: новгородским князем в это время был Михаил Ярославич, и Дмитрий Романович, видимо, выполнял в Новгороде роль его наместника.

Еще в первой половине — середине XIII в. обозначился натиск на смоленские земли Литвы[349]. В 1239 г., как говорилось выше, литовцы ненадолго даже овладели самим Смоленском. В конце 1330-х годов смоленский князь Иван Александрович признавал великого князя литовского Гедимина своим «старейшим братом»[350]. Зимой 1339/40 г. ордынский хан Узбек организовал, скорее всего, именно по причине перехода Ивана Александровича под верховенство Литвы, крупный поход на Смоленск, в котором участвовали (по повелению великого князя владимирского Ивана Калиты) многие русские князья (включая Федора Фоминского из Смоленской земли). Взять Смоленск, однако, не удалось[351]. Тем не менее в дальнейшем борьба за сюзеренитет над Смоленском со стороны занимавших со второй четверти XIV в. великокняжеский стол во Владимире московских князей продолжилась. В 1352 г., после военного похода великого князя Семена Ивановича, Смоленск вернулся под верховенство великого князя владимирского[352]. Во второй половине 1350-х годов великий князь литовский Ольгерд совершает несколько походов на смоленские земли, захватывает Ржеву, Белую, Мстиславль[353]. В 1360 г., когда московские князья временно утратили великокняжеский стол во Владимире, смоленский князь Святослав Иванович был вынужден вновь признать свою зависимость от Литвы, в это же время Ольгерд овладел Брянском[354].

Но уже в 1365 г. происходит смоленско-литовская война[355]. В начале 1368 г. смоленский князь заключает союз с Дмитрием Ивановичем Московским, однако затем Смоленск вновь оказывается в зависимости от Литвы. Смоленские войска участвуют в походах Ольгерда на Москву 1368, 1370 и 1372 гг.[356] К середине 1370-х годов Смоленск порывает с зависимостью от Оль-

[346] НПЛ. С. 88—89.

[347] Там же. С. 327—328.

[348] Там же. С. 93.

[349] См.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 447—448 (набег 1225 г.), 469 (1239 г.); НПЛ. С. 82 (набег 1258 г.); *Пашуто В. Т.* Образование Литовского государства. М., 1959. С. 44.

[350] Смоленские грамоты XIII—XIV веков. С. 69—70 (грамота Ивана Александровича рижанам; о ее датировке см.: *Усачев Н. Н.* К оценке западных внешнеторговых связей Смоленска в XII—XIV вв. С. 223).

[351] *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. С. 363; ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 51—52. Ранее, зимой 1333/34 г., татарский отряд участвовал в походе на Смоленск племянника Ивана Александровича, брянского князя Дмитрия Романовича, который также был безуспешен (ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 47).

[352] См.: *Флоря Б. Н.* Борьба московских князей за смоленские и черниговские земли во второй половине XIV в. // Проблемы исторической географии России. Вып. 1: Формирование государственной территории России. М., 1982. С. 62—65.

[353] ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 65, 68; *Кучкин В. А.* Русские княжества и земли перед Куликовской битвой // Куликовская битва. М., 1980. С. 49.

[354] См.: *Флоря Б. Н.* Борьба московских князей за смоленские и черниговские земли во второй половине XIV в. С. 69—70.

[355] ПСРЛ. СПб., 1863. Т. 15. Стб. 78—79.

[356] См.: *Кучкин В. А.* Русские княжества и земли перед Куликовской битвой. С. 73—77, 80—81, 89—91.

герда и вновь входит в союз с Москвой[357]. В ответ Ольгерд в 1375 г. «повоевалъ Смоленьскую волость»[358].

В 1386 г., после заключения Кревской унии Великого княжества Литовского с Польским королевством, брат ставшего польским королем великого князя литовского Ягайло Скиргайло Ольгердович нанес поражение князю Святославу Ивановичу, выступившему в союзе со старшим братом и соперником Ягайло Андреем Ольгердовичем и пытавшемуся отвоевать Мстиславль. Князь Святослав погиб в бою, литовская рать пришла к Смоленску, и Скиргайло посадил на смоленское княжение сына Святослава Юрия[359], заключившего осенью того же года неравноправный мирный договор со Скиргайло и Ягайло[360].

Окончательное падение независимости Смоленска произошло при великом князе Литвы Витовте. В 1395 г. «князь Витовтъ Литовьскыи взя город Смолнескъ и намѣстникъ свои посади»[361]. Однако в 1401 г. Юрий Святославич вернулся на смоленский стол (с помощью рязанского великого князя Олега Ивановича): «прияша смолнянѣ князя своего Юрья Святослалича на княженье, а княжя наместника Витовтова князя Романа Бряньского убиша. И приходи князь Витовтъ со всею силою литовьскою къ Смолненску, и стоя под городом 4 недели, и биша пушками город, и отъиде от города, съ княземъ Юрием миръ вземъ по старинѣ; а смолнянѣ съ княземъ Юрьемъ бояръ своих избиша, которыи перевѣт держали ко князю Витовту»[362]. Но восстановление независимости Смоленского княжества оказалось недолгим. В 1403 г. литовские войска захватили Вязьму — последний из уделов, остававшихся под властью Смоленска[363]. В 1404 г. Витовт подступил к Смоленску, осаждал город семь недель — безуспешно[364]. Но силы были явно неравны, и князь Юрий в том же году выехал «на Москву князю Василью поклонитися, чтобы его поборонилъ от великаго князя Витовта; а в то время перевѣтнице предаша град Смолнескъ князю Витовту Литовъскому»[365]. На целое столетие Смоленская земля вошла в состав Великого княжества Литовского.

Постепенное ослабление Смоленской земли мало было связано с ордынским фактором (она не граничила с ордынскими владениями, относительно мало испытала разорений от военных действий татар). Для Смоленской земли не было характерно столь значительное усиление политической раздробленности, как для Черниговской и Суздальской. Но уже накануне Батыева нашествия смоленские Ростиславичи выступали в ходе междоусобной войны на юге Руси как второстепенные политические фигуры. Их позиции в южнорусских землях, бывшие, казалось, очень прочными в 1220-е годы (владение Киевом и Галичем), оказались утраченными. Более того, Смоленск, по-видимому, стал с середины или второй половины XIII в. признавать верховенство великого князя владимирского[366].

---

[357] См.: *Флоря Б. Н.* Борьба московских князей за смоленские и черниговские земли во второй половине XIV в. С. 73—74.

[358] ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 113.

[359] Там же. Стб. 152—155; Т. 4, ч. 1. С. 343—344; ПГ. М., 1980. Вып. 3. С. 148—149, 157—158.

[360] Смоленские грамоты XIII—XIV веков. С. 73—74.

[361] НПЛ. С. 387.

[362] НПЛ. С. 397.

[363] ПСРЛ. Т. 18. С. 150; Т. 4, ч. 1. С. 394—395.

[364] ПСРЛ. Т. 18. С. 150; НПЛ. С. 398.

[365] НПЛ. С. 398.

[366] Вероятно, ослаблению смоленских князей способствовали демографические потери — Смоленская земля значительнее других русских земель пострадала от эпидемии и голода начала 1230-х годов.

В середине — второй половине XIII столетия в Смоленской земле прекратили существование (в результате военных разорений — литовских и ордынских, и других причин) около 70% укрепленных поселений; причем более чем на половине из них жизнь впоследствии не возобновилась[367].

В XIV в. основной внешнеполитический фактор, воздействовавший на Смоленское княжество, — натиск со стороны Литвы. И хотя политико-географическое положение Смоленской земли позволяло ей долгое время сохранять относительную независимость как по отношению к Литве, так и к великому княжению Владимирскому, лавируя между этими двумя силами, и даже распространить свои владения в южном направлении (Брянск), о претензиях Смоленска на роль крупной самостоятельной политической силы речи идти не могло. Во второй половине XIV — начале XV в. политическая ситуация для Смоленской земли стала быстро ухудшаться, что закончилось потерей суверенитета, хотя и произошедшей позже, чем у других земель Южной и Западной Руси — Полоцкой, Пинской, Волынской, Галицкой и Киевской.

Александр Невский и его победы на Неве и Чудском озере

Появление в самом конце 1237 г. в пределах русских земель монгольских кочевников, быстрый захват и опустошение ими Рязанского и северо-восточных русских княжеств вызвали большую тревогу и озабоченность правителей европейских стран, а также папского престола. Делалось очевидным, что монголы должны были вот-вот появиться на берегах Вислы и Дуная и надо принимать срочные меры по обороне своих стран и объединяться в военные союзы. Контакты европейских государств с Новгородом и русскими княжествами резко сократились, а конфликтные ситуации прекратились вовсе. Надо было защищаться от общего врага. Однако шли недели и месяцы, наступил 1239 г., а Батый не выходил из русских пределов. 3 марта 1239 г. он взял южное Переяславское княжество, в котором в свое время правил отец Александра Ярослав Всеволодович, а 18 октября того же года — одно из крупнейших древнерусских княжеств Черниговское. «На зиму», т. е. близко к 25 декабря 1239 г., его войска вторично напали на северо-восточные русские территории, захватили Муром, воевали земли по р. Клязьме и сожгли г. Гороховец. Монголы не покидали Руси, парализуя политические планы и действия еще не подвергшихся разгрому русских князей.

Беспомощным состоянием русских земель воспользовались их западные и северо-западные соседи. Прежде других это сделали литовцы. Летопись сообщает, что в 1239 г. князь Ярослав Всеволодович «иде Смолиньску на Литву и Литву побѣди и князя ихъ ялъ, а Смольняны оурядивъ, князя Всеволода посади на столѣ»[368]. Когда литовцы сумели захватить Смоленск, летопись не сообщает, но о походе на этот город князя Ярослава говорит после известия о взятии татарами Чернигова, т. е. относя поход ко времени после 18 октября 1239 г. Можно думать, что захват одним из литовских князей Смоленска произошел около указанного времени, когда черниговцы, боровшиеся с татарами, не могли прийти на помощь соседним смолянам. Этим и воспользовались литовцы. Однако их успех был кратковременным. Князь Ярослав Всеволодович, пришедший в 1239 г.

[367] Древняя Русь: Город, замок, село. С. 120—121, табл. 20—21.
[368] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 469.

со своей не участвовавшей в сражениях с Батыем дружиной из Киева в опустошенный Владимир-на-Клязьме и соединивший в своих руках власть над Владимирским и Переяславским (Переяславля-Залесского) княжествами, сумел освободить Смоленск от захватчиков. В Смоленске был посажен князь Всеволод, сын Мстислава Романовича и внук Романа Ростиславича, в свое время княживших в Смоленске.

Новгородская первая летопись старшего извода в статье 6747 г. сообщает, что княживший в Новгороде сын князя Ярослава Всеволодовича Александр (будущий Невский) «с новгородци сруби городки по Шелонѣ»[369], укрепив территорию Новгорода, близко расположенную к Литве. Это последнее известие статьи 6747 г. Сама статья датирована по мартовскому стилю, т. е. описывает события 1 марта 1239 — 29 февраля 1240 г.[370] Строительный сезон в русских землях продолжался примерно пять-шесть месяцев в году, с апреля до октября. Учитывая специфические географические условия развития Новгородской земли (речные разливы до начала июля), можно полагать, что район Шелони был укреплен князем Александром в июле—сентябре 1239 г., что, вероятно, и заставило литовцев отказаться от наступления на Новгород и напасть на Смоленск. Однако планы похода на восток у литовских князей возникли раньше, скорее всего, к лету 1239 г. Освобождение осенью 1239 г. Смоленска от литовцев князем Ярославом Всеволодовичем расстроило эти наступательные замыслы и на ряд лет прекратило крупные нападения Литвы на новгородские и смоленские земли.

Однако через несколько месяцев новгородцам пришлось столкнуться с гораздо более серьезным противником. Летом 1240 г. в новгородские пределы вторгся флот шведского короля Эрика Леспе. Новгородцам и их князю Александру почти не от кого было ожидать серьезной военной помощи. В самом деле, если проанализировать состав князей, занимавших новгородский стол с 1136 г., когда Новгород добился независимости от киевских князей и стал республикой, и до 1236 г., когда новгородский стол получил старший к тому времени сын Ярослава Всеволодовича Александр, то состав этот окажется по сути дела неизменным. На новгородский стол садились только князья из Чернигова, Суздаля (со второй половины XII в. сменившего Суздаль в качестве политического центра Северо-Восточной Руси Владимира-на-Клязьме), Киева и Смоленска[371]. Очевидно, лишь эти четыре княжества, наиболее крупные и могущественные из примерно двух десятков княжеств домонгольской Руси, могли поддерживать Новгород в военном отношении, и лишь они были способны оказать материальную помощь новгородцам при часто возникавших в те времена в Новгородской земле неурожаях и голоде. Но в 1240 г. Черниговское княжество лежало в развалинах, Владимирская земля и Смоленское княжество были сильно опустошены — одно монголами, другое литвой, нетронутыми Батыем оставались Киев, а также Владимир Волынский и Галич, но эти княжества готовились к обороне от неизбежной монгольской осады. Со своими противниками Новгород оставался один на многих.

Известие о появлении летом 1240 г. в устье р. Невы шведского флота было получено в Новгороде своевременно. Новгородская морская стража, возглавлявшаяся старейшиной Ижорской земли Пелгусием-Филиппом, сообщила, что в Неву вошли «Свѣи в силѣ велицѣ и Мурмане, и Сумь,

[369] НПЛ. С. 77.

[370] *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. С. 263.

[371] *Donskoï D.* Généalodie des Rurikides. Rennes, 1991. P. 233—235.

и Емь в кораблихъ множьство много зѣло»[372]. Узнав об этом, в Новгороде решили, что целью похода шведов (свеев) и приплывших вместе с ними норвежцев (мурман), суми и еми (насельников южной и озерной частей Финляндии суоми и тавастов) является Ладога. Ладога (в настоящее время Старая Ладога) стояла на р. Волхов примерно в 15 км от его устья. Опираясь на Ладогу, можно было контролировать земли по южному берегу Ладожского озера и выход в Балтику, а по Волхову — легко добраться до Новгорода. Попытки захватить Ладогу северными и северо-западными соседями Новгорода в новгородской истории были издавна. В 1164 г. 55 шведских шнек вошли в Неву, поднялись по ней в Ладожское озеро и по Волхову достигли Ладоги. Правда, осада города для приплывшего шведского войска кончилась тогда большой неудачей. Это подробно описали новгородские летописцы[373]. В 1228 г. в Неву вошел финский флот и, поднявшись по реке, оказался в Ладожском озере. Финны начали воевать новгородские поселения на берегах этого озера[374]. В 1240 г. новгородцы посчитали, что шведы пойдут тем же путем, что и финны в 1228 г., желая повторить, но без прежних ошибок, операцию 1164 г. Князь Александр, спешно собрав свою дружину и часть новгородского войска, немедленно выступил к Ладоге. Русские полки, судя по указаниям русских источников, были конными и могли достигнуть Ладоги примерно за три-четыре дня. Однако у Ладоги шведы не появились. Предположения новгородцев и князя Александра оказались ошибочными, противник преследовал совсем иные цели, чем в 1164 г. Шведские суда остановились недалеко от устья Невы в устье другой реки — Ижоры, левого притока Невы. Пребывание шведов в этом месте, причем пребывание многодневное, никак не объяснено в источниках и в трудах последующих историков. Только в самом раннем фрагменте Жития Александра Невского, сохраненном Лаврентьевской летописью XIV в., сообщается, что в своем донесении двигавшемуся на шведов Александру старейшина Ижорской земли Пелгусий указывал на шведские «станы и обрытья»[375]. «Обрытья» — это боевые рвы. Очевидно, что в планы шведов входило строительство в Ижорской земле в стратегически важном месте такой же опорной крепости, какие они строили ранее в землях суми и еми-тавастов. Устье Невы и в позднейшие времена представляло для шведов стратегический интерес. В 1300 г. они пытались построить там крепость при впадении в Неву р. Охты, построили ее, назвав Ландскроной, но этот могучий Венец Земли, как точно перевел шведское название русский летописец, на следующий год был до основания разрушен русскими войсками[376].

В 1240 г. князь Александр, не обнаружив шведов у Ладоги, двинулся на запад к устью Невы, усилив свое войско отрядом ладожан. Получив от Пелгусия уточняющие сведения о расположении шведского лагеря, сумев не обнаружить себя, Александр нанес по лагерю неожиданный удар. Был воскресный день 15 июля, сравнительно рано — половина девятого утра по современному часосчислению[377], когда на ничего не подозревавших шведов обрушились русские полки.

---

[372] НПЛ. С. 77.

[373] Там же. С. 31.

[374] Там же. С. 65.

[375] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 479.

[376] НПЛ. С. 91.

[377] Сражение началось в «6 час дне» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 479). Для 15 июля это соответствовало 8 часам 35 минутам по современному часосчислению. См.: *Черепнин Л. В.* Русская хронология. М., 1944. С. 50. Разъяснение А. Н. Кирпичникова, что битва началась «в 6-м часу дня, т. е. в 11 часов» (*Кирпичников А. Н.* Невская битва 1240 года и ее тактические особенности // Князь Александр Невский и его эпоха. СПб., 1995. С. 27), не учитывает того времени года, к которому отнесено указание на 6 часов дня.

Их внезапное появление вызвало среди шведов панику. Часть их бросилась на корабли, стоявшие у левого берега Невы, другая старалась переправиться на левый берег р. Ижоры. Предводитель шведского войска пытался оказать сопротивление, построив оставшихся в боевые порядки, но все было тщетно.

Непрерывно атакуя, русские заставили бежать и их. Владимирский автор Жития Александра Невского сохранил живые рассказы об участниках сражения и отдельных боевых эпизодах, о которых узнал от самого Александра Невского и других, «иже в то время обрѣтошася в тои сѣчи»[378]. Первым среди воинов Александра агиограф назвал Гаврилу Алексича, судя по отчеству — боярина. Считается, что этот человек стал родоначальником Пушкиных[379]. Гаврила Алексич, преследуя бежавших шведов, на своем коне въехал на сходни, соединявшие корабль с берегом. Бежавшие шведы оказали сопротивление и сумели сбросить Гаврилу вместе с конем в Неву. Но Гаврила Алексич выплыл и снова пошел на врагов, сражаясь с предводителем преследуемых им шведов. Другим участником битвы был новгородец Збыслав (Сбыслав) Якунович. Его имя встречается в источниках много раньше Невской битвы. В 1229 г. он в числе других новгородцев был уведен черниговским князем Михаилом Всеволодовичем из Новгорода в Чернигов[380]. Уже после Невской битвы, согласно разысканиям В.Л. Янина, в 1243 г. Збыслав Якунович становится новгородским посадником[381]. Очевидно, что к 1240 г. Збыслав был зрелым и сильным мужчиной. Он разил врагов топором, и многие поражались его силе и храбрости. Третий герой битвы — уроженец Полоцка Яков, который служил ловчим у князя Александра Ярославича. Яков, «наѣхавъ на полкъ с мечемъ», храбро сражался, за что удостоился княжеской похвалы. Четвертым отличившимся был новгородец Миша, который со своей дружиной сумел потопить три шведских корабля. Упоминание дружины у Миши свидетельствует о его высоком социальном статусе. Возможно, речь идет о Михалке Степановиче, сыне новгородского посадника Степана Твердиславича и внуке посадника Твердислава Михалковича. В начале 1256 г. при поддержке Александра Невского Михалка Степанович и сам получил посадничество в Новгороде[382]. При описании новгородских событий предшествовавшего 1255 г. летопись упоминает «свой полк» Михалки Степановича[383] — военный отряд, который был и у новгородца Миши, упомянутого в Житии Александра Невского. Пятым героем Невской битвы владимирский агиограф называет Савву «от молодыхъ людии», т. е. младшего дружинника Александра Невского. Савве удалось подсечь деревянный столб, на котором крепился златоверхий шатер предводителя шведского войска. Шатер рухнул, и это воодушевило русские полки. Последним в перечне героев

---

[378] *Бегунов Ю.К.* Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». М.; Л., 1965. С. 168.

[379] *Веселовский С.Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 45—46.

[380] НПЛ. С. 68.

[381] *Янин В.Л.* Новгородские посадники. М., 1962. С. 142.

[382] Там же. С. 144—147.

[383] НПЛ. С. 81. А.А. Молчанов полагает, что Миша был родоначальником Мишиничей, другого новгородского боярского рода, жившего в Неревском конце Новгорода. См.: *Молчанов А.А.* Боярин Миша — предок новгородского посадничьего рода // Летопись историко-родословного общества в Москве. 2004. Вып. 8/9 (52/53). С. 100—103. Однако сообщения в летописной статье 1257 (6765) г. «на зиму убиша Михалка посадника новгородци» и «тои же зимы убиша Мишю» (см.: НПЛ. С. 82) очень похожи друг на друга (в обоих говорится об убийстве людей с одинаковыми именами, называется одно и то же время их гибели — около зимы или зима), что заставляет думать о дублировании сведения. В таком случае предпочтительней оказывается версия о происхождении Миши от Твердислава.

назван Ратмир «от слугъ» князя Александра. Очевидно, Ратмир относился к так называемым «слугам вольным». Таким термином в более позднее время обозначали военных слуг, которые составляли нижнюю, «младшую» прослойку княжеской дружины. Ратмир бился пешим. И, окруженный неприятелями, погиб в бою[384]. Но исход битвы был уже предрешен. Неся большие потери, шведы добрались до своих кораблей, погрузили на них тела павших наиболее знатных воинов и спешно отплыли в море[385]. Первое крупное военное столкновение молодого новгородского князя закончилось его полным триумфом.

Новгородский летописец отметил, что с русской стороны вместе с ладожанами пало «20 мужь... или мне (менее. — *В. К.*)»[386]. Один из крупнейших зарубежных специалистов по истории средневековой Руси профессор Оксфордского университета Джон Феннелл в книге «Кризис средневековой Руси. 1200—1304», основываясь на количестве павших с русской стороны, написал, что Невская битва была заурядным сражением и победа в ней Александра была «мелкой»[387]. Однако летопись в таких случаях говорит лишь о потерях среди знатных и свободных мужей, и названная ею цифра в 20 человек оказывается совсем не маленькой. Например, при взятии в 1238 г. Батыем Торжка было убито всего четыре знатных новоторжца[388]. В 1262 г. при штурме немецкого города Юрьева (позднее Дерпт, Тарту) русские полки потеряли двух знатных воинов[389] и т. д. Конечно, Невская битва по своему масштабу уступала битвам при Бородине или Ватерлоо, но для XIII столетия это было крупное сражение, в котором участвовало несколько тысяч человек[390]. Победа на Неве не позволила шведским феодалам закрепиться на берегах Невы, закрыть Новгороду и другим русским землям выход к морю, изолировать от Новгород-

---

[384] *Бегунов Ю. К.* Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». С. 166—167.

[385] НПЛ. С. 77; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 478—480. В исследованиях о Невской битве очень многое идет от позднейшей традиции, разного рода соображений и расчетов историков в ущерб свидетельствам ранних и достоверных источников. В частности, подвергается сомнению состав войска шведского короля, определенный летописью: свеи, мурмане, сумь, емь. Однако такое сомнение вряд ли может быть оправдано. Мурмане (норвежцы) — скорее всего, представители варбельгеров, бежавшие от преследований норвежского короля Хакона. Сумь и емь особых военных отрядов не составляли, они, возможно, были рабочей силой, которая должна была возвести крепость. Участие ладожан в войске Александра Ярославича можно объяснить только тем, что князь сначала пошел к Ладоге. Мысль, будто ладожане соединились с Александром где-то на пути к шведскому лагерю, представляется нереальной, поскольку в таком случае ладожанам и новгородцам необходимо было постоянно сноситься между собой, договариваясь о месте и времени встречи, и тратить на это дни, за которые можно было собрать не ладожан, а самих новгородцев. Между тем, как свидетельствует Житие Александра, последний выступил против шведов «в малѣ дружинѣ, не сождавъся со многою силою своею», «мнози новгородци не совокупилися бѣша, понеже ускори князь поити» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 478, 479). Если к войску Александра не смогли присоединиться многие новгородцы, то как же это сумели сделать далекие ладожане? Такое могло произойти только в том случае, если первой целью похода Александра была не Ижора, а Ладога. К шведскому лагерю князь подошел на лошадях («скоро приѣха» — ПСРЛ. Т. 1. Стб. 479), а не на судах, как иногда утверждают военные историки, заменяя своими мыслями прямые свидетельства источников. Нельзя представлять себе Невскую битву как правильное полевое сражение, что старается сделать А. Н. Кирпичников. Выражение «самому королеви взложи печать на лице острым своимъ копьем» не может означать «переднюю сторону строя шведских войск» (*Кирпичников А. Н.* Невская битва 1240 года и ее тактические особенности. С. 27), будто бы заранее построенных для сражения, и т. д.

[386] НПЛ. С. 77.

[387] *Феннелл Д.* Кризис средневековой Руси. 1200—1304. М., 1989. С. 142—144.

[388] НПЛ. С. 76.

[389] Там же. С. 83.

[390] В шведской шнеке помещалось 40 человек. Шведский флот в 1240 г. по численности кораблей едва ли уступал их флоту 1164 г. Русские полки насчитывали по меньшей мере несколько сотен человек.

ской республики земли ижоры и корел. Однако совсем скоро этот военный успех был омрачен другими событиями.

Через полтора месяца после битвы на Неве соединенные силы образованного в 1237 г. Тевтонского ордена, датского короля, дерптского (юрьевского) епископа и служившего немцам русского князя Ярослава Владимировича в результате неожиданного нападения захватили пограничную псковскую крепость Изборск. Выступившее на защиту Изборска псковское войско было разгромлено, его воевода Гаврила Гориславич пал в бою. Крестоносцы осадили Псков. Не получая ниоткуда помощи, псковичи вынуждены были 16 сентября 1240 г. капитулировать. В Пскове были посажены два немецких фогта (наместника), с которыми в город вошли и военные отряды немцев и эстов[391]. Победители взяли в Пскове заложников и отправили их в Ливонию[392]. На сторону оккупантов перешла часть псковского населения во главе с влиятельным боярином Твердилой Иванковичем. Но было и много недовольных установившимся немецким господством. Некоторые из не смирившихся с немецкой властью в Пскове вместе с семьями бежали в Новгород[393].

В самом Новгороде произошли неожиданные и, на первый взгляд, странные события. Новгород покинул Александр Невский, рассорившись с новгородцами[394]. Причины конфликта не раскрыты ни летописью, ни учеными-историками. А между тем они могут быть установлены. Изгнав с берегов Невы шведов, князь Александр тем не менее никак не воспрепятствовал захвату Пскова немецкими и датскими феодалами. Естественно, это вызвало резкое недовольство части новгородцев и особенно бежавших в Новгород псковичей. Однако после Невской победы Александр был не в состоянии противостоять агрессии новых врагов. Победа над шведами была достигнута преимущественно силами дружины самого князя Александра. Недаром новгородский летописец, написав о 20 русских мужах, погибших в битве, отметил гибель только четырех новгородцев. Составитель Жития Александра, называя шестерых храбрецов Невского сражения, указал лишь на двух новгородцев. Относительная малочисленность новгородского войска должна объясняться и тем, что в 1230 г. Новгород испытал губительный неурожай, страшный голод охватил население, горожане и сельчане ели собак и других «нечистых» животных, доходило даже до людоедства. Смертность достигла ужасающих размеров, а оставшиеся в живых бежали из Новгорода в другие русские княжества, несмотря на очень соблазнительные налоговые поблажки, предлагавшиеся новгородским правительством. За 10 лет к 1240 г. Новгород так и не сумел до конца восстановиться. Поэтому нужда новгородцев в княжеской поддержке в 1230-е годы была особенно велика. Это объясняет то обстоятельство, что основная тяжесть Невского боя легла на плечи княжеской дружины, и именно она, как это явствует из древнейших источников, понесла наибольшие потери. А с ослабленной дружиной, не

[391] В Житии Александра Невского говорится, что при взятии им в 1242 г. Пскова князь «немець изсѣче, а инѣх повяза» (*Бегунов Ю. К.* Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». С. 169). В летописи указано, что в Пскове Александром были захвачены «нѣмци и чюдь», которых, сковав, князь отправил в Новгород (НПЛ. С. 78). Ясно, что немецкие фогты явились в 1240 г. в Псков не одни, а с военными отрядами.

[392] После разгрома крестоносцев на Чудском озере «таль пльсковьская» была отпущена Орденом на свободу. См.: НПЛ. С. 79.

[393] НПЛ. С. 77—78; ПЛ. М.; Л., 1941. Вып. 1. С. 13; Ледовое побоище 1242 г. М.; Л., 1966. С. 203—209.

[394] НПЛ. С. 78.

получая помощи других русских земель, князь-защитник Новгородской республики был просто не в состоянии выполнить свои обязанности. Обоюдные обвинения стали столь острыми, что Александр вынужден был покинуть Новгород и уехать к отцу в Переяславль.

Этим сразу же воспользовались немцы. Зимой 1240/41 г. они захватили чудские и водские владения Новгорода, построили в Копорье крепость и, воюя собственно новгородскую территорию, подходили на расстояние в 30 верст от самого Новгорода[395]. Возникла непосредственная угроза городу. При этом выяснилось, что своими силами новгородцы не в состоянии справиться со все возраставшей немецкой агрессией. Стала очевидной необходимость приглашения на новгородский стол нового князя.

Выбор у новгородцев был невелик. Они вынуждены были просить о помощи того же Ярослава Всеволодовича. Тот прислал им вместо Александра другого своего сына — Андрея. Но и при нем нападения немцев на новгородские земли не прекратились. Мало того, к ним прибавились нападения эстов и литовцев. Тогда новгородцы решили просить у Ярослава вместо Андрея снова Александра. Просьба была удовлетворена[396].

Александр въехал в Новгород в марте 1241 г. Он действовал осмотрительно и четко. Собрав все новгородские силы, присоединив к ним ладожан, корел, ижору, он двинулся на Копорье. Возведенная немцами крепость была взята и разрушена, изменники из числа води и эстов были повешены, взяты заложники, но некоторые, поддержавшие немцев, помилованы[397]. Так закончился 1241 г.

В начале 1242 г. Александр получил военную помощь от отца. С владимирскими полками к нему пришел брат Андрей. Теперь можно было воевать собственно немецкие владения. Александр и Андрей вторглись в Чудскую землю. Перерезав все пути, которые связывали Орден и немецкие епископства в Прибалтике с Псковом, Александр неожиданным ударом с запада захватил Псков[398]. Теперь его тылы были обеспечены. Вернувшись снова в землю эстов, он стал опустошать ее. Однако немцы уже начали собирать силы. Их войскам у местечка Моосте близ р. Лутсу удалось разгромить передовой отряд Александра под командованием Домаша Твердиславича, брата новгородского посадника, и Кербета, дмитровского наместника владимирского князя Ярослава Всеволодовича[399]. Домаш пал в бою. Это поражение заставило Александра Невского отступить на Чудское озеро.

Есть основания считать, что выбор места сражения русскими военачальниками был тщательно продуман. Древнейшая русская летопись, поместившая на своих страницах рассказ о Ледовом побоище, сообщает, что оно произошло «на Чудьскомь озерѣ, на Узмени, у Воронѣя камени»[400]. К настоящему времени выяснено, что эти определения ведут к восточной части южной оконечности Чудского озера, к водной перемычке между собственно Чудским озером и озером Псковским, носящей свое название — озеро Теплое. В древности оно носило иное название — Узмень, поскольку было мелководным. В водах Узмени стоял достаточно

[395] НПЛ. С. 78.

[396] Там же.

[397] Там же; *Бегунов Ю. К.* Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». С. 169.

[398] НПЛ. С. 78; *Бегунов Ю. К.* Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». С. 169; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 470.

[399] НПЛ. С. 78, 79.

[400] Там же. С. 78.

высокий каменный утес — Вороний камень. С него в зимнее время хорошо и далеко просматривались окрестности, особенно — гладкий лед Чудского озера. За спиной русских полков оставались неширокие, промерзшие до дна водные участки, а недалеко от них начиналась уже суша. Гибель в озерных водах оборонявшимся не грозила. В тылу же у них оставались небольшие новгородские и псковские городки-крепости и такая сильная крепость, как возвращенный Псков.

В целом ряде трудов по русской истории их авторы высказывали недоумение относительно того, как на льду могла произойти крупная битва в начале апреля, когда по обычным нормам Новгородской земли лед на озерах и реках должен был в это время уже таять. Подобные мысли при выборе места решительного сражения посещали, видимо, и Александра Невского и его воевод. Они должны были оценить, как двигается по льду тяжеловооруженная рыцарская конница и выдержит ли лед не только движение, но и боевые действия этой конницы. Однако современники свидетельствуют о том, что зима 1241/42 г. была необычно суровой и холодной. Даже текущий в срединной Европе Дунай промерз до устья. Батый, весь 1241 г. провоевавший в Венгрии, не сумел тогда перейти Дунай и захватить южную часть Венгерского королевства. А в указанную зиму его войска легко перешли на правый берег Дуная по льду, и в 1242 г. Венгрия была покорена. Так что свидетельства русских источников о Ледовом побоище весной 1242 г. надо признать верными.

Согласно этим источникам, крестоносцы и их вспомогательные войска начали преследование отступивших на Узмень русских полков. Когда разведка донесла о приближении противника, Александр стал готовиться к сражению[401]. Немцы построили свои боевые порядки клином, «свиньею», как говорили в то время, во главе которой многорядным треугольником двигалась тяжеловооруженная рыцарская конница, охранявшая также фланги и тыл построения, а в сердцевине построения помещалась легкая кавалерия или пехота. С восходом солнца 5 апреля 1242 г. «свинья» двинулась на русские полки. Александр укрепил свои фланги, а впереди войска поставил лучников, которые из тяжелых луков на расстоянии расстреливали крестоносную конницу[402]. Однако немцам удалось прорвать строй русских ратников. Битва приняла крайне упорный и напряженный характер. В воздухе стоял страшный шум от ударов копий, скрещивавшихся мечей, ударявшихся друг о друга щитов. Казалось, начался ледоход, с грохотом трескается лед замерзшего озера и льдина налетает на льдину[403]. Но льда не было видно. Он был покрыт кровью. Русские полки, используя свое превосходство на флангах, начали окружать рыцарские соединения. И тогда не выдержали боя вспомогательные войска крестоносцев, набранные из эстов. Они обратились в бегство. За ними побежали и немцы. Русские преследовали их «на 7-ми верстъ по леду до Суболичьскаго берега»[404]. Суболичским, или Соболицким от водившейся тут рыбы собаль (соболек), назывался западный берег оз. Теплого в его

[401] О разведке сообщается в Житии Александра Невского. См.: *Бегунов Ю. К.* Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». С. 170.

[402] Об этом говорят немецкие источники. Они также сообщают, что русская рать окружила крестоносное войско. Поскольку фронт русских полков был прорван, о чем единогласно свидетельствуют как немецкие, так и русские источники, окружение немецких сил могло произойти только в том случае, если Александр Невский заранее укрепил свои фланги. См.: НПЛ. С. 78; Ледовое побоище 1242 г. С. 213.

[403] *Бегунов Ю. К.* Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». С. 171.

[404] НПЛ. С. 78.

северной части[405]. Согласно самой ранней новгородской летописи, в Ледовом побоище пало «чюди бещисла, а нѣмець 400», 50 немецких рыцарей были пленены и отправлены в Новгород[406]. О большом числе пленных сообщает и северо-восточная летопись[407].

Победа 5 апреля 1242 г. на льду Чудского озера русских полков была полной. В том же году немцы прислали в Новгород посольство, которое заключило мир с князем Александром. Орден отказался от всех своих завоеваний в Новгородской земле, которые ему удалось сделать в 1240—1241 гг., разменялся пленными[408]. Условия этого договора были действенны даже в XV в.[409] Победу Александра Невского в Ледовом побоище Орден запомнил на долгие десятилетия.

Полководческий талант Александра, так ярко проявившийся в военных действиях 1240—1242 гг., укрепил политический авторитет и влияние князя в Новгороде, где Александр Ярославич продолжал править, в течение долгих лет не поднимали вопроса о замене его иным князем. Сам Александр добросовестно и успешно выполнял свои функции военного защитника Новгородской республики. Когда в 1245 г. литовцы неожиданно напали на принадлежавшие Новгороду земли Торжка и Бежецкого Верха, то Александр во главе своей дружины и новгородцев успешно отразил этот набег, а затем только со своей дружиной разбил литовцев под смоленским Жижичем и полоцким Усвятом[410].

Владимирское княжество

Уже первые военные действия Батыя против русских княжеств повлекли за собой изменения в политико-административном делении русских земель. Захват монголами центрального княжества Северо-Восточной Руси — Владимирского, гибель его правителя князя Юрия Всеволодовича и всей его семьи неизбежно заставляли современников тех событий размышлять о том, что будет с территорией завоеванного княжества и кто возглавит его. Появление в 1238 г. на северо-востоке следующего по возрасту брата Юрия князя Ярослава Всеволодовича, пришедшего из Киева со своей дружиной, решало вопрос о преемнике погибшего владимирского князя.

Заняв владимирский стол, Ярослав Всеволодович объединил в своих руках владимирские земли не сохранившего потомства старшего брата с территорией собственного Переяславль-Залесского княжества. В итоге возникла новая политико-административная единица, которая по своим размерам превышала территорию Владимирского княжества до 1238 г. В состав этого нового образования вошли такие города, как Боголюбов, Владимир, Галич Мерский, Городец Радилов, Городище на Саре (п.), Гороховец, Дмитров (п.), Дубна (п.), Зубцов (п.), Клещин (п.), Кострома, Кснятин (п.), Москва, Мстиславль, Нерехта (п.), Новгород Нижний, Переяславль-Залесский (п.), Петров, Соль Великая,

[405] Ледовое побоище 1242 г. С. 17.

[406] НПЛ. С. 78.

[407] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 470. Некоторым исследователям цифры, указанные древнерусскими источниками, кажутся сильно преувеличенными. Такие исследователи исходят из состава Тевтонского ордена, который насчитывал в 1230—1240-годы несколько десятков человек. Но русские летописцы, видимо, считали не только членов Ордена, а все западноевропейские силы, которые участвовали в сражении.

[408] НПЛ. Т. 1. С. 78—79.

[409] Там же. С. 412—413.

[410] Там же. С. 79.

Стародуб Ряполовский, Суздаль, Тверь (п.), Унжа, Шоша (п.), Юрьев, Ярополч — всего 26 городов[411]. Кроме того, к Ярославу Всеволодовичу перешли владимирские владения в Торжке и Волоке Ламском. Никто из оставшихся в живых после походов Батыя братьев Ярослава, его более дальних ростовских родственников не мог соперничать с ним по размерам владений и по числу входивших в эти владения городов[412].

Тем не менее следует иметь в виду, что захваты этих городов монголами привели к резкой убыли городского населения. Два города — Петров и Мстиславль — были разгромлены и опустошены до такой степени, что городская жизнь в них не сохранилась, и восстановлены эти города не были. Как показали археологические исследования древней Дубны, домонгольский культурный слой города был засыпан речным песком толщиной в 100 см[413]. Это означает, что жизнь в Дубне прекратилась после 1238 г. на продолжительное время, новые поселенцы появились на старом городище примерно во второй четверти XV в.

Взяв Владимирское княжество под свой контроль, Ярослав Всеволодович наделил владениями двух своих братьев, переживших нашествие Батыя. Святославу он дал Суздаль, а Ивану — Стародуб Ряполовский[414]. Оба города ранее входили в состав Владимирского княжества. Своих отчинных переяславских земель Ярослав на первых порах не раздавал.

Несмотря на явный территориальный рост Владимирского княжества, оно в 1238 г. по-прежнему уступало по численности городов главным южнорусским княжествам, таким как Киевское, Черниговское, Владимиро-Волынское. К тому же ситуация усугублялась тем, что все города, какими владел Ярослав Всеволодович, подверглись монгольсому захвату и разграблению. Тем не менее именно это княжество сумело так организовать свои силы, что они смогли отразить в 1239—1242 гг. нападения западных соседей Руси на Смоленск и Новгород.

Однако всего через восемь лет потомки Всеволода Большое Гнездо вынуждены были поменять политико-административную конфигурацию своих владений. Осенью 1246 г. в далеком монгольском Каракоруме князь Ярослав Всеволодович был отравлен, и в силу вступило его завещание, реализованное в 1247 г. Главный владимирский стол был закреплен за братом Ярослава Святославом Всеволодовичем. Стародуб оставлен

---

[411] Взятой в скобки буквой «п» отмечены города, в домонгольское время входившие в состав Переяславль-Залесского княжества.

[412] Значительной была и территория этого образования, хотя данных о его границах не сохранилось. Представление о размерах новых владений князя Ярослава Всеволодовича можно получить методом прямоугольного вычисления их площади. Для этого устанавливаются две точки, лежащие на одной или близких параллелях, и две точки на одном или близких меридианах. Расстояния по горизонтали и вертикали множатся, и получается площадь прямоугольника, в определенной степени характеризующая размер княжества. Конечно, итог получается весьма приблизительным, но это лучше, чем ничего. Говоря конкретно о владениях Ярослава Всеволодовича, следует указать на близкое расположение по параллелям его городов Твери и Нижнего Новгорода, а по меридианам — Москвы и Бежецка. Хотя Бежецк был новгородской территорией, но владения владимирских князей к нему близко подходили. Расстояние между Тверью и Нижним Новгородом составляет 498 км, а между Москвой и Бежецком — 233 км (все расстояния по прямой). Следовательно, размер владений Ярослава в 1238 г. составлял не менее 116 тыс. кв. км. Это размер современной средней европейской страны (Болгария — 111 тыс. кв. км, Португалия — 92 тыс. кв. км, Чехословакия (данные 1967 г.) — 128 тыс. кв. км). Для Средневековья такой размер был большим.

[413] *Успенская А. В.* Древнерусское поселение близ г. Дубна // Труды ГИМ. М., 1966. Вып. 40. С. 105—111.

[414] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 467.

за Иваном Всеволодовичем. Сыновья же Ярослава получили новые княжения со стольными городами, выделенными им их отцом из числа земель и городов его послемонгольского Владимирского княжества. Старшему из живших к тому времени сыновей Ярослава Александру Невскому были переданы право на княжение в Новгороде и примыкавшее территориально к новгородским землям Тверское княжество. Третий сын Ярослав-Афанасий получил Переяславль-Залесское княжество. Его младшим братьям Василию и Константину достались соответственно Кострома и Дмитров с удаленным от него Галичем Мерским. Относительно владений других сыновей Ярослава Всеволодовича князей Андрея, Михаила Хоробрита и Даниила данных нет. Но говорить о том, что им примерно предназначалось по завещанию отца, можно. В перечне городов, которыми стал обладать в 1238 г. Ярослав Всеволодович, перечислены города, которые в XII — начале XIV в. были или становились княжескими резиденциями. Это Владимир, Галич Мерский, Городец на Волге, Дмитров, Кострома, Нижний Новгород, Переяславль-Залесский, Стародуб Ряполовский, Суздаль, Тверь, Юрьев. Из названных городов два брата и четыре сына Ярослава Всеволодовича владели, как показано было выше, Владимиром, Галичем, Дмитровым, Костромой, Переяславлем, Стародубом, Суздалем, Тверью и Юрьевом. Остаются только два города, которые стали княжескими резиденциями в послемонгольское время: Городец на Волге и Нижний Новгород. Эта часть принадлежавшего владимирским князьям Поволжья менее других владений этих князей была затронута Батыевым нашествием. Поэтому можно считать, что именно здесь имели владения сыновья Ярослава Всеволодовича Андрей, Михаил Хоробрит и Даниил. Правда, в данном случае три князя должны были получить два города, один из братьев города не получал. Судя по дальнейшему течению событий, таким князем оказался Михаил Хоробрит.

Два старших сына Ярослава Всеволодовича остались недовольны таким распределением столов. В Орду к Батыю в 1247 г. отправился князь Андрей Ярославич, а следом за ним — Александр Невский[415]. Батый, видимо, сам не мог решать вопросов престолонаследия в русском улусе, поскольку последний считался частью Монгольской империи. Андрея и Александра он отправил к хану в Каракорум.

Через год после вступления в силу завещания своего отца князь Михаил Хоробрит согнал с владимирского стола своего дядю Святослава и сам стал владимирским князем. Михаил, видимо, отличался крайне вспыльчивым характером и все свои замыслы стремился осуществить немедленно. До той поры ни один из потомков Всеволода Большое Гнездо не решался на подобный шаг. Другая странность заключается в том, что ни один из братьев Михаила не остановил его. Видимо, по отношению к своим племянникам Святослав, распределяя между ними княжения по завещанию Ярослава Всеволодовича, совершил какую-то ошибку, чего-то кому-то не додал или же дал не то. Между наследниками Ярослава должно было произойти перераспределение столов. Произошло ли оно хотя бы частично или вообще не произошло — неизвестно. Зимой 1248/49 г. Михаил Ярославич был убит литовцами в столкновении на р. Протве[416], где сходились границы Владимирского и Смоленского княжеств. Гибель Хоробрита породила проблему нового перераспределения столов в северо-восточных русских княжествах.

[415] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 471.

[416] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 471; ПСРЛ. Т. 4, ч. 1. С. 230.

Старшие сыновья Ярослава Всеволодовича Андрей и Александр Невский, отправившиеся в Сарай и Каракорум, чтобы договориться о том, какими княжествами им владеть, вернулись на Русь зимой 1249/50 г., вероятнее всего, в январе-феврале 1250 г. Они привезли ханское решение, согласно которому Александр получил «Кыевъ и всю Русьскую землю, а Андрѣи сѣде в Володимери на столѣ»[417]. Поскольку с 1249 и по 1263 г. (время кончины Александра Невского) никаких признаков его пребывания в Киеве или в других городах «Русской земли» не обнаруживается, можно утверждать, что при каракорумском дворе пошли на некие лукавства. Вопреки древнерусским нормам княжеского столонаследования монголы передали главное княжество Северо-Восточной Руси Владимирское не старшему сыну умершего князя Ярослава Всеволодовича Александру Невскому, а его брату Андрею, видимо, опасаясь усиления Александра. Слухи о его победах над шведами в 1240 г. и немцами в 1242 г. достигали восточных стран[418]. Такое распределение столов возбуждало недоверие между старшими сыновьями Ярослава Всеволодовича. В то же время передача Александру Невскому Киева и Русской земли портила отношения между Александром и Батыем, поскольку Батый по меньшей мере с середины 1240-х годов держал Киев своим баскаком, который собирал с него дань Батыю. Восстановление в Киеве власти русского князя прямо затрагивало интересы сарайского правителя, и киевского стола Александр не получил. Ему пришлось довольствоваться только тем, что завещал ему его отец. Бывший владимирский князь Святослав Всеволодович в 1250 г. предпринял поездку «в Татары»[419]. Так как он отправился туда вместе с сыном, надо полагать, что хлопотал он там не о возвращении ему правления во Владимирском княжестве, а о наделении его княжеством, которое он мог бы передать по наследству сыну. Поскольку известно, что Святослав Всеволодович умер юрьевским князем, которым он был некоторое время еще до нашествия Батыя, его просьба была удовлетворена.

Во Владимирском же княжестве произошли события, которые оставили заметный след в его истории. Отказ Святослава от владимирского верховенства побудил старшего из Ярославичей Александра Невского в начале 1252 г. отправиться в Орду хлопотать о передаче ему Владимирского княжения. Можно было надеяться на успех, поскольку в 1251 г. каракорумским ханом был выбран Мунке (Менгу), ставленник Батыя[420]. Новый хан и его окружение, видимо, должным образом оценили внешнеполитическую позицию Александра Невского в 1249—1251 гг., когда он не предъявлял прав на Киев и не пытался через Каракорум, где в те годы большой вес имели противники Батыя, добиться обладания «Русской землей» и ее главным городом, а потому «отпустиша и с честью великою, давше ему старѣишиньство во всеи братьи его»[421]. «Братья» Александра жила в Волго-Окском междуречье и к северу от Волги. Здесь Александр и стал «старейшим». Никаких намеков на обладание им Киевом летопись не содержит.

Как сообщает Лаврентьевская летопись, после отъезда Александра «в Татары» владимирский князь Андрей Ярославич вместе с братом, переяславским князем Ярославом, выступили против монгольской власти. Договорившись с боярами, они

[417] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 472.
[418] *Бегунов Ю. К.* Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». С. 174.
[419] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 472.
[420] *Насонов А. Н.* Монголы и Русь: История татарской политики на Руси. С. 30, примеч. 3, с. 33.
[421] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 473.

решили бежать из своих владений, «нежели цесаремъ служити»[422]. Цесарями (царями) на Руси называли монгольских ханов. «Служить цесарям» означало, скорее всего, службу в их войске, принудительное участие в ханских походах. Впрочем, вероятно и иное понимание: быть под гнетом завоевателей, выполнять их приказы. При всех различиях в толковании выражения «нежели цесаремъ служити» следует отметить, что речь в летописи ведется о пассивном отрицании Андреем и Ярославом ханской власти. Тем не менее Андрей и Ярослав были сурово наказаны. «И погнаша Татарове в слѣдъ его (князя Андрея. — *В. К.*), — пишет Лаврентьевская летопись, — и постигоша и оу города Переяславля… Татарове же, рассунушася по земли, княгыню Ярославлю яша и дѣти изъимаша, и воеводу Жидослава ту оубиша, и княг[ын]ю оубиша, и дѣти Ярославли в полонъ послаша, и люди бе-щисла поведоша, до конь и скота, и много зла створше, отидоша»[423]. Сам князь Ярослав бежал в Новгород, от которого получил в управление Псков[424]. Князь Андрей нашел убежище в Шведском королевстве[425]. Татары, устроившие погоню за князьями, не могли быть вызваны из Сарая, поскольку уход князей из своих владений был делом скоротечным. Очевидно, что они находились где-то неподалеку.

В этой связи весьма ценным и разъясняющим обстоятельства событий 1252 г. является текст Софийской первой летописи старшего извода о нападении монгольского полководца Неврюя и его воевод на Владимир и Переяславль в 1252 г. Хотя названная летопись не является такой древней, как Лаврентьевская (дошедшие до нашего времени списки Софийской первой летописи старшего извода датируются 1470—1480-ми годами, а текст ее восходит к своду 1423 г. митрополита Фотия), она сохранила достаточно подробный и последовательный рассказ о событии середины XIII столетия. Согласно этой летописи, Неврюй пришел «съ многыми воеводами и силою татарьскою на великаго князя Андрѣя Ярославича». Выясняется, таким образом, что поход Неврюя имел прежде всего политическую цель — смену князей во Владимирском княжестве. Андрей Ярославич такому требованию не подчинился. Выстроив свои полки, он приготовился к отпору. 24 июля 1252 г. на пути из Владимира к Переяславлю-Залесскому произошла битва. Летопись сообщает, что «быс(ть) сѣча велика». А далее добавляет: «Гнѣвомъ бо б(о)жиимъ за умножение грѣховъ наших погаными побѣжени быша, великыи князь Андрѣи едва убѣгоша»[426]. Выясняется, что не заговор русских князей против Орды вызвал появление Неврюя во Владимирском княжестве, — монгольское войско, отправленное туда, должно было выполнить предписанные ему задачи. Бегство Андрея и Ярослава было связано с нападением на них этого войска. При Мунке в Каракоруме не хотели видеть во главе Владимирского княжества ставленника умершего хана Гуюка, противника Батыя.

Судя по показаниям Лаврентьевской и Новгородской первой старшего извода летописей, Александр Невский вернулся на Русь в первые два месяца 1253 г., уже после ухода Неврюя. Обезкнявший было город Владимир встретил его у Золотых ворот торжественной делегацией духовенства и горожан. Князь был посажен «на столѣ отца его Ярослава».

[422] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 473.
[423] Там же.
[424] НПЛ. С. 80 (под 6761 г., скорее всего, ультрамартовским).
[425] ПСРЛ. Т. 6, вып. 1. Стб. 327—328.
[426] Там же. Стб. 327.

«И бысть радость велика, — заключает летописец, — в градѣ Володимери и во всеи земли Суждальскои»[427]. Действительно, с дальнейшими вмешательствами Орды в управление главным княжеством Северо-Восточной Руси, с внутренней борьбой сыновей Всеволода Большое Гнездо и сыновей Ярослава Всеволодовича за верховную власть в этом княжестве было покончено на 10 лет. Политические интриги и метания прекратились, во главе центрального княжества встал человек, на стороне которого были все права княжеского старейшинства, который прославился военными победами и показал себя достаточно умудренным правителем, княжа в Новгороде.

Принимая владимирский стол, Александр Невский осознавал, что его Владимирское княжество совсем не то, что было при его отце. В реальном владении его отца было 23 города. Во владение же Александра перешли такие города, как Боголюбов, Владимир, Городец на Волге, Гороховец, Кострома, Москва, Новгород Нижний, Соль Великая, Суздаль, Унжа, Ярополч — всего 11 городов, т. е. немногим меньше половины того, чем обладал его отец. Поэтому первым шагом Александра как владимирского князя стала консолидация своих владений. Он вывел из Пскова брата Ярослава, восстановив зависимость Пскова от Новгорода, где сохранил за собой княжеский стол. С Ярославом же разменялся княжествами. Ему Александр отдал свое Тверское, взамен получив от брата принадлежавшее тому Переяславское княжество. Тем самым владимирские и переяславские земли вновь объединились под властью одного князя, став снова единым целым.

Примерно на то же время падает начало и активной деятельности Александра Невского по восстановлению экономики, хозяйства и обороноспособности Владимирской земли. По свидетельству древнейшей редакции Жития Александра Невского, после Неврюевой рати 1252 г. Александр Невский «церкви въздвигну, грады испольни, люди распуженыа събра в домы своя»[428]. Восстановление и созидание не прерывались не имевшими смысла походами и войнами против других князей. Александр Невский принимал в своем княжестве своих ближайших родственников и родственников более далеких — ростовских князей, сам посещал Ростов. Ни ссор, ни распрей, ни тем более военных столкновений между князьями-соседями не было. Когда около 1257 г. на Русь из Швеции вернулся князь Андрей Ярославич, Александр дал брату Суздаль, хотя у него самого городов оставалось немного. Особого внимания требовал только Новгород Великий.

Став владимирским князем, Александр Невский продолжал оставаться и князем новгородским. Однако теперь он уже не жил в этом городе. Вместо него там появились его сыновья. Первым стал старший из них Василий. Хан Мунке, занявший каракорумский стол, начал во всей империи проводить реформу налогообложения. Новгород не был завоеван монголами, но управлялся князем владимирским, который монголам подчинялся. Это дало монголам основание требовать с Новгорода уплаты «выхода». Впервые монгольские уполномоченные по раскладке и сбору налогов появились в Новгороде зимой 1257/58 г. Но княжич Василий и новгородцы воспротивились проведению переписи. В конфликт пришлось вмешаться Александру Невскому. Василий был отправлен во Владимирскую землю, его дружина была жестоко наказана, вплоть до ослепления настойчивых советников молодого князя, но перепись все-таки не состоялась. Она была осуществлена через два года, когда новгородское боярство нашло способы сделать «собѣ

[427] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 473.

[428] *Бегунов Ю. К.* Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». С. 175.

легко, а меншимъ зло». Вместо Василия в Новгороде стал править другой сын Александра Невского Дмитрий.

После занятия владимирского стола Александр Невский продолжал поддерживать необходимые связи с Ордой. Но в начале 1260-х годов сарайская Орда вышла из состава Монгольской империи. По русским княжествам прокатилась волна выступлений против сидевшей в местных городах монгольской администрации, которая «многу бо пакость творяху христианом»[429]. Владимирский князь поддержал эти выступления. Города получали от Александра Невского грамоты с призывом «татар побивати». Расправы завоевателей за эти выступления и призывы не последовало потому, что они были направлены против каракорумских, а не сарайских чиновников, ставших враждебными друг другу. Тем не менее к превратившемуся в суверенного правителя сарайскому хану Берке Александру Невскому ехать пришлось. Он отправился в Сарай в 1262 г., чтобы убедить хана отказаться от призыва русских на свою военную службу. Многомесячное пребывание Александра при ханском дворе, ведшиеся длительные переговоры, видимо, убедили Берке в справедливости просьбы русского князя. Из Орды Александр был отпущен в октябре 1263 г. В дороге он тяжело заболел и, доехав до волжского Городца, скончался там 14 ноября 1263 г.

Своим сыновьям Александр Невский выделил уделы. Второму сыну Дмитрию он завещал Переяславль-Залесский. Третий сын Андрей получил Городец Волжский с Новгородом Нижним. Четвертый сын, двухлетний Даниил, унаследовал Москву. Ничего не известно о владениях старшего сына Александра Невского Василия. После известия о его выводе из Новгорода имя старшего сына Александра Невского встречается в летописях всего один раз. Под 1271 г. сообщается, что «преставися князь Василеи Александровичь»[430]. Ни места смерти, ни определения князя по его княжению не указаны. Это наводит на мысль об особом положении старшего сына в семье Александра Невского. Возможно, поведение Василия в 1257/58 г. в Новгороде так разгневало отца, что он выделил своему первенцу лишь небольшую толику своих владений. Василий же по первородству мог рассчитывать на владимирский стол.

Однако владимирским князем Василий не стал. Преемником Александра Невского на владимирском столе оказался его брат, тверской князь Ярослав Ярославич. В 1264 г. он был возведен на владимирский стол как «князь великы Владимирскы и Новогородскии». Такое определение является относительно поздним, возникшим в XIV — начале XV в. Но если говорить о сути такого определения, то оно оказывается достаточно точным. После наделения уделами своих сыновей Александром Невским Владимирское княжество оказалось сильно урезанным. В его составе остались только города Боголюбов, Владимир, Гороховец, Соль Великая и Ярополч — менее половины того, чем завладел Александр Невский, став в 1253 г. владимирским князем. Территория Владимирского княжества ограничилась бассейном нижнего течения р. Клязьмы. В таких обстоятельствах княжение в Новгороде становилось не только престижным, но и жизненно необходимым для укрепления и роста экономических и политических возможностей владимирского князя. И первым шагом здесь Ярослава Ярославича стала женитьба на Ксении, дочери Юрия Михайловича, одного из самых видных новгород-

[429] ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 22. Здесь и далее погрешности издания исправлены по рукописи, содержащей Рогожский летописец (РГБ. Ф. 247. № 253).

[430] ПСРЛ. Т. 18. С. 73.

ских бояр. Однако расчет князя Ярослава на поддержку новгородского боярства не оправдался. Как свидетельствуют договоры, заключенные Новгородом с этим князем в 1264 и 1268 гг., а также летописные сообщения, новгородцы требовали от князя Ярослава, чтобы он волостелями в Новгородской земле назначал только новгородских мужей, а не людей своего двора; чтобы охотился на вепрей за 60 верст от Новгорода, ближе к городу охотиться было нельзя, хотя Ярослав устраивал там охоты на зайцев. Нельзя было ни князю, ни его окружению приобретать земли в Новгородщине, иметь закладников, выводить в свои владения зависимых от них новгородцев. Посещать Руссу, Ладогу и Озвадо, где у князя были солеварни, рыбные тони и охотничьи угодья, можно было не чаще одного раза в три года. Нельзя было ловить уток на р. Волхов. Из этих запрещений видно, что, правя в Новгороде, Ярослав Ярославич стремился к расширению там своих владений, увеличению зависимых от него людей, расширению охотничьих угодий, бóльшему контролю над производством соли и выловом рыбы, что понятно для правителя, основные владения которого (Владимирское и Тверское княжества) демографически и экономически были ослаблены монгольскими завоевателями, а также распадом этих владений на уделы, особенно Владимирского княжества. Разногласия между князем и новгородцами достигали такого уровня, что разрешить их могла только братоубийственная война. Новгород изгонял Ярослава, но тот всячески держался за новгородский стол, прекрасно понимая, как много может он потерять в материальном отношении, лишившись правления в Новгороде. В непримиримые распри вынужден был вмешаться митрополит Кирилл, и мир «на всей воле новгородской» был установлен в 1270 г. После этого Ярослав Ярославич, оставив своих наместников в Новгороде и Пскове, вернулся во Владимир, а затем отправился в Орду[431]. На возвратном пути из Орды домой 16 сентября 1271 г. он скончался.

Своим наследникам, сыновьям от первого брака Святославу и Михаилу, а также второй жене Ксении с сыном Михаилом Ярослав Ярославич оставил владения только в своей «отчине» — Тверском княжестве. Из земель Владимирского княжества наследники ничего не получили. Это означает, что статус владимирских князей изменился. Выясняется, что Александр Невский был последним князем-вотчинником Владимирского княжества, который имел право увеличивать и кроить территорию этого княжества, передавать его части по наследству. Это привело к значительному оскудению главного княжества Северо-Восточной Руси, уменьшению его территории и числа его городов. С 1238 по 1263 г., т. е. за 25 лет, количество городов во Владимирском княжестве сократилось с 23 до пяти, т. е. почти в пять раз. Продолжение такой тенденции должно было привести к полному истощению Владимирского княжества. Очевидно, что при Ярославе Ярославиче права владимирского князя были изменены. Он не мог ни соединять свое отчинное княжество с Владимирским, ни превращать свою отчину в часть Владимирского княжества, ни выделять из последнего владения своим наследникам. Владимирское княжество из вотчинного превращалось в прекарное владение того князя, который становился владимирским. Он мог править в таком княжестве до конца жизни, используя все выгоды своего положения, собирая налоги, проводя и контролируя суды, заставляя население участвовать в походах и войнах, но изменять территорию княжества, делить ее между своими родственниками права не имел.

После смерти князя Ярослава Ярославича претензии на владимирский стол предъ-

[431] О датировке событий см.: *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. М., 1963. С. 273.

явили сын Александра Невского переяславский князь Дмитрий, уже правивший в Новгороде в качестве наместника своего отца, и брат умершего Ярослава костромской князь Василий Ярославич. Помимо стольного Владимира, каждый из соперников рассчитывал получить и княжение в Новгороде. Новгородцы высказались за Дмитрия. 9 октября 1272 г. Дмитрий Александрович стал новгородским князем. Однако Василий Ярославич с этим не смирился. Найдя себе союзника, тверского князя Святослава Ярославича, костромской князь вторгся в Новгородскую землю и сумел взять Торжок, посадив там своего тиуна. Почти одновременно тверичи напали на другие новгородские земли: Волок Ламский, Бежецк и даже отдаленную Вологду. Собрав войско, князь Дмитрий Александрович пошел ответным походом на Тверь. Но во время похода новгородцы потребовали изгнания Дмитрия и приглашения на новгородский стол костромского князя Василия.

Трезво оценив обстановку, князь Дмитрий покинул Новгород. Новгородским и владимирским князем стал Василий Ярославич. Он продержался на этих княжениях до своей смерти в январе 1277 г.[432] Потомства князь не оставил, и его Костромское княжество было присоединено к Владимирскому. Новгородцы же пригласили на княжение вновь Дмитрия Александровича. Тот занял новгородский стол в мае 1277 г. Его повторное правление во Владимире и Новгороде оказалось более продолжительным.

Короткое время спустя после своего возведения на новгородский стол Дмитрий во главе собственной дружины и новгородцев предпринял поход на карелу. Поход был успешным. В очередной раз карела признала власть Новгорода. Победоносная война со слабым противником дала возможность владимирскому князю показать Новгороду свою готовность расширять границы республики. Но постоянно заниматься новгородскими проблемами Дмитрию мешали требования Орды. В 1278 г. владимирский князь вынужден был участвовать в походе ордынского хана Менгу-Тимура на осетинский город Дедяков, завершившемся взятием города и захватом богатой добычи. Вернувшись из похода, Дмитрий Александрович с разрешения новгородцев срубил для себя в Новгородской земле город Копорье, а на следующий год укрепил его каменными стенами. Стоявшее в 12 км от Финского залива, в Ижорской земле, Копорье контролировало водные и сухопутные пути к Новгороду с запада. В принципе это было на пользу Новгороду, но то обстоятельство, что на территории республики появлялся анклав, в котором распоряжается только князь, новгородцев никак не устраивало. В 1280 г. между князем и Новгородом произошел разрыв. Дмитрий уехал во Владимир и, собрав там большие силы, зимой 1280/81 г. двинулся на Новгород. Ему удалось захватить часть новгородских земель. Новгородцы запросили мира. Получив от них богатые дары, Дмитрий вернулся восвояси[433].

Обострением отношений владимирского князя с Новгородом решил воспользоваться родной брат Дмитрия городецкий князь Андрей Александрович. Он отправился в Орду и сумел убедить нового сарайского хана Туда-Менгу ярлык на Владимирское княжение передать ему. Вместе с ордынским войском в конце 1281 — начале 1282 г. Андрей появился на Руси. Ордынцы захватили несколько русских городов вплоть до Твери и Торжка, а из Владимира и Переяславля-Залесского изгнали князя Дмитрия. Со своей дружиной Дмитрий ушел к хану Ногаю[434].

---

[432] О дате см.: *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. С. 288.

[433] ПСРЛ. Т. 18. С. 77; НПЛ. С. 324. О датах см.: *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. С. 289.

[434] ПСРЛ. Т. 18. С. 78.

Основные кочевья Ногая располагались в нижнем течении Дуная. Но Ногай враждовал с Сараем и вмешивался в дела, происходившие далеко от его кочевий. Он поддержал бывшего владимирского князя. В 1283 г. Дмитрий вернулся от Ногая и примирился с братом, который вынужден был вернуть Дмитрию и Владимир, и Переяславль, и новгородский стол. Последующее десятилетнее правление князя Дмитрия во Владимире прошло под знаком жесткого подавления князей, ориентировавшихся на сарайскую Орду. Однако в 1293 г. эти князья, возглавляемые тем же Андреем Городецким, добились у хана Тохты ярлыка на Владимирское княжество для Андрея. На русские княжества была послана рать во главе с Туданом (Дюденем), племянником хана. Владения Дмитрия были опустошены, сам он бежал в Псков, владимирский и новгородский столы занял князь Андрей. Дмитрий из Пскова через ставшую союзной ему Тверь решил вернуться в свой Переяславль, но по дороге был перехвачен войсками Андрея. Самому Дмитрию удалось избежать худшего, но его казна и имущество попали в руки брата. В первой половине 1294 г. на пути из Твери в Переяславль близ Волока Ламского Дмитрий скончался.

Теперь у городецкого князя Андрея Александровича, овладевшего Владимирским княжеством, соперников за его обладание не стало. Но ему противостояла сильная коалиция княжеств Переяславского, Тверского и Московского, основанная Дмитрием Александровичем и ориентировавшаяся на Орду Ногая. В 1294 г. ее возглавил московский князь Даниил Александрович. Эта коалиция в течение шести лет не давала Андрею Александровичу укрепить свою власть в Новгороде, расширить территорию Владимирского княжества за счет захвата переяславских земель, а приводимые Андреем ордынцы нападали на Переяславль, Москву, грозили опустошением Твери. Так происходило до 1300 г., когда в столкновении с ханом Тохтой погиб хан Ногай. Исчезла опора трехстороннего союза Переяславля, Твери и Москвы. И тверской князь Михаил Ярославич оставил своих союзников, перейдя на сторону Андрея Александровича. За короткий срок владимирский и тверской князья тесно сблизились, и в 1304 г., умирая, Андрей Александрович номинировал Михаила Тверского на владимирский стол. Бояре князя Андрея перешли на службу к Михаилу Ярославичу. Предстояла, как казалось, чисто формальная процедура: поездка тверского князя в Сарай и получение от хана Тохты ярлыка на Владимирское княжение.

Неожиданно претензии на этот ярлык предъявил двоюродный племянник Михаила Ярославича, старший сын московского князя Даниила Александровича Юрий. Оба князя осенью 1304 г. отправились в Орду. Там они пробыли около года. Хан и его окружение тщательно взвешивали, какому претенденту отдать предпочтение. В остром соперничестве победил тверской князь.

С именем Михаила Ярославича Тверского связано новое представление о Владимирском княжестве. Заняв владимирский стол, Михаил принял титул «великий князь всея Руси». Тем самым Владимирское княжество становилось великим, а его правитель превращался в главного князя всей Руси, не только Владимирского княжества, что явно бросало вызов ордынским ханам, поскольку рядовые русские князья должны были подчиняться более статусному великому князю. Принимая такой титул, Михаил Ярославич рассчитывал, видимо, и на то, что новый титул унаследуют его сыновья и внуки, а потому они останутся правителями Великого княжества Владимирского как старшие в потомстве Всеволода Большое Гнездо. Этого, однако, не произошло. Удерживая за собой Владимирское княжество в течении 12 лет (1305—1317), Михаил добился его расширения за счет Переяславля и его земель, но вынужден

был уступить владимирский стол московскому князю Юрию Даниловичу, породнившемуся с ордынским ханом Узбеком и получившему от него большую политическую и военную поддержку. Михаил Ярославич был вызван в Орду и казнен там 22 ноября 1318 г.

Владимирское княжение Юрия Даниловича оказалось недолгим. Уже летом 1322 г. за присвоение следуемого Орде «выхода» (дани) хан Узбек отнял у него Владимирское великое княжество и передал его Дмитрию, старшему сыну казненного Михаила Тверского. Но и правление во Владимире Дмитрия стало коротким. Поздней осенью 1325 г., встретив в Орде Юрия Московского, великий князь Дмитрий Михайлович, который носил прозвище «Звериные Очи», убил его, за что был арестован и казнен. Однако ярлык на великое княжение Владимирское хан Узбек отдал не брату убитого, а брату убийцы. Владимирским князем стал Александр Михайлович. Его пребывание на великокняжеском столе было совсем скоротечным. Добиваясь великого княжения, князь Александр обещал хану Узбеку большие деньги за ярлык. В Тверское княжество прибыли ордынские ростовщики. Их сопровождал крупный военный отряд под командованием родственника Узбека Чол-хана (Щелкана русских источников). Ордынцы стали притеснять местных жителей, отнимать у них имущество. И тогда в Твери и городах Тверского княжества произошло восстание. Оно началось 15 августа 1327 г. и приняло массовый характер. Тверской князь Александр вынужден был к нему присоединиться. В результате Чол-хан был убит, его отряд частично истреблен, частично рассеян. С известием об этом осенью 1327 г. в Орду отправился московский князь Иван Данилович[435]. Вскоре он вернулся с пятью ордынскими темниками, отправленными Узбеком для усмирения тверичей. Князь Александр Михайлович, бросив Владимир и Тверь, укрылся в Пскове. Владимирский стол оказался свободным. Поняв, что обладание этим столом делает русских князей могущественнее, как это было с Михаилом Ярославичем Тверским, Юрием Московским, Александром Тверским, хан Узбек пошел на территориальный раздел Владимирского великого княжения. Помогавшему ордынцам московскому князю Ивану Калите он передал «Новъгород и Кострому», вновь отделив ее от территории Владимирского княжения, а суздальскому князю Александру Васильевичу предназначил «Володимеръ и Поволожье»[436]. Раздел произошел в 1328 г. В 1331 г. князь Александр умер, и Иван Калита сумел убедить хана Узбека передать ему долю суздальского князя. Владимир и Кострома вновь стали единым целым.

С 1331 по 1359 г. Великое княжество Владимирское находилось под постоянным управлением представителей московского княжеского дома: Ивана Даниловича Калиты и его сыновей Симеона Гордого и Ивана Красного. В этот период территория княжества увеличилась присоединением выморочного Юрьевского княжества. Беспрерывное же 28-летнее правление во Владимире представителей одной княжеской династии позволяло ставить вопрос о передаче этой династии вечных прав на Владимирское великое княжество. Однако Орда не желала терять контроля над этим княжеством. В 1360 г. ордынский хан Ноуруз передал ярлык на великое княжение Владимирское старшему нижегородскому князю Андрею Константиновичу. Но тот с ханского согласия передал этот ярлык находившемуся в то время в Орде своему брату Дмитрию-Фоме[437]. Монополия московских князей на правление во Владимирском ве-

[435] ПСРЛ. Т. 18. С. 90.
[436] НПЛ. С. 469.
[437] ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 68.

ликом княжестве оказалась нарушенной. Это нарушение продолжалось два года. Когда к власти в Сарае после гибели ханов Ноуруза и Хызра пришел хан Мурад, то он в 1362 г. аннулировал ярлык на великое княжение нижегородского князя Дмитрия-Фомы и дал его подросшему московскому князю Дмитрию Ивановичу, будущему Донскому[438]. Нижегородский князь не признал ярлыка хана Мурада и решил оборонять свои владения от 12-летнего московского князя. Он укрепился в самом западном своем городе — Переяславле. Зимой 1362 г. москвичи собрали все свои силы (полки великого князя Дмитрия, его родного брата Ивана и двоюродного брата серпуховского князя Владимира) и отправили их на Переяславль. Узнав о движении московской рати, князь Дмитрий-Фома оставил Переяславль и укрылся во Владимире. Москвичи изменили маршрут. Нижегородский князь покинул Владимир и закрепился в собственном Суздале. «Тое же зимы перед Крещениемь (6 января 1363 г. — *В. К.*), — сообщает далее летопись, — князь Дмитреи Иванович съ своею братиею съ княземъ Иваном и Володимеромъ и съ всѣми бояры в силѣ велицѣ тяжцѣ въеха в Володимерь и сѣде на великом княжении на столѣ отца своего и дѣда и прадѣда. И стоя в Володимери 3 недѣли и поеха на Москву...»[439]. Так закончило свое самостоятельное существование Владимирское великое княжество — одно из крупнейших в истории Северо-Восточной Руси, возникшее в 1157 г., сразу после смерти Юрия Долгорукого. В 1363 г. оно стало не прекарным, а вотчинным достоянием московских великих князей, свободным от непосредственной власти ордынских ханов, передаваемым по нисходящей линии от одного великого князя всея Руси к другому.

Ростовское, Ярославское, Угличское, Муромское, Юрьевское, Галичско-Дмитровское, Белозерское княжества

Возникновению *Ростовского княжества* как нового факта политической реальности Северо-Восточной Руси способствовало выделение владимирским князем Всеволодом Юрьевичем своему старшему сыну Константину в 1207 г. Ростова и пяти городов к нему. Это уже не была прежняя Ростовская земля, как ее понимали в XI в., когда под контролем обладателей Ростова находилось пространство от среднего течения р. Москвы на западе до впадения р. Клязьмы в р. Оку на востоке, а также почти все верхнее течение р. Волги. К старому центру земли — Ростову — Константин получил Ярославль, Углич, Белоозеро, Устюг и, вероятно, Мологу[440]. Таким образом, под его властью по воле отца оказалась лишь часть той обширной территории, которая с середины XII в. уже начинает именоваться не Ростовской, а Суздальской землей: такие значимые центры, как Владимир, Суздаль, Переяславль, а также Юрьев, Москва, Дмитров и Поволжье с Костромой и Городцом остались под непосредственным управлением Всеволода и в состав нового удела не вошли. Однако переданные князем возмужавшему сыну города с их землями образовывали цельный и при этом весьма крупный блок, в рамках которого уже сложились давние внутренние связи: особые отношения между финноязычным населением будущей округи возникшего во

[438] ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 72.

[439] Там же. Стб. 73.

[440] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 434; *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. М., 1984. С. 98—101.

второй половине X в. Ростова с богатыми пушниной и находящимися на пути к р. Северная Двина и Приуралью Пошехоньем, Белозерьем и бассейном Кубенского озера, из которого вытекает р. Сухона, фиксируются задолго до этого — в IX—X вв., когда земли мери уже были в составе Руси, но еще не подверглись христианизации и славянизации[441]. В XI в. в Ростове создается епископская кафедра, и он становится не только политическим, но и религиозным центром всей этой обширной территории. Во второй половине XII в. события межкняжеской борьбы показали, что сильное ростовское боярство уже осмысляет себя как особую общность, интересы которой противостоят интересам новых городов — выдвинувшихся в это время Владимира и Переяславля, и претендует на особую роль в принятии политических решений.

К явным достоинствам возникающего под властью Константина Всеволодича политического образования относилось то, что оно имело протяженные границы с Новгородской землей, куда вели торговые пути, по которым можно было выгодно реализовывать необходимую для новгородцев сельскохозяйственную продукцию плодородного ростовского Ополья и получаемые в виде дани лесные богатства таежного Северо-Востока. Северо-восточные рубежи Ростовской земли предоставляли возможность для дальнейшей колонизации прилегающих территорий, связи финноязычного населения которых с Булгаром не были слишком уж прочными. Расположенные на Волге Углич и Ярославль позволяли не только торговать с Булгарией, но и получать доходы от контроля за этой важной магистралью. Все части складывающейся Ростовской земли были связаны между собой удобными речными коммуникациями по Волге, Шексне и Сухоне. Одновременно с тех сторон, откуда был велик риск военных вторжений — от Волжской Булгарии, степных половецких земель, а также от Черниговского, Рязанского и Смоленского княжеств, Ростов и Белоозеро были прикрыты другими владимирскими землями. Эти два города являлись наиболее населенными центрами владений Константина, и их величина с лихвой компенсировала тот факт, что в целом городов в его владениях оказалось не так много. Не столь крупные Углич, Ярославль, Молога и Устюг играли важную оборонительную роль, защищая Ростовскую землю от нападений со стороны Волги, от новгородских рубежей и от набегов булгар с севера и востока.

Все это явно было принято во внимание Константином, когда он в 1211 г. даже ради оставляемого ему в наследство отцом старшего владимирского стола отказался отдать брату Юрию Ростов. Разгоревшиеся в итоге военные конфликты Константина с братьями ускорили консолидацию элит новой земли как особой политической общности, и в конце концов старшему из Всеволодичей все же удалось добиться вокняжения во Владимире при сохранении за собой власти в Ростове. Результаты процесса были закреплены соглашением Константина и Юрия Всеволодичей 1216 г., по которому Константин завещал брату Владимир в обмен, как предполагается, на гарантии последующего покровительства того в отношении сыновей Константина и признания Ростовской земли их неотъемлемой отчиной[442].

Значимую роль сыграло и то, что Константин смог с опорой на факт наличия в Ростове еще в XI в. архиерейской кафедры добиться церковной самостоятельности своей земли, выведя ее из-под власти пребывавших теперь во Владимире епископов и возродив независимую от них Ростовскую епископию. Это было подкреплено и церковным строительством: в Ростове

[441] Археология севернорусской деревни X—XIII веков: В 3 т. М., 2009. Т. 3. С. 105—106.
[442] Там же.

с 1213 г. сооружается новый, весьма крупный Успенский собор, а также построена каменная церковь Бориса и Глеба на княжьем дворе, в Ярославле Константин заложил храм Успения, тоже расположенный на княжеском дворе в центре города, и церковь Спаса в основанном им Спасском монастыре. После смерти князя эти здания достраивают и украшают его сыновья: Василько и Всеволод еще при жизни Константина получили княжения в Ростове и Ярославле, Владимиру же достался Углич.

События 1220-х — середины 1230-х годов показывают, что Константиновичи сидят каждый в своем городе и признают старшинство своего дяди владимирского князя Юрия, по его воле отправляясь в походы, но при этом сохраняют тесную связь друг с другом. К примеру, они сообща выступили в ссоре Юрия и Ярослава Всеволодичей на стороне последнего[443], а о каких-то их столкновениях между собой, как и позднее — о конфликтах между их сыновьями — внуками Константина, ничего не сообщается. В то же время верховенство Василька над младшими братьями выразилось в том, что он получил самую крупную в территориально-политическом и демографическом смыслах долю наследства: помимо Ростова, ему принадлежали также Белоозеро и Устюг. Судя по известным для XIV в. границам, Константин постарался специально укрепить единство среди своих наследников, выделив обширные земли в лесной северной части княжества и ростовскому, и ярославскому князю, причем так, что владения обоих выходили к берегам Кубенского озера, через которое обеспечивалась связь между бассейнами Волги и Северной Двины[444]. Значимость поддержания контроля над этим важным путем, в котором были заинтересованы и новгородцы, должна была подталкивать ростовцев и ярославцев к взаимодействию, как и то обстоятельство, что добраться из Ростова до своих белозерских и устюжских владений его правители могли только сквозь ярославскую территорию.

Нашествие Батыя три князя Ростовской земли встретили со своими дружинами в войске князя Юрия Всеволодича на р. Сити. Участь их городов зимой 1237/38 г. оказалась различна: Ростов, судя по всему, был занят, но не сопротивлялся, сохранив население[445], Ярославль же монголы взяли штурмом, а его защитников уничтожили[446]. Относительно того, как именно был захвачен Углич, точных данных нет. По-разному сложилась и судьба братьев-князей в битве на Сити: Василько попал в плен и после отказа служить хану был убит, Всеволод Константинович пал в бою, Владимир Константинович остался в живых и затем вернулся в Углич. Несмотря на сохраняющееся среди князей Ростовской земли единство, отраженное и тем фактом, что оставшиеся в живых потомки Константина в 1244 г. едут на поклон к Батыю вместе, сами, а не по отдельности и не с великим князем Ярославом Всеволодичем, перераспределения по старшинству освободившихся столов между ними не произошло. Хотя старшим в их ветви после гибели Василька и Всеволода оказался Владимир Констан-

[443] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 451—452.

[444] Если полагать, что фиксируемая в духовной грамоте великого князя Дмитрия Ивановича связь прикубенских Тошны и Сямы с Угличем восходит еще к предшествующему столетию, то небольшой северный анклав на побережье Кубенского озера мог получить наряду со старшими братьями еще и Владимир Константинович.

[445] Характерно также, что несмотря на взятие города сохранился целый ряд рукописей, созданных в ростовском скриптории первой трети XIII в., при Константине и Василько. См.: *Турилов А. А.* К истории ростовского владычного скриптория XIII в.: Старые факты и новые данные // Хризограф. М., 2009. Вып. 3.

[446] Археология древнего Ярославля: Загадки и открытия (по материалам Ярославской экспедиции ИА РАН). 2-е изд., доп. и перераб. / Авт.-сост. А. В. Энговатова. М., 2012.

тинович, он остается в Угличе, а не занимает ростовский стол. Княжение в Ростове сохраняется за юными Борисом и Глебом Васильковичами, опекаемыми матерью Марией Михайловной, а покровительство над ними принимают их оставшиеся в живых дяди: Ярослав и, видимо, Святослав Всеволодичи[447]. Значимую роль в политической жизни Ростовской земли и в ее возрождении после нашествия играет также епископ Кирилл (1231—1261). Под 1253 г. сообщается об освящении им княжеской церкви Бориса и Глеба в Ростове, вероятно, после ремонта или перестройки[448].

В 1240-х — первой половине 1250-х годов исчезают упоминания об участии ростовских сил в великокняжеских акциях, нередкие в предыдущие десятилетия, в то же время подрастающие ростовские князья часто ездят в Орду, а Глеб даже побывал в ханской ставке в Каракоруме и вернулся в Ростов, «оженившись в татарех»[449]. Следует заметить, что, судя по летописным известиям, статус обоих братьев в их отношениях с ордынцами и с великими князьями в это время примерно равен: хотя позднейшая традиция именует Глеба Белозерским, поскольку на Белоозере княжили его внуки и правнуки, но на протяжении всей жизни князя имеется лишь одно упоминание о его поездке в этот город, во всех же остальных случаях он находится либо в Орде, либо в Ростове, в том числе и в отсутствие своего брата. При этом в XIII в. нет упоминаний о Белоозере как стольном городе — центре особого княжения, и хотя город ни разу не был затронут татарскими нападениями, именно с середины XIII в. фиксируются остановка его роста, постепенный упадок и начало сокращения городской территории[450]. Сам же Глеб, как позже и его сын Михаил, будет похоронен в Ростове, сохраняющем несмотря на все бурные события свой статус, свое значение и свои размеры вплоть до конца столетия. Зимой 1249/50 г. один за другим на княжеском съезде во Владимире умерли Василий Всеволодич Ярославский и Владимир Константинович Угличский[451]. Обоих князей погребают не в Ростове, а в их стольных городах. Вкупе с вышеупомянутым отсутствием передела столов в Ростовской земле после 1238 г. это позволяет считать, что право на старшее ростовское княжение уже прочно закреплено лишь за потомством Василька Константиновича. Ярославская ветвь потомков Константина Всеволодича на этом прекратилась (дочь Василия Всеволодича позже будет выдана за князя из смоленского дома), в Угличе же вокняжился сын Владимира Андрей.

С получившим великое княжение во Владимире Александром Ярославичем отношения ростовских князей уже выглядят более тесными: Александр передает с едущим к Улавчию Борисом дары хану, а затем Борис Василькович вместе с великим князем и Андреем Ярославичем участвует в принуждении Новгорода к татарской переписи и подчинению власти Орды. На пути из Новгорода Александр специально посещает Ростов, кланяется

---

[447] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 522.

[448] Там же. Стб. 473.

[449] Там же. Стб. 474, 524. Точных данных о происхождении его жены нет, но основывающаяся на сведениях о монгольских матримониально-политических практиках историографическая традиция полагает, что она могла принадлежать к чингисидам.

[450] *Захаров С.Д.* Древнерусский город Белоозеро. М., 2004. С. 79. С середины XIII в. прекращается и продолжавшееся до этой поры интенсивное освоение территории Белозерья; более того, наблюдается хозяйственный упадок этой земли: останавливается рост населения и появление новых поселений. См.: *Макаров Н.А., Захаров С.Д., Бужилова А.П.* Средневековое расселение на Белом озере. М., 2001. С. 92—93, 171—172.

[451] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 472.

в городском соборе «святѣи Богородице» и мощам св. Леонтия и встречается с Борисом и Глебом, княгиней-матерью Марией и епископом Кириллом[452]. Сложившийся союз между великим князем и братьями-Васильковичами, важную роль в котором играл и Кирилл, находит, судя по всему, выражение и в летописном известии о том, как в 1262 г. «люди Ростовскія земля изволиша вѣчь» и выгнали из своих городов мусульманских откупщиков ордынской дани[453]. Важно то, в каком порядке перечислены эти города: названы «Ростов, Владимир, Суздаль, Ярославль». В этом ростовском по происхождению сообщении старшим оказывается Ростов, а перечень городов Ростовской земли отражает ее состав не во времена сыновей и внуков Константина Всеволодича, а куда более ранней эпохи, в описываемое же время они подвластны Александру и Андрею Ярославичам и Борису и Глебу Васильковичам. Сходное восприятие Ростова как важнейшего — практически наравне с великокняжеским Владимиром — политического центра всей Северо-Восточной Руси обнаруживается и в завершении «Летописца вскоре» патриарха Никифора в Новгородской кормчей 1282 г., отразившем тогдашнюю ростовскую традицию[454]. Там перечисляются начиная с Рюрика великие князья Руси, причем после Андрея Боголюбского, «в воли» которого оказалось и «Киевьское княжение», и владевшего «всею землею Русьскую» Всеволода внимание автора уделяется уже только обладателям владимирского стола. При этом параллельно им начинают указываться и княжащие в Ростовской земле: «по Константине брат его Юрье сѣде въ Володимѣри, а Константиновичи Василко в Ростовѣ, Всеволодъ въ Ярославлѣ»; «седѣ въ Володимѣри Ярославъ брат Юрьевъ лѣт 9, а в Ростовѣ сѣде княгини Василковыя съ сынома Борисомъ и Глѣбомъ».

Сорокалетний период после Батыева нашествия, в ходе которого Ростов не подвергался вражеским нападениям, а обладавшие верховной властью в Ростовской земле и поддерживавшие прочные отношения с Ордой братья Борис и Глеб действовали в согласии друг с другом, с сородичами и с великими князьями, ни разу не вступив в военный конфликт с соседями, явно способствовал восстановлению политического, экономического и культурного потенциала Ростова. В Угличе после кончины в 1261 г. Андрея Владимировича власть переходит к брату того Роману. В Ярославле же, стол которого с 1248 г. пустовал, оказывается женившийся на дочери его последнего князя Василия Всеволодича Федосье князь Федор, младший из трех смоленских братьев-Ростиславичей. Судя по всему, в городе он появляется с согласия Бориса и Глеба Васильковичей, вряд ли собиравшихся насовсем передавать своему новому родичу важнейшую часть наследия Константина, но заинтересованных в союзе со смоленскими князьями, особенно в случае, если Федор Ростиславич сумеет получить после своих братьев старший стол в Смоленске. Князь Федор в Ростовской земле занимал, насколько можно судить, положение, сопоставимое с ролью младшего члена Ростовского княжеского дома, вместе с Борисом и Глебом участвуя в кавказских походах Менгу-Темира[455]. После

[452] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 475.

[453] Там же. Стб. 476.

[454] *Тихомиров М. Н.* Забытые и неизвестные произведения русской письменности // Археографический ежегодник за 1960 г. М., 1962. С. 234—235; *Пиотровская Е. К.* Византийские хроники IX в. и их отражение в памятниках славяно-русской письменности («Летописец вскоре» Константинопольского патриарха Никифора) // ППС. СПб., 1998. Вып. 97 (34). С. 129—132.

[455] ПСРЛ. Т. 18. С. 75—76. См. также: *Городилин С. В.* Ростовский княжеский дом и Северо-Запад Руси (К вопросу о пределах политического горизонта) // Вестн. Ун-та Дмитрия Пожарского. 2019. Вып. 2 (14). С. 46—74.

того как в одном из этих походов 16 сентября 1277 г. умер Борис, ставший теперь единовластным князем Глеб решает еще более упрочить ростовские связи Федора Ростиславича, женив на его дочери своего сына и единственного наследника Михаила. Тогдашний статус Федора в Ростовской земле ярко отражен летописным известием 1278 г., по которому Федора, как и собственного сына Михаила, Глеб «посылает» на войну в Орду[456].

Все меняется после того, как 13 декабря 1278 г. умирает Глеб Василькович. В последней летописной записи «Новгородской кормчей» события изложены так: «Борисъ Ростовьскыи княжи лѣт 40 и умре. И сѣдоста въ Ростовѣ сына его Дьмитрии и Констаньтинъ, а Глѣбъ приехавъ ис Татаръ княживъ 6 мѣсяць и умре». Создается впечатление, что два сына Бориса Васильковича вокняжаются сразу же по смерти отца, естественным порядком, а княжение в Ростове Глеба подано автором как случайный краткий эпизод, не предполагающий продолжения. Судя по всему, братья-Борисовичи и взявший их сторону владычный летописец не собирались признавать за потомством дяди никаких прав на стол в Ростове. Известия Лаврентьевской летописи рисуют ту же картину с иной стороны: через семь недель после кончины Глеба его тело переносят из Успенского собора, где он был погребен как ростовский князь, в основанный матерью братьев-Васильковичей Марией монастырь Спаса. Митрополит отлучает за это от службы епископа Игнатия, но Дмитрий Борисович, в прямых интересах которого было удаление из городской княжеской усыпальницы тела Глеба, ограничивающее возможные претензии на стол со стороны Михаила Глебовича, добивается снятия наложенного на ростовского владыку запрета[457]. Вскоре Дмитрий еще и «с грехом и с неправдою» отнимает у Михаила унаследованные тем «волости» в Ростовской земле[458]. Возможно, старший из сыновей Бориса Васильковича воспользовался тем, что тесть Михаила Федор в это время отправляется в Смоленск, где после кончины его брата Михаила Ростиславича освободился княжеский стол. У начавших делить полученное наследие братьев-Борисовичей быстро разгорелся конфликт еще и друг с другом: в 1281 г. Константин едет жаловаться на брата к владимирскому князю Дмитрию Александровичу, а Дмитрий начинает укреплять город, «блюдяся братии»[459]. Великий князь с боярами прибыл в Ростов, выступив в качестве посредника и примирив враждующих князей. Впрочем, там все успокоилось очень ненадолго: когда в том же году Андрей Александрович Городецкий получает в Орде ярлык на Владимирское княжение и с татарскими войсками идет на брата Дмитрия в поход, к нему присоединились и вернувшийся из Смоленска Федор Ростиславич вместе с Константином Ростовским, которого Дмитрий только что мирил с братом. Судя по тому, что татары пограбили в том числе и волости «около Ростова», в качестве возможного союзника лишившегося ханского расположения Дмитрия Александровича от этой рати пострадал и Дмитрий Борисович. Следует вспомнить, что это были первые междоусобные столкновения, затронувшие Ростов по истечении более чем 40-летнего периода спокойствия после трагических событий 1238 г.

В 1283 г. в Угличе умер Роман Владимирович, и угличская ветвь потомства Константина также пресеклась. В ситуации, когда оставшиеся потомки Константина Всеволодича вступили в соперничество

[456] ПСРЛ. Т. 18. С. 76.
[457] Там же. С. 77.
[458] Там же.
[459] Там же. С. 78.

друг с другом за части его наследия, надежно удерживать все это наследие в целом представители ветви уже явно были не способны. В 1286 г. Дмитрий и Константин делят между собой «себѣ отчину» таким образом, что первый получил Углич и Белоозеро, а второй — Ростов и Устюг[460]. Возможности претендовать на Ярославль у них уже явно нет, его, видимо, контролирует Федор Ростиславич, опираясь в этом уже не на ростовских князей, а на Андрея Александровича, хотя, возможно, смоленский князь держит этот город и не лично, а посредством своего сына от первого брака Александра (праправнука Константина Всеволодича по линии матери, ярославской княжны). Впрочем, в 1288 г. на еще недавно отошедший Дмитрию Борисовичу Углич посажен уже тот же Александр Федорович, а примерно годом позже Дмитрий получает власть в еще недавно принадлежавшем брату Ростове, Константин же отправляется в Орду, судя по всему — искать управу на брата[461].

Интересно сообщение о событии, которое, согласно краткой статье ростовского летописца, сопровождало, или, во всяком случае, произошло в то же самое время: перед известием об отъезде в Орду Константина и после сообщения о посажении в Ростове Дмитрия сказано: «...тогда же бе много Татар в Ростовѣ, и изгнаша их вечьем, и ограбиша их»[462]. Вряд ли следует рассматривать это известие в актуальном для историографии прошлого контексте национально-освободительной борьбы: прямых данных об именно такой подоплеке случившегося нет, более того, никто из действовавших тогда ростовских князей не проявлял явно каких-то подобных устремлений, а приуроченность события к смене власти в стольном городе княжения заставляет предполагать связь этого городского конфликта с борьбой между братьями-Борисовичами. Судя по тому, что никаких ордынских санкций также не последовало, жертвами стали не полномочные представители правящего хана, а ростовские ордынцы, о наличии в городе сообщества которых сообщает «Повесть о царевиче Петре»: выходцы из Орды, проживавшие в Ростове и, вероятно, связанные в данном случае какими-то узами с предыдущим правящим князем, т. е. с Константином[463]. Очевидно, их привилегированное положение вызвало недовольство горожан, а смена обладателя ростовского стола позволила тем реализовать это недовольство более или менее безнаказанно. Любопытно также и использование термина «вече» («вечье»), позволяющее судить о том, что факты практики совместной политической активности жителей городов Северо-Восточной Руси, известные по событиям XII в.[464], так или иначе сохраняются и в конце XIII столетия, причем местный летописец, описывая их, употребляет понятие, казалось бы, характерное в это время лишь для Новгородской республики.

Важным в плане иерархии политических статусов и направленности складывающихся политических связей представляется сообщение под 1292 г., что старший из оставшихся после кончины в том же году Александра Дмитриевича сыновей великого князя, Иван, женится на дочери ростовского князя Дмитрия Борисовича, после чего посажен отцом «на Костромѣ»[465],

---

[460] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 526; Устюжский летописный свод. М.; Л., 1950. С. 49.

[461] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 526.

[462] Там же.

[463] *Белякова М. М.* Житие блаженного Петра, царевича Ордынского: История текста // Проблемы происхождения и бытования памятников древнерусской письменности и литературы. Н. Новгород, 2009. С. 68—82.

[464] *Насонов А. Н.* Князь и город в Ростово-Суздальской земле // Века: Исторический сб. Пг., 1924. Вып. 1. С. 3—27.

[465] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 527.

В 1293 г. в Орду отправляются «вси князи» и владыка Тарасий[466]. Такое ростовское летописное сообщение вне контекста могло бы предполагать за собой известие о поездке к Тохте всех владетельных князей Суздальской земли во главе с великим князем Дмитрием, но сведения всей летописной статьи, рассматриваемые в комплексе, дают возможность составить некоторое представление о степени единства Ростовской земли. Поскольку далее сказано, что в Орде умирает Михаил Глебович, сын Глеба Васильковича Ростовского, а потом оттуда же во главе с Дюденем ратью на великого князя Дмитрия возвращаются князи «Андрѣи. Дмитреи. Феодоръ. Костянтинъ»[467], можно заметить, что, во-первых, в Орду отправились все здравствующие на тот момент правнуки Константина Всеволодича Ростовского, а не только владеющий Ростовом и старший в роду Дмитрий, таким образом, о монополии на сношения с ханом для одного лишь старшего из ростовских князей говорить не приходится. При этом Михаил Глебович, которого в историографии нередко без оснований именуют белозерским князем, едет вместе с прочими ростовскими князьями, а после своей кончины в далеких ордынских землях принесен для погребения отнюдь не на Белоозеро, а в отчинный для него Ростов, где покоятся его родители[468]. Во-вторых, эту общность князей сопровождает в их поездке к хану, т. е. к верховному суверену и новый ростовский епископ Тарасий, что также является важным свидетельством о структуре политической власти в Ростовской земле конца XIII в. Наконец, представляется значимым и перечень присоединившихся к походу Андрея Александровича князей. То, что ростовский источник ставит князя Федора Ростиславича между Дмитрием и Константином Борисовичами, позволяет предположить, что на взгляд летописца смоленский князь — зять внука Константина Всеволодича Ростовского Василия Всеволодича Ярославского и тесть также внука того же самого великого князя Константина Михаила Глебовича в известном смысле входит в состав Ростовского дома, более того, обладая смоленским столом и контролируя, судя по всему, Ярославль, он, на взгляд ростовской летописи, оказывается по статусу выше младшего из ростовских Борисовичей Константина, но ниже старшего из них — занимающего старший стол в Ростове главы рода Дмитрия.

Итоги Дюденевой рати применительно к Ростовской земле также зафиксированы ростовским владычным летописцем: «...сѣде на княженіевъ Ярославли князь Феодоръ, а Олександръ Костянтиновичь на Оуглечѣ полѣ»[469]. Таким образом, близость к победителю в борьбе сыновей Александра Невского Андрею, вкупе с активным и давним (уже более 10 лет) собственным участием в этой борьбе, как представляется, способствует окончательному закреплению за Федором Ярославля уже не как некоторой условной принадлежности его комплекса семейных связей с ростовским домом, а безусловно — как стола, на котором он сам сидит как несомненно владетельный князь. Это обретает особую важность в свете данных о втором браке князя Федора с некоей знатной ордынкой: дети от этого брака, никак не связанные родством с потомками Константина Всеволодича, тем не менее должны получить отчинные права не только на Смоленск, но и на Ярославль. Наконец, интересно и то, что Углич

[466] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 527.

[467] Там же.

[468] Там же. О том, что стол на Белоозере получают лишь дети Михаила в XIV в., а в предшествующий период самостоятельным княжением оно, возможно, не обладало, см.: *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. С. 120.

[469] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 527.

теперь держит сын Константина Борисовича Александр: единственный сын Дмитрия Борисовича, Иван, о котором есть данные, родился в 1290 г., более того, больше упоминаний о нем не имеется. Нужно также заметить, что известия конца XIII в. о перераспределении столов в Ростовской земле касаются лишь Ростова, Ярославля и Углича, т. е. тех городов, которые получили в качестве стольных еще сыновья Константина Всеволодича. О стольном статусе для Устюга или Белоозера речь в это время, как это видно, не идет.

Следующий год, когда умирают и Дмитрий Александрович, и Дмитрий Борисович Ростовский, и сын Федора Ростиславича от первого брака Александр, являет собой значимый рубеж в истории всей Северо-Восточной Руси. Применительно к Ростову он ознаменован большей централизацией внутри княжеского дома: вместо ставшего привычным для Ростова с 1238 г. дуумвирата братьев единственной центральной фигурой остается Константин, потомство которого будет править Ростовом до конца независимого существования этого княжества. Уже в следующем году Константин захватывает отправившегося в ростовский Устюг владыку Тарасия и сопровождавших его людей, и вернуться на свою кафедру тому уже не удается[470]. Видимо, слишком тесно связанный с только что скончавшимся братом епископ не устраивал нового ростовского князя. На защиту Тарасия никто не встал, более того, уже в 1299 г. на его остающееся вакантным место с владимирского епископского стола перебравшийся из разоренного борьбой Тохты и Ногая Киева митрополит Максим перемещает епископа Симеона, сам же Тарасий умирает лишь в 1304 г.[471] Случившееся ярко показывает степень власти над церковными делами своей земли князей ростовских в XIII в. и тот статус, который в это время обретает в собственном княжеском доме Константин Борисович.

Однако одновременно в результате перемен 1294 г. резко ослабевает связь Ярославля с главным городом земли, Ростовом: получение великокняжеского ярлыка Андреем серьезно усиливает позиции в Северо-Восточной Руси Федора Ростиславича, и так держащего смоленский стол, а кончина внука Всеволода Ярославского Александра делает уже призрачной даже ту не слишком значимую с точки древнерусских норм и практик передачи власти династическую связь, которая еще соединяла наследие Василько Ростовского и Всеволода Ярославского. Насколько можно судить, Константин Борисович уже не предпринимал каких-то действий для сопротивления этому. Возможно, в имевшейся ситуации он не хотел идти на конфликт с влиятельным Федором еще и из-за того, что тот являлся к тому же и дедом подрастающих и, возможно, помнящих о своих единных правах на Ростов Федора и Романа Михайловичей, будущих князей Белозерских. Одновременно продолжаются чрезвычайно значимые в политическом смысле замужества дочерей умершего Дмитрия Борисовича: мужем Василисы становится новый великий князь Андрей Александрович, а супругом ее сестры Анны Михаил Ярославич Тверской[472]. С одной стороны, это обеспечивает их союзную связь между собою и с Константином Ростовским, дядей невест, а с другой — включает их и их возможных потомков от этих браков и в будущие внутриростовские отношения. С учетом сложившейся ситуации приходится рассматривать и женитьбу в 1297 г. старшего сына Даниила Московского Юрия на еще одной ростовской княжне, дочери Константина Борисовича.

В то же время Федор Ростиславич, глубоко погруженный в дела Северо-Востока,

[470] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 527.
[471] Там же. Стб. 528.
[472] Там же. Стб. 527.

неожиданно утрачивает свой отчинный Смоленск, который он держал, очевидно, с помощью своего племянника Александра Глебовича. Тот, как сказано летописцем, взял город некой «лестью» под своим дядей[473]. В ситуации самой острой фазы борьбы Тохты с Ногаем Федор, несмотря на связи при ханском дворе, не мог получить там для себя серьезной поддержки, а его личных сил в походе к Смоленску в 1298 г. не хватило для возвращения потерянного княжения[474]. Сложно сказать, как могли повернуться обстоятельства далее, но 19 сентября 1299 г. этот уже весьма пожилой князь умирает в своем Ярославле. С учетом того, что перспективы возврата Смоленска были туманны, сын Федора Давыд оказывается вынужденным прочно держаться за оставшийся для него отчинным Ярославль, что навсегда закрепляло утрату власти Ростовского дома над этим городом.

Находившийся в центре выстроенного Константином Всеволодичем для себя и своего потомства княжения Ярославль обеспечивал Ростову удобный выход на Волгу и прямые коммуникации того с важнейшими для Ростовской земли северными территориями — Белоозером, Посухоньем и Устюгом с его Подвиньем. Окончательная утрата ярославского стола лишала ростовских князей шансов на восстановление ситуации первой трети XIII в., когда они уверенно контролировали практически половину наследия Всеволода Большое Гнездо и могли даже заявлять претензии на статус, практически равный князьям владимирским. В 1302 г., готовясь, как можно думать, к дальнейшей борьбе, направления которой, однако, сейчас возможно лишь предполагать, одновременно отправившиеся в Орду Константин Борисович и Федор Михайлович (первый к этому моменту был вдовцом, а второй уже достаточно подрос для женитьбы) заключают два брака с дочерьми представителей ордынской политической элиты Кутлукортки и Вельбласмыша, а затем Константин женит и своего старшего сына Александра[475]. Сложно сказать, были ли в тот момент Константин и тесно связанный в начале XIV в. с великими князьями Федор союзниками, или противниками. Хотя в историографии нашла выражение лишь вторая позиция, но следует заметить, что применительно к обоим этим князьям обнаруживаются те или иные проявления близости к добившемуся в итоге владимирского стола Андрею Александровичу.

Следующая страница и Ростовской земли, и всей Северо-Восточной Руси открывается со смертью в 1304 г. Андрея Александровича. Неожиданно разгорающаяся борьба между явно обладающим необходимыми для занятия великокняжеского стола правами и авторитетом Михаилом Ярославичем и московскими Даниловичами, дерзко претендующими на наследие своего деда Александра Ярославича, предопределяет основную интригу политической конкуренции на десятилетия вперед. У Ростова с самого начала не было никаких шансов остаться в стороне от нее — и из-за его расположения на границах с важнейшим центром земель великого княжения Переяславлем, и с собственно Тверским княжеством, и из-за того, что соперничающие между собой Михаил и Юрий были женаты на ростовских княжнах, как и обладатель ставшего на первом этапе конфликта яблоком раздора Переяславского княжества Иван Дмитриевич. Константин Борисович Ростовский умирает в самом начале этой борьбы, и о его позиции в ней трудно что-то предполагать, но его дети Александр и Василий, а затем и внуки Юрий Александрович, и Федор, и Констан-

[473] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 528.
[474] Там же. Стб. 484, 529; ПСРЛ. Т. 18. С. 84.
[475] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 528.

тин Васильевичи, насколько можно судить, нередко оказываются в ней по разные стороны баррикад. Их соперничество между собой за ростовский стол, судя по всему, накладывается на их участие в событиях противоборства Москвы и Твери. Детали этого в точности неизвестны, но лишь таким образом можно объяснить то, что возвращающийся из Орды с татарскими послами в 1315 г. Михаил Ярославич по пути к Торжку в Ростове «много зла створиша», а следом за ним в Ростов также с татарскими послами Сабанчием и Казанчием приезжает младший из двух сыновей Константина Борисовича Василий[476]. Вряд ли приезд князя в родной город вместе с ордынскими послами можно интерпретировать иначе, как в качестве очередного хода в межродственной борьбе, и в таком случае другой стороной в этой борьбе с высокой долей вероятности должен был быть старший брат Василия Александр (или сын Александра Юрий). Отмечалось, что в событиях 1317—1318 гг. кто-то из ростовских князей мог принимать участие именно в числе сторонников Михаила Ярославича, чем и было обусловлено то, что при движении на Тверь через Ростов, Переяславль и Дмитров Юрий Данилович и сопровождающие его войска князей русского Северо-Востока «много зла твориху христианом»[477]. С описываемым конфликтом, очевидно, следует связать и известие 1318 г. о приходе в Ростов ордынца Кончи, который «много зла сотвори и церковь святыя Богородица погради, и вси церкві и манастыревѣ и села и люди плениша»[478].

Достигший своей цели Юрий Данилович по пути в Новгород специально посещает Ростов, и это наиболее разумно объяснить тем, что в это время властью там обладает поддерживающий его князь. Им оказывается сын Александра Константиновича Юрий Александрович, о смерти которого сообщается после отъезда великого князя Юрия. Одновременно в городе повторяется изгнание татар жителями: «собравшеся люди изгониша их из града»: и в 1289 г., и в 1320 г. такие события сопутствуют смене княжеской власти в городе. Преемником Юрия, видимо, становится Василий Константинович[479].

В 1323 г., после того как оказавшийся в сложном положении из-за задержки в передаче ордынской дани и лишившийся великого княжения князь Юрий Данилович уезжает в Новгород, устюжане по сообщению новгородского летописца «заратиша-

---

[476] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 529. Мнение о достоверности указания летописей новгородско-софийской группы, что князь Василий и послы тогда «много зла створиша Ростову», может оказаться ошибочным, поскольку в Новгородской Карамзинской летописи (вторая выборка) или в ее протографе процитированный фрагмент, судя по всему, был случайно перемещен при переписывании из сообщения о приходе в Ростов Михаила с послами статьи 6823 г., целостность которой нарушена вставкой о битве под Торжком, где именно он читается в ранних ростовских памятниках (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 529; Т. 15. Стб. 299), в следующую статью 6824 г., о приходе в Ростов уже Василия с послами (ПСРЛ. СПб., 2002. Т. 42. С. 123; Т. 6, вып. 1. Стб. 374; Т. 4, ч. 1. С. 257). При этом подобного добавления применительно к Василию и его спутникам о сотворенном ими зле нет в прочих летописных текстах за пределами новгородско-софийской группы и восходящих к ней летописей.

[477] Об этом см.: *Кучкин В. А.* Договорные грамоты московских князей XIV века: Внешнеполитические договоры. М., 2003. С. 52, 58, 66—67.

[478] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 529.

[479] Никаких других потомков Константина к этому времени не известно, и, с учетом принадлежности власти в Ростове в 1328 г. сыновьям Василия Константиновича, проще всего предположить, что княжение они получили от отца. В то же время вряд ли родившийся не ранее 1310 г. и женившийся только в 1326 г. сын того Федор смог бы в такой обстановке с 1320 г. княжить один, без отца, а поскольку о чьих-то претензиях на власть в Ростове или о чьем-то опекунстве над Федором сведений нет, приходится предположить, что в начале 1320-х годов достаточно молодой Василий еще жив и занимает ростовский стол.

ся» с Новгородом и избивают шедших на Югру новгородцев. В ответ в поход вместе с Юрием с Волхова отправляется войско, которое захватывает Устюг и принуждает устюжских, т. е. ростовских князей к миру «по старой пошлине»[480]. Таким образом, Василий Константинович и его старший сын Федор занимают антиновгородскую и, следовательно, скорее всего, и антимосковскую позицию. Несомненно, что нападение на новгородцев в Подвинье можно рассматривать и в контексте постоянной борьбы Ростова и Новгорода за богатые северные земли, но с учетом того, что на протяжении всей своей борьбы с Михаилом Ярославичем и вплоть до конца своей жизни Юрий Данилович находится в тесном союзе с новгородцами, оказавшись в Новгороде и в момент нападения. Такие действия ростовских князей, последовавшие после получения Дмитрием Михайловичем Тверским великокняжеского ярлыка, трудно оценить иначе, как подтверждающие их протверскую позицию в этот и, видимо, в предшествующий период.

Насколько можно судить, в середине 1320-х годов в ростовском доме не остается заметных сторонников московских князей, и тем болезненнее для него оказывается непредсказуемая катастрофа 1327 г. Восстание в Твери и бегство великого князя Александра Михайловича перечеркивают все возможные плюсы от ростовско-тверской близости в предшествующий период. Не случайно именно «великая рать татарская Федорчукова Туралыкова» оказывается в знаменитом фрагменте Жития Сергия Радонежского, посвященном детству преподобного, рубежом, предопределившим и получение великого княжения Москвой, и последовавшие насилия москвичей в Ростове против местной знати, и эмоционально описываемую агиографом (вероятно, по рассказам людей, беседовавших еще с самими Сергием и его земляками в Троицком монастыре) утрату ростовскими князьями «всякой власти, и чести, и имения, и прочего»[481]. Вместе с тем следует иметь в виду, что речь в Житии идет все же об изложении пересказа очевидцами конкретных событий конца 1320-х — начала 1330-х годов, при этом о неких экстраординарных действиях, сопровождавших подпадание Ростова под московское влияние, а не об изменении институциональных политико-правовых отношений. Во всяком случае, летописные известия последующих десятилетий по-прежнему демонстрируют существование Ростовского княжения и обладание в нем властью потомками Василия Константиновича Ростовского — оставшимся после ранней кончины в 1331 г. брата Федора главой дома Константином Васильевичем, а позднее, с конца 1340-х — начала 1350-х годов, и его подросшим племянником Андреем Федоровичем. Относимое ко времени между 1328 и 1331 гг. известие позднейших родословных сообщает о разделе Ростова между Федором и Константином[482]. Он стал, очевидно, следствием достижения совершеннолетия и женитьбы младшего из братьев на дочери получившего великое княжение Ивана Калиты и имел значимые для генеалогии последствия: раздел ростовского княжеского дома на две ветви, именуемые по отнесенным к возникшим половинам Ростова Сретенской и Борисоглебской, сохраняется вплоть до прекращения ростовской самостоятельности. Вместе с тем нужно иметь в виду, что сама по себе совместная власть над Ростовской землей князей-братьев для потомства Константина Всеволодича скорее виделась нормой, чем новацией. Совместные

[480] НПЛ. С. 97.

[481] Житие Сергия Радонежского (Пространная редакция) / Подгот. А. В. Духаниной // Patrologia Slavica. М.; Брюссель, 2015. Вып. 3. С. 184—186.

[482] ПСРЛ. Пг., 1921. Т. 24. С. 228.

правления Бориса и Глеба Васильковичей и Дмитрия и Константина Борисовичей в предыдущем столетии были более продолжительны, чем периоды, когда власть удерживал только один радикально превосходящий по статусу всех других представителей ростовского княжеского дома князь. К тому же нужно заметить, что после кончины Федора Васильевича в 1331 г. реальная власть надолго полностью переходит к его младшему брату Константину, а его племянник-младенец Андрей вряд ли мог княжить даже в каком-то уделе: более вероятной и более отвечающей традиции тут выглядела бы опека дяди над племянником.

Применительно ко времени великого княжения Ивана Калиты положение в Ростове выглядит вполне стабильным: Константин Васильевич действует в полном соответствии со своим положением владетельного ростовского князя, связанного семейными и союзными узами с Московским княжеским домом: вместе с великокняжеской ратью и ханским послом он отправляется в поход на Смоленск так же, как и целый ряд других князей, при этом московским летописцем он назван на достаточно почетном втором месте после Константина Суздальского, та же закономерность видна и в рассказе о съезде «всем князем русским» после кончины Ивана Даниловича и о последующем походе на новгородский Торжок[483]. Константин Ростовский самостоятельно ездит в Орду вместе с прочими, несомненно владетельными князьями, такими как Константин Тверской, Василий Ярославский и Константин Суздальский. Таким образом, оснований для вывода о прекращении самостоятельности Ростовского княжения после событий 1327—1331 гг. не наблюдается. Родственная и политическая связь ростовского князя с великими князьями из московского дома выглядит достаточно тесной, но при этом ни в чем не переходит границ, которые бы предполагали возможность утраты суверенитета. Более того, брак племянника Константина, подросшего Андрея Федоровича, и дочери суздальского князя демонстрирует сохранение определенного баланса[484]. Другой значимый семейный союз этого времени, женитьба литовского князя Любарта Гедиминовича и дочери Константина Ростовского, предопределенный установлением политической связи между Литвой и Северо-Восточной Русью, конечно же в серьезной мере находится в контексте отношений двух великих княжеств, и в этом смысле сватовство Любарта именно к «сестричне» великого князя Семена Ивановича, т. е. дочери его сестры Марии Ивановны и Константина Васильевича Ростовского очевидным образом подчеркнуто московским летописцем[485]. Однако сам брак подобного рода, вне всякого сомнения, подкреплял и демонстрировал и статус ростовского княжеского дома, породниться с которым по-прежнему считали для себя достаточно почетным представители и московской, и литовской великокняжеских линий.

Реальным фактором, резко снизившим уровень политических и экономических ресурсов Ростовского дома во второй четверти XIV в., видится не некая зависимость от Москвы, которая так и не была закреплена в каких-то устойчивых и очевидных политических формах, а бесповоротная утрата в итоге великого княжения Ивана Калиты и прав, и, очевидно, возможностей для возвращения контроля над еще недавно ростовскими Угличем и Белоозером. Не касаясь здесь специально остающегося по-прежнему дискуссионным вопроса о характере «купель Ивана Калиты», можно лишь отметить, что с этого времени и на-

[483] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 531; Т. 18. С. 93.
[484] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 531; Т. 15, вып. 1. Стб. 60.
[485] ПСРЛ. Т. 18. С. 96—97.

всегда Углич становится великокняжеским владением, а власть на Белоозере обретают сыновья Михаила Глебовича, которые при этом, насколько можно судить, уже не видят себя в рамках ростовского княжеского дома, никак не коммуницируя с Константином Васильевичем, но сохраняя предопределенную их происхождением от дочери Федора Ростиславича некоторую близость с ярославскими князьями. Связь Ростова с Угличем и Белоозером, как и с Ярославлем, сохранялась лишь в церковно-политическом отношении: они по-прежнему входили в одну епархию. Однако со времен Константина Борисовича, способного просто схватить и сместить ростовского владыку, ситуация радикально изменилась: начиная с епископа Прохора, тесно связанного с митрополитом Петром, больше не встречается никаких известий о влиянии на выбор кандидатуры на кафедру и на политику ростовских епископов со стороны князей их епархиального центра. Вне зависимости от того, на кого именно теперь ориентируются ростовские владыки, на великих князей или на митрополитов, использовать их как политический инструмент князья Ростова больше не могут и не пытаются.

Характеризуя ростовскую политику этого периода в целом, можно отметить ее выжидательный характер: оказавшись в слабой позиции в результате проигрыша тверских князей в борьбе за Владимир, ростовские правящие круги, т. е. в первую очередь Константин Васильевич и его окружение, устанавливают достаточно тесные отношения с потомками Даниила Александровича, сохраняя при этом владетельный статус и определенный потенциал и не тратя сил на безнадежную в складывающейся ситуации борьбу за возвращение утраченного влияния и потерянных земель. Очевидно, определенные надежды могли ими возлагаться только на возможные будущие перемены всей общеполитической ситуации.

Причиной подобных перемен становится серия эпидемий середины XIV в., нанесшая мощный удар по ордынским демографическим ресурсам и политической стабильности в Орде и одновременно основательно проредившая московский княжеский дом. В ситуации 1360 г., когда малолетнему Дмитрию Ивановичу не удалось получить великокняжеский ярлык после скончавшегося отца, Константин Ростовский принимает сторону нового великого князя Дмитрия Константиновича Суздальского. Сложно сказать, было ли это сделано с расчетом на возможную последующую коррекцию результатов катастрофического для Ростова и его знати периода утраты земель из состава прежнего наследия великого князя Константина Всеволодича, или за этим стояла обычная лояльность к воле хана. С учетом случившегося можно предположить и личное участие Константина еще в предшествовавшем выборе невесты для племянника именно в суздальском княжеском доме (поскольку сам Андрей Федорович в отличие от дяди никак в дальнейшем не демонстрирует какой-то связи с родней своей супруги, делая главную ставку на их московских противников), и если это так, то его ориентация на нового великого князя могла иметь некоторую предысторию. Во всяком случае, после получения Дмитрием Константиновичем от хана Науруза великокняжеского ярлыка летописец сообщает, что «князя Константина весь Ростов»[486]. Так как известно, что в недалеком будущем вокруг Ростовского княжения разгорится обычный для русского Средневековья конфликт дяди и племянника — Константина и Андрея, то по поводу этого известия можно сделать вывод о его причинах, предположив, что Константин Васильевич получил в Орде право на некое сокращение властных полномочий Андрея

[486] ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 69.

Федоровича в отчинном для обоих Ростове. Учитывая, что никакой реакции со стороны Андрея в тот момент не последовало, нужно думать, что такое решение, видимо, было оформлено ханским ярлыком и поддерживалось и новым великим князем, что не позволяло Андрею рассчитывать на чью-то серьезную поддержку в случае начала борьбы против Константина за восстановление своих прав.

Константин Васильевич вместе с великим князем Дмитрием Константиновичем и старшим братом того Андреем принимает участие в съезде на Костроме «о разбойницех», а затем идет в Орду к Хызру не вместе с московским посольством во главе с Дмитрием Ивановичем, стремящимся к реваншу, а с теми же Дмитрием и Андреем Константиновичами и Михаилом Ярославским, также предпочитающим, видимо, следовать традиционным нормам[487]. Действительность, однако, уже не соответствует этим привычным правилам: прямо в тот момент, когда русские князья находились в Орде, развернулись драматичные события, в ходе которых Хызр был убит собственным сыном и вокруг ханской ставки началась борьба всех против всех. Ростовские князья, как сообщают летописи, в этой ситуации подверглись ограблению: «...ограбиша князеи Ростовъскых въ Орде и пустиша и нагых»[488]. Сложно сказать, кто именно имелся в виду летописцами: шла ли речь лишь о Константине с сыновьями, или с ним в этот момент находился и Андрей Федорович. В любом случае, никогда ранее не бывалое нарушение всех норм очевидным образом демонстрировало: прежние правила политической конкуренции оказываются бесполезны. Возможно, осмысление этого тоже сыграло свою роль в планах Андрея начать в Ростове очередную внутриродовую княжескую усобицу. Впрочем, реальные шансы изменить сложившееся положение для него возникают лишь после получения московскими послами великокняжеского ярлыка для Дмитрия Ивановича в 1362 г., уже от хана Мюрида. Этой возможностью Андрей не преминул воспользоваться, приняв решение об опоре в своих действиях на московские силы и о подразумевающемся в таком случае переходе на сторону великого князя Дмитрия Ивановича. В результате он получает из подконтрольного москвичам Переяславля «силу великую» под началом Федора Ржевского и в 1363 г. восстанавливает свои права в Ростове[489].

Точных данных о том, что именно в 1360 г. присвоил себе Константин, и о том, в какой мере победивший в соперничестве Андрей просто вернулся к прежнему положению, а в какой воспользовался возможностями победителя, не имеется, но речь, скорее всего, в обоих случаях шла о власти в стольном городе. Во всяком случае, через какое-то недолгое время Константин Васильевич отправляется в Устюг, а вскоре, в 1365 г., и он, и значительная часть его семьи оказывается жертвой развернувшейся в Ростове очередной волны эпидемии[490]. При этом, однако, выжившие сыновья Константина, будучи еще и внуками Ивана Калиты, несмотря на поражение отца, не утрачивают своего владетельного статуса, и уже спустя десятилетие фигурируют с эпитетами «Ростовские» и в качестве предводителей собственных военных сил[491], сохраняя и Ростов в качестве места своего пребывания[492]. Позднейшие данные

[487] ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 69—70; Т. 18. С. 100—101.

[488] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 532; Т. 15, вып. 1. Стб. 71; Т. 18. С. 101.

[489] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 532—533; Т. 4, ч. 1. С. 290; Т. 6, вып. 1. Стб. 435—436; Т. 15, вып. 1. Стб. 74.

[490] ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 79.

[491] ПСРЛ. Т. 18. С. 115.

[492] Во всяком случае, в конце 1380-х — первой половине 1390-х годов сын Константина Александр с детьми постоянно пребывает в Ростове.

также показывают, что результатом завершившегося конфликта для Ростовского княжения стало развитие и закрепление такой модели политического устройства, при которой власть в княжестве и в его стольном городе одновременно принадлежит двум ветвям ростовского княжеского дома, потомкам Федора Васильевича и потомкам Константина Васильевича. В итоге событий начала 1360-х годов Ростовское княжество сохраняет свою самостоятельность, в очередной раз потратив, однако, в междоусобице собственные ресурсы, а степень его неформальной, но теперь уже вполне заметной политической зависимости от уверенно выступившей арбитром в ростовском споре Москвы становится несколько выше. Любые надежды ростовского княжеского дома на возвращение ко временам не Константина Всеволодича, но хотя бы Константина Борисовича, если и могли еще сохраняться в сложившейся ситуации, то уже только лишь в качестве откровенно призрачных.

Расположенное по плодородным и богатым природными ресурсами берегам Оки между землями Рязани и Великого княжения Владимирского, на севере покрытое глухими лесами, а к юго-востоку открытое в направлении населенных мордвою лесостепей, к концу первой трети XIII в. *Муромское княжество* в церковном отношении было связано с Рязанью, поскольку изначально выделилось из Рязанского княжества. Вместе с тем в политическом плане муромский княжеский дом в это время, как и ранее, оставался тесно связан с великими князьями, занимавшими стол во Владимире. Основой для этой связи служили и давняя, восходящая к концу I тысячелетия связь тогда еще финноязычного населения будущей муромской округи с родственными им жителями земель Ополья, где позднее возникнут Суздаль и Переяславль, и стремление муромской династии сохранить свою уже прочно закрепившуюся независимость от рязанских сородичей, и общие стратегические интересы, связанные с важным и для Мурома, и для Владимира внешнеполитическим соперничеством с расположенной на востоке от них Волжской Булгарией. Это мощное государство контролировало торговлю по Волге, проход к которой по Оке был важен и для Мурома, и для Владимира, собирало дань с мордовских племен, перспективы экспансии в земли которых привлекали и муромцев, и владимирцев, и само выступало как постоянный военный и политический конкурент возникших на востоке Древнерусского государства новых политических образований.

Муромское княжество встретило войска Батыя одним из первых, его князь вместе с князьями Рязани отверг монгольский ультиматум в 1236 г., а во время второго удара завоевателей по восточным землям Руси в 1239 г. Муром был взят и сожжен[493]. Однако, несмотря на разорение, Муромское княжение восстанавливается, а власть в нем сохраняется за представителем прежней династии — счастливо пережившим нашествие рязанским князем Ярославом, сыном Юрия Давыдовича. Уже ставшие традиционными связи с князьями Суздальской земли он в 1248 г. подкрепил браком дочери с молодым ростовским князем Борисом Васильковичем[494]. При этом следует заметить, что держащий в это время великое княжение покровитель оставшегося без отца, убитого монголами в 1238 г. ростовского князя Василько, Ярослав Всеволодич и муромский князь женаты на сестрах — дочерях знаменитого князя Мстислава Мстиславича из смоленского дома[495], мать же Бориса, игравшая после гибели мужа чрезвычайно значимую

[493] НПЛ. С. 74; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 470.
[494] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 471.
[495] ПСРЛ. Т. 15. Стб. 345.

роль в Ростовском княжении, Мария — дочь черниговского князя Михаила Всеволодича. Таким образом, пережившая мощнейший стресс в виде Батыева нашествия титулованная элита русских княжеств восстанавливает и укрепляет свои существовавшие и до монголов внутренние связи, и в этом процессе муромский княжеский дом демонстрирует сохраняющийся за ним достаточно высокий династический статус. Княгиня Мария, супруга тесно связанного с татарскими ханами Бориса Васильковича, прожила весьма долгую жизнь, скончавшись лишь в 1297 г.[496] В конце 1257 г. в Муромской земле ордынцами была проведена перепись, преследовавшая административно-налоговые цели и прошедшая без каких-либо заметных инцидентов: «...приехаша из Орды численици, исщетоша всю землю Суждалскую и Рязаньскую, и Мюромьскую»[497]. Одновременность переписи в Муроме, Рязани и в землях княжения Владимирского, зафиксированная летописцем, хорошо иллюстрирует тот политико-географический ареал, в рамках которого протекала последующая история Муромского княжества. В результате переписи население и территория Мурома оказались окончательно включены в систему власти ханов Орды.

В последующий период Муромское княжение придерживается прежней политики, предполагающей хорошие отношения с великими князьями и стоящей за ними Ордой, непосредственно близ рубежей с которой теперь находится Муром. Проблемы, связанные с этим, обнаруживаются лишь спустя несколько десятилетий: тесная связь муромских князей с великим князем Дмитрием Александровичем привела к тому, что Муром оказался под ударом в ходе борьбы с Дмитрием его младшего брата, княжащего в Городце Андрея Александровича, претендующего на великое княжение и опирающегося в этой борьбе на ордынских ханов, ставка которых кочевала в Поволжье. Дмитрий же избрал своим покровителем влиятельного чингисида Ногая, базой которого были причерноморские степи. В результате Муром, расположенный ближе всего к Волге и к Городцу из всех земель князей, входивших в проногаевскую коалицию, подвергся наиболее сильным разорениям в 1281 г., когда у его рубежей собрались Андрей Александрович, поддержанный татарским войском, и призванные им стародубский князь Михаил Иванович и ростовский Константин Борисович. Оттуда князья двинулись на отчинный для Дмитрия Александровича Переяславль, при этом «татарове разсыпашася по земли, Муромъ пустъ сотвориша», так же, как затем и другие лежащие на пути к Переяславлю города[498]. В растянувшейся на более чем десятилетие дальнейшей борьбе Дмитрия и Андрея за Владимир, происходившей на фоне внутренней борьбы в Орде, Муром, судя по позднейшим свидетельствам, продолжал подвергаться вооруженным нашествиям: в Никоновской летописи, в составе которой ряд исследователей предполагает наличие следов раннего рязанского летописания, под 1288 г. сообщается, что «князь Елортай Ординский, Темиревъ сынъ, приходи ратью на Рязань, и воева Рязань, Муромъ, Мордву, и много зла сътвориша», а в Симеоновской сказано о разорении во время Дюденевой рати наравне с прочими 14 русскими городами и Мурома (впрочем, перечень этих городов там может быть и позднейшей интерполяцией, дополнившей более ранний текст)[499].

Судя по всему, княжеству в этот период был нанесен значительный ущерб, во

[496] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 528.
[497] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 474—475.
[498] ПСРЛ. Т. 18. С. 78.
[499] ПСРЛ. М., 1885. Т. 10. С. 167; Т. 18. С. 82.

всяком случае, известия о самостоятельных акциях его князей надолго исчезают из летописей. Не имеется также и каких-то надежных данных о персональной принадлежности княжеской власти в Муроме для промежутка между 1248 г., когда в последний раз был упомянут князь Ярослав Юрьевич, и 1330 г., к которому относится известие в записях митрополита Феогноста о небольшом долге владыке князя Ярослава Муромского в размере 15 гривен[500]. Вместе с тем вряд ли подобная ситуация может быть объяснена лишь высказывавшейся в историографии гипотезой о неизменно катастрофическом положении этого княжества на протяжении десятилетий вплоть до середины XIV в.: в таком случае оно уже перешло бы под власть более сильных соседей. С куда большей вероятностью молчание летописей о князьях Мурома можно интерпретировать как результат отсутствия собственно муромского летописания, а также периферийного положения княжения по отношению к тогдашним летописным центрам, что не могло не сказаться на объеме дошедших данных. В схожем положении оказывается, к примеру, и суздальский княжеский дом, о представителях которого в этот период также не имеется сведений, позволяющих уверенно определить степень родства князей, известных в конце первой трети XIV в., с правящими князьями последней трети предыдущего столетия. Несмотря на это, однако, и у суздальской, и у муромской династии сохраняется и наследная власть в отчинном княжении, и значимый династический и политико-экономический потенциал. Преемником Ярослава, известного не только по записи митрополита Феогноста, но и по упоминанию в синодике московского Успенского собора вместе с рядом других князей XIV в.[501], судя по всему, стал его сын Василий Ярославич, сообщение о кончине которого в чернецах и в схиме и о погребении «въ своей отчинѣ въ градѣ Муромѣ въ церкви святую муч[енику] Бориса и Глѣба» в пригородном Борисоглебском монастыре имеется в летописях под 1345 г.[502]

Вновь Муромское княжество попадает на страницы московского летописания в известии весны 1351 г., когда «князь Муромьскыи Юрьи Ярославичь обнови градъ свою отчину Муромъ, запустѣвши издавна отъ пръвыхъ князей, и постави дворъ свои въ городѣ, тако же и бояре его и велможи и купци и чрьныѳ люди. И съставиша дворы своя и церкви святыя обновиша и оукрасиша иконами и книгами»[503]. Вряд ли, однако, тут, как иногда предполагалось, идет речь о том, что до 1351 г. Мурома, будто бы запустевшего от татарских набегов, в реальности не существовало, или что до того в нем не было церквей и княжеской резиденции. Употребление летописцами глагола «обновиша» применительно к «граду» предполагает строительство новых крепостных стен взамен обветшавших. Судя по всему, здесь также имеется в виду сооружение князем новых оборонительных сооружений уже пришедшего к тому времени в негодность укрепленного центра города и обустройство его территории, сопровождавшееся постройкой нового княжьего двора и обновлением церковных зданий и храмовой утвари. В этом княжескому примеру последовали и бояре, и слуги, и простые горожане: возможно, появление надежных стен вновь придавало практический смысл менее удобному, но безопасному прожива-

[500] *Приселков М. Д., Фасмер М. Р.* Отрывки В. Н. Бенешевича по истории русской церкви XIV в. // Изв. ОРЯС. 1916. Пг., 1916. Т. 21, кн. 1. С. 50, 67—68.

[501] Древняя Российская Вивлиофика: В 20 т. 2-е изд. М., 1788. Ч. 6. С. 449.

[502] ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 56.

[503] Там же. Стб. 50; Т. 18. С. 97.

нию на крутой вершине берега, отдаленной от воды и от приречной пристани.

Не прошло и пяти лет, однако, как вырисовывающаяся из приведенного известия картина единения в Муромской земле княжеской власти и всех слоев населения, вместе стремящихся к благополучию и процветанию центра княжества, теряет свою убедительность. В 1355 г. князь Федор Глебович, «събравъ вои многи», приходит к Мурому ратью, сгоняет князя Юрия и сам садится на княжение в городе[504]. Федор Глебович, если принять во внимание предположение, что известный по поминанию в синодике рязанского Духова монастыря князь Глеб Ярославич, вероятно, был его отцом, в таком случае должен приходиться Юрию Ярославичу племянником. Федор, как установлено, уже был известен летописанию. В 1348 г. он возглавил киличеев, отправившихся из Москвы в Орду с жалобами на Ольгерда и добившихся выдачи великому князю Семену Ивановичу приехавших к хану Бердибеку литовских послов, среди которых был и брат Ольгерда Корьяд[505]. Таким образом, для муромского княжеского дома, как и для ряда других, тоже была характерна нередкая ситуация, когда во время княжения старшего из рода его младшие родичи пребывают на службе за пределами княжества, чаще всего под рукой великих князей. К этому подталкивало и то обстоятельство, что в Муромском княжении на протяжении его существования не имелось других городских центров, кроме стольного города, что препятствовало появлению княжеских уделов. В случае с князем Федором Глебовичем, как и в ряде других такого же рода, длительная служба, сопряженная с «честными» назначениями и связанными с ними политическими или военными успехами, появлением и усилением собственной дружины, а также с обретением связей в великокняжеском окружении и в Орде провоцировала претензии на власть, принадлежащую старшему по родовому счету князю, и вела к началу межкняжеской усобицы.

В сложившейся ситуации новый претендент на княжение, как сообщает летопись, быстро обрел поддержку горожан и отправился с их представителями в Орду, чтобы там легализовать взятую силой власть. «Согнанный» им Юрий Ярославич через неделю также прибыл в оставленный соперником город и, собрав, по словам летописца, «останочных людей», тоже отправился для продолжения спора с Федором Глебовичем к хану Бердибеку. Спор о княжении между двумя родичами разрешился «судомъ великимъ предъ князьми ординскими», по итогом которого победу одержал князь Федор. Юрий был выдан победителю и вскоре «с истомы у него умре»[506]. Нужно заметить, что описанная коллизия отражает важность в подобного рода конфликтах не только военной силы и неких неформальных ордынских связей, но и поддержки горожан и, видимо, их показаний во время разбирательства.

Предыстория Федора Глебовича не только демонстрирует по-прежнему сохраняющуюся у муромских князей и в середине XIV в. ориентацию на приоритетность для них взаимоотношений с великими князьями владимирскими, но и служит почвой для высказывавшегося предположения, что Москва стояла за его удачно завершившейся авантюрой. Подтвердить или опровергнуть это сложно, во всяком случае, позиция муромских князей во время столкновений первой половины 1360-х годов

[504] ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 64.

[505] Там же. Стб. 58. О Федоре Глебовиче см.: *Fennell J. L. I.* The Emergence of Moscow. L., 1968. P. 199. Note 3; *Кучкин В. А.* Русские княжества и земли перед Куликовской битвой // Куликовская битва. М., 1980. С. 52, примеч. 144.

[506] ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 64.

из-за великого княжения между Дмитрием Ивановичем Московским и Дмитрием Константиновичем Суздальским, с землями которых, как и с землями Великого княжения Владимирского, Муромское княжество непосредственно граничило, остается неизвестной. Не упомянуты муромские князья и среди подробно перечисленных летописцами московских союзников в походе 1375 г. к Твери на князя Михаила Александровича, хотя в нем участвовали и соседние нижегородские и стародубские князья, и даже представители князей Тарусских. Следует добавить, что разворачивающаяся в Орде с начала 1360-х годов после более чем полувекового периода стабильности ожесточенная и долгая «замятня» создавала опасную напряженность у границ лежащего у края степных земель Муромского княжения, сил которого явно не могло хватать на постоянное противостояние стремящимся разграбить любые доступные территории войскам борющихся претендентов на ханский статус или просто обретшим куда большую независимость, чем прежде, ордынским и мордовским князьям. С учетом этого тогдашняя минимальность муромского участия в событиях за пределами собственного региона видится понятной и, думается, объяснимой даже для тех, кто мог в то время стремиться понудить князей Мурома к такому участию. В 1377 г. муромская сила присутствует в перечне войск, посланных великим князем Дмитрием Ивановичем с его воеводами против царевича Арапши, который намеревался пойти на уже союзный к тому времени Москве Нижний Новгород. Кроме князей Ивана Дмитриевича и Семена Михайловича из суздальского дома, посланных нижегородским князем Дмитрием Константиновичем, наряду с муромцами названы владимирская, переяславская, юрьевская и ярославская рати, тоже двинувшиеся по приказу московского великого князя. Владимир, Переяславль и Юрьев — это ближайшие к месту событий великокняжеские города, недалеки от них и владения независимых, но тесно связанных с Москвой и даже специально упомянутых ею в московско-тверском договоре 1375 г. ярославских князей. В этом смысле муромское войско выглядит в перечне вполне логично, с учетом как расположения княжества, так и его политической ориентации. Как известно, этот поход союзных русских войск увенчался катастрофическим поражением на р. Пьяне от тайно подведенной мордовскими князьями татарской рати 2 августа 1377 г., а затем последовали сожжение победителями Нижнего Новгорода, дополненное и последующими набегами на приграничные земли царевича Арапши и мордовских сил[507].

Сложно сказать, связано ли отсутствие ранних упоминаний о силах князей Мурома в Куликовской битве (муромские бояре как участники битвы возникают лишь в перечне погибших бояр, дополнившем Пространную редакцию «Задонщины», а не известный прочим источникам князь Андрей Муромский фигурирует только уже в «Сказании о Мамаеве побоище») с понесенными в битве на Пьяне потерями или с происшедшей после нее коррекцией политической ориентации Муромского княжества. В Софийской первой и Новгородской четвертой летописях сохранилось сообщение, что в 1385 г. после взятия Олегом Рязанским Коломны Дмитрий Иванович не только двинулся с московским войском на Рязань, но и «иноую рать послалъ на Моуромъ на князя бесщестіа»[508]. Однозначно интерпретировать это не вполне ясное известие сложно, оно может быть связано как с рязанским захватом дружественного Москве Мурома, потребовавшим великокняжеского вмешательства, так и со вполне возможным предшествующим переходом

[507] ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 118—120.
[508] ПСРЛ. Т. 4, ч. 1. С. 348; Т. 6, вып. 1. Стб. 490.

Мурома на рязанскую сторону. Во всяком случае в конце 1385 г. между Дмитрием и Олегом был заключен мир. В следующем 1386 г. муромская сила наравне с прочими служащими великому князю и союзными ему уже названа среди пришедших с Дмитрием Ивановичем к Великому Новгороду[509].

Следующее упоминание о Муроме обнаруживается уже не в летописях, а в договоре между князьями московского дома, заключенном новым великим князем Василием Дмитриевичем с Владимиром Андреевичем Серпуховским в январе 1390 г., где Василий освобождает своего контрагента от обязанности участвовать в его расходах и тратах в случае приобретения великим князем Мурома, Тарусы или иных владений: «А найду собѣ Муромъ или Тарусу, или иная мѣста, а тотъ ти протор не надобѣ»[510]. Таким образом, и отчина дружественных Москве тарусских князей, и Муромское княжение уже в это время рассматриваются в окружении великого князя как возможные объекты приобретения, причем речь явно идет не о планах военного захвата.

Реализация этого намерения не заставила себя ждать. В московском летописании присутствует известие о том, как в 1392 г. «сложи князь великіи Василеи Дмитреевичь цѣлованіе крестное князю великому Борису Костянтиновичю и поиде въ Орду къ царю къ Токтамышу и нача просите Новагорода Нижняго, княженіа князя великаго Борисова на кровопролитіе, на погыбель христіаньскую. Безбожный же Татарове взяша и сребро многое и дары великіи, и взя Нижніи Новъградъ златомъ и сребромъ, а не правдою»[511]. Эта колоритная история продолжается рассказом о приходе москвичей с татарским послом в полученный ими город и о предательстве нижегородскими боярами своего князя. Возможность получить наконец долгожданный ярлык на Нижний Новгород, за власть в котором московские князья боролись еще со времен братьев-Даниловичей, открылась для Василия благодаря тому, что потерпевший годом ранее поражение в битве на р. Кондурче во время похода Тимура хан Тохтамыш нуждался в средствах для продолжения борьбы. Это известие в летописях новгородско-софийской группы дублируется, однако, и еще одним, по которому великий князь Василий ездил «в Орду ко царю, и дал ему царь Новгородское княжение, Нижний Новгород и Муром и Мещеру и Тарусу»[512]. Список московских приобретений тут ощутимо шире, хотя, конечно, именно Нижегородское княжение остается из них наиболее масштабным. Отказывать этому известию в достоверности нет оснований: планы именно по поводу Мурома и Тарусы, как сказано, известны уже за два года до этого, а Муром и Мещера наряду с Нижним Новгородом фигурируют в межкняжеских докончаниях и в духовных Василия Дмитриевича начиная с первого десятилетия XV в. Для Тохтамыша также именно в 1392 г. складывается ситуация, вынуждающая его идти навстречу пожеланиям московского князя даже в столь значимом вопросе, как принадлежность Нижнего Новгорода, а на его фоне Таруса, Мещера и даже Муром неизбежно должны были выглядеть менее заметными. С этим может быть связано и молчание по поводу их передачи летописцев, предшествовавших источнику летописей новгородско-софийской группы: в отличие от Нижнего Новгорода — центра особого великого княжения, присоединение которого сопровождалось драматичными подробностями, связанными с его прежними владельцами, и потребовало

[509] ПСРЛ. Т. 4, ч. 1. С. 347—348.
[510] ДДГ. № 13. С. 38.
[511] ПСРЛ. Т. 18. С. 141—142.
[512] ПСРЛ. Т. 4, ч. 1. С. 273; Т. 6, вып. 1. Стб. 509; Т. 42. С. 161.

даже последующего приезда в город самого великого князя Василия. С прочими примыслами 1392 г. все, связанное с переходом верховной власти над ними, складывалось куда спокойнее. Следует лишь уточнить два обстоятельства: во-первых, примыслы Василия Дмитриевича, судя по всему, были оформлены выдачей ему ханских ярлыков, подразумевавших переход к нему правомочий касательно внутреннего устройства власти в этих землях и ответственности за уплату выхода с них. Но следует помнить, что и давший ярлык хан, и тем более его преемники сохраняли право выдать новые ярлыки на эти земли другим получателям. Поэтому не менее важным, чем ханское решение 1392 г. для сохранения за Москвой этих земель, оказывался реальный контроль над ними и нейтрализация претензий на них со стороны других акторов. Наглядным примером этому станет тот же Нижний Новгород, который затем на протяжении десятилетий оставался объектом борьбы между московским великим князем и представителями местного княжеского дома, периодически восстанавливавшими власть там и вновь получавшими ханский ярлык на отнятый у них в 1392 г. город. Во-вторых, и внутреннее политическое устройство этих земель после 1392 г., и их судьба складываются по-разному: за Нижний Новгород, как сказано, борются между собой великие князья и часть местного княжеского дома, не смирившаяся с утратой, Таруса, как и до передачи, остается за ее князьями, которые по-прежнему служат великому князю, сохраняя владетельные права внутри своей отчины. Нечто подобное, судя по всему, лишь с несколько большим уровнем полномочий московской власти по отношению к местной знати, можно заметить и по поводу Мещеры. Применительно к Мурому же нет информации ни о реакции на случившееся его князей, ни о каком-то их участии в системе власти в Муроме складывающейся после его присоединения Василием Дмитриевичем, ни об их последующей службе великим князьям за пределами Мурома. Известия позднего летописания об участии некого муромского князя в акциях рязанского князя Олега Ивановича конца XIV — начала XV в. могут быть свидетельством ухода представителя династии на службу к соседнему правителю[513]. Впрочем, отмечалась и возможность того, что эти сообщения представляют реконструкцию позднейшего редактора летописи, стремящегося подчеркнуть высокий статус Рязани и ее князя, распоряжающегося пронскими, козельскими и муромскими князьями. Для московских же авторов того времени муромские князья просто перестают существовать, и в этом смысле показательны записи Родословных книг, приводящих сведения летописи о Василии Ярославиче и Федоре Глебовиче Муромских, а затем констатирующих: «и после того Муромских князей род неведом»[514]. Позднейшие попытки представителей московских служилых родов «приписаться» к муромским князьям, среди которых тогда появляется и такой прославленный святостью персонаж, как благоверный Петр Муромский, вряд ли имеют под собой основания. Во всяком случае, после 1392 г. нет вызывающих доверия данных о судьбе потомков князей муромской династии, что заставляет думать или о скором пресечении этой ветви Рюриковичей, или об их уходе за пределы потерянной отчины и о полной утрате титула и исторической памяти их наследниками. Сам же Муром, в отличие от присоединенных одновременно с ним земель, с этого времени безраздельно принадлежит великим князьям московским и передается ими по наследству без оговорок. Политическую судьбу Муромского княжения, столь незаметно для всех завершившуюся, возможно

[513] ПСРЛ. СПб., 1897. Т. 11. С. 163, 184—185.

[514] Памятники истории русского служилого сословия. М., 2011. С. 32.

соотнести с его политико-географическим положением: выделившееся на восточном фронтире древнерусских земель, оно, однако, не смогло всерьез воспользоваться возможностью территориальной экспансии в направлении мордовских и мещерских соседей, не выдерживая тут конкуренции с более сильными соседями в лице Рязанского и, позже, Нижегородского великих княжений. Не менее мощный сосед в лице Великого княжения Владимирского также не оставлял шансов для любого усиления власти Мурома в его направлении. Зажатое между соседями и Ордой, в состав земель которой входили мордовские земли улуса Мохши, Муромское княжество могло лишь балансировать между ними без шансов роста своего потенциала и усиления своего влияния. В сложившейся начиная с 1360-х годов обстановке дестабилизации и распада политической структуры Орды вопрос о подчинении Мурома кому-то из более влиятельных игроков становился неизбежным, что должно было быть очевидным и для его политических элит как в титулованной, так и в нетитулованной их части.

Юрьевское княжество возникает на территории, тянущей к возникшему еще в XII в. в плодородном Суздальском ополье городу Юрьеву. Его площадь была невелика, составляя примерно 4000 кв. км, но эти земли были давно и чрезвычайно плотно населены. Другой особенностью Юрьевской земли стало отсутствие в ней крупных водных артерий, с лихвой компенсирующееся расположением его стольного города на одной из важнейших сухопутных дорог Северо-Восточной Руси, связывавшей великокняжеский Владимир и Суздаль с Переяславлем, откуда шел уже прямой выход по р. Нерли на Верхнюю Волгу, к Твери и к Новгороду. В послемонгольское время Юрьевское княжество после не слишком удачного великого княжения Святослава Всеволодича, получившего Юрьев еще вскоре по кончине своего отца, уже прочно закрепляется за этим князем и за его сыном Дмитрием. Это было закреплено и санкцией хана в ходе совместной поездки Святослава и Дмитрия в Орду[515]. В сложившейся ситуации Дмитрий вряд ли мог претендовать на усиление своего политического влияния или соперничать с великими князьями, но в походе Александра Ярославича к Новгороду в 1255 г. после изгнания сына того Василия новгородцами Дмитрий назван на почетном втором месте после Александра[516]. В 1269 г. он умирает, перед смертью приняв схиму от владыки Игнатия, занимавшего кафедру в соседнем Ростове, и был погребен в юрьевском Михайловском монастыре[517].

На протяжении трех поколений юрьевский княжеский дом поддерживал прочные отношения с великими князьями, которые по большей части происходили из соседнего с Юрьевом Переяславля. Однако в 1281 г. с этим оказались связаны неожиданные и серьезные проблемы. В результате конфликта великого князя Дмитрия Александровича с претендующим на великое княжение его младшим братом Андреем Городецким расположенные прямо на пути к Переяславлю окрестности Юрьева оказались разорены войсками Андрея и его сторонников, поддержанными татарским отрядом[518]. Продолжающаяся борьба Дмитрия и Андрея, наложившаяся и на внутренние противоречия в Орде между их покровителями, влиятельным чингисидом Ногаем, господствовавшим в степях Причерноморья, и волжскими ханами с центром в Сарае, привела и к новому разорению Юрьевского княжения в конце 1293 г.

[515] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 472.
[516] ПСРЛ. Т. 18. С. 70.
[517] Там же. С. 73.
[518] Там же. С. 78.

во время Дюденевой рати, вновь избравшей своей целью Переяславль. Судя по тому, что начиная с 1280-х годов юрьевские князья (так же, как и суздальские, и муромские) на долгое время исчезают из зоны внимания летописцев, приходится предположить, что столкновения 1280-х — середины 1290-х годов, а вслед за ними и не менее масштабная борьба Москвы и Твери в первой трети XIV в. становились косвенной причиной ослабления для средних по статусу и не слишком больших по размеру княжеств, если только их правители, подобно суздальским князьям, не находили в себе сил вступать в самостоятельную борьбу за власть за пределами собственных отчин.

К зиме 1339/40 г. относится последнее летописное упоминание о юрьевских князьях: князь великий Иван Данилович послал «свою рать съ Товлубіемъ къ Смоленьску по цареву повелѣнію, а отпустилъ князя Суждальскаго, князя Костянтина Ростовьскаго, князя Ивана Ярославича Юріевьскаго, князя Ивана Дрютьскаго, Феодора Фоминьскаго, а съ ними воеводу Александра Ивановича, Феодора Акинфовича»[519]. Место, которое в этом перечне занимает князь Иван Ярославич, как предполагается, — внук Дмитрия Святославича, позволяет охарактеризовать и его политический статус в рассматриваемое время. Перечисленные князья «посылаются» великим князем Иваном Даниловичем по ханскому повелению, и среди них присутствуют и достаточно независимые в рассматриваемый период суздальский и ростовский князья. Впрочем, как минимум применительно ко второму из них эта независимость во многом формальна: десятилетием раньше связанное с проигравшей борьбу за великое княжение Тверью подверглось с санкции ханов московским репрессиям, а самого Константина Ростовского Иван Данилович женил на своей дочери, поэтому говорить об уровне фактической независимости великокняжеского зятя тут можно только с серьезными оговорками. Вслед за юрьевским князем Иваном упоминаются друцкий и фоминский князья, и по поводу их статуса уже нет никаких сомнений, ставшие основой для их территориальных прозвищ их отчины незначительны, а сами эти князья в данном походе находятся на службе у великого князя. Положение Ивана Ярославича в промежутке между этими двумя группами достаточно показательно, отражая и формальную независимость его княжества, права на которое явно продолжают регулироваться ханскими ярлыками, и минимальность его реальных политических возможностей. Более упоминаний о юрьевских князьях не встречается, при этом в духовных грамотах великих князей из московского дома, начиная еще с Ивана Даниловича, встречается все больше юрьевских сел[520]. Само по себе это не свидетельствует о прекращении независимости Юрьева, но с учетом последующих данных, рисующих его существование в составе земель великого княжения уже во времена Дмитрия Донского, приходится предположить, что где-то между 1340-ми и 1360-ми годами это княжение оказалось (скорее всего, как выморочное, в связи с пресечением местной династии) присоединенным с ханской санкции к великокняжеским землям.

Галичско-Дмитровское княжество возникло в середине XIII в. Подобно некоторым другим тогдашним княжествам, оно состояло из двух территориально разделенных частей. Северо-восточная с центром в Галиче была весьма велика. В нее входили земли по берегам Галичского и Чухломского озер, верхнее течение р. Костромы

[519] ПСРЛ. Т. 15. Стб. 51.

[520] *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. С. 232—238.

и ее притоки, а также Вига и Нея — притоки р. Унжи. На западе галичские земли граничили с выделенным тогда же Костромским княжеством, к северу располагались владения ростовских князей в Посухонье, тянущие к Устюгу, а на востоке — лесные просторы Вятки и Поветлужья, где жили народы, принадлежащие к финно-угорской языковой общности, — коми и марийцы. Другой, юго-западной частью нового княжества стала небольшая Дмитровская земля, располагающаяся по рекам Яхроме и Лутосне, а также захватывающая средние течения рек Сестры и Дубны и верховья рек Истры и Вори. Она граничила с Тверью, Переяславлем и Москвой.

Дмитров был основан еще Юрием Долгоруким в 1154 г., и его округа была уже давно освоена, Галич же располагался на восточной периферии Суздальской земли, в далеком Заволжье, куда княжеская власть начинает проникать лишь в XII в. Впервые он назван в летописном рассказе о нашествии Батыя как самый удаленный к северу из тех городов, что в 1238 г. пострадали от монголов[521]. Хотя подвластные Галичу земли не были слишком хороши для земледелия, но зато они были обширны. Приречные луга благоприятствовали скотоводству, крупные озера могли надежно прокормить рыбой городское население, соляные источники у будущей Соли Галицкой обещали постоянный и немалый доход, а открытая граница с лесным финно-угорским востоком позволяла расширять свои владения и дальше, получая дань даже без вложений в освоение и заселение новых территорий. Географическое расположение предоставляло легкий выход на Волгу вниз по рекам Костроме и Унже, что обеспечивало в том числе связь с Дмитровом. Был удобен и короткий путь через волоки на Сухону к Устюгу и в Подвинье и к Вологде.

По убедительному предположению исследователей, Галичско-Дмитровское княжество впервые было выделено в 1247 г., когда занявший великокняжеский стол Святослав Всеволодич наделил своих осиротевших племянников городами «якоже бѣ имъ wцѣ оурѧдилъ Ярославъ»[522]. Галич и Дмитров были даны Константину, третьему по старшинству из оставшихся сыновей Ярослава. То, что он получил не только крупный, но отдаленный Галич, но и некогда входивший еще в состав отчинного княжения его отца Дмитров, позволяло молодому князю сохранять близость к основным политическим центрам Северо-Восточной Руси, отражая его достаточно высокое положение среди братьев. Впрочем, заметных для летописца успехов этот ездивший с отцом в Орду и даже побывавший в 1244 г. у регентши Туракины в Монголии великокняжеский сын так и не достиг, и в 1255 г. умер[523]. Константину наследует сын Давыд, по поводу которого известно лишь о его присутствии в 1278 г. на свадьбе дочери Федора Ростиславича и сына Глеба Ростовского в Ярославле и о его смерти в 1280 г.[524] Сведений о княжестве в это время практически нет, можно лишь отметить, что и в это время, и впоследствии его главным городом являлся Галич. Именно «Галичьским» назван Давид в кратком упоминании 1278 г., развернутое же сообщение о его преставлении упоминает Галич на первом месте: «князь

[521] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 464. К упоминанию города летописец добавил тогда еще и уточняющее определение «Мерьский». Было ли оно связано с дорусским названием Галичского оз. или с народом меря — определить невозможно, так как оно употреблено лишь однажды, в дальнейшем же город именуется исключительно Галичем, и даже летописцы XV в. в этом же известии называли его не «Мерьский», а «Володимерьский» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 518).

[522] *Экземплярский А. В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г. Т. 2. С. 207—208; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 471.

[523] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 474.

[524] ПСРЛ. Т. 18. С. 76—77.

Давыдъ Костянтиновичь, внукъ Ярославль, Галичьскыи и Дмитровьскыи»[525]. Отец Давыда умер достаточно молодым, и Давыд женится незадолго до или, скорее, уже после его кончины. Его сыновья, Федор и Борис, как можно судить, рождаются в середине 1260-х — 1270-е годы. Во всяком случае, к концу 1290-х старший из них, Федор, уже был женат, так как из надписи на псковском рукописном Апостоле известно, что в период между 1309 и 1311 г. в Пскове из руки великого князя Михаила Ярославича княжит Иван Федорович, по убедительному предположению В. А. Кучкина — сын Федора Галичского[526]. Это позволяет сделать вывод о тогдашней политической ориентации Федора Давыдовича на Михаила, с чем может быть сопоставлено и то, что Дмитров назван в числе городов, пострадавших от похода Дюденя в 1293 г., и, следовательно, как и соседняя Тверь, входил в коалицию, связанную с Ногаем[527]. В этом смысле представляется показательным то, что «съѣздъ всѣмъ княземъ» 1300 г., на котором состоялось примирение великого князя Андрея Александровича с Михаилом Тверским и его сторонниками, прошел именно в Дмитрове[528]. Другой псковский князь, Борис, также известный по надписи на псковском Паремийнике как княживший в 1313 г., может быть отождествлен с младшим братом Федора Давыдовича Борисом[529].

Таким образом, в начале 1310-х годов в Галиче и, как можно заключить, в тянущем к тому Дмитрове правит Федор, а его сын и младший брат поочередно получают от великого князя псковский стол, что позволяет включить всех галичских князей в число сторонников Михаила Ярославича. С учетом того, что в 1317 г. Дмитров особо упомянут и среди городов, через которые прошла рать Юрия Даниловича и Кавгадыя, сотворившая по пути на Тверь «много зла», связь наследников Давыда Константиновича с Михаилом может представляться достаточно прочной[530]. Данных об их позиции во время дальнейших перипетий московско-тверской борьбы не имеется. Впрочем, в стан деятельных противников Твери они, судя по всему, так и не переходят, что заставляет ожидать определенных негативных последствий для этих князей после событий 1327—1328 гг. Далее, однако, следуют лишь сообщения о кончинах братьев-Давыдовичей. Борис умирает в 1334 г., и сам характер известия об этом — «выиде князь великiи Иванъ изо Орды, а князь Борис Дмитровьскыи въ Ордѣ мертвъ»[531] — вынуждает предположить необычный характер происшедшего, поскольку не употреблен традиционный для сообщения о княжеской смерти глагол «преставися», а указание об Орде (и упоминание там же Ивана Калиты) в связи с этой кончиной служит почвой для гипотез о возможной причастности к случившемуся ордынцев и великого князя. Следующая запись вполне обычна, но столь же кратка: в 1335 г. «преставися князь Феодоръ Галичьскыи»[532].

---

[525] ПСРЛ. Т. 18. С. 77. Ту же иерархию можно отметить и позднее: старший из братьев Давыдовичей занимает галичский стол, и даже позднее, в докончаниях последней трети XIV — первой трети XV вв., в упоминаниях Дмитров следует после Галича.

[526] *Кучкин В. А.* Из истории генеалогических и политических связей московского княжеского дома в XIV в. // ИЗ. М., 1974. Т. 94. С. 380.

[527] НПЛ. С. 327.

[528] ПСРЛ. Т. 18. С. 85.

[529] *Кучкин В. А.* Из истории генеалогических и политических связей московского княжеского дома в XIV в. С. 380.

[530] Предположение о том, что в число союзных Твери князей, с которыми советовался Михаил Ярославич перед сражением у Бортенева, входили и галичско-дмитровские, высказывалось В. А. Кучкиным: *Кучкин В. А.* Договорные грамоты московских князей XIV века: Внешнеполитические договоры. С. 66.

[531] ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 47.

[532] Там же. Стб. 47.

Упоминание Бориса как «Дмитровского» позволяет считать, что к этому времени в отличие от 1313 г. уже оба брата пребывали в своем княжестве, и оно, видимо, так или иначе было поделено между ними. Это можно связать как с возмужанием Бориса и появлением у него наследника, в связи с чем он мог получить в удел младший из принадлежавших им с братом городов, так и с какими-то иными не известными нам политическими обстоятельствами середины 1310-х — начала 1330-х годов. Вместе с тем это разделение, судя по всему, не было продолжительным, и о распаде княжества в результате его говорить сложно: больше упоминаний о дмитровских князях не встречается, а традиция единства Галича и Дмитрова устойчиво сохраняется и в XIV и даже в XV в., переживая династию потомков Константина Ярославича и само существование этого княжества как независимого[533].

Структура и принадлежность власти после кончины Федора Галичского может быть восстановлена лишь гипотетически: сын его брата Бориса не упоминается вплоть до 1360 г., что позволяет думать о том, что в 1330-е годы он мог быть еще слишком юн, сын же Федора Иван, известный еще по записи 1309—1311 гг., встречается вновь под 1345 г.: на его дочери женится третий сын Ивана Калиты князь Андрей[534]. С учетом того, что первые жены обоих братьев Андрея были дочерьми владетельных князей, сложно ожидать, что его невеста в этом отношении отличалась и что его тесть мог быть князем, лишенным княжения, или чьим-то боярином[535]. Данных о том, княжил ли Иван Федорович тогда в Галиче, Дмитрове или в обоих городах отчинного княжества, нет, но в любом случае сообщение о браке его дочери демонстрирует тогдашнюю лояльность этого князя к московскому княжескому дому.

Дальнейшая судьба каждого из центров княжества также не ясна. Дмитров как находящийся под властью великого князя Дмитрия Ивановича впервые фигурирует лишь в 1368 г., когда дмитровская рать наравне с московской и коломенской выступает против Ольгерда, и в 1372 г., когда он был захвачен тверичами, а в том же году вместе с Галичем передан Дмитрием Ивановичем Владимиру Андреевичу[536]. Второй же, старший из двух городов, упомянут в записи на Евангелии, написанном «в граде в Галиче при княженьи великого князя Ивана Ивановича» в 1357 г.[537] Это позволяет полагать, что в то время Галич уже был под великокняжеской властью, что может быть сопоставлено с его включением в число «купель» Ивана Калиты наряду с Белоозером и Угличем в завещании великого князя Дмитрия Ивановича 1389 г.[538] Впрочем, в этих обстоятельствах владельческая траектория Галича могла быть подобна как Угличу, который, насколько можно судить, действительно уже со времен Калиты из-под власти ростовского княжеского дома навсегда перешел к великим князьям, так и Белоозеру, напротив, сохра-

---

[533] Заметим, что сын Бориса Дмитрий в летописях именуется только Галичским, несмотря на то что в Галиче сам он прокняжил лишь менее трех лет, более того, даже его внуки в первой половине XV в. продолжают зваться именно Галичскими.

[534] ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 56.

[535] Это отметил В. А. Кучкин: *Кучкин В. А.* Из истории генеалогических и политических связей московского княжеского дома в XIV в. С. 368.

[536] ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 89, 99; ДДГ. № 7. С. 23; см. также: *Кучкин В. А.* Договор 1372 г. великого князя Дмитрия Ивановича с Владимиром Андреевичем Серпуховским // ДРВМ. 2007. № 1 (27). С. 60—77; № 2 (28). С. 9, 10, 21.

[537] ГИМ. Син. № 68. Л. 178; Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки / А. Горский, К. Невоструев. М., 1855. Отд. 1. С. 221. № 24.

[538] *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. С. 252; ДДГ. № 12. С. 34.

нявшемуся под властью местной династии еще вплоть до 1380 г., когда погибли правивший там князь Федор Белозерский и его наследник княжич Иван[539]. В таком случае в Галиче после отца мог княжить Иван Федорович, о детях которого ничего не известно, вплоть до своей кончины, а затем, как позднее и Белоозеро, город перешел бы Москве. Добавим, что в отличие от Галича Дмитров в числе купель Ивана Даниловича Дмитрием Донским не указан, видимо, попав под московскую власть каким-то иным путем, нежели Галич, и, очевидно, тогда скорее всего уже не при Калите.

Последним ярким эпизодом в истории самостоятельности Галичского княжества оказываются события, начавшиеся с того, что Дмитрий, сын Бориса Давыдовича, в 1360 г. вместе с другими князьями оказывается в Орде и там получает ярлык на Галич. Под тем же годом, когда новый хан Навруз дал великое княжение не малолетнему московскому князю Дмитрию Ивановичу, а Дмитрию Константиновичу Суздальскому, сказано, что «того же лѣта приде изъ Орды князь Дмитреи Борисовичь пожалованъ въ Галичь, князя Костянтина весь Ростовъ»[540]. Сообщение дошло лишь в Рогожском летописце и стоит уже среди известий конца лета—осени 1360 г., что так или иначе отделяет эти два пожалования от выдачи ярлыка Дмитрию Константиновичу, вокняжевшемуся во Владимире еще в июне[541]. Но в любом случае, и то, что ранее Галич принадлежал великому князю из московского дома, и последовавшая позднее реакция Москвы на все эти события позволяют уверенно говорить о том, что они так или иначе нанесли ущерб построенной в предшествующие десятилетия системе великокняжеской власти потомков Даниила Александровича. Нет данных о том, где находился князь Дмитрий Борисович до 1360 г.[542], но сам контекст упоминания о нем предполагает, что получение им пожалования на Галич не было формальностью, лишь подтвердившей status quo. Вместе с тем решение хана, давшего старший город Галичского княжества старшему из потомства Константина Ярославича, полностью отвечало бытовавшим нормам. Добавим также, что внуки Дмитрия Борисовича продолжали впоследствии владеть наследными селами как в Дмитровской земле, так, судя по всему, и в Галичской[543], и это свидетельствует о том, что их дед и до 1360 г. так или иначе сохранял связи с обеими частями княжества.

В 1362 г. с появлением в Орде, в результате развернувшейся там замятни новых ха-

---

[539] Хотя так же, как и в случае с Галичем, сохранялась другая ветвь князей Белозерских: Василий Согорский, двоюродный брат павшего на Куликовом поле Федора Романовича, при жизни не занимал княжеский стол, и после 1380 г. сыновья и внуки Василия не выражали претензий на княжение, но продолжали владеть вотчинными землями в Белозерье.

[540] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 69.

[541] Есть вероятность, что пожалования галичскому и ростовскому князьям мог дать уже Хизр, сменивший в Сарае Навруза в том же году. Впрочем, возможно, что известие об их возвращении из Орды просто позже дошло до летописца и было для него менее значимым, почему и оказалось вставлено в годовую статью вне хронологической последовательности.

[542] Дмитров в духовной грамоте Дмитрия Донского назван в одном ряду с уже давно входившими в состав собственных владений московского княжеского дома Коломной, Звенигородом и Можайском, и это снижает вероятность предположения, что до 1360 г. Дмитрий Борисович мог княжить в связанном с его отцом городе.

[543] Известно, что сыновья Василия Дмитриевича Галичского, уже утратившие княжеский титул, служили Юрию Дмитриевичу Галичскому и его детям Дмитрию Красному и Дмитрию Шемяке, причем самое раннее известие об этом относится к 1425 г., когда Юрий Дмитровом еще не владел. С учетом этого их службу галичским князьям из московского дома проще всего объяснить владением родовыми вотчинами в Галичском уделе.

нов борьба между Москвой и великим князем Дмитрием Константиновичем возобновилась. Сообщив о последней попытке Дмитрия Суздальского отстоять свои права, вновь завершившейся его отступлением в Суздаль и вынужденным заключением мира с Дмитрием Ивановичем, подошедшим с войском к городу, летописец в связи с этим отмечает: «...тако же над Ростовьскым князем. А Галичьскаго Дмитрея изъ Галича выгнали»[544]. Так сообщается о развязке ситуации, начало которой тот же автор описал под 1360 г., когда упомянул о возвращении из Орды с пожалованиями именно этой пары князей. Теперь он подводит итог, указывая, что с Константином Ростовским в 1363 г. поступили так же, как и с Дмитрием Суздальским, вынудив отказаться от полученного в 1360 г., но оставив за ним то, что он имел ранее. За Дмитрием остается его Суздальское княжение, так же и Константин сохраняет свой княжеский статус, и он, и его княгиня и впоследствии именуются Ростовскими, а их потомки продолжают княжить в Ростове до 1474 г. Положение же Дмитрия Галичского, как прямо и сказано, оказывается иным: его сгоняют с его княжения, а сведения о его внуках показывают, что те уже лишены не только прав на власть, но даже и княжеского титула, хотя продолжают владеть на частном праве наследными вотчинами в бывшем отчинном княжестве. В другом сообщении о тех же событиях Сокращенных сводов появляются дополнительные сведения: «...князь велики Дмитреи Иванович съгна с съ княжениа князя Дмитрея Галицского, князя Ивана Стародубьского, и ти вси князи ѣхаша в Новогород Нижнии ко князю Дьмитрею Костянтиновичю»[545]. По логике этого известия изгнанные москвичами князья оказываются сторонниками суздальского князя (или как минимум становятся ими после изгнания)[546].

Иную версию событий донесло ростовское владычное летописание первой четверти XV в. Там под 1362/63 г. сообщается, что «ходиша кнзи Московъскыє Дмитрии Ивановичь, Иоан Иванович, Володимеръ Ѡндрѣєвичь на Галицкого кнѧзѧ Дмитреѧ, и прогнаша и, а кнѧгиню полониша», причем сразу вслед за этим сказано, что «тоє же зимы кнѧзь Дмитрїи Ивановичь. сгони с Переяславлѧ Дмитриа кнз̃ѧ Суздальского, а самъ сѣде на великомъ кнѧженїи»[547]. Таким образом, стычка с галичским князем тут предшествует еще первому вокняжению Дмитрия Ивановича на великокняжеском столе в январе 1363 г. Указания на состав участников похода и на судьбу супруги Дмитрия, не известные остальным летописям, оцениваются как достоверные[548]. По этой версии изгнание москвичами Дмитрия Борисовича потребовало участия главных сил под началом всех князей московского дома, что резко отличается от ситуации с ростовским князем Константином, в случае с которым было достаточно лишь его

---

[544] ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 74.

[545] *Новикова О.Л.* Сокращенный свод в 70—90-х гг. XV века и его Соловецкий вид // Летописи и хроники: Новые исследования. 2013—2014. М.; СПб., 2015. С. 203; ПСРЛ. М., 2007. Т. 27. С. 243, 327.

[546] Сложно объяснить, почему вдруг из отдаленных друг от друга регионов и тот, и другой согласно этому сообщению одновременно решают ехать к прекратившему сопротивление Москве Дмитрию Константиновичу именно в Нижний Новгород. Известно, что отправившегося туда через некоторое время после своего поражения Дмитрия на нижегородский стол не пустил его брат Борис, и тот вынужден был опять вернуться в свой Суздаль. Видимо, мы имеем дело с реконструкцией летописца, который прямо перед этим указал, что из Суздаля великий князь Дмитрий Иванович прогоняет Дмитрия Суздальского прямо в Нижний Новгород (что противоречит данным более раннего летописания).

[547] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 532; *Насонов А.Н.* Летописный свод XV века // Материалы по истории СССР: Вып. 1—8. М., 1955. Вып. 2. С. 301.

[548] *Кучкин В.А.* Русские княжества и земли перед Куликовской битвой // Куликовская битва. М., 1980. С. 64; *Он же.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. С. 245.

соперника-племянника Андрея Федоровича, получившего помощь Москвы во главе со служащим Дмитрию Ивановичу князем Иваном Ржевским. Если эти данные верны, галичский князь воспринимался как весьма серьезный противник[549].

Нужно заметить, что ростовский автор уделяет особое внимание Дмитрию Галичскому, в то время как прочие подробно повествуют о борьбе двух великих князей, а о судьбе менее значимых для них сообщают только суммарно и лишь после фиксации главных итогов противостояния. Немаловажно и то, что в ростовском рассказе операция против «своего» для летописца князя Константина и содержательно, и хронологически осознанно отделена от эпизода с галичским князем, и ее завязка помещена в начало 1363 г., а развязка описана уже в следующей годовой статье, после второго похода Дмитрия Ивановича на Суздаль, т. е. после его окончательной победы, как и у остальных летописцев.

Впрочем, явным препятствием для принятия этой версии об общемосковском походе на Дмитрия Борисовича еще до первого изгнания из Переяславля Дмитрия Суздальского зимой 1362—1363 г. кажется нелогичность ожидаемого маршрута такого похода: если целью стал Галич, то столь дальний рейд из Москвы сквозь признающие еще власть Дмитрия Константиновича земли выглядит странно. Заметим, однако, что о Галиче в известии и не сказано, но затем сразу говорится о захвате Переяславля. С учетом этого, как кажется, исходя из логики летописного сообщения в качестве возможного объекта первого удара москвичей, может быть рассмотрен лежащий у их границ между Москвой и Переяславлем Дмитров, если он в тот момент, как и Галич, был подвластен сыну Бориса Дмитровского. В подобном случае, после изгнания этого князя из его отчинного города те же московские князья уже могли перейти к вытеснению из соседнего Переяславля Дмитрия Суздальского. При таком варианте нет и противоречия с московской версией, которая сообщает уже об окончательном итоге всех развернувшихся в 1363 г. событий для Дмитрия Борисовича: лишении его княжения.

В отличие от Ростова и Стародуба, где просто одни представители местных княжеских домов сменились другими, более лояльными Москве, ветвь Дмитрия Борисовича к этому времени оставалась единственной, и иных обладателей наследных прав на его княжение не было. Ни Дмитрий, ни его сын, если учесть последующее сохранение вотчин на этой территории за их потомством, больше уже не пытались вернуть себе стол. В итоге Галичское и Дмитровское княжества прекратили существовать, перейдя под московскую власть. Впрочем, представление о взаимосвязи этих двух центров продолжало бытовать и впоследствии. С этим связывается то, что в 1372 г. оба города, Галич и Дмитров, получил от великого князя Дмитрия Ивановича Владимир Андреевич[550]. Отмечалось, что он мог претендовать на них как внук князя Ивана Федоровича по материнской линии[551]. Добавим, что основой его претензий могла быть и традиционная обязанность старшего из московских князей делиться новоприсоединенными землями с братьями, особенно с учетом, если верить известию ростовской летописи, личного участия Владимира Андреевича в борьбе с Дмитрием Галичским. Хотя

[549] Это не выглядит невероятным с учетом того, как впоследствии опиравшиеся на Галич князья из московского княжеского дома неоднократно побеждали объединенные силы великого князя Василия Васильевича, под властью которого к тому времени находились куда более обширные территории, нежели во времена его деда.

[550] ДДГ. № 7. С. 23.

[551] *Кучкин В. А.* Из истории генеалогических и политических связей московского княжеского дома в XIV в. С. 378.

в 1389 г. великий князь изъял у Владимира Галич и Дмитров, по завещанию разделив их между своими сыновьями, но с той же традицией давнего единства можно связать и ханское решение 1425 г., по которому владевшему Галичем Юрию Дмитриевичу особым ярлыком придавался Дмитров. Еще в докончании 1434 г. Юрия с Иваном и Михаилом Андреевичами Галич с волостями, «чимъ мя благословилъ отець мои», и Дмитров с волостьми и что к Дмитрову «потягло ис старины», «что мя Богъ пожаловалъ и царь», идут друг за другом[552]. Подводя итоги, отметим, что выпавший уже в 1250-х годах из числа реальных претендентов на великое княжение галичский княжеский род в дальнейшем, насколько можно судить, предпочитал сохранять лояльность по отношению к действующим великим князьям. С этим можно связать как стабильность существования княжества, так и связанные с поражением тверских князей в конце 1320-х годов и Дмитрия Константиновича в 1363 г. неудачи. Применительно к событиям 1360—1363 гг. сложно предполагать, что они имели основой некие антимосковские корни, уходящие в более ранний период. Скорее, речь о том, что Дмитрий Борисович решил воспользоваться изменением ситуации и восстановить свой политический и династический статус. Источники свидетельствуют о том, что большинство княжеств Северо-Восточной Руси — не только наследник галичских князей, но и ростовский, стародубский и белозерский князья, а также Великий Новгород — в 1360—1362 гг. воспринимали Дмитрия Константиновича как вполне легитимного нового великого князя и строили свои политические планы с учетом этого фактора. Для Галичского княжества, положение которого по отношению к великому княжеству в предшествующее 1360 г. время явно носило наиболее зависимый характер, поражение Дмитрия Суздальского имело фатальный характер. Насколько можно судить, Дмитрий Галичский, супруга которого попала в московский плен, в итоге пришел к соглашению с новым великим князем на его условиях, предполагавших отказ от претензий на княжение в обмен на сохранение вотчинных владений в Галиче и Дмитрове за ним и его потомством.

Тверское княжество

История Тверского княжества впервые целенаправленно начала изучаться еще в XVIII в. историком-любителем и археологом Д. И. Кармановым. Его «Исторические известия Тверского княжества...» и другие труды по истории Твери и Тверской епархии оставались в рукописях до 1893 г., когда были изданы В. И. Колосовым. Ранее, в 1876 г., была защищена магистрская диссертация В. С. Борзаковским, которая стала и первой вышедшей книгой о древней Твери («История Тверского княжества»). Этот труд, основанный на весьма многочисленных доступных ученому источниках (в первую очередь летописных и актовых), не потерял своей ценности до сегодняшнего дня. О средневековой Твери писали тверские историки-краеведы В. И. Колосов и И. А. Виноградов[553]. Существенный вклад в изучение политики тверских кня-

[552] ДДГ. № 32. С. 82.

[553] *Виноградов И. А.* Археологическая экскурсия в село Кожино и города Кашин, Калязин и Углич. Тверь, 1901; *Он же.* Св. Арсений, епископ Тверской. Тверь, 1909; *Он же.* Год поставления св. Арсения во епископа Тверского // Журнал 106-го заседания ТУАК. 1909. С. 38—45; *Колосов В. И.* Прошлое и настоящее г. Твери. Тверь, 1917.

зей был внесен в исследовании А. Е. Преснякова[554]. В советское время выходили работы Я. С. Лурье и М. А. Ильина[555]; многие важные аспекты истории Твери были раскрыты в исследовании В. А. Кучкина[556]. Но парадоксальным образом монографическое исследование в XX в. было написано немецким ученым — Э. Клюгом, который в 1983 г. защитил докторскую диссертацию «Тверское княжество (1247—1485). Взлет, расцвет и упадок». В 1994 г. труд был переведен на русский язык и издан в Твери[557]. В работе были высказаны новые концепции о путях развития Тверского княжества, учтены не известные ранее источники.

Тверское княжество возникло в первые годы монгольского господства над русскими землями. До этого времени Тверь[558], находившаяся в составе Суздальского княжества (а позднее Владимирского), в начале XIII в. вошедшая в состав Переяславль-Залесского княжества, но в 1239 г. вновь ставшая владимирской, никогда не становилась княжеской резиденцией. И только в 1247 г., когда на Руси было получено известие об отравлении в монгольском Каракоруме владимирского князя Ярослава Всеволодовича и его наследники собрались, чтобы поделить его владения, Тверь стала столицей самостоятельного княжения.

Новое княжество включило в себя самую западную территорию Владимирской земли. На западе тверские границы достигали района верхневолжских озер, принадлежавших Новгороду, а на востоке — устья р. Жабни, правого притока р. Волги, гранича с выделившимся из состава Ростовского княжества Угличем. На севере граница Тверского княжества проходила по левому берегу Волги, но не уходила далеко на север от волжского левобережья, поскольку упиралась в болотистые и лесные пространства. Основная территория княжества простиралась на юг от правого берега Волги, где условия для хозяйственной деятельности были значительно благоприятнее. Здесь протекали такие правые притоки Волги, как Вазуза, Держа, Тьмака, Шоша, Нерль Клязьминская, Жабня. По ним легко было добраться до главных центров Владимирского княжества, а по Вазузе — до Смоленска. Основой всей речной системы Тверского княжества было верхнее течение Волги, на берегах которой еще в домонгольское время выросли такие города, как сама Тверь, Кснятин, Шоша, Дубна, Зубцов, в XIII в. вошедшие в состав Тверского княжества. В период монгольского властвования над русскими землями значение волжского речного пути резко возросло, поскольку завоеватели контролировали большую часть этого пути и были заинтересованы в развитии торговли и промыслов, особенно рыбного и соляного. Тверь, хотя и находилась почти в исходной точке этого пути, стала играть важную экономическую роль не только на пространстве собственно Тверского княжества, но и по отношению к своим западным и северо-западным соседям — Смоленску, Новгороду, позднее — Литовскому государству.

---

[554] *Пресняков А. Е.* Образование великорусского государства: Очерки по истории XIII—XV столетий. Пг., 1918.

[555] *Лурье Я. С.* Роль Твери в создании Русского национального государства // Учен. зап. ЛГУ. 1939. № 36. С. 85—109 (Сер. ист. наук; Вып. 3); *Ильин М. А.* Тверская литература XV в. как исторический источник // Труды Историко-архивного ин-та. М., 1948. Т. 3.

[556] *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв.

[557] *Клюг Э.* Княжество Тверское (1247—1485 гг.). Тверь, 1994.

[558] Сама Тверь, будущая столица Тверского княжества, была основана в XII в. как крепость на правом берегу Волги при впадении в нее Тьмаки. На территории кремлевского мыса выявлен культурный слой, который начал формироваться до середины XII в., срубные постройки 1149 и 1150 гг., а также дубовая городская оборонительная стена этого времени «гаковой» (крюковой) конструкции.

Общая площадь Тверского княжества составляла примерно 21,1 тыс. кв. км.[559] Наибольшая плотность населения была на землях в верховьях Волги, северо-западная часть княжества была мало пригодна для жизни из-за непроходимых лесов и болот. Крупнейшие города княжества: Кснятин (основан вскоре после 1135 г.), Зубцов (впервые упоминается в 1216 г.), Кашин (первое упоминание в 1288/89 г.), Старица (основан в 1297 г.), Клин (впервые упоминается в 1317 г.), Микулин (впервые упоминается в 1363 г.)[560].

Тверское княжество, выделившись из состава Владимирского княжества в 1247 г. как независимое государственное образование, просуществовало до 1485 г. Оно было одним из самых развитых и могущественных политико-административных образований Северо-Восточной Руси. Соответственно, велика и роль Тверского княжества в истории Руси, формировании основных путей ее развития. Во второй половине XIII—XIV в. тверские князья занимали владимирский стол или вели борьбу за его обладание.

Город пережил разорение во время татарского нашествия: в летописях Тверь указана среди городов, которые были взяты монголами в феврале 1238 г. Здесь был убит сын Ярослава Всеволодовича, имя которого не названо. К этому времени относится найденный археологами боярский клад древнерусских серебряных украшений (трехбусинные височные кольца, звездчатые и лучевые колты, рясна, бусы, медальоны-бляхи, створчатый браслет). Украшения изготовлены в технике скани и зерни, в ряде случаев использована чернь и гравировка[561].

После 1238 г. Тверь быстро восстанавливается как поселение и крепость. Выше угольной прослойки от сгоревшей в XIII в. деревянной стены было возведено сложное оборонительное сооружение, включавшее в себя конструктивные элементы из сосновых полусрубов[562].

Статья 1245 г. Новгородской первой летописи свидетельствует о том, что в это время Тверь еще управлялась княжескими наместниками из Переяславля, но уже говорится о войске тверичей. Княжеским центром город становится после 1246 г. (после смерти Ярослава Всеволодовича). Видимо, Тверь получает Александр Ярославич (Невский[563]), на что указывает договорная грамота Михаила Ярославича Тверского и Новгорода 1296 г., где, в частности, говорится: «А кто будеть давныхъ людии въ Торъжку и въ Волоцѣ, а позоровалъ ко Тфѣри при Олександрѣ и при Ярославѣ, тѣмъ тако и сѣдѣти, а позоровати имъ ко мнѣ»[564]. Из этой статьи ясно, что было время княжения в Твери Александра — до Ярослава. Также можно сделать вывод о том, что в это время у Твери были тесные связи с соседними новоторжскими и волоцкими землями, и там имелись жители тверского подчинения.

Позднее (вероятно, в 1252 г., когда Александр Ярославич становится князем

---

[559] *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. С. 165.

[560] Возможно, городом было и Святославле поле, упоминаемое под 1339 г.

[561] *Хохлов А. Н., Кунгурцева С. А.* Тверской клад 2014 г. // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь, 2016. Вып. 9. С. 113—123.

[562] *Хохлов А. Н.* Древняя Тверь: К вопросу формирования антропогенного ландшафта и городской территории // ДРВМ. 2017. № 3. С. 154; *Хохлов А. Н., Сафарова И. А., Иванова А. Б., Кунгурцева С. А.* Тверской Кремль в XII—XV в.: По материалам археологических исследований последних лет // Комплексный подход в изучении Древней Руси. М., 2019. С. 217; *Хохлов А. Н., Иванова А. Б.* О датировке тьмацкой линии укреплений Тверского кремля // Археология Подмосковья: Материалы науч. семинара. М., 2020. Вып. 16. С. 436.

[563] См.: *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. С. 114—115.

[564] ГВНП. № 4. С. 14.

владимирским) в обмен на Переяславль он передал Тверь брату князю Ярославу Ярославичу, ставшему родоначальником тверских Рюриковичей. По крайней мере, под 1254 г. он фигурирует в качестве тверского князя (в Лаврентьевской летописи и Рогожском летописце назван «Тферским»). Под этим годом сообщается о его бегстве от монгольского войска — согласно Лаврентьевской летописи и Рогожскому летописцу (под 6762 г.) — в Ладогу, Новгородская же первая летопись под 6761 г. сообщает о его вокняжении во Пскове. Статьи Новгородской первой и Лаврентьевской летописей за эти годы следуют мартовскому стилю, и, видимо, в последней можно видеть некий сбой или ошибку, так как если зимнее известие (о Ярославе) перенести в ней на конец предыдущего года, все станет на свои места и совпадет с хронологией в Новгородской первой летописи. В обоих известиях речь идет о зиме, в обоих случаях князь бежит, «оставя свою отчину» (а это, в свою очередь, означает, что в 1254 г. Ярослав владел Тверью). Новгородская первая летопись добавляет, что он движется «из Низовское земли», а Лаврентьевская — что он бежит со своими боярами, и уточняет, что уезжает он из тверских пределов «по Крещении» (6 января). Таким образом, перед нами сообщение об одной и той же поездке, которая, видимо, началась с бегства в Ладогу, а завершилась вокняжением во Пскове.

Отъезд Ярослава Ярославича был вызван тем, что он поддерживал брата Андрея в его выступлении против Орды и после преследования татар (так называемой «Неврюевой рати»), возможно, намеревался, подобно Андрею, бежать за пределы Руси — в Швецию. Об антиордынских действиях и замыслах Ярослава свидетельствует информация Лаврентьевской летописи о гибели от монголов в Переяславле жены Ярослава и воеводы Жидослава, пленении детей Ярослава. Это известие подтверждается дальнейшей историей, отраженной в летописях: в 1265 г. Ярослав женился в Новгороде, стало быть, был вдов, дети от первого брака действительно были — это Святослав и Михаил, которые упоминаются в источниках позднее.

Вернуть свое княжество Ярославу удается, видимо, только в 1257 г., когда Ярославичи Александр, Андрей, Ярослав, а также ростовский князь Борис Василькович отправляются в Орду, «чтить» хана Улагчи, с которым Андрей и Ярослав могут начать отношения «с чистого листа», и получить ярлык, каждый на свою отчину.

Видимо, в 1265 г. Ярослав получает владимирский и новгородский столы, продолжая управлять и Тверским княжеством. Именно Тверь оставалась местом его постоянного пребывания (в частности, в летописях говорится, что новгородцы посылают за Ярославом в Тверь, это означает, что, уже будучи владимирским князем, он продолжал жить в своей отчине). Археологи отмечают обновление укреплений в Твери в 1260-е годы[565]. К 1266 и 1268 гг. относятся две договорные грамоты Ярослава Ярославича с Новгородом, где упоминается о его тверской отчине наряду с Суздальской землей — Северо-Восточной Русью: «А что, княже, мытъ по твоеи земли, и по [и]нои волости, и по всеи Суждальскои земли...»[566].

Анализируя взаимоотношения Тверского княжества с Ордой в период княжения Ярослава, Э. Клюг определил их характер как «позитивный». Тем не менее, очевидно, что в начале своей политической деятельности Ярослав, напротив, заложил основы нелояльного отношения тверичей к татарской власти. Он поддержал старшего брата

[565] См.: *Хохлов А. Н.* Некоторые аспекты взаимоотношений Твери, Новгорода и Литвы в третьей четверти XIII века // Великое прошлое. Тверь, 1998. С. 52—53.

[566] ГВНП. № 2. С. 11.

Андрея, а гибель жены не могла не упрочить его личного неприятия татар. Летописи упоминают лишь две поездки Ярослава в Орду. Однако санкция от Орды на владимирское княжение должна была быть получена, поэтому такая поездка в 1263 г. (по-видимому, в Сарай) должна предполагаться.

Важными для Твери были отношения с Литвой, упорно расширявшей свои владения на восток. Однако проследить некую последовательную тенденцию поддержки Ярославом Ярославичем той или иной партии в Литве затруднительно. Для Тверского княжества оказался важен сам факт плотных контактов с литовской и полоцкой элитой, который делает понятным, почему владыка полоцкий Симеон уходит в стабильную и безопасную Тверь вместе с другими полочанами или литовцами[567].

По инициативе Ярослава Ярославича в Твери создается епископская кафедра, на которую призывается вышеупомянутый полоцкий епископ Симеон. Это произошло не позднее второй половины 1270 г., в конце которого Ярослав уехал в Орду, и едва ли ранее 1264 г., когда тверской князь получил великокняжеский владимирский стол, поскольку основать в Твери епископию и призвать епископа Ярослав Ярославич мог именно в статусе великого князя. Митрополит Кирилл поддерживал Ярослава (например, в конфликте с новгородцами, которые в 1269 г. хотели видеть на своем столе не Ярослава, а Дмитрия Александровича), и это позволяет думать, что Кирилл пошел навстречу князю и одновременно полоцкому епископу Симеону, оказавшемуся из-за военных действий в нетерпимом положении.

Характерно, что на смену Симеону на тверскую кафедру придет епископ Андрей, сын литовского князя Герденя, который, по-видимому, появился в Твери примерно в это же время (или после гибели отца в 1267 г.), поскольку к моменту получения владычной кафедры он был игуменом в тверском Отроче монастыре. Такого рода приток людей из других, менее безопасных и привлекательных для жизни регионов и в дальнейшем был для Тверского княжества ресурсом, обеспечивавшим успешное развитие этого государственного образования.

Призвав авторитетного владыку — полоцкого епископа Симеона — и создав в княжестве епископскую кафедру, Ярослав Ярославич сделал важнейший шаг, который дал возможность Тверскому княжеству выдвинуться в сильные и влиятельные государственные образования Северо-Восточной Руси. Летописи сообщают, что именно владыка Симеон с «игумены и попове» везет умершего по дороге из Орды Ярослава Ярославича в Тверь и хоронит в главном тверском храме Козьмы и Дамиана[568], хотя как владимирский князь Ярослав мог бы быть упокоен во Владимире. Решение, принятое и осуществленное епископом, окажет серьезнейшее влияние на формирование Твери как государственного образования со своим некрополем правителей. Симеону же принадлежит инициатива ведения летописных записей при владычной кафедре[569].

---

[567] См. подробнее: *Конявская Е. Л.* «Симеон из Полотска» — первый тверской епископ // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь, 2017. Вып. 10. С. 17—24.

[568] К востоку от храма археологи обнаружили остатки построек того же времени, среди которых была найдена печать Ярослава Ярославича. При раскопках на месте каменного собора были выявлены захоронения, принадлежавшие старому некрополю — церкви Козьмы и Дамиана (см.: *Беляев Л. А., Сафарова И. А., Хохлов А. Н.* Некрополь середины XII — XIII в. на месте Спасо-Преображенского собора в Тверском кремле // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. С. 61—98).

[569] *Конявская Е. Л.* Тверское владычное летописание конца XIII — XIV в // Средневековая Русь. М., 2011. Вып. 9. С. 139—152.

После смерти отца Святослав Ярославич, вопреки прежним союзническим связям с владимирским князем Дмитрием Александровичем, принимает сторону княжившего в Костроме Василия Ярославича, который выступал незадолго до смерти Ярослава его противником. В 1272 г. Святослав, как указывает Новгородская первая летопись, «съ тфѣрици и начаша воевать волость новгородскую: Волокъ, Бѣжици, Вологду»[570]. В ответ Дмитрий идет на Тверь. Таким образом, начало княжения Святослава как главы тверского дома ознаменовывается военным столкновением Тверского княжества с Новгородом, чего не было до тех пор.

Традиционно считается, что Святослав всегда стремился к союзу с сильнейшим князем. Но можно выдвинуть и другую гипотезу — развивая идею А. Е. Преснякова о том, что еще при жизни Ярослава Ярославича могла существовать договоренность о занятии владимирского стола Василием Александровичем. Действительно, в Рогожском летописце есть известие о том, что в последнюю поездку в Орду Ярослав едет вместе с Василием и Дмитрием. Святослав в таком случае мог считать своим долгом поддержать Василия.

С восхождением на тверской стол Михаила Ярославича, сына Ярослава Ярославича от второго брака, начинается новый этап тверской истории. Показательно, что первое летописное известие о Михаиле — это сообщение о строительстве им вместе с матерью великой княгиней Ксенией Спасо-Преображенского собора — будущего символа Твери. И это был первый каменный храм в Северо-Восточной Руси, построенный после начала монголо-татарского завоевания. Раскопки на месте взорванного в 1935 г. кафедрального собора[571] обнаружили фрагменты белокаменной кладки, со стороны южного входа в храм сохранилось белокаменное крыльцо. Собор был одноглавым и четырехстолпным, был богато украшен резьбой и фресковой росписью, имел галереи[572]. Существовал Введенский придел, позже появился Дмитриевский. При епископе Феодоре Добром над приделами были сооружены золоченые кресты, в самом храме украшался алтарь, были сделаны медные двери со стороны владычного двора, намощен мраморный пол.

При Михаиле Ярославиче церковное строительство (в том числе и каменное) развивалось и далее. Поблизости от Твери был Отроч монастырь, возведение его каменного Успенского собора предположительно относят к концу XIII — началу XIV в.

Видимо, с конца XIII в. существовала деревянная церковь Св. Афанасия на тверском посаде. В начале XIV в. Софья Ярославна, сестра Михаила Ярославича, строит женский монастырь с церквями на его территории. Тогда же, скорее всего, была построена церковь Михаила Архангела «на брезѣ», затем упоминается и Архангельский монастырь. А. Н. Хохлов определил, что монастырь располагался за пределами града, на Загородском посаде на мысу у Волги[573].

Княжеский дворец, построенный, по-видимому, примерно в одно время со Спасским собором, был деревянным (возможно, двухэтажным). В 1298 г. во дворце был пожар, который, как можно понять, не только не перекинулся на другие постройки двора, но и, возможно, затронул лишь по-

[570] НПЛ. С. 322.

[571] Древний храм был разобран в XVII в., в 80—90-е годы того же столетия на его месте был построен новый собор.

[572] *Беляев Л. А., Сафарова И. А., Хохлов А. Н.* Спасо-Преображенский собор в Тверском кремле: Итоги раскопок 2012—2014 гг. // РА. 2018. № 2. С. 148—160.

[573] *Хохлов А. Н.* Последний путь первого великого князя всея Руси: (К вопросу о возникновении традиции) // Михаил Ярославич Тверской — великий князь всея Руси. Тверь, 2008. С. 80—88.

кои и жилые помещения князя и княгини, поскольку перечисляются именно утраты ценностей: «...погорѣ немало имѣньѧ, золота и сребра, ѡружья, портъ»[574]. Видимо, более серьезные разрушения нанес пожар 1316 г., который был угашен «множеством людии», тогда сгорело 20 дворов.

В конце XIII в. идет застройка южной и восточной части кремля, оформляются границы городских усадеб. Примерно этим же временем — концом XIII — началом XIV в. — датируются три берестяные грамоты[575], каменное орудие с азбукой[576].

Тверь в конце XIII в. искала и приобретала союзников. В летописном сообщении 1285 г. говорится о нападении Литвы на «Тфѣрьскаго владыкы волость»[577] Олешню. При этом отражают это нападение не только тверские силы, но и москвичи, волочане, новоторжцы, зубчане, ржевичи (в Симеоновской летописи добавлены и дмитровцы). Правда, союзные отношения, о которых свидетельствуют совместные действия против литовцев, были нарушены уже в 1288 г. Великий князь Дмитрий Александрович «созва братью свою Андреа Александровича и Данила и Дмитриа Борисовича и вси князи, яже суть подъ нимъ, и поиде съ ними ко Тфѣри» против не захотевшего «покоритися великому князю Дмитрию»[578] Михаила. Участники похода опустошили пределы Кашина, сожгли Кснятин и направились к Твери. Михаил Ярославич выступил с тверскими силами навстречу, однако столкновения не произошло, был заключен мир. Упоминание в таком контексте Кашина (первое упоминание в письменных источниках) свидетельствует о том, что город к этому времени был хорошо укреплен (девятидневная осада успеха противнику не принесла). Здесь же говорится о том, что был сожжен Кснятин, который был, видимо, менее значимым городом.

В начале 1293 г. Михаил Ярославич ездил в Орду, видимо, к правителю Ногаю. По свидетельству «Жития Софьи Тверской», цель этой поездки — «заступить» «крестьяне от нашествиа поганых»[579]. Михаил Тверской и Даниил Московский вновь выступают как союзники, теперь оба — на стороне Дмитрия Александровича. Их противники во главе с Андреем Александровичем получили поддержку Тохты, причем поездка Андрея Александровича к этому правителю предшествовала поездке Михаила[580]. Результатом обращения Андрея к Тохте стал приход на Русь отряда Тудана (Дюденя) — с целью устрашить союзников Дмитрия Александровича, опиравшихся на покровительство Ногая. Разорив Переяславль, татары направились к Твери, однако столкнулись с решимостью тверичей оказать серьезное сопротивление даже в отсутствие князя, пребывавшего в Орде. Татары отошли от Твери к Волоку, затем к Переяславлю «и поидоша въ свояси»[581].

В договорной грамоте Михаила Ярославича и Новгорода 1296 г. предусмотрены совместные действия новгородцев, тверичей и москвичей в случае «тяготы» тверскому

---

[574] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 484.

[575] *Рождественская Т. В.* Тверские берестяные грамоты // Тверской кремль: Комплексное археологическое источниковедение (по материалам раскопа Тверской кремль-1. 1993—1997 гг.). СПб., 2001. С. 185—189.

[576] *Рождественская Т. В.* Надписи на предметах // Тверской кремль: Комплексное археологическое источниковедение. С. 211.

[577] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 483.

[578] ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 34.

[579] *Гадалова Г. С.* Повесть о княжне Софье Ярославне Тверской как исторический источник по истории и культуре Тверского края // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь, 2002. Вып. 4. С. 138.

[580] См.: *Кучкин В. А.* Когда было написано Житие Софьи Ярославны Тверской? // Мир житий. М., 2002. С. 112—113.

[581] ПСРЛ. Т. 18. С. 83.

князю «отъ Андрѣя, или от тат(ар)ина, или от иного кого». Новгородцы должны «потянути» с ним, «а не отступити» от него «ни въ которое же веремя»[582]. Важно заметить, что в этом ряду упоминается и «татарин», возможность противостояния которому рассматривается Михаилом в той же мере, как и с другими недругами.

В 1297 г. князь закладывает крепость — «Городок» на р. Старице (будущая Старица). Не позднее второго десятилетия XIV в. становится удельным центром Клин. Таким образом, в конце XIII — начале XIV в. в Тверском княжестве основываются и возрастают города у рубежей Тверской земли: на северо-востоке — Кашин, на западе — Старица, на юго-востоке — Клин.

Союз тверского, московского и переяславского князей стал распадаться после смерти Ногая в 1300 г. Михаил начинает поддерживать Андрея Александровича. В Дмитрове состоялся княжеский съезд: «Тогоже лѣт оучиниша снемъ оу Дмитрова Андрѣи кнѧз великыи, Михаило, кнѧз Тфѣрьскыи, Данило, кнѧз Московьскыи, Іѡан, кнѧз Дмитреевич ис Переяславлѧ, и взѧша миръ межю собою, а Михаило с-Ъіваномъ не докончалъ межи собою»[583]. Из летописного текста ясно, что Михаил Ярославич с одним из прежних союзников — Иваном Дмитриевичем Переяславским — вошел в конфликт. Союз же с Андреем Александровичем ознаменовался участием в 1301 г. Михаила в походе Андрея и новгородцев на шведов[584].

В 1304 г. умер Андрей Александрович. По свидетельству Жития Михаила Ярославича, он завещал последнему владимирское княжение: «...ему же по старѣишиньству дошелъ бяше степени великого княжения»[585]. Эта информация хорошо согласуется с известием Новгородской первой летописи о том, что после преставления Андрея Александровича его бояре «ехаше во Тферь»[586]. Поддерживал Михаила Ярославича и митрополит Максим. Вместе с другим претендентом на великое княжение московским князем Юрием Даниловичем Михаил отправился в Орду, где от хана Тохты получил ярлык на великое княжение. В 1305 г. он вернулся на Русь. Михаил Ярославич принял титул «великий князь всея Руси» (по образцу титула митрополита), о чем известно из посланий константинопольского патриарха. Монах тверского Отроча монастыря Акиндин обращается к Михаилу Ярославичу, как к «Богомъ съхраненому и благочестивому и благочестія держателю, великому князю Михаилу и честному самодержьцю рускаго настолованія»[587], подчеркивая верховность и суверенность власти Михаила Ярославича на всей Руси. Хотя власть Орды оставалась вполне реальной, Михаил закладывал основы для борьбы с нею.

Как и его отец, своим основным местом пребывания Михаил выбирает Тверь. Здесь продолжается церковное и гражданское строительство, растет экономическая мощь столицы княжества. Письменные и археологические источники, данные нумизматики позволяют говорить о развитости международных связей Твери с Византией, Западной Европой и Востоком. В частности, среди вещей археологи фиксируют перстни, а также фрагменты обуви запад-

[582] ГВНП. № 4. С. 14.

[583] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 485.

[584] См.: *Кучкин В. А.* Первый московский князь Даниил Александрович // ДГВЕ. 2005. М., 2008. С. 310—311.

[585] *Кучкин В. А.* Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском // Средневековая Русь. М., 1999. Вып. 2. С. 130.

[586] НПЛ. С. 92.

[587] РИБ: В 39 т. СПб., 1908. 2-е изд. Т. 6, ч. 1. Стб. 149. Ср. западноевропейские формулы: «Rex est dominus in suo regno»; «Rex est imperator in regno suo».

ноевропейского производства. В Твери уже в XIII—XIV вв. развивались ювелирное дело и кожевенное ремесло. Археологические данные позволяют говорить о существовании бронзолитейных, косторезных мастерских, камнесечного и камнерезного производств[588]. Тверичи держали домашних животных (процент крупного рогатого скота невелик, преобладали свиньи), существенную роль в их жизни играли рыболовство и охота (процент костей диких животных по отношению к домашним в Твери значительно выше, чем в Москве и Великом Новгороде). Очевидно, что одна группа лесных зверей добывалась ради мяса (лось, благородный олень, северный олень, косуля, кабан, медведь, заяц), другая — ради пушнины (лиса, волк, бобр, куница, соболь, барсук, белка, выдра)[589]. Среди употребляемой в пищу рыбы наиболее были распространены судак, лещ, щука, а также окунь, плотва, сом.

В Тверской земле было развито бортничество, о чем свидетельствует, в частности, берестяная грамота № 5, где упоминаются ульи на «дубиях», которые бортники помечают своими зарубками-метами[590].

Среди зерновых культур в конце XIII в. преобладала рожь, позже возрастает доля пшеницы, культивировались также овес, ячмень и др.[591]

При Михаиле Ярославиче ведется великокняжеское летописание (оформляется Свод 1305 г.), работают книгописные мастерские.

Важным направлением политики Михаила было сохранение контроля над Новгородом. Еще во время пребывания Михаила Ярославича в Орде в 1305 г. бояре Михаила тщетно пытались посадить в Новгороде его наместников. Новгородцы отдавали предпочтение московским князьям. По всей вероятности, из-за этого Михаил Ярославич дважды предпринимал походы на московские территории. 16 июля 1307 г. Михаил Ярославич занял новгородский стол. Заключенному в этом году договору великого князя с Новгородом[592] предшествовала серия проектов[593]. Но мирного княжения на новгородском столе у Михаила не было. В 1312 г. в результате конфликта с новгородцами Михаил Ярославич свел из Новгорода своих наместников и, перекрыв пути («Торжек зая и Бежичи и всю волость»[594]), организовал хлебную блокаду Новгорода. После переговоров, на которые был отправлен новгородцами архиепископ Давыд, князь «ворота отвори» и отправил в Новгород наместников.

Повторные попытки новгородцев посадить на стол князя московского в 1316 г. привели уже к военному конфликту. 10 февраля Михаил Ярославич при поддержке татар разгромил у Торжка новгородское войско. Наместник Юрия Даниловича, его брат Афанасий, и новгородские бояре оказались в заложниках в Твери. «Кремник» Торжка Михаил «повелѣ разнести»[595]. После этого было составлено докончание, которое до нас не дошло, а в январе — начале

---

[588] *Лапшин В. А.* Тверь в XIII—XV вв. (по материалам раскопок 1993—1997 гг.). СПб., 2009. С. 250.

[589] *Ланцева М. Е., Лапшин В. А.* Результаты определения костных остатков млекопитающих из раскопок 1994—1997 гг. в Тверском кремле // Тверской кремль: Комплексное археологическое исследование. СПб., 2001. С. 171—180.

[590] *Рождественская Т. В.* Тверские берестяные грамоты. № 3—5. С. 187—189.

[591] *Кирьянова Н. А.* Зерновые материалы из раскопок в Тверском кремле // Тверской кремль: Комплексное археологическое источниковедение. С. 149—170.

[592] ГВНП. № 9—10.

[593] ГВНП. № 6, 7 (см.: *Янин В. Л.* Новгородские акты XII—XV вв.: Хронологический комментарий. М., 1991. С. 153—155).

[594] НПЛ. С. 94.

[595] ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 36.

февраля 1317 г.[596] было заменено другим, писавшимся при новом посольстве Давыда[597]. Новгородцы выплатили за сидевших у Михаила «в тали» в несколько этапов огромную сумму в 12 тыс. гривен серебра.

Неудачной для князя и для Тверского княжества в целом оказалась политика Михаила в отношениях с митрополичьей властью. После смерти поддерживавшего его митрополита Максима вопреки ожиданиям Михаила Ярославича кафедру занял владыка Петр. Попытка, предпринятая силами тверского епископа Андрея на Переяславском соборе, который состоялся в конце 1310 или в начале 1311 г., обвинить митрополита в симонии не увенчалась успехом, хотя нет сомнения, что тверской владыка обладал в это время большими возможностями. Несмотря на имеющееся согласие константинопольского патриарха провести расследование по выдвинутым великим князем обвинениям, Михаил Ярославич (впрочем, как и его антагонист Юрий Данилович) на соборе не присутствовал, не было и других авторитетных князей и иерархов северо-восточных земель. На собор были посланы сыновья Михаила 12-летний Дмитрий и 9-летний Александр. В Житии митрополита Петра говорится, что Михаил Ярославич был тогда в Орде, но это не подтверждается другими ранними источниками. Никаких оценок или намеков на позицию братьев на соборе в Житии нет. Неоднозначность ситуации объяснялась Е. Е. Голубинским довольно тонкими разночтениями в понимании размеров и самого факта взимания мзды за поставление церковных иерархов[598]. Эти сюжеты раскрыты в «Написание о поставляющих мзды ради» Акиндина. По-видимому, в отрицании порядка взимания (или размера) такой мзды (равно как и в болезненной теме признания близкородственных браков) у владыки Андрея были сторонники, и конфликт было желательно разрешить миром. В результате определенного компромисса Петр остался на митропличьей кафедре, а тверской епископ, по крайней мере, на некоторое время, получил особое положение. Так, уникальное известие в Рогожском летописце и Тверском сборнике сообщает о поставлении (именно в Твери) епископов митрополитом Петром «съ епископом Андреомъ»: в 1311 г. 20 марта был поставлен Харлампий (на какую епископию — неизвестно), а «на оутриа въ недѣлю» был хиротонисан Прохор на Ростовскую кафедру.

Однако через пять лет Андрей покинул тверскую кафедру. Если не плохие отношения с митрополитом, то что иное могло подвигнуть владыку к такому шагу? Его уход случился после акций Михаила Ярославича против Торжка и новгородцев, а после сообщения об оставлении владыкой кафедры идет рассказ о неудачном походе Михаила к Новгороду, когда его полки заблудились, зашли (либо были намеренно заведены) в болота и понесли потери в конях и людях[599]. С юных лет владыка Андрей сталкивался с трагическими последствиями военных действий, вражды между правителями княжеств Северо-Восточной Руси и мог иметь свою позицию в политической обстановке того времени, которая не совпадала с позицией владимирского великого князя. И уже будучи в монастыре, он не оставил участия в политической жизни Твери: в статье 1321 г. тверских летописей говорится, что он «доконча миръ» между «Михайловичами» и Юрием Московским.

В результате интриг московского князя Юрия и вероломной политики Орды Миха-

---

[596] *Кучкин В. А.* Договорные грамоты московских князей XIV века: Внешнеполитические договоры. С. 49.

[597] ГВНП. № 11.

[598] *Голубинский Е. Е.* История русской Церкви: В 2 т. М., 1900. Т. 2, ч. 1. С. 108—111.

[599] ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 36.

ил летом в 1317 г. утратил великое Владимирское княжение. Если до этого момента у Михаила Ярославича, как в свое время и у его отца Ярослава Ярославича, не было оснований противопоставлять свою отчину Владимирскому княжению, то теперь, согласно Житию Михаила Ярославича, тверской князь обращает к Юрию знаменательные слова: «Брате, аже тебѣ дал Богъ и царь княжение великое, то и азъ отступлю тебѣ княжения, но в мою опричнину не вступаися». И далее говорится, что Михаил Ярославич уходит в свою «вътчину»[600]. Летописи, отразившие тверское летописание, сообщают, что после переговоров с Юрием Даниловичем Михаил возвращается в Тверь и занимается укреплением тверского кремля[601]. Вскоре к тверским пределам двинутся Юрий и его союзники (включая татарский отряд под предводительством ордынского эмира Кавгадыя), которые подойдут к Клину и будут разорять его территории. Одновременно к торжокско-тверскому рубежу пришли новгородцы, также нанося урон тверским землям. Перед тем как принять решение выступить против нарушивших договоренность противников, Михаил просит совета у епископа, князей (видимо, речь идет о союзниках Михаила Ярославича, возможно, дмитровских, ростовских и угличских князьях[602]) и бояр: «Буду ли в чемъ виновать, скажите ми». Они же «единѣми усты со слезами рекоша: “Правъ еси господине, во всемъ пред своимъ сыновцемъ, таково смирение сътворилъ еси… А ныне, господине, поиди противу имъ”»[603]. После неудовлетворивших стороны переговоров, не дав соединиться противнику с новгородскими силами, Михаил с союзниками быстро выступил навстречу новгородцам и разбил их (погибло 200 новгородцев). Тогда же, в первой декаде ноября 1317 г., с новгородцами был заключен сепаратный мирный договор[604]. Юрий же углублялся на тверскую территорию, «села пожгоша и жито, а люди въ пленъ поведоша»[605]. За 15 верст до Твери его войска остановились и стояли в течение пяти недель. При этом велись переговоры, о чем сообщают тверские летописцы: «И ездиша послове от Кавгадыя к великому князю Михаилу много, а все с лестию, и не бысть межи има мира»[606]. 22 декабря 1317 г. в 40 верстах от Твери у Бортенева между противниками состоялась битва, получившая в дальнейшем название «Бортеневской». Михаил Ярославич одержал в ней полную победу. Кавгадый, видя близкое поражение, вышел из боя: «…повеле дружине своеи стягы повръщи, а сам, не любуя, поиде в станы»[607]. Брат Юрия Борис, многие другие князья, жена Юрия (сестра хана Узбека) Кончака попали в плен. С Юрием затем был установлен мир, скрепленный договором Твери, Москвы и Новгорода, который был составлен в феврале 1318 г.[608] Договор этот, впрочем, как и другие договоры с Новгородом, показывает, что прохождение путей через тверские территории давало возможность Твери контролировать проезжающих торговцев, гонцов и посольства в Орду. Сам же Михаил назывался «братом» Юрия, т. е. подчеркивалось их равное положение перед

---

[600] *Кучкин В. А.* Пространная редакция повести о Михаиле Тверском. С. 134.

[601] ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 37.

[602] *Кучкин В. А.* Договорные грамоты московских князей XIV века: Внешнеполитические договоры. С. 52, примеч. 118.

[603] *Кучкин В. А.* Пространная редакция повести о Михаиле Тверском. С. 135.

[604] ГВНП. № 12.

[605] ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 37.

[606] Там же.

[607] Там же. Стб. 38.

[608] *Кучкин В. А.* Договорные грамоты московских князей XIV века: Внешнеполитические договоры. С. 336—337.

поездкой в Орду для разрешения спора о великом княжении, на которое, видимо, Михаил считал возможном вновь претендовать (о чем свидетельствует, в частности, его поездка во Владимир летом 1318 г.).

Вражда с Москвой, таким образом, лишь разгоралась, кроме того, в Твери умерла Кончака. Оба князя отправились в Орду для окончательного разрешения конфликта. В Орде у хана к этому времени уже находится сын Михаила Константин.

Кавгадый и Юрий обеспечивают поддержку своей позиции с помощью разного рода недругов тверского князя. В результате в Орде Михаилу был предъявлен ряд обвинений. Его обвиняли в том, что он «противу посла бился» (т. е. против Кавгадыя). Михаил отвечает, что посла он «съ многою честью отпусти». Следующее обвинение — в сокрытии дани, хотя ранее в Житии Михаила говорится, что выход был передан, а сам Михаил подтверждает: все отданные «сокровища» у него «исписаны». И, наконец, отвергает он и обвинение в том, что «повелелъ оуморити» Кончаку: «ни на мысли ми того сътворити». Тем не менее он был обвинен и приговорен к смерти за нелояльность: «яко неключимъ есть нам, не послѣдуетъ нравомъ нашимъ»[609]. Последние месяцы и дни жизни князя в ордынском плену описаны в «Житии Михаила Ярославича» сопровождавшим его в эту последнюю поездку духовником, игуменом Отроча монастыря Александром. 22 ноября 1318 г. тверской князь был казнен в Орде.

Такой исход не был очевиден, поскольку Тверское княжество было богатым и развитым, и Михаил Ярославич обладал материальным ресурсами, авторитетом и влиянием в русских землях. Даже столь печальный итог развития событий не закрыл возможности борьбы и соперничества между Тверью и Москвой.

Перед поездкой в Орду Михаил Ярославич «написавъ им (сыновьям. — *Е. К.*). раздели имъ отчину свою»[610]. Завещание не сохранилось, но, судя по данным о владениях сыновей, внуков и правнуков Михаила Ярославича, его старший сын Дмитрий получил Тверь, Александр — Зубцов, Константин — Клин, Василий — Кашин[611].

После смерти Михаила Ярославича тверской стол занял его старший сын Дмитрий Михайлович, который, судя по тому, что переговоры с Юрием о выдаче праха отца вел его брат Александр, не желал и не считал для себя возможным иметь дело с Юрием Московским, виновником гибели Михаила Ярославича. Но решение о переговорах было принято, безусловно, обоими братьями, которые еще с юного возраста действовали сообща (летописи называют старших сыновей Михаила Ярославича «Михайловичи»). Останки убитого князя Юрий выдал семье лишь в 1320 г. за большой выкуп.

Осенью 1322 г. Дмитрий идет в Орду и получает ярлык на великое княжение Владимирское. Видимо, хан утратил доверие к московскому князю, задержавшему выход, собранный для выплаты Орде (он уехал с ним в Новгород)[612].

Несмотря на малый срок княжения, Дмитрий внес свой вклад в укрепление политического положения княжества — своим браком с дочерью литовского князя Гедимина (заключенный в 1321 г., брак этот был бездетным), тем самым положив начало союзу Твери с Литвой.

По летописным и археологическим данным можно утверждать, что в начале 1320-х годов построен каменный храм в монастыре Св. Феодора (в нем

---

[609] *Кучкин В. А.* Пространная редакция повести о Михаиле Тверском. С. 143.

[610] Там же. С. 140—141.

[611] *Кучкин В. А.* Права и власть великих и удельных князей в Тверском княжестве второй половины XIII—XV века // Славянский мир: Общность и многообразие: М-лы Междунар. науч.-практ. конф. Тверь, 2009. С. 218.

[612] См.: *Горский А. А.* Москва и Орда. М., 2000. С. 54—55.

в 1316/17 г. был переписан церковный устав на греческом языке, хранящийся ныне в библиотеке Ватикана).

Под 1321 г. тверские летописи сообщают, что Дмитрий «съ братіею», с тверскими и кашинскими полками выступил против шедшего на Кашин Юрия Московского. Стороны помирились, как было отмечено выше, при посредничестве бывшего тверского владыки Андрея, заключили докончание.

Но Дмитрий был одержим идеей мести за смерть отца, которую осуществил сам: 21 ноября 1325 г. в Орде он убивает своего врага и соперника Юрия Даниловича. Спустя почти год, 15 сентября 1326 г., он был казнен по приказу хана Узбека за то, что убил московского князя «безъ цесарева слова».

После гибели Дмитрия тверским князем становится Александр, которого хан делает и великим князем владимирским. Согласно новгородским летописям, он пришел с ярлыком из Орды с «должницами», от которых было много тяготы людям. В 1327 г. в Тверь прибыл ханский представитель — эмир Чол-хан (в русских источниках Шевкал, Щелкан), разместился в княжеской резиденции, а пришедший с ним отряд ордынцев творил насилия и грабил тверичей, стараясь быстрее собрать следуемую им дань. В ответ вспыхнуло восстание, которое возглавил великий князь Александр Михайлович. Оно охватило не только Тверь, но и другие тверские города. В ответ на эти действия тверичей зимой 1327/28 г. Тверское княжество подверглось нападению и разгрому карательными войсками ордынцев («Федорчуковой рати»), к которым присоединились силы некоторых русских князей во главе с московским князем Иваном Даниловичем Калитой. От ханского гнева из Тверской земли бежали все члены тверского княжеского дома как ответственные за действия против ордынцев.

Однако вскоре стало ясно, что хан Узбек повелел «взыскать» только великого князя Александра Михайловича. Александра псковичи сажают у себя на стол, а его братья и княгиня-мать возвращаются в пределы княжества. Тверским князем становится Константин Михайлович. Ему предстояло восстановить жизнь в разоренном княжестве, и, по свидетельству летописей, он в этом преуспел. Летописи говорят, что Константин княжит «тихо и мирно», не ссорится с московским княжеским домом, с которым породнился еще при Юрии Даниловиче, женившись на его дочери Софье. Более того, в 1329 г. он участвует со своими силами в походе Ивана Калиты к Пскову для «взыскания» своего мятежного брата Александра. До прямого военного столкновения дело, однако, не дошло.

В 1335 г. на Русь из Орды вернулся старший сын Александра Федор, которого, по всей видимости, он отправлял к хану Узбеку, готовясь затем ехать туда и сам. В 1337 г., получив благословение митрополита Феогноста, Александр Михайлович едет в Орду. Добровольный приезд князя весной 1337 г. был встречен ханом Узбеком благосклонно, и Александр Михайлович, получив ярлык на тверское княжение, вернулся в Тверь, где Константин добровольно уступил ему княжеский стол. Из Орды Александр Михайлович приехал в сопровождении «сильных» ханских послов Киндяка и Авдула, от которых много было «тягости христианомъ». По свидетельству Рогожского летописца, «бояре мнози отъеха на Москву къ великому князю Ивану»[613]. Было ли это вызвано напряженной обстановкой в связи с приездом ханских послов и их поборами (возможно, складывалась ситуация, сходная с 1327 г.), или речь идет о боярах, служивших ранее Константину, но, как подчеркивают летописи, Александр «не оукончавъ» с Иваном Даниловичем. Результатом неурегулированности этих отношений стало крайне недолгое княжение Александра, пожалованного ханом его «отчиной» Тверью. В 1339 г. он

[613] ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 48.

был вызван в Орду и казнен там вместе со старшим сыном Федором.

В Твери вновь вокняжился Константин Михайлович. Второй период его княжения характеризовался большей самостоятельностью: Константин не участвует в походе 1340 г. татарских и русских войск на Смоленск, съезде князей и походе на Торжок 1341 г. Лишь в конце княжения Константина Михайловича, в 1346 г., возник серьезный конфликт («нелюбие») между ним, вдовой Александра Михайловича великой княгиней Анастасией и его племянником Всеволодом Александровичем, получившим после смерти отца Холмский удел. В разрешение конфликта были вовлечены Москва и Орда. Причина конфликта в летописи определена следующим образом: Константин «начя имати бояре ихъ и слуги в серебрѣ за волости чрезъ людцкую силу»[614]. Исследователи по-разному истолковывали эту фразу, но на сегодняшний день наиболее верной представляется интерпретация В. А. Кучкина, который понимает действия тверского князя как попытку собирать дань с бояр и слуг наследников Александра Михайловича, живших на тверских территориях, подвластных Константину[615]. Всеволод обращается за поддержкой в Москву к великому князю владимирскому Симеону Гордому, а затем, как и Константин, едет в Орду. Там в 1346 г. Константин и умирает, а Всеволод получает ярлык на тверской великокняжеский стол. Передачу великого княжения тверского Всеволоду, видимо, пытался оспорить Василий Михайлович Кашинский, младший сын Михаила Ярославича. Он в отсутствие Всеволода послал своих кашинских даньщиков собрать дань в Холмском уделе Всеволода Александровича. С этой данью он отправился в Орду, но по дороге был ограблен Всеволодом и поддержки хана не получил.

Однако на тверском столе Всеволод находился недолго. Уже в 1349 г. при участии епископа Феодора дядя и племянник приходят к соглашению, по которому тверское великое княжение переходит к Василию Михайловичу. Теперь притеснения Всеволод Александрович будет терпеть от другого своего дяди: Василий Михайлович, вспомнив почему-то, что племянник в свое время его ограбил, начал его, по свидетельству летописи, «обидѣти чрезъ докончание и бояръ его и слугъ его тягостию данною оскорбляти»[616]. Под 1357 г. в Рогожском летописце сообщается о попытке разрешения этого спора, в который были вовлечены московский князь, митрополит и тверской владыка: «Того же лѣта князь Всеволодъ езьдил къ митрополиту къ Олексею в Володимерь съ жалобами на дядю на своего на князя на Василья о своихъ обидах, что ся ему оучинило от него чересъ докончание. А князь Василии возма любовь со князем с Ываном по митрополичю слову. Тако же и приехал к нему и владыка Федоръ и, быв оу митрополита, не возма любьви, опять поехаша во Тфѣрь»[617]. Союз, о котором говорится в этом тексте, проявил себя со стороны Москвы уже в том же 1357 г., когда к новому хану Бердибеку отправились русские князья, в их числе Василий и Всеволод. У Переяславля Всеволоду преградили путь «князя великого намѣстници» (великим князем в то время был отец Дмитрия Донского Иван), они «не дали емоу поути, и онъ поеха въ Литвоу»[618]. Поддержали Василия и в Орде: в 1358 г. Всеволод был выдан Василию, претерпел «томление велико»,

[614] ПСРЛ. М., 1885. Т. 10. С. 217.

[615] См.: *Кучкин В. А.* Права и власть великих и удельных князей в Тверском княжестве второй половины XIII—XV века. С. 219—220.

[616] ПСРЛ. Т. 10. С. 217.

[617] ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 65—66.

[618] Там же. Стб. 66.

которое распространилось на его бояр и слуг, а черным людям была «продажа данная велика»[619]. Тверской епископ Феодор, не преуспев в отстаивании прав Всеволода, даже хотел оставить епископскую кафедру, но митрополит Алексий ему этого не позволил[620]. Позиция Феодора в данном конфликте отнюдь не означает, что владыка действовал заодно со Всеволодом в любой ситуации. Когда в Тверь приезжает соперник митрополита Алексия Роман, как сообщает под 1360 г. Никоновская летопись, Феодор с ним даже «не видѣся», Всеволод же «многу сотвори честь и дары даде Роману митрополиту, и паки повелѣ его проводити въ Литву с честію»[621].

В 1360 г., когда поддержка Василия Ордой прекратилась, а Всеволод, напротив, получил помощь Литвы, мир был установлен: Всеволод «взялъ миръ со братьею, а князь Василеи трети их очины отъступился и раздѣлишася волостьми»[622]. Под братией, видимо, понимались три брата Всеволода: Михаил, Андрей и Владимир.

В 1365 г. начавшийся мор унес жизни многих тверских князей, в том числе и Всеволода Александровича, что изменило политическую ситуацию в Тверском княжестве. На политическую арену выходит Михаил Александрович, князь микулинский, который вскоре займет тверской великокняжеский стол.

Полоцкое, Туровское и Пинское княжества

Относительно немногочисленные и отрывочные свидетельства источников о Полоцкой земле XIII в. породили обширную литературу, посвященную попыткам выяснить хронологию деятельности ее правителей и их взаимоотношениям с соседями[623]. При всей дискуссионности этих вопросов ясны тенденции политического развития

---

[619] ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 67.

[620] Епископ Феодор, безусловно, пользовался большим авторитетом в Твери. В его епископство при владычной кафедре велось летописание, благодаря чему мы имеем многочисленные свидетельства о его заботе об украшении церквей, знаем, что княгиня Анна (в иночестве Софья), вдова Михаила Ярославича, особо почитала владыку (см.: *Конявская Е.Л.* Великая княгиня Анна – жена Михаила Ярославича Тверского // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь, 2022. Вып. 14. С. 145).

[621] ПСРЛ. Т. 10. С. 231. В более кратком варианте это известие читается в Рогожском летописце (см. подробнее: *Конявская Е.Л.* Тверское владычное летописание конца XIII — XIV в. // Средневековая Русь. Вып. 9. С. 149).

[622] ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 69.

[623] *Данилевич В.Е.* Очерк истории Полоцкой земли до конца XIV столетия. Киев, 1896; *Алексеев Л.В.* Полоцкая земля IX—XIII вв. М., 1966; *Александров Д.Н., Володихин Д.М.* Борьба за Полоцк между Литвой и Русью в XII—XVI веках. М., 1994; *Сагановіч Г.М.* Інфлянцкія немцы ў Полацку ў XIII і ў пачатку XIV ст. // Беларускі гістарычны агляд. 2000. Сш. 1 (12); *Selart A.* Fürst Konstantin von Polock und die Geschichte Livlands im dritten Viertel des 13. Jahrhunderts // Forschungen zur Baltishen Geschichte. 2006. Bd. 1. S. 29—44 (белорус. изд.: *Сэларт А.* Полацкі князь Канстанцін і гісторыя Інфлянтаў у трэцяй чвэрці XIII ст. // Беларускі гістарычны агляд. 2004. Т. 11. Сш. 1—2 (20—21). С. 3—25); *Кузьмин А.В.* Опыт комментария к актам Полоцкой земли второй половины XIII — начала XV в. [Ч. 1] // ДРВМ. 2007. № 2 (28). С. 33—42; *Вароніч В.А.* Полацкі і цвярскі епіскап XIII стагоддзя Сімяон: Вехі біяграфіі і дзейнасці // Беларускі гістарычны часопіс. 2012. № 10. С. 14—18; *Дубонис А.* Две модели литовской экспансии на Руси (XIII — начало XIV века): Овладение Полоцком и Новогрудком // ИВ. 2014. Т. 7 (154). С. 62—72; *Горский А.А.* Русские земли в XIII—XIV веках: Пути политического развития. СПб., 2016. С. 70—72; *Конявская Е.Л.* «Симеон из Полотска» — первый тверской епископ // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 10. С. 17—24.

Полоцкой земли, отчасти наметившиеся ранее. Продолжалось ее территориальное дробление. Витебск, Друцк и Минск (Менеск), достигшие значительной самостоятельности уже в XII в., но еще сохранявшие связи с Полоцким княжеством, в источниках XIII—XIV вв. выступают как центры, независимые от Полоцка[624].

Уже в первые десятилетия XIII в. произошел переход от территориальной экспансии Полоцкого княжества к обороне от воинственных соседей — Ордена меченосцев, остатки которого в 1237 г. были включены в состав Тевтонского ордена и составили его ливонское отделение, и Литвы, где складывание государства сопровождалось постоянными походами на земли соседей, прежде всего Руси. Так, если в XII — начале XIII в. полоцкие князья еще взимали дань с прибалтийских племен и пытались закрепиться в Прибалтике, поставив в нижнем течении Двины крепости Герцике и Кукенойс[625], то уже к 1212 г. полоцкий князь Владимир вынужден был отказаться от этих замков и тянувших к ним земель в пользу Ордена меченосцев[626]. Примерно к середине XIII в. полоцкий князь Константин уступил ливонскому отделению Тевтонского ордена территорию, которую источники 1263—1264 гг. определяют как Латгалию (Лотыгольскую землю) или оз. Лубан и замок Розиттен (Режица, ныне — г. Резекне в Латвии), т. е. земли к востоку от Герцике и Кукенойса[627]. Князь Константин упоминается и в позднейших источниках, в том числе в статутах Тевтонского ордена как его благодетель.

Не вполне ясно, когда под власть Литвы перешел район Браславля и Дрисвят, входивший в Полоцкое княжество. По мнению части исследователей, это произошло уже в первой половине XIII в., но не исключено, что этот район перешел в состав Виленского воеводства в период активного хозяйственного освоения (после запустения, вызванного военным натиском из Ливонии) — примерно в начале XV в.[628]

В этих условиях единственным крупным городским центром княжества оставался сам Полоцк. Природные условия княжества — преобладание подзолистых почв, обилие лесов и болот — слабо способствовали развитию земледелия. Огромную роль в жизни Полоцкой земли играла протекающая по ее территории р. Двина (Западная Двина, Даугава), связывавшая Полоцк (а через него — Витебск, Смоленск

---

[624] О территории Полоцкого воеводства Великого княжества Литовского в первой половине XVI в. см.: *Хорошкевич А. Л.* Полоцкие грамоты как исторический источник // Полоцкие грамоты XIII — начала XVI в.: В 2 т. М., 2015. Т. 2. С. 331—332 и карта. Князь Василий Минский упоминается в качестве посла литовского князя Гедимина в 1326 г., а князь Иван Друцкий — в рассказе о походе на Смоленск, зависимый тогда от Литвы, зимой 1339/40 г. под предводительством посла хана Узбека Товлубия и Ивана Калиты (НПЛ. С. 98; ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 52; Т. 18. С. 93). О судьбе Витебского княжества подробнее см. ниже.

[625] *Алексеев Л. В.* Полоцкая земля. С. 282—286; *Лицкевич О.В.* Княжества Кукенойс и Герцике и их отношение к Полоцку в начале XIII в.; некоторые наблюдения и данные // История і археалогія Полацка і Полацкой землі: М-лы Міжнародн. навукова-практичнай канферэнцыі. Полацк, 2022. С. 181—195. Ср.: РЛА / Собр. К. Е. Напьерским. СПб., 1868. С. 279.

[626] Heinrichs Livländische Chronik. 2. Aufl. / Bearb. von L. Arbusow und A. Bauer. Hannover, 1955. S. 102—104.

[627] Полоцкие грамоты XIII — начала XVI в. М., 2015. Т. 1. № 1 (ср. № 2); LECUB. Bd. 1. Nr. 380.

[628] *Wojtkowiak Z.* Sprawa przyłączenia Brasławia do Litwy. Przyczynek do tworzenia nowych podziałów terytorialnych w W. Ks. Litewskim // Ars historica. Prace z dziejów powszechnych i Polski. Poznań, 1976; *Idem.* Dryświaty — rubież litewska w średniowieczu // Lituano-Slavica Posnaniensia. Studia historica. Poznań, 1985. T. 1; *Плавинский В. А.* О времени появления на западе Белорусского Подвинья // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар им. академика В. В. Седова. М-лы 57-го заседания. М.; Псков, 2011. С. 210–224; *Лицкевич О. В.* Польско-литовская граница в XIII–XV веках // Граница и пограничье. 2022. № 2. С. 5–30.

и другие русские города) с Балтийским морем. Это направление торговли получило мощный импульс с основанием немецкими купцами Риги в устье Двины в 1201 г.

В хронологии политической истории Полоцкой земли в XIII в. много неясного и предположительного. Так, источники не содержат сведений о том, когда и каким образом с полоцкого стола сошли местные Рюриковичи. Еще в 1239 г. князь Александр Ярославич, будущий Невский, женился на дочери полоцкого князя Брячислава — судя по имени, представителя полоцкой ветви Рюриковичей[629]. По-видимому, к последующим годам необходимо относить правление князя Константина, уступившего Тевтонскому ордену прежнюю сферу влияния Полоцкого княжества в Латгалии. Проблемы его происхождения, времени княжения и внешнеполитической ориентации вызвали значительную дискуссию среди исследователей. Если Константин — это не христианское имя князя Товтивила, занимавшего полоцкий стол до 1263 г., а какой-то другой князь, то его правление в Полоцке и конфликт с орденом наиболее вероятны до вокняжения Товтивила, менее вероятны — накануне первого упоминания Константина в грамоте князя Герденя от 28 декабря 1263 г.[630] Не исключено, что это был тот самый князь Константин Безрукий, которого увещевал полоцкий епископ Симеон[631], впоследствии (не позже 1271 г.) перебравшийся в Тверь и ставший первым тверским епископом[632] (впрочем, возможно, этот Константин правил в Полоцке позднее, во второй половине 1260-х годов).

В политической жизни Полоцкой земли не позднее 1250-х годов наблюдается новое явление — полоцкий стол стали занимать князья, происходившие не из рода Рюриковичей, а из верхушки литовского общества. В это время в Полоцке удалось вокняжиться Товтивилу — «сыновцу» (племяннику) литовского князя Миндовга, которого тот лишил владений в Литве, когда он отправился в поход на Смоленск в 1248 г.[633] Не сумев добыть себе владений в этом походе, Товтивил перебрался к Даниилу и Василько Романовичам во Владимир Волынский, а после похода против Миндовга оказался в Риге, где в 1250 г. принял крещение. Поскольку к 1258/59 г., когда можно с уверенностью говорить о княжении Товтивила в Полоцке[634], он был союзником Миндовга[635], к тому времени коронованного (летом 1253 г.), есть основания полагать, что литовский князь-изгнанник примирился со своим дядей при заключении мира Миндовга с Даниилом и Васильком. По условиям этого соглашения Товтивил мог получить Полоцк в качестве компенсации за отобранные Миндовгом литовские владения. Такое соглашение было выгодно и Литовскому королевству, сфера влияния которого расширялась на Полоцк, и Рижскому архиепископству с Ливонским отделени-

---

[629] НПЛ. С. 77.

[630] В пользу последней гипотезы может говорить стремление ордена как можно скорее заручиться папским утверждением своих территориальных приобретений, а против нее — краткость указанного срока.

[631] *Кучкин В. А.* Особая редакция «Наказания» Симеона Тверского // Изучение русского языка и источниковедение. М., 1969. С. 243—245.

[632] *Варонін В. А.* Полацкі і цвярскі епіскап XIII стагоддзя Сімяон; *Конявская Е. Л.* «Симеон из Полотска» — первый тверской епископ.

[633] Здесь и далее хронология событий, отраженных в Галицко-Волынской летописи, приводится с учетом работ: *Грушевський М. С.* Хронольогія подій Галицько-Волинської літописи // Зап. Наукового товариства ім. Шевченка. Львів, 1901. Т. 41. С. 1—72; *Gudavičius E.* Mindaugas. Vilnius, 1998; Monumenta Poloniae historica. Nova series. Kraków; Warszawa, 2017. T. 16 (там же указана прочая литература).

[634] Так позволяет заключать поход литвы и полочан на Смоленскую землю (НПЛ. С. 82).

[635] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 847.

ем Ордена, которые были заинтересованы в распространении католицизма[636]. В конце 1250-х годов Товтивил с полочанами совершил поход на Смоленск, а в 1262 г. они вместе с русскими князьями под командованием Дмитрия Александровича участвовали в походе на Юрьев[637]. Характерно, что Новгородская первая летопись старшего извода упоминает среди спутников Товтивила в этом походе «Литвы 500», которые, таким образом, вовсе не растворились среди полочан. Положение Товтивила изменилось после гибели Миндовга и его сыновей, убитых нальшанским князем Довмонтом и «сестричичем» литовского короля Тренятой (5 августа 1263 г.). Вокняжившийся в Литве Тренята пригласил Товтивила к себе из Полоцка, чтобы разделить «землю и добытокъ» Миндовга. Тренята и прибывший к нему Товтивил замышляли убить друг друга, но боярин Товтивила, Прокопий полочанин, сообщил Треняте о намерении своего князя. В результате Тренята убил Товтивила. В Полоцке остался сын Товтивила, выдачи которого требовали Тренята и его окружение, однако дело ограничилось тем, что он бежал в Новгород, а литва посадила в Полоцке своего князя, отпустила пленных из окружения Товтивила, «а миръ взяша»[638]. Коль скоро в том же известии Новгородской первой летописи говорится о посажении на полоцкий стол сторонника Треняты, то последняя фраза может свидетельствовать о заключении литвой мира с полочанами.

Изменения в Полоцке отразились в грамоте литовского (нальшанского) князя Герденя, посвященной миру Полоцка и Витебска с рижским архиепископом и Ливонским отделением Ордена[639]. Из этой грамоты выясняется, что произошло столкновение Полоцка с Ливонией из-за спорных земель, в результате которого ливонцы отказались от претензий на Полоцкую землю, а полочане во главе с князем Константином, заключившим мир, — на Лотыгольскую землю (то есть Латгалию). Грамота Герденя датируется 28 декабря 1263 г. Князь Константин упоминается и в булле папы римского от 20 августа 1264 г., которой утверждались его территориальные уступки Ливонскому отделению Ордена (сделанные, как выясняется из грамоты Герденя, после полоцко-ливонского вооруженного столкновения). При этом не до конца ясно, княжил ли Гердень в Полоцке: в грамоте он не назван полоцким князем, но к нему может относиться свидетельство новгородской летописи о посажении на полоцкий стол князя — сторонника Треняты после убийства Товтивила, так что мнения исследователей на этот счет расходятся[640].

После этого в Полоцке какое-то время правил князь Изяслав (судя по имени, Рюрикович), признававший верховенство Войшелка и в очередной раз подтвердивший мир и порядок взаимоотношений с городом Ригой, рижским архиепископом и ливонским магистром. Грамота этого князя, сохранившаяся в позднейшем списке, по упоминанию Войшелка, датируется 1264 — серединой 1267 г.[641] После этого в Полоцке, вероятно, княжил Константин Безрукий.

Дальнейшая политическая судьба Полоцкой земли может быть реконструирована лишь по косвенным данным. Восстановление позиций монаршей власти в Литве при Тройдене (1268—1282) сопровождалось очередным усилением литовского влияния в Полоцке. Стоило литовскому войску разгромить ливонцев 16 февраля

[636] *Дубонис А.* Две модели литовской экспансии на Руси (XIII — начало XIV века). С. 63—66.
[637] НПЛ. С. 82, 83.
[638] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 860—861; НПЛ. С. 84.
[639] ПГ: В 2 т. М., 2015. Т. 1. № 1.
[640] Вскоре Гердень погиб в войне с Довмонтом, обосновавшимся во Пскове (ПСРЛ. Т. 4, ч. 1. С. 236).
[641] Полоцкие грамоты XIII — начала XVI в. Т. 1. № 2.

1270 г. (в битве погиб и ливонский магистр Отто Лаутерберг), и уже к 21 апреля того же года исполнявший его обязанности Андрей Вестфальский вынужден был перекрыть торговый путь по Двине до возмещения ущерба, причиненного немецким купцам на Руси (судя по упоминанию Двины, инцидент произошел в Полоцке). Спустя какое-то время взаимоотношения были урегулированы, полочане целовали крест к ливонцам, но уже в 1278 г. рижский архиепископ Иоанн I жаловался, что полочане взяли в плен ливонских купцов и передали литовцам[642]. Источники не сообщают, кто в это время княжил в Полоцке. О том, что полоцкий стол не был вакантным, может свидетельствовать упоминание волостей смоленского, полоцкого и витебского князей, на которые должно было распространяться действие торговых договоров с Ригой и Готландом, периодически возобновляемых смоленскими князьями (в списках A, B и C, относимых к последней четверти XIII — середине XIV в.; в соответствующих местах более ранних списков D, E и F читается упоминание о смоленской, полоцкой и витебской волостях[643]).

Отчасти политическая история Полоцка восстанавливается по данным жалобы рижского архиепископа Фридриха фон Перншгейна папе Клименту V на ливонское отделение Тевтонского ордена (1305), буллы этого папы (1310) и процесса папского легата Франциска де Мольяно начала XIV в., уполномоченного провести расследование по жалобам (1312)[644]. Из него выясняется, что в конце XIII в. в Полоцке стал править некий князь-неофит (вероятно, литовец), завещавший город Рижскому архиепископству. Однако он перешел в руки братьев Ордена, которые повели там активную миссионерскую деятельность. Недовольные ими полочане обратились за помощью к литовскому князю Витеню, который в союзе с Ригой воевал против рижского архиепископа и ливонской ветви Тевтонского ордена. Он, согласно указанным источникам, разрушил два кафедральных собора, основанных в Полоцке, а «христиан» (т. е. католиков) перебил или вывел в плен[645].

---

[642] LECUB. Reval, 1853. Bd. 1. Nr. 418, 452 (уточнение даты второго послания: НИВ. Halle, 1876. Nr. 816; *Dubonis A.* Traidenis. Monarcho valdžios atkūrimas Lietuvoje. 1268—1282. Vilnius, 2009. P. 95—100, 130—133.

[643] Смоленские грамоты XIII—XIV веков. М., 1963. С. 24, 30, 34—35, 39, 44, 51. О датировке см.: *Кучкин В. А.* О древнейших смоленских грамотах // История СССР. 1966. № 3. С. 103—113.

[644] LECUB. Reval, 1855. Bd. 2. Nr. 616, 630; *Жлутка А. А.* Ліст Папы Клімента V 1310 г. аб становішчы ў Лівоніі і ў суседніх краінах у другой палове XIII — пачатку XIV ст. // Беларускі археаграфічны штогоднік. Мінск, 2006. Вып. 7. С. 147—165; Das Zeugenverhör des Franciscus de Moliano (1312). Quellen zur Geschichte des Deutschen Ordens / Bearb. von A. Seraphim. Königsberg i. Pr., 1912; Franciska no Moliano izmeklēšanas protokols 1312. gadā. Liecinieku nopratināšana par notikumiem Livonijā 13.—14. gadsimta mijā. Franciscus de Moliano. Conscriptio inquisitionis testium 1312 / Ed. Ē. Mugurēvičs. Rīga, 2010.

[645] Наиболее обстоятельный анализ этих событий см.: *Варонін В. А.* Падзеі 1307 года ў Полацку: Спроба крытычнага разбору // Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі: Матэрыялы V Міжнар. навук. канф. (24—25 кастрычніка 2007 г.). Полацк, 2009. С. 30—40. Иногда события, описанные на этом процессе, относят к середине XIII в. и связывают с именем Товтивила (*Сагановіч Г. М.* Інфлянцкія немцы ў Полацку ў XIII і ў пачатку XIV ст.; *Сэларт А.* Полацкі князь Канстанцін і гісторыя Інфлянтаў у трэцяй чвэрці XIII ст.). Более убедительна точка зрения, согласно которой эти события происходили в Полоцке незадолго до процесса: обвиняя Орден в различных прегрешениях против католической веры, рижский архиепископ в изгнании Фридрих фон Перншгейн не упомянул о вероотступничестве Миндовга, которое было ему хорошо известно; зато говорится, что князь-неофит умер без законных наследников, тогда как Товтивил имел сына (*Варонін В. А.* Падзеі 1307 года ў Полацку. С. 37—38). В литературе высказываются обоснованные сомнения в столь серьезных успехах католической миссии в Полоцке.

Так между 1298 и 1305 гг. Полоцкая земля перешла под власть литовских князей[646].

События 1270-х годов особенно ярко свидетельствуют о прямой связи торговли и политики в судьбе Полоцкой земли. Несмотря на политическую нестабильность, Полоцк сохранял свое значение как центр международной торговли, возросшее после основания Риги в самом начале XIII в. О значении Полоцка как центра торговли свидетельствует его присутствие (наряду с такими городами Руси, как Новгород, Киев и Смоленск) на грандиозной Эбсторфской карте мира, созданной, вероятно, около 1300 г. недалеко от Люнебурга — крупного торгового центра в Северной Германии[647]. Из 1909 записей рижской долговой книги 1286—1352 гг. более чем в 100 упоминаются купцы с прозванием «Ruthenus» (еще больше купцов носит русские имена)[648]. И хотя некоторые из них были жителями «русских концов» ливонских городов, удобство сообщения Риги с Полоцком заставляет думать, что большинство их происходило именно из Полоцка[649]. Соглашение князя Изяслава с ливонскими властями было призвано гарантировать в том числе свободный пропуск полоцких купцов в Любек и на Готланд (впоследствии рижане стремились не пропускать полочан дальше Риги). Судя по материалам о торговле XIII—XV вв., основными предметами экспорта являлись воск и пушнина, которые обменивались на соль, сельдь и ткани. Понятно, что соседи, видя политическое ослабление Полоцкой земли, сохранявшей торговое значение, были заинтересованы не только в том, чтобы прирастить свои владения за ее счет, но и в том, чтобы поставить ее под долговременный контроль. В результате событий второй половины XIII в. это удалось сделать литовским князьям.

В рассматриваемый период полочане сохранили значимую роль в политической жизни своей земли. Об этом говорит уже сам факт частой смены князей разного происхождения на полоцком столе, которая требовала согласия полочан. С ними в 1263 г. Тренята ведет переговоры о выдаче сына Товтивила, а спустя примерно четыре десятилетия они изгоняют из Полоцка немцев и обращаются за помощью к Витеню. Свидетельство их влиятельной позиции сохранилось в областном привилее великого князя литовского Сигизмунда Старого Полоцкой земле 1511 г.[650] Несколько его статей своими архаичными формулировками близки к статьям договоров Новгорода с князьями XIII в., и это заставляет считать, что они восходят к более ранним документам подобного рода[651].

Судьба земель, выделившихся из состава Полоцкого княжества к XIII в., ос-

---

[646] Часто приводимая в литературе дата перехода Полоцка под власть Литвы — 1307 г. — основана лишь на поздних источниках и противоречит ранним. О дальнейшей судьбе Полоцкой земли и других земель, вошедших в состав Великого княжества Литовского, см. ч. II, гл. 1.

[647] *Чекин Л. С.* Картография христианского Средневековья VIII—XIII вв.: Тексты. Перевод. Комментарий. М., 1999. С. 144, 150; о датировке см. с. 137.

[648] Das Rigische Schuldbuch (1286—1352) / Hrsg. von H. Hildebrand. St.-Petersburg, 1872.

[649] Для сравнения, по подсчетам Зенонаса Ивинскиса, литовские имена фигурируют примерно в 35 записях долговой книги, немецкие — в 1150, латышские и ливские примерно в 30 (*Ivinskis Z.* Die Handelsbeziehungen Litauens mit Riga im 14. Jahrhundert // Pirmā Baltijas vēsturnieku konference. Rīgā, 1937.16.—20.VIII. Runas un referāti. Conventus primus historicorum Balticorum. Rigae, 1937.16.—20.VIII. Acta et relata. Rīgā, 1938. S. 276—285).

[650] ПГ. Т. 1. № 476; М., 2015. Т. 2. С. 297—315 (комментарий, здесь же указана литература).

[651] См. также: *Rohdewald S.* «Vom Polozker Venedig». Kollektives Handeln sozialer Gruppen einer Stadt zwischen Ost- und Mitteleuropa (Mittelalter, frühe Neuzeit, 19. Jh. bis 1914). Stuttgart, 2005. (Quellen und Studien zur Geschichte des östlichen Europa; Bd. 70).

вещена источниками значительно слабее. Для истории Витебского княжества этого времени характерны далеко зашедшее обособление от Полоцка и постоянные набеги литвы. Известно, что витебский стол в 1245 г. занимал сын Александра Невского — по-видимому, старший, Василий, которого он вывел оттуда в том же году во время похода против литовцев[652]. Как уже говорилось, в конце 1263 г. князь Гердень заключил мир между Полоцком и Витебском, с одной стороны, и ливонским магистром и городом Ригой, с другой. Вскоре князь Изяслав подчеркивал в своей грамоте, что «Полотескъ Видьбескъ одно есть»[653]. Ближе к концу XIII в. Витебск какое-то время подчинялся смоленскому великому князю Федору Ростиславичу (1280—1297), как свидетельствует адресованный ему ответ не названного по имени рижского архиепископа на жалобу витеблян на рижан[654]. В конце XIII — начале XIV в. в Витебске правил князь Михаил Константинович. При нем с прежних времен сохранялись торговые связи с Ригой, о которых известно из жалобы властей Риги этому князю, написанной, вероятнее всего, в последние два десятилетия XIII в. или первое десятилетие XIV в.[655] В своей жалобе рижане пытаются апеллировать ко временам князя Константина, отца Михаила, который некогда также княжил в Витебске. Этот источник рисует картину двойственного положения князя: с одной стороны, он пытается вводить новшества в торговле, например, прибегает к известной мере с целью усиления посреднической роли местного купечества — запрещает торговать гостю с гостем, притесняет купцов при помощи своих должностных лиц — детских и приставов; с другой стороны, в его «волости» хозяйничают литовцы: они стоят лагерем под стольным городом — Витебском, в этот лагерь к ним направляется немец, чтобы «дѣвкы купити»; хотя рижские власти и обращаются к витебскому князю с жалобой на них, он ничего поделать с ними не может. Это военное давление создавало предпосылки для перехода Витебска под власть Литвы, который и произошел в первые десятилетия XIV в.[656] Вместе с тем Витебск сохраняет свою роль транзитного центра между Смоленском, где немцы покупают коней, и Полоцком — уже находящимся то ли под властью немцев, то ли под верховенством Литвы, а в конечном счете — с Ригой.

Таким образом, экономическое значение двинского торгового пути и ослабление княжеств Верхнего Подвинья предопределили их переход под власть литовских князей в конце XIII — начале XIV в.

Та же судьба в XIII — начале XIV в. постигла *Туровское и Пинское* княжества, которые после монгольского нашествия еще сохраняли самостоятельность. Галицко-Волынская летопись, проливающая скупой свет на последний ее период, сообщает о князьях и жителях Турова и Пинска главным образом в связи с волынско-литовскими отношениями. Литовские походы на Русь неоднократно проходили по территории Пинского княжества. Этому способствовали такие факторы, как равнинный характер территории

---

[652] НПЛ. С. 79; *Горский А. А.* Русские земли. С. 70.

[653] ПГ. Т. 1. № 1, 2.

[654] РЛА. СПб., 1868. № 34.

[655] РЛА. № 49; *Брэжга Б.* Жалаба рыскае рады канца XIII стаг. // Запісы Беларускага навуковага таварыства. Сш. 1. Вільня, 1938. С. 35—39. Указанная датировка основана на хронологии деятельности рижанина Герлаха Резе, упоминаемого в жалобе (LECUB. Riga; M., 1867. Bd. 6. S. 163; *Böthführ H. J.* Die Rigische Rathslinie von 1226 bis 1876. 2. Aufl. Riga; M.; Odessa, 1877. Nr. 54).

[656] См. подробнее: *Воронин В. А.* Княжение Ольгерда в Витебске // Ukraina Lituanica: Студії з історії Великого князівства Литовського. Київ, 2013. Т. 2. С. 21—38.

княжества и, в определенной степени, обилие рек, озер и болот, столь же характерное и для Литвы. Необходимо иметь в виду, что литовские владения вплотную приблизились к Пинскому княжеству: так, поход Даниила и Василька Романовичей против Литвы в 1250 г. был направлен не только на Новгородок, Слоним и Волковыск, но и на Здитов[657], расположенный менее чем в 100 км к северо-западу от Пинска. О балтском нобиле Скомонде, активно действовавшем в 1260—1280-е годы, летописец замечает: «Пѣшь бо ходѧ, повоева землю Пиньскоую, иныи страны»[658]. Вместе с тем Пинск, лежащий на пути следования литовских войск, был удобным опорным пунктом действий волынских князей против них. Когда литовский нобиль Айшвно Рушкович совершал поход на Пересопницу в 1244 г., Даниил и Василько с войсками укрылись в Пинске и, дождавшись приближения литовских войск, совершили против них удачную вылазку[659]. Спустя какое-то время, когда литовский нобиль Лугвень совершал поход на Мельницу, Даниил и Василько настигли его близ Пинска, несмотря на предупреждения некоего Михаила, которого разные исследователи считают пинским князем или боярином[660]. Оба известия завершаются сообщением о «радости великой» в Пинске. Зимой 1251/52 г., когда Даниил и Василько выступили на подвластный Литве Новгородок, им пришлось принуждать пинских князей к участию в походе, поскольку те «имѣяхоу лесть» — иными словами, придерживались пролитовской ориентации[661]. В литературе высказывалось мнение, что по волынско-литовскому соглашению 1254 г. Новгородок, Слоним и Волковыск перешли под власть Даниила, а значит, Туров и Пинск оказались зажаты между его владениями, что вело к подчинению их князей[662]. Однако эти города были переданы Роману Даниловичу как вассалу Миндовга[663]. В описании войны с Литвой 1262 г. пинские князья Федор, Демид и Юрий упоминаются как союзники Даниила и Василька, радующиеся победе последнего над Литвой[664]. Поскольку далее тот же Юрий упоминается с отчеством Владимирович, следует думать, что он был сыном Владимира Пинского, который фигурировал в последний раз в рассказе о событиях 1229 г.[665] После гибели Миндовга в 1263 г. его сын Войшелк бежал в Пинск, а после убийства Треняты он вместе с пинянами выступил в Новгородок и, получив там подкрепление, занял литовский престол[666].

В первой половине 1270-х годов Туровское и Пинское княжества оказались в орбите влияния Льва Даниловича. Туровские и пинские князья упоминаются как участники его похода против Тройдена, захватившего Дорогичин (1274 или 1275 г.), при

---

[657] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 816.

[658] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 799—800. О Скомонде см.: Chronicon terrae Prussiae von Peter von Dusburg // Scriptores rerum Prussicarum. Leipzig, 1861. Bd. 1. Cap. 164, 166, 192, 210, 211, 224; Preussisches Urkundenbuch. Bd. 1. Hälfte 2 / Bearb. von A. Seraphim. Königsberg; Pr., 1909. Nr. 464.

[659] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 797—798.

[660] Там же. Стб. 798. Обзор мнений о нем см.: Monumenta Poloniae historica. Nova series. Kraków; Warszawa, 2017. T. 16. S. 266, przyp. 729.

[661] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 818.

[662] *Грушевський М. С.* Історія України-Руси. Т. 3. С. 81.

[663] *Баранаускас Т.* Новогрудок в XIII веке: История и миф // Castrum, urbis et bellum. Зб. навук. прац. Баранавічы, 2002. С. 33—34.

[664] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 856.

[665] Там же. Стб. 720, 754.

[666] Там же. Стб. 860—861.

этом маршрут похода пролегал мимо Турова и Слуцка[667].

Галицко-Волынская летопись оканчивается известием о смерти пинского князя Юрия Владимировича, написанным с явным сочувствием к нему (возможно, в Пинске)[668]. Согласно этому известию, князя оплакивали его супруга, сыновья, брат Демид «и вси людье». Это произошло зимой 1289/90 г.[669] Это позволяет заключить, что Пинское княжество просуществовало еще некоторое время как самостоятельное образование. Каким образом был положен конец этой самостоятельности, дошедшие до нас источники не сообщают. Известно лишь, что это произошло в конце XIII или скорее в первой половине XIV в., поскольку литовский князь Гедимин (1316—1341) выделил Пинск своему сыну Наримонту, принявшему православное крещение под именем Глеб[670]. Позднейшие источники выводили от пинских Рюриковичей князей Острожских, которые с середины XV в. были тесно связаны с Волынью. В Турове же, по-видимому, вплоть до первой половины XV в. удерживались местные Рюриковичи[671].

Новгород (Великий Новгород)

Во второй половине 1230-х — 1240-е годы Новгороду пришлось столкнуться с серьезнейшими вызовами. Новгород не был захвачен в ходе Батыева нашествия на Русь в 1237—1240 гг., а из новгородских городов взят и разорен был только Торжок. Далее Батый двинулся к Новгороду «Селигерским путем», т. е. на запад, к оз. Селигеру вдоль р. Волги и долиной р. Селижаровки, дойдя до Игнач креста, — вероятнее всего, урочища в среднем течении р. Поломети в 100 верстах от Новгорода. Все эти территории также подверглись жестокому разорению[672]. Как и другие русские земли, Новгород вынужден был признать владычество Монгольской империи, а потом Улуса Джучи (Орды). Новгород рассматривался ордынскими ханами как часть подвластных им территорий, что ясно следует из опасной грамоты владимирского великого князя (и одновременно князя новгородского) Ярослава Ярославича рижанам, предваряемой «Менгу-Темировым словом», т. е. указной грамотой правителя Улуса Джучи Менгу-Тимура (1266—1282). Датируется документ 1266—1272 гг., возможно, 1270 г.[673] Он гарантирует немецким купцам безопасный проезд через владения («волость») князя[674].

---

[667] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 872. В Ипатьевском списке, где среди участников похода названы туровские князья, описание более полное, чем в Хлебниковском, где они отсутствуют. Обзор мнений о датировке похода см.: Monumenta Poloniae historica. Nova series. T. 16. S. 476, przyp. 1240.

[668] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 938. О вероятных пинских вставках в текст Галицко-Волынской летописи см.: *Насонов А. Н.* История русского летописания XI — начала XVIII в.: Очерки и исследования. М., 1969. С. 230—232.

[669] *Грушевський М.* Хронольогія подій Галицько-Волинської літописи // Записки Наукового товариства ім. Т. Шевченка. Львів, 1901. Т. 41. С. 72.

[670] ПСРЛ. Т. 35. С. 61, 85, 110, 115.

[671] *Грушевский А. С.* Пинское Полесье: Исторические очерки. Киев, 1901—1903. Ч. 1. С. 64; Ч. 2. С. 1—2.

[672] НПЛ. С. 76; *Фролов А. А.* Игнач крест: К проблеме локализации и интерпретации // НИС. СПб., 2005. Вып. 10 (20); *Янин В. Л.* Очерки истории средневекового Новгорода. М., 2008. С. 124—127.

[673] *Янин В. Л.* Новгородские акты XII—XV вв.: Хронологический комментарий. М., 1990. С. 84; *Григорьев А. П.* Ярлык Менгу-Тимура: Реконструкция содержания // Историография и источниковедение стран Азии и Африки. Л., 1990. Вып. 12. С. 69—71.

[674] ГВНП. № 30. С. 57.

В институциональном отношении это признание завершилось осуществлением монголами переписи («числа»), на основе которой, как и в других частях империи, должна была собираться дань. В 1257 г. в Новгород приезжали монгольские послы, требовавшие выплаты тамги – налога с торговли, составлявшего обычно 10%. Однако новгородцы «не яшася… по то» (не согласились на это) и ограничились дарами «цесареви», т. е. хану Мэнгу (Мункэ), правителю Монгольской империи. В 1259 г. в Новгород для проведения переписи («числа») прибыли монгольские переписчики (численники) во главе с Беркаи (Берке) и Касачиком, которые, вероятно, представляли Мэнгу и Джучидов[675]. Это вызвало в Новгороде и в его окрестностях возмущение: «…и бысть мятежь великъ в Новѣгородѣ, и по волости много зла учиниша…». Перепись, очевидно, сопровождалась взиманием дани, в связи с чем упоминаются такие понятия, как «тамга», «десятина», «туска»[676]. Скорее всего, как считал еще И. И. Срезневский, слово «число» также в этом контексте означало не только перепись, но и дань[677].

В Новгороде возник раскол: «вячшие» при поддержке великого владимирского и новгородского князя Александра Невского (он занимал новгородский стол с некоторыми перерывами с 1236 до своей смерти в 1263 г.) и под его давлением заставляли готовых умереть «за святую Софью и за домы ангельскыя» «меньших» («чернь») принять «число». Еще раньше, в 1257 г., представлявший Александра в Новгороде его сын Василий, очевидно, противившийся «числу», был заменен на своего брата, Дмитрия Александровича.

В конце концов, татары добились своего: «…почаша ѣздити оканьнии по улицамъ пишюче домы християньскыя», причем как свидетельствует летопись, «число» сопровождалось злоупотреблениями: «…творяху бо бояре собѣ легко, а меншимъ зло». Бремя выплаты дани оказалось, таким образом, особенно тяжким для рядовых новгородцев. Интересна позиция новгородского летописца. Он отмечал, что, несмотря на ухищрения знати, бояре тоже пострадали и усматривает в этом высшую справедливость: «…навелъ богъ за грѣхы наша ис пустыня звѣри дивияя ясти силныхъ плъти и пити кровь боярьскую»[678]. На самом деле это несколько измененная цитата из сочинения христианского богослова конца III — начала IV в. Мефодия Патарского, который, в свою очередь, основывался на библейской книге пророка Иезекииля. Смысл фразы состоит в том, что бояре и «сильные» получают заслуженную кару за «грехи»: попытки переложить основные тяготы по выплате дани на рядовое население. Позиция автора этих оценок, которым, по-видимому, был официальный летописец при архиепископах Спиридоне и Далмате, владычный

---

[675] А.Н. Насонов считал, что представителем Каракорума был Берке, а Касачик представлял Улус Джучи (*Насонов А. Н.* Монголы и Русь: История татарской политики на Руси. Л., 1940. С. 13; *Allsen T.* Mongol imperialism: the policies of the Grand Qan Mongke in China, Russia, and the Islamic lands, 1251–1259. Beskeley, 1987. P. 141–142. Ср., однако, противоположную точку зрения: *Храпачевский Р. П.* Экономическая составляющая «Неврюевой рати» (по монгольским источникам) // Восточная Европа в древности и Средневековье: XXV Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто и памяти чл.-корр. АН СССР А. П. Новосельцева. Москва, 17—19 апреля 2013 г.: М-лы конф. М., 2013. С. 267.

[676] Как соотносятся эти понятия, отдельный вопрос. «Туска», по-видимому, это заимствованный через монгольское посредство тюркизм, обозначавший род поборов в пользу монгольских чиновников (см.: *Добродомов И. Г.* Туска: (Об одном гапаксе Новгородской первой летописи) // 90 лет Н. А. Баскакову: Сб. статей. М., 1997. С. 75—78; ср.: *Страхов А. Б.* Филологические наблюдения над берестяными грамотами: XXI—XXII // Palaeoslavica 2000. Vol. 8. P. 317—319).

[677] *Срезневский И. И.* Материалы для Словаря древнерусского языка: В 3 т. СПб., 1903. Т. 3. Стб. 1524.

[678] НПЛ. С. 82—83.

писец и нотарий пономарь Тимофей[679], демонстрирует одну из основ новгородской республиканской идеологии — стремление поддерживать социальный мир и единство «политического народа».

В дальнейшем, впрочем, ордынское владычество имело в Новгороде свои особенности. Ордынские власти оказывали воздействие на отношения между великими князьями и Новгородом, стремясь, с одной стороны, не допустить распада системы своего господства на Руси, ключевым звеном которой был владимирский великий князь, с другой — препятствовали попыткам великих князей самостоятельно распоряжаться в Новгороде. В частности, Орда гарантировала выгодную для нее торговлю новгородцев в Суздальской земле, что подтверждалось «цесаревой», т. е. ханской грамотой[680]. Известен случай, когда татары поддержали Новгород в его противостоянии с ливонскими «немцами» (как называли на Руси всех представителей германоязычных народов). В 1269 г. в Новгороде был «великий баскак владимирский» Амраган, который должен был принять участие в походе на Ревель, в то время принадлежавший Дании. В результате до войны дело не дошло, и был заключен мир на новгородских условиях[681].

Вмешательство Орды во внутриполитические дела Новгорода было крайне ограниченным. В источниках отсутствуют сведения о новгородских баскаках (примечательно, что упомянутый выше Амраган в новгородской летописи характеризуется как баскак владимирский, а не новгородский)[682]. В 1268 или 1270 г. ордынские послы участвовали в посажении на новгородский стол князя Ярослава Ярославича, о чем свидетельствует приписка на обороте договора этого князя с Новгородом: «Се приехаша послы от Менгу Темеря цесаря сажать Ярослава съ грамотою: Чевгу и Баиши»[683]. Во время конфликта новгородцев с тем же Ярославом Ярославичем уже новгородские послы ездили в Орду вместе с князем Василием Ярославичем и добились успеха: хан принял решение о том, что «новгородци прави, а Ярославъ виноватъ». Тем самым было предотвращено спровоцированное Ярославом Ярославичем нападение на Новгород татарской рати[684]. Между прочим, это решение свидетельствует о признании Ордой республиканского устройства: к хану апеллируют «новгородцы» *in corpore*. Новгородцы при этом пытались использовать ордынский фактор в своих интересах. Имеются факты прямых сношений Новгорода и Орды. В 1293 г. во время так называемой «Дюденевой рати» (нападения на Русь татарского войска во главе с Туданом, братом поддерживавшего князя Андрея Александровича ордынского хана Тохты) был среди других городов захвачен и разорен новгородский Волок Ламский. Новгородцы отправили посольство с дарами к Тудану на Волок и, обещав признать Андрея своим князем, договорились об отводе войск от Волока. В 1294 г. Андрей сел на новгородском столе. Приходилось новгородцам и в дальнейшем контактировать с Ордой в связи с их участием

---

[679] *Гиппиус А.А.* К истории сложения текста Новгородской первой летописи // НИС. СПб., 1997. Вып. 6 (16). С. 8—12; *Гиппиус А.А.* Новгородская владычная летопись XII—XIV вв. и ее авторы: (История и структура текста в лингвистическом освещении) // Лингвистическое источниковедение и история русского языка 2004—2005. М., 2006. С. 214—215.

[680] ГВНП. № 3. С. 13; см.: *Насонов А.Н.* Монголы и Русь. С. 111—115.

[681] НПЛ. С. 87—88; см. об этом: *Selart A.* Livonia, Rus' and the Baltic Crusades in the Thirteenth Century. Leiden; Boston, 2015. P. 248—250. (East Central and Eastern Europe in the Middle Ages, 450—1450; Vol. 29).

[682] *Насонов А.Н.* Монголы и Русь. С. 18, 20.

[683] ГВНП. № 3. С. 11. О датировке см.: *Янин В.Л.* Новгородские акты XII—XV вв. С. 147—149.

[684] НПЛ. С. 88—89.

в борьбе между московскими и тверскими князьями за великое княжение владимирское (1316). В 1353 г. новгородцы отправили посла в Орду после смерти великого князя владимирского и московского Симеона Гордого, прося великого княжения для нижегородского князя Константина Васильевича[685]. Предприятие закончилось неудачей (ярлык на владимирское великое княжение получил московский князь Иван Иванович Красный).

Выплаты, которые причитались с Новгорода Орде, были, по-видимому, известны в XIV—XV вв. под названием «бор» («черный бор»), но они имели свои особенности по сравнению с выходом, который уплачивали другие русские земли. От них было, по-видимому, освобождено население самого города Новгорода, а также бояре и зависимые от них люди на всей территории Новгородской земли. Кроме того, взимание «черного бора» носило нерегулярный характер, а собирался он, вероятно, преимущественно лишь с Новоторжской волости, которая была с свое время завоевана Батыем. Взимался черный бор князем и его «борцами» (сборщиками), а ордынские данщики в Новгородскую землю не приходили[686]. Случалось, что Новгород, пользуясь своим особым статусом, — с переменным успехом — противостоял попыткам увеличить дань или принять участие в выплате чрезвычайных запросов. Новгород почти не знал карательных акций завоевателей (в качестве исключения можно упомянуть отмеченное выше разорение Волока в 1293 г. и события 1327 г., когда вместе с Тверью пострадала и Новоторжская волость, а Новгород вынужден был заплатить выкуп в 2 тыс. серебра[687]). Не было в Новгороде и центробежных тенденций, столь характерных для Южной и Северо-Восточной Руси ордынского времени (сохранению политического единства способствовал здесь и укреплявшийся республиканский строй, не создававший предпосылок для территориального дробления, в отличие от естественных для князей попыток закрепить за собой и своим потомством те или иные владения). В целом, можно думать, негативные последствия ордынского владычества были для Новгорода существенно менее тяжелыми, чем для большинства других русских земель. Косвенным свидетельством этого является рост населения Новгорода, численность которого в первой половине XIV в. могла достигать 20—25 тыс. человек[688].

Важным фактором развития Новгорода в этот период становится экспансия западных соседей Новгорода в Прибалтике — сначала ордена меченосцев, а потом Ливонского отделения Тевтонского ордена, а также Дании[689]. Особенно опасным было вторжение в 1240—1241 гг. ливонских рыцарей, захвативших Псков, построивших крепость в Копорье и подходивших на расстояние несколько более 30 км от самого Новгорода[690]. Несмотря на то что под руководством Александра Невского новгородцам удалось отразить нападения шведов и ливонских рыцарей, к середине XIII в. Новгород утрачи-

---

[685] НПЛ. С. 363.

[686] См. об этом: *Янин В. Л.* «Черный бор» в Новгороде XIV—XV вв. // *Янин В. Л.* Средневековый Новгород. М., 2004. С. 216—225; *Горский А. А.* Утверждение власти Монгольской империи над Русью: Региональные особенности. С. 135.

[687] НПЛ. С. 98.

[688] См.: *Лукин П. В.* Население средневекового Новгорода по данным письменных и археологических источников // Русь в IX—X вв.: Тез. докл. Междунар. конф. Москва, 6—8 ноября 2012 г. М., 2012. С. 46.

[689] Подробнее об этом ниже, а также см. ч. I, гл. 3.

[690] *Кучкин В. А.* Александр Невский — правитель и полководец // Александр Невский: государь, дипломат, воин. М., 2010. С. 115—121.

вает свою сферу влияния в Прибалтике и в Южной Финляндии и, соответственно, поступавшую оттуда дань. Попытки распространения подвластной Новгороду территории на Запад прекратились — основными направлениями новгородской экспансии вплоть до падения Новгородской республики оставались северное и восточное. Именно туда расширялись теперь новгородские владения. Дань, которая собиралась с таких «колоний», была важнейшим источником доходов Новгорода. Такие «колониальные» территории, платившие дань Новгороду, простирались на восток вплоть до Югры, т. е. до Северного Урала[691]. Разумеется, контроль над ними требовал мобилизации значительных ресурсов и продуманной политики. В противном случае новгородцы сталкивались с серьезными проблемами, как это произошло в начале 1340-х годов, когда Лука Варфоломеевич, представитель видного боярского рода Неревского конца Мишиничей-Онцифоровичей, история которого достаточно хорошо известна из летописных упоминаний, берестяных грамот и ганзейских источников[692], отправился в Заволочье, на Двину. Согласно летописи, он пошел в этот поход, «не послушавъ Новаграда, митрополица благословениа и владычня, скопивъ съ собою холоповъ збоевъ» (т. е. не получив согласия новгородского политического сообщества, митрополита всея Руси и новгородского архиепископа, но собрав и вооружив своих холопов). Мобилизовав уже на Двине жителей волости Емцы («емцанъ») и поставив там городок Орлец, он «взя землю Заволочкую по Двинѣ, всѣ погосты на щитъ» (т. е. захватил все местные населенные пункты). Однако, когда от его войска отделился отряд его сына Онцифора (будущего посадника), Лука, оставшись с двумястами людьми, погиб в стычке с заволочанами[693].

Здесь новгородские интересы сталкивались с ростовскими. Форпостом Ростова в регионе был Устюг (Великий Устюг), опираясь на который, ростовские князья пытались противодействовать новгородской экспансии. В 1323/24 и 1329/30 гг. дело доходило до нападений устюжан на новгородцев, отправившихся на Югру, — очевидно, за данью[694]. В 1324 г. состоялся поход новгородцев вместе с московским князем Юрием Даниловичем в ростовское Подвинье, в результате которого был взят «на щит» Устюг. После этого «прислаша послы князи устьюжьскыи къ князю и к новгородцемъ и докончаша миръ по старои пошлинѣ» (т. е. *de facto* на новгородских условиях)[695].

Летописные известия дают основания предполагать, как осуществлялась новгородская колонизация. Это могли быть акции, санкционированные «всем Новгородом» и получившие благословение от архиепископа, а могли быть и «частные» предприятия, инициированные могущественными представителями новгородской элиты. Так, отряд одного из них мог насчитывать сотни вооруженных людей.

---

[691] См.: НПЛ. С. 339.

[692] *Янин В. Л.* Новгородская феодальная вотчина: (Историко-генеалогическое исследование). М., 1981. С. 9—37; *Лукин П. В.* Новгородское вече. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2018. Прилож. 2.

[693] НПЛ. С. 355—356; А. Н. Насонов полагал, что под «заволочанами» имеются в виду двинские бояре. (*Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. С. 102).

[694] Там же. С. 97, 99.

[695] НПЛ. С. 97. Устюжские князья — князья из ростовского княжеского дома (*Городилин С. В.* «Вси князи Суждальстіи»: К вопросу о составе союзников и противников князя Михаила Ярославича в конце 1317—1318 г. Ч. II // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья: Материалы науч. семинара. Тверь, 2020. Вып. 13. С. 78).

Подчинение «колониальных» территорий включало в себя собственно военную кампанию, подавление сопротивления, строительство опорных пунктов на захваченной территории и, естественно, сбор дани. На следующем этапе происходило отстранение от власти местной знати и установление новгородской администрации. В качестве примера можно привести земли, населенные карелами[696]. Еще в договоре Новгорода с Готландом, Любеком и немецкими городами 1259—1263 гг. новгородцы специально отказывались брать на себя ответственность в случае, если с иноземными купцами «что ся учинить» в Кореле[697]. При этом новгородское правительство проводило, очевидно, политику «кнута и пряника». Так, в 1337 г. воеводой в Корельском городке «бяше… Валитъ корѣлянинъ»[698], а «Валит» — антропоним финского происхождения[699]. В то же время укрепление новгородской власти над «колониальными», особенно иноэтничными регионами не могло не вызывать протеста. Так, в 1314 и 1337/38 гг. карелы выступали против новгородской администрации и содействовали шведам, ведшим борьбу с Новгородом за порубежные земли[700]. Подобные выступления довольно быстро и решительно подавлялись. Так, в 1314 г. летопись без обиняков сообщает, что новгородцы «избиша… Нѣмець (т. е. шведов. — *П. Л.*) и Корѣлу перевѣтниковъ» (предателей)[701].

Во второй половине XIV в. большой размах приобретают походы так называемых ушкуйников (собственно новгородские источники этого слова не знают; «ушкуй» — название речного судна). Это были предприятия, организуемые «без новгородского слова», но не в области потенциальной колонизации, а в основном на Волгу и Каму, где разграблению подвергались как русские, так и ордынские города. Речь идет о масштабных экспедициях с сотнями участников, во главе которых иногда стояли новгородские бояре. Известны случаи, когда ушкуйники доходили вплоть до Сарая и Астрахани. Походы ушкуйников носили грабительский характер, но в них проявлялся и значительный «колонизационный» потенциал Новгорода. Базой ушкуйничества часто оказывалось Верхнее Подвинье (Заволочье), которое как раз тогда активно осваивалось новгородцами, и, по-видимому, одной из его целей было дальнейшее расширение территории новгородских владений. Заслуживает внимания также точка зрения, согласно которой ушкуйничество использовалось новгородской элитой, чтобы удалять из города взрывоопасный элемент, ориентируя его на внешнюю экспансию. К концу XIV столетия ушкуйничество постепенно сходит на нет, вероятно, из-за активизировавшегося противодействия со стороны русских княжеств[702].

В рассматриваемый период появляются новые сведения о социальном строе Новгорода. В известии о событиях 1255 г., когда после приглашения новгородцами брата Александра Невского Ярослава Ярославича и изгна-

---

[696] См.: *Шаскольский И. П.* Политические отношения Новгорода и карел в XII—XIV веках // НИС. Новгород, 1961. Вып. 10. С. 135—136.

[697] ГВНП. № 30. С. 57. О датировке см.: *Янин В. Л.* Новгородские акты XII—XV вв. С. 82—84.

[698] ПСРЛ. Т. 6, вып. 1. Стб. 407.

[699] *Saarikivi J.* Finnic Personal Names on Novgorod Birch Bark Documents // Topics on the ethnic, linguistic and cultural making of the Russian North / Ed. by J. Nuorluoto. Helsinki, 2007. P. 196–246. (Slavica Helsingiensia; 32).

[700] НПЛ. С. 94, 348—349. См. об этом: *Шаскольский И. П.* Борьба Руси за сохранение выхода к Балтийскому морю в XIV веке. Л., 1987. С. 67—68, 142.

[701] НПЛ. С. 94.

[702] См. об этом подробнее: *Бернадский В. Н.* Новгород и Новгородская земля в XV веке. М.; Л., 1961. С. 36—51.

ния Василия, сына Александра, в Новгороде разразился острый социально-политический конфликт, сопровождавшийся вооруженным противостоянием сторон, борьбой за посадничество и фактической осадой города Александром Невским[703], и в упомянутом выше рассказе о монгольском «числе» под 1259 г. в летописи появляются новые обозначения категорий населения Новгорода.

В известии 1255 г. впервые фигурируют «черные люди». Они, как можно думать, были на тот момент в целом тождественны «меньшим». Что касается разделения новгородцев на «вячших» (т. е. бóльших) и «меньших» («простую чадь»), то оно впервые фиксируется еще в домонгольское время, в 1216 и 1228 гг.[704], и может свидетельствовать как об усложнении социального строя Новгорода, так и об усложнении новгородской политической культуры и риторики. В актах аналогом этого деления служит формула «от всех старейших и от всех меньших», которая фиксируется с 1260-х по 1370-е годы[705].

В то же время новгородская социальная терминология остается пока очень размытой. Параллельно могут использоваться разные обозначения; в одном случае «вячшие» могут противопоставляться «меньшим», в другом «бояре» — «черным»[706]. Эти обозначения характеризовали тогда соответственно высший и низший слои новгородского политического коллектива, но не стоит видеть в них устойчивые сословные термины[707]. «Вячшие», «меньшие» и другие подобные категории представляли собой не четко структурированные сословные группы, а довольно размытые характеристики, которые могли применяться к людям разного происхождения, и отличавшимся по своему положению в обществе. Постепенно, однако, в течение рассматриваемого периода слово «бояре» превращается в обозначение четко структурированной группы элиты.

Несомненно также, что существенную роль в общественно-политической жизни Новгорода играло духовенство, но оно почти никогда не упоминается как отдельная социальная категория в новгородских источниках, в контекстах, связанных с принятием политических решений или политической борьбой.

Указанные категории населения принадлежали к политической общности новгородцев — членов кончанско-уличанских объединений, что выражалось в их праве участвовать в высшем органе власти — вече. Количество концов в связи с ростом территории Новгорода и возникновением внекончанских посадов в этот период увеличивается — их становится пять. К существовавшим ранее Неревскому, Людину (на Софийской стороне) и Славенскому (на Торговой стороне) к концу XIII в. до-

---

[703] НПЛ. С. 80—81. Подробнее о событиях в Новгороде в 1255 и 1259 гг. см.: *Лукин П. В.* Новгородское вече. С. 231—253.

[704] *Алексеев Ю.Г.* «Черные люди» Новгорода и Пскова: (К вопросу о социальной эволюции древнерусской городской общины) // ИЗ. М., 1979. Т. 103. С. 247—249.

[705] Там же. С. 251. См. также: *Goehrke C.* Die Sozialstruktur des mittelalterlichen Novgorod // Untersuchungen zur gesellschaftlichen Struktur der mittelalterlichen Städte in Europa: Reichenau-Vorträge. 1963—1964. Sigmaringen, 1974. S. 357—358. (Vorträge und Forschungen; Bd. XI); *Idem.* Unter den Schirm der göttlichen Weisheit. Geschichte und Lebenswelten des Stadtstaates Groß-Nowgorod. Zürich, 2020. S. 200—201.

[706] См.: НПЛ. С. 86.

[707] См.: *Лукин П. В.* Средневековый Новгород как европейская городская коммуна? Итальянские параллели // Электронный науч.-образ. журнал «История». 2016. Т. 7. Вып. 6 (50) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: http://history.jes.su/s207987840001576—2—1 (дата обращения: 27.08.2022).

а *б* *а* *б*

«Печать всего Новгорода» (1260-е годы); Новгородская печать и посадничья (1370-е годы)

бавились Загородский (на Софийской стороне) и Плотницкий (на Торговой)[708]. Эта территориально-политическая структура Новгорода сохраняется вплоть до падения республиканского строя.

Непосредственная власть принадлежала, однако, «вячшим», которые, несмотря на необходимость считаться — в условиях развивавшегося республиканского строя — с менее привилегированными элементами «политического народа», как правило, находили возможности реализации своей воли. Именно из элитарной среды, в частности, избирались высшие светские должностные лица Новгородской республики: посадники и, как можно думать, также и тысяцкие.

Усложнение общественного строя было тесно связано с социально-экономическими процессами. В XIV в. земли, принадлежавшие «всему Новгороду» на территории будущих московских «пятин», постепенно «приватизируются» отдельными собственниками: боярами, зажиточными представителями «меньших» (которые впоследствии составят категорию «житьих»); владычной кафедрой и монастырями. Этот процесс проследить по источникам весьма сложно, но его результаты будут хорошо видны в XV в., когда в собственности частных лиц и корпораций окажется более 90% земель «коренной» новгородской территории[709]. Разумеется, это не могло не порождать трений и противоречий внутри новгородского политического коллектива, поскольку непривилегированные «меньшие» лишались участия в доходах от уменьшавшегося земельного фонда, принадлежавшего «всему Новгороду». В то же время их не следует преувеличивать: и тогда, и позднее новгородцы дорожили своим особым статусом и вольностями.

Лица, не принадлежавшие к политическому коллективу новгородских горожан, от политической жизни были фактически отстранены и в вече не участвовали. Это относится к сельскому населению, которое или оказывалось в зависимости от частных землевладельцев, или по-прежнему было объектом совместной эксплуатации со стороны новгородских горожан во главе с боярской аристократией, а также к холопам. Нет данных об участии в вече

[708] См.: *Дубровин Г.Е.* Формирование Плотницкого конца и государственные реформы в Новгороде в середине — второй половине XIII в. // ДРВМ. 2013. № 1 (51). С. 41—53.

[709] См.: *Флоря Б.Н.* Новгород и Псков в XIV—XV вв. // История России с древнейших времен до конца XVII века / Под ред. Л.В. Милова. М., 2006. С. 304—305.

в это время и представителей подвластных Новгороду городов («пригородов»). Таким образом, какое-то участие в политической жизни принимало лишь явное меньшинство населения Новгородской земли.

Новгородский политический коллектив, от имени которого вече и избиравшиеся им должностные лица осуществляли управление и вершили суд, не позднее 1330-х годов получает более торжественное наименование — «Великий Новгород» или «весь Великий Новгород». Это же выражение — «Великий Новгород» — закрепляется и как наименование города Новгорода, а постепенно оно становится фактически официальным названием Новгородской республики (ранее таковым было просто «Новгород»). Такое обозначение акцентировало могущество и самостоятельность Новгородской республики[710].

Начинает складываться и республиканская символика: во второй половине XIII в. появляется печать «всего Новгорода», позднее, в последней трети XIV в. — «новгородская печать и посадничья»[711]. За ними закрепилось в историографии наименование — «Печать Совет господ», но вряд ли его можно считать удачным. О так называемом «совете господ» будет говориться ниже, но главное — это то, что эти печати, по-видимому, принадлежали тому институту, от чьего имени они и привешивались, — «всему Новгороду», т. е. новгородскому «политическому сообществу». Естественно, непосредственно использовали эти печати конкретные должностные лица, прежде всего, посадники (отсюда, очевидно, и наименование «печать новгородская и посадничья»)[712].

В княжение Александра Невского фактически устанавливается новый порядок во взаимоотношениях Новгорода и княжеской власти: теперь новгородцы признают верховную власть владимирских великих князей. Князья из других русских земель в Новгород больше не приглашаются[713]. Связано это было, конечно, с ослаблением контактов Новгорода с Южной Русью, а впоследствии и с вхождением южно- и западнорусских земель в состав Великого княжества Литовского. Однако немалую роль играло, по-видимому, и то обстоятельство, что закрепление Новгорода за потомками Ярослава Всеволодича санкционировалось Ордой[714]. На практике, однако, возможности реализации князьями своих полномочий в Новгороде постепенно уменьшались, происходило укрепление республиканского строя и дальнейшее оформление его институтов. Князья почти перестают присутствовать в Новгороде, не участвуют сами в управлении, но присылают наместников, которые их там представляют. Реальный объем власти княже-

---

[710] См.: *Лукин П. В.* «Великий Новгород» // Slověne: International Journal of Slavic Studies. 2018. Vol. 7. No. 2. С. 383—413.

[711] *Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси X—XV вв. Т. 2: Новгородские печати XIII—XV вв. М., 1970. С. 125—126; *Янин В. Л., Гайдуков П. Г.* Актовые печати Древней Руси. Т. 3: Печати, зарегистрированные в 1970—1996 гг. М., 1998. С. 104—105.

[712] См.: *Лукин П. В.* «Печати новгородские»: Проблемы атрибуции // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 4: IV Чтения памяти академика Л. В. Милова. М-лы к Междунар. науч. конф. Москва, 26 октября — 1 ноября 2015 г. М., 2015. С. 138—143. Ср. иную и, на наш взгляд, малоубедительную трактовку: *Шумов И. Л.* «Совет господ» и государственная печать в Новгороде и Пскове XIII—XV вв. в контексте истории городов средневековой Европы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тверь, 2006.

[713] *Янин В. Л.* Очерки истории средневекового Новгорода. С. 135—137; *Горский А. А.* Русские земли в XIII—XIV веках: Пути политического развития. СПб., 2016. С. 63—64.

[714] См. об этом: *Селезнев Ю. В.* Новгородская земля в системе ордынской государственности. // Вестн. Новгородск. гос. ун-та. 2011. №63. С. 59.

ских наместников в Новгороде не вполне ясен. Тем не менее данные по XIV в. (прежде всего, ганзейские источники) показывают: довольно распространенное в историографии мнение о том, что княжеские наместники в это время были отстранены от принятия решений и не пользовались авторитетом[715], не вполне соответствует действительности[716].

Послания новгородской ганзейской конторы 1331 и 1337 гг., соответственно в Ригу и (по-видимому) в Ревель, показывают, что великокняжеские наместники и их аппарат в годы княжения Ивана Калиты были активно вовлечены в политическую жизнь Новгородской республики и от имени князя участвовали в принятии важных решений. Новгородское «политическое сообщество», его органы (прежде всего, вече) и должностные лица (архиепископ, посадник и тысяцкий) признавали это участие вполне легитимным.

Особо выделяется полицейская функция наместника и его аппарата. Когда в 1331 г. в Новгороде начались беспорядки, пресек их именно княжеский служитель — *rechter* (дословно: «судья»), невзирая на то, что беспорядки начались на вече и в известной мере были им санкционированы. В то же время наместник не мог действовать против воли «всего Новгорода»; решения принимались совместно республиканскими органами и наместником, а исполнение княжескими служилыми людьми полицейских функций не должно было идти вразрез с позицией новгородской элиты[717].

Наместник, наряду с архиепископом, будучи, как и тот, лицом относительно независимым, мог выступать в качестве посредника во время внутриновгородских конфликтов[718].

Достаточно высокое положение наместника в Новгороде в XIV в. подтверждается и актовым материалом. Например, в двух договорах Новгорода с ганзейскими купцами 1371 и 1372 гг. наместники великого князя Дмитрия Ивановича, Андрей и Александр, упомянуты перед посадником и тысяцким и сразу после архиепископа[719].

Номинальное признание верховенства владимирских (а потом московских) великих князей не мешало Новгороду проводить фактически самостоятельную политику, в том числе и внешнюю. Это обстоятельство приводило к конфликтам и даже к войнам. Так, в 1280—1290-е годы Новгород был втянут в борьбу между двумя претендентами на великокняжеский престол, сыновьями Александра Невского, Андреем и Дмитрием, которые ориентировались, соответственно, на ордынского хана Тохту и его соперника Но-

---

[715] См.: *Leuschner J.* Novgorod. Untersuchungen zu einigen Fragen seiner Verfassungs- und Bevölkerungsstruktur. B., 1980. S. 50. (Giessener Abhandlungen zur Agrar- und Wirtschaftsforschung des Europäischen Ostens; Bd. 107); *Мартышин О. В.* Вольный Новгород: Общественно-политический строй и право феодальной республики. М., 1992. С. 240; *Несин М. А.* Был ли Новгород привилегированным великокняжеским городом? [Рец. на: *Севастьянова О. В.* Древний Новгород. Новгородско-княжеские отношения в XII — первой половине XV в. М.; СПб., 2011. 408 с.] // Valla: Интегрированный ист.-филол. журнал европейских исследований. 2016. Т. 2. № 1. С. 127—128.

[716] *Goehrke C.* Unter den Schirm der göttlichen Weisheit. Geschichte und Lebenswelten des Stadtstaates Groß-Nowgorod. S. 262. Институт княжеских наместников в Новгороде исследован крайне недостаточно. Последним князем, активно действовавшим в Новгороде, был погибший в 1325 г. Юрий Данилович Московский (*Янин В. Л.* Очерки истории средневекового Новгорода. С. 219).

[717] *Лукин П. В.* Новгородское вече. Прилож. 2, 3. С. 545—563.

[718] См.: Там же. С. 375—377.

[719] РГАДА. Ф. 1490. Оп. 1. Ед. хр. 29 (неопубликованный договор, обнаруженный С. В. Полеховым); ГВНП. № 43. С. 76.

гая, закрепившегося в западной части Улуса Джучи[720]. В 1310-е годы Новгород (при поддержке московского князя Юрия Даниловича) воевал с великим князем владимирским и тверским Михаилом Ярославичем. В 1332—1333 гг. войска уже московского князя Ивана Калиты вторглись в Новгородскую землю и заняли Торжок — в ответ на отказ новгородцев платить дополнительную дань в Орду («серебро закамское»)[721]. Другой вооруженный конфликт разразился в 1337 г., когда Иван Калита послал свои войска «на Двину за Волокъ»[722], тем самым демонстрируя претензии Москвы на обильные ресурсами (прежде всего, пушниной) двинские земли. По итогам конфликтов заключался мир и подписывались договоры между великими князьями и Новгородом. Некоторые из них сохранились и представляют собой ценнейшие источники в том числе и по новгородской истории[723]

В то же время Новгород нуждался в поддержке князей, прежде всего, военной. Так, в 1323 г. урегулировать отношения с Швецией и заключить Ореховецкий мирный договор после 30-летней войны удалось только при помощи московского князя Юрия[724]. Одной из причин конфликта Новгорода с великим князем Симеоном Гордым в 1340-е годы были обвинения его со стороны новгородцев в том, что он не захотел «оборонять своея отчины» от шведов[725].

По-видимому, не позднее 1330-х годов появляются данные о функционировании в Новгороде совета высших должностных лиц. Обычно считается, что такой орган существовал ранее и назывался «совет господ». Высказывалось также мнение о том, что «правительственного совета» в Новгороде не существовало вообще. Главная проблема — недостаток источников, однако их тщательный анализ показывает, что обе эти точки зрения не имеют под собой оснований. Об этом органе известно только из ганзейских документов на средненижненемецком языке, в которых его участники называются *de heren* — «господа». По аналогии с известным для более позднего времени псковским советом, можно предположить, что это был перевод на иностранный язык русского обозначения существительного женского рода единственного числа «господá» (с ударением на последнем слоге). Для XIV в. состав «господы» неизвестен, но в его составе был посадник и, очевидно, другие высшие магистраты. В начале XV в. туда входили посадник, тысяцкий и пять кончанских старост (посадников)[726]. Возникновение «господы»

---

[720] См.: *Кучкин В. А.* Первый московский князь Даниил Александрович // Отечественная история. 1995. № 1. С. 94—96.

[721] НПЛ. С. 94—95, 99, 344—345. Поскольку добычи серебра в то время в русских владениях не было, речь идет, по-видимому, о серебре в виде монет и серебряных изделий, которые новгородцы получали в качестве дани с населения Прикамья, Урала и Приобья. Серебро туда попадало в ходе торговли, которую вело местное население («югра» — предки современных обских угров, хантов и манси) со странами Востока. Эта торговля отражена и в письменных источниках (прежде всего, арабских) и подтверждается археологически (сотни находок предметов средневекового прикладного искусства из серебра) (*Белавин А. М.* «Серебро закамское» в истории и археологии Пермского Предуралья // Вестн. Пермского науч. центра. 2013. № 2. С. 50—61; *Кулешов Вяч. С.* Серебро за меха: Памятники византийской, восточной и западной торевтики и нумизматики в сакральной экономике югорского общества V—XV вв. // Византия в контексте мировой культуры: М-лы конф., посвященной памяти А. В. Банк. СПб., 2017. С. 363—372. (Труды Гос. Эрмитажа; Т. LXXXIX)).

[722] НПЛ. С. 347.

[723] ГВНП. № 1—15.

[724] См. об этом: *Шаскольский И. П.* Борьба Руси за сохранение выхода к Балтийскому морю в XIV веке. С. 85—126.

[725] НПЛ. С. 360.

[726] *Лукин П. В.* Новгородское вече. С. 378—398; см. там же историю вопроса.

было важным шагом на пути укрепления республиканского строя. Оно соответствовало направлению в сторону политической консолидации, нарастания олигархических тенденций и уменьшения роли «народных собраний» или даже полной их ликвидации, по которому развивалось большинство западноевропейских коммун и городских республик, в частности таких, как Венеция и Дубровник (Рагуза). В то же время олигархический совет был органом неформальным, а высшим органом власти Новгорода оставалось вече с его достаточно широким составом. Это можно проиллюстрировать многочисленными примерами, например, событиями 1270 г., когда новгородцы пытались изгнать князя Ярослава Ярославича, сына Ярослава Всеволодича. Когда новгородцы приняли решение прогнать его, они «съзвониша вѣче на Ярославли дворѣ», расправились со сторонниками князя, разграбили их имущество. Но это не был стихийный бунт. На вече князю были предъявлены четко сформулированные обвинения, отраженные в отправленной князю, находившемуся в своей резиденции на Рюриковом Городище, грамоте. Эти обвинения были очень конкретными («чему еси отъялъ Волховъ гоголными ловци? А поле отъялъ еси заячими ловци? Чему взялъ еси Олексинъ дворъ Морткинича? Чему поималъ еси серебро на Микифорѣ Манускиничи и на Романѣ Болдыжевичи и на Варфоломѣи? А иное, чему выводишь от нас иноземца, котории у насъ живуть?»), что ясно показывает договорный характер отношений между Новгородом и князьями в это время[727].

Высшие республиканские магистратуры также переживают в этот период значительную эволюцию. Она подробно рассматривается в ряде работ В. Л. Янина. Главным стимулом этих перемен стало стремление новгородской элиты обеспечить стабильность политического при отсутствии единоличного и общепризнанного правителя (монарха) и представлений о разделении властей. В этих условиях таких целей можно было добиться только, с одной стороны, с помощью консолидации олигархической верхушки, с другой — путем обеспечения доступа максимального числа ее членов к власти. Согласно концепции В. Л. Янина, впервые сформулированной в 1960-е годы, впрочем, неоднократно модифицировавшейся, с начала XIV в. срок пребывания на посту посадника ограничивается одним годом. При этом очередность в замещении должности посадника еще не была регламентирована, поэтому продолжалась борьба между различными кланово-территориальными группировками, возглавлявшимися боярами тех или иных концов и сторон.

С начала 1360-х годов избирается уже не один, а шесть посадников, которые представляют городские концы (двое — Плотницкий, по одному — все остальные, для обеспечения паритета Софийской и Торговой сторон). Определение «посадник» в их отношении становится уже не названием должности, а титулом, который они носят пожизненно. Из них в начале каждого года (т. е. по древнерусскому летосчислению, в начале марта) избирается главный, степенной посадник (от слова «степень» — помост, трибуна на вечевой площади, где во время собрания находился посадник). Такого же типа преобразование претерпел, по мнению В. Л. Янина, и институт тысяцких[728]. Однако возник-

[727] НПЛ. С. 88—89.

[728] В разных работах В. Л. Янин датирует эти реформы по-разному (*Янин В. Л.* Новгородские акты XII—XV вв.: Хронологический комментарий. М., 1991. С. 10—30; *Янин В. Л.* Новгородские посадники. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2003. С. 244—250, 262—279). Здесь мы основываемся на той версии, которую, вероятно, можно считать «канонической»: *Янин В. Л.* Посадники новгородские // Великий Новгород: История и культура IX—XVII веков: Энциклопедический словарь. СПб., 2009. С. 396; *Янин В. Л.* Тысяцкие новгородские // Там же. С. 459.

новение коллективного тысяцкого и эволюция этой магистратуры — вопрос еще более запутанный, чем история посадничества. Бесспорное доказательство появления коллективного тысяцкого — наказ Новгорода своим послам об условиях заключения договора с Михаилом Александровичем Тверским, который датируется 1372—1373 или 1374—1375 гг.[729] При документе сохранилось 11 свинцовых печатей, из которых три принадлежали тысяцким (две, согласно надписям на них, «тысяцким новгородским», одна — просто «тысяцкому»)[730]. Не ясно, представляли ли параллельно действовавшие тысяцкие различные кончанские объединения, хотя в принципе этого и нельзя исключать[731]. Сферы компетенции посадников и тысяцких по-прежнему не были четко отделены друг от друга, большинством значимых для «всего Новгорода» вопросов они занимались вместе — от командования новгородским ополчением и заключения международных договоров до рассмотрения апелляций по судебным делам. Были у них и специфические полномочия: так, посадники вершили совместный с князем (наместником) суд, а тысяцкие вместе с купеческими старостами ведали судом по столь важным для Новгорода торговым делам и должны были в церкви Св. Иоанна на Опоках разбирать соответствующие спорные вопросы (далеко не в последнюю очередь — с находившимися в Новгороде немецкими купцами) — «управ'ливати... всякаа дѣла тор'говаа». Последнее было установлено в так называемом «Рукописании Всеволода» — законодательном памятнике, приписывавшемся правившему в XII в. князю Всеволоду Мстиславичу, но в реальности составленному, скорее всего, не ранее рубежа XIII—XIV вв.[732]

В целом концепция В.Л. Янина принимается в современной историографии, хотя ее отдельные аспекты вызывали достаточно обоснованную критику (в особенности это касается первой реформы и ее датировки)[733]. Многое в истории новгородских магистратов остается не вполне ясным, и эта проблема требует тщательного изучения на основании всего комплекса источников. Тем не менее, если сравнивать Новгород с другими европейскими средневековыми республиками, приходится отметить, что, хотя «олигархизация» была достаточно стандартным вариантом эволюции такой политической системы, в Новгороде эти тенденции не получили полного развития и осуществлялись

---

[729] *Зимин А.А.* О хронологии договорных грамот Великого Новгорода с князьями XIII—XV вв. // Проблемы источниковедения. М., 1956. Т. 5. С. 315—316; *Янин В.Л.* Новгородские акты XII—XV вв. С. 169—170.

[730] ГВНП. № 17. С. 32.

[731] *Leuschner J.* Novgorod. S. 100, 103—104; *Бассалыго Л.А.* Новгородские тысяцкие. Ч. 2: Тысяцкое с середины XIV до второй четверти XV века (вторая часть Списка В) // НИС. СПб., 2011. Вып. 12 (22). С. 39—43.

[732] Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. / Изд. подгот. Я.Н. Щапов. М., 1976. С. 161. См. подробнее: *Мартышин О.В.* Вольный Новгород. С. 207—208; *Лукин П.В.* Новгородское вече. С. 426—429. О датировке «Рукописания» см.: *Зимин А.А.* Уставная грамота князя Всеволода Мстиславича // Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню 70-летия: Сб. статей. М., 1952. С. 123—131; *Янин В.Л.* Новгородские посадники. С. 121—129.

[733] *Зимин А.А.* [Рец. на: Янин В.Л. Новгородские посадники. М., 1962. 387 стр.] // СА. 1963. № 3. С. 275—278; *Мартышин О.В.* Вольный Новгород. С. 190—210 (О.В. Мартышин справедливо, в частности, обращает внимание на то, что частая смена посадников «может говорить не о регулярности, а о чехарде» (Там же. С. 195); *Линд Дж. Х.* К вопросу о посаднической реформе Новгорода около 1300 г. и датировке новгородских актов // Древнейшие государства Восточной Европы: Материалы и исследования. 1995. М., 1997; *Горский А.А.* К вопросу об этапах складывания республиканского строя в Новгороде // Норна у источника судьбы: Сб. статей в честь Е.А. Мельниковой. М., 2001.

осторожно и непоследовательно. Главное — и в рассматриваемый период, и позже основным институтом, через который политическое сообщество реализовывало свою власть, оставалось вече с достаточно широким составом участников[734].

В XIV в. Новгород оказывается между двумя великими державами Восточной Европы того времени: Великим княжеством Литовским и Великим княжеством Владимирским. Отношения с Литвой становились важным фактором внутриполитической жизни. Так, в 1346/47 г. произошла расправа с посадником Остафьем Дворянинцем, которого новгородцы убили прямо на вече. Причиной стало то, что Остафий оскорбил литовского князя Ольгерда, назвав его «псом», и тот вторгся в Новгородскую землю. Тогда «новгородци… позвониша вѣче и убиша Дворяниньца посадника на вѣцѣ, а ркуще, яко "в тобѣ волость нашю взяша"»[735].

Одним из механизмов приспособления Новгорода к сложившемуся положению стало предоставление иноземным служилым князьям владений в Новгородской земле для усиления военного потенциала. Так, в 1333 г. весьма значительные территории в Новгородской земле, западнее и южнее Ладожского озера, в кормление получил старший сын великого князя литовского Гедимина Наримонт (в православном крещении Глеб): Ладогу, Орешек (Ореховый), Корелу с Корельской землей и половину Копорья. Более того, это кормление должно было перейти и к его детям («въ отцину и в дѣдѣну, и его дѣтемъ»). В 1338 г. Наримонта в Новгородской земле уже не было, и он больше туда не возвращался (в 1348 г. он погиб в сражении с крестоносцами на р. Страве). Его права на данные ему владения (по крайней мере на их часть) Новгородом тем не менее признавались: в летописи говорится о том, что в Орешке тогда сидел его наместник[736]. Как предполагает В. Л. Янин, уже в первой половине XIV в. в Новгородскую землю приглашаются и белозерские князья из Северо-Восточной Руси. Возникает, таким образом, система параллельных кормлений, способствующая балансу республики между Литвой и Владимирским великим княжеством[737].

На внутриполитическую ситуацию в Новгороде оказывала также воздействие борьба за гегемонию во Владимирском великом княжестве. Новгород не раз лавировал между такими центрами, как Москва, Тверь и Нижний Новгород.

Изучение ряда договоров XIV в. между князьями и Новгородом показывает, что в ходе соперничества Москвы и Твери за Владимирское великое княжение Новгород активно пользовался этой ситуацией, поддерживая то одного, то другого претендента. Москва и Тверь также имели в Новгороде своих сторонников. Особенно показательны в этом отношении события начала 1370-х годов, когда новгородцы попеременно поддерживали то Михаила Александровича Тверского, то Дмитрия Ивановича Московского[738]. Несмотря на то что Новгород признавал своими сюзеренами московских князей Симеона Гордого и Ивана Красного, после их смертей новгородские власти поддерживали притязания на Владимирское великое княжение в 1354 и 1360 гг. нижегородских (суздальско-нижегородских) кня-

[734] См. об этом подробнее: *Лукин П. В.* Новгород и Венеция: Сравнительно-исторические очерки становления республиканского строя. СПб., 2022. (Res Publica; Вып. 15).

[735] НПЛ. С. 358—359.

[736] НПЛ. С. 345, 349. См. об этом: *Янин В. Л.* Новгород и Литва: Пограничные ситуации XIII—XV веков. М., 1998. С. 90—91; *Krupa K.* Książęta litewscy w Nowgorodzie Wielkim do 1430 roku // Kwartalnik Historyczny. 1993. № 1. S. 32—34.

[737] *Янин В. Л.* Новгород и Литва. С. 98—99.

[738] *Кучкин В. А.* Договорные грамоты московских князей XIV в.: Внешнеполитические договоры. М., 2003. С. 11—118, особенно с. 115—118.

зей Константина Васильевича и его сына Дмитрия Константиновича[739].

Из других русских земель особое значение имели, конечно, контакты с Псковом, который, хотя и продолжал считаться формально «молодшим братом» Новгорода, в этот период стал окончательно самостоятельной республикой и проводил фактически независимую внутреннюю и внешнюю политику[740]. Единственным рычагом влияния Новгорода на Псков остался церковный: во Пскове не было своего архиерея, и он подчинялся юрисдикции новгородского архиепископа.

Как уже говорилось, особое значение приобретают в этот период отношения Новгорода с Литвой. Новгород, столкнувшийся с литовцами еще в XI в.[741], к концу следующего столетия превратился в объект походов литовских дружин[742]. Весьма интенсивными они стали в первой половине XIII в., когда, судя по их направлениям, Литве удалось овладеть Торопцом, превратившимся из объекта литовских набегов в их плацдарм[743]. Затишье наступило после того, как в 1262 г. новгородцы «с Литвою миръ взяша»[744]. Это затишье следует объяснять не только верностью литовских князей договору 1262 г., но и их неспособностью проводить столь же активную внешнюю политику, как и раньше, в условиях ослабления власти и нестабильности в самой Литве после гибели Миндовга (1263). Как показывают примеры Довмонта с дружиной или сына князя Герденя, перебравшихся соответственно во Псков и в Тверь, литовские нобили порой вынуждены были искать прибежища на русских землях. Отголоском этого, вероятно, было появление литовцев в свите князя Дмитрия Александровича в Новгороде в 1292 г.[745]

Активизация литовской политики на Руси была связана с именем великого князя литовского Гедимина (1316—1341). При этом Новгород, в отличие от соседнего Пскова, постоянно признавал верховную власть великих князей владимирских, пусть иногда и номинально. В первой половине 1320-х годов происходили столкновения Новгорода с Литвой, а 23 декабря 1323 г. Новгород заключил союзный договор с Ливонским отделением Тевтонского ордена, направленный против Литвы и Пскова[746]. Лишь в 1326 г. литовское посольство, в состав которого входили брат Гедимина полоцкий князь Воинь, а также князья Василий Менский и Федор Святославич Смоленский, заключило мир с Новгородом и «немцами». Вероятно, это докончание урегулировало статус пограничных новгородско-литовских волостей (ранее тянувших к Торопцу, а также Ржевы и Великих Лук), которые вплоть до конца XV в. находились в двойном подчинении и уплачивали «черную куну» Великому княжеству Литовскому[747]. Но и этим договором не был положен конец напряженности в новгородско-литовских отношениях: во всяком случае в начале 1330-х годов яблоком раздора оставался Псков, где кня-

---

[739] НПЛ. С. 363, 366—367. См.: *Кучкин В. А.* Суздальское и Нижегородское великие княжества в XIV в. // *Кучкин В. А.* Волго-Окское междуречье и Нижний Новгород в Средние века. Н. Новгород, 2011. С. 187.

[740] Подробно проблема статуса Пскова в рассматриваемый период обсуждается в ч. I, гл. 2.

[741] Подробнее об этом см. ч. I, гл. 4.

[742] НПЛ. С. 42, 237—238.

[743] *Янин В. Л.* Новгород и Литва. С. 49—53.

[744] НПЛ. С. 311.

[745] *Лукин П. В., Полехов С. В.* Латинское послание о новгородско-ганзейских переговорах 1292 г. // ДГВЕ. 2019—2020 годы: Дипломатические практики античности и Средневековья / Отв. ред. Б. Е. Рашковский. М., 2020. С. 349—372.

[746] ГВНП. № 37; о дате договора см.: *Rowell S. C.* Lithuania ascending: A pagan empire within East-Central Europe. 1295—1345. Cambridge, 1994. P. 215, fn. 49.

[747] НПЛ. С. 98, 341; *Янин В. Л.* Новгород и Литва. С. 55—57, 85.

жил союзник Гедимина Александр Михайлович Тверской и для которого Гедимин безуспешно добивался поставления отдельного архиерея у митрополита Феогноста. В 1331 г. новгородский архиепископ Василий Калика, возвращавшийся от Феогноста с Волыни, подвергся нападению киевского князя Федора (который, скорее всего, был братом Гедимина) и ордынского баскака[748].

Вскоре, однако, в отношениях Новгорода с Литвой был достигнут компромисс. Как уже говорилось выше, в 1333 г. в Новгород, конфликтовавший с Иваном Калитой, прибыл и получил там кормление сын Гедимина Наримонт. В обмен Новгород получал безопасность от Литвы и защиту от соседей — Швеции и Ливонии. Ольгерд (1345—1377), вокняжившийся в Вильне вскоре после Гедимина, проявлял к Новгороду значительно меньшее внимание, в отличие от Пскова. Лишь в 1346 г. он объявил войну Новгороду, поводом к чему стал упомянутый выше инцидент с посадником Остафием Дворянинцем, а затем повоевал Шелону и Лугу, взял контрибуцию с Порховского городка и с Опоки, т. е. фактически с псковской округи[749]. Последовавшее за этим прекращение попыток Ольгерда подчинить Новгород или хотя бы наладить контакты с новгородцами можно объяснять такими факторами, как арест литовских послов в Орде по жалобе Симеона Гордого на то, что великий князь литовский «царевъ улусъ, а князя великаго отчину испустошилъ»[750] (имелся в виду поход на Новгород 1346 г.[751]), и сосредоточение активности Литвы на других направлениях — борьбе с Москвой за Ржеву, смоленские и черниговские земли, с Польшей и Венгрией — за галичско-волынское наследие, и практически не прекращающаяся война с Орденом. Новгородцы же по-прежнему признавали верховную власть великих князей владимирских (впоследствии — московских). В союзном договоре Новгорода с Дмитрием Московским 1371 г., заключенном в период максимального обострения московско-литовских взаимоотношений, специально оговаривались перспективы совместных действий против Литвы[752]; как уже говорилось, в это время в Новгороде находились наместники великого князя Дмитрия Ивановича.

Попытки Ольгерда опосредованно распространить влияние на Новгород имели место лишь в церковной сфере. Митрополит Феодорит, кандидат Ольгерда на русскую митрополию, отвергнутый в Константинополе, но поставленный тырновским патриархом в 1352 г., по-видимому, пытался распространить свою власть и на Новгород. Константинопольский патриарх Филофей отреагировал на это, отправив летом 1354 г. специальное послание новгородскому архиепископу Моисею, в котором напоминал, что признание церковной власти Феодорита приведет к отлучению от церкви[753]. Зимой 1376/77 г. Киприан, поставленный на Киевскую и Литовскую митрополию, хотел добиться признания своей власти от новгородцев, но его намерения натолкнулись на их сопротивление: новгородцы предложили митрополиту обратиться к Дмитрию Московскому, от чего тот воздержался[754].

В очередной раз литовские князья попытались распространить свое влияние на

---

[748] НПЛ. С. 343—344.

[749] НПЛ. С. 358—359.

[750] ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 59.

[751] *Горский А. А.* Москва и Орда. М., 2000. С. 73—75.

[752] *Кучкин В. А.* Договорные грамоты московских князей XIV века: Внешнеполитические договоры. С. 337.

[753] РИБ. Т. 6. Прилож. 11. Стб. 59—64.

[754] НПЛ. С. 374.

Новгород лишь после смерти Ольгерда. В 1379 г., когда московско-литовские отношения в очередной раз обострились, в Новгород прибыл Юрий Наримонтович — двоюродный брат вокняжившегося в Литве Ягайла Ольгердовича[755]. В 1383 г. традиционное «кормление» в Новгороде получил Патрикей Наримонтович, остававшийся там еще в 1386 г., когда кратковременное литовско-московское сближение окончилось, а Дмитрий Донской совершал поход на Новгород. В 1389 г. в Новгород прибыл Семен-Лугвень Ольгердович[756]. О том, что за его приездом, которому предшествовали переговоры с новгородцами, стояли далеко идущие планы Гедиминовичей в отношении Новгорода, говорит специальная присяга Лугвеня Ягайлу, ставшему в 1386 г. польским королем под именем Владислава II: Лугвень письменно обещал быть «опекалникомъ мужемъ и людемъ Великого Новгорода», в латинском тексте — их «опекуном и правителем» (*in tutorem et gubernatorem eorundem hominum et populi*)[757]. В 1392 г. Лугвень покинул Новгород, чтобы занять Мстиславское княжение, освободившееся после гибели его брата Казимира-Коригайла в 1390 г.

События, произошедшие в Великом княжестве Литовском в последнем десятилетии XIV в., отразились на жизни Новгорода (и соседнего Пскова) и их взаимоотношениях с соседями. В 1393 г. новгородцы отправили посольство в Литву к Витовту Кейстутовичу, который незадолго до этого получил Трокское княжество и принялся энергично расширять свою власть[758], и заключили с ним мир «по старинѣ»[759]. Система кормлений в Новгородской земле в это время по-прежнему функционировала: в 1393 г. упоминаются князья Роман Литовский (возможно, сын Федора Ольгердовича) и Константин Иванович Белозерский, действовавший в Новгороде вплоть до 1396 г.; на следующий год новгородцы «прияша» князей Василия Ивановича Смоленского и Патрикея Наримонтовича[760]. Совместные попытки Василия I и Витовта оказать давление на Новгород оказались безрезультатны. Еще в начале 1398 г. Василий I просил Витовта помочь ему в войне с Новгородом за Двинскую землю, но вскоре понял, что их действия, даже совместные, служат интересам в первую очередь великого князя литовского, и занял гораздо более сдержанную позицию[761]. Между тем последний уже начал сближение с Тевтонским орденом. Мирный договор Великого княжества Литовского с Орденом, по которому Новгород признавался литовской сферой интересов, а Псков — орденской, был заключен 12 октября 1398 г. на о. Салин на р. Дубисе (правый приток Немана)[762]. После того как Витовт расторг мир с Василием I, Новгородом и Псковом, московский великий князь летом 1399 г. отправил в Новгород своего брата Андрея[763]. Одновременные попытки Витовта подчинить Новгород не увенчались успехом. Одна-

---

[755] *Флоря Б. Н.* Литва и Русь перед битвой на Куликовом поле // Куликовская битва. М., 1980. С. 160—162.

[756] *Янин В. Л.* Новгород и Литва. С. 92—93.

[757] Akta unji Polski z Litwą. 1385—1791 / Wyd. St. Kutrzeba i Wł. Semkowicz. Kraków, 1932. № 27, 28.

[758] Подробнее об этом см. ч. I, гл. 4.

[759] НПЛ. С. 386.

[760] *Янин В. Л.* Новгород и Литва. С. 93—94.

[761] ПСРЛ. Т. 25. С. 227—228; Liv-, esth- und curländisches Urkundenbuch nebst Regesten. Bd. 4: 1394—1413 / Hrsg. von F. G. von Bunge. Reval, 1859. № 1469. Sp. 201—204.

[762] Die Staatsverträge des Deutschen Ordens in Preussen im 15. Jahrhundert. Bd. 1 (1398—1437). 2. Aufl. / Hrsg. von E. Weise. Marburg, 1970. № 2. О литовско-орденских переговорах и процессе заключения договора см.: *Kubon S.* Die Außenpolitik des Deutschen Ordens unter Hochmeister Konrad von Jungingen (1393—1407). Göttingen, 2016. S. 58—123. (Nova Mediaevalia. Quellen und Studien zum europäischen Mittelalter; Bd. 15).

[763] ПСРЛ. Т. 25. С. 228; НПЛ. С. 393—394; ПЛ. Вып. 2. С. 30.

ко соперничество Москвы и Литвы из-за Новгорода продолжилось и в XV в.

Отношения Новгорода (а также Пскова) с Тевтонским орденом и балтийскими ландсгеррами в рассматриваемый период охарактеризованы в главах, посвященных Ливонии и Пскову. На северо-западе Новгород контактировал со скандинавскими странами, прежде всего, с Швецией.

Важнейшим в историографическом плане, а также для исторической памяти эпизодом остается Невская битва 1240 г.[764] Здесь уместно охарактеризовать именно новгородско-шведский контекст этого события. Относительно того, кто командовал шведским войском, есть только позднее упоминание в апокрифическом новгородском сочинении конца XIV — начала XV в. «Рукописание Магнуша», представляющем собой вымышленное завещание короля Швеции Магнуса II Эриксона. Командующим там назван «местерь Бельгерь», т. е. представитель шведской аристократии Биргер, позднее ставший ярлом (герцогом)[765]. На основании того, что на момент Невской битвы Биргер ярлом не был, иногда предполагается, что во главе шведского войска стоял тогдашний ярл — Ульф Фасе[766]. Однако, как выясняется, совсем не обязательно таким войском должен был руководить именно ярл, так что версия о Биргере — вполне влиятельном деятеле и в 1240 г. — остается возможной (хотя и вряд ли доказуемой)[767]. Исторический контекст Невской битвы связан с датировкой так называемого Второго шведского крестового похода, направленного на установление шведского контроля над территорией языческой Тавастии — территорией в Южной Финляндии (летописная Емь). Если — по весьма убедительно обоснованному предположению датского историка Джона (Йона) Х. Линда — этот поход имел место вскоре после издания соответствующей папской буллы в 1237 г., он мог быть частью экспансионистской политики Швеции в регионе, одной из целей которой было установление контроля над водными путями к Ладожскому озеру, что представляло экзистенциальную угрозу для Новгорода, ставя под внешний контроль важнейший источник его доходов — внешнюю торговлю с Западной Европой[768]. Каков бы ни был сам по себе реальный масштаб Невской битвы (тут достаточно упомянуть то, что она не получила никакого отражения в шведских источниках), это может объяснять, почему новгородский летописец назвал ее «великой сечей»[769].

Вплоть до 1280-х годов новых столкновений между Швецией и Новгородом не было. Важнейшей предпосылкой активизации шведской политики на новгородском направлении стало покорение Центральной Финляндии (области Емь). Теперь шведские правители обратили внимание на карельские земли, которые считались в Новгороде частью собственной территории. Хотя формально перед этим конфликтом крестовый поход не объявлялся, нет сомнений

---

[764] См. подробнее об этом: *Шенк Ф. Б.* Александр Невский в русской культурной памяти: Святой, правитель, национальный герой (1263—2000). М., 2007.

[765] БЛДР. СПб., 1999. Т. 6. С. 64, 65.

[766] *Шаскольский И. П.* Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII—XIII вв. Л., 1978. С. 177—178.

[767] *Lind J. H.* Early Russian-Swedish Rivalry. The Battle on the Neva in 1240 and Birger Magnussons' Second Crusade to Tavastia // Scandinavian Journal of History. 1991. Vol. 16. No. 4. P. 278—283.

[768] Ibid. P. 294—295.

[769] НПЛ. С. 77. Ср. более скептические оценки, касающиеся, в частности, участия Биргера в битве и ряда других деталей, сближающих Невскую битву с лучше известными эпизодами новгородско-шведского противостояния в XIV в.: *Selart A.* Livonia, Rus' and the Baltic Crusades in the Thirteenth Century. Leiden; Boston, 2015. P. 147—154.

в том, что в Швеции этот конфликт воспринимался как своего рода священная война, результаты которой должны были носить, впрочем, и вполне материальный характер — присоединение Карельского перешейка и контоль над реками Вуоксой и Невой. Если бы эти планы были реализованы, под шведский контроль была бы поставлена вся торговля Новгорода с Западной Европой — как уже говорилось, важнейший источник доходов республики. Действия шведов привели лишь к частичному успеху. В 1293 г. шведами на островке, на берегу Выборгского залива Балтийского моря, была основана крепость Выборг (современный г. Выборг Ленинградской обл. РФ). Таким образом, Швеция брала под свой контроль торговый путь по р. Вуоксе. Закрепиться в Приладожье шведам не удалось. В 1300 г. при впадении р. Охты в р. Неву шведами была построена еще одна крепость — Ландскрона, которая в новгородской летописи названа «Венец земли». Это буквальный перевод с шведского; в шведских анналах, написанных на латыни, она названа похожим образом — *Corona terrarum* («Корона земель»). Такое название, конечно, подчеркивает значимость этого предприятия для шведских властей, что нашло отражение в новгородской летописи: «...придоша изъ замория Свѣи в силѣ велицѣ в Неву, поставиша городъ надъ Невою, на усть Охты рѣкы, и утвердиша тврдостию несказаньною... похвалившеся оканьнии, нарекоша его Вѣнець земли»[770]. О том же свидетельствует и подробное описание этих событий в главном шведском историческом источнике по этому периоду — старошведской стихотворной «Хронике Эрика» (1320—1330-е годы). В ней говорится, что во главе экспедиции стояло второе лицо в стране после короля Биргера Магнуссона, а фактически — реальный правитель Швеции, действовавший от имени короля, — маршал (марск) Тюргильс Кнутссон. Он «снарядил такой отличный флот, какого никогда не видали, и решил больше не щадить язычников (*hedno*)»[771]. Автор «Хроники Эрика» последовательно обвиняет новгородцев в потворстве «язычникам», если прямо не называет их «язычниками», противопоставляя их «христианам»-шведам[772].

Тем не менее в 1301 г., когда на помощь новгородцам пришел великий князь владимирский Андрей Александрович (сын Александра Невского) с «полками низовскими» (т. е. войсками из Суздальской земли), Ландскрона пала и была разрушена[773]. Определенную роль в неудаче шведских планов сыграла также дипломатическая активность новгородских властей, учитывавшая как заинтересованность Ганзы в прямой торговле с Новгородом, так и незаинтересованность Дании в усилении Швеции в регионе (об этом также будет сказано ниже)[774]. Сохранилась адресованная главному ганзейскому городу Любеку грамота, выданная Андреем Александровичем и новгородскими властями весной 1301 г., в которой поддержание условий торговли Новгорода с немецким купечеством ста-

---

[770] НПЛ. С. 91, 330—331.

[771] Erikskrönikan enligt cod. Holm. 2 jämte avvikande läsarter ur andra handskrifter / Utg. av R. Pipping. Uppsala, 1921. S. 83; *Рыдзевская Е. А.* Хроника Эрика, или Древнейшая рифмованная хроника: (Известия о русско-шведских отношениях XIII—XIV вв.) // *Рыдзевская Е. А.* Древняя Русь и Скандинавия. IX—XIV вв.: (Материалы и исследования). М., 1978. С. 114.

[772] *Lind J. H.* Consequences of the Baltic Crusades in Target Areas: The Case of Carelia // Crusade and Conversion on the Baltic Frontier 1150—1500 / Ed. A. V. Murray. Aldershot, 2001. P. 143; *Selart A.* Livonia, Rus' and the Baltic Crusades in the Thirteenth Century. P. 293—294.

[773] Подробное изложение событий на основании шведских и русских источников см.: *Шаскольский И. П.* Борьба Руси за сохранение выхода к Балтийскому морю в XIV веке. С. 10—63.

[774] *Lind J. H.* Consequences of the Baltic Crusades in Target Areas. P. 143—144.

вится в прямую зависимость от прекращения враждебных действий Швеции и уничтожения Ландскроны[775].

Важнейшим моментом в истории новгородско-шведских отношений стало заключение в 1323 г. в только что основанной новгородцами крепости Ореховецкого договора («вечного мира»), который уже упоминался выше. Он был заключен от имени князя Юрия Даниловича и Новгорода (посадника, тысяцкого и новгородского политического сообщества[776]) со шведским королем Магнусом II Эрикссоном (занимавшим тогда и норвежский престол). В нем впервые определялась граница между шведскими и русскими (в данном случае, новгородскими) владениями[777]. К сожалению, договор сохранился не в оригинале, а в более поздних копиях, и многие топонимы, которые в нем фигурируют, идентифицируются с трудом. Дискуссионен вопрос и о точном прохождении границы на определенных участках. По мнению некоторых исследователей, граница была не линейной и существовала открытая для обеих сторон общая зона, в которой дань с местного населения могли собрать и новгородцы, и шведы[778].

Последним серьезным столкновением Швеции и Новгорода в этот период был крестовый поход, организованный королем Магнусом II Эрикссоном в 1347—1351 гг. Формальной его целью было обращение в христианство карел, остававшихся еще в значительной степени язычниками, но была и задача экспансии на территориях, которые рассматривались новгородцами как принадлежавшие им. Впрочем, нет оснований считать идеологическое оформление похода чистой фикцией: он сопровождался требованиями не только к карелам, но и к новгородцам принять католичество, а вдохновительницей его была знаменитая шведская святая — Бригитта. Несмотря на первоначальные успехи (была взята Ореховецкая крепость), крестовый поход закончился провалом, никакие его цели реализованы не были, и в дальнейшем подобные предприятия со стороны Швеции не повторялись[779].

На севере Скандинавского полуострова в области Финнмарк, населенной преимущественно саамами, сталкивались интересы Новгорода и Норвегии. Отряды норвежских должностных лиц, собиравших дань с местного населения, нападали на расположенные южнее поселения карел, которых новгородские власти, как уже говорилось, рассматривали в качестве законного объекта даннической эксплуатации. В свою очередь, карелы также совершали грабительские походы в Финнмарк. Эти столкновения стали причиной организации новгородско-норвежских переговоров и заключения первого договора, о котором мы узнаем из саги о норвежском короле Хаконе Хаконарссоне (Хаконе Старом). В ней рассказывается о том, что прибывшие из Новгорода (Хольмгарда) послы «конунга Александра» (князя Александра

---

[775] ГВНП. № 33. С. 62—63. О дате см.: *Янин В. Л.* Новгородские акты XII—XV вв. С. 86.

[776] В древнерусском тексте — «весь Новгород», в латинском — «все новгородское сообщество» (tota communitas Nogardie).

[777] ГВНП. № 38. С. 67—68; № 205. С. 434—504; Sverges traktater med främmande magter / Utg. O. S. Rydberg. Stockholm, 1877. Del. I. S. 434—504; НПЛ. С. 97, 339.

[778] См. об этом: *Толстиков А. В.* Северо-западная граница Новгородской земли и Московской Руси в XIV—XVI вв.: От Ореховецкого мира до Тявзинского. Петрозаводск, 2019. С. 5—7.

[779] См. об этих событиях: *Шаскольский И. П.* Борьба Руси за сохранение выхода к Балтийскому морю в XIV веке. С. 142—164. Важные поправки (обоснование достоверности свидетельства так называемого «Рукописания Магнуша» о двух экспедициях Магнуса Эрикссона против Новгорода в ходе этой войны) см.: *Линд Дж. Х.* Религиозно-политические предпосылки «Рукописания короля свейского Магнуша» по шведским и русским источникам // Древнейшие государства Восточной Европы. 1999: Восточная и Северная Европа в Средневековье. М., 2001. С. 211—213.

Невского) заключили с норвежским королем соглашение о прекращении междоусобиц. Закрепить его должен был междинастический брак — сына Александра, которым мог быть только Василий Александрович, и дочери Хакона Кристин. В результате ответного норвежского посольства мир был подтвержден (хотя и отмечается, что долго он не продлился), но из сватовства ничего не вышло по причине нападения татар на «государство конунга Хольмгардов» (т. е. Новгородской земли — *riki Holmgardakongs*)[780]. По поводу датировки этих событий в историографии высказывались разные мнения. В частности, существует мнение, что они имели место в 1251 или 1252 г., и тогда они могли быть частью тех планов сближения русских земель с Западом и заключения общеевропейского антимонгольского союза под эгидой папы, о которых пойдет речь ниже[781]. В то же время были предложены аргументы в пользу их датировки 1257 г.[782] Так или иначе, это свидетельства определенной интенсивности новгородско-норвежских отношений в этот период. Возможно даже, что некоторую роль в попытках сближения Новгорода с Норвегией играли пограничные конфликты с Швецией, и целью этих попыток было избежать противостояния одновременно с двумя противниками[783].

Через три года после заключения Ореховецкого мира с Швецией в 1326 г. был заключен договор между Новгородом и Норвегией, также посвященный установлению границы и ее режиму (от имени Норвегии договор заключал уже упомянутый выше король Магнус II Эрикссон, одновременно являвшийся королем Швеции), и была составлена (в 1330—1350-е годы) специальная «разграничительная грамота», фиксировавшая конкретное прохождение рубежей между территориями, где сторонам довзолялось собирать дань[784]. Эти документы на долгое время определили границу между Новгородом и Норвегией, а впоследствии — между владениями датских королей, правивших Норвегией с 1380 г., и Русским государством (хотя, конечно, конфликты эпизодически случались и после этого). В то же время и эта граница, видимо, не вполне соответствовала современным представлениям о «настоящей» межгосударственной границе. В частности, вероятно, существовала обширная зона, в которой был разрешен сбор дани обеим сторонам, а если принять во внимание, что там появлялись и шведские сборщики дани, — то фактически трем[785].

Что касается Дании, то новгородско-датские отношения были связаны в это время в основном с датскими владениями в Северной Эстонии, а с конца XIV в. — с Норвегией, оказавшейся под властью датских королей. Здесь уместно,

---

[780] *Джаксон Т. Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе: Тексты, перевод, комментарии. М., 2012. С. 529, 531—532.

[781] *Lind J. H.* Mobilisation of the European Periphery against the Mongols. Innocent IV's All-European Policy in its Baltic Context — A Recantation // The Reception of Medieval Europe in the Baltic Sea Region. Papers of the XIIth Visby Symposium held at Gotland University, Visby, Visby, 2009. P. 75—91.

[782] *Джаксон Т. Н., Кучкин В. А.* Год 1251, 1252 или 1257? (К датировке русско-норвежских переговоров) // Восточная Европа в древности и средневековье: X Чтения к 80-летию чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто. Москва, 15—17 апреля 1998 г.: М-лы конф. М., 1998. С. 24—28.

[783] Там же. С. 28.

[784] ГВНП. № 39. С. 69—70; Sverges traktater med främmande magter. Del. I. S. 506—507 (о датировке и самом документе см.: *Линд Дж. Х.* «Разграничительная грамота» и новгородско-норвежские договоры 1251 и 1326 гг. // НИС. СПб., 1997. Вып. 6 (16). С. 135—143. Ср. более раннюю датировку: *Янин В. Л.* Новгородские акты XII—XV вв. С. 82 (коммент. И. П. Шаскольского)).

[785] *Толстиков А. В.* Северо-западная граница Новгородской земли и Московской Руси в XIV—XVI вв. С. 8—9.

впрочем, упомянуть о новгородско-датском соглашении 1302 г., о котором известно только из новгородской летописи: «...посылаша послы за море в Доньскую землю (Данию. — *П.Л.*), и привезоша миръ докончавше»[786]. Содержание договора неизвестно, но, по-видимому, он был связан с борьбой Дании и Швеции в конце XIII — начале XIV в. за влияние на приносившую огромные прибыли новгородско-ганзейскую торговлю и с попытками Новгорода найти противовес против шведской экспансии в Карелии, что уже отмечалось ранее[787].

Совершенно особое значение приобрели в этот период отношения с Ганзой[788]. Вторая половина XIII — первая половина XIV в. были временем формирования новгородской ганзейской конторы (сам термин «контора» появился, впрочем, позднее) — одной из четырех ганзейских контор, представительств Ганзы в важнейших торговых центрах Европы того времени: Лондоне, Брюгге, Бергене в Норвегии и Новгороде. Новгородская контора принимала «летних» и «зимних гостей», т. е. немецких купцов, живших и торговавших в Новгороде несколько месяцев в течение соответствующего сезона[789]. Она пользовалась внутренним самоуправлением, а порядок жизни ганзейских купцов определялся уставом конторы — «скрой», по мере необходимости обновлявшимся. Древнейшая редакция скры датируется серединой XIII в. Начиная с четвертой редакции (1355—1361) в состав скры включаются переводы новгородско-ганзейских договоров, в чем проявляется взаимодействие двух правовых систем[790]. Территориально ганзейская контора занимала два двора: двор Св. Петра (Немецкий) и Готский. Оба находились на Торговой стороне Новгорода.

Существовало два торговых пути, связывавших Новгород и ганзейские города: водный (по Балтийском морю, Финскому заливу, Ладожскому озеру и р. Волхов) и сухопутный («горой»; через ливонские земли). Главными товарами, которые закупали немецкие купцы в Новгороде, были пушнина и воск. О вывозе высококачественной пушнины (так называемой «чистой белки», «шеневерк») в ганзейские города известно с XIII — начала XIV в. (Любек, Гамбург). В середине XIV в. русская пушнина через посредство ганзейских купцов проникает в нидерландские города Брюгге и Дордрехт[791]. О масштабах экспорта пушнины из Новгорода свидетельствует, например, тот факт, что в начале XIV в. минимальные ежегодные закупки отдельных купцов достигали 5—10 тыс. шкурок. К концу XIV в. экспорт пушнины еще значительно увеличился[792]. В торговле воском Новгород, как предполагается, выступал в большей степени в качестве транзитного центра, поскольку главными районами развития бортничества были Смо-

[786] НПЛ. С. 91, 331.

[787] *Bysted A., Jensen C. S., Jensen K. W., Lind J. H.* Jerusalem in the North. Denmark and the Baltic Crusades, 1100—1522. Turnhout, 2012. P. 308—311.

[788] Термин «Ганза» по отношению к объединению германских торговых городов и купцов впервые фиксируется в 1282 г., до этого его можно употреблять только условно (см.: *Hammel-Kiesow R.* Die Hanse. München, 2014. S. 26—27).

[789] Ibid. S. 60—63.

[790] См.: *Сквайрс Е. Р., Фердинанд С. Н.* Ганза и Новгород: Языковые аспекты исторических контактов. М., 2002. С. 102—107. Издание всех редакций см.: Die Nowgoroder Schra in sieben Fassungen vom XIII. bis XVII. Jahrhundert / Hrsg. von W. Schlüter. Dorpat, 1911. Некоторые ранние ганзейские документы, имеющие отношение к контактам с Новгородом, написаны на латыни, но в XIV в. Ганза полностью в сношениях с ним перешла на свой «родной» средненижненемецкий язык (*Сквайрс Е. Р., Фердинанд С. Н.* Ганза и Новгород. С. 48—52).

[791] *Хорошкевич А. Л.* Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV—XV веках. М., 1963. С. 77—78.

[792] Там же. С. 108, 111.

ленская и Полоцкая земли, позднее — районы Нижнего и Среднего Поволжья[793]. Основными товарами, импортировавшимися в Новгород через посредство ганзейских купцов, были ткани (прежде всего, фландрское сукно); соль (добывавшаяся главным образом в районе немецкого города Люнебурга, к юго-западу от главного города Ганзы Любека)[794]; металлы, в частности, благородные (своего серебра на Руси не было, и Новгород выступал фактически в роли монополиста, снабжавшего им другие русские земли[795]). Следует специально отметить, что предметом импорта (а не экспорта, как иногда это представляется в литературе) был мед (напиток)[796].

Отношения с Ганзой были в то же время далеки от идиллических. Постоянно возникали торговые войны, случались и конфликты. Хотя существовал правовой механизм их урегулирования, закрепленный еще положением договора 1269 г. между Новгородом, с одной стороны, и Готландом и Любеком, с другой: «Если между немцами и новгородцами случится ссора, ссоре нужно положить конец на дворе [церкви] святого Иоанна [на Опоках, на Ярославовом дворище на Торговой стороне] перед посадником, тысяцким и перед купцами (новгородскими купеческими старостами. — *П. Л.*)»[797] — далеко не всегда он эффективно работал. В таких случаях типичными способами давления на противоположную сторону были: со стороны Ганзы — торговая блокада Новгорода, со стороны Новгорода — арест немецких купцов вместе с их товаром. Широко использовалось формально запрещенное «частное правосудие», т. е. аресты, которые чинились в отношении иностранных купцов не властями, а их партнерами — местными купцами[798].

Одно из наиболее ожесточенных столкновений между ганзейскими купцами и новгородцами произошло в 1331 г. В результате драки, возникшей на бытовой почве, один новгородец погиб, а несколько немцев и русских были ранены. Это привело к длительному противостоянию, в разрешении которого приняли участие различные органы власти и должностные лица Новгорода: вече, посадник, тысяцкий, «господá». В пространном послании, отправленном властям Риги немецкими купцами в Новгороде по итогам конфликта, упоминаются 300 золотых поясов, принимавших участие в переговорах с ганзейскими купцами[799]. Вопреки высказывавшемуся в историографии мнению в этом наименовании следует видеть обозначение не веча, которое упоминается в этом же документе как *dinc* — слово, родственное древнеисландскому «тинг» (*þing*), как называли в древней Скандинавии «народное собрание», а, вероятнее всего, новгородской элиты в целом[800].

Такие конфликты разрешались в ходе переговоров, иногда длительных, которые заканчивались заключением договоров между властями Новгорода и ганзей-

---

[793] *Хорошкевич А. Л.* Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV—XV веках. М., 1963. С. 126—127; *Goetz L. K.* Deutsch-Russische Handelsgeschichte des Mittelalters. Lübeck, 1922. S. 260. (Hansische Geschichtsquellen. Neue Folge; Bd. V).

[794] Вопреки встречающимся в литературе оценкам, соледобыча в рассматриваемый период была очень слабо развита как в Новгороде, так и на Руси вообще (*Хорошкевич А. Л.* Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV—XV веках. С. 216—217, 238—239).

[795] Там же. С. 268—272.

[796] Там же. С. 323—329.

[797] ГВНП, № 31. С. 60.

[798] Подробнее об истории отношений между Новгородом и Ганзой в этот период см.: *Goetz L. K.* Deutsch-Russische Handelsgeschichte des Mittelalters. S. 51—79; *Рыбина Е. А.* Новгород и Ганза. М., 2009. С. 62—82.

[799] *Лукин П. В.* Новгородское вече. Прилож. 2. С. 545—557.

[800] См. об этом: Там же. С. 342—360.

ских городов. Целый ряд новгородско-ганзейских договоров этого времени и связанная с ними корреспонденция новгородской ганзейской конторы сохранились и, в условиях утраты новгородского архива, представляют собой ценнейшие источники по истории Новгорода.

Интенсивная торговля с Ганзой не могла не накладывать свой отпечаток на положение дел внутри Новгорода. К сожалению, из-за недостатка данных твердые суждения выносить тут сложно, но можно предположить, что постоянный приток колоссальных средств из Западной Европы (а также даней с периферийных территорий) позволял новгородской элите смягчать социальную напряженность и консолидировать новгородское общество вокруг идеи «вольности». Возможно, это и было для низших слоев новгородского «политического народа» своего рода компенсацией тех потерь, которые они несли в ходе «приватизации» крупными собственниками земель «всего Новгорода» в XIV—XV вв. Косвенным подтверждением этого может служить ассортимент ганзейского экспорта в Новгород. Так, самыми популярными там были поперингские сукна, существенно более дешевые и менее качественные, чем высококачественные ипрские (изготовлявшиеся соответственно в двух фландрских городах: Поперинге и Ипре). Это означает, что потребителями импортных тканей была не только знать, но и новгородский «средний класс»: рядовые торговцы и ремесленники[801]. А именно эти группы населения и составляли основную массу новгородского «политического народа».

Впоследствии, в конце XIV—XV вв., именно внешнеполитические факторы окажут во многом решающее влияние на судьбу Новгородской республики, однако в рассматриваемый период ее положение было в целом стабильным.

Псковская земля

Изучение истории Пскова этого периода осложнено недостатком источников. Первые сохранившиеся псковские летописные своды датируются второй половиной XV в., хотя отдельные краткие записи о разных псковских событиях велись уже с конца XIII столетия. Выдвигались предположения о псковском летописном своде 1368 г. и последующих, но они носят гипотетический характер и не разделяются другими исследователями[802]. Что касается относящихся к Пскову документов XIII—XIV вв., то общее их число не достигает и двух десятков[803]. Тем не менее анализ как псковских, так и иных источников позволяет прийти к определенным выводам.

К концу первой трети XIII в. Псков представлял собой политический и административный центр земель по берегам р. Великой, а также с восточной стороны Чудского и Псковского озер, в которые впадает эта река, и по правобережью вытекающей из этих озер р. Наровы вплоть до впадения в нее р. Плюссы. Западным соседом Пскова была чудь — группа этносов, принадлежавших к прибалтийско-финской языковой группе. В предшествовавший период контролировавшие Новгород кня-

[801] *Лукин П. В.* Новгородское вече. Прилож. 2. С. 182—185.

[802] Обзор истории и историографии псковского летописания см.: *Вовин А. А.* Городская коммуна средневекового Пскова. XIV — начало XVI в. СПб., 2019. С. 56—85; ср.: *Введенский А. М.* О нижней границе создания общего протографа псковских летописей // Rossica antiqua. 2018. Вып. 1/2. С. 26—47 (о датировке общего протографа псковских летописей не ранее 1418/1419 гг.).

[803] Псковских документов периода самостоятельности и написанных по соответствующему формуляру всего известно в настоящее время 83 (благодарим за указание И. Ю. Анкудинова).

зья при помощи новгородских и псковских войск предпринимали активные действия, направленные на установление отношений даннической зависимости и развитие экспансии в чудские земли, но появление в Прибалтике подчинивших чудь сил ордена меченосцев полностью изменило ситуацию, в итоге вынудив русскую сторону перейти к обороне. В результате граница там стабилизировалась, что, впрочем, на фоне постоянного псковско-немецкого военно-политического соперничества не мешало приграничным конфликтам и военным рейдам вглубь соседских владений, совершаемым с обеих сторон. К югу от Пскова лежала Полоцкая земля, в XIII в. переходящая под власть Литвы. На востоке располагалась протяженная псковско-новгородская граница[804]. Размер территории Псковской земли в сравнении с соседями оказывается не слишком большим, ее природные ресурсы также были не столь велики, но пашенное земледелие и скотоводство вполне надежно обеспечивали ее жителей пропитанием, а развитое рыболовство в р. Великой и в крупных озерах играло серьезную роль в псковском хозяйстве. Вместе с тем отсутствие собственных соляных промыслов нередко даже непосредственно влияло на псковскую политику: так, торговая блокада, установленная в 1233 г. Ярославом Всеволодичем, и вызванное ею подорожание соли вынудили псковичей пойти на соглашение с новгородским князем[805]. Резко отличали Псков от соседнего Новгорода и ограниченность фонда сельскохозяйственных земель, и отсутствие достаточно обширных периферийных территорий, пригодных для экстенсивного освоения, для получения оттуда даней и последующей колонизации. Одним из следствий этого стала чрезвычайная дробность землевладения псковичей и неразвитость в сравнении с Новгородом крупной земельной собственности местной знати[806]. Тот факт, что вопреки всему этому Псков сумел сформировать и в течении долгого времени сохранять самостоятельное политическое устройство, на протяжении веков избегая подпадания под власть чрезвычайно сильных и куда более крупных соседних политических образований, в том числе и в жестком военном противостоянии с ними, вынуждает предположить особую гибкость и эффективность внешней политики псковской правящей элиты, высокую устойчивость сложившейся там социально-политической модели и, видимо, постоянный приток значительных финансовых ресурсов, получаемых благодаря внешней торговле. С этим можно связать регулярное совершенствование мощных каменных укреплений и наличие хорошо вооруженных и экипированных военных сил, способных противостоять орденским и епископским войскам, а также строи-

---

[804] См.: *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. СПб., 2006. С. 75—79; *Бассалыго Л. А., Янин В. Л.* Административное устройство Псковской земли // *Янин В. Л.* Новгород и Литва: Пограничные ситуации XIII—XV веков. М., 1998. С. 115—139; *Харлашов Б. Н.* Псковская земля в XIV—XVII вв. (территория и границы) // Труды VI Междунар. конгресса славянской археологии. Новгород, 26—31 августа 1996 г. Т. 1. Мнение А. А. Вовина о том, что в XII—XIII вв. владения Пскова были «крайне невелики» и ограничивались лишь ближайшей к городу округой, а его основная территория, обозначенная сетью пригородов, формируется лишь во второй половине XIII — второй половине XIV в. (*Вовин А. А.* Городская коммуна средневекового Пскова. XIV — начало XVI в. С. 111—112), трудно принять в связи с отсутствием данных, отражавших столь значительный рост, в современных ему источниках, в том числе тех, происхождение которых связано с соседями Пскова, чьи земли в таком случае стали бы объектом псковской экспансии.

[805] НПЛ. С. 72.

[806] *Мартысевич И. Д.* Псковская судная грамота. М., 1951. С. 94; *Марасинова Л. М.* Новые псковские грамоты XIV—XV вв. М., 1966. С. 125—126, 141, 145—147, 150; *Алексеев Ю. Г.* Псковская судная грамота и ее время. Л., 1980. С. 128—133.

тельство в Пскове большого числа каменных храмов[807]. Несмотря на расположение Псковской земли на водном пути, ведущем к Балтийскому морю, данных о его использовании в то время как торговой магистрали немного[808], но идущие через Псков важные сухопутные дороги, связывающие Новгород с близлежащим Дерптом и с Ригой, а также близость к полоцкому рубежу позволяли получать доходы и от международного торгового транзита, и от самостоятельных коммерческих операций.

Древнерусское городское поселение, ставшее центром тянущей к нему округи, возникает на высоком каменистом мысу у слияния рек Великой и Псковы уже в конце IX — начале X в. Ему предшествовало поселение VII—IX вв., в культуре жителей которого заметны восточнобалтские, прибалтийско-финские и славянские черты, а позднее проявляется и скандинавское присутствие[809]. На протяжении XIII—XIV вв. городская территория Пскова непрестанно растет, а система укреплений развивается и усложняется[810]. К началу рассматриваемого периода город уже располагал каменной крепостью — детинцем, каменным собором Троицы и каменным же храмом в монастыре Спаса на Мироже. Другим древнейшим городом Псковской земли был Изборск, тоже возникший еще в раннее древнерусское время, однако, несмотря на наличие мощной крепости, близость к ливонской границе не позволила ему претендовать на самостоятельный статус. В итоге Изборск оказывается старейшим из пригородов Пскова, противостоящим впоследствии основанному ливонцами в 1341 г. Нейхаузену — «Новому городку» летописей. Именно со взятия Изборска и с победы над подошедшей на защиту города псковской ратью начиналось немецкое завоевание Псковской земли в 1240 г. В источниках XIV в. упоминаются также Гдов, Остров, Воронач и Велье, тогда же, видимо, возник и разрушенный позже Коложе[811]. В «Списке городов русских дальних и ближних» в числе псковских названы «Изборьско камен, Остров камен, Воронач, Велье, Котелно, Коложе, Врево, Дубков, Черниця», а на протяжении XV в. число пригородов Пскова достигло 12[812]. Формирование и развитие этой системы укрепленных центров шло под псковским контролем и определялось в первую очередь требованиями военной безопасности, а сами пригороды одновременно выполняли задачи защиты населения собственных округ и прикрытия Пскова с наиболее угрожаемых направлений вторжений со стороны ливонских военно-политических структур, а также Литвы и, позднее, Новгорода.

Политическое положение Пскова относительно Новгорода и в самое раннее, и в последующее время их существова-

---

[807] Всего в XIV в. в Пскове насчитывалось 22 приходские церкви и 10 монастырей; лишь за период 1365—1398 гг. сооружено не менее полутора десятков каменных храмов. См.: *Лабутина И. К.* Историческая топография Пскова в XIV—XV веках. М., 2011. С. 49, 293.

[808] Есть лишь известие 1323 г. о том, что напавшие «на миру» немцы избиша «гость во озере», а также сообщение о безотлагательной и резкой реакции Пскова в 1343 г. на построение немцами города «над Наровою противъ исада псковского», когда в ответ псковичи «подъемше всю свою область» и, двинув к городку крупные конную и судовую рати во главе с посадником Иваном, сожгли укрепление и уничтожили его гарнизон, что позволяет предполагать особую значимость для города в это время свободного судоходства по Нарове (ПЛ. Вып. 1. С. 15, 20; Вып. 2. С. 22, 26, 89, 99).

[809] *Лабутина И. К., Плоткин К. М.* Начало Пскова // Археологи рассказывают о древнем Пскове. Псков, 1992. С. 41—43.

[810] *Лабутина И. К.* Историческая топография Пскова в XIV—XV веках.

[811] См. также: *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. С. 77—78.

[812] НПЛ. С. 477; ПЛ. Вып. 2. С. 164.

ния остается дискуссионной проблемой, детальное решение которой затруднено ограниченностью, а для некоторых периодов и практически полным отсутствием источников[813]. В данном случае важна констатация факта, что и термин «суверенитет», и обозначаемое им понятие абсолютной политической независимости, детально разработанное политико-юридической мыслью Нового времени, незнакомы русскому средневековью, как и термины «федерация», «конфедерация» и «вассалитет». Столь же важным видится то, что в известиях летописей и актов, привлекаемых при рассмотрении вопроса о псковско-новгородских взаимоотношениях, фигурируют не две, как в традиционном историографическом анализе этих отношений, а три стороны: Псков, Новгород и княжащий в Новгороде князь, и все они обладают своими отраженными в источниках позициями и интересами[814].

К концу первой трети XIII в. в Пскове уже сложился комплекс представлений, в рамках которого городское сообщество являло собой общность «братии-псковичей». Когда приведший собственные полки из Переяславля новгородский князь Ярослав, которого и псковичи, и новгородцы заподозрили в намерении под предлогом похода на Ригу «изымать» псковскую знать, прислал к псковичам заверения в добрых намерениях и призвал присоединиться к походу, а также предложил выдать ему тех горожан, кто якобы оклеветал его перед Псковом, псковский ответ был емким и лаконичным: «тобе ся, княже, кланяемъ и братьи новгородьцемъ; на путь не идемъ, а братьи своеи не выдаемъ; а с рижаны есме миръ взяли». Псковский посол напомнил, что в результате недавних княжеских походов к Колывани, Кеси и Медвежьей Голове воины князя и новгородцы, взяв добычу, вернулись, не заключив мира, из-за чего «нашя братья» псковичи в отместку убиты немцами на озере. Если же вы действительно задумали идти на нас, завершил посол, то «мы противу вас съ святою Богородицею и съ поклоном», и вам будет лучше иссечь нас и взять себе наших жен и детей, что с вашей стороны будет не лучше поганых. Услышав это, новгородцы заявили Ярославу: «мы бе-своея братья бес пльсковиць не имаемъся на Ригу; а тобе ся, княже, кланяемъ», на деле солидаризовавшись с псковской позицией. Князю пришлось отослать полки восвояси, и вскоре он сам выехал из Новгорода обратно в Переяславль, псковичи же отпустили своих ливонских со-

---

[813] См.: *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. С. 69 (обоснование окончательного перехода Пскова под власть новгородцев в 1036 г., затем с XIV в. Псков начинает отрываться от Новгорода); *Колотилова С. И.* К вопросу о положении Пскова в составе Новгородской феодальной республики // История СССР. 1975. № 2. С. 145—152 (в XII—XIII вв. Псков входит в состав Новгородской феодальной республики в качестве «брата молодшего», на рубеже XIII—XIV вв. обретает независимость); *Янин В. Л.* «Болотовский» договор: О взаимоотношениях Новгорода и Пскова в XII—XIV вв. // *Янин В. Л.* Средневековый Новгород: Очерки археологии и истории. М., 1994. С. 259—263 (обоснование полной независимости Пскова от Новгорода начиная с 1137 г.); *Буров В. А.* Псков — «младший брат» Новгорода // *Буров В. А.* Очерки истории и археологии средневекового Новгорода. М., 1994 (обоснование вассального подчинения Пскова Новгороду в XII—XV вв.); *Валеров А. В.* Новгород и Псков: Очерки политической истории Северо-Западной Руси XI—XIV веков. СПб., 2004 (в XI — первой трети XII в. Псков — пригород Новгорода, позднее становится суверенным городом-государством); *Вовин А. А.* Городская коммуна средневекового Пскова. XIV — начало XVI в. (Псков — равноправный союзник Новгорода в рамках Новгородской конфедерации — во второй половине XIII в. утрачивает часть независимости, превращаясь в вассала Новгорода, но к середине XIV в. вновь восстанавливает независимость).

[814] Впервые на это указал С. А. Салмин. См.: *Салмин С. А.* Псков и новгородские князья в XII—XIII вв.: Некоторые реалии политических взаимоотношений // Страны Балтии и русский Северо-Запад: исторический опыт взаимодействия: М-лы Междунар. научно-практич. конф. Великий Новгород, 2018. С. 37–57.

юзников, а тех из сограждан, кто был связан с князем («ималъ придатъкъ у Ярослава»), выгнали из города со словами: «поидите по князи своемь, намъ есте не братья»[815]. Таким образом, следование нормам «братства» очерчивает пределы городского сообщества: те, кто нарушает эти нормы, изгоняются из города, принимающие же их находятся под защитой всей общности, не выдающей их, готовой мстить за подвергшихся нападениям, и вплоть до конца сражаться с теми, кто пойдет на нее с враждебными намерениями. При этом псковичи не ставят под сомнение саму власть князя Ярослава и надеются на братское же отношение к ним со стороны новгородцев.

Помимо давних отношений «братства» со своими псковскими соседями, в стремлении Новгорода сохранять *status quo* применительно к положению Пскова, не допуская чрезмерного давления на него со стороны собственного князя, в XIII в. была и прагматическая цель: избежать риска сближения того с ливонскими соседями. Его актуальность в то время демонстрирует и упоминавшийся договор с Ригой 1228 г., и участие псковских воинов вместе с немцами «из Замория», с рижанами и со всей Чудской землей в крестовом походе на литовцев 1236 г., и известия Генриха Латвийского о связях князя Владимира Псковского с епископом Риги.

В 1240 г. разворачивается стремительное наступление войск Ливонского отделения Тевтонского ордена и дерптского епископа на Псковскую землю, включавшее захват Изборска, поражение в кровопролитной битве подошедшего на его защиту псковского войска, и последующую осаду Пскова[816]. В историографии имеются суждения о добровольной сдаче Пскова орденским войскам большей частью «общины Пскова», о принятии такого решения «на вечевом собрании», о приглашении крестоносцев «самими псковичами», о том, что «с точки зрения города» она означала не более чем смену князя[817]. Эти утверждения, однако, не подкрепляются источниками. В НПЛ говорится, что сдача города стала результатом «перевета» (измены) части псковичей во главе с Твердилой Иванковичем, но это произошло после жестокого поражения псковичей у Изборска, опустошения ливонцами окрестностей города и сожжения псковского посада и взятия ими в заложники («в тали») детей у псковской элиты («добрых мужей»)[818]. Еще более определенно выглядит описание событий в орденской Старшей Рифмованной хронике, согласно которой в Изборской битве погибло восемьсот псковичей (даже если считать эту цифру преувеличенной, все равно потери явно были по тем временам колоссальными и привели к утрате значительной части воинского контингента, что сделало невозможным дальнейшее сопротивление)[819]. Псковичи были отнюдь «не рады гостям», они покорились Ордену, так как были истощены в сражении под Изборском и опасались полной катастрофы[820]. После сдачи Пскова, по НПЛ, им «поча владѣти» Твердило вместе

[815] НПЛ. С. 66.

[816] См. подробнее: *Selart A.* Livonia, Rus' and the Baltic Crusades in the Thirteenth Century. P. 162—166.

[817] *Валеров А. В.* Новгород и Псков… С. 164—168; *Данилевский И. Н.* Ледовое побоище: Смена образа // Отечественные записки. 2004. № 5 (URL: http://www.strana-oz.ru/2004/5/ledovoe-poboishche-smena-obraza#t2 (дата обращения: 20.11.2019)); *Selart A.* Livonia, Rus' and the Baltic Crusades in the Thirteenth Century. P. 165 (имеется в виду князь Ярослав Владимирович, который, по-видимому, действовал в союзе с немцами).

[818] НПЛ. С. 77.

[819] *Вовин А. А.* Городская коммуна средневекового Пскова. XIV — начало XVI в. С. 119—120.

[820] LR / Hrsg. von L. Meyer. Hildesheim, 1963. S. 49—50 («…die von Plezcowe dô wâren der geste unvrô… die Rûzen wâren strîtes mat dâ vor bie Îsburc worden: sie boten sich dem orden, wan sie vorchten ungemach…»); см. также: *Лукин П. В., Пчелов Е. В.* Как рецензент не раскрыл тему: О рецензии Л. А. Кацвы // Историческая экспертиза. 2016. № 1. С. 96—97.

с «немцами», в орденской же хронике Твердило не упоминается, зато там говорится о назначении туда двух орденских «братьев» (рыцарей) в качестве наместников-фогтов, которые во главе небольшого войска должны были охранять захваченные территории[821]. Часть горожан при этом бежала с семьями в Новгород. Сопоставление и анализ данных источников позволяет предположить, что, хотя часть псковичей вынужденно пошла на сдачу города, о добровольном призвании крестоносцев говорить не приходится. Имел место вооруженный захват Пскова силами ордена и установление над ним владычества, о чем прямо и сказано в источнике: «их (т. е. немцев. — *Авт.*) господство» (ir hêrschaft).

В итоге псковичи все же сдают свою столицу без боя, и власть там по договоренности с победителями получает представитель местной знати Твердило Иванкович, управляющий вместе с орденскими «тиунами»[822]. Итогом установления контроля ордена над Псковом стало построение немцами крепости в Копорье уже на собственно новгородской территории, возложение ими дани на новгородскую водь и чудь и военные рейды, не доходящие лишь 30 верст до самого Новгорода. Ресурсов самого Новгорода в этой ситуации явно не хватало не только для изгнания орденских войск из Пскова, но даже для надежной защиты своей земли, и лишь соединенные силы Александра и Андрея Ярославичей с «низовскими полками» и новгородской рати общими усилиями смогли исправить ставшее опасным для Новгорода положение.

С учетом этого можно отметить, что с первых десятилетий XIII в. для Новгородской республики важной функцией Пскова становится его положение между орденскими владениями и собственными землями Новгорода, снижающее для того прямые военные риски: обременительная необходимость организации постоянной обороны и разрешения локальных конфликтов с мощным и весьма агрессивным в это время западным соседом целиком падает на плечи псковичей, новгородцы же, избавленные от повседневной угрозы, лишь предоставляют помощь в случае просьб со стороны Пскова, которые, конечно, порождали и встречные обязательства. Если бы Новгороду пришлось иметь дело с немецкими рыцарями без псковского участия, в одиночку, как видно из событий 1240—1242 гг., он оказался бы в ситуации растущей зависимости от поддержки великих князей из Суздальской земли, что угрожало его «вольности в князьях» и политическому устройству. В имеющихся же условиях обязанность военной защиты находящегося под верховной властью великого князя Пскова в случае критического развития событий в значительной мере лежала и на самом князе. Таким образом, сохранение дружественной Псковской земли как «стратегического предполья» в отношениях с ливонскими землями и в некоторой мере с Литвой было в интересах Новгородской республики.

Высказывавшееся мнение, что в итоге событий 1240—1242 гг. обескровленный Псков попал в большую зависимость от Новгорода, нежели раньше, трудно поддержать: свидетельств этому не имеется, более того, в 1253 г. его жители уже эффективно противостоят немецкому набегу, а затем в совместном с новгородцами ответном походе, как отмечает новгородский летописец, именно псковичи одержали победу, в результате которой немцы «прислаша въ Пльсковъ и в Новъгородъ, хотяще мира на всеи воли новгородьскои и на пльсковьскои»[823]. Факты, свидетельствующие о сохраняю-

[821] ПЛ. С. 77; LR. S. 50—51.
[822] НПЛ. С. 77, 295.
[823] НПЛ. С. 80.

щемся военном потенциале и подчеркнутая летописью близость статусов Новгорода и Пскова во внешнеполитических связях вряд ли соответствуют представлениям о демографической катастрофе в Пскове после 1240—1242 гг. и о попадании его в это время в полную зависимость. Заметим также, что ни во время походов Батыя, ни впоследствии Псковская земля не подвергалась ордынским набегам, более того, не завоеванный татарами Псков никогда не принимал ханских послов и не участвовал, насколько можно судить, в новгородских выплатах завоевателям. Тамга, которую вместе с десятиной требовали с Новгорода послы хана при поддержке князя Александра Ярославича, в Пскове не собиралась вплоть до 1510 г.[824]

Следует также указать, что на деле освобождением псковичи были обязаны не столько новгородцам, сколько Александру Ярославичу. Это ярко выражено и в его Житии: когда после победы на Чудском озере князь подошел к Пскову, «игумени же и попове и весь народ срѣтоша и пред градомъ съ кресты, подающе хвалу Богови и славу господину князю Александру, поюще пѣснь: "Пособивый, Господи, кроткому Давыду побѣдити иноплеменьникы и вѣрному князю нашему оружиемь крестным и свободи градъ Псков от иноязычникъ рукою Александровою"»[825]. Рифмованная хроника тоже сообщает, что Александр Невский пришел с большим войском, чтобы «освободить псковичей», чему они были «сердечно рады»[826]. Таким образом, если и говорить об усилении зависимости, то это зависимость именно от княжащего в Новгороде князя, и князя конкретного, Александра Ярославича, которого именуют «нашим князем» псковичи.

Летописание сохранило и другие возводимые к Житию Александра слова по этому поводу: «О невегласи псковичи! Аще забудете и до кончины века великого князя Александра Ярославичя, то уподобитеся жидомъ, ихъже препита Господь въ пустыни крастели печеными, они же забыша всѣхъ благъ Бога своего, изведшаго ихъ изъ работы Египетскіа Моисеомъ, се же вамъ глаголю: аще кто и напослѣдъ пріидетъ отъ рода его в печали какой въ Псковъ к вамъ, а не пріимете его или не почьтете, то наречется вторая жидова»[827]. В новгородской летописи фрагмент о таком специфическом долге псковичей к князьям-сородичам Александра отсутствует, зато во всех ветвях псковского летописания он неизменно приводится. Насколько можно судить, легитимирующее обязательство чтить память князя подобным образом долгое время затем использовалось для самостоятельного, без оглядки на Новгород и его князей, принятия псковичами различных прибывающих к ним лиц с княжеским титулом, что способствовало демонстрации их особого политического статуса и претензий на стольный статус, а некоторые из приехавших таким образом впоследствии действительно сажались на псковский стол.

Эта на вид гипотетическая возможность активно реализуется уже с середины XIII в. и далее на протяжении всего самостоятельного существования Пскова. Так, уже в том же 1253 г. прибежище в Пскове нашел бежавший от Неврюевой рати Ярослав Ярославич, причем новгородская летопись отмечает, что «посадиша его во Пскове». Использованая летописцем конструкция не позволяет точно решить, чья воля в этом преобладала, Новгорода

---

[824] ПЛ. Вып. 1. С. 96; ПСРЛ. М., 1965. Т. 30. С. 140; «Взятие Пскова» — рукопись Румянцевского музея № 255, л. 514 об. — 524 об. // *Масленникова Н. Н.* Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству. Л., 1955. С. 194.

[825] *Бегунов Ю. К.* Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». С. 172.

[826] LR. S. 50 («Êr hette manchen Rûzen bracht zû lôsene die von Plezkô. Des wâren sie von Herzen vrô»).

[827] ПСРЛ. Т. 18. С. 65; ПЛ. Вып. 1. С. 13; Вып. 2. С. 21, 88.

или Пскова, но в тех же годовых статьях о действиях именно новгородцев они называются прямо, а сказуемое «посадиша» применительно к князю такого уровня *a priori* предполагает высокий политический статус в новом месте пребывания. Вскоре, в 1255 г., новгородцы изгнали сидевшего у них сына великого князя Александра Ярославича Василия, а Ярослава «выведоша» из Пскова и посадили у себя на столе[828]. Изложение событий позволяет предполагать не одно лишь прямое распоряжение новгородцами псковским князем, но и сделанное ими Ярославу в ситуации неизбежного после изгнания Василия конфликта с Александром более заманчивое предложение. Вскоре Псков вновь стал убежищем для князя-сородича Александра, на этот раз — для бежавшего из Новгорода при приближении собственного отца с татарскими послами княжича Василия, великий князь же «выгна сына своего изъ Пльскова и посла в Низъ»[829].

Чрезвычайно важную роль сыграли события 1265 г., когда в результате бурных литовских междоусобиц в Псков прибегают «съ 300 Литвы с женами и с дѣтми, и крести я князь Святьславъ с попы пльсковьскыми и съ пльсковичи». Это известие ценно в целом ряде отношений: в нем назван находящийся в это время в Пскове князь, и им оказывается сын великого князя Ярослава Ярославича, кроме того, это первое сообщение о совместном политическом решении князя и псковичей, т. е. городского сообщества. Интересно, что оно вызвало неприятие со стороны Новгорода, но было поддержано новгородским князем: «а новгородци хотѣша ихъ исѣщи, но не выда ихъ князь Ярославъ и не избьени быша»[830]. Важнейшим итогом этих событий стало появление в Пскове литовского князя Довмонта.

Вскоре Довмонт с псковичами идет походом в литовские земли на князя Герденя, и там ему сопутствует военная удача: удается даже захватить княгиню и двух Герденевых сыновей, затем следует и второй поход. Теперь уже увидевший в закреплении в Пскове получившего полную поддержку горожан деятельного литовского князя с дружиной угрозу для собственной верховной власти над Псковом Ярослав Ярославич специально приходит в Новгород «с полкы низовьскыми», чтобы пойти на Довмонта. Но еще недавно сами собиравшиеся вопреки воле своего князя убить выбежавших в Псков литовцев, жители города на Волхове возбраняют ему это, заявив, что в поход на псковичей Ярослав смог бы пойти, лишь договорившись с новгородцами[831]. Вне зависимости от того, была ли связана смена их мнения с тем, что столкновение Пскова и их князя в ситуации напряженности в регионе было не в интересах Новгорода, или с тем, что новгородская знать уже осознала прочность базы, которую Довмонт обрел в Пскове, и потенциал этого князя как военачальника и политика, способного твердо встать на пути и литовской, и немецкой агрессии[832], но итогом стало длительное (с 1266 по 1299 г.) псковское княжение Довмонта, имевшее самые серьезные последствия. К ним можно отнести сдерживание натиска на Псков с запада, чему послужила и победа в 1268 г. под Раковором соединенных сил русских князей и новгородцев, в которой участвовали и возглавляемые Довмонтом псковичи, и целый ряд самостоятельных военных акций этого князя, запомнивше-

[828] НПЛ. С. 80.

[829] Там же. С. 82.

[830] Там же. С. 85.

[831] Там же; ПЛ. Вып. 1. С. 13; Вып. 2. С. 16, 83.

[832] В следующем году в очередной удачный поход на Литву Довмонта спровождают не только псковичи, но и новгородцы с Елеферием Сбыславичем (НПЛ. С. 85).

гося Пскову именно как победитель. Другим результатом его пребывания на псковском столе стало глубокое укоренение в формирующейся политической системе Пскова института княжеской власти: так, самый ранний из дошедших псковских актов, фиксирующий частную сделку между псковичами, написан «довмонтовым писцом» и запечатан княжеской печатью Довмонта[833]. За 33 года правления Довмонта за Псковом закрепляется уже несомненный стольный статус, и даже когда позднее на время возвращается практика назначения во Псков наместников новгородских князей, «городом стольным» Псков именуют уже даже сами новгородцы[834].

Псковичи высоко ценили своего князя, и когда Довмонт скончался, они захоронили его в своем главном храме — Троицком соборе. Образ Довмонта стал впоследствии одной из основ псковской политической идентичности. Уже в XIV в. возникает почитание памяти Довмонта как покровителя Пскова. В известиях псковских летописей есть упоминания о том, как в трудных ситуациях псковичам помогала молитва перед Богом «Всеволода и Тимофея» (т. е. Всеволода-Гавриила Мстиславича и Довмонта-Тимофея)[835]. В 1373 г. «поставлена бысть церковь камена святого Тимофѣя, Доманта князя» (т. е. посвященная святому покровителю Довмонта апостолу Тимофею)[836]. Во второй четверти XIV столетия была составлена «Повесть о Довмонте», включенная впоследствии во все три версии псковской летописи[837]. В Повести упоминается меч Довмонта, который был освящен в Троицком соборе. В следующем столетии связываемая с именем князя почитаемая реликвия уже появляется у его захоронения[838].

Довмонт умер в 1299 г., как уточняют летописи новгородско-софийской группы 20 мая[839]. За время его правления, продолжавшееся более трети столетия, позиции князя в политической структуре Пскова должны были укрепиться. Однако после кончины упокоившегося в соборе Троицы Довмонта, не оставившего сыновей, Псков вновь подпадает под контроль великих князей, правящих в Новгороде. Из нелетописных источников известен ряд князей, получавших в это время от них власть в Пскове. В их число входит Федор Михайлович, князь из Ростовского дома, занявший псковский стол в самом конце княжения Андрея Александровича и вновь рассматривавшийся как кандидат при Михаиле Ярославиче в 1306—1307 гг., а впоследствии, судя по всему, самостоятельно княживший в Белоозере. Два других князя упомянуты в записях на псковских рукописных книгах под 19 ноября 1309, 1310 или 1311 гг. и под 17 мая 1313 г.: первая из них сделана «при архиепископе новгородскомь Давыде, при великомь князи новъгородьскомь Михаиле, а пльскомь Ивань Федоровици, а посадниче Борисе…», вторая «при архиепископе Давыде Новгородьском, при великомь князи Михаиле, при князи Борису Пльсковьскомь…» Формуляр записей отражает структуру существующей

---

[833] ГВНП. № 331. С. 317.

[834] ГВНП. № 8. С. 18.

[835] ПЛ. Вып. 1. С. 16, 19, 29; Вып. 2. С. 23.

[836] ПЛ. Вып. 2. С. 23. Ср.: *Охотникова В. И.* Псковская агиография XIV—XVII вв.: В 2 т. Т. 1: Жития князей Всеволода-Гавриила и Тимофея-Довмонта. (исследования и тексты). СПб., 2007. С. 493.

[837] *Охотникова В. И.* Псковская агиография XIV—XVII вв. Т. 1. С. 351—570.

[838] ПЛ. Вып. 1. С. 3; ПСРЛ. Т. 25. С. 276. Приписываемый Довмонту меч, хранящийся в Псковском музее-заповеднике, относится, по-видимому, к более позднему времени, хотя, возможно, именно он и использовался в 1461 г. в качестве инсигнии (*Артемьев А. Р.* О мечах-реликвиях, ошибочно приписываемых псковским князьям Всеволоду-Гавриилу и Довмонту-Тимофею // РА. 1992. № 2. С. 66—74).

[839] ПСРЛ. Т. 4, ч. 1. С. 251; Т. 6, вып. 1. Стб. 365; Т. 42. С. 122 (2-я выборка).

власти так, как она виделась в Пскове начала XIV в.: на первое место в богослужебной книге неизбежно встает правящий архиерей, за ним следует княжащий в Новгороде великий князь Михаил Ярославич, а непосредственными властными полномочиями в городе обладают псковский князь и псковский посадник. Два названных князя установлены, это Иван Федорович Галичский и, скорее всего, Борис Давыдович Дмитровский, принадлежавшие к Галичско-Дмитровскому дому и в то время так же еще не занимающие столов в отчинных землях, как и Федор Михайлович[840]. Эти князья тоже служили великому князю Михаилу, получая псковский стол из его руки.

О связанных с такой практикой распоряжения этим столом деталях дает сведения новгородская грамота получившему великокняжеский ярлык и претендующему на власть в Новгороде Михаилу Ярославичу. Из нее следует, что незадолго до этого предыдущий «князь великый Андреи и вьсь Новгородъ дали Федору Михаиловицю городъ стольныи Пльсковъ, и он едъ хлѣбъ». Но во время военной опасности («а како пошла рать») Федор «отъехалъ, городъ поверьгя, а Новагорода и Плъскова поклона не послушалъ». Кроме того, он еще и нанес ущерб «новгородской волости», где за ним оставались села. В результате высшие должностные лица от лица «всего Новгорода» предупреждают нового великого князя, что больше не готовы кормить Федора «новгородьскымъ хлѣбомъ», настаивая, чтобы Михаил «кормил» того у себя. Таким образом, князья в Псков в это время назначаются великим князем из числа служащих ему обладателей княжеского титула. С новгородской точки зрения они получают этот стол от князя великого и от «всего Новгорода» (новгородского политического сообщества). Каким образом на практике происходило согласование ими кандидатур на псковский стол, и как учитывалось мнение новгородцев в конкретных случаях, сказать сложно. На основании аналогий можно предполагать, что в спорных ситуациях вопрос мог обсуждаться на новгородском вече, возможно, с участием делегации из Пскова. Княжение во Пскове в этой ситуации осмыслялось всеми сторонами (кроме, видимо, лишь самих псковичей) в первую очередь как «кормление», т. е. получение материального бонуса за службу великому князю, чем, видимо, объясняется и столь частая смена наместников на псковском столе, и отмеченная «нетвердость» князя Федора в защите города. Управление Федором Михайловичем Псковом новгородцы, современники Федора, считали, таким образом, его кормлением, но кормлением не псковским, а новгородским.

Княжению Довмонта сопутствовала предопределенная его военными успехами политическая стабилизация в Псковской земле и в ее отношениях с соседями, что явно дало и экономические результаты, отразившиеся в росте городской территории. Во второй половине XIII в. возникает «Домантова» стена, внешняя по отношению к детинцу, затем к ним добавляется новая, еще более протяженная и тоже каменная стена 1309 г. Недостаток источников для этого периода не позволяет точно реконструировать внутреннее развитие городского сообщества, но как раз с первых годов XIV в., после смерти Довмонта и при княжениях часто сменяющихся великокняжеских наместников, впервые начинают упоминаться псковские посадники. Первым из них был Борис, о котором известно не только из вышеприведенной записи, но уже и из сообщений собственно псковского летописания. С Борисом оно связывает мощение городского Торговища, от чего «бысть всем людям до-

[840] *Кучкин В. А.* Из истории генеалогических и политических связей московского княжеского дома в XIV в. // ИЗ. 1974. Т. 94. С. 380.

бро», а также строительство стены 1309 г.[841] Последнее связанное с Борисом известие сообщает о его смерти 1 июня 1312 г. Возникновение новой высшей городской магистратуры в дополнение к традиционно возглавлявшим городское сообщество сотским свидетельствует о качественных изменениях в псковской внутриполитической структуре. Характерны и функции посадника, связанные с укреплением и благоустройством города, и заимствованное у Новгорода наименование должности, и его положение над сотскими, в актах упоминаемыми после посадника и обобщенно, без указания имен, и то, что посадник находится в своем городе постоянно и занимает должность пожизненно, в отличие от приезжающих и уезжающих наместников.

Укрепившийся за время княжения Довмонта псковский «политический народ» в первой четверти XIV в. явно был заинтересован в изменениях в политическом положении своего города. В ситуации, когда литовские и немецкие соседи Пскова усиливали военно-политическую активность, а между тверскими и московскими претендентами на великое княжение, поочередно контролировавшими Новгород, шла длительная кровопролитная борьба, не получавший с их стороны поддержки Псков был вынужден искать для себя новых форм политического взаимодействия с окружающими его политическими силами. К проявлениям этого, видимо, нужно отнести и отмеченное его летописцем под 1307 г. «немирье» псковичам «съ владыкой Феоктистом и с новгородци»[842]. О дальнейшей эволюции положения Пскова свидетельствует договор великого князя всея Руси Михаила Ярославича с Новгородом о мире, заключенном после разгрома князем 10 февраля 1316 г. новгородцев новоторжцев и псковичей, где указывалось что «нелюбье князь отложилъ от Новагс рода и от Пьскова, и от пригородовъ»[84 Выделение тут Пскова, по-видимому, го ворит о его особом статусе в отношения с Новгородом.

Последние акты, связанные с наде ждой Пскова на изменения к лучшем при сохранениии его в рамках прежне модели политических взаимоотношений связаны с участием в борьбе Михаил Ярославича и Юрия Даниловича на сторо не последнего. В 1316 и в 1318 гг. вмест с новгородцами псковская рать выступал в поддержку Юрия и против вокняжени в Новгороде Михаила, который, видимо уже не устраивал не только новгородцев но и псковичей[844]. В результате, однако несмотря на достигнутую Юрием побед и обретение великокняжеского ярлыка когда в 1322 г. тот прибыл в Псков, где был принят псковичами «съ честью от всег сердца»[845], действенной помощи псковичам он не оказал, поскольку вновь находился в сложном положении из-за продолжающейся борьбы с тверскими князьями и уехал в Новгород.

Последовавшие в 1323 г. два крупных немецких похода, в том числе второй, особенно сильный, сопровождавшийся осадой Пскова в течение 18 дней и гибелью «на первом съступе» посадника Селила во время которых многочисленные псковские просьбы о военной помощи к Юрию и к новгородцам остались без ответа, а избавление вновь пришло из Литвы от князя Давыда, четко показали псковичам их уязвимость при сохранении Пскова в рамках прежних политических отношений к нов-

[841] ПЛ. Вып. 1. С. 14; Вып. 2. С. 12, 88.

[842] ПЛ. Вып. 2. С. 88. Обзор мнений по этому поводу см.: *Мусин А. Е.* Церковь и горожане средневекового Пскова: Историко-археологическое исследование. СПб., 2010. С. 270.

[843] ГВНП. № 11. С. 23.

[844] НПЛ. С. 337, 338.

[845] ПЛ. Вып. 2. С. 89.

городскому князю и к Новгороду[846]. Таким образом, сближение Пскова с Литвой наметилось уже в начале 1320-х годов.

Хотя до начала 1320-х годов сведения о князьях во Пскове в 1316—1321 гг. отсутствуют, позже такие свидетельства появляются. Новгородский летописный свод архиепископа Ионы (так называемая «Летопись Авраамки») в статье 6830 г. сохранил известие о том, что в 1322 г. в Пскове пребывал «Давыдко князь Литовьскый»[847]. Знают этого князя и псковские летописи. Так, статья Псковской первой летописи, в которой рассказывалось об успешном нападении псковичей на немецкие погосты в Нарве летом 1407 г., содержала припоминание о том, что псковичи не воевали в этом районе со времен князя Довмонта и позднее князя Давыда «со псковичи»[848], т. е. Давыд расценивался как князь, возглавлявший военные силы Пскова и ходивший с ними в далекий поход на немецкие владения в бассейне р. Нарвы. Таким образом, сближение Пскова с Литвой наметилось уже в начале 1320-х годов.

Кем был князь Давыд? Судя по имени, он был православным, которого власти Риги именовали «особым приятелем» Гедимина, а прусский хронист Петр из Дусбурга — каштеляном Городна (Гродно)[849]. В литературе часто утверждается, будто он был сыном Довмонта. Однако записавший это утверждение во второй половине XVI в. Рейнгольд Гейденштейн, скорее всего, слышал его от псковичей, взятых в плен Стефаном Баторием (или интерпретировал их слова таким образом). Ранние источники о родстве Давыда и Довмонта не сообщают[850]. Не соответствует действительности и другое распространенное утверждение — будто Гедимин причислял Псков к своим владениям. На самом деле в его договоре с ливонцами 1323 г. упоминался не Псков, а Полоцк — крупный центр Литовского государства, обладавший значительной самостоятельностью[851]. Прославленный в сражениях с Тевтонским орденом полководец, Давыд вокняжился во Пскове, но вскоре покинул его для участия в походе на Ревель; когда же к Пскову весной 1323 г. подступили ливонские войска, Давыд спешно прибыл на помощь псковичам и отразил нападение. Реакция новгородцев не заставила себя ждать: уже упоминавшийся договор Новгорода с Ливонским отделением Ордена, заключенный 23 декабря 1323 г., был направлен не только против Литвы, но и против Пскова[852]. Хотя Давыд, даже став псковским князем, по-прежнему посвящал много времени участию в походах Гедиминовых подданных и союзников на соседей и погиб во время одного из таких походов в Бранденбург в 1326 г., Псков, как показали дальнейшие события, и в дальнейшем продолжал оставать-

---

[846] ПЛ. Вып. 1. С. 15—16; Вып. 2. С. 22—23, 89—90.

[847] ПСРЛ. СПб., 1889. Т. 16. Стб. 63.

[848] Там же. С. 30.

[849] Chartularium Lithuaniae res gestas magni ducis Gedeminne illustrans. Gedeminno laiškai / Par S. C. Rowell. Vilnius, 2003. № 15. P. 44; *Петр из Дусбурга.* Хроника земли Прусской / Подг. В. И. Матузова. М., 1997. Гл. 322, 337, 343, 349, 357, 361; НПЛ. С. 97, 339; ПЛ. Вып. 1. С. 15; Вып. 2. С. 22—23, 89.

[850] У Гейденштейна в IV книге «Записок о московитской войне» говорится: «A Lituanis Dummunthum, Timotheum nimirum, postquam Christianus factus esset, appellatum circa annum VI. M. DCC. LXXIIII, ac postea filium eius Dauidem accepisse memorantur» (*Reinoldi Heidensteinii secr. regii* De bello Moscovitico commentariorum libri sex. Cracoviae, 1584. P. 172). Псковская летопись, на которую перед этим ссылается Гейденштейн, сохранилась до наших дней, но в ней нет ничего подобного (ПСРЛ. СПб., 2018. Т. 45. С. 35—36).

[851] Chartularium Gedeminne. № 25. P. 80. Необходимо иметь в виду, что источник сохранился в списке, а названия Пскова и Полоцка в тогдашнем немецком языке писались очень похоже (соответственно *Pleskow*/*Plessekowe* и *Ploskow*/*Plossekowe*).

[852] ГВНП. № 37. С. 65—67.

ся в сфере уже политических, а не только военных интересов Литвы.

В 1327 г. в Пскове появился великий князь владимирский Александр Михайлович Тверской. Он бежал из Тверского великого княжества, где 15 августа 1327 г. произошло восстание против ордынского посла Чол-хана (Шевкала или Щелкана русских источников). Спасаясь от преследования ордынского хана Узбека, который направил на Русь крупную карательную экспедицию, Александр бежал из Тверского княжества в Новгород, однако, не получив поддержки от новгородцев, сразу направился в Псков[853]. Там обвиняемый ордынцами в мятеже и преследуемый по ханскому слову Иваном Калитой и всеми силами Суздальской земли великий князь со своими боярами и с семьей оказался желанным гостем: «принявшие его честно» и посадившие его на княжение псковичи «крест к нему целоваша, что его не выдати княземъ рускымъ»[854].

Княжение Александра в Пскове, продлившееся, как специально отметил псковский летописец, 10 лет и продолжавшееся вопреки воле хана, великого князя и новгородцев, стало важнейшим этапом в закреплении за Псковом самостоятельного политического статуса и в развитии его республиканских институтов. Преамбула свода псковского права — Псковской судной грамоты, формировавшейся на протяжении XIV—XV вв., в числе ее источников на первом месте называет «великого князя Александрову грамоту», и наличие великокняжеского титула, наряду с продолжительностью самостоятельного княжения Александра Михайловича в Пскове и с учетом его вовлеченности в городские дела, позволяет с определенной долей уверенности видеть в великом князе Александре грамоты именно этого князя, бывшего, как отмечает псковский летописец, «добротою и любовью въ сердце псковичемъ»[855].

После отъезда Александра, а затем, когда тот получил пожалование от хана, и его остававшихся во Пскове жены и детей, перед укрепившим свой стольный статус и республиканские структуры городом вновь встала проблема поиска князя. Насколько можно судить, возвращение прежней практики посажения на кормление великокняжеских наместников уже не устраивало город. Судя по летописному рассказу о том, как после столкновения псковичей с немцами осенью 1341 г. некий князь Александр Всеволодич вначале возглавил псковский ответный набег, а затем, разгневавшись на псковичей, уехал от них в Новгород, оставив их наедине с угрозой немецкого нашествия, и не принял направлявшиеся к нему в Новгород псковские челобитья, этот новый князь, скорее всего, изначально прибыл в Псков из Новгорода[856]. Подтверждением этому служит и то, что убедившиеся в окончательном разрыве с ним псковичи в 1342 г. попросили себе хотя бы какого-то наместника и помощи у новгородцев. Однако ни наместника, ни даже достаточной военной помощи, когда она уже всерьез потребовалась, получить у «своей братии» Пскову тогда не удалось. Оказавшиеся в такой сложной ситуации горожане принимают самостоятельное решение, не оглядываясь больше ни на великого князя, ни на новгородцев. Новым политическим партнером, во взаимодействии с которым Псков рассчитывает обрести достойное место на внешнеполитической сцене и устраи-

[853] НПЛ. С. 98; ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 43—44.

[854] ПЛ. Вып. 1. С. 16; Вып. 2. С. 23, 90; ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 44—45.

[855] ПЛ. Вып. 1. С. 16. Иное мнение, согласно которому имеется в виду некая грамота князя Александра Невского, см.: *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV—XV вв. М., 1948. Ч. 1. С. 436—442; *Алексеев Ю. Г.* Вопросы истории текста Псковской судной грамоты // ВИД. Л., 1979. Вып. 11. С. 49—57.

[856] ПЛ. Вып. 1. С. 18; Вып. 2. С. 24, 93; НПЛ. С. 354.

вающих ее кандидатов на свой княжеский стол, становится Литва.

К этому моменту Псков уже обладает продолжительной историей, на протяжении которой он выступает как самостоятельное политическое образование, и убедительным для окружающих военным потенциалом, позволявшим долгое время противостоять агрессии ливонских соседей и добиваться достойных условий в торговых отношениях с ними. Идет развитие и усложнение его политической системы, складывание республиканского строя. В двух актах XIV в. мы имеем четкое указание на существование понятия, обозначавшего «политический народ», от имени которого принимались решения — «все псковичи/плесковичи»[857]. Такой же характер имело, очевидно и обозначение «мужи-псковичи», не раз упомянутое в «Повести о Довмонте», древнейшая редакция которой относится, очевидно, ко второй четверти XIV в.[858]

В преамбулах актов XIV в. фигурируют также посадник и сотские. Начиная с 1340-х годов появляются летописные известия, из которых можно заключить, что одновременно могут действовать уже несколько посадников — вначале двое, к концу столетия их число вырастает до четырех[859]. Понятие «вече» в XIV в. как таковое еще не употребляется, но упоминания «всего Пскова» и «всех псковичей» («всех мужей псковичей»), в том числе и как общности, принимающей конкретные решения (вплоть до прохождения трассы планируемой новой городской стены[860]), заставляет предположить, что явно необходимые для этого реальные собрания жителей также уже проходят, вероятнее всего — в городском сакральном центре, Кроме (как начинает называться детинец) у собора Троицы, где похоронены князья Всеволод и Довмонт и где происходят крестоцелования князей и горожан. В этом смысле, возможно, значимо сообщение, согласно которому посадник Шолога «с мужи псковичи» в 1337 г. «путь просторнеиши створиша к святѣи Троици на город»[861].

Одной из важнейших материальных основ для вначале фактического, а затем и формального выхода Пскова из-под контроля княжащих в Новгороде великих князей, для достижения равноправного статуса в отношениях с Новгородской республикой и для формирования собственных республиканских структур, как приходится предполагать, служили доходы, поступающие от внешней торговли. Развитие богатых торговых городов в ливонских землях и стабилизация отношений с Ливонией способствовали получению на протяжении последней трети XIII—XIV вв. растущих доходов от проходящего через Псков новгородско-ливонского транзита и собственному включению в ведущиеся операции. Летописание Пскова все чаще по поводу военных конфликтов сообщает о задержании противниками находящихся у них псковских купцов, или, напротив, о задержании иностранных гостей во Пскове. Не случайно под 1352 г. сообщается о сооружении во Пскове купцами новой церкви святой Софии: анализ этого и последующих сообщений о деятельности купцов и их купецких старост позволил

---

[857] ГВНП. № 332. С. 317; *Марасинова Л. М.* Новые псковские грамоты XIV—XV вв. М., 1966. № 1. С. 46.

[858] *Охотникова В. И.* Псковская агиография XIV—XVII вв. Т. 1. С. 405—409; о датировке см.: Там же. С. 407—409.

[859] *Кафенгауз Б. Б.* Древний Псков. Очерки по истории феодальной республики. М., 1969. С. 55—56; НПЛ. С. 459; ПЛ. Вып. 1. С. 11; ср.: С. 25—26; ПЛ. Вып. 2. С. 108.

[860] *Гиппиус А. А., Яковлева Е. А., Круглова Т. В.* Запись Шестоднева 1374 г. как источник по исторической топографии Пскова // Археология и история Пскова и Псковской земли: Семинар им. академика В. В. Седова: М-лы 59-го заседания. М.; Псков; СПб., 2014. Вып. 29. С. 110—114.

[861] ПЛ. Вып. 1. С. 17; Вып. 2. С. 24, 92.

сделать вывод о существовании во Пскове уже в это время купеческого объединения, подобного известным новгородским, причем отмечается тесная связь псковских купцов и псковского посадничества[862].

В ганзейской торговле Псков во второй половине XIII—XIV в. играл ощутимо меньшую роль, чем Новгород. В основном он выступал не столько в качестве партнера Ганзы, сколько в качестве перевалочного пункта[863]. Через Псков проходили торговые пути из Ливонии в Новгород. Из трех крупнейших ганзейских городов Ливонии (Рига, Ревель, Дерпт) чаще всего контактировал с Псковом ближе всего расположенный к русским землям Дерпт. Его связывал с Псковом прямой и удобный водный путь по р. Эмайыги (летописн. Омовжа) через озера в р. Великую, не более двух дней занимала и сухопутная дорога между этими городами. Это разительно отличало Псков от Новгорода, торговля в котором требовала от немецких купцов продолжительного путешествия на целый сезон и проживания на ганзейском дворе. В результате Дерпт в торговле с Псковом приобрел такое же господствующее значение, как Рига в торговле с Полоцком, став важнейшим торговым партнером псковичей.

Об этом ясно говорит послание, отправленное в 1335 г. ганзейским послом Х. фан Бохольтом из Новгорода в Любек. В нем перечислены претензии, которые предъявляют немецкие купцы новгородцам и псковичам. Если большинство претензий новгородцам касаются нарушений в организации торговли и при разрешении споров по торговым делам, фальсификации товаров, то псковичи обвиняются в вымогательстве денег у проезжающих через Псков купцов, грабеже их товара и даже в убийстве людей[864]. Первое, вероятно, упоминание об ограблении псковичами немецких купцов относится к 1288 г., когда псковичи (*Plescovenses*), согласно ганзейскому перечню нанесенного ущерба, ограбили немецких купцов (в качестве мести за убийство псковичей в Очеле отрядом во главе с орденским рыцарем Отто Пашедахом)[865].

Позднее Псков активно пользовался своим географическим положением, блокируя в период конфликтов торговлю Ганзы с Новгородом[866]. Напротив, когда торговые отношения с Новгородом прерывались, со Псковом они могли поддерживаться, как это, вероятно, было, например, в конце 1330-х годов[867].

В то же время какая-то ганзейская торговля велась в это время и в самом Пскове. В послании властей Пскова в Ригу начала XIV в. сказано: «Здѣ (т. е. во Пскове. — *П.Л.*) ваша братия и дѣти ваши търгують»[868]. При этом сама грамота, отправленная в Ригу в связи с претензиями псковичей к рижскому купцу, названному в русском документе Нездильцем, свидетельствует о том, что Псков тогда поддер-

---

[862] *Флоря Б. Н.* Купеческая организация в средневековом Пскове и псковское боярство // Восточная Европа в Средневековье. М., 2004. С. 52—55.

[863] *Goetz L. K.* Deutsch-Russische Handelsgeschichte des Mittelalters. Lübeck, 1922. S. 68. (Hansische Geschichtsquellen. Neue Folge; Bd. V). См. также об отношениях Пскова и Ганзы: Ibid. S. 216—217; *Osten-Sacken P. von der.* Der Hansehandel mit Pleskau bis zur Mitte des 15. Jahrhunderts // Beiträge zur russischen Geschichte. Th. Schiemann zum 60. Geburtstage von Freunden und Schülern / Hrsg. von O. Hötzsch. B., 1907. S. 27—82; *Angermann N.* Deutsche Kaufleute im mittelalterlichen Novgorod und Pleskau // Deutsche im Nordosten Europas / Hrsg. von H. Rothe. Köln, 1991. S. 79—83.

[864] HUB. Bd. 2 / Bearb. von K. Höhlbaum. Halle, 1879. № 569. S. 250—251.

[865] HUB. Bd. 3 / Bearb. von K. Höhlbaum. Halle, 1882—1886. S. 424. См. об этом: *Selart A.* Livonia, Rus' and the Baltic Crusades in the Thirteenth Century. P. 248—250.

[866] *Goetz L. K.* Deutsch-Russische Handelsgeschichte des Mittelalters. S. 200—202, 216.

[867] *Osten-Sacken P. von der.* Der Hansehandel mit Pleskau bis zur Mitte des 15. Jahrhunderts. S. 67.

[868] ГВНП. № 332. С. 317—318.

живал самостоятельные сношения с ганзейскими городами Ливонии, а не через Новгород[869]. Однако, как и в других случаях, у новгородцев было другое видение этой ситуации. Это становится очевидным при сопоставлении новгородского и псковского летописных рассказов о событиях 1362—1363 гг.

В 1362 г., согласно псковской летописи, в отместку за набег на Псковскую землю с территории Ливонского отделения Ордена, во Пскове «приаша» (арестовали) немецких купцов, выпустив их только на следующий год, после того, как взяли у них «серебро» «за головы избьеных». Там же указывается, что во Пскове «тогда бяше гость силенъ нѣмецкыи» (т. е. было много немецких купцов)[870]. В новгородской летописи под 1363 г. рассказывается сначала о неудачных переговорах в Новгороде между ливонскими послами и псковичами, а затем о том, как новгородские послы ездили в Юрьев Немецкий (Дерпт, Тарту) и «смолвиша Нѣмець съ плесковици в любовъ и бысть межю ими мирно». После этого псковичи отпустили арестованных ими ганзейских купцов[871]. Эти известия, несомненно, свидетельствуют о пребывании во Пскове ганзейцев с торговыми целями, причем единовременная численность их могла быть значительной. Сама торговля, видимо, шла, как и ранее, независимо от Новгорода, но в то же время Новгород претендовал на роль посредника в отношениях между Псковом, Орденом и Ганзой. В псковской летописи роль Новгорода замалчивается, в новгородской, напротив, подчеркивается, но тот факт, что после того, как псковичами были отпущены ганзейские купцы, в Дерпте освободили плененных ранее гостей новгородских, говорит в пользу того, что такие функции у Новгорода по отношению к Пскову были[872]. Эта двойственная ситуация хорошо видна и по ганзейским документам.

Политика Ордена вообще оказывала существенное воздействие на псковско-ганзейские отношения. Тут определяющую роль играли разные интересы: если Ганза, заинтересованная в поддержании торговли с русскими землями, в целом была настроена прагматично, то политика Ордена в значительной степени определялась идеологическими и экспансионистскими соображениями. В марте 1368 г. ливонский магистр Вильгельм фон Фримерсхайм в послании в Любек называл русских — псковичей и новгородцев — «схизматиками», устроившими вместе с литовцами заговор против «христиан», сетовал на причиненные псковичами Ордену и Дерптскому диоцезу «неприятности и непереносимый ущерб» и требовал объявить Новгороду и Пскову торговую блокаду[873].

В 1298 г. немецкие купцы были в очередной раз ограблены псковичами. Переговоры об этом велись, однако, не только с Псковом, но и с Новгородом. Новгородцы и псковичи «целовали крест» (*osculati sunt*

---

[869] *Аракчеев В. А.* Псков и Ганза в эпоху средневековья: Научная справка. Псков, 2012. С. 9.

[870] ПЛ. Вып. 1. С. 23.

[871] НПЛ. С. 368. См. об этих событиях: *Goetz L. K.* Deutsch-Russische Handelsgeschichte des Mittelalters. S. 71.

[872] НПЛ. С. 368. См. также: *Еременко А. В.* Болотовский договор и его значение // Опыты по источниковедению: Древнерусская книжность: Редактор и текст. СПб., 2000. С. 35—36. Ср. представляющиеся нам неубедительными возражения: *Валеров А. В.* Новгород и Псков: Очерки политической истории Северо-Западной Руси XI—XIV веков. С. 276—278.

[873] HR. Abt. 1 (=Die Recesse und andere Akten der Hansetage) von 1256—1430. Leipzig, 1870. Bd. I. Nr. 398. S. 355.

crucem) на том, что бóльшая часть награбленного должна быть возвращена[874].

В инструкции Риги своим посланникам для переговоров с Новгородом и Псковом, которые должны были вестись после заключения Нибурова мира (1392), в частности, говорится, что немецкие купцы не должны «тайно или открыто» перевозить по Псковской земле новгородские товары, до тех пор пока с псковичами не будут проведены переговоры о том, чтобы немцы «могли безопасно приезжать к ним и ездить по их земле». При этом посланники должны сослаться на договор, заключенный с Новгородом, который впоследствии был псковичами «одобрен и подтвержден» (*belevet unde bevesteget*)[875]. Любопытно, что в псковском летописании акценты расставлены несколько иначе. В Псковской первой летописи говорится: «...взяху миръ новогородцы с Нѣмцы, а опрочѣ псковичь; взяху псковичи миръ с Нѣмцы особѣ»[876]; в Псковской третьей: «...взяху новогородци миръ с Немци, а псковичь вымирили вонъ, и взяху псковичи миръ особѣ»[877]. Складывается впечатление, что, как и в указанном выше случае, псковские летописцы затушевывали реально имевшую место определенную зависимость Пскова от Новгорода в сфере внешней политики.

Чем торговали ганзейские купцы и псковичи? Ассортимент импортировавшихся Псковом товаров, очевидно, был в принципе такой же, как у Новгорода, а вот с экспортом дело обстояло, по-видимому, несколько иначе. Есть основания считать, что пушнина вряд ли играла в нем значительную роль (территория Псковской земли была сравнительно небольшой, а основные места добычи пушного зверя принадлежали Новгороду). Главным экспортным товаром был, по-видимому, воск. Об этом косвенно свидетельствуют и более поздние данные[878], но есть и прямое указание. В договоре Новгорода с Ганзой 1342 г. говорится о том, что немецкие купцы не будут больше брать «загрязненный воск, смешанный с маслом, или с желудями, или со смолой, или с горохом, ни в Новгороде, **ни в Пскове** (выделено мной. — *П.Л.*), ни в Полоцке, ни в Дерпте, ни в Риге, ни в Ревеле, ни на Готланде»[879]. В скре (уставе новгородской ганзейской конторы) IV редакции (1355—1361) специально указывается, что немецкие купцы не должны покупать фальсифицированный воск в том числе и во Пскове[880].

В связи с успешной псковской торговлей показательным представляется и неоднократно проявляющийся на протяжении XIV в. интерес великих князей литовских к Пскову, где они пытались установить свое влияние, отправляя туда на княжение своих родственников и сподвижников. Как и в случае с Новгородом, особую активность в отношении Пскова проявлял Гедимин. Как показывают источники его эпохи, такие попытки имели, среди прочего, и экономическую подоплеку. В ноябре 1338 г. Гедимин, его сын Глеб-Наримонт, княживший в Полоцке, а также полоцкий епископ, полочане и витебляне заключили десятилетнее перемирие с Ливонским отделением Ордена

---

[874] HUB. Bd. 3. S. 424. См.: *Osten-Sacken P. von der.* Der Hansehandel mit Pleskau bis zur Mitte des 15. Jahrhunderts. S. 36—66; *Selart A.* Livonia, Rus' and the Baltic Crusades in the Thirteenth Century. P. 262—263.

[875] HR-1. Bd. VIII. Leipzig, 1897. № 1178. S. 753. См.: *Osten-Sacken P.* Der Hansehandel mit Pleskau bis zur Mitte des 15. Jahrhunderts. S. 64.

[876] ПЛ. Вып. 1. С. 24—25.

[877] ПЛ. Вып. 2. С. 101.

[878] *Аракчеев В. А.* Псков и Ганза в эпоху средневековья. С. 16—17.

[879] ГВНП. № 41. С. 73—74.

[880] Die Nowgoroder Schra in sieben Fassungen vom XIII. bis XVII. Jahrhundert / Hrsg. von W. Schlüter. Dorpat, 1911. S. 151, 153.

и городом Ригой. Этот договор предусматривал создание мирной зоны вдоль течения Западной Двины, где гарантировалось безопасное передвижение купцов, — по Западной Двине в Ригу и от Вильны до Пскова[881]. В этом были заинтересованы не только Гедимин, его родственники и подданные, но и его союзники рижане: полутора десятилетиями ранее, в сентябре 1322 г., власти Риги просили Гедимина добиться у его «особого приятеля» Давыда, вокняжившегося во Пскове, благоприятных условий для рижан, «ибо они многократно проезжают через его землю»[882].

Значимость для псковской торговли литовского направления уже в первой половине XIV в. отражена и в псковском известии 1349 г., по которому после разрыва Пскова с Андреем Ольгердовичем тот вместе с отцом захватил бывших в этот момент псковских гостей в «Полотске или в Литве», отняв у них весь товар и коней, и отпустил их самих, лишь взяв на них «окуп»[883].

В 1340-е годы Псков стал объектом интересов Ольгерда, поначалу витебского князя, занявшего в 1345 г. виленский престол. Уже в 1342 г. он вместе с братом Кейстутом помог псковичам против немцев, но отверг приглашение вокняжиться во Пскове: для этого нужно было креститься в православие, а Ольгерд, вероятно, уже тогда имел виды на литовский престол. Вместо этого он отправил в Псков своего сына Андрея, который был крещен псковичами во святой Троице и посажен там на княжение[884]. Псковские летописцы добавляют, что горожане сделали это, «надѣющися помощи от Олгерда», но, надо думать, в тот момент у городского сообщества происходящее могло соотноситься и с появлением в их городе в 1265 г. Довмонта. Дальнейшее, однако, мало соответствовало надеждам на долгое и славное княжение, если они и были: после гибели Наримонта в 1348 г. Андрей Ольгердович уехал княжить в Полоцк, а в Пскове оставил своего наместника, князя Юрия Витовтовича. В апреле 1349 г. Юрий погиб у Изборска в стычке с немцами, которые вслед за этим построили крепость на р. Нарове. В итоге псковичи расторгли отношения с Андреем Ольгердовичем, упрекнув его в отсутствии в городе, которому он целовал крест, и в стремлении держать Псков своими наместниками. Это привело к вражде с Великим княжеством Литовским и взаимным разорительным походам, продолжавшимся до 1350-х годов[885]. После этого, как и в случае с Новгородом, источники долгое время не сообщают о попытках Ольгерда распространить влияние на Псков.

Еще ко времени княжения Андрея относится дошедшее в рассказе о новгородском походе к Орешку 1348 г. в составе летописей новгородско-софийской группы упоминание о данной на Болотове в неопределенный предшествующий период новгородцами псковичам «жалобе» или «жаловании», по которому «посадникомъ нашимь у васъ въ Пльсковѣ не быти, ни судити, а от владыцѣ судити вашему брату пльсковитину, а из Новагорода вас не не позывати дворяны, ни подвоискими, ни софьяны, ни извѣтникы, ни биричи»[886]. В сокращенном тексте, читающемся в Софийской первой летописи, добавлена деталь, отсутствующая в других летописях новгородско-софийской группы: утверждается, что взамен на «жалование» новгородцы объявили Псков своим «бра-

[881] Полоцкие грамоты XIII — начала XVI в. Т. 1. № 8.

[882] Chartularium Lithuaniae res gestas magni ducis Gedeminne illustrans. № 15. P. 44.

[883] ПЛ. Вып. 2. С. 27, 99.

[884] ПЛ. Вып. 1. С. 19; Вып. 2. С. 25, 96.

[885] ПЛ. Вып. 1. С. 20—21; Вып. 2. С. 26—27, 98—99. Подробнее см.: *Мартынюк А. В.* До Герберштейна: Австрия и Восточная Европа (XIII — начало XVI века). М., 2019. С. 298—325.

[886] ПСРЛ. Т. 4, ч. 1. С. 278; Т. 16. Стб. 79—80; Т. 42. С. 128.

том молодшим»[887]. В псковских летописях сведения о «Болотовском договоре» отсутствуют.

Историография, посвященнная этому небольшому тексту, начиная с XIX в. реконструирует на его основе так называемый Болотовский договор, основополагающий для отношений между Новгородом и Псковом. Споры ведутся вокруг его датировки и, соответственно, вокруг его политического контекста, а также по поводу того, был ли этот договор уникальным или повторяющимся, и его формуляр восходил к домонгольскому времени[888]. Важной тут представляется работа Т.В. Кругловой, указавшей, что в тексте гововрится отнюдь не о докончании, а о «жалобе», т. е. пожаловании, а приведенная несудимая формула находит дословные параллели в жалованных грамотах новгородских архиепископов[889]. С учетом того, что принадлежащие архиерею прерогативы церковного суда вряд ли могли регулироваться докончаниями светских властей, видится, что следует принять терминологию источника. Обстоятельства, в которых могло быть выдано подобное пожалование, возможно предполагать, но нужно иметь в виду, что описанная в его первой части практика суда во Пскове новгородских посадников не имеет реального отражения в источниках второй половины XIII — первой половины XIV в., что позволяет предположить в данной части пожалования скорее отказ Новгорода от претензий на подобное право. Что касается второй части пожалования, то оно действительно представляет собой серьезный шаг навстречу интересам псковичей в сфере правомочий в Пскове новгородского владыки, представлявшей в первой половине XIV в. сферу его частых конфликтов с псковичами. Также из контекста летописного рассказа следует, что новгородцы исходили из представления об ответных обязательствах псковичей по оказанию Новгороду военной помощи в случае необходимости. Новгородцы упрекали псковичей в том, что в войне с Швецией псковичи не поддержали их должным образом и тем самым «борзо… забыли» новгородское «жалование».

В Пскове в это время упоминается ряд князей, происхождение которых трудно установить, их статус по отношению к городу также представляет собой проблему, решения которой могут быть различными. Так, еще при княжении Андрея Ольгердовича, когда «псковичи подъяша всю область Псковскую» и двинулись к Медвежьей Голове, то их возглавляли князь Иван, князь Остафий и посадник Володьша. Навряд ли тут можно говорить о предполагаемом многокняжии в Пскове, скорее, речь идет о наместниках[890]. Князь Иван больше не встречается в источниках, Остафий же, появившийся в Псковской земле еще во времена княжения Давыда, остается в Пскове и после ухода князя Андрея, упоминается поход под его началом к Полоцку и его кончина в 1360 г. вместе с сыновьями Карпом и Алексеем[891]. Судя по тому, что вокняже-

[887] ПСРЛ. Т. 6, вып. 1. Стб. 422.

[888] Обзор историографии см.: *Вовин А. А.* Городская коммуна средневекового Пскова. С. 89—123; *Петрова Н. А.* К вопросу о датировке Болотовского договора // РИ. 2020. № 4. С. 64—70.

[889] *Круглова Т. В.* «Болотовский договор»: Тип утраченного акта с точки зрения дипломатики // Псков, русские земли и Восточная Европа в XV—XVII вв.: К 500-летию вхождения Пскова в состав единого Русского государства: Сб. трудов Междунар. науч. конф., 19—20 мая 2010 г. Псков, 2011. С. 50.

[890] Имеется позднейшее упоминание о наместнике на псковском пригороде, Кобыльем городке, с княжеским титулом: ПЛ. Вып. 2. С. 152.

[891] Судя по записи позднейшего синодика, князь с супругой были похоронены в псковском монастыре Нового Вознесения. См.: *Творогов Л. А.* О датировках двух памятников псковского зодчества // Архитектурное наследство. М., 1963. Кн. 15. Следует заметить, что имя князя, как и имена его сыновей, нехарактерные для именослова древнерусской титулованной знати, вкупе с временем его появления в Пскове позволяют предполагать, что он мог не принадлежать к династии Рюриковичей.

ния Давыда и Андрея Ольгердовича, а также приезд в 1356 г. «князя Василия Боудивольны» (о котором больше ничего не известно) «на княжение во Псков» явным образом не влияли на присутствие князя Остафия в Пскове, его положение в республике вряд ли предполагало занятие им псковского стола. Еще один князь, дважды упомянутый по поводу немецкого набега 1367 г., Александр, также неизвестен источникам. Судя по всему, после разрыва с Андреем Ольгердовичем надежно обеспечить себе постоянное присутствие в городе устраивающего псковичей князя республике должным образом не удается, чем объясняется отрывочность упоминаний и зримое разнообразие оказывающихся во Пскове в 1350—1370-е годы персонажей с княжеским титулом, вдобавок еще и остающихся совершенно неинтересными летописанию соседнего Новгорода. Определенную стабильность можно отметить лишь применительно к князю Григорию Остафьевичу, впервые появляющемуся в сообщении о начале строительства четвертой псковской каменной стены 1374/75 г. и постоянно присутствующему в городе вплоть до последующего столетия: в 1404 г. он постригается в Снетогорском монастыре и в 1417 г. умирает. При этом прямо упоминаемые летописью вокняжения во Пскове Андрея Ольгердовича (в очередной раз), а впоследствии также Ивана Всеволодича и Данилы Александровича не приводят к уходу из города князя Григория: в присутствии Андрея и Данилы Григорий продолжает упоминаться вместе с ними, но на втором месте. Скорее, речь идет о том, что принято определять позднейшим термином «служилый князь», о практике, известной и в Новгороде, предполагающей не вокняжение, а выполнение определенных обязанностей, в первую очередь военных, а иногда и представительских в обмен на кормление.

Известно, что к концу 1370-х годов Псков ориентировался на Москву[892]: когда после смерти Ольгерда его престол занял один из младших сыновей Ягайло, то сын Ольгерда от первого брака, полоцкий князь Андрей, бежал в Псков, где был посажен на княжение (возможно, при помощи Ливонского отделения Ордена)[893]. Оттуда Андрей очень скоро удалился к Дмитрию Московскому и уже в 1380 г. участвовал в Куликовской битве под его знаменами. К этому же времени, насколько возможно судить, относится еще одна попытка литовских князей активизировать политику в отношении Пскова. Судить об этом позволяет купчая грамота князя Скиргайла на землю между реками Мирожей и Великой. Участок, купленный Скиргайлом у Господина Пскова, хорошо подходил для ведения княжеского хозяйства князя в случае, если бы тот стал постоянно жить в городе, а деньги от его продажи псковичи пустили на строительство укреплений, которое активно велось в последней четверти XIV в. Обстоятельства биографии Скиргайла позволяют отнести эту куплю к 1380 или первым месяцам 1381 г., т. е. совершена она была примерно одновременно с отправкой Юрия Наримонтовича в Новгород и попыткой Ягайла помочь Мамаю в его войне с Дмитрием Московским. Однако внутренние неурядицы в Великом княжестве Литовском, такие как неповиновение полочан Ягайлу и его свержение Кейстутом, заставили Ольгердовичей отказаться от псковских планов, и Скиргайло продал только что купленный участок земли[894].

---

[892] Впервые после долгого перерыва о прибытии посла великого князя «с Низа» в Юрьев для переговоров сообщается под 1367 г., однако, согласно этому известию, он «не оучини ничтоже на добро нимало», а сразу же вслед за поздкой Псков подвергся немецкому набегу. См.: ПЛ. Вып. 2. С. 27, 104.

[893] Scriptores rerum Prussicarum. Bd. 2. P. 591; *Флоря Б. Н.* Литва и Русь перед битвой на Куликовом поле // Куликовская битва. М., 1980. С. 158—160.

[894] *Марасинова Л. М.* Новые псковские грамоты XIV—XV веков. М., 1966. № 1. С. 46—47. О датировке и контексте грамоты см.: *Полехов С. В., Городилин С. В.* Когда князь Скиргайло купил землю во Пскове? // Средневековая Русь. М., 2020. Вып. 14. С. 71—96.

18 июля 1394 г. в Псков приехал давно уже знакомый псковичам князь Андрей Ольгердович, который незадолго до этого был освобожден после почти семи лет заточения. Судя по пребыванию Андрея при королевском дворе в Малой Польше, его последующий отъезд в Псков состоялся с ведома и согласия Ягайла и Витовта[895]. Вскоре Псков осадила новгородская рать. Псковичи, однако, выдерживают восьмидневную осаду, нанеся новгородцам чувствительные потери и вынудив тех бежать, бросив осадные орудия и пушки[896]. В этом противостоянии отлично зарекомендовали себя мощные городские укрепления, строившиеся и совершенствовавшиеся на протяжении последних 20 лет с 1374/75 г. В последующие годы в псковских известиях в качестве княжащего в городе неоднократно фигурирует уже сын князя Андрея Иван. Это длится вплоть до лета 1399 г. Согласно литовско-орденскому Салинскому договору 1398 г. Псков был признан сферой интересов Тевтонского ордена (фактически — его Ливонского отделения), после чего «князь Иванъ Андрѣевич внукъ Ольгердовъ» сложил с себя крестное целование и покинул Псков. Причина этого не была тайной для псковичей: «а князь литовскыи Витовтъ Кестутьевич тогда разверже миръ с великымъ княземь Васильемъ, зятемь своим, и с Новымгородом и со Псковомъ»[897].

Реакция Пскова не заставила себя ждать: к великому князю Василию Дмитриевичу направляется псковское посольство, которое приводит псковичам из Москвы нового князя. Им стал Иван Всеволодич, внук памятного для Пскова Александра Тверского, как специально отметила псковская летопись[898].

Московское княжество

В начале третьего десятилетия после установления монгольского господства над русскими землями в Северо-Восточной Руси появилось новое государственное образование — Московское княжество. Хотя ученые, даже с известными именами, писали о возникновении Московского княжества то в 1213 г., то в 1238 г., то в 1248 г., проверка по первоисточникам обоснованности таких утверждений показала, что сделаны они были или на основании неполного анализа ранних летописных известий, или использования недостоверных сведений поздних летописей. Во всех указанных случаях речь шла о пребывании в Москве князей — потомков Всеволода Большое Гнездо — от нескольких недель до нескольких месяцев, без оставления Москвы за своими наследниками. В действительности Москва стала центром особого княжества в более позднее время, когда Александр Невский перед смертью выделил это княжество из состава Владимирского своему младшему сыну Даниилу. Александр Невский умер в конце 1263 г., и с этой даты можно изучать историю княжества, столицей которого стала Москва.

Первоначальная территория Московского княжества была скромной по своим размерам. Судя по завещаниям второго сына Даниила Александровича Ивана Калиты, составленным в 1336 и 1339 гг., владения его отца на севере достигали верховьев рек Вори и Вели (в районе, где

[895] *Вароніи В.А.* Старонка біяграфіі князя Андрэя Полацкага // Гістарычны альманах. Гародня, 2009. Вып. 15. С. 2—6.

[896] ПЛ. Вып. 1. С. 25; Вып. 2. С. 30, 107.

[897] ПЛ. Вып. 2. С. 30.

[898] ПЛ. Вып. 1. С. 30—31; Вып. 2. С. 30, 107.

позднее возник Троице-Сергиев монастырь), простираясь на запад через истоки рек Яхромы и Клязьмы к верховьям рек Маглуши и Молодильны, левых притоков р. Малой Истры. Далее эта граница вела к верхнему течению р. Рузы, левому притоку р. Москвы. Восточная граница Московского княжества шла по нижнему течению р. Шерны, далее по правому берегу р. Клязьмы, захватывая бассейны рек Вохонки и Дрезны, а затем направлялась к югу к истоку р. Нерской, включая бассейн р. Гуслицы, левого притока Нерской. В этом районе земли молодого Московского княжества граничили со старыми владениями Рязанского княжества, центром которых была Коломна. Коломенские волости располагались от Коломны вверх по течению р. Москвы, подходя к р. Пахре. На западе эти волости также граничили с московскими. Границей служил, видимо, водораздел между реками Каширкой и Лопасней, левыми притоками р. Оки. В этом месте начиналась южная граница Московского княжества по р. Оке. Она доходила до устья р. Нары, впадавшей слева в Оку. Западная граница Московского княжества шла вверх по р. Наре, достигала истока Пахры, простиралась дальше на север и кончалась примерно в районе слияния Малой Истры с Истрой. Весь этот район был покрыт хвойно-широколиственными лесами, изобиловал малыми и средними реками, долины которых позволяли успешно заниматься хлебопашеством и разводить домашний скот. В лесах жили пушные звери (медведи, рыси, бобры), можно было собирать мед и воск диких пчел. Реки и озера были богаты рыбой, водилась даже красная рыба. Но ценные природные ископаемые отсутствовали, за исключением залежей известняка.

В княжестве был всего один город — Москва, укрепления которого возвышались на Боровицком холме. Младшему сыну Александр Невский по примеру своих предков передавал в наследство самое маленькое владение. Но даже такое княжество Даниил получил не сразу. Ему не исполнилось и двух лет, когда скончался его отец. Княжич-несмышленыш не мог править княжеством. От его имени должны были действовать взрослые люди, его мать и приближенные бояре. Однако занявший в 1264 г. владимирский стол (главный в Северо-Восточной Руси) брат Александра Невского тверской князь Ярослав Ярославич решил поступить по-иному. Он взял под свой контроль Московское княжество, соседствовавшее с его Тверским, посадив в Москве своих наместников. И вплоть до смерти князя Ярослава в 1271 г. Московским княжеством целых семь лет управляли великокняжеские наместники[899], а не маленький князь-вотчич Даниил, которого поддерживали бы близкие ему люди.

Возможно, только при достижении совершеннолетия (а в Средние века человек признавался совершеннолетним и дееспособным в 12—14 лет) Даниил стал самостоятельно править в Москве. Однако первое достоверное свидетельство источников о княжении здесь Даниила Александровича относится только к 1282 г. В новгородской летописи сохранилось известие, что в названном году «идоша новгородци на Дмитриа к Переяславлю, и Святославъ со тфѣрици, и Данило Олександровичь с москвици; Дмитрии же изиде противу плъкомъ со всею силою своею и ста въ Дмитровѣ»[900]. Речь идет о походе новгородцев вместе с полками тверского князя Святослава Ярославича и московского князя Даниила Александровича против князя переяславль-залесского и одновременно князя владимирского Дмитрия Александровича. Этого князя новгородский летописец не титулует ни князем владимирским,

[899] ПСРЛ. Т. 15. Стб. 474.
[900] НПЛ. С. 325.

ни князем переяславским, хотя по меньшей мере в Переяславле Дмитрий в то время княжил. Верный своей манере, летописец и союзников Новгорода Святослава и Даниила не называет прямо тверским князем и московским князем. Однако сделанные в летописном своде пояснения, что Святослав пошел в поход «со тфѣрици», а Даниил «с москвици», не оставляют сомнений в том, что речь идет о правителях Твери и Москвы.

Даниил Александрович и после 1282 г. играл заметную роль в политических делах северо-восточных русских земель и Новгорода. Он участвовал в различных княжеских союзах, так что его бывшие друзья становились противниками, а бывшие недруги — соратниками. В конце 1280-х годов Даниил сблизился с прежде враждебным ему своим старшим братом князем владимирским Дмитрием Александровичем, которому помогал до его смерти в 1294 г. После этого московский князь поддерживал сына Дмитрия переяславского князя Ивана. Неровными были отношения с Тверью. Они то становились дружественными, то охладевали. Постоянным противником Даниила стал другой его брат — Андрей Городецкий, после смерти старшего Дмитрия прочно обосновавшийся на владимирском столе. Но еще до кончины Дмитрия Андрей, домогаясь Владимирского княжения, привел в 1293 г. на Русь от сарайского хана Тохты большое войско во главе с братом Тохты Туданом (в русских летописях его называли Дюденем), которое взяло и ограбило многие русские города. Среди них была и Москва. Татары сумели обмануть Даниила, въехали в Москву и «взяша Москву всю и волости, и села»[901]. Простить брату Андрею такого опустошения своих владений Даниил не смог до конца жизни.

После смерти Дмитрия именно московский князь возглавил княжескую коалицию против Андрея Александровича. В союз помимо Москвы вошли Тверь и Переяславль-Залесский. В отличие от князя Андрея и примыкавших к нему князей, искавших и находивших поддержку у ханов сарайской Орды, московско-переяславско-тверская коалиция опиралась на хана Ногая, кочевавшего между Дунаем и Днепром. Ногай враждовал с Сараем и распространял свою власть на западные русские земли. В противоборстве с братом Андреем Даниилу в конце 1296 г. даже удалось занять стол в Новгороде, который обычно получали князья, правившие во Владимире-на-Клязьме. О распространении власти Даниила на Новгородскую землю свидетельствуют находимые в Новгороде свинцовые печати этого московского князя. Правда, в начале 1297 г. Даниил вынужден был вернуть новгородский стол брату, но и Андрей не предпринимал больше никаких враждебных действий против Москвы. Три года прошли спокойно. Однако в 1300 г. в Орде в междоусобной борьбе был убит хан Ногай, а это означало, что московский князь и его союзники потеряли твердую опору и могущественного покровителя. В итоге московско-переяславско-тверской союз распался. Тверской князь ввиду изменившейся внешнеполитической ситуации поспешил перейти на сторону правившего во Владимире князя Андрея Александровича. Теперь Даниилу стало трудно противостоять Андрею. Но воинственный дух московского князя не иссяк. Осенью 1300 г. Даниил напал на соседнее Рязанское княжество, у Переяславля Рязанского (современная Рязань) разбил рязанского князя Константина Романовича и взял его в плен. Скорее всего, именно тогда была присоединена к Москве принадлежавшая Рязани Коломна с относившимися к ней

[901] ПСРЛ. Т. 18. С. 82.

волостями[902]. Этот крупный захват заметно расширил владения Даниила. В конце же 1302 г., воспользовавшись тем, что Переяславское княжество стало выморочным и его князь Иван перед смертью завещал Переяславль ему, Даниил Александрович изгнал из города владимирских наместников Андрея Александровича и захватил Переяславское княжество в свои руки. Наместники же князя Андрея появились в Переяславле потому, что по нормам еще домонгольского времени выморочное княжество отходило старшему князю. Теперь же этой традиции противостояло волеизъявление ушедшего из жизни правившего местного князя. Спор о том, кому владеть выморочным Переяславским княжеством — старшему князю владимирскому или указанному в завещании московскому князю, должен был быть урегулирован Ордой. Однако Даниил не дождался ханского решения. Он умер 5 марта 1303 г.

После смерти Даниила Александровича московским князем стал его старший сын Юрий. Человек честолюбивый, жестокий, не знавший, что такое пощада, он даже не поехал на похороны отца, опасаясь, что Переяславль, где застало его известие о кончине родителя, в его отсутствие будет захвачен сторонниками владимирского князя. Но несколько недель спустя Юрий вместе со своими братьями (их у него было шестеро: Иван, Борис, Семен, Андрей, Александр, Афанасий, но возможно, что княжичи Семен и Андрей умерли в младенчестве) напал на принадлежавший Смоленскому княжеству Можайск, пленил местного князя Святослава и заточил его в Москве. Владения Святослава стали московскими[903]. Тем самым все течение р. Москвы от истока до устья оказалось в руках Даниловичей, и они могли контролировать эту водную дорогу, пропуская купеческие ладьи из Смоленска и более западных городов, находившихся под властью Литвы, и принимая речные суда с юго-востока и юга, из Рязанского княжества и Орды, взимая со всех пошлины. Впрочем, подобные последствия захвата Можайска были, скорее, делом будущего, а в начале XIV в. перед московскими князьями стояли более неотложные задачи. В споре с владимирским князем и в присутствии ордынских послов Юрий в 1303 г. сумел удержать за собой Переяславль. Когда 27 июля 1304 г. умер дядя Юрия владимирский князь Андрей Александрович, московский князь решил добиваться Владимирского княжения. Осенью 1304 г. он отправился в Орду, надеясь получить там ханский ярлык на это княжество. С Юрием соперничал тверской князь Михаил Ярославич, которого поддерживали бояре скончавшегося Андрея Александровича. В Сарае, столице Золотой Орды, нужно было раздать богатые подарки хану и его окружению. Юрий, судя по всему, определенные средства имел, но в Орде ему было поставлено жесткое условие: если он согласится платить татарам дань бóльшую, чем тверской князь, то хан даст ярлык ему. Это требование Юрий выполнить не смог, и великим князем владимирским стал Михаил Ярославич.

Сразу же по возвращении на Русь осенью 1305 г. Михаил Тверской осадил Москву. Новую осаду владимирского великого князя Москва выдержала в августе 1307 г. Обе осады закончились важными политическими уступками, вырванными Михаилом у Юрия. Между московскими и тверскими князьями началась жестокая вражда, лишь изредка затухавшая на протяжении почти двух столетий. В первом случае осажденные в 1305 г. Даниловичи должны были отказаться от Переяславля, территория которого отошла к землям Ве-

[902] *Горский А. А.* Москва и Орда. С. 29.
[903] ПСРЛ. Т. 18. С. 86.

ликого княжества Владимирского, следовательно, попала под власть Михаила. Во втором случае в результате столкновения 1307 г. Юрий вынужден был признать права Михаила Ярославича на обладание Новгородом[904]. Однако ни в 1305 г., ни в 1307 г. Москва взята не была, кремлевские укрепления оказались прочными.

Тем не менее после тверских осад Москвы, потери Переяславского княжества и отсутствия возможности править в Новгороде московские Даниловичи оказались в сложном положении. В Московском княжестве сохранилось всего три города, а Даниловичей было по меньшей мере пятеро. При распределении отцовского наследия двум из них не доставалось в удел даже ни одного города. Летопись сохранила известие о том, что уже осенью 1306 г. «Александръ и Борисъ отъѣхали въ Тферь съ Москвы»[905], совершив резкий политический демарш против своих старших братьев, вызванный, как верно подметил в свое время А. Е. Пресняков, борьбой за более справедливое распределение волостей в московском княжеском доме[906]. Позднее конфликт был улажен, московские Даниловичи дружно выступали против своих врагов, но проблема малоземелья в Московском княжестве оставалась, заставляя наследников Даниила вести упорную борьбу за расширение своих владений.

Их глава, старший брат Юрий, старался использовать для этого любую возможность. Когда скончался городецкий князь Михаил Андреевич и его княжество, включавшее помимо Городца еще и Нижний Новгород, оказалось выморочным, Юрию удалось посадить на стол в Нижнем Новгороде своего брата Бориса. Однако выморочное княжество должно было отойти к великому князю владимирскому, а им был враг Юрия тверской князь Михаил Ярославич. В тот момент Михаил находился в Орде и не мог предпринять активных действий против московских Даниловичей. Инициативу взял на себя старший сын Михаила Дмитрий, которому исполнилось 12 лет, и он стал взрослым человеком. В 1311 г. Дмитрий во главе собранных полков прибыл в главный город Северо-Восточной Руси Владимир-на-Клязьме, чтобы оттуда двинуться на Нижний Новгород. Однако находившийся в том же Владимире митрополит всея Руси Петр под угрозой отлучения запретил Дмитрию идти в поход. Дмитрию пришлось возвращаться восвояси. Борис прокняжил в Нижнем до своей смерти в 1320 г. Его владения вновь оказались выморочными, но на сей раз отошли по традиции к великому князю владимирскому, которым в то время был старший брат Бориса Юрий.

Укреплял Юрий и связи Московского княжества с Новгородом. Хотя там сидели наместники великого князя Михаила Ярославича, Юрий постоянно добивался их изгнания, особенно тогда, когда недовольство ими проявляли сами новгородцы. Стоило новгородцам в 1314 г. ополчиться на наместников Михаила Тверского, не помогавших им в столкновениях с немцами и корелами, как тут же московский князь направил в Новгород людей, ставших там наводить свои порядки. Такие действия резко обостряли московско-тверские и новгородско-тверские отношения. Михаил Ярославич старался в таких случаях действовать решительно и сурово. Вернувшись в 1315 г. из Орды с большой ордынской помощью, он 10 февраля 1316 г. учинил под Торжком жесточайший

---

[904] *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. С. 137—138.

[905] ПСРЛ. Т. 18. С. 86 (под 6815 г., ультрамартовским). О дате см.: *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. С. 351.

[906] *Пресняков А. Е.* Образование Великорусского государства: Очерки по истории XIII—XV столетий. Пг., 1918. С. 162.

разгром новгородцам. Торжок был взят, а на Новгород была наложена непомерная контрибуция в 12 тыс. серебряных гривен[907]. Для московских Даниловичей стало ясно, что если не отреагировать на такой удар, Новгород они потеряют навсегда. Направив новгородцам своих наместников, старший из Даниловичей Юрий отправился в Орду. Он вернулся на Русь летом 1317 г. Его длительное пребывание в Орде увенчалось большими успехами. В Орде он женился на сестре хана Узбека Кончаке, получил от своего нового родственника ярлык на великое княжество Владимирское, а также военную помощь во главе с одним из семи самых близких к Узбеку эмиров — Кавгадыем.

Михаил во главе других русских князей встретил соперника у Костромы. Стороны долгое время стояли друг против друга, не предпринимая активных действий. Наконец, тверской князь начал переговоры. Он уступил Юрию владимирский стол, но договорился, что Юрий не будет посягать на Тверское княжество. Несколько недель Юрий выжидал, как сложится обстановка. Рассчитав, что на его сторону как великого князя перешли князья, прежде подчинявшиеся Михаилу, что у него есть крепкая ордынская поддержка, он решил окончательно расправиться с Михаилом. Юрий вторгся в пределы Тверского княжества. Нападение и опустошение тверских земель по правому берегу Волги завершились большой ночной битвой 22 декабря 1317 г. близ Бортенева, в которой Юрий потерпел полное поражение и бежал в Новгород. В дальнейшем стороны заключили перемирие и договорились спор о великом княжении перенести в Орду, как рассудит их хан. В сентябре 1318 г. оба соперника оказались в ставке Узбека. Для Михаила Ярославича это пребывание кончилось трагически. Узбек принял сторону московского князя, и 22 ноября 1318 г. князь Михаил был казнен.

Кровавый успех придал московскому князю уверенности. По возвращении в 1319 г. на Русь он пытался диктовать осиротевшим сыновьям Михаила Ярославича свою линию поведения, но те действовали по-своему, а при военных нападениях организовывали отпор. Осенью 1321 г. в одно из таких противостояний князь Юрий заставил тверских князей выдать ему 2 тыс. руб. «сребра выходного»[908], т. е. ордынской дани. Получив выход, Юрий не передал его Орде, а направился с ним в Новгород, чтобы поддержать новгородцев в их войнах с соседями. В Новгороде Юрий пробыл довольно долго, сумев в 1323 г. заключить мир с Швецией, на длительное время определивший русско-шведские рубежи. Но еще до заключения Ореховецкого мира в Орду летом 1322 г. отправился тверской князь Дмитрий Михайлович с жалобами на Юрия. Жалобы возымели действие. Ярлык на владимирский стол был у Юрия отобран и передан Дмитрию Тверскому, а на Русь был отправлен «посол силен» Ахмыл за князем Юрием[909]. Но Юрия на месте не оказалось. Только в 1324 г. московский князь сумел добраться до Орды из новгородского Заволочья. Хан Узбек хотел, видимо, решить его спор с Дмитрием Тверским. Но когда последний явился в ханскую ставку и встретил там Юрия, он убил своего соперника, мстя за смерть отца. Произошло это 21 ноября 1325 г. 8 февраля 1326 г. при большом стечении народа и духовенства Юрий был похоронен в Архангельском соборе Московского Кремля[910].

На московском столе Юрия сменил его брат Иван, младшими современниками прозванный Калитой. Иван пережил

[907] ГВНП. № 11. С. 22—24.
[908] ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 41.
[909] Там же. Стб. 42.
[910] ПСРЛ. Т. 18. С. 89; НПЛ. С. 97.

всех своих братьев, которые даже потомства не сумели оставить. Поэтому в его правление Московское княжество перестало делиться на уделы, Калита стал единоличным властодержцем. Уже в первый год своего властвования новый московский князь предпринял существенные социально-экономические преобразования. Источники свидетельствуют, что в 1326 г. в Московском княжестве появилось новое высокое должностное лицо — тысяцкий. Эта должность была возложена на Протасия, представителя крупного и влиятельного московского боярского рода Вельяминовых. Тысяцкий ведал княжеским хозяйством. О преобразованиях княжеского хозяйства в Москве во времена Ивана Калиты свидетельствует и статья 22 договора 1348 г., заключенного между собой сыновьями Ивана Калиты: «А которыхъ люди(и) отець наш, княз(ь) великии, выимал (далее в оригинале договора текст утрачен; возможны чтения *изъ волостеи в службу, в какую службу* или *в иную службу*. — *В. К.*)....тѣ так и знають свою службу, в которую кто уряженъ, а намъ ихъ к собѣ не приимати»[911]. Здесь по сути речь идет о составе самой тысячи: сотских, десятских, а главное — черных людях, поверстанных в княжескую службу из числа лиц других категорий населения Московского княжества. На такую тысячу, где было ровно одна тысяча человек, возлагалось строительство крепостей, мощение дорог, устройство речных мостов, организация рыбного промысла, охоты, добычи меда, разведение садов, выращивание зерновых и огородных культур для нужд княжеской семьи и княжеского двора. Преобразование княжеского хозяйства означало, что укрепление своего положения Калита видел не в увеличении путем военных захватов унаследованных им владений, а в росте своих экономических возможностей. Проявлением таких возможностей являлись интенсивное строительство в 1329—1333 гг. каменных церквей в Московском Кремле, богатая дорогими и многочисленными предметами и одеяниями казна Ивана Калиты, описанная в его завещаниях, и привычка носить в калите мелкие серебряные монеты, которыми он одаривал нищих[912], но чаще и щедрее — торговцев с Востока.

Характерной особенностью внешней политики Ивана Калиты была безоговорочная поддержка им ордынского хана Узбека. Хан же благоволил к Ивану. В 1328 г. Калита помог Узбеку расправиться с Тверским княжеством, где в 1327 г. произошло антиордынское восстание. За это Калита получил ярлык на половину Владимирского великого княжества: Кострому и новгородский стол. Другая половина оказалась за суздальским князем Александром Васильевичем. Однако после смерти последнего в 1331 г. Калита получил от Узбека ярлык на все Владимирское великое княжение. По наущению Ивана Калиты хан Узбек в 1339 г. казнил тверского великого князя Александра Михайловича и его старшего сына Федора. Тверское княжество надолго перестало соперничать с Московским. В Северо-Восточной Руси оставалось лишь одно государственное образование, способное противостоять Москве, — Новгородская феодальная республика.

Богатые пушниной, рыбой, птицей, морским зверем, медом и воском северные земли этой республики обеспечивали благосостояние ее населения и привлекали внимание к Новгороду его русских и западных соседей. Калита дорожил своим новгородским столом и защищал Новгород. Так, в 1335 г. он в ответ на нападение на новгородские земли литовцев пожег несколь-

[911] *Кучкин В. А.* Договор великого князя Симеона Ивановича с братьями Иваном Звенигородским и Андреем Серпуховским // Средневековая Русь. М., 2009. Вып. 8. С. 163—164.

[912] Древнерусские патерики. М., 1999. С. 96.

ко литовских пограничных городков[913]. Но главное, к чему стремился правитель Москвы и Владимира, это доступ к новгородским богатствам. За их счет можно было удовлетворять нараставшие запросы хана Узбека и тем самым укреплять собственные позиции среди других русских князей. Новгород крайне неохотно шел на такие выплаты, и здесь у Калиты возникали большие сложности, доходившие до открытого разрыва и даже войны с республикой, как это было в 1333, 1337 и 1339 гг.[914] Тем не менее Калите удалось добиться участия Новгорода в выпате ордынской дани. Это облегчало положение населения подвластных Москве земель.

Последней акцией Ивана Калиты стало участие по приказу Узбека в организованном Ордою походе на Смоленск в 1339 г. Поход кончился неудачей, и зимой того же года в Москве срочно приступили к строительству нового дубового Кремля, опасаясь возмездия со стороны смоленского князя. Неизвестно, дождался ли Калита окончания этого строительства. Он умер 31 марта 1340 г.[915]

В своем последнем завещании, составленном в 1339 г., Калита определил, какие владения должен получить каждый из его наследников. Их у него было пятеро: три сына и одна дочь от первого брака, вторая жена с двумя маленькими дочерями. Меньше других получила старшая дочь Фетинья. Ей достались драгоценности ее матери Елены и несколько богатых новых украшений от отца. Вторая жена Ивана Калиты Ульяна с малолетними княжнами Марией и Феодосией получила 26 волостей и сел на востоке и отчасти на севере Московского княжества. Основная же часть его территории была поделена между тремя сыновьями Ивана Калиты. Сама Москва объявлялась общим достоянием братьев. Старший Симеон получал в удел остальные два города княжества Коломну и Можайск, а кроме того 34 волости и села. Средний сын Калиты Иван должен был унаследовать 23 волости и села. На долю третьего сына Андрея пришлась 21 волость вместе с несколькими селами. Приведенные цифры показывают, что наследникам Калиты предназначались разновеликие доли. Старший сын получал все существовавшие, кроме Москвы, города Московского княжества и в полтора раза больше волостей и сел, чем каждый из его младших братьев. Этим достигалась политическая устойчивость княжества после смерти завещателя. Бóльшие территориальные, демографические, а вследствие этого экономические и военные возможности старшего брата делали его правление прочным, а посягательства на его власть младших братьев в лучшем случае малоуспешными.

О возросших финансовых возможностях этого московского князя свидетельсвует его последняя душевная грамота, перечисляющая принадлежащие ему села, купленные им в других княжествах.

Это село Аваковское на р. Улале в «Новгороде», т. е. Нижегородском княжестве; село Борисовское в Великом княжестве Владимирском; села Петровское, Алексеевское, Вседобрич и Павловское «на Масе», т. е. на р. Масе, причем по контексту завещания на этой реке стояли все четыре села. Далее указываются села Варварское и Павловское «у Юрьева» — столицы Юрьевского княжества. Новое сельцо было куплено как добавление к селу Павловскому, купле «бабы нашей», т. е. жены Александра Невского. Село Александр Святой было приобретено в Костроме. Село Богородическое Иван Калита купил в Ростове. Три села — «на Кержаче», Леонтьевское и Шараповское — Калита,

[913] НПЛ. С. 347.
[914] НПЛ. С. 99, 347, 351.
[915] ПСРЛ. Т. 18. Стб. 52.

видимо, приобрел в Переяславском уезде, где протекала р. Киржач. Эти три села были пожертвованы им Александровскому монастырю. Таким образом, преемники Ивана Калиты унаследовали 11 сел в разных княжествах, преимущественно в Великом княжестве Владимирском и примыкавших к нему Нижегородском, Юрьевском, Ростовском и бывшем Переяславском. Данные факты свидетельствуют о том, что при Иване Калите территория подвластных ему земель увеличилась, хотя и не намного, а сам князь нашел новые способы ее расширения — покупки и обмены, но не военные захваты. В свое время С. М. Соловьев был немало удивлен тем обстоятельством, что Иван Калита приобретал владения в чужих княжествах. «Но как мог Калита прикупать к великому княжению, — писал автор "Истории России с древнейших времен", — которое вовсе не принадлежало в собственность его роду и по смерти его могло перейти к князю тверскому или нижегородскому? Это значило бы обогащать других князей на свой счет»[916]. Конечно, конфискации владений одного князя пришедшим к власти другим князем могли иметь место. Однако обращение к первоисточникам разъясняет, почему Калита без серьезных опасений мог расширять свои владения путем покупок сел в Великом княжестве Владимирском или в княжествах, принадлежавших другим, немосковским ветвям Рюрикова рода. Обратимся, например, к такому источнику, как договор тверского князя Михаила Ярославича, заключенный им после победы над новгородцами в 1317 г. Одна из статей этого договора постановляла: «А што селъ покупили моі бояре і слугы в мое княженье, тѣхъ селъ отступился есмь Новугороду бес кунъ: знати ему своего істьця, у кого купилъ; а што в тѣхъ селѣхъ обилье, а то імати осподаремъ; а земля Новогороду»[917]. Новгороду передавались села, которые были куплены в Новгородской земле во время относительно продолжительного правления там тверского великого князя его боярами и военными слугами. Михаил Ярославич уступал новгородцам эти села «бес кунъ», но требовал, чтобы каждый из его покупщиков знал своего продавца (истца), чтобы требовать с него возврата затраченных на покупку села средств. Другой пример более поздний. Между 1390 и 1406 гг. великий князь всея Руси Василий I заключил договор с главой русской церкви митрополитом Киевским и всея Руси Киприаном[918]. В договоре речь шла о переходе владимирских волостей Сеньги и Луха под митрополичий контроль, кроме сбо-

[916] *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен // *Соловьев С. М.* Соч. Кн. 2. С. 332, примеч. 417.

[917] ГВНП. № 12. С. 24.

[918] Датировка этого соглашения в научной литературе различна. В некоторых списках договора текст оканчивается указанием, что договор написан «на Мосъквѣ месяца июня 28 день, инъдикта въ 12 въ лѣто 6900» (Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. / Изд. подгот. Я. Н. Щапов. М., 1976. С. 177). В других списках памятника указания на месяц июнь, цифра индикта и цифра года отсутствуют. В свое время Е. Е. Голубинский считал, что владимирские волости Сеньга и Лух были получены от великого князя Василия I митрополитом Киприаном сразу же после своего вторичного перехода в Москву 6 марта 1390 г. Однако в договоре между великим князем и Киприаном указывалось, что «луховци ставливали хоромы на великаго князя дъворъ в Володимерѣ, ино то обыскано, что то было учинилося ново, не по пошлинѣ, и нынѣча не надобѣ луховцемъ ставити хором на великаго князя дворѣ» (Там же). Из приведенного свидетельства следует, что первоначальный договор между великим князем и митрополитом включал в себя текст, обязывавший луховцев ставить во Владимире двор для великого князя. Но позднее эта повинность была отменена. Сохранившийся текст основывается на позднем варианте соглашения, где повинность ставить княжеский двор во Владимире с луховцев была снята. Возведение хором на дворе великого князя во Владимире явно требовало больше времени, чем один день. Поэтому датировать второй договор Василия I с Киприаном, где великий князь отказывался от права привлекать луховцев для обустройства своего двора во Владимире, временем приезда Киприана в Москву представляется исследовательской выдумкой.

ра с населения этих волостей ордынского «выхода». Сбор этого налога оставался в руках великокняжеской администрации. В ст. 2 соглашения подчеркивалось, что «бояром и слугам кн(я)зя великого и митрополичим зем(е)ль луховских не купити, а которые будут покупили, а тѣмъ лѣсти вонъ, а сребро свое взяти»[919]. В данном случае, более обычном, чем послевоенное положение, отраженное в договоре 1317 г., также подчеркивалось право покупателя при возврате села вернуть себе свое серебро, истраченное на приобретение села у луховского собственника. Выясняется, таким образом, что на Руси и до правления Ивана Калиты, и после его смерти существовала практика компенсации материальных потерь, связанных с возвращением купленных сел их прежним владельцам. Последним владельцам сел выплачивалась компенсация, равная стоимости села при переходе от одного владельца к другому. Покупая села или какие-то иные поселения в других княжествах, Калита не мог обогащать других князей за свой счет. Ему возвращались средства, затраченные на приобретения поселений в чужих княжествах.

Картографирование географических объектов, указанных в последнем завещании Ивана Калиты, вскрывает принципы политико-административного устройства Московского княжества. Его центром являлся город Москва. За пределами крепости и городской земли, используемой горожанами для хозяйственных целей, лежали сельские земли и угодья. Они отстояли от города на 40—70 км, т. е. на один-полтора дневных конских перехода. Это означает, что взимание налогов, поездки для розыска преступников и проведения судов были делом скорым. Такая территория называлась уездом. Здесь располагались подведомственные сотским великокняжеские станы, а кроме того — подмосковные села различных представителей московской княжеской фамилии. За пределами уезда лежали волости великого князя и его родственников — удельных князей. Такая территориальная структура Московского княжества, видимо, была типична для русских княжеств Северо-Восточной Руси в XIV и XV вв. Она сочетала принципы коллективного и индивидуального владения и управления княжеством в период Средневековья.

Московский летописец времен Дмитрия Донского, отметив под 1328 г. получение Иваном Калитой части великого княжения, подвел итоги правления этого князя: «Бысть оттолѣ тишина велика на 40 лѣтъ, и престаша погании воевать Русскую землю и закалати христианъ и отдохнуша и упочинуша христиане отъ великыя истомы и многыя тягости и отъ насилиа татарьскаго, и бысть оттолѣ тишина велика по всеи земли»[920]. На 40 лет тишины летописец указывал потому, что в 1368 г. Москву осадил литовский великий князь Ольгерд и с того времени нападения на нее участились. Значение для Московского княжества этой 40-летней тишины тонко оценил в своем «Курсе русской истории» В. О. Ключевский: «В эти спокойные годы успели народиться и вырасти целых два поколения, к нервам которых впечатления детства не привили безотчетного ужаса отцов и дедов перед татарином; они и вышли на Куликово поле»[921]. Существование этих 40 спокойных лет не следует связывать с правлением одного Ивана Калиты. На тот же 40-летний период приходятся правления и двух его сыновей: Симеона (1340—1353) и Ивана (1353—1359). И то, что годы 1340—1359 были мирными, как и предшествующие годы великого княжения Ивана Калиты, говорит о том, что политика сыновей Ива-

[919] Там же.
[920] ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 44.
[921] *Ключевский В. О.* Соч. Т. 2. С. 21.

на Калиты в 1340—1350-х годах следовала политике их отца.

Преемник Калиты на московском княжеском столе, его старший сын Симеон, став московским князем, не получил Владимирского великого княжения. Обладание им зависело от другого лица — ордынского хана. Поэтому вскоре после похорон отца, 2 мая 1340 г., Симеон вместе с братьями Иваном и Андреем отправился в Орду. Туда же поехали ярославский, тверской и суздальский князья, а также все правители менее значимых северо-восточных русских княжеств. В ханской ставке русские князья провели все лето 1340 г. Постаревший хан Узбек, видимо, оценивал, какой из них наиболее приемлем для Орды в качестве великого князя владимирского. Выбор остановился на Симеоне. Вернувшись на Русь, 1 октября 1340 г. Симеон был торжественно посажен на великокняжеский стол во Владимире-на-Клязьме. Это предопределяло его право княжить и в Новгороде. Не дожидаясь формального признания новгородцами себя своим князем, Симеон направил в принадлежавший Новгороду Торжок своих наместников. Их задачей стал сбор внеочередного ордынского выхода, поскольку казна московских князей истощилась за время их пребывания в Орде и получения ярлыка на великое княжение. Новоторжцы и слышать не хотели о каких-то новых выплатах. Они обратились с жалобой к Новгороду. Новгородское правительство прислало в Торжок войско, которое арестовало москвичей. Это вызвало резкое недовольство рядового населения Новгорода, которое понимало, что в случае войны с московским князем гораздо сильнее пострадает оно, а не боярство, направившее войско в Торжок. В помощи Торжку было отказано. Тогда взволновались низы Торжка. Они силой освободили арестованных москвичей, изгнали новгородских бояр, а своих ограбили, разметав их дворы и захватив села. Вскоре под стенами Торжка появился Симеон во главе рати всех суздальских князей. Приход большого войска окончательно привел новгородцев в чувство. Они пошли на мир, согласившись выплатить выход со всех своих владений. С Торжка же пришлось отдать большую сумму в 1 тыс. руб.

Военное единение русских князей под Торжком оказалось непрочным. Оно никак не проявило себя, когда осенью 1341 г. литовский великий князь Ольгерд напал на Можайск, а суздальский князь Константин Васильевич захватил Нижний Новгород и Городец — города, которые рассчитывал присоединить к своим владениям Симеон. Симеону пришлось выбирать, с каким противником бороться: восточным или западным? Литва была послабее, ее можно было укротить силой. Но бороться за приволжские города было нельзя без поддержки Орды. И Симеон делал все, от него зависящее, чтобы укреплять связи с преемником Узбека ханом Джанибеком. В 1342, 1343, 1344, зимой 1347/48 и в 1350 гг. Симеон ездил в Орду. Все поездки были успешными, кроме поездки 1343 г. Тогда в Орде решался спор, кому владеть Нижним Новгородом и Городцом: Симеону или Константину Суздальскому. Города остались за Константином.

С Литвой до 1345 г. Симеон сохранял мирные отношения. Но в 1345 г. умерла первая жена Симеона Айгуста, дочь литовского великого князя Гедимина, а ее братья литовские князья Ольгерд и Кейстут изгнали из Вильны другого своего брата Евнутия, который нашел приют в Москве. Связи московского князя с Литвой оказались ослаблены, а с правящей верхушкой — испорчены. И Ольгерд развернул наступление на русские земли. В 1346 г. он повоевал новгородские волости, а в 1348 г. послал посольство во главе с братом Кориадом к хану Джанибеку с жалобами на Симеона и предложением вместе начать войну против Москвы. Но в Орде оказались и посланники Симеона, обвинившие Ольгерда в нападениях на Русский улус ордынского

хана. В итоге Джанибек выдал литовских послов Москве. Ольгерду стоило немалых усилий, чтобы в 1349 г. вызволить своих представителей. Симеон отпустил их без всякого выкупа. Это улучшило отношения с Литвой. Набеги на земли великого княжения Симеона прекратились, но земли Смоленского княжества Ольгерд постепенно прибирал к своим рукам. Поход Симеона на Смоленск в 1352 г. привел к ослаблению в Смоленске литовского влияния. Литва признала сюзеренитет московского князя над Смоленском и Брянском. В целом внешняя политика Симеона не привела к территориальному расширению Московского княжества. Но она способствовала укреплению политического авторитета и международного влияния старшего сына Ивана Калиты.

Внутренняя же политика Симеона позволила ему расширить великокняжеский домен в собственно Московском княжестве. В руки Симеона перешли основные отрасли («пути») княжеского хозяйства, ему отошла половина таможенных сборов. Это нашло отражение в его договоре 1348 г. с братьями. Ст. 8 указанного соглашения постановляла: «А что есмы съступилися тобѣ на старѣишинство [полтамги и нам] полтамги да тобѣ соколничии путь, и садовници, да конюшии путь, и кони ставити [в стане]х, и ловчии путь, то же и по томъ на старѣишии путь, кто бу*д*(е)ть старѣишии, тому полтамги, а молодшимъ двумъ полтамги, а опроч(ь) того все на трое, и бортници въ пере(вар)ахъ и Добрятинскаа борть»[922]. Неравное деление по-братски, зафиксированное завещаниями Ивана Калиты, продолжалось и после его кончины в братском договоре его сыновей.

Великий князь всея Руси Симеон Иванович скончался 26 апреля 1353 г. Он умер от пандемии легочной чумы, которая в Европе получила название «черная смерть». Раньше его, в марте 1353 г., от той же болезни ушли из жизни митрополит Феогност и два младших сына князя Симеона, рожденные им в третьем браке с тверской княжной Марией, дочерью казненного в Орде в 1339 г. тверского великого князя Александра Михайловича. 6 июня 1353 г. «черная смерть» поразила младшего брата Симеона серпуховского князя Андрея. Дом московских Рюриковичей превратился в средоточие вдов и малолетних сирот. Единственным взрослым мужчиной среди них оказался второй сын Ивана Калиты звенигородский князь Иван.

За день или за два до своей смерти (у заражавшихся вся болезнь протекала в течение одного-трех дней) Симеон успел составить завещание. Оно самое краткое из всех княжеских завещаний XIV—XV вв., не имеет указания на лицо, писавшее текст, и содержит целый ряд грубых орфографических ошибок: *упавнѣ* вместо *Купавнѣ*, *и* вместо *из*, пропуск предлога *в* (ст. 7), *родилии* вместо *родителии*. Очевидно, что его составляли очень спешно, в любой момент ожидая смерти князя. Но главное в этом завещании было сказано. Все свои владения и все свое имущество Симеон оставлял жене, и только ей была адресована сама его душевная грамота: «Даю рядъ своеи княгинѣ». Никаких посмертных вкладов в церкви или в монастыри обреченный князь не сделал, ни одного подарка родственникам не оставил. Не было и никакого распоряжения о том, как быть с наследством, если от мора погибнет жена. Тем не менее братья Симеона скрепили его письменное волеизъявление своими печатями.

Прошло короткое время, а признаков болезни у вдовы Симеона не обнаруживалось. Всему дому московских Рюриковичей надо было думать о том, что произойдет, если завещание Симеона Гордого будет осуществлено в полном объеме. Владение великокняжеским доменом в Московском

[922] ДДГ. № 2. С. 11. Утраченный текст в квадратных скобках восстановлен автором.

княжестве представительницей тверских Рюриковичей могло грозить для Москвы тяжелыми последствиями. Вдовые княгини имели право отдавать часть своих волостей князьям других линий Рюриковичей. В таком случае возникала проблема целостности территории Московского княжества.

В этих условиях князь Иван Звенигородский решился на крутые меры. Он отобрал у своей невестки то, что завещал ей Симеон, оставив вдо́вой Марии лишь часть коломенских волостей, да и то без полного права собственности. Отобранным он стал распоряжаться сам. Возможно, одновременно он посадил в основных волостях Серпуховского удела своих людей, установив контроль и над юго-западной частью Московского княжества. В это время на Московское княжество совершил неожиданное нападение его сосед рязанский князь Олег Иванович. 22 июня 1353 г. он напал на волость Лопасню, ограбил ее, а лопасненского наместника Михаила Александровича пленил и увел с собой в Рязань. Лопасня была волостью Серпуховского удела, а Михаил Александрович — одним из знатнейших московских бояр. Следовательно, Лопасня контролировалась Москвой. Возможно, нападение рязанцев на пограничную Лопасненскую волость было вызвано стремлением задержать выезд московского князя в Орду, где представители других русских государственных образований готовили возведение на владимирский великокняжеский стол совсем другого кандидата. Однако после 15 июля 1353 г. князю Ивану удалось выехать в Орду[923]. Там он встретился и с этим кандидатом — суздальским князем Константином Васильевичем. За последнего усиленно хлопотали новгородцы, очевидно, недовольные верховным правлением московских Даниловичей. Однако хан Джанибек решил не нарушать традиции и оставить Великое княжение Владимирское за московским Рюриковичем. Вернувшись в Москву, князь Иван 25 марта 1354 г. был посажен на великокняжеский стол во Владимире[924]. Теперь, обладая великим княжением, он чувствовал себя гораздо увереннее. В конце того же 1354 г. Иван пошел на мир с Новгородом. Предшествовавшая миру ссора возникла летом 1353 г., когда новгородцы в Орде поддержали не московского князя, а суздальского. Размирье продолжалось полтора года, но не привело к военному противоборству. Со временем стало ясно, что вести войну из-за прошлой агитации бессмысленно, и стороны восстановили нормальные отношения.

Внутренняя политика князя Ивана не всегда была успешной. Когда скончался московский тысяцкий Василий Протасьевич Вельяминов, то на эту должность князь поставил знатного боярина Алексея Петровича Хвоста Босоволкова, а не сына умершего тысяцкого. Это было нарушением прав Вельяминовых, наследовавших такую должность. Громом в ясном небе стало убийство 3 февраля 1357 г. Алексея Хвоста Босоволкова. Его тело было найдено на соборной площади Московского Кремля. Начались уголовные расследования. Они шли медленно и долго, но никакого результата не давали. Поговаривали, что в деле замешаны Вельяминовы. Тогда верхушка московского боярства, опасаясь бессудной расправы, выехала из Москвы в Рязань служить другому князю. У москвичей оставались подозрения, но улик все равно не находили. Тогда в начале 1358 г. князь Иван, будучи в Орде, встретил там отъехавших бояр и вернул их на московскую службу. Тысяцким был назначен В. В. Вельяминов. Эта история показала московскому князю, что его действия, нарушающие права и интересы старомосковского боярства, будут молчаливо и жестко пресекаться, а вводить

[923] ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 63.

[924] Там же.

изменения нужно с согласия боярского окружения.

К концу 1350-х годов русские земли ощутили последствия разыгравшихся в Орде политических бурь, приведших к распаду этого государства на четыре ханства и два эмирата. Описывая события 1357 г., летописец отметил, что «тои же осени прииде посолъ из Орды отъ царя на Русь Кошакъ, и велика истома бысть княземъ Рускимъ»[925]. Через год-другой летописец зафиксировал приход иного посла: «Того же лѣта выиде из Орды посол царевъ сынъ именем Маматхожа на Рязанскую землю и много тамо зла сотвори, и къ великому князю Иоану Ивановичу прислал о розъѣзде земли Рязанские. Князь же великы не впусти его въ свою отчину в Русскую землю»[926]. До конца 1450-х годов ни один русский князь не мог запретить и не запрещал чингисиду въезд в Русский улус. На это решился только великий князь Иван Иванович, который, по словам летописца, назвал ордынский улус своей отчиной Русской землей. Мир явно изменялся и изменялся кардинально. В этом переменчивом мире пришлось жить и проявлять себя старшему сыну князя Ивана Дмитрию Донскому.

Он родился 12 октября 1350 г. Когда умер отец (13 ноября 1359 г.), Дмитрию было девять лет. По завещанию родителя Дмитрий стал его преемником на московском столе. В наследство он получил примерно две трети отцовских владений, но в масштабах всего Московского княжества это было немного: Коломна без волостей, Можайск с 12 волостями, отдельные села, треть доходов с жителей Москвы и ее уезда. Если учесть, что остальные члены московского княжеского дома (три княжича-ребенка, три вдовы — великие княгини и вдова серпуховского князя) владели в общей сложности 60 московскими волостями, то станут очевидными относительно небольшие размеры владений великого князя. Эта недостаточность земель заставляла Дмитрия и его окружение энергично искать пути к их увеличению.

Весной 1360 г. Дмитрий отправился в Сарай, пытаясь получить там ярлык на великое княжение Владимирское. Но хану Ноурузу Дмитрий показался чересчур молодым, и ярлык в конце концов достался Дмитрию-Фоме, княжившему в Суздале. Когда Ноуруз был свергнут Хызром, Дмитрий в 1361 г. вновь поехал в Орду. Однако и на сей раз ярлыка ему не дали. Лишь в 1362 г. послы Дмитрия сумели получить для своего князя ярлык на Владимирское великое княжение, на сей раз от хана Мюрида. Ханскому решению воспротивился Дмитрий Суздальский, не покидавший пределов великого княжения. Началась борьба, но выступление московских великокняжеской и удельнокняжеских ратей сначала на Переяславль, а затем на Владимир заставило суздальского князя укрыться в своем Суздале. Перед Крещением (6 января) 1363 г. Дмитрий во главе большого войска въехал во Владимир. Великое княжение Владимирское было объявлено отчиной московского князя. Права других князей на эту территорию Москвой отвергались, ханские ярлыки не признавались.

Укрепив свое положение, Дмитрий начал вмешиваться в дела соседних княжеств. В конце 1364 г. он оказал военную помощь своему недавнему сопернику Дмитрию Суздальскому против его брата Бориса Городецкого, захватившего Нижний Новгород. Появление московских полков заставило Бориса вернуть Нижний Новгород старшему брату. С этого момента вплоть до 1382 г. Дмитрий-Фома стал верным союзником московского князя, а в 1366 г. даже породнился с ним, выдав за него свою младшую дочь Евдокию. На

[925] ПСРЛ. Т. 4, ч. 1. С. 287.
[926] ПСРЛ. Т. 25. С. 180.

западе и севере владений Дмитрия Московского дела складывались не столь благополучно. В начале 1366 г. тверским великим князем стал Михаил Александрович, сын казненного в Орде Александра Михайловича. В том же 1366 г. новгородские ушкуйники, разбойничая на Волге, ограбили московских купцов. В условиях усилившейся внешнеполитической напряженности, тяжелых последствий большого московского пожара 1365 г. Дмитрий и его окружение решили укрепить Москву новой каменной крепостью. Зимой 1366 г. в столицу повезли строительный камень. Его находили в Подмосковье в районе позднейшего села Мячково и близ р. Пахры. Примерно за два с половиной года кремль был построен. Он стал единственной каменной крепостью на всем русском Северо-Востоке. Это резко повысило военный потенциал Московского княжества. Современник событий, безымянный тверской летописец, враждебный Москве, так оценивал новую ситуацию: «Того же лѣта на Москвѣ почали ставити городъ каменъ, надѣяся на свою на великую силу, князи Русьскыи начаша приводити въ свою волю, а которыи почалъ не повиноватися ихъ волѣ, на тыхъ почали посягати злобою»[927]. Опираясь на свою возросшую мощь, Дмитрий ввязался в распрю тверских князей, стараясь сдержать усиление Михаила Тверского. Кашинский князь Василий с помощью Москвы в 1367 г. сумел овладеть Тверью. Но в конце 1367 г. Михаил Тверской вернул Тверь себе. Дальнейшие попытки Дмитрия противодействовать Михаилу вызвали походы на Москву литовского великого князя Ольгерда, зятя Михаила Тверского. Ольгерд осаждал Москву в ноябре 1368 г., когда города не взял, но окрестности ограбил так, что московский летописец вынужден был горестно отметить: «А преже толь велико зло Москвѣ отъ Литвы не бывало въ Руси». «Другая литовщина» пришлась на декабрь 1370 г., когда Ольгерд осаждал Москву гораздо дольше, но тоже безуспешно. Третий поход на Москву литовского великого князя в июне 1372 г. был приостановлен у р. Оки близ города Любутска. Не воюя, стороны заключили на короткий срок перемирие, которое затем перешло в мир.

Орда до поры до времени не вмешивалась в московско-литовские распри. Положение изменилось, когда в 1370 г. к помощи Мамая прибег Михаил Тверской, терявший надежды на действенность литовской поддержки. За большие деньги тверскому князю удалось получить в Орде ярлык на великое княжение Владимирское, которым владел Дмитрий. Тот, однако, не пустил соперника во Владимир, везде расставив заставы. В то же время угроза консолидации сил Твери, Литвы и Орды заставила Дмитрия искать сближения с Мамаем. В 1371 г. он отправился в Орду, где в свою очередь получил ярлык на Владимирское княжение. Дав ярлык московскому князю, Орда в то же время не отобрала ярлыка у тверского, рассчитывая на междоусобную борьбу русских князей. Этот расчет оправдался. К тому же появление вместе с Дмитрием ордынских данщиков вызвало недовольство населения московским князем. Только в 1374 г. Дмитрий, сумев укрепиться во Владимире, решил отказаться от выплат Орде. Это обострило отношения с Мамаем. Понимая, что столкновение с Ордой неизбежно, Дмитрий сумел заручиться поддержкой почти всех князей русского Северо-Востока.

Мощь созданной Дмитрием коалиции ярко проявилась в событиях 1375 г. Михаил Тверской вновь получил в Орде ярлык на Владимирское великое княжение и начал войну с Москвой. В ответ Дмитрий предпринял поход на Тверь, в котором участвовали 13 из 16 князей Северо-

[927] ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 84.

Восточной Руси, а также Новгород, некоторые князья верхнеокских княжеств, Смоленска и Брянска. Месячная война кончилась капитуляцией тверского князя. Это существенным образом задело интересы Орды и Литвы. К тому же в марте 1377 г. московско-нижегородская рать под командованием Дмитрия Боброка заставила капитулировать сидевшего в Булгаре ставленника Мамая. В ответ на это 2 августа 1377 г. Мамай внезапным нападением нанес жестокое поражение московским и нижегородским воеводам на р. Пьяне, а затем захватил Нижний Новгород. Летом 1378 г. он отправил большое войско против Дмитрия под командованием Бегича. Московский князь собрал значительные силы и встретил Бегича за пределами собственных владений на территории Рязанского княжества у правого притока Оки р. Вожи. Для Бегича это оказалось неожиданным. Простояв несколько дней у Вожи, он решил форсировать реку, но попал в ловушку. С одного фланга на татарскую конницу ударил московский воевода Тимофей Васильевич Вельяминов, с другого — пронский князь Даниил, а разгром довершил прямой атакой сам Дмитрий Иванович. Вечером 11 августа 1378 г. Бегич бежал, потеряв убитыми пятерых «князей», по-видимому, темников. Это была первая крупная победа русских над силами Орды.

Поражение Бегича привело Мамая в сильнейшее негодование. Он начал готовиться к масштабному походу на Русь, который закончился разгромом его войска Дмитрием Ивановичем на Куликовом поле 8 сентября 1380 г.[928]

А вскоре осенью того же года государство Мамая было уничтожено пришедшим из-за Волги ханом Тохтамышем.

После Куликовской победы Дмитрий еще более упрочил свою власть в русских землях. Он присоединил к своим владениям обширное Белозерское княжество и заставил рязанского князя признать себя его сюзереном. Вместе с тем победа Дмитрия над Мамаем еще не означала ликвидации чужеземного господства над Русью. В августе 1382 г. Тохтамыш, объединив разрозненные ордынские земли по левому и правому берегам Волги, сумел скрытно подвести свои войска к границам Московского княжества. Русские князья, через земли которых проходило его войско, всячески стремились быть ему полезны. Нижегородский князь Дмитрий-Фома, тесть Дмитрия Донского, послал к Тохтамышу двух своих сыновей, которые могли указывать ему дороги на запад. Рязанский князь Олег Иванович подводил хана к бродам через р. Оку, пройдя которые, можно было идти прямо на Москву. Тохтамыш этим воспользовался. Он перешел Оку у Серпухова, взял и сжег этот город.

Под стенами Москвы хан появился 23 августа. Началась осада. Обороной города руководил литовский князь Остей, внук Ольгерда, скорее всего, сын Андрея Ольгердовича. Русские князья, церковные иерархи, богатые бояре город покинули. Три дня Тохтамыш стоял у Кремля, пытаясь начать штурм. Но как только татары подходили поближе к крепостным стенам, осажденные начинали палить в них из пушек и тюфяков, пускать стрелы из луков и арбалетов, в татар бросали камни и лили на них кипящую воду. И татары отступали. На четвертый день группа богато одетых ордынских всадников подъехала к кремлевским воротам. Начались переговоры. Татары просили показать их хану Кремль, ведь хан пришел не на москвичей, а на князя Дмитрия, которого в городе нет. Татарам вторили нижегородские княжичи. В конце концов Остей дал себя уговорить. Крепостные ворота отворились, и Остей во

[928] См. подробнее в следующем разделе главы.

главе пышной процессии вышел встречать хана. Как только делегация оставила за собой кремлевские стены, татары вероломно набросились на нее и начали избивать людей, а через открытые ворота ворвались в Кремль. Одновременно Тохтамыш приказал своим войскам ставить штурмовые лестницы на всем протяжении кремлевских стен. Защитники города, на глазах которых погиб их предводитель, растерялись. Взлезшим на городские стены ордынцам не было оказано никакого сопротивления. Но внутри Кремля, на его улицах и площадях, а в некоторых местах и за пределами Кремля началась сеча. Рубились до изнеможения. Однако перевес был на стороне Тохтамыша. Татары подожгли кремлевские дворы, начался пожар, усилилась паника среди женщин и детей, и сопротивление защитников города было окончательно сломлено.

Татары перебили массу людей, многих увели в плен, разграбили церкви, монастыри и дворы кремлевских жителей. В подожженных церквах сгорело множество книг. Переполненный людьми Кремль стал пустынным пепелищем, по которому никто не ходил. «Бяше бо дотолѣ видѣти градъ Москва великъ и чюденъ, и много людии въ немъ и всякого узорочия, и въ томъ часѣ измѣнися, егда взять бысть и пожженъ»[929], — писал очевидец страшного погрома.

Хану Тохтамышу удалось разорить Москву и восстановить свою власть над русскими землями. Однако лишить Дмитрия Донского его владений Тохтамыш не смог. За Дмитрием остались Великое княжество Владимирское и земли, принадлежавшие владимирским великим князьям в Вологде, Торжке и Волоколамске, княжества Дмитровское, Галичское, Белозерское, территории, отторгнутые от Литвы и ее союзников. Умирая, Дмитрий сумел выделить старшему сыну не два города, как когда-то ему самому завещал его отец, а восемь, преимущественно на землях бывшего Владимирского великого княжества. Это был существенный шаг, расширявший и юридически укреплявший материальную базу единой верховной власти в московском княжеском доме.

Куликовская битва, ее последствия и значение

Битва на Куликовом поле 8 сентября 1380 г. стала кульминацией шестилетней войны великого князя Дмитрия Ивановича с правителем Орды Мамаем.

К 1380 г. Мамай, не надеясь после поражения его войск на р. Воже только на собственные силы, заключил союз с великим князем литовским Ягайлом Ольгердовичем. Тот отправился с войсками на соединение с Мамаем. Кроме того, Мамай заставил признать свою власть рязанского князя Олега Ивановича. Войска Олега, впрочем, так и не присоединились к мамаевым, более того, рязанский князь послал Дмитрию весть о выступлении Орды[930].

События 1380 г. подробно освещены в источниках. Наиболее ранним памятником так называемого «Куликовского цикла» является «Задонщина» — произведение поэтического характера; ее первоначальный текст появился, скорее всего, в 1380-х годах, но сложение двух дошедших до нас редакций — Краткой и Пространной — относится к более позднему времени (вероятнее всего, к 1470-м годам)[931]. В начале XV в., при составлении

[929] ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. С. 102.

[930] ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 1. С. 311—312.

[931] См.: *Кучкин В. А.* О термине «дети боярские» в «Задонщине» // ТОДРЛ. СПб., 1997. Т. 50.

протографа Троицкой летописи (памятника московской книжности), сложился краткий летописный рассказ о битве, дошедший в составе Рогожского летописца и Симеоновской летописи. Одновременно появился рассказ новгородского летописания, сохранившийся в составе Новгородской первой летописи младшего извода. Немного позже, при составлении митрополичьего свода конца 1410-х годов, на основе рассказов Троицкой летописи и протографа Новгородской первой летописи младшего извода возникла так называемая «Повесть о Куликовской битве», донесенная Новгородской четвертой и Софийской первой летописями. В ней повествование было расширено множеством подробностей (в большинстве своем не вызывающих сомнений по части достоверности)[932]. И только много лет спустя, в начале XVI в.[933], появилось самое известное и широко распространившееся в списках произведение о Куликовской битве — «Сказание о Мамаевом побоище» (использовавшее и «Задонщину», и Летописную повесть)[934]. В последние десятилетия в результате раскопок в районе сражения постоянно пополняется корпус археологических находок, имеющих отношение к этому событию[935].

Узнав о выступлении Мамая, Дмитрий Иванович сумел собрать крупные силы. Помимо войск собственно княжеств Московского и великого Владимирского, под его началом собрались силы многих других княжеств (Ярославского, Белозерского, Ростовского, Стародубского, Можайского, Кашинского, Вяземского, Тарусского, Новосильского). В Москву явились и литовские контингенты под командованием перешедших на службу к Дмитрию братьев Ягайло — Андрея и Дмитрия Ольгердовичей[936].

В середине августа русские войска выступили из Москвы к Коломне. Сюда прибыли послы от Мамая. Они привезли требование платить дань в тех размерах, что были при хане Джанибеке (в 1340—1350-е годы). Дмитрий же соглашался на меньшие выплаты, утвержденные им самим с Мамаем в 1371 г. (и прекращенные в 1374 г.). Договориться сторонам не удалось[937].

В конце августа великий князь с войском двинулся за Оку и пришел к верховьям Дона, где уже располагались владения Орды. Здесь разведка доставила сведения, что Мамай стоит за Доном, поджидая литовцев Ягайло. Тогда, чтобы не допустить соединения сил своих противников, Дмитрий принял решение перейти с левого берега Дона на правый, чтобы немедленно дать бой[938].

Место битвы — Куликово поле — располагалось между Доном и его правым притоком Непрядвой. Русские войска были построены в пять полков. Впереди располагался «сторожевой» полк, за ним «великий» полк, на его флангах полки правой и левой руки. В дубраве был

---

[932] Памятники Куликовского цикла. С. 11—15, 23—27, 42—47.

[933] См.: *Клосс Б. М.* Избранные труды: В 2 т. М., 2001. Т. 2: Очерки по истории русской агиографии. С. 331—348.

[934] «Сказание» является уже в большей степени художественным произведением о битве, а не историческим источником (см.: *Горский А. А.* «Сказание о Мамаевом побоище», «Повесть о разорении Рязани Батыем», Никоновская летопись: о начале русской исторической беллетристики // ИВ. Т. 45: История в средневековой литературе. М., 2023).

[935] См.: *Двуреченский О. В., Егоров В. Л., Наумов А. Н.* Реликвии Донского побоища. Находки на Куликовом поле. М., 2008.

[936] См. о составе рати Дмитрия: *Горский А. А.* Русь: От славянского Расселения до Московского царства. М., 2004. С. 250—264.

[937] ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 1. С. 314.

[938] Памятники Куликовского цикла. С. 9, 33—34, 70—71.

скрыт засадный полк во главе с Владимиром Андреевичем Серпуховским и воеводой Дмитрием Михайловичем Боброком-Волынским.

По-видимому, статус Мамая как нелегитимного правителя, носившего титул всего лишь эмира (по русской терминологии — «князя ордынского»), сыграл свою роль в момент решающей схватки, а Дмитрий Иванович этот фактор умело использовал. Если бы войска Ягайло соединились с ордынскими, соотношение сил серьезно изменилось бы не в пользу Москвы. И великий князь (первым из русских князей за многие годы) двинулся на ордынские земли, перешел Дон, спровоцировав Мамая на атаку. Тот, казалось бы, мог не нападать, а подождать Ягайло. Но, будучи не ханом, а всего лишь беклербеком (главным эмиром), Мамай не имел права показать, что боится зависимого от Орды правителя («улусника» по тогдашней терминологии), ведь верность подчиненных ему эмиров (других «князей ордынских») была зыбка в условиях, когда в Орде не прекращалась междоусобная борьба. В результате Мамай не вынес дерзости противника, вступившего на подконтрольную ему территорию, и напал.

В 11-м часу утра 8 сентября конница Мамая атаковала сторожевой полк. Под натиском он отошел к главным силам. В течение двух часов противник пытался сломить их, и в момент, когда чаша весов стала клониться в сторону ордынских войск, засадный полк ударил во фланг наступавших. Это решило исход битвы: основные силы перешли в контрнаступление, и в половине второго часа дня ордынцы обратились в бегство. Их преследовали до р.Мечи — правого притока Дона к югу от Непрядвы[939].

Победа была полной, но стоила победителям огромных потерь. Мамай, бежав с поля боя, попытался собрать оставшихся воинов для нового похода на Русь. Но ему пришлось выступить против хана Тохтамыша, завладевшего в начале 1380 г. восточной, заволжской частью Орды. Битвы не произошло: эмиры Мамая не стали поддерживать потерпевшего поражение правителя, перешли на сторону легитимного хана, беклербек бежал в Крым и был там вскоре убит[940].

Таким образом, Дмитрий (получивший впоследствии за свою победу прозвище «Донской») не позволил Мамаю восстановить власть над русскими землями. Но другим, невольным результатом Куликовской победы стало восстановление единства Орды под главенством Тохтамыша. В Москве признали его верховенство. Однако Дмитрий не спешил возобновлять выплату дани; следствием этого и явился поход Тохтамыша 1382 г., приведший к взятию и разорению Москвы[941].

Факт разорения ханом столицы, однако, не должен заслонять общую картину результатов конфликта 1382 г. Тохтамыш не разгромил Дмитрия, покинувшего столицу при приближении ордынского войска, в открытом бою не продиктовал ему условий из взятой в конце августа Москвы (напротив, был вынужден быстро уйти из нее, опасаясь контрудара). Более того, московско-ордынский конфликт разорением главного города Северо-Восточной Руси не завершился. Осенью того же 1382 г. Дмитрий разорил землю рязанского князя Олега, принявшего сторону хана во время его похода на Москву и указавшего ему броды на Оке. Тогда же к московскому князю прибыл от хана посол, требуя явки Дмитрия в Орду. Та-

[939] Памятники Куликовского цикла. С. 9—10, 36—38, 74—77.
[940] ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 141; СМИЗО. СПб., 1884. Т. 1. С. 391; М.; Л., 1941. Т. 2. С. 109, 150—151.
[941] ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 143—146.

ким образом, сразу после ухода Тохтамыша Дмитрий не отправил к нему даже посла, ожидая, когда хан сам сделает шаг к примирению. Не торопился великий князь и позже — посольство в Орду отправилось только весной следующего, 1383 г. Причем сам Дмитрий не поехал — посольство номинально возглавлял его старший сын, 11-летний Василий[942].

В Орде тем временем находился (еще с осени 1382 г.) Михаил Тверской. Он не без оснований рассчитывал получить от Тохтамыша ярлык на великое княжение. Но планам этим не суждено было сбыться: хан не только выдал ярлык на Владимир на имя Дмитрия Донского, но и признал великое княжение наследственным достоянием — «отчиной» московского княжеского дома, т.е. сделал то, чего Дмитрий долгие годы добивался от соседей (и чего не сделал Мамай). В обмен Москва согласилась на выплату долга по дани. Тохтамыш предпочел не продолжать конфронтацию с Москвой, учитывая ее явный перевес над другими княжествами Северо-Восточной Руси[943].

Политическое значение Куликовской победы понятно только в контексте всей деятельности Дмитрия Донского. Его главной целью было превратить великое княжение из объекта регулируемых Ордой притязаний правителей разных княжеств Северо-Восточной Руси в свое наследственное владение, объединить его с Московским княжеством в единое государственное образование. Он добился признания великого княжения своей «отчиной» со стороны Нижегородско-Суздальского княжества, Великого княжества Литовского, Тверского княжества. Оставалось главное признание — со стороны «сюзерена», хана Орды. При Мамае этого достичь не удалось, началась московско-ордынская война, из которой Дмитрий вышел победителем. И только при Тохтамыше эта цель была достигнута — после конфликта, закончившегося в целом военным поражением московского князя. В наследственном владении Дмитрия оказалась, помимо собственно Московского княжества, большая часть Северо-Восточной Руси.

Таким образом, Куликовская победа укрепила могущество Москвы, что признал и законный правитель Орды. Если же говорить об отдаленных последствиях объединения Московского и великого Владимирского княжеств, то оно создало основу государственной территории будущего единого Русского государства — России. А битва на Куликовом поле с течением времени превратится в символ мужества и воинской славы, будет создан целый цикл произведений, посвященных ей; образы, связанные с Донским побоищем, будут вдохновлять на защиту Отечества не одно столетие.

---

[942] ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 146—148.

[943] См.: *Горский А. А.* От *земель* к *великим княжениям*: «примыслы» русских князей второй половины XIII — XV в. М., 2010. С. 110—113.

Глава 3

НАСТУПЛЕНИЕ ЛИТВЫ И ПОЛЬШИ НА РУССКИЕ ЗЕМЛИ

В XIII в. начался переход части земель Древней Руси под власть Литвы, который продолжался до первой половины XV в. и привел к образованию Великого княжества Литовского[1] — одного из крупнейших государств Восточной Европы.

Литовская экспансия на русские земли освещена источниками весьма неравномерно. В большинстве земель, попавших под власть литовских князей, летописи в рассматриваемый период либо не велись вовсе, либо не сохранились. Летописцев же соседних с Литвой регионов интересовали прежде всего взаимоотношения их собственных земель с нею. Это касается таких памятников, как Галицко-Волынская летопись и Рогожский летописец, в которых освещен ряд моментов литовской экспансии соответственно XIII в. и XIV — начала XV в., не говоря уже о прусских, ливонских, польских и венгерских анналах и хрониках (хроники Петра из Дусбурга, Германа из Вартберге, Виганда Марбургского, помезанского официала, Янка из Чарнкова, «Анналы или Хроники славного Польского королевства» Яна Длугоша, Дубницкая хроника и др.). Вплоть до конца XIV в., в период наиболее активного продвижения Литвы на Русь, языческое литовское общество оставалось бесписьменным, поэтому документы и письма по истории Литвы этого периода весьма немногочисленны. Что же касается собственно литовской летописной традиции, то она, возникнув из описания начала династии Гедиминовичей и деяний Витовта в конце XIV — первой половине XV в., получила развитие лишь в XVI столетии. Нередко источники позволяют лишь констатировать состоявшийся к определенному моменту переход того или иного региона под власть Гедиминовичей. Поэтому для реконструкции картины перехода обширных русских земель под власть литовских князей историкам зачастую приходится опираться на косвенные данные источников (в частности, прибегая к методу ретроспекции). Несколько лучше обстоит дело с историей Волыни и Галиции, которые были объектом соперничества Литвы, Польши и Венгрии. Лучше всего источники самых разных типов — нарративные, актовые, эпистолярные и др. — освещают события конца XIV — первой трети XV в., когда литовская экспансия вступила в завершающую стадию.

Возникновение Великого княжества Литовского имело свою предысторию.

---

[1] Это название употребляется историками несколько условно, поскольку в источниках оно встречается применительно к Литовскому государству лишь в правление Витовта (1392—1430). С того же времени его правитель последовательно именуется в разноязычных источниках великим князем литовским; в русских источниках такое наименование встречается уже в XIII в. (*Adamus J.* O tytule panującego i państwa Litewskiego parę spostrzeżeń // Kwartalnik Historyczny. 1930. R. 44. T. 1. Zesz. 3. S. 313—332).

К XIII в. литовцы населяли покрытую лесами, болотами и озерами территорию, граничившую с Русью и областями расселения других балтских народов, которая на западе доходила примерно до Немана в его верхнем и среднем течении, до Городна (ныне — г. Гродно) на юге, до Свенцян (ныне — г. Швенчёнис в Литве) на востоке и побережья Балтийского моря на севере.

Русские князья со времен Ярослава Мудрого совершали походы в Литву и предпринимали попытки взимания дани, однако они были спорадическими и не привели к установлению долговременной зависимости[2]. В Литве, как и в других прибалтийских землях, не велась миссионерская работа православной церкви. В XI—XIII вв. литовские отряды привлекались русскими князьями в их военных операциях. Раннее свидетельство этого сохранилось в одной из новгородских берестяных грамот. Ее лаконичный текст («Литва въстала на Корѣлоу») В. Л. Янин связал с попыткой полоцкого князя Всеслава Брячиславича захватить Новгород осенью 1069 г.[3]

В 1180-е годы литва перешла от участия в междоусобных войнах русских князей к самостоятельным походам на Русь и другие соседние регионы — Ливонию и польские земли[4]. Связано это было не только с политическим ослаблением Руси в результате этих войн, но и с изменениями внутри литовского общества. В нем происходила имущественная и социальная дифференциация, выделялся слой, основным занятием и источником материального благосостояния которого становилась война. Первоначальными целями походов литвы на соседние им земли были грабеж, захват пленных и скота, взимание контрибуции[5]. Впрочем, эти цели сохранялись даже в эпоху завоевательных походов литвы на Русь. Все это давало мощный импульс социально-экономическому развитию самой Литвы. О развитии в Литве хозяйства, тесно связанного с войной, красноречиво свидетельствует отношение к пленным: с течением времени литовцы-язычники все реже приносят их в жертву и все чаще сохраняют им жизнь, чтобы использовать в хозяйстве, отпустить за выкуп или продать в рабство[6]. О том, что эти перемены происходили в середине — третьей четверти XIII в., свидетельствуют следующие факты: если зимой 1248/49 г. в стычке с литвой погиб сын князя Ярослава Всеволодича Михаил, а в 1262 г. литовцы убили мазовецкого князя Семовита I, чтобы принести его в жертву[7], то в заве-

---

[2] Ср. в «Слове о полку Игореве» упоминание литвы среди народов, которые «сулици свои повръгоша, а главы свои поклониша» князьям Роману Мстиславичу (владимиро-волынскому) и Мстиславу (Ярославичу?): Слово о полку Игоревѣ, Игоря, сына Святъславля, внука Ольгова / Подгот. А. А. Горский. М., 2002. С. 91.

[3] *Янин В. Л.* Берестяная грамота № 590 // *Янин В. Л.* Средневековый Новгород: Очерки истории и археологии. М., 2004. С. 144—145; *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. 2-е изд. М., 2004. С. 244.

[4] *Пашуто В. Т.* Образование Литовского государства. М., 1959. С. 366—384; *Baranauskas T.* Lietuvos valstybės ištakos. Vilnius, 2000. P. 167—178.

[5] *Łowmiański H.* Uwagi w sprawie podłoża społecznego i gospodarczego unii jagiellońskiej // Łowmiański H. Studia nad dziejami Wielkiego Księstwa Litewskiego. Poznań, 1983. S. 393—396.

[6] *Nikžentaitis A.* Prisoners of war in Lithuania and the Teutonic Order state (1283—1409) // Der Deutsche Orden in der Zeit der Kalmarer Union. 1397—1521. Toruń, 1999. S. 193—208.

[7] *Кучкин В. А.* Роль Москвы в политическом развитии Северо-Восточной Руси конца XIII в. // Новое о прошлом нашей страны: Памяти акад. М. Н. Тихомирова. М., 1967. С. 57—58; *Petrauskas R.* Lietuviai anno Domini 1262: Kodėl buvo nukirsdintas Mazovijos valdovas Siemovitas? // *Petrauskas R.* Lietuvos Didžioji Kunigaikštystė. Politika ir visuomenė vėlyvaisiais Viduramžiais. Vilnius, 2017. P. 163—177; *Szweda A.* Polityka Siemowita I mazowieckiego wobec zakonu krzyżackiego po 1254 roku // Rocznik Grudziądzki. 2003. T. 15. S. 21—37.

щании новгородца Климента, составленном, вероятно, около 1255—1257 гг., упоминается его выкуп из литовского плена[8]. Источники единодушно сообщают о присутствии множества русских и польских пленных в Литве в XIV в.

Со временем в литовском обществе выделяется верхушка, которую источники соседних стран называют князьями и боярами (последний термин закрепился за литовской нетитулованной знатью, в том числе в самой Литве; вопрос о том, насколько точно иноземные источники описывают социальную структуру раннего литовского общества, остается предметом дискуссий)[9]. Литовские князья и боярство и были социальной силой, заинтересованной в регулярных походах на соседей. Масштабы этих походов постепенно расширялись: их целями становились не только Новгород и Псков, но и Смоленское княжество, в 1239 г. литва на некоторое время заняла Смоленск[10], к зиме 1248/49 г. литовские походы достигали р. Протвы (левого притока р. Оки), где погиб Михаил, а к 1285 г. — тверской волости Олешни (на востоке нынешней Смоленской или на западе Тверской обл.)[11]. В 1238 г. автор произведения, за которым в науке закрепилось название «Слово о погибели Русской земли», с ностальгией вспоминал минувшие времена, когда «Литва изъ болота на свѣтъ не выникываху»[12]. А папский легат Иоанн де Плано Карпини, ехавший зимой 1246/47 г. из Владимира (Волынского) в Киев, упоминает об опасности, угрожавшей ему и его спутникам из-за постоянных нападений литвы[13]. Разумеется, условием расширения ареала литовских походов было превращение их целей в плацдармы для дальнейшего наступления. Такова была судьба смоленского Торопца в первой половине — середине XIII в.[14]

К началу XIII в. Литва представляла собой объединение нескольких земель, во главе которых стояли представители наиболее влиятельных и могущественных

---

[8] ГВНП. М.; Л., 1949. № 105. О датировке см.: *Янин В. Л.* Новгородские акты XII—XV вв.: Хронологический комментарий. М., 1991. С. 211—212. Ср. также данные берестяной грамоты № 636, датируемой примерно третьей четвертью XIII в., о приходе «искупника» (выкупленного пленника) из Полоцка (*Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. С. 482—483).

[9] О социально-экономическом и политическом развитии Литвы в XIII в. см.: *Łowmiański H.* Studja nad początkami społeczeństwa i państwa litewskiego: W 2 t. Wilno, 1931—1932; *Пашуто В. Т.* Образование Литовского государства; *Ochmański J.* Uwagi o litewskim państwie wczesnofeudalnym // Roczniki Historyczne. R. 27 za 1961 r. Poznań, 1961. S. 143—160; *Gudavičius E.* Ar pasistūmėta sovietinėje istoriografijoje po Henriko Łowmiańskio «Studijų apie Lietuvos valstybės ir visuomenės genezę» // Lietuvos istorijos studijos. Vilnius, 1993. T. 5. P. 7—21; *Idem.* Mindaugas. Vilnius, 1998; *Гудавичюс Э.* История Литвы. М., 2005. Т. 1; Lietuvos istorija. T. 2: Geležies amžius / Ats. red. G. Zabiela. Vilnius, 2007; *Baronas D., Dubonis A., Petrauskas R.* Lietuvos istorija. T. 3: XIII a. — 1385 m. Valstybės iškilimas tarp Rytų ir Vakarų. Vilnius, 2012; Lietuvos valstybės susikūrimas europiniame kontekste. Vilnius, 2008.

[10] ПСРЛ. Л., 1926—1928. Т. 1, вып. 1—3. Стб. 469.

[11] *Лелецкий В. В.* О местоположении тверской волости Олешни и территории Тверского княжества // Отечественная история. 1998. № 2. С. 175—178; *Темушев В. Н.* Литовско-тверская граница (вторая половина XIV – начало XVI в. // Вестн. ТвГУ. 2007. № 26 (История). С. 87—97.

[12] *Бегунов Ю. К.* Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». М.; Л., 1965. С. 154. О датировке см.: *Горский А. А.* Проблемы изучения «Слова о погибели Русской земли»: (К 750-летию со времени написания) // ТОДРЛ. Л., 1990. Т. 43. С. 18—38.

[13] «...Ibamus semper sub periculo capitis propter Luthuanos, que sepe insultum faciebant occulte quantum poterant super terram Ruscie, et maxime in locis illis per que debebamus transire. Et quia maior pars hominum Ruscie a Tartaris fuit occisa vel in captivitatem deducta, iccirco eis resistere potenter minime possent» (*Carpine Giovanni di Pian.* Storia dei Mongoli / Ed. critica del testo latino a cura di E. Menesto. Spoleto, 1989. P. 304).

[14] *Янин В. Л.* Новгород и Литва: Пограничные ситуации XIII—XV веков. М., 1998. С. 51—53.

княжеских родов. В 1219 г. они заключили договор с волынскими князьями Даниилом и Васильком Романовичами, что означало новый уровень взаимоотношений Литвы с соседями[15]. По-видимому, в следующие годы между литовскими князьями разгорелась усобица, о чем косвенно свидетельствует сокращение числа литовских походов на Русь (с 1229 по 1237 г. упоминаются лишь два похода — в 1230 и 1234 гг.)[16]. Но примерно с 1237—1238 гг., когда на русские княжества обрушилось Батыево нашествие, отмечается усиление Миндовга в Литве. В первой же половине 1240-х годов волынские князья оказываются в трудном международном положении: они вынуждены противостоять монголам, венграм и полякам и одновременно защищать свои владения от участившихся походов литвы на Русь.

По всей видимости, именно в этих условиях Литва перешла от набегов на русские земли к подчинению их своей власти. Первым долговременным и значительным приобретением Литвы на Руси стал Новогрудок (Новгородок). Этот город лежал на торговом пути, соединявшем Балтийское и Черное моря, и благодаря этому в XII—XIII вв. процветал. Прямые сведения о его политической принадлежности отсутствуют, но археологически установлены его связи с Киевской и Полоцкой землями в сфере торговли и строительства[17]. Новогрудок упоминается в качестве литовского владения в 1249 г., но с учетом особенно враждебных литовско-волынских отношений в первой половине 1240-х годов, которые сменились союзом к 1245 г., есть основания полагать, что как раз в это время Новогрудок и перешел под власть Литвы[18]. В Литовском государстве его положение было периферийным: когда волынские князья заключали мир с Миндовгом, завершившим войну 1249—1254 гг., Новогрудок был отдан Роману Даниловичу как леннику Мидовга, а от Войшелка Роман получил в придачу Слоним и Волковыск[19]. Но если Роман продержался в Новогрудке лишь несколько лет, то сам этот город на долгие годы остался в составе Литовского государства. К 1258 г. (а возможно, уже в середине 1250-х годов) в Полоцке утвердился Товтивил, примирившийся с Миндовгом и признавший его верховную власть.

В борьбе с племянниками, поддержанными Даниилом и Васильком, Миндовг нашел опору в лице Ливонского отделения Тевтонского ордена. В 1251 г. он крестился в католицизм, а летом 1253 г. короновался и вскоре получил от папы римского разрешение передать корону одному из своих сыновей. Однако в 1260 г. Миндовг, по всей видимости, порвал с христианством. В 1263 г. первый литовский король, так и оставшийся единственным, был убит заговорщиками. Согласно Галицко-Волынской летописи, в Литве вокняжился сын Миндовга Войшелк, а затем — Шварно Данилович, однако многое указывает на то, что это было время междоусобной борьбы и ослабления Литовского государства. Тем не менее Новогрудок остался в его составе, а Полоцк — под его влиянием. Позиции правителя в Литве укрепились при Тройдене (1268—1282), под его властью к 1270-м годам находилась Го-

---

[15] ПСРЛ. СПб., 1908. Т. 2. Стб. 735—736.

[16] *Баранаускас Т.* Новогрудок в XIII веке: История и миф // Castrum, urbis et bellum: Зб. навук. прац. Баранавічы, 2002. С. 30.

[17] *Гуревич Ф.Д.* Древний Новогрудок: Посад — окольный город. Л., 1981.

[18] *Баранаускас Т.* Новогрудок в XIII веке. С. 31; *Дубонис А.* Две модели литовской экспансии на Руси (XIII — начало XIV века): Овладение Полоцком и Новогрудком // ИВ. 2014. Т. 7 (154). С. 75—76. Высказывалось мнение о переходе Новогрудка под власть Литвы уже к 1219 г. (*Ochmański J.* Uwagi o litewskim państwie wczesnofeudalnym. S. 143—160).

[19] Распространенное до сих пор мнение, будто Новогрудок был столицей Литвы или местом коронации Миндовга, основано на поздних источниках и некорректных интерпретациях.

роденская земля, борьба за которую между Литвой и волынскими князьями отражена в источниках с 1250-х годов[20].

События истории Новогрудка, а также Полоцкого, Туровского и Пинского княжеств[21] позволяют выделить несколько моделей взаимоотношений русских земель с литвой. Это сопротивление литовской экспансии, в том числе с помощью сильнейших соседей (Пинское княжество); прием на княжение литовского правителя (Полоцк при Товтивиле); признание литовской верховной власти с сохранением стола за местным Рюриковичем (Полоцк и Витебск под верховенством Войшелка); признание верховной власти Литвы и сильного русского соседа (Новогрудок при Романе Даниловиче)[22]. Важно отметить, что присоединенные ранее русские земли оставались в составе Литовского государства даже в кризисный период.

Восточная политика Литвы активизировалась с утверждением на великокняжеском престоле в конце XIII в. правителей из новой династии, впоследствии получившей имя Гедиминовичей[23]. Необходимо иметь в виду условия, в которых в это время действовала Литва: как раз с конца XIII в. возросло давление на нее со стороны Тевтонского ордена. Еще в конце XIII в. Орден перенес центр тяжести своей деятельности из Пруссии на Литву[24]. Отныне Орден и литовские князья почти ежегодно совершали краткосрочные походы (рейзы) друг на друга, целью которых было разорение территории противника, подрыв его экономического положения и деморализация. В редких случаях Ордену удавалось выстроить замок. При этом объектами орденских нападений становились не только собственно литовские и жомойтские, но и русские земли: уже в 1284 г. крестоносцы сожгли Городно, в последующие десятилетия совершили несколько походов на его окрестности, а в 1314 г. дошли до Новогрудка. В свою очередь, русские войска участвовали в походах литовских князей, в том числе в Пруссию и Ливонию против Ордена[25].

Борьба Литвы с Тевтонским орденом имела определенную динамику, которая сказывалась на разнообразных начинаниях литовских князей, в том числе на их политике в отношении Руси. Вплоть до 1340-х годов она сводилась главным образом к ежегодным краткосрочным походам орденских войск на Жомойть (западную часть этнической Литвы), а литовцев — на Пруссию и Ливонию: внимание Ордена было занято освоением Пруссии и отно-

---

[20] *Dubonis A.* Traidenis. Monarcho valdžios atkūrimas Lietuvoje. 1268—1282. Vilnius, 2009. P. 163; *Tęgowski J.* Rola Grodna w składzie Wielkiego Księstwa Litewskiego w XIV i początkach XV wieku // Гарадзенскі палімпсест. 2012: Людзі даўняй Гародні. XV—XX ст. Гродна, 2013. S. 60—61; *Ліцкевіч А.* Гародня і Гарадзенскі рэгіен ў другой палове XIII—XIV ст.: Назва і межы // Там же. С. 10—59; *Он же.* Гародня і Гарадзенскі рэгіен ў другой палове XIII—XIV ст.: Сухапутныя і водныя камунікацыі, населеныя пункты, этнаканфесійны склад і міграцыі насельніцтва // Arche: Пачатак. 2014. № 11. С. 8—60.

[21] О них см. ч. I, гл. 2.

[22] *Dąbrowski D.* Nim doszło do Sinych Wód. Księstwa ruskie wobec Litwy w pierwszych dziesięcioleciach po najeździe mongolskim // Vidurio Rytų Europa mūšio prie Mėlynųjų Vandenų metu. Kaunas; Kraków, 2013. S. 81—88. (Colloquia Russica. Ser. 2; Vol. 2); *Дубонис А.* Две модели литовской экспансии на Руси (XIII — начало XIV века).

[23] *Nikžentaitis A.* Gediminas. Vilnius, 1990; *Rowell S. C.* Lithuania ascending: A pagan empire within East-Central Europe. 1295—1345. Cambridge, 1994.

[24] *Петр из Дусбурга.* Хроника земли Прусской. М., 1997. С. 138. Гл. 221.

[25] *Paravicini W.* Die Preussenreisen des europäischen Adels. Sigmaringen, 1989—1995. Teil 1—2; *Сагановіч Г.* Русь у вайне з Нямецкім ордэнам (канец XIII — пачатак XV ст.) // Беларускі гістарычны агляд. 2001. Т. 8. Сш. 1—2 (14—15). С. 3—24; *Пашуто В. Т.* Гродно в хронике Петра Дюсбурга // Культура Древней Руси. М., 1966. С. 91—92.

шениями с Польшей. Ситуация изменилась после заключения Калишского мирного договора с ней в 1343 г. С приходом к власти в Литве в 1345 г. Ольгерда стратегическая инициатива перешла к нему и его брату Кейстуту. Несмотря на столь значительные успехи Ордена, как разгром крупного войска, собранного с литовских и русских земель, в битве на р. Страве 2 февраля 1348 г., и последовавшее вскоре разрушение пограничного замка Велены (Велюоны), рейзы Ордена на Литву прекратились вплоть до 1352 г., когда он заявил претензии на ее земли. Возможно, это объяснялось переговорами литовских князей о крещении, которые велись в 1348—1349 и 1351 гг.; затем литовско-орденское сближение имело место в середине 1350-х годов. Во второй половине этого десятилетия интенсивность рейз упала, а в 1358 г. руководство Ордена активно содействовало очередным переговорам литовских князей о крещении, на этот раз — с императором Карлом IV. После того как литовцы потребовали уступить им земли, занятые Орденом, и перевести его в южные степи для борьбы с татарами, переговоры окончились провалом. Это обстоятельство и смена верховного маршала Ордена, которым в 1360 г. стал Геннинг Шиндекоп, предопределили переход инициативы в руки Ордена: отныне походы все чаще направлялись не только на Жомойть, но и на Аукштайтию, где войскам Ордена и «гостям» удавалось достичь главных центров государства, таких как Ковно (с 1361 г.; замок разрушен войском ордена в 1362 г.), Вильна (с 1365 г.) и Троки (с 1375 г.); активизировались также походы из Ливонии. В целом в правление Ольгерда литовцам удалось организовать не менее 40 походов в Пруссию и Ливонию, а Ордену — более 100 походов в Литву[26]. В феврале 1370 г. Ольгерд и Кейстут совершили поход в Пруссию, где проиграли битву у Рудавы.

Несмотря на столь сложную внешнеполитическую обстановку, власть Литвы при первых Гедиминовичах распространялась на земли в Среднем и Верхнем Подвинье, Среднем Поднепровье и бассейнах правых притоков Днепра — Березины и Припяти. В самом конце XIII или начале XIV в. власть литовского князя Витеня (1295—1316) признали жители Полоцка, находившегося в орбите влияния Литвы уже с середины XIII в.[27] Под верховной властью великого князя Гедимина (1316—1341) оказался Витебск: в конце первой четверти XIV в. Ольгерд Гедиминович женился на дочери последнего витебского князя, а после его смерти унаследовал все княжество. Как уже говорилось, этот брак был заключен после сильного военного давления Литвы на Витебское княжество[28]. Гедимину подчинялся минский (менский) князь Василий, ездивший в посольство в Новгород в 1326 г.[29] Соседняя с Минском Свислочь оказалась под властью Литвы или в зависимости от нее не позже 1348 г., когда князь Семен Свислочский ездил в литовском посольстве в Орду; последующий раздел Свислочи на две половины, виленскую и трокскую, указывает на то, что принадлежность ее Литве оформилась при Ольгерде и Кейстуте[30]. Не позже правления

[26] *Ivinskis Z.* Lietuvos istorija iki Vytauto Didžiojo mirties. Vilnius, 1991. P. 256; *Paravicini W.* Die Preussenreisen des europäischen Adels. Teil. 2. S. 25—32.

[27] Подробнее см. ч. I, гл. 2. К Полоцку относится и упоминание в перечне земель, подвластных Гедимину, в его договоре с Тевтонским орденом 1323 г.; встречающееся в литературе отнесение этого определения к Пскову ошибочно (Chartularium Lithuaniae res gestas magni ducis Gedeminne illustrans. Gedimino laiškai / Par. S. C. Rowell. Vilnius, 2003. P. 72).

[28] *Воронин В. А.* Княжение Ольгерда в Витебске // Ukraina Lituanica: Студії з історії Великого князівства Литовського. Київ, 2013. Т. 2. С. 21—38.

[29] НПЛ. М.; Л., 1950. С. 98.

[30] ПСРЛ. Пг., 1922. Т. 15, вып. 1. Стб. 58.

Гедимина в состав Великого княжества Литовского перешли Пинск, где вокняжился его сын Глеб-Наримонт[31], и, вероятно, Туров, а также Берестейская земля: берестейские наместники не фигурируют в грамотах последних галицко-волынских князей, а уже в начале 1348 г. берестейский отряд участвовал в сражении войск Литвы и Тевтонского ордена на р. Страве[32]. Ко второй половине XIV в. литовским князьям удалось подчинить себе все Подляшье[33]. Хотя рассказы летописей и хроник XVI в. о завоевании Киева Гедимином не соответствуют действительности[34], из ранних источников известно, что в 1331 г. брат Гедимина Федор княжил в Киеве, где действовал вместе с ордынским баскаком[35]. В конце XIII — первые десятилетия XIV в. в сферу интересов Литвы попал Псков, тогда как отношения с Новгородом, напротив, были враждебными; достаточно долговременные последствия имело сближение Литвы с Тверским княжеством: в 1321 г. дочь Гедимина, нареченная в крещении Марией, была выдана замуж за тверского князя Дмитрия Михайловича Грозные Очи[36] (впоследствии литовско-тверские династические браки заключались вплоть до конца независимости Тверского великого княжества). Смоленский князь Иван Александрович именовал Гедимина «братом старейшим»[37], что на тогдашнем языке означало вассальные отношения, а в 1348 г. смоленское войско участвовало в битве на Страве[38]. Впрочем, успех Литвы в борьбе за подчинение Смоленска оказался временным: эта борьба не утихала вплоть до начала XV в.

В 1340—1341 гг. один за другим сошли с политической сцены несколько правителей Восточной Европы — московский князь Иван Калита, последний галицко-волынский князь Болеслав-Юрий II, великий князь литовский Гедимин и хан Узбек. Это непосредственным образом отразилось на соотношении сил: на юго-западе Руси разгорелась борьба за волынское наследство, в которую, помимо Литвы и Орды, включились Польша и Венгрия. Новый импульс литовской активности в северной части Руси после некоторого затишья придало свержение Явнутия, одного из

---

[31] ПСРЛ. М., 1980. Т. 35. С. 61, 85.

[32] SRP. Leipzig, 1863. Bd. 2. S. 65.

[33] Urzędnicy podlascy XIV—XVIII wieku. Spisy / Oprac. E. Dubas-Urwanowicz, W. Jarmolik, M. Kulecki, J. Urwanowicz. Kórnik, 1994. S. 5—7. (UDR; T. 8). В конце XIV в. Подляшье некоторое время принадлежало мазовецким князьям, но при Витовте вернулось в состав литовских владений (*Szybkowski S.* Przynależność terytorialna ziemi drohickiej i powiatu goniądzkiego w końcu XIV i na początku XV w. // Hortus imaginum. Studia historyczne dedykowane pamięci profesora Stanisława Mielczarkiego.Gdańsk, 2005. S. 225–238).

[34] *Русина О. В.* Україна під татарами і Литвою. Київ, 1998. (Україна крізь віки; Т. 6).

[35] НПЛ. С. 99, 343—344; *Приселков М. Д., Фасмер М. Р.* Отрывки В. Н. Бенешевича по истории русской церкви XIV века // Изв. ОРЯС. Пг., 1916. Т. 21. Кн. 1. С. 48—70; *Русина О. В.* Студії з історії Києва та Київської землі. Київ, 2005; *Цукерман К.* Из ранней истории Литовской митрополии // Беларускае Падзвінне: Вопыт, методыка і вынікі палявых і міждысцыплінарных даследаванняў: Зб. навук. артыкулаў II міжнар. навук. канф. (да 20-годдзя археалагічных і этнаграфічных экспедыцый ПДУ) (Полацк, 17—18 красавіка 2014 г.). Наваполацк, 2014. С. 148. Другая дата перехода Киева под власть Литвы, приводимая в литературе, — 1362 г. — не может быть принята, поскольку основана на известии поздней Густынской летописи и интерпретации сведений о Синеводской битве 1363 г. (о ней см. ниже). Что же касается вокняжения в Киеве Владимира, одного из старших сыновей Ольгерда, то оно, скорее всего, произошло не ранее 1367 г., когда он все еще действовал в Литве, вместе с литовскими вельможами ведя переговоры с сановниками Ливонского отделения Ордена (Chartularium Lithuaniae res gestas magni ducis Gedeminne illustrans. P. 302).

[36] *Dubonis A.* Ties Lietuvos ir Maskvos tarpusavio santykių ištakomis // Tarp istorijos ir būtovės. Studijos prof. Edvardo Gudavičiaus 70-mečiui. Vilnius, 1999. P. 55—67. Подробнее об отношениях Новгорода и Пскова с Литвой см. ч. I, гл. 4.

[37] Смоленские грамоты XIII—XIV веков. М., 1963. С. 70.

[38] SRP. Bd. 2. S. 65—66.

младших сыновей Гедимина, унаследовавшего престол, его братьями Ольгердом и Кейстутом в 1345 г. Великокняжеский престол занял Ольгерд (1345—1377), тогда как княживший в Троках (ныне — г. Тракай в Литве) Кейстут стал вторым человеком в государстве, ему достались западные земли с такими городами, как Городно, Дорогичин и Берестье. Братья договорились делить поровну все приобретения, в том числе территориальные; результатом этой договоренности стал раздел земель, объединяемых в источниках под именем Поднепрских волостей (Бобруйск и др.), на виленскую и трокскую половины, сохранявшийся еще в XVI в.[39] Произошел и своеобразный раздел сферы действий: Ольгерд отвечал преимущественно за восточную политику, Кейстут — за отношения с близкими и далекими соседями Литовского государства на западе (с Тевтонским орденом, Польшей, Мазовией, Венгрией, Чехией, Священной Римской империей и папством). Этот раздел позволял вести весьма активную политику сразу на нескольких направлениях.

Правление Ольгерда отмечено активизацией продвижения на русские земли, которое к тому же довольно подробно освещено источниками. Они показывают ярко выраженный военный характер этого продвижения, тем более что Литве на этом пути приходилось сталкиваться с соседями — Новгородом и Псковом, Польшей и Венгрией, Москвой и Ордой. Впоследствии летописец, говоря о смерти «нечестивого» Ольгерда, отметил: «Таковымъ коварьствомъ многы страны и земли повоева и многы грады и княженіа поималъ за себе и удержа себѣ власть велику, тѣмъ и умножися княженіе его, яко же ни единъ же от братіа его створи, но ни отець его, ни дѣдъ его тако прослыл[ъ]»[40].

Направления восточной политики Ольгерда наметились еще в годы его витебского княжения. В первые годы после вокняжения в Вильне наибольшей активностью отличались его попытки утвердить влияние в Пскове, куда был отправлен на княжение сын Ольгерда Андрей, и Новгороде. Эти попытки, вызывавшие противодействие Москвы, продолжались до 1350-х годов. Последующий отказ Ольгерда от походов на Новгород и Псков и отправки туда своих князей, по-видимому, был вызван необходимостью сосредоточить силы на других направлениях.

Наиболее последовательное соперничество с Москвой Ольгерд вел за влияние в Смоленском княжестве и на черниговских землях[41]. В 1352 г. Симеон Гордый, воспользовавшись возобновлением войны Литвы с Польшей за галицко-волынские земли, добился официального признания (как литовскими, так и смоленскими князьями) перехода Смоленского княжества из-под литовского сюзеренитета под московский. В 1356 г. возобновилось литовское наступление на смоленские земли — борьба за Ржеву, проходившая с переменным успехом[42]. Не ранее 1357 г. под власть Ольгерда перешел Брянск, где умер вокняжившийся там незадолго до

---

[39] *Любавский М. К.* Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания Первого Литовского статута. М., 1892. С. 12—15; *Kuczyński S. M.* Ziemie czernihowsko-siewierskie pod rządami Litwy. Warszawa, 1936.

[40] ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 117.

[41] *Флоря Б. Н.* Борьба московских князей за смоленские и черниговские земли во второй половине XIV в. // Проблемы исторической географии России. Вып. 1: Формирование государственной территории России. М., 1982. С. 58—80; *Горский А. А.* Брянское княжество в политической жизни Восточной Европы (конец XIII — начало XV в.) // Средневековая Русь. М., 1996. Вып. 1. С. 76—110; *Русина О. В.* Сіверська земля у складі Великого князівства Литовського. Київ, 1998.

[42] *Кучкин В. А.* К изучению процесса централизации в Восточной Европе: (Ржева и ее волости в XIV—XV вв.) // История СССР. 1984. № 6. С. 149—161.

того смоленский князь Василий. К 1359 г. Литва захватила Белую, а вскоре и Мстиславль. Борьба вновь разгорелась после смерти Ивана Ивановича (1359), ослабившей Московское княжество. По-видимому, Ольгерду удалось добиться признания своей верховной власти над Смоленском и утверждения власти в Брянске, который признал церковную власть Ольгердова ставленника митрополита Романа и стал базой литовских походов на черниговские земли. Однако уже к середине 1360-х годов Смоленск выступил против Ольгерда, так что осенью 1365 г. литовскому правителю пришлось его осаждать. О размахе восточной политики Ольгерда свидетельствуют его знаменитые походы на Москву в 1368, 1370 и 1372 гг. с целью добиться победы его шурина, тверского князя Михаила Александровича, в борьбе за Владимирское великое княжение[43]. Между тем к началу 1370-х годов московское влияние распространилось на князей северо-восточной и восточной части Черниговщины (Чернигов или Брянск, Новосиль, Оболенск, Таруса), граничившей с московскими владениями. В 1372 г. великий князь смоленский Святослав выступал на стороне Ольгерда в перемирной грамоте с Дмитрием Московским, в начале 1375 г. его сын участвовал в походе Кейстута и четырех сыновей Ольгерда в Ливонию[44], а уже летом и осенью того же года Иван Васильевич, племянник Святослава Смоленского, ходил с Дмитрием на Тверь, в заключенном после этого договоре Святослав был отнесен к союзникам Москвы, а смоленские волости вскоре подверглись нападению Ольгерда. В Брянске, а впоследствии и в Смоленске была признана церковная власть митрополита Алексия.

Новым направлением литовской экспансии в Южной Руси стала борьба за галичско-волынское наследство между Литвой, Польшей и Венгрией (при участии Орды), разгоревшаяся после смерти последнего галицко-волынского князя Болеслава-Юрия II, датируемой 21 марта 1340 г.[45] Разнообразные источники позволяют проследить ее ход достаточно подробно[46]. С учетом международного положения Галицко-Волынской Руси она была обречена стать яблоком раздора между соседями: Болеслав, сын Марии Юрьевны (сестры Андрея и Льва Юрьевичей) и мазовецкого (черского) князя Тройдена I, получивший в православном крещении имя Юрий, в 1323 г. занял престол при активной поддержке польского короля Владислава I Локетка (1320—1333) и венгерского короля Карла Роберта Анжуйского (1310—1342), которые впоследствии договорились, что Владислав или его сын Казимир унаследуют престол Болеслава в случае его смерти без мужского потомства, а польский престол после смерти

[43] *Кучкин В. А.* Русские княжества и земли перед Куликовской битвой // Куликовская битва. М., 1980; *Он же.* Договорные грамоты московских князей XIV века: Внешнеполитические договоры. М., 2003; *Хоруженко О. И.* «Первая Литовщина» в летописной статье 1368 г. // Istorijos šaltinių tyrimai. Vilnius, 2009. T. 2; *Цемушаў В. М.* На ўсходняй мяжы Вялікага Княства Літоўскага (сярэдзіна XIV — першая палова XVI ст.). Смаленск, 2014.

[44] SRP. Bd. 2. S. 107.

[45] О дате смерти Болеслава-Юрия II см.: *Bieniak J.* Wygaśnięcie książąt halicko-włodzimierskich // Aetas media, aetas moderna. Studia ofiarowane profesorowi Henrykowi Samsonowiczowi w siedemdziesiątą rocznicę urodzin. Warszawa, 2000. S. 392. Ранее дата смерти последнего галицко-волынского князя, явно искаженная в рукописи, трактовалась в литературе как 7 апреля 1340 г. Конъектура даты, предложенная Я. Беняком, позволяет устранить многие неясности в хронологии последующих событий, развивавшихся с калейдоскопической скоростью.

[46] Подробнее см.: *Грушевський М. С.* Історія України-Руси: В 10 т. Т. 4: XIV—XVI віки — відносини політичні. Київ, 1993; *Paszkiewicz H.* Polityka ruska Kazimierza Wielkiego. Kraków, 1925.

Казимира перейдет к венгерскому королю[47]; уже к началу 1320-х годов в Луцке вокняжился крестившийся в православие и женившийся на дочери одного из волынских князей Дмитрий-Любарт Гедиминович[48], а в 1331 г. Болеслав-Юрий II взял в жены дочь Гедимина, крещенную под именем Евфимии; борьба за галицко-волынское наследие не могла пройти мимо внимания Орды. Сразу после смерти Болеслава претензии на галицко-волынское наследство заявил Любарт, на некоторое время утвердившийся даже во Львове[49]. Тогда же, весной 1340 г., на галицко-волынские земли выступил польский король Казимир III (1333—1370), впоследствии прозванный Великим. Однако два его похода, весенний и летний, не позволили установить контроль даже над галицкими землями, где власть делили между собой Любарт и местное боярство во главе с Дмитрием Дедком[50], и лишь спровоцировали набег татар на владения Казимира. Венгерский король Карл Роберт также стремился не утратить контроль над ситуацией и одновременно с Казимиром отправил в Галицию войско под командованием одного из палатинов, однако конкретные цели этого апрельско-майского похода не совсем ясны[51]. До конца 1340-х годов польский король смог подчинить себе самую западную часть Галицко-Волынского княжества с городом Саноком. И только осенью 1349 г., договорившись с ханом Джанибеком и убедившись в том, что Литва до сих пор испытывает на себе последствия поражения, понесенного от Ордена в битве на Страве в начале предыдущего года[52], Казимир выступил в новый поход. На этот раз ему удалось занять всю Галицию и Волынь (за исключением Луцка, оставшегося за Любартом), что не осталось незамеченным даже в далеком Новгороде[53]. Однако уже на следующий год литовцы отбили

---

[47] *Wyrozumski J.* Polska — Węgry i sprawa Rusi halicko-włodzimierskiej za Kazimierza Wielkiego // Europa Środkowa i Wschodnia w polityce Piastów. Toruń, 1997. S. 111—119.

[48] *Флоря Б. Н.* Две грамоты князя Любарта: (О луцкой епископской кафедре в первой половине XIV в.) // ДГВЕ. 1998. М., 2000. С. 250—254; *Он же.* О грамоте Любарта Гедиминовича Луцкой епископской кафедре // От Древней Руси к новой России: Юбилейный сб., посвященный чл.-корр. РАН Я. Н. Щапову. М., 2005. С. 177—181; *Турилов А. А.* Жалованная грамота Любарта Гедеминовича Луцкой кафедре и ситуация на Волыни после гибели галицко-волынских Рюриковичей // Восточная Европа в древности и средневековье: Проблемы источниковедения: XVII чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто. IV чтения памяти д-ра ист. наук А. А. Зимина. Москва, 19—22 апреля 2005 г.: Тезисы докладов. М., 2005. Ч. 2. С. 266—268. В «Летописце великих князей литовских» говорится, что «Люборта принял володимерьскыи князь к дотьце во Володимер и в Луцеськь и во вьсю землю Волыньскую» (ПСРЛ. Т. 35. С. 61, 85; ср. с. 115). Но, как отметил Я. Тенговский, остается неясным, что же это был за князь (*Tęgowski J.* Małżeństwa Lubarta Giedyminowica. Przyczynek do genealogii dynastów halicko-wołyńskich w XIV wieku // Genealogia. Poznań; Wrocław, 1995. T. 6. S. 17—26; *Dąbrowski D.* Rodowód Romanowiczów książąt halicko-wołyńskich. Poznań; Wrocław, 2002. S. 281—284).

[49] Это выясняется из надписи на колоколе, отлитом для львовской Юрьевской церкви в 6849 (1340/1341) г. «при кнѧзи Дмитриі» (Прибавление к статье И. Ржежабка // Болеслав-Юрий II, князь всей Малой Руси. СПб., 1907. С. 79; *Мусин А. Е.* Колокол святого Юра 6849 года: Между Львовом, Плоцком, Петербургом и Теребовлей // Княжа доба: Історія і культура. Львів, 2017. Вип. 11. С. 95—119). См. также известие хрониста Янка из Чарнкова, согласно которому «Lubardus filius Gedimini ducis Litwanorum eundem ducatum Russiae possidebat» (Monumenta Poloniae historica. 1872. T. 2. P. 629).

[50] *Волощук М.* Проблема васальної залежності Дмитра Детька від угорського короля Людовика I // Княжа доба: Історія і культура. Львів, 2012. Вип. 6. С. 269—279.

[51] *Волощук М., Стасюк А.* Про похід палатина Віллерма *in Ruteniam* у квітні 1340 р. // Вісник Прикарпатського ун-ту. Історія. Івано-Франківськ, 2010. Вип. 17. С. 46—54.

[52] Убедиться в этом Казимир мог во время переговоров о крещении Литвы, которые велись в 1348—1349 гг. (*Nikžentaitis A.* Lietuvos užsienio politikos veiksmų programa XIV—XV a. I pusėje ir jos įgyvendinimas // Lituanistica. 1990. № 3. P. 34—37).

[53] НПЛ. С. 361.

Владимир, Белз, Берестье и другие замки, так что Казимиру пришлось от наступления на Волынь перейти к обороне Галиции. В 1350 г. Казимир заключил очередное соглашение с венгерским королем Людовиком I (1342—1382) о наследовании польского престола. После польско-венгерских походов 1350—1352 гг. против литовских князей, заручившихся поддержкой хана Джанибека, было заключено перемирие на срок до 24 июня 1355 г.[54] За Казимиром оставались Люблинская и Львовская земли, за литовцами — Владимирская, Луцкая, Белзская, Холмская и Берестейская. Кременецкая волость под властью князя Юрия Наримонтовича оставалась нейтральной. Походы Казимира на протяжении нескольких следующих лет не приносили желаемых результатов, и лишь в 1366 г., предварительно уладив отношения с Тевтонским орденом, Казимир выступил на владения литовских князей — Белз и Владимир. Результаты похода были зафиксированы осенью 1366 г. в «вечном мире» и договоре с Любартом: по их условиям Польша получала Владимирскую землю без восточных волостей, Любарт — Луцкую землю без юго-западных (кременецких) волостей; под верховную власть Казимира переходили Холмско-Белзская земля, при этом он отказывался от Дорогичина, Берестья и Кобрина[55].

Крупномасштабная война за волынское наследство возобновилась после смерти Казимира Великого в ноябре 1370 г. Узнав о ней, Любарт и Кейстут подступили под Владимирский замок, взяли его и разрушили. Столкновения продолжались и в первой половине 1370-х годов, но особенно значительным был поход Любарта, Кейстута и Юрия Наримонтовича на Сандомирскую землю 1376 г., прервавший очередные переговоры литовских князей о католическом крещении, которые велись при участии или во всяком случае с ведома польских правящих кругов[56]. Венгерский король Людовик I Анжуйский, унаследовавший польский престол после смерти Казимира, отдавал явное предпочтение Венгрии и за все 12 лет правления в Польше появился там лишь дважды[57]. Это проявилось и в его политике по отношению к русским землям: он не упускал возможности продолжить наступление на них, но достаться они должны были не Польше, а Венгрии. В 1371—1372 гг. с расчетом на это Людовик передал Галицкую Русь в управление силезскому князю из династии Пястов Владиславу Опольскому, который принялся утверждать там свою власть, жалуя землю на ленном праве (как местным землевладельцам, так и многочисленным рыцарям, прибывшим вместе с ним из Силезии), покровительствуя развитию городов, католической церкви и чеканя собственную монету. Успехи Владислава (о которых свидетельствует принятый им титул «самодержца») вызвали беспокойство Людовика, и в конце 1378 г. он пожаловал опольскому князю Куявию и Добжинскую землю, забрав Червонную Русь под собственную власть с целью последующего ее закрепления за Венгерским королевством. С 1380 г. этот регион находился под управлением венгерских старост. В 1386 г., уже после смерти Людовика, его мать Елизавета (Локетковна) и дочь Мария вновь ненадолго передали Червонную Русь Владиславу Опольскому, но на этот

[54] *Розов В.* Українські грамоти. Т. 1: XIV в. і перша половина XV в. Київ, 1928. № 3.

[55] *Czuczyński A.* Traktat książąt litewskich z Kazimierzem Wielkim z roku 1366 // Kwartalnik Historyczny. 1890. R. 4. S. 513—515; *Розов В.* Українські грамоти. Т. 1. № 7; *Довнар-Запольский М. В.* Из истории литовско-польской борьбы за Волынь: (Договоры 1366 г.). Киев, 1896 (отд. отт. из «Университетских известий» за 1896 г.).

[56] *Jurek T.* Nieznany list kanonika Dobrogosta Nowodworskiego z 1376 roku. Z antecedencji unii polsko-litewskiej // Między tekstem a znakiem. Prace ofiarowane Profesor Barbarze Trelińskiej w siedemdziesiątą rocznicę urodzin. Warszawa, 2013. S. 9—19.

[57] *Marzec A.* Pod rządami nieobecnego monarchy. Królestwo Polskie 1370—1382. Kraków, 2017.

раз он не спешил ангажироваться в ее дела, а в феврале — марте 1387 г. в результате похода королевы Ядвиги она была возвращена в состав Польского королевства[58].

Несколько в стороне от борьбы за волынское наследство стояла судьба соседнего Подолья (Понизья), где утвердились сыновья Михаила-Кориата Гедиминовича. Автор летописной «Повести о Подолье», созданной в начале 1430-х годов, связал это с их победой над тремя татарскими «царями» на Синей Воде (р. Синюха — левый приток Южного Буга; известно, что поход туда состоялся в 1363 г.), но так ли это, сказать сложно. Современные событиям источники позволяют констатировать, что Кориатовичи правили Подольем уже в 1360-е годы. Вскоре они принесли вассальную присягу польскому королю Казимиру III[59].

Учитывая широкий международный размах действий Ольгерда, историки считали, что Кориатовичи следовали политической программе, которую усматривали в известном заявлении на переговорах о крещении Литвы с послами императора Карла IV в 1358 г.: «Вся Русь должна принадлежать литовцам»[60]. Но, как уже справедливо отмечалось в литературе, это заявление следует рассматривать в том контексте, в котором оно было сделано литовской стороной и записано ливонским хронистом-современником: литовские князья требовали перевести Орден из Пруссии и Ливонии в степи для защиты Литвы от татар, но при этом Орден не должен был иметь прав на Русь, а вся она должна была принадлежать Литве. Выдвигая такое требование, Ольгерд и его окружение стремились избежать в Южной Руси, на которую имели виды, такой ситуации, сложившейся в Пруссии и Ливонии, где Орден, обратив язычников в христианство, приобрел права «господина земли» (*Landsherr*)[61]. Не исключено, что громкое заявление было связано с тем, что новый ордынский хан Бердибек выдал ярлык митрополиту Алексию, противнику Ольгерда. Характерен географический охват Литовской митрополии в послании Ольгерда константинопольскому патриарху, где перечислены лишь владения Ольгерда и его союзников. Забегая вперед, стоит отметить, что столь же неубедительными оказываются попытки усмотреть «общерусскую программу» Витовта во фразе, вложенной в его уста летописцем начала XV в. при описании подготовки к очередному походу в степь[62]. Примечательно, что литовские князья, в отличие от московских, никогда не пользовались титулом «всея Руси». Вообще современные исследователи не склонны приписывать долгосрочные «программы» на основе разновременных свидетельств и действий литовским князьям, да и вообще средневековым правите-

---

[58] *Sperka J.* Władysław, książę opolski, wieluński, kujawski, dobrzyński, pan Rusi, palatyn Węgier i namiestnik Polski (1326/1330—8 lub 18 maja 1401). Kraków, 2016. Wyd. 2.

[59] *Kurtyka J.* Podole w średniowieczu i okresie nowożytnym: Obrotowe przedmurze na pograniczu cywilizacji // *Kurtyka J.* Podole w czasach jagiellońskich. Kraków, 2011. S. 91—160; *Михайловський В.* Васальні стосунки князів Коріатовичів із Казимиром III та Людовіком Угорським // Український історичний журнал. 2010. № 4. С. 4—15; *Михайловський В.* Формування території історичного Поділля у другій половині XIV ст. // Український історичний журнал. 2017. № 3; *Mykhaylovskiy V.* European Expansion and the Contested Borderlands of Late Medieval Podillya, Ukraine. Amsterdam, 2019.

[60] «Omnis Russia deberet ad Letwinos simpliciter pertinere» (SRP. Bd. 2. S. 80).

[61] *Ловмяньский Х.* Русско-литовские отношения в XIV—XV вв. // Из истории русской культуры: В 2 т. Т. 2. Кн. 1: Киевская и Московская Русь. М., 2002. С. 393—394. Попытка Х. Ловмяньского связать «общерусскую программу» Ольгерда с его женитьбой на тверской княжне Ульяне Александровне неубедительна (ср. о проблеме ее влияния: *Baronas D.* Julijona — Lietuvos didžiojo kunigaikščio Algirdo žmona ir jo vaikų motina // Lietuvos istorijos metraštis. 2019 metai. Vilnius, 2019. T. 2. P. 5—39).

[62] См. анализ летописных рассказов: *Pelenski J.* Russia and Kazan. Conquest and Imperial Ideology (1438—1560s). The Hague; P., 1974. P. 156—170.

лям, чьи возможности были весьма ограниченными в сравнении с монархами Нового времени. Можно говорить о традиционных направлениях внешней политики (взаимоотношения с русскими землями, Польшей, Тевтонским орденом, папством и т. д.) и ее инструментах, но ее содержание складывалось ситуативно, в значительной степени представляя собой реакцию на те или иные обстоятельства[63].

Установление литовской власти над русскими землями стало возможным в силу нескольких обстоятельств. Первостепенную роль сыграли походы литвы, совершавшиеся с завидным постоянством. В этих обстоятельствах, как показывает пример Витебска, признание власти Литвы могло оказаться «меньшим злом». Летописные рассказы о судьбе Брянска в середине XIV в. и Смоленска в начале XV в. свидетельствуют, что в обоих случаях часть местной знати в условиях военного давления выступала за сдачу стольного города литовцам и признание их верховной власти[64]. При этом уже с самого начала XIII в. наблюдаются попытки литовских князей заключить с русскими князьями союзы, которые могли вовлечь их в орбиту политических интересов Литвы и в перспективе привести к подчинению ей той или иной земли. Этому, конечно, способствовала разобщенность русских земель. Впрочем, целью литовских походов не обязательно становился стольный город: так, в первой половине XIII в. Литва отторгла у Смоленского княжества Торопец, в середине XIV в. — Мстиславль и Белую; в 1403 г., стремясь вернуть Смоленск под свою власть, Витовт занял Вязьму; с середины XIV по середину XV в. объектом ожесточенной литовско-московско-тверской борьбы была Ржева. Можно вспомнить и о судьбе Волыни.

Следует подчеркнуть, что ведущая роль в расширении пределов Литовского государства на русские земли весь рассматриваемый период принадлежала литовским князьям и их окружению. Ряд известий говорит о постепенном сближении литвы и руси, начиная с совместных походов, в которых участвовали русские воины и полководцы (Хвал, Евстафий Константинович, Роман Данилович[65]), и династических браков, и заканчивая судьбами в общем государстве, которым для них стало Великое княжество Литовское. Однако литовская знать составляла бóльшую часть окружения княживших в Литве Миндовга и Ольгерда и бежавших оттуда Довмонта и Евнутия, а впоследствии — и Витовта.

В научной, учебной и особенно популярной литературе до сих пор можно встретить утверждение, что одной из наиболее распространенных форм «мирной» литовской экспансии были династические браки. Между тем сохранившиеся источники позволяют говорить лишь о двух случаях, когда литовский князь женился на дочери местного Рюриковича и впоследствии на этом основании занял выморочный стол, — это Любарт в Луцке и Ольгерд в Витебске. Как уже говорилось, о браке Любарта практически ничего не известно; как бы то ни было, права на Луцк ему пришлось отстаивать в многолетней вооруженной борьбе. Что же касается вокняжения Ольгерда в Витебске, то выше уже было показано, что оно состоялось в условиях военного давления Литвы, продолжавшегося не одно десятилетие. Династические браки были важным инструментом

[63] *Petrauskas R.* Die Außenwelt der Gediminiden: Formen und Möglichkeiten internationaler Politik der heidnischen Großfürsten Litauens in der zweiten Hälfte des 14. Jh. // Akteure mittelalterlicher Außenpolitik: Das Beispiel Ostmitteleuropas. Marburg, 2017. S. 53—68; *Polechov S.* Eine Litauische alternative für die ganze Rus'? Die Ostpolitik der litauischen Herrscher im ausgehenden Mittelalter: Ansprüche und Wirklichkeit // Studia historica Brunensia. 2019. Nr. 2. S. 45—62.

[64] ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 65; М., 2000. Т. 4, ч. 1. С. 391.

[65] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 838—840, 855.

политики литовских правителей, но служили они не столько расширению их владений, сколько формированию союзов с соседями. При этом брак сам по себе не гарантировал прочности и долговременности союза: так, союз Гедимина с польским королем Владиславом Локетком, женившимся на его дочери, продержался примерно четыре года, а женитьба серпуховского князя Владимира Андреевича на Елене Ольгердовне (1372) или Василия I на Софье Витовтовне (1391) не предотвращала московско-литовского соперничества и даже войн, хотя в некоторые моменты и сглаживала остроту конфронтации. Чтобы сохранить династический союз, приходилось периодически возобновлять его: не случайно матримониальные союзы Гедиминовичей с тверскими Рюриковичами и мазовецкими Пястами повторялись из поколения в поколение.

Судьба Витебска и Волыни наглядно демонстрирует еще один фактор династической политики — пресечение местных ветвей династии Рюриковичей: образовавшийся политический вакуум заполняли западные соседи, давно проявлявшие активность на этом направлении, — Литва, Польша и Венгрия. В первом случае сказывалась относительно легкая аккультурация литовцев, приходивших княжить на Русь: об этом свидетельствуют примеры принявших православие Войшелка, Довмонта, а также Гедиминовичей XIV в. — Любарта, сыновей Ольгерда от первого брака (Андрея, Федора, Владимира и Дмитрия). Даже в случае военного подчинения того или иного центра Литва оставляла в значительной степени нетронутыми местные общественные отношения[66], в значительной степени сохранялась и местная общественная верхушка, на которую можно было опереться при утверждении литовской власти. Это имело оборотную сторону: весь XIV в. Литва находилась на ранней стадии развития государственности, которая оставалась основанной на личных связях, а единственным постоянным институтом государства оставался сам правитель[67]. Это вело к тому, что в случае давления со стороны соседей, ослабления центральной власти или конфликта с нею удельный князь мог достаточно легко и безболезненно сменить сюзерена, как это было с Любартом, Кориатовичами или Андреем Ольгердовичем (1385)[68].

Нередко подчеркивается, что литовской экспансии способствовала монгольская, а затем ордынская власть над Русью, спасение от тягот которой виделось в признании власти Литвы. Сколь бы велико ни было значение этого фактора, его не стоит переоценивать. Земли Западной Руси, первыми вошедшие в состав Литовского государства, не были затронуты ни монгольскими походами конца 1230-х — начала 1340-х годов, ни впоследствии системой монгольской и ордынской власти над ними. Иное дело, что установление этой системы в 1340-е годы не позволило наиболее могущественным князьям, таким как Даниил Романович и Александр Ярославич, воспрепятствовать литовской экспансии. В дальнейшем же литовцы могли использовать ресурсы уже присоединенных русских земель для дальнейше-

[66] Поэтому исследователи охотно пользуются данными о Великом княжестве Литовском для изучения более ранних эпох, применяя ретроспективный метод (подробнее см. ч. II, гл. 1).

[67] *Petrauskas R.* Die Staatsstrukturen des frühen Grossfürstentums Litauen // Litauisches Kulturinstitut, Jahrestagung 2003. Lampertsheim, 2004. S. 13—26.

[68] В этой связи уместно отметить, что, согласно новейшему исследованию, представление о государственной измене (или измене правителю) сложилось в Великом княжестве Литовском лишь в XV в., а «предательство национальных интересов» и вовсе принадлежит миру идей XIX — начала XX в. (*Ryčkov A.* Judo bučinys: Valdovo išdavystės samprata Lietuvoje (XIII a. pabaiga — XVI a. vidurys). Vilnius, 2018. P. 51—80).

го наступления на Русь: ранний пример такого рода — поход литовцев и Романа Даниловича на киевский Возвягль, в котором наверняка участвовали и его новогрудские подданные. Выше уже говорилось о совместных действиях киевского князя Федора и ордынского баскака в 1331 г.; подобные примеры совместных действий Литвы и татар можно было бы умножить[69]. Активизация литовской политики на землях Южной Руси, подвластных Орде, приходится лишь на вторую половину XIV в., когда в самой Орде происходила «замятня». Но и в это время Литва не только воевала с Ордой, но и, судя по мирным контактам, добивалась от нее уступок и выгодных для себя соглашений, не доводя дело до открытого конфликта, в том числе ценой сохранения выплаты ордынской дани[70]. Из отрывочных сообщений XIV в. и ретроспективного анализа сведений источников XV—XVI вв. можно заключить, что Гедиминовичи признавали за Ордой право взимания дани с русских земель, но ее реальная выплата зависела от ситуации в самой Орде, которая стремительно менялась. Так, византийский историк Никифор Григора называл Ольгерда единственным северным правителем, который не платит дань татарам. В 1391 г. подольский князь Федор Кориатович, узнав о разгроме Тохтамыша на р. Кондурче, поспешил исправить текст только что выданной жалованной грамоты, предписав ее получателю выплачивать дань не «въ Татары», а подольскому князю; когда же Тохтамыш очень быстро оправился от поражения, то требование выплаты ордынской дани вновь вернулось в подольские грамоты[71].

Вести активную экспансию на русские земли Литве удавалось не только из-за их разобщенности и ослабления в результате монгольского нашествия, но и благодаря ряду нововведений в администрации и военном деле, которые позволяют назвать XIV век «столетием модернизации» (А. Никжентайтис). Появление новой династии на литовском престоле сопровождалось утверждением представлений о ее исключительности и концентрацией власти в ее руках: из источников исчезают упоминания о многочисленных князьях, характерные для XIII в. Благодаря развитию производства и дальнейшему разделению труда война стала основным занятием литовских бояр; этому способствовали новшества в сфере вооружения — начало широкого использования арбалета и рост роли кавалерии (которая, впрочем, остается предметом дискуссии). В Литве возникают каменные замки, которые складываются в системы. При Витене возник город Вильня (ныне — Вильнюс, столица Литвы; упоминается с 1323 г.), с самого начала существования обслуживавший княжескую резиденцию. Развитию Вильни и других городов способствовало поселение в них русских и немецких купцов с их масштабными торговыми связями. И если в XIII в. великий князь Тройден отказывался заступаться за литовских купцов, то Гедимин приглашал в Литву купцов из Северной Германии и стремился гарантировать безопасность торговых путей в Ливонию и Псков, а Ольгерд пытался добиться переноса торговых путей из Польши в Великое княжество Литовское (в значительной степени — на его русские земли, учи-

[69] Ср. известия о походах татар, руси и литвы на Сандомир в 1259 г. и на Краков в 1280 г. (Monumenta Poloniae historica. T. 2. P. 847; T. 3. P. 50; Monumenta Poloniae historica. Nova series. Kraków, 1996. T. 12. S. 42—43).

[70] *Флоря Б. Н.* Литва и Русь перед битвой на Куликовом поле // Куликовская битва. М., 1980. С. 145—152.

[71] *Полехов С. В.* Грамота князя Федора Кориатовича 1391 г. и подольская дань «в Татары» // Архіварыус. Мінск, 2019. Вып. 17. С. 97—107.

тывая роль Верхнего Подвинья, Подляшья и Волыни в европейской торговле)[72].

В мае 1377 г. умер Ольгерд. После его смерти великокняжеский престол занял один из его младших сыновей Ягайло, при этом Кейстут сохранил влияние. Смена правителя непосредственным образом сказалась на жизни страны. Уже в конце 1377 или начале 1378 г. свои княжения покинули два старших сына Ольгерда — Андрей Полоцкий и Дмитрий Брянский, перебравшиеся к Дмитрию Московскому (Андрей Ольгердович — через Псков). В 1380 г. Ягайло заключил с Тевтонским орденом несколько договоров, явным образом направленных против его влиятельного дяди Кейстута. Тот, узнав об этом, в 1381 г. сверг Ягайла с престола, но в 1382 г. потерпел от него поражение, попал в плен и вскоре покончил с собой или был убит. Его сыну Витовту удалось спастись бегством в Пруссию, где он принял католическое крещение и стал участвовать в войне Ордена с Литвой. К концу 1382 г. Ягайло вынужден был заключить с Орденом несколько договоров на невыгодных условиях. В этих обстоятельствах в 1383—1384 гг. возник проект брака Ягайла и дочери Дмитрия Донского, по которому Ягайло должен был крестить своих подданных-язычников в православие и «быть в воле» Дмитрия[73]. Однако все изменилось, когда выяснилось, что Ягайло может жениться на Ядвиге, дочери Людовика Анжуйского и наследнице польского престола. Эти перспективы оказались гораздо более заманчивыми: казалось, что Ягайло сохранит бóльшую самостоятельность, будучи супругом польской королевы, а не зятем московского князя; католическое крещение Литвы позволит покончить с угрозой со стороны Ордена, воевавшего под знаменем обращения язычников, а Литва и Польша смогут объединить свои силы не только для борьбы с ним, но и для поддержания внутренней стабильности, а главное — для продолжения экспансии на Русь.

В обстановке чрезвычайной спешки 14 августа 1385 г. в Кревском замке был заключен брачный договор, по которому Ягайло обещал «навечно присоединить» (*perpetuo applicare*) подвластные ему земли Литвы и Руси к Короне Польского королевства. В феврале 1386 г. Ягайло прибыл в Краков, крестился в католицизм под именем Владислав, женился на Ядвиге и был коронован польской короной. И если Польша уже в следующем 1387 г. смогла вернуть себе Галицию, то в Литве дело обстояло сложнее. Пока Ягайло был на торжествах в Кракове, его отсутствием в Литве решили воспользоваться руководство Тевтонского ордена и его союзники — Святослав Смоленский и ставший вассалом ливонского магистра Андрей Полоцкий. В начале 1386 г. они выступили в поход на Литву, но спешно прибывшему туда королевскому брату Скиргайлу удалось разбить их. В битве на р. Вехре под Мстиславлем погиб Святослав Смоленский, а его сын Юрий

[72] *Nikžentaitis A.* Litauen unter den Grossfürsten Gedimin (1316—1341) und Olgerd (1345—1377) // Die «Blüte» der Staaten des östlichen Europa im 14. Jahrhundert. Wiesbaden, 2004. S. 65—75; *Baronas D.* Der Kontext der litauischen Kriegskunst des 13. Jahrhunderts und die militärischen Innovationen von der zweiten Hälfte des 14. Jahrhunderts bis zum Beginn des 15. Jahrhunderts // Tannenberg — Grunwald — Žalgiris 1410: Krieg und Frieden im späten Mittelalter. Wiesbaden, 2012. S. 159—173. О возникновении и ранней истории Вильни см.: *Вайткявичюс Г.* Вильнюс: От поселения до королевского города // Археология и история Литвы и Северо-Запада России в Средневековье: Доклады российско-литовского семинара. Вильнюс, 28—30 марта 2011 г. Вильнюс, 2013. С. 81—107; *Jonaitis R.* Orthodox churches in the Civitas Rutenica area of Vilnius: The question of location // Archaeologia Baltica. 2011. T. 16. P. 110—128.

[73] Опись архива Посольского приказа 1626 года. М., 1977. Ч. 1. С. 34; *Флоря Б. Н.* Договор Дмитрия Донского с Ягайло и церковная жизнь Восточной Европы // Неисчерпаемость источника: К 70-летию В. А. Кучкина. М., 2005. С. 233—237; *Tęgowski J.* W sprawie genezy unii Polski z Litwą. Projekt małżeństwa Jagiełły z córką Dymitra Dońskiego wielkiego księcia moskiewskiego — próba ustalenia daty // Prace Naukowe Akademii im. Jana Długosza w Częstochowie. Seria: Zeszyty Historyczne. 2009. Zesz. 10. S. 51—64.

вскоре принес вассальную присягу Ягайлу и Скиргайлу. Андрей Полоцкий был взят в плен и отправлен в Хенцинский замок. Эти события показали, сколь важна практическая реализация туманной формулировки Кревского акта. Ягайло попытался создать на землях Великого княжества Литовского систему удельных княжеств, на столах которых сидели его братья. Распределением столов оказался недоволен Витовт, которому удалось сплотить вокруг себя сторонников и к началу 1390 г. вновь перебраться в Пруссию. В союзе с Орденом Витовт вновь начал воевать с Литвой. Ситуация становилась угрожающей, и Ягайлу в августе 1392 г. пришлось удовлетворить его притязания и вернуть ему «отчину» — Трокское княжество. К началу 1395 г. Витовту удалось устранить с крупнейших княжеских столов на Руси — Новгород-Северского, Витебского, Полоцкого, Луцкого, Владимирского (на Волыни), Киевского и Подольского — королевских братьев и других родственников, заменив их на преданных себе литовских бояр и князей. С 1395 г. Витовт начал титуловаться великим князем литовским.

Все это время политическая элита Великого княжества Литовского по-прежнему была заинтересована в восточной экспансии. Об этом говорят попытки вести активную политику на восточном направлении даже в непростые для Гедиминовичей времена. Так, летом 1380 г. Ягайло отправлял войско на помощь Мамаю, но к моменту битвы оно не успело на Куликово поле (возможно, специально)[74]. По-видимому, в том же году или в первые месяцы 1381 г. Скиргайло купил во Пскове участок земли, размеры и расположение которого косвенно свидетельствуют о намерении этого князя занять псковский престол[75]. В 1383—1384 гг. в Новгороде на «кормлении» находился князь Патрикий Наримонтович, а в 1389 г., отправляясь туда с той же целью, Семен-Лугвень Ольгердович выдал польскому королю Владиславу Ягайлу присяжные грамоты, в которых именовался «опекальником мужем и людем» Великого Новгорода, а в латинской говорилось о его назначении *in tutorem et gubernatorem*[76]. Между тем соседи пользовались ослаблением Великого княжества Литовского, и самыми уязвимыми для них оказывались периферийные владения литовских князей, в особенности наиболее отдаленные от Литвы. Сразу после смерти Ольгерда Людовик Венгерский совершил поход на Волынь и Подолье, в результате которого ему удалось привести к вассальной присяге нескольких князей, в том числе Любарта, причем юго-западная часть его волынских владений с Кременцом была присоединена к владениям Людовика. После смерти Людовика Любарт выкупил эти владения вместе с Городлом у старосты венгерского короля[77]. Положение усугублялось смертью Любарта в 1383 г., после которой власть оказалась в руках его сыновей — по всей видимости, малолетних — и вдовы. «Бѣше веремя не строино, но бѣдно», — афористично охарактеризовал

[74] *Шляков Н.* Невыясненное известие из жизни преп. Сергия Радонежского // Прибавление к «Церковным ведомостям». 1892. № 41; *Ладыженский И. М.* Экстратексты Епифания Премудрого // Изв. РАН. Сер. лит. и языка. 2020. № 1; SRP. Leipzig, 1866. Bd. 3. S. 114—115; *Флоря Б. Н.* Литва и Русь перед битвой на Куликовом поле. С. 170—172.

[75] *Марасинова Л. М.* Новые псковские грамоты XIV—XV вв. М., 1966. № 1. С. 46; *Полехов С. В., Городилин С. В.* Когда князь Скиргайло купил землю во Пскове? // Средневековая Русь. М., 2020. Вып. 14. С. 71—96.

[76] НПЛ. С. 379; Akta unji Polski z Litwą. 1385—1791 / Wyd. St. Kutrzeba i Wł. Semkowicz. Kraków, 1932. № 27, 28.

[77] *Halecki O.* Przyczynki genealogiczne do dziejów układu krewskiego // Miesięcznik Heraldyczny. 1935. R. 14; *Tęgowski J.* Wydarzenia na Rusiw drugiej połowie 1382 roku // Cracovia — Polonia — Europa. Kraków, 1995. S. 301—305.

это время писец Луцкой Псалтири 1384 г.[78] Подобная картина наблюдалась не только на Волыни. Князь Кейстут за недолгое время княжения в Вильне (1381—1382) был вынужден уступить Дмитрию Донскому Ржеву, объект многолетней московско-литовской борьбы[79], а летом 1382 г. к Ягайлу прямо под Троки, которые он осаждал в борьбе с Кейстутом, прибыли послы Тохтамыша с известием о его воцарении в Орде; вскоре Ягайло направил к нему ответное посольство, и не исключено, что обсуждался вопрос о дани Орде[80]. Продолжать наступление на восток можно было лишь тогда, когда государство не раздиралось династическими конфликтами, а отношения с соседями были относительно мирными.

Этого удалось добиться Витовту. Активизации восточной политики способствовали, с одной стороны, его преобразования — замена правителей крупнейших удельных княжеств на великокняжеских наместников и воевод, начало широкомасштабной раздачи земли за военную службу, формирование институционального двора и канцелярии[81]. С другой стороны, Витовт пытался пользоваться международной обстановкой — союзом с Польским королевством, а в 1398—1401 и 1404—1408 гг. — и с Тевтонским орденом, которые присылали ему военную помощь, а также нестабильностью в Орде и династическими связями с московскими и тверскими Рюриковичами[82]. Объектом литовских интересов оставался Смоленск; в конце XIV в., как уже говорилось, после перерыва эпохи Ольгерда возродился живой интерес к Новгороду и Пскову; новыми были попытки давления на Рязанское великое княжество. Все это были достаточно сильные в политическом, экономическом и военном отношении земли, к тому же географически отдаленные от Литовской земли — политического ядра Великого княжества Литовского. О трудностях литовской завоевательной политики ярко свидетельствуют логистические проблемы, с которыми сталкивался Витовт во время походов на Москву в 1406 и 1408 гг., на Псков в 1426-м и Новгород в 1428-м, — редкая сеть населенных пунктов, бездорожье, по которому приходилось двигаться с громоздкими обозами, в том числе в осеннюю распутицу; все это усугублялось эпидемиями в войске и падежом коней.

Наибольшего размаха завоевательные планы Витовта достигали в конце XIV в. Вернув себе «отчину», т. е. Трокское княжение, устранив крупнейших удельных князей и завоевав Смоленск, Витовт начал сближение с Тевтонским орденом и принял хана Тохтамыша, изгнанного из Орды Тимур-Кутлугом. Одновременно он вынашивал планы подчинения Новгорода, зафиксированные в Салинском договоре с Орденом (12 октября 1398 г.)[83]. Опасения, царившие в Северо-Восточной и Северо-Западной Руси, отразились в летописных рассказах, согласно которым Тохтамыш в обмен на поддержку обещал Витовту посадить его на княжение в Москве. Во время

---

[78] *Крысько В. Б.* Запись писца в Луцкой Псалтири 1384 года // Луцький Псалтир 1384 року. Київ, 2013. С. 470.

[79] *Kolankowski L.* Dzieje Wielkiego Księstwa Litewskiego za Jagiellonów. T. 1: 1377—1499. Warszawa, 1930. S. 10; *Кучкин В. А.* К изучению процесса централизации в Восточной Европе. С. 152.

[80] О том, что «наши посли нашли вас под городомъ под Троки стоѧчи», говорится в древнерусском переводе ярлыка-послания Тохтамыша Ягайлу от 20 мая 1393 г. (*Карский Е. Ф.* Западнорусский ярлык хана Золотой орды Тохтамыша к польскому королю Ягайлу 1392—1393 гг. // *Карский Е. Ф.* Труды по белорусскому и другим славянским языкам. М., 1962. С. 444).

[81] Подробнее см. ч. II, гл. 1.

[82] Подробнее см.: *Polechov S.* Zwischen Kreuzzugsrhetorik und Bündnissen: Die Politik des Großfürsten Witolds von Litauen (1392—1430) gegen die östlichen Nachbarn // The Defence of the Faith. Crusading on the Frontiers of Latin Christendom in the Late Middle Ages. Turnhout, 2024. P. 339–360. (Outremer. Studies in the Crusades and the Latin East; Vol. 15).

[83] От острова Салин при впадении р. Нявежис в Неман.

походов в степь Витовт не только поддерживал Тохтамыша, но и не забывал о собственных интересах: на юге был возведен замок Св. Иоанна, а возможно, и другие крепости. Эти планы нарушило сокрушительное поражение войск Витовта и его немецких и польских союзников в сражении с Тимур-Кутлугом на Ворскле в августе 1399 г.[84] Вскоре после него началось очередное сближение Литвы с Польшей, вызванное также смертью королевы Ядвиги и последовавшим кризисом легитимации власти Ягайла. А в 1401 г. внимание Витовта приковала очередная война с Тевтонским орденом, продлившаяся до 1404 г.

Наиболее успешным в конце XIV — начале XV в. было смоленское направление литовской политики. Смоленск был подчинен в несколько этапов: в 1386 г., после разгрома смоленских войск и гибели великого князя Святослава Ивановича, его сын Юрий принес присягу польскому королю Ягайлу и его брату Скиргайлу, после вокняжения Витовта Юрий был заменен на Глеба, а в 1395 г. Витовт, заявляя, что идет в поход на Тимур-Кутлуга, и пользуясь раздорами смоленских князей, выманил их из города, арестовал и посадил там своих наместников. Смоленское княжество было ненадолго восстановлено под властью Юрия Святославича в 1401 г., после чего Литве удалось вновь завоевать его лишь в 1404 г. — на этот раз на ближайшие 110 лет.

В 1406—1408 гг. Витовт воевал с Василием I и его союзниками, но ни на одном театре военных действий — ни в Пскове (где в войну скоро втянулось ливонское отделение Ордена), ни в Верхнем Поочье — ему не удалось добиться преимущества. Наиболее значимыми приобретениями этого времени стали Западное Подолье, переданное Витовту Ягайлом в 1411 г. пожизненно, а также прежние владения мазовецких князей — Городло на западном берегу Западного Буга и часть Подляшья. Приобретения Витовта на восточных и юго-восточных границах Великого княжества Литовского, судя по всему, были незначительными. Несмотря на все усилия и относительно благоприятную внешнеполитическую обстановку (союзные и дружественные отношения с Тевтонским орденом, помощь из Польши), Витовту так и не удалось реализовать амбициозную задачу подчинения Новгорода и Пскова — ни в конце XIV и первые годы XV в., ни во второй половине 1420-х годов, когда малолетний Василий II в условиях претензий на престол, предъявлявшихся его дядей Юрием Дмитриевичем, был заинтересован в опеке могущественного деда, а тот, пользуясь этим, совершил масштабные походы на Псков (1426) и Новгород (1428). В обоих случаях Витовту удалось лишь взять контрибуцию (поздние сведения о посажении в обоих городах литовских князей отсутствуют в ранних источниках и, скорее всего, не соответствуют действительности). Во время объезда своих восточных владений летом 1427 г. Витовт привел к присяге новосильско-одоевских князей, которые оставались вассалами великих князей литовских до конца XV в.[85] Что же касается Рязанского княжества, то Литва совершала походы на него в 1396 и 1402 гг., а во время путешествий Витовта по литовской Руси ему присягали великий князь рязанский Федор Ольгович (в 1411 г.), его сын Иван Федорович и великий князь пронский Иван Владимирович

[84] *Rowell S. C.* Ne visai primintinos kautynės: Ką byloja šaltiniai apie 1399 m. mūšį ties Vorsklos upe? // Istorijos šaltinių tyrimai. Vilnius, 2008. T. 1. P. 67—89.

[85] *Иванов Д. И.* Московско-литовские отношения в 20-е годы XV столетия // Средневековая Русь. М., 1999. Вып. 2. С. 79—115; *Кром М. М.* Меж Русью и Литвой: Пограничные земли в системе русско-литовских отношений конца XV — первой трети XVI в. 3-е изд., испр. и доп. М., 2019; *Бяспалаў Р. А., Палехаў С. У.* Гісторыя літоўска-навасільскіх дагавораў 1427—1491 гадоў і літоўска-варатынскія граматы 1483 і 1488 гадоў // Беларускі гістарычны агляд. 2018. Т. 25. С. 173—227.

(в 1427 г.); в последнем случае оба дали обязательство поддержать Витовта в случае его конфликта с Василием II[86]. Однако эти отношения прекратились после смерти Витовта; примечательно, что о попытках последующих великих князей литовских восстановить их ничего не известно. Недолговременными оказались и территориальные приобретения на юго-восточных окраинах Великого княжества Литовского, прежде всего Тула: еще при описании событий 1424 г. она упоминается как литовская, а в московско-рязанском договоре 1434 г. — как рязанская[87].

После смерти Витовта литовский престол занял его двоюродный брат и многолетний соперник Свидригайло, младший сын Ольгерда[88]. Хотя он был родным братом польского короля Владислава Ягайла, сразу же дали о себе знать польско-литовские противоречия, и за несколько месяцев дело дошло от пограничных стычек до полномасштабной войны на Волыни. В 1432 г. Свидригайло был свергнут частью окружения, которая возвела на престол Сигизмунда Кейстутовича — брата Витовта, возобновившего унию с Польшей. Однако Свидригайлу удалось бежать в Полоцк, ему осталась верной часть окружения и бóльшая часть литовской Руси. Это позволило ему начать безуспешную войну с Сигизмундом за возвращение владений и великокняжеского престола (1432—1438). Хотя Сигизмунд вышел из нее победителем, в марте 1440 г. он был убит заговорщиками, а вскоре литовский престол занял 13-летний сын Ягайла — Казимир Ягеллон (1440—1492), что привело к очередному обострению отношений с Польшей (они не были полностью урегулированы даже после того, как после гибели своего брата, короля Владислава III, Казимир занял польский престол в 1447 г.). Все это не позволило литовским правителям воспользоваться династическим конфликтом московских Рюриковичей и продолжить наступление на Русь. Но и территориальные потери самого Великого княжества Литовского, если не считать Западного Подолья (которое после смерти Витовта и так должно было отойти к Польше), были минимальны: на юго-востоке к Рязанскому княжеству вернулись Тула и другие владения, а на севере новгородцы в 1435/1436 г. разорили Ржеву, за которой после этого закрепилось название «Ржева Пустая». Московско-литовские военные столкновения 1440-х годов представляли собой скорее пограничные стычки.

Символическим концом литовского наступления на Русь можно считать московско-литовский договор, заключенный 31 августа 1449 г.[89] Казимир Ягеллон заключил договор с Василием II в тот момент, когда боролся с сыном своего предшественника Сигизмунда Кейстутовича Михаилом («Михайлушкой»), добивавшимся возвращения «отчины» и активно искавшим поддержки у соседей. Поэтому король польский и великий князь литовский остро нуждался в поддержке Москвы[90]. Два великих князя поделили сферы интересов в Восточной Европе: Ка-

---

[86] LECUB. Reval, 1859. Bd. 4. № 1888; CEV. Crakoviae, 1882. № 1292, 1329. (Monumenta medii aevi historica res gestas. Poloniae illustrantia. Crakaiae; T. 6); ДДГ. М.; Л., 1950. № 25, 26.

[87] CEV. № 1181; ДДГ. № 33; *Флоря Б. Н.* Великое княжество Литовское и Рязанская земля в XV в. // Славяне в эпоху феодализма. М., 1978. С. 182—189.

[88] Подробнее см.: *Полехов С. В.* Наследники Витовта: Династическая война в Великом княжестве Литовском в 30-е годы XV века. М., 2015.

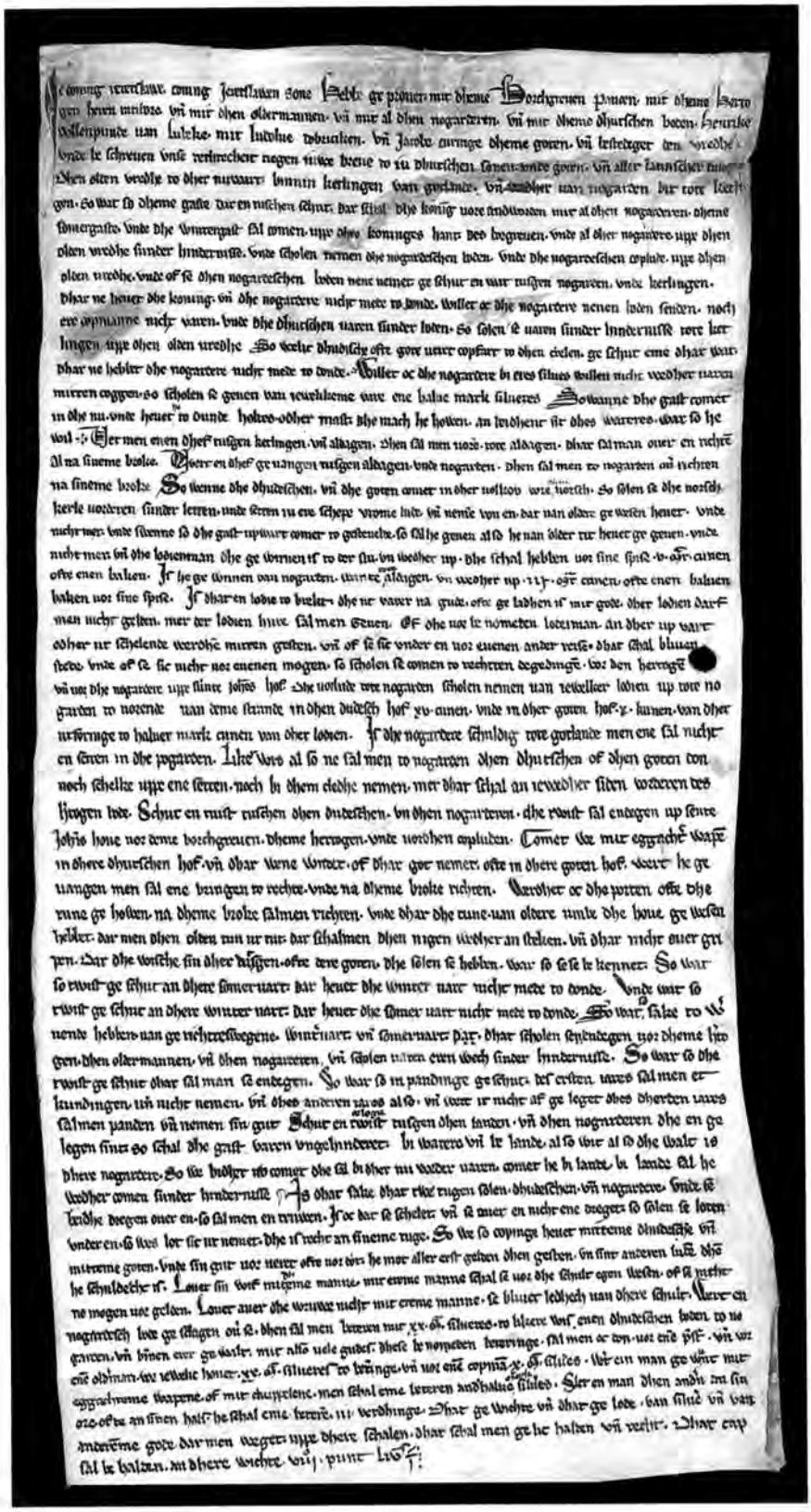
[89] ДДГ. № 53.

[90] Подробнее см.: *Polechow S.* Książę Michał Zygmuntowicz — walka o spadek po ojcu // Ojcowie i synowie. O tron, władzę, dziedzictwo. W 700 rocznicę narodzin Karola IV Luksemburskiego króla czeskiego i cesarza (1316—1378). Gdańsk, 2018. S. 199—243.

зимир признал власть Москвы над Новгородом и Псковом, а Василий — союз Литвы с Тверью.

Во второй половине XV в. польский историк Ян Длугош писал, что слава Литвы угасла вместе с Витовтом. Нельзя не признать роль его личности, которая особенно ярко проявляется в сравнении с современными ему и последующими правителями. Но причины конца литовского наступления не ограничиваются ни личным, ни династическим фактором, ни даже международной обстановкой. К концу правления Витовта бояре Великого княжества Литовского уже не были так заинтересованы в подчинении русских земель, поскольку именно при Витовте распространилась новая форма материального обеспечения, появившаяся в конце правления Ольгерда, — пожалование земли за службу[91]. Вокруг традиционных родовых гнезд литовского боярства выросли крупные владения. Тот же процесс происходил в других частях Великого княжества Литовского (например, о нем ярко свидетельствуют данные о Полоцкой земле). Теперь бояр интересовало хозяйственное освоение этих владений, экспорт зерна и дерева, а не участие в трудоемких и опасных военных походах с сомнительными перспективами и не защита далекого восточного и южного пограничья. Спустя несколько десятилетий, когда при Иване III московско-литовские войны возобновились, это непосредственным образом сказалось на судьбе восточных земель Великого княжества Литовского.

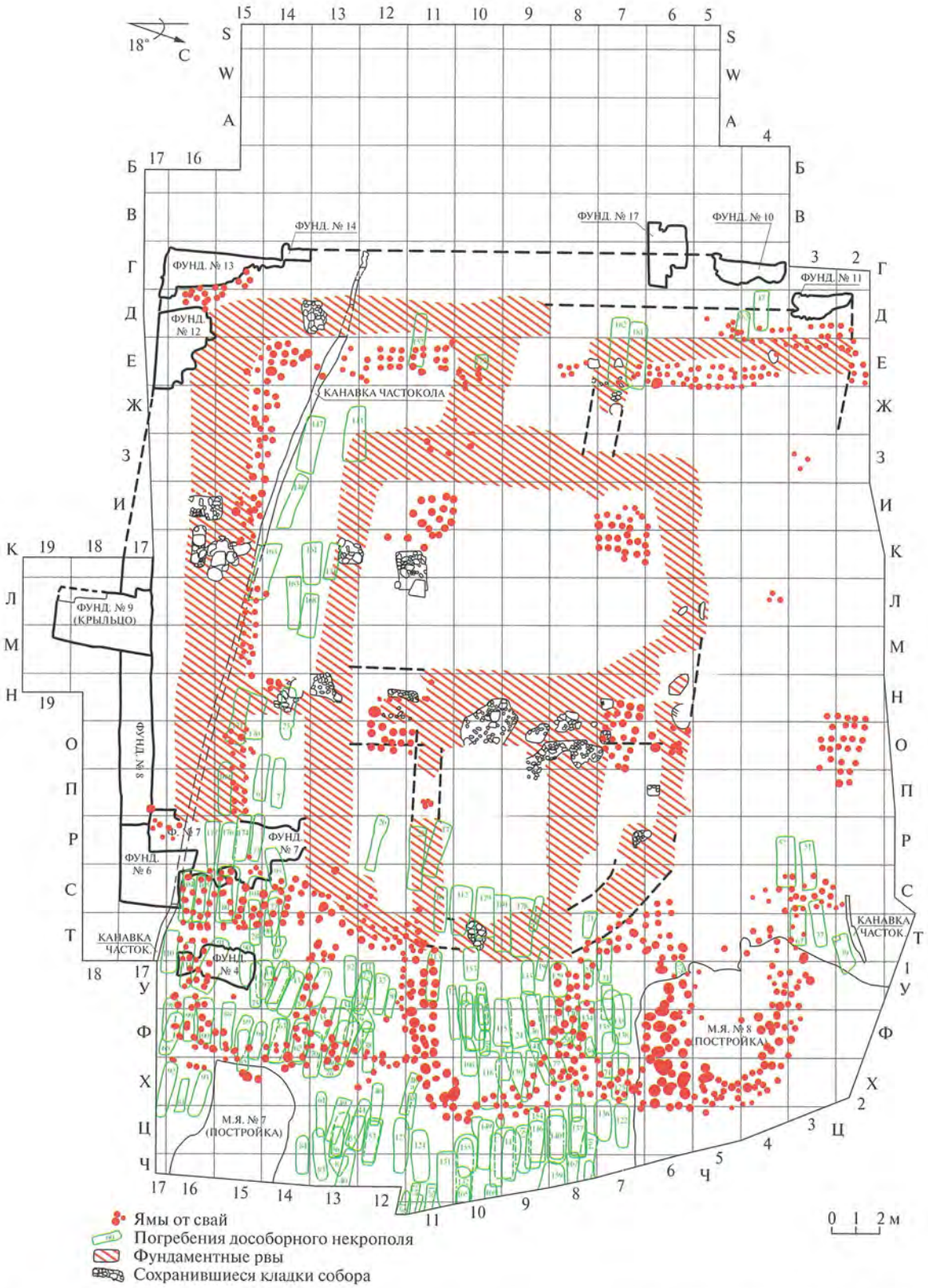
[91] Подробнее см. ч. II, гл. 1.



Договор Новгорода с Готландом и Любеком. 1269 г.

Церковь Иоанна Предтечи на Опоках. Великий Новгород. 1127—1130 гг.

Рельеф с изображением русских охотников и бортников. Церковь Св. Николая. Штральзунд. 1360—1370-е годы

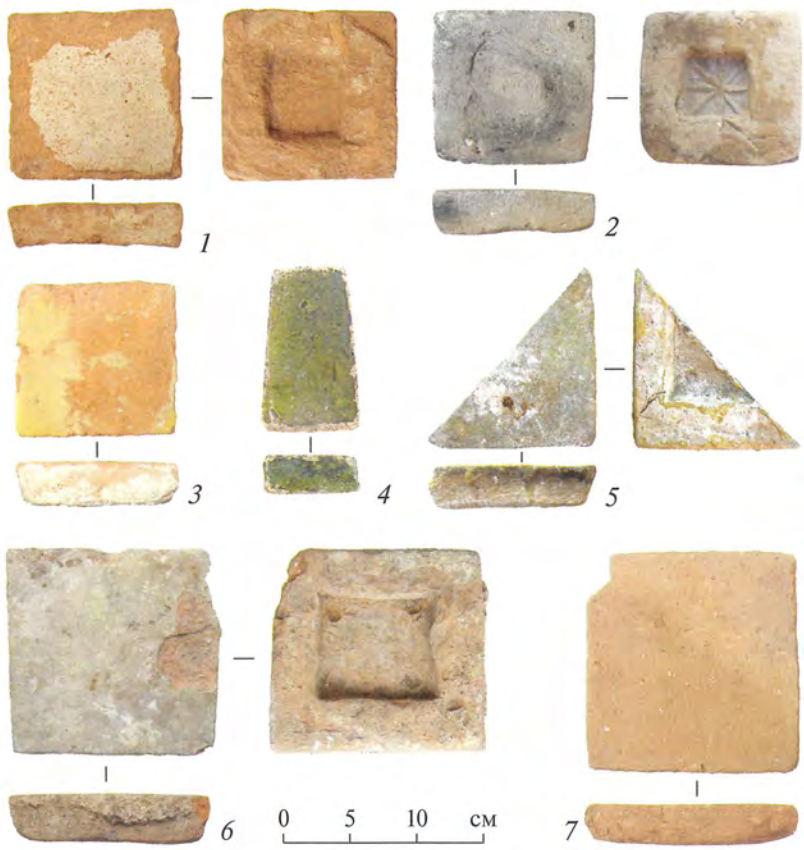


Остатки Спасо-Преображенского собора. Общий план обнаруженных объектов. Тверь. XIII—XV вв.

Остатки Спасо-Преображенского собора. Общий вид с северо-востока.
Тверь. XIII—XV вв.

Остатки Спасо-Преображенского собора. Юго-восточный угол галереи, вид с юго-востока.
Тверь. XIII—XV вв.

Остатки Спасо-Преображенского собора. Лестничный всход на южную галерею, вид с востока. Тверь. XIII—XV вв.



Плитки для покрытия полов. Керамика. Спасо-Преображенский собор. Тверь. XIII—XV вв.

Спасо-Преображенский собор. Тверь. Конец XIII—XV в.

1—10 — фрагменты фресок; *11—19* — резной камень, фрагменты; *20* — колонка фасада, фрагмент

Камни фасадного фриза. Известняк, резьба.
Собор Богоявленского за Торгом монастыря.
Москва. 1340—1420-е годы

Берестяная грамота «Москва — 3».
Московский Кремль. Тайницкий сад.
Конец XIV — начало XV в.

Берестяная грамота «Москва — 4». Зарядье. Последняя четверть XIV в.

Надгробная плита. Известняк, резьба.
Зачатьевский Алексеевский
на Остоженке монастырь.
Москва. Конец XIV — начало XV в.

Крышка антропоморфного саркофага. Известняк, теска.
Московский Кремль, Чудов монастырь.
Конец XIV — начало XV в.

«София — Премудрость Божия» («Новгородская София»).
Роспись «кельи архиепископа Иоанна» во Владычной (Грановитой) палате.
Великий Новгород. XV—XVII вв.

Владычная (Грановитая) палата. Великий Новгород. XV в.

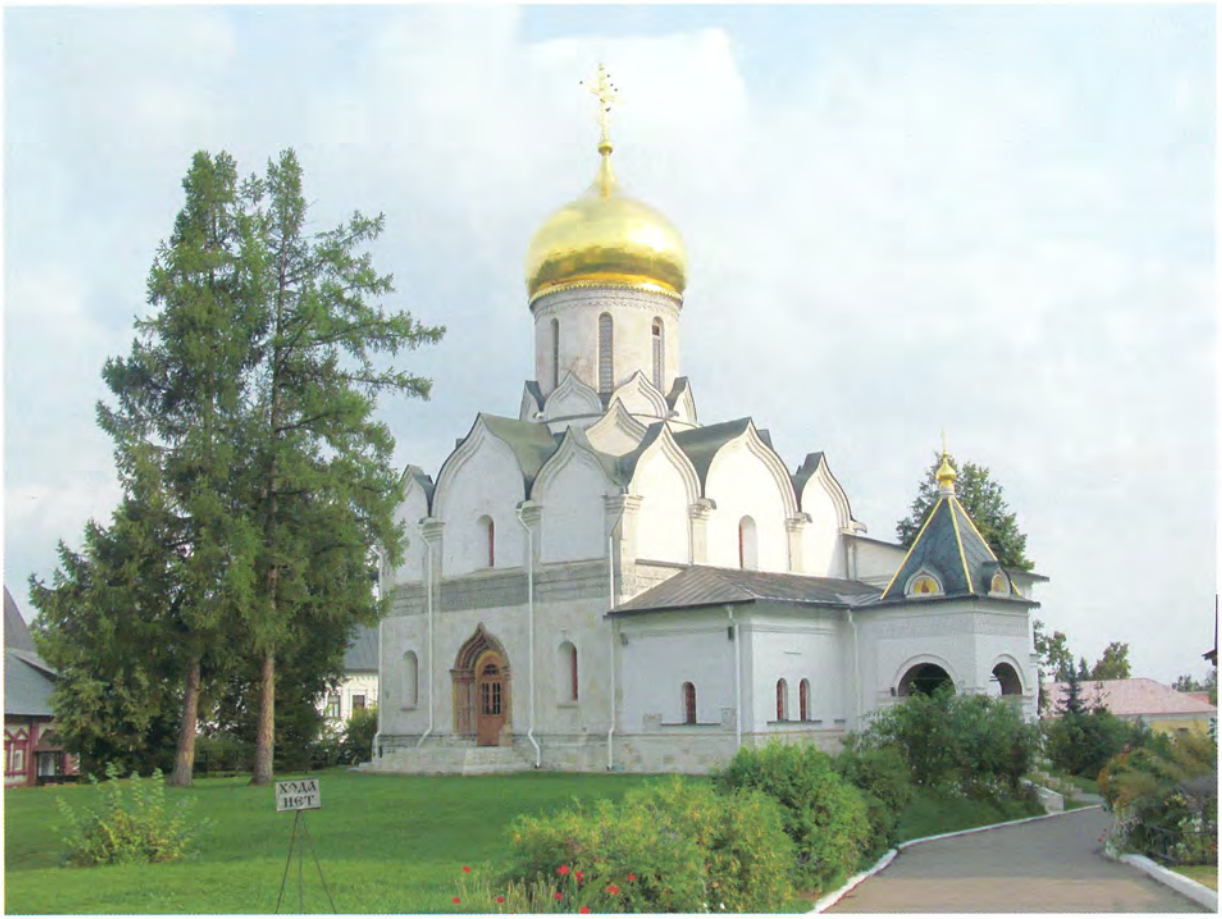
Успенский собор на Городке.
Вид с юга. Звенигород. 1395—1414 гг.

Церковь Рождества Богородицы в Городне.
Вид с юга.1410-е годы

Церковь Рождества Богородицы в Городне.
Вид с востока. 1410-е годы

Собор Святой Живоначальной Троицы.
Вид с востока. Троице-Сергиев монастырь.
1422—1425 гг.

Собор Нерукотворного образа Спасителя.
Вид с юго-запада. Андроников монастырь.
Москва. 1425—1427 гг.

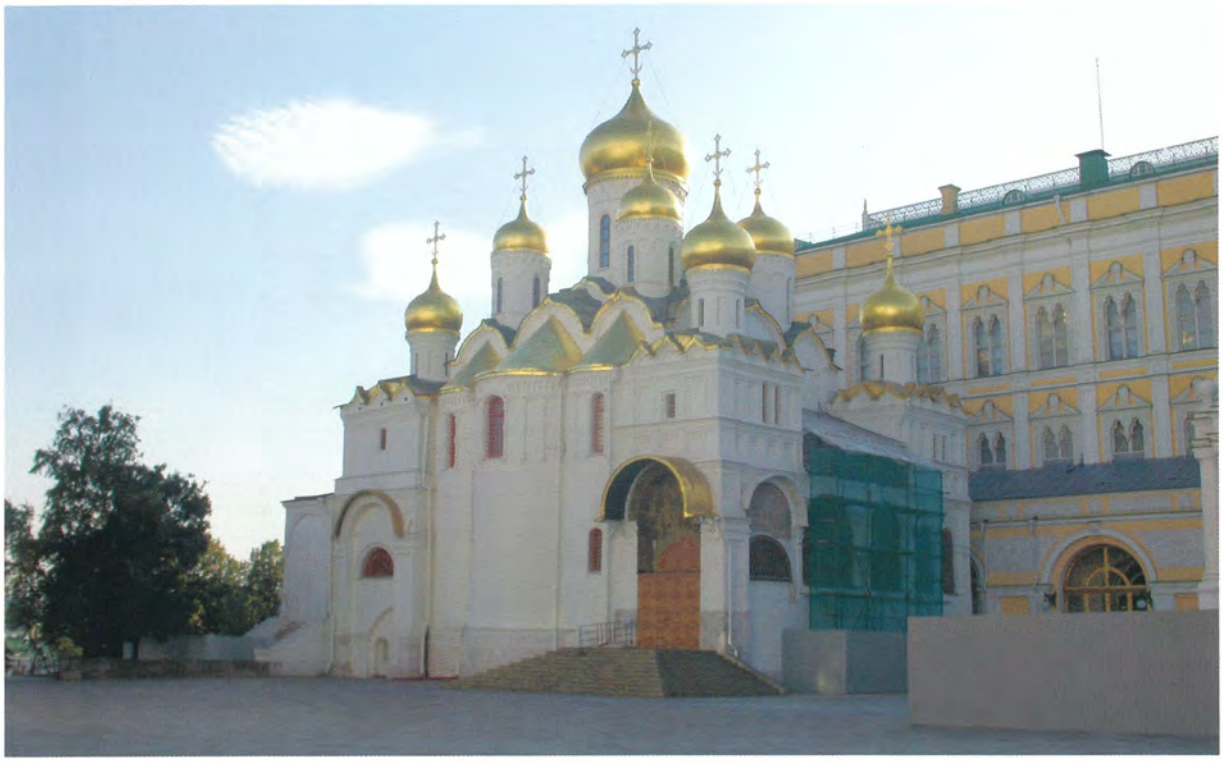


Собор Рождества Богородицы.
Вид с северо-запада. Саввино-Сторожевский монастырь. Вторая половина 1420-х годов

Церковь Сошествия Святого Духа.
Вид с северо-запада. Троице-Сергиев монастырь.
1476 г.

Церковь Ризоположения на Митрополичьем дворе. Вид с востока. Московский Кремль. 1484—1485 гг.

Грановитая палата. Вид с востока. Московский Кремль. 1486/1487(?)–1491 гг.



Благовещенский собор. Вид с северо-востока. Московский Кремль. 1484—1489 гг.

Воскресенский собор. Вид с юго-востока. Волоколамск. 1480-е — 1494 гг.

Успенский собор. Вид с юго-востока. Московский Кремль. 1475—1479 гг.

Собор Петра Митрополита. Вид с запада.
Высоко-Петровский монастырь.
Москва. 1514—1517 гг.

Собор Рождества Богородицы. Вид с северо-востока. Ферапонтов монастырь. 1490 г.

Успенский собор. Вид с севера. Кирилло-Белозерский монастырь. 1497 г.

Архангельский собор. Вид с северо-востока.
Московский Кремль. 1505—1508 гг.

Церковь Вознесения Господня.
Вид северо-запада.
Москва. 1529(?)–1532 гг.

Собор Покрова Богородицы. Вид с запада. Суздаль, Покровский монастырь. 1510—1513 гг.

Собор Преображения Господня. Ярославль, Спасо-Преображенский монастырь. 1515 г.

Церковь Св. Феодора Стратилата на Ручью.
Вид с юго-востока. Великий Новгород.
1360—1361 гг.

Церковь Симеона Богоприимца. Интерьер.
Великий Новгород. 1467 г.

Владычная (Грановитая) палата. Одностолпный зал. Великий Новгород. 1433 г.

Погост Мелетово. Успенская церковь.
Вид с запада. Псков. 1461—1462 гг.

Церковь Богоявления с Запсковья.
Интерьер. Псков. 1496 г.

Христос с предстоящими в молении Григорием Двоесловом и Евстафием Плакидой. Холм (?).
Вторая половина XIII в. Миниатюра рукописи Бесед Григория Двоеслова на Евангелие

Яков Федосов. Людогощенский крест. Из церкви Флора и Лавра в Великом Новгороде. 1359 г.

Апостол Павел. Фрагмент «Сошествия Святого Духа» в росписи собора Рождества Богородицы Снетогорского монастыря. Псков. 1313 г.

Христос Вседержитель на престоле, с избранными святыми. Икона.
Великий Новгород. Вторая половина XIII в.

Богоматерь Толгская. Икона.
Ярославль. Конец XIII в.

Богоматерь. Икона. Москва.
Последняя четверть XIV в.

Феофан Грек. Троица «Ветхозаветная»
(«Гостеприимство Авраама»).
Роспись восточный стены Троицкого придела
церкви Спаса Преображения на Ильине улице.
Великий Новгород. 1378 г.

Андрей Рублев. Ангел.
Миниатюра Евангелия Хитрово.
Москва. Начало XV в.

Никола Можайский.
Деревянная скульптура.
Москва. Конец XIV в.

Потир.
Великий Новгород. 1329 г.

Плащаница. Новгородская мастерская архиепископа Евфимия II. 1441 г.

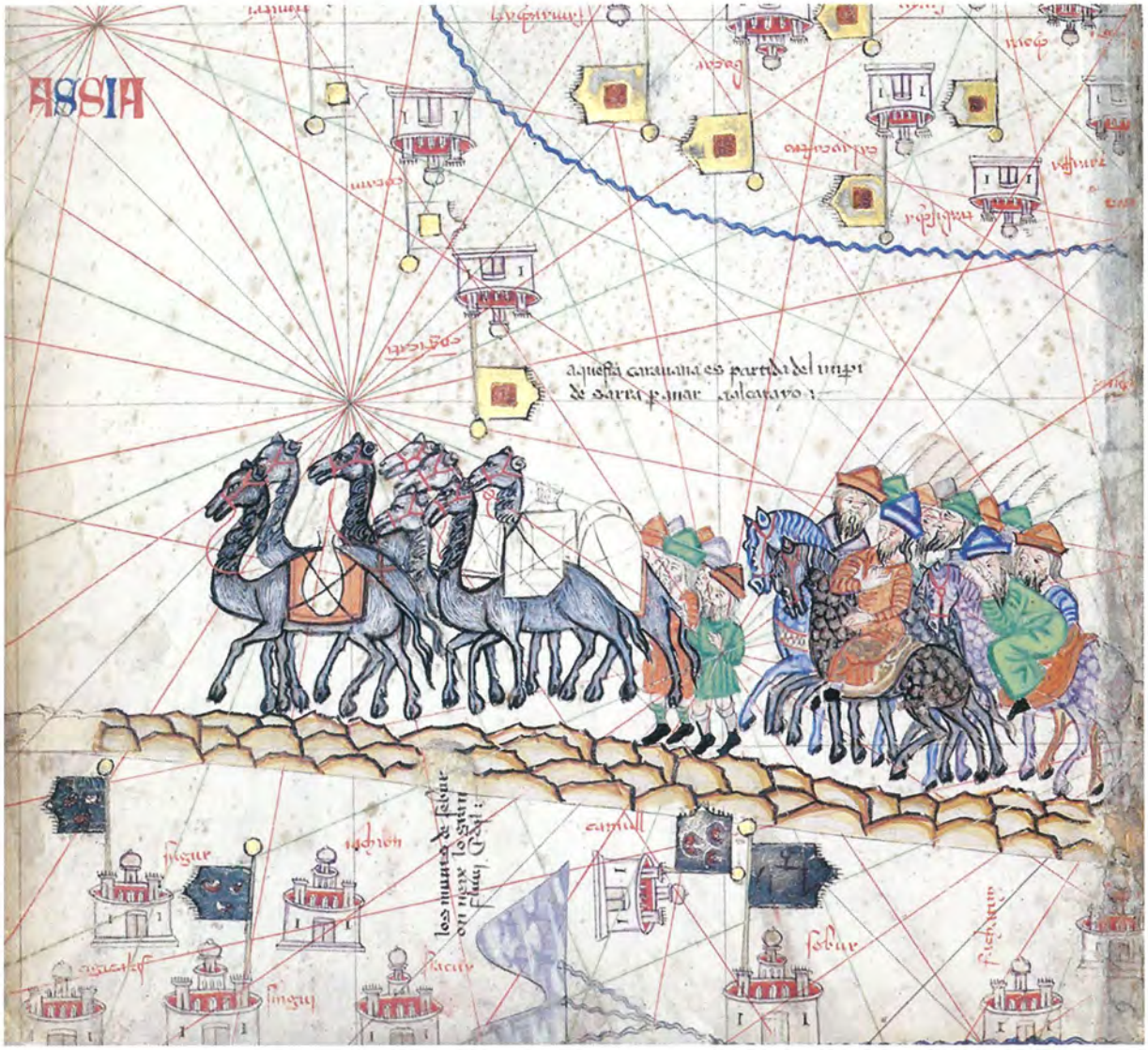
Мастер Иван. Панагиар из ризницы Софийского собора в Великом Новгороде. 1435 г.

Замок Мариенбург (Мальборк) — резиденция верховных магистров Тевтонского ордена. XIII—XV вв., восстановлен в XX—XXI вв.

Мавзолей и мечеть. Город Болгар. XIV в.

Свод портала «мечети Узбека». Город Солхат. XIV в.

Мавзолей Джанике-ханым.
Город Чуфут-Кале (Кырк-Ер). XV в.

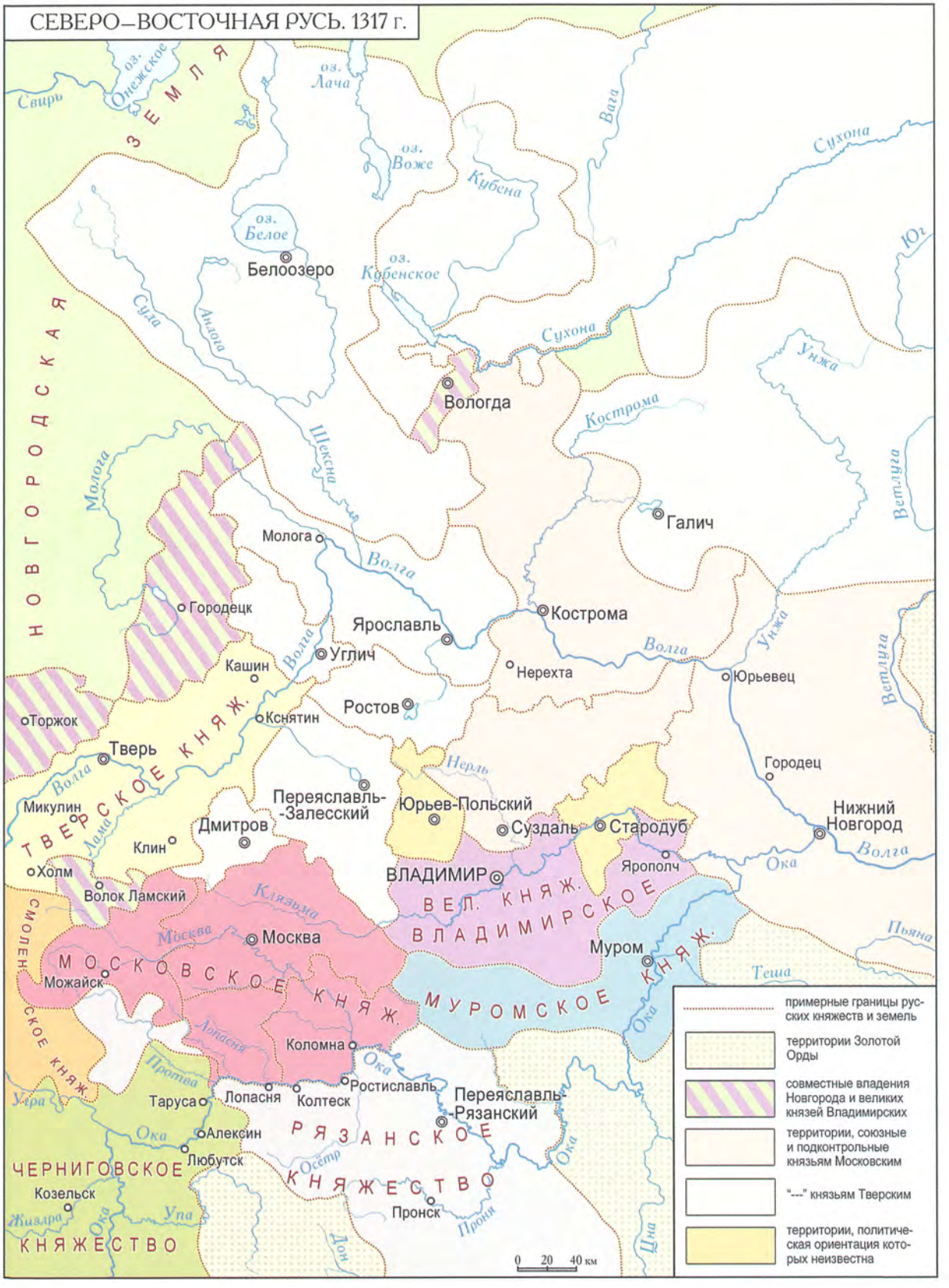


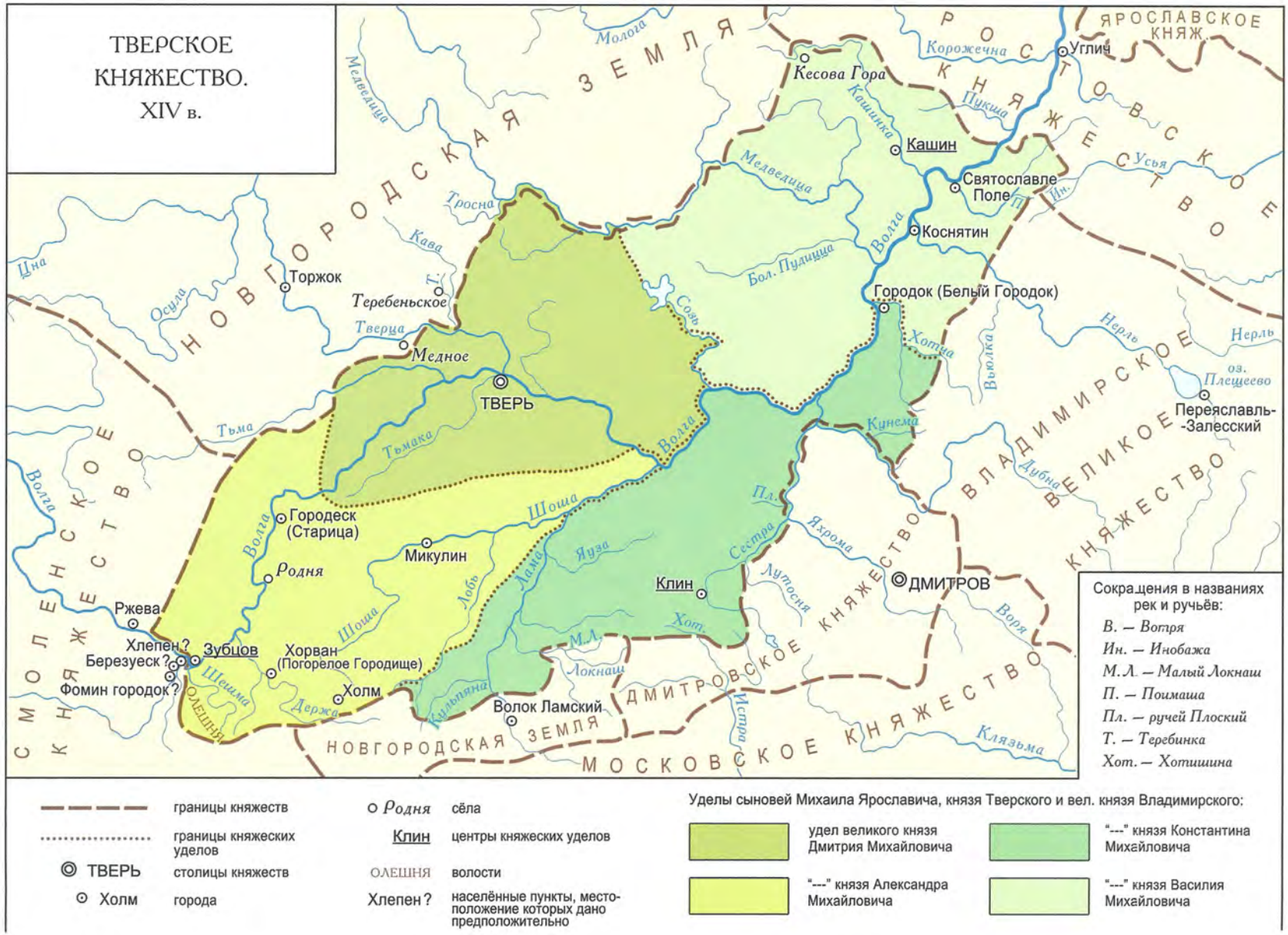
Изображение каравана, двигающегося из Золотой Орды на Восток.
Каталонский атлас Авраама и Иегуды Крескесов. 1375 г.

Восхождение на престол хана Узбека. Миниатюра из Лицевого летописного свода XVI в. Остермановский первый том

Художник Мискин. Совещание у царевича Джучи.
Миниатюра из «Джами ат-таварих» Рашид ад-Дина. Конец XVI в.

ГАЛИЧСКАЯ И ВОЛЫНСКАЯ ЗЕМЛИ.
1240–1340-е годы
ТЕВТОНСКИЙ ОРДЕН
ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ЛИТОВСКОЕ
МАЗОВИЯ
ПЛОЦК
ПОДЛЯШЬЕ
ВОЛЫНСКАЯ ЗЕМЛЯ
ХОЛМ
ВЛАДИМИР (ВОЛЫНСКИЙ)
ЛУЦК (ЛУЧЕСК)
ПИНСК (ПИНЕСК)
ПОЛОЦКАЯ ЗЕМЛЯ
ПОЛЕСЬЕ
КИЕВСКАЯ 1240 ЗЕМЛЯ
ГАЛИЧСКАЯ ЗЕМЛЯ
ЛЬВОВ
САНДОМИР
ГАЛИЧ
КЕРНОВ
1251–1252
1252–1254
1253–1302
ок. 1280–1320
17.08.1245
(с 1303)
КОРОЛЕВСТВО ВЕНГРИЯ
ТРАНСИЛЬВАНИЯ
ОРДА (ЗОЛОТАЯ ОРДА)
ПОДОЛЬЕ (ПОНИЗЬЕ)
БОЛОХОВСКАЯ ЗЕМЛЯ
ГРАНИЦЫ
(с использованием данных Ю. И. Лозы)
политических образований, 1323 г.
Галичско-Волынского княжества (королевства Руси) при Даниле Романовиче, 1245–1265 гг.
уделов Галичско-Волынской земли в 1264–1292 гг.
ТЕРРИТОРИИ
Галичская и Волынская земли при Льве Даниловиче (1292–1301 гг.), Юрии Львовиче (1301–1308 гг.) и Андрее Юрьевиче (1308–1323 гг.)
1250-е Временные владения Романовичей (даты)
НАСЕЛЁННЫЕ ПУНКТЫ
ГАЛИЧ Столицы политических образований, 1240–1340 гг.
Вручий Центры уделов, 1240–1340 гг.
Римов Прочие населённые пункты (города и замки)
ПРОЧИЕ ОБЪЕКТЫ
Центры епископий
Центр митрополии «Малой Руси» (с указанием даты)
17.08.1245 Битва под Ярославом
ЦИФРАМИ НА КАРТЕ ОБОЗНАЧЕНЫ:
земли
1 Добжинская
2 Сандомирская
3 Турово-Пинская
уделы Галичско-Волынской земли в 1264–1292 гг.
① Шварна Даниловича (1264 г.) и Льва Даниловича (с 1264 г.)
② Василька Романовича (до 1269 г.), Владимира Васильковича (1269–1288 гг.) и Мстислава Даниловича (с 1288 г.)
③ Мстислава Даниловича (1264–1292 гг.)
④ Льва Даниловича (1264–1292 гг.)
ПОДПИСИ
ОРДА Государства
ПОДОЛЬЕ Историко-географические области


СЕВЕРО–ВОСТОЧНАЯ РУСЬ. 1317 г.
НОВГОРОДСКАЯ ЗЕМЛЯ
ТВЕРСКОЕ КНЯЖ.
МОСКОВСКОЕ КНЯЖ.
ВЕЛ. КНЯЖ. ВЛАДИМИРСКОЕ
МУРОМСКОЕ КНЯЖ.
РЯЗАНСКОЕ КНЯЖЕСТВО
ЧЕРНИГОВСКОЕ КНЯЖЕСТВО
СМОЛЕНСКОЕ КНЯЖ.
Белоозеро
Вологда
Галич
Молога
Городецк
Ярославль
Кострома
Углич
Кашин
Нерехта
Юрьевец
Ростов
Торжок
Кснятин
Тверь
Городец
Переяславль-Залесский
Юрьев-Польский
Суздаль
Стародуб
Нижний Новгород
Микулин
Дмитров
Клин
Холм
Волок Ламский
ВЛАДИМИР
Ярополч
Москва
Муром
Можайск
Коломна
Ростиславль
Переяславль-Рязанский
Таруса
Лопасня
Колтеск
Алексин
Любутск
Козельск
Пронск
примерные границы русских княжеств и земель
территории Золотой Орды
совместные владения Новгорода и великих князей Владимирских
территории, союзные и подконтрольные князьям Московским
"---" князьям Тверским
территории, политическая ориентация которых неизвестна
0 20 40 км


ТВЕРСКОЕ КНЯЖЕСТВО. XIV в.
НОВГОРОДСКАЯ ЗЕМЛЯ
РОСТОВСКОЕ КНЯЖЕСТВО
ЯРОСЛАВСКОЕ КНЯЖ.
СМОЛЕНСКОЕ КНЯЖЕСТВО
ВЛАДИМИРСКОЕ ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО
ДМИТРОВСКОЕ КНЯЖЕСТВО
МОСКОВСКОЕ КНЯЖЕСТВО
НОВГОРОДСКАЯ ЗЕМЛЯ
Молога
Медведица
Корожечна
Углич
Кесова Гора
Кашинка
Пукша
Кашин
Усья
Святославле Поле
Коснятин
Волга
Бол. Пудица
Городок (Белый Городок)
Тросна
Кава
Цна
Торжок
Осуга
Теребеньское
Тверца
Медное
ТВЕРЬ
Сонь
Хотча
Вьюлка
Нерль
оз. Плещеево
Переяславль-Залесский
Тьма
Тьмака
Волга
Кунема
Дубна
Шоша
Городеск (Старица)
Родня
Микулин
Пл.
Ахрома
Сестра
Яуза
Лама
Лобь
Клин
ДМИТРОВ
Ржева
Хлепен?
Березуек?
Фомин городок?
Зубцов
Хорван (Погорелое Городище)
Холм
Шешима
Олешня
Держа
Волок Ламский
Кульпяна
М.Л.
Хот.
Локнаш
Лутосня
Воря
Истра
Клязьма
Сокращения в названиях рек и ручьёв:
В. — Вотря
Ин. — Инобажа
М.Л. — Малый Локнаш
П. — Поимаша
Пл. — ручей Плоский
Т. — Теребинка
Хот. — Хотишина
границы княжеств
границы княжеских уделов
ТВЕРЬ столицы княжеств
Холм города
Родня сёла
Клин центры княжеских уделов
ОЛЕШНЯ волости
Хлепен? населённые пункты, местоположение которых дано предположительно
Уделы сыновей Михаила Ярославича, князя Тверского и вел. князя Владимирского:
удел великого князя Дмитрия Михайловича
"---" князя Константина Михайловича
"---" князя Александра Михайловича
"---" князя Василия Михайловича

ВЕЛИКИЙ НОВГОРОД. ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIII–XV в. ПОХОДЫ ИВАНА III 1471 и 1477 гг.
СТУДЁНОЕ (БАРЕНЦЕВО) МОРЕ
КАРСКОЕ МОРЕ
БЕЛОЕ МОРЕ
КОРОЛЕВСТВО НОРВЕГИЯ
КОРОЛЕВСТВО ШВЕЦИЯ
КАЯНСКАЯ ЗЕМЛЬ
КАЯНО МОРЕ (Ботнический залив)
СОЛЕНОЕ МОРЕ (Финский залив)
ЛОПЬ
САМОЯДЬ
ТРЕ (ТЕРСКИЙ БЕРЕГ)
ЗИМНИЙ БЕРЕГ
ЛЕТНИЙ БЕРЕГ
НОВГОРОДСКАЯ ЗЕМЛЯ
ЗАВОЛОК (ЗАВОЛОЧИЕ)
ЧУДЬ ЗАВОЛОЧСКАЯ
ПЕРМЬ МАЛАЯ
ПЕРМЬ (ПЕРМЬ)
ПЕРМЬ ВЕЛИКАЯ
ОБОНЕЖЬЕ
ПОМОСТЬЕ
ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО МОСКОВСКОЕ
КАЗАНСКОЕ ХАНСТВО
СИБИРСКОЕ ХАНСТВО
ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ЛИТОВСКОЕ
ТЕВТОНСКИЙ ОРДЕН (в Либонии)
РИЖСКОЕ АРХИЕПИСКОПСТВО
ВЕНДЕН (ЦЕСИС)
ВЕЛИКИЙ НОВГОРОД
ПСКОВ
ТВЕРЬ
МОСКВА
БЕЛООЗЕРО
КАЗАНЬ
МАНГЫТСКИЙ ЮРТ
р. Шелонга 27.07.1471
ГРАНИЦЫ
политических образований, 1471 г.
предположительные участки границы
максимальной сферы влияния Великого Новгорода на западе в XIII–XIV вв.
территорий совместного сбора дани Новгорода и Норвегии
территорий совместного сбора дани Новгорода и Швеции
совместных владений Новгорода и Литвы (Чернокунство, Луки и Ржев)
ТЕРРИТОРИИ
центральные территории Новгородской земли (ядро)
периферийные территории Новгородской земли
совместные владения Новгорода и Владимира (с 1389 г. — Москвы)
Псков (Псковская республика)
Великое княжество Московское и его владения
Ростовское княжество и его владения
Великое княжество Тверское
Белозерское княжество
НАСЕЛЁННЫЕ ПУНКТЫ
КАЗАНЬ Столицы государств
Порхов Города Новгородской земли, XIII–XV вв.
Пернов Города Ганзейского союза
Кострома Русские города, выставившие ополчения для похода Ивана III на Новгород в 1477 г.
Юрьевец Прочие населённые пункты
ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ
Поход Ивана III и его войск против Новгорода в 1471 г.
Действия новгородцев в 1471 г.
р. Шелонга 27.07.1471 Крупнейшие сражения 1471 г. (цветом показана победа одной из сторон)
Поход Ивана III на Новгород в 1477 г.
Блокада Великого Новгорода в 1477 г.
ПОДПИСИ
ШВЕЦИЯ Государства
КАМЕНЬ Историко-географические области
ЧЕРЕМИСЫ Этнические обозначения

МОСКОВСКОЕ КНЯЖЕСТВО. КОНЕЦ XIII – НАЧАЛО XIV в.

Сокращения на карте

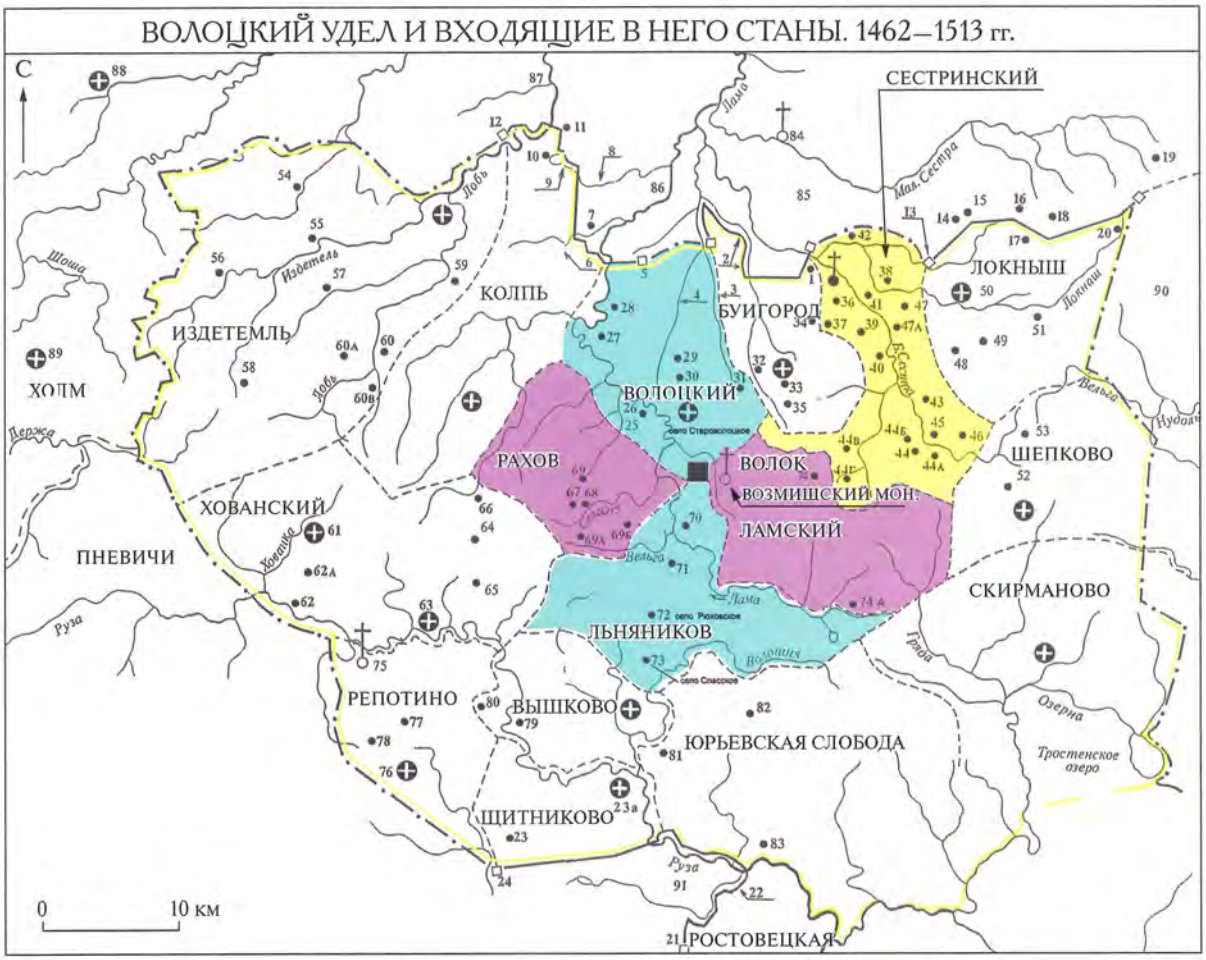
Общие: княж. — княжество, мон. — монастырь, сл. — слобода, слободка

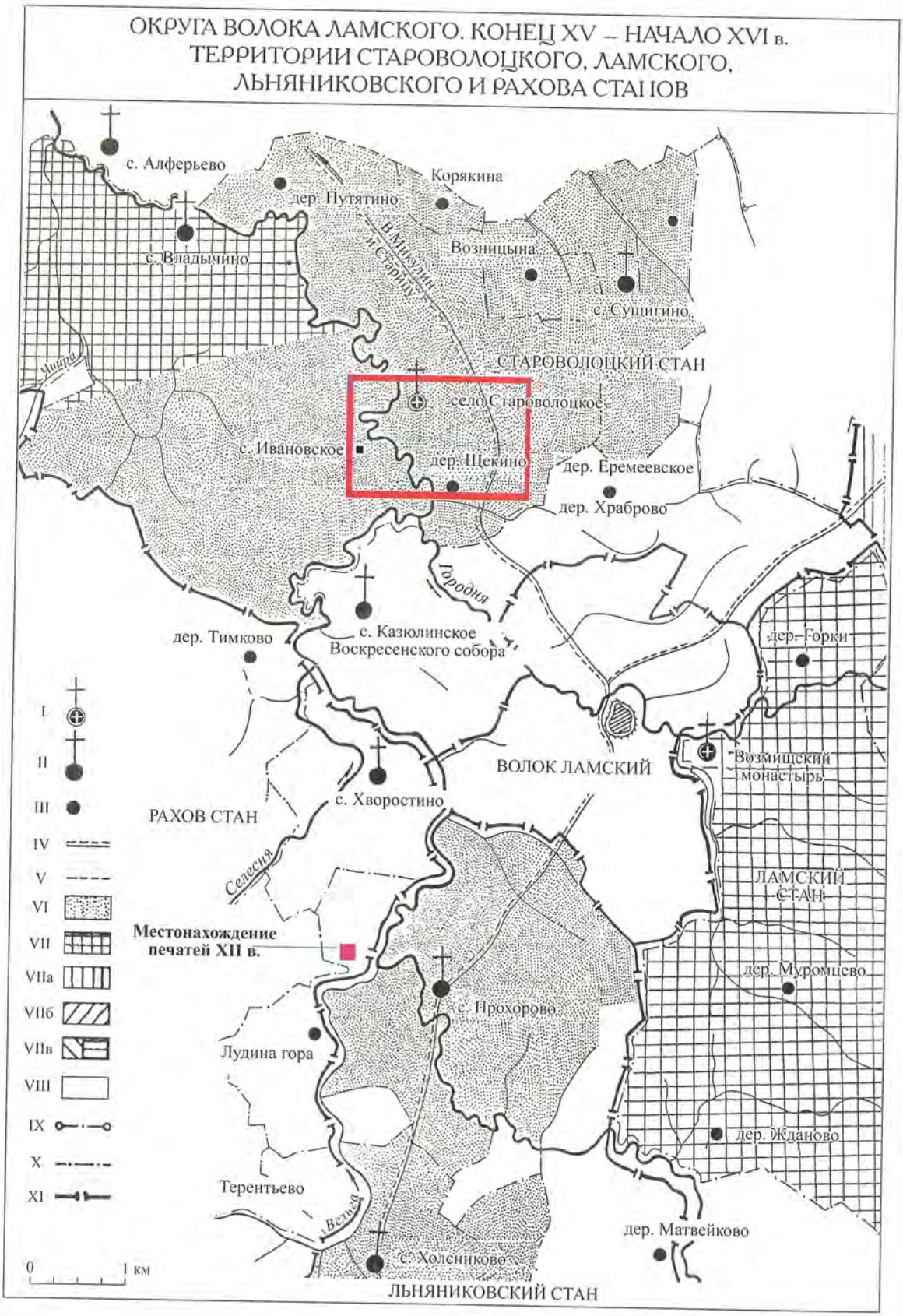
В названиях волостей: Дан. сл. — Данилищева слободка, Софр. сл. — Софроновская слободка, Середок. — Середокоротня

В названиях рек: *Бер. — Берёзовка, Вохр. — Вохрянка, Д. — Десна, Кр. — Кремичня, Мед. — Меденка, Н. — Невинка, Ок. — Околенка, Пес. — Песоченка, П. — Похрянка, р. Тар. — ручей Тарусинский, Рог. — Рогозна, Рык. — Рыкушка, Сет. — Сетовка, Т. — Теменка, Тер. — Теребенка, Уг. — Угошка*

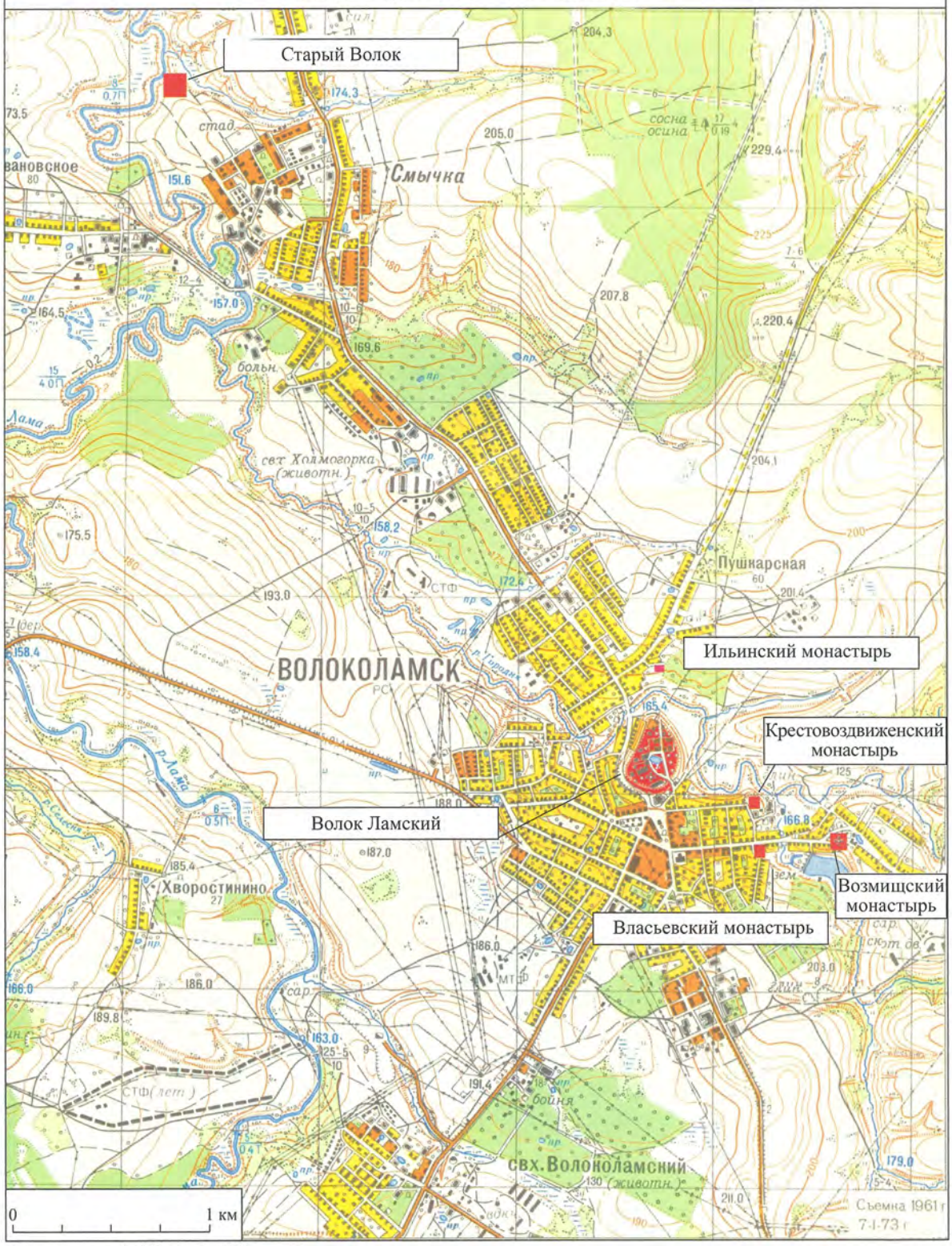
Примечание:

Карта содержит все известные к 1339 г. волости и населённые пункты Московского княжества за исключением: село Колбасинское (князя Андрея), село Труфановское (князя Андрея), село Тыловское (великой княгини Ульяны), волость Горетова (великого князя Симеона)


ВОЛОЦКИЙ УДЕЛ И ВХОДЯЩИЕ В НЕГО СТАНЫ. 1462–1513 гг.
С
СЕСТРИНСКИЙ
ЛОКНЫШ
БУИГОРОД
КОЛПЬ
ИЗДЕТЕМЛЬ
ХОЛМ
ВОЛОЦКИЙ
РАХОВ
ВОЛОК
ВОЗМИЩСКИЙ МОН.
ЛАМСКИЙ
ШЕПКОВО
ХОВАНСКИЙ
ПНЕВИЧИ
СКИРМАНОВО
ЛЬНЯНИКОВ
РЕПОТИНО
ВЫШКОВО
ЮРЬЕВСКАЯ СЛОБОДА
ЩИТНИКОВО
РОСТОВЕЦКАЯ
Тростенское озеро
0
10 км


ОКРУГА ВОЛОКА ЛАМСКОГО. КОНЕЦ XV – НАЧАЛО XVI в.
ТЕРРИТОРИИ СТАРОВОЛОЦКОГО, ЛАМСКОГО,
ЛЬНЯНИКОВСКОГО И РАХОВА СТАНОВ
с. Алферьево
дер. Путятино
Корякина
с. Владычино
В. Микулин и Старицу
Возницына
с. Сущигино
Чшира
СТАРОВОЛОЦКИЙ СТАН
село Староволоцкое
с. Ивановское
дер. Щекино
дер. Еремеевское
дер. Храброво
Городня
с. Казюлинское
Воскресенского собора
дер. Тимково
дер. Горки
ВОЛОК ЛАМСКИЙ
Возмищский монастырь
с. Хворостино
РАХОВ СТАН
Селесня
ЛАМСКИЙ СТАН
Местонахождение печатей XII в.
дер. Муромцево
с. Прохорово
Лудина гора
дер. Жданово
Терентьево
Вельга
дер. Матвейково
с. Холсниково
ЛЬНЯНИКОВСКИЙ СТАН
I
II
III
IV
V
VI
VII
VIIа
VIIб
VIIв
VIII
IX
X
XI
0
1 км

ЛОКАЛИЗАЦИЯ СТАРОГО ВОЛОКА И МОНАСТЫРЕЙ НА ПОСАДЕ ВОЛОКА ЛАМСКОГО

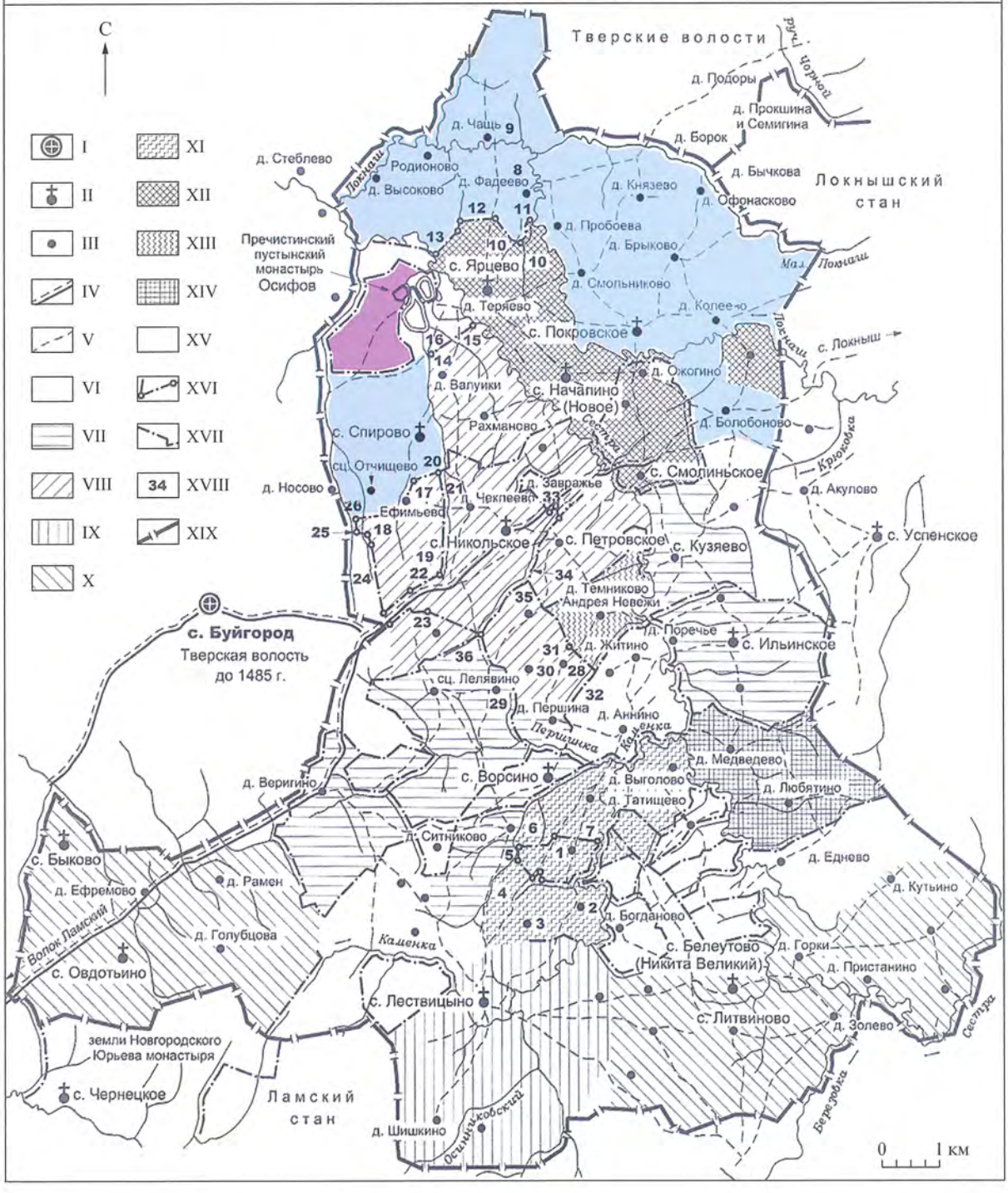


Основа — карта ГУГК съемки 1961 г.

ПЛАН ГОРОДА ВОЛОКОЛАМСКА. 1766 г.

Карта составлена по материалам
Генерального межевания
с показом мест монастырей на посадах

СТРУКТУРЫ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ СЕСТРИНСКОГО СТАНА. КОНЕЦ XV – НАЧАЛО XVI в.



РАСПАД ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

Походы войск

- Татар Казанского ханства
- Татар Орды Саид-Ахмада
- Русских

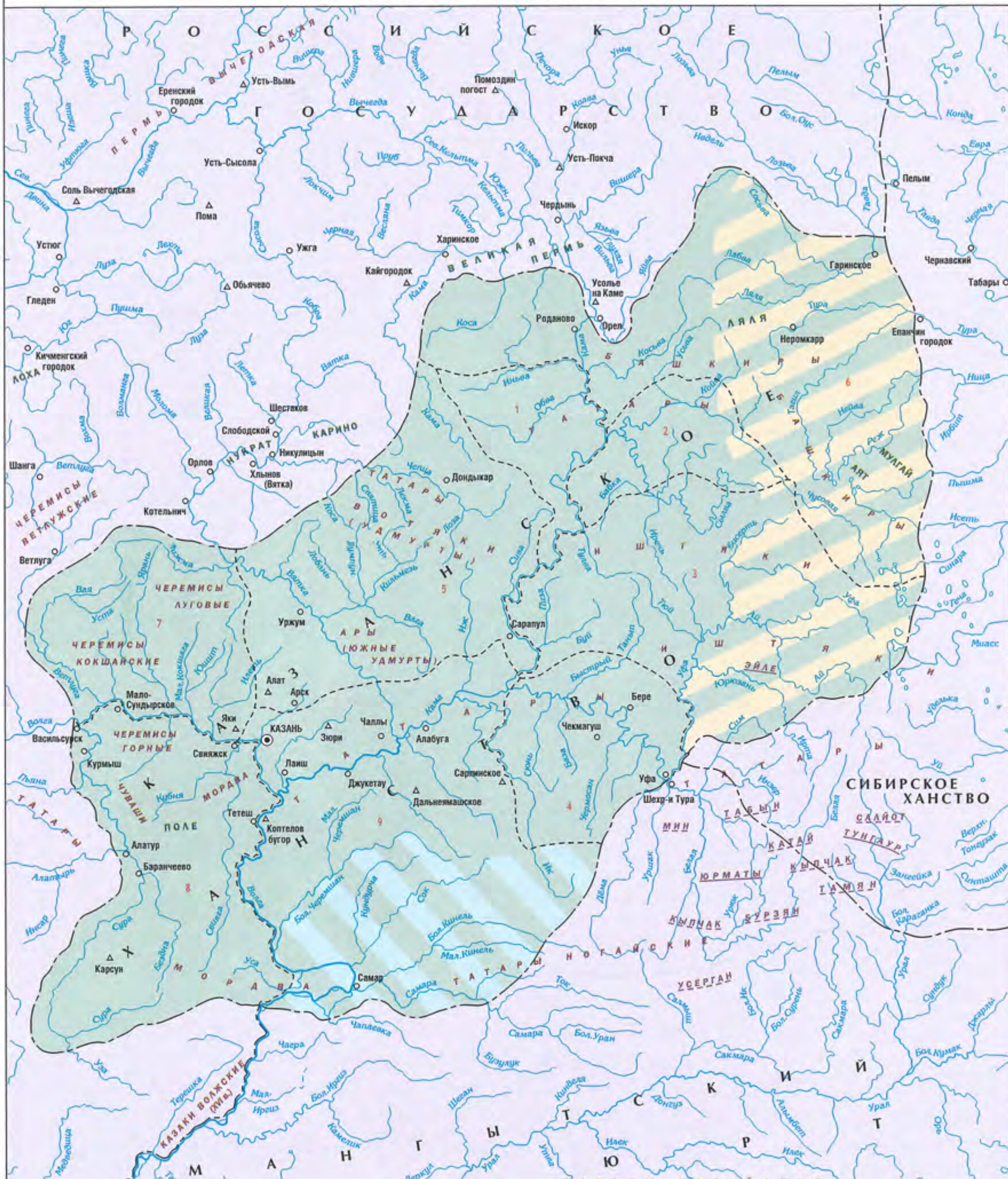
Государства

1. Владения Генуи
2. Византийская империя
3. Владения Венеции
4. Герцогство Афинское
5. Орден иоаннитов
6. Трапезундская империя
7. Княжество Щеки
8. Государство ширваншахов
9. Гилян
10. Мазандеран

Единая граница государств польско-венгерской унии (1440–1444 гг.)

Границы государств нанесены на 1450 г.

КАЗАНСКОЕ ХАНСТВО



Границы
- - - Государств
- - - Улусов Казанского ханства

Территории
- Мангытский юрт Казанского ханства (с 1535 г.)
- В составе Сибирского ханства (с нач. 1570-х гг.)

Населенные пункты
- ◉ Столицы государств
- ○ Города и городища
- △ Села и селища

Современные башкирские племена
- ЮРМАТЫ — Угорского происхождения
- БУРЗЯН — Тюрко-татарского происхождения

Обозначения
- МАНГЫТСКИЙ ЮРТ — Государства
- НУКРАТ — Историко-географические области
- ИШТЯКИ — Этнические обозначения
- Бузулук — Географические обозначения (современные)

Улусы Казанского ханства
1. Камская земля
2. Сылвенская земля
3. Костяцкая земля
4. Беловолжская земля
5. Вотяцкая (Арская земля)
6. Башкирская земля
7. Луговая сторона
8. Горная сторона
9. Ханский домен

КРЫМСКОЕ ХАНСТВО. ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XV в.

Бейлики Крымского ханства

- Монетные дворы
- Ров
- ① Ширинский
- ② Кыпчакский
- ③ Бейлик Мансуров
- ④ Барынский
- ⑤ Аргынский

Границы нанесены на 1480 г.

В краткой редакции «Устава Ярослава», одобренной Василием Дмитриевичем и митрополитами Киприаном и Фотием, в ряде статей устанавливались различные штрафы за насилие и оскорбление жен и дочерей «великих» бояр и «меньших» бояр. За насилие и оскорбление жены или дочери «великого» боярина — пять гривен золота, «меньшего» боярина — одна гривна[8]. Правовой статус двух слоев, таким образом, был разным.

О различиях между разными группами бояр говорят и другие источники. В прощальной грамоте Киприана говорится о его благословении «боярам великим же и малым»[9]. В летописи упоминаются «большие бояре», отъехавшие из Москвы в Рязань в середине XIV в.[10] В Повести о Митяе упоминается «больший боярин» — посол великого князя[11]. В договоре московских князей 1389 г. говорится о взимании дани «на... боярех на больших и на путных». Дань эту следовало взять «по кормленью и по путем»[12]. Таким образом, «большие бояре» — это люди, получающие от князя «кормления», а «меньшие» бояре, вероятно, те, кто кормлений не имеет.

В 1430-х годах в междукняжеских докончаниях московских князей появляются иные характеристики совокупности их вассалов — они теперь делятся на «бояр» и «детей боярских»[13]. «Дети боярские» — это не дети бояр, а лица более низкого, чем «бояре», общественного положения (ср. наименование княжеских дружинников «отроками» и «детскими» князя). Собранные в Разрядных книгах записи о великокняжеских походах 1470—1490-х годов обозначают термином «бояре» узкий круг лиц, советников великого князя, членов его боярской думы. Все остальные — это «дети боярские»[14].

Таким образом, к 1430-м годам наметилось одновременно более четкое обособление правящей верхушки и, по-видимому, объединение всех остальных «великих» и «малых» бояр в единое целое.

К сожалению, источники не позволяют судить о том, как отличался сословный статус «детей боярских» от сословного статуса «бояр». Ясно только, что бояре могли рассчитывать на более высокие должности, более крупные и богатые кормления. В среде, обозначаемой общим понятием «дети боярские», также намечаются определенные градации. С 1430-х годов, судя по летописным известиям, «верхний слой» «детей боярских» входит в состав «двора» — организации, тесно связанной с деятельностью великокняжеской власти. Дети боярские двора великого князя выступают как особая общность, отличная от дворянских ополчений, которые выставляли отдельные «города»[15]. Возможно, таким образом воспроизводилось различие между «великими» и «малыми» боярами, когда правящий слой четко объединился вокруг одного центра власти.

К сожалению, нет возможности установить, какие реальные изменения в положе-

---

[8] Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. / Изд. подгот. Я.Н. Щапов. М., 1976. С. 110, 113.

[9] ПСРЛ. М., 2000. Т. 6, вып. 1. С. 528.

[10] ПСРЛ. Пг., 1922. Т. 15, вып. 1. Стб. 65.

[11] ПСРЛ. Т. 18. С. 124.

[12] ДДГ. № 11. С. 32.

[13] ДДГ. № 27. С. 70; № 32. С. 83; *Кучкин В.А.* О термине «дети боярские» в Задонщине // ТОДРЛ. СПб., 1997. Т. 50; *Флоря Б.Н.* Кормленные грамоты XV—XVII вв. как исторический источник // АЕ за 1970 год. М., 1971. С. 110—113.

[14] См. в этом плане показательный текст разряда о поездке Ивана III в Новгород в 1495 г.: Разрядная книга 1475—1606 гг. М., 1977. Т. 1. Ч. 1. С. 43—47.

[15] *Бенционов М.М.* Князья, бояре и дети боярские. С. 37—39. В 1469 г. Иван III отправил в поход на Казань «двор свой и от всея земли своея дѣти боарьскые изо всех градов своих» (ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25. С. 281).

Глава 4

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ОБЩЕСТВА СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ

В Пространной Русской Правде XII в. древнерусское общество делилось на дружину и население. Свободные люди — члены общества — были равны по своему правовому статусу, и простые люди, и младшие дружинники. В XIII—XV вв. древнерусское общество Северо-Восточной Руси делилось на ряд слоев с различным правовым статусом.

Высший слой древнерусского общества Северо-Восточной Руси в XIV—XV вв., как и в домонгольское время, обозначается термином «бояре». Главные черты их положения в обществе четко прослеживаются по завещаниям и докончаниям князей середины—второй половины XIV в. Бояре выступают в них как владельцы «сел», которые они сохраняют за собой в случае отъезда к другому князю[1]. Они несут военную службу[2]. В их руках находится власть и управление. В Москве бояре осуществляют суд и управляют «волостями», которые получают в «кормление»[3]. Термин этот в XIII—XIV вв. имел широкое значение, обозначая, вероятно, землевладельца-вотчинника[4].

В отличие от «бояр» домонгольского времени эти бояре уже владельцы вотчин, но для их верхушки средства от них еще не образуют главную часть их доходов. Еще в середине XVI в. возмещение за «бесчестье» выплачивалось боярину в зависимости от размера дохода, который он получал от кормления. По наблюдениям С. Б. Веселовского, в княжение Дмитрия Донского в Великом княжестве Московском сложился круг боярских родов, образовывавших верхний слой этой общности. Главными лицами среди них были «введеные бояре», своего рода верховные судьи и «путные» бояре, заведовавшие «путями» — различными «ведомствами»[5]. Путные бояре занимают место тысяцкого, должность которого в Москве упразднена в 1374 г.

Этот слой людей, советников князя, в летописных известиях XIV в. определяется термином «бояре старейшие»[6]. Именно посоветовавшись с ними, Дмитрий Донской принял решение о строительстве в Москве каменного кремля[7].

В рамках сословной общности «бояр», отличной по своему статусу от остального населения, могут быть отмечены определенные правовые различия.

---

[1] ДДГ. М.; Л., 1950. № 9. С. 27.

[2] Там же. № 5. С. 21.

[3] Там же. № 3. С. 14; № 5. С. 21.

[4] *Бенцианов М. М.* Князья, бояре и дети боярские: Система служебных отношений в Московском государстве в XV—XVI вв. М., 2019. С. 14.

[5] *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 465 и сл.

[6] ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 18. С. 118—119, 137 и др.

[7] Там же. С. 106.

нии людей стояли за этими сменами терминологии. Возможно, члены «двора» имели преимущественное право на получение кормлений.

Одновременно сменился состав верхнего слоя зарождающегося дворянского сословия с изменением отношений между «князьями» — особыми правителями с процессом развития политической централизации. Если еще в XIV в. иерархические отношения в этой среде формулируются в отношениях условного родства (например, «старшего» и «младшего» брата), то с 1420-х годов более слабый «государь» «давался» к более могущественному «на службу», принимая на себя разного рода обязательства (так даже — рязанский великий князь Иван Федорович — по отношению к Витовту[16]). В 1430-х годах в междукняжеских докончаниях появляется понятие «князей служебных», которые в случае нарушения обязательств лишаются своей «отчины»[17]. Начинается процесс превращения «князей» — бывших самостоятельных правителей — в членов верхнего слоя дворянского сословия. В разряде поездки Ивана III в Новгород члены тверского княжеского рода фигурируют как «бояре Тверской земли»[18]. Окружение Ивана III в этой поездке определяется формулой «князи и дети боярские с великим князем», где члены княжеских родов занимают верхнюю часть списка, а члены московских боярских родов — нижнюю. «Князи» здесь еще отделены от «детей боярских», но заложена основа для слияния обеих групп в общность, образующую верхний слой общности светских феодалов-землевладельцев в Русском государстве[19].

В докончаниях XIV в. лица, подчиненные власти князей, постоянно определяются как «бояре» и «слуги». Положение «слуг» в научной литературе не рисуется ясно. Это категория лиц, состоящих на княжеской службе ниже бояр[20]. Неясно, однако, чем они отличались от «бояр».

В духовных и договорных грамотах XIV в. упоминается о несении «слугами» военной службы[21], упоминаются их «села»[22], право отъезда на службу к другому князю[23]. Наконец, упоминается о получении ими кормлений[24]. В этом отношении «слуги» не отличались от «бояр». Говоря об особенностях их статуса, следует отметить упоминания в некоторых докончаниях «служних» земель, которые упоминаются вместе с «черными», очевидно потому, что те и другие были государственной собственностью. В междукняжеском договоре 1399 г. предписывалось «земель их не купити». У нарушивших запрет такие земли могли быть отобраны[25]. Такой же порядок сохранялся во второй половине XV в. Для приобретения таких земель требовалась специальная грамота великого князя[26].

Следует отметить и неоднократные указания в докончаниях о том, что слуги

---

[16] ДДГ. № 25. С. 67.

[17] ДДГ. № 30. С. 77, 79. Так обстоит дело уже в Тверской земле в конце 1420-х годов, см.: ДДГ. № 23. С. 62.

[18] Разрядная книга 1475—1606 гг. Т. 1. Ч. 1. С. 44.

[19] Об этой части правящего класса см.: *Назаров В.Д.* Служилые князья Северо-Восточной Руси в XV веке // Русский дипломатарий. М., 1999. Вып. 5.

[20] См.: *Горский А.А.* Русское средневековое общество: Историко-терминологический справочник. СПб., 2019. С. 301.

[21] ДДГ. С. 21.

[22] Там же. С. 27.

[23] ДДГ. № 2. С. 13.

[24] Там же. С. 12.

[25] ДДГ. № 11. С. 31—32.

[26] ДДГ. № 66. С. 215—216; АСЭИ. М., 1958. Т. 2. № 250.

«потягли к дворскому»[27], а дворские были управляющими княжеским хозяйством[28]. По-видимому, такие владения «слуг» были их условной собственностью, пока они несут «службу»[29]. Сложность вопроса состоит в том, что существовали, по-видимому, разные слои слуг, заметно отличавшиеся по своему положению (см. текст в завещании Владимира Андреевича — «слугам, кто будет не под дворским, волным воля»[30]). О пестром составе этой общности говорит единственная грамота «слугам» рязанского великого князя Ивана Федоровича[31]. Они должны были «служить... как и все слуги служат». Они получали привилегию «с горожаны им тягости не давати». Они, очевидно, несли военную службу, но были не землевладельцами, а городскими жителями[32].

Вероятно, «слуг» следует рассматривать как некую промежуточную группу между военно-служилой и «тяглой» частью населения. Постепенно, вероятно, часть слуг стала «детьми боярскими», а на другую распространялись обязанности тяглого населения. Положение разных слоев дворянского сословия, характер их отношений с властью существенно стали меняться с формированием поместной системы в конце XV в., когда земли на условном праве стали получать представители разных слоев военно-служилых землевладельцев.

Важное место в древнерусском обществе XIV—XV вв. принадлежало духовенству. Духовенство сформировалось из разных слоев общества. Выходцы из среды бедных детей боярских в ряде случаев могли здесь рассчитывать на успешную карьеру. Тем более выходцы из бояр.

Во второй половине XIV в. архиереи, стоявшие во главе духовенства, были крупными землевладельцами, обладавшими собственными дворами из «бояр» и «слуг»[33]. Крупными землевладельцами становились в XV в. и монастыри. Церковные учреждения обладали судебно-административной властью над населением владений и имели освобождение от ряда поборов и повинностей.

В соответствии с установлениями «Устава Владимира» все духовные лица — монахи и священники — должны были подчиняться суду архиерея. Однако в полной мере такие возможности церковная власть реализовать не могла с распространением практики выдачи монастырям и храмам так называемых «несудимых» грамот, по которым братия монастыря или клир храма подчинялись великокняжескому суду и освобождались от плат в архиерейскую казну. Особенностью древнерусских порядков были широкие права светских патронов (ктиторов) по отношению к церковным учреждениям, которые они основали и наделили имуществом. От князей зависели назначения епископов и настоятелей монастырей в их владениях.

Нормам канонического права не соответствовало подчинение духовных лиц — монахов и священников суду свет-

---

[27] ДДГ. № 5. С. 20.

[28] См. ст. «Дворский» в кн.: *Горский А. А.* Русское средневековое общество. С. 109.

[29] См. о «слугах» в завещании Владимира Андреевича: «А кто тѣх выидет из удѣлов дѣтен моих: инъ земли лишен» (ДДГ. № 17. С. 48).

[30] Там же.

[31] АСЭИ: В 3 т. М., 1964. Т. 3. № 353. С. 378.

[32] См. в рязанской грамоте 1485 г. о церкви Иоанна Златоуста в Переяславле-Рязанском: «А приходу к Златоусту ... пищальники» (*Морозов Б. Н.* Грамоты XIV—XVI вв. из копийной книги рязанского архиерейского дома // АЕ за 1987 год. М., 1988. С. 302).

[33] О «дворе» митрополитов см.: *Веселовский С. Б.* Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. М.; Л., 1947. С. 413 и сл.

ских лиц — членов епископских дворов. Уже в начале XVI в. имели место выступления против такого порядка[34].

Наибольшее количество сведений о составе торгово-ремесленного населения в XIV—XV вв. относится к Москве. В договоре московских князей 1389 г. городское население Москвы делится на «гости, и суконьников, и городьских людии»[35]. «Гостями» обычно назывались богатые купцы, которые вели торговлю за пределами своей «земли»[36]. В составе городского населения «гости» образовывали верхний, привилегированный слой с особым статусом. В XVI в. штраф за «бесчестье» «больших» гостей составлял 50 руб., в 10 раз больше, чем аналогичный штраф за «бесчестье» «середних» городовых людей (ст. 26 Судебника Ивана IV). Как особая группа городского населения «гости» упоминаются и в других русских «землях», как, например, в конце XV в. в Переяславле Рязанском[37].

В ряде источников XIV—XV вв. верхний слой городского населения Москвы определяется как «сурожане»[38]. Эти купцы вели торговлю с генуэзской колонией в Крыму — Сурожем (совр. Судак). Это купечество выступало как посредник между севером Восточной Европы и южными рынками, снабжая социальные верхи русского общества дорогими товарами с Востока. Есть некоторые указания на существование у «сурожан» своей купеческой организации. В 1479 г. упоминается, что церковь Иоанна Златоуста в Москве была «изначала гостей московских строение»[39]. На втором месте после «гостей» среди населения Москвы в междукняжеских договорах и летописных текстах фигурируют «суконники»[40]. О них говорится уже в рассказе о взятии Москвы Тохтамышем в 1382 г.[41] Эти купцы — торговцы сукном — были, вероятно, связаны с другим направлением торговли — торговали сукнами, которые привозили по Балтийскому морю. О существовании у них особой организации имеются более поздние, но вполне определенные данные. В грамоте 1556 г. прямо упоминается «суконничий староста»[42]. К сожалению, нам неизвестно, какими правами обладали эти купеческие организации, каков был характер их отношений с остальным городским населением в XIV—XV вв. «Суконники», правда, упоминаются только в Москве. В других центрах население, по-видимому, делилось только на «гостей» и остальных жителей.

Характерно, что основная масса городских жителей, отличная от гостей в междукняжеских докончаниях XIV в., обозначается как «городские люди». В ряде летописных свидетельств они фигурируют как «черные люди»[43]. «Черные люди» — термин, которым обозначались в источниках XIV—XV вв. (не только в Северо-Восточной Руси, но и в Новгороде) широкие круги непривилегированного городского населения. В договоре рязан-

---

[34] РФА: В 5 вып. / Подгот. текста А. И. Плигузова, Г. В. Семенченко, Л. Ф. Кузьминой; под ред. В. И. Буганова. М., 1987. Вып. 3. Прилож. 26. С. 667.

[35] ДДГ. № 11. С. 32.

[36] См. ст. «Гость» в кн.: *Горский А. А.* Русское средневековое общество. С. 89—90.

[37] ДДГ. № 84. С. 335, 340 («на гости и на черных людей»).

[38] *Сыроечковский В. Е.* Гости-сурожане. М.; Л., 1935. С. 21, 33—34.

[39] ПСРЛ. Т. 25. С. 323.

[40] См. запись об участии в походе на Казань 1469 г. «сурожан и суконников... и прочих всех москвич» (ПСРЛ. Т. 25. С. 281).

[41] ПСРЛ. Т. 6, вып. 1. Стб. 474.

[42] Дополнения к Актам историческим. СПб., 1846. Т. 1. № 164.

[43] См. запись про 1293 г. о взаимной присяге бояр и «черных людей» в Твери (ПСРЛ. Т. 18. Стб. 82), «купцы и черные люди» в Муроме в 1351 г. (ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 60).

ских князей 1496 г. жители Переяславля Рязанского (не «гости») также обозначены как «черные люди»[44]. Это только часть жителей. Эти терминологические обозначения говорят о том, что на это население ложились многочисленные поборы и повинности и уплата торговых пошлин, от чего, вероятно, в какой-то мере были освобождены «гости».

В источниках раннего XIV в. содержатся свидетельства о «вечевых» собраниях в русских городах[45], но позднее такие свидетельства не фиксируются. Особенностью порядков в Северо-Восточной Руси второй половины XIV—XV в. было отсутствие у горожан самоуправления. Население городов подчинялось судебно-административной власти княжеских наместников, хотя в суде должны были участвовать «добрые люди» из их среды[46]. В ст. 25 краткой редакции «Устава Ярослава» «городские люди» выступают как социальная общность со своим особым статусом, чего не было в памятниках права домонгольского времени. «За сорóм» жене горожанина полагалось три гривны серебра, а жене «меньших бояр» — три гривны золота[47]. Очевидна резкая разница между статусом жены землевладельца, члена господствующего сословия, и статусом жены простого горожанина, принадлежащего явно к общественным низам. Однако горожане не были и наименее привилегированной группой общества. Если жене горожанина полагалось вознаграждение, как уже отмечалось, в размере трех гривен серебра, то жене «сельского человека» полагалась одна гривна, т. е. положение обычного горожанина на лестнице социальной иерархии было более высоким, чем положение крестьянина.

Все эти данные указывают на то, что в XIV—XV вв. в Северо-Восточной Руси сложились социальные структуры, характерные для общества эпохи развитого Средневековья. Особенностью порядков, сложившихся в Северо-Восточной Руси, была высокая степень подчинения городского торгово-ремесленного населения государственной власти. Дело было не только в отсутствии особого городского права и городского самоуправления. Уже к концу XIV в. относятся свидетельства о том, что московские князья «вынимали» из состава московского населения «мастеров» нужных им специальностей для работы в княжеских хозяйствах[48].

Особую часть общества образовывали, как и в эпоху раннего Средневековья, общности городского и сельского населения разных специальностей, связанные с исполнением разных «служб» в княжеском и великокняжеском хозяйстве. Люди, которые выполняли эти «службы» (крестьяне и ремесленники), освобождались от «тягла»[49].

Основную массу населения Северо-Восточной Руси составляли сельские жители — крестьяне. На государственных — «черных» — землях их положение в обществе оставалось таким же, как в эпоху раннего Средневековья. Земля, которую они обрабатывали, не была их собственностью, хотя в пределах «волости» они могли достаточно свободно распоряжаться своими наделами, они несли

---

[44] ДДГ. № 84. С. 335, 340.

[45] См., например, что в 1304 г. «бысть вечѣ на Костромѣ на бояръ» (*Приселков М. Д.* Троицкая летопись: Реконструкция текста. СПб., 2002. С. 352).

[46] См. жалованную грамоту Ивана III Белоозеру 1488 г. (АСЭИ. Т. 3. № 22. С. 40).

[47] Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. С. 113.

[48] ДДГ. № 13. С. 39. См. также: *Флоря Б. Н.* Служебная организация и ее роль в развитии феодального общества у восточных и западных славян // Отечественная история. 1997. № 2. С. 69—71.

[49] См. подробнее: *Флоря Б. Н.* Служебная организация и ее роль в развитии феодального общества у восточных и западных славян.

многочисленные поборы и повинности государственной власти и ее представителям[50]. Судя по грамоте Ивана III 1488 г., в отношениях с представителями власти горожане Белоозера и «становые люди» пользовались одинаковыми правами[51]. К этому времени заметно увеличилось число крестьян, проживающих на землях церковных и светских землевладельцев, но их правовой статус не отличался от положения крестьян на «черных» государственных землях. И те, и другие пользовались правом перехода. Однако подданный подчинялся судебно-административной власти господина и никак не мог распоряжаться своим земельным наделом. Хуже было положение той части крестьян, которые обозначаются в источниках как «серебренники» — люди, взявшие в долг («серебро») у господина. Не выплативший долг не должен был от господина уйти[52]. Долг погашался либо уплатой его с процентами, либо трудом в господском хозяйстве, отсюда — упоминание в завещаниях землевладельцев «серебра... дельного и ростового»[53].

Ниже крестьян на лестнице социальной иерархии стояли холопы — люди, находившиеся в личной зависимости от господина. Такой слой людей существовал в эпоху раннего Средневековья в разных европейских странах, но к XIV в. сошел со сцены. В России он не только сохранился, но и стал разнообразным по своему составу. Уже в домонгольскую эпоху среди холопов Русская правда (ст. 66 Пространной редакции) упоминает «боярьска тивуна» — управляющего боярским хозяйством.

Докончания и духовные грамоты князей середины XIV в. содержат сведения о существовании в княжеском хозяйстве и аппарата управления из такой холопьей верхушки.

В духовной Семена Ивановича получают волю его «тивуни и посельские и ключники и старосты»[54]. В духовной Ивана Ивановича к ним присоединяются «казначеи» и «дьяки»[55]. Известная формула междукняжеских докончаний: «А боярам и слугам вольным воля»[56] говорит о существовании у князей и «невольных» слуг. Такие люди, составлявшие военную свиту господина, хорошо известны по более поздним источникам. Когда господин занимал какую-то должность, такие люди могли вершить суд от его имени. Так, в духовной Семена Ивановича упоминаются суды в Москве, которые совершали «бояре или боярьские люди»[57]. Наряду с этой верхушкой — с «приказными людьми» — у князей и бояр имелись и «страдные люди», занятые работой в их хозяйстве[58].

По своим основным параметрам, по главным чертам социального положения отдельных общественных слоев это общество было обществом развитого феодализма, принципиально не отличавшимся от развитого феодального общества других европейских стран.

Особенностями положения людей древнерусского общества Северо-Восточной

---

[50] См.: *Горский А.Д.* Очерки экономического положения крестьян Северо-Восточной Руси в XIV—XV вв. М., 1960. Гл. 3.

[51] АСЭИ. Т. 3. № 22.

[52] «Коли серебро заплатить, тогды ему и отказ» (АСЭИ. Т. 2. № 138. С. 82).

[53] АСЭИ. М., 1952. Т. 1. № 562; Т. 2. № 361; см. также № 326 («и они бы дело доделывали на то серебро»).

[54] ДДГ. № 3. С. 14.

[55] ДДГ. № 4. С. 17.

[56] ДДГ. № 5. С. 20.

[57] ДДГ. № 3. С. 14.

[58] См. такие разграничения в духовной кн. Михаила Андреевича (ок. 1486 г.) (ДДГ. № 80. С. 310).

Руси можно считать такие черты, как приниженный подчиненный статус городского торгово-ремесленного населения и сохранение института «холопства». Может быть отмечено и сохранение широких прав светских патронов по отношению к церковным учреждениям.

К концу XV в. обозначилась и такая особенность, как сильная позиция единой к тому времени центральной власти по отношению к общности светских землевладельцев. Здесь следует отметить формирование поместной системы, когда бояре и дети боярские получали владения как условную собственность, без взаимных обязательств сторон, характерных для европейской модели ленных отношений. К концу XV столетия произошло и лишение значительной части детей боярских податного иммунитета.

Глава 5

ТЕРРИТОРИИ, НАСЕЛЕНИЕ, МИГРАЦИИ, ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РУСИ, ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ

Древности «предмосковского» и раннемосковского периода долго оставались мало изученными археологией в сравнении с домонгольской Русью. Это связано не только с отсутствием внимания археологов к эпохе Московского княжества, но и с тем, что памятники 1240—1380-х годов не так многочисленны и хуже датированы, при анализе их материал как бы притягивают более крупные массивы предшествующих и наследующих слоев, да они и не столь эффектны. Кроме того, выстроить археологическую хронологию в узком коридоре полутора столетий — трудная задача. Все же расширение количества работ и их площадей, сочетание традиционных и естественнонаучных методик увеличивают точность датирования, позволяя выделять слои и комплексы второй половины XIII — конца XIV в., и даже градуировать этот интервал.

Поскольку речь идет об области археологии, которая тесно связана с историческим нарративом, общая картина воспринимается как априорно известная, но нуждающаяся в дополнительной проверке и уточнении деталей. Археологи учитывают событийную канву, то, что в основе трансформаций XIII—XIV столетий лежали: фундаментальные перемены в Восточном Средиземноморье (завершение крестовых походов и разгром Константинополя в 1204 г.); замедление экономического развития Руси в силу внутренних причин; шок от нашествия 1237—1240 гг.; преодоление его последствий и адаптация к сложившейся реальности. А также и то, что включение Северо-Востока в орбиту империи монголов исказило привычные линии контактов с Европой, в которых особую роль обрели связи с греческими и итальянскими городами Крыма, а на севере — старые контакты Великого Новгорода и Пскова с Ганзой. Наконец, то, что в недрах долгой переходной эпохи, восходящей к середине XII в., уже складывались новые городские политические центры, менялись стратегии сельского расселения и само аграрное производство. Все эти процессы рассматривались археологами, в том числе в фундаментальных трудах[1].

Важными темами оставались наличие/отсутствие порога, связанного с монгольским нашествием, и оценка его более далеких последствий. Впрочем, качественные различия в материальной культуре Древней Руси эпохи расцвета и ее состояния после нашествия для археолога очевидны. Предметный мир

[1] Этапным в осмыслении археологии ордынского периода стал сб.: Русь в XIII веке: Древности темного времени / Ред. Н.А. Макаров, А.В. Чернецов. М., 2003. Базовый материал по освоению региона Московского княжества сосредоточен в коллективной монографии: Культура средневековой Москвы: Исторические ландшафты / Под ред. Л.А. Беляева, Н.А. Кренке, Т.И. Макаровой, С.З. Чернова: В 3 т. М., 2004—2006, а также в недавнем исследовании: *Кренке Н.А.* Древности бассейна Москвы-реки от неолита до Средневековья: Этапы культурного развития, формирование производящей экономики и антропогенного ландшафта. М.; Смоленск, 2019.

существенно менялся: к концу XIV в. из обихода навсегда ушли привычные вещи, служившие культурно-социальными маркерами (изделия из шифера, стеклянные браслеты); из сферы престижного потребления исчез парадный женский убор (широко представленный в кладах с XI до первой половины XIII в.). Параллельно пропадали связанные с их производством ремесла, искажались каналы поставки привычного сырья и вещевой импорт. Наглядны перемены в культурном ландшафте: к середине XIII в. Русь окончательно отказывается от курганных погребений, а население осваивает ранее не использовавшиеся для хозяйства территории.

Конечно, эти перемены имели эволюционный характер и начались задолго до монгольского нашествия. Но картина военно-политической катастрофы и ее последствий для русских городов рисуется все более убедительно, не позволяя преуменьшить ущерб или интерпретировать последствия разгрома как стимул к развитию. Наоборот: эпизоды гибели княжеских столиц и крепостей Руси рисуются все четче и драматичнее.

В Южной Руси следы нашествия давно известны: массовые захоронения и останки погибших в тайнике под Десятинной церковью, на усадьбе Михайловского Златоверхого монастыря и Житомирской улице в Киеве[2], в Чернигове[3], на Райковецком и Шепетовском (Изяславль?) городищах[4]. Но слои пожарищ с человеческими скелетами все чаще открывают и на Северо-Востоке, где яркие свидетельства разгрома связаны со старшими (Владимир-на-Клязьме, Ярославль, Торжок) и молодыми (Москва, Тверь) городами, а особенно — с малыми (Серенск, Ярополч Залесский[5]). Во Владимире пожар 1238 г. уничтожил богатую усадьбу в Ветчаном городе, где в подполье постройки найден клад церковных художественных изделий и костяк погибшей женщины[6]. Слой пожара в Торжке[7] достигает полуметра, содержит человеческие кости и спекшиеся от огня остатки икон. В Ярославле подтверждены гибель города зимой 1238/39 г. и ожесточенный характер сражения, уточнен момент совершения санитарных погребений (весна), а также обнаружено нетипичное для Руси оружие Востока (клинок из цельнолитой стали и др.[8]).

Выпадение кладов драгоценностей и предметов высокого художественного уровня при нашествии Бату-хана обрело системный характер. Клады последней трети XII — первой половины XIII в. самые многочисленные, они обнаружены в слоях Кремля Москвы (в 1988 и 1991 гг.)[9]

---

[2] *Ивакин Г. Ю.* Историческое развитие Южной Руси и Батыево нашествие // Русь в XIII веке: Древности темного времени. С. 59—65; *Івакін Г. Ю.* Історичний розвиток Київа XIII — середини XVI ст. Київ, 1996.

[3] При взятии княжеского двора в кусках его свинцовой кровли застряли наконечники стрел; во дворе был скрыт клад серебряных украшений и посуды. См.: *Коваленко В. П.* Чернигов в середине XIII в. // Труды VI Междунар. конгресса славянской археологии. М., 1997. Т. 2. С. 147—155.

[4] Раскопки М. К. Каргера до сих пор опубликованы не целиком. См.: *Пескова А. А.* Древний Изяславль // КСИА. 1981. Вып. 164. С. 66—72.

[5] *Седова М. В.* Ярополч Залесский. М., 1978.

[6] *Жарнов Ю. Э.* Усадьба первой трети XIII века «Ветчаного города» Владимира-на-Клязьме // Труды VI Междунар. конгресса славянской археологии. М., 1997. Т. 2. С. 82—93; *Он же.* Художественное медное литье из раскопок во Владимире-на-Клязьме // РА. 2000. № 1. С. 183—193; *Он же.* Археологические исследования во Владимире и «проблема 1238 года» // Русь в XIII веке: Древности темного времени. С. 48—58.

[7] *Малыгин П. Д.* Раскопки на Нижнем городище в Торжке // КСИА. 1984. Вып. 179. С. 76—84; *Он же.* Судьбы Торжка и Твери в XIII веке // Русь в XIII веке: Древности темного времени. С. 92—96; *Лапшин В. А.* Тверь в XIII—XV вв. (по материалам раскопок 1993—1997 гг.). СПб., 2009.

[8] *Энговатова А. В.* Древний Ярославль. М.; Ярославль, 2009.

[9] *Авдусина Т. Д., Панова Т. Д.* О находке клада на территории Московского Кремля // СА. 1989. № 4. С. 272—274; *Они же.* О находке клада 1991 г. в Московском Кремле // РА. 1993. № 2. С. 192—193.

Иконка подвесная. Камень (шифер), резьба. Церковь Троицы у Старых поль. Москва. XIV–XV вв.
а – «Сошествие во ад»; *б* – св. Георгий

и в Твери[10]. Среди них известны невостребованные запасы товаров и/или заготовок для ремесленной работы (40 кг янтаря во Владимире; полуфабрикаты и инструменты из запасов ювелира в Старой Рязани[11], где по-прежнему регулярно открывают сгоревшие усадьбы с кладами ювелирных украшений[12] и братские могилы). Разумеется, тотальная идентификация разгрома древнерусских укрепленных поселений именно с Батыевым нашествием была бы ошибкой, но и отрицать особое значение его травмы невозможно.

Итак, прямые археологические свидетельства не позволяют отказаться от привычной мысли: именно монгольское вторжение нарушило традиционные культурные формы и оборвало естественные линии развития[13]. Значительная часть городов (особенно малых) погибла навсегда, многие десятки крепостей прекратили существование. Если в эпоху «около 1200» они быстро росли, обстраивая стенами новые обширные зоны, то после 1237—1240 гг. освоенная территория сократилась. Некоторые в конце концов захирели (Старая Рязань). Другие на столетия впали в анабиоз, получив новый стимул для развития только в XVI—XVII столетиях. Нижнее городище Торжка на полвека фактически осталось без укреплений (стену из срубов сменил частокол), его улицы перестали мостить деревом. Во Владимире остановился рост городской территории, возобновившись лишь в конце XV в., а уже освоенные участки богатых усадеб внутри крепостей со второй половины XII в. опустели. Эти признаки кризиса отмечаются и в городах, не подвергшихся вторжению (Псков, Новгород и др.)[14],

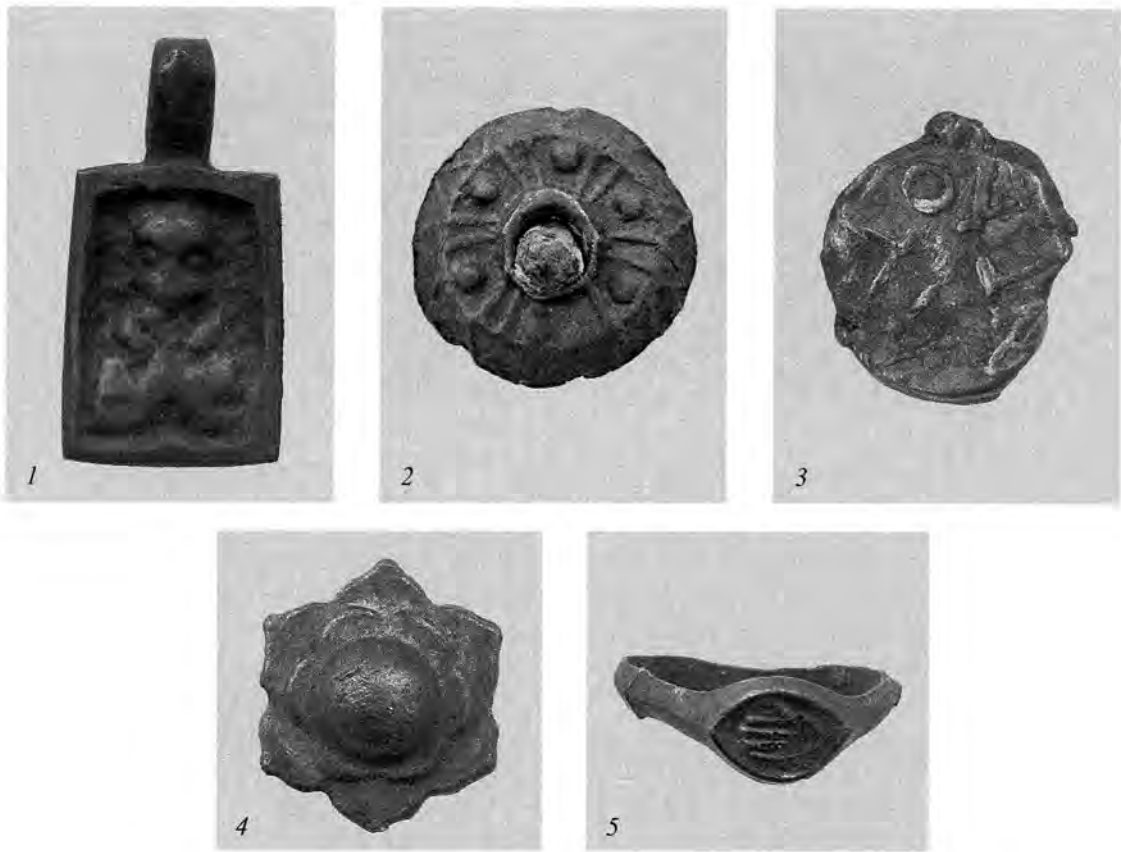
[10] См. материалы по археологии Тверского княжества в ежегодниках: Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья (с 1996 г.); Тверской археологический сборник (с 1994 г.); Археология Подмосковья (с 2004 г.) и др.

[11] *Чернецов А.В., Стрикалов И.Ю.* Клад № 17 из Старой Рязани // РА. 2014. № 2. С. 153—163; *Чернецов А.В., Буланкина Е.В., Стрикалов И.Ю.* Инструментарий древнерусского ювелира: (Новые находки в Старой Рязани) // Вестн. РФФИ: Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 1. С. 143—151.

[12] О кладе 1992 г. см.: *Даркевич В.П., Борисевич Г.В.* Древняя столица Рязанской земли. М., 1995. С. 64—77; о кладе 2005 г. см.: Старая Рязань: Клад 2005 года. СПб.; М., 2014.

[13] *Макаров Н.А.* Русь в XIII веке: Характер культурных изменений // Русь в XIII веке: Древности темного времени. С. 5—11.

[14] *Лабутина И.К., Кулакова М.М.* Псков в XIII веке: (Археологические наблюдения по динамике расселения и строительства) // Русь в XIII веке: Древности темного времени. С. 66—82.



Предметы литья из цветных металлов:
1 — Св. Николай. Иконка. Сплав меди, литье. XIV в.; *2* — грузик. Свинец, литье. XIV—XV вв.;
3 — товарная пломба с надписью от имени великого князя. Свинец. XIV — начало XV в.;
4 — накладка в виде цветка лотоса. Свинец, литье. XIV—XV вв.;
5 — перстень с изображением раскрытой ладони. Сплав цветных металлов, литье. XIII—XIV вв.

причем это верно и для старых столиц Северо-Восточной Руси, избежавших разгрома. В Ростове Великом, площадь которого до нашествия была около 200 га и быстро прирастала, часть уже обжитых участков забросили, а слой потерял и насыщенность, и толщину[15]. Начался упадок мощного Белоозера: его Старый город в XIV в. прекратил существование, видимо, в силу кризиса промысловой экономики на Севере и разрыва сети торгово-промысловых поселений, опиравшихся на добычу и вывоз пушнины[16].

Однако археология рисует и обратное движение. Ряд пограничных городов Владимиро-Суздальской земли (Тверь, Москва) быстро оправились, о чем говорит особая активность в накоплении культурного слоя XIII—XIV вв. Во второй половине XIII в. расширился посад Москвы, сформировав зоны застройки в Занеглименье и будущем Китай-городе (Зарядье, улицы

[15] *Леонтьев А. Е.* От столицы княжества к уездному городу: (Материалы к исторической топографии Ростова X—XIV вв.) // Русь в XIII веке: Древности темного времени. С. 46.

[16] *Захаров С. Д.* «На Беле озере два городка» // Русь в XIII веке: Континуитет или разрыв традиций? Тез. докл. М., 2000. С. 43—47; *Он же.* Белоозеро и Белозерск // *Макаров Н. А., Захаров С. Д., Бужилова А. П.* Средневековое расселение на Белом озере. М., 2001.

Варварка и Ильинка, районы Богоявленского монастыря и церкви Троицы в Полях). Коломна, пережив после нашествия упадок, была восстановлена уже к концу XIII в.[17] Тем более это относится к Твери[18]. Связанные с Москвой города-крепости (Коломна, Серпухов, Звенигород) оформились в княжеские столицы. Воспрял от удара Серенск и, опираясь на снабжение округи металлическими украшениями, восстановил часть ремесленного потенциала. В Рязанском княжестве уцелели от разгрома и продолжили развитие Переяславль и Ростиславль. Судя по нижним слоям городов, именно в XIII в. появились Вологда, Великий Устюг, Нижний Новгород; совсем небольшой, но оставивший значительный след в истории Руси Радонеж и др.

Сельский ландшафт. Важнейшая черта переходной эпохи XIII—XIV вв. — новый обжитой ландшафт, определенный продвижением аграрных поселений на водоразделы и активной расчисткой лесов для них. В центре и на севере Руси освоили зоны, ранее в сельскохозяйственный оборот не включенные. При этом прежние поселения не исчезали, иногда сменив место. Основная форма таких сельских поселений — малодворная деревня, двинувшаяся к водоразделам еще в домонгольское время[19]. Локация старых крупных сел в освоенном ранее пространстве осталась неизменной (хотя их площадки часто не имеют культурного слоя второй половины XIII—XIV в.); в Суздальском ополье сохраняется прежняя система крупных сел, покрывающих регион. Но для сельских территорий второй половины XIII в. характерны: преобразование локальных групп поселений; изменение местоположения деревень; освоение урочищ и ландшафтных районов иных типов; переход к дисперсному расселению.

Археология показывает, что в XIII—XIV вв., хотя доля аграрной составляющей в древнерусской экономике растет, — из сельского быта исчезает значительная часть привозных предметов, металлических украшений костюма, вообще знаков социального престижа. Ассортимент изделий из дорогих материалов (прежде всего, цветного металла) сокращается, самих предметов становится существенно меньше, а сырье на них расходуют экономнее.

Трудно установить связь столь фундаментальных перемен в хозяйстве с синхронными им политическими, даже крупного масштаба, событиями. С. З. Чернов, сравнив на микрорегиональном уровне три варианта судьбы поселений в XIII в. на реках Воре и Пехорке (окончательно заброшенных; переживших это столетие; образованных заново), отнес их запустение на счет нашествия 1238 г.[20] Н. А. Кренке видит за изменениями XIII в. в сельской

---

[17] *Мазуров А. Б.* Эволюция Коломны в XIII—XIV веках: От малого города Древней Руси к домену великого князя московского // Русь в XIII в.: Древности темного времени. С. 83—91.

[18] *Баталов А.Л., Беляев Л. А.* Зодчество Москвы и Твери второй половины XIII — первой половины XIV века // История русского искусства. Т. 4: Искусство второй половины XIII — середины XIV века / Под ред. Л. И. Лифшица. М., 2019. С. 159—207; *Беляев Л. А., Сафарова И. А., Хохлов А. Н.* Спасо-Преображенский собор в Тверском кремле: Итоги раскопок 2012—2014 гг. // РА. 2018. № 2. С. 148—160.

[19] Появление слова «деревня» (впервые — в духовной грамоте Ивана Калиты; см.: *Кочин Г. Е.* Сельское хозяйство на Руси в период образования Русского централизованного государства. Конец XIII — начало XVI в. М.; Л., 1965. С. 105) связывают с распространением малодворного земледельческого хозяйства на лесных расчистках. См. о такой деревне: *Шполянский С. В.* Изучение малодворных сельских поселений на примере раскопок селища XIII века у села Ознобишино в Подмосковье // Русь в XIII веке: Древности темного времени. С. 253—264.

[20] *Чернов С. З.* Сельское расселение в Московском княжестве второй половины XIII в.: «Традиционные» и «новационные» модели выхода из кризиса (по материалам археологических исследований 1976—1993 гг. волостей Воря и Пехорка) // Русь в XIII веке: Древности темного времени. С. 168—227; вывод о запустении и разрыве преемственности см. на с. 219—220.

зоне Москвы новую стратегию расселения: колонизацию водоразделов при опоре на новые формы водоснабжения[21]. Монгольский удар и, позднее, набеги привели к разрыву в заселении южных районов (Верхний Дон, Куликово поле, р. Быстрая Сосна и др.[22]). Но принципиальный характер перемен в жизни сельских территорий, а также аналогичные процессы там, где монголов не было, на севере (Псковская земля, юго-запад Новгородской земли — Жабенская волость; Помостье; р. Шексна, озера Белое и Кубенское) указывают на действие внутренних механизмов, вызвавших в XIII в. коренное изменение сельского ландшафта, всего облика лесной полосы Восточной Европы. Сельскохозяйственные угодья выросли, сельские поселения (и, видимо, сельское население) умножились. Изменились стереотипы в выборе земель, устройстве поселения и организации хозяйства, являющиеся самыми консервативными элементами хозяйственной практики и культурной традиции.

Изменить стратегию расселения и землепользования можно было лишь под давлением серьезных обстоятельств, а распространение инноваций в этих сферах было рискованным. Возможно, сказался недостаток пахотных земель в местах традиционного освоения; рост потребности в пищевых ресурсах при росте населения; неэффективность традиционных систем землепользования. Допускают (Н. А. Макаров и др.), что перемены в расселении вызвало существенное похолодание и увлажнение[23], нараставшие с первых десятилетий XIII в. и достигшие аномальных значений в 1220—1230-х и 1270—1280-х годах[24], в силу чего со второй половины XIII в. мог начаться дефицит пищевых ресурсов (в Пскове во второй половине XIII—XIV в. значительно расширили обловные площади и начали брать мелкую низкосортную рыбу[25]).

Запустение поселений на прибрежных террасах пытались связать с изменением уровня воды в реках и озерах, подтоплением приречных поселений и их сельскохозяйственных угодий в ходе катастрофической трансгрессии XIII в.[26] На севере (Шексна, Малая Северная Двина, Сухона, Поопежье) новые поселения XIII в. возникали и на низких террасах, но на Кубенском озере избыточная увлажненность первых надпойменных террас и опасность вымерзания здесь посевов могли заставить подняться на выше расположенные, удаленные от воды участки. Наконец, могли сказаться длительная интенсивная эксплуатация старых полей, истощение почв, недостаток строительной древесины, снижение популяций лесной фауны.

Все же в целом сельское хозяйство (инвентарь, система пахоты, сорта культур) существенно не изменилось, показав устойчивость и продолжив традицию. Это верно и в отношении ремесла в городе и деревне. При этом *ремесло* XIII—XIV вв. предстает, особенно в сравнении с европейской моде-

---

[21] *Кренке Н. А.* Ближайшая сельская округа Москвы в XII—XIII веках // Русь в XIII веке: Древности темного времени. С. 166; *Он же.* Древности бассейна Москвы-реки от неолита до Средневековья. М., Смоленск, 2019.

[22] *Колчин Б. А., Черных Н. Б.* Дендрохронология Восточной Европы. М., 1977.

[23] *Борисенков Е. П., Пасецкий В. М.* Экстремальные природные явления в русских летописях XI—XVII веков. Л., 1983.

[24] *Черных Н. Б.* Дендрохронология и археология. М., 1996. С. 83—89.

[25] *Салмина Е. В.* Рыболовство средневекового Пскова и Псковской земли (VIII—XVI вв.) по данным археологии: Автореф. дис. … канд. ист. наук. Псков, 1997.

[26] *Олейников О. М.* Климат в районе Верхней Волги в Средние века // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Новгород, 1992. Вып. 6. С. 69—82; *Дворников А. С.* Бежецкий Верх: Взаимодействие экосистемы «человек — окружающая среда» в эпоху Средневековья // Труды VI Междунар. конгресса славянской археологии. М., 1998. Т. 4. С. 78—84.

лью, как бы подмороженным. Например, искусно воспроизводятся ранее усвоенные технологические модели в такой базовой области, как производство металла (железо, сталь) и металлообработка. Металлографический анализ продукции XIII—XIV вв. не показал никаких маркеров падения кузнечного дела ни в крупнейших городах (Москва, Тверь, Торжок, Новгород, Псков), их «пригородах» (Коломна, Звенигород Московский, Серенск, Изборск, Ростиславль Рязанский) или на селищах (два подмосковных Мякининских, Настасьино, поселения в районе Куликова поля)[27]. В Древней Руси поиск рациональной технологической схемы сварки привел к переходу от трехслойного пакета и вварки — к разным видам наварки (торцовой, косой, V-образной), к XIII в. в производстве качественных изделий победила наварная технология. Ею владели городские мастера высокой квалификации, хорошо знавшие свойства разных сортов металла, умевшие визуально выбирать оптимальные температурные режимы для качественной сварки и соблюдать требования к таким операциям, как применение флюсов и длительность ковки.

Эти технологии сохранялись по всей Руси в ордынскую эпоху независимо от того, были конкретные производственные центры затронуты при вторжении или нет. Если часть ремесленников увезли в кочевые ставки-города (свидетельства чему есть в археологических материалах Каракорума и Хирхира[28]), то другие остались на местах, продолжив традицию. Но прогресс в технологиях черной металлургии и металлообработки на Руси замер. В то время как на Западе начался переход к доменному производству, передельному процессу, широкому внедрению механизмов с водяным приводом, в России вплоть до XVII в. железо получали старым сыродутным способом, широко используя технику наварки железа сталью (особенно при производстве ножей).

В области бытового и престижного потребления XIII—XIV вв. переход домонгольской традиции в новую реальность совершался без резких скачков. Но изменения, пусть медленные, здесь заметнее, чем в производстве. Во многом это связано с межкультурными контактами. Это хорошо демонстрирует, например, кожевенное дело и сапожное ремесло.

С середины XII и до конца XIII в. в Москве (в городе и на посаде) сапожные мастерские, используя тонкую кожу крупного и мелкого рогатого скота (молодых животных), шили в основном низкую обувь, а также мягкие (без внутренней подкладки) туфли, поршни и сапоги (в Новгороде сапоги явно преобладали[29]). Постепенно близость мастерских и рынков с Золотой Ордой привнесла восточные технологии в обработку сырья, методы раскроя и сборки обуви. Сменились и формы: распространились сапоги «жесткой конструкции», которые с начала XIV в. доминируют как обувь взрослых и детей; в языке появляется много восточных терминов, связанных с сортами кожи, формами обуви, ее отделкой[30].

Похожим образом развиваются другие производства: объяснимое падение платежеспособного спроса в середине XIII в. вело к оживлению домашнего, неспециали-

---

[27] См.: *Завьялов В. И.*, *Розанова Л. С.*, *Терехова Н. Н.* Русское кузнечное ремесло в золотоордынский период и эпоху Московского государства. М., 2007; *Они же.* Традиции и инновации в производственной культуре Северной Руси. М., 2012; *Завьялов В. И.*, *Терехова Н. Н.* Кузнечное ремесло Великого княжества Рязанского / Отв. ред. Е. Н. Черных. М., 2013.

[28] *Терехова Н. Н.* Железообработка в древнемонгольских городах // СА. 1985. № 3. С. 72—79.

[29] *Изюмова С. А.* К истории кожевенного и сапожного ремесла Новгорода Великого // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1959. Вып. 65. С. 214.

[30] *Осипов Д. О.* Обувь Московской земли XII—XVII вв.: Материалы охранных археологических исследований. М., 2006. Т. 7.

зированного ремесла, но в XIV в. ситуация выравнивается, в том числе за счет контактов с восточными мастерами и распространения ориентальной моды. Так, в *гончарном ремесле* сначала резко снижается качество, но в XIV в., особенно с его середины, оно получает новый стимул в связях с индустрией Волжской Булгарии и, возможно, в появлении на Руси мастеров из Крыма и Нижнего Поволжья (вторая половина — конец XIV в.). Одновременно можно наблюдать перемены в импорте: полностью исчезает такая керамическая тара, как византийские амфоры (по-видимому, их заменяют бочки), но с середины XIV в. распространяется парадная восточная поливная посуда[31]. Получают массовое распространение некоторые виды *строительной керамики*, известные в домонгольской Руси, но не столь заметные на фоне ее цветущей культуры, — это касается в первую очередь плиток для мощения полов, которые использовались как в каменных, так и в деревянных храмах[32].

Близкие процессы наблюдаются в *ювелирном деле* и производстве менее дорогих украшений из сплавов меди и серебра. В XIII—XIV вв. постепенно уходят в прошлое технологически сложные и дорогие эмали византийских типов[33], редкими становятся трудоемкие скань и зернь. Но в конце XIV в. на смену им приходят новые виды, выработанные в центральных землях и на северо-западе. Они существенно мельче по размеру, их иконография и декор примитивнее, чем раньше, но именно они обеспечивают потребности населения быстро поднимающегося Московского княжества[34].

Важным дополнением к исторической картине Руси ордынского периода стала археология монастырей. О том, что они пережили рубеж нашествия, наглядно свидетельствуют их кладбища, развивающиеся без перерыва в XIII—XIV вв. (монастырь Рождества Богородицы во Владимире[35]; кладбище на месте собора Никитского монастыря в Переяславле-Залесском). Появление новых монастырей фиксируется с известным трудом. В Москве их можно предполагать, поскольку открываются места церковных кладбищ и остатки бытовых построек вблизи них (кладбища: у церкви Косьмы и Дамиана и вокруг Успенского собора в Московском Кремле, на месте здания Манежа, в Богоявленском за Торгом монастыре), но монастырские некрополи мало отличимы от приходских и соборных. Наследуются от домонгольской Руси и элементы монастырского обряда: кирпичи-подголовники[36]; ка-

---

[31] *Коваль В. Ю.* Амфоры византийского культурного круга в средневековой Руси (X—XIII вв.) // Русь в XIII веке: Древности темного времени. С. 340—360; *Он же.* Керамика Востока на Руси в XIII веке // Там же. С. 361—371.

[32] См., например: *Сафарова И. А., Беляев Л. А., Хохлов А. Н.* Керамические плитки покрытия полов из раскопок на Соборной площади в Твери (по материалам исследований 2013—2014 гг.) // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь, 2018. Вып. 11. С. 77—113.

[33] *Макарова Т. И.* Облачение митрополита Алексея и ювелиры Москвы XIV в. // Культура средневековой Москвы XIV—XVII вв. М., 1995. С. 34—52; *Она же.* Древнерусское наследие в ювелирном деле ранней Москвы. XIV век: Облачение митрополита Алексея. М., 1998.

[34] *Зайцева И.Е., Сарачева Т. Г.* Цветной металл вятичей в XII—XIII веках: (Сравнительно-исторический анализ городских и сельских материалов) // Русь в XIII веке: Древности темного времени. С. 299; *Лесман Ю. М.* Хронология ювелирных изделий Новгорода (X—XIV вв.) // Материалы по археологии Новгорода. 1988. М., 1990. С. 29—98.

[35] *Беляев Л. А., Глазов В. П., Зыков П. Л., Иоаннисян О. М.* Погребальные сооружения XII—XV веков на месте собора Рождества Богородицы во Владимире (по материалам работ 1997—2000 годов) // Земли родной минувшая судьба… К юбилею А. Е. Леонтьева. М., 2018. С. 62—72.

[36] *Беляев Л. А.* Камень под головой и лестница в небо: Археология, иконография, источник // Вестн. Православного Свято-Тихоновского гуманит. ун-та. Сер. V. № 2 (5); Вопросы истории и теории христианского искусства. М., 2011. С. 72—84.

менные прямоугольные саркофаги[37]; типы деревянных гробов (две последние особенности характерны и для приходских кладбищ). С конца XIV в. появляются приметы нового: сосуды для елея[38]; надгробные плиты с усложненным орнаментом[39]; антропоморфные саркофаги[40].

Археологическое изучение монастырей Москвы (ведется с конца 1970-х годов) дало ряд аргументов для верификации их ранней истории[41]. Так, на месте Данилова монастыря и его слободы с X—XI вв. существовали селища (культурный слой с фрагментами лепной керамики и печными выбросами). Одни из самых ранних в районе будущего города, они были и в XII—XIII вв., о чем говорят шиферные пряслица, женские украшения, «городищенская» керамика с характерным орнаментом, сделанная на ручном круге[42]. О появлении на рубеже XIII—XIV вв. монастыря и сохранении на его месте кладбища свидетельствуют могилы с сосудами для елея (XV—XVI вв.) в зоне, где в XVI в. будет построен каменный собор возобновленного монастыря[43].

Благодаря раскопкам в районе Богоявленского «за Торгом» монастыря на ближнем посаде Москвы обнаружены следы деревянной церкви и кладбища с чрезвычайно архаичными надгробиями; в его погребениях встречены браслеты, стеклянный и трехпрутный бронзовый, весовая бочкообразная гирька и другие предметы.

Кладбище перекрыло ранее существовавшее поселение (слой с обильной бытовой керамикой). По-видимому, поселение восходит к концу домонгольского периода, в позднем XIII в. на его месте возник монастырь, позже был сооружен каменный храм.

В последние десятилетия археология смогла заполнить ряд лакун, давно зиявших в истории каменного церковного строительства XIII—XIV вв. Как известно, оно возобновилось на Северо-Востоке не ранее чем через полвека после нашествия, причем ни одного памятника этой эпохи долгое время не было известно. Важнейшим звеном, соединяющим архитектуру Древней Руси с послемонгольской, стал собор Спасо-Преображения *в Твери*. Его заложили[44] в 1285 г. над гробом князя Ярослава Ярославича[45], на месте деревянной церкви Козьмы и Демья-

---

[37] *Беляев Л. А.* Рождение традиции: Погребальные памятники Северо-Восточной Руси XII—XV веков в контексте архитектуры // Комплексный подход в изучении Древней Руси: Материалы X Междунар. науч. конф. 9—13 сентября 2019 г. М., 2019. С. 27—29.

[38] *Беляев Л. А.* К истории и методике изучения погребальных сосудов Позднего Средневековья // De mare ad mare: Археология и история: Сб. статей к 60-летию Н. А. Кренке. Смоленск, 2017. С. 119—136.

[39] *Беляев Л. А.* Русское средневековое надгробие: Белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII—XVII вв. М., 1996.

[40] *Беляев Л. А.* К хронологии антропоморфных саркофагов Руси XV—XVII вв. // КСИА. 2018. Вып. 252. С. 219—232; *Он же.* Заметки по истории антропоморфных саркофагов в Европе и России // Города и веси средневековой Руси: Археология, история, культура: К 60-летию академика Н. А. Макарова. М.; Вологда, 2015. С. 365—374.

[41] См.: *Беляев Л. А.* Монастыри Московской Руси: Этапы археологического изучения и современное состояние // КСИА. 2019. Вып. 256. № 4. С. 7—22.

[42] *Беляев Л. А., Кренке Н. А., Шуляев С. Г.* Докремлевская Москва: Новые данные по топографии и керамике Даниловских селищ IX/X—XIV вв. // РА. 2010. № 1. С. 94—103.

[43] Подробнее: *Беляев Л. А.* Древние монастыри Москвы (конец XIII—XV вв.) по данным археологии. М., 1994; 3-е изд., электрон., расшир.—М., 2010.

[44] ПСРЛ. Л., 1926—1928. Т. 1, вып. 1—3. Стб. 482—483.

[45] *Приселков М. Д.* Троицкая летопись: Реконструкция текста. СПб., 2002. С. 331.

на[46], епископ Симеон, князь Михаил Ярославич и его мать Ксения[47], освятили малым освящением[48], а затем и большим, 8 ноября 1290 г. (в день тезоименитства Михаила Ярославича)[49]. Его остатки раскрыли в 2014—2016 гг., подтвердив, что храм был белокаменным, а его фасады украшала резьба, очень близкая Рождественскому собору в Суздале. Он входил в круг храмов с четырьмя столпами и тремя притворами, был среднего размера (ширина главного нефа 4,50—4,70 м, длина снаружи с апсидой — более 20 м при ширине, без притворов и галерей, более 15 м), что близко церквям в Переяславле-Залесском, в Кидекше и во Владимире (собор Св. Дмитрия), но крупнее храмов в Боголюбове и Юрьеве-Польском. Твердо установленное участие художников, мастерски владевших приемами владимиро-суздальской резьбы по камню, заставляет задуматься о способах передачи этого искусства через более чем полувековой интервал, т. е. о поиске не известных нам по летописи сооружений, на которых могла быть обеспечена подготовка учеников.

Такой вопрос, конечно, не встает при знакомстве с остатками маленького храма Свв. Бориса и Глеба на княжеском дворе *в Ростове* (1287)[50], изученном в 1980—1990-х годах. Его строительная техника бедна: стены с забутовкой из мелкого булыжника на растворе извести, своды из плит туфообразного известняка.

Археология позволила пересмотреть сведения о первых каменных храмах, построенных князем Иваном Калитой, т. е. переписать первую страницу истории раннего зодчества *Москвы* в целом[51]. В XIX — первой половине XX в. город XIII—XIV вв густо «застроили» каменными зданиями подвалы XVII—XIX вв. «старого» собора Данилова монастыря относили к эпохе князя Даниила; церковь Спасского монастыря в Кремле считали каменной уже в 1319 г.; были уверены в достройке собора Богоявленского «за Торгом» монастыря тысяцким Протасием в 1339—1340 гг.; допускали каменные храмы XIV в. в Высоко-Петровском монастыре и на Крутицах; открытые в 1970-х годах под Успенским собором кладки относили к мифической Дмитриевской церкви XIII в. Позже к этим версиям добавились сообщения об открытии в Кремле «огромных» сооружений Калиты.

Начиная с 1980-х годов эти гипотезы постепенно снимались или сильно корректировались. В 2010-х годах большинство ассоциировавшихся с древнейшим периодом архитектуры Москвы резных камней удалось датировать более поздним временем или отнести к малым формам. Был снят вопрос о каменном Дмитриевском храме, якобы построенном в Кремле в домонгольскую эпоху, а основания столбов, открытые в Успенском соборе, интерпретировали как фундаменты каменного храма, заложенного 4 августа 1326 г.[52] и освященного[53] 14 августа 1327 г. Его план был, видимо, близок Георгиевскому собору в Юрьеве-Польском (гипотеза К. К. Романова) и Спасскому собору в Твери. Изменились представления о небольшой церкви Иоанна Лествичника (1329). На основе материалов старых раскопок П. П. Покрышкина (1913) ее план

[46] *Малыгин П. Д.* Ярослав Ярославич и Тверь в летописных известиях // Великое прошлое. Тверь, 1995. С. 46.

[47] Там же.

[48] ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 18. С. 81.

[49] ПСРЛ. СПб., 1863. Т. 15. Стб. 406.

[50] Известен по сообщению в Никоновской летописи: ПСРЛ. М., 1885. Т. 10. С. 167.

[51] Подробные разборы и литературу см. : *Баталов А. Л., Беляев Л. А.* Зодчество Москвы и Твери второй половины XIII — первой половины XIV века. С. 159—207.

[52] ПСРЛ. Т. 18. С. 89.

[53] ПСРЛ. Пг., 1922. Т. 15, вып. 1. Стб. 44 (под 6835 г.).

был включен в восточнохристианскую традицию[54], а затем уточнен по детальному сходству с планом дворцовой капеллы на Мангупе в Крыму (ее датируют второй половиной — концом XIV в.)[55]. Анализ скудных данных по археологии первого Архангельского собора (1333) доказал, что и он, как все постройки Ивана Калиты, не был крупным[56].

Об остальных постройках в Москве до конца XIV в. археологических сведений пока нет. В то же время постепенно проясняется картина развития малых архитектурных форм. Фиксируется быстрый отход от сооружения аркосолиев, служивших главными элементами оформления погребений внутри храмов. Столь же быстро развивается новая форма памятника — намогильная плита-надгробница, возникшая сперва как орнаментированная крышка прямоугольного саркофага. В ближайшем будущем она, наряду с развивающимся с конца XIV в. антропоморфным саркофагом, станет основой формирования поминальных комплексов внутри храмов и на открытых кладбищах Московского княжества.

В целом можно утверждать, что материальную культуру в период от монгольского нашествия до Куликовской битвы отличало сохранение части домонгольских технологических традиций и «моды» при постепенном отказе от них и формировании новой, собственно московской, культурной модели.

---

[54] Первая интерпретация: *Кавельмахер В. В., Панова Т. Д.* Остатки белокаменного храма XIV в. на Соборной площади Московского Кремля // Культура средневековой Москвы XIV—XVII вв. М., 1995. С. 66–81.

[55] Последняя публикация: *Герцен А. Г., Науменко В. Е., Шведчикова Т. Ю.* Население Дороса-Феодоро по результатам комплексного археолого-антропологического анализа некрополей Мангупского городища (IV—XVII вв.). М.; СПб., 2017. С. 43. Ил. 1, 8.

[56] *Мосунов Ю. П.* Храм Архангела Михаила 1333 года в Московском Кремле // Московский Кремль XIV столетия: Древние святыни и исторические памятники. М., 2009. С. 115—117.

Глава 6

РЕЛИГИЯ И ЦЕРКОВЬ

Русская церковь

Монгольское нашествие, имевшее катастрофические последствия для Руси, непосредственно затронуло и Русскую церковь (Киевскую митрополию Константинопольского патриархата), имевшую к тому времени сложившуюся епархиальную структуру и правовую базу своей деятельности. После 1240 г., когда Киев был взят монгольскими войсками, неизвестна судьба митрополита Иосифа. Ряд епархий также остались без возглавления (в частности, при взятии Владимира-на-Клязьме монгольским войском 7 февраля 1238 г. погиб владимирский епископ Митрофан, а в 1239 г. при взятии войсками Батыя Переяславля Южного — епископ Симеон)[1], некоторые из них, по всей видимости, на время прекратили существование. Была утрачена значительная часть книжного наследия, в том числе множество богослужебных книг, погибли рукописи, содержавшие памятники богословской мысли и церковно-учительной литературы. На десятилетия прекратилось каменное церковное строительство. Тем не менее русской церкви удалось при помощи светских властей сохранить православие на всех русских землях, а также свое институциональное единство как митрополии вплоть до начала XIV в. (а с перерывами и далее). Духовенство и монашество со временем получили от монгольских властей несколько более привилегированное по сравнению с другими группами русского общества положение, что, впрочем, не гарантировало от нанесения церкви ущерба во время неоднократных набегов ордынцев, в том числе во время русских княжеских междоусобиц (так, в 1293 г. от ордынцев вновь пострадал Успенский собор во Владимире-на-Клязьме, в 1327 г. — Спасский собор в Твери и т. д.)[2].

Около 1246/47 г. константинопольским патриархом Арсением Авторианом (в 1240—1244 г. патриарший престол был вакантен) был поставлен новый митрополит всея Руси Кирилл II (1242/44—1281), посланный галицко-волынским и киевским князем Даниилом Романовичем в Никею, куда после взятия «латинянами» Константинополя в 1204 г. был перенесен центр греческого православия[3]. Период возглав-

---

[1] ПСРЛ. Л., 1926–1928. Т. 1, вып. 1–3. Стб. 463—464; ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25. С. 130.

[2] См.: *Охотина Н. А.* Русская Церковь и монгольское завоевание // Церковь, общество и государство в феодальной России. М., 1990. С. 67—85; *Плигузов А. И., Хорошкевич А. Л.* Русская церковь и антиордынская борьба в XIII—XV вв. (по материалам краткого собрания ханских ярлыков русским митрополитам) // Там же. С. 84—102.

[3] В качестве митрополита (безусловно, нареченного, т. е. не прошедшего обряда хиротонии) Кирилл упоминается уже под 1242/1243 г. (ПСРЛ. СПб., 1908. Т. 2. Стб. 794). Имеются основания отождествлять Кирилла с одноименным (видимо, уже принявшим монашество) печатником галицко-волынского кн. Даниила Романовича, фигурирующим на страницах Галицко-Волынской летописи как раз незадолго до времени поставления этого митрополита, под 1241 г. (Там же. Стб. 791).

ления Кириллом II русской митрополии обозначил начало нового периода ее истории. Это было связано с установлением режима зависимости Руси от ханов Улуса Джучи, что неизбежно вносило коррективы в устоявшиеся нормы отношений церковных и светских властей; с появлением новых редакций сборников церковного права, в большей степени адаптированных к русским реалиям; с постепенным перемещением центра русской церковной жизни из Киева на северо-восток Руси, на территорию Владимирского княжения.

В соответствии с принятым в Монгольской империи XIII в. принципом веротерпимости, основанным на положениях «Ясы» Чингисхана, русская церковь получила от монгольских властей льготный статус. Она освобождалась от уплаты дани в пользу Орды, включая как основной налог (так называемый «выход»), так и различные подати, касающиеся торговли, транспортно-почтовой службы, военного постоя и т. д. Уже при переписи 1257 г. в Северо-Восточной Руси, предпринятой с целью дальнейшей систематической выплаты дани населением, численники (ордынские переписчики) «толико не чтоша игуменов, черньцов, попов, крилошан, кто зрить на святую Богородицю и на владыку»[4].

Время получения первых ханских пожалований остается дискуссионным вопросом. Первый известный ханский ярлык, выданный русским церковным властям и дававший гарантии неприкосновенности православной веры, духовенства и церковных имуществ, относится к 1267 г. и принадлежит хану Менгу-Тимуру (1266—1282); он сохранился в русском переводе в составе наиболее раннего, так называемого краткого собрания ханских ярлыков[5]. Однако в нем содержится ссылка на более ранее пожалование, датировка которого неясна[6].

Римско-католическая церковь, воспользовавшись ослаблением Руси после монгольского нашествия, а также греческого православия в связи с временным падением Византии (замененной на берегах Босфора так называемой Латинской империей), пыталась добиться от восточных христиан признания верховенства папы римского в обещание на военную помощь против монголов[7]. Папа Иннокентий IV (1243—1254) в 1248 г. всту-

[4] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 475.

[5] ПРП: В 8 вып. М., 1955. Вып. 3. С. 467—468; РФА. М., 1987. Т. 3. С. 588—589.

[6] *Соколов П. П.* Русский архиерей из Византии и право его назначения. Киев, 1913. С. 188—189; *Приселков М. Д.* Ханские ярлыки русским митрополитам. Пг., 1916; *Григорьев А. П.* Ярлык Менгу-Тимура: Реконструкция содержания // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Л., 1990. Вып. 12. С. 53—102; *Он же.* Сборник ханских ярлыков русским митрополитам: Источниковедческий анализ золотоордынских документов. СПб., 2004. С. 7—44; *Почекаев Р. Ю.* Ярлыки ханов Золотой Орды русской церкви: К вопросу о хронологии и количестве // Научный Татарстан. 2010. № 2. С. 156—168; *Сочнев Ю. В.* К изучению ярлыка Менгу-Тимура и оценке его влияния на русские великокняжеские акты // ДРВМ. 2018. № 2 (72). С. 65—73.

[7] Согласно английским хроникам XIII в., на Первом Лионском соборе, созванном в 1245 г. папой Иннокентием IV, выступал некий русский архиепископ Петр (как показано недавними исследованиями, с большой степенью вероятности — Белгородский, который до монгольского нашествия был викарным архиереем киевского митрополита). См.: *Селарт А.* Архиепископ Петр и Лионский собор 1245 г. // Rossica Antiqua. 2011. № 1. С. 100—113; *Назаренко А. В.* Архиепископы в Русской Церкви домонгольского времени // ДРВМ. 2015. № 4 (62). С. 70—72). Однако достоверно неизвестно, имела ли деятельность Петра униатскую направленность, — хоть он и присутствовал на папском богослужении, прямо не говорится, что он сослужил католическому духовенству (см.: *Матузова В. И.* Английские средневековые источники IX—XIII вв.: Тексты, перевод, комментарий. М., 1979. С. 151, 180). Несомненно лишь, что архиепископ Петр был интересен участникам собора прежде всего как информант о вере и обычаях монгольских завоевателей (*Селарт А.* Архиепископ Петр и Лионский собор 1245 г. С. 108, 112—113).

пил в переписку с новгородским князем Александром Ярославичем Невским (который, согласно одной из направленных к нему папских грамот, был готов построить в Пскове католическую церковь, что было проинтерпретировано в Риме как желание учредить «латинскую» епископию с кафедральным собором)[8], однако она не привела к желательному для Рима результату (по данным Жития князя, около 1250 г. он ответил решительным отказом на призыв прибывших к нему двух папских легатов перейти в католичество[9]).

Галицко-Волынский князь Даниил Романович (1238—1264) установил контакты с Римом в 1245 г. с целью добиться помощи в борьбе против монголов. Есть основания полагать, что он формально признал свои владения находящимися под церковным управлением Рима. За признание папского главенства в церковных делах ему была обещана королевская корона. Князь принял от папского легата присланную корону *rex Russiae* (русского короля), но крестовый поход, к которому призвал глава римской церкви в 1253 г., так и не состоялся, после чего Даниил Романович утратил интерес к переговорам с папской властью (к 1259 г. Галич и Владимир Волынский признали власть Орды)[10].

В 1261 г. митрополитом Кириллом II в Сарае-Бату, столице Улуса Джучи, была основана Сарайская епископия[11] (по всей видимости, с позволения, или, как полагают некоторые исследователи, даже по инициативе хана Берке, мусульманина по вероисповеданию). Первым сарайским епископом стал Митрофан, которого в 1269 г. сменил Феогност, объединивший новоучрежденную епархию с древней Переяславской епископией. В 1261 г. произошло также важное событие международного масштаба — восстановление Византийской империи Михаилом Палеологом. С этого времени сарайский епископ стал выполнять важную дипломатическую функцию посредника между Византией, Ордой и русской митрополией. Так, известно, что в 1275/1276—1278/79 гг. сарайский епископ Феогност был в Константинополе с дипломатической миссией от имени митрополита Кирилла и хана Менгу-Тимура. Сохранился текст ответов на его вопросы константинопольского патриарха Иоанна XI Векка и Синода от 12 августа 1276 г. в соборе Св. Софии[12]. Примечательно, что этот патриарх был вынужден присоединиться к так называемой Лионской унии, инициированной византийским императором Михаилом VIII Палеологом и заключенной в 1274 г. при папе Григории X, но осужденной после смерти императора Константинопольским собором 1283 г. Тем не менее прямых данных о том, что русская церковь согласилась с заключением унии, не имеется (далеко не всеми она была признана и в самой Византии).

К новооснованной Сарайской епархии относились включенные в территорию Золотой Орды земли Южной Руси между Волгой и Днепром, пограничные с тер-

---

[8] См.: *Горский А. А.* Два «неудобных» факта из биографии Александра Невского // *Горский А. А.* «Бещисленыя рати и великия труды…»: Проблемы русской истории X—XV вв. СПб., 2018. С. 182—189.

[9] НПЛ. М.; Л., 1950. С. 305—306; БЛДР: В 20 т. СПб., 1997. Т. 5. С. 366, 368.

[10] См.: *Флоря Б. Н.* У истоков религиозного раскола славянского мира (XIII в.). СПб., 2004. С. 152—173; *Он же.* Исследования по истории Церкви: Древнерусское и славянское Средневековье: Сб. М., 2007. С. 198—206.

[11] ПСРЛ. Т. 25. С. 144. Так, в 1353/1354 г. константинопольский патриарх Филофей Коккин получил рекомендательную грамоту русских епископов о митрополите всея Руси Алексии через сарайского епископа, вероятно доставившего ее в столицу Византии (РИБ: В 39 т. 2-е изд. СПб., 1908. Т. 6. Прилож. 10. Стб. 54).

[12] РИБ. Т. 6. № 12. Стб. 129—140; ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 18. С. 77.

риторией Рязанской епископии[13]. Церкви епархии посещали русские, насильственно уведенные в Орду, а также бывавшие там торговцы-греки. Кроме того, она играла важную миссионерскую роль, способствуя обращению в православие татар (определенная часть ордынцев в то же время приняла ислам), а также несториан и яковитов, приверженцев еретических с православной точки зрения учений[14]. Епископ и русское духовенство могли не только пребывать в ханской столице (в XIV в. резиденция епископа, вероятно, была перенесена в новый центр Золотой Орды — Сарай-Берке), но и перемещаться вместе с татарскими кочевьями (об этом свидетельствует один из вопросов епископа Феогноста о возможности переносов «трапез» (церковных престолов))[15].

В рассматриваемый период сохранялась и свойственная домонгольскому периоду миротворческая деятельность епископата — так, епископы Сарайский Измаил и Владимирский (Владимира-Залесского) Симеон способствовали примирению русских князей в 1296 г.[16] Новгородские архиепископы Далмат и Климент от имени новгородцев вели переговоры с Александром Невским (1255), Ярославом Ярославичем (1269), Дмитрием Александровичем (зимой 1280/81 г.), способствуя примирению сторон и делая все, чтобы избежать кровопролития[17].

Митрополит Кирилл II, сохраняя за Киевом статус официальной митрополичьей резиденции, где он нередко проводил хиротонии епископов, с 1251 г. все чаще бывает на севере Руси, как в Новгородской земле, так и в княжествах Северо-Востока. До 1271 г. им была учреждена Тверская епархия (ранее ее территория входила в состав Владимиро-Суздальской епископии). В 1285—1289 гг. в Твери был возведен Спасо-Преображенский собор, ставший первым каменным церковным зданием на Руси, построенным после монгольского нашествия.

В 1273 г. была возобновлена Владимирская епископская кафедра. Митрополитом Кириллом II и собором епископом Владимира-Залесского был поставлен архимандрит Киево-Печерского монастыря Серапион, известный древнерусский церковный проповедник[18].

Вторая половина XIII в. — период важных мероприятий в области канонического права, инициированных митрополичьей кафедрой и получивших поддержку в отдельных епархиях. По просьбе митрополита Киевского Кирилла II в 1262 или в 1270 г. болгарским деспотом Иаковом Святославом на Русь была отправлена Сербская редакция славянской Кормчей, принципиальная новизна которой состояла в том, что, помимо собственно канонов, она включала толкова-

[13] В конце XIII в. неопределенность рубежа между Сарайской и Рязанской епархиями привела к возникновению длительного спора, касающегося степной местности, называемой Червленым Яром (по одноименной речке, впадавшей в Дон; Червленым Яром в XIV в. называли пространство между реками Дон, Воронеж, Хопер и Великая Ворона). Спор был вынесен на суд первосвятителя Русской церкви и был дважды разрешен в пользу рязанских владык, сначала митрополитом Максимом (1283—1305), затем митрополитом Петром (1308—1326). Но претензии Сарайской епархии на территорию «по Великую Ворону, возле Хопор, до Дону» сохранялись еще при митрополитах Феогносте (1328—1353) и Алексии (1354—1378), и только новой грамотой последнего (РИБ. Т. 6. № 19. Стб. 167—172; АСЭИ: В 3 т. М., 1964. Т. 3. № 313. С. 343—354; РФА. М., 2008. № 95. С. 304—306) в середине 1350-х годов Червленый Яр был окончательно закреплен за Рязанью.

[14] О крещении татар (неясно, имеются в виду язычники или мусульмане), а также о принятии в православие через миропомазание несториан и яковитов говорится в вопросах епископа Феогноста Константинопольскому синоду 1276 г. (РИБ. Т. 6. № 12. Стб. 136).

[15] Там же.

[16] ПСРЛ. М., 2000. Т. 6, вып. 1. Стб. 364.

[17] НПЛ. С. 81, 308, 88, 319, 324.

[18] ПСРЛ. Т. 18. С. 74; СПб., 1910. Т. 23. С. 89; РИБ. Т. 6. № 6. Стб. 83—84.

ния на них византийских канонистов XII в. Алексея Аристина, Иоанна Зонары и Федора Вальсамона (наиболее ранний восточнославянский список Сербской редакции — Рязанская пергаменная Кормчая 1284 г.). Кормчая Сербской редакции была представлена Кириллом II собору епископов в 1273 г. и соборно утверждена[19]. Этот собор, поставивший также епископа Серапиона, был созван не позднее октября 1273 г. (когда скончался один из его участников архиепископ Новгородский Далмат), скорее всего, во Владимире-Залесском (по Я. Н. Щапову — в Киеве), с участием нескольких епископов Северо-Восточной и Северо-Западной Руси. Собор принял ряд своих собственных правил, относящихся к русским реалиям[20]. «Правила Кирилла» стали первыми по времени сохранившимися соборными постановлениями средневековой Руси (они посвящены регламентации поставлений в священники и осуждению некоторых богослужебных практик и ряда народных обычаев).

Старший список правил собора 1273 г. сохранился в пергаменной рукописи конца XIII в. (ГИМ. Син. № 132) — в так называемой новгородской Синодальной кормчей, которая в целом представляет уже следующий этап развития церковно-юридических сборников на Руси. Из соединения Древнеславянской и Сербской редакций Кормчей книги в последние годы возглавления Русской церкви митрополитом Кириллом II (не позднее начала 1280-х годов) была составлена так называемая Русская редакция, включившая в свой состав также и памятники отечественной правовой традиции XI—XIII вв. (Правила митрополита Иоанна, «Вопрошание» Кирика Новгородца, Русскую Правду и пр.).

Второй по значимости архиерейской кафедрой на Руси после Киевской являлась Новгородская архиепископия. Географически совпадая в основном с обширнейшей Новгородской землей, эта епархия превосходила по территории все остальные епархии Русской церкви. За Новгородской кафедрой с конца XII в. закрепляется статус архиепископии, остающийся с того времени неизменным до конца XVI в. Период второй половины XIII в. представлял собой для новгородской Софийской кафедры период относительной стабильности и высокого авторитета архиерейской власти. «По благословению владыки» в 1260-е годы заключаются первые дошедшие до нашего времени договорные грамоты Новгорода с князем — Ярославом Ярославичем, зафиксировавшие на письме ограничения полномочий последнего в Новгородской земле[21].

По Я. Н. Щапову, к концу XIII в., как показывают и письменные, и сфрагистические (печати) источники, «сфера юрисдикции новгородского владыки расширилась очень значительно, и в нее вошли не только традиционно принадлежавшие церкви внутреннеадминистративные и судебные функции, но и внешнеполитические дела, отношения с другими русскими землями, а также большая сфера суда по гражданским делам, прежде никогда не принадлежавшая церкви»[22].

Очевидно, с разорением и запустением Русского юга епархии севера Руси приобрели в жизни митрополии особое значение.

---

[19] *Щапов Я. Н.* Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI—XIII вв. М., 1978. С. 163—185; *Полознев Д. Ф., Флоря Б. Н., Щапов Я. Н.* Высшая церковная власть и ее взаимоотношения с государственной властью (X—XVII вв.) // ПЭ: Русская Православная церковь. М., 2000. С. 195.

[20] См.: РИБ. Т. 6. № 6. Стб. 83—103. О датировке и месте проведения собора, а также о политическом контексте составления его правил см.: *Печников М. В.* К изучению соборных правил Собора 1273 г. // ДРВМ. 2009. № 4 (38). С. 97—107.

[21] ГВНП. М.; Л., 1949. № 1—3. С. 9—13.

[22] *Щапов Я. Н.* Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI—XIII вв. С. 223; ср.: Там же. С. 248; см. также: *Он же.* К истории соотношения светской и церковной юрисдикции на Руси в XII—XIV вв. // Польша и Русь: Сб. статей. М., 1974. С. 183—184.

В 1299 г. митрополит Максим (1283—1305), грек по происхождению, со всем двором покинул Киев и избрал своей постоянной резиденцией Владимир-на-Клязьме — столицу великого княжения Владимирского. Во владимирской летописи отмечается, что «митрополит Максим, не терпя татарьского насилья, оставя митрополью и збежа ис Киева и весь Киев розбежалъся. А митрополит иде ко Бряньску и оттоле иде в Суждальскую землю и со всем своим житьем»[23]. Упоминаемое летописью «татарское насилие» «явно связано с происходившей в 1299 г. войной между Тохтой и Ногаем… Киев входил в сферу влияния Ногая и стал жертвой похода войск Тохты»[24]. Несмотря на то что Северо-Восточная Русь сама относительно недавно, в 1293 г., подверглась ордынскому разорению отрядами Тудана («Дюденевой ратью»), местопребывание там, по-видимому, к концу XIII в. считалось более безопасным, чем на юге Руси. В Киевской земле митрополит оставил своего наместника. Прибыв на Северо-Восток, Максим перевел владимирского епископа Симеона в Ростов и сам стал управлять Владимирской епархией (включив ее в состав своей собственной митрополичьей области).

Следствием перенесения митрополичьей резиденции во Владимир-на-Клязьме стало первое в истории разделение Русской митрополии. Галицко-Волынский князь Юрий Львович (1301—1308) стал добиваться перед константинопольским патриархом назначения в Галицию отдельного митрополита. В результате этого при византийском императоре Андронике II Палеологе Старшем и патриархе Афанасии в 1303 г. была учреждена Галицкая митрополия, которая просуществовала, однако, недолго (вероятно, только до 1308 г.); тем не менее это создало определенный прецедент, позволяющий разделять Русскую митрополию неоднократно на протяжении XIV в. Первым митрополитом Галицким был Нифонт (1303 — не позднее 1305), которому были подчинены несколько южнорусских епархий: Перемышльская, Владимиро-Волынская, Луцкая, Холмская, а также Туровская епископия, которые, таким образом, выводились из-под власти киевских митрополитов.

Кандидатом князя Юрия Львовича на Галицкую митрополию после кончины митрополита Нифонта был игумен Петр, однако он был поставлен в Константинополе на Киевскую митрополию. При этом патриарх Афанасий пренебрег кандидатурой тверского игумена Геронтия, выдвинутой великим князем владимирским Михаилом Ярославичем. 12 апреля 1308 г. хан Тохта выдал свой ярлык новому киевскому митрополиту, но его текст не сохранился.

В 1309 г. Петр прибыл в Северо-Восточную Русь[25]. Под 1310 г. летопись сообщает о его пребывании в Брянске, который с 1250-х годов, после переезда в него князей и епископа из разоренного монголами Чернигова, являлся кафедральным центром Черниговской епископии (его архиереи носили титул «Брянских и Черниговских»). В Брянске Петр пытался предотвратить княжеское междоусобие с привлечением ордынцев, однако неудачно, и только то, что он укрылся в церкви, «съхрани его тогда цела от поганых татар»[26].

По всей видимости, после этих событий, в 1310 — начале 1311 г.[27] в Переяславле-Залесском великим князем Михаилом Ярославичем был созван церковный собор, о котором известно только из Жития

[23] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 485.

[24] *Горский А. А.* Москва и Орда. М., 2000. С. 39.

[25] НПЛ. С. 92, 333; *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. М., 1963. С. 280.

[26] ПСРЛ. Т. 18. С. 87.

[27] В марте 1311 г. Петр вместе с Тверским епископом Андреем хиротонисал в Твери двух епископов, что вряд ли было бы возможно до собора, только во время которого произошло примирение Петра и Андрея (ПСРЛ. СПб., 1863. Т. 15. Стб. 408).

митрополита Петра, дошедшего в двух редакциях — 1327 г. и 1381 г. (последняя принадлежит перу митрополита Киприана). На соборе тверским епископом Андреем в присутствии патриарших представителей были озвучены канонические нарушения, якобы допущенные Петром. К собору было приурочено составление произведений (посланий константинопольского патриарха Нифонта (1310—1314) и тверского монаха Акиндина к великому князю Михаилу Ярославичу)[28], обличающих симонию (поставление в духовный сан «на мзде») и разрешение браков между близкими родственниками (до шестого колена), что, очевидно, и ставилось в вину митрополиту Петру.

В отсутствие инициатора процесса великого князя Михаила Тверского, находившегося в Орде, собор, после бурных прений, оправдал митрополита[29], и Михаил Ярославич вынужден был окончательно смириться с нахождением на митрополичьем престоле Петра. В 1313 г. великий князь и митрополит ходили в Орду «к новому царю Озъбяку», т. е. Узбеку[30], вероятно, с целью посредничества при улаживании церковно-княжеских отношений.

К 1317 г. великий князь литовский Гедимин (1316—1341) добился у патриарха Иоанна Глики учреждения самостоятельной Литовской митрополии с центром в Новогрудке (ныне г. Гродно); просуществовала эта митрополия недолго, но упразднена она была уже после кончины митрополита Петра, около 1330 г., т. е. некоторое время существовала одновременно с Киевской митрополией, имевшей свой реальный центр теперь уже в Северо-Восточной Руси.

Важным событием периода возглавления Киевской митрополии Петром стал его переезд в Москву, при том, что официальная (хоть и не признанная еще Константинополем) митрополичья резиденция оставалась во Владимире-Залесском. Не исключено, что Москву в качестве своего места жительства митрополит Петр выбрал еще ранее, в великое княжение брата Ивана Калиты Юрия Даниловича (1318—1322). В 1326 г. святитель Петр заложил в Московском Кремле каменный Успенский собор, в котором и был погребен по своему завещанию после кончины 21 декабря 1326 г.

Это решение митрополита Петра во многом предопределило дальнейшую судьбу Русской церкви и сильно повлияло на исход борьбы за главенство в Северо-Восточной Руси, выражавшееся длительное время в соперничестве князей за титул великого князя владимирского[31]. Если ранее, в домонгольский период, митрополиты, большинство которых были греки, сторонились участия в политической борьбе на Руси, участвуя обычно лишь в примирениях враждующих князей (единственным исключением был непризнанный Константинополем Клим Смолятич), то после монгольского завоевания политизация в деятельности высших церковных иерархов возрастает. Так, митрополит Кирилл II вмешался в конфликт Новгорода с великим князем Ярославом Ярославичем в 1269—1270 г. на стороне последнего.

---

[28] РИБ. Т. 6 № 16. Стб. 147—158; *Кучкин В. А.* Источники «Написания» мниха Акиндина // Археографический ежегодник за 1962 г. М., 1963. С. 60—68.

[29] Смысл происходивших событий убедительно раскрыл Е. Е. Голубинский: тверской епископ Андрей обвинил новоприбывшего митрополита в мздоимстве при поставлениях в священный сан, патриарх понял его так, что Петр взимает больше узаконенной в Византии и на Руси платы за поставление; посланный патриархом клирик нашел, что митрополит взимает только установленные ставленнические пошлины, и Петр был оправдан (*Голубинский Е. Е.* История Русской Церкви. М., 1900. Т. 2, 1-я пол. С. 110).

[30] ПСРЛ. Т. 25. С. 160.

[31] См.: *Кричевский Б. В.* Русские митрополиты: Церковь и власть XIV в. СПб., 1996. С. 96—126; *Борисов Н. С.* Политика московских князей. Конец XIII — первая половина XIV в. М., 1999; *Мейендорф И., протопр.* Византия и Московская Русь: Очерк по истории церковных и культурных связей в XIV в. // *Мейендорф И., протопр.* История Церкви и восточно-христианская мистика. М., 2000.

В XIV в., выбрав как место своего постоянного пребывания Москву, столицу крепнущего княжества, а не Владимир, постепенно утрачивающий статус реального политического центра Северо-Восточной Руси, митрополиты оказались в определенной зависимости от политического курса московских князей. Это сказалось в деятельности ближайших преемников Петра на митрополичьей кафедре — грека Феогноста и русского Алексия. В условиях, когда митрополия охватывала земли, которые контролировали кочевники, литовцы, князья русских земель, находившиеся в сложных и зачастую враждебных отношениях друг с другом (как, например, Новгород и Москва, Москва и Тверь), главам Русской церкви и отдельным иерархам приходилось действовать, совершая тот или иной политический выбор. Дополнительную сложность положению Русской церкви, диктуя необходимость опоры на сильных светских православных властителей, добавлял фактор не всегда мирного соседства с католическими Швецией, Ливонским орденом, Польшей и Венгрией, а также рост исламского фактора ордынской политики на протяжении XIV в.

После кончины митрополита Петра константинопольский патриарх Исаия поставил главой Русской церкви грека Феогноста (1328—1353). При Феогносте продолжилось начавшееся при Петре сотрудничество митрополии с московским князем Иваном Даниловичем Калитой, в 1332 г. получившим от Золотой Орды полный контроль над территорией Великого княжества Владимирского, а также признанным Новгородом Великим в качестве своего князя, имевшего права держать там наместников. По прибытии на Русь новый митрополит поселился в Москве, где жил в последние годы и был похоронен его предшественник. Будучи в 1329 г. в Новгороде вместе с Иваном Калитой, митрополит наложил церковное запрещение на Псков, условием снятия которого была только выдача по требованию хана Узбека скрывшегося в этом городе после антиордынского восстания 1327 г. тверского и великого владимирского князя Александра Михайловича.

При Феогносте в Москве в Кремле были возведены каменные церкви Иоанна Лествичника (в 1329 г.; тогда же был пристроен к Успенскому собору придел Положения вериг апостола Петра), Спасо-Преображения на Бору (заложена в 1330 г.), Архангела Михаила (1333).

Князь Иван Калита в 1330 г. перенес Московскую архимандритию из Данилова монастыря, основанного князем Даниилом Александровичем в конце XIII—начале XIV в., в Кремль, в находящийся в непосредственной близости от княжеского двора Спасский монастырь. В XIV в. институт архимандритии, т. е. организации черного духовенства во главе с настоятелем крупнейшего монастыря, еще в домонгольский период появившийся в Новгороде (при Юрьевом монастыре в конце XII в.) и во Владимире (в 1227—1230 гг.[32]), становится почти обычным явлением в епархиальных центрах[33].

На протяжении первого столетия после монгольского завоевания заново, но на традиционной основе, складывается система епархиального управления. Хозяйственными делами епархий, как и в домонгольское время, ведали тиуны. Источники отмечают распространение должностей наместника[34] (замещающего архиерея в управлении и суде как в больших городах епархии, так и в ее кафедральном центре) и десятинника (ведающего сбором церковных пошлин с епархиальных округов — десятин).

---

[32] См.: *Артамонов Ю. А.* Владимирский Рождества Богородицы монастырь: От учреждения к архимандритии // ДРВМ. 2018. № 4 (74). С. 5—13.

[33] См.: *Давиденко Д. Г.* Монастыри-архимандритии в городах Северо-Восточной и Северо-Западной Руси в XIV—XV вв. // Средневековая Русь. М., 2012. Вып. 10. С. 248—331.

[34] О митрополичьих наместниках см.: *Давиденко Д. Г.* Митрополичьи наместники в XIV—XV вв. // Религии мира: История и современность. М.; СПб., 2012. С. 246—279.

По крайней мере в Туровской епархии XIV в. существовала должность владычного мытника, который ведал сбором пошлин от использования эталонов мер и весов, хранившихся в кафедральном соборе (подобная практика, связанная с собором Св. Иоанна Предтечи на Опоках, известна и в Новгороде). Что характерно, все указанные должности, как правило, занимали светские люди, земельные владения которых были на территориях, принадлежавших той или иной владычной кафедре. Это отличает систему русского епархиального управления от византийской. Необычен для Византии был и объем полномочий этих чиновников, что было связано с расширением церковной юрисдикции на Руси в XIII—XIV вв. Должности эти, очевидно, рассматривались как выгодные, поэтому правила собора 1273 г. запрещали ставить наместников и десятинников «на мзде», т. е. за деньги[35]. Наиболее развит институт наместничества, судя по сохранившимся данным, был в обширной Новгородской земле. Здесь он начинает формироваться в конце XIII в., при архиепископе Клименте[36]. Важную роль институт владычного наместника играл в Пскове, не имевшем своего архиерея и в церковном отношении находившемся в подчинении Новгороду. К 1330-м годам псковичи добились права избирать владычного наместника (обычно мирянина) из своей среды[37].

В начале 1330-х годов, после прекращения существования созданной ранее великим князем литовским Гедимином Литовской митрополии, Феогност пребывал на Волыни, где произвел ряд хиротоний русских епископов, а затем вернулся в Москву кружным путем через Константинополь и Золотую Орду[38]. В частности, в 1331 г. он рукоположил приехавшего во Владимир-Волынский новгородского архиепископа Василия Калику, одновременно отказав псковичам в праве иметь собственного епископа (кандидатом выступал некий Арсений), оставив тем самым крупный город Псков в пределах Новгородской епархии[39]. Во главе церковной организации Пскова фактически стояло духовенство собора Св. Троицы. Новгородский владыка наносил визиты в Псков («подъезды») обычно раз в несколько лет с целью осуществления апелляционного суда и сбора полагающихся пошлин. Регулярно «подъезды» архиепископов начинают отмечаться в летописании с 1330-х годов. Иногда псковичи отказывали архиепископам в пошлинах, что приводило к многолетним конфликтам.

В 1339 г. Феогност отправил послание в Константинопольскую патриархию с прошением о канонизации своего предшественника на кафедре митрополита Петра и получил от патриарха Иоанна XIV официальное одобрение этой инициативы. В начале 1340-х годов митрополит Феогност благо-

---

[35] РИБ. Т. 6. № 6. Стб. 92.

[36] Вероятно, около 1282 г. произошло учреждение ладожского наместничества новгородского владыки (см.: *Хорошев А. С.* Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики. М., 1980. С. 134—135). Ко времени святительства Давида относятся первые печати владычных наместников в Торжке (Новый Торг). Вопрос о времени появления наместничества в Пскове остается дискуссионным, обычно его определяют первой половиной XIV в. (см. обзор мнений: *Мусин А. Е.* Церковь и горожане средневекового Пскова: Историко-археологическое исследование. СПб., 2010. С. 269—271). По сфрагистическим данным, наместники новгородского владыки имелись и в самом Новгороде, исполняя административные функции архиепископа тогда, когда сам он этого делать по той или иной причине не мог (*Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси X—XV вв. М., 1970. Т. 2. С. 67—84; *Хорошев А. С.* Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики. С. 136).

[37] *Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси X—XV вв. Т. 2. С. 67—84; *Хорошев А. С.* Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики. С. 136.

[38] РИБ. Т. 6. Доп. 7. С. 435—438.

[39] НПЛ. С. 343, 344; ПСРЛ. М., 2000. Т. 4, ч. 1. С. 264 (подробнее см.: *Мацуки Ейзо.* Избрание и поставление Василия Калики на новгородское владычество в 1330—1331 гг. // Великий Новгород в истории средневековой Европы. М., 1999. С. 213—217).

словил преподобного Сергия Радонежского, происходившего из ростовского боярского рода, на создание Троицкого монастыря недалеко от подмосковного Радонежа, принадлежавшего серпуховско-боровской ветви московских князей (первоначальная пустынь на горе Маковец была основана преподобным Сергием вместе с братом Стефаном после смерти их родителей). Приехавшие от Феогноста священники освятили деревянный Троицкий храм будущей обители, игуменом которой преподобный Сергий стал около 1354 г. Со временем Троице-Сергиев монастырь стал самым знаменитым и влиятельным духовным центром Московской земли. Ученики Сергия положили начало новому монашескому движению и монастырскому строительству в Москве и ее ближайших окрестностях, в соседних княжествах, а затем и в Заволжье.

В начале 1340-х годов происходит осложнение отношений Русской церкви с властями Орды. Еще в 1313 г. хан Узбек официально принял ислам. Некоторое время, однако, это почти не сказывалось на церковно-ордынских взаимоотношениях. В 1342 г. вместе с московским князем Симеоном Ивановичем Гордым Феогност отправился в Сарай к новому хану Джанибеку, где произошел беспрецедентный эпизод — митрополит был задержан в связи с рассмотрением вопроса о введении налогового обложения Русской церкви. В итоге разбирательства при ханском дворе Феогносту все же был выдан ханский ярлык (по-видимому, этот несохранившийся источник подтверждал традиционные церковные привилегии). В 1343 г. митрополит вернулся на Русь.

В 1347 г. Феогност наложил временный церковный интердикт на Москву в связи с запрещенным Церковью третьим браком великого князя Симеона Гордого, которого митрополит отказался благословить. В том же году он добился от Константинопольского патриархата ликвидации Галицкой митрополии, учрежденной в начале XIV в., после чего в 1348—1349 г. он вновь совершил пастырский визит на Волынь.

При Феогносте была образована Суздальская епископия, выделенная из территории митрополичьей области. Около середины XIV в., не позднее 1353 г.[40], была учреждена Коломенская епархия, ставшая 17-й в составе Киевской митрополии. Но инициатива ее учреждения, наиболее вероятно, исходила от московской княжеской власти[41]. Коломна являлась одним из основных городов, принадлежавших московскому княжескому дому (а именно, была доменом старшего князя из рода Калитовичей), представители которого с 1363 г. закрепили за собой титул великих князей владимирских. Основная территория новой епархии была выделена из Рязанской епископии (за которой, видимо, в виде компенсации закреплялся Червленый Яр). С основанием Коломенской кафедры церковные доходы с части территории Московского княжества оставались в ней же, а не уходили в Рязань.

Новгородский «дом Святой Софии», как и Новгородская республика в целом, в XIV в. переживает свой расцвет. Растущая роль архиепископа в жизни Новгородского государства (как во внутренних, так и во внешних делах) обусловливалась в том числе ставшим постоянным с 1320-х годов отсутствием в Новгороде князя (великого князя владимирского), присылавшего в Новгород своих наместников. Боярское правительство Новгорода (посадники и тысяцкие, число которых для разных периодов новгородской истории варьировалось) собиралось на Владычном дворе у архиепископа. Начиная с XIV в. новгородские архиепископы нередко осуществляют общее руководство как церковным, так и светским строительством

[40] ПСРЛ. Т. 18. С. 98; см. также: ДДГ. М.; Л., 1950. № 3. С. 14.

[41] *Мазуров А. Б.* Средневековая Коломна в XIV — 1-й трети XVI в.: Комплексное исследование региональных аспектов становления единого Русского государства. М., 2001. С. 174; ср.: *Голубинский Е. Е.* История Русской церкви. М., 1911. Т. 2, 2-я пол. С. 30.

на территории Новгородской епархии. Показательна деятельность архиепископа Василия Калики в 1330-х—начале 1350-х годов, когда на выделяемые владыкой средства Софийской казны ведется строительство городского моста, оборонительных сооружений в Новгороде, Пскове и Орешке; использование этих средств для общегосударственных нужд ранее не было свойственно новгородским владыкам и указывает на большую значимость фигуры архиерея, чем прежде. О росте авторитета архиепископа также свидетельствует более частое, чем раньше, участие владыки в примирении враждующих партий, обычно представляющих ту или иную сторону, какой-либо конец Новгорода или их сочетания (1343, 1360 гг. и др.).

Весной 1353 г. Феогност и великий князь Симеон Гордый умерли в Москве в эпидемию чумы (общеевропейской и азиатской «черной смерти»). Но еще в 1352 г. Феогност поставил епископом во Владимир-Залесский и своим наместником Алексия и отправил от своего имени и от великого князя Симеона Гордого посольство с просьбой поставить Алексия на митрополию после своей кончины. 30 июня 1354 г. Алексий был поставлен на Киевскую кафедру (причем в настольной грамоте патриарха указывалось, что это случай исключительный по причине достоинств Алексия, однако в будущем Киевскую кафедру должны занимать только греки)[42]. Посылая Алексия во Владимир, патриархия фактически признавала состоявшимся перенос официального центра митрополии в этот город.

Вскоре после кончины Феогноста начинается осложнение отношений митрополии с Новгородской архиепископией, которое продлится несколько десятилетий. В 1353 г. вернувшийся на Софийскую кафедру архиепископ Моисей жаловался в Константинополь на притеснения митрополита[43]; непростые отношения с митрополитом Алексием сложились у следующего новгородского архиепископа, также Алексия (что выразилось в конфликте по вопросу о присвоении новгородским владыкой права ношения кресчатой фелони, рассматривавшемуся по инициативе митрополита константинопольским патриархом в 1370 г.)[44].

В 1359 г. митрополит Алексий, сын служившего московским князьям выходца из Чернигова боярина Федора Бяконта, стал одним из руководителей Московского государства в малолетство рано оставшегося без отца князя Дмитрия Ивановича (род. в 1350 г.).

Алексий был вынужден руководить церковными делами в условиях последовательно существовавших параллельных иерархий, не признаваемых Русской митрополией. Сначала по настоятельной просьбе литовских властей тырновский патриарх поставил митрополитом Киевским некоего Феодорита, непризнанного Москвой и Константинополем[45]. В 1354/55 г. константинопольским патриархом Филофеем была возобновлена Литовская митрополия (притом, что большинство из литовских князей, включая великого князя Ольгерда, были язычниками-огнепоклонниками). Центром этой митрополии был Новогрудок, в нее входили Полоц-

[42] РИБ. Т. 6. Прилож. 9. Стб. 41—52.

[43] Новгородский владыка отправил грамоты в Константинополь «к цесарю (Иоанну Кантакузину. — *Авт.*) и к патриарху (Филофею Коккину. — *М. П.*), прося от них благословения и исправления о неподобных вещех, приходящих с насилием от митрополита» (НПЛ. С. 363).

[44] РИБ. Т. 6. Прилож. 19. Стб. 116.

[45] Сохранился греческий текст двух грамот патр. Филофея новгородскому архиепископу Моисею от июля 1354 г. (Там же. № 10—11. Стб. 51—64). В них Филофей предписывает новгородскому владыке полное повиновение поставленному им митрополиту Киевскому Алексию и предостерегает от признания духовной власти Феодорита (отлученного константинопольским патриархом от Церкви). Моисей подчинился воле константинопольского патриарха, получив от него в виде поощрения право носить полиставрий (крещатая фелонь) (НПЛ. С. 364).

кая, Туровская епархии и епархии Галицко-Волынской земли. В митрополита Литовского патриархом Каллистом был посвящен тверской инок Роман, ставленник Ольгерда, постепенно подчинившего своей власти Брянск, часть Смоленской земли и Киев, на которые, вопреки первоначальным условиям патриархии, Роман распространил свою церковную власть. Отправившийся в 1359 г. в Киев Алексий, надеющийся найти там поддержку местных князей, был захвачен Ольгердом, не признававшим его законным киевским митрополитом, ограблен и заточен, но митрополиту удалось бежать в 1360 г. В том же году Роман самовольно включил в состав своей митрополии Тверь.

После смерти Романа в 1362 г. Литовская митрополия прекратила свое существование, вероятно, по причине неодобрения Константинополем экспансионистской политики в ущерб Киевской митрополии. Алексий побывал в Литве, вел переговоры с Ольгердом, поставил епископа в Брянск и даже крестил дочь литовского князя. На несколько лет, до конца 1360-х годов, между Москвой и Литвой установились мирные церковные отношения.

При митрополите Алексии и были основаны загородный Андроников монастырь на Яузе (в середине 1350-х годов) и кремлевский Чудов монастырь (1365).

Монастыри по данным археологии

В традиционных древнерусских центрах жизнь ранее основанных и новых монастырей продолжалась во второй половине XIII—XIV в. без перерыва. Это очень наглядно показывают непрерывно развивающиеся кладбища (некрополь монастыря Рождества Богородицы во Владимире[46]; кладбище на месте собора Никитского монастыря в Переяславле-Залесском и др.), переживающие рубеж нашествия.

Возникновение первых монастырей собственно Москвы археологически фиксируется с большим трудом. Их маркерами могут служить, прежде всего, церковные постройки с прилегающими кладбищами, остатки келий и хозяйственных сооружений, соседние слободы. Однако первые каменные храмы в Москве появляются только после 1326 г., и до конца XIV в. их в городе единицы. Монастырские некрополи обычно мало отличимы от приходских и соборных XII—XIII вв. (таких как кладбища в зоне здания Манежа, кладбище у церкви Косьмы и Дамиана и вокруг Успенского собора в Московском Кремле), хотя они и наследуют от домонгольской Руси некоторые особые элементы именно монастырского обряда: кирпичи-подголовники[47]; каменные прямоугольные саркофаги[48]. Только с конца XIV в. появляются новые маркеры: сосуды для елея[49], надгробные плиты с более слож-

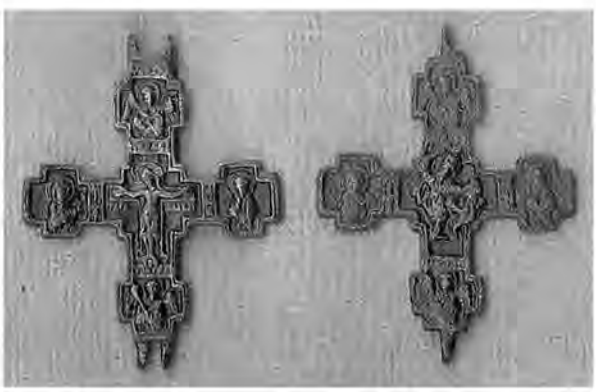
[46] *Беляев Л. А., Глазов В. П., Зыков П. Л., Иоаннисян О. М.* Погребальные сооружения XII—XV веков на месте собора Рождества Богородицы во Владимире (по материалам работ 1997—2000 годов) // Земли родной минувшая судьба… К юбилею А. Е. Леонтьева. М., 2018. С. 62—72.

[47] *Беляев Л. А.* Камень под головой и лестница в небо: Археология, иконография, источник // Вестн. Православного Свято-Тихоновского гуманит. ун-та. Сер. 5. № 2 (5); Вопросы истории и теории христианского искусства. М., 2011. С. 72—84.

[48] *Беляев Л. А.* Рождение традиции: Погребальные памятники Северо-Восточной Руси XII—XV веков в контексте архитектуры // Комплексный подход в изучении Древней Руси: М-лы X Междунар. науч. конф. 9—13 сентября 2019 г. М., 2019. С. 27—29.

[49] *Беляев Л. А.* К истории и методике изучения погребальных сосудов Позднего Средневековья // De mare ad mare: Археология и история: Сб. статей к 60-летию Н. А. Кренке / Ин-т археологии РАН. Смоленск, 2017. С. 119—136.

Крестики подвесные. Зачатьевский Алексеевский монастырь. Москва. XIII—XVI вв.



Крест-реликварий подвесной раскладной (энколпион). Зачатьевский Алексеевский монастырь. Москва. XIV—XV вв.

ным орнаментом, чем в XIII в.[50]; первые антропоморфные (подобные телу человека) саркофаги[51].

Археологические исследования позволяют уверенно говорить о существовании на месте Данилова монастыря и его слободы заселенного района уже с X—XI вв. О существовании здесь монастыря рубежа XIII—XIV вв. и сохранении на его месте кладбища (после перевода монастыря в Кремль) говорят сосуды для елея XV—XVI вв., обнаруженные в могилах как раз на том участке, где позже (в 1550—1560-е годы) был построен каменный храм возобновленного монастыря[52].

Благодаря сохранившимся слоям археологически восстанавливается история Богоявленского («за Торгом») монастыря на ближнем посаде Москвы. До кладбища здесь существовала жилая застройка (слой с обильной бытовой керамикой, возможно, домонгольской). Деревянный храм сменил каменный, но его археологическая дата (конец XIV — первая четверть XV в.) иная, чем традиционная монастырская (около 1340 г.).

Можно решительно говорить о существовании одного из первых монастырей Москвы, девичьего Алексеевского. Раскопки 2000-х годов установили присутствие здесь поселения (монастырского?) XIV в. с деревянной церковью и кладбищем (первое надгробие — второй половины XIV в., в XV — первой половине XVI в. кладбище быстро расширялось). Это единственное монастырское место Москвы, где открыта и часть деревянной келейной застройки по периметру ограды, вокруг собора: первая по времени линия келий может восходить к XIV в.,

[50] *Беляев Л. А.* Русское средневековое надгробие: Белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII—XVII вв. М., 1996.

[51] *Беляев Л.А.* К хронологии антропоморфных саркофагов Руси XV—XVII вв. // КСИА. 2018. Вып. 252. С. 219—232; *Он же.* Заметки по истории антропоморфных саркофагов в Европе и России // Города и веси средневековой Руси: Археология, история, культура: К 60-летию академика Н. А. Макарова / Отв. ред. П. Г. Гайдуков. М.; Вологда, 2015. С. 365—374.

[52] Подробнее: *Беляев Л. А.* Древние монастыри Москвы (конец XIII—XV вв.) по данным археологии. М., 1994; 3-е изд., электрон., расшир. — М., 2010.

вторая не пережила конец XVI в. Некрополь плохо сохранился, но концентрация керамики и иных предметов, характерных для эпохи XIV—XV вв., а также обилие половой плитки и обмазок от деревянных стен позволили определить зону, где стоял деревянный собор монастыря[53].

Археология Высоко-Петровского монастыря, также возводимого историографической традицией к XIV в., позволяет говорить о его существовании не позднее второй половины XV в. На месте каменного собора 1510-х годов фиксируется более раннее кладбище (отмечены могилы, предшествующие строительству; одно надгробие XV в. на своем месте и ряд фрагментов того же времени) при деревянном храме (найдена плитка пола раннего типа), но полная хронология неясна, а бытовые материалы даже XV в. в монастыре единичны. Его место на карте Москвы XIV в. нельзя считать твердо установленным.

Проводимые с 2007 г. систематические раскопки в Кремле, в том числе в зоне Чудова монастыря, несмотря на существенно разрушенный слой, дали возможность изучить кладбище, часть материалов которого можно отнести ко второй половине — концу XIV в[54]. Также и материалы археологии по некрополю девичьего Вознесенского монастыря, полученные при его разрушении в 1930-х годах, соотносимы с письменными источниками о его возникновении в начале XV в.[55] Для Андроникова монастыря наглядным доказательством его появления в XIV в. служит статусный некрополь, открытый на месте алтаря его Спасского собора[56]. На Крутицком подворье археологически подтверждено существование кладбища не позднее XV в.

В ряде случаев, когда историография полагает место и время сложения монастыря твердо установленным, широкие раскопки не дают абсолютно никаких оснований для идентификации (Георгиевский монастырь на Дмитровке)[57]. Известные сомнения высказывались также по поводу изначального размещения Сретенского и Рождественского монастырей[58]. В них пока проведены лишь незначительные раскопки, причем на периферии территории, и они не показали слоев ранее конца XV—XVI в. То же самое касается Златоустовского[59] и Ивановского[60] монастырей: сведения источников о них не восходят к XIV в., проверить время заселения их участков было бы важно, — но их культурный слой существенно нарушен, и серьезных раскопок пока не проводилось.

В монастырях вне Москвы, несомненно существовавших в XIV в., таких, как

---

[53] Обзор работ, анализ источников и литературы: *Беляев Л. А.* Алексеевский и Зачатьевский: Два монастыря Москвы в зеркале археологии и истории XIV—XVI веков // ИЗ. М., 2019. Т. 18 (136).

[54] *Беляев Л. А.* Древние монастыри Москвы (конец XIII—XV вв.) по данным археологии; *Беляев Л. А., Григорян С. Б., Савельев Н. И.* Высоко-Петровский монастырь // Города. Поселения. Некрополи. Раскопки 2016 года: Материалы спасательных археологических исследований. М., 2017. Т. 19. С. 20—26.

[55] Предварительная публикация: Археология Московского Кремля: Раскопки 2016—2017 гг. / Под ред. Н. А. Макарова и В. Ю. Коваля. М., 2018.

[56] Некрополь русских великих княгинь и цариц в Вознесенском монастыре Московского Кремля: Материалы и исследования: В 4 т. М., 2009—2019.

[57] К сожалению, за неквалифицированными работами последовала субъективная интерпретация.

[58] *Беляев Л. А.* Древние монастыри Москвы (конец XIII—XV вв.) по данным археологии.

[59] *Беляев Л. А.* Чудотворная икона в сакральной топографии средневекового города: Первый престол иконы Владимирской Богоматери в Москве // Чудотворная икона в Византии и Древней Руси. М., 1996. С. 303—321; *Беляев Л. А., Олейников О. М.* Исследования в Сретенском монастыре г. Москвы // АО 2014 года. М., 2016. С. 79—80.

[60] *Беляев Л. А.* Видимое и невидимое: Златоустовский монастырь как объект культурного наследия // Московское наследие. 2018. № 3 (57). С. 88—103.

Троицкий Сергиев[61], археологические материалы первых столетий пока не обнаружены, но это не ставит под сомнение их существования — по-видимому, они существенно повреждены при многочисленных перестройках. Напротив, некоторые малые монастыри в сельской местности (и Хотьковский Богородичный, Стромынский и др.[62]) выявлены С. З. Черновым. Некоторые ранние монастыри определяются на основе находки одного-двух погребений (Савватиева пустынь под Тверью).

---

[61] *Беляев Л.А., Батанина М.С., Глазунова О.Н., Решетова И.К., Савельев Н.И.* Работы в Ивановском монастыре в 2017 году // Города. Селища. Могильники. Раскопки 2017 года. М., 2018. С. 40—45.

[62] *Чернов С.З.* Исторический ландшафт окрестностей Троице-Сергиева монастыря и его семантика // ПКНО. 1999 г. М., 2000; *Он же.* Некрополь Троице-Сергиева монастыря по материалам археологических исследований 2003 г. // РА. 2008. № 2; *Чернов С.З., Лебедева Е.Ю.* Покровский в Хотькове монастырь по данным археологических исследований 1978—2008 гг. // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. М., 2012. Вып. 8. С. 175—203.

Глава 7

РУССКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРАВО

В рассматриваемую эпоху древнерусское законодательство развивалось в прежнем русле, опираясь на предшествующие памятники и складываясь в основном из двух составных частей — обычного права и княжеских нормативных актов. Существенно увеличивается роль письменной традиции юридических памятников.

Влияние монголов на развитие русского права остается предметом дискуссии. Во всяком случае на уровне текстов его с трудом можно проследить. Ордынские ярлыки князьям (их текст до нас не дошел) и митрополитам, отчасти встраивавшие русских светских и церковных владетелей в ордынский государственный аппарат с его сложной системой налоговых сборов, едва ли содержали принципиально новые для Руси юридические нормы. Некоторые заимствования можно наблюдать в терминологии: так, тюркское «таможьникъ» для обозначения сборщика податей уже во второй половине XIII в. попадает в русские документы, вытесняя славянское «мытарь».

Можно полагать, что ордынское владычество в целом, хотя и опосредованным образом, повлияло на ужесточение норм, карающих за уголовные преступления и, в частности, преступления против интересов власти. В нем видят одну из причин закрепления смертной казни в русском законодательстве с конца XIV в. (как следствия изменения отношения к убийству)[1]. Но в данном отношении трудно отделить влияние монголов от влияния византийского законодательства с его развитой системой уголовных наказаний. Кроме того, единичные свидетельства о возможности смертной казни на Руси по приговору суда дошли от конца XII — начала XIII в.[2]

Вторая половина XIII и начало XIV в., когда русская письменная культура восстанавливалась после нашествия завоевателей, были отмечены усилиями церковных иерархов по обработке и систематизации русского и византийского права. На основе Сербской и Древнеславянской редакций Кормчей в 1270-е годы создается новая, Русская редакция[3]. Уже в конце XIII в. она переписывалась в разных русских епархиях. Список, изготовленный в 1282 г. в Новгороде по повелению архиепископа Климента, впервые включил в свой состав Русскую Правду — очевидно, в связи с распространением юрисдикции архиепископского суда на гражданские дела. В дальнейшем это породило богатую руко-

---

[1] *Горский А. А.* «Всего еси исполнена земля Русская...»: Личности и ментальность Русского Средневековья. М., 2001. С. 93.

[2] *Покровский Ф. И.* Словеса из святых книг собрана. СПб., 1907. С. 15.

[3] *Щапов Я. Н.* Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI—XIII вв. М., 1978. С. 159—185; *Корогодина М. В.* Кормчие книги XIV — первой половины XVII века: В 2 т. СПб., 2017. Т. 1. С. 65—79.

писную традицию этого древнейшего памятника русского права.

Наряду с распространением церковных уставов Владимира и Ярослава (включаемых в XIV в. в Кормчие книги) возникают их новые редакции и обработки (в Северо-Восточной Руси, Новгороде, Киеве, Владимире-Волынском, Турове). По их образцу в различных землях создаются местные княжеские уставы, направленные на защиту церковных иммунитетов. Известны два таких устава соборным церквям, изданные в Юго-Западной Руси галицким князем Львом Даниловичем (1301) и луцким Любартом Гедиминовичем (с датой 1321 г., но рядом исследователей относимый ко второй половине XIV в.; содержит и более поздние наслоения)[4].

В конце XIII или начале XIV в., возможно, при Владимирской епископской кафедре, создается Мерило Праведное — сборник-руководство для великого князя[5]. Участие церкви в подготовке этого обширного памятника стало первой в Древней Руси попыткой сделать светское право частью высокой книжной культуры. Один из ранних списков Мерила был изготовлен для великого князя Михаила Ярославича.

В Мерило вошли почти все известные на Руси памятники переводного права Византии (Эклога иконоборцев, Прохирон Василия II, ряд императорских новелл), Закон судный людем первоучителя славян Мефодия, Русская Правда. По-видимому, специально для Мерила Праведного было составлено «Правило о церковных людех», направленное на защиту церковных имуществ. Юридический сборник был дополнен набором поучений о справедливом суде, а также специальной преамбулой на ту же тему, подражающей прологам византийской «Эклоги» и канонических сборников. Она призывает князя уподобиться Христу и ставить правду и милость выше буквы закона.

Греческие переводные памятники в их полном объеме на Руси не применялись и имели во многом символическое значение. Впрочем, похожей была ситуация и в самой Византии, где к объемным кодексам обращались время от времени, оставляя многое на усмотрение судьи. Тем не менее тот факт, что «Прохирон» вошел в Мерило Праведное целиком (включая уголовное и наследственное законодательство), а в Кормчую Русской редакции — лишь частично (в объеме законодательства о браках), свидетельствует о соответствующем разграничении сфер княжеского и церковного суда.

Как и в Византии, граница между церковным и светским законодательством нередко была зыбкой, и последнее переписывалось в составе канонических сборников (Кормчих книг, антиеретической компиляции Власфимия). Осколок особой новгородской традиции светских юридических кодексов следует видеть в мусин-пушкинском сборнике второй половины XIV в. (восходит к оригиналу XIII в.), который содержит, в частности, смоленский договор 1229 г. и Русскую Правду[6].

1284 годом датируется первая из сохранившихся записей судебного решения — грамота с приговором смоленского князя Федора Ростиславича по тяжбе между русским и немецким купцами. Однако этот исключительный для своего времени акт нельзя расценить как признак развития судебного делопроизводства. Дата в грамоте соответствует европейскому стилю (указан год от Рождества Христова), что может свидетельствовать о внешнем влиянии. Новгородские договоры второй половины XIII в. упоминают о фиксации распределения земли в «грамотах» как о сложившемся

[4] ДКУ. М., 1972. С. 166–176.

[5] *Вершинин К. В.* Мерило Праведное в истории древнерусской книжности и права. М.; СПб., 2019.

[6] *Юшков С. В.* Русская Правда: Происхождение, источники, ее значение. М., 1950. С. 41—43.

обычае, однако нет данных о том, что они предъявлялись в суде. В широкую практику письменные доказательства войдут лишь в XV в.

Своими путями, пока мало зависящими от «высокой» книжной традиции, шло развитие автохтонного русского права. В первой половине XIII в. в юридической практике продолжали применяться нормы Русской Правды. Такие судебные институты, как приведение послухов, свод и гонение следа (поиск похищенного и преступника) зафиксированы в новгородских берестяных грамотах этого времени. Об актуальности этих норм свидетельствуют и торговые договоры Смоленска с Ригой и Готландом 1229 и 1233—1240 гг.[7], которые во многом близки к Пространной Правде (разница штрафов за убийство холопа и свободного в пропорции 1:8, двойной штраф за «всякую обиду» попа или посла и др.). Однако в них зафиксированы и нормы, отсутствующие в более ранних источниках. Так, договор 1229 г. впервые в русском праве упоминает «поле» (судебный поединок, предававший решение дела божьему суду).

Важен факт дальнейшей, по сравнению с предыдущим периодом, разработки международного права в письменных документах. В договорах устанавливается взаимное равенство правовых норм по отношению к гостям-торговцам, необязательность для них «опчего» (в данном случае — чужого для противоположной стороны, ср. польск. *obcy* 'чужой') суда при конфликте «русина» с «немчичем».

1260-ми годами датируется новгородский устав князя Ярослава Ярославича «о мостех», в котором повинность по мощению улиц разверстана между «осменниками» (по убедительной трактовке последнего времени — начальниками над командами горожан по восемь человек)[8]. Отсутствие преамбулы затрудняет понимание обстоятельств создания этого устава. Однако из текста можно сделать вывод, что он не только представляет собой образец заботы о благоустройстве средневекового города, но и обозначает районы Новгорода, подконтрольные (с XII в.?) князю и его дружине[9].

От второй половины XIII и XIV в. уцелел ряд договорных грамот (докончаний) Новгорода с великими князьями тверскими, регулирующих функции и привилегии призываемого республикой князя[10]. Хотя власть князя в Новгороде в это время нельзя признать совершенно номинальной, тенденция к ее ограничению республиканской администрацией очевидна. Особое место в докончаниях отведено функциям совместного суда, который князь должен был делить с новгородским посадником («а бес посадника ти, княже, суда не судити»). Между Новгородом и князем делились и судебные доходы. Княжеский судья мог «ездити по волости», но при этом князь не имел права создавать собственный аппарат на местах и контролировал волости через «новгородских мужей» (которых не мог «без вины» — без суда и следствия — «волости… лишити»). Без посадника князю запрещалось издавать новые грамоты и пересуживать старые. Нарушение данных установлений рассматривалось как «самосуд». Вероятно, такой порядок судебного управления сложился, как и сам княжеско-посадничий суд, еще в XII в. (первый же договор 1265 г. апеллирует к обычаю —

---

[7] Смоленские грамоты XIII—XIV веков. М., 1963. С. 10—62. О датировке второго договора см.: *Кучкин В. А.* О древнейших смоленских грамотах // История СССР. 1966. № 3. С. 103—114.

[8] ДКУ. С. 149—152.

[9] См.: *Гиппиус А. А.* К изучению княжеских уставов Великого Новгорода: Устав князя Ярослава о мостех // Славяноведение. 2005. № 4. С. 9—24.

[10] ГВНП. М.; Л., 1949. № 1—12, 14—18. Поправки к датировке см.: *Янин В. Л.* Новгородские акты XII—XV вв.: Хронологический комментарий. М., 1990. С. 124—171.

«пошлине») и существовал вплоть до утраты Новгородом независимости.

К юрисдикции совместного суда относились уголовные дела, а также большинство гражданских. Исключениями были мелкие бытовые конфликты, находившиеся в ведении сотских и старост (вплоть до договора Новгорода с Иваном III 1471 г.), а также торговые дела и тяжбы с иноземцами, со временем вошедшие в компетенцию тысяцкого. Есть основания полагать, что суд тысяцкого развился из суда элитной купеческой корпорации — «Иванского ста». Его существование впервые удостоверяется «Рукописанием» (фактически уставной грамотой церкви Ивана на Опоках — патронального храма «Иванского ста»), усвоенным князю Всеволоду Мстиславичу, но относящимся, по крайней мере, в дошедшем до нас виде, ко второй половине XIII — началу XIV в.[11] Действовал, кроме того, владычный (архиепископский) суд, под юрисдикцией которого находились все «церковные люди», включая население принадлежащих кафедре земель, а также любые дела по церковным вопросам.

Начиная с первой четверти XIV в. сохранились договоры московских великих князей с князьями других земель[12]. Правовое неравенство сторон следует в них за неравенством политическим, выраженным в терминах родства. К концу XIV в. заметно упрочение позиций московского князя (в договоре 1389 г. с Владимиром Андреевичем Серпуховским «братом старейшим» назван наследник Дмитрия Ивановича — Василий).

Решение гражданских дел в докончаниях излагается в основном в соответствии с Русской Правдой. Запрещался пересмотр принятых ранее судебных решений, а также размера пошлин (который определялся «по старине»). Имущественные тяжбы следовало рассматривать по обычаю, установленному «от века». Из специфических черт междукняжеских соглашений следует отметить беспошлинный проезд между землями — «путь чист без рубежа» для «гостей» и «торговцев» (при сохранении внутренних пошлин), а также бессрочный сыск беглых холопов, должников и уголовных преступников во всех землях — участниками договора. В договоре Москвы и Новгорода с Тверью 1375 г. определялась плата (за счет обвиняемых?) судебным чиновникам из чужого княжества за путешествие («хоженое» и «езд») и доставку свидетелей («правда»). При этом налицо тенденция к ужесточению данных норм: в московско-тверском договоре 1399 г. хозяин мог искать холопа, а кредитор — должника без посторонней помощи. Если в договоре 1375 г. речь шла о взаимной выдаче преступников, то теперь последних «где имуть, тут судять».

В случае разногласий предусматривался порубежный суд, составленный из бояр с обеих сторон. В договоре 1375 г. упомянут третейский судья (рязанский князь Олег Иванович), к помощи которого следовало прибегать при отсутствии компромисса. Его решение было окончательным («а кого третий помолвить, виноватый перед правым поклонится и взятое отъдасть»).

Докончание великого князя Василия Дмитриевича с митрополитом Киприаном (1392)[13], приближающееся по содержанию к уставной грамоте, подтверждает неподсудность великому князю «церковных людей» и определяет юрисдикцию сторон

---

[11] *Янин В. Л.* Новгородские посадники. М., 1962. С. 121—129.

[12] ДДГ. № 2, 5—7, 9—11, 13—15; *Кучкин В. А.* Договорные грамоты московских князей XIV века: Внешнеполитические договоры. М., 2003.

[13] ДКУ. С. 176—179. О датировке см.: *Горский А. А.* О датировке «докончальной грамоты» великого князя Василия Дмитриевича и митрополита Киприана // Труды ИРИ. М., 2021. Вып. 16. С. 35—40.

в митрополичьих вотчинах. Из него видно, что первоиерарх обладал не только собственным административным (наместники) и военным (воевода с войском) аппаратом, но и судебным (волостели и доводчики). Однако и здесь есть признаки усиления светской власти, которая контролирует доходы митрополичьей кафедры (дани и оброки платятся «по… грамоте великаго князя») и обязывает ее участвовать в уплате ордынского «выхода». При тяжбах между мирскими и церковными людьми собирался совместный («сместной») суд князя и митрополита.

К XIII—XIV вв. относится ряд кратких анонимных записей по брачному праву («Устав о брацех», «О обрученьих», записи о разводах), предназначенных для церковных судов (которым дела о браках были подсудны по византийской традиции, перешедшей на Русь в XI в.) и основанных на византийских церковных канонах. Не позднее конца XIV в. появилась запись «О уставлении татьбы», составленная для архиерейских волостелей[14]. Она содержит общую процессуальную норму о подсудности кражи, совершенной кем-либо в другой «стране», судье родной для истца волости.

[14] ДКУ. С. 198—199.

Глава 8

ДРЕВНЕРУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Нашествие на Русь Батыевых полчищ — переломный момент как в политическом и экономическом развитии русских земель, так и в мировоззрении и самосознании русского человека того времени. Монгольское завоевание весьма значительно повлияло на развитие древнерусской литературы — и в тематическом, и в концептуальном плане. Вместе с тем древнерусская литература во многом сохраняла прежние традиции, трансформируя их согласно новой реальности.

Своего рода прологом к литературе этого периода представляется «*Слово о погибели Русской земли*», памятник, датируемый в научной литературе 1238—1246 гг.[1] Более вероятно, что он был создан вскоре после 1240 г., времени взятия Киева. В исследовании А. А. Горского аргументировано, что автор был «приближенным Ярослава Всеволодича», переяславцем[2].

Фактически мы имеем не произведение, а его фрагмент, вероятно, вступительную часть к несохранившемуся повествованию. И хотя, по-видимому, главная его часть до нас не дошла, памятник несомненно заслуживает внимания в силу его высокой художественности.

«Слово» сохранилось в двух списках — XV и XVI вв. В обоих списках оно предшествует тексту Жития Александра Невского, но исследователями выяснено, что это факт бытования памятников, а не отражение начального этапа их литературной истории[3].

С точки зрения организации текста памятник представляет собой два полных периода и один неоконченный. Первый — это восторженное описание красоты и изобилия Русской земли[4]. Второй — перечисление народов-соседей и народов-данников Руси. Прославляются русские князья от Ярослава Мудрого до Всеволода Большое Гнездо. Последняя фраза лишь начата, в ней говорится о «болезни» христианам (видимо, имеются в виду вражда и усобицы), которая началась после Ярослава Мудрого и длилась до Ярослава Всеволодовича («нынешняго» Ярослава). Судя по заглавию памятника, автор, по всей вероятности, от «болезни» должен был перейти к «погибели» Русской земли — нашествию иноплеменников.

В отношении синтагматического членения первого периода следует согласиться с первым издателем произведения Х. М. Лопаревым, подчеркнувшим знаками препинания повторяющиеся симметричные струк-

---

[1] 1246 г. — год смерти Ярослава Всеволодовича.

[2] *Горский А. А.* Проблемы изучения «Слова о погибели Русской земли»: (К 750-летию со времени написания) // ТОДРЛ. Л., 1990. Т. 43. С. 33—36. Ученый полагает, что памятник может быть датирован 1238 г.

[3] Ранее «Слово» рассматривали как своего рода предисловие к «Житию».

[4] В понятие Русской земли (что неоднократно отмечалось в научной литературе) входили не только южнорусские, в первую очередь, киевские территории, но и Северо-Восточная Русь — по А. Н. Насонову, «в широком смысле».

туры рассматриваемого текста[5]. Эпитет последовательно следует за определяемым словом: «рѣками и кладязьми мѣсточестьными, горами крутыми, холми высокыми» и т. д[6].

Второй период также характеризуется однородностью конструкций (от… до) и правильным соотношением протазиса (причины) и аподозиса (вывода). Впрочем, здесь присутствует некий сбой: «…от Чермисъ до Моръдви, — то все покорено было Богомъ крестияньскому языку, поганьскыя страны, великому князю Всеволоду, отцю его Юрью, князю Кыевьскому…»[7]. Пояснение «поганьские страны» нарушает ритмическую конструкцию, а также смысл обобщения: далеко не все перечисляемые страны и народы были «поганьскими». Главные славословия касаются Владимира Мономаха. Как показано Ю. К. Бегуновым, трепет соседей перед ним является гиперболизацией его авторитета на международной арене[8]: половцы пугали им своих детей, «литва из болота на свѣтъ не выникываху, а угры твердяху каменые городы желѣзными вороты, абы на них великыи Володимеръ тамо не вьѣхалъ, а нѣмци радовахуся, далече будуче за Синимъ моремъ»[9]. Возможно, сочинитель имел в виду и названных им выше потомков Владимира Мономаха. Так, византийский император Мануил I не был современником Владимира Всеволодовича, но в некоторые годы правил одновременно со Всеволодом Большое Гнездо, а последний упоминается в «Слове». Однако далее речь идет о Владимире (Мономахе): именно его опасался Мануил, посылая дары, «абы под нимъ великыи князь Володимеръ Цесарягорода не взял»[10]. Возможно, как и в предыдущей части, имеет место порча текста.

Публицистичность памятника, эпические элементы образности сближают его со «Словом о полку Игореве»[11], но памятник откликается на события, гораздо более масштабные.

В главных центрах русских княжеств продолжалась летописная работа, и летописные своды сохранили рассказы о нашествии монголов, которые отражают глубокое потрясение от столь стремительного и безжалостного опустошения, которые несли полки иноплеменников.

Еще до нашествия Батыя неведомые народы, их лица и нравы заставляли русских книжников искать мистические истоки бедствий: «Того же лѣта явишася языци, их же никто же добрѣ ясно не вѣсть, кто суть, и отколѣ изидоша, и что языкъ ихъ, и которого племени суть, и что вѣра ихъ. И зовуть я татары, а инии глаголють таумены, а друзии печенѣзи»[12], — говорится в *Повести о битве на Калке* в Новгородской первой летописи, сохранившей наиболее ранний и полный вариант произведения[13]. Автор

---

[5] *Лопарев Х. М.* «Слово о погибели Русской земли»: Вновь найденный памятник XIII века // ПДПИ. 1892. Т. 84. С. 18—19.

[6] См.: *Горский А. А.* Проблемы изучения «Слова о погибели Русской земли». С. 33—36. Выражение «виноградыобительными», смущавшее исследователей, справедливо полагавших, что текст написан выходцем из Северо-Восточной Руси, тем не менее не является к этому препятствием, поскольку «виноградыы» в древнерусском языке означали и сады вообще (Словарь древнерусского языка XI—XIV вв. М., 1988. Т. 1. С. 431—432). А сады, как известно, были не только на Юге (*Конявская Е. Л.* Княжеский двор по ранним письменным источникам // Древняя Русь и средневековая Европа: Возникновение государства. М., 2012. С. 105).

[7] *Бегунов Ю. К.* Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». М.; Л., 1965. С. 157.

[8] Там же. С. 98—107.

[9] Там же. С. 157.

[10] Там же. С. 157.

[11] *Соловьев А. В.* Заметки к «Слову о погибели Русской земли» // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 15. С. 100—113; *Горский А. А.* Проблемы изучения «Слова о погибели Русской земли». С. 36—38.

[12] НПЛ. М.; Л., 1950. С. 61.

[13] Сам же памятник, бесспорно, был написан в Южной Руси.

высказывает предположение о том, что это те кочевые народы, которых в свое время «загнал» библейский герой Гедеон, а также вспоминает «Откровение», приписываемое Мефодию Патарскому. Там предрекалось нашествие измаилтянских народов, которое предвещало конец всех времен. Эти иноплеменники уже победили кавказские народы. От них пострадали и половцы. Последние пришли к русским с дарами и просили не оставлять их один на один с татарами. Мстислав Удатный, женатый на дочери половецкого князя Котяна, обращается к русским князьям с просьбой внять мольбам половцев. Впоследствии же летописец укажет поведение половцев на поле битвы как одну из причин поражения: в решительный момент битвы они побежали назад, смяв в этом бегстве русские войска: «...и потъпташа бежаще станы русскыхъ князь, не успѣша бо исполчитися противу имъ; и съмятошася вся, и бысть сѣця зла и люта»[14]. Но он говорит и о других моментах, способствовавших разгрому: Мстислав Киевский стоял в своем стане и, «видя се зло», огородился «кольями» и бился лишь из этого «города». Наконец, дается крайне негативная оценка предательству бродников[15] во главе с их воеводой Пласкыной, предавших русских князей. Князья погибли, раздавленные досками, на которых сели пировать победители. Но в Повести это поражение описано не как начало истории иноземного пленения, а как «злоба», случившаяся в конкретный день. Записано все было «памяти ради рускыхъ князь и бѣды, яже бысть... имъ»[16]. Татары же ушли, «и не съвѣдаемъ... кдѣ ся дѣша»[17].

В *Лаврентьевской летописи*, отразившей продолжение северо-восточной летописной традиции, также есть повесть о битве на Калке, но отразилось и последующее Батыево нашествие. Летописец рассказывает о разорении земель и взятии городов, подчеркивая емкими оценками жесткость неприятеля: «...люди избиша от старьца и до сущаго младенца»[18]. Ростовский князь Василько Константинович отказывается подчиниться «обычаю поганьскому», и монголы «въскрежташа зубы на нь, желающе насытитися крове его»[19]. Вместе с тем налицо попытки летописца осознать причины трагедии — как Божие наказание за грехи — и надеяться на их искупление: «Душа бо сдѣ казнима всяко в будущии суд милость обрящет и лгыню от мукы»[20].

Летопись донесла до нас важный нарратив — Повесть о баскаке Ахмате. Также сводчик включил в летописный текст обширные фрагменты Жития Александра Невского.

В отношении *Галицко-Волынской летописи* в научной литературе неоднократно отмечалось, что она состоит не из традиционных для летописей, как правило, кратких и разнообразных по тематике известий, а довольно подробных и зачастую законченных нарративов, что дает возможность рассматривать ее жанр как близкий к хронике. Летописец Даниила Галицкого мало интересуется событиями в Северо-Восточной и Северо-Западной Руси, немного уделяет внимания и Киеву. При этом, повествуя о политических акциях и устремлениях Даниила Романовича, он нередко касается сюжетов, связанных с зарубежными соседями (Венгрией, Польшей). И разумеется, монгольская тема занимает в сочинении галицкого летописца немало места. В этих сюжетах галичский летописец подробен и эмоционален. Рассказывая о взятии Козельска, он восклицает: «Батыи же взя городъ, изби

[14] НПЛ. С. 62.
[15] Кочевники Приазовья.
[16] НПЛ. С. 62.
[17] Там же. С. 63.
[18] ПСРЛ. Л., 1926–1928. Т. 1, вып. 1–3. Стб. 461.
[19] Там же. Стб. 466.
[20] Там же. Стб. 464.

вси, и не пощадѣ от отрочать до сосущих млеко»[21]. Как отмечалось В.А. Кучкиным, монголы награждаются галицким летописцем разнообразными отрицательными эпитетами: «безбожные», «нечестивые», «беззаконные»[22].

В Волынской части летописи (речь идет о Владимиро-Волынском княжестве) основной интерес ее составителя смещается на внутренние дела княжества и столкновения с татарами и Литвой. Для автора, редактировавшего текст во второй половине 1260-х годов, вторжения монголов уже не эпизод, надежды, что они покинут Русь, не остается, по словам Даниила Галицкого, переданным летописцем: «...рать татарьская не престаеть, злѣ живуще с нами»[23].

В *Новгородской первой летописи* о монголах говорится немного, Новгород не подвергся разгрому. В основном новгородские летописатели ограничиваются краткими сообщениями об опустошительных походах монголов на русские земли. Исключением является статья 6746 (1238) года, где содержится информация о разгроме рязанских князей и взятии Владимира. Новгородская летопись сохранила рассказ о разорении Рязани Батыевым войском, который (либо его источник) впоследствии был использован при написании «Повести о разорении Рязани Батыем»[24], дошедшей до нас в поздних редакциях[25].

В.А. Кучкиным было отмечено, что в ткань повествования о разгроме рязанских князей вплетены «отступления лирико-философского характера», которые принадлежат составителю-новгородцу. Новгородец, «задумываясь над причиной быстрых побед монголо-татар, объяснял их слабостью, смятением, трепетом и страхом русских людей перед иноплеменниками»[26]. Ученый, вслед за А.Н. Насоновым, отмечал, что в данной летописной статье присутствует текст рязанского источника, который был в распоряжении новгородского летописца, и собственно новгородский[27].

Отчасти эти два текста по нюансам оценок приходят в противоречие друг к другу. «Отъя Господь у насъ силу, а недоумѣние, и грозу, и страхъ, и трепетъ вложи в нас за грѣхы наша»[28], — эти рассуждения принадлежат новгородцу, пытающемуся понять происходящее в целом. Из предшествующего же текста непосредственно (возможно, с рязанским источником) не следует, что русские князья находились в смятении и страхе. Рассказ начинается с сообщения, что Батый подошел к рязанским землям и отправил к рязанскому князю послов с женой-чародеецей, требуя десятины во всем: в людях, князьях, конях. Не пуская послов к городам, рязанские князья выезжают к ним навстречу и заявляют решительно: «...олна насъ всѣхъ не будеть, все то ваше

---

[21] ПСРЛ. СПб., 1908. Т. 2. Стб. 781.

[22] *Кучкин В.А.* Монголо-татарское иго в освещении древнерусских книжников (XIII — первая четверть XIV в.) // Русская культура в условиях иноземных нашествий и войн. X — начало XX в. М., 1990. С. 18.

[23] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 826.

[24] *Комарович В.Л.* Рязанский летописный свод XIII в. // История русской литературы: В 10 т. М.; Л., 1945. Т. 2. С. 74—77; *Лихачев Д.С.* К истории сложения «Повести о разорении Рязани Батыем» // АЕ за 1962 г. М., 1963. С. 48—52. Повесть, в свою очередь, позже вошла в состав цикла о Николе Заразском (*Лихачев Д.С.* Повести о Николе Заразском // ТОДРЛ. М.; Л., 1949. Т. 7. С. 257—281).

[25] *Лобакова И.А.* Проблема соотношения старших редакций «Повести о разорении Рязани Батыем» // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 46. С. 36—62.

[26] *Кучкин В.А.* Монголо-татарское иго в освещении древнерусских книжников (XIII — первая четверть XIV в.). С. 22—23.

[27] *Насонов А.Н.* Лаврентьевская летопись и Владимирское великокняжеское летописание первой половины XIII в. // Проблемы источниковедения. М., 1963. Вып. 11. С. 429—480; *Кучкин В.А.* Монголо-татарское иго в освещении древнерусских книжников (XIII — первая четверть XIV в.). С. 22—23.

[28] НПЛ. С. 75.

будеть»[29]. И в дальнейшем уже во время нападения монголов они не бегут, а бьются.

Но уже в следующем же сюжете отъезд Юрия Всеволодовича из Владимира для сбора войск представлен как его бегство в Ярославль. А его сын Всеволод, пытавшийся защищать город от осаждавших, изображен пассивно· готовящимся к смерти: вместе с епископом Митрофаном он идет в Успенский собор и постригается перед гибелью в схиму (в Лаврентьевской же летописи говорится, что Всеволод с братом Мстиславом были убиты «внѣ града»[30]). Такая трактовка коррелирует с оценкой в Новгородской первой летописи предшествующих событий, которые представлены летописцем с явным осуждением Юрия, ведь перед гибелью Рязани рязанские князья посылали «къ Юрью въ Володимирь… просяче помочи, или самому поити», а Юрий отказался, по версии автора рассказа, «самъ хотѣ особь брань створити». О гибели Юрия новгородский летописец говорит с неуверенностью: «Богъ же вѣсть, како скончася, много бо глаголють о немь инии»[31]. Именно новгородский рассказ ближе к реальным событиям[32].

Осознание случившегося — иноплеменного завоевания и установления власти монголов над русскими землями — требовало от древнерусских книжников христианской интерпретации, и таковая давала возможность видеть в новой реальности Божие наказание за грехи[33]. Вместе с тем в летописях и других памятниках словесности сохранились рассказы об антиордынских акциях и выступлениях. И анализ этих текстов показывает, что такое сопротивление трактовалось их авторами как угодное Богу. Так, в известии о Неврюевой рати 1252 г. Лаврентьевской летописи сказано: «…здума Андрѣи князь Ярославич с своими бояры бѣгати, нежели цесаремъ служити». Монголы его преследовали «и постигоша и оу города Переяславля. Б(ог)ъ же схрани и и м(о)л(и)тва его о(т)ца»[34]. О боярах, которые были с князем говорится неоднократно. Это может свидетельствовать о том, что рассказчик трактует действия русских как целенаправленные и продуманные, а использование заключительной формулы говорит о том, что позиция и действия Андрея вызывают у летописца сочувствие.

Андрей Ярославич был в союзных и родственных отношениях с Даниилом Романовичем Галицким. Даниил вел переговоры о возможном военном союзе с Западом и сам успешно противостоял походам Куремсы, о чем с гордостью писал его летописец: «Данило же держаше рать с Коуремьсою и николи же не бояс҃а Коуремьсѣ, не бѣ бо могль зла емоу створити никогда же Коуремьса». Однако далее сам же признает: «…донже приде Боуранда. со силою великою…», который встал «на мѣстѣх Коуремьсѣнѣх»[35].

В новгородской летописи в рассказе о численниках, приехавших в Новгород «с женами своими, и инѣхъ много», сообщается, что это вызвало значительные антиордынские волнения и раскол в новгородском обществе. Владычный летописец говорит, что «чернь» бунтует и выражает готовность умереть «честно за святую Софью и за домы ангельскыя». Он явно на стороне тех, кто против переписи, награждая монголов не-

[29] НПЛ. С. 74.

[30] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 464.

[31] НПЛ. С. 76.

[32] *Кучкин В. А.* Завоевание Руси Батыем // РИ. 2020. № 4. С. 13—15.

[33] См. об этом работы: *Лаушкин А. В.* Идеология «ордынского плена» и летописные известия о «Неврюевой рати» // История и культура Ростовской земли. 2000. Ростов, 2001. С. 24—31; *Он же.* Митрополит Кирилл II и осмысление ордынского ига во второй половине XIII века // Богословский сб. М., 2002. Вып. 10. С. 211—224.

[34] ПСРЛ. Т. 1.Стб. 473.

[35] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 846.

лестными эпитетами: «оканнии, сыроядци». Настроения в Новгороде были таковы, что, как явствует из летописи, и со сторожами татарские численники не чувствовали себя в безопасности и были готовы бежать прочь, если им «дадут число». При этом летописец добавляет, что они хотят оставить Новгород, «гонимы Святымь Духомь»[36]. Таким образом, и в этой летописи сопротивление ордынской власти представлено как поддерживаемое Богом.

Летописи сохранили рассказ о волнениях в 1262 г. в Ростове, Ярославле, Устюге, а также во Владимире и Суздале. В Лаврентьевской летописи говорится: «…ѡкупахуть бо ти оканьнии бесурмане дани и ѿ того велику пагубу людемъ творѧхуть, роботѧще рѣзы и м^н^огы дш҃и кр^с^тьяньскыя раздно ведоша», т. е. дань была непомерно большой, а за долги русских людей уводили в рабство. Гнев восставших был направлен и против «окаянного лишеника», бывшего монаха Изосимы, принявшего ислам. Он, согласно характеристике летописца, был носителем всевозможных греховных пороков и допустил поругание «кр^с^ту и ст҃мъ цр҃ква^м^». Акция представлена как угодная Богу и победоносная, статья начинается со слов: «Избави Бъ ѿ лютаго томленья бесурменьскаго. люди Ростовьскія землѧ. вложи ярость въ ср҃дца кр^с^ьяномъ…», — и далее: «…видѣвше же члв҃колюбець Бъ послуша моленья Мтрнѧ. избави люди своя ѿ великыя бѣды». Откупщиков изгнали, «иныхъ избиша»[37].

Нетрудно понять, насколько велика роль русских князей в сопротивлении и противостоянии завоевателям. Именно им, в первую очередь, приходилось сталкиваться с ордынскими властями, и для них иноземное господство было постоянно действующим гнетущим фактором. Именно Рюриковичи были тем передним краем, которому приходилось нести не только властные и имущественные, но и нравственные потери, вызванные зависимостью от Орды. Литература во многом отражала их настроения и идеологию, часто соединяя их с церковной провиденционалистской интерпретацией.

Закономерно, что и *агиография* XIII — начала XIV в. представлена княжескими житиями.

Классическим мученическим житием — мартирием — предстает *Житие Михаила Черниговского*. В ранних летописных текстах — Лавреньевской и Ипатьевской летописях — читаются краткие сообщения, содержание которых не противоречит сюжетной канве Жития. После бегства от монгольских войск в Венгрию Михаил возвращается в Чернигов, а затем едет к Батыю, «просѧ волости своее ѿ него». Батый потребовал, чтобы русский князь поклонился «ѡц҃ь нашихъ законоу»[38] — «ѡгневи и болвано*м* ихъ», — поясняет летописец. Отказавшись чтить «глухыя его кумиры»[39], Михаил Черниговский принял смерть в Орде вместе со своим боярином Федором 20 сентября 1246 г.

Один из наиболее ранних агиографических текстов о Михаиле и Феодоре — «Сказание об убиении в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Феодора» — начинается с описания бедствий, которые претерпели русские земли от монгольского нашествия. Люди рассеялись, спасаясь от врагов[40]. Однако после опустошительных

[36] НПЛ. С. 82.

[37] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 476.

[38] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 795.

[39] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 471.

[40] В. Н. Рудаков отметил, что в пассаже «овии убо затворяхуся въ градѣхъ… инии же бѣжаша в земли дальнии, инии же крыяхуся в пещерахъ и в пропастех земныхъ. А иже въ градѣхъ затворишася, ти исповѣданиемъ со слезами Богу молящеся, тако от поганыхъ немилостивно избьени быша, а инии же крыяхуся в горахъ и въ пещерах и в пропастехъ и в лѣсѣхъ» (БЛДР: В 20 т. СПб., 1997. Т. 5. С. 156) существенный процент заимствований из «Откровения» Мефодия Патарского (*Рудаков В. Н.* Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII — XIV вв. М., 2009. С. 105—106).

походов на Русь монголы стали действовать уже не оружием, а устанавливать свои порядки дальнейшей жизни под их господством: «...изочтоша я в число и начаша на них дань имати татарове»[41].

Если относиться к этому как к реальному отражению исторических событий, то можно думать о том, что имелась в виду перепись, которая описана в записках Плано Карпини, т. е. 1245—1246 гг. Как показано А. А. Горским, она коснулась Киевской земли[42]. Однако Житие не было создано в ближайшее время после событий[43], поэтому возможно, что составитель дошедшей до нас версии произведения держал в памяти какие-то иные монгольские переписи (например, 1258 г.).

Древнейший список Жития Михаила датируется 1313 г. (ГИМ. Син. № 239). Но в нем (в Краткой редакции пролога) читается не самый ранний вид памятника. По-видимому, наиболее близким к первоначальному, не дошедшему до нас тексту, является, как уже было отмечено, «Сказание об убиении в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Феодора». Оно встречается в разного рода сборниках (Златой матице, Феодосиевской редакции Киево-Печерского патерика и др.[44]). Автором «Сказания» в древнейшей редакции значится «отец Андрей», очевидно, духовник князя Михаила. Уже следующая редакция Сказания оказывается надписанной епископом Иоанном и содержит ряд незначительных отличий.

Как было отмечено В. А. Кучкиным, в Житии есть упоминание не только Батыя, но и «кана». Создание ранних текстов, таким образом, нужно датировать временем до 1262 г. (когда Золотая Орда отделилась от Великой Монгольской империи[45]).

Версия Жития, читающаяся в Кратко редакции пролога, отличается наличием дополнительного вступления, касающегося Калкской битвы, и сообщением о том, что Михаил перебил ханских послов. Оба дополнения, как показано А. А. Горским, носят вставной характер[46].

Итак, в «Сказании» Михаил настроен отстаивать христианскую веру, не поклоняться их идолам и не исполнять языческие обряды. Особенностью авторской манеры памятника являются повторы, которые лишь отчасти можно связать с эпической традицией в целом. Рассуждая о мотивах монголов агиограф подчеркивает, что последовавшим всем обычаям иноземцев русским князьям «безъ взбрания» давались их волости. Батый и его приближенные поступали так, рассчитывая: «да прелстятся славою свѣта сего». И далее в близких выражениях говорится о «славе» света/мира сего: Михаил, будучи в Чернигове, видел, как многие из князей «обольщаются славою мира сего». Это и привело его к решению ехать к Батыю, дабы обличить его лживость, совращающую христиан. В уста напутствующего князя духовного отца автор вновь вкладывает указанную формулу: «Мнози ѣхавше и створиша волю поганаго, прелстишася славою свѣта сего»[47]. Наконец, приняв окончательное решение, Михаил Всеволодович бросает отговаривавшим его от шага к гибели внуку

[41] БЛДР. Т. 5. С. 156.

[42] *Горский А. А.* Утверждение власти Монгольской империи над Русью: Региональные особенности // ИВ. 2014. Т. 10 (157). С. 58—79.

[43] Об этом говорится в одной из редакций: «колико же лѣтъ не быс памѧти има» (*Лосева О. В.* Жития русских святых в составе древнерусских прологов XII — первой трети XV в. М., 2009. С. 296).

[44] *Милютенко Н. И.* Сказания о Михаиле Черниговском // ТОДРЛ. СПб., 2016. Т. 64. С. 190—191.

[45] *Кучкин В. А.* Монголо-татарское иго в освещении древнерусских книжников (XIII — первая четверть XIV в.). С. 27.

[46] *Горский А. А.* Гибель Михаила Черниговского в контексте первых контактов русских князей с Ордой // Средневековая Русь. М., 2006. Вып. 6. С. 145—148.

[47] БЛДР. Т. 5. С. 158.

и боярам свой плащ со словами: «Приимѣте славу свѣта сего, ея же вы хощети»[48]. Наблюдаются повторы и других, наиболее важных с идеологической точки зрения, выражений. Михаил отвечает волхвам, призывающим его идти сквозь огонь, поклониться солнцу и идолам: «Недостоить христьяном ходити сквозѣ огнь, ни покланятися, емуже ся сии кланяють. Тако есть вѣра христьянская, не покланятися твари, но покланятися Отцю и Сыну и Святому Духу». Волхвы идут к Батыю и практически дословно повторяют ему слова Михаила: «…глаголетъ — недостоить христьяном ходити сквозѣ огнь, ни покланятися твари, солнцю и идолом, но токмо кланятися створшему вся си Отцю и Сыну и Святому Духу»[49]. Столь же дословно повторяет «некто от вельможь» Елдега Михаилу гневную речь Батыя.

В научной литературе неоднократно отмечалось, что агиографические памятники, посвященные Михаилу Черниговскому, искажают историческую правду, и конфликт Михаила с Батыем носил политический характер[50]. Разумеется, у автора Жития были основания политический аспект коллизии не раскрывать. Перенося акцент на вероборческую сторону событий, автор уподобляет своих героев раннехристианским святым мученикам. Оставляя в тени возможные происки врагов-соперников Михаила из числа русских князей, сочинитель устраняет препятствие для почитания новых святых в разных русских землях. Декларировать же в качестве главной причины казни Михаила и Феодора прежнюю нелояльность князя по отношению к иноземным правителям[51] для автора было бы нелогично, ибо он вкладывает в уста Михаила подтверждение признания власти Орды: «Тобѣ, цесарю, кланяюся, понеже Богъ поручил ти есть царство свѣта сего»[52], — и сам ранее представляет возвращение в города разбежавшихся людей и монгольскую перепись с целью уплаты ими дани как факт установившегося и принимаемого порядка.

Судя по тому, что к началу XIV в. должны были сложиться несколько редакций Жития Михаила Черниговского («Сказание об убиении» и проложные жития), сюжет о подвиге князя и его боярина был широко известен, они почитались в Ростове, Чернигове, Пскове (там были составлены редакции произведения). О раннем церковном почитании есть прямое свидетельство в проложном житии (Пролог пространной редакции), где говорится, что внуки Михаила Борис и Глеб Васильковичи и их мать Мария (дочь Михаила, умерла в 1271 г.) «уставиша празновати» день гибели Михаила и Феодора в церкви, которую «создаста… во имѧ его»[53]. Эту редакцию принято считать ростовской, поскольку в ней читается обращение к Михаилу с просьбой молить Бога за его внуков Бориса и Глеба, «мирно державу цр҃ствия ихъ оуправити на многа лета и от нужа сея поганых избавита»[54]. При этом не упоминается попытка внука Бориса уговорить деда «створить волю цареву», не украшавшая юного князя.

Другая древняя редакция, приписываемая отцу Андрею, по-видимому, была составлена в Чернигове, где был похоронен Михаил Всеволодович. Думается, там было

[48] БЛДР. Т. 5. С. 160.

[49] Там же. С. 158.

[50] *Кучкин В. А.* Монголо-татарское иго в освещении древнерусских книжников (XIII — первая четверть XIV в.). С. 26—31; *Горский А. А.* Гибель Михаила Черниговского в контексте первых контактов русских князей с Ордой. С. 138—154.

[51] Венгерские связи, по мнению А. А. Горского (*Горский А. А.* Гибель Михаила Черниговского в контексте первых контактов русских князей с Ордой. С. 148, 153—154), и польские, по мнению А. В. Майорова (*Майоров А. В.* Тайна гибели Михаила Черниговского // ВИ. 2015. № 9. С. 95—118).

[52] БЛДР. Т. 5. С. 160.

[53] *Лосева О. В.* Жития русских святых в составе древнерусских прологов XII — первой трети XV в. С. 296.

[54] Там же. С. 397.

написано и первичное агиографическое произведение, посвященное Михаилу и Феодору, которое до нас не дошло, но послужило основой для дальнейшей рукописной традиции памятника.

Еще один популярный в древнерусской книжности памятник княжеской агиографии — *Житие Александра Невского*. Оно было создано примерно в то же время, что и Житие Михаила Черниговского, и в ближайшие годы после смерти Александра Ярославича. В науке определено, что до смерти Ярослава Ярославича, младшего брата Александра Невского (т. е. до 1271 г.), уже существовали два вида первоначальной (Первой) редакции памятника. Когда Ярослав Ярославич становится князем Владимирским, именно его имя вписывается вместо имени сына Александра Дмитрия в повествование о походе на Юрьев 1262 г., читающееся в Житии. Ю. К. Бегунов определил списки, где читается имя Дмитрия, как отражающие ранний вид Жития, поскольку именно его Александр видел своим преемником[55]. Действительно, первым называется Дмитрий Александрович в перечислении князей-участников похода в наиболее ранних летописях, содержащих соответствующее известие: Новгородской первой летописи старшего извода, Рогожском летописце.

Редактирование в пользу Ярослава Ярославича, как отметил В. А. Кучкин, могло быть актуально только при жизни самого Ярослава Ярославича, и, видимо, после того как в 1265 г. он стал великим князем владимирским и новгородским[56]. Таким образом, Первый вид Жития должен был быть написан до этого года, что дает возможность его датировки 1263—1265 гг. Столь быстрому установлению почитания и написания Жития способствовали как огромная популярность князя, так и случившееся в присутствии многих свидетелей чудо перед его погребением.

Житие повествует о деяниях Александра с молодых лет — княжения в Новгороде. Во вступительной части, согласно агиографической традиции, автор говорит о родителях Александра — великом князе Ярославе Всеволодовиче и его супруге Феодосии (славянское имя ее — Ростислава). Ярослава Всеволодовича автор характеризует как «кротка» «милостилюбца» и «мужелюбца» (имеются в виду его благоволение к служебной знати, благородным «мужам»). Здесь же дается хвалебная характеристика Александра. Тенденция этой похвалы выглядит вполне определенной — Александр предстает как некий сверхчеловек: «...взоръ его паче инѣх человѣк, и глас его — акы труба в народѣ»[57]. Автор подчеркивает красоту князя — сравнивая с Иосифом Прекрасным, силу — уподобляя Самсону, храбрость — Веспасиану[58]. Такие внешние, физические характеристики подвижника встречаются в агиографических текстах не часто.

Первая победа Александра в Житии — это Невская битва. О приходе шведов в русские земли говорится в традиционных формулах воинских повестей: король идет «в силе тяжце, пыхая духом ратным», «шатаяся безумием», посылает послов объявить о своем приходе: «Аще можеши противитися мнѣ, то се есмь уже зде, плѣняя землю твою»[59]. По информации летописей, шведы отнюдь не стремились известить Александра о своих акциях. Автор намеренно представляет дело иначе, чтобы показать агрессивные намерения и самоуверенность короля. В противоположность образу врага действия

---

[55] *Бегунов Ю. К.* Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». С. 16—19.

[56] *Кучкин В. А.* Монголо-татарское иго в освещении древнерусских книжников (XIII — первая четверть XIV в.). С. 36—39.

[57] *Бегунов Ю. К.* Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». С. 160.

[58] Эту же характеристику подтверждает в Житии рыцарь ордена меченосцев Андреяш: «Прошед страны, языкъ, не видѣх таковаго ни въ царех царя, ни въ князехъ князя» (Там же. С. 162).

[59] Там же. С. 162.

русского князя представляются как вынужденные. Князь апеллирует к божественному установлению, согласно которому каждому народу положен «предел» (границы), и никто не должен «преступать» «в чужую часть». Указывается совпадающая с летописной дата битвы (15 июля на память святых Кирика и Улиты), а также время начала битвы (6-й час), которого нет в летописи. 6-й час мог быть и реальным временем начала битвы (в данное время года и в Новгородской земле — 8 час. 35 мин.[60]). Но не исключено, что 6-й час здесь число символическое (подвиги в битве совершают «6 мужь храбрых»). С 6-м часом ассоциировался некий поворотный момент (ср. схождение тьмы в 6-м часу после распятия Христа)[61].

В Житии передается легенда о чудесной помощи святых Бориса и Глеба, видение которых было дано старейшине Ижорской земли Пелгусию. Сам же Александр геройствует, подобно древним великим царям и полководцам: по словам автора, он лично врагов «изби множество бесчисленно» и самому королю «възложи печать на лице острымь своимь копиемь»[62]. Наконец, автор говорит о чудесной помощи ангела Божия, который побил вражескую силу там, где «бѣ непроходно полку Александрову»[63].

В рассказе о следующей славной победе Александра — на Чудском озере — агиограф следует уже не столько эпическим традициям, сколько конкретным фактам. Хотя сначала он говорит о каких-то неопределенных врагах, пришедших «пакы от Западные страны», далее он последовательно называет их немцами, как и ранее, подчеркнув, что враги вторгаются в чужую землю: строят город «въ отечьствѣ Александровѣ». Автор называет время начала сражения (в субботу «въсходящю солнцю»), похоже, рисуя картину боя по воспоминаниям участника или очевидца событий: «звукъ от сечения мечнаго» создает впечатление, что озеро замерзшее «двигнулось», «и не бѣ видѣти лѣду, покры бо ся кровию»[64]. Неправым действиям немцев противопоставляется благородство русского князя как победителя, который одних, пленив, увел с собой, «а инѣхъ, помиловавъ, отпусти: бѣ бо милостивъ паче мѣры»[65]. Русским полкам вновь помогали ангельские войска.

В начале своего сочинения автор формулирует афористичный тезис: «побѣжая, а непобѣдим»[66]. Здесь эта мысль снова подчеркивается: «И не обрѣтеся противникъ ему въ брани никогда же». Тот, кто замышляет его пленить, оказывается в его руках: «А иже рече: “Имемь Александра руками”, сего дасть ему Богъ в руцѣ его»[67]. Слава о нем разносится до Египта, Араратских гор, Варяжского моря и Рима.

Вызов Александра в Орду под пером автора памятника выглядит как явная угроза: «Аще хощеши съблюсти землю свою…». Когда же Батый видит Александра, из его уст вырывается все то же восхищение: «Истинну ми сказасте, яко нѣсть подобна сему князя»[68].

Автор представляет впечатляющую картину въезда Александра Невского во Владимир: он приходит на стол умершего отца

---

[60] *Кучкин В. А.* Александр Невский — государственный деятель и полководец средневековой Руси // Александр Невский и история России. Новгород, 1996. С. 26, примеч. 46.

[61] *Конявская Е. Л.* Александр Невский в исторических источниках // Александр Невский: Государь, дипломат, воин. М., 2010. С. 500, примеч. 3.

[62] *Бегунов Ю. К.* Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». С. 166.

[63] Там же. С. 168.

[64] Там же. С. 171.

[65] Там же. С. 169.

[66] Там же. С. 161.

[67] Там же. С. 171—172.

[68] Там же. С. 174.

«в силѣ велицѣ... и бысть грозенъ приездъ его»[69]. После Неврюевой рати Александр Ярославич восстанавливает города, строит церкви, возвращает людей в их дома. Как подобает идеальному правителю, он праведный судья и защитник сирот и вдовиц, «милостилюбець, благъ домочадцемь своимъ», принимает людей из других земель. Поэтому ему дается благоволение Божие: земля его расцветает «богатьствомъ и славою»[70].

Западные страны пытаются получить его в союзники, предлагают перейти в католичество. Однако папские послы получают от Александра решительную отповедь, где он демонстрирует свою книжность и незаурядные знания мировой истории[71].

С татарами он договаривается о неучастии русских войск в их военных кампаниях, выкупает на собственные средства русских пленных. Но из своей последней поездки к хану князь не возвращается на владимирский стол: «доиде Новагорода Нижняго, и ту пребывъ мало здрав и, дошед Городца, разболѣся»[72].

Исключительно эмоционально пишет агиограф о переживаемом им горе. Причем его собственные чувства служат как бы преамбулой к рассказу и описанию преставления князя и его похорон: «О, горѣ тобѣ, бѣдный человѣче! Како можеши написати кончину господина своего! Како не упадета ти зѣници вкупѣ с слезами! Како же не урвется сердце твое от корения! ...аще бы лзѣ, и въ гробъ бы лѣзлъ с ним!»[73]. Лишь после этих восклицаний говорится, что князь преставился 14 ноября на память апостола Филиппа. О смерти Александра Ярославича всему владимирскому народу сообщает митрополит Кирилл, облекая известие в яркий образ: «Уже заиде солнце земли Суздальскои!» Слышавшие же это отвечают: «Уже погыбаемь!», — видимо, страшась своего будущего без защиты не знавшего поражений князя. Автор рассказывает о чуде, которое совершается по преставлении Александра Ярославича: «Он же, акы живъ сущи, распростеръ руку свою и взят грамоту от рукы митрополита»[74].

Обращаясь к анализу Жития Александра Невского, исследователи отмечали особый его характер как произведения агиографии. Александр тверд в вере, праведен, но Житие повествует, в первую очередь, о его воинских победах, дипломатической и государственной деятельности. Подробность воинских сюжетов породила предположения о некоей первоначальной Повести, которая носила всецело мирской характер и была затем использована при создании Жития. В настоящее время эта концепция оставлена, поскольку реальных подтверждений ей не нашлось.

По всей вероятности, агиографический памятник был создан во владимирском монастыре Рождества Богородицы. Именно там, где святой был погребен, первоначально устанавливалось его почитание. Приступая к написанию Жития, автор уповает на «молитву Святыя Богородицы».

Начиная с В.О. Ключевского ученые исходят из того, что и сам агиограф был владимирцем[75]. Однако если обратиться к тексту вступления, где автор говорит, что был «самовидець» «его възраста» (т. е. зрелых лет), а о более ранних летах «слышах от

---

[69] *Бегунов Ю.К.* Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». С. 174.

[70] Там же. С. 175.

[71] Как отмечалось в науке, источником монолога Александра мог быть Никифоров «Летописец вскоре», широко известный на Руси.

[72] *Бегунов Ю.К.* Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». С. 177.

[73] Там же. С. 177—178.

[74] Там же. С. 179. В качестве аналогии можно рассматривать чудо с харатьей в Житии Алексея человека Божия (характерно, что, как свидетельствуют источники, Александр принял постриг с именем Алексей).

[75] *Ключевский В.О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1981. С. 67—68.

отець своих», то в этом можно усомниться. Причем в наиболее ранних списках Первого вида добавлено «домочадец» («своих отец домочадец»). Это должно означать, что предки сочинителя служили семье князя. Стало быть, сам пишущий происходил из Переяславля. По-видимому, вместе с дружиной и двором Александра Ярославича он был рядом с князем как в новгородский период его жизни, так и во владимирский. «Жалостно же бѣ слышати, яко отець его, князь великыи Ярославъ, не бѣ вѣдал таковаго въстания на сына своего, милаго Александра, ни оному бысть когда послати вѣсть къ отцю своему, уже бо ратнии приближишася»[76], — пишет книжник. По-видимому, он слышал такие разговоры перед выступлением Александра против шведов. Подробности Невской битвы он знал от самого князя и других участников событий, о чем и прямо заявляет: «Си же вся слышах от господина своего великого князя Олександра и от иных, иже в то время обрѣтошася в тои сѣчи»[77]. Своим господином называет автор умершего князя и в эмоциональном плаче у гроба почившего. После смерти господина он, скорее всего, постригся в том же Рождественском монастыре, где был похоронен Александр Ярославич, и, уже будучи иноком, взялся за написание Жития. Этим, наряду с особенностями биографии самого героя памятника, объясняется сочетание в Житии агиографических композиционных элементов и топики с традициями переводных и древнерусских воинских повестей. Неоднократно отмечалась начитанность автора — в тексте содержатся многочисленные реминисценции и ссылки на «Историю Иудейской войны» Иосифа Флавия, Александрию хронографическую, «Летописец вскоре» патриарха Никифора и др.

В XIV в. (не ранее второй четверти) создается еще одно княжеское житие — *Житие Довмонта Псковского.* Сохранилось оно в псковских и общерусских летописях XV—XVI вв. В научной литературе определено, что для произведения послужило в качестве образца и источника Житие Александра Невского, причем не в самой ранней, а в так называемой Особой его редакции[78].

Наиболее близкой к первоначальной редакции Жития Довмонта считается редакция псковских летописей. Но, скорее всего, и в этой редакции Житие претерпело редактуру. Стилистически и по структуре оно близко к летописным нарративам, воинским повестям. Героический пафос воинских подвигов псковского князя превалирует над описанием его боголюбивых поступков[79]. Характерно, что Довмонт сравнивается и ставится в один ряд с Александром Невским и его сыном Андреем как защитник Пскова и Новгорода.

В Твери в первой четверти XIV в. было создано житие, как и Житие Михаила Черниговского, относящееся к мартириям. Это *Житие Михаила Тверского.* Древнейшая из дошедших до нас Пространная редакция Жития написана духовником Михаила Ярославича игуменом Тверского Отроча монастыря Александром. Как определено В. А. Кучкиным, Житие датируется концом 1319 — началом 1320 г.[80] Всего насчитывается четыре нелетописных редакции Жития и восемь летописных. Житие было в гипотетически восстанавливаемом Своде Арсения Тверского 1409 г., куда оно вошло из нелетописного источника. Этот вариант, подвергшийся редактуре, отразился в Софийской первой летописи старшего извода, а в другой редакторской обработке, в значительном сокра-

---

[76] *Бегунов Ю. К.* Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». С. 163—164.

[77] Там же. С. 168.

[78] *Охотникова В. И.* Псковская агиография XIV—XVII вв.: В 2 т. СПб., 2007. Т. 1: Жития князей Всеволода-Гавриила и Тимофея-Довмонта (исследование и тексты). С. 404.

[79] Так, В. И. Охотниковой даже предложено называть памятник житием лишь в редакции конца XVI в., а ранние версии называть повестью (см.: *Охотникова В. И.* Довмонт // ПЭ. М., 2007. Т. 15. С. 519).

[80] *Кучкин В. А.* Повести о Михаиле Тверском. М., 1974. С. 234.

щении, сохранился в тверской великокняжеской летописной традиции, представленной Рогожским летописцем, Тверским сборником и рядом других летописных фрагментов и памятников.

Едва ли найдется в древнерусской литературе произведение, где бы столь глубоко и разносторонне развивалась ордынская тема, раскрывались бы принципы татарской политики по отношению к Руси и характер их проявления. Так, упоминающиеся в летописях дары, которые возят русские князья ханам, в сочинении Александра трактуются не как обычные дары правителю, а как мзда за нужное решение. Дается понять, что ордынских правителей интересует, в первую очередь, обогащение за счет русских князей — посредством получения выхода и даров как платы за ярлык: «...егда коему князем нашим достовашеся княжение великое, хожаше князи русстии в Орду ко цареви, носящи множество имѣния своего»[81]. При этом подчеркивается, что татары стремились сеять вражду между русскими князьями.

В создании агиографического произведения игумен Александра следует традиции мартирия, в частности в Житии присутствует свойственная мученическим житиям «протокольность» описаний событий. Таково повествование о последних днях и часах князя. О том же говорит и система встречающихся в Житии уподоблений: Михаил Ярославич сравнивается со святыми Дмитрием Солунским, Борисом и Глебом, Михаилом Черниговским. С Дмитрием Солунским связан мотив защиты городов, с Борисом и Глебом — идея вассальной верности, с Михаилом Черниговским — идея верности Христу. Все это присутствует в подвиге Михаила Ярославича. Несомненна и связь Жития с Несторовым «Чтением о Борисе и Глебе»[82].

В гибели Михаила Ярославича повинны были и татары, и русские: Юрий Московский и те, кто помогли ему, составляя наветы и свидетельствуя в Орде против тверского князя. В этом, безусловно, отдает себе отчет агиограф. Но все же по отношению к русским противникам своего героя он достаточно сдержан. Неблаговидные поступки Юрия объясняются провоцирующими действиями тех же татар, которых подстрекает дьявол искушать Юрия. По-видимому, представить татар главными виновниками гибели Михаила было важной тенденций автора — в противовес допущению альянса с татарами, к которому так часто прибегали русские князья, преследуя сиюминутные цели.

Абсолютным злодеем, безусловным врагом Михаила Ярославича предстает Кавгадый. Имя его всегда сопровождается отрицательными эпитетами: «окаанныи», «кровопиицъ», «треклятыи», «нечестивыи» и др. С его появления на Руси начинается несчастливая полоса в жизни Михаила: именно он сообщает тверскому князю, что ярлык передан Юрию. После рассказа о победе Михаила Ярославича над ратью, собранной Юрием Московским при поддержке отряда Кавгадыя, автор Жития подчеркивает, что в Кавгадые будет «послѣдняя горькая погыбель»[83] князя. Но пока он предстает трусливым и вероломным. Он клянется не жаловаться на тверского князя хану, подтверждает, что воевал его волость «безъ царева повелѣния»[84]. И тут же, отправляясь с Юрием в Орду, собирает лжесвидетельства на Михаила.

Раскрывается роль Кавгадыя и в ходе суда над Михаилом, где татарский эмир предстает как «судья и сутяжи, тои же лживъ послух бываше, покрывая же лжею своею истиная словеса вѣрнаго Михаила, и изре-

[81] *Кучкин В. А.* Пространная редакция повести о Михаиле Тверском // Средневековая Русь. М., 1999. Вып. 2. С. 129.

[82] *Конявская Е. Л.* Очерки по истории тверской литературы XIV—XV вв. М., 2007. С. 41—42.

[83] *Кучкин В. А.* Пространная редакция повести о Михаиле Тверском. С. 134.

[84] Там же. С. 137.

че многозамышленыя вины на блаженаго на непорочного Христова воина, а свою страну оправдая»[85]. Ордынские «князья» собрались в одной «веже», разложив перед собой грамоты, где были записаны ложные обвинения в отношении Михаила, главное из которых — сокрытие дани. В следующий раз суд заседал через неделю, и к первому обвинению добавилось: «противу посла билъся еси, а княгиню Юрьеву повелѣлъ еси оуморити». Михаил отвечал, что все полученные и отданные в качестве дани средства у него записаны, ничего не утаено. Посла (Кавгадыя) он с честью отпустил, а относительно Кончаки «ни на мысли ми того сътворити». Но ханские судьи все решили заранее: «Поносы и узами стяжим его и смертию нелепотною осудим его, яко неключим есть нам, не последуетъ нравом нашим»[86]. Михаил был закован в тяжелую деревянную колоду, его разлучили со свитой: «Тое же нощи отгнаша от него всю дружину, силно бьюще, и отца его духовнаго Олександра игумена. И оста единъ в руках ихъ»[87]. В дальнейшем днем дружина к князю допускалась, и Михаил Ярославич в присутствии своих бояр старался не показывать своей печали, просил не печалиться и их, видя на нем «древо сеи».

Кавгадый приводит Михаила в оковах на торг — держать ответ перед «заимодавцами». Он ставит его перед собой на колени: «величашеся безаконныи, власть ими над праведным»[88]. Много часов святой давал ответы на вопросы, а на торгу собиралось все больше народа. Кто-то из толпы сказал: «Господине князь! Видиши ли, селико множество народа стоятъ, видящи тя в таковои оукоризне, а преже тя слышахом царствующаго во своеи земли»[89].

Последние часы жизни святого описаны с большой художественной силой. Игумен и священники уже были с князем, и князь гадал по псалтыри. Открылся 54-й псалом, Михаил прочел: «Кто дасть ми крилѣ, яко голуби, полещю и почию». Именно здесь с упоминанием крыльев, которые могли бы унести Михаила из неволи, вспоминает Александр о том, что возможность спастись у Михаила Ярославича была. Хан пошел на охоту и приказал, чтобы Михаила вели за ним. Слуги подготовили побег: «Се, господине, проводници и кони готови, уклонися на горы, живот получиши». Князь отвечает, что никогда не поступал таким образом и не сделает подобного сейчас, не оставит «дружину свою… в такои беде»[90].

Наконец, с подробностями, выдающими в авторе очевидца, описывается убийство Михаила: палачи, схватив за колоду, которая была на шее Михаила Ярославича, «оудариша силно и възломиша на стѣну, и проломися стѣна»; называется имя злодея, вырезавшего из груди сердце святого — некий Романец. Юрий и Кавгадый неподалеку, «близъ бо бяше в торгу, яко камнем доврещи»[91], ждали, пока один из убийц не сообщил им: «Се оуже велѣное вами сътворихом»[92].

Интригующий сюжет, эмоциональность автора, подробность повествования определили популярность Жития. Обширная рукописная традиция свидетельствует, что к нему возвращались вновь и вновь. Даже спустя века, когда политическая суть конфликта была уже мало понятной, читателя захватывала и волновала судьба тверского князя, его яркая и наполненная неожиданными поворотами жизнь, завершившаяся высоким подвигом.

---

[85] *Кучкин В. А.* Пространная редакция повести о Михаиле Тверском. С. 142.
[86] Там же. С. 143.
[87] Там же. С. 144.
[88] Там же. С. 149.
[89] Там же. С. 150.
[90] Там же. С. 153.
[91] Там же. С. 154.
[92] Там же. С. 155.

Антиордынская тема в тверской литературе была продолжена нарративами, читающимися в летописях. Это две *Повести о Шевкале*, посвященные событиям тверского антиордынского восстания 1327 г. Первая написана в Твери и отразилась в Рогожском летописце и Тверском сборнике, Вторая — во Пскове в окружении Александра Михайловича в период его псковского княжения, сохранилась в псковских летописях. Эти рассказы не имеют между собой никаких текстуальных совпадений и различаются в изложении событий.

Первая Повесть читается в летописях под 6834 г. Во фрагменте тверского летописного свода, сохранившемся в рукописи ГИМ. Муз. № 1473, имеется лишь начальная ее часть — о намерениях Шевкала (Чол-хана) и Азбяка (Узбека) и приходе первого на Русь. Затем в Музейном фрагменте идет лишь краткое сообщение о дальнейших событиях: «В лѣта 6835. Мало днии пребывшу ему, много зла сотвориша христианомъ. Сего же не терпяще христиане, имша и убиша, а иныя огнемъ пожгоша» (Л. 150). Возможно, в источнике фрагмента, как в Рогожском летописце и Тверском сборнике, читался полный текст, но на каком-то этапе было проведено сокращение.

Согласно Первой повести о Шевкале, ордынский посол, эмир Чол-хан, пришел в Тверь, имея целью князя «избить», истребить христианство и самому сесть на княжении, т. е. приход вооруженного отряда из Орды воспринимался как прямая угроза княжеской власти. Он выгнал князя Александра Михайловича Тверского из его резиденции и сам «ста на князя великого дворѣ съ многою гръдостию и яростию». Его многочисленный отряд «въздвиже гонение велико на христианы насилством и граблением и битием и поругашем»[93]. Терпению народа пришел конец в праздник Успения Богородицы, когда на площади собрался большой торг. Ордынцы попытались отнять у дьякона Дудко молодую тучную кобылицу[94]. Дьякон призвал на помощь «мужей тверских», началась схватка, татары применили оружие. Колоколом тверичи собрали вече, и началось избиение татар, какие только были в городе. Рассказчик подчеркивает, что смерти предавались все ордынцы — «по ряду», «где котораго застропивъ». Не пощадили и «гость ихъ хопыльскии», т. е. купцов.

Во *Второй повести* также говорится, что Чол-хан имел серьезные намерения: «... князя Александра и братию его побити хотяще; а самъ хотѣ сѣсти во Твери на княжение; а иная князья посажати по инѣмъ градомъ по руским, хотяще привести християнъ в бесъсерьменьскую вѣру»[95]. Александр Михайлович предстает побеждающим героем. Он собирает тверичей, говорит перед ними речь, оправдывающую его выступление против Шевкала местью за кровь отца и брата[96], а также необходимостью нанесения упреждающего удара («егда и мнѣ се же сотворитъ»), бьется и побеждает в бою, а затем самоотверженно поджигает отчий двор, где спрятался Шевкал, «и Шевкалъ съ дружиною своею, згорѣвъ, пропаде»[97].

Сюжет *Исторической песни о Щелкане Дюдентьевиче* весьма отличен от книжных нарративов, но и здесь вначале обнаруживается сходство мотивов: Азвяк Таврулович одаривает шуринов русскими «городами стольными»: Плесом, Вологдой и Костромой. Щелкан просит Тверь[98].

---

[93] ПСРЛ. Пг., 1922. Т. 15, вып. 1. Стб. 45.

[94] Поведение татар было экстраординарным, поскольку известно, что духовенство со стороны монголов, по крайней мере в мирное время, не притеснялось — не облагалось данью и не подвергалось поборам.

[95] ПЛ. М.; Л., 1941. Вып. 1. С. 16.

[96] Дмитрий Михайлович тоже был убит в Орде.

[97] ПЛ. Вып. 1. С. 16.

[98] См.: Щелкан // Исторические песни / Сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. С. Н. Азбелева. М., 2001. С. 48—51.

В летописях под 6838 г. сохранился *Рассказ о «взыскании» Александра Михайловича Тверского*. В псковских летописях соответствующий текст служит продолжением рассказа о Федорчуковой рати — карательной экспедиции, посланной на Тверь ханом Узбеком, в которой принимал участие Иван Калита. Александр Михайлович с супругой бегут в Псков, где псковичи сажают его на княжение. Рассказ о дальнейших событиях начинается словами: «И на третиее лѣто вложи окаяныи врагъ дияволъ въ сердце княземъ рускимъ взыскати князя Александра...» Русские князья, выполняя волю Узбека, требующего, чтобы Александр явился в Орду, преследуют тверского князя, «подъяша новогородцовъ и всю область Новогородцкую от Бѣлаозера и от Заволочия».

В «Повести», созданной, скорее всего, во Пскове книжниками из окружения Александра, княжившего там долгие годы, подчеркивается благородство тверского князя. В ситуации, когда другие русские князья находятся во власти дьявольского наущения, Александр Михайлович, которого автор повести называет «боголюбивым князем», «зъжалися, восхотѣ поѣхати в Оръду, рекъ сице: единъ да умру за вся христианы»[99]. Столь же достойно ведет себя князь по отношению к верным ему псковичам. Когда Иван Данилович, не надсясь уже заставить его ехать к Узбеку силой, прибегает к последнему средству: «намолви митрополита Феогнаста», — и тот предает проклятью и отлучению Александра и Псков, князь уезжает из города со словами: «Братия моя и друзи мои, не буди на вас проклятие, ни отлучение мене ради; поеду из града вашего, не буди вашего целования на мнѣ, ни моего на васъ». В безыскусной и искренней тональности говорится об отношении псковичей к Александру и его отъезду: «И выеха Александръ изо Пскова пословно со псковичи, а княгиню свою ту остави. Тогда бяше во Псковѣ туга и печаль, и молва многа в людех по боголюбивомъ князе Александрѣ, зане же бяше добротою и сердцем въ сердце псковичемъ»[100].

Летописный рассказ *«Об убиении Александра Михайловича в Орде»* — повествование о трагическом конце жизни тверского князя, читается в тверских летописях под 6846 г. В нем говорится, что дьявол наполнил «уши безаконному царю гореславесныя льсти». Узбек призывает Исторчея и начинает ему «вѣщати отметнаа словеса: "Иди въ Русь, призови ми сѣмо князя Александра, не яростію, но тихостію"»[101]. Александр Михайлович, «вѣдыи и не вѣдыи безбожную ихъ лесть», был в «распалении ума». Он рассматривает для себя две возможности и выбирает гибельную для себя, но отводящую угрозу от Тверской земли: «...аще поиду, то и разлученъ съ животомъ, аще ли не поиду, то много будеть пакости христіаномъ». Рефлексия человека по поводу будущего и прошлого нечасто передается летописцем. И в данном случае за ней стоят реалии ситуации: противоположные слухи относительно того, что его ждет, окружали его в Твери и будут окружать в Орде: «ини глаголахоу: княжніе ти великое даетъ царь, а иніи глаголахоу: оубиту ти быти». Князь принял решение — «оставле вся мысли»; духовенство и княгиня с детьми проводили его с плачем, как на верную смерть. Сильный встречный ветер не дает плыть: «онѣмъ гребущимъ, а насадъ назадъ идяше»[102]. Подробность такого рода может иметь значение только как недобрый знак, но психологически она создает ощущение, что возможно и иное развитие событий и еще не поздно решить иначе...

[99] ПЛ. Вып. 1. С. 16.
[100] Там же. С. 17.
[101] ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 47—48.
[102] Там же. Стб. 49.

Двойственность — в твердом решении принять смерть, с одной стороны, и надежде на благополучный исход до последнего момента — с другой, присутствует и в дальнейшем рассказе. И уже когда вестник сообщает Александру, что тот лишится жизни через три дня, князь внутренне готовится к смерти, но в роковой день садится на коня и ездит, «вѣсть переимая о смерти своеи, а иного къ царицѣ посла»[103].

Подробность повествования о пребывании князя в Орде говорит о том, что рассказ писался одним из спутников Александра или со слов такого спутника. Этот очевидец должен был сопровождать Александра Михайловича в пути, быть рядом в Орде, а затем вернуться с останками убитых в Тверь, так как в Повести есть соответствующие подробности: сообщается, что брат Василий с боярами и слугами провожают Александра Михайловича «до Святославля поля», говорится о пути следования тел убитых князей из Орды в пределах Руси (Владимир — Переяславль — Тверь). Характерна при этом одна деталь. После убийства князей, по словам летописца, «бояре же и слоугы ихъ разбѣгошася, а дроузіи пріимъ тѣлеса ихъ, привезоша на Роусь»[104]. К этим «другим», скорее всего, и принадлежал автор рассказа, который входил в состав княжеской свиты, однако, по-видимому, относился не к боярам и слугам, а к духовенству. Характерно, например, что повествователь не называет точных дат. Он говорит, что Исторчей пришел в Тверь весной, князь Александр был в Орде месяц. В остальном же автор вместо чисел и сроков называет церковные праздники, что естественно для лица духовного: весть о скорой смерти Александр получает накануне памяти «великаго славнаго мученика Димитріа», убийство совершается в день памяти «святаго мученика Терентіа и Неонилы и святыя мученици Параскевіи»[105].

Единственным значимым агиографическим произведением этого времени, прославляющим святителя, является *Житие митрополита Петра* (самоназвание — «Преставление Петра митрополита»). Ранняя редакция памятника создана в 1327 г. (до 14 августа 1327 г., когда состоялся Владимирский собор)[106]. Второй вариант редакции появился в 1339 г. в связи с канонизацией Петра в Византии.

Начало Жития строится по традиционной схеме: говорится о благоверных родителях, обучении будущего святого с семи лет. Однако уже с момента ухода Петра в монастырь появляются фактические детали: он служил в поварне, носил воду «на всю братью и дрова на свою раму нося»[107]. Затем стал иконописцем, говорится, что икону Святой Богородицы, им написанную, он подарил митрополиту Максиму. Наконец, Петр построил церковь Святого Спаса на р. Рати (приток Сейма) и основал монастырь. Агиограф рассказывает о неправомерных действиях кандидата на русскую митрополию Геронтия, о получении в Константинополе митрополии Петром, о Переяславском соборе. Во всех этих ситуациях и деяниях Петр предстает исключительно с положительной стороны. О фактах, которые могут повредить репутации митрополита, автор Жития умалчивает. Так, не упоминаются обстоятельства появления его как кандидата в митрополиты. Хотя автор рассказывает о рождении святого, но не говорит, из какой местности Петр происходит. Только в рассказе о том, как он обходил епархии, на его волынское происхождение косвенно намекает порядок

[103] ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 50.
[104] Там же. Стб. 51.
[105] Там же. Стб. 50. Вместе с Александром был убит его старший сын Федор.
[106] *Кучкин В. А.* «Сказание о смерти митрополита Петра» // ТОДРЛ. М.; Л., 1962. Т. 18. С. 59—67.
[107] *Клосс Б. М.* Избранные труды: В 2 т. Т. 2: Очерки по истории русской агиографии. М., 2001. С. 28.

их следования: Волынь названа первой. Не сообщается, в каком монастыре он постригся и подвизался до игуменства в Ратском монастыре. Также прямо не говорится о причинах выбора им Москвы в качестве местопребывания, сказано лишь, что Москва — «град честенъ кротостию»[108]. При этом автор дает понять, что митрополит высоко оценил добродетели московского князя Ивана Даниловича.

Рассказ собственно о преставлении — как это вынесено в название агиографического произведения — содержит основные мотивы-топосы этой композиционной части житий. Петр, как подобает святому, провидел свою близкую кончину. Он сотворил литургию и устроил прощальную трапезу, раздал обильную милостыню. Упоминается и избранный им преемник. Вечером же, «еще сущи молитвѣ во устех его… предасть духъ». Похороны святителя сопровождались чудесным видением некоему иноверцу, который видел Петра, благословляющего «Иоана, и всь род его, и вся христианы».

При этом рассказ о последних днях и часах святителя весьма подробен и сообщает интересные с исторической и идеологической точки зрения детали. Петр на литургии молится «о здравии благовѣрных цареи, и за благочестиваго князя Иоана, и за княгиню, и за дѣти его, и за вся воя его, и о всем мирѣ, и за вся усопшая цари, и за князи, и за вся [християне] усопшая». Важно, что Иван Калита назван по имени, затем говорится о его княгине и детях. А далее идут уже «усопшие». Характерно, что великий князь не упомянут (благоверные цари — это византийские императоры). И хотя об Александре Михайловиче и о Михаиле Ярославиче в Житии речь идет, ни в одном из трех сюжетов они не входят в число тех, о ком молится и кого благословляет Петр. Автор Жития пишет, что при кончине святителя Ивана Даниловича не было в городе, и Петр обратился к тысяцкому Протасию, который характеризуется как «на нищая милостивъ и милосердъ сердцемь»[109]. Ему он передает некую суму с деньгами на строительство Успенского собора, заложенного в августе того же 1326 г. В последние минуты жизни святого при нем был архимандрит Феодор, которого, как мы узнаем из этого произведения, Петр «именова на митрополию».

Кроме чудесного видения, сопровождавшего погребение Петра, в Житии упомянуты еще два чуда исцеления. Запись обо всех трех чудесах, составленную Иваном Калитой, на соборе во Владимире прочитал ростовский епископ Прохор.

С точки зрения стилистики, Житие не принадлежит к цветистым, «украшенным» агиографическим произведениям. Украшено оно лишь небольшим количеством цитат и парафраз Священного Писания, довольно лаконичными сравнениями.

Таким образом, Житие содержит как ряд общих для святительских житий мест, так и значимые исторические данные. Но наибольший интерес этот первый памятник московской литературы представляет с точки зрения отражения в ней идеологии — Москвы как важного центра и московской ветви Рюриковичей в их претензии на владимирский стол. Сам автор москвич, об этом говорит его заявление, что и он испросил у гроба святого оставление грехов. В. А. Кучкин отмечал, что агиограф принадлежал к кругу митрополита Петра, Ивана Калиты и тысяцкого Протасия[110]. Если апологетика митрополита и князя в житиях местных святых — явление обычное, то такое внимание к тысяцкому («сьтареишина града» упоминается

[108] *Клосс Б. М.* Избранные труды. Т. 2: Очерки по истории русской агиографии. С. 29.
[109] Там же. С. 30.
[110] *Кучкин В. А.* «Сказание о смерти митрополита Петра». С. 66.

еще раз — в конце Жития) — со столь положительной характеристикой — весьма нетрадиционно. В этом смысле резонно предположение В. А. Кучкина, что этим книжником мог быть «один из клириков нового московского Успенского собора»[111]. Во всяком случае, он, скорее всего, принадлежал к белому духовенству, которому чаще, чем монашествующим, приходилось иметь дело с городскими властями.

Житие митрополита Петра, будучи первым русским святительским житием и первым памятником московской литературы, имело обширную рукописную традицию, особенно развитую в редакции митрополита Киприана, который использовал первую редакцию, обогатив ее дополнительным материалом и усложнив стилистику изысканной орнаментальностью.

Проповедническая и богословская литература рассматриваемого периода представлена целым рядом произведений, которые значительно отличаются друг от друга по характеру.

Из обширного комплекса произведений ораторского красноречия *Серапиона Владимирского* сохранилось, скорее всего, пять слов-проповедей. Архимандрит Киево-Печерского монастыря, ставший епископом в Северо-Восточной Руси, он обладал незаурядным проповедническим темпераментом. Первое Слово датируется 1230 г.[112], а остальные четыре относятся к периоду его архипастырства (1274—1275[113]). В основу последних, по-видимому, вошли его проповеднические опыты предшествующих лет.

В первых трех Словах Серапион обращается к пастве с призывом оставить греховную жизнь, покаяться и перейти к жизни праведной. Иноплеменное нашествие, беды людей, которые принесло это нашествие, и установление власти монголов над русскими землями он толкует как наказания Господа за грехи, в которых погрязли его соотечественники. Обличая грехи и пороки русских людей, Серапион вместе с тем убежден, что власть монголов придет конец, когда произойдет очищение от грехов, восторжествует добродетель и братолюбие. Он вспоминает город Ниневию, спасшийся покаянием и постом. Последнему предались не только его взрослые жители, но он коснулся, по словам Серапиона, и младенцев, и даже скота. Молитва и плач жителей города «ярость Божию премѣниша на милосердье и погибель избыша»[114].

И сам пафос трактовки иноземного завоевания как божьего наказания, и некоторые пассажи, касающиеся бедствий, которые претерпели русские люди, перекликаются с подобным мотивами и текстами Введения к Правилам церковного собора 1273 г.[115] Это позволило исследователям предположить, что в подготовке решений Собора Серапион мог принимать участие «как… соавтор»[116]. Вместе с тем интересно отметить, что в перечислении бедствий и потерь в Правиле Кирилла и третьем Слове Серапиона Владимирского обнаруживается различная их последовательность. Во Введении к правилам люди «рассеяны», города взяты, «сильнии наши князи» пали, дети уведены в плен — и лишь затем говорится о запустении божиих церквей[117]. Для Серапиона на первом месте поругание церквей: «Разруше-

[111] *Кучкин В. А.* «Сказание о смерти митрополита Петра». С. 66.

[112] По упоминанию в нем землетрясения.

[113] Умер 12 июля 1275 г.

[114] БЛДР. Т. 5. С. 374.

[115] *Печников М. В.* К изучению церковных правил Собора 1273 г. // ДРВМ. 2009. № 4 (38). С. 97—101.

[116] *Кириллин В. М.* Идейно-содержательная специфика Слов святителя Серапиона Владимирского // *Кириллин В. М.* Очерки о литературе Древней Руси. Сергиев Посад, 2012. С. 242.

[117] РИБ. 2-е изд. СПб., 1908. Т. 6. № 6. Стб. 86.

ны божественьныя церкви, осквернены быша ссуди священии и честные кресты и святыя книгы, потоптана быша святая мѣста, святители мечю во ядь быша, плоти преподобныхъ мнихъ птицамъ на снѣдь повержени быша, кровь и отець, и братья нашея, аки вода многа, землю напои, князии нашихъ воеводъ крѣпость ищезе»[118]. Затем почти дословно повторяются слова Правил о чадах, уведенных в плен, опустении городов[119]. Если все эти разрушения и бедствия — наказания за грехи, то как объяснить, что в первую очередь речь идет именно о поругании церкви, призванной являть образец добродетели и высокой духовности? Но логика Серапиона проясняется, если вспомнить тезис второго Слова: праведники страдают за содеянное грешниками. Те, кто «Богу истиньно работають, но на сем свѣте равно со грѣшьникь от Бога казними суть» за «беззаконие» грешников.

Начиная с Е. В. Петухова, в научной литературе возникают попытки истолковать пассаж из четвертого Слова относительно нравов «поганых» как «похвалу татарам», к которым «Серапион обнаруживает… не только отрицательное отношение»[120], а ставит в пример русским-христианам, которые «братию свою» грабят и убивают, «поганых», которые, хотя и не знают «закона Божия», «не убивают единовѣрних своихъ, ни ограбляють, ни обадят, ни поклеплют, ни украдут, не заряться чужаго; всякъ поганый брата своего не продасть; но, кого в нихъ постигнет бѣда, то искупять его и на промыслъ дадуть ему»[121]. Однако, учитывая общий пафос текстов, касающихся татар, Серапион не мог иметь в виду в данном случае именно их. Как отмечалось исследователями, погаными могли называться иные, не христианизированные к этому времени народы (в частности, балто-финно-угорские племена[122]). Можно предположить, что в период своего пребывания в Киеве владыка мог наблюдать и обычаи «своих поганых» — черных клобуков.

Проповедник обнаруживает талант и мастерство риторического построения Слов. Он задает вопросы, приводит возражения предполагаемого оппонента и с блеском разбивает возможные аргументы, призванные оспорить его позицию. В первом Слове после перечисления предзнаменований, коих не захотели принять во внимание соотечественники, он приводит возможные возражения: «Аще ли кто речеть: “Преже сего потрясения бѣша *и рати, и пожары быша же*”», — и сам отвечает: «Тако есть, но — что потом бысть намъ? Не глад ли? не морови ли? не рати ли многыя»[123].

Два последних Слова посвящены другой теме — обличению языческих нравов и верований. И здесь Серапион мастерски показывает абсурдность языческих суеверий. Вера в волхование как панацею от неурожая вызывает у него язвительный вопрос: «Се нынѣ по три лѣта житу рода нѣсть не токмо в Русь, но в Латѣнѣ: се вълхвове ли створиша?»[124] А представление о том, что выкапывание из земли утопленников и удавленников может

---

[118] БЛДР. Т. 5. С. 376.

[119] *Колобанов В. А.* К участию Серапиона Владимирского в соборных «деяниях» 1274 г. // ТОДРЛ. М.; Л., 1960. Т. 16. С. 443.

[120] *Петухов Е. В.* Серапион Владимирский, русский проповедник XIII века // Зап. ист.-филол. ф-та Имп. С.-Петербургск. ун-та. СПб., 1888. Ч. 17. С. 29—30.

[121] БЛДР. Т. 5. С. 376.

[122] *Кириллин В. М.* Идейно-содержательная специфика Слов святителя Серапиона Владимирского. С. 249—250.

[123] БЛДР. Т. 5. С. 370.

[124] Там же. С. 380.

предохранить от непогоды, парируется увещеванием: «Потопъ бысть при Ное не про удавленаго, ни про утопленика, но за людския неправды, и иныя казни бе-щисленыя», — и сетованием: «О человѣци, се ли ваше покаянье? сим ли Бога умолите, что утопла или удавленика выгрести? сим ли Божию казнь хощете утишити?»[125]

В целом, пафос произведений Серапиона Владимирского сводился к призыву отрешиться от греховной жизни и прийти к покаянию. В. Н. Рудаков отмечает, что «в рамках подобного восприятия совершенно не оставалось места идеям о возможной борьбе с “погаными”»[126]. Но речи Серапиона убеждали людей, что владычество иноземцев — лишь временное наказание Руси.

Поучение еще одного архиерея, упомянутого как участника Владимирского собора 1373 г., — это *Наставление тверского епископа Симеона князю полоцкому Константину Безрукому*[127] (самоназвание «Семена епископа тфѣрьскаго наказание»).

Симеон пришел на образованную в 1270-х годах Тверскую епископскую кафедру из Полоцка. Рассматриваемый памятник, очевидно, относится к полоцкому периоду его пастырства. По справедливому замечанию М. В. Корогодиной, этот текст нельзя атрибутировать самому Симеону, а нужно трактовать как «исторический анекдот», который «на деле является не *поучением* Семена, а *историей* о Семене Тверском»[128]. Памятник дошел в нескольких списках и двух редакциях. Древнейший список — в составе Мерила Праведного середины XIV в. Небольшой по объему текст повествует о беседе владыки Симеона и полоцкого князя Константина. Спросив, где быть тиуну на том свете, князь получил ответ: «Кдѣ и князю!»[129], — поскольку он несет ответственность за действия своего чиновника. Вопрос владыке был задан князем на пиру. Это вполне достоверная деталь, владыки на княжеские пиры приглашались, и именно на пиру публично князь мог задать такой вопрос, никак не ожидая последовавшего ответа. В результате эта достаточно яркая ситуация запомнилась и в конечном счете оказалась записанной.

Представляется обоснованным предположение В. А. Кучкина о том, что в составе Особой редакции Наказания Симеона сохранился фрагмент некоего поучения, написанного самим владыкой[130]. В этом продолжении уже от первого лица следует увещевание власть имущих защищать и утешать скорбящих, избавлять «оубогых от рукы силных»[131], и в образной форме обличаются такие цари, князья и наместники, которые дают и помогают тем, «оу них же много злата и сребра»[132], отбирая последнее у бедных.

---

[125] БЛДР. Т. 5. С. 382.

[126] *Рудаков В. Н.* Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII — XIV вв. С. 100.

[127] Идентификация такого князя вызывает затруднения (*Конявская Е. Л.* «Симеон из Полотска» — первый тверской епископ // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь, 2017. Вып. 10. С. 19—20; *Кузьмин А. В.* Опыт комментария к актам Полоцкой земли второй половины XIII — начала XV века // ДРВМ. 2007. № 2 (28). С. 33—42). Возможно, он был одновременно полоцким и витебским князем в конце 1250-х годов.

[128] *Корогодина М. В.* Кормчие книги XIV — первой половины XVII вв.: В 2 т. СПб., 2017. Т. 1. С. 92—93. Действительно, в тексте о Симеоне говорится в третьем лице.

[129] БЛДР. Т. 5. С. 394.

[130] *Кучкин В. А.* Особая редакция «Наказания» Симеона Тверского // Изучение русского языка и источниковедение. М., 1969. С. 248.

[131] Там же. С. 249.

[132] Там же. С. 250.

Есть и еще один текст, который в списках пролога приписан Симеону: «Слово епископа Тверьскаго Семиона»[133]. «Слово» является наставлением монастырской братии избегать пустых бесед, общения с женщинами, не судить, а творить милостыню и т. п.

Ярким примером публицистической и богословской мысли предстает *«Написание монаха Акиндина к великому князю Михаилу Ярославичу»*. Ученый монах Акиндин в Послании великому князю Михаилу Ярославичу, датируемом началом второго десятилетия XIV в., называет себя «мнихом лавры светые Богородицы», т. е. Тверского Отроча монастыря. Власть чужеземных завоевателей Акиндин рассматривает как «насилие», их цель — «пограбити, ли покрасти, ли разбити»[134]. Он называет царем не ордынского хана, а Михаила Ярославича, великого князя владимирского: «Царь еси, господине княже, въ своеи земли...», и обращается к князю как к «Богомъ съхраненому и благочестивому и благочестія держателю, великому князю Михаилу и честному самодержьцю рускаго настолованія»[135], подчеркивая верховность и суверенность власти Михаила Ярославича во всей Руси.

В середине XIV в. на Руси разразилась «распря о честном раю». Василию Калике, новгородскому владыке, принадлежит *Послание Федору Тверскому о рае*, где он упоминает некую «распрю о честном рае», которая случилась в Твери. Новгородский архиепископ привел ряд доказательств относительно чувственной природы рая в противовес «мысленному» — концепции Федора Доброго. Василий утверждал, что чувственный рай, «в котором жил Адам», существует, а не погиб, как полагает его оппонент. Из него вытекает четыре великих реки, о чем говорится в Паремиях: «А Паремии именуются 4 рѣкы, идуть из рая — Тигр, Нил, Фисонъ, Ефраксъ — со въстока: Нил же — под Египтомъ... течетъ же с высокыхъ горъ, и еже суть от земля и до небеси, а мѣсто непроходимо есть человѣкомъ, а верху его рахмане живуть». Столь же реален и ад. Владыка пишет, что новгородцы «видоки тому на Дышучемь мори, червь неусыпающии, и скрежет зубныи, и рѣка молненая Моргъ, и что вода входить въ преисподняя и пакы исходить 3-жды днемь»[136]. Мореходы доходили и до рая. Он находится за горами, где «свѣтъ бысть многочасьтныи... а на горахъ тѣхъ ликованиа многа слышахуть»[137]. Мысленный же рай Василий не отрицает, но трактует его как рай, который наступит после Второго пришествия. Но в этом, как казалось бы, логичном разграничении малой (индивидуальной) и большой (всемирной) эсхатологий, обоснованном Василием различными аргументациями, оказывается немало противоречий. Рай на востоке (чему владыка привел много подтверждений) или на небесах (чему есть подтверждения в иных апокрифических текстах)? Страшный суд откроет время (или вечность?) идеального мира, но речь продолжает вестись о земле: «...мысленныи раи, егда вся земля просвѣщена будеть свѣтом неизреченым»[138]. Противостояние двух позиций в науке трактовалось и трактуется по-разному: как подтверждение присутствия на Руси паламистских и антипаламистских

---

[133] *Конявская Е. Л.* «Симеон из Полотска» — первый тверской епископ. С. 22—23.

[134] РИБ. Т. 6. Стб. 154.

[135] Там же. Стб. 149. Как мы помним, в Житии Михаила Ярославича, ему в Орде говорят, что знают его «царствующаго во своеи земли».

[136] БЛДР. СПб., 1999. Т. 6. С. 44.

[137] Там же. С. 46.

[138] Там же. С. 48.

настроений, как спор номиналистов и реалистов и др.[139]

В период ордынского завоевания литература не исчезла и не замерла. Древнерусские книжники продолжали домонгольские литературные традиции и развивали новые темы и формы. Наряду с княжеским житием-мартирием формировался тип агиобиографии идеального правителя. Создается первое русское святительское житие. В нарративных, учительных и богословских произведениях главной темой становится иноземное пленение и пути освобождения от него. Однако книжников волнуют и другие проблемы: нравственного совершенствования, избавления от суеверий, природы рая и ада, ответственности правителя и его статуса.

---

[139] См., например: *Дергачева И. В.* Посмертная судьба и «иной мир» в древнерусской книжности. М., 2004; *Голейзовский Н. К.* «Послание о рае» и русско-византийские отношения в середине XIV века // Вестн. Ун-та Дмитрия Пожарского. 2018. № 1 (9). С. 21—66; *Мильков В. В.* Инобытие и жизнь после смерти по данным древнерусской книжности // *Воропаев В. А., Дергачева И. В, Конявская Е. Л., Мильков В. В.* Танатологическая тема в русской словесности XI—XXI вв. М., 2021. С. 34—50.

Часть II

РУССКИЕ КНЯЖЕСТВА И ЗЕМЛИ В КОНЦЕ XIV — НАЧАЛЕ XVI в. НА ПУТИ К ЕДИНОМУ РУССКОМУ ГОСУДАРСТВУ

Глава 1

РУССКИЕ КНЯЖЕСТВА И ЗЕМЛИ В КОНЦЕ XIV — НАЧАЛЕ XVI в.

Московское княжество

Преемником Дмитрия Донского на великокняжеском столе стал его старший сын Василий. 15 августа 1389 г. представитель сарайского хана Тохтамыша Шихмат посадил 18-летнего князя на стол во Владимире. Однако еще до этой церемонии в московском княжеском доме возникла крайне напряженная ситуация. Серпуховский князь Владимир Андреевич рассорился с новым великим князем, покинул свое княжество и вместе с семьей и старейшими боярами укрылся в принадлежавшем ему селе Теребенском, расположенном в Новоторжском уезде. Летописи не говорят о причине распри, но она вскрывается на основании изучения последних договоров князя Владимира с Дмитрием Донским и первого договора того же князя с Василием Дмитриевичем.

Самое позднее соглашение между Владимиром и Дмитрием было заключено весной 1389 г. Больной великий князь вдруг арестовал бояр серпуховского князя, но вскоре отпустил их на свободу и примирился с двоюродным братом. Мотивы таких действий в летописях не указывались, и в течении почти 200 лет русские и зарубежные историки терялись в догадках, что заставило Дмитрия Донского вступить в конфликт с двоюродным братом, который с восьми лет добросовестно действовал вместе с ним, выполнял его дипломатические и военные поручения, в 1368 г. сумел отнять у литовцев волжскую Ржеву, а в 1380 г. руководил всеми русскими силами в победоносной заключительной стадии Куликовской битвы и вдруг в 1389 г. оказался объектом недовольства великокняжеской власти, хотя ранее Дмитрий наделял серпуховского родственника и городами, и волостями, и селами.

Споры среди исследователей относительно причин конфликта между Дмитрием Донским и Владимиром Андреевичем улеглись после того, как в конце 1940-х годов Л. В. Черепнин в одном источнике XVII в. нашел уникальную характеристику договора 1389 г. между Дмитрием и Владимиром: «со князем Володимером докончалная (так называлась договорная грамота. — *В.К.*) тое зимы, коли князь великий отнел за себя Галичь да Дмитров от брата»[1]. Действительно, в составленном через несколько недель после соглашения завещании Дмитрия Донского фигурировали и Дмитров, и Галич, но уже как великокняжеские владения. Дмитров завещался предпоследнему сыну Донского трехлетнему Петру, Галич должен был отойти к 14-летнему звенигородскому князю Юрию Дмитриевичу. Отнятием двух городов у удельного князя Дмитрий Донской ослаблял экономический и военный потенциал своего сер-

[1] *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV—XV веков: В 2 ч. М., 1948. Ч. 1. С. 40.

пуховского родственника, а передачей их собственным сыновьям усиливал такой потенциал своих сыновей. О борьбе с ними за верховную власть в княжестве Владимиру нечего было и думать.

Приведенные свидетельства объясняют и причины того, почему Владимир Серпуховский пошел на обострение отношений с великим князем Василием I. Очевидно, что Владимир после смерти Донского потребовал от нового верховного правителя Московского княжества восстановления попранной справедливости, возвращения ему Дмитрова и Галича, которые он получил в 1372 г. от того же Дмитрия «в вотчину и в удел», т. е. в полную «отчинную» собственность.

Однако Василий I требований двоюродного дяди выполнить не мог. Завещание Дмитрия Донского было столь же важным и нерушимым для его наследников, как конституция для людей более позднего времени. Поэтому обиженный серпуховский князь и обосновался в селе Теребенском, подальше от Москвы. Пребывая там, князь Владимир, в случае нападения на него московской рати, мог укрыться в Новгороде Великом, которому принадлежала значительная часть территории Торжка. Если Василий I не посылал своих полков на Теребенское, то Владимир Андреевич получал возможность отсиживаться в своем селе, ища союзников против московского князя, добиваясь помощи того же Новгорода или поддержки территориально близкого тверского великого князя Михаила Александровича, после поражения от Москвы в 1375 г. не испытывавшего никаких симпатий к потомству Дмитрия Донского.

Василий I воздержался от наступления на Теребенское, но его ратники заняли Серпуховское княжество, а заодно и пограбили его. В принципе московское правительство не было заинтересовано в разжигании вражды с Владимиром Серпуховским, имевшим большой авторитет у москвичей и населения Московского княжества. Оно стремилось погасить междинастическую распрю, поскольку Василию I надо было решать и другие неотложные задачи. После длительных переговоров мир между родственниками был восстановлен. Он был оформлен между 6 и 26 января 1390 г. особым договором[2].

Согласно этому договору, удельный князь восстанавливал свои финансовые и юридические права в Москве и Московском княжестве, но вместо утраченных Дмитрова и Галича получал во владение Ржеву на Волге и Волок Ламский. Московское правительство шло на явные уступки удельному князю, но сделало так, что Владимир Серпуховский получил меньше того, чем он владел до 1389 г. Ржева и Волок Ламский уступали Дмитрову и Галичу Мерскому в экономическом и демографическом отношении[3]. Тем не менее январский договор 1390 г. способствовал единению двух линий московских Рюриковичей: потомков Дмитрия Донского и потомков его соратника Владимира Серпуховского, которые вплоть до 1456 г., когда Серпуховское княжество было присоединено к Московскому, не вступали в вооруженную борьбу между собой.

Следующим шагом молодого великого князя Василия I стало урегулирование отношений с русской церковью. Последняя в 1389 г. была разделена. Ее восточные епархии, возглавлявшиеся митрополитом Пименом, имевшим резиденцию во Владимире-на-Клязьме, но часто пребывавшим и в Москве, во многих отно-

[2] *Кучкин В. А.* Договор великого князя Василия Дмитриевича с Владимиром Серпуховским // ИЗ. М., 2005. Вып. 8 (126). С. 58—62.

[3] По данным 1389 г., сбор с Дмитрова составлял 111 руб. на каждую тысячу руб. ордынского «выхода» (ДДГ. М.; Л., 1950. № 12. С. 36). По данным 1432 г., с Галича взималось 525 руб. на 7000 руб. «выхода», или 75 руб. на каждую тысячу (ДДГ. № 29. С. 74). В 1481 г. с владений князя Бориса Волоцкого, включавших Волок Ламский, Ржеву и Рузу, собиралось «выхода» 61 руб., 10 алтын и 1 деньга (ДДГ. № 73. С. 272), т. е. в 3 раза меньше, чем с Дмитрова и Галича.

шениях зависели от московского великого князя. Западные епархии, управлявшиеся обосновавшимся в Киеве митрополитом Киприаном, входили в состав Литовского государства и должны были следовать политике литовских великих князей. Особой позиции придерживался глава православной церкви константинопольский патриарх Нил. Состоявшийся при нем в 1385 г. церковный собор отлучил от кафедры всея Руси митрополита Пимена, признав таким митрополитом Киприана. Однако Дмитрий Донской с этим не посчитался. В его владениях и подконтрольных территориях главой церковной организации оставался Пимен. В январе 1389 г. на патриарший престол в Константинополе вместо умершего Нила взошел новый патриарх — Антоний IV. В феврале того же года под руководством Антония собор церковных иерархов издал постановление, согласно которому Пимен объявлялся низложенным, а Киприан признавался митрополитом всея Руси. В апреле 1389 г. Пимен вынужден был отправиться на суд в Константинополь. Здесь, ожидая решения своей судьбы, он скончался 10 сентября 1389 г. Перед Василием I возникала дилемма: представить ли своего нового кандидата в митрополиты всея Руси с тем, чтобы он оставался в Москве, или же приглашать в Москву Киприана. В московском правительстве возобладало второе решение. 6 марта 1390 г. митрополит Киприан с двумя греческими митрополитами и пятью русскими епископами торжественно прибыл в Москву. Теперь под его юрисдикцией оказались все русские епархии. Вскоре Василий I предпринял обмен землями с митрополитом Киприаном. Он получил от него принадлежавший русской митрополии город Алексин, находившийся к востоку от Калуги — владения московских князей, а отдал неравноценную в хозяйственном отношении, но гораздо более безопасную в отношении военном ростовскую слободу Караш. Население слободы в юридическом отношении было подчинено только митрополиту и только ему платило налоги. Тем самым связи митрополита с Северо-Восточной Русью становились много прочнее. В ближайшие годы они укрепились еще больше. В 1402 г. великий князь и митрополит пришли к соглашению о церковных судах в области брачного и семейного права на территории великого княжения, причем светская власть определила свое участие в таких разбирательствах, которые в давнем прошлом были прерогативой исключительно церкви. В 1404 г. последовало новое соглашение между Василием I и митрополитом Киприаном, касавшееся населения митрополичьих владений на территории бывшего Великого княжества Владимирского, его административной принадлежности, подсудности и налогообложения. Также в начале XV в. под юрисдикцию митрополита были возвращены Нижний Новгород и Городец, в свое время переданные Дмитрием Донским под управление суздальского епископа Дионисия.

Брачные отношения Василия I тоже в значительной степени преследовали политические цели. Его выбор пал на Софью, дочь литовского великого князя Витовта, хотя в момент переговоров о бракосочетании тот находился в незавидном положении, ведя борьбу со своим двоюродным братом польским королем Ягайло (1386—1434) и скрываясь от него на территории Тевтонского ордена. Тем не менее брачным союзом Василия и Софьи в перспективе укреплялись отношения с сильным соседом на западе — Литовским государством, причем не с той линией литовских князей, которая вела свое начало от Ольгерда, как было в семье Владимира Серпуховского, а с линией, родоначальником которой был великий князь Кейстут. Таким образом, открывалась возможность опереться именно на эту ветвь литовских князей в случае возникновения острых разногласий внутри московского княжеского дома. 30 декабря 1390 г. Софья Витовтовна была привезена

в Москву, а 9 января 1391 г. состоялось бракосочетание Василия и Софьи. Софья оказалась жизнелюбивой и энергичной женой, с практичным умом, твердым и властным характером. Она пережила мужа на 28 лет.

С восшествием на стол великого княжения очень существенным для Василия I стал вопрос о его владениях. Завещание 1389 г. Дмитрия Донского наделяло Василия I как старшего наследника значительно бóльшим числом городов и волостей, чем его младших братьев. Но в этом завещании была ст. 32, которая гласила: «А по грѣхо*м* отъимe*т* б(ог)ъ с(ы)на моего, князя Василья, а хто буде*т* подъ тѣ*м* с(ы)нъ мои (следующий по возрасту. — *В. К.*), ино тому с(ы)ну моему княжъ Васильевъ оудѣ*л*, а того оудѣломъ подѣли*т* *их* моя княгини»[4]. Перед кончиной Дмитрий Донской был очень озабочен тем, как сохранить главное свое земельное приобретение — Великое княжество Владимирское — за своей семьей. Ст. 32 устанавливала, что если умрет старший сын Василий, то ему должен наследовать старший из остававшихся в живых его братьев, первоначальный удел которого должен был быть разделен между остальными Дмитриевичами. Такое установление было вполне логичным в 1389 г., когда ни один из сыновей Дмитрия Донского не имел своей семьи. Однако завещатель не догадался объяснить, как поступать в тех случаях, когда у великого князя-наследника и его братьев будут семьи и сыновья. Кто должен владеть великим княжением: брат великого князя, т. е. другой сын Дмитрия Донского, или сын великого князя — внук Дмитрия Донского? Ответов на такие вопросы завещатель не предусмотрел[5]. Наследникам Дмитрия приходилось исходить из того, что было написано в завещании 1389 г. их отца. А там ясно указывалось, что преемником Василия I должен быть его следующий по возрасту брат, т. е., говоря конкретно, звенигородский и галичский князь Юрий Дмитриевич. Чем же тогда могли владеть сыновья Василия I? Это нужно было предусмотреть заранее. И уже в январский договор 1390 г. между Василием I и Владимиром Серпуховским была включена ст. 22, где указывалось: «А наиду собѣ Муромь или Торусу, или иная мѣста, тотъ ти проторъ не надобѣ. А что тобѣ б(ог)ъ дасть иныхъ мѣстъ, опри*с*(ь) Мурома и Торусы, а тотъ проторъ намъ не надобѣ»[6]. Выясняется, что молодой великий князь заранее намечал приобретение княжеств, которые могли стать основой уделов его сыновей-наследников. Серпуховскому же князю Владимиру запрещалось покушаться на Муром и Тарусу.

Муром, Таруса, а также Нижний Новгород и Мещера упоминаются вместе и летописями. Под 6901 (1392/93) ультрамартовским годом в Софийской первой летописи старшего извода сообщается, что «ходи великии кня(з)ь Василии Дмитриевич въ другыи рядъ в Ворду ко ц(а)рю, и далъ ему ц(а)рь (Тохтамыш. — *В. К.*) Новогород*с*кое княжение Нижнии Новъгородъ, Муромъ, Мещеру, Торусу»[7]. Поскольку аналогичный текст читается и в Новгородской четвертой летописи[8], то процитированное сообщение может быть возведено к общему источнику обеих летописей — Новгородско-Софийскому своду 1430-х годов, а через

[4] ДДГ. № 12. С. 35.

[5] Подобная ситуация сложилась в 1399 г. в семье тверского великого князя Михаила Александровича. Но назвав своим преемником на тверском столе старшего сына Ивана, Михаил Александрович закрепил это установление указанием на то, что последующие великие князья тверские должны выбираться только из семей его старшего сына, старшего внука, старшего правнука.

[6] ДДГ. № 13. С. 38. Протором назывались издержки, в данном случае на войну или на приобретение новых территорий.

[7] ПСРЛ. М., 2000. Т. 6, вып. 1. Стб. 509.

[8] ПСРЛ. М., 2000. Т. 4, ч. 1. С. 373.

него — к первоначальному источнику — своду 1423 г. митрополита Фотия. Таким образом, выясняется, что намсченное в договоре начала 1390 г. расширение владений московского великого князя было выполнено и даже перевыполнено. В руках Василия I оказались не только Муром и Таруса, но и Мещера и даже Нижегородское княжество, одно из трех великих княжеств, существовавших в Северо-Восточной Руси в XIV в. И это стало главным достижением Василия I в его политической деятельности.

Следует отметить, что все новоприобретенные владения великого князя Василия I лежали по р. Оке, основной водной магистрали Северо-Восточной Руси. Если бы будущий сын Василия I, его преемник, проигрывал борьбу за великокняжеский стол звенигородско-галичскому князю Юрию Дмитриевичу, то такой сын-наследник Василия I все равно получал бы в свое распоряжение обширные территории по р. Оке и в ее бассейне, где было развито сельское хозяйство, организован рыбный промысел, во многих местах росли густые леса, где охотников ждала богатая добыча, а водные пути позволяли легко связываться с Ордой или Литвой при необходимости военной поддержки с их стороны.

Выполнив примерно за три года стоявшие перед ним крупные, можно даже сказать, стратегические, задачи, Василий I мог свободнее перейти к делам политической повседневности. А ситуации становились подчас и смешными, и острыми. Переехавший из Киева в Москву митрополит Киприан в 1392 г. решил посетить Новгород Великий. Там главу русской церкви встретили тепло и с большим почетом, вручили богатые подарки. Но когда после торжественной литургии в Софийском соборе митрополит заговорил о необходимости отмены принятого в 1385 г. новгородцами решения, закрепленного в особой грамоте, не ездить на митрополичий суд в далекую Москву, новгородцы стали демонстративно затыкать уши[9].

Разгневанный митрополит, лишенный возможности брать взносы за проведение судебных разбирательств по церковным делам, не дав благословения ни новгородцам, ни новгородскому духовенству, покинул город. Новгородский летописец описал ситуацию кратко и емко: новгородцы «грамотѣ не подраша, и митрополит поиха из Новагорода, а на Новъгород велико нелюбие держа»[10].

За поддержкой глава русской церкви мог обратиться только к московскому великому князю, и Василий I встал на сторону Киприана. В начале 1393 г. он послал своего двоюродного дядю Владимира Андреевича и брата Юрия на Торжок, где московские рати повоевали новгородские волости. В ответ новгородцы не только не смирились, но сами напали на Устюг Великий, взяли город, убив и пленив многих людей. В итоге конфликт с Новгородом Великим остался не только не улаженным, он оказался еще более разросшимся. Московское княжество вынуждено было напрячь свои силы. 6 апреля 1393 г. новгородцы и новоторжцы, собравшись в Торжке вечем, убили человека московского великого князя. Василий начал войну с Новгородом. Вновь был повоеван Торжок, пострадали новгородские земли Вологды и Волока Ламского, а новгородцы в ответ напали на Устюжну, Белоозеро и Устюг, взяли город Кличен на берегу озера Селигер. Однако перевес оказался на московской стороне. В итоге новгородцы в том же 1393 г. пошли на мир с великим князем. Они признали право митрополита на суд в Москве, выплатили причитавшиеся ему долги, а великому князю дали черный бор — налог, предназначавшийся Орде.

Примирение с Новгородом укрепило положение Василия Дмитриевича. Это

[9] ПСРЛ. Т. 4, ч. 1. С. 342; Пг., 1922. Т. 15, вып. 1. Стб. 161; СПб., 1913. Т. 18. С. 141.
[10] НПЛ. М.; Л., 1950. С. 385.

было весьма кстати, потому что с востока надвигалась серьезная угроза. Тохтамыш, воюя с Тимуром (Тамерланом), терпел от него поражения, но продолжал военные действия, пока в 1395 г. Тимур не начал широкомасштабного наступления на ордынского правителя. 15 апреля 1395 г. в Северной Осетии Тимур нанес крупное поражение Тохтамышу. Последний бежал за Днепр и укрылся во владениях Витовта. Опустошая оставленные Тохтамышем земли, Тимур приблизился к Днепру, но перейти его не решился. На правом берегу реки его могли ждать объединенные силы польского короля, литовского великого князя и Тохтамыша. Тимур повернул на восток, рассчитывая перезимовать в Сарае. Возвратный путь армии Тимура проходил близ владений русских князей. Узнав о движении войск Тимура, Василий Дмитриевич укрепил Москву и с войском вышел к р. Оке для отражения возможного нападения. Из Владимира в Москву была доставлена икона Владимирской божьей матери, москвичи надеялись на нее, как на свою заступницу. Однако Тимур, разорив Елец, на Москву не пошел, угроза его вторжения миновала. Но два месяца спустя во владения Василия I война все-таки пришла. Ордынский царевич Ентяк вместе с бывшим нижегородским князем Семеном Дмитриевичем напал на Нижний Новгород и вероломно взял его. Василий направил на Нижний войска под командованием брата Юрия. Узнав о приближении звенигородского князя, Ентяк и Семен бежали из Нижнего, а Юрий три месяца успешно воевал в ордынском Среднем Поволжье. Московской рати достались там богатые трофеи. Часть их князь Юрий использовал для церковного строительства в своем удельном центре Звенигороде.

Вскоре после возвращения Юрия в Москве скончался пермский епископ Стефан. Стефан был просветителем Пермской земли. Но эта земля первоначально входила в состав Новгородской епархии, и новгородцы препятствовали деятельности в Перми Стефана. С его смертью вопрос о церковной принадлежности Пермской земли должен был возникнуть вновь. К недавним трениям между Москвой и Новгородом Великим добавились полузабытые старые. Гордиев узел Василий I решил разрубить одним ударом. Весной 1397 г. он послал войско в граничившую с Пермью новгородскую Двинскую землю, предлагая местной знати отложиться от Новгорода и перейти под его власть, взамен же обещая различные льготы. Присутствие на Двине московской рати и посулы великого князя возымели действие: двиняне отложились от Новгорода.

Возможно, под влиянием этого успеха Василий I решился на существенное расширение своей внешнеполитической деятельности. Уже несколько лет турки осаждали Константинополь. Византийский император и патриарх, все население страны находились в бедственном положении и оскудении. Они прислали посольство на Русь, прося поддержки. Василий Дмитриевич откликнулся на просьбу, послав в Византию «сребро милостыню». Благодарные за безвозмездную помощь, император и патриарх одарили московского князя иконой Спаса.

Между тем новгородцы не думали просто так уступать свои северодвинские владения. Весной 1398 г. их трехтысячное войско выступило в поход и летом опустошило не только отложившуюся Двинскую землю, но и владения Василия I: Белоозеро, Вологду, Устюг, галичские и кубенские волости. Великий князь вынужден был отступиться от Двинской земли и осенью 1398 г. заключить мир с Новгородом Великим. На такое решение Василия I повлияло еще одно обстоятельство. В апреле 1398 г. литовский великий князь Витовт договорился с Тевтонским орденом о разделе граничивших с Литвой и Орденом русских земель: Ордену должен был отойти Псков, Литве — Новгород Великий. Соглашение было утверждено 12 октября 1398 г. Продолже-

ние войны Москвы с Новгородом толкало последнего в сторону Литвы, и тогда московский великий князь лишался бы всех своих привилегий и прерогатив в Новгородской республике. Возвращением Двинской земли Василий I добивался перехода Новгорода на свою сторону и получал важного союзника при отражении возможного литовско-немецкого наступления на русские земли.

А подготовка такого наступления шла весьма интенсивно. Витовт намеревался использовать силы не только Тевтонского ордена, но и Польши, а также укрывавшегося в Литве ордынского хана Тохтамыша. Последний же рассчитывал с помощью Витовта вернуть себе власть над Ордой. Василий Дмитриевич вполне реально оценил ситуацию и предпринял ряд шагов, чтобы противостоять угрозе. Он заключил договор с Тверским княжеством, которое ранее всегда при обострении московско-литовских отношений принимало сторону Литвы. Договор 1399 г. носил более равноправный характер, чем предшествовавший ему договор между этими сторонами 1375 г. Москва и Тверь обязывались вместе выступать против общих врагов: литовцев, немцев и татар. В договоре 1399 г. было подтверждено право московских князей на территорию бывшего Владимирского великого княжества, их контроль над Новгородом Великим, незыблемость границ последнего. Видимо, по тайной договоренности Твери была передана волжская Ржева, за обладание которой боролась Литва. Тем самым московский князь заранее осложнял отношения Твери и Литвы, заставляя тверского князя действовать на его стороне. Общие положения договора впоследствии входили во все московско-тверские соглашения XV в. Заключив договор с Тверью, Василий I сумел добиться единения остальных, менее могущественных русских князей, которые дружно послали грамоты Витовту о расторжении с ним мира. Литовский великий князь должен был понять, что он будет воевать с коалицией русских князей.

Тем не менее Витовт выступил в поход. Однако до нападений на русские земли дело не дошло. Ордынский хан Тимур-Кутлуг, узнав о планах Витовта и опасаясь восстановления власти в Орде Тохтамыша, собрал громадное войско и встретил литовского великого князя с его союзниками на р. Ворскле (левый приток Днепра, недалеко от Полтавы). 12 августа 1399 г. на ее берегах произошло кровопролитнейшее сражение, в котором с литовской стороны, как утверждает летопись, одних только князей было убито 18 человек. Темир-Кутлуг одержал решительную победу, и угроза русским землям с запада перестала существовать. На несколько лет Витовт вынужден был отказаться от активной внешней политики, затрагивавшей интересы московского великого князя.

Пользуясь ситуацией, Василий Дмитриевич вновь повел наступление на Новгород Великий. Весной 1401 г. в Москву по церковным делам приехал новгородский архиепископ Иоанн. Митрополит Киприан арестовал его и продержал в заключении три с половиной года. Такая акция не могла осуществиться без участия великого князя. Возможно, она и была предпринята по его указанию. Летом того же 1401 г. Василий I послал рать на Двинскую землю. Подвинье было повоевано, многие люди были убиты, главы местных администраций попали в плен. Однако другим двинским боярам удалось разбить москвичей при Холмогорах. Тогда Василий I послал на Торжок отряд, который захватил в плен двух видных новгородских бояр. Только на следующий год пленники были отпущены на свободу, и мир Новгорода с великим князем был восстановлен.

Летом 1404 г. в Новгород вернулся владыка Иоанн. Его освобождение, скорее всего, было косвенно связано с нарастанием литовской активности на западных рубежах русских земель. В 1403 г. литовский

князь Семен Ольгердович на какое-то время захватил города Смоленск и Вязьму, но удержать их ему не удалось. Весной 1404 г. Смоленск осадил сам литовский великий князь Витовт, однако трехмесячная осада города ему ничего не принесла. Пытаясь избавиться от нараставшей литовской угрозы, смоленский князь Юрий Святославич обратился за помощью к московскому великому князю, предлагая ему свое княжество. Но Василий Дмитриевич отказался от такого предложения, не желая нарушать договоренности с Витовтом. По-видимому, эти договоренности предусматривали отказ Москвы от поддержки Смоленска и отказ Литвы от притязаний на Новгород и Псков. 26 июня 1404 г. Смоленск и Смоленское княжество были присоединены к владениям Витовта. Потребовалось более 100 лет, чтобы вернуть Смоленск в состав русских земель.

Окрыленный взятием Смоленска, литовский великий князь все-таки начал борьбу за подчинение Пскова и Новгорода. В феврале 1406 г. он без объявления войны захватил псковский город Коложе, опустошил его окрестности и увел в плен 11 тыс. жителей. В августе на псковские волости совершили нападение союзные Витовту немецкие рыцари. Псковичи обратились за помощью к Москве. Василий I вынужден был расторгнуть мир со своим тестем и вступить в войну. Война проходила вяло. В сентябре 1406 г. московская рать без особого успеха воевала под Вязьмой и Серпейском. Литовские войска воевали под Можайском, сумели взять Воротынск и Козельск. Встретившись на р. Плаве, притоке р. Упы, стороны пошли на многомесячное перемирие с 1 октября 1406 г. по 16 мая 1407 г. Затем военные действия возобновились. Москве помогала Орда. Но в конечном итоге, простояв друг против друга 12 дней на р. Угре, 14 сентября 1408 г. Москва и Литва заключили между собой мир.

Помощь Орды оказалась корыстной. Оценив обстановку на Руси и положение московского великого князя, фактический правитель Орды эмир Едигей (Идигу) решил начать против него масштабную войну. Причиной и поводом послужила неуплата Василием I дани Орде. Тот действительно не давал ордынского выхода, пользуясь раздорами среди ордынцев и ссылаясь на нехватку средств, которые были необходимы ему для войны с Литвой. Осенью 1408 г. Едигей с крупными силами выступил в поход. Пройдя и опустошив Рязанскую землю, Едигей подошел к Коломне, взял ее и сжег. 30 ноября он оказался под стенами Москвы. Для Василия I действия Едигея не стали совершенно неожиданными, хотя об истинных намерениях ордынского полководца он догадался не сразу. В Москву в осаду сел имевший богатый военный опыт серпуховский князь Владимир Андреевич, а вместе с ним другие князья и воеводы. Сам Василий I вместе с семьей отъехал в Кострому. Часть своего войска Едигей направил на Нижний Новгород и Городец, которые были взяты, но большая часть татарской конницы пришла к Москве. Руководители обороны сожгли деревянные московские посады, что не дало возможности нападавшим использовать бревна для примета к стенам Кремля и их поджога. Каменная московская крепость была надежна и неприступна для Едигея. Опустошив Серпухов, Верею, Дмитров, Переяславль, Юрьев, Ростов, получив известие из Сарая ордынского хана Пулад-Салтана о наступлении на него сына Темир-Кутлуга Тимура, Едигей вынужден был снять осаду Москвы и вернуться в свои степи. Но при этом он взял с осажденных 3 тыс. руб. откупа.

Нападение Едигея показало Василию I, насколько ненадежны ордынцы как союзники и насколько осторожно следует вести себя с Ордой, стараясь не нарушать традиционных отношений. Поэтому, когда ордынским ханом стал сын Тохтамыша Джелал-ад-дин Султан, Василий Дмитриевич в 1412 г. отправился в Сарай к нему на поклон. Впрочем, поездка особой пользы не

принесла, поскольку в том же 1412 г. Джелал-ад-дин был свергнут. За три года до этого Пскову удалось примириться с Литвой и Орденом, что уменьшило число внешнеполитических проблем, которые нужно было решать московскому великому князю.

Но другие проблемы оставались. 23 марта 1410 г. в Москву наконец-то прибыл митрополит грек Фотий, поставленный вместо скончавшегося 16 сентября 1406 г. митрополита Киприана. Василию I пришлось налаживать отношения с новым главой русской церкви, и отношения эти стали приязненными. Об этом свидетельствует ряд жалованных и льготных грамот, данных Василием Дмитриевичем митрополиту Фотию: на ставшую митрополичьей ростовскую слободу Караш, через которую разрешалось ездить только старой дорогой, уплачивая пошлины церковным властям; на митрополичьи села Андреевское и Мартемьяновское в Медушской волости во Владимире-на-Клязьме; митрополичьему нижегородскому Благовещенскому монастырю на земли в Лыскове, Курмыше, Мещерске и других местах; возможно, другим митрополичьим монастырям, таким как переяславский Борисоглебский и владимирский Успенский Сновидский.

По-видимому, не без участия митрополита Василий I попытался сделать шаг к породнению с византийским императорским домом. Некоторые летописи сообщают, что в 1411 г. Василий I «отдал» свою дочь Анну за сына византийского императора Мануила II Иоанна, будущего императора Иоанна VIII Палеолога[11]. Во многих справочниках, указателях имен к изданным источникам, капитальных трудах по истории России и Византии утверждается, что Анна стала византийской императрицей. Но летописное «отдал» не означает «отдал замуж». Такое слово означает помолвку, согласие на брак. В 1414 г. в Константинополь прибыла совсем юная Анна. Ей отвели особое помещение, где она должна была жить некоторое время до достижения брачного возраста. Но до этого возраста Анна не дожила и замуж не вышла. Она умерла от морового поветрия, разразившегося в Константинополе вскоре после ее приезда. Тестем византийского императора московскому великому князю стать не пришлось.

Василий I поддерживал Фотия в его обличениях Григория Цамблака, в нарушение канонических норм поставленного митрополитом на западнорусские земли в 1415 г. литовским великим князем Витовтом.

После Едигеева нашествия московскому великому князю особое внимание пришлось уделять присоединенному в 1392 г. Нижегородскому княжеству. Едигей по сути дела восстановил былую независимость этого княжества, оставив после снятия блокады Москвы главные его города под управлением местных князей. Пользуясь поддержкой Орды, эти князья делали попытки расширить область своих действий. В 1410 г. нижегородский князь Иван Данилович и союзный ему татарский царевич Талыча напали на Владимир и подвергли его жестокому разграблению. Особенно пострадал Успенский собор. Ответная рать, посланная Василием I под командованием брата Петра, 15 января 1411 г. потерпела тяжелое поражение у с. Лысково от объединенных сил нижегородских князей и помогавших им татарских и мордовских правителей. По 1414 г. власть над Нижегородским княжеством удерживал его отчич Даниил Борисович. В январе 1415 г. московское войско во главе со звенигородским князем Юрием Дмитриевичем, сыновьями Владимира Серпуховского, ярославскими и ростовскими князьями подошло к Нижнему Новгороду. Местные князья бежали за р. Суру. Власть в Нижнем Василия I была восстановлена. Но московский великий князь не вернул своим братьям и сыновьям Владимира Серпуховского тех

[11] ПСРЛ. Т. 18. С. 160.

земель в бывшем Нижегородском княжестве, которыми они владели до нашествия Едигея. Это вызвало большое недовольство серпуховских князей. Некоторые из них отъехали в Литву и стали служить Витовту. Василий же Дмитриевич стремился найти определенный компромисс с местными князьями. В 1414 г. в Москве оказался нижегородский князь Александр Иванович. В 1416 г. сюда прибыли отец Александра Иван Борисович и князь Иван Васильевич. В 1417 г. в Москве появился главный претендент на нижегородский стол князь Даниил Борисович. Но Василию I с ними договориться не удалось. Он передал нижегородский стол брату Константину. Тогда братья Даниил и Иван Борисовичи бежали из Москвы в Орду.

По-видимому, именно к этому времени относится послание к Василию I Кирилла Белозерского, в котором основатель знаменитого монастыря, указывая, что нижегородские князья доказывали свою правду, а великий князь — свою, призывал последнего проявить мудрость, не допустить кровопролития и прийти к согласию с противниками. Определенный компромисс был достигнут к 1419 г.

Летом 1417 г. неожиданно скончался старший сын Василия I Иван. Ему было 20 лет. Остро встал вопрос о наследнике московского великого князя и объектах его наследия. В семье Василия и Софьи сыновья обычно умирали в младенческом возрасте, но после смерти Ивана у великого князя и его жены оставался еще один сын — Василий, который был очень мал (родился в 1415 г.). Поскольку старший среди братьев Василия I, звенигородский и галичский князь Юрий, претендовал на великокняжеский стол, основываясь на душевной грамоте их отца Дмитрия Донского, и никогда не упоминался в завещаниях Василия I, последний вынужден был искать поддержки других своих братьев: родных — Андрея Можайского, Петра Дмитровского и не имевшего удела Константина, а также троюродных, сыновей Владимира Серпуховского, — Ивана, Семена, Ярослава, Андрея, Василия. Желание юридически закрепить высокое положение маленького наследника привело Василия I к ссоре и с младшим братом Константином. В 1419 г. московский великий князь решил «подписать» Константина под сына, т. е. лишить брата всякой суверенности, но Константин резко воспротивился этому. Тогда великий князь конфисковал владения брата и владения его бояр, которые, судя по косвенным показаниям источников, они получили в Нижнем Новгороде от самого великого князя. Константин вынужден был уехать в Новгород Великий. Только в конце 1420 — начале 1421 г. конфликт был улажен, и князь Константин приехал в Москву.

Месяцами раньше, в 1420 г., наладились и отношения Василия I с потомками Владимира Серпуховского. В Москве появились его сыновья Семен и Ярослав, несколько лет прожившие в Литве.

Улучшились и отношения с тестем, литовским великим князем Витовтом. Последний, после смерти в 1419 г. своего ставленника митрополита Григория Цамблака, признал права пребывавшего в Москве митрополита Киевского и всея Руси Фотия на руководство западными русскими епархиями. С 1420 г. Москва и Вильна стали обмениваться высокопоставленными послами, теперь твердившими о мире и дружбе между собой, но заодно и общих войнах с третьими странами.

В итоге складывалась ситуация, в которой на стороне Василия I сплачивались его ближайшие и отдаленные родственники, а звенигородский князь Юрий, к которому должно было перейти великое княжение, поддержку таких родственников терял. В этой обстановке во второй половине 1420 — начале 1421 г. Василий I написал свое второе завещание, согласно которому великое княжение должно было перейти к его единственному сыну Василию. Но относительно главного приобретения Ва-

силия I Нижегородского княжества, в первом завещании 1406/1407 г. передававшегося семье Василия I, во втором завещании было написано: «А оже ми дастъ богъ Новъгородъ Нижнии, и язъ и Новымъгородомъ Нижнимъ бла(го)словлѧю с(ы)на своего, кнѧзѧ Василья, со всѣмъ». Из этой ст. 18 второго завещания Василия I следует, что великий князь не был вполне уверен в сохранении за собой своего полного контроля над бывшим Нижегородским княжеством. Впрочем, несмотря на оговорку ст. 18, текст второго завещания Василия I был скреплен печатью завещателя, печатью его тестя литовского великого князя Витовта и печатями родных братьев Василия I: Андрея, Петра и Константина. Печати звенигородского князя Юрия, естественно, не было. В тексте завещания были названы имена князей Витовта, Андрея, Петра, Константина, а также серпуховских князей Семена и Ярослава Владимировичей, которые выступали как гаранты выполнения прописанных в завещании установлений. Главным из них было единодушное признание сына Василия I, тоже Василия, преемником отца на великокняжеском столе.

Впрочем, бесконфликтность внутри московского княжеского дома длилась недолго. В феврале — начале марта 1423 г. Василий I составил новую, по счету уже третью, душевную грамоту, которую ее писец Алексей Стромилов 8 марта 1423 г. повез в Литву Витовту. Главные отличия последнего завещания великого князя Василия Дмитриевича от его предшествующего завещательного акта состояли в том, что юридические права на великое княжение наследника Василия I Василия Васильевича не приводились (в полном соответствии с завещанием Дмитрия Донского 1389 г.), а лишь неопределенно указывалось: «А дастъ богъ с(ы)ну моему великое кнѧженье, ино и ѧз с(ы)на своего бла(го)словлѧю, кнѧзѧ Васильѧ» (ст. 13). Зато Нижегородское княжество закреплялось за одним Василием Васильевичем в соответствии с политическими планами Василия I (1389—1390 гг.). Число гарантов завещания было сокращено. Из их состава был выведен младший брат Василия I Константин. Последнее прямо указывает на незавершенность противостояния этих сыновей Дмитрия Донского. Получив новый текст завещания Василия I, его тесть великий князь литовский Витовт скрепил его своей печатью. Московская грамота стала официальным документом. Но из русских князей никто своих печатей к этой грамоте не привесил[12]. По сути дела, последнее завещание Василия I сыграло роль договора между Москвой и Литвой о поддержке будущего великого князя Василия II его дедом Витовтом, если на Руси начнется борьба за великое княжение.

Почти до кончины Василия I оставались сложными его взаимоотношения с Новгородом Великим. Прием в 1419 г. Новгородом Константина Дмитриевича, ставшего противником великого князя, объяснялся существовавшими напряженными отношениями между вольным городом и Василием I. В 1417 г. московские рати вновь опустошили Двинскую землю и сожгли Холмогоры. Новгородцы в ответ повоевали Устюг. Мира не было до 1424 г. Только в указанном году стороны заключили договор, по которому великий князь возвращал Новгороду Бежецкий Верх, Волок Ламский и волоцкие земли, а Новгород отступался великому князю всех «княжщин», т. е. отнятых у Василия I прав получать налоги в разных местах Новгородской республики.

Союз с Литвой, означавший для Василия I поддержку его сына-наследника, связывал его внешнеполитическую активность. Во внешней политике он должен был следовать курсу Витовта. В 1422 г. московские полки были посланы в помощь Витовту, организовавшему поход на Тевтонский орден. Объединенное войско взяло немец-

[12] *Кучкин В. А.* Три завещания Василия I // ДРВМ. 2016. № 2 (64). С. 33—54.

кий замок Голуба на р. Древенце и три месяца воевало во владениях Ордена. Напряженными в 1420-е годы оставались отношения Пскова и Литвы. В 1423 и 1424 гг. псковичи посылали посольства в Москву с просьбой о помощи, но московский великий князь, в 1406 г. начавший из-за Пскова войну с Витовтом, на сей раз не оказал им даже дипломатической поддержки. Конца псковско-литовского противостояния Василию I увидеть так и не удалось. Он умер вечером во вторник 27 февраля 1425 г.

Эта февральская ночь еще не кончилась, когда митрополит Фотий послал своего боярина Акинфа Ослебятева в Звенигород ко князю Юрию Дмитриевичу с извещением о смерти брата и с предложением приехать в Москву[13]. Юрий немедленно покинул Звенигород, но отправился не в Москву, а в свой второй центр — Галич Мерский. Такое решение удельного князя ясно показывает, насколько напряженной была обстановка в московском княжеском доме в канун смерти Василия I. Юрий совершенно не доверял старшему брату и его окружению, окружение Василия I платило тем же Юрию. Дело дошло до прямых военных столкновений[14]. В Звенигородское княжество были введены московские войска, как это было в 1389 г. по отношению к княжеству Серпуховскому, а местная звенигородская администрация заменена московской[15]. 26 марта 1425 г. московское правительство провозгласило Василия II великим князем. Узнав об этом, князь Юрий прислал к нему послов, предлагая перемирие до Петрова дня (29 июня). Предложение было принято, и тогда Юрий приступил к энергичному сбору своих сил. Об этом стало известно в Москве. Московские войска были наготове, и они под командованием князя Константина Дмитриевича были отправлены против Юрия, находившегося тогда в бывшем Нижегородском княжестве, где у него было крупное владение — Вятка. Юрий отступил за р. Суру, и, видимо, весенний разлив рек помешал военному столкновению братьев. Константин вынужден был вернуться в Москву. Юрий прислал к Василию послов с предложением о перемирии на год. В Москве провели большое совещание, на котором присутствовали все удельные московские князья (кроме Юрия), запрошено было мнение даже литовского великого князя Витовта. В итоге было решено послать на переговоры с князем Юрием митрополита Фотия, который должен был добиваться не краткосрочного договора с удельным князем, а долговременного соглашения о мире. Фотий отправился в Галич.

Князь Юрий Дмитриевич встретил митрополита с подобающей честью. Склоны примыкавшего к галичскому посаду холма были усыпаны множеством людей, долженствовавших изображать всенародные почтение и любовь к главе русской церкви, а заодно — силу и большие возможности звенигородско-галичского князя. Все встречавшие были одеты в сермяги. «Сыну, — обратился митрополит к Юрию, — не видахъ столько народу въ овчихъ шерстехъ». Фотий решил, что князь Юрий над ним внутренне насмехается, одев своих людей в одежды из овечьей шерсти. Митрополит по своему положению считался пастухом (пастырем, идейным наставником) людей — «словесных овец». Князь вознамерился продемонстрировать митрополиту реальных людей — «овечек», которые бу-

[13] ПСРЛ. Т. 18. С. 167.

[14] Об этом свидетельствует ст. 29 договора от 11 марта 1428 г. великого князя Василия II с князем звенигородским и галичским Юрием Дмитриевичем: «А что были межи нас в наше нелюбие воины и грабежи или дани иманы, или гдѣ что взѧто и положеное, и тому погребь на ѡбѣ сторо|нѣ». См.: ДДГ. № 24. С. 65.

[15] Это отражено в ст. 33 договора: «А что мои намѣстници | и волостели, и посельскии, ихъ тивуни вѣдали твою ѡтчину и села боарьскии въ твоеи ѡтчинѣ, и ѡ томъ нам ѡтослати по боарину, | и ѡни ѡ том оучинѧт исправу. Что будет взѧто право, то ѡстало, а что будет взѧто криво, то ѡдати по исправѣ» (Там же).

дут внимать словам наставника, но поступят так, как велит им князь. Возникшее подозрение московского посла сразу же наложило свой отпечаток на переговоры. Фотий настаивал на заключении долговременного мира, Юрий соглашался только на перемирие. Уязвленный и рассерженный митрополит покинул Галич, так ни о чем не договорившись. Но оставшись один, князь Юрий понял, что совершил ошибку, отвергнув предложение Фотия, которое могло быть реализовано на разных условиях. Оседлав коня, Юрий бросился вдогонку за митрополитом. Нагнав Фотия, он стал просить у него прощения за свой «грех» и упросил вернуться в Галич. Делегация Фотия повернула обратно. На второй стадии переговоров стороны сумели договориться о том, что князь Юрий пошлет своих представителей в Москву к Василию II, чтобы заключить с ним мирный, а не перемирный договор. В дальнейшем все так и произошло. Примерно в апреле-мае 1425 г. между Василием II и князем Юрием Дмитриевичем было подписано соглашение, согласно которому «князю Юрью не искати княжения великаго собою, но царемъ: которого царь пожалуетъ, тъи будеть князь великии Владимерьскыи и Новугороду Великому, и всеи Руси»[16]. Точный срок действия этого договора нам неизвестен, по косвенным данным он составлял около трех лет.

События этих трех лет развивались в пользу московского правительства. Благодаря случайным обстоятельствам Московское княжество заметно усилилось. 22 февраля 1427 г. умер дмитровский князь Петр Дмитриевич. Сыновей у него не было, и Дмитровское княжество как выморочное перешло под власть великого князя Василия II. Несколько ранее, к зиме 1426/27 г., от свирепствовавших эпидемий скончались все сыновья Владимира Серпуховского. В его династии не осталось ни одного взрослого мужчины, и московское правительство взяло временное опекунство над маленькими внуками Владимира, послав в их княжество своих представителей. Забота о Серпуховском княжестве стала для Москвы небескорыстной. У несовершеннолетних княжичей был отобран Углич, данный в 1402—1404 гг. их деду Владимиру великим князем Василием I в обмен на волжскую Ржеву. Около 1427 г. Углич был передан князю Константину Дмитриевичу, который не имел удельного вотчинного центра. Получив его, Константин становился благодарным союзником московского правительства. В конце 1426 — начале 1427 г. правившая за сына его мать Софья Витовтовна вместе с боярином Иваном Дмитриевичем Всеволожским, ставшим московским наместником, провела в Московском княжестве судебную реформу. Удельным князьям было разрешено, как это было прежде, при судебном рассмотрении в Москве исков или обвинений их людей присылать в суд своих судей. Это означало, что последние могли получать судебные выплаты, что в итоге приводило к росту финансового благосостояния удельных правителей. Обладание Дмитровом и контроль над Серпуховым, а еще и Звенигородом увеличивали военно-экономический потенциал Московского княжества. Менялась в пользу Москвы и политическая ситуация. Подрастал сам Василий II, достигший в 1427 г. 12 лет — возраста, который по средневековым меркам отделял отрока от взрослого мужчины. Его отношения с родственниками становились более определенными и осмысленными.

Удивительным было поведение Юрия Звенигородского. Три года, даже потеряв главное свое владение — Звенигород, князь Юрий Дмитриевич не шел на длительный мир со своим юным племянником. Теоретически этот законный претендент на великокняжеский стол мог рассчитывать на поддержку Новгорода Великого,

[16] ПСРЛ. Т. 18. С. 168.

тверского, рязанского, пронского князей и даже литовского великого князя Витовта, который воевал то со Псковом, то с Новгородом, хотя и тот, и другой центры в определенной степени подчинялись московской великокняжеской власти. Но примерно в мае 1427 г. Витовта посетила ставшая вдовой его дочь Софья, просившая отца о военной защите Москвы. Летом того же года Витовт совершил свое единственное в жизни плавание по р. Оке, в котором встретился с новосильскими, одоевскими, воротынскими, переяславскими (Переяславля Рязанского), пронскими и рязанскими князьями, подобострастно встречавшими могущественного литовского правителя и подносившими ему богатые дары[17]. Итогом плавания было заключение в июле 1427 г. договоров Витовта с рязанским и пронским великими князьями. Оба договора были составлены по одному шаблону. Они очень кратки и посвящены общим нормам взаимоотношений Литовского государства с Рязанским (Переяславля Рязанского) и Пронским княжествами. Но в оба документа была включена ст. 6, которая характеризовала политику литовского великого князя в отношении Москвы: «А буде*т* ли котораа налога великому кнѧ*з*(ю) Василию Васильевич(ю), внуку е*г*(о), а ис которые стороны, а възвелит ми кнѧ*з*(ь) велики Витовтъ, и мнѣ, кнѧ*з*(ю) великому Ивану Федорович(ю), по е*г*(о) велѣнию пособлѧти ему на всѧко*г*(о)». Статья обеспечивала защиту Василия II от нападений или каких-либо происков с любой стороны, и рязанский князь вместе с пронским должны были Василию II «пособлѧти» на всех противников Московского княжества. Выясняется, что главной целью июльских договоров 1427 г. Витовта с рязанским и пронским князьями являлась поддержка и защита внука Витовта — московского великого князя Василия II.

Рано или поздно князь Юрий Дмитриевич должен был узнать о содержании соглашений Витовта с рязанским и пронским князьями. В его политические расчеты необходимо было вносить большие изменения. Становилось очевидным, что надеяться на какую-то литовскую помощь Юрию было нереально. Наоборот, приходилось исходить из того, что на стороне Василия II будут его дед Витовт и союзные ему русские князья. Шансы звенигородского князя на успешную борьбу за верховную власть с Василием II резко упали, и Юрий Дмитриевич решил искать примирения с великим князем. В Москве откликнулись на такой шаг, начались переговоры, и 11 марта 1428 г. был подписан мирный договор.

Уже в преамбуле этого соглашения было подчеркнуто, что оно заключается братом старейшим, великим князем Василием Васильевичем, с «братом молодшим», но по возрасту старшим на 41 год, князем Юрием Дмитриевичем. Из этого следовало, что звенигородский князь признал более высокий статус своего племянника. Важное значение имела ст. 11 договора, согласно которой удельный князь признавал законность обладания великим князем всеми владениями, которые завещал ему его отец Василий I: «А чи*м* бл(а)г(осло)ви*л* от(е)ць твои, кнѧ*з*(ь) велики Василеи Дмитриеви*ч*, тобѧ своею во*т*чиною в Москвѣ и Коломною с волостми, и вси*м* велики*м* кнѧженье*м*, и Новы*м* город*о*м Нижни*м* с волостми, и Муром*о*м с волостми. . . того ми всего по*д* вами блюсти, а не обидѣти, ни въступатисѧ, ни по*д* вашими дѣ*т*ми»[18]. Московское правительство, со своей стороны, признавало наследственные права Юрия на Звенигород и возвращало ему его

[17] *Базилевич К.В.* Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века. М., 1952. С. 39.

[18] ДДГ. № 24 б. С. 66. Характерно, что упоминание великого княжества здесь стоит лишь на третьем месте, в соответствии с третьим завещанием Василия I.

княжество (ст. 13, 17). Поборы, которые собирала с звенигородцев появившаяся там с 1425 г. московская администрация, компенсировались князю Юрию разрешением в ближайшие четыре года не платить выхода (налога с населения) и яма (налога на строительство, содержание дорог и использование их) в Орду. За него это делал московский великий князь (ст. 17).

Замирение 1428 г. в московском княжеском доме, которое дало соперничавшим князьям передышку примерно в два с половиной года, не было отмечено в русском летописании. Новгородские сводчики, великокняжеские и митрополичьи летописатели в Москве, составители тверских, ростовских и литовских летописных памятников предпочитали рассказывать о событиях громких, проходивших под орудийные раскаты и поражавших воображение средневековых читателей исторических повествований. Так, и новгородские, и московские летописи отметили нападение в 1428 г. Витовта на Новгород Великий. Литовский князь пришел под Порхов, вооруженный пищалями, тюфяками и пушками. Одна из пушек производила грандиозное впечатление. Это была громадина, которую перевозили 40 лошадей до середины дня. Во второй половине дня их сменяли 40 других лошадей. Немецкий мастер Николай хвастался Витовту, что один выстрел из созданного им орудия уничтожит каменную башню крепости Порхова и сильно повредит городскую церковь. Все так и случилось. Но пороховой заряд оказался такой мощности, что пушку разорвало, пушечника раздробило на мелкие части, которые даже собрать воедино не удалось. Витовт отдал было приказ о штурме города, но к нему явились порховские воеводы, и дело кончилось уплатой литовскому князю 11 тыс. руб.[19] Новгород понес большие убытки, но сам факт нападения Витовта на его территорию свидетельствовал о том, что военно-дипломатические планы престарелого правителя Литвы были неустойчивы. «Вольный в князьях» Новгород прочно удерживали в своих руках, начиная с Ивана Калиты, великие князья московского дома, и удерживали целое столетие. Твердых юридических оснований на это у Калитовичей не было, но практика была долговременной. Это было известно Витовту. Желая видеть во главе Московского великого княжества сына своей дочери, Витовт должен был понимать, что признание Новгородом своим князем Василия II только укрепит положение внука. И тем не менее даже в конце жизни литовский великий князь пытался достигнуть целей, которые были намечены им в начале XV в., хотя война с Москвой 1406—1408 гг. показала бесплодность таких попыток. Поэтому Московскому княжеству в конце 1420-х годов требовалось вести очень осмотрительную и строго взвешенную политику в отношении Литвы, чтобы главный гарант завещаний Василия I литовский великий князь Витовт не отказался от своих гарантий и в то же время не использовал своего положения для захвата новых русских земель.

Витовт умер 27 октября 1430 г. Считается, что ему было 80 лет. Мужских восприемников он не оставил, и в Литовском государстве предстояла борьба за его наследие. Претенденты на верховную власть в стране уже не могли уделять пристального внимания московско-литовским взаимоотношениям. Их ждали сложные внутренние разбирательства.

Изменившаяся обстановка после смерти Витовта вскоре сказалась на внутримосковских княжеских отношениях. В 1431 г. звенигородский и галичский князь Юрий Дмитриевич «разверже миръ съ великимъ княземъ Василиемъ Васильевичемъ»[20]. Отказ от мирных отношений означал, что сторо-

[19] ПСРЛ. Т. 4, ч. 1. С. 432.
[20] ПСРЛ. Т. 18. С. 171.

ны готовы вести губительную борьбу друг с другом. Но чтобы победить в ней, нужно было иметь решение ордынского хана.

Для дяди и племянника, оспаривавших друг у друга верховенство, таким вершителем их судеб являлся сарайский хан. К нему для решения спора и договорились идти оба князя. В то время Сарай был владением хана Улуг-Мухаммеда. Туда и отправились соперники. Первым из Москвы выехал Василий II. Его речная флотилия отчалила от Московского Кремля в день Успения Богородицы 15 августа 1431 г. Князь Юрий несколько промедлил. Он дождался праздника Рождества Богородицы — 8 сентября — и тоже отправился к хану. На пути в Москве Юрий оставил великокняжеским канцеляристам хранившийся у него текст договора от 11 марта 1428 г. со «складною грамотою», т. е. с письменным уведомлением об аннулировании им договора 1428 г.[21] Тем самым принципиальные положения этого соглашения о статусах договаривавшихся князей и их владениях Юрием были отвергнуты. Документ был признан недействительным и не мог быть использован при рассмотрении в Орде спора Юрия с Василием II о великом княжении.

В Орде прибывшего великого князя Василия II приняли с большим пиететом. Приехавший несколькими неделями позже князь звенигородский таких почестей не удостоился. Все шло к тому, что существовавший в Москве в 1428—1431 гг. порядок управления будет в Сарае подтвержден без особых проволочек, но как всегда — с богатыми подношениями от приехавших. Однако подобная перспектива затронула интересы правителя Крыма Ширин Тягины. Его владения лежали близко или рядом с владениями русских князей. Ему было небезразлично, кто станет главным русским князем, кто может быть его союзником в будущем. Силой забрав князя Юрия у окружени хана Улуг-Мухаммеда, он увел его в Кры на зимовку до весны 1432 г., твердо обеща ему великое княжение.

Василий II остался со своими советни ками в ставке хана. Один из таких советни ков, московский наместник Иван Дмитри евич Всеволожский, начал вести бесед с первыми лицами ханского окружения. О выражал удивление, почему такие знатны богатые, авторитетные, умные и опытны люди, как его собеседники, без всяких во ражений позволили крымскому правител отнять у них князя Юрия и увезти с собо в Крым. Логичный и ловкий московски наместник рисовал перед высшей ордын ской знатью безрадостные перспективы Если будет так, как хочет Тягина, «а в васъ тогда что будеть, — размышлял о вслух, — князь Юрьи князь великии будет на Москвѣ, а въ Литвѣ князь велики побра тимъ его Швитригаило, а Тегиня въ Орд и въ царѣ воленъ, не молвивъ васъ»[22]. Угро за отстранения от власти и доходов соеди ненными силами Крыма, Москвы и Литв ордынской знати подействовала на нее ка попавшая в сердце стрела (такое сравнени сделал русский летописец). Собеседник Всеволожского сплотились и дружно стал доказывать хану необходимость утвержде ния на великокняжеском столе Василия I Распаленный уговорами Улуг-Мухамме дошел до того, что приказал тотчас казнит человека, который предложит в велики князья Юрия.

Пришла весна 1432 г. Из Крыма в ста ку Улуг-Мухаммеда прибыл Тягиня с кня зем Юрием. Крымского правителя сразу ж предупредили о приказе хана. И Тягиня за молк. Но неожиданно у него нашлись еди номышленники, и спор — Юрий или Васи лий — забурлил с весенней силой. Василий доказывал свое право на великое княжени

[21] «А сю грам(о)ту кн(л)зю вел(и)кому прислал складною вместе кн(л)зь Юрьи, к Ордѣ ида» (ДДГ. № 2 б. С. 67).

[22] ПСРЛ. Т. 18. С. 171. Литовский князь Свидригайло.

наследованием стола от своих отца и деда, т. е. бывшим у него правом преемства. Князь Юрий Дмитриевич доказывал свои права «летописци и старыми списки и духовною отца своего великаго князя Дмитриа». Пыл спорщиков сумел остудить тот же Иван Дмитриевич Всеволожский. Он заявил, что дело не в русских документах и исторических материалах, на которые опирались оба споривших князя, а в документах ордынских, поскольку Русский улус — это часть Орды, а ордынский хан волен сажать на улус того, кого он захочет. Такая постановка вопроса явно пришлась по душе и Улуг-Мухаммеду, и всей ордынской знати. Далее И. Д. Всеволожский продолжал: «...нашь государь великии князь Василеи ищеть стола своего великаго княженіа, а твоего улусу, по твоему цареву жалованию и по твоимъ девтеремъ и ярлыкомъ, а се твос жалованье предъ тобою». Из приведенной летописной выдержки делается очевидным, что ордынские документы, представленные хану московским наместником, были привезены им из Москвы. Перед исследователями встал вопрос, что же содержали в себе «девтери и ярлыки», отправленные ханом Улуг-Мухаммедом в Москву. С легкой руки А. Е. Преснякова в исторической науке распространилось утверждение о том, что какой-то ярлык содержал ханское постановление о нерушимости завещания Василия I, в котором его сын Василий II был объявлен великим князем[23]. Однако до сих пор, спустя более 100 лет после выхода в свет труда А. Е. Преснякова, исторической науке остается неизвестен тип документа, о существовании которого уверенно писал этот историк. Нет данных и об утверждении в Орде завещаний других русских великих князей. К тому же в летописи говорилось не о ярлыке, а о ярлыках, а на первом месте вообще указывались девтери (дефтери). Последний термин часто встречается в договорах, которые заключал Василий II с другими князьями московского княжеского дома. Так, в его договоре, составленном вскоре после 5 июня 1434 г. с сыновьями умершего Юрия Дмитриевича Дмитрием Шемякой и Дмитрием Красным, было отмечено: «А оу вас ми имати въ выход по старымъ девтеремъ»[24]. Аналогичная норма фиксируется в договоре от 17 июня 1445 г. Василия II с князьями Иваном и Михаилом, сыновьями можайского князя Андрея Дмитриевича: «А выход ти, г(о)с(поди)не, оу нас имати по старым дефтерем»[25]. Из приведенных статей двух соглашений великого князя Василия II с князьями-родственниками разных линий происхождения следует, что девтери — это расчетные документы, содержавшие данные о местах сбора и суммах выхода, следуемых Орде. Ст. 17 договора от 11 марта 1428 г. свидетельствует о том, что ордынский выход за четыре года (1425—1428) с Московского княжества собирался регулярно, причем московскому правительству приходилось вносить деньги и с населения Звенигородского княжества, покинутого его правителем Юрием Дмитриевичем. Такие неординарные ситуации должны были вызывать уточнения в дефтерях (дефтарах) и переписку между Сараем и Москвой по поводу таких уточнений. Дефтери указывали на князя, который должен был собрать ордынскую дань с определенных территорий и передать ее Сараю; ярлыки, направляемые князю, обговаривали условия передачи и содержали статусное определение адресата. Этого было вполне достаточно для того, чтобы прояснить положение князя. Такими дефтерями и ярлыками и воспользовался находчивый И. Д. Всеволожский. В итоге по-

[23] *Пресняков А. Е.* Образование Великорусского государства: Очерки по истории XIII—XV столетий. Пг., 1918. С. 387, примеч. 3.

[24] ДДГ. № 34. С. 87.

[25] ДДГ. № 41. С. 122.

лучалось, что при выборе великим князем Юрия Дмитриевича хан должен лишать великого княжения Василия II, к которому он раньше обращался с повелениями или просьбами о выплатах выхода, принимал выход, а потом за это наказывал исполнителя. Несуразность подобной ситуации становилась понятной всем. Великое княжение хан закрепил за Василием II. Но чтобы смягчить обиду проигравшего тяжбу князя Юрия, Улуг-Мухаммед из владений Василия II передал ему Дмитров[26].

Однако, когда в июне 1432 г. князья-соперники вернулись на Русь, борьба между ними вспыхнула с новой силой. Московские рати были готовы к войне, и, чтобы избежать их неожиданного нападения, князь Юрий вновь покинул свой Звенигород, оставил Дмитров и укрылся в далеком Галиче. Василий II немедленно вернул Дмитровское княжество себе (до середины августа 1432 г.). Никакие повеления ордынского хана его при этом не остановили. Потеряв Дмитров, весной 1433 г. Юрий Дмитриевич сплотил свои силы и выступил в поход против племянника. Пребывавший в Москве Василий II ничего об этом не знал. Он сумел собрать немногих москвичей, в том числе московских купцов-гостей, и вышел с ними против большого войска Юрия. Князья сошлись 25 апреля 1433 г. у р. Клязьмы, в 20 верстах от Москвы. Военные слуги великого князя отчаянно сражались, а московские жители, напившись меда, больше взирали на сражение, чем участвовали в нем. В итоге великий князь был разгромлен и бежал в Тверь. Юрий вступил в Москву и занял великокняжеский стол[27]. Вскоре он примирился с Василием II, вызвал к себе и дал в удел Коломну, центр великокняжеского домена в Московском княжестве.

В последнем же начались перетасовк среди боярства и служилых людей, пол чивших теперь нового правителя. Многи из них покинули город и ушли в Коломн к прежнему великому князю Василию I В Москве появились ордынские заимода цы свергнутого великого князя. Чтобы удо летворить их требования, Юрию пришло взять взаймы 600 руб. у московских госте и суконников[28]. Среди последних возни ли опасения, кто и когда будет отдавать и долг; хотя Василий II дал обещание его по гасить. Вскоре старшие сыновья Юрия, Ва силий и Дмитрий Шемяка, убили отцовско го любимца, видного московского боярин С. Ф. Морозова за то, что он не обеспечи поддержку нового великого князя со сторо ны московского боярства и военных слу и отложились от отца. Юрий был вынужде пойти на союз с Василием II против сво ственных детей и вернуть ему Москву. Од нако вскоре Юрий примирился с сыновья ми и вновь начал борьбу с великим князем В бою «у Николы святаго на Горе» близ Пе реяславля-Залесского галичский князь раз бил Василия II, привлек на свою сторону ег союзника Ивана Можайского, незадолго д этого клявшегося в вечной верности Васи лию, и вместе с можайским князем 24 марта 1434 г. подошел к Москве. Город был поло сторонниками Василия II, и они не открыл крепостных ворот Юрию. Тогда тот нача осаду города. Это была первая осада Мо сквы во внутренней династической войне Она длилась неделю. Источники не сообща ют подробностей осады, но она кончилас успешно для князя Юрия. 31 марта 1434 он вошел в город, арестовал мать великог князя Софью Витовтовну и его молодую жену Марию Ярославну, отправил их в сво подмосковный Звенигород, сам же захвати великокняжеский стол[29].

[26] ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25. С. 250; ДДГ. № 29. С. 74.
[27] ПСРЛ. Т. 25. С. 248—250.
[28] ДДГ. № 30. С. 77, 80.
[29] ПСРЛ. Т. 25. С. 251; ДДГ. № 30. С. 75, 78.

Василий II решил искать спасения в Орде. Он ушел в Нижний Новгород, намереваясь оттуда отправиться к татарам, когда в начале июня 1434 г. к нему пришло известие, что дядя Юрий Дмитриевич скоропостижно скончался, великокняжеский же стол захватил его старший сын Василий, который никаких юридических прав на него не имел даже по завещанию отца. Действиями Василия оказались недовольны его младшие братья Дмитрий Шемяка и Дмитрий Красный. Они заявили старшему брату: «Аще не въсхотѣ богъ, да княжить отець нашь, а тебе и сами не хотимъ»[30]. Заключив союз с прежним врагом, великим князем Василием II, они втроем пошли на Москву. Не ожидавший такого оборота событий Василий Юрьевич в начале июля 1434 г. бросил столицу и бежал в Ржеву[31]. При этом он основательно пограбил Москву. Как пишет одна из псковских летописей, князь Василий, оставляя город, «побрав злато и сребро, казну отца своего, и градьскыи запасъ весь и поускачи (пушки. — *В. К.*)»[32]. Отцовским золотом и серебром он с братьями, видимо, не поделился, что объясняет их последующие недружественные отношения.

Великим князем вновь стал Василий II, наградив обоих Дмитриев Юрьевичей крупными земельными владениями. Дмитрий Шемяка получил Углич и Ржеву, а Дмитрий Красный Бежецкий Верх[33]. Но с населением Москвы у великого князя произошел конфликт. Василий II, видимо, отказался заплатить долг в 600 руб. московским гостям и суконникам, и часть их покинула Москву, переселившись в Тверь[34].

В этих обстоятельствах старший из Юрьевичей Василий решил продолжить борьбу за великое княжение. В 1435—1436 гг. он не раз воевал с великим князем, захватывая и опустошая его владения. В ответ Василий II вновь и вновь собирал войска и отправлялся с ними на двоюродного брата. В конце концов в бою у Скорятина в Ростовском княжестве в начале 1437 г. Василий Юрьевич был разбит, захвачен в плен, отвезен в Москву и там ослеплен. После этого Василий, получивший прозвище Косого, прекратил участие в политической жизни, тихо скончавшись в 1448 г.[35]

До поры до времени братья Василия Косого, два князя Дмитрия, вели себя лояльно по отношению к московскому великому князю. У последнего же хватало разных забот. Летом 1439 г. на Москву напал хан Улуг-Мухаммед. Изгнанный из Сарая, хан обосновался около русского города Белева. Москва стала ближе, и 3 июля 1439 г. татары скрытно подошли к ее стенам. Великий князь Василий оставил столицу и укрылся за Волгой. Оборонять город должен был его шурин, князь Юрий Патрикеевич, потомок литовского великого князя Гедимина, перешедший на московскую службу еще во времена Василия I. Улуг-Мухаммед десять дней простоял у Москвы, но взять ее не смог. Забрав много пленных, не успевших укрыться в Кремле, хан на обратном пути сжег Коломну[36].

Весной 1441 г. на Русь из Италии вернулся митрополит Киевский и всея Руси Исидор, который на церковном соборе, проходившем в городах Ферраре и Флоренции, принял унию с католиками. Византийский император и константинопольский патриарх пошли на этот шаг, чтобы использовать силы европейских католических государств в борьбе со все возраставшими

[30] ПСРЛ. Т. 18. С. 175.
[31] ПСРЛ. Т. 25. С. 251—252.
[32] ПЛ. М., 1955. Вып. 2. С. 45.
[33] ПСРЛ. Т. 18. С. 175.
[34] ДДГ. № 36. С. 102, 104.
[35] ПСРЛ. Т. 25. С. 252, 270.
[36] Там же. С. 260.

угрозами турок-мусульман. В Москве католические новшества, которые стал вводить в богослужение глава русской церкви, приняли в штыки. Русские церковные иерархи тогда искренне полагали, что католичество — самый страшный враг православия, хуже ислама. Исидора арестовали и посадили под стражу в кремлевский Чудов монастырь, но через несколько месяцев дали возможность бежать на Запад[37].

Еще через несколько лет вновь напомнил о себе хан Улуг-Мухаммед. К тому времени его орда откочевала с южных пределов русских земель на восточные и оттуда нападала на русские города и волости. В начале 1445 г. Василий II отразил попытку татар захватить Нижний Новгород и Муром. Но летом того же года ему пришлось вновь выступить в поход. Он закончился крайне неудачно. 7 июля 1445 г. сыновья Улуг-Мухаммеда нанесли страшное поражение небольшому русскому войску под Суздалем, захватив в плен великого князя Василия II, его двоюродного брата князя верейского и белозерского Михаила Андреевича, многих бояр и военных слуг. Сняв с великого князя нательные кресты, они послали их в Москву его матери и жене. В Москве начались рыдания и паника. Все думали, что победители рипутся на столицу, и сбежались в Кремль. В Кремле же ночью 14 июля случился грандиозный пожар, от которого выгорели все деревянные постройки в крепости, распались каменные церкви, во многих местах обрушились каменные стены, сгорело много имущества, а главное — погибла масса спасавшихся в Кремле людей, по сообщению одной из летописей — около 2 тыс. человек. Мать и жена плененного татарами великого князя оставили город и укрылись в Ростове. За ними последовали и другие москвичи. Ситуация стала напоминать 1382 г. Правд тогда стены Кремля были надежнее. Низ московского населения взволновались. Он самоорганизовались, начали укреплят ворота крепости, а намеревавшихся б жать — арестовывать, бить и ковать в ж лезá. Паника прекратилась, и люди сообш начали укреплять город. К счастью, сын вья Улуг-Мухаммеда о кремлевских разр шениях ничего не знали. Они не решилис напасть на Москву и ушли к отцу в Ниж ний Новгород[38].

Пленив великого князя, Улуг-Мухамме отправил посла к Дмитрию Шемяке, стар шему из оставшихся на Руси князей мо сковского дома. Посол Бегич, видимо привез Шемяке какие-то предложени хана относительно управления Москов ским княжеством. Шемяка решил вос пользоваться обстоятельствами и занят великокняжеский стол, на который он, ка и старший его брат Василий, никаких юри дических прав не имел. Шемяка сердечн принял посла, щедро одарил его и отпусти к хану с просьбой, чтобы тот не выпуска из плена Василия II. Но миссия Бегича дли лась слишком долго, татары решили, чт их посол убит Шемякой, и за большой вы куп освободили великого князя, верейског князя Михаила Андреевича и других знат ных пленников[39]. Псковские летописи сви детельствуют, что выкуп достигал очен большой суммы — 25 тыс. руб.[40] Это озна чало, что всему населению владений мо сковских князей придется нести тяжелей шие расходы, в несколько раз превышав шие размеры обычной ордынской дани Мрачная, безрадостная перспектива пугал людей, и они переходили на сторону Дми трия Шемяки, распространявшего всевоз можные устрашающие слухи о содержани договора великого князя с ханом.

[37] ПСРЛ. Т. 25. С. 260—261.
[38] Там же. С. 395, 262—263.
[39] Там же. С. 263—264.
[40] ПЛ. М.; Л., 1941. Вып. 1. С. 47.

Василий II вернулся в Москву из плена только 17 ноября 1445 г. 12 февраля 1446 г. он отправился на богомолье в Троице-Сергиев монастырь. В Москве к тому времени уже сложился заговор против Василия II, который возглавили Дмитрий Шемяка и Иван Можайский и в котором приняли участие многие московские бояре, часть московских гостей и духовенства. Как только великий князь выехал из Москвы, заговорщики тотчас оповестили об этом Дмитрия Шемяку и ставшего его союзником можайского князя Ивана Андреевича, стоявших наготове с войском в Рузе. В ночь с 12 на 13 февраля 1446 г. сторонники Шемяки открыли ему ворота Московского Кремля. Москва оказалась в руках соперника Василия II. Тотчас были арестованы великие княгини — мать Василия II Софья Витовтовна и жена Мария Ярославна. В Троице-Сергиев монастырь для захвата самого Василия II и его старших сыновей был отправлен князь Иван Можайский.

Великого князя известили о возможном нападении на него Дмитрия Шемяки и можайского князя, но Василий II не поверил осведомителю, поскольку тот служил Шемяке. Тем не менее великий князь выставил дорожный дозор на горе близ города Радонежа по дороге из Москвы в Троице-Сергиев монастырь. Люди Ивана Можайского увидели этот дозор и сообщили о нем своему князю. Иван Можайский был сметлив и находчив. Он приказал положить в зимние сани кипы рогозин или кипы полстей, чтобы придать им вид возов, а под поклажей поместить вооруженных ратников. Другие ратники изображали возниц. С горы стража великого князя видела приближавшийся обоз, но никаких подозрений он не вызывал. Когда первые возы уже прошли великокняжескую заставу, из всех саней выскочили вооруженные люди, которые «изнимаша» дозорщиков Василия II. Никому из них даже бежать не удалось, настолько глубок был снег зимой 1446 г. Не встречая никакого сопротивления, отряд Ивана Можайского проник в Троицкий монастырь. Плакавший и стенавший великий князь Василий был схвачен в соборном монастырском храме, привезен в Москву, а поздним вечером 16 февраля 1446 г. безжалостно ослеплен. Палачи, видимо, помнили, какую судьбу уготовил в свое время великий князь Василий II своему двоюродному брату Василию Юрьевичу, сделав его косоглазым. Великокняжеский стол занял Дмитрий Шемяка[41].

Однако Василия Темного, как стали прозывать ослепленного великого князя, поддержали его четвероюродный брат и шурин серпуховский князь Василий Ярославич, многие служилые князья, а также московское боярство, союзные Василию татары, иерархи русской церкви. При их поддержке в конце 1446 г. Василий оставил выделенный ему Шемякой Вологодский удел и, получив военную помощь от тверского князя Бориса Александровича, двинулся на своих недругов[42]. Дмитрий Шемяка и Иван Можайский стояли у Волока Ламского, поджидая Василия II и закрывая ему дорогу на Москву. Тот по пути на Волок отпустил к Москве небольшой отряд под командованием своего боярина М. Б. Плещеева. Отряд обошел Шемякины полки и перед рассветом 25 декабря въехал в столицу. Там начинали праздновать Рождество. На торжественную заутреню в Успенский собор спешила княгиня Ульяна, тетка серпуховского князя Василия Ярославича. Ворота в Никольской башне Кремля оказались открытыми, и вслед за возком княгини Ульяны люди Плещеева ворвались в крепость. Это стало полной неожиданностью для шемякинского кремлевского гарнизона. Московский наместник Дмитрия Шемяки Федор Галичский

[41] ПСРЛ. Т. 25. С. 264—266.
[42] Там же. С. 268.

прямо с церковной службы в Успенском соборе бежал из города. За ним последовал наместник Ивана Можайского Василий Чешиха. Он уже скакал на коне, когда его остановил истопник великой княгини Марии Ярославны Ростопча. Воеводы великого князя тотчас заковали Чешиху в железá. Арестовали и других сторонников Шемяки и Ивана Можайского, а заодно и ограбили их. Москвичи были приведены к присяге в верности великому князю Василию Васильевичу. Кремль же стали готовить к возможной осаде[43].

Осады, однако, не последовало. Растерявшийся Шемяка бежал сначала в свой Галич, потом в Чухлому, а оттуда в Каргополь. Василий Темный преследовал его, но до сражения дело не дошло, и 17 февраля 1447 г. великий князь вернулся в Москву[44].

С этого времени великое княжение уже постоянно находилось в руках Василия II. Хотя борьба с Шемякой продолжалась, но галичский князь был обречен. В решительном сражении 27 января 1450 г. у города Галича Дмитрий Шемяка был разгромлен, сам едва спасся от плена и бежал в Новгород Великий. Династическая война в центральных русских землях закончилась. Уже из Новгорода Шемяка в начале 1453 г. попытался взять Устюг, но московские рати заставили его снять осаду города и вновь укрыться в Новгороде[45]. А 23 июля 1453 г. Василий II, стоя на вечерне в церкви Бориса и Глеба, располагавшейся близ Кремля, получил радостное для себя известие: Дмитрий Шемяка 17 июля «напрасно» умер[46]. Прискакавший с этой вестью с неимоверной для того времени быстротой из Новгорода подьячий Василий Беда сразу же получил чин дьяка и стал человеком, близким к Василию II.

С кончиной Шемяки исчез беспокой ный и настойчивый внутренний враг в Мс сковском княжестве. Великокняжески и митрополичьи летописи не сообщаю подробностей о его смерти. А в ростовско летописании сохранился рассказ о подс плеке этого события. В Новгород приезжа дьяк Стефан Брадатый, доверенное лиц Василия II. Он провел секретные перег воры с новгородским посадником Исако Борецким, а потом вернулся в Москву. Бс рецкий подкупил повара Дмитрия Шемяк Поганка, и тот подложил яд, который при вез с собой дьяк Стефан, в курицу, приго товленную для своего князя. Отведав ее Шемяка скончался. В этом и заключалас «напрасная» смерть последнего Юрьеви ча. Новейшие исследования подтвердил правильность известия ростовского лето писного свода. В новгородском Софийско соборе были обнаружены останки Дмитри Шемяки, перенесенные в XVII в. в глав ный новгородский храм из Юрьева мона стыря под Новгородом. Останки оказалис мумифицированными, а в костях и тканя был обнаружен мышьяк — наиболее рас пространенный в Средневековье яд, с по мощью которого устраняли врагов или не угодных людей[47]. Так московский великий князь избавился от своего политическог противника, собственного двоюродно го брата. То тлевшая, то ярко вспыхивав шая на протяжении 28 лет династическа борьба в московском княжеском доме з верховную власть была жестокой и редк кого щадящей. Она сопровождалась веро ломствами, клятвопреступлениями, изме нами, увечьями, неоправданными арестам и убийствами, с легкостью распространив шимися среди правящих верхов, разрешав ших себе все, не считаясь с этическими

[43] ПСРЛ. Т. 25. С. 268—269.

[44] Там же. С. 269.

[45] Там же. С. 270—271, 272.

[46] ПСРЛ. СПб., 1889. Т. 16. Стб. 193 (дата смерти Шемяки).

[47] ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 23. С. 155; *Янин В. Л.* Некрополь Новгородского Софийского собора. М., 1988 С. 105—111.

и моральными устоями общества и подавая пример поведения низам населения. Она привела не только к идейному опрощению русского общества, но и к подрыву материального благосостояния людей, наложив тяжелый отпечаток на развитие Московского княжества.

После отравления Дмитрия Шемяки главными врагами Василия Темного оставались враги внешние. Некоторые из них проявили себя еще в предшествовавшие годы. Так, летом 1451 г. Москва подверглась неожиданному нападению царевича Большой Орды (преемницы Золотой Орды) Мазовши. Василий II вышел с небольшим войском из Москвы, чтобы воспрепятствовать татарам переправиться через р. Оку. Однако, отойдя недалеко от города, он узнал, что Мазовша уже подходит к Оке. Великий князь приказал войску двигаться дальше к Коломне, а сам вернулся в столицу. Поставленный во главе этого войска князь Иван Звенигородский испугался татар и также повернул обратно, но по иной дороге, чем великий князь. А тот, подготовив Москву к осаде, оставив здесь свою властную старуху мать и сына Юрия, митрополита Иону, ростовского архиепископа Ефрема, который предпочитал жить в московском Дорогомилове, а не в центре своей епархии Ростове, множество бояр, сам выехал из столицы, пытаясь, как обычно, переждать военные опасности за Волгой.

Мазовша долго не решался форсировать Оку, страшась западни с московской стороны. Лишь когда его разведка установила, что русских войск на левом берегу Оки нет, он перешел реку и, наверстывая упущенное время, устремился к Москве. Мазовша появился в городе 2 июля в половине четвертого утра. Тотчас запылали московские посады, подожженные татарами, а сам Мазовша начал штурм Кремля. Татары приступали ко всем кремлевским воротам и там, «где несть крепости каменныа». Судя по этому замечанию, кремлевские стены, сильно пострадавшие в пожар 1445 г., к 1451 г. еще не были восстановлены полностью. Однако крепостные ворота и деревянные части стен надежно защищались, хотя защитникам и приходилось страдать от жары и дыма пылавшего вокруг Кремля огня. Когда пожар стал стихать, осажденные предприняли ряд вылазок. Стычки продолжались до вечера 2 июля. С наступлением сумерек татары отошли от города. Защитники начали готовиться к бою, который, в чем они не сомневались, продолжится на следующий день. Но татары не появились. Вскоре выяснилось, что они спешно отступили от Москвы, бросив захваченные слитки железа и меди, взятые, вероятно, на московских пушечных дворах, другие товары, оставив даже пленных. Причина столь неожиданного отступления Мазовши заключалась в том, что, услышав ночью большой шум в готовившемся обороняться Кремле, татары решили, будто туда пришел с войском сам великий князь, а потому, побросав трофеи, бежали[48].

Столкновения с татарами продолжались и позже. В 1454 г. на Москву попытался напасть хан Сеид-Ахмет. Его конница переправилась уже через р. Оку ниже Коломны, когда к месту переправы подоспела большая русская рать во главе с князем И. Ю. Патрикеевым. Произошел бой, в котором Сеид-Ахмет потерпел поражение и вынужден был отступить. В 1459 г. тот же хан решил повторить нападение на Москву, но на сей раз ему не позволили даже перейти р. Оку. Оборонявшиеся во главе с будущим Иваном III «отбися отъ нихъ; они же побегоша». В 1461 г. Василий II решил идти походом на Казань, с которой он воевал еще в 1448 г., но казанские послы, приехавшие во Владимир, добились, чтобы с ними был заключен мир[49].

[48] ПСРЛ. Т. 25. С. 271—272; М., 2001. Т. 6, вып. 2. Стб. 125.
[49] ПСРЛ. Т. 18. С. 209, 212, 214.

Еще более успешен в 1450-е годы Василий II был во внутрирусских делах. Спустя год после смерти Шемяки великий князь вспомнил о другом своем недруге — можайском князе Иване Андреевиче. Правда, с этим князем в 1448 г. Василий II заключил соглашение, рассчитанное до конца жизни договаривавшихся сторон, по которому князь Иван признавал себя вассалом великого князя, но получал от него прощение за участие в его ослеплении. Однако как только была устранена сама возможность единения князя Ивана с Дмитрием Шемякой, великий князь повел себя по-иному. Он явился с большой ратью под Можайск и заставил князя Ивана вместе с семьей бежать в Литву. Можайск был взят, а Василий II «умилосердився на вся сущая въ градѣ томъ, пожалова ихъ и наместники свои посадивъ, възвратися къ Москвѣ»[50]. Можайск стал великокняжеским достоянием.

В начале 1456 г. Василий II предпринял большой поход на Новгород Великий, который в течение длительного времени давал приют Дмитрию Шемяке. Даже после гибели Шемяки в Новгороде продолжала жить его вдова княгиня Софья, сын Иван и дочь Мария. Москва не раз требовала от новгородцев изгнания семьи Шемяки, но те этого не делали. Тогда Василий II стал грозить Новгороду войной. Чувствуя, что такое может произойти, Иван Дмитриевич в 1454 г. покинул Новгород и укрылся в Литве. Вдовая же княгиня осталась в Новгороде. Лишь когда Василий II начал свой поход, она оставила Новгород и бежала к сыну в Литву. Войска московского великого князя при поддержке татарского хана Мамутека вторглись в новгородские земли и сумели уже 8 февраля 1456 г. взять Русу. Город был опустошен, а жители ограблены. Другая часть московского войска захватила юго-восточные пограничные новгородски крепости Молвотицы и Стерж. Сам вели кий князь пытался взять Демон, но горо отбился. Размах военных операций москви чей был внушительным, а последствия и успехов разорительными для местного на селения. И в события вмешался новгород ский архиепископ Евфимий II. Добившис встречи с Василием II, он в Яжелбицах су мел договориться с ним о мире[51]. Мир обс шелся Новгороду в 8,5 тыс. руб., которы были выплачены Василию II[52].

Весной того же 1456 г. скончался рязан ский великий князь Иван Федорович. У нег остались восьмилетний сын Василий и доч Феодосия. Их мать умерла раньше отца. Ва силий и Феодосия оказались круглыми си ротами. Предвидя такую ситуацию, княз Иван в своем завещании поручал их Васи лию II, как и свое княжество. Василий Тем ный выполнил волю завещателя. Дети был перевезены в Москву, а на Рязань великий князь послал «намѣстникы своя и проча грады его и на власти»[53]. По сути дела, Ря занское княжество на несколько лет оказа лось под московским управлением.

Спустя несколько месяцев посл успешной войны с Новгородом Василий I 10 июля 1456 г. вероломно арестовал в Мо скве серпуховского князя Василия Яросла вича. Князь Василий участвовал в новго родском походе 1456 г., и его войска при нимали участие в боях. Он должен был з это получить вознаграждение, но получи тюрьму. Причина заключалась в резком охлаждении отношений между двумя Ва силиями. В 1446 г. серпуховский князь решительно поддержал своего ослепшег зятя в противостоянии с Шемякой. В отве на это Василий II, заключая в июне 1447 г договор с Василием Серпуховским, внес в него перечень городов, которые он ранее

[50] ПСРЛ. Т. 18. С. 209.
[51] ПСРЛ. Т. 16. Стб. 194—196.
[52] ГВНП. М.; Л., 1949. № 24. С. 44.
[53] ПСРЛ. Т. 18. С. 212.

взял у серпуховского родственника, но теперь вместо них давал Василию Ярославичу Дмитров, «Оуглечѧ с волостми, Городца с волостми, Козельска с мѣсты, да Гоголѧ, да Олексина, да купли Пересвѣтовы, да Лисина»[54]. Тот же список был повторен в соглашении между теми же князьями 1449 г., но на сей раз вместо «Углеча с волостми, Городцѧ с волостми, Козелска с мѣсты, да Гоголѧ, да Олексина, да купли Пересвѣтовы, да Лисина» серпуховскому князю давался Бежецкий Верх[55]. В последнем же договоре между Василием II и Василием Серпуховским, составленном после 19 апреля 1449 г. и до 23 января 1452 г., приведенный перечень отсутствует и ничего взамен взятых земель серпуховскому князю не дается[56]. Такой шаг мог вызвать только отрицательную реакцию удельного князя. Но на заключительной стадии династической борьбы Василий II чувствовал себя не то что уверенно, а самоуверенно и расправлялся с несогласными, не имея никакого желания хотя бы в малой степени учитывать их интересы.

Василий Ярославич был взят под стражу с тремя маленькими детьми от второго брака и отправлен в заточение из Москвы в Углич. Его сын от первого брака Иван и вторая жена, бросив все, сумели бежать в Литву. Серпуховское княжество полностью перешло в руки Василия II.

Между 20 января и 10 февраля 1460 г. Василий II заключил тайный договор со Псковом, по которому Псков переходил из состава Новгородской республики под власть Москвы[57].

Несправедливость Василия II по отношению к серпуховскому князю, своему близкому родственнику, вызвала негодование среди детей боярских, служивших Василию Ярославичу. Они организовали заговор с целью похитить своего князя из угличской темницы и укрыть его в Литве. Заговорщики снеслись с находившимся в Литве Иваном, сыном Василия, другими русскими князьями-эмигрантами, в частности, с заключившим военный союз с серпуховским княжичем Иваном Можайским, получили от них наставления и поддержку. Подходило время действия. Но среди заговорщиков оказался человек, который выдал их московскому великому князю. Тот «повелѣ всѣхъ имати и казнити»[58]. Произошло это в один из первых дней Федоровой недели (1—7 марта) великого поста 1462 г. Виновных в желании освободить Василия Серпуховского привязывали к конским хвостам и волочили по улицам и торгам Москвы, били кнутами, прилюдно резали носы и отсекали руки, а пятерым заговорщикам отрубили головы. Ростовский летописец, будучи в Москве, записал: «Множество же народа, видящее сиа, отъ боляръ и отъ купець великихъ, и отъ священиковъ и отъ простыхъ людеи, во мнозѣ быша ужасѣ и удивлении, и жалостно зрѣние, яко всѣхъ убо очеса бяху слезъ исполнении, яко николиже таковая ни слышаша, ниже видѣша в Русскихъ князехъ бываемо, понеже бо и недостоино бяше православному великому осподарю, по всеи подсолнечнои сущю, и такими казньми казнити, и кровь проливати во святыи велики постъ»[59]. Изувечив одних и предав смерти других, 5 марта 1462 г. Василий II начал лечить самого себя.

Великий князь давно страдал от сухотной болезни[60]. На болезнь он никак не воздействовал, а она брала свое. К началу 1462 г. сухотка достигла заключительной

[54] ДДГ. № 45. С. 129—130..
[55] ДДГ. № 58. С. 180.
[56] ДДГ. № 56. С. 168—175.
[57] ПСРЛ. Т. 16. Стб. 202.
[58] ПСРЛ. Т. 18. С. 215.
[59] ПСРЛ. Т. 23. С. 157.
[60] Так на Руси называли тяжелые неизлечимые болезни.

стадии своего развития. Средств для предотвращения летального исхода у медицины того времени не было, и Василий II решил бороться с болезнью сам: прижечь на позвоночнике болевшие места. Это был народный способ лечения, который к успеху в большинстве случаев не приводил. Жена Василия великая княгиня Мария Ярославна, близкие бояре упорно отговаривали великого князя от задуманного, но тот был непреклонен. 5 марта Василий II на хребте «повелѣ ставити, зажигаа труд (т. е. трут, березовая губка. — *В. К.*) тои на многых мѣстех по многу, идѣ же и не бѣ ему никоеа болѣзни, тогда бо и не чюаше того. Егда же разгнишася раны оны, и бысть ему болѣзнь тяжка, и въсхотѣ в черньци постричися, и не даша ему воли, и в тои болѣзни преставися мѣсяца марта 27 день в суботу въ 3 часъ нощи»[61].

Перед смертью за короткий промежуток времени (5—27 марта 1462 г.) Василий II сумел составить два завещания. Первое, так называемая «большая грамота», было написано, когда Василий II был «при своем животѣ, в своем смыслѣ», т. е. здоров и разумен; второе, так называемая «приписная грамота», когда он был «въ своем смыслѣ», т. е. разумен, но уже смертельно болен. Первое завещание следует датировать 6—12 марта 1462 г., второе — 25—26 марта 1462 г. Более поздняя завещательная «приписная» грамота вполне оправдывает свое древнее определение. Она состоит из 17 статей, бóльшая часть которых (15) посвящена определению земельных владений будущей вдовы Василия II великой княгини Марии Ярославны. Исследователи давно обратили на это внимание и единогласно решили, как чуток и заботлив был Василий II по отношению к своей жене. Однако сравнение содержания «большой» и «приписной» душевных грамот великого князя Василия II показало, что, согласно первой грамоте, у великой княгини были отобраны многие ее владения, даже те, что были приобретены ею на собственные средства. Очевидно, что, составляя первое завещани когда он был здоров и разумен, Василий мстил своей жене за то, что она отговар вала его от самолечения. Но когда здоров ушло, и великий князь понял, что жена был права, он нашел в себе мужество вернуть е конфискованные волости и села. Таким обра зом, из двух сохранившихся завещаний Васи лия II «большая» душевная грамота являетс основным источником для воссоздания те княжеских отношений, которые хотел видет после себя Василий Темный.

Как и все другие завещания московски великих князей, «большая» душевная гра мота Василия Васильевича состояла из пере числения недвижимого и движимого имуще ства, которое должен был получить кажды из его наследников. Наиболее существенны для них было обладание недвижимым иму ществом. Его составляли города, волости села с деревнями и починки. Из всех видо территориально-административных едини и типов поселений главными были города Их перечень в «большой» душевной грамот Василия II позволяет судить о том, как разви валась градостроительная деятельность в ег владениях и как распределил он города меж ду своими наследниками.

Столица различных владений Василия I Москва оставалась городом совместного вла дения всех его пяти сыновей. Но старшему сыну Василия Васильевича, его преемни ку на великокняжеском столе Ивану долж на была принадлежать 1/3 города и доходо с него, а каждому из его братьев, Юрию, Ан дрею Большому, Борису и Андрею Меньшо му — по 1/6 части. Ивану завещались горо да Коломна, Владимир, Переяславль-Залес ский, Кострома, Галич, Соль (Солигалич) Устюг, Вятская земля, Суздаль, Новгород Нижний, Муром, Юрьев, Соль Великая, Бо ровск, Калуга, Алексин — всего 16 городов В удел второго сына Василия II Юрия вхо дили города Дмитров, Можайск, Медынь Серпухов и Хотунь — всего пять городов

[61] ПСРЛ. Т. 25. С. 278.

Третьему сыну Андрею Старшему передавались Углич, Устюжна, Бежицкий Верх, Звенигород — всего четыре города. Четвертый сын Василия II Борис получил Ржеву, Волок Ламский и Рузу — всего три города. Пятый сын Андрей Меньшой должен был получить Вологду — всего один город. Жене Марии Ярославне были завещаны города Ростов (совместно с ростовскими князьями), Романов и Нерехта — всего три города. Из приведенных данных видно, что ни одного нового города во владениях Василия II за время его правления не было построено. Династическая война привела к стагнации в градостроительстве. Имевшиеся в его распоряжении старые города были поделены Василием II на две равные части, но 16 городов получил его главный наследник Иван III, а другие 16 — жена и остальные четыре сына. Завещание Василия II предопределяло преимущество великого князя перед удельными князьями, передавая в его руки значительно больше экономических, демографических и военных средств. А еще ранее Василий II ввел новые юридические нормы, которые обеспечивали преимущества старшего сына перед младшими в обладании верховной властью. Василий II учредил институт соправительства, и таким соправителем стал его старший сын Иван, получивший примерно в 1450 г. титул великого князя. Все это делалось для того, чтобы укрепить великокняжескую власть и не допустить борьбы за ее обладание, которую выдержал сам Василий Темный. Младшие представители московского княжеского дома, задумавшие разрешить себе подобное, должны были взвесить для себя все последствия столкновений с великим князем, обладавшим возможностями, во много раз превосходившими возможности удельного претендента. Располагая ими, Иван III без всякого ордынского участия вскоре после смерти отца занял стол великого княжения всея Руси.

Ростовское княжество

Смена главы ростовского княжеского дома и вскоре последовавшая смерть утратившего свое первенствующее положение в результате усобицы с племянником Андреем Константина Васильевича не вызвали резких изменений во внутриполитическом устройстве княжества. После 1365 г. власть в Ростове делили между собою две ветви потомков Василия Константиновича, которые принято называть Сретенской и Борисоглебской по принадлежавшим им городским половинам: Андрей Федорович с сыновьями и его двоюродные братья, дети Константина Васильевича. Судя по имеющимся данным, стольный город управлялся ими совместно и доходы с него распределялись между обеими княжескими ветвями, а сохраняющиеся за ними со времен княжения Константина Всеволодича обширные лесные земли в северном ростовском анклаве по рекам Сухоне, Ваге и Северной Двине были поделены между князьями. Немаловажно в данном отношении и то, что оставшиеся в живых после мора 1360-х годов сыновья Константина (Александр и Василий) упоминаются летописцем под 1375 г. наряду с князем Андреем, и при этом как возглавляющие в походе две собственные, отдельные от него рати[62]. Однако несомненное политическое лидерство во всем ростовском доме с 1364 г. принадлежало Андрею Федоровичу, и на протяжении всей его оставшейся жизни источники теперь именуют его ростовским князем, употребляя по его поводу этот термин в единственном числе, даже и тогда, когда не называют Андрея по имени[63].

[62] ПСРЛ. Т. 18. С. 115.
[63] ПСРЛ. М., 1965. Т. 15. Стб. 483.

Политическая позиция Ростовского княжества в это время характеризуется его полной лояльностью Москве. Каких-то московско-ростовских противоречий начиная с 1364 г. больше не фиксируется. Андрей был целиком обязан своей недавней победой в борьбе с дядей великокняжеской помощи, а дети Константина Васильевича по материнской линии являлись внуками Ивана Калиты[64]. Ростовские князья не пытаются найти себе иных союзников, помимо великого князя Дмитрия Ивановича, в полном составе обеих ветвей выступив со своими военными контингентами в московском походе 1375 г. на Тверь, а в 1386 г. ростовская сила вместе с прочими приходит к Новгороду[65]. Сражались ростовцы, как можно уверенно судить по имеющимся данным, и в Куликовской битве[66]. Следует добавить, что столь последовательное участие ростовских князей в великокняжеских военно-политических проектах базировалось, судя по всему, не на подавлении их московской властью, а на реальной политической близости и на общности интересов двух княжеских домов в рассматриваемый период. Именно так можно интерпретировать известие летописания Москвы о том, что в решающий момент соперничества за великое княжение с тверским князем Михаилом Александровичем летом 1371 г. Дмитрий Иванович отправляется за ярлыком для себя в Орду вместе с Андреем Федоровичем Ростовским, причем сам митрополит Алексий сопровождает их до Оки и молится об успехе этой поездки[67]. Итогом такой лояльности ростовского княжеского дома становится отсутствие видимых покушений великокняжеской власти на прерогативы этой династии, отчетливо выделяющее Ростов в последней трети XIV в из числа других крупных княжеств тогдашней Северо-Восточной Руси. В результате для стороннего наблюдателя к концу XIV — началу XV в. Ростовское княжение по-прежнему остается в числе наиболее значимых политических образований этой части Восточной Европы: Епифаний Премудрый, сообщая о правителях, властвовавших в момент преставления преподобного Стефана Пермского 26 апреля 1396 г., называет князя Андрея Ростовского в одном ряду с великими князьями Василием Дмитриевичем, Витовтом, Михаилом Тверским, Олегом Рязанским и Иваном Ярославским, а также императором Мануилом II Палеологом и ханом Тохтамышем[68]. Уже с начала 1390-х годов в Ростове (как и в великокняжеских Москве, Нижнем Новгороде и Рязани) чеканится собственная серебряная монета. Ее выпуск ведется от имени обеих ветвей княжеского дома, имя главы Сретенской ветви — князя Андрея Федоровича — указывается на одной стороне ростовской денги, имя возглавляющего вторую, Борисоглебскую, князя Александра Константиновича — на другой стороне. Причем в качестве образца для изображений, чаще всего встречающихся на этих денгах, князья первой ветви избрали золотой венецианский дукат, а второй — также золотой английский королевский нобль, широко использовавшиеся в международной торговле того времени и хорошо известные на Руси[69].

Однако, несмотря на все это, внешне высокие формальный политический статус Ростовского княжения и династи

[64] ПСРЛ. Л., 1926—1928. Т. 1, вып. 1—3. Стб. 531.

[65] ПСРЛ. Т. 18. С. 115; Т. 4, ч. 1. С. 345.

[66] Памятники Куликовского цикла. СПб., 1998. С. 119, 131—132; ПСРЛ. М., 2004. Т. 43. С. 134.

[67] ПСРЛ. Т. 18. С. 110.

[68] Житие Стефана, епископа Пермского / Под ред. Г. М. Прохорова. СПб., 1995. С. 210—211.

[69] *Городилин С. В.* К вопросу об источнике сюжета композиции на стороне ростовской денги с именем князя Сретенской ветви // Средневековая нумизматика Восточной Европы. М., 2018. Вып. 7. С. 259—268.

ческий статус возглавляющих его князей к рубежу столетий постепенно оказываются все менее подкреплены реальными политическими, экономическими и военными возможностями в сравнении с усиливающимися соседями, в первую очередь, с Москвой и Великим Новгородом. Для поддержания экономического благосостояния Ростова как самостоятельного государственно-политического образования особое значение имели его обширные северные владения в Посухонье, Подвинье и Поважье, центром которых с XIII в. оставался расположенный у слияния Сухоны и Юга, дающего начало Северной Двине, Устюг. Дань оттуда поступала в виде ценной пушнины, которую можно было быстро и выгодно реализовать. Именно с этими исключительно важными для ростовских князей землями, однако, оказались связаны новые возникающие проблемы, которые этот княжеский дом уже не сумел разрешить собственными силами. В 1393/94 г. никак не связанный с Ростовом конфликт великого князя Василия Дмитриевича с Великим Новгородом из-за черного бора и церковной подсудности новгородцев митрополиту привел к тому, что новгородские войска захватили и разорили не только приграничные Устюжну и Белоозеро, но и Устюг[70]. В такой ситуации неизбежно должны были пострадать и окружавшие его с запада и с севера волости, принадлежавшие ростовским князьям обеих ветвей. Причем это военное столкновение, как можно понять, было лишь одним из проявлений резко возрастающего в рассматриваемый период новгородского натиска на отдаленные северные владения Ростова, конфликты с Новгородом из-за которых фиксировались и раньше, в первой половине того же столетия. Судя по данным 1397 г., к примеру, прежде ростовская Челмахта, ранее принадлежавшая наследникам умершего в 1365 г. Константина Васильевича Ростовского, к этому времени уже, как выясняется, оказалась включена в состав новгородской Двинской земли, что было признано и в Москве[71]. По сведениям XV в. значительная часть северных земель, прежде входивших в состав Ростовского и Белозерского княжеств, так называемые «ростовщины» и «белозерщины», сменив прежних владельцев путем насильственных захватов и покупок новгородцами (нередко, как можно предположить, вынужденных для продавцов), к середине столетия уже давно находилась в собственности Новгорода и новгородских бояр[72].

В своем противодействии этому давлению новгородцев в Заволочье ростовская династия оказалась вынуждена опираться на московские силы, поскольку для самостоятельного ответа ее военный потенциал там уже явно был недостаточен. В результате именно заинтересованные в сдерживании Новгорода руками Москвы ростовские князья стали важнейшими действующими лицами в попытке Василия Дмитриевича в 1397 г. аннексии Двинской земли при опоре на тамошних бояр, которые предпочли изменить Новгороду. После перехода тех под покровительство Москвы старший сын правящего в Ростове князя Андрея Федоровича Федор Андреевич от имени великого князя присылается в двинский городок Орлец, исполняя там функции великокняжеского наместника в Подвинье и воеводы. Именно там Федор и был захвачен подошедшими отбивать отнятые Москвой свои отчины и дедины — волости Святой Софии и Великого Новгорода — новгородскими силами, которые перед этим повоевали владения

[70] НПЛ. С. 386.
[71] АСЭИ: В 3 т. М., 1964. Т. 3. № 7. С. 21.
[72] ГВНП. № 23. С. 42; № 27. С. 49.

великого князя в Белозерье, на Кубенском озере и в Вологде, а затем, спустившись по Сухоне, заняли Устюг, где простояли целых четыре месяца, все это время методично разоряя окружающие его территории[73]. Новгородцы после штурма Орлеца сохранили жизнь ростовскому князю и его дружине и отпустили Федора «на Русь», лишь изъяв незаконно полученные им с двинян судебные пошлины, а с отказавшимся от своих претензий на Двинскую землю великим князем ими в итоге был заключен мир «по старине». Спустя некоторое время, преследуя вверх по Двине изменившего Великому Новгороду Анфала Никитина, новгородская рать вновь подошла к Устюгу, куда бежал Анфал и где в этот момент находились брат князя Федора Юрий Андреевич и ростовский епископ Григорий[74]. Защитники города заявили о своем нейтралитете в соответствии с заключенным великим князем московско-новгородским миром, что, однако, не помешало устюжанам вступить в разгоревшееся вскоре сражение на стороне пытавшихся обороняться в наспех построенном выше по Сухоне городке Анфала и его дружины. Несмотря на это, новгородцы вновь одержали решительную победу. Столь продолжительные и интенсивные военные действия в регионе, неизменно неудачные для союзников Василия Дмитриевича, не могли не нанести серьезного урона северным владениям ростовских князей, располагавшимся как раз по пути новгородских войск. Московская попытка реванша в 1401 г., когда сторонники великого князя, в число которых вновь вошли и устюжане, молниеносным набегом с юга разорили владения Новгорода в низовье Двины, вновь обернулась мощным новгородским контрударом, в этот раз направленным со стороны еще не так давно находившейся в чересполосном ростовско-новгородском владении р. Ваги[75].

Завершившиеся миром безуспешные столкновения с Новгородом в отдаленном регионе для Москвы были лишь локальной внешнеполитической неудачей, но для вовлеченного в них ростовского княжеского дома их последствия представляли непоправимую катастрофу: подавляющее большинство принадлежавших ему волостей в Посухонье, Подвинье и Поважье неизбежно были затронуты военными действиями и разорены, а их значительная часть в итоге оказалась уже навсегда потеряна для ростовцев, попав в новгородские руки. Характерно, что даже собственные вотчины, принадлежавшие ключевому участнику событий, князю Федору Андреевичу, — простиравшиеся вверх по левобережью Двины от Ростовского погоста в сторону Устюга Заостровье, Кодима Пучуга и Юмыш — также оказались в итоге в собственности новгородцев, позднее принадлежа посадникам Якову Федорову и Василию Селезню[76]. К тому же еще и военно-политическая слабость династии, которая открыто проявилась в событиях 1390-х годов, своим непосредственным выражением имела переход реального, а вслед за тем и формального контроля над Устюгом, вторым городом Ростовского княжения, к его старшим партнерам — великим князьям. На этом, однако, полоса злоключений для ростовских князей не завершилась: 21 июня 1408 г. в Ростове случился крупнейший пожар: погибло более тысячи человек, обрушился городской собор, сгорели княжеские дворы. Летописец отметил, что подобного пожара в городе не бывало «за двѣстѣ лѣтъ»[77]. Характерно,

[73] НПЛ. С. 392.
[74] ПСРЛ. СПб., 2018. Т. 46. С. 67—68.
[75] НПЛ. С. 396.
[76] АСЭИ. Т. 3. № 16. С. 32.
[77] ПСРЛ. Пг., 1921. Т. 24. С. 174.

что последующее восстановление собора производится уже не на средства ростовских князей, предки которых покоились под его рухнувшими сводами с XIII в., а на деньги ростовского епископа Григория, который после нового освящения главного храма Ростова в 1412 г. строит еще и каменную церковь Благовещения в своем московском владении Дорогомилове, и для которого власть московских великих князей и митрополитов явно значит уже куда больше, чем власть местной династии его епархиального центра. Следует заметить, что к этому времени значительная часть территории Ростовской епископии, в том числе Углич и Белоозеро, уже находится под непосредственной властью московских князей, ростовский же княжеский дом уже давно не оказывал никакого влияния на выбор и назначение кандидатов на эту весьма значимую в иерархии тогдашней Русской церкви кафедру.

В конце того же 1408 г. отряд осадившего Москву Едигея разоряет и вновь сжигает Ростов, князь Андрей и епископ Григорий вынуждены при приближении татар бежать из еще не восстановленного после недавнего бедствия незащищенного города, для устройства надежных укреплений и для обороны которого у ростовских князей уже нет доступных ресурсов. Этой же зимой старый князь Андрей, родившийся еще во времена Александра Суздальского и Ивана Калиты, умирает. Власть в разоренном и утратившем свои силы княжестве переходит к его сыну Федору (старший сын Андрея, Иван, уделы детей которого обнаруживаются на берегах Сухоны, как видно, скончался еще раньше, чем его проживший весьма длинную для своего времени жизнь — около 80 лет — отец). Судя по всему, Москва в этой ситуации могла предложить своим верным и надежным, но оказавшимся в исключительно тяжелом положении союзникам в Ростове лишь одно — куда более тесную связь с великими князьями, предполагающую выгодные и почетные великокняжеские службы, связанные, однако, с неизбежным уже в ближайшей перспективе сокращением собственной власти ростовской династии в ее отчинном княжестве. Других вариантов явно так и не нашлось, и уже в 1409 г. старший сын и наследник главы Сретенской ветви Федора Александр из московской руки был прислан на освободившийся княжеский стол Пскова, который и занимал вплоть до 1412 г. После него туда же направляются Москвой и его сородичи из Борисоглебской ветви — сначала ее глава Андрей Александрович, а затем второй брат Федор Александрович[78].

Характерно, что псковское княжение в ранге наместников Василия Дмитриевича никак не сказалось на княжеском владетельном статусе ростовских князей на их родине: Андрей Александрович, к примеру, сохраняет за собой княжескую власть в Ростове, продолжает чеканить монету со своим именем, а позднее княжество переходит к его сыну Владимиру. В то же время ростовским князьям с их уже не слишком многочисленными силами приходится выступать и в других московских военно-политических начинаниях: 15 января 1411 г. они под началом великокняжеского брата Петра Дмитриевича вместе с ярославскими и частью суздальских князей принимают участие в сражении на Лыскове неподалеку от Нижнего Новгорода против Данилы и Ивана Борисовичей Суздальских, пытающихся вернуть себе свое отчинное и дединное нижегородское княжение. Весьма кровопролитная битва завершилась, однако, поражением сторонников Москвы[79]. В 1415 г. ситуация повторяется: с другим великокняжеским братом, Юрием Дмитриевичем, к тому же Нижнему Новгороду идут сыно-

[78] ПЛ. Вып. 1. С. 33—35, 38—39, 41; Вып. 2. С. 35—39, 42—44, 118—120, 125, 128.
[79] ПСРЛ. Т. 15. Стб. 485—486.

вья Владимира Андреевича Серпуховского Андрей и Василий, а также «костромская сила» и вновь те же ростовские и ярославские князья. В этот раз Данила Борисович и его суздальская братия не принимают боя и бегут, но вряд ли ростовцы в результате сумели хотя бы как-то компенсировать собственные потери от недавнего тяжелого поражения: сдавшемуся Нижнему Новгороду князь Юрий «не сътвори зла ничтоже», а догнать бежавших на Суру врагов москвичам и их союзникам так и не удалось[80].

Исключительно трудным для ростовских князей остается их положение и в остальном: в 1417 г. в результате очередного раунда московско-новгородского соперничества в Подвинье вновь оказывается разорен Устюг и окружающие его земли[81], а затем на Руси начинается тяжелая эпидемия чумы середины 1420-х годов, не обошедшая стороной и территории Ростовского княжения. Судя по всему, наполненная поражениями, потерями и катастрофами прошедшая четверть века радикально подорвала экономическое положение ростовских князей, что не могло не сказаться как на их военной и политической силе, так и на их способности исправно выплачивать ордынский «выход». К тому же, к концу первой четверти XV в. ростовский княжеский дом очень сильно изменился и в демографическом плане: вместо небольшой родственной группы — нескольких двоюродных братьев, представителей всего лишь двух семейств, власть в Ростове и еще сохраняющихся за ним землях из наследия Константина Всеволодича делят уже около трех десятков его потомков: сыновья и внуки Андрея Федоровича, а также внуки и правнуки Константина Васильевича, и все они еще и со своими семьями. Представить положение отдельных ростовских князей этого периода позволяют акты, связанные с внуком Андрея Федоровича князем Юрием Ивановичем Бохтюжским[82]. Он был сыном Ивана, старшего сына князя Андрея, и по наследству ему досталас не слишком населенная волость Бохтю га в верхнем течении Сухоны (неподале ку получил наследные земли и младши брат Юрия Федор Голеня). Немногочис ленный аппарат князя представляют во лостель Юрия, тиун и доводчики, приче в качестве судей в этой отдаленной лесно волости в актах фигурируют княжески волостель или даже сам князь, что совер шенно невозможно представить в это вре мя применительно к князьям московског дома, передававшим суд подобного уровн своим боярам и наместникам. Не имеетс никаких упоминаний о боярах князя Юри Ивановича. Возможно, этому князю такж могли принадлежать отдельные села в ро стовской округе и какая-то небольшая дол прав на городские пошлины или доходо от управления городом, но очевидно, что несмотря на свой титул и свой сохраняю щийся княжеский статус, князь Юрий сам по себе вряд ли мог обладать серьезным военно-политическим потенциалом. При мерно в том же положении находилис и прочие его многочисленные сородичи.

В ситуации, когда неблагоприятна политико-экономическая конъюнктур резко сократила финансовые возможност глав ростовского княжеского дома в отно шении обеспечения его младших членов неизбежно менялся и их собственный ре альный статус, и политические характери стики всей этой возглавляемой ими общ ности. Вместо обладающих значительным объемом личной политической власти вла детельных князей, правящих от имени всей династии, представленной служащими им и подчиняющимися им их младшими со родичами, как новое действующее лицо на

[80] ПСРЛ. Т. 15. Стб. 487.
[81] НПЛ. С. 407—408.
[82] АСЭИ. Т. 3. № 258—262. С. 278—280.

сцену выходит достаточно многочисленная корпорация (безымянные «князи ростовские», как их во множественном числе начинают именовать источники), для минимального поддержания своего социального статуса остро нуждающаяся в денежных средствах. Поскольку необходимые ее представителям доходы в имеющихся обстоятельствах уже невозможно получить с их собственных владений или из рук глав их княжеского дома, то ради обретения этих доходов они постепенно приближаются к готовности поступиться общими наследными властными правами и положением и идти к кому-то на службы.

Для нетитулованной знати Ростовского княжения, его боярства, сложившаяся ситуация была еще более тяжелой: продолжение службы своим разоряющимся князьям в значительной части случаев могло прямо угрожать сохранению общественного положения представителей боярских родов и их имущественным интересам. Не случайно, что в жалованной грамоте ростовскому боярину Илье Борисовичу упомянут красноречивый факт: свое село он получил в счет крупного долга ростовского князя Федора Александровича (в 1415—1417 гг. княжившего в Пскове, а затем постригшегося в монахи во время эпидемии)[83], который князь не смог вернуть боярину. Таким образом, сложившаяся обстановка со всей неизбежностью подталкивала политические элиты Ростова и в их титулованной, и в нетитулованной части к вынужденным изменениям в статусе и во внутреннем устройстве Ростовского княжения как особого государственно-политического образования.

Сообщения о самом событии перехода верховной власти к Москве источники не сохранили, но именно в конце 1410-х — начале 1420-х годов в Ростове навсегда прекращается чеканка собственной монеты — важнейший признак политической самостоятельности. Упоминавшаяся жалованная грамота ростовскому боярину Илье Борисовичу, прежде служившему ростовским князьям, была дана на принадлежащее боярину село в Ростове на основании предшествующей, выданной ему великим князем Василием Дмитриевичем[84]. В списке великокняжеских пожалований ростовским архиереям наиболее ранним по времени правления среди перечисленных в акте царя Ивана Васильевича 1555 г. оказывается тот же великий князь[85]. Таким образом, приходится предположить, что «старейшая» княжеская власть в Ростовском княжении, предполагающая, судя по всему, и исключительные права на сношения с ханами по поводу ярлыка на Ростов, и выплаты в Орду «выхода» с этого стольного города, переходит от ростовского княжеского дома именно к Василию Дмитриевичу. Наиболее вероятным временем для этого оказывается самый финал его великого княжения, незадолго до кончины 27 февраля 1425 г.[86] С учетом отсутствия упоминаний о принадлежности прав в Ростове этому великому князю в духовной грамоте Василия можно ожидать, что его соглашение с ростовскими князьями об их отказе от верховной власти было достигнуто уже после составления текста его последнего

---

[83] АСЗ: В 4 т. М., 1997. Т. 1. № 66. С. 56.

[84] Там же.

[85] *Стрельников С. В.* Ростовские грамоты XV—XVI вв. // РД. М., 2003. Вып. 9. С. 41.

[86] Позднейшее представление о переходе власти на половину Ростова к великим князьям еще при великом князе Иване Калите впервые фиксируется лишь в «Степенной книге царского родословия» 1560-х годов и, судя по всему, является реконструкцией ее авторов на основании использованного ими сообщения Жития Сергия Радонежского об утрате ростовскими князьями в это время «власти, княжения, имения, чести, славы и всего прочего» и о насилиях представителей Ивана Даниловича в Ростове после Федорчуковой рати, которое было соотнесено с также присутствующим в «Степенной книге» известием о продаже ростовскими князьями второй остававшейся за ними половины города великому князю Ивану Васильевичу.

завещания, к этому времени заверенного великим князем Витовтом, что могло препятствовать добавлению в завершенный текст дополнительных распоряжений, связанных с новоприобретенными правами в Ростове.

Возможным стимулом к принятию такого решения ростовской стороной могла стать ее весьма вероятная задолженность по платежам в Орду. Несомненным контрагентом Василия Дмитриевича в заключенной сделке выступали князья Сретенской ветви, с этого момента, в отличие от своих сородичей из Борисоглебской, больше не фигурирующие в качестве обладателей какой-то политической власти в Ростове. Однако нет возможности точно установить, был ли это еще Федор Андреевич или уже сын его Александр. Во всяком случае, известны ростовские денги с именем Федора, но не имеется монет, которые бы чеканились от имени его сына, в 1423/24 г. в очередной раз прибывшего от великого князя на стол Пскова, а затем княжившего там же еще и на протяжении 1427—1434 гг. Следует заметить, что собственные села с деревнями в непосредственно прилегающих к Ростову землях домена ростовских князей (известно о существовании там в середине XV в. «отчин» Голениных и Приимковых) и собственные весьма крупные волости в Присухонье (в таком качестве известны Бохтюга, Мола и Царева река) остаются за лишившимися политических правомочий в Ростовском княжении князьями Сретенской ветви и после их расставания с наследными владетельными правами. Северные земли, прежде «тянувшие» к Ростову, уже не имеют больше прямой политической связи с ним, и даже сохраняющиеся там в XV — первой половине XVI в. в собственности конкретных ростовских княжеских линий волости по мере пресечения этих линий переходят во владение великого князя. Более того, впоследствии даже и прежние вотчины ростовских князей в Подвинье и Поважье именно в связи с этим и переданные по условиям Яжелбицкого мирного договора 1456 г. ранее захватившим их Новгородом Москве после разбирательств по поводу их принадлежности, уже не возвращаются к здравствующим наследникам своих прежних владельцев, а остаются в великокняжеском распоряжении.

Сложно сказать, участвовали ли каким-либо образом непосредственно в этой сделке с Василием Дмитриевичем также и ростовские князья второй, Борисоглебской, ветви, однако, ни их собственной монеты после этого, ни свидетельств их прямых контактов с ордынскими ханами, ни каких-то их столкновений с Москвой также не фиксируется, при том, что за ними на протяжении еще полувека несомненно сохранялась их половина власти в городе и прилегающих к тому землях, предполагающая и сохранение за ними статуса владетельных ростовских князей.

Политическая ситуация в Ростове второй — третьей четвертей XV в. характеризуется верховной властью там великого князя: это выражается в упоминании Ростова в составе великокняжеского титула в договоре 1449 г. с Казимиром, в том, что в своем завещании Василий Васильевич свободно распоряжается Ростовом «и со всем, что к нему потягло, и с селы своими», и в упоминаниях летописей и актов начиная с 1430-х годов о присутствии в городе великокняжеских наместников[87]. Но полнота власти московского князя в Ростове, судя даже по позднейшим источникам середины — третьей четверти столетия, остается несколько ограниченной: она сосуществует с сохраняющейся в некоторой своей части властью и ростовских князей Борисоглебской ветви. Как обладатели доли судебной власти в городе «князи ростовские» названы в жалованной грамоте великого князя Василия Васильевича,

[87] ДДГ. № 53. С. 160; № 61. С. 195; АСЗ. Т. 1. № 66; ПСРЛ. Т. 25. С. 250.

выданной троицкой братии на ростовский монастырский двор, при этом в акте они даже поставлены на первое место, перед великокняжескими «вопчими судьями», вместе с которыми судят[88]. В аналогичном контексте «князи ростовские» упомянуты и в духовной грамоте того же Василия 1461—1462 гг., где говорится, что в то, что они в Ростове «держат» и «ведают» при великом князе Василии, нельзя будет впоследствии вступаться и его наследникам, а также в позднейших подтверждениях другого акта великой княгиней Марией Ярославной, где «князи ростовские», так же, как и наместники великой княгини, не должны вступаться в ростовское село получателя пожалования[89]. Последнее свидетельствует о сохраняющемся, несмотря на очевидное политическое верховенство Москвы, распространении определенных административно-судебных прав ростовских князей не только на сам Ростов, но и на окружающие город земли.

То, что по-прежнему принадлежащие в Ростове и его округе в середине — третьей четверти XV в. ростовским князьям полномочия носят именно политический характер, и что несмотря на переход старейшего княжения в Ростове к великим князьям они по-прежнему остаются владетельными князьями в этой своей отчине, четко отражено в надписи на кресте, поставленном в ростовском храме Воскресения известным великокняжеским дьяком Степаном Бородатым над гробом его сына Ильи. Там сообщается о погребении Ильи 7 ноября 1458 г. при «великом княз(е) Васільи Васільевіч(и) всея Рус(и) прі вѣликом княз(е) Иванѣ Васільевіч(и) при мітрополит(е) Ионѣ всея Рус(и) при къняз(е) Володімерѣ Андрѣевіч(и) Ростовьском и при ег(о) брат(ии) и при архіеп(и)с(ко)пѣ Фewд(о)сі(и) Ростовьском»[90]. Согласно надписи, заказанной крупным московским администратором, как великий князь, так и князь Владимир Андреевич Ростовский в этот момент именно правят, и их правления определяют дату события. Таким образом, Ростовское княжение в это время продолжает свое существование, и частью власти в нем по-прежнему обладают представители местной династии, потомство Константина Всеволодича. Владимир Андреевич принадлежит, как и его отец Андрей Александрович, к возглавляемой им Борисоглебской ветви, которая и выступает в приведенной надписи как «его братия» или, в других источниках, как «князи ростовские».

Следует, однако, заметить, что свои коррективы в эту идеальную схему, сложившуюся после получения прав в Ростовском княжении великими князьями, не могли не вносить мощные внешние обстоятельства. Особую роль тут сыграли то затухающие, то разгорающиеся вновь династические конфликты внутри московского княжеского дома на протяжении 1433—1453 гг. Ростов стоял на главном пути к Москве с северо-востока, из галичских владений Юрия Дмитриевича и его сыновей. В результате уже первое военное столкновение между Василием Васильевичем и Юрием весной 1433 г. начинается с того, что получивший весть о приближении войска галичан ростовский наместник великого князя Петр Константинович Добрынский бежит из Ростова в Москву, даже не пытаясь оборонять свой по-прежнему слабозащищенный город. Уже вскоре целых три крупнейшие битвы в ходе этих конфликтов — у Николы на Горе 20 марта 1434 г., между Кузьминским и Великим селом 6 января 1435 г.

[88] АСЭИ. М., 1952. Т. 1. № 107.

[89] ДДГ. № 61. С. 195; АСЗ. Т. 1. № 66.

[90] *Николаева Т. В.* Произведения русского прикладного искусства с надписями XV — первой четверти XVI в. М., 1971. С. 92—94. С. 166. Табл. 66; ПЛ. Вып. 1. С. 61—63; Вып. 2. С. 52, 149, 150. Подробнее см.: *Городилин С. В.* Ростовский князь Владимир Андреевич и его недолгое псковское княжение // Труды ИРИ РАН. 2021. Вып. 16. С. 84—92, 101—105, 111—133; ПСРЛ. М.; Л., 1959. Т. 26. С. 104.

и у Покрова в Скорятине на р. Лиге 14 мая 1436 г. — одна за другой происходят неподалеку от Ростова, в коренных землях Ростовского княжества. Летописец особо отмечает, что Василий Юрьевич Косой, в начале 1436 г. решивший расторгнуть перемирие с великим князем Василием Васильевичем и двинувшийся из Дмитрова через земли Ростова к Костроме, по пути «владыку ростовьскаго, идучи, пограбилъ». Происшедшее можно счесть осознанным поступком, местью со стороны галичского князя, связывавшего, как можно ожидать, случившуюся перед этим попытку покушения на его жизнь в Устюге в пасхальную ночь именно с окружением ростовского владыки Ефрема (вскоре тот же князь Василий Юрьевич еще и повесил захваченного им устюжского владычного десятильника Иева Головачева). Однако это именно особый случай грабежа как мести, все же прочие рати, под самыми разными стягами на протяжении почти трех десятилетий во второй четверти — середине XV в. так же проходившие через ростовские земли или сталкивавшиеся в них между собой в непримиримой борьбе, тоже с неизбежностью разоряли и грабили эти места и их население без какой-то специальной цели по законам войны, чтобы обеспечить себя добычей, пропитанием и фуражем, и это в силу своей обыденности оставалось вне сферы интересов летописцев.

Характерно, что ростовские князья, известия о власти которых в Ростове появляются в источниках эпохи после завершения династических столкновений внутри московского княжеского дома, в предшествующих рассказах о событиях этих конфликтов, в том числе и прямо касающихся их собственной ростовской округи, а также Вологды, Устюга и Кокшеньги, между которыми располагались все еще остающиеся за ними осколки их некогда обширных северных земель, не упомянуты ни разу. Судя по всему, это связано с минимальностью бывших в их распоряжении военных сил в сравнении с борющимися сторонами династической войны: ни как-то проявить себя в этих событиях в качестве самостоятельных участников, ни даже попытаться защищать свои личные владения от разорения им не пришлось и в той минимальной мере, которая обеспечила летописные сообщения о такого рода акциях их соседей — ярославских князей — в стольном Ярославле и в далеком северном Заозерье.

Вместе с тем то обстоятельство, что и сохраняющая по завершении московской усобицы свою долю власти в Ростове Борисоглебская ветвь местной династии, и продолжающие владеть собственными селами и волостями представители ее старшей Сретенской, ветви не были лишены победившим в борьбе за великое княжение Василием Темным своих отчин и своих прерогатив и не подверглись каким-то репрессиям должно свидетельствовать о том, что в своей массе ростовские князья обеих ветвей достаточно уверенно держались в этой борьбе стороны сына Василия Дмитриевича, хотя и не сыграли столь важной роли, чтобы быть упомянутыми летописанием, или, во всяком случае, сохраняли нейтралитет, не вставая открыто на сторону Юрия Дмитриевича и его потомства. Случайно фиксируемый актами в качестве вначале покупателя, а затем продавца и вкладчика небольшой, но ценной подгородной вотчины в великокняжеском Бежецком Верхе князь Дмитрий Щепа, сын Александра Федоровича Ростовского, вместо наследной власти в Ростове вплоть до 1434 г. занимавшего полученный из московской руки стол Пскова, насколько можно судить с учетом переходов власти в бежецких землях из рук в руки в ходе династических конфликтов, оказался там как представитель Василия Васильевича[91]. Однако при каких-то обстоятельствах (может быть, связанных с поиманием этого князя в Троице-

[91] АСЭИ. Т. 1. № 147, 148; *Каштанов С. М.* Очерки русской дипломатики. М., 1970. № 5, 16.

Сергиевом монастыре в 1446 г.) Дмитрий вскоре оказался вынужден срочно расстаться с купленной вотчиной и навсегда покинуть Бежецкий Верх. Возможно также предположение и по поводу другого ростовского князя, дяди Дмитрия Щепы, Дмитрия Федоровича Приимка, в середине XV в. сохранившего и передавшего потомкам села с деревнями в ростовской округе, которого можно соотнести с упоминаемым в «Инока Фомы слове похвальном» одним из воевод великого князя тверского Бориса Александровича князем Дмитрием Федоровичем[92]. Таким образом, ростовские князья хотя и вынуждены были так или иначе участвовать в военных столкновениях рассматриваемого периода, серьезной роли в нем как самостоятельная общность не сыграли, что объяснимо как и их сложным экономическим положением к началу московской усобицы, так и продолжавшимся в ее ходе повальным разорением их собственных наследных земель, ставшим преградой для восстановления их экономического и военно-политического потенциала после тяжелой для них первой четверти столетия и не позволившим им вернуть в ходе развернувшихся событий хотя бы часть былого влияния.

Впрочем, после окончательной победы Василия Темного над Дмитрием Шемякой и восстановления стабильности в землях великого княжения возглавляемые Андреем Александровичем, а затем сменившим его сыном Владимиром Андреевичем «князи ростовские» Борисоглебской ветви вновь занимают свое специфическое место в тогдашней политической структуре Ростовского княжества. Насколько можно судить, многочисленные младшие сородичи князя Владимира играли в ней ту роль, которую при нормальном раскладе играла бы нетитулованная знать, его бояре, выполняя в Ростове от имени своего главы судебные функции (что обеспечивало их долей от пошлин) и играя значимую роль в его войске. Одновременно в городе сидели и наместники великого князя, а определенная часть ростовской нетитулованной знати подобно боярину Илье Борисовичу стала теперь служить великому князю, те же, кому не находилось места на княжеской службе, могли пойти на службу к епископу или попытаться искать счастья в других землях. Следует заметить, что, несмотря на политические трансформации, массового перехода владений коренной ростовской знати к выходцам из московских великокняжеских земель вплоть до начала 1460-х годов не фиксируется (возможно, этому мешали постоянные военные столкновения и общая нестабильность)[93], хотя собственные села не только самого великого князя, но и его служилых людей, таких как Владимир Андреевич Зворыкин, уже начинают появляться в Ростовской земле. В целом, несмотря на свои особенности, политическая структура Ростовского княжения во второй — третьей четверти XV в. находит параллели в устройстве великого княжения Рязанского, где с 1503 г. вплоть до конца его независимого существования великим князьям принадлежала полученная ими по завещанию Федора Васильевича Рязанского доля этого князя, составлявшая треть в княжестве, и где в числе служилой знати, подобно Ростову, присутствовали как люди великой княгини рязанской Аграфены, так и те «рязанцы дворовые и городовые, которые служат великому князю», т. е. московскому великому князю Василию Ивановичу.

Ростовские князья Борисоглебской ветви, возглавляемые Владимиром Андрееви-

[92] АСЭИ. Т. 1. № 562. С. 440; Инока Фомы слово похвальное о благоверном великом князе Борисе Александровиче / Сообщ. Н.П. Лихачева. СПб., 1908. С. 47. (ПДПИ; Вып. 168). См. также: *Городилин С. В.* «Ростовци, которые служат великому князю»: К вопросу о Ростове как удельном центре великого княжения Московского второй половины XV в. // Сообщ. Ростовск. музея. Ростов, 2019. Вып. 25. С. 38, примеч. 84.

[93] *Городилин С. В.* «Ростовци, которые служат великому князю». С. 14—41.

чем, в отдельности не встречаются на великокняжеской службе вплоть до конца независимости Ростова, что вынуждает считать, что эта корпорация сохраняла свою целостность под началом князя Владимира. Вместе с тем сложившаяся ситуация позволяла всем заинтересованным сторонам составить ясное представление о перспективах ее развития, и вряд ли кто-то из состава ростовской знати в середине — третьей четверти XV в. мог рассчитывать на усиление роли ростовских князей в их отчине или на возможность выхода Ростова из-под великокняжеского контроля. Судя по тому, что весной 1461 г. после почти четвертьвекового перерыва из Москвы на освободившийся после отъезда Ивана Васильевича Стриги Оболенского псковский стол вновь направляется князь, принадлежащий к ростовскому дому, — теперь это сам Владимир Андреевич Ростовский, — при великокняжеском дворе могли рассчитывать на то, что с оставшимися правами Борисоглебской ветви на половину Ростова все должно сложиться примерно так же, как и ранее с правами Сретенской, глава которой Александр Федорович, расставшись с властью в Ростове, княжил потом в уже хорошо знакомом ему Пскове[94]. Если такие планы действительно были, то можно отметить и еще одно сходство с предшественником Василия Темного на великокняжеском столе Василием Дмитриевичем: как и отец, великий князь решил всерьез заняться политической ситуацией в Ростове к самому концу своего правления.

Впрочем, в этот раз все сложилось иначе: 27 марта 1462 г. Василий Васильевич скончался, не успев завершить приобретение Ростова, начатое полувеком ранее. В соответствии с его завещанием, как уже говорилось, принадлежащие московским князьям права в Ростове должны были перейти вдове Василия, великой княгине Марии Ярославне (разумеется, за исключением прав сношения с Ордой и возможност распоряжаться получаемым ей в пожиз ненное владение Ростовом). В реально сти, однако, взявший на себя реализаци отцовской воли новый великий князь Ива Васильевич направил в Ростов своих пред ставителей, которые начали там проверк владельческих прав местных собственни ков, а также стал выдавать пожаловани на ростовские земли от своего имени, по контроль же великой княгини Ростов бы передан им лишь спустя несколько лет Сложившееся положение, судя по всему оказалось слишком беспокойным для нахо дящегося в это время в Пскове Владимир Андреевича Ростовского: в его отчинном городе, который оставался для него столь ным, происходили серьезные перемены на которые он не мог не только повлиять но даже оперативно реагировать. Кроме того, псковичи начали активно готовить ся к войне с ливонскими соседями, кото рая в это время не входила в намерения ни Владимира Ростовского, ни прислав шей его на княжение московской власти В результате князь, явно уже куда более озабоченный далеко не псковскими инте ресами, в самом начале осени был с позо ром лишен правомочий во Пскове — его даже столкнули на вече «с степени», чего ранее не случалось ни с кем из княживших на псковском столе — и был вынужден уехать восвояси. Случившийся инцидент в псковско-великокняжеских отношени ях, однако, был быстро заглажен, так как причиной его послужило лишь недовольство псковичей тем, как себя в отношении к ним повел князь Владимир, что не предполагало их антимосковских устремлений, и вскоре к ним прибывает новый великокняжеский наместник. Владимир Андреевич же вернулся в Ростов, и судя по тому, что на протяжении 12 лет о нем больше не слышно, он спокойно пребывал на своем

[94] Подробнее см.: *Городилин С. В.* Ростовский князь Владимир Андреевич и его недолгое псковское княжение. С. 84—145.

княжении, возглавляя князей своей ветви и взаимодействуя с великокняжескими наместниками в управлении городом.

Принявшая на себя власть в Ростовской земле Мария Ярославна, впервые посетив Ростов лишь в 1472 г., активизирует там свою земельную политику. Ее ростовские наместники и судьи контролируют все сделки с недвижимостью, что позволяет ей через своих дьяков активно и, видимо, выгодно скупать села и деревни, меняющие в то время своих владельцев. Как раз тогда, после перехода Ростова Марии, его начинает массово покидать местная знать, и титулованная, и нетитулованная. Князь Андрей Федорович Голенин из Сретенской ветви, отказавшись от своей ростовской вотчины, уходит на службу в Волок ко князю Борису Васильевичу, князья из Борисоглебской ветви продают часть своих сел выходцам из Костромской земли, служилая ростовская знать, понимая, что при дворе вдовствующей великой княгини шансов на карьеру уже нет, также вынуждена искать себе других господ, в том числе и за пределами Ростова. Интенсивно приобретать высвобождающиеся земли принимаются и представители первостатейных московских служилых родов — в их числе Плещеевы и Тучко-Морозовы. Большое число приобретенных на имя Марии Ярославны сел в Ростове великая княгиня вскоре передала своему сыну Андрею Васильевичу Большому, центр удела которого располагался в соседнем Угличе. Сложно сказать, привлекли ли к ситуации в Ростове внимание следящего за усилением своего младшего брата и возможного претендента на престол великого князя эти ее действия, или о ростовских князьях и по-прежнему сохраняющихся за ними правах в Ростове, превратившихся уже в реликт далекого прошлого, вспомнили в связи с походом московских войск под началом князя Данилы Холмского ко Пскову в конце 1473 г., который завершился знаменитым «Даниловым миром» 7 января 1474 г. и в котором участвовали и ростовцы. Во всяком случае, ростовская владычная летопись сообщает, что «тое же зимы продаша великомоу князю Ивану Васильевичю князи Ростовьскіе свою отчиноу, половиноу Ростова съ всѣмъ, князь Володимеръ Андрѣевичь и братъ его князь Иван Ивановичь и съ всѣми своими дѣтми и з братаничи; князь же великіи, купивъ оу нихъ, дасть матери своей ту половину, великой княгинѣ Марьи»[95]. Для современного событию московского летописания случившееся, впрочем, не представилось имеющим особое значение, поскольку не сопровождалось какими-то конфликтами и, по большому счету, носило формальный характер, лишь в небольшой степени изменив статус-кво. Однако постепенно, по мере формирования образа Ивана III как собирателя русских земель, это известие начинает помещаться в ряд с сообщениями о других подобных мероприятиях этого великого князя, имевших как насильственный, так и вполне мирный характер, появляясь и в посвященной правлению Ивана Васильевича грани «Степенной книги царского родословия»[96].

Достаточно подробное известие Типографской летописи позволяет реконструировать политическую ситуацию в Ростове к моменту окончательного прекращения там власти представителей ростовской княжеской династии. С учетом того, что свои права ростовские князья именно продают, речь идет об унаследованной ими от предков политической власти в Ростове: эта власть принадлежала им, а не была пожалована им великим князем, поскольку в противном случае невозможной стала бы и ее продажа. Продаваемая власть принадлежит не одному только правящему в настоящий момент князю, но всей

[95] ПСРЛ. Т. 24. С. 194.

[96] Степенная книга царского родословия: По древнейшим спискам: В 3 т. М., 2008. Т. 2. С. 247.

возглавляемой им ветви, соответственно, специально упомянут и второй князь, имевший наибольшие после Владимира Андреевича права на Ростов, — его двоюродный брат Иван Иванович, так же, как и Владимир, внук Александра Константиновича, а также сыновья и многочисленные племянники этих князей. Параллелью рассматриваемой сделке может служить ситуативно и хронологически близкая продажа великому князю Василию Васильевичу Ярославля столь же лояльным Москве ярославским княжеским домом, когда «все князи ярославские простилися со всеми своими отчинами на век, подавали их великому князю Ивану Васильевичю, а князь великий против их отчины подавал им волости и села»[97].

Спустя некоторое время после расста вания с властью представители князей ро стовских уже начинают фиксироваться н великокняжеских службах, а сыновья Вла димира Андреевича даже достигают вы сокого боярского статуса и так же, как и: отец и дед, некоторое время занимают кня жеский стол в Пскове. После присоедине ния Новгорода значительная часть ростов ской знати, в том числе и многие из тамош него княжеского рода, получают крупны поместья в Новгородской земле, и некото рые княжеские семьи окончательно туд перебираются. Ростов же до 1484 г. оста ется за великой княгиней Марией Ярослав ной, входя как важная часть в ее обширны удел, но уже больше не играет никакой са мостоятельной роли.

Тверское княжество

В 1365 г., судя по титулованию в летописях, великим князем тверским, по крайней мере де-факто, стал Михаил Александрович[98]. Этому способствовали личные качества князя и целый ряд обстоятельств.

Для характеристики этой политической фигуры необходимо вспомнить о его чуть более ранних действиях. Летописи о таковых начинают сообщать с 1362 г. Рогожский летописец указывает, что князь «ездилъ в Литву о миру и взял миръ съ Олгердомъ»[99]. Заключение этого мира было, видимо, актуальным в связи со случившейся зимой 1362 г. агрессией Литвы, захватившей некие тверские волости[100]. Едва ли эти «волости» имели отношение к Микулинскому уделу князя (в таком случае Ольгердовы войска должны были продвинуться далеко на территорию Тверско го княжества). Михаил действовал в инте ресах Тверской земли в целом, поскольк именно он мог добиться успеха в силу род ственных связей с княжеским домом Оль герда. Ольгерд был женат на сестре Алек сандровичей Ульяне. Кроме того, Михаи и Ольгерд были связаны родством с ниже городским княжеским домом. Женитьб Михаила в Нижнем Новгороде в 1352 г. н Евдокии, дочери князя Константина Васи льсвича, практически совпала по времен со свадьбой дочери Ольгерда и сына тог же Константина Васильевича Бориса.

Успех в заключении мира усилил пози ции Александровичей. К тому времени вс владения Александровичей имели едино управление, осуществляемое Всеволодом

[97] ПСРЛ. Т. 23. С. 157—158.

[98] Этот же год имел в виду как год вступления на тверской стол и панегирист, написавший Похвальное слово на преставление Михаила Александровича, которое читается в Рогожском летописце. Здесь говорится, что он умер в 1399 г., «добрѣ удръжавъ столъ Тфѣрьскыи лѣтъ 34» (ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 167).

[99] Там же. Стб. 73.

[100] Там же. Стб. 72.

и матерью княгиней[101], но в 1360-х годах, с отходом Всеволода от активной деятельности, лидерство начинает переходить к Михаилу.

Во время эпидемии чумы в Тверском княжестве (конец 1365 — начало 1366 г.) умерли мать Михаила Анастасия (20 ноября 1365 г.), старший брат Всеволод Александрович Холмский (8 января 1366 г.) и двое младших братьев. В результате Михаил Александрович получил возможность распоряжаться Холмским княжеством и владениями своих младших братьев. В эпидемию умер и двоюродный брат Михаила Александровича князь Семен Константинович, завещавший свою часть клинских земель Михаилу в обход родного брата князя Еремея Константиновича и дяди Василия Михайловича. Предвидя реакцию ближайших родственников Семена Константиновича, Михаил Александрович «нарядилъ Городокъ новыи на Волзѣ»[102]. В споре о клинском наследстве тверской епископ Василий и население Твери выступили на стороне Михаила Александровича. Владыка «по митрополичю приказу» должен был рассудить конфликтующих членов тверского княжеского дома. Епископ Василий «оправил» Михаила Александровича, чем вызвал недовольство Москвы. Продолжение этого конфликта зафиксировано под 1367 г.: Михаил Александрович уехал в Литву, а представители другой стороны инспирировали вызов «приставомъ митрополичимъ» «на Москву на соуд перед митрополита» тверского владыки, «что ихъ судилъ о чясти о княжѣ о Семеновѣ. И тако на Москвѣ про тотъ судъ владыцѣ Василию бышеть истома и проторъ великъ»[103]. По свидетельству «Предисловія лѣтописца княженія тферскаго благовѣрныхъ великыхъ князей тверскыхъ»[104] супруга Василия Михайловича Елена, побуждая его к действиям против Михаила, утверждала, что племянник «хощеть княжи(ти) на град(ѣ) семъ», и позиции его весьма серьезные: он «старшаго ти брата сынъ, и естъ муж добліи, сладокъ всѣмъ, и весь градъ Тверскыи любитъ его»[105].

Василий Кашинский, войдя в Тверь, «многымъ людемъ сотвориша досадоу бесчестиемъ и моукою, и разграблениемъ имѣниа, и продажею бес помилованиа». Затем князь Василий с князем Еремеем и сыном Михаилом идет к Городку, приведя с собой московскую рать. Город не взяли, но «мнози тогды в полонъ поведени быша, а рать московьскаа и волочане тако извоевали тфѣрьскыи волости на сеи сторонѣ Волги и церковныи волости святаго Спаса, великоу изгыбель сотворили христианомъ»[106]. Василий Михайлович поступает с тверичами и жителями других тверских городов, как с врагами. Это, в свою очередь, свидетельствует о том, что они даже в столь критической ситуации оставались верны Михаилу Александровичу и не перешли на сторону его противника.

В октябре того же года ответные действия Михаила, пришедшего с литовскими войсками на тверские земли, привели к пленению супруги и бояр князя Василия. Войска Михаила двинулись к Кашину. Однако Василий Михайлович отправил навстречу ему послов, и при посредничестве тверского епископа был заключен мир.

Тогда же (в 1367 г.) московский князь и митрополит позвали Михаила Александровича в Москву «по цѣлованию любовию, а съдумавъ на него съвѣт золъ»[107]. А когда

---

[101] Анастасия также укрепляла связи с литовскими родственниками: в 1364 г. она вернулась от Ольгерда с внучкой, и последнюю крестил в Твери митрополит Алексий.

[102] ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 81. Ныне Белый городок Кимрского района.

[103] Там же. Стб. 84.

[104] Нарративно-панегирический текст в Тверском сборнике.

[105] ПСРЛ. Т. 15. Стб. 468—469.

[106] ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 84.

[107] Там же. Стб. 87.

Михаил приехал, его вероломно арестовали. Арестовали и его бояр, «розно разведоша», добиваясь, видимо, согласия на передачу Еремею Городка и Семеновой отчины. Михаила отпустили в связи с приездом посольства Орды, по-видимому, считая, что даже ордынцам такие действия могут показаться неприемлемыми. Части бывших владений Семена князь Михаил лишился.

В 1368 г. Дмитрий Иванович Московский предпринимает поход на Тверь, Михаил поехал в Литву звать на подмогу своего зятя Ольгерда. Ольгерд идет на Москву с братом Кейстутом и его сыном Витовтом, к союзникам присоединяются смоленские рати. Войска разоряют московские территории, «учинив лихо за лихо». Результатом так называемой «Первой литовщины» было возвращение Михаилу Александровичу всех отобранных владений, а Еремей был отправлен в Тверь.

В 1369 г. Михаил Александрович строит в Твери деревянные укрепления. Действия князя были небезосновательными: посольство Михаила, отправленное им к Дмитрию «любви крѣпити», было отослано обратно, а сам Дмитрий Иванович сложил с себя крестное целование. Московские силы двинулись в тверские пределы, они грабили территории великого тверского князя. Предвидя подобные действия Москвы, Михаил, видимо, обратился в Орду для подтверждения своего статуса. Ярлык привезли в Тверь уже во время военных действий. Сам Дмитрий приблизился к Твери, захватил Микулин и Зубцов. Второй приход Ольгерда с Кейстутом к Москве (1370) закончился перемирием и договоренностью о браке дочери великого князя литовского с Владимиром Андреевичем Серпуховским.

В начале 1371 г. Михаил отправился в Орду, где получил ярлык на великое владимирское княжение от Мухаммед-Булака 10 апреля вместе с ханским послом Са рыхожей он приезжает в Тверь, а затем отправляется во Владимир. Дмитрий же несмотря на требование ордынского по сла, «не сступися ему» и во Владимир Ми хаила не пустил. Михаил Александрович собрав войско, пошел на Кострому, но, не дойдя до нее, «увернуся», взял Мологу сжег ее и другие города, а также Бежецкий Верх, и 23 мая возвратился в Тверь. При этом тверской князь не захотел принять военную помощь Орды для того, чтобы укрепиться на владимирском столе. Твер ской летописец передает слова «окаанны измаилтян»: «дали бы есми тебѣ княжени великое, и рать есми тебѣ давали, и ты не захотѣлъ...»[108].

Известно, что в 1371 г. Михаил Алек сандрович посылал некую жалобу на ми трополита Алексия в Константинополь Возможно, эти действия шли в одном ряду с обращением в том же году к патриарху Филофею литовского великого князя Оль герда, который просил поставить вместо митрополита Алексия особого митрополи та на Киев, Смоленск, Тверь, Малую Русь Новосиль, Нижний Новгород[109]. Однако лишь действия Михаила имели результат Алексию было предписано снять отлуче ние с тверского князя и епископа и пред принять шаги к примирению с Михаилом Александровичем.

15 июня 1371 г. уже Дмитрий Ивано вич отправился в Орду, где щедро одарил хана и получил новый ярлык на великое княжение.

В этих условиях была составлена дого ворная грамота Михаила Александровича с Новгородом «О рубеже»[110], поводом для заключения которой стали нападения и на определенное время захват князем Михаи-

[108] ПСРЛ. Т. 15. Стб. 430.

[109] См.: РИБ: В 39 т. 2-е изд. СПб., 1908. Т. 4. Прилож. Стб. 140.

[110] По уточнению В. А. Кучкина, грамота датируется временем после 15 июня до октября 1371 г. (*Кучкин В. А.* Договорные грамоты московских князей XIV в.: Внешнеполитические договоры. М., 2003. С. 94).

лом Бежецкого Верха. Впрочем, по справедливому мнению В. Л. Янина, этот договор «носит условный характер»[111], поскольку завершается грамота именно условной формулой: если Михаилу «вынесуть» из Орды княжение великое — «нам еси князь великыи», если же не вынесут, то наместники князя должны идти «проць» из Новгорода и новгородских пригородов[112].

Вражда Твери с московским князем продолжилась. На Бежецкий Верх Дмитрий наслал рать, там был убит Михайлов наместник, пограблены ближайшие территории. Михаил же послал свои рати на Кистьму, захватил там местных воевод. В этих условиях и кашинский князь Михаил Васильевич сложил крестное целование к Михаилу и поехал в Москву.

Весной следующего года Михаил Александрович, повоевав Дмитров, с литовскими и полоцкими союзниками, которые до этого ходили на Переяславль, пошел к Кашину. Он взял с города окуп, а кашинского князя вернул в свое подчинение.

В том же году в начале Петровского поста новоторжцы при поддержке новгородцев «заратишася съ княземъ с великим с Михаилом съ Александровичем, намѣстника его съслаша, а тфѣричь изнимаша и биша, а лодьи их пограбиша». Со стороны Михаила Александровича последовали ответные действия: 31 мая он подступает к Торжку и посылает в город с требованием: «Кто моих тфѣричь билъ и грабилъ, тѣх ми выдаите, а язъ оу вас не хочю ничего, а намѣстника моего посадите»[113]. Он требовал восстановления своих прав, подчеркивая, что «Тверская держава» не оставит безнаказанными «обиды» тверичей. Он ждал до утра, но новоторжцы предпочли биться и в первой же схватке были побеждены тверскими войсками. Торжок был сожжен.

А в июле 1372 г. тверские войска соединились с литовскими около Любутска, чтобы двинуться к Москве. Навстречу выступил Дмитрий Иванович. Стояние около Любутска продолжалось несколько дней и окончилось перемирием, которое было заключено в конце июля. Перемирная московско-литовская грамота касалась и Михаила Александровича. Ольгерд был обязан обеспечить возврат Михаилом пограбленного в «отчине» московского князя и в «великом княжении» начиная с зимы 1368/69 г. Возврат предполагался «по исправѣ». Подкреплялась эта статья и другой, где говорилось, что кроме послов, «тфѣричемъ нѣтъ дѣл» в великом княжении, а москвичам — в Тверском. Если Михаил Александрович попытался бы посадить своих наместников на этих территориях, Дмитрий мог их «сослати доловъ» и даже применить насилие. Ольгерд же впредь не мог оказывать военную помощь Михаилу против Дмитрия.

Согласно условиям заключенного мира Михаил Александрович свел наместников с территорий великого княжения (в данном случае речь шла о Торжке). В Твери же рыли ров и сыпали вал «от Волги до Тмаки», готовясь к обороне.

В 1373 г. Михаил Васильевич Кашинский умер, а Василий, его сын, «по одиному слову с бабою съ княгинею со Оленою и з бояры с кашиньскими приехал въ Тферь къ князю к великому Михаилу с челобитиемъ и вдашася въ его волю». Но уже на следующий год кашинский князь «ступил со Тфѣри на Москву ко князю к великому Дмитрию»[114].

В 1374 г. в Тверь приезжают митрополит Алексий и будущий митрополит Киприан, тогда в качестве патриаршего посланника. Они ставят на епископскую кафедру влады-

[111] *Янин В. Л.* Новгородские акты XII—XV вв.: Хронологический комментарий. М., 1991. С. 167.
[112] ГВНП. № 15. С. 30.
[113] ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 101.
[114] Там же. Стб. 105.

ку Евфимия. Состоялось знакомство Михаила Александровича с Киприаном, установившиеся их добрые взаимоотношения оказались в дальнейшем полезными для обеих сторон[115].

Великокняжеские амбиции проявились в действиях Михаила Александровича в 1375 г., когда он, поддавшись на авантюрные предложения Ивана, сына московского тысяцкого Василия Вельяминова, перебежавшего от московского князя в Тверь, и прибывшего с ним вместе Некомата-сурожанина, поехал в Орду, а затем получил ярлык на великое владимирское княжение из рук вернувшегося позже из Орды Некомата.

Получив ярлык, Михаил заручился поддержкой Ольгерда, сложил крестное целование к Дмитрию Ивановичу и послал наместников в Торжок. Дмитрий Иванович с многочисленными союзниками, которых он разными путями объединял все предшествующие годы под своей рукой, двинулся на Тверь, опустошая территории княжества. 1 августа был взят Микулин, 5 августа союзные войска подошли к Твери, пожгли посад, а 8 августа двинулись на приступ. Тверичи отбились, москвичи отступили от города, и началась осада. Вскоре подтянулись новгородские войска. Князь Дмитрий стоял под Тверью около месяца, опустошая Тверское княжество. Ситуацию усугубил «моръ на люди и на скотъ»[116]. Михаил Александрович, «свое изнеможение видя», послал владыку и бояр к Дмитрию просить мира. 1 сентября 1375 г. был заключен договор между Москвой, Новгородом и Тверью, фиксирующий условия этого мира.

По договору 1375 г., подписанному на ус ловиях Дмитрия Донского как победителя великий князь тверской ущемлялся не толь ко в свободе внешнеполитических действи и объявлялся «молодшим братом» Дмитрия но и нес непосредственные материальны потери, утрачивал Кашинский удел и волост Ракитну. Московская сторона диктовала ус ловия, спешила получить от Твери максимум в краткие сроки: «А отъдати ти все по Семен дни за недѣлю»[117]. Как показано В. А. Кучки ным, имеется в виду условие возвращени награбленного тверской стороной в течени недели после Семенова дня (1 сентября)[118].

Таким образом, действия Михаила Алек сандровича до переломного 1375 г. были решительными и порой рискованными в первую очередь, направленными на борь бу с Москвой. В 1380-е годы его политик становится иной. После проигранной вой ны 1375 г. Тверь не воевала, и это позволило аккумулировать материальные ресурсы для внутреннего развития княжества. Осваива ются новые земли для хлебопашества, расту города. В завещании Михаила впервые упо минаются Вертязин (Городня), Опоки, а так же Въбрань и Радилов. Развивается церков ное строительство[119]. В том же году во вла дение великого тверского князя возвращается Кашин, поскольку Василий Михайлович I умирает бездетным, и его удел становится выморочным.

Тверь снова становится богатым княже ством, торгующим с Востоком и Западом В 1389 г. в Тверь прибывают пушки «из не мец».

С Ордой у Михаила Александровича про тиворечий не было, но союзников он иска

[115] В 1390 г. Киприан, утвердившись на митрополичьей кафедре, приедет по приглашению Михаила для суда над ставшим неугодным князю Евфимием и поставления на тверскую кафедру Арсения (см. подробнее: *Конявская Е. Л.* Очерки по истории тверской литературы XIV—XV вв. М., 2007. С. 110—133; *Она же* Князья и иерархи в Древней Руси (середина XII—XIV в.) // Вестн. церковной истории. 2020. № 314 (59/60) С. 136—137.

[116] ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 112.

[117] *Кучкин В. А.* Договорные грамоты московских князей XIV в. С. 341.

[118] Там же. С. 202.

[119] *Конявская Е. Л.* Очерки по истории тверской литературы XIV—XV вв. С. 187—188.

в ином направлении. Иван, старший сын, с 1377 г. был женат на дочери Кейстута, сестре Витовта. В 1386 г. заключены браки сыновей Михаила: Бориса — с дочерью Святослава Смоленского и Василия — с Анастасией, дочерью Владимира Ольгердовича Киевского.

В похвале Михаилу Александровичу тверской книжник подчеркивает, что князь обеспечивает безопасность граждан, он «великы стражу Тфѣрскаго града», «грады тфѣрьскыя утверди», охранял княжество, «яко же орелъ гнѣздо свое». Заботясь о «земском справлении», он печется о благополучии боярских родов, заступается за обижаемых, проявляет милость к нищим и убогим и т. д. Судя по летописным данным, им были уменьшены (или ликвидированы вовсе) торговые пошлины.

К концу XIV в. происходит «стабилизация застройки, выразившаяся в преемственности территории усадеб и появлении мощения улиц»[120]. На княжескую службу стремятся многие, и «сынове силных прилагахуться ему, и дворъ его день от дне множаише крѣпляшеся»[121]. Все это делало Тверское княжество притягательным для людей с других территорий, и как сообщает тверской книжник, Михаил Александрович «люди бещислено сладцѣ и благочинно собра»[122]. Таким образом, как и прежде, Тверское княжество увеличивало свои ресурсы и богатство за счет притока людей из других земель.

Докончание с московским великим князем Василием Дмитриевичем было заключено Михаилом Александровичем в 1399 г., незадолго до смерти. На то были весьма весомые причины. Витовт в 1398 г. заключил договор с Орденом, в нем речь шла о подчинении союзниками Новгорода и Пскова. Под 1399 г. В Рогожском летописце и Симеоновской летописи сообщается, что Михаил Александрович Тверской и великий московский князь «покрѣпиша миру, съединишася русстии князи вси заедин, и бысть радость велика всему миру». В других летописях эта информация отсутствует, и это показывает, что «покрепление мира» относится только к этим князьям, а высокопарность фразы отражает отношение летописца к событию, который пишущий представляет как судьбоносное. Следующее же известие говорит о том, что в тот же год «князи русстии» послали «грамоты разметныи к Витовъту»[123]. Ясно, что и здесь «русстии князья» — это те же Василий Дмитриевич и Михаил Александрович. Именно они заключили докончание перед лицом литовско-немецкой угрозы.

Договор этот во многом нивелировал негативные для Твери нормы договора 1375 г., касающиеся как политической, так и экономической стороны. Устанавливались равноправные союзные отношения, равенство в титулах, одинаковые нормы торговли, равноправный характер носило и большинство социальных статей. Договор был благоприятным для торговли, развитию которой князь и раньше уделял серьезное внимание. Эти благоприятные для Тверского княжества нормы сохранялись и подтверждались новыми договорами в течение всего последующего времени — почти до утраты Тверью независимости в 1485 г.

Завещания тверских князей до нас не дошли, но духовная Михаила Александровича, по крайней мере ряд ее статей, пересказывается в Повести о преставлении Михаила Новгородской четвертой летописи. Из Повести известно, что по завещанию Михаила Александровича старший сын Иван получал больше, чем другие (Тверь и семь городов: Новый Городок, Зубцов, Радилов, Въбрынь, Опоки, Вертязин, Ржеву). Примечательно, что при этом назва-

[120] *Лапшин В. А.* Тверь в XIII—XV веках: Автореф. дис. … д-ра ист. наук. СПб., 2011. С. 25.
[121] ПСРЛ. Т. 15. Стб. 468.
[122] ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 167.
[123] Там же. Стб. 165.

ны и дети Ивана — Александр и Иван, которые должны были получить эти владения вслед за отцом. Сыну Федору предназначены два городка Микулина с волостями. Сыну Василию и внуку Ивану Борисовичу — Кашин и Кснятин. Иван Борисович — сын умершего к тому времени кашинского князя Бориса Михайловича, при этом указан и сам Борис[124], как показано В. А. Кучкиным, это указание проясняет, о чьем сыне идет речь и чем владел покойный Борис[125]. Все это подчеркивает закрепление наследования за каждой линией потомков. Таким образом, в завещании Михаил Александрович устанавливает в своем потомстве порядок наследования от отца к сыну, видя в нем залог прекращения острого соперничества между дядями и племянниками. В завещании предписывалось «брату брата чтити и любити, а стареишего брата всѣмъ слушати»[126].

Михаил Александрович умер 26 августа 1399 г. Его преемником согласно завещанию стал старший сын Иван. Для получения ярлыка на тверское великое княжение он отправил послов в Орду. Там к власти после смерти Тимур-Кутлуга пришел хан Джанибек, который и дал Ивану Михайловичу искомый ярлык.

Ставший великим тверским князем Иван Михайлович не обладал авторитетом, сравнимым с авторитетом его отца, о котором говорится в Рогожском летописце: «...бояху бо ся его, яко бѣ муж страшенъ», но из заповеди отца «брату брата чтити и любити, а стареишего брата всѣмъ слушати» в качестве руководства к действию усв ил только вторую часть и вскоре «захотѣш свою братию обидети, и повелѣша бояро своим цѣлование сложити къ своеи братии к князю Василию и ко князю Феодору Мих иловичем, и ко князю Ивану Борисовичу»[12 Те обратились с жалобой к великой княгин Евдокии, вдове Михаила Александровича[12 Посланные княгиней и ее младшими детьм бояре апеллировали к «грамотс» Михаил Александровича, говоря о неправомерност поведения бояр великого князя. Положения грамоты Иван противопоставил свою волк сказав, что его бояре (по-видимому, те из ни кто проживал на территории удельных кня зей) сложили к братьям крестное целовани по его слову, и начал на своих родственнико «враждовати... и нелюбие дръжати». Вскор братья встретились в Твери на годину отц но и это не привело к примирению. Вдов Бориса Михайловича поспешила заявит лояльность (свою и внука) по отношени к старшему в княжеском доме, за что княз через некоторое время передал Ивану Бори совичу озеро Лукое и слободку Вход в Иеру салим, отобранные у Василия Михайлович Кашинского. Василий послал к Ивану Ми хайловичу, как свидетельствует Рогожски летописец, «отца своего владыку Арсени прося суда общего»[129].

Авторитет владыки, с которым у его отц было полное согласие, был очень велик. Со гласно тексту Тверского сборника, пере смертью Михаил Александрович говори владыке Арсению, что оставляет вмест

---

[124] Э. Клюг и А. Г. Тюльпин объясняли это тем, что завещанию 1399 г. предшествовало завещание боле раннее, составленное князем до 1395 г. (год смерти его сына Бориса) (*Клюг Э.* Княжество Тверское (1247—1485 гг.). Тверь, 1994. С. 257; *Тюльпин А. Г.* Политическая история великого княжества Тверского в первої четверти XV в. // Великий князь Тверской и Владимирский Михаил Ярославич: Личность, эпоха, наследие Тверь, 1997. С. 162). Однако допущение, что летописец использовал текст старого завещания при имеющем ся окончательном (и действующем), представляется весьма сомнительным.

[125] *Кучкин В. А.* Договорные грамоты московских князей XIV в. С. 324—326.

[126] ПСРЛ. Т. 4, ч. 1. С. 387—388. Известно, что недостаточно и подробно прописанные подобные нормы в завещании Дмитрия Донского привели впоследствии к серьезным коллизиям.

[127] ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 176.

[128] Это подтверждает, что статья о роли княгини в семейных коллизиях в завещании Михаила была.

[129] ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 177.

себя старшего сына Ивана (как бы поручая тем самым ему попечение о преемнике). Именно Арсений, как сообщает летопись, велит звонить в колокола и, стоя «на высоком мѣстѣ», объявляет собравшемуся народу о том, что князь Иван «благословенъ своимъ отцемъ великимъ княземъ Михаиломъ на великии стол града Тфери»[130]. Отныне он будет блюсти тверской народ, как и его отец. Это должно означать, что Иван Михайлович воспринимает вместе с великокняжеским столом и неразрывный союз с владыкой. Но при первой же апелляции (в данном случае Василия Кашинского) к епископу новый великий князь отнюдь не следует примеру отца, а отвечает резко и определенно: «Суда ти о том не дам». Характерно, что Василию Кашинскому поддержку окажет затем не только их мать княгиня Евдокия, но и, как свидетельствует Рогожский летописец, «из Сергиева монастыря приеха честныи мужь игуменъ Никонъ»[131]. Он крестил в Кашине родившегося у Василия и его княгини Анастасии сына Дмитрия. Относительно Евдокии и ее приезда в Кашин нужно иметь в виду, что она, скорее всего, именно *вернулась* в Кашин, т. е. и ранее Василий ей был наиболее близок, и после смерти супруга она жила в Кашине. Об этом можно судить по тому, что, по словам летописца, Василий «пришедъ ко своеи матери» жаловаться на действия великокняжеских бояр, апеллируя при этом к духовной грамоте отца, за исполнением которой должна была следить вдовая княгиня. Характерно, что в Рогожском летописце употреблена формулировка «въ Тфѣрь въ свою отчину» по отношению к поездке Василия на годину отца. Это могло быть глухим отголоском великокняжеских амбиций Василия Михайловича и показывает, что столь длительная и упорная борьба тверского великого князя с князем кашинским имела более сложный характер, чем стремление Ивана Михайловича к полному контролю над Кашином.

В великокняжеской летописи, отразившейся в Тверском сборнике, Иван предстает как созидатель: осенью он 1402 г. укрепил пограничные Опоки, на Городке (Старице) построил каменную церковь Св. Николы, затем слил колокол Благовестник для кафедрального собора. На этом фоне с явным осуждением летописец пишет о том, что «князь Василии Кашинскии не почал слушати брата своего стариишаго великого князя Иоанна, и поиде ратию къ Кашину»[132]. Сын Ивана Александр «засяде» Кашин, а Василий бежал в Москву. Но уже через несколько месяцев Василий был пожалован Иваном Михайловичем его уже уделом (Кашином).

Зимой 1404/05 г. Василий Михайлович приехал в Тверь, видимо, для каких-то переговоров, но вместе с боярами был арестован Иваном, а в его удел были направлены тверские наместники. 17 апреля 1405 г. Василий Михайлович был отпущен на свободу, братья целовали крест, и Василий уехал в Кашин[133]. Спустя три месяца он разорвал отношения с Тверью и отъехал в Москву. Кашинским княжеством вновь стали управлять наместники Ивана Михайловича, которые подвергли людей князя Василия Михайловича новым «продажам» и «грабежам»[134]. В мае 1406 г. Иван Михайлович и Василий Михайлович вновь примирились.

Осенью 1408 г. Иван Михайлович совершил новый поход на Кашин, на этот раз против Ивана Борисовича, который бежал в Москву, а его мать была заключена под стражу; во владения Ивана Борисовича были направлены великокняже-

[130] ПСРЛ. Т. 15. Стб. 460—461.
[131] ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 177.
[132] ПСРЛ. Т. 15. Стб. 470.
[133] О дате см.: *Конявская Е. Л.* Очерки по истории тверской литературы XIV—XV вв. С. 256—257.
[134] ПСРЛ. СПб., 1897. Т. 11. С. 192.

ские наместники. Одновременно великий князь тверской заключил соглашение с кашинским князем Василием Михайловичем. Позже конфликт был урегулирован и с Иваном Борисовичем. Причем в связи с кашинскими князьями вновь фигурирует «Никон Маковский» (т. е. Радонежский): по его благословению Иван Михайлович «пожаловал» своего братанича[135].

Последнее обострение противостояния Ивана Михайловича с братом Василием пришлось на 1412 г. 28 июня, получив от ханского посла приказ ехать в Орду, Иван Михайлович велел арестовать князя Василия Михайловича, его жену, бояр и слуг, но тому удалось совершить побег и отъехать в Москву. Вместе с великим князем московским Василием Дмитриевичем Василий Михайлович отправился в Орду. 14 августа туда же выехал и Иван Михайлович. И Василий Дмитриевич, и Иван Михайлович отправляются в Орду в связи со сменой правителя. Иван вернется в Тверь в 1413 г., «пожалован царем»[136]. Вероятно, и Василию Михайловичу удалось добиться поддержки у хана Керим-Берди, так как, вернувшись раньше Ивана Михайловича, в отсутствие великого князя тверского он при поддержке татарского отряда 24 декабря предпринял попытку захватить Кашин, но князь Иван Борисович не пустил его в город. К концу 1414 г. великий князь тверской окончательно примирился с братом Василием, и в Кашине было восстановлено соправительство Василия Михайловича и Ивана Борисовича, после чего междоусобицы в связи с Кашином в Тверском княжестве прекратились.

Серьезные трения были у Ивана Михайловича и с удельным холмским князем Юрием Всеволодовичем. После смерти бездетного брата Ивана Всеволодовича он не получил часть его удела, который тс завещал сыну Ивана Михайловича Але сандру. Недовольный своим положение Юрий Всеволодович в 1402 г. уехал искат поддержки в Москву. Иван Михайлович, п словам летописца, не раз посылал к нем с призывом решать конфликт в Доме Св того Спаса, т. е. в Твери, при посредниче стве владыки Арсения и бояр: «...многажд посылаша, сице рече: "не отлучаися, брат дому святаго Спаса и своего отчества, н поиди, живи на предѣли отца своего, а злы человѣкъ не слушаи; аще ли ты каа обид есть, да се о нас епископь Арсеніи и муж честніи отець нашихъ"»[137]. Однако Юри в течение трех лет пребывал в Москве а затем отправился в Орду, «ища великог княжения». Туда же поехал и князь Иван В Орде тверской великий князь находилс с 21 июля 1407 г. по 24 января 1408 г. Стол длительное пребывание, видимо, объяс нялось тем, что в Орде разрешение спор тверских князей было обставлено как су В Тверском сборнике говорится: хан Була (Пулад) «судивъ Ивана съ Юріемъ», и выда ярлык на Тверское княжество Ивану Михай ловичу. Тем не менее Юрий продолжал сво действия, пытаясь использовать смену вла сти в Орде, и сумел добиться ярлыка на Ка шинское княжество и 10 тверских волостей но реализовать свои права на них не сумел Летом — осенью 1410 г. Иван Михайлови примирился с Юрием Всеволодовичем, ко торый вернулся в свои владения.

Хотя в первой четверти XV в. в Твер ском княжестве налицо тенденции к цен трализации, процесс этот развивался не всегда последовательно. Так, в 1407 г. по сле смерти Дмитрия Еремеевича из его владений выделился Чернятинский удел которым стал владеть его сын Иван Дми триевич.

[135] ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 186. Таким образом, игумен Сергиева монастыря вновь проявил особо внимание к кашинским князьям.

[136] ПСРЛ. Т. 15. Стб. 486.

[137] Там же. Стб. 478.

После смерти в 1409 г. тверского епископа Арсения Иван Михайлович посылает к митрополиту Фотию своего боярина, прося поставить нового владыку. На владычную кафедру было выдвинуто два кандидата — тверской и московский. Первый — федоровский игумен Парфений (т. е. архимандрит Феодоровского монастыря), второй — московский ильинский игумен Антоний. Иван Михайлович с князями и боярами присутствовал на открытии жребия. Вынулся жребий Антония, хотя «не хотевъшимь тферичемь поставлень бысть епископомь»[138]. Таким образом, в отличие от своего отца, Иван не смог утвердить на владычной кафедре желанную ему кандидатуру.

Внешняя политика Ивана Михайловича с самого начала княжения была ориентирована на союзные отношения с Литвой. Видимо, после «разметных грамот», посланных Витовту Василием Дмитриевичем и Михаилом Александровичем в конце XIV в., были заключены какие-то новые соглашения с литовским великим князем. Об этом свидетельствует, в частности, повествование Тверского сборника о конфликте с Витовом и стоянии на р. Плаве. Сообщается о сложении крестного целования к литовскому князю Василием Дмитриевичем Московским и Иваном Михайловичем Тверским в 1406 г.[139] В отношении Василия Дмитриевича на наличие такого соглашения указывают упоминания в летописях договоренности с Витовтом о Смоленске (Василий не должен поддерживать Юрия). Летописи также свидетельствуют о постоянных контактах Твери с Витовтом: трижды с ним встречался сын Ивана Михайловича Александр, в 1405 г. к нему ездил сам Иван Михайлович. Переговоры, видимо, касались контроля Витовта над Смоленском, поскольку впоследствии в Новгород была послана грамота от имени Витовта и Ивана Михайловича с требованием выдать бежавшего туда бывшего смоленского князя Юрия Святославича[140].

Отношения с Литвой обострились после того, как войска Витовта напали на псковские территории. Конфликт 1406 г. не перерос в военное столкновение, а закончился перемирием. При этом перемирие, заключенное на Пашковой гати, послужило причиной разлада отношений между московским и тверским князьями. Василий Дмитриевич втайне от бывших тут же тверских князей и воевод в перемирной грамоте с Витовтом «не написа честно имѣни брата своего великого князя Ивана Тферскаго, но написа и послѣ братіи своеи», которая тверским великим князьям приходилась «братией молодшеи», т. е., согласно нормам договора 1399 г., после имени Василия Дмитриевича должно следовать имя «его брата» Ивана Михайловича, а затем должны идти все прочие князья — «братия молодшая». Возмущенные князья и воеводы сообщают о случившемся Ивану Михайловичу, и тот сетует, что нарушил традиционно добрые отношения с Витовтом («яко же отци и дѣди наши всегда мирни бываху съ Витовтомъ, такоже и азъ») ради неблагодарных москвичей. Поэтому тверского князя особенно оскорбляет то, что его имя поставлено «безо чти» «въ вся страны», хотя в свое время Василий Дмитриевич в договоре с Михаилом Александровичем брал на себя обязательства с Витовтом и Литвою без тверского князя «любви не взя*т*(и), ни без твои*х* детеи, ни внуча*т*»[141]. В летописном повествовании Тверского сборника говорится, что в результате тверской

[138] ПСРЛ. М., 1980. Т. 35. С. 54.

[139] Есть только в Забелинском списке Тверского сборника (ГИМ. Муз. 288 б. Л. 191 об.).

[140] *Лукин П.В., Полехов С.В., Сквайрс Е.Р.* Ганзейские документы по истории Новгорода и Пскова (1392—1409 гг.). М.; СПб., 2021. № 12. С. 82—85.

[141] *Кучкин В.А.* Договорные грамоты московских князей XIV в. С. 346.

князь «оттолѣ не въсхотѣ помагати москвичемъ»[142]. Действительно, когда в 1408 г. Василий Дмитриевич вновь обратился к Ивану Михайловичу за помощью против Литвы, тот помощи не оказал.

В дальнейшем союзные отношения с Витовтом были продолжены: в 1422 г. тверская рать, посланная Иваном Михайловичем под предводительством воеводы Александра Одинцева, участвует в походе Витовта против Тевтонского ордена.

Но, как можно видеть, союзнические отношения Тверское княжество поддерживало и с Москвой. К такому союзу стремился московский князь, еще в 1399 г. заключая договор с Михаилом Александровичем в условиях угрозы со стороны Литвы и Ордена.

В рассказах о нашествии Едигея упоминаний об Иване Михайловиче крайне мало. Согласно Троицкой летописи, Едигей «велел» последнему прийти под Москву с тверской ратью и «градобитным» оружием (что означает высокий уровень артиллерийской оснащенности тверских войск). Однако московский летописец (Троицкая летопись) говорит, что Иван Михайлович лишь сделал вид, что идет к Москве, — он шел без рати, а от Клина вернулся в Тверь. Видимо, это свидетельство соответствовало действительности, ибо татары позже, как информирует Рогожский летописец, повоевали именно Клинскую область («взяша волость Клиньскую и множьство людии посѣкоша, а иных въ плѣнъ поведоша»[143]). В московской летописи поступку Ивана Михайловича высказывается ироническое одобрение: «таковымъ коварством перемудрова»[144].

Зимой 1421/22 г. Иван Михайлович женил своего второго сына Юрия на дочери одного из виднейших московских бояр Ивана Дмитриевича Всеволожского[145].

Весьма отрывочны сведения о политик Ивана Михайловича по отношению к Новг родской республике. Напряжение существо вало, по всей видимости, на новоторжск тверском рубеже — этим можно объяснит создание там Иваном Михайловичем кр пости в 1412 г. Скорее всего, с какими-т порубежными конфликтами связаны дей ствия Ивана Михайловича в 1421 г., когд он «изнима» боярина новоторжского Иван Кумганца с сыном Фомой, бил и заточил и в Новом Городке (Старице).

При Иване Михайловиче чеканитс тверская монета, развивается международ ная торговля: есть археологические дан ные о поступлении тканей из Фландрии западноевропейское происхождение име ют найденные в слоях этого периода ножи металлическая оправа для зеркала, а такж целый ряд деревянных футляров для зер кал. К первой трети XV в. относится и ря, других предметов импорта: части модны остроносых туфель, шахматная фигура, ку бик для игры в кости и др.[146]

Идет церковное и монастырское строи тельство. Растет и развивается основанны епископом Арсением Успенский Желти ков монастырь. В 1421 г. с июня по октябр в Феодорове монастыре, бывшем тогда ар химандритией, возводится новый каменны собор Феодора Тирона («а ветхую разори ша»). В этом монастыре велась летописна работа, плоды ее, хотя и не получили широ кого распространения, но отразились в Твер ском сборнике[147]. Летописец фиксирует не только факты политической истории, но со общает и о пожарах, особых погодных явле ниях, нашествии насекомых-вредителей.

Иван Михайлович умер 22 мая 1425 г. возможно, от разгоравшейся эпидемии, ко торая, по словам летописца, к Ильину дн

[142] ПСРЛ. Т. 15, Стб. 476.
[143] ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 185.
[144] *Приселков М.Д.* Троицкая летопись: Реконструкция текста. 2-е изд. СПб., 2002. С. 468.
[145] ПСРЛ. Т. 18. С. 166.
[146] *Лапшин В.А.* Тверь в XIII—XV вв. (По материалам раскопок 1993—1997 гг.). СПб., 2009. С. 165—167.
[147] *Коиявская Е.Л.* Очерки по истории тверской литературы XIV—XV вв. С. 176—177.

в Твери приняла уже катастрофические масштабы[148]. Этот мор унес его сына Александра, просидевшего на Тверском столе лишь пять месяцев. Ему наследовал Юрий Александрович, внук Ивана Михайловича, который, однако, тоже скоро умер. В Твери вокняжился другой сын Александра Ивановича — Борис Александрович.

Действия Ивана Михайловича по ограничению прав владетельных родственников зачастую были весьма резкими. И такую политику продолжил Борис Александрович, который в 1426 г. арестовал своего двоюродного деда Василия Кашинского, причем именно эта акция зафиксирована летописями как первое деяние молодого князя, взошедшего на тверской стол после смертей от морового поветрия других членов тверского княжеского дома. Столь радикальный шаг становится понятным, если принять во внимание сообщения Никоновской летописи и тверских летописных подборок (ГАТО. Ф. 1409. Оп. 1. № 1129 и № 1554) о том, что Василий Михайлович утвердился на кашинском столе, когда тверской стол получил недолго прокняживший Александр Иванович. Тогда силовая акция Бориса по отношению к удельному князю объясняется его стремлением восстановить контроль над Кашином, которого добился в свое время его дед. Впоследствии княжеский стол в Кашине был ликвидирован, о чем говорит упоминание под 1452 г. в Тверском сборнике и «Слове похвальном Борису Александровичу» инока Фомы находившихся в Кашине тверских великокняжеских бояр-наместников. Информация о том, что Борис Александрович строил укрепления в Клину, означает, что и над этим уделом был установлен великокняжеский контроль. И хотя Борис Александрович периодически наделял родственников уделами[149], их владения все больше мельчали, а права сокращались.

К моменту вокняжения Бориса Александровича у Твери было немного возможностей расширить свое влияние, распространив его на соседние территории. На этом поле уже успешно действовала и закрепляла позиции Москва. И Борис стремился укреплять уже существующие тесные связи с Литвой, влияние которой в Восточной Европе усилились. В 1427 г. князь Борис заключает с великим князем литовским Витовтом союз, обязуясь участвовать в его военных кампаниях и получая гарантию поддержки со стороны литовского князя. Характерно «самодержавное» заявление Бориса в договоре 1427 г. с Витовтом: «А дѧдѧмъ моимъ и братьи моеи, и племени моему, кн(ѧ)з(е)мъ быти в моемъ послусѣ. Яз, кн(ѧ)зь велики Борись Александрович, воленъ: кого жалую, кого казню». Тогда процесс сосредоточения власти в руках великого тверского князя лишь начался. В отношении внешней политики очевидна зависимость Бориса от «господина деда» Витовта[150], но в Тверской земле князь действовал самовластно. По этому договору отъезжающий из Тверского княжества к Витовту утрачивал вотчину, которой мог распоряжаться теперь только тверской великий князь, а «г(о)с(поди)ну, дѣду, великому кнѧзю Витовту, не вступатисѧ»[151]. Вместе с тем в договоре 1427 г. отсутствовали обычные указания на пролонгацию норм на следующие поколения. Это связано с тем, что докончание заключалось в последние годы жизни Витовта, когда он был в весьма преклонном возрасте и при этом не имел сыновей. С новыми правителями Литвы Борису Александровичу предстояло выстраивать отношения

[148] ПСРЛ. Т. 15. Стб. 488.

[149] Так, вскоре после вступления на престол он наделил племянника Ивана (вероятно, малолетнего) Зубцовским уделом.

[150] Тверские войска приняли участие в походе Витовта (1428) на новгородские территории (на Порхов) (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 489).

[151] РГАДА. Разр. XXVII. Приказ Тайных Дел. № 2.

заново. И такие усилия были предприняты: после смерти Витовта сменивший его Свидригайло в 1431 г. женился на дочери старицкого князя Ивана Ивановича, двоюродной сестре Бориса Александровича. Этому литовскому правителю тверские силы также оказывали военную поддержку, но затем (видимо, после поражения Свидригайла в Вилькомирской битве 1 сентября 1435 г.) Борис Александрович встает на сторону его врага Сигизмунда Кейстутовича: из текста докончания Бориса с Василием Темным (1437) следует, что между тверским великим князем и великим литовским князем Сигизмундом был заключен некий договор («целование»), которое теперь Борис Александрович обязался «сложить». В дальнейшем после острого столкновения 1448 г. Борис Александрович заключил договор о мире и взаимной военной поддержке с великим князем литовским и королем польским Казимиром (1449).

Династический конфликт в московском княжестве, приведший в последствии к войне, не вовлек Тверь в активное участие в длительном противоборстве. Как отмечал Э. Клюг, «занять чью-либо сторону… по существу вообще не соответствовало интересам Твери»[152].

В 1433 г. Василий Васильевич впервые спасается в Твери — после победы над ним его дяди князя Юрия Дмитриевича. А в 1434 г. в Тверь бежит сторонник побежденного Юрием Звенигородским Василия Васильевича Иван Можайский (вместе со своей матерью)[153]. В следующем году Василий Косой, проиграв Василию Васильевичу сражение под Ярославлем, направляется в Кашин, видимо, рассчитывая, чт кашинцы, в силу политики, проводимо ранее кашинскими князьями, могли оказат ему поддержку. Получил ли он военну помощь от кашинцев — неизвестно, н материальную поддержку ему оказал Бо рис Александрович, возможно, тактическ принимая сторону проигравших. Он, ка свидетельствует летопись, послал Василию в Кашин «кони и порты, и доспех»[154]. Во можно, именно эти действия Бориса послу жили причиной того, что войсками Васи лия Васильевича был нанесен урон твер ским и кашинским территориям — об это свидетельствует статья договора межд Василием Васильевичем и Борисом Алек сандровичем 1437 г.: «А полон ти, брат(е нашь твѣрьскы и кашиньскы ѿпустит(и без ѿкупа. А кто купил полоньника, и он возмет цѣну по целованию»[155]. Этот догс вор между московским и тверским князь ями был равноправным и предполагал со вместные действия при угрозе со стороны «татар, ляхов, литвы и немцев».

После поражения в 1445 г. Василия Темного в битве под Суздалем во врем сильнейшего пожара в Москве в Тверь пы тается бежать великая княгиня Софья, н Дмитрий Юрьевич Шемяка перехватил е у Дубны и возвратил в Москву.

И московские летописи, и инок Фом повествуют о том, что сторонники Шемя ки пытались получить Бориса в союзники распространяя информацию о том, что та тары хотят занять Москву[156], а Василий Темный собирается сесть в Твери[157]. По версии московских летописей, Борис Алек сандрович получил эти сведения еще до

[152] *Клюг Э.* Княжество Тверское (1247—1485 гг.). С. 287—288.

[153] ПСРЛ. Т. 25. С. 251.

[154] ПСРЛ. Т. 24. С. 183. Возможно, учитывая этот эпизод, уже незадолго до своей смерти Дмитрий Ше мяка идет на Кашин, однако на этот раз встречает отпор кашинцев (Слово похвальное инока Фомы // БЛДР СПб., 1999. Т. 7. С. 128). Наконец, кашинские полки примут участие в походе на Новгород 1477 г. уже по предводительством воевод, служащих Ивану III.

[155] ДДГ. № 37. С. 106.

[156] ПСРЛ. Т. 25. С. 264.

[157] Там же.

ослепления московского князя, «убоявся и бысть единомысленикъ с ними»[158]. Тверской источник говорит, что Борису сообщили о планах татар уже после пленения Василия — как объяснение этих действий. Тверской великий князь «послал своего воеводу князя Ондрѣя Дмитреевича, а веля ему извѣстно опытати о великомъ князѣ Василии, но и от очию слезы испущаше»[159]. Последнее, вслед за В.С. Борзаковским и Э. Клюгом, следует признать более правдоподобным[160]. Даже в 1327 г. планы Узбека и Чол-хана истребить русских князей во главе с Александром Михайловичем и установить на русских территориях прямое правление выглядели весьма сомнительными. В XV же столетии силы татарских правителей и вовсе не позволяли страшиться подобного развития событий.

В 1446 г. Василий Васильевич оказывается в Твери по приглашению Бориса Александровича, который определенно встает на его сторону. Здесь происходит обручение их детей — Ивана Васильевича и малолетней Марии Борисовны, сюда же съезжаются верные Василию князья и бояре. Именно Борис Александрович, когда Дмитрий Шемяка занял Волок, предъявляет ему ультиматум, требуя, чтобы Дмитрий ушел в недельный срок[161].

За поддержку в этот острый момент князя Василия Борис получил Ржеву, которую тем не менее ему пришлось брать силой и надолго удержать не получилось. В 1448 г. она была захвачена войсками Казимира. Избежать серьезной войны с последним Борису Александровичу удалось.

Союзные отношения с Василием Васильевичем были закреплены во второй договорной грамоте (около 1456 г.), где, как и в предыдущем их докончании, подчеркнуто равенство сторон: оба князя называют друг друга «братьями» и титулуются великим князьями, они обязуются действовать заодно при внешних угрозах, подтверждается приверженность нормам, установленным при их предках, и т. д. Исключены же были конкретные статьи об отношениях с литовскими правителями и их возможной перспективе. При этом к прежним соглашениям добавляются актуальные пункты относительно того, чтобы Борису Александровичу не принимать у себя «отступников» Василия Васильевича: «...кнѧз(ь) Иванъ Можаискои да кнѧж Дмитреевъ с(ы)нъ Шемѧкинъ кнѧз(ь) Иванъ или которои ти иныи брат згрубит»[162]. Для равновесия такой же пункт включен и со стороны Бориса Александровича, хотя сколько-нибудь серьезных «отступников» у тверского великого князя уже не было.

Неоднократно тверские войска нападали на новгородские территории. В 1440 г. тверичи участвовали в походе Василия Васильевича Московского на Новгород, который не привел к военному столкновению, — новгородцы выплатили великому князю 8 тыс. руб., «а с ним была сила тверскаа, а воевода был Александръ Романович да Карпъ Федорович»[163]. В 1444—1445 гг. тверичи вновь несколько раз приходили на новгородские территории. Был взят и разграблен Торжок, Бежецкий Верх, заборовские земли. В 1446 г. новгородцы предлагали Борису Александровичу заключить договор (сохранился новгородский проект[164]), где делалась попытка вернуться к старым рубежам и нормам, однако Борис под-

[158] ПСРЛ. Т. 25. С. 264.

[159] Слово похвальное инока Фомы. С. 114.

[160] *Борзаковский В.С.* История Тверского княжества. СПб., 1876. С. 196; *Клюг Э.* Княжество Тверское (1247—1485 гг.). С. 297.

[161] Слово похвальное инока Фомы. С. 118.

[162] РГАДА. Ф. 135. Древлехранилище. Отд. I. Рубр. II. № 39.

[163] ПСРЛ. Т. 15. Стб. 491.

[164] ГВНП. № 20. С. 36—38.

держал Василия Васильевича, с которым у Новгорода были конфликтные отношения, и договор заключен не был.

В период княжения Бориса Александровича военные и политические конфликты, сотрясавшие Москву и другие земли, не затронули Тверь столь же остро. Завершая процесс централизации власти, князь Борис, по словам инока Фомы, обеспечил людям «бес печали житие въ славней земли»[165]. Наряду с масштабным строительством храмов, упоминаемых в Тверском сборнике и славословиях инока Фомы, Борис Александрович занимается градостроительством: обновляет и восстанавливает запустевший Кашин, города в «Клинской области». В 1430 г. в Твери строится мост через р. Тьмаку. При его попечении основан Вознесенский Оршинский монастырь. В кратчайшие сроки восстанавливается тверской кремль после сильнейшего пожара 1449 г. (в Тверском сборнике говорится, что был поджог и виновники его — «Ростопчины дѣти, Иванко да Степуря»[166]), оставившего город без надежной защиты.

Сюда устремляются в период династической смуты жители Московской земли, в том числе и богатые купцы, о чем свидетельствуют данные актов[167]. По словам Фомы; «и от князеи, и от велможь, и даже и до простыхъ людии желаютъ въ господарствѣ томъ быти»[168].

Борис Александрович — единственный из русских князей — отправил посольство на Ферраро-Флорентийский собор. В напутствии посольству великий князь отмечал: «...прилѣжно смотрити, и аще ли что от Седмаго собора приимутъ или приложат, того слышати и не хотим»[169]. Но о его ходе и итогах в «Слове похвальном Борис Александровичу» не сообщается.

Сдержанно дипломатичным буде в дальнейшем поведение Бориса Алекса дровича в отношении митрополита Исид ра. По дороге на Собор в 1437 г. митроп лит был встречен в Твери с почестями. Ко да же он, в 1441 г. подвергнутый в Москв аресту Василием Васильевичем, бежи из-под стражи в Тверь, Борис не сразу мо жет выбрать линию поведения: «...а князь подержал его в себе, отпустилъ, и онъ пои хал в Литву къ князю Казимеру, тогда ем владѣющу Литовскою землею»[170].

В облике князя, особенно в «Слове по хвальном» инока Фомы, все более отчетлив проступают черты монарха. Фома называе Бориса Александровича самодержцем, ца рем, государем, при этом под влиянием ви зантийских представлений особо подчерки вается то, что власть ему дана Богом. Внеш нему антуражу, двору, придворной жизн отводится важная роль. Так, в 1438 г. Бори Александрович занимается обустройство своего двора — возводит на нем каменны храм Бориса и Глеба. В тверской писцово книге XVI в. указано, что храм стоял «на се нях» — видимо, княжеского дворца. Позж в 1452—1455 гг. он строит храм Арханге ла Михаила «на сѣнѣхъ», очевидно, вмест прежнего домового храма, упоминавшего ся при Михаиле Александровиче. Возводи Борис Александрович и новую резиденци в крепости на острове на месте Федорова монастыря — градъ Любълинъ (Любовин) Для созидания он «призва мужи хитрь и изообрете ихъ... и пристави ихъ къ съвер шенню таковаго дѣла в лѣтъ 6955, месяца априля 23»[171]. Нужно отметить, что перенос

[165] Слово похвальное инока Фомы. С. 74.
[166] ПСРЛ. Т. 15. Стб. 494.
[167] ДДГ. № 36. С. 102, 104.
[168] Слово похвальное инока Фомы. С. 82.
[169] Там же. С. 74.
[170] ПСРЛ. Т. 15. Стб. 491.
[171] Слово похвальное инока Фомы. С. 98. Новая крепость была призвана охранять подступы к расположенным поблизости мосту и плотине.

одного из старейших монастырей, который был архимандритией (после строительства крепости архимандрития была переведена в монастырь Григория Богослова), очевидно, был воспринят неоднозначно. В Тверском сборнике летописец говорит: князь «разорил монастырь святого страстотерпца Феодора Тирона», чтобы поставить «город»[172].

Упоминается двор Бориса Александровича во Ржеве.

Пиры в его резиденциях, о которых особо говорит Фома, видимо, были важной частью нового церемониала, который устанавливается при князе (они упоминаются и в рассказе об устроении Люблина, и во Ржеве).

Известно, что Борис Александрович увенчался неким «царским венцом», а приближенные его должны были в княжеских палатах «ходити… въ красныхъ блистанихъ»[173]. Сам же он, по словам инока Фомы, красен лицом, ризами, умом и нравом.

Вероятно, на стремление Бориса к новому церемониалу и парадной придворной жизни повлияла его поездка в 1430 г. к Витовту, готовящемуся к коронации. Подобно Новым Трокам в Литве, тверской князь ставит «город среди езера, нарекы имя ему Троки»[174]. Но позже в Тверь вернулось посольство во главе с боярином Фомой, отправленное князем Борисом на Ферраро-Флорентийский собор. Очевидно, от членов посольства в Твери узнали о придворной жизни ренессансной Европы. В частности, в Грамоте охранной (Salvus conductus) папы Евгения IV (РНБ. Q.XVII.50. Л. 354—355 об.), данной этому посольству, упоминается некая «рухлядь», которую перевозят Фома с «товарищи» из Италии. Возможно, среди этой «рухляди» были и «красные ризы» для князя, и «красные блистания» для придворных.

Конечно, не только образцы придворного церемониала почерпнули тверичи в Ферраре и Флоренции (1438—1439). Инок Фома восхваляет Бориса как покровителя наук и искусств подобно тому, как за эти заслуги прославлялись маркизы (позже — герцоги) д'Эсте (Феррара) и флорентийские Медичи[175]. Князь предстает покровителем искусств и ремесел: «всяко художьство и хитрость управляетъ»[176]. Уровень мастерства резчиков на знаменитой рогатине Бориса Александровича во многом предвосхищал достижения русского искусства XVI в., при этом в стиле и типологии ряда сюжетов отмечаются западноевропейские параллели[177]. Сам же князь «чресъ предѣлы и книгами гораздъ и х комуже хощетъ, к тому бесѣдуетъ, и никтоже отвѣщати ему можетъ, но всѣми владѣетъ»[178].

О торговле с западными странами говорят археологические находки, относящиеся ко времени Бориса Александровича: изделия из янтаря, ножи, оправы для зеркал и др. Развиваются отношения и с Востоком: инок Фома рассказывает о посольстве к Борису Александровичу с дарами от сына Тамерлана — Шахруха.

Продолжается чеканка монет, которые были весьма разнообразны («пул Кашинский», «денга Городенская» и др.).

---

[172] ПСРЛ. Т. 15. Стб. 493.

[173] Слово похвальное инока Фомы. С. 82.

[174] Там же. С. 130.

[175] См. подробнее: *Конявская Е. Л.* Тверь в XV веке: Мечта об идеальном городе // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь, 2018. Вып. 11. С. 122—128; *Она же.* «Просвещенный правитель»: Борис Александрович Тверской // Вызов времени: Становление централизованных государств на Востоке и Западе Европы в конце XV—XVII в. М.; Калуга, 2019. С. 46—54.

[176] Слово похвальное инока Фомы. С. 92.

[177] *Попов Г. В., Рындина А. В.* Живопись и прикладное искусство Твери XIV—XVI века. М., 1979. С. 520—521.

[178] Слово похвальное инока Фомы. С. 92.

При Борисе Александровиче велась систематическая летописная работа, о чем свидетельствует тверской материал за время его правления, сохранившийся в Тверском сборнике и других летописных памятниках.

Умер Борис Александрович 10 февраля 1461 г., а 15 февраля на тверской стол садится его сын от второго брака, последний независимый тверской князь Михаил Борисович, которому было восемь лет.

Уже в ближайшие годы был заключен договор между Михаилом и недавно вступившим на великокняжеский московский стол сыном Василия Темного Иваном. За образец молодые князья взяли договор их отцов 1454—1456 гг.

Первое время Тверь пребывала в согласии с Москвой, тверские войска принимают участие в походах на Новгород 1471 и 1477 гг., а затем на Ахмата в 1480 г. При Михаиле Борисовиче развивалась торговля, активно шла чеканка пулов — медных монет низкого достоинства.

Но после того как пал Новгород, очередь была за Тверью. Тверские удельные князья и бояре начинают отъезжать в Москву. Они сохраняют свои владения на территории Тверского княжества, будучи уже на московской службе. Однако Иван III проявляет по отношению к Михаилу Борисовичу знаки благосклонности. В связи с женитьбой в январе 1483 г. Ивана Ивановича Молодого Иван Васильевич посылает в связи «съ радистию его»[179] подарки Михаилу, его супруге Софье Семеновне и матери Настасье.

7 февраля умерла первая жена Михаила Борисовича Софья. Михаил с матерью посещают Кашин (причина поездк в источниках не раскрывается). Когда ж к тверскому князю с поклоном и дарами о Ивана III в связи с рождением у него 10 ок тября внука Дмитрия приходит Владими Елизарьевич Гусев, Михаил Борисович не ожиданно «поклона не приял, и выслал ег вон из ызбы, и к матери ему ити не велѣ к великои книгини Настасии»[180]. Этом враждебном выпаду в научной литератур давались различные объяснения[181], кото рые не могут быть признаны в полной мер удовлетворительными, хотя один из аргу ментов Л. В. Черепнина нельзя не принят во внимание. Он привел слова Софийскої второй и Львовской летописей о порубеж ных конфликтах тверских и московски территорий, споры по которым всегда ре шались Иваном III в пользу московскої стороны[182]. Эти факты могли повлиять н «нарастание напряженности в отношени ях между Тверью и Москвой»[183], но едв ли могут впрямую соотноситься со стол внезапным и резким демаршем. Вмест с тем известно, что в том же году Михаи Борисович вступает в сношения с Казими ром IV и заключает с ним договор[184]. По сле смерти первой супруги тверской князі намеревался жениться на внучке Казимира что еще прочнее связало бы его с Литвой на поддержку которой Михаил возлага надежды. Уверенность в такой поддержк могла подвигнуть Михаила Борисовича н радикальные действия по отношению к по слу от Ивана III. Сыграть свою роль мог ло и то, что участие Михаила Борисовича в походах Ивана III на Ахмата не было воз награждено.

---

[179] ПСРЛ. Т. 15. Стб. 498.

[180] Там же. Стб. 499.

[181] *Лурье Я. С.* Из истории политической борьбы при Иване III // Учен. зап. ЛГУ. Л., 1941. Сер. ист наук. Т. 80. Вып. 10. С. 88—89; *Черепнин Л. В.* Образование Русского централизованного государств в XIV—XV веках: Очерки социально-экономической и политической истории Руси. М., 1960. С. 889—890 *Клюг Э.* Княжество Тверское (1247—1485 гг.). С. 362, 373.

[182] ПСРЛ. М., 2001. Т. 6, вып. 2. С. 321; СПб., 1910. Т. 20, ч. 1. С. 352.

[183] *Клюг Э.* Княжество Тверское (1247—1485 гг.). С. 362.

[184] АЗР: В 5 т. СПб., 1846. Т. 1. № 79. С. 99—100; ДДГ. С. 483—484.

Такого рода контакты тверского и литовского правителей вызвали гнев московского великого князя, который пошел на Тверь войной. Расчеты на помощь от Казимира не оправдались. Михаил послал на переговоры владыку, соглашаясь на подчиненное положение по отношению к московскому князю. В договорной грамоте 1484/1485 гг. устанавливается, что великий князь Михаил Борисович должен теперь «иметь» Ивана Васильевича «братом старейшим», так же и Ивана Ивановича, Иван III в новом докончании называется «господином», а Михаил — «братом молодшим».

Но и этот договор не изменил судьбу Твери. Вскоре на Михаила Борисовича Иван Васильевич идет войной «за его неправду, что он посылалъ грамоты к королю Литовскому Казимиру, и подымалъ его воинствомъ на великого князя Ивана Васильевича всеа Руси»[185]. К Ивану III были посланы епископ Вассиан, князь Михайло Дмитриевич Холмский и бояре. Но великий князь подошел к Твери и осадил город. 12 сентября 1485 г. Михаил Борисович бежал в Литву, оставив в городе мать. Тверь сдалась на волю Ивана III и была присоединена к Москве.

Рязанское княжество

Разгром 8 сентября 1380 г. на Куликовом поле военных сил Мамаевой Орды и ее союзников полками русских князей во главе с московским великим князем Дмитрием Ивановичем изменил политическую ситуацию в Восточной Европе и сделал более определенными позиции русских княжеств, как участвовавших в Куликовской победе, так и не оказавших военной поддержки Москве. Среди последних оказалось и Рязанское княжество, самое крайнее юго-восточное русское княжество, непосредственно граничившее с кочевнической степью. Его правитель, великий князь Олег Иванович, примерно в первой половине августа 1380 г. заключил соглашение с прибывшем к нему посольством от Мамая о помощи Орде[186]. Однако участия в «Донском побоище» рязанский князь не принял. Зато после победы над Мамаем рязанцы ловили победителей, отдельные группы москвичей и серпуховчан, грабили их и даже брали в плен, превращая в своих холопов[187]. Опасаясь возмездия за такие действия со стороны Москвы, рязанский князь бежал из Переяславля Рязанского. В Москву приехала делегация рязанских бояр, упросившая Дмитрия Донского не начинать с Рязанью войны и посадить своих наместников в рязанских городах. Московский князь принял эти предложения.

Московское обладание Рязанским княжеством оказалось недолгим. В начале августа 1381 г. московский великий князь Дмитрий Иванович пошел на заключение мирного договора с Олегом Рязанским. Согласно этому договору, рязанский князь признавался младшим братом великого князя. Его дипломатическая деятельность существенно сужалась. Он должен был разорвать договор с Литвой и в дальнейшем в сношениях с этим государством действовать только в русле политики московских князей, всегда советуясь с ними и сообщая о всех фактах своих сношений с литовскими правителями. Так же надо было поступать при контактах с Ордой и любыми другими немосковскими князьями. У Рязанского княжества были отобраны Новый городок (видимо, на р. Протве), Лужа, Ве-

[185] ПСРЛ. Т. 18. С. 271.
[186] *Кучкин В. А.* Победа на Куликовом поле // ВИ. 1980. № 8. С. 10.
[187] ДДГ. № 10. С. 30.

рея и Боровск, а также ряд волостей и мест по р. Оке. Оговорена принадлежность Москве купленной ею части Мещеры. После Куликовской битвы москвичи захватили лежавшую поблизости от места сражения Тулу. Тула была ордынской крепостью, но незадолго до 1380 г. князь Олег Иванович отнял ее у татар. По договору 1381 г. город и его округа объявлялись «местом» великого князя Дмитрия Московского, но позднее она была возвращена Рязанскому княжеству. Ст. 14 соглашения требовала возврата московским князьям людей, захваченных рязанцами на путях их возвращения домой после Куликовской битвы, а также отнятого у этих людей имущества.

Казалось, что прописанные в договоре 1381 г. нормы будут действенны в течение многих лет. Но они просуществовали чуть более одного года. В конце лета 1382 г. новый сарайский хан Тохтамыш, набрав большое войско на волжском левобережье, решил усмирить русский улус, политические и военные успехи которого меняли положения государств в Восточной Европе. Переправившись через Волгу, конница Тохтамыша устремилась к Москве. На пути лежало Рязанское княжество. Летописец, современник событий, а возможно, и их участник, отметил, что правитель княжества «князь Олегъ Рязаньскыи обведе царя около всее своеи земли и указа ему вся броды на Оцѣ». Это было настоящим предательством. В ст. 12 московско-рязанского договора 1381 г. было прописано: «А буде*т* немиръ кн(я)зю великому Дмитрію и брату е*г*(о), кн(я)зю Воло*ди*меру, с Татары, кн(я)зю великому Ѡлгу быти со кн(я)земъ с великимъ съ Дмитриемъ и сь е*г*(о) братомъ с одиного на Татаръ и битисѧ с ними». Услуга, оказанная Олегом Рязанским Тохтамышу, оказалась трагической для москвичей. Без всякого сопротивления татары захватили и сожгли Серпухов, грабили и жгли села на пути к Москве, обманом взяли Москву, растащили имущество жителей и подожгли Кремль. Уход восвояси, Тохтамыш, перейдя Оку, «взя всю Рязанскую землю, и огнемъ пожже и люди посѣче, а полона поведе в Орду множество бещисленое. Князь же Олегъ Рязаньскыи то видѣвъ, побѣже». Сразиться с большой ордынской армией у Олега просто не было сил.

Когда осенью 1382 г. в Москву вернулись ее князья Дмитрий Московский и Владимир Серпуховский, их глазам предстало мрачное зрелище. Город был разграблен и сожжен, всюду валялись уже никому не нужные вещи, а главное — не захоронены многочисленные трупы людей. Таковы были последствия изменнического поведения рязанского князя. И за это он должен был отвечать. Дмитрий послал на Рязань рать. «На ту же осень князь великыи Дмитрии Иванович посла свою рать на князя Олга Рязанскаго, — сообщает летопись, — князь же Олегъ Рязанскыи не во мнозѣ дружинѣ утече, а землю всю до остатка взяша и огнемъ пожгоша и пусту сотвориша пуще ему и татарьскые рати»[188].

Московское отмщение надолго запомнилось рязанскому князю. Два года он копил силы. А в конце зимы (по древнерусским представлениям о временах года) 1385 г. начал войну с Московским княжеством. Вот как описывает это событие тверской летописный свод 1411 г.: «Мѣсяца марта въ 25, въ Благовѣщение святыя богородица, в Лазареву суботу князь Олегъ Рязанскыи суровѣишии взя Коломну изгоном, а намѣстника изнима Александра Андреевича, нарицаемыи Остѣя, и прочих бояръ и лѣпших мужеи поимавъ, поведе съ собою, и злата, и сребра, и товара всякого наимався, отиде и возвратися въ свою землю съ многою корыстию»[189]. Коломна была крайним юго-восточным городом Московского княжества, центром личного

[188] ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 146.

[189] Там же. Стб. 150.

домена великого князя Дмитрия Донского, с коломенскими волостями граничили земли Рязанского княжества. Она была очень удобным объектом для нападения рязанского князя. Захват Коломны Олегом преследовал явно грабительские цели. Летопись четко характеризует то, что было взято рязанцами: золото, серебро, разнообразные товары. В плен же попали, кроме коломенского наместника Дмитрия Донского, бояре и лучшие люди, за которых можно было получить крупные выкупы. Московские князья, хотя и не сразу, отреагировали на грабительские действия Олега Рязанского. Были собраны значительные силы, и 9 мая 1385 г. на земле Рязанского княжества появились московские ратники под командованием серпуховского князя Владимира Андреевича. Но суровейший Олег Рязанский не терял времени даром. Он сумел хорошо подготовиться к ожидаемому вторжению москвичей. Рязанские войска были наготове, и они оказали упорное сопротивление Владимиру Серпуховскому. В одном из сражений рязанцы «убиша князя Михаила сына Андреева Полотского Олгердовича», сына сподвижника Дмитрия Донского. Владимиру Серпуховскому пришлось отступить. Начались переговоры о мире. Но ободрившийся Олег Рязанский мириться никак не хотел. Тогда в Рязанское княжество с дипломатической миссией был послан настоятель Троице-Сергиева монастыря Сергий Радонежский. Московский летописец подробно описал эту миссию: «Тое же осени в Филипово говѣние игуменъ Сергии, преподобныи старець, самъ ѣздилъ на Рязань къ князю Олгу о миру, преже бо того мнози ѣздили к нему, не возможе утолити его. Преподобныи же старець кроткыми словесы и тихими рѣчми и благоувѣтливыми глаголы, благодатию, вданою ему, много бесѣдова с ним о ползѣ души и о мирѣ и о любви. Князь же Олегъ преложи сверѣпьство свое на кротость и покорися, и укротися, и умилися душею, устыдѣся толь свята мужа и взя со князем с великым миръ вѣчныи»[190]. В Средние века русские князья часто заключали между собой договоры, рассчитанные на большие сроки — конец жизни этих князей и до смерти их детей. Но проходило время, и такие договоры из долгосрочных превращались в краткосрочные, от нескольких месяцев до одного-двух лет, так быстро менялась реальная обстановка и ее оценка правителями княжеств. Вся история рязано-московских отношений до 1385 г. соответствовала второму варианту развития подписанных договоренностей. И летописная фраза о том, что Олег Рязанский «взя со князем с великым миръ вѣчныи» могла бы расцениваться как дежурный литературный прием летописца, желавшего преувеличить успехи необычного московского дипломата. Но как показывает история Рязанского княжества, после 1385 г. у рязанских князей не было никаких военных столкновений с Москвой. Отношения между княжескими домами Москвы и Рязани были лояльными, иногда могли быть недружественными, иногда по-родственному теплыми, но они никогда не доходили до вооруженных стычек, тем более — войн. Мир 1385 г. действительно оказался вечным.

Для поддержания и развития начавшихся дружественных отношений стороны решили породниться. В 1387 г. Дмитрий Донской выдал свою дочь Софью за сына Олега Рязанского Федора.

Союз с Москвой позволил рязанскому князю решать задачи, которые стали волновать его больше всего. У западных границ Рязанского княжества все чаще стали появляться литовцы, претендовавшие на земли бывшего Черниговского княжества. Такие попытки вызывали и озабоченность Москвы, стремившейся установить военный и торговый контроль хотя бы над верхним

[190] ПСРЛ. Т. 18. С. 137.

течением Дона. В данном случае интересы Рязанского и Московского княжеств совпадали, и инициатива одной из сторон могла быть поддержана другой. В августе 1401 г. Олег Рязанский вместе со смоленским князем Юрием Святославичем пришел к Смоленску, который захватил литовский великий князь Витовт. Смольняне отворили ворота своему князю. Юрий вошел в город, расправился с литовскими наместниками, в числе которых оказался брянский князь Роман Михайлович, и занял свой отчинный стол[191]. В 1402 г. Олег Рязанский направил своего старшего сына Родослава походом на Брянск. Цели этой операции не вполне ясны. Речь, видимо, шла о борьбе за Брянск с Литвой. Однако поход Родослава цели не достиг. Литовские воеводы князья Семен-Лугвений Ольгердович и Александр Патрикеевич Стародубский встретили рязанское войско у Любутска, стоявшего на правом берегу р. Оки при впадении в нее р. Любутки[192]. Произошел бой, который закончился победой литовцев. Рязанцы были разбиты, а князь Родослав попал в плен. Его привели к литовскому великому князю Витовту. Тот приказал сковать рязанского князя и бросить в темницу, где он пробыл три года. Только тогда за 3 тыс. руб. выкупа его отпустили домой.

Этого уже не знал его отец князь Олег Рязанский. Он умер 5 июля 1402 г. Для Рязанского княжества Олег сделал немало. При нем были прекращены кровавые расправы рязанских князей между собой. Усилились авторитет и значение центральной власти — великого князя рязанского, который начал борьбу за подчинение пронских князей. Князь Олег Иванович построил, видимо, в конце своей жизни, Ольгов монастырь, в котором и был похоронен.

На этой церемонии не было старшего сына князя Олега Ивановича Родослава, который продолжал томиться в литовской темнице. Поэтому на рязанский великокняжеский стол был посажен другой сын Олега — Федор, шурин великого князя всея Руси Василия I. Став по стечению обстоятельств великим князем рязанским Федор поспешил укрепить свое положение. Уже 2 сентября 1402 г. в Москве он заключил договор с московским великим князем Василием Дмитриевичем. По этому соглашению он признавал себя «братом молодшим» «старейшего брата» Василия и должен был поддерживать его внешнюю политику. Особое внимание уделялось совместным действиям Москвы и Рязани против Орды и Литовского государства. Уточнялись границы между Рязанью и Москвой. Василий I возвращал Федору Рязанскому бывшие рязанские владения Тулу и Берестий. Московским князьям предписывалось «в землю в Рязанскую и во кн(я)зи в рязанские не вступатися». Московские князья, со своей стороны, требовали от Федора Рязанского заключения мирных соглашений с великим князем Иваном Владимировичем (видимо, Пронским) князем Семеном Романовичем Новосильским и тарусскими князьями «по давным грамотамъ». Большое внимание в договоре 1402 г. было уделено действиям судий совместных третейских судов. Василий I выговорил себе право быть в некоторых спорных делах третейским судьей. На несколько лет договор 1402 г. стал главным документом, определявшим отношения между Рязанью и Москвой. Через три года в Рязанском княжестве появился отпущенный Витовтом Родослав. За него рязанцам пришлось заплатить, как уже говорилось, 3 тыс. руб. выкупа. Для тех времен то была значительная сумма. Достаточно сказать, что несколько позднее, в 1408 г., ордынский эмир Едигей, осадивший Москву, за

[191] ПСРЛ. Т. 18. С. 149.

[192] *Болдин И. В.* Раскопки городища I (Любутск) у с. Троицкое (Ферзиковский район Калужской области) // АО 1996 года. М., 1997. С. 83.

прекращение осады взял с москвичей тоже 3 тыс. руб.[193] Вернувшись на родину, Родослав отказался от борьбы за рязанский великокняжеский стол и вообще от политической деятельности. Считается, что в 1407 г. Родослав умер. Однако в первоисточнике говорится о смерти не Родослава Ольговича, а о смерти Ярослава Ольговича Рязанского[194]. Если припомнить, что при описании событий 1380 г. летопись говорит о бегстве из своего княжества князя Олега Ивановича с детьми (множественное, а не двойственное число), то у него могло быть не два сына, а больше. Вопрос о том, кто из сыновей Олега Рязанского умер в 1407 г., приходится оставить открытым.

На следующий год после описанного события в Рязанском княжестве разразилась жестокая междоусобная борьба. Князь Иван Владимирович Пронский, пользуясь тем, что московский князь Василий I был занят войной со своим тестем, великим князем литовским Витовтом, и не мог влиять на политическую жизнь в соседних с Москвой русских княжествах, в том числе и Рязанском, привлек на свою сторону татар и согнал с рязанского стола князя Федора Ольговича. Тот «бѣже за Оку, а князь Иванъ сѣде на обою княжению»[195]. Бегство князя Федора за Оку означало обращение за помощью к Москве. Помощь эта была оказана. Федору были приданы московские полки, располагавшиеся в Коломне. Командовал ими воевода Игнатий Семенович Жеребцов. Получив нужное подкрепление, князь Федор выступил против своего победителя, но снова был разбит. В бою погиб воевода Жеребцов, «и Коломничь побиша многихъ». Князю Федору Ольговичу пришлось примириться с Иваном Пронским. Великое княжество Рязанское осталось за Федором[196], но какие-то уступки пронскому князю он должен был сделать.

В рязанских пределах татары появились еще раз через семь лет. В летописях было отмечено, что в 1415 г. «повоеваша Татарове Елечь градъ, Рязанскую землю»[197]. Елец стоял на р. Быстрая Сосна, правом притоке Дона. Значение Ельца состояло в том, что он контролировал территорию верхнего Подонья. Когда елецкие земли перешли под рязанский контроль, точно сказать нельзя. Но при Иване III они стали московскими.

Два договора великого князя литовского Витовта с рязанскими князьями рисуют положение Рязанского княжества в начале второй четверти XV в. Один из них был заключен с великим князем рязанским Иваном Федоровичем[198], другой — с великим князем пронским Иваном Владимировичем[199]. Указания на этих союзников Витовта свидетельствуют о том, что конфликт, разыгравшийся в 1408 г. в Рязанском княжестве, кончился тем, что Федор вернул себе Рязанское княжество, которое он после своей смерти завещал сыну Ивану, а пронский князь Иван Владимирович сохранил за собой Пронское княжество, повысив при этом свой титул — великий князь пронский. Долгое время оба литовско-рязанских договора датировались вслед за А. Е. Пресняковым и повторявшим его Л. В. Черепниным временем около 1430 г. Но теперь выяснилось, что они были составлены в июле 1427 г. при посещении Витовтом своих восточных владений. Договоры существенно меняли политическое положение и великого князя рязанского, и великого князя пронского. Оба они просились «в службу» к великому князю литовскому, и Ви-

[193] ПСРЛ. Т. 18. С. 143.
[194] ПСРЛ. Т. 6, вып. 2. Стб. 27.
[195] ПСРЛ. Т. 18. С. 154.
[196] См. поздний комментарий этих событий: ПСРЛ. СПб., 1856. Т. 7. С. 243.
[197] ПСРЛ. Т. 18. С. 162.
[198] ДДГ. № 25.
[199] ДДГ. № 26.

товт милостиво разрешал им это сделать: «Г(о)с(поди)ну, ѡсподарю мосмоу, великом(у) кнѧз(ю) Витовтоу, се язъ, кнѧз(ь) велики Иван Федорович Рѧзаньскы, добилъ есми челом, далъсѧ есми ему на слоужбоу. И ѡсподарь мои, кнѧз(ь) велики Витовтъ, принѧл мен(ѧ), кнѧз(ѧ) великого Ивана Федорович(а), на слоужбу». Такова же преамбула и договора Витовта с пронским великим князем Иваном Владимировичем, только там имя Ивана Федоровича Рязанского изменено на имя князя Ивана Владимировича. Превращение рязанских князей в заурядных вассалов литовского великого князя было связано с главным обязательством, которое должны были взять на себя эти князья: «А будет ли которая налога великому кнѧз(ю) Василию Васильевич(ю), внуку е*г*(о), а ис которые стороны, а възвелит ми кнѧз(ь) велики Витовтъ, и мнѣ, кнѧз(ю) великому Ивану Федорович(ю), по е*г*(о) велѣнию пособлѧти ему на всѧко*г*(о)». Витовт брал под свою защиту внука, малолетнего и осиротевшего московского великого князя Василия II, и хотел, чтобы в этом ему помогали все зависевшие от него княжества. А зависимость нужно было оформить юридически.

В письме от 14 сентября 1427 г. великому магистру Тевтонского ордена Паулю фон Русдорфу Витовт поделился впечатлениями от встречи при заключении рассмотренных договоров с рязанскими, переяславльскими, пронскими, новосильскими и другими князьями, имевшими владения в бассейне верхнего и среднего течения р. Оки. Литовский великий князь отметил, что «принимали нас везде с большими почестями и дарили золотом, серебром, конями, соболиными шубами»[200]. Наличие таких даров не только у великих, но даже у правителей удельных княжеств свидетельствует о том, что весь регион, включая и Рязанское княжество, к началу второй четверти XV в. приумножал свое достояние и имел прочные торговые связи с районами развитого коневодства и добычи ценной пушнины.

В роли служебных князей литовского великого князя Витовта правители Рязанского княжества пробыли недолго. Осенью 1430 г. Витовт умер, и подписанные с ним договоры потеряли свою силу. Однако внешние обстоятельства продолжали оказывать свое влияние на внутреннее состояние Рязанского княжества. В частности, начавшаяся в Московском княжестве борьба за московский великокняжеский стол повлияла и на внутриполитическое развитие Рязани. В 1434 г. второму сыну Дмитрия Донского звенигородскому и галичскому князю Юрию удалось захватить Москву и водрузиться на великокняжеском столе. Нуждаясь в союзниках, он поспешил заключить соглашение со своим соседом — рязанским князем Иваном Федоровичем.

В этом договоре статус Ивана Федоровича признавался гораздо более высоким, чем в литовско-рязанском договоре 1427 г. Рязанский князь провозглашался племянником московского великого князя Юрия Дмитриевича. Последний же считался дядей своего территориального соседа. За князем Иваном признавалось право на Переяславль и Пронск, из чего можно заключить, что княжество в последнем было Иваном Федоровичем упразднено. Пронск был присоединен к Рязани. Тем не менее князь Иван утверждал, что с пронскими князьями у него отношения мирные, а потому требовал, чтобы московский князь во внутренние дела рязанских князей не вмешивался. Со своей стороны Иван Рязанский обязывался быть в мирных отношениях с тарусским князем, давним союзником князя Юрия Дмитриевича, а также с новосильскими князьями, если они заключат договор с тем же князем Юрием. Много

[200] *Базилевич К. В.* Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века. С. 39.

места в договоре заняли описания границ между Рязанью и Москвой, а также действий судов при рассмотрении спорных дел между рязанцами и москвичами. Эти статьи договора 1434 г. в принципе повторяли соответствующие статьи договора 1402 г. Впрочем, особенности соглашения 1434 г. значили мало в повседневной жизни того времени. Великий князь всея Руси Юрий Дмитриевич после заключения договора с рязанским князем Иваном прожил очень немного, несколько месяцев или даже недель. Его кончина означала аннулирование соглашения.

Тем не менее оно укрепило связь рязанского правящего дома с семейством Юрия Дмитриевича. В Москве появился переяславский князь Роман. Он помогал старшему сыну князя Юрия Дмитриевича Василию, который объявил себя наследником отца, самовольно занял великокняжеский стол и попытался присвоить золото и серебро великокняжеской казны. Сторонники Василия II заставили Василия Юрьевича бежать из Москвы. Вместе с ним бежал и переяславский князь Роман. Укрыться беглецы рассчитывали в Новгороде Великом. Но когда они его достигли, Роман решил покинуть князя Василия. Тому это не понравилось. Он отправил за оставившим его переяславским князем погоню. Погоня настигла ушедшего и представила его князю Василию Юрьевичу. Тот ему «повелѣ отсѣщи роукоу и ногоу, и оумре»[201]. Так трагически закончил свою жизнь переяславский князь Роман, видимо, не отыскавший достойного места для себя в Рязанском княжестве, перешедший в поисках лучшего в Московское княжество, но нашедший там только свою гибель.

В 1443 г. Рязанское княжество подверглось нападению татарского царевича Мустофы. Тот пришел с большим количеством татар, которые опустошили Рязанское княжество. После этого Мустофа попросился впустить его как гостя в столицу — Переяславль. Князь Иван Федорович выполнил просьбу. Но в скором времени получил известие, что на помощь рязанцам движется московская рать во главе с князем Василием Оболенским и московским боярином Андреем Голтяевым. С ними великий князь Василий II отпустил и свой двор. Тогда Мустофу попросили покинуть город. Тот, не подозревая плохого, ушел в свой военный лагерь, который он разбил у стен Переяславля. На этот лагерь и напали московские воеводы. Летопись пишет, что «бысть имъ бои крѣпокъ». Татарам удалось убить одного из московских воевод — Илью Ивановича Лыкова, но главное сражение они проиграли. Царевич Мустофа был убит, вместе с ним погибло много его князей и рядовых ратников, а некоторые татарские князья вместе с их воинами попали в плен[202]. Эта московская поддержка приостановила нападения кочевников на Рязанское княжество. Во всяком случае рязанский князь Иван Федорович до конца своих дней уже не сталкивался с татарской угрозой.

Иван Федорович умер весной 1456 г. Незадолго до этого скончалась его жена. Их дети — сын Василий, которому было 8 лет, и дочь Феодосия — стали круглыми сиротами. По-видимому, они были детьми от второго брака князя Ивана Федоровича. Последний, предчувствуя свою близкую кончину и возможную борьбу между своими родственниками за Рязанское княжение, обратился к своему двоюродному брату великому князю Василию II с просьбой, чтобы он озаботился Рязанским княжеством и судьбой княжича Василия. Московский родственник ответил согласием. Когда Иван Федорович скончался, Василий II «сына его и з сестрою его Феодосиею взятъ его къ себѣ на Москву, а на Рязань посла намѣстникы своя и на прочая грады его, и на власти»[203]. В отличие от 1380 г.,

[201] ПЛ. Вып. 2. С. 45.
[202] ПСРЛ. Т. 18. С. 192.
[203] Там же. С. 212.

когда Дмитрий Донской посадил своих наместников во всех городах Рязанского княжества, его внук в 1456 г. не только повторил акцию деда, подчинив себе рязанские города, но взял в свои руки и контроль над волостями Рязанского княжества, назначив туда волостелями своих людей. Такие действия Василия II означали, что фактически Рязанское княжество становится московским владением.

Впрочем, москвичи действовали на Рязанщине осмотрительно, но и не без выгоды для себя. В московско-рязанском соглашении 1483 г. говорится о приобретении Василием II на правом берегу Оки рязанских Тешилова, Венева и Растовца. Московский великий князь купил их, а не захватил. Примерное время такого приобретения — 1456—1461 гг.

Положение Рязанского княжества под московским управлением имело свои плюсы. Когда в 1460 г. на Рязань напал хан Большой Орды Ахмат «со всею силою», то жители осажденного им Переяславля организовали стойкую оборону. Летопись отмечает, что «многу же язву приаша воя его (Ахмата. — *В.К.*) отъ гражанъ, избиени быша мнози, уязвлени, и ничтоже успѣвъ граду тому, съ срамомъ отступи от него и отъиде въ Поле»[204]. В 1460 г. Рязанское княжество продолжало находиться под управлением московской администрации, и именно она должна была организовать отпор хану Большой Орды. Возможно, что как раз в это время в арсенале Рязани появились артиллерийские орудия, отсюда большие потери Ахмата при попытках штурма Переяславля, причем не только убитыми, но и ранеными.

В 1460-е годы стала проявляться новая черта в развитии не только Рязанского княжества, но и Рязанской епархии. На Рязанскую кафедру стали назначаться люди, определенным образом связанные с Москвой. Так, в январе 1462 г. скончался рязанский епископ Евфросин Звенец, а 1 февраля того же года на его место был поставлен епископ Давыд, «иже былъ преже казначѣи Ионы митрополита»[205]. Рязанский епископ Иона и до своего выбора на митрополичью кафедру, и после выбора тесно сотрудничал с московскими князьями.

Московское управление Рязанским княжеством продолжалось до 1464 г. Осенью 1463 г. новый великий князь всея Руси Иван III и его мать, вдовая великая княгиня Мария Ярославна, решили отпустить «на Рязань, на его отчину на великое княжение» Василия Ивановича. Княжичу исполнилось 17 лет, и по годам он давно уже мог быть рязанским князем (в XV в. взрослым считался человек, которому исполнилось 12 лет). Но в Москве, видимо, не спешили возвращать родственнику рязанский стол, выбирая для этого наиболее благоприятную для себя ситуацию. Князь Василий отправился в свою отчину, но в январе 1464 г. вернулся в Москву, сыграл свадьбу с сестрой Ивана III Анной и с ней уехал в Рязань. Новая семья явно не отвечала церковно-каноническим нормам своего времени. Анна приходилась троюродной теткой своему мужу, соответственно князь Василий Иванович был троюродным племянником своей жены. В такой близкой степени родства браки православной церковью запрещались. Но летописец не напрасно написал, что будущее жившего в Москве рязанского князя определяла вдовая великая княгиня Мария Ярославна. Она сама была замужем за родственником. Василий II приходился ей четвероюродным братом. Так что Мария знала, как выходить из щекотливых родственно-брачных ситуаций. Знала она, и что надо делать, чтобы удерживать власть в отдаленных от Москвы местах. После ослепления своего мужа она 16 лет помогала ему управлять

[204] ПСРЛ. Т. 18. С. 214.

[205] Там же. С. 215.

Московским княжеством. Женитьба 1464 г. рязанского князя Василия Ивановича на московской княжне еще более сближала Рязанское княжество с Москвой и делала предсказуемым его политическое развитие.

Дальнейшие 1460—1470-е годы прошли в Рязанском княжестве без внутренних осложнений и внешних потрясений, чему способствовали связи с Москвой. В мае 1469 г. рать, посланная Иваном III на Казань, сумела освободить от татарского плена жителей многих русских городов и весей, в том числе рязанцев[206]. В начале декабря 1471 г. на Рязанскую кафедру был поставлен Феодосий, до этого возглавлявший Чудов монастырь в Московском Кремле. Весной 1480 г. его сменил епископ Симеон, бывший духовник митрополита Геронтия. Связи с Москвой, таким образом, крепли и по церковной линии[207].

Рязанский великий князь Василий Иванович скончался 27 октября 1482 г. Его преемником на рязанском столе стал его старший сын Иван Васильевич, родившийся 14 апреля 1467 г.[208] 9 июня 1483 г. в Москве юный князь заключил договор с Иваном III. Соглашение не было равноправным. Иван III, продолжавший править в расширившемся Московском княжестве, объявлял себя и своего сына-первенца Ивана Молодого «братьями старейшими» рязанского князя. Тот по отношению к ним признавался «братом молодшим», хотя и сохранял титул великого князя. В области внешней политики Иван Рязанский должен был следовать за московскими правителями, всегда быть на их стороне как в мирное, так и в военное время. Такие требования становились особенно актуальными при частых конфликтах с Литовским государством и различными татарскими ордами. Москва, со своей стороны, обязывалась оборонять Рязань в случае нападения на нее литовцев или татар. Что касается отношений внутренних, московско-рязанских, то соглашение 1483 г. фиксировало основные владения сторон, но подробнее говорило о городах и волостях, расположенных на московско-рязанских рубежах, с той и другой стороны. В частности, впервые указывалось на принадлежность Ельца и елецких мест Москве. Можно думать, что они были приобретены Иваном III после стояния на Угре в 1480 г. и гибели в январе 1481 г. хана Большой Орды Ахмата. Традиционно большое внимание уделялось в договоре 1483 г. деятельности совместных судов, преимущественно в приграничных районах, где москвичи и рязанцы спорили между собой особенно часто. Еще две важные особенности выделяют соглашение 1483 г. из числа других московско-рязанских соглашений подобного типа. Во-первых, в нем не упоминается Пронск. Возможная причина заключается в том, что Пронск вышел из-под контроля нового великого князя рязанского Ивана Васильевича. Во-вторых, в договоре 1483 г. совершенно не фигурирует младший брат Ивана Васильевича Рязанского князь Федор Васильевич. В летописях его имя встречается единственный раз. Они сообщают, что в конце осени 1492 г. Иван III направил большое войско во главе со своим сестричем (сыном сестры) князем Федором Васильевичем Рязанским против литовских воевод из Смоленска[209]. Едва ли в 1483 г. этот князь был так мал и незначителен, что его имя даже не попало в московско-рязанское докончание. Скорее всего, между братьями Иваном и Федором произошел разрыв. Недаром в 1492 г. Федора посылал воевать с Литвой Иван III, а не старший брат. Младший брат служил великому князю

[206] Там же. С. 221.
[207] Там же. С. 236, 269.
[208] ПСРЛ. СПб., 1859. Т. 8. С. 152.
[209] ПСРЛ. Т. 18. С. 277.

всея Руси. В Рязанском княжестве он не жил. Так продолжалось до 1496 г.

В середине лета 1496 г. в столице Рязанского княжества состоялась встреча обоих сыновей рязанского князя Василия Ивановича. Иван и Федор заключили между собой союз, который нарушился только после смерти одного из них. Оформленный 19 августа 1496 г., документ раскрывает внутренний строй Рязанского княжества, определяет размеры земельных владений великого князя и князя удельного, а также их матери, вдовой великой княгини Анны, обрисовывает функции и права великокняжеской и удельнокняжеской власти, административных представителей этой власти, положение белого и черного духовенства, непосредственных производителей различных профессий.

Уже из преамбулы договора следует, что он касается главным образом отношений между старшим и младшим братьями. Последний из них возвращался на свой рязанский удел. Договор, составленный от имени младшего из братьев Федора и адресованный старшему брату Ивану (этот договор сохранился в подлиннике), выделяет главное обязательство Федора: «А тебѧ ми, г(осподи)не, великоѓ(о) кн(я)зѧ, и твое великое кн(я)жен(ь)е держати честно и грозно, без обиды» (ст. 3). Федору передавался его удел, завещанный ему его отцом Иваном Васильевичем. По своим размерам удел Федора составлял одну треть Рязанского княжества («А что м(а)ти наша взѧла оу тобѧ, оу моеѓ(о) брата, ис твоеи трети четверть, и то м(а)ти н(а)ша вѣдаеѓ до живота» — ст. 26). Это был Старорязанский уезд с относившимися к нему анклавными местами. Кроме того, от матери и старшего брата Федор получил г. Перевитск и район в столичном Переяславле («А чѣѵ менѧ, г(осподи)не, бл(а)-г(о)с(ло)вил о(те)цъ нашѵ, княз(ь) велики Василеи Иванович, да и ты, кнѧз(ь) велики Иван Васил(ь)евич, с н(а)шею м(а)т(е)рью, великою кн(я)г(и)нею Анною, ѡтделили есте мнѣ в Переславли Пе[ревитескъ] и Резан(ь) Старую с волостми и сѡ(ъ ѣждими мѣсты...»). Если удел младшего брата составлял одну треть, то удел великого князя в Рязанском княжестве был равен двум третям. Одну четверть владений каждого сына забирала себе их мать, великая княгиня Анна. Таким образом, договор 1496 г. закреплял права на владения в Рязанском княжестве трех лиц: великого князя Ивана Васильевича (половина княжества) перевитского князя Федора (четверть княжества) и их матери великой княгини Анны (четверть княжества).

Главную роль среди перечисленных родичей играл великий князь Иван Васильевич. Он сосредоточивал в своих руках все вопросы внешней политики, начиная с дипломатических отношений с другими государствами до войн и заключения мира с ними. Удельный князь мог действовать только в русле такой политики, не имея права самостоятельных сношений с другими правителями, обязанный участвовать во всех походах и войнах, которые начинал великий князь. Даже когда великий князь в поход не ходил, оставался дома, он мог послать на войну удельного князя («А гдѣ ми тобѧ послати, и теб(ѣ) поити без ѡслушан(ь)я» — ст. 32).

Внутренняя жизнь Рязанского княжества также контролировалась великокняжеской властью. Главные налоги устанавливались великим князем, судебная система также вводилась им. Внутри каждого удела действовали свои сборщики налогов и свои судьи, вмешательство со стороны в их деятельность запрещалось, но в столице княжества Переяславле, где были дворы и великого князя, и удельных князей, власть последних сильно ограничивалась. В столице действовал великокняжеский наместник, удельнокняжеский третчик исполнял наместничьи функции в отношении людей удельного князя. В судебных столичных процессах они участвовали вместе. Но если наместник вел суд, то третчик пассивно присутствовал на суде и лишь для того, чтобы получить

свою долю штрафа, который накладывался на виноватого. Великий князь имел право судить третчика удельного князя, его тиуна и приставов. Только великий князь вершил столичные дела по убийствам, разбоям и воровству с поличным — самым тяжелым уголовным преступлениям. За такие деяния наказывали смертной казнью, изгнанием, крупными денежными штрафами, которые шли в великокняжескую казну. Но свобода людей нормальных охранялась. Согласно ст. 93, великий и удельный рязанские князья договаривались о том, что «бояромъ и дѣтемъ боярскимъ, и слугамъ, и хр(е)стьяномъ межи насъ волнымъ волѧ». Пограничное положение Рязанского княжества усиливало внутренние перемещения населения, и чтобы сохранить его, рязанские князья шли на отказ от попыток закрепощения крестьян.

Признавая важный вклад церкви в хозяйственное и идеологическое развитие княжества, составители договора 1496 г. вписали в него положения о невмешательстве светской власти в имущественные дела Рязанского епископата и рязанских монастырей. Церковь должна была выполнять два требования высшей светской власти: выплачивать некоторые подати и представлять дела по тяжелым уголовным преступлениям на суд великого князя («А знаютъ вл(а)д(ы)чни люди твою, великоѓ(о) кн(я)зѧ, данъ(ь) и ямъ, и городъ рубѧтъ» — ст. 72; «А судъ твои, великоѓ(о) кн(я)зѧ, надо вл(а)д(ы)чними людми въ д(у)шегубствѣ, и в розбои, и в татбѣ» — ст. 73).

Особой неприкосновенностью пользовались служние люди, обеспечивавшие повседневную жизнь княжеских семей и княжеских дворов. Их знали и делили наперечет, они обладали редкими профессиями. Последнее заставляло князей договариваться между собой о запрещении их переманивания от одного князя к другому: «А что н(а)ши люди деленыи ловчане, и они свои мѣста и оухожаи вѣдаютъ по старинѣ, и городскіе рыболове, истобники, псари, подвозники мѣховыи, подвозники кормовыи, и садовники ястреб(ь)и, подвозники медовыи, и гончѧры, неводчики, и бобровники, и иные кои мои люди дѣленыи, а конокормы по рубеж, и в то теб(ѣ), моему брату, во все не вступатисѧ, ни под(ъ)искивати, ни твоимъ дѣтемъ под моими дѣтьми» (ст. 48).

Задумывались составители договора 1496 г. и о более отдаленном будущем. Ст. 23 обязывала удельного князя Федора в случае его смерти и отсутствия детей передать свой удел брату, великому князю: «А не будетъ у менѧ дѣтеи, и мнѣ, г(осподи)не, своеи ѿчины не ѿдавати никоторою хитростью мимо тебѧ, великоѓ(о) кнѧз(я)». Сходное обязательство давал и великий князь Иван: «А не будетъ, г(осподи)не, у тебѧ дѣтеи, и тебѣ, великому кн(я)зю, велїкимъ кн(я)женъ(ь)емъ благословити менѧ, своеѓ(о) брата» (ст. 21). Однако оборота «не ѿдавати никоторою хитростью мимо тебѧ» в этом обязательстве не было. Возможно, это намек на договоренности князя Федора с Иваном III. Таким образом, договор 1496 г. определял будущее Рязанского княжества как суверенного государственного образования, хотя и лишенного северо-западным соседом своих западных и юго-западных приобретений: Вснева, Тешилова, Растовца, Ельца и елецких мест.

Но буквально через несколько лет состав рязанского княжеского дома сильно изменился. Как сообщает Никоновская летопись, 29 мая 1500 г. в пятницу преставился великий князь рязанский Иван Васильевич, «а по немъ сынъ его Иванъ остался полупята году»[210]. 29 мая в 1500 г. действительно было пятницей. Запись в этом отношении, следовательно, точна. Она говорит о том, что в семье великого князя рязанского появился сын. Но указанный в летописи возраст осиротевшего княжича смущает. «Полупята году» — это четыре с половиной года. В таком случае княжич должен был ро-

[210] ПСРЛ. СПб., 1901. Т. 12. С. 251.

диться в середине 1495 г. Однако рязанский договор от 19 августа 1496 г. прямо говорит о том, что никаких сыновей ни у Ивана, ни у Федора не было. Скорее всего, маленький Иван Иванович появился на свет после 19 августа 1496 г. Как поступили родственники с наследием умершего князя, неизвестно. Можно указать на две возможности. Или главный стол Рязанского княжества был завещан рязанским великим князем Иваном малолетнему сыну, или отдан брату Федору по договору 1496 г. В апреле 1501 г. умирает великая княгиня рязанская Анна Васильевна, мать Ивана и Федора[211]. Принадлежавшая ей четвертая часть Рязанского княжества переходит к сыну Федору и внуку Ивану. Последним из взрослых представителей рязанского княжеского дома умирает князь Федор Васильевич. В составленном в сентябре 1503 г. завещании Ивана III он фигурирует как усопший, передавший Москве те земли, которыми он владел по договору 1496 г.[212], включая одну четверть его земель, которыми временно распоряжалась его мать. Данный факт дает основание полагать, что после смерти старшего брата Ивана Федор не получил великого княжения рязанского, оно отошло к Ивану, маленькому сыну Ивана Васильевича. Он и его мать остались к 1503 г. единственными представителями рязанского княжеского дома. У Ивана III не было никаких реальных препятствий для фактического обладания Рязанским княжеством.

Великий Новгород

Основные тенденции развития Великого Новгорода в рассматриваемый период могут быть определены следующим образом. Это эволюция и усложнение республиканского строя; институционализация политической системы и нарастание в ней (впрочем, не во всем последовательное) олигархических тенденций; диверсификация социального строя (появление новых социальных категорий и появление наименований, их обозначающих); развитие политической идеологии и риторики (возникновение новых форм их репрезентации и актуализация старых); выстраивание принципиально важных для экономики Новгорода отношений с Ганзейским союзом торговых немецких городов; попытки найти свое место в сложной политической картине Восточной Европы того времени, определявшейся взаимоотношениями между крупнейшими державами: Великими княжествами Литовским и Московским, а также Ордой.

В центре новгородской политической системы по-прежнему находился политический коллектив, новгородское политическое сообщество, которое, как считалось, и управляло Новгородской землей. В действительности, от его имени решения принимали собрание этого политического сообщества (вече) и избиравшиеся им должностные лица: посадник, тысяцкий, новгородские архиепископ и архимандрит (глава системы новгородских монастырей с резиденцией в Юрьевском монастыре). Как правило, вече рассматривало и решало основные вопросы, а должностные лица осуществляли повседневное управление и вершили суд. Однако разделения властей в Новгороде (как и во всех средневековых республиках) не существовало, и теоретически (а нередко и на практике) вече могло как рассмотреть любой вопрос, затрагивающий интересы новгородцев, так и автоматически делегировать решение любого вопроса должностным лицам, если он не

[211] ПСРЛ. Т. 6, вып. 2. Стб. 364.
[212] ДДГ. № 89. С. 357—358.

вызывал каких-то споров. В любом случае считалось, что решения принимаются «всем Великим Новгородом», т. е. политическим сообществом в целом — будь то напрямую, «на вече», или через выборных магистратов. Полномочия «Великого Новгорода» распространялись на всю территорию гигантской Новгородской земли.

Важную роль в разных сферах общественно-политической жизни играли корпоративные структуры. Так, купеческие старосты не только участвовали в суде по торговым делам, который возглавлял тысяцкий, но и активнейшим образом действовали во внешней политике Новгорода, прежде всего, на ганзейском направлении. Имеются сведения о влиянии, которое имело в XIV—XV вв. крупнейшее объединение новгородских купцов, Иванское купечество, в Русе и Торжке (через патронат над городскими соборами и даже получение части податей с доходов, видимо, от соляного промысла в Русе)[213].

Широкими и далеко выходящими за пределы чисто церковной компетенции были функции архиепископа и архимандрита — и во внутренней, и во внешней политике. Специфической и очень важной в условиях Новгорода, где отсутствовала жесткая единоличная власть, была функция архиепископа как своего рода медиатора, посредничающего между различными кланово-территориальными группировками или даже между новгородцами и находившимися в Новгороде ганзейскими купцами. Важную роль в центре и на местах играл судебно-административный аппарат новгородского владыки. В ряде регионов Новгородской земли (Ладога, Торжок, Двинская земля, Корела) республиканская власть могла быть представлена фактически владычными наместниками, полномочия которых причудливым и не всегда до конца понятным образом сочетались с юрисдикцией назначаемых из Новгорода посадников с их служилыми людьми — тиунами — и местных элит и структур самоуправления[214]. Как предположил В.Л. Янин на основании печатей, привешенных к трем жалованным грамотам, и ряда других данных, в качестве печатей новгородских концов могли использоваться печати связанных с этими концами монастырей[215].

В рассматриваемый период в сфере политического устройства и политической идеологии Великого Новгорода произошли определенные изменения. В конце XIV в. появляется такое наименование новгородского политического коллектива, как «(весь) господин Великий Новгород» (в известных источниках впервые упоминается в «Нибуровом мире» с Ганзой 1392 г.). Во второй половине XV в. (первые известные фиксации — в договоре Новгорода со Швецией и в жалованной грамоте Великого Новгорода Соловецкому монастырю 1468 г.) формула становится еще более распространенной: «весь господин господарь Великий Новгород»[216]. Эти обозначения акцентировали могущество и самостоятельность новгородско-

---

[213] *Флоря Б.Н.* О положении «Иванского купечества» в Новгороде домонгольского времени // НИС. СПб., 2011. Вып. 12 (22). С. 34—36; *Он же.* «Иванское» купечество в средневековом Новгороде // Города и веси средневековой Руси: Археология, история, культура: К 60-летию Н.А. Макарова. М.; Вологда, 2015. С. 303—304.

[214] *Янин В.Л.* Актовые печати Древней Руси: В 2 т. М., 1970. Т. 2. С. 86—87; *Малыгин П.Д.* О региональных (областных) владычных наместниках Новгородской земли // Великий Новгород в истории средневековой Европы: К 70-летию В.Л. Янина. М., 1999. С. 218—224.

[215] *Янин В.Л.* Монастыри средневекового Новгорода в структуре государственных институтов // *Янин В.Л.* Средневековый Новгород: Очерки археологии и истории. М., 2004. С. 237—244.

[216] См.: *Лукин П.В.* «Весь господарь Великий Новгород» в германоязычных документах XV века // Slovene. 2023. Т. 12. № 2. Чтение «государь», которое присутствует даже в опубликованных источниках, ошибочно; форма «государь» появляется не ранее конца XVI — начала XVII в. (*Бачинский А.А., Ерусалимский К.Ю., Кочековская Н.А., Моисеев М.В.* Дипломатическая переписка Ивана Грозного: Проблемы авторства, хранения и бытования // РИ. 2018. № 2. С. 111—112).

го политического сообщества и Новгородской республики. Если наименование себя «господином» уравнивало Новгород с великими князьями, которых новгородцы титуловали так же («господами»), то употребление понятия «господарь» по отношению к политическому коллективу уже прямо указывало на претензии на обладание тем, что позднее будет названо суверенитетом (в том числе и потому, что одновременно попытки наименования московских великих князей «господарями» в Новгороде, который формально считался их «отчиной», могли вызывать у новгородцев возражения)[217].

Эта же схема в известной мере воспроизводилась на локальном уровне. Сохранившиеся документы Славенского конца показывают, что аналогичная терминология применялась и к территориально-клановым общностям, из которых состоял «господин Великий Новгород». В центре кончанской политической структуры находился «весь Великий конец Славенский» (в другом документе — просто Славенский конец), а кончанские посадники и — явно подразумевающееся — кончанское вече действуют от его имени[218]. Низовой территориальной единицей в Новгороде была улица, которая также представляла собой самоуправляющуюся организацию во главе с уличанскими старостами (важные сведения о ее функционировании сохранились в ганзейских документах[219]). Кончанские и уличанские организации совместно решали вопросы, входившие в их сферу компетенции. В случае с улицами это, конечно, были хозяйственные и связанные с ними административно-юридические вопросы (разграничение вла дений), но при этом уличанская организаци могла непосредственно апеллировать к по саднику и тысяцкому, и те являлись к ули чанам по их требованию для разрешени конфликтной ситуации на месте[220]. Любо пытно, что к уличанским коллективам так же в XV в. применялись определения «вся» и «великая»: вся великая улица Нутная вся великая улица Рогатица[221]. Это говори о весьма высоком уровне развития локаль ной коллективной идентичности.

Такая система имеет мало общего с но воевропейскими политическими системами и, в частности, с представительной (репре зентативной) демократией. В рамках нов городской политической культуры счита лось, что политическое сообщество прави само, а не делегирует властные полномочия выборным представителям или тем более назначаемым чиновникам. Даже вече, наи более адекватно репрезентировавшее нов городское политическое сообщество, не воспринималось само по себе как «орган власти»: все решения, как единодушно свидетельствуют источники, формально принимались не вечем, а «всем (господином господарем) Великим Новгородом» *на вече*. Это может показаться условностью, но на самом деле это имело большое значение. Отсюда вытекали, в частности, такие характерные черты новгородской политической практики, как вечевые расправы с лицами, которые противодействовали воле «всего Великого Новгорода» (жертвой которых могли стать даже высшие должностные лица), или частые смены посадников и тысяцких, на что

---

[217] *Успенский Б.А.* «Господарь Великий Новгород»: Происхождение названия // ДРВМ. 2021. № 3 (85). С. 24—44, особенно с. 29—31.

[218] ГВНП. № 91. С. 148; № 112. С. 172.

[219] Например: HR. Leipzig, 1876. Abt. 2. Bd. 1. Nr. 217. S. 146—147. См.: *Лукин П. В.* Новгородское вече. 2-е изд. М., 2018. С. 293.

[220] HR. Abt. 2. Bd. 2. Nr. 325. S. 247—249. См.: *Клейненберг И. Э., Севастьянова А. А.* Уличане на страже своей территории (по материалам ганзейской переписки XV в.) // НИС. Л., 1984. Вып. 2 (12). С. 160—162; *Лукин П. В.* Новгородское вече. С. 308—310.

[221] ГВНП. № 111. С. 171; № 117. С. 175 (второй контекст явно подразумевает совместное принятие решений, вероятно, на уличанском вече).

жаловались иностранные партнеры Новгорода[222]. И то, и другое — не что иное как прямое проявление власти новгородского политического сообщества.

Эта система, естественно, не предусматривала существования сколько-нибудь разветвленного аппарата управления (даже такого довольно примитивного, который существовал в русских княжествах). Имелись специальные служители — подвойские и приставы, которые реализовывали решения веча и высших магистратов, в случае необходимости используя принуждение и даже телесные наказания[223]. С середины XV в. появляются упоминания вечевых дьяков — достаточно высокопоставленных должностных лиц (о чем свидетельствует их участие в посольствах), непосредственно связанных с вечем. В этой связи важны упоминания и в русских, и в ганзейских источниках еще в конце XIV — начале XV в. о скреплении печатями грамот на вече. Можно предположить, что вечевые дьяки отвечали именно за оформление принятых на вече решений и, соответственно, отвечали за их точную фиксацию[224].

Сложным, пестрым и очень далеким от единообразия было административно-территориальное устройство Новгородской земли. До сих пор не все здесь ясно. Условно территорию Новгородской земли можно разделить на две части: ядро, вошедшее впоследствии в состав пятин (пяти административно-территориальных единиц, которые были сформированы, по-видимому, когда Новгород уже оказался под властью Москвы), и периферия (относительно отдаленные от Новгорода и колонизованные позднее владения). Режим управления ими отличался. Если центральные территории Новгородской земли управлялись через погосты — податные и судебные центры, вокруг которых были объединены поселения-волостки, то с периферийных областей, простиравшихся вплоть до Северного Урала (в договорах Новгорода с князьями они назывались «волостями новгородскими»), где проживало в значительной степени неславянское (финно-угорское) население, собирали дань периодически отправлявшиеся туда новгородские отряды[225]. Естественно, новгородские власти стремились распространить постоянную систему властвования на все бóльшую территорию, сталкиваясь при этом подчас с активным сопротивлением местного населения и противодействием ростовских, а потом и московских князей, также старавшихся колонизировать северные районы. Главным стимулом колонизаторской активности новгородцев на огромных северных пространствах было получение дани, прежде всего, в виде пушнины — важнейшего экспортного товара средневекового Новгорода, продажа которого (наряду с воском) на европейских рынках через посредничество Ганзы в очень значительной степени обеспечивала его процветание. Договоры Новгорода с князьями показывают, что для новгородских «мужей» — бояр право на управление волостями, сопряженное со сбором дани, имело важнейшее значение.

Ситуация осложнялась сосуществованием на пограничных территориях различных типов юрисдикций — совместных владений Великого Новгорода и Московского

---

[222] См.: *Лукин П. В.* Новгородское вече. С. 360—365.

[223] *Лукин П. В.* Немецкие данные о телесных наказаниях в средневековом Новгороде // У истоков и источников: На международных и междисциплинарных путях: Юбилейный сб. в честь А. В. Назаренко. М., 2019. С. 307—316.

[224] ПСРЛ. Т. 4, ч. 1. С. 341; HUB. Leipzig, 1899. Bd. 5. Nr. 983. S. 513. См.: *Лукин П. В.* Новгородское вече. С. 273, 276; *Лукин П. В.* Немецкие данные о телесных наказаниях в средневековом Новгороде. С. 307—316.

[225] *Янин В. Л.* У истоков новгородской государственности. Великий Новгород, 2001. С. 71—72; *Янин В. Л.* Очерки истории средневекового Новгорода. М., 2008. С. 331—342; *Фролов А. А.* Административная система центральных районов Новгородской земли в X — начале XVII века в контексте истории территориальных юрисдикций // Историческая география / Отв. ред. И. Г. Коновалова. М., 2012. Т. 1.

великого княжества; Великого Новгорода и Великого княжества Литовского.

Ряд волостей на восточной границе Новгородской земли — Торжок (Новый Торг), Волоколамск (Волок Ламский), Бежецкий Верх, Вологда — в разное время находились в совместном владении Новгорода и Великого княжества Московского. Относительно Торжка и Волока Ламского известно об их достаточно четком разделении на две «части» или «половины», подразумевавшие разделение как территории, так и прав по управлению ею: новгородскую и великокняжескую, каждой из которых, согласно договорам между великими князьями и Новгородом, управлял свой тиун. Из других материалов становится ясно, что в Волоке Ламском новгородскую администрацию возглавляли посадники[226]. В Вологде еще в 1430-е годы также существовали параллельно владения великих князей («князьщины») и «новгородская отчина»[227].

С XIV в. сохранялась система новгородско-литовского совладения пограничными волостями, ранее тянувшими к Торопцу, а кроме того, включавшими Ржеву (после 1435 г. — Ржеву Пустую) и Луки (Великие Луки) — так называемое «чернокунство», предусматривавшее особый режим распределения доходов в порубежных новгородских волостях (по наименованию «черной куны» — пошлины, выплачиваемой Великому княжеству Литовскому); эта система подробно описывается в источниках XV в.[228]

В условиях фактически постоянного от сутствия великого князя в Новгороде весь ма важные и значительные новгородски «пригороды» с прилегающими территори ями могли передаваться служилым князьям из Литвы или из земель, находившихся по власть или контролем Москвы, в качеств кормлений для усиления военного потенци ала Новгорода (князья, естественно, приез жали со своими вооруженными отрядами) Первые свидетельства об этом появляют ся еще на рубеже XIII—XIV вв., но боле или менее подробные сведения о служи лых князьях-кормленщиках встречаютс с 1333 г., когда на ряд новгородских пригоро дов (Ладогу, Орешек, Корелу с Корельскої землей, половину Копорья) был призва литовский князь Наримунт Гедиминович[229] При получении кормления служилые князь приобретали судебно-административны и фискальные полномочия по отношени к населению соответствующих территорий При этом служилые князья должны был выполнять условия, которые перед ним ставил Новгород (прежде всего, участвовать в его военных предприятиях), в противном случае они лишались своих кормлений[230].

Наконец, не вызывает сомнений суще ствование локальных политических со обществ пригорожан (например, в Торж ке — «новоторжцы»), которые могли са мостоятельно решать местные вопросы[231] Выделяется здесь Руса — вероятно, второй по значению центр Новгородской земл в это время после самого Новгорода. В кон

[226] *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. М. 1984. С. 152—155; *Чернов С. З.* Волок Ламский в XIV — первой половине XVI в.: Структуры землевладени и формирование военно-служилой корпорации. М., 1998. С. 39—58.

[227] НПЛ. С. 418.

[228] *Янин В. Л.* Новгород и Литва: Пограничные ситуации XIII—XV веков. М., 1998. В связи с этим в нача ле 1483 г. в Москве говорили о намерении Казимира Ягеллона отвоевать Великие Луки, захваченные у него Иваном III (LECUB. Wien, Köln; Weimar, 2019. Bd. 14. Nr. 783. S. 715).

[229] *Янин В. Л.* Новгород и Литва. С. 90; *Krupa K.* Książęta litewscy w Nowgorodzie Wielkim do 1430 roku // Kwartalnik Historyczny. 1993. Nr. 1. S. 32—33.

[230] *Янин В. Л.* Новгород и Литва. С. 90—101; *Krupa K.* Książęta litewscy w Nowgorodzie Wielkim do 1430 roku. S. 30—46.

[231] НПЛ. С. 408.

це XV в. в Русе было четыре конца и одна самостоятельная слободка, а рушане, как и жители Порхова — новгородского города-крепости на р. Шелони, — образовывали особый отряд в новгородском войске[232]. В то же время самостоятельность пригорожан была весьма ограниченной: все важнейшие решения принимались в Новгороде, и даже самые значимые пригороды, такие как Руса или Ладога, могли быть переданы в кормление тем же служилым князьям безо всякого согласия их жителей.

Говоря о «всем Великом Новгороде» или о новгородском политическом сообществе, надо отдавать себе отчет в условности подобных наименований. В реальности в состав «всего Великого Новгорода», члены которого имели право принимать участие — хотя и далеко не равное — в политической жизни Новгородской республики, входило отнюдь не все население Новгородской земли и даже не его большинство. Лучше всего, как уже отмечалось в литературе, состав новгородского политического коллектива обрисован в некоторых новгородских грамотах XV в., что в полной мере подтверждается и другими источниками. Яркий пример — упомянутая выше жалованная грамота Новгорода Соловецкому монастырю 1468 г., в которой братия этой обители бьет челом «[г]осподину преосвященному архиепископу Великого Новагорода и Пьскова владыкы Ионы, господину посаднику степенному Ивану Лукиничю и старымъ посадникамъ, господину тысячкому Великого Новагорода степенному Труфану Юрьевичю и старымъ тысяцкимъ, и боярамъ, и житьимъ людемъ, и купцемъ, и чернымъ людемъ, и всему господину государю (читай: господарю. — *П. Л.*) Великому Новугороду, всимъ пяти концемъ, на вецѣ на Ярославлѣ дворѣ»[233]. Как справедливо отмечалось, это развернутая формула новгородского политического сообщества. В него во второй половине XV в. входили высшие магистраты, действующие и бывшие, но сохранившие особый, привилегированный статус, и представители четырех категорий населения: бояр, житьих людей, купцов и черных людей (далеко не во всех грамотах этого периода перечисляются все указанные группы, но есть основания думать, что отсутствие какой-либо из них свидетельствует, скорее, не об изменении ее статуса, а об особенностях формуляра документа)[234].

Безусловно, ведущее место в новгородской социально-политической структуре занимали по-прежнему бояре. Причем их господство в рассматриваемый период даже усилилось. Создание коллективного посадничества, доступ к которому принадлежал только боярам, при частой смене степенных посадников[235], с одной стороны, открывало карьерные перспективы для представителей всех боярских кланов, с другой — еще более очевидным образом противопоставляло бояр всем другим слоям населения. Начиная с 1330—1340-х годов можно уже уверенно говорить о монополизации боярами и должности тысяцкого (позднее — степенного тысяцкого).

Формировалось крупное боярское землевладение, в том числе на отдаленных от Новгорода землях. Политическое могущество бояр базировалось на экономическом фундаменте. Ко второй половине XV в. уже более 90% «коренных» новгородских земель, ставших после присоединения к Мо-

---

[232] Там же. С. 417—418. См. также: *Бернадский В. Н.* Новгород и Новгородская земля в XV веке. М.; Л., 1961. С. 133—144.

[233] ГВНП. № 96. С. 152.

[234] *Андреев В. Ф.* Северный страж Руси. Л., 1983. С. 50—51; *Лукин П. В.* Новгород и Венеция: Сравнительно-исторические очерки становления республиканского строя. СПб., 2022. С. 72—79. (Res publica; Вып. 14).

[235] От слова «степень» — помост, трибуна на вечевой площади, где во время собрания находился главный, «степенной» посадник.

скве территорией пятин, оказалось во владении бояр, а также житьих людей и церкви. Пользуясь своими ресурсами, бояре приобретали себе клиентов из числа рядовых горожан и, манипулируя ими, влияли на решения вечевых собраний. В Московском летописном своде конца XV в. сохранилось известие, которое ярко, хотя и, несомненно, тенденциозно описывает это явление (речь идет о деятельности пролитовской партии в Новгороде незадолго до его присоединения к Москве): «...наимоваху злых тѣх смердов, убиицъ, шилников и прочих безъименитых мужиковъ, иже скотом подобни суть, ничто же разума имущих, но точию едино кричание, иже и безсловеснаа животнаа не сице рычаху, их же онии Новогородстии людие невѣгласи государемъ (читай: господарем. — *П. Л.*) зовут себѣ великимъ Великым Новымгородомъ. И ти приходяще на вѣче бьаху в колоколы и кричаху и лааху, яко пси, нелѣпаа глаголаху: "за короля [Казимира Ягеллона] хотим"»[236]. Гарантией того, что это описание имеет отношение к реальности, служит возмущение московского летописца тем, как называли себя новгородские «безыменитые мужики» — «господарем Великим Новгородом», что, как было сказано выше, вполне подтверждается и новгородскими источниками.

Следующей по значимости категорией были «житьи люди». Впервые они упоминаются в источниках в 1370—1380-х годов[237]. «Житьи», как показывает перевод этого определения в одном ганзейском документе, в котором они прямо названы «зажиточными купцами», следует понимать, вероятнее всего, как «зажиточные», хотя точное значение этого слова неизвестно. В то же время материалы писцовых описаний Новгородской земли, предпринятых после присоединения Новгорода к Москве, показывают, что «житьи» были землевладельцами, иногда весьма крупными. Поэтому кажется вполне вероятным, что это были люди, владевшие землей и одновременно активно участвовавшие в торговле, возможно, выделившиеся из купеческой среды[238]. Социально-экономический статус сближал «житьих» с боярами, однако, поскольку они не принадлежали к аристократии, высшие магистратуры были для них закрыты. Впрочем они принимали активное участие в политической жизни, в частности, представители житьих заседали, наряду с представителями бояр, в совместном суде посадника и князя, регулярно выступали в роли послов[239].

Что касается купцов, то применительно к XIV—XV вв. надо разделять купцов как социально-экономическую категорию и как сословную группу. Новгородские купцы, объединенные вокруг Иванского купечества, продолжали играть важнейшую роль в хозяйственной жизни республики и даже, как уже говорилось выше, принимали участие в судебно-административной деятельности. Однако в документах купцы как юридическая категория упоминаются далеко не всегда и в значительной мере ситуативно, например, в договорах с Ганзой. По-видимому, верхушка купечества сближалась с «житьими», а рядовые торговцы сливались с ремесленниками (тем более что по более поздним данным известно, что мелкой торговлей занимались одни и те же люди, составлявшие единую группу населения)[240].

Внизу пирамиды, которую образовывало новгородское политическое сообщество

---

[236] ПСРЛ. Т. 25. С. 285—286.

[237] *Бассалыго Л. А.* Новгородские тысяцкие. Ч. I // НИС. СПб., 2008. Вып. 11 (21). С. 43—44.

[238] ПРП. М., 1953. Вып. 2. С. 215. Известно, однако, что у купцов также могла быть земельная собственность (Там же. С. 214). Критерии, которые отличали «житьих» от купцов, не вполне ясны.

[239] *Goehrke C.* Unter den Schirm der göttlichen Weisheit. Geschichte und Lebenswelten des Stadtstaates Groß-Nowgorod. Zürich, 2020. S. 290.

[240] *Лукин П. В.* Категории населения Новгорода в опасной грамоте 1472 г. // Slověne. International Journal of Slavic Studies. 2015. T. 4. Nr. 1. C. 253—265.

находилось рядовое, но при этом лично свободное население — черные люди. В основном их политические права сводились к возможности участия в вече, но есть данные и о том, что в ряде случаев во второй половине XIV—XV в. они могли выступать в роли послов[241]. В историографии обычно считается, что черными людьми были в основном ремесленники и мелкие торговцы, что, видимо, в целом справедливо, но нельзя забывать и о такой важной для Новгорода и явно многочисленной категории населения, как лица, связанные с обслуживанием торговли: лодочники, возчики, носильщики, грузчики и т. д. Это были отнюдь не подневольные и бесправные люди: новгородско-ганзейские документы показывают, что они активно отстаивали свои интересы, а новгородские власти заботились о сохранении монополии своего персонала на выполнение соответствующих работ[242]. К сожалению, о корпоративных структурах ремесленного населения в Новгороде нет конкретных данных: возможно, их оформлению препятствовала кончанско-уличанская структура расселения и зависимость части ремесленников от бояр[243].

Особой группой было духовенство, черное и белое, которое, хотя и (за исключением владыки) не упоминается в официальных документах как составная часть политического сообщества, тем не менее, несомненно, оказывало значительное влияние на социально-политическую жизнь республики. Важно тут отметить, что новгородская церковь была практически во многом тождественна новгородскому политическому сообществу. Так, вечевые собрания у Софийского собора, на которых избирали архиепископа, предварялись литургией. В ней участвовали те же самые люди, составлявшие «весь Великий Новгород». В этом смысле можно согласиться с тем, что новгородское вече было собранием христианской общины, и, естественно, духовенство играло тут особую роль[244].

Все категории новгородского политического сообщества объединяла, однако, принадлежность к кончанским и уличанским организациям. Характерно в этом смысле, что когда новгородскому законодателю необходимо было подчеркнуть, что некая правовая норма распространяется на все полноправное население Великого Новгорода в целом, противопоставленное жителям будущих пятин и периферийных волостей, он, помимо человека владычня, боярского, житейского (житьего), купетцкого, монастырского, упоминает также человека кончанского и улитцкого[245]. Это может показаться плеоназмом, поскольку бояре, «житьи» и купцы были одновременно жителями

---

[241] *Лукин П. В.* Новгородское вече. С. 336—341.

[242] *Алексеев Ю. Г.* «Черные люди» Новгорода и Пскова: (К вопросу о социальной эволюции древнерусской городской общины) // ИЗ. М., 1979. Т. 103. С. 242—274; *Goetz L. K.* Deutsch-Russische Handelsgeschichte des Mittelalters. Lübeck, 1922. S. 244. (Hansische Geschichtsquellen. Neue Folge; Bd. V); *Goehrke C.* Unter den Schirm der göttlichen Weisheit. S. 291—292; *Лукин П. В.* Транспортный персонал средневекового Новгорода: об одной недостаточно изученной категории рядового населения // ДРВМ. 2024. № 1 (191). С. 90—96.

[243] В свое время высказывалось приобретшее известность предположение о том, что в Новгороде фактически вообще не было свободного ремесленного населения (аргументом тут была идея об огромных дворах знати, обнаруженных в ходе послевоенных исследований Неревского конца). Но оно было впоследствии скорректировано самим автором, а раскопки последних десятилетий показали его несоответствие конкретным данным (*Петров М. И., Сорокин А. Н.* О размерах усадеб древнего Новгорода // Новгород и Новгородская земля: История и археология: (Материалы науч. конф. Новгород, 28—30 января, 1997 г.). Новгород, 1997. Вып. 11. С. 54—63; *Янин В. Л.* Возможности археологии в изучении средневекового Новгорода // *Янин В. Л.* Средневековый Новгород. С. 26).

[244] *Мусин А. Е.* Загадки дома Святой Софии: Церковь Великого Новгорода в X—XVI вв. СПб., 2016. С. 103—104.

[245] ПРП. Вып. 2. С. 217.

концов и улиц, а кончанские и уличанские люди в подавляющем большинстве были одними и теми же людьми (за исключением, вероятно, улиц на вновь застраиваемых территориях, еще не включенных в концы). Однако законодателю, видимо, было важно дать исчерпывающую характеристику состава новгородского политического сообщества, пусть даже определения его составных элементов будут неоднократно перекрывать друг друга. Таким образом, именно принадлежность — наряду, естественно, с личной свободой — и была критерием принадлежности новгородца к политическому сообществу и обладания базовым правом, которое она давала, — участия в вече. Все остальные категории населения, не входившие во «все пять концов» и не обладавшие личной свободой, не принадлежали к политическому сообществу «всего Великого Новгорода» и были отстранены от какого-либо участия в принятии решений общеновгородского, а не локального характера. Это относится к населению новгородских «пригородов», участие которых в общеновгородской политической жизни и ранее было эпизодическим, а в XIV—XV вв. незаметно вообще; к сельскому населению, как к находящемуся под господством «всего Великого Новгорода» и «тянущему» к погостам, так и к крестьянам, живущим в частных владениях; тем более — к холопам, не имеющим правоспособности свободных людей. Что касается основного населения Новгородской земли — крестьян, то бóльшая их часть в рассматриваемый период, как уже говорилось, находилась в поземельной зависимости от землевладельцев. При этом размеры барского хозяйства были крайне невелики, и в нем, как можно думать, работали холопы-страдники, а крестьяне были обязаны вотчинникам выплатой оброка — натурального и денежного[246].

Отдельный вопрос — статус женщи в Новгородской республике этого перис да. Традиционно он обсуждается в связ с Марфой Борецкой — женой одного пс садника и матерью другого, соответствен но, Исака и Дмитрия Борецких (последни был казнен по приказу Ивана III после бит вы на р. Шелони). Однако представлени о ее выдающейся политической роли н финальном этапе существования незави симого Великого Новгорода, отразившиес в официальной идеологии, а потом и в ху дожественной литературе Нового времени основываются фактически только на сохра нившемся в составе московского летописа ния провеликокняжеском памфлете «Сло веса избранна» конца XV в., достоверност которого более чем сомнительна. Имеютс поэтому серьезные основания полагать что акцентирование значения Марфы был во многом публицистическим приемом соответствующим антифеминистическим тенденциям, довольно распространенным в средневековой книжности, в большой степени монашеской (в «Словесах избран ных» Марфа сопоставляется со «злыми женами» церковной традиции)[247]. Извест но, однако, что популярные представле ния о приниженности положения женщин в Древней Руси, о женщинах как о забитых теремных затворницах и т. д. именно нов городскими материалами опровергаются в Новгороде женщины могли вести судеб ные процессы, участвовали в торговле обладали движимой и недвижимой соб ственностью. Находки берестяных грамот показали, что многие из них умели читать и писать. В связи с этим неудивительно, что в источниках имеются некоторые намеки и на политическое влияние некоторых жен щин, особенно знатных. Та же Марфа Бо рецкая фигурирует именно в новгородской летописи как «Марфа-посадница», и, ду-

[246] Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV — начало XVI в. Л., 1971. С. 331—332, 350—362.

[247] *Lenhoff G., Martin J.* Marfa Boretskaia, Posadnitsa: A Reconsideration of Her Legend and Her Life // Slavic Review. 2000. Vol. 59. Nr. 2. P. 343—368.

мается, это не случайно[248]. Есть упоминание об участии в 1418 г. «некоей жены» в вече и даже об инициировании ею вечевой расправы с боярином, закончившейся обычным для таких явлений сбрасыванием его с моста в Волхов, причем эти ее действия одобряются летописцами. Отвергнув «женскую немощь» и «вземьши мужескую крѣпость», она «воскочивше посреди сонмища (веча. — *П.Л.*), дасть ему раны, укаряющи его»[249]. Разумеется, речь идет о неформальном или окказиональном участии в политике. В принципе же, новгородское политическое сообщество как одновременно сообщество воинов, «новгородский полк», было мужским коллективом, и формально женщины к нему не принадлежали.

Сказанное выше не означает отсутствия в Новгороде противоречий между разными группами внутри политического сообщества. Несмотря на теоретическое единство «всего Великого Новгорода», противоречия между различными его стратами по-прежнему имели место. Более того, социально-экономические изменения придали в этот период внутриновгородским конфликтам более выраженное социальное измерение. К этому приводили, видимо, в первую очередь, рост частного землевладения и сокращение территории, находившейся под совместным господством политического сообщества в целом. Доходы с таких земель теперь не распределялись внутри политического коллектива, как это было в домонгольское время, а доставались собственникам, что вызывало острое недовольство у рядового населения[250]. Наиболее мощным таким внутренним конфликтом было так называемое восстание Степанка в 1418 г. Традиционное кланово-территориальное противостояние переплелось в ходе него с противостоянием социальным. В летописи конфликт изображается как столкновение между Софийской и Торговой сторонами, и в то же время отмечается, что в ходе него «люди множество» «много разграбиша домов бояръских; нь и монастырь святого Николы на полѣ разграбиша, ркуще: "здѣ житницѣ боярьскыи". И еще того утра изграбиша дворовъ много, ркуще, яко "намъ супостаты суть"...»[251]. Упоминание о разграблении имущества именно бояр вряд ли случайно, причем характерно, что наибольшее возбуждение вызывала именно сельскохозяйственная продукция боярских вотчин, находившаяся на складах, в хранилищах зерна[252].

Еще одно кровавое столкновение в Новгороде, в 1421 г., получило отражение не только в летописи, но и в послании ливонского магистра верховному магистру Тевтонского ордена. Если в летописи конфликт изображается, прежде всего, как противостояние между двумя концами, Неревским и Славенским, то, благодаря орденскому документу выясняется, что там присутствовала и социальная составляющая: «простонародье» (*die gemeinheit*) напало на дворы бояр, «больших людей» (*den bajoren, die uppersten*)[253].

Социальные противоречия выражались не только в столкновениях и беспорядках,

---

[248] ПСРЛ. Т. 4, ч. 1. С. 450.

[249] Там же. С. 421; Т. 16. С. 168—169. См. также: *Левин И.* Женщины в политической жизни средневекового Новгорода: К переоценке проблемы // Споры о новгородском вече: Междисциплинарный диалог: Материалы круглого стола. Европейский ун-т в Санкт-Петербурге. 20 сентября 2010 г. / Отв. ред. М. М. Кром. СПб., 2012. С. 242—272, особенно с. 262—265. (Res publica; Вып. 6).

[250] *Флоря Б. Н.* Лекции по русской истории. М., 2021. С. 292—301.

[251] НПЛ. С. 409—410. См. также: *Петров А. В.* От язычества к Святой Руси: Новгородские усобицы: К изучению древнерусского вечевого уклада. СПб., 2003. С. 271—291.

[252] О значении слова «житница» см.: Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1978. Вып. 5. С. 118.

[253] ПСРЛ. Т. 4, ч. 1. С. 431; LECUB. Riga, 1867. Bd. 5. Nr. 2545. Sp. 764; *Клейненберг И. Э.* Ливонское известие о новгородском восстании 1421 г. // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе: Сб. статей, посвящ. Л. В. Черепнину. М., 1972. С. 104—107.

но и в общественных настроениях. Под 1445 г. новгородский летописец, рассказывая о бедственных последствиях подорожания хлеба, пишет, что «въ то время не бѣ в Новѣгородѣ правдѣ и праваго суда», а «по волости», т. е. среди жителей прилегающей к Новгороду сельской периферии кипело негодование «на старѣишины наша и на градъ нашь, зане не бѣ в насъ милости и суда права»[254]. В этих горьких словах можно усматривать свидетельства недовольства волостного населения новгородским политическим сообществом в целом («градом») во главе с новгородскими властями («старейшинами»)[255].

Население пригородов, будущих новгородских пятин и периферийных волостей также не было монолитным. Источники не дают об этом достаточной информации, но определенные выводы можно сделать на примере Двинской земли. Там, как показывают летописные известия конца XIV в., сложилось локальное политическое сообщество «всех двинян», состоявшее из местных бояр и просто «двинян» принявшее в 1397 г. решение — вразре с волей «всего Великого Новгорода» — о переходе под руку московского великог князя[256]. Из Двинской уставной грамоты Василия I мы узнаем, что население Двин ской земли разделялось на бояр (элиту, ари стократию) и черных людей (рядовое на селение)[257]. В дальнейшем, как и в само Новгороде, социальная дифференциаци углублялась, и грамота 1450 г. фиксируе в Двинской земле житьих людей и купцов[25

Эволюция политического строя Вели кого Новгорода находит свое отражени в оформлении республиканской символи ки: в конце XIV — начале XV в. символо новгородских вольностей становится вече вой колокол[259]. Во второй половине XIII в появляется печать «всего Новгорода», позд нее — «новгородская печать и посадничья» (XIV в.), «печать Великого Новгорода» «печать новгородская» (XV в.). В сочета нии с известиями о скреплении печатям грамот на вече это говорит о далеко зашед

---

[254] ПСРЛ. Т. 4, ч. 1. С. 440—441. В качестве подтверждения наличия внутреннего кризиса в Новго роде XV в. в историографии также приводятся рассказы из некоторых агиографических и литературны источников (Житие Михаила Клопского, Повесть о Добрыне (Варяжской божнице), Повесть о посад нике Щиле), осуждающие новгородские власти и боярство. Однако, например, чаще всего цитируемо с этими целями такое произведение — Житие Михаила Клопского — носит откровенно промосковски характер и к тому же было написано только после присоединения Новгорода в 1478 г., что вполне од нозначно следует из самого текста (Повесть о житии Михаила Клопского / Подгот. текстов и статьи Л. А. Дмитриева. М.; Л., 1958. С. 47). Другие же не могут быть четко датированы, а их текстуальна история довольно непроста. Поэтому достоверность и непредвзятость этих рассказов может быть по ставлена под сомнение, в отличие от свидетельств новгородских летописцев, явно незаинтересованны в очернении Великого Новгорода.

[255] Ср. также летописное известие под 1469 г. о составлении новгородцами некоей грамоты «о неправдѣ в Великомъ Новѣгородѣ» и совместном целовании на ней креста, после чего они, однако, «в ту ж неправду внидоша» (ПСРЛ. Т. 16. С. 222—223). Разными историками «грамота о неправде» связывается с разными документами — постановлением об очередной реформе посадничества или ранним вариантом Новгород ской судной грамоты (*Янин В. Л.* Новгородские посадники. 2-е изд. М., 2003. С. 411; *Флоря Б. Н.* Лекции по русской истории. С. 318—319).

[256] НПЛ. С. 391.

[257] ГВНП. № 88. С. 144.

[258] ГВНП. № 95. С. 151.

[259] Первое прямое упоминание вечевого колокола в летописи — 1456 г. Если «Задонщина», в которой говорится о вечевых колоколах, датируется концом XIV в., как считают многие ученые, значит, примерно этим временем следует датировать появление специального вечевого колокола (до этого на вече созывал звон обычных церковных колоколов) (*Лукин П. В.* К истории вечевых колоколов // НИС. Великий Новгород. 2014. Вып. 14 (24). С. 153—167).

Новгородская денга. XV в.

шей институционализации новгородского политического сообщества[260].

Очень большие изменения происходят в денежной системе Великого Новгорода. В 1410 г. предпринимается первый шаг к переходу от безмонетной денежной системы, где в роли денег выступали различные предметы или ценности (прежде всего, серебро) к более или менее стандартизированному монетному обращению: «...новгородци начаша торговати промежи себе» европейскими монетами, а «куны отложиша»[261]. Наконец, в 1420 г. в Новгороде начинается чеканка собственной серебряной монеты: «Начаша новгородци торговати денги серебряными, а артуги (ливонские монеты. — *П.Л.*) попродаша Нѣмцом...»[262] С этого времени и вплоть до падения новгородской независимости основной единицей денежного обращения становится чеканенная в Новгороде серебряная денга постоянного веса и с единообразным оформлением — двухфигурной композицией с сидящей или стоящей фигурой на одной стороне и надписью «Великого Новгорода» на другой[263]. Одна новгородская денга равнялась двум московским.

---

[260] В историографии такие печати часто неправомерно называются печатями «совета господ»; в реальности это были печати новгородского политического сообщества («всего Великого Новгорода») (см.: *Лукин П. В.* «Печати новгородские»: Проблемы атрибуции // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 4: IV чтения памяти академика Л. В. Милова: Материалы к Междунар. науч. конф. Москва, 26 октября — 1 ноября 2015 г. М., 2015. С. 138—143).

[261] НПЛ. С. 402. Относительно деталей этой реформы и характера древнерусской (и новгородской, в частности) денежной системы безмонетного периода ведутся дискуссии, но ясно, что «кунная система» восходила к меховым деньгам («куна» изначально в этом контексте — мех куницы).

[262] НПЛ. С. 412.

[263] *Бауер Н. П.* История древнерусских денежных систем (IX в. — 1535 г.) / Подгот. П. Г. Гайдуков. М., 2014. С. 428—454. (История русской науки: Исследования и материалы; Вып. II); *Сотникова М. П.* О денежной чеканке Новгорода Великого (1420—1478) // Нумизматический альманах. 2001. № 3 (18). С. 2—6. В литературе высказывалось мнение о том, что изображение на новгородских денгах представляет передачу властных инсигний посаднику небесным покровителем Новгорода св. Софией (*Янин В. Л.* Новгород и Венеция: (Об изображении на новгородских монетах) // *Янин В. Л.* Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории денежной системы средневекового Новгорода. М., 2009 [2004]. С. 288—296), однако оно, по-видимому, неосновательно (*Львов М. А.* Еще раз к вопросу об изображении на новгородских монетах // Прошлое нашей Родины в памятниках нумизматики. Л., 1977. С. 12—36).

Отражением этой же тенденции становится кодификация права: в XV в. принимается Новгородская судная грамота (в существующей редакции — 1471 г.), регламентирующая устройство суда и судопроизводства. С одной стороны, в ней провозглашалось требование судить «всех ровно, как боярина, так и житьего, так и молодчего человека», что отражало теоретическое единство политического сообщества, с другой — представителями концов в суде высшей инстанции («у докладу») выступают только бояре и «житьи» — еще одно свидетельство социальной дифференциации внутри «всего господаря Великого Новгорода». Сам же суд высшей инстанции должен вершиться «во владычне комнате», т. е. под контролем архиепископа. Обращают на себя два обстоятельства — отсутствие упоминания княжеского наместника, что может отражать тенденцию к узурпации Новгородом традиционных полномочий князя в совместном суде, и участие в суде наряду с боярами представителей житьих. Это черта, характеризующая их привилегированный статус по сравнению с черными/молодшими людьми, которые таких прав не имели[264].

Сама организация суда тесно связана с республиканской организацией новгородского общества, в которой отсутствовала твердая единоличная власть. В судной грамоте упоминается, в частности, такое правонарушение, как «наводка», т. е. клевета на судью или участника процесса, его дискредитация. При этом жертвами «на водки» могли быть и высшие должностны лица — посадник и тысяцкий, а виновны ми в ней — не только отдельные лица, н и целые территориальные объединени: такие как концы, улицы, ряды (торговые сотни. Но, пожалуй, наиболее ярко это вид но по ст. 34, в которой трактуется об укло нении от исполнения судебного решени: Проигравший дело ответчик обязан решит вопрос с победившим в суде истцом в те чение месяца. Если же этого не происхо дит, то его принуждают «приставы с веча» причем не важно, где находится это лицо в самом городе или в сельской местност Если же ответчик укрывается, то его следу ет «казнить всим Великым Новгородом» в чем нельзя не видеть вечевой расправы по крайней мере, в какой-то ее форме[265].

Дальнейшее развитие получает патро нальный по отношению к новгородца культ св. Софии. Большой его проблемо долгое время были некоторая размытост образа и отсутствие его внятной визуали зации. В XV в. получает распространени образ «новгородской Софии» в виде ог незрачного ангела. Именно такое изобра жение оказывается в это время на фреск в резиденции архиепископа — Грановито (Владычной) палате в новгородском крем ле (Детинце) и на иконе в Софийском со боре[266]. Теперь новгородское политическо сообщество обрело «осязаемый» образ сво его покровителя, за которого еще в XIII в местные книжники призывали сражатьс

---

[264] См. об этом: ПРП. Вып. 2. С. 238 (коммент. А. А. Зимина).

[265] ПРП. Вып. 2. С. 212, 213, 215, 216—217, 218.

[266] *Сарабьянов В. Д.* Росписи Владычной палаты Новгородского кремля: Келья Иоанна: Предваритель ные заметки по результатам реставрационных работ в 2006—2007 годах // Новгород и Новгородская зем ля: Искусство и реставрация. Великий Новгород, 2008 Вып. 3. С. 119—139; *Kriza A.* Depicting Orthodox in the Russian Middle Ages. The Novgorod icon of Sophia. Oxford, 2022; *Царевская Т. Ю.* Ранний вариан новгородской иконографии Софии Премудрости Божией и обстоятельства ее появления // Зограф. 2019 Т. 43. С. 151—170. «Новгородская София» — это не св. София, мать Веры, Надежды и Любови, а София Премудрость Божия, сложный образ — одно из обозначений Второго Лица Троицы, Слова Божия, т. е. Хри ста (*Золотарев С. Е.* Ecclesiae dedicatio — civitatis historia: Новгород между Константинополем и Москвой // Бренное и вечное: Имперский синдром: Идеология, мифология и социокультурная практика: Материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием, 3—4 декабря 2013 г. Великий Новгород, 2014. С. 148—152).

и отдавать свои жизни[267]. Новые тенденции в новгородской политической идеологии проявились в новых переработках Знаменской легенды (цикла произведений, посвященных победе в 1170 г. новгородцев над коалицией, созданной князем Андреем Боголюбским). Так, в «Воспоминании о Знамении», написанном, по-видимому, в 1430-е годы известным книжником Пахомием Сербом (Логофетом), который работал в Новгороде по приглашению архиепископа Евфимия II (1429—1458), утверждается, что новгородцы и в то время жили «самовластно, и никым же обладаеми, нъ… влядяще областию своею», не подчиняясь никаким князьям[268]. Специально подчеркивается принадлежность и обязанность отдаленных волостей платить дань Новгороду и его пяти концам, в частности, Двинской земли, на которую уже тогда, по словам книжника, несправедливо покушался Андрей Боголюбский — князь из Владимира-на-Клязьме, предшественник московских правителей[269]. Эта концепция явно была полемически заострена против идеи московских притязаний на господство над новгородскими владениями.

Но, пожалуй, высшим проявлением идеологических «суверенизационных» тенденций в Новгороде стало распространение с начала XV в. формулы «Бог и Великий Новгород» («воля Божья и Великого Новгорода»), в которой политическое сообщество и его решения оказываются соположенными с Господом и Его волей. Очевиден параллелизм этой формулы и аналогичных монархических: «Бог и великий князь», «Бог и царь» (об ордынских ханах). Это явное свидетельство формирования представлений новгородского политического сообщества о самом себе как о коллективном суверене Новгородской земли[270].

Высшие республиканские магистратуры также переживают в этот период значительную эволюцию. К сожалению, до сих пор не все в этой истории полностью понятно. Как говорилось в предыдущем разделе, наиболее авторитетной является концепция В.Л. Янина. Согласно одному из ее последних вариантов, с начала 1360-х годов избирается уже не один, а шесть посадников, которые представляют городские концы (двое — Плотницкий, по одному — все остальные). Из них каждый год избирается главный, степенной посадник. Во второй половине 1410-х годов количество посадников достигает 12, а срок полномочий степенного посадника сокращается до полугода. В 1423 г. посадников становится 24, а в 1463 г. — 36, в результате чего к посадничеству получают доступ фактически все боярские семьи, и окончательно формируется боярская олигархия. Похожая эволюция предполагается и для должности тысяцкого. С последней трети XIV — начала XV в. действуют одновременно шесть тысяцких, также представляющих концы, во главе со степенным тысяцким; после реформы 1410-х годов — восемь[271]. Многие элементы концепции В.Л. Янина являются гипотетическими и не имеют прямого подтверждения в источниках, но

---

[267] *Лукин П.В.* Новгород и Венеция: Сравнительные исторические очерки становления республиканского строя. С. 213—241.

[268] *Агафонов И.С.* Осада Новгорода в 1170 г. по письменным источникам: Дис. … канд. ист. наук. М., 2015. Прилож. 2: «Воспоминание о Знамении». Текст. С. 162.

[269] Там же.

[270] *Лукин П.В.* «Бог и великий Новгород»: Функционирование и значение формулы // Sub specie aeternitatis: Сб. науч. статей к 60-летию В.Б. Крысько / Отв. ред. И.М. Ладыженский, М.А. Пузина. М., 2021. С. 394—402.

[271] *Янин В.Л.* Новгородские посадники; *Он же.* Новгородские акты XII—XV вв.: Хронологический комментарий. С. 10—78; *Он же.* Посадники Новгородские // Великий Новгород. История и культура IX—XVII веков. Энциклопедический словарь. СПб., 2007. С. 396.

бесспорно следующее. Появление в XV в. понятий «старый посадник» и «старый тысяцкий», которые фигурируют и в официальных документах[272], свидетельствует о том, что лица, оказывавшиеся у власти, в дальнейшем из нее уже не «выпадали». Документально подтвержден также и сам факт наличия в XIV—XV вв. одновременно нескольких лиц, занимавших посты посадников или тысяцких, либо имевших соответствующие титулы[273]. «Главные» посадник и тысяцкий начинают называться «степенными», т. е. лицами, занимающими в данный момент «степень». Вопрос о «реформах» в Новгороде заслуживает отдельного, тщательного исследования, но сам факт превращения посадников и тысяцких (обычных, «нестепенных») из должности в своего рода олигархическую группу, думается, бесспорен. Об этом же свидетельствует распространение выражения «сын посаднич», которое становится в это время не только обозначением родственных связей, но приобретает и «определенный социальный смысл», отражая тенденцию к превращению посадничества в наследуемый статус[274].

Проявлением усложнения и институционализации политического строя Великого Новгорода было функционирование олигархического органа узкого состава. В качестве неформального совещания высших должностных лиц *господá* (*de heren* ганзейских источников), как говорилос ранее, возникла, видимо, еще в первой по ловине XIV в. В XV в. ее состав постепе но становится более широким. Среди «го спод» упоминаются также «старосты пят новгородских концов» (*de olderlude an vi enden van Naugarden*), а позднее посадник и тысяцкие во множественном числе, т. е вероятно, как степенные, так и «старые» Постепенно намечаются тенденции пре вращения «господы» в политический ин ститут, в рамках которого готовились про екты решений перед вынесением их на веч или принимались такие решения, в случа если они не вызывали протеста со стороны новгородцев. Из некоторых ганзейских до кументов становится ясным, что «господа могла стараться не выносить некоторые су щественные вопросы на вече или, доклады вая их, сознательно искажать их сущност если опасалась, что там они могут быт разрешены не в соответствии с ее замысла ми[275]. Послания властей Любека в Новго род 1448—1449 гг. адресованы уже не толь ко должностным лицам и «всему Великом Новгороду», но и «совету» (*deme rade*)[276] «Ратами» в Германии этого периода называ лись городские советы, в которых заседал представители патрициата. Усиление значе ния «господы» можно поэтому расценивать как шаг, с одной стороны, на пути даль нейшего развития и укрепления республи канских институтов, с другой стороны, ка

[272] См.: ГВНП. № 21. С. 38; № 62. С. 103; № 64. С. 107; № 67. С. 110; № 72. С. 118; № 76. С. 127; № 91 С. 148; № 95. С. 150—151; № 96. С. 152; № 98. С. 154; № 101. С. 156.

[273] См.: ГВНП. № 23. С. 41; № 24. С. 43—44; № 25. С. 44; № 26. С. 45; № 27. С. 48; № 48. С. 85, 86; № 49 С. 87; № 61. С. 100; № 73. С. 120; № 74. С. 124—125; № 77. С. 130; № 90. С. 147; № 91. С. 148; № 92. С. 148

[274] *Бернадский В. Н.* Новгород и Новгородская земля в XV веке. С. 156. Согласно концепции В. Л. Яни на, еще одним проявлением «олигархизации» новгородской политической системы стал захват боярам в XIV—XV вв. сотенной (десятинной) системы, охватывавшей низовые слои свободного населения Нов города (*Янин В. Л.* Очерки комплексного источниковедения: Средневековый Новгород. М., 1977. С. 227— 229). Вопрос о статусе и судьбе сотенной системы в Новгороде в этот период является, однако, очень слож ным и спорным из-за недостатка источников (ср.: *Leuschner J.* Novgorod. Untersuchungen zu einigen Frage seiner Verfassungs-und Bevölkerungsstruktur. B., 1980. S. 118—120. (Giessener Abhandlungen zur Agrar- und Wirtschaftsforschung des europäischen Ostens; Bd. 107); *Мартышин О. В.* Вольный Новгород: Общественно политический строй и право феодальной республики. М., 1992. С. 252—255).

[275] HUB. Bd. 5. Nr. 883, 1070. S. 464, 556—557.

[276] LECUB. Reval, 1896. Bd. 10. Nr. 508, 631. S. 358, 631.

проявление закономерного в историческом плане усиления олигархических тенденций. Тем не менее процесс этот был еще очень далек от завершения. Основная масса полноправных горожан не была отстранена от участия в политической жизни, прежде всего, в вече, вплоть до падения независимости, а само вече (или точнее, новгородское политическое сообщество) и формально, и фактически было главным органом власти Великого Новгорода, «господа» же не могла прямо противодействовать ему или игнорировать принятые им решения. Новгородцы по-прежнему дорожили своим статусом «мужей вольных», и эта вольность признавалась соседями и партнерами Новгорода[277].

В XIV—XV вв. Великий Новгород оказывается между двумя великими державами Восточной Европы того времени: Великим княжеством Литовским и Великим княжеством Московским. Противостояние между ними в конечном счете и предопределило судьбу Новгорода. Существенную роль для Новгорода играли также отношения с Тевтонским орденом. Нельзя забывать и об ордынском факторе. Великий Новгород не вел с Ордой самостоятельных сношений, но ее воздействие на общую политическую ситуацию в Восточной Европе имело значение и для него.

Из других русских земель наибольшее значение имели контакты с Тверью и, конечно, Псковом, который, хотя и продолжал считаться формально «молодшим братом» Новгорода, в этот период стал самостоятельной республикой и проводил фактически независимую внутреннюю и внешнюю политику. По-прежнему во Пскове не было своего архиерея, и он формально подчинялся юрисдикции новгородского архиепископа (если не считать короткого периода во второй половине 1430-х — начале 1440-х годов, когда митрополит Исидор фактически вывел Псков из церковного подчинения Новгороду и управлял им через своих наместников[278]).

Новгородским элитам достаточно длительное время удавалось балансировать между Литвой и Москвой. Тем не менее обе державы вынашивали планы закрепления республики в своей сфере влияния.

Великое княжество Литовское было одним из наиболее значительных соседей Великого Новгорода в XV в. Их соединяли многообразные связи. Сохранялись и развивались торговые контакты двух государств: купцы из Великого княжества Литовского приезжали в Новгород, а новгородцы ездили в Великое княжество, через которое также проходили дороги, соединявшие город на Волхове с польскими, силезскими и немецкими городами. При этом новгородцы стремились напрямую торговать с купцами из Литовского государства и посредничать в их операциях с представителями третьих сторон. Так, полоцкий проект торгового договора с Ригой 1405 г. предусматривал посредничество полочан в торговле немцев с новгородцами в Полоцке, «занеже нас новьгородци не пустят у Немечькии дворъ торговати без своего новьгородца»[279]. Из ганзейской переписки известно о попытках купцов из Великого княжества Литовского обойти этот запрет, чему ревностно препятствовали новгородцы[280]. Договоры Новгорода с великими князьями литовскими 1431 г., начала 1440-х годов и проект договора 1471 г. устанавливали свободу торговли купцов из Великого княжества Литовского (среди которых назывались литвины, витебляне, полочане, смольняне и жители

[277] *Лукин П. В.* Новгородское вече. С. 378—398, 522—538.

[278] ПЛ. Вып. 1. С. 44—46; Вып. 2. С. 46, 133—134. См. об этом: *Акишин С. Ю., Флоря Б. Н.* Исидор: Биография // ПЭ. М., 2011. Т. 27. С. 178.

[279] ПГ. М., 2015. Т. 1. № 52. С. 139.

[280] LECUB. Riga; M., 1881. Abt. 1. Bd. 7. Nr. 80.

других русских земель), опять-таки именно с новгородцами, в том числе на Немецком дворе[281]. В 1467 г. смоленский купец Ермола (*Germula*), умирая во Львове, завещал денежные суммы разным православным церквам Львова, Смоленска, Киево-Печерскому монастырю, а также 4 флорина и 5 грошей *ad Ivanum de Novogrodzye* — несомненно, церкви Св. Ивана на Опоках, единственной вне Киевской митрополии[282], что отражает не только духовные, но и торговые связи смольнянина. О сохранявшейся культурной близости Новгорода к литовской Руси свидетельствуют многочисленные отъезды литовских князей в Новгород, а также отмеченное польским историком Яном Длугошем нежелание подданных Витовта воевать с близкими им по языку, обычаям и вере новгородцами[283]. Вместе с тем тот же эпизод свидетельствует о дальнейшем росте значения политических факторов в развитии Новгорода и его взаимоотношений с соседями.

В 1398 г. между Великим княжеством Литовским и Тевтонским орденом был заключен уже упоминавшийся Салинский договор о разделе сфер влияния в Северо-Западной Руси, в соответствии с которым Орден признавал за литовским великим князем Витовтом права на Новгород, а Витовт признавал такие же права на Псков за Орденом. В договоре прямо предусматривалась возможность в будущем захвата Великого Новгорода Орденом или Литвой, и в таком случае он должен был навечно перейти под власть «господина Александра (христианское имя Витовта. — *П.Л., С.П.*), его христианских наследников и потомков»[284]. В роли главного застрельщика экспансионистских замыслов выступал, видимо, именно великий князь литовский[285]. Об этих замыслах (как и об отрицательном отношении к ним новгородского политического сообщества) свидетельствуют приведенные в новгородской летописи под 1399 г. обвинения Витовта по адресу новгородцев в том, что они его «обесчествовали» (унизили, опозорили), якобы соглашаясь признать его великим князем-сюзереном и отказавшись выполнить свое обязательство[286].

Насколько реальны были основания для предъявленных обвинений, сказать сложно, но ясно, что новгородские власти в любом случае предпочитали тактику лавирования между Москвой и Литвой однозначному переходу на сторону Витовта. К провалу в тот момент планов литовского великого князя привело еще и то, что в том же году Витовт был разгромлен ордынскими войсками на р. Ворскле, а отношения между Литвой и Орденом испортились из-за начавшегося в переданной Витовтом Ордену балтской области Жомойти антиорденского восстания.

Однако Великое княжество Литовское и после этого проявляло активность на новгородском направлении. Предпринятый Витовтом на Новгород поход и трехнедельная осада его укреплений осенью 1401 г. окончились безрезультатно[287], и на некоторое время внимание Витовта в Северо-Западной Руси переключилось на соседний Псков — несмотря на то, что по Салинскому договору 1398 г. и подтвердившим его польско-литовско-орденским мирным соглашениям

---

[281] ГВНП. № 63, 70, 77.

[282] *Капраль М.* Смолянин Гермула у Львові в 1467 році // Вісник Львівського ун-ту. Сер. історична. 2010. Вип. 45. С. 545—550.

[283] *Dlugossii J.* Annales seu Cronicae incliti Regni Poloniae. Lib. XI (1413—1430). Varsaviae, 2000. P. 245.

[284] LECUB. Leipzig, 1859. Abt. 1. Bd. 4. Nr. 1478, 1479. Sp. 218—227, особенно Sp. 220.

[285] *Kolankowski L.* Dzieje Wielkiego księstwa Litewskiego za Jagiellonów. T. I: 1377—1499. Warszawa, 1930. S. 63—64; *Kubon S.* Die Außenpolitik des Deutschen Ordens unter Hochmeister Konrad von Jungingen (1393—1407). Göttingen, 2016. S. 110—113. (Nova Mediaevalia. Quellen und Studien zum europäischen Mittelalter; Bd. 15).

[286] НПЛ. С. 393.

[287] SRP. Leipzig, 1866. Bd. 3. S. 250.

в Рацёнжке 1404 г. он был отнесен к сфере интересов Ордена[288]. Новгород по-прежнему был привлекателен для литовского правителя и его окружения и подданных в качестве потенциального источника богатств[289], однако такие факторы, как традиционное признание им власти великих князей владимирских, а затем московских и логистические трудности военного похода, которые ярко проявились в период его подготовки и проведения в 1428 г., вели к тому, что литовские правящие круги всю последующую четверть века пытались усилить свое влияние в Новгороде менее затратными средствами — дипломатическим путем (в крайнем случае — угрозой войны, как в 1413 г.) и при помощи упомянутой выше практики присылки служилого князя с его войском «на хлебокормление» (на новгородские пригороды). Лишь во второй половине 1420-х годов, в условиях усиления влияния Витовта в Восточной Европе в начале княжения в Москве его малолетнего внука Василия II, великий князь литовский предпринял военный поход на Новгород.

Заключив «вечный мир» с Орденом после войны 1401—1404 гг. и повторно подчинив отпавший было Смоленск, Витовт вновь обратил свое внимание на Северо-Западную Русь. В отношении Новгорода оно было тем более пристальным, что новгородцы приняли смоленского князя Юрия Святославича, пожаловав ему пригороды, традиционно дававшиеся литовским князьям «на хлебокормлении», что сужало инструментарий политики Литвы в Новгороде и одновременно создавало угрозу возвращения Юрия в Смоленск. В 1405 г. Витовт отправил в Новгород посольство совместно с тверским великим князем Иваном Михайловичем, которое добивалось выдачи Юрия Святославича[290]. Его пребывание там стало поводом для объявления войны Новгороду в начале следующего года. Однако объектом нападения Витовта стал не Новгород, а Псков. В сложившейся ситуации новгородцы вновь избрали тактику лавирования между Москвой и Литвой: в 1406 г. они отказались помогать псковичам и разорили совместные с Литвой владения, а к лету 1407 г. пригласили «на пригороды» литовского князя Семена-Лугвеня, уже побывавшего там в 1389—1392 гг., но при этом продолжали поддерживать контакты с Василием I. Формально Лугвень оставался на новгородских пригородах и после московско-литовского примирения 1408—1409 гг., что позволило Витовту после начала очередной войны с Тевтонским орденом отвлечь силы от ливонского направления и сосредоточить их на прусском. 15 июля 1410 г. состоялась знаменитая Грюнвальдская битва, в которой участвовал Лугвень, благодаря чему в новгородское летописание попал рассказ о войне 1409—1411 гг.[291] Попеременное пребывание Лугвеня то в Литве, то в Новгороде, который нуждался в нем для отражения шведских походов[292], позволяло ему сохранять как свои позиции в республике на Волхове, так и роль «связующего звена» с братьями Гедиминовичами и проводника их политики.

После победоносного завершения войны Витовт и Ягайло, воодушевленные успехами, попытались вновь активизиро-

---

[288] См. ч. II, гл. 1 (о Пскове).

[289] Ср. образ Новгорода у Длугоша, одним из источников которого были рассказы польских рыцарей, участвовавших в литовском походе 1428 г.: *Kijas A.* Nowogród Wielki w *Rocznikach* Jana Długosza // Europa Orientalis. Polska i jej wschodni sąsiedzi od średniowiecza po współczesność. Studia i materiały ofiarowane Profesorowi Stanisławowi Alexandrowiczowi w 65 rocznicę urodzin. Toruń, 1996. S. 25—34.

[290] HUB. Bd. 5. Nr. 684.

[291] НПЛ. С. 401—402; ПСРЛ. Т. 4, ч. 1. С. 410.

[292] НПЛ. С. 402—403; ПСРЛ. Т. 4, ч. 1. С. 411; ГВНП. № 52.

вать восточную политику. Среди прочего это выражалось в их попытках втянуть Новгород в новую войну с Тевтонским орденом. Но ни договоренность соответствующего содержания, достигнутая в 1411 г., ни расторжение мира с Новгородом и отзыв Лугвеня оттуда совместно Витовтом и Ягайлом в начале 1413 г. не принесли желаемого результата. По-видимому, весной 1414 г. новгородцы примирились с Витовтом, но его попытка вновь прислать к ним Лугвеня окончилась неудачей[293].

Не удалось Витовту извлечь желаемые выгоды и из церковной политики. Несмотря на поездку новгородского посольства на Констанцский собор римско-католической церкви вместе с западнорусским митрополитом Григорием Цамблаком, поставленным в ноябре 1415 г. по инициативе Витовта для православных епархий Великого княжества Литовского, новгородцы, вопреки расчетам Витовта, по-прежнему признавали церковную власть Фотия, пребывавшего в Москве[294]. В 1415 г. Ягайло выхлопотал у антипапы Иоанна XXIII назначение генеральным викарием для переговоров с новгородцами и псковичами о заключении церковной унии, с предоставлением аналогичных полномочий Витовту; в 1418 г. это решение повторил папа Мартин V[295].

На положение в новгородско-литовских отношениях, как и на всю ситуацию в Восточной Европе, повлияли смерть Василия I и вокняжение в Москве его малолетнего сына Василия II, приходившегося внуком Витовту. Совершив в 1426 г. поход на Псков, а в следующем году — объезд «дальних русских земель» своего государства, заключив договоры с князьями новосильско-одоевскими, рязанскими и тверским, Витовт летом 1428 г. выступил в поход на Новгород. В огромное войско были стянуты не только подданные Витовта, в том числе из таких отдаленных его владений, как Волынь и Подолье, а также католические князья Свидригайло Ольгердович и Сигизмунд Кейстутович, княжившие в Чернигове и Стародубе, православные Олелько Владимирович и Юрий Лугвеневич, но и мазовецкий князь Казимир II и многочисленные польские рыцари[296]. Новгороду же не пришли на помощь ни Василий II, ни Псков. В июле 1428 г. войско Витовта через Вышгород, двигаясь на Новгород, подступило к Порхову и начало его осаду[297]. Но в результате переговоров с представительной новгородской делегацией, получив богатую контрибуцию[298] и договорившись о последующих выплатах, Витовт через Ржеву вернулся в свои владения. Успехи Витовта ограничились взиманием контрибуции и выведением пленных: ему не удалось ни водворить в Новгороде своего ставленника, ни тем более присоединить его к Великому княжеству Литов-

[293] *Полехов С. В.* Лугвень, Новгород и восточная политика Витовта (1411—1414) в свете малоизвестных источников Кенигсбергского архива // Мсціслаў і Мсціслаўскі край. Мінск, 2019. С. 58—78.

[294] LECUB. Riga, 1862. Abt. 1. Bd. 5. Nr. 2047. См.: *Флоря Б. Н.* Исследования по истории Церкви: Древнерусское и славянское средневековье. М., 2007. С. 342—343.

[295] Codex epistolaris saeculi XV. Cracoviae, 1891. T. 2. Nr. 58; Historica Russiae Monumenta. Petropoli, 1841. T. 1. № 119, 120.

[296] *Dlugossii J.* Annales seu Cronicae incliti Regni Poloniae. Lib. XI. P. 243—246; *Szybkowski S.* Rycerscy goście z Polski na dworze wielkiego księcia Witolda — próba portretu grupy // Litwa i jej sąsiedzi w relacjach wzajemnych (XIII—XVI w.). Olsztyn; Gdańsk, 2014. S. 81—105; Catalogus codicum manuscriptorum Bibliothecae Ossolinianae Leopoliensis. Katalog rękopisów Biblioteki Zakładu Nar. im. Ossolińskich / Wyd. W. Kętrzyński. Lwów, 1886. T. 2. Nr. 372. S. 433—434.

[297] *Polechow S.* Itinerarium Witolda, wielkiego księcia litewskiego. 4/5 VIII 1392—27 X 1430 // Rocznik Lituanistyczny. Warszawa, 2019. T. 5. S. 90.

[298] CEV. Crakovie, 1882. Nr. 1328.

скому[299], однако, как уже говорилось, есть основания полагать, что на это он всерьез и не рассчитывал.

В 1430 г. новгородская делегация побывала в Литве на съезде по случаю готовившейся коронации Витовта, а спустя три месяца после его смерти заключила договор с новым великим князем литовским Свидригайлом, оговаривавший добрососедство и условия «чернокунства»[300].

Некоторое сближение с Литвой имело место в 1432 г.: поскольку пребывание московских князей в Орде затягивалось, весной этого года новгородцы просили у Свидригайла князя Юрия Лугвеневича «на пригороды» для защиты от нападений шведов и норвежцев[301] (Лугвень умер в 1431 г.). Но на пригородах Юрий пробыл недолго, поскольку осенью вернулся в Великое княжество Литовское, чтобы поддержать Свидригайла после свержения с престола в его борьбе с Сигизмундом Кейстутовичем. В условиях одновременных династических войн московских Рюриковичей и литовских Гедиминовичей новгородцы продолжали признавать верховенство великого князя московского, а в церковной сфере — митрополита Киевского и всея Руси Герасима, ставленника Свидригайла (именно он возглавлял в 1434 г. в Смоленске хиротонию новгородского архиепископа Евфимия II). Когда же Свидригайло потерпел поражение в Вилькомирской битве (1 сентября 1435 г.), новгородцы разорили Ржеву (получившую с тех пор имя Пустой Ржевы), а затем направили посольство к победителю — Сигизмунду Кейстутовичу, с которым заключили мир «по старине». Не вполне ясно, в каком качестве в 1438 г. в Новгород на «кормление» вернулся Юрий Лугвеневич: его титул «князь Руси, наследник Литвы» в написанном из Новгорода послании великому магистру Тевтонского ордена, с учетом предшествующих взаимоотношений с Сигизмундом Кейстутовичем, как будто противоречит тому, что Юрий был ставленником последнего с его видами на литовский престол для собственного сына Михаила. Как бы то ни было, в 1440 г. Юрий Лугвеневич вернулся в Литву, где получил от вокняжившегося там Казимира Ягеллона отчинное Мстиславское княжество[302].

На развитии новгородско-литовских взаимоотношений при Казимире Ягеллоне по-прежнему существенным образом сказывалась внутренняя ситуация в Великом княжестве Литовском и его международное положение. В первые годы своего правления Казимиру приходилось вести борьбу с Михаилом («Михайлушкой»), сыном Сигизмунда Кейстутовича, претендовавшим если не на великокняжеский престол, то хотя бы на какие-то владения в Великом княжестве Литовском. Некоторое время царили опасения, что Михаил Сигизмундович объединится с Юрием Лугвеневичем, появлявшимся в Новгороде в начале 1440-х годов (из Москвы) и в 1445—1446 гг. (когда он получил одни лишь волости, без пригородов). Но особенно ожесточенная борьба Казимира с Михайлушкой пришлась на 1448—1450 гг. В 1447 г. Казимир после долгих переговоров, последовавших за гибелью его старшего брата, польского и венгерского короля Владислава III, в крестовом походе под Варной, занял польский престол. Отныне правитель пребывал по-

[299] *Иванов Д.* Московско-литовские отношения в 20-е годы XV столетия // Средневековая Русь. М., 1999. Вып. 2. С. 104—105.

[300] ГВНП. № 163. С. 105—106.

[301] LECUB. Riga; M., 1884. Abt. 1. Bd. 8. Nr. 596.

[302] *Варонін В. А.* Князь Юрай Лынгвеневіч Мсціслаўскі: Гістарычны партрэт. Мінск, 2010. С. 17—22; *Полехов С. В.* Несколько замечаний к биографии князя Юрия Лугвеневича Мстиславского // ДРВМ. 2011. № 2 (44). С. 108—110.

переменно то в Польском королевстве, то в Великом княжестве Литовском, что вызывало постоянное недовольство как польских, так и литовских подданных. Последнее было особенно важным с учетом самостоятельности, приобретенной литовскими панами за время после смерти Витовта. Вместе с тем рост благосостояния затрагивал более широкие круги землевладельцев Великого княжества Литовского. Боярство и Литовской земли, и других регионов уже не было заинтересовано в долгих и рискованных военных походах, а предпочитало кормления и доходы от должностей, эксплуатацию накопленных земельных владений, пользуясь благоприятной конъюнктурой, торговало лесом и зерном. Отношения же двух государств, объединенных личностью правителя, Польского королевства и Великого княжества Литовского, складывались непросто. Так, лишь во второй половине 1450-х годов удалось урегулировать польско-литовский конфликт из-за Подолья и Волыни. В Тринадцатилетней войне 1454—1466 гг., когда Польша выступила на стороне прусских сословий против Тевтонского ордена, Великое княжество Литовское заняло нейтральную позицию. В начале правления Казимир заключил договор с Новгородом, подтвердивший добрососедство[303], а в 1443 г. в Новгород приехал князь Иван Владимирович (внук Ольгерда). Согласно договору Василия II с Казимиром, заключенному 31 августа 1449 г., Новгород и Псков были отнесены к московской сфере влияния[304]. Это конкретизировалось в Яжелбицком договоре 1456 г. с Василием II, чья грамота предписывала новгородцам не принимать «лиходеев великих князей», сбежавших из Московского княжества «в Литву или в Нѣмци», а оттуда желающих направиться в Новгород[305]. Однако какие-то контакты Новгорода с Литвой продолжались, даже в отсутствие там Казимира[306]. В 1458 г. в Новгород на кормление отправился из Литвы князь Юрий Семенович — вероятно, все тот же Юрий Лугвеневич[307]. А в начале 1460-х годов Хаджи-Гирей выдал Казимиру ярлык на русские земли, среди которых назван и Новгород (это пожалование повторил следующий хан Менгли-Гирей между 1472 и 1474 гг., т. е. уже после похода Ивана III на Новгород)[308]. Судя по наррации ярлыков, существенную роль в этом сыграли советники великого князя литовского — паны рада

[303] ГВНП. № 70. В литературе этот договор датировался концом 1440 г. (по аналогии с точно датированным литовско-псковским) или 1441—1442 гг. (*Зимин А. А.* О хронологии договорных грамот Великого Новгорода с князьями XIII—XV вв. // Проблемы источниковедения. М., 1956. Вып. 5. С. 320—321; *Янин В. Л.* Новгородские акты XII—XV вв.: Хронологический комментарий. С. 177, 178). Представляется, что наиболее правомерной была бы датировка после января 1442 г., когда Казимир примирился с восставшей было Жомойтью и начал пользоваться «жомойтским» титулом (*Halecki O.* Litwa, Ruś i Żmudź jako części składowe Wielkiego Księstwa Litewskiego // Rozprawy Akademii Umiejętności. Wydział historyczno-filozoficzny. Kraków, 1916. T. 59 (Ser. 2. T. 34). S. 253—254). Этому не противоречит пребывание тех же самых магистратов в Новгороде в конце 1441 г. (ГВНП. № 71).

[304] ДДГ. № 53. С. 162.

[305] ГВНП. № 23. С. 43.

[306] Об этом говорится в письме литовских панов одному из сановников Тевтонского ордена от 15 сентября 1456 г. (*Полехов С. В.* Литовская Русь в XV веке: Единая или разделенная? (На материале конфликтов между русскими землями Великого княжества Литовского и государственным центром) // Древняя Русь после Древней Руси: Дискурс восточнославянского (не)единства. М., 2017. С. 85—86).

[307] *Варонін В. А.* Князь Юрай Лынгвеневіч. С. 44—47.

[308] *Kołodziejczyk D.* The Crimean Khanate and Poland-Lithuania. International Diplomacy on the European Periphery (15th—18th Century): A Study of Peace Treaties Followed by Annotated Documents. Leiden; Boston, 2011. P. 530, 533, 540, 543. (The Ottoman Empire and its Heritage. Politics, Society and Economy; Vol. 47).

(великокняжеский совет). Однако многое говорит о том, что они были выхлопотаны не без участия Казимира[309].

Непростыми были отношения Новгорода и с Москвой. По мере усиления и территориального роста Московского великого княжества, оно стало все последовательнее осуществлять давление на Новгород. Московские великие князья стремились потеснить новгородцев в значимых со стратегической и экономической точек зрения районах Русского Севера и придать своему достаточно формальному сюзеренитету над республикой реальное значение. Между Москвой и Новгородом неоднократно вспыхивали конфликты, сопровождавшиеся вооруженным противостоянием. Немалую роль начиная с середины XV в. играли и церковные противоречия, связанные с двойственной позицией новгородского архиепископа в вопросе о судьбе русской митрополии. С одной стороны, новгородские владыки традиционно поставлялись в Москве и находились в каноническом подчинении московских митрополитов. С другой — новгородские послы, как уже говорилось, ездили на Констанцский собор, новгородский архиепископ не участвовал лично в хиротонии избранного епископами Северо-Восточной Руси по инициативе великого князя московского и без согласия Константинополя митрополита Ионы и его преемников, митрополитов Феодосия и Филиппа I.

Кровопролитная московско-новгородская война имела место в 1393 г. и сопровождалась захватом москвичами Торжка, Волока Ламского и Вологды, а новгородцами — Устюга и Устюжны. После этого был заключен мир «по старине». Существует мнение о том, что «демонстрация суверенитета Новгорода» над рядом волостей, которые находились под совместным с великими князьями московскими управлением, — Волоком Ламским, Бежецким Верхом и Вологдой — в новгородско-княжеских договорах начиная с рубежа XIV—XV вв. представляла собой для Новгорода «лишь утешительную иллюзию»[310]. По другим оценкам, Новгород утратил контроль над Вологдой между 1397 и 1456 гг., Бежецким Верхом — в первой половине XV в., Волоком Ламским — между 1456 и 1462 гг.[311] Имеются, однако, данные, что, несмотря на усиливавшееся наступление Москвы на позиции Новгорода, еще по крайней мере в 1430-е годы Новгород направлял в эти волости своих представителей, которые должны были осуществлять там властные полномочия[312]. Об официальном признании Новгородом перехода Вологды и Волока к Москве можно, вероятно, говорить только с 1471 г., когда они не упоминаются среди новгородских волостей в договоре, заключенном с Иваном III после Шелонской битвы (Бежичи упоминаются и в этом договоре)[313]. Видимо, для последних десятилетий существования Новгородской республики следует характеризовать эти территории как спорные.

В 1397—1398 гг. между Новгородом и Москвой разгорелась ожесточенная борь-

---

[309] *Назаров В. Д.* Ярлык Хаджи Герая Казимиру IV и русско-литовские отношения // Внешняя политика Древней Руси: Юбилейные чтения, посвященные 70-летию со дня рождения чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто. Москва, 19—22 апреля 1988 г. М., 1988. С. 57—60; *Гулевич В. П.* Несколько наблюдений относительно проблемы «пожалования» русских земель Казимиру IV в ярлыках крымских ханов Хаджи Гирея 1461 г. и Менгли Гирея 1472 г. // Русь и мир кочевников (вторая половина IX—XVI вв.). Краков, 2017. С. 369—378. (Colloquia Russica. Ser. I; Vol. 7).

[310] *Янин В. Л.* Очерки комплексного источниковедения. С. 269—271.

[311] *Чернов С. З.* Волок Ламский в XIV — первой половине XVI в.: Структуры землевладения и формирование военно-служилой корпорации. М., 1998. С. 51—55; *Фролов А. А.* Административная система центральных районов Новгородской земли в X — начале XVII века в контексте истории территориальных юрисдикций // Историческая география. М., 2012. Т. 1. С. 40.

[312] НПЛ. С. 418; ПСРЛ. Т. 4, ч. 1. С. 453.

[313] ГВНП. № 26. С. 46—47.

ба за Двинскую землю — ключевой регион на пути к жизненно важным для Новгорода ресурсам Русского Севера. Двинская земля отложилась от Новгорода, а двинские бояре конфисковали и разделили между собой владения новгородских бояр. Новгороду удалось все же восстановить контроль над Двинской землей, а инициаторы перехода на сторону Москвы были казнены[314].

В 1430-е — первой половине 1450-х годов на московско-новгородские отношения оказывала определяющее воздействие обстановка, сложившаяся во время династической войны в Московском великом княжестве. Политика Новгорода, как и в других ситуациях, определялась, очевидно, прагматическими соображениями и в целом представляла собой характерную для республики тактику лавирования. В 1432—1433 гг. Новгород заключает с Василием Васильевичем договор[315], а когда в 1433 г. его дядя Юрий Дмитриевич захватил Москву, он в официальной новгородской летописи именуется «великим князем», причем Василий этого титулования тоже не лишается[316]. Аналогичную ситуацию мы видим и во время противостояния Василия Васильевича с Дмитрием Шемякой: их обоих новгородское летописание могло одновременно называть великими князьями[317]. В большей степени, однако, симпатии новгородских властей были, по-видимому, на стороне Шемяки. У этого были свои причины. В 1440—1441 гг. Василий Васильевич при поддержке Пскова и Твери воевал с Новгородом, разорив значительные новгородские территории и сотворив, по выражению летописца, немало «пакости». В результате Новгород вынужден был заплатить контрибуцию в 8 тыс. руб. Причиной войны была, вероятнее всего, невыплата доходов, полагавшихся великому князю[318]. По-видимому, это подтолкнуло новгородские власти к сближению с Шемякой, хотя и небезоговорочному. Когда в 1441 г. Дмитрий Шемяка, преследуемый войсками Василия Васильевича, бежал на Бежецкий Верх, он, по свидетельству новгородской летописи, обратился к новгородцам, чтобы те его приняли «на своеи волѣ». Ответ был весьма прохладным: «Хошь, княже, и ты к намъ поѣди; а не въсхошь, ино какъ тобѣ любо»[319]. Однако уже через несколько лет ситуация меняется. В 1447 г. русские архиереи обвиняли Шемяку, в частности, в том, что он состоит «въ цѣлованьи» (договоре, соглашении) с Великим Новгородом[320]. При этом, по официальной версии, Новгород продолжал придерживаться нейтралитета. Новгородское летописание осуждает за вновь начавшуюся в 1447 г. междоусобицу обе стороны, причем великим князем именует не Шемяку, а Василия Темного: «Новгородци не въступишася ни по одиномъ [князе], а землю Русскую остатокъ [князья] истратиша, межи собою бранячися»[321].

Однако в 1449 г. Дмитрий Шемяка отправил в Новгород свою семью и обоз,

---

[314] НПЛ. С. 389—393.

[315] ГВНП. № 19. С. 34—36; вопрос о датировке грамоты спорен; см.: *Бассалыго Л. А.* Несколько сюжетов из книги В. Л. Янина «Новгородские акты XII—XV вв.» // НИС. СПб., 2005. Вып. 10 (20). С. 32—34.

[316] НПЛ. С. 417.

[317] Так, под 1447 г.: «Того же лѣта князь великый Дмитрий Юрьевич [Шемяка] из Москвы выѣхалъ, а князь великий Василий Васильевичь [Темный]» въѣха въ Москву и на великомъ княженьи сѣлъ (ПСРЛ. Т. 16. Стб. 191).

[318] НПЛ. С. 421; ПЛ. Вып. 1. С. 45; Вып. 2. С. 46—47, 134; ПСРЛ. Т. 15. Стб. 491. См. об этом: *Бернадский В. Н.* Новгород и Новгородская земля в XV веке. С. 247; *Клюг Э.* Княжество Тверское (1247—1485 гг.) / Пер. с нем. А. В. Чернышова. Тверь, 1994. С. 293—294; *Флоря Б. Н.* Лекции по русской истории. С. 337—338.

[319] НПЛ. С. 422. События (с меньшей вероятностью) могли иметь место и в 1442 г. (*Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. М., 1963. С. 305).

[320] АИ: В 5 т. СПб., 1841. Т. 1. № 40. Стб. 79.

[321] ПСРЛ. Т. 6, вып. 1. С. 444; Т. 16. С. 190.

а в следующем году после поражения от войск Василия Темного бежал туда и сам. При этом Шемяка целовал крест к Великому Новгороду, а «Великый Новъгородъ челова крестъ къ великому князю Дмитрию заедино» — новгородское политическое сообщество и признанный им великий князь присягнули друг другу. Имеется также свидетельство о том, что он «сталъ на Городищѣ», т. е. занял традиционную резиденцию новгородских князей. Все это было, конечно, открытым вызовом Василию Темному[322]. Опираясь на Новгород, Дмитрий Шемяка действовал против Москвы. Ему удалось даже на некоторое время овладеть Устюгом (Великим Устюгом). Одновременно венчавшийся в Софийском соборе с дочерью Шемяки Марией литовский князь на службе у Новгорода Александр Васильевич Чарторыйский разорял московские волости[323]. Окончательное поражение Шемяки обесценило, однако, этот актив, в том числе и для новгородских властей. Относительно причин его смерти в Новгороде в 1453 г. новгородское летописание не слишком распространяется. Справедлив вывод о том, что новгородские власти были заинтересованы в таком замалчивании[324]. Между тем, согласно независимому как от Новгорода, так и от великого князя московского летописному рассказу, Шемяка не просто был отравлен, а произошло это в результате заговора, в котором участвовали приехавший из Москвы и привезший с собой яд дьяк Стефан Брадатый и подкупивший повара князя посадник Исак Борецкий[325].

В 1456 г. войска Василия Темного вторглись в Новгородскую землю и нанесли поражение новгородцам под Русой. Важную роль, как отмечает новгородская летопись, в победе москвичей сыграли союзные московскому великому князю татарские отряды. Война завершилась выгодным для Москвы Яжелбицким мирным договором, а Новгород вынужден был заплатить контрибуцию, передать Москве задвинские волости, которые московские власти считали по праву принадлежащими им в качестве наследства перешедшей к этому времени под власть Сретенской половины Ростовского княжества, и пойти на другие уступки, среди которых выделяется обязательство Новгорода не принимать опальных князей из московских Рюриковичей (в частности, сына Дмитрия Шемяки Ивана) и вообще никаких «лиходеев великих князей». Это положение договора хорошо объясняет причины московско-новгородской войны[326].

Временно московский натиск на Новгород ослаб в 1460-е годы, когда шла затяжная и тяжелая война Великого княжества Московского с Казанским ханством, закончившаяся только в 1469 г.[327] Лишь после этого Иван III смог перейти к активной политике в отношении Новгорода.

Во второй половине XV в. московские великие князья не оставляют попыток поставить под свой контроль отдаленные,

---

[322] ПСРЛ. Т. 16. С. 192; ААЭ: В 4 т. СПб., 1836. Т. 1. № 372. С. 465.

[323] ПСРЛ. Т. 16. С. 293; М.; Л., 1962. Т. 27. С. 88—89. См.: *Бернадский В. Н.* Новгород и Новгородская земля в XV веке. С. 253—254; *Зимин А. А.* Витязь на распутье: Феодальная война в России XV в. М., 1991. С. 148—151; *Krupa K.* Polityczne związki Giedyminowiczów z Nowogrodem Wielkim w latach 1430—1471 // Przegląd Historyczny. 1993. T. 84. Zesz. 3. S. 294—295.

[324] *Лурье Я. С.* Две истории Руси XV века: Ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства. СПб., 1994. С. 92.

[325] ПСРЛ. Т. 23. С. 155.

[326] ПСРЛ. Т. 16. Стб. 194—196; ПЛ. Вып. 1. С. 53—54; ГВНП. № 22—23. С. 39—43 (Яжелбицкий мир). См.: *Янин В. Л.* Борьба Новгорода и Москвы за Двинские земли в 50—70-х годах XV в. // *Янин В. Л.* Средневековый Новгород: Очерки археологии и истории. С. 369—389.

[327] См.: *Базилевич К. В.* Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века. С. 64—72.

но важные в экономическом отношении владения Новгорода. Имеется летописное свидетельство о походе в 1465 г. московской рати из Устюга на Югру — область в южном течении р. Оби, в результате чего местные князья признали зависимость от Москвы и обязались платить дань[328]. Однако и в начале 1470-х годов в московско-новгородском договоре Югра фигурирует как новгородская волость[329].

Что касается других направлений внешней политики, то они по-прежнему определялись географическим положением Великого Новгорода на северо-западе Руси.

Исключительное значение для Новгорода имели связи с *Ганзой*. Несмотря на жесткую конкуренцию с выходившим на ведущие позиции голландским купечеством, немецким торговым городам в этот период удалось сохранить монопольное положение в качестве посредников в торговле с Новгородом. Ведущую роль в это время в отношениях с Новгородом играли ливонские города, прежде всего, Ревель (Таллин). Существенное значение имел и Дерпт (Юрьев, Тарту) как самый близкий к Северо-Западной Руси ганзейский город (в частности, именно в Дерпте переводилась с русского на средненижненемецкий, язык Ганзы, и наоборот переписка между властями Новгорода и ганзейских городов).

Основополагающее значение в новгородско-ганзейских отношениях конца XIV—XV в. приобрел заключенный в 1392 г. так называемый Нибуров мир (по имени Йохана Нибура, ратмана и бургомистра Любека, участвовавшего от имени Ганзы в переговорах с новгородцами в 1391—1392 гг.)[330]. Это соглашение регулировало основные принципы отношений между Новгородом и Ганзой (прежде всего, принцип так называемого «чистого пути» — гарантии свободного и безопасного проезда и торговли на чужой территории купечества обеих сторон) и решало спорные вопросы (ограбление и произвольные аресты купцов, незаконная конфискация товаров) на основе принципа «истцу знать истца» (т. е. конкретной ответственности конкретного участника тяжбы). На «крестоцелование» (договор), заключенное «господином Йоханом Нибуром», впоследствии ссылались ганзейцы в переговорах с Новгородом[331].

Основные тенденции новгородско-ганзейских отношений, принципы торговли, номенклатура товаров в целом оставались теми же, что и в предшествующий период. Существует мнение, согласно которому в XV в. получают распространение так называемые «незаконные» формы торговли между немецкими купцами и новгородцами, особое значение среди них приобрела торговля в кредит (*borch*). Реально под этим понимались долговые обязательства в широком значении, подразумевавшие любые формы торговли, кроме купли/продажи в одном месте и в установленное время за наличный расчет. В условиях господства меновой торговли это фактически чаще всего был обмен одного товара на другой. Получение и оплата товара должны были совпадать по месту и времени. В деньгах (по-видимому, в новгородских гривнах серебра, а потом — в рублях) устанавливались только эквивалентные количества товаров каждой стороны[332]. Инициатором запрета торговли в долг была Ганза, и мотивировалось это стремлением избежать

[328] ПСРЛ. Л., 1982. Т. 37. С. 91.

[329] ГВНП. № 26. С. 47.

[330] ГВНП. № 46. С. 80—83.

[331] HR. Leipzig, 1870. Abt. 1. Bd. 8. Nr. 1178. S. 753.

[332] *Goetz L. K.* Deutsch-Russische Handelsgeschichte Handelsgeschichte des Mittelalters. Lübeck, 1922. S. 356; *Клейненберг И. Э.* Оформление договора купли-продажи и мены в ганзейской торговле Новгорода и Пскова // ВИД. Л., 1970. Т. 3. С. 137.

переплаты и обмана, а также возможных в связи с этим претензий со стороны новгородцев. Тем не менее эти запреты периодически нарушались[333]. Нет, однако, никакой уверенности в том, что упоминания об этих нарушениях в XV в. связаны с распространением подобной практики, а не с увеличением объема источников.

На первый взгляд, история новгородско-ганзейских отношений в XV в. — это история торговых конфликтов и их разрешения главным образом на основе подтверждения основных положений Нибурова мира. Чаще всего проблемы возникали из-за обвинений в фальсификации товаров и недостаточном их качестве: укорачивание тканей или недолив меда в бочки с ганзейской стороны, подделка воска и искусственное увеличение его веса путем подкладывания в него камней и иных посторонних предметов с новгородской стороны и т. д. Показательный случай произошел в 1416 г., когда в поступившей в Брюгге во Фландрии через ганзейских купцов партии новгородского воска обнаружили булыжник с привязанными к нему кирпичами весом в 76½ фунта[334]. Также возникали споры из-за ограблений на суше и на море (нарушение принципа «чистого пути») и произвола в отношении купцов на обеих сторонах, условий торговли (например, из-за завышенных, по мнению ганзейцев, требований новгородских лодочников и другого персонала). Особой темой было стремление Ганзы в условиях экономического усиления Голландии и Англии сохранить свою монополию на торговлю с Новгородом и не допускать к ней неганзейское купечество.

Когда конфликт приобретал острую форму, он сопровождался объявлением Ганзой торговой блокады Новгорода, а новгородские власти соответственно закрывали ганзейское подворье в Новгороде или даже арестовывали пребывавших там ганзейских купцов и их товары. Такие конфликты имели место в 1406—1409, 1416—1417, 1420—1423, 1424—1426, в 1440-е годы, в 1469—1472 гг. При этом даже в «мирное» время новгородско-ганзейские отношения были далеки от идиллических: постоянно возникали спорные моменты, требовавшие разрешения, в том числе с помощью заключения специальных соглашений[335].

Особо острый характер носил конфликт в 1424—1426 гг. Он начался из-за ограбления и избиения новгородских купцов у побережья Эстляндии, в ответ на что в Новгороде в начале 1425 г. были арестованы ганзейские купцы. Конфликт достиг такого ожесточения, что из 150 запертых на торговых дворах и лишенных свободного доступа к продовольствию ганзейских купцов в результате разразившегося тогда в Новгороде мора погибло 36 человек. Новгородцы при этом угрожали расправиться со всей немецкой общиной. Ганзейские купцы писали из Новгорода властям Дерпта, что новгородцы «целых пять дней ежедневно устраивали… одно вече или два… так что иногда стояли вплоть до послеобеденного времени, и прибегали на [Немецкий] двор как бешеные собаки, словно бы одни [из них] хотели нас сварить, а другие — поджарить…». Ганза вынуждена была даже обращаться за помощью к королю Дании Эрику VII и великому князю литовскому Витовту, а окончательно кон-

---

[333] *Хорошкевич А. Л.* Кредит в русской внутренней и русско-ганзейской торговле XIV—XV веков // История СССР. 1977. № 2. С. 132—133; *Бессуднова М. Б.* «Необычная торговля» как фактор видоизменения русско-ганзейских отношений в XV — начале XVI века // Учен. зап. Новгородск. гос. ун-та им. Ярослава Мудрого. 2019. № 5 (23). С. 3—4 (URL: https://www.novsu.ru/file/1571602 (дата обращения: 20.04.2021).

[334] HUB. Bd. 6. Nr. 71. S. 32—33.

[335] *Казакова Н. А.* Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV — начало XVI в. Л., 1975. С. 78—128.

фликт был разрешен при посредничестве новгородского архиепископа Евфимия I[336].

Однако выгоды торговли как для Ганзы, так и для Новгорода перевешивали все конфликтные ситуации, и они, несмотря на накал страстей, неизменно разрешались путем переговоров и заключения соглашений. Этому способствовало и то, что полной блокады Новгорода Ганза установить не могла, поскольку, во-первых, существовали «обходные пути» (во время блокад торговля могла осуществляться через шведский Выборг, орденскую Нарву или Псков), во-вторых, внутри самой Ганзы интересы ливонских и «заморских» (т. е. находившихся в основном на территории современных Германии и Польши) городов не всегда совпадали, что отражалось и на новгородском направлении. В самом Новгороде, очевидно, не только элита, но и достаточно широкие слои населения были заинтересованы в торговле с Ганзой. Имеются данные, которые позволяют предполагать, что западноевропейские импортные товары (в частности, ткани) приобретали не только бояре, но и представители новгородского «среднего класса» — основы местного политического сообщества. К этому можно добавить и отмеченную выше прямую или косвенную вовлеченность в ганзейскую торговлю широких слоев новгородского населения (достаточно представить себе цепочку от ловцов пушного зверя до лодочников, перевозивших приобретенный немецкими купцами товар по «водному пути» из Новгорода). Можно думать, что это в какой-то степени компенсировало в этот период потери, которые нес «весь Великий Новгород» в результате сокращения объема доступных для централизованной эксплуатации земель.

Номенклатура тканей, закупавшихся через ганзейских купцов, показывает, в частности, что значительную часть из них составляло сукно среднего качества и довольно дешевое, потребителями которого могло быть торгово-ремесленное население. Более поздние параллели из другого региона полностью подтверждают это предположение[337]. Это может, в свою очередь, объяснить заинтересованность новгородцев в сохранении республиканского режима. По данным ганзейских документов, в Новгороде всегда наличествовали «друзья» немецких купцов, а в критической ситуации за них, как уже говорилось, могла заступиться даже такая более чем влиятельная фигура, как архиепископ. Характерно при этом, что конфессиональные расхождения в таких случаях отходили на второй план, а ганзейские купцы-католики просили и принимали благословение у православного новгородского архиерея.

После присоединения Новгорода к Москве деятельность двора Св. Петра была приостановлена, в 1487 г. вновь возобновлена, но в ноябре 1494 г. ганзейское подворье было закрыто. Снова оно было открыто уже при Василии III в 1514 г., но в дальнейшем никогда не имело такого значения, как в эпоху независимости Новгорода[338].

---

[336] *Лукин П. В.* Политические функции новгородских архиепископов в ганзейских документах XIV—XV вв. // Церковь в истории России. Сб. 13: К 90-летию со дня рождения чл.-корр. РАН Я. Н. Щапова. М., 2020. С. 97—127, особенно с. 113; *Полехов С. В., Гиппиус А. А., Лукин П. В., Сквайрс Е. Р.* Новая грамота о новгородско-ганзейских отношениях (1425 г.) // Труды ИРИ РАН. М., 2021. Вып. 16. С. 41—75.

[337] *Хорошкевич А. Л.* Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV—XV веках. М., 1963. С. 183—184; *Флоря Б. Н.* Западноевропейские сукна в Суздальском уезде во второй половине XVI — начале XVII века // Средние века. М., 2020. Вып. 81 (4). С. 46—55 (данные по Суздальскому уезду XVI в. показывают, что импортные западноевропейские ткани были доступны не только посадским людям, но даже иногда холопам богатых помещиков и зажиточным крестьянам).

[338] *Рыбина Е. А.* Новгород и Ганза. М., 2009. С. 124—128, 168—171. Поводом к закрытию ганзейской конторы стали притеснения и расправы с русскими купцами в Ливонии, но предполагается, что у него могли быть и более глубокие политико-дипломатические причины, связанные с ухудшившимися в те годы отношениями Великого княжества Московского со Священной Римской империей (*Бессуднова М. Б.* Специфика и динамика развития русско-ливонских противоречий в последней трети XV века. Липецк, 2016. С. 207—221).

При характеристике отношений Новгорода с соседней *Ливонией* в XV в. следует учитывать несколько обстоятельств. Ливония не была едина, а представляла собой конгломерат светских и духовных ландсгерров («государей земли») — Ливонского отделения (ветви) Тевтонского ордена (который в советской и российской литературе традиционно, но неточно именуется Ливонским орденом), Рижского архиепископства, а также Дерптского, Курляндского и Эзель-Викского епископств. Важное значение имели ливонские ганзейские города — Рига, Ревель и Дерпт, а в отношениях с Новгородом также орденская Нарва. В XV в. Тевтонский орден в Ливонии, с одной стороны, боролся с Рижским архиепископством за гегемонию, с другой — постепенно усиливал самостоятельность от прусской ветви Ордена с его главой — верховным (великим) магистром — и его сановниками, составлявшими капитул. Последним, как показывают история заключения Салинского договора и попытки его реализации или ход войны 1443—1448 гг., приходилось следовать за инициативами великого князя литовского или ливонского магистра; вместе с тем Новгород был важным торговым партнером для Прусского отделения Тевтонского ордена[339]. В отношениях с соседней Русью несомненным приоритетом для ливонской ветви Ордена был Псков, с которым продолжались конфликты из-за границ владений. На новгородско-орденские отношения влиял расклад сил в регионе и взаимоотношения обеих сторон с другими его силами — Великим княжеством Литовским, Ганзой и государствами Кальмарской унии.

Из общей протяженности русско-ливонской границы (точнее, пограничной зоны) примерно в 500 км на новгородский участок приходились лишь около 20 км в нижнем течении р. Наровы до ее устья. На ее противоположном берегу находились владения Тевтонского ордена, включая город Нарву — важный центр новгородской торговли, который не входил в Ганзу и конкурировал с ней, чем пользовались новгородские купцы. В 1421 г. Новгород заключил мир с Ливонским отделением Ордена[340]. Пользуясь непростым международным положением Ордена и неурядицами в Ливонии, новгородцы смогли добиться не только гарантий свободного и беопасного проезда и торговли, но и благоприятных условий пользования р. Наровой[341]. О значении этого договора говорит тот факт, что он был заключен бессрочно, после войны 1443—1448 гг. его условия повторялись в новом договоре Новгорода и Пскова с ливонскими ландсгеррами, а летописные известия связывают зафиксированную в нем «старину» с временами князей Александра Невского и Юрия Даниловича[342].

В третьем и четвертом десятилетиях XV в. взаимоотношения Новгорода с Орденом складывались относительно гладко, лишь время от времени омрачаясь неизбежными для них инцидентами. Однако один такой инцидент привел к крупному конфликту — войне 1443—1448 гг. Еще в 1438 г. граф Марки и Клеве (располо-

---

[339] *Лесников М. П.* Торговые сношения Великого Новгорода с Тевтонским орденом в конце XIV — начале XV в. // ИЗ. М., 1952. Т. 39. С. 259—278; *Sarnowsky J.* Die Wirtschaftsführung des Deutschen Ordens in Preußen (1382—1454). Köln; Weimar; Wien, 1993. S. 86—115. (Veröffentlichungen aus den Archiven Preussischer Kulturbesitz; Bd. 34). Новейшая публикация источников: Schuldbücher und Rechnungen der Großschäffer und Lieger des Deutschen Ordens in Preußen. Köln, 2008—2018. Bd. 1—4. (Quellen und Darstellungen zur hansischen Geschichte; Bd. 62).

[340] ГВНП. № 60 (рус. текст); LECUB. Bd. 5. Nr. 2511 (нем. текст).

[341] *Клейненберг И. Э.* Борьба Новгорода Великого за Нарову в XV в. // Исторические науки. 1960. № 2. С. 140—151 (Научные доклады высшей школы).

[342] НПЛ. С. 413; ПСРЛ. Т. 4, ч. 1. С. 427.

женных на нижнем Рейне) Герхард отправился в паломничество в Святую землю, выбрав путь через Ливонию и Новгород. По неизвестным причинам в Новгороде он прервал свою поездку. На обратном пути в Яме (нем. Ниенслот, позднее Ямбург, ныне Кингисепп в Ленинградской обл. РФ) его переводчик, житель Нарвы Херман тор Кокен, был схвачен, брошен в заточение и убит. На развитие событий повлияло международное положение ливонской ветви Ордена. В 1435 г. ее войска понесли тяжелое поражение в битве под Вилькомиром в Литве. Поддержка Свидригайла Ольгердовича против Сигизмунда Кейстутовича в династической войне в Великом княжестве Литовском привела Орден к тяжелой катастрофе и гибели почти всего его руководства. Само Ливонское отделение переживало борьбу двух группировок, формировавшихся по принципу регионального происхождения братьев Ордена, — рейнской, теснее связанной с прусской ветвью Ордена, и вестфальской, ориентированной на бóльшую самостоятельность («борьба языков»). К началу 1440-х годов в Ливонии взяли верх вестфальцы во главе с магистром Гейденрейхом Финке фон Оферберг ом. Они взяли курс на поддержку требований графа Герхарда, из чьих владений, также находившихся в Вестфалии, происходили многие братья Ордена. Его руководство пыталось представить конфликт с Новгородом в качестве справедливой войны против «схизматиков», только что отвергших Флорентийскую унию, и акцентировало опасность объединения Новгорода с Псковом и Москвой (в особенности с 1447 г., когда действительно произошло их сближение). Военные действия начались с сожжения орденскими войсками Ямы в ноябре 1443 г. и похода новгородских войск к Нарве в марте 1444 г., но вскоре были прерваны двухлетним перемирием. К 1447 г. ливонской ветви Ордена удалось привлечь на свою сторону шведского короля Кристофера, добиться ганзейской торговой блокады Новгорода, серьезно подорвавшей его экономическое положение, присылки войск и специалистов из Пруссии и папского благословения войны (которая, таким образом, приобретала черты крестового похода). Однако летом 1447 г. орденские войска, включая флот, проиграли сражение в устье Наровы. В начале 1448 г. стороны договорились о краткосрочном перемирии, а вскоре было заключено перемирие на 25 лет, в котором участвовал не только Новгород, но и Псков, а с ливонской стороны, помимо Ордена, все епископы и г. Дерпт[343]. Оно подтвердило условия договора 1421 г. и добавило пункты о порядке торговли, что свидетельствует о ее возросшем значении[344].

В середине 1460-х годов на фоне конфликта ливонских ландсгерров с Псковом наметилось очередное сближение Ордена с Новгородом. С ним исследователи связывают упомянутое выше обращение новгородцев к ливонскому магистру Иоганну Вальдхаусу фон Хеерзе в 1471 г. с предложением продлить перемирие 1448 г., срок действия которого истекал в 1473 г., но уже без участия Пскова, направив новое соглашение против Пскова и Великого княжества Московского.

---

[343] ГВНП. № 72, 73.

[344] *Клейненберг И. Э.* Военно-морские действия новгородцев при отражении орденской агрессии 1443—1448 гг. // История СССР. 1958. № 4. С. 114—123; *Он же.* К вопросу об огнестрельном вооружении новгородского войска // Вестн. Ленинградск. ун-та. № 20. Сер. истории, языка и литературы. 1959. Вып. 4. С. 131—134; *Казакова Н. А.* Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. С. 62—78, 120—123; *Бессуднова М. Б.* Война Ливонского ордена с Новгородом 1443—1448 гг. // Вестн. Воронежск. гос. ун-та. Сер.: История. Политология. Социология. 2012. № 1. С. 79—83; *Selart A.* Ein westfälisch-russischer Krieg 1443—1448? Bemerkungen zum Krieg des livländischen Deutschen Ordens gegen Novgorod // Zeitschrift für Ostmiteleuropa-Forschung. 2012. Bd. 61. H. 2. S. 247—262.

Дальнейшие события показали, что приоритетом в политике Тевтонского ордена в Ливонии, проводимой уже следующими магистрами — Берндом фон дер Борхом и Иоганном Фрайтагом фон Лориенгхофеном, — оставался Псков. Перемирие 1474 г. в его «новгородской» части соблюдалось ливонцами, а вторжение войск и союзников Ивана III в Ливонию во время похода на Новгород 1478 г. послужило предлогом для войны не с Новгородом и не с Москвой, а с Псковом[345].

Взаимоотношения Новгорода с его северными соседями в XV в. можно охарактеризовать как переплетение торговых интересов и пограничных конфликтов, то обострявшихся, то сменявшихся перемириями, в контексте международной ситуации в регионе. Определенные изменения были вызваны заключением Кальмарской унии в 1397 г., когда Эрик Померанский был коронован в качестве короля Дании, Швеции и Норвегии (впрочем, до 1412 г. от его имени правила датская королева Маргарета). При этом все три королевства по условиям унии сохраняли высокую степень самостоятельности. Уже с 1435 г. Кальмарская уния вступила в эпоху кризиса, завершившегося ее распадом в 1523 г. Для Новгорода ее следствием было то, что ему приходилось иметь дело как с датским королем и его советниками, так и с правителями пограничных областей.

Новгородские владения в XV в. граничили на севере со шведскими и норвежскими владениями. Понятия «владения» и «границы» в данном случае правомерно рассматривать как условные, поскольку шведские, датские, финские и российские исследователи дискутируют о том, какую часть этих границ можно рассматривать как линеарные, в каких случаях можно говорить о совместных округах сбора дани и каково было значение географических ориентиров, приведенных в Ореховецком договоре со Швецией 1323 г. и в «разграничительной грамоте» второй четверти — середины XIV в. с Норвегией и к тому же по-разному идентифицируемых (о чем уже говорилось в ч. I). Так, сейчас исследователи сходятся в том, что граница новгородских и шведских владений проходила по Карельскому перешейку, но по-разному понимают ее дальнейший ход — на север и северо-запад в сторону Ботнического залива или с ответвлением до Кандалакшского залива. В свою очередь, на севере Скандинавского полуострова и на Кольском полуострове существовала обширная территория, населенная саамами, с которых собирали дань как Новгород, так и Норвегия (а иногда и Швеция; такой порядок сохранялся на протяжении еще нескольких столетий).

Особенно конфликтогенным в рассматриваемый период, как можно судить по тогдашним источникам, было новгородско-шведское порубежье. Этому способствовали такие факторы, как совместная эксплуатация угодий, постепенная колонизация и развитие шведского административного аппарата[346]. Сохранение же напряженности во взаимоотношениях со Швецией, в свою очередь, заставляло новгородцев по-прежнему, как и в XIV в., приглашать князей «на пригороды», что влияло на позицию Новгорода между Литвой и Москвой.

Другим насущным вопросом во взаимоотношениях Новгорода с государствами Кальмарской унии были торговые дела. Король Эрик Померанский конфликтовал с Ганзой, что привело к началу датско-ганзейской войны 1426—1435 гг. Благодаря этому новгородские купцы в периоды конфронтации Новгорода с Ганзой вели

[345] Подробнее см. в разделе об истории Пскова в XV в.

[346] Подробнее см.: *Толстиков А. В.* Северо-западная граница Новгородской земли и Московской Руси в XIV—XVI вв.: От Ореховецкого мира до Тявзинского. Петрозаводск, 2019 (здесь же обзор литературы).

торговлю через шведский Выборг, что, как уже говорилось, было в таких случаях в порядке вещей.

После шведских походов в Карелию в конце XIV в. было заключено перемирие до сентября 1408 г.[347] Вскоре военные действия возобновились. В 1411 г. шведы совершили поход на Карельскую землю, взяв построенный там новгородцами Тиверский городок (крепость). В ответ большое новгородское войско с Лугвенем разорило шведский Выборг и его окрестности[348]. С этим походом, вскоре после которого Лугвень покинул Новгород, а архиепископ Иоанн III и участники похода воздвигли каменную церковь в его память, исследователи связывают возникновение «Рукописания Магнуша» — небольшого по объему произведения, написанного в форме завещания шведского короля Магнуса Эрикссона. В нем король вспоминал о столкновениях Швеции с Новгородом, начиная с Невской битвы 1240 г., и о своих походах на Орешек и Копорье, после которых на Швецию и самого Магнуса обрушились всевозможные несчастья, продолжавшиеся до того момента, когда он чудесным образом попал «под манастыръ Святого Спаса в полную реку», где якобы принял православие (по-видимому, имеется в виду Спасо-Преображенский монастырь на о. Валаам в Ладожском озере[349]; в действительности Магнус погиб в Норвегии в 1374 г.). Завершается «рукописание» наказом Магнуса своим детям, братии и «всеи Свѣискои земли» не нарушать крестное целование с Русью[350].

Тем не менее, как свидетельствуют отрывочные известия, новгородско-шведские и новгородско-норвежские пограничные конфликты продолжались и во втором десятилетии XV в. В 1428 г., вскоре после начала датско-ганзейской войны и незадолго до истечения срока очередного перемирия, в Копенгаген прибыло представительное новгородское посольство, добивавшееся от короля Эрика возвращения территорий, некогда принадлежавших Новгороду, или заключения «вечного мира» вместо краткосрочных перемирий. Таким путем новгородцы стремились обезопасить себя в канун похода Витовта, о планах которого тогда было уже известно, а при благоприятном развитии событий — добиться возвращения западных карельских погостов, переданных Швеции в 1323 г. Датская же сторона в условиях войны с Ганзой была заинтересована в мире с Новгородом, а при благоприятном развитии событий — в его содействии (которое должно было проявиться в аресте купцов на Немецком дворе). Однако в итоге дело ограничилось очередным перемирием на пять лет, до 1433 г.[351] Но и это не прекратило пограничных стычек: в 1432 г. новгородцы мотивировали просьбы к великому князю литовскому Свидригайлу прислать к ним «на пригороды» князя Юрия Лугвеневича тем, что шведы и норвежцы постоянно наносят им ущерб[352].

О том, что отношения Новгорода с Швецией и Норвегией складывались подобным образом в позднейшее время, можно судить по сведениям о новгородско-шведских и новгородско-норвежских столкновениях, о переговорах новгородцев с центральными и местными (выборгскими, финлянд-

---

[347] Sverges traktater med främmande magter jemte andra dit hörande handlingar / Utg. af O. S. Rydberg. Tredje delen (1409—1520). Stockholm, 1895. № 461; НПЛ. С. 387; ПСРЛ. Т. 4, ч. 1. С. 381.

[348] НПЛ. С. 402—403; ПСРЛ. Т. 4, ч. 1. С. 411; ГВНП. № 50. Ср. № 52.

[349] Он возник, судя по ряду указаний, в конце XIV — начале XV в. (*Охотина-Линд Н. А.* Сказание о Валаамском монастыре. СПб., 1996. С. 78—79).

[350] *Накадзава А.* Рукописание Магнуша: Исследование и тексты. СПб., 2003.

[351] *Казакова Н. А.* Дания и Новгород в 20-х годах XV века // Скандинавский сб. 1972. Вып. 17. С. 19—29; Sverges traktater med främmande magter jemte andra dit hörande handlingar. Tredje delen. № 461.

[352] LECUB. Bd. 8. Nr. 596.

скими) властями и о перемириях, заключавшихся в 1440—1460-е годы. Известны тексты договоров 1468 и 1473 гг.[353] Последний договор впервые предусматривал уточнение границы Новгорода со Швецией от р. Сестры до Норботтена двусторонней комиссией, которая должна была опираться на показания местных жителей и свидетельств грамот, скрепленных печатями. В этом нововведении исследователи видят результат Коростынского договора Новгорода с Иваном III, заключенного двумя годами ранее, и проявление более общей тенденции — складывания представлений о государственных границах и территории, характерных для раннего Нового времени.

Решающие события, определившие судьбу Великого Новгорода, развернулись в 1470-е годы. В условиях непрекращающегося давления со стороны Великого княжества Московского в Новгороде усилилась пролитовская партия.

Еще в 1463 г., согласно новгородской же летописи, новгородцы отправляли посольства к королю польскому и великому князю литовскому Казимиру Ягеллону и бежавшим в Литву ярым врагам Ивана III князьям Ивану Андреевичу Можайскому и Ивану Дмитриевичу, сыну Дмитрия Шемяки «о княжи възмущении еже на Великий на Новъгородъ Ивана [III] Васильевича», с недвусмысленным предложением «побороть по Великомъ Новѣгородѣ отъ князя великого». Если верить этому источнику, принципиальное согласие оказать помощь Новгороду, «как Богъ изволи», было получено[354].

Вероятно, с деятельностью пролитовской партии надо связывать и приглашение в Новгород правнука литовского великого князя Ольгерда, сына киевского князя Александра (Олелька) Владимировича и двоюродного племянника Казимира Ягеллона Михаила Олельковича, православного Гедиминовича, владевшего Копылем и Слуцком (в современной Минской обл. Беларуси). Михаил прибыл в Новгород в ноябре 1470 г. Договоренность об отправке Михаила в Новгород могла быть достигнута в первые месяцы 1470 г., когда Казимир побывал в Великом княжестве Литовском и после долгого перерыва посетил Полоцк, Витебск и Смоленск. Однако Михаил Олелькович пробыл в Новгороде лишь чуть более четырех месяцев: уже в середине марта 1471 г. он покинул город, возможно, в связи со смертью своего брата Семена, последнего киевского князя (1455—1470), на стол которого он мог претендовать.

Относительно этого события в литературе высказывались разные, даже противоположные мнения: от признания его приглашения «на новгородский стол» важнейшей акцией «литовской» партии по включению Новгорода в орбиту влияния Великого княжества Литовского до фактического отрицания наличия в Новгороде самой «литовской» партии и связи с ней приглашения Михаила[355]. Такие крайние оценки не находят подтверждения в источниках. Приглашение в Новгород князей из Литвы, как говорилось выше, было в Новгороде того времени обычным делом и соответствовало стандартной линии новгородских властей на лавирование между разными «центрами силы». Даже московский летописец, обвинявший пригласив-

---

[353] НПЛ. С. 425—426; ПСРЛ. Т. 4, ч. 1. С. 441; Sverges traktater med främmande magter jemte andra dit hörande handlingar. Tredje delen. № 512, 517, 521; *Янин В. Л.* Новгородские акты XII—XV вв. С. 118—120. См. также: LECUB. Leipzig, 1888. Bd. 13. Nr. 426, 829; HR. Leipzig, 1892. Abt. 3. Bd.I. Nr. 143; *Хорошкевич А. Л.* Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в. М., 1980. С. 134—137.

[354] ПСРЛ. Т. 16. С. 214.

[355] См., например: *Алексеев Ю. Г.* Под знаменами Москвы: Борьба за единство Руси. М., 1992. С. 127—129; *Янин В. Л.* Очерки комплексного источниковедения: Средневековый Новгород. С. 322—323; *Лурье Я. С.* Две истории Руси XV века. С. 139.

ших Михаила новгородцев в предательстве православия, отметил, что, приняв литовского князя, они «намѣстниковъ же князя великого не сослаша з Городища», т. е. наместники Ивана III продолжили выполнять свои полномочия и даже не покинули резиденцию новгородского князя на Рюриковом городище. Остался в Новгородской земле и служилый князь из другой княжеской династии — Василий Васильевич Гребенка из суздальских Рюриковичей, которого новгородские власти отправили охранять порубежье в Заволочье, на Северной Двине[356]. Таким образом, Михаил Олелькович формально рассматривался в Новгороде, скорее всего, как и его предшественники, — как князь на службе у республики с задачей усилить ее военную поддержку и самим фактом своего пребывания в Новгороде поддерживать сложившийся баланс сил между Москвой и Вильно[357].

В то же время в контексте развивающегося противостояния с Москвой приглашение Михаила Олельковича было объективно на руку пролитовской партии. О том, что такая партия в Новгороде была, свидетельствуют не только нарративные источники промосковской ориентации, но и многое другое. Примечательно, что в июле и декабре 1471 г. расходные записи фиксируют пребывание «московитов» у Казимира в Кракове[358]. Временной промежуток в несколько месяцев позволяет думать, что речь здесь идет о двух разных посольствах из Москвы, отправка которых в Краков, несомненно, была связана с обсуждением судьбы Великого Новгорода.

Но главным свидетельством является сохранившийся договор между Новгородом и Казимиром Ягеллоном[359]. Он дошел до наших дней в списке в сборнике новгородских документов, составленном в московской великокняжеской канцелярии в 1470-е годы. Ученые по-разному отвечали на вопрос о том, был ли он утвержден Казимиром. Заслуживает внимания мнение о том, что это был новгородский проект договора: документ составлен от имени Новгорода и насыщен новгородскими требованиями; отсутствует имя степенного посадника (фигурируют только нареченный архиепископ Феофил и степенной тысяцкий Василий Максимович); не названо даже имя самого Казимира (фигурирует абстрактный «король полскии и князь велики литовьскии»)[360].

Составление документа следует датировать периодом, когда Феофил был уже избран на архиерейскую кафедру, но еще не был хиротонисан, т. е. между 15 ноября 1470 г. и 15 декабря 1471 г.[361] В послании московского митрополита Филиппа в Новгород 22 марта 1471 г. Феофил упоминается еще как нареченный[362]. Не ранее 11 августа 1471 г. датируется выданная по благословению самого Феофила грамота Великого Новгорода задвинским землям, где архиепископ также фигурирует как «на-

---

[356] ПСРЛ. Т. 25. С. 285.

[357] См.: *Манусаджянас Т.* Новгород на политическом перекрестке в 1470—1471 гг. // Проблемы истории России: Новгородская Русь: Историческое пространство и культурное наследие. Екатеринбург, 2000. С. 221—222.

[358] Rachunki wielkorządowe krakowskie z r. 1471 / Wyd. R. Grodecki. Kraków, 1951. S. 37 (k. 69) (Archiwum Komisji Historycznej. Ser. II. T. 4. Ogólnego zbioru. T. 17. Nr. 7); Rachunki królewskie z lat 1471—1472 i 1476—1478 / Oprac. S. Gawęda, Z. Perzanowski, A. Strzelecka. Wrocław; Kraków, 1960. S. 41.

[359] ГВНП. № 77. С. 129—132.

[360] *Зимин А. А.* О хронологии договорных грамот Великого Новгорода с князьями XIII—XV вв. С. 324—327; *Лурье Я. С.* Две истории Руси XV века. С. 140—141; *Goehrke C.* Unter den Schirm der göttlichen Weisheit. Geschichte und Lebenswelten des Stadtstaates Groß-Nowgorod. Zürich, 2020. S. 355—356.

[361] ПСРЛ. Т. 4, ч. 1. С. 449; Т. 6, вып. 2. С. 208; Т. 25. С. 293.

[362] РИБ. СПб., 1878. Т. 4. № 102. Стб. 721—722.

реченный»[363]. Поскольку Казимир Ягеллон, к которому посылали новгородцы, в 1471 г. приехал в Литву из Польши в январе и уехал в самом конце апреля или начале мая[364], то составление проекта можно отнести примерно к апрелю 1471 г., а возвращение новгородских послов в Новгород с известием о достигнутом соглашении — ко второй половине мая[365]. Таким образом, переговоры о союзе с Литвой велись непосредственно перед началом боевых действий в мае 1471 г., свидетельством чего можно считать известие о неудачном новгородском посольстве в Великое княжество Литовское, «чтобы король всѣлъ на конь за Новъгородъ», которое было не пропущено ливонским ландмейстером[366].

Ко времени составления этого документа Михаила Олельковича в Новгородской земле, вероятнее всего, таким образом, уже не было: он пробыл там около четырех месяцев, уехав в марте 1471 г. (по-видимому, надеясь на получение «отчинного» Киева). В литературе встречается утверждение, что Михаил Олелькович покинул Новгород без санкции Казимира, со ссылкой на «Отрывок о казни Слуцких князей». Согласно этому источнику, одним из обвинений против Михаила в 1481 г., когда он был казнен по приказу Казимира IV, послужило оставление вопреки приказу короля (*iniussu Regis*) Новгорода без защиты перед врагом (т. е. московским великим князем)[367]. Однако этот источник сохранился в рукописях XVIII в., ряд обстоятельств указывает на его позднее возникновение, и не всегда понятно, что в нем восходит к ранним источникам, а что является плодом реконструкций или домыслов его автора[368].

Тем не менее о том, что, приглашая Михаила Олельковича, в Новгороде стремились получить поддержку от «литовского короля», свидетельствует относительно независимая и от Новгорода, и от Москвы псковская летопись[369]. Поэтому присутствие Михаила Олельковича в Новгороде было, скорее всего, согласовано с Казимиром или даже было им инициировано. Однако преждевременный отъезд литовского князя из Новгорода, причем сопровождавшийся скандалами и конфликтами, поставил крест на этих замыслах. Очевидно, в этих условиях в Новгороде и Литве началась подготовка к заключению формального соглашения.

Договор 1471 г. подтверждает как наличие в Новгороде могущественной пролитовской партии, так и то, что ей удалось в ходе внутриполитической борьбы на тот момент взять верх и повести дело к сближению Новгорода с Литвой. Само соглашение (по крайней мере, в новгородской интерпретации; литовской его интерпретации мы не знаем) отнюдь не подразумевало, тем не менее, как это иногда оценивается в историографии, вхождения Новгорода «в систему Польско-Литовского государства» (не существовавшего к тому же в XV в.) или заключения унии с Литвой[370]. В соответствии с соглашением Нов-

---

[363] ГВНП. № 98. С. 154. О датировке см.: *Янин В. Л.* Новгородские акты XII—XV вв.: Хронологический комментарий. С. 192—193.

[364] *Rutkowska G.* Itinerarium króla Kazimierza Jagiellończyka 1440—1492. Warszawa, 2014. S. 231—233. См. также: *Янин В. Л.* Новгородские акты XII—XV вв. С. 187—189 (здесь принимается существование как минимум двух договоров Новгорода с Казимиром 1470—1471 гг.).

[365] *Базилевич К. В.* Внешняя политика Русского централизованного государства. С. 96.

[366] ПСРЛ. Т. 4, ч. 1. С. 447; *Янин В. Л.* Новгородские акты XII—XV вв.: Хронологический комментарий. С. 187—189; *Goehrke C.* Unter den Schirm der göttlichen Weisheit. S. 356.

[367] *Kolankowski L.* Dzieje Wielkiego księstwa Litewskiego za Jagiellonów. Warszawa, 1930. T. I. S. 349—350.

[368] *Полехов С. В.* Литовская Русь в XV веке. С. 87, примеч. 78.

[369] ПЛ. Вып. 2. С. 175.

[370] Ср.: *Бернадский В. Н.* Новгород и Новгородская земля в XV веке. С. 272; *Алексеев Ю. Г.* Под знаменами Москвы. С. 139.

город признавал сюзеренитет литовского великого князя, а тот обязывался в случае нападения на Новгород со стороны Москвы «всѣсти на конь за Велики Новъгородъ... противъ великого князя [московского], и боронити Велики Новъгородъ». При этом сопоставление его с предшествующими договорами Новгорода с великими князьями владимирскими (московскими) и литовскими показывает, что полномочия Казимира как верховного правителя жестко ограничивались. Прежде всего, это касается религиозной сферы. В частности, одним из условий было «вѣры греческие православные нашеи не отъимати». Великокняжеский наместник, которого должен был прислать Казимир, также обязан был придерживаться православия. В Новгородской земле запрещалось возводить католические церкви. Несмотря на это обвинения Новгорода в попытках уклонения в «латинство» играли существенную роль в идеологическом обеспечении новгородской политики московского великого князя Ивана III и отразились в московском официальном летописании. Эти обвинения, однако, отнюдь не соответствовали действительности и носили демагогический характер. На самом деле, для новгородской церковной организации, начиная еще с архиепископа Евфимия II, была, напротив, характерна «[с]угубо православная, даже воинственная позиция» по отношению к церковной унии[371].

Действовать литовский наместник был обязан по новгородской «старине» и «пошлине». Численность литовских людей в свите наместника на Рюриковом городище ограничивалась пятью десятками, что, по-видимому, должно было гарантировать Новгород от попыток силового давления со стороны Литвы. В качестве верховного правителя Казимир, как и московские великие князья, получал право держать своих тиунов в совместных с Новгородом владениях — в Торжке и на Волоке Ламском. Как литовский великий князь он, вслед за своими предшественниками, должен был также держать, наряду с новгородцами, своего тиуна в Луках и получать черную куну с пограничных волостей (Ржевы, Холмского погоста). При этом, однако, специально подчеркивается, что эти земли принадлежат Великому Новгороду[372].

Подробное изложение событий, связанных с московско-новгородской войной 1471 г., подчинением и присоединением Новгорода к Москве в 1477—1478 гг., содержится в разделе, посвященном истории Московского великого княжества при Иване III. Здесь же целесообразно сосредоточиться на ситуации в самом Новгороде и на причинах падения Новгородской республики.

В мае — июне 1471 г. войска Ивана III и его союзников (Псков, Тверь) выступили против Новгорода, который помощи от Казимира не получил. По условиям соглашения 1471 г., помощь Новгороду должно было оказать Великое княжество Литовское, причем специально оговаривалось, что если «честны король, не умиривъ Великого Новагорода с великимъ княземъ [Московским]», поедет «в Лятцкую землю (Польшу. — *П. Л.*) или в Немецкую», а в это время на Новгород нападет московское войско, в этом случае «твоеи радѣ литовскои всѣсти на конь за Велики Новъгородъ»[373]. Это означает, что соглашение предусматривало оказание помощи Новгороду только со стороны Литвы, но не Польского королевства. В то же время сам факт того, что Казимир был не только литовским великим князем, но и польским королем, разумеется, увеличивал его влияние, ресурсы и возможности. И здесь необходимо учесть широкий внешнеполитический контекст

[371] *Тарасов А. Е.* Церковь и подчинение Великого Новгорода // НИС. Вып. 12 (22). С. 74—75.
[372] *Янин В. Л.* Новгород и Литва: Пограничные ситуации XIII—XV веков. С. 5—8.
[373] ГВНП. № 77. С. 130.

происходивших событий. 22 марта 1471 г. умер чешский король Йиржи из Подебрад, и Казимир Ягеллон втянулся в борьбу за чешский престол для одного из своих сыновей, отправив против своего противника в этой борьбе, венгерского короля Матьяша Корвина, польские отряды. В этой ситуации литовские власти не могли рассчитывать на помощь со стороны Польши и даже на личное участие Казимира в противостоянии Москве, не решившись оказать военную поддержку Новгороду[374]. Ордынский хан Ахмед (Ахмат), с которым, как и с крымскими ханами, вероятно, вел переговоры Казимир IV относительно Новгорода, смог выдвинуться в поход против Москвы только летом 1472 г., когда судьба республики была фактически уже решена, и успеха не добился[375]. И наконец, в Восточной Европе понимали, что теперь приходится считаться с постепенным усиливающимся Великим княжеством Московским.

14 июля 1471 г. новгородская рать была полностью разгромлена на р. Шелони, а 27 июля того же года на Северной Двине была разбита новгородская судовая рать. Главную причину поражения новгородский же летописец усматривает в раздорах и нестроениях в новгородском войске. Конная рать не смогла действовать согласованно с судовой, так как архиепископский (владычный) полк отказался сражаться с москвичами, заявив, что архиепископ разрешил им биться только с псковичами. Рядовые воины жаловались на отсутствие коней и качественного вооружения: «Азъ чловѣкъ млодыи, испротеряхся конемъ и доспѣхомъ», и «начаша… вопити на большихъ людеи». В Новгороде активизировалась промосковская партия, возникла паника. По признанию опять-таки самого новгородского летописца, в Новгороде началась «молва велика»: «инѣи хотяху за князя, инии — за короля за Литовьского». «Лучших людей», т. е. прежде всего бояр, обвиняли в том, что они «приведоша великого князя на Новгородъ»[376]. Все это указывает на глубокий внутренний раскол в Новгороде, свидетельствующий о вполне реальном существовании там как пролитовской, так и промосковской партий, а также на существовавшие социальные противоречия между боярской элитой и рядовым населением, считавшим себя в то же время неотъемлемой частью «Господина Великого Новгорода»[377]. На противоречия между жителями периферии, лишенными права участия в общеновгородской политической жизни, и новгородским политическим сообществом указывает новгородское же летописное свидетельство о том, что «Двинянѣ не тягнуша», т. е. не присоединились (во всяком случае, активно) к воеводам, командовавшим новгородским войском на другом театре военных действий, в Заволочье[378].

После поражения в войне новгородцы вынуждены были подписать Коростынский договор, в котором Великий Новгород признавал себя «отчиной» московских великих князей, но в то же время сохранял статус «мужей вольных»; отказывался от попыток «отдатися» великому князю литовскому и от приглашения князей из Литвы; признавал исключительное право ставить новгородских архиепископов за митрополитом

[374] *Kolankowski L.* Dzieje Wielkiego księstwa Litewskiego za Jagiellonów. T. 1. S. 312—314; *Базилевич К. В.* Внешняя политика Русского централизованного государства. С. 99; *Флоря Б. Н.* Лекции по русской истории. С. 351—352.

[375] См.: *Kolankowski L.* Dzieje Wielkiego księstwa Litewskiego za Jagiellonów. T. 1. S. 318, 327; *Горский А. А.* Москва и Орда. М., 2000. С. 156—158.

[376] ПСРЛ. Т. 4, ч. 1. С. 446—447.

[377] Ср.: *Лурье Я. С.* Две истории Руси XV века. С. 139—140; *Флоря Б. Н.* Лекции по русской истории. С. 138—139.

[378] ПСРЛ. Т. 4, ч. 1. С. 447.

всея Руси, а также соглашался на другие значительные уступки[379]. Самостоятельность Новгородской республики, таким образом, ограничивалась, но автономия и республиканское устройство сохранялись.

И все же, даже после поражения новгородские власти пытались найти союзников для противостояния Москве. 13 августа 1471 г. ливонский магистр Иоганн Вальдхаус фон Хеерзе писал верховному магистру Тевтонского ордена Генриху фон Рихтенбергу, что новгородцы к этому времени уже дважды направляли к нему «высокопоставленных послов». Новгородцы просили у Ордена помощи против псковичей, но при этом говорили, что они «ежедневно терпят тяжкий ущерб от князя Московского и псковичей», т. е. помощь им нужна была, несомненно, в контексте противостояния с Иваном III и с Псковом как его союзником. Ливонский магистр советовал не оставлять новгородские просьбы безответными, мотивируя это тем, что если Новгород будет подчинен полновластным правителем, то ливонские ландсгерры не смогут вернуть себе спорные земли, которые находятся под властью Пскова. Новгородцы просили Орден выйти из мирного договора со Псковом, утверждая, что в таком случае псковичи не смогут напасть на Новгород, который, в свою очередь, сможет защититься от натиска московского князя. Ливонский магистр предлагал обещать поддержку Новгороду, поскольку, как он полагал, представляется прекрасная возможность разделить Новгород и Псков, но на условии того, что новгородцы примут решение об этой поддержке единодушно: «Если господин архиепископ [новгородский], посадники, тысяцкие, старейшие и лучшие люди новгородские соответствующие статьи единодушно утвердят, скрепят печатями, заверят и дадут на них клятву (имеется в виду крестоцелование. — *П.Л., С.П.*)». В приложении к посланию содержались условия соглашения с Новгородом о взаимопомощи против Пскова. В высшей степени любопытно, что условие об оказании поддержки Новгороду со стороны Ордена формулировалось совершенно так же, как аналогичное условие в договоре Новгорода с Казимиром Ягеллоном: в случае конфликта Новгорода с Псковом магистр обязывался буквально «сесть на коня со своим войском, чтобы защитить Новгород...»[380]. Этот интереснейший и недостаточно оцененный в отечественной историографии источник позволяет сделать следующие выводы. Так называемая «пролитовская» партия была не столько пролитовской, сколько антимосковской. Главную свою задачу она видела в том, чтобы отстоять независимость Новгорода и его политический строй от посягательств со стороны великого князя московского. Попытки этой партии, т. е. значительной части новгородской элиты, найти себе союзников не прекратились даже после поражения на р. Шелони. Ее внешнеполитический курс можно расценить как вполне последовательный: сначала она действовала в традиционном русле, пригласив Михаила Олельковича в качестве служилого князя, потом решилась заключить союз с Великим княжеством Литовским, признав сюзеренитет его правителя над Новгородом (впрочем, еще более ограниченный, чем сюзеренитет великих князей Московских), после неудачи этого проекта попыталась привлечь на свою сторону единственного оставшегося значимого игрока на этом пространстве — Орден. Никакой специфической идеологической подоплеки под этим не было, о чем ясно свидетельствуют условия договора с Казимиром и отсутствие упоминаний какой-либо религиозной тематики в ходе

[379] ГВНП. № 26—27. С. 45—49.

[380] LECUB. Reval, 1910. Bd. 12. Nr. 840. S. 478—480.

переговоров с ливонским магистром (тот, между прочим, ни словом не обмолвился о том, что собирается поддержать «схизматиков», и никаких условий на сей счет им не ставил). Речь шла исключительно о политической борьбе, а идеологические обвинения, которые предъявлялись в московской публицистике новгородцам, как уже говорилось выше, представляли собой своего рода информационную войну. В Москве новгородцев обвиняли в стремлении перейти под церковную власть литовского митрополита-униата Григория «Болгарина». Однако Григорий «Болгарин» перешел в православие, и этот переход, и его статус как митрополита Киевского и всея Руси был еще в 1467 г. признан константинопольским патриархом Дионисием (между прочим, ревнителем православия и учеником знаменитого противника Флорентийской унии св. Марка Эфесского)[381]. После этого никаких канонических оснований для предъявления церковных обвинений в отношении новгородцев у Москвы не оставалось.

Тем не менее союз Новгорода с Орденом так и не был заключен. В историографии справедливо обращалось внимание на показания летописей о том, что Орден остерегался прямого столкновения с Москвой или даже содействовал («норовил») Ивану III. В летописях, отражающих новгородскую трактовку событий, говорится, что после Шелонской битвы новгородцы отправили посла в Литву за помощью, но именно ливонский магистр не пропустил его через свою территорию[382]. Причины следует искать в обстоятельствах внутриливонской политической жизни, где шла острая борьба — как внутри Ордена, так и с Рижским архиепископством (при напряженных отношениях с Казимиром Ягеллоном, на которого первоначально рассчитывали новгородцы), а главным внешнеполитическим козырем во внутриливонской игре был вопрос о спорных землях с Псковом.

Но, как показывает упомянутое выше послание ливонского магистра, дело было, по-видимому, и в ситуации в самом Новгороде. В Ордене не могли не знать как и о довольно позорном поражении на Шелони, так и об остром внутреннем конфликте. Не случайно Орден стремился обусловить любые переговоры о поддержке Новгорода гарантией единства новгородского политического сообщества. А его — этого единства — не было. Ливонский магистр продолжал тем не менее подготовку к воине с Псковом и Москвой, но вскоре был свергнут сановниками, недовольными его политикой[383].

Окончательное присоединение Новгорода к Московскому великому княжеству становилось теперь делом времени.

Этапом на пути подчинения Новгорода стал «поход миром» Ивана III 1475—1476 гг. Мирным он был только в том отношении, что не встретил сопротивления со стороны разгромленных в 1471 г. новгородцев. Московский великий князь пришел, согласно новгородскому летописанию, хотя и «на миру», но «в силѣ велицѣ», и в течение девяти недель пребывал на Городище, где вершил суд и расправу: он «зая вси манастыри и дворьци манастырьскии около Новаграда» и арестовал шестерых новгородских бояр, включая степенного

[381] *Лурье В. М.* Русское православие между Киевом и Москвой: Очерк истории русской православной традиции между XV и XX веками. 2-е изд., доп. М., 2010. С. 82—83; *Тарасов А. Е.* Церковь и подчинение Великого Новгорода. С. 85—86.

[382] ПСРЛ. Т. 4, ч. 1. С. 447; Т. 37. С. 92; см.: *Лурье Я. С.* Две истории Руси XV века. С. 142.

[383] *Казакова Н. А.* Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. С. 144—147; *Бессуднова М. Б.* Великий Новгород во внешней политике ливонского магистра Иоганна Вальдхауса фон Херзе (1470—1471) // НИС. Вып. 12 (22). С. 110—125; *Баранов А. В.* Русско-ливонские мирные договоры 1474 года: Предпосылки, переговоры, последствия // Средневековая Русь. М., 2016. Вып. 12. С. 214—217.

посадника, которые были увезены в Москву. «А в то время Новгородцкои области убытка много с кровью», — горестно замечает летописец[384].

Пребывание Ивана III на Городище сопровождалось разбором жалоб одних новгородцев на других и наказанием виновных. Формально Иван III вершил суд совместно с представителями новгородских властей, что соответствовало нормам Новгородской судной грамоты, но фактически сложившиеся традиционные отношения между Новгородом и великими князьями разрушались в этом, очень важном, аспекте, тем более что в ряде случаев Иван III вершил расправы, вообще не прибегая к судебному разбирательству[385]. Эти новые отношения были четко охарактеризованы в рассказе о «походе миром» псковской летописи: «Приеха князь великои Иванъ Васильевичь и со многою силою в Великои Новъгород на суд и на управу въ свою вотчину»[386].

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что московское правительство, по-видимому, стремилось использовать в своих интересах социальные противоречия в самом Новгороде. Уже после Шелонской битвы, согласно московской летописи, Иван III приказал казнить и заключить в тюрьму посадников и бояр «за их измѣну и за отступление», а «мѣлких людеи» велел отпустить в Новгород[387]. В рассказе псковской летописи о «походе миром» говорится о том, что великого князя в Новгород пригласили сами новгородцы — люди житьи и молодшие, — ожидавшие от него «управы» из-за насилия от посадников и «великих бояр». Согласно сообщению московского летописца, с жалобами к Ивану III шли из всех волостей Новгородской земли[388]. С учетом данных псковской летописи этому свидетельству в целом можно доверять.

Окончательное присоединение Новгорода к Москве произошло в 1477—1478 гг. Поводом для этого стал вопрос о признании Ивана III и его сына и тогдашнего наследника князя Ивана Ивановича Молодого «господарями» Великого Новгорода. Это имело не только символическое, но и конкретное политическое значение, поскольку объявление московского великого князя своим «господарем» означало одновременно полное ему подчинение, утрату новгородским политическим коллективом статуса правителя Великого Новгорода («господарьства») и демонтаж элементов самостоятельности Новгородской республики, которые еще сохранялись в соответствии с двойственной формулой Коростынского договора «отчина великих князей — мужи вольные». Согласно утверждениям московского посла, прибывшего в Новгород в 1477 г., статус господаря был признан за Иваном III новгородскими послами, посетившими Москву ранее: подвойским Назарием и вечевым («вечным») дьяком Захарией. Когда московский посол объявил об этом на вече, началось возмущение, а двое посадников, обвиненных в измене, были убиты. Однако уже осенью 1477 г. Иван III предпринял еще один масштабный поход на Новгород, который сдался уже без сопротивления. Новгородцы вынуждены были согласиться с тем, чтобы «вечю колоколу… в Новегороде не быти, посаднику не быти», а «господарьство» стало у них такое же, как «в Низовской земле на Москве», что

[384] ПСРЛ. Т. 4, ч. 1. С. 449. См. также: ПСРЛ. М., 1987. Т. 36. С. 48, 94.

[385] Подробнее всего — в московском великокняжеском летописном своде конца XV в. См.: ПСРЛ. Т. 25. С. 304—308. См. об этом: *Флоря Б. Н.* Лекции по русской истории. С. 358—362.

[386] ПЛ. Вып. 2. С. 200.

[387] ПСРЛ. Т. 25. С. 290.

[388] ПЛ. Вып. 2. С. 200; ПСРЛ. Т. 25. С. 305.

означало признание абсолютной власти московских великих князей[389]. Новгородская республика и ее ключевые политические институты перестали существовать.

Главной причиной поражения Новгорода было, несомненно, военно-политическое превосходство Московского великого княжества и уязвимость республики в условиях бездействия потенциальных союзников, архаичности собственной военной организации (ядро войска — ополчение горожан), отсутствия собственного морского флота, наличие которого так помогало другим европейским средневековым торговым республикам. Но уже современники, в том числе новгородцы, усматривали и внутренние причины поражения. Речь идет об упомянутом выше внутреннем расколе, который во многом лишил новгородцев воли к победе. Каковы были его сущность и причины?

В «установочных» обобщающих трудах советского времени бытовала трактовка, согласно которой раскол в Новгороде носил социальный характер. Сторону московского великого князя якобы открыто взяли «ремесленники и мелкие торговцы», а литовская партия была представлена «боярской верхушкой»[390]. Высказывалось и мнение о том, что новгородские социальные низы видели в московском великом князе «справедливого царя», который должен был навести в Новгороде «порядок»[391]. Между тем в советской же историографии эта упрощенная и анахроничная точка зрения была фактически опровергнута, хотя все равно акцентировались промосковские тенденции среди рядового населения Новгорода[392]. Любопытно, между прочим, что современная событиям московская официальная идеология, напротив, подчеркивала, что на стороне Москвы были «большие люди», а против выступала якобы горстка отщепенцев, поднявшая на бунт против великого князя наймитов из смердов и «безыменитых мужиков»[393]. В действительности же источники ни о чем подобном не говорят. Обе «партии» возглавляли представители аристократической элиты. Можно думать, что разделение и в данном случае носило, в первую очередь, не социальный или идеологический, а традиционный для Новгорода кланово-территориальный характер[394]. Что касается рядовых новгородцев, то если говорить о сельском населении, его мнения, как обычно, никто не спрашивал. Свободные горожане, неэлитная часть новгородского политического сообщества, действительно, как говорилось выше, надеясь на великого князя как на верховного арбитра и заступника перед сильными мира сего, вовсе не готова была отказаться от новгородской самостоятельности и республиканского строя и даже решительно выступала против этого.

Тут следует отметить известие Устюжского летописного свода под 1477/78 г. об упомянутом выше споре о наименовании Ивана III «господарем», которое, по-видимому, представляет собой новгородскую запись — остаток последних летописных

---

[389] ПСРЛ. Т. 25. С. 318.

[390] Очерки истории СССР: Период феодализма: В 2 ч. Ч. 2: XIV—XV вв. М., 1953. С. 273—277 (текст С. В. Бахрушина); История СССР с древнейших времен до наших дней: В 12 т. М., 1966. Т. 2. С. 118, 122 (текст А. Л. Хорошкевич).

[391] *Лепко И. В.* Социально-политическая борьба в Великом Новгороде в 1477—1478 гг. (по летописям) // Учен. зап. Вологодск. пед. ин-та им. В. М. Молотова. Вологда, 1951. Т. 9. С. 52.

[392] *Черепнин Л. В.* Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках: Очерки социально-экономической и политической истории Руси. С. 856—859; *Бернадский В. Н.* Новгород и Новгородская земля в XV веке. С. 276—278.

[393] ПСРЛ. Т. 25. С. 285.

[394] *Янин В. Л.* Новгородские посадники. 2-е изд. М., 2003. С. 444—447.

записей Новгородской республики[395]. Когда посол московского великого князя Федор Давыдович объявил на вече, что, по заявлению, сделанному в Москве новгородскими послами, «новогородские посадники, и тысяцкие, и весь Великии Повъгород наркли князеи великих себе Ивана Васильивича и сына его Ивана Ивановичя [Молодого]» господарями Новгорода, этим возмутилась именно «чернь»: «Мы с тем не посылывали, то посылали бояря, а народ того не ведает». В результате «начаша народ на бояр за то злобу имети», великокняжеский посол был отпущен ни с чем, и прямо на вече начались расправы, о которых шла речь выше[396]. Таким образом, вопреки иногда высказывавшимся в литературе суждениям неэлитная часть новгородского политического сообщества, как выясняется, была заинтересована в сохранении самостоятельности Новгорода и его республиканского строя.

Важнейшей причиной новгородского раскола были не социальные противоречия (хотя и они сыграли определенную роль и были использованы Москвой), а то обстоятельство, что как промосковская, так и пролитовская партии давали разные, но одинаково не соответствовавшие магистральной новгородской политической идеологии ответы на возникшие кризисные обстоятельства.

Сторонники московского великого князя обвинялись в том, что, сохраняя верность традиционному сюзерену, они готовы расстаться с выстраданной новгородцами вольностью и поставить под угрозу республиканский строй. Эти обвинения, как показало развитие событий, были небеспочвенными.

Противники Москвы стремились сохранить в неприкосновенности самостоятельность Новгорода и республиканский характер его политического строя, но в то же время признание великого князя литовского сюзереном явно шло вразрез со всей новгородской политической традицией. Начиная со второй половины XIII в. Новгород достаточно последовательно признавал себя «отчиной», т. е. наследственным владением великих князей владимирских, а потом московских. Эти представления подразумевали признание прав московских великих князей на верховную власть. В этом смысле формула Коростынского договора «мужи вольные — отчина великого князя», хотя и была новой, *de facto* выражала то, что, в принципе, признавалось в Новгороде и ранее (разумеется, новгородская и московская интерпретации этого отличались: новгородцы акцентировали внимание на собственной вольности и обязанности великого князя защищать Новгород, никак не вмешиваясь при этом в его дела, а великие князья стремились превратить свои права в отношении Новгорода из формальных в реальные). Литовские великие князья, несмотря на их притязания на власть над Новгородом еще в эпоху Витовта, тесные контакты между Новгородом и Литвой, наличие такого явления, как чернокунство, и пр., никогда не рассматривались в самом Новгороде как свои. Напротив, даже во время войн с Московским великим княжеством в его правителях видели сюзеренов (так было во время войны за Двинскую землю в конце XIV в.). Оценки же литовских великих князей в новгородском летописании были весьма прохладными, если не сказать большего. В этих условиях резкая смена курса, которая стала очевидной для новгородского политического сообщества лишь незадолго до Шелонской катастрофы, не могла не вызвать замешательства и разброда как среди элиты, так и среди рядового населения. Тем более это относится к Тевтонскому ордену (не случайно, что союз с ним планировалось заключить формально только для противостояния

[395] *Бобров А. Г.* Новгородские летописи XV века. СПб., 2001. С. 239—240; см. также: *Лурье Я. С.* Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976. С. 196, примеч.; *Он же.* Две истории Руси XV века. С. 146.

[396] ПСРЛ. Т. 37. С. 94.

Пскову, а не великому князю московскому). За этим, видимо, стояла не только традиция верности определенной династии. Новгородское политическое сообщество, несмотря на несомненное стремление сохранить свою вольность, никогда не мыслило себя вне Русской земли. И так же воспринимали новгородцев иностранцы. Характерно, что в ганзейских документах XIV—XV вв. новгородцы постоянно называются или «русскими из Новгорода» или просто «русскими». Никакого отдельного этнического наименования в Новгороде не возникло. Некоторые новгородские книжники пытались в XV в. выработать или актуализировать специфическую новгородскую политическую мифологию, которая отделяла бы Новгород от остальной Руси. В связи с этим можно упомянуть предания о легендарном первом посаднике Гостомысле, не принадлежавшем к роду Рюриковичей, и о происхождении новгородцев от варягов, а не от славян. В публицистических произведениях, посвященных Чуду от иконы Богоматери Знамение, т. е. победе новгородцев над суздальцами в 1170 г., созданных в XV в., проводится идея о том, что Новгород является «отчиной» самих новгородцев (читай: не князей-Рюриковичей). Однако эти тенденции не получили или не успели получить заметного развития[397].

В то же время у возобладавшей на какое-то время антимосковской партии не было ресурсов для того, чтобы силой сплотить вокруг себя новгородцев. Сохранившаяся республиканская инфраструктура в виде прежде всего вечевых собраний препятствовала консолидации элиты и выработке ею согласованного, единого политического курса. Дело здесь, надо подчеркнуть, не в самом республиканском характере новгородской государственности (такие олигархические средневековые республики, как Венеция или Дубровник (Рагуза), просуществовали до рубежа XVIII—XIX вв.), а в сохранении как важнейшего политического института веча, что делало всякие закулисные маневры, даже необходимые для выживания республики, крайне затруднительными.

Покорение Новгорода было завершено после ареста и высылки в Москву последнего выборного новгородского архиепископа Феофила в 1480 г. и конфискации владычной казны, массового выселения из Новгорода представителей элиты (бояр, житьих людей, купцов), которые вместо своих земельных владений получили поместья в Северо-Восточной Руси, и замены их московскими дворянами и гостями, получившими земельные владения в Новгородской земле (1480-е годы). Эти переселения, расформировавшие новгородскую элиту, носительницу идей самостоятельности, и заменившие ее на лояльных Москве служилых людей, ознаменовали необратимое уничтожение социальной базы Новгородской республики. Длительная история республиканского варианта русской государственности подходила к концу (хотя отдельные элементы автономии Новгорода еще некоторое время сохранялись: в частности, право новгородских наместников и купеческих старост вести сношения с Ганзой и Ливонией[398]).

Псковская земля

В результате изменения политического баланса в Восточной Европе, вызванного Салинским договором 1398 г., происходит перемена ориентации Пскова с Великого княжества Литовского на Великое княжество Московское. Особые отношения Пско-

[397] *Лукин П. В.* Новгород и Венеция: Сравнительно-исторические очерки становления республиканского строя. СПб., 2022.

[398] *Казакова Н. А.* Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. С. 180—195.

ва с Литвой к этому времени насчитывали уже три четверти века, но ситуация была однозначной: о планах Витовта и Ордена в отношении Новгорода и Пскова стало известно[399], более того, Псков покинул и княживший там сын Андрея Ольгердовича Иван.

Установление тесных связей с Москвой отнюдь не означало возвращения к ушедшим реалиям XIII — первой четверти XIV в., когда во Пскове большую роль играли княжащие в Новгороде князья. За прошедшие десятилетия псковичи надежно закрепили за собой статус вполне самостоятельного политического образования, уверенно отстояв военным путем свой статус от посягательств столь мощных соседей, как ливонские рыцари и Великий Новгород, и при этом сумев так выстроить взаимоотношения с Литвой, что эти соседи вплоть до 1398 г. не угрожали сохранению псковского политического устройства. К концу XIV в. «весь Псков», как именовало себя псковское политическое сообщество, в которое входили полноправные горожане[400], — обладал общими представлениями о своих правах, своей независимости и своей истории, собственной властной элитой, институтами управления и письменным правом. За прошедший век укрепленная каменными стенами территория города выросла более чем в шесть раз, что предполагало и соответствующий рост численности его населения. Псковскую землю теперь со всех направлений обороняла целая система крепостей-пригородов: к каменным Изборску и Острову добавились Воронач, Велье, Коложе, Котельно и Врев[401].

Во многом это предопределялось интенсивным развитием экономического потенциала Пскова. Если для XIV в. уже известно о его торговле с соседними Дерптом и Полоцком, а также о важном значении Пскова как пункта, сквозь который шел сухопутный транзит ганзейских товаров в Новгород, то к началу следующего столетия серьезную роль уже играют и сами псковские купцы. От сделок с прибывающими в их город ливонцами они переходят к активным самостоятельным операциям, включающим в свою сферу и Смоленск (известно о захвате там зимой 1402/1403 г. Юрием Святославичем псковских купцов, для освобождения которых к Юрию отправились псковские послы) и Ревель, судя по грамоте 1418—1419 г. от князя, посадников, сотских «и всего Пскова» с ответом ревельским властям по поводу имущества умершего там псковского купца, и другие ливонские города[402]. В Новгороде же известие о пожаре 1406 г. «на Торговой сторонѣ от Гоцкаго двора до Плесковьскаго» указывает на существование уже целого Псковского двора[403]. Сложившееся положение позволяло псковичам получать доходы не только от своих коммерческих операций, но и собирать торговые пошлины (в том числе «померное»), с выгодой для себя обслуживать товарный транзит, а также реализовывать на внешнем рынке собственные ресурсы Псковской земли: воск (упоминания о бортническом промысле часты в псковских актах) и, вероятно, пушнину, а позже и лен[404].

Сформировавшаяся на протяжении прошедшего столетия политическая система,

---

[399] НПЛ. С. 395; ПСРЛ. СПб., 2002. Т. 42. С. 166; ПЛ. Вып. 2. С. 109.

[400] См.: *Лукин П. В.* Республиканская риторика в Древней Руси // Res Publica: русский республиканизм от Средневековья до конца XX века. СПб., 2021. С. 80—82.

[401] И видимо, Дубков и Черницы. См.: НПЛ. С. 477.

[402] ПЛ. Вып. 1. С. 27; ПЛ. Вып. 2. С. 110; *Валк С. Н.* Новые грамоты о новгородско-псковских отношениях с Прибалтикой в XV в. // Исторический архив. 1956. № 1. С. 234.

[403] НПЛ. С. 399.

[404] С высокой долей вероятности о возросшем значении льноводства в экономике республики свидетельствует сообщение об отмене «льняной грамоты», действовавшей с 1463—1464 гг. См.: ПЛ. Вып. 2. С. 186.

включавшая элементы республиканского строя, обеспечивала устойчивое и вполне самостоятельное функционирование всех сфер управленческого механизма: судебной, налоговой, законодательной, административной, дипломатической, военной даже и тогда, когда собственного князя на псковском столе не было. Впрочем, князь Пскову уже был постоянно необходим, и те краткие периоды, когда его в городе не имелось, всякий раз становились достаточно неспокойными для Пскова.

Одной из важнейших функций княжеской власти в Пскове была символическая. Следует помнить, что внутри русской средневековой культурной и историко-политической традиции, в т.ч. зафиксированной в летописях, княжение представлялось единственно возможным вариантом политического устройства, и именно появление своего княжеского стола стало залогом самостоятельности для Пскова. В рамках сложившегося политического ритуала особую роль играло посажение князя на княжение в воплощающем идеальное единство политического сообщества псковичей соборе святой Троицы[405], которое отсылало к значимым для формирования представлений о псковской независимости образам Всеволода Мстиславича и Довмонта, а также великого князя Александра Михайловича Тверского. Не менее значимым было то, что внешняя по отношению ко «всему Пскову» власть прибывающего в город князя и его людей, которая осуществлялась в пределах освященной псковской «старины» и «пошлины» и всегда совместно с представителями псковичей, при этом неизбежно сохраняя свой временный характер, стала одним из важных механизмов, защищавших городское сообщество от серьезных внутренних конфликтов и опасного углубления клановой розни. Значимое место как профессиональные военачальники, окруженные хорошо подготовленными и вооруженными военными слугами, «кованой ратью», князья занимают и в организации военных сил Пскова. Вплоть до конца ее независимости князь возглавляет псковскую политическую систему, помещаясь на первое место в развернутых описаниях структуры «всего Пскова» в преамбулах псковских актов и в летописных формулах. Как важность его символико-ритуальной роли в системе средневековых представлений, так и реальную степень политической уязвимости при этом конкретного князя, зависящего от настроений псковского политического коллектива, иллюстрирует казус с князем Данилой Александровичем, лишенным власти и изгнанным горожанами, решившими, что «тебе ради быть не престающии моръ сии у нас»[406].

В сложившейся к 1399 г. ситуации Пскову понадобился новый, не связанный со ставшей теперь враждебною Литвой надежный и влиятельный источник получения на свой стол лиц, обладающих княжеским титулом, военной силой, статусом и необходимой для его занятия мотивацией. Установление для этого связей с великим князем Василием Дмитриевичем обеспечивало Пскову выход из того внешнеполитического тупика, в котором город оказался. В ином случае возможность противостоять союзу Литвы и Ордена сохранялась бы только при опоре на Новгород, но нельзя забывать, что лишь недавно завершилась ожесточенная псковско-новгородская война, а сами новгородцы в отношениях с Псковом, начавших тогда осмысляться в образах политико-правового символизма как отношения старшего и младшего братьев, были заинтересованы в ослаблении своего союзника-соперника и в эксплуатации растущего военного и экономического по-

[405] См.: *Мусин А. Е.* Церковь и горожане средневекового Пскова: Историко-археологическое исследование. СПб., 2010. С. 260—318.

[406] ПЛ. Вып. 1. С. 30; Вып. 2. С. 33, 114.

тенциала соседей. В этом смысле договоренности с великим князем Московским, с одной стороны, придавали другое измерение сложившейся ситуации, обеспечивая псковичам новую точку опоры, но оставаясь при этом в рамках давней исторической и культурной традиции, а с другой — вряд ли предполагали для Пскова значимые политические риски. Великое княжение Московское не имело с Псковской землей общих границ или сталкивающихся экономических интересов. Союз с ним не мог быть воспринят и как прямо враждебный шаг против новгородцев, князем которых являлся Василий Дмитриевич. Не было это решение и слишком уж провокационным по отношению к Витовту, зятем которого был московский князь. При этом псковичи явно рассчитывали, что смогут играть на московско-новгородских противоречиях, зная, что вспыхнувшая из-за великокняжеской попытки аннексировать Двинскую землю война только что завершилась победой Новгорода, и полагая, что установление прямых отношений с Василием поставит Псков на один уровень с новгородцами, во всяком случае, послужит сближению этих уровней. Именно в этом желаемом для города ключе случившееся и было оценено летописцами: «Тое же зимы князь великии Василеи Московьскыи взялъ миръ съ великимъ Новымъ градомъ и далъ имъ князя Андрея своего брата, а Пьсковичемъ князя Ивана Всеволожа»[407].

Княжение Ивана, явно имевшего планы, не связанные с псковским столом, однако, продлилось всего четыре месяца: он покинул город, поскольку, видимо, решил, что с учетом заключенного тогда московско-тверского договора для него больше нет смысла продолжать отношения с Москвой. Псковичей это, однако, не обескуражило (к тому же, и брат Василия I Андрей Дмитриевич тоже пробыл тогда в Новгороде столько же), и уже в 1401 г. к ним едет следующий князь, «Данило Александровичъ, во Псков от великаго князя Василия Дмитреевича намѣстникомъ»[408]. Таким образом, московско-псковское соглашение явно обретало длящийся, а не разовый характер, позволяя псковичам получать для себя новых князей по мере надобности.

Несмотря на новгородско-псковские параллели, складывающаяся система отношений Пскова с Москвой оказывается принципиально отличной от действовавшей у его «братии старейшей». В городе на Волхове князем становится тот, кто с санкции хана занял великокняжеский стол во Владимире. При этом сам великий князь в рассматриваемый период практически не появляется на Городище, а реальная и символическая роль в новгородской политической системе его наместников не так велика. На практике же имело место военно-политическое противостояние Великого Новгорода с Москвой, постоянно претендующей на порубежные новгородские земли, управляемые ее наместниками, и — в перспективе — на политическое подчинение Новгорода. Со Псковом же в это время дело обстоит иначе. После посажения на стол во Святой Троице «из руки великого князя» псковские князья получают хотя и ограниченную, но вполне реальную власть в Псковской земле, которую обеспечивают и их политические функции, и их участие во внешней политике, определяемое связью с великим князем, и их военная сила[409]. При этом для первой половины XV в. нет свидетельств о вмешательствах Москвы в отношения присылаемых из ее руки князей с псковскими властями или о проявлении каких-то московских претензий к псковичам в этой сфере.

---

[407] ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 165; Т. 18. С. 143.

[408] ПЛ. Вып. 1. С. 26; Вып. 2. С. 109.

[409] О роли князя в Пскове см.: *Городилин С. В.* Ростовский князь Владимир Андреевич и его недолгое псковское княжение // Труды ИРИ РАН. 2021. Вып. 16. С. 121—124.

В первой трети XV в., как можно судить, наместники великого князя в Пскове действуют в рамках, которые сложились для псковско-княжеских отношений еще в предшествовавший период XIV в., или, во всяком случае, в тех границах, которые установили им как своим князьям псковичи. Если одну из сторон что-то не устраивало, то отношения могли быть прекращены: князь мог уехать сам, сложив целование к Пскову, или быть изгнан, после чего в Москву ехали послы за новым кандидатом. В отличие от Новгорода, взаимные обязательства которого с великими князьями были зафиксированы в многочисленных сохранившихся договорах, самые ранние из которых датируются XIII в., для Пскова подобных источников не обнаруживается. Судя по тому, что в летописях по отношению к постепенно разворачивающимся впоследствии в этой сфере многочисленным конфликтам и между конкретными князьями и городом, и у Пскова с великими князьями используются лишь понятия «(кресто)целование», «старина» и «пошлина», но ни разу не упоминаются грамоты/крестоцеловальные грамоты и не говорится о нарушении каких-то докончаний или об их условиях, приходится полагать, что и нормы взаимоотношений псковичей с приезжающими князьями, и базовое соглашение Пскова с Москвой, действующее с 1399 г., вероятно, имели неписаный характер. С великокняжеской стороны складывающиеся отношения, как можно судить из дальнейших событий, предполагали обязательство «боронить свою отчину Псков», т.е. защищать в политическом и военном смысле от враждебных посягательств, держать его «в старине» (не вмешиваться в политическое устройство) и предоставлять ему по его просьбе своих титулованных наместников как кандидатов на псковский стол. Псков, в свою очередь, соблюдал эксклюзивность этих отношений, т.е. не искал себе князей в иных местах, принимал присылаемых наместников на княжение и обеспечивал их в соответствии со сложившимися нормами. Крестоцелование садящихся на стол князей, о котором упоминается уже в первом десятилетии XV в., видимо, содержало обязательства «хотеть Пскову добра и судить прямо по крестному целованию», псковичи же следили, насколько деятельность князя в этом смысле их устраивает, и могли лишить его власти, если оказывались недовольны.

Севший на стол князь получал в свое распоряжение «княжую пошлину» — установившуюся к тому времени совокупность княжеских правомочий и доходов. Судя по всему, ему шла доля от собираемой с псковских смердов, т.е., очевидно, с сельского волостного населения, дани[410] (либо из этой доли князю платился и выдавался натурой «корм»), а также доходы в виде судебных пошлин и штрафов («княжая продажа») князю и его людям, а княжеский писец или дьяк оформлял официальные документы, получая за это установленную плату. Люди князя становились наместниками в псковских пригородах, где в их пользу тоже собирались пошлины с населения, и так же, как и князь в Пскове, участвовали там в местном суде, получая свои доходы.

Впрочем, все свои властные функции князь осуществлял только совместно с псковичами и под их контролем: суд он судил на сенях княжого двора лишь вместе с посадниками и с сотскими, следственные и судебные действия его люди осуществляли только вместе со псковскими подвойскими, если княжеский дьяк, на взгляд псковича, хотел непосильной платы за составление и заверение акта, то документ

[410] Если верить одному из псковских летописцев, пересказывающему единственный, как кажется, известный источник по этому вопросу, существовала обязанность «смердам из вѣков вѣчных князю дань даяти и Пскову и всякии работы оурочныи по той грамоте имъ знати» (ПЛ. Вып. 2. С. 68).

можно было написать самому и заверить городской печатью у св. Троицы[411]. Княжеские наместники в пригородах, судя по упоминаниям пригородских посадников и по тому, что наравне с наместничьим доходом с пригородов собиралась и «посадница пошлина»[412], также действовали там не в одиночестве, а в контакте с облеченными властью представителями псковского политического сообщества. С учетом того, что власть князю была предоставлена по воле и с согласия «всего Пскова», и в любой момент могла быть таким же образом прекращена, складывающееся соотношение сил отражает как республиканскую составляющую псковской политической системы, так и значимость для нее партнерских отношений псковичей с правящим в городе князем и возможности при необходимости быстро получить нового кандидата, способного заместить того князя, который их перестал устраивать.

Следует отметить, что роль великого князя Московского в этой системе ограничивалась предоставлением наместников на княжение. В случае разрыва отношений горожанами, как это случалось в 1407, 1412 гг., в 1417 гг., о претензиях Москвы по этому поводу ничего не сообщается, и новые князья исправно присылаются в Псков. Более того, в отличие от платившего черный бор Новгорода, отношения Пскова с Василием Дмитриевичем и его преемниками не предполагали каких-то налоговых платежей за его пределы, кроме нерегулярных даров великому князю и его послам и того, что получали псковские князья. Таким образом, благодаря договоренностям 1399 г. и их последующей реализации псковичи без серьезных потерь решили проблему сохранения своего политического устройства, приобретя новый источник получения князей на свой стол, а также при необходимости и политической, и военной поддержки. Москва же в результате этого своего решения смогла заявить претензии на закрепление влияния в регионе, а также приобрела важные для нее новые возможности реализации собственной политики в отношении Новгорода и, в несколько меньшей мере, Литвы.

Мирную паузу (вероятно, связанную с поражением Витовта на Ворскле в 1399 г., а затем с его войной с Тевтонским орденом в 1401—1404 гг., войной с Новгородом в 1401 г. и одновременными попытками вернуть под власть Литвы Смоленскую землю) Псков использовал для продолжения масштабной реконструкции своих укреплений. Более того, почувствовав себя увереннее, получив князя и заключив в 1401 г. в обстановке обострения литовско-ливонских отношенийс Витовтом мир, псковичи даже предприняли в 1403 г. военную акцию, потравив ливонские посевы на спорных с Орденом пограничных землях у Нейгаузена[413].

Международное положение Пскова вновь обострилось после того, как в мае 1404 г. Польское королевство и Великое княжество Литовское заключили «вечный мир» с Тевтонским орденом в Рацёнжке[414]. Одной из его составляющих стало подтверждение литовско-орденского Салинского договора, который на этот раз признал польский король Владислав Ягайло, действовавший от имени своего двоюродного брата Витовта, который в то время

---

[411] *Алексеев Ю. Г.* Псковская Судная грамота и ее время. Л., 1980. С. 12—13.

[412] Как рудимент они фигурировали вместе еще в уставных грамотах первой половины XVI в., данных Изборску, Острову и Гдову, которые отразились в писцовых книгах Псковской земли 1585—1587 гг. См.: *Рождественский С. В.* Следы уставных грамот в писцовых книгах Псковских пригородов XVI века // Зап. Русск. археолог. об-ва. СПб., 1897. Т. 9. Вып. 1 и 2. Кн. 2. С. 309—312.

[413] ПЛ. Вып. 1. С. 27.

[414] *Szweda A.* Organizacja i technika dyplomacji polskiej w stosunkach z zakonem krzyżackim w Prusach w latach 1386—1454. Toruń, 2009. S. 368—371.

осаждал Смоленск. Отныне Польша, Литва и Орден становились союзниками. Среди прочего был подтвержден и раздел сфер интересов в Северо-Западной Руси между Литвой и Орденом. Но хотя Псков, как и в 1398 г., был отнесен к сфере интересов Ордена, активность на этом направлении проявил прежде всего Витовт. При этом он попытался сыграть на том, что его контрагентом выступал верховный магистр Ордена и его сановники, которые изъявляли заинтересованность в подчинении Пскова[415], но пребывали в Пруссии и мало чем могли помочь подчинявшемуся им Ливонскому отделению Ордена, непосредственно соседствовавшему с Псковом. Уже весной 1405 г. Витовт подталкивал верховного магистра Конрада фон Юнгингена к тому, чтобы сообщить новгородцам и псковичам о заключении союзного договора, в ответ на что тот ссылался на старинный договор с Русью, который не может нарушать[416]. Поэтому решающий шаг сделал Витовт. В феврале 1406 г. литовское войско во главе с самим Витовтом вступило на Псковскую землю, захватило пригород Коложе, а затем, пробыв два дня у стен Воронача, покинуло псковские пределы[417]. Нападение стало неожиданным для псковичей, так как разметную грамоту литовская сторона отослала не к ним, а в Новгород. Значительными оказались и потери населения, как угнанными в плен, так и убитыми. В помощь Пскову по его просьбе пришла новгородская рать, но случилась не вполне понятная размолвка: по словам псковского летописца, новгородцы не захотели воевать с Литвой, предложив пойти на ливонцев, а в новгородской версии псковичи просто отослали их обратно, после чего разграбили Ржеву и Луки и их окрестности[418]. Летом того же года псковский князь Данило Александрович, посадник Ларион Дойникович и «весь Псков» предприняли более масштабный акт возмездия. «Подъемше всю свою область», они идут к Полоцку, три дня «воюя» его округу[419]. В дело вступают, однако, и ливонские союзники Витовта: в августе 1406 г. объединенные силы ливонского магистра Конрада фон Фитингхофа, Дерптского и Курляндского епископств приходят в сердце Псковской земли, две недели разоряя округи Изборска, Острова и Котельна. Как можно судить, с просьбой о помощи к Москве Псков обратился сразу, еще до немецкого похода, показавшего, сколь серьезна ситуация: уже в мае 1406 г. в городе находился великокняжеский посол[420]. Василий Дмитриевич принял просьбы своих новых союзников всерьез: в Новгород был направлен «в пособие на Литву» брат великого князя Петр Дмитриевич[421], а затем великий князь Московский расторгает мир с Витовтом («пъсковъския ради обиды», как особо замечает псковский летописец[422]) и начинается московско-литовская война 1406—1408 гг. После того, как войско Витовта покинуло регион, оставшиеся один на один с ливонцами псковичи воюют с теми с переменным успехом.

---

[415] Это проявилось в договорах с князем Свидригайлом, который, перебравшись в Пруссию, в начале 1402 г. заключил с верховным магистром Конрадом фон Юнгингеном соглашение по образцу Салинского договора. Уступка Пскова Ордену при этом была оформлена двумя специальными грамотами — латинской и немецкой (РЛА. СПб., 1868. № 138; LECUB. Bd. 4. Nr. 1604).

[416] CEV. Nr. 308.

[417] *Полехов С. В.* Псков во внешней политике великого князя Литовского Витовта в первом десятилетии XV в. // ДРВМ. 2022. № 4 (90). С. 39—60.

[418] ПСРЛ. Т. 42. С. 170. ПЛ. Вып. 1. С. 28

[419] ПЛ. Вып. 1. С. 28—29; Вып. 2. С. 32, 112.

[420] ПЛ. Вып. 1. С. 28; Вып. 2. 32, 112.

[421] ПСРЛ. М., 2018. Т. 44. С. 71.

[422] ПЛ. Вып. 1. С. 29; Вып. 2. С. 33, 114.

В октябре 1406 г. они победили под Кирьепигою (совр. Кирумпя в Эстонии) в походе в дерптские земли под предводительством князя Данила, а в марте 1407 г.— в далеком рейде за Нарву с испрошенным ими взамен изгнанного Данила новым князем, братом Василия I Константином. Впрочем, после того как князь Константин покинул Псков, а магистр пришел на Псковскую землю с ответным походом, в августе 1407 г. горожане понесли огромные потери в битве на Логозовичском поле, где погибло даже трое посадников[423]. После этого оставшиеся без князя и не поддержанные новгородцами, которые предпочли не обострять отношений с Литвой и с Орденом, псковичи подвергались немецким и литовским нападениям, сохраняя, однако, способность к контрударам. Вновь приглашенный псковской делегацией из новгородского Порхова Данило Александрович вернулся на стол, но, впрочем, вскоре умер и был похоронен у Св. Троицы.

Инициатива Витовта в открытии военных действий и его активность на псковском направлении на первый взгляд противоречили Салинскому договору, особенно если сопоставить их с его действиями в отношении Новгорода, отнесенного к его сфере интересов[424]. Взяв инициативу в свои руки, он заставил следовать за нею ливонского магистра, а активность великого князя литовского сохранялась на протяжении всей войны: в 1407—1408 гг. судьба Пскова должна была обсуждаться на литовско-московских переговорах, в 1407 г. польские послы в Риме пытались выхлопотать у папы Григория XII благословение похода против «неверных», под которыми подразумевался Псков, в 1408 г. Витовт намеревался прислать псковичам своего князя, а еще в начале 1409 г. литовские воины участвовали в ливонском походе на Псков[425].

В этой ситуации Пскову помогло охлаждение между Витовтом и Орденом. Яблоком раздора снова оказалась Жомойть, находившаяся под властью Ордена с 1404 г. В мае 1409 г. там вспыхнуло восстание, инспирированное Витовтом, который действовал в согласии с Ягайлом. В том же году псковичи заключили мир с Витовтом[426]. Это позволило Пскову поздним летом 1409 г. даже заключить с магистром, дерптским епископом и «всею землею немецкой» мир «по своей воле». Договоры были подписаны без участия Новгорода, недружественную позицию которого в сложное для них время псковичи запомнили на будущее.

Таким образом, кризис 1406—1409 гг. укрепил псковичей в верности принятому в 1399 г. решению о союзе с Москвой. То, что Василий Дмитриевич вступил за Псков в полномасштабную войну с Литвой, и что это в значительной мере позволило псковичам выстоять, было замечено его соседями, и способствовало укреплению безопасности и росту политического веса Пскова. Вместе с тем псковичи должны были принять во внимание и тот факт, что из-за отъезда Константина Дмитриевича они попали в сложную ситуацию, и им пришлось, как и прежде, самим искать князя для себя, а прямой московской военной помощи —

[423] ПЛ. Вып. 1. С. 30—31; Вып. 2. С. 34, 115. См. также: Рукописные книги собрания М.П. Погодина: Каталог. СПб., 1992. Вып. 2. С. 206.

[424] См. ч. II, гл. 2.

[425] *Полехов С. В.* Литовско-русские отношения в начале XV века в свете малоизвестных документов // ДРВМ. 2017. № 3 (69). С. 105—106.

[426] Согласно псковскому летописанию (ПЛ. Вып.1. С. 118), псковское посольство отправилось к Витовту в апреле 1409 г. («по велице дни» — Пасха праздновалась 7 апреля). Но из послания ливонского магистра Конрада фон Фитингхофа великому магистру Ульриху фон Юнгингену следует, что его ратификация затянулась до августа 1409 г., когда было заключено и псковско-орденское перемирие (Lietuvos Mokslų akademijos Vrublevskių biblioteka, Rankraščių skyrius. F 15—73. P. 95).

помимо прибывших с Константином его слуг — Псков не получил. Впрочем, то, что Москва не стремилась глубоко вникать в псковские проблемы, было неизбежным следствием важнейшего для псковичей принципа невмешательства в их внутренние дела.

Псковичи проявили стойкость, в полной мере участвуя в долгих и ожесточенных военных действиях и явно продемонстрировав неприемлемость подчинения Литве или Ордену даже в очень тяжелых для себя обстоятельствах. Политический же эффект от столь убедительно подтвержденной надежности его связи с великим князем московским Псков стремился использовать еще долгое время. Так, в представленном псковскими послами проекте договора с Орденом 1417 г. они настойчиво и многократно именуют Псков отчиной «нашего господина, русского государя Василия Дмитриевича», прямо в тексте напоминая контрагентам, что сам великий князь готов «сейчас же сесть на своего коня» против Витовта, если тот захочет «разорять мою отчину Псков»[427]. С учетом того, что переговоры шли в то время, когда великокняжеский наместник князь Андрей Александрович был только что изгнан псковичами[428], трудно не увидеть за этой политической риторикой попытки опереться на впечатление от событий 1406—1408 гг. Более того, регулярно встречающиеся впоследствии в псковском летописании в контексте, связанном с обязательствами великих князей «боронити» Псков, отсылки по этому поводу к их отцам, дедам и прадедам имеют в виду, в первую очередь, эту войну Василия Дмитриевича с Витовтом.

Грюнвальдская битва 1410 г. и последовавший за нею польско-литовско-орденский «вечный мир» 1411 г. существенным образом изменили соотношение сил в Восточной Европе, что сказалось и на взаимоотношениях Пскова с его западными соседями. Отныне ведущая роль в этих взаимоотношениях принадлежала Литве, которая то дипломатией, то угрозами, а то и военными действиями пыталась воздействовать на соседей. В этих условиях Псков лавирует между основными силами региона. Летом 1411 г., когда Витовт и Ягайло совершали триумфальный объезд своих владений на Руси, к ним в Полоцк прибыли псковские послы. Ливонский магистр Конрад фон Фитингхоф с неудовольствием давал понять великому магистру Генриху фон Плауэну, что тем самым правители Польши и Литвы нарушают «салинско-рацёнжский» раздел сфер интересов[429], но поделать с этим уже ничего не мог. Несмотря на достигнутую вскоре договоренность о совместных действиях Литвы, Польши, Новгорода и Пскова в случае новой войны с Тевтонским орденом, в последующие годы псковичи так и не дали втянуть себя в этот конфликт[430].

С середины второго десятилетия основными инструментами политики Витовта в отношении Пскова были дипломатия и церковная политика. Так, в 1415 г. антипапа Иоанн XXIII назначил Ягайла генеральным викарием в светских делах не только для Великого Новгорода, но и для Пскова (с целью их обращения в католицизм), что подтвердил папа Мартин V в 1418 г. Добившись поставления митрополита Григория Цамблака, Витовт также планировал распространить его церковную власть не только на Новгород, но и на Псков[431]. Одновременно Витовт пытался настроить Псков и ливонцев (Орден и Дерптское епи-

[427] ГВНП. № 334. С. 319.
[428] ПЛ. Вып. 2. С. 36.
[429] LECUB. Reval, 1859. Abt. 1. Bd. 4. Nr. 1888.
[430] LECUB. Bd. 4. Nr. 1899. Подробнее см. ч. II, гл. 1.
[431] См. ч. II, гл. 1.

скопство) друг против друга, имея в виду перспективы войны. В переписке великого князя литовского за 1416 г. появляется известие об отправке им князя во Псков, но в дальнейшем никаких известий об этом нет, в том числе в псковском летописании[432]. В условиях постоянной угрозы со стороны Литвы во втором десятилетии XV в. Псков ведет переговоры с руководством Ливонского отделения Ордена. Сохранились псковский и орденский проекты договора 1417 г. Не позднее следующего года эти переговоры увенчались крестоцелованием[433], которое было подтверждено в 1424 г.[434]

Что касается Пскова, то он стремится сохранить связи со своими соседями — ослабленным Орденом и Дерптским епископством, при этом избегая слишком тесных отношений с Витовтом, по-прежнему ориентированным на подчинение Пскова и пытающимся использовать его в давлении на Орден. В своей политике псковичи старались задействовать и московские связи, опираясь на великокняжеских послов. Для Пскова, несмотря на постоянные пограничные споры, важнейшую роль продолжала играть торговля с Ливонией, и не случайно заключенный летом 1409 г. мир предполагал восстановление «чистого пути» для псковских и ливонских купцов и свободную торговлю «по старине» во владениях обеих сторон[435], причем, несмотря на недавние жестокие столкновения, коммерческие связи восстановились чрезвычайно быстро. Еще до заключения мира псковичи решают перейти в своем денежном обращении с торговли на куны к обороту ливонской монеты — пфеннигов и артигов, что характеризует направленность экономических связей Пскова[436]. При этом ни политическое доминирование Литвы, ни серьезное вмешательство Витовта в псковско-ливонские связи были не в интересах псковичей. С Новгородом их отношения в то время оставались отчужденными: и в связи с ливонскими проблемами и на московском, и литовском направлениях солидарной позиции не наблюдается, более того, даже мирные соглашения друг с другом оказываются трудно достижимыми и непрочными. Все это можно связать не только с политической, но и с экономической конкуренцией Новгорода и Пскова, получающих серьезные доходы от продажи одних и тех же товаров примерно одним и тем же западным партнерам.

Витовт, осознав нежелание Пскова принимать его влияние и содействовать в давлении на Орден (в 1417 г. псковичи прямо отказали литовскому великому князю в ответ на требование разорвать мир с ливонским магистром[437]) сближается с Василием Дмитриевичем, который столкнулся с внутридинастическими сложностями в связи проблемой престолонаследия. В 1421 г. великий князь литовский вновь требует псковско-ливонского разрыва, и, получив ответ, что псковичи целовали крест «нам с Немци миръ держати, а по тебе не помогати», дает понять, что он «оттолѣ начя гнѣвъ великъ дръжати на пскович». Обеспо-

[432] LECUB. Riga, 1867. Abt. 1. Bd. 5. Nr. 2071 (ср. Nr. 2065, 2072, 2074). Известие об отправке Витовтом во Псков князя Юрия Носа читается лишь в поздней (1520-х годов) «Хронике Быховца» и восходящих к ней или подобных ей летописных произведениях Мацея Стрыйковского.

[433] *Казакова Н. А.* Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. С. 48—55. О действовавшем к тому времени крестоцеловании ливонской ветви Ордена и Пскова ливонский магистр Зигфрид Ландер фон Шпонхайм писал великому магистру Михаэлю Кюхмейстеру 12 мая 1419 г. (Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz, XX. HA, OBA 3044).

[434] *Казакова Н. А.* Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. С. 60.

[435] ГВНП. № . 334. С. 321; *Казакова Н. А.* Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. С. 45—46.

[436] ПЛ. Вып.1. С. 32; Вып. 2. С. 35. 117.

[437] *Казакова Н. А.* Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. С. 50.

коенные псковичи многократно бьют челом Василию Дмитриевичу с просьбой о помощи во взаимоотношениях с тестем московского князя, но не получают поддержки — Василий «не учини на добро ничегоже»[438]. Сами они также шлют посольства к Витовту, не дающие результатов. Присылаемые из Москвы князья в это время тоже не слишком тверды в своей связи с Псковом: Александр Федорович Ростовский пробыл в Пскове около года и покинул его «вместе с челядью» после сообщения о заключении мира Витовта «с немцы», а его преемник Федор Патрикеевич оставляет город под предлогом вспыхнувшего мора, прокняжив год и два месяца. С учетом также и последующих событий выдвинуто убедительное предположение, что договоренность Витовта и Василия Дмитриевича о поддержке литовским правителем будущих прав своего внука Василия Васильевича на великое княжение предполагала и нейтралитет Москвы по отношению к претензиям Вильни как минимум на установление контроля над внешней политикой Пскова[439]. Псковичи в критической для них ситуации, когда на протяжении уже двух лет циркулировали слухи о готовящейся войне, даже попытались опереться на Новгород. Они отправляют очередное посольство в Литву вместе с представителями своего «брата старейшего», но и это не приносит желаемого соглашения[440]. Остаются теперь без ответа даже псковские просьбы к Москве об отправке им князя.

19 июня 1426 г. Витовт разрывает мир с Псковом. Привлечь к участию в войне Орден и Дерптское епископство ему не удалось, те предпочли нейтралитет. Войско Витовта, включавшее также татар Улуг-Мухаммеда, молдован и наемников, неудачно попыталось взять штурмом построенный вместо уничтоженной в 1406 г. крепости Коложе пригород Опочку, затем подошло к Вороначу, защитники которого после трехнедельной осады согласились на перемирие. Появлялись литовские отряды также под Котельном, Вельем и Вревом, везде, впрочем, встречая противодействие псковских сил. Новгородцы не предоставили Пскову действенной помощи.

25 августа псковские посадники, прибывшие в стан Витовта просить мира, заключают соглашение о прекращении боевых действий на условиях уплаты тысячи рублей. Московский источник сообщает о приезде на переговоры под Воронач и посла от нового великого князя Василия Васильевича, псковские же летописи лишь указывают, что уже после перемирия малолетний великий князь, несмотря на происходящую в то время «брань велику» из-за великого княжения со своим дядей Юрием Дмитриевичем, пообещал послать своих бояр «ко князю Витовту, къ своему дѣду, за своих муж псковичь...»[441]. Представители Василия II действительно прибыли в Вильню вместе с псковскими посадниками, привезшими туда оговоренную соглашением сумму. Несмотря на это, Витовт отказался освободить псковских пленных, по поводу которых пришлось слать новых послов. В целом же, несмотря на отсутствие реальных союзников, опасная ситуация разрешилась в итоге относительно удачно для Пскова. Свою роль сыграло то, что литовскому великому князю не удалось добиться ярких военных успехов, не в его пользу сложились и погодные условия, но главным фактором стала надежная и упорная оборо-

[438] ПЛ. Вып. 2. С. 38, 39.

[439] *Иванов Д. И.* Московско-литовские отношения в 20-е годы XV столетия // Средневековая Русь. Вып. 2. С. 92. Из орденской переписки известно, что Витовт планировал выступить в поход на Псков еще летом 1424 г., собираясь, видимо, воспользоваться конфликтом псковичей с Дерптом, но не был поддержан магистром, вновь заключившим мир с псковичами.

[440] ПЛ. Вып. 2. С. 40.

[441] ПСРЛ. Т. 25. С. 247; ПЛ. Вып. 1. С. 37; Вып. 2. С. 41—42, 123—124.

на псковских войск, показавшая, что подчинить Псков одними угрозами и демонстрацией силы не удастся[442]. Хотя поддержка Москвы на этот раз оказалась исключительно формальной, псковичи не стали предъявлять к ней претензий или пересматривать внешнеполитические ориентиры, приняв во внимание и сложную обстановку внутри московского княжеского дома, и отсутствие для себя иных реальных союзников. Нужно добавить, что, несмотря на очередную просьбу псковских послов о князе для себя еще в 1427 г., новый наместник из Москвы появился в Пскове лишь в феврале 1429 г., когда ситуация на Северо-Западе окончательно стабилизировалась, и лишь после настойчивых просьб повторного посольства[443].

Военные события и внешняя политика, естественно, не составляли единственного содержания псковской истории в рассматриваемый период. Особое внимание к ним связано со спецификой наших основных нарративных источников — псковских летописей. Но и в летописях есть данные о других сферах жизни средневекового Пскова. Помимо летописных известий о строительстве укреплений, а также о чудесах и эпидемиях, есть, например, свидетельство о том, что разборка старой церкви святой Софии и строительство новой в 1415 г. производилось патронирующими ее «купцами псковскими» после того, как власти Дерпта освободили задержанных там псковских «гостей», и по повелению «купецкых старост Андрѣя Тимофѣевича и Осея и всѣх купцовъ», что явно отражает степень консолидации псковского купечества[444]. Интересно и замечание об источнике средств для сооружения одного из участков городской стены, «серебро» на которое псковские посадники и «весь Псков» «поимаша на коръчмитѣхъ»[445]. В 1425 г., когда псковичи умоляют великого князя о защите от Витовта, их средств хватает не только на реконструкцию южной поперечной стены («Персей») городской цитадели, но и на то, чтобы, решив прекратить торговлю ливонскими деньгами, приставить «мастеров денги ковати в чистом сребре»[446].

Самостоятельный монетный чекан манифестировал уровень политических притязаний Пскова даже в не простой для него ситуации, предполагая равный статус с мощными соседями, и демонстрируя его финансовые возможности и уровень развития экономики. Летопись обращает внимание на колебания цен основных продуктов питания, отмечая как дешевизну хлеба и мяса в 1427 г., вызванную высоким урожаем, так и ситуацию 1422 г. Тогда из-за неурожая в Московской, Тверской и Новгородской землях в богатый запасами Псков, где «бяше старых лѣт клети всякого обилиа изнасыпани» в житницах «на Крому», «съ всеи Рускои земли» приходили голодающие, а начавшиеся спекулятивные продажи за рубеж привели к резкому взвинчиванию внутренних цен на хлеб в городе, из-за чего псковичами было принято решение запретить вывоз продуктов из Псковской земли[447]. Такие детали выявляют высокую

---

[442] Заметим, что огромная (более чем на порядок) разница между суммой, которую пришлось уплатить по требованию Витовта в аналогичной ситуации в 1428 г. новгородцам, и той, на которой с ним сошлись псковичи, в какой-то мере отражает и разницу в оценке литовским великим князем потенциала сопротивления Новгорода и Пскова к моменту заключения соглашений о прекращении боевых действий.

[443] ПЛ. Вып. 1. С. 38; Вып. 2. С. 42, 125.

[444] ПЛ. Вып. 2. С. 36.

[445] Там же. Судя по тому, что в позднейшие договоры с ливонцами, которым позволялось торговать в Псковской земле любым товаром, неизменно добавлялся пункт о запрете для немцев ввоза пива и корчемничества, торговля алкоголем была важным источником доходов псковичей.

[446] ПЛ. Вып. 1. С. 35; Вып. 2. С. 39.

[447] ПЛ. Вып. 2. С. 38—39.

степень развития псковского рынка, куда из волостей везется сельскохозяйственная продукция не только лишь в качестве ренты, но и потому, что там есть, кому ее приобретать в достаточных объемах, есть реальный спрос, а также демонстрируют механизмы, обеспечивавшие экономическое могущество городского сообщества, которое обладало капиталами и возможностью концентрировать запасы, при необходимости пуская их в дело — продавая или используя в виде ссуд. Под 1429 г. уже сообщается о мощении городского торговища и о строительстве моста на р. Черехе, по которому шел важный торговый путь на юг Псковской земли и к Полоцку[448].

В этот период, как уже вкратце отмечалось выше, важнейшую роль для Пскова играли отношения с Ганзой. Главным партнером Пскова с ганзейской стороны оставался Дерпт, и его значение возрастало. Другие ливонские города (Ревель и Рига) привлекались к участию в переговорах с Псковом только в случае необходимости. Со своей стороны, Псков самостоятельно вступал в переговоры с Дерптом и направлял туда послов.

Отношения Пскова с Ганзой основывались, естественно, на торговле, в которой были заинтересованы обе стороны. Поэтому конфликты рано или поздно заканчивались примирением, а торговые блокады и эмбарго отменялись. В послании властей Дерпта в Ригу 16 сентября 1425 г. говорится, что прибывшие в Дерпт псковские послы вели там переговоры в течение четырех дней, добиваясь мира, которого «они очень желали», и который должен был закончить эскалацию конфликта, связанного с арестом в Новгороде немецкой купеческой общины[449]. Масштабы торговли Пскова с Дерптом были весьма значительными, о чем свидетельствует численность псковских купцов, которые могли единовременно находиться в ливонском городе. Из послания дерптских бургомистров и ратманов властям Ревеля 27 мая 1438 г. мы узнаем, что во Дерпте было арестовано около 45 псковичей, «не считая детей»[450]. «Дети», *kindere* — согласно терминологии ганзейских документов, это ученики, проходившие за рубежом своеобразную «стажировку», изучая торговые обычаи и местный язык[451]. Применительно к русским реалиям можно думать, что это были ученики, подмастерья, слуги псковских купцов. Если допустить, что «детей» было как минимум не меньше, чем «старших» купцов, оказывается, что псковичей с торговыми целями могло находиться в Дерпте под сотню. Это большая цифра. Достаточно вспомнить, что в лучшие времена численность немецкой купеческой общины в Новгороде не превышала 150—200 человек. Из другого документа ясно следует, что Псков в это время не был простым перевалочным пунктом на пути ганзейских купцов в Новгород, там также велась торговля, а оттуда товар уже везли в город на Волхове.[452]. Начиная с XV в. упоминается псковская церковь Св. Николая в Дерпте и «Русский конец» (квартал) вокруг нее (подробнее об этом говорится в разделе о Пруссии и Ливонии). В 1501 г. перед началом русско-ливонской войны в Дерпте были арестованы 25 учанов (кораблей) псковских купцов

---

[448] ПЛ. Вып. 1. С. 38; Вып. 2. С. 135.

[449] «...Sind se zere vredes» (LECUB. Riga; M., 1881. Bd. 7. Nr. 349. S. 245).

[450] LECUB. Riga; M., 1889. Bd. 9. Nr. 294. S. 176. См.: *Osten-Sacken P. von der.* Der Hansehandel mit Pleskau bis zur Mitte des 15. Jahrhunderts // Beiträge zur russischen Geschichte. Th. Schiemann zum 60. Geburtstage von Freunden und Schülern / Hrsg. von O. Hötzsch. B., 1907. S. 46—47.

[451] *Gurland M.* Der St. Peterhof zu Nowgorod. Innere Hofverhältnisse. Inaugural-Dissertation zur Erlängung der Doktorwürde. Göttingen, 1913. S. 13.

[452] HUB. Leipzig, 1905. Bd. 6. Nr. 389. S. 218.

и 150 человек[453].В то же время степень развития самостоятельной псковской торговли не стоит преувеличивать: морская торговля на Балтике была фактически полностью монополизирована Ганзой. Не возникла во Пскове и ганзейская Контора[454]. Необходимость в ней отсутствовала, вероятно, не только из-за меньшего объема ганзейской торговли с Псковом по сравнению с торговлей с Новгородом, но и из-за территориальной близости Пскова к Ливонии, что делало ненужной организацию дорогостоящего постоянного подворья[455].

Меньшее значение имели контакты с Ревелем, хотя и они имели место[456]. Впрочем, в основном связи Пскова с Ревелем шли через Дерпт. Имеются данные и о торговых связях псковских и рижских купцов и поездках рижских купцов во Псков и псковских — в Ригу[457].

Еще одним торговым партнером Пскова в Ливонии была Нарва. Тут существенное значение имел статус этого города. Формально Нарва не входила в состав Ганзы и управлялась должностными лицами (фогтом, хаускомтуром), представлявшими Тевтонский орден. Принадлежность к орденской юрисдикции позволяла Нарве во время конфликтов между Псковом и Ганзой выступать в роли альтернативного экспортера необходимых для псковичей товаров. Иногда это делалось открыто, как это было в 1421 г., когда власти Нарвы заявили властям Ревеля, что они не будут участвовать в эмбарго, наложенном ганзейскими городами на торговлю с Псковом и Новгородом, так как между Орденом и русскими существует договор, гарантирующий свободный и безопасный путь в обе стороны[458]. В других ситуациях через Нарву могли поставляться псковичам ганзейские товары, благодаря тому, что сейчас принято называть «серыми схемами» (т.е. формально законными, но фактически нарушающими эмбарго торговыми операциями). Это, в частности, касалось такого товара «двойного назначения», как лошади. 21 марта 1414 г. нарвский фогт Энгельберт фон Ляйссен писал властям Ревеля о том, что некий пскович приехал в Нарву и выменял там у жителя Ревеля Юнге Слитера лошадь, хотя продажа русским лошадей в тот момент была вообще запрещена из-за опасений по поводу возможности войны[459].

Соответствующие подозрения высказывались, например, в послании бургомистров и совета Дерпта в Ревель 24 сентября 1425 г., в котором ревельским властям предлагалось выяснить, почему в условиях торговой блокады во Пскове продается много соли, привезенной из Нарвы, тогда как соль привозится в Нарву всегда из ганзейских городов[460]. Необходимость в закупке жизненно необходимых товаров и выгода при их реализации могли перевешивать политические расчеты. В том же 1425 г. нарвский фогт писал в Ревель, отвечая на требования арестовать купцов, торгующих с Псковом, заявил, что

---

[453] ПЛ. Вып. 1. С. 84—85.

[454] Ср. осторожные предположения о возможности существования ганзейского торгового двора во Пскове: *Osten-Sacken P. von der.* Der Hansehandel mit Pleskau bis zur Mitte des 15. Jahrhunderts. S. 53—54.

[455] См.: *Angermann N.* Zu den Deutschen Handelsniederlassungen in Pleskau und Krasnyj // Hansische Geschichtsblätter. 1971. Bd. 89. S. 81—82.

[456] См. об этом: *Osten-Sacken P. von der.* Der Hansehandel mit Pleskau... S. 41—42.

[457] ГВНП. № 336. С. 323.

[458] HUB. Leipzig, 1905. Bd. 6. Nr. 387. S. 217; Nr. 389. S. 218—219. См. также: *Osten-Sacken P. von der.* Der Hansehandel mit Pleskau bis zur Mitte des 15. Jahrhunderts. S. 47—48.

[459] LECUB. Abt. 1. Bd. 5 / Hrsg.von F.G. von Bunge. Reval, 1862. Nr. 1955. Sp. 10.

[460] HR. Leipzig, 1870. Abt. 1. Bd. 7. Nr. 836. S. 597. См. также: Ibid. Nr. 828. S. 590.

сделать это со «всеми» затруднительно: слишком сложная задача[461].

В свою очередь, в этой же роли мог выступать в таких ситуациях и сам Псков. Постановления двух съездов ганзейских городов в 1416 и 1417 гг. запрещали немецким купцам под угрозой конфискации товара торговать во Пскове с новгородцами и покупать там товар новгородский[462]. Понятно, что такие запреты появлялись не на пустом месте. Подтверждение этому мы видим в послании властей Любека в Дерпт 1 сентября 1421 г., где содержится обвинение дерптцам в том, что они разрешают псковичам реализовывать у себя в городе новгородский товар и покупать в Дерпте товар, который они потом продают новгородцам,— вопреки установленной Ганзой торговой блокаде Новгорода[463]. В другом, более позднем, любекском послании в Дерпт (1422 г.) содержится уже угроза арестовать в Брюгге (где также существовало ганзейское подворье) все приобретенные после установления запрета через посредство псковичей новгородские товары[464]. Жизнь, однако, брала свое, и уже в течение года запрет на торговлю с Новгородом был Ганзой снят.

То обстоятельство, что через Псковскую землю шел один из путей новгородско-ганзейской торговли, могло использоваться самим Псковом в собственных интересах. Так, в 1436 г. в ходе переговоров в Новгороде между новгородскими властями и ганзейскими послами обсуждался захват псковичами немецких купцов, ехавших из Новгорода к себе. Эти переговоры хорошо иллюстрируют многие важные детали отношений между Псковом и Ганзой в этот период. Эти отношения существовали не в «безвоздушном» пространстве, а внутри сложной сети взаимодействий между Великим Новгородом, Тевтонским орденом в Ливонии, дерптским епископом, ганзейскими городами Ливонии (прежде всего, Дерптом) и собственно Псковом. Так, ганзейские купцы были захвачены псковичами в отместку за ограбление, убийство и арест их «братьев», в чем они обвиняли дерптского епископа. Послы же Дерпта перекладывали вину за убийство на орденского «рыбного магистра» (*vischmester*) из Феллина (ныне г. Вильянди в Эстонии). При этом ганзейцы утверждали, что в любом случае они не имеют к этому никакого отношения и не должны из-за этого страдать, так как это сделали не они, на что псковичи возражали, что те находятся с дерптским епископом «в крестоцеловании». Переговоры же между дерптской и псковской делегациями (последнюю возглавлял посадник) проходили в Великом Новгороде, и дерптцы апеллировали к новгородскому посредничеству («старших братьев»). Это, однако, успеха не возымело, что еще раз показывает: этот статус в то время носил во многом символический характер[465]. «Во многом» — не значит «полностью». Когда в 1448 г. заключался договор Новгорода и Пскова с Ливонским отделением Ордена, имевший касательство и к ганзейским городам в Ливонии, прежде всего, к Дерпту, в содержательной части, за пределами начального и конечного протоколов, упоминались почти исключительно Великий Новгород и новгородцы, но можно думать, что соответствующие положения по умолчанию распространялись и на псковичей[466]

[461] LECUB. Bd. 7. Nr. 364. S. 258.

[462] HR. Abt. 1. Bd. 6. Nr. 230, 397. § 68. S. 164, 380. См. об этом: *Казакова Н. А.* Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV — начало XVI в. С. 96—98.

[463] HUB. Bd. 6. Nr. 397. S. 223. См. также: *Osten-Sacken P. von der.* Der Hansehandel mit Pleskau bis zur Mitte des 15. Jahrhunderts. S. 47—48; *Казакова Н. А.* Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. С. 104—105.

[464] HUB. Bd. 6. Nr. 430. S. 237.

[465] Материалы переговоров см.: HR. Leipzig, 1876. Abt. 2. Bd. 1. Nr. 586. S. 509—520.

[466] ГВНП. № 73. С. 119—124.

(не говоря уже о том, что в сохранившихся «совместных» договорах Новгород всюду фигурирует первым). В то же время в этом же договоре четко разделяется ответственность псковских и новгородских купцов: «А из-за тяжбы с псковичами новгородских гостей не задерживать, а из-за тяжбы с новгородцами псковских гостей не задерживать; истцу знать своего истца» (имеется в виду, что спорные дела между русскими и немецкими купцами должны решаться без вовлечения в них посторонних лиц)[467].

Влияние немецкой купеческой общины в Новгороде на ганзейскую торговлю во Пскове также было весьма ограниченным. В 1401/02 г. немецкие купцы в Новгороде жаловались в Ревель на несоблюдение во Пскове «купеческого права», но сами ничего с этим поделать не могли[468].

Орден, в свою очередь, также оказывал влияние на псковско-ганзейскую торговлю. Выше уже говорилось о роли в ней Нарвы как орденского города. Но помимо чисто коммерческих, были и военно-политические соображения. Так, Орден препятствовал продаже ганзейскими городами Пскову товаров, которые могли использоваться в военных целях, в частности, металлов и коней[469]. Когда в 1443—1448 гг. шла война между Великим Новгородом и Орденом, она оказала непосредственное воздействие на псковско-ганзейские отношения. Орден потребовал прекратить всякую торговлю с Псковом в опасении того, что поставляемые туда товары могут в конечном счете оказаться в Новгороде. Однако собравшиеся на съезд в 1444 г. представители ливонских городов заявили, что это «полностью идет против этих городов, объединенного купечества (т.е. Ганзы.— *П. Л.*) и его привилегий».[470]. И вплоть до официального снятия запрета шла контрабандная торговля[471]. Таким образом, в целом можно говорить о том, что в политике Ордена в отношении Пскова переплетались политические и коммерческие интересы, а у Ганзы последние безусловно превалировали, но о каком-то постоянстве здесь говорить не приходится, все в конечном счете определялось конкретной ситуацией.

В правовом плане отношения между Псковом и ганзейскими городами регулировались договорами. К сожалению, договоры собственно Пскова с ганзейскими городами не сохранились (в отличие от ряда новгородско-ганзейских соглашений), но имеются их упоминания в других источниках. Как отмечалось в предыдущем разделе, Псков присоединился к Нибурову миру между Ганзой и Великим Новгородом 1392 г. В 1425 г. псковские послы вели переговоры в Дерпте о заключении с ливонскими городами мирного договора (*vrede*)[472]. Дерпт как ганзейский город мог присоединиться и к договору между дерптским епископом и Псковом[473]. В записи упомянутых выше переговоров 1436 г., которые вели послы ливонских ганзейских городов с новгородскими властями, содержится ссылка на крестоцелование (договор), заключенное с Дерптом псковским посадником Степаном, И там же передаются слова самого Степана о том, что в Пскове «за девятью замками» хранится

[467] ГВНП. № 73. С. 122.

[468] HUB. Leipzig, 1899. Bd. 5. Nr. 480. S. 249.

[469] Ibid. № 1118. S. 582; *Osten-Sacken P. von der.* DerHansehandel mit Pleskau... S. 62—64. Хотя, как мы видели выше, и сами жители подвластных Ордену территорий могли участвовать в торговле русскими запрещенными товарами.

[470] HR. Leipzig, 1881. Abt. 2. Bd. 3. Nr. 160. S. 75.

[471] *Osten-Sacken P. von der.* Der Hansehandel mit Pleskau... S. 80.

[472] HR. Leipzig, 1892. Abt. 1. Bd. 7. Nr. 836. S. 597.

[473] Ibid. Nr. 833. S. 594—595.

грамота «с золотой печатью», регулирующая отношения с ливонским городом[474]. В 1474 г. был заключен единственный сохранившийся договор Пскова (совместно с Великим Новгородом) с дерптским епископом и властями Дерпта о 30-летнем перемирии[475]. В 1503 г. после русско-ливонской войны были заключены договоры о перемирии между Псковом и Тевтонским орденом в Ливонии и рижским архиепископом и Псковом и Дерптским епископством (несохранившийся). Договор о перемирии Ордена со Псковом заключался также от имени бургомистров, ратманов «и всех их городов», т.е. властей самоуправляющихся городов Ливонии и, прежде всего, конечно, крупнейших ганзейских торговых центров[476]. Наконец, в 1509 г. Псков заключил договор с Ливонским отделением Ордена и договор с дерптским епископом и представителями дерптских городских властей[477]. Основными вопросами, которые регулировались в договорах были гарантия «чистого» (т.е. безопасного) пути между двумя сторонами, правовое положение и неприкосновенность и право на справедливый суд ганзейских купцов во Пскове и псковских в Ливонии, недопущение фальсификации товара и разрешение конфликтных ситуаций, которые возникали достаточно регулярно и приводили к временному прекращению торговли.

Ассортимент товаров, которые ввозились во Псков ганзейскими купцами, вероятно, оставался в принципе таким же, как и в предшествующий период и мало отличался от хорошо известного новгородского импорта из Ганзы, но имеются и прямые свидетельства источников. Так, в послании нарвского фогта в Ревель 3 февраля 1396 г. упоминаются ревельские купцы, собирающиеся везти во Псков сельдь[478].В послании бургомистров и совета Риги властям Дерпта 10 сентября 1425 г. идет, в частности, речь о возможности возобновления торговли сельдью во Пскове, прекратившейся в результате упоминавшегося выше конфликта[479]. Выше также уже говорилось о ввозе во Псков соли, причем в заметных количествах. В послании бургомистра и совета Нарвы властям Ревеля 1 августа 1421 г. говорится о торговле во Пскове тканями и солью, которую ведут ганзейские купцы, как о регулярном явлении[480]. Что касается тканей, то, как и в Новгород, ганзейские купцы ввозили в Псков в основном сукно из Фландрии. Договором 1509 г. ввоз соли ганзейскими купцами в Псковскую землю запрещался (хотя в отношении других товаров гарантировалась свободная торговля): «А соли Немцомъ во Псковскую землю и во всигороды не возити, и не торговати имъ солью во Псковскои земли»[481]. Наиболее убедительное объяснение этого предложено Н. А. Казаковой, которая

---

[474] HR. Leipzig, 1876. Abt. 2. Bd. 1. S. 516.

[475] Вопреки названию, данному документу в публикации и в авторитетном исследовании (ГВНП. № 78. С. 133—136; *Янин В.Л.* Новгородские акты XII—XV вв.: Хронологический комментарий. С. 120—121), это договор не только с «юрьевским» (т. е. дерптским) епископом, но и с «посадниками» (бургомистрами) ганзейского города Дерпта.

[476] ГВНП. № 147. С. 331—337. См.: *Казакова Н.А.* Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. С. 239—241.

[477] *Казакова Н.А.* Договор Пскова с Ливонией 1509 г. // ВИ. 1983. № 1; Книга Посольская Метрики Великого княжества Литовского, содержащая в себе дипломатические сношения Литвы в государствование короля Сигизмунда-Августа (с 1545 по 1572 год) / Изд. кн. М. Оболенский, И. Данилович. М., 1843. Ч. 2. № 70. С. 163—168 (2-я паг.).

[478] HUB. Bd. 5. Nr. 225. S. 119.

[479] HR. Abt. 1. Bd. 7. Nr. 833. S. 595.

[480] HUB. Bd. 6. Nr. 389. S. 218.

[481] Книга Посольская… № 70. С. 164 (2-я паг.).

увязывала запрет с усилиями московского правительства ликвидировать зависимость русских земель от этого стратегического в те времена товара[482].

Упоминается экспорт в Псков из Ливонии пряностей[483]. Закупалось у ганзейских купцов и вино, о чем, в частности, свидетельствует прямое указание в одном из документов на заключение сделки о приобретении нескольких бочек вина в 1430 г. в Ревеле «русским из Пскова» неким *Pauwel Pirmoszken* (Павлом Прямошкиным?)[484]. Благодаря документу 1463—1465 гг. мы узнаем, что рижский купец Иволт торговал во Пскове пивом и медом (вероятно, хмельным напитком на основе меда)[485].

Как уже говорилось, вопреки позиции Ордена, продолжали находить свой путь во Псков и товары «двойного» назначения. Орденские запреты на экспорт металлов игнорировались не только ливонскими, но и прусскими городами и Любеком[486]. Имеются сведения о ввозе из Дерпта в Псков коней, якобы «неисчислимого множества» (*vele untelliker perde*). Из гневного послания феллинского комтура по этому поводу в Ревель следует, между прочим, что этим промышляли как ганзейский город Дерпт, так и люди из владений Ордена и епископств, причем еще и конкурировали друг с другом[487].

Что касается вывоза, то, как и раньше, в нем абсолютно господствовали два товара: пушнина и воск. Есть свидетельство об импорте из Пскова (или, может быть, через Псков) пушнины, причем высокого качества (так называемого «шёневерка»)[488]. Но спрос на пушнину и воск был таков, что во Пскове закупались и товары более низкого качества, и даже фальсифицированные[489]. Именно воск и пушнина фигурируют в договоре 1474 г. в качестве товаров, которые закупались дерптскими купцами во Пскове[490].

Интересен вопрос о торговле зерном. В историографии отмечается, что во время неурожая Псков, как и Новгород, пытался закупать хлеб в Ливонии[491]. Однако есть указание, что в аналогичной ситуации и ливонские власти обращались к Пскову (правда, в данном случае безуспешно)[492]. Можно выдвинуть осторожное предположение, что торговля зерном между Псковом и западными партнерами не была всегда «односторонней», а носила ситуативный характер, определяясь стечением природно-климатических факторов.

Псковские купцы и сами ездили в ганзейские города с торговыми целями. При этом они использовали для защиты своих интересов действовавшие в Ливонии правовые процедуры. Известен случай, когда псковский купец, упомянутый выше «рус-

---

[482] *Казакова Н. А.* Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. С. 249—251.

[483] LECUB. Riga; M., 1884. Bd. 8. Nr. 744. S. 433.

[484] Ibid. Nr. 345. S. 202.

[485] ГВНП. № 336. С. 323; *Хорошкевич А. Л.* Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV—XV веках. С. 327.

[486] *Osten-Sacken P. von der.* Der Hansehandel mit Pleskau bis zur Mitte des 15. Jahrhunderts. S. 63.

[487] HUB. Bd. 5. Nr. 1118. S. 582.

[488] LECUB. Bd. 7. Nr. 364. S. 258.

[489] HUB. Bd. 5. Nr. 480. S. 249.

[490] ГВНП. № 78. С. 135.

[491] *Хорошкевич А. Л.* Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV—XV веках. С. 320—322. Судя по тому, что в одном из документов фигурирует просьба Новгорода и Пскова к ливонскому магистру разрешить ввоз ржи из Ливонии, торговать могли именно этим зерном (LECUB. Riga; M., 1889. Bd. 9. Nr. 161. S. 102).

[492] LECUB. Bd. 8. Nr. 744. S. 433. См. также: *Osten-Sacken P. von der.* Der Hansehandel mit Pleskau bis zur Mitte des 15. Jahrhunderts. S. 59; *Goetz L. K.* Deutsch-Russische Handelsgeschichte des Mittelalters. Lübeck, 1922. S. 276. (Hansische Geschichtsquellen. Neue Folge; Bd. 5).

ский из Пскова» Павел Прямошкин(?), обращался к ливонскому магистру с просьбой посодействовать ему в удовлетворении претензий, которые он предъявлял своему ревельскому партнеру Йохану Копману. Известно, что впоследствии, после смерти Копмана, магистр предлагал ревельским властям удовлетворить их из части наследства покойного (события имели место в 1430—1431 гг.)[493].

Территориальная близость Пскова к Ливонии создавала возможность для самых разнообразных контактов. Имеются, например, сведения о заготовке дров псковичами в дерптских владениях[494]. Договор 1474 г. запрещал немецким купцам устраивать корчмы во Пскове и торговать в них пивом[495], но, как это часто бывает, само наличие запрета свидетельствует о том, что подобная практика имела место и, видимо, способствовала неформальным контактам псковичей и ганзейских купцов.

Значимость Пскова для ганзейской торговли и удобство для нее псковского пути служили важнейшей экономической основой для самостоятельности во внешней и внутренней политике. Когда в 1428 г. нападению Витовта подверглась Новгородская земля, псковичи отказали ей в поддержке, напомнив о событиях двухлетней давности. Псковский летописец отмечает по поводу произошедшего, что «князь великии тогда Василии Васильевич к дѣдоу своемоу князю Витовтоу и крестъ поцелова, что ему не помогати по Новѣгороде, ни по Псковѣ»[496]. Таким образом, в Пскове понимали некоторую эфемерность союза с Москвой в тогдашних условиях, когда власть принадлежала несовершеннолетнему Василию Васильевичу и Софье Витовтовне, зависящим от отношений с великим князем Литовским, но для сохранения независимости в реальной обстановке иных, более приемлемых вариантов не было. Поэтому даже в ситуации, резко обострившейся после кончины Витовта, и начала борьбы в Москве за великокняжеский стол псковичи долгое время продолжали держаться за полученного по их выбору в качестве наместника от Василия II хорошо знакомого им Александра Федоровича Ростовского, который занял псковский стол в третий раз на своем веку. Вместе с ним псковские посадники в этой тревожной обстановке строят новые крепости — Гдов и Выбор[497].

Тем не менее летом 1432 г. псковичи просили для себя наместника у нового великого князя литовского Свидригайла[498], несомненно, ориентируясь на пример соседнего Новгорода, куда незадолго до этого прибыл Юрий Лугвеневич. Последовавшее вскоре свержение Свидригайла перечеркнуло эти планы.

Лишь в 1434 г., когда итоги борьбы за великое княжение в московских землях казались непредсказуемыми, давно уже не имеющий за своей спиной надежной поддержки извне Александр Ростовский покидает Псков. Его место в тот же день занял князь Владимир Данилович — сын запомнившегося горожанам с лучшей стороны Данилы Александровича[499]. Новый князь,

---

[493] LECUB. Bd. 8. Nr. 346, 502. S. 202, 298.

[494] HR. Abt. 2. Bd. I. Nr. 586. S. 516; ГВНП. № 78. С. 134.

[495] ГВНП. № 78. С. 134.

[496] ПЛ. Вып. 2. С. 42.

[497] ПЛ. Вып. 1. С. 39; Вып. 2. С. 43, 125.

[498] Фогт Братиана Генрих Хольт, находившийся тогда в Литве, в письме великому магистру Паулю фон Русдорфу от 10 августа 1432 г. сообщает о псковском посольстве к Свидригайлу, просившем у того наместника, но переворот в Ошмянах 1 сентября того же года лишил этот проект актуальности: См.: *Полехов С. В., Наумов Н. Н.* Татарская тематика в переписке сановников Тевтонского ордена. 1431—1432 гг. // ЗО. 2020. № 8 (4). С. 800.

[499] ПЛ. Вып. 1. С. 41; Вып. 2. С. 44, 128.

судя по всему, сменил предшественника с согласия и псковичей, и Александра Федоровича, приходившегося ему тестем[500]. Хотя Владимир явно был хорошо знаком с местными реалиями, а его отец в 1401 г. оказался в Пскове как московский наместник, но на этот раз князь приехал из Литвы, и вряд ли имел в это время какие-то связи с Москвой. Видимо, для Пскова в ситуации междоусобиц в Литве и в Москве и с учетом далеко не дружественных отношений с Великим Новгородом, такой князь, при этом еще и обеспечивающий преемственность с предшествующей традицией, был куда лучше, чем отсутствие князя. Впрочем, казус 1436 г., когда псковичи, как можно судить, приняли за московского наместника приехавшего к ним князя Бориса Васильевича и даже поселили его на княжем дворе, освобожденном ради такого случая Владимиром[501], позволяет думать, что для них была бы комфортней прежняя ситуация, когда их князь являлся еще и залогом надежных отношений с влиятельным, но при этом не вовлеченным непосредственно в конкуренцию в регионе партнером, каким для них прежде была Москва. Поэтому, как только к лету 1436 г. положение Василия Васильевича там стабилизировалось, во Пскове уже оказались готовы и на то, чтобы принять нового наместника вместо княжащего у них Владимира, и на то, чтобы (когда, судя по всему, выяснилось, что статус приехавшего к ним Бориса не таков, как считалось) выгнать Бориса и легитимировать сидевшего у них Владимира уже как наместника от Василия, отправив посольство с ним в Москву. Даже приняв в 1439 г. вместо Владимира без каких-либо заметных сношений по этому поводу с московским князем сына и внука княживших у них Ивана Андреевича и Андрея Ольгердовича Александра, псковичи затем легко откликаются на призыв великокняжеского посла, прибывшего в 1441 г. их «подъимати на Новъгород»[502]. Всеми силами земли во главе со своим князем они участвуют в войне Василия Васильевича против новгородцев, отношения с которыми, несмотря на заключенный в 1434 г. мир, оставались далекими от идеальных. Отчасти этому способствовала попытка архиепископа Евфимия II в 1435 г. вопреки сложившемуся еще с первой половины предыдущего столетия обычаю поставить во Псков своим наместником, который вершил суд по церковным делам, не псковича, а своего человека[503]. Причем в 1437 г. в этот спор включился и митрополит Исидор, изъявший псковские пошлины у новгородского владыки и поставив в город своего наместника, что соответствовало и псковской линии на удаление от Новгорода. Нужно также заметить, что в заключенном в 1440 г. договоре с великим князем Литовским Казимиром Ягеллоном важным для Пскова оказывается пункт о «чистом пути» для своих послов не только к Казимиру, но и «ко князю к великому к московскому на Москву»[504]. Это ярко отражает и псковскую внешнеполитическую ориентацию в тот период, и опасения псковичей, что обычный путь в Москву через Новгородскую землю может быть перекрыт.

В 1443 г. вместо умершего в мор Александра Ивановича в Псков наместником прислан Александр Васильевич Чарторыйский из литовских Гедиминовичей, не так давно бежавший в Великое княжение Московское после убийства великого кня-

[500] См. также: *Городилин С. В.* К вопросу о брачных связях псковской элиты в первой трети XV в. // Археология и история Пскова и Псковской земли. М.; СПб., 2015. Вып. 60. С. 68—86.

[501] ПЛ. Вып. 1. С. 43—44; Вып. 2. С. 45—46, 132.

[502] ПЛ. Вып. 1. С. 45.

[503] ПЛ. Вып. 1. С. 43; Вып. 2. С. 45, 130—131.

[504] Договор 1440 г. между Псковом и Великим княжеством Литовским / Подгот. текста А. А. Бондаренко, О. И. Хоруженко; вступ. ст. М. Е. Бычковой // Вестн. РГГУ. Сер. Исторические науки. М., 2009. № 4. С. 234.

зя литовского Сигизмунда Кейстутовича. Обстоятельства, предшествующие его появлению во Пскове, заставляют считать, что отправка князя на Северо-Запад могла быть связана не столько с желанием Василия Васильевича укрепить, наконец, там свои позиции, а со стремлением дать что-то значимое Чарторыйскому. При этом Василий II удалял его от Москвы и от своих противников, включая Шемяку, вместе с которыми еще весной 1442 г. литовский князь участвовал в походе на самого Василия. Этим, видимо, был обусловлен и уникальный вариант посажения Александра на псковский стол. Княжение ему только через несколько месяцев после приезда «поручил» специально прибывший для этого в Псков московский посол, и крест князь Александр в его присутствии целовал «ко князю великому Василию Василиевичю и ко всему Пскову по псковскои пошлинѣ, по князя великаго слову и по его воли»[505].

Александр нашел общий язык с псковичами: он был активен, обладал собственным испытанным войском, а его планы явно были куда шире, чем получение обычных доходов на этой великокняжеской службе. Уже в следующем году псковичи с ним ездили «под Новыи городокъ немецькии», где в очередной раз разорили поля на спорной земле, которую считали своей, и «поимавше 7 чюхновъ повѣсиша» (по-видимому, представителей прибалтийско-финской этнической группы сету)[506]. Судя по всему, наконец-то получив, как им показалось, надежного и боевого князя и восстановив свою опору на Москву, с которой они только что участвовали в победной войне с Новгородом, псковичи решили продемонстрировать новые возможности соседям. Впрочем, уже вскоре после захвата и ослепления приславшего его в Псков великого князя Василия II, Александр Васильевич, несмотря на просьбы псковичей, перебирается в Новгород, властями которого, несмотря на то, что стола он там, в отличие от Пскова, не занимал, очевидно, были предложены лучшие условия. В 1447 г. князь уже успешно сражается на стороне Новгорода против орденских войск и прусских и ливонских наемников.

В 1447 г. по просьбе Новгорода Псков расторг мир с Орденом, заключенный в 1443 г. на 10 лет[507], и это приходится посчитать признаком ег происходящей переориентации с Москвы, надежды на которую рухнули из-за вновь вспыхнувшей межкняжеской распри и поражения Василия Темного, на остающийся главным доступным союзником Новгород, который вел войну с ливонским отделением Ордена с 1443 г. Уже в нем псковичи находят себе и нового князя, которым стал Василий Васильевич Шуйский, до этого участвовавший в военных действиях на новгородской стороне. Мир с ливонцами 1448 г. заключен уже совместно Новгородом и Псковом[508]. В псковских летописях того времени появляются описания визитов архиепископа Евфимия II, во время которых читался традиционный для Пскова чин, именовавшийся летописцем «соборованием». Причем летописец приводит слова торжественного чтения Синодика, когда владыка «злыя проклинаша, которыя зла хотятъ дому святеи Софии, и дому святеи Троицы, и Великому Новуграду и Пскову, а благовѣрнымъ княземъ, лежащимъ в дому святеи Софии, и в дому святеи Троицы, тѣм пѣша вѣчную память, тако же и инѣмъ добрым людемъ,

[505] ПЛ. Вып. 1. С. 46; Вып. 2. С. 47, 135.

[506] ПЛ. Вып. 1. С. 47; Вып. 2. С. 47, 136. См. также: *Лопатин Н. В.* Этнический аспект летописных известий о раннем Изборске // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени академика В. В. Седова: М-лы 62-го заседания. М.; Псков, 2017. Вып. 32. С. 110.

[507] ПЛ. Вып.1. С. 46; Вып. 2. С. 47, 135—136; *Казакова Н. А.* Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. С. 70.

[508] ГВНП. № . 73.

котории положиша свои главы и кровь свою пролияша за домы божия и за православное християнство, тѣмъ пѣша вѣчьную память, а живущимъ окрестъ святого София в Великом Новѣгородѣ, и окрестъ святеи Троицы в Великом Пъсковѣ и добра хотящимъ Новугороду и Пскову, темъ пѣша многа лѣта»[509]. Эта величественная картина символического симбиоза двух равных и сходных между собою городов, соборов и существующих вокруг них политических общностей рисуется в летописи параллельно сложившемуся союзу. Обращает на себя внимание также использование глорифицирующего эпитета «Великий» по отношению ко Пскову, явно по образцу «Великого Новгорода». Это свидетельствует об укреплении коллективной идентичности псковского политического сообщества.

В 1455 г., однако, псковичей, вопреки их челобитьям, вновь покидает их князь, и у них не находится выбора, кроме как опять обратиться к по-прежнему пребывающему в Новгороде Александру Чарторыйскому. Тот вроде бы дает какие-то обещания, но так и не едет[510]. Затем начинается московско-новгородская война 1456 г., и со словами «братия наша моложьшая, мужи псковичи, братъ вашъ Великии Новъгородвамъ кланяется» в Псков прибывает посольство новгородцев. На этот раз, в отличие от 1441 г., «в помощь Великому Новугороду, крестное цѣловние правя», псковичи уже шлют свое войско «противу великаго князя»[511]. В боевых действиях оно не успело принять участие, так как новгородцы прекратили сопротивление, зато псковским послам пришлось бить Василию Темному челом вместе с побежденными. Единственным позитивным итогом для псковичей стало то, что к ним наконец приехал на княжение испортивший отношения с новгородцами князь Чарторыйский.

Необычным для Пскова оказывается известие 1458 г. о том, что на вече избили старых посадников[512]. Острые социально-политические конфликты или вообще мало характерны для Пскова, или, во всяком случае, почти не отражались его летописанием. Единственным предшествующим фактом такого рода оказывается новгородское сообщение 1385 г. о том, что «бысть у них въ Псковѣ сеча велика промеж собою» после большого пожара[513]. В этот же раз происшедшее как-то соотносится с сообщением, что «прибавиша псковичи зобници, и палицю привишили к позобенью при посадниче степеннем Алексеа Васильевиче», поскольку известие об избиении посадников стоит вслед за ним и соединено с ним союзом «а». Зобница — крупная единица измерения сыпучих тел[514] — упоминается в псковских источниках в связи с ценами на рожь, соль, хмель. Увеличение контролируемой городским сообществом меры веса должно было быть так или иначе связано с ценами, налогообложением и торговыми пошлинами (соль была важным импортным товаром в торговле с Ливонией и с нее собиралось весчее), предполагая или снижение денежной пошлины (если та считалась с зобницы) и цены на товар, или рост объема взимаемых с населения в виде натурального продукта податей. Старые

[509] В Псковской первой летописи этот почти стереотипный рассказ приводится дважды, в известиях о приезде владыки в декабре 1447 г. и в январе 1453 г.: ПЛ. Вып. 1. С. 49—50.

[510] ПЛ. Вып. 1. С. 52; Вып. 2. С. 49, 141.

[511] ПЛ. Вып. 1. С. 53; Вып. 2. С. 49, 142.

[512] ПЛ. Вып. 2. С. 143—144. См. также: ПЛ. Вып. 1. С. 55; Вып. 2. С. 50.

[513] ПСРЛ. СПб., 2002. Т. 42. С. 149. См. также: ПСРЛ. Т. 4, ч. 1. С. 341.

[514] Старая зобница, существовавшая до реформы, вмещала 9½ пудов хлеба, новая — 14 пудов. Позобенье — видимо, искаженное «ползобенье», половина зобницы, которая после реформы должна была составлять 7 пудов (*Романова Г. Я.* Объяснительный словарь старинных русских мер. М., 2017. С. 113—114, 196, 198).

посадники, (т.е. прежние степенные посадники, в описываемое время находящиеся «не в степени») могли быть связаны с решениями, вынудившими к такой мере, или же противились ей.

Появление на столе Александра Чарторыйского вновь способствует обострению приграничных споров с ливонцами. Обстоятельства этих споров, давших о себе знать с середины XV в., во всяком случае после перемирия 1448 г.,[515] и вылившихся в последующие десятилетия в крупномасштабные вооруженные конфликты между Псковом и его соседями, были следующими. На западе владения Псковской земли граничили с владениями ливонских ландсгерров — Рижского архиепископства, Дерптского епископства и ливонского отделения Тевтонского ордена. Говорить о существовании псковско-ливонской линеарной границы в это время еще не приходится: пограничная зона, протяженность которой составляла примерно 480 км, проходила в основном по болотам, озерам и лесам и долгое время была слабо заселена. Совместная эксплуатация и постепенное освоение обеими сторонами этих районов приводили к локальным конфликтам, которые могли вылиться в большую войну, как это произошло в 1367 г. из-за конфликта орденских и дерптских рыбаков с псковскими из-за дер. Желачка на южном берегу о. Озолица (нем. Порка, совр. Пийрисар) на Теплом озере (в совр. Эстонии), на пограничье с владениями Дерптского епископства. Судя по событиям 1458 г. и последующих лет, это «обидное», т.е. спорное, место к тому времени не контролировалось Псковом[516]. Другим очагом напряженности была область Пурнау, расположенная южнее, на юго-западном участке псковско-ливонского пограничья, на стыке владений Псковской земли, с одной стороны, Рижского архиепископства и Ливонского отделения Ордена — с другой.

Вместе с псковичами князь Александр Чарторыйский в 1458 г. выезжает на «обидное место» на Озолице, где, чтобы подчеркнуть претензии на принадлежность этой земли и воды «святой Троице», т.е. Пскову, определяемому через его патрональный храм, прибывшими косится сено и строится церковь св. Михаила. Псковским ловцам приказывают ловить там рыбу «по старине», а жителей близлежащей деревни («Чюхновъ на РожкинѢ») вешают[517]. Спорный статус этого района фиксируется еще с 1367 г., когда из-за конфликта там орденских и дерптских рыбаков с псковскими разворачивается целая война[518]. Имела место военная акция с целью установить силой контроль над спорным районом, а сооружение там церкви сложно расценить иначе как символический акт подчинения Пскову этих территорий. Вскоре дерптцы в ответном походе убивают, мстя за повешение своих подданных, девять псковичей, сжигая построенную церковь. Следует эскалация военных действий, которую не смогло остановить и новгородское посредничество.

В январе 1460 г. «въ свою отчиноу в Великои Новъгород» (как специально отметил псковский летописец) приезжает великий князь Василий Васильевич с сыновьями Юрием и Андреем. К нему отправляется

---

[515] Возможно, их проявлением стали уже отмеченные псковским летописанием события 1427 г.— убийство немцами шестерых опочан-бортников, разорение окрестностей Опочки, покос немцами сена «на Псковскои земли» и ответные действия псковичей (ПЛ. Вып.1. С. 38; ПЛ. Вып. 2. С. 124).

[516] Об отождествлении топонимов Озолица и Желачко (в псковских летописях фиксируются разные варианты этого топонима) см.: *Казакова Н. А.* Некоторые топонимы Псковской земли XV — первой половины XVI в. // ВИД. Л., 1973. Вып. 5. С. 71—81.

[517] ПЛ. Вып.1. С. 55—56; Вып. 2. С. 50—51, 144—145.

[518] SRP. Leipzig, 1863. Bd. 2. S. 89—98; *Баранов А. В.* Русско-ливонские мирные договоры 1474 года: Предпосылки, переговоры, последствия // Средневековая Русь. Вып. 12. С. 208.

представительная делегация с челобитьем «о жаловании и о печаловании своея отчины мужеи псковичь доброволных людеи, рекуще тако... приобижени есмя от погаых нѣмець и водою и землею и головами и церкви божии пожжени быша на миру и на крестномъ цѣловании»[519]. Нарисованная послами с использованием в чем-то близкой к применявшейся тогда и новгородцами возвеличивавшей московского правителя риторики[520] идеальная картина предполагала для великого князя Василия Темного необходимость вмешательства для защиты псковичей по образцу действий его отца в 1406 г.

Тут явно была некая доля лукавства с псковской стороны, поскольку, судя по летописи, именно их осознанные действия «на миру и на крестном целовании» спровоцировали дерптцев на ответные меры, а уровень угрозы не шел ни в какое сравнение с 1406 г. Понятие «отчина» здесь также играет роль, скорее, напоминания о былых взаимных обязательствах отца нынешнего великого князя и Пскова[521], а не реального политико-правового статуса. Более того, не прошло еще четырех лет с момента, когда псковичи как союзники Новгорода воевали с великим князем. Теперь же им показалось, что сложились удобные обстоятельства для попытки, сгладив неудачный опыт 1456 г., вновь восстановить столь же тесные, как и полувеком ранее, отношения с Москвой, еще и сделав их куда более теплыми, нежели у новгородцев. Одновременно послы попросили о признании уже вновь в качестве великокняжеского наместника пришедшегося псковичам по душе князя Александра Чарторыйского.

Расчет псковичей оказался верным, поскольку великий князь московский нуждался в союзе с Псковом для проведения жесткой политики по отношению к Новгороду. Однако, памятуя о сложной политической траектории князя Чарторыйского, Василий II потребовал, чтобы тот заново ему присягнул. Александр Васильевич отказался, предпочтя покинуть Псков, вопреки просьбам псковичей. Указание летописца на то, что с ним ушло и 300 человек «кованой рати боевых людеи» в составе его «двора», не считая служивших в обозе, ярко иллюстрирует ресурсные возможности этого князя и объясняет его популярность у псковичей[522]. После этого в Псков едет встречающий там самый теплый прием сын великого князя Юрий, которого принимают с исключительными почестями, адресованными и его отцу, сажают на «столѣ отца своего» в соборе Св. Троицы и даже вкладывают в руки меч князя Довмонта, что особо отметил летописец[523]. Восстановление связи с Москвой стремятся сделать максимально торжественным и прочным, а уже знакомая по началу столетия формула, в рамках которой Псков именуется отчиной великого князя, после этого появляется и на страницах летописей, и в дипломатической переписке, и даже на новой псковской печати 6977 г.[524] Вновь возобновляется и практика присылки «от великого князя наместников, а псковских князей» по просьбам псковских посольств.

Новгородский летописец, впрочем, скептично отнесся к происходящему: «Тои же зимы възбуяшася пьсковици в нестроинѣ умѣ, наша братиа мнимая, по нашимъ грѣхомъ, задашася за великого князя Василья Васильевича и за его сынове, утаився своего брата старѣишаго Великого Новаго-

[519] ПЛ. Вып.1. С. 57—58; Вып. 2. С. 51, 146.
[520] См., например: ПСРЛ. Т. 44. С. 95.
[521] Причем, конечно же, в варианте, реализованном в 1406 г., а отнюдь не в 1424-м.
[522] ПЛ. Вып. 1. С. 58; Вып. 2. С. 51, 146.
[523] ПЛ. Вып.1. С. 59; ПСРЛ. Т. 25. С. 276; Т. 26. С. 218.
[524] ПСРЛ. Т. 44. С. 96.

рода»[525]. По его мнению, главным итогом случившегося стала «вражда велика межи землями князю великому и Новугороду и Пьскову с нѣмци», и что «учинися много кровопролития и неправды пьсковицамъ с нѣмци»[526]. Несмотря на понятное недовольство от утраты союзника, летописное замечание оказывается точным: сделанный выбор в итоге стал для Пскова уже окончательным, предполагая разрыв доверительных отношений с Новгородом, неуклонное возвращение к острому противостоянию с Ливонией, все более тесную связь с великим князем Московским, которого псковичи постоянно стремятся втянуть в борьбу со своими западными соседями, и предопределенную этим усиливающуюся зависимость от великокняжеской военной помощи.

Тем не менее это не означало, что черты республиканского строя Пскова не были сохранены. И устройство псковской политической системы, и структура псковского политического сообщества, и его система ценностей в своих основных характеристиках оставались прежними вплоть до 1510 г. На взгляд самих псковичей происходящее выглядело лишь возвращением к ситуации 1399 г. с ее плюсами и минусами, а предшествовавшая эрозия их отношений с Москвой была предопределена в первую очередь династическими конфликтами в московском княжеском доме второй четверти — середины XV в., когда великие князья не имели возможности выполнять принятые ими обязательства. Псков же, несмотря на это, сумел выстоять в сложных для себя условиях и даже приобрел ценный для себя опыт, пройдя серьезный путь политического развития. Теперь псковичи, вероятно, рассчитывали, опираясь на поддержку вновь усилившейся Москвы и получая оттуда князей, воспользоваться растущей слабостью внутреннего единства Ливонии и конфликтами между Ливонским отделением Тевтонского ордена, архиепископом Рижским и ливонскими городами, начав решать в свою пользу давние пограничные противоречия и выступая с позиции силы в значимых для них торговых спорах. Ключевое значение для псковичей сильной позиции в отношениях с «немцами», несмотря на ту роль, которую торговля с теми играла в экономике Пскова, в какой-то степени определялась и ментальными, даже идеологическими факторами. Достаточно вспомнить образ Довмонта, тесно связанный в псковских политических представлениях с таким центральным для них понятием, как «мужи-псковичи» (иное — наряду со «всем Псковом» — и возникшее ранее обозначение псковского политического сообщества)[527]. Не менее весомы в коллективной памяти были и воспоминания об эпизодах самоотверженной обороны родного города и об отважных рейдах в глубину ливонских земель, а также риторика религиозного противостояния.

Ослабление конфликтующего с великим князем Новгорода, помимо прочего, возможно, могло позволить Пскову занять отчасти его нишу в международной торговле, но собственно псковских данных на этот счет не имеется. Во всяком случае, новгородские попытки примирить псковичей с ливонцами успеха не имели, и разлад на этой почве между старшей и младшей «братией» оказался чрезвычайно глубоким. Уже в 1462 г. псковичи сооружают крепость Володимерец на границе с Новгородской землей, в 1463 г. изымают псковские вотчины новгородского архиепископского дома, самую протяженную крепостную стену вокруг всего города они

[525] ПСРЛ. Т. 44. С. 96.

[526] Там же. С. 96.

[527] См.: *Вовин А. А.* Городская коммуна средневекового Пскова XIV— начала XVI в. СПб., 2019. С. 136—159; *Лукин П. В.* Республиканская риторика... С. 126—138.

спешно строят в 1465 г. именно «блюдущися ратнои силѣ Великаго Новагорода»[528]. Только появление сведений о переговорах новгородцев с «немцами» по поводу союза против Пскова для возвращения обеими сторонами отнятых псковичами земель военным путем вынуждает псковские власти к отказу от конфискованных владычных (т.е. принадлежавших новгородскому архиепископу, а значит и Новгороду) вод, земли и «всех оброков»[529]. Псковское челобитье к великому князю с просьбой о поставлении в Псков епископом псковича[530], как и последующий эксперимент с передачей архиепископского суда двум представителям местного священства, которые должны были судить самостоятельно на основе Номоканона (т.е. Кормчей)[531], своей целью предполагали полный выход живущих «окрест дома святой Троицы» из символического церковного единства с новгородцами, которое еще совсем недавно, при архиепископе Евфимии II было значимой реальностью для псковичей. Псковскому участию в великокняжеских военных походах на Новгород 1471 и 1477 гг. в этой ситуации вряд ли что-то могло всерьез воспрепятствовать. Последним проявлением былого братства стало псковское предложение Новгороду своих послов и их челобитья к великому князю за новгородцев, сделанное в августе 1477 г.[532]

Псковско-дерптская война из-за Желачки на упомянутом выше о. Озолица (Пийрисар) на Теплом озере, несмотря на заключенное при поддержке великого князя перемирие, вновь возобновилась из-за строительства псковичами новой крепости Кобылий городок прямо у спорного места, на восточном берегу Теплого озера. По псковской просьбе на этот раз великий князь впервые шлет не только князя, но и московскую рать с воеводой в помощь Пскову. В итоге удается вынудить побежденных дерптцев в 1463 г. к признанию псковского контроля над микрорегионом[533]. После этой удачи уже в 1465 г. псковичи сооружают еще одну крепость, Красный городок, уже вблизи от другого спорного района, Пурнау (так называются в ливонских источниках земли в бассейнах рек Кухвы, Утрои и Лжи), что вызвало беспокойство владевшего там землями рижского архиепископа[534]. При этом представителю всех ливонских ландсгерров — Ордена, архиепископа Риги и епископа Дерпта — указавшему, что подобные действия не соответствуют мирному договору и соглашению, по которому Псков уже только что получил Желачку, псковские посадники и «весь Псков» ответили, что «то земля и вода святыа Троица пьсковская вотчина великихъ князеи и всея Роуси оустрадание, тоуды оу нас нынѣ и городи стоять»[535], указав таким образом, что строительство новых крепостей служит легитимации псковского контроля над спорными районами. Возможно, псковичи, рассчитывавшие, что усиливающаяся борьба между ливонскими ландсгеррами и опора в конфликтах с «нем-

[528] ПЛ. Вып. 1. С. 62; Вып. 2. С. 54; ПСРЛ. Т. 44. С. 101.

[529] LECUB. Abt. 1. Bd. 12. Nr. 840. S. 478; ПЛ. Вып. 1. С. 71—72; Вып. 2. С. 160—161.

[530] ПЛ. Вып. 1. С. 69, 71; Вып. 2. С. 53, 158.

[531] ПЛ. Вып. 2. С. 165—166.

[532] ПЛ. Вып. 2. С. 210. Ср. известие о присылке Иваном III грамоты об объявлении войны Новгороду в 1477 г. также во Псков — очевидно, чтобы проинформировать псковичей об этом и подчеркнуть свое верховенство (*Полехов С. В., Сквайрс Е. Р.* Casus belli. Грамота Ивана III об объявлении войны Александру Ягеллону от 24 июня 1500 г. // Словене. 2021. № 1. С. 207, примеч. 19).

[533] ПЛ. Вып. 1. С. 67, 69; Вып. 2. С. 53.

[534] См. подробнее: *Баранов А. В.* Русско-ливонские мирные договоры 1474 года: предпосылки, переговоры, последствия. С. 208—216.

[535] ПЛ. Вып. 2. С. 174—175.

цами» на силы великого князя смогут нейтрализовать противодействие псковским инициативам по решению в свою пользу земельных споров у рубежей Псковской земли, не учли того, что в постепенно утрачивающей свою силу Ливонии противостояние внешней экспансии обрело роль важного фактора консолидации и в полной мере использовались политиками, которые претендовали на лидерство во внутриливонской борьбе. В итоге результатом этих небольших приграничных успехов Пскова, интерпретированных в общественном сознании западных соседей в качестве провозвестников будущего масштабного вторжения русских в Ливонию, стали крупные конфликты 1473—1474 и 1480—1481 гг. Побед в них Псков достиг уже лишь благодаря опоре на получаемые им по челобитьям великому князю крупным московским контингентам[536]. В дальнейших же событиях последнего десятилетия XV — начала XVI в. псковско-ливонская составляющая может рассматриваться уже скорее как элемент куда более масштабного московско-литовского противостояния, играть в котором серьезную самостоятельную роль Псков больше не мог даже не по каким-то политическим ограничениям, а просто в силу несопоставимости своего потенциала с его главными участниками.

Конфликты Пскова с его ливонскими соседями из-за обеих спорных территорий — Желачка и Пурнау — интенсифицировались в 1460-е и начале 1470-х годов[537]. После череды столкновений к началу 1470-х годов они были перенесены на дипломатический уровень. В начавшихся же переговорах позиции сторон, как показали недавние исследования, были тесно связаны с их собственным состоянием. Ливония была далека от внутреннего единства: здесь Тевтонский орден во главе с ливонским магистром Берндом фон дер Борхом (1471—1483) и его сановниками боролся за гегемонию с Рижским архиепископством, где кафедру в 1448—1479 гг. занимал Сильвестр Стодевешер. К началу 1470-х годов эта борьба вступила в острую фазу. В свою очередь, псковичи явным образом рассчитывали на помощь Ивана III; более того, они пытались оказывать давление на ливонцев, угрожая вмешательством великого князя московского в псковско-ливонские взаимоотношения, а один раз ливонские послы были арестованы во Пскове. В 1473 г. истекал срок действия новгородско-ливонского перемирия 1448 г., заключенного на 25 лет, к которому Псков присоединился в 1463 г. Это ставило вопрос о перспективах его продления. На переговорах, прошедших в несколько раундов в начале 1470-х годов, псковичи не соглашались на ливонские предложения заключить очередное перемирие на 10 лет, в течение которых предстояло урегулировать вопрос о спорных территориях, и настаивали на заключении «вечного мира», т.е. бессрочного мирного договора. К 12 сентября 1473 г., когда истек срок действия прежнего перемирия, новый договор заключить не удалось. Ни одна из сторон не начинала военных действий, но над псковско-ливонским пограничьем нависла угроза войны. Между тем псковичи отправляли одно за другим посольства к Ивану III с просьбами о помощи, но он не спешил высылать к ним войска, судя по всему, не будучи заинтересованным в эскалации конфликта с соседями. Лишь к концу ноября великокняжеская рать во главе с князем Даниилом Дмитриевичем Холмским прибыла во Псков. Дерпт-

[536] *Баранов А. В.* Русско-ливонские мирные договоры 1474 года: предпосылки, переговоры, последствия. С. 201—282; *Бессуднова М. Б.* Первая Ливонская война. 1480—1481 годы: Документы. СПб., 2019.

[537] Изучение псковско-ливонских взаимоотношений для периода 1470—1490-х годов осложняется тем обстоятельством, что многие документальные и эпистолярные источники, освещающие эти взаимоотношения, были опубликованы лишь недавно (LECUB. Köln, 2018. Abt. 1. Bd. 13; Ibid. Bd. 14). Остается неопубликованной часть этих источников за 1484—1494 гг.

ский епископ начал переговоры о мире с Псковом. Ливонский магистр оказывался перед лицом перспективы одновременной войны с Псковом, усиленным великокняжеской ратью, и со своими ливонскими противниками. В этих обстоятельствах он отправил послов во Псков. В 1474 г. были заключены два перемирия Пскова — одно с ливонским магистром и рижским архиепископом на 20 лет, другое, при участии Новгорода, с дерптским (юрьевским) епископом и г. Дерптом на 30 лет[538]. По условиям не сохранившегося первого договора, названного по имени князя Холмского «Данильевым миром», известного только по летописному изложению и ставшего основой последующих соглашений, спорные области закреплялись за Псковом[539].

Однако на первых порах «Данильев мир» продержался недолго. Поводом к очередным претензиям ливонского магистра Бернда фон дер Борха по отношению к Пскову послужило разорение части территории Дерптского епископства и окрестностей Нарвы войсками и союзниками Ивана III во время его похода на Новгород в 1478 г. На взаимоотношения с русскими соседями по-прежнему оказывала влияние ситуация в Ливонии (конфликт фон дер Борха с рижским архиепископом Сильвестром Стодевешером, причем первый рассчитывал на невмешательство Ивана III, занятого укреплением своей власти и взаимоотношениями с другими соседями — Литвой, Большой Ордой, Казанским ханством и Вяткой). Военные действия начались в ночь на 1 января 1480 г.: два ливонских войска вторглись на территорию Псковской земли, одно из них взяло и сожгло Вышгородок в спорной области Пурнау, а другое спустя несколько дней — Гдов на псковском берегу Чудского озера. Из-за теплой погоды выступление третьего войска во главе с самим магистром было отложено; за это время к псковичам по их просьбам прибыло московское войско; соединившись с псковскими силами, оно вторглось в Ливонию, где недолго осаждали Дерпт. Предпринятый магистром штурм Изборска оказался неудачным, но даже после проигранного сражения, на обратном пути ливонцы сожгли Кобылий городок. Сказывалась разобщенность ливонских участников войны. Военные действия возобновились в августе 1480 г. На этот раз ливонские силы действовали как на суше, так и на Чудском озере. Войско под командованием самого магистра, не сумев взять Изборск, обошло его и подступило к Пскову. Но и его осада и попытки штурма ничего не дали. Бернд фон дер Борх пытался вести переговоры с псковичами с позиций силы, но ситуация изменилась после завершения «стояния на Угре». Уже в начале 1481 г. войско под командованием великокняжеских наместников прибыло из Новгорода во Псков, а оттуда вместе с тамошним ополчением двинулось в Ливонию. Разорению подверглись земли Ордена (в том числе город Феллин), Рижского архиепископства и Дерптского епископства. Ливония была обессилена, надежды на помощь союзников не оправдывались, переговоры затягивались[540].

В сентябре 1481 г. переговоры увенчались заключением перемирия Пскова с Тевтонским орденом в Ливонии и Рижским архиепископством на 10 лет[541]; это перемирие возобновлялось в 1493 г. на 12 лет[542], в 1503 г. (по результатам рус-

[538] Сохранился текст второго из этих договоров: ГВНП. № 78. С. 133—136.

[539] *Баранов А. В.* Русско-ливонские мирные договоры 1474 года: предпосылки. С. 201—282.

[540] *Бессуднова М. Б.* Специфика и динамика развития русско-ливонских противоречий в последней трети XV века. Липецк, 2016. С. 93—121.

[541] *Баранов А. В.* Русско-ливонские мирные договоры 1474 года. С. 266—281.

[542] Tallinna Linnaarhiiv, f. 230, n. 1, s. BH 1, fol. 1f — 1g (не опубликовано).

ско-ливонской войны) — на 6 лет[543], в 1509 г.— на 14 лет[544]. Одновременно заключались перемирия Пскова с Дерптским (Юрьевским) епископством и г. Дерптом[545], а также Новгорода со всеми ливонскими ландсгеррами. Условия этих перемирий из раза в раз повторялись: они предписывали «не обидити» русские концы ливонских городов и находящиеся в них православные церкви, обеспечивать свободный и безопасный проезд послов и купцов обеих сторон, соблюдать свободу торговли (запрещалась лишь торговля спиртными напитками во Пскове) и неприкосновенность псковско-ливонских границ, причем специально оговаривались условия рыболовства на пограничном Великом озере и пользования угодьями на Матерой реке, т.е.р. Эмбах (Эмайыги). Позиция Пскова отражалась в формуле «По Божией воле и по великих государей веленью, царей русских» (в такой форме в 1481—1503 гг.; в 1509 г.— в единственном числе), чьей «отчиной» именовались как Новгород, так и Псков. Во время переговоров с Иваном III в 1488 г. посол императора Фридриха III Николай фон Поплау (Поппель) от имени ливонского магистра просил об уступке ливонцам земель и вод, бывших объектом спора, ссылаясь на принадлежность Ливонии к Священной Римской империи (и по-видимому, рассчитывая на уступчивость московского господаря, заинтересованного в союзе с последней), но Иван отказался удовлетворить эту просьбу[546]. Из ряда источников известно, что в переговорах 1491—1493 гг. о продлении перемирия сыграла активнейшую роль московская великокняжеская власть, диктовавшая свои условия[547]. Традиция заключения перемирий от имени Пскова и Новгорода (тамошних великокняжеских наместников) с их западными соседями, связанная с соображениями престижа, сохранялась и в дальнейшем, когда эти города с их владениями оказались в составе Русского государства, вплоть до начала Ливонской войны в середине XVI в.

В последние два десятилетия XV в. взаимоотношения Пскова с его западными соседями складывались ровно. Поначалу продолжались переговоры об обмене пленными и возмещении ущерба, нанесенного военными действиями. Очень скоро после окончания войны Псков стал базой контактов Ивана III с Ливонией, а затем и со Священной Римской империей. Впрочем, хотя через Псков проезжали московские посольства на Запад и западные — в Москву, Иван III не посвящал псковичей в предмет и цели своих переговоров. В правление магистра Вольтера фон Плеттенберга (1494—1535) двадцатилетний период мира Ливонии с Русью был прерван. Но теперь конгломерату ливонских ландсгерров противостоял не только Псков, но и Русское государство, и эта война была гораздо теснее связана с его политикой, чем с пограничными конфликтами предшествующих столетий. Псковичи следовали в русле реализации интересов Ивана III, что проявилось в отправке посольств к нему с просьбами о помощи, участии вместе с великокняжескими войсками и союзными ему татарами в сражениях на р. Серице 27 августа 1501 г. и на озере Смолин 13 сентября 1502 г., в походе в Ливонию осенью—зи-

---

[543] ГВНП. № 347.

[544] LECUB. Riga, 1914. Abt. 2. Bd. 3. Nr. 584. S. 424—430 (нем. текст); *Казакова Н. А.* Договор Пскова с Ливонией 1509 г. // ВИ. 1983. № 1. С. 90—98 (рус. текст). Отчасти об этих договорах уже говорилось выше, в связи с псковско-ганзейскими отношениями.

[545] Сохранился текст такого перемирия 1509 г. (Книга посольская Метрики Великого княжества Литовского. Ч. 2. № 70), остальные известны по упоминаниям.

[546] Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными: В 10 т. СПб., 1851. Т. 1. Стб. 9—10.

[547] *Казакова Н. А.* Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. С. 172—175.

мой 1501 г. и в обороне Красного городка в марте 1502 г. и Пскова в сентябре того же года[548].

Пребывание Пскова во внешнеполитической орбите Москвы и его подчеркнутая лояльность ставшим уже традиционными связям с великими князьями стали основой для высказываемого с середины прошлого века мнения, что псковичи подчинились Москве еще в середине или во второй половине XV в.[549] В рамках данной гипотезы высказывалось предположение, по которому один великокняжеский наместник не справлялся со своими функциями, что в итоге потребовало усиления псковской администрации введением в 1510 г. поста второго наместника[550], а также о том, что в 1460 г. великий князь заключил с Псковом не дошедший до нас секретный договор[551]. Согласно другой позиции, государство Ивана III в целом представляло «составную монархию», внутри которой отдельные земли могли обладать значительной автономией, как было и с сохранившим до 1510 г. судебную, административную и фискальную независимость Псковом[552].

Указание в духовной Ивана III 1503 г. на передачу Пскова сыну[553], с одной стороны, и упорство псковичей в их конфликтах с этим великим князем, с другой — позволяют предположить, что из Москвы и из Пскова взаимное положение могло видеться по-разному, и даже в понятие «отчина» в Москве и во Пскове вкладывали не вполне одинаковый смысл. Осознанное или неосознанное сохранение подобной недосказанности, наличие «серой зоны» в определении характераэтих взаимоотношений до поры до времени явно способствовало их поддержанию.

Вместе с тем нужно заметить, что сохранение порядка, когда Псков мог сменять полученных князей и получать новых по своему выбору, было декларировано великим князем при завершении конфликта из-за бесчестья псковичами в 1462 г. не устроившего их князя Владимира Андреевича (тот, видимо, показался им недостаточно заинтересованным в их военных планах в отношении ливонцев). Московские санкции по итогам случившегося ограничились выражением недовольства фактом бесчестья, а также рекомендацией в дальнейшем ясно указывать грамотой, кого именно из князей хотят для себя псковичи[554]. Сохранение же права менять князя на другого прямо отражено в событиях завершения псковского княжения Федора Юрьевича, который, после известия о том, что послы отправились в Москву просить другого князя, сам покинул город[555]. Характерно известие под 1467 г., согласно с которым, при посажении на стол того же Федора ему «на всих 12 пригородах дашя намѣстниковъ держяти и соудови соудити его намѣстникомъ, на которых ни боуди, и из вековъ княжии намѣстники не бывали, колко ни есть княжеи бывало во Псковѣ на столоу,

---

[548] *Казакова Н. А.* Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. С. 201—242. *Бессуднова М. Б.* Россия и Ливония в конце XV века. Истоки конфликта. М., 2015. С. 363—408; *Baranov A.* Contra Multitudinem Ruthenorum Armatorum: The Russian-Livonian Battle of Lake Smolino (1502) Reconsidered // The Art of Siege Warfare and Military Architecture from the Classical World to the Middle Ages. Oxford; Philadelphia, 2021. P. 227—232.

[549] *Масленникова Н. Н.* Присоединение Пскова к русскому централизованному государству. Л., 1955; *Kuchkin V. A.* The First Campaign of Ivan III to Novgorod in 1471 // Herald of the Russian Academy of Sciences. 2022. Vol. 92. Suppl. 5. S. 358.

[550] *Масленникова Н. Н.* Присоединение Пскова к русскому централизованному государству. С. 90.

[551] *Kuchkin V. A.* The First Campaign of Ivan III to Novgorod in 1471. P. 353—364.

[552] *Кром М. М.* Рождение государства. Московская Русь XV—XVI веков. М., 2018. С. 81—85.

[553] ДДГ. № 89. С. 357.

[554] *Городилин С. В.* Ростовский князь Владимир Андреевич и его недолгое псковское княжение. С. 84—145.

[555] ПЛ. Вып.2. С. 187.

а намѣстники княжии были толко на 7 пригородах псковскых»[556]. С одной стороны, здесь фиксируется явное усиление власти великокняжеских наместников во Пскове, с другой — вряд ли демонстрируется полное подчинение Пскова великому князю. С учетом того, что такие пригороды, как Вышгородок, Гдов, Выбор, Кобылье городище, Володимерец, Красный были построены на протяжении всего лишь предшествующих четырех десятилетий, идея о вековечности предшествующего порядка теряет свою убедительность: еще полувеком раньше псковские князья держали все псковские пригороды, теперь, по мере появления новых, они лишь добились распространения этого своего права и на недавно возникшие. Та легкость, с которой ранее князья покидали псковский стол, несомненно была в том числе связана и с тем, что они считали княжение недостаточно выгодным для себя, а Федор Юрьевич был особо ценен для псковичей тем, что прежде чем стать князем, уже зарекомендовал себя в городе как воевода. Думается, что точное представление этого князя о предлагающихся ему полномочиях, а также привлекательность его кандидатуры могли поспособствовать принятому, как указывает летописец, «посадниками и Псковом» решению, хотя и задевшему финансовые интересы части горожан, но никак не связываемому летописью со внешним давлением на Псков[557].

Уже реальное великокняжеское вмешательство в псковско-княжеские отношения фиксируется только осенью 1474 г., когда вернувшийся из Москвы князь Ярослав Васильевич сразу попросил у Пскова удвоить по сравнению с нормами Псковской судной грамоты размер судебных «ездов» (подать, взимаемая для возмещения путевых расходов княжеским судьям), а также размер пошлин и штрафов его пригородским наместникам и расширить их судебную компетенцию[558]. Причем перед этим сам великий князь Иван впервые изъявил желание увидеть «прежних князеи великых грамоты послинныя», т.е. нормы политико-правового устройства Пскова, связывая с этим свое желание «отчиноу свою оустроенѣ держати». Получив грамоты, он указал, что они «не самых князеи великих», и выразил желание, чтобы псковичи дали князю Ярославу то, чего он просит. Псков ответил с послами, что «чего в нас нынѣ Ярослав князь просить, а не по нашим старинам, ино нам в томъ не мощно жити»[559]. Последовало долгое разбирательство с посольствами, спорами, задержанием приехавшим в Новгород великим князем прибывших жаловаться на князя Ярослава посадников и бояр до прибытия самого Ярослава[560], согласием Пскова на выдвинутые ему требования и даже вооруженным столкновением псковичей со слугами Ярослава на княжем дворе[561]. Итогом всех перипетий, однако, оказалось великокняжеское повеление Ярославу Васильевичу покинуть Псков «съ княгинею и съ всѣм своимъ дворомъ» и получение Псковом нового князя[562]. Причем псковичи, воспользовавшись ситуацией, в которой Москве в 1477 г. была необходима их помощь против Новгорода, даже сумели жестко настоять на соблюдении новым князем не одной лишь своей «старой пошлины», но вообще всех значимых

[556] ПЛ. Вып. 2. С. 164. Ср.: ПЛ. Вып.1. С. 73.

[557] Предпринятый в следующем году равный раздел новых пригородов между городскими концами по жребию, вероятно, должен был снивелировать недовольство пострадавших от предыдущего решения.

[558] ПЛ. Вып. 2. С. 199.

[559] Там же.

[560] Этот эпизод впоследствии повторится в псковской истории уже в 1509 г.

[561] ПЛ. Вып.2. С. 56, 206.

[562] Там же. С. 56, 207.

для них норм и ритуалов[563]. Важно указать, что эпопее с претензиями князя Ярослава на увеличение своих доходов и желанием Ивана Васильевича самому начать устанавливать нормы взаимоотношений князя со Псковом прямо предшествовали события 1473—1474 гг., показавшие Москве степень заинтересованности Пскова в ее военной силе, что, видимо, и спровоцировало попытки последующего давления. Точно так же и псковская сторона явно принимала во внимание не только московскую великокняжескую риторику, но и наличие у себя рычагов воздействия на ситуацию.

В дальнейшем попытки Москвы воздействовать на внутренние механизмы функционирования псковского самоуправления продолжаются (этому способствует и окончательное подчинение Новгорода). В их числе нельзя не упомянуть известную по летописи псковскую «брань о смердах», часть деталей которой не вполне ясна, но которая явно связана с внутренним конфликтом из-за распределения налогообложения, повинностей и, вероятно, властных полномочий[564]. В него вновь активно вмешивается великий князь Иван Васильевич. Впрочем, по мере смещения центра внимания московских властей к наиболее острым для них в конце 1480-х — начале 1500-х годов вопросам военного противостояния с Великим княжеством Литовским, Псков, играющий значимую роль в обороне западных границ и деятельно участвующий своими ратями по великокняжеским приказам в боевых действиях, как можно предположить, надолго был оставлен в покое.

В 1494 г. московским великим князем Иваном III был закрыт немецкий торговый двор в Новгороде, и начался длительный конфликт Русского государства с Ганзой. Однако дорога ганзейским товарам полностью перекрыта не была. Сохранялась торговля между Дерптом и Псковом, продолжал использоваться и нарвский «маршрут». В послании в Дерпт в январе 1495 г. власти Ревеля жаловались, что все предпринимаемые Ганзой меры окажутся безрезультатными, до тех пор, пока дерптские купцы занимаются контрабандной торговлей с Псковом, а через него — и с Новгородом, и коммерция уходит в тень[565]. В феврале 1498 г. представители Пскова, князь Александр Владимирович (из ростовских Рюриковичей), посадники Леонтий Тимофеевич и Борис Андреевич и по два боярина с каждого конца принимали участие в переговорах с представителями ливонских ганзейских городов и Ордена в Нарве, которые, впрочем, не привели к решению спорных вопросов[566]. Приведенные выше цифры, характеризующие численность псковских купцов в Дерпте и размах их торговли в начале XVI в., позволяют согласиться с мнением о том, что Псков после закрытия новгородского ганзейского двора превратился в главный русский центр торговли с Ганзой[567]. Эта ситуация была нарушена обострением отношений Русского государства с Орденом, вылившимся в русско-ливонскую войну 1501—1503 гг. Важной вехой в отношениях между Псковом и Ганзой должны были стать упомянутые выше договоры 1509 г. Они были заключены на

---

[563] ПЛ. Вып. 2. С. 211—212.

[564] *Алексеев Ю. Г.* Псковская судная грамота и ее время. Л., 1980. С. 204—227; *Хорошкевич А. Л.* «Брань» из-за смердов в Пскове в 80-х годах XV в.// Русский город (исследования и материалы). М., 1983. Вып. 6. С. 37—52.

[565] Именно так и сказано в документе: *de kopenschop vardunkerten* (LECUB. Reval, 1853. Abt. 2. Bd. I. Nr. 122. S. 97, весь документ: S. 96—97).

[566] ПЛ. Вып. 1. С. 82—83; HUB. München; Leipzig, 1916. Bd. 11. Nr. 1054. S. 652—658 (подробное изложение содержания переговоров, сохранившееся в архиве Любека).

[567] *Osten-Sacken P. von der.* Der Hansehandel mit Pleskau… S. 81. Ср. другое мнение: *Аракчеев В.А.* Псков и Ганза в эпоху Средневековья: Научная справка. Псков, 2012. С. 13.

14 лет и гарантировали псковским купцам ряд прав и привилегий, которых они ранее не имели[568]. Однако в 1510 г. Псков был окончательно присоединен к Русскому государству, и история самостоятельной политики Пскова в отношении западных соседей закончилась.

Новейшие исследования показывают, что воздействие ганзейской торговли и связей с Ганзой в целом на социально-политическое развитие Пскова трудно переоценить даже в сравнении с Великим Новгородом[569]. Территориально-географические условия Пскова были совсем иными: здесь не могло возникнуть такого могущественного слоя землевладельческой аристократии, как в Новгороде. Поэтому могущество псковской элиты и, соответственно, псковское преуспевание в конце XV — начале XVI в. было, по-видимому, в еще большей степени связано с коммерческими связями с ганзейскими городами, прежде всего — с Дерптом.

На фоне псковско-ливонских конфликтов второй половины XV в. достаточно скромными выглядят взаимоотношения с Великим княжеством Литовским. В 1440-е годы Казимир Ягеллон пытался активизировать внешнюю политику на Руси, в том числе поддерживал контакты с Псковом в период его конфликта с Дерптским епископством[570]. Вскоре Казимиру пришлось искать поддержки у соседей, в том числе у великого князя московского Василия II[571]. 31 августа 1449 г. правители заключили договор, по которому Казимир признавал московское верховенство над Новгородом и Псковом и обязывался во Псков и его владения «не вступатисе, а и не обидити их»[572]. На последующее сохранение традиционных, в том числе торговых, связей Пскова с Великим княжеством Литовским указывают известия об этом государстве в псковских летописях за вторую половину XV в. и обмен посольствами с Казимиром Ягеллоном в 1479—1480 гг.[573] Опасения возможности перехода Пскова под его власть, о которых писал ливонский магистр Бернд фон дер Борх великому магистру Мартину Трукзессу фон Ветцхаузену 31 марта 1480 г.[574], представляются преувеличенными: в том же письме говорится о намерении новгородцев передаться Казимиру, к тому же псковичи признавали верховную власть великого князя московского и сотрудничали с ним не только на словах, но и на деле[575]. Если такая перспектива и рассматривалась Казимиром или его

[568] *Казакова Н.А.* Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. С. 253—258.

[569] *Vovin A., Krom M.* The City of Pskov in the Fourteenth and Fifteenth Centuries: Baltic Trade and Institutional Growth // The Routledge Handbook of Maritime Trade Around Europe 1300—1600 / Ed. by W. Blockmans, M. Krom, J. Wobs-Mrozewicz. L.; N.Y., 2017. P. 325.

[570] LECUB. Bd. 10. Nr. 418.

[571] *Polechow S.* Książę Michał Zygmuntowicz — walka o spadek po ojcu // Ojcowie i synowie. O tron, władzę, dziedzictwo. W 700 rocznicę narodzin Karola IV Luksemburskiego króla czeskiego i cesarza (1316—1378). Gdańsk, 2018. S. 199—243.

[572] ДДГ. № 53. С. 162.

[573] Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 4 (1479—1491). Užrašymų knyga 4 / Par. L. Anužytė. Vilnius, 2004. Nr. 35, 36.

[574] CESXV. Krakow, 1894. T. 3. Nr. 285; LECUB. Bd. 14. Nr. 65. Переводы словосочетания «dy Pleßcower zu sich zihen» как «псковичей прибрать к своим рукам» или «захватить... Псков» (*Бессуднова М. Б.* Первая Ливонская война. С. 86, 279) представляются неточными: скорее речь идет о том, чтобы склонить псковичей к добровольному союзу с Казимиром или признанию его власти.

[575] Вопрос о том, фигурировал ли Псков в ярлыке крымского хана Хаджи-Гирея 1461—1463 гг. Казимиру Ягеллону, приходится оставить открытым из-за искажений его текста. Псков упоминается в ярлыке Менгли-Гирея Сигизмунду Старому 1507 г., когда он уже давно признавал верховенство великого князя московского (*Kołodziejczyk D.* The Crimean Khanate and Poland-Lithuania. International Diplomacy on the European Periphery (15th — 18th Century). A Study of Peace Treaties Followed by Annotated Documents. Leiden; Boston, 2011. P. 530, 533, 558) (The Ottoman Empire and its Heritage. Politics, Society and Economy; Vol. 47).

окружением в рамках обострившейся в это время конфронтации с Иваном III, то ни о каких практических шагах в этом направлении, а тем более о долговременной и целенаправленной политике неизвестно.

Сохраняющуюся высочайшую ценность для псковского политического сообщества особенностей псковского внутренегоустройства хорошо иллюстрирует эпизод с попыткой передачи Иваном III своему сыну Ивану Новгорода и Пскова. Явно не несущее каких-то практических негативных последствий для городской жизни решение правителя тем не менее оказывается неприемлемо для «всего Пскова», лишь постольку, поскольку резко нарушает его «старину», по которой особые символически значимые отношения еще с конца XIV в. связывают «мужей псковичь добровольных людей» именно с тем, «кто на Москве будет великий князь», и никем не могут быть произвольно изменены. Представители псковской элиты самоотверженно переносят связанные с решительным неприятием ими этой недопустимой на их взгляд попытки распоряжения Псковом и псковичами материальные тяготы и реальные лишения, угрожающие их статусу, свободе и даже жизни, будучи уверены и в нравственной осмысленности своего протеста, и в своей поддержке «всем Псковом».

Единство псковского политического сообщества по отношению к внешней великокняжеской власти, представляемой в реальности приезжающими князьями и их наместниками и слугами, сохраняется, несмотря на все внутренние противоречия и конфликты, вплоть до самых событий 1509—1510 гг. Несмотря на подчеркнутую лояльность к великим князьям на всем протяжении рассматриваемого периода, до драматического конца псковской независимости в городе не обнаруживается каких-то структур и сообществ, которые бы открыто противостояли республиканским властям, предпочитая им опору на великого князя. Псковское политическое устройство перестает существовать лишь по собственному решению псковичей в ситуации, когда внешнеполитические условия уже не оставляли каких-то шансов на его сохранение.

Москвичи же, до последнего опасавшиеся прямого военного столкновения и собравшие в поход на Псков крупные силы[576], определили случившееся в начале 1510 г. как «взятие Пскова» и как «великую победу без крови»[577]. Летописцы и книжники по всему Московскому государству описали случившееся в тех же выражениях, что и взятие Новгорода в 1478 гг., Твери в 1486 г. и Смоленска в 1514, прямо указывая, что московские власти в итоге Псков «учиниша во своей воли, какъ и Новгородъ»[578]. Оставшиеся без своих политических лидеров, которых великий князь захватил в плен, заранее обманом заманив в Новгород, псковичи отказались от военного противостояния Москве, приняв ее требования: прекращение власти веча и упразднение своего княжеского стола, взамен которого теперь устанавливалась власть двоих присылаемых и сменяемых кремлевским господарем наместников[579]. Символ вечевой власти — «колокол вечнои» — был демонстративно вывезен, горожан впервые привели к присяге великому князю, вводится московская налоговая

[576] См.: *Казакова Н. А.* Ливонские и ганзейские источники о внутриполитической истории России в конце XV — начале XVI в. // ВИД. Л., 1976. Т. 7. С. 161—162.

[577] *Масленникова Н. Н.* Присоединение Пскова к русскому централизованному государству. С. 165, 194.

[578] ПСРЛ. Т. 24. С. 216; Т. 30. С. 140; *Зимин А. А.* Краткие летописцы XV—XVI вв. // Исторический архив. М; Л., 1950. Т. 5. С. 11—12; *Новикова О. Л.* Келейное летописание в Кирилло-Белозерском монастыре в первой половине XVI в. // Летописи и хроники. Новые исследования. 2008. М.; Л., 2008. С. 210; ОР ГИМ. Собр. Уварова. № 81—4. Кормчая. 1510 г. Л. 243 об.

[579] ПЛ. Вып.1. С. 94—95; Вып. 2. С. 225, 253—259; ПСРЛ. СПб., 2018. Т. 45. С. 109.

система, а сама Псковская земля вскоре оказалась разделена на отдельные уезды. Вместе с тем, прекратив существовать как институт власти, вече еще продолжало бытовать как привычная форма самоорганизации горожан, даже несмотря на высылку в 1510 г. из города 300 лучших семей. Еще в 1534 г. беглые в Литву псковичи-рассказывали, что псковские черные люди по-прежнему «часто ся сходят у вечо», чему стремятся мешать великокняжеские наместники[580].

Волок Ламский

Удельным княжество Волок Ламский становится лишь в 1460-е годы. Ранее он был совладением Новгорода и великих владимирских князей, т. е. принадлежал к числу тех средневековых юрисдикций, которые были характерны для Руси XIII—XIV вв. Уникальное собрание актов Иосифо-Волоцкого монастыря позволило изучить анатомию этого небольшого края на уровне волостей и структур землевладения, проследить генеалогию восьми поколений служилых людей с середины XIV по середину XVI в. Благодаря этому на примере Волока Ламского мы можем наблюдать характер трансформаций, в ходе которых древний торговый форпост Новгорода стал социумом, типичным для Московской Руси.

Вначале необходимо напомнить, что исторический предшественник Волока Ламского — Старый Волок — возник в X в. на древнем водно-волоковом пути из Новгорода в землю вятичей и Хазарский каганат. С XI в. через Волок Ламский вел путь из Новгорода в Рязанскую землю, а с появлением в середине XII в. Москвы — и в Московскую землю.

В ходе монгольского нашествия в феврале 1238 г. Волок Ламский был разорен. Повторное разорение города произошло в 1293 г. во время «Дюденевой рати».

В XIII в., когда между Новгородом и Великим княжеством Владимирским сложились конфедеративные отношения, «сместное управление» Волоком, Торжком, Бежецким Верхом, Вологдой и другими «волостями новгородскими» стало одним из инструментов сохранения единства страны в условиях немецких и литовских вторжений. Эта система была закреплена в договорах между великими князьями владимирскими и Новгородом, наиболее ранний из которых (1265) относит ее появление ко времени Всеволода III (1185—1212). Она предполагала деление волоцких земель и, возможно, самого города на две половины, которые управлялись соответственно новгородским и великокняжеским тиунами[581].

Как было устроено «сместное» правление? Четыре окологородные стана, постепенно сужаясь, сходились к городу в виде секторов-долей. Великие князья управляли Льняниковским станом к югу от города, где располагались княжеские села вдоль волокового пути, и Староволоцким станом, к северу от города, с селом Староволоцким (близ урочища Старый волок).

---

[580] Радзивилловские акты из собрания Российской национальной библиотеки: первая половина XVI в. Сост. М. М. Кром. М.; Варшава, 2002. № 46. С. 115—116. (Памятники истории Восточной Европы; Т. VI). Возможно, в контексте сохранения во Пскове некоторых элементов прежних республиканских традиций, следует воспринимать и довольно загадочное известие о присылке в 1518 г. Василием III во Псков колокола (или колоколов, в числе которых был вечный) вместо увезенного (ПЛ. Вып. 1. С. 100. См. подробнее: *Лукин П.В.* К истории вечевых колоколов // НИС. Великий Новгород, 2014. Вып. 14 (24). С. 162—165).

[581] ГВНП. № 2. С. 11.

Новгородский тиун управлял Раховым станом к западу (на его территории еще в начале XVI в. собиралась «посадничья половина») и Ламским станом — к востоку от города, где располагались древняя вотчина новгородского Юрьева монастыря (село Черницыно)[582] и владения Возмищского монастыря, вобравшие земли новгородцев[583].

Из предложенной схемы (две «доли» в четырех станах) выпадают земли «Святой Софии», упоминаемые в 1485 г., в районе с. Владычина в Староволоцком стане. Возможно, эти земли были получены новгородской кафедрой при Ярославе Мудром, когда город был только что перенесен на новое место и долевого деления земель еще не существовало. С момента своего основания по XVIII в. Волок Ламский и его уезд входили в Новгородскую епархию.

Примером совместных действий военных соединений жителей «сместных владений» — Волока Ламского («волочане») и Торжка («новоторжьцы»), уделов Владимирского княжества (Твери, Москвы и Дмитрова), а также Ржевы, входившей в Смоленское княжество, явилось успешное отражение похода литовцев на волость Олешню (на р. Вазузе, правом притоке Волги) в 1285 г.[584]

В первой четверти XIV в., в ходе борьбы за Владимирское великое княжение между Михаилом Александровичем Тверским и Юрием Даниловичем Московским, Новгород выступал на стороне последнего. С этого времени влияние московских князей начинает распространяться на великокняжескую половину Волока. Иван Калита, управлявший половиной Волока как великий князь владимирский, передал ее в управление боярину Родиону Нестеровичу (1330-е годы), а Симеон Гордый — служилому князю из смоленского дома — Федору Святославичу (1345/1346 г.)[585].

Дальнейшие события в истории Волока связаны с судьбой Фоминского княжества — северного смоленского удела, располагавшегося к западу от Волока Ламского, на притоке Волги р. Вазузе. При Иване Калите в рамках конфедеративных связей, объединявших Великое владимирское княжество со смоленскими землями, Федор Фоминский «*по цареву повелению*» ходил под московским стягом на Смоленск (1339/1340)[586]. В 1355—1356 гг. великий князь литовский Ольгерд захватил северные смоленские уделы Белую, Ржеву и Фоминск. Как свидетельствует ретроспективное исследование боярского землевладения Волоцкого края, в этот период фоминские князья (Федор Ржевский, Иван Толбуга, Александр Поле) перешли на службу к великому князю московскому и получили на Волоке обширные вотчины в Сестринском стане. Тогда же крупное владение на вотчинном праве получает родоначальник бояр Кутузовых (Локнышский стан). Благодаря созданию волоцкой военно-служилой корпорации во время похода на Москву 1370 г. войско Ольгерда, включавшее тверские и смоленские силы, встретило на Волоке серьезное сопротивление («города Волока не взя, стоять два дни у Волока бився, волость пожегъ. Тако и пошел к Москве воюя»[587]), что предопределило неудачу литовской агрессии[588].

Таким образом, Волок, где в первой половине XIV в. система службы в значитель-

---

[582] «Земли Святого Юрия на Волоцѣ» упоминаются в грамоте вел. кн. Ивана Калиты (ГВНП. № 86).

[583] *Чернов С. З.* Волок Ламский в XIV — первой половине XVI в.: Структуры землевладения и формирование военно-служилой корпорации. С. 39—43, 70—72; локализации на с. 112—115.

[584] ПСРЛ. Т. 18. С. 81.

[585] *Чернов С. З.* Волок Ламский в XIV — первой половине XVI в. С. 44—49.

[586] ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 52.

[587] Там же. С. 94.

[588] *Чернов С. З.* Волок Ламский в XIV — первой половине XVI в. С. 50, 303—305.

ной мере строилась на основе конфедеративных связей великих владимирских князей, смоленских князей и Новгорода, под влиянием внешнеполитической ситуации превратился в третьей четверти этого столетия в зону активного формирования вотчинного землевладения бояр и «слуг вольных», служивших московским государям. Эти перемены с неизбежностью вели к созданию новой политической системы, ориентированной не на систему сюзеренитетов, а на династию московских великих князей.

Стратегическое значение Волока летопись отмечает и на ордынском направлении. Во время нашествия Тохтамыша (1382) князь Владимир Андреевич Серпуховской «собравъ воя около себе и стояше опъчившеся близ(ъ) Волока», что способствовало, по мнению составителя свода 1408 г., быстрому уходу татар от стен Москвы[589].

В 1390—1404 гг. московская часть Волока была передана князю Владимиру Андреевичу, который наделил здесь землями своих бояр Хилиновых и Челищевых. В период военного противостояния Москвы и Новгорода на Двине в 1390-е годы новгородская часть Волока дважды переходила к Москве. В 1405 г. ею управлял из новгородской руки изгнанный из Смоленска Витовтом князь Юрий Святославич. В 1408—1409 гг. московской половиной управлял Патрикий, служивший отъехавшему в Москву претенденту на великое литовское княжение Свидригайло Ольгеровичу. Позднее сын Патрикия Федор стал родоначальником волоцких вотчинников Хованских[590]. Возможно, в свите Патрикия на Русь прибыл и Саня — дед Ивана Санина, в иночестве Иосифа Волоцкого (1439—1515).

В 1462 г. Волок Ламский со всеми его землями, включая и новгородскую половину, был передан Василием II своему сыну Борису Васильевичу и стал центром удельного княжества, которое включило земли Волоцкого, Рузского и Ржевского уездов и существовало до 1513 г. Этот полувековой период отмечен вторым рассветом города. Волоцкая военно-служилая корпорация, состоявшая из удельного и великокняжеского полков, приняла участие в присоединении Новгорода (1478), возвращении Вязьмы и Белой. Около 1480 г. в крепости Волока Ламского был возведен белокаменный Воскресенский собор, выросли новые посады. В 1479 г. на землях Волоцкого удела Иосифом Волоцким (1439—1515) был основан Иосифо-Волоцкий монастырь (1479), возведен белокаменный собор, расписанный Дионисием (1484—1485).

Крепость Волока Ламского сегодня известна как археологический памятник «Волоколамское городище» (275 × 3200 м). Оно расположено в центральной части города, на левом берегу р. Городни и возвышается над рекой на 18—24 м. Городище окружено валом высотой 3—6 м, имеющим в юго-восточной (напольной) части проем на месте древних ворот. Раскопки охватили площадь 2013 кв. м[591], причем наиболее крупный раскоп затронул юго-восточную часть городища. Мощность культурного слоя составляет 1—2,5 м. Наиболее ранние находки средневекового времени (боевой топорик с чеканом, калачевидное кресало с язычком) датируются XI в. К XII—XIII вв. относится круговая керамика с линейным и волнистым орнаментом, шиферные пряслица, стеклянные браслеты, бусы, стеклянные плоско-выпуклые византийские перстни, бронзовые браслет и перстень, медная чашечка для весов, двусторонние костяной и деревянный греб-

[589] ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. С. 146.

[590] *Чернов С. З.* Волок Ламский в XIV — первой половине XVI в. С. 53—54, 306—307.

[591] Археологическое изучение Волоколамска начато разведками М. Г. Рабиновича (1947), В. М. Колобова (1951—1952) и Р. Л. Розенфельдта (1975). Первые раскопки были проведены В. Л. Ивченковым в 1986—1990 гг.

ни, железные пряжки, шпора, стремя, наконечник копья, кистень, топоры, ключи, фрагменты кожаной обуви. XIV—XVII веками датируются красноглиняная, белоглиняная, мореная и чернолощеная посуда, ангобированные изразцы, поливная черепица, детская игрушка и монеты князя Василия Ярославича Боровского (1427—1456). Встречены железные наконечники стрел, топоры, ключи, замки, косы, серпы, дверные ручки, кресала, подковы (конские и для сапог), пружиненные ножницы, рыболовные крючки, двуногие деревянные вилы, ручные и ножные жернова, глиняные и каменные рыболовные грузила, берестяной поплавок. Найдены также разнообразные украшения (бусы, браслеты), крест-энколпион, нательные кресты, инструменты ремесленников. Зафиксированы остатки металлургического, кузнечного, ювелирного, гончарного, костерезного, возможно, стекольного ремесла. Найдены фрагменты войлока и сукна, кости коровы, лошади, свиньи, козы, овцы, кабана, лося, собаки. Исследованы остатки сооружения домонгольского времени, в том числе избы с печью-каменкой, сруба (36 × 3,4 м) с погребом и отмосткой, сруба (2,7 × 2,7 м) с сенями, деревянных мостовых, дворовых вымостят, частоколов. В юго-западной части площадки городища выявлена линия врытых в землю вертикально столбов — остатки оборонительных сооружений, с внешней стороны которых во второй половине XII в. были устроены клети из бревен, забутованые камнем и глиной. Вдоль южной стены Воскресенского собора выявлена булыжная вымостка XV в. с деревянными срубами, на которые опиралась паперть.

Вал городища исследовался в западной, восточной и юго-восточной частях. К XII—XIII вв. относится насыпь из желто-серого суглинка с остатками деревянно-земляных конструкций. Слой серого суглинка связан с укреплением вала в XIV в. В XV—XVI вв. вал подсыпался серым грунтом. Раскопом, заложенным у восточного вала (2017 г. — 24 кв.м), вдоль его внутренней стороны прослежено сооружение (более 8 × более 2,4 м) первой половины — середины XV в. (соотношение красноглиняной, белоглиняной и чернолощеной керамики 76/22/2).

Посады изучены фрагментарно (суммарная площадь раскопов 535 кв. м). Культурный слой имеет мощность 0,6—2 м и насыщен мелкой медной монетой XV—XVI вв., что свидетельствует об интенсивной торговле. В районе древнего торга, в 100 м к югу от Волоколамского городища, раскопками В. А. Бурова, проведенными на месте строительства банка, зафиксирована древнерусская керамика с линейным и волнистым орнаментом и стеклянный бирюзовый браслет киевского производства XII—XIII вв.

Из левобережных посадов наиболее ранний расположен к востоку от городища, на возвышенной гряде вдоль улицы Соборной, ведущей к Крестовоздвиженскому монастырю у впадения р. Весовки в р. Городню. В 250 м к юго-востоку от городища В. Л. Ивченковым найдена древнерусская керамика с линейным и волнистым орнаментом XII—XIII вв., а в 750 м встречены наконечник бронебойной стрелы, керамика XIV—XVI вв. Посады, расположенные к западу (у Покровской церкви) и югу (по дороге на Рузу) от городища, не исследовались. Не изучены и запустевшие после Смутного времени посады при храмах Никитском, Жен мироносиц (городской парк), Семи отроков (ул. Ново-Солдатская), а также расположенные южнее «пустовые погосты» Алексеевский, Марии Магдалины, Василия Неокессарийского, Предтеченский и Златоустовский, зафиксированные в ходе Генерального межевания (1756, 1770).

Посад в районе погоста Флора и Лавра в 2017 г. был изучен археологически. На коренном правом берегу р. Городни в 170 м к востоку от городища, на пространстве в 250 м зафиксировано семь ям от жилых и хозяйственных построек XV—XVI вв. В подвале одной из жилых построек (яма 1,

длина 5 м, глубина 1,3 м) найдены накладки на сбрую, отходы мастерской по изготовлению предметов из бронзы, товарная свинцовая пломба, четыре бронзовые накладки на книжный переплет, «тверское пуло», пуло князя Ивана Молодого, княжившего в Твери (1485—1490), и пуло Ивана III с надписью «государь всея Руси». Находки зонной бусины, бронзовых бубенчиков, браслетов и решетчатых перстней говорят о том, что территория эта начала осваиваться еще в XII—XIII вв.

Среди городских монастырей наиболее древними, судя по преданию (Волоколамский патерик), были мужские Ильинский (первое упоминание в актах 1528 г.) и Крестовоздвиженский, расположенные соответственно к северу и востоку от Волоколамского городища. Семи лет от роду, около 1446 г., в Крестовоздвиженский монастырь, в обучение старцу Арсению Леженке, был отдан Иван Санин. К югу от него располагался женский Власьевский монастырь, где после пострижения Иосифа (13 февраля 1460 г.) жила его мать Марина, принявшая там постриг под именем инокини Марии[592].

Археологические исследования затронули лишь Власьевский монастырь на берегу р. Весовки. Раскоп (10 кв. м), заложенный в апсиде храма Петра и Павла (1694—1696), открыл на глубине 1,3 м поверхность монастырского некрополя. В XV в. на месте некрополя еще располагались кельи. Найдено 17 медных пул. Наиболее ранним является тверское пуло (варианта 141), чеканившееся до присоединения Твери к Москве (1485). Периодом после 1485 г. датируются пять тверских (варианты 358, 360, 361) и шесть московских (варианты 406, 407, 408, 409) пул. Среди 200 находок к XV в. относятся часть квадратоконечного бронзового креста-тельника с надписью «(кресту тв)оему п(оклоняюся)», фрагменты поливных сосудов русской работы, удила, предметы, связанные с обустройством дома (скоба, жуковина, массивный костыль, строительные гвозди) и обработкой ткани и кожи (иглы, ножницы), инструменты (долото, пробойник), обивочные гвоздики, элементы книжного переплета или накладки на ларец. Монеты свидетельствуют о том, что кельи монастыря использовались вплоть до 1480—1505 гг., а в период великого княжения Василия III (1505—1525) здесь начали хоронить.

Венецианский перстень сине-фиолетового стекла, цилиндрический замок типа В и серая керамика, найденные в апсиде храма Петра и Павла, находят аналогии в срубе 6 Исторического проезда Москвы первой половины XIV в. и указывают на время, когда могла отложиться лицевая створка бронзового литого креста-энколпиона с изображением «триумфирующего» Христа на кресте и надписью «IC XC». По типологии Г.Ф. Корзухиной — А.А. Песковой, крест принадлежит к группе энколпионов с высоким рельефом типа II.4.3 с изображением Распятия на лицевой и Богоматери Агиосоритиссы (заступницы) на оборотной стороне. Исходя из этих материалов, появление Власьевского монастыря можно относить к концу XIII — началу XIV в.[593]

В северо-восточном углу трапезной церкви Петра и Павла, в изножии плиты, читается орнамент из мелкого «волчьего зуба», поверхность оглавия на половину толщины плиты поколота. Возможно, это надгробие Марии, скончавшейся около 1490 г.

На восточной окраине Волоколамска, на правом берегу р. Весовки, расположен под-

[592] Надгробное слово преподобному Иосифу Волоцкому ученика и сродника его инока Досифея Топоркова // Чтения в Московском обществе любителей духовного просвещения. М., 1865. Ч. 2. Прилож. С. 161—164.

[593] *Чернов С. З.* Энколпион из Власьевского монастыря в Волоколамске и его археологический контекст // ДРВМ. 2018. № 4. С. 97—115.

городний Возмищский монастырь, который, как предполагают, возник еще в новгородский период истории города. Белокаменные плиточные надгробия, которые ныне вмурованы в стены собора, свидетельствуют о наличии здесь некрополя XV—XVI вв., а вероятно, и более раннего времени[594].

Сложившись в значительной степени по воле великих московских князей во второй половине XIV — начале XV в. на начальной стадии распространения вотчинного землевладения, военно-служилая корпорация Волока Ламского сыграла значительную роль в обороне Московского княжества от литовских вторжений. В результате московско-литовской войны 1368—1372 гг. захваченные Великим княжеством Литовским русские земли были впервые возвращены, а угроза расчленения Северо-Восточной и Северо-Западной Руси отведена. К середине XV в. служилое население Волока и округи могло выставлять около 460 конных воинов. Большая часть волоцких землевладельцев продолжала служить великому князю и в период существования Волоцкого удела. Они ходили в походы под великокняжеским стягом, отдельно от полка удельного князя. Это ограничивало сепаратистские устремления Бориса Волоцкого на решающем этапе создания единого государства.

Возникнув на землях, являвшихся древнейшим очагом славянского освоения русского Северо-Востока, но этнографически не вполне московских, волоцкое общество стало носителем традиций Москвы. Здесь на пограничье раннемосковского мира, эти традиции — чтобы сохраниться — должны были вновь и вновь утверждать себя и потому были выражены в концентрированном виде. Выросшее на территориях, еще недавно входивших в число «волостей новгородских», и органично вписавшееся в большой купеческий город, унаследовавший некоторые новгородские традиции, с середины XV в. это служилое общество было развернуто на присоединение Новгорода. Некогда вобрав в себя выходцев из смоленских уделов, с конца XV в. оно рекрутировало потомков этих выходцев в смоленские и западнорусские земли[595].

Социальная и культурная энергия волоцкого общества не исчерпывалась службой и хозяйственным обустройством края, который достигает во второй половине XV в. подлинного расцвета. В конце XV — первой половине XVI в. «волочане» создали Иосифо-Волоцкий монастырь — один из крупнейших общежитий Московского государства, который унаследовал их корпоративную сплоченность и непреклонный дух.

Черты, присущие волоцкому обществу, в преломленном виде нашли отражение в произведениях Иосифа Волоцкого и его последователей, связанных с Иосифовым монастырем. В них московские социокультурные модели были выражены столь настойчиво и односторонне, что вызвали отпор у современников.

Русские земли Великого княжества Литовского

Территория. К 1430 г. территория Великого княжества Литовского, одного из крупнейших государств Европы, достигла максимальной площади за всю его историю, составляя, по разным оценкам, от 850 тыс. до 1 млн. кв. км[596]. Историческим ядром

[594] *Авдеев А. Г.* Эпиграфические памятники конца XV—XVI в. Возмищского монастыря «Пречистой Богородицы честнаго Ея Рождества и святаго преподобнаго отца нашего Кирила Чюдотворца» // Преподобный Иосиф Волоцкий и его обитель: М-лы науч.-практ. конф., посвященной 5-летию обретения Святых мощей преподобного Иосифа. М., 2008. С. 329—336.

[595] *Чернов С. З.* Волок Ламский в XIV — первой половине XVI в. С. 294—321.

[596] О причинах столь существенных расхождений будет сказано ниже.

и политическим центром государства была Литовская земля (*Lithuania propria*), однако львиную долю его территории составляли русские земли, которые литовским князьям удалось подчинить своей власти в XIII — первой трети XV в.[597]

Крупнейшими регионами северной части Великого княжества Литовского были Полоцкая и Витебская земли, расположенные в среднем и нижнем течении р. Двины (Западной Двины). К Полоцкой земле первоначально относился регион, со временем получивший название Завелье (Завилейская Литва), с такими центрами, как Браславль и Дрисвяты. Эти земли сильно пострадали в ходе войн с Ливонским отделением Тевтонского ордена и впоследствии колонизировались уже из Литвы, став частью Виленского воеводства. Перечисленные регионы, как и Литовская земля, а также Жомойть, соседствовали с владениями ливонских ландсгерров. К северу от Полоцкой земли располагалась Псковская республика. Полоцкая и Витебская земли соседствовали с землями Великого Новгорода: обширное пограничье с ним (включавшее Великие Луки и Ржеву, с 1435 г. получившую название Пустой Ржевы) носило название «Чернокунство». К югу от Полоцкой и Витебской земель находились поднепрские волости (в бассейне Днепра ниже Смоленска) и Мстиславское княжество, к востоку — обширная Смоленская земля, включавшая Вяземское княжество. Часть Витебской земли и исторической Смоленской земли соседствовали с Ржевой, служившей объектом борьбы московских, литовских и тверских князей в XIV—XV вв. К востоку от Бельского и Вяземского княжеств располагались Тверское и Московское великие княжества. Своеобразным пограничным буфером между смоленскими владениями Литвы, московскими, рязанскими и ордынскими землями были Верховские княжества, расположенные в бассейне Верхней Оки. Далее к югу располагались Черниговско-Северские земли — Стародуб, Брянск, Чернигов, политическое устройство которых в XV в. претерпевало изменения. К югу и западу от них находилась Киевская земля, соседствовавшая с ордынскими кочевьями, далее на юго-запад — Подолье Восточное и Западное, с центрами соответственно в Брацлаве и Каменце. На юге этот регион соседствовал с Молдавией, на западе — с Коронной Русью (Покутьем и Галицкой землей Русского воеводства). К северу от Подолья находилась Волынь, точнее, ее часть — Луцкая земля, соседствовавшая с той частью Руси, которая находилась под властью польских королей (Львов, Холм) и мазовецких князей (Белз). К северу от Волыни располагались полесские земли с такими центрами, как Берестье, Кобрин, Пинск, Городок Давыдов и Туров. В свою очередь, Берестейская земля соседствовала с Подляшьем (Дорогичин, Бельск, Мельник), которое являлось яблоком раздора с соседней Мазовией. Еще севернее находились Городно и Новгородок («Черная Русь»), соседствовавшие с Литовской землей.

Следует иметь в виду, что понятие границы для рассматриваемого периода является в значительной степени условным. Линеарная граница лишь постепенно складывалась на отдельных направлениях — мазовецком, прусском и ливонском: в первом случае такая граница описывалась договором 1358 г. (впрочем, его подлинность в дошедшем до нас виде сомнительна), во втором — договорами Литвы и Польши с Тевтонским орденом, начиная с Салинского договора 1398 г.; на местности демаркация была впервые проведена в 1420-е годы, а впоследствии неоднократно повторялась. Но и на указанных направлениях, и на других участках сохранялись обширные неосвоенные пущи,

[597] Подробнее см. ч. I, гл. 4.

отделявшие Великое княжество Литовское от владений соседних государств[598]. Известно, что в 1420—1430-е годы на отдельных участках пограничья владения располагались чересполосно.

Территория Великого княжества Литовского на протяжении XV в. не оставалась неизменной. Но если основной тенденцией XIII — первой трети XV в. было ее увеличение, о котором говорилось выше, то с 1430 г. эта тенденция сменилась на противоположную, несмотря на периодические обещания великих князей литовских блюсти незыблемость «границ Витовта». Сразу после его смерти, осенью 1430 г., польские шляхтичи при фактическом попустительстве короля Владислава Ягайла захватили Западное Подолье с центром в Каменце, в 1411 г. пожалованное королем Витовту до конца его жизни, которое с тех пор осталось в составе Польского королевства. Потеря Западного Подолья, где Витовт на протяжении двух десятилетий целенаправленно пытался утверждать свою власть, стала самой значимой территориальной утратой Великого княжества Литовского после его смерти вплоть до 1480-х годов. Попытка польских правящих кругов развить успех и захватить Луцкую землю в 1431 г. оказалась неподготовленной и провалилась, но в 1430-е годы им удалось практически нейтрализовать попытки Литвы вернуть под свой контроль Ратненскую и Ветельскую волости, вдававшиеся в территорию Великого княжества Литовского узким клином вдоль нижнего течения р. Припяти между Берестейской и Луцкой землями, а также Олесскую и Лопатинскую волости, располагавшиеся в нижних течениях рек Буга и Стыри, между мазовецкой Белзской землей, Коронной Львовской землей и Кременецкой волостью. В 1434 г. под власть Польского королевства ненадолго перешла и сама Кременецкая волость, но уже в начале 1440-х годов она вновь контролировалась Великим княжеством Литовским. Далеко идущих последствий не имели и попытки польских правящих кругов подчинить себе Луцкую землю, где в 1442 г. по соглашению с местной знатью вокняжился Свидригайло, а также распоряжаться землями во Владимирском повете и на Восточном Подолье[599]. Уже к 1434 г. в качестве рязанских фигурируют крепости (в частности, Тула), которые несколькими годами ранее упоминались как литовские[600]. В 1440 г. мазовецкий князь Болеслав IV захватил Дорогичинскую, Бельскую и Мельницкую земли, некогда принадлежавшие мазовецким князьям и присоединенные Витовтом, но спустя несколько лет они были возвращены под власть великого князя литовского Казимира[601]. Его военные акции на восточных границах Литовского государства — поход 1445 г. под Калугу и война с великим князем тверским Борисом Александровичем за Ржеву, захваченную князем Иваном Бельским в начале 1448 г., — несмотря на весь свой масштаб, имели очень скромные последствия: под властью Литвы осталась лишь одна Ржевская волость — Осуга. Таким образом, в 1430—1440-е годы Великое княжество Литовское понесло несколько локальных потерь, причем не все из них были безвозвратными, но из-за внутренних неурядиц — династической войны, нестабильности в центре и на окраинах государства после убийства Сигизмунда Кейсту-

[598] *Čelkis T.* Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės teritorija: Sienų samprata ir delimitaciniai procesai XIV—XVI amžiuje. Vilnius, 2014.

[599] *Halecki O.* Ostatnie lata Świdrygiełły i sprawa wołyńska za Kazimierza Jagiellończyka. Kraków, 1915. S. 65; Miscellanea з архіўных і бібліятэчных сховішчаў (XIV—XVII ст.). I: Новые документы к истории Юго-Западной Руси XV в. // Беларуская даўніна. Мінск, 2015. Вып. 2. № 2. С. 144.

[600] ДДГ. № 25, 33; CEV. Crakovie, 1882. Nr. 1181.

[601] *Jaszczołt T.* Ziemie drohicka i bielska pod rządami księcia mazowieckiego Bolesława IV w latach 1440—1444 // Dziedzictwo książąt mazowieckich. Stan badań i postulaty badawcze. Warszawa, 2017. S. 331—360.

товича, борьбы Казимира с Михаилом Сигизмундовичем, а с 1447 г. и личной унии с Польшей — не смогло извлечь выгод из династической войны в Великом княжестве Московском, чтобы возобновить территориальную экспансию.

Значительные утраты территории начались лишь в 1480-е годы, с началом волны отъездов князей пограничных земель в Москву и московско-литовских войн, которые в рассматриваемый период происходили в 1486—1494 и 1500—1503 гг. По результатам первой из них, закрепленным «вечным миром» 1494 г., под власть Ивана III переходили Новосильско-Одоевское и Вяземское княжества вместе с некоторыми другими территориями; кроме того, Александр Ягеллон признал потерю «Чернокунства», фактически совершившуюся после включения Новгорода в состав Великого княжества Московского. Вторая из названных войн, которая началась в 1500 г. и завершилась перемирием 1503 г., имела поистине катастрофические результаты для Великого княжества Литовского: оно лишилось городов Невеля, Торопца, Велижа и Дорогобужа с прилегающими территориями, Бельского княжества, а также огромной части северских земель с такими центрами, как Брянск, Трубчевск, Новгород-Северский, Чернигов и Путивль.

Политическая история. С конца XIII в. литовский престол занимали правители из династии, которая впоследствии по одному из первых ее представителей получила имя Гедиминовичей. В 1386 г. внук Гедимина Ягайло Ольгердович крестился по католическому обряду, получив при этом имя Владислав, женился на Ядвиге — дочери Людовика Анжуйского, ранее уже коронованной в Польше, и сам занял польский трон. Он положил начало ветви Гедиминовичей — династии Ягеллонов; его потомки правили в Польше до второй половины XVI в., пока династия не угасла по мужской линии.

Восшествие Ягайла на польский престол означало династическую унию Польского королевства и Великого княжества Литовского. В литературе до сих пор можно встретить представления о «Польско-Литовском государстве», но для периода вплоть до 1569 г. они анахроничны. Более перспективной для его характеристики представляется модель *композитарной монархии*: она широко применяется для определения государств средневековой Европы, но еще недостаточно освоена исследователями Великого княжества Литовского, которые оперируют понятийным арсеналом польско-литовской унии[602]. В рассматриваемый период ее можно охарактеризовать как личную, когда престолы Польского королевства и Великого княжества Литовского занимал один правитель, или династическую, когда польским королем и великим князем литовским были разные представители династии Гедиминовичей.

В Великом княжестве Литовском дело обстояло сложнее: формализованный и общепризнанный порядок престолонаследия здесь отсутствовал, а уния с Польшей скорее осложняла дело, поэтому вплоть до конца XV в. смены на великокняжеском престоле не обходились без потрясений. Так, после смерти Витовта (1430) при поддержке знати Великого княжества Литовского, настроенной на его самостоятельность от Польши, престол занял Свидригайло — младший сын Ольгерда и брат Владислава Ягайла. Острый конфликт с Польшей, разгоревшийся сразу после его вокняжения, привел к тому, что он был свергнут с престола в 1432 г., но сумел сохранить власть над Литовской Русью. Это положило начало войне за престол между Свидригайлом и Сигизмундом Кейстутовичем, которого возвели на престол заговор-

[602] См., например: *Błaszczyk G.* Dzieje stosunków polsko-litewskich: 2 т. T. 2: Od Krewa do Lublina. Cz. 1. Poznań, 2007.

щики. Она продолжалась до конца 1438 г., когда Сигизмунду удалось постепенно вытеснить Свидригайла из его былых владений. Однако против самого Сигизмунда созрел заговор, в результате чего он был убит весной 1440 г.[603]

Из нескольких группировок знати одержала верх та, которая пригласила в Литву сына покойного Ягайла — Казимира. Он и был провозглашен великим князем литовским. Это спровоцировало напряженность в отношениях с Польшей. Но в 1444 г. польский король Владислав III, старший сын Ягайла, занимавший с 1440 г. еще и венгерский престол, погиб во время антиосманского крестового похода в битве под Варной. После нескольких лет переговоров Казимир в 1447 г. стал польским королем. Отныне Казимиру приходилось разъезжать между Польшей и Великим княжеством Литовским, порой надолго задерживаясь то в одном, то в другом государстве[604]. Это вызывало недовольство «политических народов» обоих государств. В 1456 и 1461 гг. литовские князья и бояре угрожали Казимиру, что если он не явится в Литву, они возведут на престол киевского князя Семена Олельковича. Можно с полным основанием рассматривать эти угрозы как средство давления на Казимира: литовские вельможи поддерживали сношения с ним, а в контактах с Тевтонским орденом следовали указаниям своего господаря или ссылались на его отсутствие[605]. Выход был найден к 1478 г., когда было решено, что после смерти Казимира престолы Польши и Литвы займут два разных его сына.

После 1456 г. польско-литовский конфликт на Волыни и Подолье удалось урегулировать. И если Польша в 1454—1466 гг. в союзе с прусскими сословиями вела Тринадцатилетнюю войну с Тевтонским орденом, а после этого участвовала в борьбе за венгерский и чешский престолы, то Великому княжеству Литовскому удалось остаться в стороне от этих масштабных конфликтов. Благодаря этому и благоприятной торговой конъюнктуре северные земли Великого княжества Литовского в эпоху правления Казимира Ягеллона пережили несколько десятилетий спокойного экономического развития.

Неспокойно оставалось на юге Великого княжества Литовского. Вплоть до шестого десятилетия XV в. сохранялась напряженность в польско-литовских взаимоотношениях из-за Подолья и Волыни, которая оставалась камнем преткновения в спорах двух сторон об унии. Она подогревалась попытками обеих сторон решить вопрос, действиями региональных сообществ и время от времени переходила в пограничные стычки[606]. Во второй половине 1440-х — начале 1450-х годов активизировались действия Михаила Сигизмундовича (Михайлушки) — сына Сигизмунда Кейстутовича, который после гибели отца претендовал на литовский престол и неоднократно пытался захватить его вооруженным путем при поддержке соседей. Но если в Тевтонском ордене и у мазовецких князей, родственников своей жены, он поддержки не нашел, то его отношения с ханом Сеид-Ахмедом сложились более благоприятно. В 1448—1449 гг. Михаилу Сигизмундовичу удалось захватить ряд крепостей в южной части Великого княжества Литовского, и его продвижение к центру страны остановил только поход под командованием Казимира. Угроза миновала

[603] *Полехов С. В.* Наследники Витовта: Династическая война в Великом княжестве Литовском в 30-е годы XV века. М., 2015.

[604] *Rutkowska G.* Itinerarium króla Kazimierza Jagiellończyka 1440—1492. Warszawa, 2014.

[605] *Полехов С. В.* Литовская Русь в XV веке: Единая или разделенная? (На материале конфликтов между русскими землями Великого княжества Литовского и государственным центром) // Древняя Русь после Древней Руси: Дискурс восточнославянского (не)единства. М., 2017. С. 70—92.

[606] *Halecki O.* Ostatnie lata Świdrygiełły i sprawa wołyńska za Kazimierza Jagiellończyka.

лишь со смертью бездетного Михайлушки в Москве в 1452 г.[607] Тогда же умер княживший в Луцке Свидригайло, по завещанию которого (и вопреки ожиданиям польских правящих кругов) Луцкая земля перешла под власть великого князя литовского. Вспыхнувший было с новой силой польско-литовский конфликт удалось урегулировать через несколько лет. В середине — второй половине XV в. Южную Русь поразила иная проблема: она стала подвергаться частым набегам крымских татар. Наиболее крупным был набег Менгли-Гирея на Киев 1482 г., согласованный с Иваном III. Последний уже в 1478 г. заявил претензии на Смоленск, Витебск и Полоцк, а в 1481 г. был раскрыт направленный против Казимира заговор князей, созревший не без участия московского государя: одни его участники бежали в Москву, другие были казнены. В последние же два-три десятилетия XV в. на литовском направлении, первоначально на отдаленных от государственного центра и слабее всего связанных с ним землях, Великое княжество Московское перешло к непосредственным наступательным действиям[608]. В 1486 г. пограничные стычки и переходы князей новосильского дома с их владениями на службу к Ивану III переросли в необъявленную войну[609].

После смерти Казимира в 1492 г. согласно его договоренностям с подданными польским королем стал его сын Ян Ольбрахт, а великим князем литовским — другой сын Александр. Таким образом, Великое княжество Литовское впервые за долгие годы получило собственного правителя, который постоянно в нем пребывал. Это принесло оживление политической, экономической, духовной жизни[610]. Однако Александр вступил на престол в условиях шедшей несколько лет войны с Великим княжеством Московским. Положение не спасли ни переговоры о возобновлении унии с Польшей, в конечном счете оказавшиеся бесплодными, ни династический брак Александра — женитьба на Елене, дочери Ивана III, скрепившая «вечный мир» двух великих княжеств 1494 г. Эта свадьба была обставлена многочисленными условиями, касавшимися вероисповедания Елены. Поскольку некоторые из этих условий ревностный католик Александр Ягеллон не выполнил, а в конце XV в. он пытался возродить унию православной и католической церквей, Ивану III не составило труда сослаться на действительные и мнимые нарушения «вечного мира» и начать очередную войну с Литвой в 1500 г.[611] По ее результатам Великое княжество Литовское потеряло значительную часть своих земель, что было зафиксировано в перемирии 1503 г. Александр Ягеллон в 1501 г., после смерти брата Яна Ольбрахта, занял польский

---

[607] *Polechow S.* Książę Michał Zygmuntowicz — walka o spadek po ojcu // Ojcowie i synowie. O tron, władzę, dziedzictwo. W 700 rocznicę narodzin Karola IV Luksemburskiego króla czeskiego i cesarza (1316—1378). Gdańsk, 2018. S. 199—243.

[608] *Кром М. М.* Меж Русью и Литвой: Пограничные земли в системе русско-литовских отношений конца XV — первой трети XVI в. 3-е изд., испр. и доп. М., 2019; *Цемушаў В. М.* На ўсходняй мяжы Вялікага Княства Літоўскага (сярэдзіна XIV — першая палова XVI ст.). Смаленск, 2014.

[609] О датировке начала войны см.: *Цемушаў В. М.* На ўсходняй мяжы Вялікага Княства Літоўскага (сярэдзіна XIV — першая палова XVI ст.). С. 170—176.

[610] *Pietkiewicz K.* Wielkie Księstwo Litewskie pod rządami Aleksandra Jagiełłończyka. Studia nad dziejami państwa i społeczeństwa na przełomie XV i XVI wieku. Poznań, 1995. (Uniw. im. A. Mickiewicza w Poznaniu. Ser. Historia; Nr. 185); Lietuvos didysis kunigaikštis Aleksandras ir jo epocha. Mokslinių straipsnių rinkinys. Vilnius, 2007; *Petrauskas R.* Litewski Jagiellończyk? Rządy Aleksandra Jagiellończyka w Wielkim Księstwie Litewskim // Jagiellonowie i ich świat. Dynastia królewska w drugiej połowie XV i w XVI wieku / Pod red. B. Czwojdrak, J. Sperki i P. Węcowskiego. Kraków, 2015. S. 197—209. (Studia Jagiellonica; T. 2).

[611] *Полехов С. В., Сквайрс Е. Р.* Casus belli: Грамота Ивана III об объявлении войны Александру Ягеллону от 24 июня 1500 г. // Slověne = Словѣне. 2021. Т. 10. № 1. С. 262—295.

престол, тем самым вернув оба государства к состоянию личной (персональной) унии. Он занимал их вплоть до смерти в 1506 г.

Административное устройство. В период наиболее активной территориальной экспансии в XIV в. Литовское государство складывалось из княжеств, в которых правили Гедиминовичи, как правило, принявшие для этого православие и сблизившиеся с местным социумом. Эту систему видоизменил Витовт, который заменил князей на своих наместников в таких крупных и значимых центрах, как Полоцк, Витебск, Новгородок, Киев, Луцк и Владимир (на Волыни). Вместе с тем и при Витовте, и впоследствии сохранялось княжество Мстиславское — на севере Великого княжества Литовского и ряд княжеств в чернигово-северских землях[612]. В конце XIV — начале XV в. местные князья были изгнаны также из Каменца на Подолье, перешедшего под власть польского короля (1394), и Смоленска, завоеванного Витовтом (в 1395 г., повторно в 1404 г.). Наместника назначал и снимал с должности великий князь, наместник не был «полусуверенным» правителем и тем более не мог претендовать на самостоятельность, присущую былым князьям. Наместники могли именоваться также старостами, державцами и воеводами; последнее наименование со временем стало означать повышение ранга должностного лица, начиная с Виленского и Трокского воеводств в 1413 г., но в других землях время от времени использовалось на протяжении всего XV в. Поначалу известен целый ряд случаев (в Полоцкой, Смоленской, Киевской землях), когда наместником или воеводой назначался православный князь, близкий к Витовту, но одновременно бывший «своим» для местного общества, что облегчало взаимодействие с ним[613]. Однако возобладала другая тенденция — назначать наместниками или воеводами знатных и влиятельных литовских бояр-католиков: справедливо замечено, что у Витовта, в отличие от Ягайла, не было многочисленных братьев, на которых он мог положиться. Со временем наместники, старосты и воеводы, назначавшиеся великими князьями в периферийные русские земли, приобретали там владения, устанавливали тесные отношения с местным обществом. Иногда эти должности занимали представители одного и того же литовского рода; известен также случай, когда смоленский православный епископ был крестным отцом сына тамошнего воеводы, литовского боярина-католика Миколая Радивиловича[614]. Административно-территориальная структура регионов княжества была далека от единообразия: на элементы, унаследованные от долитовского периода, накладывались позднейшие нововведения. Основой было деление земель на поветы и волости (как правило, первые были крупнее и рангом выше вторых). От времен самостоятельных княжеств сохранялись некоторые должности, особенно многочисленные в Смоленской земле. Они, как и сопряженные с ними доходы, оставались в руках местного боярства[615].

---

[612] *Мяцельскі А. А.* Мсціслаўскае княства і ваяводства ў XII—XVIII стст. Мінск, 2010; *Варонін В. А.* Князь Юрай Лынгвеневіч Мсціслаўскі: Гістарычны партрэт. Мінск, 2010; *Kuczyński S. M.* Ziemie czernihowsko-siewierskie pod rządami Litwy. Warszawa, 1936; *Русина О. В.* Сіверська земля у складі Великого князівства Литовського. Київ, 1998.

[613] *Полехов С. В.* Власть в Полоцке в XIV — первой половине XV в.: Из истории взаимоотношений центра и регионов в Великом княжестве Литовском // Ukraina Lithuanica: Студії з історії Великого князівства Литовського. Київ, 2015. С. 44—78.

[614] *Ліцкевіч А. У.* Старабеларускія граматы XV ст. з Archiwum Głównego Akt Dawnych у Варшаве // Здабыткі: Дакументальныя помнікі на Беларусі. Мінск, 2009. Вып. 11. С. 30.

[615] Подробнее см. классические труды: *Любавский М. К.* Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания Первого Литовского статута. М., 1892; *Доўнар-Запольскі М. В.* Дзяржаўная гаспадарка Вялікага княства Літоўскага пры Ягелонах. Мінск, 2009, а также издаваемую ныне справочную серию «Urzędnicy Wielkiego Księstwa Litewskiego».

Если в XIV в. Великое княжество Литовское правомерно характеризовать как государство, основанное на личных связях, основными объединяющими элементами которого были великий князь и род Гедиминовичей[616], то с конца этого столетия складываются общегосударственные институты — прежде всего, институциональный господарский двор, постоянно функционирующий, основанный на системе должностей, не только обслуживавший потребности монарха, но и служивший важнейшим политическим центром государства[617]. Крещение Литвы, начало широкой раздачи земель за службу, интенсификация контактов с соседями привели к возникновению великокняжеской канцелярии в конце XIV в. Уже в эпоху Витовта она делилась на отделы — латинско-немецкий и русский (а также, вероятно, татарский), что свидетельствует о высоком уровне ее развития. Лучше всего известен персональный состав латинско-немецкого отдела, в котором трудились писцы (секретари) немецкого и польского происхождения, зачастую с университетским образованием, которое позволяло им вести переговоры с иноземными правителями на правовые темы. Все они служили лично великому князю и не задерживались в Литве, а возвращались в родные края. С начала правления Казимира Ягеллона упоминается должность канцлера, которую традиционно занимал виленский воевода[618]. При Витовте формируется также *господарская рада*, или *паны рада*, которая постепенно приобретает черты институции[619]. В то время ее составляли высшие духовные и светские сановники Великого княжества Литовского — католические епископы и самые знатные и влиятельные литовские бояре-католики — представители родов Монивида и его брата Гедигольда, Остика и его сына Радивила (родоначальника Радзивиллов), Кезгайла, Гаштольда, Бутрима, Немиры. Как правило, они и занимали должности наместников, старост и воевод, как в Литовской земле и Жомойти, так и на русских землях Великого княжества[620].

Существенные изменения, затронувшие и административную структуру, и право, и социум Великого княжества Литовского, произошли в начале правления Казимира Ягеллона. После выступлений в периферийных регионах правителю и правившей от его имени знати пришлось договариваться с региональными сообществами. В одних землях были воссозданы княжества: Мстиславское, куда после недолгого перерыва вернулся Юрий Лугвеневич, а после его смерти в конце 1450-х — начале 1460-х годов княжили его потомки; Киевское, где в 1440/41—1455 гг. правил Олелько (Александр) Владимирович, а в 1455—1470 гг. — Семен Олелькович; Луцкое, где в 1442—1452 гг. правил по-

[616] *Petrauskas R.* Ankstyvosios valstybinės struktūros Lietuvoje XIII amžiuje — XV amžiaus pradžioje // Lietuvos istorijos studijos. 2005. T. 16. P. 16—30.

[617] *Idem.* Didžiojo kunigaikščio institucinio dvaro susiformavimas Lietuvoje (XIV a. pabaigoje — XV a. viduryje) // Lietuvos istorijos metraštis. 2005. Vilnius, 2006. T. 1. P. 5—38.

[618] *Kosman M.* Kancelaria wielkiego księcia Witolda // Studia Źródłoznawcze. Warszawa; Poznań, 1969. T. 14. S. 91—119; *Szybkowski S.* Polish staff as a social group in the Chancery of Grand Duke Witold // Quaestiones medii aevi novae. Warszawa, 1998. Vol. 3. S. 75—94; *Idem.* Kancelaria wielkiego księcia Witolda w dobie wielkich konfliktów z zakonem krzyżackim w latach 1409—1422. Organizacja, zadania, personel // Kancelaria wielkich mistrzów i Polska kancelaria królewska w XV wieku. Materiały z międzynarodowej konferencji naukowej, Malbork, 2—3 IX 2004. Malbork, 2006. S. 299—318; *Груша А. И.* Кризис доверия? Появление и утверждение правового документа в Великом княжестве Литовском (конец XIV — первая треть XVI в.). М., 2019.

[619] *Korczak L.* Litewska rada wielkoksiążęca w XV wieku. Kraków, 1998 (Rozprawy Akademii Umiejętności. Ogólnego zbioru; T. 88); *Petrauskas R.* Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės seimo ištakos: Didžiojo kunigaikščio taryba ir bajorų suvažiavimai XIV—XV a. // Parlamento studijos. Vilnius, 2005. T. 3. P. 9—32.

[620] *Petrauskas R.* Lietuvos diduomenė XIV a. pabaigoje — XV a.: Sudėtis — struktūra — valdžia. Vilnius, 2003.

следний доживший до этого времени сын Ольгерда — Свидригайло[621]. Другим регионам выдавались областные привилеи, которые Казимир жаловал впервые (Новогрудская земля, где привилей не прижился, а также Смоленская и Дорогичинская земли) или подтверждал и расширял (Полоцкая и Витебская земли). Этот инструмент не был уникальным для Литовской Руси (после восстания 1441—1442 гг. привилеи получили волости Жомойти), он применялся и впоследствии: после смерти Свидригайла такой привилей получила Луцкая земля, после смерти Семена Олельковича — Киевская земля. Однако на данном этапе областные привилеи оставались менее действенным средством интеграции, чем традиционные, начиная с эпохи Витовта, пожалования зависимых людей, земли и более скромных материальных ценностей (тканей, мехов, золотых монет и т. д.). Эти пожалования были особенно интенсивными в первые годы правления Казимира, когда ему надо было заручиться поддержкой подданных, и при Александре Ягеллоне. При Казимире началась регистрация пожалований — так возникла Литовская метрика (впрочем, такое название она получила значительно позже). Это, однако, не предотвращало ситуаций, когда одно и то же имение жаловалось одному просителю, а вскоре передавалось другому.

При Казимире и Александре Ягеллоне происходили дальнейшие изменения и на центральном уровне. Такие события, как возведение Свидригайла на великокняжеский престол в 1430 г. и его свержение в 1432 г., убийство Сигизмунда Кейстутовича в 1440 г. свидетельствовали о высокой степени самостоятельности правящей элиты и вместе с тем отмечали очередные этапы роста этой самостоятельности. Вместе с тем утверждалось представление о трансперсональном государстве, отдельном от личности монарха, и постепенно складывалось представление о его «политической нации». Дальнейшая эмансипация знати была связана с правлением малолетнего Казимира Ягеллона, а с 1447 г. — с его частыми и длительными отлучками из Великого княжества Литовского в Польское королевство. В отсутствие Казимира в стране литовским сановникам приходилось достаточно часто собираться в Литовской земле для решения назревших вопросов, для чего им приходилось покидать вверенные им земли, в том числе достаточно отдаленные от государственного центра. Их отлучки, вместе с экономическим развитием и повышением благосостояния бояр и мещан, способствовали росту самостоятельности и самосознания местных собществ. При Казимире приходит в упадок великокняжеский двор, но возникает такая жизненно важная для государства институция, как господарский скарб (казна). К периоду его правления относятся первые свидетельства о созыве сеймов. Но порядок их созыва и принцип представительства начинают фигурировать в источниках лишь с 1492 г., когда великим князем был уже Александр Ягеллон, а формирование этих принципов продолжилось и впоследствии. На современном этапе исследований было бы анахронизмом видеть в тогдашнем сейме представительный орган, способный ограничить власть великого князя литовского. Еще в четвертом десятилетии XVI в. виленский воевода и канцлер Ольбрахт Мартинович Гаштольд заявлял, что сеймы созываются, чтобы проинформировать подданных о решениях, принятых великим князем и его радой.

Еще одной новой чертой, проявившейся в правление Казимира и его сыновей — Александра и Сигизмунда Старого, стали карьеры выходцев из русских земель Великого княжества Литовского на уровне

[621] *Варонін В. А.* Князь Юрай Лынгвеневіч Мсціслаўскі; *Русина О. В.* Студії з історії Києва та Київської землі. Київ, 2005; *Halecki O.* Ostatnie lata Świdrygiełły i sprawa wołyńska za Kazimierza Jagiellończyka.

общегосударственных структур. Этому способствовали разнообразные факторы. Так, некоторые роды, представители которых традиционно занимали первые места в правящей элите, постепенно угасали. Местами, где «новые люди» могли сделать карьеру, были канцелярия и скарб, как и в соседнем Польском королевстве. Таким путем в правящую элиту в середине — второй половине XV в. пришли Сапеги и Солтаны, впоследствии — Боговитиновичи и Горностаи. В первых двух случаях карьеры были связаны с признанием верховенства папы римского. Благодаря личным качествам и протекции монархов возвысились представители княжеских родов: при Александре такие карьеры сделали Михаил Львович Глинский, который происходил из княжеского рода с татарскими корнями, осевшего на Киевщине, и в молодости провел несколько лет в Священной Римской империи и Италии, где принял католицизм и изучил иностранные языки, и Константин Иванович Острожский, отпрыск влиятельной на Волыни ветви Рюриковичей, который благодаря полководческому таланту дослужился до должности трокского воеводы, оставаясь при этом православным. Однако такие карьеры были немногочисленными, они вызывали недовольство в литовских правящих кругах: Михаил Глинский лишился своего положения со смертью Александра Ягеллона, поднял мятеж и в конечном счете эмигрировал к Василию III, а возвышение Константина Острожского привело к конфликту с панами радой, который Сигизмунду Старому пришлось урегулировать специальным привилеем.

Со времен российской литературы XIX — начала XX в., особенно трудов М. К. Любавского и М. В. Довнар-Запольского, Великое княжество Литовское принято характеризовать как федеративное государство. Эта концепция неотделима, с одной стороны, от представлений того времени о федерализме, с другой — от исследовательской перспективы, основанной на сравнении с соседним Московским государством, которое изначально скадывалось как гораздо более «унитарное». В современной литературе можно встретить достаточно развернутую и во многом обоснованную и справедливую критику концепции федерализма применительно к Великому княжеству Литовскому[622].

В литературе часто утверждается, что великие князья литовские по отношению к подвластным им землям руководствовались принципом: «Мы старины не рухаем, а новин не уводим». «Старина» действительно была одной из основополагающих категорий сознания жителей Великого княжества Литовского[623], но в привилее Волынской земле, откуда взята приведенная фраза, имелись в виду вполне конкретные порядки, которые в то время связывались с именем великого князя Витовта[624]. Войны, объединение в одном государстве самостоятельных ранее земель, раздача земли за службу, хозяйственные, общественные и демографические процессы — все это вело к постепенному изменению тех порядков, которые некогда существовали на Руси. Именно этим изменениям, подчас динамичным, мы во многом обязаны знаниями об общественном строе Великого княжества Литовского. О сохранении архаичных реликтов можно говорить скорее в «низовых» структурах, однако и они не могли остаться в стороне от масштабных и всеобъемлющих преобразований конца XIV — начала XV в.

---

[622] *Norkus Z.* An unproclaimed empire: The Grand Duchy of Lithuania from the viewpoint of comparative historical sociology of empires. L.; N. Y., 2018.

[623] *Груша А. И.* Кризис доверия? С. 60—88.

[624] *Кром М. М.* «Старина» как категория средневекового менталитета (по материалам Великого княжества Литовского XIV — начала XVII в.) // *Кром М. М.* Меж Русью и Литвой. С. 288—309.

Социальная структура. Верхушку светской части общественной иерархии составляли князья — титулованная знать, в большинстве своем потомки Рюрика, Гедимина, литовских нобилей и татарских мурз. В рассматриваемый период они преимущественно исповедовали православие и воспринимались как *русь*, даже если помнили о своей принадлежности к правящему дому. Были среди них, однако, и католики — Свидригайло Ольгердович, Сигизмунд Кейстутович и Сигизмунд Корибутович, которые долгое время княжили в разных чернигово-северских землях, или Михаил Львович Глинский, принявший католицизм в молодости. В литературе можно встретить тезис о процессе «деклассации» князей в Великом княжестве Литовском (Е. Сухоцкий), однако при дифференцированном рассмотрении положения разных групп титулованной знати этот тезис не подтверждается. Фактическое положение княжеских семейств видоизменялось под воздействием разнообразных факторов — объема унаследованных и выслуженных владений, связей с великими князьями литовскими, а также правителями соседних государств, включая Орду, а впоследствии Крымское ханство; региональных особенностей, матримониальных связей, процессов дробления рода и его владений.

Хотя большинство крупных полусуверенных княжеств, престолы которых занимали князья Гедиминова рода, было ликвидировано Витовтом, это не означало конца «удельной системы». Так, потомки Явнутия сохранили за собой Заславское княжество, а Семен-Лугвень Ольгердович (с перерывами) и его потомки — Мстиславское княжество, которое после угасания мужской линии рода унаследовали породнившиеся с Лугвеневичами князья Жеславские (Заславские) — потомки Явнутия. Киев был отобран у Владимира Ольгердовича еще в 1394 г., но за ним и его потомками сохранились Слуцк и Копыль. А в самом начале своего правления Казимир восстановил Киевское княжество, пожаловав его Олельке (Александру) Владимировичу. Лишь со смертью его сына Семена Олельковича в 1470 г. Киевское княжество прекратило существование. Но его брату Михаилу Олельковичу и его потомкам были оставлены Слуцк и Копыль, благодаря чему впоследствии они получили прозвание князей Слуцких. Скорее всего, при Казимире потомки другого сына Владимира Ольгердовича — Ивана Владимировича — получили Бельское княжество (с центром в г. Белая, некогда входившим в Смоленское княжество). Все эти князья были полусуверенными правителями, у каждого из них был свой двор, войско, аппарат управления, они жаловали подданным земли и вершили суд без обязанности представлять свои решения на утверждение господарю. Они были обязаны выплачивать дань великому князю литовскому и участвовать в его походах. Но, как свидетельствует пример Киевского княжества (и ряд аналогий XIV в.), переход такого княжества по наследству сопровождался санкцией великого князя.

Далеко не все князья Гедиминова рода сохраняли столь высокое и влиятельное общественное положение. Одни, утратив его при Витовте, пытались компенсировать эту потерю за счет службы великому князю литовскому. Другие оседали в Коронной Руси, где получали владения и доходы от польского короля. Третьи выезжали в соседние земли, как на Руси, так и в Центральной Европе. Но биологическое угасание рода перечеркивало все их амбиции и планы.

Положение Рюриковичей в Великом княжестве Литовском XV в. также было весьма разнообразным. Так, отношения новосильско-одоевских князей, происходивших из черниговской ветви Рюриковичей, с великими князьями литовскими регулировались докончаниями, которые периодически возобновлялись вплоть до 1480-х годов по образцу эпохи Витовта. Влиятельное положение, особенно до середины XV в., сохраняли Друцкие, чьи владе-

ния располагались в Витебской земле. Судя по всему, своей исключительной позицией они были обязаны свойству с Витовтом, как и православные князья литовского происхождения Гольшанские. Но наибольшие владения и влияние удалось сохранить волынским Рюриковичам — Острожским и Несвицким (в литературе они нередко именуются «Несвижскими», однако эта форма чужда источникам, а с Несвижем они не имеют ничего общего); от последних произошли Збаражские и Вишневецкие. Литовским и польским правителям приходилось считаться также с князьями Сангушками — потомками Федора Ольгердовича, также обосновавшимися на Волыни. Данные о многочисленных княжеских родах северских земель и Смоленщины рисуют масштабную картину измельчания потомков Рюрика. Даже самые состоятельные и влиятельные из них — Вяземские, Мосальские, Мезецкие, Тарусские, Белевские — по своему положению приближались к вотчинникам, державшим свои владения в качестве выслуг от великих князей литовских. Еще ниже на иерархической лестнице стояли такие князя, как Мунчи, Глазыны, Пузыны.

В годы правления Казимира Ягеллона круг Рюриковичей пополнился потомками Дмитрия Донского, выехавшими на литовскую службу. В 1454 г. туда отправились князья Иван Андреевич Можайский и Иван Шемячич (сын Дмитрия Шемяки). Первый из них получил Стародуб и Гомель, а с 1465 г. по 1480-е годы он и его сыновья также держали Брянск. Второй получил Новгород-Северский (и, возможно, Рыльск), который унаследовал его сын Семен Иванович; в 1496 г. он получил от великого князя Александра также Чернигов и Карачев. В 1483 г. к этим князьям присоединился Василий Михайлович Верейский, получивший г. Любеч в Черниговской земле и несколько волостей. Жалуя выезжих Рюриковичей относительно небольшими (и, как ему казалось, полностью подконтрольными ему) владениями на восточном пограничье Великого княжества Литовского, Казимир рассчитывал на их активное участие в обороне от Москвы и Крымского ханства. Но постепенно эти выслуги превратились в полноценные уделы, что зафиксировали грамоты Александра Ягеллона князьям 1499 г.[625]

События периода правления Александра Ягеллона не оправдали расчетов его отца, подведя определенный итог социальной политике великих князей литовских — как его собственной, так и его предшественников. Большую роль в успехах Москвы на первом этапе войн с Литвой, как показал М. М. Кром, сыграла позиция князей восточных окраин Великого княжества Литовского. «Слабым звеном» оказались князья Новосильско-Одоевского дома: соперничество разных ветвей, договорной характер их отношений с литовским господарем привели к тому, что они первыми начали переходить вместе со своими владениями на службу к Ивану III, который в контактах с литовским господарем всячески подчеркивал их самостоятельность. Вскоре после смерти Казимира, в 1492—1493 гг., судьбу Новосильско-Одоевского княжества разделило Вяземское, на этот раз при более активном вооруженном натиске со стороны московских правящих кругов и их новоприобретенных новосильских подданных. Этот сценарий повторился спустя несколько лет после заключения «вечного мира», в 1499—1501 гг.: сперва на сторону Ивана III перешли со своими владениями князья Семен Иванович Бельский и укоренившиеся в северских землях Семен Можайский и Василий Шемячич. Все они ссылались на вероисповедные притеснения, однако изучение источников

[625] *Кром М. М.* Меж Русью и Литвой. С. 43—82; *Pietkiewicz K.* Wielkie Księstwo Litewskie pod rządami Aleksandra Jagiełłończyka. S. 107—108.

показывает, что предпринятая в это время попытка Александра реанимировать Флорентийскую унию носила верхушечный, столичный характер, а названными князьями двигал расчет на улучшение своего положения в Великом княжестве Московском (и, возможно, опала в Литве). Но осада московскими войсками Мстиславля, крупного города, центра владений княжеской ветви, теснее связанной с Вильней, окончилась безрезультатно. В целом серьезные успехи московского правителя объяснялись как его внезапными и решительными действиями (владения князей Мосальских, Мезецких и Трубецких оказались попросту завоеваны), так и неготовностью Александра к войне и нежеланием литовского боярства воевать за периферийные земли, выгоды от владения государства которыми не были очевидны[626].

Следующую за князьями ступень общественной иерархии занимали бояре. Это понятие имело более широкое значение, чем в Древней Руси, и первоначально означало в широком смысле профессиональных воинов, в том числе в Литовской земле и Жомойти. Боярство составляло основу войск Великого княжества Литовского — как великокняжеских, так и полусуверенных князей. В XIII—XIV вв. основными источниками материального обеспечения и благосостояния боярства, помимо собственных земельных владений, были трофеи и контрибуция от военных походов, а также доходы от держания волостей, дававшихся, как правило, на год. В конце XIV в. к ним добавился еще один важный источник: литовские князья начали широкую раздачу земель на условии военной службы, поначалу нередко «до воли господарской» или «до живота» (в пожизненное держание). Со временем эти владения увеличивались как благодаря новым пожалованиям, так и за счет купель. Во второй половине XV в. бояре активно включаются в международную торговлю: так, в Полоцкой земле на смену традиционным предметам вывоза — меху и воску — приходят лес и зерно[627]. Это вело к тому, что далеким и рискованным военным походам бояре предпочитали ведение собственного хозяйства на выслуженной и купленной земле. Х. Ловмяньский назвал этот процесс «превращением рыцарского класса в земянский». Результат дал о себе знать уже к концу XV в.: оказалось, что литовское войско не в состоянии защитить периферийные земли государства от внешней агрессии[628]. В результате великим князьям приходилось вербовать наемников, а это опустошало казну.

---

[626] *Кром М. М.* Меж Русью и Литвой. С. 83—118, 206—207; *Цемушаў В. М.* На ўсходняй мяжы Вялікага Княства Літоўскага (сярэдзіна XIV — першая палова XVI ст.). С. 156—218. Дискуссионным остается вопрос соотношения роли активных военных действий московской стороны и положения тех или иных частей социума Великого княжества Литовского как факторов хода московско-литовских войн (см. подробнее: *Цемушаў В. М.* Шляхі і сродкі далучэння тэрыторый да Вялікага княства Маскоўскага падчас войнаў з ВКЛ у канцы XV — першай трэці XVI ст. // Праблемы інтэграцыі і інкарпарацыі ў развіцці Цэнтральнай і Усходняй Еўропы ў перыяд ранняга Новага часу: Матэрыялы Міжнар. навук. канф., прысвечанай 440-годдзю Люблінскай уніі (Мінск, 15—17 кастрычніка 2009 г.). Мінск, 2010. С. 11—17).

[627] *Choroškevič A. L.* Der Handel Rigas mit Polock im 14./15. Jahrhundert: Nach den Polocker Urkunden // Fernhandel und Handelspolitik der baltischen Städte in der Hansezeit. Beiträge zur Erforschung mittelalterlicher und frühneuzeitlicher Handelsbeziehungen und -wege im europäischen Rahmen / Hrsg. von N. Angermann und P. Kaegbein. Lüneburg, 2001. S. 137—155. (Schriften der Baltischen Historischen Kommission; Bd. 11). Ср.: *Rowell S. C.* Anekdota emporika: Kaip XV a. Lietuvos pirkliai įveikė Dievo ir valdovų sukurtas kliūtis prekiauti // Lietuvos istorijos metraštis. 2008/2. Vilnius, 2009. P. 85—100.

[628] *Łowmiański H.* Uwagi w sprawie podłoża społecznego i gospodarczego unii jagiellońskiej // Łowmiański H. Studia nad dziejami Wielkiego Księstwa Litewskiego. Poznań, 1983. S. 365—454. (Uniwersytet im. Adama Mickiewicza. Ser. Historia; Nr. 108).

Такая обширная социальная группа, как бояре, не могла быть и не была однородной, а на протяжении рассматриваемого периода эта неоднородность лишь усиливалась. Ее отражением стала социальная терминология. Примерно с конца XIV — начала XV в. верхушка боярства начала именоваться почетным определением «пан», позаимствованным из Польши или Чехии (этот процесс особенно хорошо прослеживается в Литовской земле, на Волыни и в землях соседней Коронной Руси; впрочем, все эти регионы лучше всего освещены источниками). Со временем, однако, это определение подвергалось девальвации: во второй половине XV в. панами именовались и малозначительные бояре. На протяжении XV в. обесценившееся понятие боярства потеснило другое, пришедшее из Польши и Чехии, — «шляхта» (от нем. Geschlecht — род). На Волыни в аналогичном смысле употреблялось также понятие «земянин», по всей видимости, чешского происхождения[629]. Оформлению шляхетского сословия способствовала выдача великими князьями литовскими земских привилеев.

Сохранение позиций боярства на региональном уровне было одной из особенностей, отличавших Великое княжество Литовское от соседних государств. Так, для Литовской Руси, в отличие от Московской, не были характерны «выводы» — крупномасштабные переселения из новоприсоединенного региона, осуществляемые государственной властью. Не было в Литовской Руси и ничего подобного изгнанию бояр из их владений, осуществленного мазовецкими князьями в Белзской земле[630]. Несмотря на ликвидацию ряда княжений в конце XIV — начале XV в. (включая Смоленское княжество), сопровождавшуюся военными походами и репрессиями против местных бояр, свои позиции сохранили смоленские бояре Непролеевичи, полоцкие Корсаки, волынские Корчаки и Кирдеи. В некоторых областных привилеях гарантировалось, что волости будут отдаваться в краткосрочное держание лишь местным боярам.

Промежуточное положение между боярами и крестьянами занимали «слуги» (или бояре-слуги) — путные, щитные, доспешные. Они несли различные повинности — военную, сторожевую службу и т. д. К примеру, полоцкие путные слуги впервые упоминаются как участники Вилькомирской битвы 1435 г., где они сражались в войске Свидригайла Ольгердовича против Сигизмунда Кейстутовича. По своему положению в социальной иерархии Полоцкой земли они соседствовали с боярами и мещанами. Однако к концу XV в., с одной стороны, их затронуло имущественное расслоение: путные слуги продавали свои земли, вместе с ними передавая покупателям обязанность нести службу. С другой стороны, великие князья, в особенности Александр и его преемники, активизировали их раздачу их подданным, несмотря на заявления о нежелательности такой практики[631]. И он, и последующие литовские правители продолжали жаловать своим подданным земли, крестьян и слуг, тем самым уменьшая монарший домен и источники доходов.

Самой многочисленной группой населения Великого княжества Литовского были крестьяне[632]. В источниках они фигури-

---

[629] *Яковенко Н. М.* Українська шляхта з кінця XIV до середини XVII ст.: (Волинь і Центральна Україна). 2-е вид. Київ, 2008.

[630] *Janeczek A.* Osadnictwo pogranicza polsko-ruskiego. Województwo bełzkie od schyłku XIV do początku XVII w. Warszawa, 1993.

[631] *Варонін В. А.* Полацкія путныя слугі ва ўрадавай палітыцы ВКЛ (XV — сярэдзіна XVI ст.) // Беларускі гістарычны агляд. 2000. Сш. 2 (13). С. 305—324.

[632] *Спиридонов М. Ф.* Закрепощение крестьянства Беларуси (XV—XVI вв.). Минск, 1993; *Голубеў В. Ф.* Сельская абшчына ў Беларусі XVI—XVII ст. Мінск, 2008; *Пазднякоў В. С.* Помнікі права Беларусі XIV—XVI ст.: Валасныя граматы. Мінск, 2021.

руют под названиями «люди» (с теми или иными определениями), «мужи», «мужики» и др. В зависимости от степени свободы/несвободы они делились на «людей похожих» (т. е. обладающих правом перехода), «людей непохожих» (не обладающих таким правом) и «челядь невольную» (рабов). Примерно до середины XV в. главной их повинностью была дань (аналог оброка Северо-Восточной Руси) — как правило, натуральная (медом, мехами), но иногда и деньгами, а также повинности по строительству и ремонту замков, дорог, мостов, перевозке господаря и его должностных лиц, сторожевая служба. Одним из условий земских привилеев XV в. было освобождение частновладельческих крестьян от этих повинностей на государство. С середины же XV в. отмечается переход к денежной дани (за исключением некоторых регионов, таких как Поднепровье и Подвинье) и рост объемов «службы тяглой» (барщины). Происходила достаточно интенсивная раздача крестьян боярам и католической Церкви.

Социальная организация крестьянства была одной из сфер, где дольше всего сохранялись архаичные черты. Так, еще в XVI в. в разных частях Литовской Руси упоминаются десятки, сороки, сотни. Эти объединения несли определенные повинности на государство, а их десятники, сорочники и сотники выступали как представители при контактах с властями. Сохранялись крестьянские общины, возглавляемые старцами, выполнявшими фискальные и полицейские функции — разверстку и сбор дани, ее доставку в скарб и т. д.[633]

Города и их устройство. Существенные изменения происходили в эпоху позднего Средневековья в жизни городов Литовской Руси. Как и в других сферах, им способствовала не только целенаправленная политика великих князей и их сановников, но и развитие торговли (особенно в благоприятных условиях отсутствия масштабных вооруженных конфликтов), рост благосостояния жителей, имущественная и социальная дифференциация.

Городская сеть Великого княжества Литовского была развита чрезвычайно неравномерно. Наиболее урбанизированными, помимо Литовской земли, были Подляшье и Волынь. Нужно учитывать, что города различались по своему фактическому состоянию. Согласно классификации М. М. Крома, можно выделить три группы городов: небольшие города (в том числе частновладельческие), выполнявшие административные функции, имевшие укрепления, но не располагавшие самостоятельным мещанством; более крупные города, в которых мещанство заявляло о себе как о самостоятельной политической силе; наконец, крупные торговые и административные центры, обладавшие привилегиями, такие как Полоцк, Витебск, Менск и Смоленск, в которых экономический и политический вес мещан значил особенно много[634]. Эту классификацию, разработанную применительно к восточной части Великого княжества Литовского, ставшей ареной московско-литовских войн конца XV — первой половины XVI в., правомерно распространить и на остальную часть государства[635]. К 1441 г. наиболее значимыми городами Великого княжества, в которых вели торговлю вильняне, были Троки, Полоцк, Витебск, Смоленск, Киев, Житомир, Слуцк, Менск, Новгородок, Луцк, Берестье, Дорогичин и Ковно[636]. Помимо

---

[633] *Груша А. І.* Рэтраспектыўны метад у даследаванні гісторыі Вялікага Княства Літоўскага // Вялікае Княства Літоўскае: Метадалогія і метады даследавання. СПб., 2003. С. 106—116.

[634] *Кром М. М.* Меж Русью и Литвой. С. 154—193.

[635] *Pietkiewicz K.* Polityka w. ks. litewskiego Aleksandra wobec miast // Białostocczyzna. 2002. № 1—2 (61—62). S. 18—41.

[636] Собрание древних грамот и актов городов: Вильны, Трок, православных монастырей, церквей, и по разным предметам: В 2 ч. Вильно, 1843. Ч. 1. № 7. С. 9.

собственно городов, существовала сеть местечек, в занятиях населения которых большую роль играло сельское хозяйство.

В крупных городах Литовской Руси на первых порах сохранялись структуры, характерные для более раннего, долитовского периода. Так, в одном из писем немецких купцов из Полоцка в Ригу конца XIV — начала XV в. говорится, что полочане созвали («созвонили») вече для решения торговых вопросов. Но спустя несколько десятилетий заявляет о себе социальная дифференциация: во второй четверти XV в. на смену традиционной формуле полоцких грамот в Ригу «от всех мужей полочан от мала до велика» приходит формула «от бояр и от местичей», появляются отдельные послания от бояр и от мещан, а в третьей четверти XV в. имеются известия о конфликте между ними и о созыве отдельных боярских и мещанских «соймов»[637]. Такое же направление развития просматривается в Смоленске, где вече было созвано весной 1440 г. в экстраординарных условиях голода на Смоленщине и нестабильности в Литовской земле; среди «вечников» преобладали «черные люди» (городские ремесленники, судя по всему, достаточно состоятельные), тогда как бояре в большинстве своем поддержали воеводу Андрея Саковича[638]. Впрочем, раздача земель «вечников» после поражения Смоленского восстания может свидетельствовать о том, что это социальное размежевание находилось в процессе. В Полоцке на смену вечу постепенно приходят совещания наместника или воеводы с боярами, а также более широкие «соймы». Во всем Великом княжестве Литовском за жителями городов, во всяком случае полноправными и состоятельными, постепенно закреплялось название *местичей*, или *мещан*, фиксируемое с 1430-х годов (термин *место* применительно к городу, от польск. *miasto*, встречается и ранее). Несмотря на постепенное распространение магдебургского права, в городах Литовской Руси еще во второй половине XV — начале XVI в. сохранялись и автохтонные, немагдебургские формы самоуправления. В Смоленске примерно с середины XV в. упоминается староста смоленский (староста места Смоленского), занимавшийся купеческими делами, в городах Киевской земли — войты. Городское самоуправление способствовало развитию городов, социальной мобильности, освоению новых практик их жителями. К примеру, в начале XVI в. старостой места Смоленского был Аврам Езофович — выходец из еврейской семьи, вовремя крестившийся в православие и сделавший блестящую карьеру финансиста при дворе Александра Ягеллона и Сигизмунда Старого[639].

Яркой особенностью Литовской Руси было самоуправление на немецком (магдебургском) праве. Его содержание различалось в разных городах; общим было изъятие мещан из-под судебной власти наместника, старосты или воеводы, учреждение должности войта (лентвойта) и магистрата, состоявшего из бурмистров и рядцев. Поначалу великие князья литовские жаловали магдебургское право на те города, где была сильная католическая община, в Литовской земле (Вильна, 1387; Ковно, 1408), близких к ней городах Руси (Берестье, 1408) или волынскому Перемилю (1420). Лишь в 1432 г. Сигизмунд Кейстутович распространил действие магдебургского права на «русскую половину» Вильны. Но и впоследствии в городах на немецком праве сохранялось привилегированное положение католиче-

[637] *Полехов С. В.* Власть в Полоцке в XIV — первой половине XV в.: Из истории взаимоотношений центра и регионов в Великом княжестве Литовском // Ukraina Lithuanica: Студії з історії Великого князівства Литовського. Київ, 2015.

[638] *Он же.* Смоленское восстание 1440 г. // ИВ. 2014. Т. 7 (154). С. 160—197.

[639] *Полехов С. В.* Смоленские послания середины XV — начала XVI века // Sub specie aeternitatis: Сб. науч. статей к 60-летию В. Б. Крысько. М., 2021. С. 715—730.

ской части городской общины. Следующая волна пожалований Сигизмунда пришлась на правление Александра Ягеллона (1492—1506, король польский с 1501 г.). Его правление было отмечено активной политикой в отношении городов: по подсчетам К. Петкевича, этой теме посвящено примерно 190 документов, вышедших из канцелярии этого князя. От него магдебургское право получили такие крупные города, как Киев, Луцк, Полоцк и Дорогичин. При этом введение магдебургского права на практике порождало многочисленные проблемы, как показывает хорошо освещенный источниками пример Полоцка. Важным мотивом пожалования магдебургского права был фискальный: города, получавшие самоуправление, обязаны были вносить крупный «плат» в господарский скарб[640].

Очень значимой частью населения городов Великого княжества Литовского — в особенности Киева, Луцка, Владимира и Берестья — были евреи. Они традиционно занимались торговлей и финансовыми операциями, откупом мыт (таможен). В 1495 г. Александр Ягеллон предписал евреям креститься или покинуть Великое княжество Литовское. Исследователи усматривают причины этого в политике конфессиональной унификации или даже во влиянии великой княгини Елены и ее окружения. Как бы то ни было, нововведение не прижилось, и в 1503 г. Александру пришлось позволить евреям вернуться на старые места. Эта акция сопровождалась болезненным переделом собственности. В начале XVI в., как уже говорилось, блестящую карьеру при дворе, именно благодаря своим финансовым способностям, сделал киевский еврей Аврам Езофович; не последнее место в этой карьере занимала Литовская Русь (в частности, Смоленск). Не менее значимым было культурное влияние евреев, которые сыграли большую роль в знакомстве Руси (и не только Литовской) с «отреченной» литературой.

Экономика и финансы. Торговля была важным фактором развития Великого княжества Литовского с XIV в. Если Тройден пренебрежительно называл купцов, задержанных в Ливонии, «собаками», то в XIV в. литовские князья гарантировали безопасность торговых путей, причем не только в Литве, но и на Руси (из Полоцка в Ливонию и Псков, с Волыни в Пруссию) и даже вели войны с целью их защиты и установления контроля над ними.

Ассортимент вывозимых товаров был достаточно традиционным для Руси, но в каждом регионе мог иметь свои особенности в зависимости от местных природных условий, развития производства, социальных отношений и рынков сбыта. С течением времени состав экспорта менялся под воздействием экономической конъюнктуры и политических обстоятельств. Так, вплоть до середины XV в. основным предметом вывоза из Полоцкой земли в Ливонию был воск, который через Ригу расходился по Северной Европе. В середине столетия ему на смену пришли лес и зерно. В начале XV в. по всей Европе славился смоленский мех, а в Польше пользовалось спросом смоленское сукно. Лес сплавлялся в Пруссию из Берестья, с Подляшья, а также из Литвы, но в годы неурожаев туда могли вывозить зерно (при том, что в спокойные годы Пруссия экспортировала собственное зерно). Вообще во второй половине XV в. активизировался вывоз зерна и древесины, причем все большую роль в нем играло боярство, занимавшееся хозяйственным освоением своих владений в условиях отсутствия частых и широкомасштабных вооруженных конфликтов. Ввозились в Великое княжество Литовское предметы ремесленного про-

[640] *Pietkiewicz K.* Polityka w. ks. litewskiego Aleksandra wobec miast; *Bardach J.* Ustrój miast na prawie magdeburskim w Wielkim Księstwie Litewskim do połowy XVII wieku // Bardach J. O dawnej i niedawnej Litwie. Poznań, 1988. S. 72—119.

изводства ткани, металлы и изделия из них, а также необходимые составляющие рациона — соль и рыба (сельдь).

Диапазон торговых связей купцов Великого княжества Литовского в целом был достаточно широким; он складывался и видоизменялся под влиянием разнообразных факторов — географических, исторических, экономических, политических. Так, для Полоцка, расположенного на Двине, основным торговым партнером была ливонская Рига. Полочане неоднократно пытались добиться права проезда «за море» (в частности, в Данциг и Любек), но рижане всячески противодействовали этому. В свою очередь, полочане сталкивались с ограничениями торговли в Новгороде и Москве, а сами время от времени стремились воспрепятствовать поездкам в Ливонию купцов из Витебска и Смоленска, пользуясь расположением своего города на Двинском торговом пути. Смоленские купцы вели торговлю в заграничных Великом Новгороде, Киеве, Львове и Москве. С XIV в. сохранялись торговые связи Волыни с Пруссией через Подляшье и Берестье. Например, в 1417 г. Витовт ходатайствовал за еврея Якоба Шоломича, луцкого мытника (*czollner zu Lauwczk*), который вел торговлю в Пруссии[641]. Известны и другие случаи заступничества великих князей литовских и их сановников за купцов из Литвы и Литовской Руси.

Источники позволяют составить достаточно развернутое представление о финансах Великого княжества Литовского указанного периода. На протяжении большей части XV в. основу денежного обращения этого государства составлял серебряный пражский грош, несмотря на то, что его чеканка прекратилась еще в 1419 г., с началом гуситских войн. Обычно их количество указывалось в счетных единицах, таких как копа грошей (60 шт.) или рубль грошей (100 шт.). Известны монеты (денарии) Витовта, Ягайла, продукция региональных монетных дворов, однако они, судя по данным письменных источников, занимали весьма скромное место в структуре денежного обращения и служили скорее средством манифестации прав суверена и делом престижа. На юге Великого княжества Литовского широкое хождение имели ордынские монеты, на юго-западе — польские. Лишь в правление Александра Ягеллона в Вильне был основан монетный двор («мынца»), и отныне чеканка собственной монеты стала важным источником доходов господарского скарба. Но и при Александре значительная часть доходов вносилась в скарб в натуральном виде, а хранилась там в виде различных материальных ценностей.

Согласно выводам М. В. Довнар-Запольского и К. Петкевича, примерно в конце правления Казимира скарб разделился на две части — скарб земский и скарб господарский (надворный), которыми заведовали два подскарбия — соответственно земский и надворный[642]. Однако еще М. К. Любавский отмечал, что господарский и земский — два названия одного и того же скарба, что отражало незавершившийся процесс складывания идеи трансперсонального государства[643]. Хотя от времен позднего Казимира и особенно Александра Ягеллона до нас дошли расходные книги господарского двора, их фрагменты и отдельные «квитанции», попытки исследователей подсчитать доходы и расходы скарба Великого княжества Литовского наталкиваются на проблему фрагментарности указанных источников. Все же можно заключить, что основными источниками доходов были го-

---

[641] CEV. Crakoviae, 1882. Nr. 718.

[642] *Доўнар-Запольскі М. В.* Дзяржаўная гаспадарка Вялікага княства Літоўскага пры Ягелонах. Мінск, 2009; *Pietkiewicz K.* Wielkie Księstwo Litewskie pod rządami Aleksandra Jagiełłończyka. Studia nad dziejami państwa i społeczeństwa na przełomie XV i XVI wieku. Poznań, 1995. S. 187—189.

[643] *Любавский М. К.* Разбор сочинения М. Довнара-Запольского «Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах». СПб., 1904. С. 33—46.

сподарский домен (различные подати), города (их выплаты, доходы с корчем и мыт), доходы от чеканки монеты, заклады имений и «челобитья», при том, что размеры всеобщих налогов (серебщина, полюдье) и судебных пошлин неизвестны[644]. Подати (налоги) в разных землях Великого княжества Литовского носили разные названия, унаследованные от долитовского периода их истории, — *посощина* в Смоленской земле, *серебщина* в Полоцкой, *поголовщина* в Киевской, *воловщина* на Волыни и т. д.; принцип обложения также мог быть разным (от дыма, т. е. домохозяйства, и др.). При необходимости господари могли взимать с подданных или отдельных их категорий (например, мещан, евреев) разовые сборы; но начиная со времен Казимира это требовало согласия сейма[645]. Архаичным реликтом налоговой системы Великого княжества Литовского было полюдье, представлявшее собой уже не повинности, связанные с приездом правителя, а натуральный или денежный сбор, известный в разных землях до середины XVI в., значение которого становилось все меньшим[646]. Особенностью скарба было то, что в условиях большой роли натурального хозяйства он был рассредоточен по разным центрам, таким как Смоленск, куда свозились натуральные подати, потребляемые наместником/воеводой, его административным аппаратом и слугами. Еще один показатель высокой степени самостоятельности регионов заключался в их традиционном праве доставки подати в Вильню; лишь для взыскания недоимков туда могли отправлять писарей великокняжеской канцелярии.

Право. Одной из сфер новаций в Великом княжестве Литовском было право. Изначально на его территории сосуществовали разные правовые системы — литовская, русская, польская, а в городах также немецкая, о которых можно судить, в частности, по великокняжеским привилеям городам, согласно которым все эти «права» заменялись на немецкое (магдебургское). В отличие от русских земель Польского королевства, на которые действие польского права распространялись одним «пакетом»[647], в Литовском государстве новые нормы вводились постепенно, как правило, заимствовались из балтского, польского или канонического права: с одной стороны, по инициативе правителей и их советников, с другой, — как реакция на общественные изменения.

В конце XIV в. возникла такая разновидность оригинальных письменных законодательных памятников Великого княжества Литовского, как *привилеи*, т. е. документы, которыми великие князья литовские жаловали те или иные права и привилегии определенным категориям своих подданных (впрочем, так же назывались и жалованные грамоты «частного» порядка). Их возникновение неразрывно связано с католическим крещением Литвы в 1387 г., когда Владислав Ягайло, король польский и верховный князь литовский, выдал привилей литовским боярам-католикам. Зафиксированные в нем личные и имущественые права и привилегии были подтверждены и расширены в Городельском привилее 1413 г., который одновременно был актом польско-литовской унии (он был выдан совместно Ягайлом и Витовтом). Действие этого привилея, как и предыдущего, распространялось лишь на литовских бояр-католиков. В 1434 г. Сигизмунд Кейстутович, стремясь привлечь сторонников Свидригайла и положить конец династической войне, подтвердил и расширил этот привилей, распростра-

[644] *Pietkiewicz K.* Wielkie Księstwo Litewskie pod rządami Aleksandra Jagiełłończyka. S. 189—200.

[645] *Доўнар-Запольскі М. В.* Дзяржаўная гаспадарка Вялікага княства Літоўскага пры Ягелонах. С. 553—599.

[646] Там же. С. 728—730 (коммент. А. И. Груши).

[647] *Wilamowski M.* Powstanie i początki hierarchii urzędów ziemskich województwa ruskiego i Podola // Roczniki Historyczne. R. 64 za rok 1998. Poznań, 1998. S. 105—128.

нив его действие на православных князей и бояр (Сигизмунд и его окружение рассматривали такой шаг еще в 1432 г., но польский король Владислав Ягайло, от имени которого был составлен привилей, отказался его утвердить). Поскольку теперь такие привилеи касались всей территории государства, со временем они стали называться *земскими* (распространенный в литературе ученый термин «общеземские привилеи» неточен), а в сознании жителей Великого княжества Литовского все прочнее укоренялось представление о «добрых христианских правах». Следующим шагом в этом направлении[648] стал привилей Казимира Ягеллона, выданный накануне его отъезда на коронацию в Польшу в 1447 г. и распространивший права и свободы также на мещан. Эти привилеи регламентировали принципы распоряжения земельными владениями, освобождали их получателей и их подданных от ряда налогов и повинностей, вводили принципы наказания не иначе как по суду, личной ответственности за преступления. В 1492 г., вскоре после восшествия на литовский престол, такой документ согласно предварительным договоренностям с панами радой выдал Александр Ягеллон. Этот привилей дословно повторил текст Казимирова привилея 1447 г., дополнив его 20 новыми статьями. Они не только подчеркивали самостоятельность Великого княжества Литовского от Польского королевства, но и ограничивали права великого князя в пользу панов рады: отныне монарх обязывался проводить внешнюю политику, вершить суд, назначать должностных лиц и раздавать земли лишь при их участии; он гарантировал сохранение за наместниками и воеводами их должностей, с которых они могли быть смещены лишь судебным путем, и обещал не вводить людей низкого происхождения в состав шляхетского сословия[649].

Несомненно значение земских привилеев в процессе оформления шляхетского сословия и интеграции князей, бояр и мещан русских земель в общегосударственные структуры Великого княжества Литовского. Вместе с тем они были существенным новшеством для общества и на Руси, и в Литве, и в Жомойти. Пожалование новых прав и привилегий и подтверждение старых еще долго приходилось «подкреплять» раздачей земель, зависимых людей и материальных ценностей. Сами земские привилеи еще в середине XVI в. хранились в скарбе. Все перечисленные законодательные акты этой категории были написаны на латыни, слабо понятной жителям Литовской Руси. Характерно, что первый перевод Казимира привилея 1447 г., который иногда образно называют «великой хартией вольности» или «конституцией» Великого княжества Литовского, был сделан во второй половине XV в., после 1457 г.

Великие князья литовские выдавали привилеи не только «протосословным» группам подданных, но и региональным сообществам. Такие документы получили название областных привилеев. Складывание этой категории памятников права в разных землях шло разными путями. Первые попытки их выдачи были связаны с польско-литовской борьбой за Волынь, в ходе которой польский король Владислав Ягайло дважды выдавал привилеи Луцкой земле — в 1392 и 1432 гг.; однако эти документы, составленные в королевской канцелярии на латыни по образцу привилеев соседним землям Коронной Руси, не прижи-

[648] В литературе высказывалась гипотеза о существовании земского привилея 1440 г., основанная на косвенных признаках. Поскольку текст его неизвестен, а в позднейших источниках ссылок на него нет, эта гипотеза представляется неубедительной.

[649] *Krasauskaitė M.* Die litauischen Adelsprivilegien bis zum Ende des XV. Jahrhunderts. Leipzig, 1927; *Pietkiewicz K.* Wielkie Księstwo Litewskie pod rządami Aleksandra Jagiełłończyka. S. 66—69.

лись. Более жизнеспособными оказались привилеи Витовта Полоцкой и Витебской землям, выданные, судя по всему, после ликвидации там княжений, в 1393 г. На это указывают архаичные формулировки их положений, близкие к статьям договоров Великого Новгорода с великими князьями владимирскими XIII—XIV вв. Подлинная волна выдачи областных привилеев пришлась на 1440-е годы, когда Казимиру Ягеллону и его окружению пришлось договариваться с социумом периферийных регионов. В это время привилеи получили Новогородская земля (1440), Смоленская земля (между 1440 и 1447 гг.), жомойтские волости (после 1442 г.), Дорогичинская земля на Подляшье (1445), подтверждения прежних привилеев в расширенном виде — Полоцкая и Витебская земли. Чуть позже областными привилеями обзавелись Луцкая и Киевская земли — после упразднения там княжеств, состоявшегося соответственно в 1452 и 1470 гг. Почти все эти привилеи были подтверждены, нередко в сильно дополненном или отредактированном виде, при Александре Ягеллоне и Сигизмунде Старом; исключение составил лишь новогородский привилей, некоторое время функционировавший в местном шляхетском сообществе, но по-настоящему открытый для науки лишь недавно. Положения областных привилеев можно разделить на две категории: одни из них воспроизводили статьи земского привилея 1447 г. и тем самым транслировали их содержание сообществам периферийных регионов; другие же шли навстречу просьбам и ожиданиям, отражая местные реалии[650].

Развитие крупного землевладения, процесс закрепощения крестьян, развитие документальной письменности, частые и долгие отлучки великого князя литовского в Польшу — все это привело к необходимости кодификации уголовного и процессуального права. В результате в 1468 г. был составлен Судебник Казимира Ягеллона (такое название этот памятник получил в позднейших ученых трудах), в котором господарь регламентировал порядок судопроизводства, усиливал принцип личной ответственности, закрепленный земским привилеем 1447 г., и делегировал часть своих полномочий панам раде. Согласно выводу И. П. Старостиной, первоначально Судебник Казимира предназначался для Литовской земли, но затем его действие было распространено на другие регионы (так, один из трех известных ныне списков сохранился в Кормчей киевского Софийского собора)[651].

Отдельные стороны жизни Великого княжества Литовского регулировались великокняжескими решениями и судебными приговорами, а также постановлениями («ухвалами») сеймов. Задача систематизации и кодификации права сохраняла актуальность. В 1501 г. в привилее Волынской земле Александр Ягеллон заявил о необходимости кодификации права Великого княжества Литовского. Однако первая попытка такого рода на деле была предпринята только в 1522 г., а увенчалась успехом лишь с принятием «прав писаных», Первого Литовского статута, в 1529 г.

Разумеется, в Великом княжестве Литовском, как и прежде, применялись в юридической практике памятники канонического права — прежде всего, Кормчая книга (Номоканон), возможно, также Мерило Праведное. Сообразно с практикой эти памятники подвергались модификациям. Так, во второй половине XV в. — возможно, при митрополите Григории (Болгарине) —

[650] См. обзор литературы: *Polechow S.* Przywileje dzielnicowe Wielkiego Księstwa Litewskiego. Stan i perspektywy badań // Czasopismo Prawno-Historyczne. 2014. T. 66. Zesz. 2. S. 45—65.

[651] *Старостина И. П.* Судебник Казимира 1468 г. // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. 1988—1989 гг. М., 1991. С. 170—344.

возникли Западнорусская и Лукашевичская редакции Кормчей. А в 74-м Правиле Святых Отцов (Новелле Юстиниана) наказание нарушителя церковной службы «муками» и «заточением» было дополнено штрафом на огромную сумму в 100 гривен золота, что и применялось на практике[652]. Полномочия иерархов Церкви в области внутрицерковных дел и семейного права неоднократно подтверждались великими князьями литовскими: сохранились грамоты Александра Ягеллона конца XV — начала XVI в., Сигизмунда Старого 1509 г., которые ссылаются на несохранившиеся «листы привилья» предшествующих правителей, начиная с Витовта. Сам факт необходимости неоднократных подтверждений такого рода свидетельствует о слабости Церкви в этой области: известно, к примеру, что брачное право в Великом княжестве Литовском носило ярко выраженный светский характер[653].

В жизни Литовской Руси в рассматриваемый период можно отметить разнонаправленные тенденции. С одной стороны, поддерживались контакты с другими русскими землями, расположенными за пределами Великого княжества Литовского. Достаточно сильным оставался региональный партикуляризм, лишь очень медленно преодолеваемый благодаря миграциям между регионами. С другой стороны, тенденции формирования и утверждения государственного патриотизма, лояльности своему господарю, великому князю литовскому, брали верх над общерусскими. Благодаря пребыванию в составе одного государства и различным влияниям становилось все больше факторов, которые не объединяли русские земли Великого княжества Литовского с соседними, а разделяли их.

На протяжении XV в. продолжались контакты Литовской Руси с другими русскими землями — династические, социальные, торговые, церковные, культурные. Как и ранее, заключались браки между домами Рюриковичей и Гедиминовичей. В Москву выезжали князья и бояре из Великого княжества Литовского, а в Литву — из Москвы, Твери, Рязани. «Москвитин» Герасим стал владимирским епископом (на Волыни), а затем — митрополитом всея Руси; спустя несколько десятилетий предстоятелем западнорусской церкви стал тверитин Спиридон (Савва).

О сосуществовании общерусских связей и набирающей силу тенденции осознания себя частью одного государства ярко свидетельствуют факты, относящиеся к сфере книжности. Из переписки московского зодчего Василия Дмириевича Ермолина с писарем литовской великокняжеской канцелярии Якубом известно, что «приятели» по разные стороны границы обменивались книгами: Якуб просил прислать ему из Москвы книги, которых он не мог найти в своих краях[654]. Яркий показатель относительно слабой развитости русской книжности в Великом княжестве Литовском в сравнении с Северо-Западной и Северо-Восточной Русью — история его летописания. Начало собственно литовского летописания связано с «Жалобой Витовта» («Мемориалом Витовта») — рассказом о предыстории бегства Витовта в Тевтонский орден, созданном в Пруссии в конце 1389 или начале 1390 г. Спустя примерно три десятилетия первая часть этого произведения была переведена на рутенский язык, а изложение

---

[652] *Старостина И. П.* Применение Новеллы Юстиниана в суде Великого княжества Литовского в 1538 г. (на основании материалов книги Литовской метрики № 228) // Z dziejów kultury prawnej. Studia ofiarowane Profesorowi Juliuszowi Bardachowi w dziewięćdziesięciolecie urodzin. Warszawa, 2004. С. 135—147.

[653] *Bardach J.* Zwyczajowe prawo małżeńskie ludności ruskiej Wielkiego Księstwa Litewskiego (XV—XVII w.) // Bardach J. Studia z ustroju i prawa Wielkiego Księstwa Litewskiego XIV—XVII w. Białystok, 1970. S. 297—312.

[654] Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI века. М., 2008. № 56.

продолжено до 1396 г., получив название «Летописец великих князей литовских». Впоследствии он дополнялся более или менее целостными произведениями — «Похвалой Витовта», прославляющей этого правителя (первоначальная, внелетописная редакция создана в 1428 г.), «Повестью о Подолье», обосновывающей права Литвы на Западное Подолье, захваченное поляками (скорее всего, 1432 г.), «Смоленской хроникой» о военных действиях 1430-х годов, а также краткими погодными записями за 1430—1440-е годы. За исключением «Летописи великих князей литовских» и «Повести о Подолье», эти произведения создавались не при великокняжеском дворе в Литовской земле, а в Смоленске (по-видимому, при епископской кафедре). Для XV в. характерна их незавершенность, отсутствие законченных попыток объединить их в единое целое. Разумеется, бытовали и летописные произведения, созданные вне Литовской Руси (летописи новгородского и митрополичьего происхождения), но они постепенно отделялись от нарратива истории Великого княжества Литовского. Удачные попытки целостно представить его историю с древнейших времен были предприняты лишь во втором и третьем десятилетиях XVI в. в окружении канцлера и виленского воеводы Ольбрахта Мартиновича Гаштольда (второй и третий летописные своды Великого княжества Литовского)[655]. Как показало исследование А. А. Турилова, судя по дошедшему до нас составу и содержанию памятников книжности, общество Литовской Руси не проявляло особого интереса к традициям латинской духовной культуры[656], несмотря на соседство с бернардинцами и доминиканцами в таких городах, как Вильня, Полоцк, Киев или Новгород-Северский. Впрочем, этот интерес мог иметь локальные масштабы или проявляться в каких-то других формах, как показывает относящийся уже к началу XVI в. пример полочанина Франциска Скорины: в 1498 г. Александр Ягеллон учредил в Полоцке монастырь бернардинцев — ветви Ордена францисканцев, чем наверняка и объясняется выбор имени будущего восточнославянского первопечатника.

В начале XV в. иностранные наблюдатели отмечали, что Русь делится на части, подвластные разным правителям, среди которых — великий князь литовский и король польский[657]. Поначалу, со времен активной литовской экспансии на Русь, сохранялась неприязнь к правителям-иноверцам: «...иныи люди съ стороны ркуть: "осподарь не въ той вѣрѣ, того для церковь оскудѣла"; ино бы того слова отъ людей на насъ не было», — заявлял Витовт по случаю учреждения Западнорусской митрополии в 1415 г.[658] Но то, что вчера воспринималось как «чужое», завтра оказывалось «своим»: и сами жители Великого княжества Литовского, и сторонние наблюдатели отмечали успехи интеграции русских земель в его состав Великого княжества Литовского. Так, шут Генне, сопровождавший Витовта во время большого объезда его владений и соседних княжеств в 1427 г., писал, что подданные регионов, куда приезжал великий князь, счастливы встрече с ним[659]. В середине XV в. полочане, требуя прекратить продажу товаров ненадлежащего качества, писали вла-

---

[655] *Чамярыцкі В. А.* Беларускія летапісы як помнікі літаратуры. Мінск, 1969.

[656] *Турилов А. А.* Переводы с латинского и западнославянских языков, выполненные украинско-белорусскими книжниками (XV — начало XVI в.) // *Флоря Б. Н.* Исследования по истории Церкви: Древнерусское и славянское средневековье. М., 2007. С. 468—479.

[657] Например: *Мартынюк А. В.* Литва и Русь в сочинении Иоанна де Галонифонтибуса // Studia historica Europae Orientalis. Минск, 2011. Вып. 4. С. 86—88.

[658] АЗР. Т. 1. № 25. С. 36.

[659] CEV. Nr. 1329. P. 799.

стям Риги: «Есть оу нас осподарь, кому нас оборонити»[660]. В 1504 г. жители Полоцка так характеризовались в листе Александра Ягеллона об основании бернардинского монастыря: «...народ, хотя нам и верный, но в вере схизматик»[661]. Эта интеграция происходила даже при сохранении конфессиональных ограничений. Поэтому процессы, переживаемые обществом русских земель в составе Великого княжества Литовского, правомерно характеризовать понятиями интеграции и сегрегации, которые успешно применяются при изучении социума Коронной Руси[662]. Процесс интеграции в общегосударственные структуры протекал с разной степенью интенсивности в зависимости от условий того или иного региона — его географической и социальной структуры, удаленности от политического центра и соседних политий. К рубежу XV—XVI вв., когда великие князья московские активизировали попытки подчинить русские земли Великого княжества Литовского своей власти, они столкнулись с очень значительной их спецификой в сравнении с Северо-Восточной Русью.

Исторические судьбы Галицкой Руси

Судьбы этого восточнославянского региона определил итог борьбы за обладание этой территорией между Польским королевством, Великим княжеством Литовским и Венгрией в XIV в. К концу 1380-х годов борьба завершилась окончательным включением Галицкой Руси в состав Польского королевства.

Подробную характеристику перемен в положении разных групп населения Галицкой Руси дал в разных разделах томов V и VI своего труда М.С. Грушевский[663]. Нарисованная им картина во многом близка к той, которая имеется в современной научной литературе[664].

Важным новым явлением стало образование на территории Галицкой Руси крупных владений знати из Малой Польши. Первоначально речь шла о королевских пожалованиях из фонда государственных земель, чтобы создать здесь опорные пункты польской власти. Позднее польская знать использовала финансовые трудности королевской власти и, оказывая ей финансовую помощь, получала в «заклад» и удерживала за собой государственные земли, превращая их с течением времени в свою собственность. К середине XV в. государственные земли охватывали здесь только 27,9% земельного фонда[665].

Эта знать образовала верхушку местного дворянского общества, в руках представителей данного слоя находилась и военно-административная власть на этих территориях.

Средние и мелкие землевладельцы были в основной своей массе «русскими» и православными. Эти землевладельцы в Галицкой Руси в раннем XV в. не обладали всеми правами польской шляхты — на них лежали точно определенные обязанности военной службы, они не могли свободно распоряжаться своей собствен-

---

[660] ПГ: В 2 т. М., 2015. Т. 1. № 128.

[661] Там же. Т. 1. № 384.

[662] On the Frontier of Latin Europe. Integration and Segregation in Red Ruthenia. 1350—1600. Warsaw, 2004.

[663] *Грушевський М. С.* Історія України-Руси: В 10 т. Київ, 1994; Т. 5; Київ, 1995. Т. 6.

[664] Определенное обобщение проделанных исследований см.: *Orzechowski J.* Okcydentalizacja Rusi Koronnej w XIV, XV i XVI w. // Państwo, naród, stany w świadomości wieków średnich. Warszawa, 1990. S. 215—243.

[665] *Грушевський М. С.* Історія України-Руси. Т. 6. С. 235—240; *Orzechowski J.* Okcydentalizacja Rusi Koronnej w XIV, XV i XVI w. S. 225—226.

ностью без санкции власти, должны были давать некоторые поборы и нести службы[666].

После смерти Ягайло (1434) новый король Владислав III уравнял местную шляхту в правах с польской, здесь стали действовать органы дворянского самоуправления[667]. Благодаря этому местные землевладельцы приобрели определенные возможности отстаивать свои интересы. Вместе с тем это способствовало их вовлечению в социально-политическую жизнь польского общества.

Важные перемены произошли в положении городского населения. Уже в XIV в. в некоторых городах (как, например, во Владимире-Волынском) существовали поселения иностранных колонистов со своим самоуправлением и особым правом. При борьбе за Галицкую Русь польская власть стремилась насаждать в городских центрах такие поселения из польских и немецких (из Силезии) колонистов, рассматривая их также как свои опорные пункты. Какими-либо политическими правами эти поселения не обладали, но их административная автономия была достаточно широкой. Однако всеми этими правами при польской власти пользовались только иностранные колонисты-католики. Во Львове его постоянные жители — русины — не могли занимать городские должности и пользоваться всеми городскими правами, не могли становиться членами цехов, была ограничена и их торговая деятельность (запрет торговать вином и пивом, запрет розничной торговли сукном). Местные жители могли владеть домами только на одной улице Львова — Русской. Вся власть в городе находилась в руках немецко-польского патрициата. Таково было положение и в ряде других городских центров[668]. Выступления православных мещан против таких порядков отмечаются в источниках с 1490-х годов.

Происходившие изменения сопровождались переменами в положении православного духовенства и в характере межконфессиональных отношений на этой территории. К XV в. православие перестало быть здесь главной господствующей конфессией. Главным церковным центром, обладавшим большими владениями и привилегиями, было католическое архиепископство во Львове, которое в своей деятельности по распространению и утверждению католицизма могло опираться и на поддержку государственной власти, и на помощь францисканского и доминиканского орденов, и на помощь местной католической знати. Стала образовываться сеть католических приходов. Особенность сложившегося положения состояла в том, что содержание приходских священников должны были обеспечивать не только католики, но и православные, живущие на территории прихода[669].

Эта деталь показывает, что, хотя деятельность православной церкви не запрещалась (привилей Ягайло перемышльскому епископу 1405 г. подтверждал его права на владения, совершение суда по духовным делам, право брать «куны с попов»[670]), очевидно ее подчиненное неравноправное положение. Православные священники облагались особым налогом, с них взимали и натуральную дань, они

---

[666] *Грушевський М. С.* Історія України-Руси. Т. 5. С. 75—80.

[667] Там же. С. 85—88.

[668] *Грушевський М. С.* Історія України-Руси. Т. 5. С. 240—243. О львовском патрициате и его характере см.: *Orzechowski J.* Okcydentalizacja Rusi Koronnej w XIV, XV i XVI w. S. 219—220.

[669] *Флоря Б. Н.* Исследования по истории Церкви: Древнерусское и славянское средневековье. С. 321.

[670] Akta grodzkie i ziemskie z czasów Rzeczypospolitej Polskiej z Archiwum tzw. Bernardyńskiego we Lwowie. Lwów, 1878. T. 7. N 26.

должны были уплачивать пошлину при получении наследства («отумерщина»)[671].

Особенно неблагоприятным оказалось положение православных в Галицкой земле. Здесь по грамоте Ягайло от 6 октября 1423 г. львовский архиепископ получил «plenam et liberam facultatem» (полное право и свободу) осуществлять надзор за действиями «схизматиков»[672]. В 1426 г. львовский архиепископ получил право собирать налог со всех держателей на «немецком праве» в регионе Львова — и с католиков, и с православных[673].

Положение ухудшилось, когда с конца 1450-х годов в Галицкой епархии не стало православного архиерея[674]. Установилась на длительное время практика, когда наместников, управлявших духовенством епархии, назначали королевские старосты — представители светской власти, католики[675]. Это была обычная практика при вакантности кафедры, но в данном случае она растянулась на несколько десятилетий. Такое положение дел создавало благоприятные условия для деятельности католической церкви в Галицкой земле. В XV в. ни местные землевладельцы, ни городское православное население не выступало против таких порядков. Положение изменилось в XVI столетии, когда православная шляхта и православные мещане при поддержке православной знати Великого княжества Литовского добились в 1540 г. восстановления православной епархии в Галицкой земле.

Венгрия и русские княжества

Прекращение правления в Галиче представителей рода Рюриковичей и утверждение здесь на столе Любарта Гедиминовича (1340—1349) отнюдь не означало окончательного вхождения города и княжества, центром которого он являлся, в состав Литвы. Правители Польши Казимир III Великий (1333—1370) и Венгрии Карл Роберт (1310—1342) не оставляли своих планов раздела Юго-Западной Руси. По свидетельству одного венгерского судебного акта, выданного 14 мая 1340 г., в это время венгерское войско во главе с воеводой Виллермом воевало на Руси[676]. Примерно тогда же на Русь приходило и войско Казимира III.

Вокняжение Любарта не изменило принципиально политическую ситуацию в Галичском княжестве, где продолжилось правление совета знати во главе с боярином Дмитром Дядькой. После венгерского вторжения галичские бояре обратились за военной помощью к ордынскому хану Узбеку (1313—1342), следствием чего стал татарский набег на приграничные с Юго-Западной Русью польские и венгерские владения, совершенный во второй половине 1340 — начале 1341 г., о котором сохранились многочисленные свидетельства источников — польских, чешских и немецких[677]. После смерти в 1342 г. ос-

---

[671] *Флоря Б. Н.* Исследования по истории Церкви. С. 320—321.

[672] Архив Юго-Западной России. Киев, 1904. Ч. 1. Т. 10. № 1.

[673] Akta grodzkie i ziemskie z czasów Rzeczypospolitej Polskiej z Archiwum tzw. Bernardyńskiego we Lwowie. Lwów, 1872. T. 3. N 100.

[674] *Флоря Б. Н.* Исследования по истории Церкви. С. 412.

[675] *Скачиляс І.* Галицька (Львівська) єпархія XII—XVIII ст. Львів, 2010. С. 175, 215, 343—345, 541.

[676] Codex diplomaticas Hungaricus Andegavensis / Ed. I. Nagy, G. Nagy. Budapest, 1884. Vol. 4. N 20. См. об этом: *Волощук М.* Про похід палатина Віллерма *in Ruteniam* у квітні 1340 р. // Вісник Прикарпатського ун-ту. Історія. Івано-Франківськ, 2010. Вип. 17. С. 46—54.

[677] Сводку ссылок на источники см.: *Волощук М.* «Русь» в Угорському королівстві (XI — друга половина XIV ст.): Суспільно-політична роль, майнові стосунки, міграції. Івано-Франківськ, 2014. С. 386, примеч. 2180.

нователя Анжуйской династии в Венгрии Карла Роберта Дмитр Дядька вернулся на родину — в Верхнюю Венгрию (совр. Словакия)[678]. Новый венгерский король Лайош (Людовик) I Великий (1342—1382) приблизил к себе опального вельможу, который нужен был ему как человек, сохранивший свое влияние в Галичской земле. В дипломе, подписанном королем 20 мая 1344 г., где содержится просьба помочь в получении торговых льгот на Руси купцам из г. Кошице, «ишпан Дечк» назван «верным мужем, Славным, Капитаном Рутенов (= русских)»[679].

В 1345 г. Казимир III обратился к Лайошу I с предложением о союзе против Литвы и Орды. При этом венгерский король продолжал (среди прочих титулов) именоваться «королем Галиции и Лодомерии (Владимира-Волынского)» (*«rex Galiciae Lodomeriaeque»*). Лайош не стал обусловливать союз с Казимиром признанием последним за ним этого титула, и в 1346 г. Казимир III уже назвал себя «наследником и господином всей земли Руси» (*heres et dominus tocius terre Russie*)[680]. Внешняя отстраненность венгерского короля от процесса раздела бывшей Юго-Западной Руси ощущалась и в последующие годы. В начале 1350 г. Казимир согласовал с Лайошем переход к нему титула галичского короля. Однако при этом Лайош всегда считал, что Юго-Западная Русь «по закону» должна входить в состав Венгрии. Поскольку у Казимира рождались исключительно дочери, что грозило Польше династическим кризисом после его смерти, 4 апреля 1350 г. было заключено соглашение между двумя «великими» королями, согласно которому в случае рождения у Казимира сына Лайош мог выкупить Галицкую землю за 100 тыс. флоринов, но если Казимир умрет без наследника, то титул галичского короля, как и сам Галич с зависимой от него территорией, вернется к венгерскому королю без выкупа[681].

В рамках поддержания польско-венгерского союза посланная Лайошем I армия воевала с литовцами в 1351 и 1352, 1354 и 1355 гг.[682], причем в первой из перечисленных военных кампаний венгерский король лично возглавлял объединенное войско союзников в связи с болезнью Казимира, о чем повествует хроника венгерского монаха Яноша Кюкюллеи[683]. Поход 1351 г. оказался самым успешным для Лайоша Великого: потерпевший поражение Кейстут заключил с венгерским королем 15 августа соглашение, обещав пойти со своим победителем в Буду и креститься в обмен на получение короны, а также создать церковную организацию в Литве

[678] С конца XIX в. идет дискуссия историков об этнической принадлежности Дмитра Дядьки. Скорее всего, он был русином, поскольку продолжал после возвращения на родину подписываться кириллическими буквами. Обзор мнений см.: *Волощук М.* «Русь» в Угорському королівстві (XI — друга половина XIV ст.). С. 381—385.

[679] «Ludovicus, Dei gratia Rex Hungariae, fideli suo viro Magnifico, Comiti Dechk, Capitaneo Rurhenorum, salutem et gratiam» (Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis / Studio et opera G. Fejér. Budae, 1833. T. 9. Vol. 1. P. 209—210). В рус. пер.: «Людовик, Божьей милостью король Венгрии, своему мужу, Славному, Ишпану Дечку, Капитану Рутенов, (посылает) привет и милость». Ишпанами в средневековой Венгрии называли правителей королевских замковых округов (комитатов).

[680] *Soloviev A. V.* «Reges» et «regnum Russiae» au moyen âge // Byzantion. 1966. T. 36. № 1. P. 166—167; *Wyrozumski J.* Polska, Węgry i sprawa Rusi halicko-włodzimierskiej za Kazimerza Wielkiego // Europa Środkowa i Wschodnia w polityce Piastów / Red. K. Zielińska-Melkowska. Toruń, 1997. S. 116.

[681] *Wyrozumski J.* Kazimierz Wielki. Wrocław; Waszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź, 1986. S. 89; История Польши: В 3 т. 2-е изд. / Под ред. В.Д. Королюка, И.С. Миллера, П.Н. Третьякова. М., 1956. Т. 1. С. 107.

[682] *Kristó Gy.* Az Anjou-kor háborúi. Budapest, 1988. 127—129.l; *Font M.* A középkori Ukrajna gyökerei: a kezdetektől a 15. század végéig // Font M., Varga B. Ukrajina története. Szeged, 2006. 92—93.l.

[683] *Kükullei J.* Lajos király krónikája. Névtelen szerző: Geszta Lajos királyról. Budapest, 2000. 29—30. l.

и жить в мире со своими западными соседями. Уступчивость литовского великого князя объяснялась нахождением в польском плену его брата Любарта — бывшего галичского князя[684].

Поэтому, узнав об освобождении Любарта из неволи, Кейстут и его свита сбежали по пути в Буду и тем самым свели на нет все успехи военной кампании. В 1352 г. Лайош отправился на Литву, намереваясь захватить Белз — хорошо укрепленный город на границе Галича и Волыни. В ходе начатой 31 марта осады король был ранен и потерпел тяжелое поражение. Лайош уже на следующий день после ранения отдал приказ об отступлении. Неудача военной кампании вынудила Лайоша I в начале апреля 1352 г. заключить мир с литовцами сроком на два года[685], а в сентябре его примеру последовал Казимир III[686].

Задолго до истечения срока перемирия польский король обратился за помощью к венгерскому королю, а литовцы — к татарам. Летом 1353 г. посланное ханом Джанибеком (1342—1357) войско совершило набег на Львов, а в начале осени разорило окрестности польского Завихвоста. Казимиру удалось прогнать степняков из своих владений и вернуть захваченный литовцами Белз. В конце мая — начале июня 1354 г. Лайош Великий, после похода против литовцев, идет к ордынской границе и заключает мир с татарами[687]. Папа римский Иннокентий VI (1352—1362) в своей булле от 10 ноября 1354 г. объявил крестовый поход против литовцев и татар, не увенчавшийся успехом, хотя в нем приняли участие армии Лайоша Великого, а также чешского короля и германского императора Карла IV (1346—1378)[688]. В следующем 1355 г. Казимир III вновь попытался организовать совместный поход с Лайошем I против литовцев, но, судя по всему, венгерский король ограничился предоставлением очередного займа польскому монарху и обещанием присылки военной помощи[689].

Осознав, что Лайош I не намерен оказывать ему эффективную помощь в борьбе с Кейстутом, Казимир в 1356 г. заключил 10-летний мир с литовцами[690], после чего польский король продолжил экспансию на русские земли. Между 1366 и 1370 гг. Галиция стала польским владением. Пока между Лайошем и Казимиром шло обсуждение вопроса о польском престолонаследии, правитель Венгрии ради получения польской короны вновь отказался от использования титула «король Галиции»[691], поскольку Галич фактически находился под контролем Казимира, но после смерти последнего в 1370 г. без наследника «Русское королевство» вернулось в состав Венгрии.

При этом не обошлось без конфликта: узнав о смерти Казимира III, Любарт Гедиминович попытался захватить Галицию, уверяя ее жителей, что Лайош I также окончил свою земную жизнь, однако галичане оказались верными объединившему под своей властью Венгрию и Польшу королю. Авантюра Любарта

---

[684] *Грушевский М.* Історія України-Руси. 2-е вид. Київ; Львів, 1907. Т. 4. С. 36—37.

[685] MTK. I: A kezdetektől 1526-ig. 3. kiad. / Fószerk. K. Benda. Budapest, 1986. 213.1.

[686] *Font M.* «Halics» a magyarországi Anjouk politikájában // Hungaro-Ruthenica. VI. Szeged, 2012. 69—70.l.

[687] MTK. 214.1.

[688] *Thurocz Johannes de.* Chronica Hungarorum. I: Textus / Ed. E. Galántai, J. Kristó. Budapest, 1985. P. 178 (Cap. 159—160).

[689] Свидетельства об этом содержатся в двух грамотах. См.: *Fejér G.* Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis. Budae, 1833. T. IX. Vol. 2. N 178, 179.

[690] *Wyrozumski J.* Kezimierz Wielki. S. 96—98.

[691] Ibid. S. 206—208.

в Галичс, датируемая исследователями зимой 1370/71 г.[692], закончилась полным провалом, но он удержал за собой земли соседнего Владимиро-Волынского княжества, что потребовало от Лайоша принятия специальных мер для защиты от экспансии литовских князей вновь присоединенной территории. В 1372 г. он поставил Галицию под управление своего наместника, создав для него должность «воеводы королевства Руси» (*regni Rusciae vayvoda*), просуществовавшую до 1387 г., пока Владислав II Ягелло (Ягайло) окончательно не присоединил бывшую Юго-Западную Русь к Польше.

Этот пост занимали представители высшей знати, но объем их власти был разным. В 1372—1379 гг. «королевством Русью» распоряжался один из представителей польского правящего рода Пястов Владислав Опольский (ум. в 1401 г.)[693], много лет верно служивший венгерским королям, в результате чего он не только занял высший государственный пост надора (палатина), но и стал для Лайоша I самым близким соратником. В грамоте Лайоша I, где его венгерские и польские подданные уведомляются о новом назначении надора Владислава, подчеркивается, что он направлен «для вечного управления и сохранения»[694] «королевства Руси». Опольский князь имел право чеканить во Львове собственную монету, на которой подчеркивалась принадлежность Галиции к Венгерскому королевству, а на печатях он называется «наследственным господином» (*dominus et heres*) и даже по-русски «самодержцем»[695]. Все это позволяет предположить, что король Венгрии и Польши относился к Владиславу как к своему вассалу, которому он передал в лен «Русское королевство». За время его управления продолжилась «латинизация» бывшей Юго-Западной Руси: созданное в 1367 г. католическое епископство с центром в Галиче стало в 1375 г. архиепископством[696]. В ответ на вторжение литовцев 1376 г. Лайош Великий сразу после смерти великого князя Ольгерда — в сентябре 1377 г. — лично возглавил карательный поход, в ходе которого ему удалось отвоевать крепости Кременец, Белз и Холм и привести к присяге несколько литовских князей. После смерти Лайоша Любарт Гедиминович выкупил эти владения вместе с Городлом у старосты венгерского короля[697].

В 1378 г. Лайош I, видимо, посчитав, что Владислав Опольский справился со своей миссией удержания Галиции в составе Венгерского королевства, решил освободить своего вернейшего соратника от поста «пожизненного правителя королевства Руси», наделив его другими ленами. С 1379 т. и вплоть до выхода из состава Венгрии в 1387 г. этой территорией управляли уже королевские чиновники. Первым из них стал Янош Каплаи (1379—1381)[698]. В то время главной проблемой для Лайоша Великого было сохранение за его дочерями венгерской и польской короны, поскольку сыновей у него, так же как и у Казимира III, не было. Возможно, это стало одной из причин перехода Галиции под управление обычных королевских чиновников, чтобы подчеркнуть принадлежность этой

---

[692] *Грушевский М.* Історія України-Руси. Т. 4. С. 52.

[693] *Sperka J.* Otoczenie Władysława Opolczyka w latach 1370—1401. Katowice, 2006.

[694] «Perpetue … gubernandum et conservandum» (Akta grodzkie i ziemskie z czasów Rzeczypospolitej polskiej y Archiwum tak zwanego Bernadyńskiego we Lwowie. We Lwowie, 1871. T. 3. N 20).

[695] См. об этом: *Грушевский М.* Історія України-Руси. Т. 4. С. 105—106.

[696] *Font M.* «Halics» a magyarországi Anjouk politikájában. 71.l.

[697] *Halecki O.* Przyczynki genealogiczne do dziejów układu krewskiego // Miesięcznik Heraldyczny. 1935. R. 14; *Tęgowski J.* Wydarzenia na Rusiw drugiej połowie 1382 roku // Cracovia. Polonia. Europa: Studia z dziejów średniowiecza. Kraków, 1995. S. 301—305.

[698] *Engel P.* Magyarország világi archontológiája 1301—1457. I. Budapest, 1996. 35.l.

земли к Венгрии в случае распада державы Лайоша после его смерти на два полностью независимых государства. В последний год правления Лайоша «королевством Русью» управлял Петер Зудар (1381—1382).

После смерти Лайоша Великого (1382) оба королевства, в которых он правил, пережили болезненный процесс расторжения унии и борьбы за верховную власть, которая в Польше проходила в более мягкой форме (местная знать не оказала необходимой поддержки заявившему о своих претензиях на престол Земовиту Мазовецкому, дожидаясь приезда дочери Лайоша Ядвиги), а в Венгрии она сопровождалась борьбой за корону Св. Иштвана двоюродного племянника Лайоша — неаполитанского короля Карла (1383—1386), оспаривавшего ее у дочерей умершего монарха. Лишь в 1386 г., после отравления Карла II Малого, дочь Лайоша Мария вернула себе венгерский престол, а в следующем году она вышла замуж за бранденбургского курфюрста Сигизмунда Люксембурга, закрепившегося на следующие полвека на венгерском престоле под именем Жигмонда (1387—1437).

Борьба за власть в Венгрии породила «чехарду» в деле назначения «воевод королевства Руси». Вернувшийся на этот пост Янош Каплаи (1382—1383) был заменен Имре Бебеком (1383—1385), после которого в третий раз «на воеводстве» находился Янош Каплаи (1386). В последний год пребывания «королевства Руси» в составе Венгрии (1387) на посту ее воеводы побывали Штибор[699] и одновременно с ним Владислав Опольский, которому был возвращен титул «пожизненного правителя». Последний уже знал, что польская королева Ядвига и ее муж — литовский великий князь Ягайло, ставший в Польше Владиславом II (1386—1434), во исполнение чаяний польской знати готовят поход на Галич. В обращении к жителям «королевства Руси», изданном 6 февраля 1387 г., Владислав Опольский призывает их сплотиться и дать отпор польско-литовским силам, обещая возместить всем ущерб, который будет понесен ими во время отражения натиска врагов[700]. Но силы были слишком неравными, и в том же году бывшая Юго-Западная Русь окончательно перешла под контроль династия Ягеллонов.

Потеря Жигмондом Галиции в 1387 г. отнюдь не означала прекращения его попыток вернуть территорию, упоминание о владении которой не исчезло из его титула. Однако обстоятельства складывались явно не в его пользу. Особенно обострилась для него ситуация после смерти его супруги Марии (1395), поскольку о своем праве на венгерскую корону заявила сестра покойной — польская королева Ядвига. В таких условиях Жигмонду было не до возвращения Галича. Сохранив за собой венгерский престол, 14 июля 1397 г. Жигмонд в приграничном с Польшей комитате Сепеш (в селении Игло) заключает мир с польским королем Владиславом II Ягелло и его двоюродным братом, литовским великим князем Витовтом (1392—1430). По условиям этого договора венгерский король до конца жизни Владислава отказывался от своих притязаний на «Русское королевство»; Владислав со своей стороны передал Жигмонду свои права на Подолию[701]. Однако фактического распространения венгерской власти на эту область не произошло. Желание польского короля сохранить ее под своей властью стало одной из причин ухудшения венгерско-польских отношений в начале XV в.

В первые годы правления в Польше Владислава II Ягелло большую самосто-

---

[699] *Engel P.* Magyarország világi archontológiája. I.35.l.

[700] Akta grodzkie i ziemskie z czasów Rzeczypospolitej polskiej y Archivum tak zwanego Bernadyńskiego we Lwowie. Lwów, 1872. T. 3. Nr. 39.

[701] Zigmondkori oklevéltár. I. (1387—1399) / Összeall. E. Mályusz. Budapest, 1951. 537.l.

ятельность на части вновь присоединенных к Польше южнорусских земель приобрели его двоюродные братья из ветви Кориатовичей (Кориадовичей), одним из представителей которых был герой Куликовской битвы Дмитрий Боброк-Волынец. Завязав тесные отношения с правителями Венгрии и Молдавии, Кориатовичи сделали Подолье (с центром в Каменце) полностью независимым от центральной власти. В 1393 г. Владислав II в союзе с другим двоюродным братом — литовским великим князем Витовтом — решил покончить с этим «оазисом сепаратизма» и, силой изгнав из Каменца-Подольского Федора Кориатовича (все его братья к тому времени умерли), вынудил его эмигрировать в являвшуюся частью Венгрии Подкарпатскую Русь, а Подолией стал управлять краковский воевода[702].

Венгерский король Жигмонд Люксембург (1387—1437), которому Федор приходился дальним родственником по материнской линии, не оставил без внимания судьбу изгнанника и его соратников, обосновавшихся на северо-восточной окраине Венгерского королевства. Федор Кориатович (ставший Теодором) и пришедшие с ним подоляне получили в 1394 г. для поселения территорию пограничного с бывшей Юго-Западной Русью замкового округа (комитата) Берег, в долине р. Латорицы (венг. Латорца). Центром района, где обосновались иммигранты, стал Мункач (совр. Мукачево в Закарпатской обл.). «Король даровал в ленное (условное) владение князю Теодору Кориатовичу Мукачевскую и Маковицкую (Восточная Словакия) доминии взамен за передачу ему Кориатовичем номинальных прав на Подольское княжество». Кориатович был принят на королевскую службу и стал ишпаном названного комитата и соседнего с ним замкового округа Сатмар[703].

Окружение Федора и пришедшие с ним подоляне в подавляющем большинстве были православными. Население северо-восточной окраины средневековой Венгрии в этническом отношении отличалось пестротой. Центром комитата был Берегсас, что в дословном переводе с венгерского означает: «(поселение) саксов в Береге» (совр. Берегово в Закарпатской обл.). Приход сюда значительной группы православных жителей Подолии, присоединившихся к подкарпатским русинам[704], вызвал обострение межконфессиональных конфликтов. Рост доли славянского населения в комитате Берег способствовал также усилению его борьбы против насильственной мадьяризации. Обосновавшись в Мукачево, Теодор Кориатович возвел здесь новый замок Паланок, «заложил монастырь с библиотекой, которому суждено было стать главным культурно-просветительным центром Закарпатья»[705]. В этом монастыре Св. Николая на Черной горе после кончины Федора Кориатовича в 1414 г. были захоронены его останки[706].

Война между Жигмондом и Владиславом II Ягелло 1410—1412 гг. отчасти коснулась земель бывшей Юго-Западной Руси. В сентябре-октябре 1410 г. венгерские войска во главе с трансильванским воеводой Штибором, государственным судьей Шимоном Розгони и Теодором Кориатовичем вторгаются в Польшу и осаж-

[702] *Samsonowicz H.* Historia Polski do roku 1795. Warszawa, 1984. S. 13.

[703] *Поп И.* Энциклопедия Подкарпатской Руси. 2-е изд. Ужгород, 2006. С. 37.

[704] Местное славянское население, скорее всего, было потомками восточных славян, проживавших в бассейне Верхней Тисы еще до появления там венгерских племен на рубеже IX—X вв. См. об этом: *Юрасов М. К.* Подкарпатская Русь — одна из колыбелей христианства у восточных славян: Очерки ранней истории русинов. Saarbrücken, 2013. С. 6—28.

[705] *Войтович Л.* Княжа доба на Русі: Портрети еліти. Біла Церква, 2006. С. 673—674.

[706] *Поп И.* Энциклопедия Подкарпатской Руси. С. 37.

дают Сандец[707]. 15 апреля 1412 г. король Жигмонд в Лубло (комитат Сепеш) на личной встрече заключает мир с польским королем. Жигмонду пришлось признать сохранение Галича, Подолии и Молдавии в руках Владислава II и литовского великого князя Витовта. Решение дальнейшей судьбы этих областей было отложено до времени смерти одного из трех названных правителей. После этого в течение пяти лет совместная комиссия должна будет решить судьбу спорных областей[708]. В середине марта 1423 г. на новой встрече Жигмонда, Владислава II и Витовта договор 1412 г. был обновлен[709]. Однако внутренняя политическая нестабильность в Венгрии на всем протяжении первой половины XV в. и сдерживание ею турецкого натиска не позволили Жигмонду и его преемникам вернуть Галицию в состав Венгерского королевства.

[707] MTK. 243.1.
[708] MTK. 244.1.
[709] MTK. 250.1.

Глава 2

НА ПУТИ К ЕДИНОМУ РУССКОМУ ГОСУДАРСТВУ

Иван III — государь всея Руси

Возведение Ивана III на московский великокняжеский стол произошло следом за быстрыми похоронами 28 февраля 1462 г. Василия II. Правление Ивана III продолжалось 43 года, дольше любого другого московского великого князя. Его деятельность была кипучей и многогранной, хотя жизнь с детства заставляла задумываться о превратностях судьбы. Отправившись в феврале 1446 г. вместе с отцом и братом Юрием на богомолье в Троице-Сергиев монастырь, шестилетний Иван стал свидетелем ареста своего отца князем Иваном Можайским. Но Ивану и Юрию участи отца удалось избежать. Их спрятали в монастыре верные им слуги, а враги, упоенные поимкой Василия II, просто забыли об их существовании. Когда наступила ночь, слуги вместе с княжичами покинули свои укрытия и поспешили в Юрьев, где располагались владения некоторых стародубских князей, верных Василию II. В селе Боярове, принадлежавшем князю Ивану Ивановичу Ряполовскому, они остановились. Князь Иван вместе с братьями Семеном и Дмитрием и всеми людьми, прибывшими с детьми Василия II, не мешкая, бежал в отдаленный Муром, подготовив город к обороне. Через некоторое время Дмитрий Шемяка вспомнил о маленьких детях плененного великого князя. Посылать ратников к Мурому он не решился, опасаясь их перехода на сторону Василия II. Шемяка призвал к себе рязанского епископа Иону и уговорил его отправиться в Муром, входивший в состав Рязанской епархии, и взять на себя доставку к нему Ивана и Юрия Васильевичей, обещая им свободу, освобождение и их арестованного отца, выделение всем им достойного удела, а самому Ионе — сан митрополита, главы русской церкви. Иона отплыл в Муром. Встретившись там с окружением маленьких княжичей, он пересказал то, что услышал от Дмитрия Шемяки. Три князя Ряполовских и преданные им люди долго обсуждали сделанные предложения и в конце концов согласились принять их. Но в ответ потребовали от Ионы, чтобы тот взял княжичей «ис пелены на свои петрахиль», т. е. принял бы на себя всю ответственность за безопасность их существования. Тот согласился и даже провел соответствующий церемониал в муромском соборе. Иван и Юрий были отпущены с ним к Шемяке. 6 мая 1446 г. они были уже у Шемяки в Переяславле Залесском. Шемяка устроил им пир, но на третий день, т. е. 9 мая 1446 г., отправил их в сопровождении того же Ионы в заточение к отцу в Углич[1], нарушив обещание, данное ранее рязанскому епископу. Произошло только воссоединение семьи Василия II.

[1] ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 18. С. 198—200.

Будущий Иван III увидел отца после трехмесячной разлуки, и его трудно было узнать. Он перестал видеть, лицо его было обезображено, передвигался он плохо и с чужой помощью. В таком случае даже у шестилетнего ребенка должны были возникать вопросы, кто сделал отца слепым, зачем и кому такое было нужно, должны ли ослепившие нести наказание за содеянное, каких правил поведения надо придерживаться самому в дальнейшем. И это были мысли уже не наивного отрока, а разом повзрослевшего человека. Поэтому неслучайно, что примерно четыре года спустя после описанных событий отец провозгласил подросшего Ивана великим князем и своим преемником на великокняжеском столе. Еще через два года Иван женился на дочери великого князя тверского Бориса Александровича Марии. В 1458 г. в их семье родился сын Иван. В год смерти отца Ивану III было 22 года, новый великий князь по представлениям того времени еще не перешагнул порога юности, но за его плечами был многолетний опыт князя-соправителя, опыт князя-воеводы, опыт князя-семьянина.

Итогом всей деятельности Ивана III как правителя, в первую очередь, стало значительное расширение подвластной ему территории и увеличение населения, зависимого от московского великого князя. Уже в 1463 г., во второй год своего правления, Иван III сумел приобрести у старшего ярославского князя Александра Федоровича его княжество[2]. Теперь не надо было выкупать княжества у Орды, как было раньше. Стало возможным договариваться напрямую с местными Рюриковичами, которые шли на такие сделки, рассчитывая на лучшую жизнь под покровительством великого князя всея Руси. С приобретением Ярославского княжества все течение Волги от Углича до Нижнего Новгорода оказывалось в руках Москвы, а пограничные с Новгородской республикой ярославские земли становились московскими, что влияло на характер московско-новгородских отношений. В то же время появление московской администрации на ярославских землях больно ударило по боярам и детям боярским, которые жили на этих землях и служили ярославским князьям. Ростовский владычный летописец, трудившийся в Москве, записал, что вскоре после продажи князем Александром Федоровичем своего княжества в Ярославле «явися новыи чюдотворец, Иоаннъ Огафоновичь, сущии созиратаи Ярославьскои земли: у кого село добро, инъ отнялъ, а у кого деревня добра, инъ отнялъ да отписалъ на великого князя ю, а кто будеть самъ добръ, боаринъ или сынъ боярьскои, инъ его самого записалъ, а иныхъ его чюдесъ множество, не мощно исписати ни исчести, понеже бо во плоти суще цьяшосъ»[3]. Последнее слово, написанное тайнописью, должно читаться как «дьяволъ». Так характеризовался московский администратор и его действия в первом приобретенном Иваном III княжестве. Тем не менее действия по внедрению московских детей боярских в число жителей бывшего Ярославского княжества были оправданы. Грозила борьба с Новгородской республикой за ее северные и восточные владения, и опора на надежное войско, располагавшееся на окраинах ярославских земель поблизости от новгородских территорий, была необходима.

Отношения же Москвы с Новгородом в тот период оставляли желать лучшего. Составитель новгородского архиепископского свода 1469 г. (так называемой Летописи Авраамки), освещая события начала 1460-х годов и первых семи лет правления Ивана III, нередко останавливался на описаниях новгородско-московских противоречий. Их начало он вел с 1461 г., когда

[2] ПСРЛ. М., 2000. Т. 4, ч. 1. С. 148—149.
[3] ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 23. С. 158.

великий князь Василий II потребовал от новгородцев уплаты черного бора: «Той же зимы даша Новгородци князю великому Василью Васильевичю на хрестьянахъ черный боръ»[4]. Летопись указывает, что налог собирался со всех новгородских крестьян. Сохранилась новгородская вечевая грамота, разрешавшая великому князю Василию Васильевичу собирать «черныи боръ на сеи годъ» с новоторжских волостей, принадлежавших Новгороду Великому[5]. Первоначально грамота датировалась широко — между 1448 и 1461 гг. Однако в 1991 г. В. Л. Янин установил, что грамота должна датироваться 1461 г.[6] Дату можно уточнить. Новгородский свод 1469 г. помещает сообщение о даче новгородцами права собирать черный бор великому князю Василию II после описания события, случившегося 15 февраля 1461 г., и до описания события 13 марта 1461 г.[7] Следовательно, согласно этим данным, новгородская грамота была составлена между 15 февраля и 13 марта 1461 г. Если же принять во внимание то обстоятельство, что Василий II вернулся из Новгорода в Москву 9 марта[8], пробыв в пути примерно две недели[9], то время выдачи грамоты сокращается до девяти дней: между 15 и 23 февраля 1461 г., что как раз приходится на зиму. Срок действия грамоты истекал через год, т. е. 15—23 февраля 1462 г. Однако за указанный год нет никаких данных о выплате новгородцами «черного бора». В конце названного срока в Москве шла безнадежная борьба за жизнь смертельно больного великого князя Василия II (умер 27 февраля 1462 г.). Переключением внимания московского правительства с других дел на здоровье великого князя Василия Васильевича, скорее всего, и воспользовались новгородцы, отказавшиеся выполнять последнее соглашение с умирающим князем — платить Москве черный бор.

Москва же требовала исполнения условий прежних договоренностей. Новгородский владычный свод 1469 г. сообщает об отбытии из Новгорода 22 декабря 1462 г. большого посольства в Москву во главе с архиепископом Ионой, тремя посадниками и двумя житьими людьми «о смирении мира», не называя причин размирья. Посольство было принято Иваном III, его братом Юрием и митрополитом Феодосием на самом высоком уровне, длительное время провело в Москве, вернувшись в Новгород только 9 февраля 1463 г., но успеха не достигло. «А о блазень миру не успѣша ничто же», — констатировал летописец[10]. А далее, рассказывая о нападении псковичей в 1463 г. на немцев, тот же летописец сурово осудил действия «братьев молодших» из Пскова и их воеводы, присланного Москвой[11]. До самого начала 1470-х годов Москва и Новгород стояли на своих позициях, укрепляя отношения со старыми союзниками и изыскивая себе новых. Ряд русских летописей сохранил рассказ о татарине Кирее Кривом. Этот человек был внуком Мисюря, холопа литов-

[4] ПСРЛ. СПб., 1889. Т. 16. Стб. 204.

[5] ГВНП. М.; Л., 1949. № 21. С. 38—39.

[6] *Янин В. Л.* Новгородские акты XII—XV вв.: Хронологический комментарий. М., 1991. С. 183—184. № 107.

[7] ПСРЛ. Т. 16. Стб. 204—205.

[8] ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25. С. 276. Василий II вернулся в Москву «на паметь святыхъ мученикъ 40 иже в Севастии».

[9] В 1478 г. Иван III, выехав из Новгорода 17 февраля, 5 марта уже был в Москве, хотя и двигался с остановками. См.: ПСРЛ. Т. 25. С. 323. В 1496 г. Иван III выехал из Новгорода 10 марта и прибыл в Москву 24 марта. См.: ПСРЛ. М., 2001. Т. 6, вып. 2. Стб. 346.

[10] ПСРЛ. Т. 16. Стб. 211—212. «Блазий мир» — скорее всего, «благой мир». См.: *Срезневский И. И.* Материалы для Словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1893. Т. 1. Стб. 112 («блазѣ»).

[11] ПСРЛ. Т. 16. Стб. 211.

ского великого князя Витовта. В свое время Мисюрь очень понравился деду Ивана III Василию I, и он выкупил его у своего тестя. Мисюрь переехал в Москву. Здесь у него родился сын Амурат, который стал отцом Кирея. Ни Амурат, ни Кирей свободы в Москве не получили, считаясь купленными холопами московских великих князей. Выбрав удачный момент, Кирей бежал от Ивана III к королю Казимиру IV. Тот принял его на службу. Кирей стал играть заметную роль при дворе Казимира. Осенью 1470 г. польский король отправил в Большую Орду к хану Ахмату посольство во главе с Киреем[12]. Эта акция ясно свидетельствовала о том, что Казимир IV ищет сильного союзника, который помог бы ему в борьбе с Москвой.

А соперничество с нею шло из-за Новгорода Великого. Новгородское правительство, пытаясь договориться с Москвой, в то же время искало и поддержки своих западных и юго-западных соседей. В копии конца XV — начала XVI в. сохранилась договорная грамота Новгорода с королем Казимиром, согласно которой Новгород со всей своей территорией, простиравшейся за Уральские горы, переходил под его власть. К сожалению, копия не сохранила дату соглашения. Исследователями грамота датируется 1470—1471 г. или 1471 г., мартом — маем[13]. Ни одна из приведенных дат не является верной. Датировка грамоты основывается на ее начальном тексте, где указывается, что король польский и великий князь литовский Казимир «докончялъ есми міръ с нареченнымъ на владычьство съ Феофіломъ»[14]. Архиепископ Новгорода и Пскова Феофил был преемником владыки Ионы, скончавшегося 8 ноября 1470 г. Через неделю в Новгороде были назначены выборы нового владыки. Из жребиев трех претендентов на алтаре остался лежать жребий с именем монаха Феофила. 15 ноября 1470 г. Феофил был наречен архиепископом Новгорода и Пскова. Предстояла поездка в Москву к митрополиту Филиппу для утверждения в сане. Последнее состоялось 15 декабря 1470 г.[15] Таким образом, литовско-новгородский договор был заключен между 15 ноября 1470 г., когда Феофил был наречен архиепископом, и 15 декабря того же 1470 г., когда Феофил был утвержден в своем сане и, строго говоря, уже не мог характеризоваться как нареченный.

Содержание грамоты и летописные описания событий конца 1470—1471 г. убеждают в том, что грамота от 15 ноября — 15 декабря 1470 г. была не проектом, как иногда пишут историки, а реальным документом, на основании которого Новгородская республика вошла в состав Польско-Литовского государства. В грамоте упоминаются, в частности, литовские тиуны-соправители в таких старинных новгородских городах, как Великие Луки, Торжок и Волок[16]. В Новгороде с 8 ноября 1470 г. по 15 марта 1471 г. находился представитель польского короля киевский князь Михаил Олелькович, видимо, приводивший новгородцев к присяге верности Казимиру и ведший переговоры с новгородской знатью. В частности, овдовевшей посаднице Марфе Борецкой, женщине честолюбивой и властной, он пообещал мужа из числа знатных польских панов,

[12] ПСРЛ. Т. 18. С. 224. Здесь текст о Кирее Кривом помещен в начале летописной статьи 6979 года, повествующей далее о событиях в Новгороде, в частности о смерти 5 ноября новгородского архиепископа Ионы и выборе в архиепископы Феофила (с. 225).

[13] ГВНП. № 77. С. 129; *Янин В. Л.* Новгородские акты XII—XV вв. С. 187, 188.

[14] ГВНП. № 77. С. 130.

[15] ПСРЛ. Т. 6, вып. 2. Стб. 208.

[16] ГВНП. № 77. С. 131, 132.

который будет управлять всеми новгородскими землями вместе с нею[17].

В Новгороде и Новгородской земле начались волнения. Одни хотели сохранять верность Ивану III, другие жаждали изменений и рассчитывали служить польскому королю. То и дело между теми и другими вспыхивали ожесточенные стычки, кончавшиеся увечьями. В Новгород зачастили московские послы, призывавшие новгородцев блюсти вечные устои, связывавшие их город в разные времена с Киевом, Владимиром-на-Клязьме, Москвой. Но ничего не помогало. Сторонники вхождения в Польско-Литовское государство и слушать не хотели компромиссных предложений москвичей.

Тогда 23 мая 1471 г. Иван III начал с Новгородом войну. Для этого он собрал все свои силы, включая конницу вассального татарского царевича Даньяра; полки своих братьев — удельных князей Юрия Дмитровского, Андрея Угличского, Бориса Волоцкого, Андрея Вологодского, а также рати Твери и Пскова. К местам общих сборов войск эти полки двигались разными дорогами, а вступая в новгородские пределы, они опустошали и жгли все, встречавшееся им на пути. Особые силы были отправлены в северо-восточные новгородские земли, в частности, Двинскую. Было совершено даже беспрецедентно смелое нападение на ордынскую столицу Сарай, которая была взята и ограблена ушкуйниками из Вятки — личного домена Ивана III.

Успешными были действия воевод Ивана III и в собственно Новгородской земле, и на ее периферии. 14 июля 1471 г. войска под командованием князей Даниила Дмитриевича Холмского, по происхождению тверского Рюриковича, и Федора Давыдовича Стародубского Пестрого нанесли сокрушительное поражение главной 40-тысячной новгородской рати в битве на р. Шелони[18]. В плен попало около 2 тыс. знатных новгородцев (5% от состава всех новгородских полков), сторонников польского короля. Позднее Иван III некоторых из них подверг казни. 27 июля двигавшаяся в ладьях по Северной Двине московская рать встретилась с новгородской судовой ратью двинян и заволочан. В упорном бою, начавшемся ранним утром и продолжавшемся до захода солнца, московские воеводы вырвали победу[19]. И тогда в ставке Ивана III, располагавшейся в устье р. Шелони, появился новгородский владыка Феофил. Он признал поражение Новгорода, запросил мира, приняв все условия Ивана III. Московский великий князь потребовал от Новгорода 16 тыс. руб. контрибуции, возвращения великокняжеских владений в Торжке и Волоке Ламском и, по-видимому, передачи Москве ряда волостей в Великих Луках, что ранее отдавались Новгородом литовскому тиуну. 11 августа 1471 г. мир был подписан[20]. Ввиду сложной ситуации внутри Новгорода и на международной арене больших земельных уступок Иван III у Новгорода не потребовал.

Тем не менее стремлений расширять свои владения Иван III не оставлял. 12 сентября 1472 г. умер дмитровский князь Юрий, родной брат Ивана. Семьи он не имел, и его владения как выморочные должны были по нормам того времени перейти к великому князю. Так, судя по всему, и произошло. Но Иван III удержал за собой не все города и волости Юрьева удела. Другие владения Юрия оказались в руках его младших братьев. Борису Волоцкому «послѣ княжа Юрьева живота князь великый придалъ ему Вышегородъ Поротовский», т. е. на р. Протве. Владевший Вологдой

[17] ПСРЛ. Т. 6, вып. 2. Стб. 185.
[18] ПСРЛ. Т. 25. С. 281, 290.
[19] ПСРЛ. Т. 18. С. 231—232.
[20] ГВНП. № 26—27. С. 45—51.

князь Андрей Васильевич (меньшой) получил от Ивана III «Городець у Серпухова», т. е., скорее всего, городок Хотунь к северо-востоку от Серпухова. Расширил свои владения и Андрей Угличский, но не за счет Юрьева удела[21], а, по-видимому, за счет великокняжеских земель. Следует полагать, что в ранние годы своего правления Иван III не стремился к расширению подвластной ему территории за счет владений своих младших братьев. Наоборот, он способствовал росту их уделов, рассчитывая на то, что братья будут дружно помогать ему в его завоевательных походах.

Приумножив свои владения за счет некоторых городов удела Юрия Васильевича, через два года Иван III увеличил их еще больше, купив Борисоглебскую половину Ростовского княжества[22]. Стретенская половина Ростова была в руках московских князей еще со времен Ивана Калиты. Таким образом, под властью Ивана III оказалось все Ростовское княжество, включая не только его столицу — древний Ростов, но и более поздние земельные приобретения ростовских князей на Русском Севере. При этом исконные владения ростовских князей не пострадали. Потомки Константина Всеволодовича сохранили их за собой. Однако статус таких владений изменился. Обладатели подобных земель уже не имели права непосредственного сношения с Ордой, сбора и выплаты ордынского выхода, бесконтрольного использования природных ресурсов на территории своего бывшего княжества. Приобретенную часть Ростовского княжества Иван III отдал своей матери, великой княгине Марии Ярославне, уже владевшей половиной Ростова по завещанию своего мужа Василия II, но после ее смерти в 1484 г. взял ее владения себе. Грамота от 30 марта 1493 г. свидетельствует о том, что наместники, пошлинники (налоговики) и сборщики мыта всех городов от Ростова до Белоозера подчинялись Ивану III[23].

Наибольший успех в приращении владений пришел к Ивану III в 1478 г. После мира с Москвой в августе 1471 г. жизнь в Новгороде не вошла в нормальное русло. Пролитовская и промосковская партии боролись за места в городском магистрате, прибегая к недозволенным приемам, и не несли наказаний за это. В 1475 г. Иван III со свитой приехал в Новгород, встретил там хороший прием, но когда начал разбирать поступившие к нему жалобы местных жителей на свои власти, то выяснилось, что жалобы эти справедливы. Последовали аресты, а затем и казни некоторых видных новгородских посадников. С тем Иван III и покинул в 1475 г. Новгород.

Но спокойствия в Новгороде не наступило. Произвол и попрание традиционных для Новгородской земли норм правления продолжались. Тогда в марте 1477 г. новгородские сторонники Ивана III прислали в Москву делегацию, предложившую великому князю стать у них государем, надеясь, что с усилением его власти в Новгороде Великом прекратятся бесчисленные вечевые собрания с противоречащими друг другу постановлениями, принятие которых сопровождалось убийствами людей. Иван III послал в Новгород доверенных лиц, чтобы выяснить, «какова хотят государьства» новгородцы. Но те заявили, что сделанное Ивану III предложение является ложным, такого решения они не принимали. В Новгороде начались волнения, в результате которых на вече был убит один из сторонников Ивана III. Тогда, посовещавшись с духовенством, своими родственниками и боярами, великий князь объявил Новгороду войну.

Она началась 5 октября 1477 г. В ней со стороны Москвы участвовали все воен-

[21] ПСРЛ. Т. 4, ч. 1. С. 148.
[22] ПСРЛ. Пг., 1921. Т. 24. С. 194.
[23] АСЭИ: В 3 т. М., 1958. Т. 2. № 292. С. 249.

ные силы, которые воевали с Новгородом в 1471 г. Только вместо умершего дмитровского князя Юрия Васильевича в ней приняли участие князья Оболенские. Наступление на Новгород велось с разных направлений. По самому короткому пути по рекам Тверце и Мсте двигался сам великий князь со своими воеводами, по Демонской и Яжелбицкой дорогам шли брат Ивана вологодский князь Андрей и другие воеводы великого князя. На марше к Ивану III постоянно приезжали знатные новгородцы. Одни пытались уговорить великого князя не держать гнева на Новгород, другие заботились о себе, просясь у него на службу. 19 ноября 1477 г. великокняжеское войско достигло г. Палины, где Иван III провел смотр своим силам. Была изменена их дислокация, полки были придвинуты к новгородской крепости. Подошла и псковская рать «с пушками и с пищалми и самострѣлы». Используя еще и московскую артиллерию, Иван III обстрелял город. Летопись сообщает, что «мнози Новгородци по граду избиени быша»[24]. Над Новгородом стала нависать угроза повторных губительных атак с применением огнестрельного оружия. Между тем сам Новгород своих вооруженных сил собрать не смог, что еще больше усугубляло его незавидное положение. 23 ноября в ставку Ивана III прибыло новгородское посольство во главе с архиепископом Феофилом. В составе посольства было пять посадников и пять житьих людей, видимо, по два представителя от каждого из пяти новгородских концов. По всей вероятности, посольство отражало интересы всего Новгорода. Начались переговоры с Иваном III. Они шли до 18 февраля 1478 г. и закончились триумфом московской стороны. Новгород и вся территория Новгородской республики переходили под власть великого князя всея Руси Ивана III. Вече и должности высших выборных новгородских магистратов (посадников и тысяцких) ликвидировались. Вечевой колокол подлежал конфискации и перевозу в Москву. Одна четверть владений архиепископской кафедры и богатейших монастырей Новгорода переходила к Ивану III. Все новгородские волости в Торжке объявлялись великокняжеским достоянием. Податное население бывшей Новгородской республики обязано было платить ежегодную дань великому князю из расчета 7 коп. с сохи, состоявшей из трех обеж[25].

Присоединение Новгорода к Москве резко усилило позиции Ивана III. В его руки перешли земли на северо-западе Руси близ Балтийского моря, что способствовало расширению русского влияния в Прибалтике, налаживанию и укреплению связей с королевствами Швеции, Дании, прибалтийскими немецкими городами и государствами. Стало возможным искать здесь себе союзников в случае конфликтов с Польско-Литовским государством, Тевтонским орденом, немецкими епископствами в Прибалтике. Приобретение новгородских земель на восток от Новгорода открывало большие возможности дальнейшего проникновения русских на Урал и в Сибирь, районы богатейших полезных ископаемых, крупных рек и дремучих лесов, богатых ценной пушниной[26].

Сам Иван III прекрасно осознавал возросшее значение своего положения. Титул «великий князь всея Руси» получил при нем реальное наполнение, и с 1478 г. на грамотах, исходивших от его имени и на-

[24] ПСРЛ. Т. 18. С. 178.

[25] ПСРЛ. Т. 25. С. 311—323.

[26] В марте 1491 г. Иван III отправил в бассейн р. Печоры специальную экспедицию во главе с двумя русскими и двумя немецкими специалистами для поисков серебряной руды. Уже через 7 месяцев руководители экспедиции сообщили, что на р. Цильме, левом притоке Печоры, они обнаружили залежи серебряной и медной руд (ПСРЛ. Т. 18. С. 274, 275; Т. 16. С. 288). Тем самым ценное открытие нужных металлов на территории бывшей Новгородской республики решало вопрос о чеканке серебряной монеты и отливке медных пушек не из привозного, а из местного сырья.

правляемых в разные центры его владений, на обороте стало обязательно писаться: «князь великий всея Руси».

После взятия Новгорода великий князь попытался ввести еще одно новое правило. За участие в походе 1477—1478 гг. на Новгород никто из союзников Ивана III не получил никаких территориальных приращений. Нет сведений и о финансовых выплатах таким участникам. По-видимому, Иван III стал считать, что никто из его братьев и его союзников не может получать какие-либо вознаграждения, потому что не участвовали в боях. Поход 1477—1478 гг. на Новгород обошелся без сражений. Удельные братья Ивана III были решительно не согласны с такой установкой великого князя и требовали компенсаций за само участие в походе. В начале 1480 г. Андрей Угличский и Борис Волоцкий подняли мятеж против старшего брата и вместе с семьями и служившими им боярами и детьми боярскими двинулись из своих стольных городов на запад к королю польскому и великому князю литовскому Казимиру IV, грозя поступить к нему на службу.

О крупной ссоре в московском княжеском доме Казимир IV поспешил известить хана Большой Орды Ахмата. Тот весной 1480 г. выслал вперед конницу, которая повоевала правобережные окские земли к югу от Москвы и захватила стоявшую там Каширу. После этого с основными силами в поход выступил сам Ахмат. Он шел медленно, стараясь по пути увеличить численность своего войска. В июле хан достиг правого берега Оки против Коломны и разбил здесь свой лагерь. Однако к тому времени Иван III сумел укрепить левый берег Оки. Были пополнены гарнизоны Тарусы, Серпухова и Коломны, где в осаду сел сам великий князь. В специально оборудованных местах были поставлены пушки. Простояв два месяца под Коломной и убедившись, что переправа на левый берег Оки здесь невозможна, а выманить русские полки на правый берег Оки не удается, Ахмат решил перейти Оку в ее верхнем течении и с юго-запада напасть на владения Ивана III. Тот, однако, сумел подтянуть свои войска к Калуге и по левым берегам Оки и ее притока Угры расставить артиллерию. Пушкари 8—11 октября сумели отбить попытки татар перейти на левый берег Угры. Ахмату пришлось отступить. Он сделал еще одну попытку форсировать Угру у Опакова, но снова был отбит русскими войсками. Тогда хан стал дожидаться морозов, чтобы перейти Угру по льду. Вода в реках замерзла 26 октября. Ахмат простоял еще две недели, но так и не решился переходить Угру, опасаясь сражения со все возраставшими силами Ивана III. На помощь к нему пришли полки его мятежных братьев Андрея Угличского и Бориса Волоцкого, так и не перешедших пределов русских земель. 9 ноября некоторые части ордынских войск начали отход в Дикое Поле. 10 ноября за ними последовали другие части, а 11 ноября повернули назад и основные силы Орды во главе с ханом Ахматом.

Полугодовое «стояние» на Оке и Угре в мае — ноябре 1480 г. кончилось для Большой Орды крупной неудачей. Намеченные цели достигнуты не были. Однако угроза нового нападения Ахмата сохранялась. Отступив, хан зазимовал в нижнем течении Северского Донца, близ границ с Русью, а не в своей далекой столице Сарае. Весной 1481 г. он намеревался вновь идти походом на русские земли, которые на сей раз были от него недалеко. Однако сбыться его планам не удалось. На его ставку напали ногайские мурзы Ямгурчей и Муса вместе с сибирским ханом Иваком. 6 января 1481 г. Ахмат был схвачен и убит в своем шатре. Его держава распалась. Русь освободилась от монгольского господства.

Однако для самого Ивана III «стояние» против Ахмата обернулось территориальными потерями. Чтобы помириться с мятежными братьями, которые за кордон все-таки не ушли и военную помощь Ивану в конце концов оказали, великому князю пришлось идти на уступки. Князю Андрею

Угличскому он вынужден был уступить Можайск, а князю Борису Волоцкому — «села Ярославичевы всѣ делярные»[27], т. е. села, в свое время входившие в домен последнего серпуховского князя Василия Ярославича. Впрочем, сделанные уступки были незначительны по сравнению с тем, что оставалось за самим великим князем. Поэтому Иван III мог позволить себе в некоторых случаях быть поуступчивее и пощедрее. Разграничивая осенью 1483 г. свои новгородские владения с ржевскими землями брата Бориса, он через своего доверенного боярина Юрия Захарьевича заявлял волоцкому князю: «...яз тебѣ жалую, положил есми на тебѣ, как еси у меня не простъ, в твои земли вступатиса есми не велѣл, и ты тѣ свои земли ржевскіе от моих земль, от новгородских, вели своему отвести, а мои то видитъ»[28]. В принципе же, широкие жесты были не в натуре Ивана III.

Вскоре свои земельные потери он возместил. 5 июля 1481 г. в Москве скончался вологодский князь Андрей (Меньшой), брат великого князя. Семьи у Андрея не было, но были большие долги старшему брату, который платил за него «выход» Орде. Вологда, естественно, была унаследована Иваном III.

Летом 1483 г. Иван III заключил договор с великим князем рязанским Иваном Ивановичем, своим племянником по женской линии. Договор носил ярко выраженный антилитовский харакер, но в то же время содержал несколько важных указаний на земельные владения договаривавшихся сторон. В частности, подтверждалось, что приобретенные в свое время у Рязани Тешилов, Венев и Растовец остаются за Москвой и их надо защищать от возможных литовских нападений. Однако главное состояло в том, что рязанскому князю запрещалось «въстоупатися в нашоу отчиноу вь Елец и во вся Елецская мѣста»[29]. Захватом Ельца Иван III устанавливал контроль над верхним течением Дона, что исключало неожиданные набеги татар на Москву и другие заокские центры, но способствовало торговым связям с Югом.

Через два года к Москве было присоединено Тверское княжество. Хотя последний тверской князь Михаил Борисович был близким родственником Ивана III (брат его первой жены) и стал верным союзником Москвы (участвовал в походах на Новгород в 1471 и 1477/78 гг., «стоянии» против хана Ахмата в 1480 г.), отношения между ним и Иваном III с 1483 г. стали портиться. Причина, видимо, заключалась в том, что тверской князь не получил никакой компенсации за участие в борьбе против Ахмата. На границах Московского и Тверского княжеств начали происходить вооруженные стычки из-за приграничных земель. При рассмотрении жалоб и споров Иван III поддерживал только москвичей. Виноватыми оказывались одни тверичи. Михаил Борисович помочь своим людям был не в состоянии. Сталкиваясь с таким положением дел, представители тверской знати начали все чаще переходить на службу к Ивану III. Тогда тверской великий князь решил заключить тайный договор с польским королем Казимиром IV о военной помощи[30]. Это стало известно в Москве, и в ход пошли вооруженные силы.

В июле 1485 г. в Новгород Великий прибыл гонец Ивана III с наказом великокняжескому наместнику Якову Захарьевичу выступить со всем новгородским войском на Тверь. 21 августа 1485 г. туда же со всеми своими силами направился из Москвы и ве-

[27] ПСРЛ. Т. 6, вып. 2. Стб. 309.
[28] ДДГ. М.; Л., 1950. № 77. С. 292.
[29] ДДГ. № . 76. С. 285.
[30] ПСРЛ. СПб., 1863. Т. 15. Стб. 499; Т. 6, вып. 2. Стб. 320; ДДГ. Дополнение. С. 483—484.

ликий князь. Вместе с ним в походе приняли участие сын Ивана III Иван Иванович, получивший к тому времени титул великого князя, братья Ивана III Андрей (Большой) Угличский и Борис Волоцкий. 8 сентября московские войска окружили Тверь. 10 сентября они подожгли посады вокруг крепости. На следующий день к Ивану III приехала делегация от осажденных. Начались переговоры, оказавшиеся очень короткими. В ночь с 11 на 12 сентября тверской великий князь Михаил Борисович, убедившись в невозможности удержать город, тайно оставил свою столицу и бежал к Казимиру IV. Тогда осажденные отворили крепостные ворота. Самостоятельное Тверское княжество перестало существовать. Управление им Иван III передал своему первенцу великому князю Ивану[31].

После присоединения к Москве Тверского княжества на Восточно-Европейской равнине оставалось, кроме Москвы, лишь одно суверенное восточнославянское государственное образование: Рязанское княжество на юго-востоке. Но было значительное количество небольших княжеских владений, обладатели которых находились в союзе с Иваном III. Их великий князь не преследовал, соблюдая давние договоренности о мире и дружбе. Но те же договоренности признавали определенную суверенность младших партнеров, что не позволяло великокняжеской власти распоряжаться в их владениях так, как она это делала в своих собственных. Впрочем, Иван III находил способы распространять свою власть и на такие княжеские земли.

В апреле 1486 г. умер двоюродный дядя Ивана III князь верейский и белозерский Михаил Андреевич. Иван III давно зарился на его владения, особенно на Белоозеро, связывавшее Северо-Восточную Русь с Новгородом. Он заставил родственника написать душевную грамоту, согласно которой его удел завещался «господину и господарю» великому князю. Михаил вынужден был подчиниться. И когда он скончался, его земли унаследовал Иван III.

По-иному великокняжеским стал удел брата Ивана Андрея (старшего) Угличского. В мае 1491 г. в Москве было получено известие о выступлении двух ордынских ханов против союзника Москвы крымского хана Менгли Гирея. Иван III потребовал от Андрея в силу существовавших соглашений посылки его воеводы в Поле для противодействия этим ханам. Но угличский князь этого не сделал. Поступок был оценен как предательский, и на Углич двинулись великокняжеские полки. Князь Андрей приехал в Москву для объяснений, но был взят под стражу во дворце великого князя. В Угличе были арестованы его жена и два сына[32]. Все они были лишены своих владений, Угличский удел взял себе великий князь.

И все же главным средством расширения великокняжеских земельных владений оставались войны. В последние два десятилетия своей жизни Иван III воевал на севере и на юге, но особенно на востоке и западе. Сентябрьский поход 1485 г. на Тверь был последним походом, во главе которого стоял сам Иван III. В дальнейшем против разных противников действовали его полководцы, среди которых выделялись князь Федор Давыдович Стародубский-Пестрый, князь Даниил Дмитриевич Холмский, князь Даниил Васильевич Щеня, князь Семен Иванович Ряполовский, князь Александр Васильевич Оболенский, бояре братья Юрий и Яков Захарьевичи (Кошкины).

Присоединение в 1478 г. Новгорода к Москве позволило Ивану III контролировать и расширять те давние русские земли, которые лежали на севере, граница с землями скандинавских стран. Весной 1496 г. Иван III послал значительную рать во главе с князьями Иваном и Петром Федоровичами

[31] ПСРЛ. М.; Л., 1962. Т. 28. С. 153.
[32] ПСРЛ. Т. 6, вып. 2. Стб. 330—332.

Ушатыми в Каянскую землю. Так называлась территория, примыкавшая к северо-восточной части Ботнического залива. Она была заселена народностями Севера, которые подчинялись Швеции, Норвегии, но также и Руси. Посланное Иваном III войско опустошило поселения в бассейнах восьми рек, но поселений на р. Илименге не тронуло. Их насельники признали власть русского великого князя и послали своих представителей в Москву. Каянцы были приняты Иваном III, договорились с ним о будущем и были отпущены домой. Судя по итогу их пребывания в Москве, великий князь добился контроля по меньшей мере над частью их земель.

В конце лета или в начале осени 1499 г. по повелению Ивана III его воеводы князья Семен Федорович Курбский и тот же Петр Федорович Ушатый, оба из рода князей ярославских, ходили походом «на Югорскую землю и на гогуличи». Поход прошел успешно, московским воеводам удалось захватить местные городки и повоевать всю землю. Они «кн(я)зеи поимавъ, приведоша на Москву, а иных кн(я)зеи и земских людеи к ротѣ приведоша по их вѣре за великого кн(я)зя, а иных кн(я)зеи и многих людеи югрич и гогулич тамо побиша»[33]. Северные владения Ивана III приросли землями югры и вогуличей (совр. ханты и манси, жившие в XV в. по южным берегам Белого и Баренцева морей).

Однако основными театрами военных действий, результатом которых могло стать существенное расширение подвластных Москве земель, были Казанское ханство и Польско-Литовское государство. С Казанью Иван III провел с десяток войн. Самым успешным был поход 1487 г., когда московским воеводам удалось взять Казань и на ханский престол посадить угодного Ивану III Магомета Аминя[34]. Но борьба с удаленной Казанью не приносила желанных территориальных приобретений.

Иным было положение на западных русских границах. Здесь к ним непосредственно примыкали восточные рубежи Польско-Литовского государства, которые легко можно было преодолеть, захватить и продвигаться дальше. Естественно, при условии, что литовская сторона будет слабо обороняться. После присоединения Новгорода и захвата Тверского княжества в руках Ивана III оказались очень удобные плацдармы для нападения на русские земли, попавшие в XIII—XV вв. под власть литовских великих князей. Сохранилось редкое известие о нападении весной 1489 г. служившего Ивану III князя Василия (Воротынского?) на пограничные города Литвы. В ответ король Казимир IV послал большое войско, которое разбило князя Василия, опустошило русскую пограничную территорию, захватило много пленных[35]. Однако этот эпизод не перерос в затяжную войну. Полякам и литовцам было не до нее. 7 июня 1492 г. в Гродно умер их король-долгожитель Казимир IV. Польша и Литва распались на два самостоятельных государства во главе с собственными правителями. Великое княжество Литовское возглавил четвертый сын Казимира Александр. Для Ивана III это был не очень опасный противник, и уже в августе 1492 г. он начал войну с Литвой. Был взят город Мценск, повоевана его округа, захвачены пленные[36]. Через несколько месяцев в руках Ивана III оказались Серпейск и Мезецк. Тогда литовский великий князь Александр направил туда значительное войско, которое осадило и вернуло все три захваченные города. В ответ Иван III собрал еще бóльшую рать, отнял утраченные было города, а дополни-

[33] ПСРЛ. Т. 6, вып. 2. Стб. 358.
[34] Там же. Стб. 322—323.
[35] Там же. Стб. 325.
[36] Там же. Стб. 334.

тельно захватил Вязьму[37]. Тягаться в силе с великим князем всея Руси Александр не мог и предложил мир. По договору, заключенному 5 февраля 1494 г., за Русским государством остались завоеванные Вязьма с ее уездом, а также вотчины целого ряда князей и землевладельцев в водоразделе рек Оки и Днепра[38].

Мирное соглашение Ивана III с Александром Казимировичем было подкреплено женитьбой литовского великого князя на дочери великого князя всея Руси Елене (старшей). Свадьба была сыграна в Вильне 15 февраля 1495 г.[39] Существование мирного договора и возникновение матримониальных связей между московским и виленским дворами на какое-то время приостановили приграничные столкновения Вильны и Москвы.

Однако такое состояние продолжалось недолго. С охлаждением отношений внутри семьи великого князя литовского Александра, ставшего с конца 1501 г. еще и польским королем, прежние столкновения возобновились. Преследование православия в конце XV — начале XVI в. в Литовском государстве приводило к тому, что исповедовавшие греческую веру князья «верховских» княжеств вместе со своими владениями переходили на сторону Москвы. Это вызывало резкое недовольство в Литве, поскольку в итоге передавало в руки Ивана III значительные территории в бассейнах верхних течений рек Днепра, Оки, Угры и их притоков. Великий князь Александр Казимирович пытался силой приостановить такие переходы. Тогда Иван III объявил войну своему зятю. Весной 1500 г. он послал воеводу Юрия Захарьевича на смоленский Дорогобуж. Русским войскам удалось взять город. Падение Дорогобужа, находившегося на пути Вязьма—Смоленск, ясно указывало на то, что русские замышляют продвинуться ближе к Смоленску — главному литовскому городу в верхнем течении Днепра. В Литве это поняли сразу. Срочно были собраны крупные силы и под командованием гетмана князя Константина Острожского брошены на Дорогобуж. У р. Ведроши, притока Днепра, 14 июля 1500 г. произошло кровопролитное сражение, в котором литовцы потерпели тяжелое поражение, а их гетман К. Острожский попал в плен, из которого через девять лет был отпущен на родину. Но битвой на Ведроши война не завершилась, она разрасталась, охватывая обширные территории и вовлекая в борьбу другие государства от Балтики до Крыма. В конце концов литовская сторона предложила перемирие на шесть лет, уступив Москве земли на пространстве всех восточных границ Литовского великого княжества: от Торопца на севере до Чернигова на юге. 27 августа 1503 г. выработанный в Москве текст «перемирной грамоты» был утвержден польским королем и великим князем литовским Александром Казимировичем. Границы владений Ивана III в некоторых местах достигли Днепра и Дикого Поля между Днепром и Доном[40]. В его руки перешли такие города, как Торопец, Невель, Дорогобуж, Опаков, Брянск, Почеп, Трубчевск, Стародуб, Новгород Северский, Рыльск, Путивль, Любеч, Чернигов и другие более мелкие крепости.

В сентябре 1503 г. Иван III составил свое завещание, согласно которому его наследнику, старшему сыну от брака с Софьей Палеолог Василию, переходили наследованные Иваном III земли, большинство приобретенных, а кроме того

[37] ПСРЛ. Т. 6, вып. 2. Стб. 335—336.

[38] ДДГ. № 83. С. 331. По летописным данным, были присоединены города Серпейск, Мезецк, Воротынск и Одоев. См.: ПСРЛ. Т. 6, вып. 2. Стб. 340.

[39] ПСРЛ. Т. 24. С. 213.

[40] *Базилевич К. В.* Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века. М., 1952. С. 518—522.

1/3 Рязанского княжества и «город Пьсков и з городы, и с волостьми, и з селы, и всю землю Пьсковскую»[41].

Исследователи, которые занимались географией средневековой Руси и изучали проходившие на ее территории демографические процессы, считают, что территория, подвластная Ивану III, к концу его жизни составляла около 1,7 млн кв. км, а население — примерно от 3,4 млн до 6 млн человек.

Расширение в 1463—1503 гг. земель, находившихся под властью великого князя Ивана III, требовало новых правовых норм, которым должно было следовать население не только приращенных, но и всех владений этого князя. Нельзя говорить об объединительной политике того или иного правителя на основании лишь территориальных прибавлений к его начальному уделу. Необходимо рассматривать права и обязанности коренного и присоединенного населения, его социальный и статусный состав, тип и характер государственных структур, возникавших на этих территориях, чтобы оценить результаты действий правительственной власти. Итогом завершения законодательной работы Ивана III по созданию Русского централизованного государства считается его Судебник 1497 г. Содержание Судебника долгое время было известно по книге С. Герберштейна «Записки о Московии», изданной на латинском и немецком языках в 1556 и 1557 гг. соответственно, где было напечатано несколько выдержек из этого памятника[42]. В 1817 г. П.М. Строев в одной рукописи XVI в. из библиотеки Иосифо-Волоколамского монастыря нашел полный текст Судебника 1497 г., в котором указывалось и время составления памятника — сентябрь 1497 г.[43] Найденный П.М. Строевым текст вскоре был опубликован[44]. Второго списка такого законодательного памятника не обнаружено до сих пор.

Судебник Ивана III изучали многие исследователи, как историки, так и юристы. Долгое время самым объемным и авторитетным трудом о Судебнике была работа Л.В. Черепнина «Русские феодальные архивы XIV — XV веков». Вторая часть этого труда заключала в себе большой раздел, посвященный Судебнику 1497 г.[45] Под термином «судебник» Л.В. Черепнин понимал свод правовых норм, которыми с 1497 г. руководствовались суды на Руси при рассмотрении гражданских и уголовных дел. «Судебник 1497 г. явился первым кодексом феодального права Русского централизованного государства» — так оценивал этот памятник Л.В. Черепнин[46]. Между тем, в киноварном заголовке к тексту Судебника 1497 г. было прописано, что это сборник правил, «како судити бояром и околничим»[47], т.е. речь шла об организации и функционировании судебной системы как таковой, а не о правах и обязанностях различных слоев населения Русского государства конца XV в. Статья 1 Судебника устанавливала, что суды должны вершить именно те лица, что указаны в заголовке: «Судити суд бояром и околничим», и добавляла: «а на суде быти у бояр и у околничих дьяком»[48]. Статья 12 Судебника определяла, кого же судят бояре и окольничии с приставленными к ним дья-

[41] ДДГ. № 89. С. 357.

[42] *Herberstein S.* Rerum Moscoviticarum commentarii. Basiliae, 1556; *Idem.* Moscovia der Hauptstat in Reissen. Wien, 1557.

[43] Судебники XV—XVI веков. М.;Л. 1952. С. 19.

[44] Законы великого князя Ивана Васильевича и Судебник царя и великого князя Ивана Васильевича с дополнительными указами. СПб. 1819.

[45] *Черепнин Л.В.* Русские феодальные архивы XIV—XV веков. Часть 2. М. 1951. С. 253—385.

[46] Судебники XV—XVI веков. С. 37.

[47] Там же. С. 19.

[48] Там же.

ками: «А на кого взмолвят детей боярскых человек пять или шесть добрых, по великого князя по крестному целованию, или черных человекь пять-шесть добрых христиан целовалников, что он (обвиняемый.— *В. К.*) тать ...»[49]. Данная статья прямо указывала на две социальные группы, существовавшие в конце XV в. во владениях Ивана III: детей боярских и черных людей («христиан»). Согласно Судебнику 1497 г. обе группы имели одинаковые юридические права, могли быть судимы только боярами и окольничими, выше суда которых стоял лишь суд великого князя. Внутри каждой из групп выделялись «добрые», видимо, люди и «добрые христиане», т.е. крестьяне, которые обладали авторитетом в текущей жизни и получали право характеризовать и оценивать личности людей, подозреваемых в преступлениях.

О черных людях говорит и статья 63 — одна из последних статей Судебника 1497 г. В разделе «О землях суд» постановлялось: «А взыщет черной на черном, или поместник на помесчике, за которым земли великого князя, или черной или селской на помесчике, или помесчик на черном или на сельском, ино судити по тому ж за три годы, а далее трех годов не судити»[50], т.е. давность нарушения прав на землю не должна была превышать трех лет. При этом важно отметить, что и помещики, и черные люди жили на землях, которые принадлежали великому князю.

Наконец, последняя, 68-я, статья Судебника 1497 г. рассматривала вопрос о платах истцов и ответчиков за нарушение норм поведения при назначении судом «поля», где спор субъектов решался поединком, в котором правым признавался одержавший в нем победу. Указанная статья гласила: «А к полю приедет околничей и диак, и околничему и диаку вспросити исцев, ищеи и ответчиков, кто за ними стряпчей и поручникы, и кого скажут за собою стряпчих и поручников, и им тем велети и стояти, а доспеху и дубин и ослопов стряпчим и поручником у себя не держати. А которые имуть опришние у поля стояти, и околничему и диаку тех отсылати прочь.А не поидут опришнии люди прочь, и околничему и диаку на тех велети исцово доправити и с пошлинами да велети их дати на поруку да поставити перед великим князем»[51]. Поскольку ст. 1 и 12 Судебника 1497 г. устанавливали подсудность черных людей окольничему и состоявшему при нем дьяку, то описание действий окольничего и дьяка при присуждении «поля» также должно относиться к черным людям. И это были великокняжеские люди, так как великий князь являлся верховням судьейпри разборе дел, возникавших на «поле». Таким образом, основное внимание в Судебнике 1497 г. уделялось не всем, а лишь двум общественным группам, существовавшим в Русском государстве конца XV в.: детям боярским и черным людям. Дети боярские составляли ядро великокняжеского войска, черные люди являлись основой великокняжеского хозяйства. Речь шла о военных слугах и слугах-министериалах, на Руси служивших великим князьям, в странах Западной Европы — местным королям. Именно на них опирались монархи разных государств при проведении своей внутренней и внешней политики. Данных о представителях других этносов, проживавших в XV в. в Русском государстве, черном и белом православном духовенстве, холопах, купечестве различных рангов и рядовых торговцах, людях разных других занятий и специальностей Судебник 1497 г. не содержал.

Ст. 30 Судебника 1497 г. позволяет установить, в каких местах проживали те две социальные прослойки русского общества конца XV в., правовое положение которых рассматривалось в Судебнике. Указанная

[49] Судебники XV—XVI веков. С. 20.
[50] Там же. С. 28.
[51] Там же. С. 29.

статья имеет особый киноварный заголовок: «Указ о езду». Содержание же статьи составляет роспись городов, куда могли быть посланы великокняжеские недельщики (судебные чиновники) для ведения сыска и производства следствия над подозрительными людьми. Для поездки из Москвы в другой город недельщикам полагались деньги на пропитание. Суммы разнились смотря по тому, насколько далеко отстояли от столицы те города, куда они направлялись. Возрастание таких сумм кладется автором этой работы в основу переделки данных ст. 30 Судебника, хотя все ее свидетельства строго сохраняются. Наименьшая сумма — 2 гривны — выдавалась на дорогу из Москвы до подмосковного Звенигорода. Четвертью рубля оплачивался путь до Радонежа. По 10 алтын тратились на оплату дороги до Хотуни и дороги до Дмитрова. Полтиной оплачивались пути до Коломны, Каширы, Серпухова, Малоярославца, Вереи, Боровска, Вышгорода (южного), Можайска, Оболенска и Клина. 20 алтын выдавалось на дороги до Тарусы, Кременца и Переяславля. В 25 алтын оценивался проезд до Алексина и до Медыни. 1 рубль давался на дорожные расходы до Калуги, Ростова, Юрьева, Углича, Кашина, Твери, Зубцова и Опок. 40 алтын выплачивались на пути до Воротынска, Одоева, Мезецка и Хлепени. 1 рубль с четвертью — до Козельска, Белева, Ярославля, Владимира, Суздаля, Романова и Ржевы. Полтора рубля уходило на оплату путей до Бежецка, Вязьмы, Костромы, Мурома и Стародуба Ряполовского. 2 рубля давались на дорогу до Мещеры (вероятнее всего, г. Горбатова, бывшего Мещерска). 2,5 рубля уходило на оплату путей до Вологды, Белоозера, Галича, Нижнего Новгорода и Великого Новгорода. 5 рублей расходовалось на путь до Устюга. 7 рублей — до Вычегды. 8 рублей — до Двины и Холмогор[52]. Таким образом, в 1497 г. Иван III мог посылать своих судебных чиновников в 53 города. Между тем, вступая в 1462 г. на великокняжеский стол, Иван III получил в наследство от своего отца Василия II всего 16 городов. Сравнение списка последних с данными ст. 30 Судебника 1497 г. показывает, что подавляющее число унаследованных городов Ивана III сохранилось за ним и в 1497 г. Это города Коломна, Владимир, Переяславль Залесский, Кострома, Галич, Устюг, Суздаль, Новгород Нижний, Муром, Юрьев, Боровск, Калуга и Алексин. Три объекта 1462 г. в 1497 г. не упоминаются: Соль (Солигалич), Вятская земля и Соль Великая. Если относительно Соли (Солигалича) и Соли Великой можно думать, что их пропуск в ст. 30 Судебника 1497 г. объясняется тем, что они не являлись уездными центрами, хотя центры уездов, куда входили названные поселения, в ст. 30 указаны: Галич и Юрьев[53], то относительно Вятской земли подобного сказать нельзя. Территория Вятки при Иване III приобрела особый статус, на которой власть великого князя всея Руси была ограничена самоуправлением вятчан. Трения между Иваном III и населением его домена, по-

[52] Судебники XV—XVI веков. С. 23. Чем руководствовались составители Судебника, определяя суммы, необходимые недельщикам на питание в пути, сказать трудно. Во всяком случае странно, что на дорогу от Москвы до Твери выделялась полтина и столько же на дорогу от Москвы до Зубцова, хотя Зубцов лежал от Москвы на 111 км дальше Твери. Ст. 44 Судебника указывала норму выплаты: «езд на версту по дензе», однако в ст. 30 такая норма не соблюдалась. Возможно, что статья 44 была приписана к Судебнику 1497 г. позднее.

[53] О Великой Соли в районе Юрьева в начале XV в. см.: АСЭИ. Т. III. № 481. С. 466. Более известна Великая Соль на р. Солонице, правом притоке Волги, на котором стояла еще и Малая Соль. Обе они входили в состав территории Костромского уезда. Однако упоминание в завещании Василия II Солей после таких центров, как Галич и Юрьев, заставляет локализовывать их соответственно в Галичском и Юрьевском уездах.

полнявшегося бежавшими туда новгородцами, порой достигали такой остроты, что в дело вступали войска. Так, в июне 1489 г. Иван III вынужден был послать на Вятку своих воевод за «неисправление» вятчан. Воеводы подвергли разорению Вятскую землю, пленили зажиточных вятчан и переселили их в Дмитров, Боровск и Кременец, а люди, сеявшие крамолу, были казнены[54]. Своей корпорации детей боярских и сопутствующих им черных людей у Ивана III в указанный период в Вятке, по всем показателям, не было.

Судя по ст. 30, Иван III удерживал за собой в 1497 г. главные города уделов своих родных братьев: Дмитров, Можайск, Медынь, Серпухов, Хотунь, Углич, Бежецк, Звенигород, Ржеву, Вологду.

В то же время некоторые города в ст. 30 Судебника 1497 г. не упоминаются. Ничего не сказано, например, о г. Касимове, который вместе с прилегавшим уездом был отдан Иваном III в управление Касиму Трегубу, младшему сыну хана Улуг-Мухаммеда. Не названы в ст. 30 и отдельные старинные русские города. Так, не указывается Волоколамск, который обязательно должны были проходить в XV в. московские войска, когда шли походами на Новгород или на Тверь. Нет и подчинявшейся Волоколамску Рузы. Отсутствие обоих городов в ст. 30 Судебника 1497 г. объясняется тем, что в 1497 г. Волоколамском владел старший сын волоцкого князя Бориса Васильевича Федор, а Рузой — младший сын Бориса Волоцкого Иван. Нет в перечне русских городов ст. 30 Судебника 1497 г. и тверского города Микулина. Микулин был центром владений союзников Ивана III микулинских князей, многочисленных сыновей князя Андрея Борисовича Микулинского, сохранивших за собой Микулинский удел после падения Тверского княжества. Таким образом, Судебник 1497 г. Ивана III был рассчитан для использования лишь в тех местах Русского государства, где были домениальные владения Ивана III. К 1497 г. эти владения сильно разрослись. По сравнению с первоначальными (1462) они увеличились в 3,3 раза. Управление выросшими в разы владениями делалось для старевшего Ивана III делом сложным и трудным, и он решился на кардинальный пересмотр судебной системы в своем домене, отдавая суды по определенным вопросам в руки провинциального боярства и дьячества, в пользу которых поступали и выплаты с тяжущихся сторон. Судебник 1497 г. зафиксировал проведенную реформу, но на короткое время. «Перемирная грамота» 1503 г. с Польско-Литовским государством позволила Ивану III обогатиться дюжиной новых городов, которые, судя по всему, стали его собственностью. Но они не были зафиксированы в Судебнике как великокняжеские. Самые поздние города, подпавшие под власть Ивана III и указанные в ст. 30 Судебника 1497 г., это Вязьма, Воротынск, Мезецк и Одоев, отошедшие к Русскому государству по договору 1494 г. Следовательно, Судебник 1497 г. мог быть действующим только до 1503 г., когда территория Русского государства приросла новыми городскими центрами. Значение же этого памятника русского права состоит в ином. Он вводил единую систему судопроизводства в домениальных владениях Ивана III, способствуя укреплению и усилению великокняжеской власти на Руси, превращению страны в монархическое государство.

Процесс превращения средневекового Московского княжества в обширное Русское государство во главе с Москвой, затронувший интересы многих стран, не только соседних, но и достаточно отдаленных, таких, например, как Датское ко-

[54] ПСРЛ. Т. 6, вып.2. Стб. 325—326.

ролевство, государства Италии, Шведское королевство, привел к установлению и расширению связей Руси с другими странами, обмену послами, росту взаимовыгодной торговли, появлению в Русском государстве инженеров, умевших строить крепости, архитекторов, оружейников и ювелиров из других государств, главным образом европейских.

Конечно, в начале правления Ивана III к нему приезжали послы из соседних государств, которые и ранее посещали русские земли. Это, прежде всего, представители ханств, на которые в XV в. окончательно распалась Золотая Орда. В частности, летом 1474 г. к Ивану III прибыло посольство от Ахмата, хана Большой Орды, которая стала преемницей Орды Золотой. Во главе посольства стоял Каракучук. Его сопровождала свита в 600 человек. Вместе с посольством в Москву приехали 3,2 тыс. гостей, которые привели с собой на продажу 40 тыс. лошадей «и иного товару много»[55]. После нападения вятчан на Сарай в 1471 г. и ответного сожжения Ахматом города Алексина в 1472 г. это был первый шаг к восстановлению мирных отношений между Большой Ордой и Москвой. В июле 1476 г. в Москве снова появился посол Большой Орды, на сей раз Бочюк, которого сопровождали всего 50 человек свиты и 550 купцов, снова с лошадьми «и с товаром всякым»[56]. После «стояния на Угре» в 1480 г. дипломаты из обессилевшей и раздробившейся Большой Орды в Москву приезжали очень редко. О ежегодном приезде в 1470-е годы послов из Астраханского ханства к Ивану III писал итальянский дипломат Амброджио Контарини, живший в Москве в 1476—1477 гг. С Казанским ханством, с которым Иван III долго и упорно воевал начиная с 1467 г., велись и дипломатические переговоры. Очень дружественные отношения установились у Ивана III с Крымским ханством. Москва и Бахчисарай постоянно обменивались посольствами[57].

Неоднократно к великому князю всея Руси приезжали послы из Великого княжества Литовского, а в 1493 г. к Ивану III впервые прибыл посол от мазовецкого князя Конрада[58]. С Тевтонским, а также с Ливонским орденами московские князья имели дела неоднократно, но дипломатические переговоры никогда не велись в Москве. В 1482 г. сюда впервые приехали посланники Ливонского ордена[59].

К прежним дипломатическим связям добавлялись новые. И их было значительно больше, чем старых. При Иване III Москва впервые увидела послов из Чагатайского государства (Средняя Азия), Ногайской орды и Шемахи (Азербайджан). В 1492 г. в Москве встречали послов из Иверской земли (Грузия), которая до этого не поддерживала отношений с русскими княжествами на протяжении нескольких столетий. В 1499 г. к Ивану III приехал посол из принадлежавшей Турции крымской Кафы[60].

Особенно интенсивными стали связи с европейскими странами. В последней трети XV — начале XVI в. в Москву прибывали посольства из Рима, Венгрии, Венецианской республики, Священной Римской империи, Датского королевства, Молдавии, городов Ганзейского союза. Приходили даже представители далекой северной Каянской земли, о чем говори-

[55] ПСРЛ. Т. 25. С. 302.
[56] Там же. С. 309.
[57] ПСРЛ. Т. 25. С. 302, 309.
[58] ПСРЛ. М.; Л., 1962. Т. 27. С. 213.
[59] ПЛ. М.; Л., 1941. Вып. 1. С. 79; ПСРЛ. СПб., 1853. Т. 6. С. 22.
[60] ПСРЛ. Т. 25. С. 331; Т. 28. С. 335, 332; Т. 27. С. 291.

лось ранее[61]. Почти во все эти страны отправлялись и послы Ивана III. Русское государство активно включалось в международную жизнь, и его столица, Москва, делалась местом важных международных встреч и переговоров.

Главный город государства Ивана III за время его правления изменил свой облик. Большие богатства, которые получил великий князь всея Руси в 1471 и 1477—1478 гг. в результате войны и присоединения Новгорода Великого, позволяли ему тратить средства на строительные работы в Москве, приглашая при этом известных европейских специалистов. Все началось с приезда весной 1475 г. знаменитого итальянского зодчего Аристотеля Фиораванти, который должен был завершить строительство Успенского собора в Московском Кремле — центрального храма митрополии Московской и всея Руси. Москвичи с любопытством и большим вниманием следили за его работой, не упуская никаких мелочей. Летописец записал, что они обращали внимание даже на то, чем кладется известковый раствор на кирпичи и камни. Русские клали известь деревянными лопатками, а уроженец Болоньи делал это железной лопаткой, что было аккуратнее и экономнее. На возведение храма Аристотель Фиораванти затратил четыре года. Когда он закончил свою работу, в соборе побывал летописец и остался в восхищении. «Бысть же та церковь, — записал он, — чюдна велми величеством и высотою, свѣтлостью и зъвоностью и пространством, такова же преже того не бывала в Руси, опрочѣ Владимерскыа церкви»[62]. Позднее в Московском Кремле было построено еще несколько церквей итальянскими мастерами, но среди них уже не было Аристотеля Фиораванти. Оказалось, что он не только выдающийся зодчий, но и «пушечник нарочит», умевший отливать пушки и стрелять из них. Вторую профессию Аристотеля в Москве посчитали более существенной и перевели его в изготовители пушек и в артиллеристы. Фиораванти принял участие в походе на Новгород в 1477—1478 г., походах на Казань в 1482 г. и Тверь в 1485 г., где под его началом находились пушкари.

В Москве же в первой половине 1480-х годов в Кремле начались оборонительные работы. Их необходимость была вызвана опасениями московского правительства, что начавшееся сближение Михаила Борисовича Тверского с польским королем Казимиром IV может привести к неожиданному удару их сил по Москве, а наличие у того и у другого правителя полевой артиллерии может сделать такой удар решающим. Эти опасения отразились в договорах Ивана III с рязанским князем Иваном Васильевичем от 9 июня 1483 г., с князем Михаилом Верейским от 12 декабря 1483 г., с тверским князем Михаилом Борисовичем от начала 1484 г., с братом Борисом Волоцким от 2 февраля 1486 г.[63], в которых поляки (ляхи) были названы противниками Ивана III, а их король Казимир IV в февральском договоре 1486 г. — «недругом» великого князя всея Руси. Таким образом, по меньшей мере с начала июня 1483 г. и по конец августа 1486 г. отношения между Иваном III и Казимиром IV были враждебными и в любой момент могли перерасти в открытую войну. Это обстоятельство и вынуждало московское правительство заняться обороной своей столицы.

Строительство новых крепостных стен Московского Кремля началось со стороны р. Москвы. 19 июля 1485 г. Антон Фрязин

---

[61] *Хорошкевич А.Л.* Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в. С. 89—90, 93, 95, 137, 140—142, 178, 179.

[62] ПСРЛ. Т. 25. С. 323—324.

[63] ДДГ. № 76. С. 283—284; № 78. С. 293 (запрет Михаилу Верейскому сноситься с сыном Василием, служившим польскому королю); № 79. С. 296, 297; № 81. С. 316.

заложил стрельницу, как тогда называли башни, на берегу р. Москвы, и вывел под нею тайник. Тайник делался у Чешковых ворот, т. е. в середине южной части кремлевской стены[64]. От этого тайника башня позднее получила название Тайницкой.

Через два года в столице появился еще один Фрязин — Марк (Марко Руффо), специализировавшийся на возведении дворцов, но умевший строить и оборонительные сооружения. По приезде в Москву он также незамедлительно включился в перестройку кремлевских стен. В 1487 г. Марко Руффо построил Беклемишевскую башню «на углѣ внизъ по Москвѣ»[65]. В конце мая 1488 г. Антон Фрязин заложил стрельницу вверх по р. Москве на месте бывшей угловой Свибловой башни и также сделал тайник[66]. Тем самым было завершено возведение южного участка крепости. Но в Москве не вполне были удовлетворены работой обоих итальянских инженеров-строителей.

В августе 1487 г. в Италию вновь отправилось посольство во главе с перешедшими на русскую службу греками Дмитрием и Мануилом Ралевыми. Посольству было поручено продолжать поиски «хитрого» каменщика, поскольку в Москве завершались работы по возведению южной стены и предстояло строительство восточной и западной кремлевских стен, в инженерном отношении наиболее сложное. Зимой 1489/90 г. Ралевы привезли в Москву известного в Европе строителя крепостных сооружений Пьетро Антонио Солари, выходца из знаменитой миланской семьи архитекторов и скульпторов Солари. Пьетро Антонио и стал руководителем всех строительных работ в Кремле, получив статус генерального «архитектуса» Московии[67].

В 1490 г. Пьетро Антонио Солари закончил две стрельницы: одну у Боровицких ворот, другую у Константиноеленских (бывших Тимофеевских). Он же соорудил стену между Свибловой и Боровицкой башнями[68]. В марте 1491 г. Солари вместе с Марком Руффо заложил две башни — у Фроловских ворот и у Никольских, причем Никольская башня была поставлена на новом месте, а кремлевская стена от этой башни была протянута до р. Неглимны, «города прибавиша»[69]. В августе 1491 г. Пьетро Антонио Солари завершил возведение Фроловской башни[70]. В 1492 г. сделали фундамент стены от Фроловской башни до Никольской, а на другой стороне Кремля построили над р. Неглимной совершенно новую стрельницу с тайником, позднее названную Троицкой башней[71].

Через короткое время Иван III приказал уничтожить все дворы и церкви, стоявшие по берегам р. Неглимны на расстоянии 110 сажень от Кремля для возведения новой западной кремлевской стены и ее сохранения от возможных пожаров[72]. Смерть Солари в 1493 г. и случившийся в том же году большой пожар в Кремле, охвативший и другие места в Москве, приостановили работы по строительству крепости. Только весной 1495 г. был подготовлен фундамент кремлевской стены вдоль р. Неглимны, место для которого освободили три года назад. При этом стену поставили

---

[64] ПСРЛ. Т. 18. С. 271; Т. 27. С. 287, 358.

[65] Там же. С. 288, 359.

[66] Там же. С. 271; Т. 27. С. 287, 358; СПб., 1859. Т. 8. С. 217.

[67] *Флоря Б. Н.* Русские посольства в Италию и начало строительства Московского Кремля // Государственные музеи Московского Кремля: Материалы и исследования. М., 1980. Вып. 3. С. 12—17.

[68] ПСРЛ. Т. 18. С. 273; Т. 6, вып. 1. Стб. 328.

[69] ПСРЛ. Т. 25. С. 332; Т. 18. С. 274; Т. 27. С. 290, 361.

[70] ПСРЛ. Т. 25. С. 332; Т. 18. С. 274.

[71] ПСРЛ. Т. 28. С. 276; Т. 27. С. 292, 363; Т. 28. С. 157, 322.

[72] ПСРЛ. Т. 28. С. 278.

ближе к реке, что несколько расширило территорию крепости[73]. А в мае 1499 г. еще один появившийся в Москве итальянец Алевиз (Алоизио да Каркано) построил участок каменной стены от двора Ивана III до Боровицкой башни[74]. Окончательно кремлевская цитадель была закончена уже при Василии III, когда весной 1508 г. он повелел «вкруг града Москвы ровъ дѣлати каменем и кирпичемъ и пруды чинити въкругъ града Алевизу Фрязину». В итоге Кремль стал не только крепостью с мощными стенами и башнями, но и крепостью на острове. Последнего превращения Иван III уже не видел. Он умер 27 октября 1505 г.

Иван III оставил после себя дорогое наследие: громадное по территории государство и многолюдную столицу с первоклассной крепостью на кремлевском холме. Значительнейшая часть этого достояния была завещана им своему старшему сыну от второго брака с Софьей Палеолог Василию III. На востоке Европы из скованного на долгое время чужеземной властью и разделенного изнутри средневекового княжества поднялось молодое сплоченное Русское государство.

Русь и Орда при Иване III. Ликвидация зависимости

К началу правления Ивана III Васильевича на месте некогда единой Орды сложилось несколько фактически независимых политических образований: Казанское и Крымское ханство, Ногайская Орда на левобережье Нижней Волги. «Центральная» часть бывшей ордынской державы, занимавшая пространство между Днепром и Волгой, управлялась сыновьями хана Кичи-Мухаммеда (ум. в 1459 г.); ее правитель формально считался главным из ханов. Он по-прежнему рассматривался как сюзерен великого князя московского. Иван III начал править по ярлыку, полученному от Кичи-Мухаммеда еще при жизни своего отца, Василия II Васильевича (скорее всего, в 1449 г.)[75]. Тем не менее сразу же после вокняжения Ивана Васильевича (1462) происходит примечательное изменение в формулировке пункта об отношениях с Ордой в договорных грамотах князей московского дома. Со времени завещания Дмитрия Донского (1389) в нем применялись слова: «А переменить Богъ Орду» — в этом случае предполагалось, что не будет выплачиваться выход. Эта формулировка сохранялась (как в духовных, так и в договорных грамотах) и при Василии Дмитриевиче, и при Василии Васильевиче. Лишь однажды — в договоре Василия Васильевича с Михаилом Андреевичем, князем верейским и белозерским, датируемом не позднее 1445 г., применяется иная формула: «А коли яз, князь велики, в Орду не дам, и мне у тебя не взяти». Но в позднейших докончаниях Василия Васильевича и в его духовной продолжала применяться формула: «А переменить Богъ Орду». С началом же княжения Ивана Васильевича (и в течение всего его правления) применяется именно та, не прививашаяся при Василии II, оговорка: «А коли яз, князь велики, выхода в Орду не дам, и мнѣ у тебе (удельного князя.— *А. Г.*) не взяти». Таким образом, возможность неуплаты выхода теперь связывается не с «переменой» Орды, а только с волей великого князя. Первой грамотой такого рода является

[73] ПСРЛ. Т. 28. С. 160.

[74] Там же. С. 332.

[75] См.: *Горский А. А.* Москва и Орда. М., 2000. С. 153—154.

докончание Ивана Васильевича с тем же Михаилом Андреевичем, заключенное до 13 сентября 1464 г., т.е. в первые два года правления нового великого князя[76].

Через три года после вступления на великое княжение Ивана Васильевича впервые со времен Тохтамыша сам хан Орды отправился в поход на Москву: в 1465 г. такую попытку предпринял Махмуд, сын Кичи-Мухаммеда. Поход сорвался, так как на Дону на Махмуда напал крымский хан Хаджи-Гирей и нанес ему поражение[77]. Скорее всего, причиной гнева правителя Орды на московского князя было присоединение Иваном III к своим владениям в 1463 г. Ярославского княжества без ханской санкции[78].

В конце 1460-х годов Московское великое княжество в течение нескольких лет воевало с Казанским ханством, причем предпринимало наступательные действия. Походы московских войск на Казань поначалу не приносили успеха, но в конце 1469 г. удалось заключить мир на выгодных условиях[79].

В ситуации фактического распада Орды на несколько государственных образований ее «центральная» часть с 1470-х годов определяется в источниках как *Большая Орда*[80] (в смысле главная из орд). Примечательно в связи с этим, что этот термин появляется в летописании одновременно с переходом в актовых источниках (с 1473 г.) к упоминанию «орд» во множественном числе[81] — и то, и другое отражало стремление приспособиться к новой политической ситуации в степях Восточной Европы.

Летом 1472 г. хан Большой Орды Ахмат, сын Кичи-Мухаммеда, совершил поход на Москву. 29 июля его войска подошли к г. Алексину на правом берегу Оки. На следующий день ордынцам удалось сжечь упорно сопротивлявшийся город. Но их попытка переправиться на левый берег реки была отбита подоспевшими московскими войсками. В ночь на 1 августа Ахмат поспешно отступил и возвратился в степь[82]. Скорее всего, причиной выступления хана было приведение московским князем в покорность в 1471 г. Новгорода: Ахмат поддержал претензии на верховенство над Новгородской республикой польского короля и великого князя литовского Казимира IV, и поход Ивана III на Новгород в свете этого смотрелся как нарушение воли сюзерена[83].

Отражение похода хана («самого царя», как подчеркивали летописцы-современники) имело серьезные последствия: в Москве возобладало мнение о необходимости прекратить отношения зависимости с Большой Ордой. Это выразилось, в первую очередь, в прекращении выплаты дани: к 1480 г. она не платилась «девятый год»[84], т.е. как раз с 1472. Кроме того, Иван III начал переговоры с врагом Ахмата — крымским ханом Менг-

---

[76] ДДГ. № 19, 20, 21, 22, 24, 27, 30, 33, 34, 35, 38, 43, 45, 47. 48, 56, 58, 64. С. 54, 56, 59, 64, 66, 71, 76, 79, 85, 88, 90, 93, 96, 99, 108, 111, 113, 116, 131, 134, 137, 139, 144, 147, 171, 174, 182, 185, 197, 209, 211.

[77] ПСРЛ. Пг., 1921. Т. 24 (Типографская летопись). С. 186.

[78] *Горский А. А.* От *земель* к *великим княжениям*: «примыслы» русских князей второй половины XIII—XV в. М., 2010. С. 131—132.

[79] *Алексеев Ю. Г.* Походы русских войск при Иване III. СПб., 2007. С. 36—95.

[80] ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25. (Московский летописный свод конца XV в.). С. 277, 291, 292, 299, 302, 303, 308. Применение этого термина к более ранним временам, начиная с 1430-х годов, отмечается только в позднейшей — 1520-х годов — Никоновской летописи и являет собой явную ретроспекцию.

[81] ДДГ. № 69. 70. С. 226, 228, 231, 234. 236, 238, 240, 244, 246, 249; *Горский А. А.* Москва и Орда. С. 161—163.

[82] ПСРЛ. Т. 25. С. 297—298; *Алексеев Ю.Г.* Походы русских войск при Иване III. С. 146—181.

[83] *Горский А. А.* Москва и Орда. С. 156—158.

[84] ПСРЛ. М.; Л., 1959. Т. 26 (Вологодско-Пермская летопись). С. 265.

ли-Гиреем. Отношения с ним изначально строились как отношения «братьев и друзей», выплата каких-либо традиционных податей, восходивших к временам ордынского единства, исключалась. В 1480 г. был заключен московско-крымский договор, в котором были поименованы два «вопчих недруга» договаривающихся сторон — Ахмат и Казимир[85].

Что касается Большой Орды, то Иван III некоторое время продолжал обмен с ней послами, стремясь не доводить дело до военного столкновения. Но в 1476 г., когда пошел уже пятый год неуплаты дани, посол Ахмата привез требование хана великому князю явиться к нему в Орду (чего не бывало со времен Тохтамыша)[86]. Иван III не подчинился, после чего конфликт стал неизбежным. Ахмат отправился в новый поход на Москву только в 1480 г., договорившись о союзе с Казимиром IV. Ситуация, помимо возможности одновременного выступления Казимира, осложнялась и тем, что дело происходило во время конфликта Ивана III с братьями — Борисом Волоцким и Андреем Угличским. На сей раз хан обошел окский рубеж с запада и вышел к р. Угре левому притоку Оки, двигаясь по литовским владениям. Однако расчет на соединение с Казимиром не оправдался[87], а московские войска успели занять оборону. Попытки татар переправиться через Угру были неудачны. Тем временем мятежные братья примирились с Иваном. Великий князь 30 сентября приехал с театра военных действий в Москву, где пребывал около двух недель. В его окружении возникли разногласия: часть приближенных в сложившейся ситуации выступила за признание власти хана[88]. Другие же (среди них митрополит Геронтий, архиепископ ростовский Вассиан, игумен Троице-Сергиева монастыря Паисий, старший сын великого князя Иван Иванович Молодой, воевода князь Даниил Холмский) выступали за решительное сопротивление. Противоборствующие войска два месяца простояли на берегах Угры, левого притока Оки, служившей границей между Московским и Литовским государствами. У Ивана III, по-видимому были колебания: согласно рассказу Львовской и Софийской второй летописей, он «ко царю… послал Ивана Товаркова с челобитьем и з дары, прося жалованья, чтоб отступил прочь, а улусу бы своего не велел воевати»[89], т. е. был готов в обмен на уход ордынского войска признать, что Московское великое княжество является по-прежнему «царевым улусом» — зависимым от Орды государством. Но Ахмат не удовлетворился дарами и таким формальным признанием зависимости, требуя личного приезда великого князя. Когда стало ясно, что этого не произойдет, хан смягчил требование, предлагая прислать вместо себя сына или брата. Когда Иван не сделал и этого, Ахмат предложил прислать Никифора Басенкова (ранее, в 1474 г., ездившего в Большую Орду послом). Предложение отправить посла-боярина было совсем уже мягким и неоскорбительным. Тем не менее великий князь не пошел и на это. По-видимому, за время, прошедшее с отъезда Товар-

[85] Сб. РИО. СПб., 1884. Т. 41. С. 1—25.

[86] ПСРЛ. Т. 25. С. 308–309.

[87] Это не было связано, как часто считается, с нападением на владения Казимира крымских татар (они совершили в октябре 1480 г. лишь незначительный набег); главные причины заключались в сложностях внутриполитической ситуации в Литве и в том, что Казимир не смог собрать польских коронных войск (см.: *Назаров В Д.* Свержение ордынского ига на Руси. М., 1983. С. 53; *Алексеев Ю. Г.* Освобождение Руси от ордынского ига. Л., 1989. С. 104—105).

[88] *Лурье Я. С.* Две истории Руси XV века: Ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства. СПб., 1994. С. 191—193.

[89] ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 20, 1-я половина. С. 346; СПб., 1853. Т. 6. С. 231.

кова, он принял позицию группировки, ратовавшей за решительный отпор хану. Возможно также, что поступили сведения о неготовности татарского войска продолжать кампанию в условиях подступавших зимних холодов[90].

В начале второй декады ноября Ахмат начал поспешное отступление. Отходя, хан разграбил верхнеокские владения Литвы, а отряд во главе с его сыном Муртозой пытался сделать то же с московскими волостями на правобережье Оки, но отряды братьев великого князя не позволили ему этого. Попытка восстановить ордынскую власть над Московским великим княжеством не удалась[91]. А гибель Ахмата в январе 1481 г. в результате нападения сибирских татар и ногаев[92] окончательно похоронила подобные планы.

Таким образом, в течение 1472—1480 гг. произошло обретение Русским государством независимости от хана Орды. Следствием этого стало нередкое применение к Ивану III титула *царь*[93], равного титулу правителей Орды и «постордынских» ханств (хотя официального венчания на царство не произошло ни при Иване III, ни при Василии III).

В последующие годы Иван III сохранял союз с Крымским ханством с целью противостояния Большой Орде, где боролись за первенство сыновья Ахмата. В 1485—1491 гг. (до 1485 г. Ахматовичи не проявляли внешнеполитической активности, очевидно, из-за междоусобной борьбы) между Крымом и Большой Ордой происходили постоянные столкновения с переменным успехом. Менгли-Гирей неоднократно просил великого князя о военной поддержке, но Иван посылал войска очень неохотно, причем это были преимущественно не собственно русские отряды, а служилые татары, а также казанцы (с 1487 г. Казанское ханство находилось под московским протекторатом). В 1487 г. великий князь посылал «под Орду» касимовских татар и своих людей под командованием брата Менгли-Гирея Нурдовлата, бывшего тогда касимовским «царем», а в 1490 и 1491 гг.— отряды его сына Сатылгана; в последнем случае в походе участвовали казанцы и русская рать. Но всякий раз до решительных столкновений с войсками Большой Орды дело не доходило[94].

В отношениях с Казанским ханством в 1480-е годы Иван III использовал политику вмешательства в шедшую там династическую борьбу. В 1487 г. московские войска взяли Казань, хан Алегам был захвачен в плен, а на казанский престол возведен Мухаммед-Эмин, сын казанской ханши-вдовы Нурсултан, годом ранее ставшей женой союзника Ивана III крымского хана Менгли-Гирея[95]. Казанское ханство на два десятилетия стало зависимым от Московского государства. Иван III поддерживал дипломатические контакты также с Ногайской Ордой и Сибирским ханством.

В первые годы XVI столетия, когда Москва вела войну с Великим княжеством Литовским и одновременно с Ливонским орденом, отношения с Большой Ордой вновь

---

[90] ПСРЛ. Т. 26. С. 265—266, 273—274; Т. 24. С. 199—200; Т. 20, 1-я половина. С. 346; Т. 6. С. 231; РФА. М., 1987. Вып. 2. С. 269—271, 275—277, 335—337.

[91] См. подробный анализ событий осени 1480 г.: *Назаров В. Д.* Свержение ордынского ига на Руси; *Алексеев Ю. Г.* Освобождение Руси от ордынского ига; *Он же.* Походы русских войск при Иване III. С. 216—266.

[92] ПСРЛ. Т. 25. С. 328; Т. 20, 1-я половина. С. 346; СПб., 1982. Т. 37. (Архангелогородский летописец). С. 95.

[93] В дипломатическом документе оно встречается впервые в договоре, заключенном великим князем от имени Новгорода с Дерптом в январе 1474 г., вскоре после отражения первого похода Ахмата (ГВНП. № 78. С. 133, 135).

[94] *Горский А. А.* Москва и Орда. С. 172.

[95] *Алексеев Ю. Г.* Походы русских войск при Иване III. С. 280—293.

обострились. В 1501 г. хан Шейх-Ахмет (сын Ахмата), действуя как союзник Литвы, двинулся в верховья Дона. Сюда же пришел московский союзник Менгли-Гирей, а в помощь ему двинулись московские войска. Но до битвы дело не дошло, Менгли-Гирей вернулся в Крым, а Шейх-Ахмет разорил города Северщины (только что отвоеванные войсками московского великого князя у Литвы). В этой ситуации Иван III зимой 1501—1502 гг. в качестве дипломатического хода пошел на формальное признание зависимости от Шейх-Ахмета, московский посол привез хану дань. Целью было расстроить литовско-большеордынский союз. Одновременно Москва активно побуждала Менгли-Гирея к походу для нанесения решающего удара Большой Орде. В мае 1502 г. крымский хан наконец выступил и в начале июня в районе днепровских притоков Самары и Сулы «взял» Орду Шейх-Ахмета. Бежавший хан отправил в Москву посла с предложением: в обмен на отход от союза с Литвой и нейтральное отношение к Крыму Шейх-Ахмет просил Ивана III «достать» ему престол Астраханского ханства. Результата это обращение не имело, и зимой 1503—1504 гг. Шейх-Ахмет укрылся в Великом княжестве Литовском[96].

Падение Большой Орды создало новую конфигурацию в отношениях молодого Российского государства с «постордынскими» политическими образованиями. Теперь главным из них стало Крымское ханство. Отношения Москвы с Крымом к этому времени уже устоялись как отношения равных партнеров (при сохранении элементов, связанных с признанием более высокого международного статуса крымского хана как носителя «царского» титула[97]). Определились условия для начала борьбы России с Крымским ханством за влияние на остальные государства, сложившиеся на развалинах Орды.

---

[96] *Горский А. А.* Москва и Орда. С. 181—184.

[97] *Усманов М. А.* Жалованные акты Джучиева улуса XIV—XVI вв. Казань, 1979. С. 186—205.

Глава 3

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА. ПРОИЗВОДСТВО И ТОРГОВЛЯ. ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

В истории материальной культуры Руси XV век — понятие довольно условное, поскольку ее базовые трансформации связаны с последней четвертью XIV столетия, с концом второй четверти XV в. и с началом его последней четверти. В политическом плане они связаны, соответственно, с такими событиями, как возвышение Московского княжества, Куликовская битва и разгром Тамерланом золотоордынского Поволжья; начало феодальной войны; брак Ивана III с Софьей Палеолог и приезд в Москву Аристотеля Фиораванти. Дальнейшее развитие в материально-культурном и художественном отношении принадлежит скорее «длинному» XVI в. и будет описано в его составе.

Рассматриваемый период в целом характеризуется появлением на свет собственно московской художественной среды и обеспечивающих ее производств, в первую очередь городских. В его начале, в 1370—1380-х годах, происходит окончательный отказ от унаследованных традиций XII—XIII вв., очень заметный в городской среде: до конца столетия практически не доживает мода на стеклянные браслеты; из обихода исчезают последние шиферные пряслица; радикально меняется, обогащаясь, набор керамической посуды; рождаются новые формы статусных предметов церковно-религиозного характера, таких как подвесные крестики, энколпионы, белокаменные гробы с оголовьями и плиты с антропоморфной композицией; впервые появляются специальные сосуды для соборования (помазание елеем). Рождается новая в отношении структурных элементов и характера резьбы церковная архитектура. Только теперь появляется в заметном количестве монета местного чекана — Москвы, Твери, Нижнего Новгорода, а вслед за ними и многих других городов, в том числе удельных, вплоть до самых мелких. Хотя это явление скорее политическое (манифестация достигнутого уровня самостоятельности небольших, все еще зависимых «государств») и экономическое (удовлетворение потребности в средстве обмена и финансовой самостоятельности), культурно-художественная составляющая здесь также велика, поскольку чеканка монеты указывает на известный уровень развития технологии, способность аккумулировать и пустить в оборот достаточное количество ценных и цветных металлов, а также адекватно выразить себя с помощью языка символов и надписей. Свидетельством развития государства и его аппарата можно считать появляющиеся именно в этот период мелкие печати-пломбы от имени великого князя, а также встреченные пока в небольшом количестве в Москве черновики документов, написанные на бересте (из четырех находок одна — протограф акта, другая — перепись имущества, возможно, в связи с наследованием или конфискацией).

Таким образом, список новшеств, которые принес финал XIV в. в материально-художественную культуру, достаточно велик

и постоянно пополняется. Причем касается это не только культуры элиты — археология позволяет оценить уровень перемен и в быту простых горожан и жителей сел.

Правда, археологически этот период изучен не лучше, а на ряде отрезков чуть ли не хуже предыдущего, т. е. слабо[1]. Однако объем находок в слоях городов Московского княжества существенно больше, и это само по себе говорит о количественном росте материального потребления; заметно и нарастание тяги к комфорту, пока в основном в высшем слое общества.

Именно в завершающие десятилетия XIV в. в московском массовом материале, прежде всего в керамике, становится заметной намечающаяся стандартизация продукции (окончательно она проявится в материалах конца XV в.) и повышение ее качества: керамической массы, в которой все меньше грубых примесей (дресвы, т. е. толченой старой керамики), и все больше тонких фракций, песка, который к концу века окончательно вытеснит грубые. Совершенствуется также формовка на круге, меняются подсыпки, улучшается обжиг, уходит в прошлое восстановительный процесс, обычный для керамики XIV в.

Традиционно основной сосуд древнерусской кухни, горшок, количественно по-прежнему превалирует, но приобретает особые черты — венчик, край которого формуют треугольным, напоминающим в профиле единицу: это позволяет плотнее закрывать горшок крышкой и увереннее держать ухватом. При этом горло сосуда может быть высоким или стремиться к S-образной форме. Гончары Москвы на протяжении XV в., как и раньше, работали с красножгущейся глиной, хотя в не слишком отдаленных районах (Коломна, Гжель) были доступны залежи беложгущейся глины, ее широко употребляли там в том числе и для изготовления горшков. Только в самом конце XV в. беложгущиеся глины, пусть и в небольшом количестве, станут устойчивой добавкой в составе керамического сырья гончаров Москвы[2].

Именно в XV в. возникли типы посуды, прежде всего столовой, в краснолощеной, глазурованной и ангобированной (с покрытием глиной иного цвета, чем основа, или с росписью глиной) технике. С этими технологическими типами связывается ряд новых форм, ранее неизвестных или крайне редких: кувшины со сливом и ручкой, кувшинообразные кружки, чарки, светильники. Им оказываются присущи и новые типы орнаментов: зубчатые наколки по плечикам, полосы лощения, ангобирование и др. Традиционный линейный орнамент, глубинно связанный с производством сосудов на круге быстрого вращения, упорно сохраняется (и даже в XV в. покрывает большую, чем раньше, часть тулова), но изначально соперничавший с ним волнистый орнамент играет незначительную роль.

Характерной чертой материальной культуры и художественной среды XV в. следует признать заметное восточное влияние, которое распространяется на Руси с известным запаздыванием по отношению к моменту нашествий и раннему удельному периоду. Резервуары и пути этого трансфера, а так-

[1] Но его легче характеризовать на основе сохранившихся монументальных памятников этого времени и некоторых музейных предметов.

[2] О новом в керамическом производстве Москвы XV в. см.: *Коваль В. Ю.* Белоглиняная керамика в средневековой Москве // РА. М., 2001. № 1. С. 98—109; *Он же.* Керамика из раскопок на Подоле Московского Кремля // Археология Подмосковья. М., 2016. Вып. 12. С. 437—475; классические труды: *Рабинович М. Г.* Культурный слой центральных районов Москвы // Древности Московского Кремля: Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1971. Т. 4. С. 9—116. (Материалы и исследования по археологии Москвы; № 167); *Розенфельдт Р. Л.* Московское керамическое производство XII—XVIII вв. М., 1968. (Археология СССР: Свод археологических источников; Вып. Е1—39); Московская керамика: Новые данные по хронологии. М., 1991. (Материалы и исследования по археологии Москвы; Т. 5).

же этническую принадлежность носителей определять довольно трудно, так как культура и состав населения соседней с востока и юга Золотой Орды были очень синкретичны. Тем более это касалось земель, все еще входивших в состав новых византийских «империй», прежде всего Анатолии, Черноморское побережье и центральные части которой составляли ту же часть единой системы мировой торговли, что Крым и Тана, — на Черном море его контролировали морские республики Италии, Венеция и Генуя. Представительства этих республик в Трапезундской империи (вплоть до ее гибели в 1461 г.) и их полунезависимые «сеттльменты» в Орде были важным каналом для связи Северо-Восточной Руси и с Европой, и с Азией (для контактов с которой, разумеется, существовали и иные пути). Эти связи осуществляли гости-сурожане, игравшие существенную роль в московской торговле XIV—XV вв. Есть сведения о появлении в Анатолии и других купцов (знаменитый Афанасий Никитин), а также паломников. Жившие в Москве представители этих групп участвовали в каменном строительстве и осуществлении сложных в технологическом отношении проектов, таких как литье колоколов[3]. Дальние связи овеществлялись в таких экзотических для Москвы XV в. предметах, как, например, глазурованная посуда из пригорода Валенсии, в крайне небольшом количестве, но все же встречающаяся в Москве[4].

В трансфере технологий важную роль могли играть и возвращавшиеся из Орды мастера, получившие опыт работы там; пленники, захваченные, нанятые или купленные русскими князьями в Орде (в том числе в городах Причерноморья); наконец, ремесленники, попавшие на Русь добровольно, в том числе — с выезжавшими на службу служилыми ордынцами. Все эти каналы активизировались сначала из-за усиления усобиц в Орде, затем получили мощный импульс при разорении Тамерланом ее основных центров, причем следом наступили голод и эпидемия, закончившиеся только в 1405 г. Часть искавших спасения и заработка, видимо, направились в знакомые им княжения, прежде всего в Нижний Новгород, Рязань, Москву, Тверь.

По-видимому, именно этим переселениям Москва обязана новшествам в организации керамического производства: в ордынском Поволжье некоторое время керамику делали почти в промышленном масштабе, в крупных, хорошо организованных мастерских, по самым сложным для того времени технологиям. Краснолощеные сосуды Москвы конца XIV—XV вв. чрезвычайно похожи и по формам, и по технике изготовления на болгарские. В землях востока и севера Орды хорошо представлены горшки явно русского происхождения, а наряду с ними другие предметы, говорящие о присутствии там больших групп православных христиан. Это рисует культурный и технологический трансфер как вполне реальный.

В материалах Московского княжества постепенно выделяется слой, в котором обозначено присутствие явно импортных вещей, в основном ордынских, в числе которых не только привозная керамика (ее вкрапления хорошо заметны на общем фоне местной кухонной и столовой посуды XV в.), но и металлические изделия: зеркала с арабскими благопожелательными надписями; перстни с «узлом счастья»; браслеты с зооморфными окончаниями и, конечно, монеты (в сравнении с отчеканенными на месте они, однако, немногочисленны). Важно отметить, что

[3] Еще Сыроечковский допускал (*Сыроечковский В. Е.* Гости-сурожане. М., 1935. С. 23), что колокольный мастер Борис, отливший в 1346 г. ансамбль колоколов, не случайно назван Никоновской летописью Римлянином (ПСРЛ. СПб., 1885. Т. 10. С. 217), что он прибыл в Москву из итальянских колоний Крыма.

[4] Последнюю находку см.: Археология Московского Кремля: Раскопки 2016—2017 гг. / Под ред. Н. А. Макарова, В. Ю. Коваля. М., 2018. С. 79; предыдущие: *Коваль В. Ю.* Испанская люстровая керамика в Москве // РА. 1996. № 1. С. 169—176.

в реальном городском слое с этим поволжским (в основном) импортом соседствуют первые типологически выраженные «московские» вещи, такие как мелкие металлические иконки с грубой эмалью и крестики с вытянутой нижней частью ствола.

Особое место занимают археологически фиксируемые элементы погребального обряда и поминовения. Неоспоримо важные для православных жителей Руси и ранее, и позже, они именно в XV в. образуют особую группу, которая маркирует «московский погребальный обряд». В нее входят белокаменные гробы и надгробные плиты; со второй половины XV в. — специфически московские кресты и достаточно широко распространенные на Верхней Волге валунные надгробия[5]. Археологически выражено в Москве с конца XIV в. также совершение предсмертного и посмертного помазания.

Необычный антропоморфный (с выраженным оглавием и сужением к ногам) саркофаг из белого камня (вероятно, существовали их деревянные аналоги) появился в Англии и Франции после крестовых походов, породивших особое, спаянное с восточнохристианским направление в искусстве Европы, и будет существовать до конца XVI в. Корни саркофага в форме человеческого тела уходят в глубокую древность Средиземноморья, в Египет и на Ближний Восток. Не вполне ясно, каким образом, но его унаследовала Византия в период после иконоборчества, хотя особенно широкого развития он там не получил. Полагают, что в Москве эта форма, соединяющая традицию Древнего Востока и романской Европы, стала известна с конца XIV в.[6], — так с момента выхода в свет «Древностей Российского государства» датировали два саркофага из западного притвора церкви Спаса на Бору[7]. Еще шесть саркофагов, из собора Вознесенского монастыря в Кремле, могут датироваться не ранее его создания в начале XV в.[8] Их традиционно соотносят с погребениями великих княгинь, совершенными с разрывом в 15—30 лет и менее (1407, 1422, 1453, 1466, 1467, 1485 гг.), но отсутствие надписей не позволяет в этом убедиться. Зародившись в XV столетии, этот тип каменного гроба позже будет широко воспроизводиться в Москве, в то время как в других христианских странах останется на периферии[9].

---

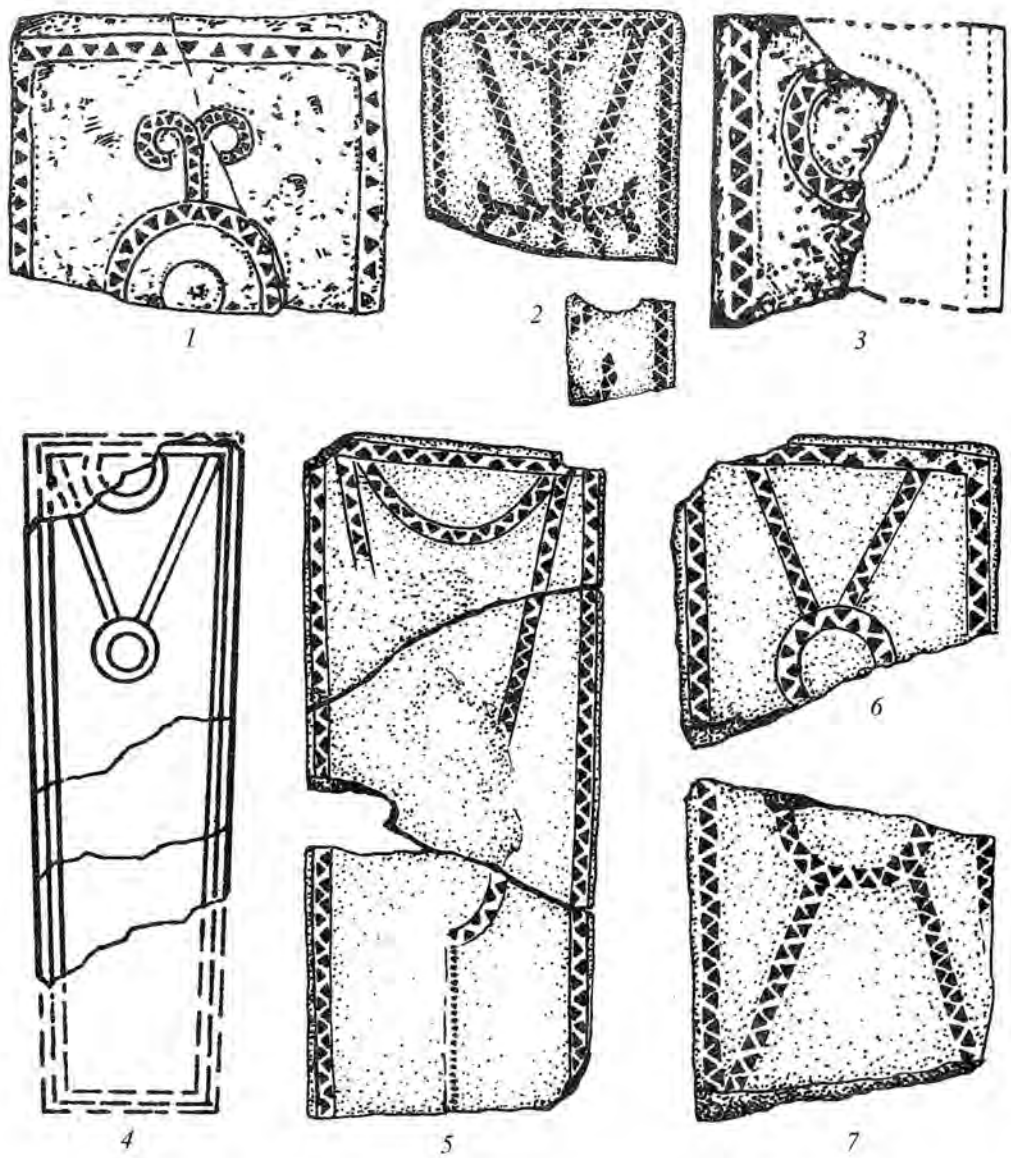
[5] Появление крестов и надгробий-валунов датируют концом XV в. в связи с тем, что так датированы первые надписи на них, но и на плитах из белого камня надписи появятся тогда же, однако сам тип артефакта уходит гораздо глубже, в XIII в. Вероятно, валуны использовали в XIV—XV вв., если не ранее, а белокаменные кресты по крайней мере в течение XV столетия. См.: *Алексеев А. В., Кузьменко С. В.* Московские средневековые каменные кресты с геометрическим декором. М.; Звенигород, 2020; *Авдеев А. Г.* Валунные надгробия Верхневолжья (конец XV — вторая треть XVIII в.): Вопросы генезиса, бытования и источниковедения. М., 2015.

[6] Переходные или, наоборот, трансформированные формы можно видеть в гробницах из Савватиевой пустыни, где сочетается едва выраженное оглавие и ребро продольной оси (обнаружена в 2009 г., см.: *Беляев Л. А.* Родовая усыпальница князей Пожарских и Хованских в Спасо-Евфимиевом монастыре Суздаля: 150 лет изучения. М., 2013. Рис. 85), и в саркофаге из Коломны, вероятно, гораздо более позднем (см.: *Мазуров А. Б.* Архитектурно-археологические исследования в Коломне (1947—1984 гг.) // Вестн. ГСГУ. 2019. № 1 (33). С. 3—44).

[7] См.: *Солнцев Ф. Г.* Древности Российского государства. М., 1849. Отд. 1. Л. 107 (и последующая традиция такой датировки, доходящая до современности).

[8] *Панова Т. Д.* Некрополь русских великих княгинь и цариц в Вознесенском монастыре Московского Кремля: В 2 т. Т. 2: Погребения XV — начала XVI века. М., 2015.

[9] Подробнее: *Беляев Л. А.* Заметки по истории антропоморфных саркофагов в Европе и России // Города и веси средневековой Руси: Археология, история, культура: К 60-летию акад. Н. А. Макарова. М.; Вологда, 2015. С. 365—374; *Он же.* К хронологии антропоморфных саркофагов Руси XV—XVII вв. // КСИА. 2018. Вып. 252. С. 219—232.



Надгробные плиты и крышки саркофагов. Известняк, резьба. XIII—XIV вв.
1 — Старая Рязань; *2—3, 5—7* — Богоявленский за Торгом монастырь. Москва;
4 — Московский Кремль, кладбище Успенского собора

Гораздо многочисленнее надгробные плиты, которые на рубеже XIV—XV вв. обретают схематическую орнаментальную композицию, так же, как и саркофаг, напоминающую лежащую человеческую фигуру, — решение, широко распространенное в скульптурном, рельефном и иных вариантах надгробных плит Европы романского и готического периодов. Время перестройки композиции (в XIII—XIV вв. полностью симметричной) приходится на конец столетия; в первой трети XV в. есть датированные примеры надгробий с хорошо выраженной антропоморфной композицией, подчеркнутой обозначениями деталей одеяния (налобный венчик; пояс и др.). Таковы плиты ми-

трополитов Киприана (1406), Фотия (1431) и аналогичные им, встречаемые в XV в. на ряде монастырских некрополей Москвы и в ее уезде (кладбище в селе Коломенское и др.). Надписей ни одна плита до 1480-х годов не имеет (однако они есть на крестах). Позже они заполнят надгробия очень быстро, существенно изменив композицию, — но это в большей степени сюжет XVI в.

Интересным, ведущим в культуру XV в., стал обычай оставлять в погребениях сосуд, который был употреблен для предсмертного помазания или окропления (елеем в смеси с вином), а также для окропления или посыпания покойного (прахом, пеплом из кадильницы) перед погребением[10]. Как и остальные новшества, он появился в 1380—1340-х годах и за XV в. приобрел известное распространение. Предполагают, что сам обряд и особенно обычай оставлять эту последнюю посуду в могиле (часто внутри саркофага или деревянного гроба) был усвоен благодаря учительной практике митрополита Киприана, поскольку в его ответе на вопрос игумена Высоцкого серпуховского монастыря Афанасия такой сосуд упоминается[11]. В европейских провинциях Византии (в том числе на славянских Балканах, в греческом Салонике и в Крыму) обряд археологически фиксируется примерно в то же время или несколько ранее[12]. В России практика доживает до современности, обеспечивая возможность прослеживать развитие не только обряда, но и «моды» на определенные типы сосудов в их связи с бытовой посудой. В конце XIV—XV в. предпочитали специально сделанные традиционные кубки (чаши), похожие на точеную на станке деревянную посуду для питья (хотя встречаются

Крышка антропоморфного саркофага. Известняк, теска. Москва. Чудов монастырь. Конец XIV — начало XV в.

[10] К истории и методике изучения погребальных сосудов Позднего Средневековья // De mare ad mare: Археология и история: Сб. статей к 60-летию Н. А. Кренке / Ин-т археологии РАН. Смоленск, 2017. С. 119—136; *Панченко К. И.* Христианские погребения с сосудами в Московской Руси: К состоянию вопроса // РА. 2021. № 4.

[11] См.: *Киприан, митроп.* Ответ ко Афанасию вопросившему о некоих потребных вещах // РИБ: В 39 т. СПб., 1880. Т. 6. Стб. 243—270.

[12] Des pots dans la tombe (IXe—XVIIIe siècle). Regards croisés sur une pratique funéraire en Europe de l'Ouest. Actes du colloque de Caen… Caen, 2017.

и очень маленькие, почти в размер наперстка, и очень крупные, достигающие объема большой вазы). Обычно это изделия из хорошо отмученной чистой глины с зелено-желто-коричневой глазурью (не всегда по ангобу), но в монастырской практике встречаются и самодельные лепные чашечки[13].

Массовый материал, связанный с двумя важнейшими сферами обеспечения жизни, — изделия из черного металла для труда и войны, — меняется не так выразительно. В производстве сырья целиком господствует сыродутный горн, появившиеся же в Европе зачатки доменного производства и передельного процесса, при внедрении механизмов с водяным приводом, на Руси в XV в. неизвестны. Однако технологии все же меняются. Так, при исследовании многочисленных ножей, одного из универсальных орудий Средневековья, выяснилось, что среди домонгольских изделий преобладают выкованные по более простым технологическим схемам, из однородного материала (железа, сырцовой стали). В XV в. многие предметы продолжают делать таким же образом, но в то же время распространяется наварка стального лезвия на железную основу, в том числе косая боковая наварка (половина всех наварных предметов), а с рубежа XV—XVI вв. сложные сварные технологии начнут доминировать в кузнечном деле. Тезис о том, что с расширением рынка умножаются ножи, целиком кованные из сырцовой стали, в материалах Рязани не подтверждается, напротив, возрастает доля ножей, изготовленных по сложным схемам, и параллельно умножается число импортных ножей, с клеймами на лезвиях и самшитовыми рукоятями[14].

В отношении предметов личного обихода XV в. особых перемен не наблюдается. Правда, до нас почти не дошло бытовой одежды. Но обувь и следы кожевенного производства в культурных слоях города представлены хорошо и указывают на известное влияние степного и восточного вкуса[15].

---

[13] *Панченко К. И.* Керамические сосуды XV—XVI вв. из погребений Троице-Сергиевой лавры // Археология Подмосковья. Вып. 12. С. 547—554.

[14] Ср.: *Завьялов В. И., Розанова Л. С., Терехова Н. Н.* Русское кузнечное ремесло в золотоордынский период и эпоху Московского государства. М., 2007. С. 142, 143; *Завьялов В. И.* Ножи, рукояти, ножны из Переяславля Рязанского (по материалам Житного раскопа) // РА. 2020. № 1. С. 157—164.

[15] *Осипов Д. О.* Обувь Московской земли XII—XVIII вв. М., 2006. С. 86—87. (Материалы охранных археологических исследований; Т. 7).

Глава 4

ЦЕРКОВЬ И РЕЛИГИОЗНЫЕ ДВИЖЕНИЯ

Митрополия Киевская и всея Руси в конце XIV — первой трети XV в.

После кончины митрополита Киевского и всея Руси Алексия 12 февраля 1378 г.[1] осложнился вопрос о единстве и возглавлении митрополии, реальный центр которой со второй четверти XIV в. находился в Москве. Более десятилетия продолжалась острая церковно-политическая борьба претендентов на руководство Русской церковью.

Великий князь владимирский и московский Дмитрий Иванович хотел видеть на первосвятительском престоле Михаила, архимандрита кремлевского Спасо-Преображенского монастыря (Спаса на Бору), до принятия монашества бывшего великокняжеским печатником, носившим имя Митяй. Об этом была уведомлена и Константинопольская патриархия[2]. В этой акции, безусловно, проявились великокняжеские притязания на контроль над аппаратом управления Русской церковью.

Согласно агиографическому преданию, отразившемуся в Житии Сергия Радонежского первой половины XV в., митрополит Алексий незадолго до смерти предлагал возглавить церковь игумену подмосковного Троицкого монастыря Сергию Радонежскому, но тот из смирения отказался[3]. Отказ игумена, если он имел место в действительности[4], мог быть продиктован тем, что Сергий имел добрые отношения с митрополитом Киевским (с 1375 г.) Киприаном и разделял намерение последнего, поддерживаемое константинопольским патриархом Филофеем, возглавить Русскую церковь после кончины Алексия[5].

В конце июля 1379 г. архимандрит Михаил в сопровождении великокняжеских и митрополичьих бояр и слуг отправился на поставление в столицу Византии. О поездке рассказывается в летописной «Повести о Митяе», автор которой относился к великокняжескому фавориту недоброжелательно[6]. Когда в августе 1379 г. корабль с русской делегацией был уже вблизи Константинополя, архимандрит Михаил неожиданно скончался. Сложности ситу-

---

[1] ПСРЛ. Пг., 1922. Т. 15, вып. 1. Стб. 120.

[2] РИБ: В 39 т. 2-е изд. СПб., 1908. Т. 6. Прилож. 33. Стб. 205.

[3] *Клосс Б. М.* Избр. труды: В 2 т. Т. 1: Житие Сергия Радонежского. М., 1999. С. 368—369.

[4] О том, что Алексий в конце жизни мог не возражать против предложенной великим князем кандидатуры, косвенно свидетельствует тот факт, что монашеский постриг печатника Митяя совершил архимандрит основанного Алексием кремлевского Чудова монастыря; уже в тот же день Михаил-Митяй был поставлен в архимандриты (ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 126).

[5] РИБ. Т. 6. № 20. Стб. 173—186.

[6] См.: *Прохоров Г. М.* Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы: Повесть о Митяе. 2-е изд. СПб., 2000. По дороге в Орду хан Тюляк выдал кандидату на митрополию ярлык, близкий по содержанию тому, который ранее от хана Бердибека получил митрополит Алексий (ПРП: В 8 вып. М., 1955. Вып. 3. С. 465—466, 469—470).

ации прибавляло то, что к тому времени патриарх Макарий, который пригласил Михаила-Митяя на поставление, был смещен, а новый глава церкви еще не был избран.

Послы решили не возвращаться на Русь без поставленного митрополита и выбрать кандидата в главы русской церкви из церковной части делегации. После многих споров по поводу того, кого следует представить новому патриарху как великокняжеского кандидата на поставление, бояре избрали таковым переславль-залесского архимандрита Пимена. На «харатии» (листе пергамена) с великокняжеской печатью без текста, выданной делегации для облегчения получения ею денежных займов в случае необходимости, была написана грамота якобы от лица великого князя Дмитрия Ивановича с просьбой к патриарху о поставлении в митрополиты всея Руси Пимена[7].

В мае или июне 1380 г.[8] патриархом Константинопольским стал Нил Керамевс (1380—1388), который с собором в июне 1380 г. и поставил Пимена митрополитом с титулом Киевский и Великой Руси. Болгарин Киприан, провозглашенный патриархом Филофеем Коккином в 1375 г. митрополитом Киевским с правом наследования объединенной митрополии всея Руси, в 1378 г. не был пропущен по распоряжению Дмитрия Ивановича в Москву. Теперь он вынужден был публично отказаться от своих претензий на возглавление русской церкви и, более того, был обвинен в неканоническом поставлении при жизни митрополита Алексия[9]. В конечном итоге, однако, за Киприаном было оставлено управление церковью Малой Руси и Литвы, которая после его смерти должна была перейти в ведение Пимена.

Русскую церковь в это время в качестве местоблюстителя митрополичьего престола фактически возглавлял коломенский епископ Герасим, который благословил великого князя Дмитрия Ивановича и русское войско перед Куликовской битвой 1380 г. с ордынцами темника Мамая[10]. Имеются основания полагать, что архиереи Коломны, второго по значимости из городов Московского княжества, где епископия была учреждена около середины XIV в., являлись московскими викариями, т. е. заместителями митрополита и временно исполняющими обязанности главы церкви в те периоды, когда митрополия «вдовствовала» по причине смерти первосвятителя или его принудительного ухода с кафедры (со второй половины XV в. викариями становятся епископы Сарские и Подонские, обустроившие в это время резиденцию в московских Крутицах). Из Коломны происходил и сам Михаил-Митяй («един (из) коломенских поп(ов)»[11]), замеченный там великим князем Дмитрием, выдвинувшим его сначала в свои печатники, в архимандриты, а затем и в кандидаты на митрополию[12].

Дошедшие до Москвы сведения о поставлении в столице Византии не Михаила-Митяя, а Пимена вызвало у великого князя сильное недовольство. В феврале 1381 г. Дмитрий Иванович по-

---

[7] ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 128—131; РИБ. Т. 6. Прилож. 33. Стб. 205—210.

[8] *Мейендорф И. Ф., прот.* Византия и Московская Русь: Очерк по истории церковных и культурных связей в XIV в. // *Мейендорф И. Ф., прот.* История Церкви и восточнохристианская мистика. М., 2000. С. 483, 491.

[9] РИБ. Т. 6. Прилож. 30. Стб. 176—180.

[10] ПСРЛ. М., 2000. Т. 4, ч. 1. С. 315; М., 2000. Т. 6, вып. 1. Стб. 459—460; см. также: *Кучкин В. А.* Был ли митрополит Киприан в 1380 г. в Москве? // Анфологион: Власть, общество, культура в славянском мире в средние века. М., 2008. С. 258—275. (Славяне и их соседи; Вып. 12).

[11] ПСРЛ. 15, вып. 1. Стб. 125.

[12] См.: *Мазуров А. Б.* Средневековая Коломна в XIV — первой трети XVI в.: Комплексное исследование региональных аспектов становления единого Русского государства. М., 2001. С. 170—246, 318—319.

слал в Киев посольство во главе со своим духовным отцом игуменом великокняжеского Симонова монастыря Феодором (племянником Сергия Радонежского), приглашая в Москву Киприана. 23 мая 1381 г., в день Вознесения Господня, тот прибыл в Москву. Пимена же встретили в декабре того же года в Коломне люди великого князя, которые «сняша белыи клобук с главы его», конфисковали его ризницу и отправили в объезд Москвы в заточение в Заволжье — в Чухлому. Его спутники также понесли различные наказания[13].

Однако после нашествия на Русь в августе 1382 г. хана Тохтамыша и разорения его войсками Москвы бежавший в Тверь Киприан был заподозрен, по-видимому, в пролитовских симпатиях и сближении с великим князем тверским Михаилом Александровичем, который претендовал на великое княжение владимирское и тайно отправился в Орду за ярлыком в начале сентября. Под давлением Дмитрия Донского Киприан в октябре вынужден был уехать в Киев. На митрополичью кафедру был возвращен Пимен. Зимой 1383/84 г. он поставил в Москве двух епископов. Смоленскую кафедру получил Михаил, и это может свидетельствовать о том, что в Смоленске признавали митрополитом именно Пимена, а не Киприана (в эти годы Смоленск перестал подчиняться Литве).

На новообразуемую Пермскую епископию был поставлен уроженец Устюга хорошо образованный иеромонах Стефан. Пермская епископия изначально была миссионерской. Агиограф Епифаний Премудрый в Житии Стефана (начало XV в.) после рассказа о миссионерских трудах иеромонаха Стефана в Великой Перми (в том числе сокрушение идолов, изобретение пермской азбуки и перевод на язык коми-зырян богослужебных книг) пишет, что подвижник пришел в Москву с предложением учреждения новой епархии для новообращенных «зырян» и при этом был поставлен в епископы митрополитом Пименом по согласованию с великим князем[14]. Кафедральным центром новой епархии стал основанный Стефаном погост Усть-Вымь.

Учреждение Пермской кафедры возмутило новгородского архиепископа Алексия, поскольку Пермь раньше считалась «вотчиной Святой Софии», и тот «послал дружинники воевати Пермскую епархию». После победы над новгородцами устюжан, пришедших на помощь пермскому епископу, Стефан совершил в 1386 г. примирительный визит в Новгород, и конфликт был улажен[15].

Возобновление спора о высшей церковной власти на Руси пришлось на 1383 г., когда в Византию «о управление митрополиа Русскыа» вместе с великокняжеским духовником Федором отправился архиепископ Нижегородский, Суздальский и Городецкий Дионисий, ранее резко возражавший против возможности поставления Михаила-Митяя[16]. В соборном постановлении 1389 г. говорится, что нижегородский епископ имел с собой грамоты, направленные против Пимена и содержащие просьбу о поставлении его самого в митрополиты всея Руси[17]. Поездку Дионисия в Константинополь в 1383 г. можно поставить в связь с заключенным между Дмитрием Ивановичем и великим князем литовским Ягайло соглашением, по которому последний

[13] ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 131—132, 143; РИБ. Т. 6. Прилож. 33. Стб. 210.

[14] Святитель Стефан Пермский: К 600-летию со дня рождения. СПб., 1995. С. 162—167.

[15] Документы по истории Коми // Историко-филологический сборник Коми филиала АН СССР. Сыктывкар, 1958. Вып. 4. С. 260; см. также: *Флоря Б. Н.* Коми-Вымская летопись // Новое о прошлом нашей страны: Памяти акад. М. Н. Тихомирова. М., 1967. С. 227—231.

[16] ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 148.

[17] РИБ. Т. 6. Прилож. Стб. 212.

обещал принять православие и жениться на дочери московского великого князя. Дионисий должен был объединить под своей властью обе части митрополии — западнорусскую, возглавляемую Киприаном, и великорусскую, во главе которой находился Пимен[18].

Патраирх Нил исполнил прошение великого князя Дмитрия Ивановича[19]. Однако московско-литовское соглашение к тому времени перестало отвечать интересам литовской стороны, и в Великом княжестве Литовском продолжили признавать законным митрополитом Киприана. Поэтому в 1384 г. на обратном пути Дионисий был задержан в Киеве князем Владимиром (Василием) Ольгердовичем и вскоре, в октябре 1385 г., скончался в заключении. В 1386 г. великий князь литовский Ягайло принял католичество и стал польским королем Владиславом II. Обращение в католицизм виленской правящей династии стало чрезвычайно важным фактором, влияющим на жизнь Русской церкви, прежде всего, в ее западнорусских епархиях.

К этому времени митрополит Пимен вновь находился в Константинополе, куда отправился в начале мая 1385 г., будучи вызван на судебное разбирательство приехавшими в Москву патриаршими послами[20]. В отсутствие митрополита на Руси в 1387 г. тверской великий князь Михаил Александрович принудил оставить кафедру неугодного ему епископа Евфимия Висленя (в 1390 г. он был уже законно лишен кафедры церковным судом во главе с митрополитом Киприаном[21]). Пимен возвратился в Москву 6 июля 1388 г. «без исправы»[22], но был принят великим князем Дмитрием как законный митрополит. В феврале 1389 г. на Константипольском соборе, состоявшемся при новом патриархе Антонии IV, Пимен был заочно объявлен низложенным, а Киприан был восстановлен в правах митрополита Киевского и всея Руси[23]. 13 апреля 1389 г. Пимен, не сообщив предварительно великому князю, выехал в Константинополь[24], где не смог оправдаться и вскоре, 10 сентября, умер в турецких владениях, в Халкидоне[25].

Иноком Игнатием Смольнянином, принадлежавшим к окружению сопровождавшего Пимена смоленского епископа Михаила, было составлено обстоятельное описание («Хожение») последнего путешествия митрополита, с продолжением до 1393 г.[26] Русский книжник подробно, уделяя время пейзажу и погоде, описывает дорогу до византийской столицы по Оке, Дону, Азовскому и Черному морю. В Константинополе Игнатий, живя вместе со своим епископом в монастыре Пантократора, помимо традиционного поклонения христианским святыням, общался с живущими там русскими, описал начавшуюся там борьбу за византийский престол, свидетелем которой он стал в 1390—1391 гг. Следует отметить, что вообще русско-византийские контакты рассматриваемого времени были преи-

---

[18] См.: *Флоря Б. Н.* Договор Дмитрия Донского с Ягайло и церковная жизнь Восточной Европы // Неисчерпаемость источника: К 70-летию В. А. Кучкина. М., 2005. С. 233—237.

[19] ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 150—151.

[20] РИБ. Т. 6. Прилож. № 33. Стб. 214.

[21] См.: *Конявская Е. Л.* Очерки по истории тверской литературы XIV—XV вв. М., 2007. С. 110—133.

[22] ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 154.

[23] РИБ. Т. 6. Прилож. 33. Стб. 211—226.

[24] ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 155.

[25] *Прохоров Г. М.* Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы: Повесть о Митяе. С. 458—463; ПСРЛ. СПб., 2002. Т. 42. С. 158—159.

[26] Хождение Игнатия Смольнянина / Под ред. С. В. Арсеньева // ППС. СПб., 1887. Т. 4, вып. 3 (12).

мущественно церковными, они носили как паломнический, так и дипломатический характер[27].

6 марта 1390 г. в качестве законного митрополита Киевского и всея Руси из Константинополя в Москву въехал Киприан[28]. После долгого перерыва под властью митрополита, имевшего резиденцию в Москве, оказалась вся митрополия, в том числе епархии на территории Великого княжества Литовского и Польши[29], кроме возобновленной в 1371 г. Галицкой митрополии (Холмская, Перемышльская, Владимиро-Волынская и Туровская епархии), на ликвидацию которой, вопреки стараниям Киприана поставить на ее территории своих епископов, Константинополь не пошел.

Московским и владимирским великим князем к тому времени стал Василий I Дмитриевич (1389—1425). В начале 1390-х годов Киприан произвел обмен с Василием I некоторыми землями (Алексин на Оке на слободу Караш Ростовского уезда)[30], а после присоединения Нижегородского княжества к Москве в 1392 г. Нижний Новгород и Городец были выведены Киприаном из Суздальской епархии (которой при епископе Дионисии были временно переданы митрополитом Алексием) и воссоединены с митрополичьей областью, на что суздальский архиепископ Евфросин безуспешно жаловался константинопольскому патриарху Антонию IV[31].

В конце XIV в. обострились отношения Москвы с Новгородом, в том числе и в церковной сфере. Долгое время оставался неразрешенным вопрос об апелляционном суде митрополита в Новгороде, доходы от которого шли в митрополичью казну. В Великий пост 1385 г. новгородское вече при архиепископе Алексии приняло решение, ограничивающее полномочия митрополита (которым в то время был Пимен) в Новгородской земле, касающиеся доходов от традиционного апелляционного суда, которые шли в митрополичью казну: «...не звати ся к митрофолиту, судити владыке Алексею в правду по манакануну (Номоканону, сборнику церковного права. — *М.П.*)»[32]. Тем самым было положено начало длительному противостоянию Великого Новгорода с митрополичьей кафедрой.

После визита Киприана в Новгород в 1391 г., когда новгородцы во главе с архиепископом Иоанном не откликнулись на просьбы митрополита, им было наложено отлучение на новгородскую часть епархии, снятое после посредничества константинопольского патриарха Антония IV и военного вмешательства великого князя Ва-

---

[27] О путешествиях в Византию и обратно см.: *Majeska G. P.* Russian Travellers to Constantinople in the 14th and 15th Centuries. Washington, 1984; *Маджеска Дж.* Русско-византийские отношения в 1240—1453 гг.: Паломники, дипломаты, купцы // Из истории русской культуры / Сост. А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский. М., 2002. Т. 2, кн. 1. С. 358—373; *Малето Е. И.* Средневековая Русь и Константинополь: Дипломатические отношения в конце XIV — середине XV в. М., 2018.

[28] ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 157—158.

[29] В «Списке русских городов дальних и ближних» упоминается более 350 городов Руси, Молдавии, Валахии и Болгарии. Если первоначальный вариант списка (или его основа) был составлен в 1394—1396 гг. (*Наумов Е. П.* К истории летописного «Списка русских городов дальних и ближних» // Летописи и хроники. 1973. М., 1974. С. 150—163; ср., однако: *Кучкин В. А.* Датировка списка «А се имена градом всем руским далним и ближним» // ДРВМ. 2015. № 3 (61). С. 70—72; обоснование датировки памятника 1448—1449 гг.), то этот список мог иметь отношение к обозначению территории и территориальным претензиям митрополии Киевской и всея Руси при митрополите Киприане (*Флоря Б. Н., Турилов А. А.* Киприан // ПЭ. М., 2013. Т. 33. С. 639).

[30] АФЗХ: В 3 ч. М., 1951. Ч. 1. № 1. С. 23—24.

[31] РИБ. Т. 6. Прилож. 41—42. Стб. 277—292.

[32] ПСРЛ. Т. 4, ч. 1. С. 342.

силия Дмитриевича[33]. Однако конфликт продлился еще несколько десятилетий. В начале XV в. Киприан даже на три года задержал в Москве новгородского архиепископа Иоанна, приехавшего по его вызову[34]; ранее, весной 1398 г., Иоанн благословил новгородские войска на отвоевание Подвинья, занятого войсками Василия Дмитриевича[35].

В условиях обострения отношений с Новгородом в 1395 г. Киприан установил прямые отношения с Псковом, не пойдя, однако, на учреждение в одном из крупнейших русских городов епископской кафедры[36]. В Пскове, приобретшем фактическую государственную независимость от Новгорода, но в церковном отношении остававшемся включенным в состав Новгородской епархии, на протяжении XIV—XV вв. сложилась своеобразная система церковного управления. Она включала выборного из мирян-псковичей владычного наместника, самоуправляющееся белое духовенство, объединенное в шесть соборов, главным из которых был Троицкий, а также старост из мирян, ведающих хозяйственной стороной жизни отдельных приходских церквей и монастырей; псковское вече активно вмешивалось в церковные дела и нередко вершило суд над «попами» по духовным вопросам[37].

В непосредственном управлении Киприана и его преемников находилась митрополичья область — пожалованные главе Русской церкви территории (во Владимирском, Переяславском, Московском и других уездах Владимирского и Московского великих княжеств), с которых взималась дань на содержание митрополита и его административного аппарата. Епархии, в том числе и митрополичья область, делились на административные округа — так называемые десятины, в которых повседневными делами управления и сбором пошлин занимались светские чиновники митрополии — десятинники (или десятильники).

В последней трети XIV в. становится более заметной тенденция к включению в митрополичий двор мирян на должности бояр, стольников, дьяков и слуг, что отличало русские церковные порядки от принятых в Византии[38]. После 1390 г. состав служилого двора Киприана пополнился великокняжескими боярами, что выражало стремление Василия I лучше контролировать управление церковью[39]. Напротив, должности, связанные с хозяйственными делами митрополичьего дома — дворецких и казначеев (экономов), — как правило, занимали люди духовного звания; наместниками главы церкви в крупных городах могли быть как иноки, так и светские лица при преобладании первых. К середине XV в. служилые люди митрополита ведали судебными делами, о принятии решений по которым докладывали митрополиту.

При Киприане был заключен договор (докончание) с великим князем Васили-

---

[33] НПЛ. М.; Л., 1950. С. 384—387; ПСРЛ. Т. 4, ч. 1. С. 370—375; Т. 15, вып. 1. Стб. 161; СПб., 1913. Т. 18. С. 141; РИБ. Т. 6. Прилож. Стб. 237—240. № 37; Стб. 253—262. № 38.

[34] НПЛ. С. 396, 398.

[35] Там же. С. 391.

[36] Киприан, по-видимому, регулярно отправлял свои послания в епархии. Сохранился комплекс его посланий в Новгород и Псков (РИБ. Т. 6. № 26—31. Стб. 229—244; РФА. М., 2008. № 135. С. 488—489).

[37] См.: *Мусин А. Е.* Церковь и горожане средневекового Пскова: Историко-археологическое исследование. СПб., 2010.

[38] См.: *Кузьмин А. В.* На пути в Москву: Очерки генеалогии военно-служилой знати Северо-Восточной Руси в XIII — середине XV в. М., 2015. Т. 2. С. 9—105.

[39] Там же. С. 102—103; *Веселовский С. Б.* Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. М.; Л., 1947. Т. 1, ч. 2. С. 415—416, 418—419.

ем Дмитриевичем (датировка памятника дискуссионна — 28 июня 1392 или 1404 г.)[40]. Договор определил налоговый статус владений митрополии (сельские владения освобождались от пошлин, митрополичьи люди в городе оставались тяглыми, с митрополичьих волостей Лух и Сенег взималась дань, идущая на уплату ордынского «выхода»), подтверждалась судебно-административная власть церковных иерархов над зависимым населением, а митрополита — над настоятелями монастырей, монахами и белым духовенством. Устанавливался «суд вопчей» или «сместной» (совместный, княжеско-митрополичий) для случаев жалоб мирян на духовных лиц. При этом запрещалось ставить в священники и дьяконы великокняжских слуг, а светские чиновники митрополии объявлялись подсудными великому князю и обязаны были встать под его стяг во главе с митрополичьим или великокняжеским воеводой в случае начала Московским великим княжеством боевых действий. Таким образом центральная церковная администрация более строго встраивалась в судебно-административную и налоговую систему, а также в военно-служилые порядки Московского великого княжества.

Митрополит Киприан принял меры по приведению русского богослужения в соответствие с византийским (в конце XIV в. в Русской церкви началось введение Иерусалимского устава вместо Студийскго), на Руси развернулась широкая переводческая и книгописная работа (на этот период приходится «второе южнославянское влияние» в восточнославянской книжности), начинается расцвет древнерусской церковной живописи (связанный в конце XIV — начале XV в. с именами Феофана Грека, Андрея Рублева, Даниила Черного, Прохора с Городца). По всей видимости, по инициативе Киприана началась работа над общерусским летописным сводом, который обычно датируют 1408 г. (отразился в Троицкой летописи[41], которая погибла в московском пожаре 1812 г., но до этого выписки из нее успел сделать Н. М. Карамзин). Известны ответы Киприана игумену Афанасию по дисциплинарным, каноническим и богослужебным вопросам. В частности, митрополитом была осуждена практика владения монастырями селами с зависимыми людьми[42]. Вопрос об этом будет наиболее остро поставлен так называемыми «нестяжателями» десятилетия спустя, в конце XV — начале XVI в.

Весной 1396 г. Киприан побывал с визитом в Смоленске[43], годом ранее захваченном правителем Великого княжества Литовского Витовтом. Скорее всего, именно там в присутствии литовского и московского великих князей митрополит выдвинул идею проведения на этой территории, где под властью одного государя проживают как католики, так и православные, Вселенского собора об объединении западной и восточной церквей. Однако патриарх Антоний IV в посланиях королю Ягайло-

[40] АСЭИ. М., 1964. Т. 3. № 6. С. 18—20; Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. / Подгот. Я. Н. Щапов. М., 1976. С. 176—179; РФА. 2008. № 3. С. 84—86 (две последние публикации с датой 1404 г.). Современные исследователи больше склоняются к датировке 1392 г.: *Каштанов С. М.* К предыстории идеи «Москва — Третий Рим» // Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма. Новосибирск, 1990. С. 262—273; *Он же.* Исследования по истории княжеских канцелярий средневековой Руси. М., 2014. С. 303—312; *Горский А. А.* Докончание Василия I и митрополита Киприана: Проблема датировки // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. М., 2019. Вып. 6. С. 51—55; *Он же.* О датировке «докончальной грамоты» великого князя Василия Дмитриевича и митрополита Киприана // Труды ИРИ РАН. М., 2021. Вып. 16. С. 35—40.

[41] См: *Приселков М. Д.* Троицкая летопись: Реконструкция текста. 2-е изд. М.; Л., 1950; СПб., 2002.

[42] РИБ. Т. 6. № 32. Стб. 244—270.

[43] *Приселков М. Д.* Троицкая летопись: Реконструкция текста. С. 447.

Владиславу и митрополиту Киприану отклонил предложение о соборе, сославшись на неудобство времени и места (достаточно сказать, что столица Византии в то время находилась в турецкой блокаде)[44]. В 1404—1405 гг. Киприан, стремясь урегулировать непростые московско-литовские отношения, в том числе церковные, вновь совершил длительную поездку к великому князю литовскому Витовту, а затем и к королю Владиславу-Ягайло[45].

После того как в 1406 г. в своей пригородной резиденции Голенищево умер Киприан, великий князь литовский Витовт поспешил выдвинуть на вдовствующую митрополию Киевскую и всея Руси своего кандидата — полоцкого епископа Феодосия[46]. В Константинополе, однако, предпочли поставить грека Фотия (1408—1431). Новый митрополит прибыл в Москву к Пасхе 22 апреля 1410 г.[47]

Поскольку Северо-Восточная Русь, включая митрополичью область, в 1408 г. была разорена нашествием ордынского эмира Едигея, Фотий прилагал усилия к восстановлению церковного хозяйства и финансов митрополии, обращаясь за помощью к великому князю московскому Василию I Дмитриевичу[48]. Кроме того, с самого начала пребывания на Руси Фотий озаботился вопросом состояния церковной дисциплины и нравственности. Им были написаны многочисленные послания (сохранились в основном грамоты, адресованные в Псков и Новгород), посвященные обличению таких недостатков жизни горожан, прежде всего мирян, как пьянство, невенчанные браки, многоженство, ростовщичество, суеверия, сквернословие и пр. Кроме того, митрополитом резко осуждались судебные поединки («поле») и практика нарушения принесенной присяги («роты») после крестоцелования. Духовенству давались разъяснения по ряду богослужебных и церковно-уставных вопросов. В этом Фотий продолжил пастырскую деятельность своего предшественника на кафедре, Киприана[49].

В 1411/1414 гг. Фотий выступил посредником при помолвке между наследником византийского престола Иоанном (будущим императором Иоанном VIII), сыном императора Мануила II Палеолога, и Анной, дочерью Василия I (по этому случаю, по-видимому, был изготовлен сохранившийся до настоящего времени саккос Фотия, на котором имеются шитые изображения новобрачных, самого митрополита, а также московского великого князя и его супруги Софии Витовтовны).

Фотий неоднократно покидал Москву и посещал западную часть своей митрополии, как епархии на территории Литвы, так и польский Галич (что свидетельствует о прекращении существования Галицкой митрополии по крайней мере с начала 1410-х годов). В 1411 г., будучи в Литве,

---

[44] РИБ. Т. 6. № 44. Стб. 297—302; № 45. Стб. 303—310; *Флоря Б. Н.* Исследования по истории Церкви: Древнерусское и славянское средневековье. М., 2007. С. 334—335.

[45] Akta grodzkie i ziemskie z czasów Rzeczypospolitej polskiej y Archivum tak zwanego Bernadyńskiego we Lwowie. T. 7. N 26 (с ошибочной датой).

[46] АЗР: В 5 т. СПб., 1846. Т. 1. № 25. С. 36; РИБ. Т. 6. № 39. Стб. 329; *Афанасенко Ю.* Новогрудский собор 1415 г. в церковной политике великого князя Витовта // Studia historica Europae Orientalis. Минск, 2015. Вып. 8. С. 91—122.

[47] ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 186; НПЛ. С. 401.

[48] ПСРЛ. СПб., 1901. Т. 12. С. 14; РИБ. Т. 6. № 35. Стб. 289—304.

[49] РИБ. Т. 6. № 33—35. Стб. 269—304; № 39. Стб. 315—356; № 41—44. Стб. 361—388; № 46. С. 391—400; № 48—51. С. 403—438; № 53. С. 465—472; № 55—60. С. 476—522; *Казакова Н. А., Лурье Я. С.* Антифеодальные еретические движения на Руси XIV — начала XVI в. М.; Л., 1955. Прилож. 3—6. С. 243—255; Книга, глаголемая Фотиос. М., 2005; РФА. 2008. № 114. С. 371—380; № 120—122. С. 403—413; № 125—131.I. С. 419—475; № 133. С. 482—485; № 136—137.I. С. 490—501; № 141. С. 507—512.

он, очевидно, способствовал заключению московско-литовско-тверского союза[50].

Равное внимание Фотия к частям своей митрополии, находившимся в разных государствах, однако, не было по достоинству оценено литовскими властями. В 1414 г. Витовт, поддержанный королем Владиславом-Ягайло, обратился в Константинополь о поставлении для территории Литвы особого митрополита. 15 ноября 1415 г. собравшиеся в Новогрудке (Новогородке Литовском на р. Неман) восемь западнорусских епископов (в том числе перемышльский и холмский, епархии которых находились в Польском королевстве, а также бывший претендент на титул митрополита Феодосий Полоцкий) отказались признавать власть Фотия и избрали на Киевскую митрополию ученого болгарского инока Григория Цамблака[51]. Новообразованная церковь была объявлена автокефальной (самоуправляющейся), причем светская и церковная византийские власти были обвинены в симонии — продаже даров Святого Духа (незаконном поставлении в епископы и священники). Имеются свидетельства, что Витовт планировал распространить власть митрополита Григория на Новгород и Тверь[52].

Фотий ответил обширным Окружным посланием с резким осуждением и каноническим опровержением этой акции[53]. Григорий был объявлен изверженным из сана как в Византии (патриархами Евфимием и Иосифом II), так и в Москве[54].

Однако через некоторое время Григорий Цамблак был все же признан в Византии, власти которой не желали обострения отношений с Польшей и Литвой в условиях постоянной турецкой угрозы[55]. В начале 1418 г. делегация западнорусского духовенства во главе с Григорием Цамблаком прибыла на Констанцский собор католической церкви, где митрополит призвал новоизбранного папу римского Мартина V к соединению церквей, но лишь после дискуссии о вероучении, с чем католическая сторона не была согласна. Там же, согласно Хронике соборного нотария Ульриха Рихенталя, присутствовали и делегации православных городов Великого княжества Литовского, таких как Витебск, Смоленск, Брянск и Стародуб, а также, довольно неожиданно, послы из Великого Новгорода[56], что, вероятно, отражает неоднозначную позицию новгородской элиты относительно предложения литовской стороны перейти под церковную власть западнорусского митрополита[57].

Зимой 1419/20 г. Григорий умер в Киеве, после чего единство митрополии Киевской и всея Руси было восстановлено (этому способствовало и сближение властей Москвы и Вильны, начавшееся уже в 1418 г.). В 1420—1421 гг. Фотий посетил западнорусские епархии, где вел переговоры с Витовтом и послами византийского императора[58]. Следующие его визиты в Литву и Польшу приходятся на 1423[59] и 1427—1428 гг.[60] В это время он должен

---

[50] ПСРЛ. М., 1980. Т. 35. С. 33.

[51] РИБ. Т. 6. № 38. Стб. 309—314.

[52] LECUB. Reval, 1867. Bd. 5. Nr. 2047 (пересказ содержания: Codex epistolaris Vitoldi magni ducis Lithuaniae. Cracoviae, 1882. № 657); *Турилов А. А.* Послание митрополита Григория Цамблака великому князю тверскому Ивану Михайловичу (1415 г.) // ДРВМ. 2015. № 4 (62). С. 104—106.

[53] РИБ. Т. 6. № 39. Стб. 315—356.

[54] Там же. № 40. Стб. 357—360.

[55] *Флоря Б. Н.* Исследования по истории Церкви. С. 338—339.

[56] *Richental U. von.* Chronik des Constanzer Concils 1414—1418. Tübingen, 1882. S. 133.

[57] Ср.: *Флоря Б. Н.* Исследования по истории Церкви. С. 342—343.

[58] ПСРЛ. М., 1965. Т. 35. С. 56.

[59] Там же. С. 245—246.

[60] Там же. С. 35, 57.

был обсуждать вопрос о положении православного населения в этих государствах, которое осложнилось вследствие запрета на строительство новых православных храмов и введения норм, утверждающих ущемление в правах православных в сфере налогов по сравнению с католиками[61].

В 1430 г. Фотий прибыл в Великое княжество Литовское по случаю предстоящей коронации Витовта, а после кончины последнего вел переговоры с новым великим князем Свидригайло Ольгердовичем и польским королем Ягайло-Владиславом[62].

В целом итоги правления Фотием Русской церковью были успешны, ему удалось сохранить как единство митрополии, так и примирить, насколько это было возможно, два ведущих государственных образования на ее территории — Великое княжество Литовское и Великое княжество Московское. Этот положительный результат, однако, оказался весьма непродолжительным.

В 1425 г., после кончины великого князя Василия I, когда остро встал вопрос о престолонаследии, митрополит поддержал право на московский престол 10-летнего Василия II Васильевича и содействовал тому, чтобы другой претендент, удельный князь Юрий Дмитриевич Галичский, брат бывшего великого князя, примирился со своим племянником (для этого Фотий в качестве посла Василия в условиях начинающегося военного противостояния посетил заволжский Галич). При малолетстве великого князя влияние Фотия на политические дела возросло. В 1428 г. он выступил гарантом исполнения договорной грамоты Василия и Юрия[63].

Фотий скончался в Москве 2 июня 1431 г. Вопрос о дальнейшем управлении митрополией был осложнен начавшимися в Московском великом княжестве и в Великом княжестве Литовском длительными междоусобными войнами за власть в этих государственных образованиях.

Впоследствии московскими властями утверждалось, что после кончины Фотия в Москве на митрополию был избран рязанский епископ Иона, и кандидатура последнего была благосклонна воспринята в Константинополе, однако епископ не смог отправиться на поставление по причине обострившейся борьбы за великое княжение (по другой версии, позднее Иона был все же отправлен в Константинополь, но там ему предпочли грека Исидора; тем не менее Ионе якобы было дано обещание, что он будет поставлен на митрополию после оставления ее по тем или иным причинам Исидором)[64].

Литовский князь Свидригайло также выдвинул своего кандидата на митрополию всея Руси, им стал смоленский епископ Герасим, москвич по происхождению. Он и был поставлен в Константинополе патриархом Иосифом II в конце 1432 — начале 1433 г.[65] Впервые всероссийскую кафедру занял ставленник Литвы, а не Москвы. Общерусский характер церковной власти Герасима представляется несомненным[66].

---

[61] *Флоря Б. Н.* Исследования по истории Церкви. С. 358—359.

[62] ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25. С. 248.

[63] ДДГ. М.; Л., 1950. № 24. С. 63; *Richental U. von.* Chronik des Constanzer Concils 1414—1418. S. 67.

[64] РИБ. Т. 6. № 62. Стб. 529—530; № 64. Стб. 540; № 66. Стб. 557; № 87. Стб. 646. См. также: ПСРЛ. Т. 25. С. 270; М.; Л., 1959. Т. 26. С. 208; М.; Л., 1962. Т. 27. С. 115. О реальности наречения Ионы на митрополию свидетельствует его послание в нижегородский Печерский монастырь 1433 г. (РИБ. Т. 6. № 61. Стб. 521—524; АСЭИ. Т. 3. № 304. С. 332—333; см. также: Там же. М., 1952. Т. 1. № 108. С. 87; РФА. М., 2008. № 90. С. 291—292).

[65] ПСРЛ. Т. 35. С. 59.

[66] См.: *Водов В. А.* Герасим — митрополит Литовский или «всея Руси»? // In Memoriam: Сб. памяти Я. С. Лурье. СПб., 1997. С. 230—238; *Успенский Б. А.* Царь и патриарх: Харизма власти в России: (Византийская модель и ее русское переосмысление). М., 1998. С. 406—428, 245—255; *Тарасов А. Е.* Герасим // ПЭ. М., 2006. Т. 11. С. 152—154.

В Москву Герасим не поехал из-за межкняжских распрей или наличия там своего нареченного митрополита (делами митрополии на северо-востоке Руси, очевидно, управлял нареченный митрополит Иона) и предпочел иметь резиденцию в Смоленске. В Новгороде и Пскове Герасима считали митрополитом всея Руси[67]. Известно, что именно к нему в 1434 г. отправился на поставление в архиепископа Новгородского Евфимий II, которому долгое время отказывал в хиротонии Фотий из-за неурегулированного вопроса о митрополичьих полномочиях в Новгороде[68]. Свидригайло, по политическим причинам заинтересованный в заключении унии, писал в 1434 г. как Базельскому собору, так и папе Евгению IV о готовности митрополита к воссоединению церквей, папа направил приветственное послание Герасиму, но позиция его самого по этому вопросу остается неясной. Герасиму было суждено занимать кафедру всея Руси совсем недолго. В марте 1435 г. по приказу Свидригайло он был арестован в Смоленске по обвинению в измене в пользу другого претендента на литовскую великокняжескую власть, Сигизмунда Кейстутовича, и в июле того же года сожжен в Витебске[69].

Флорентийская уния и разделение митрополии Киевской и всея Руси

2 апреля 1437 г. в Москву прибыл поставленный в Константинополе новый митрополит — грек Исидор (1336/37—1441)[70]. Он разделял планы византийского императора Иоанна VIII Палеолога о заключении унии с Римско-католической церковью с целью получения военной и материальной помощи от западных стран для борьбы с турками-османами, которые уже завоевали огромную территорию, некогда принадлежавшую Византии, и готовились к захвату Константинополя. В какой степени Исидор посвящал в свои планы московского великого князя Василия II, остается достоверно неизвестным.

В 1433 г. Исидор в составе византийской делегации уже принимал участие в Базельском соборе Римско-католической церкви. На него он и собирался вернуться во главе русской делегации, отбыв из Москвы 8 сентября 1437 г. в долгое, занявшее почти год, путешествие. Лишь по дороге он узнал о созыве папой Евгением IV альтернативного Базельскому собора по объединению церквей в Ферраре (в начале 1439 г. он был перенесен во Флоренцию)[71].

По пути на Ферраро-Флорентийский собор в октябре 1437 г. Исидор посетил Новгород, получив право суда и сбора пошлин, а также дал больше самостоятельности Пскову, поставив туда своего наместника. Следует заметить, что впоследствии в Новгородской епархии (около середины XV в. архиепископия стала называться Новгородской и Псковской) уния была решительно отвергнута[72].

5 июля 1439 г. Флорентийская уния была заключена и торжественно провоз-

---

[67] ПЛ. М.; Л., 1941. Вып. 1. С. 42—43; М., 1955. Вып. 2. С. 44, 128; НПЛ. С. 163, 473.

[68] НПЛ. С. 417; см. также: РИБ. Т. 6. № 50. Стб. 422—423.

[69] ПСРЛ. Т. 35. С. 58—59; ПЛ. Вып. 1. С. 43; М., 1955. Вып. 2. С. 45, 131. См. также: *Полехов С. В.* Наследники Витовта: Династическая война в Великом княжестве Литовском в 30-е годы XV в. М., 2015. С. 380—382, 391—392.

[70] ПСРЛ. Т. 25. С. 253; Т. 26. С. 192.

[71] См.: *Флоря Б. Н.* Исследования по истории Церкви. С. 369—372.

[72] См.: *Бобров А. Г.* Новгородско-псковские отношения и Флорентийская уния // ТОДРЛ. СПб., 1996. Т. 50. С. 359—373. Ср.: *Абеленцева О. А.* Митрополит Иона и установление автокефалии Русской церкви. М.; СПб., 2009. С. 137—144.

глашена на следующий день. Исидор был объявлен папой римским своим легатом на Руси и других территориях, входивших в Киевскую митрополию, и получил титул кардинала. Входивший в состав русской делегации епископ Суздальский Авраамий, подписавший (вероятно, под давлением Исидора) этот акт об унии, впоследствии, по возвращении на Русь, отрекся от него[73].

Возвращавшийся в Москву через Киев Исидор 5 февраля 1441 г. получил от киевского князя Александра Владимировича грамоту с пожалованиями киевскому Софийскому собору и митрополии, в которой заявляется о невмешательстве в церковные пошлины и земельные владения, устанавливаются правила сместного суда людей князя и митрополита («софийских»), утверждаются права митрополичьего наместника в Киеве[74].

Прибыв в Москву, 19 марта 1441 г. Исидор объявил о заключении унии и поминал на богослужениях папу римского. Через некоторое время[75] митрополит был арестован по приказанию Василия II. Созванный великим князем собор русских епископов (с участием в том числе Авраамия Суздальского) осудил деяние Исидора и постановил отправить делегацию в Константинополь для выяснения всех обстоятельств случившегося. Спустя несколько месяцев Исидору удалось скрытно бежать из Москвы в Тверь (вероятно, из-за сознательного попустительства великокняжеской власти). Не без трудностей покинув пределы Руси, он к 1443 г. добрался до Италии, где стал одним из доверенных лиц папы римского.

В конце междоусобной войны за великое княжение церковные иерархи поддержали Василия II Темного. 29 декабря 1447 г. церковный собор в Москве (в котором, однако, не участвовали новгородский и тверской владыки) направил грамоту князю Дмитрию Шемяке с требованием примириться с Василием II, угрожая в противном случае отлучением от церкви[76]. Митрополит вместе с другими иерархами сопровождал московское войско в походе на князя Димитрия Шемяку, напавшего на Кострому в 1449 г.

---

[73] Епископ Авраамий является автором одного из сочинений, написанных русскими очевидцами Ферраро-Флорентийского собора, — «Исхождения… на осмый собор с митрополитом Исидором в лето 6945» (*Попов А. Н.* Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян (XI—XV вв.). М., 1875. С. 399—406; *Прокофьев Н. И.* Русские хождения XII—XV вв. // Литература Древней Руси и XVIII в. М., 1979. С. 205—208, 254—264). Кроме этого памятника о соборе повествуют «Хождение во Флоренцию» и «Заметка о Риме» (БЛДР: В 20 т. СПб., 1999. Т. 6. С. 464—489; Acta Slavica Concilii Florentini: Narrationes e Documenta / Ed. J. Krajcar. Roma, 1976. P. 3—46), «Повесть об осьмом соборе» иеромонаха Симеона Суздальца (*Попов А. Н.* Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян. С. 336—339, 344—359; *Павлов А. С.* Критические опыты по истории древнейшей греко-русской полемики против латинян. СПб., 1878. С. 198—210; Acta slavica Concilii Florentini. P. 47—121) и «Похвальное слово инока Фомы» великому князю Борису Александровичу Тверскому (послом которого на соборе был Фома) (Инока Фомы слово похвальное о благоверном великом князе Борисе Александровиче / Сообщ. Н. П. Лихачева. СПб., 1908. (ПДПИ; Вып. 168); БЛДР. СПб., 1999. Т. 7. С. 72—131).

[74] Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. / Подгот. Я. Н. Щапов. М., 1976. С. 179—181.

[75] Видимо, не вскоре после прибытия в Москву, поскольку в тексте докончания Василия II и Бориса Тверского, заключенного, скорее всего, после возвращения митрополита в 1441 г., говорится о благословении «отца нашего Исидора, митрополита Киевского и всея Руси» (ДДГ. № 37. С. 105—107 (с датировкой ок. 1439 г.); *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV—XV вв.: В 2 ч. М.; Л., 1948. Ч. 1. С. 124—125; *Лурье Я. С.* Две истории Руси XV века: Ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства. СПб., 1994. С. 107).

[76] РФА. 2008. № 19. С. 119—129. Однако ранее, в 1446 г., когда Дмитрий Шемяка занимал московский великокняжеский стол, уроженец заволжского Галича рязанский епископ Иона являлся его деятельным сторонником и именно тогда утвердился на митрополичьем дворе в качестве нареченного первосвятителя (см.: *Лурье Я. С.* Две истории Руси. С. 107—108).

Официальная позиция Москвы разъясняется в послании утвердившегося на московском великокняжеском столе Василия II Темного императору и/или патриарху (вероятнее всего, 1441 г., широкая датировка 1441—1448 гг.)[77]. В нем великий князь заявил, что избрание Ионы произошло «за нужу» (вынужденно), по причине уклонения Исидора от правой веры. На данном этапе становления самостоятельной церковной организации на Руси московские власти подчеркивали, что они желают охранить традиционное каноническое единство с Константинополем и нареченный митрополит Иона хотел бы получить там поставление. Ответа из Константинополя получено не было (не исключено, впрочем, что послание великого князя не было отправлено вообще, поскольку в Москве убедились в проуниатской позиции как светской, так и церковной власти Византии).

Вскоре после смерти императора-униата Иоанна VIII, очевидно, в надежде на благоприятные для православных перемены в Константинополе 15 декабря 1448 г. на созванном в Москве церковном соборе на Киевскую митрополичью кафедру епископами Северо-Восточной Руси (вновь без участия новгородского и тверского архиереев) был возведен рязанский епископ Иона[78]. Тем самым Русская церковь обретала фактическую автокефалию, на том этапе считавшуюся временной[79].

По-видимому, не все признали нового митрополита и в пределах Великого княжества Московского — по позднейшим припоминаниям игумена Иосифа Волоцкого, его учитель боровский игумен Пафнутий Иону «не велел звати митрополитом»[80].

В 1451 г. полномочия Ионы были признаны виленским сеймом и польским королем и великим князем литовским Казимиром IV; Ионе было позволено направить в Великое княжество Литовское митрополичьего наместника с пребыванием в Вильно, Новогрудке и Гродно[81].

С 1443 г. вселенскую кафедру занимал сторонник унии Григорий III Мамма, не поддерживаемый большинством народа и духовенства. В 1450 г. при новом императоре Константине XI Палеологе он был низложен, а в следующем году уехал в Рим. После июля 1451 г. от имени Василия II было составлено новое послание в византийскую столицу, адресованное императору, в котором вновь излагалась официальная позиция Москвы: Иона был поставлен вынужденно и тотчас будет отправлен в Константинополь, как только в Москве станет достоверно известно о появлении в нем православного патриарха[82]. Великий князь обобщенно ссылался на каноны, по-

---

[77] РИБ. Т. 6. № 62. Стб. 525—536.

[78] ПСРЛ. Т. 25. С. 270; Т. 26. С. 208; Т. 18. С. 204 и др. Согласно официальному московскому летописанию, они прислали свои повольные грамоты с одобрением поставления Ионы русскими епископами. Показательно, однако, что, как отметил Я. С. Лурье, ни в новгородском, ни в псковском, ни в тверском летописании это событие не получило отражения (*Лурье Я. С.* Две истории Руси XV века. С. 108; см. также: *Белякова Е. В.* Учреждение автокефалии Русской церкви в политической мысли XV—XVI вв. // Римско-константинопольское наследие на Руси: Идея власти и политическая практика. М., 1995. С. 293).

[79] См. также: *Абеленцева О. А.* Митрополит Иона и установление автокефалии Русской церкви. С. 145—203.

[80] Послания Иосифа Волоцкого. М.; Л., 1959. С. 191.

[81] РИБ. Т. 6. № 67. Стб. 563 *Richental U. von.* Chronik des Constanzer Concils 1414—1418. Tübingen, 1882. Sp. 566; № 68. Sp. 565—570; № 69. Sp. 569—572.

[82] РИБ. Т. 6. № 71. Стб. 575—586; РФА. 2008. № 13. С. 105—107. См. также духовную грамоту Ионы 1452—1453 гг., где выражается надежда на воссоединение с Константинополем при новом православном царе (РФА. М., 1987. Вып. 3. С. 649—651). Вопрос о подлинности посланий великого князя в Византию 1441—1448 и 1451—1452 гг. вызвал дискуссию в историографии, при этом большинство исследователей признали аутентичность этих текстов (см.: РФА. Вып. 3. С. 640—648; *Лурье Я. С.* Две истории Руси XV века. С. 94, 101—104; *Синицына Н. В.* Третий Рим: Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV—XVI вв.). М., 1998. С. 63—77; *Успенский Б. А.* Царь и патриарх. С. 212—218).

зволяющие епископам избирать из своей среды «большего святителя», имея в виду, скорее всего, произвольно толкуемое первое правило «святых апостол», на которое впоследствии прямо ссылался и митрополит Иона[83]. После разделения митрополии (см. ниже) возведение на кафедру Ионы без согласования с Константинополем обосновывается также четвертым правилом I Вселенского собора об избрании нового епископа всеми епископами области (т. е. в данном случае — Северо-Восточной и Северо-Западной Руси)[84].

Великокняжеская грамота, однако, также не была доставлена в столицу Византии[85], вероятно, потому, что 12 декабря 1452 г. в константинопольском соборе Св. Софии было официально провозглашено единство с Римской церковью прибывшим в качестве папского легата Исидором. Контакты Москвы с Константинополем оказались надолго прерваны, а с императорской властью прекратились навсегда, поскольку 29 мая 1453 г. Новый Рим пал под натиском турок-османов, и Византийская империя окончательно прекратила свое существование.

Единство митрополии Киевской и всея Руси продлилось относительно недолго. Уже в 1458 г. западнорусский епископат отказался признавать власть митрополитов, имевших резиденцию в Москве. При содействии правителя Великого княжества Литовского и Польши Казимира IV была провозглашена Киевская митрополия с фактическим центром в Новогрудке во главе с протодиаконом бывшего митрополита Исидора Григорием Болгарином. Григория поставили митрополитом «Киевским, Литовским и Малой Руси» униатский константинопольский патриарх Григорий III Мамма и папа римский Пий II. Это означало, что признание унии распространялось теперь и на православное население Великого княжества Литовского и Польского королевства, которое вынуждено было признать власть митрополита Григория. Исидор, после поставления Григория сохранявший претензии на церковное возглавление русского Северо-Запада и Северо-Востока, вскоре отказался от них в пользу своего ученика, который с начала 1459 г. титулуется как «митрополит Киевский и всея Руси», а сам Исидор в сентябре того же года получил в Риме номинальный сан патриарха Константинопольского.

Митрополит Иона, а затем и собравшиеся в Москве в декабре 1459 г. иерархи с крайней тревогой восприняли произошедшие события и направили послания «литовским» епископам, призывая их сохранять единство и не признавать поставленного в Риме митрополита Григория Болгарина[86]. Одновременно архиереи засвидетельствовали свою верность митрополиту Ионе, подписав присяжную грамоту (среди этих архиереев вновь не было новгородского и тверского владык, однако позднее были получены их заверения о лояльности)[87]. Следует отметить, что в послании Ионы впервые было прямо заявлено об измене греков «благочестию», что и стало главной причиной падения «Царьствующего града»[88]. К тому времени, впрочем, Кон-

[83] РИБ. Т. 6. № 81. Стб. 622—623; РФА. 2008. № 51. С. 191—196.

[84] Там же. С. 195; *Успенский Б. А.* Царь и патриарх. С. 224—225.

[85] АИ: В 5 т. СПб., 1841. Т. 1. № 262. С. 495.

[86] РИБ. Т. 6. № 81. Стб. 619—626; № 84. Стб. 631—634.

[87] Там же. № 83. Стб. 627—632; РФА. 2008. № 14. С. 108—112. См. также: РИБ. Т. 6. № 92. Стб. 681—684; № 94. Стб. 687—690 (грамоты тверского епископа Геннадия с изъявлением верности митрополиту Ионе и его преемникам); № 95. Стб. 689—694 (грамота митрополита Феодосия архиепископу Новгородскому Ионе о непризнании Григория Болгарина); № 99. Стб. 703—706 (грамота архиепископа Ионы бывшему митрополиту Феодосию о непризнании Григория Болгарина и согласии на избрание Филиппа в митрополиты всея Руси).

[88] РИБ. Т. 6. № 81. Стб. 623; РФА. 2008. № 51. С. 195.

стантинопольский патриарший престол занимал активный противник унии Геннадий Схоларий (1454—1459), что несомненно свидетельствовало о возвращении греков к «благочестию».

В 1458 г. из-под власти митрополитов, имевших резиденцию в Москве, вышел целый ряд западнорусских епархий, архиереи которых стали подчиняться западнорусскому митрополиту: Черниговская, Полоцкая, Смоленская, Туровская, Луцкая, Владимиро-Волынская, Галицкая, Перемышльская и Холмская (последние три — на территории Польши). Прибывшее в Москву посольство Казимира IV потребовало отстранения Ионы от церковной власти и подчинения всей митрополии Григорию, на что последовал категорический отказ. Произошедшее разделение митрополии Киевской и всея Руси имело долговременные последствия и затянулось на два с лишним столетия, до 1686 г.[89]

Митрополиты и великокняжеская власть в 1460-е годы — начале XVI в.

В титуле следующего после Ионы митрополита, Феодосия (Бывальцева) (1461—1464), бывшего ростовского архиепископа, впервые отсутствовало определение «Киевский» (таким образом, титул московских митрополитов вновь звучал с этого времени как «митрополит всея Руси»[90], но теперь этим подчеркивался разрыв с Киевом как бывшим центром митрополии).

Для придания своему преемнику большего авторитета Иона благословил ростовского архиепископа Феодосия на занятие митрополичьей кафедры еще при жизни, несмотря на то, что это нарушало церковные каноны[91]. В постановлении московского собора 1459 г. подчеркивалось, что новый митрополит будет избран в том числе «по повелению господина нашего великого князя Василия Васильевича, русскаго самодръжца»[92]. Резонно предполагать, что в этом и в большинстве других случаев мнение правителя при выборе будущего первоиерарха оказывалось решающим.

Именно акт поставления Феодосия в Москве знаменовал полный разрыв с Константинопольским патриархатом, ведь Феодосий не был отправлен на поставление к патриарху, который был уже не униатом, а православным. Тем самым автокефалия Русской церкви получала законченное оформление. Разделение не могло уже быть вызвано ни догматическими, ни каноническими причинами, оно, очевидно, диктовалось политическими обстоятельствами, стремлением князей набравшего силу Московского великого княжества проводить независимую политику, опираясь на авторитет благожелательного к ним московского церковного руководства.

Тогда же (после поставления Феодосия и до смерти великого князя Василия Темного 27 марта 1462 г.) в Москве было со-

---

[89] См. также: *Абеленцева О. А.* Митрополит Иона и установление автокефалии Русской церкви. С. 234—273.

[90] *Pliguzov A.* On the Title «Metropolitan of Kiev and All Rus» // Harvard Ukrainian Studies. 1991. Vol. XV. No. 3—4. P. 340—353; *Плигузов А. И.* О титуле «митрополит Киевский и всея Руси» // РФА. М., 1992. Вып. 5. С. 1034—1042; *Успенский Б. А.* Царь и патриарх. С. 222—223, 233.

[91] *Успенский Б. А.* Царь и патриарх. С. 49—50. В качестве прецедента для этого акта могло рассматриваться благословение митрополитом Феогностом епископа Владимирского Алексия в декабре 1352 г. как своего преемника (ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 62). См. также: *Абеленцева О. А.* Митрополит Иона и установление автокефалии Русской церкви. С. 273—281 (исследовательница, напротив, отстаивает версию о соборном избрании преемника Ионы и о каноничности его благословения умирающим митрополитом).

[92] РИБ. Т. 6. № 83. Стб. 630; РФА. 2008. № 14. С. 109 (без имени великого князя).

ставлено пространное произведение, обосновывающее автокефалию Русской церкви и резко осуждающее Флорентийскую унию — «Слово… на латыню»[93]. В нем Русь противопоставляется греческой державе как утратившей православие и потому прекратившей существование, неизвестный автор (Симеон Суздальский? Пахомий Логофет?) заявляет о провозглашении в Москве, центре «русского православия», права избирать себе митрополитов сразу после изгнания Исидора, обольстившего царя и патриарха и погубившего «греческое православие». Московский великий князь прославляется как истинный православный государь, «боговенчанный царь», «второй Владимир» и «новый Константин».

Следует отметить, что меры по созданию автокефальной церкви не означали стремления к самоизоляции. При полном разрыве с Константинополем в начале 1460-х годов устанавливаются отношения с Иерусалимским патриархатом[94], изначально отвергавшим унию, а теперь признавшим московскую автокефалию.

В конце 1462 — начале 1463 г. митрополит Феодосий вместе с новым молодым великим князем Иваном III Васильевичем отверг просьбу псковичей о даровании их городу епископства, что сделало бы Псковскую землю полностью независимой от Новгорода[95]. При Феодосии в целом завершился длительный процесс обращения в православную веру пермяков-зырян, начатый Стефаном Пермским. В 1440—1460-е годы преемники епископа Стефана крестили Великую Пермь (междуречье Камы и Чусовой с главным городом Чердынь), при этом от рук язычников-вогулов (хантов) погиб епископ Питирим (1454/55 г.)[96], а завершал его дело епископ Иона (1459—1470).

Стремление Феодосия к утверждению церковной дисциплины в среде приходского духовенства (регулярные собрания у митрополита с целью наставления, непримиримое отношение к служению вдовых белых священников, которых Феодосий предписывал постригать в монахи, а имеющих наложниц — лишать сана) вызвало недовольство митрополитом, поскольку богослужение в некоторых церквах прекратилось. 13 сентября 1464 г. Феодосий оставил московскую кафедру, согласно официальному объяснению, по болезни, уйдя на покой в московский Чудов монастырь. Перед этим он благословил на митрополию епископа Суздальского Филиппа (Филипп I, 1464—1473).

В 1467 г. Григорий Болгарин (об отречении которого от унии достоверно неизвестно) был признан православным константинопольским патриархом Дионисием I, который направил в Новгород послание, а Казимир IV в 1468 г. — посоль-

---

[93] «Слово избрано от святых писаний еже на латыню и сказание о составлении осмаго сбора латыньскаго и о извержении Сидора прелестнаго и о поставлении в Рустей земли митрополитов, о сих же похвала благоверному великому князю Василью Васильевичу всея Руси» (*Попов А. Н.* Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян. С. 360—395; *Павлов А. С.* Критические опыты по истории древнейшей греко-русской полемики против латинян. С. 108, 198—210).

[94] АИ. СПб., 1841. Т. 1. № 72. С. 123; РФА. М., 2008. № 102. С. 319 (послание иерусалимского патриарха Иоакима великому князю Василию II). В 1464 г. в Москве Феодосий поставил брата иерусалимского патриарха, Иосифа, митрополитом Кесарии Филипповой в Палестине (РИБ. Т. 6. № 135. Стб. 926—930). В 1480 г. в Москве была получена благословенная грамота Иерусалимского патриарха Иоакима, адресованная митрополиту всея Руси Геронтию и его пастве (РФА. М., 2008. № 101. С. 318).

[95] ПЛ. Вып. 1. С. 71; Вып. 2. С. 53, 157—158.

[96] *Тарасов А. Е.* Священномученик Питирим Пермский: Заметки о биографии и почитании владыки (XV—XVI вв.) // Slověne. 2020. Vol. 9. Nr. 2. С. 395—416.

ство в Москву с призывом к церковному единству под главенством Григория[97].

В 1468—1470 гг. Иван III в своем послании новгородскому и псковскому архиепископу Ионе, отражая, по всей видимости, решение состоявшегося в Москве церковного собора, заявил о непризнании решений Константинопольского патриархата. Великий князь призывал архиепископа не подчиняться ни Киеву, митрополит которого «пришел изь Рима, от папы», ни Константинополю, патриарха которого в Москве было решено иметь «от себя… чюжа и отречена»[98]. Об отступлении греков от православия говорилось и в грамоте митрополита Филиппа I в Новгород, написанной в 1471 г.[99] Ситуацию не изменило и торжественное провозглашение отречения от унии (которая де-факто была отвергнута патриархатом еще в 1454 г.) на константинопольском соборе в 1484 г. Для московской идеологии того времени решающим фактором являлось наличие или отсутствие в стране православного государя. Пока Константинополь находился под властью «турецкого царя», обращающего церкви в мечети, он не мог считаться центром вселенского православия, а его патриарх, с этой точки зрения, не имел права поставлять митрополита на Русь.

Таким образом, московская автокефалия к 1470-м годам приобрела форму церковного раскола с Константинопольским патриархатом, который затянулся на многие десятилетия и, несмотря на постепенное налаживание отношений с начала XVI в., был преодолен только при учреждении патриаршества в Москве в 1589 г.

Практически одновременно в 1460—1470-е годы произошло дипломатическое сближение Москвы с Римом, что было расценено папской курией как возможность склонить великого князя к унии и вступлению в антитурецкую лигу[100].

Не менее важным обстоятельством, определявшим характер деятельности Филиппа во главе автокефальной Русской церкви было то, что он занимал митрополичью кафедру в условиях начального этапа создания единого Русского государства в княжение Ивана III Васильевича; при том, что московские князья традиционно использовали митрополичью власть для укрепления своих политических позиций, Филиппу удавалось сохранять определенную степень независимости от великокняжеской власти.

В 1471 г. митрополит поддержал Ивана III в намерении привести к покорности Новгород. В своем послании в Новгород Филипп призывал новгородцев покориться воле великого князя и не склоняться к католичеству[101]. Официальное московское летописание (своды 1472 и 1479 гг.), отражающее московскую пропаганду того времени, обвинило новгородские власти в планировании перейти под руку польского короля и изменить православию, переведя свою архиепископию под юрисдикцию митрополита-«латынина» Григория Болгарина[102]. Новгородские власти действительно заключили договор с королем польским и великим

---

[97] *Щапов Я. Н.* Восточнославянские и южнославянские рукописные книги в собраниях Польской Народной Республики. М., 1976. Т. 2. Прилож. 52. С. 145—147; *Корогодина М. В.* Грамота патриарха Константинопольского Дионисия Новгороду (1467): Судьба славянского перевода // Slověne. 2021. Nr. 2. С. 321—337.

[98] РИБ. Т. 6. № 100. Стб. 707, 711.

[99] Там же. № 102. Стб. 728—729.

[100] *Хорошкевич А. Л.* Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в. М., 1980. С. 184—190.

[101] РИБ. Т. 6. № 102. Стб. 721—732.

[102] ПСРЛ. Т. 25. С. 284—287; СПб., 1910. Т. 20, ч. 1. С. 282, 285. См. также: *Тарасов А. Е.* Церковь и подчинение Великого Новгорода // НИС. М.; СПб., 2011. Вып. 12 (22). С. 71—109.

князем Казимиром IV, предусматривавший военную помощь республике, но этот документ запрещал строительство в Новгороде и Новгородской земле католических церквей, наместник короля в Новгороде должен был исповедовать православную веру, а новгородцы сохраняли право сами избирать себе архиепископа[103]. Нареченный владыка Феофил, незадолго до того избранный в Новгороде по традиционной процедуре жребия, не был враждебен Москве, во время Шелонской битвы он запретил своему владычному полку сражаться с войском московского великого князя, а 15 декабря 1471 г. получил поставление на архиепископскую кафедру Новгорода и Пскова в Москве от митрополита Филиппа и других епископов[104].

Относительная независимость власти митрополита проявилась в 1472 г., когда Филипп I осудил намерение великого князя московского жениться вторым браком на гречанке Зое (Софии) Палеолог, воспитывавшейся в Риме в духе унии, и, по сведениям митрополичьего летописания, отказался венчать великокняжескую чету, когда в конце 1472 г. София прибыла в Москву в сопровождении папского легата[105]. Великокняжескую чету в недостроенном кремлевском Успенском соборе в итоге пришлось венчать коломенскому протопопу Осею.

Незадолго до смерти митрополит Филипп благословил строительство нового кафедрального Успенского собора в Московском Кремле, которое было продолжено и завершено при его преемнике — бывшем епископе Коломенском митрополите Геронтии (1473—1489). После сильного пожара 1473 г., когда митрополичий двор выгорел, были построены кирпичные палаты и ворота, каменная церковь Ризоположения, домовый храм предстоятелей Русской церкви (освящена в 1485 г.)[106], была заново выстроена и обустроена загородная резиденция в Голенищево с церковью Св. Иоанна Богослова[107].

Строительство Успенского собора, ведшееся после обрушения в ночь на 20 мая 1474 г. недостроенного здания под руководством приглашенного великим князем итальянского архитектора Аристотеля Фиораванти, было завершено в 1479 г. Освящение главного храма всея Руси митрополитом Геронтием с Освященным собором в присутствии великокняжеской семьи и Боярской думы состоялось 12 августа 1479 г.[108] 24 августа туда были торжественно перенесены мощи митрополита Петра, а затем и мощи других почитаемых глав Русской церкви — Феогноста, Киприана, Фотия и Ионы. Тем самым получил новое развитие культ московских святителей — один из важнейших в идеологии усиливающегося Московского государства. Первоначально из московских святителей наиболее почитались Петр, Алексий и Иона, внесшие большой вклад в становлении московской государственности. Митрополит Алексий, погребенный в соборе основанного им Чудова монастыря, был канонизирован в 1448 г. при митрополите Ионе[109]. На протяжении XV в. в Москве складывается также офи-

[103] ГВНП. № 77. С. 129—132.

[104] ПСРЛ. Т. 25. С. 293. В Москве Феофил «бил челом» великому князю о том, чтобы отпустить новгородских пленных, и Иван III исполнил его просьбу (Там же).

[105] ПСРЛ. Т. 6, вып. 2. Стб. 213—215; Т. 20, ч. 1. С. 299—300.

[106] ПСРЛ. Т. 25. С. 301, 303; Т. 26. С. 276.

[107] АФЗХ. Ч. I. С. 46—47.

[108] ПСРЛ. Т. 25. С. 324—326; Т. 26. С. 257—261.

[109] *Голубинский Е. Е.* История канонизации святых в Русской церкви. М., 1998. С. 74—75. В 1483 г. архимандрит Геннадий (Гонзов) (будущий архиепископ Новгорода и Пскова) заложил в Чудовом монастыре, основанном Алексием, каменную церковь во имя его (ПСРЛ. Т. 25. С. 330; Т. 27. С. 286).

циальный культ ряда других святых Московского княжества, Ростовской земли и Великого Новгорода — епископа Леонтия Ростовского (XI в.), преподобных Варлаама Хутынского (XII—XIII вв.), Сергия Радонежского (XIV в.) и Кирилла Белозерского (XIV—XV вв.). Места их погребений с благоговением и молитвой посещают великие и удельные князья, знать, простой народ. Имена этих святых указываются в договорных грамотах в качестве небесных гарантов[110], святые покровители Московского государства упоминаются в летописях в связи с военными походами и с чудотворениями у их гробниц[111].

После смерти в 1472 г. митрополита Григория Болгарина в Константинополе патриарх Рафаил в 1475 г. посвятил в митрополиты Киевские и всея Руси монаха Спиридона (Савву), уроженца Твери[112]. Не принятый в 1476 г. польским королем и литовским великим князем Казимиром IV (который был заинтересован в установлении отношений православной церкви на территории его государства не с Константинополем, а с Римом), Спиридон вскоре оказался в заточении в Литве[113]. Это показывает, что Спиридон был послан на поставление вопреки королевской воле, некой группой людей, не заинтересованной в реализации планов унии[114]. Обстоятельства и время его перехода в Московскую Русь неизвестны, но здесь он также между 1483 и 1503 гг. был задержан и отправлен в далекий заволжский Ферапонтов монастырь[115]. Здесь Спиридон написал «Послание о Мономаховом венце», легшее в основу произведения московской официальной идеологии XVI в. — «Сказания о князьях владимирских», а также житие Зосимы и Савватия Соловецких.

До конца 1470-х годов отношения между митрополией всея Руси и московской великокняжеской властью сохраняли характер сотрудничества и взаимной поддержки. В 1477 г. по благословению Геронтия и Освященного собора начался поход на Новгород, приведший к окончательной ликвидации новгородской государственности[116]. 7 января 1478 г. после переговоров архиепископа Феофила и представителей боярства и житьих людей с великим князем состоялась первая секуляризация церковной собственности в Новгородской земле, в том числе земель владычной кафедры. У новгородского владыки были конфискованы 10 волостей (изначально великий князь требовал половину владычных земель), половину волостей потеряли шесть новгородских монастырей (Юрьев, Антониев, Аркажский, Благовещенский на Мячине, Михайловский на Сковородке, Никольский Неревский)[117], которые, по всей видимости, входили в структуру нов-

---

[110] ДДГ. № 51. С. 151 (1447—1448 гг.).

[111] *Мельник А. Г.* Культы святых в общественной жизни Руси середины — второй половины XV в. // ТОДРЛ. СПб., 2014. Т. 63. С. 58—66; *Он же*. История распространения почитания св. Петра митрополита на Руси в XV—XVI вв. // Сообщ. Ростовск. музея. 2016. Вып. 21. С. 5—21.

[112] ПСРЛ. Т. 24. С. 195. См. о Спиридоне: *Ульяновський В. И.* Митрополит Київський Спиридон. Київ, 2004. Тверской епископ Вассиан (Стригин-Оболенский) в составленной при его поставлении в декабре 1477 г. грамоте архиерейскому собору дал клятвенное обещание «к митр. Спиридону, нарицаемому Сатане, възыскавшаго во Цариграде поставления, во области безбожных турков, от поганаго царя, или кто будеть иный митрополит поставлен от латыни или от турскаго области, не приступити мне к нему, ни приобщения, ни соединения ми с ним не имети никакова» (РФА. М., 1987. Вып. 3. Прилож. 38. С. 689 690).

[113] ПСРЛ. М., 2001. Т. 6, вып. 2. Стб. 312; Т. 20, ч. 1. С. 348.

[114] *Флоря Б. Н.* Исследования по истории Церкви. С. 251—252.

[115] ПСРЛ. Пг., 1921. Т. 24. С. 195.

[116] ПСРЛ. Т. 25. С. 310—322.

[117] Там же. С. 319; см. также: *Фролов А. А.* Конфискации вотчин новгородского владыки и монастырей в последней четверти XV в. // ДРВМ. 2004. № 4 (18). С. 54—56.

городской архимандритии и были связаны определенными концами Новгорода, что подтверждается также сфрагистическими данными[118].

После 1479 г., скорее всего, прекратились пожалования Ивана III митрополичьему дому. Шло планомерное сокращение иммунитетных прав митрополичьей кафедры, ее земли все чаще жаловались великим князем в условное владение служилым людям, а судебные права монастырских властей и отдельных епархий на протяжении второй половины XV в. последовательно урезались в пользу удельных князей и представителей великого князя[119].

В 1478/79 г. возник спор по вопросу о подчиненности Кирилло-Белозерского Успенского монастыря между князем Верейско-Белозерским Михаилом Андреевичем и архиепископом Ростовским Вассианом (Рыло). Митрополит поддержал белозерского князя, велев судить «по старине»[120]. Но по воле Ивана III, который угрожал митрополиту соборным судом, если он не примет сторону ростовского архиепископа, правая грамота Геронтия князю Михаилу Андреевичу была изъята у него и уничтожена[121].

Обострение отношений с митрополитом продемонстрировал и тот факт, что при закладке в 1479 г. патрональной церкви великого князя во имя Иоанна Златоуста (своего небесного покровителя), ее «игумна» Иван III сделал «выше всех соборных попов и игуменов града Москвы и загородских попов»[122], что было прямым вмешательством во внутрицерковный порядок.

Причиной (или поводом) следующего конфликта митрополита с великим князем стал спор о «хождении посолонь», возникший 12 августа 1479 г. во время освящения Успенского собора в Кремле. При совершении крестного хода Геронтий шел против солнца в восточную сторону, в то время как, по мнению великого князя, он должен был идти на запад, «посолонь». Большинство духовенства и мирян было на стороне митрополита, отстаивавшего греческую практику того времени; Ивана III поддержали только ростовский архиепископ Вассиан (Рыло) и архимандрит кремлевского Чудова монастыря Геннадий (Гонзов), будущий архиепископ Новгорода и Пскова[123]. В защиту позиции митрополита было написано отдельное произведение, в котором оппоненты обвинялись в «латинстве», следовании католическим богослужебным обычаям[124]. Полемика по данному вопросу продлилась около двух лет (в ее ходе в 1481 и 1484 гг. Геронтий дважды демонстративно уходил в Симонов монастырь, во втором случае великий князь планировал выдвинуть на митрополию Паисия (Ярославова), бывшего троицкого игумена, но тот отказался). В 1488 г. Ростовскую кафедру вынужден был оставить представитель виднейшего княжеского рода Оболенских Иоасаф.

---

[118] *Янин В. Л.* Монастыри средневекового Новгорода в структуре государственных институтов // *Янин В. Л.* Средневековый Новгород: Очерки археологии и истории. М., 2004. С. 240—241.

[119] *Каштанов С. М.* Церковная юрисдикция в конце XIV — начале XVI в. // Церковь, общество и государство в феодальной России. М., 1990. С. 151—163.

[120] См.: АСЭИ: В 3 т. М., 1958. Т. 2. № 315.

[121] ПСРЛ. Т. 24. С. 197. Ее текст сохранился в составе копийной книги Кирилло-Белозерского монастыря.

[122] ПСРЛ. Т. 25. С. 323.

[123] ПСРЛ. Т. 6, вып. 2. Стб. 286—287; Т. 20, ч. 1. С. 335. См. об аргументации сторон: *Успенский Б. А.* Крест и круг: Из истории христианской символики. М., 2006. С. 117—222; *Он же.* «Хождение посолонь» и структура сакрального пространства в Московской Руси // Иеротопия: Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси. М., 2006. С. 534—555.

[124] *Клосс Б. М., Назаров В. Д.* Полемическое сочинение 1481 г. о хождении «посолонь» // Московская Русь (1359—1584): Культура и историческое самосознание. М., 1997. С. 384.

Вероятнее всего, и здесь не обошлось без воздействия великокняжеской власти[125].

Протестуя против вмешательства в церковные дела, в деле объединения русских земель и обретения Московским государством независимости митрополия продолжала поддерживать великого князя. Во время нашествия хана Ахмата 1480 г. Геронтий, как и ростовский архиепископ Вассиан (Рыло), направил великому князю грамоту, призывая его мужественно стоять против врагов, он также способствовал примирению великого князя с братьями — удельными князьями Андреем и Борисом Васильевичами. В Москву из Владимира-Залесского была перенесена почитаемая икона Божией Матери Владимирской, которая была помещена в Успенском соборе[126].

В январе 1480 г. великий князь «поймал» в Новгороде архиепископа Феофила, который был обвинен в «коромоле», измене великому князю, желании перейти под власть польского короля; он был вывезен в Москву и помещен в кремлевский Чудов монастырь[127]. Согласно митрополичьему летописанию, в 1482 г. архиепископ Феофил, «в заточении седя», отказался от кафедры[128]. Новым архиепископом Новгорода и Пскова в 1483 г. стал троицкий иеромонах Сергий, бывший «протопоп Богородицкий» (очевидно, протоиерей Успенского собора). Его избрание состоялось с некоторым учетом новгородской церковной традиции, путем жребия, но не в новгородском соборе Св. Софии, а, по всей видимости, в Успенском соборе Москвы[129]. Сергий занимал новгородскую кафедру менее года, не заслужив авторитета новгородцев и псковичей. Он обложил духовенство новыми податями[130], что, несомненно, было связано с острой нехваткой средств у владычной кафедры после конфискаций 1478 и 1480 гг. После того как 26 (27) июня 1484 г. он отказался от Новгородской кафедры «за немощью»[131], 12 декабря того же года в архиепископы Новгорода и Пскова был поставлен архимандрит Чудова монастыря Геннадий (Гонзов)[132]. Он стал первым с XII—XIII вв. новгородским архиереем, поставленным без традиционной избирательной процедуры, сопровождавшейся положением жребиев на престол (судя по всему, другие кандидатуры на кафедру не рассматривались). Геннадий произвел богослужебную реформу в Софийском соборе (престольным праздником его стал день Успения Богородицы, по главному московскому храму) и попытался провести перепись церковных престолов в Пскове, очевидно, с целью введения новых пошлин, что ему сделать не удалось[133].

К концу XV в. заметно усилился контроль государственной власти над церковью. После кончины митрополита Геронтия (28 мая 1489 г.) на протяжении долгого времени (до 1542 г.) предстоятелями

---

[125] ПСРЛ. Т. 28. С. 154. Уход Иоасафа мог быть связан с враждебностью Ивана III к Андрею Васильевичу Угличскому, столица удельного княжения которого входила в епархию Иоасафа (*Pliguzov A.* Tikhon of Rostov, or Russian political games in 1489 // Russian History / Histoire Russe. 1995. 22. No. 3. P. 311—313), или, по другому мнению, с неодобрением Иоасафом некоторых аспектов перестройки Кремля (см.: *Тарасов А. Е.* Архиеп. Иоасаф: К истории отношений государства и Церкви в 80-х гг. XV в. // История и культура Ростовской земли. 2004. Ростов, 2005. С. 154—163).

[126] ПСРЛ. Т. 12. С. 212.

[127] ПСРЛ. Т. 6, вып. 2. Стб. 286; СПб., 1859. Т. 8. С. 204; Т. 18. С. 266; Т. 20, ч. 1. С. 335; и др.

[128] ПСРЛ. Т. 6, вып. 2. Стб. 316; Т. 20, ч. 1. С. 349—350.

[129] ПСРЛ. Т. 18. С. 270; Т. 25. С. 330; и др.

[130] ПЛ. Вып. 2. С. 63.

[131] ПСРЛ. Т. 18. С. 270; Т. 25. С. 330.

[132] ПСРЛ. Т. 6, вып. 2. Стб. 320; Т. 18. С. 270; СПб., 1910. Т. 23. С. 184; и др.

[133] ПЛ. Вып. 2. С. 68—69.

Русской церкви становились лица неепископского достоинства (игумены и архимандриты), из монастырей, близких великокняжескому дому. Несколькими десятилетиями раньше наметилась тенденция, согласно которой в епископы все чаще поставляли из архимандритов московских и подмосковных монастырей[134].

В сентябре 1490 г. после более чем годичного периода незанятости кафедры всея Руси митрополитом стал Зосима (1490—1494), архимандрит Симонова монастыря. Уже в феврале 1492 г. «повелением великого князя Ивана Васильевича» митрополит Зосима и Геннадий Новгородский вынуждены были передать Пермской епископии митрополичьи и относящиеся к Новгородской епархии церкви в Вологде[135], что являлось, конечно, прямым вмешательством светской власти в церковные дела.

В предисловии к Пасхалии на новое, восьмое тысячелетие («Изложении пасхалии») поставленный по воле Ивана III митрополит Зосима в 1492 г. провозгласил, что Бог прославил московского великого князя не только как «государя и самодержца всея Руси», но и как «новаго царя Константина новому граду Константинову — Москве и всей Русской земле и иным многим землям государя»[136], что подчеркивало статус Москвы как нового центра вселенского православия и провозглашало соответствующие амбиции великого князя.

Зосима, в большой степени зависимый от великого князя, не решился печаловаться за опального удельного князя Андрея Васильевича, и брат великого князя в 1493 г. после двух лет заточения умер в тюрьме[137].

17 мая 1494 г. Зосима по неизвестной причине был сведен с митрополии по воле великого князя[138], его преемником на митрополичьей кафедре в сентябре 1495 г. стал Симон (Чиж) (1496—1511)[139], бывший игумен Троице-Сергиева монастыря (при поставлении в митрополиты пастырский посох, что показательно, ему по византийскому образцу вручил сам великий князь). Митрополит Симон пользовался правом «печалования» (заступничества за опальных) — так, он вступался за попавших в опалу князей Патрикеевых в 1499 г. В 1497 г. митрополит принял покаяние великого князя за то, что он допустил смерть в тюрьме арестованного по его приказанию брата Андрея Васильевича Боль-

---

[134] См.: *Белякова Е. В.* Русский епископат во второй половине XV в. и формирование новой идеологии // Великое стояние на реке Угре и формирование Российского централизованного государства: Локальные и глобальные контексты: М-лы Всероссийской с междунар. участием науч. конф. Калуга, 2017. С. 49—64.

[135] ПСРЛ. Т. 18. С. 275—276; Т. 25. С. 333; Т. 27. С. 291, 362; Т. 6, вып. 2. Стб. 332.

[136] *Тихонюк И. А.* «Изложение пасхалии» московского митрополита Зосимы // Исследования по источниковедению истории СССР XIII—XVIII вв. М., 1986. С. 60; РИБ. Т. 6. № 118. Стб. 799.

[137] ПСРЛ. Т. 25. С. 333; Т. 6, вып. 2. Стб. 339.

[138] ПСРЛ. Т. 24. С. 213; Т. 26. С. 289. Вряд ли стоит доверять официальным сведениям начала XVI в., что Зосима «непомерно питья дръжашеся и о церкви божией не радяше» (ПСРЛ. Т. 6, вып. 2. С. 342). Столь же малодостоверны обвинения Зосимы Иосифом Волоцким в принадлежности к ереси «жидовствующих» (Послания Иосифа Волоцкого. М.; Л., 1959. С. 16—161 (послание епископу Нифонту Суздальскому); *Казакова Н. А., Лурье Я. С.* Антифеодальные еретические движения XIV — начала XVI в. М.; Л., 1955. С. 473, 474 («Сказание о новоявившейся ереси»)), против чего свидетельствует как факт возглавления Зосимой антиеретического собора в 1490 г., так и содержание составленной ему рукописи РГБ. Троиц. № 122 (см.: *Григоренко А. Ю.* Духовные искания на Руси конца XV в. СПб., 1999. С. 129—154). Зосима, судя по некоторым данным, не признал лишения себя митрополичьего сана; так, в 1495 г., будучи в Троице-Сергиевом монастыре, он причащался, стоя на «орлеце во всем святительском чину», что подобало действующему митрополиту (ПСРЛ. СПб., 1863. Т. 15. Стб. 503; Т. 28. С. 160).

[139] ПСРЛ. Т. 6, вып. 2. Стб. 344.

шого. В то же время он благословил на великое княжение (соправительство Ивану III) сначала Дмитрия Внука, возглавив его венчание в 1498 г., а затем, с переменой в планах самого государя всея Руси, в 1502 г., кандидата противоположной партии — Василия Ивановича (будущего Василия III), не вступившись за арестованных вскоре Дмитрия Внука и его мать Елену Волошанку, которые погибли в заключении.

В существовавшей параллельно митрополии «всея Руси» Киевской митрополии православные находились под властью иноверных (католических) правителей[140]. Существовал запрет на строительство новых православных храмов. Неполноправное положение православных Литвы и Польши особенно остро ощущалось западнорусской знатью, не имевшей право занимать высшие государственные должности. В ее среде поднимался вопрос о возобновлении унии с Римом при условии сохранения православного вероучения и обрядности, что иногда находило поддержку церковного руководства (в 1476 г. от имени смоленского епископа Мисаила, который был нареченным митрополитом в 1475—1480 гг., было направлено послание папе Сикусту IV[141], а в 1500 г. в Рим к папе Александру VI обращался митрополит Иосиф (Болгаринович)[142]). Однако подчинения папе римскому в форме унии не желала ни основная масса православных, ни католическая церковь, заинтересованная в переходе их в католицизм под давлением правящих кругов Польши и Литвы.

Митрополит Макарий I Черт (1495—1497), бывший архимандрит виленского Троицкого монастыря, предпочитал пребыванию в Новогрудке частое посещение столицы Великого княжества Литовского, где взимал с виленского духовенства подъездную и прочие пошлины и ограничил местных мещан в правах патроната над местными церквами[143]. Носившие титул митрополитов киевских, в самом Киеве во второй половине XV — начале XVI в. главы западнорусской церкви бывали очень редко. Долгое время это было небезопасно. Киев, его монастыри и церкви, включая древний Софийский собор, в 1482 г. подверглись разорению от крымских татар. Зная о бедственном положении киевского духовенства, митрополит Макарий в 1497 г. отправился в Киев, «хотя помощи церкви Божьей Софии», однако по дороге туда 1 мая погиб под Мозырем от рук «перекопских», т. е. крымских, татар, совершавших в это время очередной набег[144].

Борьба церковной иерархии с традициями светского патроната привела к принятию утвержденной королем Александром 20 марта 1499 г. западнорусской редакции церковного Устава Ярослава (так называемого «свитка Ярославля»). Вмешательство во внутрицерковные дела, связанные с церковной дисциплиной, поставлением духовенства и судом, грозило «властителям», «князьям» и «боярам» крупными денежными штрафами[145].

---

[140] *Флоря Б. Н.* Исследования по истории Церкви. С. 235—285.

[141] РФА. М., 1992. Вып. 5. Прилож. 59. С. 1071—1074.

[142] *Флоря Б. Н.* Исследования по истории Церкви. С. 264—266; см. также о попытке обратить в католичество дочь Ивана III Елену, выданную замуж за польского короля Александра Ягеллона: ПСРЛ. Т. 8. С. 238; Т. 12. С. 251; *Полехов С. В., Сквайрс Е. Р.* Casus belli: Грамота Ивана III об объявлении войны Александру Ягеллону от 24 июня 1500 г. // Slověne. 2021. Vol. 10. N 1. С. 262—295.

[143] *Флоря Б. Н.* Исследования по истории Церкви. С. 108.

[144] ПСРЛ. Т. 35. С. 124.

[145] Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. С. 137—138, 192—193.

Монастыри и монашество

К концу XIV в. в Русской церкви намечаются важные перемены в устроении монастырей. Если основанные ранее иноческие обители, как правило, были городскими или пригородными, то теперь все большее распространение получает практика отшельничества далеко от городских центров. Другой заметной тенденцией (нередко являвшейся стадиальным развитием первой) стала организация новых общежительных монастырей или получение общежительного устава ранее созданными обителями. Общежительный устав подразумевал строгое единоначалие игумена, отсутствие личной собственности в стенах обители и общую трапезу иноков.

Крупнейшей фигурой, стоявшей у истоков нового монашеского движения, считается Сергий Радонежский (в миру Варфоломей Кириллович, из ростовского боярского рода), в середине XIV в. ставший игуменом основанного им Троицкого монастыря в Радонежской волости. Сергий, изначально практиковавший пустынножительство, не был инициатором введения общежительного устава в монастырях. Долгое время Троицкий монастырь при Сергии был особножительным. Вероятнее всего, только в 1376—1377 гг. в Троице-Сергиевом монастыре по грамоте константинопольского патриарха Филофея и по согласованию с митрополитом Алексием был введен общежительный иноческий устав[146]. Между тем в Твери монастыри с общежительным уставом основывались уже к концу XIII в. (мужской Отроч и женский Афанасиевский). Основателем монастырского общежития в Москве московское летописание под 1379 г. называет Ивана, архимандрита Петровского (вероятно, известного позднее Высоко-Петровского) монастыря[147], а среди инокинь «общему житью женскому начальницей» — Иулианию (Ульяну), уроженку Ярославля, игуменью московского Алексеевского монастыря, умершую в 1393 г.[148] Дионисий, будущий суздальский и нижегородский (архи)епископ, до 1374 г., когда он был возведен на епископскую кафедру, основал в Нижнем Новгороде общежительный Вознесенский Печерский монастырь[149].

Значение фигуры Сергия Радонежского не только в его исключительных личных достоинствах как монаха, но и в его вовлеченности в политическую жизнь Руси того времени. В 1370-е годы происходит сближение Сергия с князьями московского дома. Так, в 1374 г. по приглашению князя Владимира Андреевича троицкий игумен прибыл в Серпухов, где благословил основание Высоцкого монастыря, в том же году он крестил родившегося 26 ноября сына великого князя Дмитрия Ивановича Юрия в Переяславле-Залесском, где проходил съезд князей Северо-Восточной Руси, на котором было принято решение о совместном выступлении против Мамаевой Орды[150].

В 1380 г. Сергий Радонежский благословил московских князей Дмитрия Ивановича, Владимира Андреевича и все русское войско на битву с ордынски-

---

[146] *Кучкин В. А.* Сергий Радонежский // ВИ. 1992. № 10. С. 80—82; *Он же.* Сергий Радонежский и «филофеевский крест» // ДРИ: Сергий Радонежский и художественная культура Москвы XIV—XV вв. СПб., 1998. С. 16—22.

[147] ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 129.

[148] *Приселков М. Д.* Троицкая летопись: Реконструкция текста. СПб., 2002. С. 442.

[149] ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 105—106; СПб., 1913. Т. 21. С. 420.

[150] ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 107—109; см. также: *Конявская Е. Л.* Преподобный Сергий Радонежский в русских летописях // Преподобный Сергий Радонежский: История и агиография, иконописный образ и монастырские традиции. М., 2015. С. 71—74. (Труды ГИМ; Вып. 202).

ми войсками Мамая на Куликовом поле (по сведениям летописей второй трети XV в. — прислав благословенную грамоту[151], по легендарной версии «Сказания о Мамаевом побоище» начала XVI в., — во время приезда братьев-князей в Троицкий монастырь, отправив вместе с ними на битву двух иноков — Пересвета и Ослябю, принявших участие в сражении[152]). Достаточно обоснована версия, что Сергий благословил московских князей в Троицком монастыре не перед Куликовским сражением, а перед также победоносной битвой с ордынцами на р. Вожа в 1378 г., когда Сергий еще имел статус великокняжеского духовника[153].

В декабре 1385 г. после московско-рязанской войны великий князь Дмитрий Иванович послал Сергия Радонежского к князю Олегу Ивановичу Рязанскому вести мирные переговоры, результатом которых стал прочный мир между Москвой и Рязанью[154]. В качестве духовного отца великого князя троицкий игумен явился одним из свидетелей составления второй духовной грамоты (завещания) Дмитрия Ивановича Донского весной 1389 г.[155], а 20 мая присутствовал на погребении великого князя в Архангельском соборе Москвы[156].

В последний год жизни Сергия игуменом Троицкой обители стал его ученик Никон (очевидно, из-за тяжелой болезни Сергия). Только к этому времени относятся первые известные вклады в Троицкий монастырь[157]. Скончался Сергий, «святыи старець, чюдныи, добрыи, тихий, кроткыи, смиреныи», 25 сентября 1392 г.[158] Обретение его мощей состоялось в Троицком монастыре 5 июля 1422 г.[159], после чего на Руси начинает все шире распространяться почитание преподобного, ставшее постепенной составной частью московской государственной идеологии[160].

Согласно агиографической традиции, Сергий Радонежский способствовал учреждению новых общежительных монастырей, основанных выходцами из Троице-Сергиева монастыря. Он благословил своего племянника Феодора на основание Симонова Успенского монастыря под Москвой, другие его ученики, Андроник, Григорий, Леонтий стали игуменами соответственно Спасского Андроникова монастыря, основанного митрополитом Алексием, а также Голутвинского монастыря под Коломной и Успенского Стромынского монастыря, основанных Дмитрием Донским. Во время недолгого ухода с игуменства в Троице-Сергиевом монастыре во второй половине 1370-х годов на территории Переяславской десятины Митрополичьей волости Сергий основал Киржачский Бла-

---

[151] ПСРЛ. Т. 6, вып. 1. Стб. 461; Т. 4, ч. 1. С. 316; Т. 42. С. 140—141; Памятники Куликовского цикла. СПб., 1998. С. 34, 71.

[152] Памятники Куликовского цикла. С. 149—152, 231—232, 265—267, 276—277.

[153] *Кучкин В. А.* Дмитрий Донской и Сергий Радонежский в канун Куликовской битвы // Церковь, общество и государство в феодальной России: Сб. статей. М., 1990. С. 103—126; *Он же.* Сергий Радонежский // ВИ. 1992. № 10. С. 85—87.

[154] ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 151.

[155] ДДГ. С. 36. № 12.

[156] ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 156.

[157] Сохранился пергаменный подлинник данной грамоты боярина С. Ф. Морозова «святои Троици и старцю Сергею и игумену Никону з братьею» на половину варницы и половину соляного колодца у Соли Галицкой (АСЭИ. М., 1952. Т. 1. С. 27. № 3).

[158] ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 163.

[159] *Клосс Б. М.* Избр. труды: В 2 т. М., 1998. Т. 1. С. 419.

[160] См., например: *Мельник А. Г.* Практики почитания св. Сергия Радонежского в Троице-Сергиевом монастыре в XV—XVI вв. // Сообщ. Ростовск. музея. Ростов, 2013. Вып. 20. С. 5—18; *Он же.* Культы святых в общественной жизни Руси середины — второй половины XV в. // ТОДРЛ. СПб., 2014. Т. 63. С. 58—66.

говещенский монастырь, в чем ему способствовал другой местный подвижник, Стефан Махрищский, основатель Махрищского Троицкого монастыря.

Следующим этапом развития монастырской жизни конца XIV—XV в. стало широкое колонизационное монашеское движение в Заволжье, продлившееся весь XV в. и продолжившееся позднее. Оно связано, помимо учеников Сергия Радонежского, с именами Кирилла и Ферапонта Белозерских[161], Павла Обнорского и Сергия Нуромского[162], Димитрия Прилуцкого, Дионисия Глушицкого[163], Германа, Зосимы и Савватия Соловецких[164], Нила Сорского[165], ряда других подвижников. На XV в., по выражению Г.П. Федотова, приходится «золотой век русской святости»[166]. По своим последствиям новое монашеское движение способствовало также внутренней колонизации, освоению земель Русского Севера.

В московском регионе крупные общежительные монастыри, пользовавшиеся поддержкой знати, основали в XV в. Пафнутий Боровский и его ученик Иосиф Волоцкий[167]. В отличие от северных пустыней, в которых могло проживать максимум несколько десятков монахов, а обычно не более 10, в некоторых монастырях (Троице-Сергиевом, Пафнутиево-Боровском, Кирилло-Белозерском) число иноков могло составить к XVI в. около 100 человек и даже несколько больше. Состав этих монастырей и некоторых других обителей пополнялся в том числе выходцами из аристократии — представителями княжеских родов, столичного и удельного боярства.

Новым явлением стали уставы монастырей (типиконы), которые составляли их основатели[168]. Наиболее показательны уставы Нила Сорского и Иосифа Волоцкого, которых принято считать виднейшими фигурами двух разных религиозных направлений, полемика между которыми приобретет острый характер уже в XVI в. — «нестяжателей» и «(и)осифлян». Нил Сорский, постриженник Кирилло-Белозерского монастыря, оставил основанному им в 1470—1480-е годы скиту в Белозерском крае «Предание ученикам своим» и богослужебный устав (следует отметить, что переводной Скитский устав был известен на Руси с рубежа XIV—XV вв., и, скорее всего, Нил Сорский не был основателем первого скита на Руси). Жизнь в скиту понималась как средний, «царский» путь иноческого подвижничества, в отличие от двух других — пустынножительства (отшельничества) и пребывания в крупном общежитийном монастыре. Скит не должен был иметь земельной собственности и не принимать милостыни от мирян, однако небольшая и простая личная собственность допускалась. Устройство скита предполагала немногочисленность монахов (обычно в нем жило 6—12 человек, все в отдельных кельях), личный труд монахов, безмолвие,

---

[161] Преподобные Кирилл, Ферапонт и Мартиниан Белозерские. 2-е изд. СПб., 1994.

[162] Жития Павла Обнорского и Сергия Нуромского: Тексты и словоуказатель / Под ред. А.С. Герда. СПб., 2005.

[163] Жития Димитрия Прилуцкого, Дионисия Глушицкого и Григория Пельшемского: Тексты и словоуказатель. СПб., 2003; Святые подвижники и обители Русского Севера: Усть-Шехонский Троицкий, Спасо-Каменный, Дионисьев Глушицкий и Александров Куштский монастыри и их обитатели. СПб., 2005.

[164] *Дмитриева Р.П.* Житие Зосимы и Савватия Соловецких в редакции Спиридона-Саввы // Книжные центры Древней Руси. XI—XVI вв.: Разные аспекты исследования. СПб., 1991. С. 220—282.

[165] *Романенко Е.В.* Нил Сорский и традиции русского монашества. М., 2003.

[166] *Федотов Г.П.* Святые Древней Руси. М., 1990. С. 162.

[167] См.: *Зимин А.А.* Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России. (Конец XV — XVI в.). М., 1977.

[168] *Синицына Н.В.* Русское монашество и монастыри. XI—XVII вв. // ПЭ. М., 2000. Т.: РПЦ. С. 317—319; *Она же.* Типы монастырей и русский аскетический идеал (XV—XVI вв.) // Монашество и монастыри в России. XI—XX вв.: Исторические очерки. М., 2002. С. 116—149.

постоянную углубленную молитву («умное делание»), изучение и переписку книг[169].

Устав Иосифа Волоцкого (ум. в 1515 г.) был составлен для учрежденного им в конце 1470-х годов Волоколамского монастыря, находившегося первоначально под патронатом удельных волоцких князей. На его составление повлияли порядки, увиденные Иосифом в русских общежительных монастырях, а также монастырские уставы Константинополя, Афона, Синая и Палестины. Его ранняя краткая редакция была составлена до 1502—1504 гг. (пространная, или минейная, в которой некоторые положения устава были смягчены, — после 1511 г.)[170]. Инок не должен был иметь личной собственности (строго проводимый принцип «нестяжания», который, однако, не распространялся на общемонастырские владения). Волоцкий игумен предписывал монахам соборную молитву и совместный труд, общую трапезу, которую надлежало проводить в молчании, с простой и неизобильной пищей («тайноядение» в своей келье и держание хмельных напитков строго запрещались). Одежда иноков также должна была быть простой. Им нельзя было беседовать после вечерней службы и выходить за стены обители без разрешения настоятеля. В монастырь строго запрещался вход женщинам и детям[171].

В отличие от Северо-Восточной Руси, монастыри Новгородской и Псковской земель оставались и в XV в. в основном особножительными, хотя и в этом регионе предпринимались попытки введения иноческого общежития. В своих грамотах псковскому пригородному Снетогорскому монастырю архиепископ Дионисий Суздальский, приехавший в Новгород и в Псков в 1383 г. в качестве патриаршего экзарха, митрополит Фотий (1418) и новгородский архиепископ Симеон (1416—1421) настаивали на строгом соблюдении общежительных порядков, установленных еще при основании монастыря в конце XIII в., но позднее постоянно нарушавшихся; осуждению иерархов подверглось и нередкое вмешательство мирских людей во внутримонастырские порядки[172].

Выходцы из Снетогорского монастыря Евфросин Псковский и его ученик Савва Крыпецкий основали в Псковской земле свои монастыри — Елеазаров Трехсвятительский и Крыпецкий Иоанно-Богословский[173]. Оба они ввели в новых обителях общежительные порядки, при этом Евфросином подвергалась критике принятая во многих особножительных монастырях практика внесения в монастырскую казну при пострижении денежных средств или ценных вещей — «вкупов», которые могли быть отторгнуты от монастыря в случае, если инок захотел бы покинуть данную обитель[174].

В Новгородской земле в конце XIV—XV в., также как и в Северо-Восточной Руси, развивается практика пустынножительства. Все больше иноческих обителей появляется в отдалении от Новгорода, что говорит о несомненных успехах христианизации и хозяйственного освоения Новгородской земли. Среди них следует

---

[169] *Романенко Е. В.* Нил Сорский и традиции русского монашества. С. 138—158; *Белякова Е. В.* Скиты как особая форма организации монашеской жизни // Монастырская культура как трансконфессиональный феномен. М., 2020. С. 106—123.

[170] *Лурье Я. С.* Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV — начала XVI в. М.; Л., 1960. С. 219—221.

[171] Послания Иосифа Волоцкого. С. 296—319.

[172] РФА. М., 2008. № 132. С. 479—481; № 133. С. 482—485; № 134. С. 486—487.

[173] *Охотникова В. И.* Псковская агиография XIV—XVII вв.: Исследования и тексты: В 2 т. СПб., 2007. Т. 2.

[174] Древнерусские иноческие уставы. М., 2001. С. 54; см. также: ААЭ: В 4 т. СПб., 1841. Т. 2. С. 83—84. № 108 (духовная грамота Евфросина).

назвать прежде всего общежительные, наследующие афонскую традицию Валаамский Спасо-Преображенский и Коневский Рождественско-Богородицкий на островах Ладожского озера (основаны в конце XIV в. соответственно иноками Сергием и Германом Валаамскими и Арсением Коневским), Соловецкий Спасо-Преображенский на Большом Соловецком острове в Белом море (вторая треть XV в., основан монахами Савватием, Германом и Зосимой Соловецкими), а также Николо-Корельский монастырь на Северной Двине (основан в конце XIV — начале XV в. монахом Евфимием, тогда же получил земельные владения от одного из новгородских боярских родов, разорен «мурманами» (норвежцами) в 1418/19 г., возобновлен в XVI в.).

Со второй половины XIV в. в монастырях как Северо-Восточной, так и Северо-Западной Руси отмечается развитие поминальной практики (с конца XIV в. известны монастырские синодики-помянники). Благодаря авторитету церковных иерархов, таких как митрополиты Киприан, Фотий и Феодосий, а также распространению в канонической литературе таких текстов, как апокрифическое «Правило 165 святых отец на обидящих Божия церкви», утверждается идея, что земельный или денежный вклад передается в собственность церкви под условием регулярного молитвенного поминания монахами вкладчика и его родственников, в том числе покойных[175]. Другими важнейшими источниками пополнения земельного фонда монастырей, кроме вкладов на помин души, стали покупки за счет монастырской казны и пожалования московских и удельных князей (в Великом Новгороде — выдача вечем жалованных грамот монастырям). Со временем это привело к превращению некоторых авторитетных обителей в крупные экономические центры, обладающие значительными недвижимыми владениями и ведущие обширную торговлю. Уже к началу XVI в. целый ряд общежительных монастырей — кремлевский Чудов, Троице-Сергиев, Кирилло-Белозерский, Иосифо-Волоцкий, Соловецкий, московский пригородный Симонов Успенский монастырь, суздальский Спасо-Евфимиев и др. — благодаря получению больших вкладов на помин души, в том числе от членов княжеских семей и бояр, становятся крупными собственниками земли, ведущими обширное хозяйство трудом зависимых крестьян[176]. Благодаря щедрым пожертвованиям монастыри возводят каменные постройки — церкви, трапезные (нередко объединенные с храмом), колокольни, братские кельи, стены и башни с въездными воротами. Монастыри получают значительно больше возможностей для ведения благотворительной деятельности — заботе о странниках, нищих, больных, кормления голодных, особенно в неурожайные годы. Иноческие обители становятся более открытыми «миру». Как отмечает современный исследователь, если монастыри старого типа, «основанные князьями, епископами, боярами и содержащиеся на их средства, строились как "прибежище" для крупных вкладчиков, живущих в них по келлиотскому (особножитийному. — *М. П.*) уставу, то и цель нравственного просвещения окружающего населения не стояла перед ними». Что касается общежительных обителей, то они были «не только для состо-

[175] *Алексеев А. И.* Под знаком конца времен: Очерки русской религиозности конца XIV — начала XVI в. СПб., 2002. С. 131—180.

[176] *Ивина Л. И.* Крупная вотчина Северо-Восточной Руси конца XIV — первой половины XVI в. Л., 1979; *Зимин А. А.* Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России. М., 1977; *Черкасова М. С.* Землевладение Троице-Сергиева монастыря в XV—XVI вв. М., 1996. С. 60—104; *Miller D.* Donors to the Trinity-Sergius Monastery as a Community of Venerators: Origins, 1360s—1462 // Московская Русь (1359—1584): Культура и историческое самосознание. М., 1997. С. 450—474; и др.

ятельных вкладчиков, но для любого человека; вынужденные сталкиваться с миром повседневно в силу хозяйственных потребностей; вообще ставящие общее выше личного — они не могли оставаться замкнутыми корпорациями и оказывали на мир несравненно большее влияние, чем старые обители. Помимо таинства исповеди единственными явными и публичными средствами воздействия на мир у иноков были проповедь, поучение, благословение (или неблагословение, моральное осуждение)»[177].

К концу XV столетия рост подушных вкладов в монастыри стал вызывать тревогу московской великокняжеской власти, и она предпринимает меры по ограничению монастырского землевладения. По наблюдениям исследователей, с 1470-х годов его рост практически прекращается. Известен запрет «на Твери, в Микулине, в Торжку, в Оболенску, на Белеозере, на Рязани, мимо тех городов людей иных городов людем вотчин не продавати» и не давать «по душам в монастыри без докладу»[178]. Начинается процесс пересмотра владельческих прав обителей, светским вотчинникам было позволено выкупать у монастырей свои родовые вотчины. Разросшаяся недвижимая собственность митрополичьей кафедры также обращает на себя внимание Ивана III. Митрополичьи земли с 1480-х годов начинают лишаться судебного иммунитета и раздаваться в условное владение служилым людям[179].

В январе 1499 г. в Новгородской земле после длительного перерыва по инициативе Ивана III возобновилось изъятие у Церкви недвижимой собственности, причем с санкции (возможно, вынужденной) высшей церковной власти — «поимал князь великои в Новегороде вотчины церковные, и роздал детем боярским в поместье, монастырьские и церковные, по благословению Симона митрополита»[180]. Конфискованные земли были использованы московским правительством в XVI в. под поместные раздачи.

Вопрос о земельных владениях церкви особенно остро был поставлен на созванном по великокняжеской инициативе в Москве в 1503 г. церковном соборе[181]. Планы Ивана III конфисковать эти владения для поместных раздач и заменить ругой (выдаваемыми из государственной казны денежными средствами) столкнулись с сопротивлением большинства епископата, представителей монашества и духовенства[182]. Собор издал определение о неприкосновенности церковных владений[183]. К событиям, связанным с этим собором, принято относить начало полеми-

---

[177] *Бобров А. Г.* Монастырские книжные центры Новгородской республики // Книжные центры Древней Руси: Севернорусские монастыри. СПб., 2001. С. 75. См. также: *Романенко Е. В.* Повседневная жизнь русского средневекового монастыря. 2-е изд. М., 2021.

[178] ААЭ. Т. 1. С. 219. № 227.

[179] *Каштанов С. М.* Социально-политическая история России конца XV — первой половины XVI в. М., 1967. С. 187—191; *Черкасова М. С.* Землевладение Троице-Сергиева монастыря в XV—XVI вв. С. 90—104; *Алексеев А. И.* Под знаком конца времен. С. 231—236.

[180] ПЛ. Вып. 2. С. 252. Только в Деревской пятине Новгородской земли кафедра лишилась 75% владений, монастыри и отдельные храмы потеряли 27% земель, но получили частичную компенсацию (реальная убыль составила 16%), всего Церковь дишилась 48% вотчин (*Фролов А. А.* Конфискации вотчин новгородского владыки и монастырей в последней четверти XV в. // ДРВМ. 2004. № 4 (18). С. 58—60).

[181] См.: *Алексеев А. И.* Под знаком конца времен. С. 294—301; ср.: *Плигузов А. И.* Полемика в русской церкви первой половины XVI столетия. М., 2017. С. 330—386.

[182] РФА. Вып. 3. № 24—26. С. 658—669; Послания Иосифа Волоцкого. Прилож. С. 322—329; *Бегунов Ю. К.* «Слово иное» — новонайденное произведение русской публицистики XVI в. о борьбе Ивана III с землевладением Церкви // ТОДРЛ. СПб., 1964. Т. 20. С. 351—363.

[183] ААЭ. Т. 1. С. 484—485. № 382.

ки двух монашеских направлений — иосифлян и нестяжателей, развернувшейся в XVI в. По некоторым данным, признаваемым достоверными большинством исследователей, в соборе 1503 г. участвовали церковные деятели, к которым возводятся два эти течения, — соответственно Иосиф Волоцкий и Нил Сорский.

Собор 1503 г. под председательством митрополита Симона также принял ряд постановлений дисциплинарного характера, стремящихся привести жизнь Русской церкви в соответствие с каноническими нормами, — запрещалось впредь брать пошлины за поставление в священники и диаконы (это расценивалось как незаконное поставление на мзде, т. е. симония, за которую по канонам полагалось отлучение от церкви); возбранялось служение вдовым священникам (они должны были принимать монашество, а те, кто имел наложниц, — лишаться сана); кроме того, отменялась практика совместного проживания иноков и инокинь в одном монастыре[184].

Потеря Византией своих территорий, а затем и падение Константинополя не сильно повлияли на благочестивый обычай русских людей паломничать к святыням христианского Востока, хотя путешествия по-прежнему оставались рискованными из-за непредсказуемости действий мусульман (ордынцев, турок и арабов). Диакон Троице-Сергиева монастыря Зосима в 1419—1422 гг. совершил путешествие из Москвы через Киев в Царьград (Константинополь), а затем в Фессалоники, на Афон и в Палестину, оставив описание своей паломнической поездки («Ксенос, или Странник»), в частности, довольно подробные описания византийской столицы и Иерусалима[185].

Другой известный памятник жанра хожений принадлежит иеромонаху Варсонофию, который побывал в 1456 г. в Сирии и Палестине, а в 1461—1462 гг. в Египте, Синае и вновь в Палестине; особую значимость имеет первое сделанное им русское описание Египта и его столицы Каира, где он был благожелательно принят властями султаната Мамлюков[186]. В 1465—1466 гг. московский гость (купец) Василий также совершил паломническое путешествие, в том числе, вероятно, и с торговыми целями, в Малую Азию, Египет и Палестину[187].

Новым явлением религиозной жизни в русских городах стало появление в них в XV в. юродивых, внешне демонстрирующих общественно порицаемое (девиантное) поведение, но наглядно обличающих тем самым существующие в народе пороки. Ранее юродство встречалось на Руси только в монастырях как своеобразная форма иноческого самоуничижения; так, в конце XIV в. в Симоновом монастыре юродствовал Кирилл Белозерский, а в первой половине XV в. в Троицком Клопском монастыре под Новгородом — Михаил Клопский. Юродство не следует считать исключительно русским явлением. Зародившись в Византии, оно проникло и в западные страны, и на Русь[188]. Достоверно первым из городских юродивых

---

[184] РФА. Вып. 3. № 25. С. 660—662. Вступивший на соборе в полемику с великим князем новгородский архиеп. Геннадий вынужден был в 1504 г. оставить свою кафедру по обвинению в симонии, т. е. в нарушении одного из постановлений собора 1503 г. (ПСРЛ. Т. 8. С. 244; Т. 12. С. 258; РФА. 2008. С. 314. № 99). Бывший архиепископ через год скончался в Чудовом монастыре.

[185] Хожение инока Зосимы / Под ред. Х.М. Лопарева // ППС. СПб., 1889. Т. 8. Вып. 3; Книга хожений: Записки русских путешественников XI—XV вв. / Сост. Н.И. Прокофьев. М., 1984. С. 120—136.

[186] Хожение священноинока Варсонофия ко св. граду Иерусалиму в 1456 и 1461—1462 гг. // ППС. СПб., 1896. Т. 15, вып. 3 (кн. 45); Книга хожений: Записки русских путешественников XI—XV вв. С. 162—168.

[187] Книга хожений: Записки русских путешественников XI—XV вв. С. 169—177.

[188] *Иванов С.А.* Блаженные похабы: Культурная история юродства. М., 2005.

XV в. следует считать ростовца Исидора Твердислова, имевшего немецкое происхождение[189]. Наибольшее развитие как феномен городского юродства, так и поддержанное церковными властями народное почитание «блаженных» получит уже на протяжении XVI в.

Важной особенностью религиозной жизни городов Северо-Западной Руси становится появление в них религиозных движений, которые их церковными оппонентами характеризовались как еретические. Несмотря на то, что они не носили массового характера, вызванная ими богословская и публицистическая полемика оставила заметный след в истории русской средневековой общественной мысли.

Первым из них было движение стригольников (в историографии нередко называемое стригольничеством), существовавшее во второй половине XIV — первой трети XV в. на северо-западе Руси — в Новгороде и Пскове[190]. Его участники были отлучены от православной церкви, очевидно, одним из новгородских архиепископов 1350—1370-х годов (Моисеем или Алексием).

Основными источниками для изучения стригольничества являются сочинения церковных иерархов того времени — послание в Новгород константинопольского патриарха Нила 1381 г., полемическое «Списание» против основных пунктов стригольнического учения, составленное, наиболее вероятно, известным миссионером пермским епископом Стефаном около 1386 г. по просьбе новгородского архиепископа Алексия[191] (по другой версии — новгородским духовенством на основе грамоты патриарха Константинопольского Антония IV[192]), четыре грамоты в Псков, посланные из Москвы в 1416—1427 гг. митрополитом Киевским Фотием.

Основополагающим пунктом учения новгородско-псковских стригольников являлось неприятие симонии, «поставления на мзде», под которым подразумевалась практика получения епископами ставленнических пошлин, даваемых им кандидатами для поставления в церковный сан. Вся церковная иерархия считалась стригольниками поэтому безблагодатной, а таинства, совершаемые поставленным таким образом духовенством, недействительными. Священники обвинялись стригольниками также в пьянстве и стяжательстве. В свою очередь, стригольников церковные иерархи обвиняли в том, что они практиковали покаяние земле, которое не имеет в историографии однозначного толкования; очевидно лишь, что оно

---

[189] *Городилин С. В.* Между «немечьскою землею» и Ростовом: Исторические реалии в Житии Исидора Твердислова // Slověne. 2018. Vol. 7. N 2. С. 414—450; *Он же.* К вопросу о формировании агиологической модели юродской святости в агиографии позднего русского Средневековья // Актуальные проблемы изучения и сохранения памятников архитектуры: Чтения памяти И. И. Кузнецова. М., 2020. Вып. 1. С. 190—223.

[190] *Казакова Н. А., Лурье Я. С.* Антифеодальные еретические движения на Руси XIV — начала XVI в. М.; Л., 1955. С. 7—73, 230—255. № 1—7 (издание источников); *Печников М. В.* К вопросу о религиозной практике стригольников // Ad fontem / У источника: Сб. статей в честь С. М. Каштанова. М., 2005. С. 224—236; *Он же.* Церковь и стригольники в Пскове в конце XIV — первой трети XV в. // ДРВМ. 2014. № 1 (55). С. 107—122; *Алексеев А. И.* Религиозные движения на Руси последней трети XIV — начала XVI в.: Стригольники и жидовствующие. М., 2012. С. 17—207.

[191] *Печников М. В.* Вторая редакция «Списания» Стефана Пермского: (К вопросу о времени и месте составления) // Проблемы источниковедения. М., 2006. Вып. 1 (12). С. 90—107; *Он же.* Антистригольническое «Списание»: Проблемы авторства, датировки и источников // АЕ за 2014—2015 гг. М., 2023. С. 39—56.

[192] *Алексеев А. И.* О редакциях сочинения против стригольников, приписываемого патриарху Антонию или епископу Стефану Пермскому // ДРВМ. 2011. № 3 (45). С. 6—7; *Он же.* О перспективах изучения ереси стригольников. С. 56—63; *Он же.* Религиозные движения на Руси последней трети XIV — начала XVI в. С. 58—72.

заменило для них церковную исповедь. При этом нет оснований для утверждения, принятого в советской историографии, что стригольники принципиально отвергали церковные догматы и таинства по рационалистическим или иным соображениям; патриарх Нил и митрополит Фотий характеризовали движение не как ересь, а как раскол. Основателем движения стригольников в «Списании» называется отлученный от церкви диакон Карп, имевший прозвище «стригольник»; его последователи называются также «стригольниковыми учениками». Название движения, таким образом, скорее всего, происходит от прозвища Карпа, но значение его остается неясным — по разным толкованиям, это было указание на профессию цирюльника (парикмахера), на ремесло стригалей сукна, на пострижение как обряд посвящения в стригольники, на выстриженные волосы, характерные для низшего духовенства, и т. д.

В 1375/76 г. три стригольника (бывшие диаконы Карп, Микита и не названный по имени) были, согласно летописному сообщению, казнены в Новгороде путем сбрасывания с моста в р. Волхов (способ казни указывает на вечевой приговор)[193]. В Пскове стригольники появляются не позднее 1383 г., когда с ними в этом городе полемизировал прибывший из Константинополя в качестве патриаршего экзарха нижегородско-суздальский архиепископ Дионисий[194]. С этого времени и по первую треть XV в. стригольники известны только в этом городе. В 1416—1427 гг. с ними вело борьбу находившееся в переписке с митрополитом Фотием псковское духовенство, имевшее давние традиции самоуправления (Псков, как говорилось выше, не имел своего епископа, хотя неоднократно пытался добиться создания собственной епархии). После вмешательства светских властей Пскова в 1425—1427 гг. стригольники были арестованы и движение, скорее всего, прекратило свое существование (о смертной казни, воспрещаемой по отношению к ним церковными иерархами, в источниках не говорится, вероятно, они были заключены в монастыри до покаяния). Последнее обвинение в стригольничестве относится к 1487 г., когда архиепископ Новгородский Геннадий (Гонзов) обвинил в этом иеромонаха Захара, однако оно было сделано по формальным признакам, а не вследствие факта принадлежности к движению.

В 1487 г. в своих грамотах высшему духовенству Новгородский и Псковский архиепископ Геннадий сообщил о появлении в Великом Новгороде ереси жидовствующих («жидовская мудръствующих»)[195]. Согласно Геннадию и позднее включившемуся в полемику игумену Иосифу Волоцкому, «жидовская ересь» была занесена в Новгород в 1470—1471 гг. неким «жидовином» (Иосиф называет его имя — Схария), приехавшим из Литвы в свите князя Михаила Олельковича, а затем, о чем сообщает только Иосиф, великим князем из Новгорода в 1480 г. были взяты на служение протопопы Алексей (в Успенский собор) и Денис (в Архангельский собор), и тем самым ересь распространилась на Москву.

В современной историографии вопрос о сущности «ереси жидовствующих» и о самом факте ее реального существования является обостренно-дискуссионным. Одни авторы воспринимают показания церковных обличителей (прежде всего ар-

[193] ПСРЛ. Т. 6, вып. 1. Стб. 449; Т. 4, ч. 1. С. 305.

[194] НПЛ. С. 378—379; РИБ. Т. 6. Стб. 205. № 24.

[195] *Казакова Н. А., Лурье Я. С.* Антифеодальные еретические движения на Руси XIV — начала XVI в. М.; Л., 1955. С. 74—224; Там же. С. 256—523. № 7—35 (публикация источников); *Алексеев А. И.* Религиозные движения на Руси последней трети XIV — начала XVI в. С. 211—496.

хиепископа Геннадия и Иосифа Волоцкого) критически и не склонны видеть в каждом из них несомненное свидетельство о «жидовской ереси»[196]. Другие историки склонны с большим доверием относиться к сведениям архиепископа и полагают, что он действительно обнаружил ересь «жидовская мудрствующих»[197], а Иосиф Волоцкий составил на них достоверное обличение; их представление о «жидовствующих» тем самым восходит к церковной историографии XIX — начала XX в.[198] Таким образом, представители этого историографического направления на данном этапе научного изучения проблемы возвращаются к отвергнутому советской исторической наукой тезису об отступничестве новгородских еретиков в иудаизм. Ими критически воспринимается и обусловленный марксистской доктриной тезис ряда отечественных ученых (прежде всего Я. С. Лурье, А. И. Клибанова, А. А. Зимина) о прогрессивном, (пред)реформационном характере деятельности «новгородско-московских еретиков»[199]. Недавно сформировалось третье направление, представители которого отвергают тезис об иудейском прозелитизме на территории России и пишут об «иудизантстве» как гуманистическом направлении, существовавшем в рамках христианской (православной в случае России) культуры[200].

После того как новгородский архиепископ Геннадий послал великому князю

---

[196] *Pliguzov A.* Archibishop Gennadii and the Heresy of the «Judaizers» // Harvard Ukrainian Studies. 1992. Dec. Vol. 16. Nr. 3/4. P. 269—288; *Хоулетт Я. Р.* Свидетельство архиеп. Геннадия о ереси «новгородских еретиков, жидовская мудръствующих» // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 46. С. 53—73; 53—73; *Лурье Я. С.* Источники по истории «новоявившейся новгородской ереси» («жидовствующих») // Jews and Slavs. Jerusalem. 1995. Vol. 3. P. 199—223; *Григоренко А. Ю.* Духовные искания на Руси конца XV в. СПб., 1999; *Чумичева О. В.* Иноверцы или еретики: Понятие «жидовская мудрствующие» в полемическом контексте на Руси конца XI — начала XVI в. // Очерки феодальной России. М.; СПб., 2010. Вып. 14. С. 209—226; *Белова О. В., Петрухин В. Я.* «Еврейский миф» в славянской культуре. М.; Иерусалим, 2008. С. 169—179; *Петрухин В. Я.* Иван III — ересиарх? К спорам о ереси «жидовствующих» // Круги времен: В память Елены Константиновны Ромодановской. М., 2015. Т. 2. С. 158—170; *Печников М. В.* Иван III и новгородский розыск 1487—1490 гг. Ч. 1 // Средневековая Русь. М., 2018. Вып. 13. С. 181—240; *Он же.* Иван III и новгородский розыск 1487—1490 гг. Ч. 2 // Средневековая Русь. М., 2020. Вып. 14. С. 153—220; *Манохин А. А.* «Новгородские злые ереси» конца XV в. М., 2023.

[197] *Эттингер Ш.* Влияние евреев на «ересь жидовствующих» в Московской Руси // Jews & Slavs. Jerusalem; St. Petersburg, 1995. Vol. 4. P. 9—27; *Макарий (Веретенников), архим.* Свт. Геннадий Новгородский: (Хронологические вехи жизни и деятельности) // Макариевские чтения. Можайск, 2003. Вып. 10. С. 28—60; *Прохоров Г. М.* Прения Григория Паламы с «хионы и турки» и проблема «жидовская мудрствующих» // ТОДРЛ. Л., 1972. Т. 27. С. 329—369 (то же в изд.: *Прохоров Г. М.* «Так воссияют праведники...»: Византийская литература XIV в. в Древней Руси. СПб., 2009. С. 88—104); *Алексеев А. И.* Религиозные движения последней трети XIV — начала XVI в. С. 251—272, 416—424, 441—455.

[198] См. прежде всего: *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской церкви. М., 1996. Кн. 4. Ч. 1. С. 52—78; *Голубинский Е. Е.* История Русской церкви. М., 1997. Т. 2. Пол. 1. С. 559—607. Ср.: *Никитский А. И.* Очерк внутренней истории церкви в Великом Новгороде. СПб., 1879. С. 157—185, 207—212.

[199] См. указанную выше монографию Н. А. Казаковой и Я. С. Лурье, а также: *Клибанов А. И.* Реформационные движения в России в XIV — первой половине XVI в. М., 1960; *Зимин А. А.* Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России. (Конец XV — XVI в.). М., 1977.

[200] *Klier J. D.* Judaizing without jews? Moscow—Novgorod, 1470—1504 // Московская Русь (1359—1584): Культура и историческое самосознание. М., 1997. P. 336—339; *Дмитриев М. В.* От антииудаизма к иудаизантизму в православной культуре востока Европы в конце XV—XVI вв. // POLYSTORIA: Цари, святые, мифотворцы в средневековой Европе. М., 2016. С. 209—233, 247—261; *Мусин А. Е.* Загадки дома Святой Софии: Церковь Великого Новгорода в X—XVI вв. СПб., 2016. С. 186—204; *Грищенко А. И.* Правленое славяно-русское Пятикнижие XV века: Предварительные итоги лингвотекстологического изучения. М., 2018.

Ивану III и митрополиту Геронтию «подлинники» следственного дела, в начале 1488 г. в Москве был созван церковный собор, на котором три представителя новгородского духовенства были приговорены к битью кнутом по обвинению в осквернении икон; большая часть новгородцев, обвиненных в ереси Геннадием, однако, была отправлена к архиепископу для дальнейшего расследования.

Новый собор на новгородских еретиков состоялся в октябре 1490 г. при новом митрополите Зосиме, бывшем архимандрите Симонова монастыря, которого впоследствии Иосиф Волоцкий также считал причастным к ереси. Собор под председательством великого князя осудил ряд обвиненных в ереси новгородцев на заточение. Он были обвинены в осквернении святынь, в том числе икон, отвержении догмата Троицы и тайном переходе в иудаизм. Один из видных дипломатов Ивана III дьяк Ф. В. Курицын, которого архиепископ Геннадий считал главой еретиков в Москве, на суде в качестве обвиняемого не предстал. Это дает основание большинству исследователей полагать, что еретический кружок продолжил свое существование в Москве под прикрытием великого князя (или же, по другому мнению, дьяк к какой-либо ереси причастен не был; в составленном Ф. В. Курицыным загадочном «Лаодикийском послании» одни исследователи усматривают признаки влияния иудейской мысли, другие — нет). В свою очередь, в Новгороде, как считается, борьба с «жидовствующими» стимулировала деятельность переводчиков и переписчиков при архиепископской кафедре (так называемого «Геннадиевского кружка»), занимавшейся перепиской, распространением рукописных книг, готовившей создание первой на Руси типографии, ведшей переводческую работу (с древнееврейского и с латыни). Высшим достижением кружка стало создание первого на Руси полного библейского свода — так называемой Геннадиевской Библии 1499 г., некоторые библейские книги получили при этом новый перевод или были переведены на церковнославянский язык впервые.

В 1504 г. Иосиф Волоцкий добился у тяжело болевшего Ивана III созыва нового собора на «жидовствующих» в Москве, по итогам которого в российской столице и в Новгороде некоторые из обвиненных в причастности к ереси были сожжены, а другие отправлены в заточение в монастыри[201]. Как полагают многие исследователи, не позднее собора 1504 г. Иосифом была составлена первоначальная редакция «Книги на новгородских еретиков» (в XVII в. получившая название «Просветитель»)[202], первого обширного русского произведения богословской тематики, где, в частности, рассматривались вопросы о понимании догмата Троицы и проблемы иконопочитания.

Пройдя через кризисный период конца XIV в., митрополия всея Руси достигла периода своего расцвета при митрополитах Киприане и Фотии. В этот период, при всей приверженности политике тесного союза с московской великокняжеской властью, церкви удавалось сохранять значительную автономию в делах внутреннего управления.

Новым вызовом для Русской церкви стала Флорентийская уния и последовавшие за ней события — падение Константинополя и распад единства митрополии в середине XV в.

---

[201] ПСРЛ. Т. 12. С. 258; ср.: ПСРЛ. М., 1978. Т. 34. С. 8.

[202] *Плигузов А. И.* «Книга на еретиков» Иосифа Волоцкого // История и палеография. М., 1993. [Вып. 1]. С. 90—139; *Лурье Я. С.* Когда была написана «Книга на новгородских еретиков»? // ТОДРЛ. СПб., 1996. Т. 49. С. 81—87; *Кириллин В. М.* «Просветитель» прп. Иосифа Волоцкого // Записки отдела рукописей. М., 2000. Вып. 51. С. 117—128; *Алексеев А. И.* Религиозные движения на Руси последней трети XIV — начала XVI в. С. 292—382.

Провозглашение в Москве автокефалии в 1448 г. обернулось поначалу большим дипломатическим успехом, а именно — признанием церковной власти митрополита Ионы над православными Великого княжества Литовского, однако к 1460-м годам это обернулось разделением митрополии на Западнорусскую («Киевскую») и Московскую («всея Руси»). Сотрудничество митрополитов всея Руси с великими князьями московскими предусматривало до самого конца XV в. возможность отстаивания своих позиций по определенным вопросам и сопротивление попыткам великокняжеской администрации полностью подчинить себе церковную власть.

К рубежу XV—XVI вв. Русская церковь понесла большие территориальные потери, но при этом стала более централизованной. Сложился митрополичий аппарат управления и суда. Выросла власть епископов на подвластных им территориях, в том числе благодаря ослаблению и ликвидации самостоятельных княжений по мере их вхождения в состав единого Российского государства. В оставшихся верными Москве епархиях росло церковное землевладение, развитие поминальной монастырской практики привело к щедрым пожертвованиям, в том числе земельным вкладам, что не приветствовалось великокняжеской властью и встречало ее противодействие. Рост церковных богатств вызывал критику как с антиклерикальных и ригористических позиций (стригольники), так и со стороны приверженцев монашества аскетическо-мистического понимания («нестяжатели»).

Глава 5

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРАВО

В течение XIV и почти всего XV в. не возникло общерусских юридических памятников. Несмотря на местное происхождение, дошедшие от этого периода тексты позволяют говорить об определенном этапе в развитии русского права. Многие зафиксированные в них нормы впоследствии прослеживаются на всей территории Древней Руси.

С ростом влияния Москвы расширялась юрисдикция великого князя. Это привело к изданию уставных грамот, адресованных московским наместникам и устанавливавших нормы управления и суда на определенной территории. Из ранних уставных грамот сохранились Двинская (1397—1398) и Белозерская (1488)[1], однако их формулярный характер заставляет предполагать существование других, не дошедших до нас актов того же рода. С внешней точки зрения они представляют собой княжеские уставы, данные в одностороннем порядке (великий князь «жалует» местное население), но при относительной слабости государственного центра уставные грамоты неизбежно, как и более раннее законодательство, совмещали княжеское законотворчество с кодификацией местной «старины» и «пошлины», сливаясь с нею в единое целое.

Нормы Русской Правды в Двинской грамоте заметно пересмотрены. Штрафы и судебные пошлины сильно дифференцированы. Введено не только понятие оскорбления словом («лай»), но и «бесчестье» для привилегированных служилых людей (бояр и слуг) — штраф, назначаемый «по отечеству» (знатности) пострадавшего. Вместе с тем холоп остается полной собственностью «господаря» (ср. ст. 89 Пространной Правды: «А в холопе и в робе виры нетуть»). В то же время под влиянием церкви старинная «головщина» в Двинской грамоте и других московских памятниках вытесняется осудительным термином «душегубство», известным ранее (с XI в.) только по церковно-каноническим текстам.

При обнаружении похищенного у невиновного человека назначается розыск настоящего преступника — «свод» («извод»), который, в отличие от Правды, изъят из компетенции соседской общины (верви), территориально не ограничен и передан в ведение великокняжескому аппарату — «наместником и дворяном».

Ограничиваются остатки общинного суда. Еще определенными полномочиями обладает сход участников соседского пира — братчины, которая, судя по целому ряду более поздних грамот, ограждалась законом от незваных гостей. Однако, по Двинской грамоте, братчине подсудны только мелкие внутренние тяжбы и конфликты. Драка, не окончившаяся миром, относится к компетенции наместника

[1] ГВНП. М.; Л., 1949. № 88; ПРП: В 8 вып. М., 1955. Вып. 3. С. 162—164, 170—174.

(в отличие от Пространной Правды, где княжеская администрация вмешивается в дела общины только в случае убийства).

Белозерская грамота по сравнению с Двинской содержит ряд изменений. Великокняжеская администрация уже не может формироваться из местных бояр, ее функции расширены и тщательно разработаны. Впервые точно определен ее состав (два тиуна и два доводчика в городе, восемь доводчиков в станах). В то же время, падает роль белозерских выборных начальников — сотских и «добрых людей»: они хотя и участвуют в суде, но полностью подчинены аппарату великого князя. Можно предполагать, что данные нормы не установлены по «старине», а представляют собой новшество эпохи Ивана III и свидетельствуют о значительной унификации русской юридической системы. Фактически Белозерская грамота содержит полноценное законодательство о местном управлении. Окончательно за великокняжеским аппаратом закрепляется подсудность тяжких правонарушений (татьба, разбой, душегубство).

По мере объединения русских земель нельзя было обойтись без регламентации таможенных пошлин за проезд и право торговли, которые издревле, по традиции, существовали на местах. Первым из дошедших до нас установлений Московского великого княжества в этой области является Белозерская таможенная грамота 1497 г.[2] Она имеет развитый формуляр, повторяющийся (как и в случае с великокняжескими уставными грамотами) в позднейших документах. Грамота свидетельствует о наличии института откупщиков, которые (наряду с целовальниками — представителями великого князя, впервые упомянутыми в Судебнике 1497 г.) имели право взимать единые таможенные сборы «со всех без оминки» (без исключения), «чей бы хто ни был» (в данном случае — тамгу с любых купцов и особое «пятно коневое» за продажу лошадей), и вносить их в казну за установленную пошлину. Местные жители освобождались от большинства сборов, приезжим запрещалось торговать за чертой города (кроме волости Углы, где устраивался торг «по старине»). Предусматривался штраф за разгрузку товара без досмотра («протаможье»), куплю или продажу лошади без клейма («пропятенье»).

В конце XIV — первой половине XV в. составляется «Правосудие митрополичье» — пособие для церковных судов, включающее и статьи по гражданским делам[3]. Его нормы близки к великокняжескому законодательству, отраженному в Двинской уставной грамоте: штрафы за «бесчестье» (однако не только по родовитости, но и «по службе» пострадавшего), абсолютная власть господина над «полным челядином» (холопом). Убийца судится по нормам Русской Правды — потоком и разграблением. В то же время пределы применения этого наказания сужаются, оно постепенно заменяется смертной казнью. Как Двинская уставная грамота, так и «Правосудие митрополичье» вводят повешение, если совершено аналогичное преступление (Двинская — в третий раз). «Правосудие» возводит «бесчестье» великому князю на уровень государственного преступления и предписывает «главу сняти» нарушителю. Не исключено, что именно эта норма была применена еще в 1379 г. к сыну московского тысяцкого И. В. Вельяминову, который «мечем потят бысть».

Значительные отличия от памятников Северо-Восточной Руси имеют памятники Новгорода и Пскова, хотя относительно полная кодификация местного права известна нам лишь после вовлечения этих земель в орбиту Москвы. Псковская (веро-

[2] ПРП. Вып. 3. С. 175—178.
[3] ДКУ. М., 1976. С. 207—211.

ятно, в 1462 г.)[4] и Новгородская (в 1471 г.) судные грамоты[5] были приняты соответственно «всем Псковом» и «всем господарем Великим Новгородом» на вече.

Исследователями неоднократно предпринимались попытки выделить в обеих грамотах разные текстологические слои, однако единой версии членения текстов не существует. На наш взгляд, мнение о постепенности складывания обоих памятников остается недоказанным и входит в противоречие с заголовками, указывающими на единовременность создания актов.

Одним из источников Псковской и Новгородской судных грамот были княжеские уставы (Псковская судная грамота указывает на это прямой ссылкой), но в существенной степени эти грамоты, как и московские законодательные акты, составило обычное право («старина», «пошлина»). Между тем в данном случае у «старины» остается гораздо больше свобод. Продолжает существовать совместный суд князя (в Новгородской грамоте — великокняжеских наместников) и посадника, которые не могли выносить приговор по отдельности. Разделение полномочий сохранялось и на более низком уровне: княжеские тиуны вершили суд вместе с городскими приставами. Княжеский суд осуществлялся уже по писаному праву («взирая в правду»). Только к его юрисдикции, как и в московских памятниках, относились тяжкие преступления: убийство, разбой, грабеж, кража со взломом, «наезд» (в Новгородской судной грамоте) или «находе» (в Псковской) — вооруженное нападение на чужую землю. Однако он не мог вмешиваться в деятельность выборных городских судей, владычных наместников (им подлежали суды по церковным делам и над духовенством) и веча. Последнее по представлению посадника утверждало новое законодательство и было вправе «выписать вон» непригодные статьи. В то же время запрещалась практика вечевых расправ, известная в более раннюю эпоху.

Регламентировались судебные пошлины, размер которых зависел от тяжести дела или — при тяжбах об имуществе — исчислялся с суммы, взыскиваемой в пользу истца (Новгородская судная грамота также определяет предельные сроки ведения дел: два месяца для земельных и месяц для прочих). Впервые специально запрещались взятки («тайных посулов не имати»), что начиная с Судебника 1497 г. перейдет в общерусское законодательство.

В отличие от Псковской, Новгородская судная грамота упоминает «доклад» — судебную коллегию высшей инстанции, собиравшуюся трижды в неделю для вынесения окончательных решений или пересмотра дел. Не лишено вероятия предположение, что институт судебного доклада был перенесен в Новгород из московского законодательства. Впервые он появляется в «Записи о душегубстве», обычно датируемой серединой XV в.[6], но вырастает из более общей формы доклада как контроля власти за совершением актов (соответствующий формуляр известен с рубежа XIV—XV вв. в Москве, но не в Новгороде). Однако по Новгородской судной грамоте судебный доклад, по-видимому, пользуется автономией от великокняжеского наместника (коллегия состоит из новгородцев и заседает перед архиепископом).

Выражая общую тенденцию законодательства XV в., Псковская и Новгородская

---

[4] Единственный полный список грамоты содержит дату 1397 г., но, по единодушному заключению исследователей, дошедший до нас текст не может датироваться ранее 1462 г. (когда возник упомянутый в тексте пятый собор). Убедительной представляется конъектура (прочтение буквы «о» в значении 70 вместо «е» — 5). Тогда грамота будет датироваться тем же 1462 г.

[5] *Алексеев Ю. Г.* Псковская Судная грамота: Текст, комментарий, исследование. СПб., 2011; ПРП: В 8 вып. М., 1953. Вып. 2. С. 212—218.

[6] В актах доклад встречается с 1460—1470-х годов. См., например: АСЭИ: В 3 т. М., 1958. Т. 2. № 188.

судные грамоты провозглашают процессуальное равенство сторон вне зависимости от социального положения («судите всех равно») при сохранении различий в их ответственности (например, в размере штрафов).

Окончательно закрепляется смертная казнь («живота не дати») как наказание за наиболее тяжкие преступления. К третьей краже (как в Двинской грамоте) Псковская добавляет поджог, «переветничество» (измену) и кражу из Крома (кремля). Расширение списка государственных преступлений свидетельствует об усилении роли руководства городской общины «Господина Пскова». Обращения к вечу для исполнения наказания не требуется.

Смерть за убийство («головщину») не предусмотрена — в этом отношении норма остается консервативной. Однако кровные родственники лишаются права на месть, преступник судится княжеским судом. Вместо древней виры Псковская судная грамота назначает за убийство рублевую продажу в пользу князя (как и за побои).

По более поздним летописным свидетельствам известны виды смертной казни во Пскове: так, в 1496 г. «изымаша... и сожгоша» поджигателя Крома; в 1509 г. пономаря Троицкого собора за кражу 400 руб. из казны также «огнем сожгли». В 1477 г. в Опочке «узвесили татя коневого». При этом в последнем случае с опочан был взыскан штраф за самосуд — данный факт свидетельствует о том, что право вынесения смертных приговоров во Пскове и его пригородах считалось монополией псковских властей[7].

Правила крестьянского перехода во второй половине XV в. постепенно превращаются из обычая в государственный закон. Псковская судная грамота устанавливает для него единый срок — Филиппово заговенье (14 ноября). Грамота великого князя Ивана Васильевича ярославскому наместнику, а также грамоты верейского и белозерского князя Михаила Андреевича своим управителям на Белоозере и в Волочке Словенском, датируемые близким временем (середина — третья четверть XV в.)[8], называют другую дату — Юрьев день осенний (26 ноября), которая закрепилась в позднейшем русском законодательстве. В то же время при развитии института лично зависимых людей в московском законодательстве (холоп Двинской судной грамоты, «полный челядин» Правосудия митрополичьего) «наймит дворный» Псковской судной грамоты, сколько бы он ни служил у «господаря», все еще сохраняет личную свободу.

В течение XV в. в судопроизводстве существенно возрастает роль письменных актов (отчасти известных еще с XIV в.). Только в письменной форме выносятся определения суда — судные, а также бессудные (т. е. с записью решения дела при неявке в суд одной из сторон) грамоты, их копии изготавливаются за плату профессиональными писцами. Обычным явлением становится повестка («позовница», «позовка»).

Однако в данном отношении общество разделяется на два уровня, что особенно рельефно проявляется в Псковской судной грамоте. Верхний из них отказывается от словесных показаний «послухов» и переходит на письменные подтверждения своих прав: составляет «рукописания» на землю и имущество, «записи» с «зароком» на должников (о которых они обязаны сообщить «явить господе» — князю и посаднику), «рядницы» (платежные расписки), договоры с «изорниками» (издольщиками). Копии всех названных документов должны были передаваться на хранение в «ларь» — псковский государственный архив, заведенный в Троицком соборе. На нижнем уровне почти безраздельно про-

[7] ПЛ. М.; Л., 1941. Вып. 1. С. 82, 92; М., 1955. Вып. 2. С. 206.
[8] ПРП. Вып. 3. С. 93—94; АСЭИ. Т. 2. № 138.

должает господствовать общинное начало: права наследования и мелкие ссуды среди «ближняго племени» признаются «без заклада и без записи», при тяжбе о «своем рощеном» скоте достаточно устной присяги. Промежуточное положение занимали «доски» — не требовавшие официальных копий долговые записи (на бересте?), но по ним без заклада можно было ссужать не более рубля, что свидетельствует об уходе в прошлое этого рода документов. Отмеченный процесс амбивалентен: наряду с развитием письменной правовой культуры в верхнем слое общества важно, что отношения между простыми свободными псковичами перестают быть внутренним делом общины и рассматриваются с публично-правовых позиций.

В целом, в русском праве XV в., несмотря на местные особенности и разное соотношение государственного и обычного начал, проявляется важная тенденция — стремление к признанию приоритета общего над частным. Дальнейшее развитие она получит позднее в законодательстве единого Русского государства.

Глава 6

ДРЕВНЕРУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Во второй половине XIV в. и до начала XVI в. литературная жизнь на территории русских княжеств и земель, а затем Русского государства стала значительно интенсивнее. Ослабление Орды, которую сотрясали внутренние раздоры, способствовало восстановлению экономического и политического развития русских земель. Развивались связи с Византией, шел интенсивный книгообмен с балканскими странами.

Расцвет переживает ***летописание***. Летописная работа по-прежнему ведется в Новгороде и Твери, происходит становление псковского летописания, развитые формы приобрело и летописание Москвы.

В *Новгороде* продолжается традиция владычного летописания, отразившаяся в Новгородской первой летописи. Протограф Новгородской первой летописи младшего извода, как показано А. А. Гиппиусом, был составлен в 1397 г.[1] Владычная летопись легла в основу Новгородско-Софийского свода 1430-х годов[2], в этом протографическом источнике были добавлены пространные нарративы — об Александре Невском, Михаиле Черниговском и ряд других. Основной список Новгородской первой летописи — Комиссионный — доходит до 1440-х годов. Как и ранее, в новгородском летописании превалируют сообщения о внутриновгородской жизни: церковном строительстве, погодных явлениях, деятельности архиепископов, смене посадников, военных походах, контактах с немцами и Москвой. Изредка встречаются крайне лаконичные известия о событиях в Северо-Восточной Руси (краткое сообщение о поражении на р. Пьяне 1377 г., под 1399 г. известие о смерти Михаила Александровича Тверского, под 1425 г. — о смерти Ивана Михайловича Тверского).

В Новгородской первой летописи имеется подробный рассказ о битве на р. Ворскле 1399 г., который не совпадает с повествованием летописей новгородско-софийской группы (Новгородской четвертой, Софийской первой, Карамзинской). Здесь причиной военного столкновения представлено требование Темир-Кутлуя к Витовту выдать Тохтамыша, с чем Витовт не соглашается. В летописях, восходящих к Новгородско-Софийскому своду, Витовт обуян гордыней, намерен «в одной думе» с Тохтамышем добыть последнему правление в Орде, а себе в Москве. В целом отрицательная оценка Витовта присуща и рассказу Новгородской первой летописи, где также говорится о его «высокоумии» и при этом еще ставится

[1] *Гиппиус А. А.* «От Александра до Исакия»: К вопросу о происхождении младшего извода Новгородской первой летописи // ДРВМ. 2011. № 1 (43). С. 18—30.

[2] Этот гипотетически восстанавливаемый протограф долгое время датировался 1448 г., но в настоящее время эта концепция наукой оставлена. См. о датировке свода: *Шибаев М. А.* Новгородско-Софийский свод и протоскрипторий Евфимия II // НИС. Великий Новгород, 2015. Вып. 15 (25). С. 127—134.

в вину литовскому князю отступничество от христианской веры (сказано, что раньше он был христианином и звался Александром). Необходимо отметить, что данные события не являются далекими для новгородского летописца. В Новгороде и ранее отслеживали действия Литвы как ближайшего могущественного соседа.

Ситуация меняется с восхождением в 1429 г. на владычную кафедру Евфимия II. В летописи появляются сообщения о политических действиях соперничающих за великое княжение Василия Васильевича и Юрия Дмитриевича (их поездке в Орду 1430 г., занятии Москвы Юрием и др.). Об их борьбе говорится бесстрастно, но закономерно осуждается Василий Косой за «зло», которое он творит во время своего бегства по новгородским территориям — Мсте, Бежецкому Верху и Заволочью.

Крайне отрицательно характеризуется летописцем Сигизмунд Кейстутович, который был убит, как пишет летописец, потому что был «лют и немилостивъ, и сребролюбивъ паче человѣкъ»[3]. При этом летопись лояльна по отношению к Казимиру IV, который стал литовским правителем «тихо и безмятежно»[4], демонстрируя позицию, противоположную отразившейся в смоленском летописании, где оценка противборствующих Сизизмунда и Свидригайло трактуется иначе[5]. Негативно новгородская летопись оценивала и действия в Смоленске Юрия Лугвеневича, который, по словам летописца, «възгордився, засяде Смоленско», а потом «убоявся, видя свою дерзость, еже неразумьемъ створи, и збѣже на Москву»[6]. Юрий Лугвеневич предстает авантюристом, пытавшимся воспользоваться ситуацией. Однако смоленская летопись говорит о том, что это восставшие смольняне (точнее «черные люди») требовали Юрия Лугвеневича князем в Смоленск («черныя люди призваша к собѣ оспадаремь князя Юря Лигвенивича»[7]), желая «отложиться» от Литвы. Он воспринимался и сам позиционировался как «русский князь»[8], оставался православным.

Важно, что отмеченная выше граница — конец 1420-х годов — совпадает с текстологическим рубежом: 1428 г. — окончание Новгородской Карамзинской летописи, тем же годом заканчивается совпадающий текст двух редакций Новгородской четвертой летописи. В летописеведении отмечалось, что при несомненном использовании протографическим Новгородско-Софийским сводом новгородской владычной летописи, примерно с того же времени — с конца 1420-х годов — Новгородская первая летопись младшего извода сама начинает испытывать на себе влияние этого свода. В дальнейшем в летописании Евфимия II проявятся тенденции его идеологических установок: антимосковская направленность, а позднее, после 1439 г., активное стремление установить почитание новгородских святынь, «возвеличить церковное и государственное значение города и республики»[9].

Новгородское летописание продолжается при владычной кафедре — до смерти Евфимия II доходят летописные записи

---

[3] См. об этом: *Полехов С. В.* Наследники Витовта: Династическая война в Великом княжестве Литовском в 30-е годы XV века. М., 2015. С. 433—438.

[4] НПЛ. М., 1950. С. 420.

[5] ПСРЛ. М., 1980. Т. 35. С. 57—58.

[6] НПЛ. С. 420—421.

[7] ПСРЛ. Т. 35. С. 60.

[8] *Варонін В. А.* Князь Юрай Лынгвеневіч Мсціслаўскі: Гістарычны партрэт. Мінск, 2010. С. 21—22; ПСРЛ. Т. 35. С. 34, 57, 76.

[9] *Бобров А. Г.* Новгородские летописи XV века. СПб., 2001. С. 182.

в Новгородской Большаковской летописи[10], в основном (с некоторыми сокращениями) совпадая с текстом Летописи Авраамки. Годом преставления владыки заканчивается первая часть этого свода. В Летописи Авраамки статьи продолжены до смерти архиепископа Ионы — 1469 г. Таким образом, и в XV в. сохраняется структура новгородской летописи «по владыкам». Изложение событий здесь носит сугубо новгородский характер, по большей части связанный непосредственно с деятельностью архиепископов. Летописец не чужд эмоциональности и украшенности слога («бысть дни снѣжны, бурны, студены, бестравны»)[11]. Летописание ведется при владычной кафедре, но есть данные о ведении летописной работы также в Лисицком монастыре[12].

Великокняжеский свод 1305 г., составленный в *Твери*, был продолжен (что показывает Симеоновская летопись) до 1327 г. А далее уже как тверская летопись она была доведена до середины 1370-х годов[13]. В сокращенном виде тверская великокняжеская летопись представлена в Рогожском летописце и Тверском сборнике. Фрагмент того же летописного памятника сохранился в рукописи ГИМ. Муз. № 1473[14].

Периодически летописная работа велась и при тверской епископской кафедре. Череда владычных записей явно просматривается от установления Тверской епископии при владыке Симеоне — до смерти епископа Андрея. Позднее о летописании заботились владыки, которые происходили из Тверской земли: Феодор Добрый и Василий[15].

Тверской материал попал и в митрополичье летописание конца XIV — первой трети XV в. (отразившееся в Симеоновской и Троицкой летописях)[16] из свода тверского епископа Арсения (1409). Сам же митрополичий свод — «Свод Киприана» — выявляется в общем источнике Рогожского летописца и Симеоновской летописи (с 1390 до 1411 г.) как его тверской обработке. Летописная работа в Твери продолжалась и далее, что мы видим в тексте Тверского сборника за XV в. Это была великокняжеская летопись, отражавшая интересы и политику тверских князей. Но летописные записи и отчасти компилятивно-редакторская работа велась и в Феодоровском монастыре — Тверской архимандритии[17].

Тверские летописцы не только фиксировали факты и оценивали их. Стремление к анализу событий, использованию исторических аналогий приводит развитие тверского летописания к уровню профессиональной рефлексии, что для летописного жанра явление редкое. В рассказе о нашествии на русские земли в 1408 г. Едигея летописец, подробно рассказав о бедствиях, от которых не смогли защитить людей князья, утверждает свое право на нелицеприятные оценки событий и действий князей. Он сравнивает себя с древ-

---

[10] См.: *Конявская Е. Л.* Новгородская летопись XVI в. из собрания Т. Ф. Большакова // НИС. СПб., 2005. Вып. 10 (20). С. 322—383.

[11] ПСРЛ. СПб., 1889. Т. 16. Стб. 208.

[12] *Бобров А. Г.* Новгородские летописи XV века. С. 164, 224—228.

[13] См.: *Насонов А. Н.* Летописные памятники Тверского княжества // Изв. АН СССР. Отд. гуманит. наук. 1930. № 10. С. 770.

[14] *Насонов А. Н.* О тверском летописном материале в рукописях XVII в. // АЕ за 1957 г. М., 1958. С. 26—40.

[15] *Конявская Е. Л.* Тверское владычное летописание конца XIII — XIV в. // Средневековая Русь. М., 2011. Вып. 9. С. 139—152.

[16] По-видимому, тот же памятник в сокращении использован при составлении Владимирского летописца. Фрагменты тверского летописания сохранились в Никоновской летописи, использовавшей ранний тверской источник.

[17] *Конявская Е. Л.* Очерки по истории тверской литературы XIV—XV вв. М., 2007. С. 276—277.

ним «начальным лѣтописцем Кіевьским», который писал историю «не обинуяся», т. е. беспристрастно, а затем Сильвестром Выдубицким, писавшим летопись при Владимире Мономахе, «не украшаа». Тут же говорится о цели написания летописи, которая создается и для сегодняшнего, и для завтрашнего дня: «да и прочимъ по нихъ образы явлени будутъ»[18]. При этом в Рогожском летописце содержится публицистический пассаж о Владимире как о «столе» Русской земли. Летописец приводит слова старцев, которые осуждают великого князя Василия Дмитриевича, отдавшего Свидригайлу, который «ляхъ бѣ вѣрою», в кормление «мало не половину великаго княженіа всея Руси», в том числе и Владимир. А далее с явным сарказмом говорится о том, как повели себя «храбрии наши ляхове» во время татарской агрессии: «мужьственыя их лысты токмо на бѣгъ силу показаша, быша еще наших же людии грабяче и губяче»[19].

В XIV в. летописная работа начинается в *Москве*. Ближайшим итогом ее станет уже упоминавшийся «Свод митрополита Киприана 1408 г.», который отразился в Троицкой и Симеоновской летописях и использовался в более поздних летописных сводах. Великокняжеская летопись отразилась в Софийской первой летописи, которая следила за семейными делами московского княжеского дома, а позднее — за перипетиями династической войны.

Далее московское летописание фактически становится общерусским, ознаменовавшись созданием летописного свода 1479 г. Летописи, использовавшие этот свод (в первую очередь, это Московский свод конца XV в.), дают возможность заключить, что до 1418 г. его текст основан на Софийской первой летописи.

В дальнейшем изложении, отчасти использующем Новгородско-Софийский свод, превалирует московская позиция. Рассказы о межкняжеских столкновениях и других событиях середины XV в. содержат детали и точные хронологические указания, которые столь подробны, что не оставляют сомнений в том, что летописцы писали со слов очевидцев и в ближайшее время после событий. Таков рассказ о проигранном Василием Васильевичем суздальском бое 1445 г. (это поражение сыграло значительную роль в судьбе великого князя). Предшествующие события и день самой битвы описаны буквально по часам и с мелкими деталями действий Василия Васильевича. При этом апологетика великого князя обнаруживает себя и в явном восхвалении его мужества на поле брани («сам добрѣ мужественѣ бился»), и в настойчивом повторении того, что русских войск было мало, а татар «множество много» (с приведением числа воинов с той и другой стороны и указанием количества перебитых русскими врагов). Но есть в повествовании и объективная констатация слабости подготовки, нескоординированности действий, которые наряду с преобладанием сил противника привели к поражению. Таковы сообщения о том, что не все войска пришли и соединились, Иван и Михаил Андреевичи и Василий Ярославич пришли «с малыми людми». Ложный «въсполохъ» заставил великого князя накануне битвы выйти «на поле», а затем вернуться обратно в стан. Наутро появление татар почему-то оказывается неожиданным. Наконец, несогласованно действовали русские во время самого сражения: одни гнались за татарами, другие бежали от них, третьи начали грабить «избитых татар»[20]. Однако автор рассказа не акцентирует эти моменты и не говорит прямо, что все это стало причиной поражения.

[18] ПСРЛ. Пг., 1922. Т. 15, вып. 1. Стб. 185.
[19] Там же. Стб. 183—184.
[20] ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25. С. 196—198.

Походы Ивана III на Великий Новгород описаны в наиболее пространных повествованиях. Великокняжеский летописец объясняет волнения в Новгороде в 1471 г.: новгородцы не приняли речи Ивана III относительно утверждения нового архиепископа, так как великий князь назвал Новгород своею вотчиною. Они кричали, что не хотят зваться отчиною великого князя, а хотят «за короля Польскаго и великого князя Литовского Казимира», «вольныи есмы люди Велики Новъград»[21]. Им противостояли «лучшие люди», увещевавшие тех, кто хотел «за короля датися, а архиепископа поставити от его митрополита Латинина суща»[22]. Их усилия успехом не увенчались, а «злодѣицы» послали к королю с дарами, и от последнего в Новгород был прислан князь Михаил Олелькович. Летописец не скупится на резкие выражения по отношению к отступникам, осуждая (указывая и низкий социальный статус «наимитов») «злых тѣх смердовъ, убииць, шилников, и прочих безименитых мужиков», которые «иже скотем подобни суть, ничтоже разума имущих, но точию едино кричание, иже и безсловесная и животъная не сице рычаху»[23]. Великий князь Иван III изображен истинным поборником православной веры, перед походом он совершает молебны, получает благословение у митрополита. Рассказ о самой битве на р. Шелони 14 июля 1471 г. подробен и явно записан со слов участника сражения.

Описание московско-новгородской войны 1471 г., сохранившееся в Софийской второй летописи, как показано В. А. Кучкиным, было составлено в кругу новгородского архиепископа Феофила и отразило настроения части новгородцев, разделявших промосковскую позицию[24].

Псковское летописание в начальный его период велось при церкви Св. Троицы, где хранился знаменитый «ларь». Летописная работа в Пскове началась в XIII в., а во второй половине XV в. (50—60-е годы) был составлен первый псковский летописный свод[25], послуживший основой ряда более поздних (уже дошедших до нас) летописных памятников XV столетия: Псковской первой летописи 1469 г. и Псковской второй — 1480-х годов. В свод были включены отдельные статьи и за XI, и за XII в. — те, которые представлялись псковским составителям важными для истории Пскова и Северо-Западного региона в целом[26].

Череда псковских статей начинается с Батыева нашествия, повествует о победах Александра Невского и Довмонта Псковского. С середины же 1320-х годов краткие статьи чередуются с пространными, как это свойственно летописанию XIV в. в целом. Тематика закономерно

---

[21] ПСРЛ. Т. 25. С. 284.

[22] Там же. С. 285.

[23] Там же. С. 286.

[24] *Kuchkin V. A.* The First Campaign of Ivan III to Novgorod in 1471 // Herald of the Russian Academy of Sciences. 2022. Vol. 92. Suppl. 5. P. 353—364.

[25] *Насонов А. Н.* Из истории псковского летописания // ПЛ. М.; Л., 1941. Вып. 1. С. 33—35. А. А. Вовиным выдвинута гипотеза, согласно которой первый псковский свод был составлен около 1410 г., он «положил начало двум псковским летописным традициям» и был использован при составлении Новгородско-Софийского свода (*Вовин А. А.* К вопросу о времени создания общего протографа псковских летописей и его связи с новгородским летописанием // НИС. Новгород, 2016. Вып. 16 (26). С. 139—161).

[26] Происхождение этих известий еще не до конца прояснено (*Гимон Т. В.* Сообщение о походе Всеслава Полоцкого на Псков в 1065 г. в летописании XV в. // Псков, русские земли и Восточная Европа в XV—XVII вв.: К 500-летию вхождения Пскова в состав единого Русского государства. Псков, 2011. С. 13—33; *Вовин А. А.* К вопросу о времени создания общего протографа псковских летописей и его связи с новгородским летописанием. С. 139—161).

вращается вокруг основных важных для Пскова моментов: Псков и князья, Псков и немцы, Псков и Литва.

Псковский материал и информация о соседях, косвенно касающиеся Пскова, периодически дополняются и материалом «общерусским» — в случаях, когда летописцу непсковские события казались значимыми для взаимоотношений русских земель в целом.

Характер нарратива псковских летописцев в XIV в. весьма своеобразный. С одной стороны, нередко встречаются эмоциональные высказывания (князь Александр Михайлович «бяше добротою и любовию по сердцю пьсковичемь»[27]), с другой — демонстрируется исключительно деловой подход к закладке и строительству храмов. Как правило, говорится, сколько уплачено мастерам, сообщаются подробности строительства или ремонта церкви. Так, в 1364—1365 гг. после падения главы Троицкого храма, «наимиты», получив 5 руб., разбили его стены, а «звук» (щебень) «выносишя в Великую рѣкоу»[28]. Вместе с тем летописец демонстрирует мастерство передачи волнующего и не без юмора написанного сюжета о ложном сообщении о гибели псковичей во время событий 1343 г. В Пскове и Новгороде оплакивают павших воинов, в то время как псковичи отдыхают в своем стане у Изборска («под Изборском стоят опочивающе»[29]).

В XV в. со сменой «руки» в Псковской второй летописи эмоциональность уходит, рассказчик бесстрастно перечисляет строительство церквей и злодеяния, которые не воспринимаются им таковыми: «...псковичи сожгоша 12 жонке вѣщих» (1411/6919 г.); одного из юрьевских послов «посѣкоша противу своего человека»[30] (1415/6923 г.). И когда уже кажется, что летописец совсем отказался от присутствия в повествовании, он проявляет себя оговоркой рассказчика: «Еще же и о семъ повѣм», — а потом возвращается к основному сюжету традиционной книжной формулой: «Мы же, сиа оставльше, на прѣдняя возратимся»[31].

Частым мотивом в летописании Пскова конца XIV—XV в. становятся упреки новгородцам, которые не помогают в критических ситуациях, псковичи вынуждены воевать и заключать мир «опрочь Новагорода». Все более места с течением времени в псковской летописи занимают сюжеты, связанные со взаимоотношениями с великими князьями и их наместниками, посылаемыми во Псков.

Расцвет летописания во второй половине XV в. в условиях нарастающего процесса политической централизации определил формирование новых центров летописной работы, причем порой с альтернативной по отношению к великокняжескому летописанию направленностью[32]. Таким представляется летописание Ростова, отразившееся в Ермолинской и Типографской летописях, один из источников (1480-х годов) свода 1518 г., легшего в основу Софийской второй и Львовской летописей (именно там мы обнаруживаем «Хождение Афанасия Никитина»). Эти вопросы летописеведению еще предстоит прояснить.

Митрополичье же летописание, отмечал А. Н. Насонов, после падения Константинополя становится все более зависимым от великокняжеской точки зре-

[27] ПЛ. М.; Л., 1955. Вып. 2. С. 23.
[28] Там же. С. 27.
[29] Там же. С. 26.
[30] Там же. С. 36.
[31] Там же. С. 41.
[32] Я. С. Лурье определял такое летописание как «независимое» в противовес «великокняжескому» (*Лурье Я. С.* Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976. С. 122—240).

ния, временами перемещаясь в тот или иной монастырь, либо церковный центр. В частности, им выявлены летописные записи, которые были сделаны в московском Архангельском соборе[33].

Московская литература. Куликовский цикл — так принято в науке называть целую серию разновременных памятников литературы, посвященных победе русских объединенных войск над возглавившим поход на Русь Мамаем.

Самый ранний из сохранившихся нарративов — *летописный рассказ о Куликовской битве*, читающийся в Рогожском летописце и Симеоновской летописи, как установлено в науке, представляет собой сокращение пространного рассказа, написанного в ближайшее после события время. У этого текста имеются общие чтения с соответствующими статьями Новгородской первой и Супрасльской летописей и сообщением о победе Дмитрия Донского в Московской Академической летописи. Общим источником всех перечисленных летописных памятников является митрополичий свод 1408/1409 г. (Свод Киприана). Видимо, именно там было более полное повествование о событиях 1380 г., которое сокращалось и по-разному обрабатывалось составителями указанных летописных статей.

В сохранившемся рассказе кратко, но образно сообщается, что «безбожныи злочестивыи ординскыи князь Мамаи погаными» собрал большие силы и пошел на Русскую землю, желая ее пленить, поскольку был разгневан «на великаго князя Дмитриа о своих друзѣх и любовницѣх и о князѣх, иже побиени бысть на рѣцѣ на Вожѣ». Дмитрий Иванович собирает рать, «хотя боронити своея отчины и за святыя церкви, и за правовѣрную вѣру христианьскую и за всю Русьскую землю»[34]. Таким образом, сразу расставлены акценты: Мамай идет Русскую землю пленить, а русский князь защищает отчину и веру.

Дмитрий Иванович перешел Дон «на усть Непрядвы», и здесь произошла битва, которая описана в традициях воинских повестей. В битве погибли князья белозерские Федор и его сын Иван (в версиях Рогожского летописца, Симеоновской летописи, краткой «заметке» Московской Академической летописи перечисляются также имена павших бояр и воевод). Победив врагов, Дмитрий Иванович «ставъ на костех», благодарил Бога и «похвали похвалами» дружину свою, затем вернулся в отчину свою Москву. В Рогожском летописце, Симеоновской и Супрасльской летописях повествование продолжается еще двумя сюжетами: рассказом об Олеге Рязанском и гибели Мамая после поражения его от Тохтамыша. В первом из них изменническое поведение Олега Ивановича явно преувеличено[35]. Такая трактовка и отрицательные его характеристики вызваны тем, что рязанцы грабили возвращающихся после битвы с «корыстью» воинов, а также знанием о помощи Олега шедшему в 1382 г. на Москву Тохтамышу. Второй сюжет, казалось бы, должен свидетельствовать о раннем происхождении текста: Тохтамыш предстает врагом и победителем недавнего агрессора Мамая. Русские князья проявляют по отношению к нему полную лояльность, как если бы вышеупомянутый поход «царя Тохтамыша» на Москву и ее разорение не было известно составителю текста. Однако негативных высказываний по адресу Тохтамыша в летописях, восходящих к Своду Киприана, не отмечается и далее.

Летописная повесть о Куликовской битве в наиболее раннем виде сохранилась в летописях, восходящих к Новгородско-

[33] *Насонов А. Н.* История русского летописания XI — начала XVIII века. М., 1969. С. 250—251.

[34] Памятники Куликовского цикла. СПб., 1998. С. 9.

[35] См. об этом комментарии В. А. Кучкина: Памятники Куликовского цикла. С. 19.

Софийскому своду. Это произведение большого объема, содержащее много, как правило, достоверных подробностей, а также ярких зарисовок, созданных на основе личных впечатлений участников битвы. Так, читатель узнает, что в день битвы от восхода солнца до «третиаго часа» (8 час. утра) «бысть тма велика по всеи земли, и мгляно было бяше»[36]. Во время битвы «русинъ за татарином ганяшеся, а татаринъ русина стигаше»[37]. Рассказывается о том, что Дмитрий Иванович принимал непосредственное участие в битве, хотя его и отговаривали от этого шага. Он отвечал: «Да како азъ възглаголю: "Братия моя, потягнемъ вкупѣ с одиного!", а самъ лице свое почну крыти и хоронитися назади? Но яко же словомъ, тако же и дѣломъ наперед всѣх и пред всѣми главу свою положити за свою братию и за вся христианые, да и прочи, то видѣвши, приимуть со усердиемъ дерзновение» и бился «с татары тогда, ставъ напереди всѣхъ»[38].

В отличие от раннего летописного рассказа здесь появляется сюжет о приходе грамоты от Сергия Радонежского — когда великий князь Дмитрий с войсками подошел к Дону. Сергий, согласно этому тексту, благословлял Дмитрия, «веля ему битися с татары» и призывая ему в помощь Бога и Св. Троицу[39].

Список погибших князей и бояр в Пространной повести расширен, и здесь определенно говорится, что имена взяты из «книг животных» — синодиков.

Повесть изобилует топосами воинских повестей, в ней много речей, молитв, библейских цитат. И наряду с уподоблением Дмитрия библейским персонажам — Аврааму, Моисею, Давиду — в тексте есть прямое сравнение его с Ярославом Мудрым. Слова, которые говорит Дмитрий Донской, — цитата из речи Ярослава: «…не азъ почалъ кровь христианскую проливати, но онъ»[40] (в ПВЛ: «не я почахъ избивати брат҃ю· но онъ»).

В исследованиях отмечалось, что в Повести использованы мотивы Жития Александра Невского. Таков мотив о недопустимости переходить границы — «чужие пределы». Как и Александру, Дмитрию приходят на помощь ангелы и святые Борис и Глеб.

«Задонщина» — произведение, датировка которого вызывает споры и колеблется от ближайшего времени после битвы[41] до малоубедительной попытки расположить его в хронологии Куликовского цикла после «Сказания о Мамаевом побоище»[42]. При этом «Сказание» автор последней концепции Л. В. Соколова датирует серединой 1440-х годов, допуская, что «Задонщина» возникла вскоре после его создания.

Нельзя не заметить, что в «Задонщине» не просто используются традиции «Слова о полку Игореве» — почти весь памятник создан на основе текста и образности «Слова». Заимствование из более ранних произведений (сочинений, близких по жанру или общему пафосу) в древнерусской литературе весьма распространено (что, впрочем,

---

[36] Памятники Куликовского цикла. С. 35—36.

[37] Там же. С. 37.

[38] Там же. С. 39.

[39] Там же. С. 34.

[40] Там же. С. 33.

[41] Д. Н. Альшиц приводил основания для создания «Задонщины» до 1382 г. (до нашествия Тохтамыша): *Альшиц Д. Н.* Роль Куликовской битвы в определении национального сознания русского народа // Учен. зап. Ленинградск. гос. ун-та. 1939. № 36. С. 110—129; Г. Н. Моисеева на основании анализа списка городов в «Задонщине» предлагала датировку до 1392 г. (*Моисеева Г. Н.* К вопросу о датировке Задонщины: (Наблюдения над пражским списком Сказания о Мамаевом побоище) // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 34. С. 220—239). Такая дата принята в основном и в настоящее время. См.: Памятники Куликовского цикла. С. 134.

[42] *Соколова Л. В.* История возникновения и особенности памятников Куликовского цикла // Русская литература. 2020. № 3. С. 153—164.

характерно для средневековых литератур в целом). Но использование, причем в таких значимых масштабах, лишь одного памятника автором другого — случай редкий.

Анализ наиболее ярких параллелей «Задонщины» и «Слова» был сделан Д. С. Лихачевым: «В "Слове" "дети бесовы", то есть половцы, кликом поля перегородили, в "Задонщине" же русские сыны широкие поля кликом огородили.

В "Слове" "черна земля" посеяна костьми русских; в "Задонщине" — татарскими.

В "Слове" кости и кровь русских всходят тугою по Русской земле; в "Задонщине" восстонала земля татарская, бедами и тугою покрывшись.

В "Слове" тоска разлилась по Русской земле; в "Задонщине" по Русской земле простерлось веселие и буйство»[43].

Д. С. Лихачев обоснованно видел в феномене таких перекличек «сознательное сопоставление событий прошлого и настоящего, событий, изображенных в "Слове о полку Игореве", с событиями современной ему действительности»[44]. Полный свод параллелей с учетом всех списков «Задонщины» дан в работе А. А. Горского[45]. Им приведена 51 параллель и целый ряд «микропараллелей» (совпадений на уровне значимых слов и словосочетаний, например, «хинове», «орли слеташася» и др.). Представляется, что столь последовательное и даже изощренное следование образности «Слова о полку Игореве» (во многих случаях образы и эпитеты используются в противоположных позициях: победа — поражение, враги — русские, в цитаты подставляются другие имена и реалии) свидетельствует не просто о подражании или заимствованиях, а об элементах своего рода литературной игры. При этом в целом «Задонщина» — произведение сложное и в жанровом отношении неоднородное. С одной стороны, соблюдается хронологическая последовательность изложения (сборы, поход, битва, победа), имеется определенная информативность: называются имена, указывается численность войска; с другой — обнаруживается целый ряд лирических фрагментов: плач русских жен, молитва, а также фольклорные образы и мотивы.

Последнее и самое пространное произведение Куликовского цикла — *«Сказание о Мамаевом побоище»* — датируется концом XV — началом XVI в. Памятник впитал в себя материал и текстовые фрагменты предшествующих сочинений, в первую очередь «Задонщины». Как уже отмечалось, вопрос о взаимоотношениях этих двух памятников вызывает споры. Л. В. Соколовой было высказано мнение о том, что «Сказание» предшествовало «Задонщине», и вставки в «Сказание» из «Задонщины», которые уже давно определены исследователями, на самом деле были внесены на позднем этапе редактировании памятника[46]. Однако детальное рассмотрение таких вставок А. А. Горским (им было выявлено 22 вставки — вдвое больше, чем считалось ранее) показало, что подавляющее число вставок произошло одновременно — при составлении «Сказания», и лишь три фрагмента (из заключительной части текста), как пишет исследователь, могли быть «вторичными обращениями к тексту "Задонщины"»[47].

«Сказание о Мамаевом побоище» изобилует вымышленными подробностями — как явными анахронизмами, так

---

[43] *Лихачев Д. С.* Литература периода национального подъема // БЛДР: В 20 т. СПб., 1996. Т. 6. С. 18.

[44] *Он же.* «Задонщина» // Великое наследие. 2-е изд., доп. М., 1980. С. 287—288.

[45] *Горский А. А.* Тогда вступи князь в злато стремя… Личности и тексты Русского Средневековья. М., 2018. С. 153—204.

[46] *Соколова Л. В.* Содержал ли авторский текст «Сказания о Мамаевом побоище» вставки из «Задонщины»? (К вопросу о взаимоотношении памятников) // ТОДРЛ. СПб., 2017. Т. 65. С. 101—121.

[47] *Горский А. А.* Тогда вступи князь в злато стремя… С. 144—152.

и информацией о фактах, не подтверждающихся другими источниками и неправдоподобными с точки зрения исторической ситуации. Изменническая роль Олега Рязанского в «Сказании» подчеркивается и обрастает новыми деталями (послание Олега к Мамаю, Мамай планирует дать владения Олегу за помощь). Мамаю приписывается цель повторить поход Батыя на Русь, уничтожение христианства. Путь Мамая на Русь в «Сказании» повторяет путь Батыя, хотя это далеко от реального движения Мамая. Ягайло спутан с Ольгердом (последнего уже не было в живых), в Москве, согласно этому тексту, находился митрополит Киприан (на самом деле прибывший туда лишь через год). Ошибочные подробности и трактовки можно умножать, но «Сказание» содержит и ценные данные. Сведения о засадном полке Владимира Андреевича Серпуховского, во многом определившего исход сражения, здесь полнее, чем в «Задонщине».

К неподтвержденным другими источниками подробностям, возможно, легендарного происхождения, можно отнести сообщения о Пересвете и Ослябе, о переодевании Дмитрия Донского, о передаче своего знамени и облачении в его одежды Михаила Андреевича Бренка. Впоследствии автор «Сказания» напишет, что Михаил будет убит «по тым знамением» «за великаго князя»[48].

Ряд сюжетов беллетризирован. Более развернуто говорится здесь о братьях Ольгердовичах, автор придумал послание Андрея к Дмитрию, на которое Дмитрий ответил устно послу Андрея. Их решение о присоединении к Дмитрию Ивановичу обосновано в немалой степени и конфессиональными убеждениями. Под пером автора оно вызвало серьезный резонанс: Дмитрий Иванович и Владимир Андреевич радуются и сообщают об этом митрополиту Киприану, он, возрадовавшись, извещает Сергия Радонежского, а княгиня Евдокия (жена Дмитрия), «слышала великое милосердие Божие, милостынѣ начала творити убогим, сама же непрестанно текуще ко церкви Божии молитися день и нощ»[49]. Именно Ольгердовичи решительно выступают за переход Дона, когда обсуждается этот вопрос: «Аще хощеши, княже, крѣпка воиска, то возитися за Дону, то нѣсть ни единого помышляюща въспять, а велици сили ничего вѣщати, яко не в сили Богъ, но в правдѣ», вспоминая славные победы Ярослава Мудрого и Александра Невского. Дмитрию подобает действовать так же: «...аще побиемъ, то спасемся, аще ли умремъ, то общую смерть приимем»[50].

Важную роль играет в повествовании боярин Дмитрия Донского Дмитрий Михайлович Боброк, который характеризуется как «крепкий» воевода, который умеет не только искусно уряжать полки, но и гадать об исходе битвы, припадая ухом к земле. Вместе с князем Владимиром Андреевичем Боброк руководил засадным полком.

«Сказание о Мамаевом побоище» стало популярным в последующие столетия, было создано восемь редакций (включая лицевые), огромное число списков, появившихся в течение двух последующих веков.

О Куликовской битве говорится и в произведении московской литературы «*Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича*». В отличие от памятников Куликовского цикла это панегирическое сочинение (похвальное слово на преставление великого князя), повествование в котором занимает тем не менее важное место. Причем «Слово о житии» выходит за рамки летописных

[48] Памятники Куликовского цикла. С. 243.

[49] *Горский А. А.* Тогда вступи князь в злато стремя... С. 238.

[50] Там же. С. 238—239.

некрологов-похвал князьям и приближается к похвальному слову агиографического комплекса (святому слагается, как правило, житие, похвала и служба). Это обширное, многосоставное произведение читается в летописях новгородско-софийского круга.

Автор «Слова о житии» стремится следовать житийной композиционной схеме, повторяющейся обычно и в Похвале. «Слово» начинается с рождения князя, затем следует детство, отрочество и т. д. Согласно традиционной схеме построения жития вначале говорится о благородных и благочестивых родителях князя, причем особо акцентируется родословный аспект: Дмитрий «отрасль благоплодна и цвѣт прекрасныи царя Володимера, новаго Костянтина». В детстве и отрочестве он ведет себя, как подобает праведнику: «пустошных бесѣд не творяше», заботится о церквях Божиих и т. д. Говорится, что он принимает великое княжение, держит «стражбу земли Русскои», но упоминается и Москва, которую князь «стѣнами чюдно огради»[51].

Автору известно, что женился Дмитрий, когда ему исполнилось 16 лет, называются родители его невесты Евдокии, с которой он будет жить в браке «цѣломудрено».

О походе Мамая рассказывается иначе, чем в памятниках Куликовского цикла. Повествование начинается с рассказа о победе на Воже, причем агрессивные намерения Мамая уже тогда оказываются весьма масштабными, включающими посягательства на христианскую веру. Мамай заявляет: «Преиму землю Рускую, и церкви христианскыя разорю, и вѣру их на свою преложу, и велю покланятися своему Махмету. Идеже церкви были, ту ропаты поставлю и баскаки посажаю по всѣм градомъ рускымь, а князи рускыа избию»[52]. Призыв Дмитрия к князьям отвечает этим угрозам: «Лѣпо есть намь, братие, положити главы своя за правовѣрную вѣру христианскую, да не преяти будут гради наши погаными, ни запустѣют святыа Божиа церкви»[53]. Дмитрий молится святому митрополиту Петру Московскому, идет к Дону. Характерно, что Мамай именуется Святополком, а Олег Рязанский (который так называется в Куликовском цикле) не упомянут вовсе.

Последние дни князя описаны подробно — передаются его заповеди сыновьям и боярам, кратко пересказывается завещание (отмечены главные города, которые предназначаются каждому из сыновей). Завещание названо «златопечатною грамотою». Назван день и час преставления Дмитрия, день положения в гроб.

Вся эта историческая часть произведения, которая следует одновременно и традиции княжеских житий, и летописных княжеских некрологов, отчасти воинских повестей, прерывается длинным эмоциональным плачем Евдокии, который выдержан в стиле «плетения словес» (о нем будет сказано ниже) — с восклицаниями и риторическими вопросами. Сугубо книжная риторика включает тем не менее устно-поэтические обороты, свойственные причитаниям: «Кому прикажеши мене и дѣти своя?»[54], княгиня обращается к нему, как к солнцу, месяцу и т. д. Традиционные эпические обороты можно отметить и ранее. Обращаясь к боярам, князь говорит: «Старцы — яко отцы, средовѣчь — яко братья, младии — яко чада»[55].

---

[51] БЛДР. Т. 6. С. 206.
[52] Там же. С. 208.
[53] Там же. С. 210.
[54] Там же. С. 218.
[55] Там же. С. 214.

После рассказа о похоронах и впечатляющей картины всеобщего горя и ужаса, когда «солнце помрачается, луна облаком закрывается», идет витийственное отступление автора похвалы. Последующая часть, весьма пространная, полна сложных аллегорий, уподоблений, которые порой можно связать с объектом похвалы лишь с большой натяжкой. Характерно, что Г. М. Прохоров вычленил и проанализировал самостоятельный фрагмент-вставку, который разбивает основной текст, показав, что это было письмо-обращение автора к заказчику[56]. В. П. Адрианова-Перетц отметила стилистическую и текстуальную связь «Слова о житии» и житий, написанных Епифанием Премудрым[57]. С тех пор вопрос о принадлежности Епифанию этого сочинения периодически обсуждается, однако эта весьма обоснованная версия сталкивается с хронологическими проблемами, поскольку есть серьезные основания считать, что «Слово» написано в ближайшее время после смерти Дмитрия Донского. Тогда оказывается, что это первое произведение Епифания, в то время как текст к заказчику, слова автора о себе в самом «Слове» характеризуют его как известного книжника.

Однако эти проблемы возникают, если считать, что тот же Епифаний или иной автор его круга написал все произведение от начала и до конца. Представляется же очевидным, что «Слово» написано не одним автором. Об этом говорит не только то, что различные части памятника (или их фрагменты) имеют несомненные различия в стиле и самом подходе к написанию рассматриваемого текста. Налицо тематические повторы, в которых обнаруживаются противоречия приводимых данных. Дважды говорится (но совершенно в разных выражениях) о том, насколько чист душой и праведен был князь, когда «еще млад сыи възрастомъ»[58] или «от юны бо версты»[59]. В повествовании сообщается, что великий князь прожил со своей княгиней 22 года, «княжение великое дръжаше» «лет 29 и шесть мѣсяць... а всѣх лѣт житья его 38 и пять мѣсяць»[60]. А в речи к боярам князь говорит, что он «землю Рускую дръжах 27 лѣт», а от рождения ему «40 лѣт»[61]. В обоих случаях речь идет о великом княжении и количестве лет от роду.

Возможно, соединение текстов, посвященных прославлению князя, произошло при включении «Слова о житии» в летопись (Новгородско-Софийский свод), для которой похвальная часть и заказывалась опытному сочинителю. Несмотря на долгую историю изучения памятника, его исследование еще должно быть продолжено.

Епифаний Премудрый. Среди книжников конца XIV — первой четверти XV в. особо выделяется имя Епифания Премудрого, выдающегося древнерусского автора, перу которого принадлежат несколько произведений, представляющих стиль «плетение словес» в древнерусской литературе, — Жития Стефана Пермского и Сергия Радонежского, а также Похвальное слово Сергию Радонежскому, и приписывается еще ряд сочинений.

Сведений о жизни и деятельности Епифания Премудрого сохранилось немно-

---

[56] *Прохоров Г. М.* Непонятный текст и письмо к заказчику в «Слове о житьи и о преставлении великаго князя Дмитрия Ивановича, царя Рускаго» // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 40. С. 229—247.

[57] *Адрианова-Перетц В. П.* «Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русьскаго» // ТОДРЛ. М.; Л., 1947. Т. 5. С. 73—96.

[58] БЛДР. Т. 6. С. 206.

[59] Там же. С. 212.

[60] Там же.

[61] Там же. С. 214.

го[62]. Известно, что он учился и, вероятно, принял постриг в одном из крупных книжных центров своего времени — ростовском монастыре Григория Богослова, так называемом Затворе, где изучал греческий язык и познакомился с произведениями славянской и греческой литературы, которые охотно цитировал в своих сочинениях. Епифаний пришел в этот монастырь незадолго до ухода оттуда в конце 1370-х — начале 1380-х годов. Стефана, будущего епископа Пермского, на проповедь в земли пермян «коми-зырян». Затем Епифаний перешел в Троицкий монастырь, где стал учеником Сергия Радонежского, а после его кончины духовником обители. В составе Троицкого собрания РГБ до нас дошли несколько рукописей, в переписке которых Епифаний принимал участие как писец. При этом какое-то время Епифаний жил в Москве, уезжал в Тверь во время нашествия Едигея и даже, вероятно, путешествовал в Константинополь, Иерусалим и на Афон. Из «Послания иеромонаха Епифания, писавшего к некоему другу своему Кириллу», адресованного архимандриту тверского Афанасьева монастыря, известно, что в Москве Епифаний общался с иконописцем Феофаном Греком, копировал его рисунки и сам был «изографом»[63]. К сожалению, большинство сведений о Епифании остается в той или иной степени дискуссионным, особенно противоречива хронология его жизни и творчества, включая дату его кончины, которую относят традиционно ко времени между 1419 и 1422 гг., однако высказано предположение о возможности отодвинуть ее к началу 1440-х годов[64]. Уже следующее поколение троицких книжников высоко оценивало знания и творчество Епифания: прозвище Мудрейший появляется в заглавии одной из более поздних редакций Жития Сергия Радонежского в середине XV в., а Премудрейший — в начале XVI в.

Общение с готовящимся к миссионерскому подвигу в Перми Стефаном, создавшим новую азбуку для бесписьменного древнепермского языка, впоследствии вдохновило Епифания на создание агиографического сочинения, посвященного первому пермскому епископу. В литературе оно известно как Житие Стефана Пермского, хотя было написано спустя очень небольшое время после кончины Стефана (в самом конце XIV или первом десятилетии XV в.), т. е. когда еще не шло речи о его прославлении в лике святых, вероятно, поэтому сам книжник озаглавил его: «Многогрѣшнаго и недостоинаго въ иноцѣх Епифания съчинено бысть слово о Стефанѣ, бывшемъ епископѣ, иже в Перми»[65].

Композиция Жития обладает уникальными особенностями. В соответствии с агиографическим каноном сочинение Епифания имеет предисловие, повествовательную часть и заключительный раздел. Основное повествование поделено на главы, каждая со своим заголовком («Зачало о житии его», «Молитва», «О церкви Пермстей», «Поучение», «О препрении волхва», «О епископстве его», «О азбуке пермской» и т. д.). Обширный заключительный раздел включает четыре части:

---

[62] См. подробно: Житие Сергия Радонежского (Пространная редакция) / Подгот. текста, пер., коммент., исслед. А. В. Духаниной. М.; Брюссель, 2015. С. 553—569. (Patrologia Slavica; Вып. 3).

[63] БЛДР. Т. 6. С. 440—443.

[64] *Кучкин В. А.* Антиклоссицизм // ДРВМ. 2003. № 3 (13). С. 113—114.

[65] Этот, несомненно, авторский вариант заглавия известен в старшем полном списке жития 1470-х годов, другие списки содержат его модификации — наиболее распространенный и известный вариант: «Преподобнаго въ священноиноких отца нашего Епифания съчинено бысть слово о житии и учении святаго отца нашего Стефана, бывшего в Перми епископа» (см.: *Духанина А. В.* Старший полный список Жития Стефана Пермского с авторским заглавием // М-лы и сообщ. по фондам Отдела рукописей БАН. Вып. 8: Памяти Александра Александровича Амосова (1948—1996). СПб., 2020. С. 567—570).

«Плачь пермьских людей», «Плачь Церкви Пермьскиа, егда объвдове и плакася по епископе си», «Молитва за Церковь» и «Плачеве с похвалою инока списающа», что весьма необычно. Первый «Плач» наиболее близок к летописным плачам. «Плач Церкви» построен на фольклорных мотивах, напоминая похоронные плачи, при этом доминантным в нем является образ, традиционный для христианской символики: Церковь — невеста, вдова, епископ — жених. Последний «Плач» по сути является похвалой, характерной для житийного жанра, и одновременно он пронизан личными мотивами: Епифаний горюет так, как это бывает при уходе близкого человека[66].

В предисловии автор сообщает, что взялся за работу «желанием обдержим... и любовию подвизаем», приводит много данных о себе, прибегая к традиционным уничижительным формулам. Как свидетельствует Епифаний, Житие Стефана Пермского было создано на основании собранных им сведений и воспоминаний о святом. Рассказывая о жизни и деятельности Стефана, Епифаний особое внимание уделяет его учебе, созданию пермской азбуки и письменности, просвещению пермян и основанию пермских церквей и новой, Пермской, епархии. Внимание автора к этим темам подчеркивается введением в текст значительных экскурсов — исторических, географических, лингвистических отступлений (о месяце марте, о проповеди апостолов, о реках и народах Перми, о создании разных азбук и др.). В тексте временами чувствуется ирония (над собой, над волхвом Памом, над церковными карьеристами).

Житие является ценнейшим историческим источником, который содержит не только информацию о жизни и деятельности самого Стефана, но и материалы географического, исторического, историко-культурного, этнографического характера о Перми, ее взаимоотношениях с Москвой и др. Однако в силу жанровой специфики многие сведения могут даваться вскользь (так, из «Плача пермьских людей» мы узнаем, что в Москве Стефан получил уничижительное прозвище Храп; из главы «О епископстве его» становится известно о близком знакомстве Стефана с великим князем Дмитрием Ивановичем Донским, который «любляше и издавна»).

Свое следующее агиографическое сочинение Епифаний посвятил другому выдающемуся современнику и своему учителю — Сергию Радонежскому. Осознавая величие и святость его личности, Епифаний сразу же после его кончины начал собирать материал для Жития Сергия: «...по летѣ убо единемь или по двою по преставлении старцевѣ азъ, окаанныи и вседръзыи, дерзнухь на сие, въздохнувъ къ Богу и старца призвавъ на молитву, начяхь подробну мало нѣчто писати от житиа старцева...»[67] и в течение 20 лет делал записи о его жизни и чудесах, которые хранились у него в свитках и тетрадях без определенной последовательности. Однако к составлению Жития он приступил лишь через 26 лет после смерти Сергия, в 1418—1419 гг.: «Дивлю же ся о семъ, како толико лѣт минуло, а житие его не писано. О семъ съжалихся зѣло, како убо таковыи святыи старецъ, пречюдныи и предобрыи, отнележе преставися, 26 лѣтъ преиде, никтоже не дръзняше писати о немъ...»[68]

К сожалению, до нас дошла лишь первая половина написанного Епифанием текста, заканчивающаяся главой «О худости порт Сергиевых и о некоем поселянине», — в составе более поздней так называемой Пространной редакции Жития,

[66] *Конявская Е. Л.* К вопросу об авторском самосознании Епифания Премудрого // ДРВМ. 2000. № 1 (1). С. 75.
[67] Житие Сергия Радонежского (Пространная редакция). С. 132.
[68] Там же. С. 130.

появившейся, видимо, в начале XVI в. Вторая часть Пространной редакции является компиляцией глав из нескольких редакций Жития Сергия, созданных Пахомием Логофетом в 1440—1450-е годы. До сих пор остаются открытыми вопросы о том, какой могла быть вторая часть написанного Епифанием текста и почему она не сохранилась.

Эта текстологическая проблема существенно усложняет исследование текста Жития Сергия, лишая нас возможности судить о том, какими были заглавие, данное сочинению самим Епифанием, и композиция произведения. Сохранившаяся часть содержит предисловие и первые несколько глав, причем их число, границы и заголовки в списках различаются («О учении грамоте»/«Яко от Бога дасться ему книжный разум, а не от человек», «О преселении Кириллове»/«О преселении родителей святаго», «О пришествии его в монастырь от града на власть»/«О начале игуменства святаго» и т. д.). Как и в Житии Стефана Пермского, в предисловии к Житию Сергия книжник дает развернутую программу сочинения, предполагая ознакомить читателя с жизнью преподобного вплоть до его кончины, и рассказывает о своей работе над текстом. Основная часть Жития последовательно повествует о родителях будущего святого, его детстве и юношестве, начале служения, основании Троицкой обители и первых годах ее становления.

Лишь после открытия мощей преподобного в 1422 г. было установлено его местное почитание. Однако именно Епифаний стоит у истоков формирования этого почитания: его перу принадлежит целый цикл произведений, посвященных святому, который, помимо Жития Сергия, включает также Похвальное слово Сергию и, по-видимому, несколько песнопений (три стихиры на «Господи, воззвах», два тропаря и два кондака, которые были составлены во второй четверти XV в., как полагают, именно Епифанием[69]).

В своих агиографических сочинениях (включая и Похвальное слово Сергию Радонежскому) Епифаний сформировал собственный уникальный стиль, который сам характеризовал как «плетение словес» и который принято рассматривать как самый яркий его образец, определяемый также как экспрессивно-эмоциональный, панегирический и пр. Епифаниевское «плетение словес» представляет собой совокупность стилистических приемов, куда входят сравнения, метафоры, тавтологические конструкции и синонимы, образующие амплификации — длинные цепочки, построенные с помощью фонетических (ассонансы и аллитерации) и синтаксических средств (созвучия окончаний, анафор, синтаксического параллелизма и др.), ср.: «Тѣмже, епископе, добро дѣло сдѣлал еси, достоинъ бысть похвалы… Тебе и Богъ прослави, и ангели похвалиша, и человеци почтиша, и пермяне ублажиша. Иноплеменницы покоришася, иноязычницы устыдѣшася, погании усрамишася, кумири скрушишася, бѣси ищезоша, идоли попрани быша. Да и азъ многогрѣшный и малоразумный, послѣдуя словесѣмъ похвалений твоих, слово плетущи и слово плодя[щи], и словом почтити мнящи, и от словесъ похваление сбирая, и приобрѣтая, и приплѣтая…»[70]. Яркой особенностью епифаниевского стиля является использование огромного числа библейских цитат (по нескольку сотен в каждом из житий), которые нередко приводятся не дословно, вплетаясь в текст, и также могут образовывать значительные по объему цепочки. Такие ритмизованные риторические периоды, приближающиеся к стихотворным

[69] См. подробнее: *Духанина А. В.* Сергий Радонежский (гимнография) // ПЭ. М., 2021. Т. 63. С. 195—196.

[70] Святитель Стефан Пермский / Ред. Г. М. Прохоров; [Коммент. Т. Р. Руди, Г. М. Прохорова]. СПб., 1995. С. 250.

и разбивающие основное повествование, сравнивают с книжным орнаментом[71].

Большую роль в епифаниевском «плетении словес» играет числовая символика. Изучение словесных рядов показало, что Епифаний использует при их построении принцип триад, который проявляется на разных уровнях: семантическом (позволяя при характеристике понятия постепенно наращивать семантические признаки), синтаксическом (ритмизуя и организуя текст)[72]. Символика числа 3 особенно значима в Житии Сергия Радонежского, так как связана с основной символической доминантой произведения — Святой Троицей, и это проявляется и в композиции, и в стилистике, и на сюжетном и образном уровнях (троекратное вещание младенца из утробы матери, три этапа построения Троицкого храма и т. д.)[73]. Но Епифаний использует и другие нумерологические модели: на основе чисел 12 (церковно-историческая семантика), 7 (ценностно-мистическое значение)[74], 9 (стилистика акафиста)[75] и др.

Единого взгляда на природу авторского стиля Епифания до сих пор нет. В целом в литературе встречаются два основных подхода: признание связи епифаниевского стиля с учением исихазма и ее отрицание. При этом зависимость епифаниевского стиля от исихазма может постулироваться как на уровне литературной основы, так и в связи с исихастской практикой «непрестанной молитвы». Однако много сторонников находит и представление о самостоятельности Епифания в выработке своего стиля, истоки которого видят в самых разных источниках: древнерусской или южнославянской литературной традиции, текстах Священного Писания, византийской и славянской гимнографии и ораторской прозе.

При общности стиля агиографические сочинения Епифания несколько различаются: в Житии Сергия Радонежского превалирует повествовательная часть, здесь меньше «плетения словес», риторических отступлений, иронии. Во втором своем сочинении Епифаний прибегает к самоповторам на уровне цитат, топосов, отдельных выражений.

Пахомий Логофет (Серб). Наиболее известным и плодовитым древнерусским книжником XV в. является Пахомий (ум. после 1484 г.), серб по происхождению (отсюда прозвище Серб; происхождение второго прозвища — Логофет — пока остается под вопросом[76]), автор и редактор нескольких десятков сочинений — житий, сказаний, похвальных слов, служб и канонов.

---

[71] *Коновалова О. Ф.* «Плетение словес» и плетеный орнамент конца XIV в.: (К вопросу о соотношении) // ТОДРЛ. М.; Л., 1966. Т. 22. С. 101—111.

[72] *Колесов В. В.* Древнерусский литературный язык. Л., 1989. С. 188—215; *Рогожникова Т. П.* «Житие Стефана Пермского» Епифания Премудрого: Лингвостилистический анализ: Автореф. дис. … канд. ист. наук. Л., 1988; *Спивак Д. Л.* Матричные построения в стиле «плетения словес» // ТОДРЛ. СПб., 1996. Т. 49. С. 99—111.

[73] *Колесов В. В.* Сергий Радонежский: Художественный образ и символ культуры // Жизнь и житие Сергия Радонежского. М., 1991. С. 328—329, 333; *Кириллин В. М.* Символика чисел в литературе Древней Руси (XI—XVI века). СПб., 2000. С. 178—196; *Ранчин А. М.* «Житие Сергия Радонежского» // Литература Московской и домосковской Руси: Аналитическое пособие. М., 2008. С. 339—348.

[74] *Кириллин В. М.* Символика чисел в литературе Древней Руси (XI—XVI века). С. 196—218.

[75] *Авласович С. М.* Литературный стиль Епифания Премудрого: (Проблемы преемственности и самобытности): Автореф. дис. … канд. ист. наук. Омск, 2007. С. 20.

[76] Это прозвище встречается только в сочинениях и автографах Пахомия 1430—1440-х годов; возможно, оно означало должность Пахомия либо на службе у печского патриарха Никона в Сербии (*Турилов А. А.* Культурные связи Московской Руси и Сербии в XIV—XVI вв. // Москва — Сербия. Белград — Россия: Сб. документов и материалов, 1: Общественно-политические связи XVI—XVIII вв. М.; Белград, 2009. С. 94 и примеч. 62), либо у митрополита Исидора или новгородского архиепископа Евфимия II (*Исидорова З. Н.* К вопросу о происхождении прозвища Логофет у Пахомия Серба // Slověne. 2019. Vol. 8. № 2. С. 113—139).

Сведения о жизни книжника отрывочны и основаны на материале его сочинений и переписанных им рукописей[77].

Иеромонах Пахомий прибыл в Новгород с Афона между 1429 и 1438 гг. по приглашению новгородского архиепископа Евфимия II (1429—1458), по поручению которого он составил комплекс произведений, посвященных Варлааму Хутынскому (Житие, Похвальное слово, Служба), а также Похвальное слово и Службу празднику Знамения Богородицы в Новгороде. В это же время он создал новую редакцию Службы Борису и Глебу. Эти сочинения известны в автографах Пахомия конца 1430-х — начала 1440-х годов. Не позднее начала 1440-х годов Пахомий поселился в Троице-Сергиевом монастыре, где прожил до 1459 г., переписывая книги и занимаясь литературным трудом. В этот период книжник работал над комплексом произведений, посвященных Сергию Радонежскому: он составил новую редакцию Жития на основе Епифаниевской и несколько раз перерабатывал ее, а также создал Проложную редакцию Жития и Службу Сергию. Параллельно он трудился над циклом, посвященным преподобному Никону Радонежскому, составив несколько редакций Жития и Службу. Ко второй половине 1450-х — началу 1460-х годов относят работу Пахомия над циклом, посвященным митрополиту Алексию (несколько редакций Жития, Похвальное слово, Служба), создание которого велось по заказу великого князя Василия Васильевича и по благословению митрополита Ионы.

В 1459—1461 гг. Пахомий во второй раз был в Новгороде, где по заказу нового архиепископа Ионы (1459—1470) дополнял свои старые произведения и писал новые. Считается, что в это время Пахомий работал над своей Второй редакцией Жития Варлаама Хутынского, циклом, посвященным Евфимию Новгородскому (Житие и Служба), составил Службу Антонию Печерскому и Похвальное слово на Покров Богородицы.

В начале 1462 г. по поручению великого князя Василия II Васильевича (ум. в 1462 г.) и митрополита Феодосия (1461—1464) Пахомий отправился в Кирилло-Белозерский монастырь, чтобы собрать там материал для Жития его основателя Кирилла Белозерского. К этому периоду относят сотрудничество Пахомия и другого известного русского книжника Ефросина Белозерского, недавно пришедшего в обитель. Службу Кириллу Белозерскому Пахомий написал позднее.

После кончины митрополита Московского Ионы (1462) Пахомий составил Службу святителю по заказу архиепископа Новгородского Ионы.

Между 1464 и 1470 гг. Пахомий, находясь в Новгороде, работал над циклом, посвященным Савве Вишерскому (Житие и Служба), заказ на который получил также от архиепископа Ионы ранее. Есть мнение, что в этот период книжник мог участвовать в новгородском владычном летописании, будучи автором статей Летописи Авраамки за 1458—1469 гг.[78]

В 1472 г. в связи с открытием и первым перенесением мощей митрополита Петра по причине перестройки московского Успенского собора Пахомий написал по поручению Ивана III и митрополита Филиппа I Слово на перенесение мощей митрополита Петра и Службу с двумя канонами в честь этого события. В 1472 или 1473 г. к Пахомию обратился епископ Пермский Филофей (1472—1501), по просьбе которого в Москве книжник составил Службу Стефану Пермскому, а также первую Проложную редакцию Жития Стефана Пермского.

К концу 1460-х — началу 1480-х годов относят работу Пахомия над циклом, посвященным князю Михаилу Черниго-

[77] См. подробно: *Духанина А. В.* Пахомий Логофет // ПЭ. М., 2019. Т. 55. С. 158—190.

[78] *Бобров А. Г.* Новгородские летописи XV века. СПб., 2001. С. 233, примеч. 56.

скому и боярину Феодору (три редакции Жития и две редакции Службы, возможно, «Повесть об убиении Батыя»). Есть предположение, что во второй половине 1470-х годов Пахомий участвовал в великокняжеском летописании, создав целый ряд произведений для великокняжеского свода 1477 г.[79]

В конце 1470-х — 1480-е годы Пахомий, возможно, еще раз побывал в Новгороде: проживая в новгородском Николо-Островском монастыре, он написал, в частности, цикл новгородских и афонских повестей.

Последним известным нам произведением Пахомия является Житие новгородского архиепископа Моисея, созданное не ранее 1484 г. По-видимому, вскоре после 1484 г. он скончался.

Пахомий работал по заказу, составляя агиографические, панегирические, гимнографические сочинения, и получал за свою работу плату, о чем сам пишет, как правило, указывая своих заказчиков, а также себя как автора в заглавиях, предисловиях и послесловиях, записях, акростихах канонов и пр.

Книжник владел всеми основными жанрами и писал жития, сказания, похвальные слова, службы и каноны, возможно, он был также летописцем. Сохранился целый ряд рукописей, в переписке которых он участвовал как писец, в том числе автографы его собственных сочинений разного времени. Как правило, он работал над циклами произведений, посвященных тому или иному святому или празднику: наряду с житием или сказанием он создавал службы (каноны), часто также похвальные слова и сказания (о посмертных чудесах и др.).

К особенностям творчества Пахомия относится переработка собственных сочинений: жития и некоторые службы редактировались им иногда по нескольку раз (для ряда житий, например Никона Радонежского, Михаила Черниговского, выявлено по три редакции, Житие Сергия известно как минимум в пяти редакциях, включая проложную). При этом переработка агиографического текста могла вестись в разных направлениях: на основе первичной краткой редакции могла составляться пространная, и, наоборот, первоначальная пространная редакция могла затем стилистически перерабатываться и сокращаться. Редактирование могло быть связано с разными целями: церковно-богослужебными, политическими.

Пахомий составлял разные функциональные разновидности агиографических текстов: проложные редакции, краткие и пространные. Последние строятся по единой схеме: предисловие, основная часть, разделенная на ряд самостоятельных эпизодов, заключительная похвала, авторское послесловие и, как правило, молитва к святому. В предисловиях, похвалах, авторских отступлениях Пахомий проявляет себя как мастер стиля «плетение словес», о событиях же он рассказывает простым и ясным языком. Важной составляющей агиографических сочинений книжника являются рассказы о посмертных чудесах.

При составлении житий Пахомий мог опираться на самый разный материал: некоторые его сочинения написаны почти исключительно на основании устных рассказов очевидцев (например, Жития Никона Радонежского, Евфимия Новгородского, Кирилла Белозерского), другие представляют собой редакции созданных ранее сочинений, дополненные Пахомием (например, Жития Сергия Радонежского, Саввы Вишерского, Стефана Пермского). В зависимости от обстоятельств (временные рамки, характер источников и т. д.) из-под пера Пахомия выходили и насыщенные историческим содержанием произведения,

[79] *Клосс Б. М.* Избр. труды: В 2 т. Т. 2: Очерки по истории русской агиографии XIV—XVI вв. М., 2001. С. 94; *Горский А. А.* Пахомий Серб и великокняжеское летописание второй половины 70-х гг. XV в. // ДРВМ. 2003. № 4 (14). С. 87—93.

и очень бедные. Во вступлениях к ряду житий и других фрагментах текста встречаются самоповторы.

Похвальные слова, написанные Пахомием, построены, как правило, по единой схеме: риторическое вступление, повествовательная часть, посвященная описанию праздника или рассказывающая о жизни святого, заключение. При составлении похвальных слов книжник обращался к гомилетическим сочинениям других авторов как источникам, прибегая к разным способам цитирования: заимствуя из них крупные фрагменты практически дословно, иногда используя микроцитаты, ориентируясь на общую композиционную структуру.

Службы составлялись Пахомием в соответствии с Иерусалимским уставом, который к этому времени был уже полностью введен на Руси. В ранних службах книжник указывает в надписаниях канонов акростих[80] (не включающий его имени), который, однако, в канонах не прочитывается или прочитывается лишь частично. В поздней гимнографии Пахомий проявил себя как новатор: многие его каноны содержат словесно-буквенные акростихи, в которых указаны имена заказчиков и самого Пахомия как автора, но этот прием, не встречающийся в более ранних древнерусских литургических произведениях, не получил распространения и впоследствии. В своих гимнографических сочинениях Пахомий нередко прибегал к самоцитированию, заимствуя стихиры, тропари, богородичны и т. д., иногда целыми комплексами, из созданных ранее собственных сочинений; гимнография Пахомия имеет ряд общих мотивов и образов. В некоторых канонах им помещены одни и те же второй и третий тропари девятой песни, являющиеся своеобразной «подписью» книжника. В качестве источников Пахомий часто использует литургические произведения византийских и сербских авторов.

Пахомий — один из самых известных представителей стиля «плетение словес», который в его сочинениях представлен в совершенно другом варианте, по сравнению с епифаниевским. В художественном отношении Пахомия ставят, как правило, ниже других представителей этого стиля (митрополита Киприана, Епифания Премудрого): исследователи в основном сходятся во мнении о его творческой заурядности, отсутствии авторской самобытности, неяркости художественного мышления; высокие оценки встречаются гораздо реже.

Однако творчество Пахомия имело огромное значение для древнерусской книжности: им были установлены образцы для агиографических и гимнографических сочинений, на которые ориентировались многие древнерусские книжники впоследствии; значительно их влияние на уровне мотивов и топики. Практически все его жития вошли в Великие Минеи Четьи и другие минейные своды, а службы — в служебные минеи, многие из них до сих пор используются в богослужении.

Тверская литература. Ряд произведений в тверской литературе этого периода посвящен Михаилу Александровичу Тверскому. Это две повести о его преставлении, свидетельствующие о стремлении к установлению его церковного почитания, и панегирическое сочинение «Предисловіе лѣтописца княженія Тферскаго благовѣрныхъ великыхъ князей тверскыхъ».

Первое повествование (*«О преставлении князя Михаила Тферскаго»*) дошло до нас в редакции летописей, восходящих к Новгородско-Софийскому своду XV в., и в более поздней редакции — в составе Тверского сборника под 6907 (1399) г. В Новгородской четвертой и Новгородской Карамзинской летописях нарративу предпослано предисловие, представляющее собой сложный метафорический текст. В его образности различимо влияние «Шесто-

[80] Сочетание начальных букв или слов песнопений, образующее осмысленную фразу.

днева» Иоанна экзарха Болгарского: пришелец (автор) восхищается прекрасным дворцом (правителем).

Но основную повествовательную часть произведения нельзя отнести к «украшенным» агиографическим памятникам. Здесь нет риторических изысков, авторских отступлений, сложных конструкций в стиле «плетения словес». Это детальное описание прощания князя с сыновьями и народом, изложение его завещания, рассказ о решении постричься в иноческий образ.

Подробно говорится о слабости и болезненном состоянии князя. Уже в начале повествования звучит: «Бысть ему болѣзнь тяжка зѣло и изнемогаше добрѣ; уже и грамоты душевныя повелѣ писати, уже мало владеяше собою…»[81]. На пиру в какой-то момент «бяше бо велми изнемогаеть, поддержахоуть его»[82].

Простота стиля и отсутствие цитат из Писания тем не менее не лишают повествование внутреннего драматизма. Прощаясь с народом, князь не произносит пространных монологов, а дважды повторяет лишь несколько прощальных слов: «Братіа, простите мя, и благословите вси», — на что собравшийся народ отвечает «яко едиными оусты съ воскличаніемъ, плачюще и глаголюще: “Богъ проститъ тя, добрыи нашь княже и господине”»[83].

Детально описывается, как князь идет в храм, к какому образу подходит, как кланяется гробам своего отца и деда, указывается место, где Михаил Александрович «повели гробъ собѣ строити». Со сдержанной простотой передана атмосфера печали и оплакивания еще живого, но уже в последний раз присутствующего на об щей трапезе князя: «И тако всихъ по ряд целовавъ, отъ мала и до велика, и отпоуст я, они же идяхоу отъ него дряхли, плачю щеся»[84].

Подробности описаний и искренност интонаций свидетельствуют о том, что ав тор был очевидцем и участником собы тий. По всей вероятности, он принадлежа к духовному званию, однако занимал до вольно скромное место в церковной иерар хии. Он видит лишь то, что видят все, д самого последнего момента он не зна ет о решении князя постричься в монахи С точки зрения стоящих в толпе он и пере дает происходящее: когда князь сходит с ступеней храма, где прощался с народом все подумали, что он хочет идти на свої двор, «он же каза роукою, повелѣваше ве сти себе въ манастырь»[85]. Не принадлеж к инокам Афанасиевского монастыря (ме ста пострижения князя), автор не може рассказать о самых последних днях кня зя — после пострига.

Второй текст не имеет названия, со держится в Рогожском летописце и Симеоновской летописи и написан в более позднее время. Здесь о болезни Михаила Александровича не говорится. Автор стремилс подчеркнуть, что князь принимает реше ние о пострижении в ангельский образ во все не потому, что его вынуждает к этому болезнь[86]. Как следует из его беседы с епископом Арсением, постриг для него — эт в первую очередь отдание долга Творцу, который, по словам князя, «даровавыи ми мирнаа лѣта животу, и в них здраву ми быти сотвори»[87]. При этом если в первом тексте

[81] ПСРЛ. М., 2000. Т. 4, ч. 1. С. 387.

[82] Там же.

[83] Там же.

[84] Там же. С. 387.

[85] Там же. С. 388—389.

[86] Характерно, что в это время в Твери создается новая редакция Киево-Печерского патерика, где в рассказе о Пимене однозначно осуждено пострижение перед самой кончиной и названо суетным (Патерик Киевского Печерского монастыря / Под ред. Д. И. Абрамовича. СПб., 1911. С. 217).

[87] ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 170.

все видят князя в слабости и болезни и сокрушаются об этом, то во втором жители Твери удивлены решением князя постричься: «И дивляхуся людие зѣло, инии же не вѣроваху глаголемым, и сбирахуся людие, яко на дивное чюдо»[88].

Как и автор первого текста, более поздний сочинитель, по всей вероятности, был очевидцем прощания князя с народом. Так же описывается прощание князя с горожанами на высоких ступенях храма. Если в первом тексте передается содержание завещания князя, то здесь князь объявляет, что оставляет вместо себя «любимаго и старѣишаго сына… Иоанна»[89], не упоминая о наделении владениями других наследников. При этом о пребывании князя в монастыре говорится с подробностями: все же упоминается болезнь, но говорится, что недуг позволял ему все «исправлять» сидя; в последние часы с ним остаются только священноинок Парфений и архимандрит Корнилий. Это позволяет поставить вопрос о возможном написании текста книжником из круга архимандрита Корнилия, которому были доступны подробности последних дней великого князя, проведенных им в Афанасиевском монастыре.

Автор в пространной похвале, предпосланной повествованию о последних днях великого князя, всесторонне характеризует его как идеального правителя, обнаруживая риторскую искушенность. Князь восхваляется за церковное строительство, «собирание» людей, укрепление городов, за «мир глубок» ко всем странам и др. И дело не только в объективных заслугах Михаила Александровича. Похвала представляет собой одновременно и развернутую программу идеального управления Тверским княжеством. Не случайно в конце подчеркивается, что Иван Михайлович собирается «слѣдовати въ стопы отчаа»[90]. По-видимому, по заказу «любимаго и старѣишаго» сына Михаила Александровича, Ивана Михайловича, и составлялся памятник. Монастырь Св. Афанасия, расположенный в центре Твери и будучи архимандритией, был близок к политической жизни княжества, членам княжеского дома.

Характерно, что для автора повествования Михаил Александрович остается властодержцем вплоть до смертного часа. Хотя он и говорит, что Михаил «помѣтает княжение», идет в келью «уже… безо власти», но все его действия представляются книжником как «повеления». Только этот глагол использует сочинитель: князь «повелѣ» приходить игуменам и попам за серебром на сорокоуст, он «веляше» имя свое писать в поминание, наконец, благословив сыновей и отпустив от себя, он «повелѣ пѣти канон въ исход души»[91]. Ранее говорится: «Пред ним никто же не смѣя что рещи, бояху бо ся его, яко бѣ муж страшенъ, и сердце ему, яко сердце льву»[92].

Такое восприятие князя связано как с особенностями личности самого Михаила Александровича, так и с отношением к княжеской власти в Твери вообще. Текст в Рогожском летописце — Симоновской летописи — в полной мере отвечал новым идеологическим тенденциям времени Ивана Михайловича. Время княжения Михаила Александровича восхваляется как период благоденствия Тверской земли, а сам князь объявляется примером для потомков: «его же именемъ сынове Тфѣрстіи хваляться, поминающе и въ родъ и родъ»; Михаил Александрович «образъ добръ

[88] ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 171.
[89] Там же. Стб. 172.
[90] Там же. Стб. 176.
[91] Там же. Стб. 174.
[92] Там же. Стб. 171. При всей традиционности этой формулы нельзя не вспомнить, что шагающий лев изображен на печати Михаила Александровича.

оставле всѣмъ княземъ, хотящимъ властвовати на земли»[93].

«*Предисловіе лѣтописца княженія Тферскаго благовѣрныхъ великыхъ князей тверскыхъ*» — памятник более поздний (около середины XV в.). Очевидно, что и здесь автор стремился создать идеальный образ князя: с детства Михаил всеми любим, ибо, как будущий славный герой и лидер, превосходит сверстников интеллектуально и телесно: «мудрь біаше паче сверстникъ своихъ», украшен «величествомъ тѣла». Готовясь стать правителем, юный князь «поучашеся, како судъ исправовати». Под стать себе он собрал «дружину благоумну», с которой «царьскыми утѣшенми благочиннѣ веселящеся». Панегирист подчеркивает, что Константин Суздальский добивался брака своей дочери Евдокии с Михаилом, приложив к осуществлению желаемого серьезные усилия. Однако немало уделено места и описанию его христианских добродетелей: еще будучи отроком и юношей, Михаил «отъ кощунъ бо и празнословья съблюдашеся, и отъ скверныхъ же мыслей съхраняшеся, игоръ же и бесчинія ненавидяше, и нелѣпаа глаголющихъ уклоняшеся»[94], при этом всегда почитал иноческий чин, прислушиваясь к поучениям иноков и иереев.

В XV в. в Твери создается выдающийся памятник панегирической литературы — «*Смиренного инока Фомы Слово похвальное о благоверном великом князе Борисе Александровиче*» (ок. 1453 г.). Первая часть «Слова» посвящена тверскому посольству на Ферраро-Флорентийский собор, которое возглавлял боярин Бориса Александровича Фома (в источниках он фигурирует в том числе и как Thome Math[95]). В связи с этим высказывалось предположение, что его о честном было «Матвеевич».

Совпадение имен породило вопрос о тождестве Фомы — главы посольств и Фомы — автора «Слова похвального» Отождествлять Фому-посла с Фомой иноком были склонны тверские исследо ватели И. А. Виноградов и М. В. Рубцо Большинство же ученых отрицает эт тождество или считает этот вопрос нер шенным[96]. В «Слове похвальном» о Фо ме-после говорится в третьем лице, но з одним исключением. О встрече с папой Ев гением автор рассказывает в первом лиц «И ту наехалъ есми папу римьскаго Евг ниа, и святого царя цариградскаго Иоанн и вселеньскаго патриарха Иосифа, и вес святый вселеньскии съборъ». В следующе же фразе — уже опять — «Фома»: «А с па триархом было митрополитовъ 22. И Фом же, посолъ великаго князя Бориса Алек сандровичя, подаде царю писание и еж име в руцѣ своеи»[97]. В заключение рас сказа о посольстве автор «Слова» говори что «речи» на соборе записывались и был принесены на Русь. «И мы же почтохом такова писаниая…», — добавляет он[98]. Эт показывает, что сам он не был причаст к посольству ранее.

«Слово похвальное» делится сами автором на несколько частей (подзаго ловками). Вслед за рассказом о Феррар Флорентийском соборе следуют главы восхваляющие деяния Бориса Александро вича, последние разделы памятника нося нарративно-летописный характер. Текс заключительной главы обрывается на по луслове. Возможно, Фомой произведени не было закончено, но столь же вероятно что переписчик располагал не полным тек

[93] ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 167—168.

[94] ПСРЛ. СПб., 1863. Т. 15. Стб. 467.

[95] *Gottlob A., Dr.* Aus den Rechnungsbuchern Eugens IV zur Geschichte des Florentinums // Historische Jahrbuch. München, 1893. Bd. XIV/1. S. 65.

[96] *Понырко Н. В.* Фома // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989. Вып. 2, ч. 2. С. 474—475

[97] БЛДР. СПб., 1999. Т. 7. С. 76.

[98] Там же. С. 80.

стом («Слово похвальное» дошло до нас в единственном списке второй половины XVI в.).

Фома обнаруживает чрезвычайную близость к князю. Дважды он упоминает «сопричастников трапезы» князя — в одном случае относит к ним и себя, в другом — обращает к таковым свою речь. Он служит Борису Александровичу словом, и эта «служба» ценится князем: «...того бо ради почтени быхомъ от него, и яко же хотимъ слово имѣти и слова желати».

Во многих случаях он выступает как очевидец описываемых событий. Так, он определенно говорит, что о дарах Шахруха (сына Тамерлана) «не от инѣхъ слышахъ сиа, но самовидѣць есми тому», сетует, что не мог точно посчитать их количество и был вынужден расспрашивать других свидетелей. Не менее показателен рассказ о взятии Ржевы. Фома знает изначальное намерение князя — «на свою утѣху поехати ниже есть лѣтнее обиходище»[99] в Опоки. Фома тщательно собирал и, видимо, фиксировал информацию, в том числе использовал рассказы очевидцев со ржевской стороны.

В тексте Фомы, то пышно панегирическом, то подробно аналитическом, попадаются чисто летописные обороты: «тои же зимы...», «в лѣто...», «того же лѣта...». В ряде случаев в тексте читаются даже не отдельные известия, а полноценные летописные статьи.

Говоря о своей службе князю, Фома уже явно вычленяет себя из прочих княжеских приближенных. Используя цитату из Иоанна Златоуста, он говорит, что не винит их в том, что они до сих пор не воздали должную хвалу Борису Александровичу: «Но и о томъ не творю вас виноватыхъ, ни укоряю вас, и еже вы не писасте. Но понеже бо коиждо васъ жену имать, инъ дѣти питаетъ, и инъ о дому печеться, а инии въ воинствѣ ходятъ, но и коиждо вас на поручную службу отходитъ». У него же, инока, лишь одно дело: «...писати честь государя нашего великого князя Бориса Александровича». Ничто не отвлекает его от этого дела, ибо он не имеет «ни домовъ, ни полат»[100]. И этой профессиональной деятельностью он явно гордится.

Для князя и его окружения имели большое значение впечатления участников посольства, познакомившихся с придворной жизнью ренессансной Италии. Значимая составляющая образа просвещенного правителя — быть покровителем наук и искусств, за что в том числе восхваляется Фомой Борис Александрович. Князь «чресъ предѣлы и книгами гораздъ и х кому же хощетъ, к тому бесѣдуетъ, и никто же отвѣщати ему можетъ, но всѣми владѣетъ»[101]. Трудно сказать, сколь широк был круг интеллектуального общения великого тверского князя, который стремился создать при своем дворе атмосферу роскоши, образованности и артистизма. Но очевидно, что сам Фома являл собой именно такого интеллектуала-«сотрапезника» князя, который надеялся на щедрость князя, ожидая его «милости, и якоже и еленъ воды»[102].

«Хождение за три моря» Афанасия Никитина — последний памятник, созданный жителем Твери до ее присоединения к Москве, завершенный ее автором в 1474 г.[103] Оно было передано великокняжескому дьяку Василию Мамыреву и вставлено в летописный свод, согласно гипотезе В. А. Кучкина, Родионом Кожухом[104], автором ряда

[99] БЛДР. Т. 7. С. 120.

[100] Там же. С. 90.

[101] Там же. С. 92.

[102] Там же. С. 86.

[103] О хронологии путешествия Афанасия Никитина см.: *Семенов Л. С.* Хронология путешествия Афанасия Никитина // Хождение за три моря Афанасия Никитина. Л., 1986. С. 88—107.

[104] *Кучкин В. А.* Судьба «Хождения за три моря» Афанасия Никитина в древнерусской письменности // ВИ. 1969. № 5. С. 76.

летописных рассказов: о трусе, о чуде Варлаама Хутынского (ожившем отроке), о поставлении митрополита Зосимы. Памятник дошел до нас в семи списках, три из них летописные (Софийская вторая и Львовская летописи).

Это произведение для рассматриваемой эпохи — единственное в своем роде. Оно написано не представителем церковной элиты или княжеской канцелярии, а человеком иного социального статуса — купцом. Как известно, свое путешествие он совершил в Индию, страну, о которой на Руси представления складывались из разного рода мифов. В «Сказании об Индийском царстве» (памятник византийского происхождения) Индия — это некое средоточие огромного числа чудес: здесь люди с песьими головами, у других много рук или ног, где-то ездят на петухах… Но при этом их правитель — христианин, в военном походе перед ним несут крест с Распятием. Если сам Афанасий и не читал такой книги (на Руси памятник получил распространение несколько позже), то сюжеты подобных чудес могли быть ему известны из устной передачи.

За 200 лет до Афанасия Никитина путешествие на Восток, которое в том числе проходило и через Индию, совершил венецианский купец Марко Поло. Но это сочинение не было известно русскому купцу и не могло быть жанровой традицией, на которую он опирался. По-видимому, Афанасий представлял себе записки путешественника о дальних странах только в контексте традиции древнерусских хождений к святым местам (иных образцов для описаний путешествий просто не было). И понимая, что его путешествие серьезно отличается от паломнических странствий, назвал его «грешным хождением». В соответствии с традицией хождений и проскинитариев указываются основные пункты пути. На Руси это Калязинский монастырь, Углич, Кострома, Плес. Затем идут уже чужие территории, которые тоже называются, часто с указаниями дней пути или иных мер расстояний. Объясняет он и обстоятельства, благодаря которым он пускается в столь опасное странствие. Из двух кораблей один сел на мель, другой разбился во время шторма. Товар был разграблен, те, «у кого что есть на Руси, и тот пошелъ на Русь; а кои должен, а тот пошел, куды его очи понесли»[105]. К последним принадлежал и Афанасий Никитин. Ему, однако, хватило средств, чтобы совершить долгое путешествие и вернуться на Русь. В тексте Хождения нет указаний, совершал ли он какие-либо торговые сделки — кроме покупки и затем продажи коня. И надо думать, что главная ценность, которую он вынес из своей разведывательной поездки, — это тетради, в которых он записал важные сведения. Возможно, у него были серьезные планы по организации будущих торговых экспедиций — «с товарищами».

Сочинение Афанасия написано простым, некнижным языком, прямых указаний на литературные произведения, которые были в его культурном багаже, нет. Лишь упоминание статуи Юстиниана, с которой он сравнивает позу бута, заставляла исследователей предполагать, что ему было известно «Хождение Стефана новгородца»[106], где дается описание знаменитого константинопольского столпа. Однако это могло быть не единственным возможным источником познаний Афанасия. Известно, что Феофан Грек изобразил для Епифания Премудрого на листе для помещения в книгу Софию Константинопольскую и столп со статуей Юстиниана. Епифаний стремился получить такой рисунок не только для своей книги, но и для других русских художников, которые смогут его копировать[107]. Зафиксировано распростра-

[105] БЛДР. Т. 7. С. 352.

[106] Или, можно добавить, более позднее «Хождение Зосимы в Царьград».

[107] См.: *Белоброва О. А.* Статуя византийского императора Юстиниана в древнерусских письменных источниках и иконографии // Византийский временник. М.; Л., 1960. Т. 17. С. 118, примеч. 22.

нение изображения колонны Юстиниана в иконографии «Покрова» и др. Да и иной общности «Хождения Стефана новгородца» с «Хождением за три моря» не наблюдается. Стефан не рассказывает о пути, не указывает расстояния.

В целом же, не будучи человеком книжным, Афанасий обладал разного рода познаниями: знал как минимум персидский и арабский языки, как мореплаватель обнаруживал знание астрономии.

Главная цель — составить некий путеводитель для будущих торговых экспедиций — требовала фиксации соответствующих данных по каждому городу или местности: «В Бедере же торгъ на коня, на товар, да камки, да на шелкъ, на всеи инои товар, да купити в нем люди черные, а иные в нем купли нѣт. Да все товар ихъ гундустанскои, да сьестное и овощь, а на Рускую землю товару нѣт»[108]; лучший торг в этих краях — Алудин (Аланд), куда раз в год съезжается торговать вся страна, «всякыи товар продают и купят на память шиха Аладина, а на русскыи на Покров святыя Богородица»[109]. Сообщается и о месте, и о времени «базара». Целая серия таких указаний касается морских портов, где он пишет об их особенностях и, конечно, о том, что можно купить: «Да родится в Шабате шолкъ, да сандалъ, да жемчугъ, да все дешево»[110].

Важны для будущих странников и климатические данные: когда в той или иной местности начинается весна, зима и т. д.; где особенно жарко (варно), а где терпимо или «вѣтръ бывает».

Но, конечно, не все тексты можно объяснить специальной задачей. Второй раз он повествует о Бидаре, в который, видимо, вернулся после посещения Парвата — священного центра индусов, рассказывая уже о себе, — как продал жеребца, сколько там прожил, как познакомился «со многыми индѣяны» (с ними он и посетил Парват). Здесь же идет очерк о верах и обычаях индусов.

При всей приязни к индусам, похоже, что их вера и обычаи Афанасия не привлекают. Не случайно он неоднократно отмечает, что статуи их наги и сором не прикрыт, и делает уже совсем оценочное заявление: «А добровта (добронравия) у них нѣт, а сорома не знают»[111]. Простые представления о корове-матери и воле-отце не ассоциируются у Афанасия с религиозными категориями. Очевидно, что ислам с его мистическими устремлениями ему более понятен, а невольное погружение в мировоззрение и образ жизни мусульман заставляет его задуматься и об истинах божественных (с попытками примирить две теологии и онтологии) и представлениях об идеальной жизни смертного согласно христианскому и мусульманскому учениям. Все, что он видит при посещении Парвата, описывает этнографически отстраненно. С «бесерменами» же он вместе постится и молится, хотя и горько сетует, что из-за утраты книг не может знать, когда христианский праздник, когда пост. И хотя он говорит, что молился Христу Вседержителю, а «иного есми не призывал никоторого именемъ»[112], признает, что сила Мухамедовой всры подтверждается силой, которой обладает мусульманское войско. Афанасий не допускает для себя возможности идти через Мекку, потому что это означает «стати в вѣру бесерменскую»[113], но позволяет себе вольнодумное заявление: «А правую вѣру Богъ вѣдает. Правая вѣра — Бога еди-

[108] БЛДР. Т. 7. С. 356.
[109] Там же. С. 356—358.
[110] Там же. С. 364.
[111] Там же.
[112] Там же. С. 364.
[113] Там же. С. 370.

наго знати, и имя его и призывати на вся ком мѣсте чисте чисто»[114]. Характерно, что молитва в «чистом месте» — это постулат ислама.

С течением времени дневник Афанасия[115] становится все более подробным, а тематика записей все менее утилитарной. Он описывает торжественные выезды правителей (думается, с преувеличениями их размаха), военные столкновения. Реальные наблюдения перемешиваются с мифами и поверьями, которые он слышит. Здесь и птица «гукукь, летает ночи, а кличет: "кукъ-кукъ", а на которои хоромине седит, то тут человѣкъ умрет; и кто хощет еа убити, ино у неи изо рта огонь выидет». И рассказ об обезьяньем князе со своим войском и своим языком. «А рати их, сказывают, велми много»[116], — добавляет Афанасий, подчеркивая, что он знает об этом понаслышке.

Принято считать, что Афанасий Никитин в своем сочинении проявляет себя патриотом Русской земли, а не Твери. Думается, понятие родины для него сочетает оба феномена. Тверь присутствует в его сознании и как естественный критерий большого города («А бутхана же велми велика есть, с пол-Твѣри»[117]), и как Дом Святого Спаса, охраняющего Афанасия (случилось чудо на Спасов день: возвращение жеребца и освобождение от грозящего штрафа). Но он как купец, человек мобильный, осозна ет себя в пространстве всей Русской земли Обильны Сивасстская, Молдавская, Турец кая, Грузинская и Подольская земли, н Русской земле нет подобной!

Литература Новгорода. В 1439 г. был открыты мощи архиепископа Иоанна Нов городского. Это было закономерной акци ей Евфимия II, который стремился создат пантеон новгородских святых и святыни Формировался культ новгородского архие пископа, легенды, с ним связанные, стал записываться и складываться в цикл. Од ним из главных сюжетов этого цикла был чудо от иконы «Знамение», почитание ко торой к этому времени уже сложилось (су ществовал храм-реликварий, построен ный для хранения чудотворного образа н позднее 1355 г.[118]). Впоследствии было на писано нелетописное (проложное) «*Слов о Знамении Пресвятой Богородицы*», ко торое не имеет с летописными рассказам текстуальных совпадений, но повторяе в основном их фабулу. Роман Мстислави и посадник Якун в «Слове о Знамении» уж не играют главную роль. Роман лишь упо минается в самом начале текста как княжа щий в это время в Новгороде, имя же Яку на вовсе не звучит. По всей вероятности к моменту написания этого произведения[11] о молодом князе и посаднике, возглав лявших войско, уже не помнили, смести

[114] БЛДР. Т. 7. С. 374.

[115] Вопрос о «дневниковости» памятника неоднократно обсуждался (см.: *Лурье Я. С.* Русский «чужезе мец» в Индии // Хожение за три моря Афанасия Никитина. С. 69—70; *Кистерев С. Н.* Афанасий Никити и его «Хожение» на Руси // Хожение за три моря Афанасия Никитина. Тверь, 2003. С. 19—21). Но был л это собственно дневник или текст, написанный им по своему дневнику, не представляется принципиальным

[116] БЛДР. Т. 7. С. 358. Миф восходит к «Рамаяне».

[117] Там же. С. 360.

[118] Косвенные данные (пожар 1340 г., в котором сгорела церковь Знамения Богородицы) говорят о том что церковь-реликварий существовала и ранее, возможно, будучи деревянной. О пожаре говорится во все новгородских летописях, указание же на сгоревшую церковь Знамения содержит лишь Новгородская треть летопись, внимание которой сосредоточено именно на церковном строительстве (Новгородские летописи В 2 кн. Рязань, 2002. Кн. 1. С. 219).

[119] Считавшийся ранее древнейшим (XIV в.) список «Слова» (РНБ. Соф. 396) сегодня датируетс А. А. Туриловым второй четвертью XV в. (Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихс в России, странах СНГ и Балтии. XIV век. М., 2002. Вып. 1. С. 8, 15, примеч. 8). Древнейшим же являетс список в Прологе (РНБ. F.п.I. 48—1431—1434 гг.) (*Лосева О. В.* Жития русских святых в составе древнерус ских прологов XII — первой четверти XV вв. М., 2009. С. 202).

центр внимания на чудесное заступничество Богоматери по молитве прославляемого архиепископа Иоанна. В качестве нового мотива в «Слове» добавлено, что икона принесена из церкви Спасо-Преображения на Ильине улице, есть указание об установлении празднования иконе «Знамение». Архиепископ же оказывается в центре повествования. Иоанн молится о спасении города, слышит глас, приказывающий ему взять икону «Знамение». Он посылает за образом дьякона, которому, однако, икона в руки не дается. Тогда архиепископ сам отправляется в Спасскую церковь, начинает петь «канун молебонъ», и икона приходит в руки Иоанну. Символический мотив движущейся иконы был хорошо известен на Руси по легендам о чудотворных образах (Богоматерь Римская-Лиддская, Богоматерь Владимирская). Далее икона обращается ликом к городу — в знак покровительства и заступления. Мотив тьмы, которая ослепляет только неприятеля и не мешает новгородцам, выйдя из города, разбить врагов, возникает, очевидно, по аналогии с библейскими «тьмою и мраком», которые наслал ангел Господень на стан фараона, не затронув иудеев (Исх. 14: 20).

В целом «Слово о Знамении» с литературной точки зрения по отношению к летописным рассказам представляет собой совсем иной феномен. Это относительно пространное произведение с эпическим зачином, вводящим читателя в контекст далекой эпохи: «Сице бо живущимъ новгородцемь: владѣяху областми по своеи волѣ, яже имъ Богъ поручилъ, а князя держаху по своеи волѣ. Бѣ же у нихъ тогда князь Романъ Мьстиславличь, внукъ Изяславль»[120]. Автор приводит мотивации поступков героев, домысливает различные подробности и дает объяснения событий. Рассказ о походе за данью, когда новгородцы были встречены соперниками-суздальцами и вынуждены были биться с ними, представлен в «Слове» как предыстория основного сюжета. Далее Андрей Боголюбский «разгнѣвася на Новгородъ и нача сбирати рать». Сына он посылает, поскольку сам «разболѣся». Передаются эмоциональные состояния архиепископа и народа: новгородцы «въ скорби быша велици и въ сѣтовании мнозѣ»[121], Иоанн был «въ ужасти». Суздальцам же приписывается уверенность в скорой победе, они улицы разделили «на своя городы». Сам сочинитель не удерживается от восклицаний: «И великое, страшное чюдо! Како се можаше быти от суха древа!»[122]

Позже по заказу Евфимия Пахомием Сербом был создан ряд новых памятников Знаменского цикла («Воспоминание о Знамении» «Слово похвальное Знамению пресвятой Богородицы»), подчеркивающих чудесную сторону событий 1170 г. Уже в XV в. появляются многоярусные иконы «Чудо от иконы Богоматери Знамение», иллюстрирующие этот сюжет.

Знаменский сюжет вошел в *«Житие архиепископа Иоанна»* в варианте, близком к «Воспоминанию о Знамении» Пахомия Серба. Практически утрачена проновгородская окраска нарратива. Иоанн же определенно называется святым, новгородцы на него возлагают надежды в критической ситуации. Житие в его Основной редакции (ранние редакции были краткими) включало также и другие легенды, традиционно связанные с именем Иоанна. И если Знаменская легенда практически во всех вариантах Цикла памятников о чудотворном образе обнаруживает книжные традиции и мотивы, то другая легенда, входящая в Житие, — «*Повесть о путешествии Иоанна Новгородского на бесе в Иерусалим*», опирается не только на устную легенду, но

[120] «Слово о Знамении Пресвятой Богородицы» // *Лосева О. В.* Жития русских святых в составе древнерусских прологов XII — первой четверти XV вв. С. 328.

[121] Там же. С. 329.

[122] Там же. С. 333.

и на устную поэтическую традицию. Сказочные мотивы — затворение беса и служение последнего праведнику, равно как и последующая месть беса — мотивы сказочные.

В Житии также рассказывается о преставлении Иоанна и обретении его мощей. Завершается агиографический памятник похвалой святому.

Ко времени владычества Иоанна отнесена и история ростовщика Щила из «*Повести о новгородском посаднике Щиле*» (реальный Щил жил в первой половине XIV в.). Тема греха и возможности его искупления, видимо, занимала новгородцев. Ростовщичество, которое сурово осуждалось церковью, не прощается построением храма, но может быть отмолено церковным поминовением. Впечатляющая картина поэтапного выхода Щила на церковной росписи из адского огня должна была показать необходимость сорокоуста и записей в синодики со всей наглядностью. Произведение сохранилось лишь в поздних списках, в том числе и в составе синодичных предисловий, а они, в свою очередь, как показывают исследования, существовали уже в конце XV в.[123]

В 1478—1479 гг.[124] в Новгороде было создано одно из самых необычных русских житий — *Житие Михаила Клопского*. В известной степени своеобразие его формы было связано с типом святости Михаила — это житие юродивого. Такие жития были распространены на византийской почве, но были крайне редки на русской. Поведение святого-юродивого зачастую шло вразрез с представлениями о благочестии и даже благопристойности, что смущало монахов в реальной жизни, а агиографа — при написании жития.

В первой редакции Жития нет традиционных вступления и заключения. Агиограф не только не пишет о значении подвига святого, о необходимости написать житие и трудности этой задачи, но и ни слова не говорит о происхождении Михаила, его родителях и жизненном пути до прихода в монастырь. Житие начинается с рассказа о таинственном появлении Михаила в Троицком Клопском монастыре: Михаил неизвестным образом проник в келью попа Макария, пока тот был на службе. Михаил Клопский здесь назван старцем, и застали его за писанием Деяний апостола Павла. Несмотря на то что старец не отвечал на вопросы монахов, игумен Феодосий признает его посланным Богом и оставляет в монастыре.

Структура Жития имеет и другие особенности. Деление на главы в памятниках агиографии встречается, но такие главки, во-первых, обычно следуют за большим вступлением, которое рассказывает о том, как святой пришел к своему подвижанию[125], во-вторых, не имеют названий типа «чудо первое», «чудо второе» и т. д. Такая нумерация чудес свойственна или «чудесам» — особому разделу жития, как правило, идущего после повествования о смерти и погребения святого, или близкому к ним типу нарратива — чудесам от икон. Видимо, записи, положенные в основу Жития, велись в монастыре во все время пребывания в нем Михаила, поскольку его удивительный дар и необыч

[123] *Павлов А. С.* Исторический очерк секуляризации церковных земель в России. Одесса, 1871. Ч. 1. С. 18—19, 161—163; *Дергачева И. В.* Посмертная судьба и «иной мир» в древнерусской книжности. М., 2004. С. 149—163.

[124] См.: *Дмитриев Л. А.* Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII—XVII вв. Л., 1973. С. 187.

[125] О прошлом Михаила становится известно лишь после узнавания его Константином Дмитриевичем, сыном Дмитрия Донского. Как показано А. А. Туриловым, «Максимов сын» должно означать, что он сын старшего брата Константина — Андрея Дмитриевича Можайского, который в крещении был назван Максимом (*Турилов А. А.* К биографии и генеалогии Михаила Клопского // Средневековая Русь. М., 2006. Вып. 6. С. 178—209).

ность поведения не могли быть оставлены без внимания. Чудеса, творимые Михаилом, заключались в пророчествах и предвидении, те, кто не слушал его советов, были наказаны.

Первая редакция Жития сохранилась в двух версиях, которые восходят к одному протографу, но представляют его материал с разной степенью подробностей в отношении того или иного эпизода. Текст ее написан простым языком, содержит бытовые и хозяйственные подробности («И урядися князь с мастеры: и даст имъ задатка 30 рублевъ, а после имъ взяти 100 рублевъ да по однорядки. И хлѣбъ им ясти в трапезѣ оприщно наиимитовъ»[126]).

Деление на главы выдержано непоследовательно. После «Чуда об источнике» сюжеты — краткие и весьма пространные — идут без заголовков (о строительстве церкви Константином Дмитриевичем, о посаднике Григории Кирилловиче, о ссоре новгородских бояр, о пророчествах Евфимию II, Дмитрию Шемяке, преставлении игумена Феодосия, выборе Новгорода и др.).

Вторая редакция памятника была создана в 1490-х годах[127] в целях приведения Жития в соответствие с агиографическим каноном. Теперь у Жития появилось введение и заключение, были добавлены риторические пассажи, библейские цитаты.

И первая, и вторая редакции обнаруживают несомненные промосковские тенденции — Михаил выступает против амбициозных устремлений Шемяки, затем предрекает Новгороду поражение на Шелони и настоятельно советует новгородцам: «Разошлите послы к великому князю, добивайте челом»[128].

В конце XV в. складываются легенды «о конце Новгорода». Получает развитие и распространение легенда о Пантократоре в куполе Софийского собора (*«Сказание о церкви святыя Софии Премудрости»*)[129]. Это повествование о гласе от образа Пантократора к живописцам, приказывающем не писать Его с благословляющей десницей, ибо в сжатой деснице Он держит Новгород. Когда же рука Его «распространится», тогда будет «граду скончание». В тексте памятника выделяются две части. Первая — «историческая», практически совпадающая с соответствующей статьей в ряде новгородских летописей, — об основании и освящении церкви. Вторая — «легендарная», содержащая этот сюжет.

«Житие Зосимы и Савватия» (рубеж XV—XVI в.) включает довольно пространный рассказ, в котором Зосиме на пиру у Марфы-посадницы было видение о будущей судьбе новгородских бояр: «...мужъ нарочитыхъ на пиршествиихъ онѣхъ безъ главъ сѣдящихъ»[130]. Видение сбылось: «...имже бысть кончина въ свое время»[131].

Утрата Новгородом независимости не вызвала прекращения летописной работы и попыток историософских трактовок прошлого республики. В новгородской литературе очевидны попытки осмыслить прошлое и настоящее и, возможно, сформировать новые амбиции.

Во второй половине XIV—XV в. продолжала распространяться *переводная литература.* В конце XIV в. значительную

---

[126] БЛДР. Т. 7. С. 222.

[127] См.: *Дмитриев Л. А.* Повесть о житии Михаила Клопского: Комментарии // БЛДР. Т. 7. С. 512.

[128] БЛДР. Т. 7. С. 230.

[129] См.: *Конявская Е. Л.* Сказание о создании Софии Новгородской и Спасовом образе: Текстология и хронология // Кирик Новгородец и древнерусская культура. Великий Новгород, 2014. Ч. 3. С. 182—190.

[130] *Минеева С. В.* Рукописная традиция Жития преп. Зосимы и Савватия Соловецких (XVI—XVIII вв.): В 2 т. М., 2001. Т. 2. С. 37.

[131] Там же. С. 38.

роль в этом сыграл митрополит Киприан, который, в частности, привез на Русь переписанную им самим «Лествицу» Иоанна Синайского, заказывал переводы и других святоотеческих книг.

На Руси появляется Хроника Манассии, которая знакомила русских читателей с новой реакцией истории Троянской войны — «*Повестью о кралех*» (ранее этот сюжет был известен по Хронике Иоанна Малалы). Здесь история беллетризирована, подана в куртуазной обработке (действуют рыцари, Парис пишет любовные послания Елене и т. д.).

Новый вариант романа об Александре Македонском — «*Сербская Александрия*» начинает бытовать на Руси в последние десятилетия XV в. Это произведение окажет серьезное влияние на автора «Сказания о Мамаевом побоище»[132].

В сербском же переводе пришел на Русь сборник притч и сказок о животных «*Стефанит и Ихнилат*», восходящий к арабской версии «Панчатантры». Название сборник получил по именам двух шакалов, действующих в одной из басен. Шакалы живут при дворе царя-Льва. Первый из них, Стефанит, ведет себя благоразумно, второй, лукавый Ихнилат, интриговал и поплатился за это.

Сначала Флорентийская уния, а затем падение Константинополя привели к церковному обособлению русской митрополии, что нуждалось в идеологическом обосновании. С постепенным складыванием идеологемы о Москве как приемнице Константинополя следует связать распространение в конце XV в. «*Слова о Вавилон-граде*»[133] — второй части византийской легенды о передаче царских регалий Навохудоносора греческому царю Василию (первая часть рассказывала о сказочных событиях, приведших к запустению Вавилона, который стережет огромный спящий змей). Характерно, что греческий царь Лев (в крещении Василий) сначала хочет послать в Вавилон неких посланцев «крестьянского роду и сурьскаго». Они сами требуют, чтобы был иной состав послов: из Греции грека, из Руси русина, из Грузии грузина. Василий согласился и сказал, что ждет из Вавилона знамения, чтобы укрепиться в христианстве. Грек Гурий, грузин Яков и Лавр — русский, придя к Вавилону, увидели, что город быльем порос, а змей по-прежнему лежит вокруг него. Через змея шла лестница в 18 ступеней (такова толщина змея) и была надпись — по строчке на каждом из языков пришедших, побуждающая их перелезать через змея и идти в палаты, а затем в часовню. Они пришли к гробу трех святых отроков Анании, Азарии и Мисаила, получили дальнейшие инструкции и обрели искомые венцы царя и царицы вавилонских. Взяв еще драгоценных камней, посланцы отправились обратно. На обратном пути Яков зацепился на лестнице, упал и разбудил змея. Но все же, пройдя через все испытания и приключения, три посланника вернулись с регалиями к греческому царю. Царь Василий и царица Александрия увенчались венцами. Василий укрепился в вере и решил идти на «страны полунощные, на врагы иновѣрныя, за род крестьянескъ!»[134]

Три посланца представляют Византию, которая клонилась к закату и затем пала, Грузию, которая находилась в состоянии распада, и Русь, которая теперь мыслила себя главным оплотом православия. Таким образом, рецепция этой легенды создавала фундамент идеи «Москва — третий Рим».

Величайшему событию — захвату Константинополя турками — посвящено про-

---

[132] *Петров А. Е.* «Александрия Сербская» и «Сказание о Мамаевом побоище» // ДРВМ. 2005. № 2 (20). С. 54—64.

[133] Не исключено, что этот текст был известен на Руси и ранее (в конце XIV в. — первой четверти XV в.), тем более что в 1390-е годы по инициативе митрополита Киприана был переведен весьма популярный в Византии «Константинов дар» — поддельная грамота Константина Великого папе Сильвестру, и воспринимался он как исторический документ.

[134] БЛДР. Т. 6. С. 54.

изведение, которое хотя и не является в собственном смысле переводом, но не может быть отнесено целиком к сочинениям древнерусского книжника. Это «*Повесть о взятии Царьграда турками*», представленная в старшей рукописи как сочинение Нестора Искандера, давно плененного турками и насильственно обращенного в «окаянную» веру. Он пишет, что день за днем вел записи, пока турки стояли под Константинополем, а после того как вошли в город, со временем «испытах и собрах от достоврьных и великих мужеи вся творимая дѣяниа во градѣ»[135]. Достоверность авторства такого человека вызывает сомнения. Если некий славянин «измлада» был лишен возможности чтения славянских книг, занятий, связанных со книгами, он едва ли мог создать произведение, в котором есть реплики Иудейской войны Иосифа Флавия, Откровения Мефодия Патарского и др. Однако нельзя исключать, что записки такого человека могли быть использованы опытным сочинителем, под пером которого исторический нарратив, богатый как традиционными топосами, так и явными зарисовками очевидца, превратился в сложное произведение с нарративом в традициях воинской повести и с символическим обрамлением пролога и эпилога. В этом нарративе есть яркие описания битвы «звучащей»: «...от пушечного бо и пищалного стуку, и от зуку звонного, и от гласа вопли и кричаниа от обоих людеи, и от трескоты оружия — яко молния бо блистааху от обоих оружия — также и от плача и рыданиа градцкых людеи, и жон, и дѣтеи, мняашеся небу и земли совокупитися и обоим колѣбатися, и не бѣ слышати друг друга что глаголеть»[136]. Есть рассказ о геройстве генуэзца Зустуния (Юстиниана), который привел с собой 600 храбрых, которого не останавливает даже удар в грудь каменного ядра. Есть и откровенный вымысел: присутствие в Константинополе во время осады патриарха. В начале сочинения дана символическая притча о битве змея с орлом, где сначала побеждает змей, но потом люди его убивают и освобождают орла. Книжники и мудрецы разъяснили: «Орел — знамение крестьянское, а змии — бесерменское»[137]. В конце же Повести грядущая победа предрекается в образах видения пророка Даниила: от ангела поражены будут «измаилты, и ефиопы, фругы, и татары»[138].

«*Сказание о воеводе Дракуле*» создано, видимо, в середине 1480-х годов (до 1490 г., которым датируется старший список памятника, переписанный известным кириллобелозерским книжником Евфросином). Этот памятник тоже не может считаться переводным в полной мере, поскольку создан, как считает большинство исследователей, Федором Курицыным — дипломатом, послом Ивана III в Венгрию для заключения договора с Матяшем Корвином[139]. Пробыв немалое время при дворе Корвина, Курицын по пути в Москву посетил в 1484/1485 г. Валахию, задержавшись в Аккермане. В Венгрии и в Валахии он познакомился с устными рассказами о валашском воеводе Владе Дракуле/Цепеше[140] и составил это произведение. Структура «Сказания» — собрание отдельных сюжетов-анекдотов — была задана этой устной основой. В такой же форме появились рассказы о Дракуле в других странах: немецкая поэма Миха-

[135] БЛДР. Т. 7. С. 70.

[136] Там же. С. 34.

[137] Там же. С. 28.

[138] Там же. С. 68.

[139] См. подробнее: *Лурье Я. С.* Русские современники Возрождения. Л., 1988. С. 97—108.

[140] Отец его — тоже Влад — имел прозвище Дракул (дракон, дьявол). Он принадлежал к ордену Дракона. Дракула — сын дракона/дьявола. Федор Курицын же дает однозначный перевод: «Дракула влашеским языком, а нашим Диаволъ» (БЛДР. Т. 7. С. 460). Цепеш — более позднее прозвание Дракулы, означающее «колосажатель».

эля Бехайма «О злодее, прозванном Дракула, воеводе валашском», латинская хроника А. Бонфини, составленная при венгерском дворе. Очевидно, что садистические нравы валашского господаря поразили европейскую элиту. И если вышеуказанные произведения однозначно определяют Дракулу как тирана и злодея, то в русской версии прямых оценок практически нет.

Правда, в самом начале «Сказания» про Влада сказано, что он был «зломудр». Это определение, как было отмечено М. П. Одесским, «содержит в себе основные идеи и композицию "Сказания о Дракуле"»[141]. Злодейские действия валашского правителя в каждом эпизоде оказываются по-своему логичными, а главное — результативными. Никто не смеет взять драгоценную чашу у колодца, так как за преступление в его земле никто «не может искупитись от смерти»[142]. Таков суд Дракулы.

Не просто как черный юмор, а попранием непреложных идеалов, которыми жили христиане на Руси, звучат его слова о сожженных старых, больных и нищих, рассчитывавших на его благотворительность: «...никтоже да не будеть нищь в моеи земле»[143]. Попечение о нищих и убогих и, в частности, устроение для них пира — неоспоримая и неизменно декларируема составляющая древнерусского идеальног правителя.

Деспот убивает одного из монахов, ко торый посмел высказать критическое за мечание о его злодеяниях (в данном случа не важно, что эти монахи — католики[144] Другой монах подтверждает его прав «лихо творящих казнити, а добро творящи жаловати», поскольку он «от Бога постав ленъ»[145]. Это Дракула принимает благо склонно, но как должное, и жалует этог монаха, дав ему 50 дукатов и сопровожде ние до Венгрии. Наконец, наказывая жен крестьянина, которая не зашила рубах мужу, он в своем стиле «зломудрия» делае «безрукую» безрукой.

Произведение, написанное в 1480-е го ды как некая притча, предвосхищает пред принятые в XVI в. регламентации все сфер жизни: судебной, социальной, церков ной, частной. Это еще не было памфлетом как «Сказание о Магмет-салтане» Иван Пересветова. Сам Федор Курицын был сто ронником становящейся монархии Ива на III. Но, будучи откликом на реалии Ва лашской земли, сочинение его стало одни из первых произведений, где обсуждаетс образ монарха и пределы царской власти.

---

[141] *Михайлова Т. А., Одесский М. П.* Граф Дракула: Опыт описания. 2-е изд., испр. М., 2019. С. 90.
[142] БЛДР. Т. 7. С. 462.
[143] Там же. С. 462
[144] *Михайлова Т. А., Одесский М. П.* Граф Дракула: Опыт описания. С. 99—100.
[145] БЛДР. Т. 7. С. 464.

Часть III

ИСКУССТВО СЕРЕДИНЫ XIII — НАЧАЛА XVI в.

Глава 1

АРХИТЕКТУРА

С конца XII — первой половины XIII в. в русском зодчестве почти повсеместно утверждаются композиции зданий со сложной системой завершения и выраженной центрической композицией. Кроме того, в 1230-е годы появляется брусковый кирпич, связанный не с византийской, а с европейской строительной традицией[1]. В то же время нашествие монголов притормозило развитие строительного дела.

Юго-Западная Русь. Юго-западные земли Руси (Галичско-Волынское княжество), однако, и в условиях нашествия сохранили строительные кадры и возобновили зодчество уже в 1250-х годах. Известно о сооружении в Холме в середине XIII в. церквей Иоанна Златоуста, Косьмы и Дамиана, Богородицы и оборонительной башни[2].

Во второй половине столетия строительство сосредоточилось главным образом во Львове. Тогда выстроили церковь Николая, которая относится к типу крестообразного купольного храма. К центральному нефу с двух сторон примыкают объемы притворов. С запада появляется еще один притвор, отделяющийся от нефа стеной с арочным проемом. Огромный купол на световом барабане перекрыл весь главный неф храма. При этом подкупольные столбы в памятнике практически отсутствуют[3]. Храм одноапсидный, белокаменный. Костел Иоанна Крестителя был однонефным храмом с одной граненой апсидой. Построен из брускового кирпича. Цоколь и обвязка углов здания, а также лопатки и обрамления порталов выполнены из тесаных квадров белого камня. Костел Марии Снежной был однонефным; здесь также камень сочетался с брусковым готическим кирпичом-пальчаткой[4]. Однонефной была и львовская Пятницкая церковь. Несмотря на использование откровенно западного типа храма, она изначально была построена для православных. Первоначальная церковь Св. Онуфрия, возможно, была деревянной. Из грамоты 1292 г. известно еще о двух львовских деревянных храмах — Воскресенском и Св. Федора Тирона. Первый из них утрачен безвозвратно, а церковь Федора Тирона, несмотря на многократные перестройки, просуществовала до 1774 г.

В самом конце XIII в. создается церковь Спасского монастыря близ Старого Самбора. Это трехапсидный четырехстолпный храм. Сложен из тесаных квадров камня и брускового кирпича. На территории мо-

---

[1] *Раппопорт П.А.* О времени появления брускового кирпича на Руси // СА. 1989. № 4. С. 207 211.

[2] *Антипов И.В.* Древнерусская архитектура второй половины XIII — первой трети XIV в.: Каталог. СПб., 2000. С. 104—109.

[3] *Флиер А.Я.* Эволюция планов православных каменных храмов на территории Украины с X по середину XVII в. // АН. М., 1988. Вып. 35. С. 92. Рис. 1, 23.

[4] *Малевская М.В., Кос А.И., Рожко М.Ф., Шолохова Е.В.* Архитектурно-археологические исследования во Львове и Львовской области // АО 1978 года. М., 1979. С. 362.

настыря были обнаружены остатки квадратной башни, с размерами сторон 8,8 × 8,7 м. Она была возведена из плохо обработанных блоков плитняка, а выше были использованы и кирпичи, аналогичные кирпичам монастырского собора. Видимо, церковь и башня построены в одно время как единый ансамбль[5].

В конце XIII — первой половине XIV в. в новом Галиче строится приходский храм Рождества[6]. Он трехнефный, трехапсидный, при этом центральный неф почти в два раза шире боковых.

Церковь Св. Георгия в Любомле (на Волыни) фрагментарно сохранилась под ныне существующей церковью XVIII в. и частично исследована в 1975 г.[7] Под 1288 г. храм упоминается в летописи в панегирическом жизнеописании Владимира Васильковича[8]. Он был четырехстолпным, трехапсидным, одноглавым, характерным для зодчества домонгольского времени. Выстроен из брускового кирпича[9]. По-видимому, церкви Св. Георгия в Любомле была близка церковь Св. Дмитрия в Луцке начала XIV в., остатки которой были открыты в 1968 г.[10]

В конце XIII в., согласно летописи, во Владимире-Волынском была построена церковь Св. Иоакима и Анны[11], остатки которой не обнаружены.

Под 1268 г. в летописи упоминается церковь Св. Михаила во Владимире-Волынском[12]. Раскопки 1950-х годов показали, что она представляла собой ротонду диаметром более 20 м. Внешне она имела круглые очертания с двумя лопатками, а внутри — в восточной части в толщу стены были вписаны три апсиды. Внутри этого пространства располагался еще один круг, служивший фундаментом опор внутреннего обхода ротонды. В северной части этого фундамента на его верхней площадке сохранились основания колонн обхода. Круглые колонны чередовались здесь с восьмигранными[13]. Вторая волынская ротонда Владимира-Волынского — Васильевская церковь[14] — была построена в 1294 г. и хорошо сохранилась. Сложена из брускового каннелированного кирпича. Имеет многолепестковый план. Она расположена рядом с местом обнаружения остатков Михайловской ротонды, поэтому оба этих ротондальных храма могли входить в единый комплекс Михайловского монастыря[15].

---

[5] *Антипов И. В.* Древнерусская архитектура второй половины XIII — первой трети XIV в. С. 94—98.

[6] *Pełeński J.* Halicz w dziejach sztuki średniowiecznej. Kraków, 1914. S. 91—103; *Могытыч И. Р.* Крещатые церкви Гуцульщины // АН. М., 1979. Вып. 27. С. 103; *Иоаннисян О. М.* Основные этапы развития галицкого зодчества // ДРИ: Художественная культура X — первой половины XIII в. М., 1988. С. 53, 57; *Антипов И. В.* Древнерусская архитектура второй половины XIII — первой трети XIV в. С. 93—94.

[7] *Малевская М. В.* Георгиевская церковь в Любомле и ее место в русском зодчестве второй половины XIII в. // ДРИ: Русь. Византия. Балканы. XIII век. СПб., 1997. С. 259—268.

[8] «Почал же бяше писати ю и списа все три олтарѣ, и шия вся списана бысть, но не скончана заиде бо и болесть» (ГВЛ. СПб., 2005. С. 173).

[9] *Малевская М. В.* Георгиевская церковь в Любомле и ее место в русском зодчестве второй половины XIII в. С. 265.

[10] *Кучера М. П.* Археологические исследования Волынского отряда // Археологические исследования на Украине. 1968. Киев, 1971. Вып. 3. С. 242—245.

[11] *Антипов И. В.* Древнерусская архитектура второй половины XIII — первой трети XIV в. С. 125—126.

[12] ПСРЛ. СПб., 1908. Т. 2. Стб. 868; *Антипов И. В.* Древнерусская архитектура второй половины XIII — первой трети XIV в. С. 110—113.

[13] *Каргер М. К.* Вновь открытые памятники зодчества XII—XIII вв. во Владимире-Волынском // Учен. зап. ЛГУ. Сер. История. Л., 1958. 29. № 252. С. 25—27.

[14] *Логвин Г. Н.* Ротонда во Владимире-Волынском // АН. М., 1958. Вып. 10. С. 33—42; *Антипов И. В.* Древнерусская архитектура второй половины XIII — первой трети XIV в. С. 128—132.

[15] *Иоаннисян О. М.* Храмы-ротонды в Древней Руси // Иерусалим в русской культуре. М., 1994. С. 112.

Во второй половине XIII — начале XIV в. возникла группа «Волынских башен», аналогичных западноевропейским донжонам[16].

Старейшая из них сооружена в 1230—1240-х годах XIII в. Даниилом Галицким в Холме. Ее основание каменное, но сама башня была построена из дерева и побелена, что имитировало каменную кладку: «Вежа же средѣ города высока, якоже бити с нея окрест града, подсздана каменеемь и убѣлена, яко сыр свѣтящися на всѣ стороны»[17].

Последующие башни такого типа строились уже из камня или кирпича. Одна из них была возведена в Белавине недалеко от Холма, и в виде руин дошла до нашего времени[18]. Она белокаменная, квадратная в плане. В стенах сохранились гнезда от балок между деревянными перекрытиями ярусов.

Лучше всего сохранилась башня в Каменце Литовском (Брестская обл., Республика Беларусь)[19]. В посмертном панегирике Владимиру Васильковичу, помещенном в Галичско-Волынской летописи под 1289 г. сказано, что князь «зруби город на пустомъ мѣстѣ, нарицаемѣмъ Лестнѣ, и нарече имя ему Каменець, зане бысть камена земля. Созда же в немъ столп каменъ высотою 17 сажѣней, подобен удивлению всѣмъ зрящим на нь»[20]. Расположенная на берегу р. Лестны круглая в плане башня имеет высоту 30,2 м, что в точности соответствует летописному сообщению о ее высоте в 17 саженей. Башня имеет семь ярусов, включая цокольный[21]. В том же источнике сообщается, что этим князем была построена и каменная башня в Берестьи (Бресте): «...в Берестии же създа стлъпъ каменъ, высотою яко и каменецькыи»[22].

Остатки еще одной башни обнаружены в 1961 г. в Черторыйске[23]. О ее строительстве князем Мстиславом Даниловичем летопись сообщает под 1291 г.: «...в Черторыиску в городь заложи столъпь каменъ»[24]. Круглая башня была возведена на каменном фундаменте из брускового кирпича, полностью аналогичного кирпичу, каменецкой башни[25].

Особый интерес представляет башня в окрестностях Холма в селе Столпье, сложенная из известкового камня на известково-песчанистом растворе в технике, аналогичной технике кладки Белавинской башни[26]. Как и Белавинская, она снаружи имеет прямоугольную форму, но изнутри ее очертания круглые. Постройка, возможно, имела сакральное значение.

В XIV в. на Волыни из камня и кирпича была построена и крепость традиционного башенно-прясельного типа — Верхний замок в Луцке[27]. Ранее на Руси такие крепости строились из дерева и земли, а каменные

---

[16] *Раппопорт П. А.* Волынские башни // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1952. Вып. 31. С. 202—223.

[17] ГВЛ. С. 135.

[18] *Раппопорт П. А.* Волынские башни. С. 213—215.

[19] *Ткачоў М. А.* Абарончыя збудаванні заходніх зямель Беларусі XIII—XVIII ст. Мінск, 1978. С. 19—21; *Ткачев М. А.* Замки Беларуси. Минск, 2007. С. 6—10; *Антипов И. В.* Древнерусская архитектура второй половины XIII — первой трети XIV в. С. 115—118.

[20] ГВЛ. С. 152.

[21] *Ткачев М. А.* Исследование памятников оборонного зодчества Белоруссии // АО 1971 года. М., 1972. С. 408; *Он же.* Замки Беларуси. С. 6—10.

[22] ГВЛ. С. 153.

[23] *Раппопорт П. А.* Военное зодчество западнорусских земель X XIV вв. М., 1967. С. 142—146.

[24] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 938; ГВЛ. С. 176.

[25] *Раппопорт П. А.* Волынские башни. С. 211; *Он же.* Военное зодчество западнорусских земель X—XIV вв. С. 142—146.

[26] *Он же.* Волынские башни. С. 216.

[27] См. о нем: *Маслов Л.* Любартів замок в Луцьку // Наша культура. 1937. № 8—9. С. 344—354; № 12. С. 484—493; *Логвин Г. Н.* Украина и Молдавия. М.; Лейпциг, 1982. С. 387—388.

были редкостью. Формат кирпича, использованного в строительстве стен и башен замка, аналогичен укреплениям Новогрудка первой половины — середины XIV в.[28]

Новгород и Псков. В нашествие 1238 г. Новгород не был разорен, но архитектура здесь до 1290-х годов практически не развивалась. Продолжался ремонт храмов, строились новые крепости. После 1292 г. начинается 20-летний период подъема новгородской архитектуры, завершившийся в 1313 г. Появляются каменные постройки и во Пскове. С 1313 по 1331 г. строительная деятельность в Северо-Западной Руси опять замирает — за это время был построен только один храм. С 1329 г. (закладка Изборской крепости) на протяжении середины — второй половины XIV в. существенных перерывов в строительной деятельности в Новгороде и Пскове мы не наблюдаем.

К рассматриваемому периоду относится сохранившийся храм Рождества Богородицы в Перыни[29]. Церковь выстроена в традиционной домонгольской технике — из плинфы и камня на известково-цемяночном растворе.

Летописец особо сообщает об устройстве владыкой Далматом в 1261 г. свинцовой кровли Софийского собора («...поб святую Софью всю свинцомъ...»)[30].

В 1262 г. молния вызвала пожар в нов городской церкви Св. Бориса и Глеба в Де тинце[31], которая, вероятно, вскоре была вос становлена. В этом же году «срубиша новгс родци городъ новъ»[32].

В 1275 г. рухнула северная стена галере Софийского собора[33], вскоре отремонтирс ванная; следы перестройки зафиксирован Г. М. Штендером[34].

Впервые о строительстве нового камен ного сооружения (а не о ремонте существу ющего) мы узнаем из летописи в 1280 г в этом году строится каменная крепост в Копорье. Строителями источники называ ют великого князя Дмитрия Александрови ча и посадника Михаила Мишинича, вмест с «болшими мужи»[35]. Однако в 1282 г. стол кновение новгородцев с Дмитрием Алексан дровичем привело к тому, что «мужи Дми триеве выступиша из города, показаша им путь новгородци, а город разгребоша»[36].

Во Пскове, возможно, до возведения Ко порской крепости были выстроены укре пления. По стратиграфическим данным, ка считал В. Д. Белецкий, стена может быть да тирована XIII в., вероятно, временем княже ния Довмонта[37]. Это подтверждается и от

---

[28] *Малевская М. В.* Применение брускового кирпича в архитектуре Западной Руси второй половины XIII—XIV в. // СА. 1989. № 4. С. 215—216.

[29] См. обзор существующих датировок храма в статье: *Седов Вл. В.* Церковь Рождества Богородицы в Перыни: Новгородский вариант башнеобразного храма // ДРИ: Идея и образ: Опыты изучения византийского и древнерусского искусства. М., 2009. С. 30—36.

[30] НПЛ. М.; Л., 1950. С. 83, 311, и др. летописи.

[31] Там же. С. 83, 311.

[32] Там же.

[33] Там же. С. 323, и др. летописи. В литературе принята дата 1276 г., однако, по наблюдениям Н. Г. Бережкова, это событие, очевидно, произошло в 1275 г.; см.: *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. М.; Л., 1963. С. 288.

[34] *Штендер Г. М.* К вопросу о галереях Софии Новгородской // Реставрация и исследование памятников культуры. М., 1982. Вып. 2. С. 17.

[35] НПЛ. С. 323, и др. летописи.

[36] НПЛ. С. 324.

[37] *Белецкий В. Д.* Археологические данные к датировке крепостных стен Довмонтова города // Археол сб. Гос. Эрмитажа. 1970. № 12. С. 80. В ранней дате сомневается Вл. В. Седов, считающий, что данна стена могла входить в состав укреплений, возведенных в 1309 г. (*Седов Вл. В.* Псковская архитектура XIV—XV вв.: Происхождение и становление традиции. М., 1992. С. 42).

сутствием упоминаний о строительстве стены в XIV в., а также сходством кладки этой стены с кладкой стены 1309 г. («стены посадника Бориса»). Т. Е. Ершова, И. О. Колосова, В. В. Лабутина считают, что стену построили в 1270-е годы[38].

Возведение храмов в Новгороде и Новгородской земле начинается с 1292 г. — в этом году архиепископ Климент закладывает церковь Св. Николая Чудотворца на Липне близ Новгорода. В том же году начинается строительство церкви Св. Феодора Стратилата на Щирковой улице. Затем строится церковь Воскресения на воротах Детинца (1296), в 1297 г. возводится крепость в Копорье и надвратная церковь Спасо-Преображения, которая находилась, видимо, на воротах Детинца, обращенных к Юрьеву монастырю. В 1300—1302 гг. новгородцы возводят церковь Св. Михаила Архангела на Торгу, а в 1302 г. закладывают каменный Детинец в Новгороде и начинают восстанавливать церковь Св. Бориса и Глеба, которая в 1305 г. была освящена. В том же году строится Покровская церковь на воротах Детинца, затем возводится церковь Святых 318 Отцов Никейского собора (1308). В 1310 г. отмечено строительство сразу двух храмов, находившихся вблизи друг друга у истока Волхова, — церквей Успения на Коломцах и Покрова на Дубенке. Наконец, в 1311 г. сооружается надвратная Владимирская церковь в Детинце, а в 1312—1313 гг. владыка Давыд строит у себя в монастыре (Николо-Бельском) храм Св. Николая, позднее известный как церковь Св. Николы Белого.

Церковь Св. Николая Чудотворца на Липне четырехстолпная, одноглавая, одноапсидная. Первоначально имела трехлопастное покрытие, позднее замененное на пофронтонное, а затем — на четырехскатное. Кубический объем храма сочетается с пониженной апсидой и высоким цилиндрическим барабаном главы. При возведении храма использована новая строительная техника — стены сложены из камня и кирпича на известково-песчаном растворе. Образцом, для Никольской церкви стал храм Рождества Богородицы в Перыни. В храме на Липне впервые в новгородском зодчестве был применен брусковый кирпич. Липненский храм мог быть построен совместно новгородскими и приглашенными приезжими строителями, среди которых были, безусловно, и мастера, изготавливавшие кирпич. Иностранные зодчие могли происходить из Северной Германии, Ливонского ордена и острова Готланд или Юго-Западной Руси, находившейся во второй половине XIII в. под сильным влиянием польской архитектуры[39]. Никольская церковь имеет особое значение в истории русской архитектуры как первый сохранившийся памятник, среди построенных после монгольского нашествия.

От церкви Св. Феодора Стратилата (1292—1294) на Щирковой ул. сохранились лишь нижние части стен (местами более чем на треть высоты существующей постройки)[40]. Судя по исследованиям Г. М. Штендера, В. А. Булкина и Е. А. Туровой, церковь 1292—1294 гг. в целом повторила план и, очевидно, общее объемно-

[38] *Ершова Т. Е., Колосова И. О., Лабутина В. В.* Исследования у Приказной палаты в Пскове (1992 г.): Вопросы стратиграфии // Археология и история Пскова и Псковской земли. 1993. Псков, 1994. С. 17—20.

[39] *Максимов П. Н.* Церковь Николы на Липне близ Новгорода // АН. М., 1952. Вып. 2; *Раппопорт П. А.* Древнерусская архитектура. СПб., 1993. С. 134; *Седов Вл. В.* Церковь Николы на Липне и новгородская архитектура XIII во взаимосвязи с романо-готической традицией // ДРИ: Русь. Византия. Балканы. XIII век. С. 404—406; *Салимов А. М.* Тверской Спасо-Преображенский собор. Тверь, 1994. С. 36—41.

[40] Местами кладка храма 1292—1294 гг. сохранилась на высоту до 3 м (*Дружинин В. А., Сысоева Л. В.* Церковь Федора Стратилата на Щиркове улице в Великом Новгороде // Материалы ИКОМОС: Консервация и реставрация. Вып. 4: К 60-летию новгородской реставрации: Науч.-информ. сб. М., 2004. С. 23).

пространственное решение домонгольского храма-предшественника (четырехстолпного, трехапсидного одноглавого храма, вероятно, имевшего позакомарное покрытие) и особых новаций в себе не несет[41]. Причина здесь во многом — экономия средств при строительстве: здание возведено по контуру стен домонгольского храма (очевидно, конца XII в.), хотя и не имеет башни, которая была у предшественницы. Нововведением в церкви Св. Феодора является и использование брускового кирпича, в том числе и лекального, и известково-песчаного раствора. Возведение городской церкви Св. Феодора одновременно с липненским храмом означает, что в Новгороде имелись мастера, способные не только ремонтировать старые храмы, но и строить новые.

Следующая частично сохранившаяся постройка находится на северо-западе Новгородской земли — это крепость Копорье 1297 г., некоторые стены которой вошли в состав нового укрепления, выстроенного в конце XV — начале XVI в. Стена 1297 г. следует контуру холма, она заложена на самом краю крутого склона и в плане имеет криволинейные очертания. Первоначальная ограда в той или иной степени сохранности, очевидно, имеется в составе южной и западной стен Копорья на протяжении примерно 190 м. Она сложена из крупных, обработанных грубым сколом плит; по мере повышения стены крупные квадры сменяются более тонкими. Внутренняя полость заполнена обломками известняка на растворе («бутом»). Копорье в 1297 г. было мощной крепостью, обладавшей замкнутыми криволинейными стенами, рассчитанными на ведение фронтальной стрельбы. Средистенных башен в крепости не было, их функции выполняли уступы преграды, с которых, вероятно, велась фланкирующая стрельба[42].

Церкви Воскресения (1296) и Спасо-Преображения (1297) не сохранились, они, возможно, примыкали изнутри к надвратным башням Детинца.

Каменная церковь Св. Михаила Архангела на Торгу — необычная постройка с вытянутым, «базиликальным» планом. Храм был перестроен в 1454 г., в XVI—XIX вв. его облик значительно изменился. От древнего сооружения сохранились нижние части южной стены, а также на достаточно большую высоту апсида. Церковь XIV в. была четырехстолпной, одноапсидной, очевидно, одноглавой, с прямоугольными столбами, вытянутыми по оси восток — запад.

В 1302 г. начали перестраивать церковь Св. Бориса и Глеба (1167—1173) в Детинце и в 1305 г. храм освятили. Церковь сохранила плановую структуру памятника середины XII в., возможно, она имела позакомарное покрытие. Г. М. Штендер предположил, что именно в это время (или еще в XII в.) храм получил динамичный верх в виде ярусов кокошников в подножии барабана (так он показан на иконе «Видение пономаря Тарасия» из Новгородского музея)[43].

О других церквах, построенных в Новгороде и окрестностях в 1300—1308 гг., есть только летописные упоминания (надвратная Покровская церковь Детинца

[41] *Штендер Г.М.* О ранних Федоровских храмах древнего Новгорода // ПКНО. 1977. М., 1977. С. 435—441; *Булкин Вал.А., Турова Е.А.* Церковь Федора Стратилата на Софийской стороне в Новгороде: Архитектурно-археологические исследования 1988—1991 гг. // Памятники старины: Концепции. Открытия. Версии: Памяти В.Д. Белецкого (1919—1997): В 2 т. СПб.; Псков, 1998. Т. 1. С. 118—120; *Дружинин В.А., Сысоева Л.В.* Церковь Федора Стратилата на Щиркове улице в Великом Новгороде. С. 12—25.

[42] *Овсянников О.В.* Копорье: Историко-архитектурный очерк. Л., 1976. С. 17—35; *Кирпичников А.Н.* Каменные крепости Новгородской земли. Л., 1984. С. 159—178.

[43] *Штендер Г.М.* Исследование и реставрация церкви Николы Белого в Новгороде // Реставрация и архитектурная археология. М., 1991. С. 96.

1305 г.[44], церковь Святых 318 отцов Никейского собора 1308 г.)[45].

Все новгородские летописи сообщают о закладке в 1302 г. каменного Детинца в Новгороде. Тогда могли быть заложены несколько башен, затем строительство было приостановлено и возобновилось только в 1330-е годы.

Церковь Покрова на Дубенке (в Шиловом монастыре) (1310) по данным археологических исследований представляла собой одноапсидную, четырехстолпную постройку. При строительстве были применены фундаментные ленты, соединявшие столбы со стенами, — прием, архаичный даже для конца XII в. Храм был построен из ракушечника, плитняка и брускового кирпича, характерного для начала XIV в.[46]

К сожалению, пока не найдена выстроенная в том же году недалеко от Покровского храма церковь Успения на Коломцах. О структуре интерьера надвратной церкви Св. Владимира (1311), примыкавшей изнутри к Владимирской башне Детинца, мы также ничего не знаем: были обнаружены лишь нижние части проездных ворот.

Период активного строительства в Новгороде завершается в 1312—1313 гг. возведением храма Св. Николая Чудотворца в Неревском конце (Николы Белого). Одноапсидный, одноглавый четырехстолпный храм с одноэтажным западным притвором сохранился, хотя и значительно перестроен, он подробно исследован и отреставрирован Г.М. Штендером[47]. Его облик во многом уникален для новгородского зодчества: симметричное расположение лопаток на фасадах, значительный наклон наружных стен, возможно, барабан конусовидной формы подчеркивали устойчивый вертикализм построения архитектурных масс этого, в общем, не очень высокого храма.

В Никольской церкви впервые появляются раннеготические черты (стрельчатые формы проемов, техника кладки, восьмискатное завершение фасадов), некоторые из них станут активно использоваться в новгородских постройках с 1360-х годов.

В Новгородской Первой летописи под 6832 (1324) г. имеется известие о завершении строительства Христовой церкви в Новгороде и об освящении ее владыкой Давыдом[48]. Посвящение церкви не ясно, также как и ее местонахождение.

В 1300-е годы строят и во Пскове: в 1309 г. посадником Борисом «съ псковичи» строится каменная стена, а в 1310—1311 гг. возводится собор Рождества Богородицы Снетогорского монастыря.

К первоначальной стене или к ее переделкам до середины XIV в. можно отнести четыре башни, одна из которых венчала собой Плотинские (Плоские) ворота, вероятно, не единственные[49]. К 1433 г. эту стену уже начали разбирать. Остатки ее фундамента из валунов, сложенных в два-три ряда насухо, неоднократно раскрывали в процессе археологических работ.

Собор Рождества Богородицы Снетогорского монастыря (1310—1311) повторил плановую схему и объемно-пространственную композицию Спасо-Преображенского

---

[44] ПСРЛ. М., 2000. Т. 4, ч. 1. С. 352—353.

[45] НПЛ. С. 333.

[46] *Антипов И.В., Булкин Вал.А., Васильев Б.Г.* Новые исследования памятников средневековой новгородской архитектуры // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Великий Новгород, 2003. Вып. 17. С. 48—50.

[47] *Штендер Г.М.* Исследование и реставрация церкви Николы Белого в Новгороде. С. 89—102; *Кулакова Г.М., Филиппова Л.А.* К истории строительства и перестроек церкви Николы Белого в Великом Новгороде: (Исследования 2003—2005 гг.) // Новгород и Новгородская земля: Искусство и реставрация. Великий Новгород, 2007. Вып. 2. С. 26—40.

[48] НПЛ. С. 97, 339.

[49] *Лабутина И.К.* Историческая топография Пскова XVI—XV вв. М., 1985. С. 41.

собора псковского Мирожского монастыря середины XII в. Можно сопоставить строительство собора Снетогорского монастыря по образцу мирожского храма с возведением церкви Св. Николая Чудотворца на Липне по образцу Перыни. Летописи сообщают о росписи собора в 1313 г., но ничего не говорят о заказчике строительства храма, отмечая лишь, что оно произошло «при игумене Иове»[50]. Это четырехстолпный одноглавый трехапсидный храм с замкнутыми палатками в угловых западных частях[51]. По размерам собор Рождества Богородицы также напоминает мирожский храм, который, очевидно, был обмерен перед строительством новой церкви (размеры снетогорского храма 16,4 × 14,5 м, мирожского — 17,0 × 16,0 м). Новгородские памятники этого же времени (церкви Николы на Липне, Михаила Архангела, Николы Белого) уступают по размерам псковскому храму. Собор Рождества Богородицы сложен из плиты на белом известковом растворе без применения плинфы или кирпича. Снетогорский собор — первый памятник церковной архитектуры, в котором мы сталкиваемся с такой техникой кладки, в дальнейшем становящейся характерной для всей псковской средневековой архитектуры.

Не исключено, что строительство во Пскове какое-то время продолжалось и после 1311 г. В конце XIII — начале XIV в. было построено каменное гражданское здание в юго-западном углу территории Довмонтова города (постройка IV), раскопанное в 1959—1962 гг.[52] Его могли возвести по завершении строительства собора Снетогорского монастыря.

Основным заказчиком в это время в Новгороде является архиепископ. Во Пскове строительство крепостной стены было делом общегородским, а руководил посад ник. Собор Снетогорского монастыря, во можно, был построен по заказу его игумен Иова.

Конец XIII — начало XIV в. — эпох смены строительной технологии в Севе ро-Западной Руси: в Новгороде на сме ну домонгольским плинфе и известково цемяночному раствору приходят бру сковый кирпич и известково-песчаны раствор. Во Пскове строят теперь толь на таком растворе.

В 1331 г. новгородский владыка Васи лий, еще до своего поставления, заклады вает каменные стены Детинца от церкв Св. Владимира 1311 г. до церкви Положе ния пояса Пресвятой Богородицы 1195 г. а от нее до храма Св. Бориса и Глеб 1167—1173/1302—1305 гг. Строительств было окончено в 1333 г. — «город каме ныи постави, поспешениемь божьимь, в два лета»[53]. В этом же году владыка Васи лий покрыл свинцом часть кровли Софи и обновил на ней большой крест. В 1333 г юрьевский архимандрит Лаврентий поста вил новые деревянные монастырские сте ны. В 1334 г. архиепископ Василий покры «город каменыи». Строительство укрепле ний было продолжено в 1335 г. — в этот год Василий вместе с посадником Федором Даниловичем и тысяцким Остафием Дво рянинцем заложил на Торговой стороне ка менную «стену Острога» — от церкви Св Ильи на Славне к церкви Св. Павла Испо ведника Павлова монастыря[54].

В 1335 г. владыка Василий впервые за кладывает «церковь святыя Богородиц въ Зверинце» (Покрова Богородицы в Зве рине монастыре), материал постройки источники не указывают. Далее летописец

[50] ПЛ. М.; Л., 1941. Вып. 1. С. 14.

[51] *Алферова Г. В.* Собор Спасо-Мирожского монастыря // АН. М., 1958. Вып. 10. С. 15, 29—31.

[52] *Белецкий В. Д.* Каменная гражданская постройка IV из Довмонтова города во Пскове // Проблемы изучения древнерусского зодчества. СПб., 1996. С. 130—138.

[53] НПЛ. С. 345.

[54] *Арциховский А. В.* Раскопки на Славне в Новгороде // Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л., 1949. Вып. 11. С. 132—136.

отмечает, что в этот же год владыка Моисей заложил каменную Воскресенскую церковь в Деревяницком монастыре. Подобный характер летописного текста свидетельствует о том, что храм Покрова 1335 г., скорее всего, был деревянным[55]. Строительство этих церквей было закончено в том же году.

В 1336 г. продолжается строительство на территории Детинца: 25 июня владыка Василий закладывает церковь Входа Господня в Иерусалим к юго-востоку от Софийского собора. О завершении строительства и освящении храма летопись сообщает под 1337 г. (21 сентября храм был освящен), при этом указано: «поставлена бысть в 9 недель». Вероятнее всего, здесь указано время, затраченное на строительство уже в 1337 г. В 1336 г. архиепископ окружает Софию оградой («святую Софею тыном новымъ отыни») и устраивает новые двери храма (так называемые Васильевские врата). Безусловно, строительство церкви Входа Господня в Иерусалим, ограды Софийского собора и создание дверей храма являлись составными элементами единой программы.

В 1336 г. был в очередной раз перестроен мост через Волхов, в 1338 г. его снесло наводнением, и переправу пришлось строить заново. При этом летописец особо отмечает роль владыки в перестройке моста: «...самъ бо владыко приставъ тому, и почалъ и кончалъ своими людьми; и много добра створи християномъ»[56]. Новый мост также простоял недолго — в 1340 г. он сгорел в пожаре. В этом же году мост восстановили, однако летопись не указывает, кто был заказчиком и исполнителем работ.

В пожар 1340 г. погорел Владычный двор, пострадал и Софийский собор. В 1341 г. владыка Василий сделал новую свинцовую кровлю Софии, «иконы исписа, и кивот доспе»[57]. В 1342 г. московский мастер Борис отлил новый великий колокол для Св. Софии. Восстановили и постройки Владычного двора: «постави владыка теремъ великыи»[58].

Особое внимание летописец уделяет строительству церкви Благовещения на Городище вблизи Новгорода. Храм 1103 г. к 1340-м годам стоял в руинах (летописец называет церковь «порушенной»), его разобрали в 1342 г. и заложили новый храм, восточнее первоначального (освящен в 1343 г.). Храм закладывал владыка Василий «повелениемъ великаго князя Семена Ивановича». 8 августа 1343 г. строительство завершили, и 24 августа — освятили[59].

В середине 1340-х годов, кроме владыки, были и другие заказчики. В 1342 г. Лука Варфоломеевич поставил в Нижнем Подвинье каменный город Орлец; в 1345 г. церковь Параскевы Пятницы на новгородском Торгу, пострадавшую при пожаре 1340 г., восстанавливают сын тысяцкого Андрей и Павел Петрилович; заказчиком церкви Косьмы и Дамиана на Козьмодемьянской улице (1345) был Анания Куритский, а церкви Спасо-Преображения на Ковалеве (1345) — Онцифор Жабин[60]. По заказу архимандрита Есифа собор Юрьева монастыря также в 1345 г. был покрыт новой свинцовой кровлей [61].

Уникальное известие содержится в Новгородской Большаковской летописи XVI в. (под 1347 г.): «Постави влады-

[55] Каменный храм Покрова был построен в 1399 г. (НПЛ. С. 394).

[56] НПЛ. С. 349.

[57] Там же. С. 353.

[58] Там же. С. 353—354.

[59] Там же. С. 357.

[60] НПЛ. С. 357; ПСРЛ. Т. 4, ч. 1. С. 275. Не вполне ясно, кто такие Павел Петрилович, Ананий Куритский и Онцифор Жабин; должностей в Новгороде они, кажется, не занимали.

[61] НПЛ. С. 100, 357.

ка Моисеи церковь за Волховцом»[62]. Ни посвящение, ни строительный материал не названы: можно осторожно предположить, что имеется в виду строительство деревянной церкви Успения на Волотовом поле.

В 1350 г. владыка Василий поставил «полату камену у себе на дворе, подле Рожество»[63], т. е. у храма в резиденции владыки. В 1351 г. «поновиша церковь камену святаго Бориса и Глеба Ореховьскымъ серебромъ въ [о]колотке»[64].

Последнее строительное деяние времени владыки Василия — закладка крепости Орешек в 1352 г. — подробно описано в летописи: «Добиша челом новъгородьци, бояре и черныи люди архиепископу новъгородьскому владыце Василию, чтобы "еси, господине, ехалъ нарядилъ костры во Орехове"»[65].

С 1331 по 1352 г. в Новгороде и Новгородской земле было возведено и отремонтировано не менее 10 церквей, две гражданские постройки, четыре крепости, из них по крайней мере 12 сооружений были каменными.

Частично сохранились три здания: церкви Благовещения на Городище (1342—1343), Св. Параскевы Пятницы на Торгу (храм 1207 г.) и Спасо-Преображения на Ковалеве (1345). В результате археологических работ были открыты еще несколько сооружений, упомянутых в летописи, — участки стены Детинца (1331—1333), «стена посадника Феодора» (1335), Воскресенский собор Деревяницкого монастыря (1335), церковь Входа Господня в Иерусалим (1336—1337), гражданская постройка на Владычном дворе, вероятно, палата 1350 г., крепость Орлец 1342 г. и участок стены крепости Орешек 1352 г.

Большая часть известных нам сооруже ний 1330—1340-х годов — каменные церк ви. Первым хорошо изученным памятнико этой эпохи является церковь Входа Господ ня в Иерусалим. Найденный в ходе архео логических работ одноапсидный четырех столпный храм сохранился на высоту окол 1 м; отичительной особенностью его фаса дов являются двухуступчатые лопатки.

Церковь Благовещения на Городище пе рестроили в 1797 г., а в годы Великой От ечественной войны храм был значительно разрушен. Это большая одноапсидная че тырехстолпная одноглавая церковь (разме ры по наружному контуру 15 × 15 м).

В 1345 г. была отремонтирована Пят ницкая церковь на Торгу, пострадавша в пожар 1340 г. В ходе ремонта 1345 г восстановили юго-западный угол храма юго-западный столб, перестроили арки и своды церкви, барабан. Тогда же были сделаны диафрагмы-распорки между стол бами и стенами, заложены внутристенны лестницы и переходы, аркосолии и ни ши-печуры[66].

Церковь Спасо-Преображения на Ко валеве — относительно невысокая одно апсидная, одноглавая, четырехстолпна постройка с позакомарным покрытием фа садов. Перестройки в церкви были незна чительными: вероятно, в 1370-е годы был пристроен южный притвор-усыпальница а также частично заложены окна в бараба не, после чего храм был расписан; в XIX в кровля храма была переделана на четы рехскатную. Разрушенный в Великую От ечественную войну, храм восстановлен Л. Е. Красноречьевым в 1970—1974 гг.

Единственный исследованный памят ник гражданской архитектуры этого време ни — постройка, изученная в 2008—2009 гг.

[62] Новгородская летопись XVI века из собрания Т. Ф. Большакова // НИС. СПб., 2005. Вып. 10 (20). С. 356

[63] НПЛ. С. 362.

[64] ПСРЛ. Т. 4, ч. 1. С. 280.

[65] Там же. С. 100.

[66] Архитектурное наследие Великого Новгорода и Новгородской области: Каталог / Сост. М. И. Мильчик. СПб., 2008. С. 199—200.

на площади к западу от Софийского собора, тоже имеет новые, необычные формы. Строительные материалы и технологические особенности позволили ее датировать серединой XIV в. и отождествить либо с теремом 1341 г., либо, вероятнее, с палатой 1350 г., которую летопись помещает «подле Рожество», т. е. около церкви Рождества Христова на Владычном дворе. В центре палаты находится квадратный столб, к которому примыкают четыре арки, соединяющие его с внешними стенами.

Интерес представляет известие о строительстве в 1331—1333 гг. каменной крепостной стены Детинца, обращенной к Волхову[67]. Очевидно, в 1331—1333 гг. зодчие владыки Василия соединили стенами Владимирскую и Ризоположенскую башни, у которых уже были надвратные церкви, и, возможно, построили Борисоглебскую башню.

Летопись сообщает о строительстве стены новгородского Острога (1335)[68]. На протяжении изученного участка стены не обнаружено башен. Кладка сохранилась на высоту до 2 м, ее ширина — около 3 м, стена сложена в полубутовой технике из красного ильменского ракушечника и серого плитняка, на некоторых участках преобладают постелистые камни, на других — крупные блоки.

Новгородцы строили оборонительные сооружения и далеко на севере — крепость Орлец была возведена в 1342 г. на высоком мысу, образованном крутым изгибом Северной Двины (к югу от современных Холмогор). Она была разрушена в конце XIV в. и более не восстанавливалась. Орлецкая крепость состояла из Детинца и Окольного города, она имела сложную систему укреплений — каменные стены, валы и рвы.

Археологические исследования дали сведения и о крепости Орешек, построенной в 1352 г. владыкой Василием (на месте современного Шлиссельбурга, у истока Невы из Ладожского озера). План ее почти регулярный, близкий прямоугольному, длина прясел почти равна. Вынос на 2 м внешней стены Воротной башни предполагает определенную возможность фланкирования с верхнего яруса боя, очевидно, так же были построены и другие башни. Возможно, что при расстановке башен зодчие стремились достичь возможности сплошного фланкирующего прострела вдоль стен[69].

В конце XIII — начале XIV в. в Новгородской земле появляется несколько каменных крепостных сооружений (крепость Копорье, башни новгородского Детинца, возможно, башня крепости Орешек). Новый этап укрепления города и дальних рубежей обороны связан именно с временем владыки Василия. Среди основных особенностей крепостного зодчества этого времени можно выделить тенденцию к созданию крепостей с более регулярным планом (Орлец, Орешек), появление башен, с которых возможно было простреливать фланги. Все известные нам оборонительные сооружения построены из ракушечника и плитняка, без применения кирпичей.

С 1352 г. строительство каменных храмов продолжает преемник Василия архиепископ Моисей.

В июле 1352 г. владыка Моисей строит храм Успения Богородицы на Волотовом поле. Затем в 1354 г. была основана каменная церковь Знамения Богородицы на Ильине улице — храм-реликварий иконы «Богоматерь Знамение». В этом же году возвели и церковь Св. Дмитрия на Лубянице. На следующий год владыка Моисей строит церковь Св. Михаила Архангела в Сковородском монастыре. В 1356 г. лубянцы закладывают еще один храм — Св. Георгия на Торгу, строившийся на месте деревян-

[67] НПЛ. С. 343—345.

[68] Там же. С. 346.

[69] *Кирпичников А. Н.* Каменные крепости Новгородской земли. С. 102—116.

ной церкви. В этом же году восстанавливают храм Сорока мучеников на Щирковой улице, упавший в 1354 г. В 1357 г. в летописи опять упоминаются каменные храмы, построенные Моисеем, — церковь Св. Духа Духова монастыря и Успения Богородицы в Радоковицах. В 1358 г. Андреян Захарьин и Данило Кузьмин поставили деревянную церковь Двенадцати апостолов, а в 1359 г. основаны сразу два каменных храма: владыка Моисей возводит церковь Св. Прокопия на княжеском дворе, а Лазута строит церковь Св. Иоанна Предтечи у Немецкого двора. Последнее строительное деяние владыки Моисея относится к последнему году его жизни — возведение церкви Благовещения на Михайловой улице в 1362 г.

Среди памятников 1350-х годов частично сохранились три: церкви Успения на Волотовом поле, Михаила Архангела на Сковородке и Георгия на Торгу, археологически изучен храм Знамения на Ильине улице.

Церковь Успения на Волотовом поле (1352) сохранялась почти без перестроек до Великой Отечественной войны. В начале 2000-х годов храм был восстановлен по проекту Н. Н. Кузьминой[70]. Это одноглавая одноапсидная четырехстолпная церковь с трехлопастным завершением. С севера и запада к зданию примыкают притворы, при этом северный, вероятно, имевший хозяйственное назначение, — первоначальный, а западный построен позднее, видимо, в начале 1360-х годов. Фасады лишены лопаток; поверхность стены лишь по центральным осям прорезана окнами.

Храм Знамения на Ильине улице (1354) не сохранился, в 1682—1688 гг. его разобрали и на этом же месте возвели новую церковь. Это четырехстолпный одноапсидный и, видимо, одноглавый храм, отличительной особенностью которого было наличие четырех мощных крещатых столбов. Подкупольное пространство вытянуто по продольной оси. Письменные источники свидетельствуют о том, что в храме были хоры, на которых находились два придела — Св. Афанасия и Св. Якова Перского.

Церковь Михаила Архангела на Сковородке (1355) была основательно перестроена в 1798—1820 гг. В годы Великой Отечественной войны большая часть храма была разрушена, его руины не законсервировали. Это четырехстолпный одноапсидный одноглавый храм с трехлопастным покрытием. Как и Успенская церковь на Волотовом поле, он не имел лопаток на фасадах. С запада к церкви примыкал небольшой притвор.

Церковь Св. Георгия на Торгу (1356) была перестроена в XVII—XVIII вв., а в 1970-е годы исследована и отреставрирована Т. В. Гладенко. Стены первоначальной постройки сохранились на высоту до 4,5 м (до уровня хор), уцелели и арки, поддерживавшие хоры. Храм 1356 г. был четырехстолпным одноапсидным, с запада примыкал узкий притвор, построенный через несколько лет после завершения строительства основного объема церкви[71]. Фасады храма были разделены на три прясла лопатками, найдены следы нескольких окон, а также все три портала. В палатках на хорах, куда попадали по лестнице, расположенной в западной стене, очевидно, находились приделы Св. Косьмы и Дамиана и Св. Бориса и Глеба.

Несколько сообщений конца 1320 — 1340-х годов посвящено и строительству новых храмов и крепостей во Пскове и Псковской земле[72]. Всего за это время возведено

---

[70] *Кузьмина Н. Н.* Церковь Успения Богородицы XIV в. на Волотовом поле близ Новгорода. Новгород, 2005; *Трифонова А. Н.* Церковь Успения на Волотовом поле: Возрождение из руин. Великий Новгород, 2003.

[71] Архитектурное наследие Великого Новгорода и Новгородской области: Каталог / Сост. М. И. Мильчик. СПб., 2008. С. 207—209.

[72] Летописные известия о псковском строительстве 1330—1340-х годов см.: ПЛ. 1941. Вып. 1; ПЛ. М.; Л., 1949. Вып. 2. С. 23, 24, 26, 92, 98.

несколько деревянных и по крайней мере три каменных сооружения: в 1329 г. основана каменная Изборская крепость на Жеравьей горе[73], в 1339 г. началось строительство церкви Михаила и Гавриила Архангелов с Городца во Пскове (о его завершении летописных сведений нет), в 1330—1340-е годы построен Никольский собор в Изборске. Кроме того, в 1337 г. были отремонтированы Перси псковского Крома. Церковь Покрова во Пскове 1352 г., очевидно, была деревянной. Псковские оборонительные сооружения и храмы были возведены без применения кирпича, только из местной постелистой известняковой плиты.

Церковь Архангелов Михаила и Гавриила с Городца во Пскове неоднократно перестраивалась — в 1613 г. храм был переосвящен, к 1694—1695 гг. относится значительная перестройка церкви, в ходе которой были переложены своды, арки, барабан, столбы храма. Это четырехстолпный одноапсидный храм с квадратными в плане столбами, подкупольный квадрат значительно смещен к востоку. Храм мог иметь позакомарное покрытие. Фасады церкви разделены на три прясла лопатками. В псковском памятнике нет внутристенной лестницы на хоры, туда поднимались, очевидно, по деревянной приставной лестнице.

Никольская церковь в Изборске впервые упоминается под 1341 г., когда Изборск называется «домом Святого Николы», однако нельзя уверенно утверждать, что в это время уже существовала каменная церковь. Никольская церковь появляется на страницах летописи под 1349 г., когда рассказ о смерти князя Юрия Витовтовича начинается с истории об освящении на полатях Никольского храма придельной церкви Спасо-Преображения[74]. Датировка храма колеблется в интервале от 1329 г., когда была заложена Изборская крепость, до 1349 г.; пока особых оснований для ее конкретизации нет[75]. Это четырехстолпный одноглавый одноапсидный храм. Стены церкви расчленены лопатками на три прясла, завершают фасады многолопастные арки. Изначально у церкви было три портала, из которых сохранились только два — западный и южный. Первоначальный северный портал, находившийся в центральном прясле северной стены, заложен, новый проем устроен в западном прясле северной стены. С восточной стороны к основному объему примыкает невысокая апсида. Фасады церкви почти лишены декоративных элементов, зато достаточно богато украшен барабан: над традиционным пояском из полуциркульных арочек здесь находится пояс ниш с полуциркульным завершением. Это один из немногих прекрасно сохранившихся храмов: уцелели все венчающие части здания, барабан и свод купола. Особый интерес представляет система арок и сводов церкви, уникальная для памятников древнерусской архитектуры XIV в.

Помимо храмов Псковской земли 1320—1340-х годов, нам известны и два крепостных сооружения, построенных в эту эпоху: Изборская крепость 1329 г. и Перси псковского Крома 1337 г. Пока нет возможности достоверно реконструировать основные этапы строительства южной стены псковского Крома — Персей. Наиболее вероятно, что каменная стена

---

[73] Дата 1330 г., в основном встречающаяся в научной литературе, как показал С. В. Белецкий, ошибочна (*Белецкий С. В.* О летописной дате строительства Изборской крепости // Фортификация в древности и средневековье. СПб., 1995. С. 101—102).

[74] ПЛ. Вып. 2. С. 26.

[75] Основные публикации о храме: *Комеч А. И.* Каменная летопись Пскова XII — начала XVI в. М., 1993. С. 85—97; *Соленикова Е. В.* Никольский собор в Изборске // Церковная археология. Ч. 2: Христианство и древнерусская культура. СПб.; Псков, 1995. С. 108—112; *Седов Вл. В.* Никольский собор в Изборске // Восточная Европа в Средневековье: К 80-летию Вал.В. Седова. М., 2004. С. 247—258.

здесь возникла еще в домонгольское время, а в 1337 г. она была отремонтирована[76].

Изборская крепость (1329) сохранилась, хотя в XV—XVI вв. ее неоднократно перестраивали[77]. Укрепления, поставленные изборцами и псковичами на Жеравьей горе, представляли собой стены, сложенные из камня-известняка на известково-песчаном растворе. Стены имели боевой ход, с внешней стороны огражденный глухим парапетом. Видимо, тогда же возник Талавский захаб с двумя воротами и, возможно, Никольский захаб. Первоначальная крепость имела одну башню — Луковку, поставленную в ходе первого строительного периода в кольце оборонительных стен[78].

Строительство храмов вне пределов Владычного двора и территории к югу от Софии происходило по заказу частных лиц, очевидно, представителей тех или иных улиц (восстановление церкви Параскевы Пятницы, строительство церкви Косьмы и Дамиана на Козьмодемьяне улице), церковь Спаса на Ковалеве строилась как главный храм монастыря, основанного Онцифором Жабиным, очевидно, богатым новгородцем. С основанием нового монастыря связано и строительство каменного храма Воскресения на Деревянице находившимся на покое архиепископом Моисеем. Очевидно, что здания, возведенные по заказу архиепископа, строились владычными мастерами, — об этом прямо свидетельствует летопись. Строительство крепостей и церкви Благовещения на Городище также осуществлялось зодчими владыки. Каких мастеров использовали заказчики других храмов, пока сказать невозможно. Очевидно лишь, что кирпич для всех этих построек готовили по одинаковой технологии и, видимо, одни и те же мастера. Мы не знаем заказчиков псковских церквей однако в летописях четко определены ответственные за строительство новой Изборской крепости и перестройку Персей Крома – это посадник Шелога (Селога) и жители городов (псковичи и изборцы строили Изборск, а псковичи — Перси Крома).

Кажется, что уже с собора Рождества Богоматери Снетогорского монастыря мы вправе начинать традицию собственно псковского зодчества, с учетом того, что псковские строители вполне могли использовать зодчих, приглашенных из Новгорода. Именно поэтому абсолютно справедливо рассматривать псковские памятники в контексте современной новгородской архитектуры, однако считать их составной частью зодчества Новгорода той поры будет неправомерным.

В 1360 г. со строительством церкви Св. Феодора Стратилата на Ручью в Новгороде начинается новый период в истории зодчества средневекового Новгорода, во многом, возможно, связанный с естественной сменой части мастеров или с приходом нового зодчего. Со строительством в 1365–1367 гг. нового Троицкого собора во Пскове псковская архитектурная практика также очевидно, претерпевает значительные изменения.

· ***Храм Бориса и Глеба в Ростове.*** По 1287 г. Никоновская летопись сообщает, что в Ростове на княжеском дворе «благословением Игнатиа, епископа Ростовского» была построена церковь Св. Бориса и Глеба[79]. В конце 1980-х — начале 1990-х годов были обнаружены кладки древнего храма. Он был сложен из мелких булыжников, пролитых известковым раствором без примеси цемянки. При переходе от стен к сводам бутова-

[76] ПЛ. Вып. 2. С. 92; *Лабутина И. К.* Историческая топография Пскова XVI—XV вв. С. 48—51.

[77] *Косточкин В. В.* Строительная биография крепости Изборска // СА. 1959. № 1. С. 124—143; *Богодухов А. К.* Изборская крепость: Общие сведения о строительной периодизации // Изборск и его округа: М-лы III Междунар. науч.-практ. конф. Изборск, 2007. С. 106—107.

[78] *Бирюков Ю. Б.* Строительная история изборской крепостной башни Луковка по данным архитектурно-археологических исследований 2000 г. // Seminarium Bulkinianum. СПб., 2012. [Т.] 3. С. 95—113.

[79] ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 18. С. 81.

кладка из булыжника сменяется кладкой из постелистых блоков, а своды сложены из легкого пористого туфообразного белого камня. Уникальность техники возведения этой постройки позволяет связать ее с летописным известием 1287 г. В пользу этой даты может свидетельствовать характер резьбы, наличие в забутовке фрагментов фресок, происходящих, по-видимому, из еще более раннего здания (возможно, Борисоглебской церкви 1214—1218 гг., стоявшей на этом месте). Авторы исследований решили, что выявлены уцелевшие на значительную высоту (до уровня сводов) стены церкви 1287 г. Храм был четырехстолпным с одной выраженной в экстерьере апсидой. Боковые апсиды были устроены в толще его восточной стены. Храм рассматривается как связующее звено между двумя периодами в развитии архитектуры Древней Руси — непосредственно предшествующим монгольскому нашествию и XIV столетием. Церковь 1287 г. входила в ансамбль построек княжеского двора.

Тверь. В Твери в конце 1260-х годов возникает епископская кафедра — третья на северо-востоке Руси после Ростовской и Владимирской[80]. Присутствие епископа отмечено летописью впервые зимой 1271/72 г. в связи с погребением великого князя Ярослава Ярославича, умершего на обратном пути из Орды. Симеон отпевает и хоронит князя в церкви Св. Косьмы и Дамиана[81]. В 1285 г. Симеон, князь Михаил Ярославич и его мать великая княгиня Ксения[82] закладывают каменный собор Спасо-Преображения над гробом Ярослава Ярославича, на месте деревянной церкви Косьмы и Дамиана, где вскоре похоронят и самого Симеона[83].

Кафедральный собор Твери строили около шести лет, но уже в 1289 г. в соборе пришлось провести богослужение, освятив «малым священием», хотя работы еще продолжались: «Того же лѣта епископ Семеон Тфѣрскыи свящал малым священием церковь камену на Тфѣри святого Спаса, еще не съвршѣну сущу, и служааша въ неи, а мастери дѣлаху святого Спаса»[84]. Окончательно собор освятил епископ Андрей, преемник Симеона, 8 ноября 1290 г., в день Архангела Михаила (тезоименитство князя Михаила Ярославича)[85].

Сопоставляя остатки фундаментных рвов и свайные поля XVII в., можно прийти к заключению, что наос XIII столетия представлял собой не очень крупный трехнефный, трехапсидный, четырехстолпный и, возможно, трехпритворный объем. Если принять во внимание неточность промеров по краям рвов, то план тверского собора окажется очень близким церкви Бориса и Глеба в Кидекше (15 × 18,9 м, сторона подкупольного квадрата 4,9 м), Дмитриевскому собору Владимира (14,8 × 19,4 м) и собору Спасо-Преображения Переяславля-Залесского (15,4 × 18,3). Учитывая средневековую склонность воспроизводить прежде всего «меру», это выглядит оправданным. Следует думать, что собор можно включить в группу традиционных для северо-востока Руси трехпритворных. Возможно, галерея охватывала храм с трех сторон (ее северная подошва не могла со-

---

[80] *Поппэ А.* Митрополиты и князья Киевской Руси // *Подскальски Г.* Христианство и богословская литература Киевской Руси (988—1237 гг.). СПб., 1996. С. 444—445; *Клюг Э.* Княжество Тверское (1247—1485). Тверь, 1994. С. 66—67; *Конявская Е. Л.* Тверская епархия периода независимости Тверского княжества: архиереи и монастыри // РИ. 2023. № 4. С. 4–5.

[81] *Присёлков М. Д.* Троицкая летопись. СПб., 2002. С. 331.

[82] ПСРЛ. Пг., 1926—1928. Т. 1, вып. 1—3. Стб. 482—483.

[83] *Малыгин П. Д.* Ярослав Ярославич и Тверь в летописных известиях // Великое прошлое. Тверь, 1995. С. 46.

[84] ПСРЛ. Т. 18. С. 81.

[85] ПСРЛ. СПб., 1863. Т. 15. Стб. 406.

храниться, так как уровень естественного склона здесь существенно повышается. Видимо, галерею пристроили к собору достаточно быстро, в течение XIV в. — например, при обновлении обветшавшего храма князем Михаилом Александровичем). Вторая типологическая особенность плана Спасского собора — развитые и выдвинутые к востоку апсиды[86], судя по следам фундамента, довольно плотно прижатые друг к другу. Собор Спасо-Преображения был выстроен в технике белокаменной кладки, а в состав его декора входила владимиро-суздальская по характеру резьба.

В монастыре на острове в устье р. Тьмаки в 1323 г. начали строить церковь Св. Федора Тирона, завершенную, согласно Рогожскому летописцу и Тверскому сборнику[87], в 1325 г.

Москва. До 1326 г. летописи не пишут о возведении в Москве храмов, но они были. Данилов монастырь, видимо, действительно основал князь Даниил[88]. В конце 1318 — начале 1319 г. в Москву из Орды привезли останки казненного тверского князя Михаила Ярославича: гроб с его телом несколько месяцев стоял «въ церкви святого Спаса в монастыри»[89].

Начало возведения Успенского собора в Кремле летопись отмечает как важное событие, подчеркивая, что это первый каменный храм: 4 августа 1326 г. «заложена бысть первая церковь камена на Москвѣ на площади, во имя святыа Богородица, честнаго ея Успениа, пресвященнымъ Петромъ митрополитомъ и благовѣрнымъ княземъ Иваномъ Даниловичемъ»[90]. В недостроенном Успенском соборе была устроена гробница, где митрополита и похоронили ещ в ходе строительства (умер в ночь с 20 н 21 декабря 1326 г.). Собор достроили, со гласно завещанию митрополита, сам Ива Калита и старейшина града, московски тысяцкий Протасий[91], а освятил ростов ский епископ Прохор[92] в канун Успени (14 августа) 1327 г.

В 1329 г. в Кремле возвели две каменны церкви: Иоанна Лествичника и Поклонени веригам апостола Петра. Строительств первой длилось 102 дня (21 мая — 1 сен тября), а второй — еще меньше, 61 ден (13 августа — 14 октября)[93]. Правда, цер ковь Поклонения веригам апостола Петр была приделом митрополичьего Успен ского собора в память основателя, митро полита Петра, а церковь Иоанна Лествич ника — небольшим одноглавым храмом Сведения о сооружении храма Иоанна Ле ствичника примерно за три месяца, по мне нию Н. Н. Воронина, указывали на его не значительные размеры[94].

Весной 1330 г. началось строительств каменной церкви Спасо-Преображени в кремлевском Спасском монастыре, рядом с двором Ивана Калиты в Кремле, и вско ре (в 1332 г.) здесь похоронили постриженную в черницы и принявшую монашескую схиму первую жену Ивана Калиты, Елену[95]. В 1333 г. Иван Калита «созда церков камену на Москве во имя святаго архангела

---

[86] Эта особенность как будто просматривается и у других храмов XIII—XIV вв., как ни мало мы знаем о каждом из них.

[87] ПСРЛ. Пг., 1922. Т. 15, вып. 1. Стб. 42; Т. 15. Стб. 415.

[88] ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 46.

[89] ОР РГБ. Ф. 310. Ед. хр. 1254. Л. 49.

[90] ПСРЛ. Т. 18. С. 89.

[91] Краткая редакция жития митрополита Петра // *Клосс Б. М.* Избр. труды: В 2 т. Т. 2: Очерки по русской агиографии XIV—XVI веков. М., 2001. С. 30—31.

[92] ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 44 (под 6835 г.).

[93] ПСРЛ. Т. 18. С. 91 (под 6837 г.).

[94] Там же. С. 157.

[95] ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 46 (под 6839 г.).

Михаила», т. е. Архангельский собор. Его построили за один сезон, и хотя летописное известие 1344 г. отмечает «величество церкви тоя»[96], она не могла быть особенно большой.

Завершением строительства Ивана Калиты стали новые деревянные стены Кремля, постройка которых была начата 25 ноября 1339 г. и кончена «тое же зимы на весну въ великое говение»[97] (28 февраля — 15 апреля 1340 г.), так что князь успел их увидеть готовыми (ум. 31 марта 1340 г.). Кремль времен Ивана Калиты по размеру был меньше современного, крепостные стены стояли на вершине кремлевского холма, а не по его подошве — но периметр был не менее 1 км.

Возможно, наиболее достоверным сегодня остается план Успенского собора, восстановленный еще К.К. Романовым по образцу плана Георгиевского собора в Юрьеве-Польском, с приделом Поклонения веригам апостола Петра как подобием Троицкого придела юрьевского собора. Внешний блик Успенского собора реконструировал и Н.Н. Воронин[98], приняв версию о башнеобразном верхе и двухэтажном западном притворе. В отличие от предшественников, Н.Н. Воронин знал о фрагментах орнаментального пояса, найденных вблизи собора Спаса на Бору в Кремле, и потому «прибавил» притворы к храму, композиционная схема которого не случайно близка собору Успения на Городке в Звенигороде, — ведь нужно было найти место для пояса. Барабан в реконструкции был поставлен на высокий постамент с трехлопастными кокошниками наподобие собора Евфросиниева монастыря и Большого Сиона Успенского собора. Такая композиция и привела, по его мнению, к «быстрой катастрофе», т. е. к обрушению Успенского собора.

Облик первой церкви Спаса на Бору долгое время реконструировали, следуя Ф.Ф. Рихтеру, который думал, что до середины XIX в. дошла постройка Ивана Калиты, хотя и в окружении поздних приделов. Впервые собор обследовал в 1932—1933 гг., перед сносом, П.Н. Максимов, предположив, что храм был полностью перестроен в XVIII в.[99]

Архангельский собор 1333 г. построен за один сезон, что говорит о его ограниченных размерах. Ю.П. Мосунов реконструировал собор как четырехстопный храм с тремя апсидами и западным притвором, равным по ширине храму. С юга к притвору примыкала прямоугольная пристройка с одной лопаткой[100].

Первый каменный храм Ивана Калиты — Успенский собор — изначально стал усыпальницей как великих князей (Юрий Данилович), так и митрополитов (митрополит Петр). Но первое документально известное женское княжеское погребение (1332) совершается не в Успенском соборе, а в Спасском монастыре. Мы не знаем, где был погребен умерший в 1337 г. внук Ивана Калиты, сын Симеона Гордого — князь Василий[101]. Первое известное захоронение в Архангельском соборе принадлежит его создателю — великому князю Ивану Даниловичу (1340). Позднее утвердилось разделение святительского и княжеского храмов не только как объемов, но и как некрополей. К середине XIV в. в Кремле намечаются три отдельных некрополя — святительский, княжеский и княги-

[96] ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 56 (под 6852 г.).

[97] Там же. Стб. 51 (под 6847 г.).

[98] *Воронин Н.Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV вв.: В 2 т. М., 1962. Т. 2. С. 156. Рис. 82.

[99] *Максимов П.Н.* К характеристике памятников московского зодчества XIII—XV вв. // Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л, 1949. Вып. 12. С. 210.

[100] *Мосунов Ю.П.* Храм Архангела Михаила 1333 года в Московском Кремле // Московский Кремль XIV столетия: Древние святыни и исторические памятники. М., 2009. С. 115—117.

[101] ПСРЛ. Т. 18. С. 92; М.; Л., 1949. Т. 25. С. 171.

нин. В настоящее время локализуется только некрополь Ивана Калиты и его сыновей — Архангельский собор (вопрос о месте погребения внуков Калиты остается открытым).

В древнейший период развития архитектуры Московской Руси наблюдается быстрый отход от такого важного для домонгольской Руси элемента оформления интерьера, как аркосолий. И напротив, быстрое развитие новых форм погребальных сооружений — плоско лежащей надгробной *цки* и надгробницы для нее. В будущем именно эти элементы наряду с возникающим в конце XV в. антропоморфным саркофагом станут основой развития малых форм для внутреннего пространства погребальных храмов Московского великого княжества и царства.

Анализ источников заставил отказаться от представлений о каменном Спасо-Преображенском соборе. Домыслы о каменном храме XIII в. в Даниловом монастыре рассеялись, а открытые там каменные фундаменты оказались принадлежащими эпохе Ивана Грозного. При раскопках в Высоко-Петровском монастыре и на Крутицах обнаружили только остатки кладбищ XV в. Остатки собора Богоявленского монастыря в Китай-городе («Богоявления каменного») с большой долей вероятности передвинули его во вторую половину XIV — первую половину XV в.[102]

XV век завершает линию развития белокаменного зодчества Северо-Восточной Руси, которая продолжалась со второй половины XII в. Она зародилась и развивалась при посредстве романских зодчих из Ломбардии и иных областей Священной Римской империи, была прервана нашествием Бату-хана, возродилась в конце XIII в. и сохраняла жизнеспособность ещ около 200 лет. В последней четверти XV в прививка от ствола ренессансной Италии вечного резервуара новых приемов зодчества в Европе, откроет этап архитектуры Московского царства, существенно отличающийся и в техническом, и в стилевом отношении. Она прервет автохтонное развитие строительной традиции Великого княжества Московского и, как событие истории зодчества, принадлежит скорее XVI в.

Развитие монументального строительства в XV в. проходит четыре основных этапа[103]. Первый (конец XIV — первая четверть XV в.) — эпоха создания вариантов собственной московской архитектурной образной системы; она будет решительно трансформирована итальянскими учителями, но сохранит ряд коренных типологических и функциональных особенностей. За ним следует период с конца 1420—1430-х до 1450-х годов, когда строительство в Московском княжестве практически не ведется (чего нельзя сказать о других княжеских столицах). Третий период, 1450—1475 гг. следует за окончанием феодальной войны. Это время интенсивной работы по приданию Москве облика, достойного столицы большого государства, время восстановления и перестройки нуждающихся в этом объектов, а также строительства новых зданий. Он завершается с приездом итальянских мастеров и началом четвертого, русско-итальянского периода строительства. В истории зодчества этот период открывает новую эпоху и новую линию памятников, уходящую в XVI в.

Летописи и другие источники XV в. активны в фиксации данных о монументаль-

---

[102] *Беляев Л. А.* Древние монастыри Москвы (конец XIII—XV вв.) по данным археологии. М., 1994.

[103] Основной сводной работой для архитектуры северо-восточных земель в XV в. до сих пор остается второй том труда Н. Н. Воронина, хотя ряд содержащихся в нем положений к настоящему времени претерпел существенные изменения. См.: *Воронин Н. Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV вв. Т. 2: XIII—XV столетия. С. 267—278. Архитектура эпохи феодальной войны с большой тщательностью рассмотрена В. П. Выголовым, хотя и в ней многие утверждения скорректированы исследованиями последних 30 лет. См.: *Выголов В. П.* Архитектура Московской Руси середины XV века. М., 1988.

ном строительстве и видят в них важные для страны события. Но в большинстве случаев это все же лишь упоминания о разрушении, ремонте, возведении, освящении. Отмечены явно не все случаи появления каменных зданий. Источники письменные и материальные (т. е. здания и их остатки в земле) удается соединять не без труда, эта процедура требует предельной осторожности и усиленной критики. Остатки древних храмов довольно плохо датируют[104] и не всегда обоснованно объединяют в группы по формальным признакам. Кроме того, мы видим очередной пробел в строительстве (1430—1450-е годы) во время феодальной войны и ликвидации ее последствий, а также период, от которого практически не сохранилось зданий (1450—1475). Лишь с конца 1470-х годов можно судить об архитектуре по ее реально существующим образцам.

С самого начала XV в. ситуация с источниками иная, чем в удельную эпоху. От строительства московских князей Василия Дмитриевича и его братьев, Юрия и Андрея Дмитриевичей, дошло в том или ином виде до двух десятков каменных зданий, что несравнимо с почти полностью утраченным наследием Ивана Калиты и Симеона Гордого. В это время уже можно говорить о том, что строительство в Москве и ее уделах — магистральная линия развития русского зодчества, оно все масштабнее и разнообразнее.

Все же возможность наблюдать на материале, как развивалось в конце XIV — конце XV в. зодчество центральных русских земель, ограничена. Для Москвы от эпохи Дмитрия Донского до нас почти не дошло сооружений, если не считать археологически изученных остатков Успенского собора в Коломне — собственном городе московских князей, их второй столице. Но процесс развития шел, и уже в первых зданиях, построенных при князе Василии Дмитриевиче, наблюдаем образцы обновленного типа каменного храма. Это по-прежнему крестово-купольный объем, как правило, четырехстолпный и с тремя апсидами (малые храмы могут быть бесстолпными и одноапсидными). Храм отличает отсутствие притворов и галерей, а также новая организация фасадов, по которым, отделяя нижний ряд окон от верхнего, идет резной пояс-фриз. Этот фриз проходил и по апсидам, под их карнизом. Остальная плоскость стен оставалась гладкой. Арочные порталы с килевидными завершениями оформляли уступами с архитектурными деталями; к ним вели открытые крыльца. Сами храмы поднимались на цоколь или подклет, иногда отчасти скрытый подсыпкой. Это обновление знаменовало частичный отход от владимиро-суздальского наследия или, вернее, введение на его основе новой архитектурной нормы.

Объем и декор в раннемосковском храме тесно взаимосвязаны. Разместить ленту резного орнамента в карнизе апсиды или барабана можно на храме практически любого типа. Но широкий фриз по фасадам, разделяющий уровни окон, требует вполне определенного архитектурного решения (у храма с тремя притворами это членение есть, но оно организовано иначе). Следует отметить, что более простые храмы, конечно, строили и без резьбы, а их стены из камня довольно грубой тески были рассчитаны на обмазку.

Феноменом раннемосковского строительства можно назвать синхронную обстройку каменными зданиями сразу нескольких городов вокруг Москвы, где возникало по два и более каменных храмов. В любимой князем Дмитрием Ивановичем Коломне, где уже в 1352—1353 гг. возникла

[104] Благодаря анализу письменных и материальных источников за пределы XV в. выведены, например, постройки Антониева монастыря в Бежецком Верхе, церковь Трифона в Надпрудном в Москве и др.

епископия, таких храмов археологически изучено не менее пяти[105]. Это церковь Зачатия Иоанна Предтечи на Городище, на которой сохранился рельеф с изображением единорога; «двухапсидный» Богоявленский собор Старо-Голутвина монастыря (цоколь 1 м); Воскресенская церковь на княжем дворе (согласно Н. Н. Воронину, до 1366 г.); Успенский собор 1379—1382 гг. (допускают существование его каменного предшественника) и собор Рождественского Бобренева монастыря вблизи кремля, сейчас датируемый самым концом XIV или началом XV в. Обнаруживается зависимость процесса обстройки города от работ, которые ведутся в это же время в Москве, видимо, той же самой группой строителей. Важно также обратить внимание на схожесть плотной и быстрой обстройки Коломны каменными храмами с историей московского храмоздания Ивана Калиты на 30—40 лет ранее. Если даты установлены верно, можно говорить об устойчивой работе строителей, вплоть до начала XV в., на протяжении нескольких десятилетий, оперирующих одним более-менее устоявшимся типом «храма с пристенными опорами», т. е. с крестообразным планом внутренней части[106].

Родственные этой группе каменные храмы строили в уделе князя Андрея Владимировича, Серпухове, и в его окрестностях на р. Наре. К ним относятся Никольская церковь с. Каменского (выше Серпухова по реке), соборы Владычного (1360—1362) и Высоцкого (1370-е годы) монастырей. Сохранилась только Никольская церковь — образец скромного каменного[107] почти кубического объема, лишенного всяких украшений, кроме утоплепных порталов с уменьшенным количеством уступов (о трех уступах).

Можайск, город на западной границ Московского княжества, вошедший в ег состав, как и Коломна, в начале XIV в имел не менее двух каменных храмов Никольский собор (целиком перебра в XIX в. с повторением форм) и цер ковь Иоакима и Анны на посаде (мона стырскую?), сохранившую северны фасад с порталом в составе полностьк перестроенного объема. Их связываю с вокняжением Андрея, получившег удел в 1389 г., предполагая работу здес московских мастеров, которые окончи ли в конце 1490-х годов храм Рождеств в Кремле.

Одновременно с Андреем его стар ший брат Юрий получил удел, столице которого стал Звенигород. Там сохрани лись до наших дней два храма — город ской Успенский собор на Городке и Рож дественский в Саввино-Сторожевско монастыре. Типологически близок им Троицкий собор Сергиевого монастыря Все это классические примеры раннемо сковского «храма с открытым фасадом и трехчастными резными поясами. Он станут отличительной чертой раннемо сковской архитектуры. По-видимому строительство во всем великом княже стве шло из единого центра, хотя и по инициативе удельных князей.

Этим центром была, разумеется, Мо сква, где первые примеры таких зданий пока известны только от середины 1390-х го-дов. В 1394 г. фриз отмечен на церкви Рождества Богородицы на Се нях[108]. За ней последуют Успенский со бор на Городке в Звенигороде (посл

[105] Последний очерк с полной историей исследований: *Мазуров А. Б.* Архитектурно-археологически исследования в Коломне (1947—1984 гг.) // Вестн. Гос. социально-гуманитарн.ун-та. 2019. № 1 (33) С. 3—44.

[106] Проблема генезиса храмов с угловыми опорами была поднята Б. А. Альтшуллером еще в 1960-х го дах, с тех пор к ней неоднократно обращались, но однозначного ответа до сих пор нет.

[107] Как уже сказано, все известные памятники до середины XV в. белокаменные.

[108] ПСРЛ. Пг., 1921. Т. 24. С. 160.

1389 г.), кремлевский Благовещенский собор 1416 г., Троицкий собор Сергиева монастыря (1422—1423), Рождественский собор Саввино-Сторожевского монастыря в Звенигороде[109] (даты которых продолжают колебаться, но не выходят за пределы 1390-х — начала 1430-х годов), Никольский собор князя Андрея Дмитриевича в Можайске[110] и первая каменная церковь Богоявленского за Торгом монастыря в Москве (не позднее 1425 г.). Пока не доказано обратное, нужно думать, что близкие формы должен был получить второй храм Кремля Вознесения Христова, начатый вдовой Дмитрия Донского Евдокией в 1407 г. в одноименном монастыре. Этот храм имеет исключительно длинную историю строительства в пределах XV в., — к сожалению, отраженную лишь в письменных источниках, поскольку археологические данные крайне скудны[111].

В рамках архитектуры ранних (времени Василия Дмитриевича и его братьев) построек остаются коломенские и серпуховские храмы, хотя следов резных поясов там пока нет (возможно, они построены до рождения типа храма с резным поясом), а также церкви вне московских земель, такие как хорошо сохранившаяся более поздняя (1440-е годы?) церковь Рождества Богородицы в Городне в тверских землях.

Продолжение этой среднерусской традиции можно наблюдать и после феодальной войны, с середины 1470-х годов. Примерно такими были храмы, построенные псковичами в Москве и Троицком Сергиеве монастыре, во всяком случае — Духовская церковь (1476). При некоторых отличиях трехчастный фриз делит плоскость стены на два уровня, а схема его раппорта следует раннемосковским мотивам (фриз не нарезан в камне, а выполнен из терракотовых плит, что показывает, видимо, распространение этой схемы вширь). Это же можно сказать о церкви Положения Риз (1484—1485) в Московском Кремле и Воскресенском соборе в Волоколамске. Измененные версии орнаментальных поясов применят в самом конце XV в. в Белозерье, внеся конструктивные перемены (пояс орнамента поднят к линии основания закомар).

Модель «храма с открытым фасадом и резным фризом» станет одной из тех трансформаций, которые обеспечат сложение форм собственно московской культуры. Развиваясь как автохтонная, она соединит элементы древнего белокаменного строительства, обновленные элементы конструкции и воспринятую при посредстве связей с Причерноморьем ориентальную (средиземноморскую) орнаментику (см. ниже). Модель проживет около полутора столетий(?) и сможет соединиться с несравненно более продвинутыми итальянско-московскими строительными

[109] По времени постройки Рождественский монастырский собор младше Троицкого; см.: *Палкина Д. Ю.* Аргументы в пользу передатировки собора Рождества Богородицы Саввино-Сторожевского монастыря // Проблемы изучения памятников раннемосковского зодчества: К 600-летию Рождественского собора Саввино-Сторожевского монастыря и 100-летию со дня рождения архитектора Б. А. Огнева / Сост. Е. А. Белов. Звенигород, 2008. С. 13—26.

[110] *Воронин Н. Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV вв. Т. 2: XIII—XV столетия. С. 267—278.

[111] Собор не был завершен до ее смерти (см.: ПСРЛ. Т. 18. С. 217; Т. 25. С. 222). София Витовтовна пыталась его достроить, но смерть великой княгини в 1453 г. последовала в момент, когда своды еще не были достроены. Храм сильно пострадал в пожаре 1465 г., был в значительной части разобран (1467), перестроен Василием Дмитриевичем Ермолиным и в 1468 г. освящен. После пожара 1476 г. он простоял еще 40 лет, в 1516 г. окончательно разобран и возведен заново. Все это столетие он служил усыпальницей женщинам великокняжеской семьи, следовательно, был освящен (малым освящением?) в 1407 г. для погребения основательницы.

проектами конца XV — первой половины XVI в.[112]

Трудно сказать, до какой степени вписывались в эти рамки не дошедшие до нас памятники самой Москвы, но для периода 1390—1420-х годов их, кажется, сравнительно немного. Это достроенный в 1404 г. Василием Дмитриевичем собор Симонова монастыря (он был начат в 1378 г. игуменом, но не окончен из-за необходимости возвести Успенский собор в Коломне)[113]. А также новый, очень высокий (?), выстроенный по необычной трехуровневой схеме на двухярусном подклете собор кремлевского Чудова монастыря, возведенный заново в 1431 г. после того, как храм калитинского времени обвалился от ветхости. В Москве появлялись и каменные храмы, которые, возможно, ставили не московские мастера. Известно, что в 1412 г. ростовский епископ Григорий построил на подворье над Москвой-рекой церковь Благовещения на Дорогомилове, где хранилась риза Леонтия Ростовского (о ее архитектуре судить трудно: она разобрана в XVII в., и рассчитывать на археологию тут не приходится).

В Москве есть, однако, и сохранившееся здание, заставляющее задуматься над ролью привлеченных из-за рубежа строителей-иностранцев. О внесении в местное зодчество элементов балканской архитектуры говорят с XIX в. Эт гипотезу усилило открытие во второй по ловине XX в. храмов со столбами, сдви нутыми от центра к углам. Об этом мног писалось и в связи с собором Андроник ва монастыря, который, исходя из анали за письменных источников, должен отно ситься к периоду господства московски храмов «с открытым фасадом». Дело, од нако, в том, что он совершенно не похо на храмы XV в. и выглядит исключени ем в их ряду. Архитектурный облик это церкви гораздо ближе к храмам начал XVI в., когда, возможно, и был построе (или перестроен)[114] ныне существующи объем[115].

Наиболее интересно для анализа внеш них связей московского зодчества, однако не пространственное решение или техно логия возведения ранних храмов. Суще ственно изменившиеся и обновленны они представляют в этой части перераб танный и редуцированный дериват домон гольской белокаменной архитектуры, ка бы специально подготовленный для вос приятия на фасадах уже упоминавшихс декоративных поясов.

Орнаментика и, отчасти, «конструк ция» этих поясов — наглядное указани на присутствие в раннемосковском зодче стве элементов культурного влияния. Ег вектор, действительно, средиземномор

[112] Такие сближения заметны даже в частностях. Резные камни фризов начнут воспроизводить в керами ке, видимо, после того, как мастера-итальянцы применят собранные из терракотовых деталей классически антаблементы (пример — более поздняя церковь в Чашникове).

[113] Разобран и заново построен в XVI в. Трудно согласиться с Н. Н. Ворониным в гипотетическо модели следования при новом строительстве старым формам — для Средневековья каждый такой при мер нуждается в доказательствах, которых обычно нет вовсе.

[114] Материалы археологических исследований (впрочем, не очень значительные) не показывают сле дов каменных храмов на месте нынешнего, но под ним лежит монастырский некрополь — ясно, чт более ранний. См.: *Беляев Л. А.* Заметки о фальсификатах в археологии // Фальсификация исторически источников и конструирование этнократических мифов. М., 2011. С. 51—66; *Он же.* Андрей Рубле и проблема реконструкции средневековой художественной личности: (Заметки археолога) // Труды Цен трального музея древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублева. М., 2017. Т. 14. С. 43—5 (приложение).

[115] *Баталов А. Л.* Собор Андроникова монастыря и раннемосковская архитектурная традиция: Пробле мы соотнесения // Русское искусство: Норма и разрыв. М., 2019. С. 7—19.

ский, но напрямую с Балканами не связан — Москва и южнославянские земли просто отражают единый художественный процесс в Средиземноморье[116]. В Москве их носителями выступили, вероятно, выходцы из Крыма, владевшие техникой нарезки орнаментов растительного характера: очень сложных по рисунку плетеных композиций и значительно более простого арабеска. То и другое — характерные элементы искусства ислама. Но это не значит, что мастера были непременно мусульманами: очень большая часть строителей и резчиков в Крыму и в Византии, особенно в землях Причерноморья, христиане: григориане (этнические армяне), православные греки, католики из Италии[117]. Они много строили, резали орнаментальные рельефы как для мечетей (капители портала мечети хана Узбека, 1314—1342; михраб мечети Шейх-Кой, 1358; камень надгробия с фризовой резьбой из музея Солхата), так и для христианских построек (капители монастыря Сурб Хач, 1358) — причем и те, и другие находят аналоги в московском арабеске, иногда до мелких деталей (например, перехваченные петлей стебли с расходящимися в разные стороны концами, закручивающимися внутрь, как на поясах соборов монастырей Троице-Сергиева и Богоявления за Торгом; лилии/крины — точные аналоги блокам из Благовещенского собора 1416 г.)[118]. По мере развития исследований архитектуры ордынского времени в Крыму таких примеров становится все больше, и они рисуют круг мастеров, из которого кто-то попадет позже, в конце XIV—XV в., в Москву.

Но остается вопрос о том, где источник происхождения «крымско-московского» арабеска и более сложных, «запутанных» лент растительного орнамента. Каковы их истоки, откуда эта резьба пришла в Крым? И еще — есть ли вне Москвы близкие модели организации фасадного декора в виде трех поясов? Ответ на них дает знакомство с памятниками Трапезунда и в исходном, более точном, варианте — памятниками Внутренней Анатолии (караван-сарай Сусуз хан, XIII в.; памятники XIII—XV вв. в Нигде, Кайсерии (Кесария Каппадокийская) и др.), отдельные примеры в Иерусалиме (тюрбе Туркан-хатун, 1350-е годы)[119] и Каире. К резьбе Крыма часто применялся эпитет «сельджукская». В отношении внешних связей Орды, хронологии, связанности стиля с памятниками Анатолии и даже его укорененности во вкусах тюрок это вполне правомочное определение — образцы арабеска в действительности в архитектуре собственно арабских стран не так уж многочисленны и часто связаны с заказчиками-тюрками. Но в полиэтнич-

[116] Вопрос о связи московских орнаментальных поясов с Востоком был напрямую поставлен полвека назад: еще Л. А. Лелеков указал на широкую распространенность арабеска в искусстве Ближнего Востока, Закавказья и Малой Азии. Более точные аналоги были найдены, однако, сравнительно недавно (см.: *Беляев Л. А.* Орнаментальные фризы на фасадах раннемосковских храмов конца XIV — первой четверти XV в.: Генезис мотивов и композиции // Сергий Радонежский и русское искусство второй половины XIV — первой половины XV века в контексте византийской культуры: Тезисы документов Междунар. науч. симпозиума. М., 2014. С. 7—8; *Беляев Л. А.* Исламский Восток и формирование материальной культуры Московской Руси: О методических подходах к оценке // Поволжская археология. 2016. № 2 (16). С. 18—43, рис. 2—4.

[117] Надгробия и закладные плиты итальянцев, украшенные гербами и несущие латинские надписи, иногда включают изысканную исламскую орнаментальную резьбу.

[118] См.: *Айбабина Е. А.* Мусульманская каменная резьба Крыма // Мирас — Наследие. Татарстан — Крым: Город Болгар и изучение татарской культуры в Татарстане и Крыму в 1923—1929 годах: В 3 т. / Сост. и отв. ред. С. Г. Бочаров, А. Г. Ситдиков. Казань, 2016—2017. Т. 1. С. 510—543; *Кирилко В. П.* Михраб мечети в Шейх-Кой // Поволжская археология. 2016. № 2 (16). С. 138—150; *Гаврилов А. В., Майко В. В.* Средневековое городище Солхат-Крым: (Материалы к археологической карте города Старый Крым). Симферополь, 2014.

[119] См.: *Burgoyne M. H.* Mamluk Jerusalem: An Architectural Study. L., 1987. P. 321—324.

ной среде Анатолии и ее греческих городов роль мастеров-исполнителей, видимо, доставалась армянам, грекам и другим христианам. Это существенно сокращает кажущуюся излишне растянутой линию коммуникации, на одном конце которой оказываются как минимум зона, куда входят города Крыма, Анатолия (особенно владения Трапезунда, вплоть до Кайсери) и даже отдельные памятники Иерусалима и Каира, а на другой — Москва с ее удельными городами.

Знакомство с объектами Анатолии показывает также конструктивную и композиционную близость в применении резных поясов. Мы обнаруживаем очень похожие ленты, составленные из трех компонентов, причем каждый следующий по высоте выступает, нависая (пусть и незначительно) над предыдущим. В образовавшейся структуре отрицательный угол наклона говорит не только о стремлении защитить стену и нижние части пояса от осадков — он отвечает общей композиции, свойственной исламскому зодчеству, часто основанной именно на нависающих элементах (мукарнас и др.)[120].

На северо-западе Руси, в Пскове и Новгороде, строительство церквей, каменных палат и крепостей шло своим путем, его корни — в домонгольском периоде, а импульсы для развития поступают через пространство Ганзы (что отражено в таких, например, зданиях, как Грановитая палата в Новгороде). Храмы этого времени в основном небольшие, хот строят и крупные соборы, такие как Тро ицкий во Пскове.

Ряд проектов осуществлялся в это врем в Ростове, Твери, Старице и других города Северо-Востока, вне московских пределов Строительство велось на переходе от на чала XIV в. его первой половине — позж демонстрация суверенитета посредство каменного строительства станет малопер спективной в свете преобладания Москвы.

В Ростове епископ Григорий, после по жара 1408 г. и обрушения Успенского собо ра, в 1411 г. за один год собирает здание за ново, причем строит в нем дарохранитель ницу и новую лестницу[121], история этог строительства хорошо отражена в археоло гических материалах[122].

В Городце на р. Старице, одном и спорных с Москвой укрепленных пунктов князь Михаил Александрович Тверской в 1395 г. возводит первую каменную цер ковь (Михаила Архангела), а через восем лет его сын князь Иван добавляет к ней Ни кольскую (1403). В самой Твери в 1404— 1406 гг. строится собор Успения Богороди цы в Желтикове монастыре. Своеобразной манифестацией мощи становится ограда с каменными башнями княжеского дворц в кремле Твери, в летописи не фиксирует ся[123]. Особого внимания заслуживает князь Борис Александрович: его неординарна творческая деятельность как заказчика от ражена не только в традиционном возведе нии двух каменных храмов в собственном

[120] Сходство таких композиций, как барабан мечети в Донер Хатум в Кайсери и апсидная часть храма Успения на Городке в Звенигороде, вполне очевидно, хотя в первом случае пояса гораздо масштабнее.

[121] По мнению Н.Н. Воронина, эта дарохранительница была открыта им при раскопках в северо западном углу собора, однако позже убедительно показано, что найденное сооружение представляло со бой соборный оссуарий; см.: *Мельник А.Г.* Оссуарий Ростовского собора // Сообщ. Ростовск. музея. Ростов 1994. Вып. 6. С. 185—189.

[122] Работы экспедиции Государственного Эрмитажа под рук. О.М. Иоаннисяна и А.Е. Леонтьева в 1990-х годах.

[123] *Хохлов А.Н., Нестерова М.Е.* Белокаменная башня ограды дворца великих князей Тверских (конец XIV — первая половина XV в.) // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья Тверь, 2003. Вып. 5. С. 268—287. Предлагались иные трактовки сооружений (вплоть до обжигательных печей), но они менее убедительны.

дворе «на́ сенях» (1438 г. — Св. Бориса и Глеба; 1452—1455 гг. — Св. Михаила Архангела), но и в попытке создать символический островной замок-резиденцию «Любовин» на месте Федорова монастыря[124]. Среди этих памятников, судя по плану собора в Старице, были довольно обширные, но данных об их внешнем облике слишком мало. Хотя политико-географические особенности Тверского княжества благоприятствовали контактам и с Литовским государством, и с Новгородской республикой, в строительстве возобладала владимиро-суздальская традиция и ее московская реинкарнация — недаром сохранившийся в Городне храм Рождества — характерная периферийная постройка московских мастеров.

Всплеск строительной активности 1390—1430-х годов оборвала феодальная война, усугубленная пожарами и эпидемией. Наступает период, когда о строительстве в Москве приходится судить исключительно по письменным источникам — его памятников практически не сохранилось. В 1430—1440-х годах почти не строили, к этому периоду можно отнести лишь два-три памятника, точное время возведения которых неизвестно. Таков храм Воздвижения Креста на дворе Владимира Ховрина (существовал до 1445 г., когда обгорел в пожаре «по Суздальщине», заново построен к 1450 г.). В первой половине XV в. была каменной церковь Св. Косьмы и Дамиана у Чудова монастыря, один из древнейших престолов Кремля («старая» церковь сгорела в пожар 1476 г.). Вне Кремля к 1462 г. уже была церковь Георгия в монастыре за р. Неглинной, упомянутая в духовной Василия II).

С окончанием феодальной войны наступает новая, чрезвычайно динамичная эпоха, приносящая коренные изменения в технологии (введение и массовое использование кирпича), типах сооружений, заказчиках (в составе которых появляются *гости* — богатейшие семьи, ведущие международную торговлю). При этом раннемосковская композиция храма, видимо, в целом сохранялась. Общую картину по имеющимся данным очертил еще в 1980-е годы В. П. Выголов[125]. Судя по письменным свидетельствам, иногда довольно красноречивым, темп и объем строительства резко возросли, превзойдя раннемосковское время. В. П. Выголов насчитал за 100 лет до 1425 г. немногим более 30 каменных зданий и примерно столько же — за 1450—1475 гг.[126], т. е. вчетверо (!) больше. В среднем на год приходится теперь не менее одного крупного проекта.

В результате общее число каменных зданий в Кремле удвоилось, и стоят они уже не одной группой на Соборной площади, а в разных концах, вдоль главных улиц и у ворот. Многое появляется впервые: ворота и парадные палаты на дворе у митрополита; трапезная палата Чудова монастыря, жилой дом (палата) у Фроловской башни. С женитьбой Ивана III на Софье Палеолог наблюдаются попытки оформить Кремль по-европейски, более статусно и парадно: его главные ворота, Фроловская башня, получает иконно-эмблематическую скульптуру, геральдические горельефы святых воинов Георгия Победоносца и Дмитрия Солунского. По заказам княжеской семьи и церковных иерархов строят в крупных монастырях: в Пафнутьевом Боровском монастыре появляется собор

[124] *Конявская Е. Л.* Тверь в XV веке: Мечта об идеальном городе // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь, 2018. Вып. 11. С. 122—128.

[125] *Выголов В. П.* Архитектура Московской Руси середины XV века. М., 1988.

[126] Это несколько завышено: деление на «проекты», в числе которых работы разного характера и масштаба, — спорный прием. Трудно считать появление на Флоровских воротах Кремля скульптур святых воинов Георгия и Дмитрия (1464 и 1466 гг.) отдельным проектом, тем паче двумя. То же можно сказать о работах по восстановлению старых зданий, обновлению стен и т. п.

Рождества Богородицы (1466); в Троице-Сергиевом — трапезная и поварня (1469), в Симоновом — церковь-колокольня Спасо-Преображения и ограда с церковью над вратами (1450—1470-х годов) и другие сооружения.

Если в крупных государственных заказах господствовало стремление к упрочению традиционных форм и ориентация на «золотой век», которым виделась Древняя Русь, то в новых типах зданий были опробованы новые приемы композиции и новая технология — строительство из кирпича. Его внедрение существенно упрощает и удешевляет строительство, помогая распространять его вширь, осваивать новые типы зданий[127].

К храмам и крепости (Кремлю 1370-х годов) в Москве добавились каменные дома и палаты, в монастырях — трапезные, ограды, ворота. Само разнообразие строительных проектов впечатляет. Среди них не только здания *ex novo*, но возобновленные разрушенные и обветшавшие (прясла кремлевской стены) и достроенные после большого перерыва (собор Вознесенского монастыря в Кремле). Работы часто крупные, но утилитарные, ремонтного характера, считать их знаковыми источники не дают оснований, несмотря на чрезвычайно обширную традицию интерпретации, видеть в «обновлении» храмов Владимира (Воздвижения на Торгу и Ризоположения на Золотых воротах, 1469) и Георгиевского собора в Юрьеве-Польском (1471) шаг особой важности в политике овладения наследием домонгольской Руси[128].

В 1460—1470-х годах в Москве работала группа мастеров, приехавших из Пскова, имевших опыт строительства из кирпича и камня, а также знакомых с практикой работ как в Европе, так и на Балканах. Они построили в Москве пять храмов, из которых собор монастыря Иоанна Златоуста (1478) и церковь Сретения на Поле (1482 до нас не дошли, но Благовещенский собор 1484—1489 гг. и церковь Ризположения в Московском Кремле (1484—1485 сохранились, также как церковь Св. Духа в Троице-Сергиевом монастыре (1476—1477). Богатая историография[129] за полтораста лет привела к выводу о том, что псковские мастера были действительно приглашены в Москву, активно работали по заказам в 1460—1470-е годы. Они следовали местной традиции, но вносили в нее элементы, нетипичные ни для Москвы, ни для Пскова. Работали они и в кирпиче (в Пскове совершенно не применявшемся), и в белом камне. Последним поручением великого князя этой группе стало строительство нового Успенского собора, задуманного с невиданным размахом и возведенного в 1474—1479 гг. мастерами, имена которых сохранила летопись (Кривцов и Мышкин). Ориентация на лучшие образцы XII—XIII вв. не спасла почти построенное здание от катастрофы. Но тот же замысел, следуя тем же образцам, воплотил в конце 1470-х годов А. Фиораванти.

---

[127] Техника кирпичного строительства была широко распространена в городах юга и запада Древней Руси, на востоке и северо-западе предпочитали местный камень, в Пскове и Новгороде — песчаниковую плиту, в городах «Низа» — известняк (белый камень). Кирпич довольно широко использовался в Новгороде в XV в., но это не значит, что Москва его получила именно оттуда — само слово «кирпич» восточного происхождения, а его применение на Западе в эпоху Ренессанса было массовым явлением. Владимиро-Суздальская Русь знала кирпичные здания в XIII в., археологически он известен и позднее, хотя и редко применялся. Нужно было только обновить рецептуру, познакомиться с новыми, более выгодными технологически форматами и т. д.

[128] *Лаврентьев А. В.* Владимир-на-Клязьме и художественная жизнь Москвы XIV—XV веков // Вестн Сектора древнерусского искусства. 2020. № 1. С. 62—78.

[129] *Федотова И. Л.* К вопросу о псковских зодчих в Москве в последней четверти XV в.: Историографический аспект (сетевой ресурс: https://actual-art.org/en/k2010—2/st2010/94-vh/219-o-pskovskikh-zodchikh-v-moskve-xv-v.html).

Претендовать на осуществление программы перестройки Успенского собора можно было, только накопив значительный опыт организации, кадры работников, производства строительных материалов и, конечно, проектов хотя бы той форме, в какой это понималось до конца XV в. в Москве. Все это, судя по письменным источникам, сосредоточивалось в руках «приставников», торговцев, стоявших во главе богатейших семей. Они выступали влиятельными заказчиками, оставляющими след в принятии формообразующих решений; и «представителями» (т. е. организаторами работ, ответственными перед высшей властью государства и берущими на себя обеспечение стройки как средствами, так и всем необходимым), и, видимо, подрядчиками (или откупщиками) крупных проектов. Так в области зодчества, по определению соревновательной, кроме конкурирующих за престиж княжеств, бояр, епископов и монастырей, появляются и гости. Хотя для XV в. известно только три «строящие» купеческие семьи — Ховрины, Ермолины и Тараканов — при их участии произведено не менее половины работ. Правда, для последних речь идет о разовой акции (Федор Таракан построил себе жилые палаты в Кремле), но зато Владимир Григорьевич Ховрин — участник не менее пяти проектов, а Василий Дмитриевич Ермолин (выдающийся организатор и куратор строительных работ, самый интересный деятель в области архитектуры до приезда в Москву Аристотеля Фиораванти) — вдвое большего числа[130]. Строительная активность гостей, инициированная великим князем, стала важным фактором строительства во второй половине XV в. и обеспечила конечный успех проекта перестройки Кремля и его храмов.

Материальные остатки славной строительной эпопеи третьей четверти XV в. могут быть со временем изучены путем широких археологических работ, но к настоящему времени у нас в руках очень мало материалов для того, чтобы судить о формах и художественных особенностях всех этих построек. До известной степени о них рассказывают построенные в традиционном стиле храмы северных монастырей, но они строились при участии зодчих Ростова, а также архитектура храмов, возведенных до феодальной войны, — им явно наследуют такие памятники, как церкви Троице-Сергиева монастыря и храмы, возведенные в Москве псковскими строителями.

Архитектура Новгорода в 1360—1420-х годах. Общность конструктивных и декоративных решений, единство примененных строительных материалов и технологий позволяют рассматривать архитектуру Новгорода 1360—1420-х годов как единый период. Летописные данные свидетельствуют о возведении в эти годы нескольких десятков построек, многие из них сохранились, некоторые изучены в ходе археологических работ. Постепенно большая часть городских храмов стала каменной, церкви возводили и в малых городах Новгородской земли — Старой Руссе, Порхове, многие пригородные монастыри также получили каменные постройки.

Одноглавые, четырехстолпные, одноапсидные храмы второй половины XIV — первой трети XV в. можно разделить на две группы: 1) крупные богато украшенные церкви, фасады декорированы композициями из окон и ниш, круглыми нишами, кирпичными розетками, полосами декоративной кирпичной кладки, закладными и кирпичными крестами; на апсиде обычно находится аркатура — так называемые

[130] В.П. Выголов отметил, что постройки, за которые отвечал или которые заказывал Ермолин, в основном белокаменные, кирпичную же технику часто используют в проектах, которые вели Ховрины. Однако есть и обратные случаи, когда Ермолин применяет именно кирпич (достройка собора Вознесенского монастыря), вызывая этим удивление современников.

валиковые разводы (церкви Феодора Стратилата на Ручью (1360—1361), Спасо-Преображения на Ильине улице (1374), Рождества Богородицы на Молоткове (1379), Иоанна Богослова на Витке (1383—1384), Петра и Павла в Кожевниках (1406), Иоанна Милостивого на Мячине (1422) и др.). Эта линия обычно воспринимается как основная для данной эпохи; 2) храмы с лаконичными фасадами, минимальным количеством декоративных элементов (церкви Петра и Павла на Славне, 1367, Рождества Христова на поле, 1381—1382, Рождества Богородицы Десятинного монастыря, 1397, Власия, 1407 и др.).

Структура интерьера храмов в целом близка — пониженные подпружные арки поддерживают паруса и барабан, рукава креста перекрыты коробовыми сводами, угловые компартименты — полукоробовыми. Подкупольный квадрат обычно расширяется с помощью приближения столбов к стенам. Храмы имеют хоры, в которых находятся одна или две замкнутые палатки-приделы, в восточных углах также обычно устраиваются изолированные палатки. В ряде построек юго-западная камера делается проходной, вдоль южной стены устраивается настил, а придел освящается в юго-восточной палатке (над дьяконником). Форма столбов, как правило, квадратная, иногда встречаются круглые западные столбы.

В архитектуре этого времени господствует трехлопастная форма покрытия, в верхней части фасадов обязательно присутствует декоративная многолопастная арка. Общим для всех построек является использование двух основных форм завершения проемов и ниш — стрельчатого и полуциркульного. Многие декоративные элементы явно имеют западноевропейское происхождение (круглые ниши, стрельчатые формы завершений и др.), однако большинство из них было заимствовано новгородцами значительно раньше, а в эту эпоху лишь получило новую интерпретацию. Примечательным является широкое распространение практики закладывания в стены каменных крестов, а также устройство пятичастной композиции из трех окон и двух ниш, объединенных общей бровкой.

Памятники второй половины XIV — первой трети XV в., особенно относящиеся к первой группе, обычно рассматриваются как вершина развития новгородской архитектурной школы — впечатляющий образ масштабных сооружений с украшенными фасадами, цельными интерьерами, расписанными фресками действительно символизирует расцвет новгородской архитектуры. Вполне вероятно, что большая часть этих построек связана с деятельностью одной артели или даже одного мастера. Заказчиками церквей в основном выступали архиепископы и бояре, а также уличане и городские корпорации.

Во второй половине XIV — первой трети XV в. возводится и несколько каменных гражданских построек (найдены в ходе археологических работ), а также ряд новых крепостей: Корела (1364), Окольный город Новгорода (1372—1392 гг., в 1391 г. строятся каменные башни), Ям (1384), Порхов (1387), каменная стена посада Орешка (1410).

Архитектура Новгорода в 1430—1470-х годах. Период святительского служения Евфимия II Вяжицкого (1429—1458) и Ионы Отенского (1458—1470) отмечен активной строительной деятельностью как самих архиепископов, так и других заказчиков: возводятся многочисленные храмы, оборонительные сооружения, жилые, хозяйственные и служебные постройки, часозвоня и колокольни, ведутся ремонтные работы. Каменными становятся все новгородские храмы в пределах вала Окольного города. Строятся церкви достаточно редких типов: сенные, надвратные храмы, а также церкви, соединенные с трапезными палатами, — уникальное явление для древнерусской архитектуры того времени. В истории новго-

родской архитектуры до той поры не было эпохи, столь разнообразной по типологии построек.

Уникальный для Древней Руси комплекс каменных зданий появился на Владычном дворе, он состоял из нескольких гражданских построек, а также надвратных и сенных церквей. Сохранилось центральное сооружение ансамбля — так называемая Владычная (Грановитая) палата 1433 г., построенная совместно новгородскими и немецкими мастерами. Сложное по структуре здание включает различные по функции помещения (парадные, жилые, хозяйственные), а также многочисленные готические конструктивные и декоративные элементы.

Принято разделять все памятники новгородской церковной архитектуры 1430—1470-х годов на две линии: храмы «на старой основе», т. е. на фундаментах и нижних частях стен более раннего храма (Спасский собор в Старой Руссе (1442/1441?), церкви Св. Иоанна Предтечи на Опоках (1453), Михаила Архангела на Михайловой ул. (1454), Св. Ильи Пророка на Славне (1456/1455?), Успения на Торгу (1457), Св. Дмитрия Солунского на Славкове (1462), Воскресения на Мячине (1463) и др.) и «новые» храмы (церкви Св. Николая Мостищского монастыря (1448), Двенадцати апостолов (1454), Св. Лазаря (1461), Св. Симеона Богоприимца (1467) и др.). Несмотря на некоторые точки пересечения, эти две линии демонстрируют нам разный подход к интерпретации архитектурной формы: в храмах на старой основе мы сталкиваемся с типологической схемой, характерной в основном для домонгольской эпохи, новации присутствуют только в решении интерьера, разделенного деревянным перекрытием на два этажа, а также в области фасадного декора. Напротив, в «новых» церквях мы видим созвучное эпохе объемно-пространственное решение, в интерьере господствует камерный способ организации пространства.

Обычно в литературе строительство «на старой основе» связывается с борьбой Новгорода и Москвы, исследователи считали, что строительная программа Евфимия II являлась частью его антимосковской политики. Внимательное рассмотрение вопроса позволяет сделать вывод об отсутствии «идеологической» составляющей в строительной программе владыки Евфимия, связанной с капитальным ремонтом и перестройкой соборов и иных крупных городских храмов, с особой ориентацией на облик ранней церкви.

Новгородские строители 1430—1470-х годов во многом ориентировались на архитектурное наследие XIV — начала XV в.: основным типом культовой постройки остается четырехстолпный одноглавый одноапсидный храм, впервые появившийся в Новгороде в начале XIII в. В некоторых церквях «на старой основе» интерпретируется тип шестистолпного трехапсидного храма (такие храмы строились в Новгороде в первой трети XII в.). Однако в эту эпоху появляются и новые, до той поры неизвестные архитектурные формы.

В 1430—1460-е годы в Новгородской земле распространяются храмы с подцерковьем — интерьер постройки разделяется деревянным перекрытием на два этажа, нижний этаж используется исключительно для хозяйственных нужд, в верхнем этаже находится храм. Двухэтажная структура здания снаружи не читается, пропорциональный строй остается тем же, высота не увеличивается. Устройство подцерковий существенно изменило характер решения интерьеров: отсечение в интерьере нижней части постройки значительно меняет общее ощущение пространства — интерьеры становятся более компактными, вертикальный акцент в них уже не ощущается так, как в церквях предшествующих столетий.

Меняются и принципы оформления фасадов — на смену асимметрии, свой-

ственной фасадам храмов второй половины XIV – начала XV в., приходит симметрия, декор имеет строчный характер, помимо общей вертикальной оси, которой подчиняется построение фасадов всех памятников новгородской церковной архитектуры, появляется и вторая, горизонтальная ось.

Новгородская архитектурная школа претерпела в XV столетии значительные трансформации, которые, однако, не привели к принципиальным изменениям во внешнем облике новгородского храма. Основной путь развития зодчества Новгорода во второй половине XV в. — создание все более камерных построек, уменьшались абсолютные размеры храмов, затеснялось их внутреннее пространство, происходило «сжатие», небольшому храмовому объему придавались цельность и компактность.

Развитие новгородской архитектурной школы после монгольского нашествия началось с поисков как в области конструкции, так и декора. Затем, во второй половине XIV — первой четверти XV в. происходит стабилизация типа, монументальные постройки имеют, как правило, развитую систему декора и цельное пространство интерьера с ярко выраженной вертикальной осью. В 1430—1470-е годы внедрение подцерковья существенно меняет интерьер храмов, появляются небольшие, лаконичные по архитектуре храмы, единственным украшением которых служат пояски декоративной кладки. На протяжении всех этих столетий на византийско-древнерусскую основу новгородской архитектуры накладывались разнообразные конструктивные и декоративные элементы, заимствованные в искусстве стран Балтийского моря. Творческое преобразование этих форм позволило новгородским зодчим создать свой, абсолютно оригинальный архитектурный язык. В истории русской архитектуры конца XIII—XV в. зодчество Новгорода остается уникальным явлением — только в Новгородской земле возводится тако большое количество каменных построек только в отношении Новгорода мы може последовательно рассматривать истори архитектуры на протяжении всех столе тий.

Важной страницей в истории новго родской архитектуры конца XIII—XV в было и церковное деревянное зодчество Утрата почти всех памятников этой эпо хи не позволяет, к сожалению, составит представление о типологии и характерны особенностях этих построек. Ко второ половине XIV — середине XV в., видимо относится Лазаревская церковь Муромско го монастыря на Онежском озере (ныне – в Музее-заповеднике «Кижи») — хра простейшего клетского типа, состоящи из двух срубов, перекрытых двускатными кровлями и увенчанный одной главой.

В 1478 г. Новгород стал частью Мос ковского государства. Вплоть до 1503 г церковное строительство в Новгородско земле практически не ведется. Крупней шее строительное начинание этой эпо хи связано с предпринятой по заказу ве ликого князя и архиепископа Геннади глобальной перестройкой новгородского Детинца (1484—1499). В конце XV — на чале XVI в. начинают возводить крепост Ивангород (1492, 1495—1500), реконстру ируют Окольный город Новгорода (1502— 1503). На этих работах, выполнявшихся видимо, под руководством приезжих ита льянских зодчих, были задействованы все новгородские строители.

Архитектура Пскова в 1360—1450-х годах. В 1365—1367 гг. псковичи возводят на фундаментах обрушившегося домонгольского храма новый Троицкий собор, просуществовавший до конца XVII в Храм XIV в. был, видимо, как и его предшественник, четырехстолпным с нартексом, трехапсидным, его окружали галереи и приделы у восточных углов, очевидно пристроенные позднее. Отдельные элементы в декоре фасадов Троицкого собора

(прежде всего, уступчатые лопатки) говорят о близости его архитектуры с зодчеством Новгорода XIV в. Троицкий собор в течение долгого времени служил основным образцом для псковских зодчих.

После освящения Троицкого собора каменное строительство в Пскове ведется практически непрерывно — с 1370 до конца 1450-х годов возводятся более 40 каменных церквей, а также укрепления Среднего города Пскова — новой оборонительной линии. Почти все эти постройки до нас не дошли, а большинство из них археологически не изучено. Некоторые сведения по этой теме дают раскопки храмов Довмонтова города в Пскове (работы Г. П. Гроздилова и В. Д. Белецкого).

Церковь Св. Кирилла (храм № 3[131]) 1374—1376 гг. — четырехстолпная трехапсидная с квадратными столбами, ее фасады разбиты широкими лопатками на три прясла, центральная апсида не очень сильно выступает на восток относительно боковых апсид (в отличие от последующей псковской традиции). Подобные архитектурные особенности храма связаны либо с ориентацией на структуру псковского Троицкого собора, либо на памятники домонгольской архитектуры в Пскове, например, на находившийся рядом храм Св. Дмитрия Солунского.

Иной характер имеет храм № 9 Довмонтова города (видимо, церковь Рождества Христова, 1388) — четырехстолпная одноапсидная постройка с крестчатыми столбами, фасады храма расчленены неширокими лопатками на три прясла, отличительной особенностью здания является наличие открытого крыльца. Храм построен с ориентацией на новгородское зодчество XIV в. (схема плана, решение угловых компартиментов, форма завершения ниш и проемов), однако многие из этих черт встречались еще в псковской архитектуре первой половины XIV столетия. Техника кладки здесь специфически псковская — из тесаной плиты, особый интерес представляет открытое крыльцо, аналогов которому мы в новгородской архитектурной традиции не находим.

Еще одна группа памятников, которую можно выделить благодаря раскопкам в Довмонтовом городе, — это так называемые «храмы с прямоугольными боковыми апсидами», т. е. с прямоугольными выступами по сторонам от центральной апсиды, расширяющими пространство диаконника и жертвенника (церкви № 1, 2, 4, датирующиеся в пределах середины XIV — середины XV в.). Возможно, что именно в это время в псковской архитектуре впервые появляются бесстолпные храмы — в 1385 г. в Довмонтовом городе строится церковь Феодора Стратилата, открытая раскопками В. Д. Белецкого.

Таким образом, в зодчестве Пскова второй половины XIV — середины XV в. наблюдается, с одной стороны, ориентация на домонгольское наследие или, что более вероятно, конкретно на формы Троицкого собора — главного храма города. С другой стороны, прослеживается стремление продолжить традиции архитектуры первой половины столетия, связанные с новгородскими корнями. И наконец, в архитектуре группы храмов с прямоугольными боковыми апсидами мы находим оригинальное композиционное решение, источник которого еще предстоит определить. Вероятно, именно во второй половине XIV — первой половине XV в. происходит оформление зодчества Пскова в самостоятельную архитектурную школу, для которой характерна как специфика используемых стро-

[131] В научной литературе раскрытые археологами Г. П. Гроздиловым и В. Д. Белецким храмы Довмонтова города называются по номерам, присвоенным им авторами раскопок, так как точно атрибутировать многие из этих построек пока затруднительно.

ительных материалов, так и необычная трактовка композиционной структуры построек.

Вторая половина XV — начало XVI в. В Псковской земле в это время ведется достаточно интенсивное строительство — почти каждый год строятся каменные храмы. В 1474 г. некоторые псковские мастера уезжают в Москву, где в течение 1470—1480-х годов работают по заказам великого князя (среди сохранившихся построек Духовская церковь в Троице-Сергиевом монастыре, церковь Ризоположения и Благовещенский собор в Московском Кремле). Тем не менее и в эти годы в Псковской земле продолжается строительство храмов, особенно интенсивное в 1490-е годы. Завершает историю архитектуры времени независимости Пскова строительство церкви Св. Алексея в Довмонтовом городе Пскова в 1508 г. (бесстолпный храм раскрыт раскопками В. Д. Белецкого).

Первый сохранившийся памятник архитектуры этого времени — церковь Успения в погосте Мелетово (1461—1462), возведенная по боярскому заказу. Мелетовский храм наглядно демонстрирует особый художественный язык псковской архитектуры — необычен план церкви с прямоугольными боковыми апсидами и скругленными столбами, повышенные подпружные арки, широкие лопатки. Во многом впечатление от Успенской церкви возникает благодаря пластичному характеру трактовки поверхности стены, в том числе и декоративных элементов, вызванному особенностями строительного материала — известняковой плиты. Уже к середине XV в. псковская архитектура, изначально тесно связанная с новгородской, оказывается абсолютно самостоятельным цельным явлением. Близок по архитектуре Мелетовской церкви псковский храм Косьмы и Дамиана с Примостья (1462—1463), обладающий и некоторыми своеобразными чертами, главная из которых — использование пониженных подпружных арок.

Возможно, 1470—1480-ми годами датируется сохранившаяся церковь Ильи Пророка в погосте Выбуты — небольшой четырехстолпный одноапсидный храм с хорами, восьмискатным покрытием основного объема и сводами, слитыми с подпружными арками. Не исключено, что подобное решение интерьера имели и некоторые другие памятники этой эпохи (церкви Рождества в Новой Уситве и Георгия в Камно).

В 1490-е годы в Пскове возводится несколько храмов, значительно отличающихся друг от друга по структуре плана и системе перекрытий, — церкви Георгия со Взвоза (1494, трехапсидный храм со слитыми сводами), Варлаама Хутынского на Званнице (1495, одноапсидная церковь с пониженными подпружными арками), Богоявления на Запсковье (1496, трехапсидный храм с повышенными подпружными арками). В 1496 г. строят бесстолпную Воскресенскую церковь в с. Пустое Воскресенье (храм со ступенчатыми сводами), еще в 1471 г. в самом Пскове появляется бесстолпный храм Никиты Гусятника (тип перекрытия со ступенчатой несущей распалубкой). Возможно, что к этой эпохе относится и целый ряд недатированных памятников, построенных в основном в псковских погостах (Николаевские церкви в погосте Верхний Мост и в Устье, церковь Михаила и Гавриила Архангелов в Кобыльем Городище и др.). Разнообразие применяемых в псковском зодчестве последних десятилетий XV в. типологических схем и систем сводчатых перекрытий, вероятнее всего, связано с ориентацией на образец, указанный заказчиком при строительстве, а также с конкретными задачами, стоявшими перед заказчиками и зодчими. Среди новаций в области декора следует отметить использование поливной керамики — изразцами укра-

шен барабан церкви Георгия со Взвоза, керамическая храмозданная надпись обнаружена на барабане церкви в с. Пустое Воскресенье.

Существует целый ряд черт, позволяющих рассматривать как составные части единой архитектурной традиции псковские храмы этой эпохи, столь различающиеся в конструктивном и типологическом отношении. Помимо традиционного для псковской архитектуры живописного характера трактовки стенной поверхности и пластичности декора, следует отметить интерес к усилению вертикализма форм в интерьерах церквей, особенно в храмах с повышенными подпружными арками и в бесстолпных церквях. Не удивительно, что в последующем строительстве ведущим становится тип храма с повышенными подпружными арками. Как и в более ранних постройках, в западной части храма обычно находятся хоры с палаткой-приделом в одном из углов и с деревянной лестницей в другом. В отличие от традиции других архитектурных школ Древней Руси в Пскове в XV в. не строятся храмы на подцерковье. Приметой псковского зодчества становится наличие большого количества голосников, в основном расположенных в парусах и люнетах стен в рукавах креста. Редкой особенностью архитектуры средневекового Пскова оказывается устройство открытых крылец-притворов.

Судя по исследованным памятникам, основным типом покрытия церквей было восьмискатное, если алтарная часть была трехапсидной, то центральная апсида обычно имела валиковые разводы, боковые оставались гладкими. Для украшения фасадов используется одинаковый набор декоративных элементов — пояски поребрик-бегунец-поребрик, треугольные бровки над окнами, аркатура в основании главы. Однако благодаря разнообразию типологических решений и разному масштабу построек памятники псковской архитектуры этой эпохи не кажутся сделанными по одному шаблону.

Псковская архитектурная школа, этапы формирования которой пока еще достаточно слабо изучены, к концу XV в. предстает очень ярким своеобразным явлением, выделяясь на фоне архитектуры Москвы и Новгорода разнообразием конструктивных решений и наличием определенного набора сочетаний декоративных элементов, остающихся неизменными почти во всех памятниках. То, что псковские зодчие в 1474 г. после обрушения Успенского собора Мышкина и Кривцова были приглашены в качестве экспертов в Москву, а затем продолжили строить по заказу великого князя, свидетельствует о чрезвычайно высоком уровне развития строительного ремесла в Пскове этого времени, а также о значительном авторитете псковских зодчих.

Глава 2

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО

Русское изобразительное искусство 1240—1360-х годов

Скульптура. Говорить о развитии пластического искусства периода, когда русская культура после монголо-татарского разорения переживала пору упадка, довольно трудно, особенно после блестящей эпохи расцвета, тесно связанной с владимиро-суздальским церковным зодчеством. Достижения мастеров каменной резьбы, однако, не могли исчезнуть в одночасье, и следовательно, традиция художественной обработки материала вряд ли совершенно оборвалась, не оставив каких-либо следов. Г. К. Вагнер тщательно проследил структурные изменения скульптуры Георгиевского собора Юрьева-Польского, датируемого 1230—1234 гг., отметив ее жанровые новшества и появление образов реальных людей, а также профильных рельефов[1]. Последние являются чуждыми для византийской иконографии, и их проникновение в европейское пластическое искусство воспринимается в контексте ренессансных явлений. Исследователь обратил внимание и на то, что рельефы между собой концептуально не связаны. Продолжая эти наблюдения, можно еще отметить, что в характере белокаменной резьбы заметны особенности моделировки образцов, выполненных из различного материала, требовавшего соответственной обработки. В их числе стеатитовые рельефы, получившие широкое распространение в Византии в XII—XIV вв.[2] Следовательно, копиисты не стремились к радикальной переработке своих моделей, что в конечном итоге приводило к разнохарактерности резьбы.

В любом случае Георгиевский собор в Юрьеве-Польском остается самым выдающимся сооружением домонгольского времени, украшенным сюжетной и декоративной резьбой, замыкающим собой ряд владимиро-суздальских храмов, сформированный во второй половине XII в.[3] Их пластическое оформление прослеживается в течение менее чем столетнего периода и характеризуется динамикой развития, испытавшей во второй четверти XIII в. явное воздействие изменившихся эстетических вкусов, а вместе с тем общей художественной концепции. Батыево нашествие и установившееся с 1242 г. иноземное владычество резко приостановили каменное строительство. Лишь в конце XIII в. оно возобновляется в Твери и Новгороде. Проблемным остается

[1] *Вагнер Г. К.* От символа к реальности: Развитие пластического образа в русском искусстве XIV—XV веков. М., 1980. С. 35—45.

[2] *Kalavrezou-Maxeiner I.* Byzantine Icons in Steatite. Wien, 1985. (Byzantina Vindobonensia; Bd. XV/1—2).

[3] *Вагнер Г. К.* Скульптура Владимиро-Суздальской Руси: Юрьев-Польской. М., 1964.

происхождение фрагментов белокаменной резьбы фасадного типа с территории Московского Кремля этого времени[4]. Не свидетельствует ли это об усилении воздействия на монументальную скульптуру мелкой пластики, проявившегося уже в Юрьеве-Польском?[5] Взаимоотношение архитектурной пластики и пластического искусства малых форм оказывается более существенным, чем это представляется на первый взгляд. По крайней мере есть конкретный пример воспроизведения во владимирской каменной резьбе константинопольского изделия из слоновой кости, датируемого серединой X в. и, по-видимому, находившегося в конце XII в. на Руси. Стремление проследить развитие монументально-декоративной пластики в первой половине XIV в. на московской почве приводит к резному поясу церкви Спаса на Бору 1329—1330 гг., отмеченному воздействием южнославянского искусства, в частности сербского архитектурного декора[6].

Дальнейшее развитие русской скульптуры прослеживается в основном в Новгороде, преимущественно на материале мелкой каменной пластики, становление которой связано с рубежом XIII—XIV вв.[7] Это не исключает выполнение в более раннее время в архаизированной манере иконок, по стилю идентичных новгородскому Перынскому каменному кресту, датируемому концом XIII в.[8] Известные прототипы этого произведения относятся к первым десятилетиям того же столетия. Около 1300 г. там же, в Новгороде, изготовлен массивный каменный Боровичский крест с рельефными изображениями, четырехконечный, со вписанной в круг его верхней частью[9]. Верхний и боковые концы креста круто расширяются, по форме напоминая секиру, а нижний, в форме трапеции, имеет прямой срез. Иконографическая схема, с трехфигурной деисусной композицией, полуфигурой архангела вверху и четырьмя избранными святыми, с такой же полуфигурой архангела над ними, в нижней части, явно восходит к алтарной преграде. Ее реплика примерно в это же время проникает и в народную деревянную резьбу, о чем свидетельствует резное тябло из Олонецкой губернии[10].

Рельефные изображения Боровичского креста по иконографии и стилю сближаются с новгородскими каменными иконками, обнаруживающими такую же линейную стилизацию в трактовке ликов, волос, бороды и особенно одежд, плоскость которых покрыта нанесенными в различном направлении штрихами. Эта группа изделий условно определяется как продукция «мастерской с чертами романо-готической пластики и византийской иконографии»[11]. Ее образцы выдаются высоким профессиональным уровнем резьбы и обычно имеют

---

[4] *Вагнер Г.К.* От символа к реальности. С. 51—70.

[5] *Пуцко В.Г.* Святые целители в каменной пластике Владимиро-Суздальской Руси: (Иконографические и стилистические параллели) // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки: (М-лы Междунар. науч. конф., посвященной 100-летию со дня рождения Г.Ф. Корзухиной). СПб., 2010. С. 405—410.

[6] *Вагнер Г.К.* От символа к реальности. С. 70—78. Ил. 37—40.

[7] *Пуцко В.Г.* Новгородская каменная резьба на рубеже XIII—XIV вв.: Становление традиции // НИС. СПб., 2003. Вып. 9 (19). С. 141—152.

[8] *Вагнер Г.К.* От символа к реальности. С. 143—144, 147. Рис. 99, 100; *Пуцко В.Г.* Перынский каменный крест // Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей. СПб., 1999. С. 164—172.

[9] *Порфиридов Н.Г.* Малоизвестный памятник древнерусской скульптуры: Каменный крест из Боровичей // Древнерусское искусство XV — начала XVI века. М., 1963. С. 184—195; *Вагнер Г.К.* От символа к реальности. С. 113—120. Ил. 68—72.

[10] *Вагнер Г.К.* От символа к реальности. С. 79—84. Ил. 43—46.

[11] *Николаева Т.В.* Древнерусская мелкая пластика из камня. XI—XV вв. // САИ. М., 1983. Вып. Е1—60. С. 29—30.

вырезанный «германский» крест — с перекрестьями на каждом конце[17]. Позволительно предполагать, что столь своеобразное соединение стилистических черт произошло еще в Византии[13]. Каменная мелкая пластика XIII—XIV вв. почти исключительно локализуется Новгородом, и, естественно, она представлена различными сериями изделий, вышедших из рук отличавшихся манерой резьбы мастеров[14]. Не все они вписываются в типологические ряды, что свидетельствует о присутствии носителей различных художественных традиций, не исключая сформированных в иных регионах византийско-славянского мира. Особый интерес представляют некоторые сюжеты новгородских каменных иконок этого периода. В одних случаях речь может идти о воспроизведении чтимых изображений[15]. В других — представлена паломническая тематика, связанная со Святой землей и находящая у современных исследователей неоднозначное понимание[16].

Центральным памятником деревянной скульптуры Новгорода XIV в. является датированный 1359 г. Людогощенский крест мастера Якова Федосова, широко известный в литературе[17]. Имя резчика, скрытое в тайнописи в конце вкладной надписи было прочитано академиком Б. А. Рыбаковым. Деревянный крест, размером 183 × 130 см, находился в церкви Флора и Лавра на Людогощей улице, в западной части Софийской стороны города, но первоначально мог стоять под открытым небом или под навесом. Его резьба в древности была раскрашена. Она сплошь покрывает лицевую сторону креста, с представленными на ней 18 медальонами с сюжетными изображениями, а также сплошными растительными узорами между ними, и на цилиндрической основе размещена обронная памятная надпись. Вид креста напоминает невысокое дерево с коротким круглым стволом и раскидистой кроной. В плоской резьбе медальонов получила отражение

[12] *Пуцко В. Г.* Новгородская каменная резьба на рубеже XIII—XIV вв. С. 148—151. Рис. 4, 5.

[13] *Он же.* Византийско-новгородские каменные иконы // Пилигримы: Историко-культурная роль паломничества: Сб. науч. трудов. СПб., 2001. С. 149—156.

[14] *Он же.* Средневековые мастера новгородской каменной резьбы малых форм // Краеугольный камень: Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран: 80-летию со дня рождения А. Н. Кирпичникова посвящается: В 2 т. М., 2010. Т. 2. С. 188—199.

[15] *Он же.* Русские иконы святителя Николая по данным мелкой каменной пластики XIII—XV веков // Почитание святителя Николая Чудотворца и его отражение в фольклоре, письменности и искусстве. М., 2007. С. 121—131.

[16] *Рындина А. В.* Особенности сложения иконографии в древнерусской мелкой пластике: «Гроб Господен» // ДРИ: Художественная культура Новгорода. М., 1968. С. 223—236; *Она же.* Древнерусские паломнические реликвии: Образ Небесного Иерусалима в каменных иконах XIII—XV вв. // Иерусалим в русской культуре. М., 1994. С. 63—85; *Беляев Л. А.* Элементы романской иконографии XII века в древнерусских изображениях Гроба Господня // *Беляев Л. А.* Русское средневековое надгробие: Белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII—XVII вв. М., 1996. С. 183—210; *Он же.* Элемент романской иконографии XII в. в древнерусских изображениях Гроба Господня // ДРИ: Русь и страны византийского мира. XII век. СПб., 2002. С. 539—553; *Пуцко В. Г.* «Гроб Господень» в каменной пластике средневекового Новгорода // ППС: Памяти Н. В. Пигулевской. СПб., 1998. Вып. 98 (35). С. 159—184; *Он же.* Каменные паломнические иконки из Новгорода // София. 2006. № 2. С. 11—14; *Он же.* Новгородская каменная иконка с тремя праздничными сюжетами // Диалог культур и народов средневековой Европы: К 60-летию со дня рождения Е. Н. Носова. СПб., 2010. С. 79—85.

[17] *Лазарев В. Н., Мнева Н. Е.* Памятник новгородской деревянной резьбы XIV века (Людогощенский крест) // Сообщ. Ин-та истории искусства Академии наук СССР. М., 1954. № 4—5. С. 145—166; *Вагнер Г. К.* От символа к реальности. С. 120—134; *Рыбаков Б. А.* Стригольники: Русские гуманисты XIV столетия. М., 1993. С. 108—149; *Рындина А. В.* Деревянная скульптура в новгородском храме: Людогощенский крест 1359—1360 гг. // Искусство христианского мира: Сб. статей. М., 2000. Вып. 4. С. 225—245; *Трифонова А.* Деревянная пластика Великого Новгорода XIV—XVII веков. М., 2010. С. 8—17. Кат. 1.

иконопись того времени. Представлены изображения Распятия, Деисуса, ангелов и святых. Их состав соответствует тем, кому были посвящены храмы Софийской стороны. Фигура креста образуется благодаря четырем отверстиям круглой формы, выделяющим его из древесной кроны. Изобразительная пластика с ее условными пропорциями фигур основана на народном творчестве с его сознательным архаизмом и стремлением к орнаментализации форм. В этом много общего с романским искусством, точнее — с его фольклоризированным направлением, характерным для провинциального творчества. Народная скульптура имеет свой арсенал выразительных средств, и было бы явной ошибкой оценивать мастерство новгородского резчика с позиций классического искусства, унаследовавшего эллинистические традиции.

О народных эстетических вкусах XIII—XIV вв. дают представление новгородские археологические находки деталей деревянной мебели, украшенной преимущественно контурной резьбой, с преобладанием плетенки различного варианта, с довольно разнообразными композициями[18]. Объемные фигуры среди детских игрушек появляются только в XIV в., и их распространение приходится в основном на более позднее время[19].

Монументальная живопись. Византийские стенописи XIII в. на константинопольской почве представлены только мозаиками Панагии Паригоритиссы и фресками мартирия св. Евфимии. Первые могут быть приписаны столичным мастерам условно, а вторые отличаются средним качественным уровнем и стандартной манерой исполнения. Более важными оказываются мозаики Панагии Паригоритиссы в Арте, основанной деспотом Никифором Комнином Дукой, умершим около 1290 г., и его женой Анной, племянницей императора Михаила VIII Палеолога. К группе провинциальных ориентализирующих памятников принадлежат фрагменты фресок Св. Софии в Никее. Более передовой стиль выдают росписи церкви Св. Софии в Трапезунде, выполненные при трапезундском императоре Мануиле (1238—1263), в тщательной технике и звучном колорите[20]. Более благоприятную почву стенописи нашли в Македонии и Сербии, где возникли фрески церкви Св. Николая в Мельнике и церкви Св. Николая в с. Манастир; последние выполнены в 1271 г. Но самыми значительными стали замечательные фрески церкви Св. Троицы в Сопочанах, написанные в период с 1263 по 1268 г.[21] Это высокие образцы нового стиля, со сценами, отличающимися пространственным характером, с крупными формами и большими плоскостями, с их легко обозримыми композициями.

Что происходит в это время на Руси? Почти прекратившееся строительство церквей начинает возобновляться лишь в конце XIII в. Некоторые из них были украшены фресками. Сохранились только частично росписи новгородской церкви Николы на Липне, выполненные между 1292 и 1299 гг. по заказу архиепископа Климента[22]. В алтаре изображены святители, выше которых была представлена Евхаристия, а над ней — возможно, «Богоматерь Живоносный источник». В тимпане восточной стены расположено «Сошествие Святого Духа на апостолов», ниже — «Преображение», хорошо вписанное в плоскость над дугой

[18] *Колчин Б. А.* Новгородские древности: Резное дерево // САИ. М., 1971. Вып. Е1-55. С. 25—27. Рис. 8, 9. Табл. 13—16. Кат. 111—122.

[19] Там же. С. 47—51. Рис. 19, 20. Табл. 38—42. Кат. 252—285.

[20] *Talbot Rice D.* The Church of Haghia Sophia at Trebizond. Edinburgh, 1968. P. 88—224. Pl. 24—79.

[21] *Ђурић В. Ј.* Сопоћани. Београд, 1963.

[22] *Царевская Т. Ю.* Новые данные о составе росписей церкви Николы на Липне // ДРИ: Русь. Византия. Балканы. XIII век. СПб., 1997. С. 413—431.

конхи. На северной и южной стенах ниже крупных фигур архангелов «Введение во храм» и «Сретение», под которыми изображения святых. Важно отметить существование стройной и продуманной программы декора, традиционной для Новгорода. В церкви существовал придел Климента, папы Римского, патронального святого новгородского архиепископа. Стиль стенописи отличается архаизмом[23].

В целом творческий опыт в области монументальной живописи не был утрачен, судя по следующему фресковому ансамблю — росписи собора Рождества Богородицы в Снетогорском монастыре, выполненной в 1313 г.[24] Принято считать ее принадлежащей местным псковским мастерам, работавшим в манере, в целом свойственной новгородским художникам. Она отличается импульсивностью, местами переходящей в экспрессию. Вопрос о количестве работавших здесь мастеров оказывается дискуссионным, поскольку не исключено творчество одного художника, судя по сходным техническим приемам моделировки формы, по системе белильных светов. Колебания исполнительской манеры могли зависеть от различных факторов, в том числе от площади дневного слоя штукатурки, от ее нагруженности, позволившей в одних случаях работать более тщательно, а в других — обобщать и упрощать, прибегая к соответствующим выработанным приемам. Но могли, конечно, работать и несколько мастеров под руководством главного, что хорошо известно в средневековой практике. Композиции росписи расположены на поверхности стен свободно и нерегулярно. Иногда даже не отделяются друг от друга разгранками. Интервалы между изображениями не совпадают с архитектурным пространством. Пластическая форма, последовательно моделируемая светом и тенью, соседствует с предельной стилизацией белильных светов, характерной для значительно более ранней византийской живописи. Однако там они не соотнесены с тенями, функция которых совпадает с функцией контурных описей. Это лишь стилизация пластических качеств изображения посредством светотеневых контрастов. Явно учтены принципы моделировки, отличающие византийскую живопись середины XIII в., впрочем, воспринятые не совсем адекватно. Пластическая выразительность достигается преимущественно за счет чередования ракурсов, фронтальных, трехчетвертных и профильных поворотов фигур. Эволюция форм XIII в. сводится к их упрощению, свойственному провинциальным произведениям. Они отражают народные вкусы, в значительной мере распространявшиеся и на монашескую среду.

Иконографическая программа снетогорских фресок стала понятной лишь после завершения их реставрации. Наиболее важным результатом оказалось выявление росписи конхи с изображением Тронной Богоматери с младенцем Христом и с фигурами двух склоненных архангелов. А на алтарном своде оказались фрагменты изображения Христа во славе; в софите восточной подпружной арки находится Десница Господня в медальоне,

---

[23] *Лазарев В. Н.* Древнерусские мозаики и фрески. XI—XV вв. М., 1973. С. 51—52.

[24] *Лазарев В. Н.* Снетогорские росписи // Сообщ. Ин-та истории искусств АН СССР. М., 1957. Вып. 8. С. 78—112; *Филатов В. В.* Особенности техники и состояние снетогорских росписей // Там же. С. 113—122; *Лифшиц Л. И.* О мастерах снетогорской росписи // ДРИ: Проблемы и атрибуции. М., 1977. С. 106—125; *Он же.* О стиле росписи Снетогорского монастыря // ДРИ: Монументальная живопись XI—XVII вв. М., 1980. С. 93—114; *Сарабьянов В. Д.* Иконографическая программа росписей собора Снетогорского монастыря (по материалам последних раскрытий) // ДРИ: Византия и Древняя Русь. СПб., 1999. С. 229—259; *Рождественская Т. В., Сарабьянов В. Д.* Сопроводительные надписи на фресках собора Рождества Богородицы Снетогорского монастыря // ДРИ: Художественная жизнь Пскова и искусство поздневизантийской эпохи. М., 2008. С. 99—120.

фланкированном фигурами Иоанна Предтечи и его отца — первосвященника Захарии. На лбу восточной арки помещен «Спас на убрусе», а над западной аркой существовал оплечный образ Спаса Эммануила; плоскость парусов украсили изображения евангелистов. В куполе было «Вознесение», с огромной фигурой сидящего на радуге в окружении небесного сияния Христа. В сочетании отмеченных сюжетов можно видеть ориентацию на традиции второй половины XII в., понятную в условиях вынужденного хронологического разрыва в выполнении росписей в регионе. По своему догматическому содержанию фрески вимы близки алтарной композиции новгородской церкви Благовещения в Аркажах (1189). Относительно других частей снетогорской росписи можно отметить присутствие иконографических элементов, характерных для развитой палеологовской эпохи. Так, в сложной композиции «Страшный суд» находится место для обличающего иудеев пророка Моисея; подробно иллюстрированы видения пророка Даниила, с множеством сопроводительных надписей, с уникальными фигурами символических зверей, неизвестными в византийском искусстве, как и представленное здесь пространство адской бездны с поименными персонажами. Оригинально расположение сцен из «Рождества Христова» в виде фриза, как на синайской иконе рубежа XI—XII вв., где, однако, нет хронологической последовательности. На западной стене северного рукава храма традиционное протоевангельское повествование завершают «Покров» и иллюстрация последнего икоса акафиста («Поющие Твое рождество»). Оригинальна и роспись жертвенника с «Гостеприимством Авраама» в конхе апсиды и с представленным в люнете западной стены «Жертвоприношением Авраама», рядом с которым размещены «Жертвоприношение Ильи на горе Кармил» и «Явление Моисею Неопалимой купины»; на полукружии стены апсиды — «Жертвоприношение Авеля и Каина», «Явление Христа ученикам в Эммаусе», «Иоанн Предтеча в темнице», а также «Поднесение главы Иоанна Предтечи Иродиаде». Появление этих сюжетов в жертвеннике в искусстве XIII в. становится понятным в контексте развития литургических программ. Здесь один из заключительных его этапов. Отмеченное в литературе сочетание богатства и новизны содержания снетогорских фресок с наличием архаических черт[25], как можно видеть из приведенных примеров, получает вполне конкретное объяснение.

В Новгороде возрождение монументальной живописи происходит во второй четверти XIV в. По свидетельству Новгородской первой летописи, в 1338 г. Исайя Гречин «с други» по поручению новгородского архиепископа Василия расписал церковь Входа в Иерусалим в Новгороде, построенную владыкой «на том месте, где теремец был». Роспись не сохранилась, как и построенный в XIV в. храм. Но сам факт приглашения греческого мастера заслуживает внимания. Несколько позже, в 1355 г., по заказу архиепископа Моисея построена каменная церковь архангела Михаила в Сковородском монастыре, на правом берегу Волхова напротив Юрьева монастыря, затем украшенная росписью. Ее датировали 1360—1361 гг.[26] Но предпочтение отдано более поздней датировке — рубежу XIV—XV вв.

Показательно, что уже в отмеченный период к украшению церквей стенописями обращается богатеющая и увеличивающая

[25] *Лазарев В. Н.* Древнерусские мозаики и фрески. С. 53.

[26] *Он же.* Росписи Сковородского монастыря в Новгороде // Памятники искусства, разрушенные немецкими захватчиками в СССР. М.; Л., 1948. С. 77—101; *Он же.* Древнерусские мозаики и фрески. С. 54—56. Ил. 295—301.

свой политический вес Москва. В Троицкой летописи под 1344 г. содержатся сведения о том, что «того же лѣта початы быша подписывати на Москвѣ двѣ церкви каменыи, святая Богородица, да святыи Михаилъ. Святую же Богородицы подписывали Греци, митрополичи письцы, Феогнестовы, да которого лѣта почали подписывати, того же лѣта и кончали подписывати ю; а святого Михаила подписывали руськия писцы, князя великаго Семеновы Ивановича, въ нихъ же бѣ старѣишины и начальници иконописцемъ Захария, Иосифъ, Николаи и прочая дружина ихъ; но ни половины церкви не могли того лѣта подписати, величества ради церкви тоя»[27]. В следующем 1345 г. «тое же весны почали подписывати церковь святого Спаса на Москве... старѣйшина иконьникомъ Гоитанъ»[28]. И там же, под 1346 г., сообщается, что «кончали подписывати три церкви на Москве каменыи, Св. Спаса и Св. Михаила, и Св. Ивана Лествичника». Следовательно, в течение трех лет были в Москве расписаны четыре церкви, причем одна из них приглашенными из Византии мастерами, что потребовало больших материальных затрат. Есть в указанное время в Москве и свои мастера, способные выполнить довольно внушительный объем работ, и ведущие из их числа известны по имени. Надо заметить, что, говоря о мастерах, расписывавших церковь Св. Спаса, Никоновская летопись добавляет: «...а мастеры старѣйшины и началницы быша Русстии родомъ, а Гречестии ученицы: Гоитанъ, и Семенъ, и Иванъ, и прочий ихъ ученицы и дружина»[29]. Отмеченное указание на сравнительно рано установившуюся связь Москвы с византийской художественной традицией, в основном представленной произведениями столичных мастерских, сыграло определяющую роль в выборе основного ориентира. Трудно не заметить, что и московское иконописание в целом развивается в следовании тому направлению, которое представлено именно Константинополем[30].

Упомянутые здесь стенописи не исчерпывают все, что было сделано в русской монументальной живописи в хронологических пределах 1240—1360 гг. Дополнительные сведения, статистического характера, могут дать археологические материалы, пока не введенные в научный оборот. Фрески диаконника Рождественского собора в Суздале, датируемые 1233 г., принято рассматривать вместе с предшествующими им живописными циклами такого же византинизирующего характера[31]. Сооруженный в 1285—1290 гг. Спасский собор в Твери, по сообщению Симеоновской летописи, был украшен стенописью в 1292 г. («Въ лѣто 6800 иконописци подписаша на Тфѣри церковь камену святого Спаса»)[32]. При проведении раскопок 2013—2015 гг. среди находок было обнаружено и 16 небольших фрагментов фресок[33]. Не исключено, что репликой утраченной ктиторской композиции цикла тверских фресок является широко известная, датируемая концом XIII — первой третью XIV в., выходная миниатюра лицевого тверского списка Хрони-

---

[27] *Приселков М.Д.* Троицкая летопись: Реконструкция текста. 2-е изд. СПб., 2002. С. 366.

[28] Там же. С. 367.

[29] ПСРЛ. СПб., 1885. Т. 10. С. 216.

[30] *Пуцко В.Г.* Византийский фактор в русской иконописи времени преподобного Сергия // Преподобный Сергий, «родом ростовец...»: М-лы конф. Ростов, 2014. С. 234—244; *Он же.* Русская иконопись времени Сергия Радонежского и Византия // Русское искусство. 2014. № 2 (42). С. 144—151.

[31] *Власов И.И.* Живопись 1233 г. в диаконнике Рождественского собора Суздаля и ее реконструкция // СА. 1976. № 1. С. 220—226.

[32] ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 18. С. 82.

[33] *Беляев Л.А., Сафарова И.А., Хохлов А.Н.* Спасо-Преображенский собор в тверском кремле: Итоги раскопок 2012—2014 гг. // РА. 2018. № 2. С. 148—161.

ки Георгия Амартола (РГБ. Ф. 173/1)[34]. На ней изображен Спас на престоле с предстоящими в молении тверским князем Михаилом Ярославичем и его матерью Оксиньей. По крайней мере, формальные черты композиции такому предположению не препятствуют.

Иконопись. Монголо-татарское вторжение более своеобразно отразилось на судьбе русского иконописания: в одних случаях его местные центры на какое-то время прекратили свое существование; другие — ощутив отрыв от Византии, заметно изменили характер своей продукции, за четверть столетия на первый план вышло народное творчество. Соответственно, упростились иконография и стиль, усилился схематизм. Судя по сохранившимся произведениям, церковная жизнь и художественная деятельность иконописных мастерских в некоторых центрах довольно быстро восстанавливаются. Иногда, по-видимому, мастера испытывают воздействие византийских икон, которые отмечены западными влияниями.

Трагические события 1240 г., сопровождавшиеся разрушением ряда киевских храмов, не привели к полному запустению города, и, в частности, не прекратилась жизнь в Киево-Печерском монастыре. Одним из работавших там иконописцев выполнен около 1288 г. для брянского князя Романа Михайловича список иконы «Богоматерь Печерская», размером 67 × 42 см, сохранившийся в брянском Свенском монастыре и дающий представление о более древнем оригинале знаменитой «наместной» иконе константинопольского происхождения XI в.[35] Это произведение по своей композиции, с фигурами предстоящих тронной Богоматери с Младенцем Христом на руках, преподобных Антония и Феодосия Печерских, воспринимается как ктиторский портрет. Воспроизведя ранний образец, мастер нарушил симметрию и классические формы, заметно изменил пропорции, представил образ Богоматери в ракурсе над аркадой. Присутствие архаизирующей экспрессии вызывало даже попытку датировать икону концом XI в.[36] Однако анализ живописной техники указывает именно на конец XIII в.[37] Изображениям Антония и Феодосия свойственна выразительная индивидуальная характеристика, при типологическом соответствии нормам византийской иконографии. Показательно, что в иконописи Волыни архаизация распространяется и на новые палеологовские модели, о чем свидетельствует выполненная около 1300 г. икона «Богоматерь Одигитрия Дорогобужская», размером 122 × 86 см, сравнительно недавно введенная в научный оборот[38].

Уже было замечено, что областные особенности русской иконописи до середины XIII в. выражены слабо, и это обстоятельство дает повод для различной локализации одних и тех же произведений[39]. Позже складываются местные художественные традиции, иногда стоящие по отношению

---

[34] *Попов Г. В.* Проблемы атрибуции первой выходной миниатюры Хроники Георгия Амартола // Русские исторические деятели в иконе: Тезисы докладов науч. конф., декабрь 1989 года. М., 1995. С. 7—10; *Преображенский А. С.* Ктиторские портреты средневековой Руси. XI — начало XVI века. М., 2012. С. 256—265.

[35] *Карабинов И. А.* «Наместная икона» древнего Киево-Печерского монастыря // Изв. Гос. академии материальной культуры. Л., 1927. Т. 5. С. 102—113; *Пуцко В.* Печерский ктиторский портрет // Зограф. Београд, 1982. № 13. С. 42—48.

[36] *Овчинников А. Н.* «Пантелеймон» из ГМИИ и «Богоматерь Печерская» из ГТГ в свете реставрационного исследования // Русское искусство XI—XIII вв.: Сб. статей. М., 1986. С. 52—61.

[37] Государственная Третьяковская галерея: Каталог собрания. М., 1995. Т. 1: Древнерусское искусство X — начала XV века. С. 70—72. Кат. 16.

[38] *Откович З.* До питання атрибуції, датування та реконструкції ікони «Богородиця-Одигітрія» XIII ст. з села Дорогобуж // Родовід. 1994. Чис. 8. С. 52—57.

[39] См.: Живопись домонгольской Руси: Каталог выставки / Сост. О. Корина. М., 1974.

друг к другу несколько особняком[40]. Наиболее заметно черты отчужденности от византийской классической традиции проявились в продукции юго-западных художественных центров, сохраняющей иконографические схемы, но вводя при этом совершенно иной стиль, с усиливающейся ролью графической линии[41]. Аналогичный процесс сопровождал кристаллизацию и стиля мастерских Северо-Западной и Северо-Восточной Руси. При этом в весьма незначительной степени затронул произведения элитарного уровня, выполненные с участием византийских художников.

Эволюция русской иконописи второй половины XIII в. исключительно подробно прослеживается в Новгороде, избежавшем вражеского разорения и сохранившем значительную часть своего художественного наследия[42]. Связующим звеном между новгородскими произведениями первой трети и второй половины XIII в. справедливо считают икону «Св. Никола», размером 67 × 52,5 см, из Свято-Духова монастыря в Новгороде, датируемую серединой XIII в.[43] По сторонам основного изображения в четырех медальонах представлены погрудные образы святых, почитаемых в Новгороде; на боковых полях наполовину срезанные фигуры шести святых, частично определяемых по фрагментарно сохранившимся сопроводительным надписям. В цветовой гамме преобладают смешанные ахроматические тона. Святы в медальонах исполнены иначе, чем полу фигура Николы. Во всем этом едва ли не впервые проявляются черты местного художественного стиля.

Особое место в истории новгородской иконописи второй половины XIII в занимают краснофонные иконы «Преподобный Иоанн Лествичник», размером 109 × 67 см, и «Спас на престоле», размером 106 × 73 см; первая и вторая происходят из поселка Крестцы, а теперь хранятся в Государственном Русском музее и в Государственной Третьяковской галерее[44]. Несмотря на примитивность исполнения обе иконы производят сильное впечатление своей линейной организацией и ярким колоритом, устремленным на таинственную цель взглядом. По сторонам Иоанна Лествичника небольшие фигуры Георгия-воина и Власия. Изображение тронного Спаса окружено вынесенными на обрамление Этимасией с ангелами, шестью фигурами и тремя погрудными изображениями избранных святых. Лаконичная декоративность усиливает воздействие этих икон на зрителя. По своему характеру с упомянутыми иконами могут быть соотнесены относящиеся к тому же времени царские врата, по высоте достигающие 137 см, из Троицкой церкви погоста Кривое на Северной Двине, украшенные изображениями Благовещения и святителей, составителей

[40] Подробнее см.: История русского искусства: В 13 т. М., 1954. Т. 2; М., 1955. Т. 3; *Алпатов М. В.* Всеобщая история искусств: В 3 т. М., 1955. Т. 3; *Вздорнов Г. И.* Живопись // Очерки русской культуры XIII—XV веков: В 2 ч. Ч. 2: Духовная культура. М., 1970; *Пуцко В. Г.* Локальные традиции в русской иконописи // ДРВМ. 2008. № 2 (32). С. 72—84.

[41] *Свєнціцька В. І.* Живопис XIV—XVI століть // Історія українського мистецтва. Київ, 1967. Т. 2. С. 208—274; *Пуцко В.* Іконопис // Історія українського мистецтва. Київ, 2010. Т. 2. С. 925—950.

[42] *Смирнова Э. С.* Живопись Великого Новгорода. Середина XIII — начало XV века. М., 1976; Иконы Великого Новгорода XI — начала XVI века. М., 2008.

[43] *Смирнова Э. С.* Живопись Великого Новгорода. С. 23—32, 150—156, 265—267. Кат. 1; *Шалина И. А.* Икона «Святой Никола» из Свято-Духова монастыря: Литургический смысл и экклесиологизация образа // ДРИ: Русь. Византия. Балканы. XIII век. СПб., 1997. С. 356—376.

[44] *Смирнова Э. С.* Живопись Великого Новгорода. С. 35—48, 157—165, 268—271. Кат. 2, 3; *Порфиридов Н. Г.* Два произведения станковой живописи XIII века // ДРИ: Художественная культура Новгорода. С. 140—144; Государственная Третьяковская галерея. Т. 1. С. 74—76. Кат. 18.

литургии[45]. Правда, здесь заметно больше наследие традиции, восходящей к ранним образцам, воздействие которых могло сказаться в пропорциях и позах.

Спокойную, величественную позу имеет св. Никола, изображенный на датированной 1294 г. крупной, размером 184 × 129 см, иконе, являвшейся храмовой в Липенском монастыре и сохранившей имя мастера — Алекса Петров[46]. Сооружение церкви Св. Николы на Липне в 1292 г. было осуществлено на том месте, где, по преданию, в 1113 г. обретена круглая икона «Св. Никола» — копия чудотворного образа, находившегося на хорах Софии Киевской. В иконографическом отношении произведение 1294 г. соответствует традиции, но вместе с тем рисунок обнаруживает родство с романской художественной средой, равно как покрой облачения, а также колорит и имитация реальных украшений. Это типично для больших итальянских образов. Стилистические элементы письма находят параллели в византинизирующих теченях позднероманского искусства, характерных для продукции мастерских крестоносцев. Отмеченные черты, разумеется, не делают произведение Алексы Петрова образцом европейской живописи, но позволяют представить контекст творчества новгородского мастера, сумевшего, кроме того, украсить поля иконы изображениями многочисленных святых из ряда наиболее почитаемых. О предполагаемых и отчасти даже прослеживаемых связях новгородской иконописи с позднероманской традицией позволяет говорить также икона «Св. Никола с житием», первой половины XIV в., размером 107,5 × 75 см, из Никольской церкви в погосте Озерево, входившем в Бежицкую пятину[47]. Икона исполнена в традициях XIII в., что не является редкостью для иконописания новгородских провинций этого времени.

Судя по иконе св. Николы, датированной 1294 г., в новгородской иконописи уже в конце XIII в. происходят существенные перемены. Об этом косвенно свидетельствует и активизация церковного строительства между 1296—1325 гг., предполагавшая выполнение большого количества икон. Возобновились связи с Византией, что обеспечило приток новых импульсов, вызвавших различные стилистические варианты[48]. В 1330—1350 гг. значительные художественные работы проведены по инициативе архиепископа Василия Калики (1331—1352), в том числе артелью грека Исайи расписана церковь Входа в Иерусалим (1338—1339), и около 1341 г. приезжими греческими художниками для Софийского собора в Новгороде выполнен праздничный чин: изображения двенадцати праздников на трех досках[49]. Кто-то из византийских мастеров примерно в это же время написал изображения на двусторонней древней иконе, позже увезенной из Новгорода и находящейся ныне в Успенском соборе Московского Кремля. Однако

---

[45] *Смирнова Э. С.* Живопись Великого Новгорода. С. 45, 166—170, 272—273. Кат. 4; *Пуцко В.* Царские врата из Кривецкого погоста: К истории алтарной преграды на Руси // Зборник за ликовне уметности. Нови Сад, 1975. Кн. 11. С. 51—78; Государственная Третьяковская галерея. Т. 1. С. 73—74. Кат. 17.

[46] *Смирнова Э. С.* Живопись Великого Новгорода. С. 46—48, 170—174, 274—275. Кат. 5; *Она же.* Икона Николы 1294 года мастера Алексы Петрова // ДРИ: Зарубежные связи. М., 1975. С. 81—105; Иконы Великого Новгорода XI — начала XVI века. С. 100—117 (текст Е.В. Гладышевой). Кат. 4.

[47] *Лихачева Л. Д.* «Икона Никола в житии» из погоста Озерево // Сообщ. Гос. Русского музея. М., 1974. Вып. 10. С. 91—96; *Смирнова Э. С.* Живопись Великого Новгорода. С. 76, 83, 199—203, 300—314. Кат. 13.

[48] Подробнее см.: *Пуцко В. Г.* Новые направления в русском искусстве XIV века // Russia Mediaevalis. München, 1979. Т. 4. S. 43—51.

[49] Иконы Великого Новгорода XI — начала XVI века. С. 130—152 (текст Э.С. Смирновой). Кат. 7—9.

привнесенные извне влияния лишь тонким слоем осели на новгородскую почву. Одно из прослеживаемых течений в иконописи данного периода обнаруживает интерес к новым явлениям, судя по осуществленному в первой трети XIV в. поновлению большой, размером 230 × 142 см, иконы X—XII в. с изображением Св. Георгия в рост, происходящей из Георгиевского собора Юрьева монастыря[50]. Другое течение, с преобладанием архаических черт, но со свободной и мягкой моделировкой ликов, указывающей на знакомство с новым стилем, нашло отражение в датируемой первой половиной XIV в. иконе Бориса и Глеба, размером 162 × 104 см, из Зверина монастыря[51]. В том же русле находился и мастер иконы «Воскресение — Сошествие во ад», размером 81 × 64 см, из собора Введенского монастыря в Тихвине, отличающейся оригинальными элементами своей иконографии[52].

Количественно в этот период преобладают иконы, отражающие местные течения и характеризующие устойчивость локальных традиций Новгорода. Надо подчеркнуть, что они происходят в основном из сельских церквей бывших новгородских провинций, и поэтому их отнесение к продукции городских мастерских оказывается проблематичным. По справедливому замечанию, «в этом искусстве слабо выражено поступательное развитие, оно любит испытанную традицию, но в ее рамках изобретательно добивается вариантов»[53]. Среди образцов произведений данной группы оказываются иконы: «Св Никола с житием» из Никольской церкви погоста Любони; «Чудо Георгия о змие с житием» из собрания М.П. Погодина; «Св. Никола» и «апостол Филипп» из Ильинской часовни деревни Телятниково в Заонежье близ Кижей[54]. К этой группе несколько тяготеет датируемая теперь серединой XIV в. икона «Рождество Богоматери», размером 113 × 77 см, из собрания С.П. Рябушинского, приобретенная в Твери[55]. Но ее иконография развитого варианта, лики утрированно-объемных форм ограничены темным контуром, особенно обращают на себя внимание острые, пристальные взгляды. Создается впечатление неадекватно воспринятого иконописцем современного ему качественного образца византийского круга.

Параллельно и в то же время довольно своеобразно развивалась иконопись Пскова. Ее наиболее ранние сохранившиеся произведения обращают на себя внимание монументальностью и стилистическим архаизмом. Издание дошедших до нашего времени псковских икон существенно облегчило их дальнейшее изучение[56]. Стали более очевидными те особенности, на которые уже указывали художники-реставраторы, в частности на романские влияния[57]. Отмечали они и применение олова для покрытия фона.

Самой древней псковской иконой, датируемой серединой — второй половиной XIII в., является икона с изображением Ильи Пророка в пустыне, с житием и Де-

---

[50] *Смирнова Э.С.* Живопись Великого Новгорода. С. 70, 175—178, 71, 276. Кат. 6; Государственная Третьяковская галерея. Т. 1. С. 45—47. Кат. 6.

[51] *Смирнова Э.С.* Живопись Великого Новгорода. С. 70, 178—180, 277—279. Кат. 7.

[52] Там же. С. 74, 181—184, 280—281. Кат. 8; Иконы Великого Новгорода XI — начала XVI века. С. 124—129 (текст Е.В. Гладышевой). Кат. 6.

[53] *Смирнова Э.С.* Живопись Великого Новгорода. С. 73.

[54] Там же. С. 75—82, 184—197, 282—298. Кат. 9—11.

[55] Там же. С. 84, 204—206, 85, 315—317. Кат. 14; Государственная Третьяковская галерея. Т. 1. С. 78—80. Кат. 20.

[56] *Алпатов М.В., Родникова И.С.* Псковская икона XIII—XVI веков. Л., 1983; Иконы Пскова. М., 2006.

[57] *Овчинников А., Кишилов Н.* Живопись древнего Пскова. XIII—XVI века. М., 1971. С. 6—8.

исусом, размером 141 × 111 см, из церкви Ильи Пророка в с. Выбуты близ Пскова[58]. Она широко известна в литературе, ей посвящены специальные исследования[59]. Это также самая ранняя из дошедших до нас русских житийных икон, ставших очень популярными на Руси уже вскоре после их появления в Византии[60]. Ее уникальность объяснима не только оригинальностью композиционного построения, выраженной в соединении на полях Деисуса с житийным циклом, но и в сюжетном составе последнего, а также в его живописной интерпретации. Оценивая икону с художественной стороны, надо отметить высокий профессиональный уровень мастера, пишущего тонким лессировочным слоем по левкасу, почти не моделируя теней и нанося по золотистой охре высветления белилами без предварительного охрения, роль которого выполняет светлый санкирь. Столь же монументальными по своему характеру являются икона «Богоматерь Одигитрия» рубежа XIII—XIV в., размером 130 × 102 см, из церкви Николы «от Кожи» в Пскове, икона «Успение Богоматери» первой четверти XIV в., размером 135 × 100 см, икона «Св. Никола» середины XIV в., размером 141 × 102 см, из церкви Николы «от Кожи», где она являлась храмовой[61]. В этот же ряд следует включить датируемые рубежом XIII—XIV вв. икону «Богоявление», размером 90 × 67,5 см, из церкви на Пароменье в Пскове, хранящуюся в Государственном Эрмитаже[62], и икону «Богоматерь Одигитрия», размером 150 × 125 см, в Псковском музее-заповеднике[63]. Иконографической особенностью последнего произведения служат характерные для западной художественной традиции фигуры кадящих ангелов. В более жесткой манере, с широким применением ассиста, выполнены хранящиеся в Государственном Русском музее икона «Богоматерь Одигитрия» первой половины XIV в., размером 82,5 × 60,3 см, из Корсунско-Богородицкого собора в Торопце, и икона «Деисус», около середины XIV в., размером 141,3 × 110,2 см, из церкви Николы «от Кожи» в Пскове[64]. Последняя из упомянутых икон даже сохранила свой оклад второй половины XIV в., представляющий ее первоначальный убор[65].

Широкое письмо с обобщенными силуэтами фигур и глуховатый колорит ранних псковских икон служат причиной того, что они заметно отличаются от продукции иных современных им русских художественных центров. Над этими иконами как бы незримо витает призрак воздействия западной культуры. Конечно, можно обнаружить некоторые точки соприкосновения с сакральным искусством европейской традиции[66]. Но их явно недостаточно, чтобы заподозрить псковских иконописцев в следовании «латинским» образцам. Эту роль могли выполнять

---

[58] Государственная Третьяковская галерея. Т. 1. С. 87—89. Кат. 28.

[59] *Лифшиц Л. И.* Заметки о стиле житийной иконы «Илья Пророк» из села Выбуты первой половины — середины XIII в. // ДРИ: Русь. Византия. Балканы. XIII век. С. 326—343; *Реформатская М. А.* Об особенностях композиционного построения иконы «Илья Пророк» из села Выбуты // Там же. С. 344—353.

[60] *Пуцко В. Г.* Ранняя русская житийная икона: Проблемы изучения // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2014. № 2 (56). С. 21—31.

[61] Государственная Третьяковская галерея. Т. 1. С. 89—95. Кат. 27—29.

[62] *Овчинников А., Кишилов Н.* Живопись древнего Пскова. С. 8. Ил. 8, 9. Кат. 4.

[63] Иконы Пскова. С. 36—39. Кат. 1.

[64] *Шалина И. А.* Псковские иконы XIV—XV вв. из собрания ГРМ: Вопросы стиля и времени создания // ДРИ: Художественная жизнь Пскова и искусство поздневизантийской эпохи. С. 168—174, 178—180.

[65] *Сосновцева И. В.* Оклад древнего «Деисуса» из церкви Николы от Кож в Пскове (дополнение к дипломной работе 1979 года) // Seminarium Bulkinianum. СПб., 2017. Т. 4 С. 190—214.

[66] См.: *Бельтинг Х.* Образ и культ: История образа до эпохи искусства / Пер. с нем. К. А. Пиганович. М., 2002.

лишь иконы, вышедшие из византийских мастерских, обслуживавших крестоносцев. Им посвящена обширная литература, дающая сравнительный материал. Ввозили ли такие иконы на Русь? Если нет, то источник позже ставшей слишком заметной западной иконографии у псковских иконописцев не найти. И роль крестоносцев, скорее косвенная, в экспансии на Русь западных художественных форм выглядит в таком случае весьма правдоподобной[67]. Последующая эпоха принесла новые возможности для культурного взаимодействия, частично получившие такое же отражение в искусстве[68].

Центры иконописания в рассматриваемый период существовали также в Северо-Восточной Руси, и одним из них, несомненно, был Ростов, являвшийся центром обширной епархии. Оттуда, вероятнее всего, происходит икона «Богоматерь Умиление», размером 155 × 106,3 см, обнаруженная в Белозерске и относимая нередко к числу новгородских произведений[69]. Но существует мнение и о ее ростовском происхождении[70]. До середины XIV в. икона находилась в церкви древнего Белозерска[71]. Ее выполнение явно связано со временем ростовского князя Глеба Васильковича, получившего ярлык хана на белозерское княжение в 1248 г., но отправившегося туда лишь в 1251 г. Изображение Богоматери обнаруживает близость к византийской иконописи XII в., а украшение обрамления медальонами с полуфигурами пророков находит параллель в образцах живописи и пластики рубежа XII—XIII вв. Типология изображений в медальонах, однако, свидетельствует о более позднем выполнении, ближе к середине XIII в.[72] Икона написана на серебряном фоне, а медальоны имеют розовые и голубые фоны, скорее всего, обязанные послужившим образцами миниатюрам или перегородчатым эмалям. Не исключено, что сохранившееся произведение является списком хранившегося в Успенском соборе Ростова оригинала, преданием приписываемого кисти преподобного Алипия Печерского. Технические приемы моделировки ликов пророков делают вероятным предположение о причастности к выполнению греческого мастера.

Отмеченная икона, конечно, не характеризует продукцию ростовской иконописной мастерской XIII в. в целом. В ней могли трудиться как опытные художники с хорошей профессиональной выучкой так и явно не в совершенстве постигшие изысканное искусство высоких образцов. Исследователи устойчиво локализуют Ростовом выполнение иконы «Собор архангелов Михаила и Гавриила», размером 165 × 118 см, во второй половине XIII в.

---

[67] *Пуцко В.* Крестоносцы и западные тенденции в искусстве Руси XII — начала XIV в. // Actes du XVe Congrés International d'études byzantines. Athènes, 1976. Vol. 2: Art et archèologie. Communications. Athènes 1981. С. 953—972.

[68] *Лазарев В. Н.* Искусство средневековой Руси и Запад (XI—XV вв.). (XIII Междунар. конгресс исторических наук. Москва, 16—23 августа 1970 г.). М., 1970.

[69] Живопись домонгольской Руси: Каталог выставки. М., 1974. С. 68—70. Кат. 13; *Лазарев В. Н.* Русская иконопись: От истоков до начала XVI века. М., 1983. С. 38, 166. Кат. 11.

[70] *Антонова В. И.* К вопросу о первоначальной композиции иконы Владимирской Богоматери // ВВ. М., 1961. Т. 18. С. 204. Рис. 7; *Она же.* Заметки о Ростово-суздальской школе живописи // Ростово-суздальская школа живописи: Каталог выставки. М., 1967. С. 10, 32—35, 77. Кат. 2. Икона отнесена к середине XII в.

[71] *Гордиенко Э. А.* О происхождении двух белозерских икон XIII в. // Искусство Руси, Византии и Балкан XIII века: Тезисы докладов конф. Москва, сентябрь 1994 г. СПб., 1994. С. 39—40; *Вилинбахова Т. Б.* Об иконе «Богоматерь Умиление (Белозерская)» // Там же. С. 40—41.

[72] *Пуцко В. Г.* Икона «Богоматерь Белозерская» и проблемы византийско-русских художественных параллелей XIII в. // Реставрация и исследование памятников культуры Русского Севера: Сб. статей. Вологда, 2011. С. 19—21.

для Михаило-Архангельского монастыря в Великом Устюге[73]. Ее композиция представляет стоящих в рост в фронтальной позе архангелов в лоратных одеяниях, с рипидами, держащих медальон с погрудным образом Христа Эммануила как символ иконопочитания. Фигуры удлиненных пропорций. Колорит отличается пригашенностью цвета. Живопись выполнена жидкой краской. Обращает на себя внимание орнаментированный позем. При воспроизведении византийского образца, характерного для XIII в., мастер допускает упрощения, свидетельствующие о недостаточном представлении особенностей одежды «таксиархов», обнаруживает склонность к фольклоризации. Если учесть, что основание монастыря в Великом Устюге относится к 1272 либо 1276 г., то примерно тогда же надо предположить выполнение этой храмовой иконы. Попутно следует заметить, что во второй половине XIII в. из рук ростовских иконописцев выходили и более упрощенные по манере произведения, такие как выносная икона из церкви Иоанна Богослова на Ишне[74]. Они отражают главным образом определенные эстетические вкусы демократической среды, заметно отличавшиеся от свойственных элитарному искусству той же эпохи.

Указанные два произведения напоминают об имевшем место кризисе в развитии иконописания, вызванном ослаблением византийско-русских культурных связей. Положение улучшилось к концу XIII в., о чем свидетельствуют иконы, сохранившиеся в Ярославле. Одна из них с изображением архангела Михаила, размером 154 × 90 см, из Спасского монастыря, являвшаяся храмовой церкви Архангела Михаила на р. Которосли, возобновленной около 1300 г. после уничтожения ее татарами[75]. Архангел представлен фронтально в рост, в красно-коричневом далматике с лором, украшенным камнями и жемчугом, с накинутым поверх красным плащом с концами, скрепленными у шеи застежкой с синим камнем. Ноги обуты в красные сапожки. Правой рукой Михаил опирается на тонкое мерило, держа в левой медальон с погрудным образом Христа Эммануила. Контрастно выделяются коричневые крылья с серыми и белыми подпаротками. Фон белый с красной полоской по лузге, позем бирюзово-зеленого цвета. Лик написан по темно-оливковому санкирю охрой с яркой подрумянкой. Обрамляющие его темнорусые кудрявые волосы с синей перевезью. Эта икона из княжеского храма явно ориентирована на воспроизведение более раннего оригинала, но не является его копией. Мастер предпочел асимметричную композицию, ослабляющую впечатление статичности, но при этом сохранил статуарную торжественность, свойственную монументальной живописи.

Икона «Богоматерь Умиление на престоле» («Толгская Первая»), размером 140 × 92 см, датируемая концом XIII в., происходит из Крестовоздвиженской церк-

[73] *Вздорнов Г. И.* Икона «Собор архангелов Михаила и Гавриила» из Великого Устюга // Сообщ. Всесоюзной центральной науч.-исслед. лаборатории по консервации и реставрации музейных художественных ценностей. М., 1971. Вып. 27. С. 141—162; *Лазарев В. Н.* Русская иконопись. С. 46—47, 169. Кат. 29; *Смирнова Э. С.* Иконы Северо-Восточной Руси. Середина XIII — середина XIV века. М., 2004. С. 208—211. Кат. 5.

[74] *Мельник А. Г.* Старейшая икона Ростовского музея // Средневековая Русь. М., 2001. Вып. 3. С. 184—190; *Смирнова Э. С.* Иконы Северо-Восточной Руси. С. 199—206. Кат. 4.

[75] *Медведева Е. С.* Определение происхождения и смыслового значения «лоратного» типа изображения архангела (в связи с иконой Архангела Михаила конца XIII века из Третьяковской галереи) // VII Науч. чтения памяти И. П. Болотцевой (1944—1995): Сб. статей. Ярославль, 2003. С. 160—176; *Масленицын С. И.* Ярославская иконопись. М., 1973. С. 12. Табл. 8, 9; *Лазарев Б. Н.* Русская иконопись. С. 44, 168. Кат. 24; Государственная Третьяковская галерея. Т. 1. С. 109—111. Кат. 41; *Смирнова Э. С.* Иконы Северо-Восточной Руси. С. 212—217. Кат. 6.

ви Толгского монастыря близ Ярославля (опилена сверху и снизу). А. И. Анисимов видел в ней свободную комбинацию отдельных элементов различных византийских икон или повторение неизвестного оригинала[76]. Это находит подтверждение в композиции византийской золотой чеканной иконки конца XII в. Изображение восседающей на троне Елеусы со стоящим на ее коленях Младенцем, прижимающимся к ее щеке, представленное на серебряном фоне, имеет иконографические параллели также в западном искусстве XII—XIII вв., как и включенные в композицию ангелы[77]. Вероятнее всего, живопись ориентирована на византийский оригинал с определенными проторенессансными воздействиями, обнаруживаемыми в отдельных деталях. В любом случае произведение становится понятным лишь с учетом широкого историко-художественного контекста. О происхождении иконы высказывались различные суждения[78]. Это свидетельствует о своеобразии иконографического образа, привнесенного в русскую иконопись. Другая икона «Богоматери Умиление Толгская» («Толгская Вторая»), размером 61,5 × 48 см, датируемая концом XIII — началом XIV в., почитаемая как явленная, вероятнее всего, тоже повторяет византийский образец, притом константинопольского происхождения, однако с признаками стилистической изолированности, с введением монументальных форм и некоторой архаизации. Все это, даже при самом тщательном анализе живописи, заставляет проявить осторожность в определении места иконы в общем художественном процессе Северо-Восточной Руси[79].

Исторически связана с Ростовом икона «Спас Нерукотворный», размером 89 × 70 см, происходящая из древней деревянной посадской церкви на Борисоглебской стороне, сгоревшей в начале XVIII в., позже находившаяся во Введенской церкви[80]. Спас имеет широкий лик, обрамленный пышной копной темных волос и окладистой бородой, раздвоенной на конце, с легкими завитками. Окруженная нимбом с синим перекрестьем голова контрастно выделяется на белом полотнище Мандилиона, с сопроводительной надписью в медальонах. Воспроизведена традиционная византийская схема, получившая распространение в иконописи после 944 г., когда образ был перенесен из Эдессы в Константинополь и помещен в церкви Богоматери Фаросской Большого императорского дворца. Лик на ростовской иконе выполнен светлой охрой с яркой подрумянкой по темно-оливковому санкирю, глаза обведены черными линиями. Нос высветлен белилами и обведен темной линией. Свободная живописная манера и строгое следование более раннему византийскому оригиналу указывают на последнюю четверть XIII в. как на время выполнения этой иконы[81]. Ростовская иконопись XIV в. более фольклоризирована. Сказанное относится прежде всего к ро-

[76] *Анисимов А.* Домонгольский период древнерусской живописи // Вопросы реставрации. М., 1928. Вып. 2. С. 161—164, 171.

[77] *Пятницкий Ю. А.* Византийская золотая иконка «Богоматерь Умиление» из собрания Эрмитажа // Москвіа: Проблемы византийской и новогреческой филологии. М., 2001. С. 391—403. Рис. 1.

[78] *Масленицын С. И.* Ярославская иконопись. С. 15—17. Табл. 13, 14; *Лазарев В. Н.* Русская иконопись. С. 44, 168. Кат. 25; Государственная Третьяковская галерея. Т. 1. С. 107—108. Кат. 39; *Смирнова Э. С.* Иконы Северо-Восточной Руси. С. 191—198. Кат. 3.

[79] См.: *Смирнова Э. С.* Иконы Северо-Восточной Руси. С. 225—229. Кат. 8.

[80] *Лазарев В. Н.* Русская иконопись. С. 128, 501. Кат. 131; Государственная Третьяковская галерея. Т. 1. С. 108—109. Кат. 40; *Смирнова Э. С.* Иконы Северо-Восточной Руси. С. 218—225. Кат. 7; Спас Нерукотворный в русской иконе. М., 2005. С. 222, 223. Кат. 3.

[81] *Пуцко В. Г.* Ростовская икона Спаса Нерукотворного // История и культура Ростовской земли. 2003. Ростов, 2004. С. 341—353.

стовской провинции, где, однако, встречаются порой интересные произведения, обнаруживающие оригинальную интерпретацию классицирующих оригиналов. Ростовские и ярославские иконы XIII в. в целом не выпадают из широких рамок византийского контекста[82].

Из всех произведений иконописи, связанных своим происхождением с Владимиром, уцелела только икона «Богоматерь Максимовская», размером 166 × 66 см, надгробная, переселившегося сюда из Киева в 1289 г. и скончавшегося здесь митрополита Максима в 1305 г.[83] Богоматерь с Младенцем представлена в рост, вручающей стоящему на высокой башне облаченному в полиставрий Максиму омофор, символизирующий его епископское достоинство. Композиция, выполненная около 1305 г., при всей своей оригинальности сопоставима с византийскими и западными, относящимися к IX—XIII вв. и известными как ктиторские, а также надгробные. Фигура митрополита типологически соответствует его изображению на шитом воздухе 1389 г. По преданию, запечатлено видение этого святителя, и в таком случае следует говорить о появлении произведения лишь после его смерти, в пользу чего свидетельствует и форма иконной доски. Изысканные пропорции фигур и мягкий сдержанный колорит служат признаками элитарного письма. Иное в данном случае нельзя было и предположить.

Судить об общем характере владимирской и суздальской иконописи первой половины XIV в. практически невозможно, по причине отсутствия ее образцов. К 1360-м годам принято относить двустороннюю икону, размером 68 × 46 см, с изображениями Спаса Вседержителя и Богоматери Одигитрии, из собора Покровского монастыря в Суздале[84]. Выполнивший ее мастер обнаруживает следование константинопольскому оригиналу примерно того же времени, но не владеет искусством моделировки объемов, что отличает лучшие византийские образцы. Сам факт следования палеологовской традиции представляет положительное явление. Труднее объективно оценить написанную примерно тогда же икону «Покров», размером 68 × 44 см, из Покровского монастыря, где она была, скорее всего, храмовой[85]. Это наиболее ранний пример композиции, представляющей простершую свой мафорий Богоматерь над молящимися, среди которых в центре на амвоне Роман Сладкопевец в «дьяковской» короткой фелони, с раскрытым свитком в руке. Архитектурные кулисы с палатой и башней производят впечатление адаптации классического мотива с приближением к реалиям. Художественный уровень исполнения вряд ли можно считать высоким.

Из Дмитриевского монастыря в Кашине происходит датируемая второй половиной XIII в. икона «Богоматерь Умиление (Страстная)», размером 122 × 78,5 см, с ликами, исполненными по бледно-охристому основному тону путем наложения жидких слоев розоватой охры и несколько разбеленных лессировок, без специальных теневых участков, с использованием дополнительных линий конту-

---

[82] *Пуцко В. Г.* Ярославские и ростовские иконы XIII в. в византийском историко-художественном контексте // Сообщ. Ростовского музея. Ростов, 2012. Вып. 19. С. 196—209.

[83] *Смирнова Э. С.* Икона Богоматери Максимовской: Возрождение русской художественной традиции в конце XIII в. // ДРИ: Проблемы атрибуции. М., 1993. С. 72—93; *Пуцко В. Г.* Икона Богоматери Максимовской: Сакральный образ и ктиторский портрет // Рождественские чтения. Ковров, 1995. Вып. 2. С. 9—16; *Смирнова Э. С.* Иконы Северо-Восточной Руси. С. 230—237. Кат. 9; Иконы Владимира и Суздаля. М., 2006. С. 50—57 (текст М. А. Быковой и А. С. Преображенского). Кат. 2.

[84] Государственная Третьяковская галерея. Т. 1. С. 119—120. Кат. 47.

[85] Там же. С. 121. Кат. 48.

ра[86]. Иконография сближает этот образ с иконой «Богоматерь Федоровская», около 1272—1276 гг., а также с рядом византийских произведений. Определенные стилистические параллели есть в ростовской иконописи, не исключающие общее происхождение с ее образцами, что не противоречит преданию об основании монастыря ростовским князем Дмитрием Борисовичем (1253—1294).

С конца XIII в. выходит на самостоятельный путь развития также тверская иконопись, о чем свидетельствует сооруженный в это время в Твери каменный Спасо-Преображенский собор, украшенный фресками. Сохранилась датируемая первой половиной XIV в. икона «Спас Вседержитель», размером 108 × 81 см, свидетельствующая об архаизме художественных традиций и о стойкости византийской иконографии[87]. Живопись отличается суровым колоритом, роднящим ее с балканскими произведениями.

Как ни удивительно, труднее всего проследить истоки московской иконописи, даже с учетом изучения замечательных икон из Успенского собора Московского Кремля[88]. Это датируемая первой третью XIV в. икона с оплечным изображением Спаса, размером 104 × 82 см, и икона «Спас Ярое око», размером 100 × 77 см, теперь относимая к середине — третьей четверти XIV в. Происхождение первой из них предположительно связывают с Ростовом, а второй, столь же условно, — с Москвой или Новгородом[89]. Однако это предположение не было принято, и в каталоге икон Успенского собора обе представлены как московские, первой четверти и середины XIV в.[90] Примерно так полагал и В.Н. Лазарев[91]. Посвященные данным иконам специальные статьи в сущности лишь представили их византийский художественный фон[92]. Наиболее яркой и объективной остается характеристика данная Г.И. Вздорновым: «В миниатюре Сийского евангелия и в иконе “Спас Ярое око” черты будущего московского искусства почти не прослеживаются. Между тем это центральные памятники московской живописи первой половины XIV в., так как рукопись, по указанию весьма обширного послесловия, изготовлена по личному заказу Ивана Калиты, а икона написана для кафедрального митрополичьего Успенского собора. Это дает основание думать, что первая половина XIV в. была для московской живописи еще таким периодом, когда она развивалась на сравнительно неширокой основе как одно из побочных направлений ростово-ярославского искусства»[93]. К сказанному можно добавить, что иные московские иконы указанного времени с достоверными происхождением и датировкой неизвестны.

Прослеживая динамику развития русской иконописи, приходится ограничиться наиболее показательными памятниками,

---

[86] *Сарабьянов В. Д.* «Богоматерь Страстная» из Дмитриевского монастыря в Кашине // ДРИ: Русь. Византия. Балканы. XIII век. С. 311—325; *Смирнова Э. С.* Иконы Северо-Восточной Руси. С. 187—191. Кат. 2.

[87] *Попов Г. В., Рындина А. В.* Живопись и прикладное искусство Твери. XIV—XVI века. М., 1979. С. 41—48, 260—261. Кат. 2; Государственная Третьяковская галерея. Т. 1. С. 130—131. Кат. 55.

[88] *Жидков Г. В.* Московская живопись середины XIV века. М., 1928.

[89] *Смирнова Э. С.* Иконы Северо-Восточной Руси. С. 238—242, 288—292. Кат. 10, 18.

[90] Иконы Успенского собора Московского Кремля. XI — начало XV века: Каталог. М., 2007. С. 98—102, 103—107 (текст Е.Я. Осташенко). Кат. 6, 7.

[91] *Лазарев В.Н.* Московская школа иконописи. М., 1971. С. 9—11. Табл. 12, 13.

[92] *Попова О.С.* Икона Спаса из Успенского собора Московского Кремля // ДРИ: Зарубежные связи. С. 125—146; *Она же.* Икона «Спас Ярое око» из Успенского собора Московского Кремля // ДРИ: Проблемы и атрибуции. С. 126—148.

[93] *Вздорнов Г.И.* Живопись // Очерки русской культуры XIII—XV веков. Ч. 2: Духовная культура. С. 274—275.

не привлекая провинциальные, не лишенные общего интереса, но выдвигающие иные проблемы. В частности это относится к иконам, манера выполнения которых граничит с народным примитивом.

Книжное искусство. Даже в самые тяжелые периоды жизнь продолжалась, и, следовательно, происходило развитие ее существенного составляющего — духовной культуры общества. По-прежнему переписывали книги, совершенствуя искусство каллиграфии, нередко украшали их крупными буквицами, орнаментальными мотивами, а иногда и сюжетными миниатюрами. В оформлении рукописей проявлялся стиль эпохи. Миниатюра занимает в нем весьма заметное место, но извлеченная из книжного блока, она превращается в серию иллюстраций к утерянному тексту[94]. Тем самым утрачивается понимание ее функции, тонко воспринимаемой в эпоху Средневековья.

В середине и второй половине XIII в. книгописание прослеживается в основном в тех русских землях, которые меньше пострадали от результатов монголо-татарского разорения и сохранили художественную традицию. Это Волынь и Галиция, Новгород и Псков. В декоративном оформлении продукции их книгописных мастерских еще немало элементов, известных по рукописям более раннего времени, но одновременно проявляются ростки нового в типологии и стиле[95]. Процесс развития на первый взгляд представляется замедленным. Между тем при внимательном изучении конкретных образцов приходится убедиться в отсутствии провинциальной замкнутости и в сохранении широких культурных связей, позволявших порой привлекать к сотрудничеству даже опытных византийских миниатюристов эпохи Палеологов. Еще обращает на себя внимание проявление локальных особенностей книгописной продукции, свидетельствующее об изолированности отдельных регионов, что для этого периода русской истории является тоже закономерным.

На юго-западных землях наиболее значительными центрами книгописания второй половины XIII и первых десятилетий XIV в. были Холм, Перемышль, Львов и Владимир-Волынский. Для деятельности последнего оказалась существенной роль мецената — волынского князя Владимира Васильковича, умершего в 1288 г. По свидетельству летописца, он был «книжникъ великъ и философ, акого же не бысть во всеи земли и ни по немь не будет»[96]. Выполненными по его заказу литургическими книгами он щедро одарил не только епископские и княжеские храмы Волыни, но и послал Евангелие в серебряном окладе в Чернигов. Из послесловия к Рязанской Кормчей 1284 г. известно, что он содержал при своем дворе немало книгописцев[97]. К сожалению, ничего из продукции этого княжеского скриптория не сохранилось, и лишь одна рукопись, содержащая поучения Ефрема Сирина (1270—1288), известна в копии 1492 г., дающей самое общее представление о художественном оформлении утраченного оригинала[98].

Декор известных рукописей западнорусского происхождения указанного периода большей частью не отличается изысканностью. Так, Галицкое Евангелие 1264—1301 гг., переписанное в Холме или Перемышле, имеет лишь плетеночную заставку примитивного рисунка; в Евсеевом Евангелии 1283 г. их три и, кроме того, несколько ленточных заставок в тексте, упрощенного типа; более интересны те-

---

[94] Ср.: *Свирин А. Н.* Искусство книги Древней Руси. XI—XVII вв. М., 1964; *Попова О. С.* Русская книжная миниатюра XI—XV вв. // ДРИ: Рукописная книга. М., 1983. Сб. 3.

[95] См.: *Запаско Я. П.* Пам'ятки книжкового мистецтва: Українська рукописна книга. Львів, 1995; *Ильина Т. В.* Декоративное оформление древнерусских книг: Новгород и Псков. XII—XV вв. Л., 1978.

[96] ПСРЛ. М., 1908. Т. 2. Стб. 913.

[97] *Титов Ф. И.* Очерки по истории русского книгописания и книгопечатания. Киев, 1911. Вып. 1. С. 32.

[98] *Запаско Я. П.* Пам'ятки книжкового мистецтва. С. 45, 62, 301—303. Кат. 66.

ратологические инициалы[99]. Эти книги переписаны соответственно пресвитером Георгием и Евсевием поповичем, которые и выполнили оформление, никак не претендующее на профессиональный уровень. Беседы Григория Двоеслова на Евангелие, холмского происхождения второй половины XIII в., украшает листовая миниатюра с изображением Христа с предстоящими в молении папой римским Григорием и Евстафием Плакидой[100]. Это произведение профессионального иконописца, ориентированного на воспроизведение византийского образца комниновского периода, воспринятого им, надо заметить, не безупречно в деталях. Включение в композицию св. Евстафия могло быть обусловлено предназначением книги для монастыря его имени, находившегося на небольшом островке р. Турии в Турийске, еще существовавшего в XVI в.

Последняя треть XIII в., как известно, стала в Византии периодом интенсивного возрождения эллинистической традиции и усиления выразительности живописных элементов. Обогащение иконографии не замедлило проявиться в книжной миниатюре, представленной ее выдающимися образцами, выполненными константинопольскими художниками[101]. Их воздействие явно можно опознать в миниатюрах Волынского Евангелия конца XIII в., выполненных мастером, еще окончательно не отрешившимся от традиционных приемов[102]. Диспропорции фигур сидящих евангелистов выдают слабое знание анатомии, технические приемы обнаруживают смелость в свободной моделировке объемов с элементами стилизации, свойственными для переходного периода. Если речь идет о мастерстве местных миниатюристов, одновременно являвшихся и иконописцами, то все выглядит логичным. И в таком случае можно эту серию миниатюр рассматривать как одно из ранних проявлений воздействия палеологовского художественного стиля на книжное искусство западнорусских земель. Однако не следует забывать о том, что в то же время появлялись такие рукописи, как Холмское Евангелие с орнаментальным оформлением старовизантийского типа, с геометрическими, геометрично-плетеночными и тератологическими элементами[103]. Особенно впечатляет своим архаизмом «инкрустационная» манера заглавной заставки, как бы возвращающая к книжному декору конца первого тысячелетия.

В начале XIV в. в оформлении книг этого региона не произошло существенных изменений, хотя наблюдаются новые явления, одним из которых стало распространение тератологической орнаментики. Но и ее проникновение носит порой спорадический характер. Так, в Поликарповом Евангелии 1307 г. тератологическая заставка украшает лишь заглавный лист, тогда как выполненные киноварью инициалы плетеночного типа[104]. Пандекты Антиоха, тоже 1307 г., украсили многоцветной тератологической заставкой и плетеночными, а также

[99] *Запаско Я. П.* Пам'ятки книжкового мистецтва. С. 220—225. Кат. 32, 33.

[100] Там же. С. 47, 228—231. Кат. 36. Ср.: *Турилов А. А.* К вопросу о заказчике и датировке древнейшего списка славянского перевода «Бесед папы Григория Великого (Двоеслова) на Евагелие» (РНБ. Погодин. № 70) // Miscellanea Slavica: Сб. статей к 70-летию Б. А. Успенского. М., 2008. С. 86—91.

[101] См.: *Belting H.* Das illuminierte Buch in der späbyzantinischen Gesellschaft. Heidelberg, 1970; *Buchtal H., Belting H.* Patronage in Thirteenth-Century Constantinople: A Atelier of late Byzantine Book Illumination and Calligraphy. Washington, 1978.

[102] *Запаско Я. П.* Пам'ятки книжкового мистецтва. С. 239—242. Кат. 40; *Пуцко В.* Ілюмінування рукописної книги // Історія українського мистецтва. Київ, 2010. Т. 2. С. 953—955.

[103] *Запаско Я. П.* Пам'ятки книжкового мистецтва. С. 242—245. Кат. 41. Миниатюры рукописи XVI в.

[104] Там же. С. 246—248. Кат. 43.

плетеночно растительного типа инициалами[105]. По такому типу оформлены и другие рукописи того же периода, при всем разнообразии орнаментальных мотивов с неизменными тератологическими элементами.

В течение XIII в. в книжном искусстве Новгорода наблюдается формирование орнаментики тератологического стиля, отчетливо зафиксированное иллюминицией Пролога 1262 г., Евангелия 1270 г. и Паремейником 1271 г. По мере усложнения прорезной плетенки линии все более вьются, и в итоге из образуемых ими ремней составляются как определенные композиции, так и различные фигурки. Этапным произведением явилось Евангелие, переписанное в 1270 г. Георгием, сыном попа Лотыша, для новгородского Юрьева монастыря. Художники изобретают самые неожиданные комбинации мотивов, с птичьими и человечьими головами, с изображениями стоящих на задних лапах зверей, связанных ремнями и узлами. В XIV в. инициалы снабжаются фоном, представляющим пятно, существенно напоминающее тень буквы благодаря ее очертаниям. Новые мотивы появляются в инициалах Евангелия 1323 г., писанного Иродионом для игумена Моисея в Успенский Колмов монастырь, и Евангелия 1355 г., которое «писано повелением архиепископа новгородского Моисея, рукою многогрешных Леонида и Георгия». Иродион изображает человека едущим верхом на барсе, а другие два упомянутых писца не останавливаются перед превращением инициалов в разновидность бытовых сцен[106]. Евангелие 1358 г., писанное Лукьяном и Федором для новгородского архиепископа Алексея, отличается плетенкой в декоре, созданной из крупных и крутых узлов, а среди инициалов встречается изображение играющего и пляшущего гусляра, с пояснительной припиской «гуди гораздо».

Некоторые из новгородских рукописей украшены миниатюрами, дающими представление о работавших в этом центре мастерах и об эстетических вкусах их заказчиков. Лобковский Пролог, написанный пономарем церкви Св. Иакова Тимофеем для церкви Святого Образа по заказу Захарии Олекшинича в 1262 г., украшает заставка с изображением Спаса Нерукотворного с поклоняющимися архангелами, воспроизводящая иконографию двусторонней храмовой иконы конца XII в.[107] Манера письма иконописная, с проработкой деталей, с заметными элементами примитива. Более определенно об этом художественном направлении в новгородском книжном искусстве позволяют судить листовые миниатюры Евангелия 1270 г., созданного по заказу монаха Юрьева монастыря Симона, который изображен рядом с Иоанном Богословом[108]. Стоящие в рост в арочных обрамлениях, в трехчетвертном повороте, евангелисты заставляют вспомнить о восточнохристианской иконографической традиции, с плоскостно трактованными фигурами, в противовес живописной характеристике ликов. Крупные головы отличают хрупкие узкоплечие фигуры, с легкой штриховкой в моделировке одежд, что указывает на результат переработки более элитарных византийских образцов раннепалеологовского времени. Небольшие фигурки заказчиков — тоже характерная черта композиций в византийской книжной миниатюре (прежде всего XIII в.)[109].

Особое место в истории новгородского книжного искусства занимает Симонов-

[105] *Запаско Я. П.* Пам'ятки книжкового мистецтва. С. 248—250. Кат. 44.

[106] *Арциховский А. В.* Прикладное искусство Новгорода // История русского искусства. Т. 2. С. 287—292; *Ильина Т. В.* Декоративное оформление древнерусских книг: Новгород и Псков. С. 45—53.

[107] *Вздорнов Г. И.* Лобковский Пролог и другие памятники письменности и живописи Великого Новгорода // ДРИ: Художественная культура домонгольской Руси. М., 1972. С. 255—269.

[108] *Попова О. С.* Новгородская рукопись 1270 г.: Миниатюры и орнамент // Записки отдела рукописей. М., 1962. Вып. 25. С. 184—219.

[109] См.: *Spatharakis I.* The Portrait in byzantine illuminated Manuscripts. Leiden, 1976.

ская Псалтирь, датируемая как последней четвертью XIII в., так и второй четвертью XIV в., с ее обширным иллюстративным циклом[110]. В его состав входят более 100 маргинальных и листовых миниатюр, композиции которых отражают различные по своему происхождению преимущественно византийские образцы. Однако наряду с ними обнаруживаются также композиции, зависимые от западных источников[111]. Если миниатюры таких рукописей второй половины XIII в., как Соловецкий Служебник, представляют воспроизведение иконных изображений того времени, то в иконографии и стиле новгородской книжной живописи к середине XIV в. налицо адаптация греческих оригиналов эпохи Палеологов[112].

От тератологического орнамента новгородских рукописей заметно отличается его псковский вариант, удерживаемый даже в течение более продолжительного времени и представленный оформлением датированных книг. Известны их заказчики и мастера[113]. Одной из ранних рукописей, декор которых отражает локальные особенности, является переписанная на рубеже XIII—XIV вв. в Пскове Псалтирь из собрания Ф. А. Толстого, в тератологическом орнаменте обнаруживающая целую человеческую фигуру в инициалах[114]. Мотив бородатой человеческой головы на киноварном фоне встречается уже в Апостоле 1307 г., переписанном каллиграфом Домидом для афонского Пантелеймонова монастыря, наряду с инициалами, образованными чудищами в плетениях, птицей с человеческим лицом, собакой, масками. Рисунок выполнен преимущественно одной киноварью. Человеческие лица в фас изображает в Ирмологе 1344 г. мастер Филипп Михайлов, сын Морозовиц, выполнявший заказ чернеца Власия и Семена Парушкова. Не исключено, что эти мотивы генетически восходят к декору романских манускриптов, в котором имели широкое распространение[115].

Значительно шире представлено книжное искусство Северо-Восточной Руси, начиная со Спасского Евангелия, условно датируемого второй четвертью XIII в.[116] Его страницы украшены инициалами, преимущественно образованными крупными плетениями растительных побегов, тератологическими, расцвеченными желтой, зеленой, красной и синей красками. В оформление также включены миниатюры с изображениями на одной из них евангелиста Матфея, а на другой евангелистов Луки и Марка, представленными на фоне построек, а в последнем случае и большого кивория. Миниатюры красивы по цвету и отличаются почти акварельной легкостью. Вторая рукопись, сохранившаяся в Ярославле, по времени отделена от предыдущей столетием: это Федоровское Евангелие, датируемое 1321—

---

[110] *Амфилохий (Сергиевский-Казанский), архим.* О славянской Псалтири XIII—XIV века библиотеки А. И. Хлудова // Древности: Труды Московск. археолог. об-ва. М., 1870. Т. 3. Вып. 1; *Преображенский А. С.* Миниатюры Псалтири из ГИМ (Хлуд. 3): Образ Церкви и мотивы донаторской иконографии // Лицевые рукописи XI—XVII веков: Проблемы и аспекты изучения: М-лы науч. конф. М., 2017. С. 33—86.

[111] *Пуцко В.* История Давида в «синефонных» миниатюрах Хлудовской (Симоновской) Псалтири (Москва. ГИМ. Хлуд. 3) // Byzantinoslavica. Prague, 1991. Т. 52. С. 130—135.

[112] *Попова О. С.* Новгородские миниатюры второй четверти XIV века // ДРИ: Рукописная книга. М., 1974. Сб. 2. С. 70—94.

[113] *Ильина Т. В.* Декоративное оформление древнерусских книг: Новгород и Псков. С. 79—80.

[114] *Розов Н. Н.* Еще раз об изображении скомороха на фреске в Мелетове: К вопросу о связях монументальной живописи с миниатюрой и орнаментом // ДРИ: Художественная культура Пскова. С. 87—92.

[115] Примеры см.: *Boase T. S. R.* English Art. 1100—1216. Oxford, 1953. P. 89—107. Pl. 29—34; *Walicki M.* Iluminacje i oprawy rękopisow // Sztuka polska przedromańska i romańska do schyłku XIII wieku. Warszawa, 1971. S. 260—264. Il. 798—843.

[116] *Вздорнов Г. И.* Искусство книги в Древней Руси: Рукописная книга Северо-Восточной Руси XII — начала XV века. М., 1980. С. 30—32. Описание рукописей. № 9.

1327 гг.[117] Его украшают пять миниатюр, шесть заставок и большое число инициалов, исполненных красной и голубой красками по золотому фону. На заглавной миниатюре изображен Феодор Стратилат как воин, левой рукой придерживающий миндалевидный щит с изображением белого барса, служащим родовой эмблемой суздальского княжеского дома и князя Федора Ростиславича. На другой миниатюре, в роскошном оформлении, Иоанн Богослов со своим учеником Прохором, соименным вероятному заказчику книги — ростовскому епископу Прохору. Живопись отличается звучными тонами, лики исполнены тщательно, опытной рукой. В книгу вплетены еще три миниатюры с изображениями евангелистов, тоже начала XIV в., извлеченные из иной рукописи, более посредственного художественного уровня. Их происхождение остается проблематичным.

Из рукописей, написанных в Переяславле Рязанском, заслуживает внимания художественное оформление Служебника первой половины XIV в., заставки и многочисленные инициалы которого дают пример развитого тератологического стиля, с мелким и тесным плетением, а также обилием растительных мотивов, органически увязанных с изображениями живых существ, и даже фигуркой сидящего гусляра[118]. Это образец явно устоявшейся традиции, сформированной в течение продолжительного времени.

Наиболее известным произведением тверского книжного искусства является лицевой список Хроники Георгия Амартола конца XIII — первой трети XIV в., выполненный двумя писцами, украшенный двумя выходными миниатюрами и 127 иллюстрациями небольшого размера, образующими четыре основных цикла, созданных несколькими художниками[119]. Надо помнить о том, что это живопись периода упадка русского изобразительного искусства, когда были утрачены выразительные средства, свойственные элитарным образцам более раннего времени, генетически тесно связанным с византийскими оригиналами. Эволюция местного художественного творчества с усилением примитивизации служит данью своему времени и представляет этап, который впоследствии был успешно пройден. При явном снижении художественного уровня указанные иллюстрации все же ценны тем, что сохраняют композиционный цикл своего утраченного протографа.

Древнейшей московской иллюминованной рукописью можно считать Сийское Евангелие, послесловие которого позволяет его датировать 1340 г.[120] Оно написано двумя писцами — Мелентием и Прокошей, а заставки и инициалы тератологического стиля, по-видимому, выполнил третий мастер — Иван. Евангелие написано по личному заказу московского князя Ивана Калиты. Книга украшена двумя сюжетными миниатюрами, помещенными на выходном листе и на обороте 172-го листа. На первой из них изображено Поклонение волхвов, на второй — Отослание учеников на проповедь. Обе композиции представляют опыт усвоения воздействия византийского искусства эпохи Палеологов. Заставка Евангелия выполнена киноварью на светло-зеленом и голубом фоне, отличается сложным плетением. Инициалы образованы в большинстве случаев с помощью узких лент, закрученных в плотные двойные и тройные жгуты. Примерно в то же время выполнена в Москве другая рукопись — Евангелие Симеона Гордого, которая в сущности представляет конволют Евангелия-апракоса и Апостола-апракоса[121]. Ее украшают лишь

[117] *Вздорнов Г. И.* Искусство книги в Древней Руси. С. 32—36. Описание рукописей. № 10.
[118] Там же. С. 38. Описание рукописей. № 14.
[119] Там же. С. 44—53. Описание рукописей. № 18.
[120] Там же. С. 67—74. Описание рукописей. № 29.
[121] Там же. С. 74—76. Описания рукописей. № 30.

заставка и множество инициалов, раскрашенных голубой, светло-зеленой, желтой и синей красками. Количество инициалов тератологического стиля не превышает их половину. Для их структуры характерна сложная форма, для воспроизведения которой нужны были большие навыки и много затраченного времени, а также привлечение профессионального рисовальщика. О книжном декоре московской литургической книги середины XIV в. дает представление еще Евангелие 1358 г., переписанное неким Федором, упомянувшим себя в приписке[122]. Это пример продукции массового книжного производства. Оно выдается крупным уставным угловатым письмом, хорошими заставками и множеством инициалов, в числе которых встречаются и тератологические. Конечно, во всех упомянутых случаях велика роль каллиграфического мастерства, без которого практически невозможно достижение качественного художественного оформления книги. Но его изучение относится уже к палеографии.

Декоративно-прикладное искусство. Золотное шитье второй половины XIII — середины XIV в. представлено лишь единичными сохранившимися образцами, дающими самое общее предварительное понятие об иконографии и стиле. Трудно на их основе характеризовать искусство эпохи в целом. Это два сударя из коллекции Музеев Московского Кремля, размером 69 × 67,5 см, с заключенными в медальоны погрудными изображениями Спаса Вседержителя с апостолами и Богоматери Воплощение с апостолами XIII в., возможно, новгородского происхождения[123]. Личное шито некрученым песочного цвета шелком, крупными стежками «в раскол»; одежды, нимбы, крылья серафимов, помещенных между медальонами, — пряденой золотной нитью с едва заметной прикрепой. Композиционная схема близка встречающейся в византийских миниатюрах и заставках XI—XIII вв. С московской мастерской первой половины XIV в. принято связывать выполнение хоругви, размером 65 × 62,5 см, с изображением лоратного архангела Михаила на обеих сторонах, шитых соответственно по красному и черному шелку[124]. В хоругви применено шитье пряденными золотными нитями «на проем» — прием, известный в более раннее время. Было высказано предположение, что знаменщиком мог быть греческий художник. Не исключено и участие в выполнении шитья византийских мастериц.

На страницах русских летописей можно найти упоминания о медных церковных дверях, золоченных либо «писанных златом», в большинстве случаев они не сохранились. В частности, известно о том, что в Твери в 1344—1345 гг. по заказу епископа Феодора II были изготовлены медные двери в соборную церковь Спасо-Преображения, которые принято отождествлять с установленными в западном портале Троицкого собора в Александрове[125]. Как известно, только одна их пластина украшена гравированным изображением Троицы. Стиль и манера его исполнения находят параллели в творчестве романских мастеров. Похоже, что врата были предназначены еще для каменного Спасо-Преображенского собора, сооруженного в 1285—1290 гг., и их датировка более правомерна около 1300 г. Вероятно, упомянутая пластина оказалась

[122] *Вздорнов Г. И.* Искусство книги в Древней Руси. С. 76—77. Описание рукописей. № 31.

[123] *Маясова Н. А.* Древнерусское лицевое шитье: Каталог / Гос. историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль». М., 2004. С. 79—80. Кат. 1.

[124] Там же. С. 81—83. Кат. 2—3.

[125] *Малицкий Н. В.* К вопросу о датировке «Тверских врат» Александровской слободы // Изв. ГАИМК. Л., 1927. Вып. 5. С. 398—408; *Николаева Т. В.* Прикладное искусство Московской Руси. М., 1976. С. 89—97; *Рындина А. В.* Прикладное искусство и пластика // *Попов Г. В., Рындина А. В.* Живопись и прикладное искусство Твери. XIV—XVI века. С. 483—497.

единственной покрытой резьбой: остальные остались гладкими[126]. Две пары новгородских дверей первой половины XIV в. украшает письмо золотом по меди, золотой наводкой. Одни из них установлены в южном портале того же собора в Александрове в 1570 г., вывезенные Иваном Грозным из Новгорода, где они, выполненные в 1336 г. по заказу архиепископа Василия Калики, украшали портал притвора Софийского собора[127]. Плоскость врат заполняют сюжетные композиции, а на круглых умбонах помещены разновременные изображения святых. Новгородскими по происхождению являются и датируемые 1330—1350-ми годами «Лихачевские врата» — царские, с изображениями Благовещения и евангелистов, вероятно, первоначально украшавшие главный иконостас Софийского собора в Новгороде позже были перенесены в придел Усекновения главы Иоанна Предтечи[128]. В той же технике в конце XIII — первой половине XIV в. выполняли в Новгороде панагии, диаметр которых не превышал 11 см[129].

Решение вопроса о путях развития художественного ремесла имеет свои сложности и противоречия. Археологические материалы, полученные в результате изучения Киева, а также городов южных и западных русских земель, еще не получили обобщения, за исключением городов Беларуси[130]. При существующем положении вещей важное значение приобретает освещение не прерывающегося развития ювелирного мастерства в Новгороде, засвидетельствованного не только уникальными, но массовыми обиходными изделиями[131]. Не менее важной оказывается и монография, посвященная работе русских ремесленников на территории Золотой Орды[132]. Показательно, что среди их продукции преобладают имитационные варианты более ранних моделей крестов-энколпионов XII—XIII вв., имевшие распространение и на русских землях[133]. Но появляются и изделия нового типа. Одно из них — крест-энколпион второй половины XIII в. с выемчатой эмалью[134].

В ювелирном искусстве этого времени в Новгороде элементы нового стиля органически соединяются с устойчивой традицией, что нетрудно заметить даже в медных литых матрицах для тиснения наугольников оклада Евангелия[135]. То же прослеживается в серебряной басме, украшающей вынос-

---

[126] *Пуцко В. Г.* О стилистической характеристике сюжетной композиции Тверских врат // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь, 2017. Вып. 10. С. 123—130.

[127] *Лазарев В. Н.* Васильевские врата 1336 года // СА. 1953. № 18. С. 386—442; *Николаева Т. В.* Прикладное искусство Московской Руси. С. 55—64; *Пятницкий Ю. А.* Каталог // Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода: Художественный металл XI—XV века. М., 1996. С. 297—321. Кат. 76.

[128] *Пятницкий Ю. А.* Каталог. С. 321—326. Кат. 77. Известны еще три пластины от подобных царских врат, с изображениями евангелистов (Там же. С. 327—330. Кат. 78—80).

[129] Там же. С. 291—295. Кат. 73, 74.

[130] *Лавыш К. А.* Художественные традиции восточной и византийской культуры в искусстве средневековых городов Беларуси (X—XIV вв.). Минск, 2008.

[131] *Седова М. В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.). М., 1981.

[132] *Полубояринова М. Д.* Русские люди в Золотой Орде. М., 1978.

[133] *Пуцко В. Г.* Имитационные варианты крестов-энколпионов в русской металлопластике XIII—XV вв. // Тверской археологический сб. Тверь, 2007. Вып. 6. Т. 2. С. 233—241.

[134] *Полубояринова М. Д.* Крест с эмалью из Болгара // Древности славян и Руси. М., 1988. С. 52—55; *Корзухина Г. Ф., Пескова А. А.* Древнерусские энколпионы. Нагрудные кресты-реликварии XI—XIII вв. СПб., 2003. С. 188—190. Табл. 112—114. Надо еще упомянуть дробницы Саккоса митрополита Алексея 1364 г. в техниках тиснения, перегородчатой эмали, черни, гравировки. См.: *Макарова Т. И.* Облачение митрополита Алексея и ювелиры Москвы XIV в. // Культура средневековой Москвы XIV—XVII вв. М., 1995. С. 34—52.

[135] *Рындина А. В.* Новгородское серебряное дело XIII—XV вв. // Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода. С. 155—156. Кат. 14, 15.

ной крест с массивными фигурами[136]. Оклад Евангелия Симеона Гордого 1343—1344 гг. с изображениями Распятия с предстоящими и евангелистов, со столь оригинальной композицией, отражает то же направление в раннемосковской торевтике[137].

Судя по наперсным серебряным крестам-мощевикам конца XIII — первой половины XIV в., украшенным гравировкой и сканью, уровень новгородского ювелирного искусства этого времени оставлял желать лучшего, и в их ряду заметно выделяется своими качествами лишь украшенный резьбой, чернью, зернью и позолотой крест-мощевик в сокровищнице собора в Хильдесхейме, неоднократно привлекавший внимание исследователей[138]. Такие выдающиеся произведения единичны и отражают лучшие достижения своей эпохи. Подлинным шедевром торевтики Новгорода является серебряный позолоченный потир с чашей из красной яшмы, украшенный драгоценными камнями, изготовленный в 1329 г. по заказу новгородского архиепископа Моисея, с элементами готики, позже оказавшийся в Благовещенском соборе Московского Кремля[139]. В сущности остается неизвестным происхождение датируемого первой четвертью XIV в. и условно локализуемого Тверью замечательного серебряного позолоченного ковчега-мощевика в форме квадрифолия, украшенного резными изображениями лоратного архангела Михаила (в медальонах Борис и Глеб) и Николы, выполненными тонкой линией рукой весьма искусного мастера[140]. По качеству исполнения данный ковчег-мощевик не имеет себе равных среди произведений русской торевтики рассматриваемой эпохи. Приведенные примеры убеждают в том, что и в периоды общего упадка духовной культуры могут появляться произведения, способные оказать честь любому времени. Разумеется, речь идет об изделиях элитарного уровня. Но параллельно существует ремесло, рассчитанное на демократическую среду, не отличающуюся столь высокими требованиями и довольствующуюся грубоватой пластической выразительностью сюжетных изображений. Это касается части новгородских каменных иконок, относимых к продукции мастерской с преобладающей декоративной орнаментацией одежд[141]. Встречается также подобная резьба по кости[142]. Но наиболее многочисленными являются меднолитые иконы-привески, круглой или киотчатой формы, нередко с большеголовыми нечеткими изображениями[143].

---

[136] *Рындина А. В.* Новгородское серебряное дело XIII—XV вв. // Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода. С. 144—148. Кат. 12; *Пуцко В. Г.* Новгородский выносной басменный крест // Искусство христианского мира: Сб. статей. М., 2000. Вып. 4. С. 258—266.

[137] *Рындина А. В.* Оклад Евангелия Симеона Ивановича Гордого // ДРИ: Рукописная книга. М., 1972. С. 172—188; *Николаева Т. В.* Прикладное искусство Московской Руси. С. 128—138. Позже эта схема находит отклик в искусстве Новгорода: *Соловьева И. Д., Стерлигова И. А.* Новгородский оклад напрестольного Евангелия конца XIV века // От Царьграда до Белого моря: Сб. статей по средневековому искусству в честь Э. С. Смирновой. М., 2007. С. 527—540.

[138] *Рындина А. В.* Новгородское серебряное дело XIII—XV вв. С. 192—202. Кат. 30—33.

[139] *Николаева Т. В.* Прикладное искусство Московской Руси. С. 54—55; *Рындина А. В.* Новгородское серебряное дело XIII—XV вв. С. 126—127. Кат. 5. Детали потира — на с. 461—463.

[140] *Николаева Т. В.* Прикладное искусство Московской Руси. С. 97—99; *Рындина А. В.* Прикладное искусство и пластика. С. 489—492, 541—544, 591. Кат. 1; Христианские реликвии в Московском Кремле. М., 2000. С. 43—45 (текст И. А. Стерлиговой). Кат. 4.

[141] *Николаева Т. В.* Древнерусская мелкая пластика из камня. XI—XV вв. // САИ. М., 1983. Вып. Е1-60. С. 30. Табл. 23, 24.

[142] Там же. С. 70—71. Табл. 19. Кат. 95.

[143] См.: *Станюкович А. К.* Неизвестные памятники русской металлопластики: Миниатюрные иконки-привески XI—XVI веков. М., 2011.

Искусство и общество. В значительной мере ослабленная монголо-татарским вторжением и его последствиями русская духовная культура все же не утратила свой творческий потенциал и стремление к следованию утвердившимся традициям. Пластическое искусство, тесно связанное с церковным зодчеством, однако, переживает кризис. Резчики по камню выполняют в архаизированной манере лишь отдельные изделия, подобные Перынскому каменному кресту. Но появляется и украшенный рельефными изображениями массивный Боровичский крест, стилистически сближающийся с новгородскими каменными иконками, выходящими из рук резчиков, среди которых оказываются в совершенстве владеющие своим ремеслом.

Наиболее выдающимся образцом новгородской деревянной скульптуры середины XIV в. надо признать датированный 1359 г. Людогощенский крест мастера Якова Федосова. Оригинальная форма этого креста сочетается с экспрессивным стилем резьбы с фольклоризацией иконографической схемы. Об эстетических вкусах новгородцев XIII—XIV в. дает представление орнаментальная резьба, украшающая бытовые предметы.

Лишь в самом конце XIII в. в Новгороде возобновлено церковное каменное строительство, отмеченное возведением храма Николы на Липне, между 1292 и 1299 гг. украшенного росписями на средства архиепископа Климента. Они отличаются стройной и продуманной программой декора, традиционной для Новгорода. О том, что творческий опыт в области монументальной живописи не был утрачен на Руси в период лихолетья, засвидетельствовали выполненные в 1313 г. фрески собора Рождества Богородицы в Снетогорском монастыре близ Пскова. Они отличаются импульсивностью, иногда переходящей в экспрессию. В манере исполнения учтены принципы моделировки, характерные для византийской живописи середины XIII в., но эволюция форм сводится к их упрощению, отличающему провинциальные произведения. В конхе помещено изображение тронной Богоматери с Младенцем Христом и поклоняющимися ангелами, а на алтарном своде прослеживаются фрагменты композиции «Христос во славе»; в куполе было «Вознесение». Сочетание этих сюжетов восходит к традиции второй половины XII в. В Новгороде возрождение монументальной живописи происходит во второй четверти XIV в., с привлечением Исайи Гречина «с други», по поручению архиепископа Василия. В этот же период к украшению церквей стенописями обращается Москва, о чем свидетельствуют сообщения Троицкой летописи под 1344—1346 гг. При этом она ориентируется на Константинополь. Еще в 1292 г. был украшен стенописью возведенный в 1285—1290 гг. Спасский собор в Твери. Не исключено, что выходная миниатюра тверского списка Хроники Георгия Амартола воспроизводит ктиторскую композицию упомянутого храма.

Из числа сохранившихся икон примечательна выполненная около 1288 г. и представляющая реплику образа Богоматери Печерской с предстоящими преподобными Антонием и Феодосием. Датируемая около 1300 г., икона «Богоматерь Одигитрия Дорогобужская» отличается неприкрытым архаизмом, просвечивающим сквозь палеологовские формы. Эволюция русской иконописи второй половины XIII в. наиболее отчетливо прослеживается в Новгороде, продукция мастерских которого не избежала фольклоризации. Но в то же время появляется и такое выдающееся произведение, как выполненная мастером Алексой Петровым в 1294 г. храмовая икона для церкви Св. Николы на Липне. Около 1341 г. приезжими греческими художниками для Софийского собора в Новгороде выполнен праздничный чин на трех досках, в характерном стиле для Византии эпохи Палеологов. Но количественно преобладают иконы, отра-

жающие местные течения и устойчивость локальных традиций Новгорода. В этот же период довольно своеобразно развивалось иконописание Пскова, с его монументальностью и стилистическим архаизмом. Самой древней псковской иконой, датируемой серединой — второй половиной XIII в., является изображающая Илью Пророка в пустыне, с житийными клеймами и Деисусом. Ряд икон, датируемых от рубежа XIII—XIV в. до середины XIV в., дают представление об эволюции стиля. Усиливается жесткость манеры, получает широкое применение ассист. Икона «Богоматерь Умиление», сохранившаяся в Белозерске, скорее всего, написана во второй четверти XIII в. греческим мастером в Ростове, где позже выполнен «Собор архангелов Михаила и Гавриила». Из Ярославля происходят датируемая около 1300 г. икона «Архангел Михаил» и примерно тем же временем «Богоматерь Умиление на престоле», из Толгского монастыря, с определенными проторенессансными воздействиями. Византинизирующий характер имеют ростовская икона «Спас Нерукотворный» конца XIII в. и написанная около 1305 г. икона «Богоматерь Максимовская» во Владимире. Понятен и византинизирующий характер датируемой 1360-ми годами двусторонней иконы из Покровского монастыря в Суздале. Учитывалась роль константинопольского эталона. Его воздействие отличает и ранние московские иконы, такие как «Спас Ярое око».

Развитие книжного искусства прослеживается преимущественно в русских землях, меньше пострадавших от монголо-татарского разорения. Это Волынь, Галиция, Новгород и Псков. Декор западнорусских рукописей не отличается изысканностью, имеет плетеночные заставки и тератологические инициалы. Редко встречаются миниатюры. В книжном искусстве Новгорода в XIII в. прослеживается формирование орнаментики тератологического стиля, получившего широкое применение в книгописной продукции первой половины XIV в. Миниатюры Лобковского Пролога 1262 г., Евангелия 1270 г. и Симоновской Псалтири неодинакового качества и несут отражение как копируемых оригиналов, так и таланта конкретных мастеров. В орнаментике преобладают варианты тератологического характера, от которого заметно отличается его псковский вариант. Иначе оформлены рукописи из Северо-Восточной Руси, в оформление которых в некоторых случаях включены листовые миниатюры. Наиболее щедро иллюстрирован тверской лицевой список Хроники Георгия Амартола конца XIII — первой трети XIV в. Московское по происхождению Сийское Евангелие 1340 г. с заставками и инициалами тератологического стиля украшают две миниатюры, отражающие опыт усвоения византийского искусства эпохи Палеологов.

Декоративно-прикладное искусство представлено отдельными образцами золотного шитья второй половины XIII — середины XIV в., «писанными златом» церковными дверьми и царскими вратами, металлопластикой и ювелирными изделиями, среди которых такие шедевры, как потир 1329 г. новгородского архиепископа Моисея и ковчег-мощевик в форме квадрифолия с гравированными изображениями. Основная масса ремесленных изделий из различного материала отражает вкусы демократической среды и соответственно отличается грубоватостью выразительных средств. Национальный характер и социальный фактор почти неизменно проявляются не только в элитарных произведениях, но и в обычных изделиях как сакрального характера, так и бытового назначения. Эта закономерность присуща любой культуре в целом, и русская не служит исключением.

Русское изобразительное искусство 1370-х годов — начала XVI в.

Скульптура. Функциональная роль пластического искусства в этот период в основном остается тождественной предыдущему, но при том характеризуется некоторыми новыми явлениями. Так, в Новгороде тяга к узорочью обнаруживается введением в декор верхней части алтарной апсиды мотива соединенных арочек на тонких колонках, причем иногда на двух уровнях, как в церкви Федора Стратилата на Ручью (1360—1361) и в церкви Спасо-Преображения на Ильине улице (1374)[144]. Их размещение заметно отличается от наблюдаемого в оформлении владимирских церквей второй половины XII в., а также от романских образцов. Позже, в самом конце XIV в., в московском церковном зодчестве появляются белокаменные резные пояса с орнаментальными мотивами, усложненный вариант которых относится к первой четверти XV в.[145] Эти пояса тройные и украшают верхи апсид и барабанов глав Успенского собора на Городке (1399), собора Рождества Богородицы Сторожевского монастыря в Звенигороде (1404—1405) и Троицкого собора Троице-Сергиева монастыря (1423). Рисунок узора имеет орнаментальные формы, близкие встречающимся в стенописях и рукописях, но с готизирующими элементами, свойственными также архитектурной резьбе сербских храмов того же времени[146]. Вместе с тем русская резьба занимает в декоре храма совершенно иное место, чем в сербском. Сложный абстрактно-растительный орнамент представляет наиболее отличительную черту московских образцов.

Новгородская сюжетная резьба второй половины XIV в. представлена белокаменным Алексеевским крестом, размером 174 × 129 см, с плохо сохранившейся датой в памятной надписи[147], поскольку этот крест, некогда находившийся в кладке западной наружной стены Мартирьевской паперти Софии Новгородской, как сообщает упомянутая надпись, поставлен на поклонение правоверным христианам «повелениемъ боголюбиваго преосвященного архиепископа Олексия», — датировка произведения в любом случае не выходит за хронологические пределы 1359—1388 гг. Для типологии этого креста является характерным, что его три верхние лопасти с расширяющимися закругленными концами, соединенными перемычками, вписываются в овал. Плоскость лицевой стороны заполняют рельефные композиции Благовещения, Рождества Христова, Распятия, Воскресения (Сошествия во ад) и Вознесения. Фигуры в них довольно массивные, с маленькими головами, тело распятого Христа с непомерно тонкими руками и ногами сильно изогнуто, как на новгородской иконе праздничного чина, выполненной около 1341 г. приезжими византийскими художниками. Но иконографическая схема в целом лишена динамики этого образца. Рельеф преимущественно плоскостный, складки одежд обозначены врезанными графическими линиями, лики однообразные, исполненные хорошо усвоенными резчиком техническими приемами. В то же время в размещении изображений четко выражен ритм, и это качество значительно облегчает восприятие цикла композиций как единого целого. Причина заказа архиепископом Алексеем каменного креста трактуется исследователями неоднозначно.

---

[144] *Максимов П. Н.* Зарубежные связи в архитектуре Новгорода и Пскова XI — начала XVI века // АН. М., 1960. Вып. 12. С. 36—37.

[145] *Ильин М. А.* Декоративные резные пояса раннемосковского каменного зодчества // ДРИ: Зарубежные связи. С. 223—239; *Вагнер Г. К.* От символа к реальности. С. 88—106.

[146] См.: *Максимовић Ј.* Српска средњовековна скулптура. Нови Сад, 1971.

[147] *Вагнер Г. К.* От символа к реальности. С. 86, 93, 134, 143; *Николаева Т. В.* Победный крест XIV в. // ДРИ: XIV—XV вв. М., 1984.

Не исключено, что он действительно относится к 1376 г. и его целью было утверждение иконопочитания, против чего восставали новгородские еретики[148].

Русские каменные кресты с рельефными сюжетными изображениями единичны, и поэтому не может быть и речи об устойчивой традиции. Самые ранние из них, рубежа XIII—XIV вв., тоже новгородские, но иные по иконографии и стилю. Своеобразие резьбы Алексеевского креста, казалось бы, логически объяснимо привлечением к ее исполнению ремесленников, занимавшихся в Новгороде изготовлением каменных иконок. Среди прослеживаемых здесь индивидуальных манер, конечно, есть относительно близкие отмеченной[149]. Но это лишь служит подтверждением тезиса о причастности местных мастеров, в целом анонимных, как и их творчество. Хотя среди них были носители определенных стилистических течений[150].

Примерно в это же время вырезана из дерева (дуб, сосна) статуя Николы Можайского, размером 182 × 98 см, представляющая святителя в рост, с длинным мечом в правой руке и моделью города-крепости в левой, в епископском облачении[151]. В древнем можайском предании сохранилась память о явлении Николы во время одной из осад города, в ободрение осажденным. Образ воинствующего епископа, возможно, занесен из Германии или Далмации, но здесь он соединился с иконографическим типом Николы с простертыми в сторону руками, получившим распространение уже в иконописи XIII—XIV вв. и, в частности, хорошо известным в Новгороде. Первое упоминание об изваянии в письменных источниках относится лишь к 1495 г., когда оно уже было почитаемым. Трактовка иконного образа резчиком явно отмечена воздействием позднероманской скульптуры, на что уже было обращено внимание[152]. Можайское изваяние Николы нашло широкое отражение в русской полихромной деревянной скульптуре XVI в., уже без каких-либо проявлений иноземных влияний[153]. На рубеже XIV—XV вв. вырезано деревянное изваяние св. Георгия-воина, размером 170 × 70 см, находящееся в собрании Музеев Московского Кремля, по формальным признакам сближаемое с образцами византийской скульптуры, но при этом отличающееся своей архаичностью[154]. Произведение воспринимается как провинциальная реплика классицирующего образца.

Первая половина XV в. из истории русской скульптуры фактически выпадает по причине отсутствия произведений этого периода, компенсировать которое никак не могут относимые к указанному времени несколько каменных иконок московского круга[155]. Тем более, что нет уверенности в правильности предложенной их датировки.

---

[148] *Рыбаков Б. А.* Стригольники: Русские гуманисты XIV столетия. М., 1993. С. 282—286.

[149] *Николаева Т. В.* Древнерусская мелкая пластика из камня. XI—XV вв. Табл. 31—37.

[150] *Пуцко В. Г.* Средневековые мастера новгородской каменной резьбы малых форм. С. 188—199.

[151] *Вагнер Г. К.* От символа к реальности. С. 193—199; *Рындина А. В.* Иконный образ и русская пластика XIV—XV вв. // Древнерусская скульптура: Проблемы атрибуций. М., 1991. С. 6—34; *Сидоренко Г. В.* Скульптура «Никола Можайский» в собрании Государственной Третьяковской галереи: Опыт музейной каталогизации // Древнерусская скульптура: Проблемы и атрибуции. М., 1993. Вып. 2. Ч. 1. С. 69—91.

[152] *Лазарев В. Н.* Искусство средневековой Руси и Запад (XI—XV вв.). С. 39.

[153] *Пуцко В. Г.* Изваяние св. Николы Можайского в русской деревянной скульптуре XVI в. // Макариевские чтения. Можайск, 2004. Вып. 11. С. 274—296.

[154] *Вагнер Г. К.* От символа к реальности. С. 223—224; *Рындина А. В.* К вопросу о реликвиях св. Димитрия Солунского в Успенском соборе Московского Кремля // Искусство христианского мира. М., 1998. Вып. 2. С. 28—41; *Соколова И. М.* Русская деревянная скульптура XV—XVIII веков. М., 2003. С. 20—25. Кат. 1.

[155] *Николаева Т. В.* Произведения мелкой пластики XIII—XVII веков в собрании Загорского музея: Каталог. Загорск, 1960. С. 148—151. Кат. 38—40.

Широко известный в литературе белокаменный крест дьяка Степана Бородатого, размером 91 × 37 см, был установлен в Ростове у стены Воскресенской церкви на «гробе» его сына Ильи в 1458 г.[156] В пространной памятной надписи перечислены села, пожалованные дьяком клиру этой церкви, что является ценным историческим источником[157]. Для Степана Бородатого, дьяка великой княгини Марьи Ярославны, было естественным заказать изготовление креста в Москве, и это обстоятельство явно сказалось на стиле и качественном уровне резьбы. Кроме Распятия с помещением в числе предстоящих Иосифа и введенными фигурами двух воинов (более обычных для западной художественной традиции), изваяны херувимы, архангелы, олицетворения солнца и луны, Этимасия с кадящими ангелами, а в рукавах нижней перекладины креста более крупные фигуры пророка Ильи и архидиакона Стефана — патрональных святых умершего и его отца. Все перечисленные изображения соответствуют иконописным образцам и весьма умело вписаны в общую схему с укрупненной центральной фигурой распятого Христа. Рельеф фигур высоко выступает над поверхностью фона, но его характер низкий, живописный, стилистически близкий деревянной резьбе иконы-складня 1456 г., связанной с творчеством троицкого инока Амвросия[158]. К этому же направлению принадлежал резчик белокаменной, размером 26,5 × 19,3 см, иконы «Богоматерь Одигитрия» второй половины XV в., некогда вставленной в стену поварни Троице-Сергиева монастыря[159]. Конечно, не все московские каменные кресты этого времени были выполнены с таким мастерством. Например, крест, датированный 1467 г., происходящий из дмитровского Борисоглебского монастыря, размером 86,5 × 34 см, отличается массивностью рельефных фигур, плотно вписанных в отведенное для них пространство, и подчеркнуто графической манерой стиля[160]. Явно привозным является белокаменный, размером 57 × 39,6 см, четырехконечный поклонный крест из часовни деревни Лахмокурье на Кубенском озере, украшенный с одной стороны изображением Распятия, а с другой — Сретения и расположенными в медальонах Спасом Нерукотворным, а также двумя полуфигурами святителей[161]. Рельефы правильного рисунка, с хорошей пластической моделировкой, выполненной опытным резчиком.

Своеобразное место в истории русской скульптуры второй половины XV в. занимает овеянный легендами деревянный резной Иисусов крест, размером 230 × 240 см, из Никольского погоста, ныне находящийся в храме с. Годеново, затронутый романскими реминисценциями, находящими объяс-

---

[156] *Орешников А. В.* Памятник XV века, находящийся в Белой палате в Ростове // Археологические известия и заметки. М., 1894. №. 2. С. 342—352; *Пуцко В. Г.* Белокаменный крест 1458 года дьяка Стефана // Byzantinoslavica. Prague, 1976. Т. 37. С. 201—214; *Вагнер Г. К.* От символа к реальности. С. 156—165.

[157] *Николаева Т. В.* Произведения русского прикладного искусства с надписями XV — первой четверти XVI в. М., 1971. С. 29—30, 92—94. Кат. 100.

[158] *Флоренский П. А., Олсуфьев Ю. А.* Амвросий — троицкий резчик XV века. Сергиев, 1927. С. 14, 37—39. Табл. 1—11.

[159] *Олсуфьев Ю. А.* Второй более или менее достоверный памятник скульптуры руки Василия Дмитриевича Ермолина, русского скульптора и зодчего XV века // *Олсуфьев Ю. А.* Три доклада по изучению памятников искусства б. Троице-Сергиевой лавры. Сергиев, 1927. С. 33—40; *Рындина А. В.* Резная белокаменная Одигитрия XV в. из Троице-Сергиева монастыря: История, типологические источники, сакральный смысл // Древнерусская скульптура: Науч. сб. М., 2008. Вып. 5. С. 42—52.

[160] *Гаврилов С. А.* Борисоглебский крест 1467 г. // СА. 1985. Т. 2. С. 213—222.

[161] *Николаева Т. В.* Произведения русского прикладного искусства с надписями XV — первой четверти XVI в. С. 27, 88. Табл. 58. Кат. 89; *Вагнер Г. К.* От символа к реальности. С. 180—183.

нение в том, что он ориентирован на воспроизведение форм бронзового креста, модель которого датируется около 1200 г.[162] Само произведение с его архаизирующими формами, вероятнее всего, исполнено около 1467 г., судя по связи с зафиксированными в это время необычными явлениями природы. По крайней мере, к 1507 г. крест был весьма почитаемым.

В разделе «Истории русского искусства» (1955), посвященном зодчеству второй половины XV в., речь шла о новых условиях, отразившихся на организации строительства каменных зданий, и о появлении «предстателей» или «нарядчиков», возглавлявших артели мастеров-строителей и бравших заказы на возведение построек. Одним из них был Василий Дмитриевич Ермолин, мастера которого между 1462—1464 гг. выполнили каменные изваяния для Фроловских (Спасских) ворот Московского Кремля, изображающие святых Георгия и Димитрия Солунского[163]. Сохранилось в виде разрозненных фрагментов лишь первое из них, которое до недавнего времени было известно в литературе как выполненное непосредственно самим В. Д. Ермолиным[164]. Исходя из этого, судили о ренессансном характере его творчества. Между тем в результате тщательного и всестороннего изучения скульптуры Георгия-змееборца 1464 г. выяснилось, что речь должна идти о произведении итальянских мастеров[165]. Надо сказать, что оно вскоре нашло отклик в русском пластическом искусстве. Это датируемое первой третью XVI в. керамическое тондо в восточном прясле южной стены четверика Успенского собора в Дмитрове и трансформировавшееся в деревянные полихромные изваяния, пользовавшиеся большой популярностью, выполненные на рубеже XV—XVI вв.[166] Более поздние образцы уже иного характера.

Общее представление о полихромной деревянной скульптуре рассматриваемого периода было бы неполным без упоминания о выполненных по иконописным образцам новгородских поклонных крестов рязанском рельефе архангела Михаила, изображения Богоматери Одигитрии из Клобукова монастыря[167]. Последнее произведение отличается хорошим рисунком и изысканными пропорциями. Остальные не столь высокого профессионального уровня и, кроме того, выдаются архаизмом пластических форм, столь излюбленным в демократической среде, к сожалению,

---

[162] *Пуцко В. Г.* Иисусов крест из Никольского погоста (около 1467 г.): Скульптурное распятие в русском пластическом искусстве // Сообщ. Ростовского музея. Ростов, 2002. Вып. 12. С. 268—277.

[163] *Ильин М. А., Максимов П. Н. Косточкин В. В.* Каменное зодчество эпохи расцвета Москвы // История русского искусства. Т. 3. С. 283. Подробнее см.: *Соболев Н.* Русский зодчий XV в. В. Д. Ермолин // Старая Москва: В 2 вып. М., 1914. Вып. 2. С. 16—23.

[164] *Некрасов А. И.* Древнерусское изобразительное искусство. М., 1937. С. 244—246; *Алпатов М. В.* Всеобщая история искусств. Т. 3. С. 237; *Леонов А. И., Померанцев Н. Н.* Деревянная скульптура // Русское декоративное искусство: В 3 т. М., 1962. Т. 1. С. 127; *Вагнер Г. К.* От символа к реальности. С. 202—220; *Выголов В. П.* Скульптура Георгия на башне Московского Кремля // Памятники русской архитектуры и монументального искусства: Города, ансамбли, зодчие. М., 1985. С. 5—38; *Выголов В. П.* Архитектура Московской Руси середины XV века. М., 1988. С. 135—169.

[165] *Яхонт О. В.* Исследование и консервация скульптуры Георгия-змееборца В. Д. Ермолина // Художественное наследие: Хранение, исследование, реставрация. М., 1989. Вып. 12. С. 146—162. Ил. 1—19; *Он же.* Основные результаты научных исследований и реставрации скульптурной иконы святого Георгия-змееборца 1464 года из Московского Кремля // Искусство средневековой Руси. М., 1999. С. 104—119.

[166] *Яганов А. В. Рузаева Е. И.* Успенский собор в Дмитрове. М., 2003. С. 12; *Пуцко В. Г.* Ростовское изваяние Георгия-змееборца и ренессансные тенденции в русской деревянной скульптуре XV—XVI вв. // История и культура Ростовской земли. 2012. Ростов, 2013. С. 103—116.

[167] *Померанцев Н. Н.* Русская деревянная скульптура: Альбом. М., 1994. С. 57—68, 164, 172—174.

мало сохранившей из созданного в течение полутора столетия.

Монументальная живопись. Развитие русской духовной культуры второй половины XIV в. отличается удивительной активностью, проявляемой во всех видах художественного творчества[168]. Возводят храмы в Новгороде, в Пскове формируется своя архитектурная школа, осуществляется церковное строительство в Москве, в Коломне, в Звенигороде, в Торжке, в Переяславле Рязанском. Конечно, далеко не все новые сооружения могли украсить стенописями. Но даже те из тогда выполненных, которые уцелели, дают широкое понятие о высоких достижениях мастеров, среди которых были выдающиеся[169]. Особо надо отметить роль византийского искусства эпохи Палеологов.

Русская монументальная живопись последних десятилетий XIV в. наиболее широко представлена фресками новгородских церквей, прежде всего Спасо-Преображенской церкви на Ильине улице, расписанной в 1378 г. Феофаном Греком[170]. До приезда на Русь мастер работал в Константинополе, Галате и Кафе и расписал около 40 церквей. Из этого перечня можно заключить, что художник был связан с византийской столицей, ее генуэзским кварталом и генуэзской колонией в Крыму, теперешней Феодосией. Условия заказа должны были предполагать не только блестящее владение палеологовским стилем, но и знакомство с западноевропейской художественной традицией, с поздней готикой. В церкви Спаса от первоначальной системы росписи лучше всего сохранились фрески в куполе и в устроенной на уровне хор угловой северо-западной камере, небольшом приделе. В купольном своде впечатляющее своей строгостью изображение Пантократора в окружении архангелов и серафимов; в простенках барабана фигуры праотцев, пророка Илии и Иоанна Предтечи, монументальные, неподвижные. На восточной стене придела написана «Ветхозаветная Троица»; фрагментарно (сохранилась композиция «Поклонение жертве»). Сильное впечатление производят образы столпников и великих египетских подвижников, явивших высокий пример христианского аскетизма. Свобода композиционных построений и асимметрично расположенные фигуры на серебристо-голубых фонах заметно усиливают ощущение духовной напряженности, как и резкая, смелая манера письма, с энергичными мазками. О том, что новое художественное направление, представленное творчеством Феофана Грека, оставило заметный след в новгородском искусстве конца XIV в., дают основание утверждать частично сохранившиеся фрески 1380-х годов церкви Феодора Стратилата на Ручью[171]. Много общего в иконографии, типологии представленных святых, постановке их фигур и даже в стилистической манере письма. При этом, однако, обнаруживается неодинаковый качественный уровень исполнения, указывающий на укомплектованность артели живописцев явно не строго подобранными мастерами. Изображения сопровождаются русскими и частично испорченными греческими надписями в росписи купола. Отличительной особенностью иконографической программы служит размещение в апсиде композиций Страстно-

[168] См.: *Пуцко В. Г.* Церковное искусство Московской Руси второй половины XIV в. // Дмитрий Донской и эпоха возрождения Руси: События, памятники, традиции. Тула, 2001. С. 23—260.

[169] *Михайловский Б. В., Пуришев Б. И.* Очерки истории древнерусской монументальной живописи со второй половины XIV в. до начала XVIII в. М.; Л., 1941; *Лазарев В. Н.* Древнерусские мозаики и фрески. XI—XV вв. М., 1973; *Лифшиц Л. И.* Монументальная живопись Новгорода XIV—XV вв. М., 1987.

[170] *Лазарев В. Н.* Феофан Грек и его школа. М., 1961. С. 35—68; *Вздорнов Г. И.* Фрески Феофана Грека в церкви Спаса Преображения в Новгороде. М., 1976.

[171] *Царевская Т. Ю.* Роспись церкви Феодора Стратилата на Ручью в Новгороде и ее место в искусстве Византии и Руси второй половины XVI века. М., 2007.

го цикла, в виде фриза, состоящего из небольших, несколько схематизированных сцен. При этом они исполнены в довольно широкой манере, с расчетом на восприятие с большого расстояния. Свинцовый и оливково-золотистый колорит фресок не является изначальным: судя по отдельным лучше сохранившимся фрагментам, они были более яркими. В плане иконографии особо примечательной оказывается роспись западной стены Покровского придела на хорах церкви с изображением Покрова Богородицы, еще в процессе оформления композиции, известной по иконам более позднего времени. В целом эта стенопись воспринимается как образец русского усвоения византийского утонченного образца местной художественной средой.

Исключительно важное место в монументальной живописи Новгорода занимали уничтоженные в годы Второй мировой войны фрески церкви Успения Богородицы на Волотовом поле, датируемые около 1390 г.[172] Небольшая по размерам церковь с притворами была расписана с мастерством, учитывавшим соотношение живописи с архитектурой. Фрески производили впечатление выполненных свободно и легко, с сочетанием старых иконографических типов с новыми, получавшими распространение лишь в XIV в. под воздействием литургии. В апсиде были представлены Богоматерь на троне с Младенцем и двумя ангелами, Евхаристия и Служба святых отцов (Поклонение жертве). В жертвеннике в нише находилась композиция «Не рыдай Мене Мати» с расположенными на арке полуфигурами оплакивающих Богоматери и Иоанна Богослова. Еще более примечательны такие новые сюжеты, как «Души праведных в руце Божии» (на восточном тимпане) и сцена, иллюстрирующая «Слово о некоем игумене, его же искуси Христос в образе нищего» (на южной стене). В целом система росписей традиционная со сценами из протоевангельского богородичного и евангельского циклов, с евангелистами в парусах (с Софией Премудростью), с Пантократором в куполе, в окружении архангелов, херувимов и серафимов, с пророками в простенках барабана. На южной стене храма была выполнена ктиторская композиция с сидящей на троне Богоматерью с Младенцем и предстоящими новгородскими архиепископами Моисеем (1324—1329, 1352—1359) и Алексеем (1359—1388). Отличительной особенностью стиля волотовских фресок является его динамичность, с гибкой широкой линией и красочным пятном, с выразительной фактурой мазка. Все это черты нового художественного течения, широко представленного в творчестве константинопольских мастеров. Своеобразный реализм в сочетании с попыткой передачи бурного движения может вызывать сближение с западной готикой[173]. Для некоторых исследователей такое сближение оказывается неприемлемым, хотя проникновение готических элементов в палеологовское искусство общеизвестно.

Принято считать, что в новгородской живописи 1370—1380-х годов господствовало феофановское направление, но оно не было единственным, и рядом с ним существовали другие течения. Доказательство этому видят в росписях церкви Спаса на Ковалеве, датируемых 1380 г.[174] Этот цикл тоже принадлежит к числу уничтоженных в период Второй мировой войны, но его значительная часть воссоздана в результате многолетнего труда реставраторов[175].

---

[172] *Вздорнов Г. И.* Волотово: Фрески церкви Успения на Волотовом поле близ Новгорода. М., 1989.

[173] *Айналов Д. В.* Византийская живопись XIV столетия. Пг., 1917. С. 129, 134, 144—147.

[174] *Лазарев В. Н.* Ковалевская роспись и проблема южнославянских связей в русской живописи XIV в. // Ежегодник Ин-та истории искусства АН СССР. 1957. М., 1958. С. 233—278.

[175] *Греков А. П.* Фрески церкви Спаса Преображения на Ковалеве. М., 1987.

В отличие от уже упомянутых новгородских стенописей здесь многофигурные композиции и единоличные изображения не образовывали стройной архитектонической и идейной системы, но свободно сочетались, образуя порой смелые асимметричные сдвиги. Заметно воздействие иконописи в фресковой технике, явно указывающее на определяющую роль образцов. Было замечено, что сопроводительные надписи русские, но с сильно выраженными южнославянскими чертами. Мастеров было трое. В процессе работы они широко пользовались графьей, служившей не только вспомогательным средством, но и оказывавшей влияние на стиль, порой приводя к некоторым несообразностям. Особо надо отметить оригинальную часть иконографии, с уникальными изображениями тетраморфа в росписи барабана, свидетельствующими о знакомстве с редкой схемой «Видения пророку Иезекиилю». На северной стене расположена фреска «Предста царица одесную Тебе», с изображением Христа Великого Архиерея, к тому времени уже известным в сербских росписях. К южнославянским источникам восходит также стиль ковалевской стенописи, что доказывают сходные по характеру изображения в церкви Богоматери в Грачанице и в церкви Богоматери в Печской патриархии, относящиеся к первой половине XIV в. Было высказано предположение, что мастеров мог привезти митрополит Киприан, прежде связанный как с Константинополем, так и с Афоном.

Фрески новгородской церкви Рождества Христова на кладбище принято датировать 1380—1390-ми годами, отмечая их линейно-графическое начало[176]. Фигуры крупные, плотно вписанные в пространство, с жестко прорисованными чертами ликов, колорит с преобладанием коричневато-красных тонов.

Более значительным новгородским монументальным циклом являлись погибшие во время войны фрески церкви Архангела Михаила Сковородского монастыря, датируемые прежде около 1360 г., а ныне относимые к рубежу XIV—XV вв.[177] Это был превосходный фресковый ансамбль, правда, сохранившийся в фрагментарном виде. Особенностью иконографической программы было расположенное на восточной стене над алтарной аркой «Вознесение», на южной стороне восточной стены — «Сошествие во ад», на северной, над входом в жертвенник, были изображения полуфигур Бориса и Глеба; в иных местах храма обнаружены «Воскрешение Лазаря», «Вход в Иерусалим» и «Успение». Много было изображений различных святых. Значительное место в декоре занимал орнамент, и особо обращал на себя внимание фриз из изображенных в перспективе кессонов и консолей, поддерживаемых листьями аканфа. Судя по иконографии, мастерам были известны византийские столичные образцы эпохи Палеологов. Стилистические аналогии встречаются в росписях моравской школы Ресавы. Сходство ликов в иконах Македонии свидетельствует о том, что стилистические параллели оказываются именно в южнославянском искусстве. И можно добавить, в его элитарном направлении, развивавшемся на усвоении классической основы.

Новгородские фрески XV в. по своему общему характеру уже принципиально мало чем отличаются от икон, обычно с небольшими фигурками, изредка — на фоне архитектурных кулис, как в стено-

---

[176] *Маяков Ю. Г.* Фрески церкви Рождества Христова на Красном поле // Художественное наследие. Хранение исследование, реставрация. М., 1978. Вып. 4 (34). С. 199—221.

[177] *Лазарев В. Н.* Росписи Сковородского монастыря в Новгороде // Памятники искусства, разрушенные немецкими захватчиками в СССР. С. 77—101; *Малков Г.* О датировке росписи церкви Архангела Михаила «на Сковородке» в Новгороде // ДРИ: XIV—XV вв. С. 196—225.

писи около 1459 1463 г. в церкви Сергия Радонежского на Архиепископском дворе[178]. Роспись церкви Симеона Богоприимца, XV—XVI вв. представляет фризы с полуфигурами святых, в подборе следующими месяцеслову, лентами покрывающие стены и столбы[179]. Еще один пример — погибшие, частично раскрытые фрески, около 1475—1480 гг., в церкви Св. Николая в Гостинопольском монастыре[180] в пос. Волхов. Таковы итоги локальной традиции.

Монументальная живопись Пскова рассматриваемого периода представлена фресками, извлеченными из земли при раскопках храмов Довмонтова города, фрагментами и даже частично сохранившимися композициями[181]. Некоторые из них по стилю могут быть отнесены к концу XIV в., другие — к рубежу XV—XVI вв. Стенопись церкви Успения Богородицы в Мелетове датируется 1465 г. Ее система отличается усложненностью иконографического состава, объединяющего традиционные композиции и необычные сюжеты, типа Трех ветхозаветных престолов и Галлы Милостивой на смертном одре; среди мучеников представлен Юстин Философ. Вызывает удивление также стойкость живописной традиции XIV в., со смелыми асимметрическими сдвигами, с резкими высветлениями и бликами. В живописи Мелетова опознаются руки шести или семи мастеров. При уменьшении размера композиций увеличивается их количество. В сущности, происходит тот же процесс, который определяет развитие стенописи в XV в. Византии, где, однако, нет подобной размашистой манеры письма, а также свободы и эскизности[182]. Удивляет и умение создать в полутемном интерьере сельского храма столь артистически выполненную живопись.

Известно, что Феофан Грек в 1395 г. расписывал с Семеном Черным и своими учениками церковь Рождества Богородицы на Сенях в Москве, в 1399 г., тоже со своими учениками — Архангельский собор, в 1405 г. со старцем Прохором с Городца и Андреем Рублевым — Благовещенский собор. Но ни один из упомянутых циклов фресок не сохранился, как и феофановские стенописи во дворце серпуховско-боровского князя Владимира Андреевича и тереме великого князя Василия Дмитриевича. Существенно, что знаменитый византийский художник имел в Москве учеников и охотно сотрудничал с русскими мастерами, в том числе с Андреем Рублевым.

Самыми ранними стенописями Андрея Рублева являются фрески, украсившие возведенный князем Юрием Звенигородским около 1400 г. Успенский собор на Городке в Звенигороде. Это круглый медальон с полуфигурой св. Лавра, под которым триумфальный крест и фигуры Варлаама и царевича Иоасафа, — на южном столбе; а на северном — фрагмент парного к нему изображения св. Флора с таким же триумфальным крестом, а также фигуры св. Пахомия и ангела[183]. Иконография сравнительно редкая, но известная в ви-

[178] *Ромашкевич Т. А.* Роспись церкви Сергия Радонежского в Новгородском Детинце // ПКНО. 1977. М., 1977. С. 28—236 .

[179] *Колпакова Г. С.* О росписи церкви Симеона Богоприимца в Новгороде // ДРИ: Монументальная живопись XI—XVII вв. М., 1980. С. 297—304.

[180] *Репников Н.* Памятники иконографии упраздненного Гостинопольского монастыря // Изв. Комитета изучения древнерусской живописи. 1921. Вып. 1. С. 13—20.

[181] *Белецкий В. Д.* Довмонтов город. Л., 1986.

[182] *Лазарев В. Н.* Древнерусские мозаики и фрески. С. 67—68. Ил. 386—390.

[183] *Сарабьянов В. Д.* Росписи алтарных столбов собора Успения на Городке в Звенигороде в контексте традиции древнерусской храмовой декорации // ДРИ: Искусство средневековой Руси и Византии эпохи Андрея Рублева. М., 2012. С. 51—71

зантийской художественной традиции. Формальная характеристика живописи позволяет отнести ее к византинизирующим образцам. Следующая по времени монументальная живопись с участием Андрея Рублева — выполненные в 1408 г. фрески Успенского собора во Владимире, где он трудился вместе с «иконником Данилой», в составе одной артели. Росписи уцелели частично, в западной части храма, представляющие фрагменты «Страшного суда», с легкими, почти невесомыми фигурами, идеально подчиненными ритму стены. Центральной является фигура Христа во славе. На склонах свода изображены восседающие апостолы со стоящими позади них многочисленными ангелами. Запоминающимися являются также образы двух трубящих ангелов, группы праведных жен, апостола Петра с праведниками, идущими в рай, персонификации Земли и Моря, отдающих мертвых[184]. Предпринимались попытки выделения стилистических групп двух ведущих мастеров, но подобное разграничение далеко не всегда бесспорное. Столь сложная, сформированная в течение нескольких веков композиция рассчитана на длительное созерцание, и здесь особенно важны отточенные художественные формы, безупречный рисунок, просветленные лики, воспринимаемые как идеал красоты. В процессе реставрационных работ в соборе были обнаружены и другие рублевские фрески, и самая значительная среди них с изображением Преображения в люнете северной стены. Она столь же изысканна по живописи, как и фрагменты «Страшного суда», пользующиеся широкой известностью.

После эпохи Андрея Рублева в истории монументальной живописи великокняжеской Москвы наступил вынужденный перерыв, обусловленный социальными и политическими причинами, и работы по украшению стенописью церквей возобновились только через несколько десятилетий. Их выполнение связано с именем другого выдающегося московского художника — Дионисия, работавшего с артелью. Первое упоминание о Дионисии содержит «Житие преподобного Пафнутия Боровского», составленное епископом Вассианом Саниным, сообщающим о выполнении между 1467 и 1477 гг. росписи соборной церкви Рождества Богородицы в Пафнутьевом монастыре в Боровске. Во главе артели мастеров названы старец Симонова монастыря Митрофан и Дионисий. Этот небольшой по размерам собор в 1560-х годах был разобран в связи с сооружением более обширного, с использованием блоков древнего. При обследовании его фундаментов и обнаружены фрагменты живописи с остатками изображений и орнаментами, дающие представление о самых ранних работах прославленного мастера[185].

Следующим этапным образцом монументальной работы Дионисия и его школы являются разрозненные фрески в московском Успенском соборе, датируемые 1481 г.[186] Наиболее известна роспись Похвальского придела, с преувеличенно вытянутыми формами и сложными архитектурным фонами, выполненная в светлом колорите с нежными тонами. Алтарную преграду украшают многочисленные полуфигуры преподобных, ряд которых, однако, лишен монотонности при кажущемся на первый взгляд однообразии, обусловленном иконографической типологией.

Главным произведением Дионисия по праву является роспись Рождествен-

[184] *Лазарев В. Н.* Древнерусские мозаики и фрески. С. 72—74. Ил. 396—424.

[185] Дионисий «живописец пресловущий». М., 2002. С. 252—261. Кат. 69—81.

[186] *Зонова О.* Первая роспись Успенского собора Московского Кремля. Л., 1971; Успенский собор Московского Кремля: Материалы и исследования. М., 1985. С. 69—86.

ского собора Ферапонтова монастыря, созданная в 1502 г., в период творческой зрелости мастера. Иконографическая программа и художественные достоинства ферапонтовской стенописи неоднократно освещались в литературе[187]. Фрески в соборе расположены девятью регистрами, что позволяет проследить последовательность представленных событий. В куполе обычное оплечное изображение Христа Вседержителя в простенках барабана — шесть архангелов, в парусах размещены фигуры евангелистов; в замках арок собора четыре изображения серафимов, а ниже — медальоны с полуфигурами святых; в одной из больших люнет — Покров. На сводах помещены евангельские чудеса и притчи. В разных частях храма развернут акафистный цикл с его сложным содержанием — наиболее известный, радующий своими светлыми тонами и нежным колоритом. В живописи много особенностей, отличающих индивидуальную манеру Дионисия, с ее особой легкостью и одухотворенностью. Вместе с тем трудно не заметить ту сюжетную усложненность, которая властно входила в русскую живопись рубежа XV—XVI вв.

Иконопись. Проследить развитие иконописания в русских локальных художественных центрах последней трети XIV в. порой затруднительно, поскольку успех зависит не только от сохранившегося материала, но и от учета широкого историко-культурного контекста. Общая хронологическая канва здесь способна лишь зафиксировать неравномерность динамики, обеспечиваемой конкретными условиями и обстоятельствами, хотя материальные средства заказчиков практически всегда играют существенную роль.

Известно, что в последней четверти XIV в., в Новгороде работало много художественных артелей, благодаря которым могли проникнуть стилистические варианты палеологовского искусства, объясняющие местную их интерпретацию в иконе Спаса Вседержителя из церкви Феодора Стратилата на Торговой стороне[188]. Икона Бориса и Глеба на конях (около 1377 г.), из церкви Бориса и Глеба в Плотниках скорее унаследовала лишь византийскую иконографическую схему[189]. Датируемая около 1399 г. икона Покрова, из Зверина монастыря, дает пример более радикальной переработки греческого образца, который буквально уходит в тень[190]. Эти произведения позволяют судить о степени усвоения сторонних влияний, в целом не нарушавших местную художественную традицию. К началу XV в. у новгородских мастеров четко оформляется элитарное направление стиля, с хорошим рисунком и изысканным колоритом, примером чего можно считать икону «Отечество», вероятно, выполненную как храмовая для Троицкой церкви в Колмовом монастыре.

Эта икона и икона «Сошествие во ад», из Тихвина, свидетельствуют, что новгородцам были знакомы течения развитого палеологовского искусства в его живописно-экспрессивном варианте[191]. К XV в. оказались выработаны приемы, которые повторяются, а затем и приобретают оттенок заученности.

На рубеже XIV—XV вв. в новгородской иконописи оформляется также направление, ярко отражающее народные вкусы, проявляющиеся в изображении наиболее почитаемых святых, отмеченном печатью стилистического единства. Получают широкое распространение иконы

[187] *Георгиевский В. Т.* Фрески Ферапонтова монастыря. СПб., 1911; *Лазарев В. Н.* Древнерусские мозаики и фрески. С. 76—79. Ил. 431—456.

[188] *Смирнова Э. С.* Живопись Великого Новгорода. С. 96—97, 214—215. Кат. 18.

[189] Там же. С. 219—221. Кат 2.

[190] Там же С. 14—112, 222—227. Кат. 21, 48.

[191] Там же. С. 117—118, 236—238. Кат. 26.

избранных святых, образы которых были близкими и родными[192]. В течение XV в. в иконописании Новгорода взаимоотношение ведущих и «низовых» художественных течений активизируется и возникают в общей схеме как бы промежуточные звенья. Столь различная продукция, однако, находила сбыт у представителей разных социальных слоев.

Новгородские иконы первой трети XV в. стилистически разрозненные. Чаще всего в них сочетается старое и новое. Встречаются также произведения, вобравшие в себя отдельные особенности московского искусства при сохранении местной основы. Цветовое решение часто с темными насыщенными оттенками. Не исключено, что некоторые иконы, исторически связанные с Новгородом, выполнены заезжими мастерами, причем позже, чем принято утверждать. Существенные перемены происходят во время архиепископа Евфимия II (1429—1458), культивировавшего сепаратизм и приглашавшего западных мастеров. На этой волне появляются иконы избранных святых с помещенным над ними образом Богоматери Знамение, когда ее почитание достигло своей кульминации[193]. Становится популярным и другой сюжет, с более сложной иконографией — Знамение от иконы Богородицы («Битва новгородцев с суздальцами»)[194]. Одновременное существование различных стилистических направлений заметно усложняет восприятие новгородской иконописи второй половины XV в.[195] Нельзя все же не отметить усиления московского воздействия, наиболее широко проявившегося в характере икон-святцев («Софийских таблеток»). В числе мастеров, работавших около 1497 г. над выполнением икон для иконостаса Успенского собора Кирилло-Белозерского монастыря, определенно были критские с характерными приемами моделировки, не свойственными русским художникам, не прошедшим обучение анатомии.

Псковская икона, как и новгородская, имеет свое ярко выраженное лицо, нередко отличаясь асимметричной композицией, неточным рисунком и всегда выразительным колоритом, с преобладанием темных тонов, с контрастами. Стойкими были архаические течения. На протяжении последней четверти XIV в. эта иконопись достигает своей зрелости, когда создаются лучшие иконы, вышедшие из одной мастерской.

Ряд псковских икон, возможно, принадлежат кисти одного мастера. Это «Деисус с Варварой и Параскевой», «Параскева, Варвара и Ульяна» из Варваринской церкви в Пскове, а также происходящая оттуда же икона «Собор Богоматери», более скромных размеров[196]. Они впечатляют своей живописностью и удивительной свободой письма, с энергичной красочной лепкой, с резко высветленными участками на лбу, на носу, щеках, подбородке, с брошенными поверх бликами. В XV в. в псковской иконописи еще сохраняется внутренняя напряженность образов, но ее постепенно вытесняют чисто иконописные приемы, перекликающиеся с подобными изменениями, наблюдаемыми в других иконописных школах. К концу XV в. в псковскую иконопись проникают отголоски дионисиевской эстетики: непо-

---

[192] *Лазарев В. Н.* Русская иконопись от истоков до начала XVI века. М., 1983. С. 55—58.

[193] *Смирнова Э. С.* О местной традиции в новгородской живописи XV в.: Иконы с избранными святыми и Богоматерью «Знамение» // Средневековое искусство: Русь. Грузия. М., 1978. С. 193—211.

[194] *Анисимов А. И.* Этюды о новгородской иконописи: Чудо от иконы Богородицы // София. 1914. № 5. С. 5—21.

[195] См.: *Смирнова Э. С. Лаурина В. К., Гордиенко Э. А.* Живопись Великого Новгорода. XV век. М., 1982.

[196] *Реформатская М. А.* О группе произведений псковской станковой живописи второй половины XIV века // ДРИ: Художественная культура Пскова. С. 114—126.

мерно вытянутые фигуры в иконе «Сошествие во ад с избранными святыми» явно появляются в подражание московским образцам[197]. Псковская иконописная манера позже заметно видоизменяется, но при этом упорно сохраняет отличительные черты, в том числе и свой суровый и выразительный колорит[198].

В Северо-Восточной Руси Ростов был центром обширной епархии, и можно было предположить, что при епископской кафедре существовали иконописные мастерские. Только едва ли к их продукции можно отнести такие произведения последних десятилетий XIV в., как икона «Троица Ветхозаветная» из ростовской церкви Косьмы и Дамиана, и икона «Никола Зарайский с житием» из церкви с. Павлово, с их архаизирующим стилем[199]. Более противоречивое впечатление производит икона «Никола с житием» и псевдобуквенным орнаментом из Введенской церкви в Ростове, которую можно датировать первой четвертью XV в.[200] Живопись ее явно выполнена двумя мастерами, и написавший полуфигуру средника обнаруживал близость к рублевской традиции. Конечно, икона могла быть и привозной. Среди ростовских икон рубежа XV—XVI вв. преобладают отмеченные московским влиянием. Встречаются также принадлежавшие новгородским переселенцам, в стиле «северных писем». Немногим лучше и положение в Ярославле, где примечательны датируемые XV в. икона «Илья Пророк в пустыне» из Ильинско-Тихоновской церкви и икона «Николай Чудотворец с житием» из церкви Воскресения с. Левашово[201]. Обе они характеризуют общий художественный уровень иконописной продукции данного региона. Сохранялись лишь наиболее почитаемые иконы, совсем забытые. Еще труднее говорить о характере суздальской иконописи, вероятно, слишком рано ощутившей нивелирующее влияние Москвы.

Примерно в таком же довольно неопределенном виде воспринимается художественное наследие и других русских земель конца XIV — начала XVI в., в лучшем случае представленное единичными образцами. Но и они в итоге могут оказаться московским импортом или делом рук переселенных Иваном III в 1489—1490 гг. новгородцев. Последнее обстоятельство проливает свет на стилистические особенности ростовских и нижегородских икон, казалось бы, не свойственные продукции мастерских.

Известно, что Тверь заявила о себе в истории искусства прежде, чем вступившая с ней в политическое единоборство Москва. Но, по иронии судьбы, тверской иконописи пришлось пройти немало испытаний на пути к признанию за ней исторически обусловленного места. Царские врата из погоста Нектарьево (бывшего Покровского Нектариева монастыря) в Тверском уезде, с изображениями двух святителей, датируются концом XIV— первой четвертью XV в. Их экспрессивный стиль производит впечатление глубокой архаики. И по сравнению с ними выносная двусторонняя икона с изображениями Богоматери Одигитрии и Николы из с. Васильевское, первой половины XV в., кажется очень аристократичной по исполнению[202]. Иконы «Богоматерь» и «Иоанн Предтеча» из с. Ободово первой половины XV в. уже отмечают некоторое упрощение

[197] *Лазарев В. Н.* Русская иконопись: От истоков до начала XVI века. С. 75—80, 323—324. Кат. 71—73, 82.

[198] См.: Иконы Пскова. М., 2006.

[199] Государственная Третьяковская галерея. Т. 1. С. 112—117. Кат. 43, 44.

[200] Там же. С. 117—118. Кат. 45; *Лазарев В. Н.* Русская иконопись. С. 128, 501. Кат. 133.

[201] Ярославский художественный музей: Каталог собрания икон. М., 2002. Т. 1. С. 46—49. Кат. 4, 5.

[202] *Попов Г. В., Рындина А. В.* Живопись и прикладное искусство Твери. XIV—XVI века. С. 70—77, 112—120, 265—273. Кат. 4, 5.

живописи. Деисусный чин первой половины — середины XV в. из окрестностей Кашина дает пример адаптации московского образца[203]. Икона «Св. Никола» XV в. предположительно из Сретенской церкви в Твери, напротив, напоминает о новгородской составляющей[204]. Иконы «Спас» и «Апостол Павел» конца XV в. из Ламского погоста выдаются византинизирующим характером[205]. Столь различные векторы были вполне естественными в развитии русской иконописи времени угасания Византийской империи и последовавшего за этим периода. Предпочтение отдавалось все же одному приоритетному направлению, чаще всего элитарному. На него ориентировались охотнее всего.

В определении общего характера московской иконописи последних десятилетий XIV в. особую роль сыграла палеологовская Византия, образцы искусства которой в сущности предопределили ее элитарный уровень[206]. Некоторые из привезенных тогда константинопольских икон сохранились до нашего времени, и среди них образ Богоматери Одигитрии Пименовской, с которого не раз делали списки. Не позднее 1395 г. начал работать в Москве Феофан Грек, сотрудничество с которым русских художников тоже имело свои результаты. Как важное событие отмечает летопись, что в 1397 г. московский великий князь получил в дар из Константинополя икону «Спас в белых ризах». Не исключено, что именно в это время в Москве возникает заменивший алтарную преграду высокий иконостас с полнофигурным чином из 11 икон и с 14 иконами праздничного ряда, как это можно видеть в Благовещенском соборе Московского Кремля[207]. В нижнем местном ряду, по сторонам царских врат, были помещены иконы «Христос» и «Богоматерь», а также праздника или святого, которому посвящен храм. Вариант такого иконостаса с иконами, выполненными в 1425—1427 гг. Андреем Рублевым, Даниилом Черным и мастерами их круга, украшает Троицкий собор Троице-Сергиевой лавры[208]. С этого времени высокий иконостас становится неотъемлемой принадлежностью русского храма.

Феофану Греку с его помощниками устойчиво приписывается выполнение икон деисусного чина иконостаса Благовещенского собора, датируемых концом XIV — началом XV в., с особо впечатляющим изображением Спаса в силах. Эта композиция в своей основе сформировалась в раннем восточнохристианском искусстве на основе пророческих видений, одновременно воспринимаемая как прообраз Второго пришествия; встречается изредка в византийской иконографии, но особенно активно разрабатывается в средневековой западной, и ее реплика встречается даже в алтарной стенописи новгородской церкви Благовещения на Мячине 1179 г. Весьма вероятно, что она введена в иконографическую схему иконостаса именно Феофаном. Иконы написаны очень свободно, с исключительным мастерством, с искусной моделировкой объемов: поверх темных плотных санкирей мастер кладет сочные блики-отметки, наиболее выпуклые места сильно высветляет, с резкими переходами от света к тени. Считается несомненным выполнение в мастерской Феофана Грека в 1390-е годы двусторонней иконы с изображениями Богоматери

[203] *Попов Г. В., Рындина А. В.* Живопись и прикладное искусство Твери. XIV—XVI века. С. 275—278. Кат. 7.
[204] Там же. С. 289—290. Кат. 13.
[205] Там же. С. 321—325. Кат. 23.
[206] См.: *Пуцко В.* Русская иконопись времени Сергия Радонежского и Византия. С. 144—151.
[207] *Щенникова Л. А.* Иконы в Благовещенском соборе Московского Кремля: Деисусный и праздничный ряды иконостаса: Каталог. М., 2004.
[208] *Николаева Т. В.* Древнерусская живопись Загорского музея. М., 1977. С. 43—58. Кат. 1— 35.

Донской и Успения. К школе великого мастера принято относить датируемую около 1403 г. большую икону «Преображение», происходящую из собора в Персяславле-Залесском. Известны и другие произведения, созданные под сильным византийским влиянием: «Распятие», «Богоматерь Мати молебница», «Благовещение». Но их круг нельзя считать широким. После отъезда или смерти Феофана его влияние быстро сошло на нет, и с появлением Андрея Рублева, по существу, начинается новый период в истории московской иконописи, хронологически занимающий примерно четверть столетия.

Андрею Рублеву удалось органически соединить местные традиции с византийским мастерством классицирующего направления. Он выработал совершенный художественный язык, и его личность оказалась овеянной ореолом славы. Путь мастера в великокняжескую мастерскую мог лежать через Константинополь, где реально было постижение эллинистической основы. Его сотрудничество с Феофаном Греком явно обогатило творческий опыт, но не привело к подражательству. Поскольку художник работал в составе артели, выделение его собственных произведений оказывается условным. Нет единого мнения относительно авторства праздничных икон иконостаса Благовещенского собора. Три иконы «звенигородского чина» и прославленная «Троица» воспринимаются как наиболее соответствующие представлениям о художественном стиле Андрея Рублева, весьма рафинированного мастера и в то же время обладавшего большой духовностью. Элегантные типы ангелов есть и у греческих мастеров, но там они явно с «земным притяжением». И следовательно, дело не только в правильности рисунка и изысканности форм. Существеннее было осмыслить божественную суть запечатленного действа.

В литературе приведено немало тонких наблюдений, отмечающих дистанцию, отделявшую произведения Андрея Рублева от работ его учеников и последователей. Это касается не только различных подражаний «Троице», но и икон иконостаса Троицкого собора Троице-Сергиевой лавры: среди последних оказались даже не имевшие прямого отношения к мастерской Рублева. Все это указывает на исключительность индивидуальной творческой манеры великого мастера, не подавлявшего индивидуальности своих сотрудников. Есть иконы весьма близкие к его творчеству, но их не могло быть много. Византийскому наследию русский художник придал мягкий лиризм, отличительный от классицирующего своей непосредственностью. Но рядом с Андреем Рублевым также работали его талантливые современники, такие как выполнивший икону «Архангел Михаил с деяниями» в Архангельском соборе Московского Кремля[209].

Столь высокое мастерство не могло получить широкое распространение, и исключительные по своим художественным достоинствам образцы не нашли достойного отклика в русской творческой среде. Сказались и кризисные явления политической жизни. От середины XV в. практически не сохранились московские произведения иконописи эталонного характера, и компенсировать их отсутствие не могут работы с неустойчивой датировкой, а тем более с признаками более позднего происхождения[210]. Если промежуток в несколько десятилетий между эпохами Андрея Рублева и Дионисия ничем не заполненный, то почему бы не возникнуть отождествлению икон из с. Васильевского не с иконостасом Успенского собора во Владимире

[209] *Лазарев В.Н.* Русская иконопись. С. 96—114.

[210] *Пуцко В.Г.* Спорные вопросы в истории искусства Москвы XV века // Russia Mediaevalis. München, 1984. T. 5 (1). S. 69—75.

(1408), а с иконостасом Успенского собора в Москве (1481)? Разделяющие их 73 года, оказывается, не сказались на характеристике иконографии и стиля или не были замечены? Московская иконопись последней трети XV в. многим обязана Дионисию, хотя полностью от него не зависела и имела также иных выдающихся художников, таких как выполнивший большую храмовую икону к освящению Успенского собора Московского Кремля в 1479 г. и автор иконы «Апокалипсис» для того же храма[211]. Оба произведения многофигурные, большого размера, со сложной композицией, опирающейся на ранние изобразительные источники.

При изучении творчества Дионисия выделение его собственных работ, как и в уже отмеченных случаях, осложнено сотрудничеством с другими мастерами. Кроме различных циклов фресок он писал также иконы. Самое раннее известное его произведение иконописи — образ Богоматери Одигитрии из Вознесенского монастыря в Московском Кремле, восстановленный в 1482 г. после пожара, уничтожившего греческую живопись. Перед художником была поставлена задача стилистически приблизить икону к византийскому оригиналу. Видное место в творчестве Дионисия занимают выполненные в 1480-х годах житийные иконы московских святителей Петра и Алексия, привлекающие внимание оригинальностью иконографии и мастерством, умением придать реалиям изящные иконописные формы. С именем Дионисия неразрывно связано развитие самого житийного жанра в русской иконописи рубежа XV—XVI вв.: им созданы циклы, посвященные наиболее почитаемым русским подвижникам: преподобным Сергию Радонежскому, Кириллу Белозерскому, Димитрию Прилуцкому. С мастерской Дионисия связана изящная икона «Положение ризы и пояса Богоматери», написанная для деревянной церкви с. Бородава близ Ферапонтова монастыря, освященной в 1485 г. Много вышло из этой мастерской икон для иконостасов, в том числе датированных 1500 г., предназначенных для Троицкого собора Павло-Обнорского монастыря в Вологодской области, среди которых наиболее известные «Спас в силах» и «Распятие», с вытянутыми пропорциями фигур, маленькими головами, тонкими руками и ногами. Такое стилизаторство вместе с линейной проработкой формы ведет к формальным поискам той изысканности, которую можно считать эхом классицирующего палеологовского стиля, наиболее адекватно воспринятого Андреем Рублевым. Иконы мастерской Дионисия из собора Рождества Богородицы Ферапонтова монастыря, надо сказать, все же представляют одну из вершин русской сакральной живописи рубежа XV—XVI вв., прочно связанной с московской художественной традицией[212].

Прослеживая творчество Дионисия на протяжении нескольких десятилетий, особенно в его иконном наследии, можно наглядно видеть определенную эволюцию стиля. Рисунок обычно выверенный, вплоть до «каллиграфичности». Моделировка объемов неодинакова, но с тенденцией к сохранению плоскостности, иногда декорированной орнаментом (облачения святителей); иначе написаны пророки, возможно, другими мастерами. В целом индивидуальная манера сохраняет свою оригинальность, позволяющую

[211] *Толстая Т. В.* Храмовая икона Успенского собора Московского Кремля: (К проблеме иконографического типа) // Проблемы русской средневековой художественной культуры. М., 1990. С. 67—86. (Гос. Музеи Московского Кремля: Материалы и исследования; Вып. 7); *Алпатов М. В.* Памятник древнерусской живописи конца XV века: Икона «Апокалипсис» Успенского собора Московского Кремля. М., 1964.

[212] Дионисий «живописец пресловущий». С. 113—151. Кат. 11—34.

почти всегда опознавать основные технические приемы мастера[213].

Новгородская икона XV в. не столь аристократична, как московская, но, как уже было отмечено, ее характер к концу этого столетия заметно изменяется. Приближение дионисиевской эпохи уже становится очевидным по вытянутым фигурам «Молящихся новгородцев» 1467 г. Более явно сказываются стилистические изменения в иконе святителей Кирилла и Афанасия Александрийских с Леонтием Ростовским конца XV в.[214] и особенно в иконах главного иконостаса Софийского собора в Новгороде, выполненных в 1509 г. Андреем Лаврентьевым и Иваном Дермой Ярцевым[215]. Последний из упомянутых мастеров был сыном московского иконописца Дермы Ярцева, писавшего в 1481—1482 гг. вместе с Дионисием иконостас для Успенского собора Московского Кремля. В Москве в эти же годы успешно работает сын Дионисия Феодосий, украсивший миниатюрами Четвероевангелие в 1507 г., а около 1510 г. выполнивший для Успенского собора в Дмитрове икону «Преподобный Сергий Радонежский с житием»[216]. Однако эти новые явления не коснулись творчества народных мастеров, работавших в глухих озерных и лесных углах Русского Севера, стойко приверженных традиции.

Книжное искусство. Художественное оформление книг, выполненное в последней трети XIV в., не было однородным по своим художественным формам и отражало локальные традиции либо эстетические вкусы заказчика. Русская рукописная книга XIV в. в целом характеризуется преобладанием в ее декоре орнаментики тератологического стиля, особенно популярного в Новгороде и меньше в Пскове[217]. Видное место занимает выполненная в 1380-х годах Псалтирь, вклад Ивана Грозного в Троице-Сергиев монастырь, украшенная двумя миниатюрами в обрамлениях в виде храма, плотно образованных из упругих лент, выступающих на голубом фоне. Примечателен также декор Смоленской Псалтири 1395 г. с тремя архитектурными фронтисписами, а также многочисленными заставками и инициалами. Немногими особенностями отличается от них обрамление миниатюры Псковского Евангелия 1409 г., написанного дьяконом Лукой в монастыре на Завеличье. В конце XIV в. в русских рукописях появляется балканский орнамент, в первой половине того столетия заимствованный славянами из Византии. Он имеет несколько основных мотивов: четкие геометрические круги, в один или несколько ярусов, вплетающиеся друг в друга горизонтально и вертикально; решетки, образуемые прямолинейными ремнями, закругленными по краям в овал; жгуты и плетенки, образующие сложные переплетения. Оформленные в этом стиле рукописи имеют как новгородское, так и московское происхождение и датируются в пределах всего XV в. и даже началом XVI в.[218] Начиная с рубежа XIV—XV вв. русскими мастерами для декора книг наряду с балканским плетением начинает также применяться неовизантийский орнамент, с растительно-цветочным наполнением геометрической

[213] См.: *Лазарев В. Н.* Русская живопись. С. 116—126; *Вздорнов Г. И.* Андрей Рублев и Дионисий Ферапонтовский // Ферапонтовский сб. Ферапонтово, 2006. Вып. 7. С. 17—23; *Пуцко В. Г.* Феномен творчества Дионисия // Линтула: Сб. науч. статей. СПб., 2016. Вып. 9. С. 119—131.

[214] Иконы Великого Новгорода XI — начала XVI века. С. 347—353. Кат. 46.

[215] Там же. С. 403—443. Кат. 63—91.

[216] Дионисий «живописец пресловущий». С. 246—248, 195—199. Кат. 66, 50.

[217] *Щепкина М. В.* Тератологический орнамент // ДРИ: Рукописная книга. Сб. 2. С. 229—237; *Ильина Т. В.* Декоративное оформление древнерусских книг: Новгород и Псков. XII—XV вв. Л., 1978. С. 56—85.

[218] *Шульгина Э. В.* Балканский орнамент // ДРИ: Рукописная книга. Сб. 2. С. 240—264.

рамки, на золотом фоне, с применением византийских веток, византийского крина и трилистника[219].

Частью сложного книжного организма становится все чаще миниатюра с соответствующим сюжетом. Весьма вероятно, что миниатюры новгородских рукописей конца XIV в. могли быть выполнены теми же художниками, которые расписывали в это время сооруженные незадолго до этого храмы. Новгородская книжная миниатюра XV в., в основном представленная изображениями евангелистов, большей частью отличается высоким профессиональным мастерством и византинизирующим характером, позволяющим говорить о несколько видоизмененном позднепалеологовском стиле[220]. Здесь наблюдается то же самое явление, что происходит в иконописи, но с учетом специфики книжного искусства.

Мастера книги в Северо-Восточной Руси в этот период руководствуются примерно теми же принципами. Однако их продукция все же имеет заметные отличия. Здесь прежде всего надо отметить мастерскую письма, возобновленную в 1390-х годах при Успенском соборе в Москве. С ее продукцией связана написанная в Киеве в 1397 г. Псалтирь, имеющая более 300 иллюстраций, большей частью свободно разбросанных по широким полям рукописи, часто с краткими пояснительными надписями[221]. Такая система размещения миниатюр восходит к византийским образцам XI в., подобным Псалтири 1066 г. из константинопольского Студийского монастыря, отличающейся тонким, изящным стилем. Иллюстраторы Псалтири 1397 г. скорее всего следовали если не этому оригиналу, то его точному воспроизведению. Миниатюрист, украшавший Киевскую Псалтирь, явно был грек, носитель византийской столичной художественной традиции. Византийский облик имеют и миниатюры Евангелия 1401 г. из Зарайска, а также Евангелия начала XV в. из Успенского собора Московского Кремля. Предполагается, что автор последних представлял течение, в русле которого развивалось творчество Андрея Рублева.

Рукопись Евангелия боярина Ф. А. Кошки сейчас принято условно датировать 1410-ми годами: она украшена двумя заставками и необычными для московского книжного искусства этого времени инициалами, по мнению В. Н. Лазарева, восходящими к греческим образцам, испытавшим влияние иллюминации итальянских кодексов[222]. Ученый полагал, что проводником такого декоративного стиля был Феофан Грек, прежде работавший в Галате и Кафе. Указанные инициалы выполнены по новому грунту, перекрывающему первоначальные, нарисованные киноварью. В начале XV в. в Москве были выполнены еще три замечательные по оформлению рукописи: Евангелие Хитрово, Евангелие Успенского собора и Евангелие Спасо-Андроникова монастыря.

---

[219] *Костюхина Л. М.* Нововизантийский орнамент // Там же. С. 265—295; *Вздорнов Г. И.* Неовизантийский орнамент в южнославянских и русских рукописных книгах до начала XVв. // ВВ. М., 1973. Т. 34. С. 214—243.

[220] *Смирнова Э. С.* Искусство книги в средневековой Руси: Лицевые рукописи Великого Новгорода XV века. М., 2011.

[221] *Вздорнов Г. И.* Исследование о Киевской Псалтири. М., 1978; Киевская Псалтирь 1397 года из Государственной Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. М., 1978 (факсим. изд.); *Он же.* Искусство книги в Древней Руси: Рукописная книга Северо-Восточной Руси XII — начала XV веков. М., 1980. С. 94—96. Кат. 49.

[222] *Лазарев В. Н.* Феофан Грек и его школа. М., 1961. С. 72—75; *Вздорнов Г. И.* Искусство книги в Древней Руси. С. 102—104. Кат. 57; *Жуков А. Е.* К палеографической характеристике Евангелия Федора Кошки (РГБ. ТСЛ. III/4) // ДРВМ. 2024. № 3 (97). С. 55—66.

Первое из них принадлежало царю Федору Алексеевичу, в 1677 г. пожаловавшему его боярину Богдану Матвеевичу Хитрово, вложившему книгу в Троице-Сергиев монастырь. Рукопись украшают пять больших заставок, многочисленные инициалы, похожие на отмеченные в Евангелии Кошки, а также миниатюры с изображениями символов евангелистов и с изображениями евангелистов, отличающиеся свободой компоновки и высокими живописными достоинствами, характерными для Андрея Рублева[223]. Евангелие из Успенского собора Московского Кремля типологически подобно предыдущему, но его миниатюры не являются копиями находящихся там и лишь копируют общий образец, с некоторыми отличиями[224]. Евангелие из Андроникова монастыря украшено выходной миниатюрой с изображением Христа во славе, на золотом фоне, с отведенной благословляющей рукой, как в композиции «Страшный суд» в рублевской традиции; инициалы аналогичны встречающимся в предыдущих рукописях[225].

Приведенными примерами, конечно, не ограничивается перечень иллюминованных рукописей, характеризующих книжное искусство Москвы начала XV в. Можно еще упомянуть Евангелие из ризницы Троице-Сергиевой лавры, Евангелие из Успенского собора, Апостол из Кирилло-Белозерского монастыря. Переяславское Евангелие с широкой датировкой (1389—1425) имеет выходную миниатюру с изображением Спаса в силах.

Книга XV в. в основном относится ко времени перехода от пергамена к более дешевому материалу — бумаге, способной впитывать краску, что не замедлило оказать влияние на художественный строй декоративного оформления. Миниатюры этого периода стилистически очень разнообразные, иногда обнаруживающие много общего с клеймами икон, которые в ряде случаев, напротив, выполнены с использованием в качестве образца книжных иллюстраций. В последней четверти XV в. можно отметить миниатюры, буквально воспроизводящие иконописный оригинал, и, напротив, динамичные фигуры в созданной в 1439 г. по заказу великокняжеского дьяка Василия Мамырева «Книге пророков», принадлежавшей Троице-Сергиевому монастырю, отмеченные ренессансным влиянием. Высоким образцом столичного книжного искусства 1480—1490-х годов служит Буслаевская Псалтирь, исключительная по богатству украшений, тоже обнаруживающая связь с западноевропейской рукописной и печатной орнаментикой XV в. Псковская Палея 1477 г., написанная дьяконом Нестером, иллюстрирована примитивными миниатюрами, однако выдержанными в свободном стиле, и это дает представление об описанных событиях[226]. В таком же плане оформлена и датируемая концом XV в. знаменитая Радзивиловская летопись с 617 рисунками, помещенными в непосредственной связи с текстом[227]. В миниатюрах есть сходство с западными гравюрами и европейскими реалиями, в течение последней трети XV в. стремительно входившими в элитарный круг московской культуры, временами выявлявшимися и далеко за пределами столичной среды.

В первые десятилетия XVI в. в русском книжном искусстве не происходит боль-

---

[223] *Вздорнов Г. И.* Искусство книги в Древней Руси. С. 105—109; *Смирнова Э. С.* Миниатюристы Евангелия Хитрово // Хризограф: Сб. статей к юбилею Г. З. Быковой. М., 2003. С. 107—128.

[224] *Вздорнов Г. И.* Искусство книги в Древней Руси. С. 109—110. Кат. 58, 59; *Яковлева А. И.* Мастера Евангелия Успенского собора // Хризограф. С. 129—153.

[225] *Вздорнов Г. И.* Искусство книги в Древней Руси. С. 110—111. Кат. 61.

[226] *Протасьева Т. Н.* Псковская Палея 1477 года // ДРИ: Художественная культура Пскова. С. 97—108.

[227] Радзивиловская летопись. СПб.; М., 1994.

ших изменений, но все же потенциально усиливаются тенденции, унаследованные от предыдущего столетия. Это явление можно хорошо проследить на примере работы мастеров из окружения Дионисия[228]. Иначе говоря, сосуществуют в процессе взаимопроникновения традиционное направление и новое, отмеченное заимствованиями из западных источников, включая венецианские издания. И уже упомянутое Четвероевангелие 1507 г., оформленное сыном Дионисия Феодосием, не составляет исключение. Эти особенности были выявлены еще А. Н. Свириным[229]. Но параллельно существовало также направление, ориентированное на более упрощенные эстетические вкусы, довольствовавшееся включением в декор книги маргинальных миниатюр[230]. Изучая конкретные рукописи, по-видимому, возможно найти такие особенности, которые все еще остаются не замеченными.

Декоративно-прикладное искусство. Образцы художественного ремесла московского великокняжеского периода русской истории, сохранившиеся до настоящего времени, дают широкое и объективное представление как о лицевом шитье, так и о разновидностях пластического искусства. Очень существенно, что уцелели замечательные произведения ювелирного дела, характеризующие наиболее высокие достижения своей эпохи: заката Византии и объединения Русской земли вокруг Москвы и появившейся идеи о византийском наследстве.

Развивается лицевое шитье византийского стиля, но с особенностями трактовки изображений, чаще всего приближающими их к иконописным оригиналам, на воспроизведение которых оно большей частью ориентировано[231]. Это можно сказать о замечательном воздухе 1389 г., выполненном «повелением великой княгини Марии Семеновыя», дочери тверского князя Александра Михайловича, вдовы великого князя Симеона Гордого. Спасу Нерукотворному предстоят Богоматерь, Иоанн Предтеча, архангелы и русские митрополиты, а на каймах ангелы и архангелы с мерилами и зерцалами; в медальонах — пишущие евангелисты. Изображения вышиты разноцветными шелками. Плащаница начала XV в. из Троице-Сергиевого монастыря более сдержанная по цвету, с широким применением шитья золотыми и серебряными нитями «в прикреп». Датируемый 1420-ми годами покров с изображением преподобного Сергия Радонежского примечателен не только мастерским исполнением, но и индивидуальной трактовкой образа, еще не затронутого «иконизацией». Таким же примечательным явлением стало появление в 1410—1413 гг. воздуха с изображениями Евхаристии с житиями Иоакима, Анны и Богоматери, из собора Рождества Богоматери в Суздале, явно московского круга. В Новгороде первоклассными вышивальщицами была укомплектована мастерская архиепископа Евфимия, из которой в 1441 г. вышел большой воздух («Пучежская плащаница»), а несколько позже — шитый иконостас (деисусный чин). Эти произведения выполнены в живописном стиле, с удивительной градацией цветов и с тонкими переходами от света к тени. Схожие тенденции отличают воздух княгини Елены

---

[228] *Попов Г. В.* Дионисий и московская миниатюра: (Иллюстрация Лествицы в рукописи Герасима Замыцкого — памятник белозерского периода деятельности артели художника) // ДРИ: Рукописная книга. М., 1972. С. 256—285.

[229] *Свирин А. Н.* Искусство книги Древней Руси. XI—XVII вв. М., 1964. С. 109—116.

[230] *Смирнова Э. С.* Миниатюры Псковского Апостола начала XVI века // Древний Псков: История, искусство, археология. Новые исследования. М., 1988. С. 155—170.

[231] *Маясова И. А.* Древнерусское шитье. М., 1971; *Она же.* Древнерусское лицевое шитье: Каталог / Гос. историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль». М., 2004.

Верейской 1466 г., вложенный в Архангельский собор Московского Кремля.

Произведения второй половины XV в. в целом сохраняют высокий художественный уровень исполнения. Об этом, в частности, свидетельствует пелена с изображением Успения Богоматери, с евангельскими сценами и избранными святыми на каймах, из Успенского Княгинина монастыря во Владимире. Преобладают в основном произведения скромных размеров. Одно из них — пелена с изображением Богоматери Одигитрии, с Деисусом и избранными святыми 1462—1467 гг., мастерской великой княгини Марии Борисовны, первой жены Ивана III. Тем не менее такие пелены имеют значение не только как блестящие образцы художественного творчества, но и как отражение борьбы внутри княжеской семьи за престолонаследие. Так, победа партии Елены Волошанки нашла отражение в воспроизведении церковной процессии в Вербное воскресение 1498 г.; из мастерской той же княгини происходит отличающаяся ярким колоритом разноцветных шелков и крупным узором пелена с изображением Усекновения главы Иоанна Предтечи. В марте 1499 г. Иван III провозгласил своего сына Василия князем Новгорода и Пскова, а в 1502 г. — наследником престола. Вероятно, в связи с этими событиями великая княгиня София Палеолог, вышедшая замуж за Ивана III в 1473 г., дарит в Троице-Сергиев монастырь в 1499 г. пелену как знаменующую торжество на этот раз ее сына. Иконографическая программа произведения включает Троицу и Явление Богоматери преподобному Сергию, святых покровителей Москвы и княжеского семейства. Во вкладной надписи не забывает отметить, что это сделано замышлением «царьгородской царевны и великой княгини московской». Правда, вышивали не очень искусные мастерицы, может быть, в большой спешке. Особо могут быть отмечены пелены начала XVI в., близкие к образам, созданным Дионисием. Нельзя также не выделить замечательный покров на престол с изображением Распятия 1514 г. Настасьи Овиновой, вложенный в Троице-Сергиев монастырь.

Привлечение широкого круга изделий и данных письменных источников позволяет видеть впечатляющую картину развития художественного ремесла на русских землях[232]. Наиболее крупными его центрами в этот период являются Новгород и Москва. Едва ли не самым примечательным произведением новгородской торевтики оказывается датированный 1435 г. серебряный панагиар из ризницы Софийского собора, в форме сосуда на высоком фигурном стояне в виде четырех коленопреклоненных ангелов с поднятыми руками, поддерживающих тарель, стоя на спинах четырех львов, кусающих друг друга за хвосты. Это произведение мастера Ивана[233]. По общей композиционной схеме оно подобно реликварию с головой Фридриха Барбароссы 1150—1171 гг., в Каттенберге (Вестфалия). Дискуссионным оказалось решение вопроса о месте выполнения исключительного по великолепию серебряного ковчега в форме квадрифолия суздальского архиепископа Дионисия 1383 г. Предполагается, что эта работа могла быть выполнена новгородско-псковскими[234] или нижегородскими мастерами[235]. Хотя его изыскан-

[232] *Николаева Т. В.* Прикладное искусство Московской Руси. М., 1976; *Она же.* Произведения русского прикладного искусства с надписями XV — первой четверти XVI в. М., 1971; Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода: Художественный металл XI—XV века. М., 1996.

[233] Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода. С. 171—177. Кат. 22.

[234] *Николаева Т. В.* Прикладное искусство Московской Руси. С. 23—35.

[235] *Стерлигова И. А.* Ковчег Дионисия Суздальского // Благовещенский собор Московского Кремля: Материалы и исследования. М., 1999. С. 280—303.

ный стиль и западные элементы скорее указывают на Константинополь.

В ювелирном искусстве Москвы конца XIV в. выдающееся место занимает датированный 1392 г. массивный серебряный, украшенный сканью и литыми фигурами оклад Евангелия боярина Ф. А. Кошки, неоднократно привлекавший внимание исследователей[236]. На верхней крышке в центре представлен восседающий на троне Христос с предстоящими Богоматерью и святителем (Иоанном Златоустом?); выше — ангелы, в нижней части полуфигуры патрональных святых. В киотцах по углам фигуры сидящих евангелистов, на обрамлении чередующиеся поясные изображения апостолов и херувимов. Эта сложная схема тщательно разработана и обнаруживает сходство как с византийскими, так и западными окладами литургической книги. Пластический характер изображений тоже сложный и противоречивый. Тем не менее оклад имел вариативные повторения в московских изделиях XV—XVI вв.

Еще более изысканна по исполнению изготовленная в конце XIV в. серебряная панагия Симонова монастыря, украшенная рельефной композицией «Вознесение»[237]. Изготовленное в 1405 г. кадило игумена Никона интересно воспроизведением архитектурных форм московского храма и стойкости архаизирующего стиля, отличающего чеканные изображения «романизированной» деисусной композиции[238]. Но это же направление дает о себе знать и в оформлении серебряного ковчега-мощевика радонежских князей, датируемого 1420-ми годами[239]. От этих изделий заметно отделяется датированная 1412 г. икона-складень мастера Лукиана, выполненная весьма профессионально, однако в византийско-готическом стиле, столь характерном для Далмации: по крайней мере модели использованы обеих художественных традиций. Именно это и осложнило атрибуцию произведения, не вписывающегося в круг работ русских ювелиров ни иконографией, ни пластической характеристикой[240].

Существенный вклад в развитие московского ювелирного искусства первой трети XV в. принадлежит византийским мастерам, работавшим по заказам митрополита Фотия (1410—1431). Ими для московского Успенского собора выполнены золотой, украшенный драгоценными камнями оклад Евангелия с чеканными изображениями Сошествия во ад, евангелистов, апостолов и святителей, а также золотой оклад иконы «Богоматерь Владимирская», с чеканными изображениями праздников и сложнейшей сканью[241]. Оклад иконы снабжен монограммой Фотия, именующего себя архиепископом Руси. Низкий живописный рельеф вско-

---

[236] *Пуцко В. Г.* Серебряный оклад боярина Ф. А. Кошки и его место в русском ювелирном искусстве XIV—XVI вв. // Верхнее Подонье: Природа, археология, история. Тула, 2004. Т. 2. С. 85—116.

[237] *Николаева Т. В.* Прикладное искусство Московской Руси. С. 169—173.

[238] *Пуцко В. Г.* Серебряное кадило преподобного Никона Радонежского // Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России: М-лы IV Междунар. конф., 25 сентября — 27 сентября 2002 г. Сергиев Посад, 2004. С. 352—369.

[239] *Пуцко В. Г.* Ковчег-мощевик Радонежских князей и пластическое искусство Византии эпохи Палеологов // Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России: М-лы IV Междунар. конф., 29 сентября — 1 октября 2004 г. М., 2007. С. 267—284.

[240] *Николаева Т. В.* Икона-складень 1412 г. мастера Лукиана // СА. 1968. № 1. С. 89—102; *Рындина А. В.* Складень мастера Лукиана // Византия. Южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа. Искусство и культура: Сб. статей в честь В. Н. Лазарева. М., 1973. С. 310—323.

[241] Византийские древности. Произведения искусства IV—XV веков в собрании Музеев Московского Кремля: Каталог. М., 2013. С. 150—169. Кат. 16 (текст А. Г. Баркова и И. А. Стерлиговой), кат. 17 (текст И. А. Стерлиговой и Л. А. Щенниковой).

ре появляется в чеканном окладе Евангелия с Распятием из ризницы Троице-Сергиевого монастыря. О характере московской скани середины XV в. дает представление золотая оправа потира, выполненная в 1449 г. мастером Иваном Фоминым. Судя по серебряному окладу Симоновского Евангелия 1499 г., позже московская скань отличается изящным и свободным орнаментом, с основным мотивом в виде непрерывного вьющегося стебля со спирально завитыми побегами с мелкими отростками.

В последней трети XV в. Иван III явно проявляет повышенный интерес к европейской художественной традиции. Об этом свидетельствует пребывание в Москве в 1476 г. золотых дел мастера Трифона, уроженца Котора в Далмации. Это подтверждает и романизированный характер чеканных изображений, украсивших изготовленные в 1486 г. «Большой» и «Малый» сионы с фигурами апостолов[242]. Можно напомнить, что в указанное время в русской столице трудятся также итальянские зодчие.

Вероятно, еще до 1453 г. в Москве благодаря оказавшимся здесь опытным константинопольским мастерам происходит становление художественной резьбы по дереву, представленной виртуозно выполненными крестами с миниатюрными фигурами и композициями. А вскоре появляются и произведения известного резчика Амвросия, положившего начало резьбе в Троице-Сергиевом монастыре[243]. Во второй половине XV в. в обители уже было налажено выполнение деревянных резных панагий[244]. Примерно тогда же искусство сюжетной резьбы по дереву пускает корни и в Новгороде, в несколько ином стилистическом варианте[245].

---

[242] Великий князь и государь всея Руси Иван III: Каталог выставки. М., 2013. С. 124—125, 128—129 (текст М.В. Мартыновой). Кат. 37, 39.

[243] *Пуцко В.Г.* Византийский стиль в московской деревянной резьбе XV в. // Уваровские чтения - VI. Муром, 2006. С. 234—244; *Флоренский П.А., Олсуфьев Ю.А.* Амвросий — троицкий резчик XV века. Сергиев, 1927.

[244] *Николаева Т.В.* Произведения мелкой пластики XIII—XVIII веков в собрании Загорского музея: Каталог. С. 218—223. Кат. 97—99.

[245] *Пуцко В.Г.* Новгородские резные иконки XV—XVI вв. как произведения пластического искусства // НИС. Великий Новгород, 2017. С. 82—95.

Часть IV

ГОСУДАРСТВА И НАРОДЫ ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ, ПОВОЛЖЬЯ, СЕВЕРНОГО КАВКАЗА, СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Глава 1

ВОСТОЧНАЯ ПРУССИЯ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ. ТЕВТОНСКИЙ ОРДЕН В ПРУССИИ И ЛИВОНИИ

Древняя Пруссия. История современной Калининградской области, оказавшейся в составе СССР, а потом РФ по итогам Второй мировой войны, когда германская провинция Восточная Пруссия была разделена между СССР и Польшей, в Средние века и раннее Новое время была неразрывно связана с историей народа пруссов, а потом — Тевтонского ордена и других немецких политических образований.

В раннее Средневековье на пространстве между нижним течением р. Вислы на западе и нижним течением р. Немана на востоке (побережья Вислинского и Куршского заливов Балтийского моря) жили *пруссы* — народ западно-балтского происхождения, говоривший на прусском языке — родственном языкам восточных балтов: литовцев и латышей (хотя точные пределы их расселения — спорный вопрос)[1].

Уже знаменитый римский историк Публий Корнелий Тацит (I в. н. э.) писал, что на побережье *mare Suebicum*, как римляне называли Балтийское море, живут *Aestiorum gentes* («народы эстиев»)[2]. Особенно ценны сведения мореплавателя Вульфстана, в IX в. побывавшего в западных прусских землях (его записи сохранились в составе англо-саксонской компиляции, созданной, очевидно, по инициативе короля Альфреда Великого около 900 г.). Он отметил наличие у «эстов» (пруссов) укрепленных поселений (*byrig*) во главе с «королями» (*cyninge*), деление общества на богатых и бедных людей, наличие рабов[3]. Тем не менее и тогда, и позднее социальная стратификация была довольно слабой, рабский труд в хозяйстве использовался мало, а по некоторым подсчетам, до 88% населения составляли рядовые свободные люди[4].

В памятнике, известном в науке под названием «Баварский географ», среди других народов и племен фигурируют *Bruzi*[5]. Этот текст датируется по-разному, но фрагмент

---

[1] Подробнее о ранней истории пруссов и археологии региона см.: История Росии: В 20 т. М., 1924. Т. 2. Ч. I, гл. 3. См. также: *Кулаков В. И.* История Пруссии до 1283 г. М., 2003 (Prussia Antiqua; T. I).

[2] *Tacitus*. Dialogus. Agricola. Germania. L.; N. Y., 1914. P. 328. (The Loeb Classical Library). Не путать с эстами-эстонцами. Название, возможно, имеет кельтское происхождение и отражает участие в этногенезе пруссов кельтского субстрата.

[3] *Матузова В. И.* Английские средневековые источники IX—XIII вв.: Тексты, перевод, комментарий. М., 1979. С. 22, 26.

[4] *Długokęcki W.* Prusy w starożytności i we wczesnym średniowieczu // Państwo Zakonu krzyżackiego w Prusach. Władza i społeczeństwo / Red. M. Biskup, R. Czaja. Warszawa, 2009. S. 42.

[5] *Назаренко А. В.* Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей. М., 2001. С. 54.

с *Bruzi* появился, скорее всего, не раньше 870-х годов — начала X в.[6] Этим временем следует, по-видимому, датировать и первое упоминание пруссов в письменных источниках, с которыми ученые довольно уверенно отождествляют *Bruzi*. В написанном на арабском языке сочинении еврейского путешественника Ибрахима ибн Йакуба (вторая половина X в.) указывается, что владения польского князя Мешко I (960—992) граничат на севере с *Burūs*, т. е. с пруссами[7]. Это обозначение, таким образом, выступает уже не только как этноним, но и как обозначение населенной пруссами территории.

Что представляли собой земли, населенные пруссами, ко времени начала крестоносной экспансии в территориально-политическом отношении, мы узнаем, прежде всего, из орденских источников. Согласно орденскому хронисту Петру из Дусбурга, труд которого был закончен в 1326 г., земли пруссов делились тогда на 11 областей, населенных соответствующими субэтническими группами: Помезанию, Погезанию, Вармию, Наттангию, Самбию, Надровию, Скаловию, Судовию (Ятвягию), Галиндию, Барту и Плику Барту (они же соответственно Великая и Малая Барта)[8]. Хронист называл эти области «землями» (*terrae*) и «частями» (*partes*). Те, в свою очередь, делились на более мелкие территориальные единицы (*territorium*, *terrula*, *districtus*, прусск. *pulka*; в польской и российской историографических традициях их называют волостями), которые состояли из отдельных поселений — «полей» (прусск. *lauks*). В политическом отношении пруссы находились на догосударственном уровне, по-видимому, у них не было даже постоянных властных институтов. Немногие имеющиеся данные достоверных источников позволяют предположить, что наследственной княжеской власти у пруссов вплоть до их покорения крестоносцами не было. Во главе территориальных единиц, и больших, и малых, стояли вожди («королями» они могут называться только условно), которых избирали, по-видимому, обычно на временной основе, как правило, в период войн. Так было, например, в ходе восстания пруссов против Тевтонского ордена в 1260 г.: каждая прусская этническая общность, участвовавшая в нем (самбийцы, натанги, вармийцы, погезане, барты), выбирала своего вождя. Важную роль в политической системе пруссов играли собрания разных территориальных структур, которые ученые часто называют по славянскому примеру «вечем» (прусск. *wayde*, *waite*). Там принимались все важнейшие решения: избирались вожди, объявлялась война и заключался мир. По-видимому, в таких собраниях могли участвовать все свободные люди, но ведущую роль играла аристократия, проводившая и свои отдельные совещания[9].

---

[6] *Назаренко А. В.* Древняя Русь на международных путях. С. 69; *Rossignol S.* Überlegungen zur Datierung des Traktates des sog. Bayerischen Geographen anhand paläographischer und kodikologischer Beobachtungen // Der Wandel um 1000. Beiträge der Sektion zur slawischen Frühgeschichte der 18. Jahrestagung des Mittel- und Ostdeutschen Verbandes für Altertumsforschung in Greifswald, 23. bis 27. 2009. März. / Hrsg. von F. Bierman, Th. Kersting und A. Klammt. Langenweissbach, 2011. S. 305—316. (Sonderdruck aus: Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte Mitteleuropas; Bd. 60).

[7] Relacja Ibrāhīma ibn Ja'kūba z podróży do krajów słowiańskich w przekazie al-Bekriego / Ed. T. Kowalski. Krakow, 1946. S. 50. (Monumenta Poloniae Historica. Nova series; T. 1).

[8] *Петр из Дусбурга.* Хроника земли Прусской / Изд. В. И. Матузова. М., 1997. С. 49—50. Что касается отнесения тех или иных балтских этнических групп к общности пруссов существуют разные мнения, особенно это касается ятвягов (*Długokęcki W.* Prusy w starożytności i we wczesnym średniowieczu. S. 33—34).

[9] *Łowmiański H.* Prusy pogańskie. Toruń, 1935. S. 27—29; *Długokęcki W.* Prusy w starożytności i we wczesnym średniowieczu. S. 42—45. Поскольку догосударственные структуры у пруссов дожили до второй половины XIII в. и получили сравнительно неплохое отражение в источниках, они представляют значительный интерес для изучения общественного строя других народов «варварской Европы», в частности восточных славян (см.: *Флоря Б. Н.* Лекции по русской истории. М., 2021. С. 19—20 (Труды ист. ф-та МГУ; Вып. 196. Сер. III: Instrumenta studiorum; 46)).

Дохристианские верования пруссов накануне крестоносного завоевания в ранних источниках отразились плохо, обычно они реконструируются на основании поздних описаний, достоверность которых сомнительна (в частности, это относится к прусскому пантеону, мифологии и организации культа). Некоторые ученые считают, что это было политеистическое язычество с оформленным культом, во главе которого стояла корпорация жрецов, оказывавшая решающее влияние на политические дела. Другие полагают, что религиозные представления пруссов были более примитивными: вера в сверхъестественные силы природы, культ мертвых, магия и демонология. Специфической чертой погребальной обрядности пруссов, которая прослеживается археологически с очень раннего времени, было захоронение коня[10].

Отсутствие свидетельств разрушения языческих капищ после христианизации, говорит, скорее, в пользу второго мнения. Рассказы о развитом языческом культе пруссов, как полагают некоторые исследователи, могли быть во многом продуктом творчества самих орденских хронистов, конструировавших «антихристианскую» религию по образцу католичества с его иерархией духовенства, главой церкви — папой, единым центром — Римом и т. д.[11] Попытки папства, Священной Римской империи и соседней Польши организовать христианскую миссию в земле пруссов оканчивались неудачами: на рубеже X—XI вв. там приняли мученическую смерть такие известные миссионеры, как свв. Адальберт-Войтех Пражский и Бруно Кверфуртский. Задача включения земли пруссов в христианский мир была решена с большим трудом только в течение XIII в. Тевтонским орденом. Однако, благодаря природно-географическим факторам можно говорить об определенной преемственности между социально-экономическим строем прусских земель до и после завоевания крестоносцами. Речь идет прежде всего о значении торговли. Особенно тесными у пруссов были контакты со скандинавами, имевшими на этой территории свои фактории, а время от времени устраивавшими набеги. Через земли пруссов проходил припятско-западнобужский торговый путь, шедший из Киева через «червенские грады» и далее на Запад[12]. Такой специфический для Прибалтики товар, как янтарь, начали добывать и экспортировать еще в прусское время, а после покорения пруссов тевтонскими рыцарями в структуре орденского управления существовала даже специальная должность «янтарного магистра», который базировался в замке Лохштедт на территории современного г. Балтийска (Пиллау)[13].

Тевтонский (Немецкий) орден[14] был образован в Палестине в результате Третьего Крестового похода. Он возник на базе военного госпиталя, созданного в 1190 г. бременскими и любекскими купцами при осаде крестоносцами принадлежавшей мусульманскому государству Айюбидов

---

[10] *Długokęcki W.* Prusy w starożytności i we wczesnym średniowieczu. S. 48—49.

[11] *Rowell S. C.* Lithuania ascending: A pagan empire within East-Central Europe. 1295—1345. Cambridge, 1994. P. 124—128.

[12] *Назаренко А. В.* Древняя Русь на международных путях. С. 76—78; *Długokęcki W.* Prusy w starożytności i we wczesnym średniowieczu. S. 45—48.

[13] *Бокман Х.* Немецкий орден: Двенадцать глав из его истории / Пер., предисл., коммент. В. И. Матузовой. М., 2004. С. 163.

[14] Полное название на латыни: Ordo hospitalis sancta Marie Theutonicorum in Ierusalem; на средневерхненемецком: Orden des spetâles sente Marîen von dem Thûschen hûse von Jherusalem, отсюда возникли сокращенное наименование Ordo Teutonicus и аббревиатура OT (*Kwiatkowski K.* Wojska Zakonu Niemieckiego w Prusach 1230—1525. Korporacja, jej pruskie władztwo, zbrojni, kultura wojny i aktywność militarna / Przy współpracy M. Molendy. Toruń, 2016. S. 13).

Кёнингсбергский собор. Вид с запада. XIV в.
А.Р. Гебсер. Литография. 1835 г.

Акры (Акко). Как было тогда принято, госпиталь управлялся братством его попечителей во главе с магистром. В 1198 г. братство, по-видимому, по поручению незадолго до этого скончавшегося императора Генриха VI Штауфена, было преобразовано в духовно-рыцарский орден, ставший впоследствии одним из трех самых могущественных рыцарских орденов (наряду с тамплиерами-храмовниками и госпитальерами-иоаннитами). Статут Ордена — предусматривавший как помощь больным, так и военные действия против «сарацин» (мусульман), — был подтвержден буллой папы римского Иннокентия III от 19 февраля 1199 г.

Во главе Ордена стоял избираемый пожизненно с помощью довольно сложной процедуры верховный магистр (*Hochmeister*, *magister generalis*, *summus magister*), которого в отечественной традиции обычно называют «великим» (а иногда — неправильно — «гроссмейстером»). Никакие важные решения верховный магистр, однако, не мог принимать без согласия коллегиального органа — капитула (позднее, генерального капитула, в который входили представители всех отделений Ордена). Более мелкие подразделения Ордена возглавлялись комтурами. Очень быстро расширялась за счет пожертвований различных феодальных сеньоров, прежде всего, династии Штауфенов, материальная база ордена, и у него появилась земельная собственность в разных частях Европы (прежде всего, в Священной Римской империи и Италии). В течение XIII в. оформилась система управления Орденом, в которой главную роль играли пять должностных лиц: великий комтур (*Großkomtur*, *commendator magnus*, выполнявший функции как бы заместителя верховного магистра), верховные маршал и госпитальер (*Oberster Marschall*, *Oberster Spittler*, ответственные за два изначально главных направления деятельности Ордена, соответственно военное и благотворительное), интендант (*Trappier*) и казначей (*Tressler*). Позднее упоминаются в источниках и довольно многочисленные должностные лица более низкого ранга, вплоть до «пекарного» и «рыбного» магистров, ведавших соответствующими отраслями орденского хозяйства.

Действуя на первых порах в основном на Ближнем Востоке, Тевтонский орден был вынужден вести упорную борьбу с мусульманскими государствами, стремившимися изгнать из Палестины крестоносцев. Испытывал Орден и соперничество со стороны организованных раньше его орденов госпитальеров и тамплиеров. Все это привело к тому, что уже в начале XIII в. Тевтонский орден стал стремиться к созданию территориальной базы в Европе. В 1211 г. венгер-

ский король Эндре II предложил Ордену обосноваться в комитате Барцашаг (историческая область Цара-Бырсей в совр. центральной Румынии) для защиты своих владений от кочевников-куман (половцев). Но в 1225 г. он расторг свой договор с Орденом, поскольку опасался, что рыцари превратят переданные им во временное владение земли в неподконтрольное ему политическое образование[15].

В 1220-е годы Орден предпринимает попытки обосноваться в Польше. Сначала он получает земельные пожертвования от силезского князя Генриха Бородатого и князя Уйсьца в Великой Польше Владислава Одонича. Наконец, около 1226 г. рыцари во главе с магистром Херманном фон Зальца нашли приют во владениях мазовецкого князя Конрада I — в Хелминской (Кульмской) земле на пограничье с пруссами, который выдал им в 1228—1230 гг. ряд жалованных грамот. Князь планировал с помощью рыцарей остановить набеги соседних пруссов и подчинить их земли. В 1230 г. начинается экспансия и, соответственно, история *Тевтонского ордена в Пруссии*. Важнейшим событием в истории Тевтонского ордена было также вхождение в его состав в 1237 г. Ордена меченосцев, обосновавшегося в Ливонии (территории современных Эстонии и большей части Латвии, подробнее о нем будет сказано ниже)[16]. Сфера интересов ордена, таким образом, распространилась на всю Прибалтику, а в административно-территориальном отношении он стал разделяться на Прусское и Ливонское отделения (последнее часто неверно называется в отечественной историографии «Ливонским орденом»: такого Ордена не было, Ливонское отделение, хотя и пользовалось самоуправлением, тем не менее было частью Тевтонского ордена и признавало авторитет его верховного магистра). Укоренению ордена в Пруссии способствовали и окончательное переселение тевтонских рыцарей в Европу после падения Акко в 1291 г. под натиском мамлюков и перенесение его главной резиденции в Мариенбург в устье Вислы в 1309 г. после промежуточного пребывания в Венеции.

Папской буллой 1234 г. земли пруссов, которые предстояло завоевать, передавались во владение Тевтонского ордена (то же самое было потдверждено императором Фридрихом II) и объявлялся крестовый поход против язычников. В течение более чем 50 лет продолжались войны Ордена с пруссами. В процессе борьбы с пруссами Тевтонский орден неоднократно выступал организатором крупных крестовых походов против этого языческого народа. В 1254 г. Орденом был организован крестовый поход против Самбии, который возглавил Пшемысл Оттокар II, носивший титулы маркграфа моравского, герцога австрийского и короля Чехии. Вместе с ним в походе участвовали маркграф бранденбургский, епископы оломоуцкий, кульмский и вармийский, множество рыцарей из разных областей Германии, Австрии и Моравии. Пруссы активно сопротивлялись захватчикам: в земле пруссов произошло пять восстаний местного населения против крестоносцев (самое крупное — в 1286 г., последнее — в 1295 г.). К концу XIII в. пруссы были окончательно покорены и утратили последние остатки политической самостоятельности. Постепенно, в ходе немецкой колонизации, произошла ассимиляция пруссов[17]. Последние носители прусского языка вымерли во время эпидемии чумы в начале XVIII в.

На территории Пруссии сложилось политическое образование, которое в историо-

[15] *Militzer K.* Die Geschichte des Deutschen Ordens. Stuttgart, 2005. S. 62.

[16] Орден меченосцев — название, принятое в историографии.

[17] Некоторые диалектологические данные позволяют предположить, что основной поток немецких колонистов-крестьян шел в Восточную Пруссию из Нижней Саксонии и Нидерландов (*Czaja R.* Urbanizacja kraju // Państwo Zakonu Państwo Zakonu krzyżackiego w Prusach. Warszawa, 2008. S. 204).

графии часто называют Орденским государством, а сама эта территория стала его ядром. Сначала ею управлял один из трех ландмейстеров — должностных лиц, в ведении которых находились две «цельные» области (прусский и ливонский ландмейстеры) и владения ордена в Священной Римской империи («немецкий ландмейстер», *Deutschmeister*). Однако после переноса главной резиденции в Мариенбург необходимость в должности прусского ландмейстера отпала, и его функции фактически стали исполнять верховный магистр и комтуры. Комтуры руководили местными административно-территориальными единицами — комтурствами, вместе с «конвентами» (собраниями), которые теоретически состояли из 12 «братьев» (один из которых обязательно должен был быть священником), но в реальности, в зависимости от ситуации или по необходимости, их могло быть и больше, и меньше. Позднее, с конца XIV в., вновь завоеванные орденом земли стали управляться фогтами — должностными лицами, непосредственно подчиненными верховному магистру при отсутствии самоуправляющегося конвента[18]. Помощниками комтуров в основном по хозяйственной части были так называемые хаускомтуры. Такая структура в своей основе сохранялась до конца существования «Орденского государства».

Элитой ордена и, соответственно, Орденского государства в Пруссии были братья-рыцари. Так, только из братьев-рыцарей мог быть избран верховный магистр. Как и в других рыцарских орденах, ими были выходцы из благородных семей, принимавшие на себя обеты целомудрия, нестяжания и послушания и дополнительно — обязательство сражаться с врагами христианства. Это не было пустыми словами: формально считалось, что им не принадлежат даже доспехи и боевые кони, они не имели права участвовать в турнирах, право участия в охоте было ограничено, пища должна была быть скромной и лишенной заморских приправ (тем самым они во многом лишались главных способов времяпрепровождения средневековых рыцарей: турниров, охоты и пиров). Хотя никакими статутами это не было специально определено, на практике членство в Ордене было связано с немецким происхождением. Впрочем, тевтонскими рыцарями могли становиться не только немцы, но иногда знатные люди из христианской Палестины (когда она еще существовала), Польши, Италии и даже крещеные пруссы. То же самое относится и к аристократическому происхождению: несмотря на то, что это официально не оговаривалось, на практике идеальным рыцарем был «молодой, здоровый, умеющий обращаться с оружием выходец из знати»[19]. В то же время известны случаи, когда рыцарями становились представители других социальных слоев, прежде всего, выходцы из бюргерства. В разное время количество рыцарей в Пруссии было разным, и его не стоит преувеличивать. Около 1250 г. братьев-рыцарей *во всем* ордене было примерно 1600 человек, из них приблизительно 600 — в Пруссии и Ливонии. Ко времени Грюнвальдской битвы (1410) их могло быть до 700, в XV в., для которого сохранились более точные данные, их, как считается, стало значительно меньше, около 300—400[20]. Численность ливонских «братьев» также менялась. В XIV в., в период расцвета, их могло быть около 500 человек[21].

Другой категорией членов Ордена были братья-священники, которые трудились еще в первоначальном госпитальном братстве. Главной их функцией было обслуживание

[18] *Бокман Х.* Немецкий орден. С. 155; *Militzer K.* Die Geschichte des Deutschen Ordens. S. 107.

[19] *Militzer K.* Die Geschichte des Deutschen Ordens. S. 88.

[20] Ibid. S. 92; *Бокман Х.* Немецкий орден. С. 158.

[21] *Tandecki J.* Struktury i podziały administracyjne w zakonie krzyżackim w Inflantach z Estonią // Inflanty w średniowieczu: Władztwa zakonu krzyżackiego i biskupów / Red. M. Biskupa. Toruń, 2002. S. 51.

религиозных потребностей, прежде всего, служение мессы. В Орденском государстве они значительной роли не играли, и для того чтобы стать братом-священником, не требовалось аристократического происхождения. Многие из них происходили из бюргерской среды.

Еще одним — более низким — рангом были так называемые братья-сержанты (*Sarjantbrüder*, *Graumäntler*, «полубратья»), отличавшиеся даже по внешнему виду: они носили облачение серого цвета, а не белого, как рыцари. Они выполняли функции обслуживающего персонала, а во время войн сражались в основном в пехоте и не имели никакого политического значения.

Помимо рыцарей (орденских «братьев») довольно быстро в Пруссии появился и слой светских рыцарей — вассалов Ордена, которые получали от него имения и были обязаны военной службой. Если в XIV в. это были в основном переселявшиеся туда люди немецкого происхождения, то позднее среди них уже было немало местных жителей — пруссов, а также поляки и литовцы. Иногда они или их потомки делали очень успешную карьеру в Орденском государстве. Так, судовский (ятвяжский) вождь Скоманд (Скуманд) активно участвовал во Втором прусском восстании (1260—1274), в ходе которого разорял во главе своего войска Хелминскую землю, «убивая, хватая и сжигая все, что ни попадалось им на пути»[22]. В одном из подожженных им замков сгорели «сто христиан», а женщины и дети были уведены в плен. Крестоносцы также в долгу не оставались: их войско во главе с прусским магистром Мангольдом фон Штернбергом в 1280 г. разорило волость Красима, вождем которой он был, уничтожило его резиденцию и пленило и убило 150 человек[23]. Тем не менее через некоторое время он отказался от продолжения борьбы, крестился и даже получил от ордена землю в районе современного села Квятково в Польше на границе с Калининградской обл. РФ. Его внуки (или правнуки) Иоганн и Дитрих Скоманды принадлежали во второй половине XIV в. к числу крупнейших земельных собственников в северной части Орденского государства. Праправнуком пруса по имени Клец был рыцарь Хуго фон Пфайльсдорф, имевший обширные земельные владения. А его сын, Николаус, участвовал на стороне ордена в войне с Польшей и Литвой 1409—1410 гг.[24]

Отличительной чертой осуществления территориальной власти со стороны Ордена было строительство, начиная с конца XIII в., каменных замков, которые в значительной степени определили облик ландшафта подчиненных ему земель. Сначала это были просто крепости, но в течение XIV в. замки превратились в административные, судебные, хозяйственные, фискальные и культовые центры. В «форбургах» (замковых предместьях) концентрировались ремесленники, обслуживавшие потребности орденских братьев. Крестьяне доставляли в замки подати. В первой половине XIV в. Орден дарует в целях привлечения колонистов ряду поселений в Восточной Пруссии немецкое городское право. Образцом для него послужило так называемое Кульмское право, дарованное еще в 1233 г. Кульму (Хелмно) и Торну (Торуни)[25]. Тем самым они получают юридический статус города (так называемую локацию) и самоуправление.

Крупнейшим городом и орденским центром в Восточной Пруссии был Кенигсберг (современный Калининград). В 1255 г. Тевтонским орденом на холме Тувангсте на правом берегу р. Прегель (современная

---

[22] *Петр из Дусбурга.* Хроника земли Прусской. С. 118.

[23] Там же. С. 129, 133.

[24] *Jóźwiak S.* Dobra rycerskie // Państwo Zakonu krzyżackiego w Prusach. Warszawa, 2008. S. 225—226.

[25] См. об этом: *Рогачевский А. Л.* Очерки по истории права Пруссии XIII—XVII вв.: (По материалам рукописных собраний Берлина и Санкт-Петербурга). СПб., 2004.

Прегола), впадающей в Вислинский залив Балтийского моря, был возведен замок Кенигсберг («Королевская гора»). Обычно считается, что он был назван в честь короля Чехии Пшемысла Оттокара II, участвовавшего в организации крестового похода на пруссов-самбийцев, в земле которых и был основан при его материальной поддержке замок. Есть, однако, версия, что назван он был по названию орденской крепости в Сирии Мон-Рояль (фр. «Королевская гора») или одноименного города в Бранденбурге (ныне польский г. Хойна)[26]. Позднее он был перенесен на соседнее место и сильно укреплен. По-польски Кенигсберг стал называться Крулевцем (*Królewiec*). Замок стал резиденцией комтура, а вблизи его стен возникло городское поселение[27]. С юридической точки зрения Кенигсберг состоял из трех самостоятельных «городов»: собственно Кенигсберга (между замком и Преголой, позднее — Альтштадт), торгово-ремесленного поселения Лебенихт и острова Кнайпхоф на Преголе, где в 1330—1380-е годы был построен собор в северогерманском стиле «кирпичной готики» (*Backsteingotik*), в основе своей сохранившийся до наших дней. В 1286 г. Орден дарует городское право Кенигсбергу (Альтштадту), в 1300 г. немецкое право получает Лебенихт, а в 1327 г. — Кнайпхоф. Другие города Восточной Пруссии также получали немецкое право: между 1309—1314 гг. — Кройцбург (ныне пос. Славское), в 1334 или 1335 г. — Фридланд (ныне г. Правдинск), а в 1352 г. — Цинтен (ныне пос. Корнево), примерно в это же время — Хайлигенбайль (ныне г. Мамоново)[28].

До 1457 г. Кенигсберг был вторым по значению центром Тевтонского ордена после Мариенбурга. Тогда, во время войны с Польшей и прусскими сословиями и из-за тяжелого положения, в котором оказался Орден, он потерял Мариенбург, и резиденция верховного магистра была перенесена в Кенигсберг, где и пребывала вплоть до секуляризации Орденского государства во время Реформации в 1525 г. На территории современной Калининградской области центрами комтурств, кроме Кенигсберга, были также Рагнит (ныне г. Неман), Бальга (недалеко от современного г. Мамоново) и Бранденбург (пос. Ушаково).

Власть в Пруссии — как и всюду в Средневековье — была расчлененной и неоднородной (поэтому понятие «государство» применяется к нему в современной историографии с долей условности). Более того, власть самого Ордена даже и в этом смысле распространялась только примерно на две трети ее территории; остальные земли находились под властью четырех епископов (кульмского, помезанского, вармийского и самбийского[29]) и соборных капитулов (коллегия клириков кафедральной церкви), у которых также имелись собственные, подчиненные им территории. Кроме того, в Пруссии были ганзейские города, пользовавшиеся самоуправлением. Интересы ганзейского купечества далеко не всегда совпадали с интересами Тевтонского ордена. В частности, крупным ганзейским городом был Кенигсберг. Основными товарами местного происхождения, которые экспортировали из Пруссии ганзейские купцы, были зерно и древесина. Для Кенигсберга особое значение имел янтарь, в частности, благодаря вывозу которого росло богатство местных купцов и увеличивалась численность населения: в начале XV в. она достигла примерно 10 тыс.

---

[26] *Рогачевский А. Л.* Очерки по истории права Пруссии XIII—XVII вв. С. 64.

[27] *Czaja R.* Urbanizacja kraju. S. 183.

[28] Ibid. S. 184—186.

[29] Главной резиденцией самбийских епископов был г. Фишхаузен (современный Приморск в Калининградской обл.), при этом епископская кафедра находилась в Кенигсбергском соборе. Собственно территория современной Калининградской обл. в Средние века входила в состав владений Ордена и Самбийского диоцеза (церковной области, подчинявшейся самбийскому епископу).

человек[30]. Между Орденом и ганзейскими городами во владениях Ордена существовали даже социокультурные различия, выражавшиеся наиболее ярко в том, что у них были разные официальные языки, соответственно: средневерхнемецкий у Ордена и средненижненемецкий у ганзейских городов.

Имеются сведения о торговых связях прусских ганзейских городов с русскими землями, прежде всего с Новгородом. Уже в конце XIII в. в торговле с Новгородом участвовали прусские города Эльбинг (совр. Эльблонг в Польше) и Данциг (Гданьск). Впоследствии Данциг стал главным центром новгородской торговли в прусской части Ганзы; для других прусских городов, в том числе для Кенигсберга, он выступал тут в роли посредника[31].

Разнообразные связи во второй половине XIII—XIV в. поддерживались между Пруссией и Галицко-Волынской Русью. Так, в 1286 г. куявский князь и будущий польский король Владислав Локетек гарантировал «горожанам из Торуня и Кульма», находящимся «в Русской земле» (*in terra Russie*), т. е. явно в Юго-Западной Руси, безопасный проезд с их товаром по своим владениям[32]. Известно четыре договора, заключенных галицко-волынским правителем Юрием-Болеславом с Тевтонским орденом в Пруссии (1325, 1327, 1334, 1335 гг.)[33]. В договоре 1327 г. обращает на себя внимание обязательство Юрия-Болеслава «надежно защищать ваши земли (т. е. Пруссию. — *П.Л.*) от татар … и от любого враждебного нападения»[34]. В двух последних прямо говорится о союзе между Орденом и Юго-Западной Русью («союз мира и согласия» — *pacis et concordie unio*), восходящем якобы к «нашим дражайшим предшественникам: Роману Мстиславичу, Даниилу Романовичу, Льву Даниловичу, Юрию Львовичу и Андрею Юрьевичу»[35].

Тевтонский орден вел и самостоятельную торговлю, которой ведали специальные должностные лица — великие шефферы (*Großschäffer*). Их резиденции находились в Мариенбурге и Кенигсберге. Кенигсбергский великий шеффер занимался, главным образом, организацией экспорта янтаря и — в меньшей степени — других товаров, которые либо приобретали, либо получали как подати, в Любек и Брюгге[36]. Представители ордена вели торговые операции в XIV—XV вв. и в Новгороде. Есть данные о закупках ими там на серебро традиционных для республики товаров: пушнины и воска, которые Орден потом перепродавал во Фландрии[37].

Постепенно прусские светские рыцари-вассалы, местное духовенство и бюргеры превращались в особые сословия со специфическими интересами. Процесс консолидации сословий приводил с начала XV в.

---

[30] *Dollinger Ph.* La Hanse (XIIe—XVIIe siècles). P., 1988. P. 156—157 (рус. пер.: *Доллингер Ф.* Ганзейский союз: Торговая империя Средневековья от Лондона и Брюгге до Пскова и Новгорода. М., 2021).

[31] *Goetz L. K.* Deutsch-Russische Handelsgeschichte des Mittelalters. Lübeck, 1922. S. 396—397, 401. (Hansische Geschichtsquellen. Neue Folge; Bd. 5).

[32] *Латто-Данилевский А. С.* Печати последних галичско-владимирских князей и их советников // Болеслав-Юрий II, князь всей Малой Руси. СПб., 1907. С. 267—268.

[33] *Купчинський О.* Акти та документи Галицько-Волинського князівства XIII — першої половини XIV століть: Дослідження. Тексти. Львів, 2004. № 8. С. 167—170; № 9. С. 170—173; № 10. С. 174—180; № 11. С. 180—187.

[34] Там же. № 9. С. 173 (terras vestras fideliter premunire curabimus pre Tartaris … et ab hostili quolibet invasione).

[35] См. подробнее об отношениях Тевтонского ордена в Пруссии и Галицко-Волынской Руси в XIV в.: *Горбач Т. С.* Руське королівство й Німецький орден за часів Юрия II // Український історичний журнал. 2017. № 2. С. 19—32.

[36] *Militzer K.* Die Geschichte des Deutschen Ordens. S. 110.

[37] *Лесников М. П.* Торговые сношения Великого Новгорода с Тевтонским орденом в конце XIV в. и начале XV в. // ИЗ. М., 1952. Т. 39. С. 259—278.

к трениям между ними и братией Ордена, воспринимавшейся местным населением в значительной степени как пришлый Пруссии элемент, обременяющий ее поборами, идущими на чуждые для него цели[38]. Дело кончилось созданием так называемого Прусского союза, союза сословий, принявшего участие в войне с тевтонскими рыцарями на стороне их противников. Дело было еще и в том, что после начала в 1387 г. христианизации Литвы существование Ордена лишилось идеологического обоснования. Несмотря на попытки Ордена объявить крещение литовцев лишь формальным, убедительных причин для продолжения его экспансии больше не было. Эти обстоятельства, наряду с аграрным кризисом, столь важным для такой сельскохозяйственной области, как Пруссия, и с необходимостью противостоять могущественным державам того времени — Польше и Великому княжеству Литовскому (решающим моментом этого противостояния стало катастрофическое для Ордена поражение при Грюнвальде в 1410 г.), сыграли важную роль в кризисе Орденского государства в XV в.

После Тринадцатилетней войны с Польшей (1454—1466), поддержавшей Прусский союз, Тевтонский орден в Пруссии признал себя вассалом польского короля. Одним из условий заключенного в 1466 г. Второго Торуньского мира было обязательство Тевтонского ордена в Пруссии оказывать военную помощь Польше. Орден утрачивал также самые развитые свои владения, в частности, Данциг (Гданьск) и Мариенбург (Мальборк). В 1525 г. верховный магистр Ордена Альбрехт Гогенцоллерн провел секуляризацию Орденского государства, т. е. упразднил его религиозные функции, и Пруссия превратилась в светское герцогство.

Иной оказалась судьба ***Ливонского отделения Тевтонского ордена***. Западноевропейское, прежде всего, немецкое, проникновение в Ливонию началось с конца XII в. Латинский топоним Ливония (от названия одного из прибалтийских финно-угорских народов — ливов) традиционно прилагается еще со времен Средневековья к захваченным Орденом территориям современных Латвии и Эстонии. Интересно, что к «Старой Ливонии» (к владениям рижского архиепископа) относилась в Средние века и раннее Новое время и небольшая полоска земли, находящаяся ныне в составе РФ, — Пыталово (Абрене). В широком смысле понятие «Ливония» распространялось на всю эту территорию, но часто Эстония выделялась особо, в отличие от «собственно Ливонии» (по-немецки Лифляндии или по-польски — Инфлянтов).

К моменту завоевания эти земли были заселены народами финно-угорского и балтского происхождения. В современной Эстонии жили эсты (финно-угры), в Латвии — балтские этнические группы (латгалы, курши, земгалы, селы), но также, при впадении Западной Двины в Рижский залив, и финно-угорская общность ливов. Впоследствии на этих землях сформировались соответственно эстонский и латышский этносы.

В социально-экономическом и политическом отношении эсты, ливы и балтские народы региона находились на догосударственной стадии развития, придерживались языческих верований. На рубеже XII—XIII вв. они в значительной степени оказались в даннической зависимости от соседних русских земель: Полоцкой и Новгородской, которые тем не менее не оказывали существенного влияния на внутреннюю жизнь этих общностей, в частности, не занимались их христианизацией[39]. Сама данническая зависимость,

---

[38] *Бокман Х.* Немецкий орден. С. 162—171; *Militzer K.* Die Geschichte des Deutschen Ordens. S. 111.

[39] *Пашуто В. Т.* Страны прибалтийского региона // *Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В.* Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). М., 1972. С. 261—280; *Biskup M.* Uformowanie się duchownych władztw terytorialnych w średniowiecznych Inflantach i ich granice państwowe // Inflanty w średniowieczu: Władztwa zakonu krzyżackiego i biskupów. Toruń, 2002. S. 9.

возможно, не носила постоянного и стабильного характера[40]. Во второй половине XII в. начинаются попытки организации мирной христианской миссии в регионе главным образом со стороны Ордена цистерцианцев. В 1186 г. первым епископом Ливонии с кафедрой в Икскюле (ныне г. Икшкиле в Латвии) становится августинец Мейнард. В 1198 г. его преемник цистерцианец Бертольд организует с разрешения папы Первый крестовый поход против язычников-ливов. Во время одной из схваток с ливами Бертольд был убит, а его преемником становится Альберт, организовавший при поддержке немецкого и датского купечества крестовый поход в Прибалтику. В 1201 г. он основал на месте двух торговых ливских поселений на правом берегу р. Двины город Ригу, куда впоследствии была перенесена епископская кафедра. В 1202 г. для военной поддержки миссии был создан рыцарский Орден меченосцев (полное название: «Братья воинства Христова в Ливонии»[41]). В него вступали в основном отпрыски немецких рыцарских и отчасти бюргерских родов. В период расцвета численность «братьев меча» достигала примерно 120 человек или несколько более, причем на каждого рыцаря приходилось в среднем по 10 вооруженных слуг. А если считать пошедших на службу меченосцам представителей местного населения — ливов, эстов и балтов, то всего они могли выставить около 7 тыс. воинов. Это были весьма серьезные силы[42]. Однако 22 сентября 1236 г. произошла катастрофа: орденское войско и отряды пришедших ему на помощь рыцарей-пилигримов были наголову разбиты при Сауле[43] родственными литовцам жемайтами (жмудью), причем в бою погибло около 50 «братьев меча», включая главу Ордена — магистра Фольквина фон Наумбурга. Интересно, что в сражении на стороне ливонского войска участвовал отряд из Пскова в составе 200 человек, причем о походе в новгородской летописи говорится, что он был направлен против «безбожной Литвы», а о поражении — что «грѣхъ ради нашихъ, безбожными погаными побѣжени быша». Согласно летописи, в сражении погиб почти весь псковский отряд, домой вернулся только один из десятка[44]. В этих условиях остатки Ордена меченосцев объединились с Тевтонским орденом по инициативе его верховного магистра Германна фон Зальца, приняв его устав и подчинившись его руководству. 14 мая 1237 г. это объединение было официально утверждено папой римским Григорием IX. С тех пор и вплоть до середины XVI в. именно Ливонское отделение Тевтонского ордена выступало в качестве важнейшей военно-политической силы в Ливонии. Исключением была северная часть Эстонии («Датская Эстония»), которая с 1219 г. (официально подтверждено датско-орденским договором в Стенсби 1238 г. о разграничении владений в Ливонии) и до 1346 г. находилась под властью Датского королевства, когда она была продана Ордену.

Организация управления в Ливонии и внутренняя структура Тевтонского ордена в Ливонии имели как общие, так и особенные черты по сравнению с положением дел в Пруссии. Как и в Пруссии, Орден был не

[40] *Selart A.* Gab es eine altrussische Tributherrschaft in Estland (10—12. Jahrhundert)? // Forschungen zur baltischen Geschichte. 2015. Bd. 10. S. 11—30.

[41] *Fratres miliciae Christi de Livonia*, распространены также немецкие наименования: *Schwertbrüderorden* или *Schwertbrüder* (*Selart A.* Gab es eine altrussische Tributherrschaft in Estland (10—12. Jahrhundert)? // Forschungen zur baltischen Geschichte. 2015. Bd. 10. S. 10).

[42] *Benninghoven F.* Der Orden der Schwertbrüder. Fratres milicie Christi de Livonia. Köln; Graz, 1965. S. 400—408.

[43] Традиционно это место отождествляется с современным г. Шяуляй в Литве (*Benninghoven F.* Der Orden der Schwertbrüder. S. 331—332), хотя высказывались и другие мнения (см. обзор: *Baranauskas T., Zabiela G.* Saulės mūšio pėdsakų paieškos. Vilnius, 2016).

[44] НПЛ. М.; Л., 1950. С. 74.

единственным «ландсгерром» (территориальным правителем, в феодальном понимании — сеньором) в Ливонии. Части ее территории находились под властью четырех духовных владык, управлявших диоцезами (епископствами): рижского епископа (позднее — архиепископа) и епископов дерптского (центр — в Дерпте, совр. Тарту в Эстонии), эзель-викского (по названиям частей – острова Эзель, ныне Сааремаа, и области Вик в материковой части Эстляндии, ныне Ляэнемаа, центр с 1265 г. — в Гапсале, совр. Хаапсалу в Эстонии, позднее также в Аренсбурге, совр. Курессааре в Эстонии) и Курляндского (центр — в Пильтене, совр. Пилтене в Латвии). Важную роль играл также рижский соборный капитул. В отличие, однако, от Пруссии, ливонские епископства возникли еще до того, как Тевтонский орден пришел на эти земли, и, соответственно, это приводило к конкуренции с Орденом за власть и ресурсы. Особенно это касается рижского архиепископа, по отношению к которому предшественник Ливонского отделения Тевтонского ордена — Орден меченосцев — находился в формальном подчинении. Конфликты и даже войны между рижским архиепископом и Тевтонским орденом в Ливонии сопровождали всю ее историю вплоть до XVI в.[45] Лишь Курляндское епископство оказалось в конце концов под контролем Ордена. В общей сложности под его властью в Пруссии находилось, как уже говорилось, две трети всей территории, тогда как в Ливонии (до присоединения «Датской Эстонии») — только одна треть[46]. Политическая структура средневековой Ливонии была поэтому более рыхлой, чем Пруссии, хотя и там, и там Орден играл ведущую роль.

У Ливонского отделения не было такого количества светских вассалов, как у Прусского, и на его территории не получило развития крупное землевладение светской знати. Поэтому с этой стороны его власти ничего не угрожало. Другой ситуация, однако, была в епископских владениях. В военном и административном отношении они могли опираться только на светских вассалов, которыми становились либо поселявшиеся в Ливонии крестоносцы, либо родственники епископов.

Еще одной особенностью Ливонии было практически повсеместное недопущение коренного населения в высшие социальные страты. Определенным исключением здесь были только датские владения в Эстляндии, где некоторые рода рыцарей-вассалов были эстского происхождения.

В епископствах и в датских владениях светские вассалы постепенно превращались в сословия со своими специфическими интересами[47].

Развитие городов в Ливонии тоже имело свои особенности. Тремя крупнейшими городами Ливонии были Рига, Ревель (Таллин) и Дерпт. Все они обладали самоуправлением и входили в Ганзу. Управлялись они патрициатом, состоявшим из выходцев из северогерманских (нижненемецких) городов и их потомков, который формировал выборные институты: советы (раты) и бургомистров. Привилегированные слои городского населения состояли также в основном из немцев, но часть ремесленников была местного — латышского или эстонского происхождения (что отличало их от прусских городов, почти сплошь немецких). Тесные связи с Русью (Риги преимущественно с Полоцком, Ревеля — с Новгородом, Дерпта — со Псковом) имели своим следствием пребывание довольно значительных русских колоний в этих городах. Например, в Дерпте существовал даже «Русский конец» (квартал) вокруг русских православных церквей — новгородской и псковской

[45] *Militzer K.* Die Geschichte des Deutschen Ordens. S. 77, 82—83.
[46] *Tandecki J.* Struktury i podzialy administracyjne w zakonie krzyżackim w Inflantach z Estonią. S. 44.
[47] *Militzer K.* Die Geschichte des Deutschen Ordens. S. 83—84.

(Св. Георгия и Св. Николая; «Русский конец» в Дерпте упоминается в источниках начиная со второй половины XV в., а сами церкви как русские — впервые в 1438 г.). Эти храмы представляли собой не только культовые сооружения, но использовались также как центры купеческих дворов и склады товаров. Рядом находились жилые и хозяйственные помещения, которые арендовали русские купцы. В Риге и Ревеле также существовали еще с XIV в. русские церкви, соответственно полоцкая и новгородская[48].

Примерно такая же структура была и в более мелких городах Ливонии, которые различались, главным образом, по принадлежности или непринадлежности к Ганзейскому союзу, что влияло на их положение. Например, Пернау (совр. Пярну в Эстонии) был ганзейским городом, где даже проходили ганзейские региональные съезды, а Нарва не была членом Ганзы, оставаясь городом в подчинении у Ордена, хотя и с внутренним самоуправлением. Наиболее распространенным в ливонских городах было любекское право, основанное на юридических принципах, принятых в Любеке — неформальном главном городе Ганзы. Интересы ливонских ганзейских городов далеко не всегда и не во всем совпадали с интересами Ордена. В конце XIII — первой трети XIV в. дело доходило даже до вооруженных столкновений между рижанами и ливонскими рыцарями, и только после 1330 г. городское управление оказалось под контролем Ордена. Однако и это не прекратило трений в треугольнике Орден—рижский архиепископ—бюргерство[49].

Сложность и запутанность политической структуры Ливонии можно проиллюстрировать на примере Риги: знаменитый рижский Дом (собор) был кафедралом рижского архиепископа; значительную роль, как уже говорилось, играл рижский соборный капитул; в рижском замке находилась одна из резиденций ливонского ландмейстера (другая была в Вендене – совр. Цесис в Латвии); сама Рига как ганзейский город обладала самоуправлением, и там были собственно городские выборные власти: бургомистры и ратманы (члены городского совета — рата).

В отличие от Пруссии, в Ливонии не было немецкой крестьянской колонизации. Сельское население было практически сплошь местного (эстонского, ливского и латышского) происхождения и было обязано платить дань ландсгеррам и нести в их пользу различные обязанности, в том числе военную, оставаясь при этом лично свободным. К концу XV в. они оказались в поземельной, а позднее и в личной зависимости от землевладельцев. В городах, особенно трех крупнейших, существовало довольно четкое разделение: патрициат и бюргерство было практически сплошь немецким; «не-немцы» (*undeutschen*) выполняли черную и непривилегированную работу. Более того, само это понятие имело отчасти социальное значение, обозначая низы общества, прежде всего, крестьян. В тех редких случаях, когда выходцам из «не-немецкой» среды удавалось повысить свой социальный статус, это предусматривало ассимиляцию[50]. В то же время, что типично для Средневековья и раннего Нового времени, этнические наименования имели ограниченное, расплывчатое и часто специфическое значение: так, в Ревеле «не-немцами» называли в основном выходцев из сельской местности, тогда как к жившим в са-

[48] *Казакова Н. А.* Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV — начало XVI в. Л., 1975. С. 286—288; *Alttoa K.* Das Russische Ende im mittelalterlichen Dorpat (Tartu) // Steinbrücke. 1998. Nr. 1. S. 31—42; *Selart A.* Der Dorpater Pristermärtyrer Isidor und die Geschichte Alt-Livlands im 15. Jahrhundert // Ostkirchliche Studien. 1999. Bd. 48. S. 148—149.

[49] *Militzer K.* Die Geschichte des Deutschen Ordens. S. 85—86.

[50] *Ibid.* S. 126, 160.

мом городе лицам эстского происхождения это обозначение не прилагалось[51].

Структура местного управления ливонским Орденским государством была в принципе такой же, как и прусским, опираясь на комтурства и фогтства. Спецификой Ливонии было то, что некоторые из них возникли еще при меченосцах. В период расцвета «Старой Ливонии» их было около 30[52]. Определенной особенностью можно считать более размытую иерархию между комтурами и фогтами в Ливонии. Как и в Пруссии, комтурство считалось более почетной административно-территориальной единицей: им управлял собственно комтур вместе с «конвентом» — коллегией «братьев». В фогтствах полных «конвентов» не было. В очень важной для Ордена в стратегическом и хозяйственном отношениях Нарве — пограничной с русскими землями — управляли фогты, известные там по имени с 1370 г.[53] Какие-то фогты подчинялись непосредственно ливонскому магистру, какие-то — комтурам, причем их статус мог меняться[54]. При ландмейстере функционировал совещательный орган («внутренний совет»), вырабатывавший важнейшие решения. Его деятельность более или менее четко прослеживается с XV в. В него входили ландмаршал, занимавшийся теми же задачами, что и верховный маршал в Пруссии, с резиденцией в Зегевольде (совр. Сигулда в Латвии) и правители важнейших территориальных единиц: комтуры Феллина (совр. Вильянди в Эстонии, там же находилась с середины XV в. и казна Ливонского отделения, ранее размещавшаяся в Зегевольде), Ревеля, Гольдингена (совр. Кулдига в Латвии), Мариенбурга (совр. Алуксне в Латвии) и фогт Ервена (Гервена, совр. уезд Ярвамаа в Эстонии)[55].

Как и в Пруссии, центрами властвования ландсгерров в Ливонии были замки. Всего в период расцвета насчитывалось 60 только орденских замков[56]. До сих пор они или их развалины господствуют над многими ландшафтами в современных Эстонии и Латвии.

Имелись и некоторые социокультурные отличия между Ливонским и Прусским отделениями самого Ордена: если рыцари Прусского отделения были в основном выходцами из Западной и Центральной Германии, то Ливонского — из Северной. Степень отделенности орденских рыцарей в Ливонии от местного населения — причем не только от эстонцев, латышей или ливов, но и от немецких же рыцарей-вассалов и горожан была еще более высокой, чем в Пруссии[57].

Как уже говорилось, Ливонское отделение пользовалось значительной степенью автономии по отношению к властям Тевтонского ордена, в том числе во внешнеполитической и военной сферах. Так, его войска не принимали непосредственного участия в судьбоносной для ордена Грюнвальдской битве, ссылаясь на заключенное между ливонским магистром Конрадом фон Фитингхофом и великим князем литовским Витовтом сепаратное соглашение. В свою очередь, и Прусское отделение не участвовало в самостоятельных предприятиях Ливонского отделения, например, в нападении на Псков и Новгород в 1240-е годы или в русско-ливонской войне 1480—1481 гг.[58]

---

[51] *Kala T.* Gab es eine «nationale Frage» im mittelalterlichen Reval? // Forschungen zur baltischen Geschichte. 2012. Bd. 7. S. 11—34.

[52] *Tandecki J.* Struktury i podzialy administracyjne w zakonie krzyżackim w Inflantach z Estonią. S. 48, 49.

[53] *Militzer K.* Die Geschichte des Deutschen Ordens. S. 122.

[54] *Tandecki J.* Struktury i podzialy administracyjne w zakonie krzyżackim w Inflantach z Estonią. S. 48.

[55] *Militzer K.* Die Geschichte des Deutschen Ordens. S. 160.

[56] *Tandecki J.* Struktury i podzialy administracyjne w zakonie krzyżackim w Inflantach z Estonią. S. 48.

[57] *Militzer K.* Die Geschichte des Deutschen Ordens. S. 125.

[58] См.: *Бессуднова М. Б.* «Первая Ливонская война» в контексте политики Ливонского ордена // Первая Ливонская война. 1480—1481 годы: Документы / Пер., примеч., ст. М. Б. Бессудновой. СПб., 2019. С. 278—281.

Важную роль для Ливонии играли отношения с соседними русскими землями: Полоцком, Новгородом и особенно Псковом. В XIII в. особое значение имели события, связанные с захватом ливонскими рыцарями Пскова и победой Александра Невского и новгородцев на Чудском озере в 1242 г. (Ледовое побоище). Подробнее об этом говорится в специальной, посвященной этому главе, но здесь уместно сказать о том, как это виделось с ливонской стороны. Обычно в отечественной традиции эта ливонская сторона ассоциируется с Тевтонским орденом в Ливонии, и уж, во всяком случае, именно «крестоносцам» отводится главная роль в инициировании похода на русские земли. Однако в действительности дело обстояло несколько сложнее. По-видимому, как минимум не меньшее значение имели притязания дерптского епископа. Согласно составленной в 1290-е годы орденской «Старшей Рифмованной хронике», именно конфликты между дерптским епископом и Псковом стали причиной похода ливонского войска в 1240 г. на Русь: «русские» (т. е. в данном случае псковичи) «доставили ему (т. е. дерптскому епископу. — *П.Л.*) немало огорчений»[59]. Именно дерптский епископ обратился в этой ситуации за помощью к ливонским рыцарям. Экспансионистские планы Дерптского епископства и Тевтонского ордена в Ливонии относительно Пскова получили отражение в грамоте вице-легата архиепископа Альберта Зуэрбеера (первого архиепископа рижского) 1248 г. В ней содержится пожалование Ордену половины «королевства под названием Псков» (*dimidietatem regni, quod Plescekowe nominatur*), которое якобы принадлежит Дерптскому епископству[60].

Еще одним фактором в этих событиях было участие на стороне ливонских немцев русского князя, который назван в орденской хронике *Gêrpolt*. По поводу русского имени и происхождения этого князя в историографии высказывались разные мнения, но, по-видимому, он тождественен Ярославу Владимировичу, упомянутому в новгородской летописи в качестве союзника ливонцев[61]. Его отец Владимир был псковским князем, и Ярослав вполне мог считать Псков своей «отчиной». Это подтверждается упомянутой выше грамотой 1248 г., где указано, что Псков был передан Дерптской церкви «королем Гереславом, наследником этого королевства» (*a rege Ghereslavo, eiusdem regni herede*)[62]. «Гереслав» — это, конечно, Ярослав Владимирович. Есть основания предполагать, что это «пожалование» относится еще к 1239 г. и было сделано в преддверии готовившегося нападения на Псков[63]. Трудно сказать, на каких конкретно условиях планировался раздел власти над захваченным Псковом; есть предположение, что Ярослав Владимирович мог получить его впоследствии во владение обратно от

---

[59] LR / Hrsg. von L. Meyer. Hildesheim, 1963. S. 48. 2075 (*sie tâten leides im genûc*). Рус. пер. фрагмента хроники, в котором идет речь об этих событиях: *Бегунов Ю. К., Клейненберг И. Э., Шаскольский И. П.* Письменные источники о Ледовом побоище // Ледовое побоище 1242 г. М.; Л., 1966. С. 197—231 (с развернутым, хотя и в ряде моментов устаревшим комментарием; здесь и далее все переводы наши. — *Авт.*).

[60] LECUB. Riga; M., 1888. Bd. 3. Nr. 200 a. Sp. 37—38. Рус. пер. документа см.: *Матузова В. И., Назарова Е. Л.* Крестоносцы и Русь. Конец XII в. — 1270 г.: Тексты, перевод, комментарий. М., 2002. С. 273—274.

[61] LR. S. 50. 2156—2164; НПЛ. С. 77. Этого князя обычно принято причислять к смоленским Ростиславичам, но, вероятнее всего, он был внуком занимавшего новгородский стол в конце XII в. Ярослава Владимировича и правнуком Владимира Мстиславича (Мачешича) — сына Мстислава Великого от второго брака (*Домбровский Д.* Генеалогия Мстиславичей: Первые поколения (до начала XIV в.) / Пер. и вступ. слово к рус. изд. К. Ю. Ерусалимского и О. А. Остапчук. СПб., 2015. С. 660—666).

[62] LECUB. Bd. 3. Nr. 200 a. Sp. 37.

[63] См. об этом: *Selart A.* Livonia, Rus' and the Baltic Crusades in the Thirteenth Century. Leiden; Boston, 2015. P. 165—166.

дерптского епископа в качестве феода[64]. Этому, однако, вроде бы противоречат свидетельства источников о том, что происходило во Пскове после его захвата в 1240 г.: установление там орденской администрации (фогтства, *vogetîe*) в лице «двух братьев (т. е. ливонских рыцарей. — *П.Л.*), которым было поручено охранять эту землю» (*zwêne brûdere man dar liez die man daz lant bewaren liez*). На это же намекает указание хроники о том, что в ходе военной кампании «многие рыцари и кнехты заслужили свое ленное право» (*lêhenrecht*; т. е. право получить земельные владения от Ордена, вероятно, именно в той же Псковской земле, где они отличились)[65]. Как бы то ни было, планы ливонских ландсгерров в 1239—1240 гг. в отношении Пскова нельзя не признать весьма далеко идущими, а планировавшиеся ими военные действия — подготовленными достаточно тщательно. Однако эти планы носили в основном политический (захватнический) характер. Идеологические мотивы играли второстепенную роль[66].

С планами ливонских ландсгерров, однако, не были согласны ни новгородцы, ни Александр Невский и стоявший за ним владимирский великий князь Ярослав Всеволодич, ни большая часть псковского политического сообщества[67].

Но есть основания полагать, что ливонская кампания против Новгородской земли в 1240—1241 гг., связанная с попыткой захвата Водской земли, хотя и хронологически почти совпадала с действиями против Пскова, имела несколько иные причины и цели. Безусловно, чисто экспансионистские соображения также нельзя сбрасывать со счета, но была и религиозно-идеологическая составляющая — ставилась задача христианизации местных финно-угорских этнических групп, остававшихся в то время в значительной степени языческими. Речь идет, таким образом, о продолжении насильственной миссии, которая уже была осуществлена в отношении эстов. Есть очень яркие и достоверные сведения ливонских же источников, которые говорят об обеих целях. В новгородской летописи говорится о том, что зимой 1240/41 г. «немцы» (ливонские отряды) «придоша на Водь с Чюдью» (эстами) «и повоеваша и дань на нихъ възложиша, а городъ учиниша в Копорьи погостѣ» (т. е. построили крепость в Копорье в Новгородской земле)[68]. Это можно было бы интерпретировать как однократный сбор дани, но имеется относящееся, по-видимому, к тем же событиям параллельное свидетельство Рифмованной хроники Германа фон Вартберге (хотя и довольно позднее — XIV в., и с хронологическими смещениями), согласно которому Орден, построив «замок Копорье», сделал «русскую водь» (*Ruthenos Watenses*) своими данниками (*censuales*)[69]. *Censuales* — это лица, обязанные платить подать (чинш) на постоянной основе[70]. Указание на «русскую» водь говорит о том, что она находилась до этого в подчинении новгородцев. В то же время в грамоте эзель-викского епископа Генриха I от 13 апреля 1241 г. идет речь о союзе с Орденом, заключенном с целью распространения юрисдикции епископства на «земли между уже обращенной [в христианство] Эстонией и Русью, а именно на территории Вотской земли, [бассейна] Невы, Ингрии[71] и Карелии, по поводу обра-

---

[64] *Selart A.* Livonia, Rus' and the Baltic Crusades in the Thirteenth Century. P. 166.

[65] LR. S. 50—51. 2173—2174, 2190, 2143—2144.

[66] См.: *Selart A.* Livonia, Rus' and the Baltic Crusades in the Thirteenth Century. P. 168—169.

[67] В главе, посвященной истории Пскова этого периода, отмечается, что попытки рассматривать захват Пскова как обычную смену князя, просто при помощи внешней силы, вряд ли оправданны.

[68] НПЛ. С. 78.

[69] SRP. Leipzig, 1863. Bd. 2. S. 30. То же понятие (*censuales*) хронист использует по отношению к покоренным Орденом меченосцев эстским этническим группам (Ibid. S. 29).

[70] *Niermeyer J. F.* Mediae latinitatis lexicon minor. Leiden, 1993. P. 166.

[71] Ижорская земля.

щения которых в веру Христову была надежда, так как они уже были заняты... братьями [Ордена] с опорой на один замок...» (имеется в виду Копорье)[72]. Прозелитические задачи ливонской коалиции представлены тут весьма наглядно. Нужно, однако, оговориться, что собственно Руси они не затрагивали и распространенные в прежние годы в историографии представления о крестовом походе на Русь, да еще и организованном папой римским, источниками не подкрепляются[73]. Дело было в другом. Угроза интересам Новгорода, власти которого рассматривали Водскую землю как подвластную себе территорию, становилась уже очень серьезной с военно-политической точки зрения. Это и привело в конечном счете к окончательному провалу всех ливонских планов после Ледового побоища.

Однако в 1240-е же годы отношения между Орденом и его русскими соседями на Востоке изменились. Причиной этого была общая угроза — монгольская. Иоанн де Плано Карпини, глава папского посольства в Монгольскую империю (1245—1247) в своей «Истории монголов» писал о планах великого хана Гуюка (1246—1248) совершить еще один завоевательный поход в Европу: «...с недавнего времени, так как снова был поставлен император, они опять стали готовиться к войне. Следует знать, что император сказал собственными устами, что он хочет послать войско против Ливонии и Пруссии (*imperator proprio ore dixit quod vellet mittere exercitum in Livoniam et Prusciam*). И... он хочет уничтожить все страны или обратить их в рабство, каковое почти непереносимо...»[74]. Ливония и Пруссия — провинции Тевтонского ордена. Эта информация была доставлена папе римскому Иннокентию IV в ноябре 1247 г., и в январе 1248 г. папа отправляет три послания — Даниилу Романовичу Галицкому, Александру Невскому и властям Ордена, в которых призывает первого сообщать о потенциальном нападении монголов на Пруссию, второго — на Ливонию, третьих — самого папу о приближении опасного противника, чтобы можно было организовать ему отпор[75]. Обращает на себя внимание послание Александру Невскому, где с одобрением говорится о том, что он «не захотел подставить свою шею под ярмо татарской свирепости» (*noluisti subdere jugo Tartarice feritatis*), а также отмечается, что уже его отец Ярослав Всеволодич, отравленный в Каракоруме Туракиной (Дорегене), матерью Гуюка, выражал согласие послам папского престола подчиниться «Римской матери-церкви»[76]. Прозелитические планы Римского престола подтверждаются и поручением 3 мая 1246 г. упомянутому выше Альберту Зуэрбееру, который несколько ранее был назначен папским легатом в ряде земель, в том числе в Пруссии и Ливонии, и должен был выполнять те же функции также и на Руси, способствуя подчинению русских земель «апостольскому престолу»[77]. 3 марта 1254 г. папским постановлением его полно-

---

[72] LECUB. Bd. 3. Nr. 169 a. Sp. 33 (...fratres domus s. Mariae Theuton. in Livonia nobiscum concordaverunt ... iurisdictionem nostrum extendi ad terras inter Estoniam iam conversam et Rutiam, in terries videlicet Watlande, Nouve, Ingriae et Carelae, de quibus spes erat conversionis ad fidem Christi, cum iam occupatae essent a praedictis fratribus per quoddam castrum...). Рус. пер.: *Матузова В. И., Назарова Е. Л.* Крестоносцы и Русь. С. 258.

[73] *Флоря Б. Н.* Исследования по истории Церкви: Древнерусское и славянское Средневековье. М., 2007. С. 192—193; *Selart A.* Livonia, Rus' and the Baltic Crusades in the Thirteenth Century. P. 142—147, 154—159.

[74] *Иоанн де Плано Карпини.* История монголов: Текст, перевод, комментарии / Под ред. А. А. Горского, В. В. Трепавлова. М., 2022. С. 91, 166.

[75] См. об этом: *Горский А. А.* Плано Карпини, Александр Невский и планы хана Гуюка // ДРВМ. 2019. № 3 (77). С. 8—10.

[76] Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек А. И. Тургеневым. СПб., 1841. Т. 1. № 78. С. 68—69. Рус. пер.: *Матузова В. И., Назарова Е. Л.* Крестоносцы и Русь. С. 263—264.

[77] LECUB. Reval, 1853. Bd. 1. Nr. 191. S. 249—250.

мочия как легата в Ливонии и на Руси (но не в Пруссии) были подтверждены[78].

Как бы ни оценивать достоверность сведений папы о симпатиях покойного Ярослава и самого Александра к католической церкви, ясно, во всяком случае, что антимонгольский союз между русскими землями и Орденом при покровительстве папы рассматривался в это время обеими сторонами как реальная перспектива[79]. Этому, впрочем, по ряду причин не суждено было сбыться. Среди этих причин важную роль, очевидно, играли, как справедливо отмечается в историографии, вывод Александра Ярославича о бесперспективности противостояния монголам и его неуверенность в надежности потенциального союза с западными соседями[80]. Думается, однако, что как минимум не меньшее значение должны были иметь, скорее, случайные факторы: смерть в апреле 1248 г. каана Гуюка, последовавшее за этим междуцарствие в Каракоруме и приход к власти там в 1251 г. представителя враждебной клану Гуюка группировки Мункэ, который ориентировался на Батыя. В результате планы нового масштабного похода на Запад через территории Ливонии и Пруссии были оставлены, и острая необходимость в таком союзе отпала. Вероятно, отказ на рубеже 1240—1250-х годов от антимонгольского альянса между русскими северо-запада Руси и Ливонским отделением Ордена в своеобразной, свойственной агиографии форме, отразился в Житии Александра Невского с его направленной против «латинян» тенденцией[81].

Географическое положение и меньшие по сравнению с Новгородом военно-политические возможности продолжали приводить к постоянным конфликтам Пскова с Ливонией. Они регулярно упоминаются в источниках (в псковских и новгородских летописях, ливонских хрониках и документах), и нет возможности и необходимости перечислять их все. В летописях, однако, западные противники Пскова, как правило, именуются обобщающим понятием «немцы», и не всегда понятно, какое именно политическое образование стоит за ним. Основными действующими лицами в таких случаях было Ливонское отделение Тевтонского ордена и Дерптское епископство.

Среди важнейших событий и эпизодов противостоянии Ливонии и соседних Пскова и Новгорода, выходящих за рамки обыч-

---

[78] LECUB. Reval, 1853. Bd. 1. Nr. 262. S. 344—345. См. об этом: *Selart A.* Livonia, Rus' and the Baltic Crusades in the Thirteenth Century. P. 197—199.

[79] См. о планах папы римского по созданию антимонгольского союза с участием русских князей: *Lind J. H.* Mobilisation of the European Periphery against the Mongols. Innocent IV's All-European Policy in its Baltic Context — A Recantation // The Reception of Medieval Europe in the Baltic Sea Region. Papers of the XIIth Visby Symposium held at Gotland University, Visby. Visby, 2009. P. 75—90. О сближении Александра Ярославича с папским престолом свидетельствует обращенное к нему послание Иннокентия IV от 15 сентября 1248 г., в котором говорится о якобы имевшем место желании князя приобщиться к главе Римской церкви и согласии на строительство кафедральной церкви во Пскове (*tu ... affectans in Pleskowe Civitate tua latinarum ecclesiam exigere cathedralem*) (Vetera Monumenta Poloniae et Lithuaniae gentiumque finitimarum historiam illustrantia / Ed. A. Theiner. Romae, 1860. T. 1. № 116. P. 46; рус. пер.: *Матузова В. И., Назарова Е. Л.* Крестоносцы и Русь. С. 269—270). См. об этом: *Горский А. А.* Два «неудобных» факта из биографии Александра Невского // *Горский А. А.* «Бещисленыя рати и великия труды...»: Проблемы русской истории X—XV вв. СПб., 2018. С. 182—189. Вне зависимости от того, как трактовать согласие Александра на строительство католического храма во Пскове, сопоставлять это с возможностью существования католических храмов на подворьях скандинавских, а потом немецких купцов в Новгороде вряд ли оправданно: последние имели фактически экстерриториальный статус, тогда как во Пскове иноземной купеческой общины не было (ср.: *Горский А. А.* «Бещисленыя рати и великия труды...». С. 187).

[80] *Горский А. А.* «Бещисленыя рати и великия труды...». С. 188—189.

[81] *Бегунов Ю. К.* Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». М.; Л., 1965. С. 175—176. См.: *Selart A.* Livonia, Rus' and the Baltic Crusades in the Thirteenth Century. P. 223—224.

ных пограничных столкновений, стоит упомянуть следующие. Уже в 1253 г. ливонские «немцы», возможно, в союзе с литовцами предприняли неудачную попытку масштабной кампании против Пскова (по разным предположениям, в ней могли участвовать ливонские рыцари, Дерптское и Рижское епископства, немецкие вассалы датского короля в Эстляндии). Эта акция оценивается как своего рода месть за провал планов осуществления церковной унии, о чем говорилось выше. При помощи Новгорода нападение удалось отбить, и, более того, псковичи и новгородцы предприняли успешную контратаку за р. Нарову[82]. В 1262 г. уже русская сторона предприняла наступление на Ливонию, для чего была создана целая коалиция во главе с новгородским князем Дмитрием Александровичем (сыном Александра Невского), в которую вошли новгородцы, выставившие полк «бецисла», тверской князь Ярослав Ярославич, князь Константин (возможно, происходивший из смоленских Ростиславичей[83]) и полоцкий князь литовского происхождения Товтивил с полоцко-литовским отрядом, а также, судя по псковской летописи, и псковичи. Поход закончился успехом для русских войск, которым на время удалось занять Дерпт[84].

Масштабная война разразилась в 1268 г. Сначала русское войско, в которое входил новгородский полк во главе с посадником, отряды ряда князей (в частности, Дмитрия Александровича Переяславского и Довмонта Псковского), присланная владимирским великим князем Ярославом Ярославичем помощь под началом его сына Святослава вторглись на территорию Датской Эстонии. О далеко идущих замыслах русского командования говорит то обстоятельство, что для похода были изготовлены осадные машины — «пороки», явно предназначенные для штурма ливонских городов. Решающее сражение с ливонским войском (ливонские рыцари[85], датские вассалы из северной Эстонии, дерптский епископ) произошло 18 февраля 1268 г. под Везенбергом (совр. Раквере в Эстонии) — «Раковорская битва». Итоги сражения, насколько можно судить на основании не вполне согласующихся данных источников, были неоднозначны. С одной стороны, поле боя осталось за русскими, в сражении погиб дерптский епископ Александр, с другой — сами русские понесли большие потери и вынуждены были отойти. Цели похода достигнуты не были, и военные действия продолжались. Так, в мае следующего года уже огромное ливонское войско во главе с ландмейстером (согласно ливонской Рифмованной хронике, оно насчитывало 18 тыс. человек) вторглось в русские земли, сожгло Изборск и осадило Псков. Осада, однако, окончилась неудачей: псковичи подожгли посад и отступили в крепость, которую ливонцы взять не смогли[86]. После прихода новгородской помощи

---

[82] НПЛ. С. 80. См.: *Selart A.* Livonia, Rus' and the Baltic Crusades in the Thirteenth Century. P. 225—226.

[83] *Кузьмин А. В.* Опыт комментария к актам Полоцкой земли второй половины XIII — начала XV в. // ДРВМ. 2007. № 2 (28). С. 33—42; *Домбровский Д.* Генеалогия Мстиславичей. С. 678—679.

[84] В новгородской летописи говорится о взятии города «одинымь приступлениемь», в псковской — о взятии трех стен, в ливонской «Рифмованной хронике» — о взятии и сожжении «города» (*stat*), но не крепости или замка (*burc*), в котором укрылись дерптские власти во главе с епископом (НПЛ. С. 83; ПЛ. М., 1955. Вып. 2. С. 82; LR. S. 151—152. 6600—6649; рус. пер. фрагмента: *Матузова В. И., Назарова Е. Л.* Крестоносцы и Русь. С. 241—244). См. также: *Валеров А. В.* Новгород и Псков: Очерки политической истории Северо-Западной Руси XI—XIV веков. СПб., 2004. С. 179—180; *Selart A.* Livonia, Rus' and the Baltic Crusades in the Thirteenth Century. P. 227.

[85] При этом основная часть ливонских рыцарей во главе с ландмейстером в битве не участвовала, противостоя литовцам.

[86] Интересно, что в своем послании властям Любека ливонский ландмейстер Отто фон Лютенберг заявлял, что крестоносцы якобы «разрушили до основания» (*funditus devastavimus*) Псков, «который был опорой и убежищем отступников от христианства» (LECUB. Bd. 1. Nr. 413. Sp. 514).

осада была снята, и ливонское войско отступило. Когда же к границам Ливонии подошли отправленные великим князем владимирским и князем новгородским Ярославом Ярославичем русские отряды во главе с его племянником Юрием Андреевичем, ливонский ландмейстер почел за лучшее заключить перемирие с новгородцами. Позднее, в 1270 г., был заключен и мир[87]. В XIV—XV вв. крупные конфликты между Орденом и Новгородом были довольно редкими и носили локальный характер, а главным противником ливонских ландсгерров становится Псков.

В более позднее время все большее значение в регионе приобретает Литва. С учетом этого обстоятельства, а также внутренних конфликтов внутри самой Ливонии политика ливонских ландсгерров, в том числе и Ордена, на псковско-новгородском направлении, несмотря на риторику о «русских схизматиках», становится достаточно прагматичной. Союзы, военные столкновения и заключение мирных договоров в регионе определялись в XIV—XV вв. не столько религиозными соображениями, сколько политическими или даже экономическими интересами. Например, в 1320-е годы имел место следующий расклад сил: с одной стороны — орден и Новгород, с другой — Литва и Псков[88]. В 1323 г. эта ситуация получила отражение в «вечном союзе» (*ene ewige vorbindige*) между Ливонским отделением ордена и Новгородом, который подразумевал взаимопомощь двух союзников против Литвы и Пскова[89]. В 1398 г. Салинский договор ордена с Литвой фиксирует притязания первого на Псковскую землю. В 1406—1409 гг. Ливонское отделение Ордена выступает на стороне литовского великого князя Витовта против Пскова[90]. Столкновения с Псковом, однако, так и не привели к решающему перевесу той или иной стороны. Граница между Ливонией и Псковом оставалась в целом стабильной.

Более успешными были в послемонгольское время попытки экспансии со стороны Ливонии в отношении Полоцкой земли, где интересы ливонских ландсгерров (прежде всего, Ордена) сталкивались с интересами Литвы[91].

Постепенно Ливонское отделение Тевтонского ордена начинает *de facto* обособляться от Прусского. В XIV в. связи между двумя «ветвями» Ордена оставались достаточно тесными (так, ливонские рыцари активно участвовали в «рейзах» — набегах — на Литву), что обеспечивалось целым рядом факторов, помимо формального главенства верховного магистра. Пруссия имела больше возможностей для привлечения к участию в предприятиях Ордена европейских рыцарей, а верховный магистр обладал формальным сюзеренитетом над приобретенными Орденом в 1346 г. датскими владениями в северной Ливонии (области Гариен/Харьюмаа и Вирония/Вирланд/Вирумаа). После Грюнвальдской катастрофы 1410 г. соотношение сил между отделениями изменилось. Реже собирался генеральный капитул Ордена. Верховный магистр выступал теперь по отношению к ливонскому ландмейстеру в роли просителя, надеясь на его помощь войском и деньгами. Тогда же, по-видимому, кандидаты в ливонские ландмейстеры начинают избираться самими ливонскими «братьями», а лишь потом утверждаться верховным магистром (ра-

[87] ПСРЛ. С. 86—88; LR. S. 173—176, 7567—7767 (рус. пер. фрагмента: *Матузова В.И., Назарова Е.Л.* Крестоносцы и Русь. С. 247—252). См. также: *Selart A.* Livonia, Rus' and the Baltic Crusades in the Thirteenth Century. P. 242—252.

[88] *Selart A.* Livonia, Rus' and the Baltic Crusades in the Thirteenth Century. P. 270, 274—278.

[89] ГВНП. М.; Л., 1949. № 37. С. 65—67.

[90] Об этих событиях подробнее см. ч. II, гл. 1.

[91] См. подробнее ч. I, гл. 2.

нее, как предполагается, их избирал генеральный капитул во главе с верховным магистром). Некоторые аспекты взаимоотношений двух ветвей Ордена остаются, впрочем, не до конца проясненными[92].

Несмотря на значительные внутренние противоречия (как и в Пруссии, межсословные, прежде всего, с середины XV в. в связи с возросшим числом светских вассалов Ордена; среди орденских братьев — между выходцами из Вестфалии и Рейнских земель; между ландсгеррами) и серию неудачных войн в XV в., Ливония, в отличие от Пруссии, не утратила политической самостоятельности. Важнейшим внешнеполитическим фактором в этот период становится усиливавшееся Великое княжество Московское. Проявлением внутренней трансформации Орденского государства в Ливонии стало начало созыва с 1435 г. ландтага — сословного собрания, в котором были представлены прелаты (архиепископ рижский, епископы), а также соборный капитул); власти Ордена; светские вассалы и бюргерство трех крупнейших городов[93].

Свой последний расцвет «старая Ливония» испытала, когда ландмейстером был Вольтер фон Плеттенберг (1494—1535), проводивший политику укрепления Тевтонского ордена в Ливонии и линию на полную самостоятельность Ливонского отделения по отношению к верховному магистру (при сохранении формального единства ордена). Роковыми же для нее стали в XVI в. Реформация и Ливонская война, в ходе которой Орден в Ливонии был секуляризован и перестал существовать, а политическая карта «старой Ливонии» полностью изменилась. Формально Орденское государство в Ливонии было ликвидировано в 1562 г.

---

[92] *Tandecki J.* Struktury i podzialy administracyjne w zakonie krzyżackim w Inflantach z Estonią // Inflanty w średniowieczu: Władztwa zakonu krzyżackiego i biskupów / Red. M. Biskupa. Toruń, 2002. S. 45—46; *Militzer K.* Die Geschichte des Deutschen Ordens. S. 156—157; *Götz J.* Verbunden mit der Marienburg. Livländischer und preußischer Deutschordenszweig bis zum Ausbruch des Zungenstreits 1438 // Livland — eine Region am Ende der Welt? Forschungen zum Verhältnis zwischen Zentrum und Peripherie im späten Mittelalter / Hrsg. von A. Selart und M. Thumser. Köln; Weimar; Wien, 2017. S. 371—414. (Quellen und Studien zur baltischen Geschichte; Bd. 27).

[93] О зарождении ливонского ландтага и его нестабильности как политического института в орденское время см.: *Raudkivi P.* Der livländische Landtag. Zur Entstehung einer mittelalterlichen Institution. B., 2018. (Schriften der Baltischen Historischen Kommission; Bd. 21).

Глава 2

ЗОЛОТАЯ ОРДА

Первоначально понятие «золотая орда» использовалось как название парадного ханского шатра (одно из значений слова *орда* — «ханская ставка»). В таком качестве оно фигурирует в восточных текстах в XIII в., а на страницах русских документов появилось только во второй половине XVI в. — уже как название исчезнувшего к тому времени государства («Златая Орда», «Большая Орда Златая»)[1]. До того сами русские называли Золотую Орду просто «Ордой» или «Татарами». Официальным же ее наименованием служили словосочетания «Улус Джучи» и «Великий Улус».

При изучении Золотой Орды историки сталкиваются с большими трудностями. Практически не сохранилось хроник, актов, документов делопроизводства, созданных непосредственно в Золотой Орде. Почти все известные источники о ней написаны за ее пределами и, как правило, людьми, никогда в ней не бывавшими. Тем не менее основные вехи политического развития, принципиальные особенности экономической, социальной и культурной жизни Улуса Джучи поддаются реконструкции, и в общих чертах история государства известна. Образ жизни его жителей в некоторой мере восстанавливается средствами археологии. Раскопки памятников XIII—XV вв. — как городов, так и могильников — позволяют в некоторой степени восполнить этот пробел. Ценные данные для исследования предоставляет нумизматический материал. В целом за два столетия научного изучения Золотой Орды сложился значительный массив историографии. Перед современными историками стоит задача не только расширять познания о прошлом Золотой Орды, но и способствовать преодолению традиционных негативных стереотипов, сформировавшихся по отношению к ней.

Образование Золотой Орды. В 1206 г. Чингисхан был провозглашен всемонгольским правителем и начал радикальные административные преобразования. Разрозненная, хаотичная масса кочевых племен восточной части («монголо-татары»[2]) Центральной Азии быстро стала обретать форму государственного организма. Задачами внешней политики нового государства (как это часто бывало в истории) стали расширение его границ, обретение новых подданных, противостояние сильным соседям-соперникам и одоление слабых. Уже через год после воцарения Чингисхана начались монгольские завоевания, которые продолжались в разных регионах Евразийского континента почти до конца XIII столетия. Завоеванные земли распределялись между ближайшими родственниками Чингисхана.

---

[1] Считается, что впервые это словосочетание появилось в тексте «Истории о Казанском царстве» (Казанского летописца) — анонимного сочинения, созданного, по мнению большинства исследователей, в середине 1560-х годов. (ПСРЛ. СПб., 1903. Т. 19. Стб. 5, 6, 200 и др.).

[2] «Монголо-татары» — искусственный термин, изобретенный историками в XIX в. Сходное наименование изредка встречается в восточных источниках.

Старший сын Чингисхана Джучи дважды удостаивался удела (*улуса*). Впервые это произошло вскоре после Чингисовой «коронации». Начальствуя над правым крылом (флангом) вновь образованной монгольской армии, Джучи по приказу отца в 1207 г. выступил в поход на племена Тувы, Хакасии и Алтая и подчинил их. Местная знать преподнесла ему символические дары и присягнула в верности. Довольный успешным началом завоевательной кампании, Чингисхан объявил о решении передать эти народы в подданство Джучи[3].

Об организации правления монголов в Южной Сибири того времени практически ничего не известно. Очевидно, установленный ими режим оказался поначалу довольно мягким, поскольку ужесточение требований правительства к сибирским подданным в 1218 г. сразу вызвало массовое возмущение племен Тувы и енисейских кыргызов — самого многочисленного народа в этом регионе. Их выступления пришлось подавлять именно Джучи — как удельному правителю края.

Однако вскоре Тува, Хакасия и Горный Алтай отошли в домениальную часть Монгольской империи и были причислены к так называемому Коренному юрту — собственно Монголии, которой управляли младший сын Чингисхана Тулуй и его семья. Таким образом, Южная Сибирь была изъята из юрисдикции Джучи, поскольку Чингисхан приготовил для своего первенца иные владения.

Впоследствии для Джучи снова был выделен улус. Точно определить время этого события затруднительно. Оно произошло, очевидно, на рубеже 1210—1220-х годов или в середине 1220-х. Известно, что при осаде сыновьями Чингисхана столицы государства хорезмшахов Ургенча — в 1221 г. уже было известно, что северная часть Хорезма (где располагался Ургенч) предназначена в управление Джучи. Из других источников явствует, что наделение его уделом произошло в 1224 или 1225 г. Основная масса монгольских войск тогда вернулась в родные степи из многолетнего среднеазиатского похода. Под властью Чингисхана к тому времени оказались, помимо Монголии и Южной Сибири, Маньчжурия, тюркские княжества Восточного Туркестана, бывшая держава хорезмшахов (Средняя Азия и Хорасан), Восточный Дешт-и Кипчак[4]. Большинство этих владений было завоевано лично Чингисханом или его сыновьями. В частности, отряды Джучи преследовали отступавшее на запад враждебное монгольское племя меркитов и впервые сразились с армией хорезмшаха в степях Дешт-и Кипчака.

Восточные хронисты рассказывают о восторженном впечатлении старшего Чингисида от степной страны, лежавшей к западу от тогдашней монгольской державы и к северу от Хорезма. По сообщению персидского историка XIII в. Джузджани, «он нашел, что во всем мире не может быть земли приятнее этой, воздуха лучше этого, воды слаще этой, лугов и пастбищ обширнее этих»[5]. Именно эти земли, вызвавшие у царевича такое восхищение, и достались ему при распределении отцом завоеванных стран.

Он получил в управление северную часть Хорезма (низовья р. Амударьи) и вос-

---

[3] *Козин С. А.* Сокровенное сказание: Монгольская хроника 1240 г.: В 3 т. М.; Л., 1941. Т. 1. С. 175; The Secret History of the Mongols: A Mongolian Epic Chronicle of the Thirteenth Century / Transl. by I. de RachewIltz. Leiden; Boston, 2004. Vol. 1. P. 164—165.

[4] Дешт-и Кипчак (перс. «Кипчакская степь») — средневековое название обширной степной полосы от Дуная на западе до Иртыша на востоке и от Крыма и нижней Сырдарьи на юге до Волжской Булгарии на севере. Исторически сложилось деление Дешт-и Кипчака на Западный и Восточный Кипчак с границей между ними по Волге или Яику (р. Урал). Западный Кипчак в русских источниках получил название «Половецкая земля», позднее также «Дикое поле».

[5] СМИЗО: В 2 т. СПб., 1884. Т. 1. С. 14.

точный Дешт-и Кипчак. По сообщению арабского хрониста ан-Нувайри, территория его удела охватывала «летовья и зимовья от границ Каялыка и земель Хорезмских до окраин Саксинских и Булгарских крайних пределов, куда доходили кони их полчищ при их набегах»[6] (к тому времени кони монгольских войск «доходили» на западе как раз до Волжской Булгарии и причерноморских половецких кочевий).

Персидский автор Рашид-ад-Дин очерчивает приблизительно то же пространство, доставшееся царевичу в удел: «Все области и улус, находившиеся в пределах реки Ирдыш и Алтайских гор, летние и зимние кочевья тех окрестностей Чингис-хан пожаловал в управление Джучи-хану и издал беспрекословный указ, чтобы [Джучи-хан] завоевал и включал в свои владения области Дешт-и Кипчак и находящиеся в тех краях государства. Его юрт был в пределах бассейна Ирдыша, и там была столица его государства»[7].

По сообщению хивинского историка XVII в. Абу-л-Гази, правитель нового улуса «поселился в кыпчакском юрте. Из могольской [страны] он переселил сюда свою семью и все или (племена. — *В. Т.*), которые дал [ему] отец»[8]. Хотя в известных источниках не содержится данных о каких-либо административных мероприятиях царевича в Деште, они, несомненно, проводились. Однако в исторической памяти позднейших золотоордынцев в качестве истинного основателя государства закрепился образ его сына Бату. В большинстве средневековых текстов, касающихся истории Джучиева улуса, его первый правитель упоминается крайне редко и, как правило, лишь как одно из звеньев в генеалогических перечнях.

В феврале 1227 г. (по наиболее распространенной в историографии датировке) Джучи умер при не вполне ясных обстоятельствах (возможно, он был убит по приказу отца из подозрения в неповиновении и сепаратизме). Потомство его в разных средневековых текстах исчисляется по-разному. Обычно историки оперируют сведениями Рашид ад-Дина, излагавшего историю 14 сыновей Джучи. Старшими были Орду по прозвищу «Эджен» (господин) и Бату, позднее прозванный «Саин-хан» (добрый государь). Судя по некоторым свидетельствам, оба они успели заручиться инвеститурой от деда (умершего в конце 1227 г.), который распорядился передать им власть над Улусом Джучи. Так как в дальнейшем отпрыски именно этих двух царевичей, Орду и Бату, правили у Джучидов на протяжении XIII—XIV вв., то данная версия может считаться достоверной.

Орду и Бату как представители отцовского улуса принимали участие в курултаях (съездах знати) 1229 и 1235 гг., на которых правящая элита Монгольской империи обсуждала планы завоевания, в том числе Восточной Европы. Покоренные в намеченных походах земли должны были поступить непосредственно под управление Бату. Удельное же владение Орду-Эджена и подчиненных ему четырех младших братьев к тому времени было уже полностью сформировано на территории Восточного Казахстана. Некоторые Чингисиды из прочих улусов империи, по решению курултая 1235 г., присоединились с войсками к этой армии «в помощь и подкрепление Бату»[9].

В результате военных кампаний 1236—1242 гг. (названных у восточных хронистов Семилетним походом и Западным походом) в состав Улуса Джучи вошли Волжская Бул-

[6] СМИЗО. Т. 1. С. 150.

[7] *Рашид-ад-Дин.* Сборник летописей: В 3 т. / Пер. Ю. П. Верховского. М.; Л., 1960. Т. 2. С. 78.

[8] *Кононов А. Н.* Родословная туркмен: Сочинение Абу-л-Гази, хана хивинского. М.; Л., 1958. С. 44.

[9] *Рашид-ад-Дин.* Сборник летописей. Т. 2. С. 22.

гария, территория современной Башкирии, Западный Дешт-и Кипчак, Крым и частично Северный Кавказ. Сложнее определить статус русских княжеств. Великие князья владимирские первоначально (в период единства Монгольской империи) получали инвеституру в имперской столице Каракоруме, при дворе верховного хана (*каана*); прочие же нижестоящие князья довольствовались пожалованием от Бату. Компетенция по сбору дани с Руси, очевидно, также была распределена между джучидскими и имперскими властями: последние провели и перепись населения в княжествах в 1250-х годах. Таким образом, в первый период существования Золотой Орды управление Русью не являлось монополией ордынских правителей, отчего едва ли правомерно считать восточнославянские земли в тот период частью Джучиева улуса.

Судя по сообщениям источников (Абул-Гази, Утемиш-хаджи), Бату после возвращения из западного похода стал инициатором раздельного правления своего и Орду-Эджена, в западной и восточной частях Улуса Джучи. Границу между двумя фактически автономными ханствами сложно определить, так как неясно, к какой из этих половин отнести улусное владение Джучиева сына Шибана в Западном и Центральном Казахстане.

Бату поселился в Среднем Поволжье. Стационарным центром Батыевой части Улуса Джучи стал город Булгар, но сам Бату как истинный монгол, очевидно, предпочитал кочевой образ жизни. Следовательно, область старой булгарской городской культуры фактически превратилась в его домен. Впоследствии в низовьях Волги Бату основал стольный город Сарай, и Нижнее Поволжье тоже стало доменциальной областью. Сезонные передвижения между этими двумя районами (позднее с кочевками еще и на Северном Кавказе) составляли своеобразный алгоритм ежегодного распорядка Бату и наследовавших ему золотоордынских ханов.

Ставка Орду-Эджена располагалась в Восточном Казахстане, между горами Тарбагатая и верховьями Иртыша; точное ее расположение трудно определить из-за разногласий и лаконичности сведений в источниках.

Распространенное в литературе мнение, будто Улус Джучи (Золотая Орда) был основан только по возвращении монгольской армии из Центральной Европы в 1242 или 1243 г., базируется на очевидном недоразумении. Не следует принимать начало правления Бату над новоприобретенными западными землями за начало золотоордынской государственности. На самом деле Улус был образован, т. е. выделен Чингисханом, раньше (см. выше), а Бату с братьями в ходе войн 1230—1240-х годов только расширили его пределы. После этих походов территория Улуса Джучи уже кардинально не менялась. Насколько можно судить по источникам, небольшие модификации границ (или скорее зон влияния) происходили только на Кавказе — в связи с переменными успехами Джучидов в конфликтах с монгольской династией Хулагуидов (в Иране). Лишь во второй половине XIV в., когда государство оказалось охваченным смутами и стало погружаться в хаос, окраинные владения начали одно за другим выходить из-под власти центрального правительства.

Политическая история. В начале 1240-х годов умерли один за другим сыновья Чингисхана, каан Угедэй и улусный правитель Чагатай. После пятилетнего междуцарствия, когда во главе империи стояла Угедэева вдова Туракина, на всемонгольский трон взошел ее сын Гуюк, а номинальным старейшиной рода Чингисхана был признан Бату. С новым кааном Гуюком у него была давняя вражда. Между двумя правителями назревала схватка. В 1248 г. их войска уже выступили в поход и изготовились к сражению. Но тут Гуюк внезапно умер. Снова наступило междуцарствие, которое завершилось триумфом

Бату. В 1251 г. в имперской столице Каракоруме воцарился его двоюродный брат и преданный друг Мункэ, при котором старейшина династии превратился в фактического соправителя.

В первые десятилетия своего существования Улус Джучи был включен в общую систему организации власти и управления Монгольской империи. Формально каан (каган, или великий хан) как глава империи являлся ее верховным правителем, вершителем судеб населявших ее народов, составлявших ее улусы. Известное высказывание папского посла XIII в. Плано Карпини, на первый взгляд, подтверждает монополию монгольского великого хана на власть: «Все нижеследующее сосредоточено в руках императора: вещи, люди и вьючные животные... как было установлено императором, никто не осмеливается ему прекословить, говоря: "Вот это или то — мое"»[10]. Насколько можно судить по сообщениям посланника французского короля Людовика IX Гийома Рубрука, Золотая Орда в то время не имела права устанавливать дипломатические отношения без ведома центрального правительства, поскольку, по словам Рубрука, «Мангу-хан (Мункэ. — *В. Т.*) есть главный в мире Моалов». Но тот же Рубрук цитирует каана Мункэ: «Как солнце распространяет всюду лучи свои, так повсюду распространяется владычество мое и Бату»[11]. Этот путешественник заметил, что в странах, подчиненных непосредственно Мункэ, посланцам Бату оказывалось даже больше почета, чем эмиссарам каана в землях Джучидов. Для вступления в силу каанского приказа на западе империи требовалось его подтверждение от Бату.

Старший Батыев брат Орду тоже вынужден был подчиниться могущественному соправителю каана, хотя в официальных документах его имя ставилось впереди имени Бату, а Плано Карпини вынес верное впечатление, что этот Чингисид является «старшим над Бату» и номинально считается «древнее (т. е. старше, выше. — *В. Т.*) всех князей татарских»[12].

В последние годы жизни авторитет Бату был непререкаем; к тому же за плечами у него была успешная завоевательная кампания в Дешт-и Кипчаке и на Руси. Именно через посредничество этого правителя устанавливались отношения покоренных монголами русских княжеств с Каракорумом.

После смерти Бату в 1256 г. каан Мункэ выдал ярлык на управление Улусом Джучи его сыну Сартаку: «возвеличил его и воздал великие почести: передал ему власть отца его — командование всеми войсками, а также (владение) всеми покоренными (им) княжествами; затем, назначив его вторым (человеком государства), отпустил его восвояси»; «почтил его (Сартака. — *В. Т.*) и отдал ему власть отца, признав вторым правителем после себя»; «по повелению Мангу Хана к нему (Сартаку. — *В. Т.*) перешли все владения отца его, даже с прибавлениями»[13]. Вероятно, глава Улуса Джучи мог издавать указы по любому вопросу внутренней жизни подвластных ему регионов, лишь бы они не противоречили Ясе (своду законов) Чингисхана и распоряжениям столичной администрации.

Однако Сартак умер еще по пути из Монголии на Волгу. Власть в Улусе перешла к Батыеву брату Берке, получившему мусульманское воспитание. Из стран ислама к новому главе Джучиева улуса потянулись чиновники, торговцы, законоведы... Покровительство хана мусульманам тогда

---

[10] *Иоанн де Плано Карпини.* История монголов. / Под ред. А. А. Горского, В. В. Трепавлова. М., 2022. С. 150.

[11] Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957. С. 45—46.

[12] *Иоанн де Плано Карпини.* История монголов. С. 149.

[13] *Киракос Гандзакеци.* История Армении. М., 1976. С. 226; Армянские источники о монголах: Извлечения из рукописей XIII—XIV вв. М., 1962. С. 27; История монголов по армянским источникам: В 2 вып. СПб., 1873. Вып. 1. С. 11.

еще не привело к переходу жителей Золотой Орды в ислам, но способствовало широкому городскому строительству.

Главной внешнеполитической заботой Берке стала борьба за Южный Кавказ. В 1258 г. армия хана Хулагу, брата Мункэ, завоевала Аббасидский халифат. Иран, Ирак, Сирия и Закавказье составили новый Улус Хулагу. Однако Джучиды считали, что по крайней мере Азербайджан должен принадлежать им. Вскоре между этими двумя соседними частями Монгольской империи начались конфликты, а затем разразилась долгая война. Сперва Хулагу потерпел поражение, но в дальнейшем борьба шла с переменным успехом. В противостоянии с Хулагуидами Золотая Орда заручилась поддержкой Египта. На протяжении полутора столетий египетские султаны оставались верными союзниками поволжских ханов.

В целом, как пишет Рашид ад-Дин, до конца жизни Бату, «а после его смерти во времена Сартака… и бóльшую часть времени Берке между домами Тулуй-хана (т. е. каанским правительством. — *В. Т.*) и Бату был проложен путь единения и дружбы»[14].

В начале своего правления Берке был вполне лоялен к имперским верховным властям. В 1257 г. на подвластных ему территориях, в том числе в княжествах Северо-Восточной Руси, а также в Рязанской и Муромской землях и в Новгороде, была проведена общеимперская перепись населения. После смерти Мункэ в 1259 г. отношения с Каракорумом испортились. Сарайский двор поддержал в борьбе за главный трон империи брата покойного каана, Ариг-Бугу, но победу одержал другой брат — Хубилай. Берке не пожелал ему подчиняться и признавал его верховенство лишь номинально.

С тех пор (с начала 1260-х годов) связи Золотой Орды и с имперским правительством, и с соседними улусами — обычно враждебными ей — были сведены к минимуму. В историографии принято считать, что Улус Джучи окончательно отделился от Монгольской империи при внуке Бату, хане Менгу-Тимуре (1266—1282), который возглавил Улус Джучи после смерти Берке. Уже в начале своего правления (в 1270/71 г.) он повелел чеканить на монетах свои имя и семейную тамгу (род герба) вместо имени и тамги каана. Этим он продемонстрировал фактическое отделение от Монгольской империи, и только с этого времени можно отсчитывать самостоятельное государственное существование Золотой Орды. Поскольку денежная эмиссия служила в средневековую эпоху одним из главных показателей государственной независимости, то подобная трактовка событий представляется допустимой. Первый ярлык русскому митрополиту был выдан в 1267 г. от имени того же Менгу-Тимура. Однако реальное переподчинение Джучидам имперских вассальных владений (в том числе Руси) заметно еще раньше. Со времени правления Сартака русские князья уже не ездили за инвеститурой в Монголию (последний такой визит — Глеба Васильковича Белозерского — состоялся в середине 1250-х годов), а получали ярлыки в ставке ордынского правителя.

Еще одним важным событием, обозначившим государственную самостоятельность Золотой Орды, был курултай 1269 г. на р. Талас (в современном Кыргызстане) — встреча представителей улусов Джучи, Чагатая и недолговечного Улуса Хайду (внука великого хана Угэдэя). Там было принято решение о союзе между ними и фактическом непризнании верховной власти великого хана Хубилая. Многие историки считают, что именно с этого времени Золотая Орда отделилась от Монгольской империи и начала свое существование в качестве независимого государства.

Новый статус этих самостоятельных правителей отразился, в том числе, в приня-

[14] *Рашид-ад-дин.* Сборник летописей. Т. 2. С. 81.

тии ими ханского титула (до того улусные правители ханами не являлись). Этот новый статус Менгу-Тимура Ипатьевская летопись отобразила как «великий цесарь»[15].

Ханствование Менгу-Тимура отмечено несколькими крупными внешними акциями. В 1271 или 1272 г. золотоордынское войско двинулось на Константинополь — союзника Хулагуидов. Едва возродившаяся после крестоносного завоевания Византия была спасена тем, что император Михаил VIII Палеолог встретил наступавшую армию богатыми подарками и изъявил полную покорность. Через семь лет войско Менгу-Тимура, в котором состояли и дружины русских князей, захватило и разрушило аланский город Дедяков — один из последних очагов сопротивления народов Северного Кавказа. Впоследствии тюркские историки вспоминали правление Менгу-Тимура как эпоху спокойствия и процветания: «Мунке-Тимур-хан был государь очень справедливый, могущественный и мудрый. Во время Мунке-Тимура народ жил в благоденствии»[16].

Однако после этого хана в Улусе Джучи разразился тяжелый династический кризис. В борьбу за престол вступили царевичи из разных ветвей потомства Бату. Реальная же власть в ханстве постепенно перешла в руки царевича Ногая. Внук одного из младших сыновей Джучи, Бувала, имел личный удел в Пруто-Днестровском междуречье, а позднее стал управлять еще и Крымом. Выдвинулся Ногай в сражениях с иранскими армиями Хулагу на Кавказе. Он водил туда ордынскую конницу еще при Берке. К 1290-м годам он обзавелся также рангом старейшины клана Джучидов.

Интригуя против соперников, Ногай способствовал свержению очередного хана, Туда-Менгу, которого объявил сумасшедшим, и воцарению Тула-Буги в 1287 г. Он вел самостоятельную внешнюю политику, организовывал походы на Польшу, Венгрию, Фракию, Македонию; по просьбе своего тестя, византийского императора Михаила VIII, неоднократно вторгался в Болгарию. Ее царь, а также король Сербии признали себя вассалами Ногая. Его покровительством пользовались и некоторые русские князья, в том числе великий князь владимирский Дмитрий Александрович. В некоторых княжествах Ногай воспринимался как хан («царь»), и именно в его кочевье князья ездили испрашивать «столы». Некоторые историки предполагают, что Ногай решился присвоить себе ханский титул. Об этом косвенно свидетельствуют, в частности, монеты с его тамгой и надписью «правосудный Ногай», отчеканенные в середине 1290-х годов в Крыму и в его главной резиденции — г. Исакчи на Дунае[17].

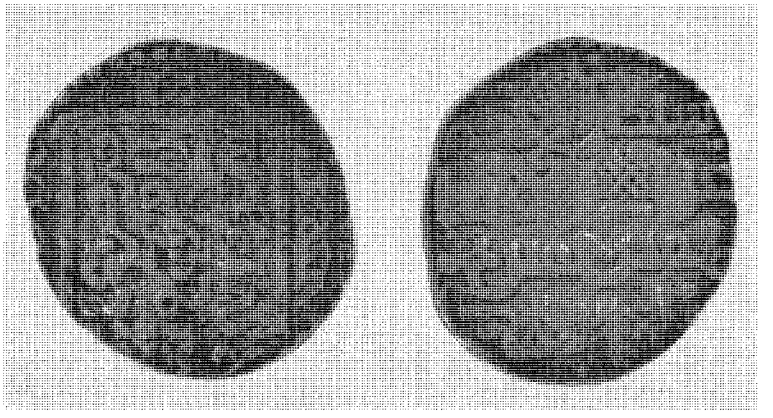
Хан Тула-Буга стал тяготиться верховенством всемогущего военачальника. А тот желал видеть на сарайском троне абсолютно покорного себе монарха. Обманом он завлек хана с ближайшими соратниками в ставку своего очередного протеже, царевича Тохты, и отдал тому на расправу.

Новый хан Тохта (1291—1312) поначалу безропотно подчинялся своему всемогущему покровителю. Но со временем он почувствовал себя в силах начать борьбу за единоличное правление. В 1293 г. Тохта направил на Русь своего брата Тудана с войском в карательный поход. Эта «Дюденева рать» разорила владения тех князей, что пользовались покровительством Ногая. Власть постепенно перетекала в руки Тохты; кочевая знать, уставшая от междоусобиц, мечтала о сильном и авто-

[15] ПСРЛ. СПб., 1908. Т. 2. Стб. 871.

[16] *Утемиш-хаджи.* Кара таварих / Транскр. И. М. Миргалиева, Э. Г. Сайфетдиновой, З. Т. Хафизова; пер. И. М. Миргалиева, Э. Г. Сайфетдиновой; под ред. И. М. Миргалиева. Казань, 2017. С. 39.

[17] См.: *Веселовский Н. И.* Труды по истории Золотой Орды. Казань, 2010. С. 132—191; *Хейвуд К.* Некоторые проблемы нумизматического доказательства правлений хана Ногая и Джеки // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды): От Калки до Астрахани. 1223—1556. Казань, 2002. С. 129—145.



Монета хана Тохты. Сарай Ал-Махруса. Золотая Орда. 710 г. х.

ритетном государе. Открытое столкновение с Ногаем неотвратимо надвигалось. Несколько раз войска двух соперников сходились на поле брани. В 1300 г. Ногай был, наконец, разгромлен, бежал и вскоре погиб. Его земли победитель раздал своим братьям и сыновьям. В Золотой Орде надолго установились стабильность и спокойствие.

В 1312 г. Тохту сменил его племянник Узбек. Одним из наиболее значительных нововведений нового хана стало обращение своего многоплеменного государства в мусульманство. В 1314 г. он объявил ислам официальной религией Золотой Орды, а перед этим сам стал мусульманином, приняв имя «Мухаммед». Тюркские легенды рассказывают, будто хан перешел в новую религию, потрясенный чудесами странствующего проповедника Ходжа-Ахмеда Баба-Туклеса, который вышел невредимым из раскаленной печи благодаря своей истовой вере[18]. Знатные родичи Узбека, попытавшиеся было воспротивиться столь вопиющему нарушению древнемонгольских обычаев и заветов Чингисхана, были казнены или отправлены в ссылку.

В Улус Джучи во множестве стали съезжаться священнослужители[19] и чиновники, торговцы и ремесленники из исламских стран. Они оседали по большей части в городах. Управление государством и облик городов стали быстро приобретать среднеазиатские и ближневосточные черты. Золотая Орда вступила в эпоху своего наивысшего богатства и могущества.

Узбек вел активную внешнюю политику: поддерживал союзнические отношения с Египтом, посылал войска на Литву, Польшу, Чагатайский улус (в Средней Азии), возобновил прерванные Тохтой войны с Хулагуидами. В 1318—1319 и 1335 гг. золотоордынская армия вторгалась в Азербайджан, но не сумела там закрепиться. В выработке политики видную роль играли главный военачальник-*беклербек* (затем наместник Хорезма) Кутлуг-Тимур и старшая ханша Тайдула.

Потребность в драгоценных металлах для экономических и военных нужд, равно как и полная покорность русских данников, вызвали изменения политики ордынского правительства в отношениях с русскими княжествами. На смену по-

[18] *Утемиш-хаджи.* Кара таварих. С. 45, 46.

[19] Категории «мусульманские священнослужители», «мусульманское духовенство» хотя и применяются в литературе, однако носят условный характер, так как в исламе считается, что в общении между человеком и Богом не нужны посредники.

стоянным наместникам-баскакам пришли периодические вооруженные посольства для посажения новых князей и для контроля над внутренней ситуацией в княжествах. Русские теперь сами должны были собирать назначенную сумму податей и регулярно отправлять в Орду. Убежденный в покорности князей Узбек не видел причин для вооруженных вторжений в русские земли (за исключением карательного похода на мятежную Тверь в 1327 г.). Начались отмеченные летописями «сорок лет тишины».

В 1341 г. Узбека сменил его сын Джанибек, убив своего старшего брата Тинибека — законного, намеченного отцом престолонаследника. В целом он продолжил политику предыдущего царствования — в частности, по отношению к Руси. Он поддерживал сыновей Ивана Калиты в их притязаниях на великое княжение владимирское и в борьбе с литовским господарем Ольгердом. Об этом хане у русских остались, в общем, благожелательные воспоминания: в средневековых письменных памятниках он иногда фигурирует как «добрый царь Чанибек». Солидарны с ними и мусульманские хроники, утверждающие, будто «справедливость, святость и великодушие его известны, не было в вилайате Дашта подобного ему правосудного, благочестивого и могущественного государя»; он «стал лицом и нравственностью рода Джучи хана»[20]. Хотя сам Джанибек продолжал активно внедрять ислам, он не препятствовал своей матери Тайдуле покровительствовать православному духовенству.

Можно предполагать, что эта «царица» испытывала особое расположение к русским подданным. По официальной московской версии, она была благодарна митрополиту Алексию за исцеление от слепоты. Однако в некоторых ранних редакциях летописей сохранились отголоски другой, более драматичной ситуации: митрополит помог избавиться от душевной болезни ее сыну, самому хану Джанибеку[21].

Расцвет Золотой Орды продолжался. Огромное пространство Дешт-и Кипчака стало безопасным для передвижений. Вдоль торговых магистралей выросли вереницы караван-сараев — постоялых дворов и складов, поставленных на расстоянии дневного перехода друг от друга. Развалины этих однотипных построек до сих пор сохранились в Средней Азии и Казахстане.

Джанибеку наследовал его сын Бердибек (1357—1359), оставивший у потомков дурную память: «Он был очень набожным, но был глуповат»; «...был глупым и безрассудным человеком. Убивал он своих родственников... в страхе, что оспорят они ханство у него»[22]. С гибели Бердибека в результате заговора 1359 г. начались кровопролитные раздоры и перевороты. В Улусе Джучи разразилась смута, названная в русских летописях «великой замятней». Ее существенной причиной послужило то, что на Бердибеке, вероятно, пресеклась династия ханов-потомков Бату. При отсутствии четких узаконенных норм престолонаследия у Чингисидов царевичи из других ветвей рода Джучи теперь получили возможность претендовать на ханствование.

В борьбу за сарайский трон вступили различные группировки золотоордынской знати, выдвигавшие своих ставленников: придворные аристократы, подвизавшиеся в столичных дворцах; провинциальные наместники, которые опирались на потенциал подвластных регионов; Джучиды левого (восточного) крыла, которые решились вмешаться в дела западной части Джучи-

---

[20] *Кырыми А.* Умдет ал-ахбар: В 2 кн. Казань, 2018. Кн. 2. С. 55; *Утемиш-хаджи.* Кара таварих. С. 46.

[21] *Кучкин В.* Зачем митрополит Алексей в 1357 году ездил в Орду // А се его сребро. Киев, 2002; *Григорьев А. П.* Сборник ханских ярлыков русским митрополитам: Источниковедческий анализ золотоордынских документов. СПб., 2004. С. 86, 87, 129.

[22] *Кырыми А.* Умдет ал-ахбар. С. 56; *Утемиш-хаджи.* Кара таварих. С. 47.

ева улуса. Из-за р. Яика устремились потоки кочевников, которые стали обосновываться в Причерноморье, Крыму, Поволжье, степном Предкавказье.

На ордынский престол восходили слабые и недолговечные правители. Их очередность частично восстанавливается по монетам, которые они иногда успевали отчеканить от своего имени в захваченных городах. Считается, что на протяжении 1360—1370-х годов в Золотой Орде сменилось около двух десятков ханов (подсчеты разных исследователей расходятся); некоторые из них царствовали одновременно. Постепенно стала вырисовываться закономерность: одна ханская ставка по-прежнему оставалась в Сарае, а в вторая расположилась в причерноморских кочевьях — на территории к западу от Дона, включая Крым. В этой второй ставке утвердился бек тюркизированного монгольского племени киятов Мамай.

В свое время ему удалось заручиться доверием хана Бердибека, жениться на его дочери[23] и занять пост беклербека. Во время «великой замятни» Мамай фактически управлял территорией к западу от Волги — от имени своих ставленников, марионеточных ханов. В своих причерноморских владениях он устроил для них новую резиденцию. Русские называли ее Мамаевой Ордой, татары — просто Ордой и Шахр ал-Джадид (араб. «новый город»). Сам Мамай предпочитал жить в крымском городе Солхате (совр. Старый Крым), который приказал обнести стенами (обычно золотоордынские города не имели подобных укреплений).

Несколько лет после смерти Бердибека Мамай еще обретался в столице, наблюдая смену ханов и лишившись беклербекского ранга. Но когда смута приняла опасный для него оборот и воинственные родичи очередного хана (Хызра) вступили в борьбу за трон, он переселился в западные улусы. Там он провозгласил ханом царевича Абдуллу, которого египетский хронист Ибн Халдун называет «отроком из детей Узбека»[24], и стал при нем главным беком. Абдулла внешне действовал как полноправный ордынский монарх, выпуская монеты со своим именем и выдавая ярлыки. Однако действительным правителем являлся Мамай. Опираясь на ресурсы подвластных территорий, ему несколько раз удавалось захватывать Сарай, изгоняя очередных ханов-однодневок.

Судя по нумизматическим данным, в 1369—1370 гг. в Мамаевой Орде появляется новый хан — Мухаммед-Булак, который сменил скончавшегося Абдуллу. Возможно, это тоже был какой-то потомок Узбека или Джанибека. Мамай при нем также состоял в должности беклербека. Позднее Мухаммед-Булак был вместе с Мамаем на Куликовом поле.

Тем временем «великая замятня» разгоралась. В борьбу за сарайский престол вступили Джучиды левого крыла — восточной части Золотой Орды, которые до того не смели и помыслить о претензиях на верховенство. Одним из самых заметных и удачливых претендентов на власть был Урус — представитель младшей ветви клана Джучи. На недолгое время ему удалось захватить Сарай, который он, впрочем, не смог удержать и был вынужден вернуться в восточные степи.

Смута фатально ослабила Золотую Орду и изменила баланс сил на международной арене. Государство на глазах распадалось. От него отделились богатые земледельческие провинции — Хорезм (беки из племени кунгратов основали там собственную династию) и крайние западные владения за Днестром (там возникло Молдавское княжество). Занятые внутренними

[23] СМИЗО. Т. 1. С. 389. По другим сведениям, женой Мамая стала дочь хана Джанибека по имени Бисулу Хануш (*Кырыми А.* Умдет ал-ахбар. С. 65; *Утемиш-хаджи.* Кара таварих. С. 59).

[24] СМИЗО. Т. 1. С. 389.

распрями, Джучиды не имели возможности проводить активную внешнюю политику. Ордынская держава, полтора столетия доминировавшая на значительной части Евразийского континента, уже не воспринималась соседями как самое могущественное государство. Этой ситуацией успешно воспользовались правители соседнего Великого княжества Литовского.

Еще в первой половине XIV в. литовский правитель Гедимин осмелился посягнуть на подвластные Орде владения. Тогдашний хан Узбек был отвлечен на конфликты с Ираном и с ханством левого крыла, и литовцы заняли Волынь и Киевщину (впрочем, в Киеве остался татарский баскак), распространили свой сюзеренитет на Смоленск. Все это были, по татарской терминологии, земли «Русского улуса», обязанные выплачивать «выход». Вероятно, Гедимин принимал на себя эту обязанность вместе с новообретенными подданными (иначе его государству угрожали бы опустошительные ордынские нашествия) и обзаводился соответствующими ханскими ярлыками. Очевидно, сохранялась обязанность и предоставлять войско в помощь ханам[25]. Собственно, получение доходов было главной заботой правительства Орды в отношении «Русского улуса», а какой именно великий князь — владимирский, тверской, рязанский, нижегородский или литовский — пополнит казну исправным «выходом», было не первостепенным вопросом.

Сын и преемник Гедимина Ольгерд продолжил восточную экспансию. Но он уже решился присоединить к своему государству собственно татарские территории — кочевые степи. В битве на р. Синие Воды (совр. р. Синюха, приток Южного Буга) в 1362 г. им были разгромлены войска ордынских наместников южных улусов, и в состав Великого княжества Литовского были включены земли между правобережьем Днепра и нижнего Днестра, т. е. обширный регион[26].

Отношения с Мамаем у Ольгерда по большей части колебались между нейтралитетом и враждебностью, но до крупных вооруженных столкновений дело не дошло. Следующий литовский князь, Ягайло Ольгердович (1377—1392, с 1386 г. был одновременно польским королем), рассматривал Мамая уже как союзника по антимосковской политике.

Это взаимное потепление отношений во многом объяснялось интересами международной торговли, необходимостью сохранять циркуляцию товаров между странами. Мамай стремился поддерживать коммерческие связи даже в условиях «великой замятни». Его ставленник, хан Мухаммед-Булак, предоставил льготы львовским и краковским купцам. Но гораздо более активно развивались связи с итальянцами.

Генуэзские колонии в Крыму и венецианская колония на Дону располагались на землях, подчинявшихся Мамаю. Контакты итальянских торговцев с ордынскими властями складывались непросто. Близкое соседство с беспокойным Нижним Поволжьем, постоянные конфликты и интриги татарских царевичей, нередкие сражения в окрестных владениях вносили нервозность в эти отношения. Время от времени европейцам удавалось добиваться от ханов (в том числе сидевших в Мамаевой Орде) налоговых льгот и послаблений. Но в жестокой борьбе за гегемонию Мамай не останавливался и перед насилием по отно-

[25] *Флоря Б. Н.* Литва и Русь перед битвой на Куликовом поле // Куликовская битва / Отв. ред. Л. Г. Бескровный. М., 1980. С. 146—148.

[26] *Шабульдо Ф.* Синьоводська битва 1362 р. у сучасній науковій інтерпретації // Синьоводська проблема у новітніх дослідженнях / Наук. ред. Ф. М. Шабульдо. Київ, 2005. С. 9—27; *Черкас Б.* Синьоводська битва 1362 року: Історичний нарис. Київ, 2012.

шению к колонистам; так, он отобрал у генуэзцев 18 селений в окрестностях крымского города Солдайя (Судак).

С русскими данниками Мамай от лица своих марионеточных ханов пытался наладить отношения, традиционные для ситуации незыблемого «ига» XIII — первой половины XIV в. Для него, как и для последующих ордынских правителей, образцом служили порядки, действовавшие при последнем полновластном и самодержавном хане — Джанибеке.

Русские современники тех событий пристально следили за сменой власти у Джучидов, так как это было связано с обязанностью регулярно отправлять «выход» в Орду. Кроме того, князья должны были являться на аудиенцию к каждому новому хану для обновления (или оспаривания у соперников) ярлыков. Во время «великой замятни» соперничавшие князья в целом пытались соблюдать этот привычный порядок, но иногда из-за быстрой и хаотичной смены ордынских правителей предпочитали выжидать и не ездить в Орду, охваченную распрями. Зачастую контакты осуществлялись через княжичей, доверенных бояр, церковных иерархов или ханских послов. Порой наблюдатели даже не успевали отслеживать очередность ханов; об этом свидетельствует тот факт, что из двух десятков татарских монархов на протяжении 1360—1370-х годов русские летописи зафиксировали лишь 10[27].

В той обстановке у князей появилась возможность меньше считаться со своими степными сюзеренами. Признавая за последними право на инвеституру посредством ярлыков, русские стали все более явно пренебрегать своей обязанностью выплачивать «выход». Дань отсылалась в Орду нерегулярно и в меньших размерах. Ответственным за ее сбор с большей части русских земель являлся великий князь владимирский. Состоявший в этом ранге с 1364 г. Дмитрий Иванович Московский в 1374 г. прекратил платить «выход». Очевидно, дело здесь не столько в развернувшейся освободительной борьбе русского народа за освобождение от монголо-татарского ига (как это часто преподносится в научной и учебной литературе), сколько в объективно возникшей возможности облегчить ордынское господство. Ведь «делатель королей» Мамай прибрал к рукам власть на значительной территории Золотой Орды. Законные ханы, состоявшие при нем в положении бесправных марионеток, не имели никакого влияния на государственные дела. Получалось, что князьям приходилось обращаться за ярлыками и отсылать «выход» к безродному беклербеку, который волей случая закрепился у трона[28].

Именно выход из повиновения правителей «Русского улуса» послужил одной из главных причин организации Мамаем в 1380 г. большого карательного похода против Дмитрия Московского, его союзников и вассалов.

Тем временем далеко на востоке Золотой Орды происходили события, которые в конце концов привели к завершению «великой замятни». Хан Урус казнил одного из своих противников Туй-ходжу, владельца удела на полуострове Мангышлак. После этого на страницах хроник появляется сын Туй-ходжи Тохтамыш. Он вступил в конфликт с Урусом и включился в борьбу за власть в Джучиевом улусе. По некоторым (нумизматическим) данным, в 1370-х годах Тохтамышу несколько раз удавалось занять Сарай. Но каждый раз он вынужден был отходить в восточные степи под напором более сильных соперников. После одно-

[27] Подсчитано И. М. Миргалеевым (*Миргалеев И. М.* Политическая история Золотой Орды периода правления Токтамыш-хана. Казань, 2003. С. 25).

[28] На низкое происхождение «Кыйат Мамая» указал хронист Утемиш-хаджи, назвав его «черным человеком», т. е. простолюдином (*Утемиш-хаджи.* Кара таварих. С. 58).

го такого поражения он укрылся в Мавераннахре[29] (на территории сопредельного с Золотой Ордой Чагатайского улуса), при дворе набиравшего силу эмира Тимура (Тамерлана). Будущий великий завоеватель помог ему, в отдалении от сильных врагов, пережить апогей усиления Уруса, когда тот, управляя левым крылом, смог захватить еще и Сарай.

В 1377 г. Урус умер. Его слабые и не имевшие широкой поддержки среди знати наследники не сумели удержать власть. Тохтамыш вернулся в Дешт, чтобы возобновить борьбу за главный престол. Сначала он занял столицу левого крыла Сыгнак и привел к покорности восточных кочевников, затем двинулся к Волге. Уставшие от многолетнего хаоса беки и народ, очевидно, поддержали его. Безусловным сторонником восстановления государственного единства было население городов, которое несло убытки от прекращения торговли и движения купеческих караванов по стране, охваченной смутой. В 1379 или 1380 г. Тохтамыш уже царствовал в Сарае. Главным его противником теперь был Мамай со своей обширной Ордой в причерноморских степях.

Мамай же был занят подготовкой карательной экспедиции против русских данников и всю энергию направил на сбор войска — ополченцев и наемников. Возможно, факт появления в столице сильного и легитимного хана сказывался на настроениях в Мамаевой Орде, отчего с мобилизацией подданных возникли трудности, и Мамаю пришлось прибегнуть к широкому найму разноплеменных воинов (хотя указание в его рати на участие генуэзских наемников не находит подтверждения в кафинских и итальянских источниках).

Поражение на Куликовом поле сыграло роковую роль в судьбе беклербека. Вернувшись в свои улусы, он собрал новое войско — наверняка для реванша. Но эта рать была разгромлена Тохтамышем. Мамая покинули его знатные приближенные, решив перейти на службу к новому хану. Мамай бежал в Кафу, где был убит — по одним сведениям, приближенным Тохтамыша, по другим — крымскими генуэзцами, которые отказались его принять из боязни наказания со стороны то ли русских, то ли Тохтамыша; возможно, он погиб от рук сторонников хана-победителя[30]. Предположительно Мамай был погребен под курганом в Солхате (на окраине современного города Старый Крым).

Его сыновья разъехались в разные страны. По генеалогическим преданиям, потомки одного из них, Мансура, получили в удел от великого князя литовского Витовта городок Глинск (совр. одноименное село в Сумской обл.), по которому стали прозываться князьями Глинскими[31]. Из этой семьи происходила княгиня Елена Васильевна, мать царя Ивана Грозного.

Теперь Золотой Ордой правил единственный, общепризнанный и могущественный хан. Прекратились сепаратистские мятежи, единство государства стало быстро восстанавливаться. К вассальным и соседним правителям из Сарая отправились посольства с известием о полной победе и, следовательно, окончательном воцарении Тохтамыша.

Признавая иерархическое верховенство хана, Дмитрий Иванович не собирался выплачивать ему дань, намереваясь сохранить порядок, установившийся с 1374 г. В августе 1382 г. Тохтамыш возглавил по-

[29] Мавераннахр — междуречье Амударьи и Сырдарьи на территории современного Узбекистана.

[30] См.: *Кырыми А.* Умдет ал-ахбар. С. 65; Памятники Куликовского цикла. СПб., 1998. С. 11, 41, 82, 104, 118, 131, 187, 337, 366.

[31] См.: Родословная книга государства великих князей // Временник Общества истории и древностей российских. М., 1851. Кн. 10. С. 195, 196; Родословная келейная книга святейшего государя Филарета Никитича патриарха всея России // Юбилейный сб. Имп. Санкт-Петербургск. археолог. ин-та. 1613—1913. СПб., 1913. С. 44, 45.

ход на владения московского князя. Москва была сожжена, и победителю в Куликовской битве пришлось возобновить отправку «царева выхода» в Орду. Удовлетворенный таким исходом, Тохтамыш оставил за Дмитрием Ивановичем ярлык на великое княжение владимирское. Дань за обладание западными русскими землями стали выплачивать и великий князь литовский, и король польский Ягайло.

Тохтамышу недолго довелось ханствовать в объединенной державе. Начал он как умелый и жесткий правитель: провел денежную реформу, вновь присоединил Хорезм, возобновил союз с Египтом, начал традиционную для Орды кампанию по завоеванию Южного Кавказа... Но с конца 1380-х годов он вступил в открытый конфликт со своим бывшим покровителем Тимуром. Причина начавшейся вражды заключалась в притязаниях обоих правителей на владение закавказскими землями, Хорезмом и др.

В начале 1391 г. большое чагатайское войско выступило на север и пересекло Восточный Дешт-и Кипчак. От этого похода осталось уникальное свидетельство — надпись, выбитая по приказу Тимура на каменной плите, обнаруженной в 1935 г. на территории Центрального Казахстана (сейчас она хранится в Государственном Эрмитаже). Ее текст, в частности, гласит: «Лета семьсот девяносто третьего, в средний месяц весны года овцы [т. е. 6 апреля 1391 г.] султан Турана Тимур-бек поднялся с тремя сотнями тысяч войска за ислам на булгарского хана Тохтамыш-хана. Достигнув этой местности, он возвел этот курган, чтобы был памятный знак»[32]. 18 июня на берегу р. Кондурча (в совр. Самарской обл.) эти пришельцы сразились с превосходящей по численности, но, очевидно, менее организованной и боеспособной армией Тохтамыша. Ордынцы были наголову разгромлены. Хан бежал, а остатки его воинства, преследуемые победителями, устремились к Волге, что протекала в 200 км от места битвы[33].

Через три года разразилось новое нашествие Тимура на Золотую Орду — на этот раз из Азербайджана. Рати двух соперников вновь встретились на поле боя. 14 апреля 1395 г. на берегу р. Терек (в совр. Северной Осетии) состоялось жестокое трехдневное сражение. Сначала татары, казалось, одолевали (однажды едва не пленив самого эмира), но в конце концов ослабленные изменой ордынского военачальника правого фланга, не устояли перед натиском противника. Тохтамыш опять скрылся, его войско рассеялось, а Тимур ворвался во внутренние области государства[34].

Почти все крупные города были разрушены им. Полностью был уничтожен Сарай ал-Джадид. По свидетельству османского автора XVII в., Тимур «так разрушил и опустошил этот величественный город, что сожаления достойно, а жителей изрубил в куски»[35]. Чагатайские отряды разоряли страну больше года. Основные силы во главе с самим эмиром в августе 1395 г. приблизились к границам Руси. Был захвачен г. Елец, но углубляться в русские владения Тамерлан не стал и повернул на юг. Весной 1396 г. он с огромной добычей

---

[32] *Григорьев А.П., Телицын Н.Н., Фролова О.Б.* Надпись Тимура 1391 г. // Тюркологический сб. 2009—2010: Тюркские народы Евразии в древности и средневековье. М., 2011. С. 127.

[33] СМИЗО. Т. 2. С. 209.

[34] СМИЗО. Т. 1. С. 442, 448, 454, 466; Т. 2. С. 207. О войнах Тохтамыша с Тимуром см.: *Хизриев Х.А.* Нашествие Тимура на Северный Кавказ и сражение на Тереке // ВИ. 1982. № 4. С. 45—55; *Миргалеев И.М.* Войны Токтамыш-хана с Аксак Тимуром. Казань, 2003; *Миргалеев И.М.* Политическая история Золотой Орды периода правления Токтамыш-хана. С. 109—135.

[35] *Эвлия Челеби.* Книга путешествия (извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII в.): В 3 вып. Вып. 2: Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья / Сост. и отв. ред. А.Д. Желтяков; предисл. А.П. Григорьева; примеч. и коммент. А.П. Григорьева и А.Д. Желтякова. М., 1979. С. 135.

и полоном ушел в Иран. Во главе Орды он поставил покорного царевича Куюрчака (сына вышеупомянутого хана Уруса), но через короткое время тот был свергнут более удачливым претендентом на ханство.

Золотая Орда, и без того ослабленная многолетними усобицами, получила смертельный удар. Торговые пути, что шли по ее территории, переместились на юг, в державу Тимура (это и было одной из целей его войн с Тохтамышем). Хан лишился столицы, богатейших провинций и, соответственно, большинства подданных. Он метался по степям, пытаясь обрести пристанище у соседних государей, пока в 1406 г. не сложил голову в бою с соперниками.

Территория и население. Золотая Орда была одним из крупнейших государств Средневековья. Мусульманские авторы утверждали, будто она простиралась с запада на восток на шесть (по другим источникам, восемь) месяцев пути, а с севера на юг — на четыре (или шесть). Бóльшая часть Улуса Джучи располагалась в степной зоне. Это объяснялось кочевым образом жизни монголов и завоеванных ими тюркских народов. Определить точное расположение границ этого государства затруднительно из-за отрывочных сведений источников. Можно лишь утверждать, что в пору своего наивысшего могущества (к середине XIV в.) Золотая Орда охватывала пространство, которое занимало земли к северу от нижнего Дуная; причерноморские степи и Крымский полуостров; сопредельные степные земли; Северный Кавказ; Нижнее и отчасти Среднее Поволжье; Хорезм (в низовьях Аму-дарьи); Юго-Западную Сибирь. Выяснение конкретных пределов, разграничивавших ордынские владения с соседними странами в каждом из этих регионов, представляет собой чрезвычайно сложную проблему[36].

Под начало царевича Джучи, по распоряжению Чингисхана, поступило несколько тысяч монгольских воинов из племен кингит, сиджиут и хушин[37]. При ближайших Джучиевых преемниках в его улусе фиксируются также аргуны, огузы, найманы, буйраки, ойраты, карлуки, кушчи, уйсуны, минги, кунграты, кереиты, барласы, тарханы, кияты и др. В данном перечне присутствуют не только монгольские племена, но и несомненно тюркские: огузы и карлуки.

Неизвестно, сколько именно монгольских семей мигрировало на казахстанские и поволжские просторы. Во всяком случае, средневековые источники оперируют даже не десятками, а единицами тысяч — совершенно мизерным числом по сравнению с туземными тюрками. Те монголы, что переселялись в завоеванные страны[38], оказывались немногочисленными по сравнению с местным населением. Пришельцы-завоеватели в первые десятилетия осознавали свою принадлежность к монгольскому народу. Но очутившись в окружении тюрков — таких же кочевников-скотоводов, они быстро, уже через столетие, полностью смешались с ними, постепенно утрачивая исконные

---

[36] См.: *Егоров В.Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв. М., 1985. С. 26—74.

[37] *Кляшторный С.Г., Султанов Т.И.* Государства и народы евразийских степей: Древность и средневековье. СПб., 2004. С. 222.

[38] Свидетелем одного из таких переселений стал китайский посол при дворе великого хана Угэдэя в середине 1230-х годов: «[Я, Сюй] Тин, когда находится в степи, видел, как их [татар] повозки начальников и простолюдинов были нагружены тяжелой поклажей вместе со стариками, детьми и имуществом, и весь народ шел несколько дней без перерыва. А еще большинству [этих татар] было 13—14 лет. Когда я спросил о причине этого, то получил ответ: "Эти все татары перебрасываются воевать мусульманские государства, куда 3 года пути. Тем, кому сейчас 13—14 лет, будет 17—18 лет, когда достигнут тех мест, и все [они] уже будут превосходными воинами"» (Золотая Орда в источниках. В 4 т. Т. 3: Китайские и монгольские источники / Пер. с кит., сост., вводная ст. и коммент. Р.П. Храпачевского. М., 2009. С. 76).

язык и культуру. В течение первых полутора столетий существования Золотой Орды эти мигранты ассимилировались в массе местных жителей. Известно высказывание египетского автора XIV в. ал-Омари, обычно привлекаемое для характеристики этих этнических трансформаций: «В древности это государство было страною Кипчаков, но когда им завладели Татары, то Кипчаки сделались их подданными. Потом они (Татары) смешались и породнились с ними (Кипчаками), и земля одержала верх над природными и расовыми качествами их (Татар) и все они стали точно Кипчаки, как будто они одного (с ними) рода, оттого, что… поселились на земле Кипчаков, вступали в брак с ними и оставались жить в земле их (Кипчаков)»[39].

Поздний монгольский источник приписывает наделение Джучи званием «главного правителя кипчаков», «главного даругачи над кипчаками»[40], и обычно считается, что самым массовым населением владений Джучи стали кипчаки. Впрочем, эту точку зрения порой подвергают сомнению, учитывая масштабы завоевания (сопровождавшегося «демографической катастрофой» для половцев) и мозаичность этнического состава Золотой Орды[41].

В первой половине XIII в. кочевники Дешт-и Кипчака оказались под властью монгольских завоевателей, став основным человеческим ресурсом для строительства джучидской улусной системы. Дешт был поделен на монгольские *нутаги*, или тюркские *юрты* — обширные зоны пастбищных угодий, предоставленные монгольским племенам. Кипчаки утратили домонгольское племенное деление и стали обозначаться посредством этнонимов тех монгольских племен, в нутагах/юртах которых им довелось очутиться[42].

Кроме того, монгольское вторжение вызвало массовые перемещения населения на обширных территориях. Об этих перемещениях Абу-л-Гази пишет: «Джучи-хан победил и перебил [всех] попавших [ему] в руки кыпчаков… Кыпчаки, обитавшие между Итилем и Тином (т. е. Волгой и Доном. — *В. Т.*), рассеялись на [все] четыре стороны»[43]. Такие переселения в середине — второй половине XIII в. были вызваны, в том числе, административной политикой в Орде, когда по велению правительства массы разноплеменных подданных перемещались из одного региона в другой. Кроме того, некоторые племена после монгольского завоевания выбирали места для более спокойного и безопасного проживания на окраине степной зоны.

Общим названием тюркоязычных жителей Золотой Орды стало слово *татары*. Это имя одного из народов Восточной Монголии еще за несколько столетий до монгольских завоеваний служило на Востоке общим обозначением народов и племен Центральной Азии — в том числе и собственно монголов. Русские и европейцы в XIII в., узнав о приближении к их странам монгольских войск, очевидно, от кипчаков, переняли у последних обычное восточное обозначение монголов — «татары». Поэтому в русских средневековых текстах, как и в большинстве западноевропейских, этноним «монголы» не употреблялся —

---

[39] СМИЗО. Т. 1. С. 235.

[40] *Лубсан Данзан.* Алтан тобчи (Золотое сказание). М., 1973. С. 229, 230.

[41] *Костюков В. П.* Была ли Золотая Орда «Кипчакским ханством» // Тюркологический сб. 2005: Тюркские народы России и Великой Степи. М., 2006. С. 199—237.

[42] Кроме того, существует предположение, что такие этнонимы отразили племенную принадлежность монгольских военачальников, под командованием которых оказывались группы кипчаков из различных родов, согнанных со своих мест завоевателями, т. е. если командир-нойон происходил из племени монголов-хонкиратов, то и сообщество руководимых им кипчаков получало такое же название (но в тюркском варианте: кунграты).

[43] *Кононов А. Н.* Родословная туркмен: Сочинение Абу-л-Гази, хана хивинского. М.; Л., 1958. С. 44.

только «татары». Покоренные тюркские народы Золотой Орды, по традиции приняв на себя имя народа-завоевателя и сохраняя племенные наименования, стали называть себя еще и татарами, что в их глазах служило синонимом монголов.

В правом (западном) крыле Золотой Орды в XIV в. существовала развитая городская цивилизация, были налажены оживленные межрегиональные связи, действовали мощные очаги старой оседлой культуры (Волжская Булгария, Крым, Молдавия, Хорезм). Поэтому патриархальные племенные нормы жизни там постепенно отмирали и происходила этническая консолидация, формирование золотоордынской татарской народности. Однако сначала пандемия чумы в середине столетия, а затем войны и миграции кочевников с востока прервали этот процесс.

Ордынцы же левого («казахстанского») крыла, носители архаичных социальных и культурных норм, свято соблюдали племенной строй в своей среде, и социальные порядки в степях к востоку от Яика были гораздо более консервативными. Хотя для жителей восточных районов Золотой Орды XIV—XV вв. историки иногда употребляют условное общее наименование «кочевые узбеки», единого этноса там так и не сложилось.

Государственный строй. Золотая Орда имела сложную и разветвленную систему управления. Начав с введения в завоеванном Дешт-и Кипчаке институтов, принятых для всей Монгольской империи, Джучиды впоследствии сумели также рационально использовать административные традиции покоренных народов и соседних стран. Образовался комплекс управленческих органов и должностей, центральных и местных ведомств, иерархически организованных столичных и провинциальных властей.

В истории Улуса Джучи было несколько событий, которые можно рассматривать как решающие вехи в изменениях его административного устройства. Обретение государством независимости от имперского правительства во второй половине 1260-х годов побудило сарайских ханов обустраивать государство в соответствии с новым, самостоятельным статусом. Окончательно административная структура независимой Золотой Орды сложилась, очевидно, при хане Тохте в начале XIV в. Принятие ислама Узбеком в качестве государственной религии повлекло новые преобразования, в результате которых Орда превратилась в одно из мусульманских государств с присущими им приемами и канонами управления, отработанными на протяжении столетий.

В дальнейшем, насколько можно судить по источникам, принципиальных преобразований в данной области не происходило. Междоусобицы 1360—1370-х годов и нашествия Тимура в 1390-х годах не давали правителям Орды возможности совершенствовать ее устройство. Ведя жестокую борьбу за власть, они ограничивались лишь поддержанием тех административных институтов, которые сохранялись после политических катаклизмов.

К характерным чертам государственного строя Золотой Орды можно отнести следующие: монархическую власть хана; участие в управлении *карачи-беков* — представителей нескольких (обычно четырех) аристократических татарских родов; разделение кочевого населения и территории на правое и левое крылья; улусную систему — совокупность контингентов подданных и территориальных уделов, пожалованных ханом в управление военачальникам и «штатским» сановникам; институт наместников (монг. *даругачи*, *даруга*, тюрк. *баскак*) в управлении городским и сельским оседлым населением; ясачное налогообложение; сочетание государственной администрации с традиционными органами управления местных жителей.

Во главе государства и всей системы управления Улуса Джучи стоял хан. Обоснование монархического правления и организации правящей элиты имели в Золотой Орде несколько источников. Первый и главный из них — это авторитет основателя Монгольской империи. Кроме того, при наследовании власти действовали внутриклановые принципы перехода ханского ранга. Из кочевой старины тянулась традиция всенародного избрания (но фактически — одобрения избрания) государя. Поскольку Джучиев улус изначально представлял собой вторичное образование в рамках империи, то в течение XIII в. имела значение также инвеститура от вышестоящего сюзерена — каракорумского каана.

Род Джучидов постоянно разрастался, и система старшинства различных его линий с течением времени все усложнялась. Вероятно, к концу XIII в. определилась их иерархическая очередность. Можно предполагать, что высшие места в этой иерархии занимали на западе Улуса потомки Бату и — следом за ними — Бувала; на востоке — потомки Орду, а следующими по старшинству шли Тука-Тимуриды (в следующем столетии их оттеснили Шибаниды).

Пока монголы в большинстве своем оставались язычниками, их трактовка источников и пределов ханской власти базировалась на идеологической концепции, традиционной для кочевого мира. Эта концепция объясняла воцарение основателя державы и благополучное правление его потомков благоволением и помощью божественных сил. Последние олицетворялись, прежде всего, ведущей парой центральноазиатского языческого пантеона — Небом (Тэнгри) и Землей (Этуген).

Царственный ранг Чингисовой семьи был подкреплен легендой о небесном происхождении ее родоначальника Бодончара. По этой легенде, праматерь Алан-Гоа родила его и двух его братьев от луча света, проникшего в ее лоно через дымник (верхнее отверстие) юрты[44]. Кроме того, у истоков рода стоял тотемный предок — Бортэ Чино (Бурый Волк), также родившийся «по изволению Вышнего Неба»[45]. Таким образом, обоснование легитимности правления Чингисидов, и в том числе Джучидов, базировалось на комплексе языческих представлений об участии сверхъестественных сил в выделении данного рода из всех прочих.

Дарованная Небом и охраняемая Землей власть осуществлялась в четырех главных сферах: охрана целостности и укрепление державы; расширение ее пределов путем завоеваний; забота о благоденствии подданных; поддержка боеспособности войска. Власть правящего рода в империи и ее улусах основывалась на харизме Чингисхана и харизме его потомков. Впоследствии, в ходе распространения ислама среди монгольских и тюркских кочевников в западных улусах империи, встала проблема легитимизации правления этого клана с точки зрения этой религии. Не могло быть и речи, чтобы они хотя бы формально получали инвеституру от номинального «повелителя правоверных» — безвластного аббасидского халифа, проживавшего при египетском дворе. Вместо этого была разработана фантастическая версия о том, будто Чингис был обращен одним из сподвижников Пророка в ислам — «принял все установления Бога, кроме хаджа и обрезания, перешел в исламскую веру» и произнес *шахаду* (символ веры). Об обращении монгольского правителя будто

[44] *Козин С. А.* Сокровенное сказание: Монгольская хроника 1240 г. Т. 1. С. 80, 81; *Рашид-ад-Дин.* Сборник летописей. М.; Л., 1952. Т. 1. Кн. 2. С. 90.

[45] *Козин С. А.* Сокровенное сказание: Монгольская хроника 1240 г. Т. 1. С. 79.

бы узнал и одобрил это праведный халиф Абу Бекр (живший на самом деле в VII в.)[46]. Теперь Чингисхан в принципе мог быть причислен к сонму мусульманских династов, перестав быть «неверным».

Функционирование государственного механизма осуществлялось от имени хана и в виде выполнения его приказов — независимо от того, сидел на престоле самодержавный государь или марионетка придворных клик. Хан производил назначения на главные административные должности, осуществлял выпуск денег, вел переговоры с иноземными правителями, возглавлял армию во время больших военных кампаний и т. д.

Однако в действительности он делил свои полномочия с карачи-беками, один из которых считался старшим (беклербек, улуг бек). Некоторые историки не без основания полагают, что эти четыре высших вельможи представляли наиболее влиятельные тюрко-монгольские кланы и образовывали совет при правителе[47]. Насколько можно судить по информации о татарских ханствах позднего Средневековья, именно на них было возложено выполнение церемонии воцарения очередного хана. Структура четырех главных родов (помимо царствующей династии) шла из кочевой старины и традиционной для тюрко-монгольской государственности. Можно предполагать, что в начале XIV в., при Узбеке, в добавление к своим придворным обязанностям карачи-беки получили в управление четыре части государства, превратившись еще и в *улусбеков*.

В структуре управления Золотой Орды не фиксируется такое традиционное для тюрков и монголов учреждение, как *курултай* — съезд знати. Вероятно, формально он все-таки существовал, но собирался лишь в исключительных случаях или по торжественным поводам (провозглашение нового государя). Скорее всего, в реальности четыре карачи-бека подменили собой это аристократическое (формально «всенародное») совещание.

Как и в любой державе, созданной кочевниками, военная сфера занимала важнейшее место в жизни государства. Кроме того, кочевники составляли большинство его населения и войска. Поэтому административные институты создавались в Золотой Орде в первую очередь для управления именно кочевыми подданными. Однако оседлое население — земледельцы, ремесленники и торговцы — тоже являлось важнейшей категорией подданных, прежде всего в качестве налогоплательщиков. Со временем, с принятием ислама и расцветом городов в первой половине XIV в., роль этой категории подданных в экономике и, следовательно, их социальная значимость кардинально возросли. Поэтому центральное управление было ориентировано на названные две главные части населения.

Условно можно считать, что военные дела и связанная с ними улусно-удельная система находились в ведении беклербека и иерархически подчиненных ему трех карачи-беков; невоенными делами (прежде всего податными и финансовыми) ведали *везир* и руководимая им канцелярия-*диван*. Другими словами, кочевые жители Золотой Орды пребывали в основном под надзором беклербека, а оседлые — везира.

Роль хана при подобном распределении компетенции сводилась к верховному контролю над своими сановниками, арбитражу при разногласиях между

---

[46] Книга путешествия: Турецкий автор Эвлия Челеби о Крыме (1666—1667 гг.). Симферополь, 1999. С. 64—66.

[47] *Исхаков Д.М., Измайлов И.Л.* Этнополитическая история татар. Казань, 2000. С. 120, 134; *Шамильоглу Ю.* «Карачи беи» поздней Золотой Орды: Заметки по организации монгольской мировой империи // Из истории Золотой Орды. Казань, 1993. С. 44—60; *Он же.* Племенная политика и социальное устройство в Золотой Орде. Казань, 2019.

ними, принятию окончательных решений в принципиальных вопросах. Не случайно средневековые наблюдатели замечали, что джучидский монарх «обращает внимание только на сущность дел, не входя в подробности обстоятельств, и довольствуется тем, что ему доносят, но не доискивается частностей относительно взимания и расходования»[48]. Правда, такая отстраненность хана от повседневных дел была характерна для XIV столетия и, может быть, и ранее — в 1270—1290-е годы. Но первые правители Улуса — Бату и Берке — досконально вникали во все детали управления, поскольку еще только налаживали действие государственного механизма.

Беклербек являлся номинальным главой сословия беков (нойонов, эмиров) и в этом качестве выступал как верховный военачальник. Когда Орда обратилась в ислам, с ним связывалась также идеологическая основа внешней политики, обычная для средневековых мусульманских государств, — борьба (война) за веру. В данном качестве его титуловали «помощь ислама и мусульман», «поборник воителей и борцов за веру». При этом прерогативы беклербека, конечно, уступали ханским, поскольку хан возглавлял весь народ — как в мирное время, так и во время выступления на войну всеобщего ополчения. Кроме того, на беклербека как на второе лицо в государстве возлагались обязанности налаживать отношения с другими странами и, возможно, вершить правосудие в качестве высшей судебной инстанции (в тех сферах жизни и среди тех слоев населения, где пока не распространился шариат). Под непосредственным управлением главных беков находилась западная часть государства — от Дона до Дуная, включая Крым.

В руках названных высших сановников сосредотачивались настолько обширные прерогативы и ресурсы, что они порой могли претендовать на самостоятельность и распоряжаться троном. Самые известные и могущественные беклербеки Мамай и Едигей (зачастую неверно называемые в историографии узурпаторами и временщиками) назначали ханов по своему усмотрению и полностью контролировали все дела в государстве.

Наличие двух высших сановников, беклербека и везира, отражало деление правящей элиты Золотой Орды на две категории — кочевую знать (нойоны, они же беки и эмиры) и чиновную администрацию. Средневековые арабские авторы именуют их соответственно правителями эмиров и правителями городов[49]. Обе структуры, военная и гражданская, действовали параллельно, исполняя разные функции в государстве.

Институт беклербекства был порождением тюрко-монгольской государственной традиции, а везир и диван — это результаты заимствования мусульманских государственных институтов. Главной обязанностью этих органов были обеспечение функционирования финансовой системы, осуществление фискальной политики, контроль над все более ветвившимся административным аппаратом, регулирование торговли, городского строительства и проч. Если ханы и главные беки проводили большую часть времени в привычных (и престижных) перекочевках, то чиновничество по большей части размещалось в городах. В ведомстве дивана хранились податные списки (*дафтар*), разнообразные ведомости и кадастры.

Вся эта огромная документация на сегодняшний день утрачена. Однако даже то немногое, что известно о деятельности центральных правительственных учреждений Золотой Орды, позволяет утверждать, что в ней сочетались элементы ад-

[48] СМИЗО. Т. 1. С. 230.

[49] Там же. С. 347 и сл., 412 и сл.

министративных и делопроизводственных практик разных стран и народов в составе Монгольской империи — уйгуров, киданей, чжурчжэней, китайцев и др.[50] В самом Улусе Джучи явно просматривается также влияние мусульманских регионов Хорезма и Мавераннахра, Хулагуидского Ирана; возможно, какой-то след оставила культура Волжской Булгарии.

Иерархия беков известна в основном из оригиналов ханских ярлыков и их русских переводов, в которых упоминаются темники, тысячники, сотники, десятники, князья улусные, ратные, полчные, людские (последние — возможно, синоним улусбеков). Все эти военачальники и наместники составляли пирамиду, сходившуюся на вершине к карачи-бекам и беклербеку. В течение XIII в. они составили своеобразную корпорацию, державшую в руках военно-административную структуру государства и практически не вмешивавшуюся в дела невоенной сферы. Но в XIV в. уже стало заметно сближение и даже определенное слияние военно-кочевой знати, хранительницы завоевательных традиций Монгольской империи, с городским чиновничеством.

Чиновники Золотой Орды тоже имели многоступенчатую градацию. После везира высшее должностное место занимал *даруга* — лицо, ответственное за сбор налогов с определенной местности. Даруги назначались как в отдельные населенные пункты, города и селения, так и в целые *вилайеты* и *тумены* — области с оседлым населением и улусные уделы в кочевых степях. В последнем случае они делили управленческие полномочия с местными беками, держателями улусов, и вместе с ними организовывали сбор податей. Даруги олицетворяли собой присутствие и надзор центральной власти на местах, служили ее представителями. Для XV в. известны даруги, ответственные за положение в русских великих княжествах. В 1470 г. хана Ахмеда во время переговоров с поляками настраивал против Ивана III, среди прочих сановников, «дорога Рязанской»[51]. Видимо, этот чиновник отвечал за дела, связанные с великим княжеством Рязанским, — так же как в 1430-х годах при дворе хана Улуг-Мухаммеда состоял даруга московский[52].

Используя вековые социальные институты, присущие кочевникам, имперские и золотоордынские власти в XIII в. разделили подвластное население на тумены (округа, способные выставить в ополчение по 10 тыс. боеспособных мужчин), тысячи, сотни и десятки. Тумены, как правило, составляли крупные улусы. Пастбища закреплялись за держателями улусов, которые регулировали все передвижения и податные платежи подвластного населения.

Десятичная система вводилась и на оседлых территориях, но там она служила, очевидно, главным образом основой для налогообложения, а не военной мобилизации. Есть сведения об учреждении туменов («тем») в завоеванных русских землях в результате общеимперской переписи населения, проведенной монголами во второй половине 1250-х годов. Тем не менее известно, что подданные из земледельческих регионов (в том числе русские) тоже привлекались к военным кампаниям, которые вели ордынские ханы.

Как указывалось выше, Золотая Орда делилась на два крыла, разграниченных р. Яик (Урал), — правое (западное) и левое (восточное). Каждое из них, в свою очередь, также делилось на крылья. Правое состояло из двух половин, разграниченных

[50] Подробно см.: *Абзалов Л. Ф.* Ханские писцы: Из истории становления и развития канцелярской службы Золотой Орды. Казань, 2001.

[51] ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 18. С. 224.

[52] ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25. С. 249.

Доном, левое — из уделов Джучиевых сыновей Орду-Эджена и Шибана, рубеж между которыми сложно определить из-за скудости сведений. В распоряжении историков имеются относительно подробные данные о территориально-административном устройстве только правого крыла.

Рациональным смыслом и прообразом данной системы была организация конного ополчения. В соответствии с принадлежностью к крыльям отряды нойонов (позднее — эмиров и беков) и племен в походах и сражениях занимали места на правом или на левом фланге. Известно, что Чингисхан установил неукоснительный десятичный принцип, по которому любой подданный занимал свое место в десятке, сотне, тысяче и тумене — как в качестве воина, так и в качестве налогоплательщика. А поскольку каждый тумен был причислен к тому или иному крылу, то и соблюдение крыльевой разверстки также являлось обязательным.

В самом начале истории Монгольской империи, когда ее территория ограничивалась сравнительно небольшим пространством степей на востоке Центральной Азии, территориальная и военная разновидности крыльев, очевидно, совпадали. Когда же держава разрослась до невиданных размеров, крылья превратились в абстракцию, в политико-географическую категорию, потому что собрать ополчение, например, с правого крыла империи (улусов Джучи, Хулагу и Чагатая) оказывалось невозможным. Однако привычная организация государственной жизни кочевников, управление народом и командование армией требовали реально действующей крыльевой структуры. Ведь существовала постоянная необходимость созывать войска в ополчение и выстраивать их во фланговые корпуса. Поэтому происходило вторичное раздвоение крыльев, т. е. внутри крыла появлялись собственные, более компактные правое и левое крылья, а те, в свою очередь, также, случалось, делились пополам.

«Первичные» крылья-ханства Золотой Орды на протяжении первого столетия своего существования вели практически автономное существование, числясь в составе единого государства номинально, без явных признаков взаимодействия. Вмешательство западных ханов в восточные дела происходило редко и эпизодически, об участии же восточных сюзеренов в событиях к западу от Яика до середины XIV в. ничего не известно. Нет данных о том, что аристократия двух Орд собиралась на съезды для обсуждения общих дел (видимо, таковых и не находилось), равно как и о том, что в обоих крыльях действовала единая система налогообложения или мобилизации войска. Наверное, лишь фамильное родство правителей, сеть караванных путей и ямских станций да еще в первые десятилетия — подчиненность имперскому Центру демонстрировали принадлежность этих автономных ханств к общему государственному организму.

Объединение обеих крыльевых половин произошло, видимо, в 1380-х годах при хане Тохтамыше. Оно оказалось кратковременным и неэффективным, поскольку случилось в обстановке уже начинавшегося государственного кризиса и распада Золотой Орды, да к тому же накануне роковых для нее нашествий Тимура. После них территория правого крыла погрузилась в хаос, там началось образование независимых ханств. В левом крыле в течение XV столетия образовались Узбекское и Казахское ханства и Ногайская Орда. Ни одно из этих новых государств уже не причисляло себя к общеджучидским крыльям.

Одной из главных отличительных черт государственного строя Золотой Орды была улусная система. Понятие *улус* первоначально обозначало народ, данный в управление. Позднее термин распространился также на территорию, занимаемую этим народом, и в данном качестве стал служить названием удела и в целом государства (фактически

обособившегося удела — как Улус Джучи, Улус Чагатая, Улус Хулагу).

В Золотой Орде улусы не были наследственными владениями — по крайне мере до второй половины XIV в. Фактически они представляли собой условные держания. Условиями же пользования уделом для его правителя являлись исправная выплата податей населением, поддержание порядка и стабильности на подконтрольных землях, мобилизация надлежащего количества воинов в ополчение. Принято считать, что улус соответствовал войсковому тумену, т. е. десятитысячному корпусу; другими словами, с каждого улуса в ополчение выставлялось 10 тыс. воинов. Правитель улуса, таким образом, имел ранг *темника*. Хан мог менять держателей улусов, отбирая и передавая уделы по своему усмотрению. При этом границы улусов, очевидно, оставались неизменными.

Вдоль левого берега Итиля (Волги) протянулся ханский домен — личный, собственный улус правителя Золотой Орды. Демонстрируя приверженность жизненному укладу предков, ордынские государи старались сохранить кочевой образ жизни своей семьи и двора. Главная ставка (собственно «золотая орда») периодически в течение года перемещалась вдоль Волги на северные летовья и южные зимовья. Исходя из климатических условий этой части Евразии, больше времени хан и двор вынуждены были проводить на зимних пастбищах. Именно в местах зимних стоянок возникли крупнейшие города — оба стольных Сарая и Хаджи-Тархан (Астрахань). В XIV в. джучидские государи зимовали также на пастбищах степного Предкавказья (там был основан город Маджары). В зоне ханских летовок располагались города Булгар и Укек.

Самостоятельной административной областью являлся Хорезм; северная часть этой страны с городами Ургенчем и Хивой принадлежала Золотой Орде. Может быть, данная область древней культуры на нижней Амударье являлась анклавом правого крыла, окруженным чагатайскими владениями и землями восточных Джучидов.

В XIV в., по мере усиления роли городской экономики и развития административного аппарата в формах, присущих стабильным оседлым государствам, в Золотой Орде произошла трансформация административно-территориального деления. Сохранив структуру кочевых уделов, правительство учредило еще и четыре улусбекства, именуемых у арабского хрониста ал-Омари Сараем, Хорезмом, Крымом и Дешт-и Кипчаком[53]. Нетрудно заметить, что первые три из них — это довольно локальные регионы с развитой городской жизнью, и для них было достаточно одного наместника. Что касается громадного Дешт-и Кипчака, то для управления им необходимо было использовать дополнительное внутреннее разделение. Эту функцию, видимо, продолжала выполнять старая улусная система.

По немногочисленным и порой сомнительным свидетельствам источников, общее число улусов в обоих крыльях Золотой Орды в XIV в. равнялось 70[54]. На долю левого крыла, явно менее многолюдного, приходилось 30 из них.

Принцип разграничения их, очерчивания улусных границ пока невозможно установить по средневековым текстам. В историографии высказано предположение, что

[53] СМИЗО. Т. 1. С. 250; *Егоров В.Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв. С. 166, 167. Другой египетский автор, ал-Калкашанди (конец XIV — начало XV в.), описывает деление Орды на восемь «округов»: Хорезм, Дешт, «страна Хазар» (Северо-Восточный Прикаспий), Крым, «край Азова», Черкас (Северный Кавказ), Булгар, Улак (Молдавия), Ас, «страна Рус» (*Григорьев А.П., Фролова О.Б.* Географическое описание Золотой Орды в энциклопедии ал-Калкашанди // Тюркологический сб. 2001. М., 2002. С. 282—292).

[54] См.: *Егоров В.Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв. С. 167.

в основе улусно-крыльевого деления могло лежать расселение различных этнических общностей. Так, ханства правого и левого крыла приблизительно совпадали с ареалами расселения огузов и кипчаков (что выявляется по археологическим материалам)[55]. Возможно, при формировании удельной системы у Джучидов учитывался состав местных кипчакских, других местных тюркских и пришлых монгольских племен, когда один улус соответствовал определенной племенной общине (*эль*) или группе кочевых общин.

В сознании жителей позднейших тюркских ханств сохранялось представление о былом центре Улуса Джучи, освященном персоной Бату (его обычным посмертным прозвищем было «Саин-хан»). Захват ставки ордынского хана в XV — начале XVI в. расценивался его соперниками-победителями как обретение священного Саинова трона. Места расположения столиц и кочевых ханских ставок превращались в общезначимые места, осененные присутствием магической харизмы (*фарн*, *кут*), которая давала божественным избранникам власть над народом. Ставка, возле которой совершалось погребение хана, превращалась в своеобразный мемориал, охраняемый и недоступный для посещения заповедник — *курук*. Вероятно, общеджучидскую символическую ценность имели подобные династические некрополи-куруки в районе г. Сарайчика на р. Яик и в горах Улутау (Центральный Казахстан).

Военная организация, позволившая монголам создать мировую империю, практически не менялась со времен Чингисхана (в отличие от административных, экономических и прочих институтов) и была сформулирована в его своде законов — Великой Ясе. В преддверии войны хан рассылал гонцов в улусные провинции, к своим наместникам-темникам. Те были обязаны обеспечить прибытие к месту общего сбора надлежащего количества вооруженных всадников-ополченцев и, как правило, возглавлять их во время ведения боевых действий.

Размеры Золотой Орды и очевидная многочисленность ее населения заставляют предполагать очень большую численность вооруженных сил. Авторы хроник оперируют величинами во многие десятки тысяч человек. Например, сообщается, что хан Тохта собрал 250-тысячное войско; а при дворе его преемника Узбека для участия в празднике собралось 170 тыс. воинов[56].

Однако при оценке сведений о численности воинского контингента Золотой Орды нужно учитывать, во-первых, обычное для средневековых восточных авторов многократное преувеличение численности; во-вторых, отсутствие буквального соответствия численности ополченцев и представляемых ими десятичных подразделений, т. е. на поле боя тумен не обязательно включал 10 тыс. воинов, тысячный отряд — тысячу и т. д. В источниках неоднократно встречаются упоминания о ханских приказах выставить в войско по одному или два человеку от каждого десятка. Точно так же число туменов или темников, участвующих в сражениях, нельзя просто умножать на 10 тыс., чтобы получить реальную численность армии. В 1300 г. Тохта собрал 60 туменов против своего родича и соперника Ногая с его 30 туменами[57], но это вовсе не означает, будто друг на друга двинулись 600-тысячная и 300-тысячная армады (для той эпохи и тех обстоятельств это маловероятные цифры).

Таким образом, пока невозможно даже приблизительно определить численность ордынского войска. Если историки и сумеют договориться о количестве ополченцев, выставлявшихся от кочевых улусов, они едва

[55] *Федоров-Давыдов Г. А.* Общественный строй Золотой Орды. М., 1973. С. 57, 58.
[56] СМИЗО. Т. 1. С. 178, 225.
[57] *Рашид ад-дин.* Сборник летописей. Т. 2. С. 86.

ли смогут подсчитать численность отрядов от оседлых подданных (русских, мордвы, алан, волжских булгар и др.), по отношению к которым, скорее всего, применялись несколько иные принципы мобилизации.

В историографии и популярной литературе распространено убеждение, будто русские княжества не платили «налог кровью», т. е. не отправляли своих воинов для боевых действий в составе золотоордынской армии — с тех пор, как Александр Невский, находясь в ранге великого князя владимирского, «отмолил» от этой обязанности соотечественников у Берке. Но, может быть, такая льгота действовала только при жизни этих двух правителей. В источниках упоминается участие русских отрядов (обычно во главе со своими князьями) в боевых действиях на стороне ордынских ханов в Литве и Польше, на Кавказе и на Балканах, а также в междоусобных распрях внутри Орды.

Из-за ничтожного объема информации трудно судить, были ли это воины, мобилизованные по ханскому приказу, вольные наемники или люди, угнанные в Орду за какие-то провинности (недоимки?). Во всяком случае, известно, что в 1330 г., т. е. уже в период полной независимости Золотой Орды, номинальный глава Монгольской империи каан Туг-Тимур сформировал целый гвардейский тумен из русских, расквартированный в окрестностях стольного Ханбалыка (Пекина). Одновременно колония русских и аланских войск была учреждена в Маньчжурии и Корее. В литературе высказано предположение, что русские гарнизоны в Китае были укомплектованы из пленников, захваченных в ходе татарской карательной экспедиции против восставшей Твери в 1327 г.[58]

Во всяком случае, во второй половине XIV в. уже нет сведений о привлечении русских ратников в войска Золотой Орды, за исключением упоминания о русских в составе «войска изрядно большого», которое хан Тохтамыш собрал против Тимура в 1388 г.[59]

Экономика. Города и кочевые степи. Жители обширных степных равнин Дешт-и Кипчака — основной территории Золотой Орды — продолжали в большинстве своем вести привычный кочевой образ жизни. В западной части государства (правом крыле) огромные массы народа, не исключая и ханскую семью, ежевесенне отправлялись на летние пастбища, расположенные в северной части «Дикого поля» и в бывшей Волжской Булгарии; на зиму стада и люди отходили на юг, в низовья Волги и на Северный Кавказ — там находились зимние стоянки. В русских летописях неоднократно встречаются упоминания о посещениях князьями ханских кочевых ставок. Если визит затягивался (порой на несколько лет), то «гость» вынужден был перемещаться вместе с двором и царственной семьей с летовья на зимовье и обратно.

В левом крыле действовал похожий кочевой цикл, но о нем историкам известно гораздо меньше. Вероятно, летними пастбищами там служили степи в Северном Казахстане и в районе Яика, а зимними — берега Сырдарьи. Как восточный, так и западный годичные циклы таких перемещений сложились задолго до появления Золотой Орды у домонгольских кочевников этого региона (кипчаков, кимаков, огузов и др.).

В Улусе Джучи имелись и области традиционной оседло-земледельческой культуры: Молдавия, Крым, Волжская Булгария, Хорезм. Там продолжала развиваться городская

---

[58] Сводку сведений и мнений по этому вопросу см.: *Почекаев Р. Ю.* Сведения о Золотой Орде в «Книге о Великом хане» // Тюркологический сб. 2006. М., 2007. С. 270.

[59] СМИЗО. Т. 2. С. 41, 42. Однако под русскими цитируемый хронист (Шараф ад-Дин Йазди) мог подразумевать представителей не только княжеств Северо-Восточной Руси, но и православных жителей Великого княжества Литовского.

цивилизация, хотя и в специфических условиях монгольского завоевания и последующего доминирования кочевников.

Кочевые устои практически безраздельно господствовали в левом крыле Улуса Джучи, к востоку от Яика, на территории Казахстана и Юго-Западной Сибири. Городов там почти не было (исключение составляла освоенная с древности область вдоль Сырдарьи).

Городские поселения, разрушенные при нашествиях Чингисхана и Бату, стали понемногу отстраиваться — прежде всего те, что стояли на старых торговых путях. Правительство быстро осознало выгоду от международной караванной и морской торговли. Для ее развития хан Менгу-Тимур позволил итальянским коммерсантам из Генуи обосноваться в Крыму, и в последней четверти XIII в. там образовались их торговые колонии. Самой крупной и значительной была Кафа (совр. Феодосия). Генуэзцы платили налоги в ханскую казну, и местный ордынский наместник не вмешивался в дела итальянцев. При этом степная часть Крыма представляла собой обычный улус с кочевым населением. Именно там было одно из «гнезд» племени киятов, к которому принадлежал беклербек Мамай. В середине XIV в. он, помимо прочих должностей и титулов, обладал рангом крымского темника, т. е. наместника этой провинции.

Коммерсанты Генуи не позволили закрепиться в Крыму своим конкурентам-венецианцам, до того уже успешно обосновавшимся в монгольском Иране. Однако в 1320-х годах, при хане Узбеке, венецианцы основали колонию в устье Дона, в г. Тана (в окрестностях позднейшего Азова).

Политические кризисы второй половины XIII в. (междуцарствия и ослабление ханской власти при Ногае) не давали возможностей для широкого экономического и культурного развития Золотой Орды. Но в царствование Тохты усобицы утихли. Долгие смуты в предыдущие десятилетия опустошили казну. Поэтому хан решил воздержаться от разорительных войн — даже со старыми врагами-Хулагуидами. Это позволило возобновить караванный путь через Дербент на Ближний Восток. В золотоордынских городах Поволжья, Крыма и Северного Кавказа развернулось широкое строительство, бурно стало развиваться ремесленное производство.

Все это привело к тому, что монгольская кочевая знать начала постепенно брать в свои руки управление оседлым населением, сближаться с мусульманской городской верхушкой — бюрократией и купечеством. До тех пор наследники завоевателей в большинстве своем гнушались предаваться занятиям, «недостойным» для степных воинов и присущим, по их мнению, оседлым земледельцам.

При ханах Узбеке и Джанибеке города Золотой Орды пережили пик своего развития. Их насчитывалось более сотни. Трудами тысяч рабов возводились дворцы, мечети, караван-сараи, богатые особняки знати и купечества; росли многолюдные ремесленные кварталы. Города превратились в средоточие экономической и культурной жизни.

Ордынская столица Сарай принадлежала к числу крупнейших городов мира. В 1333 г. его посетил арабский путешественник Ибн Баттута и передал свои впечатления: «Город Сарай — [один] из красивейших городов, достигший чрезвычайной величины, на ровной земле, переполненный людьми, красивыми базарами и широкими улицами. Однажды мы поехали верхом с одним из старейшин его, намереваясь объехать его кругом и узнать объем его. Жили мы в одном конце его и выехали оттуда утром, а доехали до другого конца его только после полудня, совершили [там] молитву полуденную, поели и добрались до [нашего] жилища не раньше, как при закате»[60]. Такие размеры в то время были немыслимы для русских и западноевропейских городов. Во многом

[60] СМИЗО. Т. 1. С. 306.

обширность золотоордынских городских поселений объяснялась отсутствием у них крепостных стен, ограничивавших территориальный рост. Считалось, что государство обладает достаточной военной силой, чтобы защитить подданных и без специально возведенных укреплений.

В XX в. были предприняты широкие археологические раскопки золотоордынских городских поселений — прежде всего, в Нижнем Поволжье. Исследования обнаружили их действительно огромные размеры, существование кварталов, заселенных аристократами, ремесленниками и купцами. Заметным элементом жизни городов были рабы — как военнопленные, так и попавшие в неволю за неуплату налогов. Они жили в убогих землянках без отопления. Многие из них работали на своеобразных рабских мануфактурах (*кархана*), широко распространенных в то время на мусульманском Востоке. Наиболее искусные ремесленники получали разрешение обзавестись семьей и построить собственный домик, оставаясь на положении полусвободного работника в хозяйстве какого-нибудь богача.

Изучение жилищ показало, что культура городского населения Золотой Орды — так же, как и ее государственный строй — впитала самые разные элементы: китайские, хорезмийские, сельджукские кочевнические… В этом наглядно отразилась и полиэтничность огромной державы. Самыми урбанизированными областями были Поволжье, Северный Кавказ, Хорезм и Крым. Там стояли крупные города: волжские Гюлистан, Укек и Булгар, кавказский Маджар, Сыгнак на Сырдарье, Сарайчик на Яике.

Как указывалось выше, Бату сначала обосновался в Булгаре — столице завоеванной им Волжской Булгарии, а затем переместился на нижнюю Волгу, где воздвиг стольный Сарай ал-Махруса («Богохранимый Дворец»). В 1330-х годах хан Узбек перенес столицу в Сарай ал-Джадид («Новый Дворец»). Впрочем, некоторые исследователи полагают, что город Сарай мог быть и один — просто в источниках и на монетах он фигурировал с разными эпитетами. Но это мнение не находит широкой поддержки среди историков.

В течение долгого времени считалось, что бывший Сарай ал-Махруса (Сарай-Бату) — это Селитренное городище в Астраханской области, на берегу волжской протоки Ахтубы, а Сарай ал-Джадид (Сарай-Берке, или Новый Сарай) — Царевское городище; оно находится тоже на Ахтубе, но выше, в Волгоградской обл. Однако в результате археологических и нумизматических исследований последних лет выяснилось, что корректнее идентифицировать Селитренное как остатки Сарая ал-Джадид, а на месте Царевского некогда стоял ордынский город Гюлистан. Что же касается местоположения Сарая ал-Махруса, то его все более уверенно связывают с Красноярским городищем, расположенным к северо-востоку от Астрахани, на границе волжской дельты[61].

Города имели собственную администрацию и свою, отличную от кочевой степи, систему налогообложения. Во главе городского управления стоял ханский наместник-даруга, которому подчинялся довольно разветвленный штат канцелярских служителей: *диван-битикчи* (секретари), *бакши* (писцы), а также лица, отвечавшие за различные податные сборы. Эти чиновники вместе с купечеством и оседлой городской знатью поддерживали сильную централизованную ханскую власть — гаранта государственной стабильности и непрерывного поступления доходов от налогов и торговли. Как только в Золотой Орде начался период междоусобиц и власть хана ослабла, городская жизнь стала угасать.

Города были средоточием духовной жизни и мусульманской учености, в них творили

[61] См., например: *Зиливинская Э. Д., Васильев Д. В.* Города Золотой Орды // Золотая Орда в мировой истории. Казань, 2016. С. 643—646.

на тюркском и персидском языках мыслители, богословы и поэты. Однако сочинений, созданных в Золотой Орде, сохранилось немного. Среди наиболее значительных — обширные богословские труды Абу Бекра Каландара «Каландар-наме» (1340—1341) и Махмуда Булгари «Нахдж ал-фарадис» («Путь в райские сады», 1358); книга Бурхана ад-Дина Рабгузи «Киссас ал-анибия» («Сказание о пророках», 1310); стихотворный роман Кутбы «Хосров и Ширин» (1342); стихотворения Саифа Сараи, Ахмеда Ходжи Сараи, Мавляна Исхака и др.

В течение XIII—XIV вв. в Золотой Орде сложилась специфическая культура, в которой сочетались традиции завоевателей-монголов, покоренных народов и явления, заимствованные из соседних стран (в том числе из других регионов Монгольской империи — Китая и Ирана). Так, Верхнее и Среднее Поволжье отличали традиции архитектуры бывшей здесь до прихода монголов Волжской Булгарии. В Нижнем Поволжье на первый план выступали конструктивные особенности и строительные приемы пригнанных сюда хорезмских мастеров. Северокавказские города несли на себе отчетливый отпечаток местной школы с ее древними каменотесными приемами. То же самое можно сказать о Крыме и Пруто-Днестровском междуречье[62], т. е. культура Золотой Орды была синкретической — включавшей различные компоненты. Длительное изучение археологических памятников ордынской эпохи и исследование немногочисленных уцелевших текстов того времени привело некоторых историков к убеждению о формировании в Золотой Орде особой цивилизации[63].

Золотоордынская налоговая система была довольно разветвленной. Вся сумма податей, которыми облагалось какое-либо владение, обозначалась тюркским словом *ясак*. Важной частью ясака был *чыкыш* (в рус. пер. «выход»; перс. *харадж* с тем же значением). Он взимался, в том числе, и с покоренной Руси и обычно трактуется как поземельный налог с оседлого населения. Кроме того, ясак включал в себя многочисленные поборы и повинности. В документах упоминаются налоги амбарный и торговый (*тамга*), расходы на содержание ордынских официальных лиц — послов и чиновников во время их поездок по территории государства.

Основной податью для кочевого населения был *копчур*, состоявший в выплате 1% от поголовья скота и скотоводческой продукции.

Через Золотую Орду проходили тысячекилометровые магистрали, по которым прошло передвижение товаров и ресурсов по Евразийскому континенту. Европу и Дальний Восток связывала сеть путей, протянувшихся через обширные ордынские владения. В Золотой Орде сложилась целая экономическая отрасль, ориентированная на внешнюю и транзитную торговлю. Богатые купеческие корпорации-*ортаки* пользовались покровительством ханов и высших чиновников (во многом потому, что обслуживали ханский двор и потребности правящей элиты). Особенно активно велась торговля через черноморские и азовские порты: Кафу, Солдайю, Аккерман (Белгород-Днестровский), Азак (Тану). Кроме морских портов, средоточием торговли служили города на переправах через крупные реки — Сарай, Укек и Хаджи-Тархан (Астрахань) на Волге, Сарайчик на Яике.

Именно интенсивностью торговых операций во многом объяснялся полиэтничный состав населения ордынских городов. Ибн Баттута писал о Сарае: «В нем (живут) разные народы, как то: монголы — это (настоящие) жители страны и владыки (ее)… асы,

---

[62] *Егоров В. Л.* Золотая Орда: Мифы и реальность. М., 1990. С. 41—42.

[63] См., например: *Кульпин-Губайдуллин Э. С.* Спор о цивилизации // Золотоордынская цивилизация. Казань, 2011. Вып. 1. С. 7—13; *Крамаровский М. Г.* Золотая Орда как цивилизация (по материалам археологии) // Золотая Орда в мировой истории. Казань, 2016. С. 427—446.

которые мусульмане; кипчаки; черкесы; русские и византийцы, которые христиане. Каждый народ живет на своем участке отдельно: там и базары их. Купцы же и чужеземцы из обоих Ираков, из Египта, Сирии и других мест живут на (особом) участке, где стена окружает имущество купцов»[64].

Золотая Орда была не только потребителем и перевалочным пунктом товарных масс. На мировых рынках она предлагала и свои товары: меха, кожу, зерно, соль, лошадей и верблюдов. Подвластные Орде ремесленные центры Хорезма и Северного Кавказа поставляли шелковые, парчовые и хлопчатые ткани, драгоценные камни, красители. География торговых контактов Орды была чрезвычайно широка — Восточная, Западная и Центральная Европа, Причерноморье, Средиземноморье, Ближний и Средний Восток, Центральная Азия, Индия, Китай, Корея[65].

Одной из самых ценных статей товаров были рабы. Из русской исторической песни о Щелкане Дудентьевиче известна жесткая система сбора податей в Золотой Орде:

Брал он, млад Щелкан, У которова денег нет,
Дани-невыходы, У тово дитя возьмет;
Царски невыплаты. У которова дитя нет,
С князей брал по сту рублев,
У того жену возьмет;
С бояр по пятидесят,
У котораго жены-та нет,
С крестьян по пяти рублев;
Тово самово головой возьмет[66].

Действие песни происходит в Твери, однако подобная беспощадность к недоимщикам практиковалась и по отношению к тюркским подданным. Правда, судя по известиям иностранных наблюдателей XIV—XV вв., татарам и самим случалось продавать своих домочадцев, чтобы расcчитаться с ханской казной: родители отдавали работорговцам детей, мужья жен, братья сестер.

На Востоке особенно ценились молодые сильные мужчины. Их в основном сбывали за море, в Египет, где из кипчакских невольников формировалась султанская гвардия мамлюков. В конце концов эта гвардия настолько усилилась, что захватила власть в государстве и основала собственную султанскую династию Мамлюков. Арабский хронист в середине XIV в. записал: «Из них (кипчаков. — *В. Т.*) состоит большая часть войска египетского, ибо от них [происходят] султаны и эмиры его [Египта], с тех пор как (египетский султан. — *В. Т.*) ал-Малик ас-Салих Наджм ад-дин Аййуб... стал усердно покупать кипчакских невольников. Потом господство перешло к ним. Цари из них чувствовали склонность к своим родичам и хлопотали об усилении числа их, так что Египет заселился и стал охраняемым ими со всех сторон»[67].

Ордынцы поставляли рабов и в Европу, где бóльшим спросом по сравнению с мужчинами (вчетверо дороже) пользовались невольницы. Известно, что огромное количество их было переправлено через крымские генуэзские колонии в города Италии.

Торговые доходы и налоговые поступления (в том числе непрерывная дань с Руси) обеспечили приток серебра для денежной реформы хана Тохты 1310—1311 гг., когда в Золотой Орде впервые была введена единая собственная монета — сарайский дирхем, устойчивый по весу и курсу. В ханствование Узбека оформилась устойчивая денежная система. Наладилась чеканка и разменной медной монеты — пула, а в Хорезме выпускались золотые динары.

Динар, или в тюркском варианте *алтын*, был распространенной единицей денежно-

[64] СМИЗО. Т. 1. С. 306.

[65] *Недашковский Л. Ф.* Международная и внутренняя торговля // Золотая Орда в мировой истории. Казань, 2016. С. 608—616.

[66] Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М.; Л., 1958. С. 29.

[67] СМИЗО. Т. 1. С. 232.

го счета. В условных алтынах измерялись суммы ордынских налогов.

Право выпуска монет со своим именем (*сикка*) было одним из непременных атрибутов суверенного правителя. Именно легенды на монетах позволяют историкам определять имена ханов и очередность их царствований в смутные времена, о которых сохранились лаконичные сведения в письменных источниках или вообще нет данных. В частности, события в Золотой Орде эпохи «великой замятни» восстанавливаются во многом благодаря обширному нумизматическому материалу.

Распад Золотой Орды. В первой половине XV в. Улус Джучи вступил в стадию необратимого распада и образования на его месте новых государств. Причины этих процессов коренились в особенностях его политического и социально-политического развития на протяжении предыдущего столетия. В пору своего расцвета Улус представлял собой средневековую империю с жесткой иерархической структурой управления провинциями и покоренными народами. Интересы государственного управления требовали содержания большого штата чиновников, а частые войны на границах, междоусобицы и мятежи аристократии — наличия многочисленной и боеспособной армии, что тяжким грузом ложилось на население. Однако уже в первой половине XIV в. стали обнаруживаться явления, которые со временем ослабили могущество Орды и привели ее к распаду.

Источники о Золотой Орде посвящены в основном деяниям царственных особ, привязаны к городам и ханским ставкам. Вне поля зрения историков остается абсолютное большинство населения государства — кочевые общины кипчаков и тюркизированных монголов. Содержание хроник не позволяет хотя бы в какой-то степени прослеживать события в жизни этой массы подданных сарайских и сыгнакских ханов. Коллизии кануна и разгара «великой замятни» показали, что в степных общинах существовала собственная элита. До поры до времени она была совершенно незаметна для посторонних (чужеземных) наблюдателей. Не принадлежавшие к «золотому роду» Чингисидов беки кипчакских племен смирно кочевали в отведенных им местах бескрайнего Дешт-и Кипчака, платили подати царевичам, в улусах которых им довелось оказаться в соответствии с ярлыком очередного монарха, послушно собирали соплеменников в ополчение, если хан вознамерится воевать с Ираном или Литвой.

Но с начала XIV в. эта категория подданных становилась с каждым десятилетием все более заметной. Здесь сказалось несколько факторов. К тому времени в основном закончилась этническая консолидация тюркских кочевников Золотой Орды. Сумятица, внесенная монгольским завоеванием и отстранением от власти прежней кипчакской знати, уступила место мирной и стабильной жизни в могущественной и богатой империи. На просторах бывшего половецкого «Дикого поля» установилась жесткая и стройная улусная система с десятичным делением населения. Ордынское правительство не допускало самовольных переходов из одного улуса в другой, чтобы не нарушать стройной организации налогообложения и военной мобилизации. Относительно мирная и сытая жизнь на протяжении десятилетий имела благоприятные демографические последствия. Степные роды и племена множились, делились и ветвились, и их беки обретали все больше подданных. В кочевом мире это означало повышение социальной значимости и политического влияния нединастической знати.

Первые признаки этого проявились при хане Тохте, когда неродовитые сановники были допущены на высшие административные посты. То же продолжилось при Узбеке и Джанибеке. А уже после Джанибека предводители племен выступили как самостоятельные субъекты государственной политики, которым было по силам соперничать с ханской властью. Наибольшего

успеха на этом поприще достиг беклербек Мамай, о котором рассказывалось выше.

Несомненными стимулами выхода беков на политическую арену были особенности экономического развития Золотой Орды, формирование замкнутых экономических провинций. Это явление давно отмечено историками, но обычно интерпретируется как основа для сепаратизма и неповиновения центральному правительству. Однако при определенных условиях опора на ресурсы провинциальных улусов могла способствовать не только отделению от Сарая, но и давлению на правительство или даже манипулированию им.

Вхождению беков во власть парадоксальным образом помогла, очевидно, и «Черная смерть» в середине XIV в. Чума поразила, прежде всего, места массового скопления оседлого населения. В условиях ослабления и уменьшения высших городских сословий, которые до того доминировали в государственном управлении, их место частично заняли представители другого социального сегмента — аристократии кочевых степей.

Дополнительным подспорьем в получении доступа беков-нечингисидов к государственным делам были кризисы в доме Джучи, когда происходили репрессии против принцев крови. Окруженные враждебной и интригующей родней, ханы зачастую предпочитали опираться на сторонников, не имевших с ними кровных династических уз.

Улусбеки и более мелкие держатели уделов, опираясь на экономический потенциал своих владений, получали возможность в периоды смут и междоусобиц, ослабления центральной власти вести самостоятельное существование, независимое от воли слабых ханов и распоряжений столичных чиновников. Наметилось обособление и некоторых областей со старой развитой оседло-земледельческой культурой (Крым, Хорезм, Булгарский вилайет). Постепенно в разных частях государства стали проявляться признаки сепаратизма. Беки поддерживали соперничающих между собой царевичей-Чингисидов, которые стремились обосноваться в разных местах слабеющей державы.

К социальным факторам ее распада добавились экономические. Падение монгольской династии в Китае, нестабильное положение в монгольских Улусах Хулагуидов (Иран) и Чагатаидов (Средняя Азия), вражда между генуэзцами и венецианцами нарушили обмен товарами, которые направлялись по налаженным торговым путям из одного конца Евразии в другой. Для ордынских городов, стоявших на этих путях, и для ханской казны, которая во многом пополнялась от транзитных торговых пошлин, это означало резкое уменьшение доходов, ослабление финансовых возможностей центральной власти — и, соответственно, ослабление ее авторитета. Нашествия Тимура в самом конце XIV в. нанесли роковой удар по городской культуре и всему оседлому укладу экономики и жизни населения Золотой Орды.

Энергичный беклербек Едигей (Эдиге, Идигу) в начале следующего столетия еще пытался удержать остатки единства. Он являлся одним из последних высокопоставленных вельмож, способных заставить повиноваться удельную знать. В конце XIV — начале XV в. этот правитель из тюркского племени мангытов принадлежал к числу самых влиятельных политиков Восточной Европы. Период его многолетнего распоряжения всеми делами Золотой Орды в высшей государственной должности отмечен сменой покорных ханов на сарайском троне по его усмотрению, сокрушительным разгромом литовского войска на р. Ворскле в 1399 г., осадой Москвы в 1408 г.

Для формирования политических и религиозных воззрений Едигея стало принципиальным его долгое пребывание при дворе эмира Тимура. Там мангытский бек мог видеть своеобразное сосуществование номинального хана-Чингисида и реального правителя Мавераннахра — Тимура. Последний, обладая званием *гурагана* (ханского зятя), управлял Чагатайским улусом и завоеванными впоследствии странами от имени

подставных ханов. Их имена чеканились на монетах, провозглашались в торжественных молебнах, от их лица Тимур издавал указы и ярлыки. Но при этом вся полнота власти принадлежала ему. Наблюдавший эту парадоксальную ситуацию Едигей убеждался в преодолимости своего несмываемого статуса *кара киши* (простолюдина), в возможности достичь высшей власти, опираясь на послушных и безропотных ставленников.

После возвращения в Золотую Орду Едигей в 1391 г. стал практиковать вручение ханского трона своим избранникам — как пребывавшим в стольных поволжских городах (Тимур-Кутлуг, Шадибек, Пулад, Тимур), так и получавшим «корону» из его рук во время его последующих скитаний по Дешт-и Кипчаку (Чекре, Дервиш). При всех них он состоял главным беком. Эта схема отношений была всегда одинаковой и выражалась формулой, которая у разных восточных хронистов отличалась лишь словесными деталями: «один был ханом, другой был беком»[68]. Европейские и кавказские наблюдатели даже считали самого Едигея ханом. Таким образом, он воспроизвел структуру правления, которую долго, давно и успешно практиковал Тамерлан и которую долго Едигей наблюдал и впитывал, находясь в его столице Самарканде.

Поначалу беклербек заставил считаться с собой кочевых ордынских аристократов и окрестных правителей. Он удачно воевал с изгнанником Тохтамышем (которого одно время приютили литовцы) и затем с его многочисленными воинственными сыновьями.

Идейные истоки в Мавераннахре могла иметь и кампания по активной исламизации ордынских кочевников, предпринятая Едигеем в период его полновластия[69]. Тесные контакты с богословами из окружения Тамерлана сформировали духовные ориентиры беклербека, что проявилось позднее в его мерах по распространению ислама в степях. Не случайно поздняя ногайская традиция приписывает Едигею мусульманские имя и почетное звание «Шеабуддин-шейх»[70] (т. е. шейх Шихаб ад-Дин — араб. «светоч веры»). Известно, что он почитался как образец мудрости и благочестия, его изречения цитировались наравне с классическими стихами[71].

Опыт с применением в Орде вдохновляющего чагатайского примера закончился неудачей. Если Тамерлан скончался на вершине славы и могущества, то Едигей не смог удержать в руках власть над слабевшим и распадавшимся государством. Он вступил конфликт с влиятельными сановниками (в том числе с собственным сыном), вынужден был отправиться в изгнание и в 1419 г. погиб в войне с отпрысками Тохтамыша. В этом он повторил судьбу Мамая — своего предшественника по всевластному беклербекству.

После этого Улус Джучи стал довольно быстро распадаться. В течение XV в. на месте Золотой Орды образовалось несколько независимых и зачастую враждующих между собой государств. Крупнейшими из них были Крымское, Казанское и Узбекское ханства, Большая и Ногайская Орды.

---

[68] Сборник летописей. Казань, 1854. С. 159. (Библиотека восточных историков, издаваемая И. Н. Березиным; Т. 2. Ч. 1); *Натанзи Муин ад-Дин*. Мунтахаб ат-таварих-и Муини (Extraits du Muntakhab al-tavarikh-i Mu'ini (Anonyme d'Iscandar)) / Publ. par J. Aubin. Техран, 1336/1957. С. 98; *Утемиш-хаджи*. Кара таварих. С. 63.

[69] *Трепавлов В. В.* Едигей во главе Золотой Орды: Опыт чагатайской эмиграции // ДРВМ. 2019. № 1 (75). С. 121—122.

[70] *Семенов Н.* Туземцы Северо-Восточного Кавказа: (Рассказы, очерки, исследования, заметки о чеченцах, кумыках и ногайцах и образцы поэзии этих народов). СПб., 1895. С. 427.

[71] См.: *Утемиш-хаджи*. Кара таварих. С. 37.

Глава 3

НАСЛЕДНИКИ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

Большая Орда

Большой Ордой принято называть часть Улуса Джучи XV в. на юге Восточной Европы. Фактически это была южная область правого крыла Золотой Орды, оставшаяся под контролем центрального правительства после отпадения вновь образовавшихся ханств. Время начала существования Большой Орды определить затруднительно. Условно можно обозначить его воцарением в степях Восточной Европы хана Кучук-Мухаммеда в 1438 г. Период правления его самого и его потомков и составил историю Большой Орды 1438—1502 гг.

Русское выражение «Большая Орда», по наиболее распространенному в науке мнению, является калькой с тюркского словосочетания *Улуг Орду*, которое служило одним из татарских названий Золотой Орды. Другими тюркскими названиями, принятыми как в самой Орде, так и в окрестных тюркских владениях, были словосочетания, включавшие термин *тахт* (трон, престол) и неоднократно встречающиеся в хрониках и дипломатической переписке: *Тахт эли*, *Тахт мемлекети*, *Тахт вилайети*. Все они переводятся как «Тронное владение», «Престольная область», «Столичная область».

Пределы Большой Орды приблизительно очерчиваются пространством между Волгой и Днепром и от Северного Кавказа до границ Русского государства и Казанского ханства с рубежом в районе рек Сура, Мокша, Цна, верховьев Дона; восточнее Днепра татары кочевали по рекам Самара, Овечья Вода, Кобылья Вода; на Северном Кавказе граница проходила «под черкасами» — в районе Пятигорья, по р. Куме; Большой Орде принадлежали земли по рекам Дону (район Азова), Хопру и Медведице; восточная граница, скорее всего, располагалась восточнее Волги — может быть, по волжской протоке Бузан, но не исключено, что до продвижения ногаев к Волге Большая Орда контролировала на востоке более обширные территории. Не случайно в польско-литовских текстах это ханство имело стойкое обозначение «Заволжская Орда».

Левый волжский берег татары Большой Орды были вынуждены оставить приблизительно в середине XV в. из-за конфликтов с усилившимися племенами Мангытского юрта — будущими ногаями.

Основная масса ордынцев пасла стада и сеяла хлеб на степных просторах Предкавказья, Приазовья и Северного Причерноморья. Венецианский посол Амброджо Контарини определенно пишет, что главный хан «правит в настоящее время (1476 г. — *В. Т.*) татарами, которые живут в степях Черкесии и около Таны. Летом… они уходят к пределам России в поисках прохлады и травы»[1]. Для последних двух

[1] Барбаро и Контарини о России: К истории итало-русских связей в XV в. Л., 1971. С. 220.

десятилетий XV в. в разных источниках отмечены передвижения Орды «межи Дону и Крыма», «межи Дону и Днепра», «на сей (здесь — восточной. — *В. Т.*) стороне Днепра», «на Орел и на Самару и на Овечью Воду», «к Орелю а к Самаре»[2]. В начале 1481 г. ногаи и сибирцы разгромили «Ахматову Орду» «меж Доном и Волгою, на Донцу на Малом близ Азова»[3].

Политическая ситуация к концу XV в. складывалась таким образом, что стремительно слабеющая Большая Орда старалась держаться подальше от наиболее опасных противников — ногаев, черкесов и крымцев. Поэтому в польских документах начала следующего столетия появляются синонимы «заволжских татар» — Tatarzy Zadońsky и Transtanaitani. Местность между Доном и Волгой (включая предкавказские степи) до поры до времени играла роль относительно безопасного убежища. Но в 1497 г. хан Шейх-Ахмед объявил о намерении «через Дон всею Ордою своею переити», чтобы быть ближе к союзным литовцам[4]. Следовательно, «вся Орда» базировалась тогда на восточной стороне Дона, воспринимая его как пограничный рубеж.

Однако на территории между Доном и Днепром Орда оказывалась в опасной близости от еще одного своего злейшего врага — Крыма (в 1500 г. османский наместник Кафы отказал большеордынцам в разрешении переселиться за Днепр, так как там — «земли и воды волного человека царя Менли-Гирея»[5]). Окруженное со всех сторон непримиримыми противниками и малонадежными союзниками, «Тронное владение» в конце концов превратилось в группу улусов, кочующих по довольно небольшому пространству на берегах Дона.

Пытаясь определить численность населения Большой Орды, историки сталкиваются с обычными трудностями, возникающими при изучении демографии средневековых кочевников. В источниках или приводятся несообразно завышенные цифры, или указывается только количество воинов-ополченцев. В 1438 г. венецианский посланник Иосафат Барбаро наблюдал со стен Таны (Азака~Азова) захватывающую и устрашающую картину переселения с востока подданных Кучук-Мухаммеда. Татары со своими семьями, их караваны вьючных верблюдов, отары и табуны сходились в низовья Дона в течение шести дней и в итоге заняли равнину шириной в 120 миль. Пересчитать кочевников степняков было невозможно, но «я уверен и твердо держусь этого, — пишет Барбаро, — что их было триста тысяч душ во всей орде, когда они собраны воедино»[6].

Если принять на веру сведения восточных источников о 100—150-тысячной рати хана Большой Орды[7], то получится, что в Большой Орде в начале 1470-х годов, т. е. в период ее могущества, проживало около 400—600 тыс. человек.

Даже на закате истории Большой Орды в хрониках и дипломатической переписке встречаются упоминания о значительном количестве татар, несмотря на голод и обнищание. Согласно польскому хронисту Мацею Меховскому, в начале зимы 1500 г. войско хана Шейх-Ахмеда насчитывало

---

[2] Сб. РИО. СПб., 1884. Т. 41. С. 67, 88, 113, 140, 301; Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 4 (1479—1491). Vilnius, 2004. S. 90.

[3] Летописец, содержащий в себе российскую историю от 6360 до 7106 года. М., 1819. С. 188; ПСРЛ. М., 1982. Т. 37. С. 95.

[4] Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 6 (1494—1506). Vilnius, 2007. S. 84.

[5] Сб. РИО. Т. 41. С. 321.

[6] Барбаро и Контарини о России. С. 146.

[7] См.: Шейбаниада: История монголо-тюрков на джагатайском диалекте. Казань, 1849. С. LVI. (Библиотека восточных историков, издаваемая И. Н. Березиным; Т. I); Материалы по истории казахских ханств XV—XVII веков: (Извлечения из персидских и тюркских сочинений). Алма-Ата, 1969. С. 20, 65, 101, 363.

60 тыс. человек, а женщин и детей было в Орде 100 тыс.[8] Через год Шейх-Ахмед привел своих подданных в Северскую землю, на литовско-московское пограничье, «и стал под Новгородом Северским и под другими городами, землю же всю, почти до самого Брянска, заполнил своим бесчисленным воинством»[9]. Другой польский хронист Мацей Стрыйковский дополняет, что в то время Шейх-Ахмед, планируя напасть на московские владения, призвал на помощь литовцев, которым сообщил о 100 тыс. конников под его началом[10].

Но то был уже период коллапса и агонии Орды. Подданные уходили от своих неудачливых правителей в соседние юрты. Брат и соправитель Шейх-Ахмеда Саид-Махмуд увел своих людей к Хаджи-Тархану. В итоге, накануне гибельного нападения крымцев, осталось «со царем с Ши-Ахметом и с салтаны и со князми всее конных и пеших тысячь с двадцать»[11].

* * *

Административная структура Большой Орды в целом была унаследована от управленческой системы единого Джучиева Улуса и во многом повторяла ее. Но исторические обстоятельства XV в. привели к упрощению, свертыванию некогда разветвленного государственного механизма. Внутренней жизнью Тахт эли ведала администрация ханской ставки, типичная для любой номадной структуры.

Во главе Большой Орды стоял монарх, носивший титул хана. На рубеже столетий в Орде упоминается заранее объявленный наследник престола — *калга*. Следом за калгой в иерархии власти стоял верховный военачальник *беклербек* (*улуг бек*). Эта должность в Большой Орде была монополизирована беками тюркского племени мангытов из семьи золотоордынского беклербека Едигея. Хан, калга и беклербек составляли триаду верховных правителей Орды.

Состав большеордынской правящей элиты чаще всего обозначается в источниках выражением «уланы князи», т. е. огланы и беки. Огланы в то время — это представители дома Джучи, не принадлежащие к семье правящего хана (мужчины-члены этой семьи титуловались султанами). На собрании огланов и беков решались важнейшие государственные вопросы. В дипломатической переписке имеются сведения о том, что то или иное решение хан принял после совета («рады») со своими знатными подданными[12].

Информация о чиновниках в Большой Орде мизерна. Ханом Шейх-Ахмедом был отправлен послом в Крым «Молзозода болшой молна базарской Ахматовых детей», который собственноручно писал грамоты от лица хана[13]. Этот «молна» (*маулана*) был, очевидно, еще и начальником-смотрителем ханской ставки (*ордобазара*).

В списке литовских пожалований приближенным Шейх-Ахмеда предусмотрены выплаты «Объдуле, маръшалку ц(а)ря Шиг Ахматову»[14].

В «Описании татар заволских, которие на поруку розданы», составленном в Ве-

[8] *Меховский М.* Трактат о двух Сарматиях. М.; Л., 1936. С. 65.

[9] Хроника Быховца. М., 1966. С. 115.

[10] Kronika polska, litewska, żmódzka i wszytiéj Rusi Macieja Stryjkowskiego. Warszawa, 1846. S. 313.

[11] Сб. РИО. Т. 41. С. 367.

[12] Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 5 (1427—1506). Vilnius, 1994. S. 125, 138; Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 6. S. 84, 88.

[13] Сб. РИО. Т. 41. С. 354. *Маулана* — ученый богослов.

[14] Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 8 (1499—1514). Vilnius, 1995. S. 430. *Маршалок* в Польско-Литовском государстве — придворный чин, исполнявший церемониймейстерские и судейские обязанности.

ликом княжестве Литовском в 1506 г., значатся «царевы» komorniki (придворные служители) и kołuczki (возможно, от тюрк. *коллукчи~куллукчи* — блюститель порядка, охранник)[15].

Единственный раз упомянут такой обязательный элемент золотоордынского чиновничьего аппарата, как *даруга* (наместник города или области — как правило, с оседлым населением). В 1470 г. хана Ахмеда настраивали против Ивана III во время переговоров с поляками «дорога Рязанскои и прочіи»[16]. Видимо, этот чиновник отвечал за дела, связанные с Великим княжеством Рязанским.

Мусульмане Золотой Орды были объединены как самим фактом принятия ислама, так и через особый институт *сеидов*. Далеко не случайно, что в ряде постзолотоордынских ханств сеиды — главы местного мусульманского духовенства — возводили свои генеалогии к общим предкам, жившим в эпоху Улуса Джучи.

Однако, если посмотреть на события в Золотой Орде во время и после ее распада, то о религиозном единстве говорить не приходится. Ислам никогда не играл заметной роли в политике, оставался на уровне официальных идеологем и не препятствовал междоусобным конфликтам. При этом заметная роль духовных лиц во внутренней жизни и внешней политике татарских юртов несомненна. Выше говорилось о маулане, возглавлявшем ордобазар. В источниках о Большой Орде фиксируются сеиды как главы посольских миссий в соседние государства. В числе «добрых людей»-ордынцев, оказавшихся в разное время в московском плену, как сказано в одном послании хана Шейх-Ахмеда, «и Сеит есть, и попы ордынъскии»[17].

Большая Орда, очевидно, не имела стройного административно-территориального деления, присущего своему предшественнику Улусу Джучи XIII—XIV вв. А вот типично кочевническая система двух крыльев, несомненно, присутствовала в этом ханстве. Более того, в условиях отмирания золотоордынской цивилизации, когда степной социум возвращался на предыдущую стадию развития, к своим «матричным» формам существования, двухкрыльное членение народа и, соответственно, кочевий было естественным для кочевых татар. Шейх-Ахмед писал о своих беках: «и справа и злева вланы князи»[18], т. е. в Орде находились огланы и беки правого и левого крыла. Кроме того, известно, что делилось на два крыла большеордынское ополчение — и, следовательно, население. В 1484 г. хан Муртаза обещал королю Казимиру IV, что постарается не допустить убытка его владениям «от правое руки, або от левое, або которые подле мене стоять, от братьий мои[х], от детей моих...»[19]. «Правая рука» и «левая рука» (тюркские обозначения крыльев — *он кол* и *сол кол*), встречающиеся в разновременных ярлыках и других источниках, являлись непременным атрибутом независимого кочевого владения, каковым, несмотря на всю неразвитость своей государственности, являлась Большая Орда.

Кочевое население Орды объединялось в улусные общины. В этих «низах» татарского общества шла своя жизнь, велась борьба за существование в условиях постоянных экономических неурядиц и вражеских нападений. Изредка средневековые тексты доносят отголоски разногласий между высшей элитой и массой рядового населения (впрочем, возглавляемого племенными беками и ведомого ими).

---

[15] АЗР: В 5 т. М., 2018. Т. 1. С. 58.
[16] ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 18. С. 224.
[17] Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 5. S. 181.
[18] Ibid. S. 180.
[19] Литовская метрика. Отд. 1. Ч. 1: Книга записей. Т. 1. СПб., 1910. Стб. 348—349.

* * *

Уклад жизни большеордынских татар описал в 1476 г. А. Контарини: они «кочуют в поисках свежей травы и воды и никогда не живут оседло. У них не бывает иной пищи, кроме молока и мяса»[20]. Как и в любом кочевом социуме, улусные общины перемещались по степи не хаотично и стихийно, а в соответствии с налаженными маршрутами между сезонными пастбищами. Летние пастбища находились в районе Дона, зимние — в Волго-Донском междуречье. Для этой зоны Дешт-и Кипчака традиционно (еще с домонгольских времен) был характерен меридиональный цикл с летованием на севере и зимованием на юге. Это было связано с состоянием травостоя в разные сезоны, возможностью прокорма скота зимой и т. д.

Состав стада был обычным для евразийских номадов. О нем известно из описания Барбаро прихода подданных Кучук-Мухаммеда к Тане в 1438 г.: «Сначала шли табуны лошадей по шестьдесят, сто, двести и более голов в табуне; потом появились верблюды и волы, а позади них стада мелкого скота». Причем итальянец удостаивает татарских домашних животных лестными эпитетами — «прекрасные крупные быки», «высокие мохнатые двугорбые верблюды», «огромнейшие бараны на высоких ногах, с длинной шерстью и такими хвостами, что некоторые весят до 12 фунтов каждый»[21].

Земледелие (возделывание проса и полбы) в этом кочевом обществе отмечено многими источниками, несмотря на его второстепенную и вспомогательную роль в экономике. Пашни Большой Орды находились на берегах левых днепровских притоков Орела (Орели) и Самары, а также на р. Куме — в степях, примыкавших к области Пятигорье. Неурожаи или срыв пахоты из-за вражеских набегов ставили татар в тяжелое положение, вызывали социальную напряженность и конфликты по поводу путей миграций.

Помимо скотоводства и земледелия, татары занимались изготовлением ремесленных изделий. Важным подспорьем в пропитании служила охота.

Как любое кочевническое образование Большая Орда нуждалась в товарообмене с оседлыми соседями и выставляла на рынок продукцию скотоводческого хозяйства. Главным и самым ценным предметом торговли были татарские кони. Их многотысячные табуны гнали на продажу в Московскую Русь и Персию. Кроме коней, в Польшу и Трансильванию вывозили быков (оттуда они переправлялись в Италию и Германию), в Персию — верблюдов. Для ведения коммерческих операций за границей десятки купцов присоединялись к ханским посольствам.

Значительную статью доходов составляла работорговля. Захваченных в набегах пленников продавали «за море» — туркам, которым рабы были нужны в качестве гребцов для огромного гребного флота. В условиях, когда восточноевропейские государства стремились ограничить ордынское вмешательство в свои дела, раздраженные татары стали нападать на соседей — прежде всего на Русское государство и Великое княжество Литовское. В середине XV в. начались регулярные набеги большеордынцев с захватом полона. Именно в эти годы работорговля становилась одним из главных источников существования Орды.

До конца ханствования Ахмеда Московская Русь сохраняла даннические отношения с Ордой. Неясно, насколько заметным в экономике последней был приток средств в виде дани (выхода). Во всяком случае, его роль сошла на нет, когда Иван III прекратил выплаты.

[20] Барбаро и Контарини о России. С. 223.

[21] Там же. С. 142—143, 149.

Убеждение в полностью кочевой природе государственности и экономики Большой Орды порой приводит историков к полному отрицанию в ней городской жизни. Однако в XV в. продолжали существовать бывшие золотоордынские «мегаполисы» на Нижней Волге — Сарай и Хаджи-Тархан, которые, очевидно, служили пунктами активной коммерции. Во всяком случае вятчане, захватившие Сарай в 1471 г., «много товара взяша и пленъ многъ поимаша»[22], что говорит об оживленной торговле и многочисленном населении города.

То, что известно об истории Большой Орды, не позволяет однозначно видеть ни в одном из городов ее столицу или постоянную ханскую резиденцию. Ханы предпочитали жить в своих кочевых ставках, и только там их застают источники. Вероятно, Сарай и Хаджи-Тархан, исходя из своего географического положения, все-таки принадлежали Большой Орде, но не являлись ее стольными городами. Ликвидация Большой Орды в 1502 г. произошла, когда крымцы захватили кочевую ставку и ордобазар хана Шейх-Ахмеда. Сарай же они не тронули, т. е. символической значимости для государственного суверенитета он в то время уже не имел.

* * *

Кучук-Мухаммед, сын золотоордынского хана Тимура (1410—1412), начал свой путь к власти в восточных степях. После гибели золотоордынского беклербека Едигея (1421) сын последнего Мансур скрылся в «Русском юрте», или «Московском вилайете»[23]. Затем он вернулся на Волгу, где стал беклербеком при хане Гияс ад-Дине. Через два года тот умер, и Мансур возвел на трон Кучук-Мухаммеда. В источниках отмечается молодость нового хана в то время. Когда он подошел к Дону в 1438 г., венецианский консул Таны направил к татарскому принцу Иосафата Барбаро с дарами и изъявлением покорности. Посланец предстал перед Кучук Мухаммедом, восседавшим, опираясь на плечо своего беклербека Науруза — брат а покойного к тому времени Мансура. Барбаро записал: «Царевичу было года 22, Новрузу — лет 25»[24].

Появление из-за Волги нового хана вызвало противодействие другого претендента на управление остатками Золотой Орды — Улуг-Мухаммеда, также обладавшего ханским титулом. Окончательно противостояние двух Мухаммедов разрешилось в 1438 г. Может быть, это произошло бескровно. Барбаро записал: «Улумахамет… после того, как в пределы его владений пришел Кезимахумет, — видя, что не сможет ему сопротивляться, покинул орду и бежал вместе со своими сыновьями и другими своими людьми»[25]. В конце концов, Улуг Мухаммеду удалось закрепиться в Казани.

О внутренней истории Большой Орды при Кучук-Мухаммеде нет никаких сведений, за исключением летописного сообщения под 1440 г.: «Тоя же осени царь Махметъ Болшіа Орды убилъ болшаго своего князя Ордыньскаго Мансупа и много татар тогда избіено бысть в Ордѣ»[26]. Речь ведется явно о каком-то мятеже, возглавлявшемся беклербеком. Мансуп — это, конечно, Ман-

[22] ПСРЛ. СПб., 1901. Т. 12. С. 141.

[23] *Кырыми А.* Умдет ал-ахбар: В 2 кн. Казань, 2018. Кн. 2. С. 78, 79; *Утемиш-хаджи.* Кара таварих / Под ред. И. М. Миргалиева. Казань, 2017. С. 72.

[24] Барбаро и Контарини о России. С. 142.

[25] Там же. С. 150.

[26] ПСРЛ. Т. 12. С. 30.

сур. Но поскольку достоверно известно, что он был убит в сражении за 13–14 лет до этого, то можно полагать, что до летописца дошли вести о казни брата Мансура, «большего князя» Науруза, вступившего в какой-то конфликт с Кучук-Мухаммедом. Возможно, со временем всевластие Науруза стало тяготить хана, и он решил избавиться от мангытского вельможи, а заодно и от «множества татар» — его сторонников.

В целом в 1430—1440-х годах в Дешт-и Кипчаке наступила некоторая стабильность. На востоке бывшего Улуса Джучи, за Яиком, ханствовал могущественный хан Абул-Хайр. Нижнее Поволжье и степное Предкавказье находилось под властью Кучук-Мухаммеда. За Доном кочевала Орда хана Саид-Ахмеда, распавшаяся в 1450-х годах. Крупных конфликтов между ними не заметно, если не считать притязаний обоих ханов на Крым и степи по Северскому Донцу. В 1441 г. Василий II в договоре с Дмитрием Шемякой напоминал, как «есми посылал киличѣев своих ко ц(а)ремъ х Кичим-Агнетю и к Сиди-Ахметю»[27], т. е. московитяне признавали зыбкое равновесие сил в степях и законность двух соседних ханов.

Кучук-Мухаммед умер в 1459 г., оставив сыновьям, Махмуду и Ахмеду (Ахмату), свое ханство если не процветающим, то довольно устойчивым и способным соперничать с соседними владениями за первенство на пространстве бывшей Золотой Орды.

От ханов Махмуда и Ахмеда сохранились недатированные монеты. От имени Махмуда они чеканились в ханской ставке ордобазаре, ставке беклербека бекбазаре, городах Крым ал-Мансуре, Хаджи-Тархане, Укеке и Булгаре, от имени Ахмеда — в бекбазаре и Хаджи-Тархане.

В русских источниках Махмуд известен по единственному поводу. В 1460 г. он попытался приступить к Рязани, но натолкнулся на сопротивление и отступил. В свите Махмуда во время этого похода поименованы беклербек Тимур и брат Тимура Дин-Суфи (Тенсуфуй)[28]. Позже Тимур станет ближайшим соратником большеордынского хана Ахмеда, а Дин-Суфи впоследствии унаследует высокий ранг брата.

Отношения между Ахмедом и Махмудом характеризуются историками как борьба за власть. Фатальным рубежом, после которого Махмуд уже не смог отстаивать свое первенство, было, очевидно, его поражение от крымского хана Хаджи-Гирея. В 1465 г. ордынский правитель вознамерился напасть на русские земли и двинулся к Дону. Там на него неожиданно обрушились крымцы. Войско и ставка Махмуда были полностью разгромлены. Планы похода на Русь пришлось оставить, и силы Большой Орды переключились на отражение нападения: «начаша воеватися промежъ себе»[29]. Хаджи-Гирея удалось отогнать, но после этого участие Махмуда в политике не заметно.

При его брате и бывшем соправителе Ахмеде Большая Орда начала активные контакты с ближними и дальними монархами. После долгого перерыва ханские посланцы появились в Стамбуле. Известны два послания османскому султану Мехмеду Фатиху, направленных Махмудом (1466) и Ахмедом (1477). Приблизительно в 1475—1477 гг. Мехмед в своем письме оповестил Ахмеда о своем завоевании Кафы и походе турок на Молдавию. По форме это был типичный *сююнч* (весть о победе), но в подтексте скрывалось предупреждение Большой Орде не враждовать с ханом Менгли-Гиреем — османским ставленником в Крыму.

Соперничество между Большой Ордой и новообразованным Крымским хан-

[27] ДДГ. М.; Л., 1950. С. 116.
[28] ПСРЛ. СПб., 1851. Т. 5. С. 272; СПб., 1910. Т. 20, ч. 1. С. 271; СПб., 1910. Т. 23. С. 156.
[29] ПСРЛ. Пг., 1921. Т. 24. С. 186.

ством началось, едва первый династ-Гирей (Хаджи-Гирей) утвердился там у власти. Смысл этой борьбы заключался не только в установлении гегемонии на территории бывшей Золотой Орды. Благодатная Таврида с ее полями, пастбищами, богатыми городами и торговыми портами привлекала большеордынцев, прозябавших по воле судьбы в скудных степях Западного Дешт-и Кипчака.

Ахмед действовал в отношении Крыма достаточно осторожно, дожидаясь стечения обстоятельств, когда внутри ханства оформятся силы, на которые Большая Орда могла бы опереться. Такой случай представился летом 1466 г., когда сыновья скончавшегося Хаджи-Гирея вступили в противоборство за престол. Царевич Нурдевлет попросил у Ахмеда ярлык на Крымский юрт. Очевидно, он пытался придать своему правлению легитимность посредством этой чисто ордынской процедуры. Лестная просьба, означавшая признание большеордынского хана верховным государем, была тут же удовлетворена Ахмедом. Ярлык превращал Крым в его подвассальное владение. Фактически произошло кратковременное объединение двух ханств. Однако местная знать вовсе не желала подчиняться правителю Тахт эли. В результате долгих интриг и после вспышки вооруженной борьбы в Крыму Нурдевлет лишился трона. Ханом был провозглашен Менгли-Гирей.

Отношения Большой Орды с Польско-Литовским государством — покровителем Гиреев — складывались поначалу враждебные, но впоследствии между ними наметилось коалиционное партнерство. Противостояние с Русским государством толкало Ахмеда и короля Казимира IV к военному союзу. В 1470 г. из Кракова в Орду приехал посол с предложением совместного удара по Руси. Но от продолжения целенаправленного формирования антимосковской коалиции короля тогда отвлек конфликт с Венгрией, и следующий цикл переговоров с Большой Ордой прошел в 1479—1480 гг.

Отношения Большой Орды с Русским государством поначалу складывались традиционно, исходя из двухвековой даннической зависимости русских земель от Улуса Джучи. В XV в. отошли в прошлое визиты великих князей в Орду, и с 1440-х годов контакты между двумя государствами поддерживались через послов. Московские правители в дипломатической переписке с западными соседями объясняли регулярные взаимные приезды ордынских посольств не фактом выплаты выхода или получения ярлыков, а установлением таких порядков «от отцов и от дед и от прадед» или географической близостью владений[30].

Летописи зафиксировали довольно активный обмен посольствами в 1470-х годах. Наиболее показателен приезд в Москву посланца Ахмеда Бочуки в июле 1476 г. с требованием к Ивану III явиться «ко царю въ Орду»[31]. Не случайно сообщение об этом посольстве помещено сразу за упоминанием войны Ахмеда с Менгли-Гиреем. Очевидно, правы те историки, которые увидели связь между этими событиями, а именно: стремление Ахмеда восстановить прежнюю, золотоордынскую государственность — собрать под своей властью отпавшие владения и заставить русских данников приезжать в Орду с изъявлением покорности и за ярлыками[32].

Однако Русское государство набирало силу и все более тяготилось обязанностью собирать для хана выход. При Иване III его выплата была прекращена. Последние исследования показывают, что к освобождению от исполнения даннических обязан-

[30] Сб. РИО. Т. 41. С. 4, 10.

[31] ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25. С. 309.

[32] *Горский А.А.* Москва и Орда. М., 2000. С. 162; *Назаров В.Д.* Свержение ордынского ига на Руси. М., 1983. С. 34.

ностей Москва шла постепенно. В 1440—1460-х годах выход отправлялся в Орду с большими перерывами, а окончательно перестал выплачиваться в 1472 г.[33] Этим и объясняются наезды Ахмедовых послов к Ивану III: «царь» требовал положенной и завещанной предками дани.

Кульминацией нараставшего конфликта стало стояние на Угре 1480 г. — самый известный и досконально изученный эпизод русско-ордынских отношений XV в. Осень и зиму 1480 г. Ахмед провел в бесплодном и бессильном стоянии на берегу р. Угры, притока Оки, напротив московской армии Ивана III, не решаясь напасть и тщетно поджидая союзное литовско-польское войско. В конце года изможденная и изголодавшаяся ордынская рать была отведена ханом на юг и распущена по домам.

Трактовка исхода «Угорщины» среди татар и поляков существенно отличалась от московской версии. Сын Ахмеда, хан Шейх-Ахмед, в послании 1497 г. великому князю литовскому Александру Казимировичу называл причиной отступления ордынских войск настойчивость ханского окружения, которое отговаривало своего повелителя от боевых действий из-за неприбытия поляков[34]. Мацей Стрыйковский в своей хронике объясняет провал кампании алчностью и интригами беклербека. Заволжский царь стал-де на реке «Uhrae», ожидая вестей от короля Казимира, а тем временем московский князь прислал богатые дары и поминки «гетману царскому князю Тимиру». Тот стал убеждать царя отступить. Хан послушался, и «тогда Тымир гетман его, за подарки князя великого, зарезал»[35].

Во всех других источниках гибель Ахмеда описана совсем иначе. В январе 1481 г. сибирско-ногайское войско разгромило ставку Ахмеда, а самого хана убил ногайский мирза Ямгурчи. В некоторых летописях указывается, что Ахмед погиб от руки тюменского хана Ибака, возглавлявшего этот поход.

* * *

Татары Большой Орды, оставшись без правителя, кочевали по степи под пристальным вниманием враждебных соседей. Менгли-Гирей в послании к Казимиру 1482 г. сообщал о присутствии «неприятелей наших сильных» «на тои стороне» и при этом с удовлетворением отмечал, что «голодны и худы сии люди». По его сведениям, эти «столечные улусы» намереваются переместиться к днепровским притокам Орелу и Самаре, и королю следует на всякий случай приказать выжечь в той местности степь, чтобы не пускать ордынцев к своим границам[36]. Правящая элита Орды пребывала в растерянности. Ни весной 1481 г., ни через год в Москве не знали, кто возглавляет Тахт эли, и отправлявшимся в Бахчисарай послам было велено выведывать, «кто будет на том юрте на Ахматове месте царь», «которой царь будет на Ахматове месте»[37].

Беклербеку Тимуру удалось уйти невредимым от сибирско-ногайского набега. Прихватив с собой сыновей Ахмеда, он направился к хану Менгли-Гирею в Крым. Его не остановила принадлежность того к враждебному лагерю (крымцы приняли сторону Москвы против Орды и Польско-Литовского государства). Ордынские беженцы нашли на Таврическом полуострове приют и достаток. Крымский хан решил-

[33] *Горский А. А.* Москва и Орда. С. 153—162.
[34] Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 5. S. 125.
[35] Kronika polska, litewska, żmódzka i wszytiéj Rusi Macieja Stryjkowskiego. S. 284.
[36] Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 4. S. 90.
[37] Сб. РИО. Т. 41. С. 26—28, 31.

ся принять еще недавно могущественного военачальника и окружил его почетом. Но «Ахматовых детей» — царевичей Муртазу и Саид-Махмуда — вовсе не прельщала участь почетных приживалов в Бахчисарае. Через некоторое время (вероятно, через два-три года) Саид-Махмуд вместе с Тимуром вернулся в Большую Орду. Там Тимур занял свой прежний высокий пост. Муртазу успел захватить в заложники Менгли-Гирей, разгадавший реэмигрантские замыслы «гостей». В отместку беглецам отряд хана направился на север и последний «останок Орды розгонял». Собрав по степи большеордынское ополчение, новый хан Саид-Махмуд с главным беком решили идти выручать Муртазу. Конница Большой Орды двинулась на Менгли-Гирея. Муртаза был освобожден, а сам хан тайком бежал от своей армии и срочно вызвал на подмогу османов. Не дожидаясь подхода воинов султана, ордынцы спешно покинули Крым.

На трон Большой Орды были возведены сразу двое сыновей Ахмеда — Муртаза и Саид-Махмуд. В текстах московского происхождения они впервые упомянуты в грамоте Ивана III, посланной послу в Бахчисарае В. Ноздреватову в июне 1484 г.[38] В августе того же года Муртаза оповестил короля Казимира: «Первеи Охматъ царъ, одинъ царъ былъ, а нине два цари есмо з братомъ моимъ Седихматомъ...» В другом письме он подчеркивал свой легитимный монархический ранг: «...ты, как еси ц(а)ра Ахмата виделъ, мене по тому же видь...»[39] Но и в этом, и в других его посланиях 1484 г. просматриваются конфликтные отношения в Орде. Муртаза неоднократно заявлял, будто не имеет представления, где находятся сейчас его брат и соправитель, а также главный бек Тимур.

В конце концов Муртаза полностью рассорился с братьями. Его место на троне занял Шейх-Ахмед; ханом-соправителем оставался Саид-Махмуд. Муртаза вынужден был демонстративно отделиться от родичей («от нихъ отъехал... в поле») и проситься на жительство в Великое княжество Литовское[40].

После смерти опытного политика Тимура (между 1484 и 1486 гг.), сдерживавшего амбиции царевичей, в ханском семействе разгорелись ссоры, и ханы стали меняться с удивительной быстротой. Порой сложно разобраться в соправительственных комбинациях, ведь до конца истории Большой Орды единого государя в ней уже не было.

На самом рубеже XV и XVI столетий Большая Орда стала погружаться в хаос. Развал ее и без того примитивной государственности наглядно проявился в увеличении количества одновременно царствующих династов. Каждый хан управлял доставшимся ему контингентом улусников и уже не претендовал на абсолютное верховенство (что не исключало жестоких конфликтов).

Главной внешнеполитической проблемой для Большой Орды на последнем этапе ее истории были отношения с Крымским ханством. В последние годы XV в. надвигающийся на нее коллапс стал достаточно очевидным. Крымские отряды стали выходить в степь, как правило, уже не для сражений с ханскими войсками, а для грабежа беззащитных улусов и угона пленных.

Контакты Орды с Польско-Литовским государством (а во время его разделения особенно с Великим княжеством Литовским) складывались гораздо теснее, чем с любым из мусульманских владений. Казимир IV продолжал рассматривать татар Тахт эли как союзников в борьбе против Ивана III. Из Москвы и Бахчисарая настороженно следили за этой дипломатией. Иван III и Менгли-Гирей договаривались ловить в степи польско-литовских и ордын-

[38] Сб. РИО. Т. 41. С. 43.
[39] Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 4. S. 98, 99.
[40] Там же. S. 144.

ских послов, чтобы помешать действию враждебной коалиции. Крымский хан раздраженно пенял Александру Ягеллону, сменившему Казимира, в обмене посольствами с врагами Крыма, на что получал ответы с экскурсами в историю, напоминания о близости татарских кочевий к Литве, о традиционности литовско-ордынских отношений и пр.

На самом деле эти отношения вовсе не были безоблачными. Обстановка в Орде не способствовала тесному общению с ней. Непрерывно ссорящиеся между собой и часто меняющиеся соправители угасавшего государства являлись в глазах литовских политиков все менее ценными союзниками.

Но все же татарская конница еще была способна отвлечь на себя значительную часть московской рати и тем самым помочь Вильне в противостоянии с московским великим князем. Осенью 1500 г. в ставку хана Шейх-Ахмеда явился посол Александра. От лица своего государя он убеждал хана начать военные действия против московитян. В этой войне, говорил посол, у Орды будут могучие союзники — польский, венгерский и чешский короли; Шейх-Ахмеду же предлагалось привлечь к походам на Русь ногаев. Уговоры подкреплялись богатейшими дарами и огромными упоминками — *ординщиной*.

Хан согласился на военные действия и в 1500—1501 гг. дважды нападал на московские «украйны». Помимо всего обещанного на переговорах, он рассчитывал, что союзники отдадут ему в управление Киев. Татарская конница двинулась на Северскую землю, недавно отвоеванную Иваном III у литовцев. Рыльск и Новгород Северский были взяты, но не разорены, так как хан считал их достоянием Александра Казимировича. Сорок дней войско Орды стояло под Каневом, дожидаясь литовской рати, затем отошло к Чернигову. Ожидание затягивалось. У Александра Казимировича не было возможности, да, может быть, и желания принять участие в походе. После смерти польского короля Яна Ольбрахта он был избран на его место и вместо Чернигова отбыл в Краков на коронацию, «оставив свои дела с царем Заволжским»[41].

Шейх-Ахмед и его беклербек Таваккул в конце 1501 или в начале 1502 г. пришли к мысли, что союз с Литвой не дает им никакой выгоды. Московский посол с удовлетворением доносил из Крыма летом 1502 г., что «с литовским... Ши-Ахмат царь в розни»[42]. Правители Орды вознамерились склонить к антикрымскому союзу Ивана III. В конце 1501 г. Шейх-Ахмед и Таваккул прислали своих представителей в Кремль для переговоров «о дружбе и любви», а конкретно — для объявления о своей переориентации с Вильны на Москву ради совместной борьбы с Крымом, при этом обещая «от литовского отстати»[43]. Великий князь не пожелал ради этого сомнительного приобретения рвать устоявшиеся связи с Менгли-Гиреем и сообщил тому об ордынском посольстве. Впрочем, в Орду был отправлен московский посол Д. Лихорев с задачей объявить хану «о любви». Он вернулся на родину уже после падения Орды.

В отличие от польско-литовских монархов московские государи не имели планов по созданию коалиции с Большой Ордой. Наоборот, перемещаясь вдоль южного пограничья, она представляла собой постоянную угрозу для московских владений. Поэтому усилия русской дипломатии были направлены на создание антиордынских альянсов с привлечением Крыма, Казани, ногаев и использованием все увеличивающихся военных сил служилых татар на

[41] Сб. РИО. СПб., 1882. Т. 35. С. 520; Хроника Быховца. С. 115; Kronika polska, litewska, żmódzka i wszytiéj Rusi Macieja Stryjkowskiego. S. 313; Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 4. S. 170, 172, 178.

[42] Сб. РИО. Т. 41. С. 418.

[43] Там же. С. 384.

Руси. Несколько раз войска Ивана III под командованием русских воевод и служилого касимовского царя Нурдевлета выходили в степь, чтобы погромить ордынские улусы и отогнать их от границ.

Над отношениями Русского государства с Большой Ордой всегда висела тень прежних даннических обязанностей Руси эпохи «ига». При общении с Иваном III татары не решались даже упоминать об этом. В начальном протоколе ханских грамот теперь употреблялось выражение «(такого-то хана) слово Ивану», без прежнего повелительного оборота «слово мое», т. е. просто с обозначением разного ранга правителей — хана («царя») и великого князя. Но в переписке с Вильной и Краковом ордынцы давали волю ностальгии, сопровождая упоминания Ивана Васильевича непременным добавлением «холоп наш».

* * *

К началу XVI в. в ходе смут и войн истощились табуны Большой Орды, уменьшились стада, расстроилась аграрная система. В кочевьях начался голод. Обо всем этом было известно в Бахчисарае: агенты Менгли-Гирея обосновались в ставке беклербека Таваккула. Остатки домена Джучиева улуса на глазах превращалась в легкую добычу для крымцев.

Ханский ордобазар хаотично перемещался по степи. Теперь его маршруты ограничивались степями между Волгой и Днепром. Источники застают хановсоправителей то под Астраханью, то в Северо-Восточном Прикаспии, то на донских и днепровских берегах и притоках. В 1500—1501 гг. главным устремлением хана Шейх-Ахмеда было перебраться на правый берег Днепра, пускай даже в литовские или османские владения, лишь бы иметь гарантии пропитания и безопасности. Наглядным показателем надвигающегося краха стало массовое переселение кочевников в соседние страны. Разоренные татары оставляли своих неудачливых ханов и устремлялись под защиту более надежных покровителей.

В мае 1502 г. Менгли-Гирей во главе крымской конницы выступил в поход на Большую Орду. Навстречу армии то и дело попадались переселенцы: «люди многие… идут к нему (Менгли-Гирею. — *В. Т.*) в Перекопь», «улус из Болшие Орды, а идет тот улус в Перекопь»[44]. Наступающим было известно, что Шейх-Ахмед рассорился со своим беклербеком Таваккулом, и под его началом сейчас осталось около 20 тыс. татар. Приблизительно 15 июня 1502 г. при впадении р. Сулы в Днепр состоялось последнее сражение в истории Тахт эли, полностью проигранное Шейх-Ахмедом. Он бежал, его казна и ордобазар достались победителю. В подданство к Менгли-Гирею теперь перешли и улусы большеордынских татар, которые он планировал переселить южнее, ближе к собственно Крыму.

Окрестные правители были тут же оповещены об этом. Гонцы из Бахчисарая доставили в Москву и Краков (и наверняка в другие столицы) сююнч, составленный в сходных выражениях: «Слава Богу, Ших-Ахметя, недруга нашего, розогонив, орду его и все его улусы Бог в наши руки дал»; «Божьею милостью отца своего болшую Орду взял… да и люди»; «Хвала Богу, на непрыятеля своего на Шы Ахмата цара прышод со многим воиском, Шы Ахмата цара прогнал, цара отца столец взял, и вси люди Богъ намъ дал»[45].

[44] Сб. РИО. Т. 41. С. 419.

[45] Там же. С. 420; АЗР. СПб., 1846. Т. 1. С. 344; *Уляницкий В. А.* Материалы для истории взаимных отношений России, Польши, Молдавии, Валахии и Турции. М., 1887. С. 193.

На этом принято заканчивать историю Большой Орды (хотя впоследствии предпринимались тщетные попытки ее возрождения). Ее бывшие владения к западу от Волги были поделены между Крымским и новообразованным Астраханским ханствами; по берегам степных рек селилось все более многолюдное вольное казачество, не желавшее подчиняться каким-либо правителям; восточные области уже давно были заняты ногаями.

Казанское ханство

Казанское ханство — государство-наследник Золотой Орды, существовавшее в 1445—1552 гг. с центром в Казани.

Границы ханства на западе шли по рекам Сула, Ветлуга и Мокша, а на востоке в бассейне рек Сылвы и Ирени. Севернои границей ханства была р. Чепца. На юге и юго-западе территория, подконтрольная Казани, возможно, доходила до современного Саратова (о южных пределах государства сказать что-то более определенное сложно)[46]. В «Казанской истории» содержится эпизод, который может помочь в определении южной границы ханства. Свергнутый в 1521 г. с казанского престола Сахиб-Гиреем Шах-Али бежит «на поле», где встречает «10 000 рыболовов московских, ловящих рыбу на Волге, под горами Девичьими и до Змиева камени и до Увека, за тысячю верст от Казани»[47]. Под средневековыми Девичьими горами подразумевались отроги Жигулей, примыкавшие с востока к устью р. Усы; Увек — золотоордынский город в черте современного Саратова. Ясно, что при всей условности государственных границ в эпоху Средневековья московские рыбаки вряд ли ловили рыбу в пределах другого государства, поэтому, вероятнее всего, что эти земли представляли собой нечто вроде буферной зоны и не принадлежали непосредственно ни Казани, ни Астрахани. Естественным водным рубежом в ханстве была Волга, которая делила земли государства на горную (правую) и луговую (левую) стороны. Казанскос ханство делилось на ряд не равных по статусу административных единиц: его ханскую сердцевину — «Болгарский царев юрт» (т. е., видимо, собственно Казань — ханский домен) и два княжеских юрта — Арское княжество и земли княжества, принадлежавшего до прихода Улуг-Мухаммеда князьям Али-бею и Алтын-бею. Эти земли лежали, скорее всего, к югу от Булгара на левобережье Волги на территории нынешней Ульяновской обл.[48]

Долгое время считалось, что в истории Казани было два периода: время существования Старой и Новой Казани. Старую Казань (Иски Казан) отождествляли обычно с Камаевским городищем, расположенным на высоком мысу левого берега р. Казанки[49]. Однако само существование Старой

---

[46] *Исхаков Д. М.* Тюрко-татарские государства XV—XVI вв. Казань, 2004. С. 30—31.

[47] Казанская история // Памятники литературы Древней Руси. Середина XVI в. М., 1985. С. 344.

[48] *Зайцев И. В.* Княжеские «юрты» Казанского ханства // ЗО. 2015. № 4. С. 188—206.

[49] Впрочем, некоторые считали, что Старая Казань существовала на месте Русско-Урматского селища. Обзор точек зрения и аргументацию см.: *Хузин Ф. Ш.* К вопросу о «Старой» и «Новой» Казани // Заказанье: Проблемы истории и культуры: М-лы конф. Казань, 1995. С. 41; *Он же.* Новое в археологии древней Казани // Средневековая Казань: Возникновение и развитие: М-лы Междунар. науч. конф. Казань, 1—3 июня 1999 г. Казань, 2000. С. 181—185; *Гарайева Л. И.* Археологические исследования памятников XVI—XVII вв. на территории Республики Татарстан в 1992—2005 гг. // Средневековые тюрко-татарские государства. Казань, 2010. Вып. 2. С. 163.

Казани весьма сомнительно: у нас никаких свидетельств о ней, кроме легенд и преданий[50]. Татарские историки связывали ее название с неким ханом Саином-Казаном (т. е. Бату или же Туда-Менгу, который носил прозвище Казган) и даже называли дату основания города — 1288 г.[51]

Кажется, впервые гипотезу о возникновении Казани в XII в. на месте современного города (Казанского кремля) высказал А. Х. Халиков. К домонгольскому времени относят основание Казани А. К. Мухамадиев (на основании материалов раскопок в кремле 1976 г.)[52] и Ф. Ш. Хузин (точнее еще к XI в., на основании материалов раскопок в кремле 1994—1995 гг.)[53]. «Истоки современной Казани связаны с первоначальным булгарским поселением, возникшем на рубеже X—XI столетий»[54], «период с конца X по XIII в. знаменуют собой сложение Казани как города»[55].

Русские летописи упоминают Казань под 1376 и 1382 гг., а потом и в 1390-х годах в связи с набегами ушкуйников и походами русских князей. Эти упоминания были подвергнуты критике многими исследователями, доказавшими, что в одних случаях название Казань подменяло имя Булгар и было для XIV в. неологизмом, в других заменяло схожее, но малоизвестное в послебулгарское время название города Кашан в низовьях Камы. Как установил С. Г. Кляшторный, первые упоминания названия Казани под этим именем в исторических источниках не могут быть отнесены ко времени ранее 1390-х годов — начала XV в.[56] «Точную» дату возникновения города Казани (1177) содержит русский литературный памятник 1560-х годов под названием «Казанская история»[57]. Эта дата является поздней вставкой редактора-переписчика и, таким образом, в качестве реальной даты основания Казани принята быть не может[58].

Из упомянутых в летописях персонажей с возникновением Казани связывают, на основании общих оценок ситуации в годы «великой замятни», князя Хасана, летописного Асана или Осана[59]. Он короткий срок был правителем Булгара, вынужден

---

[50] Обзор данных см.: *Шпилевский С. М.* Древние города и другие булгарско-татарские памятники в Казанской губернии. Казань, 1877. С. 423—430.

[51] *Катанов Н. Ф.* Прошлое и настоящее Казани по одному татарскому рассказу // Деятель. Казань, 1904. № 10. С. 359.

[52] *Мухамадиев А. Г.* Казань город каменный! // Заказанье: Проблемы истории и культуры: М-лы конф. Казань, 1995. С. 33.

[53] *Хузин Ф. Ш.* К вопросу о «Старой» и «Новой» Казани // Заказанье: Проблемы истории и культуры. С. 43. См.: Борынгы Казан / Древняя Казань: Каталог выставки. СПб., 1999.

[54] *Хузин Ф. Ш.* Новое в археологии древней Казани // Средневековая Казань: Возникновение и развитие. С. 19.

[55] *Хузин Ф. Ш., Ситдиков А. Г., Мустафина Д. А.* «...Место встречи и свидания двух миров»: Казань и Казанский край в истории Поволжья в XI—XIX вв. // Казани — 1000 лет: Уникальные архивные документы, исторические реликвии и редкие издания: Иллюстрированный каталог выставки. Казань, 2003. С. 11.

[56] *Кляшторный С. Г.* О времени основания Казани // *Кляшторный С. Г.* Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии. СПб., 2006. С. 557—559.

[57] Казанская история. М., 1985.

[58] *Добродомов И. Г., Кучкин В. А.* Этимология и старые географические объекты // Вопросы географии. Сб. 110: Топонимика на службе географии. М., 1979. С. 449—453. Правда, скажем, Р. Г. Нугманов считает, что изначальная Казань — это город Ошель, упоминаемый в русских летописях, и основан он был между 1164 и 1184 гг., т. е. скорее всего именно в 1177 г. (*Нугманов Р. Г.* Новая версия о времени основания города Казани // Төркиләрнең телләре, рухи мәдәниятләре һәм тарихлары: традицияләр һәм заман / Языки, духовная культура и история тюрков: Традиции и современность: Труды Междунар. конф., 9—13 июня 1992 г.: В 3 т. М., 1997. Т. 3. С. 52—54).

[59] Еще Ш. Марджани предлагал связывать название Казани с именем Казган-хана или Хасан-бека.

был в 1370 г. его уступить ставленнику Мамая Махмуд-султану, а в 1376—1377 гг. оборонял Булгар вместе с Махмудом против рати русских князей. По гипотезе И.Г. Добродомова, этимологическая связь топонима «Казан» с именем Хасан несомненна, эволюция названия проходила в булгарочувашской среде (откуда оно попало в татарский, а затем и русский языки)[60].

В восточных источниках Казань впервые упомянута персидским историком XVI в. Ахмадом б. Мухаммадом Гаффари в его «Списках устроителя мира». В повествовании о «царях Кок-Орды» (в действительности Ак-Орды) Гаффари наряду с Булгаром называет Казань. Труд Гаффари полностью зависит от «Мунтахаб ат-таварих-и Муини» Муин ад-Дина Натанзи (так называемый «Аноним Искандера»). Последнее сочинение, написанное на фарси в Ширазе в 816 / 1413—1414 гг., известно в двух списках. В обоих Казань не фигурирует. Таким образом, Гаффари либо имел в своем распоряжении более полный список сочинения Натанзи, или он дополнил текст, исходя из историко-географических представлений своего времени[61].

В татарских источниках («Хикайат», «Фи бейан-и тарих», «Дафтар-и Чингиз-наме» и зависящих от него сочинениях, в том числе исторических песнях) основание Казани связывается с завоеванием Тимуром Булгара и переселением сыновей некоего хана Абдуллы Алим-бика и Алтын-бика на берега р. Казанки, где они прожили 104 г. и переместились после этого к ее устью[62]. Все эти тексты подчеркивают преемственность Казани от Булгара. Но такая преемственность отражена и в тексте, написанном далеко от Казани: персидском сочинении Нур ад-дина Мухаммада ибн Хусайн ибн Абдалла ибн Пир Хусейн ибн Шамс ад-Дин ал-Казвини «Силсила-нама-йи хваджаган-и Накшбанд». Его рукопись, которая сейчас хранится в Национальной библиотеке Франции, была закончена в 993 г. х. (1585). Переписал ее хаджи Мухаммед б. Мухаммед ал-Исфизари

---

[60] *Добродомов И.Г., Кучкин В.А.* Этимология и старые географические объекты. С. 433—434. Другие этимологии имени Казань (например, от слова «излучина») см.: *Keenan E.L.* Kazan-'The Bend' // Harvard Ukrainian Studies. 1979—1980. Vol. 3/4. Pt. 1. S. 484—496.

[61] *Мустакимов И.А.* Термин «Золотой престол» в Поволжье по данным арабографичных источников (К вопросу о статусе г. Булгара на ордынском и постордынском пространстве) // Гасырлар авазы — Эхо веков. Казань, 2008. № 1. С. 142—157; *Зайцев И.В.* Липка в восточных источниках // Восточная Европа в древности и средневековье. Восприятие, моделирование и описание пространства в античной и средневековой литературе. XVIII. Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто. Москва, 17 —19 апреля 2006 г. М., 2006. С. 73—74.

[62] *Катанов Н.Ф.* Краткая история Казанского царства по одной татарской летописи // Деятель. Казань, 1899. № 4. С. 177; *Усманов М.А.* Татарские исторические источники XVII—XVIII вв. Казань, 1972. С. 120; *Ivanics M., Usmanov M.* Das Buch der Dschingis-Legende (Däftär-i Čingiz-nämä). Szeged, 2002. S. 90, 74; *Амирханов Х.* Таварих-е Булгарийа (Булгарские хроники) / Пер. со ст.-татарск.; вступ. ст. и коммент. А.М. Ахунова. М., 2010. С. 80; *Катанов Н.Ф.* Исторические песни казанских татар // Изв. Общества археологии, истории и этнографии при Имп. Казанском ун-те. Казань, 1899. Т. 15. Вып. 3. С. 276—277; Перевод фрагмента хроники «Хикайат» об истории возникновения Казани // История татар с древнейших времен: В 7 т. Т. 4: Татарские государства XV—XVIII вв. Казань, 2014. С. 900; «Фи бейан-и тарих» // История татар с древнейших времен. Т. 4: Татарские государства XV—XVIII вв. С. 900—901. Отражение этих легенд см.: *Галяутдинов И.Г.* «Тарих-нама-и Булгар» Таджетдина Ялсыгулова. 2-е изд., перераб. и доп. / Отв. ред. Э.Р. Тенишев. Уфа, 1998. С. 164, 189. Х. Амирханов (или его источник?) при этом даже называл дату по христианскому летосчислению основания новой Казани — 1418 г. Новый город основал будто бы Алмухаммед-бек, сын Алимбика (*Амирханов Х.* Таварих-е Булгарийа (Булгарские хроники) / Пер. со ст.-татарск.; вступ. ст. и коммент. А.М. Ахунова. М., 2010. С. 81, 85, LVIII). Татарские источники путаются и в датировке «взятия Булгара» Тимуром (700 и 750 гг. хиджры). Возможно, эта история — плод смешения Аксак Тимура и эмира Булат-Тимура, захватившего Булгар в 1361 г.

с автографа автора 978 г. х. Сочинение представляет собой цепочку духовной преемственности шейхов тариката Накшбанди от самого хаджи Баха ад-Дина Накшбанда до прадеда автора Хусейна Казвини, который скончался в 973 г. х. в Дамаске[63]. В нем сказано: «*Булгар ([пишется] с ба и гайном) город в стране татар, который теперь называется Казань*».

Современные историки склонны считать, что Казанское ханство образовалось на основе Булгарского вилайета (удела) Золотой Орды. Булгар в середине XIII в. обладал довольно высоким статусом в ордынской иерархии и был одной из ханских резиденций общеджучидского масштаба, однако потом стал управляться беками местного происхождения и после ряда разрушительных русских походов конца XIV — первой трети XV в. прекратил свое существование (видимо, в 1431 г.)[64]. Однако совершенно очевидно, что территория Булгарского удела далеко не совпадала с территорией ханства, сильно ей уступая в размерах. Основная территория Булгарского царства находилась к югу от Камы, тогда как казанские татары в XV—XVI вв. в основном населяли земли к северу от нее[65].

Образовалось Казанское ханство на основе независимого княжества (*бейлика*), последним правителем которого был некий «Либей», т. е. Али-бей (князь Али). Относительно родовой принадлежности этого правителя и его отца Абдуллы (Габдуллы) ничего определенного сказать нельзя (в последнем видели сына Узбека; дядю Улуг-Мухаммеда Таш-Тимура; сына Туляка и внука Мирказыя[66]; сына некоего Йадкар-хана[67]; одного из шибанидов; наконец, существует точка зрения о его чингизидском происхождении)[68]. Как показал И. А. Мустакимов, во второй четверти XV в. (т. е. до установления власти Тука-Тимуридов — потомков Улуг-Мухаммеда) Среднее Поволжье, видимо, находилось под реальной (или номинальной) властью Шибанидов[69]. Таким об-

---

[63] *Blochet E.* Catalogue des manuscrits persans de la Bibliotheque nationale. P., 1905. Vol. 1. P. 271.

[64] Д. М. Исхаков предположил, что Булгар был политическим центром Мамаевой орды (*Исхаков Д. М.* Булгарский вилаят накануне образования Казанского ханства: Новый взгляд на известные проблемы // Гасырлар авазы — Эхо веков. Казань, 2009. № 2. С. 123—138).

[65] *Тихомиров М. Н.* Бесермены в русских источниках // *Тихомиров М. Н.* Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 84.

[66] Эта версия встречается в дастане «Туляк и Суслу», исследованном М. И. Ахметзяновым. Причем имя Мирказый встречается только в казанском списке. В других оно звучит как «Моркас бий» или «Моркасык бий» (*Ахметзянов М. И.* Татар кулъязма китабы. Казань, 2000. С. 181). В последнем надо видеть бия Маркаша или Миркаши (شاقرم), который упомянут в «Дефтер-и Чингиз-наме» среди князей, умерщвленных Тимуром в Булгаре (*Шпилевский С. М.* Древние города и другие булгарско-татарские памятники в Казанской губернии. Казань, 1877. С. 33—34; *Усманов М. А.* Татарские исторические источники XVII—XVIII вв. Казань, 1972. С. 112—113; *Ivanics M., Usmanov M.* Das Buch der Dschingis-Legende (Däftär-i Čingiz-nämä). Szeged, 2002. S. 74; *Исхаков Д. М.* Между Булгаром и Казанью: Этнополитические процессы в Булгарском / Казанском вилайете в 60—70-х годах XIV — 40-х годах XV века. Казань, 2013. С. 36—37).

[67] Эта точка зрения изложена в популярнейшем сочинении «Таварих-и Булгарийа» Шарафутдина б. Хисаметдина Муслими, а потом и у Х. Амирханова (*Амирханов Х.* Таварих-е Булгарийа. С. 49, ٣٢).

[68] Обзор см.: *Исхаков Д. М.* Еще раз о казанских князьях рубежа XIV–XV вв. // Источники и исследования по истории татарского народа. Материалы к учебным курсам. В честь юбилея академика АН РТ М.А. Усманова. Казань, 2006. С. 155—156.

[69] *Мустакимов И. А.* Владения Шибана и Шибанидов в XIII—XV вв. по данным некоторых арабографичных источников // Средневековые тюрко-татарские государства. Казань, 2010. Вып. 2. С. 30. О распространении власти Абу-л-Хайра на весь Дешт вплоть до Булгара писали и поздние авторы, такие как Сайид Раким и Мухаммед Юсуф Мунши (*Мухаммед Юсуф Мунши.* Муким-ханская история / Пер. с таджикск., предисл., примеч. и указатели А. А. Семенова. Ташкент, 1956. С. 49). Ср. (*Утемиш-хаджи.* Кара таварих. С. 83). Впоследствии это послужило основанием для попыток последующих Шибанидов восстановить власть (Мамук в 1496 г.) или сюзеренитет (Ибак) над Казанским ханством.

разом, булгарские князья, свергнутые с престола Улуг-Мухаммедовичами, возможно, были шибанидскими ставленниками.

Действительно, как сообщает нам Абд ал-Гаффар Кырыми, «(Улуг Мухаммад-хан) ушел в сторону Казани и обманным путем взял ее у правившего там из рода Шибан Алтунай султана и подчинил своему правлению, и долгие годы его род был там правящим родом (*нэсли хан*). Сын Мухаммад хана Махмуд хан, его сын Хилэк хан, его сын Кучум хан. После Абдуллатиф хан, после Мухаммад Эмин хан»[70].

Как свидетельствует один из дастанов «Сборника летописей» Кадыр Али-бека, с Казанским юртом крепко был связан родственными узами будущий основатель Крымского ханства Хаджи-Гирей. Его отец Гийас ад-Дин правил с какого-то времени волжским левобережьем, а дядя, возможно, и был тем самым казанским «вотчичем Либеем», убийство которого послужило отправной точкой возникновения независимой Казани. Получается, что казанский Али-бек был не просто чингизидом, а братом отца Хаджи-Гирея Гийас ад-Дина, т. е. доводился основателю Крымского ханства родным дядей. Тогда сведения «Дастана о Хаджи-Гирее» предстают перед нами совершенно в ином свете. Мы можем утверждать, что Хаджи-Гирей призывался на Казанский престол после смерти Улуг-Мухаммеда, но до занятия его Махмудом в 1445 г.

По данным Утемиша-хаджи, Гийас ад-Дин был ставленником мангытов — прежде всего, сына Эдику Мансура, а Улуг-Мухаммад — кунгратов и ширинов, соответственно беков Хайдара и Тегене. Противостояние между Гийас ад-Дином и Улуг-Мухаммадом закончилось разделом спорных земель. Гийас ад-Дин «отправился на Идиль, покорил там эли и стал там ханом. Мухаммад хан взял эли другой стороны Идиль и отравился в вилайет Крым»[71]. Очевидно, что, по логике Утемиш-хаджи, Гийас ад-Дин правил левобережьем, а Улуг-Мухаммед — землями на правой стороне Волги. Следовательно, не удивительно, что сына Гийас ад-Дина призывают на ханство жители селений именно левого берега. Абдулгаффар Кырыми понял это место у Утемиш-хаджи сходным образом: «Начали объединять эли, дошли и захватили Волжский престол (İdil tahtını alub). Гийас ад-Дин стал падишахом. Улуг-Мухаммед переселил народ, живший в западной части Волги и пошел в сторону Крыма»[72].

Дастан «Сборника летописей», судя по всему, является памятником, отразившим желание представителей левобережных *илей* призвать на казанский престол не просто чингизида, а одного из его законных правообладателей. Это призвание, скорее всего, не состоялось, и Хаджи-Гирей вошел в историю как основатель независимого Крымского ханства и новой династии Гиреев. Однако еще долго после этого в Казани и соседних юртах помни-

---

[70] *Миргалеев И. М.* Сведения ал-Хадж Абд ал-Гаффара Кырыми о Казанском ханстве // Средневековые тюрко-татарские государства: Сб. статей. Казань, 2012. Вып. 4; *Кырыми А.* Умдет ал-ахбар. Кн. 1: Транскрипция, факсимиле. Казань, 2014. С. 112. Впрочем, Утемиш-хаджи дает более ясное и, видимо, первоначальное чтение: «Хан ушел и хитростью взял у Албай Алтун бая вилайет Казань и стал там ханом. По этой причине до недавнего времени в казанском вилайете ханы были из его рода. Итак, сыном Улуг Мухаммад хана был Махмуд хан, его сыном был Халил хан, его сыном был Ичим хан, Габдуллатиф хан, Мухаммад Амин хан» (*Утемиш-хаджи.* Кара таварих. С. 80).

[71] *Утемиш-хаджи.* Кара таварих. С. 73, 76. Правда, по Утемиш-хаджи, братья Хаджи-Гирей и Джан-Гирей были сыновьями Девлетберди, а не Гийас ад-Дина (*Исхаков Д. М.* Между Булгаром и Казанью: Этнополитические процессы в Булгарском... С. 81).

[72] *Кырыми А.* Умдет ал-ахбар. Кн. 1. С. 107; *Он же.* Умдет ал-ахбар. Кн. 2: Перевод. Казань, 2018. С. 80.

ли о правах Гиреев на казанский престол[73]. Именно этими родственными связями, видимо, объясняются и слова в хронике, названной «Фи бейан-и тарих»: «Говорят, что представители рода Алтун-бика [и] Алим-бика есть и в Крыму. По той причине всегда, когда нужен бывал хан для Казани, хана брали из Крыма»[74]. Благодаря русским летописям (описание распри между московским великим князем Василием II и его дядей Юрием Дмитриевичем, которая решалась в ставке Улуг-Мухаммеда) мы знаем, что связи между Крымом и Волгой в начале 1430-х годов были очень тесными.

Существуют две основные точки зрения относительно времени основания Казанского ханства. Согласно первой из них (А. И. Лызлов, П. И. Рычков, М. Г. Худяков, Н. М. Карамзин, С. М. Соловьев, А. А. Зимин и др.[75]), основателем Казанского ханства принято считать чингизида Улуг-Мухаммеда б. Ичкили Хасана (он происходил из рода сына Джучи Тука-Тимура[76], а основание ханства относить к 1437 или 1438 г. В 1437 или, скорее, в 1438 г.[77] Улуг-Мухаммед был лишен власти своим конкурентом ханом Кичи-Мухаммедом и вынужден был бежать в верховья Оки, обосновался в окрестностях г. Белева, где хотел зимовать, отстроив городок для этого[78]. Разгромив московский отряд, посланный для борьбы с ним великим князем Василием II, 3 июля 1439 г. он появился у стен Москвы, но отошел, простояв под городом 10 дней[79]. В 1444 г. хан был у Нижнего Новгорода, где зимовал. Весной 1445 г. он отправил против Василия II двух своих сыновей — Махмудека и Якуба, которые захватили великого князя в плен в битве 7 июля близ суздальского Евфимиева монастыря. Отпущен Василий в Москву был 1 октября из Курмыша.

В 1445 г. Улуг-Мухаммед, по сообщениям русских источников, вместе с сыном Юсуфом был убит другим своим сыном Махмудом (Махмудеком)[80].

Устранив в 1445 г. упомянутого князя Али («Либея»), который, вероятно, не желал признавать его власть, Махмуд стал новым казанским ханом осенью 6954 г: «Тое же осени царь Мамотяк, Улу Магметев сын, взял город Казань, вотчича казанского князя Либея убил, а сам сел в Казани царствовати»[81]. Русские летописи с этого вре-

---

[73] *Кадыр Али-бек.* Джами ат-таварих. Факсимиле рукописи / Подгот. текста, исслед., коммент., пер. с тюрки Р. Алимова; Под ред. И. М. Миргалеева. Казань, 2022. С. 166; *Зайцев И. В.* Был ли Хаджи-Гирей казанским ханом? Попытки объяснения «Дастана о Хаджи-Гирее» «Сборника летописей» Кадыр Али-бека // ЗО. 2023. Т. 11. № 2. С. 335—348.

[74] *Рахим А.* Новые списки татарских летописей // Проблемы истории Казани: Современный взгляд. Казань, 2004. С. 578; История татар. Т. 4: Татарские государства XV—XVIII вв. С. 901.

[75] Обзор см.: *Аксанов А. В.* К вопросу об образовании Казанского ханства // Средневековые тюрко-татарские государства. Казань, 2011. Вып. 3. С. 5—12.

[76] *Исхаков Д. М.* О родословной хана Улуг-Мухаммеда // Тюркологический сб. 2001: Золотая Орда и ее наследие. М., 2002. С. 63—74.

[77] Летом 1438 г., когда Иосафат Барбаро был в Азове, Улуг-Мухаммед еще кочевал неподалеку (см.: *Флоря Б. Н.* Орда и государства Восточной Европы в середине XV в. (1430—1460) // Славяне и их соседи. Вып. 10: Славяне и кочевой мир: К 75-летию акад. Г. Г. Литаврина. М., 2001. С. 182).

[78] Выбор этих земель был, видимо, неслучаен: они подлежали прямому ордынскому налогообложению, а впоследствии с них брался ясак в пользу крымских ханов (*Беспалов Р. А.* Документы о сношениях Крыма с Москвой по поводу одоевского ясака // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма / Ред.-сост. М. М. Чореф. Севастополь; Тюмень, 2014. Вып. 6. С. 215—234).

[79] ПСРЛ. Т. 25. С. 260.

[80] Впрочем, в некоторых татарских источниках Махмуд и Мамтяк — разные ханы (ср.: *Катанов Н. Ф.* Краткая история Казанского царства по одной татарской летописи // Деятель. Казань, 1899. № 4. С. 178; *Фукс К.* История города Казани. Из русских и татарских летописей. Казань, 1899. С. 21, 22).

[81] ПСРЛ. СПб., 1859. Т. 8. С. 114.

мени называют Махмуда («Махмудека», «Мамотяка») «царем казанским».

Двое других братьев Махмуда и Юсуфа — Касим и Якуб бежали от него в «Черкасскую землю» и, видимо, оттуда осенью 1446 г. прибыли в Московское княжество[82]. Житие митрополита Ионы о дальнейшей службе татар великому князю сообщает: «Благочестиваго же самодеръжца великого князя Василья от того времени преблагии Бог сугубо прослави: не токмо же свое земнии тщахуся служити ему, но и ордынъских цареи дети со многыми татары, иже преже много воеваху на нь»[83].

Таким образом, согласно второй точке зрения (В. В. Вельяминов-Зернов, Б. Л. Хамидуллин, Д. А. Котляров, А. Г. Бахтин)[84], первым казанским ханом был Махмуд б. Улуг-Мухаммед.

Почти через 100 лет после сокрушительного поражения князя Василия II от сыновей Улуг-Мухаммеда Махмутека и Якуба (7 июля 1445 г.) весной 1538 г. крымский хан Сахиб-Гирей однозначно связывал судьбу Казани с именем Улуг-Мухаммеда: «Да еще еси к нам писал про Казань, рекши, на Казань царя посадил. Ино Магмед-Аминь царь з братом своим з большим с Алехам-царем о юрте спирались, и того для Магмед-Амин царь к Москве пришел, и отец твой помочь ему свою дал, и он, шед, на Казани сел. То правда есть и межи государем коли таково дело не бывает, ино тем ли он его на царство посадил, что помочь свою ему дал. С великим царем с Магмедом с упокойником, з дедом нашим из Суздаля прадед твой Василей бился с ним да и в руки ему попал жив. И в тем времяна мочно было нашему деду твоего прадеда убить, а Московское государство с сею землею взяти, ино такова ему сила была и мочь. А он его простил, и горсти крови пощадел, и все то презрел и Москву ему опять отдал. И того прошлого добра не поминаешь...»[85]

Казанский историк С. Х. Алишев считает, что в 1445 г. никакого нового государства в Казани не возникло: произошла лишь смена династии с булгарской на золотоордынскую, и Казанское ханство стало преемником Камско-Волжской Булгарии, автономной еще в XIV в. от Золотой Орды[86].

Потомки Улуг-Мухаммеда были ханами в Казани до 1518 г. (с небольшим перерывом в 1496 гг., когда престолом завладел шибанид Мамук).

Правление Махмутека известно нам в основном по русским источникам. В ноябре 1448 г. Махмутек посылал «всех князей своих со многою силою воевати отчину великого князя, Володимер и Муром и прочаа грады; слышав же то князь велики посла противу их князя»[87].

После этого Казанское ханство сохраняло мирные отношения с Московским

---

[82] ПСРЛ. Т. 8. С. 120; *Вельяминов-Зернов В. В.* Исследование о касимовских царях и царевичах. СПб., 1863. Ч. 1. С. 16—17.

[83] *Усачев А. С.* Житие митрополита Ионы третьей редакции // Вестник церковной истории. 2007. № 2. С. 36.

[84] *Вельяминов-Зернов В. В.* Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. 1; *Хамидуллин Б. Л.* Народы Казанского ханства: Этносоциологическое исследование. Казань, 2002; *Котляров Д. А.* Московская Русь и народы Поволжья в XV—XVI вв.: У истоков национальной политики России. Ижевск, 2005; *Бахтин А. Г.* Образование Казанского и Касимовского ханств. Йошкар-Ола, 2008.

[85] *Флоря Б. Н.* Две грамоты хана Сахиб-Гирея // Славяне и их соседи. Вып. 10: Славяне и кочевой мир. М., 2001. С. 239.

[86] *Алишев С. Х.* Образование Казанского феодального государства и его население // Төркиләрнең телләре, рухи мәдәниятләре һәм тарихлары: традицияләр һәм заман / Языки, духовная культура и история тюрков: Традиции и современность: Труды Междунар. конф. Казань, 9—13 июня 1992 г.: В 3 т. М., 1997. Т. 3. С. 32—33.

[87] ПСРЛ. Т. 8. С. 121.

княжеством вплоть до 1461 г. Развивалась взаимная торговля (так, у нас есть данные о митрополичьей торговле в Казани: сохранились формулярные изводы тарханно-проезжих (посыльных) грамот митрополита киевского и «всея Роуси» (1448—1461) Ионы хану Махмуду и казанскому князю Шаптяку Сараевичу («Сароевичу») о торговле митрополичьей рухлядью, т. е. мехами)[88].

В 1456 г. великий князь Василий II ходил на Новгород вместе с «Момотяком», причем в тексте летописного известия он назван «царевичем», а не царем, т. е. султаном, а не ханом[89].

В 1461 г. Василий «заратил... со царем казанским». Причина этого конфликта неизвестна. В 1461 г. великий князь выступил в поход и дошел до Владимира, но «приидоша к нему послы из Казани и взяша мир»[90].

После смерти Махмуда[91] казанским ханом становится его сын Халиль. Халиль умер в 1467 г., после чего на престол взошел его брат Ибрахим б. Махмуд. Женой обоих ханов была знаменитая Нур-Султан — дочь мангытского бека Темира б. Мансура б. Едиге. В 1466 г. она вышла замуж за Халиля б. Махмуда, а после смерти последнего в 1467 г. согласно *левирату* стала женой его младшего брата и преемника Ибрахима (ум. в 1479 г.). От Ибрахима б. Махмуда она имела двух сыновей, впоследствии также казанских ханов Абд ал-Латыфа (правил в 1497—1502 гг., ум. в 1517 г.) и Мухаммед-Эмина (правил в 1484—1485, 1487—1496, 1502—1518 гг.; ум. в 1518 г.), и дочь Гаухаршад (ум. не ранее 1546 г.)[92].

---

[88] РФА: В 5 вып. / Подгот. текста А.И. Плигузова, Г.В. Семенченко, Л.Ф. Кузьминой; Под ред. В.И. Буганова. М., 1986. Вып. 1. С. 154—155. Списки были составлены около 1535 г. Послания, возможно, изначально были написаны по-тюркски. Об этом говорит специфическая лексика текстов, идентичная оборотам переводов крымских текстов, которые делались в Москве («прошу великое твое господство...», «вышняго Бога силою», «волной царь»). См.: АСЭИ: В 3 т. М., 1964. Т. 3. С. 26—27. Митрополит Иона пишет Махмудеку: «А о том молю Бога, чтобы и наперед так слышелося о твоем великом господстве, как ныне слышится по всем землям, что же пакости никому нет от твоего великого господства и от всех от твоих твоим великым господарьством и жалованьем». В письме князю Шаптяку Казань названа «державой»: «в державу волнаго царя Мамотяка». Возможно, корни связей Ионы с Казанью стоит искать в его происхождении. В Житии митрополита сказано, что Иона «родом бе от мест града Галича, близ предел Казанские земли» (*Усачев А.С.* Житие митрополита Ионы третьей редакции // Вестник церковной истории. 2007. № 2. С. 22).

[89] ПСРЛ. СПб., 1889. Т. 16. Стб. 194; *Зимин А.А.* Витязь на распутье: Феодальная война в России XV в. М., 1991. С. 174.

[90] ПСРЛ. Т. 8. С. 149; ПСРЛ. М.; Л., 1959. Т. 26. С. 220; *Зимин А.А.* Витязь на распутье. С. 183.

[91] Смерть Махмудека и вступление на престол Халиля татарские историки (Ш. Марджани, Х. Фаизханов, Р. Фахретдинов) датируют 868 г. х. (1463—1464) (*Фәезханов Х.* Кыскача татар тарихы. Казан, 2011. С. 36, 62; *Фәхретдин Р.* Казан ханнары. Казан, 1995. С. 54). Впрочем, источниками эта датировка не подкреплена, и в другом своем сочинении по истории Казани Х. Фаизханов писал, что и Махмуд и Халиль умерли в 1467 г. или чуть раньше (*Фаизханов Х.* История Казани (Казан тарихы) / Пер. А.М. Ахунова // *Мухетдинов Д.В.* Хусаин Фаизхан — классик татарского просвещения, истории и педагогики: К 190-летию со дня рождения Хусаина Фаизханова (1823—1866) и X Фаизхановским чтениям. М.; Н. Новгород, 2014). Летописное известие о несостоявшемся московском походе на Казань 1461 г. стало причиной того, что эту дату можно часто встретить как указание на кончину Махмутека (*Kurat A.N.* Kazan Hanlığı (1437—1556) // Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Dergisi. Cilt XII, Sayı 3—4, Eylül-Aralık 1954. Ankara, 1954. S. 227). Скорее всего, так и было. Махмуд был похоронен, возможно, в одном из мавзолеев Казанского кремля, остатки которого (т. н. мавзолей № 1) были изучены А.А. Халиковым в ходе археологических раскопок 1977 г. (*Хузин Ф., Газимзянов И.* Историческая атрибуция захоронений из мавзолеев Казанского Кремля // Мавзолеи Казанского Кремля: (Опыт историко-антропологического анализа). Казань, 1997. С. 15. (Панорама-Форум. 1997. № 3. Спец. вып.); *Халиков А.* Остатки ханских мавзолеев в Казанском кремле (по материалам раскопок 1977 года) // Там же. С. 22—49).

[92] В августе—сентябре 1486 г. Нур-Султан стала старшей женой крымского хана Менгли-Гирея.

Смена хана на казанском престоле и вопрос о законности престолонаследия, очевидно, послужили причиной нового конфликта между Москвой и Казанью, который получил в историографии название «первой казанской войны» (источником этого названия стала статья Московского летописного свода конца XV в. «О первой Казани»). По версии летописца, после смерти Халиля казанцы пригласили на царство его дядю Касима, который находился на московской службе: «а позван был царевич от царей казанских, от Овдул-Мамона и от прочих, на царство лестью… Он же надеяся на них, а лести их не ведаа»[93]. В сентябре 1467 г. «ходил царевич Касым к Казани, а с ним великого князя воеводы». Поход закончился неудачей: «срете их цар Казански Обреим со всеми князьями своими и с силою своею и не дасть им перевестися на свою сторону» Волги. Казанцы в ответ напали на Галич. Весной 1468 г. противостояние продолжилось на северных рубежах ханства и по Волге. Ибрахим между тем заручился нейтралитетом Вятской земли. По словам вятчан, их «изневолил царь и право свое дали есмя ему, не помогати ни царю на великого князя, ни князю великому на царя». Весной 1469 г. военные действия возобновились. Был сожжен казанский посад и освобожден полон, однако город взят не был. Московский летописный свод добавляет весьма примечательную деталь. Во время возвращения к Нижнему Новгороду московская рать «срете царицу Касымову Казанского царя мати Обреимова», которую великий князь отпустил в Казань с дипломатической миссией («уже не будет ни коего же лиха межи их, но все добро будет»)[94]. Это означает, что Касим после смерти Махмуда (т. е. после 1461 г.) взял по левирату его жену — не названную летописью по имени мать Ибрахима[95], возможно, это было одно из условий мира, подписанного во Владимире в 1461 г.

Конфликты 1461 и 1467—1469 гг. являются следствием неустоявшегося порядка престолонаследия в Казанском ханстве. Первый кризис, вероятно, был вызван смертью Махмуда и правами Касима на трон (он был разрешен мирно: вероятно, воцарение Халиля было обставлено какими-то условиями со стороны его дяди Касима и великого князя, в частности браком Касима на вдове Махмуда). Смерть Халиля должна была, наконец, предоставить законный трон Касиму, но власть узурпировал Ибрахим.

Была и еще одна важная причина казанских раздоров: противоборствующие чингисиды опирались на разные кланы (как правило, представительницы этих родов становились женами ханов и их сыновей-султанов). У Касима это были кунграты (сын Хайдара — приближенного Улуг-Мухаммеда по имени Кубек)[96], аргыны[97], и, возможно, ширины (Исхак сын Ахмата?)[98]. Как известно, Казанское ханство

---

[93] ПСРЛ. Т. 25. С. 279.

[94] Там же. С. 283.

[95] *Вельяминов-Зернов В. В.* Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. 1. С. 59.

[96] В договорной грамоте 1483 г. между московским великим князем Иваном Васильевичем, а также его сыном Иваном с великим князем рязанским Иваном Васильевичем упомянуто докончание между великим князем Василием II и князьями хана Касима б. Улу-Мухаммеда — Кобяком Айдаровым и Исхаком Ахматовым (*Вельяминов-Зернов В. В.* Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. 1. С. 29—33).

[97] Князь «Каракуч» (Караходжа) из окружения Данияра, упомянутый в связи с его неудачным лечением немецким доктором Антоном (*Вельяминов-Зернов В. В.* Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. 1. С. 88—89), это, скорее всего, родоначальник крымских аргынов Кара Коджа (Сборник документов по истории крымско-татарского землевладения // ИТУАК. Симферополь, 1895. № 23. С. 129).

[98] В «Джами ат-таварих» мы видим, что много позже касимовских ханов поднимают на войлоке аргыны, кыпчаки, джелаиры и мангыты (Сборник документов по истории крымско-татарского землевладения. С. 168).

унаследовало золотоордынское по происхождению клановое устройство. Так, в административном отношении оно делилось на так называемые «даруги» — княжества (бейлики), которые возглавлялись карачибеями, представителями одного из четырех (потом пяти) правящих ханов[99]. Первые казанские ханы (Махмуд и его дети) опирались на кланы мангытов (из них была Нур-Султан), барынов и кыпчаков. Представители клана бахрин/барын с незапамятных времен играли важнейшую роль в этой структуре. «Ширин, барин, аргун [и] кыпчак были давними, со времен предков, элями Тохтамыш-оглана. [И когда] оглан этот самый, подвизаясь в казаках, начал творить такие [вот] дела, сорви-головы, лихие молодцы из этих элей потянулись к нему в нукеры и начали поддерживать [его]»[100].

Основателем казанской ветви барынов был бек по имени Сарай, знаменитый в том числе убийством Эдиге. В нем можно видеть упомянутого под 1408 г. в московском летописном своде конца XV в. в ряду ордынских князей некоего Сарая Урусахова сына[101]. Сыновья Сарая также хорошо известны. По всей вероятности, их было трое. Первый — дарага князь Усейн (т. е. Хусейн) Сараев — упомянут среди приближенных Улуг-Мухаммеда в 1437 г.[102] Видимо, он унаследовал должность отца. Второй — казанский князь Шаптяк Сараевич, имя которого сохранилось в формулярном изводе тарханно-проезжих грамот митрополита Ионы казанскому хану Махмудеку и о торговле митрополичьей рухлядью, т. е. мехами[103]. Возможно, что третьим сыном казанского барына Сарая был Яголтай (в крещении Дмитрий)[104], имя которого стало эпонимом знаменитой Яголдаевой «тьмы». Самое раннее упоминание о нем относится к началу 1440-х годов[105].

Любопытно, что влияние барынов в Казани сохранилось и позже. У нас есть некоторые основания полагать, что в Казанском ханстве во второй половине XV — начале XVI в., именно барыны вместе с кипчаками были доминирующими кланами[106]. В 1494 г. крымский хан Менгли-Гирей пишет Ивану III о судьбе Абд ал-Летифа, находившегося тогда в Московском княжестве, советуя сделать его воспитателем-аталыком барына Мамыша[107]. Безусловно, должность ханского аталыка у барынского князя не могла не сказаться на положении этого клана при казанском дворе. В 1518 г.

---

[99] *Исхаков Д.М.* О происхождении «Арских князей» и их месте в этнополитической структуре Казанского ханства // Заказанье: Проблемы истории и культуры: М-лы конф. Казань, 1995. С. 97; *Он же.* От средневековых татар к татарам Нового времени: (Этнологический взгляд на историю волго-уральских татар XV—XVII вв.). Казань, 1998. С. 14—15.

[100] *Утемиш-хаджи.* Чингиз-наме. Алма-Ата, 1992. С. 115.

[101] ПСРЛ. Т. 25. С. 238; ПСРЛ. Т. 18. С. 155; *Приселков М.Д.* Троицкая летопись: Реконструкция текста. М.; Л., 1950. С. 468; ПСРЛ. СПб., 1897. Т. 11. С. 205.

[102] ПСРЛ. Т. 25. С. 259; ПСРЛ. Т. 18. С. 189.

[103] РФА. Вып. 1. С. 154—155.

[104] *Беспалов Р.А.* Хан Улу-Мухаммед и государства Восточной Европы: От Белёва до Казани (1437—1445) // Золотоордынская цивилизация: Сб. статей. Казань, 2012. Вып. 5. С. 58;

[105] Там же. С. 58, примеч. 39.

[106] *Зайцев И.В. Бахрины/Барыны* в поздней Золотой Орде и Казанском ханстве в XV в. // История народов России в исследованиях и документах. Вып. 9: К юбилею В.В. Трепавлова. М., 2022. С. 226—230.

[107] «…у того у Абдыл-Летифа царевича доброго слуги у него нет, у молода человека добра человека не будет, ино то лихо живет, чтобы ему вон не выйти, таково бы ему место еси дал, Баарын Мамыша приставил бы еси к Абдыл-Летифу, доброму бы обычаю и пошлине бы учил, а слуг бы понаставливал и стращал, молвя, крепко наказав да Мамыша приставил, да Мамышу бы еси те речи говорил: тобе велми добро имя будет» (Сб. РИО. Т. 41. С. 211). Это назначение, скорее всего, состоялось. В 1498 г., уже после того, как Абд ал-Летиф стал ханом в Казани, Менгли-Гирей просил отпустить Мамыша, но поскольку того уже, видимо, не было в живых, просил отправить в Крым его не названного по имени сына (Там же. С. 270).

крымский хан Мехмед-Гирей говорит московскому дипломату В. Шадрину о необходимости отпуска царевича Абд ал-Летифа в Казань: «...а мне брата своего Абды-Летифа царя послать, тольке будет на Козани кутловать Барына или Кибчаку»[108]. Видимо, это «кутлование» барынов и кипчаков в Казани заключалось в необходимости предоставить им какие-то льготы при новом хане: Менгли-Гирей ставит это условием отпуска Абд ал-Летифа на Казань. Как видим, видную роль, которая принадлежала барынам при дворе Тохтамыша, а потом и Улуг-Мухаммеда, они продолжили играть при его преемниках в Крыму и Казани.

Таким образом, казанские и касимовские Чингисиды, боровшиеся за престол, поддерживались разными родоплеменными группами.

Вероятно, следствием войны 1467—1469 гг. стал московский поход на Казань 1471 г. В Коми-Вымской летописи, сохранившей ряд уникальных сведений, есть запись о походе на Казань 6979 (1471) г. , которая, видимо, в целом восходит к Устюжскому своду, однако имеет ряд интересных подробностей. Это указание на то, что Иван III приказал брату Юрию «идти на Казань с устюжаны, галичаны, белозерцы, вычегжаны, пермяки», а также сообщение о том, что князь Юрий «к городу не приступал, ожидаючи белозерцев и чердынцев», однако последние не пришли, потому что «за казанцев задались»[109]. Под следующим 6980 г. в Коми-Вымской летописи помещен рассказ о походе великокняжеского воеводы Федора Пестрого на Великую Пермь. Этот рассказ, скорее всего, восходит к соответствующей статье в Никоновской летописи, однако в нем также есть ряд деталей, которые нельзя свести только к ней: это сообщение о том, что Федор Пестрый ходил в поход «с устюжаны, белозерцы, вологжаны, вычегжаны», а причиной похода было то, что «пермяки за казанцов норовили, гостем казанским почести воздавали, людем торговым великого князя грубили»[110].

Серия войн 1460-х — начала 1470-х годов, очевидно, завершилась подписанием московско-казанского соглашения — роты, которую принес Ибрахим. В этои роте, скорее всего, особо оговаривался статус Вятской земли. Московский летописный свод, описывая казанский поход на Вятку, сообщает под 1478 г.: «...тое же зимы Казанской царь ходил на Вятку и много полону поимал, и секл и грабил *через роту свою*, а грады дашася за его»[111]. В ответ на этот набег великий князь организовал ответный поход на Казань (май 1479 г.), но его результат неизвестен.

После смерти Ибрахима в 1479 г. казанским ханом стал его сын Ильхам (Алегам русских источников)[112]. В марте 1481 г. в Крым посольством поехал Юрий Иванович Шестак. В наказе ему предусматривалась ситуация, когда Менгли-Гирей задал бы ему вопрос: «...князь велики ко мне приказал, чтобы яз к королю шерть сложил;

---

[108] Сб. РИО. СПб., 1895. Т. 95. С. 500.

[109] *Флоря Б. Н.* Коми-Вымская летопись // Новое о прошлом нашей страны: Памяти акад. М. Н. Тихомирова. М., 1967. С. 229. Эти уникальные данные, по справедливому предположению Б. Н. Флори, скорее всего, представляют собой записи из пермской владычной летописи, составленные в Усть-Выми, соединенные с выборкой из какого-то неизвестного нам источника, вероятно, устюжского происхождения, сделанной с целью оправдать права московских великих князей на Русский Север вообще и Пермскую землю в частности (Там же. С. 230—231).

[110] *Флоря Б. Н.* Коми-Вымская летопись. С. 229.

[111] ПСРЛ. Т. 25. С. 323.

[112] Относительно имени этого казанского хана у историков существуют разногласия. В литературе встречается и форма Али. См. подробнее: *Ousmanov M. A.* Y eut-il un Khan de Kazan nommé Ali // Turcica. Revue d'etudes turques. 1998. Vol. 30. P. 279—285.

а князь велики пак на короля идет ли? — И Юрью говорити так: осподарь мой князь велики нынеча делает свое дело с казанским»[113]. Казанское «дело», о котором должен был сообщить в Крыму московский дипломат, подразумевало смещение Ильхама с престола. В 1482 г. в связи с известиями о «шатости» этого хана московские войска совершают поход на Казань. В походе участвовала даже артиллерия, которой руководил итальянец Аристотель Фиораванти. Войска дошли только до Нижнего Новгорода, и столкновения не произошло: казанцы запросили мира. Однако этот мир длился недолго, и в 1485 г. Ильхам был в результате московского похода смещен, а на престол взошел его малолетний сводный брат Мухаммед-Эмин (первое правление 1485 г.). Вероятно, менее чем через год Ильхам вернул себе власть. Малолетний «Темирев внук» Мухаммед-Эмин был отпущен в Москву, причем казанская знать поставила условие его возвращения в случае притеснений со стороны Ильхама. Эти притеснения не заставили себя ждать: Ильхам будто бы решил казанских князей «перетеряти», после чего они вышли из города и направили в Москву депутацию с просьбой вернуть Мухаммед-Эмина[114].

Весной 1486 г. под Казань была направлена рать под командованием князя В. И. Оболенского, В. Д. Тулупьева и князя Т. А. Тростенского, которая опять посадила на престол Мухаммед-Эмина. Разрядная книга объясняет это возвращение хана на престол его желанием выдать московским воеводам младших родственников в заложники: «...по ево Магмед-Амяневе присылке, что он хотел братью свою меньшую великому князю выдать. И князи козанские ему братии выдать не дали, а самого Магмед-Аминя хотели убить, и он ушел великого князя воеводам. И козанцы прислали за ним бить челом, и он с ними помирился, сел опять на царство на Казани»[115].

В начале 1487 г. Ильхам с помощью ногайцев вновь выгнал брата из Казани («а пришол из Нагаи по слову с козанцы», — замечет Разрядная книга)[116]. Ногайская поддержка Ильхама объяснялась его родственными связями: мы не знаем, кто была его мать (ясно, что не Нур-султан), но женой его была дочь ногайского бия Ямгурчи б. Ваккаса по имени Каракуш[117]. Казанские ханы были связаны с ногаями не только родственными отношениями. Ногайская Орда регулярно получала из Казани выплаты. В документах московско-ногайского дипломатического обмена сохранились и упоминания о конкретных суммах выплат. Ногайский мирза Урус б. Исмаил неоднократно упоминал цифру в 40 тыс. алтын, которая шла из Казани его отцу: именно столько «жаловал» Сафа-Гирей в периоды своего второго и третьего правлений (1535—1546; 1546—1549) ногайскому бию Исмаилу[118]. Сам Исмаил писал о других суммах: «Ис Казани нам годовое шло десеть кадей меду да шестьдесят рублев денег»; «а коли в Казани царь был, и яз имал по сту рублев денег да по сту батман меду»; «с Казани годовое наше... двацать сот рублев»; «нам из Казани шло годовое сто батманов меду да деветь шуб»[119].

Природа этих выплат исследователями объясняется по-разному. В. В. Трепавлов пишет, что данных о каком-то особом отношении ногайских властей к Казанскому

[113] Сб. РИО. Т. 41. С. 30.

[114] ПСРЛ. СПб., 1853. Т. 6. С. 237.

[115] Разрядная книга 1475—1605 гг.: В 4 т. М., 1977. Т. 1. Ч. 1. С. 27.

[116] Там же.

[117] *Трепавлов В. В.* История Ногайской Орды. М., 2001. С. 135—136.

[118] Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой (1576 г.) / Подгот., введ. и коммент. В. В. Трепавлова. М., 2003. С. 47, 81.

[119] Там же. С. 81; *Трепавлов В. В.* История Ногайской Орды. 2-е изд., доп. Казань, 2016. С. 213.

юрту нет. Нет и стремления ногаев к выяснению соответствия между своими биями и казанскими ханами. В 1555 г. бий Исмаил в письме главе Посольского приказа И. М. Висковатову перечислил давние выплаты казанцев ногаям, причем заметил: «А у ково то имал, и яз с тем не в отечестве, ни в сыновстве не зывалися есмя»[120]. В. В. Трепавлов видит в этих выплатах выражение благодарности Сафа-Гирея ногаям за возврат казанского престола. «Сафа-Гирею Ногайская Орда действительно служила могучим и надежным тылом в борьбе за власть с русскими ставленниками. Впервые он стал ханом Казани тоже без заметного вмешательства восточных мирз, но его возвращение на престол в 1535 г. произошло с помощью Мамая б. Мусы, а в 1546 г. — с помощью мирзы Юсуфа и, видимо, нурадина Исмаила[121]. В столицу вступила ногайская конница. Вот тогда-то и было принято решение о расплате Сафа-Гирея с союзниками (назначение ежегодных выплат в благодарность за прошлую поддержку и как аванс за будущую; введение поста мангытского бека), может быть, в тот период (1530—1540-е годы) произошло и учреждение Ногайской даруги как ближайшей к ногаям провинции, в которой те имели законное, дарованное ханом право летовать со своими стадами. Правомерно отнести данное соглашение ко второму воцарению (1535), поскольку в следующем году Урак б. Алчагир уже использовал закамскую летовку»[122]. Восточное Закамье, таким образом, с того времени находилось под двойным, казанским и ногайским сюзеренитетом[123]. «Оседлые жители тех мест подчинялись хану, а пространство между деревнями и близлежащими полями, садами, огородами летом находилось в распоряжении нурадиновых улусов»[124]. Зная о родственных связях Ильхама и ногаев, можно предположить, что ногайская поддержка (а значит, и выплаты из Казани в Ногайскую Орду) имела место задолго до 1530-х годов.

В июле 1487 г. в результате успешного московского похода Казань была взята войсками Ивана III, хан Ильхам низложен, а на его место поставлен промосковский кандидат Мухаммед-Эмин. Ильхам вместе с Каракуш и другими своими женами был вывезен на Русь и сослан в Вологду, где скончался[125]. Его мать (Фатима), братья (Мелек-Тагир и Худайкул) и сестры были отправлены в Карголом на Белоозеро. Никоновская летопись так описывает эти события: «И князь великий Иван Василиевич всеа Русии царя Махмет-Аминя из своей руки посадил на царство в Казани, а коромольных князей и уланов смертию казнил и иных коромольников; а царя Алегама с царицею послал князь великий в заточение на Вологду, а матерь его и братию его и сестры послал князь великий в заточение на Белоозеро в Карголом»[126].

Много позже московские дипломаты так объясняли этот эпизод: «А Казань — от прежних времен, коли дед нашь Великий государь Иван на своем государстве был. А на крымском юрте тогды был Ази-Гирей царь, и Абреимовы, царевы, дети Магмед-Аминь, Кудайкул, Мелехдар, и пришед

---

[120] Цит. по: *Трепавлов В. В.* История Ногайской Орды. С. 211.

[121] Иван IV позже писал Урусу: «А отец твой Исмаиль князь Сафа Кирею царю служивал и жалованье имывал» (Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой (1576 г.). С. 161).

[122] *Трепавлов В. В.* История Ногайской Орды. С. 216.

[123] *Исхаков Д. М.* Из этнической истории татар восточных районов Татарской АССР до начала XX века // К вопросу этнической истории татарского народа. Казань, 1985. С. 45, 46.

[124] *Трепавлов В. В.* История Ногайской Орды. С. 215.

[125] *Беляков А. В.* Чингисиды в России XV—XVII веков: Просопографическое исследование. Рязань, 2011. С. 302.

[126] ПСРЛ. СПб., 1901. Т. 12. С. 219.

к деду нашему Великому Государю, о своих обидах на брата своего Алехама, царя, били челом. И дед нашь Великий Государь пожаловал их устроил у себя, а Магмед Аминя, царевича, на Казани из своих рук царем учинил»[127].

Скорее всего, кандидатура Мухаммед-Эмина на казанский престол была согласована Москвой с его матерью и крымским двором, где она в это время жила. В марте 1487 г. из Москвы в Крым к хану Менгли-Гирею с грамотами был отправлен татарин великого князя Ивана Беляк. Он поехал вместе с Карамышем — человеком Менгли-Гирея. Видимо, это Карамыш привез незадолго до этого в Москву крымские грамоты, в числе которых была и грамота новой жены Менгли-Гирея Нур-султан. В августе—сентябре 1486 г. она стала старшей женой крымского хана Менгли-Гирея, потеснив с этого места дочь седжеутского бека Едигера. В ответном письме к ней Иван писал: «Князь велики велел тебе говорити, а что еси писала в своей грамоте о своем сыне о Магмети Амине царе, и мы как наперед сего добра его смотрили, так и ныне аж даст Бог хотим добра его смотрити, как нам Бог поможет»[128].

Возможно, этот же Беляк (Белек), названный уже по имени отца Ардашовым, в августе того же 1487 г. вновь едет в Крым. Он был отпущен 10 августа. Ему следовало передать Менгли-Гирею весть о взятии Казани и поставлении там нового хана. «Князь велики велел тобе сказати: посылал есми на своего недруга на Алягама царя, на казанского своих воевод. Милосердый пак Бог как хотел, так учинил: наши воеводы Казань взяли, а нашего недруга Алягама царя поимав и с его братьею и с его матерью и с его царицами и со князми к нам привели; а Магмет Аминя царя на Казани есмя посадили. И тобе бы то было ведомо»[129]. Царице Нур-султан Беляк должен был сказать совершенно то же, предпослав этому только одно: «Твой сын Магмет-Аминь царь к нам приехал»[130].

23 октября 1487 г. в Крым из Москвы поехал с посольством Дмитрий Васильевич Шеин. Среди прочего в его задачу входил также и разговор с Менгли-Гиреем о казанских делах. «Писал еси ко мне ярлык свой, — следовало говорить Шеину Менгли-Гирею, — о Бабашихове человеце о Тевекеле. Ино тот человек Тевекель приехал к нам с Бахтияр уланом да с Мангушом; а Бахтияр улан и Мангуш приехали к нам от нашего недруга от Алягама от царя; а ведаешь сам, каков нам недруг был Алягам царь. Божьею пак волею, Алягам царь и те его люди нам впали в руки, а тот Тевекель назывался Казанцом, пословым человеком; но коли ты у нас его просишь, а зовешь Бабашиховым человеком, и тебя деля того Тевекеля и с его рухлядью со всем отпустили к тобе и отдали есмя его твоему послу Тевекель улану да Лухбердей дувану»[131]. Таким образом, в своем письме Менгли-Гирей просил вернуть некого Тевекеля, которого считал человеком Бабашиха. Сам же Тевекель назывался казанцем и попал в Москву в числе каравана, сопровождавшего, видимо, послов Алягама. Еще раньше в марте 1484 г., послу в Крым Василию Ивановичу Ноздроватому наказывалось передать Менгли-Гирею, что по его просьбе в Москве был задержан и отдан крымским послам и человеку Бабашиха Тайдаку, бежавший от Бабашиха не названный по имени чело-

[127] Посольская книга по связям Московского государства с Крымом. 1571—1577 гг. / Под ред. И. В. Зайцева. М., 2016. Л. 176 об.

[128] Сб. РИО. Т. 41. С. 59.

[129] Там же. С. 61.

[130] Там же. С. 62.

[131] Там же. С. 64—65.

век[132]. Эта переписка свидетельствует об активной дипломатической деятельности Ильхама накануне казанского взятия 1487 г., и, судя по всему, Ильхам не устраивал не только Москву, но и Крым.

Казанской победе 1487 г. ее московские современники придавали даже большее значение, чем знаменитому стоянию на р. Угре. Москва установила в ханствование Мухаммед-Эмина контроль над Казанью: видимо, сразу же после этого на Руси чеканятся монеты Ивана III (двух типов) с татарской легендой («эта деньга московская»)[133], которые предназначались для экономического подкрепления московского контроля над Казанским ханством. Тогда же Иваном III была предпринята попытка включить в свой титул наименование «князь болгарский» как отражение протектората над Казанью и даже присвоить себе царский или королевский титул[134].

В первый период своего правления до 1495 г. Мухаммед-Эмин проводил дружественную политику по отношению к Москве. После смерти в России Ильхама (ок. 1490 г.) за Мухаммед-Эмина по московской инициативе была выдана его вдова Каракуш (снова по левирату), а также ее двоюродная сестра (дочь Мусы б. Ваккаса) Фатима.

В 1496 г. Казань была на короткое время взята сибирским шибанидом Мамуком б. Махмудеком, но он быстро рассорился с казанской элитой и бежал за Волгу. После его отъезда из города в Москве решили посадить на казанский трон младшего брата Мухаммед-Эмина — Абд ал-Латыфа.

Мухаммед-Эмин получил в кормление Серпухов, Каширу и Хотунь «с волостями и съ всеми пошлинами». От времени пребывания Мухаммед-Эмина в Московском великом княжестве сохранился один любопытный документ, выданный от его имени каширскому Троицкому Белопесоцкому монастырю, — тарханная и несудимая грамота на пустые леса под Старой Каширой и за Окой, датированная 16 ноября 1498 г.[135] Грамоту эту «царь Магмед Амин подписал своею рукою по-руски и по-татарскы»[136]. К сожалению, дошла она до нас в списке 1542 г., иначе мы имели бы возможность увидеть автограф хана на двух языках[137].

Однако Абд ал-Латиф в 1502 г. в результате мирного переворота был низложен с санкции Москвы за то, что «пачал лгать великому князю», и сослан на Белоозеро[138]. На престол вновь вернули Мухаммед-Эмина.

Третье его ханствование характеризуется резким ухудшением отношений с Москвой. 24 июня 1505 г. произошел погром русских купцов на ежегодной казанской ярмарке. Московский посол М. А. Кляпик был арестован. Мухаммед-Эмин направил 40 тыс. казанцев, а также 20 тыс. союзных хану ногаев к Нижнему Новгороду. В результате искусной обороны города пленными литовскими солдатами натиск на город был отражен,

---

[132] Сб. РИО. Т. 41. С. 38.

[133] *Калинин В. А.* Монеты Ивана III с русско-татарскими легендами // Труды Государственного Эрмитажа. Л., 1981. Т. 21. С. 111—116.

[134] *Хорошкевич А. Л.* Итальянская хроника XV в. о Казани // Из истории Татарии. Казань, 1973. Сб. 5. С. 115—116 (Учен. зап. КГПИ; Вып. 116).

[135] Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России / Собр. и изд. А. Федотов-Чеховский. Киев, 1860. Т. 1. С. 98; Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV—XVII вв. / Под ред. С. Б. Веселовского и А. И. Яковлева. М., 1929. Т. 1. С. 181.

[136] АСЭИ. М., 1952. Т. 1. С. 530—531 (№ 618).

[137] 28 февраля 1512 г. этому же монастырю дал жалованную несудимую и на данного пристава грамоту другой казанский царь, Абд ал-Латиф (Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России. Т. 1. С. 99—100), а в 1532 г. Шигали (Акты Русского государства 1505—1526 гг. М., 1975. С. 104—105 (№ 100)).

[138] *Худяков М. Г.* Очерки по истории Казанского ханства: (Воспроизведение текста первого издания 1923 года). М., 1991. С. 58; *Беляков А. В.* Чингисиды в России XV—XVII веков. С. 56, 303.

а в бою погиб ногайский князь — союзник Мухаммед-Эмина[139]. Московский поход на Казань в 1506 г. под командованием брата великого князя Василия III — Дмитрия Ивановича — закончился плачевно: московское войско ждал совершенный разгром под стенами города. В 1507 г. между Москвой и Казанью был заключен «мир по старине», а пленные с обеих сторон вскоре были отпущены.

Между тем в Европе в это время было распространено мнение о подчиненности Казани Московскому великому княжеству. Елена, дочь Ивана III и жена польского короля Александра, именовала своего отца в 1503 г. «самодержцем царства Казанского»[140]. Об этом писал Альберт Кампенский в своей записке о Московии (1523—1525)[141], а также Павел Иовий в своей «Книге о посольстве Василия, великого князя Московского, к папе Клименту VII» (1525) («За Волгой казанские татары свято чтут дружбу с московитами и признают свою зависимость от них»)[142] и Матвей Меховский в «Трактате о двух Сарматиях».

В то же время Казанское ханство продолжало числиться среди постордынских адресатов московского выхода. Иван III умер 27 октября 1505 г., оставив завещание, в котором среди ордынского выхода, наряду с Крымом, Касимовым и Астраханью, числилась и Казань[143]. Духовная Ивана III датируется временем не позднее 16 июня 1504 г. Как показал С. М. Каштанов, проект завещания был составлен в начале ноября 1503 г., а окончательный вариант появился после 28 ноября[144]. В докончании великого князя Василия Ивановича с дмитровским князем Юрием Ивановичем 24 августа 1531 г. в части, касающейся отношений с Ордой, Казань, наряду с Астраханью, Крымом и Касимовым, продолжает упоминаться среди получателей выхода. «Ордынская» статья докончания почти дословно повторяет аналогичное место в докончании Василия с Юрием 1504 г. Вероятно, без изменений внесенное в докончание 1531 г. это место отражало реалии начала века и могло не совсем соответствовать действительности начала 1530-х годов.

Мухаммед-Эмин имел личные дружественные связи с Мухаммедом Шейбани и даже получал от него подарки. По сообщению Бабура, Шейбани послал к казанскому хану Мухаммед-Эмину своего придворного певца и поэта Гулама Шади, предполагаемого автора поэмы «Фетх-наме», посвященной самому Шейбани[145]. Мухаммед-Эмин был не только правителем, но и поэтом. Два его бейта на фарси сохранились в персидском сочинении середины XVI в.: 958—962 (1551—1554) г.х. Фахри Харави под названием «Тезкире-йи роузат ас-салатин» (своего рода анто-

[139] *Худяков М. Г.* Очерки по истории Казанского ханства. С. 61—62.

[140] Сб. РИО. Т. 35. С. 367.

[141] О Московии: Альберт Кампенский Клименту VII, великому понтифику // Россия в первой половине XVI в.: Взгляд из Европы / Сост., вводн. ст., примеч., указ. О. Ф. Кудрявцева. М., 1997. С. 78, 98, 121.

[142] Павла Йовия Новокомского Книга о Московитском посольстве к Иоанну Руфу, архиепископу Консентийскому // Россия в первой половине XVI в.: Взгляд из Европы. С. 236, 266.

[143] ДДГ. С. 362; *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен: В 15 кн. М., 1960. Кн. 3. Т. 5—6. С. 144—146.

[144] *Каштанов С. М.* Социально-политическая история России конца XV — первой половины XVI века. М., 1967. С. 200.

[145] Бабур-наме (Записки Бабура) / Пер. М. Салье. Ташкент, 1958. С. 211—212. Как пишет Г. М. Макаров, Дервиш Шади Хабаши и его сын Гулям Шади оба были посланы к Мухаммед-Эмину: первый из Герата Хусейном Байкарой, а второй Шейбани. Причем Дервиш Шади вскоре был утоплен в результате интриг при дворе (*Макаров Г. М.* Династии Хабаши и Габяши в Заказанье // Заказанье: Проблемы истории и культуры: Материалы конф. Казань, 1995. С. 79—80). Г. М. Макаров связывает знаменитую татарскую династию Габяши с потомками Гуляма Шади Хабаши.

логия стихотворений, принадлежавших перу правителей исламского мира)[146]. Харави характеризует хана так: «падишах, обладавший сердцем дервиша, вместе с тем жизнерадостный и остроумный». Мухаммед-Эмин писал стихи и на тюрки: по словам Хусаина Амирханова, «этот самый Мухаммад-Амин-хан обладал множеством добродетелей, был знающим человеком и поэтом. Он описал по-тюркски стихами разрушительный поход Амира Тимура на Булгар и назвал его "Икаб"»[147].

Мухаммед-Эмин умер от какой-то продолжительной и тяжелой болезни в декабре 1518 г. Как считают казанские археологи, он был похоронен, возможно, в одном из мавзолеев Казанского кремля, остатки которого (так называемый мавзолей № 2) были изучены А. А. Халиковым в ходе археологических раскопок 1977 г.[148]

Потомков Мухаммед-Эмин не оставил, и таким образом династия Улуг-Мухаммеда в Казани прекратилась (еще 19 ноября 1517 г. скончался и его брат Абд ал-Латыф, которого казанцы прочили на место брата и даже приезжали с этой просьбой в Москву). Уже в сентябре 1517 г. крымский хан Мухаммед-Гирей писал в Москву, что казанцы присылали в Крым делегацию для разрешения вопроса престолонаследия в Казани: «И ты б знал, — писали казанцы крымскому хану, — а мы в Асторокань пошлем, да одново царевича возмем, да царем его учиним, а опричь того у нас надежи нет»[149]. Возможно, план казанцев взять царя в Астрахани был своего рода провокацией против Мухаммед-Гирея с тем, чтобы ускорить его решение и прислать крымского царевича. Во всяком случае идея пригласить в Казань астраханца не могла не задеть крымского хана.

Экономика ханства базировалась на пашенном земледелии. Скотоводство играло подсобную роль (разводили лошадей, овец, коз, а также птицу). Кроме этого, население занималось бортничеством, охотой и рыболовством. Развито было также и ремесло. Немалую роль в хозяйственном развитии играла торговля по Волге со странами Востока, в том числе и рабами, которые через Астрахань отправлялись в Крым, а затем в Османскую империю. Так, в конце октября 1521 г. в Москву прибыли грамоты от азовского кадия, в одной из которых он сообщал: «А ис Казани, г[осу]д[а]рь, твоих людей шестьдесят человек в Крым да сто да и казну, г[осу]д[а]рь, провадили из Казани в Крым же. А в Кафе, г[осу]д[а]рь, тех людей и продавали»[150].

Транзитные торговые пути через территорию Московского княжества связывали Казань с Западом. Собственной монетной системы в Казанском ханстве не было (после 1487 г. значительная его территория была включена в сферу хождения русской монеты, а на Руси даже была осуществлена специальная монетная эмиссия с надчеканом на татарском языке).

Главным городом и столицей ханства была Казань. Помимо нее, существовали и другие более мелкие города — возможно, центры бейликов (Арск, Кашан, Чалы, Булгар и др.).

Реконструкция налоговой системы и государственного аппарата во многом основывается на текстах двух дошедших до нашего времени подлинных ярлыков двух

---

[146] Кажется, впервые на эти строки обратил внимание Ахмед-Заки Валиди Тоган (Валидов), опубликовавший отрывок из Харави по парижской рукописи Национальной библиотеки Франции (Suppl. Persan № 320). Бейты неоднократно переиздавались (Татар әдәбияты тарихы. Алты томда. Т. 1: Урта гасырлар дәвере. Казан, 1966. С. 291—292; см. также: *Kurat A. N.* Kazan Hanlığı (1437—1556). S. 242).

[147] *Амирханов Х.* Таварих-е Булгарийа (Булгарские хроники). С. 85, LXI (факсимиле 60).

[148] *Хузин Ф., Газимзянов И.* Историческая атрибуция захоронений из мавзолеев Казанского Кремля // Мавзолеи Казанского Кремля. С. 17—18.

[149] Сб. РИО. Т. 95. С. 388.

[150] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 194 об.

казанских ханов — тарханном ярлыке Ибрахима (между 1467—1479 гг.) и Сахиб-Гирся (1522—1523)[151]. Родовые князья не чингисиды *беи карачи* составляли ближайшее окружение хана. Наиболее влиятельным был клан *Ширинов*. Его представители жили не только в Казанском ханстве, но и в Касимове и Крымском ханстве. Представители кланов *беи Ширин*, *Кыпчак*, *Аргын*, *Барын* и *Мангыт* возглавляли *бейлики*-княжества, на которые делилась территория ханства. Скорее всего, эти бейлики соответствовали так называемым *даругам* (термин монгольского происхождения) — единицам административно-территориального деления (в русских источниках они потом стали называться *дорогами*). Как в политической, так и в культурной жизни государства велика была роль мусульманского духовенства.

Нет данных в источниках относительно существования в ханстве должности *калги* (подобно тому, как это было в Крыму и в Астрахани) — официального наследника правящего хана[152]. В известных случаях власть передавалась либо от отца к сыну (от брата к брату) или же менялась вследствие внешнего вмешательства.

Казань имела дипломатические связи с Крымским, Астраханским ханствами, Ногайской Ордой, сибирскими княжествами, Московским и Польско-Литовским государствами, Османской империей и, возможно, с Ираном и государствами Средней Азии.

Безусловно существование в Казанском ханстве мусульманского духовенства[153], а, следовательно, наличие поземельных владений духовных лиц и учителей (*ходжалык*) также весьма вероятно[154]. Какая-то часть пахотных земель, вероятно, находилась в общинном владении. Существовал в Казани и институт *сойургала* (аналог русского поместья, условного военно-ленного землевладения, права взимать в течение известного времени в свою пользу ренту — налог, ранее поступавший в пользу хана)[155].

Основной формой земельной собственности в ханстве было государственное землевладение. Государственные земли находились в руках мелких крестьянских хозяйств, но считались собственностью хана. Условное военно-ленное землевладение, так называемый *сойургал*, жаловался за военную службу. Основным его видом был небольшой участок земли, включавший одно или несколько селений[156]. Татарский *сойургал* отличается рядом специфических черт: обусловленностью владения воен-

---

[151] *Muhamedyarov Sh., Vasari I.* Two Kazan Tatar Edicts (Ibrahim's Yarliks) // Источники и исследования по истории татарского народа: М-лы к учебным курсам: В честь юбилея академика АН РТ М. А. Усманова. Казань, 2006; *Мухамедьяров Ш. Ф.* Тарханный ярлык казанского хана Сахиб-Гирея 1523 г. // Новое о прошлом нашей страны: Памяти академика М. Н. Тихомирова. М., 1967.

[152] Отсутствие упоминаний о существовании должности калги в Казани, на мой взгляд, вызвано характером там престолонаследия, марионеточным характером власти хана. Первая половина XVI в. представляла собой сплошную череду смены разных ханов — ставленников разных политических партий, сторонников прокрымской или прорусской ориентации. Ханам, утверждаемым из Москвы или даже Москвой прямо навязанным, трудно было бы сохранять должность престолонаследника: реальная кандидатура преемника хана определялась часто вне зависимости от их воли.

[153] Среди суфийских братств в Казани наиболее, вероятно, распространен был тарикат Накшбандийа (*Kurat A. N.* Kazan Hanlığı (1437—1556). S. 242). В персидском сочинении Казвини «Силсила-нама-йи хваджаган-и Накшбанд» упомянут шейх Мухаммед-Амин ал-Булгари, который был, судя по нисбе, уроженцем и жителем города Булгар, который персидский автор конца 1560-х годов отождествляет с Казанью «в царстве татар». Шейх был учеником духовного главы братства Накшбандийа (девятнадцатого в цепочке преемственности шейхов тариката) Насыр-ад-дина Убайдуллаха б. Махмуда Шаши, более известного как Ходжа Ахрар-вали (1404—1489). Было известно в Казани и братство Кубравийа.

[154] *Мухамедьяров Ш. Ф.* Земельные правоотношения в Казанском ханстве. Казань, 1958. С. 23.

[155] Там же. С. 10—19.

[156] Там же. С. 7—25.

ной или иной службой хану, наследственностью, налоговым и административно-судебным иммунитетом. Кроме *сойургала* в ханстве имелись также вотчинные земли, т. е. частные владения, переходившие по наследству, земельная собственность мусульманского духовенства (*ходжалык*) и общинные земли, т. е. угодья, принадлежащие крестьянской общине на правах общей собственности.

В административном отношении Казанское ханство делилось на так называемые «даруги» — самостоятельные княжества (бейлики), которые возглавлялись карачи-беями, представителями одного из четырех (потом пяти) правящих ханов (Ширин, Барын, Аргын, Кыпчак, а потом Мангыт)[157].

Этнический состав. Еще Андрей Курбский недвусмысленно указывал на многонациональный характер Казанского ханства, назвав в его составе, помимо татарского «языка» (т. е. народа), еще пять языков: мордовский, чувашский, черемисский (т. е. марийский), вотяцкий (удмуртский) и башкирский. Численность татар как доминирующего и государствообразующего слоя могла достигать 200 тыс. (при общей численности населения ханства до полумиллиона человек)[158]. Еще более многонациональной была столица государства — Казань, где жили, помимо татар, армяне, выходцы из Средней Азии, русские и представители других народов.

В описании московского похода на Казань 1469 г. русский летописец дал любопытную подробность, рисующую этнический облик города. Московские войска разорили посад, причем «мнози же бесермени и татары», запершись в домах с женами и детьми, сгорели. Как показал некогда академик М. Н. Тихомиров, слово «бесерменин» в русских источниках XIII—XV вв., помимо обозначения мусульманина и иноверца вообще, служит именованием камских булгар[159]. Таким образом, по меньшей мере еще к 1460-м годам различие булгар и татар в Казани ощущалось. Ощущалось оно и значительно раньше, например, при описании похода татар и бесермен на Кострому и Галич в 1429 г.[160] Этот же булгарско-татарский дуализм отмечал в 1520-х годах Сигизмунд Герберштейн: «...если их называют турками, они недовольны и считают это как бы бесчинством. Название же бисермяне их радует». Мнений о происхождении и этническом составе бесермян множество. Но наиболее доказательна все же та, что связывает бесермян с булгарами[161].

Возможно, изначальный болгарско-золотоордынский дуализм отразился и в другом источнике: посольской книге по связям России с Ногайской Ордой за 1576 г. В одной из грамот к ногайскому мирзе Урусу б. Исмаилу от Ивана IV перечислялись юрты, отошедшие к тому времени к Москве: «И царев Темир Кутлуев юрт Астрахань, и Алибаев, и Алтыб[ае]в [юр]т, и Болгарской царев юрт, и Ардабаев с тритцатью тюмени со всем в наших руках стоит»[162].

---

[157] *Исхаков Д. М.* О происхождении «Арских князей» и их месте в этнополитической структуре Казанского ханства. С. 97.

[158] *Исхаков Д. М.* Тюркско-татарские государства. С. 31.

[159] *Тихомиров М. Н.* Бесермены в русских источниках. С. 89.

[160] Подробнее см.: *Исхаков Д. М.* Булгарский вилаят накануне образования Казанского ханства: Новый взгляд на известные проблемы. С. 123—138.

[161] Обзор см.: *Исхаков Д. М.* О происхождении «Арских князей» и их месте в этнополитической структуре Казанского ханства // Заказанье: Проблемы истории и культуры. С. 61. Современный финно-угорский народ бесермяне, представители которого проживают на северо-западе Удмуртии.

[162] Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой (1576 г.). С. 47; *Трепавлов В. В.* Среднее Поволжье в эпонимической традиции позднего средневековья // Источники и исследования по истории татарского народа. Казань, 2006. С. 184—185.

Тюменское ханство и его соседи

История Западной Сибири XV в. напрямую связана с функционированием Тюменского ханства под руководством представителей династии Шибанидов, которые были потомками Шибана, пятого сына Джучи, старшего сына Чингисхана. На протяжении XIII—XIV вв. они были непосредственно связаны с правителями Монгольской империи и Улуса Джучи (Золотой Орды), кочуя от р. Урал и ее притоков на севере до р. Сырдарья на юге. В конце XIV в. Шибаниды поддержали претензии на ордынский престол хана Токтамыша из потомков другого сына Джучи Тука-Тимура. Примерно в это же время они уступили часть среднеазиатских владений могущественному Тамерлану, а степных владений по Уралу — Мангытскому юрту Идегея, ставшему основой для формирования Ногайской Орды[163]. Эти три события определили векторы многих последующих событий.

После поражения литовского князя Витовта и ордынского хана Тохтамыша на р. Ворскле в 1399 г. последний утрачивает значительную часть своего авторитета и власти в Улусе Джучи. Спустя некоторое время он отступает во владения Шибанидов. В 1406 г. «в Сибирскои земли близ Тюмени» Тохтамыш был убит ставленником Идигея ханом Шадибеком[164]. В 1412—1413 гг. бек Идегей и дальний родственник Тохтамыша хан Чекре совершили «поход» в Сибирь[165]. Он был связан с интронизацией очередного династа на ордынский престол и необходимостью получения поддержки от правителей отдельных улусов, среди которых определенную роль играли и наместники Сибири.

В конце жизни Идегей решил опереться в борьбе против потомков Токтамыша на Шибанидов. В 1419 г. в ходе столкновений с ханом Кадыр-Берди на р. Илек, притоке Яика, ногайский бий позвал к себе оглана Хаджи-Мухаммада, сделал его предводителем войска и обещал провозгласить ханом. После гибели Идегея его сын Мансур, выполняя это обещание, возвел Хаджи-Мухаммада на ханский престол, а сам стал при нем беком[166]. В период почти десятилетнего правления под властью хана оказались обширные владения от Башкурта в Приуралье до принадлежавшей ранее мангытам Туры[167]. Под этим названием в источниках упоминается крупнейший город на юге Западной Сибири, который в восточных источниках известен как Тура или Чин(м)ги-Тура, а в русских — как Тюмень. С этого времени владение этом городом становится принципиальным для тех Шибанидов, которые хотели контролировать эти территории.

После убийства Хаджи-Мухаммада в конце 1420-х годов новым претендентом на власть среди Шибанидов становится троюродный брат хана Махмуд-Ходжа. Его отец Каанбай активно участвовал в событиях «великой замятни», был лидером Шибанидов, но утратил влияние после отказа в поддержке Тохтамыша. Политические интересы Махмуд-Ходжи также были чрезвычайно разбросаны в территориальном плане, хотя в их реализации он опирался на

---

[163] *Трепавлов В. В.* История Ногайской Орды. М., 2001. С. 71.

[164] Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец). М.; Л., 1950. С. 70.

[165] *Шильтбергер И.* Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 год. Баку, 1984. С. 34—35.

[166] *Валиханов Ч. Ч.* Извлечения из «Джами ат-таварих»: Сборник летописей // *Валиханов Ч. Ч.* Собр. соч.: В 5 т. Алма-Ата, 1984. Т. 1. С. 231—232.

[167] *Миргалеев И. М.* Сообщение Продолжателя «Чингиз-наме» Утемиша-хаджи о поздних Шибанидах // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: М-лы II Всероссийской науч. конф. Курган, 2014. С. 65.

вилайет Чинги-Тура[168]. Ем удалось победить племена кунгратов и салджиутов, что способствовало централизации власти. Однако земли к северу от Арала, между реками Сарысу и Эмба, непосредственно граничившие с Мангытским юртом, контролировал другой представитель Шибанидов Джумадук[169], который был провозглашен ханом примерно в 1425—1426 гг. В конце 1420-х годов при его дворе, выполняя функции полководца, находился Абу-л-Хайр, приходившийся ему племянником.

Именно с ним связано прекращение раздробленности владений Шибанидов и формирование единого ханства. В историографии не совсем удачно принято называть его «Государство кочевых узбеков», хотя политонимы местного населения, т. е. узбеки или шибаны, как и наименование правящей династии, позволяют более верно именовать его «Узбекское (Шибанское) ханство». Именно с приходом к власти Абу-л-Хайра Шибаниды окончательно освободилось от влияния потомков Тука-Тимура Как и у правителей 1420-х годов, большую роль в ханстве играла Чинги-Тура, что дает основание считать это государство ранним этапом формирования Тюменского ханства.

Начальный этап существования ханства Абу-л-Хайра, который датируется 1429—1446 гг., является наименее изученным. В 1429 г. против Джумадука произошло восстание нескольких племен, в том числе мангытов и буркутов, в ходе которого хан был убит. Весной следующего года Абу-л-Хайр был провозглашен новым правителем на курултае, в котором приняли участие не только представители более 20 племен, но и огланы из числа Чингизидов. Позднее он также получил поддержку сейидов из могущественного исламского тариката Йасавийа.

Уже летом—осенью 1430 г. состоялся поход хана на Чинги-Туру. Управлявшие ею представители буркутов передали управление городом хану и назначенным им даругам, и в нем закрепилось «местопребывания трона государства и средоточия божьей помощи»[170]. При этом буркуты закрепили свое положение в ханстве при помощи брака представительницы этого клана и Абу-л-Хайра. На протяжении всей истории Тюменского ханства брачная политика будет важным инструментом формирования внутренней политики.

В следующем 1431 г. в битве на р. Тобол Абу-л-Хайр разгромил своего родственника и конкурента хана Махмуд-Ходжу. Это дало основание Ш. Марджани написать, что после убийства Махмуд-Ходжи Абу-л-Хайр «стал единовластным правителем Дешт-и Кипчака»[171].

В последующие полтора десятилетия Абу-л-Хайр активно расширял территорию своего государства. После череды отдельных набегов, походов и переговоров с Тимуридами состоялся большой поход 1446 г., в результате которого к владениям хана были присоединены потерянные более 50 лет назад земли по Сырдарье с крупными торговыми и ремесленными центрами. Управление ими было отдано в руки представителей нескольких крупнейших племен из окружения хана, в том числе лидеру мангытов Ваккасу, внуку Идигея. Спустя несколько лет Абу-л-Хайр отвоевал у малолетних ханов Ахмада и Махмуда исконные земли Улуса Джучи в Поволжье. Им был также получен так называемый «трон Саин-хана», т. е. Бату, а также с его име-

[168] *Валиди Тоган А.* История башкир. Уфа, 2010. С. 40.

[169] *Ахмедов Б. А.* Государство кочевых узбеков. М., 1965. С. 39—40.

[170] Материалы по истории Казахских ханств XV—XVIII веков: (Извлечения из персидских и тюркских сочинений). Алма-Ата, 1969. С. 143—144.

[171] *Марджани Ш.* Извлечение вестей о состоянии Казани и Булгара. Казань, 2005. Ч. 1. С. 131.

нем была произнесена хутба — пятничная молитва, и отпечатана монета, что входило в исламские традиций интронизации правителя. Все это сделало Абу-л-Хайра одним из крупнейших правителей середины XV в. Однако поражение от калмыков в 1457 г. и гибель главного полководца и ханского племянника Бахтияра создало основу для сепаратизма иных Чингисидов, в том числе основателей Казахского ханства Джанибека и Гирея. В это же время территория вилайета Чинги-Тура вновь оказывается под управлением сыновей хана Хаджи-Мухаммада. В 1468 г. его внук Ибрахим (Ибак в русских источниках) стал одним из лидеров восстания против наследников Абу-л-Хайра в лице Шайх-Хайдара и его племенника Мухаммада Шейбани, который вместе с братом скрылся в Хаджи-Тархане (Астрахань).

Восстание привело к гибели Шайх-Хайдара. В результате этого новый хан Ибрахим не только укрепил свою власть в Тюмени, но и сохранил контроль над узбекскими племенами в устье Сырдарьи[172]. История его правления показывает, что ханские интересы чаще всего концентрировались не на сибирских просторах, где границы Тюменского ханства долгое время не выходили севернее Тавды, а в степных регионах. Значительная часть его военных походов также свидетельствует, что Абу-л-Хайр заложил важные тенденции во внешнеполитической стратегии Тюменского ханства. В проведении походов Ибак, как и его предшественник, опирался на племенных лидеров, среди которых главную роль продолжали играть мангыты из потомков Идегея и буркуты. Отношения с ними были также скреплены брачными союзами. При этом, если Ваккас был беклярибеком при Абу-л-Хайре, то уже его сыновья Муса и Ямгурчи играли эту же роль после 1473 г. при Ибрахиме.

Первой пробой сформировавшегося тюменско-ногайского союза стало нападение на кочевую ставку хана Большой Орды Ахмада на Северном Донце. Оно состоялось после возвращения из неудачного для хана похода на Московское княжество и последовавшего затем роспуска войска в январе 1481 г.[173] Ахмад не только потерпел поражение, но и был убит. Ханский Орду-Базар, т. е. кочевая ставка была захвачена и уведена под Тюмень.

Последствия этого события сказались во многих сферах. Во-первых, это позволило пополнить силы довольно немногочисленного окружения самого Ибрахима и его брата Мамука, ведь на момент похода на Большую Орду они смогли выставить всего 1 тыс. воинов против 50 тыс., которые привели союзные им мангыты. Во-вторых, при ханском дворе появились опытные дипломаты, например базарский князь Чюмгур из племени кыйат, который в дальнейшем будет возглавлять тюменские посольства в Москву. В-третьих, это давало хану возможность претендовать на наследие Улуса Джучи, ведь он, как и Абу-л-Хайр ранее, становился владельцем «трона Саин-хана», т. е. Бату. Скорее всего, с этим событием могла быть связана и чеканка монет Ибрахима, которая впервые была проведена именно на территории юга Западной Сибири. С новым статусом Ибака связано и то, что после разгрома Ахмада он направил посла к московскому князю Ивану III с извещением о своей победе. Однако ответное посольство из Москвы привезло ему лишь «теш»-подарок[174], а не подтверждение ханских претензий на восстановление дани.

Следующий виток тюменско-московских переговоров был связан с укреплением протектората Москвы над Казанью и последовавшей в 1487 г. ссылкой казанского хана Ильхама (Алегама в русских

[172] Материалы по истории Казахских ханств XV—XVIII веков. С. 26.
[173] ПСРЛ. Т. 37. С. 95.
[174] Там же.

источниках). Определение значения Булгарских (Казанских) земель во владениях Шибанидов в предшествующее время — достаточно дискуссионный вопрос, хотя в источниках имеется информация о претензиях на них со стороны шибанидских ханов Хаджи-Мухаммада и Абу-л-Хайра. Ибрахим в течение своего правления не только обращался к московскому князю относительно судьбы казанского хана, но и поддерживал казанскую знать, несогласную с московской политикой и скрывавшуюся в тюменских владениях. Вмешательство Москвы в дела одного из крупнейших наследников Золотой Орды серьезно затрагивало интересы всех его соседей, в частности, могло разорвать единство торговых путей, необходимых для нормального функционирования большинства постордынских ханств.

О значимости казанского вопроса свидетельствует то, что именно с него начинается постоянная посольская переписка хана Ибрахима и Ивана III в 1489 г. Это было связано с возведением на казанский престол промосковски настроенного Мухаммад-Амина, что фактически давало московскому князю контроль над регионом. Естественно, что это затрагивало не только интересы хана Ибрахима, но и его ногайских родственников, с которыми он также породнился путем заключения брака. Конфликт дополнительно разжигался представителями бежавшей казанской аристократии, которая находилась при дворе Ибака.

Первое письмо от хана пришло в Москву в ноябре 1489 г. вместе с грамотами от ногайских мурз Мусы и Ямгурчи. В одном из изданий оно получило название «...о продолжении дружбы и союза»[175], что может говорить о наличии предшествующей грамоты. В нем говорится: «От Бреима царя великому князю, брату мосму, поклон. Яз — бесерменский государь, ты — христианский государь, от сех мест меж бы нас добродетель бы наша была». Ибрахим был первым из тюменских правителей, кто во внешней политике подчеркивал свое исламское вероисповедание. При этом использование понятия «брат» подчеркивает политически равноправный статус Ибака и Ивана. Далее в письме излагается просьба вернуть казанского хана Алегама. Иван III отвечал на это, что его покарали за нарушение братства с русским царем. При этом Москва упрекала тюменского лидера в укрывательстве беглых сторонников казанского хана и разграблении поволжских земель. В ответе сибирским послам говорилось, что «нашего недруга Алегамовы люди царевы, которые от нас бегают, Алказый, да Тевекел Сеит, да Касым Сеит, да Багиш с сыном с Утешом и иные их товарыщи и тех людей Ивак царь да и мырзы у себя держат»[176]. В связи с этим предлагалось для продления союза не только вернуть все награбленное[177], но и казнить беглых казанцев[178]. Однако, позиции последних в Тюменском ханстве были настолько сильны, что они провели церемонию интронизации Ибака на казанский престол, после чего за ним упоминается титул «казанского царя»[179].

В октябре 1490 г. в Москву приезжает новое посольство от Мусы и Ямгурчи, но уже без хана Ибрахима, с которым они временно посорились. В грамоте Ямгурчи говорилось: «Алгазыя я не видал, с Ибраимом с царем к Тюмени поехал, от тех мест у Ибреима царя в Тюмени живет»[180]. Исхо-

[175] СГГД: В 5 ч. М., 1819. Ч. 2. С. 6.

[176] Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой. 1489—1508 гг. М., 1984. С. 18—21.

[177] Сб. РИО. Т. 41. С. 83—84.

[178] Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой. 1489—1508 гг. С. 22.

[179] *Трепавлов В. В.* Московское и казанское «подданство» Сибирского юрта // Сулеймановские чтения: М-лы X Всероссийской науч.-практ. конф. Тюмень, 2007. С. 101—102; ПСРЛ. М., 1987. Т. 36. С. 118.

[180] Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой. 1489—1508 гг. С. 33—34.

дя из этого сообщения, ясно, что хан Ибак кочевал отдельно от ногаев у Тюмени вместе с казанцами. В то же время лишенный поддержки ногайской конницы тюменский хан не мог проводить успешную самостоятельную политику, в том числе и в отношении Казани, несмотря на усиленное давление бежавшей к нему знати.

В 1491 г. ситуация, судя по материалам переписки, вновь изменилась. По сообщениям слободских татар, посланных Иваном III к Мусе, Опас-князь (Аббас, дядя Мусы) и Ямгурчи были с Мусой «не в миру». В результате они «послали в Тюмень по Ивака по царя, и зовут его к себе… Ногаи кочуют под Тюмень против Ивака. А Ивак… идет к ним по их речем»[181]. Видимо, размолвка между ногайскими лидерами была связана с разными подходами к решению казанской проблемы. Осознание невозможности сделать это дипломатическим путем привело к военным конфликтам, на что указывал в грамоте Ивану III Мухаммад-Амин: «Божиим изволением, на отца своего месте царем ся есми учинил: Ивак, да Мамук, да Муса, да Ямгурчей еже лет на меня войною приходят»[182]. Примерно в это время Аббас умер, и Муса вернулся в Ногайскую Орду, но теперь уже в качестве старейшего из всех потомков Идигея. Он вновь обратился к хану Ибрахиму и даже, не желая ссоры с Москвой, сумел остановить совместный ногайско-тюменский поход на Казань, организованный Ямгурчи и Ибрахимом при посредничестве казанской оппозиции[183].

Не сумев осуществить свои притязания на казанский трон, Ибрахим в союзе с ногаями организовали поход на Астрахань в 1492 г.[184] В этом они неожиданно получают поддержку и от крымского хана Менгли-Гирея, и формально от Ивана III. Поход завершился неудачей, возможно, по причине отказа крымского хана прислать обещанное войско. Причины этого, возможно, крылись в понимании им последствий стремления ногаев утвердить на престоле Большой Орды вместо слабых соправителей Ахматовичей тюменских ханов Ибака и Мамука, имевших поддержку ногайской конницы[185]. Подобное расширение власти Ногайской Орды и тюменских ханов не устраивало Крымское ханство и Московское княжество.

В 1493 г. от хана Ибрахима в Москву пришла последняя из известных нам грамот с указанием на то, что он «Саинский… стул взял… на отцов юрт к Волге пришед стою», а также с традиционной просьбой вернуть Алегама[186]. В ответной грамоте Иван III подчеркивал стремление продолжить переговоры и отправить посольство в Чимги-Туру: «…и мы с твоим государем, с Ываком царем, братства и дружбы хотим, а люди бы наши меж нас ездили нашего здоровья видети»[187].

Тем не менее дальнейшей переписки и обмена посольствами не последовало. Вероятно, после провала похода, Ибак-хан потерял расположение ногаев и вынужден был вернуться в Тюмень. Попытки Ибрахима захватить Казань и Астрахань, сложности во взаимоотношениях с ногаями и Москвой, периодические неудачи на иных направлениях внешней политике конца 1480-х — начала 1490-х годов вели к разочарованию кочевой элиты в его политике, что, например, было заметно по конфликту

[181] Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1489—1549 гг. Махачкала, 1995. С. 44.

[182] Сб. РИО. Т. 41. С. 146.

[183] Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1489—1549 гг. С. 47; *Трепавлов В. В.* История Ногайской Орды. М., 2001. С. 118.

[184] Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1489—1549 гг. С. 45—46.

[185] *Трепавлов В. В.* История Ногайской Орды. С. 129.

[186] СГГД. Ч. 2. С. 141.

[187] Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1489—1549 гг. С. 47.

с биями кочевавшего по Миассу многочисленного племени табын[188]. Определенные внутренние проблемы могут быть подтверждены и тем, что «и с устья Сыра пришло много людей, ради него [Мухаммед Шейбани-хана] отделившись от Ибак-хана»[189]. Среди них были представители дурманов, уйгуров, найманов и ички, а также тарханы из потомков табунщика Кашлыка. Такие же проблемы у него возникли и с представителями княжеской династии буркутов Тайбугидов, лидер которых Умар (Мар) в начале стал ханским зятем, а затем был ханом убит. Сыновья Умара, т. е., возможно, внуки Ибрахима, содержались в Чинги-Туре. Традиционно в историографии считается, что между 1493—1495 гг. внук Умара «Мамет… царя Упака уби»[190].

С этого момента дипломатические связи Москвы и Тюмени временно прекращаются, что стало следствием значительного уменьшения информации о Шибанидах в письменных источниках. Наследовавший Ибрахиму брат Мамук, скорее всего, не представлял интереса для Москвы, хотя и причинял много беспокойства, так как ногаи снова стали делать ставку на тюменского лидера. После неудачи с воцарением на престоле Большой Орды и под давлением беглой казанской знати предводители Ногайской Орды вернулись к идее посадить тюменского Шибанида на трон в Казани. В начале 1496 г. Мухаммад-Амин просил помощи у московского князя Ивана III, так как «идет на него Шибанский царь Мамук со многою силою»[191]. Сам факт организации этого похода, по всей видимости, свидетельствует об отсутствии конфликта между новым ханом и Тайбугидами, которые не угрожали его владениям. Представляется, что последовавший уход Мамета Тайбугида в Сибирь на самом деле впервые расширил владения тюменских ханов к северу от Тавды на территорию ранее независимого Сибирского княжества. Эта земля была поставлена под прямое управление Тайбугидов, что в целом отражало общие тенденции по управлению городами на территориях, подвластных Шибанидам в XV в. При этом они либо выполняли функции даруг, либо были одними из сменяемых беклярибеков Тюменского ханства, правивших здесь от лица Шибанидов[192]. Переход Сибирской земли под руку тюменских ханов, во-первых, явно продвигал их интересы к северу за пределы Тавды, во-вторых, до конца ставил под контроль Тюмени все местные речные торговые пути с городами Средней Азии.

В 1496 г. был организованы два похода Мамука при поддержке части ногаев и казанской знати, которая находилась при тюменском дворе. Первый поход либо так и не состоялся, либо был неудачным, так как на помощь Казани были высланы русские войска под командованием воеводы Ряполовского. Тем не менее после их ухода в том же году Мамуку удалось захватить Казань: «Мамук же царь вборзе прииде ратию под Казань со многою силою Нагайскою и со князи Казанскими…и взя Казань понеже не быть ему спротивника»[193]. Мамук, в отличие от Ибрахима, не делал попыток установить дипломатические отношения с Москвой. При этом он проявил себя не с самой лучшей стороны в вопро-

---

[188] *Усманов А. Н.* Добровольное присоединение Башкирии к Русскому государству. Уфа, 1982. С. 81.

[189] Материалы по истории Казахских ханств XV—XVIII веков. Алма-Ата, 1969. С. 118.

[190] ПСРЛ. Т. 36. С. 118.

[191] ПСРЛ. Т. 12. С. 242.

[192] *Трепавлов В. В.* Родоначальники Аштарханидов в Дешт-и Кипчаке: (Заметки о предыстории бухарской династии) // Тюркологический сб. 2007—2008: История и культура тюркских народов России и сопредельных стран. М., 2009. С. 386—387; *Исхаков Д. М.* Проблема политического статуса Сибирского юрта с конца XV в. по 1563 г. // Сибирский сб. Казань, 2011. С. 252.

[193] ПСРЛ. Т. 12. С. 243.

сах управления Казанским ханством, породив массовые недовольства своей политикой, в том числе со стороны бывших союзников. Особое возмущение вызвало то, что он «гостей и земских людей всех пограбил». Поэтому, когда Мамук отправился в 1497 г. в неудачный поход на Арский городок, обратно в Казань его уже не пустили. Мамук был вынужден оставить казанские земли, скорее всего, вместе со своим последним союзником Ураком, и по дороге в Тюмень умер[194].

После смерти Мамука новым тюменским ханом стал младший из братьев Агалак. В 1499 г. совместными силами Тюмени и знатных казанских татар был организован очередной поход на Казань[195]. Среди казанцев летописи особенно выделяют князя князей Урака[196]. Можно предположить, что его титул как беклярибека при Агалаке свидетельствует о возведении последнего заочно на казанский престол. Агалак, в распоряжении которого были только тюменские войска «шибанских царевичей» и отряд казанского князя, быстро отступил от Казани, едва услышав, «что идут на них воеводы великого князя с силою...»[197] По мнению В. В. Трепавлова, позднее Алагак был возведен на ханский престол еще и ногайским мирзой Хасаном, с целью получить от него беклярибекский титул и тем самым упрочить свое положение в Ногайской Орде[198]. По сути, с этого времени Тюменское ханство начинает входить в период стагнации и упадка.

Его причины могли скрываться не только во внешнеполитических промахах и поражениях братьев-правителей, но и в сугубо экономических проблемах, связанных с тем, что с середины XV в. в Западной Сибири начинается «малый ледниковый период», который мог нанести значительный ущерб преимущественно кочевому населению и привести к его оттоку на юг, в земли Средней Азии. Преобладающим видом хозяйства на территории ханства были именно различные виды скотоводства, в рамках которого разводили лошадей, крупный и мелкий рогатый скот. Это делало местную экономику вдвойне уязвимой перед климатическими изменениями. К тому же включение в состав ханства среднеазиатских территорий облегчало процессы миграций. На территории Тюменского ханства также занимались и различными видами присваивающего хозяйства (охота, рыболовство). Археологические находки в Чинги-Туре и Сибири доказывают наличие многочисленных ремесел, в том числе связанных с кузнечным и ювелирным делом. С предшествующего столетия Чинги-Тура оставалась вписанной в различные маршруты торговли, среди которых главную роль играли среднеазиатские[199].

Несмотря на возникшие в конце XV в. процессы политической дезинтеграции, за населением Тюменского ханства закрепился известный еще в первой четверти XVI в. политоним «шибаны», который мог бы при последующем развитии государства успешно конкурировать с такими названиями, как «узбеки», «ногаи» и «казахи»[200]. Несмотря на наличие этого общего наименования, в ханстве сохранялось племенное и клановое деление

---

[194] *Худяков М. Г.* Очерки по истории Казанского ханства // На стыке континентов и цивилизаций. М., 1996. С. 570.

[195] ПСРЛ. Т. 12. С. 249—250.

[196] ПСРЛ. Т. 37. С. 96.

[197] ПСРЛ. Т. 12. С. 253; Разрядная книга 1475—1598 гг. М., 1966. С. 57.

[198] *Трепавлов В. В.* История Ногайской Орды. С. 144.

[199] Тюменское и Сибирское ханства. Казань, 2018. С. 174—175, 181—184.

[200] *Трепавлов В. В.* Шибаны: Несостоявшийся этноним // ЗО. 2019. Т. 7. № 2. С. 351—371.

местного тюрко-татарского населения. В целом по письменным источникам, связанным с периодом правления Абу-л-Хайра, нам известны названия более 30 подобных групп, большинство из которых своим происхождением были связаны с Монгольской империей и Золотой Ордой.

Состав и функции властной элиты Тюменского ханства, включавшей в себя светскую и мусульманскую верхушки, во многом был схож с другими татарскими государствами XV—XVI вв., однако и имелись некоторые отличия[201].

В значительной степени к уникальным чертам относится передача в Тюменском ханстве власти среди представителей только одной семьи Шибанидов, т. е. потомков Хаджи-Мухаммада. Исключением было только кратковременное правление Махмуд-Ходжи и переход власти к Абу-л-Хайру, который носил титул «Хан-и бузург» — Великий хан. С учетом известного нам наличия представителей этой линии династии на престоле можно говорить о сохранении ими власти на юге Западной Сибири на протяжении более 250 лет — с 1420-х по 1670-е годы. При этом заметно стремление династов опираться именно на ближайших родственников, которые выступали в качестве соправителей или руководителей войска. Это можно увидеть по положению Мамука при хане Ибрахиме, участию шибанских царевичей в походе Агалака, роли Бахтийяра как главного полководца при Абу-л-Хайре.

Очевидно, что сплочению ханской семьи способствовала усиливающаяся зависимость ханов от племенной аристократии, которые оказывали влияние на различные аспекты политики государств через курултаи и советы карачи-беков. Имеющиеся, хотя и довольно скудные, источники не дают оснований для шибанидских ханств выделить совет карачибеков именно из представителей четырех клапов, как это, возможно, было характерно для Крымского или Касимовского ханств. С учетом усиления кочевой аристократии и необходимости баланса между их интересами в подобные советы могли включаться представители гораздо большего числа кланов.

Важную роль в ханстве играли беклярибеки, которые чаще всего назначались из кыйятов, буркутов и мангытов, хотя и не всегда понятен их функционал внутри государства, особенно тогда, когда этот пост занимали Идигеевичи, чаще всего находившиеся непосредственно на территории сосднсй Ногайской Орды. Возможно, в этом случае они ограничивались лишь организацией участия в совместных военных походах и иных внешнеполитических акциях. В управлении ханством участвовали сейиды из суфийских тарикатов Средней Азии, которые были не только духовными лидерами, но участниками курултаев и накибами, т. е. руководителями военных отрядов. Кроме того, в состав правящей элиты входили воспитатели наследников хана и их молочные братья — аталыки и кукельташи. В период правления Абу-л-Хайра и Ибрахима сохранялись традиции документооборота, центрами которого был диван (канцелярия) и находившиеся при нем и ставке правителя писцы-битикчи. При этом не всегда ясен принцип организации местного управления. Если городами чаще всего управляли ханские даруги, то иные территории в зависимости от различных ситуаций находились под прямым контролем хана, его родственников или лояльных Чингисидов, племенных и клановых лидеров различного происхождения и статуса.

---

[201] *Маслюженко Д. Н.* Состав и функции властной элиты Тюменского и Сибирского ханств // Вестн. Пермского ун-та. Сер. История. 2017. Вып. 2 (37). С. 122—130.

Для презентации ханской власти значимым было наличие определенных ее символов. Несмотря на стольный статус Чинги-туры, значительную роль в управлении играл не столько этот северный город, сколько ханская кочевая ставка — Орда-Базар. Очевидно, что сам кочевой образ жизни был не только данью специфике преимущественного экономического уклада, но и являлся социально и политически престижным. Письменные источники позволяют говорить о наличии у первого тюменского хана Абу-л-Хайра таких символов его власти, как трон, царская юрта и халат. Последние два предмета явно связаны с общемонгольскими или ордынскими традициями власти, характерными для многих степных регионов. В отличие от них трон в Чимги-туре выступал относительно новым атрибутом местных правителей, который впервые, видимо, был использован Абу-л-Хайром. По этой причине особое значение для тюменских династов имел трон правителей Улуса Джучи, который в источниках именуется как «престол (трон, стул) Саин-хана», т. е. Бату. По всей видимости, речь идет о легком переносном сидении, которое действительно могло быть связано с ордынскими правителями. Его в разное время захватывали вместе с кочевой ставкой (Орда-Базар) Большой Орды ханы Абу-л-Хайр и Ибрахим. Владение этим предметом играло значительную роль в политических играх и претензиях Шибанидов XV в. Важным было то, что некоторые из этих предметов хан не только использовал как личную атрибутику, но и мог раздавать, подчеркивая заслуги, статус и положение того или иного аристократа. Ханским подаркам, особенно халатам и поясам, явно придавали значение не только при Абу-л-Хайре[202].

Не менее интересным аспектом презентации ханской власти было использование соответствующей титулатуры. Сложность в ее изучении заключается в том, что она дошла до нас не в оригинальных документах, а в литературных текстах Центральной Азии или переводах различных документов, сделанных в Москве. Это значительно затрудняет выделение территориального компонента титула, который играл большую роль в антропологии власти оседлых правителей, но при этом мог варьироваться в результате неоднократной интронизации на престолы разными группами населения. По сути, в некоторых случаях речь шла не столько об управлении самой территорией, сколько о признании власти ее населением, как это видно по казанской аристократии при хане Ибрахиме. В результате территориальный компонент титула чаще всего ограничивался указанием на «Шибанский», «Ногайский», «Тюменский» или «Казанский».

На протяжении XV в. к северу от Тюменского ханства в таежной зоне Западной Сибири все большую роль начинают играть угорские политические объединения. Они были образованы лидерами вогулов и пришедших из-за Урала во второй половине XIV в. югричей, именно их в результате дальнейших этногенетических процессов и смешения с местным населением с начала XVI в. стали называть остяками[203]. На основе этих групп населения в результате образовались современные манси и ханты. На севере региона в тундровой зоне проживали коллективы самодийского населения, в том числе ненцев и энцев. Вместе с югричами из Приуралья в Западную Сибирь пришли коми-зырыне и коми-пермяки, которые были вытеснены как увеличиваю-

[202] *Маслюженко Д. Н.* Символы власти в источниках по истории Тюменского ханства // ЗО. 2016. Т. 4, № 2. С. 360—368.

[203] *Курлаев Е. А.* Летописная «югра»: Исчезнувшее имя или исчезнувший народ? // Археология Севера России: Югра — волость Новгорода Великого в XI—XV вв.: Свод источников и исследований: Сб. м-лов Всероссийской науч. конф. Сургут; Нефтеюганск; Екатеринбург, 2019. Ч. 2. С. 432.

щимся русским населением, так и в результате христианизаторской политики[204].

На протяжении большей части XV в. именно Югра, или Югорская земля, чаще всего выступала под собирательным названием в русских летописях для всего многообразия различных политических объединений таежной части Западной Сибири. Если следовать терминологии этих источников, то под «землей» следует видеть собственно княжество, во главе которого стоял князь или в некоторых случаях большой князь, т. е. руководивший иными равными ему правителями, чаще всего из числа родственников. Именно по этой причине в литературе сложилась традиция наименования всех угорских объединений позднего Средневековья «княжествами».

Их центрами были небольшие городки-крепости, которые именовались «вош», имели древесно-земляные укрепления и чаще всего располагались на высоких мысах, контролируя речные пути. По сути, в них жил только сам князь, его семья, слуги, рабы и некоторое число ремесленников. С учетом подвижного характера хозяйства населения, необходимости сбора полюдья и военных походов большая часть князей, видимо, не пребывала в этих городках круглогодично. Вокруг крепостей находились неукрепленные поселения, называвшиеся «пугош», где жило рядовое население[205]. Помимо князей, которые являлись богатырями — уртами, определенную роль играли старейшины и сотники, а также сохранялась традиция народных собраний лучших людей земли. При этом только князья выступали в качестве главнокомандующих, высших судей и отправителей религиозных обрядов. Численность военных отрядов таких князей сильно отличалась, но, как правило, варьировалась от 50 до 300 человек[206].

До перехода через Урал Югра политически и экономически была тесно связана с Новгородской землей. Еще в 1446 г. новгородцы сделали последнюю попытку удержать за собой Югорскую землю на Средней и Нижней Оби. Однако рать воевод Василия Шенкурского и Михайлы Яковля была разгромлена, после чего попытки новгородцев собирать дань с Югры больше не отмечаются[207].

Однако с середины XV в. источники уже фиксируют походы за Урал со стороны угорских княжеств. Наибольшую активность в этом проявляло Пелымское княжество, расположенное в бассейне рек Пелыма, Тавды, Конды и нижнем течении Сосьвы, население которого чаще всего русскими именовались «вогулятинами».

В 1455 г. местные вогулы впервые напали на Пермь Великую и убили пермского епископа Питирима. После этого князь Асыка дошел до Вычегды, где была сожжена резиденция пермского владыки Усть-Вымь и близлежащие волости. В ответ на это московский князь Иван III приказал устюжскому воеводе Василию Скрябе совершить в 1465 г. поход на Югорскую землю, причем впервые были использованы не северные пути, а речной «чрезкаменный» путь на Среднем Урале. В нем приняли участие московские и устюжские отряды, а также вымский князь Василий Ермолич. В результате похода эту «землю за великого князя привели». В плен были взяты югорские князья Калба (тесть сына и наследника Асыки Юмшана) и Течик, которые в Москве были пожалованы югорским княжением с обязанностью платить дань за эту

[204] *Соколова З. П.* Ханты и манси: Взгляд из XXI века. М., 2009. С. 77.

[205] *Бояршинова З. Я.* Население Западной Сибири до начала русской колонизации (Виды хозяйственной деятельности и общественный строй местного населения). Томск, 1960. С. 47; *Зыков А., Кокшаров С.* Феномен таежной цивилизации // Родина. 2000. № 5. С. 43.

[206] *Головнев А.В., Перевалова Е. В.* Вожди обских угров и ненцев (по данным фольклора) // Вестн. Томского гос. ун-та. Сер. История. 2017. № 49. С. 116.

[207] *Морозов В.М., Пархимович С. Г., Шашков А. Т.* Очерки истории Коды. Екатеринбург, 1995. С. 76.

землю. В 1467 г. небольшой отряд из Вятки и Перми сумел захватить пелымского князя Асыку, который затем был отпущен[208]. С этого времени начинается долгий период борьбы московских правителей за территории и население Западной Сибири. Интересно то, что все эти события приходятся на период ослабления власти узбекского хана Абу-л-Хайра. Однако на самом деле нам ничего не известно об отношениях угорских княжеств с Тюменским ханством, в том числе источники не дают информации о возможном вассалитете таежных лидеров от тюменских ханов и их участии в нападениях на русские владения именно под давлением последних.

В 1481 г. пелымский князь Асыка вновь напал на Прикамье. В результате похода была сожжена резиденция русской администрации в Перми Великой г. Покча, а пермский князь Михаил Ермолич был убит. Однако на обратном пути пелымцев догнал отряд Андрея Мишнева из Устюга, которому удалось под Чердынью разбить Асыку. Несмотря на это, ущерб от «вогульского разорения» был настолько велик, что пришлось отказаться от переписи податного населения в Перми Великой[209].

В 1483 г. в ответ на набег князя Асыки был организован поход русских воевод И. И. Салтыка Травина и князя Ф. М. Курбского на Пелымское княжество: «Отпустил князь великий с Москвы на князя на Вогульского на Асыку…»[210]. В нем приняли участие отряды из Устюга, Вологды, Усть-Выми, Перми и некоторые другие. Спустившись по рекам Вишере и Лозьве, в июне войско оказалось в пределах Пелымского княжества, где 29 июня были разгромлены вогуличи во главе с сыном Асыки Юмшаном, который, видимо, незадолго до этого стал новым пелымским князем. Тем самым главная цель похода была выполнена, но далее воеводы, обойдя по Тавде территорию Тюменского ханства Ибрахима, при этом «побиша многих татар Тюмеских…»[211], поднялись по Тоболу до Иртыша, где взяли Сибирскую землю. Затем уже вверх по Иртышу дошли до Оби, повоевав Кодскую и Югорскую земли и захватив в плен кодского большого князя Молдана и сыновей князя Екмыча. Дойдя до устья Северной Сосьвы, отряды воевод повернули обратно и 1 октября 1483 г. вернулись в Устюг. Это был один из самых масштабных по территориальному охвату русских походов за Уральские горы в XV в., а его изначальные конкретно-локальные цели привели к гораздо более глобальным последствиям[212]. Тем более, что разгром Иваном III Новгорода все равно требовал окончательного решения вопроса со всеми ранее, пусть и формально, зависимыми от него территориями.

Весной 1484 г. в Усть-Вымь прибыла делегация от пелымского князя Юмшана, во главе которой был его шурин Юрга и сотник Анфим. В сопровождении пермского епископа Филофея, сыгравшего ведущую роль в дальнейших переговорах, они встретились в Москве с князем Иваном III, где пелымские послы получили охранную грамоту для своего князя. Летом того же года в Москву прибыло посольство от кодских князей Лябы и Чангила, а также «от всее земле Кодские и Югорские» во главе с князем Пыткеем. Следует отметить, что если до этого похода в Москве знали только о Пелымской и Югорской землях, то теперь появилась информация о Сибирской (у впа-

[208] *Морозов В. М., Пархимович С. Г., Шашков А. Т.* Очерки истории Коды. С. 76—77.

[209] Там же. С. 78.

[210] ПСРЛ. Т. 26. С. 275.

[211] *Клосс Б. М.* Вологодско-Пермские летописцы XV в. // Летописи и хроники. 1976. М. Н. Тихомиров и летописеведение. М., 1976. С. 270.

[212] *Маслюженко Д. Н., Рябинина Е. А.* Поход 1483 г. и его место в истории русско-сибирских отношений // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 1 (24). С. 115—123.

дения Тобола в Иртыш) и Кодской (на Оби ниже устья Иртыша). В контексте дальнейших переговоров в «записи о мире» также впервые упоминается Обдорское княжество остяков у устья Оби, которое, видимо, представлял сам Пыткей[213]. Несмотря на это, Югорская земля продолжала использоваться в качестве обобщающего названия для всех иных княжеств на Оби вплоть до конца XV в.

В результате последовавших переговоров пленные князья были отпущены, а на обратном пути в Усть-Выме 31 декабря 1484 г. состоялось заключение мира между русскими, вымичами и вычегодцами с представителями Кодской и Югорской земель. Оно сопровождалось шертвованием угорской знати на медвежьей шкуре, саблях и воде из золотой чаши. Необходимо отметить, что в «записи мира», сделанной в Усть-Выме, не шло речи о подданстве Коды и Югры, напротив, там решались вполне конкретные вопросы войны и мира, в том числе союза Кодского и Обдорского княжеств против князя Лябы[214]. Однако в титуле московского князя еще в марте 1484 г. появилось наименование «великий князь Югорский», а позднее в летописях — указание на обязательство югорских князей платить дань. В замирении не принял участие пелымский князь, а также не была дана клятва за князя Ляба и даже не упомянут союзный ему Чангил, которые, скорее всего, правили небольшими объединениями на Нижнем Иртыше[215], т. е. там, где во время похода 1483 г. фиксировалась Сибирская земля. Только в феврале 1485 г. князья и послы покинули Усть-Вымь и отправились в свои земли. Еще одним следствием похода и переговоров стало составление в окружении пермского епископа сказания «О человецех незнаемых в незнакомой стране», которое почти на столетие стало самым подробным описанием сибирских народов, доступным в Московском государстве[216]. В нем упоминаются и некоторые группы, которые не принимали непосредственного участия в самих событиях, например «малгонзеи» (ненцы или энцы), от которых позднее происходит название знаменитой Мангазеи.

Лишь спустя полгода в августе 1485 г. к Филофею пришли с посольством пелымский князь Юмшан и его тесть Калба. 1 сентября они также предстали перед московским великим князем, после чего летописцы стали писать о получении дани и с Пелыма. Однако, если обещания мира, видимо, действительно были исполнены, то дани никто из этих князей платить не собирался. Летом 1499 г. на Югорскую землю, Коду и Пелым начали готовить новый поход под руководством воевод князя Семена Курбского (сын Федора Курбского, одного из руководителей похода 1483 г.), князя Петра Ушатого и Василия Иванова (сын Гаврилы Бражника-Заболоцкого). В сводном отряде, кроме трех воевод, были 14 детей боярских и более 4 тыс. ратников[217]. Это было самое крупное войско из всех ходивших за Урал со стороны русских земель, которое отправилось уже в ноябре 1499 г. из Пустозерска на Печоре. По дороге через Урал Курбский и Ушатый столкнулись с некими «самоедами» (самодийцами), а затем нанесли поражение югричам Ляпинского княжества, которое ранее не упоминалось в источниках и, следовательно, не было подчинено Москве. После

[213] *Морозов В.М., Пархимович С.Г., Шашков А.Т.* Очерки истории Коды. С. 81.

[214] *Перевалова Е.В.* Шерть, «медвежья присяга» и пляска с саблями // Уральский исторический вестн. 2013. № 4 (41). С. 121.

[215] *Пархимович С.Г.* Ляпин, Лаб и Чангил: (К этимологии топонимов и локализации летописных городков и княжеств обских угров) // Археология Севера России: Югра — волость Новгорода Великого в XI-XV вв. Ч. 2. С. 409—411.

[216] *Плигузов А.* Текст-кентавр о сибирских самоедах. М., 1993.

[217] *Морозов В.М., Пархимович С.Г., Шашков А.Т.* Очерки истории Коды. С. 83.

взятия Ляпина к русским подошли обдорские князья на оленях, которые не только сопровождали воевод дальше в Югорскую и Кодскую земли, но и снабдили их оленями и собаками, выполняя обещания по договору 1484 г.[218] Одновременно с этим Бражник-Заболоцкий воевал в Пелымском княжестве, где захватил восемь городков. Весной 1500 г. воеводы вернулись в Москву, где отчитались о взятии 33 югорских городков и пленении 50 князей. На основании этого в титуле Василия III позднее появилось указание «князь Обдорский и Кондинский», где под вторым, скорее всего, понималась Кода. О. В. Кардаш предполагает, что часть русских воинов были оставлены в Сибири, и на месте центра Обдорского княжества Надымского городка они заложили Обскую крепость[219].

Основными занятиями угров и самодийцев Западной Сибири были рыболовство, охота, бортничество и собирательство. Значительной преградой в развитии производящего хозяйства был природно-климатический фактор. Однако в некоторых княжествах, в частности, в Пелымском и Обдорском, разводили оленей. У юго-западных манси, а также у групп населения по Оби, в том числе под влиянием соседних тюркских племен, могли появиться и элементы коневодства, что подтверждается археологическими находками[220]. Еще в предшествующие столетия около городка Сибирь развивалось земледелие[221], скорее всего, привнесенное пришлыми группами из Приуралья. Большую роль в экономике княжеств могли играть различные ремесла (кожевенное, ткацкое, деревообработка и гончарство) и торговля с соседями, где одним из главных сибирских товаров выступала пушнина. Показателен в этом отношении Надымский городок, где при раскопках было обнаружено значительное число привозных предметов русского происхождения (ткани, кожи, бусы, медные котлы, железные крицы и некоторые предметы из железа конца XV в.)[222]. Также могла развиваться и торговля с городами Средней Азии, но она шла только через Тюменское ханство.

Таким образом, в XV в. на юге Западной Сибири правителями из числа потомков внука Чингисхана Шибана было основано Тюменское ханство, тесно вписанное в круг политических и экономических отношений с Большой и Ногайской Ордами, Казанским ханством, Московским княжеством и тимуридскими и шибанидскими владениями в Средней Азии. К северу от Тюменского ханства фиксируются угорские княжества (Югорское, Пелымское, Кодское, Обдорское, Сибирское), которые оказываются в зоне политических и торговых интересов растущего Московского государства.

Крымское ханство

Как и в других золотоордынских ханствах, в Крыму правили представители одного рода — Джучидов (потомков сына Чингиса — Джучи). Позднее джучидская традиция, в том числе и историографическая, связывала Крым с потомством Тохта-

[218] *Перевалова Е. В.* Шерть, «медвежья присяга» и пляска с саблями // Уральский исторический вестник. № 4. С. 121.

[219] *Кардаш О. В.* Надымский городок в XV—XVI вв. (по результатам полевых исследований 2006—2008 гг.) // Археологические вести. 2011. № 17. С. 200.

[220] *Бояршинова З. Я.* Население Западной Сибири до начала русской колонизации. С. 45; Нягань. Город на историческом фоне Нижнего Приобья. Екатеринбург, 1995. С. 35.

[221] Тюменское и Сибирское ханства. Казань, 2018. С. 183.

[222] *Кардаш О. В.* Надымский городок в XV—XVI вв. С. 198.

мыша, и полуостров считался «Тохтамышевым царевым юртом»[223].

В ханстве правила династия Гиреев потомков золотоордынского хана Хаджи-Гирея. Приходится признать, что ни этимология династийного имени ханов Крыма, ни исторический контекст его происхождения нам до конца не ясны. Наконец, для первых двух поколений крымских ханов не совсем понятна логика присвоения приставки Гирей представителям династии.

Отцом Хаджи-Гирея, по свидетельствам источников, был Гийас-ад-Дин б. Таш-Тимур б. Джанай б. Тула-Тимур б. Кунджек б. Рук-Темур б. Тука-Тимур б. Джучи б. Чингиз[224]. Отец Хаджи-Гирея ханский престол не занимал. Правил только дед Таш-Тимур, и то очень короткое время, в 1395—1396 гг., после чего был свергнут Тохтамышем.

Независимое государство (ханство) в Крыму, согласно традиционной точке зрения, было основано Хаджи-Гиреем при поддержке Польско-Литовского государства в начале 1440-х годов[225]. Причем эта роль Польши и Литвы в становлении ханства и судьбе Хаджи-Гирея потом подчеркивалась не только польско-литовскими средневековыми авторами, но и отмечалась крымскими текстами, адресованными в Литву, например, ярлыками Менгли-Гирея и Сахиб-Гирея. Однако, как выяснилось в результате изучения счетов генуэзского казначейства Кафы, сепаратизм Крыма был оформлен в 1419 г. избранием ханом Бек Суфи и появлением на троне новорожденного ханства собственной династии — ветви крымских Тукатимуридов[226].

Исследователями предлагается несколько дат воцарения Хаджи-Гирея: 1441 г. (по монете 845 г. х.)[227] или даже еще более точно: март — апрель 1442 г.[228]; 1443 г.[229] Если принять последнюю датировку, то придется признать первым крымским ханом Улуг-Мухаммеда, поскольку в 847 г. х. (май 1443 — апрель 1444 г.) именно он правил в Крыму[230]. Ряд ученых относят начало правления Хаджи-Гирея в Крыму и таким образом начало существования Крымского ханства к 1449 г.[231]

---

[223] *Некрасов А. М.* Возникновение и эволюция Крымского государства в XV—XVI веках // Отечественная история. 1999. № 2. С. 49; *Трепавлов В. В.* Золотая Орда после распада: Воспоминания о единстве // Тюркологический сб. 2009—2010: Тюркские народы Евразии в древности и средневековье. М., 2011. С. 375.

[224] *Halim Giray.* Gülbün-ü Hânân (Kırım Hanları Tarihi). Değerlendirme-Metin-Tıpkıbasım / Ed. B. Günay; Yayına Hazırlayanlar A. Başer, A. Günaydın. İstanbul, 2013. S. 31. Подробнее см.: *Смирнов В. Д.* Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века: В 2 т. М., 2005. Т. 1. С. 183 и сл. См. также: *Гайворонский А.* Созвездие Гераев. Краткие биографии крымских ханов. Симферополь, 2003. С. 10.

[225] *Некрасов А. М.* Возникновение и эволюция Крымского государства в XV—XVI веках. С. 49.

[226] *Пономарев А. Л.* Первые ханы Крыма: Хронология смуты 1420-х годов в счетах генуэзского казначейства Каффы // ЗО. 2013. № 2. С. 158—190.

[227] *Ürekli M.* Kırım Hanlığının Kuruluşu ve Osmanlı Himâyesinde Yükseliş (1441—1569). Ankara, 1989. S. 13; *Гайворонский О.* Повелители двух материков. Т. 1: Крымские ханы XV—XVI столетий и борьба за наследство Великой Орды. Киев; Бахчисарай, 2007. С. 19; *Kolodziejchyk D.* The Crimean Khanate and Poland-Lithuania. International Diplomacy on the European Periphery (15th—18th Century). A Study of Peace Treaties Followed by Annotated Documents. Leiden; Boston, 2011. P. 11.

[228] *Гулевич В. П.* Северное Причерноморье в 1400—1442 гг. и возникновение Крымского ханства // ЗО. 2013. № 1. С. 128—129.

[229] *Сахаров А. М.* Крымское ханство // Советская историческая энциклопедия. Т. 8: Кошала — Мальта. М., 1965. Стб. 208.

[230] СМИЗО. Т. 1: Извлечения из сочинений арабских. СПб.,1884. С. 501—502, 533—534.

[231] *Kolankowski L.* Dzieje Wielkiego Księstwa Litewskiego za Jagiellonów. Warszawa, 1930. S. 264—266; *Idem.* Problem Krymu w dziejach jagiellońskich // Kwartalnik Historyczny. Warszawa, 1935. T. 49. S. 288; *Vásáry I.* The Crimean Khanate and the Great Horde (1440s-1500s). A Fight for Primacy // The Crimean Khanate between East and West (15th-18th Century) / Ed. by D. Klein. Wiesbaden, 2012. P. 15—16; *Трепавлов В. В.* Большая Орда — Тахт Эли: Очерк истории. Тула, 2010. С. 50.

А.В. Якушечкин считает, что призыв Хаджи-Гирея на правление беями Крыма, прежде всего, преследовал цель борьбы с Сеид-Ахмедом. Решение о посылке послов к Казимиру с просьбой отпустить Хаджи-Гирея в Крым было принято вскоре после смерти Айдара (мы увидим в дальнейшем, что это не так). Посольство к Казимиру вышло из Крыма примерно в декабре 1441 — январе 1442 г. Провозглашение Хаджи-Гирея ханом произошло не позже марта 1442 г. Сразу после избрания ханом Хаджи-Гирей отправился с военным походом на Сеид-Ахмеда за пределы Крыма. Компания продолжалась по крайней мере до середины лета и закончилась победой Хаджи-Гирея. В мае 1442 г. в Массариях Кафы упомянут брат Хаджи-Гирея. Судя по всему, это — известный по многим источникам Джанай (Джанай-оглан). Кроме того, подтверждаются данные источников о том, что к Хаджи-Гирею прибыл воспитатель (атабек) его отца, Гийас ад-Дина, Девлет-Кельди[232].

В эпоху становления Крымского ханства (в 1430—1450-е годы) сохранялось заложенное сразу после монгольского завоевания разделение полуострова на разные по статусу государственно-административные единицы, унаследовав всю полноту власти главы тумена, однако уже в другом качестве — полноправных независимых владык. Территориально ханы довольствовались степным Крымом с его столицей в Солхате.

Границей ханства на юге были крымские горы. На севере ханские рубежи выходили за пределы полуострова и простирались примерно до района Конских вод, на северо-западе до р. Синяя вода; на востоке, со стороны Астрахани и ногаев, какое-то время границей был Миус («Молочная вода»). Западная граница простиралась за Очаков к османскому Аккерману[233].

Еще Ф. Хартахай предположил, что столицей татар в Крыму сначала был Эски-Крым, «потом, в эпоху междоусобий, перед династией Гиреев, — Карасубазар и, наконец, при Менгли-Гирее — Бахчисарай, ставший вместе и центром татарской цивилизации»[234]. Эта точка зрения была поддержана и другими учеными: «есть основание думать, что при Хаджи-Гирее столица из г. Крым была перенесена не в Бахчисарай, которого тогда еще не было, а в существовавший к этому времени г. Кырк, причем укрепленной цитаделью его была крепость "Кырк-йери"»[235].

Важнейшим подтверждением переноса столичного центра из золотоордынского Солхата (Крыма) в Кырк-Йер, ставший столицей независимого «юрта», являются монетные эмиссии. Самая ранняя несомненная монета Хаджи-Гирея, чеканенная в г. Крым (Солхат), относится к 845 (1441—1442) г. х.[236] В 858 (1454) г. х. Хаджи-Гирей бьет монету уже в Кырк-Йере[237]. Там же чеканена и монета, видимо, датированная 867 (1462—1463) г. х. Однако к этому же году, скорее всего, относится монета Хаджи-Гирея, битая все еще в Солхате[238]. Таким образом, начиная с 858 (1454) г. х. и по меньшей мере вплоть до 867 (1462—1463) г. х., хан чеканит монеты параллельно в двух городах: старой ставке — г. Крым (Солхат) и новой (Кырк-Йер).

---

[232] *Якушечкин А.В.* К вопросу об обстоятельствах прихода к власти Хаджи-Гирея // ЗО. 2016. Т. 4. № 3. С. 580—601.

[233] *Хартахай Ф.* Историческая судьба крымских татар. (Статья вторая) // Вестн. Европы. СПб., 1866. Т. 2: Июнь. С. 189—190.

[234] *Хартахай Ф.* Христианство в Крыму. М., 2003. С. 22.

[235] *Боданинский У.А., Засыпкин Б.Н.* Чуфут-Кале (по материалам раскопок 1928—29 гг.) // ИТОИАЭ. Симферополь, 1929. Т. 3 (60). С. 181.

[236] *Ретовский О.Ф.* К нумизматике Гиреев // ИТУАК. № 18 (год седьмой). Симферополь, 1893. С. 76—77; *Ürekli M.* Kırım Hanlığının Kuruluşu ve Osmanlı Himâyesinde Yükseliş. S. 13.

[237] *Ретовский О.Ф.* К нумизматике Гиреев. С. 79 и сл.

[238] Там же. С. 86—88.

Значение Солхата как старой столицы, очевидно, сохранялось и в следующем 868 (1463—1464) г. х. Именно тогда умер, видимо, отец основателя ханства Гийас ад-Дин. Похоронен он был именно в Солхате[239].

Между тем последующие представители династии погребались уже у подножья плато, которое ныне носит название Чуфут-Кале, а некоторые, возможно, и на самом плато. Высказывалась точка зрения, что Кырк-Йер был местом первоначального захоронения Хаджи-Гирея[240]. Жильбер Ромм, посетивший крепость в 1786 г., отметил в своих записках, что Айдар (сын Хаджи-Гирея), занявший на короткое время крымский трон в 1456 г., похоронен был именно там: «В центре города посреди домов видны остатки гробницы, воздвигнутой над прахом Гайдар-хана, умершего лет 300 назад». Там же была похоронена и знаменитая Джаникеханум, умершая в 1437 г., чей мавзолей до сих пор возвышается на плато, причем рядом с ним еще в начале XIX в. безусловно существовали и другие захоронения[241]. Таким образом, Кырк-Йер почти сразу же превратился в священный родовой некрополь.

Тарханный ярлык Хаджи-Гирея, датированный сафара 857 / марта 1453 г., когда ставка хана находилась «во дворце» в Кырк-Йере[242], заставляет нас отодвинуть перенос столицы ханства из Солхата в Кырк-Йер именно на период не позднее весны 1453 г. (как мы помним, в 858 (1454) г. х. в Кырк-Йере уже бьют монету).

Мы с большой долей вероятности можем предположить, что Менгли-Гирей, родившийся около 850 (1446/1447) г. х. был сыном Хаджи-Гирея от аланской княжны, дочери князя Индиаву. О происхождении своей матери Менгли-Гирей сам писал так: «...моей матери царицин отец Индиаву князь»[243]. Умерла мать Менгли-Гирея, скорее всего, в 1484 или 1485 г.[244]

Таким образом, татарско-аланский союз, скрепленный династическим браком, был оформлен незадолго до рождения Менгли-Гирея в 850 г. х., видимо, в начале 1440-х годов[245].

Часть города принадлежала яшлавским беям и, видимо, заселена была мусульманами. Старейший ханский ярлык этому роду датирован 1637 г. и выдан ханом Бахадыр-Гиреем. В нем беи названы «древними владетелями города Керки, ныне именуемого Жидовским городом». Как отмечал В. Д. Смирнов, «таких вещей спроста не вписали бы самые завзятые восточные риторы, писцы ханской канцелярии, в жалованно-подтвердительные грамоты»[246]. Сами Яшлавские, однако, жили

---

[239] *Зайцев И. В.* Образование Крымского ханства // История татар с древнейших времен: В 7 т. Т. 4: Татарские государства XV—XVIII вв. Казань, 2014. С. 130—146.

[240] *Герцен А.Г., Могаричев Ю. М.* Крепость драгоценностей Кырк-ор Чуфут-кале. Симферополь, 1993. С. 64.

[241] *Акчокраклы О.* Новое из истории Чуфут-Кале // *Акъчокъракълы О.* Эсерлер топламы. Акъмесджит, 2006. С. 263—268, 273.

[242] *Kurat A. N.* Topkapı Sarayı Müzesi Arşivindeki Altın Ordu, Kırım ve Türkistan Hanlarına ait Yarlık ve Bitikler. İstanbul, 1940. S. 64—65. Несмотря на то что тарханный ярлык Хаджи-Гирея не является подлинником, а представляет собой, по определению М. А. Усманова, вольную, местами искаженную копию-версию, составленную в Турции на основе нескольких подобных актов и объединяющую индивидуальные качества разных документов в одном образце-шаблоне (*Усманов М. А.* К истории джучидо-османской дипломатической документации // Советское востоковедение: Проблемы и перспективы. М., 1988. С. 129), дата этого шаблона особых сомнений не вызывает (хотя, как заметил еще Акдес Нимет Курат, число месяца в дате не совпадает с днем недели и нуждается в исправлении).

[243] Сб. РИО. Т. 41. С. 270.

[244] Там же. С. 47—48, 51.

[245] *Зайцев И. В.* Семья Хаджи-Гирея // Altaica XII. М., 2007. С. 64—71.

[246] *Смирнов В. Д.* Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века. М., 2005. Т. 1. С. 126—127. О легендах, связывающих Чуфут-Кале и Яшлавских, см.: *Зайцев И. В.* Крымская историографическая традиция XV—XIX веков: Пути развития. Рукописи, тексты и источники. М., 2009.

не в крепости, а лишь обладали правом сбора налогов с ее населения. Кроме того, значительную часть населения Кырк-Йера в XIV—XV вв. составляли армяне. Ярлыки населению Кырк-Йера Хаджи-Гирея от 864 (1459) г. х. и его сына Нурдевлета от 872 (1467) г. х., а также договор горожан с Менгли-Гиреем 1478/1479 г. ясно свидетельствуют о том, что в городе проживали мусульмане, христиане и иудеи[247].

Видимо, ко времени переезда Хаджи-Гирея в новую резиденцию относится и строительство мавзолея Джанике-ханум, останки которой, скорее всего, перенесли из другой усыпальницы. На Кырк-Йере рядом с существовавшей к тому времени мечетью Хаджи-Гирей основал медресе. В результате раскопок в 1920-х годов в 6 м от северо-западного угла мечети был найден осколок каменной плиты с остатками надписи, в которой угадывается имя хана Хаджи-Гирея сына Гийас-ад-Дина[248]. На мысу Бурунчак, видимо, еще первые ханы создают зверинец — своего рода заповедник для облавных охот, принадлежавший лично ханам и содержавшийся из средств казны[249]. В центре мыса вырубаются два бассейна для дождевой воды (в 1970-х годах они были исследованы археологами), а сам мыс отгораживается от жилых кварталов стеной[250]. Охотиться в этом зоопарке могли только члены правящего дома.

Долгое время Кырк-Йер служил местом, где находился монстный двор Гиреев и хранилась казна династии[251]. Причем там же хранились и военные трофеи ханов. По словам хана Шейх-Ахмеда (ок. 1527 г.), его имущество и казна Большой Орды (которые татары захватили в 1502 г.) содержались в неприкосновенности именно там: «...базар мой в Перекопи в Киркели загнан в твердое местцо, абых его в целости достал, ино я не хочу того престати, абых свое отчызны базару не доставал под царем Перекопским»[252].

Таким образом, Кырк-Йер выглядит как классический центрально-азиатский *курук* — запретное место, заповедник.

С переносом в XVI в. ханской резиденции в Бахчисарай Кырк-Йер теряет значе-

---

[247] *Акчокраклы О.* Новое из истории Чуфут-Кале. С. 269; *Vásáry I.* A Contract of the Crimean Khan Mängli Giräy and the Inhabitants of Qïrq-yer from 1478/79 // CAJ. 1982. Vol. 26. No. 3—4.

[248] *Акчокраклы О.* Эпиграфические находки // ИТОИАЭ. Т. 3 (60). С. 185, № 1; *Боданинский У. А., Засыпкин Б. Н.* Чуфут-Кале (по материалам раскопок 1928—29 г. г.) // ИТОИАЭ. Т. 3 (60). С. 181, рис. 15.

[249] *Паллас Петр Симон.* Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства. М., 1999. С. 33.

[250] *Герцен А.Г., Могаричев Ю. М.* Крепость драгоценностей Кырк-ор Чуфут-кале. С. 30.

[251] *Сыроечковский В. Е.* Мухаммед-Герай и его вассалы // Учен. зап. МГУ. Вып. 61: История. М., 1940. Т. 2. С. 5, 23. Еще Девлет-Гирей I чеканил там монету (*Муралевич В. С.* К нумизматике Гиреев: Заметка о монетах Девлет-Гирея I, Мухаммед-Гирея IV и Адиль-Гирея из Феодосийского археологического музея // ИТОИАЭ. Симферополь, 1928. Т. 2. С. 141).

[252] Цит. по: *Трепавлов В. В.* Большая Орда — Тахт Эли. С. 34; *Он же.* Золотая Орда после распада: Воспоминания о единстве // Тюркологический сб. 2009—2010. М., 2011. С. 378. Отголосок столичного статуса Кырк-Йера можно найти и в хронике Матея Стрыйковского (1582 г.), где говорится о том, что Витовт, который, как считал В. Д. Смирнов, имел к возвышению Улуг-Мухаммеда-хана прямое отношение, дал перекопским татарам двух султанов. Одного из них — Мухаммеда — в Кырк-Йер: «на царство Киркельское»; другим же был Девлет-Гирей (*Смирнов В. Д.* Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века. Т. 1. С. 178—179). Правда, воспоминания о столичном статусе Солхата-Крыма еще долго жили в умах и сердцах его уроженцев. Много позже, в 1581 г., в сочинении хорошо знакомого нам османского историка Мустафы Али Гелиболулу мы встречаем своего рода нравоучительный плач о разорении и упадке города Крым, который вложен в уста османского падишаха Мехмеда II и его собеседника, солхатского уроженца, знаменитого Мевляны Сейида Ахмеда б. Абдуллы Кырыми (ум. в 879 (1474—1475) г. х. (*Tietze A.* Mustafā ʻĀlī's Counsel for Sultans of 1581: Ed., Transl., Notes. I. Pt. Wien, 1979. P. 101—103, 25—26).

ние, но остается местом заповедных ханских охот, а долина у подножья Бурунчака становится местом последнего пристанища первых четырех поколений династии Гиреев[253]. Вскорс город отдается целиком в качестве держания беям Яшлавским, а потом заселяется караимами.

Однако еще и в 1540-е годы Кырк-Йер считался престольным городом ханства. По крайней мере панегирист Сахиб-Гирея Нидаи Реммал-ходжа в 950 (1543) г. х., закончив в Кырк-Йере свою суфийскую поэму «Гендж-и Эсрар-и Мани», в ее колофоне прямо называет этот город крымской столицей (*махтгях*)[254].

Правление Хаджи-Гирея на короткий срок прервалось летом 1456 г., когда к власти на полуострове, видимо, пришел Айдар (Хайдар) б. Хаджи-Гирей. Однако удержаться на престоле ему не удалось: после ноября он бежал в Литву, а на трон вернулся его отец[255]. Впрочем, как справедливо замечал А. М. Некрасов, связывать «царский» титул Айдара именно с событиями 1456 г. можно только предположительно[256]. Например, в армянских источниках смещение Хаджи-Гирея в 1456 г. связывается с неким султаном Махмудеком, которого Т. Э. Саргсян отождествляет с золотоордынским ханом Махмудом[257].

Айдар еще был жив в начале 1480-х годов. В русском переводе сохранилось его письмо от марта 1483 г. из Москвы в Крым к жене Бараш-султан, которая жила там вместе с сыном Даниялом. Айдар звал жену и сына к себе. В тексте посольской книги Айдар назван царем, это означает, что он действительно занимал ханский престол (скорее всего, в Крыму) до этого[258]. Иногда в русских документах этот хан писался как «Айдар Газы» (т.е имел приставку «Гази» — «борец за веру»). Вскоре Айдар скончался. В ноябре 1491 г. в Москву были доставлены письма Менгли-Гирея, в одном из которых он просил Ивана III прислать ему доспех Айдара («Айдаров пансырь»)[259]. Другая жена Айдара, по имени Девлет-султан, принимала участие в воспитании будущих казанских ханов Абд ал-Латыфа и Мухаммед-Эмина и их сестры Гаухаршад. Девлет-султан, видимо, разделила судьбу мужа и переехала в Московское государство (она пережила супруга и была еще жива в 1498 г., когда даже собиралась в хадж). В 1498 г. Нур-султан писала Ивану III в Москву: «...сам гораздо знаешь, Айдар Газы моего сына кормил, его жена Довлет салтан моим детям сиську давала, и ныне к Мяхке [т. е. к Мекке] ехати обреклася; жаловавши к нам пришлешь; а мы человека прикошевав к Мяке пошлем, и молитва ее и молба с тобою будет...»[260].

Согласно сведениям «Теварих-и Дешт-и Кипчак» Абдуллаха б. Ризвана, «Исправле-

---

[253] *Гаврилюк Н.А., Ибрагимова А. М.* Тюрбе хана Хаджи Герая (по материалам археологических исследований 2003—2008 гг.). Киев; Запорожье, 2010.

[254] *Şen F. M.* Nidâî ve Kırım Tarihi Hakkında Yeni Bir Eseri: Nusret-i Gazâ-yi Sâhib Gerây Hân, Hikâyet-i Boğdan // Türkiyat Mecmuası. Cilt 23/Güz. İstanbul, 2013. S. 152.

[255] *Колли Л. П.* Хаджи-Гирей хан и его политика (по генуэзским источникам): Взгляд на политические сношения Кафы с татарами в XV в. // ИТУАК. Симферополь, 1913. № 50. С. 132—135.

[256] *Некрасов А. М.* Возникновение и эволюция Крымского государства в XV—XVI веках. С. 50.

[257] Свод армянских памятных записей, относящихся к Крыму и сопредельным регионам (XIV—XV вв.) / Сост., рус. пер., введ. и примеч. Т. Э. Саргсян. Симферополь, 2008. С. 45, 251—253. См. также: *Сабитов Ж. М., Якушечкин А. В.* Кто был ханом в Крыму в 1456 году? // Крымское историческое обозрение. 2015. № 2. С. 175—185. Это весьма вероятно. Однако можно сделать и другое предположение. Махмудеком звали сына Улуг-Мухаммеда, который в то время правил в Казани.

[258] Сб. РИО. Т. 41. С. 37.

[259] Там же. С. 124.

[260] Там же. С. 273.

ниям истории царей» Хюсейна Хезарфенна и анонимного сборника, опубликованного В. Д. Смирновым, хан Хаджи-Гирей скончался в 880 г. х.[261], т. е. в промежуток времени между 7 мая 1475 г. и 25 апреля 1476 г. Эта дата османских авторов, безусловно, неверна. Ее появление является опиской из 870 г. х. (24 августа 1465—12 августа 1466 г.)[262]. Согласно «Ассеб ас-Сейар» и ее редакциям-сокращениям, а также труду Халим-Гирея, Хаджи-Гирей умер в 871 г. х.[263] Однако, как указывал М.Урекли, этим годом хиджры датирована монета, битая от имени хана[264]. Сведения о смерти Хаджи-Гирея пришли в Кафу в конце августа 1466 г.[265], это значит, что хан умер, видимо, незадолго до этого (в середине месяца или ближе к его концу, т. е. после 12 августа, поскольку успели отчеканить монету с датой 871 г. х.). Основателя Крымского государства похоронили в Салачике рядом с ханской столицей у подножья Кырк-Йера[266]. Дюрбе (мавзолей) Хаджи-Гирея в Салачике, ставший местом последнего успокоения четырех поколений ханов и султанов, сохранился до наших дней[267].

Османские и крымские хроники едины во мнении, что после смерти Хаджи-Гирея на власть претендовали 12 его сыновей. Так пишет Мустафа Али-эфенди[268]. В «Теварих-и Дешт-и Кипчак» Абдуллаха б. Ризвана также указывается, что после смерти Хаджи осталось 12 его сыновей, «годных на ханство»[269]. Анонимная «История Крыма» также упоминает 12 сыновей, «годных на ханство»[270]. Хюсейн Хезарфенн, близкий текстуально этим источникам, также пишет о 12 сыновьях[271].

«Теварих-и гузида — нусрат-наме» свидетельствует о восьми сыновьях Хаджи-Гирея, называя при этом только семерых: Даулат-Йар, Наур-Даулат-хан, Кутлук-хан, Келдиш, Менгли-Кирай, Йамгур-

---

[261] Сборник некоторых важных известий и официальных документов касательно Турции, России и Крыма / Изд. с прилож. В. Д. Смирнов. СПб., 1881. С. 12; *Zajączkowski A.* La Chronique des Steppes Kiptchak *Tevarih-i Deşt-i Qipcaq* du XVIIe siècle. Warszawa, 1966. S. 32 (fol. 5v); *Хюсейн Хезарфенн.* Тенких-и теварих-и мулюк (Исправление истории царей). Рук. МГИМО (У) МИД (№ 257). Л. 29.

[262] Несмотря на то что в ряде текстов (например, у Хезарфенна) эта дата написана не цифрами, а словами.

[263] Ассеб о-ссейяр, или Семь планет, содержащий историю крымских ханов от Менгли-Гирей хана 1-го до Менгли-Гирей хана 2-го, т. е. с 871/1466 по 1150/1737 г. / Соч. Сейида Мухаммеда Ризы. Казань, 1832 (араб. шрифт). С. 73; Рук. Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского. Ф. V (Одесское общество истории и древностей). № 3805. Л. 27; *Halim Giray.* Gülbün-ü Hânân (Kırım Hanları Tarihi). Değerlendirme-Metin-Tıpkıbasım. İstanbul, 2013. S. 31. По С. Шарафутдинову, Хаджи-Гирей на престол вступил в 841 (1437—1438) г. х., а умер в 871 (1466—1467) г. х. ([*Шарафутдинов С.*] Шеджере-и Чингизийе. Казан, 1906 (араб. шрифт)).

[264] *Ürekli M.* Kırım Hanlığının Kuruluşu ve Osmanlı Himâyesinde Yükseliş. S. 13.

[265] *Колли Л. П.* Хаджи-Гирей хан и его политика (по генуэзским источникам). С. 137; *Колли Л. П.* Падение Каффы // ИТУАК. Симферополь, 1918. № 54. С. 129.

[266] *Halim Giray.* Gülbün-ü Hânân (Kırım Hanları Tarihi). Değerlendirme-Metin-Tıpkıbasım. S. 31.

[267] *Боданинский У.* «Дурбе» — мавзолеи в Крыму: (Из истории искусства крымских татар) // ИТОИАЭ. Симферополь, 1927. Т. 1 (58). С. 198—199; *Гаврилюк Н. А., Ибрагимова А. М.* Тюрбе хана Хаджи Герая (по материалам археологических исследований 2003—2008 гг.).

[268] Собр. рук. Восточного факультета СПб. гос. ун-та. MS 454. Л. 87 об.

[269] *Zajączkowski A.* La Chronique des Steppes Kiptchak *Tevarih-i Deşt-i Qipcaq* du XVIIe siècle. S. 32 (fol. 5v); *Зайончковский А.* «Летопись Кипчакской степи» («Теварих-и Дешт-и Кипчак») как источник по истории Крыма // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. М., 1969. Т. 2. С. 17.

[270] Сборник некоторых важных известий и официальных документов касательно Турции, России и Крыма. С. 12.

[271] *Хюсейн Хезарфенн.* Тенких-и теварих-и мулюк («Исправление истории царей»). Л. 29.

чи, Уз-Тимур[272]. В других источниках встречаются имена всех восьмерых (правившие выделены курсивом): *Менгли-Гирей*; *Айдар*[273]; Ямгурчи, *Нурдевлет*[274]; Оздемир[275]; Девлетъяр; Кутлуг-Заман; *Кильдиш* (Килдибай).

Особняком стоят данные краткой рукописной заметки по истории Крымского ханства, опубликованной Н. С. Сейтягьяевым по рукописи Национальной библиотеки Украины им. В. Вернадского (рук. 3780). В ней указано, что у Хаджи-Гирея было восемь сыновей, причем из восьми упомянутых пятеро названы ханами (Нурдевлет, Айдар, Менгли, и, как не странно, Ягмурчи и Озтимур), а трое (Девлетъяр, Кельдиш и «Токълукъ Заман», т. е., видимо, Кутлуг-Заман) этой приставки в имени не имеют[276].

Очевидно, что Менгли-Гирей не был старшим из сыновей Хаджи-Гирея. Так, в источниках он называет Нурдевлета «большим», т. е. старшим братом[277]. Менгли-Гирей был вроде бы шестым сыном Хаджи[278]. В год смерти (921 г. х.) Менгли-Гирею было 71 год от роду[279]. Значит, родился он в 850 г. х. (29 марта 1446 г. — 18 марта 1447 г.). Как писал А. М. Некрасов, Менгли-Гирей, вероятно, был четвертым сыном Хаджи-Гирея. Он мог им оказаться, если двое из пяти старших сыновей умерли при жизни отца. Тогда и получение Менгли отцовского родового прозвища Гирей могло быть связано с древней монгольской традицией наследования «коренного юрта» четвертым сыном и получением им в этой связи наименованием «эджен»[280].

Девлетъяр (отец уехавшего в Литву Девлеша) и Кутлуг-Заман, скорее всего, умерли еще при жизни отца[281]. Кильдиш упоминается еще в 1470-х годах в генуэ-

---

[272] Материалы по истории Казахских ханств XV—XVII веков. С. 40.

[273] Правил, по Шарафутдинову, в 873 (1468—1469) г. х. [*Шарафутдинов С.*] Шеджере-и Чингизийе.

[274] Правил, по Шарафутдинову, с 871 (1466—1467) г. х. по 873 (1468—1469) г. х. В 1478 г. Нурдевлет с братом Айдаром прибыл в Литву (*Думин С. В.* Татарские царевичи в Великом княжестве Литовском (XV—XVI вв.) // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. 1987. М., 1989. С. 108). Осенью 1479 г. вместе с братом Айдаром и собственным сыном Бир-Девлетом выехал в Москву из Литвы. Литовский посол в Крыму должен был в 1479 г. говорить хану от имени польского короля и великого князя литовского: «А Нурдывлат а Ойдар пришли до его милости земли и его милости Господарь наш им хлеба и соли не боронил, и как добровольно пришли, так добровольно и отошли и тепере живут где им любо» (Сборник Муханова. СПб., 1866. С. 25). Вскоре Нурдевлет был помещен на Мещере (Касимов) (*Беляков А. В.* Чингисиды в России XV—XVII веков: Просопографическое исследование. Рязань, 2011. С. 57). Весной 1480 г. Айдар был сослан в Вологду.

[275] И Оздемир, и его племянник Девлеш покинули Крым и женились в Литве еще в начале 1490-х годов. Там им было дано от короля, по словам Посольской книги, «поместие» (Сб. РИО. Т. 41. С. 151, 167; *Думин С. В.* Татарские царевичи в Великом княжестве Литовском (XV—XVI вв.). С. 108).

[276] *Сейтягьяев Н. С.* В. Вернадский адына миллий ильмий китапханенинъ эльязма болюгинде булунгъан къырымтатар ве тюрк тарихлары, тиллери ве эдебиятлары боюнджа мальземелер // Труды НИЦ крымскотатарского языка и литературы КИПУ. Симферополь, 2011. Т. 1. С. 344.

[277] Сб.РИО. Т. 41. С. 278.

[278] *Смирнов В. Д.* Крымское ханство под верховенством Отоманской Порты до начала XVIII века. С. 330.

[279] Эту цифру дают списки анонимной истории крымских ханов: Институт восточных рукописей РАН. Рук. С 861. Л. 5; Рук. Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского. Ф. V. № 3804. Л. 3 об. См. также французский перевод по списку BNF (Supplément Turc 515. Французский список, привезенный из Крыма в 1819 г. А. Жобером) (Précis de l'Histoire des Khans de Crimée depuis l'an 880 jusqu'a l'an 1198 de l'hégire / Trad. du turc par M. M. Kazimirski, revu par Am. Jaubert) // Nouveau Journal Asiatique. P., 1833. T. 12. P. 359).

[280] *Некрасов А. М.* Возникновение и эволюция Крымского государства в XV—XVI веках. С. 50—51.

[281] *Колли Л. П.* Падение Каффы. С. 130; *Некрасов А. М.* Возникновение и эволюция Крымского государства в XV—XVI веках. С. 50.

зских документах в связи с Кафой[282]. Кильдиш (Кильдибай)[283], или Йани Киди-хан (так его называет Марджани, считая при этом двоюродным братом Менгли, как, впрочем, и Нурдевлета)[284], возможно, на короткий срок занял крымский трон в 878 (1473—1474) г. х.[285] Возможно, как свидетельствует хроника Давида Лехно, Кильдиша действительно убили *мансуры*[286], т. е. крымские ногаи. В так называемой «Краткой истории», различаются Бай-Гельди (т. е. Кельдиш-Кельдибай) и Бай-Девлет (Девлет-яр?). Бай-Девлета вместе с его сыновьями убивает при вступлении на престол Нурдевлет, однако его в свою очередь убивает (?) другой брат — Бай-Гельди, который ханствовал всего 15 дней и вскоре бежал, при этом все его приверженцы были истреблены, а ставка на Днепре захвачена[287].

Согласно А. П. Григорьеву, хронология правлений крымских ханов в 1450—1470-х годах выглядит так. Разгромивший Ахмета в 1465 г. Хаджи-Гирей скончался в 1466 г. Ему наследовал Менгли-Гирей, однако престол у него отобрал его брат Нурдевлет, который и правил между 1466 и 1468 гг. Точнее, время его правления позволяют определить монеты. От Нурдевлета сохранилась серебряное акче, битое в г. Крым в 871 (1466—1467) г. х.[288] В сентябре 1467 г. он шертовал польскому королю Казимиру[289].

Нурдевлета сверг Менгли-Гирей, царствовавший до весны 1475 г., когда он снова уступил трон Нурдевлету и Айдару. Сам же Менгли-Гирей в конце 1475 или начале 1476 г. был вывезен в Турцию, где проживал до конца 1478 г. Нурдевлет и Айдар остались на полуострове соправителями. К июню 1476 г. в ханстве вспыхнула гражданская война. Одну из противоборствующих сторон поддерживал и номинально возглавлял чингисид Джанибек. Эта группировка в конце июня 1476 г. осадила в крепости Крым (Солхат) главу рода Ширин Эминека и его сторонников, но взять город штурмом не удалось. Нурдевлет и Айдар вынуждены были бежать, и осенью 1476 г. власть в Крыму перешла в руки Джанибека[290]. Краткий

---

[282] *Гайворонский О.* Повелители двух материков. Т. 1: Крымские ханы XV—XVI столетий и борьба за наследство Великой Орды. Киев; Бахчисарай, 2007. С. 103.

[283] Ассеб о-ссейяр, или Семь планет, содержащий историю крымских ханов от Менгли-Гирей хана 1-го до Менгли-Гирей хана 2-го, т. е. с 871/1466 по 1150/1737 г. С. 74.

[284] Очерки Марджани о восточных народах / Вступ. ст., коммент., пер. с араб., ст.-тат. языков и примеч. А. Н. Юзеева. Казань, 2003. С. 125.

[285] [*Шарафутдинов С.*] Шеджере-и Чингизийе.

[286] *Гаркави А. Я.* Отрывки из исторического сочинения Давида Лехно // Отчет императорской Публичной библиотеки за 1882 год. СПб., 1884. С. 2—3.

[287] *Негри А. Ф.* Извлечение из Турецкой рукописи Общества, содержащей историю Крымских ханов // Зап. Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1844. Т. 1. С. 382; Рук. Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского. Ф. V. № 3805. Л. 27 об.

[288] См.: http://www.zeno.ru/search.php?searchid=214492. Эта монета встречается в кладах далеко за пределами Крыма. В кладе 1930 г. из Московского Кремля (возможно, он связан с торговлей купцов-«сурожан» в Москве в правление Ивана III) имелись монеты Хаджи-Гирея, битые в Кырк-Ере в 858 г. х. (1 января — 21 декабря 1454 г.), в Крыму в 867 г. х. (26 сентября 1462 — 14 сентября 1463 г.), а также монеты Нурдевлета (Крым, 871 г. х. — 13 августа 1466 — 1 августа 1467 г.) (*Зверев С. В.* Клад золотоордынских и крымских монет XIII—XV вв. из Московского Кремля // Город и степь в контактной евро-азиатской зоне: III Междунар. науч. конф., посвященная 75-летию со дня рождения Г. А. Федорова-Давыдова (1931—2000): Тезисы докладов. М., 2006. С. 208).

[289] *Kołodziejchyk D.* The Crimean Khanate and Poland-Lithuania. International Diplomacy on the European Periphery (15th—18th Century). A Study of Peace Treaties Followed by Annotated Documents. Leiden-Boston, 2011. P. 536—537.

[290] *Григорьев А. П.* Время написания ярлыка Ахмата // Историография и источниковедение стран Азии и Африки. 1987. Вып. 10. С. 77—78.

период его правления фактически означал объединение Крымского ханства и Большой Орды в единый политический организм[291].

Кто был Джанибек, который на короткое время овладел Крымом в середине 1470-х годов? У нас нет однозначного ответа на этот вопрос. Вероятнее всего, он был сыном Махмуда б. Кучук-Мухаммеда и впоследствии (с 1514 г.) занимал астраханский престол. «Таварих-и гузида — Нусрат-наме» называет одного хана по имени Джанибек из потомков Тимур-Кутлука. Последний, по этой версии, имел четырех сыновей: Пулада, Тимура, Насира и Йадгара. Сыном Тимура был Мухаммед-хан (т. е. хорошо известный Кучук-Мухаммед), также имевший четырех сыновей: Касим-хана, Боз-Торгая, Абд ал-Карима и Кельдибека. Его сыновья — Ак-Бобай, Меде-Мамадж, Ак-Ьудал и Музаффар. Сыном Музаффара и был хан Джанибек[292]. Но, во-первых, из этого текста неясно, чьим сыном был Музаффар (Кельдибека?); во-вторых, генеалогия потомков Кучук-Мухаммед-хана, скорее всего, сильно спутана.

В 1478 г. на какое-то время власть в ханстве снова захватил Нурдевлет. Именно в этом году в Польшу к Казимиру в сопровождении османского дипломата прибывает его посол[293]. Однако уже в следующем году на троне сидел Менгли-Гирей. В списке *шерт-наме* между мусульманской, караимской и армянской общинами Кырк-Йера и Менгли-Гиреем, которое было составлено между январем и концом марта 1479 г., было оговорено условие, по которому жители Кырк-Йера обязывались не давать убежище («впускать в крепость») сыновей Хаджи-Гирея или Сейд-Ахмеда. И. Вашари в первом видел Нурдевлета, а во втором Джанибека[294]. Хотя под сыном Хаджи-Гирея мог подразумеваться любой из живых на то время сыновей хана, кроме самого Менгли-Гирея.

Османское завоевание южного берега Крыма определило всю последующую жизнь региона, оказав огромное влияние на дальнейшую судьбу ханства. Планы османов по покорению северных берегов Черного моря сформировались еще к середине XV в. С 1475 г. Крымское ханство оказалось по отношению к Османской империи в сложном положении, которое нельзя однозначно трактовать ни как полный вассалитет, ни как полную независимость.

Это положение было зафиксировано каким-то соглашением (рода *шерти*). Впрочем, со времен В. Д. Смирнова отечественные историки в существовании такого договора сомневаются[295]. Датировать заключение этого соглашения трудно. Возможно, что в своей первоначальной форме оно было заверено новым крымским ханом Менгли-Гиреем и завоевателем Кафы Ахмед Гедик-паша (от лица Мехмеда II). Текст этого соглашения дошел до нас в форме, вероятно, довольно близкой к первоначальной[296]. Очень вероятно, что позже, после выработки дополнительных условий, могла быть подписана еще одна его версия.

В труде Мехмед-Гирея об этих событиях было сказано так: «После того как его (т. е. Менгли-Гирея. — *И. З.*) облекли в пышные царские одежды, они заключили между собою договор. Султан сказал: "Не станем мы, в противность чистому закону, при вся-

---

[291] *Трепавлов В. В.* Большая Орда — Тахт Эли. С. 69.

[292] Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII веков. С. 40.

[293] *Зайцев И. В.* Между Москвой и Стамбулом: Джучидские государства, Москва и Османская империя (начало XV — первая половина XVI вв.). М., 2004. С. 93.

[294] *Vásáry I.* A Contract of the Crimean Khan Mängli Giräy and the Inhabitants of Qïrq-yer from 1478/79 // CAJ. 1982. Vol. 26. N 3—4. P. 294, 298—299; *Зайцев И. В.* Между Москвой и Стамбулом. С. 93.

[295] *Некрасов А. М.* Возникновение и эволюция Крымского государства в XV—XVI веках. С. 53.

[296] *Зайцев И. В.* Крымская историографическая традиция XV—XIX веков: Пути развития. Рукописи, тексты и источники. М., 2009. С. 142—157.

ком удобном случае воевать друг с другом и наносить друг другу вред, а будем во всех делах оказывать взаимную помощь и, ведя брань с врагами веры, сквернообычными гяурами, будем мстить им. Впредь пусть род твой присягает мне, и на хутбе сперва пусть поминается мое имя, а потом имя того, кто будет ханом. Эти условия не должны выходить из рамок письменных договоров и должны быть соблюдаемы с обеих сторон". Хан тоже согласился на это и, удостоившись чести поцеловать руку (султана), получил знамя, барабан и литавры, и таким образом Бенглы-Герай-султан был назначен ханом в область Крымскую. Договоры обеих сторон были написаны, и он (Менглы-Герай) благополучно и с почестями отправился в пределы Крыма»[297]. Сообщение Мехмед-Гирея ясно дает понять, что договор был подписан в Стамбуле. Наиболее подходящее время для этого — 1478 г., когда Менгли-Гирея утверждали на престол. Неспроста некоторые османские авторы (например, Мустафа Али Гелиболулу в «Кюнх ал-ахбар») датируют «спасение крымской династии» и установление османского суверенитета над ханами 1478 г.[298], т. е. временем окончательного утверждения Менгли-Гирея на троне[299].

Политическая практика свидетельствовала в пользу подчиненности ханов Крыма османским падишахам, тогда как с точки зрения исламской теории государственной власти крымские ханы оставались независимыми и суверенными монархами[300] и довольно часто действовали если не вопреки инструкциям из Стамбула, то по крайней мере часто игнорировали их[301]. Так, по мнению французских исследователей А. Бенигсена и Ш. Лемерсье-Келькеже, «вопреки свидетельствам некоторых иностранных наблюдателей, "узы вассальной зависимости" между ханом и падишахом не были, по-видимому, определены формальным соглашением. В XV и XVI вв. ханы сохраняли полную власть в области внутреннего гражданского и военного управления их княжеством. Они только признали османского падишаха верховным сюзереном, что давало ему право, впрочем, весьма формальное, потребовать от них присоединиться во главе татарских армий к великой армии империи. В XV и начале XVI в. ханы еще могли позволить себе категорически отказаться от приглашений Блистательной Порты»[302]. Так, в начале 1476 г. хан Нурдевлет, приглашенный Мехмедом II присоединиться к османским войскам в Молдавии, не согласился под предлогом нападения на Крым хана Большой Орды Ахмеда. Таким образом, он вел себя не как его вассал, а скорее как непостоянный союзник, более озабоченный своими собственными интересами, чем интересами Османской

---

[297] *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века. Т. 1. С. 239.

[298] *Schmidt J.* Pure Water for Thirsty Muslims. A Study of Mustafā 'Ālī of Gallipoli's *Künhü l-Aḥbār*. Leiden, 1991. P. 149.

[299] *Инальджик Х.* Крым под властью османов и спор о заключении соглашения: По материалам новых документов // ЗО. 2013. № 1—2. С. 118—119.

[300] *Зайцев И.В.* Крымское ханство: Вассалитет или независимость? // Османский мир и османистика: Сб. статей к 100-летию со дня рождения А.С. Тверитиновой (1910—1973). М., 2010. С. 288—296; *Zaytsev I.* The Crimean Khanate between Empires: Independence or Submission // Empires and Peninsulas. Southeastern Europe between Karlowitz and the Peace of Adrianople, 1699—1829 / Ed. by P. Mitev, M. Baramova, V. Racheva. Münster, 2010. P. 25—27. См. также: *Некрасов А.М.* Возникновение и эволюция Крымского государства в XV—XVI веках. С. 53—55.

[301] *Некрасов А.М.* Возникновение и эволюция Крымского государства в XV—XVI веках. С. 53.

[302] *Bennigsen A., Lemercier-Quelquejay Ch.* Le Khanat de Crimée au Début du XVI Siecle. De la Tradition Mongole a la Suzeraineté Ottomane d'aprés un document inédit des Archives ottomans // Cahiers du monde russe et soviétique. P.; La Haye, 1972. Vol. 13. Nr. 3.

империи. В 1521 г. Мухаммед-Гирей также ответил отказом на приглашение Сулеймана Великолепного присоединиться к османской армии в Венгрии[303]. Эта самостоятельная политическая линия ханства приводит нас к теме сущности отношений османских падишахов и крымских ханов. По рангу крымский хан был приравнен к румелийским бейлербеям и ежегодно получал от султана содержание (сальяне), выделявшееся из доходов кафинской таможни и равнявшееся в XVI в. примерно 1,5 млн акче[304]. По случаю восшествия на престол каждый хан получал от османского двора так называемые *тешрифат акчеси*, единовременную выплату, которая в XVII в. также могла достигать почти 1 млн акче[305]. Кроме того, хан получал из Стамбула еще и так называемые *секбан акчеси* — сумму, выплачиваемую на финансирование корпуса секбанов — личной гвардии, стражи хана, которых также присылали из Стамбула (первым, кто получил эти деньги, был Сахиб-Гирей[306]). Наконец, при каждом приглашении участвовать в походах османской армии крымским ханам посылалась значительная сумма, которая называлась *тиркеш бехасы* («колчанные»)[307] — деньги на ведение военных кампаний совместно с османской армией (в Молдавии, Иране, Венгрии). Инвеститура хана султаном включала непременный высочайший прием хана султаном, после чего хан жаловался специальными знаками-дарами — знаменем (санджак), саблей[308], мехом соболя, барабаном, а также особым головным убором с так называемым соргучем (кисточка-султан, эгретка), украшенным драгоценными камнями. Нередко ханам даровали также и кафтан с султанского плеча[309]. Принятие пера и сабли традиционно трактуется как знак вассалитета[310]. Между тем крымский хан имел все атрибуты независимости, принятые в средневековом исламском государственном устройстве: право хутбы (упоминания в пятничной проповеди) и право чеканки монеты с собственным именем (сикке).

Крымские ханы зачастую вели достаточно независимую от османов политику, поддерживая дипломатические и торговые отношения с государствами — противниками Османской империи[311].

Например, в конце XV—XVI в. важным внешнеполитическим партнером ханства был мамлюкский Египет. Крымские связи с Египтом, безусловно, имели своим истоком тесные отношения Египта с Золотой

---

[303] Ibid.; Le Khanat de Crimée dans les archives du Musée du palais de Topkapi. P., 1978. P. 95—97 (док. E. 1301). Примеры такого самостоятельного поведения крымских ханов см.: *Некрасов А. М.* Возникновение и эволюция Крымского государства в XV—XVI веках. С. 53—54.

[304] Эта сумма неуклонно росла и в XVII—XVIII вв. достигала размеров от 2,5 до 9,5 млн акче (*Fisher A.* Crimean Separatism in the Ottoman Empire // Nationalism in a non-national state. The Dissolution of the Ottoman Empire / Ed. by W. W. Haddad and W. Ochsenwald. Ohio, 1977. P. 62).

[305] Ibid.

[306] *Kellner-Heinkele B.* Ṣāḥib Girāy Khān I // Encyclopaedia of Islam. Second ed. Leiden, 1995. Vol. 8. P. 832.

[307] Иногда сумма, выплачиваемая Портой крымским ханам за участие в совместных военных действиях, в источниках называется *чизме беха* или *чизме бехасы* («сапожные деньги», «на сапоги»)? т. е. средства на расходы.

[308] Этим знакам власти целый раздел своей «Истории» посвятил Джевдет-паша. См.: Тарих-и Джевдет: В 2 т. Стамбул, 1891/1892. Т. 1. С. 30—33.

[309] *Зайцев И.* Крымские ханы: Портреты и сюжеты // Восточная коллекция. Весна 2003. С. 87—88.

[310] Присылка султаном хану сабли и кафтана осуществлялась и в случае приказа выступить в военный поход. См.: *Санин Г. А.* Отношения России и Украины с Крымским ханством в середине XVII века. М., 1987. С. 55.

[311] *Matuz J.* Les Relation étrangeres du Khanat de Crimeé (XVe—XVIIIe siécles) // Revue d'Histoire Diplomatique. 1988. Nr. 3—4. C. 233—249.

Ордой. При последнем мамлюкском султане ал-Ашрафе Кансухе ал-Гури (1501—1517 гг.) контакты продолжались. В 1508 г. брат Менгли-Гирея Ямгурчи (который незадолго до этого совершил хадж, видимо, через египетские владения) просил у Василия III рысью шубу специально для отправки в Египет. Египетский поход Селима Явуза (1517) положил конец связям двух государств[312].

Другим заклятым врагом османов, с которым тем не менее крымские ханы поддерживали тесные контакты, был Сефевидский Иран. Менгли-Гирей имел дипломатические отношения с предшественниками Сефевидов — государством Ак-Коюнлу: имеются сведения о крымском посольстве (не позднее 1490 г.) в Тебриз к султану Якубу б. Узун-Хасану (1478—1490)[313]. Тебриз и в целом Восточный Азербайджан еще в XIV в. были яблоком раздора между Золотой Ордой и ильханами.

Основой для дружеских взаимоотношений Крымского ханства с Московским великим княжеством было противостояние двух государств общему врагу — Большой Орде. Главным источником для реконструкции московско-крымских отношений служат посольские книги. Первая Крымская посольская книга открывается посольством Никиты Беклемишева марта 1474 г. к Менгли-Гирею. Московское посольство было ответом на миссию Ази Бабы (Хаджи-Бабы) с предложением братства, дружбы и любви. Сам текст Посольской книги говорит о том, что эти контакты были к тому времени традиционными. Беклемишеву следовало говорить крымским князьям: «...издавна наши передние с вашими передними же меж себя правду и дружбу держивали»[314]. Инициатива поддержания московско-крымских контактов, как свидетельствует посольство Н. Беклемишева, принадлежала видному представителю кафинского купечества иудею Ходже Кокосу (как он назван в русских документах)[315]. Именно он прислал в Москву перед миссией Хаджи-Бабы своего шурина Исупа (Юсуфа) с ярлыком царевым «верющим», а также грамоту ширинского князя Мамака[316].

Ходжа Кокос (Гёкгёз, т. е. «Голубоглазый»), был, вероятно, крайне влиятельным финансистом, не раз сам Менгли-Гирей прибегал к его услугам. В 1484 г. великий князь Иван наказывал Василию Ивановичу Ноздроватому, посланному к Менгли-Гирею: «Кокосу... говорити от великого князя, чтобы купил великому князю лалы да яхонты, да зерна жемчужные великие, да прислали бы к великому князю; а цену им князь велики за то заплатит, да сверх того ещо своим жалованием пожалует»[317].

Беклемишев вернулся 13 ноября 6983 (1474) г.: «А того же дни пришел из Крыму посол великого князя Никита Беклемишев от царя Менли Гиреа, Ачи Гереева сына Крымского, а с ним посол царев Довлетек Мурза с многими поминки. А правил посольство того же месяца 16: "Великому князю от царя любовь и братство. И кто бу-

[312] *Зайцев И.В.* К истории дипломатических связей Крымского ханства и доосманского Египта (вторая половина XV — начало XVI века) // Репрезентация власти в посольском церемониале и дипломатический диалог в X — первой трети XVIII века: Третья Междунар. науч. конф. цикла «Иноземцы в Московском государстве», посвященная 200-летию Музеев Московского Кремля. Москва, 19—21 октября 2006 г.: Тезисы докладов. М., 2006. С. 49—51.

[313] Сб. РИО. Т. 41. С. 106.

[314] Там же. С. 6.

[315] В Таможенном регистре Кафы конца 1480-х годов сын Гёкгёза (Кокоса) назван иудеем (*йахуди*). Сам Кокос писал в Москву «жидовским письмом».

[316] Сб. РИО. Т. 41. С. 6—7.

[317] Там же. С. 40.

дет тебе, великому князю, друг, тот и мне, царю, друг; а кто тебе недруг, тои и мне недруг. Также и дети наши и внучата на тои любви и братстве да будут”»[318].

Следующее московское посольство Алексея Старкова датируется мартом 1475 г. Кокос снова оказывает посреднические услуги, на этот раз по сватовству сына московского великого князя с дочерью мангупского князя Исайей[319]. Таким образом, посредниками в установлении московско-крымских отношений были представители кафинского купечества — высшего его слоя, задействованного в торговых операциях с Москвой.

В сентябре 1477 г. из Москвы в Крым планировалось посольство к хану Джанибеку. Однако османское завоевание и гражданская война на полуострове сильно затянули дело. Это посольство с татарином Темешом также было ответным (миссия Яфар Бердея с просьбой оказать Джанибеку услугу и предоставить ему «опочив» в случае бегства из Крыма).

К апрелю 1479 г., когда Менгли-Гирей окончательно утвердился на престоле, относится посольство Иванчи Белаго в ответ на присылку Алача и Сырпяка.

Интенсивный обмен посольствами между двумя государствами привел к появлению в их столицах особых мест для проживания дипломатов. В конце XV и начале XVI в. в Москве крымских послов поначалу ставили в Кремле, а начиная с 1530-х годов — поблизости от исконного места пребывания московских мусульман — Замоскворечья. В Крыму москвичей определяют на жительство в христианские села[320]. И в том, и в другом случае определяющим, скорее всего, было наличие поблизости мечети и храма[321]. В Москве это была, вероятно, мечеть на самом Крымском дворе, а также существовавшая, скорее всего, к тому времени мечеть в Замоскворечье; в Крыму — это были храмы в селах Шури и Качи-Кальоне недалеко от современного Бахчисарая. В XVII в. стан русских посольств был перенесен в дер. Бююк-Яшлав, но и тогда связь русских посольств с христианским населением близлежащих деревень в окрестностях Бахчисарая сохранилась[322].

Помимо Московского великого княжества, крымские ханы поддерживали дипломатические отношения и с другими русскими княжествами до момента их поглощения Москвой. К ним относится прежде всего Рязанское княжество. В ноябре 1491 г. на Русь приехали крымские гонцы с письмами, в одном из которых Менгли-Гирей уведомлял Ивана III о своих связях с Рязанью, куда он отправил своего человека Шемерденя[323]. В материалах московского посольства в Крым марта 1492 г. (И. А. Лобана Колычева) упоминается о миссии ханского человека Шемерденя к великому князю

---

[318] Иосафовская летопись. М., 1957. С. 89.

[319] Другая дочь мангупского князя, Мария, согласно данным Бистрицкой летописи, была с сентября 1471 г. замужем за молдавским воеводой Стефаном Великим. Она умерла в декабре 1476 г. Молдавско-немецкая летопись 1457—1499 гг. называет ее княжной из Мангупа (furstyn auss Maugop) и почему-то черкешенкой (ein Zerkassin) (Славяно-молдавские летописи XV—XVI вв. / Сост. Ф. А. Грекул. М., 1976. С. 27, 39, 49, 64). Часть беженцев, уцелевших после взятия османами Кафы и Мангупа, осела именно в молдавской столице Сучаве.

[320] Лишь иногда, под разными предлогами (например, «мор» — эпидемия) московских дипломатов могли поставить в Эски-Юрте или на Мангупе.

[321] Возможно, что в выборе места для временного проживания христиан-русских в Крыму руководствовались также и шариатскими нормами самоуправляемости общин «людей писания» — христиан в греческих деревнях и караимов на Мангупе.

[322] *Зайцев И. В.* Где останавливались крымские послы в Москве и московские послы при дворе крымского хана в XVI веке // Крымское историческое обозрение. 2016. № 2. С. 35—51.

[323] Сб. РИО. Т. 41. С. 125—126.

рязанскому, «сестричичю» московского великого князя[324]. Это посольство относится, таким образом, к 1491 г. Скорее всего, оно было не первым. В ряде случаев московские великие князья обращались к рязанским для оказания помощи в проводах послов и гонцов в Крым через рязанские земли[325].

В начале XVI в. после краха польско-литовско-ордынского союза и разгрома Большой Орды происходит медленное усиление враждебности Крыма по отношению к Москве, а в 1510-х годах сложился союз ханства с Великим княжеством Литовским, отмеченный договорами 1516 и 1518 гг.

Хан Менгли-Гирей умер «в великую субботу», т. е. перед Пасхой (8 апреля 1515 г.)[326]. Как справедливо пишет А. В. Виноградов, 36-летнее правление Менгли-Гирея можно охарактеризовать как период создания Крымского государства в том виде, в котором оно просуществовало на протяжении всего XVI в. Именно в годы его правления были заложены основы крымской политики, осуществлявшейся на протяжении большей части этого века[327].

Служилые татары на Руси

Выходцы восточного, по преимуществу тюркского, происхождения в том числе и как подконтрольная военная сила, рано начали появляться в русских княжествах. Они фиксируются уже во второй половине XIII в. Это могли быть как отдельные лица, решившие поступить на службу к русским князьям, так и члены дворов ордынских царевен, выданных замуж за Рюриковичей. Матримониальные связи с Чингисидами имелись у московских (Юрий Данилович), ростовских (Глеб Василькович) и ярославских (Федор Ростиславович Черный) князей. На определенном этапе, возможно, одним из источников формирования русской бюрократии была уйгурская интеллектуальная элита[328]. Во второй половине XV — начале XVI в. «ордынское» происхождение стало модным при составлении родословных росписей. Во многом это явление подпитывалось традиционно высоким статусом в русских землях выходцев с Востока, в первую очередь татарских царей и царевичей (Чингисидов). Однако документально подтвержденных примеров, а не более поздних генеалогических выдумок не так уж и много. В настоящий момент о восточных корнях можно говорить по отношению к потомкам царевича Петра Ордынского, а также родам Мячковых, Телебугиных, Серкизовых, Старковых, Аракчеевых, Аминеевых, Баскаковых. Отметим один интересный факт — это брак между представителями семей Мячковых и Серкизо-

[324] Сб. РИО. Т. 41. С. 139. Речь идет о племяннике Ивана III Иване Васильевиче (1467—1500), великом князе рязанском (1483—1500). Он был сыном великого князя рязанского Василия Ивановича от брака с сестрой великого князя московского Ивана III Анной.

[325] Сб. РИО. Т. 41. С. 365—366. Например, в 1501 г. из Москвы для этого писали в Рязань княжне Аграфене Васильевне (жене рязанского князя Ивана Васильевича и матери последнего рязанского князя Ивана; она была дочерью друцкого князя Василия Бабича) и дяде Ивана Ивановича князю Федору Васильевичу.

[326] Это установил А. Ф. Малиновский (*Малиновский А.* Историческое и дипломатическое собрание дел, происходивших между российскими великими князьями и бывшими в Крыме татарскими царями с 1462 по 1533 год // Зап. Одесского общества истории и древностей. 1863. Т. 5. С. 198). Во всяком случае, это произошло не в январе 1515 г., как писал А. В. Виноградов (*Виноградов А. В.* Крымские ханы в XVI веке // Отечественная история. 1999. № 2. С. 60).

[327] *Виноградов А. В.* Крымские ханы в XVI веке. С. 60.

[328] *Морозов Д. А.* Уйгурские автографы московских дьяков: (Дополнение к древнерусской дипломатике) // Памяти Лукичева. М., 2006. С. 173—199.

вых[329]. Подобная практика в первых поколениях выходцев с Востока была устойчивым поведенческим стереотипом. О том, что тюркские выходцы были обычным явлением, органично вошедшим в структуру населения русских княжеств, указывают такие факты, как наличие рукоприкладства на татарском языке арабской графикой послуха дьяка Астафия Уракчеева середины XV в., оставленное им на купчей[330], а также находка московской берестяной грамоты рубежа XIV—XV вв., написанной полууставом чернилами, в которой дается подробное описание имущества некоего Турабия (явно выходца с Востока, имевшего высокий статус), по-видимому, проживавшего на территории Московского Кремля, а также имевшего земли под Суздалем[331].

Известные ранние примеры выездов трудно выстроить в определенную систему. Только с XV в. мы можем утверждать о существовании отдельных устойчивых татарских корпораций. Некоторые из них просуществовали не одно столетие. Это московские служилые татары, татарские цари и царевичи (Чингисиды), а также тюркское население Восточной Мещеры.

Московские татары. Данное название следует признать условным. Изначально, по-видимому, отдельные отряды служилых тюрок существовали в большинстве русских княжеств. Постепенно в результате расширения Великого княжества Московского они концентрируются вокруг Москвы. Сохранившиеся свидетельства позволяют локализовать их проживание в пределах бывшего Серпуховско-Боровского княжества, в Коломенском и Дмитровском уездах, Александровской слободе и Сурожике. Они использовались в первую очередь для организации контактов с Золотой Ордой, а позднее — государствами, возникшими при ее распаде[332]. В XV—XVII вв. они постепенно трансформируются в великокняжеских станичников, а затем превратятся в служилых татар Посольского приказа из которых, в частности, будут набираться специалисты восточных языков для внешнеполитического ведомства[333].

Помимо собственно московских служилых татар, тюркские отряды имелись и на территориях иных княжеств, в частности в Тверском и Рязанском. Так, в Рязанском уезде в более поздний период фиксируются так называемые бордаковские татары. Это небольшая группа тюркоязычного населения, испомещенная в Рязанском уезде в с. Бордакове с деревнями (ныне с. Огородниково Спасского района Рязанской обл.) в окружении русского населения[334].

Мещерские татары. Понятие Мещеры как некого региона, расположенного к востоку от Москвы и охватывающего обширные, по преимуществу лесистые и заболоченные районы, на территории современных Рязанской, Тамбовской, Пензенской областей и Республики Мордовии (отдельные авторы включают сюда также и смежные районы Владимирской

---

[329] *Кузьмин А. В.* На пути в Москву: Очерки генеалогии военно-служилой знати Северо-Восточной Руси в XIII — середине XV в. М., 2014. Т. 1. С. 204—208; М., 2015. Т. 2. С. 195—286.

[330] АСЭИ. Т. 1. № 266. С. 133.

[331] *Гиппиус А.А., Зализняк А. А., Коваль В. Ю.* Берестяная грамота из раскопок в Московском Кремле // Московский Кремль XV столетия. М., 2011. С. 452—455.

[332] *Зайцев И. В.* Великокняжеские служилые татары в XV — первой половине XVI в. и их землевладение в Московском крае. URL: http://src-h.slav.hokudai. ac.jp/jcrees/2013Osaka/14Zaytsevs.pdf

[333] *Лисейцев Д. В.* Посольский приказ в эпоху Смуты. М., 2003. С. 183—190; *Беляков А. В.* Бакшеи — эволюция понятия // Восток: Афро-Азиатские общества: История и современность. 2021. Вып. 4. С. 60—71.

[334] *Азовцев А. В.* Личные имена Рязанского уезда конца XVI в.: (По материалам писцовых книг) // Рязанская старина. 2002. М., 2003. Вып. 1. С. 30—32; *Зайцев И. В.* Посольства из Казани в Крым 1549 года // Orientalistika Juvenile. M., 2000. Вып. 1. С. 90—91.

и Нижегородской обл.), устойчиво вошло в научный оборот[335].

Первоначально данные земли были поделены между Муромо-Рязанской землей на западе и мордовскими племенами на востоке. Однако финно-угорское население преобладало. Мещера как определенная территория было очень неустойчивым понятием. По-видимому, свое название она получила от одноименного финно-угорского племени. С продвижением на восток значительная, но не вся, часть мордовских земель постепенно включалась в состав Мещеры.

Покупку Москвой мещерских земель В. А. Кучкин относит приблизительно к 1320-м годам[336]. Насколько далеко на восток распространялись приобретенные земли, судить сложно. По-видимому, это были территории последующих Касимовского и Елатомского уездов, составлявших Борисоглебский стан будущего Мещерского (Шацкого) уезда. Тогда с этим приобретением Москва стала контролировать течение р. Оки до устья р. Мокши. Юго-запад тогдашней Мещеры граничил с Рязанским княжеством и частично принадлежал ему[337]. Дальнейшее продвижение Москвы и Рязани на восток фиксируется в московско-рязанском договоре 1381 г.[338] Известно, что зимой 1377/78 г. московские воеводы ходили походом на помогавших Мамаю мордовских князей. Несколько ранее рязанские князья успешно воевали с укрепившимся в Наручади (Наровчат, Мохши) ордынским князем Тагаем[339]. Кто подразумевался под «мордовскими князьями», однозначно ответить нельзя. Однако видеть в них мордовскую родоплеменную знать, по-видимому, не стоит. Скорее всего, «мордовские князья» из документов — это административные должности, на которые изначально назначались Сараем, а затем, возможно, и Казанью те или иные знатные татары. Помимо уже упоминаемого Тагая таким князем являлся Алабуга, известный в связи с событиями на р. Пьяне в 1377 г.[340]

В 1389 г., при Дмитрии Донском, по сообщениям монахов Свято-Успенского Саровского монастыря, на территории будущего Темниковского уезда поселился татарский князь Бехан[341]. Сохранившиеся монастырские свидетельства представляют собой многочисленные записи об одном и том же событии в разных формулировках. Показателен тот факт, что монахи как датировку приводят год смерти великого князя. Это свидетельствует о том, что реальное время «прихода» Бехана они не знали. Другими источниками данные сообщения на настоящий момент подтвердить невозможно. Но все же можно говорить о том, что в это время некий родоплеменной лидер поселился в этом регионе. Вскоре князь или же его потомки вынуждены были признать определенную форму зависимости от великого князя московского. Мы не знаем, жили ли его предки здесь до образования улуса Мокши, или же они переселились сюда только в XIV—XV вв. «Великая замятня», наступившая в 1360-е годы привела к значительным изменениям в родоплеменном составе западной части Золотой Орды. Вслед за утвердившимися на

---

[335] *Беляков А. В.* Историческая география Мещеры XIV—XVII вв. // РИ. 2019. № 1. С. 72—85.

[336] *Кучкин В. А.* Договорные грамоты московских князей XIV века: Внешнеполитические договоры. М., 2003. С. 259.

[337] *Дедук А. В.* К вопросу о границе между Владимирским и Рязанским уездами в XVII—XVIII вв. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. М., 2015. Вып. 4. С. 390—396.

[338] ДДГ. С. 54, 85, 144, 285, 289.

[339] *Кучкин В. А.* Договорные грамоты московских князей XIV века. С. 260.

[340] ПСРЛ. Т. 37. С. 34.

[341] *Маркеллин, игум.* Краткое историческое описание Саровской пустыни с начала заведения и до нынешнего 1804 года. М., 1804. С. 6.

престоле ханами из восточной части Орды (левое крыло) на плодородные земли европейской части государства стали переселяться эли (родоплеменные союзы), традиционно поддерживавшие предков новых ханов. Они стали претендовать на наиболее плодородные земли. Прежние владельцы этих земель вынуждены были искать иные места для проживания, часто на окраинах государства, в так называемых контактных зонах. По одной из версий Бехан мог быть выходцем из Крыма.

Татары поселились на землях, где исконно обитала мордва (в основном это районы проживания мокши и некоторые районы обитания эрзи — «ерехтинская» и «кирдяновская» мордва). Но следов явных конфликтов между татарами и мордвой мы не наблюдаем. Что касается мирного сосуществования между мордвой и татарами, то здесь, по-видимому, следует учитывать тот факт, что местное финно-угорское население рано потеряло свою самостоятельность. Начиная с ордынского времени ею управляли те или иные чиновники, присылаемые ханом. Возможно, случилось так, что после присоединения к Москве сразу или почти сразу мордва перешла от подчинения одним татарам к другим. Постепенно возник своеобразный симбиоз. В регионе известны так называемые мордовские беляки. Первоначально это были некие внутриэтнические группы мордвы, возникшие в период разложения родовой общины. В той или иной форме они фиксируются и у других народов Поволжья и Приуралья (башкиры, марийцы и др.). После присоединения мордовских земель к Московскому государству великий князь московский жаловал отдельных татар «княжением» над мордвой того или иного беляка, судебными пошлинами и ясаком «по старине», за что эти татары должны были нести военную службу. Похоже, подобная практика имелась в регионе и в домосковский период. По материалам XVI в. мы видим, что данные пожалования были пожизненными и передавались по наследству старшему в роде. При этом такой мурза становился князем. Князь — в данном случае не титул, а должность, близкая должности волостеля. Следует особо подчеркнуть тот факт, что мордва сохраняла свое внутреннее самоуправление и выходила на войну собственными подразделениями[342].

Вхождение восточной Мещеры в состав Московского княжества не было одномоментным. Однако русское влияние в этом регионе постепенно увеличивалось. Начиная с 1480-х годов данные земли окончательно вошли в состав Русского государства[343].

Служилые татарские цари и царевичи. Особую группу служилых тюрок составляли татарские цари и царевичи, потомки Чингисхана (Чингисиды), по различным причинам переселявшиеся в Москву в XV в.

Выезды Чингисидов и иной тюркской знати в русские земли начались еще в XIV в. и были связаны с «замятнями», происходившими в Орде[344], в это время коллективные вотчинники (именно так отождествляли Чингисиды себя по отношению к русским княжествам) рассчитывали переждать здесь тяжелые времена. К подобным царевичам следует отнести детей хана Золотой Орды Тохтамыша

[342] Приправочный список с дозорной книги города Темникова и Темниковского уезда 1613/14 г. Казань, 2015. С. 3—4; *Беляков А. В., Енгалычева Г. А.* Темниковское княжество по источникам XVI—XVII вв. // Средневековые тюрко-татарские государства. 2014. № 6. С. 62—71.

[343] *Акчурин М., Ишеев М., Абдиев А.* Эпоха татарских князей в Мещере (XV—XVII века). Казань, 2021. 316 с.

[344] *Кузьмин А. В.* Крещеные татары на службе в Москве: К истории Телебугиных и Мячковых в XIV — первой половине XV века // ДРВМ. 2002. № 3. С. 6—7.

Джелал ад-Дина и Керим-Берды (1407—1408). Однако некоторые из исследователей отрицают факт присутствия царевичей в русских землях[345]. Следует отметить, что в русских источниках XVII в. оба Чингисида отмечены как царевичи, служившие великим государям московским[346].

Русские князья не могли отказать таким Чингисидам, тем более, что любой из «казакующих» царевичей со временем мог стать ханом. Нам неизвестна форма материального содержания подобных представителей «золотого рода». Однако вполне вероятно, что содержание их должно было составлять значительную часть великокняжеских расходов, тем более что Чингисиды появлялись здесь со своими дворами. Возможно, это была смешанная форма, состоявшая из натуральных и денежных дач. Сведений о передаче им доходов с городов у нас не имеется. Царевичи могли покинуть территорию русских княжеств в любое время по своему желанию.

Статус любого Чингисида в то время был значительно выше Рюриковичей. Каждый из них по своему положению находился выше великого князя.

Ситуация меняется, когда московские власти начали осознавать свою силу и стали стремиться к одностороннему разрыву даннических отношений со слабеющей Ордой. Можно предположить, что появление царевича Бердедата б. Худайдата, упоминаемого в Москве в 1445/46 г., относится именно к этому промежуточному периоду, когда тот или иной казакующий Чингисид приглашался со своим отрядом в Москву для участия в конкретной военной операции. А. А. Горский видит в нем служилого царевича и считает, что в этом Василий II пошел по стопам своего деда Витовта[347]. До этого отдельные русские князья уже использовали отряды Чингисидов. Так, в 1399 г. князь Семен Дмитриевич Суздальский захватил Нижний Новгород при помощи царевича Етяка[348]. В 1410 г. царевич Талыч в союзе с Данилой Борисовичем Суздальским разорил г. Владимир[349]. Однако, отмечая подобные известия, следует обязательно разделять походы, совершавшиеся по инициативе Чингисидов, от походов, инициированных Рюриковичами. В приводимых случаях инициаторами являлись русские князья. Получив оговоренную сумму за службу, царевич покидал пределы русских княжеств. Имеются летописные известия о посылке московским князем Василием II зимой 1444/45 г. (по другим данным 1442 г.) двух татарских царевичей воевать литовскую землю. Тогда они дошли до Смоленска[350]. Их имена неизвестны. Исследователи видят в них детей Улуг-Мухаммеда б. Хасана, Касима и Якуба, или же царевичей Бердедата и Касима. Первая версия объясняет фразу вложенную летописцем в уста Якуба и Касима при выезде к Василию II: «за преднее его добро и за его хлѣбъ много бо добра его до нас было»[351]. Однако участие царевича Касима в литовском походе 1442 г. можно поставить под сомнение. В этом году царевич безуспешно боролся за власть над Крымом[352]. В момент

---

[345] *Горский А. А.* Москва и Орда. М., 2000. С. 129.

[346] РГАДА. Ф. 201. Оп. 1. № 84. Л. 219.

[347] *Горский А. А.* Москва и Орда. С. 148.

[348] ПСРЛ. М., 2000. Т. 6, вып. 1. Стб. 512.

[349] НПЛ. С. 402; ПСРЛ. Т. 18. С. 425.

[350] *Бахтин А. Г.* Образование Казанского и Касимовского ханств. Йошкар-Ола, 2012. С. 162.

[351] ПСРЛ. Т. 25. С. 268.

[352] *Джанов А. В., Якушечкин А. В.* Новые данные к биографии Хаджи-Гирея // Тюркологический сб. 2015—2016: Тюркский мир Евразии. М., 2018. С. 57—100.

становления Казанского ханства дети Улуг-Мухаммеда пытались заработать на жизнь, кто как мог. Поступление на службу к русским князьям оказалось более безопасным, нежели набеги на их земли. Самовольный набег царевича Мустафы б. Улуг-Мухаммеда на рязанские земли зимой 1443/44 г. закончился смертью Чингисида[353]. Таким образом, в ряде случаев царевичи могли восприниматься только как знатные наемники. Это поднимало авторитет великого князя московского в собственных глазах, глазах подданных и глав сопредельных государств. Определенное влияние здесь оказал и польско-литовский опыт, где Чингисидов начали успешно использовать в своих целях раньше[354].

Процесс выездов Чингисидов ускорился, когда распад Золотой Орды на ряд независимых государств, правящие династии которых враждовали между собой, стал реальностью. Проигравшие в схватке за престол могли найти прибежище в Ногайской Орде, Литве, Москве или удалиться в Среднюю Азию. Это значительно поколебало статус Чингисидов. Теперь можно было говорить о неизменно высоком положении только отдельных представителей данного рода, тех, кто смог получить реальную царскую власть, по версии Москвы. За ними признавалось исключительное право на ханский (царский) титул в Дешт-и Кипчаке, но при этом зачастую их использовали как фиктивных правителей или же превращали царевичей в инструмент политического давления (как некий дестабилизирующий фактор) по отношению к соседям.

Пребывание в России было для них подчас наиболее обеспеченным с материальной точки зрения. Воспользовавшись этим, в Московской Руси окончательно перестали рассматривать Чингисидов как своих сюзеренов. С этого момента выезжающие царевичи превращаются в своеобразную разновидность служилых князей, но с очень высоким статусом и значительно ограниченными правами на пожалованные территории и проживающее там население.

Москва принимала далеко не всех желающих. Так, здесь ни на каких условиях не хотели терпеть изгнанного большеордынского хана Улуг-Мухаммеда б. Хасана, когда тот в конце 1430-х годов попытался на время закрепиться в Верховских княжествах. Хотя само предложение хана Василию II своего сына и сыновей своих князей в качестве заложников уже следует признать революционным[355]. Позднее дети Улуг-Мухаммеда, царевичи Касим и Якуб, все же поселятся в московских землях. Возможно, первоначально Чингисиды и их военные отряды содержались по уже традиционной схеме и получали оговоренные дачи за конкретные военные услуги. Со временем, когда стало ясно, что они задержатся здесь надолго, царевичей решили привязать к конкретной территории, пожаловав Городец Мещерский (Касимов).

В Описи Царского архива XVI в., в ряду шертных и договорных грамот многочисленных касимовских «владельцев» отсутствует упоминание о двух первых царевичах — Касиме и его сыне Даньяре. По-видимому, правовая сторона их проживания в Московском княжестве была оговорена в устной форме. Перед нами пример взаимоотношений переходного периода. С одной стороны, царевичи потеряли права коллективного сюзеренитета над русскими землями, с другой — у Москвы не хватает смелости открыто объявить их служилыми Чингисидами, хотя они и являлись ими де-факто.

---

[353] ПСРЛ. Т. 18. С. 192.

[354] *Думин С. В.* Татарские царевичи в Великом княжестве Литовском (XV—XVIII вв.) // ЗО. 2016. Т. 4. № 2. С. 385—419.

[355] ПСРЛ. Т. 25. С. 260.

Будь «пожалование» Касимова вынужденным или добровольным, в любом случае великий князь московский и Чингисиды поменялись местами. Ранее Рюриковичи получали подтверждение своих владельческих прав в Орде. Теперь инвеститура давалась представителям «золотого рода» из Москвы. Независимо от причин возникновения и статуса данного образования, в проигрыше оказались именно потомки Чингисхана. Ведь они тем самым признали, что Василий II занял положение выше татарских царевичей.

В западной историографии, вслед за Г. В. Вернадским, неоднократно высказывалось мнение о том, что именно в 1452 г. (условная, но принятая большинством исследователей дата основания «Касимовского царства»), а не в 1480 г., произошло падение ордынского ига[356]. В советской и российской историографии данный взгляд не получил поддержки.

Собственно первым служилым Чингисидом следует считать ордынского (казанского) царевича Муртазу б. Мустафу бин Улуг-Мухаммеда. Царевич выехал в 1471 г. «с поля». Причину выезда следует искать в борьбе за казанский престол конца 1460-х годов. В русские земли он попал из так называемых буферных зон, где, как правило, и находили свое пристанище казаки, и в том числе казакующие Чингисиды. Немаловажно отметить, что инициатива выезда Муртазы исходила не от царевича, а от Москвы. За ним в степь посылали Никиту Беклемишева. В 1473 г. Муртазу пожаловали «Новым Городом на Оце с многими волостьми» (Городец), расположенным на правом берегу р. Протвы при впадении в нее р. Городянки[357].

Следующими в русские земли в 1479 г. пришли из Литвы два свергнутых крымских царя Нур-Даулет (Нурдовлат) и Хайдар, сыновья Хаджи-Гирея, а также сыновья Нур-Даулета Бир-Даулет, Сатылган и Джанай. Первоначально Гиреев поселили в Кашире, а после смерти царевича Даньяра (между 1483—1486 гг.) пожаловали Городцом Мещерским. Вскоре Хайдара по неизвестной причине, предположительно за попытку вести собственную внешнеполитическую игру, сослали в Вологду[358].

Помимо этого, в Москве оказалось несколько титулованных лиц неизвестного происхождения, но связанных с Крымом. Менгли-Гирей I просил Ивана III отпустить в Крым некоего царевича Мамышека, сына царя Мустафы и брата царевича Мухаммеда (Мамета), предлагая вместо него взять одного из своих потомков[359]. По-видимому, это один из большеордынских царевичей, обосновавшихся в Крыму. Упоминания о нем в России встречаются с 1489 по 1492 г.[360] В конечном итоге его отпустили.

В 1480 г. в Москве фиксируется крымский хан Джанибек (Зенебек), до этого на непродолжительное время захвативший власть в Крыму. Его происхождение окончательно не установлено. Еще в 1475 г. он просился на службу к великому князю, но тогда ему отказали. Сделавшись крымским ханом около 1477 г., он посылал в Россию своего человека, узнать, сможет ли в случае нужды найти здесь убежище. Иван III

---

[356] *Вернадский Г. В.* Начертание русской истории. Прага, 1927. С. 67—111; *Рахимзянов Б. Р.* Касимовское ханство в англо-американской исторической мысли // Научный Татарстан. 2009. № 4. С. 191—198.

[357] *Вельяминов-Зернов В. В.* Исследование о касимовских царях и царевичах. СПб., 1863. Ч. 1. С. 76—83; *Мазуров А. Б., Никандров А. Ю.* Русский удел эпохи создания единого государства: Серпуховское княжение в середине XIV — первой половине XV в. М., 2008. С. 37—38.

[358] *Вельяминов-Зернов В. В.* Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. 1. С. 91—216.

[359] *Моисеев М. В.* Выезды «татар» и восточная политика России в XVI веке // Иноземцы в России в XV—XVII веках: Сб. м-лов конф., 2002—2004 гг. М., 2006. С. 489.

[360] *Зайцев И. В.* Потомки Чингисхана в Москве и Стамбуле: Сравнительный анализ // РИ. 2013. № 3. С. 23—24.

не возражал[361]. В. Д. Смирнов делает предположение о том, что хан не принадлежал к Чингисидам[362]. И. Вашари полагает, что это сын хана Ахмеда бин Кучук-Мухаммеда[363].

В конце XV в. Москве удалось установить относительный контроль над Казанским ханством. Она меняла ханов по своему усмотрению, вывозя неугодных в московские земли. В 1485 г., при поддержке русских войск, Али (Ильхам) б. Ибрагима заменили его братом Мухаммед-Амином (Мухаммед-Эмин). Новый хан не смог удержаться на престоле. Весной 1487 г. последовал второй казанский поход. Хан Али (Ильхам), его жена (дочь бия Ногайской Орды Ямгурчи бин Ваккаса[364]), мать (царица Фатима), сестры и братья, Мелик-Тагир (? — до 1513 г.), Худайкул (? — 13 марта 1523 г.) были арестованы и отправлены в Россию в качестве почетных пленников. Али с женами поселили в Вологде, остальных — в Каргаломе[365]. Уже в России в конце XV в. у Мелик-Тагира появились дети, известные по христианским именам: Василий (? — после 1515 г.[366]), Федор (? — не позднее 1550 г.[367]), Иван (? — после 1521 г.), Лев (? — не ранее 1513 г.), Василий (? — не ранее 1513 г.[368]). Данный факт говорит о том, что ссылка в северные русские города не была тяжелой. Они получали достойное содержание и пользовались почетом и уважением. Им на корм, по-видимому, дали села из дворцовых земель[369]. Хотя свобода их передвижения была сильно ограничена.

После очередного воцарения в Казани Мухаммед-Амин (Мухаммед-Эмин) вновь не смог удержаться на престоле и в 1495 г. был вынужден бежать в Москву с семьей. Его пожаловали Каширой. На казанский престол взошел сибирский царь Мамук. Но ему не удалось найти в городе устойчивой поддержки, из-за возросшего недовольства со стороны казанцев он вернулся в Сибирь. Новым ханом стал Абдул-Латиф б. Ибрагим (ок. 1475 г. — 19 ноября 1517 г.). При вторичном замужестве его матери царицы Нур-салтан, дочери мангытского бека Темира б. Мансура, беклербека Большой Орды[370] (она стала женой крымского хана Менгли-Гирея), царевича в 1480 г. вывезли в Крым. По достижении совершеннолетия в 1493 г. его отправили в Россию, где пожаловали Звенигородом. В 1496 г. Абдул-Латифа избрали на казанский престол. В 1502 г. низложили при участии России и сослали в Белоозеро. Ханом опять стал Мухаммед-Амин (Мухаммед-Эмин)[371].

Служилые татарские цари и царевичи стали действенным инструментом в руках русской дипломатии. Они могли рассматриваться как определенный предмет торга с Крымом. Московские земли стали на время местом, куда можно было отослать избыточных претендентов на престол. На казанском же направлении в русских землях предпочитали держать под рукой запасных

---

[361] *Вельяминов-Зернов В. В.* Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. 1. С. 123.

[362] *Смирнов В. Д.* Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты. Т. 1. С. 223—224.

[363] *Vasary I.* Contract of the Crimean Khan Mangli Giray and the Inhabitants of Qirqyer from 1478/79 г. // Central Asiatic Journal. 1982. Vol. 26. Nr. 3—4. P. 297.

[364] *Трепавлов В. В.* История Ногайской Орды. М., 2001. С. 136.

[365] *Худяков М. Г.* Очерки истории Казанского ханства. М., 1991. С. 47—48.

[366] Разрядная книга 1475—1598 гг. М., 1966. С. 55.

[367] *Беляков А. В.* Царевич князь Федор Меликдаирович Долголядский // Вестн. Нижегородского гос. ун-та им. Н. И. Лобачевского, 2012. № 2 (1). С. 234—237.

[368] Разрядная книга 1475—1598 гг. С. 53, 67.

[369] *Черкасова М. С.* Северная Русь: История сурового края XIII—XVII вв. М., 2017. С. 19—20.

[370] *Трепавлов В. В.* История Ногайской Орды. С. 121.

[371] *Худяков М. Г.* Очерки по истории Казанского ханства. С. 56—59, 70—72.

претендентов на престол, рассчитывая на их большую сговорчивость.

Статус Чингисидов в России конца XV вв. проанализирован А. Л. Хорошкевич на примере служилых Гиреев. Выехавший через Литву изгнанный крымский царь Нур-Даулет б. Хаджи-Гирей (1479—1503), по-видимому, имел право свободного отъезда («доброволно приедешь, добровольно куды восхочешь пойти — пойдешь, а нам тебе не держати») и не контролируемой Москвой дипломатической переписки. Право отъезда сохранялось и за представителями его двора. Хотя в реальности оно не было безусловным и каждый раз требовало подтверждения великого князя. Да и возможностей для отъездов было мало.

Выезд в Москву предварялся своеобразными приглашениями, «крепкими» или «крепостными» грамотами, в которых великий князь гарантировал Чингисиду безопасность и соответствующий социальный статус. Первоначально инициатива выезда исходила от крымцев. При этом они же порой составляли и присылали образцы грамот, смысл которых заключался в обещании предоставить убежище («опочив») и средства к существованию. На рубеже XV—XVI вв. «крепкие» грамоты заменяются «опасными». Они лишены термина «опочива», зато отмечают конкретную форму содержания («и мы тебе… в своей земле место дадим»), указывающую на держание города. Очерчивается круг лиц, который может выехать с царевичем. Тогда же возникает новый пункт. Василий III обещает «лиха и нечти и силе никоторой никак не быти». Ранее данный пункт встречался в ханских ярлыках, требовавших от представителей своей администрации воздерживаться от подобных действий по отношению к русской церкви и только к ней. Тем самым постепенно образ хана стал подменяться образом великого князя.

Материальное содержание служилых Чингисидов состояло из нескольких составляющих: «выхода», пожалования доходов с городов, ясака, военной добычи.

Природа «выхода» является наиболее дискуссионной. В литературе неоднократно отмечалось несоответствие ордынского выхода и выходов конца XV — начала XVI в., направляемых в иные государства. А. Л. Хорошкевич объясняет сохранение данного термина консервативностью мышления средневекового человека. По ее мнению, в термине «выход» наиболее емко выражалась необходимость отчисления в пользу Орды ежегодной определенной суммы. Консервативность мышления, преданность старой терминологии заставили объединить прежним словом «выход» все основные расходы, связанные с Ордами[372]. Здесь мы можем только добавить — и отдельными Чингисидами.

Выход в Царевичев городок (Касимов) упоминается только в договорных грамотах московского княжеского дома, а также московско-рязанских договорах. Мещера граничила с Рязанским и Московским княжествами, поэтому существование татарского «царства» в данном регионе оказывало на них наибольшее влияние. Но это, по-видимому, говорит, прежде всего, о степени зависимости Рязани от Москвы, ведь великий князь московский, принимая на себя обязательства по содержанию Чингисидов с их дворами, делил их с другим, формально независимым великим княжеством, при этом приравнивая его к удельным московским княжествам.

По мнению А. Л. Хорошкевич, из рязанских владений в Царевичев городок, точнее, царевичу Сатылгану б. Нур-Даулету,

---

[372] *Хорошкевич А. Л.* Русь и Крым: От союза к противостоянию. Конец XV — начало XVI в. М., 2001. С. 225—234; *Моисеев М. В.* Посольские дары — «поминки» — в контексте взаимоотношений России с кочевниками в XVI веке // Репрезентация власти в посольском церемониале и дипломатический диалог в XV — первой трети XVIII в. М., 2006. С. 88—90.

шел не выход, а ясак. Это объясняется тем, что в Рязани стали употреблять новое, более точное слово для обозначения содержания Чингисида и его татар в Касимове деньгами и кормом[373]. По своему статусу выход-ясак был близок и поминкам-жалованью, которое подразумевалось как обязательный атрибут службы.

На выход могли рассчитывать не только касимовские цари и царевичи, но и все служилые представители «золотого рода», приглашенные или вывезенные в Москву. При этом выход ни в коем случае нельзя рассматривать как дань. В середине XV в. не смогли найти иного обозначения денежного содержания царевича в Касимове. Этим объясняется и путаница в названиях «выход» — «ясак», что еще раз указывает на неустоявшуюся терминологию.

Невозможно установить размеры и формы выплаты выхода. С рязанского и удельных княжеств он собирался Москвой в денежной форме. Великий князь московский, в свою очередь, мог давать его как звонкой монетой, так и в форме натуральных дач зерном, одеждой, оружием и др. Также непонятна степень регулярности его выдачи.

Служилым Чингисидам полагался ясак (налог за право хозяйственной деятельности в лесных угодьях, в данном случае вотчинах бортных ухожьев) с подведомственного нерусского (мордовского) населения. Однозначно о его существовании можно говорить только по отношению к касимовским служилым царям и царевичам[374]. О его размерах у нас имеются только косвенные данные, относящиеся к XVI — началу XVII в.[375] По ним можно утверждать, что размеры ясака составляли несколько десятков рублей, вряд ли более 100 руб. Право сбора ясака было связано с осуществлением судопроизводства на пожалованных территориях[376]. Однако в любом случае суд проходил по московским законам.

Разовые денежные дачи за участие в военных действиях являются древнейшим видом оплаты военных услуг Чингисидов и их дружин. Появился он тогда, когда русские князья стали приглашать для участия в военных походах степняков.

Пожалование за службу доходов с городов имеет глубокую историю. В Великом княжестве Московском Чингисиды стали получать их с середины XV в. В рассматриваемое время это были Городец Мещерский (Касимов), Кашира[377], Звенигород, Серпухов, Хотунь (дворцовая волость), Новый Городок на Оке (Городец). Среди городов, как и среди Чингисидов, существовала своя иерархия, основанная на степени престижности пожалования и возможности после этого занять тот или иной трон. Касимов находился на особом положении как город с практически непрерывной историей проживания в нем служилых Чингисидов. Это позволило даже говорить отдельным исследователям о существовании независимого или же полунезависимого Касимовского царства (ханства), простирающегося на просторах всей Мещеры. В настоящее время эти идеи признаны ошибочными[378]. Далее по своему статусу располагались Кашира и Звенигород как города, «владельцы» которых являлись основными претен-

---

[373] *Хорошкевич А. Л.* Русь и Крым: От союза к противостоянию. С. 239.

[374] ДДГ. С. 284.

[375] Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII века. М., 2002. Т. 3. № 1. С. 4—5; № 26—27. С. 22—24; № 232. С. 190; № 304. С. 247; Древняя российская вивлиофика. 2-е изд. М., 1791. Т. 15. С. 14—15, 81; Документы и материалы по истории Мордовской АССР. Саранск, 1940. Т. 1. С. 147—148.

[376] Древняя российская вивлиофика. 2-е изд. Т. 15. С. 14—15.

[377] *Иглесиас Р. Ф.* Владельцы и правовой статус каширского (каширско-серпуховского) «юрта» последней четверти XV — XVI в. // Каптеревские чтения — 16. М.; Серпухов, 2018. С. 69—116.

[378] *Беляков А. В.* Чингисиды в России XV—XVII веков: Просопографическое исследование. Рязань, 2011. С. 265—278.

дентами (по версии Москвы) на казанский престол. Затем следовали остальные.

Данные пожалования сводились к праву сбора на себя доходов без нарушения общей структуры землевладения в государевых городах[379]. Максимум, на что могли рассчитывать служилый татарский царь или царевич, — это контроль за сбором доходов и, возможно, самостоятельный сбор натуральных и денежных средств с неправославного населения, если такое имелось, проживавших на территории пожалованных уездов и волостей[380]. Об этом говорит упоминание даругов (чиновников, отвечающих за сбор ясака) в Касимове XV в. Православные служилые люди, испомещенные на данных территориях, не находились под их юрисдикцией. Передавались ли вместе с городами и дворцовые волости, как это происходило в более поздний период, нам не известно. Хотя формула «многими волостьми» указывает на это.

Отметим, что многие из перечисленных городов и их уездов в разное время являлись уделами представителей различных ветвей московского правящего дома. Сюда следует отнести Каширу, Звенигород, Серпухов. В ряде случаев пожалования данных территорий Калитичам и Чингисидам осуществлялись попеременно. При этом соблюдалась та же иерархическая последовательность городов[381]. Тем самым подобные пожалования указывают на положение Чингисидов в служилой среде, а именно на то, что татарских царей и царевичей приравнивали к удельным Калитичам.

Пожалование того или иного Чингисида доходами с конкретного уезда или волости зависело и от наличия и размеров военного отряда, выехавшего со своим сюзереном. Большой отряд требовал значительных средств на его содержание. Царевич, выехавший только с ближайшим своим окружением, обходился значительно дешевле. На его содержание могли выделить небольшой уезд или даже дворцовую волость.

Служилые Чингисиды фактом своей службы московскому князю не только поднимали его статус, но одновременно с этим увеличивали численность русской армии. Подобные подразделения, размером до нескольких сот сабель, размещали, как правило, на границе со Степью (по берегам р. Оки) и успешно использовались как в степных войнах[382], так и в сражениях против русских княжеств. Такие подразделения действовали во многом автономно по отношению к великокняжеской дружине.

В 1449 г. царевичи Касим и Якуб участвовали в походе против Дмитрия Шемяки. Несколько позднее около р. Пахры Касим разбил татар большеордынского хана Сеид-Ахмеда, грабивших русские пределы. По-видимому, именно тогда царевич Якуб пленил литовского князя Михаила Сигизмундовича, соперника Казимира Ягеллона[383]. 27 января 1450 г. царевичи участвовали в битве с Шемякой под Га-

---

[379] *Смирнов П. П.* Города московского государства в 1-й половине XVII в.: В 2 т. Киев, 1917. Т. 1. Вып. 1; *Кистерев С. Н.* Абдыл-Летиф и Мухаммед-Эмин на Руси рубежа XV—XVI столетий // Звенигород за шесть столетий. М., 1998. С. 65—88.

[380] Памятники русской письменности XV—XVI вв.: Рязанский край. М., 1978. № 31. С. 43.

[381] *Кистерев С. Н.* Абдыл-Летиф и Мухаммед-Эмин на Руси рубежа XV—XVI столетий. С. 65—88.

[382] *Моисеев М. В.* Степные войны от Угры до ногайского погрома Крыма (1480—1522 гг.) // История военного дела: Исследования и источники. 2015. Спец. вып. 5: Стояние на реке Угре 1480—2015. Ч. 1. С. 151—186. URL: http://www.milhist.info/2015/11/23/moiseev_1

[383] *Polechow S.* Książę Michał Zygmuntowicz — walka o spadek po ojcu // Ojcowie i synowie. O tron, władzę, dziedzictwo. W 700 rocznicę narodzin Karola IV Luksemburskiego króla czeskiego i cesarza (1316—1378). Gdańsk, 2018. S. 221—225, 240.

личем. «Под осень» 1452 г. Касим с воеводой К. А. Беззубцевым «с коломничи» у р. Битюга разбил царевича Мелим-бирды оглана (Меулим-бирды оглан). Зимой все того же 1452 г. Якуб ходил с князем Иваном Васильевичем (будущим Иваном III) в погоню за Шемякой к Кокшенге и устью р. Ваги[384].

В промежутках между служб московскому великому князю царевич Касим не оставлял попыток сесть на царский престол в Крыму или же помочь добыть его своему брату Махмутеку. Попытка закончилась неудачно, как и ранее, в 1441—1442 гг. В мае 1456 или даже 1455 г. в Крыму разгорелась война между Хаджи-Гиреем и Махмутеком, которого поддержал Касим. Не позднее 23 сентября 1456 г. братья во главе отряда татар и Мамак-бек Ширин оказались в Кафе, где скрывались от войск хана Хаджи-Гирея. Здесь они фиксируются до 10 ноября[385].

В сентябре 1467 г. Касим при поддержке Ивана III неудачно пытался захватить власть в Казани[386]. В 1471 г. касимовские татары с царевичем Даньяром участвовали в новгородском походе. Царевич «в загоне» потерял 40 человек. В 1472 г. большеордынский хан Ахмед подошел к Алексину. Тут же стали собирать армию для ответных действий. Царевич Даньяр стоял в Коломне, а Муртаза бин Мустафа — в Серпухове. В 1475 г. крымский хан Менгли-Гирей просил послать против хана Ахмеда царевичей Даньяра и Муртазу. Ту же просьбу повторили в 1480 г.[387] 4 декабря 1477 г. царевич Даньяр со своими двором присоединился к походу Ивана III на Новгород[388].

В 1487 г. Мухамед-Амин участвовал в казанском походе вместе с полками Ивана III[389]. В мае 1491 г. касимовский царевич Сатылган отмечен в походе московских воевод против детей Ахмеда Сеид-Ахмеда и Шейх-Ахмеда, совершенном по просьбе крымского царя Менгли-Гирея[390]. В 1493 г. известен рейд в степи мещерских казаков во главе с Курч-Булат уланом[391]. В 1500 г. Мухаммед-Амин участвовал в литовском походе. Тогда удалось нанести сокрушительный удар противнику и захватить большой список городов. Упоминаются в походе и некие иные татары, отмеченные без географической привязки, находящиеся под руководством князя И. М. Воротынского в полку правой руки во время сражения с литовскими полками 14 июля на Ведроше. В августе 1501 г. Иван III послал на Большую Орду казанского царя Мухаммед-Амина с князем В. Ноздреватым. Отмечается участие татар и в ливонской кампании 1501 г.[392]

О составе дворов служилых Чингисидов в XV в. у нас очень мало информации. Это относится как к их племенной принадлежности, так и персональному составу. На настоящий момент мы имеем только два примера, когда удалось выяснить происхождение подобных выходцев и документально проследить судьбу их потомков. Это черные кипчаки князья / мирзы Тонкачевы,

---

[384] *Вельяминов-Зернов В. В.* Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. 1. С. 20—24.

[385] *Джанов А. В., Якушечкин А. В.* Новые данные к биографии Хаджи-Гирея // Тюркологический сб. 2015—2016. С. 57—100.

[386] Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 1. Ч. 1. С. 19.

[387] *Вельяминов-Зернов В. В.* Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. 1. С. 74—77, 87.

[388] *Алексеев Ю. Г.* Походы русских войск при Иване III. СПб., 2009. С. 184—186.

[389] Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 1. Ч. 1. С. 27.

[390] *Вельяминов-Зернов В. В.* Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. 1. С. 144.

[391] Сб. РИО. Т. 41. С. 176.

[392] *Алексеев Ю. Г.* Походы русских войск при Иване III. С. 379—380, 388, 411.

по-видимому, попавшие в Мещеру с царевичем Касимом[393], и крымские выходцы сеиды (потомки пророка Мухаммеда) Шакуловы, по семейному преданию, появившиеся в России вместе с крымскими царевичами в 1484 г. (?)[394].

Если экстраполировать сведения, содержащиеся в шертной грамоте царя Абдул-Латифа 1508 г. на более ранний период, то мы получаем информацию о взаимных обязательствах служилых Чингисидов и великого князя московского по отношению друг к другу. Татарские цари и царевичи обязались не брать на службу людей из дворов друг друга. Это же распространялось и на служилых татар великого князя. Василий III также обещал не брать на свою службу людей из дворов Чингисидов. Исключение делалось только для представителей знати четырех родов — Ширин, Барын, Аргын и Кипчак[395]. В случае смерти Чингисида его люди наследовались ближайшими родственниками или же переходили на службу великого князя и испомещались им. Что касается правового поля, в котором они существовали, то на служилых мусульман распространялись все московские законы. При этом по отдельным позициям, в первую очередь связанным с семейно-брачными отношениями, для них сохранялось привычное для них право.

С момента появления групп тюркского населения на территории русских княжеств по отношению к ним сразу же была выработана прагматичная веротерпимая позиция. Если они верой и правдой служили своим сюзеренам, то пользовались всеми правами православных подданных. Это превращало служилых татар в действенную военную силу, на которую всегда можно было положиться, даже при ведении военных действий против единоверцев. Подобный подход создавал предпосылки для относительно безболезненного вхождения в состав нарождающегося Московского государства территорий с неправославным по преимуществу населением. Этот же подход с различными вариациями сохранялся и на протяжении XVI—XVII вв.

---

[393] *Акчурин М.М., Беляков А.В., Ишеев М.Р., Абдурахманов Т.А., Салихов Р.Р.* Касимовские татары из рода Кыпчак // ЗО. 2018. Т. 6. № 2. С. 312—341.

[394] *Беляков А.В., Енгалычева Г.А.* Крымские выходцы в Касимове — сеиды Шакуловы и их архив // Средневековые тюрко-татарские государства. 2015. Т. 7. С. 46—53.

[395] СГГД. Ч. 2. С. 30—34.

Глава 4

НАРОДЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Территория степной и равнинной зон, до предгорий Северного Кавказа, в XIII—XV вв., за исключением большей части высокогорья, оказалась в системе политико-экономического контроля Золотой Орды. Развитие горной зоны региона имело свою специфику.

Высокогорье Северного Кавказа между 1222 и 1230-ми годами

Вторжение монголо-татар на Северный Кавказ в 1222 г. неоднократно рассматривалось специалистами, которые одним из его главных последствий называли бегство части половцев в горы Центрального Кавказа и формирование там современных балкарцев и карачаевцев. Картографирование находок половецких изваяний Северного Кавказа показало основной ареал их кочевий, занимавших равнинно-степную зону региона; оно же указывает и на основное направление дальнейшего движения монголо-татар против половцев[1], а также в сторону р. Калки и «страны русских». Получается, что уцелевшая часть половцев действительно могла спастись в горах, но не Центрального Кавказа, а в боковых ущельях Северо-Западного Кавказа (Северо-Восточное Причерноморье).

В Придарьялье ситуация складывалась несколько иначе. После прихода к власти в соседней Грузии «сестры и преемницы» Георгия IV Лаши — Русудан, поддержанной «всеми вельможами его царства» от «Никописы и до Дарубанда», пребывавших «в подданстве его», новая «государыня Русудан» (1223—1245), узнав о том, что «во второй раз» в Грузию вторгся хорезмшах Джалал-ад-Дин, для борьбы с ним «созвала все свое воинство» и «отверзла Врата Дарьяльские», впустив в страну «овсов, дурдзуков»[2], как и «всех горцев тех мест», отправив затем их «на войну с хорезмийцами»[3]. Поражение защитников Тбилиси от Джалал-ад-Дина не ослабило взаимоотношений Грузии с северокавказскими союзниками. Приток монет меликов Дербента этого времени в Грузию и монет Русудан, как и их перечеканок Джалал-ад-Дином, в округу Дербента и на Северо-Восточный Кавказ рассматривают как показатель возрождения межгосударственных экономических взаимоотношений. Его смогло разрушить новое вторжение

---

[1] *Нарожный Е.И., Соков П.В.* География событий 1222 года на Северном Кавказе // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве: Историческая география Золотой Орды. Казань; Ялта; Кишинев, 2016. С. 232—237.

[2] «Овсы» — алано-осетины, «дурдзуки» — предки ингушей.

[3] *Цулая Г.В.* Грузинский «Хронограф» XIV в. о народах Кавказа // Кавказский этнографический сборник. М., 1980. Т. 7. С. 196, 204, примеч.13.

монголо-татар (конец 1230-х годов)[4], последствия которого трактуют неоднозначно. Одни связывают с ним массовый исход северокавказского населения в «Скифию и Сарматию»[5] (т. е. в Северо-Восточное Причерноморье и Дон — Приазовье), либо же в высокогорье региона, что подтверждают исследования археологов и антропологов. Другие видят в событиях конца 1230-х годов «катастрофу» Алании, хотя предположение опровергают новые археологические материалы из Придарьялья, документирующие сохранение здесь аланов, как и факт их участия в событиях XIII—XIV вв. Третьи авторы с этими событиями связывают разрыв всех прежних традиционных, в том числе северокавказско-грузинских отношений[6]; говорят о формировании у горцев региона якобы «набеговой системы», направляемой Золотой Ордой против Грузии[7], предполагают «начало тесного сближения населения Северного Кавказа и Грузии» и их «совместное сопротивление монголам», а также особую роль в нем аланов[8] и момент продвижения монголов в горы Дагестана. На основе подобных, нередко взаимоисключающих точек зрения важно другое: в событиях конца 1230-х годов горцы Северного Кавказа по-прежнему оставались на своих традиционных территориях обитания, но очень скоро они оказались не только вблизи, но и между границ владений Джучидов и Хулагуидов, втягивавших горские общества в систему своих взаимоотношений, в том числе используя возможности своих союзников и вассалов.

Между Золотой Ордой и Хулагуидами

Источники, повествуя о событиях конца 1230-х годов, акцентируют внимание лишь на двух из них — погроме черкесов[9] и убийстве их «государя по имени Тукара»[10], а также осаде и взятию г. Магаса. Другие сведения отрывочны и лаконичны, упоминают о длительном сопротивлении монголам аланов почти на всем пространстве от «Каспийских гор» до «Иверии» (Абхазии и Грузии)[11]. Рядом с ними «живут черкисы (Cherkis)», исповедующие «христианскую веру» и тоже «все еще борющиеся против татар». Можно полагать, что под «аланами» источники часто подразумевают не только этнических аланов, а нередко вкладывают в него обобщенно-собирательный смысл, подразумевая разноэтничных горцев вообще. Близ «Железных Ворот» (у Дербента) обитали «некие сарацины» — «лесги», также еще не «подчиненные (татарам)». «Аланы (горцы? — *Е.Н.*) в тех горах все еще не покорены», и «из каждого десятка людей

---

[4] *Нарожный Е.И., Цуциев А.А.* Северный Кавказ в период с 1222 г. по конец 1230-х годов // Stratum plus. № 6: СПб.; Одесса; Кишинев; Бухарест, 2016. С. 247—268.

[5] *Бибиков М.В.* Византийские источники по истории Руси, народов Северного Причерноморья и Северного Кавказа (XII—XIII вв.) // ДГВЕ. 1980. М., 1981. С. 136—139.

[6] *Бараниченко Н.Н.* Доисламские верования и культы в исторических системах общественных отношений вайнахов: Автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1985.

[7] *Сихарулидзе Ю.М.* Борьба грузинского народа против татаро-монгольского владычества: Автореф. дис. … д-ра ист. наук. Тбилиси, 1969.

[8] Осетины глазами русских и зарубежных путешественников. Орджоникидзе, 1967. С. 19.

[9] Название «черкесы» собирательное. В европейских («греческом и латинском») языках их называют «зихами», «татары и турки называли их "черкесами"; самоназвание — "адига"». При необходимости приводятся конкретные названия их племенных сообществ: «как то киппики, татакозцы, собайцы, кавертейцы» и др. (АБКИЕА. 1976. С. 42, 46).

[10] Варианты чтения: «Букар, Букан, Тукан, Куркар» (СМИЗО. М., 1941. Т. 2. С. 37, примеч. 3).

[11] *Бибиков М.В.* Византийские источники по истории Руси, народов Северного Причерноморья и Северного Кавказа. С. 136—138.

Сартаха двоим надлежало караулить горные ущелья, чтобы эти аланы не выходили из гор для похищения их стад на равнине», «простирающейся между владениями Сартаха, Аланами и Железными Воротами»[12]. Не менее важными являются и сведения ал-Омари (XIV в.) о сохранении Чингисидами после 1230-х годов у «черкесов, аланов и русских»[13] власти местных «царей». Достоверность данных подтверждает и грузинский «Хронограф» XIV в., сообщавший об аналогичной ситуации в Восточном Придарьялье. Здесь во главе территорий монголы оставляют «овску» (аланку) по имени Лимачав с ее малолетними сыновьями — Бакатаром и Пареджаном», а также с «многими князьями» ее окружения[14]. Акция, вероятно, наделяла этих ставленников Золотой Орды правом опосредования политической власти здесь от имени ханов Золотой Орды, но обязывала их взамен исполнять разные функции, включая и пресечение вылазок горцев на равнину. Во владениях Лимачав (?) известен и некий «замок аланов» «самого Менгу-каана»[15].

Владения монголов оказались севернее, на равнине и в равнинно-степной зоне. Где-то рядом, «близ р. Терека, в стороне Дербентской», оказались «зимовья» некоего «Токдая (Тама-Токдая)», «некоторое время» стоявшего «во главе сторожевого войска (лашкар-и-караула)»[16]. «Хронограф» дополнял: «Бато (Бату) владел Овсетией и Великой Кивчакией, Хазаретией и Русью, до (земель) Мрака и моря Дарубандского»[17].

Как известно, из Золотой Орды в Закавказье, подконтрольное Хулагуидам, вели давние и «накатанные» сухопутные маршруты. К. Гандзакеци называет два таких пути: через придарьяльских аланов и через Дербент[18]. Историк XIII в. Гайтон[19] (он же Гетум Патмич) наряду с транзитной трассой вокруг Каспийского моря называет не только Дербентский путь, но и так называемую «дорогу Запада», умалчивая о Дарьяле, вероятно, из-за его сезонного характера. «Дорогу Запада» надежно локализует грузинский «Хронограф», помещая ее на горных перевалах, отделяющих Золотую Орду (район Сочи) от Абхазии, где «дорогу» охраняли союзные Ильханам грузинские войска. «Хронограф» отмечал: «...ведай и о том, что твой брат и сын великого каена Бато шлет (грузинскому царю Георгию) множество посольств и подносит премного даров, чтобы тот предоставил ему дорогу Дариалана и Запада, потому как они обе у него в руках»[20].

Со стороны Золотой Орды охрану «дороги Запада» несли кочевники, внутри ущелий и у выходов из них к берегам Черного моря имевшие свои зимники с курганными могильниками вокруг. Их летники находились в низовьях Кубани, где вскоре появились крупные поселения с заметно выраженным сельскохозяйственным характером, ориентированным на производство зерна, затем продававшегося через Кафу в Европу[21].

---

[12] Путешествия в восточные страны П. Карпини и Г. Рубрука. М., 1959. С. 111, 165.

[13] *Федоров-Давыдов Г.А.* Общественный строй Золотой Орды. М., 1973. С. 27.

[14] *Цулая Г.В.* Грузинский «Хронограф» XIV в. о народах Кавказа. С. 202.

[15] Путешествие в восточные страны П. Карпини и Г. Рубрука. С. 67.

[16] СМИЗО. Т. 2. С. 55.

[17] *Цулая Г.В.* Грузинский Хронограф XIV в. о народах Кавказа. С. 197.

[18] *Гандзакеци К.* История Армении. М., 1976. С. 237.

[19] *Мирный С.М.* «La Flor des eleges de Teres d Orient» Гайтона как исторический источник по Востоку и истории моголов // Советское востоковедение. 1965. № 2. С. 89.

[20] *Цулая Г.В.* Грузинский Хронограф XIV в. о народах Кавказа. С. 200.

[21] *Нарожный Е.И.* Археологические памятники XIII—XV вв. на Кубани // Социально-гуманитарный вестник: Всероссийский сб. науч. трудов. Краснодар, 2019. Вып. 24. С. 22—32.

В первой половине 1320-х годов в Золотой Орде появляются видные хулагуидские военачальники — сын и внук эмира Чупана — Хасан и Талыш[22]. Встретив перебежчиков с почетом, Узбек-хан почти сразу же отправляет их на «войну с черкесами», завершение которой, наверное, окончательно устанавливало здесь прямой (без черкесского государя-посредника) контроль Золотой Орды.

К 1262 г. ситуация в Придарьялье резко меняется. Аланы, возглавляемые Лимачав, оказываются в орбите прямого влияния на них со стороны Грузии. К. Гандзакеци, сообщая о подготовке Хулагу к предстоящей войне с Берке, отметил: Хулагу подготовил «огромное войско» (целую «армию»), в составе которого был и отряд, набранный «у Аланских ворот». После глубокого рейда, совершенного «далеко за Дербентские ворота»[23], Хулагуиды вернулись назад. Но вместе с ними из Придарьялья ушла и Лимачав (1262), уведя сыновей-царевичей и свое «княжеское окружение». Там, представ сначала перед «самим Хулагу», она получает от него вознаграждение «за службу». Грузинский же царь «некоторых из них» определяет на жительство в г. Дманиси и в г. Жинвали.

Спустя уже полтора десятилетия ситуация вновь обостряется, но не только в Придарьялье. Под 1278 г. сообщалось об установлении контроля Хулагуидов над Дербентом, Лекзистаном и над всеми обитателями «горы Эльбурз». В тех же горах появляется «сахиб-диван Шамс ад-Дин Джувейни» (второе по значимости лицо в Хулагуидском государстве), «добрыми мероприятиями приведший в повиновение те народы, которые ни в какие времена никому не подчинялись»[24]. Вероятно, на 1278 г. были запланированы аналогичные антиордынские действия и в Придарьялье, где и после ухода Лимачав политическая власть, возможно, по-прежнему опосредовалась ее преемниками из другого аланского аристократического рода. Но события эти пошли по другому сценарию: не дожидаясь повторения в Придарьялье событий, подобных спровоцированным сахиб-диваном в Дагестане, упреждающий удар по этому региону нанес русско-ордынский отряд во главе с Менгу-Тимуром. Удар был нанесен зимой, в феврале 1278 г., по «славному ясскому городу Дедякову», где войска Менгу-Тимура не только «взяша полон» там, но и «корысть велику». Город взяли тогда, когда Дарьял, наверняка, был закрыт снегами, и ожидать помощи с другой стороны Дарьяла защитникам города не приходилось[25].

У Дарьяла джучиды оставляют «стражу татарскую», но лишь на некоторое время. В 1295 г. они были изгнаны объединенными алано-горско-грузинскими силами. Заманчиво со «стражей татарской» связывать и появление другого названия прежнего Дедякова — г. «Татартуп» («стоянка татар»)[26]; в «Дербент-Наме» в XVII в. город известен под названием «Шехри-Татар», т. е. «город татар». Еще одно его название — «Верхний Джулат» — искусственное (XIX в.)[27].

Округа Дербента нередко становилась ареной прямого джучидо-хулагуидского противостояния, когда город этот на некоторое время переходил под контроль того или

---

[22] *Нарожный Е. И.* Об одной «войне» против черкесов // Золотоордынская цивилизация. Казань, 2011. Вып. 4. С. 20—28.

[23] *Гандзакеци К.* История Армении. С. 237.

[24] *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей: В 3 т. М., 2001. Т. 3. С. 90.

[25] *Нарожный Е. И.* Русско-ордынский поход против «славного ясского города Дедякова» в контексте политической обстановки на Северном Кавказе // Золотоордынская цивилизация. 2009. № 2. С. 154—162.

[26] *Семенов Л. П.* Татартупский минарет. Дзауджикау, 1947. С. 3—34.

[27] *Нарожный Е.И., Нарожная Ф. Б.* О монетных дворах Северного Кавказа XIII—XIV вв. // М-лы и исследования по археологии Северного Кавказа. Армавир, 2004. Вып. 4. С. 322—330.

иного государства. Описывая «Персидское царство», католический «брат Журден» распространяет его территорию и на «часть Каспийских гор» «до Железных ворот»[28]. «Хронограф» XIV в. не один раз отмечал тот факт, что округа Дербента вместе с «дарубандцами» неоднократно «отступались от каена», и «каен (в данном случае хан Аргун), двинулся на Дарубанд», предварительно призвав «(грузинского) царя Димитрия, (тот) выступил (с ханом) заодно и (совместно) вступили в Дарубанд, и те не выдержали и бежали в крепостной акрополь» — «Авик»[29], но это «не принесло им (защитникам) ущерба». Аргун «повелел царю (грузинскому) дать бой, потому как была крепость весьма стойкой», «вооружились царь и воины его, окружили и ворвались в нее», затем «перебив их главарей» и захватили там «пленников, сокровища и множество семейств их, а крепость сожгли».

Постепенно горная зона превратилась в место прибежища и спасения для многих выходцев из Золотой Орды. Помимо упоминавшихся половцев и аланов, оказавшихся в высокогорье Северного Кавказа, вероятно, были и другие «выплески» сюда. Тот же «Хронограф» неоднократно сообщал о вынужденных миграциях грузинского населения «в крепости, горы, леса и укрепления Кавказа». Как известно, «грузинские летописи» всегда «под Кавказом» «подразумевали Северный Кавказ» в целом, без Дагестана[30].

Русская летопись, описывая канун казни в северокавказской ставке хана Узбека Михаила Ярославича Тверского (1318), сообщала о предложенном князю бегстве из ставки в близлежащие горы. Вне зависимости от существующих ныне вариантов локализаций этого трагического события[31], Михаил Ярославич Тверской отверг предложение, предпочтя смерть «за други своя». Но подобной возможностью, вероятно, могли воспользоваться другие русские пленники Золотой Орды, следы которых в высокогорье документируют ныне известные там предметы мелкой христианской пластики[32] — энколпионы, наперсные кресты, иконки, змеевики и нательные крестики, соотносимые с явно «новгородским», «московским», «южнорусским» их происхождением. Как и другие, такие же предметы, но «характерные для всей территории Руси» из разных металлов (золото, серебро, бронза и железо), вместе с явно «северокавказскими их подражаниями», указывают на разный прижизненный «статус и ранг» их владельцев.

Хорошо известны в горах погребальные памятники носителей так называемого «скального обряда» захоронений, еще с раннего Средневековья начавших «продвигаться» с запада региона на его восток и ныне сопоставляемых с некими тюркоязычными «борганами»[33]. Отмечаются здесь и следы пребывания представителей других этнокультурных групп населения[34], со временем «растворившихся» в местной этнокультурной среде.

---

[28] После Марко Поло: Путешествия западных чужеземцев в страны трех Индий. М., 1968. С. 157.

[29] Вариант чтения: «Ау» (?) (*Цулая Г. В.* Грузинский Хронограф XIV в. о народах Кавказа. С. 207, примеч. 53).

[30] Там же. С. 197, 201, 204, примеч. 28.

[31] Сборник избранных статей В. Б. Виноградова. Армавир, 2008. С. 134—139; ср.: *Богданов С. В.* Где погиб Тверской князь Михаил Ярославович? (По поводу одной краеведческой книжки) // Вестн. ТвГУ. Сер. История. Тверь, 2018. № 3. С. 119—132.

[32] *Виноградов В.Б., Нарожный Е. И., Голованова С. А.* О древнерусских предметах на Северном Кавказе // Россия и Северный Кавказ. Грозный, 1990. С. 5—15.

[33] *Нарожный Е. И.* Борганы Северного Кавказа: (Историко-этнографический аспект проблемы) // Дикаревские чтения. Краснодар, 2004. Вып. 10. С. 193—200.

[34] *Нарожный В. Е.* Население высокогорной Ингушетии в XIII—XV веках: Автореф. дис. … канд. ист. наук. Владикавказ, 2012.

Население высокогорья в XIII—XIV вв.

На Северо-Западном Кавказе известны выходцы из Южной Европы — генуэзцы и их более десятка крепостей «XIV—XV вв.»[35] Они, как их соседи, черкесы, называются среди основных поставщиков рабов на невольничьи рынки Крыма, Европы и Азии[36].

Черкесы Черноморского побережья до самой Абхазии жили «деревнями, и во всей стране нет (ни одного) города или укрепленного стенами места». До «60-ти лет занимаются грабежом», но со временем они «оставляют грабеж» и «посещают богослужения», которое «в молодости слушали» прямо «у дверей церкви, не слезая с коня». Они «не имеют письменности», «не пользуются никаким алфавитом». Священники у них служат по-своему, [употребляя] греческие слова и начертания, не понимая их смысла, и пользуются «услугами евреев и еврейскими письменами», чаще передавая все друг другу на словах, через посланцев. Мужчины проводят жизнь в постоянной «охоте на диких зверей», «но более всего охотятся за домашними (животными) и даже за людьми», добывают благовония; «нападают внезапно на бедных крестьян», уводя их скот «и собственных детей», затем «обменивают или продают». Они «не употребляют и не имеют в хождении никаких монет (денег), особенно внутри страны». Свои «сделки совершают на бокассины, т. е. куски полотна на рубаху и они оценивают всякую вещь для продажи, и ценность всех товаров измеряется в кусках материи»[37]. Основу хозяйств оседлого населения «составляло плужное и мотыжное земледелие, придомное и отгонное скотоводство, различные ремесла», направленные на «удовлетворение внутрисемейных и внутриобщинных потребностей». Торговлю иллюстрирует «поливная керамика» из «Византии, Крыма, Грузии»[38], из рядом находившихся генуэзских факторий и из Золотой Орды[39]. Сюда поступала стеклянная посуда, ткани, украшения, иной и разнообразный «ширпотреб». Восточнее, в горах, на городище Нижний Архыз с центром-резиденцией митрополитов «Аланской епархии» Константинопольского патриархата характерна скученность жилых построек на каменных фундаментах, которые известны и на других синхронных объектах. Самозваное «рукоположение» (конец XIV в.) сюда «трапезундского грека Симеона», получившего затем ярлык в Золотой Орде, определяет последующую зависимость данной территории от Золотой Орды.

В горах Северо-Восточного Кавказа известны поселения небольших размеров с длинными многокамерными домами на фундаментах из массивных каменных блоков[40] (так называемые «циклопические постройки»).

Основные занятия горцев наиболее полно представляют раскопочные материалы достаточно исследованного Келийского могильника в Ингушетии (с более 1 тыс. погребенных в его склепах, каменных ящиках и грунтовых ямах). Менее 1/3 из них — воинские, из них несколько «тяжеловооруженных» воинов; чуть больше «легковооруженных». Заметна груп-

---

[35] *Воронов Ю. Н.* Древности Сочи и его окрестностей. Краснодар, 1989. С. 105.

[36] После Марко Поло. С. 42.

[37] АБКИЕА. 1976. С. 47.

[38] *Воронов Ю. Н.* Древности Сочи и его окрестностей. С. 109.

[39] *Нарожный Е.И.* О находках поливной керамики XIII—XIV вв. на территории Северного Кавказа // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X—XVIII вв. Казань; Кишинев, 2017. Т. 2. С. 513—538.

[40] *Нарожный В. Е.* Население высокогорной Ингушетии в XIII—XV веках. С. 13—18.

па «копейщиков», объединявшихся и по принципу кровного родства; немало захоронений «лучников». В колчанах, наряду с «боевыми» стрелами, содержались и наконечники из рога и кости, обычно предназначавшиеся для охоты. Этот промысел подтверждают и фрагменты обработанных рогов благородного оленя, и их целые «ветви» внутри святилищ; известны поделки из рогов горных коз, амулеты из зубов медведя, кабаньи клыки, сверленные кости птиц для привешивания. Они, как и аналогии им из золотоордынского Азака, являлись «языческими» амулетами или оберегами[41]. Находки скорлупы яиц домашних (?) птиц, как и в аланских катакомбах Чечни, обычно связывают с христианством; сушеные орехи из тех же захоронений иллюстрируют занятие собирательством. Часть керамических сосудов — привозные из Золотой Орды и Грузии, в том числе неполивная посуда, украшенная монохромной росписью органическими красителями, вероятно, ремесленные изделия из г. Жинвали. Грубая лепная кухонная посуда ассиметричных пропорций с обжигом на открытом огне — результат кустарных «домашних промыслов». Другие виды занятий иллюстрируют находки игл из кости и бронзы, глиняные пряслица для веретен; ножи разных размеров, в том числе и для обработки кож, ножи-пилки, каменные оселки, железные «бритвы» — предметы повседневного мужского обихода. Женские погребения сопровождались разнотипными украшениями, бронзовыми наперстками, изредка портняжными ножницами. Пружинные ножницы (для стрижки шерсти у овец) были почти в каждом захоронении «взрослых женщин», что указывает на еще одно из их основных прижизненных занятий. Бусы нанизывались на домотканые разноцветные нити из шерсти, сплетенные в одну. В сумочках — мел («белила») и плотные комки нитей красного цвета с вариантами оттенков или кусочки природной охры — так называемые «румяна». Отмечены единичные захоронения «керамиста», «ювелира», «бронзолитейщика», отливавшего в форме, в том числе и нательные крестики. Ремесленный инструментарий позволяет говорить о «специализациях» обработчиков дерева, изготавливавших двучастные гребни, деревянную домашнюю и кухонную утварь. Тот же инструментарий документирует наличие местного кузнечного ремесла[42]. Единичны погребения служителей «языческих культов» и христианских священнослужителей. Хорошо и правильно сросшиеся переломы, следы удачных трепанаций черепов у погребенных указывают на существование врачевателей и знахарей, исцелявших лекарственными травами. Сходной была ситуация и в горном Дагестане[43].

«Набеговая практика», известная не только в XIII—XIV вв., сопряженная с рисками, вероятно, приносила важные трофеи, открывая разные возможности для изменения своего имущественно-социального статуса. Такими «трофеями» могли быть скот, люди, предметы вооружения, одежда из дорогостоящих тканей и др., и их можно было с выгодой использовать в торгово-обменных операциях, для уплаты долгов, выкупа за невесту и пр. Но увеличение личного имущества («богатства») не всегда открывало путь к изменению личного социального статуса. Этому все время мешало перераспределение сокращавше-

[41] *Нарожный Е. И.* Два погребальных комплекса из золотоордынского Азака и их северокавказские аналогии // Донские древности. Азов, 2019. Вып. 12. С. 165—169.

[42] *Нарожный В.Е., Нарожный Е. И.* Находки ремесленного инструментария в горной Ингушетии XIII—XIV вв. // Третья абхазская Междунар. археол. конф. Сухум, 2013. С. 321—324.

[43] *Гаджиев М.Г., Давудов О. М., Шихсаидов А. Р.* История Дагестана с древнейших времен до XV в. Махачкала, 1996. С. 300—330.

гося и без того скудного общинного фонда обрабатываемых земель и пастбищ, сосредотачиваемых в руках отдельных «сильных» родов.

Любопытен и состав других «военных трофеев» из повседневного обихода горцев. Нумизматические материалы из-за неразвитости торгово-денежных отношений в горах сразу же пробивались и превращались в подвесные или привесные украшения, амулеты, обереги, затем попадали в захоронения, становясь разновидностью погребального инвентаря[44]. «Трофеями» трудно назвать и многочисленные разноцветные бусы из полудрагоценных камней, стекла и кашина с поливой, а также многочисленный бисер, раковины каури. В разных сочетаниях и количестве, бусы и бисер составляли ожерелья, подчеркивая разный социально-имущественный статус их владелиц. Использовались серьги в виде «знака вопроса», подвески из лазурита, металлические зеркала[45], керамика и пр., целиком дублирующие наборы украшений и предметы быта кочевников и горожан Золотой Орды. Они позволяют предполагать: в XIV в. между горными районами Северного Кавказа и золотоордынской равниной стали развиваться торгово-обменные взаимоотношения потомков когда-то оставшихся на равнине аланов с потомками сородичей, в свое время укрывшихся в горах. Поступавшие через них в горы наборы «товаров» предлагались с учетом не только сформировавшегося спроса на золотоордынский «ширпотреб», но и в контексте определенной «моды», во многом копировавшей внешние, явно престижные и социально-значимые (т. е. «как в Золотой Орде») категории поставляемых в горы предметов синкретической культуры Золотой Орды. В горах их приток приобретает и определенный смысл, став своего рода маркером имущественного и социального положения их горских обладателей[46].

Конфессиональная специфика. В высокогорьях известны различные разновременные культовые, как «языческие», христианские, так и мусульманские сооружения, восстановленные в том числе и в XIII—XV вв.; скудный погребальный инвентарь отдельных захоронений при церквах содержал перстни-печатки XIII—XIV вв. с арабоязычными надписями[47]. Черкесы «при Черном море» со своими священниками придерживались греческой веры, но были «злыми людьми», «продающими язычникам» даже «собственных детей» и «тех, которых они крадут у других»; «занимаются разбоями», «говорят особенным языком» и не «имеют городов»[48].

Крупными религиозными центрами являются Ильичевское городище на р. Уруп с несколькими церквами на его территории[49], на р. Большой Зеленчук городище Нижний Архыз с резиденцией уже упоминавшейся «Аланской епархии».

Горцы Северо-Восточного Кавказа по-прежнему находились в сфере прямого церковного влияния Грузии, со стороны которой в горах Северного Кавказа,

---

[44] *Нарожный Е. И.* Монетные находки XIII—XV вв. в погребениях: Некоторые аспекты семиотических оценок известных артефактов // Археология евразийских степей: Нумизматика и эпиграфика. 2017. № 6. С. 117—127.

[45] *Нарожный Е. И.* Металлические зеркала XIII—XIV вв. с изображением аль-Бораков // V Кубанская археологическая конф. Краснодар, 2009. С. 270—275 и след.

[46] Сборник избранных статей В. Б. Виноградова. С. 140—150.

[47] *Армарчук Е. А.* Перстни с арабской эпиграфикой из раскопок храма у села Веселое под Адлером // «Звучат лишь письмена». М., 2019. С. 50—63.

[48] АБКИЕА. 1976. С. 38—39. С. 47.

[49] Вопросы истории Поурупья. Армавир, 2012.

как известно, проповедовал Пимен из грузинского г. Гареджи. При Георгии V Блистательном (1318—1346) там же вел свои проповеди и католикос Евфимий[50]. Миссионеры несли устную «проповедь христианства», распространяли «церковные книги и Евангелие», помогали «воздвигать там церкви» и т.п.[51] Успехи проповедников подтверждают не только находки каменных крестов с «грузино-аварскими надписями» в Дагестане. Принимая христианство, горцы адаптировали его к своим старым, «языческим» традициям, что демонстрируют захоронения их христианских священнослужителей. Подобную «языческо-христианскую» специфику (синкретизм)[52] религиозных воззрений основной части горцев региона[53] в свое время отметил и уже упоминавшийся католический «брат Журден» (XIV в.): «Скажу о Каспийских горах», там «на кресте приносят в жертву овец и делают это люди, называющие себя христианами, хотя вовсе они не христиане. Ничего они не смыслят в вере»[54]. Сегодня отмеченный синкретизм специалисты называют «этнизованным христианством»[55], подразумевая под ним «объективный процесс взаимодействия двух (или более) религиозных систем», в ходе которого «происходило образование новой» и «целостной системы мировоззрения, мироощущения и культа со своей специфической структурой»[56]. С результатами христианизации связывают и появление в лексиконе горцев таких слов, как неделя, пятница, суббота, воскресенье, понедельник, крест, пост, ад, свеча, дворец, часовня, свадьба и т.п.[57] В обиходе появляется посуда, в том числе с начертанными буквами грузинского шрифта («ассомтаврули»), воспроизводя местные личные имена (иные видят в этом примеры существования на основе грузинского алфавита даже местной письменности).

Активной была и деятельность Римско-католической церкви (РКЦ)[58]. В 1274 г. Лионский собор РКЦ учредил два викариата: «Аквилонский» и «Восточной Татарии». Последний викариат с центром в Тебризе был разделен на три кустодии (округа), «Аквилонский викарийат» с центром в г. Кафе состоял из двух кустодий («Газария» и «Сарай»); в кустодию Газарния входил Крым и земли при Дунае и при Днепре; «Сарайская кустодия» калькировалась на восточную часть Золотой Орды с Северным Кавказом, включая его горные районы. Выходцы из разных католических орденов в Золотой Орде создают свои «опорные базы»: францисканцы, например, «оседлали» основные узловые пункты на торгово-караванных дорогах Улуса Джу-

[50] Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1897. Т. 22. С. 50; *Крупнов Е.И.* Средневековая Ингушетия. М., 1971. С. 43.

[51] Каменная летопись страны вайнахов. М., 1994. С. 104.

[52] *Мужухоев М.Б.* Средневековые культовые памятники Центрального Кавказа. Грозный, 1997. С. 5—17.

[53] *Нарожный Е.И.* Конфессиональный синкретизм XIII—XV вв. в погребальных обрядах населения Северного Кавказа // Религия в истории народов России и Центральной Азии. Барнаул, 2014. С. 147—152.

[54] После Марко Поло. С. 156.

[55] Сборник избранных статей В.Б. Виноградова. С. 151—163.

[56] *Бараниченко Н.Н.* Доисламские верования и культы в исторических системах общественных отношений вайнахов: Автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1985. С. 13—14.

[57] *Крупнов Е.И.* Средневековая Ингушетия. С. 43.

[58] *Нарожный Е.И.* О католической церковно-миссионерской деятельности в бассейне Черного и Каспийского морей // Материалы заседания, посвящ. 30-летию школы В.Б. Виноградова. Армавир, 1994. Ч. 2. С. 17—19.

чи — «в Матреге (Тамань), в Темрюке», в «Азаке-Тане, в Увеке, Новом Сарае» и т.д.[59] Католическая кафедра была в г. Маджар на р. Куме[60], в «Верхнем Джулате» (Татартупе), в начале XV в. являвшемся центром «гористой страны Джулат», со своим епископством и священниками из «ордена кармелитов», которые тем не менее «не знают ничего по-латыни, но молятся и поют по-татарски», т. е. на местных языках, для того чтобы прихожане их были тверды в своей вере. Поэтому местные «многие язычники принимают святое крещение», понимая все то, что «священники читают и поют»[61].

Источники упоминают о католических кафедрах и нескольких епископствах на Верхней Кубани и в «стране Кайтагской» (Приморский Дагестан); в 1401 г. упомянута кафедра «Tuma»[62] в «Кавказской Тюмени» на Нижнем Тереке[63], хотя есть и другая версия ее локализации. Известны не всегда удачные практики католической миссионерской деятельности, например, среди горцев Чечни (р-н озера Галанчож). Там, злоупотребив горским этикетом, католики были убиты.

Воздействие христианства приводило к распространению в горском быту «крестов, свечей, посуды», вызвало оно и обычай «снятия шапок и коленопреклонения перед святынями, пение молитв», «соблюдение поста». Меняется и календарь, внедряются новые праздники — Пасха и Троица, и таинства (крещение, соборование). В погребальных обрядах и в повседневности по-прежнему сохраняются многие дохристианские черты, в том числе поклонения в святилищах и на капищах языческим божествам[64], что приводит к «скапливанию там груд железных наконечников стрел, приносимых пастухами и охотниками»[65].

Исламизация горной зоны региона этого времени была связана с Золотой Ордой, включая ее северокавказские пределы[66] и Хулагуидов. На территории Дагестана известны «многочисленные переселенцы», в том числе рабочие и строители середины XIII в., собранные в специально «построенных для них лагерях» вокруг Дербента. Сообщается и об «арабском населении в Дербенте и близлежащих селениях»; в каждом квартале этого города имелась отдельная мечеть. «Правящая верхушка Золотой Орды» политически «поддерживала мусульманское духовенство региона и Поволжья», а «духовенство Дагестана» сыграло «немаловажную роль в религиозной жизни Золотой Орды». В ее «столице — Сарае-Берке», как отмечал ибн Баттута (1303—1377), «среди шафиитских мударрисов» был «факих, достойный имам Садраддин Аль-Лакзи», один «из превосходных людей»[67], являвшийся выходцем

---

[59] После Марко Поло. С. 58. С. 119.

[60] *Бабенко В. А.* Католическая кафедра в Маджаре по данным письменных источников // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 2013. Вып. 10. С. 322—326.

[61] Цит. по: *Виноградов В. Б., Голованова С. А.* О роли грузинского элемента в истории христианских храмов Верхнего Джулата-Дедякова // Мацне. Тбилиси, 1980. № 2. С. 149—159, 127—133.

[62] *Richard J.* Les missionnaires latins chez les kaltak du Dagestan (IV-XV siecles) // Труды XXV конгресса востоковедов. М., 1963. Т. 3. С. 607.

[63] *Лавров Л. И.* Кавказская Тюмень // Из истории дореволюционного Дагестана. Махачкала, 1976. С. 167.

[64] *Бараниченко Н. Н.* Доисламские верования и культы в исторических системах общественных отношений вайнахов. С. 10—14.

[65] *Воронов Ю. Н.* Древости Сочи и его окрестностей. С. 104.

[66] *Нарожный Е. И.* Из истории исламизации в северокавказских владениях Золотой Орды // Ислам в духовном пространстве Северного Кавказа: История, философия, социология: М-лы Всероссийской науч. конф. Карачаевск, 2011. С. 264—271.

[67] СМИЗО. Т. 2. С. 124.

из Лакза (область Дагестана)[68]. Постепенно исламизация затрагивает население ряда сел в горских обществах Дагестана, в том числе и благодаря усилиям прибывшего из Хулагуидского Ирана шейха Хасана Сухраварди, в 1306 г. обратившего в ислам жителей с. Кубачи. В начале XIV в. строятся новые мечети «для людей зирихгеранских», перешедших «в ислам от неверия»[69]. В XV в. количество таких сообщений только возрастает.

Горцы региона в период походов эмира Тимура в XV в.

В 1395—1396 гг. в пределы Золотой Орды вторгаются войска среднеазиатского эмира Тимура[70]. Представленные персидскими авторами Шами и Йезди, сведения эти определяют не только последовательность, но и географию маршрутов передвижений войск Тимура. Значительную их часть современные исследователи «направляют» в высокогорье. Такая реконструкция событий заметно противоречит здравому смыслу и логике, да в горах так и не обнаружено достоверных доказательств тому. В фольклоре горцев к тому же образ Тимура представлен далеко не всегда враждебным, он был и заботливым отцом, отправившимся в горы на поиски своего пропавшего сына. К тому же современные историки представляют большую часть горной зоны Северного Кавказа как территорию *перманентного противостояния* Золотой Орде. Тогда, объективно, вторжение Тимура в границы Золотой Орды для подрыва ее политико-экономической мощи совпадало с антиордынскими устремлениями горцев, что рейдов Тимура в глубь всей горной зоны не требовало. Существует предположение и об избирательности ударов Тимура, направлявшихся им только на союзников Золотой Орды[71]. Подтверждает это и Шами, описывая поход Тимура в «иль» или «область кайтаков» приморской части Дагестана, объясняя тем, что кайтаги[72] были «сторонниками Тохтамыша».

Из «области кайтаков» в Дагестане, сразившись с Тохтамышем близ места слияния рек Сунжи и Терека (Чечня), войска Тимура выходят в низовья Терека, разгромив там богатую «область Джулат»[73], из нее — к низовьям Волги и на территорию золотоордынского Поволжья[74].

На Северном Кавказе Тимур вновь появляется после разорения им Азака (Таны), из которого он уходит к «области черкесов» на Северо-Западном Кавказе; причин для «наказания» черкесов у него было предостаточно. «Область черкесов» можно локализовать в Нижнем Закубанье,

---

[68] *Шихсаидов А. Р.* Распространение ислама в Дагестане // Исламоведение. 2010. № 1. С. 40—44.

[69] *Он же.* Эпиграфические памятники Дагестана. М., 1984. С. 3—76.

[70] СМИЗО. Т. 2. С. 118—122; *Ртвеладзе Э. В.* О походе Тимура на Северный Кавказ // Археолого-этнографический сборник. Грозный, 1976. Т. 4. С. 117, 250.

[71] *Даутова Р. А.* Тимур и вайнахи // Всесоюзная студенческая археологическая конференция. Тбилиси, 1969. С. 16.

[72] Народы Дагестана. М., 2002. С. 180. Под Тарками (у Шами — Дарки) потерпел кораблекрушение Афанасий Никитин, затем отправившийся в Дербент и в далекую Индию (см.: Хожение Афанасия Никитина за три моря. Л., 1988. С. 6, 19 и сл.).

[73] О ней см.: *Нарожный Е. И., Нарожная Ф. Б.* О монетных дворах Северного Кавказа XIII—XIV вв. С. 319—322.

[74] *Нарожный Е.И., Соков П. В.* Могильники № 1 и 2 золотоордынского времени поселения «Железнодорожное-1» (Крымский район Краснодарского края) // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда. Казань, 2014. Т. 3. С. 407—410.

где известны скопления крупных агломераций[75] — поселений с сельскохозяйственными угодьями и пастбищами вокруг. Под «черкесами» этой территории подразумевается разноэтничное, преимущественно оседлое население, в том числе и группы генуэзцев и представители разных этнокультурных групп, производивших зерно, вывозившееся сначала в Кафу, а затем и в Европу. Отмеченные поселения сохранили различные следы драматических событий — находки предметов вооружения[76] и несколько компактных грунтовых могильников, устроенных прямо на поселениях на завершающем этапе (конец XIV— начало XV в.) их жизни[77].

Из «области черкесов» Тимур направляется вдоль прибрежной полосы Черного моря с генуэзскими торговыми факториями «от современной Анапы до Абхазии». Через горы по «дороге Запада» он выходит в пределы Абхазии[78].

Оба маршрута движения войск Тимура, получается, прямо коснулись лишь золотоордынских владений в регионе, *не затронув* основной части горной зоны Северного Кавказа. Горцы, как и раньше стремившиеся в предгорья и на равнины, связывая эти надежды с разгромом Золотой Орды Тимуром, такой возможности вновь не получили, хотя отдельные их группы своих попыток выселиться на свободные территории предгорий и равнин никогда не оставляли[79], что достоверно подтверждают известные источники.

Вторжение Тимура нанесло ощутимый удар по северокавказским владениям Золотой Орды. Но сохранившиеся «осколки» ее былого могущества стали возрождаться, хотя и не в прежних масштабах. К XV в. развивается торговля, хотя ее объемы, если судить по поступавшей сюда денежной массе, малы по сравнению с предыдущим временем; значительно меньше находок импортов. Но известны и попытки возобновления чеканки собственных монет, как было, например, в г. Маджаре[80]. На месте «области Джулат, но в границах более меньших, нежели между Волгой и Кавказом»[81], появляется «Тюменское княжество» («Кавказская Тюмень») с контролем над низовьями Терека и Терско-Сулакским междуречьем. Вместе с «областью кайтаков» (впоследствии — уцмийство) они подчинялись хану Шадибеку, бежавшему из Поволжья и укрывшемуся у дербентского эмира Шейха Ибрагима. От места слияния рек Сунжи и Терека и на территории Северной Осетии находилось «Брагунское феодальное княжество»[82]. Возрождение происходит и в округе Татартупа («Верхнего Джулата»), «закрывавшего» выход в Дарьяльский горный проход. В округе «Нижнего

---

[75] *Нарожный Е. И.* Археологические памятники XIII—XV вв. на Кубани. С. 22—32.

[76] *Нарожный Е.И., Соков П. В.* Предметы вооружения из культурного слоя поселений «Железнодорожное 1 и 2» // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда. Барнаул; Белокуриха, 2017. Т. 2. С. 283—287.

[77] *Нарожный Е.И., Соков П. В.* Могильники № 1 и 2 золотоордынского времени поселения «Железнодорожное-1». С. 407—410.

[78] *Нарожный Е.И.* О движении войск Тимура с Нижней Кубани // Первая абхазская Междунар. археол. конф. Сухум, 2006. С. 257—261.

[79] *Мамаев Х.М., Нарожный Е.И.* Новые археологические памятники золотоордынского времени в Чечне // Вестн. Академии наук Чеченской Республики. Грозный, 2014. № 3 (24). С. 43—55.

[80] *Ртвеладзе Э. В.* Из истории городской культуры на Северном Кавказе в XIII—XIV вв. и ее связей со Средней Азией: Автореф. дис. … канд. ист. наук. Л., 1975. С. 15—20.

[81] *Идрисов Ю. М.* Тюменское владение между Волгой и Кавказом: Рождение и гибель государства // Средневековые тюрко-татарские государства. 2014. № 6. С. 80—83.

[82] *Магомадова Т. С.* Брагунское феодальное владение в Чечне XVII в. // Вестн. Академии наук Чеченской Республики. Грозный, 2010. № 1 (12). С. 142—146.

Джулата» процесс подтверждает приток монет XV в.[83] Вдоль Черного моря территорию по-прежнему занимали группы «черкесов».

В горных ущельях продолжалось дальнейшее углубление социально-имущественного расслоения.

В бассейне Черного и Азовского морей активизируются турки-османы, их сильное влияние на ряд черкесских областей отмечается в целом ряде исследований. Оживляется торговля, ориентированная теперь на Крым и на османские владения, что подтверждают известные нумизматические материалы, оказывавшиеся здесь. Особенно это документируют составы трех крупных и синхронных кладов на Ставрополье, у г. Ейска и у ст. Черноерковской; их появление — иллюстрация событий конца XV в., определенных вторжением (1486 или 1487-х годов) из-за Дербента отрядов газиев сефевидского шейха Хейдара. Пройдя Северный Кавказ до Азово-Черноморского побережья, войско Хейдара было разбито наголову черкесскими племенами.

---

[83] *Лебедев В.П., Ситник В.Г.* Комплекс серебряных джучидских монет из Нижнего Джулата (Кабардино-Балкария) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Армавир; Краснодар, 2013. Вып. 13. С. 192—210; *Ситник В., Лебедев В.* Неизданные и редкие пулы Золотой Орды с городища Нижний Джулат (Северный Кавказ) // Tyragetia. National Museum of Moldova. 2013. Vol. 7 (22). N 2. P. 381—388; *Нарожный Е.И., Нарожная Ф.Б.* О приазовском отрезке маршрута движения сефевидского шейха Хайдара (1487 г.) // Кубанские ист. чтения: IX Междунар. науч.-практ. конф. (Краснодар, 29 июня 2018 г.). Краснодар, 2018. С. 144—148.

Глава 5

НАРОДЫ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

В истории народов Восточной Сибири и Дальнего Востока эта эпоха имеет свои особенности. Прежде всего речь идет о неровной репрезентативности исторических источников. Богатый письменный материал дают памятники монгольского письма, многие из них были утеряны впоследствии, но зато были переведены на другие языки, например на китайский, уйгурский, арабский и другие и потому дошли до наших дней. Таковы монгольский литературный памятник «Сокровенное сказание», хроника династии Юань «Юань ши» и другие сочинения, написанные на китайском языке; «Сборник летописей» Рашид-ад-дина (1310/1311 г.). Отрывочные сведения можно почерпнуть из западных источников — «Истории монголов» Плано Карпини и «Путешествия в восточные страны» Гильома де Рубрука (середина XIII в.).

В этих исторических источниках, посвященных истории монголов, содержатся и некоторые сведения о енисейских кыргызах, населении Тувы и Прибайкалья, ибо все эти народы были активно вовлечены в политические события тех лет. Имена правителей, даты сражений, основания городов и другие факты из истории названных народов известны благодаря перечисленным источникам.

Достаточно много сведений имеется в китайских источниках династий Цзинь, Юань и Мин о народах Приморья и Приамурья. Благодаря им достоянием науки стали этнонимы, особенности хозяйства и быта охотников и рыболовов, земледельцев и скотоводов, населявших берега рек и горно-таежные массивы Дальнего Востока.

Что касается истории народов Якутии и Крайнего Севера XIII—XV вв., то мы не можем опереться на письменные источники по причине их отсутствия. Для реконструкции их исторического прошлого необходимо привлечь материалы археологических раскопок, сведенные и локализованные в целый ряд археологических культур: *пунукская*, *Туле*, древнекорякская *атарганского* типа, древнеякутская *кулунатахская* и др.

Поскольку народы региона в силу особенностей хозяйства и быта (охотничье-промыслового, оленеводческого или скотоводческого) в то время сильно зависели от колебаний климата, приходится учитывать такой природный фактор, как глобальное похолодание в северных широтах, совпавшее с рассматриваемым периодом.

Небывалая политическая активность степных народов Центральной Азии, начиная с конца XII в. охватившая не только значительную часть описываемых в этом разделе народов, привела к масштабным потерям и миграциям населения, гибели одних государств и возникновению других, интенсивным межкультурным обменам.

Этническая карта данного обширного региона Азии разнообразна. Лесостепные пространства Минусинской котловины, Тувы, Прибайкалья и Забайкалья населя-

ли тюрко-монгольские скотоводческие народы: предки хакасов (енисейские кыргызы), тувинцев (дубо, урянхайцы, туматы), бурятов. На Средней Лене также жили предки тюркоязычных якутов, имевшие устойчивые этнокультурные связи с монголоязычными выходцами из Юго-Восточной Сибири хори-туматами. Перечисленные народы жили в окружении таежных охотничье-промысловых тунгусоязычных (предков дауров, дючеров, негидальцев, удэ) и угорских (предков кетов, самодийцев, юкагиров) народов. В этот период на обширном пространстве Сибири, Дальнего Востока и далеко за их пределами распространяется транспортное оленеводство. По-видимому, во многом на такое развитие событий повлияло возвышение в XI—XII вв. родственного тунгусам народа чжурчжэней, которые создали империю Цзинь. Кочевники тунгусы (предки эвенков и эвенов) двигались на северо-восток в область обитания палеоазиатов (предков коряков, ительменов и чукчей) — насельников побережья Охотского моря, Камчатки и Чукотки. Со стороны Американского континента на Чукотский полуостров переселялись морские охотники — древнеэскимосские племена.

Саяно-Алтай, Прибайкалье, Забайкалье, Приамурье и Приморье под властью монголов

Рассматриваемое время характеризуется экспансией Монгольской империи и присоединением к ней территории Тувы, Хакасии, Прибайкалья, Забайкалья и Приамурья. В забайкальской лесостепной зоне кочевали монгольские родовые группы тайджиутов, альджигинов, хатагинов, бааринов, джалаиров и др. Восточная часть Забайкалья с XI в. входила в состав монгольского улуса Хабул-хана, первого общемонгольского хана. В местности Делюн-Болдок на р. Онон (по одной из версий, на самой границе между современной территорией России и Монголии) в 1162 г. родился сам Чингисхан. В то время здесь были владения тайджиутов, подчинившихся его отцу Есугай-багатуру из рода борджигинов. Среди различных монгольских улусов шли объединительные процессы, направленные против враждебных улусов татар, живших по соседству, и особенно против чжурчжэней.

В целом этнические процессы, происходившие в Юго-Восточной Сибири, носили сложный противоречивый характер. Так, в начале II тыс. н.э. в Прибайкалье появляются погребения с конем, которые ранее не были характерны для этой территории. Предположительной причиной миграции стало усиление монгольских народов киданей и найманов, воевавших в то время с тюрками Саяно-Алтая. Прямым следствием этих событий стало возникновение в XII в. в Приангарье *усть-талькинской* культуры, которую создали тюркоязычные кимако-кипчакские племена, мигрировавшие из Прииртышья или Саяно-Алтайского нагорья. Основным памятником являются захоронения, которые сопровождаются каменными надмогильными сооружениями в виде плоских кладок и кольцевых (овальных) конструкций. Внутримогильные конструкции иногда отсутствуют или имеют вид долбленых лиственничных колод или ящиков-гробов, иногда обернутых берестой. Керамическая и берестяная посуда, железные ножи и кресала, сложносоставные луки, железные и костяные наконечники стрел, железные наконечники копий, панцирные пластины, серьги, бусы, нашивные медные бляшки, удила, стремена, седла являются типичными для

усть-талькинских захоронений[1]. Подобный комплекс предметов, маркирующих рассматриваемую культуру, позволяет проследить миграции усть-талькинцев вплоть до самых отдаленных районов северо-востока Азии.

Монгольский улус меркитов, располагавшийся на р. Селенге, был разгромлен между 1170—1216 гг. войсками Чингисхана. После гибели лидера меркитов Тохта-беки его сыновья и брат Куду увели остатки улуса к найманам в Западную Монголию. Родственные монголам баяуты, населявшие бассейн р. Джиды, добровольно подчинились Чингисхану[2]. Происходит заметная смена населения: преобладание получают монголоязычные группы, имел место отток местного, преимущественно тюркского населения. Названные события также иллюстрируют вышеприведенные материалы *усть-талькинской* культуры XII—XIV вв., в погребениях которой появляются предметы быта и вооружения, сходные с монгольскими.

У восточных соседей монголов — тунгусоязычных народов Приморья и Приамурья — наблюдались кризисные явления в социально-демографическом и экономическом аспекте[3]. Некогда процветавшая здесь Еланьская провинция империи Цзинь к началу XIII в. пришла в упадок. С целью укрепления своих позиций в борьбе с киданями императоры Цзинь еще в середине XII в. переселили сотни тысяч чжурчжэней из Приморья в китайские провинции. Это было также связано с переносом резиденции чжурчжэньских императоров на юг Маньчжурии. Возможно, хронологически в этом же ряду стоит такое событие, как последний период существования *покровской* культуры (IX—XIII вв.) в бассейне нижнего течения р. Амур. Это была комплексная культура земледельцев, коневодов, рыболовов, занимавшихся различными домашними промыслами. Строительство укрепленных городищ, зафиксированное на поздней стадии развития культуры, свидетельствует о военной угрозе со стороны чжурчжэнэй, а затем, вероятно, и монголов.

После массового исхода из Центральной Азии тюркоязычных народов на запад в X—XII вв. под натиском киданей и найманов большая часть степных пространств оказалась занята предками монголов. Тюрки остались главным образом в Минусинской котловине (енисейские кыргызы) и на территории современной Тувы (туматы — потомки древних тюркоязычных дубо). Прежнее единое этно-политическое объединение кыргызов фактически распалось на отдельные владения во главе с *иналами* (наместниками), которые по статусу сравнялись с ханами.

Завоевание Восточного Туркестана и Западной Монголии киданями и найманами привело к отступлению оттуда кыргызов на север и усилению *кыштымов* — зависимых ранее от них народов. Очевидно, что названные процессы отразили памятники кыргызской культуры *хакас сууктэр* — кольцевые насыпные курганы. Под насыпью находятся сожженные останки умерших, предметы быта, вооружения и украшения, а также остатки тризны — кости животных. Также встречаются коллективные захоронения — могильники погибших воинов (5—10 объектов),

---

[1] *Николаев В. С.* Погребальные комплексы Южного Приангарья первой половины II тыс. н.э.: Усть-талькинская культура: Автореф. дис. … канд. ист. наук. Владивосток, 2003.

[2] *Цыбиктаров А. Д.* Бурятия в древности: История (с древнейших времен до XVII века). Улан-Удэ, 1999. С. 204—206.

[3] *Васильев Ю. М.* Покровская культура Приамурья (IX—XIII вв.) // Российский Дальний Восток в древности и средневековье: Открытия, проблемы, гипотезы. Владивосток, 2005. С. 592—614; *Евменьев А. А.* Амурские чжурчжэни. Золотая империя. Кровавая роса. Новосибирск, 2014. С. 45—48.

вытянутые по гребню холмов[4]. Поселения эпохи *сууктэр* не имеют культурного слоя, поэтому находки на этих памятниках датируются по сопровождающим поселения захоронениям. Находят схожие предметы вооружения и быта, украшения из железа. Интерес представляют поселения с остатками железоплавильного производства и крепости-убежища на вершинах гор.

В отличие от предыдущего периода наряду с обрядом трупосожжения стал чаще встречаться обряд трупоположения, в том числе захоронения с конем, характерные для древних уйгуров. Отмечено большее своеобразие в сопроводительном инвентаре поселений и захоронений: хозяйственно-бытовых предметов и вооружения. Исчезает керамика, заменившись металлической и кожаной посудой. Это связывается с воздействием кочевнических традиций, пришедших с монголоязычными группами.

Чингисхан в 1204—1205 гг. разгромил найманов и завоевал Северо-Западную Монголию и Джунгарию. Там он утвердил наместником своего нукера Хорчи в статусе темника, ему были отданы в подчинение так называемые «лесные племена» вплоть до Золотых гор, т. е. до Алтайских гор[5]. Другими словами, под его начало были отданы многие народы, в том числе часть населения Саяно-Алтая.

Непокоренными оставались только кыргызы, расселявшиеся не только в Минусинской котловине, но и в Туве. Поэтому в 1207 г. Чингисхан направил против них своего сына Джучи. Как повествует «Сокровенное сказание», Джучи вначале подчинил ойратов, бурятов, бархунов, урсутов, хабханасов, ханхасов и тубасов. После этого к нему пришли кыргызские нойоны Еди, Инал, Алдиер и Олебек-дигин с выражением покорности. К другим кыргызским вождям Алтану и Букре Чингисхан послал гонцов с требованием добровольного подчинения. В ответ кыргызы отправили своих посланцев с выражением покорности. Всякий раз в качестве подарков — ясака монгольскому правителю — были посылаемы кречеты, соколы и соболя, с обязательством выставления войска для монгольской армии[6]. Оно должно было составить отдельный *тумэн* — войсковую единицу.

Тем временем на Дальнем Востоке в 1210 г. началась монгольско-цзиньская война. Империя Цзинь распалась на части. От нее отложились кидани. Потерпевший поражение от них начальник пограничной области Пусянь Ваньну провозгласил создание нового государства Великого Чжень, но не смог удержаться и увел около 100 тыс. чжурчжэнэй на восток, в Приморье, где образовал государство Восточное Ся (Дун Ся)[7]. Территория государства занимала три восточные провинции Цзинь: на западе граничила с современной провинцией Хэйлунцзян, охватывала бассейны рек Муданьцзян, Сунгари и Амур, на юге — часть территории КНДР, на востоке — российское Приморье, а также о. Сахалин. Единовременно было выстроено десятки укрепленных городов. В 1233—1234 гг. армия монгольского великого хана Угэдэя разгромила южную столицу Дун Ся, Пусянь Ваньну был захвачен и казнен. С этого времени Дун Ся стало вассальным владением монголов. В 1235—1236 гг.,

[4] *Бутанаев В.Я., Худяков Ю.С.* История енисейских кыргызов. Абакан, 2000. С. 110.

[5] *Козин С.А.* Сокровенное сказание: Монгольская хроника 1240 г. М.; Л., 1941. Т. 1. С. 207.

[6] Там же. С. 174—175; *Рашид Ад-Дин.* Сборник летописей. М.; Л., 1952. Т. 1. Кн. 1. С. 150.

[7] *Ивлиев А.Л.* Изучение истории государства Восточное Ся в КНР // Новые материалы по археологии Дальнего Востока России и смежных территорий. Владивосток, 1993. С. 8—17; *Артемьева Н.Г.* Города чжурчжэней Приморья // Российский Дальний Восток в древности и средневековье. Владивосток, 2005. С. 543—545; *Дьякова О.В.* О времени падения чжурчжэньского государства Дун Ся (Восточное Ся) // Общество и государство в Китае. 2019. Т. 49. № 1. С. 207—213.

а впоследствии в правление великого хана Мункэ в 1250-х годах чжурчжэни участвовали в военных походах монголов в Корею. Хотя Дун Ся понесло потери во время монгольского завоевания, но продолжало существовать на протяжении всей эпохи Юань и даже в эпоху Мин, так как сохранялись города, выстроенные в Приморье. По-видимому, Восточное Ся сумело продержаться в течение столь долгого времени, потому что монголы были заняты войной на западе, в том числе борьбой с народами Саяно-Алтая.

В 1217 г. там произошло крупное восстание туматов, названных в одном источнике «злокозненным и недоброжелательным племенем»[8]. Для подавления восстания Чингисхан направил Борагул-нойона, и хотя поход увенчался успехом, этот темник был убит. На следующий год туматы вновь восстали. Вероятно, в этом восстании участвовало и население Тувы[9].

По Рашид ад-Дину, нынешняя территория Центральной и Западной Тувы Кэм-кэмджиут — район Верхнего Енисея — к XIII в. была населена кочевниками, которые использовали охоту как вспомогательную отрасль хозяйства и знали земледелие. В отличие от смешанного населения Восточных Саян в этих регионах преобладали тюркоязычные группы, называвшие себя «тюлюш», «уйгур», «кыргыз», «соян»[10]. Летом они жили в легких войлочных юртах. Зимой в качестве жилища использовали срубные дома.

Одновременно в Восточной Туве стали преобладать охотники-оленеводы, к ним присоединились скотоводы Тоджинской котловины, также перешедшие к оленеводству[11]. Здесь утвердился этноним «туба». На юго-востоке Тувы были расселены туматы. Их мусульманские источники называли «лесные урянкаты». Переносные чумы, крытые летом берестой, а зимой звериными шкурами служили им жилищем.

На территории Тувы оказались потерпевшие поражение от монголов Чингисхана также группы монголоязычных тайджиутов, салджиутов, дунхаитов[12]. Сюда же отступила часть найманов во главе с Буюрук-ханом. Кроме того, возможно к тому же времени относится появление предков другого монголоязычного рода мангутов. Эти этнонимы вошли в состав родовых названий тувинцев, отразились в местной топонимике.

Приказ монгольского хана выставить войска для подавления нового восстания туматов кыргызы не выполнили. Более того, предводитель кыргызов Курлун сам поднял восстание против монголов. Тогда во главе карательного войска был отправлен старший сын Чингисхана Джучи. В течение месяца монголы совершили поход по современной территории Тувы, Минусинской котловины, Горного и Монгольского Алтая. Кыргызы понесли большие потери в боях, многие оказались в плену, часть отступила в отделенные таежные земли[13]. До 1226 г. завоеванные земли стали улусом (уделом) Джучи. После его смерти великого хана Угэдэй, третий сын Чингисхана, взял в жены кыргызку Джачин, желая укрепить свое влияние среди кыргызов. Несмотря на это власть над ними перешла к потомству младшего сына Чингис-хана Тулуя — Мункэ и Ариг-Буге. Последний

[8] *Рашид Ад-Дин.* Сборник летописей. Т. 1. Кн. 1. С. 122.

[9] История Тувы: В 2 т. М., 1964. Т. 1. С. 172—173.

[10] История Сибири: В 5 т. Л., 1968. Т. 1. С. 373.

[11] *Вайнштейн С. И.* Историческая этнография тувинцев: Проблемы кочевого хозяйства. М., 1972. С. 13—14.

[12] История Тувы. Т. 1. С. 181—184.

[13] *Бутанаев В.Я., Худяков Ю. С.* История енисейских кыргызов. С. 148.

имел летник на Алтае, а зимник в землях кыргызов и использовал их земли как плацдарм в борьбе за власть. Однако в этой борьбе со своим братом Хубилаем он истощил ресурсы земли кыргызов. Участвуя в междоусобных войнах монгольских ханов, кыргызы понесли большие потери. В 1264 г. Ариг-Буга был вынужден сдаться брату.

Основатель династии Юань (1260—1368) Хубилай образовал область «Киргиз» (тумэн Кыргыз) в составе провинции Лин-Бэй[14]. На территории других бывших владений кыргызов были образованы области Кяньчжоу (современные Чаа-Хольский и Улуг-Хэмский районы Республики Тыва) и Иланьчжоу (Тандинский район) в тувинских степях, а также таежные области Ханьхэна (Тоджа), Усы (Западные Саяны), Анкэла (бассейн р. Ангары). Назначение наместником всех этих областей Лю Хаоли вызвало недовольство кыргызской знати, особенно на территории Тувы, что привело к новому восстанию 1273 г.

В 1270—1280-х годах в Монгольской империи вновь происходят междоусобные войны. Против Хубилая выступил союзник разбитого Ариг-Буги Хайду, внук Угэдэя, избранный в 1269 г. ханом. В 1273 г. его поддержали кыргызы. После очередного похода против Хубилая в 1286 г. Хайду подчинились многие «лесные народы», в том числе и кыргызы, которые изнемогали от военных повинностей, наложенных на них правительством Хубилая. В 1293 г. юаньский полководец Тутуха совершил поход в кыргызские земли и насильно переселил многих в Маньчжурию.

Переселения привели к сокращению численности и территории расселения кыргызов[15]. На кыргызские земли были переселены монголы — кереиты, туматы, ордуты, а также ремесленники из Китая. Поэтому удельный вес коренных жителей по отношению к пришлому населению уменьшился. На рубеже XIII—XIV столетий юаньские власти активно заселяли Минусинский край военными поселенцами из числа монголов, уйгуров, китайцев. Кроме того, сюда же переселялись кыргызы, оставшиеся верны Юаньской династии, из других частей Империи. Таким образом, данный регион также стал ареной применения имперских технологий, таким способом утверждавшихся на покоренных территориях.

На территории Тувы, так же, как и в Минусинском крае, монгольские правители стали строить военно-пахотные и ремесленно-хлебопашеские поселения. Археологами раскопаны и изучены здесь шесть городов и два поселения[16]. Жилища были деревянные каркасно-столбовой конструкции, обмазанные глиной, с глинобитным полом и обогреваемыми лежанками — *канами*. Дома богатых горожан строились из кирпича с черепичной крышей, опиравшейся на колонны с каменными базами. В городах имелись административные здания и буддийские храмы с глинобитными или кирпичными стенами. В целом облик этих населенных пунктов мало отличался от китайских поселений. Храмы свидетельствуют о начальном этапе проникновения буддизма. Упомянутые поселения основывались монгольскими правителями для продовольственного снабжения (зерновыми), вероятно, военных гарнизонов, размещенных в Туве, а также остального населения империи.

---

[14] История Хакасии с древнейших времен до 1917 / Под ред. Л. Р. Кызласова. М., 1993. С. 125, 128—129.

[15] *Кызласов Л. Р.* Из истории племен Саяно-Алтайского нагорья в XIII—XV вв. // Учен. зап. Хакасского Научно-исслед. ин-та языка, литературы и истории. Абакан, 1965. Вып. 11. С. 59—61; *Бутанаев В. Я., Худяков Ю. С.* История енисейских кыргызов. С. 152.

[16] История Тувы. 2-е изд. Новосибирск, 2001. Т. 1. С. 163—171.

Помимо коневодства, разведения крупного и мелкого рогатого скота, здесь появляется впервые свиноводство, завезенное китайскими переселенцами.

В культурных слоях городищ преимущественно встречаются привозные предметы: наконечники стрел монгольского типа, гвозди, весы, китайские зеркала и туалетные принадлежности, цзиньские монеты. Все это указывает на этнический состав поселений.

Кроме того, здесь были организованы рудники (например, на р. Ондум, в котловине Деспен) для добычи металлов, а также ремесленные мастерские для обработки добываемой руды; пробурены штольни для добычи каменного угля, обеспечивавшего топливом *каны*. Здесь также трудились китайские рабочие.

В XIII—XIV вв. в Туве распространяется монгольская на основе уйгурского алфавита и китайская письменность.

Исторических источников о жизни тюрков Тувы немного. По-прежнему были распространены погребения с конем, но конская упряжь уже носит монгольский облик[17]. В «Юань ши» говорится о занятиях жителей Тоджи оленеводством и строительстве жилищ из бересты.

После падения империи Юань в 1368 г. усиливаются ойраты — западные монголы, которые с конца XIV в. начинают бороться за власть в степи. Происходит размежевание между западными и восточными монголами. Начинается эпоха «малых ханов», период политической раздробленности.

К 1434 г. ойраты подчинили себе всю Монголию, но к середине столетия первенство вновь перешло к восточным монголам. Власть захватил Бату-Мункэ, больше известный как Даян-хан (1460—1543), последний общемонгольский хан. Затем вновь происходит разделение монголов на несколько разрозненных улусов. Несмотря на ослабление монгольских улусов ойратским ханам удалось сохранить и удерживать власть над «лесными народами» Саяно-Алтая.

В эпоху «малых ханов» между ойратами и кыргызами сложились особые отношения. Так, был период, когда Хакасско-Минусинская долина находилась в ведении ойратских ханов из кыргызской династии. Выступая долгие годы в качестве оппозиции центральной власти, кыргызская знать нашла в лице ойратов выгодных союзников. Отныне в противостоянии ойратов с восточными монголами кыргызы неизменно выступали на их стороне.

К концу XIV в. кыргызы настолько усилились, что заняли лидирующее положение в союзе с ойратами против восточных монголов. Стоявший во главе кыргызского тумена в составе союза с ойратами Угэчи-кашка (Угэчи Хашага) в 1399 г. отказался от титула «хана монголов» («хана Юань») и назвал себя ханом народа *дадань*, т. е. татар[18]. Однако в целом конец XIV—XV в. — «темное время» в истории народов Саяно-Алтая.

Рассматриваемое время отражают лишь немногие археологические памятники, такие как позднесредневековый могильник Койбалы I на р. Абакан[19]. Здесь среди останков погребенных из числа местных жителей встречаются захоронения лиц, наделенных знаками имперской власти (поясами, инкрустированными драгоценными камнями).

---

[17] История Тувы. Т. 1. С. 196.

[18] *Кляшторный С.Г.* О статье И.Л. Кызласова «О самоназвании хакасов» // Этнографическое обозрение. 1992. № 2. С. 60.

[19] *Скобелев С.Г.* Кыргызы Среднего Енисея под властью монголов (по археологическим свидетельствам). 2001 // Сибирская заимка: История Сибири в научных публикациях. URL: http://www.zaimka.ru (дата обращения: 19.11.2019).

В целом результатом монгольского завоевания помимо сокращения численности населения стал упадок экономического развития кыргызских земель: регресс пашенного земледелия с искусственным орошением и градостроительства. Была утрачена письменность древних кыргызов.

По данным археологов, *усть-талькинская* культура просуществовала на территории Южного Приангарья до конца XIV в. С конца XIV — начала XV в. сюда прибывают выходцы с юга (Тункинская долина) и юго-востока (Западное Забайкалье). Усть-талькинцы вытесняются в бассейн р. Лены. Есть предположение, что оказавшиеся на Средней Лене, усть-талькинцы, продолжившие заниматься скотоводством, вступили во взаимодействие с кулун-атахцами и впоследствии образовали якутский народ. Часть оставшихся в Приангарье усть-талькинцев, вероятно, участвовали в формировании бурятского этноса[20]. В пользу данного предположения свидетельствуют раскопки якутских археологов последних лет[21]. На Средней Лене обнаружены погребения XIV—XVI вв., имеющие типологически сходные черты как по способу захоронения в колодах и ящиках-гробах, так и по сопроводительному инвентарю.

Забайкалье же рассматривалось монгольским правящим «золотым родом» Чингисидов как коренной удел. Поэтому эти земли были разделены между ближайшими родичами Чингисхана и его верными соратниками. Большая часть Забайкалья досталась Тулую по обычаю монголов как младшему сыну хана. Земли в бассейне р. Аргуни и Верхнем Приамурье (Дурия) были выделены младшим братьям хана Джучи-Хасару, Темугэ-Отчигину и их потомкам и прежде всего Исункэ, сыну Джучи-Хасара. Бывшие земли меркитов по р. Селенге вошли в подчинение Торган-Шира — ближайшего нойона хана. Баргуты, оказавшие поддержку Чингисхану, сохранили за собой северное Забайкалье. Прибайкалье было передано другому чингисову нойону Хорчи.

В середине XIII—XIV вв. названные области переживали расцвет[22]. Об этом свидетельствуют материалы раскопок городищ: Хирхиринского в Приаргунье и Кондуйского в долине р. Борзя, Сутайского и Нарсатуйского городищ в Бурятии, а также многочисленные погребения. Хирхиринское городище было резиденцией Исункэ. Оно представляло собой не защищенное укрепленными стенами поселение, которое состояло из некоторого количества усадеб и до 100 отдельно стоявших жилищ. По расположению они объединены в несколько «кустов». В длину город был вытянут с запада на восток на 2 км и по ширине на 700 м с севера на юг. В городищах обнаружены остатки цитадели, окруженной валом и рвом, искусственный пруд, сады. Архитектура с террасами, колоннами, скульптурами драконов и черепичной крышей напоминает монументальные сооружения Каракорума — столицы Монгольской империи. Здесь процветали ремесла и торговля. В погребениях находят привозные товары и предметы роскоши: китайские зеркала, керамическую посуду, монеты, шелковые ткани. Все названное объясняется тем, что Исункэ был наделен в иерархии Юаньской империи высоким статусом,

[20] *Николаев В. С.* Погребальные комплексы Южного Приангарья первой половины II тыс. н. э.: Усть-талькинская культура. Владивосток, 2003.

[21] *Бравина Р.И., Дьяконов В. М.* Раннеякутские средневековые погребения XIV—XVII вв.: Совокупность отличительных признаков // Северо-Восточный гуманитарн. вестн. 2015. № 3. С. 27—32.

[22] *Киселев С. В.* Дворец в Кондуе // Древнемонгольские города. М., 1965. С. 329—333; *Константинов А. В., Константинова Н. Н.* История Забайкалья (с древнейших времен до 1917 года). Чита, 2002. С. 30—33.

равным положению наследного принца. Поэтому его резиденция представляла собой довольно большой город, населенный приближенными правителя, чиновниками, земледельцами и ремесленниками, с широким спектром административных, экономических и культурных функций[23]. Были и другие факторы, способствовавшие расцвету экономики и хозяйства в этих землях.

С начала XIV в. в связи с прекращением войн на юге начался отток монгольского населения на север, в том числе в Прибайкалье и Забайкалье. Впоследствии в 1488 г. минские власти разрешили меновую торговлю на приграничных ярмарках три раза в год. Поскольку сохранялся устойчивый спрос на пушнину, местное население было привлечено к данному промыслу, а также меха взимались в качестве дани с народов горно-таежных районов. Китайские, а также западные (Плано Карпини, Рубрук) источники отчетливо выделяли из числа монгольских народов так называемых *су-монголов* («водяных монголов») или *анци-татар*, охотничьих татар. Эти выделившиеся в указанное время группы монголоязычных и тюркоязычных народов считаются предками бурят[24]. Со сказанным согласуются генеалогические предания бурят, относящие время переселения своих предков к XIII—XIV вв. По-видимому, к XV в. в Прибайкалье выделились протобуряты: *ашибагаты*, *булагаты*, *эхириты и сэгэнуты*[25].

Исторических сведений по истории Прибайкалья и Забайкалья XV в. сохранилось очень мало, впрочем, это является общей источниковедческой проблемой народов Внутренней Азии. Надо полагать, что история народов Южной и Юго-Восточной Сибири была тесно связана с историей монгольских народов эпохи «малых ханов».

Якутия и Крайний Север

Историческое прошлое современной территории Якутии XII—XIII вв. практически не представлено надежными историческими источниками, в том числе и археологическими.

На полуостров Таймыр в первые века II тыс. н.э. продвинулись создатели *усть-половинкинской культуры*, вышедшие из южных районов Восточной Сибири. К этим позднейшим данным относятся верхние культурные слои со стоянки в устье р. Половинки (Таймырский Долгано-Ненецкий муниципальный район), связанные с древними тунгусами[26]. Там обнаружены кости рыб, кварцитовые отщепы и тонкостенная пористая керамика с валиками и сквозными отверстиями. Найденные на стоянке Пясина VI на р. Пясина на севере Красноярского края металлические изделия (пластины и бляшки) датируются первой половиной II тыс. н. э. Эти находки связываются с формированием нганасан, предки которых имеют отношение к *вожпайской* культуре на р. Пясина[27]. Вызывает интерес тот факт, что после XIII в. не только на Таймыре, но и в тундренно-таежной зоне Восточной Сибири после XIII в. ке-

[23] Города средневековых империй Дальнего Востока / Отв. ред. Н. Н. Крадин. М., 2018. С. 298, 301, 321.

[24] *Богданов М. Н.* Очерки бурят-монгольского народа. Верхнеудинск, 1926. С. 22, 25—26.

[25] *Нанзатов Б. З.* Этногенез западных бурят (VI—XIX вв.). Иркутск, 2005. С. 110—112.

[26] *Хлобыстин Л. П.* Древняя история Таймырского Заполярья и вопросы формирования культур севера Евразии. СПб., 1998. С. 100—103, 109, 126—128, 135, 136, 138.

[27] Там же. С. 138—147.

рамика, особенно тонкостенная, перестает изготавливаться. Исчезновение керамики обусловлено переходом к подвижному образу жизни охотников-оленеводов, распространение которого связано с продвижением тунгусов — предков эвенков и эвенов. Исключение составляет территория Средней Лены, где развивается древнеякутская культура.

С конца XIII—XIV в. на Средней Лене известна скотоводческая *кулун-атахская* культура[28]. Первые опорные памятники Кулун-атах, Уганья, Куоладыма, Кытанах Маллата представляли собой поселения от одного до шести жилищ размерами 30—40 кв. м. По конструкции они схожи с поздним традиционным жилищем якутов юртой-балаганом. Коневодческо-скотоводческий комплекс был дополнен охотничьими занятиями. Костяные и железные, в том числе бронебойные наконечники стрел, железные ножи, ножницы, косы-горбуши, другие бытовые предметы, медные серьги в виде знака вопроса, нефритовые и бирюзовые бусы также иллюстрируют типичную степную традицию. Вместе с тем для *кулун-атахской* культуры характерно развитое керамическое производство. Разнообразной формы круглодонная и плоскодонная лепная керамика с ажурной орнаментацией придают своеобразие этой культуре. Кулун-атахская керамика, с одной стороны, продолжает древнюю традицию неолита и бронзового века Якутии, а с другой — содержит «южные» элементы, привнесенные из Прибайкалья.

В XV в. в развитии *кулун-атахской* культуры произошли заметные изменения, что позволило исследователям выделить так называемый *сырдыкский*[29] этап. Так, размеры раскопанных жилищ в это время стали больше, до 40—60 кв. м. Значительная часть построек была отведена для стойлового содержания скота в зимнее время. Таким образом, конструкция жилищ стала соответствовать известному по этнографическим сведениям XVIII — начала XX в. традиционному жилищу якутов — балагану. Керамические сосуды стали толстостенными по сравнению с ранним периодом. Появились большие глиняные сосуды яйцевидной формы с маленьким донышком. Также, очевидно, в данное время были распространены железные вильчатые стрелы, пальмы (сибирское древковое колюще-рубящее оружие), палаши и другие предметы, маркирующие якутскую традиционную культуру[30]. *Кулун-атахская* культура продолжала традиции раннего железного века Якутии, это касается большинства найденных костяных и железных наконечников стрел, частично керамики. В то же время она имеет множество параллелей с синхронными и более ранними культурами Прибайкалья, Южной и Западной Сибири, связанными со средневековой тюркоязычной средой.

Материалы погребений *кулун-атахской* культуры существенно дополняют представление о культуре древних якутов. Вплоть до рассматриваемого времени в конструкции внутримогильных камер сохранился архаичный ящик-гроб гуннского типа с гробовиной — специальным отсеком для погребального инвентаря (II в. до н.э. — III в. н.э.)[31]. Помимо необходимых предметов быта, конского снаряжения в захоронениях находят предметы вооружения

---

[28] *Гоголев А. И.* Археологические памятники Якутии позднего средневековья (XIV—XVIII вв.). Иркутск, 1990. С. 10—23; Якуты (Саха) / Отв. ред. Н. А. Алексеев, Е. Н. Романова, З. П. Соколова. М., 2013. С. 61—63.

[29] От названия урочища Сырдык Сулус в Амгинском улусе Якутии.

[30] *Гоголев А. И.* Археологические памятники Якутии позднего средневековья (XIV—XVIII вв.). С. 23—51, 49; Якуты (Саха). С. 62—63.

[31] *Коновалов П. Б.* Хунну в Забайкалье: (Погребальные памятники). Улан-Удэ, 1976. С. 156; *Бравина Р. И., Дьяконов В. М.* Раннеякутские средневековые погребения XIV—XVII вв. С. 29.

и охоты — металлические ножи, наконечники стрел, копий, пальмы, украшения (серьги, гривны, нашитые на головные уборы, одежду, пояса орнаментированные детали из цветных металлов, бисер). Материалом для изготовления одежды служили конские, лосиные и соболиные шкуры, ровдуга[32]. *Кулун-атахская* культура маркирует крайний северный рубеж распространения степных культур Евразии. Влияние сурового арктического климата сказалось на меховой одежде, типологически сходной с окружавшими предков якутов тунгусоязычными и палеоазиатскими народами, с одной стороны. С другой стороны, коневодческий облик хозяйства кулун-атахцев, устойчивые связи с родственными культурами кочевников, в частности Забайкалья (присутствие в рассмотренных якутских погребениях сложносоставных луков монгольского типа, некоторых деталей украшений), указывают на культурно-историческую связь предков якутов с южными регионами.

Как было отмечено выше, в рассматриваемый период имело место передвижение населения из Прибайкалья и Забайкалья, возможно, под влиянием событий XIII в. Часть монголоязычных групп (туматы), оказавших сопротивление войскам Чингисхана и разбитых ими, могла уйти на Среднюю Лену, на земли, занятые древними якутами. Поэтому на Средней Лене началась *кыргыс юйэтэ* — «эпоха войн», воспетая в якутском историческом фольклоре. Боролись древнеякутские улусы, предки которых заселяли эти земли с раннего железного века, и вновь прибывшие переселенцы.

На Чукотке вплоть до начала II тыс. н.э. переживала расцвет *пунукская культура* (VI—XVI вв.). Специфическими чертами культуры являются: массивные, простые по форме наконечники гарпунов, пластинчатая броня воинов, упрощение орнамента и возраставшая роль китобойного промысла[33]. Известные опорные памятники: стоянки возле Уэлене, на мысе Дежнева, в древних заброшенных поселениях Наукан, Яндогай и др., исследованные С. И. Руденко.

До XII в. климат в Приполярье был значительно теплее современного. Ледовитость акватории Северного Ледовитого океана была ниже, а среднегодовая температура была выше —23 °С, по сравнению с —25 °С более раннего периода. Изобилие морских животных — тюленей и китов — благоприятствовало развитию охотничьего хозяйства. Привлеченные выгодами морского промысла, на побережье Чукотки встретились и активно начали взаимодействовать древнечукотские, древнекорякские и древнеэскимосские культуры. На морском побережье существовали многолюдные поселки, шел активный культурный обмен. Менялся культурный облик, в частности, изменения коснулись орудий охоты, например, появился знаменитый гарпун с поворотным наконечником, широко распространившийся повсеместно, вплоть до побережья Охотского моря на юге. Разнообразнее стал костяной инвентарь: наконечники стрел, тяговые блоки собачьей упряжи, панцирные пластины. В духовной культуре морских охотников продолжали занимать важное место промысловые культы моржа, кита, особенно, косатки.

Материалы Уэленского могильника дают представление о шаманизме древних эскимосов: тотемные значки, скульптуры прародительницы в виде полузверя-получеловека, цепи из моржового клыка[34].

На побережье Охотского моря в X—XIII вв. развивалась древнекорякская

---

[32] *Бравина Р. И., Дьяконов В. М.* Раннеякутские средневековые погребения XIV—XVII вв. С. 29—32.

[33] *Орехов А. А.* Первобытнообщинный строй Колымы и Чукотки. Магадан, 1988. С. 59.

[34] *Диков Н. Н.* Древние костры Чукотки и Камчатки. Магадан, 1969. С. 126—130.

культура *атарганского типа*[35]. Одноименное древнее поселение, состоявшее из 40 жилищ-полуземлянок, было расположено вдоль морского берега в две линии. В каждом жилище диаметром 10—12 м проживало 50—60 человек. Охота на пушных зверей, парнокопытных и на дичь, морской промысел на ластоногих (тюленя и нерпу), собирательство раковин мидий, морского гребешка составляли главные хозяйственные занятия населения.

Помимо характерных для древнекорякской культуры каменных и костяных ромбовидного сечения наконечников стрел, а также стрел с тупым наконечником (*томаров*), на *атарганской* стадии оформился корякский тип гарпуна с поворотным, зубчатым наконечником, как считается, под влиянием древнеэскимосской культуры *Туле*. Прочие хозяйственно-бытовые предметы также изготовлялись из камня, костей животных, либо из морских раковин.

Тот факт, что культурный слой Атаргана перекрыт мощным слоем углей, свидетельствует о пожаре, уничтожившем поселение.

На Крайнем Севере со стороны Северной Канады происходит распространение протоэскимосской культуры *Туле*. Этот процесс связывается с похолоданием в северном полушарии в XI—XIII вв., сменившим более теплый предыдущий период, когда на Чукотке происходил расцвет *пунукской* культуры.

Из глубин Чукотского полуострова начались первые спорадические перемещения древнечукотских племен. На побережье завершается время существования *канчаланской* культуры оленеводов, совмещавших разведение оленей с морским промыслом[36]. Керамика канчаланцев связана с керамикой древних культур Якутии, но по антропологии носители этой культуры были близки керекам и ительменам. На XIV—XV вв. приходится финальная стадия *канчаланской* культуры, носители ее были ассимилированы предками чукчей и эскимосов[37]. Плоские костяные гарпуны, напоминающие гарпуны культуры *Туле*, массивные каменные галечные скребла и изделия из моржового клыка сопровождают стоянки канчаланцев (стоянку у 7-го причала, Канчаланскую и др.). Чегитун, Экичувервеем, Ванкарем и другие стоянки знаменуют собой финальную стадию *пунукской* культуры (XV—XVI вв.), также явно испытывавшей сильное влияние культуры *Туле*.

Памятник «Китовая аллея» на острове Ыттыгран[38] близ Чукотки датируется XIV—XVI вв. и свидетельствует о развитой стадии *пунукской* культуры, а также о промысловых культах морских китобоев. Несмотря на то что по всем признакам создателями памятника считают именно пунукцев — предков эскимосов, существует сомнение, имеющее основанием нетипичность для последних возведения подобных крупных сооружений.

По наблюдениям специалистов, как было отмечено выше, в сибирском Заполярье после XIII в. исчезает тонкостенная керамика, что является также свидетельством завершения раннего железного века. В этой связи своеобразием отличалась древняя

---

[35] От названия пос. Атарган в Магаданской области, в 5 км от которого и было открыто в 1961 г. Р.С. Васильевским одноименное поселение предков коряков. См.: *Орехов А.А.* Первобытнообщинный строй Колымы и Чукотки. С. 49—52.

[36] *Орехов А.А.* Первобытнообщинный строй Колымы и Чукотки. С. 53—56; История Чукотки с древнейших времен до наших дней. М., 1989. С. 58—59.

[37] *Орехов А.А.* Модель приморской адаптации Берингоморья и Охотоморья: (Канчаланская и древнекорякская культуры) // Российский Дальний Восток в древности и средневековье. С. 327—329.

[38] *Арутюнов С.А., Крупник И.И., Членов М.А.* «Китовая аллея»: Древности островов пролива Сенявина. М., 1982.

культура юкагиров — продолжателей культур неолита и бронзового века Якутии. Так, к XV в. относится *вакаревская* (*анадырско-майнская*) культура предков юкагиров: Вакерная, нижняя Усть-Бельская, Усть-Майнская, Чикаевская стоянки в долине р. Анадырь[39]. Ранее они жили широкой полосой в арктической тундровой зоне между полуостровом Таймыр и Колымой. В указанное время они вклинились между чукчами и коряками. Характерные черты *вакаревской* культуры: шлифованные каменные топоры, тесла, ножи, наконечники стрел, круглодонная гладкостенная керамика с узором в виде прямоугольно-гребенчатого штампа, унаследованная от культуры позднего бронзового века Якутии.

[39] *Орехов А. А.* Первобытнообщинный строй Колымы и Чукотки. С. 52—53.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Третий том «Истории России» представляет большой период русской истории с 1237 по 1505 г., начало которому было положено монголами, напавшими на русские земли, под предводительством внука Чингисхана Батыя зимой 1237 г. К тому времени Русь разделялась на 18 княжеств и одну республику — Новгородскую. В состав 18 княжеств входили такие княжества, как Киевское, Черниговское, Владимиро-Волынское, Переяславское (Переяславля Южного), Галичское, Смоленское, Полоцкое, Витебское, Владимирское (Владимира-на-Клязьме), Переяславское (Переяславля-Залесского), Юрьевское, Ростовское, Ярославское, Угличское, Муромское, Рязанское, Туровское и Пинское. За исключением княжеств Смоленского, Полоцкого, Витебского, Туровского и Пинского все остальные русские княжества в 1237—1240 гг. были завоеваны монголами. Новгородская республика не была покорена монголами, но последние в 1238 г. нанесли ей значительный урон, разорив Торжок и опустошив южные новгородские земли. В дальнейшем новгородцы вынуждены были считаться с Ордой, выполнять требования каракорумских, а позднее сарайских ханов и выплачивать им «черный бор» — особый налог, взимавшийся обычно с черных людей, живших в Новоторжском уезде, но, как выясняется, и в других местах Новгородской республики (Вычегда, Печора).

Во время боевых действий (войну с русскими княжествами монголы вели более трех лет) Батый и его полководцы не оставляли своей администрации в покоренных русских городах. Однако в 1242 г. после захвата Венгерского королевства и возвращения на устье р. Волги Батый потребовал от князей завоеванных русских княжеств явки к нему и признания своей зависимости от великого монгольского хана, правившего в Каракоруме. Это было началом иноземного господства над русскими землями. Очередное столкновение двух цивилизаций — земледельческой (русские, а также часть поляков, венгров, немцев, волжских булгар, печенегов, торков) и скотоводческой (монголы, киргизы, огузы, уйгуры) — закончилось победой последней. Чужеземная власть над Русью продержалась почти четверть тысячелетия. Она принесла немало изменений в жизнь русского общества XIII—XV вв., но Русь и соседние с ней народы сумели сохранить экономические основы своей цивилизации — хлебопашество и домашнее скотоводство. Завоеватели частично изменили хозяйственный характер занятий покоренного ими русского населения. В самом начале своего правления монголы заставили жителей Болоховского княжества, располагавшегося на Болоховском поле между Киевским, Владимиро-Волынским и Галичским княжествами, пахать для них землю и сеять нужные им пшеницу и просо. В дальнейшем монголы не пытались изменять занятий населения «Русского улуса», но постепенно они вытеснили русское население из их сел и де-

ревень в степи и даже в лесостепи, заставив его сдвинуться на север и вести свое хозяйство в менее благоприятных климатических условиях. Итогом этого стали резкое сокращение на русском Северо-Востоке посевов пшеницы, не успевавшей созревать в таких условиях, и замена пшеницы рожью. Степные пространства Прикаспия, Причерноморья и Приазовья оказались полностью под длительным контролем восточных кочевников. И только к концу XVII в. положение стало меняться. А серия русско-турецких войн в XVIII в. позволила начать сельскохозяйственное освоение южных степных пространств.

Походы Батыя привели к уничтожению или опустошению многих русских городов, особенно южных, располагавшихся в бассейнах Днепра, Днестра, Десны, Северского Донца, Сулы. Военные действия сопровождались гибелью или уводом в плен многих русских ремесленников и приводили к долголетнему застою, а то и к полному исчезновению целого ряда городских ремесел. Стоявший недалеко от Киева старинный город Овруч (Вручий) в домонгольское время был известен тем, что его жители вырабатывали шиферные пряслица, надевавшиеся на ручные веретена для их устойчивости при прядении нитей. Такие пряслица расходились по всем уголкам домонгольской Руси. Но после захвата Батыем Киева производство пряслиц было прекращено. Резко сократилось, а затем и вовсе прекратилось производство стеклянных браслетов и бус. В упадок приходит тонкое искусство перегородчатой эмали при изготовлении ювелирных украшений, а также отмирает сложная техника зерни и черни в том же ювелирном мастерстве. Она возрождается лишь через три столетия[1]. Страдает не только искусство украшений, теряющее своих заказчиков и мастеров, приостанавливается и развитие ремесел, необходимых в повседневной жизни. В 1989 г. американский исследователь Д. Миллер опубликовал статью, в которой показал, что масштабы каменного строительства в Древней Руси были достигнуты в послемонгольской Руси лишь спустя 100 лет после ее завоевания Батыем[2]. К этому следует добавить, что в течение первых 40 лет власти монголов над «Русским улусом» в Северо-Восточной Руси не было построено ни одного города. Общее количество городов в ней примерно до середины XIV в. не превышало числа городов, существовавших здесь в 1230-е годы. При строительстве в указанном регионе каменных зданий в послемонгольское время перестала применяться резьба по камню, в домонгольское время украшавшая такие здания, как Дмитровский собор во Владимире-на-Клязьме, Георгиевский собор в Юрьеве Польском. Прекратилось производство и строительной поливной керамики — многоцветных поливных изразцов. Оно возобновилось только в XIV в., но вместо настенных стали выпускать одноцветные поливные плитки для полов в церквях.

Подчинение русских княжеств завоевателям-монголам означало изменение их политического статуса. В захваченные русские города, имевшие военно-стратегическое или торгово-ремесленное значение, стали посылаться ханские наместники (по-тюркски — баскаки, по-монгольски — даруги, даругачи) с военными отрядами, которые следили за порядком в покоренном «улусе», за лояльностью местных князей по отношению к чужеземной власти и занимались сбором налогов с населения. Существование института баскачества отразилось в названиях таких населенных пунктов, как Баскаково, Баскачи, Баскаковское, в XIX в. встречавшихся в Смолен-

[1] *Рыбаков Б. А.* Ремесло древней Руси. М., 1948. С. 534—536.

[2] *Miller D.* Monumental Building as an Indicator of Economic Trends in Northern Rus' in the Late Kievan and Mongol Periods. 1138—1462 // The American Historical Review. 1989. Vol. 94. N 2. P. 368, 384.

ской, Калужской, Тверской, Новгородской, Рязанской, Костромской и Владимирской губерниях Российской империи. Ранние источники фиксируют баскаков в Киеве (1246), Галиче (1255), Устюге (Ростовское княжество, начало 1260-х годов), Боровске (Рязанское княжество, начало 1260-х годов), Владимире на Клязьме (1269), Курске (1288—1291), Ростове (1305). В начале 1260-х годов, когда Сарай стал отделяться от Каракорумской империи, институт баскачества на русских землях сократился. Еще большему сокращению он подвергся в 1280—1290-е годы, когда Орда оказалась расколотой между ханами Тохтой и Ногаем. В начале XIV в. институт баскачества в северо-восточных русских княжествах почти прекратил свое существование, хотя на южных окраинах русских княжеств баскаки упоминаются вплоть до 1330-х годов, а в летописях под 1331 г. приводятся данные о баскаках в Киеве[3]. Отсутствие с определенного времени баскаков в русских городах не означает, что институт баскачества исчезает совсем. Баскаки, или дороги (даруги), ведавшие разными регионами Руси, продолжают существовать и в XV в., но они уже не живут в этих регионах, а кочуют в степях, составляя окружение сарайских ханов.

С появлением чужеземной власти меняется положение правивших на Руси князей. Теперь каждый князь, обладавший крупным или средним по своим размерам княжеством, должен был ехать в ставку хана, чтобы получить там ярлык, подтверждающий его права на отцовское наследие. С течением времени эта процедура по сути дела превратилась в платную. Ханы требовали от князей за получение ярлыка подарков себе, своим женам и своему окружению, и со временем подарки-подношения становились все многочисленнее и дороже.

Нередко, приезжая в Орду, русские князья подвергались там ограблениям и большим унижениям. Так, в 1361 г. в Орду прибыли некоторые ростовские князья. Все они, как сообщает Симеоновская летопись, были ограблены[4]. Текст Рогожского летописца уточняет свидетельство Симеоновской летописи: «А князь Костянтинъ Ростовьскыи остал князя Андрея в Ордѣ. И в замятню ту ограбиша его Татаровѣ и тѣлеса их обнажиша, и не остася на них ни исподних портъ, а сами нази, токмо живи, приидоша пѣши на Русь»[5].

В других случаях прибывших князей просто лишали жизни. Так, в 1246 г. в Орде казнили могущественного черниговского князя Михаила Всеволодовича вместе с его боярином Федором. В том же году в Каракоруме, столице Монгольской империи, был отравлен правивший во Владимире-на-Клязьме отец Александра Невского князь Ярослав Всеволодович. В 1270 г. монголами был зверски убит рязанский князь Роман Ольгович. Над трупом его надругались. В 1326 г. был казнен новосильский князь Александр. В следующем году погиб рязанский князь Иван Ярославич. В 1330 г. в Орде убили стародубского князя Федора. Между 1318 и 1338 гг., всего за 20 лет, в Орде были казнены четыре тверских князя: Михаил Ярославич, его старший сын Дмитрий, брат Дмитрия Александр с сыном Федором. В Орде этих князей не любили за их своевольный характер, хотя и доверяли, сажая на великокняжеский владимирский стол. Скорбный мартиролог можно продолжить, но и без такого продолжения становится очевидным, что в истории монголо-русских отношений были периоды, когда с русскими князьями расправлялись особенно жестоко. Казни князей прекратились после смерти хана Узбека (1342). Однако появилась иная практика:

[3] ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25. С. 170.
[4] ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 18. С. 101.
[5] ПСРЛ. Пг., 1922. Т. 15, вып 1. Стб. 71.

взятие в заложники малолетних детей русских князей, причем на длительные сроки.

Все московские князья, занимавшие владимирский великокняжеский стол даже после присоединения Владимирского княжества к Москве (1363), садились на него под строгим присмотром ордынского посла, олицетворявшего верховную власть хана. Лишь Иван III сумел избежать этой унижающей процедуры.

Считаясь в принципе с существовавшей системой русских княжеств, монголы, когда это казалось им необходимым, бесцеремонно нарушали такую систему, перекраивая княжества, меняя их состав и их статус. События в конце 1280-х — начале 1290-х годов в Курском княжестве продемонстрировали, как устройство монголами слобод на территории русских княжеств меняло их границы и разжигало междоусобную борьбу. После подавления антиордынского восстания в Твери в 1327 г., в котором принял участие местный князь Александр Михайлович, одновременно являвшийся великим князем владимирским, хан Узбек разделил Владимирское великое княжество на две части, передав одну из них суздальскому князю Александру Васильевичу, а другую — московскому князю Ивану Даниловичу Калите. В 1341 г. тот же Узбек отобрал у московских князей Нижегородское княжество и передал его суздальским князьям. Хан Тохтамыш, взяв в 1382 г. Москву, вернул тверскому великому князю Михаилу Александровичу Кашинское княжество, по московско-новгородско-тверскому соглашению 1375 г. ставшее суверенным. В 1445 г. после разгрома под Суздалем и пленения Василия II татары восстановили Нижегородское княжество, до этого бывшее более полувека под властью Москвы.

Как ни дороги были подарки, подносимые русскими князьями сарайским ханам, ханшам и их знатному окружению, такие дарения не были регулярными. Гораздо тяжелее для всех слоев населения Руси была введенная монгольскими правителями подать, которая называлась «выход». Слово «выход» встречается во многих русских документах со второй половины XIII в. и до первой трети XVI в. включительно. Цифра «выхода» обозначала в таких документах или реальный размер подати (обычно в тысячах рублей), или условный размер выплаты (доли одной тысячи, которая умножалась на число тысяч запрашиваемого Ордой «выхода»). И в том, и в другом случае делается очевидным, что когда речь велась о «выходе», его размер исчислялся в тысячах рублей.

Размер суммарного «выхода», следуемого на 1 тыс. руб. ордынского запроса, менялся. Если в 1389 г. он составлял 960 руб. (согласно второму завещанию Дмитрия Донского), то в 1503 г. — 1003 руб. 9 грив. 3 ден. (согласно завещанию Ивана III), обнаруживая тенденцию не к снижению, как утверждают некоторые исследователи, в том числе и современные, а к повышению «выхода».

Еще одной суровой повинностью населения Руси стала военная обязанность. Монголы требовали участия русских князей с их дружинами в походах Чингисидов на другие государства. Так продолжалось ряд десятилетий. К концу XIII в. эта повинность была отменена.

На протяжении нескольких десятков лет после установления чужеземной власти над русскими землями состав северо-восточных русских княжеств сильно изменился. Если к 1237 г., до монгольского завоевания, таких княжеств в Северо-Восточной Руси насчитывалось шесть (Владимирское, Переяславское, Юрьевское, Ростовское, Ярославское и Угличское), то к 1270-м годам их стало в два с лишним раза больше. К указанным шести присоединились княжества Суздальское и Стародубское, недолгое время бывшие княжескими владениями еще до нашествия Батыя, а также Тверское, Костромское, Дмитровско-Галичское, Городецкое, Белозерское, Московское. Такое дробление

«Русского улуса» настораживало монголов. Было понятно, что ставшие скромными по своим возможностям новообразованные княжества рано или поздно начнут войны между собой за расширение своих владений, и размер «выхода» с них упадет. Поэтому Сараем были предприняты превентивные меры. Контроль над Великим княжеством Владимирским стал осуществлять сарайский хан; князь, получавший ярлык на это княжество, лишался права передавать владимирские земли своим сыновьям; выморочные княжества присоединялись к Владимирскому как главному.

Другие княжества могли развиваться «по обычаям отцов и дедов» правивших в них князей. Из таких «обычаев» основным был, пожалуй, тот, что определял преемника правителя. В русском обществе X в., когда существовало еще Древнерусское государство, наследником правителя считался его старший сын. Так было и в значительно более поздних северо-восточных русских княжествах XIII—XV вв. Завещания и договоры русских, преимущественно московских, князей указанного времени свидетельствуют о том, что правитель того или иного княжества в своей душевной грамоте прямо называл своего преемника, требовал повиновения ему, а от него — заботы о матери-вдове и родных братьях. При этом, если у завещателя был единственный сын, то все недвижимое и движимое имущество завещателя целиком переходило к нему. Если было два сына, то имущество делилось на три части, старшему сыну отдавались две части, а младшему — одна. Если у князя-правителя было три сына, то имущество делилось пополам, одну половину получал старший сын, вторую — два его брата. Если оставались четыре сына-наследника или больше, то поступали так же, как в случае с тремя сыновьями: половина имущества отходила старшему сыну, другая половина — остальным его братьям. Таких норм придерживались в Великом княжестве Московском, Великом княжестве Рязанском, московском удельном Серпуховском княжестве. О распределении наследственного княжеского имущества в других княжествах Северо-Восточной Руси сведений не сохранилось.

«Неравное деление по-братски», бытовавшее на Руси в течении многих веков, имело целью укрепить положение правившего князя, уберечь его от внутренних коллизий, возможных нападений младших братьев, которые могли зариться на его владения. При преимущественном наделении старшего сына получалось, что его младший брат, желая бороться с ним за власть, предварительно должен был взвесить, хватит ли у него сил и средств, чтобы одолеть близкого родственника, который имеет по меньшей мере вдвое больше средств и людей, чем он сам. А при существовании пяти братьев старшему брату доставалось в наследство в четыре раза больше владений и людей, чем любому из четырех его младших братьев. Внутренняя стабильность в определенной мере обеспечивала и внешнюю безопасность, а в целом — сохранность княжества в течение длительного времени. Единственным минусом такого наделения было то, что с больших владений надо было платить значительный «выход» Орде. На это обращал внимание еще В.О. Ключевский, изучая завещание Ивана III и сравнивая между собой выплаты татарам будущего великого князя Василия III и такие же выплаты его удельных младших братьев.

Начало истории Московского княжества, выделенного Александром Невским своему последнему сыну Даниилу в 1263 г., не предопределяло его успешного развития в будущем. Это было небольшое рядовое княжество, северо-восточные границы которого достигали рек Вели, левого притока Дубны, и Вори, левого притока Клязьмы; южные рубежи шли по р. Пахре, после Пахры достигали к западу р. Оки, шли по ней до устья р. Нары, далее вверх по Наре (западная граница) и на севере захватывали течения рек Малой Истры и Истры. Единственным го-

родом княжества была Москва. Но в 1300 г. московский князь Даниил Александрович сумел захватить у рязанских князей Коломну, а в 1303 г. наследники первого московского князя отняли у смоленских князей Можайск. Плодородные коломенские волости, располагавшиеся по обоим берегам р. Москвы, с юга подходили к Пахре. Можайские волости также лежали по течению р. Москвы, по течению верхнему. Таким образом, московские князья получили контроль над всем течением р. Москвы — важным водным путем, связывавшим Оку с верхними течениями Волги, Днепра и Западной Двины, расположенными в Смоленском княжестве. И городов в Московском княжестве стало больше — три.

27 июля 1304 г. во Владимире-на-Клязьме скончался третий сын Александра Невского Андрей. В свои последние годы он крепко сдружился со своим двоюродным братом, тверским князем Михаилом Ярославичем младшим. Ему он и завещал владимирский стол. Однако такому решению воспротивился московский князь Юрий Данилович. Он обладал бóльшим княжеством, чем его отец, и в спорах с родственниками мог проявлять неуступчивость. К тому же в ставшем выморочным Переяславском княжестве начал править брат Юрия Иван, и старшему Даниловичу можно было надеяться на его содействие в соперничестве с Михаилом Тверским. Но за спиной князя Михаила стояли бояре князя Андрея Александровича, в самом Тверском княжестве строились новые города (Кашин, 1288; Старица, 1297), в столичной Твери возобновилось каменное строительство. Расположенное на Волге, Тверское княжество обгоняло Московское в своем хозяйственном развитии. И в споре перед сарайским ханом за владимирский стол тверской князь одержал верх над своим соперником. Вернувшись в октябре 1305 г. с ярлыком на Русь, Михаил Ярославич организовал два похода на Москву. Один привел к ликвидации московского правления в Переяславле и включении этого выморочного княжества в состав Великого княжества Владимирского, которым управлял Михаил, второй — к признанию Даниловичами прав тверского князя на Новгород Великий.

Но москвичи были упорны и последовательны в достижении своих целей. В конце концов Юрию Московскому удалось получить у хана Узбека ярлык на великое княжение владимирское. Тверской князь Михаил Ярославич был вызван в ставку Узбека и там 22 ноября 1318 г. казнен. Владимирский стол перешел к Юрию Московскому. Продержался он на нем недолго. В 1322 г. хан Узбек отобрал Владимир у Юрия Даниловича и передал его тверскому князю Дмитрию Михайловичу. А 21 ноября 1325 г. Дмитрий и Юрий встретились в ставке хана Узбека, и, мстя за гибель своего отца, Дмитрий убил Юрия, за что и сам поплатился жизнью.

В Москве к власти в 1326 г. пришел Иван Калита. Убийство старшего брата произвело на него сильное впечатление, и он отказался от политики войн и завоеваний, которой следовал Юрий. Как отметил летописец времен Дмитрия Донского, при Калите для Московского княжества наступила мирная пора на 40 лет. За эти годы в Москве был построен новый дубовый кремль, а внутри кремля — несколько каменных церквей, правда, весьма скромных по своим размерам. Калита (так назывался накладной пояс с карманчиками) князя Ивана была наполнена мелкими серебряными монетами. В XV в. еще помнили, как этими монетами одарял Калита русских нищих, ногайские же купцы вспоминали о том, как ссужал Калита деньгами их предков. В завещаниях самого Ивана Калиты, составленных в 1336 и 1339 гг., указывались серебряные пояса и драгоценные одежды, которые жертвовались в центры всех русских епархий, прославляя там их носителя. Приведенные данные свидетельствуют о хозяйственном подъеме Московского княжества в правление Ивана Калиты.

О возросших финансовых возможностях этого московского князя свидетельствует его последняя душевная грамота, перечисляющая принадлежавшие ему села, купленные им в других княжествах. Крупные территориальные изменения в Московском княжестве произошли в правление внука Калиты — Дмитрия Донского. Уже в начале 1363 г. 12-летний Дмитрий сумел изгнать из Владимира-на-Клязьме правившего там нижегородского князя Дмитрия-Фому Константиновича. Великое княжество Владимирское, великокняжеские волости и села в Вологде, Торжке и Волоке Ламском были объявлены отчиной московских князей. Тем самым права на них других Рюриковичей отвергались, а права ордынских ханов, которых к 1363 г. стало несколько, не признавались. Новая отчина резко усилила экономическое, политическое и военное положение Москвы. Уже в 1366 г. там приступили к строительству каменного кремля, который был построен в 1368 г. и стал единственным в Северо-Восточной Руси. Укрывшись за его стенами, московские князья повели активную и агрессивную политику в отношении своих соседей. Три похода литовских князей (в 1368, 1370, 1372 гг.) на Москву были отражены. Борясь с Литвой, Москва захватила Дмитров и Галич. В 1375 г. была выиграна война с Тверью. От нее было отторгнуто Кашинское княжество. После Куликовской битвы 1380 г. к Москве отошло ставшее выморочным Белозерское княжество. В состав московских владений вошли земли между левыми притоками р. Оки, Москвой и Цной, которые были отняты у Рязанского княжества. Здесь московская граница простерлась далее на восток. Ранее Москва приросла приокскими городами Калугой и Медынью.

Преемник Дмитрия Донского, его старший сын Василий I, в силу ряда обстоятельств вынужден был следовать политике своего отца, правда, стараясь расширить границы прежде всего своих собственных владений. Уже в начале своего правления он присоединил к Москве Муромское и Тарусское княжества, а в 1392 г. — Великое княжество Нижегородское и Мещеру с центром, по-видимому, в Мещерске (современный г. Горбатов).

Во времена правления Василия II (1425—1462) Московское княжество почти не прирастало новыми земельными владениями. Распря внутри московского княжеского дома (1425—1453) приводила к тому, что старые московские владения приобретали новые собственники, но состав владений оставался неизменным. Исключением было получение Василием Темным Серпуховского княжества после ареста и ссылки Василия Ярославича. Важным приобретением Василия II были земли в ряде новгородских волостей и Псков (и вся его территория с городами, попросившими московского князя в 1460 г. стать их сувереном).

Ситуация кардинально изменилась в правление Ивана III. Уже на следующий год после своего вступления на престол он у старшего ярославского князя Александра Федоровича купил его Ярославское княжество. Теперь все течение Волги от Углича до Нижнего Новгорода оказывалось в руках Москвы. Через девять лет, в 1472 г. Иван Васильевич присоединил к своим владениям Дмитровское княжество — московский удел, которым обладал его брат Юрий. Юрий умер 12 сентября 1472 г. Семьи он не оставил, поэтому его княжество попало к великому князю как выморочное. Полученным наследием Иван III решил поделиться с братьями. Борис Волоцкий получил Вышгород Поротовский, т. е. волость по р. Протве. В руках Андрея Вологодского оказался «Городець у Серпухова», по-видимому, г. Хотунь близ Серпухова. Расширил свои владения и князь Андрей Угличский, но скорее не за счет удельных дмитровских земель, а за счет великокняжеских. Такое наделение означало, что Иван III рассчитывал на помощь братьев в борьбе со своими противниками.

В 1474 г. Иван III еще больше увеличил принадлежавшие ему владения, купив Борисоглебскую половину Ростовского княжества. Эту половину он отдал своей матери Марии Ярославне, но после ее смерти в 1484 г. взял все ее земли себе.

Наибольший успех в приращении подвластных ему территорий пришел к Ивану III в 1478 г. К Москве была присоединена громадная Новгородская республика со всеми ее окраинами. Четвертая часть владений архиепископской кафедры и пяти богатейших новгородских монастырей была конфискована в пользу великого князя Ивана III. Все новгородские волости в Торжке объявлялись великокняжеским достоянием. Податное население бывшей республики должно было платить великому князю ежегодный налог в семь денег (по-видимому, новгородских, а не московских, стоивших в два раза дешевле) с сохи, состоявшей из трех обж. Присоединение Новгорода резко усилило позиции Ивана III, его значимость в общерусских делах. И с 1478 г. на оборотах официальных документов, исходивших из его канцелярии, стало писаться «князь великий всея Руси».

Братья Ивана III Андрей Угличский и Борис Волоцкий были возмущены тем, что великий князь никак не поощрил их за участие в походе на Новгород в 1477—1478 г. В начале 1480 г. они подняли мятеж против старшего брата, с семьями и войсками двинулись к русско-литовской границе, чтобы уйти на службу к польско-литовскому королю Казимиру IV. О крупной ссоре в московском княжеском доме король сразу же известил хана Большой Орды Ахмата. Тот, хотя и не сразу, выступил в поход. Поход привел к знаменитому стоянию на Угре, левом притоке р. Оки. «Стояние» окончилось для хана Ахмата крупной неудачей. Ни один из ханских замыслов, направленных против Русского государства, не был осуществлен. А 6 января 1481 г. Ахмат был схвачен в своей ставке ногайскими мурзами Ямгурчеем и Мусой, которым помогал сибирский хан Ивак, и убит. Дети Ахмата бежали в Крым. Большая Орда распалась. Русь освободилась от чужеземной власти.

Вскоре это сказалось на судьбе русских земель, располагавшихся близ татарских степей. Летом 1483 г. Иван III заключил договор с рязанским великим князем Иваном Ивановичем. В нем указывалось, что приобретенные в свое время Москвой у Рязани волости Тешилов, Венев и Растовец на правом берегу р. Оки остаются за Москвой. Кроме того, рязанскому князю запрещалось вступаться «в нашу отчину вь Елец и во вся Елецская мѣста». Ранее Елец был отчиной рязанской.

Перед этими событиями 5 июля 1481 г. скончался брат Ивана III вологодский князь Андрей Меньшой. Семьи у него не было, но были большие долги, поскольку старший брат платил за него ордынский «выход». Поэтому Вологда отошла к Ивану III.

В 1485 г. Иван III присоединил к своим владениям долго соперничавшее с Москвой Тверское княжество. Обессилевший последний тверской князь Михаил Борисович не смог организовать даже слабого сопротивления московско-новгородским силам. 8 сентября 1485 г. они окружили тверскую крепость, а 10 сентября подожгли тверские посады. 11 сентября к Ивану III явилась тверская делегация для переговоров. Ни к чему существенному переговоры не привели. В ночь с 11 на 12 сентября тверской великий князь Михаил Борисович оставил осажденную Тверь и бежал в Литву. Тверское княжество стало московским.

В апреле 1486 г. умер князь верейский и белозерский Михаил Андреевич, внук Дмитрия Донского. Иван III давно зарился на его белозерские земли, связывавшие северо-восточные русские княжества с Новгородом. Он заставил князя Михаила написать завещание, согласно которому его владения после смерти завещателя переходили к великому князю. И когда Михаила не стало, его земли унаследовал Иван III.

История с владениями другого родственника, родного брата Ивана III угличского князя Андрея Большого, имела иной характер. В мае 1491 г. в Москве было получено известие о выступлении двух ордынских ханов против союзника Ивана III крымского хана Менгли-Гирея. Великий князь приказал Андрею послать своего воеводу в Поле, чтобы не дать этим ханам пройти в Крым. Угличский князь воеводу не послал. Это было расценено как предательство. Князь Андрей поехал в Москву для объяснений. Но в великокняжеском дворце был схвачен и арестован. Посланные в Углич люди великого князя поступили так же с его семьей. Угличское княжество было у Андрея отобрано и присоединено к великокняжеским владениям.

Весной 1496 г. Иван III послал значительную рать во главе с ярославскими князьями Иваном и Петром Федоровичами Ушатыми в Каянскую землю. Так называлась территория, примыкавшая к северо-восточной части Ботнического залива. Русское войско опустошило местные поселения в бассейнах восьми рек, но поселений по р. Илименге не тронуло. Их насельники признали власть русского великого князя.

Во второй половине 1499 г. по повелению Ивана III его воеводы Семен Федорович Курбский и Петр Федорович Ушатый ходили походом «на Югорскую землю и на гогуличи». Московским воеводам удалось захватить местные городки и повоевать всю землю. Северные владения Ивана III приросли землями югры и вогуличей.

Однако главные территориальные приращения Русского государства в 1490-е годы — начале XVI в. шли за счет возврата старых русских земель, отторгнутых в свое время Литвой. 7 июля 1492 г. в Гродно умер король Казимир IV. Польша и Литва разделились. В Литве стал править четвертый сын Казимира Александр. Для Ивана III это был слабый правитель, и уже в августе 1492 г. великий князь всея Руси начал с ним войну. Был взят город Мценск, а вскоре Серпейск и Мезецк. Великий князь литовский Александр отправил в эти районы большое войско, которое вернуло все города Литве. Однако Иван III послал еще большее войско, и оно выбило литовцев из занятых городов. Дополнительно была взята Вязьма. Александр вынужден был просить мира. Он был заключен 5 февраля 1494 г. Захваченные земли Москва удержала за собой.

Несколько лет войн между Русским и Литовским государствами не было. Но в 1500 г. они возобновились. Весной указанного года русские войска взяли Дорогобуж. Это была крепость, защищавшая подходы к Смоленску. Смоленск же контролировал важные водные и сухопутные пути центра и востока Литовского государства. Для возвращения Дорогобужа великий князь Александр собрал большие силы во главе с гетманом Константином Острожским. У р. Ведроши, притока Днепра, 14 июля 1500 г. произошло кровопролитное сражение, в котором литовцы потерпели тяжелое поражение, а их гетман попал в плен. Война продолжилась, но литовской стороне нигде не удавалось добиться успеха. Тогда Александр предложил Ивану III перемирие на шесть лет, уступив ему земли почти по всей восточной границе Литовского великого княжества. 27 августа 1503 г. перемирие было утверждено литовской стороной. Границы владений Ивана III в некоторых местах достигли Днепра и Дикого Поля между Днепром и Доном[6]. В его руки перешли такие города, как Торопец, Невель, Дорогобуж, Опаков, Брянск, Почеп, Трубчевск, Стародуб, Новгород Северский, Рыльск, Путивль, Любеч, Чернигов и другие более мелкие крепости.

В сентябре 1503 г. Иван III составил свое завещание, согласно которому его на-

[6] *Базилевич К. В.* Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века. М., 1952. С. 518—522.

следнику, старшему сыну от брака с Софьей Палеолог Василию, переходили унаследованные Иваном III от отца земли, большинство приобретенных им самим, а кроме того, треть Рязанского княжества и завещались «город Пьсков и з городы, и с волостьми, и з селы, и всю землю Пьсковскую»[7]. В русской и мировой исторической наукс по сей день держится мнение, впервые высказанное Н.М. Карамзиным, что Псков был присоединен к Русскому государству в 1510 г. при Василии III. Обращение к завещанию Ивана III показывает, что власть московского великого князя в Пскове установилась раньше, до 1503 г. В одно целое русские земли были объединены Иваном III, и именно его надо считать основателем единого Русского государства.

Во второй половине XIII — начале XVI в. на северо-западе Руси, в Великом Новгороде и входившем в состав новгородских земель Пскове, продолжалось развитие *республиканского варианта* русской государственности. Вопреки часто высказывавшимся в историографии оценкам, он продемонстрировал значительный потенциал и прекрасно сочетался с древнерусскими природно-климатическими, социально-экономическими и культурно-религиозными особенностями. Освоение огромных пространств Русского Севера, создание развитых систем самоуправления, установление прочных торговых связей и иных контактов с Центральной Европой, развитие основанных на творческом сплаве древнерусских, византийских и западноевропейских традиций культуры и искусства — все это и многое другое — яркие достижения Новгородской республики. XIV—XV вв. — период расцвета новгородской государственности, а не гниения и упадка (что, конечно, не отрицает наличия или обострения внутренних противоречий). Особенности политического строя хорошо знали соседи и адекватно их воспринимали. Не случайно в латинском тексте Ореховецкого договора Новгорода со Швецией 1323 г. специфическое новгородское обозначение политического сообщества «весь Новгород» передается как *tota communitas Nogardie* («вся общность/сообщество/коммуна Новгорода»)[8]. Поскольку такие же понятия применялись и к западноевропейским городским республикам и коммунам, не приходится сомневаться в том, что именно в этом контексте должны изучаться и близкие феномены на Руси. Действительно, ряд черт сближает в синхростадиальном отношении Великий Новгород и такие европейские республики Средневековья и раннего Нового времени, как, например, Венеция или Дубровник (Рагуза).

Республиканский вариант развития на северо-западе Руси был прерван внешней силой. В то же время обращает на себя внимание тот факт, что рано или поздно прекратили свое существование все возникшие в Средние века европейские республики, даже самые могущественные, не выдержав конкуренции со стороны централизованных монархических государств.

Процесс объединения русских земель под властью Москвы и рост могущества московских великих князей сопровождались неуклонным падением ордынской власти и образованием на окраинах Орды независимых ханств, которые, как правило, соответствовали доордынским очагам государственности. Такие государства-наследники Золотой Орды во главе с ханами-чингисидами возникли в Крыму (с 1442 г.), Казани (с 1445 г.), в Сибири (Тюменское ханство со столицей в Чинги-Туре, с 1430-х годов). Распад Большой Орды 1502 г. привел к возникновению Астраханского ханства. Если Казань и Астрахань в силу своей экономической и военной сла-

[7] ДДГ. № 89. С. 357.

[8] Sverges traktater med främmande magter: 1—14 d. / Utg. O.S. Rydberg. Stockholm, 1903. Del. 1. S. 442.

бости утратили независимость к середине XVI в., то Крымскому ханству суждено было сыграть значительную роль в истории России XV—XVIII вв.

Южная территория степной и равнинной зон, до предгорий Северного Кавказа, в XIII—XV вв., за исключением большей части высокогорья, оказалась в системе политико-экономического контроля Золотой Орды. Развитие же горной зоны региона имело свою специфику.

На юге Западной Сибири в XV в. правителями из числа потомков внука Чингисхана Шибана было основано Тюменское ханство, тесно вписанное в круг политических и экономических отношений с Большой и Ногайской Ордами, Казанским ханством, Московским княжеством и тимуридскими и шибанидскими владениями в Средней Азии. К северу от Тюменского ханства фиксируются угорские княжества (Югорское, Пелымское, Кодское, Обдорское), которые оказываются в зоне политических и торговых интересов растущего Московского государства.

Русская митрополия при Киприане и Фотии достигла периода своего расцвета. Держась тесного союза с московской великокняжеской властью, церковь смогла сохранять значительную автономию в делах внутреннего управления. Новым вызовом для нее стала Флорентийская уния с Римско-католической церковью 1439 г. и последовавшие за ней события — падение Константинополя и распад единства митрополии в середине XV в. К рубежу XV—XVI вв. Русская церковь, имевшая центр в Москве, понесла большие территориальные потери, но при этом стала более централизованной. Сложился митрополичий аппарат управления и суда. Выросла власть епископов на подвластных им территориях, в том числе благодаря ослаблению и ликвидации самостоятельных княжений по мере их вхождения в состав единого Российского государства. В епархиях росло церковное землевладение, развитие поминальной монастырской практики привело к щедрым пожертвованиям, в том числе земельным вкладам.

Монгольское завоевание весьма значительно повлияло на развитие древнерусской литературы — и в тематическом, и в концептуальном плане. Вместе с тем древнерусская литература во многом сохраняла прежние традиции, трансформируя их согласно новой реальности. Во второй половине XIV в. и до начала XVI в. литературная жизнь на территории русских княжеств и земель, а затем Русского государства стала значительно интенсивнее. Развивались связи с Византией, шел интенсивный книгообмен с балканскими странами.

Рост материальных возможностей обусловил широкое каменное строительство и соответственно расцвет монументальной живописи. На Руси повысился спрос на произведения иконописи, к выполнению которых привлекались выдающиеся мастера. Некоторые из них принимали участие и в оформлении книг. Общий характер искусства свидетельствует о его соответствии современному европейскому культурному контексту и о повышении внимания к достижениям Византии.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII — XIX вв./ Сост., ред., пер., введ. и вступ. ст. к текстам В. К. Гарданова. Нальчик, 1974.

Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией: В 5 т. СПб., 1841—1872.

Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией: В 5 т. СПб., 1853. Т. 1.

Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII века. М.,1997—2008. Т. I—IV.

Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Академии наук. СПб., 1836. Т. 1—4.

Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. М., 1952—1964. Т. I—III.

Акты феодального землевладения и хозяйства: В 3 ч. М., 1951—1961.

Амирханов Х. Таварих-е Булгарийа (Булгарские хроники) / Пер. со старотатарск., вступ. ст. и коммент. А. М. Ахунова. М., 2010.

Бабур-наме (Записки Бабура) / Пер. М. Салье. Ташкент, 1958.

Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». М.; Л., 1965.

Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1997—1999. Т. 5—7.

Галицко-Волынская летопись. Текст. Комментарий. Исследование / Сост. Н. Ф. Котляр, В. Ю. Франчук, А. Г. Плахонин; под ред. Н. Ф. Котляра. СПб., 2005.

Галстян А. Г. Армянские источники о монголах. М., 1962.

Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С. Н. Валка. М.; Л., 1949.

Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. / Изд. подгот. Я. Н. Щапов. М., 1976.

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.; Л., 1950.

Иоанн де Плано Карпини. История монголов: Текст, перевод, комментарии / Под ред. А. А. Горского, В. В. Трепавлова. М., 2022.

Иосиф Волоцкий. Просветитель, или Обличение ереси жидовствующих. Казань, 1855.

Киракос Гандзакеци. История Армении / Пер. с древнесармянск., предисл. и коммент. Л. Н. Ханларян; отв. ред. М. О. Дарбинян-Меликян. М., 1976. (Сер. Памятники письменности Востока).

Козин С. А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г.: В 3 т. М.; Л., 1941. Т. 1.

Конявская Е. Л. Новгородская летопись XVI в. из собрания Т. Ф. Большакова // НИС. СПб., 2005. Вып. 10 (20). С. 322—383.

Корогодина М. В. Кормчие книги XIV — первой половины XVII вв.: В 2 т. СПб., 2017.

Кучкин В. А. Договорные грамоты московских князей XIV века: внешнеполитические договоры. М., 2003.

Лосева О. В. Жития русских святых в составе древнерусских прологов XII — первой трети XV в. М., 2009.

Насонов А. Н. Летописный свод XV в. (по двум спискам) // Материалы по истории СССР. Документы по истории XV — XVII вв.: В 8 вып. М., 1955. Вып. 2.

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.

Осетины глазами русских и зарубежных путешественников (XIII — XIX вв.) / Сост., вводн. ст. и примеч. Б. А. Калоев. Орджоникидзе, 1967.

Памятники дипломатических сношений древней России и державами иностранными: В 10 т. СПб., 1851. Т. 1.

Памятники Куликовского цикла / Под ред. Б. А. Рыбакова. СПб., 1998.

Памятники русского права: В 8 вып./ Под ред. А. А. Зимина, Л. В. Черепнина. М., 1953—1955. Вып. 2—3.

Полоцкие грамоты XIII — начала XVI в.: В 5 вып. М., 1977—1980. Вып. 1—3.

Полоцкие грамоты XIII — начала XVI в.: В 2 т. М., 2015.

Псковские летописи / Подг. А. Н. Насонова. М.; Л., 1941—1955. Вып. 1—2.

Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Пг., 1926—1928. Т. 1, вып. 1—3; СПб., 1843. Т. 2; СПб., 1908. Т. 2; М., 2000.Т. 4, ч. 1; СПб., 1851. Т. 5; СПб., 1853. Т. 6; М., 2000. Т. 6, вып. 1; М., 2001. Т. 6, вып. 2; СПб., 1856. Т. 7; СПб., 1859. Т. 8; СПб., 1885. Т. 10; СПб., 1897.Т. 11; СПб., 1901. Т. 12; Пг., 1922. Т. 15, вып. 1; СПб., 1863. Т. 15; СПб., 1889. Т. 16; СПб., 1907. Т. 17; СПб., 1913. Т. 18; СПб., 1913. Т. 21; СПб., 1910. Т. 23; Пг., 1921. Т. 24; М.; Л, 1949. Т. 25; М.; Л., 1962. Т. 26; М.; Л., 1962. Т. 27; М.; Л., 1963. Т. 28; М., 1965. Т. 30; М., 1978. Т. 34; М.,1980. Т. 35; Л., 1982. Т. 37; М., 1994. Т. 39; СПб., 2003. Т. 40; СПб., 2002. Т. 42; СПб., 2018. Т. 44; СПб., 2018. Т. 45; СПб., 2018. Т. 46.

Послания Иосифа Волоцкого. М.; Л., 1959.

Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой (1576 г.) / Подгот. к печати, введ. и коммент. В. В. Трепавлова. М., 2003.

Разрядная книга 1475—1598 гг. М., 1966.

Разрядная книга 1475—1605 гг.: В 3 т. М., 1977. Т. I, ч. 1.

Рашид ад-Дин. Сборник летописей: В 3 т. М., 2001. Т. 3. (Репр. изд.)

Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией: В 39 т. 2-е изд. СПб., 1908. Т. 6. Памятники древнерусского канонического права.

Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI в. / Сост. А. И. Плигузов; науч. ред. А. В. Кузьмин. М., 2008.

Русско-ливонские акты. СПб., 1868.

Серебрянский Н. И. Древнерусские княжеские жития (Обзор редакций и тексты). М., 1915.

Сборник императорского Русского исторического общества: В 148 т.

Т. 35: Памятники дипломатических сношений Московского государства с польско-литовским государством: 1487—1533 / Под ред Г. Ф. Карпова. СПб., 1882; Т. 41. Памятники дипломатических сношений Московского государства с азиатскими народами: Крымом, Казанью, Ногайцами и Турцией. Ч. 1 (годы с 1474 по 1505) / Под ред. Г. Ф. Карпова. СПб., 1884; Т. 95. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Ногаями и Турцией. Ч. 2 (годы с 1508 по 1521) / Под ред. Г. Ф. Карпова и Г. Ф. Штендмана. СПб., 1895.

Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, собранных В. Г. Тизенгаузеном. СПб.; М.; Л., 1884—1941. Т. 1—2.

Собрание государственных грамот и договоров.: В 5 ч. М., 1813—1894.

Присёлков М. Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста / Под ред. и с предисл. К. Н. Сербиной. М.; Л., 1950.

Фома Сплитский. История архиепископов Салоны и Сплита. М., 1997.

Хаутала Р. От «Давида, царя Индий» до «ненавистного плебса сатаны». Антология ранних латинских сведений о татаро-монголах. Казань, 2015. (Сер. Язма Мирас. Письменное Наследие. Textual Heritage; Вып. 2).

Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X — XV вв.: В 2 т. М., 1970. Т. 2.

Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Актовые печати Древней Руси X — XV вв. М., 1998.

Янин В. А., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. Новгородские грамоты на бересте. М., 2015.

Codex epistolaris Vitoldi magni Ducis Lithuaniae 1376—1430 / Ed. Collectus A. Prochaska. Crakoviae, 1882. (Monumenta medii aevi historica res gestas Poloniae illustrantia. T. 6).

Livländische Reimchronik / Hrsg. von L. Meyer. Hildesheim, 1963.

Scriptores rerum Hungaricarum tempore ducum regumque stirpis Arpadianae gestarum / Edendo operi praefuit E. Szentpétery. Budapestini, 1937—1938. I—II.

Литература

Абеленцева О. А. Митрополит Иона и установление автокефалии Русской церкви. М., 2009.

Александр Невский: личность, эпоха, историческая память. К 800-летию со дня рождения / Отв. ред. Е. Л. Конявская, Л. А. Беляев. М., 2021.

Алексеев А. И. Религиозные движения на Руси последней трети XIV — начала XVI в.: Стригольники и жидовствующие. М., 2012.

Алексеев Ю. Г. «К Москве хотим»: Закат боярской республики в Новгороде. Л., 1991.

Алексеев Ю. Г. У кормила Российского государства. Очерк развития аппарата управления XIV—XV вв. СПб., 1998.

Антипов И. В. Новгородская архитектура времени архиепископов Евфимия II и Ионы Отенского. М., 2009.

Арутюнов С. А., Крупник И. И., Членов М. А. «Китовая аллея»: Древности островов пролива Сенявина. М., 1982.

Археология севернорусской деревни X — XIII веков: В 3 т. М., 2009. Т. 3.

Археология Суздальской земли: В 2 т. / Отв. ред. Н. А. Макаров; сост. Н. Д. Угулава. М.; Вологда, 2023.

Баталов А. Л., Беляев Л. А. Сакральное пространство средневековой Москвы. М., 2010.

Беляев Л. А. Русское средневековое надгробие. Белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII — XVII вв. М., 1996.

Беляков А. В. Чингисиды в России XV — XVII веков: просопографическое исследование. Рязань, 2011.

Беляков А. В. Симеон Бекбулатович: пример адаптации выходцев с Востока в России XVI в. СПб., 2022.

Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. М., 1963.

Бернадский В. Н. Новгород и Новгородская земля в XV веке. М.; Л., 1961.

Бокман Х. Немецкий Орден. Двенадцать глав из его истории / Пер., предисл., коммент. В. И. Матузовой М., 2004.

Борзаковский В. С. История Тверского княжества. СПб., 1876.

Бутанаев В. Я., Худяков Ю. С. История енисейских кыргызов. Абакан, 2000.

Вагнер Г. К. От символа к реальности. Развитие пластического образа в русском искусстве XIV — XV веков. М., 1980.

Вайнштейн С. И. Историческая этнография тувинцев. Проблемы кочевого хозяйства. М., 1972.

Вернадский Г. В. Монголы и Русь. Тверь, 1997.

Вздорнов Г. И. Искусство книги в Древней Руси: Рукописная книга Северо-Восточной Руси XII — начала XV века. М., 1980.

Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII — XV вв.: В 2 т. М., 1962. Т. 2.

Гальперин Ч. Татарское иго: Образ монголов в средневековой России / Пер. М. Ю. Копыловой; под ред. Ю. В. Селезнева. Воронеж, 2012.

Гоголев А. И. Археологические памятники Якутии позднего средневековья (XIV—XVIII вв.). Иркутск, 1990.

Голубинский Е. Е. История русской церкви: В 2 т. 2-е изд. М., 1904. Т. 1; Вторая половина тома. М., 1900. Т. 2.

Города и веси средневековой Руси: Археология, история, культура: К 60-летию академика Н. А. Макарова. М.; Вологда, 2015.

Города средневековых империй Дальнего Востока / Отв. ред. Н. Н. Крадин. М., 2018.

Горский А. А. Русские земли в XIII — XIV веках: Пути политического развития. М., 1996.

Горский А. А. Москва и Орда. М., 2001.

Горский А. А. «Бещисленыя рати и великия труды»: Проблемы русской истории X—XV вв. СПб., 2018.

Грушевський М. Історія України-Руси: В 10 т. Львов, 1905. Т. 3—6.

Гудавичюс Э. История Литвы с древнейших времен до 1569 года. М., 2005.

Дмитриев Л. А. Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII — XVII вв. Л., 1973.

Древняя Русь. Город, замок, село / Отв. ред. Б. А. Колчин. М., 1985.

Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв. М., 1985.

Зайцев И. В. Между Москвой и Стамбулом: Джучидские государства, Москва и Османская империя (начало XV — первая половина XVI в.). М., 2004.

Зайцев И. В. Крымская историографическая традиция XV—XIX веков. Пути развития. Рукописи, тексты и источники. М., 2009.

Зимин А. А. Россия на рубеже XV—XVI столетий (Очерки социально-политической истории). М., 1982.

Ивина Л. И. Крупная вотчина Северо-Восточной Руси конца XIV — первой половины XVI в. Л., 1979.

История Москвы с древнейших времен до наших дней: В 3 т. М., 1997. Т. 1. XII — XVIII века.

История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. / Отв. ред. В. Б. Пиотровский. М., 1988.

История СССР с древнейших времен до наших дней: В 12 т. М., 1966. Т. 2.

История Тувы: В 2 т. 2-е изд. / Под ред. С. В. Вайнштейна и М. Х. Маннай-оола. Новосибирск, 2001. Т. 1.

История Хакасии с древнейших времен до 1917 года / Под ред. Л. Р. Кызласова. М., 1993.

История Чукотки с древнейших времен до наших дней / Под ред. Н. Н. Дикова. М., 1989.

Исхаков Д. М. От средневековых татар к татарам Нового времени (этнологический взгляд на историю волго-уральских татар XV—XVII вв.). Казань, 1998.

Казакова Н. А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV — начало XVI в. Л., 1975.

Карамзин Н. М. История государства Российского: В 12 т. М., 1999. Т. 4—6.

Каштанов С. М. Очерки русской дипломатики. М., 1970.

Клюг Э. Княжество Тверское (1247—1485 гг.). Тверь, 1994.

Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1988.

Комеч А. И. Каменная летопись Пскова XII — начала XVI в. М., 1993.

Конявская Е. Л. Очерки по истории тверской литературы XIV—XV вв. М., 2007.

Кренке Н. А. Древности бассейна Москвы-реки от неолита до Средневековья: Этапы культурного развития, формирование производящей экономики и антропогенного ландшафта. М.; Смоленск, 2019.

Крупнов Е. И. Средневековая Ингушетия / Вступ. ст. Р. М. Мунчаева. М., 1971.

Культура средневековой Москвы: исторические ландшафты: В 3 т. / Под ред. Л. А. Беляева, П. А. Кренке, Т. И. Макаровой, С. З. Чернова. М., 2004—2006. Т. 1—3.

Кучкин В. А. Повести о Михаиле Тверском. М., 1974.

Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X — XIV вв. М., 1984.

Кучкин В. А. Волго-Окское междуречье и Нижний Новгород в средние века. Н. Новгород, 2011.

Лазарев В. Н. Московская школа иконописи. М., 1971.

Лапшин В. А. Тверь в XIII—XV вв. (по материалам раскопок 1993—1997 гг.). СПб., 2009.

Лукин П. В. Новгородское вече. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2018.

Лукин П. В. Новгород и Венеция: сравнительно-исторические очерки становления республиканского строя. СПб., 2022. (Res Publica; Вып. 15).

Лурье Я. С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV — начала XVI в. М.; Л., 1960.

Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976.

Лурье Я. С. Две истории Руси XV в.: Ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства. СПб., 1994.

Мазуров А. Б. Средневековая Коломна в XIV—первой трети XVI в.: Комплексное исследование региональных аспектов становления единого Русского государства. М., 2001.

Макарий (Булгаков), митр. История Русской церкви. М., 1995. Кн. 3; М., 1996. Кн. 4, ч. 1—2.

Матузова В. И., Назарова Е. Л. Крестоносцы и Русь. Конец XII в.— 1270 г. Тексты, перевод, комментарий. М., 2002.

Мейендорф И. Византия и Московская Русь: Очерк по истории церковных и культурных связей в XIV веке. Paris, 1990.

Морозкина Е. Н. Церковное зодчество древнего Пскова: зодчество Пскова как наследие. М., 2007. Т. 1–2.

Народы Дагестана / Отв. ред. С. А. Арутюнов, А. И. Османов, Г. А. Сергеева. М., 2002. (Сер. Народы и культуры).

Насонов А. Н. Монголы и Русь: История татарской политики на Руси. М.; Л., 1940.

Насонов А. Н. История русского летописания XI — начала XVIII века. Очерки и исследования. М., 1969.

Николаева Т. В. Древнерусская мелкая пластика из камня. XI—XV вв. М., 1983.

Охотникова В. И. Псковская агиография XIV — XVII вв.: В 2 т. СПб., 2007.

Очерки истории СССР. Период феодализма. IX — XV вв.: В 2 ч. / Отв. ред. Б. Д. Греков. М., 1953. Ч. 2. XIV — XV вв.

Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950.

Пашуто В. Т. Образование Литовского государства. М., 1959.

Полехов С. В. Наследники Витовта. Династическая война в Великом княжестве Литовском в 30-е годы XV века. М., 2015.

Пресняков А. Е. Образование Великорусского государства. Очерки по истории XIII—XV столетий. Пг., 1918.

Прохоров Г. М. Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы: Повесть о Митяе. СПб., 2000.

Раппопорт П. А. Зодчество Древней Руси. Л., 1986.

Рогачевский А. Л. Очерки по истории права Пруссии XIII — XVII вв.: (По материалам рукописных собраний Берлина и Санкт-Петербурга). СПб., 2004.

Русь в XIII веке: Древности темного времени / Ред. Н. А. Макаров, А. В. Чернецов. М., 2003.

Русь в XIII—XV веках. Новые открытия в области археологии и истории / Отв. ред. Л. А. Беляев, Е. Л. Конявская. М., 2021.

Рыбина Е. А. Новгород и Ганза. М., 2009.

Седов Вл. В. Псковская архитектура XIV—XV веков: Происхождение и становление традиции. М., 1992.

Сквайрс Е. Р., Фердинанд С. Н. Ганза и Новгород: Языковые аспекты исторических контактов. М., 2002.

Смирнова Э. С., Лаурина В. К., Гордиенко Э. А. Живопись Великого Новгорода. XV век. М., 1982.

Соколов П. П. Русский архиерей из Византии и право его назначения до начала XV века. Киев, 1913.

Соловьев С. М. Соч.: В 18 кн. М., 1993—1998. Кн. 1—3.

Тверской кремль: Комплексное археологическое источниковедение (по материалам раскопа Тверской кремль-11. 1993—1997 гг.). СПб., 2001.

Тихомиров М. Н. Древняя Москва. М., 1947.

Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. М., 2001.

Трепавлов В. В. Степные империи Евразии: монголы и татары. 2-е изд. М., 2018.

Трепавлов В. В. Золотая Орда в XIV столетии / Отв. ред. А. В. Малов. М., 2010.

Феннел Дж. Кризис средневековой Руси. 1204—1304. М., 1989.

Флоря Б. Н. Исследования по истории Церкви. Древнерусское и славянское средневековье. М., 2007.

Флоря Б. Н. Лекции по русской истории. М., 2021.

Хлобыстин Л. П. Древняя история Таймырского Заполярья и вопросы формирования культур севера Евразии. СПб., 1998.

Хорошкевич А. Л. Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV—XV веках. М., 1963.

Хорошкевич А. Л. Русь и Крым: От союза к противостоянию. Конец XV — начало XVI вв. М., 2001.

Худяков М. Г. Очерки истории Казанского ханства. М., 1991.

Цыбиктаров А. Д. Бурятия в древности. История (с древнейших времен до XVII века). Улан-Удэ, 1999. (Сер. Бурятия; Вып. 3).

Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV веков: В 2 ч. М., 1948—1951.

Черепнин Л. В. Образование русского централизованного государства в XIV—XV веках: Очерки социально-экономической и политической истории Руси. М., 1960.

Черкасова М. С. Северная Русь: история сурового края XIII—XVII вв. М., 2017.

Чернов С. З. Волок Ламский в XIV — первой половине XVI в. Структуры землевладения и формирование военно-служилой корпорации. М., 1998.

Шабульдо Ф. М. Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. Киев, 1987.

Шаскольский И. П. Борьба Руси за сохранение выхода к Балтийскому морю в XIV веке. Л., 1987.

Шахматов А. А. Ермолинская летопись и Ростовский владычный свод. СПб., 1904.

Щапов Я. Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси. XI — XIV вв. М., 1972.

Экземплярский А. В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г.: В 2 т. СПб., 1891.

Якуты (Саха) / Отв. ред. Н. А. Алексеев, Е. Н. Романова, З. П. Соколова. М., 2013.

Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина (Историко-генеалогическое исследование). М., 1981.

Янин В. Л. Новгородские акты XII—XV вв. Хронологический комментарий. М., 1990.

Янин В. Л. Новгород и Литва: пограничные ситуации XIII—XV вв. М., 1998.

Янин В. Л. Новгородские посадники. 2-е изд. М., 2003.

Янин В. Л. Очерки истории средневекового Новгорода. М., 2008.

Fennell J. The Emergens of Moscow, 1304—1359. Berkley; Los Angeles, 1968.

Hallbach U. Der russische Fürstenhof vor dem 16. Jahrhundert: Eine vergleichende Untersuchung zur politischen Lexikologie und Verfassungsgeschichte der alten Rus'. Stuttgart, 1985.

Goehrke C. Unter den Schirm der göttlichen Weisheit. Geschichte und Lebenswelten des Stadtstaates Groß-Nowgorod. Zürich, 2020.

Goetz L. K. Deutsch-Russische Handelsgeschichte des Mittelalters. Lübeck, 1922 (Hansische Geschichtsquellen. Neue Folge; Bd. V).

Łowmiański H. Prusy pogańskie. Toruń, 1935.

Martin J. Medieval Russia. 980—1584. Cambridge, 2007.

The Routledge Handbook of the Mongols and Central-Eastern Europe: Political, Economic, and Cultural relations / Ed. by A. V. Maiorov and R. Hautala. Abingdon, N. Y., 2021.

Selart A. Livonia, Rus' and the Baltic Crusades in the Thirteenth Century. Leiden; Boston, 2015 (East Central and Eastern Europe in the Middle Ages, 450—1450; Vol. 29).

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Абд ал-Латыф (Абдул-Латиф), хан казанский 841, 848, 850, 870, 886
Абеленцева О. А. 621, 623, 625, 930
Абдиев А. 882
Абдулла (Абдуллах), хан Золотой Орды 799
Абдулла (Объдула), приближенный Ших-Ахмеда 824
Абдуллах б. Ризван, хронист 870, 871
Абу-л-Хайр, хан узбекский 828, 837, 854—856, 860, 861, 863
Абдурахманов Т. А. 891
Авдеев А. Г. 548, 607
Авдул, посол ордынский 243
Авдусина Т. Д. 346
Авраамий, епископ суздальский 622
Авраамка, писец, летописец 12, 13, 38, 75, 287, 581, 653, 667
Агафонов И. С. 481
Аграфена Васильевна, великая княгиня рязанская 437
Адальберт-Войтех Пражский, святой 771
Адрианова-Перетц В. П. 662
Ази Баба (Хаджи-Баба), посол 877
Айбабина Е. А. 707
Айгуста, княгиня, первая жена Симеона Гордого 306
Айдар (Айдер, Хайдар), хан крымский, сын Хаджи-Гирея 867, 868, 870, 872, 873
Айналов Д. В. 750
Айшино Рушкович, воевода литовский 146
Айюбиды, династия 771
Акиндин, монах 238, 240, 362, 397
Акинф Ослебятев, боярин митрополичий 412
Акишин С. Ю. 483
Акчурин М. 882, 892
ал-Ашраф Кансух ал-Гури, султан мамлюкский 877
Алач, посол 878
Алгуй (Алгу), хан 154
Алдиер, нойон киргизский 908
Алевиз Новый (Алевиз Фрязин), архитектор 599
Алекса Петров, иконописец 727, 743
Александр, епископ дерптский 787
Александр, игумен тверской 242, 387—389
Александр, князь новосильский 128
Александр, наместник великого князя владимирского в Новгороде 262
Александр IV, папа римский 150
Александр VI, папа римский 633
Александр Андреевич Остей, князь, воевода 311, 312
Александр Борисович Поле, боярин 544
Александр Васильевич, князь суздальский 91, 200, 302, 921
Александр Васильевич Оболенский, князь, боярин 589
Александр Васильевич Чарторыйский, князь литовский 591, 529—532
Александр (Олелька) Владимирович, князь копыльский, друцкий, киевский 486, 499, 555, 558, 622
Александр Всеволодич, князь псковский 288
Александр Глебович, князь смоленский 125, 126, 177, 179
Александр Данилович, княжич, сын Даниила Александровича 299
Александр Дмитриевич, князь ростовский 207, 512
Александр Иванович, великий князь тверской 451
Александр Иванович, князь нижегородский 410
Александр Казимирович (Александр Ягеллон), великий князь литовский 534, 551, 553, 555—557, 559, 563—565, 567—569, 591, 633, 830, 832
Александр Кир-Михайлович, князь пронский 67
Александр Константинович, князь угличский 208—211, 215
Александр Македонский, царь Македонии 680
Александр Михайлович, князь вяземский 178
Александр Михайлович, князь пронский 171, 172
Александр Михайлович Тверской, князь тверской, великий князь владимирский 10, 118, 200, 240, 242—244, 268, 288, 302, 307, 310, 363, 390—393, 511, 656, 763
Александр Одинцев, воевода тверской 450
Александр Романович, воевода тверской 453

Александр Федорович Щепа, князь ростовский, наместник псковский 207, 436, 438, 519, 527, 581, 924
Александр Федорович, князь угличский 207
Александр Ярославич Невский, князь новгородский, великий князь владимирский 19, 25, 90, 91, 112, 117, 182—184, 186—190, 192—197, 204, 205, 233, 234, 247, 254, 256, 261, 262, 270—273, 282, 283, 296, 297, 303, 358, 359, 384—387, 495, 651, 655, 658, 660, 671, 682—787, 814, 920, 922, 930
Александровский А. Л. 28, 30
Алексеев А. В. 29, 607
Алексеев А. И. 638—639, 641—644, 930
Алексеев Л. В. 22, 176, 246
Алексеев Ю. Г. 47, 57, 259, 277, 475, 499, 501, 514, 540, 600—602, 648, 890, 930
Алексеева Т. И. 32
Алексей Аристин, канонист византийский 360
Алексей Васильевич, посадник степенной псковский 530
Алексей, протопоп 642
Алексей и Карп Остафьевичи, сыновья наместника Остафия 294
Алексей Петрович Хвост Босоволков, боярин 308
Алексий, архиепископ новгородский 366, 615, 641
Алексий, митрополит Киевский и всея Руси 244, 245, 324, 327, 358, 359, 363, 366, 367, 428, 441—443, 594, 611, 612, 615, 628, 634, 635, 641, 567, 798
Алеф Г. (*Alef G.*) 53
Алешинская А. С. 28
Алимпий (Алипий) Печерский, иконописец 730
Алпатов М. В. 726, 728, 748, 759
Алтан, кыргызский вождь 908
Алферова Г. В. 692
Альберт Зуэрбеер, архиепископ рижский 779, 783, 785
Альборова И. Э. 33, 34
Альбрехт Гогенцоллерн, верховный магистр Тевтонского ордена 778
Альтшуллер Б. А. 704
Альфред Великий, король английский 769
Амраган, баскак 89, 255
Амурат, сын Мисюря, холопа великокняжеского 583
Анания Куритский, новгородец 707
Анастасия (Настасья) Александровна, великая княгиня тверская, жена Бориса Александровича 456
Анастасия Владимировна, княгиня, жена Василия III Михайловича Кашинского 447
Анастасия, великая княгиня, жена Александра Михайловича Тверского 244, 441
Андраш III, король венгерский 156, 157
Андреев В. Ф. 473
Андрей, духовник Михаила Черниговского 383
Андрей, епископ тверской 235, 240, 361, 362, 653, 699
Андрей, князь овручский 119
Андрей, наместник великого князя владимирского в Новгороде 262
Андрей, начальник в Кременце 149
Андрей Петрилович, сын тысяцкого новгородского 693
Андрей Александрович, князь городецкий, великий князь владимирский 180, 199, 206—210, 217, 223, 226, 227, 237, 238, 240, 243, 255, 262, 271, 284, 298, 299, 923
Андрей Александрович, князь ростовский, псковский 431, 435, 437, 517, 540
Андрей Борисович, князь микулинский 595
Андрей Васильевич Большой, князь угличский, можайский, звенигородский 15, 16, 95, 96, 426, 584, 585, 587—589, 601, 631, 924, 926
Андрей Васильевич Меньшой, князь вологодский 15, 16, 96, 426, 427, 584, 586, 588, 924—926
Андрей Владимирович, князь ростовский, угличский 11, 204, 205, 459, 917, 918
Андрей Владимирович, князь серпуховской 329, 410, 704
Андрей Голтяев, боярин 463, 774
Андрей Дмитриевич, князь можайский 269, 410, 417, 512, 678, 705
Андрей Иванович, князь серпуховской 303, 306, 307
Андрей Константинович, князь суздальский, нижегородский 215
Андрей Михайлович, князь вяземский 177
Андрей Михайлович Курбский, князь 852
Андрей Мстиславич, князь козельский 163, 171
Андрей Ольгердович, князь полоцкий, друцкий 181, 293, 295, 296, 311, 313, 331, 510, 660
Андрей Сакович, воевода 563
Андрей Тимофеевич, староста псковских купцов 520
Андрей Федорович (Голенин), князь ростовский, воевода 212—215, 230, 427—429, 432, 439
Андрей Юрьевич, князь (король) галицкий и волынский 157, 158, 324, 777
Андрей Юрьевич Боголюбский, князь владимирский 66, 68, 205, 481, 677
Андрей Ярославич, князь владимирский, князь суздальский 112, 188, 192—196, 198, 204, 235, 281, 380
Андреян Захарьин, посадник новгородский 696

Андроник II Палеолог Старший, император византийский 361
Анжуйская династия в Венгрии 157, 574
Анисимов А. И. 732, 755
Анкудинов И. Ю. 27, 276
Анна, дочь венгерского короля Белы IV 122, 145
Анна (Софья) Дмитриевна Кашинская, великая княгиня, жена Михаила Ярославича Тверского 209, 245
Анна Васильевна, великая княгиня рязанская 464, 466
Анна Васильевна, княжна, дочь Василия I Дмитриевича 409
Аннинский С. А. 62, 63
Анпилогов Г. Н. 166
Антипов И. В. 685—687, 691, 931
Антоний, епископ тверской 449
Антоний IV, патриарх Константинопольский 403, 614, 615, 617, 641
Антонова В. И. 730
Анфал Никитин, боярин двинский 448
Аракчеев В. А. 96, 291, 292
Арапша, царевич (Арабшах, хан) 220
Аргун, хан 896
Ариг-Буга, внук Чингизхана, отчигин 795, 909, 910
Арпады, венгерская правящая династия 142, 148, 156, 157
Арсений, епископ тверской, святой 231, 387, 444, 446—450, 653, 670
Арсений, претендент на псковское епископство 118, 364
Арсений Авториан, патриарх Константинопольский 356
Арсений Коневский, основатель монастыря, святой 638
Арсений Леженка, старец Крестовоздвиженского монастыря 546
Артамонов Ю. А. 363
Артемьев А. Р. 284
Артемьева Н. Г. 908
Арутюнов С. А. 916, 931, 932
Арциховский А. В. 23, 46, 692, 737
Асташова Н. И. 22, 23
Афанасий, игумен Серпуховского Высоцкого монастыря 609, 617
Афанасий Данилович, князь новгородский 239, 299
Афанасий Никитин, путешественник, купец тверской, 20, 606, 656, 673—676
Ахмат (Ахмет, Ахмед), хан ордынский 95, 113, 163, 456, 464, 465, 503, 583, 587, 577, 596, 600—603, 631, 810, 825, 826, 828—831, 842, 854, 855, 873, 875, 890, 925
Ахмат, баскак 129—138, 397
Ахмед Гедик-паша, великий визирь, полководец 867
Ахмедов Б. А. 854
Ахметзянов М. И. 837

***Б**абаян Л. О.* 116
Базилевич К. В. 414, 462, 491, 501, 591, 926
Баиши, посол ордынский 255
Бай-Гельди (Кельдиш-Кельдибай), хан крымский 873
Байдар, царевич монгольский 61
Бакатар, царевич аланский 894
Балай, воевода монгольский 144, 145
Балановская Е. В. 33
Балановский О. П. 33
Бантыш-Каменский Н. Н. 15
Баранов А. В. 505, 531, 534—536
Бараш-султан, жена хана Айдара 870
Барбаро Иосафат, купец, дипломат венецианский 822, 823, 826, 827, 839
Бардах Ю. (*Bardach J.*) 56
Баркер Ф. 26
Барков А. Г. 765
Басенков Никифор, боярин, посол Ивана III Васильевича 601
Бассалыго Л. А. 265, 277, 474, 490
Баталов А. Л. 349, 354, 706, 931
Батанина М. С. 370
Баттута ибн, путешественник марокканский 97, 815, 817
Батый, правитель ордынский 5, 6, 9, 16, 35—37, 61—65, 67—69, 71, 73—77, 79—81, 83—85, 87—91, 110, 114—116, 119, 120, 122, 124, 129, 142—145, 147, 148, 154, 161—163, 177, 182, 183, 186, 189—194, 203, 216, 225, 253, 282, 356, 377—383, 385, 660, 668, 918, 919, 921
Бахадыр-Гирей, хан 868
Бахрушин С. В. 507
Бачинский А. А. 469
Бебек Имре, политик венгерский 577
Бегунов Ю. К. 69, 185—189, 193, 195, 282, 318, 377, 384—387, 873, 876, 929
Бек Суфи, хан крымский 866
Беклемишев Никита, дворянин московский, дьяк Ивана III Васильевича 877, 878, 885
Бела IV, король венгерский 122—124, 142, 144, 145, 148, 149, 156

Белавин А. М. 263
Белецкий В. Д. 688, 692, 752
Белецкий С. В. 23, 697
Бельтинг Г. 729
Беляев И. Д. 46
Беляев Л. А. 30, 31, 235, 236, 342, 349, 352—354, 367—370, 607, 702, 706, 707, 720, 724, 930—932
Беляева С. А. 27
Беляков А. В. 846, 848, 872, 880—882, 886, 888, 891, 931
Белякова Е. В. 623, 632, 637
Белякова М. М. 207
Беннигсен А. А. (*Bennigsen A.*) 875
Бенцианов М. М. 337, 338
Бердибек, хан 219, 327, 611, 798, 799
Бережков Н. Г. 75, 118, 156, 161, 177, 183, 197, 198, 300, 361, 490, 931
Бересфорд М. 26
Беркаи, численник монгольский 254
Берке, хан монгольский 794—796, 809, 814, 895
Бернадский В. Н. 258, 473, 482, 490, 491, 501, 507, 931
Бертольд, епископ ливонский 778, 779
Бертольд, патриарх Аквилейский 145
Беспалов Р. А. 839, 843
Бессонов Г. Б. 30
Бессуднова М. Б. 493, 494, 496, 505, 535, 536, 538, 541, 782
Бибиков М. В. 893
Бир-Девлет (Бир-Даулет), сын хана 872, 885
Биргер Магнуссон (Бельгер), ярл и король шведский 270, 271
Бирюков Ю. Б. 698
Борх Бернд (Бернхард), фон дер, магистр ливонский 497, 535, 536, 541
Бригитта, святая 272
Бобров А. Г. 508, 621, 639, 652, 653, 667
Богданов М. Н. 913
Богданов С. В. 896
Богодухов А. К. 698
Бойцов И. А. 23
Бокман Х. 771, 774, 778, 931
Болеслав IV, князь мазовецкий 550
Болеслав V Стыдливый, князь польский 146, 148, 151—153, 155
Болеслав—Юрий II Тройденович, князь галичский 139, 140, 158—160, 322, 325, 777
Борагул-нойон, полководец монгольский 909
Борзаковский В. С. 231, 453, 931
Борис Александрович, великий князь тверской 19, 20, 25, 421, 437, 451—456, 622, 708
Борис Андреевич, посадник псковский 284—286, 540, 689, 691
Борис Васильевич, князь волоцкий, рузский 15, 95, 96, 102, 402, 457, 587—589, 595, 597, 605, 608, 609, 614, 644, 917, 918, 924, 925
Борис Василькович, князь ростовский 204—206, 213, 216, 218, 234, 383
Борис Давыдович, князь дмитровский, псковский (?) 226—228, 230, 284, 285
Борис Данилович, князь костромской, городецкий 241, 299, 300, 309
Борис Константинович, князь нижегородский 40, 229, 300
Борис Михайлович, князь, сын Михаила Александровича Тверского 446
Борис Римлянин, колокольный мастер 606, 693
Борисевич Г. В. 347
Борисенков Е. П. 350
Борисов Н. С. 362
Борша Копас, магнат венгерский 157
Бохольт, фон, посол ганзейский 290
Бочаров С. Г. 24, 707
Бочука (Бочюк), посол Большой Орды 596, 613
Боярский П. В. 30
Бравина Р. И. 912, 914, 915
Братиана, фогт 545
Бруно Кверфуртский, святой 316
Будивид, князь литовский 155
Букидид, князь литовский 155
Бужилова А. П. 27, 32, 204
Булат (Пулад), хан ордынский 408, 448, 821
Булкин В. А. 30
Булкин Вал. А. 690, 691
Бури, военачальник монгольский 61
Буров В. А. 279
Бурундай, темник татарский 71, 150, 151
Бутанаев В. Я. 908—910, 931
Бучек, военачальник монгольский 61, 62
Буюрук-хан 909

***В**агнер Г. К.* 718—720, 745—745, 931
Вайнштейн С. И. 909, 931
Вайткявичюс Г. 350
Валеров А. В. 279, 280, 291, 787
Валит, воевода корельский 258
Валк С. Н. 510, 929
Вальдхаус Хеерзе Иоганн, фон, магистр ливонский 496, 504, 505

Варлаам Хутынский, игумен, святой 629, 667, 673
Варсонофий, иеромонах 640
Варфоломей, новгородец 264
Василий, епископ тверской 441, 653
Василий, князь минский (менский) 246, 267, 321
Василий, купец, путешественник 640
Василий Александрович, князь брянский 126, 127, 178
Василий Александрович, князь новгородский, сын Александра Невского 195, 196, 236, 254, 273, 254
Василий (Ярослав) Александрович, князь рязанский 172
Василий Будиволна, князь псковский 298
Василий Васильевич Гребенка (Шуйский), князь, воевода 500, 529
Василий II Васильевич Темный, великий князь московский 7, 12, 13, 15, 16, 20, 25, 32, 35, 38, 43, 55, 91, 101—104, 127, 168, 411—427, 462—464, 485—488, 490, 491, 500, 519, 527—529, 530—532, 541, 545, 580, 582, 585, 594, 599, 620—623, 625, 626, 652, 654, 667, 709, 839—842, 883, 884, 921, 924
Василий Владимирович, князь перемышльский и угличский 410, 432
Василий Всеволодич, князь ярославский 204, 213
Василий I Дмитриевич, великий князь московский 11, 12, 35, 92, 93, 107, 108, 127, 128, 163, 174, 221, 222, 231, 269, 296, 329, 338, 374, 401—404, 409, 413, 428, 433, 434, 438, 445, 448, 449, 460, 485, 511, 512, 514, 518, 519, 583, 615, 618, 703, 705, 706, 924
Василий Дмитриевич Ермолин, подрядчик, зодчий 13, 719, 725, 761, 762, 769
Василий Ермолич, князь вымский 862
Василий III Иванович, великий князь московский 8, 38, 39, 43, 98, 102—104, 169, 543, 557, 599, 602, 764, 887, 891, 927
Василий Иванович, великий князь рязанский 424, 463—465, 879
Василий Иванович, князь березуйский 179
Василий Иванович, князь брянский 178
Василий Иванович, князь из смоленских Рюриковичей 177, 324
Василий Иванович Бабич, князь друцкий 879
Василий Иванович Беда, дьяк Василия II 108, 422
Василий Иванович (Шемячич), князь новгород-северский, рыльский 559
Василий Иванович Оболенский, князь, воевода 483, 845
Василий Калика, архиепископ новгородский 21, 118, 364, 366, 397, 692—695, 723, 727, 741, 743
Василий Константинович, князь ростовский 210—212, 427
Василий Македонянин, император византийский (легенд.) 680
Василий Максимович, тысяцкий новгородский 500
Василий Мамырев, дьяк 687, 762
Василий Михайлович, князь верейский 559, 597
Василий Михайлович I, князь кашинский и тверской 40, 242, 244, 310, 441, 443
Василий Михайлович II, князь кашинский 443, 444
Василий Михайлович III, князь кашинский 446—448, 451
Василий (Мстиславич?), княжич козельский 73
Василий Пантелеевич, князь козельский 171
Василий Селезень, посадник новгородский 430
Василий Семенович, княжич, сын Симеона Гордого 701
Василий Согорский (Сугорский), из белозерских князей ??8
Василий Чешиха, наместник Ивана Можайского 422
Василий Юрьевич Косой, князь галичский (Галича Мерского) 12, 419, 436, 452, 652
Василий Ярославич, князь костромской 113, 192, 198, 255
Василий Ярославич, князь муромский 218, 222
Василий Ярославич, князь серпуховской, боровский 421, 425, 546, 654, 924
Василиса Дмитриевна, великая княгиня, жена Андрея Александровича 209
Василиса Федоровна, княгиня серпуховская 11
Васильев Б. Г. 691
Васильев Ю. М. 907
Василько Константинович, князь ростовский 72, 73, 203, 209, 216, 378
Василько Романович, князь белзский, луцкий, волынский 64, 119, 120, 123—125, 140—143, 146—148, 151, 152, 156, 247, 252, 319
Вассиан, епископ тверской 457, 629
Вассиан (Рыло), архиепископ ростовский 601, 630, 631
Вассиан (Санин), архиепископ ростовский 753
Вацлав II, король чешский 155, 157
Вашари И. 886
Вельбласмыш (?), хан 210
Вельяминов Василий Васильевич, воспитатель Дмитрия Ивановича Донского 17, 18, 308, 444
Вельяминов Василий Протасьевич, боярин, тысяцкий 308
Вельяминов Иван Васильевич, тысяцкий московский 647

Вельяминов Тимофей Васильевич, воевода 175, 311
Вельяминовы, бояре московские 18, 308
Вельяминов-Зернов В. В. 840, 842, 885, 886, 890
Веремейчик О. М. 27, 28
Вернадский Г. В. (*Vernadsky G.*) 50—54, 115, 885, 931
Вершинин К. В. 372
Веселовский С. Б. 52, 179, 185, 337, 340, 616
Веспасиан, император римский 384
Вздорнов Г. И. 726, 731, 734, 737—740, 749, 750, 760—762, 931
Виганд Марбургский, хронист, помезанский официал 316
Вилинбахова Т. Б. 730
Виллерм, воевода венгерский 573
Виноградов А. В. 879
Виноградов В. Б. 896, 899—901
Виноградов И. А. 231, 672
Витовт (Александр) Кейстутович, великий князь литовский 43, 100, 107, 163, 178, 181, 269, 293, 296, 316, 322, 326, 328, 329, 331—334, 403, 406—415, 428, 434, 442, 445, 449, 450, 451, 455, 460—462, 484—488, 493, 498, 508, 510, 512, 514, 515—520, 527, 550—552, 554, 557—559, 565, 568—570, 577—579, 583, 617—621, 651, 652, 782, 788, 853, 869, 883, 932
Владимир Андреевич, князь ростово-борисоглебский, псковский наместник 435, 437, 438, 440, 512
Владимир Андреевич, князь серпуховской 25, 98—101, 104—105, 108, 174, 227, 230, 231, 313, 340, 374, 401—403, 408—410, 413, 432, 442, 458, 459, 545, 634, 660, 752
Владимир Андреевич Зворыкин, воевода 437
Владимир Василькович, князь волынский 119, 125, 141, 151—154, 227, 687, 735
Владимир Всеволодич Мономах, князь киевский 66, 377, 654
Владимир Данилович, князь псковский 527
Владимир Константинович, князь угличский 72, 203
Владимир Мстиславич, князь вяземский (?) 178
Владимир Мстиславич («Мачешич»), князь киевский 783
Владимир Ольгердович, князь киевский 445, 558, 614
Владимир Рюрикович, князь переяславский, киевский 114
Владимир Святославич, князь киевский, святой 372, 626
Владислав, князь опольский 326, 576, 577
Владислав (Володислав), боярин галичский 121, 122
Владислав Одонич, князь Уйсца 773
Владислав I Локетек, король польский 157, 158, 324, 777
Владислав II Ягелло (Ягайло), великий князь литовский и король польский 175, 177, 179, 181, 269, 295, 296, 312—314, 331—335, 403, 485, 486, 514, 517, 550—552, 554, 565—567, 572, 573, 576, 577, 586, 614, 617—620, 800, 803
Владислав III, король польский, венгерский 487
Власов И. И. 724
Вовин А. А. 49, 276, 277, 279, 280, 294, 533, 655
Водов В. (*Vodoff V.*) 55, 56, 633
Воинь, князь литовский 80, 267
Войтович Л. 157, 160, 597
Войшелк, князь литовский 151, 248, 252, 319, 320, 329
Волков И. В. 24, 25
Волощук М. 144, 157, 325, 573, 574
Волуй Тимофей Васильевич, боярин, воевода 175
Ворожейкина М. Е. 30
Воронин В. А. 30, 251, 321
Воронин Н. Н. 700—702, 704—706, 708, 931
Воронков И. А. 22
Воронов Ю. Н. 897, 901
Всеволод Александрович, великий князь тверской, князь холмский 10, 244, 245, 440, 441
Всеволод Александрович, князь белзский 123
Всеволод-Гавриил Мстиславич, князь новгородский и псковский 265, 284, 289, 374, 487
Всеволод Константинович, князь ярославский 72, 203, 205, 209
Всеволод Мстиславич, князь смоленский 176, 179, 182, 183
Всеволод Юрьевич, князь новгородский, сын Юрия Всеволодича 380
Всеволод Юрьевич Большое Гнездо, князь владимирский 11, 37, 40, 65, 67, 68, 73, 88, 112, 161—162, 176, 191, 192, 195, 199, 201, 205, 296, 376, 377
Всеслав Брячеславич, князь полоцкий 336, 655
Вульфстан, средневековый мореплаватель 769
Выголов В. П. 702, 748, 709, 711

Гаврила Алексич, боярин 185
Гаврила Гориславич, воевода псковский 187
Гаврилов А. В. 707
Гаврилов С. А. 747
Гаджиев М. Г. 898
Гайдуков П. Г. 23, 25, 47, 261, 368, 479, 930
Галстян А. Г. 77, 929
Гальперин Ч. (*Halperin Ch.*) 54, 55, 147
Гандзакеци Киракос, армянский историк 794, 894, 895, 929
Гаухаршад, царевна казанская 870
Гебсер А. Р., художник 772

Гедимин, великий князь литовский 117, 118, 126, 158, 159, 246, 253, 266—268, 287, 293, 306, 321—323, 325, 329, 330, 364, 419, 551, 800
Гедиминовичи, династия 139, 269, 316, 320, 329, 332, 427, 528, 551, 569
Гейденштейн Рейнгольд, польский дипломат, историк 287
Геннадий, архиепископ новгородский 628, 630—632, 640—644, 714
Геннадий Схаларий, патриарх Константинопольский 625
Геннадий, епископ тверской 624
Геннинг Шиндекоп, верховный маршал Тевтонского ордена 321
Генрих Бородатый, князь силезский 773
Генрих I, епископ эзель-викский 784
Генрих II Лузиньян де, король Кипра 77
Генрих VI Штауфен, император Священной Римской империи 772
Георгий, сын попа Лотыша, писец 737
Георгиевский В. Т. 754
Герберштейн Сигизмунд, фон, барон, дипломат, историк 592
Гёргей, ишпан венгерский 156
Гердень, князь литовский 235, 247, 248, 251, 267
Гёрке К. (*Goehrke C.*) 51, 56, 57, 259, 262, 474, 475, 500, 501, 933
Герман К. Э. 27
Герман Соловецкий, один из основателей Соловецкого монастыря 636, 638
Герман фон Вартберге (*Hermannus de Wartbergi*), хронист Тевтонского ордена 316, 784
Геронтий, митрополит Московский и всея Руси 14, 601, 626, 628, 630, 631, 644
Геронтий, претендент на митрополию 361, 393
Гертруда, сестра австрийского герцога Фридриха II 149
Герхард, граф Марки и Клеве 496
Герцен А. Г. 355, 868, 869
Гийас-ад-Дин, отец Хаджи-Гирея 838, 866—869
Гильом де Рубрук, монах фламандский, путешественник 22, 115, 145, 794, 905, 913
Гиппиус А. А. 23, 65, 255, 289, 373, 494, 651, 880
Глазов В. П. 352, 367
Глазунова О. Н. 370
Гласко М. П. 28
Глеб Василькович, князь ростовский, белозерский 115, 204—206, 208, 213, 383, 730, 795, 879
Глеб Ростиславич, князь смоленский 125, 177, 179
Глеб Святославич, князь брянский 127, 178
Глеб Ярославич, князь рязанский 115, 219
Гоголев А. И. 914, 931
Голейзовский Н. К. 398
Голубинский Е. Е. 118, 240, 362, 365, 398, 628, 648, 931
Голубовский П. В. 177—179
Гонно П. (*Gonneau P.*) 55
Гончарова Н. Н. 32, 33
Гоняный М. И. 28
Горбач Т. С. 777
Гордиенко Э. А. 730, 755, 932
Городилин С. В. 205, 257, 295, 428, 435, 437, 438, 512, 528, 538, 641
Горский А. А. 95, 106, 113, 115—117, 127, 160, 176—179, 242, 245, 251, 256, 261, 265, 268, 299, 312, 313, 315, 317, 318, 323, 339—341, 358, 361, 371, 374, 376, 377, 382, 383, 599, 600, 602, 603, 617, 639, 659, 660, 668, 785, 786, 829, 830, 883, 931
Горский А. Д. 343
Греков А. П. 750
Греков Б. Д. 115, 932
Григоренко А. Ю. 632, 643
Григорий, епископ ростовский 430, 706, 708
Григорий, игумен Голутвинского монастыря 635
Григорий Болгарин, митрополит Киевский и всея Руси 505, 568, 624, 626, 627, 629
Григорий III Мамма, патриарх Константинопольский 623, 624
Григорий IX, папа римский 325, 779
Григорий X, папа римский 358
Григорий XII, папа римский 516
Григорий Кириллович, посадник 679
Григорий Остафьевич, князь псковский 295
Григорий Палама, архиепископ фессалоникийский, святой 643
Григорий Пельшемский, игумен, святой 636
Григорий Цамблак, митрополит литовский 409, 410, 486, 517, 619
Григорьев А. П. 357
Григорян С. Б. 369
Грищенко А. И. 643
Гроздилов Г. П. 729
Грушевский А. С. 253
Грушевский (*Грушевський*) М. С. 51, 75, 118, 131, 145, 151, 158, 160, 247, 252, 253, 324, 571, 572, 575, 576, 931
Гудавичюс Э. 318
Гуревич Ф. Д. 319
Гусев Владимир Елизарович, боярин московский 576
Гуюк, великий хан монгольский 61, 64, 115, 194, 785, 786, 793

Давид Лехно, историк, поэт 873
Давиденко Д. Г. 363
Давыд, архиепископ новгородский 239, 284, 689, 691
Давыд, епископ рязанский 464
Давыд, князь литовский, псковский 286, 287, 293—295
Давыд Константинович, князь галичско-дмитровский 225, 226
Давыд Федорович, князь ярославский 210
Далмат, архиепископ новгородский 254, 359, 360, 688
Даниил, князь пронский 175, 311
Даниил Александрович, князь московский 94, 113, 171, 192, 196, 199, 209, 228, 237, 238, 263, 296—300, 354, 700, 922, 923
Даниил Борисович, князь нижегородский 409, 410
Даниил Васильевич Щеня, князь, воевода 589
Даниил Дмитриевич, князь холмский 439, 457, 509, 535, 536, 584, 589, 601
Даниил Романович, князь (король) владимиро волынский и галичский 9, 20, 36, 64, 90, 113—115, 117, 119—124, 139—151, 154, 156, 160, 247, 252, 319, 329, 356, 358, 378—380, 687, 777, 785
Даниил Черный, живописец 757
Даниил Ярославич, сын Ярослава Всеволодича 192
Данила Григорьевич Собакин, боярин тверской 20
Данило Кузьмин, новгородец 696
Даниял, сын крымского хана Айдара 870
Даньяр, царевич татарский 95, 584, 890
Даркевич В. П. 347
Даян-хан (Бату-Мункэ), великий хан 911
Дворников А. С. 347
Двуреченский О. В. 29, 313
Девлет-Гирей 39, 869
Девлет-Кельди 867
Девлет-султан 870
Девлетек-мирза (Довлетек Мурза), сын Эминека 870
Девлетъяр, сын Хаджи-Гирея 872
Девлеш, султан 872
Денеш, надор венгерский 142
Денис, протопоп 642
Дергачева И. В. 398, 678
Дерма Ярцев, иконописец 760
Джаксон Т. Н. 273
Джанай (Джанай-оглан) 867, 885
Джанибек, хан Золотой Орды 109, 306, 308, 313, 325, 326, 365, 446, 799, 801, 815, 819
Джанибек (Женебек), основатель Казахского ханства 855, 873, 874, 878
Джанибек (Зенебек), крымский хан 885
Джанике-ханум, принцесса крымская 861, 862
Джачин, супруга Угэдея 909
Джебэ (Джэбэ), нойон, полководец монгольский 61
Джевдет-паша, османский историк 895
Джелал-ад-дин Султан, хан ордынский 876
Джувейни, персидский государственный деятель и историк 895
Джучи (Джочи)-Хасар, брат Чингисхана, правитель улуса 61, 253, 853, 865, 908, 909, 912
Джучиды, ветвь Чингисидов 254, 812, 813, 865, 893, 895
Дзюба О. Ф. 28
Диков Н. Н. 915, 931
Димитрий Прилуцкий, игумен, святой 636
Дин-Суфи (Тенсуфуй), брат Тимура 828
Дионисий, архиепископ суздальский 403, 505, 613—615, 627, 634, 637, 642, 767
Дионисий, живописец 545, 753, 754, 758—760, 763, 764
Дионисий, патриарх Константинопольский 523, 640
Дионисий Глушицкий, основатель монастырей, святой 636
Длугош Ян, польский хронист 158, 316, 336, 485
Дмитр, боярин, воевода Даниила Галицкого 114, 143
Дмитр Дядька (Дечк), боярин, воевода 325, 573, 574
Дмитр Ейкович, наместник киевский 115
Дмитриев Л. А. 478, 678, 679, 931
Дмитриев М. В. 643
Дмитриева Р. П. 636
Дмитрий Александрович, князь переяславский, великий князь владимирский 23, 113, 117, 196, 198—201, 206, 217, 223, 235—237, 244, 248, 254, 267, 297, 298, 359, 384, 787, 796
Дмитрий Александрович Щепа, князь псковский 436, 437
Дмитрий Борецкий, посадник новгородский 474
Дмитрий Борисович, князь галичско-мерский 207, 228—230, 238
Дмитрий Борисович, князь ростовский 206, 207, 209, 213, 228, 229, 237, 734
Дмитрий Васильевич, сын Василия Кашинского 465
Дмитрий Васильевич Шеин, воевода, дипломат, боярин 847
Дмитрий Еремеевич, князь клинский 448
Дмитрий Иванович, внук Ивана III Васильевича 456, 633
Дмитрий Иванович (Донской), князь московский, великий князь владимирский 17—19, 25, 35, 42, 90—93, 97—99, 101, 103, 104, 106, 108, 109, 128, 172, 174, 175, 177, 180, 201, 203, 214, 215, 220, 221,

224, 227—230, 234, 262, 266, 268, 269, 295, 305, 309—315, 324, 331, 333, 337, 366, 374, 401—404, 410, 411, 428, 442—444, 446, 457—459, 464, 559, 599, 611—614, 634, 635, 657, 658, 660—662, 664, 678, 703, 705, 749, 801—803, 881, 921, 923—925
Дмитрий Иванович Ряполовский, князь, боярин, воевода 580
Дмитрий Михайлович, князь тверской, великий князь владимирский 200, 212. 242, 243, 300, 301, 322, 390, 920, 923
Дмитрий Михайлович Боброк-Волынский, боярин московский 174, 311, 313, 578, 660
Дмитрий Ольгердович, князь брянский 134, 313, 331, 660
Дмитрий Романович, князь брянский 177, 178, 180
Дмитрий Святославич, князь юрьевский 223, 234
Дмитрий Федорович Приимок, князь ростовский 436, 437
Дмитрий-Фома Константинович, великий князь суздальский и нижегородский, великий князь владимирский 35, 40, 201, 214, 215, 220, 228—231, 267, 309, 924
Дмитрий Юрьевич Красный (Меньшой), князь угличский, бежецкий, галичский 12, 228, 238, 417, 419
Дмитрий Юрьевич Шемяка, князь галичский, великий князь московский 12, 13, 20, 102, 228, 238, 417—424, 437, 452, 453, 490, 491, 499, 828, 889
Добродомов И. Г. 254, 835, 836
Доброслав, боярин, наместник галичский 121, 143
Добрыня, посадник новгородский (легенд.) 478
Довмонт (Тимофей), князь псковский 15, 25, 248, 267, 283—285, 287, 289, 293, 328, 329, 387, 511, 533, 655, 688
Довнар-Запольский М. В. 326, 557, 565
Доллингер Ф. (*Dollinger Ph.*) 836
Домаш Твердиславич, боярин 188
Домбровский Д. (*Dąbrowski D.*) 141, 142, 144, 146, 147, 158, 159, 320, 325, 783, 787
Досифей Топорков, монах, книжник 547
Дружинин В. А. 689, 690
Дубровин Г. Е. 260
Дудко, дьякон тверской 390
Дунай, воевода Владимира Васильковича 155
Духанина А. В. 663, 665, 667
Дьякова О. В. 908
Дьяконов В. М. 912, 914, 915
Дюдень (Тудан), царевич ордынский 199, 208, 226, 237, 255, 298, 361, 380, 796

Евгений IV, папа римский 455, 621, 672
Евдокия, великая княгиня, вторая жена Ивана Михайловича Тверского 10
Евдокия Дмитриевна, великая княгиня, жена Дмитрия Ивановича Донского 99, 309, 660, 661, 705
Евдокия Константиновна, великая княгиня, жена Михаила Александровича Тверского 440, 446, 447, 672
Евменьев А. А. 907
Евсевка, новоторжец 17, 18, 97
Евфимий, монах, основатель Николо-Корельского монастыря 638
Евфимий I, архиепископ новгородский 494
Евфимий II, архиепископ новгородский 10, 11, 20, 424, 481, 487, 529, 534, 621, 651, 712, 713, 755, 763
Евфимий III, католикос Грузии 900
Евфимий II, патриарх Константинопольский 619
Евфимий Вислень, епископ тверской 444, 614
Евфросин, архиепископ суздальский 615
Евфросин, книжник 681
Евфросин Звенец, епископ рязанский 482
Евфросин Псковский, основатель монастырей 637
Егоров В. Л. 110, 117, 119, 143, 313, 804, 812, 817, 931
Еди, нойон киргизский 908
Едигей, правитель ордынский 10, 11, 35, 100, 106, 107, 408—410, 431, 450, 460, 618, 653, 663, 809, 820, 821, 841
Елдега, приближенный Батыя 383
Елена, великая княгиня, жена Василия Михайловича I Кашинского 441
Елена, великая княгиня, жена Ивана Калиты 303
Елена Волошанка, жена Ивана Ивановича, сына Ивана III 633, 764
Елена Васильевна Глинская, вторая жена Василия III, мать Ивана Грозного 795, 802
Елена Ивановна, великая княгиня литовская, королева польская, дочь Ивана III Васильевича 564, 633, 849
Елена Ольгердовна, княгиня серпуховская, жена Владимира Андреевича 329
Елена Ярославна, княгиня верейская 763—764
Елортай, бек 217
Ентяк, царевич ордынский 406
Епифаний Премудрый, агиограф 19, 332, 428, 662—664, 666, 674, 679
Еремеев И. И. 28
Еремей Глебович, боярин, воевода 67
Еремей Константинович, князь клинский 459, 460
Ерусалимский К. Ю. 783
Ершова Е. Г. 27, 29
Ершова Т. Е. 689
Есиф, архимандрит юрьевский 10, 707

Есугай-багатур 906
Ефрем, архиепископ ростовский 423, 436

Жарнов Ю. Э. 346
Жидков Г. В. 734
Жуков А. Е. 761

Забелин И. Е. 66
Завьялов В. И. 351, 610
Зайцев А. К. 86, 134
Зайцев В. В. 24, 25
Зайцев И. В. 834, 836, 839, 843, 868, 874—878, 880, 885, 931
Зайцева И. Е. 352
Зализняк А. А. 23, 47, 317, 880, 930
Зальца Херманн, фон, верховный магистр Тевтонского ордена 773, 779
Запаско Я. П. 735—737
Захария, иеродьякон 20
Захария, иконописец 724
Захария, новгородский вечевой дьяк 506
Захария Олекшинич, заказчик книги 737
Захаров С. Д. 27, 32, 204, 348
Збыслов Якупович, новгородец 185
Земовит, князь черский, мазовецкий 577
Зиливинская Э. Д. 24
Зимин А. А. 265, 488, 491, 636, 638, 643
Зонова О. 753
Зосима, митрополит Московский и всея Руси 632, 644, 674, 687
Зосима Соловецкий, святой 636, 638, 640, 679
Зотов Р. В. 117, 118
Зубрицкий Д. 149
Зудар Петер 577
Зустуния (Юстиниана), генуэзец 681
Зыков А. 862
Зыков П. Л. 352, 367

Иаков Святослав, деспот болгарский 359
Ивак (Ибак), хан тюменский 830, 838, 855—858, 925
Ивакин Г. Ю. 118, 346
Иван, автор миниатюр Сийского евангелия 739
Иван, князь друцкий 246
Иван, князь зубцовский 451
Иван, князь ржевский 230
Иван, мастер, ювелир 764
Иван, сын Дермы Ярцева, иконописец 760
Иван Александрович, великий князь смоленский 178—180, 322
Иван Александрович, князь звенигородский 423
Иван Андреевич, князь можайский 418, 421, 422, 425, 452, 453, 499, 559, 580
Иван Андреевич Колычев Лобан, окольничий 878
Иван Борисович, князь кашинской и кснятинский 446—448
Иван Борисович, князь суздальско-нижегородский 410, 431
Иван III Васильевич, великий князь всея Руси 8, 11, 13—16, 25, 35, 38, 39, 43, 47, 52, 55, 90, 95, 103, 336, 338, 339, 342, 343, 374, 423, 427, 439, 452, 456, 457, 461, 464, 465, 467, 468, 472, 476, 488, 489, 491, 497, 499, 500, 502, 504—507, 534—538, 540, 542, 547, 551, 553, 559, 580—604, 626—628, 630—633, 639, 643, 709, 756, 764, 766, 825, 826, 829—833, 843, 844, 846, 848—849, 855—858, 862, 863, 870, 873, 878, 879, 885, 890, 921, 922, 924—927
Иван Васильевич, великий князь рязанский 168, 465—468, 597, 879
Иван Васильевич, князь вяземский 177, 324
Иван Васильевич, князь нижегородский 410
Иван IV Васильевич Грозный, царь 103, 469, 702, 760, 802
Иван Васильевич Стрига Оболенский, князь, воевода 438
Иван Владимирович, князь-наместник новгородский 488, 558
Иван Владимирович, князь пронский 334, 460—462
Иван Владимирович, князь серпуховской 11
Иван Всеволодич, князь холмский, псковский 296, 448, 512
Иван Данилович, князь нижегородский 401
Иван Данилович Калита, князь московский, великий князь владимирский 9, 37, 38, 42, 91, 101, 118, 180, 200, 212, 213, 215, 224, 226—228, 243, 246, 262, 263, 288, 296, 301—307, 322, 341, 354, 355, 362, 363, 391, 393, 433, 700—704, 734
Иван Дмитриевич Всеволож, боярин московский 416, 417, 450
Иван Дмитриевич, князь переяславский 210, 238
Иван Дмитриевич, князь чернятинский 448
Иван Иванович, великий князь рязанский 163, 169, 468, 580, 588, 879, 925
Иван Иванович, князь ростово-борисоглебский 439, 440
Иван Иванович, князь старицкий 452
Иван Иванович Коротопол, князь рязанский 172
Иван Иванович Красный, великий князь московский и владимирский 227, 256, 266, 324, 309, 324, 343
Иван Иванович Малый, князь звенигородский 229, 302

Иван Иванович Молодой, сын и соправитель Ивана III Васильевича 456, 457, 465, 506, 508, 547, 589, 601
Иван Иванович Ряполовский, князь, боярин, воевода московский 580
Иван Кумганец, боярин новоторжский 450
Иван Михайлович, великий князь тверской 10, 25, 446—451, 485, 619, 651, 671, 708
Иван Санин, в иночестве Иосиф Волоцкий 32, 545, 547, 548, 623, 632, 636—640, 642—644, 929, 930
Иван Федорович, великий князь рязанский 163, 334, 339, 340, 414, 424, 461—463
Иван Федорович, князь галичский, псковский 226, 227, 230, 285
Иван Федорович Толбуга, воевода 544
Иван Федорович Ушатый, князь ярославский 589, 590, 926
Иван Фомин, мастер, ювелир 766
Иван Ярославич, князь рязанский 171, 172, 920
Иван Ярославич, князь юрьевский 224
Иванов С. А. 640
Иванча Белый, толмач 878
Ивина Л. И. 638
Ивлиев А. Л. 908
Иволт, рижский купец 526
Ивченков В. Л. 545, 546
Игнатий, епископ ростовский 223, 698
Игнатий Семенович Жеребцов, воевода 461
Игнатий Смольнянин, инок 614
Игорь Рюрикович, князь киевский 66
Игорь Святославич, князь новгород-северский, черниговский 66, 317
Иев Головачев, десятильник устюжский 443
Изосима, бывший монах, принявший ислам 381
Изяслав, князь полоцкий 250, 251
Изяслав Мстиславич, князь владимиро-волынский, переяславский, киевский 40, 677
Изюмова С. А. 351
Ильин М. А. 232, 745, 748
Ильина О. А. 24
Ильина Т. В. 735, 737, 738, 760
Илья Борисович, боярин ростовский 433, 437
Илья Иванович Лыков, воевода 463
Илья Степанович, сын Степана Брадатого 435
Инал, нойон киргизский 908
Индиаву, князь аланский 868
Индрик (Генрих) IV Пробус, князь силезский, князь польский 155, 159
Иннокентий III, папа римский 772
Иннокентий IV, папа римский 89, 149, 785, 786
Иннокентий VI, папа римский 575
Иоанн, экзарх Болгарский 670
Иоанн Глика, патриарх Константинопольский 362
Иоанн Зонара, канонист 360
Иоанн из Винтертура, швейцарский хронист 159, 160
Иоанн I, архиепископ рижский 249
Иоанн (Илия) II, архиепископ новгородский 676—678
Иоанн III, архиепископ новгородский 20, 287, 407, 498, 615, 616
Иоанн VI Кантакузин, император византийский 366
Иоанн VIII Палеолог, император византийский 409, 618, 621, 623, 672
Иоанн XXII, папа римский 158, 159
Иоанн XXIII, папа римский 486, 517
Иоанн XI, патриарх Константинопольский 358
Иоанн XIV, патриарх Константинопольский 364
Иоанн-Владимир Иоаннович, князь киевский 117
Иоаннисян О. М. 352, 367, 708
Иов, игумен Снетогорского монастыря 692
Иона, архиепископ новгородский 13, 38, 473, 582, 583, 627, 653, 667
Иона, епископ пермский 626
Иона, епископ рязанский 464, 620, 622
Иона, митрополит Московский и всея Руси 464, 485, 489, 580, 620, 621, 623—625, 628, 645, 667, 840, 841, 843
Иона Отенский, архиепископ новгородский 712, 931
Иоасаф (Оболенский), архиепископ ростовский 630, 631
Иосиф, иконописец 724
Иосиф, митрополит Киевский и всея Руси 356
Иосиф II, патриарх Константинопольский 619, 620, 672
Иосиф (Болгаринович), митрополит Киевский, Галицкий и всея Руси 633
Иосиф Волоцкий *см.* Иван Санин
Иродион, писец 737
Исаак (Исак) Борецкий, посадник новгородский 422, 476, 491
Исаевич Я. Д. 155, 156, 158
Исайя Гречин, живописец 727, 743
Исайя, патриарх Константинопольский 363
Исидор, митрополит Киевский и всея Руси 419, 420, 483, 528, 620—624, 626, 666
Исторчей, приближенный хана Узбека 391
Исункэ (Есунгу), сын Джочи-Хасара, племянник Чингисхана 912
Исхаков Д. М. 808, 834, 837—839, 843, 846, 852, 858, 931

Иштван V, король венгерский 156
Йакуб ибн, Ибрахим, еврейский путешественник 770
Йиржи из Подебрад, король чешский 503
Ишеев М. 882, 891

Кавгадый, полководец ордынский 226, 241, 242, 301, 388, 389
Казакова Н. А. 493, 496, 498, 505, 509, 518, 523, 525, 526, 529, 531, 537, 538, 541, 542, 618, 641, 642, 781, 931
Казанчий (Казащий), посол татарский 211
Казимир II, князь белзский, мазовецкий 486
Казимир III Великий, король польский 25, 324—327, 573—575
Казимир IV Ягеллончик, король польский и великий князь литовский 335, 472, 474, 487, 499, 500, 503, 505, 528, 534, 541, 551—553, 555—559, 563—565, 567—569, 597, 600, 601, 624—626, 628, 629, 633, 655, 832, 889
Казимир Каригайло, князь мстиславльский 269
Калман, сын венгерского короля Белы IV, «король Галиции» 142, 145
Каплаи Янош, бан 576, 577
Карабинов И. А. 725
Каракучук, глава посольства хана Ахмата 596
Карамзин Н. М. 8, 10, 14, 34—38, 41, 131, 133, 617, 839, 927, 932
Каргер М. К. 78, 346, 686
Карл I Роберт, король венгерский 157, 158, 324, 325, 573, 574
Карл II Малый, король венгерский 577
Карл III, король неаполитанский 577
Карл IV, король чешский и германский император 321, 327, 575
Карп, дьякон, стригольник 642
Карп Федорович Коробьин, боярин тверской 20, 453
Касачик, монгольский переписчик 254
Касим Трегуб, хан касимовский 595, 840, 842, 884, 889, 890
Каштанов С. М. 436, 617, 630, 639, 849, 932
Кейстут, великий князь литовский, князь трокский 293, 295, 306, 321, 323, 324, 326, 331, 333, 574, 575
Кербет, наместник дмитровский 188
Керим-Берди (Бердей), сын хана Тохтамыша, хан ордынский 448, 883
Кинан Э. (*Keenan E. L.*) 53, 836
Киндяк, посол ордынский 162, 172, 243
Киприан, митрополит Киевский и всея Руси 20, 35, 268, 304, 338, 374, 394, 403, 407, 409, 443, 444, 609, 611—618, 628, 638, 644, 654, 657, 660, 669, 679, 680, 751, 928
Кирей Кривой, татарин 582, 583
Кирилко В. П. 707
Кирилл, епископ ростовский 204, 205
Кирилл, печатник Даниила Романовича 120, 356
Кирилл II, митрополит Киевский и всея Руси 148, 197, 235, 356, 358—360, 362, 380, 386, 394, 395
Кирилл Белозерский, игумен 410, 629, 636, 640, 667, 668, 759
Кирилл Тверской, адресат Епифания Премудрого 663
Кириллин В. М. 394, 644, 666
Кирпичников А. Н. 22, 184, 186, 690, 695
Киселев С. В. 912
Кишилов Н. 728, 729
Клапсте Я. 26
Клейненберг И. Э. 470, 477, 492, 495, 496, 783
Клец, прусс 775
Клибанов А. И. 643
Климент, архиепископ новгородский 364, 371, 689, 721, 722, 743
Климент, новгородец 318
Климент V, папа римский 249
Клосс Б. М. 313, 392, 393, 611, 630, 635, 668, 700, 863
Клюг Э. 55, 232, 234, 446, 452, 453, 456, 490, 699, 932
Ключевский В. О. 18, 51, 91, 93—96, 98, 305, 386, 922, 932
Клянин Г. В. 167
Кляшторный С. Г. 804, 835, 911
Коваль В. Ю. 352, 605, 606, 880
Козин С. А. 791, 807, 908, 929
Кокен тор, Херман, житель Нарвы 496
Кокос (Гёкгёз, Ходжа Кокос), финансист из Кафы 877, 878
Коллманн Н. Ш. (*Kollmann N. S.*) 53
Колобанов В. А. 395
Колобов В. М. 545
Колосов В. И. 231
Колосова И. О. 48, 689
Колпакова Г. С. 752
Колчин Б. А. 350, 721, 931
Комаров К. И. 23
Комарович В. Л. 371
Комеч А. И. 697
Коновалов П. Б. 914
Коноволова О. Ф. 666
Конрад I, князь мазовецкий 119, 143, 148, 596, 773

Конрад II, князь черско-мазовецкий 152, 153, 155
Константин I Великий, император римский 680, 645, 693
Константин XI Палеолог, император византийский 623
Константин Безрукий, князь полоцкий 247, 248, 396
Константин Борисович, князь ростовский 206—209, 211, 213, 214, 216, 229
Константин Васильевич, князь нижегородский, суздальский 213, 256, 267, 306, 308, 440, 672
Константин Васильевич, князь ростовский 212, 214—216, 224, 267, 308, 427, 429, 432
Константин Всеволодич, князь ростовский 73, 202—208, 210, 212, 214, 216, 427, 432, 435, 585
Константин Давыдович, князь смоленский 179
Константин Дмитриевич, князь угличский 410—413, 516, 517, 678
Константин Иванович, князь белозерский 269
Константин Иванович Острожский, князь 557, 591, 926
Константин Константинович Левашов, боярин тверской 20
Константин Михайлович, князь тверской 10, 20, 242—244
Константин Романович, князь рязанский 171, 298
Константин Ярославич, князь галичско-дмитровский 228, 230
Константинова Н. Н. 912
Констанция, дочь венгерского короля Белы IV 148, 157
Контарини Амброджио, дипломат венецианский 596, 822, 823, 826, 827
Конча, посол ордынский 211
Кончака, великая княгиня, жена Юрия Даниловича 241, 242, 301, 389
Конявская Е. Л. 75, 235, 245, 247, 377, 385, 388, 396—398, 444, 447, 450, 455, 614, 634, 653, 664, 679, 699, 709, 929, 932
Копман Йохан, купец ревельский 527
Корзухина Г. Ф. 741
Кориадовичи (Кориатовичи), литовская княжеская династия 327, 329, 578
Коригайло (Казимир) Ольгердович, князь мстиславский 269
Корина О. А. 726
Коринный Н. Н. 117
Корнелий Тацит (Tacitus), Публий, римский историк 769
Корнилий, архимандрит тверской 671
Корогодина М. В. 371, 396, 627, 929
Корьяд (Кориад) Гедиминович, князь новогрудский и волковысский 219, 306
Кос А. И. 699
Косточкин В. В. 698, 748
Костюхина Л. М. 761
Котляр Н. Ф. 139, 141, 929
Котян, хан половецкий 378
Кочанова М. Д. 28
Кошка Федор Андреевич, боярин 761, 765
Крадин Н. Н. 913, 931
Красноречьев Л. Е. 694
Кренке Н. А. 28, 30, 345, 350, 353, 609, 932
Кривцов, зодчий 717
Кристин, принцесса норвежская 273
Кристофер Баварский, король датский, шведский норвежский 496
Кром М. М. 49, 334, 477, 538, 543, 553, 557, 559, 560 562
Круглова Т. В. 289, 294
Крупник И. И. 916, 931
Крупнов Е. И. 900, 932
Ксения (Мария), великая княгиня, жена Ярослава Ярославича 11, 196, 197, 236, 354, 699
Кузнецов А. А. 114
Кузьменко С. В. 607
Кузьмин А. В. 245, 396, 616, 787, 880, 882, 930
Кузьмина Н. Н. 696
Кулаков В. И. 769
Кулакова Г. М. 347, 691
Кулешов Вяч. С. 263
Кулькан (Кульхан), военачальник монгольский 61, 67
Купчинський О. 156, 158, 160, 777
Курат А. Н. (Kurat A. N.) 868
Куремса, полководец монгольский 116, 149, 150, 160 380
Курицын Федор Васильевич, дипломат, писатель 681 682
Курлун, лидер восстания кыргызов 909
Кутлукортка, хан ордынский 210
Кутузовы, бояре 686
Кучера М. П. 700
Кучкин В. А. 9, 19, 49, 73, 81, 92, 106, 131, 164, 180 201, 208, 211, 219, 224, 226, 227, 229, 230, 232, 233 237, 238, 240, 241, 244, 247, 256, 263, 266—268, 273 285, 300, 302, 312, 317, 323, 324, 333, 338, 362, 374 379, 380, 382—385, 387—389, 392—394, 396, 402 411, 442, 444, 446, 449, 457, 472, 612, 615, 634, 635 657, 663, 673, 798, 835, 836, 881, 929, 932

Кучук-Мухаммед (Кезимахумет, Кичим-Агнеть, Кичи-Мухаммед, Махметь), хан 599, 600, 823, 826—828, 838, 874, 882, 886
Кызласов Л. Р. 910, 911, 931
Кырыми Абдулгаффар, крымский поэт, ученый 798, 799, 802, 827, 838
Кюкюллеи Янош, хронист 574

Лабутина В. В. 689
Лабутина И. К. 23, 278, 347, 691, 698
Лаврентий, архимандрит юрьевский 692
Лаврентьев Андрей, иконописец 760
Лаврентьев А. В. 710
Ладыженский И. М. 332, 481
Лазарев В. Н. 720, 722, 723, 730—732, 734, 741, 746, 749—756, 758, 760, 761, 932
Лазута, новгородец 696
Лайош (Людовик) I Великий, король венгерский 332, 325, 326, 331, 332, 574—576
Лаппо-Данилевский А С. 777
Лапшин В. А. 239, 445
Ларион Дойникович, посадник псковский 515
Ласло Кан, магнат венгерский 157
Ласло IV Кун, король венгерский 156
Лаурина В. К. 755, 932
Лебедева Е. Ю. 32, 370
Лев Данилович, князь галичский 123, 125, 140, 148, 151—158, 252, 372, 777
Лев Юрьевич, князь галичский 157, 158, 324
Лековний, предводитель литовского войска 146
Лелеков Л. А. 707
Лелецкий В. В. 318
Лемерсье-Келькеже Ш. 875
Леонов А. И. 748
Леонтий, епископ ростовский, святой 629, 706, 760
Леонтий, игумен Успенского Стромынского монастыря 635
Леонтий Тимофеевич, посадник псковский 540
Леонтьев А. Е. 23, 29, 348, 708
Лепко И. В. 507
Лесман Ю. М. 371
Лесников М. П. 495, 777
Лешек Черный, князь польский 153, 155
Лимачав, правительница Алании 894, 895
Линд Дж. Х. (*Lind J. H.*) 265, 272, 273, 331
Лифшиц Л. И. 722, 729, 749
Лихачев Д. С. 379, 659
Лихачев Н. П. 10, 23, 622
Лихачева Л. Д. 727
Лихорев Д., посол московский 832
Ліцкевіч А. 320
Лобакова И. А. 379
Ловмяньский Х. (*Łowmiański H.*) 56, 315, 327, 560, 770
Ломоносов М. В. 46
Лопарев Х. М. 396, 653
Лосева О. В. 482, 483, 676, 677, 929
Лука, дьякон, миниатюрист 760
Лука Варфоломеевич, боярин новгородский 257, 693, 707
Лукиан, ювелир 765
Лукин П. В. 48, 256, 257, 259, 261—263, 265—267, 275, 276, 280, 449, 469—471, 473—475, 478, 479, 481, 483, 494, 509, 510, 533, 932
Лурье В. М. 505
Лурье Я. С. 47, 48, 232, 456, 491, 499, 500, 503, 505, 508, 601, 618, 620, 622, 623, 632, 637, 641—644, 656, 676, 681, 932
Лю Хао-ли, наместник областей Саяно-Алтая 910
Любавский М. К. 323, 554, 565
Любарт Гедиминович, князь литовский, луцкий, владимирский 159, 160, 213, 325, 326, 328, 329, 332, 573, 575, 576
Людат Г. (*Ludat H.*) 50
Лютенберг Отто, фон, магистр ливонский 787
Ляйссен Энгельберт, фон, фогт нарвский 522
Ляскоронский В. 117

Мавродин В. В. 117
Магнус II Эрикссон (Магнуш), король шведский 270, 272, 273, 498
Магомет Амин, хан казанский 690, 838, 840, 848, 850, 851, 857, 858, 886, 890
Маджеска Дж. (*Majeska G. P.*) 628
Мазовша, царевич Большой Орды 423
Мазуров А. Б. 27, 349, 365, 612, 704, 885, 933
Майко В. В. 707
Майоров А. В. 144, 148, 383, 932
Макарий, патриарх Константинопольский 612
Макарий (*Булгаков*), *митрополит* 643, 932
Макарий (*Веретенников*), *архимандрит* 643
Макарий I (Черт), митрополит Киевский, Галицкий и всея Руси 633
Макаров Г. М. 849
Макаров Н. А. (*Makarov N.*) 22, 27—29, 32, 34, 345, 347, 348, 369, 606, 931, 932
Макарова Т. И. 345, 352, 741, 932
Максим, митрополит Киевский и всея Руси 118, 126, 156, 209, 238, 240, 264, 268, 359, 361, 392, 733
Максимов П. Н. 689, 701, 745, 748

Максимовић Ј. 745
Малевская М. В. 685, 686, 688
Малиновский А. Ф. 879
Малков Г. 751
Малов Н. М. 24
Малыгин П. Д. 23, 346, 354, 469, 699
Мамаев Х. Г. 903
Мамай, темник ордынский 91, 94, 109, 128, 134, 174, 175, 310—314, 332, 457, 612, 635, 657, 658, 660, 661, 680, 799—802, 809, 815, 820, 821, 881
Мамай б. Муса, мирза нагайский 855, 857
Мамак, князь ширинский 877, 890
Мамутек (Махмутек, Махмудек, Махмуд), хан казанский 424, 838—841, 843, 870
Мангольд Штернберг, фон, магистр прусский 775
Манігда О. В. 27
Маннай-оол М. Х. 931
Манохин А. А. 643
Мансур, беклярбек Большой Орды 802, 827, 828, 838, 853
Мануил I, император византийский 377
Мануил II Комнин, император трапезундский 721
Мануил II Палеолог, император византийский 409, 428, 618
Манусаджянас Т. 500
Манман, воевода монгольский 144, 145
Марасинова Л. М. 277, 289, 295, 332
Маргарета, королева датская 497
Марджани, богослов, просветитель 835, 841, 854, 873
Марина, в иночестве Мария, мать Иосифа Волоцкого 547
Мария, мангупская княжна 878
Мария I, королева венгерская, дочь Лайоша I Великого 326, 577
Мария Александровна, третья жена Симеона Гордого 307, 308, 318, 763
Мария Борисовна, великая княгиня, первая жена Ивана III Васильевича 453, 764
Мария Васильевна, дочь Василия II Васильевича Темного 424
Мария Гедиминовна, великая княгиня, жена Дмитрия Михайловича Тверского 322
Мария Дмитриевна, княжна, дочь Дмитрия Шемяки 509
Мария Ивановна, княгиня ростовская, жена Константина Васильевича 213, 303
Мария Михайловна, княгиня ростовская, жена Василька Константиновича 204—206, 217, 383
Мария Юрьевна, княгиня черская, жена Тройдена 159, 324
Мария Ярославна, великая княгиня, жена Василия II Васильевича Темного 12, 15, 16, 421, 426, 427, 438, 439, 464, 585, 682, 925
Марко Поло, купец, путешественник 674, 896, 897, 900, 901
Мартин Дж. (*Martin J.*) 55—57, 116, 177
Мартин V, папа римский 486, 517, 619
Мартиниан Белозерский, игумен, святой 636
Мартынова М. В. 766
Мартышин О. В. 262, 265, 482
Марфа Борецкая, жена, затем вдова новгородского посадника Исака Борецкого 476, 583, 679
Масленицын С. И. 745, 746
Масленникова Н. Н. 282, 538, 542
Маслов Л. 787
Маслова С. А. 116
Масловский А. Н. 32
Маслюженко Д. Н. 860, 861, 863
Матузова В. И. 287, 314, 328, 330—333, 376, 926
Матяш (Матиас) I Корвин, король венгерский 503, 681
Махмуд б. Кучук-Мухаммед, хан Большой Орды 828, 838, 843, 870, 874
Мацуки Ейзо 364
Маяков Ю. Г. 751
Маясова И. А. 740, 763
Медичи, правители Флоренции 455
Мейендорф И. (*Meyendorff J.*) 55, 362, 612, 932
Мейнард, епископ Ливонии 779
Мелентий, писец 739
Мельник А. Г. 629, 635, 708, 731
Мельников И. В. 27
Менгли-Гирей (Менли-Гирей), хан крымский 488, 489, 541, 589, 602, 603, 823, 828—833, 841, 843, 844, 847, 857, 866—879, 885, 886, 890, 926
Менгу-Темир, хан Золотой Орды 91, 125, 152, 198, 205, 253, 255, 357, 358
Мефодий Патарский, христианский богослов 254, 378, 381, 681
Мехмед II, османский падишах 874, 875
Мехмед-Гирей, хан крымский 844, 874, 875
Мехмед Фатих, султан османский 828
Мешко I, князь польский 770
Микифор Манускинич, новгородец 264
Микула Андреев Смолит, новоторжец 17, 18
Милей, начальник в Бакоте 150
Миллер Г. Ф. 15, 46
Миллер Д. (*Miller D.*) 110, 638, 919
Мильков В. В. 378
Мильчик М. И. 31, 694, 696

Милютенко Н. И. 382
Миндовг, великий князь и король литовский 123, 149—151, 247—249, 252, 267, 319, 328
Мисаил, епископ смоленский 633
Мисюрь, холоп Витовта 582, 583
Митрофан, епископ владимирский 65, 68, 76, 356, 380
Митрофан, епископ сарайский 358
Митрофан, старец Симонова монастыря, мастер, иконописец 753
Михаил (Митяй), архимандрит, претендент на митрополию 380, 611—614, 932
Михаил II, епископ смоленский 614
Михаил VIII Палеолог, император византийский 358, 721
Михаил (в иночестве Матфей) Александрович, великий князь тверской 10, 18, 19, 23, 40, 91, 172, 180, 324, 404, 428, 440—446, 449, 450, 454, 544, 614, 651, 669—671, 700, 921
Михаил Александрович, боярин московский, наместник лопасненский 308
Михаил Андреевич Бренок, боярин 660
Михаил Андреевич, князь верейский и белозерский 93, 231, 343, 420, 589, 599, 600, 630, 649, 925
Михаил Андреевич, князь городецкий 300
Михаил Борисович, великий князь тверской 25, 456, 457, 588, 589, 597, 925
Михаил Васильевич, князь кашинский 443
Михаил Всеволодич, князь черниговский 18, 19, 52, 64, 74, 78, 90, 114, 116, 119, 120—122, 124, 125, 128, 139, 142, 143, 145, 148, 381—384, 387, 388, 651, 667, 920
Михаил Глебович, князь белозерский 206, 208, 214
Михаил Дмитриевич, князь холмский 457
Михаил Ермолич, князь пермский 863
Михаил Иванович, князь вяземский 177, 178
Михаил Иванович, князь стародубский 217
Михаил Клопский, святой-юродивый 20, 478, 640, 678, 679
Михаил Мишинич, посадник 688
Михаил Олелькович, князь литовский 499—501, 504, 558, 583, 642
Михаил Ростиславич, князь смоленский 177
Михаил Сигизмундович (Михайлушка), литовский князь 335, 552, 553, 889
Михаил Ярославич, князь тверской, великий князь владимирский 9, 19, 44, 92, 180, 192, 199, 200, 211, 212, 226, 233, 236—242, 245, 257, 263, 284—286, 299—301, 304, 354, 361, 362, 372, 387, 388, 441, 699, 700, 725, 896, 920, 923, 932
Михаил Ярославич, сын Ярослава Всеволодича 192
Михайловский Б. В. 327, 749
Михаэль Бехайм, поэт 682
Миша, новгородец (Михалка Степанович?) 185
Мнева Н. Е. 720
Мишиничи-Онцифоровичи, новгородские бояре 21, 23, 185, 257
Могучей (Моуци), татарский предводитель 145, 147, 184
Могытыч И. Р. 686
Моисей, архиепископ новгородский 268, 366, 641, 694—696, 698, 723, 742, 744, 750
Моисей, игумен Успенского Колмова монастыря 737
Молчанов А. А. 185
Морозкина Е. Н. 932
Морозов Б. Н. 340
Морозов В. М. 862—864
Морозов Д. А. 879
Морозов Сергей Федорович, боярин 418, 635
Мосунов Ю. П. 355, 701
Мстислав Владимирович Великий, князь киевский 378, 783
Мстислав Глебович, князь рыльский 74, 129
Мстислав Давыдович, князь смоленский 176, 177, 179
Мстислав Данилович, князь луцкий 151, 153—155, 687
Мстислав Михайлович, князь карачаевский 124, 128, 152
Мстислав Мстиславич Удатный, князь трепольский, торопецкий, новгородский, галичский, торческий 216, 378
Мстислав Романович, князь смоленский, киевский 62, 183
Мстислав Юрьевич, сын князя Юрия Всеволодича 68, 380
Мстиславичи, ветвь Рюриковичей 783
Мункэ (Менгу), хан монгольский 54, 62, 170, 193—195, 254, 786, 794, 795, 909
Муртаза, царевич 825, 831, 885, 890
Муса, мурза ногайский 587, 855—857
Мусин А. Е. 29, 286, 325, 364, 475, 511, 616, 643
Мустафа Али Гелиболулу, османский историк и поэт 871
Мустафин Х. Х. 33, 34
Мухамед-Булак, хан 442, 799, 800
Мухаммед-Эмин (Муххамад-Амин, Магмед-Амин), хан казанский 838, 840, 841, 845—850, 856, 857, 870, 886, 890
Мюрид, хан 215
Мышкин, зодчий 710, 717

Навохудоносор, библ. 680
Назаренко А. В. 357, 769—771
Назарий, подвойский новгородский 506
Назаров В. Д. 339, 489, 601, 602, 630, 829
Назарова Е. Л. 785—787, 932
Накадзава А. 49, 498
Нанзатов Б. З. 913
Наримонт (Глеб) Гедиминович, князь литовский 253, 266, 268, 269, 292, 293, 322
Нарожная Ф. Б. 895, 902, 904
Нарожный Е. И. 892—903, 940
Насонов А. Н. 14, 15, 47, 65, 66, 90, 131, 150, 170, 193, 207, 229, 253—255, 257, 277—279, 376, 379, 653, 655—657, 929, 932
Натытник А. А. 30
Наумбург, Фольквин фон, магистр Ордена меченосцев 779
Науменко В. Е. 355
Наумов А. Н. 313
Наумов Е. П. 527, 615
Науруз (Навруз), хан 214, 228, 827, 828
Недашковский Л. Ф. 24, 818
Нездилец, рижский купец 290
Некомат, сурожанин 444
Некрасов А. И. 748
Некрасов А. М. 866, 870, 872, 874—876
Некуда В. 26
Несин М. А. 262
Нестер, дьякон, писец 762
Нестерова М. Е. 708
Нестор Искандер, писатель 681
Нибур, Йохан, бургомистр любекский 492
Никандров А. Ю. 27, 885
Никифор Григора, византийский историк 330
Никифор Комнин Дука, деспот эпирский 721
Никитский А. И. 46, 643
Никишин Н. А. 30
Николаев В. С. 907, 912
Николаева Т. В. 435, 719, 740—742, 745—747, 757, 764—766, 932
Николай, сын Обичка, посол венгерский 144, 145
Николай I, император российский 17
Никон Радонежский, игумен Троицкого монастыря 447, 448, 635, 668, 765
Никон, патриарх Московский 14
Нил, патриарх Константинопольский 403, 612, 614, 642
Нил Сорский, основатель Ниловой Сорский пустыни, святой 636, 637, 640
Нифонт, епископ суздальский 632
Нифонт, митрополит Галицкий 361
Нифонт, патриарх Константинопольский 362
Ногай, беклярбек ордынский 89, 90, 117, 130—132 134—138, 152—154, 160, 179, 198, 199, 209, 210 217, 223, 226, 237, 238, 298, 361, 796, 797, 857
Ноздреватый Василий Иванович, окольничий, воевода 831, 877, 890
Нурдевлет, хан крымский 829, 872—874, 878
Нурсултан (Нур-Султан), жена Менгли-Гирея 602 841, 843, 845, 847, 870, 886

Оболенские, князья 50, 129, 586, 630
Оболенский Д. Д. (*Obolensky D.*) 50
Овинова Анастасия (Настасья), мастерица 764
Овсянников О. В. 30, 690
Овчинников А. Н. 725, 728, 729
Одесский М. П. 682
Оздемир, государственный деятель Османской империи 872
Олебек-дигин, нойон киргизский 908
Олег Иванович, великий князь рязанский 25, 42 163, 165, 172—175, 181, 308, 312, 314, 374, 457, 458 460, 461, 635
Олег Ингваревич, великий князь рязанский 170
Олег Мстиславич, князь рыльский и воргольский 130, 133—138
Олег Романович, князь брянский 125
Олейников О. М. 350, 369
Олекса Морткинич, новгородец 264
Оллсен Т. (*Allsen T. T.*) 54, 115, 150, 254
Олсуфьев Ю. А. 747, 766
Ольгерд Гедиминович, великий князь литовский 45 118, 127, 173, 177, 180, 181, 219, 227, 251, 266, 268 269, 293, 295, 305—307, 310, 321—324, 327—333 335, 336, 366, 367, 403, 440—444, 488, 499, 544, 551 556, 576, 798, 800
Ольговичи, княжеский род 66, 117, 118
Онцифор Жабин, новгородец 693, 698
Онцифор Лукинич, посадник новгородский 257
Орда, хан 61
Орешников А. В 41, 747
Орехов А. А. 915—917
Осей, протопоп коломенский 628
Осей, староста псковских купцов 610
Осипов Д. О. 370, 623
Ослябя Андрей, боярин любутский, инок-воин 635 660
Османов А. И. 932
Остапчук О. А. 783
Остафий, наместник псковский 294, 295

Остафий Дворянинец, посадник новгородский 266, 268
Островский Д. (*Ostrowski D.*) 54
Откович З. 725
Оустерхаут Р. 31
Охотина-Линд (*Охотина*) *Н. А.* 356, 498
Охотникова В. И. 284, 289, 387, 637, 932

Павел Обнорский, игумен, святой 639
Павел Петрилович, новгородец 693
Павлов А. С. 622, 678
Павлов П. Н. 94, 95, 98, 115
Паисий (Ярославов), игумен троицкий 601, 630
Палкина Д. Ю. 705
Пам, волхв 664
Панова Т. Д. 31, 346, 365, 607
Панченко А. А. 31
Панченко К. И. 609, 610
Пареджан, царевич аланский 894
Парфений, архимандрит Тверского Феодоровского монастыря 449
Парфений, священноинок 671
Пасецкий В. М. 350
Паскаль П. (*Pascal P.*) 50
Патрикеев Иван Юрьевич, князь, московский наместник 441
Патрикей Наримонтович, князь литовский 269, 545
Пафнутий Боровский, игумен, святой 623, 636
Пахомий Серб (Лагофет), агиограф 626, 666—669, 677
Пашедах Отто, рыцарь 290
Пашкевич Х. (*Paszkiewicz H.*) 54, 424
Пашуто В. Т. 141, 151, 317, 318, 320, 778, 932
Пелгусий-Филипп, старейшина Ижорской земли 183, 184, 385
Пеленский Я. (*Pelenski J.*) 54, 327, 686
Пересвет Александр, боярин брянский, инок-воин 635, 660
Пересветов Иван, публицист 682
Пернштейн Фридрих, фон, рижский архиепископ 249
Пескова А. А. 342, 741
Петр, архиепископ белгородский (?) 357
Петр, митрополит Киевский и всея Руси 19, 126, 214, 240, 300, 320, 359, 361—364, 392—394, 628, 629, 661, 667, 700, 701
Петр, сын Петене, магистр венгерский 157, 158
Петр, царевич ордынский 207, 879
Петр Дмитриевич, князь дмитровский, угличский 99, 401, 409—411, 413, 431, 515
Петр из Дусбурга, хронист Тевтонского ордена 287, 316, 320, 770, 775
Петр Константинович Добрынский, боярин 435
Петр Муромский, святой 222
Петр Федорович Ушатый, князь ярославский 589, 590, 864, 926
Петров А. В. 477
Петров А. Е. 680
Петров Д. А. 31
Петров М. И. 475
Петрова Н. А. 294
Петрухин В. Я. 643
Петрушевский И. П. 61
Петухов Е. В. 395
Печников М. В. 360, 394, 641, 643
Пилипенко С. А. 24
Пий II, папа римский 624
Пимен, инок Киево-Печерского монастыря 670
Пимен, митрополит Киевский и всея Руси 402, 403, 612—615
Пимен, проповедник, святой 900
Пиотух Н. В. 27
Питирим, епископ пермский 862
Плано Карпини (Иоанн де Плано Карпини), посол папы римского 22, 75, 77, 89, 96, 97, 105, 115—117, 145, 148, 149, 394, 785, 794, 894, 913, 929
Пласкына, воевода 378
Платонова Н. И. 27
Плеттенберг Вольтер, фон, ливонский магистр 537
Плигузов А. И. 356, 625, 638, 644, 864, 930
Плохий С. (*Plokhy S.*) 54, 57
Подскальски Г. 699
Подъяпольский С. С. 30
Пожарские, князья 607
Покровский А. А. 41
Покровский Ф. И. 370
Покрышкин П. П. 354
Полознев Д. Ф. 360
Полехов С. В. 80, 262, 267, 295, 330, 332, 335, 449, 486—488, 494, 501, 515, 516, 527, 534, 552—554, 563, 621, 633, 652, 932
Полубояринова М. Д. 24, 741
Померанцев Н. Н. 748
Пономарев А. Л. 24, 866
Поп И. 579
Попов А. Н. 622, 626
Попов Г. В. 455, 726, 734, 740, 756, 763
Попова О. С. 734, 735, 737, 738
Поппэ А. 699
Порфиридов Н. Г. 719, 726

Постникова Т. М. 30
Почекаев Р. Ю. 357, 814
Преображенский А. С. 738, 733
Пресняков А. Е. 41—44, 232, 236, 300, 417, 932
Пржемысл (Пшемысл) II Оттокар, король чешский 149, 157, 773, 776
Приимковы, ростовский княжеский род 434
Приселков М. Д. 35, 47, 179, 180, 218, 322, 342, 353, 450, 617, 634, 843
Прокофьев Н. И. 622, 640
Прокша (Прокоша), писец 739
Протасий, тысяцкий 19, 353, 393
Прохор с Городца, живописец 752
Прохор, епископ ростовский 240, 393, 700
Прохоров Г. М. 66, 611, 614, 643, 662, 665
Прямошкин Павел (Pauwel Pirmoszken), пскович 526, 527, 545
Пуришев Б. И. 749
Пусянь Ваньну, военачальник 901
Пуцко В. Г. 719, 720, 724—727, 729, 730, 732, 733, 736, 738, 741, 742, 746—749, 757, 758, 760, 765, 766
Пфайльсдорф фон, Николаус, рыцарь прусский 775
Пфайльсдорф фон, Хуго, рыцарь прусский 775
Пшемыслав (Пшемысл) II, князь польский 157
Пясты, польский княжеский род 45, 155, 156, 326, 329, 576
Пятницкий Ю. А. 732, 741

Рабинович М. Г. 545, 605
Ралевы (Мануил и Дмитрий) 598
Ранке Л. фон (*Ranke L. von*) 50
Раппопорт П. А. 30, 685, 687, 689, 932
Ратмир, дружинник Александра Невского 186
Рафаил, патриарх Константинопольский 629
Рашид-ад-дин Фазлуллах ибн Абу-ль-Хайр Али Хамадани, государственный деятель, ученый 22, 61, 62, 67, 69, 73, 792, 795, 807, 813, 895, 905, 908, 909, 930
Реммал-ходжа Нидаи, придворный крымского хана 870
Репников Н. 752
Реформатская М. А. 729, 755
Решетова И. К. 370
Рихенталь Ульрих (*Richental U. von*), хронист 619, 620, 623
Рихтенберг Генрих, фон, верховный магистр Тевтонского ордена 504
Рихтер Ф. Ф. 701
Рогачевский А. Л. 775, 932
Рогерий, магистр венгерский, автор «Горестной песни» 63, 75, 77, 142
Родникова И. С. 728
Родион Кожух, дьяк 673
Родион Нестерович, боярин 544
Рождественская Т. В. 237, 239, 722
Рожко М. Ф. 685
Розгони Шимон, судья 578
Розенфельдт Р. Л. 545, 605
Розов В. 326
Розов Н. Н. 738
Розанова Л. С. 351, 610
Роман, князь литовский 269
Роман, князь переяславский 463
Роман, митрополит Литовский 245, 324, 367
Роман Болдыжевич, новгородец 264
Роман Владимирович, князь угличский 206
Роман Глебович, князь смоленский 127, 178, 180
Роман Данилович, князь луцкий, новогрудский 149 150, 252, 319, 320, 328, 330
Роман Ингваревич, князь рязанский 67
Роман Михайлович, князь белозерский 209
Роман Михайлович «Младший», князь брянский 124 125, 181, 460
Роман Мстиславич, князь новгородский, владими ро-волынский и галичский 124, 139, 146, 153, 158 176, 317, 670
Роман Ольгович, великий князь рязанский 170, 171 920
Роман Ростиславич, князь смоленский 183
Роман Семенович, князь новосильский 128
Романенко Е. В. 636, 637, 639
Романов К. К. 701
Романова Г. Я. 530
Романова Е. Н. 914, 933
Романец, ордынец 389
Ромашкевич Т. А. 752
Ростислав Михайлович, князь черниговский, луц кий 74, 119—124, 142—146, 148
Ростислав Мстиславич, князь смоленский, киевски 176
Ростиславичи, ветвь Рюриковичей 177, 178, 181 205, 787
Рублев Андрей, иконописец 55, 617, 706, 752, 753 757, 758, 760—762
Рубцов М. В. 672
Рудаков В. Н. 381, 396
Руденко С. И. 915
Рузаева Е. И. 748
Русдорф Пауль, фон, великий магистр Тевтонског ордена 80, 462, 527
Русина О. В. 117—119, 322, 323, 554, 556, 658, 680

Русудан, правительница Грузии 892
Руффо Марко, зодчий 598
Рыбаков Б. А. 720, 746, 919, 929
Рыбина Е. А. 275, 494, 932
Рыдзевская Е. А. 271
Рындина А. В. 455, 720, 734, 740—742, 746, 747, 756
Рюрик, князь киевский 40, 66, 205
Рюрик Ростиславич, князь смоленский, киевский 66
Рюриковичи, княжеский род 7, 25, 40, 52, 91, 93, 94, 105, 114, 125—127, 139, 142, 144, 145, 150, 159, 222, 234, 247, 248, 253, 264, 294, 307, 308, 325, 329, 333, 381, 393, 402, 487, 500, 557—559, 569, 573, 581, 879, 883, 924
Рюсс Х. (*Rüß H.*) 53
Рязановский Н. (*Riasanovsky N.*) 50

Сабанчий, татарский посол 211
Савва, дружинник Александра Невского 185
Савва Вишерский, основатель монастыря, святой 667, 668
Савва Крыпецкий, основатель монастыря, святой 637
Савватий Соловецкий, святой 629, 636, 638, 679
Савельев Н. И. 369, 370
Сагановіч Г. 245, 249, 320
Саид-Ахмед (Саид-Ахмат, Седихмат, Сиди-Ахметь), царевич 828, 867, 869
Салимов А. М. 31, 689
Салихов Р. Р. 891
Салмина Е. В. 369
Самойлович Н. Г. 23
Санкина С. О. 32
Санин Г. А. 876
Саня, родоначальник Саниных 545
Сарабьянов В. Д. 722, 734, 752
Сарафанова Н. А. 23
Сарачева Т. Г. 352
Саргсян Т. Э. 870
Сарыхожа, посол ханский 442
Сафарова И. А. 233, 235, 236, 349, 352, 724
Сахиб-Гирей, сын крымского хана Менгли, основатель Бахчисарая 834, 840, 851, 866, 870, 876
Свянціцька В. І. 740
Свидригайло Ольгердович, великий князь литовский 80—82, 88, 127, 354, 434, 470, 504, 505, 514, 516, 533, 545, 563, 568—571, 574, 576, 579, 584, 633, 634
Свирин А. Н. 735, 763
Святослав, князь липовичский 130, 132—138
Святослав Всеволодич, князь владимирский 40, 72, 191—193, 204, 223
Святослав Глебович, князь брянский 126, 127, 177, 178
Святослав Иванович, князь смоленский 177, 179—181, 299, 324, 331, 334
Святослав Мстиславич, князь смоленский 176
Святослав Ольгович, князь новгород-северский 40, 166
Святослав Ярославич, князь тверской 197, 198, 234, 236, 297, 298, 787
Святослав Ярославич, князь черниговский, киевский 42, 44
Седов В. В. 26, 176
Седов Вл. В. 31, 688, 689, 697, 932
Седова М. В. 345, 741
Сейтягьяев Н. С. 872
Селарт А. (*Selart A.*) 33, 55, 245, 255, 270, 271, 280, 290, 292, 357, 496, 933
Селезнев Ю. В. 261
Селим Явуз, султан Османской империи 877
Селин А. А. 27
Семен Владимирович, князь боровский и серпуховской 101, 102, 410
Семен Даниилович, княжич, сын Даниила Александровича 299
Семен Дмитриевич, князь нижегородский 406
Семен Иванович Бельский, князь литовский 559
Семен Иванович Ряполовский, князь, боярин, воевода 580, 589
Семен Константинович, князь клинский 441
Семен-Лугвень Ольгердович, князь литовский 252, 269, 332, 485—487, 498
Семен (Симеон) Михайлович, князь глуховский и новосильский 124, 220
Семен Мстиславич, князь вяземский 178
Семен Парушков, священник, заказчик книги 738
Семен Федорович Курбский, воевода 590, 864, 926
Семен Черный, живописец 752
Семен Яковлич, боярин Василия II Васильевича Темного 107
Семенов А. С. 33
Семовит I, князь мазовецкий 148, 317
Серапион Владимирский, архимандрит печерский, епископ владимирский, проповедник 359, 360, 394—396
Сергеева Г. А. 932
Сергеева О. В. 24
Сергий, архиепископ новгородский 631

Сергий Валаамский, основатель монастыря, святой 638
Сергий Нуромский, основатель монастыря, святой 636
Сергий Радонежский, игумен, святой 19, 35, 55, 212, 332, 365, 433, 459, 611, 613, 629, 634—636, 658, 660, 662—668, 707, 724, 752, 760, 763
Серебрянский Н. И. 116, 930
Сигизмунд (Жигмонд) Кейстутович, великий князь литовский 335, 452, 486, 487, 496, 529, 550, 552, 556, 558, 561, 563, 564, 567, 568, 577, 579, 621, 652
Сигизмунд (Жигмонт) Люксембург, император Священной Римской империи 577—579
Сигизмунд I Старый, великий князь литовский, король польский 541, 563, 569
Сидоренко Г. В. 746
Сильвестр Выдубицкий, летописец 654
Симеон (Семен) Иванович Гордый, князь московский, великий князь владимирский 109, 126, 128, 177, 200, 213, 219, 244, 256, 263, 266, 268, 302, 303, 323, 343, 365, 366, 544, 701, 739, 742, 763
Сильвестр Стодевешер, архиепископ рижский 535, 536
Симеон, архиепископ новгородский 637
Симеон, архипастырь Алании 897
Симеон, епископ владимирский, ростовский 209, 359, 361
Симеон, епископ переяславский (Переяславля Южного) 375
Симеон, епископ тверской 235, 245, 247, 354, 363, 364, 366, 396, 397, 653, 699
Симеон Суздалец, иеромонах 622, 626
Симон, монах Юрьева монастыря, заказчик книги 737
Симон (Чиж), митрополит Московский и всея Руси 632, 639, 640
Синицына Н. В. 623, 632
Ситдиков А. Г. 24, 707, 835
Сихарулидзе Ю. М. 893
Сквайрс Е. Р. 274, 449, 494, 534, 553, 633, 932
Скиргайло Ольгердович, князь литовский 177, 181, 295, 331, 332, 334
Скоманд (Скуманд), вождь ятвяжский 775
Скоманд Дитрих, землевладелец прусский 775
Скоманд Иоганн, землевладелец прусский 775
Скочиляс И. 156
Слитер Юнге, житель Ревеля 522
Сметанка З. 26
Смирнов А. Н. 29
Смирнов В. Д. 866, 868, 869, 871, 874, 875, 886
Смирнов П. П. 889
Смирнова Э. С. 726—728, 731—734, 754, 756, 761—763, 932
Соболев Н. 748
Соболева Н. А. 24
Соков П. В. 892, 902, 903
Соколов П. П. 376, 932
Соколова З. П. 862, 914, 933
Соколова И. М. 746
Соколова Л. В. 658, 659
Солари Пьетро Антонио, архитектор 598
Соленикова Е. В. 697
Соловьев А. В. (*Soloviev A. V.*) 377, 574
Соловьев С. М. 14, 37—44, 88, 92, 93, 95, 106, 108 109, 131, 304, 839, 849, 933
Соловьева И. Д. 742
Сосновцева И. В. 729
Софья Витовтовна, великая княгиня, жена Василия Дмитриевича 329, 348, 403, 413, 418, 421, 424, 452 527, 618, 705
Софья Палеолог, великая княгиня, вторая жена Ивана III Васильевича 591, 599, 604, 628, 709, 764, 927
Софья Семеновна, великая княгиня тверская, жена Михаила Борисовича 456
Софья Юрьевна, княгиня тверская, жена Константина Михайловича 243
Софья Ярославна, княжна тверская 19, 236, 237
Сочнев Ю. В. 376
Спиридон, архиепископ новгородский 254
Спиридон (Савва), митрополит Киевский и всея Руси, книжник 569, 629
Спиридонов А. М. 27
Спиридонов М. Ф. 561
Срезневский И. И. 254, 582
Станислав, князь киевский (легенд.) 117
Станюкович А. К. 742
Старков Алексей, посол 878
Стасюк А. 325
Стасюк И. В. 27, 33
Стенсберг А. 26
Степан, посадник псковский 524
Степан Твердиславич, посадник новгородский 185
Степанка, десятский 18
Степанка, новгородец 477
Степуря Ростопчин, тверич 454
Стерлигова И. А. 742, 764, 765
Стефан, епископ пермский, святой 19, 406, 428, 613 626, 641, 662—668
Стефан, монах, брат Сергий Радонежского 365
Стефан, паломник 674, 675

Стефан Баторий, король польский, великий князь литовский 287
Стефан Брадатый, дьяк 422, 491
Стефан Великий, воевода молдавский 878
Стефан Махрищский, игумен, святой 636
Стоскова Н. Н. 30
Страхов А. Б. 254
Стрикалов И. Ю. 347
Строев П. М. 592
Стромилов Алексей, дьяк 411
Стрыйковский Матей, польский историк 824, 830, 869
Субэдэй-багатур, военачальник монгольский 61
Сулейман Великолепный, султан 876
Сыроечковский В. Е. 341, 606, 869
Сырпяк, посол 878
Сысоева Л. В. 689, 690

Таваккул, сын Тимура 832, 833
Талыча (Талыч), царевич татарский 409, 883
Талыш, наиб 895
Тарасий, епископ ростовский 208, 209
Тарасов А. Е. 502, 505, 620, 626, 627, 631
Тарасова А. А. 34
Таубе М. (*Taube M.*) 55, 56
Таш-Тимур, хан крымский 837, 866
Твердила Иванкович, боярин 187, 280, 281
Творогов Л. А. 294
Телебуга (Тула-Буга), хан 130, 131, 133, 135, 137, 138, 140, 153, 154
Темир-Кутлуй (Кутлуг), хан золотоордынский 333, 334, 407, 408, 447, 651, 797, 821
Темугэ-Отчигин, хан 912
Темушев В. Н. 318
Терехова Н. Н. 351, 610
Тизенгаузен В. Г. 930
Тимофей, пономарь, летописец 65, 72, 255, 737
Тимур, Тамерлан (Темир-Аксак), эмир 108, 110, 221, 406, 408, 802, 803, 821, 836, 837, 853, 902, 903
Титов Ф. И. 735
Тихомиров М. Н. 13, 66, 85, 166—168, 205, 837, 852, 933
Тихонюк И. А. 632
Ткачев М. А. (*Ткачоў М. А.*) 687
Товлубий, эмир ордынский 162, 171, 224, 246
Товтивил, князь полоцкий 247—250, 319, 320
Толстая Т. В. 759
Толстиков А. В. 272, 273, 497
Томашевский А. П. 27
Торган-Шира (Сорган-Шира), нойон, сподвижник Чингисхана 912
Торопова Е. В. 22
Тохта, хан ордынский 90, 178, 199, 209, 210, 237, 238, 255, 298, 361, 796, 813
Тохта-беки, правитель меркитов 907
Тохтамыш, хан ордынский 44, 91, 94, 97, 98, 108, 111, 221, 311, 312, 314, 315, 330, 333, 334, 401, 404, 406—408, 428, 458, 545, 600, 601, 613, 650, 651, 657, 801—804, 811, 814, 821, 843, 844, 853, 866, 882, 902, 921
Тренята (Тройнат), великий князь литовский 248, 250, 252
Трепавлов В. В. 75, 89, 785, 794, 814, 821, 845, 846, 852, 853, 856—859, 866, 869, 874, 886, 933
Трифонова А. Н. 696, 720
Тройден, великий князь литовский 125, 152, 159, 248, 252, 319, 324, 330
Тропин Н. А. 28
Туда-Менгу, хан золотоордынский 198
Тука-Тимур, сын Джучи 853, 854, 839
Тулуй (Толуй), военачальник монгольский 791, 795, 912
Туракина (Дорегене), мать великого хана Гуюка 225, 785, 793
Турилов А. А. 159, 203, 325, 570, 615, 619, 676, 678, 736
Турова Е. А. 690
Тутуха, военачальник монгольский 910
Тюльпин А. Г. 446
Тюляк, хан 611
Тюргильс Кнутссон, маршал (марск) шведский 271

Угэдэй, великий хан 61, 908—910
Угэчи-кашка (Угэчи Хашага), хан 911
Ужанков А. Н. 141
Узбек, (Азбяк), хан ордынский 7, 91, 159, 171, 172, 180, 200, 241, 243, 246, 288, 301—303, 306, 322, 361—363, 390, 395, 453, 707, 797, 798, 800, 806, 808, 813, 815, 816, 818, 821, 837, 895, 896, 920, 921, 923
Улагчи (Улавчий), хан монгольский 204, 234
Улуг-Мухаммед, хан ордынский, казанский 12, 416—420, 519, 595, 810, 827, 834, 837—840, 842—844, 850, 866, 869, 870, 873, 884, 885
Ульяна, игуменья Алексеевского монастыря 634
Ульяна, княгиня, вторая жена Ивана Даниловича Калиты 303
Ульяна, княгиня, жена Василия Владимировича Угличского 421
Ульяна Александровна, великая княгиня, жена Ольгерда Гедиминовича 327, 390, 440
Ульяновский В. И. 629

Уляницкий В. А. 833
Усачев Н. Н. 176, 180
Усманов А. Н. 858
Усманов М. А. 603, 835, 837, 868
Успенская А. В. 191
Успенский Б. А. 470, 617, 620, 623—625
Утемиш-хаджи, историк 793, 796—799, 801, 821, 827, 838, 843

Фасмер М. Р. 322
Фахрутдинов Р. Г. 67
Федор, боярин черниговский 122, 381—384, 387, 388, 668, 920
Федор, игумен Симоновский, епископ, духовник Дмитрия Донского 613
Федор, князь киевский 118, 268, 330
Федор, князь фоминский 180
Федор, писец 737, 740
Федор Акинфович, боярин, воевода 224
Федор Александрович, князь ростовский, псковский наместник 431, 433
Федор Александрович, сын Александра Михайловича Тверского 10, 243, 244, 302, 392, 913
Федор Алексеевич Романов, царь 762
Федор Андреевич, князь ростовский 429—431, 434, 452
Федор Борисович, князь волоцкий 595
Федор Бяконт, боярин 366
Федор Вальсамон, византийский канонист 360
Федор Васильевич, князь ростовский 210—213, 216
Федор Васильевич, князь рязанский 169, 171, 437, 465—468, 484—486, 879
Федор Владимирович, князь пинский 252
Федор Галичский, наместник Дмитрия Шемяки 421
Федор Глебович, князь муромский 219, 222
Федор Давыдович, князь галич-мерский 226, 227
Федор Давыдович Стародубский-Пестрой, князь 508, 584, 589, 844
Федор Данилович, посадник 692
Федор II Добрый, епископ тверской 397, 740
Федор Иванович, князь рязанский 168
Федор Иванович Голеня, князь ростовский 432
Федор Константинович, князь фоминский 544
Федор (Теодор) Кориатович, князь подольский и новогрудский 322, 330, 578
Федор (Федец) Кузьминский, посол 599
Федор Меликдаирович Долголядский, царевич татарский 879
Федор Михайлович, князь белозерский 209, 210, 228
Федор Михайлович, князь микулинский 446
Федор Михайлович, князь ростовский, псковски 284, 285
Федор Ольгердович, князь ратнинский, любомль ский 269
Федор Ольгович, великий князь рязанский 11, 17 334, 459—461
Федор Патрикеевич, князь литовский, псковски 519, 539, 545
Федор Романович, князь белозерский 228, 657
Федор Ростиславич Черный, князь ярославский, ве ликий князь смоленский 55, 77, 178, 179, 205—21 214, 225, 372, 739, 879
Федор Святославич, князь ржевский, вяземски 177—179, 215, 544
Федор Святославич, князь смоленский 118, 267, 54
Федор Семенович Курбский, воевода 864
Федор Таракан, купец московский 711
Федор Юрьевич, князь псковский 538
Федосья Васильевна, княгиня ярославская, жен Федора Ростиславича 205
Федоров-Давыдов Г. А. 813, 894
Федотов Г. П. (*Fedotov G. P.*) 51, 636
Федотова И. Л. 710
Феннелл Дж. (*Fennell J.*) 54, 186, 219, 933
Феогност, епископ сарайский 358, 359
Феогност, митрополит Киевский и всея Руси 11 268, 359, 363—366, 391, 625, 628
Феодорит, митрополит западнорусский 268, 366
Феодосий, епископ полоцкий 618, 632
Феодосий, епископ рязанский 465
Феодосий, игумен Троицкого Клопского монастыр 679
Феодосий, сын Дионисия, миниатюрист 760, 763
Феодосий (Бывальцев), митрополит Московски и всея Руси 469, 624—626, 638, 667
Феодосия (Ростислава), княгиня, жена Ярослав Всеволодича 19, 384
Феодосия Ивановна, дочь Ивана Федоровича Рязан ского 424, 463
Феодосия Ивановна, княжна, дочь Ивана Данилови ча Калиты 303
Феоктист, архиепископ новгородский 286
Феофан Грек, живописец 617, 663, 674, 749, 75 757, 758, 761
Феофил, архиепископ новгородский 500, 509, 58 628, 629, 631, 655
Фердинанд С. Н. 274, 932
Филатов В. В. 722

Филипп, митрополит Московский и всея Руси 14, 489, 583, 624, 626—628
Филипп Микитинич, стольник митрополит Киприана 20
Филипп Михайлов, сын Морозовиц, мастер, миниатюрист 738
Филипп Нянка, воевода 68
Филиппова Л. А. 691
Филофей, епископ пермский 667, 863, 864
Филофей Коккин, патриарх Константинопольский 45, 268, 358, 366, 442, 611, 612, 634
Фильний (Филя), бан венгерский 146, 147
Фиораванти Аристотель, архитектор 597, 604, 710, 711, 845
Фитингхоф Конрад, фон, магистр ливонский 515—517, 782
Флиер А. Я. 685
Флоренский П. А. 747, 766
Флориан (Творьян) Авданец, вельможа польский 146
Флоря Б. Н. 49, 160, 180, 181, 260, 269, 290, 295, 323, 325, 330—332, 335, 342, 358, 360, 477, 478, 483, 486, 490, 494, 503, 506, 570, 572, 573, 598, 613—615, 618—621, 629, 633, 770, 785, 800, 839, 840, 844, 933
Фома, инок, писатель 20, 437, 451—455, 622, 672, 673
Фома Иванович, сын новоторжского боярина 450
Фома Сплитский, хронист 62, 63, 70, 71, 77, 78, 930
Фоменко И. К. 25
Фомичев Н. М. 32
Фонт М. (*Font M.*) 142, 149
Фотий, митрополит Киевский и всея Руси 13, 43, 194, 338, 405, 409, 410, 412, 413, 449, 486, 609, 618—621, 628, 637, 638, 641, 642, 644, 765, 928
Фрайтаг Лориенгхофен Иоганн, фон, магистр ливонский 497
Фримерсхайм Вильгельм, фон, магистр ливонский 291
Франклин С. (*Franklin S.*) 50, 57
Фридрих II Бабенберг, герцог австрийский 148
Фридрих II Штауфен, император Священной Римской империи 773
Фридрих III Габсбург, император Священной Римской империи 537, 598, 599
Фролов А. А. 27, 253, 471, 489, 629, 639
Фролова О. Б. 803, 812
Фрязин Антон (Антонио Джеларди), зодчий 597, 598

Хабул-хан, хан монгольский 903
Хаджи-Гирей, хан крымский 600, 829, 838, 867, 869—871, 873
Хайду, хан монгольский 795, 910
Хакон Хаконарссон (Хакон Старый), король норвежский 186, 272, 273
Халецкий О. (*Halecki O.*) 55, 332, 488, 550, 552, 556, 576
Халим-Гирей, историк 871
Хальбах У. (*Hallbach U.*) 53, 933
Харлампий, епископ в Северо-Восточной Руси 240
Харлашов Б. Н. 27, 277
Хартахай Ф. 867
Хасан Сухраварди, шейх иранский 903
Хаутала Р. (*Hautala R.*) 54, 930, 933
Хворостова Е. Л. 30
Хезарфенн Хюсейн, историк 871
Хейдар, шейх сефевидский 904
Хеллманн М. (*Hellmann M.*) 50
Хёрст Дж. 26
Хизриев Х. А. 803
Хитрово Богдан Матвеевич, боярин 762
Хлобыстин Л. П. 913, 933
Хованские, бояре 545, 607
Хонгрот, сотник 116
Хорошев А. С. 364
Хорошкевич А. Л. 48, 246, 274, 275, 356, 493, 494, 507, 526, 540, 597, 627, 848, 887, 888, 933
Хорчи, нойон монгольский 908, 912
Хоруженко О. И. 324, 528
Хохлов А. Н. 233—236, 349, 352, 708, 724
Хоулетт Я. Р. 643
Храпачевский Р. П. 254, 804
Хубилай, великий хан 795, 910
Худяков М. Г. 839, 848, 849, 859, 886, 933
Худяков Ю. С. 908, 909
Хызр (Хизр), хан 201, 215, 228, 309, 799

Царевская *Т. Ю.* 480, 721, 749
Цемушаў В. М. 324, 553, 560
Цукерман К. 322
Цулая Г. 892, 894, 896
Цуциев А. А. 893
Цыбиктаров А. Д. 907, 933
Цыбин М. В. 28

Чевгу, посол ордынский 255
Челищевы, бояре 563
Черепнин Л. В. 16, 44, 45, 65, 140, 184, 288, 401, 456, 507, 592, 622, 930, 933
Черкасова М. С. 639, 886, 933
Чернецов А. В. 345, 347

Чернов С. З. 23, 24, 26—33, 345, 349, 370, 472, 489, 544, 545, 547, 548, 932, 933
Черных Н. Б. 350
Чернявский М. (*Cherniavsky M.*) 57
Чингис-хан (Чингисхан) 35, 61, 76—78, 110, 357, 790—794, 797, 804, 807, 811, 815, 853, 855, 882, 906—909, 912, 928
Членов М. А. 916
Чол-хан (Шевкал, Щелкан), посол, царевич ордынский 105, 200, 243, 288, 390, 453, 818
Чумичева О. В. 643

***Ш**абульдо Ф. М.* 118, 160, 800, 933
Шадибек (Шанебек), хан ордынский 821, 853
Шалина И. А. 726, 729
Шами (Низам ад-Дин Абд ал-Васи Шами), хронист персидский 902
Шамильоглу Ю. 808
Шарафутдинов С. 871—873
Шаскольский И. П. 258, 263, 270, 272, 273, 783, 933
Шахматов А. А. 11, 13, 14, 47, 933
Шахрух, правитель Хорасана 455, 673
Шварн (Шварно) Данилович, великий князь литовский 151, 152, 319
Шведчикова Т. Ю. 355
Шейх-Ахмед (Ши-Ахмет), хан Большой Орды 603, 823—825, 827, 830—833, 869, 890
Шейх Ибрагим, эмир дербентский 903
Шеков А. В. 164
Шелога (Шолога, Селога), посадник псковский 289, 698
Шемердень, посол 878
Шенк Ф. Б. 270
Шенников А. А. 28
Шепард Дж. (*Shepard J.*) 50
Шибан, брат Батыя, полководец 61, 62, 810, 865, 928
Ширин Тегинэ (Тягиня, Тягина), эмир, правитель крымский 416
Шихмат, посол Тохтамыша 401
Шляков Н. 332
Шолохова Е. В. 685
Шполянский С. В. 29, 349
Шпулер Б. (*Spuler B.*) 53
Штауфены, династия 772
Штёкль Г. (*Stökl G.*) 50
Штендер Г. М. 688, 690, 691
Штибор (Сцибор), воевода трансильванский, наместник Галиции 577, 578
Шульгина Э. В. 760
Шуляев С. Г. 353
Шумов И. Л. 261

***Щ**апов Я. Н.* 154, 265, 304, 338, 360, 371, 622, 62[illegible] 929, 933
Щенникова Л. А. 757, 765
Щепкина М. В. 760
Щил, посадник новгородский (легенд.) 20, 47[illegible] 678

Экземплярский А. В. 169, 178, 225, 933
Эминек, карачи-бек крымский 873
Энговатова А. В. 34, 203, 346
Эндре II, король венгерский 773
Эрик VII Померанский, король датский, шведски и норвежский 497, 498
Эрик XI Шепелявый Леспе, король шведский 183
д'Эсте, маркизы, герцоги Феррары 455
Эттингер Ш. 643

Юлиан, венгерский монах 62, 63
Юнгинген фон, Конрад, великий магистр Тевтон ского ордена 515
Юрасов М. К. 578
Юрий, князь поросский 119
Юрий Александрович, великий князь тверской внук Ивана Михайловича 451
Юрий Александрович, князь угличский и ростов ский 210, 211
Юрий Андреевич, воевода новгородский, из ростов ского княжеского дома 430
Юрий Андреевич, князь суздальский, наместни новгородский 788
Юрий Васильевич, князь дмитровский, серпухов ской 15, 16, 426, 531, 580, 582, 584—586, 844, 84[illegible] 924
Юрий Витовтович, князь литовский, воевода 29[illegible] 697
Юрий Владимирович, князь пинский 252, 253
Юрий Владимирович Долгорукий, князь киевски 201
Юрий Всеволодич, великий князь владимирский 3[illegible] 63—65, 67, 68, 71—73, 76, 114, 142, 190, 202, 20[illegible] 380
Юрий Всеволодич, князь холмский 448
Юрий Данилович, князь московский, великий княз владимирский 44, 97, 171, 178, 199, 200, 210—21[illegible] 226, 239—243, 252, 262, 272, 286, 299—301, 36[illegible] 388, 389, 544, 701, 879, 923

Юрий Дмитриевич, князь галичский и звенигородский, великий князь московский 7, 12, 43, 92, 93, 99, 101, 228, 231, 334, 401, 412, 414, 415, 418, 431, 435, 452, 462, 463, 490, 519, 562, 620, 703, 704, 752, 839
Юрий Захарьевич Кошкин, боярин 588, 589, 591
Юрий Иванович, князь бохтюжский 431, 432
Юрий Иванович, князь дмитровский 8, 39, 103, 849
Юрий Иванович (Патрикеевич), князь, боярин московский 419
Юрий Иванович Шестак-Кутузов, воевода, окольничий 844
Юрий Ингваревич, князь рязанский 67, 170
Юрий Лугвеневич, князь смоленский, мстиславский 486—488, 498, 527, 532, 555, 652
Юрий Львович, князь (король) галичский и волынский 140, 153—158, 361, 777
Юрий Михайлович, князь тарусский 124, 128
Юрий Наримонтович, князь литовский 269, 326
Юрий Святославич, великий князь смоленский 100, 177—179, 181, 331, 334, 408, 449, 460, 485, 510, 545
Юрий Ярославич, князь муромский 219
Юшко А. А. 26, 27
Юшков С. В. 372

***Я**ганов А. В.* 748
Ягеллоны, великокняжеская и королевская династия 551, 565, 577
Ядвига, королева польская 327, 331, 334, 551, 577
Яков Григорьевич, писарь митрополита 20
Яков Захарьевич Кошкин, боярин 588, 589
Яков полочанин, ловчий 185
Яков Федоров, посадник новгородский 430
Яков Федосов, мастер, резчик 720
Яковлева А. И. 762, 848
Якуб, канцелярист литовский 569
Якуб, царевич, сын Улуг-Мухамеда 839, 840, 883, 884, 889, 890
Якуб б. Узун-Хасан, султан Ак-Коюнлу 877
Якубовский А. Ю. 115
Якун, посадник новгородский 676
Якушечкин А. В. 867, 870, 883, 890
Ямгурчи, ногайский мурза 877
Ян, князь силезский 159
Ян Ольбрахт, король польский 553, 832
Янечек А. (*Janeczek A.*) 56
Янин В. Л. 23, 26, 27, 31, 46—48, 69—71, 81, 107, 185, 239, 253, 255—257, 261, 262, 264—267, 269, 272, 273, 277, 279, 317, 318, 364, 373, 374, 422, 443, 469, 471, 472, 475, 478, 479, 481, 482, 488—491, 499, 501, 502, 507, 525, 582, 583, 630, 930, 933
Янко из Чарнкова, хронист польский 316, 325
Ярослав Александрович, князь пронский 171, 172
Ярослав Васильевич Оболенский, князь-наместник псковский 539, 540
Ярослав Владимирович (Гереслав, Gêrpolt, Ghereslavus), князь псковский 187, 280, 328, 783
Ярослав Владимирович, князь серпуховской 12, 411
Ярослав Владимирович Мудрый, великий князь киевский 41, 118, 317, 376, 544, 658, 660
Ярослав Всеволодич, великий князь владимирский 35, 40, 78, 79, 113, 115, 117, 124, 142, 182, 183, 188, 190—195, 203, 232, 233, 261, 264, 277, 279, 376, 384, 387, 784, 785, 920
Ярослав Юрьевич, князь муромский 216, 218
Ярослав (Афанасий) Ярославич, князь тверской, великий князь владимирский 91, 113, 117, 180, 192, 194—198, 233—236, 241, 253, 255, 258, 261, 264, 279, 280, 282, 297, 353, 354, 359, 360, 362, 373, 384, 699, 787, 788
Яхонт О. В. 748
Яшлавские, роды бейские 868, 870

Adamus J. 316
Alttoa K. 32

***B**aranauskas T.* 317, 779
Baranowski G. 55
Belting H. 736
Benninghoven F. 779
Bieniak J. 324
Biskup M. 769, 774, 778
Boase T. S. R. 738
Brandt G. 33
Buchtal H. 736
Bunge von F. G. 269, 522
Burgoyne M. H. 707
Bysted A. 274

***C**zaja R.* 769, 773, 776
Czuczyński A. 324

***D**ashdondog B.* 116
Dimbleby G. W. 28
Długokęcki W. 769—771
Dubonis A. 249, 318, 320, 322
Дурнh В. Л. 721

Engel P. 576, 577

Fejér G. 574, 575
Fu Q. 33

Gawęda S. 500
Goehrke C. 51, 55, 259, 262, 474, 475, 500, 501,933
Götz J. 32

Hammel-Kiesow R. 274

Ivinskis Z. 250, 321

Jensen C. S. 274
Jensen K. W. 274
Jonaitis R. 331
Jóźwiak S. 775
Jurek T. 326

Kala T. 782
Kalavrezou-Maxeiner I. 718
Klier J. D. 643
Kolankowski L. 333, 484, 501, 503, 866
Kristó Gy. J. 145, 574, 575
Kuczyński S. M. 323, 554
Kurtyka J. 327
Kwiatkowski K. 316

Lenhoff G. 55, 57, 177, 476
Leuschner J. 262, 265, 500

Mályusz E. 577
Martin J. 55, 57, 116, 177, 476, 933
Marzec A. 326
Meyer L. 280, 783, 930
Militzer K. 772, 774, 777, 778, 780—782, 789
Mouchard F. 55, 176

Niermeyer J. F. 784
Nikžentaitis A. 317, 320, 331, 325

Ochmański J. 318, 319

Paravicini W. 320, 321
Peltola S. 33
Perzanowski Z. 500
Petrauskas R. 317, 318, 328, 329, 553, 555

Raudkivi P. 789
Rossignol S. 770
Rowell S. C. 267, 287, 320, 321, 334, 560, 771
Ryčkov A. 329

Saarikivi J. 258
Samsonowicz H. 324, 578
Sarnowsky J. 495
Schlüter W. 274, 292
Soares P. 33
Sperka J. 327, 576
Spatharakis I. 737
Steindorff L. 32, 55
Szweda A. 317, 514
Szybkowski S. 322, 486, 555

Talbot Rice D. 721
Tandecki J. 774, 780, 782, 789
Tęgowski J. 325, 331, 332, 320, 576

Varga B. 574

Walicki M. 738
Weise E. 269
Wyrozumski J. 325, 574, 575

Zabiela G. 318, 779

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Абакан, река 911
Аббасидский халифат 795
Абхазия 893, 894, 897, 903
Австрийское герцогство 149
Австрия 148, 149, 293, 773
Азербайджан, Шемаха 596, 795, 797, 803, 877
Азия 142, 253, 357, 605, 640, 853, 873, 897, 905, 907
Азов (Азак, Тана), город 24, 25, 32, 812, 815, 817, 822, 823, 839, 898, 901, 902
Азовское море 39, 614, 904
Ак-Коюнлу, государство 877
Аккерман (Белгород-Днестровский), город 620, 681, 817, 867
Акра (Акко), город 772, 773
Алания 893
Александровская слобода (Александров, город) 740, 741, 880
Алексин (Олексин), город 111, 164, 425, 426, 594, 596, 600, 615, 890
Алтай (Алтайские горы) 791, 792, 908, 910
Алуксне (Мариенбург), город 773, 776—778, 782
Альтштадт, город в составе Кёнигсберга Прусского 776
Амгинский улус, муниципальный район 914
Американский континент 906
Амударья, река 791, 802, 812
Амур, река 907, 908
Анадырь, река 917
Анатолия 606, 707, 708, 721, 722
Ангара (Анкэла), река 910
Англия (Великобритания) 26, 50, 493, 607, 620
Арал, Аральское море 854
Арарат, Араратские горы 385
Аргунь, река 912
Армения, Великая Армения 21, 77, 116, 794, 894, 895, 929
Арск, город 850
Арское княжество 834
Арта, город 721
Астраханское ханство 596, 613, 827, 844, 927
Астрахань (Хаджи-Тархан), город 258, 603, 796, 812, 816, 817, 834, 850—852, 855, 857, 867, 927
Атарган, поселок в Магаданской области 916
Аукштайтия, историческая область 321
Афон, местность, гора 637, 640, 663, 667, 751
Африка 253, 357, 853, 873
Ахтуба, река 816

Бакота, город 83, 120, 121, 143, 149, 150
Балканский полуостров, Балканы 609, 721, 726, 729, 734, 786, 814
Балтийск (Пиллау), город 771
Балтийское море, Балтика (Mare Suebicum) 39, 176, 184, 247, 263, 270—272, 274, 278, 317, 319, 522, 586, 591, 714, 769, 776
Бальга, крепость 776
Баренцево море 590
Барта, прусская область 315
Барцашаг, комитат в Венгерском королевстве 772
Бахчисарай, город 596, 830, 831, 833, 867, 869, 878
Бежецкий Верх (Бежичи), волость, Бежецкая пятина 12, 15, 190, 191, 198, 239, 350, 411, 419, 425, 436, 437, 442, 443, 453, 472, 489, 490, 594, 652, 703
Белавин (Белавино), поселение 687
Белая, город 324, 544, 545, 558
Белгород, город в Киевской земле 114
Белгород, город в Рязанской земле 114, 161
Белев, город 111, 839, 849
Белз, город 82, 140, 151, 326, 545, 575, 576
Белзская земля 326, 555, 561
Белое море 590
Белое озеро 348, 350
Белозерское княжество, Белозерский край 6, 7, 42, 104, 201, 311, 313, 429, 636, 649, 846, 848, 886, 921, 924, 925, 937
Белоозеро (Белозерск), город 27, 85, 201—204, 208, 209, 213, 214, 227, 228, 342, 343, 348, 391, 405, 406, 429, 431, 485, 730
Бельск, город 153, 549

Берегсас (Берегово), город 578
Березуй, город 179
Берестейская земля 322, 326, 549, 560
Берестье (Брест), город 78, 81, 153, 159, 323, 326, 460, 549, 562—565, 604, 687
Берладь, регион 81, 140
Бидар, город 675
Ближний Восток 317, 607, 707, 772, 815
Божеск (Бужеск), город 82, 83
Бобруйск, город 167, 323
Болгария 53, 143, 145, 191, 615, 796
Болонья, город 597
Болохов, город и земля, княжество 144, 147, 918
Болоховское поле 120, 918
Большая Орда (Тахт эли) 95, 103, 113, 423, 464, 465, 536, 583, 587, 596, 600—602, 790, 822, 823, 825, 826, 828, 829, 831—834, 855, 857, 858, 861, 866, 869, 874, 875, 877, 879, 886, 890, 927, 939
Большой Зеленчук, река 890
Борзя, река 912
Боровск, город 458, 594, 596, 753
Бородава, село 759
Бортенево, место битвы в Тверской земле 226, 241, 301
Ботнический залив Балтийского моря 497, 590, 926
Бохтюга, волость 434
Боярово, село 580
Брагунское княжество 903
Браславль, город 246, 549
Бранденбург (Хойна), земля в Германии 287, 775, 776
Брно, город 157
Брюгге, город 274, 493, 523, 776
Брянск, город 6, 125—127, 178, 180, 182, 307, 311, 323, 324, 361, 367, 460, 549, 551, 559, 591, 619, 776, 926
Брянское княжество 125—128, 178, 323
Буг Западный, река 83, 144, 334, 568
Буг Южный, река 83, 327, 800
Буда, город 574, 575
Бузан, река 822
Булгар (Болгар), город 21, 202, 707, 741, 793, 812, 816, 834—837, 850—852, 854
Булгария, Волжская Булгария 24, 62, 63, 67, 73, 202, 216, 352, 791, 806, 810, 814, 816, 817
Бурунчак, мыс, плато 869, 870
Быстрая Сосна, река 133, 350, 461
Бююк-Яшлав, деревня 878

Вавилон, город 680
Вага, река 427, 430, 890
Вазуза, река 232, 544
Вакерная, урочище 910
Валаам, остров на Ладожском озере 498, 638
Валахия, историческая область 615, 681, 833
Валдай, регион 27
Валенсия, город 606
Ванкарем, село 916
Вармия, прусская область 770
Варна, город 487, 552
Василев, город 83, 114
Васильевское, село 756, 758
Ватикан 243
Ведрошь, река 591, 883, 926,
Великая, река 276—278, 290, 295
Великая Ворона, река 359
Великая Польша, регион 157, 772
Великие Луки, Луки, город 81, 267, 472, 502, 515 549, 583, 584
Велье, крепость 278, 510, 519
Вена, город 50
Венгрия, Венгерское королевство 6, 33, 53, 63, 74—78, 88, 110, 114, 115, 120, 122—124, 142—146, 151 153, 156, 157, 189, 268, 316, 322—324, 326, 329, 363 378, 381, 573—579, 596, 681, 682, 829, 876, 918, 938
Венден (Цесис), город 781
Венев, волость 166—168, 464, 467, 588, 925
Венеция, Венецианская республика 48, 49, 56, 156 264, 266, 473, 481, 509, 596, 606, 773, 927, 932
Верея, город 99
Вержавск, город 176
Вертязин (Городня), город 320, 444, 445, 705
Верхний Джулат (Татартуп), городище 895, 901—903
Верхняя Венгрия (совр. Словакия) 148, 574, 578
Весовка, река 546, 547
Вестфалия, регион в Германии 496, 764, 789
Ветлуга, река 834
Вига, река, приток Унжи 225
Византия, Византийская империя 21, 25, 30, 50, 53 110, 111, 164, 238, 263, 357, 358, 362, 364, 369, 372 392, 406, 409, 419, 607, 609, 611, 612, 614—616, 618 619, 621, 623, 624, 640, 651, 680, 707, 718, 720, 724 725, 729, 730, 736, 743, 749, 752, 760, 763, 765, 897 928, 933
Вильна (Вильнюс), город 12, 63, 268, 293, 306, 321 323, 330, 331, 333, 410, 500, 519, 560, 562, 563, 565 566, 570, 591, 619, 832, 833
Вильянди (Феллин), город 523, 536, 782
Вирумаа (Вирланд, Вирония), область в Ливонии 78

Висла, река, Вислинский залив 123, 146, 182, 314, 769, 773, 775
Витебск, город 81, 82, 87, 246, 251, 320, 321, 332, 499, 544, 553, 554. 562, 619, 621
Витебское княжество, Витебская земля 5, 81, 82, 246, 249, 251, 321, 328, 329, 549, 556, 559, 568, 775, 918
Владимир-Волынский (Лодомерия), город 14, 76, 78, 80, 110, 142, 143, 152, 157, 183, 247, 358, 372, 554, 564, 572, 574, 686, 735
Владимир-Залесский (Владимир-на-Клязьме), город 6, 7, 12, 16, 35—37, 40, 62, 65, 66, 68, 69, 71—73, 83, 91, 104, 111, 117, 126, 156, 183, 192, 194—202, 205, 214, 217, 220, 223, 242, 300, 309, 310, 359, 360, 362, 366, 380, 381, 392, 393, 401, 402, 406, 409, 423, 426, 442, 481, 512, 584, 594, 631, 654, 710, 733, 744, 753, 758, 764, 841, 842, 883, 919, 920, 923, 924
Владимиро-Волынское княжество, Волынская земля, Волынь 5, 6, 9, 70, 78, 80—83, 86—87, 105, 114, 139—141, 144, 151, 165, 182, 191, 253, 268, 333, 379, 393, 486, 488, 549, 552, 554, 557, 561, 562, 564—568, 575, 576, 687, 725, 735, 918, 937
Владимирское великое княжество 5, 7, 11, 39, 42, 45, 62, 63, 79, 104, 109, 113, 190—192, 196, 197, 199, 200, 216, 217, 220, 223, 232, 233, 296, 298, 300, 302, 313, 313, 315, 403, 407, 544, 616, 918, 921—924, 937
Владычино, село 544
Внутренняя Азия 22, 913
Вогуличи (манси) 590, 926
Водская пятина, Вотская земля (Watlanвалае) (новг.) 27, 33, 188, 785, 863
Вожа, река 162, 175, 311, 635, 657, 661
Возвягль, город 150, 330
Волга, река 15, 33, 64, 67—69, 72, 81, 89, 112, 130, 147, 176, 183, 201—203, 210, 216, 225, 232, 233, 253, 256, 258, 267, 301, 310, 311, 350, 358, 402, 419, 423, 441, 443, 458, 544, 594, 599, 607, 812, 822, 823, 827, 833, 834, 838, 839, 842, 843, 848—850, 857, 902, 903, 918, 923
Волго-Донское междуречье 826
Волго-Окское междуречье 6, 34, 73, 79, 138, 193, 267, 932
Волковыйск (Волковыск), город 155, 198, 252, 358
Вологда, город и волость 12, 15, 84, 198, 225, 236, 312, 349, 390, 405, 427, 430, 436, 472, 489, 543, 584, 588, 594, 595, 846, 863, 872, 885, 886, 924, 925
Володава, городок 144
Володимерец, крепость 533, 539
Волок Ламский, Волок (Волоколамск), город и волость 12, 15, 25, 27, 32, 64, 79, 84, 111, 177, 191, 198, 199, 237, 255, 256, 312, 427, 439, 453, 472, 489, 502, 543- 545, 547, 548, 583, 584, 595, 730, 924, 934, 938
Волок, местность в Новгородской земле 236, 263
Волоколамское городище 546
Волочок Словенский, волость 649
Волхов, река 105, 184, 197, 212, 264, 274, 283, 477, 483, 485, 512, 521, 642, 689, 693, 695, 723
Волховец (Малый Волховец), правый рукав Волхова 694
Воргол, река, город 133,
Воронач, крепость 278, 510, 515, 519
Воронеж, город 28, 33, 67
Воронеж, река 79, 133, 359
Воротынск, город 426, 612
Ворскла, река 334, 407, 484, 514, 651, 922
Воря, река 349, 922
Восточная Европа 13, 54, 56, 62, 63, 70, 81, 165, 168, 265, 273, 316, 322, 323, 325, 333, 335, 350, 655
Восточная Пруссия 314, 318, 773, 775, 776, 939
Восточная Сибирь 21, 913
Восточные Саяны (Восточный Саян) 909
Восточный Туркестан 797, 907
Врев (Врево), крепость 278, 510, 519
Вуокса, река 271
Вход в Иерусалим, слободка 446
Въбрань, город 444
Выборг, город и крепость 271, 494, 498
Выборгский залив Балтийского моря 271
Вычегда, река 862, 918
Вышегород, город в Новгородской земле 486
Вышгород, город (киевск.) 114, 594
Вышгород Поротовский, волость 102, 584, 924
Вышгород (польск.), город 153
Вышгородок, псковский пригород 536, 539
Вяземское княжество 176—179, 313, 549, 559
Вязьма, город 11, 176—178, 181, 408, 545, 591, 594, 595, 926
Вятка, Вятская земля 111, 225, 412, 426, 536, 584, 594, 595, 844, 863, 926

Галанчож, озеро 901
Галата, пригород Константинополя 749, 761
Галиндия, историческая земля в Пруссии 770
Галичско-Волынская земля (Галицко-Волынская Русь) 56, 151, 152, 154—160, 225, 324, 367, 685, 777, 933
Галичское княжество (Галицкая земля, Галиция) 5—7, 9, 42, 81, 83, 105, 120, 121, 123, 124, 139, 140, 142, 144, 148, 149, 158, 228, 230, 231, 361, 577, 579, 735, 744, 918, 937, 938

Галичско-Дмитровское (Дмитровско-Галичское) княжество 6, 7, 25, 112, 201, 224, 225, 921, 937
Галичское озеро 224, 225
Галич Мерский, город 7, 25, 69, 83, 91, 99, 104, 105, 111, 112, 190, 192, 224, 225—231, 401, 402, 412, 413, 418, 422, 426, 594, 622, 686, 841, 842, 852, 924
Галич, город 6, 14, 20, 76, 80, 83, 90, 110, 121, 124, 139, 140, 142—148, 150, 151, 155, 157—160, 181, 183, 358, 573—577, 579, 618, 920
Гамбург, город 274
Ганза, союз городов 48, 271, 274, 275, 290—292, 345, 469, 471, 474, 492—495, 497, 498, 509, 521, 523—525, 540, 708, 780, 781, 933
Гапсаль (Хаапсалу), город 780
Гареджи, город 900
Гариен (Харьюмаа), область в Ливонии 788
Гданьск (Данциг), город 565, 777, 778
Гдов, городок, крепость 278, 514, 527, 536, 539
Генуя, город 606, 815
Герат, город 842
Германия страна 50, 157, 482, 494, 746, 773, 782, 826
Гжель, город 605
Глинск, городок 802
Гнезно, город 157
Годеново, село 747
Голландия (Нидерланды) 493, 773
Горный Алтай 791, 909
Городец (Городец Радилов), город 69, 79, 83, 100, 107, 111, 113, 190, 192, 195, 196, 201, 217, 300, 306, 386, 408, 585, 615, 885, 924
Городецкое княжество 6, 7, 921
Городище (Рюриково Городище), городище под Новгородом 264, 491, 500, 506, 512, 693, 694, 698, 704
Городищи, деревня 167
Городло (Хородло), местность в Польше 332, 334, 576
Городно (Гродно), город 82, 152, 317, 320, 362, 590, 623, 926
Городня, река 545, 546
Городянка, река 885
Гороховец, город 75, 79, 83, 182, 190, 195
Горынь, река 114
Гостинин, город 153
Готланд, остров (Готский берег) 176, 179, 249, 258, 275, 292, 373, 689
Грузия, Иверская страна 596, 676, 680, 755, 892, 893, 895, 897—899
Грюнвальд, село в Польше 778
Гюлистан, город 816
Дагестан 893, 895, 896, 898, 900—902, 933
Далмация, историческая область 746, 765, 766
Дальний Восток 21, 905—908, 913, 916, 940
Дамаск, город 83
Дания (Датское королевство, Доньская земля) 274 493, 497, 595, 596, 779
Дарьял, ущелье 894, 895
Датская Эстония, историческая область 779, 780 787
Даурия (Верхнее Приамурье) 912
Двинская земля 269, 406, 407, 411, 429, 430, 469 478, 481, 490, 491, 508, 512, 584
Дедяков, город 198, 796, 895, 901
Дежнева мыс 915
Делюн-Болдок, местность 906
Дербент (Железные ворота), город 892—896, 901 904
Деревская пятина (новг.) 27, 639
Держа, река 232
Дерпт (Тарту, Юрьев Немецкий), город 64, 186, 191 278, 290—292, 492, 493, 495, 496, 510, 519—526 534, 536, 540, 541, 602, 780, 787
Дерптское епископство 291, 495, 515, 518, 525, 531 536, 537, 541, 783, 787
Десна, река 85, 86, 114, 134, 176, 919
Деспен, горная впадина 911
Дешт-и Кипчак, степи Восточной Европы, исто рический регион 791—794, 798, 802, 803, 805, 806 812, 814, 819, 821, 826, 828, 829, 837, 854, 858, 870 871, 884
Джида, река 907
Джунгария, область в Китае 908
Дикое Поле (Поле), историческая область 464, 587 589, 591, 791, 814, 819, 831, 834, 885, 926
Дманиси, город 895
Дмитров, город 12, 15, 25, 64, 79, 84, 90, 99, 104, 111 112, 124, 190, 192, 201, 225—228, 230, 231, 238, 413 418, 425, 426, 436, 443, 544, 594, 595, 748, 760, 924
Дмитровская земля, Дмитровское княжество 7, 42 225, 312, 418
Днепр, река, Днепровский бассейн 6, 82, 85, 88, 114 116, 117, 120, 122, 125, 133, 139, 162, 176, 298, 321 358, 406, 407, 549, 591, 599, 800, 822, 823, 833, 873 900, 919, 923, 926
Днестр, река 140, 143, 799, 800, 919
Довмонтов город, укрепление в Пскове 23, 688, 692 715, 752
Дон, река 24, 28, 32, 113, 133, 164, 167, 168, 313, 314 350, 359, 588, 591, 600, 603, 614, 657, 658, 660, 661 799, 800, 809, 810, 815, 822, 823, 826—828, 893, 926

Дордрехт, город 274
Дрогичин (Дорогичин), город 125, 140, 143, 144, 146, 149, 152, 153, 159, 252, 326, 359, 549, 562, 564
Дорогичинская земля 158, 550, 556, 568
Дорогобуж, город 83, 85, 176, 551, 591
Дорогомилово, село 14, 423, 706
Дрисвяты, замок, город 246, 549
Друцк, город 246
Дубенка, урочище 689, 691
Дубиса, река, правый приток Немана 269
Дубков, крепость 278, 510
Дубна, город 190, 191, 232
Дубна, река 225, 452, 922
Дубок, город (село Дубки) 164, 167, 168
Дубровник (Рагуза), город 264, 509, 927
Дунай, река 124, 130, 143, 155, 182, 189, 199, 298, 791, 796, 804, 809, 900

Европа 33, 37, 50, 51, 56, 57, 61, 89, 97, 142, 149, 189, 261, 345, 353, 364, 368, 377, 455, 469, 548, 551, 564, 568, 598, 599, 606—608, 610, 643, 702, 710, 720, 770, 772, 773, 775, 817, 818, 820, 849, 853, 894, 903, 927
Евфрат (Ефраксъ), река 397
Египет 385, 397, 607, 640, 795, 797, 803, 818, 876, 877
Ейск, город 904
Елец (Елеч), город 28, 111, 168, 406, 461, 465, 467, 588, 925
Ельня, город 176
Емца, волость в Новгородской земле 257
Емь, историческая область 255, 270
Енисей, река 911
Ервен (Гервен), историческая область в Ливонии 782

Жабенская волость (новг.) 27, 350
Жабня, река 85, 232
Жижец (Жижич), город 85, 190
Жинвали, город 895, 898
Желачка, крепость 531, 534, 535
Жомойть (Жемайтия), историческая область 320, 321, 484, 488, 549, 555, 556, 567

Забайкалье, область к югу и востоку от Байкала 905, 906, 912—915, 940
Заборовье, Заборовские земли в Новгородской земле 12, 453
Завелье, регион в Полоцкой земле 549
Завеличье, предместье Пскова 760
Завихвост, город 575
Заволжье, территория к северу от Волги от устья Костромы до устья Унжи 225, 365, 613, 636
Заволочье, территория по Северной Двине 257, 258, 301, 391, 429, 652
Загреб, город 145
Закавказье 707, 778, 795
Закарпатье, регион 140, 158, 578
Заонежье, регион 27, 728
Западная Двина, река 27, 33, 82, 176, 246, 247, 249, 293, 549, 778, 923
Западная Европа 48, 50, 51, 148, 238, 274—276, 494, 526, 765, 934
Западная Монголия 907
Западная Сибирь 853, 855, 859—862, 865, 914, 928
Западно-Уссурийское городище, историческая местность в Уссурийске 22
Западные Саяны (Западный Саян) 903
Зарайск, город 761
Звенигород, город, Звенигородское княжество, Звенигородский удел 15, 27, 29, 81, 83, 92, 99, 104, 111, 124, 128, 228, 349, 351, 406, 412—414, 417, 418, 427, 594, 595, 704, 705, 708, 745, 749, 752, 886, 888, 889
Зойом, город в Венгрии 148
Золотая Орда (Улус Джучи, Джучиев улус) 5, 7—10, 12, 19, 21, 24, 25, 28, 33, 43, 45, 53, 54, 61, 104, 106, 108, 110, 113, 117, 119, 122, 143, 153, 154, 158, 160, 253, 263, 312—314, 351, 357, 358, 363, 364, 382, 391, 392, 397, 423, 596, 603, 606, 741, 790—798, 801, 804, 806, 807, 810, 811, 813—815, 819—822, 824, 825, 828, 829, 853—855, 861, 876, 877, 880, 882, 884, 892—894, 896—904, 909, 927, 930 — 932
Зубцов, город 84, 190, 232, 233, 242, 442, 445, 451, 594

Ивангород, крепость 31
Игнач крест, урочище в Новгородской земле 70, 71, 79, 253
Иерусалим, город 640, 663, 686, 720
Ижва, волость 99
Ижора, река 184—186
Ижорская земля 183, 184, 198, 385, 784
Ижорское плато 27, 33
Изборск, город 84, 187, 278, 280, 351, 514, 515, 529, 536, 656, 697, 698, 787
Изяславль, город 76, 80, 86, 176, 346, 677
Ике, город (?) 64, 67
Икшкиле (Икскюль), город 778
Иланьчжоу, регион 910
Илек, река 853
Илименга, река 590, 926

Ильмень-озеро 26, 70
Ингрия (Ingria), историческая область 784
Ингушетия 896—898, 900
Индия 20, 674, 676, 818, 896, 902
Ирак 795, 818
Иран 61, 795, 800, 804, 810, 815, 817, 819, 820, 851, 877, 902
Ирень, река 834
Иртыш, река 791, 793, 863, 864
Исакчи, город 796
Истра, река 225, 297, 390, 922
Италия 419, 455, 557, 596, 598, 606, 622, 673, 702, 772, 774, 818

Кавказ 21, 24, 61, 110, 793, 795, 803, 812, 814, 816, 818, 822, 892, 893, 895, 896, 899—904, 928, 940
Казанское ханство 491, 536, 590, 599, 600, 602, 821, 822, 834, 837—843, 848—852, 858, 859, 865, 870, 880, 883, 886, 928, 939
Казань, город 103, 338, 341, 423, 590, 597, 602, 827, 832, 834—852, 855, 857, 858, 881, 890, 927, 930
Казахстан 21, 792, 793, 798, 803, 815
Каир, город 640, 707
Кайтагская страна (Приморский Дагестан) 901
Калининградская область РФ 775, 776
Калка, река 61—63, 377, 796, 892
Калуга, город 96, 99, 426, 594, 924
Кама, река 67, 626, 835, 837
Каменец Литовский, город 78, 80, 687
Каменец-Подольский, город 549, 550, 554, 578
Камно, погост, деревня 716
Канев, город 83, 116, 186, 832
Каракорум, город 90, 113, 148, 170, 191—194, 204, 254, 785, 786, 794, 918
Карасубазар, город 867
Караш, слобода ростовская 403, 409, 615
Каргополь, поселение 22
Карелия (Carela), область 271, 274, 498, 784, 784
Карельский перешеек 271, 498
Карнички, река, поселение 167
Карпаты, горы 158
Касимов (Городец Мещерский), город 595, 884, 885, 888
Кафа (Каффа, Феодосия), город 24, 596, 749, 761, 867, 870—872, 874, 878, 890, 894, 900, 903
Кашин, город 102, 110, 231, 233, 237, 238, 242, 243, 441, 444, 446—448, 451, 452, 454, 456, 594, 749, 761, 923
Кашинское княжество, Кашинский удел 91, 313, 444, 447, 921, 924
Кашира, Старая Кашира, город 848, 885, 886, 888, 889
Каянская земля 590, 596, 926
Квятково, село в Польше 775
Кесь (Цесис), замок 279, 781
Кёнигсберг (Крулевец, Калининград), город 775—777
Киев, город 63, 64, 66, 73, 75—78, 80—83, 90, 91, 96, 110, 113—120, 122, 126, 142, 143, 148, 156, 162—164, 181, 183, 190, 193, 209, 250, 357, 360, 367, 372, 376, 378, 395, 564, 570, 584, 613, 614, 622, 625, 627, 633, 640, 761, 771, 800, 832, 919, 920
Киевская земля, Киевское княжество, Киевщина 70, 80, 81, 83—85, 87, 88, 105, 113—116, 118—120, 144, 165, 150, 182, 361, 382, 558, 563, 565, 566, 568, 918
Кирьепига (Кирумпя), крепость, город ливонский 516
Китай 61, 814, 817, 818, 820, 908, 910, 920
Клин, город 233, 238, 242, 450, 451, 594
Кличен, город 405
Клязьма, река 75, 79, 182, 196, 201, 297, 418, 920, 922
Кнайпхоф, город и остров в составе Кёнигсберга Прусского 776
Кобылье Городище (Кобылий городок), псковский пригород 294, 534, 536, 539, 716
Кобылья вода, река 822
Ковно, замок 321, 562, 563
Кодима, деревня 430
Козельск, город 64, 73, 76, 79, 129, 163, 378, 425, 594
Койбалы (Кайбалы), местность 911
Кокшеньга, река, местность 436
Коложе, крепость 278, 408, 510, 515, 519
Коломенский уезд, Коломенские волости 297, 308, 459, 880, 923
Коломенское, село 609
Коломна, город 65, 67, 68, 79, 111, 161, 171, 220, 228, 297, 299, 303, 309, 313, 349, 351, 365, 408, 414, 418, 419, 423, 426, 458, 459, 461, 587, 594, 605, 607, 612, 613, 703, 704, 706, 749, 923, 933
Колпь, волость 102
Кондуйское, городище 22, 912
Кондурча, река 221, 330
Константинополь, город 66, 268, 345, 361, 362, 364, 366, 367, 392, 403, 406, 409, 442, 480, 489, 611, 613—615, 618, 620—624, 626, 629, 640, 680, 681, 724, 733, 743, 751, 758, 765, 796, 928
Копорье, крепость 84, 188, 198, 256, 266, 281, 472, 498, 688, 690, 784, 785
Корела (Корельский городок, Пустозерск), крепости 258, 266, 469, 472, 712

Корельская земля 84, 266, 472
Корея 61, 814, 818, 909
Корнике, город 164, 167
Кострома, река 224
Кострома, город 9, 16, 17, 45, 83, 91, 97, 111, 113, 190, 192, 195, 200, 201, 224, 302, 342, 408, 426, 436, 442, 594, 622, 674, 852
Костромское княжество, Костромская земля, Костромской уезд 6, 7, 112, 198, 439, 594, 921
Котельно, крепость 510, 515, 519
Кошице, город 574
Крайний Север 913, 916, 940
Краков, город 142, 155, 156, 158, 489, 500
Красима, прусская волость 775
Краснояровское городище (в районе Уссурийска) 45
Красноярский край 913
Красноярское городище (недалеко от Астрахани) 816
Красный городок, крепость 534
Кременец, город 76, 79, 83, 149, 332, 576, 594, 595
Кричев, город 85, 176
Кройцбург, город (ныне поселок Славское) 776
Крым (Крымский полуостров, Таврида) 24, 314, 341, 345, 352, 355, 416, 591, 603, 606, 609, 707, 897, 900, 904, 925—927
Крым (Солхат), город 85, 102, 103, 606, 707, 799, 802, 867, 868, 873
Крымское ханство (Крымский юрт) 558, 559, 599, 602, 603, 887—890, 928—930, 934, 939
Кснятин, город 84, 190, 232, 237, 633
Кубань, река 894
Кубена, село 16
Кубенское, озеро 202, 203, 350, 430, 747
Кулдига (Гольдинген), город 782
Куликово поле 94, 228, 269, 295, 305, 313, 315, 330, 332, 350, 351, 457, 635, 799, 800, 802
Кулун-атах, местность 914
Кума, река 901
Куоладыма, местность, поселение 914
Курессааре (Аренсбург), город 780
Курляндское епископство 495, 515, 780
Курск, город 81, 86, 131—136, 138
Курское княжество 88, 89, 129, 131, 132, 134—136, 921
Курское Посемье 28
Куршский залив Балтийского моря 769
Кырк-Йер, крепость 867—871, 873, 874
Кытанах Маллата, местность 914
Кяньчжоу, область 910
Ладога, город 84, 184, 186, 197, 234, 266, 469, 471, 473
Ладожское озеро 184, 186, 266, 274, 498, 638, 695
Ландскрона (Венец земли, Corona terrarum), крепость 184, 271
Латвия, страна 246, 773, 778, 780—782
Латорица (Латорца), река 578
Лёбенихт, город в составе Кёнигсберга Прусского 776
Лекзистан (Лезгистан) 895
Лена, река 912, 914, 915
Ленинградская область РФ 271, 496
Лестна, река, местность 687
Ливония (Инфлянты, Лифляндия), историческая область 187, 247, 248, 268, 270, 290, 291, 317, 320, 321, 323, 327, 494—497, 509, 518, 522, 523, 525, 526, 530, 533, 535—538, 564, 565, 778, 785, 786, 788, 789, 939
Ливонское отделение Тевтонского ордена (Орденское государство) 149, 246—249, 256, 267, 280, 287, 291, 292, 295, 296, 319, 322, 334, 363, 495, 497, 523, 525, 531, 536, 596, 602, 687, 778—784, 786, 788, 789, 939
Лига, река 436
Лин-Бэй, провинция 910
Литва, Великое княжество Литовское 6, 9—11, 17, 19, 21, 25, 27, 47, 49, 56, 80, 118, 125—127, 136, 155, 158, 160, 164, 173, 180—183, 232, 234, 237, 245—247, 250—252, 261, 266—270, 277, 278, 283, 286—288, 293, 299, 310, 311, 313, 788, 832, 866, 870, 872, 884, 885, 887, 924, 926, 931, 932
Ловать, река 28
Логозовичское поле, местность в Псковской земле 516
Лондон, город 50, 274, 776
Лохштедт, замок 771
Лубло, город 579
Луга, река и территория 268
Лукое, озеро 446
Лутосна, река 225
Лутсу, река 188
Луцк, город, Луцкая земля 22, 119, 120, 140, 143, 150, 151, 158, 325, 328, 549, 550, 553, 554, 556, 562, 564, 567, 568, 686, 687
Лучин, город 85, 86, 176
Лысково, село 409, 432
Львов, город 139, 140, 149, 165, 167, 168, 325, 484, 549, 572, 573, 575, 576, 685, 735
Льняниковский стан 543
Любек, город 250, 258, 271, 274, 275, 290, 291, 482, 492, 523, 526, 540, 565, 777, 781, 787

Любеч, город 86, 88, 559, 591, 787
Любечское ополье 27
Люблин, город 140, 146, 152, 153, 155, 157, 455
Любомль, город 686
Любутск, город 310, 443, 460
Люнебург, город 250, 275

Магас, город 893
Маглуша, река 297
Маджар (Маджары), город 21, 812, 816, 901, 903
Мазовия, регион (Польша) 148, 323, 549
Малая Азия 707
Малая Истра, река 297, 922
Малая Польша, регион 146, 157, 296, 571
Малая Русь, регион 156, 158—160, 325, 612, 624, 777
Малоярославец, город 25, 653
Мамоново (Хайлигенбайль), город 776
Мангуп, городище, крепость 355, 878
Мангытский юрт, государство 853, 854
Маньчжурия, историческая область 791, 814, 907, 910
Мариенбург (Мальборк), замок и город 773, 776—778, 782
Матрега (Тамань), город 901
Медынь, город 16, 99, 426, 594, 595, 924
Медведица, река 822
Медвежья голова, замок 279
Медушская волость 409
Мезецк, город 590, 591, 594, 595, 926
Мекка, город 675, 870
Мелетово, погост, деревня 716, 738, 752
Мельник, город 151, 153, 549, 721
Меча, река 314
Мещера, область 7, 221, 222, 404, 405, 458, 594, 872, 880—882, 888, 891, 924
Мещерск (Горбатов), город 594, 924
Микитин, город 164, 167, 168
Микулин (тверск.), город 233, 442, 444, 446, 595
Микулин (литовск.) 83
Минск, город 146, 166, 321
Минусинская котловина, межгорная впадина 905, 907
Минусинские степи (Хакасско-Минусинская долина) 911
Минусинский край 910
Мирожа, река 295
Миус («Молочная вода»), река 867
Можайск, город 15, 25, 99, 104, 111, 176, 228, 299, 303, 306, 309, 424, 426, 594, 704, 705
Можайское княжество 178
Мокша, река, местность 173, 834, 881
Молвотицы, крепость 424
Молдавия (Молдавское княжество, Молдова) 21 687, 812, 814, 828, 833, 863, 875, 876
Моложское княжество 7, 42, 313
Молога, река 64
Молога, город 86, 201, 202, 442
Мон-Рояль, крепость в Сирии 775
Монгольская империя 5, 54, 62, 89, 90, 106, 110, 116 117, 139, 160, 192, 196, 254, 256, 382, 785, 791—795 806, 807, 809—811, 817, 860, 906, 910, 912, 920
Монгольский Алтай 909
Моравия, историческая область 773
Москва, город 6, 8, 11, 12, 15, 17, 19, 22, 23, 24, 27 28, 29—31, 35—39, 41, 42, 43—45, 47—49, 56, 64 191, 195, 199, 201, 211, 213, 216, 219—222, 224, 225 228—230, 312—315, 368, 369, 374, 393, 431, 433—435, 438, 440—444, 447, 448, 450—452, 454, 456—465, 468, 471, 472, 474, 480, 483—486, 489—492 496, 497, 499—503, 505—509, 512—517, 519, 520 527—529, 532, 534, 537—540, 542—545, 547, 548 553, 559, 565, 569, 581—591, 594—607, 609, 611—616, 618—626, 628, 630—632, 634, 635, 639—642 644—648, 651, 652, 654, 657, 660, 661, 663, 664, 666 667, 680, 681, 710, 711, 713, 716, 717, 724, 730, 739 741, 743, 747, 749, 752, 753, 756—758, 760—762 764, 765, 787, 879—889, 921, 923—928, 931, 932
Москва, река 924
Московское княжество, Великое княжество Московское, Московская земля 6, 7, 16, 25—27, 29, 42, 43 45, 53, 104, 129, 173, 296, 297, 300, 302, 303, 305 308—310, 313, 315, 365, 401, 405, 413—415, 417 418, 423, 454, 460, 462, 465, 483, 488, 502, 505, 507 588, 595, 600—602, 604, 606, 612, 616, 617, 620, 928 937, 938
Мста, река 70, 652
Мстиславль, город 22, 79, 81, 176, 180, 181, 191, 328 331, 560
Мстиславль (в Суздальской земле) 86
Мстиславское княжество (в Великом княжестве Литовском) 269, 549, 554, 555, 558
Муданьцзян, река 908
Мукачево (Мункач), город, Мукачевская доминия 578
Муром, город 6, 9, 75, 79, 84, 88, 182, 216—218 220—223, 341, 404, 405, 414, 426, 580, 594, 840
Муромское княжество, Муромская земля 5, 7, 79, 84 87, 105, 115, 116, 201, 216—220, 223, 795, 918, 924 937

Мухское поле, у села Мухи (Мохи) в Венгрии 145
Мценск, город 81, 86, 594, 926

Надровия, прусская область 770
Нара, река 297, 704, 922
Нарва, город 287, 494—496, 522, 524, 525, 536, 540, 781, 782
Нарова (Нарва), река 276, 278, 287, 293, 495, 496, 516, 787
Нарсатуйское городище (Бурятия) 912
Наттангия, прусская область 912
Наукан, поселок 915
Неаполитанское королевство 157
Нева (Nouve), река 19, 183—187, 271, 695, 784, 785, 872, 937
Невель, город 551, 591, 926
Неглимна, река 598
Нейхаузен (Нейгаузен, Новый городок), крепость 278
Неман (Рагнит), город 776
Неман, река 269, 317, 333, 619, 769
Непрядва, река 313, 314, 657
Нерехта, город 84, 190, 427
Нерль Клязьминская, река 223, 232
Нея, река, приток Унжи 225
Никея, город 356, 721
Нижегородское княжество 7, 42, 91, 104, 267, 303, 304, 409—411, 615, 921, 924
Нижний Архыз, городище 897, 899
Нижний Джулат, городище 903, 904
Нижний Новгород, город 16, 40, 73, 83, 100, 102, 104, 111, 190—192, 195, 196, 220, 221, 229, 266, 267, 300, 306, 309, 311, 386, 403, 406, 408, 419, 420, 426, 428, 431, 440, 442, 581, 594, 604, 606, 615, 634, 883, 924, 931, 932
Нижняя Бавария, регион 70, 157
Низ (Низовская земля), Волго-Окское междуречье 275, 506, 817
Никея, город 356, 721
Николаевское городище в Приморском крае 22
Нил, река 397
Ниневия, город (библ.) 394
Новая Уситва, погост в Псковской области 716
Новгород (Великий Новгород, Хольмгард) 38, 40—42, 45—49, 57, 69—71, 81, 86, 91, 94, 96, 97, 100, 104—106, 111, 114, 115, 117—119, 126, 174, 178—180, 182—188, 190, 191, 194—199, 204, 211, 212, 220, 221, 231, 233, 234, 236, 237, 239, 241, 242, 248, 250, 252—295, 298, 300—303, 306, 308, 311, 317, 318, 321—323, 325, 332—334, 338, 339, 347, 349, 350—352, 360, 363—366, 371—374, 379—381, 387, 402, 405—411, 413, 415, 422, 424, 429, 430, 434, 440, 442—445, 449, 452—454, 456, 463, 468—530, 532—537, 539, 540—545, 549, 551, 565, 568, 582—590, 594, 595, 597, 600, 602, 613, 615, 616, 618, 619, 621, 626—631, 637, 640—644, 647, 648, 651, 652, 655, 656, 667, 676, 678, 679, 688—694, 696, 698, 708, 710—714, 718—720, 722, 723, 726—728, 735, 737, 738, 741—746, 749—752, 754, 755, 760, 763, 764, 766, 776, 777, 782, 785—788, 795, 832, 839, 841, 845, 861, 863, 864, 890, 923, 925, 927, 929, 932—935, 937, 938
Новгород-Северский, город 81, 139, 332, 591, 926
Новгородская земля (riki Holmgardakongs) 9, 11, 13, 20, 22, 27—29, 32, 33, 57, 70, 116, 183, 189, 198, 202, 256, 261, 266, 272, 273, 304, 385, 506, 509, 528, 585, 637, 639, 784, 862, 918
Новогрудок, город 125, 152, 245, 252, 319, 320, 366, 619, 623, 624, 633, 688
Новосиль, город, Новосильское княжество 111, 124, 128, 313, 324, 442, 559
Новоторжский уезд, Новоторжская волость 256, 401, 582, 918
Новохарьковский могильник, в районе Воронежа 33
Ногайская Орда 596, 857—860, 865, 884, 886, 928, 930, 933
Норвегия 272—274, 497, 498, 590

Обдорское княжество 864, 865, 928
Овечья вода, река 822, 823
Овруч (Вручий), город 119, 126, 919
Овручская возвышенность 27
Озерево, погост в Бежицкой пятине 727
Озолица, озеро 531, 534
Ока, река 39, 67, 86, 105, 112, 129, 162, 165, 166, 168, 174, 175, 216, 297, 310, 311, 314, 405, 406, 414, 423, 428, 458, 460, 462, 464, 549, 587, 591, 600—602, 614, 615, 830, 839, 848, 881, 888, 889, 922—925
Олешня, волость 102, 237, 318, 544
Ондум, река 911
Онега, река 22
Онежское озеро 714
Онон, река 906
Опава, город в Чехии 149
Опаков, город 587, 591, 926
Опока (Опоки), крепость, город на реке Великой 265, 268, 364, 484, 713
Опоки, город на река Волге 102, 444, 445, 447, 594, 673
Опочка, город 519, 531, 649

Орда *см.* Золотая орда
Орел (Орель), река 823, 826
Орешек, Ореховецкая крепость 266, 366, 472, 498, 694, 695, 712
Орлец, крепость 257, 429, 430, 693—695
Османская империя 851, 874—876, 931, 932
Остров, город 278, 510, 514, 515
Охотское море 906, 915
Охта, река 181, 274
Очаков, город 867

Паланок, замок 578
Палестина 626, 637, 640, 771, 772, 774
Парват, средневековый город в Индии 675
Пахра, река 297, 310, 889, 922
Пашкова гать, урочище на река Плаве 449
Пелымское княжество, Пелымская земля 862, 863, 865, 928
Перевитск (Перевитеск), город 164, 165, 167, 168, 466
Перевореск, город 153
Перекоп, город 833, 869
Перемышль, город и земля 83, 123, 144, 146, 147, 735
Пересопница, город 146
Переяславль (Русский, Южный), город 73, 79, 85, 105, 117, 118, 147, 151, 361, 366, 367
Переяславль-Залесский, город 16, 17, 19, 42, 44, 45, 64, 69, 79, 84, 104, 110—114, 183, 186, 192, 194, 196, 198, 199, 201, 202, 210, 211, 215—217, 220, 223—225, 229, 230, 232—234, 237, 238, 244, 279, 297—299, 309, 353, 354, 387, 392, 463, 464, 466, 580, 594, 616, 634, 699, 758
Переяславская земля, Переяславское княжество 5—7, 42, 79, 85, 918, 938
Пряславское (Переяславль-Залесское) княжество 84, 190, 191, 918, 921
Пермская земля (Великая Пермь) 19, 844, 862, 863
Пермь, город 863
Персия 826
Перуджа, город в Италии 62
Перынь, урочище 688
Пехорка, река 349
Печора, река 586, 864, 918
Пилтене (Пильтен), город 780
Пинск, город 85, 146, 251—253, 322, 549
Пинское княжество 5, 76, 85, 87, 105, 242, 251—253, 320, 918, 937
Плава, река 164, 167, 168, 408, 449
Плес (Плесо), город 111, 390, 674
Плика Барта (Малая Барта), прусская область 770
Плюсса, река 276
Поважье, местность по реке Ваге 429, 430, 434
Поветлужье, местность по берегу Ветлуги 225
Поволжье, регион 21, 24, 67, 91, 201, 217, 275, 352, 406, 604, 606, 793, 804, 816, 817, 828, 836, 837, 901—903
Погезания, прусская область 315, 770
Подвинье, регион 210, 212, 225, 246, 251, 257, 258, 321, 331, 407, 429, 430, 434, 562, 616
Подкарпатская Русь 578
Подляшье, регион 153, 322, 331, 334, 562, 564, 565, 568
Подолье (Понизье), регион 140, 327, 330, 332, 334, 335, 486, 549, 550, 552, 554, 570, 578, 579, 676
Пожонь (совр. Братислава), город 148
Половинка, река 913
Полометь, река 70, 253
Полоцк, город 12, 20, 21, 49, 56, 81, 84, 185, 245—251, 287, 290, 292, 293, 318—321, 335, 396, 493, 499, 510, 515, 517, 521, 553, 554, 562—564, 570, 571, 780, 783
Полоцкая земля, Полоцкое княжество 5, 49, 56, 70, 81, 82, 85, 176, 245—247, 250, 319, 320, 396, 549, 554, 560, 561, 566, 568, 778, 782, 787, 788, 918, 937
Полужье, деревня в Воронежской области 27
Польша, Польское королевство 6, 25, 33, 49, 53, 56, 62, 64, 152, 154, 157—160, 268, 316, 321—324, 326—331, 333—335, 360, 363, 378, 926, 938
Помезания, прусская область 770
Поморье, регион 30, 157
Помостье, местность в Новгородской земле 350
Порхов (Порховский городок), крепость 415, 451, 473, 481, 516, 711
Пошехонье, историческая область 202
Прага, город 50
Прегола (Прегель), река 775, 776
Предкавказье, историко-географическая области 799, 812, 822
Приазовье, область по берегам Азовского моря 25, 378, 822, 919
Приамурье, земли в бассейне реки Амур 22, 905—907, 912, 940
Приаргунье, земли в бассейне реки Аргунь 912
Прибайкалье, земли, примыкающие к озеру Байкал 905, 906, 912—915, 940
Прибалтика 6, 10, 176, 187, 257, 274, 277, 325, 494, 510, 526, 586, 779
Приднепровье, земли у реки Днепр 145
Прииртышье, земли в бассейне реки Иртыш 906

Прикамье, территория, прилегающая к реке Кама 263, 863
Прикаспий, регион 812, 833, 919
Приладожье, территория, прилегающая к Ладожскому озеру 271
Приморье 22, 905—908, 940
Присухонье (Посухонье), местность в бассейне реки Сухона 210, 225, 429, 430, 434
Приуралье, земли, прилегающие к Уральским горам 202, 853, 861, 865, 882
Причерноморье, земли, прилегающие к Черному морю 21, 24, 406, 606, 705, 707, 799, 818, 866, 892, 893, 897, 919
Пронск, город 67, 69, 79, 161, 165, 167, 168, 171, 173, 462, 465
Пронское княжество 414, 461
Проня, река, приток Оки 67, 164—166, 168
Протва, река 82, 129, 192, 318, 457, 584, 885, 924
Прупой, город 176
Пруссова (Прусова) гора 11
Пруссия 320, 321, 327, 331, 515, 521, 564, 565, 569, 780—782, 785, 786, 789, 932
Псков (Pleskowe Civitas), город 5, 6, 8, 9, 15, 17, 21, 23, 30, 38, 39, 41, 42, 44—49, 57, 98, 118, 187—189, 194, 195, 197, 199, 200, 226, 234, 246, 248, 256, 259—261, 267—269, 276—296, 318, 321—323, 330, 332—334, 336, 347, 350, 351, 358, 363, 364, 366, 383, 387, 390, 391, 542, 543, 564, 582—584, 616, 618, 621, 628, 630, 631, 637, 641, 642, 647—649, 655, 656, 697, 698, 708, 710, 714—717, 722, 728, 729, 735, 737, 738, 743—745, 749, 752, 755, 756, 760, 762—764, 776, 779, 782—784, 786—788, 924, 927, 929, 933, 935
Псковская земля 27, 246, 277, 278, 281, 285, 289, 292, 294, 350, 784, 788, 937, 938
Псковское озеро 276
Пустое Воскресенье, село 716
Путивль, город 81, 86, 122, 126, 487, 591, 859
Пучуга, село 430
Пыталово (Абрене), город и историческая область 778
Пьяна, река 220, 311, 651, 881
Пярну (Пернау), город 781
Пясина, река 913
Пятигорье, историческая область на Северном Кавказе 822, 826

Радонеж, город 19, 26, 28—30, 100, 349, 365, 421
Радонежское княжество 26, 27
Ракитна, волость 444
Раковор (Раквере, Везенберг), замок, город 263, 787
Растовец, волость 168, 464, 467, 925
Рать, река 135, 392
Рахов, стан 544
Реть, река 134
Ржева, город, Ржевский уезд 15, 20, 39, 81, 176, 179, 180, 267, 268, 323, 328, 333, 419, 427, 453, 455, 486, 502, 515, 544, 545, 549, 550, 594, 595, 673
Ржева Пустая, город, Пусторжевская земля 27, 335, 472, 487, 549
Рига, город 17, 176, 179, 247—251, 262, 275, 279, 280, 287, 290, 292, 293, 373, 521, 522, 563, 564, 779 781
Рижский залив Балтийского моря 778
Рижское епископство (архиепископство) 247, 249, 495, 531, 534, 536, 787
Рим, город 63, 149, 358, 385, 516, 523, 596, 622, 624, 627—629, 633, 771
Рожкино, деревня 531
Романов городок, город 15, 427, 594
Ростиславль (Рославль), город 176
Ростиславль Рязанский, город 67, 69, 85, 161, 164, 166—168, 349, 351
Ростов, город 6, 14, 16, 23, 44, 65, 69, 72, 79, 85, 111, 195, 201—212, 214, 215, 223, 228—230, 257, 303, 348, 354, 361, 381, 383, 641, 747, 756, 920
Ростовская земля, Ростовское княжество 5, 7, 8, 14, 19, 42, 85, 86, 88, 91, 104, 112, 201—210, 212—214, 216, 217, 304, 380, 381, 631, 918, 920, 921, 925, 937, 938
Рось, река 114, 117
Рудава, село в Польше 321
Руза, река 297
Руза, город, Рузский уезд 15, 103, 402, 421, 427, 545, 546, 595
Румыния 772
Руса (Старая Русса), город 22, 70, 71, 469, 472, 473
Русская земля (terra Russie), Русское государство (Русь, Россия, Rutia) 5—9, 11, 14, 17, 20, 21, 24—31, 33—35, 37—41, 43—46, 48—57, 66, 67, 69, 90, 94, 97, 109, 112—115, 117, 119, 130, 140—144, 147, 150, 157, 158, 162, 170, 174, 176, 180, 184—189, 193—195, 237, 238, 243, 251, 253—257, 260, 261, 269, 277—279, 288, 295, 298, 299, 301, 304, 306, 309, 311, 314, 315, 317—320, 322, 323, 325, 329, 331, 332, 343, 345, 346, 349, 351—353, 356—362, 364, 365, 367, 368, 371, 372, 376, 377, 384—388, 392, 396, 403, 406, 409, 418, 419, 430, 476, 477, 490, 491, 494, 495, 498, 500, 515, 537, 538, 542, 545, 567, 570, 573, 587, 599, 603, 606, 607, 609, 612, 613, 617, 620, 622, 626, 627, 630, 635, 636, 638—640, 643, 645, 650, 655, 657,

659—661, 666, 672, 674, 676, 678—680, 687, 699, 701, 708, 710, 719—721, 729, 730, 743, 746, 749, 763, 765, 780, 783—788, 793, 794, 796, 800, 826, 828, 832, 837, 839, 878, 881, 896, 918—921, 923, 925—928, 931—935, 937, 938
Рыльск, город 133—135, 138, 559, 591, 832, 926
Рязанская земля, Рязанское княжество 5, 7, 28, 36, 41, 67, 68, 71, 73, 79, 80, 85—88, 103—105, 115, 161—182, 202, 216, 297, 299, 309, 333—335, 347, 349, 351, 368, 543, 589, 591, 918, 920, 922, 924, 927, 937, 938
Рязань (Старая Рязань, Переяславль Рязанский), город 6, 9, 11, 36, 41, 64, 65, 67, 69, 79, 85, 111, 161—165, 167, 168, 170—175, 216, 217, 220, 298, 308, 338, 340, 341, 347, 359, 365, 379, 380, 569, 588, 606, 608, 610, 635, 639, 739, 749, 925

Салачик, город 871
Салин, остров на реке Дубис 269, 333
Салона, город 70, 71, 930
Салоники (Салоник), город 676
Самара, река 822, 823, 826, 830
Самарканд, город 77, 821
Самбийское епископство (Самбийский диоцез) 776
Самбия, полуостров, область 770, 773
Сан, река 123
Сандец, местность в Галиции 579
Сандомир, город 153, 155, 330
Сандомирщина, Сандомирская земля 157, 326
Сарай, город 21, 172, 173, 193, 199, 201, 223, 228, 298, 299, 358, 359, 365, 406, 408, 416, 417, 419, 484, 587, 596, 901, 920
Сарайчик, город 21
Сатмар, город 578
Сауле, город (возможно, Шяуляй) 779
Сахалин, остров 908
Саяно-Алтай (Саяно-Алтайское нагорье), горы 906, 908—911, 933, 940
Свияга, река 67
Святославле Поле город (городок) в Тверском княжестве 233, 392
Священная Римская империя 323, 494, 557, 596, 702, 771—773
Северная Двина, река 22, 203, 257, 263, 350, 427, 545, 584, 594, 638, 695, 726
Северная Канада 877
Северная Осетия 406, 803
Северный Ледовитый океан 915
Северо-Восточная Русь 6, 7, 9—11, 30, 37, 40, 41, 65, 68, 73, 78—80, 88, 90, 91, 98, 105, 110, 111, 113, 115, 116, 124, 164, 177, 183, 190, 193, 195, 197, 201, 205, 207—210, 213, 223—225, 227, 229, 231—236, 240, 256, 265, 296, 297, 300, 302, 305, 314, 315, 340—343, 348, 353, 357, 360—363, 367, 368, 372, 376—378, 394, 701, 702, 705, 720, 726, 730—734, 738, 744, 756, 761, 814, 880, 919, 921—923, 929, 931—932
Северо-Западная Русь 24, 47, 58, 279, 291, 333, 360, 363, 378, 515, 688, 726, 787
Северская земля 824, 832
Северский Донец, река 587, 828
Сейм, река 133, 135, 392
Селенга, река 907, 912
Селигер, озеро 253, 405
Селижаровка, река 253
Сепеш (Спиш), венгерский комитат 577, 579
Сербия 24, 53, 666
Серенск, город 73, 86, 346, 349, 351
Серпейск, город 11, 590, 591
Серпухов, город 15, 25, 98, 111, 166, 311, 349, 425, 585, 587, 594, 595, 634, 704, 848, 889, 924
Серпуховское княжество, Серпуховский удел 27, 308, 425
Сестра, река 225, 499
Сестринский стан 544
Сибирское княжество, Сибирская земля 858, 863, 865
Сигулда (Зегевольде), город 782
Силезия, регион 142, 326, 572
Синяя вода (Синюха), река 327, 867
Сить, река 36, 64, 66, 72, 73, 203
Скаловия, прусская область 770
Скандинавия, Скандинавский полуостров 176, 271, 272, 275
Скопин (Ломихвост), город 167
Скорятино, село 419, 436
Слоним, город 152, 252, 319
Смоленск, город 6, 12, 20—22, 30, 55, 72, 79, 100, 171, 176, 178, 180—183, 191, 206, 208, 210, 213, 232, 246—248, 250, 299, 303, 307, 311, 324, 328, 333, 334, 353, 373, 408, 442, 445, 449, 465, 484, 485, 499, 510, 515, 542, 545, 549, 553, 554, 562—566, 591, 613, 617, 619, 652, 800, 883, 926
Смоленская земля, Смоленское княжество 5—7, 26, 70, 82, 85, 113, 176—182, 202, 307, 328, 334, 367, 408, 544, 549, 554, 556, 558, 561, 566, 568, 918, 923, 937
Сож, река 176
Соль Галичская (Солигалич), город 225, 426, 594, 635
Соль Великая, город 190, 195, 196, 426, 594
Сосна (Быстрая Сосна), река 133, 350, 561

Сохачев, город в Польше 153
Сплит, город 70, 71, 930
Средняя Азия 61, 596, 778, 791, 798, 820, 851, 858—860, 862, 865, 884, 903, 928
СССР 55, 56, 131, 132, 507, 632, 723, 751, 769, 931, 932
Стамбул, город 828, 874—876, 885, 931
Старая Ливония, историческая область 782, 789
Старица (Городок), город 25, 30, 110, 233, 238, 447, 450, 708, 709, 923
Старица, река 238, 708
Старый Волок, урочище, поселок, Староволоцкий стан 543, 544
Стародуб, город, Стародубское княжество 6, 7, 42, 79, 81, 105, 191, 192, 230, 313, 486, 549, 559, 591, 619, 921, 926
Стенсби, селение в Дании 779
Стерж, крепость 424
Столпье, село 687
Страва, река 266, 321, 322, 325
Суд (Судовце), село в Словакии 144
Судовия (Ятвягия), прусская область 770
Суздаль, город 6, 29, 34, 36, 69, 111, 183, 191, 192, 195, 201, 205, 216, 223, 229, 354, 381, 420, 426, 452, 594, 607, 724, 733, 744, 840, 880, 921
Суздальская земля, Суздальское княжество, Суздальщина 6, 7, 16, 42, 63, 90, 111—115, 179, 181, 201, 208, 216, 225, 229, 232, 234, 255, 267, 271, 281, 288, 386, 709, 921, 931
Суздальское Ополье 28, 29, 111, 223, 349
Сула, река 80, 603, 919
Сунгари, река 908
Сунжа, река 902, 903
Сура, река 409, 412, 432, 822
Сурож (Судак), город 341
Сурожик, Сурожский стан 880
Сутайское городище 912
Сухона, река 202, 225, 350, 421, 429—431
Сучава, город 878
Сущевское, село 16
Сыгнак, город 21, 802, 816
Сырдык Сулус, урочище, местность 914

Таймыр, полуостров 913, 917
Таллинн (Ревель), город 255, 262, 287, 290, 492, 495, 510, 521, 522, 524, 526, 540, 780—782
Тамбов, город 28
Тарнава, город 151
Таруса, город 128, 129, 221, 324, 404, 587, 594
Тарусское княжество 7, 105, 128, 129, 313
Тверское княжество, Тверская земля 6—8, 10, 14, 15, 25, 42, 55, 84, 92, 97, 179, 197—200, 231—238, 240, 242, 244, 245, 288, 301, 318, 322, 324, 339, 391, 407, 440, 441, 445, 446, 448, 450, 451, 453, 456, 559, 588—590, 595, 653, 671, 699, 709, 880, 923, 925, 931, 932
Тверца, река 70, 586
Тверь, город 6, 10, 14, 15, 17, 19, 23, 25, 29, 30, 42, 45, 91, 94, 104, 105, 111—113, 115, 126, 128, 174, 177, 191, 192, 198—200, 211, 212, 220, 223, 224, 226, 231—245, 247, 256, 257, 261, 266, 267, 298, 310, 336, 341, 346—349, 351—354, 356, 359, 361, 363, 367, 370, 374, 387, 390—392, 397, 407, 418, 419, 428, 441—450, 452—457, 483, 490, 502, 542, 544, 547, 569, 584, 588, 589, 594, 595, 597, 604, 606, 622, 629, 634, 639, 651, 653, 663, 670—673, 676, 699, 708, 709, 724, 734, 740, 742, 743, 756, 757, 798, 814, 818, 921, 923—925
Тебриз, город 877, 900
Тевтонский орден 7, 158, 187, 190, 246, 249, 256, 269, 270, 280, 287, 296, 320—323, 326, 328, 333, 334, 403, 406, 407, 411, 450, 462, 477, 483—486, 488, 495, 504, 508, 514, 517, 527, 535, 549, 552, 569, 586, 596, 769—773, 775—780, 782, 785, 939
Телятниково, деревня в Заонежье 728
Темрюк, город 901
Теребенское, село 402
Теребовль 83
Теребовльское княжество 27
Терек, река 803, 893, 901—903
Тешилов, волость 166—168, 464, 467, 588, 925
Тигр, река 397
Тихвин, город 728, 754
Тоджа (Тоджинская котловина), межгорная впадина 909—911
Торжок (Новый Торг), город 9, 17, 23, 64, 65, 69, 70, 76, 88, 97, 111, 126, 186, 190, 191, 198, 211, 213, 239, 240, 244, 253, 263, 301, 306, 312, 346, 347, 351, 364, 402, 405, 407, 443, 444, 453, 469, 472, 489, 503, 543, 544, 583, 584, 586, 639, 749, 918, 924, 925
Торопец, город 81, 85, 86, 318, 328, 561, 591
Торопецкое княжество 177
Торунь (Торн), город 775, 777
Торчев (Торчин) 165
Торческ, город 114, 164, 165
Трансильвания, историческая область 826
Трапезунд, Трапезундская империя 606, 707, 708, 721
Треполь, город 83, 114
Троки, город 321, 323, 333, 455, 562

Трокское княжество в Великом княжестве Литовском 269, 332
Трубчевск, город 81, 86, 561, 591, 926
Тува, регион 791, 905—911, 932
Тула, город 42, 163, 164, 166, 168, 335, 458, 460, 550, 749, 765
Тункинская долина 912
Турийск, город, остров 736
Турия, река 736
Турнэ (Турне), город во Фландрии 24
Туров, город 86, 134, 135, 253, 372, 549
Турово-Пинская земля 176
Туровское княжество 5, 86, 87, 105, 245, 251, 320, 918, 937
Турция (Порта) 596, 833, 866, 868, 869, 871—873, 875, 876, 886, 930
Тьмака, река 232, 454, 700
Тюменское ханство 853, 855, 856, 858—861, 863, 865, 928, 939
Тюменское княжество 903

Уганья, местность 914
Углич (Углече поле), город 15, 25, 42, 87, 91, 93, 94, 104, 111, 201—206, 213, 214, 227, 232, 413, 419, 425, 427, 431, 439, 580, 581, 589, 674
Угличское княжество 5, 7, 42, 87, 88, 104, 112, 201, 918, 924, 926, 937
Угра, река 93, 95, 103, 106, 111, 113, 408, 465, 536, 587, 591, 596, 601, 632, 830, 848, 899, 925
Угровск, город 140
Укек (Укека), город 21, 24, 812, 816, 817, 828
Улала, река 303
Улуг-Хэмский район 910
Унжа, река 83, 191, 195, 225
Упа, река 408
Урал, регион 63, 257, 263, 471, 586, 862, 864
Уральские горы 583, 863
Уруп, река 899
Уса, область 834, 910
Устье, село 716
Устюг (Великий Устюг), город 16, 89, 201—203, 207, 209, 210, 212, 215, 225, 257, 341, 381, 405, 406, 411, 422, 426, 429, 430, 432, 436, 489, 491, 492, 494, 594, 613, 731, 863, 920
Устюжна, город 16, 405, 427, 429
Ушаково (Бранденбург), город (ныне поселок) 775, 776, 844
Уэлен, поселок 915

Феррара, город 419, 455, 621
Финляндия 180, 184, 250, 270
Финнмарк, историческая область 272
Фисон, река (библ.) 397
Фландрия, историческая область 24, 450, 483, 525
Флоренция, город 419, 455, 621, 622
Фомин городок, город 179
Фоминское княжество 179, 544
Франция 50, 55, 607, 836, 850
Фридланд (Правдинск), город 776
Фишхаузен (Приморск), город 776

Хазарский каганат 33, 543
Хакасия 791, 906, 910, 932
Ханьхэн, область Тувы в устье реки Цяньха 910
Хелминская (Кульмская) земля 772, 775
Хелмно (Кульм), город 775
Хильдесхейм (Хильдесхайм), город 742
Хирхиринское городище 22, 351, 912
Холм, город 83, 102, 139, 140, 144, 146, 151, 549, 576, 685, 687, 735
Холм (тверск.), город, Холмский удел, княжество 102, 244, 441
Холмогоры, город 407, 411, 594, 695
Хопер, река 167, 359, 822
Хорватия 53
Хотунь (Хатунь), город 16, 426, 585, 594, 595
Хэйлунцзян, провинция в Китае 908

Цара-Бырсей, историческая область 772
Центральная Азия 61, 805, 811, 818, 835, 861, 900, 905
Центральная Европа 56, 61, 70, 558, 793, 818, 871, 927
Цинтен (Корнево), город (ныне поселок) 776
Цна, река 822, 924

Чаа-Хольский район 910
Чагатайское государство 596, 795, 797, 802, 811, 820
Чашниково, село 705
Челмахта, местность 429
Червень, город 83, 151
Червленый Яр, историческая область 28, 359, 365
Червонная Русь, регион 25, 326
Черемшана, река 67
Череха, река 521
Черкесия, историческая область 822
Чернигов, город 28, 73, 74, 80, 81, 86, 88, 114, 117—121, 182, 183, 324, 346, 361, 366, 381—383, 486, 549, 551, 559, 591, 735, 832
Черниговская земля, Черниговское княжество, Черниговщина 80, 81, 86—88, 117, 119—122, 124, 125, 128—130, 139, 162, 163, 182, 185, 202, 324, 459, 559, 918, 937

Черница (Черницы), крепость 278, 510
Черное море 39, 176
Чернятинский удел в Клинском княжестве 448
Черторыйск, город
Чехия 26, 53, 259, 323, 561, 773, 775
Чинги-Тура, город 854, 455, 458, 459, 461, 927
Чудская земля 19, 89, 188, 280
Чудское озеро 182, 187, 188, 282, 385, 536, 783, 937
Чукотка, полуостров 906, 915 917, 931, 932
Чуфут-Кале, плато 867—869
Чухлома, город 422, 613
Чухломское озеро 224

Узмень (Теплое), озеро 188, 189
Усвят, город 190

Шайгинское городище 22
Шайо, река 70
Шат, река 167
Швейцария 51, 57
Швеция 6, 48, 112, 195, 234, 268, 270—275, 294, 301, 363, 469, 497—499, 586, 590, 927
Шексна, река 202, 350
Шелонь, река 183, 268, 473, 476, 503—505, 584, 655, 679
Шлиссельбург, город 685
Шоша, река 191, 232
Шури, село 878

Щекарёв, город 153

Ыттыгран, остров 916

Экичувервеем, стоянка, местность 916
Эльблонг (Эльбинг), город 777, 895
Эмайыги (Эмбах, Омовжа), река 290, 537
Эски-Юрт, городское поселение 878
Эстляндия, северная часть совр. Эстонии 493, 780, 787
Эстония (Estonia) 273, 516, 523, 531, 773, 774, 778—782, 784, 785, 787, 789

Юаньская империя 22, 912
Юг, река 429
Юго-Восточная Сибирь 22
Юго-Восточная Финляндия 180
Юго-Западная Русь, регион 118, 143, 145, 146, 148—150, 152, 153, 155, 158—160, 372, 685, 689, 777, 934
Югорское княжество, Югорская земля 862—865, 926, 928
Югра, регион 212, 257, 263, 492, 861, 862, 864
Южная Сибирь 22, 791, 913, 914
Южно-Уссурийское городище 22
Южное Приангарье 22, 906, 907, 912
Юмыш, местность на Северной Двине 430
Юрьев (Юрьев-Польской), город 16, 64, 79, 104, 110—112, 191, 192, 201, 220, 223, 224, 248, 303, 354, 384, 408, 426, 580, 594, 701, 710, 718, 719, 919
Юрьев, город (киевск.) 83, 114, 248, 295
Юрьева слобода, волость 99
Юрьевское княжество 5, 7, 42, 86—88, 112, 200, 201, 223, 303, 304, 918, 921, 937

Яжелбицы, село 424
Яик (Урал), река 63, 791, 799, 806, 810, 811, 813—817, 853
Якутия 905, 913, 914, 916, 917, 931
Ям, крепость 496, 712
Яндогай, селение 915
Ярополч Залесский, город 79, 191, 195, 196, 346
Ярослав, город в Польше 146
Ярославль, город 17, 32, 33, 69, 72, 79, 86, 95, 102, 104, 123, 194, 201—203, 205, 207—210, 214, 225, 346, 380, 381, 436, 440, 452, 581, 594, 634, 731, 732, 738, 756
Ярославское княжество 5, 7, 8, 14, 42, 86, 87, 201, 313, 581, 600
Яхрома, река 225, 297

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ И КАРТ

В тексте:

«Печать всего Новгорода» (1260-е годы); Новгородская печать и посадничья (1370-е годы). Из кн.: *Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси. М., 1970. Т. II. С. 349. № 705—706. — С. 260.

Иконка подвесная. Камень (шифер), резьба. Церковь Троицы у Старых Поль. Москва. XIV—XV вв. *а* — «Сошествие во ад»; *б* — св. Георгий. Раскопки ИА РАН. 1990-е годы. — С. 347.

Предметы литья из цветных металлов: *1* — Св. Николай. Иконка. Сплав меди, литье. XIV в.; *2* — грузик. Свинец, литье. XIV—XV вв.; *3* — товарная пломба с надписью от имени великого князя. Свинец. XIV — начало XV в.; *4* — накладка в виде цветка лотоса. Свинец, литье. XIV—XV вв.; *5* — перстень с изображением раскрытой ладони. Сплав цветных металлов, литье. XIII—XIV вв. Зарядье. Москва. Раскопки ИА РАН. 2013 г. — С. 348.

Крестики подвесные. Зачатьевский Алексеевский монастырь. Москва. XIII—XVI вв. Раскопки ИА РАН. 2000-е годы. — С. 368.

Крест-реликварий подвесной раскладной (энколпион). Зачатьевский Алексеевский монастырь. Москва. XIV—XV вв. Раскопки ИА РАН. 2000-е годы. — С. 368.

Новгородская денга. XV в. © Новгородский музей-заповедник. — С. 479.

Надгробные плиты и крышки саркофагов. Известняк, резьба. XIII—XIV вв. *1* — Старая Рязань; *2—3*, *5—7* — Богоявленский за Торгом монастырь. Москва; *4* — Московский Кремль, кладбище Успенского собора. Автор фото Л. А. Беляев. — С. 608.

Крышка антропоморфного саркофага. Известняк, теска. Москва, Чудов монастырь. Конец XIV — начало XV в. Раскопки ИА РАН. 2020-е годы. Автор фото Л. А. Беляев. — С. 609.

Кёнигсбергский собор. Вид с запада. XIV в. *А. Р. Гебсер.* Литография.1835 г. Архитектурный музей Берлинского технического университета. — С. 772.

Монета хана Тохты. Сарай Ал-Махруса. Золотая Орда. 710 г. х. АМЗ КП-24741. Из фондов ГБУК АО «Астраханский музей-заповедник». — С. 797.

На вклейке:

Договор Новгорода с Готландом и Любеком. 1269 г. РГАДА. Ф. 1490. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л.1

Церковь Иоанна Предтечи на Опоках. Великий Новгород. 1127—1130 гг. Автор фото Н. Дубовик

Рельеф с изображением русских охотников и бортников. Церковь Св. Николая. Штральзунд. 1360—1370-е годы. Из кн.: Русские и немцы. 1000 лет истории, искусства и культуры. М., 2012. Т. 1. С. 41

Остатки Спасо-Преображенского собора. Общий план обнаруженных объектов. Тверь. XIII—XV вв. Раскопки ИА РАН. 2014 г.

Остатки Спасо-Преображенского собора. Общий вид с северо-востока. Тверь. XIII—XV вв Раскопки ИА РАН. 2014 г.

Остатки Спасо-Преображенского собора. Юго-восточный угол галереи, вид с юго-востока. Тверь XIII—XV вв. Раскопки ИА РАН. 2014 г.

Остатки Спасо-Преображенского собора. Лестничный всход на южную галерею, вид с востока Тверь. XIII—XV вв. Раскопки ИА РАН. 2014 г.

Плитки для покрытия полов. Керамика. Спасо-Преображенский собор. Раскопки ИА РАН. 2014 г.

Спасо-Преображенский собор. Тверь. Конец XIII—XV в. *1—10* — фрагменты фресок; *11—19* — резной камень, фрагменты; *20* — колонка фасада, фрагмент. Раскопки ИА РАН. 2014 г.

Камни фасадного фриза. Известняк, резьба. Собор Богоявленского за Торгом монастыря. Москва 1340—1420-е годы. Раскопки ИА РАН. 1980-е годы. Автор фото Л. А. Беляев

Берестяная грамота «Москва — 3». Московский Кремль, Тайницкий сад. Конец XIV — начало XV в. Раскопки ИА РАН. 2007 г.

Берестяная грамота «Москва — 4». Зарядье. Последняя четверть XIV в. Раскопки ИА РАН. 2015 г.

Надгробная плита. Известняк, резьба. Зачатьевский Алексеевский на Остоженке монастырь. Москва. Конец XIV — начало XV в. Раскопки ИА РАН. 2000-е годы. Автор фото Л. А. Беляев

Крышка антропоморфного саркофага. Известняк, теска. Московский Кремль, Чудов монастырь. Конец XIV — начало XV в. Раскопки ИА РАН. 2020-е годы. Автор фото Л. А. Беляев

«София — Премудрость Божия» («Новгородская София»). Роспись «кельи архиепископа Иоанна» в Владычной (Грановитой) палате. Великий Новгород. XV—XVII вв. © Новгородский музей-заповедник

Владычная (Грановитая) палата. Великий Новгород. XV в. © Новгородский музей-заповедник

Успенский собор на Городке. Вид с юга. Звенигород. 1395—1414 гг. Автор фото А. Л. Баталов

Церковь Рождества Богородицы в Городне. Вид с юга. 1410-е годы. Автор фото А. Л. Баталов

Церковь Рождества Богородицы в Городне. Вид с востока. 1410-е годы. Автор фото А. Л. Баталов

Собор Святой Живоначальной Троицы. Вид с востока. Троице-Сергиев монастырь. 1422—1425 гг. Автор фото А. Л. Баталов

Собор Нерукотворного образа Спасителя. Вид с юго-запада. Андроников монастырь. Москва. 1425—1427 гг. Автор фото А. Л. Баталов

Собор Рождества Богородицы. Вид с северо-запада. Саввино-Сторожевский монастырь. Вторая половина 1420-х годов. Автор фото А. Л. Баталов

Церковь Сошествия Святого Духа. Вид с северо-запада. Троице-Сергиев монастырь. 1476 г. Автор фото А. Л. Баталов

Церковь Ризоположения на Митрополичьем дворе. Вид с востока. Московский Кремль. 1484—1485 гг. Автор фото А. Л. Баталов

Грановитая палата. Вид с востока. Московский Кремль. 1486/1487(?)—1491 гг. Автор фото А. Л. Баталов

Благовещенский собор. Вид с северо-востока. Московский Кремль. 1484—1489 гг. Автор фото А. Л. Баталов

Воскресенский собор. Вид с юго-востока. Волоколамск. 1480-е — 1494 гг. Автор фото А. Л. Баталов

Успенский собор. Вид с юго-востока. Московский Кремль. 1475—1479 гг. Автор фото А. Л. Баталов

Собор Петра Митрополита. Вид с запада. Высоко-Петровский монастырь. Москва. 1514—1517 гг. Автор фото А. Л. Баталов

Собор Рождества Богородицы. Вид с северо-востока. Ферапонтов монастырь. 1490 г. Автор фото А. Л. Баталов

Успенский собор. Вид с севера. Кирилло-Белозерский монастырь. 1497 г. Автор фото А. Л. Баталов

Архангельский собор. Вид с северо-востока. Московский Кремль. 1505—1508 гг. Автор фото А. Л. Баталов

Церковь Вознесения Господня. Вид северо-запада. Москва. 1529(?)—1532 гг. Автор фото А. Л. Баталов

Собор Покрова Богородицы. Вид с запада. Суздаль, Покровский монастырь. 1510—1513 гг. Автор фото А. Л. Баталов

Собор Преображения Господня. Ярославль, Спасо-Преображенский монастырь. 1515 г. Автор фото А. Л. Баталов

Церковь Св. Феодора Стратилата на Ручью. Вид с юго-востока. Великий Новгород. 1360—1361 гг. Автор фото И. В. Антипов

Церковь Симеона Богоприимца. Интерьер. Великий Новгород. 1467 г. Автор фото И. В. Антипов

Владычная (Грановитая) палата. Одностолпный зал. Великий Новгород. 1433 г. Автор фото И. В. Антипов

Погост Мелетово. Успенская церковь. Вид с запада. Псков. 1461—1462 гг. Автор фото И. В. Антипов

Церковь Богоявления с Запсковья. Интерьер. Псков. 1496 г. Автор фото И. В. Антипов

Христос с предстоящими в молении Григорием Двоесловом и Евстафием Плакидой. Миниатюра рукописи Бесед Григория Двоеслова на Евангелие. Холм (?). Вторая половина XIII в. РНБ. Погод. 70

Яков Федосов. Людогощенский крест. Из церкви Флора и Лавра в Великом Новгороде. 1359 г. © Новгородский музей-заповедник

Апостол Павел. Фрагмент «Сошествия Святого Духа» в росписи собора Рождества Богородицы Снетогорского монастыря. Псков. 1313 г. Автор фото В. Г. Пуцко

Христос Вседержитель на престоле, с избранными святыми. Икона. Великий Новгород. Вторая половина XIII в. © Государственная Третьяковская галерея

Богоматерь Толгская. Икона. Ярославль. Конец XIII в. © Государственная Третьяковская галерея

Богоматерь. Икона. Москва. Последняя четверть XIV в. Автор фото В. Е. Оверченко. © Музеи Московского Кремля

Феофан Грек. Троица «Ветхозаветная» («Гостеприимство Авраама»). Роспись восточный стены Троицкого придела церкви Спаса Преображения на Ильине улице. Великий Новгород. 1378 г. © Новгородский музей-заповедник

Андрей Рублев. Ангел. Миниатюра Евангелия Хитрово. Москва. Начало XV в. ОР РГБ. Ф. 304/III. № 3 / М.8657 (Троиц. III.3)

Никола Можайский. Деревянная скульптура. Москва. Конец XIV в. © Государственная Третьяковская галерея

Потир. Великий Новгород. 1329 г. Авторы фото С. В. Баранов, В. Е. Оверченко. © Музеи Московского Кремля

Плащаница. Новгородская мастерская архиепископа Евфимия II. 1441 г. Автор фото А. В. Дорофеев. © Музеи Московского Кремля

Мастер Иван. Панагиар из ризницы Софийского собора в Великом Новгороде. 1435 г. © Новгородский музей-заповедник

Замок Мариенбург (Мальборк) — резиденция верховных магистров Тевтонского ордена. XIII—XV вв., восстановлен в XX—XXI вв. Deutsches Dokumentationszentrum für Kunstgeschichte — Bildarchiv Foto Marburg. Автор фото П. Ямский

Мавзолей и мечеть. Город Болгар. XIV в. Автор фото И. Л. Измайлов

Свод портала «мечети Узбека». Город Солхат. XIV в. Автор фото И. Л. Измайлов

Мавзолей Джанике-ханым. Город Чуфут-Кале (Кырк-Ер). XV в. Автор фото И. Л. Измайлов

Изображение каравана, двигающегося из Золотой Орды на Восток. Каталонский атлас Авраама и Иегуды Крескесов. 1375 г. Национальная библиотека Франции

Восхождение на престол хана Узбека. Миниатюра из Лицевого летописного свода XVI в. Остермановский первый том. БАН. НИОР. 31. 7. 20—1. Л. 233 об.

Художник Мискин. Совещание у царевича Джучи. Миниатюра из «Джами ат-таварих» Рашид ад-Дина. Конец XVI в. Библиотека Раза (Рампур, Индия). Из кн.: *Әбусейітова М. Қ., Додхудоева Л. Н.* Қазақстан тарихы шығыс миниатюрларында. Алматы, 2010. С. 229

Карты

Галичская и Волынская земли. 1240—1340 годы. Авторы А. А. Астайкин, П. С. Стефанович

Северо-Восточная Русь. 1317 г. Авторы С. В. Городилин, А. Л. Грязнов

Тверское княжество. XIV в. Автор В. А. Кучкин

Великий Новгород. Вторая половина XIII—XV в. Походы Ивана III 1471 и 1472 гг. Авторы А. А. Астайкин, П. В. Лукин

Московское княжество. Конец XIII — начало XIV в. Авторы В. А. Кучкин, А. А. Астайкин

Волоцкий удел и входящие в него станы в 1462—1513 гг. Автор С. З. Чернов

I — город Волок Ламский; II — центры волостей и станов; III — монастыри; IV — Иосифо-Волоколамский монастырь; V — села и деревни; VI — названия станов и волостей; VII — подгородные станы — половина великих владимирских князей; VIII — подгородные станы — половина Новгорода; IX — станы Волока Ламского (остальные станы отделены от Волока Ламского и присоединены к Тверскому княжеству (Буйгород и Колпь) и Московскому княжеству (Юрьева слобода и Скирманово) в конце XIII — первой трети XIV в.): X — внешние границы Волока Ламского до отделения от него волостей Колпь, Буйгород, Юрьева слобода и Скирманово. *Отвод 1497 г. волости Буйгород*: 1 — д. Стромилово; 2 — р. Буегородка; 3 — р. Черная; 4 — р. Снная; *Отвод 1497 г. волости Колпь*: 5 — от Вязовца поперек Парфеньевского болота; 6 — р. Городня; 7 — д. Сологино; 8 — р. Озеренка; 9 — Круглое озеро; 10 — (д.) Круглово; 11 — д. Федково; 12 — до Блого камени. *Разъезд 1504 г. стана Локнаш от Клинских станов*: 13 — от Локнаша от Малого; 14 — с. Город(и)щъское Захара Яропкина; 15 — с. Олферьевское;

16 — поч. Рогова Четвержа села (уроч. Рогово); 17 — с. Тархово; 18 — д. Парфенкова Михаила Петрова; 19 — с. Петровское Офонас(ь)я Сатмышова; 20 — д. Богаева; *Разъезд 1504 г. Можайских и Рузских волостей*: 21 — рчкою Дубовцем вниз в рчку в Педню; 22 — рчкою Педнею вниз в рку в Рузу; 23 — с. Княже Бориса Хилинова; 23 а — с. Щитники (Благовещенское); 24 — в рку в Ыскону, до Волотцког(о) уезда, до Рпотина. *Поселения, упоминаемые в актах*: Староволоцкий стан: 25 — с. Староволоцкое; 26 — с. Владычино; 27 — с. Ярополчь; 28 — д. Шилово села Ераполч; 29 — д. Маслениково; 30 — д. Кашино; 31 — с. Софьино; *волость Буйгород*: 32 — д. Поповкино; 33 — д. Глазачово; 34 — д. Старое Носово; 35 — д. Строково; *Сестринский стан*: 36 — с. Спирово; 37 — с. Отчищево; 38 — с. Покровское; 39 — с. Никольское и с. Петровское; 40 — с. Темниково; 41 — с. Новое; 42 — д. Чащ; 43 — д. Рогушино; 44 — с. Литвиново; 44 а — д. Золево; 44 б — с. Белеутово (Никита Великий); 44 в — с. Лествицыно (Амельфино); 44 г — д. Шишкино; 45 — д. Горки; 46 — д. Кутьино; 47 — д. Балабаново; 47 а — сц. Кузяево; *стан Локнаш*: 48 — с. Успенское; 49 — д. Шанина села Успенского; 50 — с. Локнаш (Шестаково); 51 — с. Кондратовское; *волость Шепково*: 52 — с. Шаблыкино; 53 — с. Бельково; *волость Издетемль*: 54 — с. Кореневское; 55 — с. Фроловское; 56 — с. Плоское; 57 — с. Раменье; 58 — д. Ядрово; 59 — д. Кулпино; 60 — с. Доброе (Новоникольское); 60 а — д. Ровки; 60 б — д. Голцово; *Хованский стан*: 61 — с. Ховань; 62 — с. Черленково; 62 а — с. Вишенки; *волость Войничи*: 63 — погост Рождество Христово в Воиничи; 64 — д. Высоково; 65 — д. Кобылино; 66 — с. Назарьево (стан не установленъ); *Рахов стан*: 67 — с. Зубово; 68 — д. Оксеновская; 69 — д. Тимонино; 69 а — д. Козино; 69 б — Олексеева земля посаднича; *Льняниковский стан*: 70 — с. Пороховское; 71 — с. Холсниково; 72 — с. Рюховское; 73 — с. Спасское; *Ламский стан*: 74 — с. Рожествено; 74 а — с. Данилково; *волость Репотино*: 75 — Левкеев монастырь; 76 — с. Репотино; 77 — с. Высокое; 78 — с. Огрызково; *Вышковский стан*: 79 — с. Богородицкое Васильевское; 80 — с. Кусакинское; *Рузский стан*: *Юрьевская слобода*: 81 — д. Вараксина (стан не установлен); 82 — с. Судниково; 83 — д. Акатьева; 84 — Изосимова пустынь в Клинском уезде. *Сопредельные земли*: *Тверские волости*: 85 — Васильковская слободка; 86 — Лама; 87 — Зиновьевская слободка; 88 — Гастомля; 89 — Холм (85—87 — по отводу 1497 г.). *Дмитровские волости*: 90 — Ижва; *Можайские волости*: 91 — Боянская; 92 — Карачаровская

Округа Волока Ламского. Конец XV — начало XVI в. Территории Староволоцкого, Ламского, Льняниковского и Рахова станов. Автор С.З. Чернов

I — центр стана; II — село с церковью; III — деревня; IV — дороги в Москву, в Микулин и Старицу, в Рузу и Можайск; V — прочие дороги; VI — княжеские вотчиные земли; VII — земли Новгородского Юрьева монастыря (с. Чернецкое), Возмищского монастыря (примерная реконструкция) и Новгородского владыки (с. Владыкино —?) Алексея Посаднича; VII а — земли Полевых (с. Овдотьино) и Карамышевых (с. Рождествено); VII б — земли Марининых (купля) в Рахове стане; VII в, г — земли Кожуховых (д. Аксеновская и др.) и Ф.А. Ржевского проданная Оладье Клементьеву (д. Козино и др.); VIII — земли, владельческая принадлежность которых не ясна; IX — границы владений, описанные в грамотах; X — прочие границы; XI — границы станов. Красной рамкой показано местоположение Старого Волока

Локализация Старого Волока и монастырей на посаде Волока Ламского. Основа — карта Главного управления геодезии и картографии. 1961 г. Автор С.З. Чернов

План города Волоколамска 1766 г., составленный по материалам Генерального межевания (РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Д. 2450) с показом мест монастырей на посадах. Автор С.З. Чернов

Структуры землевладения Сестринского стана. Конец XV — начало XVI в. Пример стана, на территории которого вотчинное землевладение возникло в середине XIV в. Автор С.З. Чернов, компьютерное оформление С.А. Смирнов

I — центр стана; II — село с церковью; III — деревня; IV — дорога «*от Волока к Москве*»; V — прочие дороги; VI — княжеские тяглые земли; VII — земли Толбузиных; VIII — земли Ржевских; IX — земли Белеутовых; X — земли Полевых; XI — земли Мечовых; XII — земли Ступишиных; XIII — земли Андрея Невежи; XIV — земли Синего; XV — земли, владельческая принадлежность которых не ясна; XVI — границы владений, описанные в грамотах (см. ниже); XVII — прочие границы; XVIII — но-

мера, которыми обозначены локализованные поселения и земельные угодья, упоминаемые в грамотах; XIX — граница стана; XX — земли Иосифова монастыря при его основании. *Купчая на сц. Кожевниково Семена Мечова* (1479—1494 гг.: АФЗХ. Ч. II. № 7 — далее указан только № грамоты): I — сц. Кожевниково Семена Мечова; 2, 3 — земли Ошитковская и Сысоева Ивана Мечова; 4 — земля Трофимовская Семена Мечова; 5 — земля Ситниковская Володимера Толбузина; 6 — деревня Мелеховская Андрея Мечова; 7 — сельцо Новое Андрея Мечова. *Разъезжая землям Иосифова монастыря дд.Фадеевой и Чащи с землями Ступишиных (ок. 1479—1496 гг.)* (№ 8); 8 — д. Фадеева; 9 — д. Чащ; 10 — земля Петровых детей Ступишина Дорковская и Комяковская; 11 — от реки от Локнаша; 12 — потоком в Черную грязь; 13 — от большого болота … в Яворов ручяй, да … в реку в Сестрь. *Разъезжая д. Борок Микулкин от земель Г. С. Ржевского* (1495/1496 г.) (№ 22); 14 — земля Гаврилы Семенова; 15 — из реки из Сестры; 16 — в Стругу, да речкою Стругою вверх по Онискину межу. *Купчая старцев Иосифова монастыря на земли Василия Гавриловича Ржевского* (№ 29); 17—19 — деревни В. Г. Ржевского: Ефимьева, Коликино, Выжелцово; 20 — от Спировской земли; 21 — ручьем вверх под Чеклево; 22 — к дорозе, что идет от Волока к Москве; 23 — земли Матвеевы Ржевского Тщанниковская и Сутугиньская; 24 — земля Семигиньская; 25 — к великому дубу на Буегородцкую межу; 26 — до Отчищевские земли; 27 — луга В. Г. Ржевского «от Онискиньских покосов и от Рахмановских покосов до Тарасова Бору». *Купчая 1546/1547 г. на д. Кротово* (№ 196); 28 — д. Кротово Ф. М. Безобразова; 29 — Григория Юрчякова земля Толбузина; 30 — Войнова земля Ржевского д. Рублева; 31 — Темниковский рубеж; 32 — земля Анны Петровой жены Яковличя Фроловская. *Купчая 1534/1535 г. на с. Никольское у Матвеевых детей Ржевских* (№ 142); 33 — дорогою Волоцкою к Смолиньскому; 34 — ручьем Петровским; 35 — с. Сивцово Воина Истомина сына Ржевского; 36 — ручьем вверх под д. Раменье под Левонтееву Толбузина; 37 — к ямам меж Волока и Рузы рубеж, да от ям врагом вниз к Волоцкой дороги к беседищу, направе — земля Микольского сельца, а налеве — земля Сутугинская Огрофены Семеновны жены Ржевского

Распад Золотой Орды. Автор А. А. Астайкин

Казанское ханство. Авторы А. В. Аксанов, А. А. Астайкин, компьютерная обработка М. А. Астайкин

Крымское ханство. Первая половина XV в. Автор А. А. Астайкин

В оформлении тома использованы:

на первой странице суперобложки — «София — Премудрость Божия» («Новгородская София»). Роспись «кельи архиепископа Иоанна» во Владычной (Грановитой) палате

на последней странице — Успенский собор. Вид с юга-востока. Московский Кремль

на внутреннем клапане — Фрагмент фасадного фриза. Собор Богоявленского за Торгом монастыря. Москва

на корешке — Христос Вседержитель на престоле с избранными святыми. Икона. Великий Новгород

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ААЭ	— Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Академии наук. СПб., 1836. Т. 1—4
АБКИЕА	— Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII — XIX вв. Нальчик, 1974
АЕ	— Археографический ежегодник
АЗР	— Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией
АИ	— Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией
АН	— Архитектурное наследство
АО	— Археологические открытия
АСЗ	— Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII века
АСЭИ	— Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI вв.
АФЗХ	— Акты феодального землевладения и хозяйства
БАН	— Библиотека Академии наук
БЛДР	— Библиотека литературы Древней Руси
ВИ	— Вопросы истории
ВИД	— Вспомогательные исторические дисциплины
ГАТО	— Государственный архив Тверской области
ГВЛ	— Галицко-Волынская летопись
ГВНП	— Грамоты Великого Новгорода и Пскова
ГИМ	— Государственный Исторический музей
ГТГ	— Государственная Третьяковская галерея
ДДГ	— Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.
ДКУ	— Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв.
ДРВ	— Древняя российская вивлиофика. 2-е изд.
ДРВМ	— Древняя Русь. Вопросы медиевистики
ЗО	— Золотоордынское обозрение
ИА РАН	— Институт истории Российской академии наук
ИВ	— Исторический вестник
ИЗ	— Исторические записки
ИРИ РАН	— Институт российской истории РАН
ИТОИАЭ	— Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии
ИТУАК	— Известия Таврической ученой архивной комиссии
НИС	— Новгородский исторический сборник
НПЛ	— Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов
ОЛДП	— Общество любителей древней письменности
ОР РГБ	— Отдел рукописей Российской государственной библиотеки

ПГ — Полоцкие грамоты XIII — начала XVI в.
ПДПИ — Памятники древней письменности и искусства
ПЛ — Псковские летописи
ППС — Православный Палестинский сборник
ПРП — Памятники русского права
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
ПЭ — Православная энциклопедия
РА — Российская археология
РГАДА — Российский государственный архив древних актов
РГБ — Российская государственная библиотека
РГГУ — Российский государственный гуманитарный университет
РД — Русский дипломатарий
РИ — Российская история
РИБ — Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею
РИИР — Редкие источники по истории России
РИО — Русское историческое общество
РЛА — Русско-ливонские акты
РНБ — Российская национальная библиотека
РФА — Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI в.
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
СГГД — Собрание государственных грамот и договоров
СМИЗО — Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды
СМОМПК — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа
СПбГУ — Санкт-Петербургский государственный университет
ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом)
CESXV — Codex epistolaris saeculi decimi quinti
CEV — Codex epistolaris Vitoldi magni Ducis Lithuaniae 1376—1430
HR — Die Recesse und andere Akten der Hansetage
HUB — Hansische Urkundenbuch
LECUB — Liv-, Est- und Curländischenes Urkundenbuch
LR — Livländische Reimchronik
MTK — Magyarország történeti kronológiája. I. Budapest, 1986
SRH — Scriptores rerum Hungaricarum tempore ducum regumque stirpis Arpadianae gestarum / Edendo operi praefuit E. Szentpétery. Budapestini, 1937—1938. I — II.
SRP — Scriptores rerum Prussicarum. Die Geschichtsquellen Preussischer Vorzeit bis zum untergange der Ordensherrschaft

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение

Общая характеристика периода (*В. А. Кучкин*) 5

Источники 8

Летописи и акты (*В. А. Кучкин*) — 8. Литературные памятники и эпиграфика как исторические источники (*Е. Л. Конявская, Т. В. Рождественская*) — 18. Источники по истории Золотой Орды (*В. В. Трепавлов*) — 21. Источники по истории народов Сибири и Дальнего Востока (*А. А. Борисов*) — 21. Археологические, сфрагистические, нумизматические, палеоантропологические и палео-ДНК источники и методы их исследования. Археология городов (*С. З. Чернов*) — 22.

Историография (*В. А. Кучкин, П. В. Лукин, П. С. Стефанович*) 34

Часть I

РУСЬ В СЕРЕДИНЕ XIII — ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIV в. 59

Глава 1

Завоевание Руси Батыем (*В. А. Кучкин*) 61

Глава 2

Русские княжества и земли в середине XIII — второй половине XIV в. 89

Русские княжества под иноземной властью (*В. А. Кучкин*) 89

Киевское и Переяславское княжества (*А. А. Горский*) 113

Черниговское княжество (*В. А. Кучкин*) 119

Галичская и Волынская земли (*М. К. Юрасов, П. С. Стефанович*) 139

Рязанское княжество (*В. А. Кучкин*) 161

Смоленское княжество (*А. А. Горский*) 176

Александр Невский и его победы на Неве и Чудском озере (*В. А. Кучкин*) 182

Владимирское княжество (*В. А. Кучкин*) 190

Ростовское, Ярославское, Угличское, Муромское, Юрьевское, Галичско-Дмитровское, Белозерское княжества (*С. В. Городилин*) 201

Тверское княжество (*Е. Л. Конявская*) 231

Полоцкое, Туровское и Пинское княжества (*С. В. Полехов*) 245

Новгород (Великий Новгород) (*П. В. Лукин, С. В. Полехов*) 253

Псковская земля (*С. В. Городилин, П. В. Лукин, С. В. Полехов*) 276

Московское княжество (*В. А. Кучкин*) ... 29
Куликовская битва, ее последствия и значение (*А. А. Горский*) ... 31

Глава 3

Наступление Литвы и Польши на русские земли (*С. В. Полехов*) ... 31

Глава 4

Социальная структура общества Северо-Восточной Руси (*Б. Н. Флоря*) ... 33

Глава 5

Территории, население, миграции, экономическое развитие Руси, повседневная жизнь (*Л. А. Беляев*) ... 34

Глава 6

Религия и церковь ... 35
Русская церковь (*М. В. Печников*) ... 35
Монастыри по данным археологии (*Л. А. Беляев*) ... 36

Глава 7

Русское законодательство и право (*К. В. Вершинин*) ... 37

Глава 8

Древнерусская литература (*Е. Л. Конявская*) ... 37

Часть II

РУССКИЕ КНЯЖЕСТВА И ЗЕМЛИ В КОНЦЕ XIV — НАЧАЛЕ XVI в. НА ПУТИ К ЕДИНОМУ РУССКОМУ ГОСУДАРСТВУ ... 39

Глава 1

Русские княжества и земли в конце XIV — начале XVI в. ... 40
Московское княжество (*В. А. Кучкин*) ... 40
Ростовское княжество (*С. В. Городилин*) ... 42
Тверское княжество (*Е. Л. Конявская*) ... 44
Рязанское княжество (*В. А. Кучкин*) ... 45
Великий Новгород (*П. В. Лукин, С. В. Полехов*) ... 46
Псковская земля (*С. В. Городилин, П. В. Лукин, С. В. Полехов*) ... 50
Волок Ламский (*С. З. Чернов*) ... 54
Русские земли Великого княжества Литовского (*С. В. Полехов*) ... 54
Территория — 548. Политическая история — 551. Административное устройство — 554. Социальная структура — 558. Города и их устройство — 562. Экономика и финансы — 564.
Исторические судьбы Галицкой Руси (*Б. Н. Флоря*) ... 57
Венгрия и русские княжества (*М. К. Юрасов*) ... 57

Глава 2

На пути к единому Русскому государству ... 58
Иван III – государь всея Руси (*В. А. Кучкин*) ... 58
Русь и Орда при Иване III. Ликвидация зависимости (*А. А. Горский*) ... 59

Глава 3

Материальная культура. Производство и торговля. Повседневность (*Л. А. Беляев*) 604

Глава 4

Церковь и религиозные движения (*М. В. Печников*) 611

Митрополия Киевская и всея Руси в конце XIV — первой трети XV в. 611
Флорентийская уния и разделение митрополии Киевской и всея Руси 621
Митрополиты и великокняжеская власть в 1460-е годы — начале XVI в. 625
Монастыри и монашество 634

Глава 5

Законодательство и право (*К. В. Вершинин*) 646

Глава 6

Древнерусская литература (*Е. Л. Конявская, А. В. Духанина*) 651

Летописание — 651. Московская литература — 657. Тверская литература — 669. Литература Новгорода — 676.

Часть III

ИСКУССТВО 683

Глава 1

Архитектура (*А. Л. Баталов, Л. А. Беляев, И. В. Антипов*) 685

Юго-Западная Русь — 685. Новгород и Псков — 688. Храм Бориса и Глеба в Ростове — 698. Тверь — 699. Москва — 700. Архитектура Новгорода в 1360—1420-х годах — 711. Архитектура Новгорода в 1430—1470-х годах — 712. Архитектура Пскова в 1360—1450-х годах — 714. Вторая половина XV — начало XVI в. — 716.

Глава 2

Изобразительное искусство (*В. Г. Пуцко*) 718

Русское изобразительное искусство 1240—1360-х годов 718

Скульптура — 718. Монументальная живопись — 721. Иконопись — 725. Книжное искусство — 735. Декоративно-прикладное искусство — 740. Искусство и общество — 743.

Русское изобразительное искусство 1370-х годов — начала XVI в. 745

Скульптура — 745. Монументальная живопись — 749. Иконопись — 754. Книжное искусство — 760. Декоративно-прикладное искусство — 763.

Часть IV

ГОСУДАРСТВА И НАРОДЫ ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ, ПОВОЛЖЬЯ, СЕВЕРНОГО КАВКАЗА, СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА 767

Глава 1

Восточная Пруссия в эпоху Средневековья. Тевтонский орден в Пруссии и Ливонии (*П. В. Лукин*) 769

Древняя Пруссия — 769. Тевтонский (Немецкий) орден — 771. Ливонское отделение Тевтонского ордена — 778.

Глава 2

Золотая Орда (*В. В. Трепавлов*) 79

Образование Золотой Орды — 790. Политическая история — 793. Территория и население — 804. Государственный строй — 806. Экономика. Города и кочевые степи — 814. Распад Золотой Орды — 819.

Глава 3

Наследники Золотой Орды 82

Большая Орда (*В. В. Трепавлов*) 82

Казанское ханство (*И. В. Зайцев*) 83

Границы ханства — 834. Экономика — 850. Этнический состав — 852.

Тюменское ханство и его соседи (*Д. Н. Маслюженко*) 85

Крымское ханство (*И. В. Зайцев*) 86

Служилые татары на Руси (*А. В. Беляков*) 87

Московские татары — 880. Мещерские татары — 880. Служилые татарские цари и царевичи — 882.

Глава 4

Народы Северного Кавказа (*Е. И. Нарожный*) 89

Высокогорье Северного Кавказа между 1222 и 1230-ми годами 89

Между Золотой Ордой и Хулагуидами 89

Население высокогорья в XIII—XIV вв. 89

Горцы региона в период походов эмира Тимура в XV в. 90

Глава 5

Народы Сибири и Дальнего Востока (*А. А. Борисов*) 90

Саяно-Алтай, Прибайкалье, Забайкалье, Приамурье и Приморье под властью монголов 90

Якутия и Крайний Север 91

Заключение 91

Библиография 92

Указатель имен 93

Указатель географических названий 96

Список иллюстраций и карт 97

Список сокращений 98